

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXXI.

1*

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Т О М Ъ LXXI.

1898.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1898.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ
ЯНВАРЬ, 1898

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1898 г.

	СТР.
I. Коржинскіе коршуны. (Романъ-хроника). I—III. Н. И. Мердеръ.	7
II. Изъ воспоминаній баронессы М. П. Фредериксъ. (Посвящается другу дѣтства Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу). Часть первая. I—XVII.	52
III. Семь арестовъ. (Изъ воспоминаній). I—IV. Графа Е. А. Салиаса.	88
IV. Сестры Самойловы. (Изъ театральныхъ воспоминаній). В. А. Крылова	121
<p>иллюстраціи: 1) Анна Алексѣевна Самойлова.—2) Василий Михайловичъ Самойловъ.—3) Софья Васильевна Самойлова, урожденная Черникова, пѣвица.—4) Гостиная Самойловыхъ въ квартирѣ въ Петербургѣ, у Торговаго моста.—5) Надежда Васильевна Самойлова.</p>	
V. Литературныя воспоминанія. (1878—1882). I—II. I. Я. Яценскаго. .	157
VI. Двѣ невѣсты Петра II. I. Княжна М. А. Меншикова. Вл. О. Михневича.	175
VII. Вставные зубы. (Стародавняя быль). А. А. Танкова.	211
VIII. Товарищи Э. М. Достоевскаго по каторгѣ. К. Николаевскаго. .	219
IX. На развалинахъ Армянской Пальмиры. (Изъ путевыхъ впечатлѣній). А. П. Андреева.	225
<p>иллюстраціи: 1) Часть стѣны съ башнями въ Ани.—2) Кафедральный соборъ въ Ани.—3) Могила Ашота I въ монастырѣ Кошаванкъ около Ани.—4) Развалины мечети (дворецъ католикосовъ) въ Ани.—5) Шестерня на берегу Алазы въ Ани.—6) Храмъ Спасителя въ Ани.—7) Дворецъ на берегу Алазы въ Ани.—8) Церковь Божіей Матери въ Ани.—9) Дѣвичій монастырь въ Ани.</p>	
X. Русскій нѣмецъ о русской исторіи. П. Н. Полевого.	265
XI. Юбилей народника-беллетриста. В. П. Бородавской-Ясевичъ. .	277
<p>иллюстрація: Н. Н. Златовратскій.</p>	
XII. Русская періодическая печать въ провинціи. Б. Б. Глинскаго. .	292
XIII. Исторія одной маленькой монархіи. I—VIII. А. А. Червковой .	334
XIV. Критика и библиографія	360
<p>1) Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей профессора П. Т. Виноградова. Удостоена большой преміи имени императора Петра Великаго. Выпускъ первый. Москва. 1896. Выпускъ второй. Москва 1897. к. —2) Начало конца Польши. Введеніе въ исторію борьбы за объединеніе Россіи при императрицѣ Екатерицѣ Великой. Материалы, извлеченные 1) изъ московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба, 2) изъ военно-ученаго архива того же штаба и 3) изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и напечатанные штабсъ-капитаномъ А. К. Ильенко подъ редакцію, съ предисловіемъ и объяснительною запискою ординарнаго профессора Николаевскаго академіи генеральнаго штаба полковника П. А. Гейсмана. Спб. 1898. к. х. —3) И. А. Вѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи. М. 1898. Б. Глинскаго. —4) Борьба за землю въ древнемъ Римѣ. Генриха Буля. Пер. съ нѣмецк. С. Сергѣева. Одесса. 1897. к. Лосскаго. —</p>	

См. слѣд. стр.

5) Б. Н. Чичеринъ. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Выпуски первый и второй. Москва. 1897. В. Гр—снаго.—6) Московскій публичный и Румянцевскій музеи. Торжественное засѣданіе въ память графа Н. П. Румянцева, 3-го апрѣля 1897 г. Москва. А. Фаресова.—7) Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ девятый. Спб. 1897. В. Б.—8) Исторія Переславльскій земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII столѣтія. Монографія Василія Ляскоронскаго. Кіевъ. 1897. К. Х.

XV. Заграничныя историческія новости и мелочи 378

1) Историческій конгрессъ въ Ниспрукѣ.—2) Найденные въ Египтѣ греческіе папирусы.—3) Греческіе философы и римскіе историки.—4) Карлъ Великій чрезъ англійскія очки.—5) Гвичардини и Маккиавелли.—6) Королевскія галереи при Людовикѣ XIV.—7) Легенда о Ланюдь.—8) Останки Вольтера и Руссо.—9) Столѣтняя годовщина смерти Джона Вилькса.—10) Новыя изслѣдованія о французской революціи.—11) Наполеоніана.—12) Мемуары Бусенго.—13) Демократическое происхожденіе Бальзака.—14) Юбилей Генриха Гейне.—15) Смерть Альфонса Доде.

XVI. Смѣсь 400

1) Пятидесятилѣтіе журнала «Чтеніе для солдатъ».—2) Курьезная диссертация.—3) Географическое общество.—4) С.-Петербургское археологическое общество.—5) Къ XI археологическому съѣзду.—6) Реставрація Сухаревой башни.—7) Некролог: А. М. Павлиновъ; А. Н. Зерцаловъ; Н. А. Соколинскій; В. А. Лебедевъ; К. Д. Петковичъ; А. А. Ольхинъ.

XVII. Замятки и поправки 413

1) Къ родословной «дѣвицы-кавалериста» Дуровой. п. Юдина.—2) По поводу книги Н. А. Рубакина. Николая Феттера.—3) Письмо въ редакцію. В. Герарда.

XVIII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ княжны Маріи Александровны Меншиковой.—2) Въ Булонскомъ лагерѣ (Uncle Bernas). Повѣсть изъ временъ Наполеона I. А. Конанъ-Дойля.

При настоящей книжкѣ разсылается городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ объявленіе отъ страховаго общества «Якорь».

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ЧТЕНІЯ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Годовое изданіе **Чтеній** состоитъ изъ четырехъ (каждая отъ 30 до 40 и болѣе печатныхъ листовъ) книжекъ, выходящихъ въ неопредѣленные сроки. Въ **Чтеніяхъ** помѣщаются какъ изслѣдованія, такъ и матеріалы по различнымъ вопросамъ Русской исторіи и печатаются памятники древне-русской письменности. Подписная цѣна за годъ **7 р.** въ Москвѣ безъ доставки и **8 р. 50 к.** съ доставкой въ Москвѣ и съ пересылкой въ другіе города Россіи.

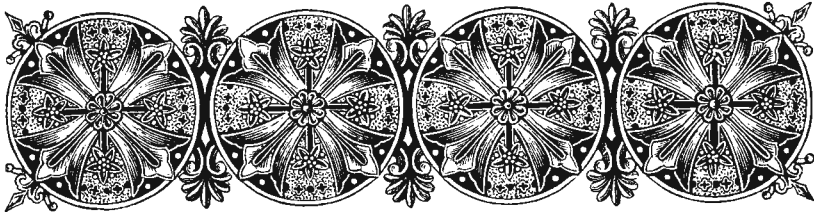
Желающіе подписаться благоволятъ обращаться или въ Общество, или къ казначею Общества Сергѣю Ал. Бѣлокурову (Садовники, д. церкви Георгія, или Воздвиженка, Архивъ Министерства Иностр. Дѣлъ), или въ книжный магазинъ Н. Карбасникова (Моховая, противъ Университета, д. Кохъ).

Въ Обществѣ или чрезъ тѣхъ же лицъ можно приобрести изданія Общества за прошлые годы, значащіяся въ каталогѣ, бесплатно доставляемомъ желающимъ.

КНЯЖНА МАРІЯ АЛЕКСАНДРОВНА МЕНШІКОВА

дозв. ценз. спб., 15 люня 1895 г.

КОРЖИНСКІЕ КОРШУНЫ.

Романъ-хроника.

ИСЪМЕННЫЕ документы, на которыхъ основана настоящая хроника изъ дворянскаго быта первой четверти истекающаго столѣтія, достались мнѣ случайно, благодаря лѣтнему пребыванію въ захолустнѣйшемъ уѣздѣ одной изъ нашихъ степныхъ губерній.

Доктора послали меня на кумысь, но мнѣ стало отъ него хуже, и, не желая возвращаться въ Петербургъ въ срединѣ лѣта, я принялъ предложеніе моего сосѣда, по помѣщенію въ лѣчебномъ заведеніи, священника о. Василія, и поѣхалъ въ то село, гдѣ у него былъ домъ и семья.

— Городскихъ удовольствій вы у насъ не найдете, но легкаго воздуха и здоровой пищи, сколько угодно. И помѣщеніе можемъ предложить вамъ удобное, по той причинѣ, что располагаю флигелемъ при господскомъ домѣ, восемь комнатъ, хоть балы задавай, — прибавилъ онъ шутливо, — да вотъ жаль, не для кого, дочерей у насъ нѣтъ, только два сына, да и тѣ люди уже семейные и на мѣстахъ далеко отсюда.

— А въ господскомъ домѣ никто не живетъ?

— Тамъ жить некому, да и дома-то, скорѣе, можно сказать, что и нѣтъ, однѣ стѣны торчатъ безъ оконъ, безъ дверей.

— Кому же принадлежитъ это имѣніе?

— Поколѣ Анна Никитишна не цомрегъ, за ней будетъ числиться, а тамъ внучатнымъ ейнымъ племянникамъ перейдетъ. Ужъ

имъ теперь ждать не долго, нашей старушкѣ за восемьдесятъ перевалило.

— А она, эта Анна Никитишна, тамъ не живетъ?—продолжалъ я любопытствовать, желая составить себѣ хотя бы приблизительное понятіе о мѣстности и обществѣ, среди котораго мнѣ предстояло прожить около мѣсяца.

— Тамъ же, гдѣ же ей жить, какъ не тамъ. Да она, надо полагать, во всю свою жизнь изъ Куклина не выѣзжала, а ужъ теперь ей въ вояжи пускаться поздно.

Онъ тихо засмѣялся.

— Да вы не извольте сомнѣваться,—продолжалъ онъ, подмѣтивъ раздумье, выразившееся на моемъ лицѣ,—жить у насъ вамъ будетъ несѣнительно, попадаья смирная, никакихъ бабьихъ глупостей и малодушества за нею не водится, и мѣшать вамъ заниматься своимъ дѣломъ она отнюдь не станетъ, въ этомъ можете быть благонадежны, а до крестьянъ вамъ никакого касательства не можетъ быть, да и далеко они поселены отъ усадьбы, за версту, если не больше. Зимой, да въ распутицу, имъ въ церковь, да и мнѣ къ нимъ на село съ требамы ходить затруднительно, зато безобразіе ихнее насъ не беспокоитъ, хоть вся деревня съ пьяныхъ глазъ горло дери, у насъ не слышать.

И помолчавъ онъ прибавилъ въ видѣ поясненія:

— У насъ тамъ два кабака; третій попытались было открыть, да земскій, дай ему Богъ здоровья, воспрепятствовалъ.

Онъ совѣтовалъ мнѣ ѣхать не на почтовыхъ лошадяхъ, а на вольныхъ, по той причинѣ, что все равно придется свернуть съ столбовой дороги въ сторону, версть за двѣсти, а въ томъ мѣстѣ, гдѣ сворачивать надо, порядочной телѣги не достать и народъ все тамъ нехристіанскій, башкиры да татары, связываться съ нимъ неспособно.

Но что меня окончательно убѣдило послѣдовать его совѣту, это предложеніе воспользоваться бричкой, въ которой онъ самъ сюда пріѣхалъ.

— Меня отсюда восвояси купецъ Рыбкинъ доведетъ въ своемъ тарантасѣ, а бричка-то можетъ Аннѣ Никитишнѣ понадобится, навязала она мнѣ ее по своей добротѣ, а къ ней племянникъ, говорятъ, изъ Одессы долженъ пріѣхать, значить, вы и мнѣ, и ей одолженіе сдѣлаете, если доставите экипажъ мѣсяцемъ раньше въ Куклино.

Триста пятьдесятъ верстъ по душистому, безграничному морю зеленой сочной травы, испещренной цвѣтами и ковылемъ, мы промчались съ небольшимъ въ двое сутокъ, останавливаясь, чтобъ дать лошадямъ отдохнуть, въ рѣдкихъ поселкахъ, гдѣ, кромѣ дряхлыхъ стариковъ да малыхъ дѣтей, никого не находили; все населеніе, способное держать въ рукахъ косу или серпъ, ушло на работу въ приволжскія губерніи и дальше къ югу.

Бхали мы и ночью. Наконецъ, на разсвѣтѣ третьяго дня, тщедушный, изморенный лихорадкой парень Пашка, служившій моему новому пріятелю попу кучеромъ, указывая кнутомъ вдаль, весело ухмыляясь, проговорилъ: Куклино!

На прозрачной, золотистой лазури вырѣзался крестъ, сверкавшій на синемъ куполѣ колокольни, и зачернѣлись смутныя очертанія построекъ, скученныхъ въ безпорядкѣ у быстрой рѣчки. Не останавливаясь, промчались мы мимо села черезъ плотину, и наконецъ заблѣлѣлись вдали высокія стѣны красиваго барскаго дома, возвышавшагося надъ густымъ садомъ. Обогнувъ церковную ограду, Пашка лихо подкатилъ бричку къ низенькому, длинному флигелю, съ маленькимъ палисадникомъ.

Мнѣ очень понравилось въ моемъ новомъ жилищѣ; батюшка былъ правъ: спокойнѣе и уютнѣе уголка трудно было найти. Хозяйка оказалась пресимпатичною, не надоѣдала мнѣ ни любопытствомъ, ни излишнею заботливостью, и такъ деликатно ухитрялась ступеньваться, что я по цѣлымъ днямъ забывалъ про ея существованіе.

Прислуживала мнѣ, такъ называемая, «нянька», толстуха лѣтъ сорока пяти, она же и кухарка, и прачка, такая же скромная и умная, какъ и ея хозяйка.

Прочую работу, въ огородѣ, въ палисадникѣ, а также дрова рубилъ и воду таскалъ изъ колодца кучеръ Пашка, съ помощью дьячка. Черезъ недѣлю я такъ освоился съ окружающими меня людьми и съ ихъ обиходомъ, что меня заинтересовалъ вопросъ: идѣтъ пропадаетъ съ ранняго утра до вечера хозяйка?

— У барышни Анны Никитишны, — отвѣчала «нянька».

Имя это я уже слышалъ отъ о. Василія и вспомнилъ, что путешествіемъ въ спокойной бричкѣ, вмѣсто тряской телѣги, обязанъ этой, еще незнакомой мнѣ, личности, кажется, очень почтенной, судя по тому, съ какимъ уваженіемъ о. Василій произносилъ ея имя. У меня мелькнула въ головѣ мысль, что не мѣшало бы сдѣлать ей визитъ, чтобъ поблагодарить за одолженіе.

— Далекѣе отсюда она живетъ? — спросилъ я.

Нянька протянула руку къ полю съ колосащеюся пшеницей. — Какое далекѣе! Вонъ, за полемъ.

Я хотѣлъ продолжать мои разспросы, но разсудилъ обратиться съ ними лучше къ попадѣ.

А нянька, между тѣмъ, забирая изъ шкапа посуду для моего обѣда, нашла нужнымъ прибавить:

— Ништо вамъ попъ про Анну Никитишну не говорилъ? Въ ейной бричкѣ вы пріѣхали. Здѣсь все, какъ что понадобится, такъ къ ней. Добрая! — прибавила она съ чувствомъ.

Когда я объявилъ попадѣ, что желаю познакомиться съ Анной Никитишной, она очень обрадовалась.

— Очень хорошо-съ. Онѣ каждый разъ про васъ спрашиваютъ.

Кресельцо-то, на которомъ вы изволите сидѣть, отъ нихъ взято. «Я, говорить, знаю, что писателю нужно, у меня братецъ всю жизнь бумаги писалъ, до крупнаго чина дописался, и двѣ кавалеріи ему за бойкое перо отъ царя пожаловали». Братецъ Анны Никитишны въ палатѣ до совѣтника дослужился и на благородной женился.

— А сама-то она какого званія?

— Сама-то? А ужъ не умѣю вамъ въ точности сказать. Съ поконъ вѣка она тутъ живетъ и землей владѣетъ. Крестьяне, тѣ Коржинскихъ господъ были до воли, и усадьба тоже ихняя была, а теперича все Анны Никитишино. Ей по духовному завѣщанію Катерина Артемьевна все отказала, чтобъ, значить, всеѣмъ распоряжалась и куда слѣдуетъ платила, въ монастыри тамъ да въ пріюты.

— А кто это Катерина Артемьевна?

— Катерина-то Артемьевна?

На лицѣ моей собесѣдницы выразилось изумленіе, ей казалось, повидимому, очень страннымъ, что нашелся человѣкъ, который никогда не слышалъ про Катерину Артемьевну.

— Да неужто-жъ вамъ въ городѣ про нес не говорили?

— Я въ городѣ вашемъ не былъ.

— Ну, потому, значить, и не слышали про нее. Она тамъ церковь Божьей Матери всѣхъ скорбящихъ, что на пѣшемъ базарѣ, построила, да мужскому монастырю землю пожертвовала, чтобъ помнили ее до сѣнчанія вѣка. А здѣсь церковь не успѣла достроить, ужъ послѣ ея кончины освятили, тоже Анна Никитишна. Всѣ дѣла свои Катерина Артемьевна ей препоручила. Приказала, какъ помретъ, здѣсь ее и похоронить, рядомъ съ сестрицей ейной Лизаветой Артемьевной и съ нянькой Демьяновной. Какъ пожалуете въ церковь, можете сами увидѣть, и на плитахъ надпись прочесть. Обѣ барышни рядомъ лежатъ, а въ ногахъ у нихъ — раба ихняя, крѣпостная Аксинья. Но только Аксиньей ее здѣсь никто не звалъ, а завсегда Демьяновной. Знали только, что на Аксинью полухлѣбницу день Ангела своего празднуетъ. А съ питафіей Катерины Артемьевны непріятности вышли, и прежнему батюшкѣ, что до насъ тутъ цѣлыхъ сорокъ лѣтъ состоялъ и барышню Катерину Артемьевну въ смертныи часъ напутствовалъ, отъ начальства влетѣло за то, что не дозволилъ плиты трогать, на которой надпись высѣчена, что покоится подъ симъ камнемъ тѣло грѣшницы, недостойной боярышни Катерины Коржиной. Насилу покойный о. Алексѣй отстоялъ, чтобъ плиту эту оставили надъ гробомъ, другою хотѣли смѣнить. До митрополита дѣло доходило. Хорошо, что у о. Алексѣя собственноручная записка нашлась Катерины Артемьевны про то, что питафію себѣ она сама сочинила и приказала въ Италиі на гробовой плитѣ высѣчь. Плиты-то оттуда привезены. И какъ стали съ подводы снимать, одна изъ нихъ пополамъ и раскололась, та именно, что Катерина Артемьевна для себя заказала. Всѣ тутъ

подумали: быть бѣдѣ! Такъ и вышло. Долго о. Алексѣя по этому самому дѣлу мытарили! Насилу, насилу удалось ему за лядящаго дьячка дочку замужъ выдать. Ужъ онъ харчился, харчился въ городѣ, чтобъ получше ее пристроить, ничего не вышло. Къ кому съ денежной молитвой ни подобется изъ архіерейскихъ, обнадѣжать, общаются, а какъ до архіерея дойдетъ, тутъ дѣлу и крышка, слышать не могъ преосвященный про Куклинскаго попа безъ гнѣва. «Это тотъ, что несуразную надпись на гробовой доскѣ отстоялъ», скажетъ и сейчасъ это имя о. Алексѣя изъ списка похерить.

— Кому же понадобилось дѣло поднимать о перемѣнѣ надписи на плитѣ?— спросилъ я, пытаюсь хоть сколько нибудь ориентироваться въ путаницѣ передаваемыхъ мнѣ событій.

— Сначала управителя своо графъ прислалъ, а потомъ и самъ изволилъ пожаловать.

— Какой графъ?

— Анна Никитишна знаетъ, имя мудреное, нѣмецкое, не запомнить. И вѣры онъ не нашей.

— Что-жъ ему здѣсь было нужно?

— Да чтобъ питафію перемѣнили...

— Какое же у него было право на это?

— Ужъ не умѣю вамъ сказать. Должно быть, было право, когда такое дѣло затѣялъ, что до митрополита доходило. Да вы поговорите съ Анной Никитишной, она вамъ, можетъ, и расскажетъ, ей все до крошечки извѣстно, она съ Катериной Артемьевной десять лѣтъ душа въ душу прожила.

— А графа этого помнить здѣсь кто нибудь?—спросилъ я.

— Какъ не помнить! Онъ вотъ здѣсь, въ этомъ самомъ домѣ, гдѣ мы теперь живемъ, и останавливался. О. Алексѣй за церковной оградой жилъ, и вотъ какъ моего попа сюда предѣлили, да стали мы жаловаться, что крыша течетъ, да печки разваливаются, Анна Никитишна и рѣшила: чѣмъ старый поповскій домъ перестраивать, лучше отдать его дьячку, а намъ барскій флигель предоставить, мы вотъ тутъ и живемъ съ тѣхъ поръ, къ Пасхѣ двадцать четыре года будетъ...

Она долго еще говорила, а я терпѣливо ее слушалъ въ надеждѣ уловить среди ея болтовни какой нибудь намекъ, касающійся заинтересовавшаго меня предмета, но ожиданія мои были напрасны, и только, сблизившись съ Анной Никитишной, могъ я ознакомиться со всѣми подробностями романической исторіи таинственной личности, извѣстной въ здѣшнемъ краѣ подъ именемъ барышни Катерины Артемьевны Коржиной.

Изъ разсказа моего видно будетъ, насколько милой старушкѣ, съ которой я цѣлыхъ шесть недѣль бесѣдовалъ про семью Коржинныхъ, удалось посвятить меня въ тайны этой семьи и представить

мнѣ въ настоящемъ ихъ свѣтѣ характеры и поступки дѣйствующихъ лицъ мрачной драмы, происшедшей въ ней восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Анна Никитишна передала мнѣ для просмотра семейный архивъ, завѣщанный ей боярышней Коржиной, и позволила мнѣ любоваться медальономъ съ ея изображеніемъ на слоновой кости. Разстаться съ этимъ сокровищемъ даже на время она не хотѣла, но я такъ часто и такъ подолгу всматривался въ это блѣдное личико, съ загадочнымъ выраженіемъ въ темныхъ бархатныхъ глазахъ подь слегка сдвинутыми тонкими бровями, что оно навсегда запечатлѣлось въ моей памяти, и будь я художникъ, мнѣ ничего бы не стоило нарисовать его на память.

Она въ бѣломъ платьѣ, съ черной бархаткой на шеѣ, вьющіеся волосы покрываютъ ей лобъ и спадаютъ на шею и плечи.

Отъ Анны же Никитишны услышалъ я въ первый разъ кличку коршуновъ, данную народомъ Артемію Васильевичу Коржину (1742—1826) и сыну его Леонтію (1788—1875).

На возвратномъ пути въ Петербургъ я остановился въ Москвѣ, и здѣсь судьба натолкнула меня на людей, отъ которыхъ я узналъ новыя подробности про интересовавшихъ меня членовъ многочисленной Коржинской семьи. Я познакомился съ семидесяти-пятилѣтнимъ старикомъ, роднымъ внукомъ пресловутаго стараго коршуна, Артемія Васильевича, и большимъ любителемъ старины; онъ показалъ мнѣ портретъ дѣда, писанный масляными красками въ манерѣ прошлаго столѣтія, съ предвзятою мыслью сгладить безобразную рѣзкость въ чертахъ и выраженіи, но какъ ни старался художникъ этого достигнуть, на это лицо съ злыми, острыми, косыми глазами, длиннымъ, тонкимъ носомъ и насмѣшливымъ ртомъ, невозможно смотрѣть безъ ужаса: такъ много въ немъ ума, хитрости и холоднаго, неумолимаго презрѣнія. Чувствуется, что человекъ этотъ никогда никого не жалѣлъ и никому не вѣрилъ во всю свою длинную и бурную жизнь.

Портретъ хорошо написанъ, взглядъ, какъ у живого, широкія, чувствительныя ноздри трепещутъ; изъ скопленныхъ въ сторону, узкихъ, длинныхъ губъ готовъ вырваться сарказмъ. По рассказамъ его внука, роста онъ былъ ниже средняго и несуразно сложенъ; голосъ имѣлъ звонкій и крикливый, но когда злился, говорилъ шопотомъ, медленно и подымаясь на носки, чтобъ казаться выше. На портретѣ тщедушное тѣло задрапировано въ халатъ изъ красивой шелковой матеріи оливковаго цвѣта, съ выпуклыми бархатными розовыми цвѣтами; выбритый подбородокъ утопаетъ въ кружевномъ жабо; на головѣ пудренный парикъ à trois marteaux, съ косою, а руки, замѣчательно нѣжныя, маленькія и красивыя, съ выхолненными, какъ у женщины, розовыми ногтями и съ перстнями на всѣхъ пальцахъ, на половину покрыты манжетами изъ тѣхъ же кружевъ, что и жабо.

Портретъ писанъ въ 1780 году, когда старому коршуну было тридцать восемь лѣтъ.

— Тутъ онъ еще молодъ,—говорилъ мнѣ мой новый знакомый въ то время, какъ я всматривался въ характерное лицо, глядѣвшее на меня съ полотно злыми, прозвительными глазами.—Я видѣлъ его всего только разъ, когда онъ незадолго до своей смерти (а умеръ онъ восьмидесяти шести лѣтъ; за пятнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, женился въ третій разъ, семидесяти одного года, и имѣлъ отъ этого брака дочь) прѣѣзжалъ по дѣламъ въ Москву изъ своего Коржина, и моя мать, его дочь, повезла меня къ нему, какъ тогда говорилось: «на поклонъ къ дѣдушкѣ». Это случилось шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ, и мнѣ, было всего только десять, одиннадцать лѣтъ, но я до сихъ поръ не могу забыть впечатлѣніе холоднаго ужаса, которое онъ на меня произвелъ. А между тѣмъ, онъ не только не говорилъ со мною, но даже не обращалъ на меня ни малѣйшаго вниманія, но я видѣлъ, какъ старшіе передъ нимъ трепещутъ, какъ смущается моя мать и взрослые, даже пожилые, ея братья и сестры когда онъ останавливалъ на комъ нибудь изъ нихъ взглядъ своихъ холодныхъ, умныхъ глазъ, передъ тѣмъ какъ отпустить одну изъ тѣхъ остроумныхъ и злыхъ шутокъ, которыми онъ умѣлъ заставить самого смѣлаго человѣка растеряться отъ смущенія. Да, это былъ характеръ. Такихъ людей уже теперь нѣтъ. Одна его смѣлость чего стоитъ. Сознвая свою нравственную силу, онъ ни передъ чѣмъ не останавливался, ничего и никого въ мірѣ не боялся. Вотъ ужъ про кого можно было сказать, что «законъ для него не писанъ». Долго носился слухъ, что вторая его жена была еще жива, когда онъ женился на третьей, а онъ хотъ бы пальцемъ пошевелинулъ, чтобъ уничтожить этотъ слухъ...

— Онъ съ нею развелся?

— И не думалъ. Объявилъ, что она съ ума сошла, повезъ ее будто бы лѣчиться за границу и, вернувшись назадъ одинъ, безъ всякихъ объясненій, женился на другой, вотъ и все. Кто бы смѣлъ ему препятствовать? Не такое было время. Онъ царькомъ жилъ въ своемъ родовомъ помѣстьѣ Коржинѣ. Губернаторы въ немъ заискивали. Всѣ его боялись, зная, что онъ способенъ на все и ни передъ чѣмъ не остановится для достиженія цѣли. Такого страха сумѣлъ онъ нагнать на всю окрестность, что не было человѣка во всей губерніи, который осмѣлился бы ему противорѣчить... Да вотъ я вамъ скажу... изъ сыновей его, братьевъ моей матери, двое были на него похожи лицомъ, такіе же маленькіе, сухенькіе, кривоносые и быстроглазые, ну-съ, этого сходства было достаточно, чтобъ внушать непреодолимый ужасъ тѣмъ, кто зналъ ихъ отца. Вотъ какой это былъ человѣкъ. Страшные были люди встарину,—прибавилъ онъ раздумчиво.

— А натура-то какая даровитая!—продолжалъ онъ послѣ до-

вольно продолжительнаго молчанія, котораго я не прерывалъ, давая ему возможность сосредоточиться на воспоминаніяхъ, налетавшихъ ему на умъ во множествѣ, если судить по тоскливому выраженію его всегда спокойнаго и добродушнаго лица.— Все онъ зналъ и понималъ какимъ-то наитіемъ. За что ни примется, выйдетъ *chef-d'oeuvre*. Не было искусства, которымъ бы онъ не владѣлъ въ совершенствѣ. Музыкантъ, какихъ мало. Нигдѣ не учившись, онъ одинаково хорошо игралъ на скрипкѣ, на флейтѣ и на клавинодахъ. Теперь его бы феноменомъ прославили, и самъ бы онъ возмнилъ себя гениемъ, а тогда это ни во что не ставили, тогда дворянинъ считалъ ниже своего достоинства хвастаться своими талантами. Упражняться въ художествахъ предоставлялось исключительно плебеямъ; бары давали имъ только направленіе, и о даровитости вельможи судили по талантамъ его крѣпостныхъ. Въ то время настоящій баринъ долженъ былъ все знать и понимать какъ нельзя лучше. И представьте себѣ, такъ и было на самомъ дѣлѣ. Расскажу вамъ для примѣра одинъ случай въ семьѣ прадѣда. Входитъ онъ разъ въ залу во время урока одной изъ дочерей на арфѣ, послушалъ минутъ пять, пришелъ въ ярость на итальянца учителя, выгналъ его вонъ, бросивъ ему кошелекъ съ золотомъ, и принялся самъ учить дочь. Хватило у него терпѣнія заниматься этимъ цѣлую зиму, зато къ веснѣ она ужъ играла на музыкальномъ вечерѣ во дворцѣ и всѣхъ приводила въ восторгъ.

— Потомъ узнали, что наканунѣ выходки Артемія Васильевича съ итальянцемъ императрица Марія Ѳеодоровна спросила у него: «*Votre fille Tatiana est elle musicienne?*» «*Pas encore, madame, mais elle le deviendra*», — отвѣчалъ онъ. И, какъ видите, обѣщаніе свое исполнилъ. Эту бабушку, Татьяну Артемьевну, я лично не зналъ; она умерла чахоткой до моего рожденія, и всѣ въ нашей семьѣ убѣждены, что въ чахотку вогналъ ее отецъ уроками. Впрочемъ, это стали говорить уже послѣ его смерти, въ 50-хъ годахъ, когда началась эра сентиментальности, породившей въ свою очередь слабость и растрѣпаніе настоящаго поколѣнія. Правда, задолго до назначеннаго часа, Татьяна Артемьевна пила воду съ флеръ-доранжемъ и тому подобныя снадобья, чтобъ не дрожать за арфой, какъ осинный листъ; сестры румянили ее, чтобъ отецъ не замѣтилъ ея блѣдности. Видѣть ее въ конвульсіяхъ отъ нервнаго потрясенія почти послѣ каждаго урока сдѣлалось для домашнихъ обычнымъ явленіемъ, которое такъ часто повторялось, что всѣ привыкли къ нему. Няня, съ помощью горничныхъ, расшнуруетъ барышню, уложитъ ее въ постель, разотретъ и дастъ полежать сколько можно, чтобъ только папенька, Боже упаси, не узналъ! Ну, а къ обѣду надо встать, затянуться, одѣться, букли взбить и съ веселымъ лицомъ сойти въ залу. Прадѣдушка Артемій Васильевичъ любилъ кушать парадно. Каждый день къ обѣду гости, музыка гремитъ на

хорахъ, лакеи въ пудрѣ, сервировка роскошная; барышни разряженныя, въ затѣйливыхъ прическахъ, сооруженныхъ крѣпостнымъ парикмахеромъ, должны быть веселы, любезны и, Боже сохрани выронить слово, непріятное почему бы то ни было отцу, или сдѣлать движеніе, которое ему не нравится; онъ только взглянетъ, и этого достаточно, чтобъ сдѣлалось жутко не только провинившейся, но и сестрамъ ея, и гувернанткѣ, и прихлебателямъ, а также и нянѣ, выглядывающей всегда во время обѣда изъ двери, творя шепотомъ молитву, чтобъ все миновало благополучно. Возбуждать въ окружающихъ трепетъ было для Артемія Васильевича потребностью, которую онъ удовлетворялъ, не стѣсняясь никѣмъ и ничѣмъ. Да, такихъ людей теперь ужъ быть не можетъ,—прибавилъ онъ.

— И слава Богу!—замѣтилъ я.

Онъ глянулъ на меня, хотѣлъ что-то возразить, но раздумалъ и, помолчавъ немного, продолжалъ:

— Дѣдъ былъ женатъ три раза. Съ первой женой онъ прожилъ пятнадцать лѣтъ и имѣлъ отъ нея семь человѣкъ дѣтей; на второй, княжнѣ Мадаевой, онъ женился пятидесяти семи лѣтъ, и, три года спустя послѣ того, какъ она родила ему двоихъ дѣтей: сына Леонтія и дочь Елизавету, онъ ее сослалъ, какъ наперсницу, жилъ потомъ съ французенкой и, наконецъ, ужъ семидесяти лѣтъ обвѣнчался въ третій разъ по страстной любви на дѣвчкѣ четырнадцати лѣтъ, дочери мелкопомѣстнаго сосѣда, скончавшейся на семнадцатомъ году внезапно, вѣроятно, отъ разрыра сердца. Отъ нея осталась только дочь Катерина. Родилась она въ Коржинѣ. Артемій Васильевичъ оставилъ службу и столицу, чтобъ поселиться въ деревнѣ тотчасъ послѣ смерти императрицы. Онъ зналъ, что при ея наслѣдникѣ, который и цесаревичемъ его невидѣлъ, ему ужъ не играть выдающейся роли ни при дворѣ, ни въ администраціи, и поспѣшилъ во-время удалиться.

— Потому ли, что Катерина послана ему была судьбой подъ старость, или потому, что мать ея покинула этотъ міръ, не давъ мужу пресытиться ея поистинѣ замѣчательною красотой, такъ или иначе, но прадѣдъ страстно привязался къ этому ребенку, котораго онъ баловалъ и ласкалъ скорѣе, какъ внучку, чѣмъ какъ дочь, требуя, чтобъ и старшія дѣти слѣдовали его примѣру и относились бы къ ней не побратски, а поотечески.

— Впрочемъ, это было весьма естественно, если взять въ соображеніе, что младшему его сыну отъ второго брака, Леонтію Артемьевичу, минуло двадцать два года, когда она родилась. Онъ былъ тогда уже женатъ, и дочь его Марья родилась въ одинъ годъ съ теткой своей Катериной. Судьба этихъ двухъ дѣвушекъ очень трагична.

.....

Онъ подробно рассказалъ мнѣ все, что извѣстно про нихъ въ

семьѣ и, позволилъ списать нѣсколько писемъ, уступленныхъ ему послѣ смерти его тетки Марьи Алексѣевны Коржиной, ея сыновьями.

Но, какъ плохо вязались всѣ эти новыя свѣдѣнія, собранныя у ближайшихъ родственниковъ интересовавшихъ меня личностей, съ тѣмъ, что передавала мнѣ Анна Никитишна!

А между тѣмъ, только благодаря совокупности всѣхъ этихъ разнорѣчивыхъ толковъ и мнѣній, удалось мнѣ проникнуть въ сущность тайны, которую младшій коршунъ, безъ сомнѣнія, льстилъ себя надеждой унести въ могилу.

1.

Артемію Васильевичъ Коржинъ питалъ такую страстную нѣжность къ своей младшей дочери Катеринѣ, что даже измѣнилъ для нея обычный строй своей жизни.

Мать ея скончалась въ деревнѣ, гдѣ, какъ сказано выше, онъ поселился, покинувъ добровольно свою служебную дѣятельность.

Вернувшись съ кладбища послѣ похоронъ жены, Артемію Васильевичъ прошелъ въ ея спальню, заперся тамъ и трое сутокъ не выходилъ оттуда и никого къ себѣ не пускалъ, оставляя весь домъ въ недоумѣніи и страхѣ. Наконецъ, на четвертую ночь, старикъ камердинеръ, дежурившій въ сосѣдней комнатѣ, услышалъ, что ключъ щелкнулъ въ замкѣ. Дверь отворилась, и при мерцающемъ свѣтѣ лампы, теплившейся передъ образомъ, онъ увидѣлъ барина или, лучше сказать, тѣнь барина, такъ исхудалъ онъ и перемѣнился, съ всклокоченными бѣлыми волосами, щетинистымъ подбородкомъ, впалыми глазами и въ растерзанномъ платьѣ.

— Куклу! — прорычалъ онъ хриплымъ голосомъ и большими шагами вернулся въ глубь комнаты, гдѣ стояла кровать, на которой скончалась молодая барыня, оставляя дверь незапертою.

Старикъ Степанъ Лукьянычъ побѣжалъ въ верхній этажъ, гдѣ помѣщались дѣтскія, классныя и дѣвичьи.

Тамъ въ большой низкой горницѣ съ лежанкой висѣла нарядная колыбелька съ новорожденною, а на полу, подъ ситцевыми одѣялами, мирно похрапывали на своихъ подстилкахъ полногрудая красавица кормилица и старая няня, Демьяновна, вынянчившая покойницу молодую барыню и поступившая вмѣстѣ съ прочими людьми и съ принадлежностями ея приданаго, въ полную крѣпостную зависимость къ Артемію Васильевичу. Двѣ дѣвочки, входившія въ штатъ маленькой барышни для мелкихъ услугъ, спали на полу, въ проходѣ у дверей.

Этихъ Степанъ Лукьянычъ не далъ себѣ труда беспокоить и преспокойно перешагнувъ черезъ нихъ, разбудилъ нянюку съ кор-

милицей и приказалъ имъ немедленно нести маленькую барышню къ барину.

— Да вѣдь она почиваетъ, попыталась было протестовать мамка.

— А ты дѣлай, что тебѣ приказываютъ,—грозно зашипѣла Демьяновна, которой значеніе барскихъ приказаній было хорошо извѣстно.—Уберись скорѣе въ хорошій сарафанъ да космы-то свои подъ новыи повойникъ припрядь, а я, чтобъ не разбудить дитѣ, потихоньку выну его изъ колыбельки, вмѣстѣ съ перинкой.

И она сдѣлала это такъ ловко и осторожно, что дѣвочка проснулась, только минутъ десять спустя, на колѣняхъ отца.

Съ этой ночи Артемій Васильевичъ, чтобъ быть ближе къ своей любимицѣ, не спалъ больше на своей половинѣ, а велѣлъ поставить себѣ кровать въ комнатѣ, служившей гардеробной, рядомъ съ спальней покойной молодой барыни, отданной теперь маленькой Катѣ, и все свободное отъ занятій по хозяйству время проводилъ въ этой комнатѣ, играя съ «куклой», какъ онъ ее называлъ, забавляя ее новыми игрушками, заставляя пѣть и плясать передъ нею не только дѣвчонокъ и мальчишекъ своей многочисленной дворни, но также и Лизавету Артемьевну, меньшую дочь отъ второго брака, которая была еще дома, а потому въ полной его зависимости. Для бѣдной Лизаветы Артемьевны обстоятельства сложились особенно неудачно; когда надо было заниматься ея воспитаніемъ, отецъ ея вздумалъ жениться, а тамъ мачиха стала хворать, скончалась, и супругъ ея, съ великаго горя, одѣлъ весь домъ въ трауръ, въ Москву на зиму не поѣхалъ и прекратилъ всякія сношенія съ сосѣдями. Горевалъ Артемій Васильевичъ и чуждался людей только съ годъ времени, но ужъ домогъ въ столицѣ не захотѣлъ больше жить и, подъ тѣмъ предлогомъ, что возлюбленную его дѣвочку не съ кѣмъ оставить въ деревнѣ, онъ поручилъ надзоръ за челядью, окружающею ребенка, Лизаветѣ Артемьевнѣ, а самъ на зиму уѣхалъ въ Петербургъ и устроился тамъ на холостую ногу. Зима эта, по рассказамъ его близкихъ, стоила ему очень дорого. Чтобъ заглушить въ душѣ постигшее его горе, Артемій Васильевичъ, какъ мальчишка, кинулся въ развратъ, и на одну прелестницу-шведку, напоминавшую ему отдаленнымъ сходствомъ мать Кати, просадилъ нѣсколько десятковъ тысячъ.

Но онъ очень скоро опомнился и, вернувшись въ деревню ранней весной, такъ усердно принялся за хозяйство, что скоро навѣрсталъ потерянное.

Катя между тѣмъ подрастала, а Лизавета Артемьевна блекла.

— Ужъ этой надо въ старыхъ дѣвкахъ оставаться,—отвѣчалъ Артемій Васильевичъ, когда у него спрашивали, почему онъ не возить дочь и не ищетъ ей жениха.

Дѣло въ томъ, что оставаться одному съ маленькимъ ребенкомъ въ деревнѣ ему было неудобно; надо было за челядью присмотрѣть,

чай ему разлить, кушанье заказать и компанію ему составить, когда ему надоѣдало сидѣть одному за книгами или за ховяйственными расчетами въ кабинетѣ, и онъ выходилъ въ большую гостиную, съ мебелью, укутанною, какъ въ саваны, чехлами.

А кто же бы сталъ выслушивать злые сарказмы, которыми онъ заочно осыпалъ своихъ дѣтей, и ядовитыя насмѣшки надъ сосѣдями, еслибъ не было въ домѣ Лизаветы Артемьевны?

Онъ женился въ третій разъ уже старикомъ именно для того, чтобъ не остаться одному послѣ замужества послѣдней дочери, но комбинація эта не удалась, жена его умерла, не проживъ съ нимъ и года, значить, Лизаветѣ сама судьба предопредѣлила оставаться дома, чтобъ замѣнить отцу хозяйку, а маленькой Катѣ мать. По понятіямъ Артемія Васильевича, проще и естественнѣе этого ничего нельзя было и придумать.

Остальныя его дѣти давно ужъ жили отдѣльно, дочери замужемъ, сыновья женатые и на службѣ, одни въ Москвѣ, другіе въ провинціи.

Невзирая на солидное состояніе, Артемій Васильевичъ, кромѣ воспитанія, ничего дѣтямъ не давалъ; сыновья, по его мнѣнію, должны были существовать службой, а о дочеряхъ предоставлялось заботиться мужьямъ.

Тратился онъ только на тѣхъ изъ дѣтей, которыя не были еще пристроены, и женивъ сына или выдавъ дочь замужъ, ограничивался смутными намеками на то, что состояніе его, дескать, извѣстно, умереть—всѣ останутся довольны и т. п.

И такъ могучъ былъ почтительный страхъ, который онъ сумѣлъ всѣмъ внушать, что не только сыновья, но и строптивѣйшіе изъ зятьевъ, какъ бы имъ туго ни приходилось, не смѣли заикнуться просьбой о помощи.

Про дочерей же и говорить нечего; онѣ съ младенчества привыкли съ благодарностью лобызать папенькину руку за все, какъ за малѣйшую подачку, такъ и за пощечину, и имъ въ голову бы не пришло предъявлять къ нему какія бы то ни было требованія. А между тѣмъ, кромѣ собственнаго родоваго и благопріобрѣтеннаго состоянія, старикъ Коржинъ безконтрольно пользовался капиталами и имѣніями, принесенными въ приданое тремя женами и составившими законное наслѣдство оставшихся послѣ нихъ дѣтей. Но напомнить ему о правахъ своихъ никто не отважился, даже старшій, пятидесятилѣтній его сынъ.

Судьбу дѣтей своихъ онъ самъ устраивалъ и, надо ему отдать справедливость, устраивалъ прекрасно. Сыновьямъ выбиралъ женъ изъ хорошаго рода, причемъ бралъ въ соображеніе не столько личность самой дѣвушки, ея умъ и характеръ, сколько ея матери, а дочерямъ находилъ дѣловитыхъ мужей. И нельзя сказать, чтобъ онъ при этомъ гнался за состояніемъ; одну только изъ дочерей, красавицу Марѳу, выдалъ онъ за миллионера, подъ тѣмъ предлогомъ,

что она такъ глупа, что помочь мужу сдѣлать карьеру и приобрести состояніе не сумѣетъ; сестеръ же ея, Надежду и Дарью, отдавъ совѣтъ бѣднымъ молодымъ людямъ, но бѣдняки эти оправдали его довѣріе: одинъ изъ нихъ умеръ министромъ, а другой однимъ изъ любимѣйшихъ генераль-адъютантовъ императора Николая Павловича.

Между невѣстками Артемія Васильевича, были такъ же, какъ и между зятьями, богатыя и бѣдныя, знатнаго происхожденія и скромнаго, но всѣ, разумѣется, дворянскаго рода и настолько, по тогдашнему времени, хорошо воспитанныя, чтобъ мужьямъ никуда не стыдно было съ ними показаться. Со всѣми членами своей многочисленной семьи обращался онъ съ одинаковою суровостью; надъ каждымъ подшучивалъ онъ безжалостно и остро, забавляясь, какъ недостатками ихъ, такъ и неудачами и даже несчастіями. Но ничто не доставляло ему такого удовольствія, какъ ссоры, возникавшія между его дѣтьми. Съ искусствомъ, поистинѣ дьявольскимъ, умѣлъ онъ такъ ловко натравливать ихъ другъ на друга, что скандальныя распри, происходившія между сыновьями и дочерьми Артемія Васильевича Коржина, длились по цѣлымъ годамъ, переходили къ потомкамъ и кончались иногда уголовщиной.

Но распространяясь о семьѣ, въ которой выросла моя героиня, я боюсь отклониться отъ главнаго предмета моего разсказа, а потому коснусь ея, насколько это необходимо для объясненія причинъ, повліявшихъ на умъ и сердце всеобщей баловницы, Катерины Артемьевны, которую отецъ иначе, какъ «куклой», не называлъ.

Это прозвище такъ и осталось за нею, но отцомъ ея оно произносилось съ нѣжною любовью и восхищеніемъ, въ устахъ же другихъ оно принимало смыслъ злобной клички.

Катю ненавидѣли въ семьѣ, и надо сознаться, что она этого вполне заслуживала.

Баловствомъ и безпредѣльною снисходительностью въ ней развили чудовищный эгоизмъ и пріучили только требовать; задумываться же о томъ, каково исполнять эти требованія, ей никогда и въ голову не приходило, такъ какъ, кромѣ лести во всѣхъ ея видахъ, покорности (по виду) радостной и самаго наглаго извращенія дѣйствительности ради удовлетворенія ея капризовъ и фантазій, она никогда ничего не видала и не слыхала.

Всѣ знали, что для того, чтобъ снискать благоволеніе барина, надо было угождать «куклѣ», и всѣ наперерывъ, по мѣрѣ силъ и возможности, изъ кожи лѣзли, чтобъ этого достигнуть.

Дѣвочка росла точно въ заколдованномъ царствѣ, среди вѣчно веселыхъ и привѣтливыхъ лицъ; желанія ея исполнялись раньше, чѣмъ она успѣвала ихъ выразить; ей не давали ни задумываться, ни скучать; весь день развлеченія смѣнялись одно другимъ; для нея выписывали изъ столицъ наряды и игрушки, одну затѣйливѣе другой; бонны и гувернантки выбирались веселаго и терпѣливаго

права, ихъ прогоняли и замѣняли другими при малѣйшемъ недоразумѣнїи, а иногда только потому, что Артемію Васильевичу покажется, что «кукла» привязалась къ наемницѣ, чего онъ по принципу переносить не могъ. Развѣ большая часть человѣческихъ страданій не происходитъ отъ привязанностей? Полюбишь человѣка безъ мѣры, а онъ вдругъ этого не оцѣнить и оскорбить тебя равнодушїемъ, или вздумаетъ эксплуатировать твое чувство къ нему, чтобъ взять надъ тобой верхъ, или, наконецъ, точно на зло, умретъ, какъ мать «куклы». Единственная изъ всѣхъ женщинъ припала ему вполнѣ по сердцу и по вкусу; никогда ему не было скучно съ нею, она казалась ему день ото дня красивѣе, остроумнѣе и достойнѣе его довѣрія и любви, единственная, которую онъ и не пытался замѣнить другою. И вдругъ умерла! О, какъ онъ проклиналъ день и часъ, когда ему пришло въ голову на ней жениться! Какъ могъ онъ, старый, опытный лѣшій, не разсудить, что именно потому-то ему и не надо было съ нею связываться, что она понравилась ему больше всѣхъ. Несравненно было бы легче забыть про нее послѣ перваго свиданія, когда онъ еще не зналъ ни скрытыхъ прелестей ея тѣла и ума, ни другихъ ея качествъ, чѣмъ послѣ года совместнаго сожителства, когда онъ успѣлъ къ ней привыкнуть, какъ къ своей неотъемлемой собственности.

Правда, что тогда у него не было бы такого восхитительнаго существа въ домѣ, какъ «кукла», передъ которой онъ трепещетъ при одной мысли, что она можетъ простудиться, захворать и умереть. Но Катя, хотя и деликатнаго сложенія, вся въ мать, миниатюрная брюнетка, съ тонкими чертами и черными глазами, была всегда здорова, и мучить окружающихъ затѣйливыми выдумками и дикими требованіями ей никогда не надоѣдало.

Но всѣхъ больше доставалось сестрѣ ея, Лизаветѣ Артемьевнѣ. Ей «кукла» не давала ни минуты покоя и такъ придирчиво слѣдила за каждой ея миной и каждымъ движеніемъ, что уединиться хотя бы на минуту ей не было никакой возможности. Маленькій домашній тиранъ, чутьемъ угадывая тоску, скрытую подъ напускнымъ спокойствїемъ своей жертвы, подкарауливалъ каждый ея, нечаянно вырвавшійся, вздохъ, каждую слезинку, чтобъ придираться къ ней съ жестокостью ребенка, которому никогда никто не говорилъ о милосердіи и состраданіи.

Она не спрашивала, о чемъ вздыхаетъ или плачетъ сестра, а, топая ногами, злорадно визжала:

— Ты опять плачешь? Какъ ты смѣешь! Я папенькѣ скажу: онъ не велитъ тебѣ при мнѣ плакать!

И она бѣжала исполнять свою угрозу. Ничто ее такъ не забавляло, какъ видѣть, какъ дрожитъ сестра въ ожиданіи страшнаго сцены, и какъ, помертвѣвъ отъ нравственной боли, она выслушиваетъ, молча и опустивъ голову, потокъ злыхъ сарказмовъ и жестокихъ, обид-

ныхъ намековъ, которыми осыпалъ ее старикъ, спрашивая ее съ ехидною улыбкой: ужъ не влюбилась ли она въ кого нибудь, что корчить такія рожи ребенку?

— Такъ ужъ тебѣ это не пристало, голубушка! Зеркаловъ въ домѣ много, посмотри на себя, на что похожа, ворона вороной, со-всѣмъ вѣдь старая дѣвка, сморчокъ.

Изводить дочь подобными злыми шутками онъ могъ по цѣлымъ днямъ, глухо раздражаясь покорностью и страдальческимъ видомъ ея, а также и тѣмъ, что она дѣйствительно старилась не по днямъ, а по часамъ, и отъ прежней миловидности въ ней не оставалось и слѣда.

А, можетъ быть, его мучило смутное сознание, что съ него взыщется за эту загубленную молодую жизнь. Такъ или иначе, но не только братья и сестры Лизаветы Артемьевны замѣчали, что отецъ ихъ какъ-то особенно преслѣдуетъ ее, но и дворня съ ужасомъ ждала, чѣмъ разразится эта ненависть стараго барина къ барышнѣ Лизаветѣ Артемьевнѣ.

Но съ тѣхъ поръ, какъ въ домѣ была Букаевская Демьяновна передавать другъ другу вслухъ свои догадки про господъ было очень опасно. Кличка «Букаевская» навсегда осталась за нею, потому что родомъ она была изъ деревни Букаевки, отданной въ приданое за барышней; Коржинскою же никто признавать ее не хотѣлъ. У этой чертовки повсюду были глаза и уши. Самъ бѣсъ ей вѣрно помогать все пронюхать; никуда нельзя было скрыться отъ ея прозорливой подозрительности, особенно съ того дня, какъ къ Катѣ приставили гувернантку, и на обязанности няни оставалось только утромъ поднять барышню съ постели, а вечеромъ уложить. Даже одѣвать ее Демьяновнѣ больше не приходилось: изъ Москвы была выписана ученая горничная, собственно для того чтобъ ходить за барышней. Что же оставалось Демьяновнѣ дѣлать, какъ не подслушивать и не подсматривать за людьми, наполнявшими дѣвичьи, лакейскія и людскія? Время шло, а она оставалась здѣсь всѣмъ чужой и ненавистной. Преданная, какъ собака, своей молодой барышнѣ, Демьяновна съ первой же минуты почувствовала себя среди Коржинской дворни, какъ во враждебномъ лагерѣ, и ни съ кѣмъ не сближалась, а послѣ смерти барыни вся отдалась маленькой барышнѣ, и этой слѣпой преданностью приобрѣла себѣ столько враговъ, столькихъ сдѣлала несчастными, доводя до барина каждое шальное слово и малѣйшую оплошность своихъ недруговъ, столькихъ подвела подъ розги, красную шапку и ссылку въ дальнія деревни, что не было человѣка въ дворнѣ и на селѣ, который не видѣлъ бы въ ней злодѣйку и не ненавидѣлъ бы ее, какъ погубительницу близкаго человѣка.

Но зато Демьяновна вошла въ милость къ барину. Артемій Васильевичъ, по мѣрѣ того, какъ убѣждался въ ея отчужденности

отъ всѣхъ, оказывалъ ей все больше и больше довѣрія. Дошло до того, что онъ совѣтовался съ нею не только по хозяйству, но и о дѣтяхъ. Платье ли новое купить барышнѣ Лизаветѣ Артемьевнѣ, или другое что, только черезъ нее и можно было выпросить. Рубля не пошлетъ внученку къ именинамъ или на зубокъ, не посовѣтовавшись съ Демьяновной, письма не напишетъ сыну или дочери безъ ея напоминанія.

У Артемія Васильевича вошло въ привычку бесѣдовать съ нею каждый вечеръ, послѣ того, какъ камердинеръ раздѣнетъ и уложитъ его въ постель, на широкую кровать краснаго дерева подъ штофнымъ балдахиномъ.

— Позвать Демьяновну!—приказывалъ онъ Алексѣю Лукьяновичу, когда этотъ послѣдній, устроивъ около него все, что нужно, направлялся къ дѣри.

И часто случалось такъ, что Демьяновна почти до разсвѣта забавляла его розсказнями про сосѣдей и дворню, причемъ такъ искусно умѣла вплетать ложь въ правду, что потомъ ничего ужъ нельзя было разобрать, и часто сами обвиненные, не зная, какъ оправдаться, съ недоумѣніемъ себя спрашивали: вправду что ли свершили они преступленіе, за которое ихъ наказывали, или нѣтъ?

Когда убѣдились въ ея вліяніи на барина, кому-то пришла несчастная мысль попытаться подкупить ее, и, увы! съ тѣхъ поръ ея жестокость къ людямъ дошла до звѣрства. Такой жадности къ взяткамъ, какъ та, что проявилась въ Демьяновнѣ, трудно было себѣ вообразить. Ничѣмъ она не брезгала, все прикарманивала, начиная отъ яблока, украденнаго въ барскомъ саду казачкомъ, съ цѣлью спастись отъ порки, и кончая старинными рублями и копейками, вывороченными изъ тряпокъ, въ которыхъ они хранились съ незапамятныхъ временъ и зарытые, большею частью, въ землю. Разсказывали, что, благодаря дѣдкѣ кладу, Яшка, сынъ прачки Матрены, избѣгнулъ рекрутчины, къ которой былъ ужъ совсѣмъ приговоренъ бариномъ. У Матрены былъ старый, престарый дѣдъ на хуторѣ, верстъ за пятьдесятъ отъ села Коржина. Звали его Логиномъ, и на вопросъ: сколько ему лѣтъ, онъ отвѣчалъ, что не знаетъ: «какъ перевалило за сто, пересталъ и считать». Какъ дворовый, онъ жилъ на барскихъ хлѣбахъ въ избенкѣ, подаренной ему бариномъ, отцомъ Артемія Васильевича, и про него шла молва, будто, когда-то, очень ужъ давно, когда еще теперешняго барина и на свѣтѣ не было, Логинъ былъ замѣшанъ не то участникомъ, не то свидѣтелемъ въ уголовное дѣло по поджогу и ограбленію сосѣдняго помѣщика. Но господа за него вступились и выгородили его. Съ тѣхъ поръ и пошла глухая молва о его богатствѣ. Молва эта дошла до Демьяновны (до нея все доходило), и она со свойственною ей ловкостью принялась исподволь подводить правнука Логина, поваренка Яшку, подъ бѣду и, когда стараніями ея

страслась надъ нимъ гроза, и мать его кинулась ей въ ноги, моля о спасеніи, злодѣйка заломила сто рублей.

Въ первую минуту Матрена обалдѣла отъ испуга. Сто рублей! Да она во всю свою жизнь никогда и трехъ рублей у себя въ рукахъ не видывала, гдѣ же ей взять сто рублей?

— Дѣдку свою пощупай,—съ усмѣшкой посовѣтовала ей лихо-дѣйка.

Матрена снова съ воплемъ повалилась ей въ ноги.—Родимая! Да вѣдь это вдругъ на него!.. Какой у него кладъ! Давно ужъ ему за сто лѣтъ перевалило, нешто столько годовъ отъ людей деньги скроешь? Давно ужъ придушили бы его, чтобъ ограбить, кабы было изъ-за чего.

— Такъ чего же ты ко мнѣ пристаешь? Не передо мной Яшка твой проштрафился, ступай къ барину, можетъ, онъ и помилуетъ,—преспокойно прервала несчастную мать Демьяновна, отгаливая ее отъ себя.

Съ помутившимися отъ отчаянья мыслями, Матрена, сломя голову, побѣжала въ село къ куму-кузнецу и стала просить лошадки до хутора доѣхать. Про ея горе ужъ всѣ знали, и кумъ, догадавшись, для чего ей нужно повидать дѣдку, самъ взялся довести ее. Какимъ манеромъ удалось Матренѣ разжалобить старика—одинъ Богъ знаетъ. Отъ волненія и страха у нея совсѣмъ память отшибло; кинулась она ему въ ноги, ревѣла, причитывала, а что именно, сама не знаетъ, но, должно быть, Господь надоумилъ ее сказать то, что нужно, потому что въ душѣ стараго дѣдки проснулись давно застывшія чувства, онъ понялъ, что ей отъ него нужно, вошелъ, опираясь на клюку, въ сарайчикъ, покопался тамъ въ ямкѣ и вернулся назадъ, неся въ дрожащихъ рукахъ муравленный горшокъ, заткнутый тряпкой.

— Вотъ, на поминъ души берегъ, да ужъ возьми, такъ и быть,—прошамкалъ онъ, подавая свое сокровище ошеломленной отъ радости бабѣ.

Кладъ, скопленный по грошамъ и полушкамъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія, состоялъ изъ восьмидесяти семи рублей съ копейками и цѣликомъ перешелъ въ руки Демьяновны, но за-то Яшка остался на своемъ мѣстѣ при главномъ поварѣ, и мать его имѣла счастье увидать его женатымъ и отцомъ многочисленнаго семейства.

Много исторій, подобныхъ этой, происходило въ то время, когда у барина Артемія Васильевича Коржина правою рукой была нянька маленькой барышни, Букаевская Демьяновна, и до сихъ поръ клануть память ея. А между тѣмъ, еслибъ знали настоящую причину ея алчности, можетъ быть, къ ней отнеслись бы снисходительнѣе. Дѣло въ томъ, что у Демьяновны, слышшей добродѣтельною старою дѣвой и съ особенною яростью преслѣдовавшей въ окружающей ея многочисленной дворнѣ уклоненія отъ чистоты нравовъ, было

дята любви, сынъ Никитка, котораго она обожала, и для котораго готова была пожертвовать не только земною жизнью, но и вѣчнымъ блаженствомъ на томъ свѣтѣ. Какихъ нравственныхъ мукъ стоило ей скрывать существованіе этого ребенка, зналъ только одинъ Богъ. Та мѣщанка въ губернскомъ городѣ, у которой онъ воспитывался, не подозрѣвала, что благообразная женщина, приходившая навѣщать ея питомца и приносявшая условленную плату за него, была его матерью. Только что родившееся дитя принесъ ей какой-то юноша, объявившій, что деньги за него будутъ доставлять женщина среднихъ лѣтъ, по имени Варвара Ивановна. Такъ и вышло; три года женщина эта навѣщала ребенка и аккуратно платила за него, а тамъ опять пришелъ тотъ же молодой человѣкъ, который принесъ мальчика, и увезъ его въ дальнюю губернію, гдѣ помѣстилъ его въ семейство купца, у котораго и оставался Никита, какъ бы за сына, приучаясь къ торговлѣ подъ руководствомъ пріемнаго отца. Когда ему минуло двадцать лѣтъ, та самая таинственная женщина, заботившаяся о немъ неустанно со дня его рожденія, купила ему домъ съ лавкой, обставленною товаромъ, и женила его на дочери подьячаго.

Тутъ только Демьяновна вздохнула свободно,—завѣтная мечта ея осуществилась, сынъ ея купецъ, на дорогѣ сдѣлаться богачемъ и въ родствѣ съ людьми, которые могутъ предостеречь его отъ всякаго зла и научить добру. Спала съ ея горемычной головушки забота о немъ, и ничего ей больше не оставалось теперь, какъ думать о спасеніи своей души, тѣмъ болѣе, что незамѣтно и старость пошла.

Ей было за тридцать лѣтъ когда она вынянчила будущую Коржинскую молодую барыню и, оставаясь у Букаевскихъ господъ, пользовалась большимъ почетомъ у нихъ въ домѣ, какъ вдругъ лукавый попуталь ея согрѣшить... Съ кѣмъ?.. Тайну эту она унесла съ собой въ могилу, и помогли ей въ этомъ тѣ изъ обитателей города, съ которыми она вела дружественныя и дѣловыя сношенія. Однако привычка, а, можетъ быть, и природная алчность была въ ней такъ сильна, что она продолжала тащить съ ближнихъ все, что можно было, даже и тогда, когда въ этомъ не представлялось и надобности для нея. Платили ей дань не одни дворовые и мужики, а также и тѣ изъ господъ, которымъ, почему бы то ни было, нужна была поддержка Коржинскаго стараго барина. Ни одинъ изъ сыновей и ни одна изъ дочерей Артемія Васильевича, а равно и зятья и невѣстки его, не забывали, при всякомъ удобномъ случаѣ, дарить Демьяновну деньгами и вещами.

Разъ какъ-то осенью пріѣхалъ навѣстить папеньку молодой баринъ, Леонтій Артемьевичъ, блестящій чиновникъ министерства внутреннихъ дѣлъ, женатый на красавицѣ княжнѣ и мѣтившій въ губернаторы. Всѣ замѣтили, что онъ нѣсколько разъ подолгу совѣ-

щался съ Демьяновной, и рѣшили, что не даромъ: вѣрно хочеть черезъ нее выпросить у родителя что нибудь большое. Ужь не имѣніе ли? Супруга, хотя и знатнаго рода, а, кромѣ красоты, ничего ему не принесла, дѣтей куча, старшая дочка, ровесница Катерины Артемьевны, скоро невѣста.

Однако мѣсяца два прошло послѣ его отъѣзда безъ всякихъ перемѣнъ и о предположеніяхъ, порожденныхъ его посѣщеніемъ, стали забывать, какъ вдругъ сдѣлалось извѣстно, что для развлечения «Куклы», чтобъ ей было охотнѣе учиться и веселѣе играть, берутъ въ домъ старшую дочку Леонтія Артемьевича, Марью Леонтьевну.

Рѣшено это было послѣ того, какъ въ одинъ прекрасный вечеръ, Демьяновна, стоя у притолки маленькой двери, что вела изъ бариновой спальни въ коридоръ, объявила своему господину о перемѣнѣ, постепенно совершающейся во вкусахъ и въ нравѣ ихъ общей любимицы, маленькой барышни Катерины Артемьевны.

Игрушками совсѣмъ перестали заниматься, и мадаму все о балахъ да о кавалерахъ разспрашиваютъ.

Артемій Васильевичъ нахмурился.—Дура старая, придется ее прогнать,—отрывисто замѣтилъ онъ.

— Скучаютъ-съ,—продолжала Демьяновна, помолчавъ немного.—Намедни съ новое платье имъ принесли, и взглянуть даже не захотѣли. Подругу имъ хочется, барышню, и чтобъ не старую.

— Она сказала тебѣ?

— Нѣтъ, не говорили, а только я знаю. Все однѣ да однѣ, поневолѣ одурь возьметъ. Лизавета Артемьевна имъ не компанія...

— Понятно!—согласился баринъ.—Отъ нея за версту скукой вѣбеть.

— Ихъ ужъ и лѣта такія, что не о веселіи, а о спасеніи души надо помышлять...

— А Куклѣ еще рано объ обществѣ и выѣздахъ думать,—прервали ее съ досадой.—Это ей глупыми розсказнями голову кружатъ, учиться ей еще надо.

— Одной-то и учиться не охота.

Баринъ догадался, наконецъ, что она имѣеть для него наготовѣ предложеніе.

Онъ опустился въ кресло, закинулъ назадъ голову и замоталъ правою ногой, положенною на лѣвую, что было у него признакомъ озабоченности и сдержаннаго нетерпѣнія.

— Кого же ей, по-твоему, въ подруги взять?—спросилъ онъ съ ироническою усмѣшкой.

— Ужь это какъ вашей милости будетъ угодно, указывать мнѣ не приходится.

— А ты не юли, спрашиваютъ, такъ отвѣчай.

— Извольте у самой барышни спросить, кого имъ въ подруги желательно имѣть.

— Которуюнибудь изъ попадеекъ, что ли? А, можетъ, изъ Курдюмовскихъ дѣвокъ,—началь раздумчиво перебирать Артемій Васильевичъ дочерей сосѣднихъ обывателей.—Да и у Воцинскихъ дѣтей непочатый уголь, которую угодно отдадутъ, на выборъ,—прибавилъ онъ съ тою злою усмѣшкой, которая всегда являлась у него, когда рѣчь заходила о могуществѣ его вліянія надъ окружающей средой.

— Да извольте, сударь, у маленькой барышни лучше спросить,—повторила свое заявленіе Демьяновна.

— Ну, чего ты мнѣ все маленькой барышней въ глаза тычешь, не понимаю я что ли, что своихъ мыслей у Куклы еще нѣтъ, и повторять она твои же слова...

Предположеніе это, повидимому, привело Демьяновну въ такое сильное негодованіе, что она совсѣмъ забылась, возвысила голосъ и энергичнымъ жестомъ развела руками.

— Вотъ ужъ неправда-то! Да у нея ума больше, чѣмъ у насъ всѣхъ, намъ ея мыслями жить, а не ей нашими! Научишь ее чемунибудь, какъ бы не такъ! Послушали бы, какъ она намеднись мадаму свою на смѣхъ поднимала, мы инда животики надорвали, хохотамши... А та хоть бы слово, совсѣмъ опѣшила, а еще французинка!—распространялась Демьяновна, отлично замѣчая, какъ потѣшался баринъ разказами о продѣлкахъ его любимицы.

Кончилось тѣмъ, что онъ заставилъ таки старуху сознаться, что Кукла спитъ и видитъ имѣть подругой старшую дочь Леонтія Артемьевича, Машу.

— Ну, чтожь, надо имъ написать, чтобъ прислали,—рѣшилъ онъ такъ же спокойно, какъ будто дѣло идетъ о высылкѣ какойнибудь вещи, а не о дѣвушкѣ пятнадцати лѣтъ, изъ семьи съ хорошимъ положеніемъ въ свѣтѣ. Но онъ такъ привыкъ къ безусловной покорности со стороны своихъ дѣтей и рабовъ, что мысль о сопротивленіи его волѣ ему и въ голову не приходила.

Однако, на этотъ разъ, совершенно неожиданно возникли препятствія: на требованіе прислать дочь Леонтія Артемьевичъ почтительнѣйше отвѣчалъ, что онъ, конечно, радъ бы всей душой угодить папенькѣ, но жена его не желаетъ разставаться съ Машей.

А между тѣмъ, все ужъ было для нея готово въ домѣ дѣда, и Кукла, внѣ себя отъ восторга, что у нея будетъ подруга, сама слѣдила за уборкой комнаты, предназначенной для пріѣзжей, перетаскивая туда всѣ надобншія ей вещи и украшенія, которыхъ у нея было такое множество, что на цѣлый домъ бы хватило. Отъ нетерпѣливаго ожиданія у нея аппетитъ пропалъ, и она просыпалась ночью, чтобъ спросить: когда же Маша пріѣдетъ?

Въ гнѣвномъ волненіи Артемій Васильевичъ прошелся раза три

по кабинету, комкая въ дрожащихъ пальцахъ полученное имъ письмо.—Какъ сказать Куклѣ, что Машу не пускаютъ? Да развѣ это возможно! Они тамъ съ ума сошли! Я имъ покажу... узнаютъ они у меня!.. Болванъ! Не можетъ съ бабой справиться! Жена не хочетъ... Прошу покорно! А самъ-то онъ что же? Какой онъ мужъ послѣ этого? Дуракъ! Счастья своего не понимаютъ... Пришлась бы только эта дѣвчонка по праву нашей Куклѣ, такъ я бы для нея всѣхъ обездолилъ, ничего бы для нея не пожалѣлъ... Вмѣстѣ съ Куклой вывезить бы ее стали, замужъ бы ее выдать, приданое бы ей сдѣлать... Дуракъ!

Слова срывались съ его губъ помимо его воли, и онъ не замѣчалъ присутствія Демьяновны. Самъ онъ послалъ за нею, а когда она пришла и стала на обычное свое мѣсто у притолки, баринъ совсѣмъ про нее забылъ и продолжалъ размышлять вслухъ, точно въ комнатѣ никого нѣтъ. И вдругъ, остановившись передъ нею и вперивъ въ нее гнѣвный взглядъ своихъ блестящихъ глазъ, онъ запальчиво вскричалъ:

— Не хотятъ! Отказываются!

— И, батюшка, это они только такъ, для прилики,—возразила она,—нельзя же крошечку не поломаться.

Онъ, какъ будто, только и ждалъ такихъ словъ, чтобъ успокоиться.

— Такъ чтожь, по-твоему?

— Жисть-то дѣтямъ у нихъ не ахтительная,—продолжала Демьяновна, уклоняясь отъ прямого отвѣта на заданный вопросъ,—сказывали тоже людишки-то ихніе, во всемъ недостатокъ. Понятное дѣло, гдѣ ужъ однимъ жалованьемъ съ такой семьей господамъ прожить. Самъ-то Леонтій Артемьевичъ до всякихъ дорогихъ штучекъ охотникъ, отъ картинъ его не оторвешь.

— Артистическая натура, хи, хи, хи!

— И то хочется купить, и другое, а денегъ-то нѣтъ. Да что ужъ говорить, даже ключницы не держать. Сама-то тоже изъ важнаго дома, привыкла роскошничать, а тутъ: встань-ка пораньше, да супруга съ дѣтьми чаемъ напой, да въ кладовую поиди, сама провизію повару выдай, а тамъ, чѣмъ бы, какъ слѣдуетъ настоящей барынѣ, нарядиться да гостей принимать, либо съ визитами разѣзжать, сама усаживай дѣтей за указку да учи ихъ. Сласти въ такой жисти мало. Люди сказываютъ: рѣдкій день не плачетъ... Кабы имѣніе у нихъ было свое, чтобъ хоть на лѣто семейству на легкомъ воздухѣ поправляться,—продолжала она, ободренная злоградской усмѣшкой, появившейся на узкихъ губахъ ея слушателя, но ей не дали распространяться на эту тему.

— Будетъ, завралась, пошла вонъ!—отрывисто прервалъ ее баринъ.

Однако окрикъ этотъ не испугалъ Демьяновну; она не то, что

къ окрикамъ, а и къ болѣе чувствительнымъ проявленіямъ барскаго нрава давно привыкла и знала, что не тогда баринъ страшень, когда кричить и дерется, а когда молчить, затаивая гнѣвъ свой въ самой глубинѣ души, вотъ тогда, дѣйствительно, всѣмъ надо грозы ждать, а теперь, Богъ дастъ, все похорошему обойдется. И Демьяновна не ошиблась; намеки ея попали на плодотворную почву.

Правда, что и Катя тутъ помогла. Разумѣется, отъ нея скрыли неблагоприятное извѣстіе изъ Петербурга, но чутьемъ нервнаго, набалованнаго ребенка она угадала истину по выраженію лицъ окружающихъ и заболѣла отъ досады. Цѣлый день ничего не ѣла, къ вечеру у нея сдѣлался жаръ; отшвырнувъ поданную ей Демьяновной чашку съ настоемъ малины, она отвернулась лицомъ къ стѣнѣ и, невзирая на всѣ мольбы и уговоры, пролежала въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока ей не прибѣжали объявить, что за дочкой брата Леонтія Артемьевича посылаютъ въ Петербургъ возокъ съ Демьяновной.

Раздраженный старикъ, отчасти, чтобъ исполнить капризъ своей баловницы, а отчасти, чтобъ поставить на своемъ, рѣшился отступить отъ своего правила и наградить сына Леонтія при жизни имѣньемъ. Онъ послалъ ему дарственную на сельцо Мужино, въ Тверской губерніи.

Это было заброшенное имѣньишко, доставшееся ему за долгъ и въ которое надо было всадить не мало денегъ, чтобъ получать съ него доходъ, но, тѣмъ не менѣе, это была вторая поблажка, сдѣланная Артеміемъ Васильевичемъ сыну второй своей жены. Правда, онъ заставлялъ его дорого платиться за эти уступки, но это не мѣшало ему считать Леонтія виноватымъ передъ собой и мысленно давать себѣ слово, со временемъ, заставить его это почувствовать.

Путешествіе Демьяновны длилось долго. Какъ всегда въ то время, оно должно было совершиться на своихъ лошадяхъ, съ долгими остановками, въ просторномъ возкѣ, нагруженномъ перинами, подушками, провизіей на двѣ недѣли, гостинцами отъ двора стараго барина родичамъ и своякамъ, составлявшимъ штатъ молодого барина. Везла она также письмо отъ Артемія Васильевича къ сыну. Письмо это онъ писалъ долго, время отъ времени бросая перо, чтобъ пройтись по комнатѣ, ероша волосы и нюхая табакъ. Окончивъ его наконецъ и запечатавъ большой, гербовой печатью, онъ нелѣлъ позвать Демьяновну и съ часъ времени давалъ ей устные наставленія, которыя она выслушивала съ подобающимъ обстоятельствомъ почтительнымъ вниманіемъ, хотя вовсе въ нихъ не ну ждалась.

— Ты безъ меня, ясное солнышко, не горюй, подружку я тебѣ безпремѣнно привезу, — сказала Демьяновна своей воспитанницѣ при прощаніи, — во что бы то ни стало привезу.

Барышня же Елизавета Артемьевна, никогда ни во что не входив-

шая и отъ всего отдалявшаяся, заволновалась, узнавъ, что Демьяновну посылають за дочерью брата Леонтія. Послѣ долгаго размышленія и колебанія, она рѣшилась послать письмо старшей своей сестрѣ, княгинѣ Марѣ Артемьевнѣ, съ тѣмъ самымъ парнемъ Сергунькой, который долженъ былъ довести старуху до мѣста и привезти ее назадъ съ барышней.

Письмо это сохранилось въ семейномъ архивѣ князя Арсенія. Оно написано пофранцузски, тѣмъ манернымъ и напыщеннымъ слогомъ, которымъ въ то время принято было выражать сокровеннѣйшія чувства и мысли, и, невзирая на смѣшную его форму, дышитъ такимъ уныніемъ и тоскою, что невозможно его читать безъ слезъ. Ни на что больше не надѣется эта раньше времени отцвѣтшая, двадцати-двухъ-лѣтняя дѣвушка, и одного только молитъ у Бога—терпѣнія и силъ донести до конца ниспосланный ей крестъ. Къ пріѣзду племянницы въ ихъ домъ она отъносится съ жалостью и страхомъ; кромѣ мукъ, ничего для Маши не предвидитъ и проситъ сестру поосторожнѣе объяснить невѣсткѣ Марѣ Алексѣевнѣ, женѣ брата Леонтія, что положеніе Маши въ домѣ дѣда, между своенравнымъ маленькимъ деспотомъ—Катей, и холоднымъ, злымъ дѣдомъ, будетъ непрестанной пыткой. При этомъ, отца она называетъ мѣстоименіями «il», «lui», а Катю «la petite».

Читая эти пожелтѣвшія отъ времени строки, невольно представляешь себѣ, какъ она дрожала, начертывая ихъ своимъ красивымъ, круглымъ почеркомъ! И какъ она, должно быть, колебалась, прежде чѣмъ довѣрить ихъ Сергунькѣ!

Да и со стороны Сергуньки взятыя за такое порученіе доказывало немало гражданскаго мужества. Его бы до полусмерти заporоли и сдали бы въ солдаты, еслибъ узнали, что онъ осмѣлился взять письмо барышни и доставить его по назначенію, не передавъ его камердинеру для просмотра барину. И тогда ужъ, конечно, золотообрѣзный, кругомъ исписанный листокъ этотъ не попалъ бы, семьдесятъ лѣтъ спустя, мнѣ въ руки, чтобъ послужить яркою иллюстраціей нравовъ того времени.

Однако, цѣли своей посланіе это не достигло, и Машу привезли въ Коржино.

Однѣхъ лѣтъ съ Куклой, она во всемъ представляла съ нею полнѣйшій контрастъ. Высокая ростомъ, свѣжая, какъ роза, веселая, откровенная, привѣтливая и добрая, она привлекала къ себѣ всѣ сердца. Кромѣ того, она и воспитаніемъ перещеголяла свою ровесницу-тетку; играла несравненно лучше ея на арфѣ, умѣла танцовать такія па, о которыхъ въ провинціи и понятія не имѣли; манерой выражаться, опаживаться вѣромъ и присѣдать ничѣмъ не отличалась отъ свѣтскихъ дѣвицъ, составлявшихъ ея общество въ столицѣ. Совсѣмъ взрослая, хоть сейчасъ на придворный балъ ее вези.

Но изъ-подъ свѣтскаго доска и модной полировки безпрестанно

прорывалась наружу ея милая, дѣтская душа, и тогда внезапный, безпричинный взрывъ невинной радости выражался громкимъ, се-ребристымъ хохотомъ, раскатывающимся по мрачнымъ заламъ и гулкимъ коридорамъ стараго дома, гдѣ до нея, кромѣ боязливо крадущихся шаговъ вѣчно дрожавшей отъ страха дворни, сдержаннаго шепота и подавленныхъ вздоховъ, ничего не раздавалось.

Барышня Лизавета Артемьевна давно ужъ разучилась смѣяться и разговаривать. Да и съ кѣмъ стала бы она обмѣниваться мыслями. Съ тѣхъ поръ, какъ Катина мать умерла, четырнадцать лѣтъ тому назадъ, ни одинъ посторонній человѣкъ никогда не заглядывалъ въ ихъ усадьбу; отецъ былъ къ ней такъ строгъ и относился къ ней съ такимъ суровымъ недоверіемъ, что она не смѣла даже разговаривать съ кѣмъ либо изъ дворни. Къ младшей же сестрѣ, кромѣ страха и отчужденія, она ничего не ощущала. Да иначе и быть не могло. Кукла была странная дѣвочка, и никогда, даже въ младенчествѣ, ничего дѣтскаго въ ней не было. Кричала она и громко ревѣла тогда только, когда ей нужно было испугать отца и заставить его исполнить ея желаніе; дѣвчонокъ, дѣвокъ и казачковъ, составлявшихъ ея многочисленный штатъ, она щипала и царапала исподтишка и втихомолку, не возвышая голоса и съ сверкающими отъ скрытаго гнѣва глазами.

Боялись ея всѣ въ домѣ больше барина, а между тѣмъ, даже и въ то жестокое время, Артемій Васильевичъ Коржинъ слылъ человѣкомъ нрава изъ ряда вонъ крутаго и безпощаднаго. Но по-своему онъ былъ справедливъ, и приноровиться къ его требованіямъ можно было, угодить же маленькой барышнѣ не было никакой возможности; каждое утро она просыпалась, и каждый вечеръ ложилась съ новымъ капризомъ, который надо было немедленно исполнить, чтобъ спастись отъ преслѣдованія Демьяновны; когда дѣло касалось Куклы, ничѣмъ ее нельзя было подкупить.

Машу Демьяновна возненавидѣла съ первой минуты, какъ увидѣла ее. Ревнивымъ и зоркимъ взглядомъ окидывая съ ногъ до головы красивую дѣвочку, цвѣтущую свѣжестью и здоровьемъ, съ добрыми и ясными синими глазами и густой, золотистой косой, она не могла не сравнивать ее мысленно съ своей питомицей и не сознаться, что смуглость кожи, щедедушность и миниатюрность послѣдней выступаютъ еще рѣзче рядомъ съ подругой. И это было ей такъ досадно, что еслибъ можно было, она съ восторгомъ придралась бы къ первому предлогу, чтобъ вернуться назадъ одной.

Но такого предлога не представилось. Прочитавъ письмо отца, въ которомъ Артемій Васильевичъ предлагалъ ему выдѣлить при жизни одно изъ своихъ имѣній въ Тверской губерніи, если онъ уступить ему свои права на старшую дочь, Леонтій Артемьевичъ даже и съ женой не сталъ совѣтоваться, а прямо приказалъ собрать Машу въ путь.

Ему было тогда около тридцати шести лѣтъ, и въ Петербургѣ, гдѣ онъ служилъ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, онъ слылъ однимъ изъ интереснѣйшихъ мужчинъ своего времени.

Старики съ перваго взгляда узнавали въ немъ сына княжны Мадаевой, блиставшей, увы, слишкомъ короткое время на горизонтѣ петербургскаго большаго свѣта въ концѣ XVIII вѣка.

Про этого сына Артемій Васильевичъ такъ выражался:

— Шельмецъ, не чета братьямъ, тѣ унаслѣдовали отъ меня только кривой носъ, косые глаза и безобразный ростъ, а этому удалось взять отъ отца и отъ матери все лучшее: отъ меня умъ, а отъ нея красоту. Молодецъ!

II.

Чтобы пояснить отношенія между старикомъ Коржинымъ и его сыномъ Леонтиемъ, необходимо сдѣлать отступленіе и перенестись за тридцать семь лѣтъ назадъ, когда Артемій Васильевичъ сорокалѣтнимъ вдовцомъ женился на княжнѣ Мадаевой, стариннаго, именитаго рода, извѣстнаго красотой, благородствомъ, добродушіемъ и ограниченностью ума.

Артемій Васильевичъ женился передъ тѣмъ, какъ бросить службу, и, какъ увѣряли родственники его первой жены, которымъ крутой нравъ его былъ хорошо извѣстенъ, не столько для того, чтобъ дать мачиху своимъ двумъ еще малолѣтнимъ дочерямъ Надеждѣ и Дарьѣ, сколько для того, чтобъ имѣть кого мучить въ деревенскомъ одиночествѣ.

Какъ бы тамъ ни было, но выборъ его былъ удаченъ; лучшей жены для себя и матери для дѣтей отъ перваго брака трудно было найти. Но что побудило княжну возложить на себя добровольно такой тяжелый крестъ, это была тайна, въ достовѣрности извѣстная одной только ей.

Говорили про двоюроднаго брата, къ которому она, какъ будто, была равнодушна съ дѣтства; сплетничали втихомолку про высочайшую особу, слишкомъ открыто восхищавшуюся ея красотой, но навѣрное никто ничего не зналъ.

Однако, мужъ ея былъ слишкомъ уменъ, чтобъ не понимать, что любовь къ нему не играла никакой роли въ ея рѣшеніи выйти за него замужъ, и, безъ сомнѣнія, надо искать въ этомъ обстоятельстве разгадку тяжелаго недоразумѣнія, возникшаго между ними съ перваго же дня ихъ совмѣстной жизни и кончившагося таинственнымъ исчезновеніемъ молодой женщины.

Только пять лѣтъ прожила она въ Коржинѣ, и эти пять лѣтъ до сихъ поръ памяты Коржинскимъ обитателямъ, памятыѣ нашествія французовъ, чумы, холеры, неурожайныхъ годовъ, пожаровъ и т. п. бичей божіихъ, истребившихъ и разорившихъ множество народу.

Но Коржинскій баринъ былъ ужаснѣе и немилосерднѣе всякаго божія бича. Особенно свирѣпствовалъ онъ первое время по прїѣздѣ въ родовое гнѣздо, водворяя въ немъ порядокъ и устраивая тѣ статьи дохода, о которыхъ здѣсь до него никто понятія не имѣлъ, и благодаря которымъ онъ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ всего края.

И надо сказать, что досталось ему это богатство не даромъ. Занялся онъ новымъ дѣломъ съ тою же талантливостью и рьяною страстностью, которую прикладывалъ ко всѣмъ своимъ занятіямъ, немилосердно ломая на пути препятствія, не останавливаясь передъ жертвами и третируя людей, какъ средства къ достиженію цѣли. Съ утра до ночи развѣжжалъ онъ по своимъ деревнямъ и хуторамъ, излавливая на мѣстѣ преступленія привыкшихъ къ лѣни и воровству старшинъ и бурмистровъ, казня старыхъ ссылкой въ отдаленныя деревни, сдавая молодыхъ въ рекруты и нагоняя такой страхъ на правыхъ и виноватыхъ, что народъ бросался въ рѣки, хоронился въ дебри лѣсовъ, и цѣлыми гурьбами покидалъ насиженные гнѣзда, чтобъ бѣжать куда глаза глядятъ отъ грознаго барина.

Всѣ присутственныя мѣста въ губернскомъ городѣ были завалены жалобами Коржинскаго помѣщика на бѣглецовъ и требованіями ихъ поимки. Владѣнія Артемія Васильевича такъ опустѣли, что пришлось выписывать мужиковъ изъ его имѣній въ Тверской и Новгородской губерніяхъ.

Можно себѣ представить, какова была жизнь молодой барыни въ это ужасное время, среди воплей, жалобъ, слезъ и стоновъ доведеннаго до отчаянія народа съ одной стороны и насмѣшекъ безсердечнаго мужа съ другой.

Почувявъ въ избранной имъ дѣвушкѣ существо, во всемъ ему противоположное, съ откровенной и нѣжной душой, экзальтированнымъ и недалекимъ умомъ, воспитанную въ семьѣ великодушныхъ добряковъ, Артемій Васильевичъ такъ ее возненавидѣлъ, что мучить ее злыми придирками, оскорблять холоднымъ презрѣніемъ и насмѣшками сдѣлалось любимымъ его развлеченіемъ.

Несчастливая не выдержала и помѣшалась. Началось съ того, что она стала выказывать недовѣріе самымъ близкимъ людямъ и по цѣлымъ часамъ сидѣла неподвижно, устремивъ пристальный взглядъ въ пустое пространство, точно присматриваясь и прислушиваясь къ чему-то, чего никто, кромѣ нея, не видѣлъ и не слышалъ.

Мужъ внушалъ ей непреодолимый ужасъ. Въ его присутствіи она испытывала такой страхъ, что, слышавъ его шаги, холодѣла отъ ужаса и забывалась куда ни попало: подъ кровать, въ шкафъ, чтобъ только отдалить минуту свиданія. Разъ какъ-то, зимой, она провела цѣлую ночь въ холодномъ чуланѣ подъ лѣстницей, гдѣ рано утромъ ее нашли въ глубокомъ обморокѣ, въ одной сорочкѣ, съ окоченѣвшими отъ холода членами. Насилу оттерли и привели

ее въ чувство. Мало-по-малу она дошла до того, что стала всѣхъ бояться, даже собственныхъ малютокъ: пятилѣтняго Леонтія и шестимѣсячной дочери Елизаветы. Помѣшательство ея было тихое и походило скорѣе на ипохондрію. Она по цѣлымъ днямъ плакала и то-сковала, не отвѣчая на предлагаемые ей вопросы, ни на что не жалуясь, не изъявляя никакихъ желаній, кромѣ того, чтобъ ее оставили въ покоѣ и одну. Говорить она совсѣмъ перестала, и въ глазахъ ея выражалась такая мука, когда кто нибудь пытался, хотя бы лаской, вывести ее изъ нравственнаго оцѣпенѣнія, въ которое, со дня на день, съ часу на часъ, погружалась она все глубже и глубже, что возбуждала невольную жалость къ себѣ даже въ самыхъ черствыхъ сердцахъ.

Про нее стали ходить легенды. Увѣряли, что она наложила на себя обѣтъ молчанія, вслѣдствіе явленія съ того свѣта какого-то старца въ сіяніи, который повелѣлъ ей, не выходя изъ міра, отдѣлиться отъ людей и творимаго ими зла. Прибавляли къ этому, что она этимъ замаливаетъ грѣхи супруга, и что многіе слышали, какъ она по ночамъ громко взываетъ къ небу о милосердіи, и что таинственные голоса незримыхъ посѣтителей бесѣдовали съ ней въ это время. Говорили также, что однажды Артемій Васильевичъ, подкравшись къ двери ея спальни и внезапно растворивъ ее, былъ ошеломленъ тѣмъ, что тамъ увидѣлъ, и остановился, какъ вкопанный, на порогѣ, съ поблѣвшимъ отъ ужаса лицомъ. Многіе увѣряли, что въ эту самую минуту слышали стукъ внезапно распахнушагося окна и шорохъ крыльевъ ангела, вылетѣвшаго при появленіи стараго грѣшника. Нашлись и такіе, которые утверждали, что воочию видѣли этого ангела или, по крайней мѣрѣ, слѣдъ на небѣ его длинной, серебряной одежды.

Вскорѣ Артемій Васильевичъ совершенно неожиданно собрался въ путь, за границу и, ко всеобщему изумленію, объявилъ, что и супруга поѣдетъ съ нимъ.

— Лѣчить ее хочеть,—отвѣчала камердинеръ барина, Алешка, на разспросы, которыми осыпали его со всѣхъ сторонъ дворовые.

Но заявленію этому никто не повѣрилъ и, когда барыню вывели изъ спальни, одѣтую въ дорожный костюмъ, чтобъ посадить ее въ карету рядомъ съ супругомъ, всѣ прощались съ ней, какъ съ покойницей, увѣренные, что она никогда больше домой не вернется. Такъ и вышло: мѣсяцевъ черезъ пять баринъ пріѣхалъ одинъ съ Алешкой (котораго въ то время не величали еще Алексѣемъ Лукьяновичемъ), оставивъ горничную Аксинью съ барыней гдѣ-то въ чужихъ краяхъ. Годъ спустя, пронесся Богъ знаетъ, откуда взявшійся слухъ, что ее перевезли въ степное имѣніе и, вѣроятно вмѣстѣ съ Аксиньей, а тамъ пришло письмо изъ Москвы отъ родныхъ барыни, очень растрожившее барина.

Туча-тучей ходилъ онъ цѣлую недѣлю, ко всему придирался,

срывая злобу на такихъ людишкахъ, на которыхъ раньше и вниманія не обращалъ, и, наконецъ, уѣхалъ въ Москву, прихвативъ съ собой семилѣтняго барченка Леонтія Артемьевича, а изъ прислуги одного только Алешку, который, мѣсяца черезъ полтора, вернулся назадъ одинъ. Баринъ уѣхалъ изъ Москвы за границу, оставивъ сына у родной тетки его матери, богатѣйшей, бездѣтной графини, жившей въ собственномъ домѣ, близъ монастыря, въ которомъ былъ похороненъ ея мужъ.

— Какъ царица живетъ. Вся мужская прислуга въ пудрѣ и башмакахъ, — рассказывалъ Алешка, — и во всемъ обиходѣ старинная, боярская стать видна. Безъ доклада, хоть самъ царь пріѣзжай, въ гостиную не проведутъ; жди въ залѣ, пока казачокъ первому лакею не доложитъ, а первый лакей той компаньонкѣ, которая къ графинѣ достучь имѣетъ. Во всемъ порядокъ и роскошество, одно слово, настоящая графиня. Нашему барчуку цѣлый флигель отдѣлили и весь штатъ особо: дядька, лакей, два казачка, прачка, окромя того, гувернеръ-французъ. Цѣлый гардеробъ заказали, бѣлье и все прочее, первый сортъ. Танцмейстера наняли. Къ веснѣ лошадку купятъ, чтобъ верхомъ кататься. Ну, и берейтора особаго къ нему по этому случаю приставятъ, ужъ безъ того нельзя.

И, понижая таинственно голосъ, онъ прибавилъ:

— Всѣ тамъ говорятъ, что она его наслѣдникомъ своимъ сдѣлаетъ.

Время шло. Исчезнувшую барыню стали забывать. Все рѣже и рѣже приходило въ голову бывшимъ ея домочадцамъ и рабамъ спрашивать себя: куда же она дѣлась и жива ли еще?

Дочка ея росла на попеченіи старшихъ сестеръ и приставленныхъ къ нимъ гувернантокъ иностраннаго происхожденія, воспитывавшихъ барышень Коржиныхъ по системѣ, разъ навсегда установленной ихъ отцомъ.

И такъ великъ былъ страхъ къ нему, что даже во время его отсутствія никто бы не позволилъ себѣ отступить хотя бы на іоту отъ установленнаго имъ правила въ занятіяхъ и развлеченіяхъ. Какъ при немъ, такъ и безъ него, барышень поднимали зимой и лѣтомъ въ пять часовъ утра, обливали ихъ холодною водою, шнуровали въ высокіе корсеты и причесывали по тогдашней модѣ бу-клями, изъ-за которыхъ приходилось мучиться цѣлыя ночи въ пильоткахъ. Затѣмъ, въ назначенное время занимались онѣ музыкой, рисованіемъ, языками, чтеніемъ вслухъ, рукодѣліемъ и проч.; во всякую погоду ходили гулять по парку и ровно въ десять часовъ вечера ложились спать. Каждая изъ дочерей должна была писать письма отцу, и ужъ заранѣе, по одному измученному виду, можно было догадаться, которой изъ нихъ настала очередь исполнить это трудное дѣло. Письма возвращались всегда съ помѣтками Артемія Васильевича, такими безжалостными и жестокими, что, при

чтеніи ихъ вслухъ сестрамъ и наставницамъ (какъ того требовалъ отецъ), у несчастной голосъ дрожалъ отъ волненія и сдержанныхъ слезъ. Въ отвѣтѣ отца на письмо которой нибудь изъ дочерей доставалось обыкновенно не той именно, которая писала его, а мимоходомъ Артемій Васильевичъ пользовался случаемъ, чтобъ обругать и сконфузить всѣхъ сестеръ, а также и наставницъ.

Однако, заботы его о дочеряхъ ограничивались не однѣми только поправками стилистическихъ и грамматическихъ ошибокъ въ ихъ письмахъ и соблюденіемъ педантическаго порядка въ ихъ занятіяхъ, заочно, какъ и при нихъ, думалъ онъ объ устройствѣ ихъ судьбы и въ свое время находилъ имъ жениховъ.

Непристроенною осталась одна Лизавета.

Братъ ея, живя у московской тетки, воспитывался блестяще. Ни одинъ изъ сыновей Артемія Васильевича не могъ съ нимъ сравняться въ искусствѣ танцовать, говорить пофранцузски, любезничать съ дамами и держаться на такой блестящей ногѣ въ обществѣ, что всѣ считали за честь принимать его у себя. Какъ наслѣдникъ богатой тетки, онъ слылъ однимъ изъ выгоднѣйшихъ московскихъ жениховъ, и это обстоятельство не мало усиливало обаяніе его ума и красоты у женщинъ самаго высшаго и блестящаго круга. Однимъ словомъ, жизнь улыбалась ему, какъ вдругъ графиня скоростижно скончалась, не успѣвъ подписать духовнаго завѣщанія, которымъ она дѣлала его наслѣдникомъ всего своего огромнаго состоянія, и любимчикъ ея остался не при чемъ.

Ударъ былъ жестокъ, но Леонтій Артемьевичъ принадлежалъ къ категоріи тѣхъ людей, которые въ отчаяніе не впадаютъ, а напротивъ того мужаютъ отъ бѣды и ощущаютъ приливъ новыхъ силъ при неудачахъ и напастяхъ.

Разсудивъ въ одно мгновеніе, что оставаться въ Москвѣ, среди торжествующихъ завистниковъ его минувшаго благополучія, даже и одинъ лишній часъ ему не для чего, онъ тотчасъ послѣ похоронъ прискакалъ налегкѣ, съ однимъ только своимъ вѣрнымъ Конономъ, въ Коржино, чтобъ отецъ отъ него перваго узналъ про постигшую его бѣду.

Леонтію Артемьевичу было въ то время только восемнадцать лѣтъ, но онъ былъ ужъ мастеръ принаравливаться къ обстоятельствамъ и извлекать себѣ пользу изъ того, въ чемъ другіе, кромѣ гибели, ничего не умѣютъ найти. Какъ ни сухъ былъ сердцемъ Артемій Васильевичъ, а твердость духа Леонтія и выдержка характера, съ которою онъ умѣлъ владѣть своими чувствами, не могли не подкупить его въ пользу сына.

Пріѣхалъ Леонтій Артемьевичъ въ родовое гнѣздо передъ обѣдомъ и, по заведенному въ домѣ порядку, не здороваясь ни съ кѣмъ изъ домалпнихъ, прошелъ прямо въ комнаты для пріѣзжихъ, гдѣ принялся за свой туалетъ, чтобъ предстать передъ отцомъ въ

приличномъ видѣ, безъ малѣйшаго слѣда дорожной пыли и усталости.

О приѣздѣ его, разумѣется, старому барину стало тотчасъ же извѣстно.

— Съ кѣмъ прискакалъ?—отрывисто спросилъ Артемій Васильевичъ, откладывая въ сторону книгу, которую читалъ, сидя въ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ у раствореннаго окна въ паркѣ, съ противоположной стороны тѣхъ воротъ, въ которыя вѣзжали экипажи, и устремляя испытующій взглядъ своихъ хитрыхъ глазъ на прибѣжавшаго вѣстовщикомъ камердинера Алешку.

— Съ Конономъ-съ.

— Пришли его сюда.

Алешка стрѣлой пустился исполнять приказаніе и черезъ полминуты, на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ стоялъ, у притолки двери, вытягивался, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха, Кононъ, въ затрапезномъ дорожномъ казакинѣ, взъерошенный и блѣдный.

— Что случилось? Зачѣмъ пожаловали?—не удостоивая его взглядомъ, кинулъ ему баринъ.

— Графиня извоили скончаться-съ.

— Что?

Кононъ дрогнувшимъ голосомъ повторилъ свое заявленіе. Старый баринъ смотрѣлъ на него такъ сурово, что у него душа въ пятки ушла.

Наступило молчаніе, длившееся не болѣе минуты и показавшееся несчастному парню вѣчностью.

— Никому еще не успѣлъ разболтать?—спросилъ старый баринъ слегка измѣнившимся отъ волненія голосомъ.

— Никакъ нѣтъ-съ...

— Не врать!—грозно прервали его на полусловѣ.

— Не успѣлъ-съ,—сорвалось съ языка Конова.

— Смотри у меня! Если хоть одна душа узнаетъ, — запорю! А теперь, ступай вонъ, ты тамъ своему барину нуженъ.

Кононъ, не помня себя отъ радости, что аудіенція кончена, стремглавъ сбѣжалъ съ лѣстницы и кинулся въ комнату, гдѣ Леонтіи Васильевичъ съ помощью Алешки совершалъ свой туалетъ.

— Гдѣ пропадаешь, мерзавецъ? Вѣдь знаешь, что безъ тебя мнѣ некому взбить кокъ?—закричалъ на него молодой баринъ, опускаясь на стулъ передъ зеркаломъ, подъ которымъ столъ былъ уставленъ щипцами, гребнями, помадой, пудрой и тому подобными принадлежностями туалета франта того времени, которыя Алешка успѣлъ ужъ вынуть изъ дорожнаго несесера.

Кононъ, не оправдываясь, молча принялся за дѣло.

— Ступай, ты здѣсь больше не нуженъ,—обратился Леонтіи Артемьевичъ къ камердинеру отца.—Да, спроси у папеньки, когда

изволятъ они меня принять: сейчасъ, или мнѣ прямо пройти въ столовую.

— Слушаю-съ, — отвѣчалъ Алешка, уходя.

— Гдѣ ты былъ? У папеньки?—спросилъ Леонтій Артемьевичъ, оставшись наединѣ съ своимъ слугой.

— Не выдайте, сударь!—умоляюще протянулъ этотъ послѣдній.

— Дуракъ! Что ты ему сказалъ?

— Изволили спросить: что у насъ случилось? я сказалъ: графиня изволили умереть.

— И что-жъ онъ?

— Приказали молчать. Запорю, говорятъ...

— Ну, хорошо. Подай голубой камзолъ.

Одѣванье близилось къ концу, когда Алешка явился съ отвѣтомъ.

— Баринъ изволили приказать вашей милости, чтобъ прошли прямо въ столовую. Сейчасъ сами туда пожелуютъ; барышнямъ съ мадамой пошли докладывать.

Барышень было въ то время въ родительскомъ домѣ три: взрослая дѣвушка, двадцати двухъ и двадцати лѣтъ, Надежда и Дарья, и тринадцатилѣтняя Лизавета. Къ послѣдней, какъ къ родной, единоутробной сестрѣ, Леонтій Артемьевичъ питалъ болѣе нѣжныя чувства, чѣмъ къ прочимъ, а она просто обожала своего красавца и счастливчика брата, радуясь его успѣхамъ болѣе, чѣмъ своимъ собственнымъ, готовая съ восторгомъ всемъ пожертвовать для него.

Извѣстіе о его пріѣздѣ такъ смутило и обрадовало ее, что гувернантка приказала ей примачивать лицо холодною водою, чтобъ заставить поблѣднѣть густой румянецъ отъ волненія, не сходявшій съ ея щекъ.

Старшія сестры перешептывались между собой, обмѣниваясь предположеніями относительно причинъ, побудившихъ брата Леонтія такъ внезапно пріѣхать въ Коржино, не испросивъ даже предварительно позволенія у папеньки, но Лизавета была слишкомъ возбуждена, чтобъ принимать участіе въ ихъ бесѣдѣ; сердце ея билось, какъ птица въ западнѣ, мысли беспорядочнымъ вихремъ кружились въ головѣ, и невольный страхъ заставлялъ замирать радость въ ея душѣ.

Нечего и говорить, что ни одной изъ сестеръ въ голову не приходило вырваться изъ половины дома, называемой барышняными комнатами, чтобъ бѣжать къ брату. На такую неприличную выходку дочери Артемія Васильевича не были способны. Все, что онѣ могли себѣ позволить, да и то съ опаской, это выглядывать изъ окна въ ту сторону двора, обсаженнаго деревьями, гдѣ вокругъ распряженной брички толпа дворовыхъ гудорила промежъ себя, безъ сомнѣнія, о томъ же самомъ, что и ихъ волновало,

а именно о причинахъ неожиданнаго прїѣзда молодого барина Леонтія Артемьевича.

Наконецъ, ожидаемая съ такимъ нетерпѣніемъ и трепетомъ минута настала, лакей явился доложить, что кушанье на столѣ, и барышни въ сопровожденіи m-me Денуазетъ вышли въ столовую, какъ разъ въ ту минуту, когда прїѣзжіи здоровался съ отцомъ, почтительно прикладываясь къ протянутой ему рукѣ.

— Успѣешь еще съ дѣвками наболтаться, а скажи-ка мнѣ лучше, что у васъ про войну съ Турціей слышно.

Словами этими Артемій Васильевичъ, какъ ножомъ, отрѣзалъ всякія попытки сестеръ овладѣть вниманіемъ брата. Наскоро перецѣловавшись съ ними, Леонтіи Артемьевичъ поспѣшилъ занять указанное ему отцомъ противъ себя мѣсто, и весь обѣдъ прошелъ въ разговорахъ о политикѣ, а когда поднялись изъ-за стола, Артемій Васильевичъ приказалъ сыну слѣдовать за собой въ кабинетъ.

Здѣсь, опустившись на широкій диванъ передъ столомъ, на который Алексѣй поставилъ серебряный подносъ съ одной чашечкой кофе (послѣ обѣда кофе пилъ одинъ только старый баринъ, и имъ почему-то не угощали даже замужнихъ дочерей, прїѣзжавшихъ навѣщать отца), Артемій Васильевичъ закурилъ трубку и, указавъ сыну на стулъ противъ себя, произнесъ:

— Садись и рассказывай.

— Тетушка скончалась, — началъ Леонтіи Артемьевичъ.

— Завѣщаніе есть? — спросилъ, сдвигая брови, отецъ.

— Есть, но не подписанное.

Старикъ сорвался съ мѣста и бросилъ трубку. — Почему? — спросилъ онъ, устремляя гнѣвный взглядъ на сына.

— Не успѣла... Со дня на день откладывала... Параличъ хватилъ внезапно, — отвѣчалъ послѣдній, почтительно поднимаясь со стула.

Наступило молчаніе. Старикъ зашагалъ взадъ и впередъ по комнатѣ, погруженный въ думы, которыя сынъ нарушить не осмѣливался. Этотъ послѣдній стоялъ, не шевелясь, немного блѣдный, но съ яснымъ взглядомъ, и вся его мужественная, красивая фигура дышала благороднымъ спокойствіемъ и рѣшимостью.

Раза два отецъ взглядывалъ на него, шевеля губами, желая что-то сказать, но воздерживался и, молча, продолжалъ свою ходьбу. Наконецъ, не останавливаясь и ускоряя шагъ, онъ спросилъ съ злою усмѣшкой: чтожь онъ намѣренъ теперь дѣлать?

— Богатымъ наслѣдникомъ выросъ, — продолжалъ онъ, — набаловался, изнѣжничался... Ишь ты франтомъ какимъ! Лямку-то тянуть, какъ братья, чтобъ въ люди выйти, поди, чай, не вкусно будетъ!

Онъ ронялъ слова отрывисто, съ продолжительными промежутками, точно говоря про себя, не глядя на своего слушателя и сердито сдвигая густыя сѣдые брови. И вдругъ, остановившись передъ

Леонтіемъ, повелительно возвысилъ голосъ и, откидывая назадъ свою безобразную голову стараго сатира, съ презрительною надменностью, произнесъ:

— Зачѣмъ сюда пожаловали, сударь? Извольте объяснить.

— Прошу васъ меня выслушать до конца безъ гнѣва, батюшка,— отвѣчалъ сынъ.

— Говори.

Этотъ переходъ на ты показался молодому человѣку добрымъ знакомъ, и онъ сталъ излагать свой планъ съ самоувѣренностью человѣка, убѣжденнаго въ успѣхъ затѣяннаго имъ предпріятія.

Описавъ подробно, какое онъ получилъ воспитаніе въ домѣ покойной тетки, и исчисливъ пріобрѣтенные имъ отъ лучшихъ учителей знанія и таланты, онъ позволилъ себѣ почтительнѣйше представить отцу, какія выгоды и привилегіи получилъ бы онъ, еслибъ ему удалось поступить на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, какъ того желала покойная его благодѣтельница.

Старикъ, терпѣливо выслушавъ его до конца, тихо свистнулъ и, процѣдивъ сквозь зубы: мало ли что! снова зашагалъ по кабинету.

Долго ничѣмъ не нарушалось молчаніе, воцарившееся въ комнатѣ, но по временамъ Артемій Васильевичъ исподлобья взглядывалъ на сына, и, должно быть, выраженіе упорства, которымъ дышала вся фигура юноши, краснорѣчивѣе всякихъ словъ отвѣчало на вопросы, которые онъ ему мысленно задавалъ, а, можетъ быть, еще и другого рода соображенія на него вліяли, такъ или иначе, но, обсудивъ про себя со всѣхъ сторонъ вопросъ, онъ рѣшилъ, что такую недюжинную натуру, какъ Леонтій, слѣдуетъ побережечь, что съ нимъ нельзя поступать такъ, какъ онъ привыкъ поступать съ его братьями и сестрами, и, остановившись передъ нимъ, онъ спросилъ почти мягко:

— Такъ тебѣ, поросенокъ, хотѣлось бы идти по дипломатической части?

— Да, батюшка, но безъ вашей поддержки это невозможно,— смѣло отвѣчалъ юноша.

— Гм... ну, а сколько тебѣ именно нужно, чтобъ сдѣлать карьеру?— отрывисто спросилъ онъ его.— Сообрази,— прибавилъ онъ, строго возвышая голосъ.

— По три тысячи въ годъ на пять лѣтъ, батюшка,— отвѣчалъ безъ запинки сынъ.

— Только-то? — Артемій Васильевичъ ехидно захихикалъ.— И какъ живо высчиталъ! Молодецъ! Увѣренъ, значить, что отказа не будетъ?— продолжалъ онъ издѣваться надъ сыномъ, глядя на него въ упоръ.

— Увѣренъ, батюшка,— вымолвилъ серьезно сынъ, спокойно выдерживая испытующій взглядъ, насквозь пронизывающій ему душу.

— Хорошо. Ты получишь отъ меня пятнадцать тысячъ,— на-

чалъ снова старикъ, отчеканивая каждое слово, точно молоткомъ вбивая его въ голову сына,—но больше не проси. Ни копейки не получишь до моей смерти, слышишь? Что бы съ тобой ни случилось, хоть бы смерть тебѣ грозила,—не дамъ. Самъ вывертывайся, какъ знаешь, а помощи отъ меня не жди. Понимаешь?

— Понимаю, батюшка.

Старикъ опять молча прошелся по комнатѣ.

— Что же ты меня не благодаришь, будущій посланникъ?—спросилъ онъ съ усмѣшкой.

— Жду, чтобъ вы кончили, батюшка.

— Такъ я, по-твоему, не кончилъ еще? Ждешь условьяца, да? Хи, хи, хи! Да ты, какъ я вижу, не глупъ, и съ тобой можно, какъ съ мужчиной, разговаривать. Прекрасно, такъ и будемъ знать. Есть условьяца, птенчикъ, есть, безъ того нельзя...

Не переставая хихикать, онъ весело потиралъ себѣ руки, и маленькіе, косые глаза его сверкали, какъ у кошки, подкарауливавшей добычу, но, невзирая на всѣ эти признаки удовольствія, молчаніе сына смущало его, и приступить къ сущности дѣла ему было, должно быть, затруднительно, потому что онъ медлилъ, выжидая, чтобъ Леонтій заговорилъ. Но онъ этого не дождался и, убѣдившись по выраженію лица своего слушателя, что отъ него нельзя ждать, чтобъ онъ помогъ ему выйти изъ затрудненія, Артемій Васильевичъ подошелъ къ старому бюро изъ розоваго дерева съ инкрустаціей, стоящему въ углу, громко щелкнувъ ключемъ, отперъ его и, порывисто выдвинувъ одинъ изъ многочисленныхъ потайныхъ ящиковъ его, вынулъ оттуда четверо сложенную гербовую бумагу, развернулъ ее, положилъ на столъ, у котораго стоялъ Леонтій, и, указывая на нее пальцемъ, объявилъ сыну съ затаеннымъ волненіемъ:

— Мнѣ вотъ тутъ нужна твоя подпись.

Юноша, не торопясь, взялъ бумагу и сталъ ее читать.

Старикъ вспыхнулъ.

— Ты что же это, щенокъ, провѣрять меня вздумалъ!—вскричалъ онъ визгливо. — Тебѣ подписывать отецъ приказываетъ, не слышишь развѣ?

Но если онъ этимъ окрикомъ надѣялся испугать сына, то расчетъ его оказался невѣрнымъ: нашла коса на камень.

— Я дворянинъ, батюшка, и значеніе письменныхъ обязательствъ мнѣ съ дѣтства извѣстно,—возразилъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ Леонтій, продолжая читать бумагу.

Это было отреченіе отъ правъ на имѣніе его матери, состоявшее изъ земель въ Оренбургской губерніи, пожалованныхъ императрицей Елизаветой ея любимцу, отцу второй супруги Артемія Васильевича, тысячь пятьдесятъ десятинъ съ дремучими лѣсами на протяженіи сотни верстъ.

Старикъ, между тѣмъ, заговорилъ менѣе суровымъ тономъ:

— Ты вотъ какъ! Ну, читай, если тебѣ это кажется нужнымъ. Отойдя отъ стола и снова принимаясь ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, онъ крикнулъ:

— Эй! Яшка! Трубку!

Когда прибѣжавшій на зовъ казачокъ, подавъ барину длинную трубку съ бисернымъ чубукомъ, зажегъ ее и вышель, Артемій Васильевичъ, поглядывая искоса на сына, продолжавшаго вчитываться въ документъ съ такимъ вниманіемъ, точно онъ хотѣлъ выучить его наизусть, заговорилъ прерывисто:

— Нѣмцы подбиваютъ меня въ этихъ дебряхъ заводъ построить... Затѣя эта денегъ пожретъ пропасть... Выгорить, хорошо, ты же въ выгодѣ будешь, а нѣтъ, убытки на всѣхъ поровну разложу... Воля моя, какъ захочу, такъ и будетъ... Умру, все дѣтямъ останется, ничего съ собой не унесу, а только ужъ не прогнѣвайтесь, завѣщаніемъ я всѣхъ удивлю, хи, хи, хи!

Леонтій Артемьевичъ дочиталъ бумагу.

— А какъ же Лиза?— спросилъ онъ, кладя ее на столъ.

— Лиза? Въ свое время и она подпишетъ, не безпокойся.

Старикъ сдѣлалъ паузу, чтобъ подчеркнуть значеніе произнесенныхъ словъ. Но это было лишнее, Леонтій Артемьевичъ успѣлъ ужъ раньше сообразить всю безвыходность положенія, въ которое ставило его несовершеннолѣтіе сестры, и взвѣсить выгоды и невыгоды предлагаемой ему отцомъ комбинаціи.

— А ты мнѣ вотъ что скажи, — продолжать между тѣмъ старикъ, равнодушно отвертываясь отъ стола съ неподписанной еще бумагой и снова принимаясь шагать по комнатѣ: — на кого же ты еще рассчитываешь для карьеры? Однѣми деньгами ничего не сдѣлаешь. Кого за тебя просила покойница?

— Я удостоился счастья быть представленнымъ самому государю въ прошломъ году, — отвѣчалъ юноша, слѣдуя примѣру отца и тоже отходя отъ стола съ документомъ.

— Пхе! А еще на кого рассчитывала для тебя старая корга?

— На князя Александра Николаевича...

Лицо старика исказилось злобнымъ презрѣніемъ.

— Кликуша! Ну, съ такими протекціями далеко не уѣдешь! Къ графу Аракчееву не догадалась подѣхать? *Ei donc, un goujat, mauvais genre*, — передразнилъ онъ прекраснымъ французскимъ акцентомъ свою покойную родственницу. — А я, даромъ что вотъ ужъ скоро двадцать лѣтъ, какъ въ столицы ваши только мимоходомъ заглядываю, понялъ этого *goujat* и подружился съ нимъ. Мало того, — продолжалъ онъ, возвышая голосъ и торжествующимъ взглядомъ окидывая съ ногъ до головы сына, — мнѣ удалось оказать ему услугу, за которую онъ считаетъ себя передо мной въ долгу. Понялъ, поросенокъ?

— Батюшка, — сказалъ Леонтій, — если вы будете столь мило-

стивы, что дадите мнѣ письмо къ графу, я всю мою жизнь посвящу на то, чтобъ доказать вамъ мою преданность...

— Это мы увидимъ.

— Письмо это столько же мнѣ нужно, сколько и деньги...

— Не учи, самъ знаю.

Опять наступило молчаніе. Леонтіи Артемьевичъ подошелъ къ окну и остановился у него въ позѣ, полной почтительной покорности, а старикъ, докуривъ трубку, вернулся къ столу, взялъ бумагу и, пробѣжавъ ее, отрывисто спросилъ:

— Ты еще не подписалъ?

— Батюшка, безъ поддержки графа Александра Андреевича мнѣ и соваться никуда не стоитъ, — объявилъ Леонтіи, не отвѣчая на предложенный ему вопросъ.

Старикъ въ раздумьи пожевалъ губами. Этотъ юнецъ былъ весь въ него, такой же недовѣрчивый и упорный. Его это радовало. Хоть одинъ изъ сыновей поддержитъ честь фамиліи (въ томъ смыслѣ, въ которомъ онъ понималъ эту честь), когда его не будетъ. Можно надѣяться, что этого никто не обойдетъ, что всякій передъ нимъ останется въ дуракахъ, и что состояніе, которое ему достанется, онъ вдесятеро приумножитъ. Одна только бѣда, — красивъ, шельмецъ, какъ бы бабы не оуптали...

Артемій Васильевичъ опустился на кресло передъ столомъ, вынулъ листъ почтовой бумаги и принялся писать. Длилось это долго, съ полчаса, и все время Леонтіи Артемьевичъ оставался все въ той же позѣ у окна, слѣдя задумчивымъ взглядомъ за облачками, скользившими по синему, лѣтнему небу, не проявляя ни любопытства, ни радости, ни нетерпѣнія, ни тревоги. Какъ поразителенъ былъ контрастъ между чувствами, волновавшими эту юную, страстную душу, съ благороднымъ и холоднымъ спокойствіемъ, застывшимъ въ чертахъ красиваго лица, съ глубокими темными глазами, — могъ бы судить только тотъ, кого Леонтіи Артемьевичъ допустилъ бы заглянуть въ свою душу, а такого человѣка на свѣтѣ еще не было.

Не было у него никогда и молодости. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ себя помнилъ, ничего его такъ не забавляло, какъ вводить въ заблужденіе людей относительно его чувствъ и мыслей.

Дописавъ письмо, Артемій Васильевичъ, прежде чѣмъ запечатать его, подалъ его сыну, и пока этотъ послѣдній читалъ, старикъ съ усмѣшкой смотрѣлъ на него. Но въ усмѣшкѣ этой сквозило пропію проглядывала нѣжность, а когда сынъ подписалъ отказную, отецъ такъ расчувствовался, что даже похлопалъ его дружески по плечу.

Въ ту же ночь Леонтіи Артемьевичъ выѣхалъ изъ Коржина съ письмомъ къ всесильному временщику и съ запиской къ подьячему, который велъ всѣ дѣла Артемія Васильевича въ Москвѣ, заключавшей въ себѣ приказъ выплачивать подателю ежегодно, въ теченіе пяти лѣтъ, по три тысячи рублей.

Однако, Леонтіи Артемьевичъ не вполне оправдалъ надежды, возлагаемыя на него отцомъ, и, невзирая на свой умъ и ловкость, надѣлалъ много глупостей, изъ которыхъ самую главною можно было назвать его женитьбу на красавицѣ княжнѣ, въ которую онъ такъ безумно влюбился, что далъ себя надуть, какъ послѣдній дуракъ: за княжной, слывшей богатой невѣстой, кромѣ тряпокъ да фамильныхъ брильянтовъ, не дали ничего. Отецъ ея тратилъ всѣ свои доходы на разныя сумасбродныя затѣи, а сыновья вдалились въ флантропію.

Но случилось такъ, что помѣшать Леонтію Артемьевичу свершить непоправимую ошибку было некому. Единственный человѣкъ, имѣвшій возможность открыть ему глаза, самъ находился въ состояніи умоизступленія отъ страстной любви. Не даромъ говорится, что «сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро»: въ то самое время, когда двадцатилѣтній юноша, полный силъ и здоровья, забывалъ всѣ свои честолюбивые замыслы, чтобъ слѣдовать порыву сердца, въ первый разъ заговорившаго въ немъ громче голоса эгоизма и разсудка, — семидесятилѣтній отецъ его вѣнчался съ четырнадцатилѣтней дѣвочкой, въ которой нашелъ всѣ тѣ прелести, которыя тщетно искалъ всю свою долгую, грѣшную жизнь въ своихъ и чужихъ женахъ и любовницахъ.

Дорого пришлось поплатиться Леонтію Артемьевичу за романтическій порывъ.

За его женой не дали даже и того небольшого имѣнія въ Лужскомъ уѣздѣ, которое ей обѣщано, когда она сдѣлалась невѣстой. Имѣніе это пошло на уплату долговъ, сдѣланныхъ однимъ изъ ея меньшихъ братьевъ.

Между тѣмъ, въ теченіе трехъ лѣтъ, жена подарила Леонтію Артемьевичу двухъ дочерей. Онъ принужденъ былъ отказаться отъ надежды на блестящую карьеру по дипломатической части и ради жалованья поступить на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Способности у него были блестящія, умъ обширный и развитой, работать онъ любилъ, начальство цѣнило и награждало его не въ примѣръ прочимъ, но семья поглощала безъ остатка все его жалованье, а другихъ доходовъ у него не было. О томъ, чтобъ обратиться за помощью къ отцу, послѣ вышеописанной съ нимъ сцены, нечего было и думать, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ не случилось катастрофы, перевернувшей вверхъ дномъ всю внутреннюю жизнь старика; теперь же, при старческой его страсти къ послѣднему ребенку, нельзя даже было разсчитывать на наслѣдство послѣ его смерти. Онъ могъ все передать Куклѣ. Въ какомъ именно положеніи его дѣла, въ чемъ заключается его состояніе, въ точности никому не было извѣстно; знали только, что и денегъ и земель у него много. Знали также, что у него устроены заводы во многихъ имѣніяхъ, что въ Москвѣ, въ Варшавѣ и въ Одессѣ есть у него

лавки съ товарами, высылаемыми ему изъ-за границы, догадывались и о томъ, что онъ не гнушается дѣловыми сношеніями съ людомъ, умѣющимъ всевозможными дозволенными и недозволенными мѣрами превращать копейки въ рубли. Зная все это, наслѣдники его, нѣкоторые изъ нихъ уже состарившіеся въ ожиданіи его смерти, не могли не сокрушаться при мысли, что, можетъ быть, смерть эта ничего имъ не принесеть.

III.

Вотъ въ какихъ отношеніяхъ находились между собой члены Коржинской семьи, когда привезли Машу въ домъ дѣда.

Понятно послѣ этого, что Леонтіи Артемьевичъ не могъ не обрадоваться, когда ему вдругъ посчастливилось черезъ дочку сдѣлать первый шагъ къ сближенію съ отцомъ. Онъ слишкомъ былъ убѣжденъ въ своей ловкости и умѣньѣ пользоваться обстоятельствами, чтобъ сомнѣваться въ важности этой первой удачи и въ томъ, что онъ сумѣетъ сдѣлаться необходимымъ дряхлѣющему старику.

И Леонтіи Артемьевичъ не ошибся въ расчетѣ. Въ ту же зиму онъ получилъ отъ отца письмо съ приказаніемъ немедленно найти ему новую гувернантку для дѣвочекъ, и непременно такую, которая мастерски играла бы на арфѣ, умѣла бы декламировать и обладала бы настоящимъ французскимъ акцентомъ. «Если будетъ знать модные танцы, можешь посулить ей двѣсти рублей лишнихъ, а не найдешь такую, поищи танцмейстера. Поговори съ графомъ Петромъ Ивановичемъ, можетъ, изъ своихъ балетныхъ уступитъ, я бы купилъ, если не очень дорого».

Письмо это было доставлено съ нарочнымъ, которому поручено было отвезти въ Петербургъ ту мамзель, что прожила при Куклѣ болѣе десяти лѣтъ и теперь за негодностью изгонялась.

Прочитавъ письмо, Леонтіи Артемьевичъ позвалъ лакея, дождавшагося его приказаній въ сосѣдней съ кабинетомъ проходной и спросилъ, кто пріѣхалъ изъ Коржина.

— Конюхъ Степанъ-съ.

— Съ мамзелью?

— Мамзель съ вещами онъ у знакомыхъ ейныхъ ссадилъ на Васильевскомъ острову, а самъ порожнякомъ къ намъ пріѣхалъ. Прикажете ему оставаться, или на постоянный ѣхать? Лошадей изъ повозки не распрягали.

— Пусть распряжетъ и остается здѣсь,— отвѣчалъ баринъ.

И заперевъ письмо отца въ ящикъ шифоньерки изъ яблоняго дерева, стоявшей въ одномъ изъ угловъ его просторнаго кабинета, Леонтіи Артемьевичъ прошелъ потайнымъ коридоромъ въ уборную жены.

Онъ засталъ ее въ дезабилье: въ туфляхъ, ночной кофточкѣ и чепцѣ, всю въ слезахъ, а на порогѣ двери въ дѣвичью переминался съ ноги на ногу, комкая въ рукахъ мѣховую шапку, посланецъ изъ Коржина, въ валенкахъ и тулугѣ, подпоясанномъ краснымъ кушакомъ. Отвѣчая на разспросы барыни о дочкѣ, Степанъ не спускалъ съ нея полного добродушнаго участія взгляда.

Красивое лицо Леонтія Артемьевича искажилось брезгливой гримасой.

— Qu'est ce que cet homme fait ici? — спросилъ онъ отрывисто у жены. И, не дожидаясь отвѣта: — Пошелъ въ людскую! — небрежно и не удостоивая его взглядомъ, кинулъ онъ Степану, который, отвѣсивъ низкій поклонъ отвертывающемуся отъ него барину, поспѣшилъ скрыться.

— Léopce, ради Бога, позволь послать за m-lle Virginie, она намъ расскажетъ про нашу бѣдную Машу, — взмолилась прерывающимся отъ слезъ голосомъ Марья Алексѣвна

— Mais vous êtes folle! Эта дура не сумѣла ужиться въ Коржинѣ, угодить батюшкѣ, онъ ее выгналъ и проситъ меня найти ей замѣстительницу, а вы желаете продолжать съ нею знакомство, au risque de mécontenter notre père? Надо быть о двухъ головахъ, чтобъ задумать такую нелѣпость.

— Батюшка не узнаетъ, — попыталась было протестовать бѣдная мать, но ее запальчиво прервали.

— Молчите! Если вы не понимаете интересовъ вашей семьи, не стоитъ съ вами и толковать. Что вамъ успѣлъ наболтать этотъ дуракъ? — прибавилъ онъ, кивая на дверь, у которой за минуту передъ тѣмъ стояла мохнатая фигура Коржинскаго посланца.

— Ничего, я только что хотѣла спросить его про Машу, когда вы вошли... Онъ привезъ намъ отъ нея письмо, прочтите сами.

— Маша глупѣе, чѣмъ я думалъ, — объявилъ Леонтія Артемьевичъ, пробѣжавъ листокъ почтовой бумаги, который подала ему жена. — Писать такія вещи и довѣрять письмо первому встрѣчному хаму! Да за такую неосторожность стоило бы ее высѣчь! И какъ она смѣла! Вѣдь ей было строго приказано не смѣть никому писать безъ позволенія дѣдушки, а это написано и послано безъ его вѣдома. Ваши дѣти не приучены къ послушанію, сударыня, что доказываетъ, что вы не умѣете ихъ воспитывать, — прибавилъ онъ съ холодною строгостью, сдвигая сурово брови. — Чтобъ наказать Мари за своеволие, я запрещаю вамъ ей отвѣчать, я ей самъ напишу.

Марья Алексѣвна не возражала. Она знала, что спорить съ мужемъ, чтобъ заставить его измѣнить разъ принятое имъ рѣшеніе, такъ же бесполезно, какъ пытаться тронуть его просьбами и слезами. Съ щемящей тоской въ сердцѣ смотрѣла она, какъ опускалъ онъ письмо дочери въ боковой карманъ своего халата, не рѣшаясь просить, чтобъ онъ оставилъ ей его хоть на одинъ день, и горько

упрекая себя, что допустила застать себя врасплохъ. Когда ей приобѣжали сказать, что приѣхалъ посланецъ изъ Коржина съ письмами, она, видѣ себя отъ волненія, приказала прислать его къ себѣ и, забывая всякія предосторожности, кинулась прежде всего къ чтенію милыхъ строкъ, начинающихся словами: «*Ma chère maman, c'est à Vous seule que j'écris, pour verser dans Votre coeur de mère mes souffrances*»...

Дальше шло наивное и неумѣлое описаніе мукъ, выносимыхъ дѣвочкой въ холодной и враждебной средѣ, въ которую ее бросили одну, беспомощную и беззащитную, на тиранію жестокой подруги и стараго эгоиста дѣда, во всю свою долгую жизнь не признававшего такихъ чувствъ, какъ жалость и справедливость, забавлявшася ея растерянностью, смущеніемъ и отчаяніемъ, подмѣчавшаго каждый ея вздохъ и слезу, чтобъ поднимать ее на смѣхъ и уничтожать злой ироніей и сарказмами. А инквизиторское преслѣдованіе старой вѣдьмы Демьяновны, дошедшей въ своемъ обожаніи къ своей барышнѣ до такого умоизступленія, что будь ея воля, она съ восторгомъ выколола бы глаза «чужой», чтобъ никто не сравнивалъ ея добраго, чистосердечнаго взгляда съ черными, сверкающими лукавствомъ и злобой глазами ея идола.

О, какъ милъ казался ей теперь отеческій домъ, когда она его сравнивала съ домомъ дѣда! Правда, отецъ былъ строгъ и взыскателенъ, всѣ передъ нимъ трепетали, но мать такъ искусно умѣла заслонять собою дѣтей отъ его раздраженія и гнѣва, что имъ рѣдко отъ него доставалось. Къ тому же, онъ былъ занятъ службой, такъ что въ семьѣ видѣли его только за обѣдомъ. Вечера онъ проводилъ внѣ дома, и ничто не нарушало мирныхъ бесѣдъ семьи въ длинные зимніе вечера за круглымъ столомъ, при свѣтѣ свѣчей въ серебряныхъ подсвѣчникахъ. Дѣвочки работали, мальчики рисовали подъ наблюденіемъ матери, слушая интересные рассказы старой француженки Белькомбъ, или чтеніе назидательной и вмѣстѣ съ тѣмъ забавной книги, которую Марья Алексѣевна вынимала изъ шкапа, когда всѣ усаживались по мѣстамъ, и снова прятала, когда часы звонили десять, и пора было идти спать. Тутъ же, въ уголку сидѣла и старая няня Пахомовна, ковыряя чулокъ и притворяясь, что она понимаетъ чтеніе и разговоры, которые велись пофранцузски.

Что происходило между родителями, когда глава дома, вернувшись домой, входилъ въ спальню, дѣти не могли знать; дѣтская была далеко, на верху, а изъ двора никто не осмѣлился бы въ присутствіи барчагъ отозваться о баринѣ иначе, какъ съ уваженіемъ. Все, что позволяли себѣ люди, это, можетъ быть, слишкомъ часто превозносить доброту и кротость барыни. Но дѣти безъ того знали, что мать ихъ—ангелъ, вся—любовь и ласка. Отецъ же, какъ и подобаетъ быть мужчинѣ, строгъ и взыскателенъ; но онъ работаетъ на семью, ему обязаны всѣмъ, а потому онъ вправѣ требовать, чтобы весь домъ безропотно повиновался ему.

Мать подавала въ этомъ примѣрѣ, а слѣдовать ея примѣру было такое счастье для дѣтей, выше котораго ничего не могло быть на свѣтѣ.

Мать огорчали недоразумѣнія и ссоры между дѣтьми, а потому снисходительность другъ къ другу сдѣлалась для нихъ второю натурой. Она обращалась мягко и ласково съ прислугой, наполнявшей дѣвичью, лакейскую и людскую, и всячески изошрялась смягчать послѣдствія жестокой строгости мужа, — дѣти и въ этомъ ей подражали, такъ что, невзирая на недостаточность средствъ и крутой нравъ отца, Маша привыкла съ дѣтства къ довѣрію, любви и семейнымъ радостямъ.

Ничего подобнаго она въ домѣ дѣда не нашла. Здѣсь все опасались и ненавидѣли другъ друга. Здѣсь царствовали жестокость, злоба и вражда, процвѣтали недовѣріе, клевета и доносы. Здѣсь она въ первый разъ въ жизни поняла, до чего могутъ довести людей алчность и зависть.

Когда, на второй день ея приѣзда, Кукла, нажаловавшись отцу на дѣвчонку, разбившую нечаянно фарфоровую куклу, объявила, что провинившуюся сѣчетъ въ сараѣ Аксентъ, самый жестокій изъ конюховъ, на Машу напалъ такой ужасъ, что она съ радостью убѣжала бы отъ жестокой своей подруги куда глаза глядятъ, въ бѣднѣйшую лагучу на селѣ,—всюду ей было бы легче на душѣ, чѣмъ съ этой дѣвочкой, которой не жалко и не стыдно такъ мучить людей. Но, увы, бѣжать было некуда. Привезли ее сюда для забавы Куклы, и она должна была исполнять свое назначеніе.

Тетя Лиза, единственный свѣтлый лучъ въ этомъ вертепѣ зла, «она очень добра ко мнѣ, но я ее почти не вижу, дѣдушка позволяетъ ей выходить изъ комнаты только къ обѣду»,—писала Маша. Тетя Лиза, улучивъ минуту, когда онѣ были однѣ, сказала ей: «Терпи, Маша, современемъ привыкнешь, а станешь артачиться, хуже будетъ. Молись Богу и помни, что, если дѣдушка тебя полюбитъ, ты этимъ папенькѣ съ маменькой угодишь».

Но Маша чувствовала, что сколько ни старайся, а этого ей не достигнуть. Она такъ боится дѣда, что дѣлается совсѣмъ дурочкой въ его присутствіи, а Кукла окончательно сбиваетъ ее съ толку своими придирками, капризами и злыми выходками. M-lle Virginie отказали отъ мѣста потому, что она приняла въ ней участіе и сказала своей воспитанницѣ, что не мѣшало бы ей брать примѣръ съ новой своей подруги. Кукла пришла въ ярость, и французенкѣ приказано было собираться въ Петербургъ.

Маша воспользовалась этимъ, чтобъ написать письмо матери. Читая его, Марья Алексѣевна вспомнила предостереженіе, посланное ей черезъ невѣстку, графиню Марюу Артемьевну, и стала горько упрекать себя за то, что недовольно энергично протестовала противъ рѣшенія мужа пожертвовать дочерью за имѣніе. Можетъ быть, ей это и удалось бы!

Леонтіѣй Артемьевичъ былъ очень упрямъ и любилъ во всемъ неограниченно проявлять свою волю. Страстная любовь, заставившая его жениться, очертя голову, давно охладѣла, но о перемѣнѣ въ его чувствахъ извѣстно было только ей одной. Ничего онъ такъ не боялся, какъ чтобы въ обществѣ стали его притворно жалѣть или злорадствовать на его счетъ, и потому выставять себя счастливымъ мужемъ вошло у него въ привычку.

Ему это было тѣмъ болѣе легко, что Марья Алексѣевна, невзирая на то, что ей было уже тридцать два года и у нея было пять человѣкъ дѣтей, продолжала слыть одной изъ красивѣйшихъ женщинъ столицы и плѣнять всѣхъ своимъ умомъ, милымъ обхожденіемъ, очаровательными манерами и красотой. Но что еще болѣе возвышало ее въ глазахъ честолюбиваго супруга и удерживало въ границахъ приличія его необузданный нравъ, это милостивое отношеніе къ ней обѣихъ императрицъ, продолжавшихъ принимать ее запросто и всегда ласково съ тѣхъ поръ, какъ по выходѣ замужъ она лишилась права являться при дворѣ въ качествѣ фрейлины.

Разумѣется, Марья Алексѣевна, судя о мужѣ по себѣ, не подозревала настоящихъ причинъ выказываемаго имъ уваженія къ ней.

Въ святомъ своемъ заблужденіи она не замѣчала, что онъ съ лѣтами становится все больше и больше похожъ на отца своею беспощадною брюзгливостью, придирчивостью и полнѣйшимъ презрѣніемъ не только къ слабостямъ, но и къ самымъ естественнымъ душевнымъ потребностямъ своихъ близкихъ. Постепенную перемѣну въ его нравѣ Марья Алексѣевна объясняла себѣ по-своему, приписывая ее служебнымъ неприятностямъ, несправедливости начальства, не умѣннаго цѣнить его заслугъ по достоинству, и невозможности жить такъ, какъ всѣ жили въ томъ обществѣ, къ которому они принадлежали по рожденію и по воспитанію. Къ тому же и семейныя заботы не могли его не раздражать. Благодаря врожденному вкусу и генію экономіи, который она проявляла въ хозяйствѣ, въ домѣ все было прилично, дворня была сыта, дѣти нарядно одѣты, и когда Коржины давали обѣдъ или вечеръ, зоркій глазъ самой подозрительной изъ многочисленныхъ тетюшекъ или кузинъ, не подмѣтилъ бы ничего такого въ сервировкѣ и въ угощеніи, что выдало бы затрудненія хозяевъ свести концы съ концами.

Съ воспитаніемъ дѣтей Марья Алексѣевна тоже справлялась какъ нельзя лучше, и до сихъ поръ оно не стоило Леонтію Артемьевичу ни гроша, а между тѣмъ, какъ мы видѣли на Машѣ, ведено оно было блестящимъ образомъ. Въ задачѣ этой, которая покажется непосильною нынѣшнимъ матерямъ, Марья Алексѣевнѣ помогала одна только мадамъ Велькомбъ, эмигрантка, французенка, жившая въ Россіи съ 1792 года. Она навидалась столько ужасовъ на родинѣ, что не хотѣла больше возвращаться во Францію, гдѣ у нея не осталось ни родныхъ, ни состоянія. Вполнѣ посвятила себя семьѣ, въ

которую ее закинула судьба, и когда воспитанница ея, княжна Марья Лубенская, вышла замужъ за красавца Коржина, она предложила жить у нея въ домѣ за ничтожное жалованье и помогать ей вести хозяйство и воспитывать дѣтей, которыхъ ей Богъ пошлетъ.

Леонтій Артемьевичъ былъ настолько проникателенъ, что согласился на это предложеніе, и ему не пришлось раскаиваться въ своей уступчивости; въ мадамъ Белькомбъ семья его обрѣла кладъ. Благодаря ей, можно было обойтись безъ учителей и гувернантокъ; она все знала и всему умѣла выучить. Но дѣти подрастали; старшему Алексѣю минуло уже пятнадцать лѣтъ и, не считая Маши, которую можно было считать отчасти пристроенной, дома оставалась еще дѣвочка, Соня, двѣнадцати лѣтъ, и Марья Алексѣевна со страхомъ подумывала, что недалеко то время, когда ее надо будетъ вывозить въ свѣтъ, чтобъ выдать замужъ. Мальчиковъ же необходимо было помѣстить въ модный пансіонъ, прежде чѣмъ поступить имъ на службу. Безъ этого, блестящей карьеры имъ не сдѣлать; воспитываясь дома, имъ не приобрести ни связей, ни знанія свѣта.

А гдѣ взять деньги на всѣ эти траты?

Когда Марья Алексѣевна допускала себя задумываться надъ этимъ печальнымъ вопросомъ, на нее нападала тоска, отъ которой она находила облегченіе только въ молитвѣ.

Да и дѣйствительно, что же, кромѣ чуда, могло поправить ихъ положеніе? Уцѣлѣвшая частица состоянія ея отца цѣликомъ ушла на уплату долговъ сыновей, надъ которыми была назначена опека. Это съ ея стороны, а со стороны мужа положеніе казалось еще безнадежнѣе. Взявъ на свое попеченіе ихъ старшую дочь и, уступивъ имъ имѣніе въ Тверской губерніи (не приносившее почти никакого дохода и въ которомъ, за недостаткомъ помѣщенія, нельзя было даже жить лѣтомъ), Артемій Васильевичъ будетъ, безъ сомнѣнія, считать себя до конца жизни свободнымъ отъ всякихъ обязательствъ передъ сыномъ и его семьей, а послѣ его смерти все достанется Куклѣ.

Оставалась служба, полученіе хорошаго, доходнаго мѣста, въ родѣ губернаторскаго. Но, невзирая на таланты и усердіе Леонтія Артемьевича, ему по службѣ не везло. Съ товарищами онъ не сближался, а начальство въ тайнѣ къ нему не благоволило. Первые его побаивались, чуя въ немъ чловѣка, для котораго ничего не стоитъ отстранить ближняго, чтобъ стать на его мѣсто, а начальству претила его шустрость и худо скрываемое превосходство въ понятіяхъ и умѣ.

Вообще, съ нимъ было тяжело и, можетъ быть, безсознательно, но подъ разными предлогами всѣ отъ него отдалялись. У него не было ни друзей, ни покровителей, а только недоброжелатели, всюду мѣшавшіе ему достигнуть цѣли. И онъ приписывалъ это исключительно недостатку денегъ.

— Кабы деньги были, какъ бы я спойлъ и закармлилъ всѣхъ этихъ скотовъ! Всѣхъ бы заставилъ себѣ ноги лизать,—все чаще и чаще думалъ съ скрытымъ раздраженіемъ этотъ съ виду серьезный и всегда спокойный, добродѣтельный отецъ семейства и примѣрный чиновникъ.

Такимъ считали Леонтія Артемьевича не одни посторонніе, а также братья и сестры. Не подозрѣвая его чувствъ къ нимъ, они уважали брата Леонтія, приписывая его отчужденіе отъ нихъ его благородной гордости и любви къ независимости.

А онъ ихъ ненавидѣлъ и презиралъ больше, чѣмъ чужихъ. Всѣ они, по его мнѣнію, пользовались незаслуженнымъ счастьемъ, сумѣли устроиться и были довольны своимъ положеніемъ, а между тѣмъ они были самые обыкновенные люди, съ ограниченнымъ умомъ и дюжинными способностями, тогда какъ онъ, связанный судьбой по рукамъ и по ногамъ, чувствовалъ въ себѣ силу перевернуть вселенную.

Ему стукнуло тридцать шесть лѣтъ. Первая его молодость миновала, пройдя безвозвратно въ лишеніяхъ и въ борьбѣ съ страстями. Правда, онъ вышелъ изъ нея побѣдителемъ, но какой цѣной—зналъ только одинъ Богъ. Самъ же онъ и не сознавалъ, какъ зависть и бессильная злоба изсушили въ немъ сердце; ему все еще казалось, что онъ способенъ любить, и что онъ былъ бы вполне счастливъ, еслибъ ему было дано насладиться досыта благами жизни, недоступными лишь потому, что ему не на что ихъ купить, и при мысли, что, по всей вѣроятности, онъ всегда будетъ бѣденъ, а если и разбогатѣетъ, то поздно, когда будетъ старъ и дряхлъ, — при одной этой мысли онъ приходилъ въ ярость, тѣмъ болѣе ужасную и растлѣвающую въ немъ духовнаго человѣка, что онъ таилъ ее въ глубинѣ своей души, ни съ кѣмъ въ мірѣ не дѣлясь своими чувствами. Одно только и радовало его и помогало ему сносить бремя жизни: это—увѣренность, что никому неизвѣстно то, что происходитъ въ его сердцѣ, и что ему удастся держать всѣхъ въ заблужденіи на счетъ своихъ мыслей и чувствъ.

И вдругъ произошла та перемѣна въ его судьбѣ, на которую онъ пересталъ ужъ надѣяться; не прошло и двухъ дней послѣ пріѣзда перваго посланца изъ Коржина съ изгнанной гувернанткой, какъ явился другой съ извѣстіемъ, что старый баринъ при смерти и требуетъ къ себѣ Леонтія Артемьевича.

Въ ту же ночь Марья Алексѣевна проводила мужа въ дальній путь, а черезъ три недѣли она получила отъ него письмо, въ которомъ онъ ее увѣдомлялъ, что батюшка скончался, оставивъ Куклѣ большую часть состоянія, «все, что можно было ей оставить по закону», и поручилъ надъ нею опеку ему, Леонтію Артемьевичу.

Дальше мужъ приказывалъ ей все приготовить для ихъ пріѣзда и подробно описывалъ, какія надо уступить въ домѣ комнаты богатой наслѣдницѣ, какую мебелью ихъ убирать, и тому подобное.

Какъ ни привыкла Марья Алексѣевна къ странностямъ мужа, но приказанія эти немного удивили ее. Катѣ не было еще четырнадцати лѣтъ, для чего же было держать ее особнякомъ отъ прочихъ дѣтей и приучать съ дѣтства къ роскоши? Не лучше ли было бы воспитывать ее наравнѣ съ ея сверстниками и сверстницами? Въ письмѣ мужа упоминалось о помѣщеніи для ея гувернантки и для ея людей, точно дѣло шло о принцессѣ крови, которую во всемъ слѣдовало отличать отъ обыкновенныхъ смертныхъ.

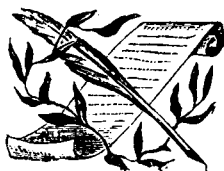
У этой милой женщины, не знавшей до тѣхъ поръ ни зависти, ни злобы, зашевелилась въ сердцѣ обида за своихъ дѣтей. Она спрашивала себя съ недоумѣніемъ: чѣмъ они хуже того ребенка?

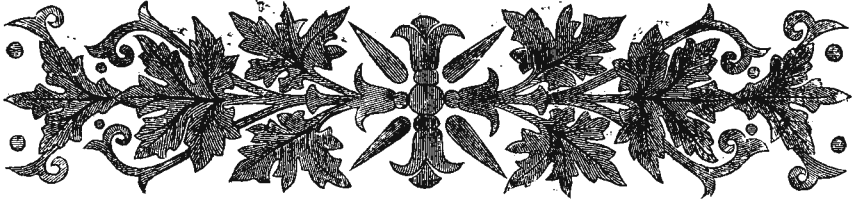
И въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ она была замужемъ, бывшая княжна Лубенская задумалась надъ значеніемъ, которое мужъ ея придавалъ всегда деньгамъ, и назвала про себя значеніе это безнравственнымъ.

Тѣмъ не менѣе ей и въ голову не приходило послушаться его приказаній, и она исполнила ихъ въ точности.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БАРОНЕССЫ М. П. ФРЕДЕРИКСЪ.

(Посвящается другу дѣтства Его Императорскому Высочеству
Великому Князю Михаилу Николаевичу).

ИШУ свои «воспоминанія», считая какъ бы нравственнымъ долгомъ своимъ оставить послѣ себя точное и правдивое описаніе царской семьи прошлаго времени, которой мое семейство и я сама обязаны всѣмъ. Такъ какъ въ настоящее время уже много начинаютъ говорить въ печати о незабвенныхъ нашихъ въ Бозѣ почившихъ императорѣ Николаѣ Павловичѣ и императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, память о которыхъ такъ живо еще представляется въ сердцѣ каждаго изъ тѣхъ лицъ, которыя ихъ близко знали

и искренно любили, но которыхъ, увы! уже весьма немного остается на свѣтѣ,—мнѣ пришла мысль теперь же ознакомить публику, интересующуюся прошлымъ, съ семейнымъ бытомъ императора Николая I и его августѣйшей супруги, императрицы Александры Феодоровны—этой необыкновенной по милости и добротѣ своей государыни, представляющей дѣйствительно нѣчто выходящее изъ ряда вонъ и которую новыя поколѣнія совсѣмъ не знаютъ и совершенно ложно судятъ о ней, по фальшивымъ розказнямъ, появляющимся иногда на ея счетъ. А кому, какъ не мнѣ, хорошо знать семейный бытъ царской семьи того времени и отношенія ея къ окружающимъ лицамъ,—мнѣ, которой Богъ привелъ съ самаго ранняго дѣтства до кончины государыни быть постоянною свидѣтельницей и, если смѣю выразиться, участницей, по ея милости, жизни нашей царской семьи,—мнѣ, про которую говорили, что «Маша росла на скамеечкѣ у ногъ им-

ператрицы!» Семейство мое было въ исключительномъ положеніи при дворѣ императора Николая I и императрицы Александры Феодоровны, какъ увидать дальше; мнѣ придется о себѣ много говорить — можетъ показаться нескромнымъ съ моей стороны писать столько о себѣ еще при жизни, но я не могу измѣнить теченія обстоятельствъ, и при томъ еще я должна просить снисхожденія у читателей моихъ «записокъ»: я не писательница и никогда не имѣла претензіи быть оной—хочу только изложить простой, но вполне правдивый рассказъ того, что знаю, и подѣлиться тѣмъ, что такъ близко моему сердцу и можетъ заинтересовать многихъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Сегодня 14 декабря 1883 года. Число это всегда пробуждаетъ во мнѣ много, много воспоминаній о прошломъ! Въ дѣтствѣ я часто слышала подробные рассказы объ этомъ страшномъ въ то время для Россіи днѣ.

Отецъ мой, баронъ Петръ Андреевичъ Фредериксъ, командовалъ въ 1825 году лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ, который, какъ извѣстно, взбунтовался противъ воцаренія императора Николая I, и отецъ мой былъ почти первою жертвою своей преданности царю! Взбунтовавшіеся офицеры, которые въ ночь съ 13 на 14 декабря ложно присягали императору Николаю и тѣмъ обманули своего командира, хотѣли его убить въ началѣ мятежа.

Утромъ, 14 декабря, только-что отецъ вышелъ за ворота московскихъ казармъ, гдѣ онъ жилъ съ своимъ семействомъ, къ нему выбѣжалъ на встрѣчу съ обнаженной саблей офицеръ Щепинъ-Ростовскій и, махая саблей передъ лицомъ отца, кричалъ ему: «за царя Константина, за царя Константина!». Затѣмъ онъ нанесъ отцу страшную рану въ черепъ. Когда отецъ упалъ окровавленный, то подбѣжалъ къ нему другой офицеръ, Бестужевъ, и хотѣлъ покончить съ отцемъ, приставивъ ему пистолетъ въ упоръ, но пистолетъ осѣкся; Бестужевъ схватилъ другой, но и тотъ не далъ выстрѣла... Оказалось впоследствии, что денщикъ отца моего, Михайло Кузьминъ, спускаясь рано утромъ по лѣстницѣ, замѣтилъ съ удивленіемъ два пистолета, лежащіе на окнѣ; осмотрѣвъ ихъ, онъ увидаль, что они заряжены. Не долго думая, онъ взялъ и разрядилъ ихъ, положивъ опять на мѣсто, и тѣмъ былъ невольнымъ спасителемъ жизни моего отца. Этотъ человекъ потомъ всегда у насъ служилъ, а когда устроивали дворъ великой княжны Маріи Николаевны для ея свадьбы съ герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ въ 1840 году, то Кузьминъ былъ взятъ къ ея двору ѣздовымъ и служилъ при ней

до своей смерти. Отецъ мой былъ поднятъ замертво и отнесенъ къ себѣ. Онъ всю жизнь страдалъ отъ этой тяжелой раны въ голову.

Мать моя въ то время лежала больная; легко можно себѣ представить, каковъ былъ ея испугъ, когда внесли истекающаго кровью мужа, выпедшаго за нѣсколько минутъ до того изъ дома совершенно здоровымъ.

Описываю это событіе со словъ отца и матери, по воспоминаніямъ, потому что сама я въ то время еще не была на свѣтѣ, но знаю, что это несчастіе, бунтъ Московскаго полка, легло тяжелымъ ярмомъ на всю жизнь отца. Ни милости, ни почести не могли его утѣшить и заставить забыть это ужасное событіе.

II.

Въ настоящую минуту (1883 г.) я сижу передъ портретомъ нашего незабвеннаго императора Николая Павловича, и много думъ роится въ головѣ моей. Какъ много несправедливаго и ложнаго было пущено въ свѣтъ о немъ послѣ смерти этого исполина могущества и славы, который такъ любилъ Россію!

Ненависть къ памяти императора Николая была особенно ощутительна въ первые годы царствованія его сына. Преданнымъ покойному государю людямъ нельзя было назвать его безъ того, чтобъ не вызвать тяжелыхъ для преданности словъ. Противъ него кричали, его бранили всячески, выставляя какимъ-то страшилищемъ, о которомъ будущія поколѣнія и исторія могутъ вообразить себѣ, что дѣйствительно онъ былъ какое-то грозное, нечеловѣчное явленіе. Теперь эта злоба начинаетъ укрощаться, а современемъ можно быть вполне увѣреннымъ, что императору Николаю I отдадутъ полную справедливость: иначе и не можетъ быть. Но тогда, при восходящемъ солнцѣ, думали повравиться, услужить этой ненавистью къ закатившемуся на вѣкъ великому, могущественному свѣтилѣ! Сильно ошибались люди, высказывавшіе подобныя мысли. Нашъ добрый, кроткій царь-мученикъ любилъ своего отца, умѣлъ ему отдавать справедливость и свято чтить его память. Къ несчастію, слабость его характера не давала ему той силы и могущества, которыя такъ нужны были при всѣхъ великихъ преобразованіяхъ Россіи, выпавшихъ на его долю.

III.

Не стану распространяться о политической дѣятельности императора Николая I; во время его царствованія я была еще слишкомъ молода, чтобъ судить о правильномъ или неправильномъ веденіи имъ государственныхъ дѣлъ. Знаю только одно, что при

жизни Николая Павловича Россія высоко стояла. Онъ умѣлъ сохранить обаянiе, которое она имѣла до него, и своимъ рыцарскимъ, твердымъ, неустрашимымъ характеромъ прибавилъ ей еще бѣльшую славу. Всѣ передъ нимъ и передъ ней преклонялись! Одно его могущественное слово или взглядъ заставляли молчать и покоряться всякаго виѣшняго врага Россiи или внутренняго злоумышленника, желавшаго смуты своего отечества. На это возражать мнѣ всегдашнимъ обвиненiемъ, возводимымъ на него, что своею неимовѣрною строгостiю онъ задерживалъ развитiе Россiи и запугивалъ благонамѣренныхъ людей, желавшихъ распространить въ ней образованiе. Дѣйствительно, Николай Павловичъ былъ строгъ въ своихъ воззрѣнiяхъ, но нельзя не отдать ему справедливости, что онъ глубоко изучилъ и любилъ свой народъ; онъ зналъ по опыту, что внезапное, насилуемое развитiе не можетъ вдругъ проникнуть и утвердиться, а останется однимъ призракомъ того, что бы должно быть. Онъ зналъ, что народъ его еще слишкомъ молодъ и неопытенъ, чтобъ быть предоставленнымъ самому себѣ и ходить безъ помочей; онъ зналъ, что развитiе и образованiе еще далеко не проникли не только въ низшiй слой братiи, о томъ и говорить нечего, а что и въ интеллигентномъ кругу они только поверхностны, и что развитiе и образованiе только тогда могутъ распространиться, когда они утвердятся правильно въ высшемъ сословiи, изъ котораго они, безусловно, должны истекать, служа примѣромъ простолюдину. Онъ зналъ, что съ нашей врожденной необузданностью и неустойчивостью нужно еще долго и много бороться, а побороть ихъ можно только силой и твердостью, и то мало-по-малу; онъ зналъ, что, по нраву русскаго человѣка, строгость для него полезнѣе распушенности, которая къ добру не ведетъ.

Что императоръ Николай I былъ правъ въ то время, это видно изъ того, что произошло послѣ него.

Когда по смерти нашего мудраго царя повѣяло слабостью и распушенностью, всѣ вздохнули и обрадовались, воображая себѣ, что, сдѣлавшись самостоятельными, мы со дня на день будемъ всѣ и образованны. Дали намъ и свободу мысли, и свободу дѣйствiй, и свободу печати; словомъ бросились на все разомъ, думая этимъ ускорить развитiе Россiи. Бѣшенный потокъ этотъ, которому была внезапно открыта преграда и дана полнѣйшая воля, понятно, вырвался изъ своихъ предѣловъ быстро и жестоко; сгоряча онъ сталъ все ломать, все тащить за собою, и, въ концѣ концовъ, что же вышло изъ этого всего?... горестъ изуродованныхъ нравственно выродковъ, которые поставили себѣ задачей, подъ предлогомъ преданности отечеству, измѣнить весь строй Россiи, возстановлять народъ (но, слава Богу, въ этомъ отношенiи народъ нашъ великъ и твердъ — ничто не поколеблетъ его вѣры и преданности царю) противъ своего родного царя, возбуждать безпорядки и смуты, для

своей собственной пользы, чтобъ потомъ удить рыбу въ мутной водѣ!... И что же они сдѣлали, эти изверги, своей мнимой, уродливой любовью къ отечеству?... Они наложили на Россію такое гнусное, звѣрское пятно, которое никогда ничѣмъ не смоеется со страницъ ея исторіи XIX вѣка, уничтоживъ мученическою смертію именно того, отъ котораго они все получили, продолжая преслѣдовать своими отвратительными замыслами и его потомство... Вотъ къ чему повело до сихъ поръ наше ускоренное образованіе 60-хъ годовъ!...

IV.

Императоръ Николай былъ жестоко обманутъ своими окружающими. Это тоже одинъ изъ упрековъ, взводимый на его память. Но если эти окружающіе его, довѣренные люди, несмотря на его суровость и твердую волю, не хотѣли исполнять то, что онъ повѣлялъ,—виновать ли въ этомъ онъ?...

Есть несчастная черта въ нашемъ характерѣ, замѣтная въ низшемъ, какъ и въ высшемъ сословіи: всегда быть врагомъ и стараться обмануть старшаго себѣ. Эта черта находится и въ старыхъ, и въ малыхъ, и въ простыхъ, и въ высокопоставленныхъ лицахъ, конечно, не безъ исключенія. За глазами старшаго осуждаютъ, обманываютъ, а въ глазахъ раболѣпствуютъ и льстятъ. Упрекаютъ Николая Павловича и въ томъ, будто страхъ, внушаемый его суровостью, породилъ эти чувства и заставлялъ обманывать его. Нѣтъ, это несправедливо; эти двѣ черты существуютъ, къ сожалѣнію, въ нашей крови русской. Доказательствомъ тому служитъ царствованіе Александра Николаевича; на что ужъ оно было мягко и, можно сказать, задушевно; кажется, всякій страхъ могъ бы быть позабытъ, а съ нимъ обманъ и лесть. Отчего же эти два чувства не исчезли, а, быть можетъ, еще сильнѣе высказывались? Оба наши незабвенные императора впали въ одну и ту же ошибку. Николай I судилъ по своему рыцарскому, несравнимому ни съ чѣмъ благородству души окружающихъ его; Александръ II видѣлъ во всѣхъ свою ангельскую, сердечную доброту и честность. Оба они жестоко поплатились за эту ошибку.

Несмотря на все, исполинская, могучая сила императора Николая I-го дала себя еще долго чувствовать послѣ его исчезновенія съ лица земли.

Когда исполнилось то великое событіе на Руси, которое такъ осчастливило ее и обезсмертило имя Александра II-го, царя-освободителя, не изумилась ли вся Европа, что этотъ громадный поворотъ на землѣ нашей не произвелъ не только революціи, но даже ни малѣйшей смуты... Спрашивается, отчего этотъ переворотъ такъ мирно и спокойно произошелъ у насъ? Оттого, что народъ былъ еще подъ вліяніемъ мудрой строгости императора Николая I-го.

19-го февраля 1861-го года еще не далеко ушло—вліяніе этого могущества еще существовало во всѣхъ слояхъ общества. Если строго и справедливо обсудить этотъ вопросъ, нельзя не сказать, что Николай I-й—одинъ онъ—подготовилъ эту удивительную покорность въ минуту такого громаднаго переворота, въ которомъ ни одинъ народъ въ мірѣ не оставался такъ спокоенъ.

Не слѣдуетъ заключить изъ всего сказаннаго мною выше, что я—противница императора Александра Николаевича. Напротивъ, я одно изъ тѣхъ лицъ, которыя были ему преданы всѣмъ своимъ существомъ. Да развѣ можно было его не любить и не преклоняться предъ всѣми великими преобразованиями, выпавшими на его долю и наполнившими его великое царствованіе! Сверхъ того, его сердечная доброта была столь привлекательна. Но, увы, его чрезмѣрная мягкость и уступчивость привели къ тяжелымъ послѣдствіямъ какъ во внутреннемъ положеніи страны, такъ и во внѣшней политикѣ.

Если бы императоръ Николай I-й былъ окруженъ такими же честными людьми, какъ онъ самъ, искренно преданными своему отечеству и дѣлу, то величественное царствованіе его не затмилось бы къ концу тѣмъ грустнымъ и тяжелымъ событіемъ, которое его преждевременно свело въ могилу. Но, увы, такихъ честныхъ и благородныхъ людей, забывающихъ себя ради пользы отечества, мало родится на Руси; ихъ все ищутъ, ожидаютъ, но тщетно. Мнѣ на это скажутъ: «они есть, но не показываются»... Ахъ, Боже мой, зачѣмъ же они скрываются такъ долго?! Можно полагать и быть увѣреннымъ, что ни одинъ царственный вожьдъ Россіи не отказался бы ихъ принять, да еще съ распростертыми объятіями...

...Но я отдалилась отъ своей задачи и вдалась именно въ то, чего хотѣла избѣгнуть.

Моя цѣль состоитъ только въ томъ, чтобы описать домашнюю, семейную жизнь императора Николая I-го и доказать, какой онъ былъ мягкій и добрый человѣкъ въ обыденной жизни, несмотря на всю его суровость. Мнѣ приходится слышать такіе возмутительно ложные рассказы и отвѣчать на такіе нелѣпые вопросы обо всемъ царскомъ семействѣ, что сердце обливается кровью. Наша царская семья, при жизни императора Николая Павловича и его супруги императрицы Александры Ѳеодоровны, представляла явленіе такого счастья и добродѣтели, которыя я впослѣдствіи рѣдко встрѣчала. Примѣръ этой семьи послужилъ мнѣ на всю жизнь.

V.

Чтобъ уяснить мою близость къ императорской фамиліи, мнѣ нужно сказать нѣсколько словъ о моемъ собственномъ семействѣ.

Мать моя, статсъ-дама, баронесса Цецилія Владиславовна Фредериксъ, рожденная графиня Гуровская, была внучкой, по своей матери,

извѣстнаго прусскаго фельдмаршала — графа фонъ-Бишофсфердеръ, родилась 24 октября (5 ноября) 1794-го года и воспитывалась съ самыхъ юныхъ лѣтъ, при прусскомъ дворѣ, въ семьѣ короля Фридриха-Вильгельма III-го и супруги его королевы Луизы, съ дочерью ихъ принцессою Шарлотой, впоследствии императрицей всероссійской Александрой Ѳеодоровной. Онѣ были связаны самой нѣжной дружбой, которая не измѣнилась до ихъ смерти. Дружба эта была до того велика, что не проходило дня, до ихъ преклонныхъ лѣтъ, чтобы императрица съ матерью моею не видались; а если что либо помѣшаетъ ихъ свиданью, разлука, или болѣзнь той и другой въ въ одно время (потому что, если, напримѣръ, матушка моя была нездорова, то императрица сейчасъ же прѣѣзжала къ ней), тогда онѣ другъ другу писали хоть нѣсколько словъ каждый день. Онѣ дали себѣ это обѣщаніе при ихъ первой разлукѣ въ 1807-мъ году, когда прусскій королевскій домъ бѣжалъ отъ Наполеона I-го, а мать моя оставалась въ Берлинѣ у своей тетки графини Бишофсфердеръ, которая была статсъ-дамой королевы Луизы. Это обѣщаніе, данное въ такіе юные годы, обѣ подружки свято исполняли до старости лѣтъ. Дружбу такую, признаюсь, я никогда не встрѣчала больше; она — рѣдкое и очень замѣчательное явленіе.

Провидѣнію угодно было, чтобы эти двѣ подружки и въ замужествѣ не разстались, и отечество свое промѣняли на одно и то же... Мать моя, въ 1814-мъ году, поѣхала навѣстить свою матушку, проживавшую въ то время въ Бреславлѣ, и тамъ встрѣтила случайно молодого русскаго офицера — барона Петра Андреевича Фредерикса, жившаго у ея матери и лѣчившагося отъ раны, полученной подъ Кульмомъ. Молодые люди другъ другу понравились и въ тотъ же годъ были обвѣнчаны при дворѣ прусскаго короля, въ дворцовой капеллѣ Шарлотенбурга, послѣ чего уѣхали въ Петербургъ. Это было за три года до прѣѣзда принцессы Шарлоты въ Россію — въ 1817-мъ году, невѣстой великаго князя Николая Павловича.

При торжественномъ вѣздѣ принцессы Шарлоты въ новое отечество, такъ какъ мать моя не имѣла официальнаго прѣѣзда къ высочайшему двору, по невысокому еще чину мужа, то императоръ Александръ Павловичъ, движимый всегда своимъ добрымъ и любящимъ сердцемъ, устроилъ такъ: онъ поставилъ матушку мою въ оконную амбразуру церковной галлерей Павловскаго дворца, по которой слѣдовало шествіе прямо въ церковь, дабы принцесса Шарлота, при первомъ своемъ шагѣ подъ кровъ своей новой семьи, имѣла сюрпризъ и удовольствіе увидать свою подружку дѣтства. Принцесса Шарлота была этимъ глубоко тронута и обрадована. Въ преклонныхъ лѣтахъ, уже вдовою, императрица Александра Ѳеодоровна любила вспоминать объ этомъ сердечномъ вниманіи императора Александра I-го и не разъ мнѣ о немъ говорила. Итакъ, по прибытіи принцессы Шарлоты въ Россію и замужествѣ ея, обѣ

подруги дѣтства были опять соединены въ своемъ новомъ отечествѣ и уже не разлучались надолго, въ теченіе 34-хъ лѣтъ. Повторяю, это была рѣдкая дружба, отличавшаяся вѣрностью и преданностью съ обѣихъ сторонъ. Правда, что эти двѣ женщины были замѣчательны своимъ любящимъ сердцемъ и многимъ другимъ, каждая въ своемъ родѣ.

Рожденіе дѣтей въ царской и нашей семьяхъ совпадало болѣе или менѣе въ одно и то же время, такъ что старшія сестры и братья мои были ровесниками и друзьями великаго князя Александра Николаевича и великихъ княженъ Маріи и Ольги Николаевнъ. Одна изъ сестеръ моихъ, Софія Петровна, приходясь ровней по лѣтамъ, воспиталась съ великой княжной Александрой Николаевной. Братъ мой, Сергѣй, былъ взятъ совсѣмъ въ царскую семью съ малолѣтства и воспитывался съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, совсѣмъ наравнѣ—спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ и имѣлъ всѣ права семейныхъ отношеній въ царской фамилии; былъ одинаково одѣтъ съ великимъ княземъ, ходилъ послѣ уроковъ съ нимъ показывать свои балы государю и т. д., словомъ былъ какъ сынъ ихъ величествовъ и братъ ихъ высочествовъ. Его всѣ очень любили. Серѣжа—это былъ «enfant gâté» (балованный ребенокъ) двора. И что же это былъ за прелестный мальчикъ! По воскресеніямъ онъ отпускаясь домой, и тогда это былъ большой праздникъ для насъ; особенно я питала къ этому брату нѣжнѣйшую любовь, онъ и подходилъ тоже больше всѣхъ къ моимъ лѣтамъ. Родился онъ полтора мѣсяца послѣ событія 14-го декабря 1825-го года. Увы, Господь его рано отозвалъ отъ насъ. Я же, какъ младшая въ семействѣ, была подругой дѣтства великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей; съ послѣднимъ мы совсѣмъ однихъ лѣтъ; онъ только шестью недѣлями старше меня. До семи лѣтъ я была съ ними неразлучна, но когда они перешли въ мужскія руки, меня, конечно, пришлось немного отдѣлять отъ нихъ. Помню, что я была крайне огорчена и обижена этимъ новымъ распоряженіемъ нашихъ матерей, не понимая, почему я не могу оставаться попрежнему съ моими двумя друзьями. Впрочемъ, я продолжала быть много съ ними, и до сихъ поръ наши отношенія не перемѣнились; мы попрежнему совсѣмъ на дружеской, товарищеской ногѣ (1883 г.). Что было трогательно, это отношенія царскихъ дѣтей къ подругѣ ихъ матери: они ее любили и почитали, какъ вторую мать, и относились къ ней со всѣми своими радостями и горестями; а если кто изъ нихъ бывало въ дѣтствѣ напалитъ и подвергнется неудовольствію или выговору ихъ родителей, они сейчасъ бегутъ къ «Cecile», какъ они называли матушку, и не разъ ей приходилось выручать когонибудь изъ нихъ изъ бѣды. Особенно часто приходилось моей матери заступаться за Константина Николаевича; онъ съ дѣтства выказывалъ высокій умъ, глубокую доброту сердца и неимовѣрную любознатель-

ность, но былъ очень пылокъ характеромъ, рѣшителенъ и своеправенъ, такъ что къ нему относились всегда гораздо строже, чѣмъ къ другимъ его братьямъ и сестрамъ, и, не будь сказано въ укоръ ихъ августѣйшимъ родителямъ,—иногда несправедливо. Онъ съ юныхъ лѣтъ былъ, что называется, козломъ отпущенія за всѣхъ, и на него все обрушивалось. Въ дѣтствѣ и юности, конечно, это были только пустяки, и тогда мать моя всегда приходила ему на помощь и возстановляла истину, когда его напрасно обвиняли. Увы, позже онъ сталъ тоже козломъ отпущенія всего дурного, что случалось на Руси. Все приписывали ему, когда онъ былъ не виноватъ ни тѣломъ ни душой. Есть такіе несчастные люди на свѣтѣ! А какъ Константинъ Николаевичъ страдалъ отъ этого!—причиною тому были, какъ и въ дѣтствѣ, его пылкій умъ и нравъ, а главное его откровенность, которая часто была облечена въ грубую форму, чѣмъ онъ навивалъ себѣ много враговъ.

Для насъ же всѣхъ, дѣтей своей подруги, императрица Александра Ѳеодоровна была второю матерью и благодѣтельницею нашего семейства.

VI.

Отецъ мой родился въ Петербургѣ и воспитывался въ 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, въ то время, когда главнымъ начальникомъ всѣхъ кадетскихъ корпусовъ былъ князь Платонъ Александровичъ Зубовъ. Помню, какъ отецъ рассказывалъ, что вечеромъ, наканунѣ смерти императора Павла I-го, будучи дежурнымъ кадетомъ, отецъ мой пришелъ съ рапортомъ къ Зубову и, войдя въ комнату, засталъ князя сидящимъ передъ каминомъ и упорно смотрѣвшимъ въ пылающій огонь. Зубовъ до того былъ занятъ своей глубокой думой, что не слышалъ рапорта вошедшаго въ комнату дежурнаго и долго оставался неподвижнымъ и блѣднымъ, какъ смерть.

На одномъ парадѣ отецъ мой, бывшій портупей-юнкеромъ, держалъ знамя, которое сильно дувшій вѣтеръ вырывалъ изъ рукъ, но молодой человекъ, хотя и съ большимъ трудомъ, удерживалъ его. Это было замѣчено императоромъ Александромъ I-мъ, и съ этого дня государь сталъ къ моему отцу очень милостивъ, даже призывалъ его къ себѣ въ кабинетъ и разговаривалъ съ нимъ, какъ это въ то время было принято, чтобъ узнавать поближе людей и давать хорошіе совѣты юношеству. Впослѣдствіи, государь назначилъ отца моего адъютантомъ къ своему брату, великому князю Николаю Павловичу¹⁾. Отецъ мой передъ этимъ назначеніемъ только что женился на графинѣ Гуровской, какъ было сказано, и императоръ Александръ Павловичъ объявилъ ему, что будетъ воспріемни-

¹⁾ Баронъ Петръ Андреевичъ Фредериксъ и Петръ Андреевичъ Клейнмихель, впослѣдствіи графъ, были первые адъютанты великаго князя Николая Павловича.

комъ всѣхъ его дѣтей, такъ что сестры и братья мои всѣ были крестниками Александра Павловича, за исключеніемъ брата Сергѣя, родившагося, какъ сказано выше, въ 1825-мъ году, и меня, родившейся въ 1832-мъ году; нашимъ крестнымъ отцемъ уже былъ императоръ Николай I-й.

Родители мои боготворили императора Александра Павловича и глубоко чтили его память.

VII.

Въ званіи адъютанта, отецъ мой сопровождалъ великаго князя Николая Павловича, когда онъ отправился въ Берлинъ за своей невѣстой, принцессой Шарлотой Прусской. Помню, какъ отецъ рассказывалъ, до чего всѣ русскіе были восхищены этой «богиней красоты и граціи», какъ онъ выражался, когда она явилась взорамъ свиты своего августѣйшаго жениха. Хотя отецъ мой и видалъ ее прежде, во время своей свадьбы, въ Шарлотенбургѣ, но тогда красота ея еще не развилась въ полной мѣрѣ.

Когда у великаго князя Николая Павловича и у великой княгини Александры Ѳеодоровны родился ихъ первенецъ, великій князь Александръ Николаевичъ, нашъ будущій царь освободитель-мученикъ, въ Москвѣ 17-го апрѣля 1818 года, то отецъ мой былъ посланъ въ Берлинъ съ этимъ радостнымъ извѣстіемъ и удостоился подходить къ кровати и цѣловать руку августѣйшей родильницы въ первыя же минуты рожденія малютки, чтобъ быть свидѣтелемъ состоянія здоровья молодой матери и ея новорожденного сына, дабы сообщить объ ономъ ея царственному отцу.

При восшествіи на престолъ императора Николая I-го отецъ мой былъ пожалованъ въ генераль-адъютанты и командовалъ лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ, какъ я уже говорила. Послѣ же полученной имъ раны въ голову 14-го декабря 1825 года онъ принужденъ былъ выйти въ отставку, потому что долго и страшно страдалъ отъ этой раны; съ нимъ случались припадки, доходившіе почти до сумасшествія. Тогда онъ купилъ имѣніе въ Финляндіи «Ленакилла» и поселился тамъ со всѣмъ своимъ семействомъ, страдая жестоко нравственно и физически. Спокойствіе и хорошій деревенскій воздухъ подѣйствовали на него благотворно, такъ что онъ поправился здоровьемъ.

Когда разразилась холера у насъ въ 1831 году, государь Николай Павловичъ и императрица Александра Ѳеодоровна, безпокоясь объ участи моихъ родителей и ихъ семейства, въ глуши Выборгской губерніи, безъ всякой медицинской помощи въ случаѣ заболѣванія, выслали за нами пароходъ въ Систербекъ, чтобы, минуя Петербургъ, гдѣ холера уже сильно свирѣпствовала, перевезти насъ прямо въ Петергофъ, куда переѣхала императорская фамилія.

Такъ какъ здоровье отца моего настолько поправилось, что позволяло ему опять принять службу, государь пожаловалъ его въ шталмейстры высочайшаго двора. Все это я знаю по рассказамъ императрицы Александры Теодоровны и покойныхъ родителей моихъ, потому что я тогда еще не существовала.

Въ Петербургѣ, первое время, мои родители жили на Большой Морской, въ домѣ Митусова—тамъ я и родилась. Въ настоящее время (1883 г.) на томъ самомъ мѣстѣ стоитъ домъ министерства государственныхъ имуществъ. Я потому упоминаю этотъ фактъ, что, по странному стеченію обстоятельствъ, на этомъ самомъ мѣстѣ моего рожденія въ 1832-мъ году, ровно 35 лѣтъ спустя—въ 1867-мъ году, открытъ мною первый существующій въ Россіи складъ ея императорскаго величества—дамскаго комитета Россійскаго общества краснаго креста. Я была избрана предсѣдательницей этого комитета, который и помѣщался въ домѣ министерства государственныхъ имуществъ. Общество краснаго креста было основано въ Россіи Марей Степановной Сабининой, лейбъ-медикомъ Карелемъ и мной, 14-го декабря 1866 года, подъ высочайшимъ покровительствомъ и при великомъ содѣйствіи въ Бозѣ почившей государыни императрицы Маріи Александровны. Оставляя Петербургъ въ 1868 году, я передала предсѣдательство этого комитета принцессѣ Евгениіи Максимиліановнѣ Ольденбургской, герцогинѣ Лейхтенбергской, которая и по настоящее время (1888 г.) состоитъ предсѣдательницей дамскаго комитета Россійскаго общества краснаго креста.

Возвращаясь къ прошлому. Впослѣдствіи, отецъ мой былъ сдѣланъ предсѣдателемъ императорской конюшенной конторы и помощникомъ оберъ-шталмейстера, князя Василя Васильевича Долгорукаго, а по выходѣ послѣдняго въ отставку замѣнилъ его и оставался при высочайшемъ дворѣ оберъ-шталмейстеромъ до своей смерти, послѣдовавшей 13-го ноября 1855 года. Ровно девять мѣсяцевъ только могъ пережить вѣрный, преданный слуга своего возлюбленнаго государя и благодѣтеля!

VIII.

Насъ было девять человѣкъ дѣтей. Родители мои были не богаты, и, несмотря на ихъ высокое положеніе въ свѣтѣ мы жили очень скромно и даже бѣдно. Никогда ни отецъ, ни мать не воспользовались своей близостью къ царямъ, чтобы просить что либо, для улучшенія своего состоянія. Они находили, что государь и государыня уже и такъ довольно для нихъ были милостивы. Отецъ довольствовался своимъ жалованьемъ, чтобы содержать насъ всѣхъ. Три брата воспитывались въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, а одна сестра—Ольга, была отдана въ патріотическій институтъ. Жили мы

въ зданіи главной конюшни, въ самой скромной квартирѣ¹⁾, въ нѣсколько комнатъ, совѣмъ просто меблированныхъ, хотя насъ посѣщали многія высокопоставленныя лица. Хотя отецъ и имѣлъ право устроить себѣ великолѣпные покои на казенный счетъ, какъ это и было сдѣлано послѣ его смерти его преемникомъ, но онъ лучше желалъ самъ скромно жить, чтобы имѣть возможность на казенныя средства, которыя шли бы въ его пользу,—улучшить бытъ придворныхъ конюшенныхъ служителей, которые при его предшественникахъ очень плохо жили. Отецъ построилъ для нихъ большіе дома, устроилъ каждому особую квартиру; провелъ повсюду водопроводы; основалъ школу для ихъ дѣтей; устроилъ больницу и проч. Мать же моя, въ свою очередь, также занималась много служителями вѣдомства придворной конюшни; опредѣляла ихъ дѣтей въ различныя заведенія, исполняла ихъ просьбы, однимъ словомъ помогала каждому, какъ и чѣмъ могла, такъ что служившіе въ то время, уже теперь старики, еще помнятъ и благословляютъ память моихъ родителей.

Отдалюсь нѣсколько отъ предпринятаго мною описанія, чтобы рассказать случившійся со мною фактъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, тронувшій меня до глубины души, доказавъ, какую память моя несравненная матушка оставила по себѣ. Это было по крайней мѣрѣ лѣтъ 25 послѣ ея смерти. Сама я уже была довольно стара, оставила высочайшій дворъ и жила въ своемъ имѣніи на южномъ берегу Крыма. Въ Ялтѣ проживалъ тогда на своей дачѣ извѣстный актеръ русской сцены, нѣкто Никитинъ. Онъ въ то время уже покинулъ сцену и жилъ довольно богатымъ помѣщикомъ, читая иногда на какихъ нибудь концертахъ или литературныхъ вечерахъ съ благотворительною цѣлью. Встрѣчаюсь я однажды съ этимъ Никитинымъ—не упомяну уже теперь гдѣ, мнѣ его представляютъ, и я обращаюсь къ нему, какъ обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, съ нѣсколькими учтивыми словами. Каково же было мое удивленіе, когда, взглянувъ на Никитина, я увидала на его глазахъ слезы, и онъ, бросившись цѣловать мою руку, произноситъ слѣдующее: «Вы не подозрѣваете, баронесса, кто я! Я сынъ лейбъ-кучера Никитина, который постоянно сопровождалъ вашего батюшку и васъ въ англійскомъ экипажѣ; когда я былъ мальчикомъ, ваша покойная матушка опредѣлила меня въ театральную школу, и, благодаря баронессѣ, я вышелъ то, что я теперь, и никогда этого не забывалъ и не забуду». Дѣлало честь и ему, что онъ, памятуя свою благодѣтельницу, не стыдился признаться, что былъ сыномъ кучера,—онъ, который имѣлъ нѣкоторое положеніе въ обществѣ.

Изъ многочисленнаго нашего семейства остается въ живыхъ въ настоящее время (1888 г.) только самая старшая сестра наша, Але-

¹⁾ Оберъ-штальмейстеръ князь В. В. Долгорукій жилъ въ собственномъ домѣ.

ксандра Петровна, въ замужествѣ графиня Алопеусъ (родилась въ 1815-мъ году), и я, самая младшая. Старшій изъ братьевъ, Димитрій, былъ убитъ на Кавказѣ—разрубленъ на куски горцами, на взятой имъ пушкѣ, въ дѣлѣ при Наурѣ 30-го августа 1844 года. Третій братъ мой, Александръ, бывъ лейтенантомъ на эскадрѣ, сопровождавшей государыню императрицу Александру Теодоровну въ Палермо, въ 1845 году, упалъ съ мачты, переломилъ себѣ бедро, остался калѣкой на всю жизнь и впослѣдствіи умеръ, находясь 22 года сумасшедшимъ отъ сотрясенія мозга, полученнаго при паденіи. Другіе скончались отъ разныхъ болѣзней.

IX.

Я, будучи самая младшая, была, такъ сказать, Венъяминомъ семейства; меня баловали родители и старшіе братья и сестры. Постоянно неразлучно находилась я при матери и поэтому часто сопровождала ее къ государынѣ.

Самое мое свѣтлое воспоминаніе дѣтства, которое навсегда осталось запечатлѣннымъ въ моей памяти, это—когда я присутствовала на утреннихъ завтракахъ членовъ царской семьи. Всѣ они собирались каждый день къ августѣйшей матери пить кофе. Что это была за картина, Боже мой! Во-первыхъ, три красавицы великія княжны Марія, Ольга и Александра Николаевны, прелестныя, полныя обаянія, всякая въ своемъ родѣ. Потомъ великіе князья—одинъ лучше другого. Какая дружба между ними была! Какая радость видѣться снова утромъ! Всѣ были такъ веселы, такъ счастливы, окружали родителей съ такою любовью, безъ малѣйшей натяжки. Тутъ императоръ Николай Павловичъ былъ самый нѣжный отецъ семейства, веселый, шутливый, забывающій все серьезное, чтобъ провести спокойный часокъ среди своей возлюбленной супруги, дѣтей, а позже и внуковъ. Императоръ Николай I отличался своей любовью и почетомъ къ женѣ и былъ самый нѣжный отецъ. А какую любовь умѣлъ онъ внушать и своему семейству и приближеннымъ! Правда онъ сохранялъ всегда и во всемъ свой внушительно-величественный видъ, и когда заслышишь, напримѣръ, его твердые приближающіеся шаги, сердце всегда забьется отъ какого-то невольнаго страха, но это чувство такъ перемѣшивалось съ чувствомъ счастья его увидеть, что въ тебѣ происходило что-то такое, что трудно выразить и ни съ чѣмъ сравнить нельзя, а когда онъ милостиво посмотритъ и улыбнется своими, полными обаянія, взглядомъ и улыбкой, притомъ скажетъ нѣсколько словъ, то, право, осчастливитъ надолго.

Наканунѣ Рождества Христова, въ сочельникъ, послѣ всенощной, у императрицы была всегда елка¹⁾ для ея августѣйшихъ дѣ-

¹⁾ Этотъ обычай ввезенъ въ Россію изъ Пруссіи въ Бозѣ почившей императрицей Александрой Теодоровной.

тей, и вся свита приглашалась на этотъ семейный праздникъ. Государь и царскія дѣти имѣли каждый свой столъ съ елкой, убранною разными подарками, а когда кончалась раздача подарковъ самой императрицей, тогда входили въ другую залу, гдѣ былъ приготовленъ большой, длинный столъ, украшенный разными фарфоровыми изящными вещами съ императорской Александровской мануфактуры. Тутъ разыгрывалась лотерея между всей свитой, государь обыкновенно выкрикивалъ карту, выигравшій подходилъ къ ея величеству и получалъ свой выигрышъ-подарокъ изъ ея рукъ.

Съ тѣхъ поръ, что я себя помню, съ моихъ самыхъ юныхъ лѣтъ, я всегда присутствовала на этой елкѣ и имѣла тоже свой столъ, свою елку и свои подарки ¹⁾, эти подарки состояли изъ разныхъ вещей соотвѣтственно лѣтамъ; въ дѣтствѣ мы получали игрушки, въ юношествѣ—книги, платья, серебро; позже—брильянты и т. п. У меня еще до сихъ поръ хранится съ одной изъ царскихъ елокъ: письменный столъ со стуломъ къ нему, на коемъ и сижу въ эту минуту; сочиненія Пушкина и Жуковского, серебро и разныя другія вещи. Елку со всѣми подарками мнѣ потомъ привозили домой, и я долго потѣшалась и угощалась съ нея.

Насъ всегда собирали сперва во внутренніе покои ея величества; тамъ мы около закрытыхъ дверей концертнаго зала или ротонды въ Зимнемъ дворцѣ, въ которыхъ обыкновенно происходила елка, боролись и толкались, всѣ дѣти между собою, царскія включительно, кто первый попадетъ въ завѣтный залъ. Императрица уходила впередъ, чтобъ осмотрѣть еще разъ всѣ столы, а у насъ такъ и бились сердца радостью и любопытствомъ ожиданія. Вдругъ слышался звонокъ, двери разстворялись, и мы вбѣгали съ шумомъ и гамомъ въ освѣщенный тысячью свѣчами залъ. Императрица сама каждого подводила къ назначенному столу и давала подарки. Можно себѣ представить, сколько радости, удовольствія и благодарности изливалось въ эту минуту. Такъ все было мило, просто, сердечно, несмотря на то, что было въ присутствіи государя и императрицы; но они умѣли, какъ никто, своей добротой и лаской удалять всякую натянутость этикета. Болѣе поль-вѣка теперь прошло, много воды утекло, а какъ представится это счастливое прошлое, невольно слезы навертываются на глаза.

¹⁾ Старшіе сестры и братья мои въ дѣтствѣ тоже имѣли свой столъ. Но во время, которое я припоминаю и описываю, приглашались еще, кромѣ меня, изъ дѣтей: Александра Павловна Александрова, въ замужествѣ княгиня Львова, побочная внучка великаго князя Константина Павловича, и двоюродный братъ мой, графъ Николай Адамовичъ Гуровскій. Онъ былъ принятъ моими родителями, какъ сынъ, воспитывался въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, другъ и товарищъ моего дѣтства, скончался совсѣмъ еще юношей.

X.

1837 годъ я уже совсѣмъ ясно начинаю припоминать, мнѣ тогда было 5 лѣтъ, и именно въ это время приближеніе елки сильно врѣзалось въ мою память.

Нужно сказать, что примѣрно за недѣлю до Рождества и «большой елки», какъ мы ее называли въ дѣтствѣ, у великихъ князевъ Маріи, Ольги и Александры Николаевнъ, въ какойнибудь выбранный день, дѣлалась такъ называемая нами «маленькая елка» (le petit Noël): тутъ юныя великія княжны и малолѣтніе великіе князья дарили другъ другу разныя бездѣлушки. Въ этотъ же описываемый теперь мною 1837 годъ «le petit Noël» случился 17-го декабря. Присутствовали: сестра Софія, братъ Сережа, еще подруга дѣтства Александры Николаевны—графиня Анна Михайловна Віельгорская¹⁾ и, я.

По окончаніи нашего дѣтскаго празднества, насъ, дѣтей, т. е. Николая и Михаила Николаевичей²⁾ и меня, повели пить чай въ дѣтскую великихъ князей. За столомъ сидѣла и разливала намъ чай старшая няня, англичанка, которую звали Мими³⁾. Она была въ большомъ почетѣ у императорской фамиліи, вынянчивъ всѣхъ царскихъ дѣтей, начиная съ великаго князя Александра Николаевича.

Вотъ эта старушка, Мими, какъ вчера помню, говоритъ за чаемъ входившему лакею: «что это такъ гарью пахнетъ? вѣрно, у тебя, чтонибудь на сапогахъ»; лакей осматривается и отвѣчаетъ: «никакъ нѣтъ-съ, не могу знать».

По окончаніи чая меня отправляютъ домой и укладываютъ спать. Это было приблизительно между 8 и 9-ю часами вечера. Ночью я просыпаюсь и вижу изъ окна своей дѣтской⁴⁾ громадное зарево; зову свою няню⁵⁾, которая стояла совсѣмъ одѣтая у окна

¹⁾ Про семейство Віельгорскихъ буду дальше особо говорить.

²⁾ Николаю Николаевичу было 6 лѣтъ, Михаилу Николаевичу—5 лѣтъ.

³⁾ Марія Васильевна Кайсовская.

⁴⁾ Мы тогда уже жили въ зданіи главной конюшни.

⁵⁾ Акинья Макаровна Журнова, старушка, русская няня, которая оставалась у меня съ самаго моего дѣтства до 1849 года, и когда передала меня въ руки камеръ-юнгферъ, я уже была фрейлиной и начинала дѣлать туалеты. Эта старушка и воспитала меня, конечно, подъ близкимъ надзоромъ моихъ дорогихъ родителей; у меня, кромѣ этой няни, никого не было, никогда не имѣла гувернантокъ, и я ей обязана многимъ хорошимъ, которое она мнѣ умѣла внушить. Она была простая русская женщина изъ крѣпостныхъ В. В. Новосильцева, отпущенная на волю; такая хорошая, добрая! Она оставалась у насъ въ домѣ до смерти отца, а когда съ его кончиной наше семейное гнѣздо разрушилось, то она жила на пенсіи въ городской богадѣльнѣ, гдѣ и скончалась. Около меня не было, во всю мою жизнь, приближенныхъ ко мнѣ женщинъ, кромѣ этой старушки доброй памяти и позже камеръ-юнгферъ моей Наталіи Григорьевны Горневской, которая

и смотрѣла; зову ее и спрашиваю: «что это такое?». Она мнѣ отвѣчаетъ: «ничего, Марія Петровна, это солнце всходитъ, спите покойно!». Это былъ пожаръ Зимняго дворца!.. Добрая старушка скрыла правду, чтобъ меня не испугать! Оказывается, когда мы пили чай у великихъ князей, и старушка Мими чувствовала запахъ гари, то дворець уже горѣлъ, но никто этого не подозрѣвалъ. Впрочемъ, потомъ говорили, что балки уже тлѣли за нѣсколько дней до того. Послѣ моего отъѣзда, великихъ князей уложили спать, а часа черезъ два пламя показалось уже снаружи, такъ что сестра моя и графиня Віельгорская находились еще у великихъ князей при первой тревогѣ пожара.

Ихъ величества были въ то время въ Большомъ театрѣ, гдѣ давался новый балетъ «Возстаніе въ Сералѣ», и моя мать сопровождала императрицу. Когда государю донесли, что дворець горитъ, онъ бросился домой на тройкѣ дежурнаго флигель-адъютанта, такъ какъ его сани были отпущены во время представленія, а императрица съ матушкой отправились въ каретѣ къ горящему дворцу. Царскихъ дѣтей отвезли сейчасъ же въ Аничковъ дворець. Императрица же оставалась съ моей матерью до послѣдней минуты въ своихъ покояхъ, помогая собирать и укладывать, что было можно, изъ своихъ вещей. Когда огонь уже подвигался къ внутреннимъ покоямъ ея величества, и видно было, что спасенія нѣтъ, государь, находившійся все время на пожарѣ и распорядившійся лично всѣмъ, пришелъ сказать императрицѣ, что пора уѣзжать изъ дворца, потому что грозитъ опасность. Тогда только она рѣшилась покинуть свое горящее гнѣздо ¹⁾. Императрица отправилась съ моей матушкой тоже въ Аничковъ дворець. Матушка не отходила ни на минуту отъ ея величества въ эту страшную ночь. Когда онѣ проходили черезъ ротонду, ближайшую залу къ внутреннимъ покоямъ, выносили образа изъ малой церкви, дверь которой выходитъ въ ротонду. Не успѣли онѣ дойти до середины залы, какъ всѣ двери въ ротонду съ трескомъ и свистомъ отворились, и изъ двери, ведущей въ концертный залъ, вырвалось пламя, охватившее ротонду; въ эту самую минуту со страшнымъ шумомъ, силой огня и вѣтра была привлечена и брошена въ двери громадная люстра аванзалы... Минута была полная ужаса! Такимъ образомъ, императрица, преслѣдуемая огнемъ, прошла коридоромъ на Салтыковскій подъѣздъ и тамъ сѣла въ карету съ матушкой.

и до сихъ поръ (1888 годъ) около меня находится, уже въ очень преклонныхъ лѣтахъ, тоже изъ крѣпостныхъ, отпущенныхъ на волю до освобожденія крестьянъ. Такихъ вѣрныхъ, преданныхъ своимъ господамъ людей уже нѣтъ. «La recette en est perdue!».

¹⁾ Все это пишу по воспоминаніямъ, со словъ самой государыни императрицы и моей матушки.

Ихъ величества оставались тверды и спокойны духомъ, несмотря на весь страхъ и горе, причиненные имъ этимъ страшнымъ пожарцемъ.

На другой день утромъ моя мать возвратилась домой для того только, чтобъ переодѣться, и отправилась сейчасъ же опять къ императрицѣ въ Аничковъ дворець.

Меня повезли посмотреть на грустное зрѣлище сгорѣвшаго Зимняго дворца. Помню до сихъ поръ, какое страшное впечатлѣніе на меня произвели эти дымящіяся, громадныя стѣны, съ зіяющими насквозь отверстіями оконъ и дверей, и эти почернѣвшія громадныя статуи, торчавшія вдоль сгорѣвшей крыши; дѣйствительно это было нѣчто ужасное, я дрожала всѣмъ тѣломъ.

Теперь хочу рассказать маленькій случай, не представляющій особаго интереса, но для меня лично памятный, который я узнала ровно 45 лѣтъ спустя.

Въ 1882 году, 13-го октября, великій князь Михаилъ Николаевичъ праздновалъ свои 50 лѣтъ въ собственномъ его имѣніи Ай-Тодоръ на южномъ берегу Крыма. Я тоже тутъ присутствовала. Послѣ обѣдни, за завтракомъ у ихъ высочествъ, стали мы всѣ вспоминать о дорогой намъ старинѣ и между прочимъ о пожарѣ Зимняго дворца. Великій князь Константинъ Николаевичъ, присутствовавшій тоже за этимъ завтракомъ, рассказалъ намъ слѣдующій фактъ, котораго ни Михаилъ Николаевичъ, ни я, конечно, не помнили. Въ этотъ вечеръ, 17-го декабря 1837 года, когда я пріѣхала на «*petit Noël*», я привезла въ подарокъ моему другу и сверстнику, связанный мною для него, гарусный колпакъ — вѣроятно, мое первое удавшееся рукодѣліе. Когда же началась тревога пожара и схватили съ кроватей спящихъ маленькихъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей, то, не находя ничего, въ переполохѣ схватили мой колпакъ и надѣли его на голову Михаилу Николаевичу, въ немъ и перевезли великаго князя въ Аничковъ дворець. Мы очень смѣялись всѣ при этомъ воспоминаніи Константина Николаевича, говорившаго, что онъ какъ будто видитъ своего малютку брата въ этомъ колпакѣ. Признаюсь, я смутно припоминала про сработанный мною колпакъ для моего друга, когда великій князь Константинъ Николаевичъ это рассказывалъ. Въ день же 13-го октября 1882 года я, старуха, подарила моему пятидесятилѣтнему другу уже не колпакъ, а чудный бюстъ его матери, императрицы Александры Ѳеодоровны, работы извѣстнаго скульптора Рауха. Бюстъ этотъ стоялъ постоянно на письменномъ столѣ императора Николая Павловича; онъ завѣщалъ его моей покойной матушкѣ; но такъ какъ она скончалась прежде государя, то императрица Александра Ѳеодоровна передала свой бюстъ, послѣ кончины Николая Павловича, моему отцу, а послѣ смерти послѣдняго бюстъ этотъ получила я. Такъ какъ мнѣ хотѣлось для 50-ти лѣтъ вели-

каго князя подарить ему что нибудь знаменательное для него, въ память нашей полувѣковой, неизмѣнной дружбы, то я не нашла ничего лучшаго, какъ поднести ему изображеніе его матери, а моею второй матери. Такимъ образомъ этотъ бюстъ возвратился опять въ императорское семейство. Онъ стоитъ въ настоящее время въ Ай-Тодорѣ, въ кабинетѣ его высочества.

Возвращаюсь къ 1837 году.

Послѣ пожара Зимняго дворца царская фамилія оставалась въ Аничковомъ дворцѣ до переустройства перваго, и въ этотъ годъ елка наканунѣ Рождества была устроена въ залѣ Аничкова. Помню, что этотъ разъ елка была грустная. Государь былъ ужасно нервный послѣ пожара и все приказывалъ тушить свѣчи; ему очень былъ непріятенъ видъ огня.

XI.

Этотъ самый годъ памятенъ мнѣ еще двумя ужасными событіями: пожара балагана Легата, загорѣвшагося во время представленія, кажется, на масленицѣ, гдѣ погибло много людей, и смерти Пушкина. Я помню хорошо его статную фигуру, умное выраженіе лица, окаймленное темными бакенбардами и такими же вьющимися густыми волосами. Его убійцу, Дантеса, который преждевременно лишилъ Россію ея славнаго, несравненнаго поэта, помню смутно. Онъ былъ кавалергардскій офицеръ и ѣзжалъ къ намъ въ домъ; былъ большой повѣса и разъ, пріѣхавъ къ намъ верхомъ въ Знаменское ¹⁾, хотѣлъ непременно заставить свою лошадь подняться на лѣстницу балкона; не могу припомнить, удалась ли эта продѣлка или нѣтъ.

Въ тѣ годы насъ тоже очень занимало и забавляло, когда лѣтомъ кадетами штурмовался въ Петергофѣ фонтанъ Самсонъ. Нѣсколько ротъ кадетъ, разныхъ корпусовъ, собирались на площадкѣ внизу, у главнаго бассейна Самсона; по командѣ государя, они должны были взлѣзть на одну изъ большихъ каскадъ, текущихъ съ террасы большого дворца, по сильно бившей водѣ. Императрица находилась на вершинѣ каскада, на террасѣ, и кадеты, которымъ первымъ удавалось взобраться на этотъ каскадъ, что было весьма нелегко, получали маленькій призъ изъ рукъ ея величества; призы эти состояли изъ разныхъ вещицъ, изъ сибирскихъ камней, отдѣливавшихся на Петергофской гранильной фабрикѣ. Надо было видѣть, какъ кадеты старались лѣзть на эту водяную гору; вода постоянно ихъ отталкивала, они снова напрягали всѣ свои усилія и наконецъ выбирались совсѣмъ вымоченными на вершину и подходили къ императрицѣ, срывая фуражки и обрызгивая ее водой;

¹⁾ Знаменскій дворецъ близъ Петергофа.

съ ихъ платяя текло, какъ съ фонтана. Много тутъ было смѣху и всякихъ забавъ. Въ концѣ штурма приходилъ наверхъ и государь, никогда не пропускавшій окатить и себя водой изъ фонтана, чтобы не одни кадеты были вымочены въ своей одеждѣ. Онъ всегда старался давать собой примѣръ.

Какъ вообще императоръ Николай Павловичъ былъ добръ, простъ и скромнень въ обыденномъ обхожденіи, можно только удивляться. Онъ часто посѣщалъ мою мать и приходилъ обыкновенно въ шесть часовъ вечера, совершая свою послѣобѣденную прогулку пѣшкомъ (тогда обѣдали при дворѣ въ половинѣ четвертаго или въ четыре часа). Родители же мои, по старому обычаю, имѣли обыкновеніе отдыхать послѣ обѣда. Приходилъ государь неожиданно. Вдругъ слышался троекратный звонокъ на подъѣздѣ, и докладывали матери: «Государь пришелъ». Пока же матушка выйдетъ, освѣтять комнаты и проч., онъ себѣ стоитъ терпѣливо въ темной гостиной и ждетъ, пока его попросятъ въ кабинетъ. Онъ долго сиживалъ у матушки, а для насъ было громадное счастье ожидать выхода его въ сосѣдней комнатѣ и слышать отъ него какое нибудь ласковое или шутовское слово. Онъ никогда не позволялъ провожать себя далѣе передней и самъ замыкалъ за собою дверь, чтобъ никто не выходилъ на лѣстницу. Вообще учтивость и внимательность государя доходили до такой степени, что въ настоящее время ихъ и не поймутъ.

Приведу для примѣра два случая, касающихся лично меня, которые вѣзались глубоко въ мою память.

Это было въ Ропшѣ во время маневровъ. Нужно сказать, что матушка моя и, конечно, я съ ней всегда сопровождали императрицу въ Красное Село во время лагеря и оттуда переѣзжали, слѣдя за маневрами, въ Ропшу, куда обыкновенно прибывали къ 6-му августу для праздника Преображенскаго полка; праздникъ начинался съ обѣдни въ палаткѣ, послѣ чего церковный парадъ, потомъ обѣдъ для нижнихъ чиновъ въ саду; офицеры же приглашались къ высочайшему столу во дворецъ.

Была я въ то время дѣвочка 13 или 14-ти лѣтъ; мы жили съ матушкой въ комнатѣ, выходящей въ среднюю залу, противъ двери, ведущей въ кабинетъ его величества, въ нижнемъ этажѣ рошинскаго дворца. (Въ самой этой комнатѣ, гдѣ мы пребывали, какъ говорить преданіе, скончался Петръ III; помню, какъ въ дѣтствѣ эта комната вызывала во мнѣ страхъ). Итакъ, въ одинъ изъ знойныхъ дней маневровъ, не подозрѣвая, что государь уже вернулся домой, я выбѣжала изъ своей комнаты въ залу. Вдругъ я вижу передъ собою государя, съ утомленнымъ видомъ, покрытаго пылью, сидящаго у двери. Конечно, въ первую минуту я испугалась, выбѣжавъ такъ непочтительно, и остановилась въ недоумѣніи; но скоро оправилась и поклонилась ему. Онъ же, отдавая мнѣ ми-

лостиво поклонъ, улынулся и сказалъ слѣдующія слова: «Извините, Марія Петровна ¹⁾, что я не встаю, но я такъ усталъ, что силъ нѣтъ!» И это онъ, нашъ великій царь, извинялся — передъ кѣмъ же? — передъ дѣвченкой, торчащей вѣчно передъ его глазами и росшей почти подъ его кровомъ! Мнѣ даже имѣютъ право не повѣрить, но я могу ручаться за истину того, что пишу.

Другой фактъ вниманія и сердечной доброты императора Николая, случившійся со мною, слѣдующій. Жили мы тогда въ Петергофѣ, и во время этого лѣтняго пребыванія ихъ величества имѣли обыкновеніе полдничать въ различныхъ малыхъ дворцахъ, разбросанныхъ по Петергофскому парку и выстроенныхъ, какъ извѣстно, большею частью императоромъ Николаемъ; онъ любилъ Петергофъ, который въ его царствованіе очень украсился и, можно сказать, преобразился, ради изящнаго вкуса государя, имѣвшаго большое артистическое направленіе ко всѣмъ отраслямъ искусства. Одна изъ первыхъ его построекъ въ Петергофѣ была извѣстный «Никольскій домикъ», построенный, если не ошибаюсь, въ 30-хъ годахъ. Когда этотъ сельскій домикъ былъ готовъ, государь принялъ въ немъ императрицу, по нашему обычаю, съ хлѣбомъ и солью, надѣвъ на себя длиннополый сюртукъ л.-гв. измайловскаго полка, въ коемъ онъ началъ службу, какъ носили въ то время отставные солдаты, а великія княжны, всѣ три, были одѣты въ крестьянскіе сарафаны; можно себѣ представить, какъ этотъ милый пріемъ тронулъ царицу.

Къ этимъ полдникамъ, о которыхъ я начала говорить, приглашались лица изъ свиты ихъ величествъ и посторонніе гости. Сперва катались по парку; государь ѣхалъ всегда въ четырехмѣстномъ тильбюри, сидѣлъ на козлахъ и самъ правилъ парой лошадей, около себя онъ приглашалъ сѣсть одну изъ фрейлинъ или дамъ, а ея величество сидѣла на заднемъ мѣстѣ, тоже съ кѣмънибудь изъ приглашенныхъ; другія лица размѣщались по разнымъ экипажамъ: шарабанамъ, яхтвагенамъ и проч., слѣдя за царскимъ тильбюри. Въ то время я уже была взрослой дѣвицей, фрейлиной ея величества. Въ этотъ же день я была дежурная ²⁾ и разливала чай за царскимъ столомъ. Государь былъ не въ духѣ. Когда это съ нимъ случилось, то надо признаться, самые приближенные люди трепетали въ эти минуты. Подаю я чашку чая, налитаго мною его величеству, и вдругъ онъ, отвѣдавъ чай, говоритъ: «quel horrible thé» (какой ужасный чай), отталкиваетъ чашку и встаетъ изъ-за стола. Можно себѣ вообразить мое сконфуженное положеніе! Императрица же въ

¹⁾ Императоръ Николай Павловичъ порусски почти всѣхъ звалъ по имени и отчеству.

²⁾ Насъ было семь свитскихъ фрейлинъ, каждая имѣла свой день дежурства и тогда находилась почти цѣлый день при ея величествѣ.

такія минуты своей ангельской добротой всегда старалась смягчить улыбкой или словомъ положеніе того, на кого обрушится неожиданно негодованіе государя; и въ этотъ разъ она меня обладала и утѣшила. Черезъ недѣлю я опять была дежурная; въ этотъ день пили чай на Озеркахъ; стою я у царскаго самовара, ни жива ни мертва; опять подаю съ замираніемъ сердца налитую мною чашку чая его величеству... Государь, попробовавъ, милостиво мнѣ улыбается и говоритъ: «Отличный чай сегодня, благодарю васъ, Марія Петровна!» Какъ же не восхититься и не тронуться до глубины души тонкимъ вниманіемъ такого человѣка, каковъ былъ императоръ Николай Павловичъ!—при всѣхъ его серьезныхъ занятіяхъ, заботахъ и думахъ вспомнить и утѣшить добрымъ словомъ, если за недѣлю назадъ былъ недоволенъ! Въ его строгомъ и рѣшительномъ характерѣ именно поражала эта тончайшая черта нѣжности чувствъ, доброта и справедливость, придававшія ему такое большое обаяніе. Сколько подобныхъ и гораздо серьезнѣе случаевъ можно было бы описать изъ его жизни, привязывающихъ такъ глубоко и искренно къ нему.

Напримѣръ, что могло сравниться съ извѣстнымъ случаемъ полковника гвардейскаго Егерскаго полка Львова, котораго ошибочно заподозрѣли въ неблагонадежности, вслѣдствіе чего онъ былъ арестованъ¹⁾. Государь, увѣрившись въ невинности этого офицера, конечно, приказалъ немедленно его освободить и при первомъ случаѣ на майскомъ парадѣ, при всей собранной гвардіи, вызвалъ Львова изъ рядовъ, обнялъ его и громогласно извинился за обиду, причиненную ему по ошибкѣ. А въ 1831 году, въ холерную эпидемію, во время бунта, когда императоръ Николай Павловичъ отправился одинъ въ коляскѣ на Сѣнную площадь, въѣхалъ въ средину неистовствовавшаго народа и, взявъ склянку ртути²⁾, поднесъ ее ко рту,—въ это мгновеніе бросился къ нему случившійся тамъ лейбъ-медикъ Арендъ, чтобъ остановить его величество, говоря: «Votre Majesté perdra les dents» (ваше величество лишится зубовъ); государь, оттолкнувъ его, сказалъ: Eh bien, vous me ferez une mâchoire³⁾ (ну, такъ вы мнѣ сдѣлаете челюсть), и проглотилъ всю стеклянку жидкости, чтобъ доказать народу, что его не отравляютъ,—тѣмъ усмиривъ бунтъ и заставивъ народъ пасть на колѣни передъ собой! Эти два случая очень извѣстны въ исторіи Николая незабвеннаго, но нельзя ихъ пропустить, когда о немъ вспоминаешь; они слишкомъ хорошо выставляютъ его благородный характеръ. Онъ всегда готовъ былъ жертвовать собой за справедливость и примѣръ.

¹⁾ Исторія Петрашевскаго.

²⁾ Тогда лѣчили холеру ртутью.

³⁾ Этотъ разговоръ между государемъ и лейбъ-медикомъ Арендомъ мало извѣстенъ—передаю его со словъ императрицы Александры Феодоровны.

Въ настоящее время (1888 годъ) часто говорятъ, что императоръ Николай I показывался совсѣмъ другимъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Можно ли только это допустить?! Судящіе такъ лишь доказываютъ, какъ они мало изучили его характеръ! Правдивѣе и откровеннѣе человѣка, каковъ былъ Николай Павловичъ, нѣтъ; ужь, конечно, въ своей обыденной интимной жизни онъ не сталъ бы играть комедію. Напротивъ, онъ родился съ этимъ изящнымъ, если можно выразиться такъ, темпераментомъ нѣжности и доброты сердечной, а суровая сторона его характера образовалась только событіями его вступленія на престолъ; онъ увидалъ тогда, что только строгостью можетъ укротить нравы своихъ подданныхъ, какъ я уже говорила выше, и, облекшись въ этотъ суровый, строгій видъ, онъ только доказалъ свою силу воли и твердость характера. Онъ всегда и во всемъ сохранялъ спокойное величіе, оно никогда его не покидало, ни въ обыкновенныя минуты, ни въ выдающіяся минуты жизни. Онъ можетъ служить великимъ примѣромъ честности и благородства; оттого императоръ Николай I могъ смотрѣть прямо въ глаза каждому.

При всемъ этомъ, нельзя не сказать, чтобъ быть вполне справедливой, что онъ былъ весьма вспыльчивъ, и если чѣмъ оставался недоволенъ или замѣчалъ какую нибудь грязную неправду, или какой дурной поступокъ,—его строгости не было границъ; но все-таки, если прогнѣвавшій его могъ оправдаться, или даже просто сказать: «виновать, ваше величество», то онъ былъ самъ счастливъ и сейчасъ же смягчался.

Какой примѣръ давалъ всѣмъ Николай Павловичъ своимъ глубокимъ почтеніемъ къ женѣ и какъ онъ искренно любилъ и берегъ ее до послѣдней минуты своей жизни! Известно, что онъ имѣлъ любовныя связи на сторонѣ—какой мужчина ихъ не имѣетъ, во-первыхъ, а, во-вторыхъ, при царствующицъ особахъ нерѣдко возникаетъ интрига для удаленія законной супруги; посредствомъ докторовъ стараются внушить мужу, что его жена слаба, больна, надо ее беречь и т. п., и подъ этимъ предлогомъ приближаютъ женщинъ, черезъ которыхъ постороннее вліяніе могло бы дѣйствовать. Но императоръ Николай I не поддавался этой интригѣ и, несмотря ни на что, оставался вѣренъ нравственному вліянію своей ангельской супруги, съ которою находился въ самыхъ нѣжныхъ отношеніяхъ.

Хотя предметъ его посторонней связи и жилъ во дворцѣ, но никому и въ голову не приходило обращать на это вниманіе; все это дѣлалось такъ скрыто, такъ благородно, такъ порядочно. Напримѣръ, я, будучи уже не очень юной дѣвушкой, живя во дворцѣ подъ однимъ кровомъ, видясь почти каждый день съ этой особой, долго не подозрѣвала, что есть что нибудь неправильное въ жизни ея и государя; такъ онъ держалъ себя осторожно и почтительно передъ женой, дѣтьми и окружающими лицами. Безспорно, это ве-

ликое достоинство въ такомъ человѣкѣ, какъ Николай Павловичъ. Что же касается той особы ¹⁾, то она и не помышляла обнаруживать свое исключительное положеніе между своихъ сотоварищей фрейлинъ; она держала себя всегда очень спокойно, холодно и просто. Конечно, были личности, которыя, какъ и всегда въ этихъ случаяхъ, старались подслужиться къ этой особѣ, но онѣ мало выигрывали черезъ нее. Нельзя не отдать ей справедливости, что она была достойная женщина, заслуживающая уваженія, въ особенности въ сравненіи съ другими того же положенія.

Послѣ кончины Николая Павловича эта особа тотчасъ же хотѣла удалиться изъ дворца, но воцарившійся Александръ II, по соглашенію съ своей августѣйшей матерью, лично просилъ ее не оставлять дворца ²⁾; но съ этого дня она больше не дежурила, а только приходила читать вслухъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, когда ея величество была совсѣмъ одна и отдыхала послѣ обѣда.

Къ себѣ самому, императоръ Николай I былъ въ высшей степени строгъ, велъ жизнь самую воздержную, кушалъ онъ замѣчательно мало, большею частью овощи, ничего не пилъ, кромѣ воды, развѣ иногда рюмку вина и то, право, не знаю, когда это случалось, за ужиномъ кушалъ всякій вечеръ тарелку одного и того же супа изъ протертаго кортофеля, никогда не курилъ, но и не любилъ, чтобъ и другіе курили. Прохаживался два раза въ день пѣшкомъ обязательно—рано утромъ передъ завтракомъ и занятіями и послѣ обѣда, днемъ никогда не отдыхалъ. Былъ всегда одѣтъ, халата у него и не существовало никогда, но если ему нездоровилось, что впрочемъ очень рѣдко случалось, то онъ надѣвалъ старенькую шинель. Спалъ онъ на тоненькомъ тюфячкѣ, набитомъ сѣномъ. Его походная кровать стояла постоянно въ опочивальнѣ августѣйшей супруги, покрытая шалью. Вообще вся обстановка окружавшая его личную интимную жизнь, носила отпечатокъ скромности и строгой воздержности. Его величество имѣлъ свои покои въ верхнемъ этажѣ Зимняго дворца; убранство ихъ было не роскошно. Послѣдніе годы онъ жилъ внизу, подъ апартаментами императрицы, куда вела внутренняя лѣстница. Комната эта была небольшая, стѣны оклеены простыми бумажными обоями, на стѣнахъ нѣсколько картинъ. На каминѣ большіе часы въ деревянной отдѣлкѣ, надъ часами большой бюстъ графа Бенкендорфа. Тутъ стояли: вторая походная кровать государя, надъ ней небольшой образъ и портретъ великой княгини Ольги Николаевны; она на немъ представлена въ гусарскомъ мундирѣ полка, котораго была шефомъ, вольтеровское кресло, небольшой диванъ, письменный рабочій столъ, на немъ портреты импе-

¹⁾ Фрейлина В. А. Нелидова, скончавшаяся въ октябрѣ 1897 года. Прибав. авт. въ 1897 году.

²⁾ Скончалась во дворцѣ, котораго не покидала съ того времени.

ратрицы и его дѣтей и незатѣйливое убранство; нѣсколько простыхъ стульевъ; мебель вся краснаго дерева, обтянута темно-зеленымъ сафьяномъ, большое трюмо, около коего стояли его сабли, шпаги и ружье, на придѣланныхъ къ рамкѣ трюмо полочкахъ стояли склянка духовъ,—онъ всегда употреблялъ «Parfum de la Cour» (придворные духи),—щетка и гребенка. Тутъ онъ одѣвался и работалъ... тутъ же онъ и скончался! Эта комната сохраняется до сихъ поръ (1888 г.), какъ была при его жизни.

По утрамъ и вечерамъ, Николай Павловичъ всегда долго молился, стоя на колѣняхъ, на коврикѣ, вышитомъ императрицей; когда этотъ коврикъ пришелъ въ ветхость, то ея величество захотѣла его перемѣнить, но такъ какъ она уже въ то время часто болѣла, начинала плохо видѣть, вышивать самой ей было трудно, то она мнѣ поручила вышить этотъ коврикъ за нее. Это было за два или три года до кончины государя; этотъ коврикъ и до сихъ поръ лежитъ свернутый въ ногахъ кровати Николая Павловича.

А какъ велика была его вѣра! онъ былъ искренно и истинно религіозенъ. Государь не часто ходилъ въ церковь и не любилъ длинныхъ службъ, но когда присутствовалъ при богослуженіи, то былъ глубоко проникнутъ имъ. А когда онъ приобщался, Боже мой, что это была за минута! Безъ слезъ нельзя было видѣть глубокое чувство, которое его проникало всего въ это время; стояло для себя лично смотрѣть на него, когда онъ принималъ Святыя Таинства,—такъ потрясала его глубокая, истинная вѣра!

Наканунѣ, передъ исповѣдью, послѣ вечерни, государь обыкновенно выходилъ изъ внутреннихъ комнатъ въ залу, гдѣ всѣ приближенные, говѣющіе съ ихъ величествами, были собраны. Государь подходилъ къ каждому, цѣловалъ его и просилъ прощенія. Но какъ онъ это дѣлалъ?!... серьезно, искренно, сердечно! Такъ и хотѣлось ему упасть въ ноги и разрыдаться.

Когда ихъ величества говѣли, то всѣ службы, исключая обѣденъ, конечно, совершались ихъ духовникомъ, протопресвитеромъ Василиемъ Борисовичемъ Бажановымъ, на половинѣ ея величества, въ малахитномъ залѣ, потому что императоръ Николай Павловичъ никогда не входилъ въ церковь, изъ почтенія къ этому святому мѣсту, не одѣтый въ мундиръ, а тутъ онъ присутствовалъ при службахъ подомашнему, въ сюртукѣ безъ эполетъ¹⁾. Великимъ постомъ служба была всегда на первой и на послѣдней недѣляхъ, если даже государь, императрица и семейство не говѣли (они обыкновенно говѣли на первой или на страстной недѣлѣ), то все-таки не пропускали ни одной службы. А въ другое время года государь бывалъ у обѣдни только по воскресеньямъ, большимъ праздникамъ и царскимъ днямъ. Обѣдня не должна была продолжаться болѣе

¹⁾ Въ то время эполеты носились постоянно при сюртукахъ.

часа времени. Передъ обѣдней государь самъ назначалъ пѣніе, которое желалъ, чтобъ исполняли. Въ молодости онъ самъ часто пѣлъ, становясь на клиросѣ съ пѣвчими; у него былъ звучный баритонъ. Великія княжны тоже пѣли у обѣдни, а Александра Николаевна, покровительствовавшая маленькимъ пѣвчимъ, имѣла ихъ малиновый кафтанъ. Этотъ костюмъ хранится въ придворной пѣвческой капеллѣ, въ витринѣ, стоящей въ концертномъ залѣ. Во дни восшествія на престолъ—20 ноября, и коронаціи своей—22 августа, ихъ величества никогда не выходили къ богослуженію, проводя эти дни спокойно у себя. 14 декабря, въ теченіе всего царствованія императора Николая I, служился благодарственный молебенъ въ память укрощенія мятежа, а въ концѣ молебна провозглашалась вѣчная память павшимъ во время мятежа 1825 года; ихъ величества присутствовали всегда на этой въ высшей степени трогательной службѣ въ малой церкви Зимняго дворца со всей своей свитой, и, сверхъ того, приглашались въ этотъ день всѣ, принимавшіе участіе въ защитѣ царя и престола. Конечно, мой отецъ всегда былъ аванъ на этотъ молебенъ.

Государь очень строго слѣдилъ за стояніемъ своихъ дѣтей въ церкви; малолѣтніе были всѣ выравнены передъ нимъ и не смѣли шевелиться, онъ во всемъ и во всѣхъ любилъ выдержку.

Никто изъ дѣтей императора Николая I не наслѣдовалъ рѣшительнаго характера и силы воли отца. Они всѣ напоминаютъ его нѣкоторыми хорошими чертами, нравственными, какъ и физическими, но все цѣлое ни одинъ не получилъ, исключая второй дочери государя, Ольги Николаевны, нынѣ (1888 годъ) королевы Виртембергской. Она больше всѣхъ походитъ на отца и наружностью, имѣя его правильныя черты лица, и силой воли, и стойкимъ характеромъ, что она доказала всей своею жизнію. При томъ она унаслѣдовала женственность и ангельскую нѣжность своей матери, такъ что она собой изображаетъ рѣдкое, чудное во всѣхъ отношеніяхъ, исключительное явленіе.

ХІІ.

Во время молодости императора Николая Павловича и императрицы Александры Θεодоровны, дворъ былъ очень оживленъ. Они оба были весьма сообщительнаго и веселаго нрава, да при томъ считали своимъ долгомъ много принимать, развлекать общество, часто показываться публикѣ: въ театрахъ, концертахъ и т. п., показываться народу на народныхъ гуляньяхъ и проч.; словомъ, вели жизнь со всѣми и для всѣхъ. Вся обстановка ихъ была царская, величественная; они понимали, что престижъ необходимъ въ ихъ высокомъ положеніи. Большіе балы и обѣды давались очень часто въ теченіе всего года во дворцѣ. Два раза въ годъ: 1-го января и

1-го іюля, давались огромные народные балы, такъ называемые «маскарады»; это названіе сохранилось еще съ прежнихъ временъ; «мушкарады» были очень въ ходу, какъ извѣстно, во время царствованія Петра Великаго и его высокихъ преемниковъ. Маскарады же времени, описываемаго мною, давались зимой въ большихъ залахъ Зимняго дворца, открывавшихся для всей публики безъ исключенія, а лѣтомъ въ большомъ Петергофскомъ дворцѣ. 1-го іюля, въ день рожденія императрицы, была всякій годъ громадная иллюминація по всему Петергофскому саду. Тысячи людей стекались со всѣхъ окрестностей Петербурга на этотъ такъ называемый Петергофскій праздникъ. Весь садъ представлялъ нѣчто весьма оригинальное, нѣсколько дней до и нѣсколько дней послѣ этого праздника. Публика и народъ располагались бивуакомъ по всему саду; тутъ были палатки, навѣсы, столы, стулья, скамейки, койки, самовары, всякая посуда и проч. и проч. Государь и государыня всегда объѣзжали этотъ импровизированный лагерь; останавливались, разговаривая съ народомъ и публикой. Тутъ былъ восторгъ и умиленіе и подаванія прошеній, и чего, чего тутъ не было!... Однако, не существовало въ то счастливое время мысли о возможномъ покушеніи на жизнь священной особы русскаго царя! Онъ и его подданные составляли одну, тѣсно связанную, семью.

Въ высокаторжественный же день 1-го іюля, послѣ большого выхода ихъ величествъ къ обѣдни, поздравленій, церковнаго парада передъ дворцомъ Кавалергардскаго ея императорскаго величества полка, большого обѣденнаго стола, когда закигалась иллюминація, вся императорская фамилія, сопровождаемая дворомъ, во всемъ блескѣ туалетовъ, мундировъ и ливрей, выѣзжала церемоніальнымъ цугомъ въ блестящихъ экипажахъ и линейкахъ для прогулки по иллюминаціи. Ѣхали шагомъ, между шпалерами узко сдвинувшейся толпы, дававшей мѣсто только для проѣзда императорскаго цуга, потомъ смыкавшейся и слѣдовавшей за нимъ, на сколько это было возможно (никакой полиціи и стѣненій не полагалось,—государь былъ увѣренъ въ своемъ преданномъ народѣ).

Передъ главной террасой дворца, за Самсономъ, горѣлъ миллиоными шкаликовъ щитъ, съ вензелемъ виновницы торжества, матушки-царицы. Зрѣлище было дѣйствительно великолѣпное. По возвращеніи царскаго объѣзда, начинался «маскарадъ» въ залахъ дворца. Императорская фамилія вся проходила полонезами по всѣмъ заламъ, между своими многочисленными гостями.

Второго іюля, допускался народъ и публика въ Александрію, всегдашнее пребываніе ихъ величествъ лѣтомъ, куда никто не допускался во время царскаго присутствія, кромѣ приближенныхъ и приглашенныхъ специально лицъ. Но въ этотъ день скромное, интимное жилище царя отдавалось вполне посѣщенію всѣхъ. Было опять царское катаніе, при звукахъ музыки, такъ какъ хоры во-

енныхъ музыкантовъ были расположены по саду. Потомъ царская фамилія кушала чай на украшенномъ гирляндами изъ васильковъ балконѣ, окруженная толпой. Васильки были одними изъ любимыхъ цвѣтковъ императрицы Александры Θεодоровны, и ко дню ея рожденія васильками старались все украшать.

Въ Царскосельскомъ, Александровскомъ и Гатчинскомъ дворцахъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ помѣщеніе ихъ величествъ находилось въ нижнемъ этажѣ дворцовъ, публика и народъ допускались безъ всякаго стѣсненія каждый вечеръ къ окнамъ дворца, гдѣ проживала царская семья. Сторы не спускались, такъ что было видно все, что происходило въ залахъ: танцы или игры, напримѣръ, «кошка и мышка», «жмурки», «горѣлки» и т. п. Эти игры были въ большомъ ходу при Николаѣ Павловичѣ и Александрѣ Θεодоровнѣ; въ молодости они сами принимали участіе и въ танцахъ и въ играхъ. Государь и императрица подходили нѣсколько разъ къ окнамъ, кланялись, разговаривали со стоящими тутъ, когда можно было открывать окна; вообще, жизнь ихъ величествъ открыта была для всѣхъ и сообщалась со всѣми.

Этотъ обычай—допускать публику къ окнамъ, продолжался въ Царскомъ Селѣ до кончины великой княгини Александры Николаевны, въ 1844 году, третьей дочери ихъ величествъ. Съ тѣхъ поръ въ Александровскомъ дворцѣ никакихъ уже увеселеній не было. Но въ Гатчинѣ и другихъ дворцахъ они продолжались еще долго, чуть ли не до Крымской кампаніи 1854 года. Въ Ливадіи Александръ Николаевичъ возобновилъ разрѣшеніе допускать публику къ окнамъ, и это продолжалось нѣсколько лѣтъ, но впоследствии частыя покушенія на его жизнь, увы, измѣнили все!..

Въ зимнюю пору, въ Петербургѣ, ихъ величества устраивали большія катанія въ саняхъ; ѣздили, напримѣръ, на Елагинъ островъ кататься съ ледяныхъ горъ съ большимъ обществомъ приглашенныхъ; въ большія двѣнадцатимѣстныя сани, запряженныя шестерикомъ или восьмерикомъ, садилась императрица съ гостями старшаго возраста, а въ прицѣпленныя къ этимъ санямъ вереницей, многочисленныя, совсѣмъ низенькія маленькія салазки, на двѣ персоны, садилась молодежь, попарно, кавалеръ съ дамой. Государь и великіе князья помѣщались тоже въ салазкахъ. По городу вся эта вереница двигалась обыкновеннымъ аллюромъ, но какъ какъ только выѣзжали на Каменоостровскій проспектъ, лошади пускались въ карьеръ, и весь этотъ длинный поѣздъ мчался, что есть духу, по всѣмъ островамъ до Елагина, гдѣ во дворцѣ былъ приготовленъ завтракъ, потомъ катались съ горъ, а вечеромъ иногда танцевали. Въ дѣтствѣ мнѣ случалось видѣть этотъ оригинальный поѣздъ, но я никогда въ немъ не участвовала, и знаю только подробности этихъ катаній по рассказамъ родителей и старшихъ сестеръ, бывшихъ всегда на этихъ катаніяхъ. Общество очень

любило эти поѣздки на Елагинъ; веселясь просто и отъ души, оно дорожило приглашеніями на эти высочайшіе выѣзды.

Въ мое время уже ѣздили въ большихъ саняхъ и тройкахъ въ Таврической дворецъ, гдѣ въ саду былъ устроенъ катокъ и ледяныя горы. Салазокъ уже не существовало. Императоръ Николай Павловичъ и императрица Александра Ѳеодоровна, послѣ смерти дочери, не принимали больше участія въ этихъ поѣздкахъ; они устраивались цесаревной и великой княжной Маріей Николаевной.

Во время Пасхи, ихъ величества катались около балагановъ, окруженные народомъ. 1-го мая, императрица всегда выѣзжала на народное гулянье въ Екатерингофъ, несмотря часто на холодную погоду. Государь ѣхалъ верхомъ со свитой, а государыня — въ англійскомъ нарядномъ экипажѣ съ великими княжнами, сопровождаемая полковымъ командиромъ и всѣми офицерами своего Кавалергардскаго полка, верхомъ въ ихъ алыхъ вицъ-мундирахъ; этотъ выѣздъ былъ всегда очень наряденъ и красивъ; все высшее общество находилось въ этотъ день въ Екатерингофѣ, и ряды нарядныхъ экипажей тянулись между толпами народа. Съ годами всѣ эти народные выѣзды царской фамиліи мало-по-малу прекращались; слабое здоровье императрицы было этому главная причина, а въ царствованіе Александра II все это совсѣмъ было оставлено.

XIII.

Въ 1838 году, ихъ величества уѣхали въ Берлинъ, на свиданье съ королемъ прусскимъ, родителемъ императрицы Александры Ѳеодоровны. Мать моя и старшая сестра, Александра Петровна, сопровождали ея величество. Поѣздка эта для меня памятна, потому что это была первая и послѣдняя моя разлука съ матерью; съ тѣхъ поръ она со мной никогда больше не разлучалась надолго; притомъ отъѣздъ ихъ величествъ за границу составлялъ всегда большое событіе, потому что въ то время это очень рѣдко случалось. Отецъ же мой оставался при великихъ княжнахъ. Онѣ и мы жили въ Царскомъ Селѣ; однажды, помню, отецъ прогуливаясь со мной, зашелъ къ ихъ величествамъ за приказаніемъ и посмотрѣть, что онѣ дѣлаютъ. Мы ихъ нашли на террасѣ, сидящихъ вокругъ стола и бесѣдующихъ съ какимъ-то господиномъ очень маленькаго роста, такъ что, сидя на креслахъ, онъ почти не хваталъ ногами до пола... По выходѣ отъ великихъ княженъ, будучи поражена малымъ ростомъ этого господина, я обратилась къ отцу съ вопросомъ: «Papa, qui était ce petit garçon chez les grandes duchesses?» (Папа, кто былъ этотъ маленький мальчикъ у великихъ княженъ?). Отецъ мой разразился смѣхомъ; оказывается, что это былъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, извѣстный фаворитъ императора Александра I, оберъ-прокуроръ синода и проч. Онъ былъ

тогда уже весьма преклонныхъ лѣтъ, и, кажется, это единственный разъ, что мнѣ пришлось его видѣть. Какъ это я его еще не попросила со мною поиграть?! Я сама была тогда такая крошка!.. Говорю послѣднее въ свое оправданіе... Отецъ былъ при великихъ княжнахъ довѣреннымъ лицомъ; сопровождалъ ихъ, когда онѣ катались верхомъ, и т. п. Великая княгиня Марія Николаевна никогда его не называла иначе, какъ папа.

Давались тоже дѣтскіе балы при дворѣ, для юныхъ великихъ князей и княженъ. Отецъ мой на нихъ всегда дирижировалъ, будучи даже и преклонныхъ лѣтъ. Въ молодости онъ былъ большимъ танцоромъ и управлялъ постоянно всѣми придворными балами.

XIV.

Между многими другими, при царскомъ домѣ было еще одно семейство, пользовавшееся тоже особымъ вниманіемъ ихъ величества. Это была семья графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго.

Віельгорскихъ было два брата, Михаилъ и Матвѣй, и сестра, выпедшая замужъ за С. А. Волкова. Первый былъ еще при дворѣ въ бозѣ почившей государыни императрицы Маріи Ѳеодоровны, августѣйшей родительницы императоровъ Александра и Николая Павловичей. Въ то время у ея величества были свитскими фрейлинами двѣ сестры, принцессы Биронъ, потомки извѣстнаго герцога курляндскаго и временщика при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Эти двѣ сестры были изъ первыхъ выпущенныхъ воспитанницъ вновь переустроеннаго императрицей Маріей Ѳеодоровной Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ, или Смольнаго монастыря, и послѣ выпуска были взяты ко двору. Графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій женился на старшей принцессѣ Луизѣ Карловнѣ, которая была очень хороша собой, и въ которую онъ влюбился еще при женѣ. Такъ какъ въ нашей церкви воспрещается жениться на свояченицѣ (онъ былъ православный—она католичка), и въ то время законъ строго соблюдался, то Михаилъ Юрьевичъ былъ удаленъ императоромъ Александромъ I на жительство въ свои помѣстья внутрь Россіи съ запрещеніемъ вѣзда въ Петербургъ. Наказанные молодые поселились въ своемъ имѣніи Курской губерніи «Луизино». Тамъ они проживали съ 1816 года, тамъ же родились всѣ ихъ дѣти: старшій сынъ Іосифъ, дочь Аполлинарія—въ замужествѣ Веневитинова, вторая дочь Софія—въ замужествѣ графиня Сологубъ (жена писателя), сынъ Михаилъ и младшая дочь Анна—въ замужествѣ княгиня Шаховская.

Графы Михаилъ и Матвѣй Юрьевичи Віельгорскіе были сыновья Юрія Михайловича и жены его графини Софіи Дмитріевны, рожденной Матюшкиной, родовая фамилія которой перешла къ сыну

Михаила Юрьевича, графу Михаилу Михайловичу Віельгорскому-Матюшкину.

Графъ Юрій Михайловичъ Віельгорскій, польскій посланникъ въ Россіи, перешель въ русское подданство при Екатеринѣ II, которая привязала его къ своему новому отечеству бракомъ приближенной ей особы, графини Матюшкиной, состоявшей въ родствѣ съ Румянцевыми, Гагаринными, Матвѣевыми, а черезъ Стрѣшневыхъ и съ Романовыми ¹⁾).

Графъ Михаилъ Юрьевичъ былъ человекъ высокаго ума, учености и образованности. Изгнаніе свое онъ употребилъ еще къ большому всестороннему образованію, особенно предался музыкѣ и былъ глубокой знатокъ оной. Онъ довольно много писалъ музыкальныхъ вещей, игралъ на фортепіано и пѣлъ. Жена его, графиня Луиза Карловна, тоже была женщина умная, очень образованная и во время пребыванія своего въ деревнѣ посвятила себя исключительно воспитанію своихъ дѣтей. Воспитаніе это ей удалось вполне, дѣти ея вышли изъ ряду вонъ по ихъ образованію, учености и удивительной выдержкѣ, словомъ, отличались во всѣхъ отношеніяхъ; музыка тоже играла громадную роль въ ихъ воспитаніи: всѣ они были очень развиты въ умственномъ и музыкальномъ отношеніи. Въ царствованіе императора Николая Павловича графъ Михаилъ Юрьевичъ былъ прощенъ и возвращенъ изъ ссылки въ Петербургъ съ своимъ семействомъ. Онъ занялъ при дворѣ совершенно исключительное мѣсто друга дома; не проходило дня, чтобы онъ не былъ приглашаемъ къ ихъ величествамъ, или къ столу, или къ вечернему собранію, или сопровождалъ ихъ въ театръ. Своимъ пріятнымъ обращеніемъ и всесторонними знаніями онъ былъ неоцѣненный собесѣдникъ, а своей музыкой плѣнялъ всѣхъ. Дѣти его тоже сдѣлались друзьями царскихъ дѣтей. Графъ Іосифъ Михайловичъ былъ взятъ другомъ и товарищемъ къ наслѣднику Александру Николаевичу, который его нѣжно любилъ, и Іосифъ Михайловичъ имѣлъ большое и хорошее вліяніе на цесаревича. Онъ былъ офицеромъ лейбъ-гвардіи Павловскаго полка, коего наслѣдникъ былъ шефомъ съ рожденія. Іосифъ Михайловичъ умеръ молодымъ человекомъ. Аполина, какъ ее звали, и Софія Михайловны были подруги великихъ князей Маріи и Ольги Николаевнъ и одновременно моихъ старшихъ сестеръ. Михаилъ Михайловичъ былъ рожденъ калѣжкой; онъ сильно хромалъ. Кончивъ курсъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ, онъ служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, провелъ почти всю свою молодость за границей при разныхъ посольствахъ, былъ замѣчательно даровитъ и ученъ, прелестно импровизировалъ на фортепіано, обладалъ большимъ обая-

¹⁾ См. рѣдкую теперь брошюру К. Бороздина «Опытъ историческаго родословія дворянъ и графовъ Матюшкиныхъ».

нiемъ и, несмотря на свой физическiй недостатокъ, внушилъ не одну несчастную любовь къ себѣ, но никогда не женился. Во время осады Севастополя въ 1855 году онъ былъ посланъ уже императрицей Марiей Александровной агентомъ или уполномоченнымъ ¹⁾ для вспомошествованiя и утѣшенiя страждущихъ. Онъ такъ сердечно исполнилъ свою миссiю и великое призванiе, что заслужилъ глубокую любовь и уваженiе всѣхъ его окружающихъ, а несчастные страдальцы прозвали его «ходячимъ Христомъ». На горе своей семьи и друзей онъ заразился злокачественнымъ тифомъ и скончался преждевременно въ симферопольскомъ госпиталѣ, куда былъ отправленъ изъ Севастополя. Анна Михайловна, какъ уже сказано, была подругой великой княжны Александры Николаевны и моей сестры Софiи Петровны. Анолитъ, какъ ее звали, была совершенно особенное существо. Она была замѣчательнаго ума, въ высшей степени учена; играла на роялѣ, пѣла и рисовала прелестно. Собою она была не хороша, но имѣла то обаянiе, которое лучше всякой красоты и которое дѣлаетъ женщину идеальной. Она внушала очень многимъ несчастную любовь; они сгорали страстью къ ней, но она долго не хотѣла слышать о замужествѣ. Одинъ изъ ея поклонниковъ въ отчаянномъ разочарованiи отъ ея отказовъ передѣлалъ на нее извѣстное гордое слово герцога де Рогана «*Roi ne реux, prince ne veux, Rohan je suis*» (королемъ быть—не могу, княземъ—не хочу, Роганомъ пребываю), а онъ говорилъ про нее: «*Reine ne реux, femme ne veux, Anolite je suis*» (королевой—не могу, женой—не хочу, Анолитой—пребываю). Я знала ее, конечно, съ дѣтства, а по мѣрѣ, что я росла и когда уже могла понять всю прелесть этой несравненной личности, я стала ея близкимъ другомъ, хотя она была десятью годами старше меня. Она имѣла на меня громадное влiянiе въ религiозномъ и нравственномъ отношенiи. Вышла она замужъ уже не молодой, по просьбѣ отца на его смертномъ одрѣ, за князя Александра Ивановича Шаховского; но этотъ человекъ хотя ее и любилъ, но далеко отстоялъ отъ ея нравственной высоты. Она недолго была замужемъ и скончалась, оставивъ послѣ себя дочку ²⁾ нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Графиня Вiельгорская мало выѣзжала въ свѣтъ и рѣдко приглашалась ко двору. Императоръ Николай Павловичъ ее недолюбливалъ; она для него была слишкомъ педантична; по правдѣ, это и водилось за ней, хотя нельзя у нея отнять, что она была не изъ дюжинныхъ женщинъ. Она очень сошлась съ моею матерью, и наши семьи были въ весьма дружескихъ отношенiяхъ. Вiельгорскiе ку-

¹⁾ Не могу не обратить вниманiя читателей, что императрица Марiя Александровна первая возымѣла мысль объ отправленiи этихъ агентовъ или уполномоченныхъ на войну, когда нигдѣ еще объ обществѣ Краснаго Креста не было и помину.

²⁾ Графиня М. А. Келлеръ.

пили громаднѣй домъ въ Петербургѣ, на углу Михайловской площади и Итальянской улицы; вся семья въ немъ помѣщалась; даже когда старшія дочери вышли замужъ, то и онѣ тутъ жили со своими семействами. Графъ Матвѣй Юрьевичъ, никогда не женившійся, жилъ тоже съ ними; этотъ домъ прозвали «ноевъ ковчегъ». Вѣльгорскіе вели жизнь очень открытую, принимали весь городъ, давали большіе концерты и балы. Ихъ домъ открытъ былъ всѣмъ артистамъ безъ исключенія, равно какъ и литераторамъ. Всякую недѣлю у нихъ бывали маленькіе музыкальные вечера, игрались квартеты, симфоніи, вообще только классическая музыка; эти вечера состояли только изъ малаго избраннаго кружка, настоящихъ любителей классической музыки; я имѣла удовольствіе быть одной изъ счастливыхъ избранныхъ, какъ только я подросла и получила свое музыкальное воспитаніе и вкусъ къ классической музыкѣ въ этомъ семействѣ; бывало, графъ Михаилъ Юрьевичъ подсадетъ ко мнѣ и заставляетъ меня слушать по-своему, указывая на самыя лучшія, выдающіяся мѣста. Въ ихъ домѣ я познакомилась со многими знаменитостями того времени (40-хъ и 50-хъ годовъ): Вьетаномъ, Віардо, Гризи, Маріо, Тамберликомъ, Антономъ Рубинштейномъ, Серве, Лаблашемъ и др. У нихъ же я часто встрѣчала И. С. Тургенева и разныхъ другихъ интересныхъ личностей. Изъ всѣхъ итальянскихъ артистовъ особенно былъ пріятель Лаблашъ; онъ былъ умный, веселый старикъ, который цѣлый вечеръ могъ занимать своей оригинальной бесѣдой. Графъ Матвѣй Юрьевичъ игралъ великолѣпно на віолончели, и на всѣхъ этихъ музыкальныхъ вечерахъ онъ самъ участвовалъ.

Однажды, помню, это было уже въ 1852 или 1853 году, у Вѣльгорскихъ готовился большой концертъ; намѣревались играть септюоръ Бетховена; я собиралась, конечно, съ особымъ удовольствіемъ, ѣхать на этотъ вечеръ. Вдругъ, послѣ обѣда, въ необычайный часъ, зовутъ меня въ императрицѣ, и она мнѣ объявляетъ, что и она хочетъ послушать септюоръ, приказывая мнѣ немедленно отправиться къ Вѣльгорскимъ и устроить все, чтобъ ей было покойно и неутомительно. Въ тѣ годы это уже было большое событіе, что императрица хотѣла выѣхать вечеромъ; здоровье ея величества становилось очень слабо, и она никогда не выѣзжала по вечерамъ. Я сейчасъ же отправилась къ Вѣльгорскимъ и объявила имъ, что императрица хочетъ у нихъ провести вечеръ, хотя и поручаетъ мнѣ имъ сказать, что «незванный гость хуже татарина». Можно себѣ представить, какъ они были осчастливлены посѣщеніемъ этого «незваннаго гостя».

6-го февраля 1853 года, скончалась отъ тяжелой болѣзни графиня Луиза Карловна, а графъ Михаилъ Юрьевичъ умеръ въ 1856 году, въ Москвѣ, во время коронаціи императора Александра II. Графъ Матвѣй Юрьевичъ долго еще жилъ послѣ своего брата. Онъ былъ

шталмейстеромъ при дворѣ великой княгини Маріи Николаевны со дня ея свадьбы, но послѣ кончины императора Николая Павловича перешель гофмейстеромъ ко двору императрицы Александры Теодоровны и скончался, не упомяну хорошо когда, кажется, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Мнѣ довелось присутствовать, когда графъ Матвѣй Юрьевичъ передалъ свой знаменитый віолончель, будучи уже очень преклонныхъ лѣтъ, извѣстному віолончелисту Давыдову, какъ русскому артисту, сказавъ при этомъ слѣдующія слова: «Не найду никого достойнѣе получить мой Страдивариусъ, кромѣ васъ!». Вся зала дворянскаго собранія задрожала отъ аплодисментовъ, когда маститый старикъ, взоидя на эстраду, передъ всей публикой вручилъ свой инструментъ молодому концертанту, удостоившемуся своимъ талантомъ столь драгоцѣннаго дара. Давыдовъ былъ внѣ себя отъ счастья, а графъ тронуть до слезъ; онъ ужасно любилъ свой віолончель и не иначе называлъ его, какъ «своей женой».

Со смертью графа Матвѣя Юрьевича угасла фамилія графовъ Віельгорскихъ, и закрылся этотъ гостепріимный домъ.

XV.

Не могу не упомянуть здѣсь еще объ одной замѣчательной личности, тоже близкой къ высочайшему двору того времени. Исторія графини Анны Алексѣевны Орловой-Чесменской слишкомъ извѣстна, чтобъ мнѣ ее описывать, скажу лишь, что графиня была очень любима и глубоко опѣнена по достоинству государемъ и государыней. И что за чудное, свѣтлое явленіе была эта женщина! Когда я ее начинаю помнить, она уже была очень не молода и жила отшельницей въ Юрьевскомъ монастырѣ, Новгородской губерніи. Несмотря на это, она изрѣдка пріѣзжала въ Петербургъ, чтобъ навѣщать ихъ величества. Въ прежніе годы, когда она еще не покидала свѣта, будучи камеръ-фрейлиной, она сопровождала императрицу въ путешествіяхъ; своимъ умомъ, простымъ обхожденіемъ и веселостью характера она была весьма пріятной спутницей. Въ этихъ путешествіяхъ она сблизилась съ моей маушкой и когда пріѣзжала изъ своего «уединенія», то постоянно бывала у насъ. Она сохранила до старости лѣтъ свой веселый складъ ума, далеко не была ханжей, напротивъ, была проста въ своей набожности, вовсе не выказывая себя. Возвращаясь на короткое время въ свѣтъ, графиня Анна Алексѣевна обращалась опять въ свѣтскую даму, надѣвала брильянты и ѣздила на пріемы къ высочайшему двору. Въ церкви не только не представлялась какою нибудь особенною богомолицей, а совсѣмъ просто молилась, какъ и всѣ, не дѣлая даже земныхъ поклоновъ и не снимая перчатки съ руки, чтобъ креститься; это меня всегда

очень поражало. Говорили, что ея духовникъ и руководитель, архимандритъ Фотій, налагалъ на нее это наружное послушаніе, когда она возвращалась въ свѣтъ, но что подъ нарядными платьями она носила власяницу и вериги; за послѣднее не ручаюсь, потому что не знаю. Графиня Анна Алексѣевна была высокаго роста, очень полная, представительная особа, никогда не была красива, даже въ молодости, но у нея было удивительно свѣтлое и доброе выраженіе лица. Голосъ ея звучалъ замѣчательно пріятно, когда она говорила, и рѣчь ея была увлекательно хороша.

Про нее было распушено много нелѣпыхъ и ложныхъ слуховъ, особенно послѣ ея смерти, но, конечно, эти сплетни не могли бросить ни малѣйшей тѣни на ея память, для коротко знающихъ ее лицъ. Графиню Анну Алексѣевну я очень, очень любила; когда она пріѣзжала въ Петербургъ, для меня это была огромная радость, хотя я была еще совсѣмъ дѣвочкой—она была ко мнѣ всегда очень добра и ласкова.

XVI.

Въ 1843 году, состоялось бракосочетаніе великой княжны Александры Николаевны; она вышла замужъ за принца Фридриха Гессенъ-Кассельскаго; въ одно и то же время праздновали бракъ великой княжны Елисаветы Михайловны, второй дочери великаго князя Михаила Павловича, и великой княгини Елены Павловны; Елисавета Михайловна вышла замужъ за герцога Адольфа Нассаускаго, тогда еще владѣтельнаго. Въ честь этихъ двухъ свадебъ, между другими празднествами, было дано у ихъ высочествъ Михаила Павловича и Елены Павловны великолѣпное представленіе всего «Оберона» (Вебера) съ пантомимой и танцами, принадлежащими къ этому извѣстному произведенію. «Оберонъ» былъ сыгранъ петербургскимъ высшимъ обществомъ. Великія княгини тоже принимали участіе въ этомъ представленіи. Великая княгиня Марія Николаевна была во главѣ кадрили сильфовъ, составленной изъ дамъ, подходящихъ къ ея росту; въ томъ числѣ была и сестра моя Софія Петровна, которая въ то время была очень хороша собой. Во главѣ кадрили ундинъ была великая княжна Ольга Николаевна. Эти двѣ великія княгини до того были красивы, что положительно представляли изъ себя нѣчто сверхъестественное.

Увы! это замѣчательное представленіе и своимъ великолѣпіемъ и тѣмъ, что это единственный разъ, когда «Оберонъ» былъ исполненъ въ Петербургѣ, оставило послѣ себя самое грустное воспоминаніе: обѣихъ великихъ княгинь, которыхъ праздновались свадьбы,—вскорѣ не стало!

Въ 1844 году, 29-го іюля, скончалась наша прелестная, несравненная Александра Николаевна въ родахъ, отъ чахотки.

Лѣто это вся царская фамилія проводила въ Царскомъ Селѣ; надѣялись, что воздухъ этой мѣстности будетъ здоровѣе для возлюбленной больной; но ей становилось все хуже, сухой кашель и жгучая лихорадка ее одолѣвали; она видимо гасла.

Помню, какъ въ день смерти великой княгини матушкѣ, возвратившейся домой только для того, чтобы съ нами пообѣдать, во время стола пришли сказать, что ея высочество скончалась. Мать моя бросила и насъ и обѣдъ и поспѣшно отправилась къ убитой горемъ императрицѣ.

Вечеромъ меня повезли приложиться къ тѣлу усопшей. Это была первая покойница, которую мнѣ приходилось видѣть. Она была чудо какъ хороша; лежала на своемъ смертномъ одрѣ, какъ изваянная изъ бѣлаго мрамора статуя; около нея покоился ея новорожденный ребенокъ, котораго, кажется, она даже не доносила, и онъ жилъ только нѣсколько часовъ. Комната была въ полумракѣ, все было тихо, уныло; слышался только голосъ дьякона, читавшаго на распѣвъ грустнымъ, тихимъ голосомъ св. Евангеліе.

Первое семейное горе, постигшее нашу дорогую императорскую фамилію! Вся Россія приняла жгучее участіе въ несчастіи, поразившемъ ея возлюбленныхъ царя и царицу... Государь и императрица были въ отчаяніи и много лѣтъ не могли оправиться отъ этого горя.

Александра Николаевна скончалась въ Царскосельскомъ Александровскомъ дворцѣ, въ большомъ угловомъ кабинетѣ императрицы. Мѣсто, на которомъ стояла кровать страждущей дочери, впоследствии было отдѣлено отъ кабинета, и на немъ устроена молельня въ ея память. Нашъ извѣстный художникъ Брюловъ написалъ поясной образъ, натуральной величины, гдѣ чудное лицо Александры Николаевны изображено въ ликѣ св. мученицы царицы Александры, восходящей на небо. Образъ этотъ поставленъ по средней стѣнѣ, а по боковымъ стѣнамъ висятъ кіоты со всѣми принадлежавшими покойницѣ иконами.

Императрица не занимала больше этотъ кабинетъ. Она не въ силахъ была жить въ комнатѣ, напоминавшей понесенную ею утрату. Поэтому распредѣленіе покоевъ ея величества было совсѣмъ переиначено, и въ Александровскомъ дворцѣ больше никогда не давалось, при жизни Николая Павловича и Александры Феодоровны, ни баловъ и никакихъ празднествъ. Ихъ величества не хотѣли, чтобы веселились въ залахъ, чрезъ которыя проносились останки ихъ возлюбленной дочери, отшедшей преждевременно въ вѣчность. Въ одной изъ залъ былъ поставленъ походный иконостасъ, и тамъ стояло нѣсколько дней тѣло покойной великой княгини, до перенесенія его въ Петропавловскую крѣпость.

Во время своей болѣзни Александра Николаевна задумала устроить сюрпризъ своимъ родителямъ и приказала построить на одномъ изъ

островковъ въ Царскосельскомъ паркѣ, на которомъ она часто проводила время со своей матерью, небольшой сельскій деревянный домикъ. Но сюрпризъ этотъ былъ готовъ уже послѣ ея кончины. Тамъ поставленъ монументъ въ ея память. Ея статуя во весь ростъ, держащая на рукахъ младенца, стоитъ на облакахъ и собирается улетать. Статуя эта исполнена изъ бѣлаго мрамора художникомъ Витали, сходство поразительно, особенно профиль совершенно ея. Въ домикѣ виситъ небольшой акварельный портретъ великой княгини, съ подписью словъ, сказанныхъ ею: «Je sais que le plus grand plaisir de para c'est d'en faire à maman!» (Я знаю, что самое большое удовольствіе папа состоитъ въ томъ, чтобъ дѣлать удовольствіе мама!...). Она все это устраивала въ память себя для матери, въ мысли, что она оставитъ родительскій домъ и отечество, чтобъ слѣдовать за мужемъ! На прудѣ, окружающемъ этотъ островокъ, плаваютъ черные лебеди. Грустное мѣсто!

XVII.

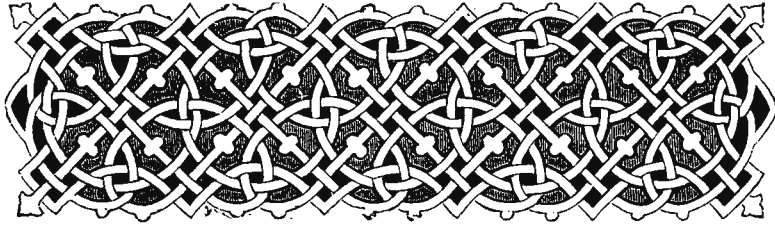
Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ перваго горя, постигнаго царскую семью, тоже первое горе постигло и наше семейство: 30-го августа, того же 1844 года, убитъ на Кавказѣ, какъ уже сказано выше, братъ мой Дмитрій.

Послѣ похоронъ великой княгини Александры Николаевны дворъ переѣхалъ въ Петергофъ, а мы, какъ всегда, въ Знаменское.

Нѣсколько дней послѣ 30-го августа, не могу сказать именно какого числа,—тогда телеграфы не существовали, то-есть, я хочу сказать электрическіе телеграфы, потому что сигнальные были, но въ туманъ и ненастную погоду они не могли дѣйствовать, потому что сигналы не были видны, такъ что вѣсти не скоро доходили и болѣе всего употреблялись курьеры, мчавшіеся день и ночь на перекладныхъ съ депешами,—итакъ, въ одинъ ненастный сентябрьскій вечеръ, не въ обычный часъ, вижу, ѣдетъ къ намъ карета императрицы, останавливается у подъѣзда, изъ кареты выходятъ ея величество и великая княжна Ольга Николаевна и направляются прямо въ спальню матушки; мы всѣ въ недоумѣніи, что это можетъ значить. Вдругъ слышу я изъ своей дѣтской, смежной со спальней, пронзительный крикъ и рыданья моей матери, бросаюсь опретью въ комнату и узнаю ужасную вѣсть о смерти брата. Какъ только была получена государемъ чрезъ курьера съ Кавказа эта вѣсть, императрица сейчасъ же поѣхала въ Знаменское, сообщить родителямъ о постигшемъ ихъ несчастіи...

Баронесса М. Фредериксъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СЕМЬ АРЕСТОВЪ.

(Изъ воспоминаній).

ОГДА мнѣ приходится иногда рассказывать кое-что изъ моего прошлаго, то многіе меня убѣждаютъ, что мнѣ бы слѣдовало написать хоть вкратцѣ мои воспоминанія о томъ, что я видѣлъ и кого зналъ. Я всегда отвѣчаю на это, что такъ какъ моя жизнь—въ особенности первая ея половина—прошла нѣсколько необычно и незаурядно, то, конечно, рассказать изъ нея кое-что, было бы, если не важно, не значительно, то все-таки занимательно и забавно...

Когда я вспоминаю, какъ приходилось мнѣ, подобно многимъ, выбиваться съ проселка на большую дорогу, и кого встрѣчалъ я въ пути, то въ памяти моей возстаетъ цѣлая курьезная одиссея, а въ воображеніи проходитъ цѣлая вереница личностей, съ громкими именами, съ выдающимся значеніемъ на страницахъ лѣтописи російской за вторую половину этого столѣтія. И я искренно и твердо обѣщаю себѣ засѣсть за писаніе своихъ воспоминаній... завтра! Иначе говоря обѣщаніе я даю себѣ уже лѣтъ съ пятнадцать.

Быть можетъ, я не одинъ, а насъ цѣлый легіонъ въ этомъ положеніи, и всякаго останавливаетъ не одна лѣнь, а и многое другое.

Во-первыхъ, какъ узнать, стѣбитъ ли печатно говорить о томъ, что любопытно въ дружеской бесѣдѣ?.. Во-вторыхъ, хорошо ли говорить о томъ, что случайно знаешь о лицахъ, уже «умолкнувшихъ», и обнажать ихъ частную жизнь «при всемъ честномъ народѣ»? Наконецъ, сумѣешь ли рассказать?.. Можно передать самый интересный фактъ скучнѣйшимъ образомъ.

Вотъ уже лѣтъ съ 20—30, какъ въ запискахъ и воспоминаніяхъ недостатка нѣтъ... Появились и появляются ежедневно воспоминанія и о временахъ очаковскихъ и о вчерашнемъ днѣ. Но если всякіе мемуары почти поглощаютъ журналы и литературу, то поглощаютъ ли они всегда... вниманіе читателя?!

Вотъ въ этомъ и бѣда. Записки и воспоминанія должны быть интереснѣе романовъ или... не быть. А вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ должны быть прежде всего правдивы... Творчество, въ данномъ случаѣ, получить наименованіе иное, будетъ—лганье.

Такимъ образомъ, на вопросъ: писать ли свои воспоминанія, я отвѣтилъ себѣ: попробовать. Начать съ отрывковъ и эпизодовъ.

И вотъ недавно совершенно случайно мнѣ пришло на умъ взять изъ далекаго и близкаго прошлаго un peu de tout... Вырвать нѣсколько извѣстныхъ страницъ изъ книги жизни и сшить ихъ вмѣстѣ, безъ ущерба смыслу. Это сочетаніе будетъ потому возможно, что на каждой изъ этихъ страницъ жизни повторяется тотъ же мотивъ, тотъ же припѣвъ: «какъ я долженъ былъ быть арестованъ за свои вины или безвинно и какъ избѣгнулъ ареста».

Цѣль моя и претензія не велики,—просто занять читателя. Если иной мой арестъ получить оттѣнокъ историческій, благодаря обстоятельствамъ и лицамъ, о которыхъ я говорю, то рядомъ другой арестъ—просто шуточный анекдотъ или забавное приключеніе, имѣющее лишь одну цѣну: правда изъ дѣйствительности, а не прикрашенный вымыселъ.

Долженъ предупредить, однако, и объяснить слѣдующее.

Рассказать, какъ человѣка хотѣли за что либо арестовать, можно, конечно, въ двухъ-трехъ словахъ. Слѣдовательно я подробно распространяюсь не о самыхъ арестахъ, которыхъ я вдобавокъ избѣгнулъ, а о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ бѣда мнѣ грозила, и о тѣхъ лицахъ, которыя случайно соприкасались или имѣли какое либо соотношеніе къ этимъ арестамъ.

Всѣхъ этихъ покушеній власти и закона на мою особу, при которыхъ никакой habeas corpus не помогъ бы, было около десяти, но я расскажу только семь.

И этого бы, кажется, достаточно?.. Иной мирный гражданинъ (а я всегда имъ былъ) ни одинаго раза въ жизни не бывалъ на волосокъ отъ кары, въ видѣ крѣпости, тюрьмы или кутузки. Почему у меня было такое счастье, такая удача на аресты,—право, не знаю.

I.

Если рассказывать избѣгнутыя мною заарестованія, то ужъ, конечно, нельзя обойти молчаніемъ самое первое, приключившееся когда мнѣ было всего десять лѣтъ.

Была весна 1850 года. Прошлая зима была знаменательною въ семьѣ нашей,—она принесла переломъ въ жизни моей матери.

Въ сороковыхъ годахъ моя мать жила съ дѣтьми своими беззаботно, въ домѣ своего отца, ветерана и героя отечественной войны, В. А. Сухова-Кобылина, жившаго въ Москвѣ, въ качествѣ подольскаго предводителя дворянства. Если я называю дѣда «героемъ», то потому что онъ участвовалъ во всѣхъ крупныхъ сраженіяхъ 1812 года, былъ не разъ раненъ, потерялъ глазъ отъ контузій и былъ кавалеромъ русскаго «Георгія» и прусскаго «Pour le Merite» полученныхъ изъ рукъ Константина Павловича и Блюхера. А эти ордена въ тѣ времена давались нѣсколько осмотрительнѣе...

Дѣдъ мой нанималъ огромный домъ, принадлежавшій тогда графу Гудовичу, и нынѣ существующій рядомъ съ генераль-губернаторскимъ домомъ и протянувшійся по Тверской и по Брюсову переулку. Дѣдъ жилъ широко, «помосковски», съ дѣтьми и внуками.

Къ 50-му году вся семья какъ-то распалась, всѣ разъѣхались въ разныя стороны.

Дѣдъ былъ назначенъ опекуномъ надъ огромнымъ состояніемъ и Выксунскими желѣзными заводами своихъ родственниковъ Шепелевыхъ. Изъ двухъ сестеръ моей матери одна незадолго передъ тѣмъ вышла замужъ, а другая, обладая крупнымъ дарованіемъ пейзажиста, уѣхала въ Крымъ учиться рисовать съ натуры. Дядя А. В. Сухово-Кобылинъ купилъ себѣ домъ и поселился отдѣльно. Въ этомъ именно домѣ (нынѣ Нарышкиной на Нарышкинскомъ скверѣ) писалась «Свадьба Кречинскаго», а пять лѣтъ спустя праздновалось первое представленіе комедіи, которая вотъ уже сорокъ лѣтъ не сходитъ со сцены. На этомъ празднованіи, ужинѣ, я впервые увидѣлъ вблизи Щепкина, Садовскаго, Шумскаго и Васильева.

Моей матери пришлось, конечно, тоже поселиться отдѣльно и самостоятельно, такъ какъ она не захотѣла покинуть Москву. Состояніе, которымъ она располагала, было, однако, очень небольшое. И къ чему же это повело?.. Къ тому, что ради заработка, явилась въ русской литературѣ «Евгенія Туръ» и неустанно затѣмъ работала, не выпуская пера, въ продолженіе 43 лѣтъ.

Недостаточность средствъ, которыми она располагала для жизни съ двумя дѣтьми въ Москвѣ, именно и побудила ее попробовать писать. Еще будучи очень юной, она много переводила съ французскаго, и одинъ ея переводъ, сдѣланный еще въ 16 лѣтъ, былъ напечатанъ въ одномъ московскомъ журналѣ тридцатыхъ годовъ.

Затѣмъ около двадцати лѣтъ подъ рядъ, любя писать, она писала урывками, иногда, кой-что, но для себя и друзей, да вдобавокъ исключительно пофранцузски.

Теперь друзья уговорили ее попробовать писать порусски. Эта проба была повѣсть «Ошибка», имѣвшая большой успѣхъ.

Первое произведеніе, замѣченное публикой и расхваленное критикой, конечно, ввело мою мать сразу въ тогдашній литературный кругъ, и въ домѣ напемъ стали бывать такія личности, какъ Гра-

новскій, Шевыревъ, Сушковъ, Станкевичъ... Но вмѣстѣ съ ними снова появились и старые друзья, Раичъ (переводчикъ «Энеиды») и М. А. Максимовичъ, прежніе наставники матери по русскому языку и литературѣ. Они ликовали, что ихъ ученица стала писательницей.

Вскорѣ же въ этомъ литературномъ кружкѣ случилось почти событіе. Всеобщій идолъ, Т. Н. Грановскій, никогда ничего никому не посвящавшій, вдругъ посвятилъ моей матери сочиненіе «Пѣсни Эдды о Нифлунгахъ», а знаменитая поэтесса, графиня Ростопчина, ей написала «анонимное» хвалебное посланіе, ходившее по рукамъ и которое сохраняется у меня и теперь...

Послѣ огромнаго дома на Тверской, гдѣ была пропасть парадныхъ комнатъ, гдѣ давались большіе балы, гдѣ держали до двадцати лошадей на конюшнѣ и ораву дворовыхъ людей, мы очутились въ крошечномъ домикѣ съ тремя крѣпостными людьми и съ парой лошадей. Наша столовая, самая большая комната, была вдвое меньше размѣромъ, нежели спальня матери въ домѣ Гудовича.

Поселились мы около Сухаревой башни, въ 3-й Мѣщанской, почти на углу площади. Причина выбора такой дальней окраины Москвы и такого демократическаго квартала обусловливалась исключительно тѣмъ, что сестра моя была отдана въ знаменитый тогда пансіонъ Гларнеръ, находившійся по близости, въ 4-й Мѣщанской.

Я тогда готовился къ поступленію въ гимназію, но учился плохо... За то я много читалъ и, помнится, съ переѣздомъ на квартиру къ Сухаревой башнѣ, нѣсколько ночей не спалъ, вскрикивалъ и бѣжалъ спасаться къ нянѣ.

Старушка чрезъ силу подымалась, быстро являлась на мой зовъ о помощи со словами:

— Полно! Полно! Спи!.. Эхъ, проклятыя книжки.

Я только что прочелъ «Вія» Гоголя... Но не Вій смуцалъ меня своими ночными визитами, а красавица вѣдьма, погубившая Хому Брута, все летала въ гробу вокругъ меня.

Вмѣстѣ съ тѣмъ въ эту пору я началъ читать Плутарха пофранцузски, котораго мнѣ подарилъ съ надписью Грановскій, и который, конечно, тоже цѣлъ до сихъ поръ. Я совершенно не понимаю, какимъ образомъ, —вѣроятно, изъ уваженія къ Грановскому, —могъ Плутархъ нравиться мнѣ почти не меньше «Вечеровъ близъ Диканьки».

Всякій день около двухъ часовъ я отправлялся въ гимнастическое заведеніе Пуарэ и Билъе на Неглинной, куда меня проводжали или лакей Иванъ Рѣпинъ, или горничная Лукерья, крошечнаго роста, съ громкой фамиліей —Трубецкая.

Это отсутствіе прислуги изъ дому часа на два среди дня было неудобно. И вотъ, однажды, въ началѣ апрѣля, когда вся Москва была въ ручейкахъ и рѣкахъ, въ прудахъ и озерахъ (тогда снѣгъ

не кололи и не увозили), моя мать рѣшилась на важный шагъ. Она призвала меня и сказала:

— Ты большой мальчикъ, теперь тебѣ скоро минетъ десять лѣтъ. Поэтому тебѣ пора уже выходить изъ дома одному. Но ты общаешься мнѣ осторожно переходить улицы, не лѣзть подъ лошадей и быть вообще умникомъ.

Я общался и былъ гордъ.

Тотчасъ же я собрался въ «гимнастику». Ради перваго дебюта— няня, Лукерья и еще кто-то вышли меня провожать на крыльцо, чтобы поглядѣть, «какъ я пойду».

Я пошелъ и оглядывался... Я шелъ, важно размахивая маленькой тросточкой... Но когда я завернулъ за уголъ и двинулся по Садовой, а домики нашъ и крыльцо скрылись изъ виду... то я сразу нѣсколько струхнулъ.

И то, что случилось чрезъ какихъ нибудь пять минутъ, часто потомъ заставляло меня призадумываться или «философствовать».

Я не прошелъ по Садовой и пятнадцати сажень, какъ встрѣтилъ трехъ мальчугановъ, которые, перейдя улицу отъ церкви Николы въ Грачахъ, вошли на тротуаръ прямо на меня.

И всѣ трое сразу мной заинтересовались... Старшему, долговязому, было лѣтъ тринадцать, остальнымъ двумъ отъ восьми до десяти. Они впились въ меня глазами и тотчасъ же начали насмѣшливо ухмыляться. Что привлекло ихъ вниманіе? Я думаю, что это былъ мой видъ «пайныки», скромнаго мальчика, очевидно, трусившаго отъ своего одиночества на улицѣ.

— Эй, воробей! Ты куда это? — сказалъ старшій, налѣзая на меня, и такъ какъ я попятился, то чрезъ мгновеніе былъ уже прижатъ къ забору. Старшій сталъ предо мной вплотную, двое другихъ стояли за нимъ, и всѣ трое ухмылялись и озорно.

— Вишь, воробей. Еще какъ картузь надѣлъ. Вотъ какъ надо...

И онъ передернулъ картузь на моей головѣ, а затѣмъ пришепнулъ по немъ.

— Что вы! Какъ вы смѣете! — произнесъ я такимъ упавшимъ отъ страха голосомъ, что всѣ трое расхохотались на всю улицу.

— Ишь глазища-то, точно у вороны! — сказалъ старшій и ткнулъ меня пальцемъ въ щеку.

Я замахнулся своей тростью... но чувствовалъ, что это только для виду, но куражу не хватить...

Я за все мое дѣтство ни разу не подрался ни съ кѣмъ, развѣ съ сестрой, но это, конечно, въ счетъ не идетъ.

— Какъ вы смѣете? — повторилъ я.

— А! Ты палкой!? — вскрикнулъ старшій, какъ бы обиженный. — Ладно... Погоди...

И шустрый мальчуганъ досталъ откуда-то, длинную хворостину, помочилъ ее въ водѣ, которая струилась по канавкѣ, и хлестнулъ ею по мнѣ.

Моментально мое платье, картузь, лицо—все было въ грязи, а холодная вода потекла съ головы за воротъ. И я, трусишка, какъ не знаю, но такъ ударилъ его моею тростью, что только половинка ея осталась у меня въ рукѣ...

И, вѣроятно, не отъ удара, а отъ моего бѣшеннаго вида и лица всѣ трое припустились бѣжать внизъ по Садовой... Я хотѣлъ преслѣдовать, ибо злоба душила меня.

Но въ тотъ же мигъ сильная рука схватила меня за воротъ... Я обернулся, хотѣлъ ударить половинкой палки, но отъ изумленія рука опустилась.

Меня держалъ за воротъ высокій, полный и красивый... дьяконъ или священникъ.

— Ахъ, ты, озорникъ. Нешто можно такъ драться. Шутка! Палку сломалъ.

— Они дерутся.. Они меня въ грязи выпачкали.

— По дѣломъ. За озорничество. Пойдемъ-ка, пойдемъ...

Батюшка взялъ меня за руку у плеча и повелъ черезъ улицу... Куда—я не понималъ, но шелъ поневолѣ и чрезъ нѣсколько мгновеній понялъ. Предъ нами около церкви Николы въ Грачахъ была будка...

— Батюшка... Я, ей-Богу... началъ я...

— Хорошо. Хорошо... Отсидишь, не будешь озорничать,—отвѣтилъ онъ просто, какъ бы бесѣдуя со мной.—Эй, бутырь!—крикнулъ онъ.

Но будочника не оказалось. Одна алебарда стояла прислоненная къ стѣнѣ будки. Очевидно, въ эту минуту блюститель порядка не былъ, по выраженію Кузьмы Пруткова, цвѣткомъ «незабудкой», ибо былъ за буткой.

— Обида... Ну, обождемъ, — сказалъ батюшка.

Мы стали ждать будочника, которому онъ, очевидно, хотѣлъ меня передать для острастки и попросить запереть у себя на нѣкоторое время. Не знаю, имѣлъ ли право будочникъ приравнять меня къ пьяницамъ, грубіянамъ и мазурикамъ, которыхъ обыкновенно сажали въ будки въ видѣ предварительнаго заключенія.

Но куда будочникъ не являлся, батюшка сталъ разспрашивать, гдѣ «озорникъ» живетъ, кто родители и т. д.

— Такъ ты, графчикъ?—изумился онъ.—Не врешь?

Я побоялся и рассказалъ подробно, какъ было дѣло, удивляясь, что батюшка не видалъ всего предъидущаго до моего удара палкой.

— Да я изъ-за угла выпелъ, — объяснилъ онъ.—Только и видѣлъ какъ «вы» этого мальчишку вытянули. Ну, извините. Счастливо оставаться.

Будь будочникъ цвѣткомъ, я бы отсидѣлъ навѣрное съ четверть часа, ради острастки.

Тотчасъ же вернулся я домой и рассказалъ свой дебютъ «большого» мальчика, которому, якобы можно гулять одному.

И еще мѣсяца съ два до самаго отъѣзда въ деревню на лѣто меня провожала въ гимнастику или Лукерья Трубецкая или лакей. Только въ началѣ зимы дебютировалъ я вновь и удачнѣе «пошелъ» одинъ.

II.

Второй мой арестъ, наименѣе интересенъ, тѣмъ болѣе, что такимъ арестамъ подвергались и продолжаютъ подвергаться многіе— всѣ тѣ, кто учится въ школахъ и гимназіяхъ. Это было, кажется, въ пятьдесятъ второмъ или третьемъ году. Я былъ уже давно ученикомъ 3-ей реальной гимназіи.

Считаю нелишнимъ и отчасти характернымъ сказать, на какихъ условіяхъ моя мать отдала меня въ гимназію. Это были Николаевскія времена со своими особыми порядками. Вопросъ о томъ, учиться ли мнѣ дома или въ казенномъ заведеніи, былъ вопросомъ крайне важнымъ для моей матери по той простой причинѣ, что учился я плохо, проводя дни въ чтеніи романовъ и не имѣя по этому времени готовить уроки. А на лѣнливыхъ учениковъ во всѣхъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ еще царствовала розга, въ иныхъ же заведеніяхъ царила безпощадно.

Между тѣмъ моя мать не могла допустить мысли о возможности тѣлеснаго наказанія по отношенію ко мнѣ. Помнится мнѣ смутно, что вопросъ объ отдачѣ меня въ гимназію длился по крайней мѣрѣ около года, и, наконецъ, я былъ отданъ въ 3-ю гимназію, въ которой директоромъ былъ Погорѣльскій, извѣстный математикъ и равно извѣстный своимъ суровымъ нравомъ и строгостью. Моей матерью было поставлено условіе и принято Погорѣльскимъ, что для меня будутъ допущены только три рода наказанія: на колѣни въ классѣ, карцеръ и, съ исключеніемъ всѣхъ другихъ послѣдующихъ степеней, прямо увольненіе. Эти исключенныя другія степени были: пять, десять, двадцать пять и изрѣдка, для самыхъ отчаянныхъ и лѣнтяевъ — пятьдесятъ розогъ.

Хорошо помню, какъ однажды послѣ русской рубашки и шароваръ на меня напялили какое-то орудіе пытки, которое перехватило мнѣ тисками грудь, перехватило горло и такъ подперло подбородокъ, что я не могъ ни двигаться, ни дышать. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я все-таки былъ гордъ и, проходя мимо зеркаль, невольно любовался на самого себя, на красный воротникъ съ галуномъ и на серебряныя пуговицы.

Помню, что именно 11-го октября 1851 года мой наставникъ Е., М. Θεоктистовъ, привезъ меня на Лубянку въ зданіе гимназіи, которая и теперь, черезъ сорокъ пять лѣтъ, все на томъ же мѣстѣ. Кто-то принялъ меня съ рукъ на руки, провелъ длиннымъ коридоромъ, ввелъ

въ довольно большую комнату, гдѣ были парты и скамьи, на которыхъ пестрѣли красные воротники, и посадилъ на самой послѣдней... Все, что было въ классѣ маленькихъ человѣчковъ, сразу обернулось и оборачивалось на меня. Нѣсколько разъ учитель, сидѣвшій на каедрѣ, кричалъ и стучалъ карандашемъ по столу, приглашая быть внимательнѣе и оставить безъ вниманія вновь поступившаго, но усилія его были тщетны. Новый товарищъ среди учебного сезона былъ явленіемъ незауряднымъ.

Разумѣется, по окончаніи урока, едва только прозвонилъ колокольчикъ, и учитель вышелъ изъ класса, какъ вся орава мальчугановъ обступила меня съ вопросомъ:

— Какъ твоя фамилія?

И тутъ произошло со мной нѣчто, что, вѣроятно, происходило и будетъ происходить со всѣми, кто поступаетъ въ школу. Тотчасъ же, какъ и въ жизни, оказались друзья и враги, нахалы и заступники, и затѣмъ понемногу въ этомъ классѣ я занялъ подобавшее мнѣ, по моему характеру, «общественное» положеніе. У меня оказалось два, три врага, изъ коихъ одинъ заклятый врагъ. Богъ вѣсть за что и почему! Но большинство стало добрыми товарищами, человѣкъ же пять—настоящими друзьями.

Въ этотъ же первый день, послѣ окончанія ученія, ко мнѣ подошелъ высокій и плотный человѣкъ съ красноватымъ лицомъ, свѣтло-бѣлокуроыми, почти бѣлыми, волосами и свѣтло-сѣрыми, но какъ бы слегка мутными глазами. Черты лица его были грубоваты, но первое, что бросалось въ глаза, было добродушіе.

Это былъ младшій надзиратель, подъ вѣдѣніемъ котораго находились первые два класса. Вѣроятно, многіе изъ моихъ товарищей помнятъ, вспомнятъ и помянутъ добромъ этого человѣка, который какъ-то безсознательно, не изъ принципа, а по натурѣ своей, смягчалъ существовавшіе школьные порядки, смягчалъ тотъ гнетъ, который лежалъ на всемъ, лежалъ, разумѣется, и на дѣтяхъ.

Это былъ Михаилъ Гавриловичъ Пушкинъ, пробывшій надзирателемъ 3-ей гимназіи такъ долго, что я не могу и приблизительно сказать, сколько поколѣній москвичей знаютъ его, познакомаясь съ нимъ еще дѣтьми.

Я напому лишь одну черту Михаила Гавриловича: онъ былъ страшно вспыльчивъ и неразборчивъ на слова. Его обязанности заключались въ томъ, чтобы смотрѣть за тишиной и порядкомъ въ классахъ, въ особенности въ тѣ минуты, когда звонокъ заставлялъ учениковъ уже разсаживаться по лавкамъ, а учитель еще не являлся изъ залы въ классъ.

Во время отдыха между звонками тоже не позволялось очень шумѣть, но все-таки можно было двигаться, громко разговаривать, и только не бѣгать по классу или по коридору. Но разъ прозвонилъ звонокъ и всѣ на мѣстахъ, почему-то требовалась безу-

словная, гробовая тишина, какъ если бы дѣти находились въ храмѣ за обѣдней.

Вотъ въ эти-то минуты являвшійся въ классъ Пушкинъ сердился, пылилъ и, по своей привычкѣ хваталь у ближайшаго ученика его книжку, стараясь выбрать такую безъ переплета, клалъ ее на столъ и начиналъ со всей мочи стучать по ней кулакомъ. При этомъ онъ сыпалъ тѣми отборными словами, которыя не попадаютъ въ печать, а которыя и попадаютъ, печатаются съ восклицательными знаками. Самыми прослыми эпитетами, обыкновенными, были: мерзавецъ, подлець, каналья. Самый частый, его любимый эпитетъ, состоящій изъ двухъ словъ, былъ... не сынъ отечества. Однако, я спѣшу прибавить, что въ данномъ случаѣ Пушкинъ слѣпо подражалъ всѣмъ воспитателямъ всѣхъ учебныхъ заведеній, какія тогда существовали на Руси. Зато этотъ же Пушкинъ постоянно, но якобы случайно, или нечаянно, якобы по ошибкѣ, смягчалъ наказаніе дѣтей-учениковъ, которые заслуживали того.

Хорошо помню, какъ однажды, проходя по коридору мимо директора князя Ширинскаго-Шихматова съ большимъ листомъ въ рукахъ и Пушкина, стоящаго передъ нимъ на вытяжку, я собственными ушами слышалъ фразу, сказанную сурово и строго:

— Почему же это вы ни въ чемъ не разсѣяны, а въ наказаніяхъ всегда ссылаетесь на разсѣянность? Странно это, г. Пушкинъ!

Это было въ субботу. Листъ, который держалъ директоръ въ рукахъ, именовался между учениками «вызывательнымъ» листомъ. Въ немъ были прописаны имена учениковъ разныхъ классовъ, а затѣмъ передъ ихъ именами стояло слово «карцеръ» или цифра. Но это были не баллы: такой системы балловъ, какъ 15—20 и т. д., не существуетъ.

Каждую субботу послѣ самаго длиннаго антракта и завтрака (почему непременно послѣ завтрака — этого я не знаю), Пушкинъ появлялся съ вызывательнымъ листомъ и, прося у учителя позволенія перервать на минуту ученіе, становился около каѣдры и начиналъ читать: «Петровъ, Слободзинскій, Чмутовъ, Семирамидскій, Фришманъ, Гуськовъ и т. д.

Называю эти имена не наобумъ, а потому, что мнѣ кажется, что теперь уже не существуетъ и не могутъ существовать ученики, подобные мною названнымъ. Ихъ сѣкли аккуратно всякую недѣлю, прилагая къ нимъ максимальныя наказанія. Вызванные уходили за Пушкинымъ и возвращались въ классъ черезъ полчаса, иногда черезъ часъ. И никогда вернувшись не встрѣчали насмѣшливой улыбкой или шуткой... На него старались не глядѣть...

По поводу этого субботняго обычая приведу заповѣдь нашего сочиненія: «Шесть дней ничего не дѣлай и сотвориши въ нихъ всѣ единицы и нули твоя, въ день же седьмой работа господину Пушкину твоему».

Всѣ эти мелочи къ моему самому обыкновенному и неинтересному аресту совершенно нейдутъ. Я увлекся невольно, вспомнивъ это дикое и въ то же время дорогое время. Перейду прямо къ моему второму аресту, или къ тому, какъ я заслужилъ попасть въ карцеръ, но по «разсѣянности» Пушкина избѣгнулъ наказанія.

Я былъ уже въ третьемъ классѣ.

Въ числѣ другихъ учителей былъ у насъ учитель нѣмецкаго языка, г. Манке. Нѣмецъ почему-то въ гимназіяхъ тогда вообще не любили, но на бѣду нашего ментора у него былъ такой физическій недостатокъ, при которомъ право немислимо было состоять учителемъ и имѣть дѣло со школьниками.

Малѣйшая мелочь, странная или смѣшная, подмѣчается дѣтьми больше, чѣмъ взрослыми, а у нѣмца Манке былъ такой недостатокъ, который кидался въ глаза и, разумѣется, приводилъ въ восторгъ всякаго школьника. Въ такой восторгъ, который не уменьшался и не смягчался временемъ и привычкой. У Манке вся кисть правой руки не существовала или же была отрѣзана, и поэтому изъ рукава вицъ-мундира не виднѣлось ничего... Орудовалъ и писалъ онъ лѣвой рукой.

И, разумѣется, всякій день, изъ недѣли въ недѣлю, изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ сезона въ сезонъ, постоянно, ежедневно, если не ежечасно, повторялось въ четырехъ классахъ, гдѣ Манке училъ, все одно и то же... Нѣтъ никакой человѣческой возможности представить себѣ и уразумѣть, какимъ образомъ это повторявшееся и длившееся, какъ длится время, то-есть непрерывно, не надоѣдало самимъ мальчуганамъ, цѣлымъ поколѣніямъ мальчугановъ. А равно не уразумѣть титаническаго терпѣнія нѣмца педагога.

Помню, что каждый разъ, что «hegg» Манке появлялся въ классъ и садился на каедрѣ, за одинъ урокъ, по крайней мѣрѣ человѣкъ пять-шесть и десять приближались къ каедрѣ, стараясь какъ можно глубже всунуть правую руку въ рукавъ. И, разумѣется, сейчасъ же являлась расправа. Виноватый шелъ или на колѣни къ печкѣ или выгонялся изъ класса. Иногда же, послѣ призыва надзирателя Пушкина, самый упрямый издѣватель отправлялся для нравоученія къ директору. Причемъ, конечно, эпилогъ нравоученія откладывался до субботы.

Разумѣется, если бы hegg Манке никогда не обращалъ никакого вниманія, всунута или высунута кисть правой руки ученика, то эта глупая забава, эта страсть дразнить его, уничтожилась бы сама собой. Но нѣмецъ, болѣзненный и желчный, наоборотъ, былъ настолько чувствителенъ къ этой насмѣшкѣ, что часто случались даже недоразумѣнія. Такъ случилось оно и со мной.

Я, по характеру, не былъ способенъ дразнить человѣка тѣмъ, что у него нѣтъ руки отъ природы или несчастія, а между тѣмъ однажды Манке накинулся вдругъ на меня и тоже отправилъ

меня на колѣни къ печкѣ. Ему показалось, что я, отвѣчая урокъ, тоже прячу правую руку въ рукавъ. Обиженный несправедливостью, я сталъ горячо оправдываться и объяснилъ, что я самъ хромаю отъ недостатка въ ногѣ. Въ классѣ поднялся почему-то безумный хохотъ и крики: «Хромой съ безрукимъ сдѣпились». И вышелъ дѣлый скандалъ.

Наконецъ, однажды, мы дождались, что на нашей улицѣ былъ особенный праздникъ... Случайность ли это была или невѣроятная дѣтская изобрѣтательность, или результатъ озлобленія противъ нѣмца,—сказать теперь не могу. Случилось нѣчто простое. Однажды, именно послѣ Пасхи, вернувшись въ классъ, мы узнали, что нѣкоторые изъ нашихъ учителей, въ томъ числѣ два любимца: всей Москвѣ хорошо извѣстный, покойный Лекторскій—учитель математики, и равно извѣстный тоже многимъ поколѣнιάмъ учитель чистописанія Градобоевъ, были произведены въ слѣдующій чинъ.

Въ этомъ извѣстїи для насъ, мальчугановъ, не было ничего ни удивительнаго, ни особеннаго. Удивительнымъ или, лучше сказать, умысленно-удивительнымъ показалось намъ, что и нашъ «Манка», у котораго манкируетъ рука, тоже удостоился производства.

Когда всѣ собрались снова приниматься за ученье, гулко и весело рассказывая другъ другу, какъ кто провелъ праздники, вдругъ пронеслась эта вѣсть и упала среди насъ, какъ бомба:

- Негг Манке получилъ чинъ!
- Скажите, пожалуйста. Каковъ!
- Ахъ, подлецъ!
- Манка-то, Манка!

И т. д. въ этомъ родѣ восклицали всѣ.

При появленїи въ классѣ учителей, произведенныхъ въ слѣдующій чинъ, мы всѣ послѣ молитвы, еще не сядя на лавки, кланялись и говорили:

- Поздравляемъ съ чиномъ! съ чиномъ!

При этомъ тѣ же Лекторскій или Градобоевъ, улыбаясь, отвѣчали:

— Спасибо! и продолжали: — Ну, ну, спасибо! Полно шалить. Садитесь. Будетъ!

И болѣе ничего не приключилось.

Когда появился негг Манке, то раздалось то же самое, съ тѣмъ же поклономъ:

- Съ чиномъ! Съ чиномъ!
- Danke sehr! — отозвался нѣмецъ, сладко улыбаясь и даже прїятно удивленный такой любезностью своихъ ненавистниковъ.
- Съ чиномъ! Съ чиномъ! — все-таки гудѣло въ классѣ.
- Ошенъ карашо. Товольно! Шпасибо! Садитесь. Пфуй! Довольно! — убѣждалъ негг Манке.

Передніе смолкли и тотчасъ сѣли, но серединные и задніе про-

должали повторять, кланяясь въ поясъ и чуть не ударяя лбами по столамъ:

— Съ чиномъ! Съ чиномъ!

Тишина, однако, наступила только тогда, когда въ дверяхъ изъ коридора показался Пушкинъ, привлеченный необычнымъ шумомъ.

— Это что? Ахъ, подлецы!

— Мы поздравляемъ!—заявили мы невинно.

Разумѣется, въ эту минуту, когда всё усѣлись и начали снова долбить и повторять наизусть заданные нѣмецкіе діалоги, никто не думалъ, что произойдетъ впоследствии.

Черезъ день или два, когда Herr Манке снова явился въ классъ, вошелъ на каедрѣ, простоявъ, покуда ученикъ читалъ молитву, собрался съѣсть,—въ классѣ вдругъ раздалось, какъ ура на улицѣ:

— Съ чиномъ!!

Нѣмецъ сразу окрысился, оглянулъ всёхъ, по крайней мѣрѣ человѣкъ пятьдесятъ и, обеда озлобленнымъ взоромъ съ высоты и своего величія и каедрѣ весь классъ, крикнулъ:

— Молчать!

Но классъ гудѣлъ:

— Съ чиномъ! Съ чиномъ!

И снова на этотъ гулъ влетѣлъ Михаилъ Гавриловичъ, выхватилъ изъ рукъ ближайшаго къ двери ученика его грамматику, швырнулъ на столъ и заколотилъ изо всей мочи кулакомъ, повторяя выразительныя слова и эпитеты. Затѣмъ онъ назвалъ фамиліи трехъ-четырехъ человѣкъ. Названные вышли изъ-за своихъ столовъ и затѣмъ скрылись въ дверяхъ за надзирателемъ...

Наступила тишина. Что было съ этими, выведенными Пушкинымъ, я не помню, но хорошо помню, что было черезъ нѣсколько дней, когда снова былъ урокъ нѣмецкаго азыва. Снова появился несчастный Herr Манке, и снова послѣ молитвы начался чуть слышный въ классѣ, совсѣмъ неслышный въ коридорѣ, согласный, ласковый, но похожій на шипѣніе змѣи, шепотъ:

— Съ чиномъ! Съ чиномъ! Съ чиномъ!

Нѣмецъ, сидя за столикомъ, вытаращилъ глаза. Этотъ макиавелизмъ со стороны дѣтей поразилъ его... Безобразіе то же, ехидство то же, а между тѣмъ очевидно, что это новое «съ чиномъ» можетъ продолжаться хотя бы часъ, такъ какъ въ коридорѣ не слышно, и самъ Пушкинъ не влетитъ въ дверь на помощь.

Прослушавши этотъ шепотъ пятидесяти человѣкъ въ продолженіе добрыхъ пяти минутъ, нѣмецъ наконецъ замоталъ головой укоризненно и выговорилъ:

— Ахъ, звиньи, звиньи, звиньи!...

Разумѣется, шепотъ втрое усилился. Herr Манке тихо всталъ и направился къ дверямъ. Вызвавъ солдата изъ коридора, онъ

послать его за Пушкинымъ. Черезъ минуту появился Михаилъ Гавриловичъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, онъ развелъ руками.

— Дѣлать нечего-съ,—обратился онъ къ Манке,—доложу директору! Надо разыскать примѣрно.

Послѣ урока Пушкинъ пригрозился намъ пожаловаться директору, общая строгую расправу.

Мы унялись. Около недѣли прошло благополучно, и о новомъ коллежскомъ ассесорѣ, нѣмцѣ, какъ будто весь классъ забылъ. Но затѣмъ вдругъ черезъ недѣлю или десять дней, невѣдомо съ чего, снова началось то же. И снова длилось безобразіе, по крайней мѣрѣ, уроковъ пять подрядъ. Каждый разъ, что негг Манке послѣ молитвы садился въ кресло, аккуратно раздавалось, или шепотомъ или вполголоса, но удивительно согласно и единодушно:

— Съ чиномъ! Съ чиномъ!

Начальство очевидно вышло изъ себя, и однажды весь нашъ классъ былъ раздѣленъ на три категоріи и даже, можно сказать, на четыре.

Одинъ изъ учениковъ, самый отчаянный, котораго мы звали Ванька-Каинъ, за что именно, не помню, былъ исключенъ. Десять человѣкъ высѣкли, человѣкъ двадцать отправили на колѣни въ залу во время отдыха и завтрака учителей. Это считалось постыднымъ, ибо приходилось стоять на колѣняхъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ проходили не только всѣ служащіе въ гимназіи, но и посторонніе посѣтители.

Наконецъ, человѣкъ пятнадцать, а въ томъ числѣ и я, были подведены подъ наказаніе карцеромъ.

Но, видно, мнѣ въ жизни было не суждено быть арестованнымъ. На меня за всю жизнь производились только покушенія.

На этотъ разъ, когда послѣ окончанія ученія толпа человѣкъ въ двѣсти посыпала изъ воротъ гимназіи на Лубянку и на Кузнецкій мостъ, мы отправились, подъ командой солдата, во дворъ и направо въ угольный флигель. Но едва только мы достигли крыльца этого домика, какъ изъ него появился Пушкинъ, разводя руками и стараясь скрыть невольную усмѣшку на губахъ.

— Я не знаю, что мнѣ съ вами, мерзавцами, дѣлать!—выговорилъ онъ.—Въ карцеръ этакая орава заразъ не влѣзетъ. Придется нѣкоторыхъ разсадить въ простыхъ комнатахъ. Ну, идите!

И мы вступили въ коридоръ вслѣдъ за Михаиломъ Гавриловичемъ, пересмѣиваясь и почти довольные тѣмъ, что въ такомъ большомъ обществѣ будемъ отбывать самое нелѣпое наказаніе, когда оно неодинокое и непродолжительное.

Отправивъ трехъ человѣкъ съ солдатомъ въ карцеръ, самъ Пушкинъ ввелъ остальныхъ въ комнаты, совершенно очищенные отъ мебели, гдѣ очевидно что-то передѣлывалось, полы или стѣны, и

распредѣлили насъ въ трехъ такихъ пустыхъ комнатахъ. Въ третью попалъ я съ двумя товарищами.

Заперевъ предыдущихъ на ключъ, Михаилъ Гавриловичъ явился къ намъ и выговорилъ шопотомъ:

— Ну, а вы, мерзавцы поздравители... пошли вонъ!... Домой! Только не хвастать. Чтобы другимъ было неизвѣстно. Да типе. Кто нашумитъ, того верну и запру!

Разумѣется, я, подобно товарищамъ, такъ аккуратно выпелъ нацыпочкахъ, что и второй арестъ въ моей жизни не состоялся.

Прибавлю два слова, ради характеристики тогдашнихъ гимназическихъ порядковъ, объ одномъ нововведеніи, которое не привилось у насъ и потерпѣло фіаско, но которое до 1855 года, говорятъ, процвѣтало въ другихъ гимназіяхъ.

Въ 1853 или 54 году, хорошо не помню, намъ, т. е. ученикамъ, «пришелъ карачунъ», какъ мы выражались. Житья на свѣтѣ не было... Конечно, отъ девяти часовъ и до трехъ, за все всемя пребыванія въ классѣ.

Къ двумъ надзирателямъ, Вердану и Пушкину, прибавился третій имъ въ помощь. Съ его появленіемъ, что бы въ классѣ ни говорилось, ни дѣлалось,—все было ему извѣстно и за все взыскивалось. Онъ завелъ сыщиковъ и шпионовъ, что въ разношерстной средѣ учениковъ было найти не трудно. Длилось это до тѣхъ поръ, покуда одного изъ нихъ, нынѣ занимающаго довольно видный постъ, не исколотили жестоко на Рождественскомъ бульварѣ. Я въ избіеніи не участвовалъ, конечно, но радовался, подобно всѣмъ. «Фискалка», какъ мы выражались, исчезъ, т. е. выпелъ добровольно изъ гимназіи, ибо ему обѣщали бить его безконечно. Остальные струхнули, и шпионство прекратилось, по крайней мѣрѣ, въ мелочахъ.

Замѣчательно то, что мы неоднократно жаловались Пушкину, что между нами завелись «фискалки», и онъ, начальство, отвѣчалъ:

— Пронюхайте сами, подлецы, кто іудействуетъ, и я того въ субботу угощу отдѣльно, глазъ на глазъ. Въ кисель обращу!

III.

Не помню, въ какомъ году, но помню, что я былъ еще въ гимназіи, стало быть, приблизительно въ пятьдесятъ третьемъ или четвертомъ году, Москва въ концѣ зимы особенно волновалась. Разумѣется, Москва не съ Ильинки и Зарядья, не съ Ордынки или съ Бутырокъ. Выражаясь «Москва», я хочу сказать «московскій большой свѣтъ», много отличный отъ теперешняго, такъ именуемаго, и затѣмъ московскій передовой кружокъ, состоявшій изъ писателей, ученыхъ и профессоровъ.

Не надо забывать, что въ эти дни были живы такіе люди, какъ Сергѣй Тимоѳеевичъ Аксаковъ съ сыновьями, Хомяковъ, Грановскій и Кудрявцевъ. Были равно и такіе, какъ Шевыревъ, Погодинъ и Сушковъ со своимъ литературнымъ кружкомъ. Былъ, наконецъ, на зенитѣ своей славы Михайлъ Семеновичъ Щепкинъ. Вотъ этотъ-то міръ, которымъ руководили подобные люди, волновался пуще всѣхъ другихъ кружковъ Москвы. Отсюда ясно, что мотивъ и причины этихъ волненій были не простые.

Въ Москвѣ появилась временно одна личность, одна знаменитость всесвѣтная. Москва знала уже о ней кое-что по газетамъ и по слухамъ, но извѣстно, что ученая и талантливая Москва отличается въ данномъ случаѣ большимъ скептицизмомъ.

Когда знаменитость появилась въ Первопрестольной, то я хорошо помню, что Петръ Николаевичъ Кудрявцевъ, на вопросъ, стоитъ ли видѣть это свѣтило, пожалъ плечами и заявилъ:

— Трудно сказать... Француженка—вотъ что! А французы изъ повинизма всегда изъ своей мухи слона дѣлаютъ.

Пріѣзжая знаменитость была не кто иная, какъ безсмертная въ лѣтописяхъ театра и памятная смертнымъ, ее видѣвшимъ, высоко одаренная, неподражаемая, въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, Рашель.

Когда появилось объявленіе о томъ, что la célèbre tragédienne будетъ давать спектакли въ Маломъ театрѣ, и открылся абонементъ, то едва не былъ закрытъ тотчасъ же: охотниковъ абонироваться почти не нашлось. Но послѣ перваго же представленія, кажется, «Андромахи», если не «Горація», всѣ билеты отъ партера до райка были расхвачаны въ два дня, а затѣмъ уже перепродавались неудачникамъ за страшную цѣну.

Приведу маленькую подробность, считая ее характерною особенностью воспитанія, которое я получалъ.

Въ домѣ возникъ вопросъ о томъ, пустить ли меня на всѣ представленія Рашель, или только на нѣкоторыя трагедіи, въ родѣ Баязета, Полиэкта и какой-то невинной классической комедіи. Вопросъ этотъ былъ предложенъ моею матерью при мнѣ профессору П. Н. Кудрявцеву, А. Д. Галахову и еще третьему лицу.

Помню живо, какъ я ждалъ рѣшенія своей участи. Меня, конечно, интересовала не Рашель, а интересовали отчасти произведенія Расина и Корнеля, а главнымъ образомъ «французскія» представленія. Я съ ранняго дѣтства любилъ этотъ на половину родной мнѣ языкъ, а до тѣхъ поръ со сцены никогда его не слыхалъ.

Помню, что этотъ триумвиратъ, составившій изъ себя трибуналъ, рѣшилъ вопросъ не сразу, а я, подсудимый, сидѣлъ, затаивъ дыханіе и ожидая въ нѣкоторомъ смыслѣ обвиненія или оправданія. Кудрявцевъ прямо выразился:

— Конечно «да»—и на всѣ представленія. Французскіе клас-

сики, да еще при классической передачѣ такимъ дарованіемъ, какъ Рашель, могутъ быть только полезны.

Третья личность прямо заявила, что такія вещи, какъ «Федра» или «Адриенна Лекуверрь» и не помню, что еще, немислимы для слуха и вредны для воображенія двѣнадцати или тринадцати-лѣтняго мальчика. Алексѣй Дмитриевичъ Галаховъ былъ сначала ни за, ни противъ, но очень быстро согласился съ мнѣніемъ Кудрявцева.

Врядъ ли какой оправданный подсудимый выскакиваетъ изъ суда на улицу съ такой радостью, съ какой я выскочилъ изъ дому, получивъ около пятнадцати рублей для абонемента на всѣ представленія Рашель. И недѣли три сподрядъ я бывалъ въ театрѣ чуть не всякій день, такъ какъ сталъ получать билеты въ подарокъ и на представленія внѣ абонемента.

Передать теперь душевное состояніе за то время нѣтъ никакой возможности. Я былъ въ какомъ-то чаду... И это извинительно, когда люди, подобные Грановскому, Кудрявцеву и моей матери, были тоже въ чаду. Все время, что гениальная артистка была въ Первопрестольной, все время, что чередовались «Федра», «Камилла», «Роксана», «Андромаха» и другія, предъ очарованнымъ взоромъ и слухомъ Москвы, ученой, литературной, а равно и свѣтской, не было иныхъ интересовъ и разговоровъ, какъ о Рашели.

Съ тѣхъ поръ за всю жизнь мнѣ не случилось видѣть ни такого громаднаго дарованія, ни такого пылкаго увлеченія имъ среди лицъ самыхъ разнообразныхъ кружковъ. Что были знаменитыя m-lle Жоржъ, или Дорваль, или Марсъ, каждая въ свое время, сказать нельзя ихъ невидавшему. Предполагаю, что онѣ ниже Рашели и скажу, что послѣ Рашели, такой талантъ, какъ Ристори, кажется не крупнымъ дарованіемъ. Нечего и говорить, конечно, сравнительно съ Рашелью о такой мелкотѣ, какъ Сарра Бернаръ и даже Леонора Дузэ. Эти двѣ являются крупными величинами, если ихъ сравнивать съ Плесси, Розой Шери и сестрами Брганъ.

Не вдаваясь въ оцѣнку дарованія Рашели, которое хорошо извѣстно въ лѣтописяхъ театра, я скажу только, что дикція ея была какая-то особенная. Сила влагаемая ею въ нѣкоторыя сцены, была такъ сверхъестественно «властна», что, напримѣръ, теперь, сорокъ слишкомъ лѣтъ спустя, я еще слышу ея голосъ, и интонація нѣкоторыхъ словъ, фразъ и монологовъ еще звучитъ въ ушахъ.

Глубоко убѣжденъ, что всякій, видѣвшій Рашель, и теперь помнитъ сердечный крикъ Роксаны: *Vajaset, je sens que je vous aime.* Или Адриенну Лекуверрь, говорящую: *Ce front qui ne rougit jamais!* Или, наконецъ, знаменитое «*imprecation*» Камиллы въ Гораціяхъ, начинающееся съ фразы: «*Rome, l'unique objet de mon ressentiment*», и кончающееся словами: «*Moi seule en être cause, et mourir de plaisir!*»

Можно сказать, что каждая строка этого проклятія или «про-

клинанія» звучала отдѣльнымъ чувствомъ, которое передавалось и зрителю. Въ продолженіе какой нибудь минуты приходилось пере-чувствовать самому все человѣческое, переходить отъ горя и страданія къ восторженному счастью, отъ страшнаго отчаянія къ безумной радости, отъ пылкой любви къ злобной ненависти, отъ грознаго подъема титаническаго гнѣва къ безпомощнымъ стenanіямъ и слезамъ бѣдной несчастной дѣвушки.

Да, кто видѣлъ Рашель хотя бы одинъ разъ въ жизни, тотъ всегда придетъ въ восторгъ при одномъ воспоминаніи объ ней. А тотъ, кто не видалъ ея, никогда не уразумѣтъ, до какихъ Геркулесовыхъ столбовъ и «за нихъ» можетъ дойти сценическое дарованіе. Впрочемъ, Рашель не дарованіе, а гениальность.

Помню хорошо, что Михаилъ Семеновичъ Щепкинъ послѣ одного изъ представленій, на вопросы, обращенные къ нему у насъ въ домѣ, не отвѣчалъ ни слова, а только взялъ себя обѣими руками съ растопыренными пальцами за голову, а потомъ, отнявъ руки, сталъ ими легко помахивать. И онъ вовсе не шутилъ, лицо его было серьезно, одушевленно. А жестъ говорилъ ясно:

— Нѣтъ, не говорите... Не спрашивайте! Обсужденіе—профанація.

Выразительность этого жеста меня поразила. Я думаю, что въ Щепкинѣ отъ игры Рашель звучала какая-то такая струна, звукъ которой другимъ понятенъ быть не могъ. Да и позволить другимъ услышать этотъ звукъ—профанація его. И иногда, теперь я себя спрашиваю, какіе дни долженъ быть пережить нашъ великій артистъ предъ этимъ гигантомъ или исполиномъ искусства.

Однако, спросятъ у меня, что же общаго между Рашелью, восторгомъ Москвы, восторгомъ передовыхъ москвичей въ родѣ Грановскаго и Щепкина—съ моимъ арестомъ? Вѣдь я же собирался только рассказать изъ моей жизни одни неудавшіеся аресты. Отвѣчаю... Между всеобщимъ московскимъ увлеченіемъ Рашелью, которое я, еще будучи мальчикомъ, пылко, но и вполне сознательно раздѣлялъ, и моимъ арестомъ—много общаго.

Спустя лѣтъ пять, если не менѣе, будучи уже юношей, я жилъ въ Парижѣ, но довольно много учился, готовясь вернуться въ Россію, чтобы поступить въ университетъ. Однажды, до нашей квартиры, гдѣ собрались многіе изъ русской колоніи и изъ парижанъ писателей и артистовъ, достигла вѣсть, которая гулко пробѣжала по всему Парижу, но и въ нашей семьѣ отозвалась шумно.

Пришло извѣстіе, что Рашель умерла на югѣ Франціи, въ Каннахъ, послѣ долгой борьбы съ злой чахоткой.

Черезъ нѣсколько дней Парижъ ожидать прибытія по Ліонской желѣзной дорогѣ останковъ знаменитой артистки. Весь Парижъ только и говорилъ, что о блестящихъ похоронахъ, которыя предстоитъ увидать, о многотысячной толпѣ, которая будетъ провожать великую артистку на кладбище.

Что до меня касается, то, вѣроятно, благодаря сильной впечатлительности отъ природы и немалому воображенію, я былъ еще весь попрежнему подъ впечатлѣніемъ игры Рашели въ Москвѣ. Предо мной при извѣстїи объ ея смерти живо, какъ наяву, возстали вновь и Адриенна, и Камилла, и Роксана, и иные женскіе облики, хорошо знакомые и любимые, въ родѣ кокетки Лидїи въ крошечной, граціознѣйшей вещицѣ изъ римской жизни, кажется, В. Гюго.

Разумѣется, я сказалъ себѣ, что не только пойду за ея гробомъ, но сочту просто священнѣйшимъ долгомъ видѣть, какъ ее опустятъ въ могилу. Но вдругъ я узналъ нѣчто, что привело меня въ отчаяніе. Я узналъ, что могу идти съ многотысячной толпой черезъ весь Парижъ на кладбище Père Lachaise, но видѣть, какъ опустятъ ее въ землю,—дано только избраннымъ.

Рашель, какъ извѣстно, была еврейка, не перемѣнившая, конечно, своей религіи, несмотря на старанія и совѣты ея друзей, и потому должно было похоронить ее на еврейскомъ кладбищѣ, прислоненномъ къ огромному Père Lachaise. Въ это сравнительно не большое кладбище публика должна была допускаться только по особымъ пригласительнымъ билетамъ. Получить такой билетъ въ городѣ съ миллионнымъ населеніемъ, гдѣ, конечно, нашлось тогда до ста тысячъ поклонниковъ покойной, было мнѣ, восемнадцатилѣтнему иностранцу, невысказанно.

Отецъ мой, видя мою неподдѣльную печаль, вызвался похлопотать и обратился къ Теофилю Готье и къ своему хорошему другу, посредственному драматургу Латуру. Теофиль Готье отозвался полной невозможностью, такъ какъ билеты въ ограниченномъ количествѣ были уже всѣ расписаны. Но Латуръ обѣщавъ дать пропускъ на еврейское кладбище, интимный, не настоящій, незаконный, но такой, на который смотрятъ сквозь пальцы. Подобнаго рода билетъ я и получилъ. Но, увы, онъ былъ доставленъ на квартиру черезъ часъ послѣ моего выхода изъ дому.

Билетъ ли этотъ опоздалъ, или я, рано поднявшись, нетерпѣливо собрался скорѣе идти встрѣтить похоронную процессію, которая двигалась черезъ Парижъ?.. Во всякомъ случаѣ я встрѣтилъ процессію на вокзалѣ и двинулся среди страшной массы народа съ надеждой проводить погребальную колесницу только до кладбища. Дѣйствительно, у небольшихъ воротъ, отдѣльныхъ отъ главнаго входа и ведущихъ на еврейское кладбище, стояла въ огромномъ количествѣ полиція, конная и пѣшая. Гробъ сняли съ колесницы и понесли, а за нимъ двинулась большая толпа, но горсть людей, сравнительно съ массой народу, дошедшаго сюда чрезъ весь Парижъ.

Во главѣ этой толпы избранниковъ былъ весь цвѣтъ тогдашней Франціи, литературной и политической.

Большая кучка лицъ изъ той части толпы, въ которой я стоялъ, одновременно двинулась на самое кладбище Père Lachaise и двинулась съ такой быстротой, съ такой рѣшимостью и смысломъ, что я понялъ, что это движеніе происходитъ не случайно. И, разумѣется, я пустился за другими. Вѣдь не бѣгутъ же они глядѣть памятники кладбища! Имъ бы слѣдовало возвращаться теперь домой, а они сразу устремились куда-то влѣво.

Не помню какъ, но я очутился въ числѣ сотни молодыхъ людей, которые шибко, почти бѣгомъ, пустились по одной изъ аллей Père Lachaise, забирая все правѣе. Около меня среди гула голосовъ слышенъ былъ итальянскій и русскій языки, а еще ближе, яснѣе—английскій. Рослый и красивый англичанинъ, лѣтъ не болѣе двадцати, обратилъ на себя мое вниманіе своимъ страшно оживленнымъ лицомъ.

Зная поанглийски только нѣсколько словъ, я, однако, понялъ, что мой англичанинъ имѣетъ какое-то опредѣленное намѣреніе.

По той отвагѣ, которой дышало его лицо и вся фигура, я понялъ тоже, что онъ это свое намѣреніе непремѣнно приведетъ въ исполненіе. Какое же могло быть у него намѣреніе, помимо чего либо, касающагося похоронъ... Конечно, ничего иного! Все, что мыслили, чувствовали и дѣлали въ это мгновеніе всѣ эти люди,—все это можно было перевести однимъ словомъ: Рашель, Рашель!

Кучка молодежи, надъ которой, головой выше всѣхъ, царила фигура моего англичанина, на рыскахъ летѣла по дорожкѣ, между высокими и красивыми памятниками. Я двигался вмѣстѣ со всѣми, но старался держаться какъ можно ближе къ англичанину, который вдругъ какъ бы оказался нашимъ командиромъ.

Наконецъ, кучка остановилась, и кто-то что-то скомандовалъ. Чтò— я не понялъ, но увидѣлъ, что компанія дружно лѣзетъ на разные памятники, а направо оказалась высокая въ сажень каменная стѣна. Разумѣется, и я, въ числѣ прочихъ, полѣзъ тоже на первый попавшійся мнѣ высокій мраморный крестъ.

Такъ какъ я былъ довольно изряднымъ гимнастомъ, то, не смотря навшину креста, легко взобрался по немъ, какъ по дереву, и сѣлъ верхомъ на его горизонтальной части. И отсюда увидалъ я, что умно поступилъ, слѣдуя за англичаниномъ и подражая... Оказалось, что съ моего креста черезъ каменную стѣну все еврейское кладбище было какъ на ладони и невдалекѣ, саженьяхъ въ десяти-двѣнадцати, толпилась небольшая кучка вокругъ вырытой могилы.

Направо среди памятниковъ тихо двигалась процессія, которую мы обогнали. Несли гробъ Рашели, а за нимъ двигалась черная, если не туча, то черное большое облако. Именно это-то облако и была вся знаменитая и талантливая Франція, гдѣ въ числѣ прочихъ были и знаменитости особаго рода, какъ, на примѣръ, Ротшильды, одинъ Бонапартъ (Петръ) и одинъ Орлеанскій принцъ, пріѣхавшій

на похороны и уѣхавшій тотчасъ, чтобы не быть арестованнымъ.

Шествіе остановилось у могилы и будто нарочно, ради насъ—публики, сидящей верхомъ на надгробныхъ памятникахъ, всѣ выстроились передъ нами, а спиной къ намъ былъ только равнинъ и съ десятокъ лицъ. Но въ ту минуту, когда я, а равно, конечно, и мои незнакомые товарищи, всѣ мы были въ восторгѣ, что увидимъ все, раздался какой-то гулъ, крики, движеніе, бѣготня, брань, свистки...

Оглянувшись направо, я увидѣлъ, что цѣлая бригада сержантовъ орудуетъ... приказываетъ слѣзать съ монументовъ, а послушниковъ преспокойно сталкиваетъ и стаскиваетъ. Разумѣется, я не сталъ дожидаться, чтобы какой-нибудь полицейскій грубо потащилъ меня съ креста за ноги, и добровольно повиновался, даже прежде чѣмъ получилъ личное приказаніе.

И всѣ мы, за мгновеніе счастливые, были снова на землѣ предъ высокой каменной стѣной,—глупой стѣной! И всѣ равно, помню это хорошо, стояли унылые, почти несчастные. Но кто врѣзался въ мою память—это былъ мой юный англичанинъ. Онъ не хотѣлъ слѣзать съ какого-то мавзолея съ херувимами и разными бронзовыми украшеніями и думалъ, что, сидя высоко, какъ и я, отдѣляется. Но, увы! одинъ сержантъ нагнулся, посадилъ другого сержанта себѣ на плечи, а этотъ достигъ и повисъ на ногахъ сына Альбіона. Волей-неволей пришлось британцу уже не слѣзть, а просто свергнуться на землю.

Полиція быстро очистила всѣ монументы, и это, конечно, было очень умно, такъ какъ видъ людей, сидящихъ верхомъ на крестахъ или ангелахъ, не имѣлъ въ себѣ ничего поучительнаго и красиваго. Когда полиція удалилась, я и нѣсколько человекъ молодыхъ людей, болѣе полудюжины, очутились вмѣстѣ кучкой и стали вдругъ разсуждать. Намъ сближало общее горе: стоять упершись лбомъ въ каменную стѣну, за которой «все...», и ничего не видя изъ этого «всего».

Мой англичанинъ, казалось, былъ въ полномъ отчаяніи. Моя печаль передъ его печалью была ничто. Не помню, о чемъ шла рѣчь, но я вдругъ услышалъ слова, крики, даже вопли:

— Да, конечно... Что за важность! Да и сойдетъ съ рукъ даромъ. Право... Только одному нельзя... Всѣмъ надо...

— Allons! Courage!

— Конечно! Bravo! Я готовъ! — воскликнулъ англичанинъ.

— И я тоже! — воскликнулъ я, совершенно не зная, въ чемъ дѣло, но зная, что я пойду на все, на что пойдутъ эти мои случайные товарищи.

— Bravo! Esqualadons! — крикнулъ кто-то.

— En avant! Marrrrche!! — заоралъ другой.

И я со всеми двинулся къ самой стѣнѣ.

Нѣсколько человѣкъ заразъ начали подсакивать, чтобы ухватиться за верхъ стѣны и влѣзть. Въ эту только минуту я понялъ, что было рѣшено сѣсть на каменную стѣну, чтобы видѣть съ нея похороны такъ же хорошо, какъ и съ памятниковъ.

Гимнастика, конечно, помогла мнѣ. Нѣсколько человѣкъ напрасно подпрыгнули нѣсколько разъ и ничего не достигли, но трое изъ насъ: англичанинъ, французъ крикнувшій: «escaladons», и я, вспрыгнули сразу, уцѣпились и, какъ истые цирковые лицедеи, во мгновение ока очутились на стѣнѣ и усѣлись. Но еще черезъ два, три мгновенія еще нѣсколько человѣкъ допрыгались до верхушки стѣны и тоже появились рядомъ съ нами, а мои двое, англичанинъ и французъ, спрыгнули внутрь еврейскаго кладбища.

Въ тотъ же мигъ нѣсколько полицейскихъ отдѣлились отъ толпы около могилы и бросились къ намъ навстрѣчу. Двое схватили француза и повели къ выходу. Двое или трое хотѣли сдѣлать тоже съ англичаниномъ, но напрасно... Онъ оказался на ихъ бѣду отличный гимнастъ и великолѣпный боксеръ, да вдобавокъ еще разъяренный неудачей. И для него потребовалось не трое, а полдюжины сержантовъ.

Я живо помню, какъ изловчался и барахтался сынъ Альбіона, и какъ сержанты отскакивали отъ него, какъ мячики отъ стѣны, а трехуголки летѣли во все стороны. Но наконецъ блюстители насѣли на малаго и торжественно повели... тоже, разумѣется, къ выходу, но и на расправу за ратоборство.

Въ тотъ же моментъ сосѣдъ мой по стѣнѣ, французъ, спрыгнулъ долой, а я почти машинально послѣдовалъ его примѣру. И оба мы двинулись прямо къ кружку лицъ, стоявшихъ вокругъ могилы и слушавшихъ въ полной тишинѣ чью то рѣчь, произносимую взволнованнымъ голосомъ. Я старался приближаться какъ можно тише, благообразнѣе, какъ бы желая выразить всей моею фигурой, что я не озорникъ, не ради скандала являюсь. Едва только мы приблизились и стали за нѣсколько шаговъ отъ раввина, какъ два сержанта тихо подошли къ намъ, дѣлая едва видимые, но понятные знаки, которые можно передать словомъ: «Пожалуйте!».

Французъ безпрекословно послѣдовалъ за тѣмъ полицейскимъ, который подошелъ къ нему. Я собирался тоже слѣдовать за молодымъ, какъ теперь помню, рыжимъ, подобнымъ Іудѣ, сержантомъ. Онъ и былъ для меня въ этотъ мигъ Іудой Предателемъ.

Но, вѣроятно, лицо мое выражало такое тоскливое уныніе, что многіе, обернувшіеся въ мою сторону, смотрѣли на меня совершенно благосклонно... Одинъ изъ нихъ, нѣсколько плотный, пожилой человѣкъ, съ полнымъ лицомъ, съ короткими курчавыми волосами и съ какими-то особенными, небольшими, но ярkobлестящими и будто отчаянно смѣющимися глазами, шепнулъ обращаясь къ сержанту:

— Allons donc, laissez-le! Видите, онъ ничего не дѣлаетъ, а его упорство произведетъ шумъ.

Сержантъ почтительно приложился бѣлой перчаткой къ своей треуголкѣ и отошелъ, а я, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ впередъ очутился уже не съ краю, а въ срединѣ какой-то группы. Я сообразилъ, что сержанты, которые увели моихъ соучастниковъ по преступленію, вернутся и могутъ, узнавъ меня въ лицо, снова пробовать удалитъ.

Впрочемъ, раза два обернулся я на полнаго господина съ курчавыми волосами и смѣющимися глазами и краснорѣчиво, взглядомъ, просилъ его въ случаѣ чего заступиться. Онъ, будто понимая выраженіе моего лица, благосклонно усмѣхнулся и какъ-то тряхнулъ головой, будто говоря: «Стойте, стойте здѣсь, не бойтесь!».

Такимъ образомъ мечта моя исполнилась... Я былъ не только на похоронахъ Рашели, но и при опусканіи тѣла въ могилу стоялъ отъ нея въ какихъ нибудь пяти шагахъ. Не прошло получаса, какъ все было кончено, и кучка сѣровой глинистой земли появилась въ видѣ холмика, а всѣ присутствовавшіе двинулись тихо отъ могилы.

Когда оставалось не болѣе десятка человѣкъ, я подошелъ къ холмику, нагнулся и взялъ большой комъ земли, въ кулакъ величиной. Когда я поднялся, то незнакомый мнѣ высокій господинъ обратился ко мнѣ съ удивленіемъ:

— Que faites vous la? — спросилъ онъ.

Я объяснилъ, что беру комъ земли на память.

— Tiens! C'est une idée! — отозвался онъ, нагнулся и тоже взялъ небольшой комочекъ.

Затѣмъ я вмѣстѣ съ послѣдними двинулся къ выходу еврейскаго кладбища. Господинъ, послѣдовавшій моему примѣру, ибо поступокъ мой ему пришелся по душѣ, идя около меня, задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ. Кто я? По всей вѣроятности, иностранецъ? Къ какой націи принадлежу? Почему знаю Рашель? Не я ли перескочилъ съ другими черезъ ограду? и т. д.

Удовлетворивъ его любопытство, я, завидя впереди моего полнаго и курчаваго покровителя и понимая, что всѣ тѣ, кто были ближе къ могилѣ, должны быть непременно знаменитостями, я спросилъ:

— Скажите, пожалуйста, не можете ли вы назвать мнѣ вотъ этого господина?

— Celui-la? — отозвался онъ и разсмѣялся. — Стыдно бы было всякому французу не назвать его по имени. Но вамъ, jeune homme, его имя врядъ ли что либо скажетъ. Это писатель. C'est Dumas père.

Но мой незнакомецъ ошибся. Для меня въ это время Александръ Дюма-отецъ было нѣчто особенное, — такое особенное, что при этомъ отвѣтъ у меня, какъ выражаются порусски, искры изъ глазъ

посыпались и сердце ёкнуло... Я чуть не сълъ среди дорожки отъ полученнаго нравственнаго удара. Какъ разъ за годъ предъ тѣмъ, живя въ Венеціи, а затѣмъ въ Швейцаріи, я въ пять или шесть мѣсяцевъ прочелъ всего Александра Дюма, начавъ съ *Monte-Cristo* и *Reine Margot* и кончая даже такими романами, которые въ послѣдствіи оказались апокрифическими, въ родѣ *Aimé Yert*. Весь Дюма былъ мною проглоченъ. «А теперь въ это мгновеніе онъ, онъ самъ, живой, наяву, стоитъ предо мной! Онъ говорилъ со мной! Заступился!»

Долго вспоминалъ я потомъ о странной случайности, что на похоронахъ знаменитой женщины, отъ которой я еще мальчикомъ сходилъ съ ума, я встрѣтилъ другую знаменитость, отъ которой тоже сходилъ съ ума уже юношей.

Должень прибавить, что, когда я выходилъ изъ воротъ, то главный полицейскій съ нѣсколькими медалями и въ томъ числѣ за Крымскую кампанію подошелъ ко мнѣ, погрозилъ мнѣ пальцемъ у самага носа и выговорилъ:

— *Vous l'avez écharré belle!* Слѣдовало бы васъ теперь все-таки забрать.

Я отвѣчалъ, что самъ одинъ не рѣшился бы на подобное, но былъ увлеченъ примѣромъ другихъ. Едва я произнесъ нѣсколько словъ, какъ начальствующій вымолвилъ:

— Вы не французъ?

— Нѣтъ, русскій!

— Русскій?

— Да!

— Ба! — удивился онъ и прибавилъ: — что же васъ интересовало! Еврейскія похороны?

— Нѣтъ... Мнѣ очень хотѣлось быть ближе...

И я объяснился... Полицейскій удивлялся и трясъ головой.

— Да. Актриса... А ее весь свѣтъ зналъ, потому что путешествовала! — рѣшилъ онъ.

«Стало быть, думалось мнѣ, стоитъ только и тебѣ поѣхать путешествовать, да всесвѣтно блюсти за порядкомъ, и ты сдѣлаешься тоже всесвѣтною знаменитостью.

IV.

Слѣдующій мой арестъ могъ быть настоящимъ, *en toute forme*, серьезнымъ, и если бы состоялся, то могъ бы принести много волненій и хлопотъ всей семьѣ. Разумѣется, я былъ бы освобожденъ въ концѣ концовъ, но не ранѣе двухъ-трехъ дней. Вдобавокъ пришло бы просидѣть Богъ вѣсть въ какой конурѣ и въ какой компаніи.

Случай, по поводу котораго я чуть не былъ арестованъ, былъ самое крупное и извѣстное покушеніе на жизнь императора Наполеона III. Оно надѣлало много шума во всемъ мірѣ. Не надо забывать что цивилизованный міръ не могъ тогда предвидѣть цѣлаго ряда покушеній на монарховъ всѣхъ странъ.

Было это въ Парижѣ, въ 1858 году и, кажется мнѣ, въ концѣ зимы.

Правительство Наполеона успѣшно боролось съ легитимистами, орлеанистами и республиканцами, и во Франціи все сравнительно было тихо.

Парижъ, какъ всегда, гудѣлъ и веселился. Императорскій дворъ своими празднествами и блескомъ много содѣйствовалъ тому, чтобы столица была настоящимъ новымъ Вавилономъ.

Если теперь народонаселеніе Парижа почти удвоилось, дошло до двухъ милліоновъ, а при Наполеонѣ не насчитывалось и милліона парижанъ, то все-таки я долженъ сказать, что въ памяти моей «императорскій» Парижъ затмеваетъ теперешній демократическій и республиканскій. Было болѣе пышности, болѣе блеска, шума и смѣха... и болѣе жизни.

Дворецъ Тюльери былъ центромъ, гдѣ весь дворъ и новая знать, казалось, движутся и веселятся напоказъ: не для себя, а для толпы, для ослѣпленія ея и интимидации, укрощенія...

Была масса военныхъ въ мундирахъ, чего теперь нѣтъ. Наполеоновскій кавалерійскій полкъ, именовавшійся *Cent-Gardes*, пропасть зуавовъ въ ихъ оригинальныхъ костюмахъ съ странными лицами будто офранцузенныхъ турокъ, наконецъ, оригинальный конвой императора — тюркосы, которые набирались изъ разныхъ племенъ Алжира и Туниса.

Къ этой пестротѣ надо прибавить нѣчто, вдругъ вошедшее въ моду. У двора и у знати, во главѣ которой стояли разные свѣжіе маршалы, въ родѣ *Malakoff*, и *Pelikaou*, а отчасти и у настоящей аристократіи Сень-Жерменскаго предмѣстья явился новый обычай ѣздить *à la Domon* или, какъ стали называть, *à la Morgny*, по имени перваго друга и наперсника императора. При красивой запряжкѣ, кучера и лакеи были въ какихъ-то театральныхъ костюмахъ, иногда и въ скромныхъ, но всѣ непремѣнно въ напудренныхъ парикахъ. Благодаря часто попадающимся на улицахъ блестящимъ мундирамъ, оригинальнымъ костюмамъ не то воиновъ, не то театральныхъ статистовъ, и наконецъ красивымъ экипажамъ, съ оригинальною упряжкой и пудренною прислугой, улицы и толпа казались элегантнѣе и будто веселѣе.

Въ эту зиму было особенно шумно въ Тюльери, ибо было дано нѣсколько большихъ баловъ. Императрица Евгенія постоянно устраивала всякія *parties de plaisir*. Двѣ ея пріятельницы и заклятые враги между собой: г-жа Персинья—жена министра, и г-жа Метгер-

нихъ — жена австрійскаго посла, тоже веселили все общество и на всѣ лады.

И все это было, какъ я уже сказалъ, настолько умышленно напоказъ, что малѣйшія мелочи при самомъ дворѣ и въ обществѣ, къ нему примыкающемъ, становились тотчасъ достояніемъ толпы. И хотя не все проникало въ печать, не все разрѣшалось для огласки строжайшей цензурой, но всегда все обѣгало Парижъ въ видѣ слуха. И не только все это интересовало, но даже какъ будто волновало всѣхъ парижанъ, а не одно, только высшее по состоянію и положенію общество.

Парижъ, однимъ словомъ, жилъ дворомъ. Помнится, иногда въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль не было проходу отъ какого нибудь случая или новаго анекдота придворнаго, новой затѣи, новой сплетни или клеветы, и отъ безчисленныхъ ихъ вариантовъ и пересказовъ. Г-жа Персиньи и г-жа Меттернихъ, герцогъ Морни съ женой (рожденной княжной Трубецкой), принцесса Матильда и Жеромъ Бонапартъ заставляли о себѣ говорить болѣе всѣхъ.

Но въ особенности «отличались», вѣрнѣе, кувыркались двѣ дамы, очень не красивыя,—изъ коихъ одна, ей-Богу, не помню которая, была даже поразительно дурна,—г-жи Персиньи и Меттернихъ. Обѣ онѣ безумно щеголяли и славились своими туалетами, не слѣдуя, конечно, за модой, а ведя ее за собой и имѣя во главѣ самое красивицу императрицу, добрую, ограниченную, пустую и легкомысленную женщину.

Эти три женщины, основательницы того, что терпимъ мы теперь: безумной измѣнчивости женскихъ костюмовъ. Онѣ первыя додумались затѣять всякаго рода новинки модъ, соперничая между собой и ухитряясь *qui mieux mieux*. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ впутывались въ самые важные государственные вопросы и доводили степеннаго Наполеона до отчаянія. Онѣ три и привели Францію къ Седану. Имперія рухнула и канула въ Лету... Но, увы, новинки въ женскомъ туалетѣ, перемѣны безъ конца, «моды» остались намъ въ наслѣдство. Женщины XVIII вѣка сто лѣтъ проносили почти одинъ покрой одѣянія, а женщины нашего времени пятьдесятъ покрововъ за пятьдесятъ лѣтъ. Теперь элегантная женщина—Хамелеонъ.

Вернусь, однако, къ моему повѣствованію.

Въ самый разгаръ эффектнаго, но безумнаго, бьющаго въ глаза образа жизни двора и общества, вдругъ грянулъ громъ и оглушилъ всю Францію, раскатившись эхомъ по всей Европѣ.

Послѣдовало въ Парижѣ страшное покушеніе на жизнь Наполеона со стороны партіи итальянскихъ патриотовъ, мечтавшихъ о возрожденіи и объединеніи Италіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ вмѣстѣ съ своимъ апокрифическимъ или почти неизвѣстнымъ братомъ, рано умершимъ, былъ въ юности карбонаріемъ и имѣлъ въ Италіи прежнихъ, теперь имъ забытыхъ и отверженныхъ, друзей революціонеровъ.

Они не могли простить товарищу, ставшему императоромъ, его «предательской» роли по отношенію къ возрождающейся Италіи.

Во главѣ этой партіи объединенія стояли тогда извѣстный Маннинъ и знаменитый Мадзини, оба ненавидѣвшіе Наполеона.

Покушеніе на его жизнь было задумано, конечно, всей партіей, но приведено въ исполненіе четырьмя лицами, имена которыхъ я, конечно, помню хорошо, такъ какъ помню покушеніе, какъ очевидецъ, въ мельчайшихъ подробностяхъ, какъ если бы оно случилось вчера.

Эти четверо человѣкъ были: Орсини, Пьетри, Рудіо и Гомесъ. Изъ нихъ, Пьетри, какъ мнѣ смутно помнится, подозрѣвали въ корсиканскомъ происхожденіи. Что касается до послѣдняго, то его фамилія прямо говоритъ, что онъ былъ не итальянецъ, а чистойшей крови испанецъ. Гомесъ или Лопесъ въ Испаніи все равно, что Ивановъ у насъ.

Однажды, помнится, въ мартѣ предстояло блестящее представленіе въ оперѣ. Какой-то извѣстный французскій пѣвецъ или Робертъ, или Рожеръ, что-то въ этомъ родѣ, долго не появлявшійся на сценѣ, долженъ былъ пѣть въ четырехъ актахъ изъ четырехъ разныхъ оперъ. Незадолго передъ тѣмъ Полина Віардо сдѣлала то же самое и имѣла громадный успѣхъ. Поэтому, вѣроятно, и этотъ Робертъ-Рожеръ надумалъ то же, а, будучи покровительствуемъ дворомъ, добился, что на спектакль явится императоръ съ императрицей.

Моя мать уговорилась съ одною русскою дамою взять ложу и ѣхать на это представленіе. Ложу эту, помнится, достали съ большимъ трудомъ и не въ бельэтажѣ. Представленіе должно было быть интересно, конечно, не изъ-за пѣвца уже преклонныхъ лѣтъ, а изъ-за того, что именно будетъ и кто появится въ театральной залѣ. Весь Парижъ и масса иностранцевъ.

Вечеромъ, около семи часовъ, эта русская дама, не кто иная, какъ г-жа Нарышкина, рожденная Кноррингъ, вышедшая впоследствии замужъ за Александра Дюма-сына, заѣхала за нами, за моей матерью и мною съ сестрой. Но мы отправились втроемъ, такъ какъ наканунѣ сестра была приглашена на балъ и поѣхала съ отцемъ въ Сентъ-Жерменское предмѣстье.

Мы двинулись съ улицы Сентъ-Лазаръ, гдѣ жили, въ открытой четверомѣстной коляскѣ и, чтобы не ѣхать переулками, спустились по *chaussée d'Antin* прямо на бульвары.

Здѣсь была легкая иллюминація газовыми звѣздами, которыя тогда только что были изобрѣтены, и страшная толпа. Черное море колыхалось на протяженіи всѣхъ ближайшихъ къ Мадленѣ бульваровъ. Экипажей была тоже масса, и мы двигались чуть не шагомъ.

Наконецъ, только чрезъ добрыхъ двадцать минутъ мы порав-

нялись съ улицей Le Peletier, гдѣ была тогда Опера—зданіе самое обыкновенное, которое когда либо существовало, нѣчто въ родѣ Московскаго Малаго театра.

Когда мы заворачивали съ бульвара въ улицу, то вдали какъ будто слышался гулъ, который несся отъ улицы Мира. Едва мы проѣхали шагомъ сажень пятьдесятъ по улицѣ Le Peletier, какъ на бульварахъ уже раскатисто пронесся тотъ же гулъ. Черное колыхавшееся море ревѣло:

— Vive l'Empereur!

Когда же мы приблизились къ подъѣзду Оперы, то услышали голоса сержантовъ: vite, vite, vite! относившіеся къ публикѣ. Наконецъ, одинъ изъ нихъ подскочилъ къ нашей коляскѣ и крикнулъ:

— Plus vite, mesdames! Императоръ подъѣзжаетъ! Скорѣй!

Императоръ долженъ былъ подъѣхать тутъ же, но проѣхать нѣсколько шаговъ далѣе подъ особенный крытый подъѣздъ. Моя мать и г-жа Нарышкина-Дюма быстро вышли изъ коляски и стали подниматься по наружной лѣстницѣ, шириной во все зданіе.

Я обратился къ матери и заявилъ, что такъ какъ я ни разу еще не видалъ Наполеона совершенно вблизи, то мнѣ хочется остаться, чтобы быть при его проѣздѣ у самаго экипажа. Моя мать согласилась, конечно, но г-жа Дюма отозвалась:

— Стоитъ ли того? Что тутъ любопытнаго? Купите мнѣ лучше антрактъ!

Я отвѣчалъ, что антрактъ, то-есть афишу, я успѣю всегда купить, а что видѣть совершенно вблизи, за два шага, Наполеона и Евгенію мнѣ, можетъ быть, еще цѣлый мѣсяцъ или два не случится.

Я часто вспоминаю этотъ пустой разговоръ потому именно, что поневолѣ часто философствую, отъ какого пустяка зависитъ иногда жизнь человѣческая. Это благо, которымъ мы такъ дорожимъ, ежедневно, даже ежеминутно, ежесекундно, виситъ на волоскѣ. Лишиться портмоне, право, гораздо мудренѣе, чѣмъ лишиться жизни. Не явился женскій капризъ имѣть скорѣе афишу, я былъ бы неминуемо убитъ, а при удачѣ раненъ или изуродованъ.

На мою просьбу обождать афишу г-жа Дюма упрямо отозвалась:

— Все это вздоръ! Купите мнѣ поскорѣй антрактъ и принесите въ ложу.

Я невольно подосадовалъ, и когда она вмѣстѣ съ моею матерью скрылись въ коридорахъ театра, я быстро бросился направо въ какой-то пассажъ, существующій, кажется, и теперь. «Авось, успѣю!» — думалось мнѣ.

Но продавцы мелкихъ газетъ, торгующихъ афишами, какъ на смѣхъ отсутствовали. Вѣроятно, всѣ они выскочили на улицу, чтобы развлечься тѣмъ, чего и я хотѣлъ — видѣть императора и

императрицу поближе. Розыскавъ наконецъ въ толпѣ газетчика, я купилъ антрактъ, шибко перебѣжалъ въ двери театра и еще быстрѣе поднялся въ ложу... надѣясь поспѣть обратно.

Но едва только я подаль m-me Dumas газетку, какъ вздрогнулъ... Но вмѣстѣ со мной, казалось, вздрогнула и вся опера, вздрогнулъ и весь ближайшій Парижъ.

Это былъ какъ бы выстрѣлъ изъ огромной пушки. Черезъ секунды двѣ раздался такой же второй ударъ, отъ котораго зданіе Оперы задрожало еще сильнѣе... И наконецъ, запоздавъ немного, секундъ на шесть, на восемь, раздался третій ударъ, но въ полонину менѣе гулкій и сильный.

Вся зрительная зала сразу ожила, всѣ повскакали, всѣ волновались, оглядывались во всѣ стороны, почти вертѣлись на мѣстѣ... Представленіе прекратилось, оркестръ смолкъ... И вдругъ «невидимка» влетѣла въ зрительную залу и будто что-то сказала вслухъ, такъ какъ всѣ заравъ и въ партерѣ, и въ ложахъ, и въ райкѣ узнали, что случилось.

Первыя пять минутъ послѣ трехъ ударовъ мнѣ описать довольно трудно. Театръ изображалъ собой, если не волнуемое море, то волнуемое черное озеро. Весь театръ, казалось, какъ-то колыхался. Двери ложъ хлопали, люди незнакомые разговаривали въ волненіи, съ восклицаніями, въ партерѣ приливомъ и отливомъ швырялась публика то къ выходамъ, то къ сценѣ, въ коридорахъ стоялъ гулъ отъ бѣготни и голосовъ. И за эти пять минутъ, по крайней мѣрѣ, десятокъ разныхъ вѣстей, противорѣчащихъ другъ другу, облетѣли залу. Первое изъ нихъ, конечно, было: attentat!

— Раненъ опасно!

— Убить!

— Раненъ легко!

— Невредимъ... Но императрица убита!

— Цѣлы оба, но маршалъ Рогэ, сопровождавшій ихъ, убить пулей въ затылокъ!

— Конвой перебить весь! Много убитыхъ въ толпѣ!

И наконецъ послѣдній слухъ, упорно державшійся съ цѣлую минуту:

— Императоръ убитъ наповаль, и его тѣло уже увезено въ Тюльери.

Покуда гудѣлъ театръ, и носились всѣ эти скороспѣлыя вѣсти, изрѣдка въ партерѣ раздавались зычные голоса, обращавшіеся къ публикѣ:

— Un medecin! Au nom de l'Empereur! Tous les medecins! Просить всѣхъ докторовъ! Масса раненыхъ!

Доктора, находившіеся въ театрѣ, стали выходить тотчасъ на помощь пострадавшимъ.

Но въ ту минуту, въ самый разгаръ волненія, когда императора

уже считали тѣломъ, лежащимъ въ каретѣ и увозимымъ маршъ-маршемъ во дворецъ, въ парадной большой ложѣ налѣво появились: Наполеонъ въ черномъ сюртукѣ, съ красненькой ленточкой въ петличкѣ, а за нимъ императрица, въ свѣтло-сиреновомъ шелковомъ платьѣ. Разумѣется, «vive l'Empereur!» «vive l'Impératrice!» заставило дрогнуть зданіе Оперы не хуже, чѣмъ минувшіе три удара, будто три пушечные залпа.

Наполеонъ былъ страшно блѣденъ, или, вѣрнѣе, былъ, по французскому выраженію, «livide», съ оловяннымъ цвѣтомъ лица и, мѣрно кланяясь публикѣ, держалъ носовой платокъ у виска и щеки. За нимъ, слѣва и отступя на шагъ, точно такъ же кланялась, граціозно склоняясь, Евгенія, головой, если не болѣе, выше мужа. И она казалась вовсе не испуганной; она улыбалась и поправляла то ленты на груди, то прическу. Даже лицо ея, на которое я внимательно смотрѣлъ въ бинокль, было только немного удивлено и какъ будто озадачено. Мнѣ и теперь сдается, что Евгенія въ эту минуту еще не сообразила, что была на волосъ отъ смерти.

Что касается Наполеона, то онъ былъ страшно взволнованъ и казалось, вздрагивалъ, все отираясь носовымъ платкомъ, гдѣ виднѣлась кровь. Впослѣдствіи объяснилось, что онъ былъ раненъ въ лицо только осколкомъ каретнаго стекла. Раскланявшись и несмотря на все дящіяся бурные клики и аплодисменты, императоръ и императрица тотчасъ же скрылись изъ ложи и уѣхали въ Тюльери.

Разумѣется, я тотчасъ же бросился на улицу, но засталъ уже окончаніе трагедіи. На томъ самомъ именно мѣстѣ, гдѣ мы выходили изъ коляски и гдѣ сержантъ кричалъ намъ: «скорѣй, императоръ подъѣзжает!»—стояла четверомѣстная карета, среди лужи крови и превращенная въ рѣшето. Лошади были отпряжены и уведены, но одна убитая лошадь въ хомутѣ растянулась недалеко отъ дышла, впереди стояли еще двѣ раненыя лошади, изъ коихъ одна съ сѣдломъ, наконецъ позади кареты валялась тоже осѣдланная лошадь... безъ головы!.. Газъ кругомъ потухъ, и былъ полумракъ. Всѣ стекла оконъ прилегающихъ къ Оперѣ домовъ исчезли, а часть крышки или навѣса надъ лѣстницей, оторвавшись, странно висѣла въ воздухѣ. Въ ближайшей аптекѣ наискось была страшная толкотня отъ кучи народу и крики, стоны... Самая же улица была запружена сплошною толпой любопытныхъ, сбѣжавшихся съ бульваровъ.

Потомъ я узналъ, что во всѣхъ аптекахъ, ближайшихъ къ Оперѣ, была тоже въ этотъ вечеръ масса народу. Сколько было убитыхъ и раненыхъ, конечно, теперь сказать не могу, но не преувеличу, если приведу цифру человекъ въ триста, изъ коихъ болѣе полусотни убитыхъ. Однимъ словомъ, все, что въ эту минуту было неподалеку отъ проѣзжавшей кареты, все было перебито и переранено. Кромѣ того, были пострадавшіе и въ собственныхъ квартирахъ, которые изъ любопытства высунулись въ окошки.

На утро Парижъ узналъ, что покушеніе итальянцевъ должно было неминуемо удался и не удалось, только благодаря удивительной наполеоновской полиціи и благодаря трусости двухъ наемниковъ въ средѣ злоумышленниковъ. Какъ должны были дѣйствовать четверо заговорщиковъ, не было вполнѣ выяснено даже и вполслѣдствіи, когда ихъ судили, но я могу точно передать то, что говорилъ Парижъ еще до слѣдствія и суда.

Орсини, главное дѣйствующее лицо, долженъ былъ ждать, чтобы Рудіо бросилъ свою бомбу, начиненную взрывчатымъ веществомъ и пулями. Затѣмъ долженъ былъ бросить бомбу самъ Орсини. Пьетри долженъ былъ кинуться на императора въ тотъ моментъ, когда онъ, конечно, поневолѣ, если только живъ, станетъ выходить изъ экипажа, и при этомъ онъ долженъ былъ поразить его кинжаломъ, которымъ, въ качествѣ корсиканца, владѣлъ, какъ мастеръ. И наконецъ третью бомбу, въ случаѣ неуспѣха съ кинжаломъ, долженъ былъ бросить Гомесъ въ ноги Наполеона, не щадя ни себя, ни Пьетри.

Если вѣрно, что все это было такъ точно расписано у заговорщиковъ и не удалось, то можно прибавить, что, по счастью, это всегда такъ бываетъ въ дѣйствительности. Судьба захотѣла, чтобы за десять минутъ до пріѣзда Наполеона Пьетри, разгуливавшій около Оперы, повстрѣчалъ детектива, какъ именуются агенты тайной полиціи. Этотъ господинъ, фамилія котораго была Пьерри (и къ трагедіи примѣшивается иногда водевиль), былъ знаменитымъ сыщикомъ наполеоновской полиціи.

Если для поэта и музыканта необходимо дарованіе, то для полицейскаго сыщика оно еще болѣе, кажется, необходимо. Пьерри былъ вѣроятно, виртуозъ, и, разумѣется, его зналъ лично самъ Наполеонъ.

Детективъ, гуляя около стѣнъ Оперы и видя, что помимо него есть еще какой-то господинъ, точно такъ же гуляющій, не входя и не уходя, сталъ къ нему присматриваться... И тутъ произошло нѣчто почти невѣроятное. Пьерри узналъ Пьетри, котораго не видѣлъ въ глаза нѣсколько лѣтъ, но знавалъ прежде, давно, какъ опаснаго человѣка, какъ карбонарія или, выражаясь новѣйшимъ терминомъ, какъ анархиста.

Разумѣется, тотчасъ же Пьерри подошелъ къ Пьетри и попросилъ у него огня—закурить папирску. У Пьетри спичекъ не оказалось, но тотчасъ же оказалась на лицѣ чрезвычайная блѣдность, отъ догадки, что онъ пойманъ. Черезъ нѣсколько мгновеній—по знаку Пьерри—Пьетри очутился уже въ обществѣ трехъ-четырехъ человѣкъ, которые попросили его прогуляться съ ними подальше отъ Оперы. Въ это мгновеніе, двинувшись, Пьетри очень искусно швырнулъ что-то на мостовую, но его спутники тоже не менѣе искусно замѣтили, что онъ что-то бросилъ, и подняли отличный и острый, какъ бритва, кинжалъ.

Не успѣли они отойти отъ Оперы, какъ экипажъ императора приблизился, и здѣсь Орсини, тщетно прождавшій, чтобы первую бомбу бросилъ Рудіо, запоздалъ бросить свою и кинулъ ее неловко изъ густой толпы. Затѣмъ онъ же тотчасъ бросилъ другую бомбу, но увидѣлъ, что пострадалъ только экипажъ, страшно пострадала толпа любопытныхъ кругомъ, а Пьетри съ кинжаломъ не появляется.

Спустя нѣкоторое время Рудіо, наконецъ, бросилъ свою бомбу. Имъ удалось ускользнуть. Однако въ тотъ же вечеръ иностранецъ, нѣчто въ родѣ лакея, искалъ по ближайшимъ аптекамъ своего барина, раненаго, и не могъ найти, а когда у него спросили, кто этотъ баринъ, онъ смутился и началъ путать, не желая его назвать. Это былъ Гомесъ, искавшій Орсини, который былъ самъ раненъ въ голову одной изъ брошенныхъ имъ же бомбъ.

Но, однако?.. спросить читатель:—Орсини бросалъ бомбы, а васъ захотѣли арестовать? Такъ что ли?..

Не буду распространяться поэтому о послѣдствіяхъ покушенія на Наполеона, а перейду скорѣе къ тому, что общалъ рассказать, т. е. къ покушенію на мою личность и свободу.

Какимъ образомъ оказался я причастенъ къ дѣлу покушенія на жизнь Наполеона III вмѣстѣ съ Орсини и другими, такъ глупо, что почти невѣроятно. Это можно только объяснить крайнимъ напряженіемъ нравственнымъ, въ которомъ находился весь Парижъ въ продолженіе тѣхъ часовъ, покуда злоумышленники не были разысканы и арестованы.

На другой день послѣ покушенія по улицѣ Le Peletier не пропускали экипажей, но любопытныхъ допускали. И въ этотъ день весь Парижъ перебивалъ около зданія Оперы, разглядывая слѣды разрывныхъ бомбъ на мостовой и на стѣнахъ и вывѣскахъ.

Около полудня я отправился тоже и не ради личнаго любопытства. У меня былъ въ Парижѣ знакомый, петербургскій молодой чиновникъ, добрый малый, но чрезвычайно ограниченный, попросту сказать, пѣтый дуракъ. Пофранцузски онъ еле-еле маравалъ. Надоѣдалъ онъ мнѣ невыносимо, но я изъ жалости проводилъ съ нимъ иногда два-три часа, показывая ему Парижъ. Назову его просто буквой Z., хотя знаю, что онъ уже на томъ свѣтѣ.

И вотъ ради него я отправился въ улицу Le Peletier. Показавъ ему зданіе Оперы, мѣсто, гдѣ вчера видѣлъ карету и убитыхъ лошадей, и гдѣ могъ быть самъ убитъ, я собрался домой. Z. интересовался всѣмъ, а затѣмъ заявилъ мнѣ, что онъ хочетъ пошутить съ хозяйкой нумеровъ, гдѣ остановился, очень милой и глуповатой старушкой.

Если самъ Z. считалъ старушку «глуповатой», то воображаю себѣ, что это должно было быть.

Однимъ словомъ, покуда мы двигались по улицѣ, въ противо-

положную сторону отъ бульваровъ, такъ какъ это былъ мой путь домой, Z. сталъ просить меня обучить его нѣсколькимъ фразамъ пофранцузски: какъ ему сказать своей хозяйкѣ, что ее подозрѣваютъ въ соучастіи въ покушеніи на жизнь императора, что у ней собираются сдѣлать обыскъ, въ надеждѣ найти бомбу, и что во всякомъ случаѣ она будетъ арестована.

Все это мнѣ нужно было въ короткихъ фразахъ изложить, а Z. выдолбить наизусть. Понемногу, повторяя послѣ меня фразы, онъ добился того, что могъ выдолбить и произнести довольно правильнымъ французскимъ языкомъ цѣлую тираду. И онъ началъ безъ конца повторять ее, т. е. повторилъ разъ десять вслухъ, спрашивая меня каждый разъ:

— Такъ ли?

Я отвѣчалъ:

— Такъ, отлично!

За этимъ занятіемъ мы повернули уже въ улицу Victoire, гдѣ должны были разстаться, и остановились шага за два отъ угла. Какъ теперь помню этотъ уголь, и какъ мы стояли, и какъ старался я всячески отъ него отдѣлаться и поскорѣй добѣжать домой, въ улицу Сень—Лазаръ.

— Нѣтъ, постойте, слушайте еще разъ!—сказалъ онъ и снова произнесъ пофранцузски:

— Будьте осторожны! Васъ подозрѣваютъ! Увѣряютъ, что даже у васъ на квартирѣ есть бомбы. Предупреждаю васъ изъ любви къ вамъ, что васъ не нынче—завтра арестуютъ.

Все это было сказано вразумительно, «съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой», а затѣмъ онъ прибавилъ:

— Такъ ли?

— Совершенно такъ! Отлично!—произнесъ я въ двадцатый разъ.

Въ тотъ же моментъ изъ-за угла появилась фигура въ треуголкѣ и въ плащѣ... И если я сразу испугался, то, конечно, выраженія лица этого сержанта. Онъ настолько былъ самъ перепуганъ на смерть или взволнованъ, что могъ перепугать и другихъ.

Мы съ Z. подали другъ другу руки, чтобы проститься и разойтись, но сержантъ тоже протянулъ къ намъ руку и произнесъ:

— Je vous arrête!

Затѣмъ онъ шмыгнулъ за уголь и махнулъ рукой, затѣмъ прыгнулъ снова къ намъ, затѣмъ свистнулъ пронзительно. Все, что затѣмъ случилось, произошло, кажется, въ десять секундъ. Я и Z. очутились въ компаніи двухъ сержантовъ въ мундирахъ и двухъ статскихъ, одѣтыхъ чрезвычайно элегантно, въ цилиндрахъ и въ самыхъ свѣжихъ перчаткахъ.

Дѣло было простое! Недоразумѣнія быть не могло! Сержантъ отлично, ясно слышалъ, какъ Z. по дружбѣ предупреждалъ меня, что меня подозрѣваютъ, и что у меня бомбы, и что меня арестуютъ.

Въ его голосѣ было много чувства, нѣжности. Одна интонація его голоса чего стоила, не только слова! И теперь приходилось объяснять этимъ господамъ, что все это была шутка, что все это—недоразумѣніе и т. д. Очевидное дѣло, что эти господа приняли и меня и Z. за двухъ нахальнѣйшихъ вралей и, не говоря худого слова, попросили слѣдовать за ними. Мы, конечно, повиновались, такъ какъ въ противномъ случаѣ намъ не только грозило быть ведомыми за шиворотъ, но и хуже того. Меня же сильно смущало особое соображеніе.

Въ эту эпоху въ Парижѣ было гораздо болѣе народу, обожавшаго Наполеона, чѣмъ тогда думали и чѣмъ теперь принято говорить. Была масса рабочихъ, которые относились къ Наполеону III съ такимъ обожаніемъ, что готовы бы были броситься за него на живнѣ и на смерть.

Я сообразилъ въ эту минуту, что если въ уличной толпѣ догадаются, что насъ двоихъ ведутъ по дѣлу улицы Le Peletier, какъ заподозрѣнныхъ во вчерашнемъ покушеніи иностранцевъ, то насъ можетъ разсудить сама толпа, по методу Линча!

Разумѣется, чрезъ полчаса мы были около церкви Notre Dame de Lorette и очутились въ участкѣ, гдѣ была настоящая катавасія или каша, чтò, вѣроятно, въ этотъ день было и во всѣхъ полицейскихъ участкахъ Парижа. Здѣсь мы подъ стражей дождались своей очереди быть допрошенными.

И тутъ, точно такъ же, какъ на похоронахъ Рашели, «русскій» — сдѣлало все. Записавъ наши имена, адреса, насъ отпустили домой.

Однако, я долженъ прибавить, что черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего возвращенія домой у консьержа былъ уже полицейскій. Онъ наводилъ справки о всей семьѣ, обязалъ консьержа слѣдить за мной и въ случаѣ, если я скроюсь внезапно изъ Парижа, тотчасъ донести въ полицію.

Долго потомъ друзья шутили надо мной, называя меня пріятелемъ Орсини и карбонаріемъ.

Кончу маленькой подробностью, которой не было въ тогдашнихъ газетахъ... Орсини на судѣ велъ себя холодно и гордо, а, идя изъ тюрьмы на эшафотъ, просто, спокойно курилъ сигару... Подойдя къ палачу, онъ задержался, три раза затянулся дымомъ, какъ бы съ наслажденіемъ, и затѣмъ, бросивъ сигару, поспѣшилъ лечь подъ ножъ гильотины со словами: mille pardons! Извольте влѣзть въ душу этакаго человѣка въ этакое мгновение и разобратся въ его помыслахъ и ощущеніяхъ... Придя чрезъ минуту на тотъ свѣтъ ему только оставалось крикнуть:—Гей, человѣкъ! Сельтерской воды!..

Графъ Е. Салиасъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СЕСТРЫ САМОЙЛОВЫ.

(Изъ театральныхъ воспоминаній) ¹⁾.

ОГДА мнѣ случается читать какіе нубудь несправедливыя нападки газетнаго критика, хотя вообще и добросовѣстнаго и трудолюбиваго,— я не могу его строго судить. Спѣшность газетной работы часто не даетъ возможности подробно провѣрять всякое слово, а съ другой стороны усердное, трудолюбивое отношеніе къ своему дѣлу всегда рождаетъ въ критикѣ желаніе поучать и исправлять, особенно въ молодые годы, богатые больше самоувѣренностью, чѣмъ опытомъ. Это, конечно, не оправданіе, но все-таки обстоятельство, уменьшающее вину. Таковъ былъ и я въ началѣ моей литературной карьеры, когда велъ театральную хронику въ только что взятыхъ (въ 1863 г.) В. Ѳ. Коршемъ въ аренду «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Мнѣ случалось прочитывать цѣлыя книги, чтобы только написать коротенькій интересный отчетъ о какой нибудь пьесѣ; но случалось и впасть въ ошибки, когда я наталкивался на фактъ, шедшій въ разрѣзъ съ тѣмъ, что я старался проводить. И вотъ примѣръ. Я всегда былъ противъ рѣзкаго разграниченія на сценѣ ролей на ампула; однажды мнѣ рассказали анекдотъ, будто въ императорской театральной школѣ воспитанница на вопросъ:

¹⁾ Считаю нужнымъ заявить, что всѣ документы и письма, которые когда нибудь мнѣ придется печатать въ моихъ воспоминаніяхъ, я въ подлинникѣ буду представлять редактору изданія, гдѣ они будутъ помѣщены.

что за характеръ Марина Мнишекъ? (въ пушкинскомъ Борисѣ Годуновѣ)—отвѣчала однимъ словомъ: кокетка. Я напечаталъ анекдотъ и шуточно отнесся къ преподаванію въ театральной школѣ. Анекдотъ, можетъ быть, и былъ вѣренъ, но моя ошибка состояла въ томъ, что онъ еще ничего не доказываетъ; слово воспитанницы еще не обличаетъ взгляда воспитателя, тѣмъ болѣе въ единичномъ фактѣ. Не слѣдовало печатать безъ провѣрки. Теперь я это вполне сознаю, но 34 года тому назадъ я слишкомъ страстно отдавался дѣлу и впалъ въ ошибку. Преподавательницей сценическаго искусства въ императорской театральной школѣ въ то время была Вѣра Васильевна Мичурина, давно покинувшая сцену, извѣстная артистка Самойлова 2-я. Моя замѣтка произвела нѣкоторое тревоженіе въ ея домѣ: ея мужъ, генералъ Мичуринъ, приходилъ ко мнѣ объясняться, но не засталъ меня дома. Сама Вѣра Васильевна выказала въ этомъ случаѣ тонкую деликатность артистическаго чутья. У насъ были общіе знакомые, она ихъ попросила пригласить меня и пріѣхала къ нимъ, чтобъ со мной встрѣтиться. Я уже не помню нашего тогдашняго разговора, но помню, что мы пробесѣдовали весь вечеръ и расстались друзьями. Съ тѣхъ поръ я часто запросто бывалъ у Вѣры Васильевны; забѣгалъ на минутку и оставался цѣлые часы, обсуждая настоящее, прослушивая воспоминанія о прошедшемъ: Чрезъ нее я познакомился и съ ея сестрами. Меня поразило въ этихъ артисткахъ особое отличіе ихъ отъ среды, въ которой онѣ нѣкогда дѣйствовали. Я видѣлъ въ нихъ сознательное (не напускное) уваженіе къ своему искусству, твердое отстаиваніе его серьезности, отсутствіе трепетнаго нервнаго злобствованія, чѣмъ такъ легко заражаются люди, проводя долгіе годы въ уборныхъ театра. Сестры Самойловы были какія-то аристократки искусства, въ лучшемъ смыслѣ этого слова; закулисная пыль на нихъ не осѣдала. Онѣ сталкивались съ другими артистами только въ общемъ дѣлѣ и въ общей любви къ нему, но не вмѣшивались въ сумятицу актерскаго обихода.

Приступая къ печатанію моихъ воспоминаній, мнѣ хотѣлось почитать этихъ артистокъ рассказомъ о томъ, что я отъ нихъ слышалъ о ихъ дѣтствѣ, о ихъ сценической карьерѣ, вообще о ихъ жизни. Я поподнилъ свои воспоминанія тѣмъ, что слышалъ и отъ другихъ людей, особенно отъ дочери покойной Вѣры Васильевны, артистки императорскихъ театровъ, Вѣры Аркадьевны Мичуриной, и, кромѣ того, что я прослѣдилъ о дѣятельности сестеръ Самойловыхъ по журнальнымъ замѣткамъ ихъ времени.

I.

Въ разсказахъ сестеръ Самойловыхъ о ихъ дѣтствѣ живо востаетъ картина типичной патриархальной артистической семьи чистѣйшей воды. Центромъ этой семьи былъ извѣстный пѣвецъ теноръ, Василій Михайловичъ Самойловъ, одна изъ тѣхъ изумительныхъ цѣльныхъ натуръ, которыя время отъ времени выдѣляются въ нашъ отечествѣ, радуя насъ и утѣшая, что богатства земли Русской не гибнуть подъ ея хмурымъ небомъ. Самойловъ былъ рожденъ артистомъ. Мы не можемъ услѣдить зародыши и наслѣдственность этого, но артистъ сказался въ немъ каждой каплей крови. Онъ не могъ не сдѣлаться артистомъ, какія бы препятствія ни громоздились передъ нимъ, какъ не могли не сдѣлаться писателями Ломоносовъ, Николай Полевой, Кольцовъ, какъ не могъ не сдѣлаться механикомъ Кулибинъ, или полководцемъ Суворовъ. Самойловъ родился въ Москвѣ (1782 г.) въ старинной купеческой семьѣ. Живя подъ надзоромъ строгаго отца, смотрѣвшаго на театръ, какъ на дьявольское навожденіе, Самойловъ началъ удовлетворять свою страсть къ искусству пѣніемъ на клиросѣ и тайнымъ отъ родителей посѣщеніемъ театра; когда же слава о его замѣчательномъ теноровомъ голосѣ заставила директоровъ театра Медокса и императорскаго сминивать его на сцену и тѣмъ вызвала новую строгость отца,—Самойловъ, не долго думая, пѣшкомъ ушелъ въ Петербургъ. Всю жизнь крайне религіозный, всю жизнь горячо любящій всю свою родню и этого отца, котораго впослѣдствіи покоилъ до самой его смерти, Самойловъ не задумался быть непокорнымъ сыномъ, не побоялся злобныхъ встрѣчъ, невзгодъ, нищеты,—искусство тянуло его къ себѣ, какъ волшебной силой, подавляя всякую угрозу обыденной разсудительности. Въ Петербургѣ онъ пристроился къ церкви Спаса на Сѣнной, гдѣ сталъ пѣть на клиросѣ. Голосъ его тотчасъ былъ замѣченъ, и Самойлова пригласили пѣвчимъ въ церковь капитула орденовъ. Оттого всѣ въ его семьѣ всегда особенно почитали эту церковь Спаса, какъ мѣсто, откуда началось ихъ благополучіе. Голосъ пѣвца, однако, былъ слишкомъ исключителенъ, чтобы тратить его на хоровое пѣніе. Дирекція императорскихъ театровъ, какъ и въ Москвѣ, обратила на него вниманіе и озботилась приготовить его къ оперѣ. Ученье далось Самойлову легко, и такимъ образомъ онъ вскорѣ попалъ на императорскую сцену¹⁾. Для перваго дебюта

¹⁾ Дебютъ Самойлова состоялся въ 1803 г. Стало быть черезъ пять годовъ закончилось столѣтіе, въ продолженіе котораго не переставали служить на императорской сценѣ члены Самойловской семьи. Пѣвца Самойлова смѣнили его сынъ и дочери. При этомъ сынъ, Василь Васильевичъ, поступилъ на сцену его сынъ, Николай. Потомъ дочь Вѣры Васильевны, артистка Мичурина, и донинѣ участвующая въ труппѣ.

молодому тенору дали въ партнерши ученицу театральнаго училища, пѣвицу Черникову, и съ первыхъ же репетицій молодые дебютанты влюбились другъ въ друга и на первыхъ же шагахъ артистической карьеры женились. Такъ основалось это артистическое гнѣздо у Торговаго моста, впослѣдствіи столь извѣстное всему Петербургу. Сперва небольшая квартира понемногу расширялась и наконецъ заняла цѣлый этажъ. Отецъ Самойлова въ Москвѣ старѣлъ, хворалъ отъ неосторожнаго ушиба и разорился. Сынъ выписалъ къ себѣ своихъ родителей. Видя почетъ, оказываемый сыну императорской фамиліей, старикъ примирился съ его дѣятельностью и переѣхалъ къ нему въ Петербургъ¹⁾. Старушка мать взяла на себя все хозяйство дома. Семья слилась и окрѣпла своей взаимопомощью. Нарождались дѣти; ихъ было у Самойловыхъ 14 человекъ (трое умерли въ младенческихъ годахъ). Отецъ и мать, при всемъ своемъ чадолюбіи, не могли слѣдить за ихъ воспитаніемъ. Оба трудились на сценѣ оперными пѣвцами, всецѣло отдаваясь дорогому искусству и въ то же время зарабатывая хлѣбъ для всей семьи, а домъ чередила бабушка. Артисткѣ матери давали только нѣсколько недѣль отпуска для родовъ; когда появлялся ребенокъ, онъ сдавался на руки бабушкѣ, и выздоровѣвшая мать снова бралась за свое дѣло. Наконецъ, къ этой семьѣ примкнула и мать жены Самойлова, старушка Черникова, нѣкогда тоже актриса. Она поселилась въ отдѣльной квартиркѣ того же дома и изрѣдка появлялась въ семьѣ важной представительницей вѣка императрицы Екатерины II, въ пьесахъ которой участвовала въ своей молодости. Сценическая работа не затруднила Самойлова, и скоро, къ чарующему голосу выдающагося пѣвца, онъ развилъ въ себѣ талантъ актера. Публика его на рукахъ носила. Онъ еще засталъ то время, когда зрители бросали кошельки съ золотомъ на сцену, и не разъ вызывалъ такія проявленія восторга. Императорская фамилія была къ нему не только благосклонна, но даже и заботлива. Императоры Александръ I и Николай I, императрица Александра Ѳеодоровна и другіе члены царской семьи не разъ выказывали это на дѣлѣ. Такъ, государь Александръ Павловичъ запретилъ исполненіе оперы «Гораци и Куріаціи» только потому, что партія Самойлова въ этой оперѣ была слишкомъ трудна, и частое пѣніе ея могло вредно повліять на его голосъ. Зимой иногда спектакли отмиѣнялись изъ-за сильныхъ мо-

¹⁾ Онъ прожилъ у сына 12 лѣтъ и подъ конецъ жизни совсѣмъ ослѣпъ по винѣ своего характера. Старикъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ катарактомъ на глазахъ. Ему сдѣлали вполне удачную операцію, такъ что, увидѣвши сына послѣ долгихъ лѣтъ, онъ невольно воскликнулъ: «Вася, да какъ ты постарѣлъ!» Но зрѣніе вернулось ненадолго. Старикъ было предписано очень остерегаться простуды въ первое время послѣ операціи. Онъ, однако, не берегся и однажды, на замѣчаніе объ этомъ своей старушки жены, такъ хлопнулъ передъ ней дверью, что порывомъ воздуха застудилъ глаза и ослѣпъ окончательно.

розовъ, но Самойлову всегда выплачивали разовыя деньги и за несостоявшіеся спектакли. Сыновей Самойлова, по первому его желанію, государь Николай Павловичъ приказалъ принять на казенный счетъ въ горный институтъ; при этомъ самому Самойлову далъ почетное гражданство.

Семью свою Самойловъ очень любилъ, дѣтей ласкалъ и баловалъ. У него всегда были подъ рукой разныя лакомства, орѣхи, конфеты, чтобы надѣлать ими своихъ ребятишекъ, большею частью, когда они прощались съ нимъ, уходя на учење. Но въ сущности свою семью Самойловъ видѣлъ болѣе съ показной стороны. Всѣ маленькіе дряги домашняго хозяйства и дѣтскихъ шалостей ни до него, ни до его жены почти не доходили. Бабушка оберегала ихъ отъ этого, чтобъ дать полный просторъ заниматься своимъ дѣломъ. Только когда бывало уже слишкомъ расшались дѣти и надоѣдаютъ бабушкѣ, она надѣвала шелковый капотъ и голубую шаль (безъ чего не выходила въ парадныя комнаты) и шла жаловаться ихъ отцу. Оттого и шаль и капотъ были страшилищемъ для дѣтей, потому что предвѣщали наказаніе, тѣмъ болѣе страшное, что примѣнялось оно рѣдко. Согласно съ склонностями Самойлова подобрался и кругъ его знакомства, создались и его развлечения. Онъ не получилъ образованія, но его пытливый умъ и природный вкусъ породили въ немъ истинно художественныя пристрастія. Онъ очень любилъ природу, любилъ ходить на охоту, кататься на лодкѣ; любилъ животныхъ: у него всегда жили двѣ маленькія обезьяны и комнатная собака, Филька, общій другъ всѣхъ дѣтей, товарищъ ихъ игръ; кромѣ того, онъ держалъ много хорошихъ охотничьихъ собакъ. Больше же всего Самойловъ заводилъ у себя всякаго рода птицъ. Въ квартирѣ его насчитывалось до восемнадцати канареекъ, нѣсколько попугаевъ, сорокъ, скворцовъ, которыхъ онъ обучалъ говорить, и т. п. На птичьемъ рынкѣ онъ славился, какъ знатокъ пернатой породы, и, когда тамъ случайно появлялся какой нибудь выдающійся экземпляръ, Самойлову тотчасъ же объ этомъ сообщали. Съ большимъ интересомъ относился Василій Михайловичъ и къ разнымъ опытамъ по физикѣ. У него былъ цѣлый кабинетъ физическихъ фокусовъ и куріозовъ, и онъ ими развлекалъ гостей. Живопись тоже находила въ немъ одного изъ страстныхъ любителей. По всему этому можно судить, какого рода общество собиралось въ его гостиной, и въ чемъ заключалось тамъ ихъ времяпровожденіе. О карточной игрѣ въ домѣ Самойлова не было и помину. Умная бесѣда, споры объ искусствѣ, музыка — вотъ что занимало всѣхъ. Живому, любознательному характеру Самойлова нужна была молодежь, онъ всегда былъ ею окруженъ. Студенты горнаго института, товарищи его сыновей, и ученики академіи художествъ были его главные гости и отвѣчали почти сыновней привязанностью на ласку добраго хозяина. Уѣзжая за границу для со-

вершенствованія въ своемъ дѣлѣ, они приходили къ нему за благословеніемъ. Художникъ Брюловъ, близкій человѣкъ въ домѣ Самойловыхъ, вернувшись знаменитостью изъ-за границы, поспѣшилъ сдѣлать первый визитъ не кому другому, какъ Самойлову. Эта художественная связь была тѣмъ сплѣнѣе, что искусство для этихъ людей было потребностью души, они жили искусствомъ, не съ одной только стороны эксплуатація его и дохода, но по внутреннему содержанию, по наслажденію, доставляемому искусствомъ самому его служителю. Пѣвецъ не спѣшилъ обращать каждый звукъ своего чуднаго голоса въ рубли, а прежде всего самъ наслаждался своимъ пѣніемъ. Въ великомъ посту Самойловъ съ нѣкоторыми другими оперными пѣвцами пѣлъ на клиросѣ то въ одной церкви, то въ другой, конечно, безденежно, изъ одного эстетическаго и религіознаго наслажденія. Въ Петербургѣ это знали, и толпы молящихся перебѣгали за пѣвцомъ, въ жаждѣ благоговѣйнаго восторга.

Необычною жизнью, въ которой искусство и поэзія заполняли все, прожилъ Василій Михайловичъ Самойловъ, и такъ же необычно онъ умеръ. Лѣтомъ 1839 года, онъ поѣхалъ на парусной лодкѣ по взморью въ Сергіевскій монастырь, куда часто пріѣзжалъ молиться и пѣть на клиросѣ. Самойловъ обѣщалъ быть дома въ извѣстный часъ; но часъ прошелъ, а онъ не возвращался. Это страшно обезпокоило всѣхъ домашнихъ; прежде всего потому, что Василій Михайловичъ былъ чрезвычайно акуратенъ и всегда исполнялъ то, что обѣщалъ; но такъ же изъ-за погоды, которая внезапно переѣнилась: послѣ яснаго тихаго утра поднялась жестокая буря. Предчувствуя что-то недоброе, перепуганная семья вся бросилась къ иконамъ съ молитвой. Вдругъ порывъ вѣтра открылъ форточку и въ то же время съ улицы влетѣла въ комнату канарейка съ черными крыльями и черной головкой, вѣроятно, гдѣ нибудь по сосѣдству вырвавшаяся на волю и загнанная вѣтромъ въ чужую квартиру. Всѣ обрадовались милой гостьѣ; канарейку поймали, посадили въ клѣтку, старались успокоивать себя разговорами, что вотъ де какъ будетъ доволенъ Василій Михайловичъ новой канарейкѣ. Но время шло, а Василій Михайловичъ не являлся. Только праздно ночью стала извѣстна страшная новость: на лодку, въ которой ѣхалъ Самойловъ, налетѣлъ шквалъ и опрокинулъ ее. Слуга, бывшій съ артистомъ, спасся, но онъ самъ утонулъ.

Въ семьѣ долго потомъ прилетѣвшая канарейка считалась вѣстницей великаго горя.

II.

У Самойлова было четыре дочери: двѣ старшія, Марья и Любовь, были первыми дѣтьми семьи, двѣ младшія, Надежда и Вѣра, послѣдними; между тѣми и другими были мальчики, въ числѣ ихъ и извѣстный артистъ, Василій Васильевичъ. Очень естественно, что,

выростая въ такомъ артистическомъ гнѣздѣ, какимъ былъ домъ ихъ отца, всѣ четыре сестры пристрастились ко всякому роду искусства, но, конечно, по преимуществу къ сценѣ и музыкѣ. Всѣ четыре были очень талантливы, всѣ четыре получили прекрасное, по тогдашнему, образованіе въ лучшемъ петербургскомъ пансіонѣ для благородныхъ дѣвицъ г-жи Ферай, всѣ четыре были въ душѣ артистки, но судьба ихъ была различна. Любовь Васильевна рано поняла, что ея чуткость и художественное творчество никогда не будутъ блеснуть передъ публикой непосредственно. Она была некрасива собой, стало быть, для сцены не годилась. Къ тому же, видя рядомъ съ собой хорошенькую талантливую сестру, Марью, которой явно улыбалась сценическая карьера, Любовь Васильевна чувствовала, что скоро придется ей сдѣлаться скрытой пружиной всего движущагося механизма семьи, не только съ художественной стороны, но и съ хозяйственной. Бабушка старѣла, мать и отецъ никогда хозяйствомъ не занимались, даже въ воспитаніи дѣтей только заботились о невозможномъ лучшемъ ученіи, но едва ли много слѣдили за тѣмъ, какъ дѣти росли. Любовь Васильевна готовилась сдѣлаться хозяйкой и второй матерью своимъ братьямъ и сестрамъ, оттого изъ нея не вышло никакой артистки. Она занималась живописью, писала масляными красками; между прочимъ сохранилась ея картина, изображающая гостиную комнату ихъ квартиры. Въ этой гостиной выросли всѣ дѣти Самойловы, и художница помѣстила на картинѣ троихъ изъ нихъ: братьевъ Ивана и Михаила и младшую сестру Вѣру, въ сосѣдней столовой комнатѣ. Дѣйствительно когда старшая сестра, Марья, вышла замужъ, и умерла сперва бабушка, а потомъ отецъ семьи, Василий Михайловичъ,—Самойловское гнѣздо полуразрушилось, и всѣ заботы о немъ пали на Любовь Васильевну. Какъ увидимъ ниже, она много помогала сестрамъ въ ихъ артистической работѣ, благодаря своему художественному дарованію и развитію.

Судьба старшей сестры, Марьи Васильевны, началась блистательно. Она была миловидна и очень талантлива, особенно въ музыкальномъ отношеніи. Ея учителемъ фортепіанной игры былъ нѣкто Волковъ, причѣмъ она проявила такія выдающіяся способности, что отецъ Самойловъ не разъ просилъ знаменитаго въ то время пьяниста Фильда, съ которымъ пріятелиествовалъ, обратить на нее вниманіе. Добродушный Фильдъ многократно это обѣщалъ, но онъ былъ безалаберная, разсѣянная натура; забывалъ обѣщаніе, забывалъ адресъ Самойловыхъ, какъ иной разъ забывалъ надѣвать галстухъ или прійти куда слѣдуетъ въ назначенный часъ. Однажды пришлось ему однако проходить по Торговой улицѣ; было лѣтнее время, окна въ домахъ открыты, и въ одномъ изъ нихъ кто-то игралъ на фортепіано. Фильдъ остановился и заслушался; ему такъ понравилась игра, что онъ даже присѣлъ на тумбочку у окна. Самойловъ въ это время возвращался домой и увидѣлъ Фильда.

— Здравствуй,—сказаль онъ,—что ты тутъ дѣлаешь?

— Постой, постой,—возразиль Фильдъ,—чортъ знаетъ, кто тутъ живетъ. Послушай, какъ прекрасно играетъ.

— Да это моя дочь, Марія, — сказаль Самойловъ и затащиль наконецъ безшабашнаго музыканта къ себѣ.

Съ тѣхъ поръ Фильдъ вызвался самъ давать уроки Марьѣ Васильевнѣ и занимался ея музыкальнымъ развитіемъ. Такъ рассказывали этотъ анекдотъ въ семьѣ Самойловыхъ, какъ воспоминаніе о музыкальныхъ способностяхъ Марьи Васильевны. Въ началѣ 30-хъ годовъ, она дебютировала въ оперѣ «Адольфъ и Клара», въ которой ея отецъ исполняль роль ея жениха; но поступленіе ея на сцену тогда не состоялось по какому-то несогласію съ дирекціей. Немного послѣ этого Марья Васильевна выступила уже на драматической сценѣ, въ комедіи Гольдони «Мирандолина» (трактирщица) и выказала себя такую первокласною артисткой, что ее тотчасъ же приняли въ составъ труппы Александринскаго театра. Особенность игры Марьи Васильевны заключалась въ необыкновенной изящной простотѣ, чтò такъ поразило государя Николая Павловича, когда онъ ее увидѣль въ пьесѣ «Хороша и дурна». Все въ ея исполненіи выходило такъ естественно и правдиво, словно она говорила не слова автора, а свои собственныя, только что пришедшія на мысль. Артисткѣ, однако, не довелось много расширить свою карьеру. Наибольшимъ успѣхомъ она пользовалась въ 1837 г., дѣля его съ недавно появившейся Асенковой; но этимъ и закончилась сценическая дѣятельность Марьи Васильевны. Какъ первое дитя семьи, ее баловали болѣе другихъ, она жила беззаботно и, по своей пылкой оптимистической природѣ, часто увлекалась и радостями жизни, и людьми. Къ тому же она была уже взрослою дѣвушкой при жизни отца, когда домъ Самойловыхъ не былъ такъ недоступенъ для молодежи, какъ послѣ. Все это вмѣстѣ съ веселостью и живостью характера, красотой и талантомъ, предвѣщало ранній бракъ. Такъ оно и случилось. Въ Марью Васильевну сильно влюбился богатый купецъ, Загигенинъ, по фамиліи котораго былъ названъ цѣлый переулокъ на Васильевскомъ островѣ, такъ какъ все это мѣсто принадлежало Загигенину. Марьѣ Васильевнѣ самой приглянулся этотъ молодой, красивый ея поклонникъ, типъ иностраннаго негоціанта, и она вышла за него замужъ. Съ этимъ вмѣстѣ ей пришлось тотчасъ покинуть сцену, оттого что мужъ обожаль жену до безумной ревности. Обставлена была Марья Васильевна роскошно, но жизнь ея измѣнилась, превратясь въ постоянное, хотя и богатое, затворничество. Она выѣзжала въ театръ, рѣдко къ роднымъ, у нея никого не бывало. Ревность мужа доходила до того, что онъ, который ничего для нея не жалѣль, въ то же время не любиль, чтобъ она была особенно изящно и къ лицу одѣта, изъ боязни, что заглядится на нее чужой непрошенный глазъ. Это, однако, ни къ ка-

кимъ спорамъ и непріятностямъ не повело. Безпредѣльно добрая, уступчивая и привязчивая Марья Васильевна во всемъ подчинилась мужу и умѣла находить замѣну тѣхъ прежнихъ удовольствій, которыхъ ее лишили. Эти добрыя черты ея характера не испортило даже то, что мужъ по своему эстетическому развитію былъ гораздо ниже ея. Она очень любила серьезную музыку, понимала ее, наслаждалась ею; мужу такое искусство было скучно; онъ не разъ оста-

Анна Алексѣевна Самойлова

(бабушка сестеръ Самойловыхъ).

навливалъ жену, прося сыграть ему, вмѣсто сонаты Бетховена, какую нибудь залихватскую цыганскую пѣсню. Кончилось тѣмъ, что Марья Васильевна, нѣкогда выдающаяся музыкантша, совсѣмъ бросила музыку. Она приложила весь свой артистическій вкусъ къ разнаго рода рукодѣлю, стала усиленно заниматься хозяйствомъ. Къ счастью, у нея родилась дочь, и Марья Васильевна могла сосредоточить всѣ свои жизненные стремленія на любви къ своему ребенку, на воспитаніи его. Она прожила съ мужемъ лѣтъ

«истор. вѣстн.», январь, 1898 г., т. LXXI.

9

восемнадцать, продолжая быть такою же неопытною и легкомысленною въ дѣлѣ житейской практики, какою была въ отцовскомъ домѣ. Загибенинъ умеръ скоропостижно, оставивъ Марьѣ Васильевнѣ полумилліонное состояніе, съ которымъ она, конечно, распорядиться не сумѣла. Добрая до малодушія, она готова была помочь всякому, кто хотѣлъ пользоваться ея деньгами, тѣмъ болѣе близкому человѣку. Страстно любя свою дочь, когда эта, въ свою очередь, влюбилась и вышла замужъ за одного изъ управляющихъ дѣлами ея отца, Марья Васильевна перенесла привязанность и на зятя. «Милый Миша» для нея былъ законодателемъ; между тѣмъ онъ оказался далеко не надежнымъ человѣкомъ. Самонадѣянный, онъ пустился въ аферы и въ восемь лѣтъ, разоривши состояніе жены и тещи, тоже умеръ. За нимъ вскорѣ послѣдовала въ могилу и его вдова. Марьѣ Васильевнѣ пришлось доживать вѣкъ въ бѣдности съ внучкой и тремя правнучатами на рукахъ. Но и тутъ она вносила во весь свой обиходъ то изящество и теплое радушіе, которыя ей были такъ присущи съ юныхъ лѣтъ. Обстановка ея, самая скромная, всегда отличалась необычайною чистотой и порядкомъ, и участливое гостепримство ея дышало искренностью и идилліей. Она постоянно была занята какимъ нибудь рукодѣліемъ и прилагала къ своимъ крайне ограниченнымъ средствамъ творчество хозяйки, оставшееся отъ лучшихъ временъ ея жизни. Она была мастерица на всякія варенья, соленья.

Я сталъ знать Марью Васильевну уже совсѣмъ старушкой, встрѣчая ее у ея сестры, Вѣры, въ семидесятихъ годахъ. Въ разгарѣ сценическихъ затѣй, мы составляли любительскіе спектакли, увлекли и ее въ наше дѣло. Она сыграла съ нами роль экономки въ моей пьесѣ «Въ осадномъ положеніи» и произвела на всѣхъ такое пріятное впечатлѣніе, что ее уговорили еще попробовать свои силы на частной сценѣ въ Павловскѣ. Марья Васильевна выступила тамъ въ нѣсколькихъ старческихъ роляхъ, но эта попытка была неудачна. Артисткѣ сильно измѣняла память и вообще, до крайности волнуясь на сценѣ, она чувствовала, что уже не была въ состояніи вполне владѣть своими силами. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые моменты, фразы, живой простотой исполненія, обличали художницу. Марья Васильевна примирилась съ тѣмъ, что ея время безвозвратно миновало; съ тѣхъ поръ ея сценическія способности проявлялись только въ чтеніи громко. Слушая ее, можно было подумать, что она не читаетъ, а рассказываетъ; особенно умѣла она очень заразительно смѣяться. Близкія и родственницы часто заставляли старушку читать какое нибудь литературное произведеніе, засѣвши подлѣ нея въ кружокъ съ рукодѣліемъ. Это были послѣдніе отголоски ея эстетическаго творчества. Участливая ко всякому, тихая, почти робкая, являлась она къ сестрѣ, но это не была робость человѣка, забитаго судьбой. Я никогда не слышалъ отъ нея ни-

какого ропота, никакихъ жалобъ на что бы то ни было, я ни разу не видалъ ее хоть мало-мальски раздраженной. Свѣтлое спокойствіе, умѣнье приладиться къ жизни и веселость были ея отличительными чертами; поэтому, вѣроятно, она умѣла быть счастливой даже въ несчастьи. А между тѣмъ въ послѣдніе годы жизни нужда заставила ее пустить въ ходъ на заработокъ свое умѣнье вышивать; она работала по заказу, за деньги.

Видя эту старушку, которая, при всѣхъ своихъ способностяхъ и любви ко всякому искусству, такъ умѣла дѣлать себя незамѣтною въ гостиной, никакъ нельзя было подозрѣвать, что это была нѣкогда сценическая звѣзда. Она на императорской сценѣ мелькнула метеоромъ, предтечею своихъ сестеръ, пророча ихъ появленіе, какъ пророчить, на золотомъ приискѣ, богатую золотую руду первый найденный крупный самородокъ. Когда чрезъ годъ послѣ того, какъ Марья Васильевна оставила сцену, дебютировала ея сестра, Надежда, какъ разъ въ той роли (Матюшкина дочка), въ которой обворожала публику Марья Васильевна, — критика того времени не нашла лучшей похвалы для молодой дебютантки, какъ сказать, что она напоминала сестру, объ утратѣ которой такъ много жалѣли, что дебютъ былъ какъ бы продолженіемъ милого даровитаго исполненія Марьи Васильевны. Это сходство между двумя сестрами было такъ велико, что иные старые театралы путали свои воспоминанія и присчитывали годы службы Марьи къ годамъ службы Надежды. А еще между сестрами была уже та разница, что Марья покинула сцену почти 30-ти лѣтъ, а Надежда выступила 16-ти. Но такова была свѣжесть дарованія Марьи Васильевны, что она до 30-ти лѣтъ могла играть самыхъ молоденькихъ дѣвушекъ, обманывая публику своимъ прелестнымъ исполненіемъ. Послѣдніе дни старушки были очень печальны. Она скончалась въ восьмидесятихъ годахъ жизни, въ тяжелой бѣдности.

III.

Надежда и Вѣра Самойловы были младшія дѣти семьи и почти погодки; между ними былъ только братъ Иванъ, а потому эти двѣ сестры росли сверстницами, какъ Любовь съ Марьей. Дѣтство ихъ совпало съ самымъ лучшимъ временемъ жизни ихъ родителей. Отецъ и мать Самойловы были въ это время уже давно установившимися, прославленными артистами, въ ихъ домѣ встрѣчались лучшіе люди петербургской интеллигенціи, матеріально семья была прекрасно обеспечена, хозяйственный порядокъ въ домѣ безукоризненно вела бабушка. Всему гнѣзду жилось весело, трудолюбиво, умно, сытно, въ кладовыхъ всякіе запасы готовились на годъ впередъ, въ гостиной разговоры объ искусствѣ не прекращались. Дѣвочки были различнаго характера: Надежда всегда веселая, бойкая, отчаянная

шалунья, здоровая; Вѣра болѣе тихая, болѣе слабая. Какъ послѣднее дитя семьи, она родилась худенькой, тщедушной, и отецъ ея часто тѣшилъ тѣмъ, что носилъ ее младенцемъ въ широкомъ рукавѣ своего халата. Первые разговоры, подслушанные дѣтми у старшихъ, были разговоры о сценѣ, первыя дѣтскія игры были театральныя представленія. Дѣти представляли актеровъ, еще хорошенько не зная, что такое театръ, такъ какъ въ домѣ былъ строгій порядокъ воспитанія, и родители не допускали, чтобы дѣти толкались за кулисами или въ коридорахъ театра, какъ это часто бываетъ въ актерскихъ семьяхъ. Дѣтей пускали въ театръ, уже когда они подросли, и очень рѣдко, большею частью въ бенефисы родителей, усаживая всѣхъ въ одну ложу. Только иногда мать позволяла себѣ брать Надежду въ свою уборную, какъ бы для того, чтобы помочь одѣваться, зная, что бѣльшого праздника шустрой дѣвочкѣ сдѣлать нельзя. Да и то только потому, что она была любимица матери, которую мать ласково называла «Надежда моя». Да и эти рѣдкіе случаи неоднократно отнимала у нея старшая сестра, Марья, заявляя, что она поѣдетъ одѣвать мамашу. Старшей приходилось уступать; но это было такое лишеніе, что даже порождало и злобу и разладъ между сестрами. Дѣти жили въ двухъ дѣтскихъ: мальчики съ дѣдушкой, дѣвочки съ бабушкой. Спектакли ихъ устраивались то въ той дѣтской, то въ другой. Душою игръ была большею частью бойкая Надежда, она же и первая затѣйница на шалости, которыя всегда ловко сваливала на болѣе спокойную Вѣру. Но бабушку трудно было обмануть.

— Ну, ну,—говорила она,—это вѣрно опять мириниха спалила.

Сценическія и музыкальныя способности Надежды сказались въ самые дѣтскіе годы. Слухъ и музыкальная память у нея были поразительны. Однажды, когда Марья готовилась къ дебюту, капельмейстеръ Кавосъ пріѣхалъ къ Самойловымъ съ оркестровымъ квартетомъ, чтобы прорепетировать ея номера. Но случайно въ этотъ день дебютантка простудила горло и осипла; репетицію отложили. Кто-то шутя замѣтилъ, что маленькая восьмилѣтняя Надя знаетъ наизусть всю партію сестры и можетъ пропѣть за нее. Дѣвочку поставили на стулъ, и она бойко съ квартетомъ спѣла всѣ номера. По поступленіи въ пансіонъ, она скоро выказалась хорошей читцей стиховъ, и ее всегда заставляли читать передъ почетными гостями, посѣщавшими заведеніе: передъ ректоромъ университета Плетневымъ и другими высокопоставленными лицами. Какъ только она кончила курсъ ученія и 15-ти лѣтъ вернулась въ дѣтскую, ее начали серьезно учить пѣть. Большинство обыкновенно прибѣгало въ такихъ случаяхъ къ капельмейстеру Кавосу, но Самойловъ самъ былъ пѣвецъ и знатокъ дѣла; онъ замѣчалъ, что Кавосъ часто срывалъ голосъ своимъ ученикамъ и потому предпочелъ ему учителя Даллока, отца извѣстной пѣвицы Шауберлейхнеръ. При та-

кихъ благоприятныхъ условіяхъ развивалась артистка; понятно, что въ ней самой, съ ея страстной природой, жажда къ сценѣ горѣла неудержимымъ пламенемъ. Ее начали готовить въ оперу, но тяготѣніе къ театру въ ней было слишкомъ сильно, чтобъ не удовлетворить его тотчасъ хотя бы первой пробой, чтобъ оттягивать дебютъ изъ-за наилучшей разработки голоса. Ей было всего 16 лѣтъ, когда, имѣя въ виду бенефисъ ея матери, ей дали въ руки роль въ пьесѣ

Василій Михайловичъ Самойловъ

(отецъ сестеръ Самойловыхъ).

«Матушкина дочка» и сказали: «выучи роль, никого не спрашивая, какъ сумѣешь». Жадно схватилась дѣвочка за ученье, чрезъ нѣсколько дней отецъ, мать и старшая сестра, Любовь Васильевна, всеторжественно засѣли въ гостиную. Любовь Васильевна читала по книжкѣ реплики, Надежда исполняла свою роль. Когда испытаніе кончилось, молча всѣ три экзаменатора ушли въ кабинетъ. Съ дрожью и трепетомъ ждала дѣвочка нѣсколько минутъ ихъ рѣше-

нія; у нея едва не закружилась голова отъ восторга, когда старшая сестра вышла и сказала ей:

— Ну, готовься, ты будешь дебютировать.

Цѣлый мѣсяць Надежда Васильевна разрабатывала роль, подъ наблюдениемъ старшей сестры. Любовь Васильевна присматривалась ко всякому движению, прислушивалась ко всякому слову молодой артистки. Ей надѣли особаго рода помочи, чтобъ придать ей болѣе стройный видъ, такъ какъ замѣтили, что она нехорошо держится и какъ-то гнется. Чтобъ приучить ее къ сценѣ, къ покатоуму полу, къ театральной залѣ, ее нѣсколько разъ возили въ Большой театръ (въ театръ ея отца) и тамъ заставляли проходить роль. Дѣлалось это рано утромъ, въ шесть часовъ, пока въ театрѣ никого не было, никто этого не зналъ, никто не мѣшалъ. Подготовленная дебютантка держала второй экзаменъ въ большой мужской уборной Александринскаго театра, режиссеръ и главные актеры собрались ее прослушать, послѣ чего и назначенъ былъ дебютъ. Онъ состоялся въ бенефисъ ея матери, 31-го августа 1838 года. При талантѣ Надежды Васильевны и при заботливой трудолюбивой подготовкѣ, не удивительно, что онъ сошелъ превосходно. Мать дебютантки немножко побаивалась за нее, но сама она нисколько не боялась. Этотъ, общій всѣмъ талантливымъ актерамъ, невольный страхъ передъ выходомъ на сцену явился у Надежды Васильевны уже послѣ, когда она утвердилась актрисой, но на дебютѣ, въ веселомъ чаду молодости, она играла, почти не понимая, что съ ней дѣлается, какъ не понимаетъ ребенокъ, что обожжется, схватывая раскаленный уголь. Притомъ, она была такъ хорошо подготовлена, въ ней было столько увѣренности и самообладанія, что весь дебютъ казался ей какимъ-то праздничнымъ препровождениемъ времени. Она дебютировала въ пьесѣ «Матушкина дочка» въ двухъ дѣйствіяхъ. Въ концѣ перваго дѣйствія (по роли) актриса укладывается спать въ гостиной, и второе дѣйствіе начинается тѣмъ, что наступившее утро застаетъ ее тамъ же спящей. Въ антрактѣ между дѣйствіями передъ поднятиемъ занавѣса, упоенная счастьемъ, Надежда Васильевна, лежа на диванѣ, слушала музыку оркестра; расходившіеся нервы не давали покоя, и ноги продѣлывали танцевальныя па. Въ это время подошелъ къ ней директоръ Гедеоновъ, очень довольный дебютомъ и спросилъ:

— Что? весело?

— Ахъ, какъ весело! Господи, какъ весело! — вскрикнула дѣвушка, — возьмите меня! возьмите на сцену ради Бога...

Рецензіи привѣтствовали дебютантку, какъ молодой народившейся талантъ. Хвалили ея стройную талію, ея сценическія рѣзкія черты лица, ея выразительные черные глаза, непринужденность ея игры. Надежда Васильевна и на сцену явилась тѣмъ же бѣсенкомъ, какимъ была въ жизни, и развязность милаго подростка увлекла всю

залу театра. Успѣхъ, однако, не заставилъ Самойловыхъ самихъ искать ангажемента. Праздничный день прошелъ, и жизнь потянулась своимъ чередомъ, когда чрезъ мѣсяць директоръ императорскихъ театровъ, по собственной инициативѣ, прислалъ запросъ о поступленіи на сцену Надежды Самойловой. Родители колебались, они допустили дебютъ только, какъ пробу, они хотѣли готовить Надю въ оперу. Извѣстная пѣвица Нимфодора Семенова совѣтовала отправить Надю за границу для окончательной разработки голоса. Сама Надя пришла въ ужасъ.

— Отдайте меня на сцену, — твердила она, — отдайте... хоть за двугривенный, — только отдайте.

— Не твое дѣло, — отвѣчали ей, — ступай въ дѣтскую.

Предложеніе, однако, имѣло большія выгоды. Въ будущемъ что еще было бы, а теперь успѣхъ давалъ дѣвушкамъ прекрасное положеніе въ театрѣ, и раннее поступленіе на сцену обѣщало раннее полученіе пенсіи, рѣшено было заключить ангажемента. Относительно денежныхъ условій вышло маленькое препирательство. Отецъ Самойловъ болѣе изъ самолюбія, чѣмъ изъ нужды, требовалъ для дочери бенефиса съ перваго же года службы и считалъ это настолько важнымъ дѣломъ въ глазахъ публики, что отказался отъ своего собственнаго бенефиса, только, чтобы его дали дочери. Поступленіе на сцену Надежды Васильевны состоялось.

Семнадцатилѣтняя артистка сразу сдѣлалась любимицей публики и одной изъ первыхъ актрисъ труппы, чему много способствовалъ и репертуаръ того времени. Тогда главнымъ образомъ исполнялись на сценѣ два рода пьесъ: сильная драма и трагедія и водевиль. Этотъ послѣдній родъ особенно былъ въ ходу, онъ былъ зародышемъ того, что впослѣдствіи преобразилось въ характерную и веселую комедію и въ остроумную оперетту, не только у насъ, но и во французскомъ репертуарѣ, изъ котораго тогда почти исключительно черпали свое творчество русскіе драматическіе писатели. Водевиль того времени былъ маленькой комедіей съ пѣніемъ, комизмъ его еще не имѣлъ склонности къ фарсу, какъ это сдѣлалось потомъ; иногда въ водевилѣ встрѣчались патетическія сцены, водевиль откликался и на разныя злобы дня, выводилъ типичныя лица, характерныя роли; не даромъ тогда цѣлые спектакли составлялись изъ трехъ-четырехъ одноактныхъ водевилей. Пьеска Каратыгина «Вицъ-мундиръ» была переведена на нѣмецкій языкъ и исполнялась на нѣмецкой сценѣ. «Булочная» (его же) вызвала маленькую бурю въ административныхъ сферахъ Петербурга. Графъ Соллогубъ осмѣивалъ въ водевилѣ «Петербургское цвѣтобѣсіе», одноактныя пьесы «Натуральная школа», «Сотрудники» и многія другія затрогивали ходячіе вопросы общественной жизни. Обставлялись эти водевили наилучшимъ образомъ: Мартыновъ, Максимовъ, Сосницкій, Каратыгинъ и другіе лучшіе актеры были ихъ постоянными испол-

нителемп. Для Надежды Васильевны этотъ репертуаръ являлъ всё удобства, чтобы безъ большихъ усилій стать на ноги въ театрѣ. Молодыя женскія роли въ этихъ пьесахъ представляютъ большую частью бойкихъ дѣвицъ, что было прямо въ характерѣ артистки, а иллюстрированіе ролей пѣніемъ давало ей возможность пускаться въ ходъ самую сильную сторону ея дарованія: прекрасное выразительное пѣніе и исполненіе куплета. Въ этихъ данныхъ скрашивались и исчезали всякіе недочеты изъ-за неопытности и молодости, тѣмъ болѣе, что къ дарованію всегда прилагался большой трудъ и вниманіе. Старшая сестра, Любовь Васильевна, не ограничилась одной подготовкой дебюта. Она стала слѣдить за каждымъ выходомъ сестры, являлась на каждый ея спектакль, смотрѣла, замѣчала, поправляла ошибки. Эта добрая, самоотверженная женщина такъ и осталась незамѣтной для публики, вѣрной сотрудницей по преимуществу этой своей сестры, у которой потомъ доживала свой вѣкъ и умерла.

— Она прослужила со мной въ театрѣ всю мою службу,— рассказывала мнѣ Надежда Васильевна.— Она вела меня, какъ ребенка, шагъ за шагомъ.

Критика съ первыхъ же годовъ одобряла новую актрису. По поводу постановки пьесы Коровкина (1839 г.) «Барышня-крестьянка» (изъ повѣсти Пушкина) рецензентъ «Сѣверной Пчелы» писалъ: «Самойлова показала разнообразный талантъ въ полномъ блескѣ; нельзя вѣрить, что она только 5 мѣсяцевъ на сценѣ». Тогда же касательно роли въ пьесѣ «Его превосходительство» рецензентъ замѣчаетъ, что «Самойлова была удивительно мила. Куплеты ея заставляли повторять, чтобъ только видѣть, какъ она грозитъ пальцемъ. Она займетъ первое мѣсто на сценѣ». Рецензентъ особенно ставитъ ей въ заслугу «вниманіе, которое она обращаетъ на малѣйшую изъ своихъ ролей, и участіе, которое принимаетъ въ пьесѣ, не прибѣгая ни къ какимъ приѣмамъ сценическаго кокетства, чтобы взглядомъ или жестомъ закупить себѣ благосклонность партера. Въ этомъ отношеніи она беретъ себѣ въ образецъ, кажется, г-жу Аллантъ¹⁾ и хорошо дѣлаетъ».

Единственной соперницей для Самойловой являлась г-жа Асенкова, тогда первая актриса театра на всякія роли, и Самойлова въ водевилѣ прямо стала съ ней на одну доску. Рецензія, сравнивая ихъ въ пьесѣ «Сиротка Сусанна», давала предпочтеніе въ первомъ актѣ Асенковой за наивную оживленную мимику, во второмъ—Самойловой, за веселость, за игру умную, скромную, непритязательную. Веселый водевильный репертуаръ раздѣлился между этими двумя актрисами, и соревнованіе не повело ни къ какому разладу, ни къ малѣйшему спору изъ-за роли или вызова. Три года Асенкова и Самойлова играли, одна подлѣ другой, совершенно оди-

¹⁾ Французская актриса, тогдашняя любимица Михайловскаго театра.

наковыя роли, оставаясь между собой въ самыхъ лучшихъ дружескихъ отношеніяхъ. Ни въ той ни въ другой не было стремленія царить единолично, что всегда бываетъ въ ущербъ хорошему исполненію. Успѣхъ одной нисколько не вредилъ успѣху другой; напротивъ, это раздѣленіе труда помогало имъ, потому что не давало заваливать каждую излишнимъ количествомъ работы, допускало возможность наилучшимъ образомъ заняться своимъ дѣломъ.

Софія Васильевна Самойлова, урожденная Черникова-пѣвница
(мать сестеръ Самойловыхъ).

Такое сопоставленіе дѣятельности этихъ двухъ актрисъ служить самымъ вѣскимъ доказательствомъ большого успѣха Самойловой, потому что она подвизалась рядомъ съ актрисой, пользовавшейся самой исключительной любовью публики. Асенкова была божествомъ для посѣтителей Александринскаго театра, въ залѣ котораго насчитывалось не мало безумно влюбленныхъ въ нее. Какой-то кавказскій офицеръ (горець) дошелъ до такого изступленія, что

однажды ворвался къ ней на квартиру и, не найдя артистки дома, изрѣзалъ и изрубилъ кинжаломъ всю ея мебель. Съ особеннымъ восторгомъ масса публики встрѣчала Асенкову въ роляхъ мальчиковъ, и ей самой очень нравилось носить мужской костюмъ. Режиссеръ всегда ставилъ для нея подъ новый годъ пьесу съ такой ролью. Асенкова по окончаніи спектакля только смывала гримировку и въ мужскомъ платьѣ уѣзжала домой встрѣчать праздникъ съ гостями. Очень красивая, прекрасно сложенная, она знала, что ей это платье идетъ; когда еще очень молодой женщиной она умерла, Самойлова пріѣхала ее навѣстить. Асенкова указала подругѣ на маленькую шпагу, приготовленную для какой-то роли, и съ грустной улыбкой проговорила «студентикъ». На краю могилы эти трофеи напоминали Асенковой, какъ она съ ума сводила толпу. Одинъ изъ поклонниковъ ея, нѣкто С., не пропускалъ ни одного спектакля съ участіемъ своей любимицы и послѣ ея смерти пересталъ ходить въ театръ. Только чрезъ пять лѣтъ онъ снова явился на одинъ спектакль, на свое прежнее кресло, именно въ день неудачнаго дебюта младшей сестры Асенковой и потомъ окончательно бросилъ театръ. Асенкова курила (что тогда было рѣдкостью) маленькую трубочку (носогрѣйку), поклонники хотѣли купить эту трубочку, оставшуюся послѣ нея въ наслѣдство роднымъ, но родные не продали даже за большую цѣну. Кому-то, однако, удалось, какъ говорятъ, рублей за сто купить восковой огарокъ, которымъ она пользовалась, чтобъ зажигать трубку. На похоронахъ Асенковой громадная толпа провожала гробъ на кладбище; много магазиновъ въ гостиномъ дворѣ было закрыто въ этотъ день. При такомъ обожаніи, которымъ пользовалась соперница, Надеждѣ Самойловой надо было обладать большими сценическими достоинствами, чтобъ не быть отодвинутой на второй планъ.

Какъ выше сказано, лѣтомъ 1839 года, скончался пѣвецъ Василій Михайловичъ. Сыновья его разошлись кто куда; вдовѣ съ тремя дочерьми пришлось сузиться, переѣхать на другую, маленькую квартиру. Въ 1840 году, кончила курсъ ученья въ пансіонѣ младшая сестра семьи, Вѣра. Это была высокая, красивая дѣвушка, нѣсколько худая и не сложившаяся, но стройная, и не столько граціозная, сколько величавая. Что она должна была тоже сдѣлаться актрисой, не было ни въ комъ сомнѣнія. Почти вся семья прошла чрезъ сцену, жила сценой, ея интересами, и всѣ радости и горести всѣхъ соприкасались со сценой. На сцену должна была поступить и Вѣра, хоть въ ней и не было той неудержимой страсти къ театру, съ которой рвалась къ сценѣ ея сестра, Надежда. Внѣшній видъ, все обхожденіе и характеръ Вѣры обусловили и выборъ амплуа. Какъ Надежда была весела, бойка, шутлива, такъ Вѣра сдержанна, сосредоточена и грустна. Еще въ пансіонѣ ее провалили *saule pleureur* (плакучая ява). Къ тому же ни музыка,

ни пѣніе ей не дались, веселыя водевильныя роли ей не подходили, она готовилась къ драмѣ. Какъ Надеждѣ поступленіе на сцену облегчилось значеніемъ въ театрѣ отца и матери, такъ для Вѣры были выгодны и успѣхъ сестры и вообще ея имя. Правда, еще мать ихъ была жива, но она старѣла и какъ-то опустила послѣ смерти мужа. Въ одинъ изъ послѣднихъ ея бенефисовъ она сама даже не играла. За то положеніе сестры, Надежды Самойловой, было упрочено, и опять таки, какъ Надежда выступила въ бенефисъ матери, такъ Вѣра выступила въ бенефисъ сестры. Дебютъ этотъ состоялся 10-го ноября 1841 года, въ роли Барвары въ слабой пьесѣ «Князь Серебряный», заимствованной изъ разсказа Марлинскаго «Наѣзды». Хотя роль дебютантки была довольно ничтожна, хотя артистка играла подлѣ такого любимца театра, какъ трагикъ Каратыгинъ, ее все-таки замѣтили. Вотъ что объ этомъ дебютѣ напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ»: «Мы отъ души пожалѣли о г-жѣ Самойловой 3-й¹⁾, которая для дебюта вышла въ пустой и безцвѣтной роли. Впрочемъ, ей же больше чести, что она въ ничтожной роли умѣла выказать свое дарованіе и возбудить въ публикѣ надежды. Дебютантка еще очень молода, съ прекрасной наружностью соединяетъ весьма пріятный голосъ и красоту движеній. Несмотря на то, что является въ первый разъ на сценѣ, г-жа Самойлова 3-я была на ней очень свободна и непринужденна и видимо отдала себѣ отчетъ во всякомъ движеніи, во всякомъ положеніи, во всякомъ словѣ», и проч. Нужно ли прибавлять, что этой разработкой Вѣра Васильевна была обязана тому же добросовѣстному труду, присущему всей семьѣ, и заботливости сестры, Любоми Васильевны, помогавшей въ изученіи роли.

Вѣра Васильевна, однако, съ бѣльшими усиліями и только постепенно достигла того положенія, которое заняла сестра ея съ перваго выхода на сцену. Начинаящей артисткѣ достались молодыя драматическія роли, которыя одолѣть было не легко, потому что приходилось играть среди артистовъ старой героической школы, съ трагикомъ Каратыгинымъ во главѣ. Нѣкоторое несоотвѣтствіе ея исполненій съ общимъ ансамблемъ было отмѣчено и поставлено ей на видъ. Но за смертью Асенковой соперницъ на серьезныя роли у Вѣры Васильевны не было; красота, громкое имя, а главное разнообразіе ролей дали ей возможность заставлять публику забывать ея первыя неудачи. Талантъ все-таки бралъ свое, и что Вѣрѣ Васильевнѣ было по силамъ, что она могла понять, почувствовать, при всей своей неопытности въ жизни, что она могла передать въ изящной отдѣлкѣ, не прибѣгая къ ходульности, всѣмъ этимъ она покоряла даже завзятыхъ поклонниковъ стараго трагизма.

¹⁾ Только послѣ ухода ихъ матери въ отставку, Надежда стала называться Самойловой 1-й, а Вѣра Самойловой 2-й, съ каковой нумераціей и остались сестры въ театральныхъ лѣтонесяхъ.

IV.

Какъ не одинаково было начало сценической дѣятельности Надежды и Вѣры Самойловыхъ, такъ различны были и прохожденіе ихъ службы и ихъ окончаніе ея. У Вѣры ея успѣхъ и творчество постоянно возрастали; она пробыла на сценѣ только десять лѣтъ и ушла въ апогеѣ славы и развитія таланта. Надежда прослужила двадцать лѣтъ, свершивъ полный кругъ своей работы, неизмѣнно оставаясь до конца по преимуществу бойкой актрисой стараго водевила, который понемногу сталъ замѣняться новымъ репертуаромъ, отчего и уменьшилось ея дѣло. Вѣра вступила на сцену равнодушно, но ушла, съ болью въ сердцѣ, и вскорѣ послѣ ухода почувствовала тяжелую тоску по сценѣ, что и мучило даровитую артистку до самой смерти, и безпрестанно чѣмъ нибудь проявлялось. Надежда ворвалась въ театръ съ какой-то ненасытной жадностью и ушла изъ него, какъ отъ тяжелаго труда, съ которымъ рада развязаться.

— Въ мой прощальный бенефисъ,—говорила она мнѣ,—я не знала, какъ дожидаться конца спектакля. Ни оваціи, ни исполненіе, ничто меня на тѣшило. Когда кончилась первая пьеса, я вздохнула отъ души: ну, слава Богу, первая пьеса прошла. Когда кончился спектакль, я съ удовольствіемъ ушла изъ театра; передо мной какъ бы занавѣсъ опустился навсегда. Я словно перегорѣла.

Рецензіи того времени тоже сухо проводили артистку, и потому она уже почти вовсе не появлялась исполнительницей ни въ любительскихъ спектакляхъ, ни въ концертахъ: она сразу обрѣзала свою карьеру. А между тѣмъ, не далѣе какъ лѣтъ за восемь до ея ухода, Булгаринъ писалъ: «Пойдете вы на бенефисъ Надежды Самойловой?» — «Разумѣется». — «Что дадутъ?» — «А какая мнѣ нужда!—даютъ талантъ бенефициантки. Надежда и Вѣра Самойловы, Гусева, Сосницкій, Самойловъ, Мартыновъ, Максимовъ, Григорьевъ, Каратыгинъ 2-й, дайте этимъ артистамъ не пьесу, а русскую азбуку и склады, они разыграютъ такъ, что вы будете восхищаться, плакать, смѣяться»... Отъ государя императора до какого нибудь мѣщанина провинціального городка, отъ Петербурга до Одессы, вся Россія рукоплескала артисткѣ, а она ушла изъ театра полная силъ и здоровья, словно ей ужъ тамъ и дѣлать больше было нечего. Отчего такъ?—Вѣдь удержалась же до пожилыхъ лѣтъ на сценѣ Жулева, не имѣвшая въ началѣ карьеры такого успѣха, какъ Самойлова, вѣдь выдѣлилась же замѣчательной артисткой на старческія роли Линская, отъ которой по ея молодымъ ролямъ никто ничего подобнаго и не ожидалъ. Отчего же такъ рано лишился театръ такого большого таланта, какъ Надежда Самойлова?

Причины этому надо искать въ особенностяхъ сценическаго дѣла ея времени и въ томъ, что собственно говорило въ пользу

актрисы: въ своеобразномъ ея дарованіи и въ громадномъ успѣхѣ. Да, какъ это ни странно, но именно ея талантъ и ея успѣхъ сдѣлали то, что она рано «перегорѣла», рано устала и съ легкой душой ушла отъ дѣла, которое дало ей все ея счастье. Надежда Васильевна выступила на сцену, когда строгое раздѣленіе между оперой и драматической пьесой еще только что нарождалось, что и вызвало широкое значеніе водевиля. Особенностью водевиля было пѣніе, такъ что переходъ отъ нѣкоторыхъ оперъ къ водевилю былъ весьма близокъ. Надежда Самойлова, какъ мы видѣли выше, готовилась быть оперной пѣвицей.

Гостиная Самойловыхъ въ квартирѣ въ Петербургѣ, у Торговаго моста.

Случайность и первый успѣхъ прикрѣпили ее къ драматической сценѣ. Но условія сцены того времени дали ей возможность вполнѣ пользоваться и своимъ прекраснымъ голосомъ и своими музыкальными способностями. Надежда Васильевна въ продолженіе всей службы не переставала постоянно дѣлать вокальныя упражненія по нѣсколькимъ часамъ, чтобъ сохранить голосъ въ чистотѣ и силѣ. Она неоднократно участвовала въ операхъ («Бронзовый конь», «Нюренбергская кукла», «Варвара, ярославская кружевница»). Она оставила оперныя партіи только по особой причинѣ: готовясь пѣть въ оперѣ, она всегда нѣсколько болѣе упражнялась дома и потому

просила начальство, чтобъ ей всегда за недѣлю говорили, когда отъ нея этого потребуютъ. Неряшливое начальство, составляя репертуаръ, мало заботилось о такомъ справедливомъ желаніи артистки, и только потому она окончательно отказалась отъ оперы. Но за то водевилъ для нея составлялъ маленькую оперу. Въ рѣдкій изъ нихъ она не вставляла какого нибудь лишняго номера пѣнія. Всѣ эти ея исполненія встрѣчали всегда громкія одобренія публики и тѣмъ поощряли артистку идти по этому направленію. Въ самомъ началѣ ея карьеры, вскорѣ послѣ смерти Асенковой, Надеждѣ Самойловой передали роль Офеліи, и она играла ее, какъ Богъ послалъ, рядомъ съ ролями попрыгусекъ,—и никого это не удивляло, потому что сумасшедшая Офелія (по переводу Полевого) пѣла эффектный романсъ Варламова, и это пѣніе, полное огня и чувства, выкупало игру. «Мы влюблены въ ея голосъ»,—писалъ рецензентъ «Пчелы». По поводу какой-то пьески «Иванъ Трусиловъ» тотъ же рецензентъ говоритъ: «Самойлова спѣла русскую пѣсню; мы жалѣли, что права зрителя не простираются до того, чтобъ заставить артистку пѣть 20 разъ, мы бы замучили г-жу Самойлову требованіями повтореній». Этотъ голосъ и пѣніе были такъ знакомы публикѣ, что ими нельзя было и обмануть ее. Однажды Вѣра Самойлова играла роль Вероники въ драмѣ Уголино, и ей приходилось пѣть за сценой; она попросила сестру спѣть за нее. Чтобы публика объ этомъ не догадалась, Надежда Васильевна нарочно весь спектакль просидѣла въ ложѣ зрительной залы, замѣченная всеми. Только на нѣсколько минутъ до пѣнія она исчезла за кулисы, но стоило ей запѣть, какъ почти всѣ зрители оглянулись на ложу, гдѣ она сидѣла, и обманъ обнаружился. При такихъ данныхъ, конечно, главное вниманіе и актрисы и авторовъ было обращено на пѣніе; оттого роли, которыя играла Надежда Васильевна, были довольно однообразны: веселая шаловливость, горячность, ревность, постоянно повторяясь въ одномъ и томъ же видѣ, вотъ арсеналъ психическихъ проявленій, доставшійся ей на долю. Она и не могла чувствовать этого однообразія, такъ какъ таланту ея все это очень удавалось, а пѣніе окончательно очаровывало публику. Жулева, значительно уступая Самойловой въ водевилѣ, перешла въ драму. И это, и появленіе характерныхъ ролей въ измѣнившемся репертуарѣ, въ пьесахъ Островскаго, А. Потѣхина и др., помогли ея игрѣ получить новое направленіе. Линской не удалось молодыя граціозныя роли, и она, еще очень молодой женщиной, за шесть лѣтъ до замужества (въ 1843 г.) стала пробовать себя съ успѣхомъ въ такого рода роляхъ, которыя потомъ составили ея славу (княгиня Тугоуховская, Арина Пантелѣевна въ «Женитьбѣ», и др.). Надежда Самойлова завоевала театръ именно въ репертуарѣ своего времени; она поддерживала его, и онъ увлекъ ее, какъ въ водоворотъ. Тѣ немногія характерныя роли, которыя выпадали ей на долю, под-

ходили подъ общій строй ея творчества, не заставляли искать новыхъ путей, которые бы подготавливали ея переходъ. Только два раза за всю ея карьеру представились ей болѣе серьезные случаи вырваться изъ потока своихъ успѣховъ на другую дорогу, но оба раза потокъ опять снова захватывалъ ее.

Слѣдя за ходомъ французскаго Михайловскаго театра, который отличался въ то время большими талантами (Аланъ, Вольнисъ,

Надежда Васильевна Самойлова.

(При ея дебютѣ 16-ти лѣтъ).

Плесси), Надежда Васильевна шла объ руку съ его исполнительницами веселой комедіи и водевиля, соперничая съ ними ловкостью и юморомъ, превосходя ихъ пѣніемъ. Драмой она интересовалась, какъ чужимъ элементомъ. И вотъ однажды случилось ей видѣть, пріѣхавшую на нѣсколько гастролей, французскую актрису, г-жу Альберъ, въ пьесѣ «La nouvelle Fanchon». Эта слезливая мелодрама была уже прежде играна не только на французской, но и на рус-

ской сценѣ, въ переводѣ Перепельскаго (Некрасова) подъ заглавіемъ «Материнское благословеніе», съ г-жею Дюрь въ главной роли. Пьеса была давно извѣстна Самойловой, но въ исполненіи г-жи Альберъ сказалось что-то новое, необычайно жизненное, правдивое.

— Она мнѣ книгу открыла, — рассказывала Надежда Васильевна, — она подняла меня... мнѣ самой захотѣлось сыграть эту роль.

Кажется, такое впечатлѣніе надо объяснить тѣмъ, что г-жа Альберъ, вѣроятно, была чужда драматической рутинѣ и внесла естественность и простоту, которыя были присущи исполненіямъ Самойловой, только до сихъ поръ въ мелкихъ роляхъ не было простора ихъ развить. Самойлова почувствовала, что ея дарованіе отвѣчаетъ болѣе широкому драматизму, чѣмъ тотъ, который требовался иными ея ролями (Сиротка Сусанна), что на изображеніе капризныхъ порывовъ и рѣзкихъ вспышекъ она тратитъ силу темперамента, достойнаго лучшей участи. Она рѣшилась сыграть роль Маріи въ «Материнскомъ благословеніи». Это заставило ее еще болѣе и своеобразно потрудиться: роль была тихая, спокойная, скромная, артисткѣ надо было немножко сломать себя, отойти отъ своихъ привычекъ, что можно подтвердить между прочимъ слѣдующимъ анекдотомъ. Драматическій писатель Яфимовичъ, близкій человѣкъ Самойловымъ, очень сочувствовалъ попыткѣ Надежды Васильевны и внимательно провѣрялъ ея работу. На генеральной репетиціи, послѣ одного изъ драматическихъ моментовъ пьесы, онъ прибѣжалъ на сцену и сдѣлалъ ей одно интересное замѣчаніе. Марія, собираясь навсегда покинуть свой домъ, съ вечера ложится спать и передъ этимъ поетъ молитву. Внѣшнее исполненіе, предшествовавшее задушевной молитвѣ, не отвѣчало у актрисы общему драматическому настроенію. Она наскоро раздѣвалась, быстро отставляла стулъ, чтобъ очистить себѣ мѣсто, и говорила фразу: «теперь я помолюсь», — довольно безучастно.

— Помилуйте, — объяснялъ ей Яфимовичъ, — вы сказали эти слова, точно вы при этомъ щелкнули пальцами.

И онъ самъ щелкнулъ, и артисткѣ вдругъ стало ясно, чего ей не доставало въ эту минуту. Она въ своемъ репертуарѣ привыкла къ рѣзкимъ переходамъ отъ равнодушія къ горячности, отъ смѣха къ слезамъ и проч. Тутъ же нуженъ былъ спокойный задушевный постепенный подъемъ. Артистка на лету схватила замѣчаніе и сумѣла побороть свои привычки. Исполненіе удалось какъ нельзя лучше. Возобновленная пьеса имѣла гораздо большій успѣхъ, чѣмъ при первомъ ея представленіи.

Казалось, передъ артисткой начало раскрываться новое поле дѣятельности; но общій потокъ дѣла не допустилъ ее къ этому. Пьеса «Материнское благословеніе» была переполнена пѣніемъ, а Самойлова еще вставила въ пьесу много другихъ музыкальныхъ

номеровъ (Шуберта, Варламова), оттого новшество соприкасалось съ прежнимъ видомъ. Превосходное пѣніе не дало достаточно оцѣнить игру и ободрить актрису на новомъ пути. Другое обстоятельство еще болѣе поглотило это начинаніе. Въ итальянской оперѣ, на сценѣ Большого театра, гремѣла успѣхомъ опера Доницетти «Дочь полка» съ пѣвицей Марра въ главной роли. Надежда Васильевна задумала поставить оперу на русской драматической сценѣ въ свой бенефисъ, замѣнивъ речитативъ прозаическимъ діалогомъ. Въ театральномъ мірѣ приготовленія къ этому спектаклю вызвали большіе толки и опасенія; смѣлость была очень велика — конкурировать съ знаменитой итальянской пѣвицей. Но Самойлова вышла побѣдительницей изъ этого испытанія. Бенефисъ ея прошелъ съ фуроромъ. Пьесу потомъ повторяли множество разъ, и запросъ на нее сдѣлался такъ громаденъ, что дирекція нашла выгоднымъ иногда ставить русскую «Дочь полка» въ чередовку съ итальянской на Большомъ театрѣ. Роль дочери полка стала одной изъ лучшихъ ролей Самойловой. Видѣвшіе ее не могли забыть, какъ глубоко прочувствованно она пѣла свое прощаніе съ полкомъ, какъ увлекательно весело арію, повторявшуюся всѣмъ Петербургомъ: «Эго онъ! нашъ полкъ родной!». Понятно, что такой успѣхъ все болѣе и болѣе заставлялъ артистку ходить своей (какъ его называла критика) волшебный голосъ—свое умѣнье пѣть и передавать куплетъ. Еще ярче нѣчто подобное же сказалось позже, именно въ 1849—1850 году. Поставлена была драма Мея «Царская невѣста», и въ ней сильная драматическая роль Любаши, опять-таки случайно, изъ-за одного номера пѣнія, была поручена Надеждѣ Васильевнѣ. Вотъ что писалъ критикъ объ этомъ исполненіи: «мы боялись, выдержать ли она драматическую роль, и съ удовольствіемъ сознаемся, что страхъ нашъ былъ напрасенъ. Самойлова превзошла всѣ ожиданія, сыграла прекрасно и имѣла блистательный успѣхъ». И это—въ роли ревнивой, мстительной мѣщанки стариннаго русскаго быта, въ роли, отличавшейся отъ обыкновенныхъ ролей артистки. Но и тутъ успѣхъ ея пѣнія не попустилъ новшеству идти дальше. Сама она берегла голосъ, боялась, что драматическая дикція на него пагубно повліяетъ, а авторы и бенефицианты продолжали эксплуатировать въ ней то, что публикѣ всегда нравилось навѣрняка.

Одна изъ сторонъ дарованія Надежды Васильевны было подражаніе: она чрезвычайно мѣтко перенимала особенности другихъ, не только въ разговорной рѣчи, но и въ пѣніи. Приготовляясь играть роль цыганки (въ водевилѣ того же названія), она пригласила къ себѣ знаменитую тогда цыганку Катю, которая цѣлый день пѣла у Надежды Васильевны, чтобы передать ей свою манеру пѣнія. Въ день спектакля, хозяинъ цыганскаго хора, Илья, взявъ двѣ ложи, и весь хоръ былъ въ театрѣ, и убѣдился, какъ уроки Кати пошли въ прокъ. Водевиль долго продержался въ Петербургѣ, благодаря этому пѣнію.

Первый, кто воспользовался такой способностью Надежды Васильевны, былъ режиссеръ Куликовъ. Онъ написалъ одноактную пьесу «Бѣдовая дѣвушка», въ которой какая-то провинціальная барышня, побывавъ въ петербургскихъ театрахъ, рассказываетъ, что тамъ видѣла и слышала, представляя все это въ лицахъ. Надежда Васильевна воспользовалась водевилемъ, чтобъ представить пѣніе Гризи, Фрецолини, игру французскихъ актрисъ Вольнисъ, Плесси и даже танцы Фанни Эльслеръ. Маленькая пьеска была принята публикой съ колоссальнымъ сочувствіемъ и даже вызвала одинъ довольно комическій случай. Въ то время на Михайловскомъ театрѣ французскіе артисты играли драму «Маркизантка». Кульминаціоннымъ пунктомъ пьесы была сцена двухъ женщинъ, въ которой открывается тайна, тяготѣвшая все время; сцена очень сильная, разыгранная двумя первыми артистками труппы, Вольнисъ и Плесси, и производившая всегда большой эффектъ. Самойлова выучила всю сцену наизусть и, вставивъ ее въ пьеску «Бѣдовая дѣвушка», ловко передразнила и Вольнисъ и Плесси. Государь Николай Павловичъ былъ на этомъ спектаклѣ и очень смѣялся шуткѣ актрисы. Надо же было случиться, что вскорѣ послѣ этого государь поѣхалъ смотрѣть пьесу «Маркитантка» во французскій театръ. Когда дошло до сцены двухъ женщинъ, онъ вспомнилъ Самойлову и невольно разсмѣялся, а за нимъ и вся свита, всегда сопровождавшая его въ театръ. На этотъ разъ сцена пропала; режиссеръ и артисты переполошились, не понимая, что случилось. Думали, не пробѣжала ли случайно кошка по сценѣ; но ничего не оказалось. Только потомъ сдѣлалось извѣстно, кто былъ всему причиной.

Какъ ни въ чемъ не бывало, Самойлова пришла за кулисы Михайловскаго театра. Она часто заходила туда за французскими пьесами, и режиссеръ, думая, что пьесы нужны только для перевода, чтобъ ставить ихъ на бенефисъ, охотно ссужалъ ими артистку. Теперь ее встрѣтили, хотя и беззлобно, но уже не съ тѣмъ радостіемъ.

— Singe! petit singe!—говорила ей Вольнисъ, которая была очень расположена къ Самойловой и всегда ласкала ее.

Такая способность актрисы вызвала и еще подобныя же пьесы, напримѣръ, «Заговорило ретивое», гдѣ дѣвушка передразниваетъ всѣхъ дѣйствующихъ въ пьесѣ лицъ. Хотя Самойлова на этотъ разъ просила позволенія у актеровъ ихъ передразнить и получила добродушное разрѣшеніе, все-таки артистка Сосницкая, особенно удачно представленная, послѣ этого отказалась отъ роли, въ которой ее передразнили. П. Каратыгинъ 2-й потомъ сочинилъ пародію на «Отелло» Россини, имѣя въ виду ту же способность Самойловой. Эти шумные успѣхи отстраняли артистку отъ болѣе характернаго репертуара, и никто не старался давать ей что нибудь

не похожее на облюбленный всѣми родъ ея игры. Это всегда дурная сторона большого успѣха на сценѣ: когда артисту что нибудь очень удастся, то и самъ онъ и окружающіе его только видоизмѣняютъ повторенія и мало ищутъ новыхъ путей. Оттого, когда появлялись роли, которыя бы способствовали переходу Надежды Васильевны на другое характерное амплуа, ихъ отдавали Линской, даже Орловой. Напрасно Самойлова боролась съ этимъ, отказалась играть «Бѣдовую дѣвушку», искала другого рода творчества; ее все толкали въ заколдованный кругъ бойкихъ водеvilныхъ ролей съ пѣніемъ. Ее обдѣлили у здоровой трапезы новыхъ драматическихъ произведеній, заставляя питаться подогрѣтой пищей старыхъ годовъ. Репертуаръ Надежды Васильевны суживался, играть приходилось рѣже и рѣже. Она попробовала исполнить сильно драматическую роль Тизбы въ «Венеціанской актрисѣ» Гюго; но публика не могла чувствовать Тизбу въ актрисѣ, которой такъ сильно рукоплескала въ водевиляхъ. Не удивительно, что при такомъ концѣ своей звонкой карьеры она покинула сцену безъ сожалѣнія.

V.

Съ Вѣрой Самойловой было нѣчто совсѣмъ обратное дѣлу Надежды. Естественность, простота игры Надежды въ веселыхъ роляхъ, ея темпераментъ и выразительное пѣніе,—все это не допустило ее быть искусственной и фальшивой и въ драмѣ. Оттого и въ «Материнскомъ благословеніи» и въ «Царской невѣстѣ» она создала живыя правдивыя лица. У Вѣры наоборотъ: драматическія роли, которыми она начала, развили въ ней то изящное достоинство, тотъ свѣтскій лоскъ и грацію, съ которыми она сдѣлалась знаменитой артисткой такъ называемой высокой комедіи. Надеждѣ комедія помогла играть драму, Вѣрѣ драма помогла играть комедію. Вѣра Самойлова, въ первое время играя по преимуществу въ сильныхъ драмахъ (Ифигенія, Мальвина, Уголино, Велизарій, Людмила), не производила большого впечатлѣнія. Цѣнили ея прекрасныя сценическія средства, красоту лица, чудные глаза, стройность, пріятный органъ, добросовѣстный трудъ, неподдѣльное чувство; но многое ей ставилось и въ упрекъ. Находили, что нѣкоторые ея жесты и движенія не граціозны, особенно одинокіе: у нея была привычка, прижимая кисти рукъ къ груди, выставлять впередъ локти. На это ей указывали, какъ на жестъ угловатый. Критика называла ея исполненіе изысканнымъ, подражательнымъ французскимъ актрисамъ, при чемъ ей говорили: хорошій образецъ надо изучать, а не копировать рабски. Ей дѣлали укоры въ самомнѣніи, читали наставленія, чтобы она не зазнавалась, не воображала о себѣ слишкомъ много. Накопецъ, главнымъ недостаткомъ ея ставили слабый голосъ и нерѣдко

монотонную дикцію. Рецензентъ ядовито замѣчалъ: «она, вѣроятно, играла хорошо, но мы судить не можемъ, мы не слышали ничего, что она говорила». Я думаю, что все это надо объяснить робостью, неопытностью, неувѣренностью артистки, да еще появляющимся среди такихъ давящихъ силъ, какъ чета Каратыгиныхъ. По крайней мѣрѣ, я въ личныхъ сношеніяхъ съ Вѣрой Васильевной никогда не замѣчалъ въ ней ни малѣйшаго самоуниженія, а я былъ тогда только юнымъ газетнымъ рецензентомъ, она же знаменитостью. Это была милая, простая женщина, вполне преданная театру и своимъ дѣтямъ, готовая безустанно говорить о театрѣ, служить ему сколько можно. Но когда она была начинающей артисткой, она видимо всѣми силами старалась выбиться на прямую дорогу, подлаживаясь къ тому, что видѣла и слышала вокругъ себя, и это ея самобытному дарованію не удавалось. Въ этой борьбѣ она обращалась къ артисткѣ Каратыгиной, нѣкоторыя роли разучивала подъ ея наблюденіемъ, напримѣръ, роль Ифигеніи въ Авлидѣ. Для ободренія и совѣта повезли Вѣру и къ знаменитой Семеновой, нѣкогда славившейся въ героическихъ роляхъ и жившей на покоѣ (въ замужествѣ княгиня Гагарина). Семенова, должно быть, тотчасъ подмѣтила одну изъ причинъ неудачи дебютантки и высказала ей совѣтъ простой и мудрый:

— Ты съ самага начала-то не очень забирай. Коли на всю роль такъ-то накинешься, такъ ты умрешь. Что для нихъ очень-то выходитъ изъ себя. Ты веди роль ровненько. Какъ замѣтишь, что публика утомилась, ты и брось словцо, а потомъ и еще, и еще; а подъ конецъ и весь букетъ пусти.

Въ такомъ родѣ передавала мнѣ это замѣчаніе сама Вѣра Васильевна. Форма совѣта была грубовата, но основа его, то-есть забота объ экономіи силъ, разумная расчетливость въ пользованіи ими, были вполне правильны, и, кажется, Самойлова ихъ скоро усвоила, отчего упреки ей въ слабости голоса стали рѣже и рѣже.

Роль, послѣ которой Вѣра Васильевна окончательно выдвинулась, какъ перворазрядная артистка, была роль Микаэлы, въ драмѣ Вл. Зотова «Дочь Карла Смѣлаго». Артистка поразила всѣхъ искренностью чувства, горячностью исполненія; рецензентъ, постоянно писавшій нотации о томъ, чтобы она не зазнавалась, тутъ отмѣтилъ, что публика была въ восторгѣ, что это былъ истинный праздникъ для него. Восхищенный авторъ поднесъ Вѣрѣ Васильевнѣ слѣдующее стихотвореніе:

Ты моему созданью жизнь дала,
Ты мысль мою огнемъ души согрѣла,
Мую мечту ты въ краски облекла,
Въ твоихъ устахъ гармоніей гремѣла
Простая рѣчь,—невольно оцѣмѣла
Передъ тобой въ восторгѣ похвала.

Все то, что снилось мнѣ въ воображеннѣ
 Въ минуты думъ, въ таинственной тиши,
 Что предо мной носилось, какъ видѣнье,
 Что создавалъ я въ глубинѣ души,
 Ты все собой въ тотъ часъ осуществила,
 Ты поняла меня, ты объяснила
 Все то, что я хотѣлъ толпѣ сказать:
 И кто-жъ тебѣ могъ холодно внимать?
 Я самъ забыть, моимъ стихамъ внимал,
 Что мнѣ они знакомы, что тебя я
 Въ моей мечтѣ съ любовью создавалъ,
 И самъ съ тобой, и плача, и страдая,
 Я, какъ дитя, тебѣ рукоплескалъ.

19 октября 1843 г.

Такой большой шагъ впередъ на пути успѣха объясняется тѣмъ, что роль Микаэлы представляетъ дурочку, простую дѣвушку, любящую и страдающую. Въ такой роли артистка могла дать полный просторъ естественности и чувству, не задаваясь мыслью о томъ, подойдутъ ли ея дикція и движенія къ общему ансамблю, что такъ стѣсняло ее въ трагедіяхъ (Разбойники, Ифигенія, Отелло, Коварство и Любовь). Тѣмъ не менѣе не съ Микаэлы началось то выдающееся прочное положеніе большого таланта, которое оставило имя Вѣры Самойловой въ лѣтописи русскаго театра, какъ имя одной изъ наиболѣе прославляемыхъ артистокъ. Исполненіе Микаэлы было только счастливымъ исключеніемъ среди ролей, которыя мало удавались и не составляли главной силы Вѣры Васильевны. Наилучшій родъ ея созданій былъ оцѣненъ только (1844 г.) послѣ пьесы «Прихоть кокетки». Роль молодой свѣтской женщины, съ наивнымъ кокетствомъ, была отдѣлана въ такомъ совершенствѣ простоты и граціи, что пьеса долго продержалась на репертуарѣ. Я зналъ одного старожилу, который не могъ отдѣлаться отъ впечатлѣнія спектакля и совѣтовалъ мнѣ возобновить пьесу, когда я поступилъ управляющимъ петербургской драматической труппы. Я прочиталъ пьесу, она оказалась очень слабой, она осталась въ памяти старожилу только подъ обаяніемъ исполненія Вѣры Самойловой. Публика только тутъ поняла, чего надо было ожидать отъ артистки и какую тонкую разработку жизненной правды она вносила на сцену. Курьезно, что еще до пьесы «Прихоть кокетки», Вѣра Самойлова уже играла нѣсколько такихъ ролей, не только въ мелкихъ пьесахъ, но даже въ такомъ классическомъ произведеніи, какъ «Горе отъ ума». Все это, однако, было понято и оцѣнено послѣ, когда на нее стали смотрѣть, какъ на замѣчательную исполнительницу тонкихъ психологическихъ ролей высокой комедіи, а не какъ на героиню трагедіи. Роль Софьи Павловны въ «Горе отъ ума» была одной изъ самыхъ неподобныхъ разработокъ Вѣры Самойловой. Мнѣ говорили люди съ художественнымъ пониманіемъ, видѣвшіе это исполненіе въ лучшую пору артистки, что болѣе цѣльнаго лица невозможно было

представить. Ни единая фраза Грибоѣдова, ни единый намекъ не пропадали, хотя ничего не было подчеркнуто, все дышало живой природой: и скрываемое недовольство Чацкимъ, холодная злоба къ нему, и капризная властолюбивая нѣжность къ Молчалину, и скучливая свѣтская покорность къ отцу, и салонная почтительность передъ старшими и передъ людьми съ вѣсомъ. Вырисовывался законченный типъ. Но мнѣ не случилось читать подробнаго критическаго разбора этого исполненія. Можетъ быть, сама артистка въ первые разы играла роль не такъ еще отчетливо, а впоследствии роль считалась уже старой, всѣми признанной, какъ безспорно превосходное исполненіе, такъ что уже казалось ненужнымъ ничего подтверждать и пояснять публикѣ.

Послѣ «Прихоти кокетки» Вѣра Васильевна все болѣе и болѣе стала переходить къ ролямъ въ высокой комедіи и такого рода драмѣ, которая не стѣсняла ея искренности и простоты. Роли въ трагедіи и мелодрамѣ, получившей въ это время широкое право гражданства на сценѣ, стали постепенно переходить къ Жулевой и Орловой. Вѣра Васильевна появлялась болѣе въ такихъ драматическихъ роляхъ, въ которыхъ разнообразныя сцены представляли данныя для тонкой отдѣлки: напримѣръ, въ пьесѣ «Владиміръ Заревскій» (передѣлка повѣсти Ж. Санда «Мельхиоръ») Самойлова особенно восхищала зрителей въ сценѣ милого кокетства на мосту, въ которой дѣвушка поддразниваетъ влюбленнаго въ нее молодого человѣка. Такое же разнообразіе давали роли въ драмахъ: «Шарлотта и Вертеръ» (изъ Гете) «Царская невѣста» (Мея) «Окно во второмъ этажѣ» (Корженевскаго), «Продавецъ дѣтскихъ игрушекъ» (изъ Диккенса) «Дочь короля Рене» и др. Но наибольшимъ торжествомъ Вѣры Самойловой, гдѣ она не встрѣчала равныхъ, были роли салонныхъ и вообще свѣтскихъ дамъ. Цѣлый рядъ такихъ ролей открылся пьесой Яфимовича «Отставной театральнѣйшій музыкантъ и княгиня» и скорѣе послѣ того сценами изъ «Евгенія Онѣгина». Въ роли Татьяны, съ ея звучными Пушкинскими стихами, Самойлова увлекала всѣхъ. Нѣсколько артистовъ брали эту пьесу на бенефисъ, зная, что она будетъ всегда большой приманкой для публики. И. С. Тургеневъ написалъ для Вѣры Васильевны двѣ одноактныя комедіи «Провинціалка» и «Гдѣ тонко, тамъ и рвется», и эти маленькія пьески вызывали сенсацію, собирали публику. Въ зрителяхъ такъ и запечатлѣлось лицо хитрой провинціалки, даже тонъ отдѣльныхъ словъ; напримѣръ, когда она высылаетъ приревновавшаго ее мужа, чтобъ обойти графа и добиться протекціи. До такого совершенства не доходила потомъ ни одна артистка, игравшая эту роль. Да и не только пьесы такого писателя, какъ Тургеневъ,—съ именемъ Самойловой для тѣхъ, кто ее видѣлъ, неразрывно связаны двѣ одноактныя пьески, воспоминаемыя въ исторіи русскаго театра только благодаря ей, именно пьеса Жемчужникова «Странная ночь» и

пьеса Корфа «Бѣлая камелія». Послѣ Самойловой никто, разумѣется, не рискнулъ играть эти пьесы, и онѣ исчезли со сцены, но тогда онѣ имѣли большое значеніе. Восхищенные москвичи, во время гастролей Самойловой въ Москвѣ, не могли придумать ей лучшаго подарка, какъ поднести брошь въ видѣ бѣлой камелии, осыпанной брильянтами. Громкая слава Вѣры Самойловой, какъ исполнительницы такихъ ролей, нѣсколько заслонила ея другіе успѣхи; а между тѣмъ разнообразіе ея творчества и умная разработка были по истинѣ изумительны. Она одинаково превосходно играла и скромную простую полумѣщанскую дѣвушку («Холостякъ» Тургенева) и эксцентрическую даму, съ папиросой въ зубахъ, въ амазонкѣ отчаянной наѣздницы (Свѣтскій случай) и многое другое; даже извѣстную шведскую королеву Христину. Этой ролью артистка поразила и совсѣмъ спутала рецензента «Сѣверной Пчелы», такъ что онъ въ добродушномъ увлеченіи пишетъ: «Это былъ вѣнецъ славы Самойловой. Эта милая прелестная дѣвица, извѣстная въ общественной жизни своимъ прекраснымъ характеромъ и свѣтскимъ обращеніемъ, сумѣла совершенно измѣниться въ драмѣ и была попеременно гордою, жестокою, нѣжною, самовластною,—удивительно». Въ чемъ заключалась особенность игры Вѣры Самойловой могутъ немного пояснить поднесенныя ей стихи, правда, немного тяжеловѣсныя, но по мысли характеризующіе артистку¹⁾. Первую фразу этого стихотворенія Вѣра Васильевна даже повторяла, какъ девизъ своего дѣла, всѣмъ своимъ ученицамъ. Вотъ эта фраза:

Искусство въ томъ, чтобъ скрыть искусство.

То-есть быть настолько правдивымъ, жизненнымъ, чтобъ работа художника не была замѣтна. Далѣе авторъ говоритъ, что въ артисткѣ не замѣтно и тѣни того старанія добиться успѣха, къ которому прибѣгаютъ другія актрисы:

Вы благородны безъ жеманства,
Вы выразительны безъ фразъ,
Чувствительны безъ шарлатанства
И граціозны безъ гримасъ.

Авторъ подъ словомъ гримасы, вѣроятно, разумѣлъ извѣстный шаржъ кокетства. Въ этомъ стихотвореніи чувствуется намекъ, что Вѣра Васильевна достигала своихъ побѣдъ, именно не думая о нихъ, а отдаваясь искусству съ беззавѣтной любовью. Талантъ, работающій для дѣла, по результатамъ своимъ всегда бываетъ вышшего, который ненасытно гоняется за успѣхомъ. Рабу успѣха искусство часто мститъ.

¹⁾ Напечатанныя въ сборникѣ Гарина «Призывъ» стихи эти приписаны извѣстному водевилисту актеру Д. Т. Ленскому. Въ рукописи, оставшейся у дочери Вѣры Васильевны, они безъ подписи.

VI.

Несмотря на болѣе скромную и тихую обстановку, чѣмъ при жизни отца, Надеждѣ и Вѣрѣ Самойловымъ жило счастливо въ ихъ патриархальномъ уголкѣ. Время ихъ шло правильно и опредѣленно, сплошь поглощенное театромъ. Обстановка ихъ была почти бѣдная. Обѣ сестры помѣщались въ одной и той же комнатѣ и у каждой былъ большой комодъ, въ которомъ хранились принадлежности туалета. Передъ этими комодами расцвѣла вся ихъ артистическая карьера. Далеко за полночь, заткнувши уши и опираясь локтями на комоды, разучивали сестры свои роли, рядомъ и одновременно, одна—заливаясь веселымъ смѣхомъ и распѣвая веселые куплеты, другая—повторя драматическіе монологи, сцены горя и отчаянія. Впослѣдствіи квартирка расширилась, и каждая сестра получила свою отдѣльную комнату, но обстановка осталась та же. Только что поступившая на сцену Жулева съ трепетнымъ уваженіемъ пришла взглянуть на этотъ пріютъ талантовъ; но онъ былъ такъ простъ, что ей могли только торжественно указать, какъ на особенную роскошь, на постельное одѣяло Вѣры Васильевны, замѣчая, что оно атласное. Когда Самойловы не были сами заняты на сценѣ, онѣ ходили смотрѣть другихъ исполнителей. Онѣ часто бывали во французскомъ театрѣ. По субботамъ публика привыкла видѣть обѣихъ сестеръ вмѣстѣ въ одной ложѣ Михайловскаго театра и присматривалась, какое впечатлѣніе производилъ на нихъ спектакль, навязывая иногда имъ то, чего въ нихъ и не было. Французская артистка, красавица Шлесси, въ первый разъ на петербургскомъ театрѣ выступила въ костюмной роли (въ пьесѣ Скриба «Стаканъ воды»). Подъ вліяніемъ прекрасныхъ данныхъ артистки, при ея появленіи на сценѣ Самойловы невольно переглянулись, съ одного взгляда понимая другъ друга. Но и этакій одинъ взглядъ не укрылся отъ какого-то рецензента, который потомъ въ своемъ отчетѣ о новой французской актрисѣ замѣтилъ: «вѣроятно, она сестрамъ Самойловымъ не понравилась: онѣ что-то переглянулись при ея выходѣ». Хозяйственнымъ заботъ сестры Самойловы не знали никакихъ. Онѣ получали жалованье и относили его мамашѣ или сестрѣ, Любови Васильевнѣ, едва ли ясно сознавая, много ли мало ли получали, и что собственно на эти деньги можно купить. Въ этомъ отношеніи наивность артистокъ доходила до поразительныхъ анекдотовъ. Однажды, Надежда и Вѣра, уже извѣстныя артистки, возвращаясь днемъ изъ театральной конторы съ жалованіемъ въ рукахъ, стали нанимать извозчика. Онъ запросилъ съ нихъ пятиалтынный. Сестры перешепнулись:

— Что такое пятиалтынный?—спросила одна другую.

— Не знаю.

Въ представленіи сестеръ путались понятія о пятиалтынномъ и полтинникѣ; тогда одна изъ нихъ храбро отвѣтила извозчику.

— Нѣтъ, это дорого, хочешь двугривенный?

Этотъ разсказъ, слышанный мною отъ самой Надежды Васильевны, звучалъ бы какимъ-то неправдоподобіемъ, еслибъ была какая нибудь цѣль его сочинить. Но онъ именно ясно характеризуетъ всю обстановку сестеръ Самойловыхъ. Онѣ жили, какъ царицы, не распоряджаясь сами своими деньгами. Все, что имъ было нужно, дѣлалось для нихъ помимо ихъ, какъ бы волшебной силой. Что значило нанять или устроить квартиру, заказать обѣдъ, онѣ объ этомъ не имѣли никакого понятія. Въ театрѣ онѣ ѣздили въ казенной каретѣ. Когда онѣ выѣзжали въ гости, имъ карету нанимали. Онѣ выходили, садились, ѣхали, нимало не думая о томъ, сколько за это заплатятъ. Послѣ игры въ театрѣ, возвращаясь усталыми, онѣ заставляли накрытый столъ, ужинъ, горячій ростбифъ. Все это дѣлалось помимо ихъ; словно эта повседневность не должна была мѣшать ихъ главному интересу: сценической работѣ. Даже въ дѣлѣ туалета заботилась болѣе старшая Любовь Васильевна; ея мнѣніе, ея вкусъ давали тонъ для всѣхъ.

Кругъ знакомства Самойловыхъ былъ очень малъ. Правда, строгость жизни и хорошее воспитаніе открыли имъ двери аристократическаго общества, которое въ то время, по любви къ театру, стояло на высокомъ уровнѣ. Самойловы всюду были обласканы, и это еще болѣе давало имъ извѣстный лоскъ приличія, чѣмъ всегда отличались ихъ сценическія исполненія: качества особенно цѣнныя для ролей тогдашняго репертуара. Но всѣ эти знакомства большею частью ограничивались визитами, и близкихъ въ домѣ завсегдатаевъ было очень немного. Отчасти это происходило оттого, что и некогда было принимать гостей; въ то время спектакли исполнялись и зимой и лѣтомъ, и сестры Самойловы постоянно были заняты; отчасти и оттого, что старушка мать, оставшись одна съ дочерьми, побаивалась дѣлать знакомства, ревниво блюдя за утонченной репутаціей дочерей. Эта репутація Самойловыхъ, какъ барышень благовоспитанныхъ и хорошаго дома, была настолько распространена, что (какъ говорила мнѣ московская артистка Н. М. Медвѣдова), когда Вѣра Самойлова, уже знаменитостью, пріѣхала въ Москву на гастроли, она явилась на сцену настоящей великосвѣтской барыней, и все, что было за кулисами немножко распушено, тотчасъ же постаралось припрятаться. По этому уже можно судить, какъ держали себя на сценѣ и въ обществѣ сестры Самойловы. Строгость ихъ приличія иногда даже немножко вредила ихъ исполненію. Одна изъ блестящихъ ролей водевильнаго репертуара, роль Лизы въ пьесѣ «Левъ Гурьичъ Синичкинъ», никогда не была удачной ролью Надежды Васильевны. Она не любила эту роль, потому что въ ней надо лазать чрезъ рампу въ оркестръ и вообще выказывать свойства нѣкоторой распушенности. Вѣрѣ Васильевнѣ критика въ началѣ ея карьеры прямо сдѣлала упрекъ въ недостаткѣ горячности,

прибавляя: «какъ скромная дѣвушка, она, можетъ быть, и права, но, какъ актриса, нѣтъ». Съ другими артистами, товарищами по сценѣ, Самойловы были въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, хотя сходились съ ними почти исключительно только на сценѣ и домами знакомства не водили. Въ средѣ актерской Надеждѣ тоже было легче обходиться, чѣмъ Вѣрѣ. Въ труппѣ тогда еще замѣчалось раздѣленіе между старыми знаменитостями и молодымъ поколѣніемъ. Во главѣ первыхъ стояли супруги Каратыгины, Брянскій, отчасти Сосницкій, Вальберхова и др. Это были величавые представители отживающаго классицизма; они и въ обхожденіи носили на себѣ отпечатокъ импонирующей важности своего репертуара и вообще чувствовали себя хозяевами сцены; когда они выступали, все должно было меркнуть передъ ними, и молодежь принуждена была подчиняться ихъ удобствамъ, ихъ успѣху. Вѣра Самойлова начинала свою карьеру именно среди этихъ артистовъ. Надежда, наоборотъ, играя постоянно водевили, была окружена молодымъ поколѣніемъ актеровъ: то были Мартыновъ, Максимовъ, Самойловъ (Вас. Вас.), Григорьевъ и друг. Огневой Надеждѣ нисколько не нужно было примѣняться къ другимъ исполнителямъ, скорѣе они къ ней примѣнялись. Какъ-то разъ, когда ей все-таки пришлось играть разбитную институтку, дочь Каратыгиной (въ пьесѣ «Первая морщинка»), молодая любимица публики, вихремъ влетѣла на сцену, привыкши чувствовать веселое оживленіе, которое вносила въ театральную залу; но величественная Каратыгина тотчасъ сильно схватила ее за руки и тѣмъ заставила сбавить горячность, невыгодную для исполнительницы матери. Сверстника бы Самойлова за это оборвала, не позволила бы такъ стусывывать свое исполненіе, передъ старшей слѣдовало молчать. Вѣра Самойлова въ началѣ карьеры почти постоянно играла съ этими старшими, и потому она должна была безпрестанно обдергиваться и оглядываться. Особенно трагикъ Василій Каратыгинъ мало заботился о томъ, насколько удобно играть съ нимъ тому или другому артисту, думая исключительно о своемъ успѣхѣ. При этомъ онъ иногда такъ увлекался, что не помнилъ себя. Однажды, онъ едва не выполнилъ жестокую пытку надъ артисткой. Самойловы вообще отличались замѣчательно хорошими густыми волосами, что даже подало поводъ водевилисту Петру Каратыгину 2, злобствовавшему на ихъ успѣхъ, сказать плоскій каламбуръ, «что ихъ публика за волосы вызываетъ». Играя съ трагикомъ Васи́лемъ Каратыгинымъ какую-то преступную жену, Вѣра съ распущенными волосами упала передъ нимъ на колѣна и вдругъ чувствуетъ, что разгнѣванный мужъ взялъ ее великолѣпную косу и наматываетъ ее на свою руку. Артистка едва успѣла руками схватиться за его руку, иначе онъ для пущаго эффекта протащилъ бы преступницу по сценѣ за волосы. Вѣра Самойлова иногда просто боялась увлеченій трагика. Въ пьесѣ

«Владиміръ Заревскій», въ концѣ послѣдняго акта, Заревскій, послѣ сильной трагической сцены, убѣгаетъ за кулисы и выноситъ оттуда безчувственную любимую дѣвушку Ольгу. Самойлова, игравшая Ольгу, обыкновенно приготавлилась къ этому моменту, стоя на стулѣ, чтобъ артисту ловчѣе было взять ее на руки; но Каратыгинъ выбѣгалъ до того возбужденнымъ и взволнованнымъ, что она останавливала его на минуту, просила сперва успокоиться и только тогда отдавалась ему на руки. Предосторожность эта была тѣмъ болѣе не лишняя, что Каратыгинъ, несмотря на свою геркулесовскую фигуру, не обладалъ большою силою, особенно въ рукахъ. Играя какъ-то Ляпунова, онъ вынесъ на сцену Максимова (изображавшаго умершаго Скопина-Шуйскаго) и уронилъ его въ минуту экстаза. По странной случайности даже въ этомъ отношеніи Надежда Самойлова была поставлена въ другія условія, и если и ей приходилось иной разъ волноваться, когда артистъ по требованіямъ роли носилъ ее на рукахъ, то никакъ не отъ боязни грохнутья объ полъ; наоборотъ, ее носилъ актеръ Григорьевъ, очень сильный и въ шаловливой веселости дразнившій артистку. Ему нужно было вынести упавшую въ обморокъ дѣвушку и положить ее на диванъ, а онъ довольно долгое время ходилъ по сценѣ, держа ее въ рукахъ и растерянно повторяя: «Да что же мнѣ дѣлать теперь!? да куда же мнѣ ее положить?»—и актрисѣ не оставалось ничего, какъ, скрѣпя сердце, выждать, когда несносный товарищъ захочетъ, наконецъ, освободить ее отъ себя. Это была шутливая месть Григорьева за то, что бенефисы Надежды Самойловой всегда раскупались нарасхватъ, тогда какъ въ его бенефисы часто театръ пустовалъ. Григорьевъ немало на это жаловался, такъ какъ онъ работалъ не менѣе другихъ, да еще самъ сочинялъ пьесы, имѣвшія успѣхъ.

— Цѣлый годъ,—говаривалъ онъ,—готовишься къ бенефису и пьесу сочиняешь, и работаешь, а публика холодна. А тутъ актриса взяла, что подъ руку попадется, а публика валить.

Григорьевъ не мирился съ тѣмъ, что онъ былъ менѣе любимъ, чѣмъ другіе. Во всѣ бенефисы онъ справлялся въ кассѣ о продажѣ билетовъ, негодовалъ на то, что другимъ везло болѣе, чѣмъ ему, и потому давалъ поводъ считать его завистливымъ и корыстолюбивымъ.

Главнымъ запѣвалой молодой труппы былъ Мартыновъ; живость его характера, его неудержимая веселость, подчасъ доходили чуть не до школьничества. Ему вторилъ жешие premier сцены, Максимовъ, кумиръ гвардейскихъ офицеровъ, съ которыми водилъ дружбу, что ему было очень выгодно, такъ какъ офицеры тогда были главными законодателями театра. Надеждѣ Самойловой было привольно въ этомъ кружкѣ сверстниковъ, которые вполне сѣлись съ ней въ общій работѣ и въ общемъ успѣхѣ. Всѣ относились къ ней друже-

ски, какъ къ доброму товарищу. Мартыновъ смѣшилъ ее своими веселыми выходками, Григорьевъ сочинялъ для нея пьесы, а Максимовъ такъ даже не любилъ выходить на сцену, не поцѣловавши лѣвой ручки Надежды Васильевны. Онъ былъ и религіозенъ и суевѣренъ; онъ утверждалъ, что зготъ поцѣлуй руки приносилъ ему удачу, и передъ выходомъ всегда искалъ Надежду Васильевну, чтобъ получить свой талисманъ.

В. Крыловъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ.

(1878—1882).

I.

«Природа и охота». — По всѣмъ по тремъ. — Л. П. Сабанѣевъ. — Л. К. Поповъ. — «Слово». — Д. А. Корончевскій. — Редакторы и издатели. — Карьера г. Г. — Сотрудничество въ «Словѣ». — Вся Россія пишетъ. — Канцелярская редакція. — Г. Жемчужниковъ. — Фатальная личность. — Исторія съ М. А. Антоновичемъ. — Какъ тогда относились всѣ къ либерализму. — Физиономія «Слова». — Мѣсто его въ журналистикѣ. — Редакціонные промахи. — Какъ статья вхожъ въ редакцію одинъ критикъ.

ТЪ ПРЕДЫДУЩИХЪ моихъ воспоминаніяхъ, озаглавленныхъ: «Преддверіе литературы» (см. «Историческій Вѣстникъ», январь 1893 г.), я остановился на томъ, какъ мнѣ было поручено Л. П. Сабанѣевымъ, редакторомъ «Природы» и «Охоты», сливъ оба изданія въ одно, составить и выпустить первую книжку соединеннаго журнала подъ названіемъ «Природа и охота» — въ Петербургѣ. Я приступилъ къ выполненію этой задачи. Затрудненій было много, такъ какъ, прежде всего, я не чувствовалъ къ охотѣ, какъ къ спорту, особеннаго влеченія. Но матеріалъ былъ заранѣе собранъ самимъ редакторомъ, и оставалось только расположить статьи въ извѣстномъ порядкѣ и сгладить ихъ слогъ. Впрочемъ, статей, необходимыхъ для заполнения всѣхъ отдѣловъ новоиспеченнаго журнала, было все-таки мало; пришлось самому сочинять. Въ этомъ и состояла главная трудность. Но что дѣлать? Корректурные листы поступали одинъ за другимъ, типографія не ждала и, сѣрѣя сердце, я сострепалъ научное обозрѣніе, хватаясь свѣдѣній о но-

выхъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ изъ разныхъ специальныхъ журналовъ и частью изъ газетъ. Кстати, время было чреватое открытіями и изобрѣтеніями; только что народился телефонъ, и вѣсть о фонографѣ волновала всѣхъ. Значеніе этихъ физическихъ приборовъ преувеличивали донельзя, и въ своемъ фельетонѣ я сдѣлалъ нѣсколько грандіозныхъ предположеній о примѣненіи телефона и фонографа; предположенія до сихъ поръ не осуществились, да врядъ ли когда нибудь и осуществятся. Кромѣ научнаго обзрѣнія, я, исполняя въ точности программу издателя, ввелъ критику и — непростительный грѣхъ на моей литературной совѣсти — разобралъ графа Льва Толстаго, какъ охотничьяго писателя, причемъ, сколько помнится, не особенно одобрилъ его стиль и находилъ, что въ собачьей психологіи онъ хватается черезъ край. Тутъ же, какъ это всегда водилось и водится у всѣхъ критиковъ, я сдѣлалъ безбожно длинныя выписки изъ сочиненія разбираемаго писателя и тѣмъ скрасилъ свою статью. Въ томъ же духѣ была написана и другая статья по поводу «Солдатскаго житія» Иванова подъ названіемъ: «Туркестанскія охоты». Некогда было тщательно обдумывать; издатель присылалъ мнѣ изъ Москвы письма, въ которыхъ торопилъ выпускомъ книжки, своевременно и вышедшей въ свѣтъ.

Редакція «Природы и охоты» помѣщалась въ Троицкомъ переулкѣ. Я жилъ въ редакціи. На второй или на третій день по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ (а пріѣхалъ я въ день похоронъ Некрасова) я познакомился съ молодымъ человѣкомъ, который раньше сотрудничалъ въ «Природѣ» г. Сабанѣева и писалъ тамъ длинныя компилятивныя статьи о Спенсерѣ. Это былъ Л. К. Поповъ. Почему-то мой редакторъ считалъ его черезчуръ серьезнымъ писателемъ и въ каждомъ письмѣ, а затѣмъ и лично, упрашивалъ меня писать веселѣе г. Попова, чтобы читателю казалось, когда онъ пробѣгаетъ научную статью, что дѣло идетъ не о наукѣ, а о чемъ-то необыкновенно легкомъ, пріятномъ и почти забавномъ. Съ Л. К. Поповымъ я сошелся довольно близко и узналъ отъ него, что онъ сотрудничаетъ въ журналѣ «Слово». Онъ показалъ мнѣ и первый номеръ этого журнала. Такого толстаго журнала я отродясь не видывалъ; январская книжка «Слова» была похожа на Библію, обложка двойная, на великолѣпной подкладкѣ, а самый текстъ напечатанъ на роскошной веленовой бумагѣ съ большими полями. Я позавидовалъ Л. К. Попову и подумалъ, что едва ли мнѣ удастся попасть на страницы такого аристократическаго журнала. «Отечественныя Записки» въ сравненіи съ «Словомъ» казались какимъ-то сѣренькимъ, чуть не макулатурнымъ изданіемъ. Отъ Л. К. Попова я узналъ также, что новый журналъ имѣетъ уже около трехъ тысячъ подписчиковъ, и что онъ преобразованъ изъ «Знанія». Главнымъ сотрудникомъ «Слова» былъ г. Антоновичъ, и хотя «литературное паденіе» его уже было объявлено въ особой брошюрѣ еще, кажется, за два или за

три года передъ тѣмъ, но я привезъ съ собою изъ нѣдръ провинціи глубокое уваженіе къ личности писателя, подвизавшагося нѣкогда въ «Современникѣ» и не убоявшагося ополчиться противъ самого Некрасова. Правда, что, прочитавъ статью г. Антоновича (теперь я совершенно не помню ея), я нѣсколько разочаровался. Л. К. Поповъ тоже, какъ и я, оказался провинціаломъ: я нѣкоторымъ образомъ вытѣснилъ его изъ преобразованнаго журнала г. Сабанѣева, но онъ не обнаруживалъ по отношенію ко мнѣ не только неприязни, но, напротивъ, выказалъ много радушія. Онъ дѣлился со мной своими книгами, и насъ сближала та любовь къ естествознанію, которая въ семидесятые годы была характернымъ признакомъ интеллигентной молодежи, помнившей еще завѣты Писарева. Впослѣдствіи Л. К. охладѣлъ къ «Слову» и сталъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Русской Рѣчи», основанной авторомъ популярнаго въ свое время стихотворенія «Стенька Разинъ», генераломъ Навроцкимъ, членомъ военно-окружнаго суда. Стихотвореніе его распѣвалось въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ радикальной молодежью и имѣло значеніе русской марсельезы. Самъ г. Навроцкій долго не подозрѣвалъ объ этомъ и продолжалъ неуклонно нести свои тяжелыя обязанности военнаго судьи. Такова иронія судьбы.

Составленіе научной окрошки въ «Природѣ и охотѣ» пробудило во мнѣ желаніе серьезнѣе заняться вопросами естествознанія, къ которому я всегда питалъ большую склонность и даже былъ на естественномъ факультетѣ. Въ мое время многіе молодые люди увлекались тургеневскимъ Базаровымъ и, чтобъ походить на него, поступали на медицинскій или физико-математическій факультеты. Признаюсь, я принадлежалъ къ ихъ числу. Съ другой стороны меня плѣняли естественныя науки незыблемостью «законовъ природы». Химія и физика казались мнѣ даже чѣмъ-то необыкновенно поэтическимъ, объ астрономіи и говорить нечего. Впрочемъ, я и теперь питаю слабость къ естественнымъ наукамъ. Онѣ даютъ намъ въ руки точный методъ и приучаютъ мышленіе къ стройности и логической связности.

Какъ и слѣдовало ожидать, работа въ «Природѣ и охотѣ» въ скоромъ времени стала меня тяготить. Я съ ужасомъ думалъ о цѣломъ рядѣ охотничьихъ критическихъ статей, которыя ожидаютъ меня въ будущемъ: Пушкинъ, какъ охотникъ, Майковъ, какъ рыбоводъ, Лермонтовъ—спортсменъ, Некрасовъ и его охотничьи стихотворенія, Тургеневъ подъ охотничьимъ угломъ зрѣнія и т. д. и т. д. Эта перспектива наводила на меня паническій страхъ. Страшно мнѣ было также, хотя въ меньшей степени, писаніе охотничьихъ эскизовъ; я долженъ былъ выжимать изъ своей памяти охотничьи эпизоды, которые случались со мной въ ранней молодости и въ дѣтствѣ: первый выстрѣлъ, сдѣланный мною изъ ружья, собака Норма—всеобщая любимица, поѣздки цѣлой компаніей въ лѣсъ съ гончими и

съ борзыми, и все въ этомъ родѣ—можно было прійти въ ушыніе. Матеріаль, который накоплялся въ редакціонныхъ портфеляхъ, тоже не давалъ особой пищи для ума и воображенія. Это были произведенія захолустныхъ обывателей, считающихъ, что выше охоты нѣтъ другихъ удовольствій, и что это такая поэзія, въ сравненіи съ которой самъ Пушкинъ выфденнаго яйца не стоитъ.

Хорошо, что редакторъ былъ человѣкъ проницательный и послѣ трехъ составленныхъ мною книжекъ сталъ поговаривать о необходимости найти мнѣ такія журнальныя занятія, которыя болѣе удовлетворяли бы меня. Редакторъ давно пріѣхалъ въ Петербургъ и могъ отлично самъ вести журналъ, во всякомъ случаѣ, лучше меня, такъ какъ онъ любилъ свое дѣло, и какъ охотникъ, и какъ страстный зоологъ. Своимъ сочиненіемъ о рыбахъ Россіи и монографіей о глухомъ тетеревѣ Л. П. Сабанѣвъ пріобрѣлъ среди натуралистовъ, интересующихся больше формами жизни, чѣмъ ея философіей, громкую извѣстность. Онъ не только не сталъ удерживать меня, но даже поспѣшилъ предупредить мое желаніе, и въ одинъ прекрасный день я получилъ щедрый расчетъ, съ извиненіемъ, что, въ виду наступленія лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда касса редакціи оскудѣваетъ, я долженъ воздержаться въ ближайшемъ будущемъ отъ сотрудничества въ «Природѣ и охотѣ». Миссія моя была окончена, и мнѣ оставалось только поблагодарить г. Сабанѣва.

Но я не «оѣлъ на мель». Наканунѣ меня посѣтилъ редакторъ «Слова» Д. А. Коропчевскій, полный, съ безбородымъ, юношескимъ лицомъ, бывший издатель «Знанія», человѣкъ, что называется, съ европейской складкой, и, похваливъ мои научныя статьи въ «Природѣ и охотѣ», просилъ меня писать этюды по разнымъ вопросамъ естествознанія въ его журналѣ. Живя еще въ провинціи, я былъ подписчикомъ «Знанія» и до сихъ поръ вспоминаю объ этомъ журналѣ съ благодарностью; это былъ университетъ, а не журналъ. Изъ разговора съ Д. А. Коропчевскимъ я узналъ, что «Знаніе» велъ онъ самъ, а профессоръ Хлѣбниковъ только давалъ свою фамилію, какъ редакторъ. Журналъ имѣлъ подписчиковъ, но издателю захотѣлось придать ему размахъ пошире, и вотъ почему онъ преобразовалъ его въ общій журналъ съ литературнымъ отдѣломъ. Можно себѣ представить, какъ подняло меня въ собственныхъ моихъ глазахъ приглашеніе г. Коропчевскаго, и съ какимъ рвеніемъ принялся я составлять заказанное имъ научное обзорѣніе все о томъ же телефонѣ и фонографѣ. Тутъ же подоспѣли еще сгущенный кислородъ и угольная кислота, искусственные сафиры и рубины и не помню какая еще новость, чуть ли не колоссальный земляной червь, усмотрѣнный однимъ американскимъ зоологомъ и на самомъ дѣлѣ оказавшійся уткой. Американскіе ученые—мастера на такого рода утки.

Изъ меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ я поселился, все на той же Троицкой улицѣ, я отправился въ Гороховую, гдѣ на углу Большой Морской, въ счастливомъ домѣ, владѣлецъ котораго два раза выигралъ двѣсти тысячъ (а фамилію его я забылъ, да она и не нужна), пріютилась редакція роскошнаго журнала. Кабинетъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ—издательскаго святилища, отдѣленія для простыхъ смертныхъ, гдѣ стояла конторка, изъ редакторскаго конфессіонала и еще какого-то аппарата (оказавшагося частнымъ кабинетомъ Д. А. Коропчевскаго). На обложкѣ «Слова» стояли двѣ подписи: кромѣ Коропчевскаго, подписывался нѣкто Г... Въ редакціи я познакомился съ нимъ. Это былъ еврей съ выпуклыми черными глазами и совершенно серебряной головой, хотя было ему не больше тридцати пяти лѣтъ. Въ то время, какъ г. Коропчевскій говорилъ, серьезно относясь къ своему журналу, и намѣчалъ мнѣ программу моего сотрудничества, г. Г., пылливо оглядывая меня, перебивалъ солидную рѣчь своего компаніона разными легкомысленными замѣчаніями о ресторанахъ, на тему о томъ, гдѣ бы пообѣдать сегодня получше, и о переводахъ, которые онъ поручилъ какимъ-то нигилистамъ, а тѣ такъ перевели, что ничего нельзя понять. Статья моя была принята, и злополучные переводы были отданы мнѣ на исправленіе. Конечно, это была каторжная работа, но она сослужила мнѣ службу. Черезъ мѣсяцъ знакомства моего съ редакціей «Слова» меня пригласили оба редактора къ себѣ въ помощники, и я сталъ аккуратно являться на Гороховую и уносить съ собой огромные портфели съ рукописями, которыя я долженъ былъ прочитать и дать о нихъ отвѣтъ.

Надо замѣтить, что всѣ рукописи, забракованныя въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ, а иногда и болѣе поздняго происхожденія, имѣютъ тенденцію устремляться въ редакціи вновь открытыхъ журналовъ. Напоръ этихъ рукописей былъ такъ великъ, что казалось, будто вся Россія пишетъ, пишетъ въ городахъ, въ деревняхъ, по хуторамъ, въ палатахъ и въ лачугахъ, исписываетъ цѣлыя стопы, и тяжелые труды со всѣхъ сторонъ направляются въ Петербургъ и съ разбѣга громыаются въ двери новой редакціи. Изъ излишняго усердія, а отчасти изъ любопытства, я имѣлъ терпѣніе перечитывать всѣ сколько нибудь грамотные повѣсти и романы; и это принесло пользу журналу; въ необъятномъ и, повидимому, беспросвѣтномъ хламѣ, который наваливали въ «Слово» непризнанные гени земли Русской, было открыто мною нѣсколько жемчужныхъ зеренъ. Эти рукописи, принадлежавшія писателямъ, пользующимся въ настоящее время болѣе или менѣе извѣстностью, почти всѣ были визированы (судя по отмѣткамъ) въ другихъ редакціяхъ и объявлены негодными. Очевидно, онѣ нигдѣ не были прочитаны, потому что тѣ же самыя редакціи, увидѣвъ ихъ въ «Словѣ», поторопились завести сношенія съ отвергнутыми авторами. Дай Богъ,

чтобы я ошибался, но мнѣ кажется, что нѣтъ такой редакціи, въ архивахъ которой нельзя было бы найти хоть одного прекраснаго произведенія. Даровитые авторы, конечно, пробьются, рано или поздно и выйдутъ на торную дорогу успѣха и популярности. Но сколько времени пройдетъ, прежде чѣмъ они выбьются. Впрочемъ, я еще ниже буду говорить о писателяхъ, начавшихъ свою карьеру на Гороховой и извѣстныхъ одно время подъ именемъ «беллетристовъ Слова».

Въ концѣ мая, редакторъ Д. А. Коропчевскій уѣхалъ къ себѣ въ деревню, въ Тверскую губернію, а г. Г. куда-то за границу. Редактированіе журнала было возложено на меня, а членомъ редакціи съ правомъ голоса, по желанію А. А. Жемчужникова (представителя издателя, которымъ былъ К. М. Сибиряковъ), былъ избранъ редакціей одинъ адвокатъ, человекъ весьма рѣчистый и остроумный, но не владѣвшій перомъ. Объяснялось это тѣмъ, что главной пружиной ораторскаго искусства его была мимика: въ то время, какъ онъ многозначительно молчалъ, глаза его играли, а все лицо иронически передергивалось. На бумагѣ очень трудно было и даже невозможно продѣлать что нибудь подобное. Когда адвокатъ читалъ что нибудь, выходило недурно, а стоило только его рукопись напечатать, она производила впечатлѣніе обратное. Но, правда, онъ только однажды попытался что-то написать и благоразумно забросилъ перо въ самомъ началѣ своего временнаго соредакторства со мной.

Фигура г. Г. (нынѣ умершаго) была довольно интересна. Онъ не обладалъ никакими познаніями и никогда не былъ богатъ. Весь его журнальный багажъ заключался въ статейкѣ, посвященной статистикѣ Петербургѣ и составленной по думскимъ отчетамъ. Въ то время, какъ г. Коропчевскій, получившій солидную естественно-историческую подготовку въ Московскомъ университетѣ, положилъ, кромѣ того, въ «Знаніе» весь свой капиталъ и неустанно трудился надъ каждой книжкой журнала, г. Г. изъ простаго секретаря, какимъ онъ былъ сначала при г. Коропчевскомъ, сталъ въ короткое время его соиздателемъ и соредакторомъ, убѣдивъ всѣхъ, что онъ дѣловой человекъ. У него была дерзкая коммерческая фантазія: онъ завелъ роскошный книжный магазинъ, разумѣется, на средства компаніона; удивлялъ всѣхъ своей библиографической памятью и, благодаря ей, въ нѣсколько недѣль приготовился и выдержалъ юридическій экзаменъ на степень кандидата; женился на прелестной дѣвушкѣ, которая была докторомъ ботаники и удостоилась одобрительнаго отзыва въ личномъ письмѣ отъ Дарвина; нахваталъ денегъ, пользуясь кредитомъ редакціи, жилъ роскошно и нанималъ за границей виллы, и былъ такъ склоненъ къ разсѣянной жизни, что рѣдко пропуская даже какое нибудь жалкое представленіе въ Зоологическомъ саду, если бывалъ лѣтомъ въ Петербургѣ. Онъ

былъ причиною гибели журнала «Знаніе» и, благодаря ему, «Слово» не могло стать полною собственностью Д. А. Коропчевскаго. Но самъ онъ считалъ себя собственникомъ «Слова». Вышло какое-то денежное недоразумѣніе: Г. внезапно пріѣхалъ въ Петербургъ въ іюль мѣсяцѣ, поссорился съ Жемчужниковымъ, скомпрометировалъ себя и сошелъ съ обложки. Впослѣдствіи графъ Лорисъ-Меликовъ вызвалъ его съ юга Россіи и возложилъ на него собираніе какихъ-то свѣдѣній о крайнемъ сѣверѣ. Затѣмъ Г. очутился за границей въ Парижѣ и умеръ съ горя, такъ какъ попалъ въ крайне затруднительныя обстоятельства — до того затруднительныя, что больше ему ничего не оставалось, какъ умереть. Разумѣется, увѣнчай успѣхъ всѣ затѣи покойнаго Г. и существуя до сихъ поръ книжный магазинъ «Знанія» и его издательская фирма, въ короткое время стяжавшая себѣ всеобщее довѣріе и уваженіе строгимъ выборомъ книгъ, г. Г., можетъ быть, былъ бы красою журнальнаго міра, и къ его мнѣніямъ прислушивался бы весь петербургскій литературно-коммерческій міръ. Но все сложилось иначе, и жаль, что изъ пѣсни слова не выкинешь: я не могъ пройти молчаніемъ дѣятельность покойнаго, неблагоприятно и печально отразившуюся на судьбѣ другого редактора «Слова» Д. А. Коропчевскаго, о которомъ я сохраняю самыя свѣтлыя воспоминанія, и который лучшую пору своей жизни долженъ былъ изъ экономическихъ соображеній провести вдаль отъ журнальныхъ центровъ, въ провинціальной глуши, гдѣ работать, не покладая рукъ, чтобы погасить долги своего компаніона по «Знанію» и по «Слову».

Представитель К. М. Сибирякова, А. А. Жемчужниковъ, о которомъ я только-что упомянулъ, сначала не вмѣшивался въ веденіе журнала (онъ тоже недавно умеръ). Это былъ самарскій земець, мужчина лѣтъ сорока, весь въ золотыхъ пѣпочкахъ и кольцахъ, страстный любитель преферанса, кичившійся двумя корреспонденціями, которыя онъ напечаталъ въ «Голосѣ» въ эпоху самарскаго голода, и, въ качествѣ человѣка со средствами, интимно стоялъ за измѣненіе политическихъ формъ, а не экономическихъ: современный экономическій порядокъ его удовлетворялъ. Впрочемъ, міросозерцаніе у него было смутное, и это отражалось на всемъ, что онъ говорилъ и что писалъ. А писалъ онъ плохіе стихи, изъ которыхъ я помѣщалъ въ «Словѣ» иногда только одну строчку, придѣлывая все остальное, что очень забавляло пріятелей Жемчужникова, но не сердило самого автора, которому хотѣлось непременно печататься. Жемчужниковъ послѣ недоразумѣнія съ Г. переѣхалъ жить въ редакцію, чтобы имѣть постоянный надзоръ за конторой и кассой. Прошло полгода, и онъ понемногу началъ вмѣшиваться въ журналъ. Но пока онъ былъ одинокъ, и вліяніе его парализовалось нашими усиліями. Несмотря на солидный его возрастъ, въ немъ было что-то мальчишеское, какой-то задоръ, и крайнее фрон-

дерство его (разумеется, въ четырехъ стѣнахъ) было смѣшно и забавно. Я бы не останавливался долго на этой личности, если бы, въ концѣ концовъ, она не оказалась фатальной для нашего журнала. Я прїѣхалъ изъ провинціи совсѣмъ съ другими представленіями о журнальномъ мірѣ, и даже издатели казались мнѣ людьми чрезвычайно литературными и образованными. На самомъ дѣлѣ, мнѣ часто приходилось разочаровываться. Но все-таки до послѣдняго времени я наблюдалъ, что литературныя дѣла, попадающія въ руки нелитературныхъ предпринимателей, обыкновенно падаютъ. Успѣхъ «Современника» и «Отечественныхъ Записокъ», во главѣ которыхъ всегда стояли, въ качествѣ руководителей, первоклассные писатели, у всѣхъ въ памяти. Краевскій тоже былъ несомнѣнно литературный человекъ. Изъ нашихъ современниковъ пользуются успѣхомъ только такія изданія, которыя принадлежатъ издателямъ, литературность которыхъ вѣдъ сомнѣнія. Успѣхъ остальныхъ временное явленіе и обязанъ какой нибудь «штучкѣ» — богатому наслѣдству, оставшемуся послѣ журнала, погибшаго насильственной смертью, или же преміямъ, что съ литературой не имѣетъ ничего общаго; это ужъ Апраксинъ дворъ, а не литература. Литература можетъ приносить, какъ коммерческое предпріятіе, громадныя выгоды, но это не фабрика и не золотиносная розсыпь, которая можетъ разрабатываться наемными инженерами. Въ коммерческомъ отношеніи это одна изъ самыхъ чувствительныхъ операций, и на ней моментально отражается даровитая или бездарная личность предпринимателя.

Жемчужниковъ, занявъ въ редакціи «Слова» издательское мѣсто (отъ г. Сибирякова онъ получалъ за это большое жалованье), хотѣлъ непремѣнно вліять на литературное направленіе журнала. «Писаніе статей—это пустяки, можно заказывать статьи; но главное—направленіе». Однако же, изложить своихъ взглядовъ съ нѣкоторой ясностью и опредѣленностью нашъ издатель никогда не могъ. Повидимому, тотъ адвокатъ, о которомъ я упоминалъ и который былъ закадычнымъ другомъ нашего издателя, очень хорошо зналъ, какое это направленіе; на его выразительномъ лицѣ змѣнилось въ видѣ ядовитой улыбки самое радикальное направленіе, но словарь его былъ бѣденъ, и онъ благоразумно молчалъ. Издатель же только сжималъ кулаки, краснѣлъ, начиналъ говорить, путался и ни до чего не договаривался. Редакція дѣлала свое дѣло, какъ умѣла, и въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ ей удавалось отстаивать свои собственные взгляды и выражать ихъ на страницахъ журнала.

Когда я сталъ помощникомъ редактора «Слова», г. Антоновичъ уже ушелъ изъ журнала. Онъ поссорился съ редакціей на первыхъ же порахъ и извинился передъ подписчиками въ какой-то газетѣ, что ввелъ ихъ въ заблужденіе и своимъ участіемъ заставилъ подписаться на «Слово». Редакція заявила печатно, что введенные въ заблужденіе подписчики могутъ получить деньги обратно. Но тако-

выхъ не нашлось. Ссора съ г. Антоновичемъ произошла изъ-за того, что онъ требовалъ себѣ въ журналѣ диктаторской власти, а г. Коропчевскій на это, естественно, не согласился.

Въ то время «Отечественныя Записки» царили въ журналистикѣ. Направленіе ихъ было народническое и радикальное. Слово «либераль» употреблялось почтеннымъ журналомъ въ порицательномъ смыслѣ. Общественное мнѣніе было такъ возбуждено тогдашними политическими событіями внутренней жизни, что большинство читателей вполне раздѣляло это презрительное отношеніе къ либерализму, идя въ своихъ требованіяхъ дальше либеральной программы. Органомъ либерализма считался «Вѣстникъ Европы». «Слово» должно было занять своеобразное мѣсто въ журналистикѣ. Безшабашному отрицанію служило подцензурное «Дѣло». Отрицательную работу вели и «Отечественныя Записки», хотя съ указаніемъ на идеалы, которые можно найти въ народѣ. Народу навязывалось міросозерцаніе какое-то библейское или израильское, и въ этомъ отношеніи одинъ изъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ», г. Златовратскій, дошелъ до геркулесовыхъ столбовъ. Только беллетристическія статьи Глѣба Успенскаго и фельетоны г. Михайловскаго еще кое-какъ нормировали увлеченія г. Златовратскаго. Набатнымъ же колоколомъ отрицанія, огульно распространявшагося на всѣ явленія русской жизни, была сатира Щедрина. Строго говоря, ею исчерпывалось все направленіе «Отечественныхъ Записокъ» — такъ она была сильна и могуча. Вѣрное научнымъ традиціямъ «Знанія», «Слово» продолжало проповѣдь европейской науки въ русскомъ обществѣ, и къ этому присоединилась еще проповѣдь европейскаго искусства и европейскихъ идеаловъ, общественныхъ, нравственныхъ и поэтическихъ. Въ этомъ отношеніи «Слово» сейчасъ же послѣ ухода г. Антоновича приобрѣло свою собственную физиономію. Оно не было либерально въ смыслѣ «Вѣстника Европы», оно сторонилось отрицательной работы эпигоновъ Писарева, засѣвшихъ въ «Дѣлѣ», а отъ «Отечественныхъ Записокъ» отличалось тѣмъ, что относилось съ большимъ довѣріемъ къ наукѣ и не отдѣляло интеллигенцію отъ народа; идеалы народа должны были современемъ вырасти и совпасть съ идеалами интеллигенціи, а не наоборотъ. Понятно, что во многихъ отношеніяхъ «Отечественныя Записки» и «Слово» могли идти рука объ руку. Но одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ г. Дероберти сдѣлался съ г. Михайловскимъ, и дошло до того, что г. Михайловскій назвалъ его «свиньей». Вліяніе г. Антоновича, который ввелъ въ полемическую литературу грубые выраженія, еще продолжало сказываться. Полемика г. Дероберти съ г. Михайловскимъ, впрочемъ, скоро была погашена, и затѣмъ эти журналы не ссорились. А черезъ два года послѣ нашего ухода изъ «Слова» оно сдѣлалось складочнымъ мѣстомъ рукописей, забракованныхъ «Отечественными Записками», и, конечно,

потеряло подписчиковъ, такъ какъ кому же была охота выписывать разбавленные и разжиженные «Отечественныя Записки».

Но превратить «Слово» въ «Отечественныя Записки» постоянно пытались нѣкоторые наши сотрудники еще при г. Коропчевскомъ и при мнѣ. Такъ въ началѣ существованія журнала была напечатана большая статья Онгирскаго, который старался доказать, что ростъ общественныхъ организмовъ совершался патологически—совершенно вопреки точкѣ зрѣнія, усвоенной западноевропейскими и русскими научными авторитетами. Когда г. Буренинъ издѣвался надъ П. Д. Боборыкинымъ, печатавшимъ въ «Словѣ» свои романы, Жемчужниковъ носился съ этими фельетонами, затверживалъ ихъ чуть не наизусть и вообще радовался всякой неудачѣ журнала.

Оставшись на нѣкоторое время единоличнымъ фактическимъ редакторомъ «Слова», я на опытѣ убѣдился, какъ трудно вести литературное предпріятіе въ желательномъ направленіи не только по цензурнымъ условіямъ, но и потому, что журнальныя силы не всегда организованы. Затѣмъ, я былъ слишкомъ молодъ и не обладалъ авторитетностью, необходимой для внушенія почтеннымъ сотрудникамъ тѣхъ или другихъ основныхъ мнѣній. Просишь г. N. составить статью по поводу послѣдняго сочиненія Спенсера о томъ, какъ сложилось общество и государства, а г. N., заставивъ прождать типографію два-три дня, является съ теоріей общественнаго патогенезиса и во что бы то ни стало напрягаетъ всѣ усилія, чтобы подавить меня своей авторитетностью. Къ тому же, журналъ не моя собственность, и я не чувствую себя въ правѣ расходиться съ сотрудниками, которые приглашены редакторомъ. Было еще нѣсколько промаховъ въ томъ же родѣ. Но, и то сказать, въ какомъ журналѣ ихъ не бывало и не бываетъ.

Не могу безъ улыбки вспомнить также о статьѣ одного критика, проникшей въ «Слово». Я, по почину г. Коропчевскаго, просилъ критика дать намъ отчетъ о новыхъ явленіяхъ литературы—о писателяхъ дебютахъ. Въ то время былъ обычай, который, къ сожалѣнію, выводится теперь, чтобы въ каждой почти книжкѣ журнала рядомъ съ именами извѣстными выступали новички. Въ этомъ отношеніи особенно щеголяли «Отечественныя Записки». Были новички даровитые, но были и такіе, произведенія которыхъ больше ужъ не появлялись. Критикъ, гастролировавшій въ «Словѣ», собралъ цѣлую плеяду юныхъ бездарностей и съ любовью остановился на нихъ, видя въ ихъ вымученномъ и подражательномъ народничествѣ типичное выраженіе общественнаго настроенія Россіи. Статья была длинная и скучная. Чтеніе ея происходило у меня на квартирѣ, въ присутствіи г. Коропчевскаго. Мы переглянулись и приняли статью, кое-что измѣнивъ въ ней. Такъ какъ статья была заказана, то гораздо лучше было бы заплатить за нее деньги и предоставить автору напечатать ее въ другомъ мѣстѣ. Но мы были

связаны тѣмъ, что не могли распоряжаться журнальными суммами по своему усмотрѣнію. Передъ тѣмъ какой-то авторъ, статью котораго г. Коропчевскій не принялъ, взыскалъ съ него деньги только на томъ основаніи, что она была заказана ему еще г. Антоновичемъ. При нѣкоторомъ антагонизмѣ между издателями и редакторами, неуклонное веденіе журнала въ данномъ направленіи становится трудною задачей. Послѣдствіемъ этой несчастной статьи о начинающихъ бездарностяхъ было то, что критикъ сталъ вхожъ въ редакцію и примкнулъ къ Жемчужникову. Была своя партія у редакціи и своя у издателя. Но я забѣгаю впередъ.

II.

Юзовъ-Каблицъ и его научное народничество.—Нашъ вандализмъ и коммунаръ Ж.—Столѣтняя годовщина Вольтера.—Какъ отпраздновало ее «Слово».—Цензоръ Петровъ.—Осень 1878 года.—Литературные журъ-фиксы.—Общія замѣчанія о литераторахъ.—Свѣтлыя личности.—Сумасшедшій балъ.—«Порванные струны» К. С. Баранцевича.—«День итога» М. И. Альбова.—Характеристика этихъ писателей.

Однажды, лѣтомъ 1878 года, въ редакторскій конфессіональ, гдѣ я засѣдалъ вмѣстѣ съ адвокатомъ (каникулярная редакція), вошелъ господинъ съ золото-русой бородой и въ темныхъ очкахъ и предложилъ напечатать изслѣдованіе свое о русскихъ диссидентахъ, то-есть о раскольникахъ; назвалъ онъ себя Юзовымъ. Фамилію эту я встрѣчалъ въ «Недѣлѣ»: Юзовъ писалъ тамъ статьи о народничествѣ, которому онъ хотѣлъ дать научную подкладку, и испещрялъ почтенную газету Гайдебурова безчисленными цитатами и сносками на Спенсера, Дарвина, Канта, Фихте, Гегеля, Лассаля и кого хотите; это придавало «Недѣлѣ» солидный и ученый видъ. Вглядѣвшись въ Юзова, я узналъ въ немъ своего университетскаго товарища. Въ Кіевѣ онъ назывался Каблицомъ, и у него не было одного глаза. Теперь глазъ былъ вставленъ и тускло смотрѣлъ на меня изъ-подъ дымчатыхъ очковъ. Я тоже обросъ бородой, и Юзовъ, наконецъ, призналъ меня, но тутъ же, отойдя въ сторону, попросилъ держать въ тайнѣ, что онъ Каблицъ.

— По разнымъ соображеніямъ, я не легальный. Всего я не скажу, но этого достаточно съ васъ. Малѣйшая огласка, и я погибну.

Онъ сталъ сотрудникомъ «Слова», и я впоследствии часто встрѣчалъ его во всѣхъ литературныхъ кружкахъ. Какъ когда-то въ университетѣ онъ ораторствовалъ на сходкахъ, такъ голосъ его, мѣрный, упрямый и убѣжденный, заглушалъ всѣ другіе голоса на литературныхъ вечеринкахъ. Идя по улицѣ, онъ обыкновенно поднималъ воротникъ своего пальто и имѣлъ видъ заговорщика и конспиратора. Когда настала «диктатура сердца» Каблицъ явился

къ графу Лорисъ-Меликову и изъ нелегальнаго превратился въ легальнаго гражданина. Вскорѣ онъ получилъ казенное мѣсто въ какомъ-то министерствѣ и продолжалъ сотрудничать въ «Недѣлѣ» и еще гдѣ-то. Но такъ какъ мода на народничество стала проходить, то покойный Гайдебуровъ рѣшилъ переимѣнить флагъ и дать отставку этому направлению, находя, что вопросъ въ научномъ отношеніи достаточно исчерпанъ Юзовымъ. На прощанье онъ сдѣлалъ обѣдъ въ честь сотрудника, украшавшаго журналъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ своими научно-народническими этюдами, и поднесъ ему перо. Каблицъ принялъ пера за золотое. Онъ нуждался, оставшись безъ работы, и понесъ подарокъ въ ломбардъ, гдѣ перо оказалось нейгольдовымъ. Это разсмѣшило Юзова, и онъ потомъ съ большимъ юморомъ рассказывалъ о своемъ несчастіи. Заработки покойнаго писателя были вообще не велики, и въ самый разгаръ своего литературнаго успѣха онъ обѣдалъ въ греческихъ кухмистерскихъ, нажилъ мучительный катаръ кишечника, лѣчился выполаскиваньемъ пищевода посредствомъ каучуковаго насоса — эту операцію онъ продѣлывалъ самъ, вставляя насосъ себѣ въ ноздри — и хотя казенная служба дала ему, наконецъ, нѣкоторое обезпеченіе и кусокъ хлѣба, но здоровье его было расшатано, и онъ умеръ годъ тому назадъ. Каблицъ былъ въ эпоху семидесятыхъ годовъ типичнымъ представителемъ революціоннаго доктринерства. Въ его мозгу не рождалось ни одной мысли, которой бы онъ не могъ подкрѣпить какимъ либо книжнымъ авторитетомъ. На раскольниковъ, которыхъ онъ насчитывалъ въ Россіи до двѣнадцати милліоновъ, онъ смотрѣлъ, какъ на боевой матеріалъ, который при случаѣ можетъ поставить государство въ затруднительное положеніе. Что раскольники, за исключеніемъ двухъ-трехъ немногочисленныхъ группъ, представляютъ собою ретроградное явленіе въ русской жизни — переживаніе стараго, допетровскаго порядка, враждебнаго прогрессивной государственности, обновленной реформами императора Александра II, Юзовъ отрицалъ и заблуждался въ этомъ отношеніи такъ же, какъ заблуждались изслѣдователи малороссійской штунды, воображавшіе, что это начало какого-то совершенно самобытнаго свѣта, брызжущаго изъ темныхъ нѣдръ нашего крестьянскаго невѣжества. Все же Юзовъ былъ человѣкъ ученый, но съ тѣмъ ограниченнымъ кругозоромъ, который сплошь и рядомъ принимается за твердость убѣжденій, неподкупную честность и вѣру въ разъ навсегда намѣченные идеалы. Эта ограниченность міросозерцанія не представляетъ собою характернаго спутника политической или общественной дѣятельности, какъ думаютъ съ другой стороны люди, отрѣшившіеся отъ жизни. Въ самой редакціи «Слова» я имѣлъ случай познакомиться и часто встрѣчаться съ нѣкимъ Ж., который въ Парижѣ былъ полковникомъ коммуны и жилъ въ Петербургѣ въ качествѣ изгнанника, дожидаясь амнистіи. Г. Ж., по-

мимо того, что обладалъ солиднымъ образованіемъ и большой начитанностью, смотрѣлъ на міръ широко, и видно было, что это не личная или индивидуальная точка зрѣнія, а видовая или даже родовая, что это цѣлая культура, продуктъ соединенной работы сильныхъ и сознательныхъ личностей. М-сиръ Ж. одѣвался всегда съ иголочки, и глядя на его свѣтскія манеры и утонченную вѣжливость, трудно было повѣрить, что, состоя коммунаромъ, онъ исполнялъ свой долгъ съ необыкновенной суровостью, какъ объ этомъ намъ доподлинно было извѣстно. Разговоръ его весь состоялъ изъ комплиментовъ, умѣренныхъ и тонкихъ остротъ, и въ спорѣ онъ никому не навязывалъ своихъ мнѣній, а скорѣе былъ застѣнчивъ и умолкалъ, какъ только слышалъ глушость. Онъ въ каждомъ обществѣ могъ быть своимъ въ извѣстной степени, и ему казалось, что солнце свѣтитъ одинаково для добрыхъ и для злыхъ, какъ для коммунаровъ, такъ и для республиканцевъ. Статьямъ своимъ въ «Словѣ» онъ старался придавать изящную внѣшность, и слогъ его былъ сжатый и красивый. Онъ велъ борьбу съ буржуа не потому, что они знакомы съ комфортомъ и знаютъ цѣну жизни, наслаждаясь искусствомъ и благами цивилизаціи, а потому, что, съ его точки зрѣнія, они несправедливы къ рабочему классу. Хорошему онъ могъ учиться не только у буржуа, но и у маркизовъ, которыхъ смѣнили мѣщане, и, наконецъ, у духовенства. Русскій нигилистъ по своей некультурности имѣлъ и до сихъ поръ имѣеть привычку надѣвать наглазники, онъ прямо претъ на стѣну и по пути ломаетъ многое такое, что могло быть сохранено, потому что оно само по себѣ дорого и составляетъ національное достояніе, которымъ слѣдуетъ гордиться. Разрушеніе эстетики въ шестидесятыхъ годахъ, кончившееся разносомъ Пушкина, есть не что иное, какъ проявленіе нашей некультурности. Это ужъ общая черта, свойственная всѣмъ варварскимъ и полуварварскимъ народамъ. Римляне разрушали греческіе храмы, а германцы погубили множество памятниковъ римскаго искусства. Вандаловъ было много еще въ восьмидесятыхъ годахъ въ русской литературѣ. Уцѣлѣло нѣсколько вандаловъ и до сихъ поръ, но у нихъ выпали зубы, и ужъ нечего разрушать; не сегодня-завтра время окончательно разрушить ихъ самихъ.

Этотъ Ж. написалъ по поводу столѣтней годовщины со дня смерти Вольтера большую статью, которую пришлось раздѣлить на двѣ. Первая статья появилась въ августовской книжкѣ. Д. А. Корочевскаго все еще не было. Когда книжка вышла, я получилъ приглашеніе явиться въ цензурный комитетъ. Это было мое первое объясненіе съ цензурой. Предсѣдателемъ цензурнаго комитета былъ Петровъ. Секретарь ввелъ меня въ кабинетъ предсѣдателя и удалился. Противъ меня сидѣлъ очень старый челоуѣкъ, и ясно было, что онъ меня не видитъ: глаза его неопредѣленно были устремлены вдаль, нижняя губа отвисла, и такъ продолжалось ми-

нуты двѣ. Это крайне удивило меня; я сдѣлалъ шагъ впередъ, но предсѣдатель не мигнулъ. Я не зналъ, что сказать ему, онъ словно дремалъ съ открытыми глазами. Вдругъ онъ замѣтилъ меня, зашевелился, улыбнулся, спросилъ, что мнѣ надо, вспомнилъ, и началъ рѣчь противъ Вольтера. Нельзя писать о Вольтерѣ. Развѣ я не знаю, что это безбожникъ. При свободѣ, которой пользуется печать, можно касаться отвлеченно какихъ угодно матерій, но зачѣмъ же Вольтеръ. Вольтеръ — это знамя отрицанія и т. д. Для своихъ крайне преклонныхъ лѣтъ Петровъ говорилъ складно и толково. Такъ какъ я не находилъ нужнымъ и возможнымъ возражать предсѣдателю цензурнаго комитета, то онъ принялъ мое молчаніе за смущеніе, сталъ ласковѣе, усадилъ меня и спросилъ, не малороссъ ли я. Когда же я объявилъ, что я родился въ Харьковѣ, онъ сказалъ съ радостью, что онъ самъ харьковецъ. Совершенно неожиданно онъ протянулъ ко мнѣ руки, обнялъ меня и поцѣловалъ, послѣ чего, откинувшись на спинку кресла, уронилъ нижнюю челюсть и минуты на двѣ снова заснулъ, остановивъ на мнѣ немигающій взглядъ. Можетъ быть, онъ вовсе не спалъ, а это была у него манера обдумывать какое нибудь рѣшеніе, но, признаюсь, мнѣ стало жутко, и я чуть было не позвонилъ и не надѣлалъ тревоги.

— Остановитесь! Подождите, не уходите! — вскричалъ Петровъ, принимая свой нормальный видъ. — Мой совѣтъ вамъ не печатать вольтерьянскихъ статей. Не будемъ вольтерьянцами, молодой человекъ, — весело заключилъ онъ: — а то вѣдь сожгутъ Вольтера на кострѣ! Осторожнѣе!

Я уѣхалъ изъ цензурнаго комитета. Статья Ж. о Вольтерѣ была уже набрана и даже напечатана; останавливать сентябрьскую книжку я не рѣшился, а предупрежденія и угрозы Петрова не понялъ: въ такой шуточной и благодушной формѣ онѣ были высказаны. Но едва книжка была представлена въ цензуру, какъ послѣдовалъ ея арестъ, и комитетомъ министровъ она была присуждена, дѣйствительно, къ сожженію — обѣщаніе Петрова исполнилось. Это ужъ было въ концѣ сентября. Приѣхалъ изъ Самары Жемчужниковъ, поспѣшилъ вернуться въ Петербургъ Д. А. Коропчевскій. Я былъ виновенъ, но и редакторъ и издатель отнеслись ко мнѣ благосклонно, не знаю, по какой ужъ причинѣ. А преступленій за мной накопилось нѣсколько: кромѣ того, что я довелъ сентябрьскую книжку до сожженія, я всѣмъ сотрудникамъ, получавшимъ по пятидесяти рублей за листъ, прибавилъ еще по двадцати пяти, выдалъ авансъ Оммулевскому, напечаталъ статью г. Онгирскаго объ общественномъ патогенезисѣ и прекратилъ полемику съ «Отечественными Записками», угрожавшую затянуться до безконечности и служившую только видамъ г. Дерберти. Мало того,

миѣ даже удвоили жалованье, признавъ за мной кой-какія организаторскія способности.

Постепенно расширялся кругъ моихъ литературныхъ знакомствъ, и тѣ лица, которыхъ я зналъ только по имени, приходили со мною въ соприкосновеніе; долженъ сказать, въ большинствѣ случаевъ я разочаровывался. Издали имѣешь совсѣмъ другое представленіе о литературныхъ величинахъ. Правда, что бывали представленія и обратнаго характера: привыкъ думать о человѣкѣ одно; увидѣлъ его, поговорилъ, и сталъ думать другое. Сплошь и рядомъ въ литературѣ создаются ложныя репутаціи, какъ въ хорошую, такъ и въ дурную сторону. Иного писателя ославяютъ такъ и такихъ надаютъ ему кличекъ, что ничего не остается, какъ только отвернуться при встрѣчѣ съ нимъ. А на самомъ дѣлѣ все это преувеличено или даже клевета. Точно такъ же многія свѣтлыя личности, имена которыхъ произносятся далекими провинціалами съ чувствомъ благоговѣнія, произносились и мной,—оказываются, при ближайшемъ знакомствѣ съ ними, горькими пьяницами и совершенно потерянными людьми. Нѣтъ ничего ужаснѣе этихъ свѣтлыхъ личностей съ вѣчнымъ запахомъ сивухи, съ воспаленными красными глазами, съ циническимъ самомнѣніемъ и съ нахальствомъ, съ которымъ можетъ поспорить только нахальство артистовъ. Пьяная свѣтлая личность, ворвавшись къ вамъ, громко и развязно критикуетъ вашу мебель, упрекаетъ васъ за любовь вашу къ картинамъ или къ чистому бѣлью, рассказываетъ о себѣ чудеса въ рѣшетѣ и питаетъ къ вамъ глубокую ненависть — за что, неизвѣстно. Понятно, что послѣ одного-двухъ столкновеній приходилось сторониться отъ такихъ свѣтлыхъ личностей. Потребность же общенія съ людьми, связанными между собой одинаковой профессіей, находила себѣ удовлетвореніе въ собираніи гостей: разъ, иногда и два въ недѣлю бывали у меня литераторы и журналисты. Къ нимъ принадлежали: Л. К. П — овъ, Д. А. Коропчевскій, М. И. Кулишеръ, Ф. Ф. Вороповъ, М. Н. Альбовъ, К. С. Баранцевичъ, В. В. Святловскій, С. А. Венгеровъ, А. О. Новодворскій, Юзовъ, А. И. Введенскій, Е. П. Карповъ и многіе другіе. На первыхъ порахъ всѣ эти журфиксы и назначенные дни занимаютъ и радуютъ, но потомъ, когда всѣ перезнакомятся между собой и съ проницательностью, свойственной литераторамъ, узнаютъ другъ друга до мозга костей, становится нестерпимо скучно и тошно, веселія и оживленныя собранія превращаются въ монотонное и мучительное препровожденіе времени; все переговорено, кружокъ выдохся. Хорошо еще, если гостей соединяютъ съ хозяиномъ соображенія обоюдной выгоды, напримѣръ, редактора съ сотрудниками; разговоры не имѣютъ тогда вполне правднаго характера. Но бѣда, когда гости бѣгутъ къ вамъ отъ скуки, преслѣдующей ихъ дома, и находятъ у васъ еще болѣшую скуку. Единственнымъ средствомъ спасенія является широко раскрытый

столь съ закусками и винами. Вино развязываетъ языки, дамы злословятъ подъ шумокъ, присоединяются мужчины, тамъ и здѣсь вспыхиваютъ подогрѣтыя остроты, поднимаютъ на смѣхъ какогонибудь отсутствующаго члена журфикса, а если онъ приходитъ, то съ его помощью страдаетъ еще какойнибудь отсутствующій собратъ, и время кое-какъ скоротали. Въ два часа или даже въ три расходятся, а на другой день встаютъ въ двѣнадцать или въ часъ. Нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ старались обновить вечера приливомъ новыхъ и новыхъ лицъ. Но это выходило еще несноснѣе. Гости, приведенные чуть не съ улицы, овладѣвали пиршественной ареной, пѣли, играли, шумѣли, и въ общемъ вечеръ производилъ впечатлѣнныя сумаспешнаго бала. Я помню такіе вечера у литераторовъ, искавшихъ сближенія съ обществомъ. Вообще, подобно тому, какъ литераторы, по крайней мѣрѣ за весьма рѣдкими исключениями, не могутъ написать простой повѣсти, а непременно съ гримасой, то-есть тенденціей, забывая, что тенденція тогда только хороша, когда она не вымучена, а вытекаетъ прямо изъ литературской души вмѣстѣ съ формой произведенія, если же этого нѣтъ, то незачѣмъ притягивать тенденцію за волосы, такъ точно гримасничали литераторы на своихъ журфиксахъ. Я говорю не объ извѣстныхъ лицахъ, я не указываю на имена, а мнѣніе мое обнимаетъ собою типичное литературное общество. Чтобы засвидѣтельствовать о своей учености, литературныя дамы вдругъ начинали непринужденный разговоръ о болѣзняхъ, который умѣстише всего былъ бы въ гинекологической клиникѣ. Нѣкоторые хозяева принимали гостей не только въ блузахъ, но даже въ туфляхъ. Но вдругъ мысль о томъ, что хорошій тонъ долженъ преобладать, овладѣвала писателями и учеными, только что вышедшими изъ нѣдръ радикализма и нигилизма. Такъ, однажды, впрочемъ, это было гораздо позднѣе, я получилъ приглашеніе участвовать въ складчину въ двухрублевомъ костюмированномъ вечерѣ. На этомъ вечерѣ было много почтенныхъ петербургскихъ психіатровъ и ихъ ученыхъ помощницъ. Доктора были одѣты богами и богинями, въ коронахъ изъ золоченой бумаги и въ бѣлыхъ простыняхъ, обшитыхъ кумачомъ и звѣздочками; у нѣкоторыхъ въ рукахъ имѣлись царственные жевлы и копыя. Одна сорокалѣтняя дама была одѣта Прекрасной Еленой съ разрѣзомъ до чреслъ. Все это было очень мило и весело донельзя. Взрослымъ людямъ захотѣлось поиграть, какъ дѣти, и отлично. Но вотъ что: было объявлено, что незамаскированные мужчины должны явиться во фракахъ. Нѣкоторые приняли это за шутку, или же у нихъ не было совсѣмъ фраковъ, такихъ не впустили на балъ совсѣмъ, и дѣло дошло до серьезной ссоры изъ-за хорошаго тона.

Изъ всѣхъ свободныхъ профессій литературная — одна изъ самыхъ безалаберныхъ. Меньше всего я могу осуждать литературныя

занятія. Я самъ литераторъ, а если бы не былъ имъ, я все равно раздѣлялъ бы общее мнѣніе о высотѣ литературнаго призванія. Я знаю, что трудъ литератора нелегкій и требуетъ громаднаго напряженія умственныхъ силъ. Все это заслуживаетъ уваженія. Но я говорю объ образѣ жизни литераторовъ. Литературные заработки сравнительно очень велики. Чиновникъ на такія средства, какія получаетъ любой фельетонистъ газеты или беллетристъ, навѣрно держалъ бы лошадей, жилъ бы въ бельэтажѣ и одѣвалъ бы свою жену à la mode.. Писатель ѣздитъ на плохомъ извозчикѣ, живетъ на задворкѣ въ каменномъ многоэтажномъ гробѣ, дышитъ смраднымъ воздухомъ дешевыхъ квартиръ, закладываетъ пальто въ ломбардѣ и влачитъ жалкое существованіе, злобно негодуя на судьбу. Трудно объяснить себѣ это явленіе иначе, какъ типичной невздержностью и неаккуратностью писателя. Получивъ крупный гонораръ, онъ просаживаетъ его въ какихъ нибудь три дня, какъ неразумный ребенокъ — накупаетъ книгъ, которыя потомъ продаетъ букинисту за грошъ, ѣдетъ къ Палкину и къ Дону, катается въ ландо по островамъ, возвращается домой съ цѣлымъ ворохомъ бездѣлушекъ, заказываетъ сорокарублевые стулья и на своихъ журфиксахъ подаетъ форель, индѣекъ съ тертыми каштанами и груды рябчиковъ. Быстро тускнѣетъ великолѣпіе, и до слѣдующаго гонорара тянутся печальные дни; тогда случается, что у иного литератора нѣтъ ни копейки денегъ, чтобы послать на рынокъ, и онъ буквально голодаетъ со своей семьей. Я все это видѣлъ, все это самъ прошелъ и говорю объ этомъ съ сердечнымъ сокрушеніемъ. Мелькаетъ молодость, и быстро приближается писательская старость. Въ какомъ полку или даже въ статской канцеляріи потерпѣли бы, чтобы въ пользу недостаточныхъ офицеровъ и чиновниковъ давались публичныя чтенія и литературно-вокальные вечера? А литераторы это терпятъ; имъ не приходитъ даже въ голову, что дѣло взаимной помощи слѣдовало бы устроить на иныхъ началахъ. Въ то же время нѣтъ болѣе щепетильнаго народа, какъ литераторы. Самомнѣніе страшное, и, говоря о нихъ, надо ихъ изображать въ видѣ полубоговъ, не имѣющихъ ни одного человѣческаго порока и блистающихъ только добродѣтелями. Но я того мнѣнія, что намъ не слѣдуетъ скрывать своихъ недостатковъ, и что чѣмъ чаще мы будемъ о нихъ думать, тѣмъ меньше ихъ станеть..

Осень 1878 года прошла въ усиленныхъ занятіяхъ: пришлось переводить и компилировать и править рукописи, приготовляясь къ январской подпискѣ. Отчасти еще лѣтомъ, а главнымъ образомъ въ осенніе мѣсяцы я сошелся съ К. С. Баранцевичемъ и съ М. Н. Альбовымъ. Баранцевичъ служилъ (да и теперь тамъ служить) въ правленіи конно-желѣзныхъ дорогъ и пришелъ въ редакцію съ рассказомъ «Порванные струны». Рассказъ мнѣ понравился и былъ принятъ въ «Слово». Это былъ первый рассказъ молодого автора.

Раньше онъ написалъ какую-то трагедію или драму, но она въ счетъ не идетъ. И Баранцевичъ, и Альбовъ были всегда закадычными пріятелями, и одно время ихъ не отдѣляли другъ отъ друга въ литературныхъ кружкахъ. Альбовъ не былъ еще извѣстенъ совсѣмъ, хотя ужъ напечаталъ въ «Дѣлѣ» большую повѣсть «Шеницыны», а задолго передъ тѣмъ, тринадцати лѣтъ отъ роду, напечаталъ въ «Петербургскомъ Листкѣ» или въ «Сынѣ Отечества» — не помню хорошенько — «Собачка пропала». Онъ мнѣ подарилъ маленькую рукопись, которая была имъ сочинена, когда ему было девять лѣтъ; и поразительно, что эта крошечная рукопись и литературна, и грамотна, а главное правдива. Мнѣ очень пришлось по сердцу эти люди, относившіеся къ литературѣ съ обожаніемъ. Подъ ихъ молчаливой и угрюмой внѣшностью, носившей на себѣ слѣды осторожнаго вліянія разныхъ меблированныхъ комнатъ, чувствовалась горячая душа. Иногда Баранцевичъ или Альбовъ роняли замѣчанія по поводу того или другого литературнаго явленія, весьма тонкія и продуманныя; но это случалось рѣдко, большею частью они предпочитали слушать другихъ и были мрачны. Альбовъ, между прочимъ, сообщилъ мнѣ, что онъ доканчиваетъ повѣсть, надъ которой долго и усердно работаетъ. Университетскіе экзамены его прошли, и онъ могъ предаться своей работѣ со всѣмъ пыломъ молодости. Въ самомъ дѣлѣ, повѣсть была доставлена имъ въ редакцію «Слова» и случайно попала въ руки Жемчужникова. Вкуса у Жемчужникова было мало. Несмотря на свой туманный радикализмъ, онъ былъ поклонникомъ Маркевича и Авсѣенки и, сжимая кулаки, часто кричалъ: «вотъ писатели!». Повѣсть Альбова ему не понравилась, и онъ положилъ ее въ папку съ забракованными рукописями. Недѣли черезъ двѣ я, пересматривая эту папку, увидѣлъ повѣсть, которая называлась «День итога». Кажется, Жемчужниковъ уже успѣлъ объявить Альбову, что повѣсть его неудовлетворительна. Тѣмъ не менѣе, я убѣдилъ Коропчевскаго провѣрить Жемчужникова, и «День итога» былъ прочитанъ у меня на журфиксѣ. Повѣсть произвела сильное впечатлѣніе на слушателей. Конечно, это не было нѣчто самостоятельное: если бы авторъ не читалъ сочиненій Достоевскаго, едва ли бы онъ сочинилъ «День итога». Но подражаніе не значитъ рабство. И странно было отвергать такую рукопись въ то время, какъ портфель нашъ былъ пустъ, и въ немъ ничего не было, кромѣ романа П. Д. Боборыкина, да и то въ будущемъ. Редакторъ поддержалъ меня, и повѣсть появилась въ январьской и февральской книжкахъ. Преувеличено было ея значеніе или нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, она составила краеольный камень извѣстности Альбова и можетъ быть названа лучшимъ его произведеніемъ.

I. Ясинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ДВѢ НЕВѢСТЫ ПЕТРА II.

РОМКАЯ историческая извѣстность, за которую тщетно гоняется столько славолубцевъ, дается инымъ, взысканнымъ прихотливою судьбой, личностямъ совершенно независимо отъ ихъ воли и желанія, отъ ихъ внутренняго вѣса и значенія. Правда, извѣстность эта большею частью печальная и трагическая, если не трагикомическая.

Сами по себѣ ординарныя и заурядныя, вовсе не предназначенныя къ исторической роли, во всякомъ случаѣ ничѣмъ, съ своей стороны, не заявившія ни правъ, ни притязаній на такую роль, личности эти выдвигаются на историческую авансцену сторонней сильной волей, столкновениемъ стороннихъ эгоизмовъ и страстей. Онѣ сами только послушно покоряются своей участи — орудія или жертвы въ рукахъ тѣхъ, кто ими эгоистически распоряжается, кто имѣетъ надъ ними власть, по родству ли, или по иному какому нибудь праву. Онѣ только козырные карты въ чужой игрѣ, и самая ихъ судьба — счастливая или несчастная — въ полной зависимости отъ выигрыша или проигрыша того, кто ими играетъ.

Большинство такого рода историческихъ знаменитостей *malgré soi* — женщины, какъ и слѣдъ тому быть по самому характеру этого амплуа, наиболѣе свойственнаго женской личности, съ ея подчиненностью, безправіемъ и слабоволіемъ. Романическій элементъ, вносимый въ историческую сферу женщиной и патетическими отношеніями къ ней, разрѣшающимися любовью и бракомъ, всегда и вездѣ

занималъ видное мѣсто въ ряду пружинъ, управляющихъ судьбами «царствъ и царей», всегда служилъ крупною ставкой въ политикѣ, въ дипломатическихъ и придворныхъ интригахъ, въ борьбѣ временщиковъ и правящихъ партій изъ-за власти и вліянія. Исторія немного знаетъ, напримѣръ, династическихъ браковъ, которые были бы заключены независимо отъ этихъ посредствующихъ факторовъ, по одному лишь простому взаимному влеченію брачащихся. Напротивъ, большинство такихъ браковъ устраивалось по династическимъ, политическимъ и государственнымъ расчетамъ — и это въ лучшихъ случаяхъ; въ остальныхъ искусная или наглая интрига опутывала волю царствовавшего государя, искушала его сердце и предрѣшала его выборъ въ этомъ деликатномъ дѣлѣ, ради торжества однихъ лишь частныхъ, нерѣдко противогосударственныхъ, партійныхъ интересовъ, либо безгранично притязательныхъ личныхъ эгоизмовъ.

Случай послѣдней категоріи произошелъ и въ русской исторіи начала прошлаго столѣтія, въ кратковременное царствованіе императора-отрока Петра II. Пользуясь его малолѣтствомъ, случайные временщики, сильные не столько даже довѣріемъ къ нимъ юнаго государя, сколько нецеремоннымъ давленіемъ на его ребяческую волю и своекорыстной надъ нимъ опекой, покушаются, посредствомъ навязыванія ему невѣсть изъ своихъ семействъ, окончательно подчинить его своему вліянію, укрѣпить за собой захваченную власть и обезпечить собственное исключительно выгодное положеніе. По какой-то особенной игрѣ исторической судьбы, дѣлается это два раза кряду, такъ что Петръ II, не достигнувъ еще и пятнадцати лѣтъ, успѣлъ, однако же, быть женихомъ двухъ невѣсть. Сперва ему сосваталъ, пока былъ въ силѣ, свою старшую дочь князь Меншиковъ, а съ его паденіемъ и ссылкой, когда забрали силу князя Долгоруковы и ихъ партія, — императоръ-отрокъ тотчасъ же становится женихомъ сестры своего фаворита, княжны Долгоруковой.

Въ томъ фактѣ, что оба эти сватовства не увѣнчались успѣхомъ, что честолюбивыя желанія и властолюбивыя стремленія тѣхъ, кто ихъ устраивалъ, не оправдались, а напротивъ разрѣшились подъ конецъ жестокими для нихъ послѣдствіями, можно бы видѣть, на извѣстный взглядъ, съ одной стороны, суровое возмездіе исторической справедливости и, съ другой — что еще вѣроподобнѣе — естественный результатъ слишкомъ смѣлыхъ узурпаторскихъ притязаній, не оправдываемыхъ широкими государственнымъ и общественными цѣлями, а внушенныхъ узкимъ, исключительно личнымъ, родовымъ или партійнымъ эгоизмомъ.

Но, если въ неудачливомъ и гибельномъ для себя исходѣ своихъ притязаній сами претенденты только пожалели то, что сѣяли, нельзя не почувствовать глубокой жалости къ трагической участи пострадавшихъ при этомъ и двухъ юныхъ женскихъ существъ, виновныхъ лишь въ томъ, что они, покоряясь власти родителей, стали послуш-

нымъ орудіемъ ихъ честолюбивыхъ замысловъ и имѣли печальную, такъ дорого имъ потомъ обошедшуюся кратковременную честь именоватья царскими невѣстами наперекоръ желанію и влеченію собственнаго сердца.

Въ этомъ только и заключались вся отвѣтственность, вся роль и вся судьба княженъ Маріи Александровны Меншиковой и Екатерины Алексѣевны Долгоруковой. И только благодаря этому, обѣ онѣ приобрѣли громкую историческую извѣстность, всегда привлекали и всегда будутъ привлекать особое на себя вниманіе среди замѣчательныхъ русскихъ женщинъ прошлаго.

I.

Княжна М. А. Меншикова.

Со смертью Петра I императорскій престолъ долженъ былъ наследовать, по прямой мужской линіи, внукъ его, сынъ несчастнаго царевича Алексѣя, великій князь Петръ Алексѣевичъ, позднѣе императоръ Петръ II. Онъ былъ единственный законный наследникъ и по праву и въ сознаніи народномъ. Несмотря, однако, на всю неоспоримость его правъ, послѣ смерти Петра I воцарилась его вдова — императрица Екатерина I. Великаго князя обошли — совершенное «отстраненіе его было невысказано», какъ говоритъ Соловьевъ,—но пока обойти было можно, пользуясь его малолѣтствомъ, разьединенностью его многочисленныхъ сторонниковъ и общимъ смятеніемъ, вызваннымъ преждевременной кончиной великаго царя-преобразователя, не успѣвшаго выразить свою волю относительно престолонаслѣдія.

Обходъ былъ сдѣланъ съ вѣдома Екатерины, и при содѣйствіи преданной ей гвардіи, княземъ Меншиковымъ, графомъ Толстымъ, Бутурлинымъ и вообще партіей новыхъ, большею частью художественныхъ людей, «птенцовъ гнѣзда Петрова», которые ничего не могли ожидать для себя добраго съ восшествіемъ на престолъ малолѣтнаго наследника. Это восшествіе означало бы торжество старой партіи, состоящей изъ людей родовитыхъ, ненавидѣвшихъ «выскачекъ», недовольныхъ новшествами и въ значительной части сторонниковъ царевича Алексѣя, притаившихся при грозномъ царѣ, а теперь готовыхъ выступить мстителями погибшаго царевича и исполнителями отождествлявшейся съ его именемъ реакціи.

Обходъ совершился не только изъ-за стремленія къ власти и нежеланія выпустить ее изъ своихъ рукъ, но также изъ простаго чувства самосохраненія. Старая партія, не расположенная къ Екатеринѣ, отказывала ей и ея дочерямъ въ наследственныхъ правахъ на русскій престолъ, тая злобное намѣреніе заточить ихъ всѣхъ въ

монастырь при воцареніи желаннаго Петра II. Екатерина и державшійся за нее Меншиковъ не могли не знать этого и, уже ради избѣжанія такого жестокаго паденія, должны были употребить всѣ зависящія отъ нихъ средства, чтобы закрѣпить верховную власть за собою, узаконивъ ее передъ народомъ въ лицѣ императрицы.

Цѣль эта была достигнута, власть удержана, Екатерина вступила на престолъ, Меншиковъ еще болѣе возвысился и усилился, сталъ первымъ лицомъ въ государствѣ и не зналъ удержа своему самовластію, но онъ не могъ на этомъ успокоиться, не могъ чувствовать упроченнымъ то положеніе, на которое занесся. Екатерина старѣла и, по состоянію своего здоровья, не обѣщала долго жить, поневолѣ признанный наслѣдникъ-отрокъ подросталъ и нетрудно было предугадать, что, предоставленный самому себѣ, онъ съ лѣтами и съ воцареніемъ захочетъ нераздѣльно пользоваться верховною властью, къ прямому, конечно, умаленію и ограниченію князя-временщика, который передъ тѣмъ самовольно захватилъ кормило этой власти. Грозившее Меншикову паденіе могло стать тѣмъ гибельнѣе и послѣдовать тѣмъ скорѣе, что со смертію Екатерины князю не на кого было больше опереться въ самой ея семьѣ: мужъ старшей ея дочери, цесаревны Анны Петровны, герцогъ голштинскій относился къ нему даже прямо враждебно, считалъ себя оскорбленнымъ и униженнымъ съ его стороны. Не было у князя надежныхъ друзей и среди вельможъ, среди придворной знати; напротивъ, люди наиболѣе значительные и вліятельные не прощали ему чрезмѣрнаго возвышенія надъ ними, его надменности и необузданнаго самовластія; многіе изъ нихъ были давніе его соперники и непримиримые враги: безъ сомнѣнія, всѣ они обрадуются первому удобному случаю низвергнуть его и погубить, употребятъ на то всѣ старанія, а такой случай непременно представится съ новымъ царствованіемъ. По крайней мѣрѣ, стануть непременно искать его тогда, пользуясь перемѣной царствовавшихъ лицъ на престолѣ и открывавшейся возможностью повліять въ такомъ смыслѣ на волю и сердце новаго юнаго государя.

Значить, Меншикову необходимо было во что бы то ни стало предупредить такую опасную для него возможность на случай смерти императрицы, заранѣе овладѣть и волей и сердцемъ Петра, расположить его къ себѣ, покрѣпче съ собой связать и тѣмъ самымъ заранѣе отстранить соперниковъ и враговъ, и остаться полнымъ хозяиномъ своего положенія.

Изъ всѣхъ представлявшихся князю Меншикову благополучныхъ исходовъ, онъ на этомъ и остановился, не поколебавшись даже принести въ жертву своей личной выгодѣ интересы дочерей Екатерины.

Партія Екатерины, главой и паладиномъ которой считался Меншиковъ, озабочиваясь будущностью и династическимъ интересомъ потом-

ства императрицы, въ числѣ разныхъ тонкихъ и сложныхъ конъюнктуръ, придумывавшихся главнымъ образомъ хитроумнымъ Остерманомъ, остановилась на мысли сосватать принцессу Елисавету Петровну съ малолѣтнимъ великимъ княземъ-наслѣдникомъ. Какъ вдругъ, къ крайнему негодованію и смятенію всей партіи, ея же глава, самъ князь Меншиковъ, неожиданно оказался противъ этой комбинаціи—даже болѣе: вмѣсто дочери Екатерины онъ вздумалъ сватать великому князю свою собственную дочь.

Ужасъ и раздраженіе приверженцевъ Екатерины и ея дочерей противъ «измѣны» Меншикова достигли высшаго предѣла, когда императрица, сверхъ всякаго чаянія, дала свое согласіе на бракъ великаго князя съ дочерью «новаго Годунова», какъ люди письменные изъ старой партіи называли тогда Меншикова. Согласіе это, дѣйствительно, могло вызвать, да и до сихъ поръ можетъ вызывать недоумѣніе. Его испытывалъ, повидимому, и Соловьевъ. Во всякомъ случаѣ, историкъ не далъ ключа къ этому загадочному факту и отдѣлался отъ него предположеніемъ и вопросительнымъ знакомъ. «Нужно ли,—говоритъ онъ,—объяснить это согласіе однимъ упадкомъ нравственныхъ силъ въ Екатеринѣ, или она видѣла невозможность отстранить отъ престола великаго князя въ пользу одной изъ дочерей своихъ, и думала, что упрочиваетъ ихъ положеніе, соединяя съ будущимъ императоромъ челоуѣка (т. е. Меншикова), на признательность котораго имѣла право разсчитывать?»

Предположенія эти легко могутъ быть оспориваемы — начать хотя бы съ «упадка нравственныхъ силъ». Имѣла же Екатерина достаточно нравственной силы остаться твердой въ данномъ Меншикову согласіи, когда узнавшія о немъ объ ея дочери бросились къ ея ногамъ со слезами и мольбами, «заклиная подумать о гибельныхъ слѣдствіяхъ сдѣланнаго ею шага», когда къ нимъ присоединились со своими доводами и герцогъ голштинскій, и Толстой, и Бассевичъ! Правда, на минуту она было поколебалась, но, послѣ второй секретной объ этомъ предметѣ бесѣды съ Меншиковымъ, дѣло было рѣшено окончательно и безповоротно.

«Новый Годуновъ» дѣлалъ въ своей игрѣ смѣлую, рѣшительную ставку и, казалось, выигрывалъ ее, дальновидно и блистательно выходя изъ затруднительныхъ, опасно для него складывавшихся обстоятельствъ. Онъ сразу обезоруживалъ враждебную ему дотолѣ партію стараго вельможества, разсчитывалъ нераздѣльно вліять на отрока-царевича и отечески опекать его, въ качествѣ нареченнаго тестя; что же касалось прежнихъ его сподвижниковъ въ партіи Екатерины, то онъ ихъ не боялся, а съ дерзавшими идти противъ него и его конъюктуры весьма не церемонился, какъ доказалъ это вскорѣ на практикѣ въ дѣлѣ Девіера. Юще менѣе могли его беспокоить притязанія ничтожнаго, никѣмъ не любимаго герцога голштинскаго, отождествлявшаго въ своей особѣ династическіе интересы до-

черей Екатерины, вообще, и своей супруги Анны Петровны, въ особенности. Елисавета Петровна была слишкомъ молода, и время для торжества ея правъ было еще далеко впереди. Самъ царственный женихъ, двѣнадцатилѣтній тогда мальчикъ, не могъ представлять, конечно, серьезнаго препятствія сватовству, если бы даже оно и навязанная невѣста ему не понравились, поскольку дитя можетъ быть въ этомъ вопросѣ самостоятельнымъ судьбою. Очевидно, его объ этомъ и не спрашивали, полагая, что съ нимъ, какъ съ малолѣтнимъ несмысленнымъ, можно на этотъ счетъ не стѣсняться, въ чемъ Меншикову пришлось впоследствии жестоко раскаяться. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ пассивно подчинился этому преждевременному сватовству, какъ скоро узналъ, что оно рѣшено императрицей, воля которой представляла въ его сиротствѣ непререкаемый авторитетъ—не только верховный, но и семейный.

Словомъ, торжество князя Меншикова могло казаться полнымъ и блистательнымъ. Дѣло устраивалось какъ нельзя лучше въ его личныхъ интересахъ и честолюбивыхъ видахъ. Необходимо, однако, оговориться, что первоначальною идеей такъ хорошо наладившейся, смѣлой конъюнктуры князь былъ обязанъ не своей изобрѣтательности.

Какъ почти во всѣхъ однородныхъ событіяхъ, интригахъ и переворотахъ во внутренней жизни русскаго двора XVIII-го столѣтія, такъ и здѣсь, дѣятельное, очень вліятельное и руководящее участіе, тайное и явное, принимала иностранная дипломатія, въ лицѣ своихъ петербургскихъ представителей и агентовъ. Изъ послѣднихъ въ описываемый моментъ живо были заинтересованы въ возведеніи на русскій престолъ, въ случаѣ смерти Екатерины, великаго князя Петра Алексѣевича австрійскій посланникъ графъ Рабутинъ и датскій—Вестфаленъ. Первый хлопоталъ за великаго князя, какъ за близкаго родственника австрійскому дому (Петръ приходился племянникомъ цесаревны), а второй—изъ страха, чтобы на русскій престолъ не вступила герцогиня голштинская, Анна Петровна, такъ какъ это могло грозить Даніи великой опасностью по ея отношеніямъ къ Голштиніи. Съ воцареніемъ Петра II опасность эта умялась и даже совершенно исчезала.

Разумѣется, дипломаты эти, живя въ Петербургѣ, прекрасно знали обо всѣхъ тревогахъ, планахъ и предположеніяхъ русскаго двора по вопросу о престолонаслѣдіи и, съ своей стороны, пускали въ ходъ дипломатическое искусство съ цѣлью повліять на рѣшеніе этого вопроса въ пользу представляемыхъ ими интересовъ. Вестфаленъ первый догадался отнять у партіи, враждебной Петру, самую крупную ея силу, ея главу—князя Меншикова, и заставить его дѣйствовать въ пользу великаго князя. Съ проникательностью психолога и съ остроуміемъ дѣльца, Вестфаленъ придумалъ и безошибочное къ тому средство—именно соблазнительную для Меншикова

перспективу, если онъ выдастъ свою дочь замужъ за будущаго русскаго императора.

Для большей вѣрности этого средства и не надѣясь на одного себя, Вестфаленъ сговорился съ графомъ Рабутинымъ, который занималъ тогда самое видное положеніе въ Петербургѣ среди иностранныхъ дипломатовъ. Рабутинъ принялъ на себя роль искусителя, посуливъ вдобавокъ князю Меншикову, отъ имени австрійскаго императора, владѣтельные права на первый, который откроется вакантнымъ, фьефъ въ имперіи.

Искушеніе сразу попало въ цѣль. Меншиковъ принялъ предложеніе съ восторгомъ и тотчасъ же, не долго думая, перешелъ на сторону великаго князя, сталъ самымъ рьянымъ защитникомъ его правъ на престолонаслѣдіе и, какъ мы уже видѣли, употребилъ все свое вліяніе на Екатерину, чтобы согласить ее на утвержденіе Петра «сукцессоромъ», то-есть, наслѣдникомъ, и одновременно на бракъ его со своей дочерью. Въ этомъ смыслѣ и было составлено, столько возбуждавшее сомнѣній и недоумѣній, завѣщаніе Екатерины, которая вскорѣ затѣмъ скончалась.

Далѣе мы не будемъ уже слѣдить за общимъ ходомъ этой исторической трагикомедіи и остановимся лишь на одномъ изъ ея эпизодовъ—на судьбѣ и личности героини.

Въ шестнадцать лѣтъ свѣтлѣйшая княжна Марія Александровна Меншикова была прелестной дѣвушкой, судя по ея портретамъ и по описаніямъ современниковъ. Она очень походила на свою мать, княгиню Дарью Михайловну, урожденную Арсеньеву, которая слыла одной изъ красивѣйшихъ женщинъ Петровскаго двора. Высокій ростъ, стройный станъ, тонко очерченное, выразительное лицо, на которомъ играли нѣжный румянецъ, большіе, полные огня глаза, подъ густыми темными рѣсницами и бровями, необыкновенная бѣлизна кожи, «заставлявшая, по выраженію одного біографа, не одну придворную даму морщиться съ досады и зависти», плѣнительная улыбка и изящныя манеры, пріобрѣтенныя отличнымъ воспитаніемъ, — вотъ черты, въ какихъ рисуется передъ нами образъ княжны.

Мы мало знаемъ объ ея умѣ, объ ея нравѣ и характерѣ, но то, что извѣстно,—нисколько не умаляетъ симпатичнаго представленія ея личности. Напротивъ, все говоритъ въ пользу предположенія, что она была добра, скромна, чужда отцовскаго честолюбія, но безропотно покорна родительской волѣ, имѣла горячее, способное къ глубокой преданной любви, сердце и, главное, была прекрасно для того времени воспитана. Вѣроятно, не однимъ лицомъ, но и характеромъ она похожа была на мать, которую всѣ знали и любили, какъ женщину добрую, милую и почтенную, пользовавшуюся общимъ уваженіемъ, начиная съ Петра Великаго и Екатерины. «*Cette brave*

dame tout le monde plaint»,—писаль о княгинѣ саксонскій посланикъ Лефортъ въ то время, когда надъ Меншиковыми разразилась опала.

Княжна родилась въ 1711 году (26-го декабря), то-есть тогда, когда ея отецъ достигъ уже высшихъ почестей, былъ осыпанъ всевозможными царскими милостями, обладалъ огромнымъ богатствомъ и жилъ съ княжеской роскошью и пышностью. Меншиковъ, самъ ничему въ своей темной юности не учившійся, едва грамотный, отлично понималъ, однако, цѣну науки и образованія, поэтому ничего не жалѣлъ для воспитанія своихъ дѣтей. Онъ окружилъ ихъ лучшими учителями и воспитателями, въ числѣ которыхъ былъ профессоръ Конрадъ Генингеръ. Ихъ обучали, кромѣ предметовъ общаго образованія по тогдашней программѣ, языкамъ французскому, нѣмецкому и итальянскому. Самъ Меншиковъ принималъ непосредственное участіе въ воспитаніи своихъ дѣтей, какъ можно заключить по сохранившемуся его «Наставленію сыну», имъ интересовалась и сама императрица, какъ видно изъ того же документа.

«Наставленіе» это замѣчательно и любопытно, представляя собой, какъ бы воспитательно-образовательный кодексъ того времени. Меншиковъ убѣждаетъ сына дорожить временемъ, убѣгать праздности, прилежать къ наукамъ; говоритъ, что «ничего нѣтъ лучше въ младыхъ лѣтахъ — труда и ученія», что «добрымъ поступкамъ обучаются юноши отъ другихъ, что, подобно кораблю, который управляется рулемъ, ему должно слушать и почитать своего гувернера, г-на профессора Кондрата Генингера, опредѣленнаго ея императорскимъ величествомъ, который обязанъ доносить государынѣ о нерадѣніи къ наукамъ или о дурномъ поведеніи своего воспитанника, отъ чего, — добавляетъ Меншиковъ, — тебѣ приключится безславіе, да и мнѣ не безъ стыда будетъ».

Далѣе въ «Наставленіи» опредѣляется порядокъ жизни и занятій. Каждое утро слѣдовало начинать молитвой и потомъ, одѣвшись, прочитывать выученное наканунѣ, «дабы то оставлять всегда въ незабвенной памяти». Занятія науками распредѣлялись по росписанію и производились ежедневно (кромѣ субботы, посвященной отдохновенію отъ труда, и воскресенья, назначеннаго для гулянья): два часа поутру и одинъ часъ послѣ обѣда. Сверхъ того, молодой князь обязанъ былъ читать и переводить для отца, а въ его отсутствіе для матери, иностранныя газеты. Если въ нихъ сообщались любопытныя военныя или другія какія извѣстія, то «Наставленіе» рекомендовало «смотреть на ландкартъ: въ которой части свѣта и въ какомъ государствѣ это происходитъ, подъ какимъ горизонтомъ (?) и какое описываемое мѣсто имѣетъ положеніе, дабы потомъ, во время разговоровъ, можно было основательно судить о тѣхъ предметахъ».

Въ заключеніе предписывалось въ праздники и воскресные дни ходить въ церковь и, во время литургіи, «стоять со страхомъ и нѣ-

ніе слушать со вниманіемъ, особенно Апостолъ и Евангеліе, разсуждая о Законѣ Божіемъ и воздаяніи». Неисполненіе той или иной статьи «Наставленія» и послушаніе гувернеру подлежали взыскаціямъ.

Хотя «Наставленіе» было написано для сына, но, безъ сомнѣнія, тѣ же воспитательно-образовательныя начала примѣнялись въ семьѣ Меншикова и къ дочерямъ. Разница могла состоять только въ томъ, что объемъ и продолжительность обученія для дѣвочекъ были значительно меньше, и по требованіямъ того времени и потому, что ихъ обыкновенно очень рано тогда выдавали замужъ.

Нельзя не замѣтить ревонерскую сухость и холодность морали цитированнаго «Наставленія». Оно не согрѣто гуманностью, вообще, чуждой людямъ того черстваго, безсердечнаго вѣка; въ немъ нѣтъ ни слова о любви къ людямъ, о нравственномъ къ нимъ долгѣ, о милосердіи и смиреніи. Этихъ чувствъ и убѣжденій не было въ самомъ авторѣ «Наставленія»; за то онъ, несомнѣнно, старался внушить своимъ дѣтямъ ту гордость, то высокое мнѣніе о себѣ, о своемъ положеніи и титулованности, которыми самъ былъ проникнутъ. Самое воспитаніе, поверхностно блестящее, вся эта внѣшне-строгая выправка были, очевидно, рассчитаны на достиженіе такого педагогическаго результата.

Надменный, честолюбивый Меншиковъ, помышлявшій о королевской порфирѣ, воспитывалъ своихъ дѣтей, какъ владѣтельныхъ принцевъ. Дѣлая у себя въ домѣ первый пріемъ герцогу голштинскому, онъ счелъ нужнымъ представить высокому гостю своего восьмилѣтняго сына, который, когда всѣ сѣли, остался на ногахъ. Тогда и вся герцогская свита, съ маститыми тайными совѣтниками во главѣ, поднялась съ мѣстъ. Князь былъ польщенъ такимъ почтеніемъ къ его сыну, но, какъ видно, счелъ это должнымъ, потому что, упрасывая гостей сѣсть, ссылался лишь на то, что сынъ его «слишкомъ еще молодъ» для такой «аттенціи». Нѣсколько позднѣе, уже въ царствованіе Екатерины, когда Меншикову предлагали выдать замужъ свою младшую дочь за наслѣднаго принца Ангальтъ-Дессаускаго, онъ пренебрежительно отнесся къ этому исканію, съ изумительнымъ въ бышемъ блинникѣ Алексашкѣ высокоомѣріемъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что мать принца не знатнаго де происхожденія (она была дочерью аптекаря). Удивляться ли послѣ этого, что, когда такой же худородный, но уже взысканный милостями Петра, Девіеръ нѣсколько ранѣе вздумалъ искать руки сестры Меншикова, то не въ мѣру зазнавшійся скороспѣлый князь Ижорскій почувствовалъ себя настолько этимъ оскорбленнымъ въ своей фамильной гордости, что въ порывѣ праведнаго негодованія приказалъ отодрать претендента плетьюми.

Княжна, ея братъ и сестра росли въ пышной роскоши, превосходившей даже ту, какою были окружены царскія дѣти — дочери Петра Великаго, любившаго экономную простоту въ своей семейной

жизни и домашней обстановкѣ. Извѣстно, что громадный домъ князя Меншикова на Васильевскомъ острову былъ тогда первымъ въ столицѣ и неизмѣримо превосходилъ скромный императорскій дворецъ, по величинѣ, по богатству и пышности. Въ немъ имѣлось нѣсколько сотенъ комнатъ, въ томъ числѣ нѣсколько огромныхъ залъ, блиставшихъ золотомъ, скульптурными украшеніями, живописью, дорогими драпировками и великолѣпной мебелью. Во время празднествъ и баловъ гремѣлъ въ этихъ залахъ собственный княжескій оркестръ; въ домовой церкви пѣлъ многолюдный стройный хоръ такихъ же крѣпостныхъ пѣвчихъ; застольные «виваты» сопровождались пушечной пальбой. Гостей встрѣчали толпы вышколенныхъ слугъ, разодѣтыхъ въ богатую ливрею. Вообще же княжеская дворня состояла слишкомъ изъ тысячи человѣкъ и, судя по сохранившемуся ея штату, — какихъ только специалистовъ, мастеровъ и искусниковъ среди нея не было! На многолюдство челяди указываютъ сохранившіеся до сихъ поръ длиннѣйшіе флигеля и всевозможныя службы бывшаго меншиковского дома. Дворовое мѣсто князя тянулось слишкомъ на двѣ версты и занимало цѣлый кварталъ. На значительной его части былъ разбитъ великолѣпный садъ, съ оранжереями, птичникомъ, звѣринцемъ для охоты и съ другими прихотливыми увеселительными затѣями въ тогдашнемъ вкусѣ. Ни у кого изъ тогдашней знати не имѣлось столько роскошныхъ экипажей и прекрасныхъ породистыхъ лошадей, никто не превосходилъ Меншикова въ торжественной пышности и претенціозной помпѣ выѣздовъ. Черезъ Неву онъ переѣзжалъ, обыкновенно, изъ своего дома на Адмиралтейскую сторону въ двѣнадцати, а то и въ двадцати-четырёхвесельномъ раззолоченномъ катерѣ, съ обитыми зеленымъ бархатомъ скамейками, подъ шелковымъ пунцовымъ навѣсомъ, обшитымъ золотыми галунами и бахромой. Здѣсь онъ садился въ золоченую карету, увѣнчанную на крышкѣ княжеской короной, въ шесть лошадей цугомъ, въ бархатной малиноваго цвѣта сбруѣ, отдѣланной серебромъ или золотомъ. Впереди экипажа открывали шествіе скороходы, за ними ѣхали верхомъ два нарядныхъ пажъ, по бокамъ у оконъ кареты гарцовали два кавалера изъ свиты князя, сзади слѣдовали шесть конныхъ драгуновъ. Не съ одной только внѣшней, показной стороны, не одними углами былъ красенъ княжескій домъ: превосходилъ онъ другихъ, по пословицѣ, и пирогами. «Нигдѣ въ Петербургѣ такъ хорошо не обѣдаютъ, какъ у князя Меншикова», — засвидѣтельствовалъ весьма точный и свѣдущій по этой части камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, а другой иностранецъ, пользовавшійся гостепріимствомъ у князя, извѣстный уже намъ Лефортъ, замѣтилъ, что онъ «не видалъ ни одного пира, гдѣ бы венгерское вино подавалось въ такомъ изобиліи».

Эта царская обстановка, эта роскошная жизнь на широкую ногу, въ которыхъ жила съ дѣтства молоденькая княжна, несомнѣнно,

должны были внушить ей представленіе о первенствѣ ихъ дома, о чрезвычайной, исключительной знатности ея родителей и, слѣдовательно, о высотѣ ея собственнаго положенія. Она видѣла весь дворъ, всю знать на пріемахъ и въ гостяхъ у своихъ родителей, часто видѣла государя и всю царскую семью, и запросто и въ самые торжественные случаи, справлявшіеся обыкновенно, за тѣснотой императорскаго дворца, въ чертогахъ Меншикова; привыкла къ царскимъ милостямъ и ласкамъ, которыми Петръ и Екатерина осыпали болѣе, чѣмъ кого другого, ея отца и мать и ее самое. «Еще въ пеленахъ, на рукахъ кормилицы, Марія,—говоритъ ея биографъ,—когда родители ея отлучались изъ Петербурга, покоилась въ чертогахъ царскихъ, подъ наблюденіемъ самой государыни». Извѣстна дружеская близость, установившаяся между Екатериной и Дарьей Михайловной, матерью княжны, еще въ первые годы ея сожителства съ Петромъ.

И по тогдашнему обычаю, и по своему исключительному положенію, княжна очень рано начала показываться въ свѣтъ. Десяти лѣтъ она уже, наравнѣ со взрослыми дѣвицами, выѣзжаетъ, участвуетъ въ балахъ, танцуетъ, «плѣняетъ» своей незрѣлой красотой и прелестью свѣтскихъ кавалеровъ и вскорѣ дѣлается предметомъ серьезныхъ исканій одного изъ нихъ. То былъ заѣзжій полякъ, графъ Петръ Сапѣга, красивый и блестящій молодой человекъ, единственный сынъ графа Яна Сапѣги, бобруйскаго воеводы, одного изъ богатѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ польскихъ магнатовъ.

Сапѣги пріѣхали въ Петербургъ еще при жизни Петра Великаго, привлеченные честолюбивыми планами, и ихъ у насъ ласкали по соображеніямъ русской политики въ Польшѣ. Янъ Сапѣга, возведенный Екатериной въ санъ фельдмаршала, человекъ, впрочемъ, ничтожный и вѣчно пьяный, по свидѣтельству дюка де-Лирія, послѣ смерти короля Августа II, простиралъ свои притязанія на польскую корону, надѣясь на поддержку русской политики и на помощь русскихъ войскъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ Маньянъ, бывшій въ то время французскимъ резидентомъ въ Петербургѣ.

Особенно сдружился съ Сапѣгами князь Меншиковъ изъ личныхъ честолюбивыхъ видовъ: онъ надѣялся, при содѣйствіи Яна Сапѣги и его партіи, получить для себя герцогскую корону въ Курляндіи, находившейся тогда въ ленной зависимости отъ Польши. Вѣроятно, и Сапѣга въ своихъ планахъ разсчитывалъ главнымъ образомъ на князя. Чтобы дѣло вѣрнѣе было, а дружественный союзъ крѣпче, рѣшено было породниться посредствомъ женитьбы сына Сапѣги на дочери Меншикова. Помимо политическихъ расчетовъ, обѣ стороны могли признавать эту партію вполне приличной и желанной, какъ ни высокомерны были на этотъ счетъ требованія Меншикова.

Бракъ княжны Маріи Александровны съ молодымъ Сапѣгой былъ

условленъ между ихъ родителями еще въ 1721 году, какъ удостовѣряетъ въ своемъ дневникѣ Берхгольцъ. Подъ 20-мъ августа этого года, описывая придворный балъ въ галлерей Лѣтнаго сада, гдѣ присутствовалъ государь со всей царской фамиліей, Берхгольцъ упоминаетъ, что здѣсь онъ первый разъ встрѣтилъ молодого польскаго графа Сапѣгу, который «сговоренъ со старшею дочерью князя Меншикова. Княжнѣ,—продолжаетъ онъ,—около десяти лѣтъ, и она еще довольно мала, но при всемъ томъ очень милая дѣвушка». Графъ, только что передъ тѣмъ вызванный въ Петербургъ отцомъ ради этого сватовства, явился на описываемый балъ «съ большой свитой поляковъ въ національныхъ костюмахъ, но самъ онъ и его прислуга были одѣты пофранцузски. Я ужъ въ тотъ разъ замѣтилъ,—добавляетъ Берхгольцъ,—что онъ одѣлся совершенно по вкусу князя Меншикова: на немъ были красный шитый кафтанъ на зеленой подкладкѣ и зеленые чулки. Манеры его, впрочемъ, довольно хороши, и танцуетъ онъ сносно».

Все это вѣрно, включительно до краснаго цвѣта, къ которому Меншиковъ, дѣйствительно, питалъ чрезвычайное пристрастіе не только въ одеждѣ своей и своихъ присныхъ, но и въ убранствѣ дома, въ экипажахъ, въ конской сбруѣ, въ окраскѣ зданій и т. д. Въ одномъ только Берхгольцъ не вполнѣ точенъ: формальнаго сговора, то-есть, обрученія между Сапѣгой и княжной, вѣроятно, по малолѣтству послѣдней, тогда еще не было; обручились они не ранѣе, какъ черезъ пять лѣтъ послѣ того.

Тѣмъ не менѣе, они и въ то время считались помолвленными, и Петръ Сапѣга, въ качествѣ нареченнаго, ежедневно навѣщаль домъ Меншикова, ухаживалъ за своей маленькой невѣстой, вездѣ сопровождалъ ее при выѣздахъ, былъ ея кавалеромъ въ танцахъ и всячески «забавлялъ невинными играми», какъ выражается благодушный Баятышъ-Каменскій. Трудно, однако, допустить, чтобы эта любезность и это вниманіе вѣтреннаго и суетнаго свѣтскаго молодого человѣка внушались страстью и серьезной привязанностью къ невышедшей еще изъ дѣтства дѣвочки. И точно впоследствии Сапѣга достаточно доказалъ свое безсердечіе: онъ изъ расчета и «въ случай» попалъ у состарѣвшейся Екатерины, числясь въ то же время женихомъ княжны Меншиковой, и легко далъ уговорить себя отказаться отъ руки послѣдней и жениться на другой, когда это понадобилось.

Иначе относилась княжна къ своему нареченному. Привыкнувъ видѣть въ Сапѣгѣ своего будущаго мужа съ одобренія и выбора родителей, она, по мѣрѣ того, какъ подростала, сильно и горячо его полюбила со всей безрасчетной искренностью юнаго дѣвичьяго сердца. Привязанность эта была такъ глубока, что, когда свадьба княжны съ Сапѣгой разстроилась для сочетанія ея бракомъ съ Петромъ II, она не могла утѣшиться даже открывавшейся для нея

блестящей перспективой стать российской императрицей. Только безпрекословная покорность родительской волѣ могла заставить княжну примириться съ этой переменой. Мы, впрочемъ, нѣсколько забѣжали впередъ въ нашемъ разсказѣ.

Въ 1725 году, черезъ полгода послѣ смерти Петра, княжна Марія Александровна вступила официально въ штатъ придворныхъ дамъ. По случаю бракосочетанія царевны Анны Петровны съ герцогомъ голштинскимъ, она была пожалована фрейлиной, а ея одиннадцатилѣтній братъ камергеромъ императорскаго двора. Сапѣги въ это время, повидимому, отсутствовали. Въ Петербургъ они возвратились, какъ упоминаетъ въ своемъ донесеніи Кампредонъ, въ мартѣ 1726 года и съ цѣлю, именно, совершенія давно слаженнаго брака молодого Сапѣги съ княжной Меншиковой. Для послѣдней наступили самые радостные и счастливые дни въ жизни, увы, такъ скоро смѣнившіеся годами неутѣшнаго горя, невозвратимыхъ утратъ и страданій!

Расцвѣтшая, влюбленная княжна видѣла около себя милого, любимаго человѣка и, наслаждаясь обществомъ съ нимъ, испытывала сладкую надежду скоро, скоро соединиться съ нимъ, чтобъ ужъ не разлучаться навѣки. Нѣсколько лѣтъ дѣлѣмыя сердечныя мечты, наконецъ, готовы были осуществиться, и желанное счастье казалось такимъ близкимъ.

13-го числа того же марта, совершилось торжественное обрученіе нареченныхъ въ домѣ родителей невѣсты, въ присутствіи императрицы, всего царскаго семейства, всего двора, знати и иностранныхъ посольствъ. Во время обряда Екатерина благословила помолвленныхъ и обмѣняла у нихъ подаренные ею же драгоценныя перстни. Женихъ былъ пожалованъ дѣйствительнымъ камергеромъ, его отецъ — фельдмаршаломъ. Счастливая невѣста блистала красотой, пышнымъ нарядомъ и брильянтами высокой цѣны ¹⁾.

¹⁾ Сохранилась опись брильянтовъ и драгоценныхъ вещей княжны Маріи Александровны, относящаяся ко времени ссылки Меншиковыхъ въ Рененбургъ. По этой описи, у княжны, между прочимъ, имѣлись: кресты алмазные съ цѣпочками, такіе же складни, медальоны съ портретами, осыпанные брильянтами, золотыя прижки, петлицы и запоны «съ искры алмазными», изумрудами, ладами, яхонтами и жемчужными «подвѣсками», «мушка съ двумя алмазами въ срединѣ камень красношпинноръ», «двѣ персоны арабскихъ литыя, въ золотѣ, съ искры алмазными», «ручка серебряная съ чернью, въ подвѣскѣ зерно бурмицкое и четыре алмаза», золотыя готовальни, нѣсколько карманныхъ часовъ золотыхъ, осыпанныхъ брильянтами, нѣсколько такихъ же табакерокъ, «цвѣтки съ финифтомъ, въ нихъ по искрѣ алмазной», булавки, «прустики» и серьги брильянтоваыя, 8 камней червчатыхъ, да 42 камня лаловыхъ въ золотѣ, 3 нитки крупнаго жемчугу персидскаго, да бурмицкихъ зеренъ 23, неуправленныхъ брильянтовъ 241 и т. д. Всего около ста предметовъ, хотя нужно полагать, что здѣсь не все драгоценности княжны, какія имѣлись у нея, когда она была царской невѣстой, а только часть ихъ, наскоро захваченная при ссылкѣ.

Родители опредѣляли ей богатое приданое: однѣми деньгами свыше восьмидесяти тысячъ рублей, сумма для того времени огромная. Женихъ щеголялъ въ роскошномъ французскомъ нарядѣ, подаренномъ ему названнымъ тестемъ. Меншиковъ, по словамъ Лефортова, послалъ ему въ подарокъ цѣлый богатый гардеробъ французскаго фасона и много разныхъ туалетныхъ драгоценностей.

Послѣ обряда былъ великолѣпный пиръ съ иллюминаціей, изобравшей разныя, приличныя случаю, брачныя аллегоріи. Пили очень много, венгерское вино лилось рѣкой. Послѣ стола открылись танцы, въ которыхъ участвовали обрученные. Императрица оставалась до самаго конца бала и своимъ веселымъ расположеніемъ духа поддерживала общее веселье. Подъ конецъ оставшіеся еще гости, въ томъ числѣ шведскій посоль, должны были выпить «посошекъ», въ видѣ кубка вина изъ рукъ императрицы и стоя передъ ней на колѣнахъ.

Обрученіе сошло, повидимому, прекрасно, но уже во время его зародились обстоятельства, которыя скоро должны были омрачить благополучіе княжны. Сорокадвухлѣтняя Екатерина позавидовала ея счастью и со сластолюбивымъ своенравіемъ захотѣла подѣлиться съ нею ея красавцемъ-женихомъ. Легкомысленный, распутный и искательный Сапѣга какъ будто только и ждалъ этой высокой чести. Вскорѣ онъ вступилъ въ права форменнаго фаворита, и это, конечно, ни для кого не составляло тайны. Не могла не узнать объ этомъ и княжна, но какъ ни оскорбительной для молодого нѣжнаго сердца должна была показаться подобная измѣна, съ нею еще такъ-сякъ можно было помириться. Вѣдь возлюбленнаго суженаго при этомъ оборотѣ еще у княжны не отнимали; самая соперница, и по лѣтамъ, и по своему слишкомъ высокому, слишкомъ властному и исключительному положенію, не могла возбуждать чувства ревности, а, по тогдашнимъ легкимъ, покладистымъ понятіямъ, подобное со-вмѣстительство ролей въ молодомъ, авансирующемъ при дворѣ, свѣтскомъ человѣкѣ не возбуждало ни въ комъ отвращенія.

Бѣдной княжнѣ готовились болѣе тяжкія испытанія. Это было только начало ея несчастливаго романа.

Время шло, свадьба оттягивалась — неизвѣстно, подъ какими, именно, предлогами и по какимъ причинамъ. «Трудно услѣдить за всѣми перемѣнами, которыя здѣсь происходятъ въ дѣлахъ», — писалъ одинъ умный, наблюдательный иностранецъ объ этой порѣ, дѣйствительно, полной смуты, путаницы и партійнаго интригантства.

Несомнѣнно, что за это время Сапѣги, въ особенности Петръ, находившійся въ фаворѣ, сильно преуспѣвали при дворѣ и пользовались большимъ вліяніемъ на слабѣющую и часто тогда недомогавшую Екатерину. Въ качествѣ и на правахъ дѣйствительнаго камергера молодой Сапѣга постоянно вращался въ обществѣ императрицы и окружавшихъ ее дамъ и, какъ красивый, галантный кавалеръ,

всѣмъ нравился. По всѣмъ вѣроятіямъ, успѣлъ онъ особенно приглянуться и одной изъ молоденькихъ племянницъ Екатерины, которыхъ она тогда только что приблизила и возвысила, и устройствомъ судьбы которыхъ была весьма озабочена. Это была старшая изъ нихъ, Софья Карловна Скавронская, особенно полубившаяся своей державной теткѣ и бывшая уже на счету невѣсты—ей тогда исполнилось пятнадцать лѣтъ. Какъ изъ родственнаго чувства къ племянницѣ, такъ и изъ личнаго, неослабѣвавшаго расположенія къ Сапѣгѣ, у Екатерины могло возникнуть, нѣсколько рискованное на взглядъ нынѣшней морали, но вполне понятное желаніе соединить ихъ между собою бракомъ и поллучше устроить положеніе обоихъ. Несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что мысль объ этой партіи возникла первоначально во дворцѣ и, если не самой императрицѣ прежде всего вспала въ голову, то, тѣмъ не менѣе, пришла ей очень по сердцу. Разузнется, задумывалось это съ вѣдома Сапѣги и его отца, причемъ оба они податливо шли на встрѣчу желанія Екатерины, такъ какъ, кромѣ лестной перспективы породниться съ русской императрицей, предложенный бракъ сулилъ имъ немного, не мало, какъ герцогство Курляндское. Какъ разъ въ это именно время были предприняты довѣреннымъ агентомъ Екатерины тайныя «конжураціи» и исканія у польскаго короля и въ Митавѣ о предоставленіи молодому Сапѣгѣ въ Курляндіи герцогской короны, къ которой столько протягивалось въ то время охочихъ рукъ. Сапѣги, какъ мы знаемъ, содѣйствовали домогательству Меншикова на ту же корону, но, когда обстоятельства измѣнились такимъ счастливымъ образомъ, что этотъ лакомый кусъ давался имъ самимъ въ руки,—они, конечно, не были такъ просты, чтобы отказаться отъ него для князя и во имя тѣхъ обязательствъ, какія у нихъ съ нимъ могли быть по этому предмету.

Вообще, изъ всего можно заключить, что въ этотъ промежутокъ времени Сапѣги вели довольно-таки коварную и неблагоприятную двойную игру. Особенно отличался въ этой игрѣ, надо полагать, молодой Сапѣга. Оставаясь формальнымъ женихомъ княжны Маріи Александровны и пользуясь, конечно, всѣми жениховскими правами въ домѣ Меншиковыхъ, онъ въ то же время и роль фаворита исполнялъ и сватался къ Софьѣ Скавронской или, по крайней мѣрѣ, охотно давалъ себя сватать. Какъ себялюбивый пришлецъ и куртизанъ, онъ игралъ на два фронта, очевидно, выжидая, которая игра окажется для него болѣе вѣрной и прибыльной, чтобы обнаружить свои карты.

Меншиковъ, повидимому, не зналъ, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, о задумывавшейся во дворцѣ «конъюктурѣ» и продолжалъ относиться къ Петру Сапѣгѣ, какъ къ будущему своему зятю и, слѣдовательно, близкому ему человѣку. На это указываетъ, между прочимъ, слѣдующій случай, записанный французскимъ дипломатическимъ агентомъ въ Петербургѣ, Маньяномъ.

Императрица подарила Сапѣгѣ домъ, роскошно меблированный и снабженный всѣмъ хозяйскимъ обзаведеніемъ. Сапѣга справилъ новоселье, на которое пріѣхали Екатерина съ племянницей-невѣстой и приближенными и князь Меншиковъ—последній, какъ видно, въ дурномъ расположеніи духа: онъ или просто завидовалъ удачѣ будущаго своего зятя и былъ недоволенъ, что тотъ начинаетъ отбиваться у него отъ рукъ, или смутно заподозрѣвалъ уже со стороны того измѣну. У нихъ вышла ссора. Какъ передаетъ Маньянъ, Меншиковъ «разсердился за то, что молодой графъ устроилъ этотъ пиръ не у него въ домѣ (то-есть, въ домѣ Меншикова), а въ ново пожалованномъ ему государыней». Князь во время этихъ пререканій «до того взбѣсилъ, что не остался ужинать». Пиръ и состоялъ въ ужинѣ.

Размолвка эта происходила въ январѣ 1727 г., спустя одиннадцать мѣсяцевъ послѣ обрученія княжны Маріи Александровны съ Сапѣгой, значитъ, все это время дѣло объ ихъ бракѣ оставалось въ неизмѣнномъ положеніи и, хотя не подвигалось къ развязкѣ, но и не разстроивалось еще. Съ этого же момента событія быстро начинаютъ идти впередъ.

Екатерина въ это время стала часто прихварывать. Здоровье ея видимо разрушалось отъ невоздержнаго и беспорядочнаго образа жизни. «Я рискую прослыть за лгуна,—доносилъ Лефортъ еще въ 1726 г.,—когда опишу образъ жизни русскаго двора. Кто повѣрилъ бы, что онъ цѣлыя ночи проводитъ въ ужасномъ пьянствѣ и раскочерится—уже это самое раннее—въ пять или семь часовъ утра».

Чувствуя упадокъ силъ, императрица торопилась при жизни устроить бракъ своего любимца съ любимой племянницей. Дѣло было трудное и щекотливое, такъ какъ приходилось считаться съ всемогущимъ Меншиковымъ. Не считаясь съ нимъ, нельзя было оскорбить его, отбивъ жениха у его дочери. Надобно было ладомъ согласить его на эту уступку и чѣмъ нибудь вознаградить за нее.

Въ началѣ марта Меншиковъ уже досконально зналъ о проектѣ брака молодого Сапѣги со Скавронской и сильно тревожился. «Онъ такъ много потерялъ бы отъ этого, что не могъ скрыть тревоги»,—свидѣтельствуетъ Маньянъ въ своемъ донесеніи отъ 11-го марта. «Князь чувствительно задѣтъ этимъ планомъ,—писалъ Маньянъ черезъ нѣсколько дней,—клонящимся не только къ утратѣ его надежды на герцогство Курляндское, но и къ разрыву давнишней помолвки его дочери съ графомъ Сапѣгой».

Трудно допустить, чтобы и княжна одновременно не узнала объ этомъ покушеніи на ея личное счастье, о появленіи опасной для нея соперницы, и кѣмъ же представляемой?—самой императрицей!—о готовящейся, наконецъ, измѣнѣ того, кому она отдала все свое сердце. Легко представить себѣ чувство горечи и оскорбленія, которое должна была испытать молодая дѣвушка.

Князь Меншиковъ, между тѣмъ, употреблялъ всѣ старанія и все свое вліяніе, чтобы, если не предотвратить разстройство брака своей дочери съ Сапѣгой въ угоду императрицы, то, во всякомъ случаѣ, продать свою сговорчивость подороже и извлечь изъ этого разстройства возможно большія выгоды для себя и для дѣтей своихъ. Въ то время онъ уже былъ вдохновенъ смѣлой мыслью породниться съ будущимъ императоромъ Петромъ II, но первоначально думалъ посватать ему свою младшую дочь, княжну Александру Александровну, такъ какъ старшая считалась тогда уже окончательно устроенной. Первыя, однако, попытки къ осуществленію этого проекта оказались неудачными и въ такой степени, что еще въ концѣ января (1727 г.), по сообщенію Маньяна, «его пришлось оставить»; но это, конечно, не значило, что Меншиковъ отъ него отказался. Нужно было только подождать болѣе удобнаго случая.

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что случай этотъ Меншикову представился, и онъ не преминулъ имъ воспользоваться тогда именно, когда для него стало извѣстно сердечное желаніе императрицы оженить Сапѣгу на своей племянницѣ. По всѣмъ вѣроятіямъ, цѣлью его уступчивости и сговорчивости въ этомъ вопросѣ было категорическое и авторитетное согласіе Екатерины на бракъ великаго князя съ одной изъ княженъ Меншиковыхъ. Нужно было вознаграждать оскорбленнаго отца оскорбленной невѣсты, у которой такъ неперемонно отнимали жениха. И вознагражденіе это было дано. Не здѣсь ли разгадка той настойчивости, съ какой Екатерина поддерживала разъ данное ею согласіе Меншикову, несмотря на заклинанія и мольбы дочерей и приближенныхъ?

Объ этомъ согласіи или, какъ называетъ его Маньянъ, «положительномъ удостовѣреніи» (*l'assurance précise*), данномъ императрицей на бракъ наслѣдника престола съ дочерью князя Меншикова, знали въ Петербургѣ уже въ срединѣ марта, а почти одновременно Сапѣга формально разорвалъ съ княжной Маріей Александровной и былъ помолвленъ съ Софьей Карловной Скавронской. По этому поводу онъ получилъ въ подарокъ отъ императрицы дорогую соболью шубу, 1.200 червонцевъ и вексель на Ригу въ 6.000 р. Отцу его тогда же была пожалована богатая горностаевая мантия въ 1.800 червонцевъ. Свадьбу предполагали справить по выздоровленіи Екатерины, котораго, впрочемъ, не дождались: 6-го мая того же года она скончалась.

Заручившись помянутымъ согласіемъ Екатерины, Меншиковъ чувствовалъ себя удовлетвореннымъ и только старался, чтобы, въ случаѣ смерти Екатерины, будущаго его царственнаго зятя, великаго князя Петра Алексѣевича, вторично не обошли престоломъ. Въ этомъ смыслѣ и было составлено, подъ его непосредственнымъ вліяніемъ, завѣщаніе императрицы, опредѣлявшее «сукцессоромъ» великаго князя, и гдѣ 11-я статья гласила: «также имѣютъ наши

цесаревны и правительство администраціи стараться между его любовью (то-есть великаго князя-наслѣдника) и одною княжною Меншиковой супружество учинить».

Опредѣленнѣ изложить этотъ пунктъ, видно, нельзя было, но для всесильнаго въ ту минуту Меншикова, при малолѣтствѣ провозглашеннаго императора, больше ничего и не требовалось для достиженія честолюбивой цѣли. Онъ тотчасъ взялъ подъ свою опеку императора-отрока и сталъ руководить имъ, на правахъ названнаго тестя, породственному. Для этого онъ прежде всего перевезъ его изъ императорскаго дворца въ свой домъ на островъ, который повелѣно было называть, вмѣсто Васильевскаго, Преображенскимъ. Затѣмъ, опираясь на завѣщаніе Екатерины, Меншиковъ сталъ торопить дѣло со сватовствомъ своего царственнаго питомца со своей дочерью. Ни о личномъ желаніи, ни о выборѣ самого двѣнадцатилѣтняго императора не шло, конечно, и рѣчи, такъ какъ дѣло это казуистически представляли ему безповоротно рѣшеннымъ покойной императрицей, священную волю которой обязательно слѣдовало исполнить. Одно только, что оставлялось на его вкусъ и волю — это сдѣлать выборъ между двумя княжнами Меншиковыми.

Маленькій императоръ былъ одинаково равнодушенъ къ обѣимъ, и вообще у него не лежало сердце къ Меншикову и его роду: могъ ли онъ любить одного изъ самыхъ лютыхъ мучителей своего несчастнаго отца? Помимо того, онъ никакой охоты не имѣлъ свататься, но если ужъ это было необходимо и если бы ему предоставили на волю выбрать себѣ невѣсту, онъ изъ всѣхъ извѣстныхъ ему дѣвушекъ предпочелъ бы веселую, живую и ласковую къ нему красавицу-тетеньку, цесаревну Елизавету Петровну, которая уже тогда ему очень нравилась и была предметомъ его первой и единственной дѣтской страсти за весь недолгій его вѣкъ. Но объ этомъ нечего было и думать, тѣмъ болѣе, что сестрица сильно противилась этой склонности. Нужно было покориться волѣ императрицы, выраженной въ ея завѣщаніи, и выбрать себѣ въ невѣсты одну изъ Меншиковыхъ. Покорился, однако, маленький императоръ не сразу и съ трудомъ. Рассказываютъ (Бюшингъ), что онъ долго умолялъ свою нѣжно-любимую сестру, великую княжну Наталью Алексѣевну, чтобы она воспротивилась его браку съ Меншиковой: «стоялъ передъ ней на колѣняхъ, общалъ ей въ награду свои золотые часы». Лефортъ увѣряетъ, что Меншиковъ вынужденъ былъ прибѣгнуть даже къ угрозѣ, чтобы сломить его сопротивленіе. «Черезъ извѣстную (?) женщину императору дано было понять, что, если онъ не исполнитъ желанія покойной царицы, то ему будетъ худо (*il s'en pourrait trouver mal*), о чемъ онъ совѣтовался съ сестрою, и для собственнаго самосохраненія» они рѣшили покориться. Прибѣгалъ Меншиковъ и къ другимъ средствамъ для оказанія желаемаго ему давленія на строптивую волю малолѣтняго царя. Чтобы сдѣ-

латъ ему пріятное, князь, вскорѣ послѣ кончины Екатерины, освободилъ его бабу, царицу Евдокію Федоровну, изъ долготѣтяго заточенія въ монастырѣ и, приглашая ее въ Петербургъ, испрашивалъ у нея благословенія брака ея внука съ его дочерью, въ чемъ, разумѣется, отказа не могло и быть.

Приневоленный, такимъ образомъ, Петръ остановилъ свой выборъ на княжнѣ Маріи Александровнѣ. Почему, изъ какихъ побужденій предпочелъ онъ ее младшей Меншиковой, которая была не менѣе милой и красивой,—неизвѣстно. Быть можетъ, сдѣлалъ онъ это по совѣтамъ и указаніямъ своей сестры, великой княжны Натальи Алексѣевны, которая имѣла на него очень большое вліяніе. Замѣчательно также, что, оказывая предпочтеніе княжнѣ Марьѣ Александровнѣ, маленькій императоръ въ то же время приблизилъ къ себѣ бывшаго ея жениха, графа Сапѣгу, и дружески къ нему расположился. Впрочемъ, это отсутствіе, весьма естественнаго въ данномъ положеніи, чувства ревности, которому не чужды бываютъ и дѣти, всего краснорѣчивѣе подтверждаетъ полное равнодушіе Петра къ избранной имъ невѣстѣ.

16-го мая, произошло погребеніе Екатерины, а черезъ недѣлю, 24-го мая, торжественно совершилось обрученіе Петра II съ княжной Маріей Александровной Меншиковой.

«Вотъ наконецъ,—писалъ по этому поводу очевидецъ-иностранецъ,—княжна Марія Меншикова, бывшая невѣста графа Сапѣги, готова вступить на престолъ Россіи, къ великому удивленію всѣхъ, такъ какъ никто не думалъ, чтобы это могло такъ скоро случиться!»

Удивлялись всѣ, а многіе и завидовали необычайному возвышенію, удачѣ и счастью княжны; но была ли она счастлива? Есть основанія предполагать, что Меншикову, съ такими усиліями устроившему эту партію, приходилось бороться съ сопротивленіемъ не одного царя-отрока, но и собственной дочери. «Какая печаль, какое отчаяніе овладѣло сердцемъ княжны Маріи, еще недавно бившимся отъ радости, когда отецъ объявилъ ей рѣшительную, непремѣнную волю, чтобы она забыла своего Сапѣгу и готовилась быть императрицею! Слезы, убѣжденія, болѣзнь несчастной—ничто не поколебало честолюбца... Марія не могла любить императора, давъ сердце другому, и Петръ II, взаимно, смотря на холодность ея, на слезы, невольны катившіяся изъ прекрасныхъ глазъ, на принужденную улыбку, не могъ любить ее».

Такъ изображаетъ—не безъ риторическихъ прикрасъ, конечно, отъ себя—душевное состояніе княжны въ данный моментъ Бантышъ-Каменскій. Откуда имъ это взято—источника онъ, къ сожалѣнію, не указываетъ, но что дѣло происходило именно такъ или почти такъ, кромѣ психологической догадки, подтверждается и кое-какими фактическими указаніями.

Меншиковъ постарался обставить актъ обрученія возможно торжественнѣе и легальнѣе съ формальной стороны. Акту этому предшествовало составленіе протокола (22-го мая) верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, на обсужденіе котораго былъ предложенъ вопросъ о бракѣ императора съ княжной Меншиковой. Было прочитано завѣщаніе императрицы по этому пункту, и всѣ члены совѣта безъ возраженій согласились и скрѣпили протоколъ своими подписями. Безпрекословно подписались на немъ также обѣ цесаревны и герцогъ голштинскій, проживавшіе въ то время въ Екатерингофѣ, гдѣ они держали карантинъ по случаю распространившейся въ Петербургѣ эпидемической оспы, отъ которой умеръ женихъ Елисаветы Петровны, епископъ Любскій.

Маленькій императоръ, съ своей стороны, не сопротивлялся бо-лѣе, ладилъ, повидимому, со своимъ будущимъ тестемъ и даже считъ нужнымъ выказать ему сюрпризомъ свое особое монаршее благоволеніе. За нѣсколько дней до обрученія, Петръ увидя Меншикова, въ присутствіи нѣсколькихъ вельможъ, громко сказалъ:

— Я сегодня хочу уничтожить фельдмаршала!

Всѣ переглянулись въ недоумѣніи. Тогда Петръ вручилъ князю подписанный имъ патентъ на чинъ генералиссимуса, къ величайшей того радости.

Не прекословила рѣшенію отца и княжна, но едва ли умѣла скрыть свое горе, едва ли дѣлала что нибудь отъ души, чтобы привлечь къ себѣ своего царственного жениха,—не напрасно, видно, называлъ онъ ее «красивой статуей», видя ея холодность. Ее, разумѣется, всячески понуждали быть ласковѣе съ женихомъ и принимали разныя деликатныя мѣры къ устройству и облегченію интимнаго сближенія между ними.

Обрученіе было совершено весьма торжественно при многолюдномъ блестящемъ собраніи. Обрядъ совершалъ архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ, но было замѣчено, что государь во время церемоніи ни разу не взглянулъ на невѣсту, а она казалась печальной и разсѣянной. Послѣ обряда присутствовавшіе стали поздравлять новообрученныхъ, цѣловали имъ руки, а Петръ цѣловалъ поздравлявшихъ въ уста и, по обычаю того времени, потчевалъ ихъ изъ своихъ рукъ кубками венгерскаго вина. Между поздравлявшими находился и молодой Сапѣга, на тотъ разъ особенно любезный и лстыивый по отношенію къ Меншикову.

Княжна-невѣста стала титуловаться императорскимъ высочествомъ (ея высочество обрученная невѣста), и ее начали поминать въ церквахъ послѣ имени государя. Ей назначено было содержаніе въ 34.000 рублей ¹⁾ и цѣлый штатъ дамъ и кавалеровъ къ ея двору.

¹⁾ Сестрѣ императора, великой княгинѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, и цесаревнѣ Елизаветѣ назначалось по 32.000 рублей.

Штатъ этотъ составляли: гофмейстеръ 4-го класса Василій Михайловичъ Арсеньевъ, родной братъ княгини Меншиковой, слѣд. дядя княжны; два камергера 6-го класса, въ томъ числѣ князь А. Д. Голицынъ; камеръ-юнкеры—С. Нарышкинъ, Ю. Ливентъ, А. Гастъ; гофъ-юнкеры—князья Ѡ. и А. Голицыны, В. Дурной; камеръ-пажъ Кошелевъ; пажи—А. Арсеньевъ, князь А. Волконскій, И. Самаринъ. Во главѣ женскаго персонала, со статсъ-фрейлиной А. А. Нарышкиной, была поставлена оберъ-гофмейстерина Варвара Михайловна Арсеньева, тетка княжны по матери,—старая дѣва, жившая въ семьѣ Меншиковыхъ и бывшая, по выраженію князя Петра Долгорукова, ея злымъ гениемъ. Хитрая, пронырливая, заносчивая и невоздержная на языкъ интригантка, Варвара Михайловна принимала весьма дѣятельное участіе въ честолюбивыхъ планахъ и семейныхъ дѣлахъ Меншиковыхъ, особенно же въ сватовствѣ племянницы Петру II, и дѣйствительно своимъ родственнымъ усердіемъ не по разуму много вредила имъ въ общемъ мнѣніи, а позднѣе значительно отяготила постигшую ихъ опалу. Въ гордости, эгоизмѣ и высокомѣрїи она превосходила, кажется, даже своего зятя. Назначенная оберъ-гофмейстериной и въ то же время воспитательницей къ племянницѣ—царской невѣстѣ, пожалованная въ день обрученія послѣдней орденомъ св. Екатерины, Варвара Михайловна до того зазналась, что послѣ обряда заставляла придворныхъ дамъ цѣловать себѣ руки.

Нѣтъ сомнѣнія, что В. М. Арсеньева, въ роли злаго генія семьи, не могла быть доброй совѣтницей и разсудительной руководительницей молодой неопытной племянницы въ ея трудномъ положеніи, какъ не могла помочь разломать тотъ ледъ, который раздѣлялъ новообрученныхъ. Торжественный обрядъ нисколько ихъ не сблизилъ.

Петръ тотчасъ же послѣ обрученія отправился въ Петергофъ на охоту, къ которой онъ тогда уже такъ безмѣрно пристрастился, что приводилъ въ искреннее отчаяніе своего мудраго воспитателя барона Остермана. Меншикова также озабочивала и тревожила эта страсть потому, что постоянно рыскавшій по охотамъ царь-отрокъ оставался безъ его надзора и отеческой опеки. Огорчала, конечно, его родительское сердце и холодность къ дочери-невѣстѣ со стороны жениха, такъ явно предпочитавшаго ея обществу грубую забаву. И Богъ знаетъ, какого духу онъ могъ набраться среди окружавшихъ его на охотѣ сподвижниковъ, какимъ, зловреднымъ для Меншикова, внушеніямъ и напештамъ могъ подчиниться? Опасность была явная! Не полагаясь уже на самого себя, на свой авторитетъ, Меншиковъ побуждаетъ верховный тайный совѣтъ обратиться къ царю съ коллективнымъ официальнымъ письмомъ, въ которомъ его просили оставить свой любимый Петергофъ и забаву охоты для

возвращенія въ столицу и занятія нетерпящими отлагательства государственными дѣлами.

Опасенія Меншикова были ненапрасны. Маленькій императоръ, въ которомъ уже проявлялись и настойчивая воля и стремленіе къ власти и независимости, ѣздилъ на охоту не изъ-за одной только страсти къ ней, но и потому, что тяготился опекой Меншикова, житьемъ у него въ домѣ подъ его зоркимъ глазомъ, тяготился и своей невѣстой, не питая къ ней ни малѣйшей привязанности.

Не далѣе, какъ черезъ мѣсяць послѣ царскаго обрученія, Лефортъ писалъ въ своихъ донесеніяхъ, что о какомъ нибудь значеніи невѣсты для Петра—нѣтъ даже и рѣчи, что онъ не любитъ ея и ропщетъ на то, что его связали съ ней. Нашлись, конечно, приспѣшники, которые подзадоривали эту остуду и старались оправдать ее. Едва ли не первый прислужился въ этомъ случаѣ все тотъ же молодой Салѣга, неотлучно все это время находившійся при царѣ. Онъ сталъ выражать сомнѣніе въ подлинности и аутентичности завѣщанія Екатерины. Выводъ былъ ясный и вполнѣ подходящий къ настроенію Петра: если завѣщаніе подложно, то, стало быть, и вытекавшее изъ него принужденіе жениться на княжнѣ Меншиковой вовсе не обязательно и само собой упраздняется.

Къ пущему несчастью для Меншиковыхъ, князь Александръ Даниловичъ въ это лѣто заболѣлъ и весьма серьезно. Его терзали ежедневные пароксизмы лихорадки съ кровохарканіемъ (полагали, что онъ страдалъ чахоткой), настолько сильные и изнурительные, что опасались за его жизнь. Пользуясь болѣзнью Меншикова, враги его усилились и приблизили часъ его паденія. Около царя, въ числѣ приближенныхъ, стали выдвигаться князья Долгоруковы, отецъ Алексѣй Григорьевичъ, гофмейстеръ двора великой княжны Натальи Алексѣевны, и его сынъ, восемнадцатилѣтній юноша, Иванъ Алексѣевичъ, очень полюбившійся Петру. Но не они, сами по себѣ, были страшны Меншикову, который ихъ презиралъ: противъ него втайнѣ поднимался и готовилъ неминуемую гибель болѣе сильный и опасный врагъ—Андрей Ивановичъ Остерманъ, умѣвший, въ качествѣ воспитателя императора-отрока, снискать его довѣріе и уваженіе.

Къ концу лѣта, когда Меншиковъ оправился нѣсколько отъ болѣзни, подстрекаемый въ своемъ нерасположеніи къ нему, Петръ дошелъ до такого раздраженія, что, по выраженію Лефорта, «не могъ ни видѣть, ни слышать» своего нареченнаго тестя. Меншиковъ, съ своей стороны, какъ бы подливалъ еще масла на огонь, раздражая царя наставническими выговорами и самовластными выходками, напримѣръ, позволилъ себѣ отнять у великой княжны Натальи Алексѣевны пятьсотъ червонцевъ, подаренные ей братомъ. Въ безсильномъ пока гнѣвѣ на отца, царь вымещалъ свою обиду на сынѣ Меншикова, состоявшемъ при немъ камергеромъ: билъ его, пока тотъ не попроситъ пощады.

Легко понять, что то же мстительное чувство еще болѣе отдаляло маленькаго императора отъ его невѣсты. Меншиковъ вздумалъ упрекать его за холодность къ ней и за то, что онъ мало думаетъ о предстоящей свадьбѣ.

— Развѣ не довольно,—беззаботно возразилъ Петръ,—что я въ душѣ люблю ее; ласки излишни. Что же касается свадьбы, то я не имѣю никакого желанія жениться ранѣе двадцати пяти лѣтъ.

Покорясь своей участи и ставъ царской невѣстой, княжна Марія Александровна не могла, конечно, не желать ласки и вниманія къ себѣ со стороны своего маленькаго суженаго: слѣдовательно, не могла и не страдать, видя, что онъ не только на ласки къ ней скупъ, но явно избѣгаетъ даже встрѣчъ съ нею. Все лѣто они прожили порознь и, несмотря на близость разстоянія между Ораніенбаумомъ—лѣтней резиденціей Меншиковыхъ—и Петергофомъ, гдѣ Петръ на свободѣ, подъ снисходительной и уступчивой опекой своего воспитателя, весело проводилъ время въ обществѣ сестры и очаровательной тетеньки, княжна рѣдко видѣла своего царственнаго жениха. Даже въ своихъ заочныхъ поклонахъ и припискахъ—и то, очевидно, вынужденныхъ—въ письмахъ Остермана къ Меншикову, онъ едва вспоминаетъ о ней. «И я при семъ,—пишетъ онъ, напримѣръ, 19-го августа,—вашей свѣтлости и свѣтлѣйшей кнегине и невесте и своячине и тетке и шурина поклонъ отдаю любительны». Въ другихъ случаяхъ у него не хватаетъ ни досуга, ни охоты даже и на такой немногословный привѣтъ. «Его императорское величество,—пишетъ дипломатичный Остерманъ отъ 23-го августа,—писанію вашей свѣтлости весьма обрадовался и купно съ ея императорскимъ высочествомъ любезно кланяются, а на особливое писаніе нынѣ, ваша свѣтлость, не изволите погнѣваться, понеже учрежденіемъ охоты и другихъ въ дорогу потребныхъ предуготовленій забавлены, а изъ Ропши, надѣюсь, писать будутъ».

Были «забавлены» настолько, что не удосужились написать нѣсколько строкъ... Развѣ это не явное пренебреженіе, не горькая обида! Наступало время, когда въ немилости перестали даже наружно скрываться.

26-го августа въ Петергофѣ, на именинахъ великой княжны Натальи Алексѣевны, Петръ, при встрѣчѣ съ Меншиковымъ, не отвѣчалъ на его поклоны, а, когда князь начиналъ заговаривать съ нимъ, поворачивался къ нему спиною и былъ очень доволенъ, что могъ унижать его. На княжну-невѣсту онъ также не обращалъ вниманія, точно не замѣчалъ ея, хотя въ этотъ разъ она пребыла съ отцомъ и семействомъ болѣе сутокъ въ Петергофскомъ дворцѣ, гдѣ для нихъ отведена была особая половина.

Меншиковъ почувствовалъ опасность, онъ понялъ, что слишкомъ надѣялся на себя, на свою власть и на свое значеніе для юнаго царя, на младенческую слабость его воли и на крѣпость

тѣхъ узъ и обязательствъ, которыми думалъ удержать его въ своихъ рукахъ. Стало ясно, что все это можетъ разлетѣться прахомъ; однако князь не терялъ еще надежды все поправить, помириться съ Петромъ и подчинить его своему вліянію. Нужно было только перемѣнить тактику, и изъ строгаго, стариковски-ворчливаго ментора, Меншиковъ превратился вдругъ въ льстиваго, низкопоклоннаго и искательнаго царедворца. Въ Ораніенбаумѣ у него готовилось 3-го сентября большое торжество—освященіе церкви. Для Меншикова, особенно въ виду такъ рѣзко выказаннаго ему при многихъ неблаговоленія царя, стало чрезвычайно важно, чтобы послѣдній присутствовалъ у него на домашнемъ праздникѣ. Князь истощилъ для того всѣ способы искаательства, лести и угодивости, но было уже поздно...

Петръ, повидимому, смягчился, обѣщавъ быть; когда же наступило 3-е сентября, не поѣхалъ въ Ораніенбаумъ и послалъ сказать князю, что не будетъ, безъ объясненія причинъ. Это былъ жестокой ударъ для Меншикова и его семьи, въ особенности же для княжны-невѣсты, у которой, помимо чувства семейной обиды, страдало еще ея личное дѣвичье самолюбіе. Праздникъ прошелъ невесело, хотя на немъ и гремѣли пушечная пальба и «великая музыка»; на другой день огорченный и встревоженный князь поѣхалъ въ Петергофъ на ночь съ цѣлью объясниться. Прибылъ онъ туда, какъ узнаемъ изъ его «Поденныхъ записокъ», «вмѣстѣ съ фамиліей», значить, и съ княжной Маріей Александровной. Едва могъ добиться князь свиданія съ царемъ, который принялъ его вскользь, а раннимъ утромъ уѣхалъ на охоту. Чтобы также избѣжать непріятнаго объясненія съ княземъ, великая княжна Наталья Алексѣевна выскочила черезъ окно и отправилась вслѣдъ за братомъ. Меншикову удалось захватить только цесаревну Елисавету Петровну, передъ которой онъ и излился въ своихъ скорбяхъ и обидахъ; жаловался на неблагодарность царя и выражалъ рѣшимость уѣхать на Украину.

Разрывъ былъ рѣшенъ. Въ тотъ же день верховный тайный совѣтъ получилъ высочайшее повелѣніе немедленно «починить и убрать къ приходу его величества лѣтній и зимній дома» (то-есть, дворцы). Для этого всѣ царскія вещи и экипажи, находившіеся въ домѣ Меншикова, были взяты и перенесены въ лѣтній дворецъ, гдѣ государь 7-го сентября и поселился по возвращеніи въ Петербургъ.

Меншиковъ, также возвратившійся въ то время въ Петербургъ, выходилъ изъ себя отъ этихъ распоряженій, дѣлавшихся безъ его спроса и вѣдома. Убѣдившись въ безуспѣшности примирительнаго образа дѣйствій, онъ впалъ въ бѣшенство, въ ослѣпленіи котораго полагалъ, что онъ еще въ силахъ бороться и поставить на своемъ, что его угрозы могутъ еще кого нибудь устрашать.

— Такъ я покажу ему, кто императоръ — я или онъ! — было отвѣтомъ Петра, въ свою очередь разгнѣваннаго, когда ему донесли о поведеніи Меншикова.

Гнѣвъ его зашелъ такъ далеко, что, когда княжна-невѣста съ сестрою пріѣхали поздравить его съ пріѣздомъ и новосельемъ, — онъ не удостоилъ ихъ принять, и онѣ въ смущеніи удалились.

На другой день къ Меншикову явился отъ верховнаго тайнаго совѣта генераль-лейтенантъ Салтыковъ и высочайшимъ именемъ ему объявилъ, что онъ отставленъ отъ всѣхъ должностей и состоитъ подъ домашнимъ арестомъ. Князь упалъ въ обморокъ, и ему пустили кровь.

Опала нагрянула. Что было начать? Съ отчаянья, княгиня Меншикова, съ сыномъ и сестрой Варварой Арсеневой ¹⁾, бросилась

¹⁾ Для насъ было существенно выяснить, участвовала ли въ этой несчастной аудіенціи княжна-невѣста, а, если нѣтъ, то почему ея не было, такъ какъ, казалось бы, кому же другому изъ семьи Меншикова, какъ не ей, еще не развѣнчанной невѣстѣ царской, приличествовало молить государя о пощадѣ отцу? У нашихъ историковъ рассказывается объ этомъ разнo. Напримѣръ, у наиболѣе ранняго изъ нихъ, А. Вейдемейера, пользовавшагося въ этомъ случаѣ, повидимому, записками Вебера, сказано глухо: «княгиня Меншикова съ дѣтьми посѣщала въ Лѣтній дворецъ, чтобы пасть къ ногамъ государя» («Обзоръ главныхъ происшествій въ Россіи по кончинѣ Петра I», ч. I, стр. 71). Соловьевъ, рассказывая о томъ же случаѣ, говоритъ: «жена его (Меншикова), вмѣстѣ съ сыномъ и сестрою, Варварою Арсеньевою, посѣщала во дворецъ, гдѣ на колѣнахъ» и т. д. («Исторія Россіи», т. XIX, стр. 142). У Костомарова же, въ его статьѣ «Самодержавный отрокъ», вышло уже вотъ что: «Въ церкви явились къ нему (государю) особы женскаго пола изъ семейства Меншикова и бросились къ ногамъ государя, думая молить его о прощеніи... Царь отворотился отъ нихъ... Княгиня Меншикова съ дочерьми отправилась за нимъ во дворецъ, но, какъ вчера, ее не пустили къ царю» («Историческія монографіи», т. XIV, стр. 414). Оба послѣдніе историка, Соловьевъ и Костомаровъ, описывая этотъ эпизодъ, ссылаются на одинъ и тотъ же и единственный источникъ, именно — на донесенія Лефорта, напечатанныя въ III-мъ томѣ «Сборника Русскаго Императорскаго Историческаго Общества». Тѣмъ удивительнѣе ихъ разнорѣчіе! Чѣмъ же его объяснить? Кажется, только тѣмъ, что Соловьевъ внимательно читалъ донесенія Лефорта въ французскомъ подлинникѣ, а Костомаровъ неосторожно довѣрился ихъ русскому переводу, нерѣдко поражающему — сказать мимоходомъ — ужасными неточностями, описками и несообразностями не въ одномъ только въ томъ томѣ «Сборника». У Лефорта говорится: «Comme ce jour de fête Sa Majesté avait été à l'Eglise... Elle trouva à son retour dans son palais la princesse de Menschikoff, la mère avec son filset sa belle (?) soeur Arsenieff. Cette dame... se mit à deux genoux par terre pour demander la grâce de son mari» («Сборникъ Русскаго Императорскаго Историческаго Общества», т. III, стр. 493). Никакого вѣдь не можетъ быть сомнѣнія, что здѣсь идетъ рѣчь о княгинѣ Меншиковой, и ни объ одной изъ княженъ Меншиковыхъ нѣтъ и помину. Въ русскомъ же переводѣ на той же страницѣ это мѣсто читается такъ: «Въ праздникъ его величество былъ въ церкви... Возвращаясь во дворецъ, онъ нашелъ тамъ княжну Меншикову, мать съ сыномъ и невѣсткою (?) Арсеневой. Эта дама... пала на колѣни», и т. д. Вотъ откуда могъ взять Костомаровъ объ участіи въ этой сценѣ княженъ Меншиковыхъ; но какъ и гдѣ могъ онъ вычитать у Лефорта, что самая эта сцена происходила, будто бы, два раза (сперва въ церкви, а потомъ во дворцѣ) — необъяснимо, если не допустить нѣсколько странный просмотръ. Дѣло въ томъ, что въ цитированномъ донесеніи, писанномъ въ одинъ день (отъ 20-го (8-го) сентября) Лефортъ два раза рассказываетъ объ этой сценѣ, сперва поверхностно, очевидно, по первому слуху,

во дворецъ, гдѣ, стоя на колѣнахъ, встрѣтила возвращавшагося изъ церкви государя мольбами о помилованіи мужа, но Петръ прошелъ мимо, не сказавъ ей ни слова. Она обратилась къ великимъ князьямъ за заступничествомъ, но и тѣ не стали ее слушать. Тогда, забывъ всякую фамильную гордость, княгиня кинулась къ Остерману и три четверти часа проползала передъ нимъ на колѣнахъ— и также понапрасну. Андрей Ивановичъ слѣдилъ въ верховный совѣтъ; ему было некогда, и онъ ничѣмъ не могъ помочь. На самомъ дѣлѣ, онъ находился еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ недавнихъ упрековъ и угрозъ своего застарѣлаго врага и теперь — не безъ чувства удовлетворенной мести — умывалъ руки.

Намъ нѣтъ надобности слѣдить за всѣмъ ходомъ дѣла Меншикова и послѣдовавшихъ за нимъ взысканій, каръ и лишеній. Останемся только на тѣхъ обстоятельствахъ и фактахъ, которые непосредственно касались нашей героини и ея дальнѣйшей безотрадной судьбы.

9-го сентября, когда состоялся указъ о лишеніи Меншикова чиновъ и орденовъ, о содержаніи его подъ карауломъ и ссылкѣ въ дальнія деревни, было сдѣлано распоряженіе, лично касавшееся княжны-невѣсты: у нея отняли придворную прислугу и придворные экипажи. За этой немилостью, на другой же день, послѣдовали новыя, еще болѣе тяжкія и зловѣщія.

Въ верховный тайный совѣтъ былъ призванъ архіепископъ Теофанъ Прокоповичъ, и ему объявили, «чтобъ впредь обрученной невѣсты, при отправленіи службы Божіей, не упоминать и о томъ во все государство отправить указы отъ синода». Этимъ уже, очевидно, отъ нея окончательно отрекались. Того же числа совѣтъ постановилъ такую резолюцію на касавшіеся княжны пункты въ прошеніи Меншикова, внесенномъ чрезъ канцлера графа Головкина:

1) «Обрученной невѣсты служители и ея гофмейстеръ (то-есть, чины двора) просятъ милости уволить въ деревни свои».

Резолюція: «Кто похочетъ съ нею ѣхать, тотъ бы ѣхалъ, а кто хочетъ остаться, тотъ бы оставался».

2) «Дозволить ея высочеству (то-есть княжнѣ) бывать заслуженное ею и служителями ея жалованье 34.000 рублей».

Резолюція: «О жалованныхъ и заслуженныхъ деньгахъ справиться и впредь доложить». (Онѣ не были выданы).

Замѣчательно, что совѣтъ, сдѣлавъ уже передъ тѣмъ распоряженіе о неупоминаніи въ церквахъ «обрученной невѣсты», допу-

а затѣмъ болѣе подробно — въ post scriptum'ѣ. Историкъ же попритчилось, будто тутъ идетъ рѣчь о двухъ разныхъ случаяхъ, хотя нужно замѣтить, что и въ повтореніи своего разсказа Лефортъ не упоминаетъ о «дочеряхъ» Меншикова. Имъ и напрасно было бы ѣздить послѣ того, какъ имъ уже вчера было наотрѣзъ отказано въ приѣмѣ.

скаль, однако, титулованіе ея въ канцелярской перепискѣ «высочествомъ».

Извѣстно, какъ торопились поскорѣе отдѣлаться отъ князя Меншикова. 11-го сентября, онъ уже отправился въ ссылку подъ карауломъ капитана Пырсаго съ командой. Меншиковъ, какъ видно, не терялъ еще куража и имѣлъ безразсудство обставить свою ссылку, при выѣздѣ, такой пышностью и торжественностью, какъ будто триумфальное шествіе совершалъ.

Поѣздъ его состоялъ изъ пяти великолѣпныхъ, раззолоченныхъ берлиновъ, каждый въ шесть лошадей: въ первомъ возсѣдалъ самъ князь, съ женой и невѣсткой, во второмъ — ѣхалъ сынъ его съ однимъ только карликомъ, въ третьемъ — слѣдовала княжна Марія Александровна съ сестрою и двумя камеръ-юнкферами, въ четвертой — гофмейстеръ двора княжны и ея дядя, Арсеньевъ, въ пятомъ — другіе придворные. Затѣмъ, тянулись 16 колясокъ, 11 фургоновъ и другіе экипажи съ имуществомъ и прислугой. Поѣздъ сопровождали верховые гайдуки и собственные княжескіе вооруженные драгуны. Одной домовой прислуги ѣхало съ княземъ 127 человекъ.

Весь Петербургъ сбѣжался смотрѣть на это зрѣлище. «Никогда, — рассказываетъ очевидецъ, — не видали здѣсь такого множества народа». Онъ же замѣтилъ, что всѣ поѣзжане были въ черныхъ одеждахъ, какъ бы въ знакъ траура. И этотъ демонстративный трауръ, и эта отнюдь не смиренная пышность и церемоніальность выѣзда пуще озлобили и встревожили враговъ Меншикова. И вотъ, по мѣрѣ его удаленія отъ Петербурга, на него налетаютъ одно за другимъ новыя, тягчайшія угѣсненія, ограниченія и лишенія.

Страдала при этомъ и ни въ чемъ неповинная княжна со всей семьей, но въ дорогѣ ей продолжали еще оказывать особый почетъ, какъ высоконареченной царской невѣстѣ, такъ какъ формально она еще ею оставалась. Она была окружена своимъ дворомъ. Въ Любани, куда ссылкиныя прибыли 13-го сентября, для нея лично былъ доставленъ изъ Петербурга особый великолѣпный придворный берлинъ, а при немъ конюхи и лошади, приведенныя изъ имѣнія князя Копорья.

Меншиковъ дорогой хворалъ, къ великому горю жены и дѣтей. Напрасно огорченная княгиня писала великой княжнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, чтобъ «ея высочество соизволила попросить его императорское величество хотя бы намъ малую отраду видѣть, понеже весьма, по волѣ Божіей, великою болѣзнью отягченъ, и нынѣ у его свѣтлости изъ горла руда (кровь) шла, отчего въ великой печали обрѣтаемся и чуть живы». На письмо не послѣдовало никакой «отрады», напротивъ, оно вызвало распоряженіе, чтобы впредь всѣ письма отъ Меншиковыхъ поступали въ верховный тайный совѣтъ, гдѣ они пріобщались къ дѣлу и по адресамъ не доставлялись.

Нѣкоторые изъ чиновъ придворнаго штата княжны-невѣсты,

изъявившіе было желаніе слѣдовать за ней, дорогой, видно, стали въ этомъ раскаиваться, и первый заразительный примѣръ такого малодушія подалъ гофмейстеръ, В. М. Арсеньевъ, несмотря на свое близкое родство съ ссыльными. Въ своемъ прошеніи, посланномъ въ концѣ октября, Арсеньевъ писалъ, что такъ какъ «всей комнате ея высочества (sic!) Маріи Александровны служителямъ» разрѣшено было при ней ѣхать кто похочетъ¹⁾, то и онъ, «нижайшій», поѣхалъ, но теперь, въ опасеніи, «чтобъ въ томъ намъ, нижайшимъ, чего не причлось», просилъ указъ прислать: «при ней ли (княжнѣ) намъ, нижайшимъ, быть, или где повелите», но, впрочемъ, заключалъ проситель: «особливо вашего императорскаго величества всенижайше прошу, чтобъ повелѣно было меня уволить для всеконечныхъ моихъ нуждъ и осмотра деревнишекъ...».

Въ Клину, 14-го октября, нагналъ ссыльныхъ капитанъ Шушеринъ съ приказаніемъ отобрать у сына и дочерей Меншикова ордена (св. Екатерины), у княжны же Маріи Александровны, сверхъ того, капитанъ отобралъ обручальный перстень, полученный ею отъ императора, и возвратилъ перстень, которымъ обручался съ нею Петръ. Всякая, значитъ, связь, даже символическая, самая даже память о ней обрывались. Къ довершенію этого новаго удара, расторопный капитанъ Шушеринъ, сдавъ отобранные клейноды Пырскому для отсылки въ Петербургъ, схватилъ Варвару Михайловну Арсеньеву и повезъ ее, не объясняя причинъ, въ Александровскій монастырь. Бѣдная княжна, такимъ образомъ, сразу лишилась не только тетки, но и своей гофмейстерины. Потомъ оказалось, что «злой геній» семьи Меншиковыхъ пересолитъ въ родственномъ усердіи, завязавъ, вопреки запрещенію, тайныя сношенія съ разными лицами ради исходатайствованія чрезъ нихъ, если не помилованія, то облегченія участи ссыльныхъ.

3-го ноября, Меншиковы достигли Рененбурга и помѣстились въ собственномъ домѣ, въ крѣпости за карауломъ, пока довольно еще снисходительнымъ. Здѣсь ихъ вскорѣ покинулъ В. М. Арсеньевъ, получившій изъ Петербурга разрѣшеніе ѣхать въ свои деревни. Одновременно разрѣшалось Пырскому отпустить дамъ и дѣвицъ изъ шляхетства, состоявшихъ въ штатѣ княжны Маріи Александровны; но ни одной дамы и дѣвицы при княжнѣ уже не было. Оставалась одна придворная дѣвица-калмычка Мароа, и та просилась, чтобы ее отпустили обратно въ Петербургъ. Находился еще при княжнѣ пажъ А. Арсеньевъ, но и его Пырскій отпустилъ въ деревню. 23-го декабря послѣдовалъ отъ верховнаго совѣта указъ

1) Похотѣли-то сопроводить княжну очень немногіе изъ ея мужскаго штата, какъ упоминаеть о томъ Арсеньевъ въ цитированномъ прошеніи, именно: кромѣ него, лично, пасть, да четыре придворныхъ конюха, «а прочіе служители остались въ Петербургѣ».

отобрать отъ Меншиковыхъ всѣхъ придворныхъ конюховъ, лошадей и сбрую и отправить въ московскій приказъ большаго дворца.

Меншиковъ рассчитывалъ, что въ Раненбургѣ его оставятъ въ покоѣ, и онъ благополучно заживетъ съ семьей, пользуясь накопленными богатствами, но въ этомъ скоро пришлось жестоко разочароваться. Начались притѣсненія; запрещено было князю ходить даже въ церковь. «Семейству же его,—говорилось въ новой инструкціи,— въ церковь или за городъ для прогулки, если выѣхать пожелають, то допускать, но за крѣпкимъ присмотромъ, и только дневнымъ временемъ, а не ночью». Задобренный княжескими подарками Пырскій былъ смѣненъ за послабленіе, и на его мѣсто прислали болѣе строгаго надсмотрщика, капитана Мельгунова. Вслѣдъ за Мельгуновымъ пріѣхалъ отъ верховнаго совѣта д. с. с. Плещеевъ для допроса князя по цѣлой тучѣ тяжкихъ обвиненій, для описи и отобранія его орденовъ и пожитковъ.

Мельгуновъ заключилъ князя съ женою и сыномъ въ спальню и приставилъ къ дверямъ часовыхъ; княжны были отдѣлены въ особую комнату и также при часовомъ. Суровый надсмотрщикъ безпокоился даже о томъ, что княжны могутъ сообщаться съ родителями и ходить къ нимъ въ спальню: «и намъ въ ономъ не безъ сумнѣнія»,—доносили онъ въ Петербургъ.

Еще болѣе тяжелыя чувства должны были испытать Меншиковъ и вся его семья, когда на ихъ глазахъ Плещеевъ, въ присутствіи офицеровъ, команды и княжеской дворни, приступилъ къ описи и запечатанію ихъ движимаго имущества. Сцена происходила въ большой столовой палатѣ, куда снесены были всѣ пожитки со всего дома и изъ кладовыхъ. Раскрыли сундуки—и собравшаяся толпа жадными, недобрыми глазами смотрѣла на представившія ей невиданныя, несмѣтныя сокровища, въ золотѣ, серебрѣ, драгоценныхъ камняхъ, пышныхъ уборахъ и нарядахъ, въ мѣшкахъ съ деньгами¹⁾. Князь, сидѣвшій съ семьей, окруженный своими слугами, каждую вещь передавалъ Плещееву и Мельгунову, которые ихъ описывали и запечатывали. Такимъ же порядкомъ пришлось потомъ и княжнѣ Маріи Александровнѣ, равно ея матери и сестрѣ, отдать на опись лично ей принадлежавшія вещи и гардеробъ. У нихъ особенно много оказалось ювелирныхъ вещей и драгоценныхъ камней. Пле-

¹⁾ При этой описи было отобрано: два громадныхъ сундука съ драгоценными камнями и золотыми вещами, два съ серебряной утварью, девять съ богатымъ платьемъ и бѣльемъ, три съ деньгами на сумму въ 16 т. рублей. Въ сущности, это была только ничтожная доля колоссальнаго богатства Меншикова. Онъ имѣлъ до своего паденія: безъ малаго 100 т. душъ крестьянъ, нѣсколько пышныхъ дворцовъ и множество домовъ, лавокъ, фабрикъ, заводовъ въ столицахъ и другихъ городахъ, 9 милліоновъ рублей, положенныхъ въ лондонскій и амстердамскій банки, 4 милл. рублей въ Россіи, которые были конфискованы, на милліонъ рублей драгоценностей, въ серебрѣ, золотѣ и брилліантахъ, и т. д.

щевъ, впрочемъ, по отношенію къ дамамъ выказалъ себя довольно галантнымъ кавалеромъ: онъ оставилъ имъ на рукахъ много платья, бѣлья, драгоценныхъ бездѣлушекъ, стараясь, однако, выбирать что попроще, побѣднѣе. Задача была не легкая, такъ какъ все было съ иголки и высокой цѣны. Платья княжны, ея матери и сестры, всѣ были штофныя, парчевыя, бархатныя, шитыя золотомъ и серебромъ, украшенныя дорогими кружевами. Даже бѣлье — юбки, чулки, чепцы, галстуки, — поражали своимъ богатствомъ: многія вещи были шиты золотомъ, жемчугомъ и алмазами.

Цѣлыхъ три дня тянулась эта тяжелая сцена, пока все имущество не было, наконецъ, отобрано, описано и запечатано. Но Плещеевъ этимъ не ограничился: сталъ допрашивать, нѣтъ ли еще вещей и денегъ, не припрятано ли чтонибудь, не передано ли въ чьи нибудь руки. Кое-что изъ денегъ, дѣйствительно, оказалось переданнымъ на сохраненіе Варварѣ и Василю Михайловичамъ Арсеньевымъ, и Меншиковы этого не скрыли, но, какъ водится, среди прислуги явились доносчики, показавшіе, что сумма переданнаго завѣдомо уменьшена. Пришлось унизиться до оправданія передъ собственными холопами.

Въ началѣ февраля 1728 года, въ виду предстоявшей коронаціи императора, дворъ и верховный тайный совѣтъ переѣхали въ Москву, откуда до Раненбурга стало не далеко. Вѣзость мѣста заточенія Меншиковыхъ начала тревожить совѣтъ, въ который въ это время вошли новые члены и застарѣлые враги Александра Даниловича, князя Долгоруковы. 9-го февраля, Остерманъ, являсь въ совѣтъ, заявилъ, что «его императорское величество изволили о князѣ Меншиковѣ разговаривать, чтобъ его куда нибудь послать, пожитки его взять, а оставить княжнѣ (Маріи Александровнѣ) и дѣтямъ его тысячь по десяти на каждого, да нѣсколько деревень, и приказалъ совѣту составить о томъ опредѣленіе». Это былъ проблескъ того состраданія, котораго не могъ не почувствовать Петръ II къ своей бывшей невѣстѣ, ни въ чемъ передъ нимъ не провинившейся, какъ не виноваты были и княгиня Меншикова съ остальными дѣтьми. Вѣроятно, на оказаніе всѣмъ имъ помилованія повліялъ и смягчившійся баронъ Андрей Ивановичъ; но, къ несчастью, какъ разъ въ это время было найдено у Спасскихъ воротъ подметное письмо, «наполненное всякими плутовскими и лживыми внушеніями, доброхотствуя и заступая за бывшаго князя Меншикова». Подозрѣніе въ сочиненіи письма пало на самого Меншикова, подозрѣніе, нашедшее себя, къ несчастію, пищу въ разоблаченныхъ проискахъ Варвары Арсеньевой, въ качествѣ «злого генія», тайно, путемъ подкуповъ, хлопотавшей объ интересахъ зятя.

Результатомъ этого злополучнаго дѣла былъ высочайшій указъ 8-го апрѣля, повелѣвавшій сослать Меншикова съ женою, сыномъ и дочерьми въ Березовъ, все имущество у нихъ отобрать, дозволить

взять съ собою прислуги мужского и женскаго пола десять чело-вѣкъ, вести ссыльныхъ поручику Крюковскому съ командой подъ строжайшимъ карауломъ, подъ каковымъ держать неослабно и на мѣстѣ ссылки. На дорожные расходы отъ Раненбурга до Березова назначалась тысяча рублей, а на содержаніе Меншикова съ семьей и прислугой—по шести рублей въ день. (По рублю на каждого члена семьи и 1 рубль на всю прислугу). Поплатилась и Варвара Михайловна: ее заточили въ дальній монастырь и постригли «при унтеръ-офицерѣ, который ее привезъ».

16-го апрѣля, Крюковской повезъ ссыльныхъ въ рогожныхъ кибиткахъ по рязанской дорогѣ въ Сибирь. Меншиковы были разсажены въ трехъ кибиткахъ, съ двумя солдатами въ каждой. Въ первой ѣхалъ князь съ женой, которая не могла уже видѣть той арестантской обстановки, въ какой ихъ везли: несчастная ослѣпла передъ тѣмъ отъ горя и слезъ. Во второй кибиткѣ везли ихъ сына, въ третьей—дочерей. Еще такъ недавно царская невѣста, окруженная блестящими, подобострастными дамами и кавалерами своего двора, церемониально разѣзжавшая въ пышныхъ придворныхъ экипажахъ, княжна Марія Александровна тряслась теперь въ простой ямской телѣгѣ въ сопутствіи грубыхъ солдатъ, приставленныхъ смотрѣть за ней, какъ за арестанткой. Какая печальная превратность судьбы, тѣмъ болѣе разительная, что въ настоящемъ случаѣ самая жертва была отъ начала до конца драмы невольна въ своей страдательной роли! Именно, пассивной, безмолвной и терпѣливой жертвой, а не героиней остается княжна отъ начала до конца своей превратной судьбы. Историческій образъ ея очень блѣдный и едва выдѣляется на общей картинѣ. Она нигдѣ и ни разу не проявляетъ своей личности, своей воли, принадлежа, очевидно, къ тѣмъ тихимъ, кроткимъ и простымъ женскимъ натурамъ, которыя умѣютъ только любить или страдать, которыя какъ бы созданы для семейныхъ радостей, заботъ и печалей домашняго очага. Оттого, безъ сомнѣнія, и такъ скудны свѣдѣнія о княжнѣ Маріи Александровнѣ въ современныхъ запискахъ. Какой-то едва замѣтной скорбной тѣнью проходитъ она по историческому полотну, и ея личная, несложная драма совершенно подавляется огромностью драмы ея отца, составляя въ ней лишь малозначащій, подчиненный эпизодъ. Судьба княжны въ томъ только и состояла, чтобы быть покорной жертвой родительскаго произвола и безропотно погибнуть вмѣстѣ съ погубившимъ себя и ее отцомъ. Въ этомъ также есть свой героизмъ, безъ сомнѣнія, и очень трогательный.

Враги Меншикова въ верховномъ совѣтѣ, оскорбленные и озлобленные фатальнымъ подметнымъ пасквилемъ (авторъ его не былъ разысканъ), не довольствуясь его полнымъ низверженіемъ и ссылкой въ сибирскія тундры, дожимали еще мстительными придирами и безжалостными лишеніями. Такъ, не успѣли ссыльные отѣхать отъ

Раненбурга 8 верстъ, какъ ихъ нагналъ жестокой въ своей исполнительности капитанъ Мельгуновъ, остановилъ на дорогѣ, приказалъ имъ выйти изъ повозокъ, а солдатамъ и дворнягъ выбросить всѣ пожитки. Общее недоумѣніе скоро разъяснилось: капитанъ былъ посланъ произвести внезапный осмотръ, не увезли ли Меншиковы съ собою чего нибудь лишняго и непоказнаго противъ описи, сдѣланной Плещеевымъ.

Начался осмотръ, и Мельгуновъ нашелъ много лишняго. Онъ, видно, былъ мастеръ на эти дѣла и зналъ, чего пославшее его начальство желало. Самого Меншикова онъ такъ чисто обобралъ, что тотъ остался только съ тѣмъ, въ чемъ былъ; даже лишней рубахи ему не оставилъ. Съ больной страдальцы, княгини Дарьи Михайловны, онъ снялъ шубу, ношенные соболи на бархатѣ съ шеи и оставилъ ее въ легкой епанечкѣ на лисьемъ мѣху. Особенно много «лишняго» нашелъ Мельгуновъ у Меншикова-сына и все отобралъ, включительно до гребенокъ и мѣшечка съ мѣдными полупешками на два рубля.

Не поцеремонился расторопный капитанъ и съ княжнами. У нихъ оказались «лишними», взятыя для запаса отъ сибирской стужи, теплыя епанечки, шапочки, юбки, чулки, да цѣлый сундучекъ съ гарусомъ, шелкомъ, нитками, позументомъ, лентами, лоскутками матерій для женскаго рукодѣлья въ изгнаніи. Все это оказалось противъ описи и безжалостно было отобрано, несмотря на просьбы и хлопоты бѣдныхъ княженъ. Мельгуновъ былъ точенъ и неумолимъ. Княжнѣ Маріи Александровнѣ онъ оставилъ тафтяную зеленую юбку, штофный черный кафтанъ, бѣлый корсетъ, а на головѣ бѣлый атласный чепчикъ—то, что на ней было, да на случай холода—зеленую тафтяную шубу. Такой же несложный гардеробъ достался и на долю княжны Александры Александровны. Изъ кухонной и столовой посуды ссыльнымъ оставили: мѣдный котелъ съ двумя чумичками, три кастрюли, двѣнадцать оловянныхъ блюдеъ и двѣнадцать такихъ же тарелокъ, но, точно на смѣхъ, ни одного ножа, ни одной вилки и ни одной ложки.

Пасху, бывшую въ тотъ годъ 21 апрѣля, ссыльные встрѣтили въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, но на другой же день, 22-го апрѣля, ихъ повезли дальше, на судахъ, водою. Плыли долго среди безбрежнаго весенняго половодья и, хотя Крюковской изъ Нижняго Новгорода доносилъ, что здоровье ссыльныхъ въ «добромъ состояніи», но 10-го мая, въ Услонѣ, въ 12-ти верстахъ отъ Казани, несчастная княгиня Дарья Михайловна, измученная горемъ, болѣзнью, трудностями дороги и лишениями, скончалась въ крестьянской избѣ на рукахъ опечаленной семьи. Эта утрата тронула даже верховниковъ, и, въ утѣшеніе осиротѣлой семьи, они предписали выдать Меншикову опредѣленные покойной кормовыя деньги за годъ впе-

редь. Не лишены были княжна Марія Александровна и ея родные и послѣдней отрады—бросить горсть земли на гробъ матери, но тотчасъ же, послѣ похоронъ, 11-го мая, ихъ повезли далѣе по широкой Камѣ. Отъ Соликамска, куда прибыли 24-го іюня, переѣздъ былъ сдѣланъ до пристани на Иртышѣ сухимъ путемъ. 15-го іюля, барки со ссыльными приблизились къ Tobольску, гдѣ на берегу ихъ ожидала многочисленная толпа, среди которой много находилось недоброхотовъ Меншикова, помнившихъ притѣсненія и обиды отъ него или просто злорадствовавшихъ паденію сильнаго недавно еще и гордаго вельможи. Когда барки причалили къ пристани, изъ толпы послышалась брань и полетѣли комки грязи въ Меншикова, въ его дочерей и сына.

— Въ меня бросайте! — возвысилъ голосъ Александръ Даниловичъ. — Пускай ваше мщеніе падетъ на меня одного, но оставьте въ покоѣ бѣдныхъ, невинныхъ дѣтей моихъ!

Въ Tobольскѣ сидѣлъ губернаторомъ старый врагъ Меншикова, не мало натерпѣвшійся отъ его гоненій, одинъ изъ князей Долгоруковыхъ. Неизвѣстно, какъ произошла у нихъ теперь встрѣча. Ссылные могли ждать мщенія, но Долгоруковъ, къ его чести, кажется, ничего отъ себя не прибавилъ къ ихъ и безъ того тяжелой участи, къ ихъ униженію и страданію. Онъ приказалъ помѣстить ихъ въ тюрьмѣ и далъ даже имъ два дня отдыха, въ которомъ они нуждались послѣ долгаго изнурительнаго пути.

17-го іюля, Меншиковыхъ повезли въ Березовъ уже подъ надзоромъ капитана сибирскаго гарнизона, Миклашевскаго, двухъ урядниковъ и двадцати солдатъ мѣстной команды. Это было страшное мѣсто, въ полномъ смыслѣ слова, на краю свѣта. Малолюдный поселокъ, закинутый среди непроходимыхъ, бесплодныхъ тундръ и болотъ, въ ужасномъ климатѣ, съ полугодовой ночью, съ морозами въ 40—50 градусовъ во время безконечной, лютой зимы, Березовъ, ставъ мѣстомъ ссылки, пугалъ воображеніе самыхъ даже закаленныхъ преступниковъ.

Мы не знаемъ и трудно представить себѣ, что должна была перенести и сколько выстрадать воспитанная въ нѣгѣ и роскоши, едва вышедшая изъ нѣжнаго отрочества, наша несчастная героиня со своими родными въ этомъ страшномъ заточеніи на краю свѣта, гдѣ нельзя было и помышлять о какихъ нибудь удобствахъ и довольствѣ, если бы даже на пользованіе ими не было наложено тюремнаго запрета. Знаемъ мы, однако, что въ мужественномъ, терпѣливомъ перенесеніи тяжкаго испытанія самъ Меншиковъ подавалъ добрый примѣръ дѣтямъ. Онъ окончательно смирился, позналъ тщету земной славы, твердо переносилъ бѣдствіе и остатокъ дней своихъ посвятилъ заботѣ о дѣтяхъ, добрымъ дѣламъ и молитвѣ. На сбереженія изъ казеннаго скуднаго содержанія онъ построилъ

церковь и самъ при этомъ работаль топоромъ и лопатой, а когда церковь была сооружена, служиль въ ней за дьячка и пономаря.

Въ Березовѣ Меншиковыхъ помѣстили въ деревянномъ тѣсномъ острогѣ, подѣ безсмѣннымъ карауломъ. Потянулись длинные, монотонные, безотрадныя дни тюремной жизни. Княжна и ея сестра выходили только въ церковь. По вечерамъ онѣ попеременно читали отцу священныя книги или писали подѣ диктовку его воспомина- ній (къ сожалѣнiю, утраченныя). Остальное время молодыя дѣвушки, по женскому обычаю, мыкали тоску за рукодѣльемъ, въ которомъ, какъ видно, были искусницы. До сихъ поръ въ березовскомъ Воскресенскомъ соборѣ сохранились парчевыя священническiя ризы, со звѣздами св. Андрея на заплечьяхъ, шитыя, по преданiю, княж- нами Меншиковыми.

Нѣкоторые биографы княжны Марiи Александровны полагають, что, заточенная въ страшный Березовъ, она могла находить не малое утѣшенiе въ мысли, что тѣмъ самымъ избавилась отъ подне- вольнаго брака съ нелюбимымъ ею и равнодушнымъ къ ней импе- раторомъ-отрокомъ,—брака тѣмъ болѣе для нея неприятнаго, что она страстно любила Сапѣгу. Едва ли это было такъ. Слишкомъ ужъ въ дорогую цѣну обошлось бы такое утѣшенiе, особенно, если при- нять во вниманiе, что перспектива стать императрицей не могла не искупать въ значительной долѣ и принесенную ею сердечную жертву.

Впрочемъ, утѣшаться чѣмъ бы то ни было бѣдной княжнѣ пришлось не долго. Горестныя утраты и страданiя, жестокия лишенiя и бѣдствiя за время опалы и ссылки, суровый, наконецъ, кли- матъ Березова подломили ея молодую нѣжную натуру. 12-го ноября 1729 г., т. е., спустя, годъ и четыре мѣсяца послѣ заточенiя въ Березовѣ, умеръ князь А. Д. Меншиковъ на 56-мъ году жизни, а черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ капитанъ Миклашевскiй коротко доносиль тобольскому губернатору: «декабря 26 дня 1729 года Меншикова дочь Марья въ Березовѣ умре». Замѣчательно, что княжна умерла въ день своего рожденiя (26-го декабря 1711 г.), значить, какъ разъ, когда ей исполнилось 18 лѣтъ. Скончалась она, какъ говоритъ Бантышъ-Каменскiй, «не столько отъ оспы, сколько отъ печали». При этомъ биографъ рассказываетъ трогательную сцену, какъ «передъ послѣднимъ вздохомъ, на увѣщанiе отца, чтобы она встрѣтила смерть съ вѣрою и мужествомъ, Марiя отвѣчала: «Не только не боюсь я, переходя отъ этой жизни въ другую, но даже желаю, чтобы часъ кончины моей на- сталъ скорѣе».—«Научитесь,—сказаль тогда Меншиковъ сыну и младшей дочери,—умирать, не скорбя о суетѣ мiра сего». Какъ ни умилительна эта сцена, но произойти она, къ сожалѣнiю, не могла по той простой причинѣ, что Меншиковъ умеръ не послѣ своей дочери, какъ ошибочно полагаль Бантышъ-Каменскiй и друг.

писатели, а прежде ея, въ чемъ теперь не можетъ быть никакого сомнѣнія¹⁾.

Есть еще одно спорное преданіе, записанное въ 40-хъ годахъ нашего столѣтія со словъ березовскихъ старожилловъ. Разсказываютъ, будто въ 1728 году, вслѣдъ за Меншиковыми, пріѣхалъ въ Березовъ безъ вѣдома начальства и подъ чужимъ именемъ какой-то князь Федоръ Долгоруковъ, давно влюбленный въ княжну Марію Александровну. Спросился онъ, будто бы, за границу, но, вмѣсто того, влекомый пылкой страстью къ опальной княжнѣ, обманомъ помчался за нею въ Сибирь, на край свѣта—и не напрасно: княжна встрѣтила его благосклонно, и они, будто бы, повѣнчались, причемъ вѣнчавшій ихъ священникъ получилъ въ награду барсовый плащъ, который по сіе время хранится въ его потомствѣ. Потомъ, лѣтней порой, березовскіе жители часто видѣли молодыхъ супруговъ, какъ они прогуливались по берегу Сосвы, и при этомъ запомнили даже, что княгиня Марія Александровна всегда являлась въ черномъ платьѣ, чаще всего бархатномъ, обшитомъ серебряными блондами. Черезъ годъ послѣ свадьбы княгиня умерла, будто бы, отъ несчастныхъ родовъ мертвыми двойнями и вмѣстѣ съ ними была похоронена въ одной могилѣ.

Сказка эта является какъ бы комментариемъ сомнительнаго факта сообщаемаго Вантышъ-Каменскимъ, объ отрытіи, по его распоряженію, въ 1825 году березовскимъ городничимъ могилы Меншикова, гдѣ оказались одинъ большой гробъ съ трупомъ взрослого чело-вѣка и два маленькихъ съ дѣтскими костями. Городничій отпортовалъ, что это и были, будто бы, останки Меншикова, но присутствіе въ могилѣ загадочныхъ дѣтскихъ гробиковъ и другія несообразности навели любознательныхъ изыскателей на мысль, что усердный городничій открылъ могилу не князя Александра Даниловича, а его дочери Маріи Александровны, по мужу княгини Долгоруковой, съ ея двойнями. Этой-то догадкѣ и прислужилась выше-приведенная романическая исторія, дѣлающая честь воображенію березовскихъ Несторовъ, но не ихъ памяти и сообразительности.

Вся эта исторія отъ начала до конца — дѣло не статочное. Мыслимо ли допустить, чтобы, при тогдашней безграничной подозрительности, особенно къ важнымъ государственнымъ преступникамъ, и, въ частности, при томъ строжайшемъ тюремномъ надзорѣ, какому подвергались Меншиковы въ Березовѣ, могъ туда къ нимъ самовольно и обманомъ пріѣхать изъ столицы какой-то самоотверженно-влюбленный князь, хотя бы и инкогнито, открыто повѣнчаться съ арестанткой-княжной, да еще бывшей царской невѣстой, и пре-

¹⁾ См. извлеченныя изъ архива донесенія тобольскаго губернатора въ «Приложеніяхъ» (№№ 5 и 6) къ ст. Г. В. Есипова: «Ссылка князя Меншикова», въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1861 г., кн. 3.

«истор. вѣстн.», январь, 1898 г., т. LXXI.

благополучно прожить съ нею въ супружествѣ цѣлый годъ, никого о томъ по начальству не спрашивая и не терпя съ его стороны никакихъ препятствій и стѣсненій? Мыслимо ли допустить, чтобы о такомъ фактѣ, если бы онъ самъ по себѣ не былъ лишенъ всякаго историческаго правдоподобія, ничего не узнали, помимо березовскихъ, тобольскія власти, зорко слѣдившія за Меншиковыми, чтобы о немъ не сохранилось никакихъ письменныхъ извѣстій? Да и самъ герой этой сказки — лицо мифическое: никакого, современнаго той эпохѣ, князя Федора Долгорукова не значится ни въ исторіи, ни въ родословныхъ книгахъ. Очевидно, за сто лѣтъ съ той поры, какъ въ Березовѣ перебивали, одни вслѣдъ за другими, знаменитые ссыльные — сперва Меншиковы, а потомъ Долгоруковы, въ памяти мѣстныхъ Несторовъ и лица и событія спутались, и изъ этой путаницы, съ помощью воображенія, создались ни на что не похожія легенды.

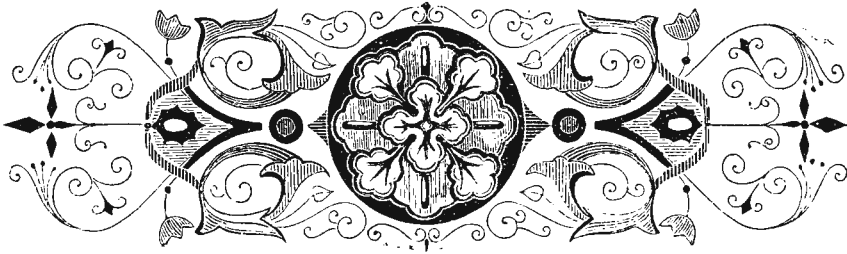
Когда въ Москву пришло извѣстіе о смерти Меншикова, вполне теперь успокоенные этимъ враги его почувствовали состраданіе къ оставленнымъ имъ сиротамъ. Путь къ оказанію имъ царской милости былъ тѣмъ легче, что, безъ сомнѣнія, и молодой государь почувствовалъ сердечную жалость къ своей бывшей невѣстѣ и тронулся ея безвинными страданіями, ея изгнаніемъ и загубленной молодостью. За десять дней до своей смерти Петръ II отдалъ чрезъ Остермана приказаніе верховному тайному совѣту освободить изъ ссылки дѣтей Меншикова, позволивъ имъ жить въ деревнѣ дяди ихъ, Василья Арсеньева, «и дать имъ на прокормленіе по 100 дворовъ изъ нижегородскихъ меншиковыхъ деревень, а сына написать въ полкъ и отдать для обученія доброму офицеру».

Постановленіе это состоялось 9-го января 1730 года, а приведено въ исполненіе не ранѣ іюля того же года, въ царствованіе уже Анны Іоанновны; но если бы оно было исполнено и своевременно, то осталось бы для княжны Марьи Александровны бесполезнымъ. Ея, какъ мы знаемъ, не было уже на свѣтѣ и въ моментъ изданія этого всемилостивѣйшаго указа.

Бантышъ-Каменскій увѣряетъ, что въ его время сохранялась еще въ Березовѣ «земляная насыпь, обведенная рѣшеткой деревянной», которая указывала «мѣсто, гдѣ покоятся останки невинной изгнанницы», то-есть, княжны Марьи Александровны. Точно ли это была ея могила — рѣшить трудно, такъ какъ кладбищенскія розысканія въ Березовѣ Бантышъ-Каменскаго, доставившія ему впоследствии столько служебныхъ неприятностей, приводили, какъ мы видѣли, къ довольно страннымъ открытіямъ, которыя совсѣмъ не соответствовали ожиданіямъ и указаніямъ мѣстныхъ археологовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

Вл. Михневичъ.

ВСТАВНЫЕ ЗУБЫ¹⁾.

(Стародавняя быль).

1.

ВЫЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ представляет въ настоящее время вставка искусственныхъ зубовъ, взаменъ испорченныхъ натуральныхъ. Вывалились у кого нибудь зубы и если не хочется оставаться беззубымъ—пожалуйте къ дантисту: онъ за недорогую плату, безъ особыхъ затрудненій, наградитъ васъ новенькими зубками, а въ случаѣ надобности при-строитъ во рту цѣлыя челюсти, да прибавитъ еще глубокомысленно, въ видѣ утѣшенія, что вставные зубы будутъ исполнять свое назначеніе лучше природныхъ. Много теперь стало зубныхъ врачей, не говоримъ уже о городахъ, хотя бы и маленькихъ, въ большихъ селеніяхъ появились зуболѣчебные кабинеты и находятъ себѣ пациентовъ.

А между тѣмъ какая трагическая исторія разыгралась лѣтъ около ста тому назадъ, на почвѣ зубоврачебной практики, въ Курской губерніи. Страшно сказать: о вставкѣ всего четырехъ зубовъ производилось обширное уголовное дѣло, о ней разсуждали сенатъ, государственный совѣтъ и святѣйшій синодъ, о ней докладывали госу-

¹⁾ Разсказъ основанъ на данныхъ архивныхъ документовъ.

дарю императору Александру Павловичу... Вставка зубовъ вызвала возмущеніе крестьянъ, которое приняло довольно значительные размѣры и было усмирено только военною силой... И все это произошло изъ-за четырехъ сгнившихъ и вывалившихся несвоевременно зубовъ.

Случилось это такимъ образомъ.

Какъ мы сказали, около ста лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ уѣздовъ Курской губерніи проживала богатая помѣщица Нашлова. Она владѣла большимъ имѣніемъ съ цѣлою слободою крестьянъ. Помѣщица была вдова. Имѣніемъ ея завѣдывалъ управляющій, Лобеевъ, обращавшійся съ крестьянами сурово и ими нелюбимый. Лобеевъ былъ человѣкъ довольно образованный по тому времени, красивый и пользовался безграничнымъ довѣріемъ Нашловой. Нѣсколько лѣтъ помѣщица и управляющій жили въ добромъ согласіи.

На бѣду выпали у Лобеева, въ одно прекрасное время, зубы и какъ разъ на передней челюсти. Большая дыра стала зиять въ то время, когда Лобеевъ раскрывалъ ротъ. Такъ называемыхъ «жениховскихъ» зубовъ не хватало. Тогда управляющій рѣшился во что бы то ни стало замѣнить выпавшіе зубы вставными. Ъздилъ онъ съ этой цѣлю въ Курскъ, но тамъ дантистовъ не оказалось. Куряне, утратившіе свои зубы, ходили «щербатыми». Двухъ-трехъ магнатовъ, вставившихъ себѣ зубы въ Петербургѣ или Парижѣ, указывали, какъ своего рода знаменитостей, и Лобееву знакомые совѣтовали съѣздить за зубами въ Питерь.

Но онъ сначала написалъ своему пріятелю въ Орелъ: не найдется ли тамъ искусникъ по зубной части и не освободитъ ли его отъ безобразія, о которомъ докладывало Лобееву зеркало. Отвѣтъ пріятеля не замедлилъ. Въ письмѣ своемъ онъ увѣдомилъ о томъ, что «у насъ въ Орелѣ знатный лѣкарь имѣется, который, что есть касаемое зубъ, хотя и за дорогую цѣну, но излѣчиваетъ и оныя вставляетъ».

Лобеевъ обрадовался. Того, что вставить зубы будетъ стоить дешево, онъ не боялся. На это хватить денегъ. Главное—поскорѣ бы заплататъ прорѣху въ зубахъ, да получше, чтобы они не вываливались, какъ то случилось съ однимъ знакомымъ Лобееву помѣщикомъ, который, однажды за обѣдомъ, проглотилъ свой собственный зубъ.

На другой день, послѣ полученія письма, приказчикъ Лобеева отправился въ Орелъ съ письмами къ пріятелю и лѣкарю, съ запасомъ денегъ и съ наказомъ, елико возможно скорѣ залучить лѣкаря и доставить его въ имѣніе. Въ обширныхъ покояхъ нашловскаго дома отведена была для ожидаемаго дангиста приличная квартира, подготовлено угощеніе и вознагражденіе. Лобеевъ посиживалъ на балконѣ барскихъ хоромъ, пристально смотрѣлъ на орловскую дорогу, ждалъ и надѣялся. Была ли въ это время въ имѣніи его

владѣлица или нѣтъ—неизвѣстно, хотя изъ обстоятельствъ дѣла можно заключить, что именно тогда она находилась въ отсутствіи; можетъ быть, управляющій ожидалъ ея пріѣзда, а потому и спѣшилъ со вставкой зубовъ.

2.

Былъ тихій весенній вечеръ. По орловской дорогѣ катилъ тарантасъ. Тройка усталыхъ коней приободрилась, завидѣвъ родныя мѣста. Бородатый кучеръ ловко правилъ; рядомъ съ нимъ на козлахъ торчалъ приказчикъ Лобеева. А въ тарантасѣ полулежалъ пожилой, съ гладко выбритымъ лицомъ, мужчина, лѣтъ пятидесяти, въ шинели и высокой шляпѣ. Это и былъ желанный лѣкарь. Лобеевъ, издали завидѣвъ тарантасъ, встрепенулся и засуетился. Въ домѣ поднялась бѣготня. Во главѣ слугъ управляющій, несмотря на свою тучность, стремительно сбѣжалъ по ступенькамъ лѣстницы во дворъ и встрѣтилъ дантиста у воротъ. Съ нимъ онъ до сей поры не былъ знакомъ, а между тѣмъ бросился къ нему, какъ къ родному, и поспѣшилъ заключить въ объятія. Лѣкарь привѣтствовалъ своего будущаго пациента довольно холодно. Его безстрастное лицо не оживилось.

— Уфъ!—было его первое слово, когда онъ вылѣзалъ изъ тарантаса.—Ужасно усталъ въ дорогѣ.

Онъ усердно сталъ стряхивать пыль съ шинели.

— Не беспокойтесь... ради Бога не беспокойтесь,—упрашивалъ Лобеевъ.—Люди все сдѣлають... какъ надо.

И люди уже дѣлали, что надо. Чуть не на рукахъ понесли они дорогаго гостя въ покои дома.

— Стойте!.. вдругъ закричалъ лѣкарь.—Мой бауль!..

Изъ тарантаса подали бауль. Взявъ его въ руки, онъ сталъ подниматься на лѣстницу. Лобеевъ искоса поглядывалъ на бауль, предполагая, что въ немъ лежатъ медицинскіе инструменты и искусственные зубы, въ которыхъ ему вскорѣ придется щеголять.

Дантистъ хорошенько напился кушаньями, предложенными гостепріимнымъ хозяиномъ, выпилъ довольно изрядно, но о цѣли своего пріѣзда не сказалъ ни слова. Вообще онъ былъ неразговорчивъ и на вопросы управляющаго отдѣливался краткими репликами. Выраженіе лица его было задумчивымъ. По временамъ онъ испускалъ глубокіе вздохи, пыхтѣлъ и отдувался, надувая полушаріями щеки. Лобеевъ не рѣшался пока заговорить о предстоящей операціи, ожидая, не начнетъ ли о ней самъ лѣкарь. А тотъ, наѣвшись вволю и отдохнувъ въ отведенномъ ему помѣщеніи, вышелъ къ вечернему чаю и тутъ какъ-то экспромптомъ сказалъ:

— Покажите-ка ваши зубы... а?.. можно ли вамъ будетъ помочь?

Лобеевъ моментально раскрылъ ротъ и предоставилъ его наблю-

деніямъ орловскаго дантиста. Онъ со страхомъ ожидалъ, что изречетъ тотъ.

Лѣкаръ смотрѣлъ въ ротъ недолго.

— Довольно,—сказалъ онъ, отступая отъ пациента, и больше не промолвилъ ни слова.

Лобеевъ собрался съ духомъ и спросилъ:

— Докторъ! можете вы помочь мнѣ... новые зубы вставить?

— Конечно,—протянулъ дантистъ,—завтра утромъ, на свѣжую память выпользуемъ васъ... Да!

На слѣдующее утро Лобеевъ приготовился къ совершенію операціи. Лѣкаръ возился въ своей комнатѣ и что-то готовилъ. Наконецъ вышелъ къ чаю, основательно ублаговторилъ себя китайскимъ напиткомъ, однако же «съ ромашкой», которую съ улыбкою, еле замѣтно искривившей его ротъ, попросилъ у хозяина. Тотъ немедленно подалъ бутылочку ямайскаго рома и подливалъ его усердно гостю. Напившись вѣласть, онъ пригласилъ пациента въ свою комнату. На столѣ были разложены зубныя орудія, стояли флаконы съ жидкостями. Докторъ ¹⁾ засучилъ рукава и надѣлъ бѣлый передникъ.

— Потрудитесь,—сказалъ онъ,—прикажите принести веревку.

— Какую веревку?—спросилъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ хозяинъ.

— Да покрѣпче какую... Бечевку, что ли... только потолще...

По приказанію Лобеева принесли веревку.

— «Значитъ же больно мнѣ будетъ,—подумалъ онъ,—если меня веревками свяжутъ»,—и спросилъ:

— Что мнѣ очень больно будетъ? Скажите, пожалуйста.

— Н-нѣтъ,—промычалъ дантистъ,—зачѣмъ больно?—и прибавилъ какъ бы про себя:

— Все готово.

Между тѣмъ Лобеевъ съ жадностью смотрѣлъ на столъ. Онъ жаждалъ увидѣть искусственные зубы, которые привезъ лѣкаръ, и нигдѣ не находилъ ихъ. На столѣ не было ни зубовъ, ни какого либо ящичка или свертка, гдѣ они могли быть спрятаны. Не утерпѣлъ онъ и спросилъ:

— Докторъ, а гдѣ же зубы? Можно мнѣ ихъ посмотреть?

— Какіе зубы?—въ свою очередь спросилъ лѣкаръ.

— Да тѣ самые, что вы мнѣ вставлять будете вмѣсто моихъ.

Лобеевъ ткнулъ пальцемъ по направленію къ своему рту и прибавилъ:

— Вѣдь вы привезли съ собой зубы?

— Зубы?—проговорилъ лѣкаръ.—Никакихъ зубовъ я не привозилъ.

1) Изъ дѣла видно, что орловскій дантистъ былъ именно врачомъ, а не простымъ дантистомъ.

Лобеевъ такъ и ахнулъ.

— Такъ что же вы вставлятъ мнѣ будете?—вскричалъ онъ.

— Какъ что? Зубы. Мы ихъ у вашихъ людей заимствуемъ... Я извлеку у вашихъ людей потребное число зубовъ, вымою ихъ въ уксусѣ «четырехъ разбойниковъ» и засямъ вставлю.

Лобеевъ былъ пораженъ.

— Такъ всѣ дѣлають,—спокойно проговорилъ лѣкаръ.

— А я читалъ въ газетахъ,—сказалъ Лобеевъ,—что вставные зубы за границей дѣлаются изъ слоновой кости...

— То за границей, а то у насъ... А впрочемъ, если не угодно, то какъ угодно...

И орловскій цѣлитель сдѣлалъ движеніе, чтобы снять съ себя фартукъ.

.

Изъ села въ помѣщичій домъ было собрано десятка два женщинъ. Каждая изъ нихъ раскрывала ротъ передъ лѣкаремъ, и онъ осматривалъ зубы. Неизвѣстно, почему онъ предпочелъ для мужчины Лобеева воспользоваться женскими зубами. Быть можетъ, онъ находилъ, что съ крестьянками легче справиться, чѣмъ съ мужиками. Какъ бы то ни было, изъ осмотрѣнныхъ отобралъ онъ четверыхъ. Отобранныя—имена ихъ сохранило «уголовное дѣло»—Марина Алешина, Пелагея Понырева, Анисья Нащокина и солдатка Прасковья Никитина—плакали навзрыдъ и молили избавить ихъ отъ выдергиванія зубовъ, въ чемъ онѣ видѣли для себя страшный, ничѣмъ несмыываемый позоръ. Счастливицы же, отпущенныя лѣкаремъ, бросились скорѣе въ слободу по избамъ, чтобы повѣдать своимъ роднымъ о новой жестокости управляющаго. Ихъ выручили зубы, такъ какъ они не отличались такою крѣпостью и бѣлизной, какія лѣкаръ примѣтилъ у четверыхъ оставленныхъ.

Лобеевъ сперва недоумѣвалъ, почему дантистъ оставилъ въ своемъ кабинетѣ не одну, а четырехъ женщинъ, но недоумѣніе его скоро разъяснилось. Оказалось, что такъ поступилъ онъ во имя челоуѣколюбія—чтобы одну женщину не лишитъ сразу четырехъ зубовъ и чтобы имъ не столь мучительна была операція.

Такъ рассуждалъ лѣкаръ. А между тѣмъ, какъ видно изъ дѣла, подвергнутыя операція женщины страшно страдали и болѣе всего нравственно. Вырываніе, хотя бы по одному зубу, казалось имъ смертельнымъ позоромъ. Онѣ просили лучше убить ихъ, чѣмъ опозорить.

Но, разумѣется, мольбы и стоны не помогли. Не теряя времени, съ помощью дворовыхъ, лѣкаръ препроводилъ женщинъ одну за другой въ кабинетъ и тамъ вырвалъ у каждой по переднему зубу. Вотъ тутъ-то пригодилась ему веревка, о которой онъ предусмотрительно позаботился. Веревка эта побѣдила отчаянное сопротивление обреченныхъ. Добывъ коллекцію зубовъ, лѣкаръ погрузилъ ихъ въ уксусъ «четырехъ разбойниковъ», а самъ отмывалъ свои окровавленные руки.

3.

Сцена дѣйствія перемѣняется. Вставилъ ли орловскій лѣкарь вырванные у женщинъ зубы своему пациенту, былъ ли тотъ доволенъ ими, долго ли они ему служили, объ этомъ исторія умалчиваетъ... Въ слободѣ, принадлежавшей Нашловой, сосредоточивается теперь дѣйствіе. Пострадали всего лишь четыре женщины изъ многочисленнаго населенія слободы, а между тѣмъ заволновалось все крестьянство, и началось, такъ называемое, «неповиновеніе помѣщичьей власти». Повидимому, крѣпостныхъ, какъ громомъ, поразилъ фактъ вырванія зубовъ, и не хотѣли они примириться съ нимъ. Вскорѣ, мы видимъ, помѣщица Нашлова подаетъ «два объявленія о неповиновеніи ей крестьянъ» земскому исправнику. Тотъ немедленно съ полицейскими властями «сѣзжаетъ» на мѣсто, но порядка не водворяетъ, и скорѣе посылаетъ «доношеніе» въ Курскъ о томъ, чтобы для водворенія спокойствія въ имѣніи Нашловой выслана была военная сила. Губернское правленіе дѣлаетъ зависящее распоряженіе. На основаніи этого распоряженія, изъ Курска выступила военная команда, и съ нею выѣхалъ въ имѣніе Нашловой чиновникъ губернскаго правленія. Чтобы захватить возмущившихся крестьянъ врасплохъ и избѣжать кровопролитія, такъ какъ извѣстно было, что крестьяне вооружились топорами, косами и кольями съ желѣзными наконечниками, прибывшій изъ Курска чиновникъ распорядился спрятать солдатъ въ оврагѣ, неподалеку отъ мятежной слободы и войти въ слободу рано утромъ на разсвѣтѣ, когда слобожане не были бы приготовлены къ атакѣ военной силы. Такъ и было сдѣлано, но лишь только раннимъ утромъ солдаты зашевелились, чтобы двинуться изъ оврага, какъ съ слободской колокольни раздался отчаянный звонъ, и крестьяне приготовились къ встрѣчѣ военной силы... Оказалось, что слобода-то была не видна изъ оврага, куда засѣли солдаты, но съ церковной колокольни былъ виденъ военный станъ. Рота подошла къ слободѣ; крестьяне стояли толпой, оружіе наготовѣ. Капитанъ подошелъ къ оградѣ церкви. Она была заперта. Онъ потребовалъ, чтобы двери были открыты. Священникъ на это не соглашался и требовалъ отъ капитана «предписанія высшаго начальства». Тотъ велѣлъ солдатамъ взломать двери и проникнуть въ ограду. Черезъ минуту они уже очутились на колокольнѣ и, по командѣ капитана, оторвали у всѣхъ колоколовъ языки и взяли ихъ съ собой. Затѣмъ «направо кругомъ» вся рота отступила и удалась въ свой лагерь. Вооруженныхъ крестьянъ было много, и кроваваго столкновенія съ ними капитанъ, видимо, избѣгалъ, несмотря на то, что чиновникъ убѣждалъ его, не теряя времени, ударить на бунтовщиковъ и рассѣять ихъ скопище.

Капитанъ рѣшилъ иначе: опять пуститься на военную хитрость и ночью (а ночь была июньская, слѣдовательно, свѣтлая) сдѣлать атаку и захватить крестьянъ врасплохъ. Звона колоколовъ онъ не боялся, языки съ нихъ были въ лагерѣ.

Такъ и было сдѣлано. Еще не забрезжилось на востокѣ, какъ рота бѣгомъ пустилась изъ оврага. Нужно было пробѣжать версты три. Но не успѣли солдаты сдѣлать и десяти шаговъ, какъ съ колокольни забалабонили всѣ колокола. Засимъ повторилась вчерашняя исторія. Крестьяне предстали предъ солдатами во всеоружіи.

Капитанъ былъ внѣ себя отъ ярости. Ловко задуманная имъ стратегія потерпѣла fiasco. А между тѣмъ онъ не предусмотрѣлъ весьма простаго обстоятельства—забравшіеся на колокольню часовые забили въ колокола топорами, молотками и т. п. орудіями. Вотъ вамъ и звонъ безъ языковъ.

Послѣ двухъ неудачныхъ попытокъ капитанъ не рѣшился все-таки вступить въ открытый бой. Онъ потребовалъ изъ Курска подкрѣпленій. Прислали еще роту солдатъ, и тогда совершенно было усмиреніе вышедшихъ изъ повиновенія крестьянъ, причемъ, разумѣется, оказалось немало убитыхъ и раненыхъ. За усмиреніемъ послѣдовала военная экзекуція, и спокойствіе въ имѣніи Нашловой было восстановлено.

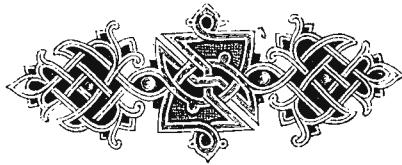
Вслѣдъ за тѣмъ крестьяне подали на свою владѣлицу и управляющаго жалобы: предводителю, исправнику, губернатору. Земскій судъ поручилъ произвести слѣдствіе своему засѣдателю Лакисову. Засѣдатель не спѣшилъ производствомъ слѣдствія, а когда его окончилъ, то передалъ въ уѣздный судъ, гдѣ оно застряло на нѣсколько лѣтъ... Между тѣмъ крестьяне подали жалобу въ сенатъ, и отъ сената былъ присланъ запросъ въ уѣздный судъ относительно медленности производства дѣла о Лобеевѣ... Судъ не спѣшилъ отвѣчать и сенату, и ждалъ, по старинному выраженію, «третьяго указа». Вотъ въ это-то время продѣлка съ крестьянками Лобеева дошла до свѣдѣнія государя Александра Павловича и вызвала высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы тогдашній курскій губернаторъ, помимо всѣхъ судебныхъ и административныхъ властей, лично произвелъ слѣдствіе о вырванныхъ у крестьяночекъ зубахъ и результаты слѣдствія представить въ государственный совѣтъ для разсмотрѣнія. Губернаторъ дѣятельно взялся за слѣдствіе, самъ допросилъ всѣхъ, кто могъ дать по дѣлу тѣ или другія свѣдѣнія... О способѣ производства имъ слѣдствія можетъ дать понятіе то обстоятельство, что къ нѣкоторымъ свидѣтелямъ ночью являлись жандармы и сейчасъ же отправляли ихъ въ квартиру губернатора, гдѣ онъ самъ допрашивалъ и самъ записывалъ показанія. Такая исторія произошла съ мѣстнымъ священникомъ, который не пускалъ капитана въ ограду церкви. «Ночью на 15-е ноября,—писалъ онъ

въ своемъ объясненіи консисторія ¹⁾),—въ мой домъ внезапно явились два человѣка и сейчасъ же препроводили меня въ уѣздный городъ къ губернатору для снятія допроса».

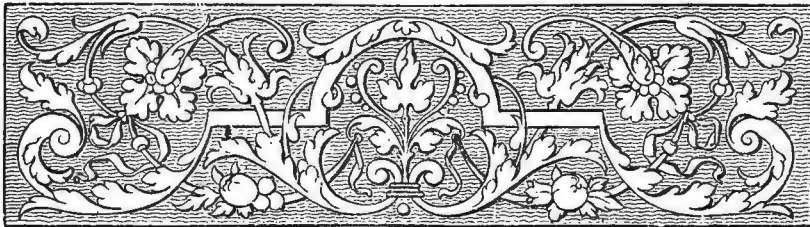
Губернаторъ нашелъ, что слѣдствіе велось неправильно и пристрастно. «Ходъ дѣла сего,—писалъ онъ въ своемъ докладѣ,—обнаруживаетъ умыселъ уѣзднаго суда и согласіе засѣдателя Лакисова подвести дѣло сіе подъ всемилостивѣйшій манифестъ, 30-го августа 1814 года состоявшійся...». Губернаторъ указалъ на преступныя дѣйствія чиновъ земскаго и уѣзднаго суда по дѣлу Лобеева и представилъ въ государственный совѣтъ это дѣло во всей его неприглядной наготѣ. По постановленію государственнаго совѣта, утвержденному государемъ Александромъ Павловичемъ, виновные понесли должное наказаніе; члены уѣзднаго суда и засѣдатель земскаго были отрѣшены отъ должностей и преданы сужденію палаты уголовного суда, а на членовъ земскаго суда и на уѣзднаго стряпчаго была наложена денежная пеня.

Вотъ какъ иногда въ старину вставляли зубы.

А. Танковъ.

¹⁾ Нужно замѣтить, что въ лобеевскомъ дѣлѣ былъ замѣшанъ и священникъ. Разслѣдованіе о его дѣйствіяхъ доходило до святѣйшаго синода; но по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла онъ былъ оправданъ.

ТОВАРИЩИ Ф. М. ДОСТОЕВСКАГО ПО КАТОРГѢ.

О ВРЕМЯ моей послѣдней поѣздки въ степныя области я имѣлъ возможность видѣть въ г. Омскѣ любопытный документъ, касающійся пребыванія Ф. М. Достоевскаго и шести другихъ политическихъ преступниковъ въ бывшей омской каторжной тюрьмѣ, въ 1850 году. Документъ этотъ, официального происхожденія, озаглавленъ: «Статейный списокъ о государственныхъ и политическихъ преступникахъ, находящихся въ Омской крѣпости въ каторжной работѣ 2-го разряда, юня 19-го дня 1850 года», и интересенъ не только самъ по себѣ, но также потому, что, благодаря этому списку, легко узнать нѣкоторыхъ изъ тѣхъ многострадальныхъ узниковъ, о которыхъ говоритъ Достоевскій въ своихъ «Запискахъ изъ Мертваго дома».

Я привожу здѣсь списокъ цѣликомъ, сохраняя его орфографію. Въ немъ названы шесть невольныхъ сожителей Достоевскаго. М—кій, о которомъ Достоевскій говоритъ, что онъ «хорошо сошелся съ перваго раза; никогда съ нимъ не ссорился, уважалъ его, но полюбить его, привязаться къ нему, никогда не могъ. Это былъ недвѣрчивый и озлобленный человѣкъ»... былъ Александръ Мирецкій. Этотъ «чёрнорабочій» по приходѣ на каторгу былъ наказанъ 500 ударами шпицрутеновъ и, конечно, «никогда не могъ забыть этой страницы изъ своего прошедшаго». «Когда я спросилъ его, — рассказываетъ Достоевскій, — правда ли это и какъ это было ¹⁾, онъ

¹⁾ «Записки изъ Мертваго дома».

Статейный список о государственных и политических преступниках, находящ

№	Имя и прозвище съ показаніемъ лѣтъ отроду.	Наружные примѣты и недостатки.	Какого тѣ-доложенія.	Изъ какой губернии родомъ и кому принадлежать.	Когда доставлены въ работу.	За что осуждены въ работу.	По чему рѣшено.
1	Александръ Мирецкій 30 лѣтъ.	Лицомъ чистъ, глаза желтокаріе, волоса свѣтлорусые.	Крѣпкаго.	Царства Польскаго Краковскій уроженецъ.	1846 года Августа 22 1848 года октября 20	За участіе въ заговорѣ къ прозведенію въ Царствѣ Польскомъ бунга.	Генер.-Фельдмаршала кн. Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго. По предписанію Управляющаго Инспекторскою частью Инженернаго корпуса отъ 23 сент. 1848 года за № 2093 переведенъ въ разрядъ военносрочн. арестантовъ съ освобожденіемъ отъ оковъ.
2	Павель Аристовъ 21 года	Лицомъ чистъ, глаза сѣрые, носъ продолговатый.	Крѣпкаго.	Московск. губерніи изъ неслужащихъ дворянъ.	1849 года октября 27.	За ложное взведеніе на виновныхъ лицъ государственнаго преступленія.	По Высочайше утвержденному рѣшенію Генераль-Аудиториата.
3	Иосифъ Жаховскій 50 лѣтъ.	Лицомъ рябъ, глаза сѣрые, носъ умѣренный.	Крѣпкаго.	По словамъ его изъ шляхтичей, бывшій профессоръ.	Въ крѣпость Усть-каменогорскую 1848 года декабря 8, въ Омскую 1849 года Октября 31.	За что именно поступилъ въ работу, того изъ распределительнаго списка учившагося большакомъ приказомъ о ссыльных, не значится.	По подтвержденіи Главнокомандующаго дѣйствующей Арміею, приговоренъ къ смертной казни, но при самомъ исполненіи приговора объявлено дарованіе жизни.
4	Шимонъ Токаржевскій 27 лѣтъ.	Лицомъ чистъ, глаза сѣрые, носъ продолговатый, волоса русые.	Крѣпкаго	Изъ политическихъ преступниковъ.	Въ крѣпость Усть-каменогорскую 1848 года Декабря 24, въ Омскую 1849 года Октября 31	За намѣреніе участвовать въ мятежныхъ замыслахъ бывшаго ксенза Сцегеннаго, съ каковою цѣлью слѣдовало съ другими заговорщиками подѣл. Кельцы, но по узнаніи на пути объ открытіи заговора бѣжалъ за границу, откуда въ 1847 г. былъ переданъ подѣл. Феликса Ходкевича.	По подтвержденіи Главнокомандующаго дѣйствующей Арміею.
5	Иосифъ Богуславскій 31 года.	Лицо круглое, худощавое, глаза сѣрые, волосы темнорусые, на лѣвой щекѣ родимый знакъ въ родѣ бородавки.	Крѣпкаго.	Изъ дворянъ Царства Польскаго.	Въ крѣпость Усть-каменогорскую 1849 г. февр. 3, въ Омскую того же года Окт. 31.	За участіе въ преступныхъ замыслахъ эпископа Рера.	По подтвержденіи Главнокомандующаго дѣйствующей Арміею.
6	Сергій Дуровъ 33 лѣтъ.	Лицо чистое, волосы черные, глаза темнокаріе, носъ и ротъ обыкновенные.	Крѣпкаго.	Бывшій отставной коллежскій Ассесоръ.	1850 года Генваря 23.	За участіе въ преступныхъ замыслахъ, учрежденіе у себя въ квартирѣ собранія для этой цѣли и къ покушенію къ распространенію сочиненій противъ правительства посредствомъ домашн. литографіи.	По Высочайшей подтвержденіи, послѣдовавшей на докладъ Генераль-Аудиториата.
7	Федоръ Достоевскій 28 лѣтъ.	Лицо чистое, блѣдое, глаза сѣрые, носъ обыкновенн., волоса свѣтлорусые, на лбу надъ лѣвой бровью небольшой рубецъ.	Крѣпкаго.	Бывшій отставной поручикъ.	1850 года Генваря 23.	За принятіе участія въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе письма литератора Бѣлинскаго, наполненнаго дерскими выраженіями противъ Православной церкви и Верховной власти и покушеніе вмѣстѣ съ прочими къ распространенію сочинен. противъ Правительства посредствомъ домашн. литографіи.	По Высочайшей подтвержденіи, послѣдовавшей на докладъ Генераль-Аудиториата.

ихся въ Омской крѣпости въ каторжной работѣ 2 разряда. Юня 19-го дня 1850 года.

Какое получили при отсылкѣ въ работу наказаніе.	Какого поведенія.	На какой именно срокъ присланы въ работу.	Какого вѣроисповѣданія	Какое знаютъ мастерство и умѣютъ ли грамотѣ.	Рангир-ная мѣра.	Холосты или женаты и въ послѣднемъ случаѣ гдѣ жена и дѣти.
Шпицрутенами черезъ 500 человекъ одинъ разъ.	Въ дурныхъ поступкахъ не замѣченъ, но въ нравственности сомнителенъ.	Въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.	Католическаго.	Чернорабочій, грамотѣ: польской, французской, нѣмецкой и російской знаетъ.	2 арш. 5 верш.	Холостъ.
Безъ тѣлеснаго наказанія лишень всѣхъ правъ состоянія.	Ведеть себя хорошо.	Въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.	Православнаго.	Чернорабочій, грамотѣ умѣеть.	2 арш. 7 верш.	Холостъ.
Безъ тѣлеснаго наказанія лишень всѣхъ правъ состоянія.	Ведеть себя хорошо.	Въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.	Католическаго.	Чернорабочій, грамотѣ по російски и по польски знаетъ.	2 арш. 7 верш.	Холостъ.
Наказанъ шпицрутенами черезъ 500 человекъ одинъ разъ.	Ведеть себя хорошо.	Въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.	Католическаго.	Чернорабочій, грамотѣ по польски читать и писать умѣеть.	2 арш. 7 верш.	Холостъ.
Лишень всѣхъ правъ состоянія съ переломленіемъ надъ головою черезъ палача шпига.	Ведеть себя хорошо.	Въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на десять лѣтъ.	Католическаго.	Чернорабочій, грамотѣ по польски читать и писать умѣеть.	2 арш. 4 ¹ / ₄ верш.	Холостъ.
Лишень всѣхъ правъ состоянія.	Ведеть себя хорошо.	Въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на четыре года, съ опредѣленіемъ потомъ на службу рядовымъ.	Православнаго.	Чернорабочій, грамотѣ знаетъ.	2 арш. 6 ¹ / ₄ верш.	Холостъ.
Лишень всѣхъ правъ состоянія.	Ведеть себя хорошо.	Въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на четыре года, съ опредѣленіемъ потомъ на службу рядовымъ.	Православнаго.	Чернорабочій, грамотѣ знаетъ.	2 арш. 6 верш.	Холостъ.

Омскій комендантъ полковникъ де-Граве.

отвѣтилъ какъ-то коротко, какъ будто съ какою-то внутренней болью, точно стараясь не глядѣть на меня, и лицо его покраснѣло; черезъ полминуты онъ посмотрѣлъ на меня, и въ глазахъ его засверкалъ огонь ненависти, а губы затряслись отъ негодованія».

«Старикъ Ж—кій» (Иосифъ Жаховскій), бывший профессоръ математики, былъ наказанъ ста ударами розогъ при самомъ вступленіи въ крѣпость». Достоевскій передаетъ этотъ случай слѣдующими словами: «Въ какомъ они видѣ!—заревѣлъ онъ:—это бродяги, разбойники!» (такъ встрѣтилъ начальникъ Омской крѣпости Жаховскаго вмѣстѣ съ другими, переведенными изъ Усть-Каменогорской крѣпости и отростившими въ дорогѣ волосы). «Ж—кій, тогда еще плохо понимавшій по-русски и подумавшій, что ихъ спрашиваютъ: кто они такіе? бродяги или разбойники? отвѣчалъ:

— «Мы не бродяги, а политическіе преступники.

— «Какъ! Ты грубить? Грубить!—заревѣлъ маіоръ:—въ кордегардію! Сто розогъ, сей же часъ, сію же минуту!

«Старика наказали...»

Мирецкій рассказывалъ Достоевскому ¹⁾, что по окончаніи экзекуціи Жаховскій долженъ былъ пройти прямо въ казарму, гдѣ его и ждали.

«Вдругъ отворилась калитка: Ж—кій, не глядя ни на кого, съ блѣднымъ лицомъ и съ дрожавшими блѣдными губами прошелъ между собравшихся на дворѣ каторжныхъ... прямо къ своему мѣсту и.. сталъ на колѣни и началъ молиться Богу... Какъ увидаль я этого старика,—говорилъ М—кій,—сѣдого, оставившаго у себя на родинѣ жену, дѣтей, какъ увидаль я его на колѣняхъ, позорно наказаннаго и молящагося,—я бросился за казармы и цѣлыхъ два часа былъ какъ безъ памяти» ²⁾.

Жаховскій такъ и не увидѣлъ свободы. «Онъ умеръ въ нашемъ госпиталѣ послѣ тяжелой болѣзни, на моихъ глазахъ» ³⁾.

Б—кій (Иосифъ Богуславскій) и Т—кій (Шимонъ Токаржевскій) были поразительные друзья. «Б—кій былъ больной, нѣсколько наклонный къ чахоткѣ челоуѣкъ, раздражительный и нервный, но въ сущности предобрый и даже великодушный». Токаржевскій «несъ Б—каго на рукахъ въ продолженіе чуть не всей дороги, когда тотъ, слабый здоровьемъ и сложеніемъ, уставалъ почти съ полъ-этапа» ⁴⁾.

Сергѣй Дуровъ пришелъ вмѣстѣ съ Достоевскимъ и по одному дѣлу. О немъ Достоевскій въ одномъ мѣстѣ своихъ «Записокъ изъ Мертваго дома» говоритъ: «Я съ ужасомъ смотрѣлъ на одного изъ моихъ товарищей, какъ онъ гасъ въ острогѣ, какъ свѣчка. Вошелъ

¹⁾ «Записки изъ Мертваго дома».

²⁾ Ibid.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid.

онъ въ него вмѣстѣ со мною, еще молодой, красивый, бодрый, а вышелъ полуразрушенный, сѣдой, безъ ногъ, съ одышкой».

Здѣсь кстати вспомнить вступленіе этого товарища (Дурова) и самого Достоевскаго въ острогъ. Достоевскій рассказываетъ объ этомъ такъ ¹⁾: «часу въ третьемъ пополудни мы, то-есть я и товарищъ мой, прибыли въ этотъ городъ, и конвойные прямо повели насъ къ нашему повелителю. Мы стояли въ передней, ожидая его. Между тѣмъ уже послали за острожнымъ унтеръ-офицеромъ. Какъ только явился онъ, вышелъ и плацъ-маіоръ. Багровое, угреватое и злое лицо его произвело на насъ чрезвычайно тоскливое впечатлѣніе: точно злой паукъ выбѣжалъ на бѣдную муху, попавшуюся въ его паутину.

— «Какъ тебя зовутъ?»—спросилъ онъ моего товарища. Онъ говорилъ скоро, рѣзко, отрывисто и, очевидно, хотѣлъ произвести на насъ впечатлѣніе.

— «Такой-то.

— «Тебя?»—продолжалъ онъ, обращаясь ко мнѣ, уставивъ на меня свои очки.

— «Такой-то.

— «Унтеръ-офицеръ! Сейчасъ ихъ въ острогъ, выбрить въ кордегардіи по гражданскому, немедленно, половину головы; кандалы перековать завтра же... Все отобрать. Отдать имъ только одно бѣлье, и то бѣлое, а цвѣтное, если есть, отобрать...—Вести себя хорошо! Чтобъ я не слыхалъ! Не то... тѣлеснымъ наказаніемъ! За малѣйшій проступокъ—р-р-розги!..».

Въ статейномъ спискѣ, въ числѣ другихъ политическихъ преступниковъ, значится Павелъ Аристовъ. Собственно политическаго преступления онъ не совершилъ и попалъ въ каторжныя работы только за ложный политическій доносъ. «Это былъ ²⁾ самый отвратительный примѣръ, до чего можетъ опуститься и исподлиться человѣкъ и до какой степени можетъ убить въ себѣ всякое нравственное чувство, безъ труда и безъ раскаянія».

Аристовъ, разумѣется, не имѣлъ ничего общаго съ Достоевскимъ и другими политическими каторжными и продолжалъ заниматься въ острогѣ доносами и клеветами.

Въ настоящее время Омской каторжной крѣпости уже не существуетъ, но самое зданіе острога еще цѣло. Это три деревянныхъ корпуса, длинныхъ и низкихъ, въ которыхъ живутъ теперь военные музыканты и солдаты мѣстнаго гарнизона. Ничто не напоминаетъ мѣста страданій и ужаса. Ограды или высокихъ палей, о которыхъ рассказываетъ Достоевскій, уже нѣтъ; «свѣтлый, вольный міръ» по-

¹⁾ «Записки изъ Мертваго дома».

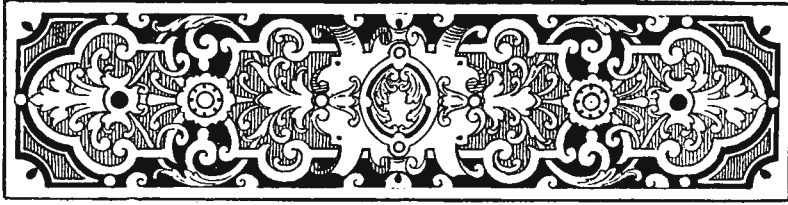
²⁾ Ibid.

дошелъ къ самымъ окнамъ казармы, и только желтая краска, въ которую окрашены всѣ зданія, казенная и скучная, вѣетъ грустью. На валу, полузасыпанномъ, растетъ высокій бурьянъ, который покрылъ собою всѣ когда-то протоптанныя дорожки. По нимъ уже не звенятъ кандалы и не пробираются каторжныя головы на Иртышъ рубить баржи или складывать камни...

Кончились каторжныя работы! А съ ними вмѣстѣ забыты страданія каторжниковъ, часто виноватыхъ не своими преступленіями, а тѣмъ только, что они жили въ жестокое время...

К. Николаевскій.

НА РАЗВАЛИНАХЪ АРМЯНСКОЙ ПАЛЬМИРЫ.

(Изъ путевыхъ впечатлѣній).

1.

Выѣздъ изъ Александрополя въ Ани.—Невниманіе къ древнимъ кавказскимъ культурамъ. — Эпизоды изъ армянской исторіи.

ОЛНЦЕ только что начало подниматься изъ-за горныхъ громадъ, и утренніе лучи его, окрасивъ пурпуромъ и золотомъ снѣжныя вершины «Божьяго Глаза»¹⁾, полились цѣлыми потоками на сѣрый будто недавно погорѣвшій Александрополь²⁾ и на голыя, безжизненные поля, охватившія его со всѣхъ сторонъ. Свѣжій ноябрьскій воздухъ, прозрачный, какъ хрусталь, и цѣлительный, какъ бальзамъ, вливался пріятной струей въ легкія и какъ будто возрождать все живущее, и давалъ новыя силы.

Ночная тишина постепенно уступала мѣсто дневному шуму и суетлѣ... Вотъ прошелъ по улицѣ, спѣша открыть свою лавку, торгошъ-армянинъ, проѣхалъ парный фаэтонъ, только что выѣхавшій на биржу; быстрыми шагами пробѣжалъ куда-то нашъ солдатикъ съ пакетомъ въ рукахъ, а его догоняла бойкая кухарка, спѣшившая на базаръ за продуктами.

¹⁾ Алагѣзъ—вѣчно снѣжная гора, верстахъ въ 60-ти отъ Александрополя.

²⁾ Бывшая пограничная крѣпость съ Турціей; теперь крѣпость-складъ и уѣздный городъ Эриванской губерніи, съ населеніемъ въ 25 тысячъ.

День обѣщаль быть великолѣпнымъ...

Въ такое прекрасное утро я выѣхалъ изъ Александрополя съ цѣлью посѣтить развалины Ани—этой послѣдней и самой блестящей столицы давно уже павшаго Армянскаго царства. Мнѣ сопутствовалъ мой пріятель Василій Ивановичъ Х—овъ. Это было первое наше путешествіе по весямъ и дебрямъ южнаго Закавказья.

Четверка порядочныхъ лошадей дружно везла нашъ фаянтъ. Черный тарантулообразный армянинъ заправлялъ съ высоты своихъ козелъ лошадьми и завѣрялъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, что часамъ къ 10-ти непременно доставитъ насъ на мѣсто.

— Не въ первый уже разъ ѣзжу туда, — говорилъ онъ, — два года назадъ, возилъ самого Дундука¹⁾, очень остался доволенъ и червонецъ подарилъ.

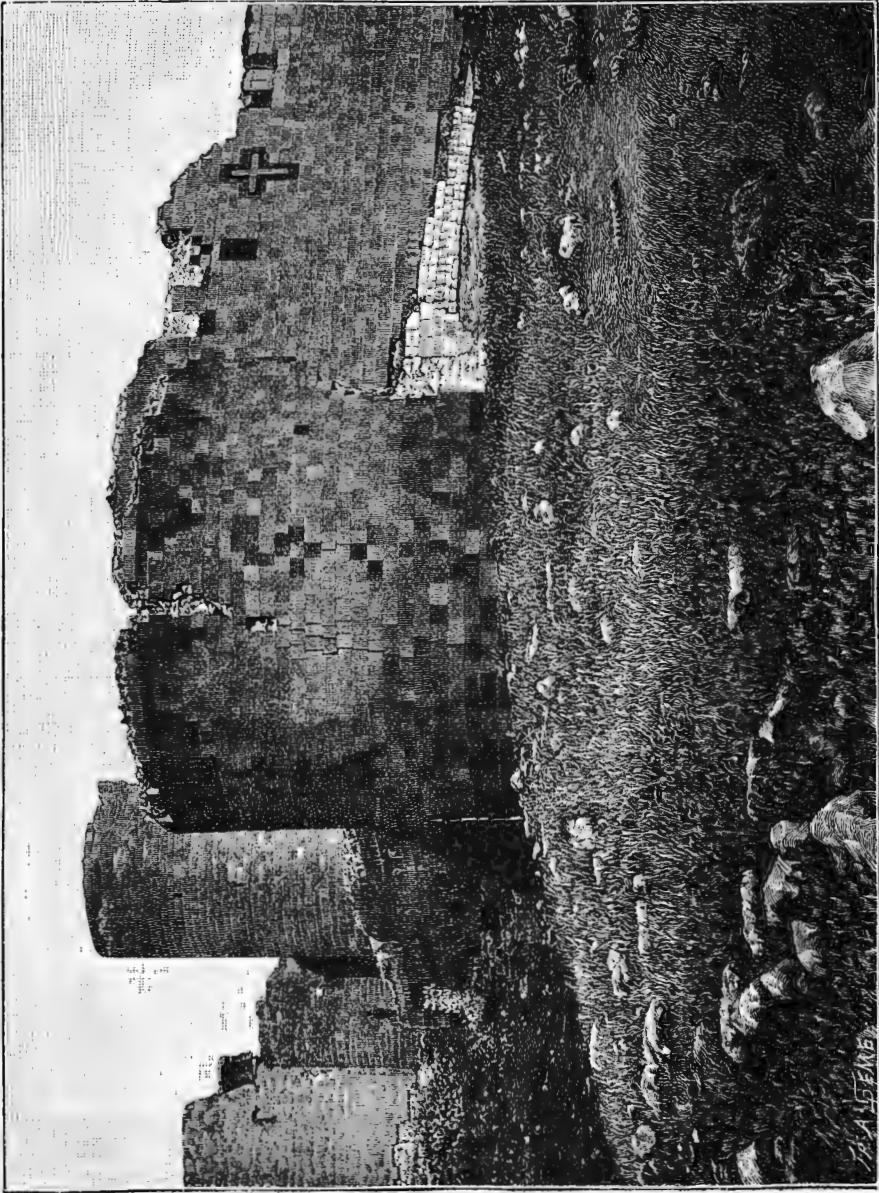
— Ну, мы тебѣ червонца не подаримъ, — отозвался Х—овъ, — а на чай дадимъ, коли доставишь обратно живыми и невредимыми.

Дорога въ началѣ шла достаточно укатанная, и между нами завязался разговоръ о судьбѣ той страны, столицу которой мы хотѣли посѣтить. Мы оба были немного знакомы съ ея прошлымъ, такъ какъ считали невозможнымъ путешествовать по краю, не проштудировавъ предварительно его исторіи.

— Знаете, что болѣе всего удивляетъ меня? — говорилъ, между прочимъ, мой спутникъ, — это равнодушіе, которое обнаруживаютъ наши учебныя заведенія къ исторіи странъ, давно уже намъ подчиненныхъ. Развѣ мы съ вами слышали что нибудь, проходя курсъ въ школѣ, о древней Арменіи или хотя бы о Грузіи, которая, вотъ уже цѣлый вѣкъ, состоитъ подъ нашимъ владычествомъ? И вы помните, какъ мы съ вами были поражены, когда, ознакомившись съ исторіей этихъ странъ, узнали, въ какую сѣдую древность уходитъ ихъ начало? Не резоннѣ ли было бы намъ, русскимъ, вмѣсто вавилонской и ассирійской исторіи, остановиться хотя бы на нѣсколько часовъ на армянской и грузинской культурахъ, разобрать ихъ исторію и отмѣтить тѣ многочисленные памятники, которые онѣ оставили послѣ себя?

— Вы совершенно правы, — отвѣтилъ я, — и еще поразительнѣе это наше равнодушіе здѣсь, на Кавказѣ, гдѣ обнаруживается почти поголовное невѣжество въ этомъ отношеніи и безусловное отсутствіе интереса къ прошлому странъ, въ которыхъ приходится жить нашему чиновничеству и офицерству. За примѣрами недалеко ходить. Мы съ вами люди пришлые на Кавказѣ, туристы, а между тѣмъ мы гораздо лучше знаемъ его прошлое, чѣмъ компатріоты, заброшенные сюда изъ Россіи, уже много лѣтъ тому назадъ. Помните, съ какимъ вниманіемъ и удивленіемъ слушалъ насъ вчера нашъ

¹⁾ Князь Дондуковъ-Корсаковъ, бывшій главноначальствующій на Кавказѣ, нынѣ покойный.

Часть стѣны съ башнями въ Ани.

хозяинъ, почтенный офицеръ, уже болѣе 30 лѣтъ прожившій на Кавказѣ, когда мы передали ему кое-что изъ прошлаго Ани? Теперь онъ заинтересованъ и, пожалуй, когданибудь соберется послѣдовать нашему примѣру и проѣдетъ на развалины армянской Пальмиры. А вѣдь до сихъ поръ ему и въ голову не приходило, что онъ живетъ въ странѣ, считающей свое историческое существованіе цѣлыми тысячелѣтіями. И тѣмъ удивительнѣе подобный индифферентизмъ, что исторія Кавказа и по существу очень интересна и по учительна. Вспомните хотя бы древнюю Арменію... За двѣ тысячи лѣтъ до Рождества Христова возникаетъ это государство и ведетъ нескончаемую упорную борьбу за право отдѣльнаго существованія съ своими сосѣдями ассирійцами, римлянами, персами, византіяцами, пока, наконецъ, не падаетъ подъ непосильнымъ бременемъ. Въ самомъ начальномъ періодѣ вы слышите про героическіе подвиги мифическаго правнука Ноя, родоначальника армянъ, рослаго, стройнаго Хайка, съ густыми кудрями и могучими руками. Помните, Моисей Хоренскій рассказываетъ, какъ этотъ «гигантъ и полубогъ», не желая подчиниться своему родственнику, вавилонскому царю Бэлъ (или Нимвроду), двинулся съ своими дѣтьми и внуками въ приаратскія страны и, покоривъ тамошнее туземное населеніе, основалъ самостоятельное Хайканское царство. Бэлъ же, могучій титанидъ, пошелъ войной на гордаго Хайка, и его безчисленныя полчища встрѣтились на равнинѣ, въ виду снѣжныхъ громадъ, съ небольшимъ, но крѣпкимъ своимъ мужествомъ и вѣрою въ предводителя, войскомъ Хайка. Ужасно было первое столкновеніе исполиновъ, задрожала земля отъ ихъ могучаго крика, и немалое число гигантовъ пало съ обѣихъ сторонъ. Побѣда долго оставалась сомнительною. Но вотъ царь-титанидъ поднялся на высокой холмъ, чтобы обозрѣть отсюда поле битвы и искуснымъ маневромъ выиграть сраженіе. Рослый и могучій Хайкъ замѣтилъ движеніе врага, крѣпко натянулъ свой огромный лукъ и послалъ трехкрылую стрѣлу въ желѣзныя латы вавилонскаго царя. Не устояла металлическая броня подъ мощнымъ ударомъ, и гордый Бэлъ грохнулся мертвый на землю, а войско его, видя смерть повелителя, въ ужасѣ разбѣжалось въ разныя стороны.

— Вы привели одну картину изъ первоначальной исторіи Арменіи, — сказалъ мой спутникъ, когда я остановился, — а развѣ далѣе не найдется столь же интересныхъ моментовъ? Развѣ не интересна борьба второго царя Арменіи, Ары Прекраснаго, съ Семирамидой, блестящей царицей Ассиріи, имя которой извѣстно всякому школьнику? По разсказу того же Моисея Хоренскаго, Семирамида, узнавъ о красотѣ армянскаго царя и желая выполнить давно уже намѣченную ея предшественниками мысль о подчиненіи Арменіи, отправила къ Арѣ пословъ съ предложеніемъ своей руки. Но молодой царь отказалъ гордой повелительницѣ востока и тѣмъ навлекъ на

себя страшный гнѣвъ ея. Семирамида двинула въ страну Хайка громадное войско. Встрѣча произошла на берегу Банскаго озера. Напрасно Семирамида велѣла своимъ воинамъ щадить жизнь Ары, прекрасный царь погибъ въ бою, и трупъ его съ трудомъ былъ найденъ на полѣ брани. Семирамида велѣла внести это прекрасное тѣло въ свой дворець, а войску армянскому приказала сказать, что Ара скоро оживетъ, такъ какъ она, великая царица, велѣла богамъ лизать его раны. Но чудо не совершилось, и разложившійся трупъ былъ брошенъ въ яму. Въ воспоминаніе же о прекрасномъ Арѣ, Семирамида выстроила на мѣстѣ его гибели великолѣпный городъ, съ роскошными садами, многоэтажными дворцами, водопроводами и банями. И городъ этотъ былъ названъ Шамвирмертъ, по имени царицы.

— Да развѣ мало подобныхъ картинъ и въ миѳическомъ, и въ историческомъ періодахъ армянской исторіи?—продолжалъ мой спутникъ,—тутъ вы найдете и борьбу съ Александромъ Македонскимъ, покорителемъ полуміра, найдете и героевъ-патріотовъ, съ мечомъ въ рукахъ освобождающихъ свое отечество отъ чужестраннаго ига. Парейнская династія аршакидовъ ¹⁾ доводитъ Армению до высокой степени процвѣтанія, а ея лучший представитель, Арташесъ I великій, какъ говорятъ армянскіе историки, «покорилъ всю сушу между двумя морями и наполнилъ океанъ могуществомъ своихъ кораблей». Упоенный своими успѣхами и пріобрѣтеннымъ титуломъ Шахинъ-Шаха (царя царей) онъ рѣшилъ присоединить къ покоренному востоку непокорный западъ, перенесъ свое оружіе въ предѣлы Римской республики. Для этого онъ вступилъ въ союзъ съ знаменитымъ понтійскимъ царемъ Митридатомъ VI Евпаторомъ, женатымъ на его дочери. Въ то время, какъ этотъ послѣдній обязалъ, подъ чужимъ именемъ, Среднюю и Малую Азію, чтобы узнать силы Рима, Арташесъ завоевалъ болѣе 10 областей и готовился уже, подобно Аннибалу, внести войну въ самую нѣдра республики, какъ собственное войско возмутилось противъ него и умертвило. Преемники его продолжали войну съ Римомъ, но счастье измѣнило имъ, и, послѣ ряда поражений, Армения, не задолго передъ Р. X., подчинилась римскому вліянію, хотя и сохранила свою династію. Это, однако, не помѣшало ея экономическому процвѣтанію, не помѣшало и принятію христіанства, воспослѣдовавшему въ IV вѣкѣ по Р. X. Когда Римъ сталъ клониться къ упадку, усилилось вліяніе Византіи, а затѣмъ вся восточная часть Арменіи отошла къ Персіи и стала персидскою провинціей, чтобы въ началѣ VIII вѣка вновь перемѣнить властителей и стать частью арабскаго халифата...

¹⁾ Съ II вѣка до Р. X. по 435 г. по Р. X.

II.

Переѣздъ черезъ Карсъ-чай.—Нападеніе собакъ.—Передовая ограда Ани.—Древнія стѣны столицы.—Общій взглядъ на развалины.

Подъ этотъ разговоръ мы миновали нѣсколько армянскихъ и татарскихъ селеній, переѣхали вбродъ двѣ-три небольшія рѣчки и, оставивъ въ сторонѣ сел. Баяндуръ, знаменитое авангарднымъ сраженіемъ русскихъ и турецкихъ войскъ въ 1853 году, подѣхали къ Карсъ-чаю ¹⁾.

Рѣка послѣ недавнихъ дождей широко разлилась, пѣнилась и бурлила.

— И тутъ вбродъ?—спросилъ я возницу.

— Такъ точно,—отвѣтилъ онъ,—моста нѣту.

Лошади, заупрямившіяся сначала, вопли въ рѣку, и экипажъ, покачиваясь изъ стороны въ сторону, сталъ все глубже и глубже погружаться въ воду.

— Вотъ еще удовольствіе,—сказалъ мой компаньонъ, когда фэатонъ доѣхалъ до середины рѣки и струи Карсъ-чая потекли черезъ кузовъ фэатона,—не доставало только, чтобы экипажъ перевернулся, и мы съ вами получили холодную ванну въ ноябрѣ мѣсяцѣ.

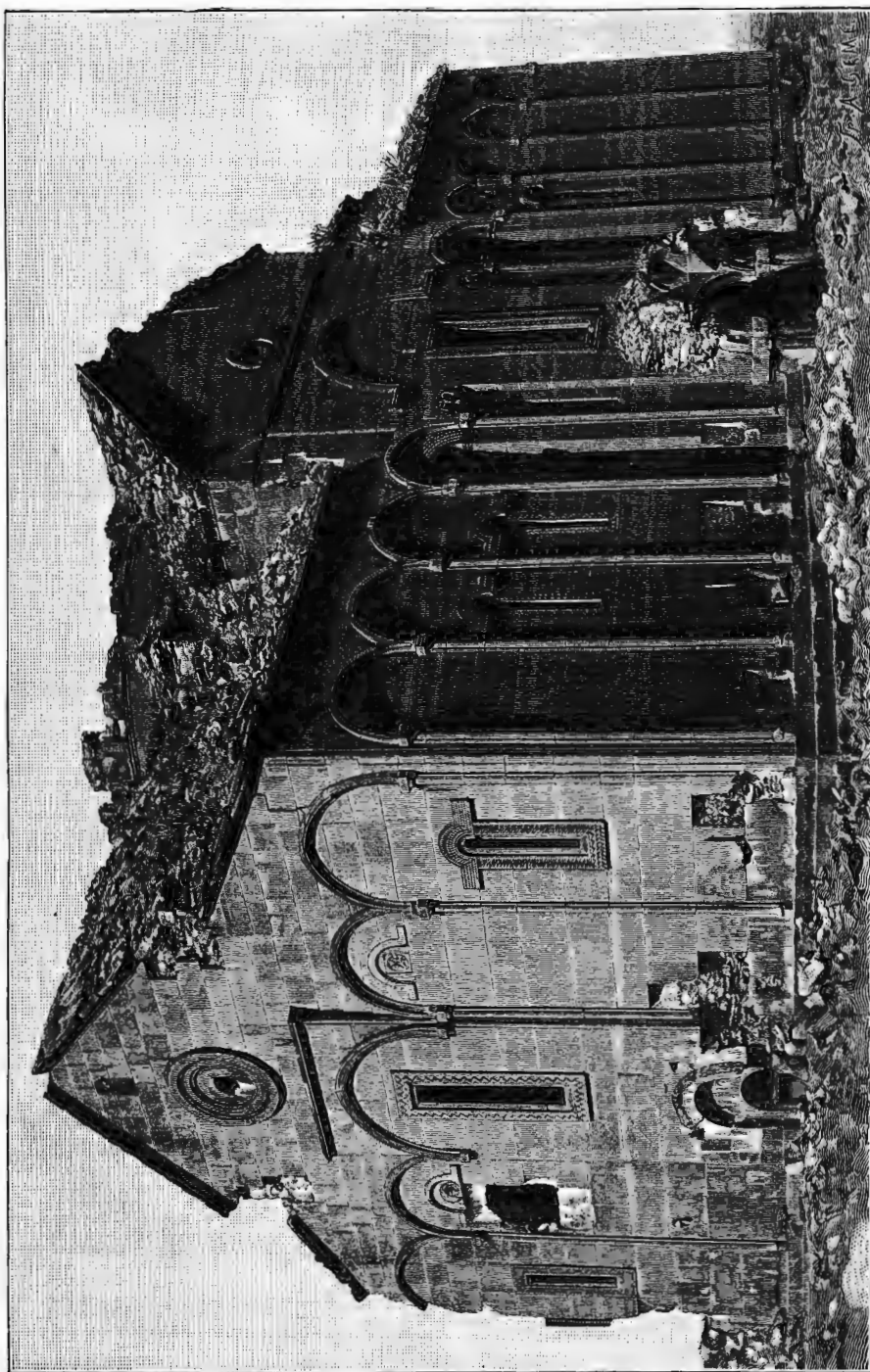
— Да это было бы не очень-то пріятно,—отозвался я, подбирая подъ себя ноги и готовясь вскочить въ критическій моментъ на козлы,—одной простудой не отдѣлались бы.

Но, къ нашему удовольствію, переѣздъ совершился благополучно, хотя на другомъ берегу насъ ожидала и другая непріятность.

Нѣсколько громадныхъ собакъ-волкодавовъ, которыми такъ богато Закавказье, какъ будто только ожидали момента, когда мы выберемся изъ рѣки, чтобы атаковать нашъ экипажъ. Яростно лая и оцетинивъ шерсть, онѣ наскакивали на фэатонъ, и одна, дошедшая послѣ ловкаго удара кнутомъ до крайняго бѣшенства, сильнымъ прыжкомъ влетѣла въ самый экипажъ.

Наше положеніе было трагическое. Ни бурки, ни теплыя пальто не спасли бы насъ отъ близкаго знакомства съ зубами разъяреннаго пса, если бы, къ счастью, мой пріятель не имѣлъ при себѣ револьвера. Выхвативъ его изъ кармана, онъ удачнымъ выстрѣломъ положилъ пса на мѣстѣ и ударомъ ноги вышвырнулъ мертвую тушу изъ экипажа. Напуганныя же выстрѣломъ лошади подхватили въ карьеръ, и мы только издали видѣли, какъ остальные волкодавы въ одинъ моментъ разнесли на куски трупъ безвременно погибшаго товарища.

¹⁾ Чай потурецки значитъ рѣка.

Кафедральный соборъ въ Ани.

— Счастливо отдѣлались,—сказаль мой пріятель.

— Болѣе, чѣмъ счастливо,—отвѣтилъ я,—промедли вы одинъ моментъ, собака впилаь бы въ кого нибудь изъ насъ. А что дальше было бы,—и подумать страшно.

Но хотя мы избѣгли благополучно и холодной ванны, и зубовъ разъяреннаго пса, хотя небо было попрежнему безоблачно и солнце пригрѣвало съ невѣдомой въ Россіи силой,—разговоръ не могъ завязаться вплоть до самыхъ стѣнъ Ани. Мы отмѣтили лишь, при помощи возницы, два-три мѣста, ознаменованныя боевыми событіями прошлой турецкой кампаніи, какъ-то: Большія и Малыя Ягны, Аладжу, Иштапу, на которой до сихъ поръ сохранились слѣды ложементовъ и подѣздныхъ путей, да вспомнили о грандіозныхъ бояхъ Башъ-Кадыкъ-Ларскомъ и Курюкъ-Даринскомъ, поля которыхъ лежали недалеко отъ нашей дороги.

Верстахъ въ пяти передъ Ани, наша дорога пересѣкла длинный и широкій валъ, концы котораго терялись вдали.

— Это, навѣрное, передовая ограда Ани,—сказаль мой компаньонъ.

— По всей вѣроятности,—отвѣтилъ я,—хотя огромные размѣры этого вала свидѣтельствуютъ о невѣроятномъ трудѣ, положенномъ на его сооруженіе. Но если это—передовая ограда бывшей столицы, то гдѣ же слѣды предмѣстья? Или здѣсь не было никакихъ построекъ?

— Не можетъ быть,—отозвался Х—овъ,—помнится, я читаль у нашего путешественника Муравьева, ѣздившаго здѣсь лѣтъ 50 тому назадъ, что въ предмѣстьѣ Ани существовали еще тогда остатки какихъ-то зданій, а въ самой оградѣ,—нужно думать, въ этомъ именно валѣ,—сохранились ворота изъ двухъ высокихъ колоннъ съ перекинутою между ними аркою. «Черезъ эти ворота,—говорить даже Муравьевъ,—время вошло въ Ани и срыло его до основанія». Да, впрочемъ, вотъ и доказательство: видите эту довольно уцѣлѣвшую еще развалину не то церкви, не то часовни?

— Ваша правда,—отвѣтилъ я,—о томъ же, конечно, говорятъ и эти огромные камни, разбросанные кругомъ по всему полю.

Въ этотъ моментъ возница указаль на появившуюся вдали ломанную линію и заявилъ, что это и есть Ани. И чѣмъ далѣе двигались мы, тѣмъ болѣе росла эта линія, и, наконецъ, передъ нами развернулись могущественныя и все еще,—наперекоръ времени,—прекрасныя стѣны.

Правда, онѣ немало пострадали уже отъ многовѣковаго дѣйствія стихій, но и до сихъ поръ сохраняютъ слѣды древняго величія.

Это были не простыя стѣны, грубо сложенныя изъ камней, не циклопическія постройки древности: мы видѣли передъ собой артистическое сооруженіе, надъ которымъ трудились, несомнѣнно, лучшіе мастера того времени. Сажени въ двѣ высотой и около сажени

толщиной, онѣ шли непрерывною линіей въ обѣ стороны. Пообвалялись уже ихъ башни; сильно поуменьшилась мѣстами и ихъ собственная высота. Но онѣ все еще гордо возвышаются на равнинѣ и охватываютъ своимъ двойнымъ рядомъ мертвую столицу Арменіи. Сохранилась на нихъ и тщательно отполированная, составленная изъ разноцвѣтныхъ каменныхъ квадратовъ, облицовка съ многочисленными изображеніями крестовъ; сохранилось также нѣсколько надписей на различныхъ языкахъ...

Черезъ колѣнчатые ворота въ средней части стѣны мы въѣхали въ предѣлы Ани, и тутъ передъ нашими глазами раскинулось обширное поле развалинъ.

Груды камней лежали по всеѣмъ направленіямъ на неровной какъ бы изрытой стихіями почвѣ. Громадные обломки нѣкогда великолѣпныхъ сооруженій виднѣлись со всеѣхъ сторонъ, и лишь мѣстами возвышалось нѣсколько церквей и другихъ построекъ, болѣе или менѣе уцѣлѣвшихъ въ неравной борьбѣ съ временемъ.

Это было огромное кладбище, гдѣ навѣки схоронена армянская культура, гдѣ погребены лучшіе представители послѣдней царской династіи Багратидовъ, и гдѣ легли вмѣстѣ съ ними надежды сыновъ Хайка на свободу и политическую независимость...

Такія мысли пришли мнѣ въ голову при первомъ взглядѣ на развалины Ани, а чѣмъ болѣе затѣмъ я осматривалъ ихъ, тѣмъ болѣе убѣждался, что армянская культура стояла, дѣйствительно, высоко во времена Багратидовъ, и что разъ народность, произведшая всѣ эти великолѣпныя постройки, доведена въ настоящее время до полного уничтоженія и забитости,—трудно ей будетъ вновь воспрянуть и достигнуть прежней степени процвѣтанія и благоденствія.

III.

«Архимандритъ».—Каедральный соборъ Ани.—Невѣжество «архимандрита» и неожиданный чичероне.—Исторія Ани-Майракагака.—Багратиды.—Наружный видъ собора и надписи на немъ.

Между тѣмъ нашъ фаэтонъ, ныряя въ углубленія и сильно подсакивая на камняхъ, которыми была усыяна плохо наѣзженная дорога, добрался до дома-сакли, съ плоской крышей, въ которомъ жилъ монахъ-армянинъ, приставленный для присмотра за развалинами. Онъ уже издали услышалъ шумъ экипажа и выпелъ на порогъ сакли, поджидая гостей.

— Добро пожаловать,—привѣтствовалъ онъ насъ ломаннымъ русскимъ языкомъ,—прошу отдохнуть съ дороги.

— Нѣтъ, батюшка,—отозвались мы,—лучше мы потомъ ужъ отдохнемъ, а теперъ посмотримъ ваши достопримѣчательности.

— Какъ угодно,—отвѣтилъ «архимандрить» и предложилъ прежде всего посѣтить бывший кафедральный соборъ.

Всѣ втроемъ мы прошли къ стоявшему близъ дома монаха невзрачному, ящикообразному зданію и по углубленной дорожкѣ, черезъ открытую архимандритомъ дверь, вошли внутрь храма.

Но тутъ намъ представилась уже совсѣмъ не та картина, что снаружи.

Передъ нами было громадное, великолѣпное зданіе, почти нетронутое временемъ и стихіями. Четыре могучихъ, сложныхъ колонны изъ цвѣтнаго камня, на массивныхъ цоколяхъ, уходили ввысь и поддерживали крышу храма съ основаніемъ возвышавшагося когда-то надъ нею обширнаго круглаго купола. Величественныя стѣны, выложенныя гладко отполированнымъ камнемъ и прорѣзанныя узкими окнами, прямыми линіями охватывали храмъ съ с., ю. и в. сторонъ, а съ восточной—его замыкало возвышеніе для алтаря, съ двумя комнатами по бокамъ. Внутреннее пространство было громадно, и соборъ могъ вмѣщать большую толпу молящихся, которые и стекались сюда, предпочтительно передъ другими церквями Ани, такъ какъ здѣсь совершалъ службу самъ католикосъ.

Тонкій, дивный орнаментъ украшалъ карнизы стѣнъ, шель по краямъ оконъ, возвышалъ художественность тѣхъ или другихъ частей храма... Кое-гдѣ виднѣлись надписи на древне-армянскомъ языкѣ, о которыхъ, однако, «архимандрить» не могъ ничего сказать, такъ какъ самъ ихъ не понималъ,—да видно, мало и интересовался ими. Онъ былъ въ состояніи сообщить лишь то, что соборъ, въ которомъ мы находились, построенъ Багратидомъ Ашотомъ II.

— Что за невѣжество,—сказалъ мнѣ довольно громко мой пріятель,—приставленъ для присмотра за развалинами, носить даже громкій титулъ «архимандрита», а ничего не можетъ сообщить объ исторіи этихъ грандіозныхъ руинъ.

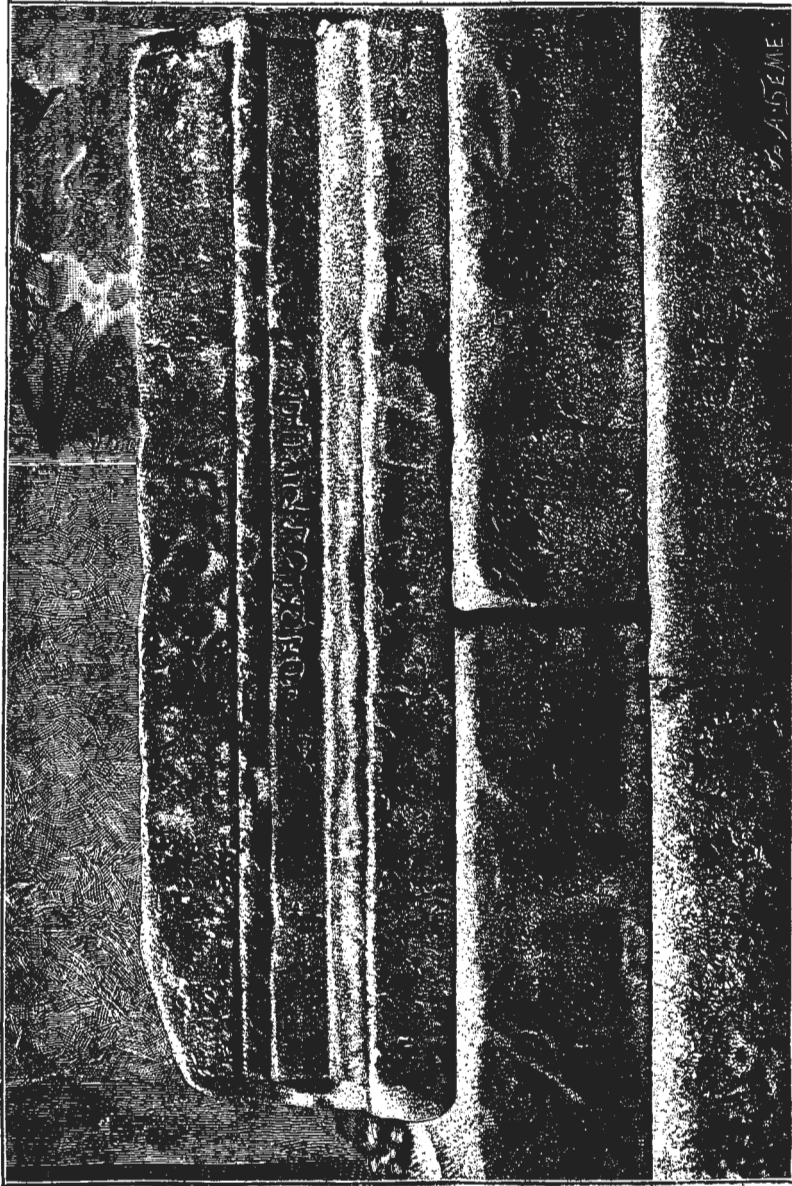
— Это правда,—отозвался сзади чей-то голосъ.

Мы даже вздрогнули отъ неожиданности, а, обернувшись, увидѣли господина небольшого роста, съ рѣзкими чертами лица, черными блестящими глазами и характернымъ восточнымъ носомъ.

— Позвольте представиться вамъ,—продолжалъ онъ,—я—фотографъ по профессіи и много разъ уже побывалъ въ этихъ мѣстахъ. Исторія Ани извѣстна мнѣ довольно хорошо, и я съ удовольствіемъ приму на себя обязанность вашего чичероне.

— Вы чрезвычайно обяжете насъ,—отвѣтилъ я,—хотя мы прочитали уже кое-что о древней Арменіи, но исторія Ани все-таки мало знакома намъ.

«Архимандрить» не только не выразилъ ни малѣйшаго неудовольствія по поводу неожиданнаго вмѣшательства фотографа, но даже съ нескрываемой радостью раскланялся съ нами и ушелъ къ себѣ домой.

Могила Ашота I въ монастырь Кошаванкъ около Ани.

— Присядемте пока,—сказаль фотографъ,—прежде, чѣмъ вести васъ по развалинамъ нашей Пальмиры, я долженъ сказать вамъ, что я армянинъ, по происхожденію, и не стыжусь объявлять объ этомъ, особенно въ стѣнахъ Ани,—прежде, чѣмъ идти далѣе, я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ о прошломъ нашей послѣдней столицы. Если вы читали хоть что нибудь о нашей родинѣ,—продолжалъ фотографъ,—то знаете, конечно, что послѣднею царственною династіей въ Арменіи были Багратиды. Въ VIII вѣкѣ Арменія была покорена всесвѣтными завоевателями-арабами, и первый остиканъ, или правитель ихъ, Кашмъ, ознаменоваль свое время страшною жестокостью. Собравъ однажды важнѣйшихъ армянскихъ князей, онъ сжегъ ихъ, чѣмъ значительно ослабилъ оппозицію страны и собралъ для себя большія сокровища. Спасаясь отъ преслѣдованій этого изверга, нѣкоторые изъ уцѣлѣвшихъ знатныхъ людей,—и въ ихъ числѣ Сембатъ Багратидъ,—бѣжали къ предѣламъ византийскихъ владѣній и заняли тутъ небольшую, но сильную крѣпость Ани, расположенную на крутыхъ берегахъ Арпачая. Изъ этой крѣпостцы и выросла послѣдняя и самая роскошная столица Арменіи, съ ея блестящей, но крайне грустной исторіей. Кто основаль Ани,—неизвѣстно, но настоящими строителями города были Багратиды. Съ возвышеніемъ этого рода, росли слава и могущество Ани; съ паденіемъ его, стала меркнуть и совсѣмъ погасла звѣзда «Майракагака».

— Что значить «Майракагакъ»?—спросилъ я.

— Это значить «мать городовъ». Вы зовете такъ Кіевъ, а мы—нашу безвременно погибшую столицу Ани. Но вашъ Кіевъ едва еще зарождался, когда нашъ Ани достигъ высокой славы и процвѣтанія,—добавилъ фотографъ, сверкая глазами.

— Согласенъ,—отозвался мой компаньонъ,—но за то теперь Кіевъ—богатый городъ, а Ани...

— А Ани стоитъ въ видѣ развалинъ,—закончилъ фотографъ, грустно поникнувъ головой,—это правда. Судьба всегда была жестока къ намъ и со всѣхъ сторонъ насылала на насъ сильныхъ враговъ, борьба съ которыми окончательно истощила насъ. Но мы можемъ съ гордостью сказать, что сдѣлали все возможное и отступили только тогда, когда борьба стала невыносимой.

Проговоривъ эти слова, фотографъ погрузился въ молчаніе, а мы, шадя его чувства, осматривали детали храма. Но вотъ онъ тряхнулъ головой, какъ бы отгоняя отъ себя тяжелыя думы, и продолжалъ:

— Когда Багратиды основались въ Ани, вокругъ нихъ стали группироваться недовольные элементы армянскаго народа, и къ срединѣ VIII вѣка подлѣ недавно еще незамѣтной крѣпостцы выросло большое поселеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ и арабы начали отличать Багратидовъ и постепенно передали имъ всю власть въ Арме-

ни. Сынъ же Сембата, Ашотъ I, получилъ въ 859 г. отъ халифа званіе «князя князей», а черезъ 26 лѣтъ—титулъ царя, съ признаніемъ независимости Арменіи. Особый посланникъ халифа Мотамеда вѣнчалъ его въ Ани царскою діадемой при торжественной обстановкѣ, въ присутствіи массы народа. Подъ искуснымъ управленіемъ Ашота I страна Хайка тридцать лѣтъ пользовалась миромъ и благосостояніемъ, а столица ея Ани достигла высокой степени процвѣтанія и вполне могла назваться богатымъ, великолѣпнымъ и торговымъ городомъ, превзошедшимъ въ этихъ отношеніяхъ всѣ бывшія до него царскія резиденціи. Столь же благодѣтельно было для Ани царствованіе правнука перваго царя, Ашота III Огоромаца (Милостиваго)¹⁾, и сына этого послѣдняго, Сембата II Шахинъ-шаха²⁾. Первый изъ нихъ расширилъ предѣлы столицы, украсилъ ее многими зданіями и церквями, защитилъ крѣпкими, массивными стѣнами съ высокими башнями, а для себя выстроилъ въ цитадели прекрасный дворець, отъ котораго не сохранилось теперь и слѣдовъ. Второй продолжалъ начинанія отца: построилъ вторую стѣну рядомъ съ первой, а предмѣстье города охватилъ гигантскимъ валомъ. Анійскія площади онъ уставилъ статуями великихъ людей. Въ ту эпоху кульминаціоннаго развитія, въ Ани насчитывалось до милліона жителей, а число его церквей было 1.001,—быть можетъ, болѣе, чѣмъ въ вашей Москвѣ!—съ гордостью закончилъ фотографъ.

— Нѣтъ ли тутъ маленькой гиперболы?—съ легкою ироніей спросилъ мой спутникъ.

— Я передаю лишь то, что рассказываютъ наши историки, — отвѣтилъ съ раздраженіемъ армянинъ,—да если посчитать, то и вы, навѣрное, прибѣгаете къ гиперболѣ, говоря, что въ вашей Москвѣ сорокъ сороковъ церквей...

— Не будьте въ претензіи на моего пріятеля,—вмѣшался тутъ я, видя, что разговоръ можетъ принять непріятный оборотъ,—онъ привыкъ ко всему относиться скептически. Скажите лучше, возобновлялись ли анійскія стѣны съ X вѣка, и правы ли мы были, когда сочли громадный валъ, верстахъ въ пяти отъ города, за передовую его ограду?

— Совершенно вѣрно, — отвѣтилъ фотографъ, — этотъ именно валъ и воздвигъ Сембатъ II для защиты предмѣстій. Онъ, кажется, не возобновлялся съ тѣхъ поръ. Что же касается стѣнъ, то ихъ возобновлялъ во второй половинѣ XI вѣка просвѣщенный мусульманскій правитель Манучаръ.

— Когда же и какъ водворились въ Арменіи мусульмане? — спросилъ я.

— Со смертью Сембата II Шахинъ-Шаха, — отвѣтилъ фотографъ, —

¹⁾ 952—977.

²⁾ 977—989. Шахинъ-шахъ значитъ царь царей.

звѣзда Арменіи стала постепенно меркнуть. Внуки этого царя за-
тѣяли даже междоусобную войну, отчего сильно пострадала страна,
а Ани подвергся первому серьезному разоренію. А тутъ, въ довер-
шеніе внутренней неурядицы, въ дѣла Арменіи вмѣшались зави-
стливые греки, и въ 1021 году самъ императоръ Василій II разо-
рилъ 12 областей со многими городами, а въ томъ числѣ и съ Ани-
майракагакомъ ¹⁾. Съ тѣхъ поръ въ Арменіи водворилось владычество
Византіи, ознаменованное неоднократнымъ вѣроломствомъ и жестоко-
стями и продолжавшееся до 1064 года, когда страной завладѣли страш-
ные завоеватели турки-сельджуки, разорившіе Ани чуть не до основа-
нія и владѣвшіе имъ болѣе ста лѣтъ. Въ концѣ XII вѣка они должны
были уступить господство въ Арменіи христіанскому народу, гру-
зинамъ. Но тутъ уже Ани, а вмѣстѣ съ нимъ и Армянское государ-
ство приходятъ въ окончательный упадокъ. А рядъ нападений мон-
головъ въ XIII вѣкѣ и другія бѣдствія ²⁾ принудили жалкіе остатки
обитателей столицы разбредиться въ разные концы міра. Такъ пала
наша Пальмира, — закончилъ грустнымъ тономъ фотографъ, — пала
жертвой внутреннихъ неурядицъ и преобладающей силы внѣшнихъ
враговъ. А вмѣстѣ съ нею пала и наша Арменія, помѣщенная на
рубежѣ Азии и Европы и переносившая первые удары варваровъ,
ополчавшихся на христіанскую и цивилизованную Европу.

— Но вѣдь вы же не отказываетесь отъ надежды на восстано-
вленіе вашего царства?—спросилъ мой пріятель.

Фотографъ подозрительно посмотрѣлъ на насъ и, помолчавъ не-
много, уклончиво отвѣтилъ:

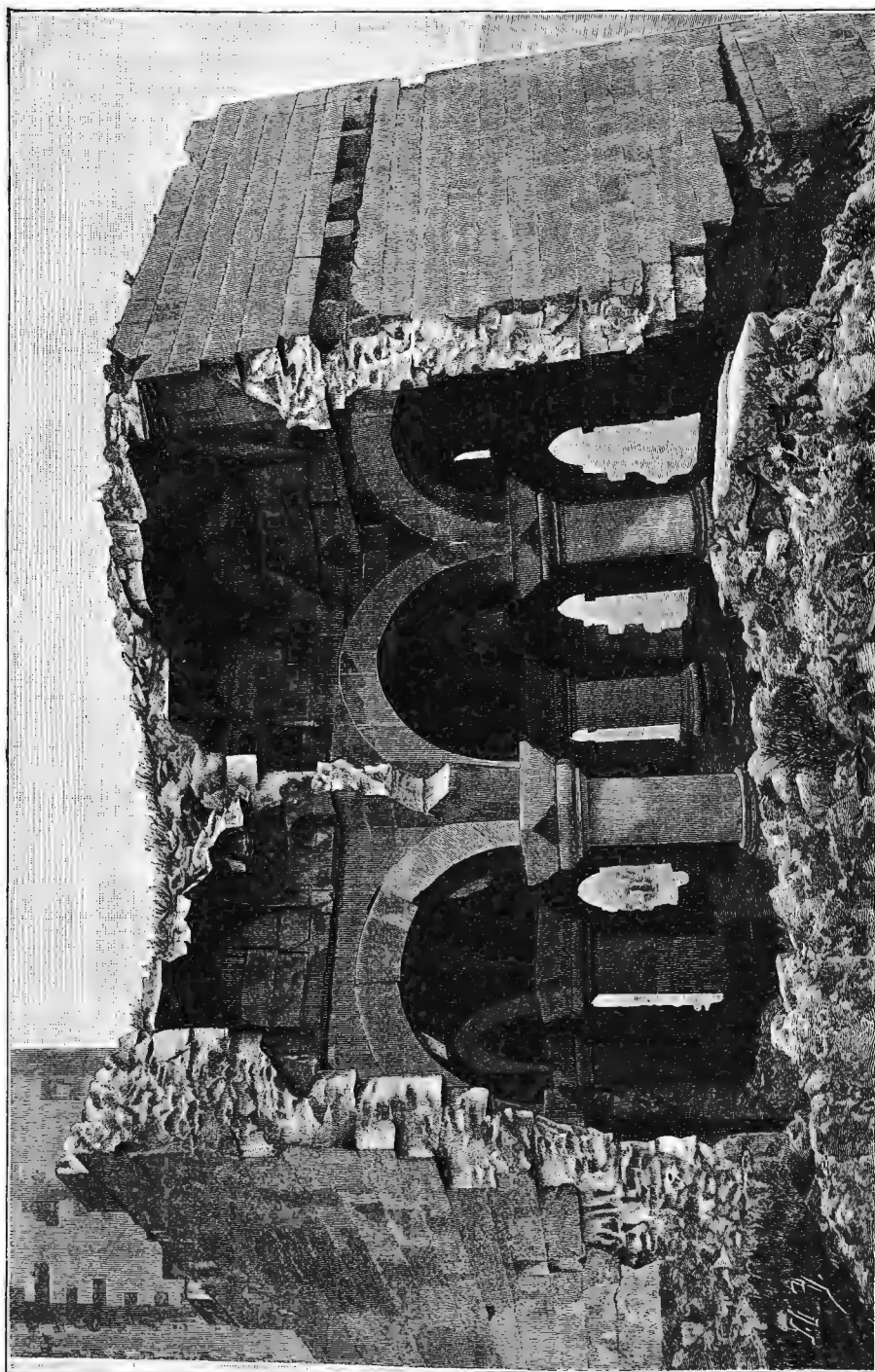
— Мы были бы рады, если бы всѣ братья наши, главная масса
которыхъ живетъ въ Турціи, приобрѣли право на спокойное суще-
ствованіе, безъ ежеминутнаго опасенія за свою жизнь и имущество...
Однако, я забылъ свои обязанности чичероне.

И онъ пригласилъ насъ обойти вмѣстѣ съ нимъ внутренность
храма, гдѣ обратилъ, между прочимъ, наше вниманіе на каменные
плиты со старинною живописью, сваленныя въ безпорядкѣ въ бо-
ковыхъ комнатахъ алтаря.

¹⁾ Историкъ XII вѣка Аристакесъ Ластиверци, извѣстный подъ именемъ
Плаксы, слѣдующимъ образомъ описываетъ это разореніе:

«Вездѣ слышны были одни вопли и рыданія. Великолѣпныя зданія, царскіе
чертоги, построенныя съ великимъ трудомъ и искусствомъ, были преданы огню
и разрушены до основанія. Могу ли я, неучъ, описать злыя дѣянія и несчастія
наши такъ, чтобы будущія поколѣнія не забывали ихъ и передавали изъ рода
въ родъ?! Сколько пролито было крови, сколько совершено надруганій надъ бѣд-
нымъ народомъ! Жены дворянъ стояли передъ побѣдителями съ открытыми голо-
вами и босыми ногами, лишеныя всего необходимаго. Младенцевъ, вырванныхъ
изъ объятій матерей, убивали о камни или раздавливали копытами лошадей.
О Боже! Это по твоему поущенію! О безчеловѣчный царь! Это по твоему при-
казанію!»

²⁾ Въ родѣ землетрясенія 1319 года.

Развалины мечети (дворецъ католиксовъ) въ Ани.

— Эти плиты собраны сюда арменистомъ профессоромъ Марромъ, — сказалъ фотографъ. — Онъ много лѣтъ уже наѣзжаетъ въ Ани и дѣлаетъ раскопки для подготовляемаго имъ сочиненія о столицѣ Багратидовъ.

— Но что за живопись! — невольно вырвалось у меня, — какія чудныя краски! Продержаться нѣсколько вѣковъ и не утратить своей силы и цвѣта!

— Да, видно, въ старину былъ проченъ не одинъ цементъ, обращавшійся съ годами въ настоящій камень! — отозвался и мой пріятель.

И не одинъ разъ остановились мы передъ чудными созданіями армянской старины, выражая невольное восхищеніе. А такое примѣрное поведеніе наше смягчило настроеніе фотографа, и онъ предложилъ перевести намъ нѣкоторыя надписи, сдѣланныя на наружной сторонѣ собора.

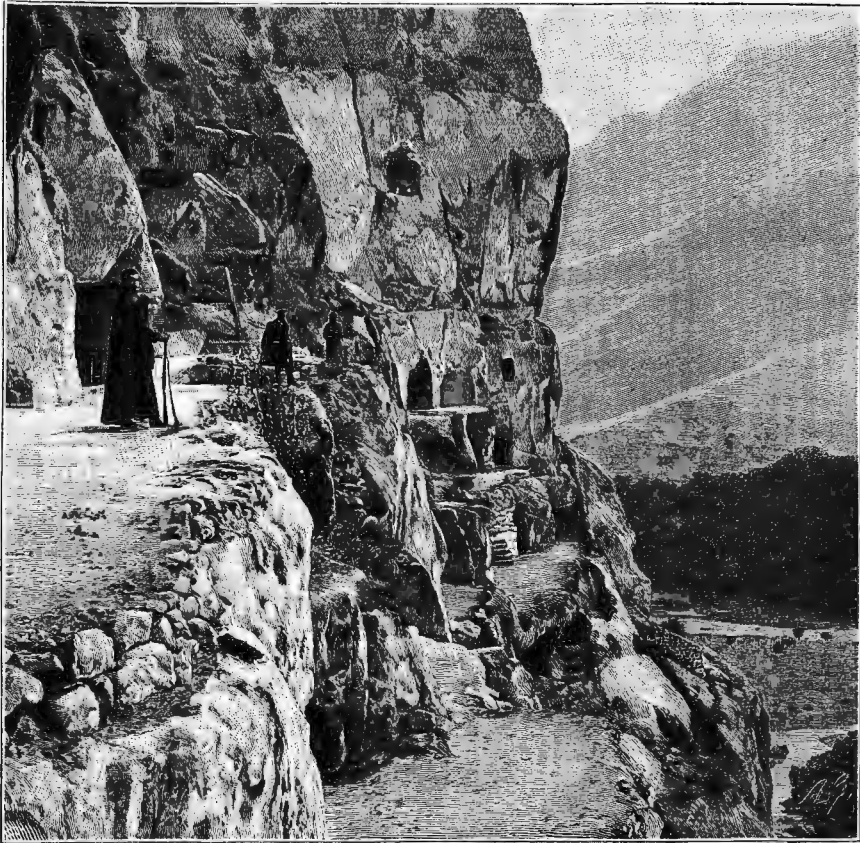
Я уже сказалъ выше, что снаружи каедральный соборъ далеко не величественъ. Быть можетъ, въ свое время онъ производилъ иное впечатлѣніе и снаружи. Быть можетъ, онъ осѣлъ отъ времени и землетрясеній, а можетъ быть, въ этомъ виноваты груды развалинъ и камней, охватившихъ соборъ со всѣхъ сторонъ и скрадывающихъ нижнюю часть его стѣнъ. Но и снаружи видна была тоже художественная работа, тотъ же великолѣпный орнаментъ и нѣсколько древнихъ надписей, высѣченныхъ въ камняхъ.

Фотографъ поставилъ насъ противъ южной стѣны собора, обращенной къ Арпачау, и, указавъ большую надпись на ней, сказалъ:

— Это самая древняя изъ всѣхъ анійскихъ надписей. Въ ней разсказана первоначальная исторія этого храма. Она гласитъ: «Въ 459 году армянской эры (1010 г. по Р. Х.)... во время благочестиваго духовнаго владыки Саргиса, католикоса армянъ, и въ величественное царствованіе Гагика, Шахинъ-Шаха Большой Арменіи ¹⁾, я, Катрапиге, царица Арменіи, дочь Вассака, царя сіонійскаго, прибѣгла къ милосердію Бога и, по повелѣнію мужа моего, Гагика Шахинъ-Шаха построила эту святую каедральную церковь, основанную великимъ царемъ Сембатомъ». Далѣе царица перечисляетъ свои пожертвованія храму. Но это уже мало интересно. А вотъ другая надпись, уже изъ эпохи греческаго владычества. Она указываетъ, что и вѣроломные греки не мало заботились объ Ани, когда городъ находился въ ихъ рукахъ. Авторъ этой надписи, Аронъ-Магистръ, былъ присланъ на востокъ императрицей Зоей въ качествѣ начальника греческихъ войскъ и правителя Ани и Васпуракана. Читается эта надпись слѣдующимъ образомъ. Милостью и волею всемилосерднаго Бога я, Аронъ-Магистръ, воспитанный для почестей ихъ августѣйшими величествами, пришелъ на востокъ, въ эту изящную крѣ-

¹⁾ Гагикъ I Шахинъ-Шахъ, сынъ Сембата II, царствовалъ съ 989 по 1020 г.

пость Ани. Я былъ тогда во цвѣтѣ лѣтъ. Я повысилъ стѣны города грудями камней чрезвычайной крѣпости и истратилъ большія суммы изъ моихъ сбереженій, чтобы провести въ центрѣ цитадели обильныя воды Джанива для утоленія жажды алчущихъ. Отъ повластной порфирородной императрицы я получилъ золотую буллу

Пещеры на берегу Алазы въ Ани.

свободы. По просьбѣ князей я отмѣнилъ подать, количествомъ 8 литръ, которую они давали ежегодно, и предварительный вычетъ въ два литра, вносимый муртаибомъ. Я сдѣлалъ все это».

Фотографъ перевелъ намъ еще нѣсколько надписей, мало значительныхъ по содержанию, на чемъ мы и закончили осмотръ храма.

IV.

Бурный Ахурсанъ. — Древній мостъ и усыпальница Багратидовъ. — Дворецъ патриарховъ-католиковъ. — На минаретъ. — Непрístupная позиція Ани. — Разореніе его врагами и окончательное запустѣніе.

Отъ собора мы подошли по грудамъ обломковъ къ крутому обрывистому берегу Арпачая¹⁾.

Глухо шумѣла внизу рѣка, какъ бы жалуясь на судьбу свою, заключающую её въ узкое и глубокое ущелье.

— Однако, какъ хорошо была защищена ваша Пальмира, — замѣтилъ я, — съ сѣверо-востока — гигантскій валъ и могущественныя стѣны, съ востока — обрывистое ущелье Арпачая съ крутыми прибрежными скалами и волнами бурнаго Ахурсана...²⁾.

— Но это не мѣшало нашимъ врагамъ, — отозвался съ грустью фотографъ, — брать много разъ нашу прекрасную столицу и разорять её.

— А какъ же сообщался Ани съ той стороною.

— Вонъ внизу, подъ нашими ногами, видны остатки моста, который нѣкогда смѣлой аркой перекидывался надъ бурливымъ Арпачаемъ. Если получше присмотрѣться къ его руинѣ, то можно и теперь замѣтитъ, что онъ имѣлъ два или три этажа, и что особыя ворота запирали входныя арки устоевъ. Изъ столицы къ мосту велъ крытый ходъ, начинавшійся близъ вонъ той небольшой церкви, которая стоитъ налѣво на уступѣ скалы. Видите?.. Эта церковь служила, по преданію, усыпальницей царскаго рода Багратидовъ и не такъ давно еще была охвачена большой стѣной. Если вы располагаете достаточнымъ временемъ, мы спустимся къ ней и осмотримъ её.

— Если она представляетъ особенный интересъ, то мы готовы спуститься, — отвѣтилъ я, — но долженъ признаться, что мы имѣемъ въ виду сегодня же вернуться въ Александрополь и съ этимъ расчетомъ наняли фаэтонъ.

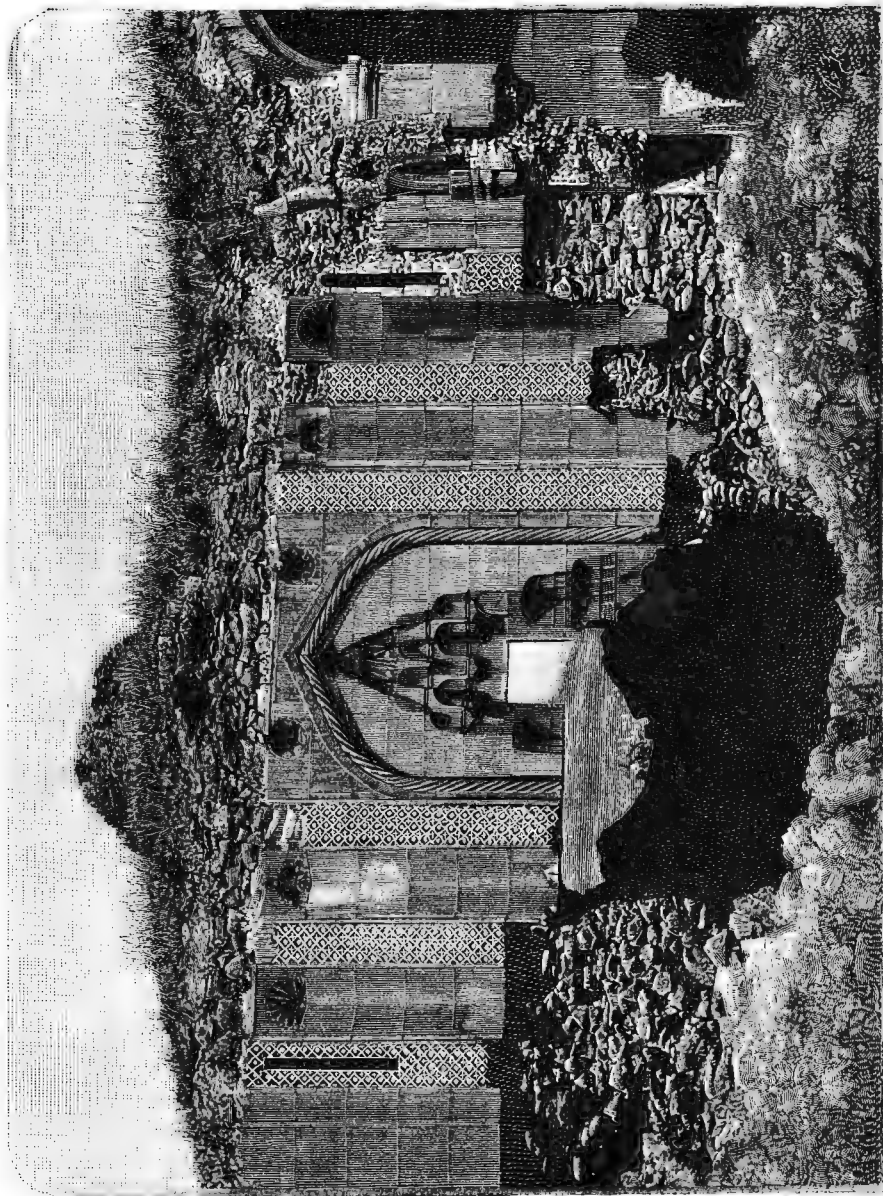
— Ну, тогда идемте дальше, — сказалъ фотографъ, — впереди много интереснаго.

И мы по краю берега отправились къ виднѣвшемуся вдали зданію съ пристроенной къ нему высокой башней.

На пути намъ пришлось преодолѣть немало трудностей, пробираясь между грудями камней, беспорядочно набросанныхъ одинъ на другой, и то поднимаясь, то спускаясь съ нихъ. Тутъ же попались какія-то подземныя постройки, съ ходами въ стѣнахъ, съ вмазанными сосудами и пр.

¹⁾ Арпачай — притокъ Аракса, нашей пограничной рѣки съ Персіей.

²⁾ Армянское названіе Арпачал.

Храмъ Спасителя въ Анн.

— Это бани,—сообщилъ фотографъ,— ихъ отрылъ профессоръ Марръ.

Когда же мы подошли къ намѣченному издали зданію, онъ объявилъ, что это бывший дворецъ патріарховъ-католиковъ, обращенный при мусульманахъ въ мечеть, въ виду чего они пристроили къ нему высокую башню-минаретъ для созыва правовѣрныхъ къ молитвѣ.

— Это одно изъ наиболѣе сохранившихся зданій въ Ани,—продолжалъ фотографъ,— особенно нужно удивляться, какъ выдержалъ землетрясеніе 1319 года минаретъ, давшій лишь одну трещину на сѣверной сторонѣ.

Мы вошли внутрь зданія.

Оно оказалось состоящимъ изъ трехъ ярусовъ, изъ которыхъ два высѣчены въ скалѣ и лишь третій находится надъ уровнемъ земли. Этотъ надземный ярусъ, состоящій изъ одной большой залы, удивительно изящной постройки. Шесть колонъ изъ краснаго камня поддерживаютъ изящные своды изъ того же матеріала. Прелестный орнаментъ украшаетъ карнизы. Вдающіеся углы между потолкомъ и стѣнами закруглены сложной системой цвѣтныхъ изящно высѣченныхъ фаянтокъ. Полъ, стѣны и потолокъ выложены въ шахматномъ порядкѣ красными, черными и желтыми каменными плитками. Въ передней своей части полъ уже пообвалился, и черезъ образовавшееся такимъ образомъ отверстіе можно спуститься въ нижніе темные этажи.

Но мы не спускались внизъ, а вмѣсто того, черезъ низенькое, полузакрытое камнями отверстіе, проникли на внутреннюю лѣстницу минарета и по ней взобрались на верхнюю площадку, чтобы оттуда полюбоваться на бывшую столицу.

Путь оказался свободнымъ до конца, но сдѣлать его было весьма нелегко.

Отъ продолжительнаго вѣковаго употребленія узкія ступеньки каменной, витой лѣстницы настолько вытерлись въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ становилась нога муэззина, то-есть въ наиболѣе широкихъ частяхъ своихъ, что я находилъ упоръ лишь для пальцевъ ногъ и долженъ былъ карабкаться вверхъ, главнымъ образомъ, при помощи рукъ, цѣпляясь за стѣны или за ту же лѣстницу.

За то видъ, открывавшійся сверху минарета, былъ чрезвычайно обширенъ и великолѣпенъ.

Все это поле, усѣянное грудями камней, съ возвышающимися кое-гдѣ на немъ, болѣе или менѣе уцѣлѣвшими, церквами и иными постройками, представлялось сверху, какъ на ладони.

Узкія и глубокія ущелья Арпачая и его притока Алазы острымъ угломъ охватили возвышенную позицію Ани-майракагака и оставили открытой лишь сѣверо-восточную сторону, которую царя и правители укрѣпили могучими стѣнами. Со всѣхъ сторонъ, кромѣ равнинной, Ани былъ положительно неприступенъ.

— Прекрасно выбранная позиція въ фортификаціонномъ отношеніи, — сказалъ я.

— Да, — отвѣтилъ фотографъ, — доступна была лишь сѣверо-восточная сторона, но съ этой стороны всегда и направлялись усилія нашихъ враговъ. Тамъ, подъ стѣнами, они становились лагеремъ, тамъ ставили свои катапульты и баллисты и громили ограду каменными глыбами. Но мощныя стѣны легко переносили направленные въ нихъ удары, и враги по годамъ простаивали около столицы, не будучи въ силахъ взять ее. Если же имъ и удавалось одолѣть главныя стѣны, то цитадель Нерки, расположенная на томъ вотъ холмѣ, влѣво, выставяла новую преграду, новую замкнутую оборону, которую взять было тоже не легко, если измѣна или голодъ не открывали и туда входъ побѣдителямъ.

— А много разъ Ани подвергался осадѣ?

— Много, — отвѣтилъ фотографъ, — и, какъ я уже говорилъ, нѣсколько разъ враги разоряли его чуть не до основанія. Первое серьезное разореніе, — продолжалъ онъ, — Ани вытерпѣлъ въ 1055 году отъ турецкаго султана Тогруль-бека. Съ огромнымъ войскомъ грозный султанъ прошелъ многія области Арменіи и подступилъ къ столицѣ. Быть можетъ, крѣпкія стѣны и спасли бы ее, но оплошность стражи позволила туркамъ ворваться внутрь «матери городовъ» и произвести тамъ ужасное опустошеніе, которому, по словамъ историка, «можно лишь сочувствовать, но нельзя описать». Затѣмъ, черезъ 9 лѣтъ, послѣдовало новое нападеніе турокъ, подъ начальствомъ Альпъ-Арслана (Льва-Завоевателя), племянника Тогруль-бека. Уже одинъ слухъ о движеніи его огромныхъ полчищъ привелъ въ содроганіе кавказскіе народы. Грузинскій царь Багратъ и албанскій Горгиджанъ тотчасъ же перешли на сторону турокъ, а Ани, вздумавшій сопротивляться, былъ взятъ и разграбленъ. Въ то время, какъ говоритъ нашъ историкъ Ластиверци, неприступный Ани, гордый своимъ величіемъ, задремалъ въ объятіяхъ нѣги и не переставалъ грѣшить противъ небесъ, пока Провидѣніе не послало къ нему турецкаго султана. Подступивъ къ столицѣ, турки расположились на равнинѣ подъ стѣнами огромнымъ лагеремъ и стали изыскивать средства для взятія города съ желѣзными воротами. Но ихъ кавалерія, ужасная въ открытомъ полѣ, оказывалась безсильной у подножія каменныхъ твердынь, а пѣхота, громадная числомъ, не могла овладѣть круглыми башнями. Не разъ полчища мусульманъ перебирались на плотяхъ черезъ наполненные водою широкіе рвы; но встрѣченныя подъ стѣнами градомъ камней, бревнами и кипяткомъ, въ большемъ безпорядкѣ уходили обратно. Не помогла и личная храбрость Альпъ-Арслана, который на конѣ подѣзжалъ къ самому рву, устранивая свои войска и рискуя попасть въ арканъ, который бросали на него защитники столицы. Турки хотѣли уже отступить, но тутъ сама природа ополчилась на

насъ. Въ одинъ день поднялся ужасный вѣтеръ. Все небо покрылось черными тучами, хлынулъ страшный ливень, и вселенная потонула во мракѣ. И тутъ же разразилось землетрясеніе, и зданія среди грома и шума стали рушиться одно за другимъ. Охваченная ужасомъ стража покинула свои посты, и скоро всѣ анійцы, въ паническомъ страхѣ, бросились вонъ изъ города. А когда вновь наступилъ свѣтъ, и мусульмане увидали бѣдственное положеніе своихъ противниковъ, они, какъ морскія волны, хлынули черезъ полуразрушенныя стѣны внутрь города. А тамъ, давъ свободу мечу, никого не пощадили. Множество женъ и мужей искали спасенія въ царскихъ чертогахъ, другіе заперлись въ цитадели, а нѣкоторые укрѣпились въ самомъ городѣ. Но бѣшенство враговъ вездѣ находило беззащитныя жертвы. Никому не было пощады: ни полъ, ни возростъ не вызывали снисхожденія. Ручьи крови текли къ Арпачаю, и тысячи труповъ устилали окрестности города. Не довольствуясь массой жертвъ, варвары предали огню великолѣпные дворцы и хотѣли превратить ихъ въ кучу пепла, но корыстолюбие и обманъ остановили вспыхнувшее пламя. Альгъ-Арсланъ, ограбивъ и разрушивъ все, что можно было, отправился въ свою страну, нагруженный огромною добычей. И цѣлый рядъ нападеній и несчастій, одно ужаснѣе другого, обрушились на многострадальный городъ, пока онъ не обратился въ груду развалинъ.

— «Гдѣ прежде процвѣтала армянская столица, тамъ въ наши времена посѣяна пшеница»,—продекламировалъ мой пріятель.

— Даже и пшеницы не посѣяно,—поддержалъ фотографъ,—некому сѣять, такъ какъ администрація не позволяетъ селиться на развалинахъ Ани.

— Это почему же?—спросилъ я.

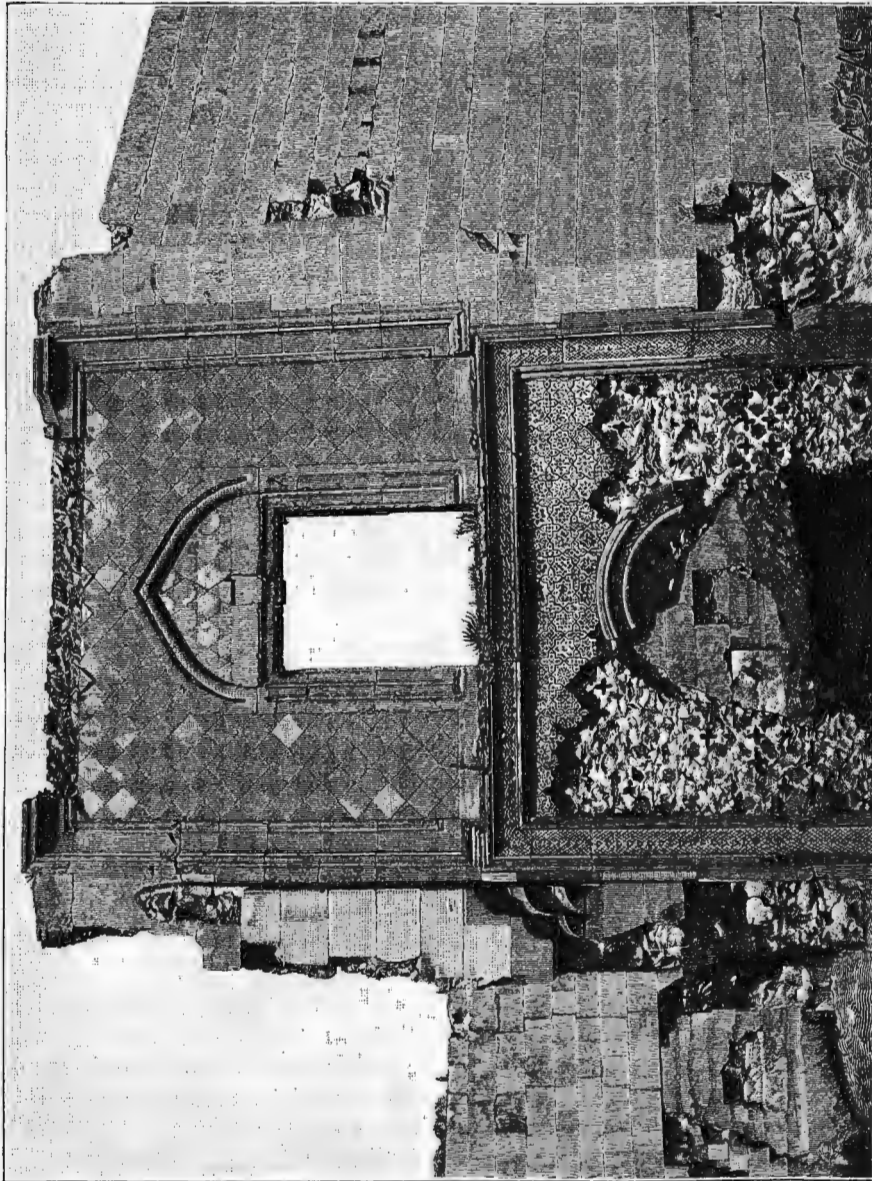
— Боятся, чтобы эти руины, это обширное поле смерти, на которомъ когда-то ключемъ была жизнь, не напомнили намъ о древнемъ величіи и славѣ нашего государства,—съ горькою ироніей отвѣтилъ фотографъ.

— А что же, быть можетъ, это и вѣрный взглядъ?—замѣтилъ съ нѣкоторою язвительностью Х—овъ.

Фотографъ подозрительно взглянулъ на него и замолчалъ.

Оглянувъ еще разъ широкую картину бывшей столицы, мы спустились внизъ и обошли снаружи все зданіе. Ничего особеннаго не оказалось, и лишь наверху только что оставленнаго нами минарета виднѣлась куфическая надпись «Во имя Бога», сдѣланная глазурованными кирпичами.

— А вотъ еще одна надпись, — сказалъ фотографъ, указывая на испещренную буквами часть стѣны мечети,—это—персидская надпись, и сдѣлана она около 1319 года, т. е. времени окончательнаго паденія Ани по причинѣ страшнаго землетрясенія. Это несчастіе разогнало послѣдніе остатки анійскихъ жителей по разнымъ чужимъ

Дворецъ на берегу Алазы въ Анн.

землямъ. Многіе бѣжали тогда въ Польшу, Астрахань и Крымъ ¹⁾. Съ того момента знаменитая столица, нашъ Ани-майракагакъ, запустѣла окончательно, и только нѣкоторые уцѣлѣвшіе еще дворцы и храмы до сихъ поръ глядятъ мрачно и уныло на это поле развалинъ...

V.

Цитадельный холмъ.—Встрѣча съ «кладоискателями».—Церковь на утесѣ и включеніе фотографа.—Пещеры въ берегахъ Алазы.

Отъ мечети мы двинулись прямо на западъ къ бывшей цитадели столицы,

— Не далѣе, какъ лѣтъ 50 тому назадъ,—говорилъ фотографъ,— на цитадельномъ холму стояла еще полуразрушенная башня и три аркады отъ великолѣпнаго дворца багратидовъ, въ которомъ были собраны и всѣ сокровища царскаго рода. А теперь нѣтъ ужъ и этихъ слѣдовъ древности.

И дѣйствительно, какъ на склонахъ холма, такъ и на его вершинѣ, господствовавшей надъ площадью столицы, оказались однѣ лишь груды развалинъ. Но и этихъ «остатковъ старины далекой» было достаточно, чтобы видѣть, какъ грандіозна и великолѣпна была эта старина.

Тутъ же ждала насъ небезъинтересная встрѣча.

Поднимаясь къ вершинѣ холма, мы услышали два голоса, мужской и женскій, горячо спорившіе между собой. Черезъ минуту увидѣли коротенькаго и тучнаго господина, копавшаго лопатой землю, и молоденькую, хорошенькую дамочку въ дорожномъ костюмѣ съ раскраснѣвшихся личикомъ, видимо, въ чемъ-то убѣждавшую своего спутника. Увидѣвши насъ, они какъ будто сконфузились. Господинъ бросилъ лопату, а дамочка сердито отвернулась въ сторону.

— Прехорошенькая, — шепнулъ мнѣ Х. и тутъ же поспѣшилъ къ ней на помощь, такъ какъ она вскочила на кучу камней и чуть не упала при этомъ движеніи.

Быстро оправившись, она граціознымъ кивкомъ головы поблагодарила Х—ова и скорыми шагами пошла внизъ по склону холма. Коротенькій господинъ подобралъ свою лопату и двинулся за нею. Черезъ минуту они пропали изъ вида.

— Жаль, что ушла, — сказалъ Х—овъ, — прелесть, какъ хороша.

— Знаете, — полусшепотомъ обратился ко мнѣ фотографъ, — это, навѣрное, кладоискатели. Въ окрестномъ населеніи ходятъ цѣлыя легенды о зарытыхъ въ разныхъ мѣстахъ города кладахъ, и немало

¹⁾ Нахичевань, около Ростова-на-Дону, обязана своимъ происхожденіемъ переселенцамъ изъ Крыма.

народу онѣ привлекають сюда. Судя по лопатѣ, этотъ господинъ тоже забрался на развалины Ани въ цѣляхъ внезапной наживы.

— А бывали случаи находокъ?—спросилъ я.

— Мелкія, кажется, бывали, но о крупныхъкладахъ не слыхалъ,—отвѣтилъ нашъ чичероне.—За то люди науки,—и особенно, профессоръ Марръ,—дѣлають тутъ довольно важныя открытія.

— А скажите,—прервалъ его Х—овъ,—что это за поэтический замокъ стоитъ вонъ тамъ на скалѣ, у слиянія Алазы съ Арпачаемъ?

— Въ свое время,—отвѣтилъ фотографъ,—это была, конечно, довольно грозная и неприступная твердыня. Но теперь тамъ можно найти только полуразрушенную церковь да остатки сильныхъ когда-то стѣнъ.

— Не пройти ли посмотрѣть?—предложилъ я.

— Едва ли стѣитъ,—отозвался фотографъ,—путь туда довольно длинный и трудный, а взбираться наверхъ по узкой и крутой тропинкѣ даже опасно. Я былъ тамъ въ первое мое посѣщеніе этихъ развалинъ,—продолжалъ онъ,—и чуть было не поплатился жизнью за попытку попасть на вершину утеса.

— Какъ такъ? Расскажите, пожалуйста.

— Въ то время я не зналъ еще о существованіи тропинки, ведущей наверхъ отъ самаго слиянія Алазы съ Арпачаемъ, и шелъ напрямикъ. Къ подошвѣ утеса добраться было нетрудно. Но далѣе, при подъемѣ на скалу, я встрѣчалъ все болѣе и болѣе препятствій. Приходилось то прыгать съ камня на камень, то карабкаться при помощи рукъ, а то и просто ползти на четверенькахъ. А черезъ нѣсколько минутъ эти способы оказались несостоятельными, и случилось это, къ крайней досадѣ моей, уже близъ самой цѣли путешествія. Почти отвѣсная скала вздымалась вверхъ, и стѣна желанной обители шла какъ разъ по карнизу ея. Но я рѣшилъ, во что бы то ни стало, одолѣть тѣ нѣсколько сажений, которыя отдѣляли отъ меня стѣну крѣпости, и, выбравъ наиболѣе подходящее направленіе, поползъ вверхъ, цѣпляясь за кусты травы и за малѣйшіе выступы камня. Но чѣмъ выше, тѣмъ труднѣе становился подъемъ, и тѣмъ меньше оставалось силъ у меня. Однако, карнизъ уже близокъ. Я собралъ послѣднюю энергію, такъ какъ чувствовалъ, что черезъ минуту буду уже не въ состояніи держаться на скалѣ. Цѣпляюсь за карнизъ, подтягиваюсь и вдругъ,—я до сихъ поръ замираю отъ ужаса, когда вспоминаю тѣ моменты,—и вдругъ обрываюсь вмѣстѣ съ камнемъ, за который держался, и стремительно лечу внизъ. Вы можете представить всю безысходность моего положенія. Вѣдь я летѣлъ съ огромной высоты на подножіе утеса, усѣянное острыми камнями и уходившее въ глубину, въ волны бѣшенаго Арпачая... Я падалъ, конечно, секунду или двѣ. Однако, и за это время я многое передумалъ и предалъ уже свою душу въ руки Божіи. Но, видно, Провидѣніе пожелало спасти меня.

Стремительно падая внизъ, я зацѣпился полой своей одежды за острый выступъ скалы, что уже нѣсколько ослабило силу верженія, и тутъ же успѣлъ ухватиться за какой-то колючій кустъ. Къ великому счастью, онъ выдержалъ толчокъ, и я повисъ надъ кипящей рѣкой. Но она ужъ не была страшна мнѣ, такъ какъ кругомъ громоздились камни, и я легко перебрался по нимъ на перешеекъ, къ цитадели...

— Да счастливо отдѣлались,—сказалъ я, когда фотографъ кончилъ.

— Очень счастливо,—отвѣтилъ онъ,—если бы не этотъ кустъ, я разбился бы вдребзги и ужъ, конечно, не имѣлъ бы теперь удовольствія показывать вамъ развалины Ани...

— Ну, ужъ въ такомъ случаѣ мы минуемъ столь памятную для васъ обитель у слияннн рѣкъ,—замѣтилъ Х—овъ,—и двинемся на осмотръ чего либо другаго, болѣе достижимаго и приступнаго.

— Пожалуйте въ такомъ случаѣ за мною,—сказалъ нашъ чироне,—я покажу вамъ весьма интересныя пещеры.

И онъ, послѣ короткаго путешествія среди разныхъ руинъ, провель насъ къ несомнѣнному правому берегу Арпачая. И въ его откосахъ мы увидали цѣлый рядъ пещеръ, выдолбленныхъ въ твердомъ известнякѣ.

Входъ въ нѣхъ былъ очень низокъ и маскировался снаружи большими камнями, внутри же сводъ поднимался почти на высоту человѣческаго роста. Кое-гдѣ, въ заднихъ стѣнахъ пещеръ, были высѣчены въ известнякѣ углубленія въ шахматномъ порядкѣ, служившія, вѣроятно, обитателямъ для складыванія вещей и продуктовъ.

— Что же, здѣсь жили постоянно или только спасались во время войны?—спросилъ я.

— Трудно отвѣтить категорически на этотъ вопросъ,—отозвался фотографъ,—но я болѣе склоненъ думать, что бѣднѣйшій людъ столицы пользовался этими пещерами и въ мирное время. Подобная жизнь троглодитовъ и до сихъ поръ практикуется кое-гдѣ на Кавказѣ. Хотя высѣчь пещеру въ скалѣ зачастую стоитъ такихъ же трудовъ, какъ и построить домъ на поверхности земли, но обитатели мѣстностей, лишенныхъ лѣса, предпочитаютъ первое послѣднему, такъ какъ въ пещерѣ легче поддерживать теплоту зимой.

— А теперь онѣ уже безусловно покинуты?

— Эти, повидимому, да, но тѣ пещеры, которыя вытянулись по берегамъ Алазы,—я вамъ потомъ покажу ихъ,—обитаемы и теперь полудикими курдами.

Церковь Божіей Матери въ Ани.

VI.

Завтракъ съ «кладонскателями». — Армянофобъ и его мнѣнія объ армянахъ. — Торговые и жизненные принципы армянъ. — Банкротства. — Настойчивый зять. — Стремленіе армянъ къ отдѣленію. — Положеніе ихъ при появленіи русскихъ на Кавказѣ и теперь. — Процессъ въ Карсѣ.

Послѣ осмотра пещеръ, мы рѣшили вернуться обратно въ саклю «архимандрита» и закусить кое-чѣмъ захваченнымъ изъ Александрополя. Между прочимъ, была у насъ превкусная форель, которую мы заранѣе просили сварить къ назначенному часу.

— Все готово, — сказалъ «архимандритъ», встрѣтивъ насъ на порогѣ, и пригласилъ пройти изъ длиннаго коридора въ большую комнату, назначенную, очевидно, для прѣзжающихъ и снабженную деревянными тахтами у стѣнъ и двумя столами.

За однимъ изъ столовъ, къ великому удовольствію X — ова, сидѣла наша прекрасная незнакомка вмѣстѣ съ своимъ тучнымъ спутникомъ и пила чай.

«Архимандритъ» велѣлъ прислужнику подать нашу форель, и когда закуска была должнымъ образомъ сервирована, мы пригласили «кладонскателей» принять въ ней участіе. Незнакомка сначала отказывалась, но пріятный запахъ форели соблазнилъ ее, и она сдалась.

За закуской X — овъ все ухаживалъ за своей сосѣдкой, которая оказалась женой своего тучнаго спутника, а этотъ послѣдній сцѣпился съ фотографомъ-армяниномъ и съ пѣной у рта сталъ нападать на армянъ.

— О, я хорошо знаю этихъ торгашей и кровопійцъ, — кричалъ онъ, — это самые бездушные люди, высасывающіе всѣ соки изъ прочихъ обитателей Кавказа. Увѣряю васъ честью, — обратился онъ ко мнѣ, — если бы законъ и правительство хоть на одинъ день отступились отъ защиты армянъ, — ихъ перерѣзали бы всѣхъ до единаго. Правильно говорятъ, — продолжалъ онъ, забравши въ легкія побольше воздуха, — что армяне хуже евреевъ. Я жилъ въ западныхъ губерніяхъ и знаю жидовъ. И прямо скажу: они во сто кратъ лучше армянъ, честнѣе и человѣчнѣе. Еврей сосетъ ваши соки исподоволь и никогда не доводитъ этотъ процессъ до конца: видя, что вы начинаете изнемогать, онъ отступается, даетъ передохнуть, оправиться, а затѣмъ уже снова присосѣживается. А армянинъ не такъ: этотъ сразу хватается за горло и пырлетъ ножомъ въ самое сердце, такъ что вы моментально истекаете кровью. Не даромъ ихъ такъ ненавидятъ...

— Но позвольте, — вмѣшался тутъ я, — нельзя же, однако, отнять и у армянъ-торговцевъ нѣкоторыя хорошія стороны. Что было бы,

напримѣръ, на Кавказѣ безъ ихъ торговой предприимчивости? Не во что было бы одѣться и обуться...

— Хороша предприимчивость!—азартно вскрикнулъ толстякъ,— видно, что вы мало знаете этихъ кровопійць. Прежде всего армянинъ не признаетъ никакой конкуренціи, и если въ одномъ городѣ заведется нѣсколько магазиновъ одной и той же спеціальности, ихъ хозяева спѣшатъ негласно стакнуться между собой, чтобы публикѣ неповадно было «богатѣть на ихъ счетъ». А при подобной стачкѣ, кто можетъ заставить ихъ держать доброкачественный товаръ и продавать его по сносной цѣнѣ? Ну, и держать они, понятно, послѣдніе отбросы и продаютъ ихъ по баснословной цѣнѣ. И чѣмъ больше пролежалъ въ лавкѣ товаръ, тѣмъ дороже пускаютъ его, такъ какъ должны же они взять процентъ на затраченный капиталъ!.. О, я хорошо знаю ихъ,—столь же азартно продолжалъ онъ,— знаю, какъ наживаются они свои капиталы, какъ снимаютъ съ бѣднаго послѣднюю рубашку и оставляютъ голоднаго умирать отъ истощенія, жалѣя даромъ протянуть ему кусокъ хлѣба. Всѣ капиталы ихъ выросли на плутнѣ, обманѣ и самой безпощадной эксплуатаціи ближняго. Слыхали вы, напримѣръ, объ одномъ изъ самыхъ выдающихся армянскихъ богачей въ Тифлисѣ N.? Не слыхали?.. Ну, такъ я вамъ скажу, что у него насчитываютъ десятки миллионъ, и эти огромныя суммы сколочены главнымъ образомъ еще въ тѣ времена, когда не существовало желѣзной дороги отъ Тифлиса до Баку, и когда черезъ Кавказъ шель транзитный путь. Этотъ предприимчивый челоуѣкъ набиралъ транзитные товары для перевозки изъ тифлисской таможни и въ серединѣ пути искусно замѣнялъ ихъ камнемъ и пескомъ, который и отправлялъ дальше. Такимъ путемъ онъ положилъ начало своему благосостоянію и основу своимъ миллионамъ. Да, мало ли можно рассказать подобныхъ исторій? А какъ поучительны исторіи ихъ банкротствъ?.. Надумался начинающій оперяться армянинъ завести торговлю гдѣ нибудь въ Екатеринодарѣ или Армавирѣ. Ёдетъ онъ въ Москву, забираетъ подъ векселя товаръ и открываетъ магазинъ галантерейныхъ и мануфактурныхъ товаровъ. Время идетъ; онъ аккуратно погашаетъ свои векселя и забираетъ товару все больше и больше. Но вотъ наступаетъ срокъ большому векселю въ нѣсколько тысячъ. И начинаетъ тутъ нашъ Теръ-Минасянцъ кряхтѣть и писать въ Москву, что сейчасъ заплатить не можетъ и проситъ отсрочки. Отсрочка дается и помогаетъ: вексель оплачивается. Настаетъ, однако, и такой моментъ, когда Теръ-Минасянцъ соглашается платить одни лишь проценты, а черезъ короткое время объявляетъ себя несостоятельнымъ должникомъ. Ну, что-жъ? Произведутъ разслѣдованіе, понюхаютъ, подивятся разнымъ несчастьямъ, да и махнутъ рукой! А Теръ-Минасянцъ, глядишь, черезъ годъ-два открываетъ въ другомъ городѣ прекрасный магазинъ подъ какую нибудь новую фирмою. Два, три такихъ бан-

кротства, и предприимчивый человекъ становится богачемъ. На моихъ глазахъ произошла на Сѣверномъ Кавказѣ преуморительная исторія. Обанкротился одинъ богатый армянинъ, да на такую сумму, что московскій фабрикантъ самъ пріѣхалъ на Кавказъ провѣрить факты. Пріѣхалъ и напелъ своего должника въ поганомъ хлѣвѣ, одѣтымъ въ рваное рубище. Передъ нимъ стояло корыто съ помоями, и онъ пособачьи лакалъ изъ него, стоя начетверенькахъ. Увидѣвъ же своего кредитора, сталъ лаять на него, затѣмъ похлебалъ изъ корыта и опять залаялъ. Московскій купецъ свѣту Божьяго не взвидѣлъ и безъ всякихъ разслѣдованій уѣхалъ въ Москву.

— Вонъ, какъ намаялся человекъ,—говорилъ онъ про должника, — совсѣмъ ума лишился и, какъ собака, лаетъ на людей и лакаетъ изъ корыта.

А банкроту только этого и было нужно. Не прошло и года, какъ онъ совсѣмъ оправился отъ болѣзни и завелъ коммерцію еще шире прежней. Да, съ чужими людьми это еще съ поль-горя. А то, они также поступаютъ съ своими близкими родственниками. Выдаетъ какойнибудь Чинарянцъ свою дочь замужъ и сулитъ за ней горы золотыя. Находится довѣрчивый человекъ, женится и получаетъ... шишъ.

— Дураковъ учить надо,—говоритъ ему тесть.

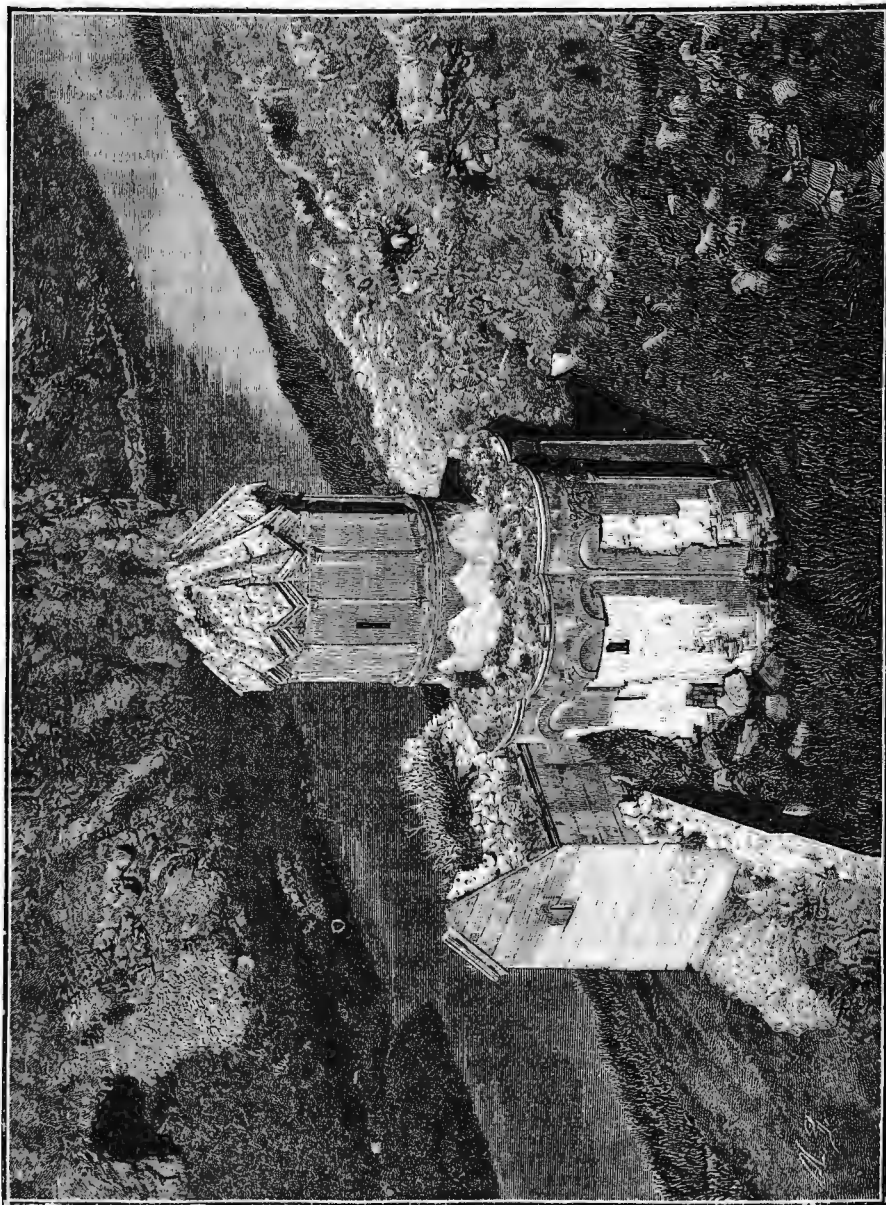
Впрочемъ, такъ какъ они заключаютъ браки почти исключительно въ своей средѣ, то подобные инциденты случаются не очень часто: благоразумные зятя всегда обезпечиваютъ себя до вѣнца и выторговываютъ у дорогихъ тещушекъ, елико возможно, больше. Вотъ былъ такой случай въ Тифлисѣ. Одинъ богачъ сосваталъ своей дочери жениха и обѣщалъ за нею сто тысячъ. Назначили день свадьбы и вечеромъ отправили невѣсту въ церковь въ подвѣчномъ костюмѣ. Ждутъ жениха. Проходитъ четверть часа, проходитъ полъ-часа,—женихъ не ѣдетъ. Начинается тревога. Нужно замѣтить, что армянская дѣвушка, съ кѣмъ нибудь помолвленная и потомъ почему либо не вышедшая замужъ, теряетъ всякую надежду на бракъ: такой ужъ порядокъ у нихъ. Не мудрено, конечно, что и нашъ богачъ перепугался сраму, и когда всѣ посланные вернулись съ неуспѣхомъ, онъ самъ поѣхалъ къ жениху. Пріѣзжаетъ и видитъ того лежащимъ на постели.

— Что же вы съ нами дѣлаете? Вѣдь мы уже цѣлый часъ ждемъ васъ въ церкви!..

Женихъ безмолвно поднимается съ кровати и ведетъ богача въ свой кабинетъ, гдѣ ставитъ передъ портретомъ своего отца.

— Вы знаете моего отца?.. Тѣнь его перевернулась бы въ гробу, если бы я взялъ за вашей дочерью меньше двухсотъ тысячъ!

Богачъ взмолился, но какъ ни уламывалъ будущаго зятя, тотъ стоялъ на своемъ. А между тѣмъ въ церкви ждутъ и, вѣроятно, перешептываются.

Дѣвичій монастырь въ Ани.

— Хорошо,— согласился богачъ,— я дамъ двѣсти тысячъ, хотъ было условлено сто. Поѣдемте.

— Нѣтъ, не поѣду, пока деньги не будутъ у меня въ карманѣ.

И лишь съ трудомъ удалось уломать его получить половину деньгами, а половину—векселями. И только на этихъ условіяхъ женихъ поѣхалъ вѣнчаться.

Долго еще повѣствоваль толстякъ о нравственныхъ несовершенствахъ армянъ, не обращая вниманія на дѣлавшіяся ему возраженія и на крайне возбужденное состояніе нашего чичероне-фотографа. А отъ несовершенствъ перешелъ къ вопросу о сепаратистскихъ стремленіяхъ армянъ.

— И представьте,— съ тѣмъ же азартомъ говорилъ онъ,— эти торгаши и кровопійцы мечтаютъ объ обособленіи, о восстановленіи своей древней Арменіи! Да и что это за древняя Арменія? Почти никогда она не существовала самостоятельно; всегда была подъ чьимъ нибудь господствомъ. А если не чужой народъ, то чужая династія поработчала ее. То—родъ Хайка, то—парояне Аршакиды, то—евреи Багратиды.

— Позвольте,— успѣлъ я вставить слово,— вѣдь армяне считаютъ себя потомками Хайка. Такъ, какъ же вы говорите, что родъ Хайка былъ имъ чужой?

— Ну, ужъ это, батюшка, ересь съ ихъ стороны. Это то же самое, какъ если бы мы, русскіе, произвели себя отъ варяговъ, пришедшихъ съ Рюрикомъ, Синеусомъ и Труворомъ «княжити и володѣти» нами. Вѣдь мы же не отъ нихъ ведемъ себя, а отъ болѣе древнихъ насельниковъ страны, отъ ея туземцевъ. То же самое выходитъ и по армянскимъ лѣтописямъ. Хайкъ съ своимъ родомъ пришелъ въ страну, уже населенную, и подчинилъ ее своему владычеству. Потомки его должны были образовать лишь верхній слой, а весь остальной народъ происходилъ, конечно, отъ прежнихъ насельниковъ занятаго Хайкомъ края и ничего родственнаго съ нимъ не имѣлъ. Да и допустимъ даже, что армяне, дѣйствительно, происходятъ отъ Хайка. Это, все-таки, не измѣнитъ порядка вещей, и они, все-таки, останутся народомъ, который вѣчно изнывалъ подъ чужимъ владычествомъ и 8 вѣковъ назадъ окончательно утратилъ всякій намекъ на отдѣльное политическое существованіе. Отчего это произошло,— другой вопросъ. Но фактъ тотъ, что народъ этотъ почти никогда самъ собой не управлялся и въ силу ужъ этого одного едва ли способенъ на отдѣльное, самостоятельное существованіе. Культура, которой вы, вѣроятно, удивлялись, бродя по развалинамъ Ани, тоже была у нихъ чужая, заимствованная у сосѣднихъ народовъ, у Византіи, Персіи и т. д. Ко времени прихода русскихъ на Кавказъ, политическое значеніе «хайканъ» равнялось нулю. Но теперь, когда они нажились, когда всѣ богатства Кавказа и сопредѣльныхъ странъ очутились въ ихъ рукахъ, — теперь они высоко подняли головы

и строить коварные замыслы противъ своей благодѣтельницы. Да и сама Россія много тутъ виновата и виновата, именно, своимъ равнодушнымъ отношеніемъ, своимъ нежеланіемъ вникнуть въ тенденціи и стремленія армянъ. Но, слава Богу, теперь, кажется, мы очнулись и, дасть Богъ, не допустимъ до тѣхъ явленій, которыя имѣли мѣсто въ Польшѣ въ 1831 и 1863 годахъ. А насколько велики эти тенденціи, это можно видѣть на каждомъ шагу. Вотъ, хотя бы маленькіе, но весьма характерные факты. Когда русскіе утвердились на Кавказѣ, армяне стали быстро перенимать наши нравы, обычаи и даже наши имена и фамиліи. Какойнибудь Микиргумъ обратился въ Николая или Михаила, Саргисъ въ Сергѣя, Калустъ въ Карла; Осипянцъ превратился въ Осипова, а Теръ-Терьянцъ прямо въ Попова, такъ какъ теръ поармянски означаетъ попъ. Но вотъ постепенно «сыны Хайка» стали оперягаться и собирать въ своихъ рукахъ капиталы. А вмѣстѣ съ тѣмъ началось и обратное теченіе: вновь появились Микиргумы и Осипянцы, а Поповъ послѣдовательно перешелъ въ Поповяна, Терьяна и, наконецъ, опять заблесталъ на выѣскѣ бакалейнаго магазина въ видѣ Теръ-Терьянца. Не менѣе характерны факты, постоянно повторяющіеся въ самое послѣднее время, въ родѣ отказовъ армянскихъ священниковъ приводить свидѣтелей своего вѣроисповѣданія къ присягѣ на русскомъ языкѣ: это, изволите ли видѣть, нужно дѣлать непременно на армянскомъ языкѣ. Или случившійся очень недавно отказъ вести преподаваніе въ армянскихъ школахъ на русскомъ языкѣ: они предпочли даже закрыть школы, чѣмъ сдаться на наше вполне законное требованіе. И мы, тѣмъ не менѣе, до такой степени простираемъ свое благодушіе, что даже заводимъ спеціальныя армянскіе полки и ставимъ ихъ въ самыхъ центрахъ армянскаго населенія, въ родѣ Эривани: вотъ де вамъ, голубчики, и военная сила противъ насъ, если вы задумаете основывать свое самостоятельное царство. Представьте теперь, что вспыхнетъ война съ Турціей: вѣдь намъ не только нельзя будетъ положиться на эти полки, но придется даже выдѣлать изъ дѣйствующей арміи новыя части для наблюденія за ними.

— А неужели такъ сильны сепаратистскія стремленія среди армянъ?—спросилъ я.

— Очень,—отвѣтилъ толстякъ,—и если то, что я уже сказалъ, недостаточно вразумительно для васъ, я расскажу одинъ достовѣрно мнѣ извѣстный фактъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ Карсѣ, разбиралось одно уголовное дѣло. То-есть, ему дали одну лишь уголовную окраску, а на самомъ дѣлѣ это былъ настоящій политическій процессъ. На границѣ Россіи съ Турціей появилась большая банда разбойниковъ, нападавшая на пограничныя селенія обоихъ государствъ. Шайка была хорошо организована и вооружена, но не столько занималась грабежомъ, сколько какими-то оригинальными процессіями. Вступивъ въ армянское селеніе, она обыкновенно вытягивалась въ одну линію и

торжественно несла по улицамъ два большихъ чучела: одно изъ нихъ было одѣто въ рваное рубище, а другое—въ шелкъ и бархатъ. Прошедши одно селеніе, процессія переходила въ другое. Но однажды, при переходѣ границы, эти оригинальные разбойники наткнулись на казачій постъ, который потребовалъ выдачи чучелъ. Разбойники отказали, и началась перестрѣлка, при которой нѣсколько казаковъ было убито. Но на выстрѣлы подоспѣли другіе посты, и чучела вмѣстѣ съ десятками трема своихъ конвойныхъ перешли въ наши руки. Возникло, конечно, дѣло, которое не замедлило обнаружить истинную подкладку всей этой исторіи. Какъ оказалось, нѣсколько горячихъ армянскихъ головъ изъ недоучекъ-студентовъ и гимназистовъ, рѣшившихъ, что настало уже время для восстановления родины, надумали образовать стройную и сильную банду, которая должна была нападать подъ видомъ турокъ на русскія селенія и, наоборотъ, подъ видомъ русскихъ на турецкія. Это должно было вызвать пограничныя недоразумѣнія, которыя не замедлили бы создать войну между обоими государствами. Конечно, война имѣла кончиться въ пользу Россіи; приче́мъ, эта послѣдняя присоединила бы къ себѣ всѣ армянскія провинціи Турціи для того, чтобы избавить ихъ отъ мусульманскаго варварства, а вслѣдъ затѣмъ выдѣлила бы ихъ всѣ, со включеніемъ и своихъ Эриванской губерніи и Карсской области, дабы создать изъ нихъ самостоятельное армянское царство, подобно тому, какъ путемъ послѣдней кампаніи она создала свободную Болгарію.

— Планъ остроумень, — замѣтилъ я, — но приче́мъ же тутъ чучелы?

— О, чучела тоже играли немалую роль. Они должны были напомнить армянамъ ихъ славное прошлое и провести параллель съ тяжелымъ нынѣшнимъ положеніемъ. Чучело, одѣтое въ рубище, олицетворяло нынѣшнюю обездоленную и страдающую Арменію; другое же, разодѣтое въ шелкъ и бархатъ, изображало древнюю Арменію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служило прообразомъ грядущему свѣтлому и великому будущему. Понимаете теперь, зачѣмъ мнимые разбойники носили ихъ по армянскимъ селеніямъ? Вѣрите ли послѣ этой исторіи въ сепаратистскія стремленія армянъ? — торжествующимъ тономъ закончилъ толстякъ.

VII.

Къ дворцу Багратидовъ. — Возраженія армянина на рѣчи армянофоба. — Армяноземледѣльцы. — Иго турокъ и стремленія свергнуть его. — Суть мечтаній армянъ и надежды на Россію. — Храмъ Спасителя и дворецъ надъ Арпачаемъ.

Нашъ армянофобъ, навѣрное, не остановился бы на послѣднемъ разсказѣ, еслибъ его хорошенькая жена, за которой все время ухаживалъ Х—овъ, не поднялась, чтобы идти къ дворцу Багратидовъ.

Онъ умолялъ, но категорически объявилъ, что не можетъ идти, такъ какъ очень усталъ.

— Не позволите ли мнѣ быть вашимъ кавалеромъ? — галантно вызвался Х—овъ и, ободренный кокетливой улыбкой, предложилъ ей руку.

А слѣдомъ за ними поднялся и фотографъ, видимо, сильно взволнованный тѣми рѣчами, которыя держалъ толстякъ.

— Послушайте, — горячо заговорилъ фотографъ, когда Х—овъ съ своей дамой отдѣлился отъ насъ, и мы пошли вдвоемъ, — неужели вы вполне вѣрите словамъ этого господина? Неужели вы такъ и останетесь въ убѣжденіи, что армянскій народъ состоитъ изъ однихъ торгашей, для которыхъ нѣтъ ничего святого, кромѣ золотого тельца?

— О, нѣтъ, — съ улыбкой отвѣтилъ я, — этотъ господинъ самъ указалъ на существованіе сильнаго современнаго теченія, которое ужъ, конечно, не имѣетъ никакой связи со служеніемъ мамонъ, а именно на стремленіе къ возстановленію древняго царства.

— Да, но этого мало, очень мало. Вы, вѣроятно, слышали же о существованіи армянъ-земледѣльцевъ и знаете, что они составляютъ 99% армянскаго населенія Кавказа?

— Знаю, — отвѣтилъ я.

— Такъ, за что же столь жестоко нападать на всѣхъ армянъ за прегрѣшенія сотой, а, можетъ быть, и тысячной части ихъ? За что же кидать камень въ людей совершенно и ни въ чемъ виноватыхъ? Никто же не станетъ отрицать, что армянинъ-земледѣлецъ Эриванской губерніи ничуть не хуже и не ниже въ нравственномъ отношеніи русскаго крестьянина. Онъ чрезвычайно трудолюбивъ, патриархаленъ и простъ въ своихъ обычаяхъ, дорожитъ семейными связями, очень почтителенъ къ старшимъ, любитъ жену и дѣтей и горячо привязанъ къ своей родинѣ. Ставить его на одну доску съ тѣми торгашами, для которыхъ, дѣйствительно, нѣтъ ничего святого, и которые не останавливаются для обогащенія ни передъ какой плутней и эксплуатаціей, — это несправедливо и безбожно. Я, конечно, не стану оправдывать дѣйствій этой послѣдней худшей части армянскаго народа: имъ нѣтъ оправданій и они кладутъ пятно позора на весь народъ. Но посмотрите хотя бы на вашихъ русскихъ кулаковъ. Чѣмъ они лучше нашихъ торгашей? Не вѣрьте же этому господину съ его узкими и предвзятыми мнѣніями и не клеймите весь народъ титуломъ торгашей и кровопійцъ за прегрѣшенія тысячной доли его. Но извините, я увлекся и чуть было не уклонился отъ своей главной обязанности — вашего путеводаителя. Обратите вниманіе на это мало замѣтное и невзрачное зданіе, которое дошло до насъ подъ названіемъ храма Спасителя.

И, дѣйствительно, если бы мой чичероне не указалъ этого зданія, я, вѣроятно, прошелъ бы мимо, не обративъ на него вниманія: такой печальный видъ имѣло оно снаружи.

Но когда я проникъ внутрь его черезъ полуобвалившуюся южную стѣну, то просто ахнулъ отъ изумленія.

Такой роскоши, такого великолѣпія и изящества не имѣеть ни одна изъ анійскихъ руинъ. Нужна кисть живописца, чтобы нарисовать художественныя колонны, дивныя перекрещивающіяся арки, изящный сводчатый потолокъ и несравненный, неподражаемый орнаментъ. Описать же дивную красоту этой руины—свыше моихъ силъ.

Я громко выразилъ свой восторгъ, и это чрезвычайно польстило фотографу.

— А вамъ сейчасъ говорили, что у насъ была невысокая культура,—замѣтилъ онъ,—вотъ вамъ лучший образчикъ ея. Всѣ путешественники, которые перебивали тутъ, приходили въ восторгъ отъ великолѣпія этого зданія, а англичанинъ сэръ Керъ-Портеръ, который первый далъ описаніе анійскихъ развалинъ, говорилъ даже, будто оно представляетъ столь богатые и замѣчательные образчики мозаики, что они превосходятъ все, имѣющееся по этой части въ знаменитѣйшихъ соборахъ Англїи.

— А что за надписи сдѣланы на стѣнахъ и аркахъ?—спросилъ я.

— Эти надписи относятся, по преимуществу, къ эпохѣ монгольскаго владычества и гласятъ о пожертвованіяхъ на храмъ, о наложеніи новыхъ податей, о сложеніи старыхъ, запрещеніи торговать на улицахъ въ воскресенье и т. д. Онѣ переведены вашими ориенталистами Броссе и Ханьковымъ. Однако, если вы желаете до захода солнца осмотрѣть оставшіяся еще достопримѣчательности, то идемте дальше.

И мы двинулись дальше среди разнообразныхъ руинъ по усѣянному камнями и обломками полю.

— Ну, а скажите,—заговорилъ тутъ я,—дѣйствительно ли среди вашихъ соотечественниковъ существуетъ стремленіе къ отдѣленію?

— Вы трогаете теперь самыя больныя струны нашего сердца,—отвѣтилъ фотографъ.—Скажите,—горячо продолжалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы,—одобряете ли вы своихъ предковъ за то, что они освободились изъ-подъ владычества монголовъ?

— Конечно, да. Но я думаю, ваше сравненіе едва ли удачно...

— Извините. Вы, очевидно, не такъ меня поняли. Я и въ мысляхъ не имѣлъ приравнивать власть русскихъ надъ Арменіей къ монгольскому игу: между нею и этимъ послѣднимъ такая же разница, какъ между современной цивилизаціею и грубостью XIII вѣка. Россія облагодѣтельствовала подвластныхъ ей армянъ, давъ имъ возможность свободно дышать и пахать свою землю, не дрожа ежеминутно за свою жизнь и честь. Я говорю о Турціи, подъ игомъ которой изнываетъ главная масса нашихъ братій. Вѣдь, нѣтъ же мнѣ надобности напоминать вамъ о тѣхъ звѣрствахъ, которыя чинятся ежечасно надъ ними на всемъ пространствѣ Турецкой имперіи. Вѣдь, вы же сами прекрасно знаете, какъ выжимаютъ изъ нихъ послѣд-

ніе соки, какъ отнимають послѣдній кусокъ хлѣба, разоряють жилища, безчестяютъ женъ и дочерей, убиваютъ мужей и отцовъ! И нигдѣ нѣтъ управы на мучителей; нигдѣ, на всемъ пространствѣ Оттоманской Порты, не найти армянину правды и милости! И вы хотите, чтобы мы сидѣли смиренно и не помышляли о томъ, что мы тоже люди и имѣемъ право на жизнь, честь и свободу?! Вотъ отъ чего мы мечтаемъ освободиться, и вотъ какое иго хотимъ свергнуть съ себя. Неужели же это преступно? Нѣтъ, мы твердо вѣримъ въ правоту нашего дѣла и всѣ усилія направляемъ для рѣшенія его...

— Все, что вы говорите, совершенно вѣрно,—сказаль я, когда пріостановилась горячая рѣчь моего собесѣдника,—но вѣдь это не имѣетъ никакого отношенія къ Россіи, которая, какъ вы сами сказали, облагодѣтельствовала васъ! Я вполне понимаю ваше желаніе свергнуть иго турокъ, но желать сбросить власть Россіи—этого я, извините, понять не могу.

— Но вѣдь у насъ же и нѣтъ такого желанія, — съ полною искренностью въ голосѣ отозвался фотографъ,—мы вполне преданы Россіи и глубоко благодарны ей за всѣ ея благодѣянія. Мы прекрасно понимаемъ, что безъ Россіи мы погибли и если и мечтаемъ теперь освободиться отъ гнуснаго турецкаго ярма, то опять таки потому, что вѣримъ въ Россію, назначенную самимъ Провидѣніемъ избавлять христіанскіе народы отъ мусульманскаго ига. Сто лѣтъ тому назадъ, она избавила вѣдь Грузію отъ гнета персовъ, а черезъ тридцать лѣтъ отобрала у нихъ же лучшую часть и нашей древней Арменіи, вмѣстѣ съ престоломъ духовнаго главы патріарха-католикоса—Эчміадзиномъ. Прошло еще полъ-вѣка, и Россія вновь повела свои побѣдосные полки на защиту угнетенныхъ христіанъ и, пожертвовавъ массою своихъ сыновъ, освободила Болгарію вмѣстѣ съ старыми христіанскими областями—Батумской и Карсской. Такъ какъ же намъ не вѣрить въ это провиденціальное назначеніе Россіи и не надѣяться, что рано или поздно она услышитъ горькія мольбы и слезы нашихъ братій и сестеръ и отторгнетъ, наконецъ, отъ Турціи и остальные части нашей благословенной родины? А тамъ...

— А тамъ? — спросилъ я, заинтересовавшись невысказанной мыслью своего собесѣдника, которая, видимо, и представляла центръ его мечтаній.

— Знаете, — проговорилъ фотографъ, послѣ нѣкоторой паузы,— вы внушаете мнѣ большое довѣріе. Я не сказалъ бы другому, но скажу вамъ. Въ послѣднюю кампанію Россія отвоевала Болгарію и освободила ее. Отчего же она не можетъ сдѣлать того же съ Арменіей, чтобы дать ей автономію, но оставить подъ своимъ мощнымъ покровительствомъ? Зачѣмъ ей эти новыя области, когда она и такъ разрослась на полъ-міра?

— Такъ вы, значить, думаете, что Россія отдѣлится и васъ отъ

Турція, а затѣмъ дастъ намъ полную свободу, не присоединяя къ себѣ?

— Да, таковы именно наши мечтанія. Мы вѣримъ и хорошо знаемъ великое сердце Россіи и надѣемся притомъ, что она сама не забываетъ и наши заслуги передъ нею.

— Какія это?

— Да вѣдь немало же мы помогли ей въ ея войнахъ на Кавказѣ. Сколько помощи оказали мы хотя бы въ послѣднюю кампанію, когда безъ насъ ваши войска умерли бы отъ холода и голода среди снѣговъ и враждебной страны! Не намъ ли принадлежать высшіе полководцы этой войны: Лорисъ-Меликовъ, Теръ-Гукасовъ, Лазаревъ и др.?

— Не сердитесь на меня,—отвѣтилъ я, не будучи въ состояніи удержаться отъ легкой улыбки,—но тутъ уже вы, кажется, немного увлекаетесь. Вѣдь если брать дѣло съ такой стороны, то самые первые наши благодѣтели—жиды, которые, въ качествѣ подрядчиковъ, вѣчно сопутствуютъ нашимъ войскамъ и въ мирное, и въ военное время, заботясь, конечно, при этомъ исключительно только о своемъ карманѣ. Ваши подрядчики тоже, я думаю, дѣйствовали не безвозмездно. А Лорисъ-Меликовъ и другіе за понесенные ими труды получили и соотвѣтственное вознагражденіе, въ видѣ крестовъ, арендъ и почестей. Россія ужъ достаточно отблагодарила васъ за тѣ благодѣянія, которыми вы осыпали ее во время послѣдней кампаніи.

Въ то время, какъ я высказывалъ свою послѣднюю мысль, лицо моего чичероне все хмурилось и темнѣло: видимо, онъ былъ глубоко убѣжденъ въ безсмертныхъ заслугахъ передъ Россіей армянскихъ подрядчиковъ и генераловъ.

— Конечно,—съ горькой улыбкой отозвался онъ,—если смотрѣть съ этой стороны...

И замолкъ, какъ я ни старался вновь разговаривать его.

Но тутъ мы подошли къ большому двухъ-этажному зданію, стоявшему въ с.-в. углу города, примыкая съ обѣихъ сторонъ къ остаткамъ стѣнъ.

— Что это за зданіе?—спросилъ я своего спутника.

— Его называютъ дворцомъ Багратидовъ,—довольно неохотно отвѣтилъ тотъ,—но едва ли это правильно, такъ какъ дворецъ ихъ стоялъ въ цитадели.

Видя, что на моего чичероне напала меланхолія, я одинъ вошелъ внутрь зданія, которое оказалось раздѣленнымъ на нѣсколько большихъ комнатъ, и, судя какъ по характеру постройки, такъ и по размѣрамъ ея, должно быть, признано самымъ большимъ изъ сохранившихся въ Ани зданій, и если не царскимъ, то ужъ во всякомъ случаѣ великокняжескимъ дворцомъ.

Какъ наружный, такъ и внутренній видъ дворца ничего особеннаго не представляютъ, кромѣ разбросанной въ разныхъ мѣстахъ

мозаики изъ чернаго, желтаго и краснаго камней и малоинтересныхъ надписей разныхъ временъ. Крыши дворца уже не существуетъ, стѣны сильно пообрушились, и задняя, обращенная къ обрывистому ущелью Алазы, притока Арпачая, отстала уже отъ другихъ и наклонилась къ оврагу. Придетъ день, когда эта громада рухнетъ въ ущелье, наполнивъ его грохотомъ и гуломъ. А до того она будетъ глядѣть своими пустыми оконными отверстиями на противоположный берегъ Алазы, изрытый на большомъ протяженіи большими и малыми пещерами.

VIII.

Уцѣлѣвшій храмъ Богоматери.—Частныя постройки въ Ани.—Подземный городъ.— Чудная ночь и новая встрѣча съ фотографомъ.—Его галлюцинаціи.—Отъѣздъ изъ Ани.

Вслѣдъ за дворцомъ Багратидовъ мой чичероне, все время не терявшій своего хмураго вида, указавъ мнѣ двѣ-три довольно хорошо сохранившихся церкви и затѣмъ, черезъ все поле развалинъ, провель къ наиболѣе уцѣлѣвшему въ Ани храму, стоящему на уступѣ надъ Арпачаемъ, въ ю.-в. углу города. Храмъ этотъ посвященъ Божіей Матери и настолько еще крѣпокъ въ настоящее время, что въ немъ посейчасъ совершается церковная служба.

По узенькой тропинкѣ мы спустились съ крутого обрыва и обошли церковь со всѣхъ сторонъ.

Главный корпусъ ея сохранился еще достаточно хорошо; только верхушка купола не устояла въ борьбѣ со временемъ. Сохранились также нѣкоторыя пристройки къ храму, и одна изъ нихъ, изображенная на прилагаемомъ рисункѣ, служила особымъ придѣломъ. Цѣла еще ея крыша; уцѣлѣла и большая часть стѣнъ; но правая арка уже рухнула.

Какъ въ этой пристройкѣ, такъ и около главнаго входа и внутри храма, до сихъ поръ сохранилась еще прекрасная стѣнная живопись, изображающая разные моменты изъ земной жизни Іисуса Христа, Влахернскую Божію Матерь, 12 святителей и т. д. Кое-гдѣ виднѣются греческія или грузинскія надписи.

— Эта церковь сооружена во время господства грузинъ,—сказавъ фотографъ,—а именно въ 1251 году.

Солнце уже совсѣмъ склонялось къ закату, когда мы по той же тропинкѣ поднялись на только что покинутое поле развалинъ.

Пробираясь между обломками бывшихъ зданій, нельзя было не обратить вниманія на довольно правильно расположенныя неглубокія ямы и невысокіе холмики между ними.

— Это слѣды общественныхъ и частныхъ домовъ,—замѣтилъ мой спутникъ.

— А эти узенькія и непрерывно мѣняющія свое направленіе полоски, навѣрное, бывшія улицы?—спросилъ я.

— Да,—отвѣтилъ фотографъ.

— Ну, судя по этому, ваша столица была не лучше любого современнаго аула Закавказья, съ его невозможными закоулками и переходами. Да и въ этой части города совсѣмъ не видно ни орнаментовъ, ни камней съ надписями, ни колоннъ... Видно, частныя постройки вовсе не гармонировали съ великолѣпіемъ и блескомъ публичныхъ сооружений.

— А гдѣ же существуетъ подобная гармонія?—огрызнулся мой чичероне,—если взять вашу старинную Москву, только что возникшую, когда звѣзда Ани клонилась къ закату, то, я думаю, и она была нисколько не лучше нашей, столицы!..

Проговоривъ нервно эти слова, фотографъ приподнял шляпу и сказалъ:

— Нашъ осмотръ конченъ. Желаю всего лучшаго,—быстро зашагалъ въ сторону, такъ что я едва успѣлъ крикнуть ему вслѣдъ свою благодарность.

Возвращаясь уже одинъ къ саклѣ «архимандрита» и обходя одинъ изъ холмиковъ, я замѣтилъ въ немъ отверстіе, а заглянувъ внутрь, увидѣлъ довольно обширное помѣщеніе, выложенное камнемъ, изъ котораго низкій ходъ велъ куда-то въ сторону.

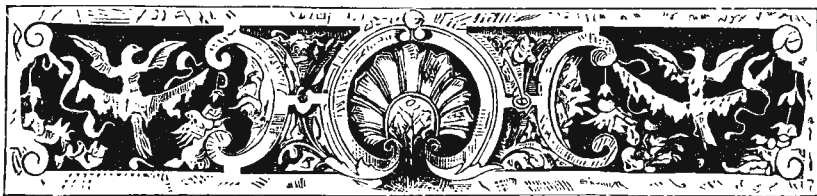
Мнѣ не было уже времени спускаться въ это подземное помѣщеніе для того, чтобы опредѣлить его назначеніе. Но по совершенному сходству всѣхъ этихъ безчисленныхъ холмиковъ, усыпавшихъ площадь бывшей столицы, весьма естественно было предположить, что всѣ они имѣютъ внутри себя подземныя жилища и переходы, и что въ Ани существовало, собственно говоря, два города: одинъ—надъ поверхностью земли, а другой—подъ нею.

Въ саклѣ «архимандрита», къ которой я подошелъ уже въ самыя сумерки, я нашелъ своего пріятеля X—ова въ обществѣ прекрасной незнакомки и ея мужа. Напившись чаю, мы отправились въ обратный путь.

Стояла чудная, теплая ночь. Луна ярко свѣтила, и подъ ея серебристыми лучами далеко на небосклонѣ сверкали покрытыя вѣчными льдами вершины двойного Арарата.

А. Андреевъ.

РУССКІЙ НѢМЕЦЪ О РУССКОЙ ИСТОРИИ¹⁾.

«Какъ волка ни корми...».

ТРАННОЕ, тяжелое, безотрадное впечатлѣніе производятъ нѣкоторыя книги, печатаемыя въ Европѣ о Россіи! Читая ихъ, никакъ не можешь освоиться съ мыслью о томъ, что просвѣщенные люди, живущіе въ концѣ XIX вѣка, въ просвѣщеннѣйшихъ центрахъ европейскихъ, толкующіе свободно обо всякихъ отвлеченностяхъ, приступающіе во всеоружіи знанія къ рѣшенію запутаннѣйшихъ вопросовъ по древнѣйшей исторіи Китая, по этнографіи малайскаго племени, по первобытнымъ понятіямъ людей каменнаго вѣка о религіи или искусствѣ—обо всемъ судятъ здраво, безпристрастно и, болѣе или менѣе, вѣрно... Но стоитъ только тѣмъ же ученымъ мыслителямъ заговорить о Россіи—и сейчасъ картина мѣняется! Логика, прилагаемая къ всякимъ другимъ предметамъ ученаго изслѣдованія, оказывается непримѣнимою при разсужденіи о тѣхъ или другихъ сторонахъ русской жизни или исторіи. Переходя къ разсужденію о Россіи и русской исторіи, тѣ же ученые мыслители обращаются въ Хемницеровскихъ «метафизиковъ» и начинаютъ доказывать, что простая логика въ этой области изслѣдованія непримѣнима, и пресерьезно говорить, что «тутъ надо-бъ выдумать орудіе иное!...». Даже и обще-

¹⁾ По поводу книги Брикнера: *Geschichte Russlands bis zum Ende des 18 Jahrhunderts*. Von A. Brückner. Band I. Ueberblick der Entwicklung bis zum Tode Peters des Grossen. Gotha. 1896.

человѣческая мораль, на основаніи которой клевета и ложь считаются предосудительными и позорящими честное имя человѣка, оказывается тоже не примѣнимою въ данномъ случаѣ, потому что, по отношенію къ Россіи, въ Европѣ и досегодня допускается всякая ложь и поощряется всякая клевета. За примѣрами ходить недалеко. Кому, напримѣръ, неизвѣстно чрезвычайное добродушіе русскаго солдата, готоваго подѣлиться своимъ черствымъ сухаремъ съ каждымъ плѣннымъ врагомъ и нянчиться съ ребенкомъ, спасеннымъ отъ холода и голода? Оно извѣстно всѣмъ нашимъ врагамъ, съ которыми мы когда либо воевали... Но это ничуть не мѣшало распространенію по Европѣ (еще весьма недавно!) самыхъ дикихъ басенъ о томъ, что казаки во время войны, пожираютъ въ непріятельской странѣ дѣтей и жарятъ ихъ на своихъ пикахъ. Кому въ Европѣ неизвѣстно образцовое устройство нашихъ тюремъ и иныхъ мѣстъ заключенія? И давно ли печатались въ иностранныхъ журналахъ описанія тѣхъ пытокъ и истязаній, которымъ будто бы подвергаются у насъ заключенные? Все это только потому, что о Россіи такъ ужь принято,—и притомъ еще изстари принято—говорить дурно, говорить всякій вздоръ, даже клеветать на нее... Это нѣчто въ родѣ предразсудка, отъ котораго просвѣщенная Европа начинаетъ исправляться только въ самое послѣднее время.

Но весь этотъ вздоръ, вся эта ложь, печатаемая о Россіи, всѣ эти клеветы, распространяемыя о ней завѣдомыми врагами ея, не могутъ насъ особенно смущать и задѣвать за живое. Мы говоримъ себѣ въ утѣшеніе: «они не знаютъ Россіи, и потому ее не цѣнятъ!». Но какъ тяжело и больно бываетъ намъ, когда ту же ложь, тѣ же клеветы и вздоръ, съ добросовѣстностью поцугая, начинаютъ повторять и распространять въ своихъ сочиненіяхъ люди, хотя и не русскаго происхожденія, но долго жившіе въ Россіи, состоявшіе десятки лѣтъ на русской службѣ, занимавшіе каеэдру въ одномъ изъ русскихъ университетовъ и удалившіеся къ себѣ на родину съ выслуженною въ Россіи пенсіей... Невольно спрашиваешь себя:

— Ну, а эти? Тоже лгутъ и клеветуютъ по незнанію?

И приходишь къ тому выводу, что они лгутъ и клеветуютъ сознательно, въ угоду европейскому общественному мнѣнію, потому, что такъ принято говорить о Россіи, и говорить иначе неприлично и странно...

Всѣ эти неутѣшительныя мысли пришли намъ въ голову при чтеніи «Исторіи Россіи до конца XVIII вѣка», написанной по-нѣмецки и для нѣмецкой публики покойнымъ профессоромъ А. Брикнеромъ, долгое время занимавшимъ каеэдру русской исторіи въ Юрьевскомъ университетѣ.

Нѣмецкая «Исторія Россіи» Брикнера входитъ въ составъ серіи трудовъ по «Исторіи европейскихъ государствъ», издаваемой Геере-

номъ, Укертомъ, Гизебрехтомъ и Лампрехтомъ; повидимому, она была задумана въ составѣ двухтомнаго сочиненія, и первый томъ заключаетъ въ себѣ «Исторію Россіи» до Петра Великаго, а второй долженъ былъ заключать въ себѣ «Исторію Россіи» отъ Петра и до новѣйшаго времени. Въ предисловіи къ I тому авторъ такъ выясняетъ основную мысль своего труда:

«Прогрессъ въ исторіи Россіи заключается единственно въ превращеніи Россіи изъ азіатскаго (!) государства въ европейское». При этомъ, однако же, авторъ оказываетъ Россіи нѣкоторое снисхожденіе!.. «Въ противоположность многимъ, даже еще и въ недавнее время высказаннымъ заявленіямъ, будто полное превращеніе Россіи въ государство европейское (Europäisierung Russlands) можно считать въ такой же степени возможнымъ, какъ и отысканіе квадратуры круга, я попытался въ настоящей книгѣ указать»,—говоритъ онъ,—«какъ превращеніе Россіи въ государство европейское началось и какъ оно развивалось...». И затѣмъ авторъ приступаетъ къ своему труду, который разбиваетъ на пять отдѣловъ: I, Европа и Россія; II, Земля и народъ; III, Византія; IV, Отатариваніе Россіи; V, Россія и Европа.

Уже и въ этомъ распредѣленіи матеріала по отдѣламъ чувствуется нѣчто недоброе... Но, когда, при бѣгломъ взглядѣ на оглавленіе книги, вы увидите, что въ составъ отдѣла III (Византія) входитъ почти вся исторія русской церкви, а въ отдѣлѣ IV «Возвышеніе Москвы» относится авторомъ также къ историческимъ явленіямъ, способствовавшимъ «отатариванію» Россіи, то мы начинаемъ понимать основную идею, положенную покойнымъ Брикнеромъ въ основу его труда... Вотъ эта идея: Россія—страна совершенно дикая и варварская, ничтожная по своему значенію историческому, обезличенная татарами, пренебрегаемая сосѣдями и забытая Европою—по какой-то особенно счастливой случайности (замѣтите: счастливой для Россіи!) была открыта въ XV и XVI вѣкахъ Европою, какъ открыта была Америка, какъ открыты были въ недавнее время страны внутренней Африки. Только съ этихъ поръ, то-есть съ XV—XVI вѣка, когда Европа узнала о Россіи, и начинается, по мнѣнію г. Брикнера, исторія Россіи. Исторіей Россіи онъ называетъ исключительно тѣ факты и явленія русской исторической жизни, въ которыхъ такъ или иначе выражается стремленіе Россіи сблизиться съ Европою. Въ этихъ стремленіяхъ г. Брикнеръ не признаетъ ничего ни любопытнаго, ни поучительнаго, ни возвышеннаго, ни даже вообще важнаго въ исторіи Россіи, которая, конечно, всѣмъ, что въ ней есть хорошаго, обязана исключительно иноземцамъ, а въ числѣ ихъ—болѣе всего нѣмцамъ.

Чтобы осуществить свой планъ, авторъ нѣмецкой «Исторіи Россіи» подходитъ къ своей задачѣ очень хитро и ловко. Отъ извѣстій о территоріи Русской земли, сообщаемыхъ древними писателями и ара-

бами, минуя шесть вѣковъ нашей исторіи, г. Брикнеръ переходитъ прямо къ первымъ попыткамъ Западной Европы ознакомиться съ загадочнымъ Московскимъ государствомъ, то-есть къ первымъ посольствамъ, побывавшимъ при дворѣ Іоанна III и Василя III, и къ поѣздкѣ въ Римъ Дмитрія Герасимова (1523 года), сообщившаго первыя достовѣрныя и важныя свѣдѣнія извѣстному папскому врачу и ученому, Павлу Іовію; а затѣмъ, въ бѣгломъ обзорѣ, перебираетъ всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя важнѣйшими путешественниками иноземцами, посѣщавшими Московію или пребывавшими въ ней по торговымъ дѣламъ. Послѣ Павла Іовія онъ останавливается на трудахъ Фабри, Герберштейна ¹⁾, англичанъ, проложившихъ путь въ Россію черезъ Бѣлое море, Массы, Олеарія, Рингубера, Людольфа и на сношеніяхъ Петра съ Витзеномъ и Лейбницомъ.

Во второй главѣ перваго отдѣла (Европа и Россія), г. Брикнеръ сначала говоритъ о той противоположности, которую Россія XVI и XVII вѣка представляла по отношенію къ Западной Европѣ и къ сосѣднимъ странамъ — Польшѣ и Ливоніи. При этомъ онъ совершенно серьезно утверждаетъ, что Европа естественно должна была удаляться и чуждаться Россіи, какъ страны варварской и невѣжественной, что она гораздо бѣльшимъ вниманіемъ удостоивала Турцію, хотя и побаивалась возможнаго возростанія могущества Россіи въ будущемъ. Особенно рѣзко порицаетъ онъ русскихъ дипломатовъ за то, что они (отдѣленные отъ Европы китайскою стѣною враждебныхъ намъ Польши и Ливоніи) не питали никакого интереса къ тому, что совершалось въ Европѣ, не слѣдили за такими мировыми событіями, какъ реформація или 30-ти-лѣтняя война,—и нисколько не удивляется тому, что Европа того же времени игнорируетъ Россію, не хочетъ знать ея исторіи, и придаетъ ей значеніе только, какъ странѣ, «граничащей съ Персією, Китаемъ и Индією». Г. Брикнеръ удивляется тому, что русскіе послы осмѣливаются держать себя при иноземныхъ дворахъ высокомерно и гордо, и даже говорить о могуществѣ своихъ великихъ царей и князей, «тогда какъ извѣстно, что въ XVI и XVII вѣкѣ русскіе постоянно терпѣли пораженія отъ поляковъ и шведовъ», и «Россіи временно угрожала даже опасность быть обращенною въ польскую провинцію...» (стр. 72). Оправдывая политику Польши и Ливоніи, которыя преграждали Россіи всякій доступъ къ Европѣ и не пропускали къ намъ европейскихъ техниковъ, ремесленниковъ и ученыхъ, г. Брикнеръ въ то же время оплакиваетъ закрытіе въ Но-

¹⁾ Любопытно, что г. Брикнеръ ссылается предпочтительно на нѣмецкіе источники и только, въ случаѣ крайности, на русскіе. Такъ, напримѣръ, говоря о Герберштейнѣ, онъ ни единымъ словомъ не упоминаетъ о классическомъ трудѣ покойнаго профессора Е. Е. Замысловскаго, посвятившаго половину жизни на изученіе и объясненіе Герберштейнова сочиненія о Московіи.

вѣгородѣ Ганзейской торговой конторы и утверждаетъ, что Россія этимъ въ значительной степени себѣ повредила и еще болѣе оттолкнула отъ себя весь цивилизованный міръ¹⁾.

Пренебрегая общеизвѣстными историческими фактами, указывающими намъ на то, что Русь до начала XIII вѣкѣ жила общеою жизнью съ тѣми странами средневѣковой Европы, которыя прилежали къ ея границамъ, г. Брикнеръ говоритъ, что Россія едва ли и знала о крестовыхъ походахъ²⁾, и добавляетъ: «Благодаря тому, что это государство принадлежало къ другому вѣроисповѣданію и постоянно отклоняло отъ себя всякую попытку обращенія въ католичество,— не находилось и никакой общей почвы для взаимнаго сближенія Московіи съ Западной Европой...». Позабывая о Максимѣ Грекѣ и его кружкѣ приближенныхъ, среди котораго эпоха Возрожденія и даже личность Савонаролы были вѣсѣмъ вѣдомы и близко знакомы, г. Брикнеръ пытается доказать, что и эта эпоха была также мало извѣстна русскимъ людямъ, какъ и эпоха Крестовыхъ походовъ, хотя именно эпохѣ Возрожденія мы обязаны всею просвѣтительною дѣятельностью Максима Грека, его ученика Зиновія Отенскаго и отчасти даже Курбскаго. Да и самое введеніе у насъ книгопечатанія было несомнѣннымъ отголоскомъ той же эпохи.

Единственною «общеою почвою», на которой, по мнѣнію г. Брикнера, дикая и грубая Московія могла сойтись съ Западною Европою и дѣйствовать съ нею заодно, былъ «Восточный вопросъ». Несмотря на то, что идея о союзѣ съ Россіею противъ турокъ была въ исторіи XVI вѣка ходячею и весьма популярною идеею въ Италіи, гдѣ ее проводили въ особенности венеціанцы, а въ средней Европѣ германскіе императоры; несмотря на то, что эта идея и въ Московскомъ государствѣ находила себѣ самое отзывчивое сочувствіе, г. Брикнеръ и здѣсь старается всѣми силами умалить то значеніе, которое Россія могла бы имѣть въ подобномъ союзѣ, съ большимъ удовольствіемъ упоминая о томъ, что Генрихъ IV называлъ московскаго царя не иначе, какъ «Knes scythien», и не допускалъ возможности союза христіанскихъ народовъ «avec ces Moscovites barbares, sauvages et farouches», онъ, въ то же время ни единымъ словомъ не упоминаетъ, на примѣръ, о посольствѣ въ Австрію (1595 года) думнаго дворянина Вельямина и дьяка Власьева,

¹⁾ Этотъ выводъ г. Брикнера особенно любопытенъ въ виду того, что онъ не отрицаетъ факта эксплуатаціи новгородцевъ ганзейцами и признаетъ, что ганзейцы всѣми мѣрами препятствовали участію Новгорода во всемірной торговлѣ.

²⁾ Не говоря уже объ извѣстномъ «Хожденіи игумена Данила», который даже оставилъ описаніе своихъ личныхъ сношеній съ королемъ Балдуномъ, припомнимъ хотя бы слѣдующій фактъ: странничество въ Святую землю, именно въ эпоху крестовыхъ походовъ, развилось настолько сильно на Руси въ XI и XII в., что духовенство вынуждено было принять противъ этого мѣры.

которые, въ отвѣтъ на многократныя просьбы императора Рудольфа къ царю Θεодору о вспомошествованіи ему со стороны московскаго государя «казною» на борьбу противъ турокъ, привезли такую казну мѣхами (собольими, кунными, лисьими, бобровыми, волчьими и бѣличьими), что разложить ее пришлось въ двадцати палатахъ цесарскаго дворца, и сами же нѣмцы оцѣнили ее въ 400.000 рублей¹⁾.

Безцеремонность въ обращеніи съ фактами историческими и крайнее пристрастіе, недостойное историка, поражаютъ насъ на каждомъ шагу въ книгѣ Брикнера. Такъ, напримѣръ, на стр. 85, онъ удивляется тому «пассивному выжидательному положенію», которое Россія заняла по отношенію къ западно-европейскимъ державамъ даже и въ восточномъ вопросѣ; удивляется также, что Россія не откликнулась на предложенія Густава-Адольфа—вступить вмѣстѣ съ нимъ за протестантовъ (упустила такой прекрасный случай впутаться въ европейскія дѣла!); а на стр. 87, рассказывая объ энергическомъ взываніи Россіи къ европейскимъ державамъ²⁾, которая она приглашала къ вступленію въ союзъ противъ турокъ, на защиту Польши, г. Брикнеръ опять-таки удивляется «наивности Россіи, которая воображала себѣ, что державы сочувственно откликнутся на энергическія дѣйствія ея дипломатіи». Въ довершеніе всего г. Брикнеръ ни единымъ словомъ не упоминаетъ, къ какимъ горькимъ разочарованіямъ привела Петра Великаго его энергическая политика въ восточномъ вопросѣ, основанная на излишнемъ довѣрїи къ европейскимъ союзникамъ!

Въ третьей главѣ перваго отдѣла, которой авторъ даетъ общее заглавіе «Впечатлѣнія и выводы», онъ сообщаетъ сначала изъ иноземныхъ и преимущественно враждебныхъ Россіи источниковъ все, что можно было выбрать безславнаго, позорящаго, унижающаго Россію, русскихъ людей и русскіе порядки,—все, что можетъ послужить матеріаломъ для осмѣянія ихъ нравовъ и обычаевъ, ихъ понятій, ихъ одежды и внѣшняго вида, ихъ національнаго характера, вѣрованій и убѣжденій. Бывшій русскій профессоръ-нѣмецъ въ общемъ обзорѣ этого драгоцѣннаго матеріала для характеристики русскихъ людей XVI и XVII вѣковъ не стыдится даже дѣлать такой общій выводъ:

«Въ Западной Европѣ, по отношенію къ Россіи, преобладало въ большинствѣ такое воззрѣніе, что это исключительно-депотическое восточно-европейское государство, хотя и причисляетъ себя къ государствамъ христіанскимъ, однако же не можетъ имѣть почти ни-

¹⁾ При этомъ три сорта лучшихъ соболей нѣмецкіе оцѣнщики отказались оцѣнить, по ихъ невиданно-высокому качеству.

²⁾ Въ ту пору Украинцевъ былъ посланъ въ Швецію, Данію и Голландію, Вѣніусъ въ Англію, Францію и Испанію а третій посоль въ Венецію и Римъ.

чего общаго съ остальными представителями европейской семьи народовъ; что и самый народъ русскій не заслуживаетъ симпатій со стороны другихъ націй, и что болѣе тѣсное сближеніе Россіи съ западно-европейскимъ культурнымъ міромъ и не желательно, и едва ли осуществимо».

И за этимъ слѣдуютъ страницы, наполненныя примѣрами кровожадности Іоанна Грознаго, терроризма (sic) Бориса Годунова и Василия Шуйскаго (?) и самыми преувеличенными рассказами о невѣроятной жестокости и безчеловѣчныхъ неистовствахъ русскихъ войскъ въ Ливоніи (конечно, по ливонскимъ хроникамъ). За этими страницами идутъ десятки другихъ страницъ, на которыхъ г. Брикнеръ собираетъ всѣ достовѣрныя и недостовѣрныя свѣдѣнія (иноземныя) для того, чтобы доказать, что русскія посольства въ Европу представляли собою образцы грубости, невѣжества, развращенности нравовъ и такого тупоумія, такой ограниченности, о которыхъ даже трудно дать понятія. Само собою разумѣется, что онъ при этомъ игнорируетъ «Памятники дипломатическихъ сношеній» Россіи съ Европою, изъ которыхъ мы видимъ, что лица, стоявшія во главѣ посольствъ, были люди весьма умные, проникнутые сознаниемъ собственного достоинства, умѣвшіе внушить иноземцамъ уваженіе къ московскому царю и вообще держать его имя «честно и грозно».

Вслѣдъ за всѣми этими свѣдѣніями о русскихъ посольствахъ въ Европу помѣщена обширная глава, посвященная «ужасному, невыносимому» положенію, въ которое попадали иноземныя посольства, пріѣзжавшія въ Россію. Эта глава представляетъ собою цѣлый мартирологъ, до мелочей излагающій намъ всѣ страданія, какія приходилось испытывать въ Россіи иноземцамъ. Оказывается, что этихъ несчастныхъ прескверно кормили, еще хуже поили, что клопы и другія насѣкомыя кусали ихъ по ночамъ въ постели, что за ними слишкомъ зорко присматривали (почти также, какъ и теперь еще присматриваютъ въ Австріи за каждымъ русскимъ путешественникомъ)... При томъ же все имъ было противно въ этой отвратительной странѣ, напоминавшей собою свиной хлѣвъ (sic!), — все—даже запахъ луку, который русскіе люди и тогда точно такъ же любили, какъ и теперь. Затѣмъ отъ 133 стр. и до стр. 165, то-есть до конца перваго отдѣла, излагается весьма подробно общее описаніе нравовъ и обычаевъ придворныхъ, высшаго свѣта и простонародныхъ — и въ этомъ описаніи все такъ ловко подтасовано¹⁾, что

¹⁾ Приводимъ еще одно доказательство недобросовѣстнаго отношенія г. Брикнера къ фактамъ. На стр. 139 читаемъ: «Среди многочисленныхъ жёнъ Владиміра, которому позднѣе придали прозваніе «святаго», видимъ цѣлое собраніе образцовъ различныхъ національностей: чехиню Малфриду, варягиню Рогнѣду, и греческую принцессу Анну». Г. Брикнеръ преднамѣренно опускаетъ тотъ фактъ, что царица Анна была супругою Владиміра-христіанина, который былъ многоженцемъ только въ язычествѣ.

каждый русскій, читая его, долженъ съ глубочайшимъ омерзѣніемъ подумать, что онъ имѣеть несчастіе происходить отъ такихъ ужасныхъ предковъ, положительно не заслуживающихъ названія чело-вѣка; а каждый иноземець долженъ проникнуться глубочайшемъ уваженіемъ къ своему прошлому, которое, конечно, ни одинъ изъ «разбойниковъ пера» не осмѣлился бы изобразить въ томъ видѣ, въ какомъ рѣшился изобразить древнюю Русь бывший профессоръ русскаго университета, всѣмъ обязанный Россіи. И въ концѣ этой знаменательной главы, авторъ не стыдится утверждать, что «въ періодъ наибольшей потребности въ сближеніи съ Западной Европой Петръ увидѣлъ себя и свой народъ такъ ужасно скомпрометрированнымъ въ глазахъ Европы, что иноземцевъ, въ сотрудничествѣ которыхъ царь нуждался, это могло бы даже отвратить отъ поступленія въ русскую службу. Необходимо было доказать, что Россія, сама по себѣ, была лучше, чѣмъ ея слава. А потому Петръ и рѣшился биться (съ Европою) тѣмъ же оружіемъ, то есть прибѣгнуть къ защитѣ печати»... Петръ рѣшился путемъ печати опровергнуть дикія измышленія и клеветы, распространяемыя по Европѣ врагами Россіи, а вовсе не «биться съ ними тѣмъ же оружіемъ», то-есть — распространять клеветы о Европѣ. При томъ гениальный преобразователь Россіи зналъ свое отечество и нимало не заботился о его прославленіи или восхваленіи: онъ требовалъ только справедливости...

Другой отдѣлъ книги (Земля и народъ), въ которомъ авторъ занимается вопросами географическими, этнографическими и отчасти статистическими,—менѣе для насъ интересенъ, да и самому автору даетъ менѣе простора въ развитіи его излюбленныхъ теорій и враждебныхъ воззрѣній на Россію. Не останавливаясь на нѣкоторыхъ грубыхъ промахахъ и ошибкахъ г. Брикнера¹⁾, минуя совершенно невѣрные разсужденія его (на стр. 211) о переходахъ первобытныхъ народовъ отъ одной формы быта къ другой и еще болѣе курьезное сравненіе быта древнихъ славянъ (которыхъ онъ самъ признаетъ племенемъ исконно-осѣдлымъ и земледѣльческимъ) съ бытомъ остяковъ, самоѣдовъ, чукчей (!) и якутовъ,—мы укажемъ лишь на немногіе перлы, до которыхъ додумался глубокомысленный профессоръ-историкъ, собирая и комбинируя все, что, по его мнѣнію, могло бы принизить и обезцѣнить значеніе Россіи и русскаго народа.

¹⁾ Сюда относимъ мы, напримѣръ, весьма странныя для чело-вѣка, жившаго лѣтъ 30—40 въ Россіи, утвержденія г. Брикнера, будто рѣка Мста—притокъ Волхова (стр. 201), или же, будто лучина, освѣщающая и теперь еще крестьянскія избы, добывается изъ березы (стр. 213) и т. п. Къ числу такихъ же грубыхъ ошибокъ относимъ и мнѣнія г. Брикнера о происхожденіи русской кавалеріи отъ татаръ (стр. 214). Онъ забылъ, что уже за 200—300 лѣтъ до татаръ русскій народъ постоянно боролся съ степными кочевниками и боролся съ ними на конѣ: книжеская дружина была постоянно конною. Пѣшее войско набиралось и распускалось на время войны.

Казалось бы, что нѣмецкій историкъ Россіи, касаясь, въ одной изъ главъ второго отдѣла, такого вопроса, какъ Варяжскій вопросъ въ русской исторіи, долженъ будетъ придать ему важное значеніе и стать, конечно, на сторону норманнистовъ? Не тутъ-то было! Онъ обходитъ «Варяжскій вопросъ» (стр. 226 и сл.) стороною, излагаетъ его весьма спокойно и объективно, выражаетъ кое-какія сомнѣнія и приходитъ къ тому выводу, что вліяніе варяговъ, если оно и было въ дѣйствительности, то было весьма незначительно. И такой выводъ ему необходимъ, чтобы въ слѣдующей главѣ, какъ можно сильнѣе и настойчивѣе налечь на преобладаніе азіатскихъ элементовъ въ русско-славянской крови. Тутъ ужъ пущены въ ходъ всѣ пружины, всѣ факты, всѣ доказательства! И князья русскіе, вступавшіе въ браки съ половецкими князьями; и Юрій московскій, женившійся на Кончакѣ, «которая, впрочемъ, приняла христіанство»,—наивно замѣчаетъ г. Брикнеръ ¹⁾; и пополненіе русской знати изъ рядовъ татарскихъ царьковъ, князей и мурзъ. «Такъ Сабуровъ и Годуновъ происходятъ отъ мурзы Чета, переселившагося въ Россію»,—разсуждаетъ г. Брикнеръ: «точно также и Уваровы, и Юсуповы—всѣ татарскаго происхожденія... Отъ татарской же орды ведутъ свое происхожденіе и Матюшкины, и Мещерскіе, и Хитровы и другіе. Азіатскаго же происхожденія—и Мордвиновы, и Ермоловы, и Апраксины, и Тихменевы, и Бибиковы, и Мухановы, и Колокольцовы; изъ Манчжуріи—Гантимуровы; около 50 знатныхъ русскихъ фамилій происходятъ изъ Мордвы... Даже историки: Болтинъ и Карамзинъ—оба татарскаго происхожденія!»—съ особеннымъ пафосомъ восклицаетъ г. Брикнеръ (стр. 244)... Далѣе онъ доказываетъ, что и народъ былъ вполнѣ отатаренъ, вслѣдствіе поселенія татаръ десятками тысячъ въ мѣстностяхъ съ русскимъ населеніемъ ²⁾, и что внесеніе азіатскихъ элементовъ въ русскій народъ продолжалось даже и въ XVIII столѣтія, вслѣдствіе приобрѣтенія Крыма, продолжается и въ XIX вѣкѣ, вслѣдствіе завоеванія Кавказа и присоединенія къ Россіи обширныхъ средне-азіатскихъ владѣній, которое даетъ ему поводъ замѣтить очень ѣдко (на стр. 195), что «Россія, какъ посредникъ между высшимъ по культурѣ Западомъ и неисторическимъ Востокомъ способна дѣйствовать не безъ успѣха»...

Многое, конечно, можно было бы возразить г. Брикнеру на основаніи его же фактовъ, и многое сказать въ пользу того удивительнаго

¹⁾ Какъ будто могъ совершиться бракъ между православнымъ княземъ и язычницей или магометанкой, которая бы оставалась вѣрна своей вѣрѣ!

²⁾ Поселенія татаръ въ Рязанской губерніи, около города Касимова или въ Гродненской губерніи, гдѣ они до сихъ поръ нисколько не слились и не ассимилировались съ окрестнымъ населеніемъ, могутъ служить лучшимъ отвѣтомъ на предположеніе г. Брикнера.

тельно-здорового народнаго организма, который способенъ переваривать всякіе инородные и иноземные элементы и не только обращать татаръ, мордву и армянъ въ чисто-русскихъ людей, но даже и изъ чистокровныхъ германцевъ дѣлать усердныхъ и рьяныхъ борцовъ за русскую народность—хоть бы такихъ, какъ Остенекъ-Востоковъ или Даль, или Орестъ Миллеръ... Но, къ сожалѣнію, мы имѣемъ дѣло не съ живымъ противникомъ, а съ его книгою, и потому, откладывая въ сторону всякую полемику, спѣшимъ перейти къ слѣдующему отдѣлу, который носитъ заманчивое заглавіе: Византія.

Византіи приписываетъ г. Брикнеръ большое (мы бы сказали даже «слишкомъ большое») значеніе «не только въ области церковной, но и въ отношеніи къ политическому и общественному развитію страны». По весьма распространенному въ Германіи воззрѣнію, вліяніе Византіи онъ почитаетъ въ высшей степени зловреднымъ и выражается о немъ, между прочимъ, такъ:

«Уже то обстоятельство, что Россія просвѣщена была христіанствомъ изъ такой страны, которая именно въ это время порвала всякія связи съ Западною Церковью, къ которой принадлежали всѣ болѣе культурныя націи,—изъ такой страны, которая уже носила въ себѣ зародышъ паденія, переживала періодъ политическаго, нравственнаго и духовнаго упадка, чтобы въ концѣ концовъ сдѣлаться добычею османовъ... Да, уже и это обстоятельство должно было неблагоприятно повліять на развитіе Россіи, ея церкви и ея общества...» (стр. 283).

Такое вступленіе заранѣе опредѣляетъ весь характеръ дальнѣйшаго изложенія фактовъ русской церковной исторіи и отношеній русской церкви къ государству. Совершенно не понимая того значенія, которое православіе имѣло въ судьбахъ русскаго народа, даже отрицая возможность какого бы то ни было вліянія Русской Церкви, кромѣ вреднаго, кѣснаго, пренятствующаго развитію личной инициативы, г. Брикнеръ многого, конечно, не можетъ понять въ русской жизни, многое переиначиваетъ и перетолковываетъ на свой ладъ, впадаетъ въ странные парадоксы и противорѣчія. Такъ, на примѣръ, на стр. 284 онъ сознается, что «монастыри играли важную роль въ колонизаціи обширнаго Русскаго государства», а на стр. 335 приходитъ къ выводу, что «монастыри, въ смыслѣ экономическомъ—не болѣе, какъ паразиты на тѣлѣ русскаго народа». Употребивъ десятки страницъ на всякаго рода обвиненія противъ духовенства нашего и противъ проводимаго имъ въ жизнь византизма, онъ радуется, на стр. 323, тому, что Петръ уничтожилъ патріаршество и тѣмъ избавилъ государство «отъ вреднаго вліянія Церкви»; а немного далѣе съ полнымъ убѣжденіемъ приводитъ слова Маржерета (тоже нашель авторитетъ!), который говорить, что «невѣжество есть мать благочестія въ средѣ русскаго народа» (357 стр.). При такомъ пониманіи народнаго характера и

явленій русской исторической жизни возможно ли написать хоть какое нибудь подобіе осмысленнаго обзора русской исторіи!

За отдѣломъ «Византія» слѣдуетъ отдѣлъ «Татаризаціи» Руси. Этотъ отдѣлъ распадается на три главы: 1) Монгольское иго; 2) Возвышеніе Москвы; 3) Восточный характеръ государства. И въ этомъ отдѣлѣ, какъ и въ предшествующихъ, авторъ старается устранить тѣ факты, которые оказываются неподходящими для его цѣли¹⁾, и все излагаетъ, какъ ему удобнѣе и выгоднѣе. Прежде всего, онъ утверждаетъ, что русскіе уже и до татаръ достаточно объазіатились, вслѣдствіе постоянныхъ, мирныхъ и враждебныхъ отношеній къ степнымъ кочевникамъ; затѣмъ, онъ положительно отрицаетъ тотъ несомнѣнный фактъ, что Русь своею грудью защитила Европу отъ бѣдствій татарскаго нашествія. По его мнѣнію, напротивъ того, Русь легко могла бы если не устранить, то все же значительно ослабить бѣдствія татарщины, если бы она стояла въ болѣе тѣсной связи съ государствами Западной Европы, «болѣе культурными, болѣе способными къ военному дѣлу, болѣе предприимчивыми и болѣе развитыми въ политическомъ смыслѣ»... Но подобная связь не существовала, и вотъ Руси пришлось быть вассаломъ Азіи, между тѣмъ какъ народы Западной Европы о «подобномъ бѣдствіи даже ничего и не знали»... Дозволивъ себѣ такую невинную ложь, для красоты слога, авторъ, нѣсколько страницъ спустя, старается ослабить значеніе своихъ словъ и признается, что въ Европѣ объ этомъ бѣдствіи и знали, и даже очень его боялись и т. д. Затѣмъ идетъ изложеніе общеизвѣстныхъ фактовъ монгольскаго ига, но съ большими прикрасами и преувеличеніями, и къ этому же игу относятся тягостныя и непріятныя, даже зазорныя для русскаго самолюбія отношенія къ разбойничьей Крымской ордѣ. Тутъ, ужъ пренебрегая всеѣмъ извѣстными историческими условіями, препятствовавшими болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ Крыма, г. Брикнеръ приходитъ къ такому глубоко-мысленному выводу: единственный человѣкъ, который могъ бы въ XVII вѣкѣ избавить Россію отъ унижительныхъ для ея достоинства отношеній къ Крыму, былъ Димитрій (Самозванецъ), — «въ томъ случаѣ, если бы осуществились его планы похода на югъ, въ военномъ союзѣ съ европейскими державами» (стр. 472). Къ этому, болѣе чѣмъ легкомысленному, выводу добавимъ только, что г. Брикнеръ вообще почему-то очень благоволитъ къ Самозванцу и придаетъ ему большое значеніе, какъ историческому дѣятелю.

Не станемъ подробно вдаваться въ разсмотрѣніе послѣдующихъ

¹⁾ Такъ, напримѣръ, на стр. 447, онъ позволяетъ себѣ прямо недовѣрять современнымъ лѣтописнымъ свидѣтельствамъ о мужественныхъ походахъ Владимира Мономаха и другихъ князей въ степи Половецкія, и предполагаетъ, что въ борьбѣ съ половцами русскіе держались болѣе оборонительнаго способа дѣйствій.

главъ того же отдѣла, въ которыхъ авторъ на свой ладъ пережевываетъ все тотъ же матеріаль о варварствѣ, безумномъ абсолютизмѣ и «византійско-татарской» грубости, которыми будто бы переполнена исторія княженій и царствованій XV, XVI и XVII вѣка, начиная отъ «собираателей», способствовавшихъ основанію могущества московскаго княжества, до Іоанна Грознаго и его ближайшихъ преемниковъ. Здѣсь ужъ нѣмецкій историкъ договаривается до того, что «азіатскій типъ государства», по его мнѣнію, «не способенъ былъ даже воспитать патріотовъ» (стр. 488—489), и что «самъ Петръ Великій былъ патріотомъ только въ извѣстномъ смыслѣ (стр. 49) — *ниг im gewissen Sinne Patriot!* На стр. 539 онъ даже дерзаетъ «славянофиловъ» упрекнуть въ незнаніи исторіи до-петровскаго времени», а на стр. 538, перечисляя «западниковъ», появившихся и до Петра на русскомъ историческомъ поприщѣ, заноситъ въ число ихъ Бориса Годунова, Дмитрія Самозванца (*sic!*), царя Алексѣя Михайловича, Ордина-Нащокина, Матвѣева, В. В. Голицына!

Но—довольно! Мы и такъ уже слишкомъ много заняли мѣста разборомъ этой книги, которую, вѣроятно, нѣмецкая публика отнесетъ къ серьезному историческому чтенію и будетъ читать не безъ удовольствія. Для насъ важна не книга, а то постоянное, неизмѣнно-враждебное настроеніе, которое такъ искусно и такъ тщательно поддерживается противъ Россіи и всего русскаго въ германской прессѣ и германской ученой литературѣ. Этому настроенію книга г. Брикнера доставитъ и поддержку, и готовый матеріаль, довольно ловко подобранный, обставленный даже съ нѣкоторою внѣшнею ученостью, подкрѣпленный ссылками и цитатами... «Писалъ дьякъ—инъ быть тому такъ!». Никому и въ голову, вѣроятно, не прійдетъ, что авторъ книги — типическій представитель того особаго класса «кормовыхъ иноземцевъ», который былъ такъ хорошо извѣстенъ до-петровской Руси именно тѣмъ, что часто платилъ черною неблагодарностью странѣ, пріютившей, отогрѣвшей его и доставившей ему... всѣ средства и способы для презрительнаго осмѣянія и злобной клеветы!..

П. Полевой.

ЮБИЛЕЙ НАРОДНИКА-БЕЛЛЕТРИСТА.

I.

В НОЯБРЬ мѣсяцѣ прошлаго года, въ Москвѣ, было отпраздновано тридцатилѣтіе писательской дѣятельности одного изъ выдающихся современныхъ беллетристовъ, Н. Н. Златовратскаго.

Имя его, какъ равно и Гл. Ив. Успенскаго, — дорогія имена для большинства лицъ, относящихся свои сознательные школьные годы къ концу семидесятыхъ и началу восьмидесятыхъ годовъ. Живо возстаетъ въ моей памяти то прошлое, когда я молодой дѣвушкой очутилась изъ нѣдръ глухой южной провинціи въ одной изъ шумныхъ аудиторій тогдашнихъ Бестужевскихъ курсовъ. Это было на грани семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, когда мы всѣ, учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, принимали, такъ или иначе, почти активное участіе во многихъ событіяхъ тогдашней общественной жизни. Это-то обстоятельство, то-есть участіе въ общественныхъ явленіяхъ жизни, невольно сблизило многихъ изъ насъ съ представителями современной литературы. Въ числѣ ихъ Глѣбъ Ив. Успенскій и Н. Н. Златовратскій уже пользовались громкой извѣстностью, и ихъ имена были для насъ, учащейся молодежи, не имена какихъ-то недостигаемыхъ олимпійцевъ, а тѣхъ добрыхъ друзей, тѣхъ учителей и наставниковъ, къ которымъ мы безбоязненно шли со всѣми горестями, сомнѣніями, планами и даже требованіями, — требованіями «отъ имени молодежи».

Народничество, въ лучшемъ значеніи этого слова, поскольку оно выражалось въ произведеніяхъ Гл. Успенскаго и Н. Златовратскаго, по многимъ обстоятельствамъ, помимо факта личнаго знакомства, было для насъ, тогдашней молодежи, именно тѣмъ настольнымъ исповѣданіемъ, изъ котораго мы въ самомъ началѣ своего развитія почерпали всѣ лучшіе идеалы и въ которомъ мы встрѣчали отвѣты на мучившіе насъ вопросы, сомнѣнія и колебанія. И я думаю, что не ошибусь, если скажу, что міросозерцаніе тогдашней молодежи въ большинствѣ случаевъ было окрашено народнической окраской, придававшей всѣмъ стремленіямъ и порывамъ молодежи характеръ практическаго романтизма (какъ ни странно звучитъ это сочетаніе словъ!).

Многіе изъ этой молодежи, принявъ на вѣру ученіе и выводы представителей народничества, сдѣлались его пламенными адептами и не ограничились только платоническимъ поклоненіемъ ему, но пошли въ народъ и отдали этому народу всѣ лучшія силы своей души. Этимъ въ значительной степени объясняется сильное движеніе молодежи конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ «въ народъ». Земская статистика, народная медицина, народная школа въ большинствѣ случаевъ комплектовались именно изъ числа молодыхъ поклонниковъ и поклонницъ народничества, которыхъ двигала на эту нелегкую дѣятельность глубокая вѣра романтическаго свойства, граничащая съ энтузіазмомъ, въ живительность ученія, провозглашаемаго въ беллетристикѣ Гл. Успенскимъ, Н. Н. Златовратскимъ и ихъ единомышленниками. И то, что прежде носило характеръ «увлеченія энтузіастовъ», теперь вошло въ жизнь и сдѣлалось уже достояніемъ интеллигентныхъ массъ, однимъ изъ доказательствъ чего служатъ тѣ адреса земскихъ докторовъ, фельдшерицъ, народныхъ учителей и учительницъ, Н. Н. Златовратскому, которые я приведу въ своемъ мѣстѣ и которые послужили истинными словами признательности учениковъ учителю, пославшему этихъ дѣятелей народной жизни на «великое дѣло любви» къ народу.

Познакомившись въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ со многими представителями народничества, я поддалась общему теченію и съ особеннымъ вниманіемъ остановилась на одномъ изъ интересныхъ явленій духовной жизни народной—на сектантствѣ, слѣдствіемъ чего и явились мои занятія, еще во время пребыванія на курсахъ, расколомъ и современнымъ сектантствомъ.

По предмету своихъ занятій мнѣ приходилось наѣзжать отъ времени до времени въ Москву, гдѣ въ Румянцевскомъ музеѣ, какъ извѣстно, хранится немало матеріаловъ для изученія раскола. Въ эти свои поѣздки я сблизилась съ семьей Н. Н. Златовратскаго и была нерѣдко свидѣтельницей его трудовой и довольно скудной матеріальными благами жизни. Въ одну изъ такихъ поѣздокъ изъ Петербурга я имѣла удовольствіе побывать у автора «Устоевъ»

на мѣстѣ его родины во Владимірской губерніи и въ самомъ Владимірѣ и самолично видѣть тѣ условія среды и мѣста, гдѣ зародилось его дарованіе, и гдѣ онъ почерпнулъ начала, положенныя въ основаніе всей его литературной дѣятельности. И отъ Николая Николаевича самого, и косвенно отъ его родни и знакомыхъ, мнѣ пришлось услышать не мало интереснаго и заслуживающаго вниманія изъ жизни народника-беллетриста, что впоследствии вошло въ его «Воспоминанія», напечатанныя въ 3-мъ томѣ его «Сочиненій» и что служить характерными иллюстраціями къ пониманію его близости къ народной средѣ.

II.

Златовратскіе—владимірцы, по происхожденію. Дѣдъ Н. Н. родился 4 декабря 1845 года, служилъ дьякономъ въ церкви при Золотыхъ Воротахъ, откуда и произошла самая фамилія Златовратскихъ. Дѣдушка имѣлъ безспорно немалое вліяніе на ростъ и развитіе духовнаго строя тогдашняго маленькаго Златовратскаго, и вотъ какъ онъ описываетъ этого «маленькаго дѣдушку» въ своихъ воспоминаніяхъ «Какъ это было»:

«Чаще всего дѣдъ является мнѣ, послѣ долгихъ и тяжелыхъ душевныхъ смуть, въ видѣ маленькой-маленькой фигурки, низенькой, худенькой, въ камлотовомъ подрясникѣ, съ жиденькой темно-русую бородкою клинышкомъ, съ сухою загорѣлою лысиной, около которой выются остатки кудреватыхъ косичекъ; смотреть онъ на меня съжившимися маленькими глазами, смотреть и смѣется,—и я засмѣюсь... Потомъ онъ непременно вынетъ изъ длиннаго кармана кубовый платокъ и берестяную табакерку и, будто поддразнивая меня, начнетъ постукивать объ нее костлявыми суставами, а самъ опять подсмѣивается: «Вотъ, Коляка, видишь дьякона-то—какой онъ!.. Хе-хе-хе... А, вѣдь, онъ, дьяконъ-то, дѣдушка твой!.. Видалъ ли дьяконъ-то? Да гдѣ!.. Развѣ у васъ въ городѣ такіе дьякона-то?.. А у насъ вотъ какъ, Коляка, дьякона-то живутъ, ну-ка!..»

«И вдругъ маленькая фигурка въ подрясникѣ, раскинувъ руки, прямо предъ всею деревенскою улицей начинаетъ слегка присѣдать и притопывать, а тоненькій-тоненькій тенорокъ, какъ комариный звонокъ, кажется, сейчасъ еще звенить у меня около уха:

«Какъ подъ яблонькой такой,
Подъ кудрявой зеленой!..

— «Хе-хе-хе!.. Вотъ у насъ, Коляка, какъ дьякона-то весело живутъ!.. Коли погостишь у дѣда подольше, такъ я тебѣ еще то ли покажу!.. Хе-хе-хе!—смѣется опять дѣдъ прямо мнѣ въ лицо, и я смѣюсь, и вся бѣлая, вся душистая яблоня смѣется вмѣстѣ съ нами, и вся деревенская улица смѣется.

— «Онъ тебѣ, дѣдушка-то, еще то ли покажетъ: погости-ка у насъ подольше!—подтверждаетъ деревенская улица. И мнѣ кажется, что мой «маленькій» дѣдушка (я внавь его такъ въ отличіе отъ «толстаго» дѣдушки-благочиннаго, по матушкѣ),—мнѣ кажется, что онъ дѣйствительно показываетъ мнѣ что-то важное, любовное, веселое: то — мое дѣтство, самое раннее, зеленое дѣтство проносится предо мною и, какъ блѣдная зорька, гонитъ съ душу тусклый сумракъ душевныхъ смуть...»

«Прошло всего, кажется, сорокъ лѣтъ, а какое ужъ далекое это время было,— такое далекое, что если бы вы могли перенестись усиленнымъ воображеніемъ на тогдашнюю сельскую улицу, вы увидѣли бы, какъ нашъ батюшка-попъ, съ большимъ животомъ и сивую бородою, въ тихій лѣтній полдень сидитъ на своей за-вальнѣ въ одной, длинной по колѣна, бѣлой, безъ пояса, рубахѣ и, сложивъ на этомъ большомъ животѣ красныя руки, беззвучно хохочетъ вмѣстѣ со всею деревенскою улицею — надъ чѣмъ? А надъ моимъ «маленькимъ дѣдушкой», котораго тутъ же, на этой самой деревенской улицѣ, моя толстая, высокая, суровая бабка, съ большими бровями, въ красномъ повойникѣ, съ подоткнутымъ за поясъ подоломъ, бьетъ кочергой по его сухой и костлявой спинѣ, а я веревку благимъ матомъ, схватившись за ея подолъ и стараясь оттащить ее отъ несчастнаго и оробѣвшаго дѣдушки. Вы увидали бы такъ же, какъ въ тотъ моментъ, когда неожиданное для деревенской улицы веселье уже достигло, кажется, наивысшей степени, вдругъ раздается пугливый окрикъ: «господа идуть!» — и все живое, что было на этой улицѣ: и батюшка-попъ въ бѣлой рубахѣ, и цѣлая уйма мужичьихъ смѣющихся бородъ, и сама моя суровая бабка, схватившая за что попало меня и дѣда, внезапно и безъ остатка исчезало за заборами и калитками своихъ убогихъ хатъ. Вотъ какое далекое это было время, когда жили на свѣтѣ близкія мнѣ маленькія и ничтожныя существованія!

«Да, невозможно мнѣ скрыть, что нерѣдко случались съ моимъ «маленькимъ дѣдушкой» эти неприятности, потому дѣдушка любилъ выпить, а выпивши любилъ, прежде всего, цѣлый день деньской гулять по этой деревенской улицѣ и, остановившись предъ своею хатой, дразнить бабушку своимъ комаринымъ теноркомъ съ притопываніемъ. Ну, да простятся же старой, запуганной и угнетенной сельской улицѣ эти невинныя минуты патриархальнаго увеселенія, такъ какъ все же не потушили они мои дѣтскія раннія зори и изъ-за нихъ не переставала тлѣться въ маленькихъ, ничтожныхъ существованійхъ искра Божія!»

Въ другомъ очеркѣ той же серіи воспоминаній онъ описываетъ также вполне откровенно и свою родительскую обстановку:

«Вспоминается отецъ то въ вицмундирѣ и фуражкѣ съ цвѣтнымъ околышемъ, вѣчно просыпавшій по утрамъ и потому всегда хмуро торопившійся на службу или на эту «каторгу», какъ выражался онъ, то вижу я его въ старомъ халатѣ, подпоясанномъ полотенцемъ, какъ онъ ходитъ въ высокихъ валенкахъ изъ угла въ уголъ нашей маленькой зальцы, укачивая на рукахъ больного корью или scarlatinной брата или сестру. А мы хворали часто: изъ-подъ прогнившаго пола такъ дуло холодомъ по зимамъ, а старинныя печи такъ много просили дровъ.

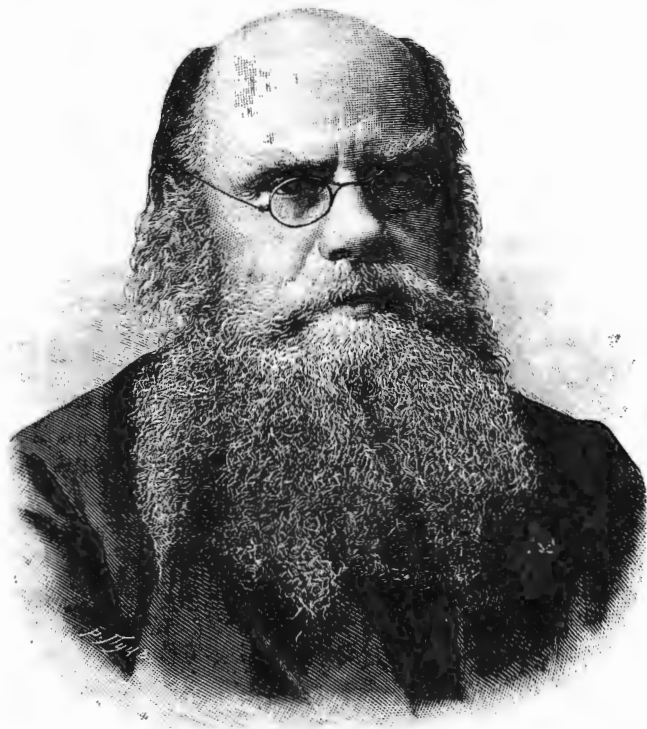
«Я сижу тутъ же за катехизисомъ, но мое вниманіе тщетно ловитъ мертвыя буквы: больная сестренка на рукахъ отца такъ жалобно стонетъ, а тамъ, въ спальной, грудной ребенокъ надсаживается, и слышатся нервныя восклицанія больной матери: «Ахъ, Царица моя небесная! Мученица я, мученица!». Но вотъ стонъ и плачь на время стихаютъ; отецъ, закачавъ больного ребенка, уходитъ въ свой «кабинетъ», маленькую холодную коморку, и я слышу, какъ онъ глубоко вздыхаетъ... Почему-то этотъ вздохъ и восклицанія матери меня ужасно терзали: у меня замирало тоскливо сердце, и на глазахъ навертывались слезы. Я зналъ эти вздохи: тайное предчувствіе уже говорило мнѣ, что за ними послѣдуетъ еще что-то, тяжелое, глупое, недѣльное, потому что эти задержанные вздохи, въ концѣ концовъ, разразятся бурной вспышкой, въ которой выльется вся внутренняя, глухо живущая въ сердцѣ, неудовлетворенность.

«Проходит полчаса, и снова начинает надрываться грудной ребенокъ, за нимъ стонетъ другой, просыпается третій; снова слышится голосъ матери, тщетно старающейся ихъ успокоить, и, наконецъ, опять нервные выкрики: «Да, что вы меня одну-то на каторгу оставили? Но слышите вы, что ли? Мучители вы мои!»

— «Ахъ, Боже мой, Боже мой, — вздыхаетъ отецъ:— гдѣ же Акулина? позовите Акулину!»

— «Акулина! Акулина!— кричатъ и мать, и отецъ, черезъ сѣни въ кухню.

— «О, чтобъ васъ! — чудится мнѣ, какъ сердито ворчитъ кривалъ Акулина. сползая нехотя съ теплой печи. — Экая жизнь каторжная! Господи! Пресвятые

Н. Н. Златовратскій.

угодники! ни часочку-то днемъ спокую не видать, да и въ темную ночь глазъ не сомнешь... Убѣгу, вотъ, ей-Богу, убѣгу на прорубь, да туда и махону... Одинъ конецъ!»

Не мало значенія въ дѣтствѣ нашего писателя имѣла одна изъ его нянекъ, Кузьминишна, при содѣйствіи которой онъ проходилъ и катехизисъ, и ариметику, и грамоту. Природный обширный умъ простой деревенской женщины помогаль ей принимать участіе въ урокахъ ея маленькаго Николушки и облегчать дававшіеся ему трудно занятія. Сильное вліяніе имѣли на него и появившіеся отъ времени до времени въ ихъ родительскомъ домѣ, а также у дѣ-

душки, тѣ «странные люди», благомыслящія старухи, чудачки и таинственныя фигуры, которые вдругъ объявились въ то время на горизонтѣ русской жизни, надъ которой уже поднималась заря освобожденія, знаменовавшая собою канунъ «великаго дня». Всѣ эти личности, появлявшіяся въ домѣ Златовратскихъ, приходили сюда за совѣтами и указаніями въ виду готовившагося тогда освобожденія крестьянъ, въ коемъ отцу нашего писателя пришлось играть нѣкоторую роль: Златовратскій—отецъ занималъ мѣсто письмоводителя при губернскомъ предводителѣ дворянства и усиленно работалъ при губернскомъ комитетѣ по разработкѣ вопросовъ и матеріаловъ, относившихся къ экономическому положенію крестьянъ. Ему даже, по свидѣтельству Н. Н. Златовратскаго, принадлежалъ одинъ чрезвычайно важный проектъ, который, однако, впоследствии былъ представленъ въ надлежащее мѣсто, но не отъ имени автора, а отъ имени одного «лица», которое не постѣснилось воспользоваться плодами чужихъ рукъ. Въ виду царившаго въ концѣ 50-хъ годовъ оживленія даже въ провинціальномъ захолустьѣ, Златовратскому отцу удалось открыть мѣстную публичную бібліотеку, подъ которою было отведено помѣщеніе въ зданіи дворянскаго собранія. Кромѣ этого шага къ распространенію у себя на родинѣ просвѣщенія, передовой письмоводитель мечталъ было объ основаніи во Владимірѣ мѣстнаго органа печати «Владимірскаго Вѣстника» и объ открытіи здѣсь первой частной типографіи. Въ этихъ намѣреніяхъ его поддерживали дядя Н. Н. Златовратскаго, изъ которыхъ одинъ былъ товарищемъ по педагогическому институту Добролюбова, обѣщавшаго сотрудничать въ будущемъ Владимірскомъ изданіи. Добролюбовъ, во время своихъ поѣздокъ на родину, останавливался у Златовратскихъ, гдѣ и велъ оживленныя бесѣды по вопросамъ литературы и вообще русской жизни.

Но планамъ Златовратскихъ не суждено было осуществиться. Съ выборомъ новаго предводителя дворянства вѣянія измѣнились. Златовратскій отецъ потерялъ мѣсто, основанная имъ бібліотека была изгнана изъ своего дароваго помѣщенія и закрылась. Надъ семьей Златовратскихъ повисли черные дни, и снова встала передъ ними безысходная бѣдность, нужда и даже разореніе. Что же дѣлалъ въ то время нынѣшній народникъ-беллетристъ? Мы видѣли, среди какихъ условій и подъ какими воздѣйствіями протекали его дѣтскіе годы. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что первые начатки грамоты были преподаны ему родственниками-семинаристами, дядьями и тѣми деревенскими родичами и свойственниками, которыхъ постоянно много жило въ гостепріимной семьѣ Златовратскихъ. Десяти лѣтъ онъ былъ опредѣленъ въ мѣстную гимназію, гдѣ, однако, его ученіе шло не особенно успѣшно; мертвая дореформенная провинціальная школа не удовлетворяла нервнаго и даровитаго мальчика; онъ относился къ дѣлу спустя рукава, что и имѣло слѣдствіемъ сидѣніе

по два года въ нѣкоторыхъ классахъ. Но къ концу учебнаго гимназическаго курса въ немъ произошелъ переломъ: въ немъ почти одновременно просыпается усидчивость къ занятіямъ и вспыхиваетъ та «искра Божія», которая несомнѣнно замѣчалась и въ окружающихъ его близкихъ лицахъ и которой суждено было впоследствии выдѣлить бѣднаго сына владимірскаго мелкаго чиновника изъ сонма ему подобныхъ по своему социальному положенію. Влеченіе къ литературѣ, склонность къ творчеству, уже проснулись въ немъ въ старшихъ классахъ гимназіи; онъ началъ писать стихи, предпринялъ изданіе рукописнаго журнала, и даже написалъ драму изъ народнаго быта съ посвященіемъ ея одной изъ актрисъ, виднѣныхъ имъ въ роли Катерины въ «Грозѣ» Островскаго. Развитію въ немъ этой пробудившейся литературной потребности успѣшно шли навстрѣчу тѣ внѣшнія обстоятельства, которыя имѣли мѣсто въ его семьѣ и въ жизни всего мѣстнаго провинціального общества. Основанная отцомъ бібліотека была настоящимъ откровеніемъ для даровитаго гимназиста; онъ просиживалъ здѣсь всѣ свободные отъ уроковъ часы напролетъ, помогая отцу выдавать книги подписчикамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ проглатывая одинъ томъ за другимъ. Обиліе чтенія дѣлало свое дѣло, развивая въ немъ эстетическій вкусъ и вызывая наблюдательность и фантазію. Развитію этихъ обычныхъ зачатковъ литературнаго творчества, наблюдаемыхъ въ дѣтствѣ каждаго писателя, способствовали поѣздки съ родителями по деревнямъ въ гости къ родственникамъ. Эти поѣздки впоследствии, когда онъ перешелъ въ землемѣрно-таксаторскіе классы гимназіи, смѣнились иными, болѣе практическаго свойства, когда ему поручались землемѣрныя работы по введенію уставныхъ грамотъ. Точно также и поѣздки на кондичіи, въ качествѣ репетитора, къ сосѣдямъ-помѣщикамъ, изъ которыхъ иные занимали должность мировыхъ посредниковъ въ уѣздѣ, были для развитія его литературнаго таланта въ высшей степени полезны. Этими репетиторскими занятіями Златовратскій надѣялся заработать достаточную сумму денегъ для поѣздки въ столицу, чтобы поступить здѣсь въ университетъ. Но надеждамъ его не суждено было осуществиться; пробывъ въ Московскомъ университетѣ годъ времени, въ качествѣ вольнослушателя, онъ вынужденъ былъ проститься съ Москвою, переѣхать въ Петербургъ и поступить въ Технологическій институтъ. Здѣсь мы встрѣчаемся въ его біографіи съ обычными страницами въ жизни учащейся молодежи, которыя могутъ быть окрещены названіемъ борьбы за существованіе, борьбой за право ученія.

Вотъ тутъ-то впервые, въ поискахъ за кускомъ хлѣба, онъ нападаетъ на мысль о возможности заработка черезъ посредство своего литературнаго дарованія. Поработавъ нѣкоторое время въ качествѣ корректора въ «Сынѣ Отечества», онъ вскорѣ бросаетъ этотъ родъ труда и дѣлаетъ попытку самостоятельнаго писательства. Въ 1866 г. Зла-

товратскій относить въ «Искру» Курочкина свой первый очеркъ изъ народной жизни: «Падежъ скота»; за этимъ очеркомъ послѣдоваль второй, третій, четвертый, и всѣ на мотивы изъ быта и нравовъ народной жизни, столь хорошо имъ изученной изъ непосредственнаго съ ней соприкосновенія въ годы дѣтства и юности. Очерки эти появлялись, кромѣ «Искры», еще въ «Будильникѣ» редакціи П. И. Вейнберга, а одинъ изъ нихъ, и наибольшій по размѣрамъ, былъ напечатанъ въ Дудышкинскихъ «Отечественныхъ Запискахъ». Но писательство, особенно при тѣхъ свойствахъ литературнаго процесса, о которомъ будетъ сказано ниже, не могло обезпечить жизни молодого технолога. Болѣзнь довершила дѣло, надломивъ окончательно его силы, и волею-неволей пришлось распротиться и со столичной жизнью и съ высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Какъ ни тяжело было, въ виду очень печальныхъ матеріальныхъ условій жизни родителей, возвращаться къ нимъ, но иного исхода не было, и Златовратскій вернулся въ доно семьи, опять въ ту народную среду и обстановку, которымъ суждено было имѣть такое рѣшающее значеніе въ его жизни и дѣятельности. Эта провинціальная обстановка сдѣлала и на этотъ разъ свое дѣло: она возвратила ему распатанныя городомъ силы, восстановила его здоровье и съ еще ббльшею настойчивостью привлекла его на служеніе интересамъ народа въ качествѣ бытописателя народной жизни.

III.

Обращаясь къ вопросу о литературномъ творествѣ и литературныхъ заслугахъ Н. Н. Златовратскаго, прежде всего надлежитъ отмѣтить, что за 30 лѣтъ литературной дѣятельности имъ написано въ общей сложности немного. Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что, по собственному признанію Н. Н. Златовратскаго на юбилейномъ обѣдѣ, процессъ его творчества развѣрывается вовсе не легко: онъ буквально съ душевными страданіями вынашиваетъ каждую страницу своихъ произведеній, съ болью въ сердцѣ расстаётся съ дорогими ему образами и, какъ бы со страхомъ и трепетомъ, отдаетъ на судъ публики то, что въ его глазахъ является святыней народной жизни. Далѣе, знакомясь съ тремя томами его «Сочиненій», невольно поражаешься пѣльностью міросозерцанія ихъ автора, однородностью внѣшняго содержанія, почерпнутаго почти исключительно изъ народной жизни, и, кромѣ того, удивительной сердечностью отношенія къ описываемымъ явленіямъ жизни, типамъ и характерамъ. Боясь, чтобы меня не заподозрѣли въ излишней переоцѣнкѣ его заслугъ, въ излишней идеализаціи, я, въ интересахъ истины, приведу здѣсь нѣсколько характеристикъ его литературной дѣятельности, сдѣланныхъ критиками разныхъ направленій.

Н. К. Михайловскій («Русск. Бог.» 1897, № 11), дѣлая въ своей замѣткѣ по поводу юбилея Златовратскаго характеристику его

литературной дѣятельности и отмѣчая въ ней положительныя и отрицательныя стороны, останавливается съ особеннымъ вниманіемъ на проповѣди «отрѣшенія» со стороны героевъ Златовратскаго и на предпочтеніи авторомъ работы «сердца» передъ работою «ума». Это обстоятельство даетъ поводъ г. Михайловскому упрекнуть Златовратскаго въ отказѣ отъ «наслѣдства 60-хъ годовъ» и подвести слѣдующій итогъ общественнымъ мотивамъ въ произведеніяхъ этого писателя:

«Deo ignoto—такова надпись на храмѣ божества г. Златовратскаго. Иногда ему кажется, что онъ, не въ примѣръ другимъ, разгадалъ великую истину, но большею частью онъ приноситъ лишь жертвы на алтарѣ этого невѣдомаго божества... Быть можетъ, разгадка проще, чѣмъ онъ думаетъ, быть можетъ, нѣтъ надобности «отрѣшаться» въ такой степени и въ такой формѣ, какъ его герои, но несомнѣнно, что онъ оказалъ русскому обществу большую услугу, въ теченіе многихъ лѣтъ привлекая его вниманіе къ деревенской жизни. При всемъ своемъ преклоненіи передъ никому невѣдомой тайной, онъ добросовѣстно изучилъ дѣйствительность. Но и помимо результатовъ, къ которымъ онъ пришелъ, нельзя не поставить ему въ заслугу самый фактъ многолѣтняго пристального вниманія къ деревенской жизни. Нельзя не оцѣнить этого въ особенности теперь, когда можно услышать уже слишкомъ упрощенное рѣшеніе вопросовъ, занимавшихъ г. Златовратскаго въ теченіе всей его литературной дѣятельности..».

Въ статьѣ «Сантиментальное народничество» (Наблюдатель, 1887 года, № 11) г. Чуико такъ характеризуетъ творчество Златовратскаго:

«Человѣкъ несомнѣнно талантливый, знающій народную жизнь настолько, насколько можетъ ее знать всякій добросовѣстный наблюдатель, но въ то же время лишенный серьезной научной подготовки, мечтательный и, въ качествѣ художника, легко поддающійся внушеніямъ своей собственной, очень субъективной мысли и побужденія своего сердца,—онъ изображаетъ намъ не тотъ народъ, который дѣйствительно существуетъ, а тотъ, что возникъ въ его творческой фантазіи, хотя, конечно, его творческая фантазія строить свои chateaux en Espagne на основаніи фактовъ, добытыхъ наблюденіемъ... Творчество г. Златовратскаго, говоритъ далѣе тотъ же авторъ, отчасти напоминаетъ творчество à la Гюго и отчасти творчество à la Жоржъ-Зандъ,—если, конечно, откинуть тѣ особенности, которыя цѣликомъ принадлежатъ времени, національности и личному характеру писателя. Искренно преданный народу, много жившій среди него, знающій и полюбившій его, г. Златовратскій отыскиваетъ въ немъ идеальныя стремленія, возвышенныя цѣли, широкія задачи, сложную психическую жизнь».

Наиболѣе пространно изучалъ въ свое время литературную дѣятельность Н. Н. Златовратскаго г. Скабичевскій, который и посвятилъ ему нѣсколько очерковъ, «Беллетристы-народники», вошедшіе въ его «Исторію новѣйшей русской литературы», и въ самое послѣднее время два фельетона въ «Сынѣ Отечества» (1897, №№ 309 и 317).

«Каждый, кто только прочтетъ Н. Н. Златовратскаго,—говоритъ г. Скабичевскій въ указанномъ фельетонѣ,—мало-мальски внимательнѣе и безъ всякихъ пред-

взятыхъ предубѣжденій, не можетъ не прийти къ выводу, что Н. Н. Златовратскій, какъ нельзя болѣе, чуждъ какихъ бы то ни было узко-народническихъ доктринъ. Это прежде всего сильный художественный талантъ, а всѣ истинные и сильные художники тѣмъ именно и отличаются, что никакой узкой доктринѣ ихъ не покорить, и подчиняются они лишь свободнымъ полетамъ своего творчества. По характеру своего таланта, Н. Н. Златовратскій является передъ нами чистокровнымъ идеалистомъ-романтикомъ въ шиллеровскомъ духѣ, однимъ изъ тѣхъ немногихъ восторженныхъ поэтовъ, которые, по словамъ Гоголя, «мимо характеровъ скучныхъ, противныхъ, поражающихъ печальною своею дѣйствительностью, приближаются къ характерамъ, являющимъ высокое достоинство челоуѣка».

«Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы онъ идеализировалъ дѣйствительность? Ничуть не бывало. Онъ только всюду ищетъ того, къ чему стремится его душа, по врожденному свойству его таланта, онъ беретъ изъ жизни, окружающей его, именно такіе свѣтлые, доблестные элементы, изображеніе которыхъ и составляетъ главную силу его таланта.

«Но если Н. Н. Златовратскій обращаетъ вниманіе на одни свѣтлые и доблестныя явленія жизни, закрывая глаза на все мрачное, значить, онъ оптимистъ, представляющій дѣйствительность исключительно въ розовомъ свѣтѣ? Ничуть не бывало. Во-первыхъ, ни въ одномъ произведеніи его вы не найдете исключительнаго господства однихъ свѣтлыхъ и отрадныхъ элементовъ жизни, что придавало бы изображаемой имъ дѣйствительности характеръ земного рая. Онъ не останавливается на мрачныхъ явленіяхъ жизни, не занимается ихъ изображеніемъ, не подчеркиваетъ ихъ, но онъ сильно даетъ намъ чувствовать ихъ тѣмъ, что изображаемая имъ отрадныя явленія жизни отнюдь не являются передъ нами восторженными побѣдителями, сіяющими въ вседовольствѣ и всесовершенствѣ. Они ищутъ правды, поддержки для обрѣтенія той обѣтованной земли, того вертограда, къ которымъ стремятся, они вѣчно томятся тщетными исканіями и жестокими муками неудовлетворимости тѣмъ, что находятъ.

«Такъ напрасно думаютъ тѣ, которые мало знакомы съ произведеніями Н. Н. Златовратскаго, что деревенская жизнь рисуется имъ въ видѣ какого-то эльдорадо, въ которомъ благодушные мужички только и дѣлаютъ; что совершаютъ сообщая или каждый въ отдѣльности подвиги любви, братской солидарности и жизни по правдѣ. Стоитъ прочесть хотя бы «Устонъ», этотъ шедевръ Н. Н. Златовратскаго, чтобы убѣдиться, въ какомъ мрачномъ видѣ рисуется въ этомъ произведеніи деревенская жизнь со всею сложною борьбою различныхъ ея элементовъ въ видѣ, съ одной стороны, разжившихся кулаковъ и богатѣевъ, стремящихся все и вся въ деревнѣ забрать въ свои руки, а съ другой—разорившейся голи, находящейся въ кабалѣ у этихъ самыхъ кулаковъ и тянущей ихъ руку, либо вслѣдствіе зависимости отъ нихъ, либо подкупленной въ видѣ опайванья водкою.

«Неправда также и то, будто Н. Н. Златовратскій, изображая въ идеальномъ свѣтѣ мужиковъ и деревенскую жизнь, относится отрицательно ко всѣмъ остальнымъ слоямъ и классамъ общества, находя внѣ деревенскихъ устоевъ одно нравственное растлѣніе. Напротивъ того, какъ истый идеалистъ, онъ всюду ищетъ и находитъ свои свѣтлые элементы, своихъ праведниковъ, «романтиковъ», какъ онъ ихъ называетъ, или «безумцевъ». Такъ полагая вмѣстѣ со всѣми своими сверстниками, что въ интеллигентныхъ слояхъ нашего общества много званыхъ, но мало избранныхъ, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ возвеличивалъ этихъ избранныхъ, съ любовью останавливаясь на нихъ. Вспомните Морозова и Башкирова въ «Золотыхъ сердцахъ», Лизу въ «Устояхъ»; обратите вниманіе, съ какимъ

наесомъ относится онъ ко всѣмъ лучшимъ людямъ своего времени, хотя бы въ былія «Безумецъ».

«Не забыта, наконецъ, Н. Н. Златовратскимъ и среда фабричныхъ рабочихъ. И здѣсь нашелъ онъ своихъ безумцевъ во образѣ хотя бы рабочаго Липатыча, увезеннаго изъ деревни «въ учебу» ребенкомъ, давно утратившаго съ нею всякія связи, созданнаго, можно сказать, городомъ, и для котораго фабрика была всѣмъ: и родиною, и семьею. И онъ, въ свою очередь, разочарованный новымъ управляющимъ, отъ котораго ждалъ не вѣсть какихъ благъ для рабочихъ, кинулъ ему въ лицо слово—«безстыдникъ» и пустился съ какимъ-то нищимъ нѣмцемъ странствовать по Россіи и искать правды Божіей.

«Однимъ словомъ, не ограничиваясь одной деревнею, Н. Н. Златовратскій останавливается всюду, гдѣ только находятъ искру Божію».

Изъ всѣхъ этихъ характеристикъ видно, что нашимъ критикамъ Н. Н. Златовратскій рисуется не только въ качествѣ великаго идеалиста, но и человѣкомъ твердыхъ убѣжденій.

И вотъ эти-то убѣжденность и идеализмъ и послужили тѣми главными притягательными элементами его творчества, которые собрали на юбилейный обѣдъ Н. Н. Златовратскаго ту массу лицъ, столь единодушно его привѣтствовавшихъ, которыя именно въ лицѣ своихъ ораторовъ главнымъ образомъ и подчеркиваютъ эти свойства его литературной дѣятельности.

IV.

Чествованіе Н. Н. Златовратскаго началось 16-го ноября, съ 12 часовъ утра, когда въ его скромную квартиру собрались депутаціи отъ разнородныхъ представителей нашихъ прогрессивныхъ группъ, единодушно на этотъ день слившихся въ общемъ признаніи заслугъ юбиляра передъ русскимъ обществомъ и русской литературой. Первымъ былъ прочитанъ адресъ отъ имени общества любителей россійской словесности

«Высокоуважаемый Николай Николаевичъ! Въ нынѣшнемъ году исполнилось тридцать лѣтъ, какъ вы выступили на литературное поприще. На всемъ протяжении этого тридцатилѣтія ваша почтенная и глубокосимпатичная дѣятельность, всегда отличавшаяся совершенно опредѣленнымъ и строго выдержаннымъ характеромъ, представляя собой служеніе въ высшей степени жизненной и плодотворной идеѣ народнаго блага, была проникнута и согрѣта чувствомъ сердечной симпатіи къ народной массѣ, непросвѣщенной и обездоленной, но, несмотря на многовѣковыя тяжкія условія своего быта, сохранившей въ себѣ столько добраго и истинно прекраснаго,—именно, эта-то лучшая, свѣтлая сторона народной души и нашла въ васъ, Николай Николаевичъ, искренняго и убѣжденнаго защитника и талантливаго истолкователя. Выступивъ вмѣстѣ съ Гл. Ив. Успенскимъ, наиболѣе виднымъ продолжателемъ славнаго дѣла, начало которому было положено двумя незабвенными для Россіи представителями умственнаго движенія 40-хъ годовъ, вы внесли въ такъ называемую народническую литературу собственный цѣнный вкладъ, явившись народникомъ новаго типа: вы изобразили деревенскую жизнь во всей ея полнотѣ, во всѣхъ ея будничныхъ проявленіяхъ, но особенно посвя-

тили свои силы изученію крестьянской общины съ ея сложившимися устоями, давъ такимъ образомъ, по счастливому выраженію одного критика, какъ бы «энциклопедію будничной деревенской жизни». Имѣя передъ собою такую прекрасную и въ полномъ смыслѣ гуманную задачу, вы отдали выполненію ея свои лучшія силы, свое любящее, отзывчивое сердце. Ваша любовь къ народу—не порывъ восторженной, благородной вспышки энтузіазма, не холодная дань хотя бы великому и священному долгу, тѣмъ болѣе, не увлеченіе модой, но глубокая, органическая потребность, составляющая внутреннее, завѣтное содержаніе вашей души, любовь сильная, искренняя и задушевная. Общество любителей россійской словесности, высоко цѣня ваши заслуги передъ русской литературой, считаетъ своимъ непремѣннымъ и приятнымъ долгомъ въ нынѣшній торжественный день выразить вамъ искреннѣйшее желаніе продолженія вашей благородной дѣятельности съ прежней энергіей и въ томъ же направленіи».

Затѣмъ прочитаны были привѣтственныя телеграммы: отъ комитета союза писателей, отъ литературнаго общества и отъ императорскаго вольно-экономическаго общества. А. М. Скабичевскій, С. Н. Кривенко и С. А. Щепотьевъ привѣтствовали юбиляра отъ «товарищей-писателей». Далѣе принесены были привѣтствія представителями редакцій: «Русской Мысли», «Вопросовъ философіи и психологіи», «Вѣстника Воспитанія», «Дѣтскаго Чтенія», «Посредника», «Русскихъ Вѣдомостей», «Новаго Слова», назвавшаго, несмотря на свое враждебное народничеству направленіе, юбиляра — своимъ «учителемъ», и прочитаны были телеграммы «Вѣстника Европы» (отъ гг. Стасюлевича и Арсеньева), «Русскаго Богатства», «Сына Отечества», «Сибири», «Міра Божія», «Хозяина» и другихъ изданій, а также телеграммы и письма отсутствовавшихъ писателей (К. М. Станюковича, Г. А. Мачтега, А. С. Пругавина, Ф. Д. Нефедова, Семевскихъ, проф. М. В. Духовскаго, П. В. Засодимскаго и др.). Отъ русскихъ женщинъ поднесенъ былъ адресъ, на бюварѣ котораго помѣщена акварель художника Мясоѣдова, изображающая сѣятеля. Отъ московскихъ почитателей поднесенъ адресъ, покрытый почти 1.000 подписями. Затѣмъ слѣдовали адреса и привѣтствія: отъ народныхъ учителей и учительницъ, съ родины юбиляра — отъ Владимірской губерніи, отъ почитателей изъ равныхъ провинціальныхъ городовъ, отъ земскихъ врачей, отъ фельдшерницъ, отъ женщинъ-врачей, отъ владимірской интеллигенціи, отъ учащихся во многихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, отъ горныхъ студентовъ, отъ множества частныхъ лицъ и различныхъ общественныхъ группъ и изъ Кіева отъ почитателей-малороссовъ. Отъ кружка фельдшерницъ поднесена лира изъ цвѣтовъ и лавровыхъ листьевъ, перевязанная бѣлой лентой съ надписью золотыми буквами: «Въ память Нади Побѣдинской». Отъ кружка художниковъ поднесены картины, исполненныя акварелью. Какъ привѣтствія, такъ и отвѣты юбиляра отличались рѣдкой задушевностью и сердечностью.

Наиболѣе характерными были привѣтствія отъ народныхъ учителей и учительницъ, отъ рабочихъ и отъ женщинъ. Въ адресѣ народныхъ учителей и учительницъ, между прочимъ, было сказано:

«На нашу долю выпало выразить вамъ горячую признательность отъ людей, которые со свѣточемъ знанія въ рукахъ отравились въ деревню. Не легка была принятая ими на себя задача. Подавленные беспросвѣтнымъ мракомъ окружающаго ихъ невѣжества, они не разъ готовы были потерять вѣру и въ народъ и въ свое дѣло.

«Не разъ казалось имъ, что грозная власть тьмы побѣдитъ ихъ, раздавитъ, уничтожитъ, и отъ ихъ упорной работы не останется и слѣда. Въ эти минуты тяжелыхъ сомнѣній они словно забывали, что вѣка позорнаго рабства и униженій наложили свою крѣпкую печать на русскій народъ, и понадобятся долгіе годы, чтобы стереть ее. Не разъ въ ихъ душѣ поднимались мучительные вопросы: нужны ли они здѣсь въ деревнѣ, нужны ли ихъ жертвы, ихъ любовь, ихъ больныя, тревожныя думы? и въ порывѣ разочарованія они готовы были отвернуться отъ того народа, которому принесли лучшія мечты своей юности, свои лучшія надежды и вѣрованія. Но вотъ передъ нами вставали начертанныя мощной рукой художника образы, взятые вами изъ народной среды. Съ какой любовью отыскивали вы въ этомъ «забитомъ мужикѣ», въ этомъ «мужикѣ-звѣрѣ» искру Божію, стремленіе къ правдѣ, къ свѣту... «Будьте гуманны, любящи, добры съ ними, говорили вы, подойдите къ нимъ, какъ братья, протянемъ къ нимъ любовно руки, просвѣтимъ ихъ сіяніемъ вѣры и знанія, и вы увидите, какъ заблещутъ перлы изъ глубины ихъ непосредственныхъ натуръ». И эти мягкія, сердечныя слова проникали въ сердца самыхъ малодушныхъ и разочарованныхъ. Передъ вашей глубокой вѣрой въ лучшія стороны русскаго народа стихали сомнѣнія въ ихъ груди и безсильно опустившіяся руки крѣпче держали свѣточъ знанія. За этотъ свѣтъ глубокой вѣры, которымъ вы болѣе четверти вѣка освѣщали путь къ народу, за братскую помощь и поддержку работниковъ на этомъ пути—ждетъ васъ сердечное народное спасибо. А теперь пока позвольте вамъ сказать такое же сердечное спасибо отъ лица людей, посвятившихъ себя дѣлу народнаго образованія и просвѣщенія. За свѣтлыя минуты подъема ихъ упавшей энергіи позвольте по русскому обычаю низко поклониться вамъ и пожелать долгіе годы жизни и дѣятельности».

Адресъ рабочихъ, скрѣпленный 140 подписями, гласитъ:

«Глубокоуважаемый Николай Николаевич!

«Мы—дѣти того народа, которому вы посвятили тридцать лѣтъ литературной дѣятельности. На нашу долю выпалъ счастливый случай принести вамъ благодарность за ту справедливость, съ какой вы отнеслись къ простому человѣку.

«Теперь насъ немного. Случайно собрались мы изъ разныхъ отдаленныхъ уголковъ великой Россіи, случайно познакомились между собой—мы тѣ, у которыхъ въ жизни все случай. Сегодня есть для насъ дѣло здѣсь—мы здѣсь, завтра нѣтъ—мы спѣшимъ дальше. Мы—служащіе и рабочіе!

«Хотя нѣкоторые изъ насъ успѣли получить и образованіе, но опять-таки это дѣло случая и папей собственной силы и энергіи. Съ ранняго дѣтства, принужденнымъ покинуть родину, намъ холоднымъ, голоднымъ и оборваннымъ, выпало на долю изъ-за одного куска насущнаго хлѣба работать съ утра и до поздней ночи. Въ то время намъ и въ голову не приходило, что мы не одиноки, что на святой Руси есть человѣкъ, который и любить и болѣть за наше безотрадное и беспросвѣтное существованіе. Да, мы и не подозрѣвали, что есть человѣкъ,—писатель, другъ народа, который самоотверженно выступилъ впередъ ратовать за насъ...»

«истор. вѣстн.», январь, 1898 г., т. LXXI.

19

«Когда же мы увидѣли въ вашей книгѣ своихъ дѣдовъ и отцовъ, матерей и сестеръ нашихъ съ такими же высокими стремленіями души, какъ и у лучшихъ людей культурнаго общества,—неизъяснимое чувство благодарности къ вамъ, дорогой Н. Н., наполнило наши сердца за ту непоколебимую вѣру въ могучую силу народной души, за ту беззаветную любовь, которая разлита на каждой страницѣ, на каждой строкѣ дорогой для насъ книги въ тому народу, который вынесъ на своихъ плечахъ крѣпостное право, терпѣть горе, нищету и переносить позоръ розогъ. И все это не отняло его самобытности и не осквернило то святое святыхъ, которое вдохновляло васъ въ тридцатилѣтнемъ трудѣ.

«Николай Николаевичъ! Что можетъ быть для насъ дороже, волей судьбы заброшенныхъ отъ родныхъ полей въ душные города, что можетъ быть дороже для насъ вашей книги!?! Она переноситъ насъ въ наши деревни—и мы опять живемъ думами и надеждами отцовъ нашихъ.

«Горько и обидно, дорогой Николай Николаевичъ, что нужда и невѣжество, окружающее насъ, долго мѣшали узнать о вашей книгѣ—и трижды обидѣе за отцовъ и братьевъ нашихъ, которые и до сихъ поръ, какъ мы раньше, пробаиваются Ерусланами, Милордами и другими подобными книгами.

«Примите отъ насъ, сердечноуважаемый Николай Николаевичъ, нашу душевную признательность и благодарность за все то, а также и за ту правду, которую вы смѣло и открыто сказали всѣмъ о томъ народѣ, который многимъ и теперь еще не перестаетъ служить предметомъ зубоскальства.

«Да подкрѣпитъ васъ Богъ на многіе годы продолжать то великое дѣло, на которое вы отдали всѣ силы и всю жизнь свою.

«Мы не нашли другихъ средствъ доказать вамъ свою искренность, какъ только посильной лептой въ фондѣ бесплатной бібліотеки вашего имени. Мы знаемъ, что наша лепта ничтожна, но мы увѣрены, что если бы вѣсть о нашихъ чувствахъ къ вамъ облетѣла русскій народъ, многіе раздѣлили бы съ нами это счастье».

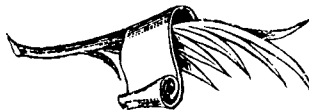
Трогательно былъ редактированъ и адресъ отъ женщинъ за 770 подписями и съ эпиграфомъ изъ «Потанина вертограда»: «вѣрить надо,—вѣрить и домогаться», гдѣ было сказано:

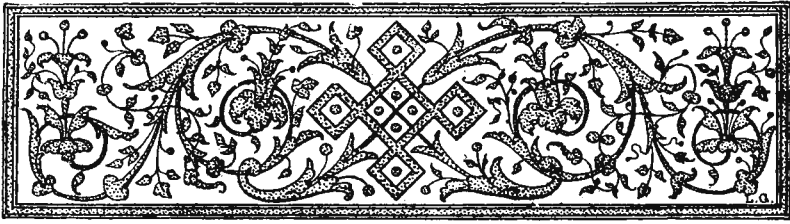
«Въ женскихъ типахъ вашихъ литературныхъ произведеній вы съ особенной любовью отмѣтили одну черту лучшей женской души: это—вѣчный «споръ» къ идеалу», неустанное «исканіе» правды жизни и «вѣра сердца» въ осуществленіе царства Божія на землѣ. Ваши любимицы, — «Кати Маслова», «Барская дочь», «Потаня», «Забытая», «Лиза», — всѣ страстно жаждутъ взмахнуть духовными крыльями, всѣ готовы на подвигъ самоотреченія, лишь бы приблизилось царство правды и любви... и всѣ вѣрятъ, вѣрятъ и домогаются!.. Да, Н. Н., вы правы. Ваше чуткое сердце, полное той же жажды и вѣры, угадало, что въ этомъ суть лучшей женской души. Вѣдь только при этой вѣрѣ въ осуществленіе «царства Божія», при этомъ неустанномъ «исканіи» и живѣ человѣкъ!.. Вѣрить и домогаться!.. Но чтобы не гасла вѣра, чтобы находились силы «домогаться», многое нужно, и прежде всего—нужны живые примѣры, люди, глубоко вѣрующіе и неуклонно идущіе къ своей цѣли. Къ такимъ людямъ принадлежите и вы, Н. Н., вы, который въ продолженіе всей своей жизни оставались вѣрнымъ своему идеалу и, чуждый компромиссамъ, служили ему упорно и стойко. Позвольте же сказать вамъ сердечное спасибо отъ лица сочувствующихъ вамъ русскихъ женщинъ. Пока есть такіе люди,—можно еще и «вѣрить, и домогаться»...

Въ 6 часовъ вечера, въ колонной залѣ «Эрмитажа» данъ былъ обѣдъ въ честь Н. Н. Златовратскаго. Участвовавшихъ въ обѣдѣ было 240 человекъ. Первую рѣчь горячо и блестяще произнесъ отъ лица московскихъ почитателей юбиляра проф. Н. А. Карышевъ на тему объ единеніи русскихъ литературныхъ прогрессивныхъ партій. Затѣмъ говорили проф. А. Н. Веселовскій, Н. А. Каблуковъ—отъ земскихъ статистиковъ, В. П. Вахтеровъ, привѣтствовавшій юбиляра отъ московскаго общества грамотности, М. К. Чернова-Бларамбергъ—отъ русскихъ женщинъ и другіе ораторы. Затѣмъ слѣдовали привѣтствія отъ различныхъ общественныхъ группъ, и прочитано было множество телеграммъ, полученныхъ изъ различныхъ городовъ отъ почитателей юбиляра. Н. Н. Златовратскій отвѣтилъ рѣчью, въ которой передалъ свои воспоминанія изъ эпохи 60-хъ годовъ и, коснувшись различныхъ литературныхъ теченій, поднялъ бокалъ за объединеніе всѣхъ направленій современной русской мысли на почвѣ освободительныхъ идей 60-хъ годовъ. Во время обѣда устроенъ былъ сборъ въ пользу фонда для основанія народной библіотеки или начальной школы имени юбиляра. Всего было собрано 425 рублей.

Въ общемъ юбилейное торжество носило чрезвычайно сердечный характеръ и показало, что русская интеллигенція уже научилась почитать и цѣнить своихъ представителей. И западники-либералы, и прогрессисты, и народники, и просто любители литературы и представители просвѣщенія, всѣ единодушно въ своихъ рѣчахъ, обращенныхъ къ юбиляру, спѣшили принести ему признательность за «великое дѣло любви», за трогательную заботу о горестяхъ и радостяхъ простого народа и за неуклонное служеніе его нуждамъ и потребностямъ. Въ этомъ именно смыслѣ на этотъ разъ народничество, въ лучшемъ значеніи слова, дѣйствительно торжествовало въ присутствіи многочисленной публики, съ честью могло указать на свои заслуги передъ родною землею.

В. Бородаевская-Ясевичъ:

РУССКАЯ ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

I.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ, или, какъ ее иначе зовутъ, областная періодическая печать имѣетъ уже къ настоящему времени свою довольно любопытную исторію, къ сожалѣнію, совершенно не разработанную въ нашей журналистикѣ. Правда, иногда, отъ времени до времени, попадаются замѣтки, затрогивающія съ той или другой стороны судьбу этой печати въ ея прошедшемъ и настоящемъ, но всѣ эти замѣтки носятъ чрезвычайно отрывочный характеръ, слѣды случайности и, пожалуй, даже искусственности. По большей части эти замѣтки появляются по обстоятельствамъ печальнаго свойства: умереть какой нибудь «областникъ», содѣйствовавшій на родинѣ дѣлу развитія печатнаго слова, и вотъ, въ связи съ біографіями или некрологами, поднимаются на страницахъ журналовъ воспоминанія и о покойномъ и объ исторіи того дѣла, которому онъ въ свое время служилъ. Что же касается современнаго состоянія провинціальной печати, то и тутъ дѣло обстоитъ не Богъ вѣсть какъ утѣшительно: мы, столичные жители, очень мало освѣдомлены о ней и, я увѣренъ, для большинства здѣшнихъ потребителей газетъ, журналовъ и книгъ, работа провинціи на пользу развитія періодическаго печатнаго слова полная terra incognita. Скажу больше: ни въ одномъ официальномъ учрежденіи вы не найдете даже пол-

наго и правильно-составленнаго списка органовъ этой печати, и для ознакомленія съ означенной стороной нашей общественной жизни вамъ исключительно приходится обратиться къ «Русскому календарю» Суворина, гдѣ имѣется необходимый списокъ, съ распредѣленіемъ здѣсь газетъ, журналовъ и справочныхъ листковъ по городамъ. Но и тутъ, въ интересахъ вашей задачи, вы наталкиваетесь на немалое затрудненіе: изданія, правда, распредѣлены по городамъ, но не разбиты по категоріямъ, по рубрикамъ обслуживаемыхъ ими вопросовъ, такъ что историкъ или изслѣдователь областной печати все же остается неудовлетвореннымъ, съ какого рода изданіемъ имѣетъ онъ въ настоящемъ случаѣ дѣло — съ изданіемъ ли официальнымъ или частной инициативы, съ изданіемъ ли общелитературнаго характера или специальнымъ, случайнаго ли справочнаго свойства, или постояннымъ, имѣющимъ болѣе или менѣе широкую программу. Календарю, конечно, до всего этого дѣла можетъ и не быть, и я вовсе не обвиняю его въ этихъ пропускахъ—я отмѣчаю лишь фактъ отсутствія въ нашей литературѣ мало-мальски сносныхъ указаній на современное состояніе провинціальной печати.

Всѣ эти обстоятельства ставятъ изслѣдователя въ весьма тяжелое положеніе, и ему волею-неволею приходится бродить въ области интересующаго его вопроса ощупью, искать матеріала наугадъ, ввявъ, напримѣръ, какойнибудь ежемѣсячный журналъ за нѣсколько лѣтъ и перелиставъ всѣ книги по заглавіямъ и по листамъ, иногда въ тщетныхъ поискахъ отыскать здѣсь хоть крохи занимающаго его вопроса. Работа такого рода, чрезвычайно неблагодарная и затруднительная, вѣроятно, и служить въ значительной мѣрѣ препятствіемъ къ тому, чтобы ктонибудь основательно занялся исторіей областной печати въ полномъ ея объемѣ. Въ значительной степени отвѣтственность за это несутъ сами провинціальныя редакціи, которыя не даютъ себѣ труда составлять годовыхъ указателей къ своимъ изданіямъ, какъ равно по большей части довольно беззаботны по части лѣтописи того дѣла, которому служатъ.

Несмотря на такое печальное положеніе дѣла и на такую неудовлетворительную постановку вопроса о судьбахъ провинціальной печати, въ литературѣ за послѣднее время накопился, однако, кое-какой матеріалъ, позволяющій взять прошлое и настоящее областной прессы темою журнальной статьи. Тема эта меня лично собственно уже давно интересуетъ, но до послѣдняго времени я не имѣлъ подходящаго случая ставить ее въ очередь моихъ текущихъ очерковъ, которые, по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, должны быть въ кругу общественныхъ явленій жизни приурочиваемы къ тѣмъ или инымъ новостямъ литературнаго рынка. Такія новости въ настоящее время имѣются въ моемъ распоряженіи: недавно вышелъ «Сборникъ въ память Александра Серафимовича Гацискаго», гдѣ между прочимъ помѣщена интересная статья В. Г. Ко-

роленка—«Изъ исторіи областной печати»; въ 5-мъ томѣ «Критико-біографическаго словаря» С. А. Венгерова, о коемъ я недавно давалъ отзывъ, имѣется также любопытный біографическій очеркъ кавказскаго дѣятеля печати, О. Бобылева, составленный В. Лесевичемъ; наконецъ, въ вышедшемъ 42-мъ выпускѣ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгауза и Ефрона содержатся болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія о нашей одесской печати и о ея бывшихъ представителяхъ. Къ этимъ источникамъ, касающимся исторіи печати Поволжья, Кавказа и юга, необходимо присоединить «Историческій очеркъ русской печати въ Привислянскомъ краѣ» А. Сидорова, о которомъ еще не было говорено на страницахъ «Историческаго Вѣстника», несмотря на то, что очеркъ этотъ вышелъ въ 1896 г. Что же касается сибирской печати, то, хотя о ней и не имѣется воедино собранныхъ свѣдѣній за послѣднее время, она, однако, достаточно полно и обстоятельно обрисована въ извѣстной книгѣ покойнаго Н. М. Ядринцева «Сибирь какъ колонія» (2-е изданіе).

Такимъ образомъ, въ нашемъ распоряженіи имѣется историческій матеріалъ, относящійся къ главнѣйшимъ нынѣшнимъ центрамъ сосредоточенія наиболѣе характерной областной печати; если въ сдѣланномъ перечисленіи отсутствуетъ указаніе на прессу средней Россіи и сѣверной, то это объясняется простымъ обстоятельствомъ: эти районы нашего отечества главнымъ образомъ снабжаются столичными органами печати, а въ смыслѣ мѣстнаго, областного производства и творчества они представляютъ изъ себя довольно таки ровныя пустыни, даже не усѣяныя «мертвыми костями», понимая въ данномъ случаѣ слова «мертвыя кости» въ иносказательномъ смыслѣ, конечно.

Рядомъ съ такой исторической частью дѣла постараемся уяснить себѣ и современное состояніе и нужды областной печати, для сужденія о которой также имѣется кое-какой матеріалъ, появившійся въ текущемъ году; въ столичныхъ газетахъ «Русь», «Народъ», «С.-Петербургскія Вѣдомости» и «Сибирь», во многихъ провинціальныхъ газетахъ, а также въ журналѣ «Сѣверный Вѣстникъ» было поднято немало вопросовъ, касающихся положенія періодической печати въ провинціи и освѣщающихъ съ разныхъ сторонъ ея въ общемъ невеселое существованіе. Вотъ эти-то явленія литературы нашихъ дней я и кладу въ основаніе своей текущей статьи о періодической печати въ провинціи, желая намѣтить нѣсколько наиболѣе важныхъ сторонъ ея жизни, заслуживающихъ вниманія читателей, и въ надеждѣ, что, можетъ быть, моя статья пробудитъ среди лицъ, заинтересованныхъ развитіемъ печатнаго слова въ провинціи, охоту заняться на мѣстѣ тѣми же вопросами болѣе обстоятельно и детально. Такого рода работа, произведенная равными лицами, въ равное время и въ разныхъ мѣстахъ въ одномъ и томъ же направленіи, позволитъ—смѣю на-

дѣяться—прійти къ какимъ нибудь общимъ выводамъ, къ какимъ нибудь опредѣленнымъ положеніямъ практическаго характера; а это, въ свою очередь, можетъ принести и практическіе результаты, давъ, напримѣръ, возможность и поводъ хотя бы къ нѣкоторымъ ходатайствамъ въ надлежащихъ сферахъ, причемъ посредничество въ такого рода ходатайствахъ могъ бы взять на себя «Союзъ взаимопомощи русскимъ писателямъ», въ кругъ дѣятельности котораго именно входятъ всяческія ходатайства, направленныя къ облегченію и улучшенію развитія въ нашемъ отечествѣ печатнаго слова.

II.

Попытки къ созданію въ провинціи самостоятельныхъ мѣстныхъ органовъ печати относятся еще къ прошлому столѣтію. Первымъ такимъ органомъ былъ журналъ «Уединенный Попехонецъ», вызванный литературною прихотью ярославскаго намѣстника, Мельгунова, и издававшійся втеченіе двухъ лѣтъ (1786—1787) подъ редакціей секретаря ярославскаго приказа общественнаго призрѣнія, Санковскаго; но журналъ этотъ, усердно слагавшій оды и хвалившій «добродѣтельныхъ мужей», то-есть Мельгунова, успѣха не имѣлъ. Послѣ того представительство періодической печати переходитъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь, гдѣ въ 1789 г., съ перваго года открытія вольной типографіи Корнильева, возникаетъ журналъ подъ хитроумнымъ заглавіемъ «Иртышъ, превращающійся въ Ипокрену»¹⁾, издаваемый при тобольскомъ главномъ народномъ училищѣ. Журналъ этотъ наполнялся статьями мѣстныхъ учителей и «любителей науки» и представлялъ собою смѣсь разнаго рода оригинальныхъ и переводныхъ прозаическихъ произведеній, написанныхъ главнымъ образомъ на отвлеченныя темы, а также иногда въ дѣляхъ прославленія «чадолюбивой матери, всеавгустѣйшей матери», государыни Екатерины II и ея дѣяній на пользу развитія въ нашемъ отечествѣ просвѣщенія. Съ прекращеніемъ въ 1791 г. «Иртыша, превращающагося въ Ипокрену», въ Tobольскѣ же появляется и второе по времени въ Россіи періодическое изданіе «Библиотека ученая; экономическая, нравоучительная, историческая, увеселительная, въ пользу и удовольствіе всякаго званія читателей», издаваемое со сланнымъ въ Tobольскъ по уголовному преступленію, бывшимъ корнетомъ гвардіи, П. Сумароковымъ. Этотъ журналъ, ничѣмъ, по содержанію и достоинствамъ, не отличавшійся отъ своего предшественника, просуществовалъ также втеченіе всего двухъ лѣтъ (1793—1794) и прекратилъ свое существованіе, какъ и «Иртышъ», по не-

¹⁾ «Памятная книжка Tobольской губерніи на 1884 г.», гдѣ въ статьѣ А. И. Дмитріева-Мамонова издается обстоятельное описаніе журнала «Иртышъ».

достатку подписчиковъ и отсутствію матеріальныхъ средствъ на изданіе. Съ обнародованіемъ въ 1796 г. (16-го сентября) высочайшаго повелѣнія объ упраздненіи вольныхъ типографій, прекращаетъ свое существованіе и печатная дѣятельность въ Tobольскѣ, но всей справедливости долженствуемая быть разсматриваемой въ качествѣ первыхъ опытовъ частнаго почина по изданію въ нашемъ отечествѣ болѣе или менѣе независимыхъ органовъ періодической печати.

Вскорѣ, по вступленіи на престолъ Александра I, провинція вновь приступаетъ къ попыткамъ созданія помѣстной прессы, и втеченіе всего его царствованія дѣлаетъ въ этомъ направленіи рядъ болѣе или менѣе удачныхъ и энергичныхъ шаговъ. Слѣдя за этими шагами въ ихъ хронологической послѣдовательности¹⁾, мы видимъ, что инициативу въ данномъ случаѣ беретъ на себя главнымъ образомъ наше Поволжье и югъ, если не считать появившагося въ 1803 г., въ Калугѣ, періодическаго ежемѣсячнаго изданія «Уранія», просуществовавшаго всего лишь одинъ годъ. Главное же представительство областной прессы послѣ Калуги переходитъ къ Казани, Астрахани, Одессѣ и Харькову, гдѣ втеченіе первыхъ двухъ десятилѣтій текущаго столѣтія возникаетъ рядъ изданій преимущественно литературнаго и научнаго содержанія: «Казанскія извѣстія» (1810—1820), «Харьковскій еженедѣльникъ» (1812), «Восточныя извѣстія» (1813—1815) въ Астрахани, «Труды казанскаго общества любителей отечественной словесности» (1815), «Азіатскій музыкальный журналъ» (1816—1819), «Россійскій ежегодникъ въ Ригѣ» (1816), «Украинскій Вѣстникъ» (1816—1820) въ Харьковѣ; «Харьковскій демокритъ» (1816), «Труды общества наукъ» (1817) въ Харьковѣ, «Украинскій домоводъ» (тамъ же); «Отечественный памятникъ» (1817—1826) въ Орлѣ—Могилевѣ; «Казанскій Вѣстникъ» (1821—1833), «Прибавленіе къ «Казанскому Вѣстнику» (1821—1824, 1828—1834), «Украинскій журналъ» (1824—1825), «Одесскій Вѣстникъ» (1827—1893), «Тифлисскія Вѣдомости» (1828—1832), «Заволжскій муравей» (1831—1833) въ Казани; «Листки, издаваемые обществомъ сельскихъ хозяевъ южной Россіи» (1831—1840) въ Одессѣ; «Литовскій Вѣстникъ» (1834—1840) въ Вильнѣ; «Ученыя записки Казанскаго университета» (1834—1861), «Кіевскія объявленія» (1835—1838, 1850—1857), «Начальственныя распоряженія» (1835—1837, 1840—1864) въ Казани; «Воскресное Чтеніе» (1837—1897) въ Кіевѣ; «Закавказскій Вѣстникъ» (1836—1856) въ Тифлисѣ; «Официальная газета въ царствѣ Польскомъ» (1837—1861).

Этотъ, можетъ быть, нѣсколько длинный для настоящей статьи (въ чемъ приношу извиненіе передъ читателемъ) и въ общемъ, къ сожалѣнію, очень короткій для исторіи журналистики и исторіи провинціальной прессы, списокъ заслуживаетъ нашего вниманія и позво-

¹⁾ «Русская періодическая печать» (1703—1897 г.г.) Н. М. Лисовскаго, выш. I.

ляетъ сдѣлать нѣсколько не липенныхъ интереса выводовъ. Мы видимъ, во-первыхъ, что стремленіе къ сближенію литературы и жизни имѣетъ главнымъ образомъ мѣсто въ тѣхъ центрахъ, гдѣ возникаютъ въ то же время и высшіе разсадники просвѣщенія—университеты, какъ, на примѣръ, въ Казани и въ Харьковѣ. Основаніе университетовъ влечетъ за собою извѣстное оживленіе общественной мысли, пробуждаетъ въ обществѣ напряженный интересъ къ наукѣ и литературѣ, что и имѣетъ прямымъ слѣдствіемъ возникновеніе мѣстныхъ періодическихъ органовъ печати, какъ выразителей общественнаго настроенія умовъ. Правда, эти органы печати на первыхъ порахъ своей жизни не задаются цѣлями отражать въ себѣ явленій общественной, а тѣмъ болѣе политической, жизни и предпочитаютъ сосредоточивать свое вниманіе исключительно на интересахъ литературы, науки, на задачахъ непосредственнаго просвѣтительнаго воздѣйствія по отношенію умовъ обывателей. Но и эти робкіе шаги на пути сближенія литературы и жизни знаменательны, обнаруживая въ обществѣ его стремленіе сбросить съ себя ветхіе покровы жизни и желаніе пріобщиться просвѣтительныхъ благъ европейской культуры. Во-вторыхъ, приведенный списокъ провинціальной печати показываетъ, что всѣ эти изданія являются результатомъ частныхъ починовъ, каковыя въ однихъ случаяхъ встрѣчаютъ благосклонное содѣйствіе мѣстной власти, а въ другихъ—противодѣйствіе и недоброжелательное отношеніе, имѣвшія въ конечномъ результатѣ гибель этихъ слабыхъ и колеблющихся свѣтильниковъ мѣстнаго просвѣщенія. Сама административная власть, какъ равно и столичная, правительственная, почти за все время начала столѣтія (до 1837 г.) еще не доходитъ до признанія о необходимости воздѣйствія на общество при помощи печатнаго слова, при содѣйствіи хоть скромно и слабо выраженной гласности. Только единичные меценаты изъ числа губернскихъ сановниковъ въ нѣкоторыхъ, и притомъ весьма немногихъ, случаяхъ покровительственно, но, во всякомъ случаѣ, свысока протягиваютъ руку сочувствія мѣстнымъ представителямъ литературной и научной мысли; въ общей же массѣ, и мѣстная администрація и столичная власть, относятся къ провинціальнымъ проявленіямъ умственной самостоятельности отрицательно и съ большимъ недоумѣніемъ. Въ-третьихъ, духовенство совершенно игнорируетъ пользу печатнаго слова и не считаетъ нужнымъ прибѣгать къ нему для воздѣйствія на паству и для распространенія въ невѣжественной средѣ началъ просвѣщенія въ духѣ православной церкви. Исключеніемъ является лишь въ 1835 г. «Воскресное Чтеніе», основанное въ Кіевѣ и явившееся въ жизни періодической прессы первообразомъ будущихъ «Епархіальныхъ Вѣдомостей», основаніе которыхъ относится къ 1863 г. Таковы общія замѣчанія, которыя невольно напрашиваются подъ перо, по ознакомленіи съ спискомъ провинціальной печати за время

до 1837 г., когда почти во всѣхъ губернскихъ городахъ были основаны мѣстные «Губернскія Вѣдомости», о чемъ и будетъ рѣчь ниже. Обращаясь же отъ общихъ соображеній къ частностямъ, относящимся къ тому или другому изданію въ отдѣльности, любопытно обрисовать отношенія къ нимъ мѣстной власти, отношенія, которыя почти за 80 слишкомъ лѣтъ исторической жизни мало чѣмъ измѣнились и въ наши дни. Въ одномъ случаѣ мы имѣемъ отношеніе неблагопріятное, въ другомъ, напротивъ, покровительственное и доброжелательное. Къ первому относится судьба «Казанскихъ Извѣстій», ко второму — «Одесскаго Вѣстника».

III.

«Казанскія Извѣстія», основанныя въ 1810 году ¹⁾, стали выходить съ апрѣля 1811 года и представляли собою первую провинціальную газету и вмѣстѣ съ тѣмъ первое областное періодическое изданіе, основанное въ Европейской Россіи по частному почину содержателя казанской губернской типографіи Зиновьева. Сначала газета выходила еженедѣльно, а съ 1815 года — два раза въ недѣлю. Содержаніе ея было очень скудное и сводилось главнымъ образомъ къ казеннымъ и частнымъ объявленіямъ, отрывочнымъ статистическимъ даннымъ о мѣстномъ краѣ и анекдотамъ «для пріятнаго препровожденія времени». Несмотря на такое убожество программы, газета, однако, успѣла таки навлечь на себя неудовольствіе министра народнаго просвѣщенія, усмотрѣвшаго въ казанскомъ изданіи «ошибки не только типографскія, но даже противъ слога и языка». Вслѣдствіе этого газета была подчинена цензурѣ двухъ мѣстныхъ профессоровъ, но и это не спасло ея издателя. Какой-то невинный анекдотъ вызвалъ опять замѣчаніе министра о неприличіи содержанія «Казанскихъ Извѣстій», и они были переданы въ вѣдѣніе мѣстнаго университета, который для ихъ изданія сформировалъ даже особый «комитетъ», въ составѣ цѣлыхъ шести профессоровъ. Комитетъ выступилъ съ расширенной и обновленной программой изданія, изъ которой, однако, были исключены отдѣлы правовѣдѣнія, философіи и медицинскіихъ извѣстій, вмѣсто этихъ отдѣловъ ей позволено было давать свѣдѣнія о событіяхъ, происходящихъ въ Россіи и въ другихъ странахъ, о научныхъ новостяхъ и явленіяхъ мѣстной общественной и частной жизни, что и придавало ей характеръ истинно-областного органа печати. Съ назначеніемъ знаменитаго Магницкаго попечителемъ Казанскаго округа, красные дни «Извѣстій» кончились: но-

¹⁾ Свѣдѣнія взяты изъ «Энциклопедическаго словаря» Брокгауза и Ефрона, т. 26.

вый попечитель нашель это казанское изданіе «довольно неблаго-виднымъ», сдѣлалъ распоряженіе выкинуть отсюда все существенное и живое, а въ 1821 году преобразовалъ его совершенно въ новый органъ печати, уже ежемѣсячный, подъ заглавіемъ «Казанскій Вѣстникъ» и подчиненный въ издательскомъ и редакціонномъ отношеніи опять-таки комитету изъ семи профессоровъ. Программа, выработанная этимъ комитетомъ, въ значительной степени разнилась отъ программы перваго періода «Казанскихъ Извѣстій» и давала больше всего мѣста статьямъ—о духѣ народнаго воспитанія вообще, о необходимости благочестиваго воспитанія, о благочестивомъ воспитанія въ древней Россіи, о жизни первыхъ христіанъ, переводы изъ церковныхъ писателей, критическія замѣчанія о философизмѣ XVIII вѣка, извѣстія о христіанскихъ нововведеніяхъ въ домашнемъ быту Казанскаго университета и т. п. По смѣнѣ Магницкаго Мусинымъ-Пушкинымъ «Вѣстникъ» оживился: богословскія статьи, какъ равно обзорѣніе строго-научнаго содержанія, уступаютъ мѣсто статьямъ популярно-научнаго, историческаго и литературнаго содержанія. Въ послѣдній годъ своего существованія (1832) «Казанскій Вѣстникъ» распался на двѣ части: «Начальственные распоряженія», подъ названіемъ «Казанскаго Вѣстника» и «Сочиненія и переводы». При «Казанскомъ Вѣстникѣ» еженедѣльно прибавлялись «Прибавленія» съ содержаніемъ, почерпаемымъ изъ мѣстной хроники жизни, какъ равно съ отдѣломъ политическихъ извѣстій и объявленіями. Въ 1824 году, это изданіе, по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, было прекращено, но въ 1828 году возобновлено. Эти «Прибавленія» дали въ общемъ итогѣ массу историческаго матеріала и пролили не мало свѣта на многія событія прошлаго. Лучшими годами журнала были 1828—1831 годъ, когда во главѣ его стоялъ извѣстный мѣстный дѣятель, М. Рыбушкинъ; съ уходомъ его изъ редакціоннаго комитета, «Прибавленія» стали приближаться къ типу нынѣшнихъ «Губернскихъ Вѣдомостей», съ внутренними и заграничными новостями, перепечатываемыми изъ столичныхъ газетъ. Такова судьба перваго періодическаго изданія въ Россіи, положившаго основаніе нашей областной печати вообще и волжской въ частности, судьба, не могущая похвалиться слишкомъ многими красными днями. Иначе сложилась исторія провинціальной прессы на югѣ, для ознакомленія съ которой намъ надо обратиться къ возникновенію старѣйшей въ провинціи политической газеты—«Одесскому Вѣстнику»¹⁾.

«Одесскій Вѣстникъ» издавался въ началѣ нынѣшняго столѣтія подъ покровительствомъ извѣстнаго графа Ланжерона французскимъ эмигрантомъ Деваллономъ на французскомъ языкѣ и подъ загла-

¹⁾ «Одесскій Вѣстникъ» 1877 г.; Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, вып. 42.

віемъ «*Courrier de la Nouvelle Russie*». Съ 1823 года, онъ выходилъ на двухъ языкахъ—французскомъ и русскомъ, но безъ политическаго отдѣла, и имѣлъ всего лишь 37 подписчиковъ. Съ 1827 года его взялъ подъ свое покровительство генераль-губернаторъ гр. М. С. Воронцовъ, причемъ редакторомъ русской части былъ назначенъ Левшинъ, а французской—бывшій дипломатъ Бруновъ. Воспользовавшись пребываніемъ императорской фамилии въ Одессѣ, во время нашей войны съ Турціей, Воронцовъ выхлопоталъ (1829 г.) разрѣшеніе печатать въ «Вѣстникѣ» реляціи военныхъ дѣйствій отъ главной квартиры; это чрезвычайно оживило газету, привлекло къ ней вниманіе читателей и подняло подписку до 2000 человекъ. Въ газетѣ принимали участіе главнымъ образомъ чиновники генераль-губернаторской канцеляріи и нѣкоторые изъ просвѣщенныхъ обывателей города: всѣ эти лица работали здѣсь бесплатно, благодаря чему въ кассѣ конторы газеты образовался отъ подписки свободный капиталъ въ 35.000 рублей ассигнаціями, на каковой и была основана въ Одессѣ мѣстная публичная бібліотека. Въ 1831 г. русская часть «Вѣстника» была выдѣлена въ отдѣльную газету подъ редакціей Розберга и Тройницкаго. Дальнѣйшая его судьба слѣдующая: въ 1857 г. «Одесскій Вѣстникъ» перешелъ въ вѣдѣніе Ришельевского лица, два профессора котораго (Богдановскій и Георгіевскій) были назначены его редакторами; съ этого момента газета становится серьезнымъ органомъ печати, гдѣ принимали участіе такія выдающіяся силы, какъ Пироговъ, Савичъ и другіе; на страницахъ этой же газеты впервые былъ поднятъ вопросъ о классическомъ и реальномъ образованіи. Вскорѣ, однако, направленіе газеты было признано вреднымъ, и она снова отдана въ вѣдѣніе генераль-губернатора. Съ 1864 г. она стала выходить ежедневно, а въ 1880 г. къ ней прибавленъ былъ экономическій отдѣлъ. Въ видѣ приложеній при «Одесскомъ Вѣстникѣ» издавались (1832—1840 гг.)—«Листки», ежемѣсячное изданіе общества сельскаго хозяйства Южной Россіи; въ 1832—1833 гг.—«Литературные листки», еженедѣльный журналъ; въ 1859 г.—«Южный Сборникъ», ежемѣсячный учено-литературный журналъ, редактированный профессоромъ Н. Максимовичемъ. Съ 1871 г. «Вѣстникъ» былъ переданъ въ частныя руки, а въ 1893 г. онъ покончилъ совсѣмъ свое существованіе.

Я привелъ историческій очеркъ возникновенія и развитія двухъ провинціальныхъ органовъ печати, лучшихъ для своего времени, находившихся въ исключительныхъ условіяхъ и могущихъ по всей справедливости считаться первообразами всей позднѣйшей областной прессы. Даже изъ сдѣланной краткой и поверхностной обрисовки мы видимъ, съ какими затрудненіями, препятствіями и мытарствами прокладываютъ они себѣ путь жизни, и какими неправильными зигзагами идетъ ихъ развитіе. Мѣсто не позволяетъ мнѣ остановиться болѣе подробно на внутренней жизни этихъ газетъ, на ихъ идей-

номъ содержаніи, на отношеніи къ нимъ читателей. Я рассказываю здѣсь лишь формальную исторію этихъ литературныхъ пионеровъ областничества, а изъ послѣдней взялъ, въ интересахъ главной цѣли статьи, отношеніе къ органамъ мѣстной прессы администраціи. Что же касается вліянія ихъ на общество, то на первыхъ порахъ его нельзя назвать особенно широкимъ. Такъ, «Казанскій Вѣстникъ» печатался въ первый годъ своего существованія въ количествѣ 500 экземпляровъ, во второй — въ 300 экзempl., въ послѣдній—въ 205 экзempl.; «Одесскій же Вѣстникъ», начавъ подписку съ 37 экземпляровъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, къ 1829 г. достигъ 2.000 подписчиковъ. Сопоставленіе этихъ цифръ ясно обнаруживаетъ, въ какую сторону склоняются уже тогда вкусы публики: какъ только редакція получаетъ возможность расширить программу своего изданія и начинаетъ давать публикѣ статьи общественнаго характера и политическія извѣстія, подписка начинаетъ быстро расти и достигаетъ для своего глухого времени значительной цифры; наоборотъ, какъ только замѣчается тенденція сокращенія программы, подписка падаетъ и, при наличности однѣхъ лишь строго-научныхъ и богословскихъ статей, изданіе неизбѣжно обречено на постепенное умираніе и конечную гибель. И это правильное соотношеніе подписки не только съ благосостояніемъ, но даже существованіемъ органа печати является могучимъ орудіемъ въ рукахъ администраціи: Воронцовъ, понимая благотворное значеніе для общества печатнаго слова, расширяетъ программу «Одесскаго Вѣстника» и тѣмъ расширяетъ аудиторію его потребителей. Магницкій, считая, что «Казанскій Вѣстникъ», ничего, «кромѣ безславія», принести не можетъ, сводитъ его общественное вліяніе на нуль при помощи сокращенной программы. Эта политика сокращеній и расширеній программъ наблюдается въ исторіи развитія періодической печати непрестанно и отъ времени до времени, какъ бы по завѣту Магницкаго и Воронцова, даетъ себя чувствовать и понынѣ.

VI.

«Одесскій» и «Казанскій Вѣстники» наиболѣе рельефно отражаютъ на своихъ страницахъ типическія особенности провинціальной печати начала нынѣшняго столѣтія. Остальные органы изъ числа перечисленныхъ выше не представляютъ изъ себя ничего характернаго и болѣе или менѣе приближаются къ типу своихъ первообразовъ, при чемъ на долю «Казанскаго Вѣстника» остается львиная доля приближенія. До 1837 года поэтому развитіе политической печати въ провинціи совершенно ничтожно, и губернская публика обречена на полученіе интересующихъ ее новостей въ области внутренней и внѣшней политики черезъ посредство сто-

личныхъ газетъ и журналовъ. Интересы этихъ послѣднихъ, и въ особенности изданій казенныхъ, принимаются правительствомъ подъ особенное покровительство, и ради нихъ кладутся усиленные препоны развитію прессы помѣстной. Такъ, напримѣръ, по этимъ же соображеніямъ было въ 1820 годахъ отказано въ разрѣшеніи на изданіе «Тульскихъ Вѣдомостей». Отрицая серьезное значеніе большинства тогдашнихъ провинціальныхъ періодическихъ органовъ, не могу, однако, ради справедливости не отмѣтить одно изъ нихъ—«Восточныя Извѣстія» въ Астрахани, гдѣ сдѣлана первая частная попытка ознакомлять публику съ жизнью инородцевъ.

Въ 1830 году, было опубликовано положеніе объ изданіи «Губернскихъ Вѣдомостей» въ видѣ опыта въ шести губерніяхъ—Астраханской, Казанской, Кіевской, Нижегородской, Слободско-Украинской и Ярославской; однако, ни въ этомъ году, ни въ послѣдующихъ, до 1837 г. включительно, мы не видимъ выхода здѣсь ожидаемыхъ газетъ, и только 1838 г. даритъ провинціи губернскія и областныя «Вѣдомости» сразу въ 42 городахъ, издаваемыя въ большинствѣ случаевъ по два раза въ недѣлю. Эти 42 изданія имѣли, собственно говоря, уже своихъ предшественниковъ въ лицѣ «Тифлисскихъ Вѣдомостей», «Казанскихъ Начальственныхъ распоряженій», «Закавказскаго Вѣстника» и «Официальной газеты въ царствѣ Польскомъ»; но эти послѣднія являлись какъ бы исключеніями, случайными свѣтлыми явленіями на фонѣ сѣрой помѣстной жизни. Теперь же, съ 1838 г. само правительство признало законность провинціальной, губернской прессы и рѣшило, наперекоръ прежнему порядку вещей, обратиться къ содѣйствію печатнаго слова для воздѣйствія на умы и чувства провинціальныхъ обывателей. Хорошо или дурно отразилось на этихъ умахъ и чувствахъ сосредоточеніе печатнаго слова въ рукахъ администраціи, вопросъ иной категоріи; для меня въ настоящемъ случаѣ важно лишь отмѣтить, что въ 1838 г. за провинціей официально было признано право имѣть свою собственную печать. Это ужъ былъ шагъ и значительный шагъ впередъ, который свидѣтельствовалъ о наступленіи въ жизни періодической прессы новыхъ вѣяній. Съ этого времени и вплоть до конца царствованія императора Николая I наблюдается усиленное стремленіе правительства обзавестись во всѣхъ наиболѣе крупныхъ провинціальныхъ центрахъ официальными органами періодической прессы; но рядомъ съ этимъ замѣчается и печальное явленіе: частная инициатива въ дѣлѣ созданія помѣстной печати обращается въ далекое преданіе, и втеченіе всего періода, съ начала 1830 до 1856 года, въ провинціи не возникаетъ ни одного частнаго періодическаго изданія. вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же періодъ отмѣченъ широкимъ распространеніемъ «Записокъ» отдѣловъ географическаго общества (кавказскаго, сибирскаго и др.), на долю которыхъ выпала столь плодотворная разработка географическихъ, этногра-

фическихъ и историческихъ областныхъ свѣдѣній, которыя въ свою очередь въ значительной степени оказали доброе содѣйствіе развитію областного самосознанія.

Съ воцареніемъ Александра II въ жизни провинціальной періодической печати наступаютъ нѣсколько лучше дни. Правда, законъ 6-го апрѣля 1865 г. не освободилъ этой печати отъ предварительной цензуры, какъ это было сдѣлано по отношенію къ столичной прессѣ, и сохранилъ для нея прежнія стѣснительныя рамки, но во всякомъ случаѣ, косвенно, онъ все же имѣлъ доброе вліяніе, хотя бы на отношенія къ провинціальному печатному слову со стороны мѣстной администраціи. Освободительныя вѣянія новаго царствованія, особенно въ первое время, несомнѣнно смягчили нѣсколько прежній суровый административный режимъ, хотя суть дѣла оставалась та же самая, т.-е. мѣстная администрація по-прежнему держала прессу въ своихъ рукахъ и была вольна въ жизни и смерти любого губернскаго или уѣзднаго органа въ каждое данное время. На это обстоятельство было тогда же (въ 1860 годахъ) обращено вниманіе, и К. К. Арсеньевъ писалъ въ «Вѣстникѣ Европы»¹⁾:

«Для администраціи подчиненіе провинціи закону 6-го апрѣля не представляетъ никакихъ серьезныхъ затрудненій. Въ губернскихъ городахъ у насъ еще почти немыслима періодическая пресса, а въ губернскихъ городахъ есть всѣ необходимыя средства для установленія постоянного контроля надъ печатью. Каждый разъ, когда губернаторъ признаетъ нужнымъ принять противъ газеты какую нибудь административную мѣру взыскапія или возбудитъ судебное преслѣдованіе, разрѣшеніе центральной власти могло бы быть испрошено и получено, съ помощью телеграфа, въ два-три дня или еще скорѣе. Гдѣ еще не введена въ дѣйствіе судебная реформа, тамъ процессы по дѣламъ печати могли бы быть предоставлены разсмотрѣнію судебной палаты ближайшаго судебного округа. Что же касается до интересовъ самой литературы, то для провинціальной прессы известная доля свободы необходима, можетъ быть, еще больше, чѣмъ для столичной. Столичная пресса никогда не испытываетъ такой мелкой тирании, какой слишкомъ легко можетъ подвергнуться провинціальная пресса. По характеру вопросовъ, обсужденіе которыхъ сосредоточивается въ столицахъ, по степени вліянія, которымъ пользуются нѣкоторые столичные журналы, по свойству организаціи центральнаго управленія дѣлами печати, по самой многочисленности своихъ органовъ, столичная пресса не можетъ быть принуждена ни къ молчанію о всѣхъ предметахъ, занимающихъ въ данную минуту общественное мнѣніе, ни къ постояннымъ хвалебнымъ отзывамъ о каждомъ дѣйствіи начальства. Въ провинціи, напротивъ того, такая зависимость періодической прессы возможна, даже вѣроятна, пока существуетъ предварительная цензура. Полное умственное господство столицъ надъ провинціей — господство, вредное не только для послѣдней, но и для первыхъ — прекратится лишь тогда, когда провинціальная пресса приобрететъ, по крайней мѣрѣ, de jure равноправность съ столичною (фактическая ихъ равноправность долго еще оста-

¹⁾ «Русскіе законы о печати» «Вѣстникъ Европы», 1869 г., кн. 4 и 6.

нется мечтою). Только тогда сдѣлается возможнымъ такое знакомство съ бытомъ, съ потребностями провинцій, безъ котораго гадательны и шатки большая часть обобщеній столичной прессы. Мы знаемъ, что правильному развитію провинціальной прессы противодѣйствуетъ, независимо отъ закона, провинціальное общество, не привыкшее къ гласности и часто враждебное ея органамъ. Но эта привычка, эта вражда, обуславливается именно жалкимъ положеніемъ, въ которомъ находилась и находится до сихъ поръ провинціальная періодическая пресса. Дайте ей окрѣпнуть, оживиться, приобрести значеніе для мѣстныхъ, среди которыхъ она существуетъ—и предубѣжденіе противъ нея исчезнетъ само собою».

Положенія г. Арсеньева и взгляды его на условія жизни провинціальной періодической печати не составляли въ шестидесятыхъ годахъ какого нибудь исключенія изъ числа мнѣній по настоящему предмету, какъ равно не являются они запоздалымъ голосомъ и понынѣ. Объ этомъ еще будетъ рѣчь впереди, когда я коснусь современнаго положенія провинціальной печати. Но какъ бы тамъ ни было, хотя законъ 6-го апрѣля и обогрѣлъ своимъ вниманіемъ провинцію, все же послѣдняя, по сравненію съ предъидущимъ временемъ, хоть нѣсколько облегченно вздохнула и во всякомъ случаѣ получила возможность постепенно обзаводиться собственными областными органами. Сознаніе настоятельной необходимости въ таковыхъ все глубже и глубже проникаетъ въ умы современниковъ и дѣлается достояніемъ всѣхъ общественныхъ элементовъ нашего отечества. И духовенство, не считавшее до сихъ поръ, какъ мы видѣли, необходимымъ прибѣгать къ содѣйствію печатнаго слова, съ шестидесятыхъ годовъ обзаводится во всѣхъ губернскихъ городахъ собственными органами. «Епархіальныя Вѣдомости» получаютъ широкое распространеніе и насчитываются къ настоящему времени въ нѣсколько десятковъ названій. Съ шестидесятыхъ же годовъ идетъ сильный ростъ частныхъ провинціальныхъ изданій, который не прекращается въ теченіе всѣхъ семидесятыхъ и первой половины восьмидесятыхъ годовъ, такъ что вся областная Россія, въ главныхъ своихъ центрахъ, является къ настоящему времени мобилизированной самостоятельными, независимыми отъ столичной прессы, органами печати. Но къ этому третьему періоду жизни періодической печати я обращаюсь позднѣе, теперь же остановлюсь на томъ, что представляла собою губернская пресса, съ момента своего официального признанія (съ 1838 г.) и по преобразовательный періодъ русской исторіи, т. е. до 1856 г.

Въ любопытной статьѣ, кажется, первой въ нашей литературѣ, гдѣ сдѣлана попытка подвести нѣкоторые итоги успѣхамъ печати въ провинціи, подъ заглавіемъ «Губернская пресса» («Современникъ», 1865 г., № 9), мы читаемъ слѣдующую ея характеристику: «При болѣе внимательномъ изученіи губернской литературы, оказывается въ ней неопѣненное качество, совершенно ускользящее отъ поверхностнаго взгляда. Качество это свойственно всѣмъ провин-

ціальнымъ газетамъ вообще и состоитъ въ томъ, что онѣ всегда очень вѣрно воспроизводятъ ту среду, которая питаетъ и грѣетъ ихъ, можно сказать даже, что они и не могутъ дурно воспроизводить ее, если бы даже хотѣли. А надо замѣтить, что губернскія газеты именно тѣмъ и отличаются, что выказываютъ постоянное желаніе изображать вещи совершенно не въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ есть. Но, къ счастью, имъ это никакъ не удастся, потому что нитки, которыми спиваются произведенія губернскихъ публицистовъ, до такой степени всѣмъ знакомы, что даже человекъ, никогда не служившій въ провинціи, сразу можетъ замѣтить, что эти нитки изъ губернскаго правленія. Потому-то этихъ произведеній никто не читаетъ». Газеты эти «печатаются въ губернской типографіи и пишутъ ихъ не публицисты, а канцелярскіе служители, спиваютъ сторожа и печать наклеиваютъ они же». Конечный выводъ автора тотъ, что всѣ «Губернскія Вѣдомости» отличаются ретрограднымъ направленіемъ. «Много говорить нечего... объ этихъ мертворожденныхъ дѣтищахъ разныхъ губернскихъ правленій, тѣмъ болѣе, что они, уступая духу времени, съ каждымъ днемъ замѣняются новыми, живыми органами и въ настоящую минуту представляютъ безмолвный рядъ гробовъ, передъ которымъ умолкаетъ всякая полемика, потому что они на всѣ вопросы могутъ издавать только запахъ тлѣнія — и никакіе трубные гласы не пробудятъ ихъ отъ вѣковѣчнаго сна».

Таковъ суровый приговоръ «Современника» надъ молодою официальною губернской прессою, приговоръ въ общемъ мѣткій и справедливый, удачно представившій читателямъ доминирующее направленіе этой прессы. Приговоръ этотъ въ значительной степени остается въ силѣ и для нашихъ дней, хотя, конечно, время уже успѣло сдѣлать свое дѣло, и въ произведеніяхъ «канцелярскихъ служителей» нѣтъ-нѣтъ да и проскользнетъ нѣчто такое, чему бы, казалось, совсѣмъ не должно было рождаться въ нѣдрахъ губернскихъ канцелярій. Особенно это замѣчается въ такъ называемыхъ «неофициальныхъ отдѣлахъ», назначеніе которыхъ, при основаніи таковыхъ отдѣловъ, была разработка вопросовъ мѣстной исторіи, географіи и этнографіи, но куда съ теченіемъ времени уже успѣли просочиться вопросы чисто литературные, включая сюда и критическіе разборы беллетристическихъ произведеній печатаемыхъ въ ежемѣсячныхъ журналахъ. Такимъ образомъ, правительству, сосредоточившему въ своихъ рукахъ губернскую прессу, несмотря, можетъ быть, на самыя благія побудительныя намѣренія, не удалось сдѣлать изъ нея вліятельныхъ и руководящихъ органовъ печати, и вся ихъ роль сошла на роль справочныхъ изданій по части официальныхъ объявленій, полицейскихъ распоряженій и казенныхъ объявленій на разные торги. Не помогло дѣлу и стремленіе образованной части провинціального общества и молодыхъ представителей губернскихъ

канцелярій, попавшихъ сюда изъ стѣнъ высшихъ учебныхъ заведеній, взять въ свои руки «неофициальный отдѣлъ» «Вѣдомостей» и вдохнуть въ нихъ оживленіе. Въ большинствѣ случаевъ всѣ эти стремленія не дали желанныхъ результатовъ и оказались пустыми фантазіями. Вотъ что по настоящему предмету повѣствуетъ В. Г. Короленко, большой знатокъ провинціальной жизни и историческихъ судебъ провинціи, въ своемъ очеркѣ «Изъ исторіи областной печати» ¹⁾, посвященномъ памяти покойнаго нижегородскаго областника А. С. Гацискаго, столь много поработавшаго въ свое время на пользу развитія провинціальной печати.

«Оживлять «Губернскія Вѣдомости—воскликаетъ г. Короленко.»!—Многіе еще павѣрное помнятъ этотъ призывъ, раздавшійся чуть не по всей Россіи. Кое-гдѣ изрѣдка его можно слышать и теперь, но теперь въ немъ нѣтъ уже той живости, и произносится онъ большею частію полуиронически. Мы знаемъ, что для своего оживленія пресса нуждается прежде всего въ независимости, хотя бы только нравственной, и что «оживленіе» казенной прессы имѣетъ слишкомъ ограниченныя предѣлы какъ во времени (до первой смѣны губернатора), такъ и въ содержаніи. Но въ то же время эта задача имѣла свое специфическое значеніе для людей, работавшихъ въ провинціи. Дѣло просто въ томъ, что губернскія вѣдомости исчерпывали собою, за незначительными исключеніями, всю наличную провинціальную прессу. Изъ этого совершенно ясно, что всякому, кто, подобно А. С. Гацискому, рѣшилъ отдать свое перо на служеніе областной прессы, предстояло прежде всего вѣдаться съ единственнымъ ея органомъ. Если бы кто, лучше знающій, взялся изложить исторію этихъ попытокъ вообще,—мы получили бы очень яркій матеріалъ для своеобразной драмы или, скорѣе, трагикомедіи. Тутъ былъ бы прежде всего просвѣщенный администраторъ, благосклонно желающій, чтобы въ «его край» процвѣтали искусство и наука вообще и печатное слово въ частности. Тутъ были бы, во-вторыхъ, болѣе или менѣе умные и талантливые (но и нѣсколько наивные на нашъ взглядъ) представители губернской интеллигенціи, которые съ жаромъ и пылкими надеждами принимались за «неофициальный отдѣлъ», предоставляемый въ ихъ распоряженіе. Въ первомъ дѣйствіи—общее благоволеніе и призывы «къ совмѣстному труду на пользу края». Во второмъ—появленіе перваго обновленнаго и «оживленнаго» нумера, знаменующаго начало процвѣтанія мѣстной прессы. Потомъ—первыя тучи на ясномъ небѣ. Одной сторонѣ казалось, что достаточно добраго желанія, чтобы все процвѣтало во «вѣренномъ крайѣ», и что теперь «темныя стороны» могутъ существовать развѣ только въ сосѣднихъ губерніяхъ. Другая ждала, что ей позволено будетъ раскрывать «бѣдность и несовершенство нашей жизни» и призывать лучшее будущее. На этой почвѣ взаимныя недоразумѣнія растутъ, какъ грибы, «оживленіе» вскорѣ кончается среди обоюднаго охлажденія и недовольства, неофициальный отдѣлъ исчезаетъ или принимаетъ чисто канцелярскій характеръ,—и губернский органъ опять издается для однихъ только шкафовъ волостныхъ правленій, гдѣ благія начинанія находятъ вѣчное успокоеніе, рядомъ съ волостными книгами договоровъ, пустыми полуштофами и отрѣзками колбасы... Хорошо еще, если въ результатѣ «оживленія» не оказалось какой нибудь безнадежно разбитой служебной карьеры»...

¹⁾ «Сборникъ въ память Александра Серафимовича Гацискаго». Нижній-Новгородъ, 1897.

Эта страничка областной жизни, набросанная талантливымъ перомъ нашего беллетриста, чрезвычайно характерна и въ полной мѣрѣ исчерпываетъ собою судьбу не только волжскихъ «неофициальныхъ отдѣловъ», но и таковыхъ же въ другихъ мѣстностяхъ нашего отечества. Насколько было затруднительно и въ сущности фальшиво въ свое время положеніе энергичныхъ сторонниковъ «оживленія» губернской официальной прессы, также съ достаточною наглядностью наблюдается изъ очерка В. В. Лесевича ¹⁾, посвященнаго біографіи кавказскаго публициста О. Бобылева, литературная дѣятельность котораго относится къ самому началу эпохи реформъ, т. е. къ 1856 году.

Первою по времени на Кавказѣ русскою газетою былъ «Кавказъ», основанный въ 1846 году по инициативѣ намѣстника, князя Воронцова. Съ 1846 по 1849 г. онъ выходилъ еженедѣльно, затѣмъ по 1876 годъ—два раза въ недѣлю и, наконецъ, съ 1877 года и посейчасъ «Кавказъ» выходитъ ежедневно. Въ первое время своего существованія эта газета издавалась при канцеляріи намѣстника, и первыя два десятилѣтія считаются лучшимъ періодомъ ея жизни. И вотъ въ этотъ-то «лучшій періодъ», благодаря стараніямъ передоваго ея редактора, Бобылева, газета, находившаяся во всякомъ случаѣ въ несравненно лучшихъ условіяхъ, нежели остальные ея собратья въ провинціи, носила на себѣ слѣдующую вполне искусственную фізіономію, подкрашенную и разрисованную ловкой рукой ея руководителя.

«Мѣстная газета, то-есть «Кавказъ», — повѣтствуетъ г. Лесевичъ, — не была осуждена на хроническую агонію и не выводила дрожащую рукою рокового «обмокни», когда слѣдовало написать совсѣмъ иное слово; напротивъ того, она имѣла видъ доброй, живой, отчасти развязной, хотя нумера ея и «докладывались»; въ этомъ отношеніи она нисколько не походила на столь многіе провинціальныя органы печати, вѣчно дышащіе на ладанъ и представляющіе неизмѣнный контрастъ столичнымъ изданіямъ даже и въ такую пору, когда и эти изъ каждаго получаемаго пакета ожидаютъ вынуть отходную. Съ газетою «Кавказъ» было совсѣмъ не такъ: она звонко выводила гимнъ «отсталому» прогрессу въ то время, когда въ столицѣ былъ въ самомъ разгарѣ шумъ и словесная борьба. Въ этой чертѣ — ея исключительная особенность, и въ этой особенности проявленіе дѣйствительнаго «духа времени», обусловливавашаго своеобразность тактики ея вдохновителей. Нельзя сомнѣваться, конечно, что тактика эта была безконечно далека отъ мысли заслонить мѣстною газетою столичную прессу; надо думать скорѣе, что она руководилась своего рода идеаломъ «официальной» печати, а потому и не давала этой печати хода въ тотъ сложный лабиринтъ вновь и безпрестанно возникавшихъ вопросовъ, въ которомъ и сама, вѣроятно, плохо ориентировалась. Рамки «умѣренности и аккуратности», въ которыя была поставлена газета «Кавказъ», будучи окрашены въ розовый цвѣтъ, какъ будто бы представляли такое гармоническое цѣлое, которое именно и соответствовало официаль-

¹⁾ «Критико-біографическій словарь» С. А. Венгерова, т. 5.

ному идеалу, и въ самомъ дѣлѣ, если рамки были необходимы, то не было ли уже шага впередъ въ томъ, что онѣ символизировали мягкое благожелательство и поощреніе «чувствъ добрыхъ» читающей публики, а не то оскорбительно-глумящееся отношеніе, которое до того времени было далеко не рѣдкостью. Нечего и говорить, что если простой пересказъ того «говора», которымъ мыслящая часть русскаго общества «оглашала» отечество, не находилъ мѣста въ газетѣ и просто напросто игнорировался, то цѣлый рядъ событій большой важности, происходившихъ тогда на самомъ Кавказѣ, только регистрировался, а объ обсужденіи его не было и рѣчи».

Такова была фізіономія газеты, таковы были условія ея жизни, условія, какъ читатели могли убѣдиться, во всякомъ случаѣ скорѣе относительно благоприятныя, нежели печальныя. И что же эти условія позволяютъ сдѣлать редакціи на пользу общественную? Редакція иногда пускается въ отвлеченныя бесѣды о значеніе прогресса, мягко порицаетъ прошедшее, регистрируетъ текущія событія, но и ихъ не обсуждаетъ, совершенно умалчиваетъ объ умственныхъ теченіяхъ столичнаго общества и заслоняетъ тамошнюю шумную общественную жизнь водянистыми статьями реторическаго свойства. Это лучшее еще, что дѣлала и могла дѣлать официальная губернская пресса періода обновленія Россіи. При этомъ наслѣдствѣ она, въ лицѣ своихъ лучшихъ современныхъ представительныхъ органовъ, осталась и понынѣ. Худшее же было обрисовано, когда шла рѣчь о губернской официальной печати со словъ В. Г. Короленки. Сказаннымъ можно ограничиться въ изложеніи судьбы «Губернскихъ Вѣдомостей», чтобы уже болѣе къ этой темѣ не возвращаться. Теперь же обратимся къ провинціальнымъ газетамъ, возникшимъ въ реформаціонный періодъ русской жизни по частной инициативѣ.

V.

Я уже указалъ выше, что всѣ шестидесятые, семидесятые и отчасти восьмидесятые годы отмѣчены быстрымъ ростомъ провинціальной печати, которая успѣваетъ свить себѣ прочныя гнѣзда во всѣхъ главнѣйшихъ центрахъ страны. Въ интересахъ послѣдовательности я остановлюсь на разсмотрѣніи зарожденія этой печати по ея географическому мѣсторасположенію, начавъ съ дальняго востока и кончая западомъ.

Первой частной газетой въ Сибири явился «Амуръ»¹⁾, мысль о которомъ родилась въ нѣдрахъ кружка, образовавшагося при редакціи «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» изъ сотрудниковъ неофициальной части и нѣсколькихъ молодыхъ людей изъ передоваго купечества. Редакторомъ былъ избранъ Загоскинъ, и на его

¹⁾ Н. Ядринцевъ, «Сибирь какъ колонія», 2-е изд. 1892 года.

имя и было испрошено разрѣшеніе изданія. Названіе «Амуръ» было принято потому, что тогда все амурское было въ модѣ, отчасти потому, что въ газетѣ дѣйствительно предполагалось знакомить читателей съ невѣдомымъ дотолѣ Амурскимъ краемъ. Въ ней приняли участіе Петрашевскій, Шестуновъ, Горбуновъ и другіе; пристали сюда и дѣльные корреспонденты и новые сотрудники. «Муравьевъ,— какъ читаемъ мы въ книгѣ «Сибирь какъ колонія» со словъ В. Вагина,— повидимому, вполнѣ довѣрялъ редакціи газеты, такъ что подписывалъ цензурные листы, не читая. Но это только, повидимому, потому что стоило появиться не совсѣмъ благосклонной замѣткѣ объ Амурскомъ краѣ и о любимцахъ графа—разной лицейской молодежи,—какъ на авторовъ и редактора сыпались уже угрозы... Со вступленіемъ въ должность генераль-губернатора Корсакова дѣла газеты пошли хуже. Случалось, что цѣлые №№ надо было перепечатывать вновь! вмѣсто того, приказывалось печатать то, что, по мнѣнію редакціи, противорѣчило ея воззрѣніямъ. Такія распоряженія были явнымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла частнаго изданія и покушеніемъ вліять на его направленіе. Такое положеніе дѣлъ побудило Загоскина доложить Корсакову о невозможности при такихъ условіяхъ издавать газету, но получилъ отвѣтъ: «газета должна существовать», и назначилъ даже на ея поддержаніе казенную субсидію, но это не помогло дѣлу—сотрудники стали отпадать отъ газеты, форматъ ея уменьшался, и она стала хирѣть. Не удалось поднять изданія и второму ея редактору, Б. Милютину, и въ 1862 г. «Амуръ» по причинамъ матеріальнаго оскудѣнія окончилъ свое существованіе. «Амуръ»,—говоритъ Ядринцевъ,—до конца оставался вѣрнымъ своему девизу основывать свои сужденія «на началахъ науки и нравственности». Но публикѣ, за исключеніемъ Восточной Сибири, газета была мало извѣстна. Да и въ Сибири она имѣла мало подписчиковъ—въ лучшее время не болѣе 600. И едва ли «Амуръ» имѣлъ больше вліянія въ Сибири, чѣмъ «Иркутскія Губернскія Вѣдомости» за первое время; онъ былъ слишкомъ серьезенъ для большинства читателей. Поэтому и прекращеніе его осталось почти незамѣтнымъ».

Въ 1863 году зарождается мысль о созданіи новаго сибирскаго органа печати строго-областной окраски и сибирско-патріотическаго направленія, при содѣйствіи ряда молодыхъ литературныхъ дѣятелей, но этой мысли не дано было осуществиться. Только въ 1872—1874 г.г. этимъ дѣятелямъ удалось, было, пристроиться къ «Камско-Волжской газетѣ», но, на ихъ несчастіе, газета просуществовала всего лишь два года, и сотрудникамъ пришлось остаться безъ пристанища. Въ 1874 году, имъ, однако, удается приобрѣсти въ Иркутскѣ погибавшій отъ отсутствія подписчиковъ листокъ, подъ названіемъ «Сибирь», преобразовать ее въ настоящую газету и сдѣлать органомъ не одной восточной, но и всей Сибири. Издате-

лемъ-редакторомъ явился старѣйшій сибирскій писатель, В. И. Вагинъ, ближайшее сотрудничество принялъ на себя М. Загоскинъ. Газета «Сибирь», по словамъ Ядринцева, выступая въ краѣ отдаленномъ, при немногочисленныхъ читателяхъ, не могла задаться программой большихъ газетъ съ политическимъ оттѣнкомъ. Ея желанія и цѣли были самыя скромныя: она положила служить выраженіемъ мѣстныхъ нуждъ страны и выяснить тѣ вопросы, которые были на очереди въ общественной жизни края. Въ продолженіе 12 лѣтъ своего существованія она разрабатывала вопросы экономическіе края, при чемъ особенно выдвинула вопросъ объ изученіи крестьянства, вопросъ о положеніи земледѣльческой общины и насущныхъ интересахъ земледѣльческаго населенія. Далѣе газета выдвинула вопросъ о мѣстной промышленности, о кустарныхъ промыслахъ въ Сибири. Затѣмъ въ это время уже была признана польза и важность колонизаціи, поэтому вопросъ о переселеніяхъ въ Сибирь постоянно возбуждалъ вниманіе мѣстнаго органа, и въ немъ проводилась мысль о помощи переселенцамъ,—мысль, впоследствии осуществленная. Далѣе становился на очередь вопросъ инородческой, причемъ мѣстная печать разрѣшала этотъ вопросъ не въ смыслѣ вытѣсненія инородцевъ и ограниченія ихъ, но съ точки зрѣнія гуманнаго отношенія къ нимъ, поднятія ихъ культурнаго и умственнаго уровня. Разсматривая вопросъ золотопромышленный, мѣстный органъ посвятилъ немало статей положенію рабочихъ на приискахъ. Развитіе образованія и положеніе народныхъ школъ было также предметомъ многихъ статей, какъ и городское дѣло въ Сибири, причемъ при введеніи новаго городского положенія мѣстная печать дѣятельно поддерживала новыя начала въ городскомъ хозяйствѣ. «Сибирь» встрѣтила также радостнымъ привѣтствіемъ разрѣшеніе учредить мѣстный университетъ и въ первый же годъ начала посвящать статьи будущему высшему образовательному учрежденію, предвидя въ немъ могучій рычагъ обновленія окраины.

«Съ самаго начала газета «Сибирь» сформировала и сконцентрировала массу мѣстныхъ извѣстій и корреспонденцій,—говоритъ Н. Ядринцевъ.—Въ краѣ съ разными захолустьями, откуда до образованнаго міра не достигалъ человѣческій голосъ, куда не заглядывала ни одна ревизія, это было въ высшей степени важно и благотворно, такъ какъ въ корреспонденціяхъ часто гораздо точнѣе и безпристрастнѣе рисуется общая картина мѣстной жизни. Редакція особенно дорожила этимъ матеріаломъ. Разные углы отдаленнаго края, въ свою очередь, дорожили сношеніями съ газетой, и вотъ здѣсь завелась та внутренняя общественная солидарность между газетой и обывателемъ, которая служитъ залогомъ единенія печати съ обществомъ и которая дѣлаетъ изъ стаднаго существованія гражданское, осмысленное. Словомъ, эта мѣстная газета первая внесла духъ и идею въ сибирское общество, научивъ уважать печать и искать въ ней заявленій общественнаго мнѣнія. Какъ первый частный органъ, коснувшійся общественной жизни края, его зодъ, его рыцъ, его неустойчивость, накопленныхъ вѣками, понятно, такой органъ началъ подвергаться нападкамъ, упрекамъ и вызывалъ негодованіе среди тѣхъ элементовъ, которые заинтересованы были скрывать эти недостатки окраины».

Въ «Отечественныхъ Запискахъ» за 1881 годъ была напечатана любопытная статья Г. П. «Изъ исторіи провинціальной печати», гдѣ чрезвычайно обстоятельно обрисована судьба «Сибири» и гдѣ приведено не мало иллюстрацій къ тѣмъ «нападкамъ» и «негодованію», о которыхъ сказано у Ядринцева. Недостатокъ мѣста и тѣсныя рамки краткаго обзорѣнія не позволяютъ мнѣ привести этой многострадальной судьбы газеты полностью, во всѣхъ ихъ ужасающихъ подробностяхъ; ограничусь лишь наиболѣе существеннымъ.

«Первое несчастіе случилось при первыхъ же шагахъ новой редакціи, — читаемъ мы въ означенной статьѣ. — Только было въ Иркутскѣ, въ первыхъ числахъ іюня 1876 года, получено изъ Петербурга разрѣшеніе изданія «Сибири» подъ новой редакціей, какъ въ редакціи и у разныхъ лицъ, болѣе или менѣе соприкосновенныхъ съ нею, были сдѣланы обыски по подозрѣнію въ какомъ-то политическомъ преступленіи. Оказалось впоследствии, что какой-то господинъ изъ сосланныхъ за мошенничество, имѣвшій случай ознакомиться съ первыми приготовлениями къ изданію и узнавшій имена будущихъ сотрудниковъ, сочинилъ ложный доносъ, въ которомъ всю исторію организаціи новой редакціи представилъ въ видѣ основанія какого-то тайнаго противоправительственнаго общества. Обыски сдѣланы, письма отобраны, но въ нихъ ничего предосудительнаго не было найдено. Первый номеръ газеты не замедлил выйти, но все-таки эти обыски должны были заставить редакцію поудержаться отъ приглашенія къ началу работъ сотрудниковъ, находившихся вдали отъ Иркутска, и это не осталось, вѣроятно, безъ вліянія на полноту первыхъ номеровъ и на ходъ подписки. Этотъ обыскъ все-таки имѣлъ поводомъ доносъ; обстоятельство, прямо указывавшее на виновность редакціи; но потомъ администрація производила обыскъ въ редакціи, не имѣя на то никакихъ указаній; въ городѣ двумъ-тремъ лицамъ подброшены угрожающія письма, у сотрудниковъ газеты, особенно у г. Вагина и у г. Загоскина обыски; бѣгутъ изъ острога политическіе преступники — опять обыскъ у г. Вагина и у г. Загоскина и другихъ сотрудниковъ газеты. Но самыя крупныя несчастія выпали на долю этой газеты въ концѣ 1879 и началѣ 1880 года. И это случилось какъ разъ въ то время, когда денежные дѣла газеты стали было поправляться. До 1879 года, матеріальныя средства газеты были плохи; цѣна въ семь рублей на газету, дававшую одинъ полулистъ печатной бумаги въ недѣлю, была очень велика, почему подписка не могла быть значительна, а о пониженіи подписной цѣны нечего было и думать; главное управленіе по дѣламъ печати неохотно соглашалось на пониженіе цѣны на провинціальныя газеты. Плата за печать въ Иркутскѣ неизмѣримо высокая, поэтому редакція въ теченіе трехъ лѣтъ существованія газеты въ обыкновенномъ видѣ не могла собрать болѣе четырехъ тысячъ рублей. А, нужно еще замѣтить, что сотрудники въ большинствѣ случаевъ не получали никакого вознагражденія за свой трудъ. Всѣ трудились даромъ, рассчитывая на будущее; была мысль завести свою типографію, и она сдѣлалась цѣлью, которую редакція постоянно имѣла въ виду. Въ это-то время извѣстный своею любовью въ Сибири А. М. Сибиряковъ предложилъ заимобразно 17 тысячъ рублей на заведеніе типографіи при газетѣ «Сибирь». Сообразно съ обѣщанной суммой была куплена одна старая типографія въ Петербургѣ, пополнена новыми шрифтами и отправлена въ Иркутскъ. Она явилась на мѣсто къ 1-му января 1880 года. Неизвѣстно, почему-то коиторою г. Сибирякова были выданы не всѣ обѣщанныя деньги, а между тѣмъ покупка шрифтовъ и

типографскихъ станковъ была сдѣлана въ надеждѣ на полученіе полной суммы; поэтому, по прибытіи типографіи въ Иркутскъ, денегъ не хватило на расплату съ конторами транспортированія и на наемъ квартиры; пришлось затратить на это скопленные газетою за старые годы 4000 и всю подписку на новый 1880 годъ. Такимъ образомъ, опустошивъ до дна свой кошелекъ, издатель Нестеровъ все-таки поставилъ типографію, и съ 1-го января 1880 г. газета начала издаваться въ собственной типографіи. Такъ какъ съ первыхъ же поръ типографія стала получать достаточное количество заказовъ, чтобъ содержаться на свой счетъ, то можно было предвидѣть, что въ слѣдующемъ 1881 г. вся подписка останется свободною отъ затратъ на типографію и, такимъ образомъ, отъ 1000 подписчиковъ—столько ихъ было въ 1880 г.—редакція могла рассчитывать на 7.000; это давало надежду завести выдачу вознагражденія сотрудникамъ, что было необходимо въ видахъ улучшенія внутренняго содержанія газеты. Однако, этимъ надеждамъ не довелось осуществиться. Типографія сгорѣла въ мартѣ мѣсяцѣ, и всѣ надежды редакціи улетѣли съ дымомъ на воздухъ. Исторія пожара, само по себѣ бѣдствіе большое, осложнилась еще подозрѣніями политическаго свойства, что окончательно разстроило дѣла редакціи и даже надежду на возникновеніе газеты».

Надѣюсь, что читатели не въ претензіи на меня за длинную выдержку—она очень характерна, обрисовывая чрезвычайно обстоятельно злоключенія провинціальной газеты; здѣсь сконцентрировались самыя неблагопріятныя для издательскаго дѣла обстоятельства, и тѣмъ любопытнѣе они для насъ, когда мы сопоставимъ ихъ съ тою въ высшей степени полезною работою газеты, какъ ее намъ обрисовалъ Н. Ядринцевъ. Надъ этимъ сопоставленіемъ стоитъ призадуматься, и тогда намъ станетъ понятнымъ все ненормальное положеніе періодической печати въ провинціи, а также выяснится, какъ трудно ей выполнять свою просвѣтительную миссію и сколь осторожнымъ надо быть въ оцѣнкѣ достигнутыхъ ею результатовъ. Въ этомъ отношеніи примѣръ сибирской періодической печати изъ всей остальной областной для насъ чрезвычайно поучителенъ и характеренъ, почему я и рѣшаюсь еще задержать на ея судьбѣ вниманіе читателей.

Послѣ «Сибири» наиболѣе плодотворную и выдающуюся роль въ мѣстной жизни сыгралъ органъ Ядринцева «Восточное Обозрѣніе», выходившее сначала въ Петербургѣ и потомъ (1887 г.) перенесенное въ Иркутскъ. Объ этой газетѣ, ея судьбѣ, программѣ и роли здѣсь самого Ядринцева я уже имѣлъ случай говорить на страницахъ «Историческаго Вѣстника», почему сказаннаго и не буду повторять, а отсылаю интересующихся въ надлежащее мѣсто («Ист. Вѣстн.», 1894 г., кн. 8). Въ текущемъ году исполнилось 15-ти-лѣтіе жизни этой газеты, по какому случаю въ нынѣшней газетѣ «Сибирь», издаваемой и редактируемой г. К. Михайловымъ въ Петербургѣ, появились статьи, посвященныя исторіи «Восточнаго Обозрѣнія» и характеристикѣ ея основателя. Въ одной изъ такихъ замѣтокъ Г. Качерець говоритъ («Сибирь» 1897 г., № 39):

«Когда съ иркутскою газетою «Сибирь» случилось незабѣжное, то-есть когда на основаніи циркуляра и такъ далѣе она однажды не вышла, чтобы никогда

уже больше не выходитъ, Ядринцевъ перенесъ «Восточное Обзорніе» въ Иркутскъ. Это была ошибка. Сейчасъ же пошли въ игру мѣстные условія вообще и мѣстные условія печати въ особенности, и газета должна была принять видъ обыкновенной провинціальной газеты. Настоящее ядринцевское «Восточное Обзорніе» родилось и умерло въ Петербургѣ. Оно просуществовало около шести лѣтъ, съ апрѣля 1882 до конца 1887 года. Одиная работа Ядринцева, работа на всякій случай, вовсе не пропала даромъ. «Восточное Обзорніе» воспитало журналистовъ. За исключеніемъ одного или двухъ какихъ нибудь, съ позволенія сказать, «вѣстниковъ» или «вѣдомостей» вся сибирская пресса дышитъ традиціями, основы которымъ положило «Восточное Обзорніе», и всюду чувствуется рука учителя, котораго уже нѣтъ, но который и изъ-за гроба водить рукою своихъ учениковъ. Ядринцевъ горевалъ, что у него не будетъ преемниковъ, школы,— онъ одной только этой награды хотѣлъ за свои труды. Если бы онъ жилъ дольше, онъ видѣлъ бы зачатки школы, которую онъ создалъ. Заслуженныя награды всегда помертвы».

Пробужденію общественнаго самосознанія въ Сибири послѣ отмѣченныхъ газетъ немало содѣйствовала также «Сибирская Газета» (1881—1886 годовъ), посвятившая не мало статей вопросамъ о переселеніяхъ, просвѣщеніи, ссылкѣ, инородческому, крестьянскому и другимъ. Затѣмъ не малую роль сыграла въ окраинной жизни газета «Владивостокъ», посвятившая себя обсужденію амурскихъ дѣлъ и сообщавшая о морскомъ дѣлѣ на берегахъ Восточнаго океана. Газета эта, имѣя полуофіціальныя характеръ, успѣла за время своего почти 15-ти-лѣтняго существованія не мало послужить общественнымъ интересамъ. Особенно цѣнны статьи, посвященныя переселенческому дѣлу на Амурѣ. Къ началу 1892 года Сибирь обладала, включая сюда изданія официальныя («Губернскія Вѣдомости», «Епархіальныя Вѣдомости»), научныя (Записки Географическаго Общества и др.), справочныя и протокольныя, 30 изданіями. Подводя общій итогъ дѣятельности сибирской печати во всей ея совокупности, Ядринцевъ въ своей замѣчательной книгѣ «Сибирь какъ колонія» говоритъ: «При всѣхъ превратностяхъ мѣстная печать приносила огромную пользу краю, она содѣйствовала лучшимъ намѣреніямъ администраціи и пробуждала лучшіе инстинкты въ обществѣ. При всѣхъ затрудненіяхъ эта періодическая печать выдержала трудное время и хотя далеко не окрѣпла, но является нынѣ живою потребностью общества, удовлетворяя его насущнымъ нуждамъ, и устоявъ на своемъ посту въ теченіе 25 лѣтъ, оказала значительныя услуги общественному развитію».

VI.

Переходя изъ Сибири въ Европейскую Россію, мы должны остановиться на Поволжьѣ, какъ на одномъ изъ самыхъ крупныхъ центровъ сосредоточенія областной печати. Характеръ ея возникно-

венія, ея развитіе и общій *couleur local* уже въ значительной степени иной, чѣмъ на родинѣ Ядринцева, Потанина и др. сибирскихъ патріотовъ. Значеніе этой печати здѣсь менѣе боевое, но нѣкоторые моменты ея жизни, по произведенному въ столичной печати шуму, были наиболѣе видными изъ всей исторіи провинціальной прессы и поставили вопросъ о значеніи въ русской жизни областной печати вообще ребромъ.

Первою частною газетою Нижегородскаго Поволжья былъ «Нижегородскій справочный ярмарочный листокъ», издававшійся нѣкимъ Мельгуновымъ. Появленіе именно такого рода изданія на зарѣ волжской печати даетъ поводъ В. Короленкѣ¹⁾ привести слѣдующія соображенія относительно возникновенія здѣшней періодической прессы:

«Интересная черта къ исторіи областной печати,—говоритъ онъ:—повидимому, высшая администрація того времени смотрѣла на провинціальную газету, какъ на правдную затѣю, совершенно излишнюю и, пожалуй, вредную, причиняющую сверхмѣрные безпокойства цензурному вѣдомству. Поэтому добиться права на изданіе частной газеты въ провинціи въ то время было почти невозможно. Первые отступленія отъ этого общаго правила были сдѣланы въ пользу торгово-промышленныхъ интересовъ. Потребность въ органѣ «объявленій, биржевыхъ и другихъ справокъ» представлялась до такой степени осязательною и реальною, что отказать въ основаніи такого органа въ сколько нибудь крупномъ промышленномъ городѣ было почти невозможно. Вотъ почему заглавія «N-скій биржевой листокъ» или «N-скій листокъ справокъ и объявленій» являются прототипами провинціальныхъ газетъ въ первомъ періодѣ²⁾. Скоро, однако, сама жизнь указываетъ на то, что дѣйствительная потребность лежитъ совсѣмъ не здѣсь. Торгово-промышленные листки ведутъ самое жалкое существованіе, изданіе не занимаетъ даже бумаги и печати и владѣльцы обращаются съ жалобами-просьбами о расширеніи программы. Тогда передъ администраціей встаетъ другой «реальный интересъ»: издатель разорился и проситъ дать возможность вернуть затраты. Если этотъ понятный и осязательный мотивъ встрѣчаетъ признаніе, то слово «биржевой» или «справокъ и объявленій» начинаютъ печататься въ заголовкѣ все меньшимъ шрифтомъ, пока не атрофируются совершенно и пока изъ N-скаго биржеваго листка справокъ и объявленій не сдѣлается просто «N-скій листокъ», газета литературная и политическая». Если же почему либо просьбы оставляются безъ послѣдствій, то бѣдный органъ увядаетъ и падаетъ, какъ осенній листокъ, иссохшій отъ недостатка питанія, безъ живой связи съ почвой».

По указанному шаблону дѣйствительно и сложилась судьба «Нижегородскаго справочнаго ярмарочнаго листка». Торгово-промышленный классъ, не осязая въ немъ, однако, особой для себя пользы, оставался къ нему равнодушенъ, субсидія между тѣмъ не получалась, а всѣ ходатайства о расширеніи программы въ Петербургъ оставались безъ послѣдствій. Тогда Мельгуновъ обратился за содѣйствіемъ къ

¹⁾ «Сборникъ въ память А. С. Гацискаго», стр. 15.

²⁾ Это справедливо, впрочемъ, только относительно одного Волжскаго района.

Гацискому и Смирнову, какъ членамъ мѣстнаго статистическаго комитета и потому обладавшимъ нужными связями. Для оживленія умирающаго органа они сообща прибѣгли къ чрезвычайно сложной и запутанной комбинаціи, которая обрисована г. Короленкой такъ.

Съ 1863 года, Мельгуновъ по договору передаетъ свою газету статистическому комитету, какъ учрежденію официальному, которому очевидно легче было добиться расширенія программы. Затѣмъ губернской статистической комитетъ, по новому договору, сдаетъ газету Мельгунову въ аренду. И въ довершеніе всей этой юридической путаницы фактическое редакторство все-таки переходитъ къ А. С. Гацискому и А. Н. Смирнову, какъ членамъ статистическаго комитета. Эта невинная хитрость со стороны кружка мѣстныхъ писателей, имѣвшая очевидно цѣлью — провести первую частную газету подъ официальнымъ флагомъ, въ началѣ послужила несчастному листку на пользу. Цѣлый рядъ постепенныхъ ходатайствъ со стороны комитета, поддержанныхъ благосклоннымъ сочувствіемъ губернатора Одинцова, былъ уваженъ. Газета получала новый отдѣлъ за отдѣломъ, не исключая даже «политическихъ извѣстій», подъ условіемъ, однако, заимствованія таковыхъ изъ официальныхъ петербургскихъ изданій. Съ 20-го іюня 1870 года, Мельгуновъ, по ходатайству все того же губернскаго комитета, получаетъ разрѣшеніе откинуть эпитетъ «ярмарочный» и выпускать газету круглый годъ, а не въ ярмарочное только время.

Участь «Листка», однако, несмотря на связи Гацискаго, была не изъ Богъ вѣсть сколь удачливыхъ и, по словамъ г. Короленки:

«Уже съ конца 60-хъ годовъ отношеніе къ «Листку» измѣняется къ худшему. Въ цѣломъ рядѣ бумагъ на имя губернатора главное управленіе по дѣламъ печати отмѣчаетъ постоянныя погрѣшности газеты. То въ одной статьѣ «преувеличенно и тенденціозно» трактуется о бѣдности учащейся семинарской молодежи; то въ другой — какъ бы оправдывается народное пьянство ссылкой на изреченіе св. Владимира («веселіе есть Руси пити») и т. д. и т. д. Если вспомнимъ, что въ тѣ времена болѣе или менѣе безпрепятственно печаталось въ столичныхъ изданіяхъ, то самая ничтожность этихъ обвиненій покажетъ краснорѣчиво, что для областной печати существовали совершенно иныя мѣрки. Впрочемъ, гораздо проще дѣло объясняется нѣсколькими ироническими сентенціями, сопровождающими почти каждое изъ этихъ указаній. «Нельзя не замѣтить, что все это не входитъ въ утвержденную программу изданія». Дѣйствительно, несмотря на значительное, повидимому, расширеніе, программа «Листка» все-таки оставалась еще очень узкой, и статьи руководящаго характера, обзорнія и фельетоны проходили, только благодаря терпимости мѣстной цензуры. Теперь газетѣ показывали ясно, что впередъ она должна держаться строго въ предѣлахъ программы, а въ дальнѣйшемъ ея расширеніи отказывали категорически. Наконецъ, въ 1872 году (4-го іюля) послѣдовало совершенно точное и, къ сожалѣнію, довольно справедливое замѣчаніе, что изданіе частной газеты «обще-литературнаго и политическаго направленія» отнюдь не входитъ въ задачи губернскаго статистическаго комитета, почему и предлагается послѣднему окончательно выяснить отношенія свои къ изданію, не возобновлять съ Мельгуновымъ контракта и обратить газету въ дѣйствительный органъ комитета, для печатанія трудовъ послѣдняго».

Еще менѣе счастливо сложилась судьба другой волжской газеты въ началѣ 1860-хъ годовъ—«Рыбинскаго листка», издававшагося въ Ярославлѣ и для редактированія котораго былъ вызванъ изъ Петербурга тогда еще только-что начинавшій свою литературную карьеру, нынѣ извѣстный критикъ, А. М. Скабичевскій. Съ большимъ юморомъ повѣствуетъ онъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»¹⁾ объ этой курьезной газетѣ и времени ея редактированія, кончившемся въ 1864 г. цензурными неприятностями, истощеніемъ издательской казны купца Жукова и министерскимъ запрещеніемъ газеты изъ Петербурга. «Рыбинскій листокъ», конечно, никакой мало-мальски серьезной роли въ исторіи областной печати не сыгралъ, и самое его возникновеніе, какъ равно и его краткая жизнь должны быть отнесены къ числу курьезовъ изъ исторіи нашей областной прессы, курьезовъ скорѣе веселаго, нежели трагическаго характера.

Иной отпечатокъ носила на себѣ «Камско-Волжская газета», издаваемая въ Казани и явившаяся на аренѣ провинціальной литературной жизни первой газетой Поволжья съ болѣе или менѣе полной программой и располагавшей сложившимися и совершенно достаточными литературными силами. По удостовѣренію В. Г. Короленко, она велась талантливо и литературно и успѣла занять очень видное положеніе въ особенности пылкимъ, настойчивымъ, горячимъ и обстоятельнымъ выясненіемъ памятнаго Самарскаго голода въ 1873 г. Главное участіе въ ней принимали А. Гацискій, К. Лаврскій, Н. Ядринцевъ, а также тѣ писатели-сибиряки, которые оставались къ тому времени безъ редакціоннаго пристанища и безъ работы. Въ лицѣ «Камско-Волжской газеты» печать Поволжья дѣлала огромный шагъ, оставляя далеко позади тотъ типъ газеты, съ которой приходилось имѣть прежде дѣло Гацискому. Времена для областной печати явственнно назрѣвали быстро, и новая казанская газета показала, что провинціальный органъ можетъ играть очень важную и много опредѣляющую роль въ критическіе моменты мѣстной жизни. «Къ сожалѣнію,—говоритъ г. Короленко,—непривычка къ этой роли областной прессы была еще очень сильна, и то самое, что составляло силу газеты, послужило къ ея гибели. Уже въ 1874 г. цензура «Камско-Волжской газеты» была перенесена въ Москву. Разумеетсяъ, сообщать новости, которыя, ранѣе своего появленія, должны были предварительно съѣздить въ Москву и потомъ вернуться обратно,—это было равносильно гибели газеты. Издатель г. Агаѣоновъ, отправился въ Петербургъ и тамъ горячо изложилъ все практическое неудобство для изданія этого порядка цензуры. Покойный М. Н. Лонгиновъ выслушалъ очень холодно это объясненіе и отвѣтилъ сухо, что все это—для него совсѣмъ не новость. Агаѣоновъ понялъ, вернулся въ Казань, и юная газета была закрыта въ 1874 г., просуществовавъ только два года».

¹⁾ «Собраніе сочиненій», т. 2., гл. «Кое-что изъ моихъ воспоминаній».

«Камско-Волжская газета» сдѣлала добрый починъ къ основанію въ Поволжѣ періодической прессы, и вотъ въ теченіе уже первой половины 1870-хъ годовъ мы видимъ возникновеніе въ мѣстныхъ губернскихъ городахъ ряда газетъ и періодическихъ изданій—«Донъ» въ Воронежѣ, «Филологическія Записки» тамъ же, «Азовскій Вѣстникъ» въ Таганрогѣ, «Донская Газета» въ Новочеркасскѣ, «Волга» въ Саратовѣ и т. д.

Въ этотъ же періодъ и въ другихъ центрахъ провинціи возникаютъ газеты (въ Кіевѣ, Одесѣ, на Кавказѣ и пр.), такъ что самый фактъ развитія потребности въ областныхъ изданіяхъ и спросъ на нихъ со стороны мѣстнаго общества не долженъ бы былъ подвергаться сомнѣнію. Эта юная печать, пробивавшая себѣ право на существованіе и на мало-мальски назависимый голосъ въ вопросахъ мѣстныхъ нуждъ и потребностей, при столь трудныхъ условіяхъ, о коихъ выше было сказано уже достаточно, казалось бы, должна была только встрѣчать поддержку и одобреніе со стороны старшей по возрасту и болѣе счастливой по условіямъ жизни столичной печати. Однако, оказалось иначе, и въ Петербургѣ нашлась публицистическая рука, которая не постѣснилась бросить увѣсистый камень въ зеленѣющіе всходы областной періодической прессы. Инцидентъ вышелъ любопытный, чреватый послѣдствіями, и на немъ стоитъ остановиться подольше.

Въ 1875 т. въ Благосвѣтловскомъ «Дѣлѣ» была напечатана статья Д. Л. Мордовцева «Печать въ провинціи»¹⁾, и вотъ этой-то статьѣ и суждено было произвести весь шумъ и переполохъ. Исходя изъ положенія біологическаго характера, что «для большихъ рыбъ необходимы океаны, моря и очень большія рѣки», почтенный романистъ и публицистъ съ удивительной быстротой создалъ тутъ же немедленно и универсальный соціологическій законъ, что все выдающееся должно непременно стремиться къ крупнымъ центрамъ.

«Вотъ та страшная сила,—утверждалъ г. Мордовцевъ,—которая грозитъ провинціямъ еще большимъ измельченіемъ ихъ интересовъ, ихъ дѣятельности, которая налагаетъ и на ихъ будущее что-то оцѣняющее, отнимаетъ у нихъ надежды на равную съ крупными центрами долю участія на пиру избранныхъ всего человѣчества, наконецъ, подрываетъ вѣру въ возможность того идеальнаго равенства, о которомъ такъ много когда-то говорилось: вездѣ монополія крупной единицы, вездѣ преобладаніе выдающейся силы надъ массами и полное отрицаніе въ жизни идеальнаго принципа равенства. Эта же страшная сила налагаетъ свою руку и на будущее провинціализма во всѣхъ его видахъ—провинціализма національнаго, сепаративно-этнографическаго, сепаративно-политическаго и литературнаго. Въ свою очередь, и печать—отраженіе нравственнаго роста человѣчества—неизбѣжно должна пойти туда, куда поведетъ ее человѣкъ, а человѣка неотразаемая сила влечетъ изъ «глуши», изъ «деревни», изъ Саратова, къ центрамъ, къ большимъ городамъ, и влечетъ съ поражающею быстротою. Ясно, что и печать

¹⁾ Д. Л. Мордовцевъ, «Историческіе пропилен», ч. 2-я.

вмѣстѣ съ человѣкомъ будетъ тяготѣть къ центрамъ, городамъ, а провинціи должны оставаться вдовствующими во всѣхъ отношеніяхъ».

Статья г. Мордовцева, приводившая будущность провинціальной печати къ столь печальнымъ результатамъ, была главнымъ образомъ направлена противъ Гацискаго, успѣвшаго уже занять къ тому времени очень выдающееся положеніе среди литераторовъ-областниковъ и выступившаго въ издававшемся имъ ученомъ «Нижегородскомъ Сборникѣ» съ работой, гдѣ онъ такъ формулировалъ задачи областной печати:

«Насъ интересуеетъ мельчайшая этнографическая особенность, и мы готовы печатать все, что народный обычай выработалъ въ нижегородскомъ Поволжѣ, хотя бы это было извѣстно относительно быта костромичей и владимірцевъ. Насъ интересуеетъ собственная физиономія нижегородскаго Поволжья; мы уже видимъ ее, но только еще не ясно... намъ нужно знать не только то мѣсто, которое занимаетъ нижегородское Поволжье въ Поволжѣ вообще и въ Россіи, намъ нужны мельчайшія черты въ самомъ нижегородскомъ Поволжѣ; намъ нужно знать, чѣмъ отличается каждая отдѣльная мѣстность. На этомъ пути мы никогда не сойдемся съ этнографомъ-централистомъ, не потому, конечно, чтобы мы были враждебными другъ другу сторонами, наоборотъ—мы тѣснѣйшіе союзники, но только задачи наши хотя и сходны, но не однѣ и тѣ же; другими словами, мы идемъ въ одной и той же цѣли—отечествовѣднію въ самомъ широкомъ смыслѣ слова,—но только различными путями: централистъ-этнографъ требуетъ печатанія однихъ новыхъ матеріаловъ, находя, что печатаніе уже извѣстныхъ только увеличиваетъ его собственный трудъ, заваливая его массой лишняго матеріала... Мы же съ готовностью издали бы, если бы кто намъ доставилъ, сборникъ, напримѣръ, всѣхъ тѣснѣ, извѣстныхъ въ нижегородскомъ Поволжѣ, хотя бы $\frac{9}{10}$ изъ нихъ были давно изданы, такъ какъ намъ важно то, что представляетъ именно нижегородское Поволжье, которое мы считаемъ себя призванными изучать».

Въ полемической статьѣ г. Мордовцева, кромѣ желанія сбить съ позиціи Гацискаго и указать провинціальной печати ея мѣсто, много ниже столичной, у автора невольно проскальзываетъ въ статьѣ и желаніе возвеличить украинскихъ областниковъ и ихъ работу насчетъ великорусскихъ. Такъ или иначе, но статья г. Мордовцева произвела переполохъ въ провинціальной печати, вызвала рѣзкія отповѣди и втянула въ полемику цѣлый рядъ столичныхъ («Дѣло», «Отечественныя Записки», «Недѣля») и провинціальныхъ органовъ періодической прессы. Нѣкоторыя подробности ея, а также результаты, я считаю все-таки нужнымъ для полноты исторіи полемическаго инцидента привести здѣсь въ изложеніи В. Г. Короленки.

«Безъ сомнѣнія, всякому, кто пожелаетъ изучить настроеніе и главные теченія мысли въ 1870-хъ годахъ, этотъ полемическій эпизодъ доставляетъ очень много интереснаго и живого еще и нынѣ матеріала. —говоритъ онъ. Для насъ, однако, интересна сторона его, гдѣ онъ касается предмета настоящей статьи, то-есть судьбы провинціального слова... Въ этомъ отношеніи любопытны уже тѣ размѣры, какіе внезапно приняла полемика. Оказалось, что такъ или иначе, гдѣ ползкомъ, гдѣ ничкомъ, прямо или обходами и хитростями, провинціальная пресса все-таки за-

няла свое мѣсто въ русской жизни, и необыкновенный шумъ, раздавшійся послѣ статьи Д. Л. Мордовцева между прочимъ въ провинціи, обнаружилъ присутствіе, въ качествѣ живого и задорнаго факта, того самаго явленія, въ самой возможности котораго еще такъ недавно сомнѣвались даже писатели. Кромѣ столичныхъ газетъ, въ полемикѣ приняли участіе провинціальныя, начиная «Воронежскимъ Телеграфомъ» и кончая далекой «Сибирью». Казань выступила какъ разъ въ это время съ «Первымъ Шагомъ», заключавшимъ, между прочимъ, также и пылкую, хотя и нѣсколько наивную отвѣдь Д. Л. Мордовцеву, и послѣдній въ своемъ отвѣтѣ («Quos ego!», «Дѣло», 1876 г., кн. 5-я) приводитъ даже выдержки по тому же предмету изъ газеты «Правда», издававшейся въ Галиціи. А. С. Гацискій выступилъ въ свою очередь съ брошюрой «Смерть провинціи или нѣтъ», которая сразу заняла центральное положеніе среди голосовъ полемизировавшей провинціи и способствовала широкой извѣстности литературнаго имени А. С. Гацискаго въ гораздо большей степени, чѣмъ вся его предыдущая кропотливая работа. Въ этой брошюрѣ съ нѣкоторой умѣренностью, но въ другихъ изданіяхъ съ значительною рѣзкостью и задоромъ, пишущая провинція заявляла уже не только о своемъ правѣ голоса, но въ иныхъ случаяхъ о правѣ голоса преимущественнаго, какъ голоса областного, какъ выраженія непосредственной жизни страны,—«земли», вопіющей противъ канцелярской и бюрократической рутины столицъ. Провинціальныи писатель, въ душѣ котораго накопилось много горечи, далеко, разумѣется, не безпричинно,—теперь изливалъ ее, задѣтый обмолвкой Д. Л. Мордовцева, на ни въ чемъ неповиннаго столичнаго собрата. Въ этомъ, конечно, было много наивнаго. Между прочимъ, въ своей брошюрѣ А. С. Гацискій упоминаетъ объ одномъ изъ своихъ друзей, выражавшемъ готовность принести клятву Аннибала въ вѣчной враждѣ къ столичной прессѣ. «Литераторъ-обыватель» въ «Первомъ Шагѣ» звалъ самого Мордовцева доказать искренность своихъ симпатій къ областной прессѣ, бросивъ столицу для того, чтобы работать только въ провинціальныя изданія. Самъ А. С. Гацискій въ это время, да и послѣ, любилъ прибѣгать къ сравненію петербургскихъ писателей съ департаментскими чиновниками, а провинціальныя—съ «вожжскими бурлаками». Какъ бы то ни было, этотъ шумливый эпизодъ былъ уже послѣднимъ, въ которомъ вопросъ о правѣ провинціальной прессы на существованіе ставился принципиально. Д. Л. Мордовцевъ отступилъ передъ натискомъ, и еще нѣсколько лѣтъ назадъ напечаталъ въ газетахъ полупоканное обращеніе къ Гацискому, въ которомъ заявлялъ, что ошибся, что радуется своей ошибкѣ и даже (выражаясь своеобразнымъ полуархаическимъ стилемъ автора) имѣетъ «патентъ радованія», выданный ему благодушнымъ противникомъ А. С. Гацискимъ, пионеромъ все растущаго областного слова... Теперь едва ли нужно доказывать, что вопросъ о печати въ провинціи не есть вовсе исключительныхъ талантовъ. Рѣчь идетъ не о провинціальныя Шекспирахъ и Пушкиныхъ, потому что Шекспиръ и Пушкины по самому существу—явленіе всемірное въ одномъ, всероссійское — въ другомъ случаѣ. Если и несомнѣнно, что крупныя рыбы стремятся и будутъ стремиться въ моря, то несомнѣнно также, что и рѣки не остаются безъ своего населенія.

Полемиическій инцидентъ способствовалъ, такъ сказать, «много къ украшенію» областной прессы: она выиграла, несмотря на свои частныя оплошности, на задирчивость тона (папками закидаемъ!), поле сраженія, заручилась столичными союзниками и заставила о себѣ говорить. Въ ея лицѣ была признана общественная сила,

уже успѣвшая въ свой недолгій вѣкъ немало послужить родной области и процвѣтанію ея интересовъ. Главнымъ союзникомъ этой печати въ Петербургѣ, и притомъ союзникомъ преданнымъ и горячимъ, явилась «Недѣля» нынѣ покойнаго П. Гайдебурова, которая, можетъ быть нѣсколько грубо, не всегда съ должнымъ тактомъ и во время, но во всякомъ случаѣ очень искренно стала на защиту областной печати. «Недѣля», кажется, первый у насъ столичный органъ, который сталъ усиленно заниматься провинціальной прессой, положивъ этимъ самымъ основаніе тѣмъ провинціальнымъ обзорѣніямъ, которыя въ настоящее время можно встрѣтить почти во всѣхъ нашихъ журналахъ. Примѣру «Недѣли» въ особенности ревностно послѣдовалъ лѣтъ черезъ десять «Сѣверный Вѣстникъ», основанный А. М. Евреиновой, гдѣ была даже основана существующая и нынѣ журнальная рубрика въ областномъ отдѣлѣ «Изъ провинціальной печати». Примѣру «Сѣвернаго Вѣстника», когда здѣсь за послѣднее время нѣсколько ослабѣла эта рубрика, послѣдовалъ молодой журналъ «Новое Слово», который и въ рукахъ его основателей-народниковъ, и въ рукахъ марксистовъ усиленно занимался провинціальной печатью. Не отстаетъ отъ петербургскихъ журналовъ въ настоящемъ случаѣ и «Русская Мысль», въ которой особенно выдѣлялись въ свое время «Очерки русской жизни», составляемые покойнымъ Н. Шелгуновымъ главнымъ образомъ по матеріаламъ, почерпнутымъ именно изъ провинціальной прессы. Примирился съ послѣдней и Д. Л. Мордочевъ, который, какъ уже это отмѣтилъ В. Короленко, принесъ повинную Гацискому и который еще не такъ давно, вспоминая въ «Минскомъ Листкѣ» свой былой грѣхъ, громко воскликнулъ: «Да здравствуетъ провинціальная печать!»

Со времени шумной полемики прошло нынѣ двадцать лѣтъ: много воды утекло съ тѣхъ поръ, много красныхъ и сѣрыхъ дней видѣла за это время наша провинція, и многимъ пылкимъ мечтамъ суждено было кануть въ вѣчность, но за то одна мечта нашихъ областниковъ сбылась: провинціальная печать во всѣхъ губернскихъ центрахъ завоевала себѣ право гражданства и является дѣйствительной руководительницей мѣстнаго общества. Чтобъ покончить съ Поволжьемъ, скажу лишь, что здѣсь всѣ губернскіе города обладаютъ двумя, а иные и тремя и четырьмя газетами, составляемыми крайне разнообразно и съ успѣхомъ конкурирующими съ столичными органами: «Самарская Газета», «Самарскій Листокъ», «Саратовскій Дневникъ», «Саратовскій Листокъ», «Волгарь», «Волжскій Вѣстникъ», «Камско-Волжскій край», «Астраханскій Вѣстникъ», «Астраханскій Листокъ» — вотъ тѣ главнѣйшіе органы мѣстной печати, которые чрезвычайно полно и рельефно представляютъ собою нужды волжскихъ областей. Но, кромѣ значенія чисто-помѣстнаго, названныя газеты отражаютъ на себѣ и главнѣйшія умственные теченія, замѣчаемая въ современной русской жизни. Мы встрѣчаемся здѣсь и съ органами народ-

нической окраски, и съ окраской экономическаго матеріализма, и съ газетами, являющимися представителями интересовъ крупнаго купечества и стремящимися на первый планъ выдвинуть вопросы земской живни и земскаго самоуправления. Короче—волжская пресса вполнѣ примкнула по своимъ задачамъ и программамъ къ печати столичной, оставляя за собою еще нѣкоторый придатокъ областного характера.

VII.

Развитіе частной періодической печати на Кавказѣ не сопровождалось столь шумными полемиками, какъ это имѣло мѣсто въ Поволжьѣ; равнымъ образомъ не иллюстрировалась ея жизнь столь печальными и мрачными картинами, какъ это мы видѣли на примѣрѣ «Сибири». Область, населенная главнымъ образомъ инородцами, она и должна бы, въ отраженіи взглядовъ и интересовъ послѣднихъ, быть разсматриваема подъ угломъ зрѣнія именно изданій, выходящихъ на туземныхъ языкахъ, но разсмотрѣніе туземныхъ изданій не входитъ въ задачи настоящаго очерка. Что же касается кавказскихъ изданій, то они географически распредѣляются слѣдующимъ образомъ: Сѣверный Кавказъ снабженъ изданіями очень слабо. Лучшей газетой здѣсь считается «Сѣверный Кавказъ», гдѣ принимали прежде участіе и столичные писатели; лучше снабжено Закавказье, гдѣ въ одномъ Тифлисѣ издаются нынѣ три русскихъ газеты—«Кавказъ», «Новое Обзорѣніе» и «Тифлисскій листокъ», а въ Баку газета «Каспій», имѣющая довольно широкій кругъ читателей и хорошо снабженная мѣстными торговыми объявленіями. Газета «Кавказъ» собственно изданіе казенное, но сдаваемое въ аренду частнымъ лицамъ, по выбору отъ правительства. Въ настоящее время она находится въ рукахъ извѣстнаго поэта Величко, на долю котораго выпало поднять эту нѣсколько упавшую газету и сдѣлать ее оплотомъ противъ слишкомъ уже рѣзкихъ нападокъ на Россію со стороны туземцевъ-сепаратистовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ среди довольно безцвѣтной кавказской прессы выдѣлялось «Новое Обзорѣніе», находившееся въ рукахъ даровитаго бывшаго петербургскаго писателя Николадзе, который велъ здѣсь чрезвычайно бойкія и вмѣстѣ съ тѣмъ обстоятельныя обзорѣнія по вопросамъ 'внѣшней политики. Съ именемъ г. Николадзе для кавказской періодической печати соединяются воспоминанія о значительныхъ цензурныхъ заурядненіяхъ и о борьбѣ съ ними послѣдними, когда этимъ публицистомъ въ 1878 г. была основана газета «Обзоръ». Статьи., здѣсь помѣщаемыя самимъ г. Николадзе, вскорѣ обратили на себя вниманіе властей своимъ рѣзкимъ тономъ, такъ что уже съ 1880 г. газета подвергается усиленнымъ карамъ и запрещенію, благодаря которымъ «Обзоръ» въ теченіе 1880 г. выходилъ только въ теченіе полугода, а въ послѣдую-

ще три года, вплоть до окончанія своего существованія, всего лишь по одному номеру въ годъ.

Поднимаясь съ Кавказа на сѣверъ, въ область южной Россіи, мы на первыхъ же порахъ встрѣчаемся съ чрезвычайно распространенной на югѣ большой газетой «Приазовскій Край», издаваемой въ Новочеркасскѣ г. Артюновымъ, являющейся типичнымъ областнымъ органомъ, съ массой мѣстныхъ корреспонденцій и серьезными статьями по вопросамъ земской жизни. Къ западу и юго-западу отъ Новочеркасска провинціальная пресса лучше всего представлена въ трехъ университетскихъ центрахъ—Харьковѣ, Одессѣ и Кіевѣ.

О зарожденіи періодической печати на югѣ, въ лицѣ «Одесскаго Вѣстника», мною было уже говорено, когда шла рѣчь объ официальной печати. Возникновеніе же частной печати относится главнымъ образомъ къ шестидесятымъ годамъ и не представляетъ собою какихъ нибудь особенно выдающихся моментовъ, съ полною ясностью отразившихъ бы на своей судьбѣ настроенія умовъ юга. Наиболѣе любопытное настроеніе, извѣстное подъ названіемъ «украинофильства», не имѣло на югѣ представительства въ какомъ нибудь опредѣленномъ періодическомъ органѣ и почти цѣликомъ сосредоточивалось въ «Основѣ», издавшейся, однако, въ Петербургѣ и отчасти «Кіевскомъ Телеграфѣ». Провинціальная цензура строго слѣдила за развитіемъ политическихъ идей и не давала мѣстнымъ публицистическимъ перьямъ въ этомъ отношеніи особеннаго простора и размаха. Тенденціи политическаго свойства скорѣе всего поэтому находили себѣ отраженіе не въ газетѣ, а въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, этнографическихъ сборникахъ и вообще въ отдѣльныхъ книгахъ и изданіяхъ. Но если украинофильство не нашло себѣ основательной поддержки въ періодической печати юга, зато еврейскій вопросъ явился тѣмъ знаменемъ, которое составило, такъ сказать, карьеру одному изъ южныхъ изданій. Я разумѣю «Новороссійскій Телеграфъ», явившійся первой частной газетой въ Одессѣ съ ярко выраженнымъ антисемитскимъ направленіемъ.

Въ настоящее время Одесса и Харьковъ очень недурно вооружены всякаго рода періодическими изданіями, какъ общественнаго характера, такъ и спеціально-научнаго и справочнаго. Въ Харьковѣ, на примѣръ, издается 16 періодическихъ изданій¹⁾, въ числѣ которыхъ «Южный Край», ежедневная политическая газета, пользуется на мѣстѣ большимъ вліяніемъ и авторитетомъ. Еще лучше организовано издательское дѣло въ Одессѣ, гдѣ насчитывается 23 періодическихъ изданія и три большихъ политическихъ газеты—«Новороссійскій Телеграфъ», о коемъ сказано выше, «Одесскія Новости» и «Одесскій Листокъ». Послѣднія двѣ газеты, конкурирующія между собою, издаются съ

¹⁾ Свѣдѣнія взяты изъ «Русскаго календаря» Суворина на 1898 г.

большою роскошью, въ высшей степени разнообразно и свободно замѣняютъ собою столичные органы печати. Къ сожалѣнію, одесскія газеты слишкомъ заняты вопросомъ конкуренціи и полемики, что крайне неблагоприятно отражается на ихъ руководствѣ умами обывателей. Въ «Одесскихъ Новостяхъ» принимаютъ ближайшее участие многіе изъ представителей петербургской журналистики— Далинъ-Линевъ, Гр. Градовскій, Л. Оболенскій и др. Нарожденіе и развитіе одесской печати, насколько извѣстно, не сопровождалось особенными потрясеніями и борьбою за право существованія.

Болѣе интересно для судьбы русскаго просвѣщенія сложилась организація кievской повременной печати. Здѣсь 29 періодическихъ изданій, изъ коихъ на долю частной инициативы и собственности выпадаютъ три большихъ газеты. Двѣ изъ нихъ имѣютъ болѣе или менѣе широкое распространеніе и обладали въ разныя времена вліятельнымъ голосомъ не только въ вопросахъ областныхъ, но и оказывали косвенное вліяніе на нѣкоторыя стороны нашей русскаго общественной жизни, особенно въ вопросахъ внутренней и финансовой политики. Я говорю о «Кіевлянинѣ»¹⁾ и «Кіевскомъ Словѣ»²⁾. Первый періодическій органъ выходитъ съ 1864 г. ежедневно; основателемъ его былъ профессоръ Шульгинъ, который и редактировалъ газету вплоть до своей смерти (1878 г.). Основною задачею своего изданія газета поставила борьбу съ «польскою интригою» въ юго-западномъ краѣ и защиту принциповъ того, что принято называть «официальною народностью». «Кіевлянинъ» при Шульгинѣ былъ чѣмъ-то въ родѣ кievскихъ «Московскихъ Вѣдомостей», а редакторъ его слылъ подъ именемъ кievскаго Каткова. На ряду съ «польскою интригою» газета усиленно боролась съ украинофильствомъ, въ которомъ усматривала «сепаратизмъ». Во многихъ частныхъ вопросахъ, впрочемъ, — какъ сказано въ словарѣ «Брокгауза», — редакторъ не забывалъ идеалы первой половины своей литературной дѣятельности. Такъ, напримѣръ, обсуждая развитіе въ краѣ поземельнаго и промышленнаго кредита, «Кіевлянинъ» едва ли не первый указалъ на важность мелкаго сельскаго кредита, краткосрочнаго и поземельнаго; онъ настаивалъ также на необходимости широкаго развитія народной школы. Со смерти Шульгина редакция газеты перешла въ руки его постояннаго и близкаго сотрудника, Д. И. Пихно. Газета въ общемъ и при новой редакціи сохранила свой прежній характеръ, съ тою только особенностью, что въ ней большое вниманіе удѣляется вопросамъ новой финансовой политики, къ которой газета относится иногда отрицательно.

Что касается «Кіевскаго Слова», то оно основано было въ 1886 г. и по направленію представляетъ органъ умѣренно-консервативный. Особенное вниманіе обращено здѣсь на сельское хо-

¹⁾ «Энциклопедическій словарь» Брокгауза и Ефрова, вып. 29. ²⁾ Тамъ же. 21*

зайство, свеклосахарную промышленность, лѣсоводство и т. п. отрасли промышленности. Въ разработкѣ вопросовъ желѣзно-дорожнаго хозяйства вообще и тарифовъ въ частности, а также въ вопросахъ національной экономіи, здѣсь прежде принималъ дѣятельное участіе нынѣшній министръ финансовъ С. Ю. Витте, когда онъ еще состоялъ на службѣ общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Собственникомъ газеты и ея вдохновителемъ состоитъ А. Я. Антоновичъ, бывший профессоръ университета св. Владимира и бывший товарищъ нынѣшняго министра финансовъ. Въ настоящее время «Кіевское Слово» по нѣкоторымъ вопросамъ стоитъ въ отрицательномъ положеніи къ современной финансовой политикѣ.

Изъ этихъ двухъ характеристикъ, сдѣланныхъ согласно указаніямъ «Энциклопедическаго словаря», мы видимъ, что обѣ названныя кіевскія газеты удѣляютъ особенно много вниманія вопросамъ экономическимъ и финансовымъ. Значеніе этого обстоятельства приобретаетъ особенную силу, если мы вспомнимъ, что два министра финансовъ: и покойный Н. Х. Бунге и благополучно-здравствующій С. Ю. Витте, по своимъ связямъ и бывшей служебной карьерѣ почти цѣликомъ принадлежатъ г. Кіеву. Благодаря этому, кіевская пресса имѣла иногда возможность почерпнуть свои свѣдѣнія по вопросамъ финансовымъ изъ вполне освѣдомленнаго и цѣннаго первоисточника и иногда, ранѣе даже столичной печати, сообщала читателямъ самыя свѣжія новости и слухи изъ этой области. Вотъ почему въ сонмѣ остальныхъ провинціальныхъ органовъ и «Кіевлянинъ» и «Кіевское Слово», какъ газеты, близкія къ департаментамъ министерства финансовъ, особенно выдѣлялись своими экономическими обзорѣніями и передовицами по финансовымъ вопросамъ. Обѣ газеты, содѣйствовавшія проникновению въ мѣстную провинціальную среду по большей части консервативныхъ взглядовъ, не вызывали противъ себя особенныхъ неудовольствій администраціи, и исторія ихъ жизни въ общемъ протекала до сихъ поръ мирно и благополучно. Далеко не тѣмъ же благополучіемъ отмѣчена судьба другого несуществующаго нынѣ кіевского органа, прекратившаго свое существованіе въ 1876 г., «Кіевского Телеграфа». Редакція этой газеты состояла въ дружескихъ отношеніяхъ къ «украинскимъ» теченіямъ помѣстной жизни и дѣлала кое-какія попытки отстаивать специально-областные интересы Малороссійскаго края. Такое направленіе редакціонной программы послужило газетѣ на гибель, и она сошла съ жизненной сцены, не оставивъ по себѣ въ отношеніи традицій никакого замѣстителя.

Періодическая печать въ Привислянскомъ краѣ въ ея историческомъ прошломъ и современномъ состояніи обрисована довольно обстоятельно А. А. Сидоровымъ ¹⁾ и представляется намъ въ слѣдующихъ чертахъ и въ слѣдующихъ моментахъ своего развитія.

¹⁾ А. А. Сидоровъ. Историческій очеркъ русской печати въ Привислянскомъ краѣ. Варшава. 1896 г.

Въ 1838 году, начала издаваться въ Варшавѣ на русскомъ и польскомъ языкахъ «Официальная газета». Она явилась взамѣнъ «Всеобщаго Дневника» («*Dziennik Powszechny*»), бывшего правительственнымъ органомъ въ царствѣ Польскомъ съ 1820 до 1838 г. и печатавшася на одномъ польскомъ языкѣ. До 1829 года правительственнымъ органомъ въ царствѣ былъ «Мониторъ Варшавскій», выходившій, конечно, на одномъ польскомъ языкѣ. «Официальная газета» состояла въ непосредственномъ завѣдываніи главнаго директора комиссіи внутреннихъ и духовныхъ дѣлъ. Кромѣ распоряженій правительства и казенныхъ объявленій, въ ней излагались извѣстія изъ иностранной жизни, но отдѣла хроники мѣстной жизни въ ней не было.

Въ 1842 г., П. Дубровскій приступилъ къ изданію два раза въ мѣсяцъ журнала «Денница» («*Jutrzenka*») на русскомъ и польскомъ языкахъ при участіи русскихъ (напр., Срезневскаго) и нѣкоторыхъ польскихъ славистовъ. Въ ней участвовали также Шафарикъ, Ганка и хорватскій поэтъ Вразъ. Журналъ ставилъ своею задачею сближеніе славянъ вообще и русскихъ съ поляками въ частности на научно-литературной почвѣ. Кромѣ научныхъ статей, въ немъ помѣщались беллетристическія произведенія и стихи. «Денница» была встрѣчена большинствомъ поляковъ враждебно. Она прекратилась въ 1843 году.

Послѣ смерти кн. Паскевича, послѣдовавшей въ началѣ 1856 г., значеніе русскаго языка въ Привислинскомъ краѣ стало падать, а когда въ 1861 г. приобрѣлъ вліяніе на дѣла въ Привислинѣ маркизъ Велепольскій, русскій языкъ сталъ изгоняться изъ дѣлопроизводства правительственныхъ учрежденій и учебныхъ заведеній. По предложенію маркиза, въ 1861 г., «Официальная газета» была упразднена, и ея мѣсто занялъ воскресшій «*Dziennik Powszechny*» («Всеобщій Дневникъ»), печатавшійся на одномъ польскомъ языкѣ. Въ 1864 году, послѣ усмиренія послѣдняго польскаго возстанія въ Привислинскомъ краѣ, послѣдовало высочайшее повелѣніе объ упраздненіи «*Dziennik'a Powszechn'ago*» и учрежденіи вмѣсто него двухъ официальныхъ органовъ для царства Польскаго «Варшавскаго Дневника» на русскомъ языкѣ и «*Dziennik'a Warszawsk'ago*» на польскомъ, а къ обѣимъ этимъ газетамъ прилагалось особое прибавленіе, въ которомъ печатались на русскомъ и польскомъ языкахъ высочайшіе указы и повелѣнія. Обѣ газеты состояли въ завѣдываніи директора «Обоихъ Дневниковъ», на каковую должность былъ назначенъ одинъ изъ пионеровъ русскаго печатнаго слова въ Привислинскомъ краѣ, Н. И. Павлицевъ, авторъ «Седмиць польскаго мятежа 1863 г.», причемъ оба «Дневника» имѣли по отдѣльному редактору, и редакторомъ русскаго «Дневника» состоялъ Л. Павлицевъ, сынъ Н. Павлицева. «Варшавскій Дневникъ», находясь въ завѣдываніи Н. Павлицева, пользовался успѣхомъ и заключалъ

въ себѣ интересный матеріалъ по польскому вопросу, разработавшемуся тогда въ «Дневникѣ» съ общеславянской точки зрѣнія; особенно интересны печатавшіяся въ немъ въ то время статьи о возстаніи 1863 г. (напримѣръ, статьи самого Н. Павлицева и М. П. Устимовича) и о послѣдовавшихъ послѣ возстанія реформахъ.

Въ 1870 г. съ уходомъ Н. И. Павлицева должность директора «Варшавскихъ Дневниковъ» была упразднена, а равно отдѣльныя должности редакторовъ русскаго и польскаго «Дневниковъ», и во главѣ обѣихъ газетъ былъ поставленъ одинъ общій редакторъ. Эту должность занялъ извѣстный поэтъ-переводчикъ П. И. Вейнбергъ, состоявшій въ то время профессоромъ русской словесности въ Варшавскомъ университетѣ. При Вейнбергѣ въ составъ редакціи русскаго «Варшавскаго Дневника» вошла В. И. Писарева, которая ведетъ въ немъ отдѣлъ иностранной политики по сіе время. Съ 1874 года «Варшавскій Дневникъ» перешелъ въ руки тогдашняго лектора русскаго языка въ Варшавскомъ университетѣ, Н. В. Берга, автора «Записокъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ» и переводчика Мицкевича. Со вступленіемъ его въ должность редактора «Варшавскаго Дневника» русскій и польскій «Дневники» были слиты въ одну газету, причемъ официальная часть печаталась на русскомъ и польскомъ языкахъ, а неофициальная на одномъ русскомъ, но редакціи было предоставлено право статьи второй части, какія она найдетъ нужнымъ, помѣщать съ польскимъ переводомъ. При Н. В. Бергѣ «Варшавскій Дневникъ» не имѣлъ успѣха. Русскіе, которыхъ въ то время было уже довольно много въ Варшавѣ, жаловались на скудость содержанія «Дневника». Вслѣдствіе этого явилась мысль основать въ Варшавѣ русскую частную газету. Осуществленіе этой мысли приняли на себя В. А. Яковлевъ, профессоръ Варшавскаго университета и вмѣстѣ съ тѣмъ редакторъ неофициальной части «Варшавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», и М. Е. Тереховъ. Съ 1-го января 1878 г. они стали издавать ежедневную газету «Западную Почту». Въ началѣ 1879 г. изданіе ея перешло къ нѣкому Нестерову, который издавалъ ее очень короткое время. Вскорѣ послѣ прекращенія ея, назначенный въ 1879 г. варшавскимъ генераль-губернаторомъ генераль-адъютантъ П. П. Альбединскій пригласилъ въ редакторы «Варшавскаго Дневника» князя Н. Н. Голицына, при которомъ одно время сотрудничалъ въ «Дневникѣ» извѣстный публицистъ К. Н. Леонтьевъ. Сначала «Варшавскій Дневникъ» подъ редакціей князя Голицына имѣлъ большой успѣхъ, но къ концу 1881 г. газета стала падать отчасти вслѣдствіе неумѣнья князя распоряжаться деньгами, что вызвало уходъ нѣкоторыхъ сотрудниковъ, отчасти же потому, что такъ называемая «примирительная» политика генерала Альбединскаго, глашатаемъ и защитникомъ которой былъ князь Голицынъ, стала терять довѣріе. Редактируя «Варшавскій Дневникъ», князь Голицынъ

удалилъ, какъ изъ официальной, такъ и изъ неофициальной части ея, польскій языкъ. Занявшій въ 1883 году послѣ смерти генерала Альбединскаго постъ варшавскаго генераль-губернатора генераль-фельдмаршалъ І. В. Гурко назначилъ въ концѣ 1883 года вмѣсто князя Голицына редакторомъ «Варшавскаго Дневника» П. К. Щебальскаго, сотрудника «Московскихъ Вѣдомостей» и «Русскаго Вѣстника». Являясь выразителемъ объединительной политики І. В. Гурко, «Варшавскій Дневникъ» при П. К. Щебальскомъ имѣлъ значительный успѣхъ. Въ концѣ 1885 и въ началѣ 1886 года «Дневникъ» временно редактировался вслѣдствіе болѣзни Щебальскаго В. В. Чистяковымъ, главнымъ сотрудникомъ этой газеты при П. К. Щебальскомъ. Щебальскій умеръ въ мартѣ 1886 года, и послѣ его смерти временнымъ редакторомъ былъ назначенъ А. П. Наумовъ, а съ мая 1866 года «Дневникъ» поступилъ подъ редакцію извѣстнаго слависта, профессора П. А. Кулаковскаго, разработывавшаго польскій вопросъ въ «Варшавскомъ Дневникѣ», съ общеславянской точки зрѣнія. При П. А. Кулаковскомъ ближайшее участіе въ газетѣ принималъ А. Д. Давидовичъ, ранѣе сотрудникъ «Вилenskaго Вѣстника», «Московскихъ Вѣдомостей» и «Руси». Профессоръ Кулаковскій пробылъ редакторомъ по октябрь 1892 года, когда его смѣнилъ извѣстный беллетристъ Вс. В. Крестовскій, умершій 18-го января 1895 года. Съ этого дня по 1-е апрѣля 1895 года «Дневникъ» временно редактировался М. П. Устимовичемъ, а съ 1-го апрѣля 1895 года по настоящее время редакторомъ его состоитъ А. Т. Тимановскій. Кромѣ «Варшавскаго Дневника» теперь выходятъ въ Варшавѣ слѣдующія повременныя изданія на русскомъ языкѣ: «Холмско-Варшавскій Епархіальный Вѣстникъ» (съ 1875 года), «Варшавскія Университетскія Извѣстія» (съ 1870 года), «Записки Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства» (посадъ Новая Александрія въ 70 верстахъ отъ Варшавы), «Русскій Филологическій Вѣстникъ» (съ 1878 года), «Архивъ психіатріи и судебной медицины», народный журналъ «Бесѣда», «Варшавскія Губернскія Вѣдомости», «Варшавская Полицейская Газета» (съ польскимъ текстомъ en regard), «Подробный бесплатный адресный указатель коммерческихъ фирмъ» (тоже съ польскимъ текстомъ en regard), «Желѣзнодорожный Курьеръ» (на русскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и англійскомъ языкахъ; редакторъ — Фельзенгартъ). Первымъ редакторомъ «Холмско-Варшавскаго Епархіальнаго Вѣстника» былъ протоіерей Корженевскій, а затѣмъ былъ назначенъ протоіерей Ковальницкій, состоящій редакторомъ до сихъ поръ. Въ «Вѣстникѣ» за время его существованія напечатанъ рядъ изслѣдованій о памятникахъ древняго православія и русской старины въ Забужной Руси. Варшавскій университетъ, кромѣ «Университетскихъ Извѣстій», ежегодно издаетъ «Актовыя книги» и время отъ времени труды своихъ лабораторій. Народный журналъ «Бесѣда»

издается при канцеляріи варшавскаго генераль-губернатора съ 1885 г. и выходитъ 2 раза въ мѣсяць. Первымъ редакторомъ его былъ Н. Харламовъ, а съ 1889 года состоитъ В. А. Логиновскій. Журналъ основанъ съ цѣлю доставлять полезное чтеніе крестьянамъ Забужной Руси, рабоблачать латино-польскую пропаганду и выяснять кровную связь Забужья съ остальною Русью. Въ первые годы изданія въ немъ помѣщались почти исключительно статьи религіознаго, нравственно-поучительнаго и историческаго содержанія. Въ послѣднее время съ увеличеніемъ объема журнала, въ немъ помѣщается также не мало статей по сельскому хозяйству. «Варшавскія Губернскія Вѣдомости» печатаются на русскомъ языкѣ съ 1866 года. Въ настоящее время неофициальная часть ихъ издается 2 раза въ недѣлю. Въ остальныхъ 9 губерніяхъ Привислянскаго края «Губернскія Вѣдомости» издаются на русскомъ языкѣ съ 1866 и 1867 годовъ. Неофициальная часть «Люблинскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» теперь выходитъ ежедневно и редактируется г. Колосовымъ.

VIII.

Я разсмѣтрѣлъ въ предыдущихъ главахъ возникновеніе и развитіе официальной и частной прессы по ея главнымъ центрамъ сосредоточенія, откуда получается тотъ непосредственный выводъ, къ коему еще въ 1890 пришелъ обозрѣватель провинціальной печати въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» ¹⁾, а именно, что всѣ провинціальныя изданія распредѣляются крайне неравномѣрно по всему пространству Россіи. Они скопляются главнымъ образомъ тамъ, гдѣ обнаруживается больше жизни. «Если вы возьмете, — говоритъ обозрѣватель журнала, — за исходный пунктъ Астрахань, подымитесь по Волгѣ до Нижняго-Новгорода, затѣмъ круто повернете на Воронежъ, отсюда на Орель, Смоленскъ, прихватите Минскъ и снова сдѣлаете крутой поворотъ къ югу на Житомиръ, Кишеневъ и упретесь, наконецъ, въ Одессу, затѣмъ берегомъ Чернаго моря и по Кавказскому хребту снова достигните Каспійскаго моря — такъ вотъ очерченная вами такимъ образомъ площадь и служить средоточіемъ почти всей наличной провинціальной публицистики. На сѣверъ (не говорю, конечно, о столицахъ), востокъ и западъ, — дѣло идетъ о русской публицистикѣ, — открывается почти сплошная литературная пустыня. Кое-гдѣ на востокъ мерцаютъ огоньки: въ Екатеринбургѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Иркутскѣ и, наконецъ, Владивостокѣ. Такимъ образомъ, вся наша провинціальная литература, говоря общимъ образомъ, растетъ на черноземѣ и прилегающихъ къ нему мѣстностяхъ».

¹⁾ 1890 г., № 1.

Въ общемъ эта проведенная литературно-раздѣльная линия сохраняетъ свою силу и по наши дни, какъ равно (съ незначительнымъ измѣненіемъ въ пользу специальныхъ органовъ) остается дѣйствительной слѣдующая постепенность распредѣленія периодической печати: на первомъ планѣ стоятъ изданія официальные («Губернскія Вѣдом.» и «Епархіальн. Извѣст.»), которыя занимаютъ почти 40 проц. мѣста, затѣмъ уже идутъ частныя, которыя, въ свою очередь, распадаются на слѣдующія группы: общелитературные органы, ученые, справочные, городскіе и полицейскіе, профессиональные техническіе, сельско-хозяйственные и, наконецъ, земскіе. Въ теченіе второй половины 1880 и первой 1890 годовъ, когда разрѣшеніе на изданіе обще-литературныхъ органовъ было очень затруднено, замѣчался особенно сильный ростъ изданій специальныхъ — ученыхъ и техническихъ; въ послѣднее же время замѣчается ростъ изданій сельско-хозяйственныхъ и земскихъ. По поводу развитія этихъ послѣднихъ въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» за текущій годъ ¹⁾ напечатана чрезвычайно характерная замѣтка, г. Владимірцова, какъ нельзя лучше ставящая насъ лицомъ къ лицу съ дѣятельностью инициаторовъ земской прессы, съ условіями ея существованія и ея потребности.

Стремленія земствъ обзавестись собственными органами печати замѣчаются нынѣ во многихъ мѣстахъ: хлопочетъ объ оживленіи своего «Вѣстника» земство ярославское, хлопочетъ о созданіи мѣстнаго органа печати и земство олонецкое. Послѣднее было подвинуто къ этому губернаторомъ, который взглянулъ на вопросъ широко и съ просвѣщенной точки зрѣнія. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ начальники губерній смотрятъ на развитіе провинціальной частной печати благосклонно, что, конечно, не служитъ на пользу ея процвѣтанія и быстрого роста. Газета «Народъ» приводитъ по настоящему предмету любопытныя слова одного губернатора и противоположныя мнѣнія другихъ двухъ. Въ № 144 текущаго года мы читаемъ здѣсь:

«Развитіе провинціальной печати, — сказалъ губернаторъ сотруднику народждавшагося органа. — я считаю вѣрнѣйшимъ признакомъ соотвѣтствующаго развитія самосознанія и самостоятельности общества. Печатное слово вообще, а въ провинціи въ особенности, служитъ лучшимъ помощникомъ администраціи, какъ по выясненію нуждъ населенія, поднятія его благосостоянія, такъ и въ борьбѣ съ нежелательными явленіями».

«Эти знаменательныя слова мы назвали тогда «золотыми словами истинно просвѣщеннаго человѣка», но затруднимся, какъ назвать слова двухъ другихъ начальниковъ губерній.

«Предъ нами являютя три лица, находящіяся въ одинаковомъ положеніи, призванныя на служеніе одному и тому же дѣлу, на благо и пользу ввѣреннаго

¹⁾ 1897 г., № 11.

нимъ населенія; священный долгъ и ихъ обязанности во всей полнотѣ и точности опредѣлены законодателемъ, — и вотъ всѣ эти три лица на одинъ и тотъ же предметъ смотрятъ каждый по-своему, и дѣло ставится въ прямую зависимость отъ этихъ своеобразныхъ, совершенно различныхъ и несогласуемыхъ между собою точекъ зрѣнія. Одинъ лишаетъ населеніе своей губерніи живого слова, вызываемаго на свѣтъ Божій мѣстными интересами и нуждами, подъ тѣмъ угломъ зрѣнія, что населеніе умственно для этого еще не созрѣло, нисколько не смущаясь сознаниемъ долга, указываемаго закономъ, по которому губернаторъ обязанъ пещись о народномъ просвѣщеніи. Другой не допускаетъ на поприщѣ литературно-политической дѣятельности никакой конкуренціи съ губернскими вѣдомостями изъ-за доходовъ чиновниковъ губернскаго правленія, ничуть невзирая на слово закона, обязывающаго губернатора содѣйствовать всѣми законными мѣрами всякаго рода торговымъ и промышленнымъ предпріятіямъ. Третій, напротивъ, всецѣло за мѣстное печатное слово, желая найти въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отраженіе дѣйствительной жизни, и этимъ новымъ путемъ идти также къ поднятію народнаго благосостоянія и на борьбу съ нежелательными явленіями»...

Отношенія начальниковъ губерніи еще не всецѣло опредѣляютъ ростъ и успѣхъ провинціальной періодической литературы: послѣдняя цѣликомъ находится въ зависимости отъ отношенія къ ея представителямъ со стороны общества и отъ тѣхъ тяжелыхъ цензурныхъ условій, въ которыхъ она находится и изъ которыхъ не можетъ выбиться почти сорокъ лѣтъ. Обращаясь къ первой сторонѣ дѣла, мы сплошь и рядомъ видимъ, что мѣстное общество буквально преслѣдуетъ и травитъ провинціальныхъ писателей, нанося имъ часто даже оскорбленія словами и дѣйствіями. Вотъ характерное письмо одного провинціальнаго писателя по настоящему предмету, приведенное г. Абрамовымъ въ его любопытной статьѣ «Мученики печатнаго слова», напечатанной въ газ. «Русь» ¹⁾.

«Девять лѣтъ скоро будетъ, какъ я сдѣлался корреспондентомъ. Не много времени, но сколько пережито, сколько перечувствовано! Лучше быть воромъ, мошенникомъ, но только не корреспондентомъ. Васъ ругаютъ, надъ вами смѣются, васъ избѣгаютъ. Но хорошо было бы, если бы вы только одинъ страдали. Нѣтъ, изъ-за васъ страдаютъ и родственники. Имъ говорятъ: это вашъ родственникъ пишетъ? — и ихъ начинаютъ тѣснить. Я имѣлъ неосторожность описать порядки или, вѣрнѣе, безпорядки въ одномъ учебномъ заведеніи, и моего брата оттуда исключили. Вы не можете служить, потому что вамъ говорятъ: «что нибудь одно: или служить, или писать». На меня жаловались губернатору, хотѣли жаловаться министру. Мои воспоминанія наполнены различными столкновеніями съ лицами, затронутыми въ корреспонденціяхъ. Вотъ, напр., эпизодъ, который случился только что передъ тѣмъ, какъ я хотѣлъ писать настоящую замѣтку. Я шелъ по Рыцарской улицѣ. Встрѣчается со мной господинъ, считающій себя умнымъ и передовымъ человѣкомъ; онъ меня останавливаетъ и спрашиваетъ: «послушайте, сколько вы получаете за строчку?» Если у васъ есть друзья, то, сдѣлавшись корреспондентомъ, вы скоро потеряете ихъ всѣхъ. Нужно подписываться псевдонимомъ, адресъ на письмѣ въ редакцію писать чужою рукою, не носить на почту

¹⁾ «Русь», 1897 г., № 99.

самому писемъ и посылать ихъ (во избѣжаніе соблазна) заказными. Эхъ, грустно, очень грустно»...

Г. Абрамовъ, такъ хорошо изучившій нашу провинціальную печать, принимавшій въ ней постоянно дѣятельное участіе и оказавшій дѣлу ея развитія столько услугъ, иллюстрируетъ это письмо слѣдующими замѣчаніями:

«Пишущій эти строки лично на себѣ испыталъ всю прелесть состоянія въ корреспонденческомъ званіи,—говоритъ онъ.—Долженъ сказать, что ни одинъ изъ другихъ видовъ литературной дѣятельности, которыми я занимался, никогда не доставлялъ мнѣ такого удовольствія, но и ни одинъ не вызывалъ столько тревоженій для меня. Корреспонденція, какъ бы ни кричали по поводу ея, какъ бы ни бранили автора корреспонденціи, какъ бы ни старались тѣ, которыхъ она касается, показывать видъ, что они не обращаютъ на нее ни малѣйшаго вниманія, непременно имѣетъ практическій результатъ, непременно вызоветъ устраненіе или сокращеніе того зла, противъ котораго она ратуетъ, или обращеніе вниманія на тотъ или иной недостатокъ, пробѣлъ, на который она указываетъ. Въ этомъ значеніи корреспонденцій и заключается, прежде всего, причина того завлекательнаго дѣйствія, которымъ обладаетъ корреспонденческая дѣятельность, такъ что человекъ, однажды вкусившій отъ этого древа, затѣмъ уже всю жизнь не можетъ оторваться отъ него, несмотря на всѣ сопровождающіе корреспонденческую дѣятельность терніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одинъ видъ литературной дѣятельности не причиняетъ ея участникамъ такихъ страданій, какъ именно дѣятельность корреспонденческая. И какъ неизбежны практическія послѣдствія появленія той или иной корреспонденціи, такъ и еще болѣе неизбежно преслѣдованіе автора корреспонденціи. О чемъ бы корреспондентъ ни писалъ, онъ непременно вызоветъ гнѣвъ и негодованіе. И что курьезнѣе всего,—наибольшій гнѣвъ и раздраженіе противъ корреспондента вызываются отнюдь не обличительными корреспонденціями, а именно тѣми, которыя кого либо расхваливаютъ. Въ этомъ случаѣ въ корреспонденціи видятъ личную обиду всѣ тѣ, кого корреспондентъ не похвалилъ. На моихъ глазахъ однажды разыгралась крайне характерная въ указанномъ отношеніи исторія. Корреспондентъ пришелъ въ восторгъ отъ дѣятельности одного земскаго начальника въ области народнаго образованія и послалъ по этому поводу хвалебную корреспонденцію. И вотъ, когда эта корреспонденція появилась, оказалось, что она обидѣла цѣлый рядъ лицъ. Обидѣлись, прежде всего, директоръ и инспекторъ народныхъ училищъ, которые полагали, что за процвѣтаніе школъ въ данномъ участкѣ, хотя оно и обязано именно заботамъ земскаго начальника, должно хвалить только ихъ, какъ спеціально вѣдающихъ данное дѣло. Обидѣлись товарищи земскаго начальника, усмотрѣвшіе въ корреспонденціи рекламу для своего товарища, притомъ направленную къ умаленію ихъ собственнаго достоинства: вотъ-де такой-то дѣлаетъ то и другое, а вы ничего не дѣлаете. Обидѣлось и начальство земскаго начальника, полагавшее, что похвалы, адресованныя его подчиненному, отгнѣняютъ невыгодно его собственную дѣятельность. Словомъ, корреспонденція вызвала цѣлую бурю упрековъ по адресу злополучнаго корреспондента, и такъ какъ онъ находился въ нѣкоторой зависимости отъ кое-кого изъ невольно обиженныхъ имъ лицъ, то онъ очень быстро почувствовалъ все неудобство своего положенія и съ этихъ поръ закачался писать хвалебныя корреспонденціи, рѣшивъ ограничиваться одними обличеніями, какъ представляющими меньшую опасность, ибо они вызываютъ гнѣвъ лишь одного того лица, непохвальную дѣятельность котораго изображаютъ».

Но главное больное мѣсто нашей провинціальной печати, не позволяющее ей стать совсѣмъ твердо на ноги и занять по отношенію окружающей общественной жизни надлежащую позицію, составляютъ тѣ цензурныя условія, подъ тяжестью которыхъ она въ теченіе своей менѣе полувѣковой жизни такъ часто изнывала и лишалась столь многихъ своихъ представителей. Мы знаемъ уже, что законъ 6-го апрѣля 1865 г. раздѣлилъ всѣ ежедневныя изданія на двѣ категоріи: издаваемые по предварительной цензурѣ и безъ цензуры. Къ послѣдней категоріи отнесены изданія столичныя, ко второй — провинціальныя, причѣмъ цензура надъ ними сосредоточена въ губернаторскихъ канцеляріяхъ. Это-то послѣднее обстоятельство, т. е. полная зависимость прессы отъ мѣстной администраціи, и создаетъ ту колоссальную путаницу, тѣ букеты цензурныхъ курьезовъ и тѣ вопіющія ненормальности, которыми такъ богата лѣтопись провинціальной печати. «С.-Петербургскія Вѣдомости» въ текущемъ году не разъ обращались также къ этому вопросу, и въ одномъ изъ своихъ № 1) подвели итогъ за два мѣсяца цензурнымъ курьезамъ, случившимся въ практикѣ одной газеты. Итогъ этотъ приводитъ газету къ Ухтомскаго къ слѣдующему заключенію.

«Попробуйте теперь какъ нибудь разобраться въ этомъ матеріалѣ, поставьте себя на минуту въ положеніе редактора газеты, одушевленнаго искреннѣйшимъ желаніемъ не допускать нецензурныхъ статей: можетъ ли онъ на основаніи этихъ данныхъ вывести для себя хоть какое нибудь руководящее заключеніе, какъ ему дѣйствовать въ будущемъ? Предаваться мизантропіи нельзя; проповѣдывать бодрящій оптимизмъ нельзя; писать о плохихъ сборахъ оперы нельзя; перепечатывать извѣстія изъ другихъ газетъ, уже подвергнувшихся цензурѣ, нельзя; писать о фокусникѣ нельзя; высказывать строгія сужденія о какой нибудь глупой пьесѣ запрещается... Все это оказывается нецензурнымъ! Представьте себѣ положеніе редактора, отправляющаго въ типографію для набора рукописи, ни въ одной строчкѣ которыхъ онъ не можетъ быть увѣренъ, что онѣ будутъ пропущены цензоромъ. Вѣдь даже замѣтка о пожарѣ оказалось нецензурной! Нельзя позавидовать и цензору, который считаетъ своимъ непрѣмнымъ долгомъ отыскать что нибудь нецензурное чуть ли не въ каждомъ номерѣ газеты. Сколько здѣсь непроизводительно потраченнаго труда! Бѣдняга-репортеръ или фельетонистъ, которые, можетъ быть, живутъ исключительно скудной построчной платой, пишутъ свои замѣтки; редакторъ ихъ читаетъ и правитъ, выбрасывая то, что, по его мнѣнію, можетъ быть выброшено цензоромъ; наконецъ, наборщики набираютъ эти бѣдные листочки театральнаго рецензіи, размышленій о мизантропіи или сообщенія о выборахъ церковнаго старосты—и вдругъ все это оказывается нецензурнымъ... Подведите итогъ этой массѣ непроизводительно потраченнаго труда изо дня въ день по всей Россіи. Неужели онъ не стоитъ того, чтобы основательно заняться, наконецъ, вопросомъ о провинціальной цензурѣ и вывести писателей, редакціи и цензоровъ изъ лабиринта неразрѣшимыхъ недоумѣній?!»

1) «С.-Петербургскія Вѣдомости», 1897 г., № 55.

Эти «неразрѣшимыя недоразумѣнія» разрѣшаются, однако, чрезвычайно просто. Уже К. К. Арсеньевъ въ своей статьѣ «Русскіе законы о печати» ¹⁾ указывалъ на необходимость, именно во избѣжаніе этихъ недоразумѣній, поставить провинціальную прессу въ условія, одинаковыя съ столичной, т. е. снять съ нея предварительную цензуру и изъять ее изъ вѣдѣнія мѣстной администраціи. Въ томъ же направленіи въ послѣдующее время и до сихъ поръ высказывается и большинство голосовъ, раздающихся по настоящему вопросу со страницъ всевозможныхъ періодическихъ изданій. Уничтоженіе для провинціальной ежедневной прессы предварительной цензуры — общее желаніе, какъ этой самой прессы, такъ и лицъ, ей сочувствующихъ. Но рядомъ съ этимъ мнѣніемъ существуетъ и иное, которое утверждаетъ, что полное уничтоженіе провинціальной предварительной цензуры есть мечта идеалистовъ, мечта, неприложимая въ настоящее время къ практикѣ современной жизни. Поэтому, вмѣсто того, чтобъ хлопотать о неосуществимомъ, цѣлесообразнѣе направить усилія къ тому, чтобъ эта печать, по крайней мѣрѣ, была подчинена особымъ цензорамъ, по назначенію ихъ черезъ главное управленіе по дѣламъ печати непосредственно министромъ внутреннихъ дѣлъ. Это уничтожитъ множество недоразумѣній, возникающихъ въ практикѣ провинціальной печати и избавитъ ее отъ постоянныхъ столкновеній съ мѣстной администраціей.

Б. Глинскій.

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», 1865 г.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ МАЛЕНЬКОЙ МОНАРХИИ.

В ЮНЬ мѣсяцѣ, прошлаго года, телеграфъ неожиданно оповѣстилъ мѣръ о присоединеніи группы Гавайскихъ острововъ къ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ. Событіе это прошло у насъ тогда совершенно незамѣченнымъ. Затѣмъ, въ иностранной печати стали появляться слухи о неудовольствіи и протестахъ Японіи по этому поводу; потомъ пришли извѣстія, что окончательное присоединеніе пока—вопросъ, но далеко еще не совершившійся фактъ, что въ самой Америкѣ существуетъ противъ него очень сильное теченіе, и что въ концѣ концовъ, тѣмъ не менѣе, оно все-таки состоится.

Для лицъ, мало знакомыхъ съ тѣмъ, что дѣлается на такъ называемомъ дальнемъ востокѣ,—на побережьяхъ, омываемыхъ водами Великаго океана,—включеніе Гавайскихъ или Сандвичевыхъ острововъ въ составъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ можетъ показаться чѣмъ-то совершенно неожиданнымъ, какимъ-то хищническимъ захватомъ совсѣмъ не въ духѣ великой заокеанской республики, противнымъ всѣмъ ея старымъ традиціямъ, всей ея исконной политикѣ, не допускавшей никакихъ колониальныхъ поползновеній; а Японія можетъ явиться въ выгодномъ свѣтѣ защитницы и покровительницы обиженной Гавайи. Но дѣло здѣсь обстоитъ совсѣмъ иначе, чѣмъ оно кажется на первый взглядъ, и вопросы, связанные съ новымъ политическимъ шагомъ Америки, гораздо серьезнѣе, чѣмъ о нихъ, можетъ быть, думаютъ. Америка,—рѣчь идетъ, конечно, только о той части этого континента, который представляютъ собою такъ называемые Соединенные Штаты, Америка до недавняго вре-

мени стояла въ сторонѣ отъ политики, которой руководились государства Западной Европы.

Всѣ силы молодой страны до сихъ поръ были обращены на внутреннее развитіе. Было бы слишкомъ долго останавливаться на причинахъ, заставившихъ могущественную американскую республику выступить активнымъ дѣятелемъ на арену новѣйшей международной исторіи. Гигантскій ростъ промышленности страны, успѣхъ идеи объединенія всей Америки подъ главенствомъ Соединенныхъ Штатовъ и значеніе, приобретаемое Тихимъ океаномъ вообще и его восточно-азиатскимъ побережьемъ въ особенности, — явились одними изъ тѣхъ властныхъ моментовъ, которыми опредѣлился характеръ новаго поворотнаго пункта политики Штатовъ. Наиболѣе яркимъ выраженіемъ этой американской политики *fin de siècle* явились вопросы кубскій и гавайскій. Кубскій потерялъ пока свой острый характеръ. Гавайскій только что выступилъ на сцену и имѣетъ особенное значеніе, какъ по тѣмъ интересамъ, какіе скрестились на немъ, такъ и потому, что самый объектъ спора лежитъ въ одной изъ важнѣйшихъ частей Тихаго океана. Съ каждымъ днемъ океанъ этотъ привлекаетъ къ себѣ все большее и большее вниманіе европейскихъ державъ. Да и понятно почему: въ Европѣ всѣ, и крупныя силы и политическая мелочь, такъ ясно опредѣлились, сферы вліянія различныхъ могуществъ такъ точно обозначились, все покрылось такою броней тарифовъ, оцѣтенилось столькими милліонами штыковъ, у каждаго на рукахъ такая масса грозныхъ внутреннихъ вопросовъ, что здѣсь и рѣчи быть не можетъ о какихъ либо новыхъ захватахъ безъ опасности вызвать ту повальную рѣвню, которою явится, такъ называемая, общеевропейская война. Африка подѣлена. Раздѣлъ цѣлаго континента (совершившійся безъ нашего участія) прошелъ въ общемъ такъ тихо и гладко, какъ не проходила ни одна политическая дѣлжка въ Европѣ. Америка... но здѣсь дай Богъ удержать старые захваты; мечты о новыхъ—пустыя фантазіи, которыя не могутъ занимать мѣста въ трезвыхъ расчетахъ современныхъ политическихъ дѣятелей. Остается одна Азія, т. е. собственно азиатскій крайній востокъ, омываемый водами Великаго или Тихаго океана, на берегахъ котораго столпилось столько беззащитныхъ человѣческихъ жизней. Недавняя японско-китайская война была въ этомъ отношеніи цѣлымъ своего рода откровеніемъ, показавъ во весь ростъ несостоятельность самой колоссальной изъ всѣхъ странъ дальняго востока и открывъ обаятельно-заманчивыя перспективы въ будущемъ для тѣхъ, кто въ политикѣ всегда твердо помнилъ мудрое правило: не зѣвай! Великому океану въ недалекомъ будущемъ суждено, поэтому, играть огромную роль. Не даромъ европейскія государства одно за другимъ спѣшатъ занять тамъ выгодныя опорныя базы для своихъ военныхъ эскадръ, шлютъ имъ подкрѣпленія, торопятся выговорить себѣ въ Пекинѣ разныя

новья права и привилегии, чтобы потом по камешку разобрать самое основание стѣнъ недвижнаго Китая. Корейскій, китайскій, японскій, гавайскій—цѣлый рядъ совершенно новыхъ вопросовъ выдвинулся вдругъ на ту сцену, гдѣ до недавняго еще времени царила вѣковая тишина. А за ними поднимаются вопросы сіамскій, испанскій и множество другихъ, связанныхъ съ грядущимъ перераспределеніемъ силъ и вліяній въ водахъ Тихаго океана. Я живо помню тотъ переполохъ, какой вызвало между прочимъ въ испанскомъ посольствѣ въ Токио неожиданное для многихъ окончаніе японско-китайской войны. Штатъ посольства немедленно былъ увеличенъ двумя секретарями и военнымъ агентомъ, и между правительствами Японіи и Испаніи состоялся формальный договоръ о разграниченіи сферъ вліяній обоихъ государствъ въ водахъ океана, омывающаго ихъ владѣнія. Приобрѣтеніе Японіей Формозы явилось грознымъ предостереженіемъ для Испаніи.

Филиппинскіе острова, составляющіе давнишнюю колонію Испаніи въ Тихомъ океанѣ, богато одаренные отъ природы, способны производить въ сотни и сотни разъ больше того, что они даютъ теперь въ рукахъ ихъ невѣжественныхъ и лѣнливыхъ властителей; по климату и почвѣ они такъ подходятъ для японской колонизаціи и отъ нихъ до Формозы всего 400 морскихъ миль. Что у японскихъ государственныхъ людей существуютъ насчетъ Филиппинъ весьма опредѣленные стремленія, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но здѣсь имъ придется, вѣроятно, столкнуться съ аппетитами другой страны, именно Германіи. На Филиппинскихъ островахъ «работаетъ» не мало германскихъ капиталовъ, нѣмецкія фирмы вытѣсняють не только испанскія, но даже англійскія, и что Германія имѣетъ здѣсь свои воды, ясно для всякаго, кто только имѣлъ возможность побывать въ этихъ далекихъ краяхъ.

Давно и упорно ходили на дальнемъ востокѣ слухи о намѣреніяхъ Германіи утвердиться прочно на одномъ изъ пунктовъ китайскаго побережья; новѣйшее столкновеніе ея съ Китаемъ, занятіе Кіао-Чау, этой превосходящей и обширѣйшей бухты на всемъ Шантунскомъ полуостровѣ, значительное усиленіе германской эскадры въ водахъ Тихаго океана, ассигнованіе большихъ суммъ на развитіе морской силы Германіи, стремленія ея правительства добиться отъ парламента извѣстной свободы дѣйствій въ этомъ направленіи—все это указываетъ на существованіе широко задуманныхъ плановъ, содержаніе которыхъ не исчерпывается, конечно, однимъ только желаніемъ обезпечить выгодный сбытъ продуктамъ извѣстной части германскихъ заводчиковъ и получить концессию на проведеніе желѣзныхъ дорогъ по Шантунскому полуострову, хотя и это, конечно, будетъ дѣломъ очень прибыльнымъ и стѣющимъ того, чтобы о немъ похлопотать. Но всѣ такіе планы пока—дѣло болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго; столкновеніе Японіи съ Германіей изъ-за Фи-

липпинъ тоже еще впереди; столкновение же Японіи съ Америкой изъ-за Гавайи нынѣ уже совершившійся фактъ.

Что же такое представляет собою Гавайя? Прежде всего это— тропическое, островное государство, затерянное среди безбрежныхъ равнинъ Великаго океана, отдѣленное отъ остального міра колоссальными разстояніями; ближайшими пунктами къ нему являются: Санъ-Франциско—3.700 верстъ, острова Таити—4.200, Токогама—6.000, Сидней—8.000 и Гонконгъ—8.400 верстъ. «Страна солнечнаго блеска», «Рай Тихаго океана» — эти цвѣтистыя восточныя имена, подъ которыми извѣстна Гавайя, лучше всякихъ разсужденій, ярко и полно опредѣляютъ благодатныя естественныя условія острововъ. Всѣ лучшія стороны тропиковъ соединились здѣсь съ преимуществами умѣреннаго европейскаго климата. Океанъ, простирающійся на громадныя разстоянія во всѣ стороны, отсутствіе по близости значительныхъ массъ суши и постоянная правильность вѣтровъ сдѣлали то, что въ Гавайѣ никогда не бываетъ такъ жарко, какъ въ другихъ тропическихъ областяхъ. Только вершины горъ знаютъ тамъ смѣну временъ года, а въ долинахъ, и весну, и лѣто, и осень, и зиму, вѣчно нашъ мягкій юньскій день, свѣтлый и ясный. Даже когда идетъ дождь, туземцы говорятъ, что это падаютъ на землю влажные солнечные лучи. Производительность почвы Гавайскихъ острововъ громадна. Но не одинъ только дивный климатъ, не одна только роскошная почва, при сравнительной пустынности, малонаселенности и политической слабости страны привлекали на нее издавна взоры нѣкоторыхъ державъ, ищущихъ колоній; группа Сандвичевыхъ или Гавайскихъ острововъ имѣетъ очень большую и торговую, и политическую важность: брошенные среди океана на перепутьи великихъ дорогъ обширной и все растущей торговли между западнымъ побережьемъ Америки съ одной стороны, Новой Зеландіей, Австраліей, Китаемъ, Японіей, Индо-Китаемъ и Индостаномъ—съ другой, они представляютъ рядъ безопасныхъ и удобныхъ гаваней, годныхъ не только для починокъ и исправленій судовъ, пересѣкающихъ Тихій океанъ, но и для снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ. Это—одинъ изъ тѣхъ узловъ скрещивающихся новыхъ путей новой міровой торговли, которому суждено въ недалекомъ будущемъ играть огромную роль.

Какія политическія вліянія и силы боролись и борются теперь въ Гавайѣ, что такое вообще представляет собою это островное государство въ настоящее время,—отвѣтъ на эти вопросы читатели найдутъ ниже въ статьѣ другого автора. Статья распадается на двѣ части: въ первой сжато излагаются главные моменты исторической жизни любопытной страны; вторая представляетъ результатъ личныхъ впечатлѣній автора, вынесенныхъ изъ посѣщенія Гавайи осенью 1896 года.

В. Черевковъ.

I.

Группа Сандвичевыхъ, или Гавайскихъ, острововъ лежитъ между 4-мя и 24-мя градусами сѣверной широты и 157—159 градусами восточной долготы. Архипелагъ этотъ состоитъ изъ восьми большихъ населенныхъ острововъ и нѣсколькихъ скалъ, на которыхъ вьютъ гнѣзда только птицы морскія. Имена главнѣйшихъ представителей группы: Гавайи, Мауи, Оагу. Поверхность всѣхъ острововъ 6.700 кв. миль. Они тянутся съ сѣверо-запада на юго-востокъ на протяженіи 650 верстъ и отдѣляются другъ отъ друга проливами отъ 10 до 100 верстъ ширины.

Вся группа вулканическаго происхожденія. Коралловыхъ рифовъ, правда, вездѣ много; но всѣ они выросли на пластахъ древней лавы. Острова представляютъ собственно вулканическіе гребни и пики,—вершины обширной подводной страны, занимающей, какъ полагаютъ, около 3-хъ тысячъ верстъ въ длину и до 300 верстъ въ ширину.

Какія гигантскія силы дѣйствовали здѣсь когда-то, нѣкоторое понятіе объ этомъ могутъ дать колоссальныя груды застывшей лавы, находящіяся нынѣ надъ водной поверхностью. Такъ, островъ Гавайи содержитъ до 2¹/₂ тысячъ кубическихъ миль лавовыхъ скалъ. Знаете ли, что такое представляетъ эта цифра: 2.500 кубич. миль лавы? Англія занимаетъ поверхность въ 50.000 кв. миль. Такъ вотъ всю её можно было бы засыпать лавой одного острова Гавайи, причемъ толщина насыпаннаго слоя равнялась бы 274 футамъ! И все-таки эта лава, что находится надъ моремъ, представляетъ только ничтожную долю тѣхъ подавляющихъ воображеніе массъ ея, которыя простираются подъ волнами на сотни верстъ съ каждой стороны. Въ самомъ дѣлѣ: измѣренія дна океана между берегами Калифорніи и Гавайскими островами показали, что вдаль всей восточной береговой линіи группы существуетъ чудовищная пропасть въ 5 верстъ глубиной, которая начинается всего въ какихъ нибудь шести верстахъ отъ берега. Далѣе, на островѣ Гавайи есть огнедышащая гора Мауна-Лоа, высотой безъ малаго въ 4 версты. Вмѣстѣ со своей сосѣдкой Мауна-Кеа, она составляетъ главную массу острова, который собственно не что иное, какъ непосредственный продуктъ ихъ дѣятельности. Какими бы колоссами были эти горы, если бы основаніе ихъ покоилось не на днѣ океана, а на твердой землѣ! Десять верстъ высоты — это говорить громче самыхъ громкихъ вершинъ Гималаевъ! А между тѣмъ главную массу ихъ образовала излившаяся лава. И до сихъ поръ Мауна-Лоа имѣетъ сообщеніе съ таинственными глубинами земныхъ нѣдръ, до сихъ поръ расплавленныя массы ихъ находятъ себѣ здѣсь выходъ наружу черезъ одну изъ тѣхъ трещинъ въ земной корѣ, на которой построена вся эта въ высшей степени интересная островная группа. Сѣвер-

ные Гавайскіе острова вообще старше южныхъ, и вулканическая дѣятельность прекратилась на всѣхъ, за исключеніемъ острова Гавайи. Это—самый южный, самый большой, самый молодой и самый интересный изъ нихъ. Молодой! Пробовали опредѣлить примѣрный возрастъ его по количеству расплавленныхъ массъ, что стекли по бокамъ Мауна-Лоа за послѣдніа 50 лѣтъ; сосчитали, что объемъ ихъ равенъ двумъ кубическимъ милямъ, и на основаніи этого высчитали, что острову 65.000 лѣтъ. Въ исторіи мірозданія это, конечно, только мигъ одинъ!

Но сколько бы лѣтъ ему ни было, онъ является однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ острововъ на землѣ. На немъ находится величайшій въ мірѣ дѣйствующій вулканъ, знаменитый Килауэа, открывающій свое страшное жерло на склонахъ Мауна-Лоа, на вершинѣ 4.000 фут. надъ уровнемъ моря. Окружность его кратера—12 верстъ, глубина около 600 фут. Внутри этого гигантскаго кратера съ бѣшеннымъ ревомъ клокочетъ цѣлое озеро лавы. Вершина Мауна-Лоа содержитъ другой, еще бѣльшій кратеръ, Мокуавеовео, имѣющій 14 верстъ въ окружности и 1.000 футъ глубины. Періодическія изверженія изъ него наступаютъ черезъ каждыя 11 лѣтъ. Величайшій въ мірѣ дѣйствующій вулканъ—на островѣ Гавайи; но величайшій на землѣ кратеръ не на немъ, а на его сосѣдѣ Мауи,—на высотѣ десяти тысячъ футъ надъ уровнемъ моря: окружность его—около тридцати верстъ, глубина 2.000 футъ. Это—Галеакала,—домъ Солнца. Онъ давно замолкъ. По туземнымъ преданіямъ, послѣднее изверженіе здѣсь было лѣтъ полтора ста тому назадъ.

На томъ же островѣ Гавайи, представляющемъ одну изъ интереснѣйшихъ мѣстностей земнаго шара, гдѣ до сихъ поръ можно наблюдать самыя грозныя явленія жизни нашей планеты, цѣлыя главы изъ поэмы мірозданія,—воображеніе туземцевъ поселило самое страшное божество своей мифологіи—богиню Пелѣ: владычица огня и вулкановъ живетъ въ огненномъ озерѣ кратера Килауэа. Вокругъ этого мѣста группируются наиболѣе мрачныя легенды гавайцевъ.

Здѣсь, на этомъ островѣ, погибъ великій мореплавателъ Кукъ. Знаменитѣйшіе военнопачальники вышли съ острова Гавайи. На немъ же родился величайшій государственный человекъ страны, извѣстный въ ея исторіи подъ именемъ Камеамеа I. Наконецъ, этотъ островъ далъ свое имя всему архипелагу и народу, его населившему: Гавайя—гораздо болѣе популярное названіе, чѣмъ Сандвичевы острова, и слово «гавайцы»—благозвучнѣе всякихъ другихъ названій этого страннаго народа.

II.

Преданія, легенды, историческія пѣсни гавайцевъ ни надѣ чѣмъ не останавливаются съ такою любовью, ничего такъ не прославляютъ, какъ безстрашныя путешествія, которыя ихъ предки совершали на своихъ ладьяхъ по волнамъ Тихаго океана. Эти пѣсни рассказываютъ о странахъ, откуда знаменитый туземный герой, рыбакъ и мореплаватель, Гавайи-Лоа, отплылъ на востокъ и открылъ два самые большіе острова группы—Гавайи и Мауи. Онѣ говорятъ о многочисленныхъ странствованіяхъ смѣлыхъ моряковъ изъ Гавайи въ Каики и обратно. Предполагаютъ, что Каики это—Таити,—названіе, которое позже стало обозначать у гавайцевъ всѣ чужедальнія земли вообще. Это стремленіе съ Гавайи на западъ было несомнѣнно связано съ тѣмъ фактомъ, что первые обитатели острововъ явились именно съ запада. Исслѣдованіями Fornander'a и другихъ ученыхъ точно установлена родственная связь аборигеновъ всѣхъ тихоокеанскихъ острововъ отъ Новой Зеландіи до Гавайи включительно. А сравнительное изученіе физическихъ особенностей и языковъ, какъ этихъ островитянъ, такъ и родственныхъ имъ племенъ, населяющихъ Мадагаскаръ, Филиппинскіе острова и Малайскій архипелагъ, показало, что всѣ они вышли изъ юго-западной Азіи. Въ Лондонѣ, въ этнографическомъ отдѣлѣ Британскаго музея, я видѣла драгоцѣннѣйшія коллекціи съ острововъ Полинезіи, и эта близкая, кровная связь первоначальныхъ ихъ обитателей между собою выяснилась тамъ для меня нагляднѣе всякихъ длинныхъ разсужденій. Европейцы, открывшіе впервые Гавайскіе острова, нашли ихъ густонаселенными. Извѣстная, довольно высокая, сравнительно, организація общественнаго быта туземцевъ указывала на то, что они вышли уже давно изъ состоянія первобытной дикости. Это былъ феодалный строй во всѣхъ его наиболѣе существенныхъ чертахъ: во главѣ cadaго острова стоялъ царѣкъ, или главный вождь, имѣвшій въ каждомъ округѣ подвластныхъ ему вассальныхъ вождей. Эти вожди составляли первенствующее сословіе, цвѣтъ страны въ лучшемъ значеніи слова. И физически, и духовно, оно рѣзко отличалось отъ простаго народа: высокій ростъ, мужественная, гордая осанка, беззабѣтная храбрость, организаторскіе таланты и умъ составляли наслѣдственные черты этого сословія.

Слѣдующее мѣсто на общественной лѣстницѣ занимало духовенство. Это былъ могущественный классъ; его побаивались даже вожди, вѣря въ силу страшныхъ заклинаній и чаръ, тайной которыхъ владѣли жрецы.

Воображеніе дикаря населило небо и море, мрачныя ущелья горъ и жерла его гигантскихъ вулкановъ, земныя нѣдра и самый воздухъ, цѣлымъ сонмомъ злыхъ духовъ. Только жрецы умѣли держать

въ страхѣ всю эту рать, пылающую ненавистью къ человѣку, и умиловивлять верховныя божества, стоящія надъ нею. Идолопоклонство съ человѣческими жертвоприношеніями составляло древнюю религію туземцевъ. И человѣческая кровь въ нѣкоторыхъ случаяхъ лилась рѣкой *ad majorem Dei gloriam*. Смерть властителя или вождя, освященіе новаго храма, закладка военной лодки, требовали непременно человѣческихъ жертвъ, и народъ при вѣсти объ этомъ скрывался въ лѣса, чтобы переждать тамъ опасное время. Свой трауръ по умершимъ вождямъ народъ выражалъ различными способами самоуродованія. Это были символическіе акты, замѣнявшіе для всего народа дѣйствительное самоуничтоженіе.

Кровавое жертвоприношеніе во всемъ его реальномъ ужасѣ выпадало на долю нѣсколькихъ несчастныхъ, умиравшихъ подъ ногами жрецовъ въ такихъ случаяхъ.

Третье сословіе гавайскаго общества—простой народъ—дѣлилось на двѣ касты: высшую составляли строители туземныхъ судовъ и рыбаки, низшую—вся остальная рабочая масса. Существованіе этого класса находилось цѣликомъ въ рукахъ его вождей и жрецовъ. Обширная сѣть правилъ и суровыхъ наказаній за ихъ нарушеніе, извѣстная подъ общимъ именемъ табу, опутывала туземца по рукамъ и ногамъ. Табу могло лишить его всего: урожая, имущества, жизни. Стоило власть имущему наложить запретъ или табу на какой либо предметъ—и этотъ предметъ переставалъ существовать для его владыцъ. Наказанія за нарушенія табу были вообще чрезвычайно суровы.

Система табу, поддерживаемая вліяніемъ жрецовъ и властью вождей, являлась величайшимъ тормазомъ на пути развитія народа. Не меньшую роль въ этомъ порабощеніи умовъ темныхъ массъ имѣли мѣстные маги и чародѣи. Гаваецъ вѣрилъ, да и до сихъ поръ еще вѣритъ, что колдунъ можетъ вселить въ него любую болѣзнь, нагнать любую порчу, наговорами призвать самую смерть. Для этого ему необходимо только имѣть у себя какую нибудь часть отъ тѣла заговариваемаго: клочекъ волосъ, кусокъ ногтя и т. п. Чтобы избѣгнуть злыхъ чаръ, вожди, поэтому, всегда имѣли близъ себя самыхъ вѣрныхъ своихъ слугъ, которые обязаны были всѣ подобныя предметы, выпавшіе волосы, ногти и т. д., собирать и сжигать или бросать въ море. До сихъ поръ въ самомъ Гонолулу живетъ одинъ изъ такихъ колдуновъ, пользующійся огромнымъ значеніемъ среди туземнаго населенія.

Безконечный рядъ церемоній, жертвоприношеній и молитвъ сопровождалъ вообще каждый актъ и личной и общественной жизни туземцевъ. Но—замѣчательная вещь—совершеніе брака не было обставлено ничѣмъ, никакими формальностями: ничего, похожего на религіозное освященіе союза—ни молитвъ, ни жертвъ, ни даже простого обращенія къ духамъ предковъ благословить бракъ. Полига-

мія являлась совершенно дозволеннымъ дѣломъ. Полиандрія также процвѣтала.

Дѣтубійство здѣсь было самымъ зауряднымъ явленіемъ, причеиъ истреблялись преимущественно дѣвочки.

III.

Первыми бѣлыми на Гавайскихъ островахъ были, несомнѣнно, испанцы. На старыхъ испанскихъ картахъ Тихаго океана помѣчена группа острововъ, положеніе которыхъ, по широтѣ, вполне соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію Гавайскаго архипелага. Открылъ ихъ испанецъ Жуанъ Гаэтано и назвалъ «Островами царей и садовъ». Какъ это характерное названіе, такъ и его описаніе, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ на Гавайскихъ островахъ первымъ изъ европейскихъ мореплавателей новаго времени, за 223 года до знаменитаго Кука. Но преданія туземцевъ говорятъ о появленіи среди нихъ такихъ же странныхъ людей задолго до эпохи Гаэтано. Неизвѣстно, къ этимъ ли таинственнымъ незнакомцамъ или къ экипажу Гаэтано относится слѣдующее туземное преданіе.

Однажды къ острову Гавайи пристала лодка; въ ней находилось семь человекъ, одѣтыхъ въ бѣлое съ желтымъ, причеиъ одинъ, по видимому, начальникъ, былъ въ шляпѣ съ перомъ и при шпагѣ. Встрѣтивъ радушный пріемъ со стороны островитянъ, пришельцы остались у нихъ, переженились на туземныхъ женщинахъ и оказались такими добрыми, ловкими и храбрыми, что туземцы начали выбирать ихъ своими начальниками.

Первые американскіе миссіонеры, прибывшіе въ страну въ 1820 г., застали еще въ живыхъ нѣкоторыхъ потомковъ этихъ пришельцевъ. Они отличались отъ прочихъ жителей болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ кожи и большей правильностью лицъ, знали о своемъ происхожденіи и гордились имъ. Преданіе относитъ время появленія таинственныхъ пришельцевъ къ царствованію на островѣ Кагу-Капу. Когда жилъ этотъ царекъ, въ точности неизвѣстно, но извѣстенъ тотъ фактъ, что при его наслѣдникѣ въ шестомъ колѣнѣ, царѣ Тарай-Опу, въ Гавайи приплылъ англійскій мореплаватель Кукъ; это было въ 1778 г., слѣдовательно, Кагу-Капу могъ жить лѣтъ за 200 до Тарай-Опу, то есть именно въ то время, когда Гаэтано открылъ «Острова царей и садовъ».

Прежде чѣмъ перейти въ міръ дѣйствительныхъ фактовъ и событий, приведемъ здѣсь еще одно преданіе, имѣющее отношеніе къ судьбѣ Кука, со времени котораго собственно и начинается достоверная исторія государства гавайскаго. Жилъ когда-то на островѣ Гавайи нѣкто Роно. Это былъ хорошій человекъ, только страшно

вспыльчивый. Разъ, въ припадкѣ ревности, онъ убилъ свою жену, которую страстно любилъ. Не зная, куда дѣваться отъ тоски по убитой, онъ рѣшилъ, наконецъ, прибѣгнуть къ старому средству влюбленныхъ всѣхъ временъ—къ путешествію. Отплывая, онъ обѣщаль со временемъ вернуться опять на родной островъ. Вотъ что говорить о немъ туземная народная пѣсня:

«Въ старые годы жилъ-былъ съ женою своею Роно-Акуа-Гавайскій; имя богини его любви было Каики-Ари-Опуна; жили они подъ утесистой скалою. Пришелъ человекъ на скалу и началъ такъ говорить женѣ Роно: «О, ты, Каики-Ари-Опуна! возлюбленный твой тебя привѣтствуетъ! Побереги одного, прогони другого, и все еще будетъ одинъ!». Услышавъ эти лукавыя рѣчи Роно и убилъ жену свою въ припадкѣ гнѣва. Въ отчаяніи отъ такого жестокаго дѣла, онъ понесъ въ морай тѣло жены и долго плакалъ надъ нимъ. Бѣгалъ онъ послѣ того по Гавайѣ въ бѣшеномъ изступленіи и дрался со всякимъ, кого ни встрѣчалъ. Изумленный народъ спрашивалъ. «Или ты, Роно, совсѣмъ одурѣлъ?». А онъ отвѣчалъ: «Да, одурѣлъ я по ней, которую такъ сильно любилъ». Учредивъ въ память ея смерти игры, онъ отправился по морю въ треугольной лодкѣ и уплылъ въ далекія страны. Предъ отъѣздомъ такъ провѣщаль онъ: «Возвращусь опять я на островъ, гдѣ есть свиньи, кокосы и собаки».

Гавайцы причислили Роно къ богамъ, въ день его отъѣзда каждый годъ устраивали разныя игры, кулачные бои, битвы на копьяхъ и изъ года въ годъ ждали его возвращенія.

Честь открытія Гавайскихъ острововъ принадлежитъ, какъ извѣстно, Куку. Въ 1778 г. знаменитый мореплаватель впервые увидѣлъ берега Гавайи. Въ январѣ слѣдующаго года онъ снова посѣтилъ ее, и на этотъ разъ туземцы признали въ англійскомъ капитанѣ своего давно-жданнаго бога Роно. Куку воздавались божескія почести, ему приносились богатые дары, его людей закармливали всѣмъ, что было лучшаго у дикарей. Гости съ своей стороны дѣлали все, чтобы показать, что они вовсе не боги, а такіе смертные, которые похуже всякихъ дикарей. Въ концѣ-концовъ, во время одной ссоры на берегу, Кукъ былъ убитъ, 2-го (14-го) февраля 1779 г.

Гавайцамъ онъ оставилъ сѣмена разныхъ европейскихъ фруктовъ и овощей. Матросы же его посѣяли во вновь открытой странѣ зародыши тѣхъ страшныхъ болѣзней, съ которыми дикари прежде не были знакомы. Новыя болѣзни и пьянство явились, чтобы окончательно доканать несчастную гавайскую расу, и безъ того уже совершенно истощенную вѣковыми междоусобными войнами. Смертность среди островитянъ приняла съ тѣхъ поръ характеръ настоящаго вымиранія, и недалекъ уже тотъ день, когда гавайская раса исчезнетъ съ лица земли.

Послѣ открытія Кука, о Гавайѣ заговорили по всей Европѣ, и мореплаватели устремились сюда цѣлыми стаями. Корабли всѣхъ

странъ свѣта, купцы и китоловы, всѣ стали появляться у береговъ чудной страны и для торговли, и для починокъ, и для того, чтобы запастись свѣжей провизіей, которую можно было тутъ дешево купить.

Въ то время всѣ острова были охвачены пожаромъ междоусобныхъ войнъ, различные царьки и вожди боролись другъ съ другомъ за власть и за собственное существованіе, и сила была на сторонѣ того, кто имѣлъ огнестрѣльное оружіе. Этимъ и пользовались заѣзжіе купцы: они привозили старое, часто ни къ чему негодное, оружіе и обмѣнивали его на мѣстные продукты, преимущественно же на дорогое сандалное дерево. Это дерево водилось тогда въ изобиліи на островахъ, и гавайцы щедро расплачивались имъ за оружіе. Сотни, тысячи людей, оторванные отъ плуга, бродили по горамъ, въ поискахъ за тѣмъ продуктомъ благодатной почвы, который могъ доставить ихъ вождямъ лишній шансъ къ побѣдѣ. Страна оставалась безъ рабочихъ рукъ, земля пустѣла, и нищета народная росла. Безпощадное истребленіе дорогаго растенія привело къ тому, что оно теперь и въ Гавайѣ—такая же рѣдкость, какъ и въ другихъ мѣстахъ.

Въ одной изъ этихъ свирѣпыхъ междоусобныхъ войнъ погибъ и тотъ царекъ острова Гавайи, который видѣлъ смерть Кука. Престоль завѣщаль онъ своему сыну, а въ случаѣ бездѣтности послѣдняго — родному племяннику, Камеаеа. Послѣдній не сталъ ждать этой бездѣтности и самъ рѣшилъ завоевать свое счастье. Пользуясь непопулярностью новаго правителя, онъ открыто пошелъ противъ него, одолѣлъ врага въ неравномъ бою и захватилъ власть въ свои руки. Изъ маленькаго вождя онъ сталъ теперь царькомъ самаго большого острова архипелага. Но это былъ только первый, хотя и самый трудный шагъ въ карьерѣ молодаго честолюбца: онъ рѣшилъ сдѣлаться единымъ властителемъ всѣхъ гавайскихъ острововъ. Покореніе ихъ не стоило ему особенно большаго труда. Всѣ эти острова были доведены междоусобными войнами до крайней степени истощенія. Только одинъ Оагу обошелся ему дорого. Покореніемъ Оагу было положено начало единой гавайской монархіи, первымъ государемъ которой явился Камеаеа. Съ Камеаеа 1-го начинается династія королей Сандвичевыхъ острововъ, правившая ими безъ перерыва сто лѣтъ.

IV.

Камеаеа понялъ, что недостаточно было покорить враговъ и завладѣть ихъ удѣлами, что самое трудное дѣло—умѣть удержать покоренную страну въ своихъ рукахъ. Всѣми зависящими отъ него способами онъ постарался возстановить въ странѣ нормальный ходъ жизни. Чтобы подать примѣръ народу, король заставилъ заниматься

земледѣліемъ всю свою свиту, придворныхъ и приближенныхъ. До сихъ поръ гавайцы съ гордостью показываютъ полосу земли, которую вспахалъ и обработалъ собственными руками ихъ великій владетель. Въ Гавайѣ существовалъ обычай—всѣхъ военно-плѣнныхъ приносить въ жертву богамъ, въ благодарность за дарованную побѣду. Послѣ каждаго большого сраженія капища оглашались воплями десятковъ человѣческихъ жертвъ. Камеаеа указомъ запретилъ приносить плѣнныхъ въ жертву, отмѣнилъ многіе другіе варварскіе обычаи, ввелъ гражданское правосудіе, которое, по его словамъ, должно было быть «кроткое, дѣятельное и терпѣливое».

Съ тѣхъ поръ, какъ острова стали посѣщаться бѣлыми, гавайскіе владетели и вожди, приходя въ столкновенія съ ними, поняли, наконецъ, въ чемъ сила бѣлыхъ, и начали стремиться къ тому, чтобы и своихъ подданныхъ научить разнымъ наукамъ и искусствамъ, которыми владѣли чужеземцы. Иногда они прибѣгали для этого къ средствамъ очень оригинальнымъ.

Когда Камеаеа сдѣлался правителемъ одного еще только острова Гавайи, къ нему попали какъ-то въ плѣнъ два американскихъ боцмана—Юнгъ и Девисъ. Несчастные американцы были увѣрены, что ихъ постигнетъ участь капитана Кука, и что если ихъ тѣламъ не удастся попасть на столъ разныхъ знатныхъ особъ, то во всякомъ случаѣ они составятъ недурной обѣдъ для тюремщиковъ и сторожей. Но вмѣсто тюрьмы плѣнныхъ, какъ въ сказкѣ, привели прямо предъ очи царскія. Камеаеа обласкалъ ихъ, назначилъ имъ для житія самые красивые домики недалеко отъ своего дворца, предоставилъ выбрать себѣ въ жены, кто имъ только понравится изъ туземныхъ женщинъ, подарилъ всевозможными подарками, словомъ осыпалъ ихъ такими милостями, о которыхъ бѣднымъ плѣнникамъ и во снѣ не снилось. Взамѣнъ всего этого отъ нихъ требовалось только одно: чтобы они не покидали острововъ и учили гавайцевъ всему, что знаетъ просвѣщенный міръ,—задача не легкая для простыхъ боцмановъ! Въ концѣ-концовъ, оба американца сдѣлались самими приближенными людьми и совѣтниками короля. Когда приходили иностранные корабли, Юнгъ и Девисъ являлись на нихъ переводчиками и посредниками между королемъ и чужеземцами. Юнгъ оказался человѣкомъ большого ума, и король во всѣхъ важныхъ дѣлахъ совѣтовался съ нимъ. Обоихъ вмѣстѣ онъ, впрочемъ, никогда не отпускалъ на суда изъ боязни, чтобы они не сбѣжали на родину: когда одинъ изъ нихъ отправлялся на корабли, другой оставался на берегу заложникомъ. Но напрасно безпокоился король! Боцманы такъ привыкли къ жизни на островахъ, что и не думали о побѣгѣ. Юнгъ дожилъ до глубокой старости и на склонѣ своей жизни былъ первымъ министромъ у Камеаеа, ставшаго тогда уже королемъ Камеаеа I, владителемъ единой гавайской монархіи.

Юнгъ и Девисъ были первые бѣлые, поселившіеся на Гавай-

скомъ архипелагѣ. Съ тѣхъ поръ многіе европейцы и американцы нашли здѣсь себѣ вторую родину.

На свои войска, ихъ вооруженіе и на защиту страны отъ вражескаго нашествія Камеаеа обратилъ самое серьезное вниманіе. Съ развитіемъ торговли сандаловымъ деревомъ, которая въ значительныхъ размѣрахъ началась около 1800 года, король и главные вожди, обрадованные такимъ источникомъ дохода, который въ тѣ времена казался неизсякаемымъ, стали широко истреблять это дерево въ обмѣнъ на оружіе, порохъ, желѣзо и, главнымъ образомъ, суда. Страсть къ покупкѣ судовъ сдѣлалась тогда какой-то маніей. За нихъ платили бѣшенныя деньги, входили въ долги, для погашенія которыхъ понадобилось потомъ много-много лѣтъ.

Во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ король надѣвалъ дорогую мантию, цѣнность которой, однако, не поддается обычному опредѣленію. Плащи эти готовились такимъ образомъ: въ обыкновенную основу тканемъ вшивались крошечныя палевыя перышки мѣстной птички мамо, у которой находилось только по одному такому перу подъ каждымъ крыломъ. Мантия, какую носилъ Камеаеа I, готовилась девятью поколѣніями вассаловъ; блѣдно-золотистаго цвѣта она имѣла блестящій, бархатистый видъ.

Одинъ только король носилъ мантию изъ желтыхъ перьевъ. Трудно даже представить себѣ, какое количество бѣдныхъ птичекъ мамо нужно было поймать, чтобы заткать плащъ въ нѣсколько десятковъ квадратныхъ футъ. Перья мамо входили въ число статей оброка, взимававшагося съ народа. Последнюю королевскую мантию этого рода можно видѣть въ музеѣ Гонолулу. Она была приготовлена для короля Калакуа I по случаю его коронаціи. Мантия эта имѣетъ 4¹/₂ ф. длины и 12 футъ ширины. Въ британскомъ музеѣ въ Лондонѣ я видѣла одинъ изъ тѣхъ плащей, которые принадлежали самому Камеаеа, и полный уборъ, какъ его носили вожди и короли Гавайи, навѣки исчезнувшіе, какъ исчезла та крошечная птичка, изъ крыльевъ которой рабскій народъ вырывалъ по одному перышку для украшенія своихъ властителей.

Птичку мамо обыкновенно душили и затѣмъ уже вырывали драгоценныя перышки. Камеаеа издалъ указъ, чтобы мамо не душили, а у живой вырывали нужныя перья, и, чтобы родъ ея не прекратился, отпускали ее затѣмъ на волю.

Въ своихъ реформахъ Камеаеа избѣгалъ, по возможности, насильственныхъ мѣръ; онъ всегда старался дѣйствовать на своихъ подданныхъ личнымъ примѣромъ и убѣжденіемъ. Смѣлость, умъ, порядокъ и трудъ дали ему престолъ, и онъ объяснялъ это своему народу не однимъ только словомъ, но и дѣломъ, показывая ему примѣръ во всемъ. Немудрено, что онъ имѣлъ громадное вліяніе на свой народъ.

Въ его царствованіе Архипелагъ посѣтили многіе знаменитые мореплаватели конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтій.

Съ Ванкуверомъ, приходившимъ нѣсколько разъ къ Гавайю, у короля завязались самыя дружескія отношенія, продолжавшіяся всю жизнь. Въ одинъ изъ приходовъ кораблей Ванкувера на Сандвичевы острова, Камеамеа, въ числѣ прочихъ знаковъ вниманія къ своему гостю, устроилъ въ честь его примѣрную битву. Въ ней принимали участіе 300 человѣкъ, по 150 съ каждой стороны. Всѣ войны оказывали чудеса дикой ловкости и искусства, но пальма первенства досталась самому королю. Вмѣшавшись въ сраженіе, Камеамеа хотѣлъ показать народу, въ присутствіи чужеземцевъ, что званіе верховнаго вождя не было однимъ только почетнымъ титуломъ, а вполне соответствовало его личнымъ достоинствамъ. Онъ обнаружилъ такую ловкость, такой пылъ въ нападеніи, такое проворство въ защитѣ, что Ванкуверъ и его спутники не могли оторвать глазъ отъ этого поразительнаго зрѣлища. Шесть стрѣлъ вдругъ полетѣли въ короля. Онъ схватилъ три изъ нихъ на воздухѣ, двѣ перешибъ своимъ оружіемъ и уклонился отъ шестой едва примѣтнымъ движеніемъ тѣла. Ванкуверу, между прочимъ, принадлежитъ серьезная попытка упрочить на островахъ преобладающее вліяніе Англіи. 21-го февраля 1794 г. большой совѣтъ вождей собрался на кораблѣ «Discovery», чтобы обсудить вопросъ объ отдачѣ острововъ подъ протекторатъ Англіи. Большинство членовъ совѣта высказалось за протекторатъ; но непремѣннымъ условіемъ при этомъ было поставлено сохраненіе полной независимости въ управленіи внутренними дѣлами своего государства. 25-го февраля, лейтенантъ Пѣджесъ водрузилъ англійскій флагъ на берегу и объявилъ, что беретъ Сандвичевы острова подъ покровительство короля Великобританіи. Актъ этотъ никогда не былъ ратификованъ англійскимъ правительствомъ; но тѣмъ не менѣе являлся весьма опаснымъ прецедентомъ для возможныхъ здѣсь въ будущемъ захватовъ Англіи и указывалъ, что Гавайскіе властители уже тогда сознавали необходимость опереться на какое нибудь сильное европейское государство.

Въ 1816 г., въ ту самую гавань на островѣ Гавайѣ, гдѣ 37 лѣтъ тому назадъ погибъ Кукъ, пришелъ русскій военный корабль «Рюрикъ» подъ командой Коцебу. Видъ русскаго корабля внушительныхъ размѣровъ навелъ уныніе на короля; но капитанъ Коцебу успѣшилъ успокоить его, заявивъ, что не имѣетъ никакихъ воинственныхъ замысловъ и путешествуетъ просто, какъ ученый географъ.

Въ 1815 г. бывшая русско-американская компанія послала въ Гавайю доктора Шеффера для заключенія торговаго договора съ этой страной. Шефферу пришла мысль покорить архипелагъ и присоединить его къ Россіи. Онъ оказался, однако, плохимъ политикомъ. Дразги, интриги и смуты, какія онъ завелъ среди подданныхъ Камеамеа, въ концѣ концовъ настроили противъ него враж-

дебно всѣхъ вождей, и черезъ два года Шефферъ былъ удаленъ съ острововъ.

Приходъ Коцебу засталъ дѣятельность Шеффера въ самомъ разгарѣ, и вотъ на эту жгучую тему король и завелъ рѣчь съ капитаномъ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ я царствую надъ моей землей, — говорилъ онъ, — никому изъ русскихъ не было здѣсь обиды. Острова Гавайскіе были гостепріимно открыты для нихъ, какъ и для другихъ чужеземцевъ; честно снабжали мы и ихъ всѣмъ тѣмъ, что давали другимъ. Но вдругъ изъ вашего американскаго селенія Ситхи пришли люди, назвали себя, какъ и ты, русскими, были приняты ласково, снабжены припасами, и ни съ того, ни съ сего начали дѣйствовать совсѣмъ не попріятельски противъ меня. Они грозили даже намъ своими военными кораблями, которые будто бы прійдутъ покорить наши острова. При помощи Божіей, этому не бывать, пока живъ Камеаеа. Но въ числѣ этихъ злыхъ людей явился какой-то Шефферъ, докторъ, онъ назвалъ себя посланникомъ императора Александра, отправленнымъ для того, чтобы набирать разныя травы. Я такъ много хорошаго слышалъ объ императорѣ Александрѣ, что тотчасъ позволилъ собирать доктору травы, отвелъ землю, далъ работниковъ, заботился, чтобы всего у него было вдоволь, и чтобы пребываніе его у насъ было и пріятно, и здорово. Что же изъ всего этого вышло?» Тутъ Камеаеа подробно разсказалъ о всѣхъ смутахъ и ссорахъ, явившихся плодомъ неумѣлой дѣятельности Шеффера на архипелагѣ. Коцебу успѣшили успокоить старика, увѣривъ его, что русское правительство не имѣетъ ничего общаго съ Шефферомъ, что этотъ послѣдній ложно прикрывается именемъ своего государя. Камеаеа, чрезвычайно обрадованный словами Коцебу, сейчасъ же представилъ его королевѣ Кагу-Ману и наслѣднику престола Ріо-Ріо. Русскихъ пригласили къ царскому столу. За обѣдомъ король пилъ, но ничего не ѣлъ. Затѣмъ онъ пригласилъ гостей въ свой храмъ, гдѣ теперь проводилъ все свободное время среди любимыхъ идоловъ. Совершивъ молитву, онъ самъ началъ обѣдать.

«Я видѣлъ, какъ ѣли русскіе, а теперь пусть русскіе увидятъ, какъ ѣстъ Камеаеа».

Обѣдъ его продолжался недолго и состоялъ изъ вареной рыбы и очень дорогой жареной птички, подававшейся только ему.

Европейцы всячески старались склонить короля принять христіанство, но онъ продолжалъ оставаться ревностнымъ идолопоклонникомъ. «Вотъ боги наши, почитаемые мною боги», — говорилъ онъ Коцебу, вводя его въ свою молельню. «Не знаю, хорошо или дурно я дѣлаю, слѣдуя вѣрѣ моихъ отцовъ; но боги мои не могутъ быть дурны, ибо ничего злого не повелѣваютъ мнѣ дѣлать».

Старикъ часто говорилъ: «Ногамъ моимъ я обязанъ моими по-

стоянными побѣдами, и имъ я приписываю благоденствіе моего царствованія».

На доводы европейцовъ о преимуществахъ христіанской вѣры надъ язычествомъ, Камеаеа отвѣчалъ: «Вѣрю, что ваша религія лучше моей, но, оставивъ старую вѣру, боюсь потерять власть надъ умами моихъ подданныхъ». Но онъ сдѣлалъ одинъ шагъ, который впоследствии значительно облегчилъ дѣло введенія христіанства въ странѣ: онъ уничтожилъ должность верховнаго жреца и званіе это принялъ на себя. Званіе верховнаго жреца не мало должно было содѣйствовать обаянію имени государя и уничтожало въ корнѣ возможность оппозиціи ему со стороны могущественной жреческой касты.

13-го апрѣля 1819 года, геніальный правитель, державшій въ своихъ желѣзныхъ рукахъ объединенное, умиротворенное государство, смертельно заболѣлъ. Жрецы, колдуны, заклинатели собрались со всѣхъ острововъ, пѣли гимны, творили молитвы, приносили жертвы и, наконецъ, предложили прибѣгнуть къ крайнему средству — къ человѣческому жертвоприношенію, но король наотрѣзъ отказалъ дать свое согласіе на это. 8-го мая Камеаеа умеръ.

Тѣло государя было сожжено, и на престолъ вступилъ Ріо-Ріо, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Камеаеа II.

V.

Коцебу, видѣвшій Ріо-Ріо въ 1816 году, говоритъ, что это — толстый уродъ, физическій и нравственный, и ничего больше. Онъ не вмѣшивался ни во что и на аудіенціяхъ храпѣлъ гдѣ нибудь на полу, какъ животное. Насколько отецъ былъ великъ и уменъ, настолько сынъ казался вялымъ и ничтожнымъ. Но... наружность обманчива, и Ріо-Ріо доказалъ это еще одинъ лишній разъ. Не долго царствовалъ этотъ толстякъ, — всего пять лѣтъ, и немного онъ сдѣлалъ; но тѣмъ не менѣе онъ вписалъ свое имя крупнымъ шрифтомъ на страницы исторіи родной страны. Въ его царствованіе было уничтожено идолопоклонство и нанесенъ смертный ударъ святости табу.

Государь и его совѣтники рѣшили освободить народъ отъ табу и, прежде всего, избавить отъ его гнета женщинъ. Женщины, по старымъ обычаямъ, не только не имѣли права ѣсть вмѣстѣ съ мужчинами, но имъ было запрещено употребленіе въ пищу и нѣкоторыхъ фруктовъ. Нарушеніе табу наказывалось въ этихъ случаяхъ смертю. Уничтоженіе этого страшнаго обычая было обставлено чрезвычайно торжественно, и главнымъ героемъ торжества явился самъ король. Вотъ какъ это произошло: въ одинъ изъ очень большихъ праздниковъ толпа народа собралась около дворца, въ ожи-

даніи царскаго угощенія. На разостланных на землѣ рогожкахъ были разставлены блюда: по одной сторонѣ для мужчинъ, по другой для женщинъ. Когда всѣ собрались, вышелъ король, взявъ нѣсколько кушаній, предназначенныхъ для мужчинъ, перешелъ на дамскую половину и сталъ угощать дамъ запретными блюдами. Трудно представить себѣ ужасъ, охватившій суевѣрную толпу. «Габу, табу, табу!» — раздалось со всѣхъ сторонъ, но король и его придворные преспокойно продолжали ѣсть въ обществѣ дамъ, угощая и ихъ недозволенными кушаньями. Народъ бросился въ храмы, привелъ оттуда жрецовъ и съ гнѣвомъ сталъ указывать имъ на нарушеніе обычаевъ отцовъ. Жрецы, заранѣе приготовленные къ этой комедіи, начали кричать: «Да, да, вотъ ужасное беззаконіе, явное нарушеніе табу! Да, что же, однако, дѣлаютъ наши боги? Отчего они не мстятъ? Какъ могутъ они допускать такое преступленіе, да еще въ виду всего народа? Такъ, видно, они безсильные, ложные боги! Уничтожить ихъ! Освободиться отъ нихъ! Пойдемте, гавайцы, расплатимся съ ними!» И старшій жрецъ собственными руками зажегъ главный храмъ. Вѣсть объ этомъ событіи быстро разнеслась по всему архипелагу. Возникли кое-гдѣ попытки возстаній за поруганную старую вѣру, но онѣ были быстро подавлены. Въ 1820 году, на архипелагъ прибыли изъ Сѣверной Америки протестантскіе миссіонеры. Первыми, принявшими христіанство, были: королева-мать и Капіолани, жена одного изъ высшихъ начальниковъ. Сдѣлавшись христіанкой, Капіолани рѣшила разрушить вѣру своихъ соотечественниковъ въ одно изъ самыхъ грозныхъ божествъ туземной мифологіи, въ богиню огня и вулкановъ, — Пелѣ. Съ этой цѣлью она предприняла продолжительное путешествіе къ вулкану Килауэа, который воображеніе туземцевъ сдѣлало мѣстомъ жилища страшной богини. Когда Капіолани поднялась на гору, ее встрѣтила одна изъ жрицъ Пелѣ и предупредила не подходить близко къ кратеру, говоря, что смерть постигнетъ ее за нарушеніе табу богини.

— Кто ты такая? — спросила Капіолани.

— Одна изъ тѣхъ, въ которыхъ обитаетъ богиня, — послѣдовалъ отвѣтъ.

Тогда Капіолани начала излагать передъ жрицей основы христіанскаго ученія; съ жаромъ говорила ей о единомъ, истинномъ Богѣ, читала наизусть цѣлыя страницы изъ священнаго писанія, до тѣхъ поръ, пока жрица не заявила съ ужасомъ, что духъ богини покинулъ ее. Капіолани подошла тогда къ самому кратеру и, въ виду моря расплавленной лавы, пылавшей внизу, ѣла священныя ягоды, посвященныя Пелѣ и бросала камни въ раскаленное жерло вулкана, говоря: «Иегова — мой Богъ. Онъ зажегъ это пламя. Я не боюсь Пеле. Если я погибну отъ ея гнѣва, вы можете бояться Пеле; но я вѣрю въ Иегову, онъ сохранитъ меня, нарушившую

табу богини, и вы должны будете тогда поклониться и служить ему одному».

Затѣмъ она стала на колѣни и запѣла гимнъ истинному Богу.

Подвигъ этой женщины произвелъ, конечно, глубокое впечатлѣніе во всей странѣ.

Въ 1822 г. появилась первая печатная книга на гавайскомъ языкѣ. Это была гавайская грамматика. Черезъ 10 лѣтъ число отпечатанныхъ на туземномъ языкѣ книгъ дошло до 170.000 экземпляровъ. Основанія ариѳметики, библейская исторія, понятія о стихіяхъ, руководства по географіи и т. п. сочиненія читались народомъ на его собственномъ языкѣ. Вслѣдъ за американскими миссіонерами на архипелагъ прибыли и англійскіе. Между послѣдними находился Эллисъ, издавшій первый научный трудъ о Гавайѣхъ.

Сдѣлавшись христіаниномъ, ставъ во главѣ новаго религіознаго движенія, Ріо-Ріо рѣшилъ, что теперь ужъ онъ можетъ непостыдно явиться передъ очи просвѣщенной Европы.

Въ ноябрѣ 1823 года, Камеамеа II отправился на кораблѣ «Eagle» въ Англію, въ сопровожденіи королевы Камеа-Мару и нѣсколькихъ придворныхъ. По прибытіи въ Портсмутъ, Камеамеа II тотчасъ отправился въ Лондонъ, рассчитывая, что его тамъ ждуть: не дождутся, чтобы похвалить за все, что онъ сдѣлалъ для своей страны и для христіанскаго міра. Но, увы, какъ велико должно было быть удивленіе бѣднаго экзотическаго короля, когда оказалось, что его не только не ждали, но даже не захотѣли видѣть! Сколько ни добивался аудіенціи бѣдный Камеамеа II, — Георгъ IV его не принялъ. Съ горя, съ тоски по родинѣ, отъ стыда, отъ ужасовъ лондонскаго климата король занемогъ и умеръ въ больницѣ, въ сырѣмъ закоптѣломъ Лондонѣ, мечтая передъ смертью о своей дивной, вѣчно-зеленой родинѣ, о ея синемъ небѣ и горячемъ солнцѣ и умоляя перевезти его туда хоть послѣ смерти. Вскорѣ, потомъ, погибла здѣсь же, въ больницѣ, и несчастная королева. Когда Георгъ IV узналъ о судьбѣ бѣдныхъ «*raus chauds*», онъ пожалѣлъ о своей жестокости, принялъ оставшихся въ живыхъ лицъ королевской экспедиціи, обласкалъ ихъ и далъ имъ военное судно, которое получило спеціальное назначеніе перевезти останки гавайской королевской четы на родину. И вотъ, въ маѣ 1825 года, бѣдный Ріо-Ріо и Камеа-Мару опять явилась на родину. Тѣла ихъ были преданы землѣ; а на престолъ вступилъ младшій братъ Ріо-Ріо, извѣстный подъ именемъ Камеамеа III.

VI

Въ царствованіе Камеамеа III, новое религіозное и общественное движеніе сдѣлало значительные успѣхи. Отъ ужасовъ древней системы, съ ея человѣческими жертвами, страшнымъ табу и проч.,

народъ переходилъ въ мѣръ христіанской цивилизаціи. Помимо вліянія, которое оказывали на освобожденную отъ гнетущихъ цѣпей массу идеи христіанскаго ученія, взятыя сами по себѣ, огромную роль въ развитіи народнаго самосознанія сыграли американскіе и англійскіе миссіонеры, между которыми въ то время было не мало людей выдающихся. Подъ ихъ вліяніемъ страна покрылась сѣтью школь. Книги печатались въ громадномъ количествѣ экземпляровъ и безвозмездно раздавались народу, шла дѣятельная пропаганда въ направленіи развитія въ массахъ идей представительной системы правленія. Но дѣло это потребовало бы, конечно, значительнаго времени, если бы на помощь усиліямъ американцевъ не явился самъ король, рѣшившійся самъ дать своему народу то, что было ему нужно для дальнѣйшаго развитія.

Американскіе миссіонеры и историки пишутъ, что христіанскія идеи такъ подготовили народъ, настолько расширили его умственные горизонты, повысили его нравственныя потребности, что онъ и самъ добился бы себѣ тѣхъ же политическихъ правъ и привилегій, безъ вмѣшательства свыше, хотя, быть можетъ, и не такимъ мирнымъ путемъ. Съ этимъ мнѣніемъ трудно согласиться. Вѣка глубокаго рабства тяготѣли надъ народомъ. Система табу убивала въ немъ всякую самостоятельность, всякое свободное проявленіе воли. Едва вышедшій изъ дикаго состоянія, едва научившійся грамотѣ, отъ природы болѣе склонный къ созерцательной жизни, привыкшій къ пассивному повиновенію, а не къ активной борьбѣ, народъ этотъ, по мнѣнію американскихъ историковъ, добылъ бы себѣ самъ тѣ права и привилегіи, какихъ онъ никогда не зналъ въ своемъ прошломъ и какія представляли послѣднее слово цивилизаціи, совершенно ему чуждой. Скорѣе онъ успѣлъ бы вымереть весь, чѣмъ поднять оружіе противъ своихъ законныхъ властителей!

Камеамеа III былъ умный и просвѣщенный человекъ своего времени. Съ дѣтства находился онъ подъ сильнымъ вліяніемъ своихъ воспитателей, американскихъ миссіонеровъ. Кромѣ того, не надо забывать, что онъ царствовалъ въ то время, когда во всей Европѣ происходило сильное броженіе умовъ, отголоски либеральныхъ идей доходили и до его далекихъ владѣній, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что король въ 1840 г. рѣшилъ дать своему народу конституцію.

Первымъ слѣдствіемъ новаго порядка вещей явилось болѣе равномерное распредѣленіе налоговъ. Насильственные поборы и вынужденныя работы были уничтожены, права каждаго гражданина ясно опредѣлены. Духъ конституціи 1840 года виденъ изъ слѣдующаго параграфа ея: «Всѣ подданные Гавайскаго государства, ихъ земли, дома и всякое другое имущество находятся отнынѣ подъ покровительствомъ закона, до тѣхъ поръ пока они подчиняются законамъ королевства. Ничто не можетъ быть взято у кого либо изъ подданныхъ безъ особаго на то разрѣшенія закона».

Конституція 1840 года исходила отъ личной воли короля. Это былъ всемилостивѣйшій даръ его своему народу. При всѣхъ своихъ несовершенствахъ, она несомнѣнно послужила школой воспитанія для народа въ правахъ и обязанностяхъ гражданственности. Кромѣ заботъ по вопросамъ лучшаго внутренняго устройства страны, на долю Камамеа III выпала судьба выдержать рядъ натисковъ со стороны различныхъ европейскихъ державъ, смотрѣвшихъ на архипелагъ, какъ на лакомый кусокъ, и бывшихъ не прочь подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ прибрать его къ своимъ рукамъ. Особенную настойчивость въ этомъ направленіи обнаружили Франція и Англія.

Поводомъ для вмѣшательства Франціи во внутреннія дѣла королевства послужило желаніе оказать покровительство и поддержку дѣятельности французскихъ миссіонеровъ въ Гавайѣ.

Выведенный, наконецъ, изъ терпѣнія назойливыми притязаніями Франціи и, очевидно, поощряемый своими американскими друзьями, король рѣшилъ обратиться къ народу съ слѣдующей прокламаціей:

«Считая домогательства Франціи чрезвычайно обременительными для моего королевства, совершенно несогласными съ его положеніемъ, какъ независимаго государства, препятствующими всѣмъ нашимъ стараніямъ управлять страной съ одинаковой справедливостью по отношенію къ гражданамъ всѣхъ національностей, отчаявшись въ безпристрастїи и справедливости со стороны Франціи, мы рѣшили объявить симъ съ особеннымъ удовольствіемъ наше королевское желаніе, состоящее въ томъ, что всѣ наши земли и наши права надъ ними, какъ верховнаго властителя, мы отъ ниже поименованнаго числа отдаемъ подъ покровительство и защиту Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, до тѣхъ поръ, пока съ Франціей не будетъ достигнуто какое либо соглашеніе, соотвѣтствующее моимъ правамъ независимаго государя, законамъ другихъ народовъ и трактатамъ моимъ съ другими иностранными государствами. Если же такое соглашеніе окажется невозможнымъ, то мы желаемъ, чтобы вышеупомянутый протекторатъ оставался вѣчнымъ».

Лишь только содержаніе этой прокламаціи стало извѣстнымъ, лишь только узнали, что для обнародованія недостаетъ только помѣтки числомъ, какъ французскій уполномоченный поспѣшилъ взять обратно свои требованія, и съ тѣхъ поръ уже больше никогда не было рѣчи о нихъ.

Для вмѣшательства Англіи во внутреннія дѣла гавайцевъ послужилъ все тотъ же пресловутый поводъ — желаніе оказать защиту своимъ подданнымъ, живущимъ на Гавайскихъ островахъ. Вмѣсто религиозныхъ претензій, у англичанъ нашлись земельныя, оказавшіяся впоследствии почти всѣ незаконными.

Надобно сказать, что рядъ столкновеній съ представителями различныхъ иностранныхъ державъ, возникшихъ главнымъ образомъ

по поводу введенія законовъ о владѣннн землей и урегулированія земельного вопроса вообще, очень обострившихся въ началѣ сороковыхъ годовъ, заставилъ правительство короля Камеамеа III-го отправить посольства въ Соединенные Штаты и Европу для того, чтобы уладить всѣ эти недоразумѣнн, заключить новые трактаты и получить отъ великихъ державъ гарантн независимости королевства. Послѣднн считались дѣломъ весьма существеннымъ, въ виду захвата Франціей острововъ Маркивскихъ и Таити и того вызывающаго тона, какого держались представители Англн и Франціи въ своихъ сношеннхъ съ гавайскимъ правительствомъ. Въ 1843 году, гавайскому правительству удалось добиться признанн своей независимости отъ главнѣйшихъ европейскихъ державъ, а тѣмъ временемъ пока шли переговоры объ этомъ, на этихъ самыхъ островахъ разыгрались чрезвычайно серьезныя событн. Дѣло въ томъ, что бывший тогда англнскимъ консуломъ въ Гонолулу, Чарльтонъ, послѣ того какъ его отношенн съ гавайскимъ правительствомъ, изъ-за различныхъ земельныхъ прнтязанн его соотечественниковъ, дошли до крайней степени натянутости, рѣшилъ отправиться самъ въ Англн, чтобы тамъ лично изложить свои жалобы министерству. Поѣхалъ онъ черезъ Калифорнн. Здѣсь, на рейдѣ порта Санъ-Блязъ, онъ засталъ англнское военное судно «Carysfort». Командовалъ этимъ кораблемъ лордъ Паулетъ. Чарльтонъ наговорилъ Паулету съ три короба про обиды, которыя будто бы чинитъ британскимъ подданнымъ гавайское правительство, и уговорилъ капитана идти въ гавайскн воды требовать удовлетворенн за нарушение англнскихъ интересовъ. 10-го февраля 1843 года, «Carysfort» сталъ на якорь на рейдѣ Гонолулу.

Лордъ Паулетъ немедленно предъявилъ королю рядъ требованн въ такомъ тонѣ, что послѣднему не оставалось другаго выхода, какъ временно уступить свои владѣнн британской коронѣ и, вмѣсто споровъ съ англнскимъ капитаномъ, перенести все дѣло на усмотрѣнн англнской королевы.

25-е февраля, было послѣднимъ днемъ ультиматума, посланнаго королю капитаномъ «Carysfort»'а. Послѣднн часъ ультиматума истекалъ, а отвѣта отъ короля все еще не было. Паулетъ приказалъ своему кораблю занять положенн, удобное для бомбардировки города.

Въ это время на рейдѣ Гонолулу стоялъ маленькн американскн военный шлюпъ «Бостонъ». Замѣтивъ, что капитанъ англнскаго фрегата собирается не на шутку привести въ исполненн свою угрозу—бомбардировать гавайскую столицу, командиръ «Бостона» послалъ ему письмо, въ которомъ увѣдомлялъ лорда, что если выстрѣлы съ «Carysfort»'а нанесутъ какой либо ущербъ жизни или имуществу американскихъ подданныхъ Гонолулу, то «Бостонъ» немедленно вступить съ нимъ въ бой. Къ счастью, въ этотъ критическн моментъ, король прислалъ отвѣтъ, который былъ нуженъ

лорду. Формальная уступка гавайских островов Англи состоялась в старом форте, куда явился король, в сопровождении своих министров, придворных и большой толпы народа. Камеамеа III, глубоко взволнованный, обратился с трогательным воззванием к народу, в котором объявлял, что принужден временно отдать свои острова Англи и, обливаясь слезами, прерывающимся голосом, приказал спустить гавайский национальный флаг. Над гавайской столицей ввился английский флаг, который затѣм приказано было поднять на всех остальных островах группы. Тотчас послѣ этого король покинул Гонолулу и поселился на островѣ Мауи.

7-го іюля, пришелъ в Гонолулу большой американскій военный корабль «Constellation». Командиръ тотчасъ же выразилъ протестъ противъ англійскаго захвата. Когда на судно явился съ визитомъ губернаторъ города, командиръ салютовалъ ему положеннымъ числомъ выстрѣловъ, поднявъ на гротъ-мачтѣ гавайскій флагъ. Лордъ Паулетъ былъ страшно взбѣшенъ; но его ждало еще пуще огорченіе: 26-го іюля, явился изъ Вальпарайзо на «Дублинѣ» адмиралъ Томасъ, начальникъ той эскадры, в составѣ которой плавалъ Паулетъ. Адмиралъ не призналъ законности захвата архипелага своимъ подчиненнымъ, британскій флагъ на берегу былъ спущенъ, и его мѣсто снова занялъ гавайскій, которому, по приказанію адмирала, тотъ же «Carysfort» салютовалъ 21-мъ выстрѣломъ.

Позднѣйшія документальныя изслѣдованія открыли истинные мотивы французскихъ и англійскихъ притязаній. Когда капитанъ Лапласъ в 1839 года потребовалъ отъ гавайскаго правительства 100.000 франковъ, в видѣ гарантіи, что съ французами здѣсь не будутъ дурно обращаться, онъ никакъ не ожидалъ, что ему будетъ выдана эта сумма. Если бы онъ получилъ отказъ, то занялъ бы Гавайскіе острова, какъ это онъ сдѣлалъ уже съ Таити.

Что касается англійской оккупации, то она явилась слѣдствіемъ желанія англійскаго повѣреннаго в дѣлахъ в Гонолулу предупредить захватъ острововъ Франціей, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что рѣшеніе Франціи на этотъ счетъ уже состоялось. Адмиралъ же Томасъ не призналъ законности дѣйствій Паулета только потому, что лордъ донесъ объ оккупации не ему, а прямо в министерство иностранныхъ дѣлъ. *Et voila, comme on fait l'histoire!*

Изъ этихъ двухъ столкновеній своихъ съ могущественными иностранными державами гавайскіе государственные люди пришли къ слѣдующимъ, печальнымъ для нихъ выводамъ: сами по себѣ, безъ содѣята и помощи своихъ иностранныхъ резидентовъ, совершенно не могутъ справиться съ тѣми затрудненіями, какія являются результатомъ новыхъ условій существованія государства; только поддержкѣ этихъ резидентовъ они обязаны пока сохраненіемъ своей независимости; но что мечты о такой независимости в будущемъ—

только мечты, не больше, и что необходимо подумать теперь же заручиться покровительствомъ какого либо сильнаго дружественнаго государства. Такимъ государствомъ являлись Соединенные Штаты Америки. Король пошелъ дальше, и самъ началъ переговоры не о протекторатѣ, но о прямомъ присоединеніи своего королевства къ Соединеннымъ Штатамъ.

Вымираніе Гавайскаго народа, начавшееся уже давно, сдѣлало большіе успѣхи въ царствованіе Камеаеа III. Этотъ печальный фактъ, сознание опасности, постоянно угрожавшей самостоятельному существованію гавайскаго королевства со стороны нѣкоторыхъ европейскихъ державъ; крайне грубый образъ дѣйствія ихъ представителей въ Гонолулу, въ высшей степни оскорбительный для достоинства этой страны; ростъ и развитіе Соединенныхъ Штатовъ, вмѣстѣ съ постоянной дружбой, какую великое американское государство оказывало къ своей островной сосѣдкѣ; прямое, непосредственное вліяніе значительнаго мѣстнаго американскаго элемента, — вотъ тѣ факторы, которые привели какъ короля, такъ и извѣстную часть туземной интеллигенціи, къ выводу, что протекторатъ или даже прямое присоединеніе ихъ къ Соединеннымъ Штатамъ является все-таки лучшимъ исходомъ для ихъ страны.

VII.

Послѣ безцвѣтнаго Камеаеа IV, царствованіе котораго ничѣмъ не замѣчательно, на престолъ гавайскій вступилъ Камеаеа V. Отъ своего знаменитаго предка, родоначальника династіи, онъ унаслѣдовалъ таланты организатора, желѣзную волю и деспотическія наклонности. Будучи при Камеаеа III министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ многое осуждалъ въ его реформахъ, а нѣкоторымъ изъ нихъ оказывалъ явное сопротивленіе, находя ихъ преждевременными. Вступивъ на престолъ, онъ началъ съ того, что отказался признать конституціи. Парламентскій режимъ ему никогда не нравился, и онъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы измѣнить основныя постановленія конституціи.

Уже къ концу царствованія Камеаеа V недовольство новой системой давало себя знать. Измѣнившіяся социальныя условія, ростъ промышленности и торговли вызвали къ жизни новые общественные элементы, а вымираніе гавайской расы и приливъ иностранцевъ совершенно измѣнили составъ населенія и фізіономію страны. И то, что было бы хорошо для старой Гавайи, казалось для новой и тѣснымъ и нуднымъ. Король былъ послѣднимъ изъ династіи Камеаеа. Прямого наслѣдника у него не было, а назначить себѣ наслѣдника онъ или не хотѣлъ, или не могъ. Говорятъ, король на смертномъ одрѣ воскликнулъ: «Что станетъ съ моей бѣдной стра-

ной? Нѣтъ никого, кто могъ бы мнѣ наследовать. Королевѣ Эммѣ я не довѣряю, Луналило — пьяница, Калеуа — дуракъ!».

Вѣднѣй Кемеа V! Оба эти господина, которыхъ онъ такъ нелицто атгестовалъ, послѣдовательно занимали тронъ его предковъ; а царствование послѣдняго отличалось такими бурными событіями, которыя не мало поспособствовали окончательному паденію гавайской монархіи.

VIII.

Смерть послѣдняго представителя туземной династіи вызвала сильное броженіе умовъ въ странѣ. Кемеа V былъ послѣдній наследственный король; послѣдующіе властители выбирались путемъ народнаго голосованія.

На престолъ великаго Кемеа явились два претендента. Оба обратились къ народу съ воззваніями, прося его подавать за нихъ свои голоса на выборахъ. Родъ Луналило считался однимъ изъ знатнѣйшихъ, и онъ былъ выбранъ. Царствование его продолжалось только годъ и ознаменовалось рядомъ смутъ и народныхъ волненій.

По смерти Луналило, на престолъ вступилъ другой претендентъ, подъ именемъ Калакуа I.

Вновь избранный король не отличался ни умомъ, ни нравственными качествами. Народъ зналъ его характеръ и не довѣрялъ ему. Трудную задачу примиренія со своимъ народомъ Калакуа думалъ рѣшить обращеніемъ къ самымъ дурнымъ инстинктамъ массъ.

До него всѣ гавайскіе короли, начиная съ Кемеа I-го, пользовались, въ дѣлахъ правленія, совѣтами и услугами способныхъ иностранцевъ. Важныя, отвѣтственныя государственныя должности почти всегда поручались иноземцамъ. Иностранцы, рожденные въ Гавайѣ и прекрасно владѣвшіе туземнымъ языкомъ, избирались и въ законодательное собраніе предпочтительно предъ туземными кандидатами. Несмотря на то, что только съ помощью иностранцевъ Калакуа добился престола и въ первое время постоянно прибѣгалъ къ ихъ помощи,—онъ всячески сталъ подрывать въ массахъ довѣріе своего народа къ иноземцамъ. Взывая къ расовому соперничеству, возбуждая племенную ненависть въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ ея раньше не было, онъ рассчитывалъ такимъ путемъ приобрести популярность въ народѣ. Это ему до извѣстной степени и удалось.

До вступленія на престолъ Калакуа занималъ незначительное положеніе въ обществѣ. Избраніе его вскружило головы многимъ молодымъ людямъ изъ лучшихъ семействъ. Они начали мечтать о высшихъ отвѣтственныхъ мѣстахъ въ государствѣ, и король поощрялъ ихъ честолюбивыя мечты, громко провозглашая, что его девизъ: «Гавайя для гавайцевъ».

Онъ сталъ покровительствовать древней религіи и дикимъ суевѣріямъ старины. При немъ образовались тайныя общества для совершенія служенія языческимъ богамъ. Во дворцѣ происходили постоянныя оргіи. Свита его всюду слѣдовала за нимъ и при первомъ требованіи начинала пѣть неприличныя старинныя пѣсни и танцевать непристойныя танцы. Возстановленіемъ древней религіи король хотѣлъ, съ одной стороны, оказать противодѣйствіе христіанскимъ идеямъ и вліянію на простой народъ церкви, которая открыто осуждала его безнравственную жизнь; главнымъ же образомъ онъ рассчитывалъ этимъ путемъ возстановить древнее почитаніе народомъ своихъ вождей. Обѣщанія хорошихъ должностей, прямой подкупъ, награды, угрозы и запугиванія — все было нущено имъ въ ходъ для того, чтобы привлечь побольше людей на свою сторону.

Особенно усиливалась дѣятельность придворной камарильи передъ выборами. Чувство расовой вражды стало главнымъ факторомъ при нихъ. Простой народъ старались спаивать. Пользуясь королевской привилегіей — получать для своего стола вина безъ пошлины, король сталъ выписывать ихъ для разныхъ торговыхъ фирмъ, за что получалъ отъ этихъ фирмъ сотни ящиковъ дешеваго джина, который щедро разсылалъ по округамъ для подкупа избирателей. Относительно лицъ, подозрѣвавшихся въ несочувствіи королевской политикѣ, не стѣснялись прибѣгать къ прямому насилію, чтобы лишить ихъ возможности подать свой голосъ на выборахъ.

Выборы, при такихъ условіяхъ, теряли всякое значеніе.

Для пріобрѣтенія денегъ король не гнушался ничѣмъ. Такъ, онъ продалъ одному китайцу право торговать опиумъ въ Гавайѣ за 150.000 рублей; затѣмъ сейчасъ же продалъ это право другому китайцу, у котораго взялъ 160.000 рублей.

Послѣ девятилѣтняго правленія Калакауа рѣшилъ короноваться и обставилъ эту церемонію чрезвычайно пышностью. Три года ушли на приготовленія къ великому событію; приглашенія были разосланы къ правителямъ и государямъ всего земнаго шара.

Само собой понятно, что иностранная колонія осуждала эти бесполезныя траты, ложившіяся тяжелымъ бременемъ на бѣдный гавайскій народъ. Наконецъ, лучшіе люди Гавайи, во главѣ которыхъ стали, главнымъ образомъ, иностранцы, образовали «Тайную лигу» съ цѣлью низложить Калакауа и провозгласить республику. Каждый членъ лиги долженъ былъ вооружиться на свой собственный счетъ и отдать себя въ распоряженіе «Совѣта тринадцати», которому была поручена организація мятежнаго движенія. Король долженъ былъ уступить и дать обѣщаніе, что управленіе страной будетъ измѣнено на основаніи новой конституціи.

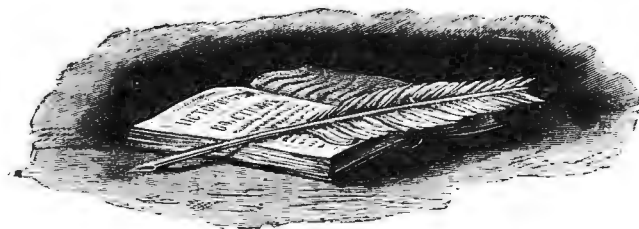
Вотъ главнѣйшія черты конституціи 1887 года: всякому гражданину мужескаго пола свыше 25-ти-лѣтняго возраста, прожившему

на островахъ болѣе одного года, предоставлено избирательное право, независимо отъ его происхожденія или цвѣта кожи; область вмѣшательства короля въ дѣла правленія значительно сужена; король оставленъ, какъ глава государства, и отвѣтственность за управленіе страной легла цѣликомъ на кабинетъ, который могъ быть смѣняемъ только законодательнымъ собраніемъ, выбираемымъ народомъ.

Въ 1891 году умеръ Калакауа I, и на престолъ вступила сестра его, послѣдняя гавайская властительница—Лилиуокалани I.

Женщина-врачъ А. Черевкова.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Книга для чтенія по исторіи средних вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей подъ редакціей профессора П. Т. Виноградова. Удостоена большой преміи имени императора Петра Великаго. Выпускъ первый. Москва. 1896. Выпускъ второй. Москва. 1897.

В ПОСЛѢДНЕЕ время у насъ замѣчалось сильное стремленіе къ самообразованію. Къ сожалѣнію, приходится и теперь еще повторять, что наша учебная и общеобразовательная историческая литература очень бѣдна. Есть много специальныхъ сочиненій, но большинство специалистовъ не думаютъ о доступномъ изложеніи для широкой публики научныхъ результатовъ. Поэтому каждая добросовѣстная попытка пустить въ широкій оборотъ строгія научныя данныя заслуживаетъ живого сочувствія. Такую попытку представляетъ «Книга для чтенія» г. Виноградова, второй выпускъ которой только-что появился. Пользуясь выходомъ второй части, мы скажемъ нѣсколько словъ и о первой.

Хрестоматія профессора Виноградова предназначена не только для вѣклассныхъ чтеній учащихся и классныхъ разсказовъ для преподавателя, но и для домашняго чтенія лицамъ, ищущимъ самообразованія. Въ нашей литературѣ существуетъ извѣстная хрестоматія по исторіи среднихъ вѣковъ г. Стасюлевича, но она имѣетъ въ виду совершенно иной кругъ читателей и наполнена выдержками изъ памятниковъ и историческихъ сочиненій, ясное усвоеніе которыхъ не всегда доступно для учащейся молодежи. Всѣ статьи въ хрестоматіи профессора Виноградова специально для нея написаны. Общее замѣчаніе, которое приходится сдѣлать, читая ихъ, сводится къ разнохарактерности ма-

теріала положеннаго въ основу хрестоматіи. Но это неизбежно, такъ какъ составитель имѣлъ въ виду разсказъ преподавателей и чтенія учениковъ. Неизбѣжно и потому еще разнообразіе матеріала, что рядомъ съ очерками (а ихъ большинство), дающими картину конкретной стороны исторической жизни, помѣщены статьи отвлеченнаго содержанія. Изъ всей сложной и богатой драматическими моментами средневѣковой исторіи составители сборника выбрали наиболѣе характерныя явленія и моменты, отказавшись отъ мысли, практически неудобной, хотя и весьма заманчивой, дать связанное изложеніе теченій средневѣковой жизни. Статьи, за немногими исключеніями, отличаются компилятивнымъ характеромъ, сохранены иногда не только построеніе пособия, или источника, но даже отдѣльныя мысли и выраженія. Это придаетъ извѣстный колоритъ, вводитъ читателя въ ту атмосферу свѣжести, которая дается при чтеніи источника. Общая точка зрѣнія, имѣвшаяся составителями въ виду—культурно-соціальная. На первомъ планѣ—внутренняя, бытовая сторона. Каждая статья снабжена маленькимъ указаніемъ на тѣ источники и пособия, которыми составитель пользовался. Но ссылки эти на источники и пособия не претендуютъ представить библиографію вопроса. Разумѣется, дѣло это очень сложное, но разъ имѣется въ виду публика вообще, а не только учащіеся, то отчего же не помочь хотя бы преподавателю ориентироваться въ разныхъ сочиненіяхъ составленіемъ библиографіи. Такова общая, внѣшняя фізіономія двухъ вышедшихъ книгъ г. Виноградова.

Содержаніемъ перваго выпуска, состоящаго изъ 18 статей, служитъ образованіе средневѣковаго міра, возникновеніе трехъ культурныхъ міровъ средневѣковья—западно-европейскаго и магоматанскаго. Въ связи съ этимъ захватывается исторія развитія въ западно-европейскомъ мірѣ трехъ крупныхъ явленій средневѣковья—имперіи, папства и феодализма (о немъ во 2-ой частп). Лучшими статьями, по строгой научности и педагогическимъ достоинствамъ, можно считать статьи П. Н. Милюкова «Разселеніе славянъ» (стр. 67—118), профессора Виноградова «Имперія VI вѣка и Юстиніанъ» (212—247) и Ө. Смирнова «Левъ III и начало иконоборства». Очень картинно написана самая длинная въ книгѣ статья П. М. Гревса «Аларихъ и вестготы». Статьи о Магометѣ, исламѣ и Абассидахъ составлены по Мюллеру и Кремеру. Надо отдать справедливость прекраснымъ статьямъ профессора Милюкова о славянствѣ. Замѣчательно, что въ нашей учебной литературѣ хуже всего изложены вопросъ о славянствѣ. Да его и мало знаютъ. Удивительно живо, ярко и просто составлены статьи Милюкова. Эти статьи съ живѣйшимъ интересомъ будутъ читаться не только учениками старшихъ классовъ, но и широкой публикой. Съ немалымъ интересомъ читается статья г. Шамолина «Карль Великій, его личность и заботы о просвѣщеніи» (384—413), гдѣ дано много картинокъ изъ необыкновенно разносторонней дѣятельности Карла.

Второй выпускъ книги г. Виноградова, заключающій въ себѣ 49 статей, представляетъ собою объемистый (965), прекрасно изданный томъ. Онъ охватываетъ средневѣкый строй, когда къ XI вѣку окончательо организовался феодализмъ. Въ этомъ выпускѣ разсматриваются наиболѣе яркія явленія средневѣковой жизни: феодализмъ, папство и имперія, крестовые походы, рыцарство и средневѣковая

культура. Вопросы—весьма существенные, дающие разнообразіе содержанія выпуска и оправдывающіе, без сомнѣнія, значительный объемъ книги и цѣну ея. Сложному вопросу о феодализмѣ посвящена первая статья профессора Виноградова (стр. 1—15) «Подготовка феодализма», которая разсматриваетъ зачатки специфическихъ чертъ феодализма въ Римской имперіи до поселенія въ ней варваровъ. Едва ли она доступна—опытъ покажетъ—ученикамъ. Это—строго-научная и вслѣдствіе ея краткости довольно сухая статья. Римскій элементъ далеко не одинаково воздѣйствовалъ въ образованіи строя европейскихъ государствъ. Въ Англіи его влияние было очень незначительно, феодализмъ, сложившійся тамъ на германской почвѣ, имѣлъ своеобразный характеръ. Этому вопросу посвящена статья «Альфредъ Великій» профессора Виноградова, въ которой профессоръ старается «легкимъ» языкомъ разсмотрѣть подготовку и условія историческаго развитія Англіи до ея завоеванія.

Для описанія феодальнаго строя отведено 42 страницы въ статьѣ «Феодъ и сеньерія» Г. Щепкина. Слѣдовало бы удѣлить побольше мѣста для выясненія феодальныхъ порядковъ, имѣвшихъ въ исторіи Европы такое громадное значеніе и дожившихъ до французской революціи. Мало удѣлено мѣста и коммунальному движенію, которое описано въ статьѣ «Французскіе города въ средніе вѣка» Г. Моравскаго. Здѣсь дана общая картина городского строя. Религіозный элементъ, преобладаніе котораго составляетъ характерную черту среднихъ вѣковъ, выразился въ аскетизмѣ. Статьи «Иннокентій III» (составлено по статьѣ В. И. Герье) и «Цезарій Гейстербахскій» П. Ардашева даютъ благодарный матеріалъ для характеристики средневѣковаго міросозерцанія и настроенія, гдѣ народно-поэтическія представленія перешлетаются съ богословско-аскетическими идеями. Средневѣковое монашество было попыткой осуществить аскетическій идеалъ. Въ началѣ XIII вѣка появились два нищенствующихъ ордена, францисканцы и доминиканцы. Характеристикѣ основателей ихъ посвящена статья, превосходно написанная, Р. Випнера «Францискъ и Доминикъ»—двѣ противоположности. Изученію школъ и школьнаго преподаванія въ средніе вѣка отведены три статьи: «Мистика и схоластика XI—XII вѣковъ», В. Ивановскаго, его же «Народное образованіе и университеты въ средніе вѣка» и «Болонскій университетъ и римское право въ средніе вѣка» А. Вормса. Статьи эти знакомятъ читателя съ организаціей и задачами преподаванія, сводившимися къ схоластикѣ. Здѣсь придется отмѣтить нѣкоторую трудность усвоенія для учащихся вопросовъ о номинализмѣ, реализмѣ и т. д. Блестяще написана статья кн. Трубецкаго «Религіозно-общественный идеалъ папы Григорія VII» (314—360 стр.), представляющая собою извлеченіе изъ его новаго труда «Идея Божескаго царства въ твореніяхъ папы Григорія VII». Оставивъ въ сторонѣ біографическія данныя о Григоріи VII, талантливый профессоръ даетъ прекрасную характеристику того религіозно-общественнаго идеала, которому Григорій служилъ, какъ практическій дѣятель и какъ мыслитель-теоретикъ. Григорій—преемникъ Августина, онъ продолжаетъ дѣло, уже начатое до него, стремясь къ осуществленію господствовавшей теократической системы, къ осуществленію единого «божескаго царства на землѣ», къ устроенію вселенскаго, католическаго міра. Хорошо составлены статьи о крестовыхъ

походахъ. «Подготовка перваго крестоваго похода» Н. Шамолина, его же— «Вожди перваго крестоваго похода», «Иерусалимское королевство» Е. Щепкина, «Андроникъ Комнинъ» Ө. Смирнова и «Четвертый крестовый походъ» М. Покровскаго.

Во второмъ выпускѣ книги профессора Виноградова обращаетъ на себя вниманіе статья о свв. Кирилѣ и Меѳодіи, представляющая изъ себя довольно скучное для общаго чтенія извлеченіе изъ «паннонскихъ житій». Для чего г. Лавровъ привелъ эти извлеченія— неизвѣстно. Дѣйствительно, исторія мало сохранила намъ документовъ о жизни и дѣятельности славянскихъ первоучителей, «Паннонскія житія» занимаютъ видное мѣсто среди немногихъ источниковъ, но все же для читателя, а не изслѣдователя, пріятнѣе познакомиться съ живымъ изложеніемъ о свв. Кирилѣ и Меѳодіи. Примѣчаніе, сдѣланное къ этой статьѣ, представляетъ собою хорошій библиографическій указатель. Къ достоинствамъ книги нужно отнести превосходныя иллюстраціи (ихъ восемь) къ очеркамъ по средневѣковому искусству. Въ этихъ очеркахъ («Византійское искусство», «Романскій стиль», «Готическій стиль», «Мавританскій стиль») рассмотрѣно средневѣковое искусство въ связи съ характеромъ эпохи и жизнью. Они представляютъ большой интересъ, такъ какъ большею частью игнорируются въ общихъ курсахъ по исторіи среднихъ вѣковъ. Въ текстѣ помѣщено до 52 снимковъ миниатюръ, плановъ. Если можно упрекнуть составителя книги въ ея первой части за нѣкоторую неравноцѣнность статей, за невыдержанность научнаго направленія, то о второй части этого нельзя сказать. Она живо, научно и, въ общемъ, доступно составлена. Ее можно смѣло рекомендовать для самообразовательнаго чтенія. Такой полноты матеріала читатели не найдутъ даже въ иностранныхъ хрестоматіяхъ подобнаго типа. У насъ существуютъ, переведенныя съ французскаго, книги Ланглуа, Марвеожоля, которыя не выдерживаютъ сравненія съ хрестоматіей профессора Виноградова.

К.

Начало конца Польши. Введеніе въ исторію борьбы за объединеніе Россіи при императрицѣ Екатеринѣ Великой. Матеріалы, извлеченныя: 1) изъ московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба, 2) изъ военно-ученаго архива того же штаба и 3) изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и напечатанныя штабсъ-капитаномъ А. К. Ильенко подъ редакцію, съ предисловіемъ и объяснительною запискою ординарнаго профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба полковника П. А. Гейсмана. Спб. 1898.

Безславный конецъ польскаго государства представляетъ собою явленіе безпримѣрное во всемирной исторіи. Всякое государство оканчивало свое политическое бытіе только послѣ упорной и кровавой борьбы за свою независимость и сдавалось уже послѣ того, какъ враги истощали всю жизненную силу его организма. Ничего подобнаго мы не видимъ въ поучительной исторіи трехъ раздѣловъ Польши: простой народъ отвесилъ съ полнымъ равнодушіемъ къ пре-

кращенію политической самостоятельности своего отечества, правящій класъ ограничился словеснымъ протестомъ. Какъ явленіе въ своемъ родѣ исключительное и единственное, конецъ Польши не перестаетъ привлекать вниманіе историковъ, находящихся здѣсь весьма благодарную почву для научной работы. Для однихъ—немалую приманку составляетъ задача выяснитъ фактическую сторону дѣла, распутать безчисленныя нити иноземныхъ интригъ и вліяній, которыя кипѣли въ Польшѣ въ концѣ XVIII в., нарисовать потрясающую картину агоніи великаго государственнаго организма; другихъ привлекаетъ соблазнительная перспектива широкихъ выводовъ и обобщеній, для которыхъ даетъ столь богатый матеріалъ эта эпоха, одушевляетъ желаніе выяснитъ внутреннія, сокровенныя причины гибели Польши, омрачившей столь много славныхъ страницъ своей исторіи печальнымъ концомъ. Надобно надѣяться, что послѣдніе годы Рѣчи Посполитой еще надолго сохранятъ за собою характеръ заманчивой исторической темы, привлекающей вниманіе изслѣдователей, вызывающей охоту къ труду. Хорошимъ ручательствомъ тутъ является то обстоятельство, что архивы Россіи, Австріи и Германіи хранятъ немалую груду сыраго матеріала, опубликованіе котораго будетъ давать поводъ (и не внѣшній только) къ новому пересмотру вопроса.

Гг. Ильенко и Гейсманъ предприняли изданіе касающихся трактуемаго событія матеріаловъ, кои находятся въ архивѣ главнаго штаба и архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Въ вышедшемъ теперь первомъ выпускѣ помѣщены матеріалы, исключительно касающіеся военной исторіи,—объясняющіе движеніе русскихъ войскъ въ предѣлахъ бывшей Польши въ 1764 г. Вполнѣ соглашаясь съ г. Гейсманомъ, что эти матеріалы имѣютъ весьма важное значеніе вообще въ военно-историческомъ отношеніи, такъ какъ, безспорно, «изученіе ихъ способствуетъ выясненію состоянія нашихъ войскъ въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II, снабженія ихъ всѣмъ необходимымъ, ихъ тактики, уставныхъ правилъ и т. д.» (предисл., III), мы воздержимся отъ окончательнаго сужденія о значеніи этихъ матеріаловъ спеціально для исторіи «начала конца Польши», такъ какъ пока намъ приходится имѣть дѣло, по видимому, лишь съ малою частью того богатаго собранія, какимъ располагаютъ гг. издатели. Обратимся поэтому къ разсмотрѣнію тѣхъ предварительныхъ замѣчаній, которыми г. Гейсманъ снабдилъ печатаемые подъ его редакціей матеріалы.

«Предисловіе» г. Гейсмана производитъ пріятное впечатлѣніе тѣмъ прямодушіемъ, съ которымъ авторъ, не уклоняясь въ сторону, излагаетъ свой взглядъ на задачи историческаго изслѣдованія и обосновываетъ свою точку зрѣнія на вопросъ о паденіи Польши. Предвидя упрекъ въ «патріотизмъ» за свою объяснительную записку, г. Гейсманъ точно указываетъ свойства и характеръ этой струи, присутствія которой въ своемъ изслѣдованіи онъ и не отрицаетъ. Указавъ въ такъ называемомъ патріотическомъ направленіи два подраздѣленія, изъ которыхъ «одно страдаетъ склонностью къ преувеличенію значенія всего своего, родного, къ самовосхваленію, а другое, наоборотъ, къ униженію своего родного, къ самобичеванію», авторъ считаетъ одинаково вреднымъ то и другое, при чемъ говоритъ, что «второе если не явилось, то сдѣлалось извѣст-

нымъ раньше первого, и что первое является обыкновенно, какъ необходимое противодѣйствіе второму, возвышая свой голосъ лишь тогда, когда второе не знаетъ мѣры и слишкомъ уже хватаетъ черезъ край» (предисл., II). Съ послѣднимъ мнѣніемъ г. Гейсмана мы не можемъ согласиться. Патріотизмъ въ первомъ своемъ видоизмѣненіи очень долгое время составлялъ господствующую черту въ настроеніи русскаго общества — подтвержденіемъ этого является вся исторія допетровской Руси; сознание несовершенствъ многихъ сторонъ русской жизни, дающее главную основу для патріотизма втораго вида (по счету автора), является гораздо позже. Равнымъ образомъ и въ научной сферѣ попытки безпристрастнаго отношенія къ прошлымъ судьбамъ русскаго народа начинаютъ появляться въ качествѣ противовѣса панегиризму, которымъ отличаются первоначальные историческіе труды.

«Объяснительная записка» г. Гейсмана состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ изслѣдованій, между которыми—какъ по объему, такъ и по интересу содержанія—заслуживаютъ быть отмѣченными: «Что такое представляла изъ себя извѣстная въ исторіи Польша?», «Историческій очеркъ развитія отношеній между Россією и Польшею до 1764 года» и «Операціи русскихъ войскъ въ Польшѣ въ 1764 г., въ связи съ дѣйствіями русскаго правительства, сторонниковъ Россіи и ея противниковъ». Остальныя («Положеніе Польши въ общей политической системѣ Европы», «Реформы», проведенныя Чарторыйскими на конвокаціонномъ сеймѣ», «Избраніе въ короли Станислава-Августа Понятовскаго» и «Оцѣнка политической программы Россіи по отношенію къ Польшѣ, въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II») объемомъ не превышаютъ одной-двухъ страницъ (вся «объяснительная записка» занимаетъ 55 стр.).

По вопросу о томъ, что такое представляла изъ себя извѣстная въ исторіи Польша, г. Гейсманъ, пользуясь извѣстнымъ курсомъ краковск. проф. Борбжинскаго, а также монографіями г. Карѣва, Коржона и покойнаго ксендза В. Калинки, даетъ отвѣтъ, что это была страна съ очень пестрымъ и разносоставнымъ населеніемъ, въ которомъ основной этнографической элементъ составлялъ никакъ не болѣе 40% общаго состава, съ совершенно распатанной системой управленія, съ своевольничавшей шляхтой, съ забытымъ и безправнымъ народомъ. Все это—въ настоящее время болѣе или менѣе общеизвѣстныя истины, хорошо разъясненныя въ трудахъ вышеназванныхъ историковъ. Что же касается сдѣланнаго г. Гейсманомъ подсчета населенія на территоріи бывшей Рѣчи Посполитой, то онъ вызываетъ нѣкоторое недоумѣніе, такъ что мы считаемъ нелишнимъ сопоставить его съ нѣкоторыми другими цифровыми данными. Г. Гейсманъ дѣлаетъ свой подсчетъ «на основаніи статистическихъ данныхъ, обработанныхъ лучшими представителями современной науки (нашими и иностранными)» (с. IX), и опредѣляетъ число поляковъ, жившихъ на территоріи бывшей Рѣчи Посполитой въ 1885 г., цифрой въ 9.916.774 чел. Между прочимъ не особенно давно по поводу вновь вышедшаго статистическаго изслѣдованія одного польскаго ученаго¹⁾ въ польской прессѣ поднятъ былъ вопросъ о численности польскаго племени; въ варшавской газетѣ «*Slowo*» (1897 г., № 242) на

¹⁾ Czynski, Zarys etnograficzno-statystyczny, Warsz., 1897.

основаніи этого изслѣдованія, а также нѣкоторыхъ опубликованныхъ данныхъ послѣдней переписи, были представлены слѣдующія данныя, которыя мы считаемъ нелишнимъ сопоставить съ данными, приведенными г. Гейсманомъ въ его статистическихъ таблицахъ:

По таблицамъ г. Гейсмана.				По даннымъ «Slow'a».		
Наименованіе частей территоріи.	Общее количество населенія.	Число поляковъ.	Процентное содержаніе.	Общее количество населенія.	Число поляковъ.	Процентное содержаніе.
Привислянскій край.	7.960.304	5.532.400	69,50	9.442.599	6.951.033	73,00
Девять западныхъ губерній	15.621.976	354.868	2,27	19.719.369	2.100.796	10,6
Всего въ предѣлахъ нынѣшней Россіи.	23.582.280	5.887.268	24,96	29.161.968	9.051.829	31,04

Сравненіе процентнаго отношенія поляковъ къ остальному населенію упомянутыхъ областей открываетъ значительную разницу въ этихъ показаніяхъ, а между тѣмъ въ процентномъ отношеніи не можетъ быть столь значительныхъ колебаній за періодъ десятилѣтія. (Толь же значительная разница сказывается и въ окончательныхъ выводахъ: г. Гейсманъ насчитываетъ всѣхъ поляковъ на всей территоріи бывшей Рѣчи Посполитой къ 1885 г.—9.916,774 чел., а «Slowo» къ 1897 г.—15.611,829. Столь значительная разница, не объяснимая путемъ только естественнаго прироста населенія, показываетъ, что въ способѣ вычисленія той или другой стороны кроется какая-то погрѣшность, которую въ интересахъ дѣла слѣдовало бы выяснитъ.

Изслѣдуя далѣе вопросъ о «Положеніи Польши въ общей политической системѣ Европы», г. Гейсманъ отмѣчаетъ, что въ удѣлъ Польшѣ самой исторіей была указана великая задача—«объединить греко-славянскій или, по крайней мѣрѣ, славянскій міръ и прежде всего составить противовѣсъ надвигавшемуся на этотъ міръ съ запада нѣмецкому міру... и отстаивать своихъ западныхъ единоплеменниковъ отъ поглощенія нѣмцами» (XIII). «Такъ ли дѣйствовала Польша?—спрашиваетъ авторъ и даетъ отвѣтъ:—за малыми исключениями, совершенно наоборотъ».

Мы не совсѣмъ понимаемъ, что хотѣлъ сказать авторъ своимъ «совершенно наоборотъ». Сознательно Польша не измѣняла этой задачѣ, а если отступала на востокъ, то только въ силу роковой необходимости. Затѣмъ, авторъ почему-то ни словомъ не обмолвился о знаменитой Грюнвальденской битвѣ 1410 г., служащей блистательнымъ подтвержденіемъ того, что Польша напрягала страшно свои силы въ борьбѣ съ волной тевтонизма и не всегда безуспѣшно. Да и сама унія 1386 г., основу которой г. Гейсманъ изъяснилъ довольно вѣрно (стр. XV), показываетъ, насколько средневѣковая Польша чутко сознавала ту миссію, которую возложилъ на нее самый ходъ событій въ ту эпоху.

Въ общемъ «Объяснительная записка» г. Гейсмана составлена весьма живо и читается съ интересомъ. Конечно, это—только бѣглые эскизы, выводы автора

далеки отъ той солидной обоснованности, какая дается въ научно-историческихъ трактатахъ; но, какъ послѣдовательное развитіе самостоятельнаго взгляда автора на характеръ отношеній между Россіей и Польшей до 1764 г., они имѣютъ несомнѣнное значеніе. Надѣмся, что болѣе твердое обоснованіе своихъ взглядовъ г. Гейсманъ дастъ въ предпринятомъ имъ изслѣдованіи, посвященномъ первой польской войнѣ императрицы Екатерины Великой; теперь же намъ остается пожелать гг. Ильенко и Гейсману безпрепятственно довести до конца начатое изданіе матеріаловъ, чѣмъ будетъ оказана нашей исторической литературѣ немалая услуга.

К. Х.

И. А. Вѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи. М. 1898.

Первое изданіе означенныхъ «Воспоминаній» разошлось въ самое короткое время, и на книжномъ рынкѣ уже появилось въ настоящее время второе, успѣхъ котораго въ публикѣ, по слухамъ, не менѣе перваго. Такое рѣдкое и счастливое явленіе въ русской литературной жизни, не избалованной особенно спросомъ на книги со стороны читателей, можетъ быть исключительно объяснено высокимъ интересомъ содержанія книги, такъ какъ собственно имя автора, покойнаго доктора Вѣлоголова, какъ имя литературное, чрезвычайно мало говоритъ уму и сердцу читателей. Правда, авторъ «Воспоминаній» пользовался въ качествѣ доктора практиканта большою популярностью среди извѣстныхъ классовъ населенія Петербурга и Москвы, его близкія отношенія къ русской передовой литературѣ тоже не составляли секрета, но все же не этими обстоятельствами долженъ быть истолкованъ успѣхъ его «посмертнаго изданія»: онъ вытекаетъ, какъ уже сказано выше, изъ самаго содержанія книги, изъ повѣствованій о тѣхъ лицахъ и ихъ дѣятельности, которые дороги русскому обществу и которые въ свое время явились его руководителями и вожаками. Каждое повѣствованіе уже само по себѣ, посвященное тому или другому выведенному на сцену лицу изъ числа дорогихъ намъ покойниковъ, представляетъ, конечно, большой интересъ, но помимо этого обстоятельства въ «Воспоминаніяхъ» Вѣлоголова есть и другая сторона дѣла, невольна привлекающая къ нимъ вниманіе и сочувствіе: это ихъ общій тонъ, спокойный и сердечный, который проникаетъ каждую страницу, каждый очеркъ. Авторъ, собственно говоря, не рисуетъ намъ ни одного кричащаго событія, ни одной особенно яркой страницы общественной жизни: повѣствованія его по большей части относятся къ будничнымъ днямъ, гдѣ дѣйствующія лица, въ домашней обстановкѣ, окруженные друзьями и родными, чувствуютъ разныя недомоганія, испытываютъ приступы болѣзней. И докторъ обстоятельно рассказываетъ, какъ онъ всѣми силами и мѣрами старался облегчить эти недомоганія, боролся съ причудами «великихъ людей» и часто именно изъ-за этихъ причудъ оказывался не въ силахъ быть на высотѣ своего докторскаго призванія. Къ категоріи такихъ главъ изъ «Воспоминаній» относятся очерки о гр. Лорисъ-Меликовѣ, Салтыковѣ, Тургеневѣ, Некрасовѣ. Главное содержаніе здѣсь именно посвящено процессу болѣзней этихъ нашихъ общественныхъ дѣятелей и врачеванію этихъ процес-

совъ. Тема, казалось бы, не изъ особенно уже интересныхъ, и тѣмъ не менѣе, всякая глава, всякая страница читается съ захватывающимъ интересомъ, имѣя несомнѣнное историческое значеніе. Объясняется это именно тѣмъ субъективизмомъ, съ которымъ написаны всѣ эти главы, при наличности котораго всѣ дѣйствующія лица встаютъ передъ нами, какъ живыя, со всѣми положительными и отрицательными сторонами своихъ характеровъ, производя впечатлѣніе именно живыхъ людей, а не манекеновъ, которые такъ часто выглядываютъ изъ-за появляющихся въ нашихъ журналахъ подобнаго рода «воспоминаній». Можно, впрочемъ, иногда даже пожалѣть, что Бѣлоголовый слишкомъ уже концентрируетъ интересъ содержанія именно въ специальныхъ описаніяхъ, скупясь на передачу своихъ разговоровъ о болѣе высокихъ матеріяхъ, изъ которыхъ мы могли бы болѣе обстоятельно ознакомиться съ общественными симпатіями и убѣжденіями выведенныхъ лицъ. Этотъ недостатокъ особенно сильно проглядываетъ въ очеркѣ о гр. Лорисъ-Меликовѣ, дѣятельность и характеръ котораго такъ мало еще выяснены въ нашей литературѣ. Наиболѣе обстоятельнымъ является біографія и характеристика покойнаго профессора С. П. Воткина, съ которымъ Бѣлоголовый былъ товарищемъ по ученію и съ которымъ онъ всю жизнь состоялъ въ самыхъ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Кажется, Бѣлоголовый единственный пока въ нашей литературѣ далъ истинно-правильную и полную характеристику знаменитаго клинициста и профессора, съ обстоятельнымъ анализомъ, какъ слагался этотъ симпатичный и высоко-поучительный образъ врача изъ разныхъ факторовъ жизни—семейной обстановки, вліянія школы, товарищей и университетской науки. Большой интересъ заключается въ краткихъ воспоминаніяхъ Бѣлоголоваго о Герценѣ, гдѣ на фонѣ шумной европейской жизни, съ ея тревожными общественными моментами, выразительно нарисованы типы русской эмиграціи. Наибольшую же цѣнность въ книгѣ имѣетъ то, что относится къ описанію жизни въ Сибири нашихъ декабристовъ, ихъ характеристикамъ и изложенію дальнѣйшихъ страницъ изъ жизни послѣ амнистіи. Бѣлоголовый, самъ сибирякъ по происхожденію, многимъ былъ обязанъ декабристамъ—подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ сложился его характеръ, развилось и окрѣпло его міросозерцаніе и отъ нихъ же первыхъ черпнулъ онъ основаніе научныхъ знаній. Поэтому онъ имѣлъ дѣйствительную возможность изучить вдоль и поперекъ ихъ прошлое и настоящее, ихъ характеры, ихъ основныя убѣжденія. Все, что онъ сообщаетъ по настоящему предмету, имѣетъ громадное историческое значеніе и надолго останется единственнымъ въ своемъ родѣ источникомъ для сужденія объ отношеніяхъ декабристовъ къ людямъ сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Особенно удалась Бѣлоголовому характеристика декабриста А. В. Поджіо, которому и посвященъ одинъ изъ самыхъ длинныхъ его очерковъ.

Къ интереснымъ «Воспоминаніямъ» Бѣлоголоваго приложена прекрасная его біографія, составленная Г. А. Джаншіевымъ, и характеристика, сдѣланная В. А. Крыловымъ. Къ книгѣ приложено нѣсколько портретовъ.

В. Глинскій,

Борьба за землю въ древнемъ Римѣ. Генриха Буля. Пер. съ нѣмецк. С. Сергѣева. Одесса. 1897.

Небольшая книжка Генриха Буля представляетъ изъ себя второй выпускъ 2-й серіи «Библиотеки общественныхъ знаній», издаваемой Южно-Русскимъ обществомъ печатнаго дѣла, подъ общей редакціей Л. С. Зака. По словамъ редактора, «Библиотека» эта предназначается «для широкаго круга среднихъ интеллигентныхъ читателей» и «ставитъ себѣ задачей дать рядъ оригинальныхъ и переводныхъ книжекъ популярнаго характера и сжатаго объема по вопросамъ прикладной и теоретической экономіи, финансовъ, культурной исторіи, права и проч.», причемъ «въ книжкахъ, посвященныхъ обзору жизни Западной Европы, даются приложенія, трактующія о состояніи даннаго вопроса въ Россіи». Первая ранѣе вышедшая серія «Библиотеки» касается политической экономіи и финансоваго дѣла, вторая же, судя по первымъ двумъ выпускамъ, должна обнимать собою вопросы культурной и правовой исторіи.

При не слишкомъ большомъ обилии у насъ популярныхъ трудовъ по означеннымъ вопросамъ, задача, поставленная себѣ обществомъ, представляется весьма симпатичной. Но исполненіе ея, что касается, по крайней мѣрѣ, подлежащей нашему разбору книжки Буля, оставляетъ желать очень многаго. Книги популярныя намъ нужны, такъ какъ спеціальныя ученые труды не всегда могутъ найти въ нашемъ обществѣ достаточное количество вполне подготовленныхъ къ ихъ воспріятію читателей. Но популярность отнюдь не должна исключать научности; мы имѣемъ полное право требовать отъ автора популярной книги, чтобы онъ далъ намъ въ краткомъ, но вполне точномъ видѣ всѣ тѣ заключенія, къ которымъ пришла въ данное время наука по излагаемому имъ вопросу; онъ можетъ не ссылаться на первые источники, можетъ не полемизировать съ противниками высказываемыхъ имъ взглядовъ, но во всякомъ случаѣ долженъ стоять въ уровень съ послѣдними научными данными, а не повторять буквально то, что извѣстно каждому изъ гимназическихъ учебниковъ.

Послѣднимъ, именно, недостаткомъ и страдаетъ книжка Буля. На первый взглядъ это можетъ показаться нѣсколько страннымъ, такъ какъ Генрихъ Буль, профессоръ Гейдельбергскаго университета, принадлежитъ къ числу весьма солидныхъ ученыхъ — знатоковъ римскаго права, а потому ему мѣнѣе, чѣмъ кому либо, извинительно ставить свое имя на книгѣ, излагающей азбучныя истины. Въ дѣйствительности, однако, дѣло, кажется намъ, объясняется очень просто: авторъ нисколько не претендовалъ на названіе своей книги «научно-популярной» въ томъ смыслѣ, въ какомъ поняли это слово русскіе издатели. «Борьба за землю» есть не болѣе, какъ краткое правоученіе германскимъ крестьянамъ, основанное на историческомъ примѣрѣ римскаго аграрнаго устройства, на что ясно указываютъ заключительныя страницы книги. Изложивъ вкратцѣ борьбу плебеевъ съ патриціями и оптиматовъ съ прелетаріями изъ-за земельныхъ надѣловъ, Буль обращается къ состоянію землевладѣнія въ Германіи, замѣчаетъ съ удовольствіемъ, что оно въ настоящее время совершенно свободно отъ недостатковъ римскаго, но при этомъ прибавляетъ: «Удержать это спасительное состояніе земледѣлія (?) должно быть дѣ-

ломъ не только заинтересованныхъ въ этомъ людей, но и всякаго патріота; это, именно, задача, которая заслуживаетъ серьезнѣйшаго вниманія нашихъ руководящихъ сферъ. Рядомъ съ энергичнымъ городскимъ классомъ, здоровое крестьянство, сословіе свободныхъ земельныхъ собственниковъ, служить необходимой основой для государства, неисчерпаемымъ источникомъ его силъ» (стр. 34).

Надо думать, Буль былъ бы самъ въ высшей степени удивленъ, если бы узналъ, что его книжка переведена на русскій языкъ, да еще подъ громкой кличкой «научно-популярной»; полное отсутствіе самонадѣйшей претензіи на научность со стороны автора видно уже изъ одного того, что онъ, приравниваясь къ понятіямъ малообразованныхъ читателей, нигдѣ даже не упоминаетъ о разницѣ между двумя совершенно отличными одинъ отъ другого видами плебейско-патриціанской борьбы — борьбой политической и борьбой социальной, и, такъ какъ оба эти вида постоянно соприкасались между собою, одинаково пользуется явленіями того и другого для доказательства истинности своихъ тезисовъ.

Русскій переводъ книги Буля сдѣланъ чрезвычайно небрежно: не говоря уже о постоянно встрѣчающемся мѣстоименіи перваго лица, въ приложеніи къ Германіи и нѣмцамъ, не говоря о томъ, что переводчикъ не озаботился при указаніи размѣровъ земельныхъ участковъ поставить вмѣсто нѣмецкихъ моргеновъ русскія десятины, — не рѣдкость встрѣтить такія несродныя русскому языку выраженія, какъ «существованіе, измученное лихорадкой» (стр. 33); вмѣсто слова «землевладѣніе» то и дѣло видимъ мы «земледѣліе», какъ въ вышеприведенномъ отрывкѣ. Но нельзя не поблагодарить переводчика за примѣчаніе его (единственное, впрочемъ) на стр. 6-й къ тому мѣсту книги Буля, гдѣ послѣдній, трактуя объ общинномъ землевладѣніи, утверждаетъ, что эта форма сохранилась въ Россіи «въ томъ своеобразномъ видѣ, при которомъ земля принадлежитъ общинѣ, а поля передаются отдѣльнымъ лицамъ лишь въ пожизненное пользованіе, причемъ всякая частная собственность и всякое наследованіе недвижимостей устранины». Переводчикъ совершенно вѣрно отмѣчаетъ смутность понятій Буля о сущности русской общины, въ которой земля принадлежитъ лицу не пожизненно, а отъ одного передѣла до другого, причемъ всякія другія недвижимости, кромѣ земли (напр., постройки), составляютъ частную собственность владѣльцевъ.

К. Лосскій.

В. Н. Чичеринъ. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Выпуски первый и второй. Москва. 1897.

«Политическіе мыслители» В. Н. Чичерина представляютъ собою извлеченіе изъ капитальной четырехтомной «Исторіи политическихъ ученій», вышедшей въ семидесятыхъ годахъ и съ тѣхъ поръ въ изданіи не обновляемой авторомъ. Содержаніе настоящаго извлеченія захватываетъ собою точно такъ же, какъ и «Исторія», политическую философію древности, среднихъ вѣковъ, эпохи возрожденія и отчасти новаго времени. Изъ мыслителей сюда вошли Платонъ, Аристотель, Фома Аквинскій, Данте, Марсилій Падуанскій, Томасъ Моръ, Ма-

Кіавелли, Гуго Гроцій, Гоббсезъ, Мильтонъ, Кумберландъ, Локкъ, Монтескье, Руссо, Вольфъ, Бентамъ, В. Гумбольдтъ, Роттекъ, Галлеръ и Гегель. Гегелемъ закончена и «Исторія политическихъ учений». Авторъ готовилъ ее продолженіе, матеріалы послѣдняго вошли между прочимъ частично въ Безобразовскій «Сборникъ государственныхъ знаній», но самостоятельнаго существованія, къ сожалѣнію, не увидали. О достоинствахъ труда Б. Н. Чичерина распространяться нечего, за нихъ ручается имя автора; это обстоятельство, однако, не исключаетъ возможности сдѣлать относительно книги нѣсколько замѣчаній по существу. Напримѣръ, разбирая ученіе отъявленнаго матеріалиста Локка, авторъ ставитъ ему въ упрекъ логическую непослѣдовательность. Локкъ, признавая все наши понятія о субстанціяхъ только именами, избрѣженными для объединенія наблюдаемыхъ нами чувственныхъ явленій, сдѣлалъ нѣкоторое исключеніе для основной самосущей субстанціи — первопричины. Существованіе послѣдней англійскій мыслитель доказывалъ чисто умозрительнымъ способомъ при помощи имъ же отвергаемыхъ аксіомъ. Непослѣдовательность въ данномъ случаѣ очевидна и рѣжетъ глазъ, но нужно, кажется, намъ принять во вниманіе общій характеръ англійскаго мышленія для того, чтобы не ставить Локку въ значительный минусъ его логическую измѣну сенсуализму. Локкъ былъ кровнымъ англичаниномъ и, внутренне исповѣдуя преемственность и постепенность развитія опредѣленныхъ идей, какъ въ политикѣ, такъ и въ области философской мысли, принципиально отвергалъ радикализмъ. Въ вопросахъ сенсуалистической доктрины онъ не былъ новаторомъ: въ этомъ отношеніи ему предшествовали Бэконъ и Гоббсезъ. Что же касается деизма, то въ семнадцатомъ столѣтіи у англійскихъ писателей мы находимъ только первые его начатки, и Локкъ, не отдавая дани англійской преемственности, тѣмъ самымъ нарушилъ бы послѣдовательность тоновъ ея гаммы. Ближайшій ученикъ Локка, Коллинзъ, исполнилъ то, что не додѣлалъ учитель, и закончилъ эту гамму философской англійской мысли. Указаннаго обстоятельства не отмѣчаетъ авторъ и тѣмъ какъ бы подрываетъ значеніе Локка въ глазахъ читателя, иначе говоря Б. Н. Чичеринъ не вноситъ въ книгу историческаго объяснительнаго элемента. То же самое можно сказать о Монтескье, который въ силу обстоятельствъ подчасъ умышленно не только не былъ непослѣдователенъ, но даже завѣдомо, на основаніи политическихъ соображеній, навязывалъ англійской конституціи такія свойства, которыхъ она не имѣла. Какъ контрабандистъ Монтескье умышленно пользовался чужимъ признаннымъ флагомъ для того, чтобы свободно провозить на континентъ новаторскія идеи.

Историческое пониманіе политическихъ мыслителей особенно важно въ такихъ популярныя книгахъ, каковой въ данномъ случаѣ по дѣли своей является извлеченіе изъ «Исторіи политическихъ учений». Безъ объясненія условій, мѣста и времени, читатель неспециалистъ можетъ вынести нежелательное предубѣжденіе противъ того или другого философа, тѣмъ болѣе извлеченіе всегда теряетъ въ дѣльности и полнотѣ, дающихъ возможность самому уяснить себѣ значеніе разсматриваемаго мыслителя. При всемъ томъ книга Б. Н. Чичерина является въ высшей степени цѣннымъ приобрѣтеніемъ для нашей популярно-научной литературы, нашедшей себѣ авторитетнаго покрови-

вителя въ лицѣ редакціи «Библиотеки для самообразованія». Политическіе мыслители — одинъ изъ номеровъ цѣлой серіи популярно-научныхъ книгъ, издаваемыхъ «редакціей».

В. Гр—скій.

**Московскій публичный и Румянцовскій музеи. Торжественное засѣданіе въ память графа Н. П. Румянцова, 3-го апрѣля 1897 г.
Москва.**

Публичныя засѣданія о дѣятельности Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, происходившія ранѣе черезъ каждые три года, обыкновенно ограничивались сухимъ перечнемъ событій изъ вѣдшей дѣятельности музеевъ за отчетный періодъ, официальной признательностью предъ различными жертвователями и т. д. Въ минувшемъ году управленіе музеевъ постановило давать отчеты о нихъ ежегодно въ день рожденія (3 апрѣля 1754 г.) канцлера графа Н. П. Румянцова, основателя означенныхъ музеевъ, оживляя засѣданія «сообщеніемъ результатовъ внутренней жизни учреждений, въ видѣ научныхъ изслѣдованій, основанныхъ на принадлежащихъ имъ источникахъ и матеріалахъ». Отчетъ о «торжественномъ засѣданіи въ память графа Н. П. Румянцова 3 апрѣля 1897 года», изданный управленіемъ музеевъ, заключаетъ въ себѣ рѣчь ихъ директора М. А. Веневитина о научномъ значеніи музеевъ въ исторіи русскаго просвѣщенія; статью С. Д. Долгова «Памяти графа Н. П. Румянцова», съ рисункомъ статуи Мира, заказанной гр. Румянцовымъ Кановѣ, въ память трехъ мирныхъ договоровъ, заключенныхъ его дѣдомъ, отцомъ и имъ самимъ и украшающей нынѣ Румянцовскій музей; историко-топографическія справки Н. Янчука о старомъ холмѣ Ваганьковѣ и домѣ на немъ, бывшемъ Пашкова (нынѣ Румянцовскомъ музеѣ), съ фототипіями, которыя воспроизводятъ эту мѣстность и дворецъ Пашкова по рисункамъ иностранцевъ: Пикара (начало XVIII вѣка), Антинга, Де-ла-Бартъ (конецъ XVIII вѣка), Кларка (начала XIX вѣка); статью Вс. Миллера объ этнографической коллекціи П. П. Шимкевича, изъ быта гиляковъ, тунгузовъ, ороновъ, якутовъ и корейцевъ, съ фототипіями преимущественно объ ихъ шаманскомъ культѣ; замѣтку С. Щурова о портретѣ гр. Румянцова, нарисованномъ миниатюристомъ Стрели, и, наконецъ, замѣтку о днѣ рожденія гр. Румянцова. «Имя этого мецената,—говорится въ отчетѣ,—еще не достаточно извѣстно русскому обществу. Знакомство съ нимъ обыкновенно ограничивается признаніемъ его заслугъ, какъ щедрого поощрителя научныхъ интересовъ, какъ ревностнаго собирателя книгъ, рукописей и рѣдкихъ предметовъ археологіи, этнографіи и естественныхъ наукъ, какъ основателя Румянцовскаго музея. Но мѣсто и значеніе графа Румянцова въ исторіи Россіи не исчерпывается предѣлами его меценатства. Дипломатъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, директоръ путей сообщенія, министръ торговли, канцлеръ, на всѣхъ поприщахъ предлежавшей ему дѣятельности, онъ оставилъ яркіе слѣды своихъ просвѣщенныхъ и плодотворныхъ заботъ, направленныхъ ко благу отечества. И вотъ, съ этой-то широкой, всеобъемлющей точки зрѣнія жизнеописаніе графа Н. П. Румянцова еще недостаточно освѣщено его біографами въ связи съ общими условіями его вѣка. Онъ до сихъ поръ привле-

каль къ себѣ вниманіе преимущественно археологовъ, изслѣдователей древностей, историковъ русскаго права и русской словесности, произведенія которыхъ въ рукописныхъ изданіяхъ увидѣли свѣтъ, благодаря его щедротамъ. Но всестороннее выясненіе общественно-историческаго облика знаменитаго канцлера до сихъ поръ представляетъ собою еще задачу будущаго».

Въ научномъ смыслѣ имя графа Румянцова, кромѣ указаннаго, тѣсно связано съ тѣмъ, что въ своемъ очеркѣ о русской исторіи онъ первый «прибѣгаетъ къ тому самому способу объясненія русскихъ лѣтописныхъ извѣстій, который, впоследствии, черезъ 9 лѣтъ, такъ плодотворно былъ примененъ знаменитымъ Шлецеромъ въ его Несторѣ, именно къ сравненію съ иностранными источниками. Тогда же Румянцевъ старается завязать сношенія съ извѣстными европейскими учеными и пользуется содѣйствіемъ дипломатовъ для полученія нужныхъ свѣдѣній по интересующимъ его вопросамъ. Такъ австрійскій посланникъ, во Франкфуртѣ, графъ Филиппъ Стадіонъ, справляется у Добровскаго, извѣстнаго чешскаго ученаго, по вопросамъ «древней исторіи и взаимныхъ отношеній славянскихъ народовъ между собой».

Провѣряя русскія лѣтописныя сказанья иностранными источниками, Румянцовъ обратилъ вниманіе на гибель отечественныхъ источниковъ и пришелъ къ заключенію о необходимости собирать рѣдкія книги, рукописи, предметы археологіи, этнографіи и естественныхъ наукъ. Покинувъ государственную службу, Румянцовъ основалъ въ Петербургѣ музей въ интересахъ исторической науки и весь остатокъ жизни провелъ вдали отъ политической дѣятельности. По этому поводу г. Долговъ (хранитель отдѣленія рукописей въ музеяхъ) замѣчаетъ, что «основныя побужденія, заставившія графа ограничиться этою областью въ концѣ его жизни, могутъ быть объяснены лишь политическимъ разочарованіемъ, которое постигло его при открытіи войны съ Франціей, стравою, представлявшеюся ему единственнымъ естественнымъ союзникомъ Россіи, въ видахъ окончательнаго рѣшенія восточнаго вопроса».

Домъ Пашкова въ Москвѣ, куда впоследствии, въ 1861 году, былъ переведенъ изъ Петербурга Румянцовскій музей, значительно ранѣе (въ 1839 г.) приобретенъ для Московскаго университета и въ настоящее время привлекаетъ къ себѣ всехъ ревнителей просвѣщенія своими накопленными богатствами изъ прошлаго и настоящаго. Изданіе, предпринятое правленіемъ Московскаго публичнаго и Румянцовскаго музеевъ, въ достаточной мѣрѣ знакомитъ читателя съ жизнью ихъ основателя и исторіей ихъ процвѣтанія по настоящее время.

А. Фаресовъ.

Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ девятый. Спб. 1897.

Настоящій томъ «Матеріаловъ» заключаетъ въ себѣ рядъ документовъ, относящихся къ жизни Академіи Наукъ въ 1748—1749 годахъ. Документы эти представляютъ собой официальные донесенія, рапорты, записки, предписанія, входившія и исходившія изъ канцеляріи Академіи Наукъ. Перелистывая этотъ объемистый (826 стр.) томъ и пробѣгая одинъ за другимъ напечатан-

ные въ немъ документы, изумляешься разнообразію дѣлъ, вѣдавшихся канцеляріей Академіи. Ремонтировка зданій, покупка мѣлу, истребленіе крысъ и покупка зеля, «которымъ бы оную гадину истребить можно», заботы о переводахъ книгъ, цензура сочиненій, устройство иллюминацій — все это вопросы, которые приходилось рѣшать одинъ за другимъ канцеляріи Академіи. Болѣе всего заботъ доставляла Академіи въ это время, судя по находящемуся въ настоящемъ томѣ матеріалу, гимназія. Въ число обязанностей Академіи входило не только ученіе, но и розыскиваніе учениковъ. Поэтому приходилось посылать въ Москву и Новгородъ профессоровъ, которые должны были вербовать себѣ слушателей изъ учениковъ семинаріи. Въ настоящемъ томѣ помѣщены интересные отчеты о такихъ вербовкахъ проф. Тредьяковскаго, напечатаны списки набранныхъ учениковъ, также цѣлый рядъ документовъ, рисующихъ нравы академическихъ студентовъ, которыхъ приходилось наказывать за пьянство, буйство, увольнять за неспособность. Интересны также документы, рисующіе цензурную дѣятельность Академіи, профессора которой «свидѣтельствовали» и «апробовали» къ печати какъ переводныя, такъ и оригинальныя произведенія русскихъ авторовъ. Ломоносову и Тредьяковскому, на примѣръ, было поручено свидѣтельствовать трагедію Сумарокова «Гамлетъ», съ цѣлью выясненія, «не окажется ли въ оной чего касающагося кому до предосужденія» (стр. 457). Отзывы цензоровъ объ этой трагедіи оказались вполне благоприятными для автора, а Тредьяковскій не только не нашелъ въ ней ничего предосудительнаго, но даже поставилъ автору ея въ большую заслугу то, что въ ней «пороки истреблены, а добродѣтели торжество, съ великимъ удовольствіемъ сердцу читателю, законно себѣ получили» (стр. 460). Сравнивъ «Гамлета» съ Софокловскимъ «Единомъ», знаменитый профессоръ элоквенціи ни словомъ не обмолвился о Шекспирѣ, трагедію котораго Сумароковъ перевелъ. Болѣе сурово отнесся онъ къ представленнымъ Сумароковымъ эпистоламъ, въ которыхъ усмотрѣлъ сатиры и въ которыхъ, по его мнѣнію, «толь великое было язвительство, что не пороки пишущихъ больше пятнаются, сколько сами писатели» (стр. 473). По его требованію, Сумароковъ долженъ былъ нѣсколько исправить свои эпистолы. Имъ, однако, «не токмо язвительство изъ нихъ не было вынято, но еще оное въ нихъ і умножено». Тредьяковскій, усмотрѣвшій въ этихъ произведеніяхъ намеки на свою поэтическую дѣятельность, всѣми силами противился ихъ напечатанію. Ломоносовъ, однако, отнесся къ дѣлу болѣе спокойно и апробовалъ ихъ къ печати (стр. 555). Не мало также вошло въ настоящій томъ документовъ, характеризующихъ дѣятельность академика Штелина, на обязанности котораго лежало составленіе разнаго рода иллюминацій, фейерверковъ, аллегорій съ «піитическими изъясненіями», въ которыхъ, по словамъ Ломоносова, «не было ни складу, ни ладу». Заслуживаютъ вниманія также документы, рисующіе бѣдственное матеріальное положеніе академиковъ того времени, а также тѣ мѣры, которыми Академія старалась понудить ихъ возможно больше работать. Въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ, на примѣръ, канцелярія предписываетъ всѣмъ академикамъ являться въ свои «департаменты» въ опредѣленное время и сидѣть узаконенное время. Для контроля было предписано «учинить тетради и въ оныя ежедневно въ присут-

ственные дни вписывать только о тѣхъ, кто когда сколько часовъ у дѣла его не досидѣлъ, или послѣ указаннаго часу пришелъ, или совсѣмъ когда не былъ. И какъ наступить всякой трети къ дачѣ жалованья время, когда тѣ тетради подать въ канцелярію для вычетовъ изъ жалованья» (стр. 223). Сурово относилось тогда начальство къ академикамъ! Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ возможности останавливаться на единичныхъ фактахъ, очень интересныхъ для характеристики академическихъ нравовъ того времени. Они въ изобилии разсѣяны въ настоящемъ томѣ, но не настолько однородны, чтобы позволили дѣлать на основаніи ихъ какія либо обобщенія и выводы. В. В.

Исторія Переяславльської землі съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII столѣтія. Монографія Василя Ляскоронскаго. Кіевъ. 1897.

Извѣстно, что правильный взглядъ на основной характеръ и значеніе древнѣйшаго періода русской исторіи установился въ нашей исторической литературѣ не сразу, а лишь послѣ долгой смѣны ошибочныхъ представленій, служившихъ немаловажнымъ тормазомъ къ детальному изученію эпохи. Мнѣніе Карамзина, считавшаго Русь того времени единымъ политическимъ организмомъ, не соотвѣтствовало настоящему положенію дѣла, такъ какъ многія удѣльные княжества достигли значительной обособленности и независимости. Представители школы Соловьева, выходя изъ его теоріи родового быта, группируютъ событія около главнаго центра—великокняжеской власти, вслѣдствіе чего преимущественное вниманіе у нихъ отведено распрямъ князей, разнымъ уособицамъ, часто не имѣвшимъ общественно-народнаго значенія; конечно, при такомъ способѣ изслѣдованія отъ нихъ должны были ускользнуть многія весьма важныя событія, не стоявшія въ прямой связи съ этимъ искусственно-созданнымъ средоточіемъ. Въ настоящее время путемъ болѣе внимательнаго изученія данной эпохи выяснено, что каждое удѣльное княжество представляло собой самостоятельную политическую единицу, возникшую на этнографической основѣ; если же и существовалъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ союзъ княжествъ, то это былъ союзъ областной, а не обще-русскій. Въ зависимости отъ такого взгляда измѣнился и самый методъ изслѣдованія древнѣйшихъ судебъ русской земли: изслѣдователями произведено какъ бы полубовное размежеваніе тогдашнихъ княжествъ, причемъ каждый изъ нихъ старается свести къ единству разсыпанныя по первоисточникамъ крупныя извѣстія, касающіяся даннаго княжества, и возсоздать полную и правдивую картину его древней жизни. Этимъ путемъ наша историческая литература обогатилась цѣлымъ рядомъ цѣнныхъ изслѣдованій: г. Багалѣя—о Сѣверской землѣ, г. Андрияшева—о Волынской землѣ, г. Голубовскаго—о Смоленской землѣ, г. Грушевскаго—о Кіевской землѣ, г. Молчановскаго—о Подольской землѣ. Сюда же нужно отнести и изслѣдованіе г. Ляскоронскаго о Переяславльській землѣ.

Монографія этого молодого ученаго построена по плану, который сдѣлался уже какъ бы обязательнымъ для трудовъ этого типа. Послѣ географическаго очерка Переяславльської земли авторъ въ постепенномъ порядкѣ описываетъ ея

обитателей и смѣну ихъ, затѣмъ, въ трехъ главахъ, излагаетъ политическую исторію страны въ рамкахъ своего періода, а въ заключительной главѣ сообщаетъ объ общественномъ устройствѣ княжества и рисуетъ нѣкоторыя бытовые черты. Планъ вполне простой и естественный, и лишь глава IV («Промышленность и торговля») нѣсколько нарушаетъ общую гармонию, такъ какъ по содержанию своему она не связана тѣсно ни съ предыдущей, ни съ послѣдующей рѣчью; гораздо лучше было бы, по нашему мнѣнію, поставить ее въ связь съ послѣдней главой, къ которой она ближе примыкаетъ своимъ содержаніемъ.

Переходя къ болѣе подробному обзору содержанія монографіи, считаемъ нужнымъ прежде всего замѣтить, что монографія г. Ляскоронскаго—трудъ во многихъ отношеніяхъ почтенный, серьезный и вполне добросовѣстный. Географическій очеркъ обработанъ съ такой полнотой, которая, пожалуй, и не требовалась задачей специально-историческаго сочиненія. Это невольное увлеченіе, быть можетъ, вытекаетъ изъ желанія автора использовать весь матеріалъ, какой дали археологическія раскопки, но надобно было все-таки хоть нѣсколько пощадить читателя, который изъ-за цѣлой груды мелочей никакъ не можетъ уловить главной нити разсказа. Къ тому же не всѣ свои гипотезы авторъ основалъ съ такой силой, чтобы онѣ представлялись убѣдительными читателю; для примѣра укажемъ стр. 165—166, на которыхъ авторъ разрѣшаетъ вопросъ, гдѣ былъ упоминаемый въ лѣтописи Мажевъ. Свое мнѣніе о тождествѣ Мажева съ с. Мазинками авторъ хочетъ подтвердить соображеніями о томъ, какіе планы и предположенія могли явиться у князей, стоявшихъ съ своими ратями у Переяслава, послѣ битвы на Рутѣ (1151 г.). На войнѣ у полководцевъ бываютъ всегда тысячи плановъ и предположеній, и попытка г. Ляскоронскаго доказать, что Юрій надѣялся именно вотъ на это, а Изяславъ думалъ именно вотъ это, внушаетъ читателю только сожалѣніе, къ чему г. Ляскоронскому было терять *et oleum, et oreganum*.

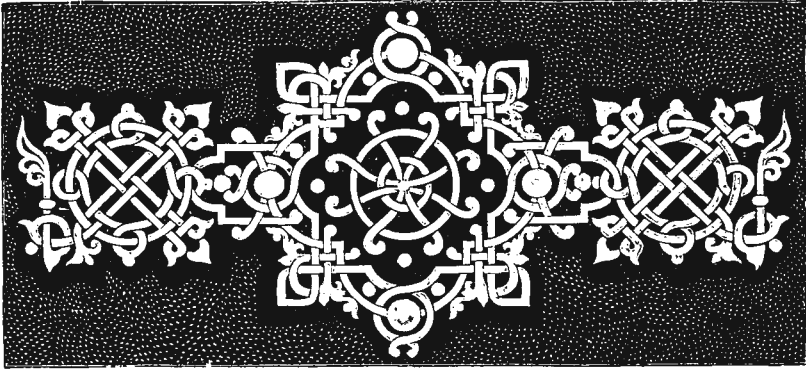
Во всякомъ случаѣ мелкія изысканія автора какъ въ области географіи и топографіи, такъ и въ области историческихъ событій имѣютъ несомнѣнное научное значеніе, котораго, къ сожалѣнію, лишены всѣ обобщенія, наполняющія заключительную главу изслѣдованія. Эта глава самая слабая. Основной недостатокъ ея тотъ, что, задавшись цѣлью сообщить понятіе о главныхъ чертахъ общественнаго устройства и частнаго быта Переяславской земли, авторъ не постарался выдѣлить и сгруппировать тѣ типическія особенности, которыя были присущи именно Переяславльской землѣ. Если же, очень рѣдко, и указывается такая особенность, то лишь въ общей суммѣ частныхъ, составлявшихъ укладъ вообще древне-русской жизни; не выдѣленная и не отгѣненная надлежащимъ образомъ, она проходитъ какъ-то незамѣченною, теряетъ свое значеніе, которое она должна бы имѣть въ исторіи Переяславльской земли. Таковы, на примѣръ, свѣдѣнія о боярахъ земскихъ, о власти князя, о дружинѣ (стр. 458—466). Не совсѣмъ также похвальна привычка автора начало чуть ли не каждаго установленія относить «къ незапамятнымъ временамъ». Указывая, на примѣръ, на раннее развитіе земскаго начала въ Переяславльской землѣ, авторъ обосновываетъ эту мысль такимъ первымъ доказательствомъ: «такъ, въ X в. кievскій князь.... выговариваетъ въ пользу своихъ городовъ

«углады», хотя къ X вѣку совершенно не подходит опредѣленіе въ качествѣ «незапамятныхъ временъ» (стр. 452). Равнымъ образомъ намъ представляется весьма шаткою и не вполне научною ссылка на блаженного Іеронима въ доказательство выставляемаго авторомъ положенія, что христіанство проникало въ южную Русь уже начиная съ IV вѣка. Вотъ слова блаж. Іеронима: «гунны изучаютъ псалтирь, холодная Скивія согрѣвается огнемъ вѣры истинной; войска рыжихъ и бѣлокурыхъ гетовъ или даковъ носятъ съ собою походные храмы» (стр. 473). Кому не ясно, что эти слова блаженного отца, выражающія восторгъ благочестивой души въ прозрѣніи будущихъ судебъ христіанской церкви, имѣютъ характеръ скорѣе пророчества, чѣмъ историческаго свидѣтельства. Цитация автора, въ общемъ обильная и тщательная, не всегда является пѣлесообразной, въ нѣкоторыхъ случаяхъ она является излишней, а въ нѣкоторыхъ — блещетъ своимъ отсутствіемъ тамъ, гдѣ въ ней чувствуется необходимость. Совершенно излишне было, напримѣръ, призывать во свидѣтели проф. Знаменскаго въ подтвержденіе того, что «церковь была могущественной силой для объединенія страны» (стр. 477), такъ какъ значеніе этого фактора остается пока неоспоримымъ, и во всякомъ случаѣ открытіе этой истины принадлежитъ не г. Знаменскому; за то совершенно необходима была ссылка, напримѣръ, на стр. 457 при фразѣ: «О немъ стонала Украина», говорить лѣтописецъ, передавая о смерти переяславльскаго князя, Владиміра Глѣбовича» — особенно въ виду снугтанной цитации по поводу той же фразы лѣтописца на стр. 429.

Наконецъ, совершенно не слѣдовало г. Ляскоронскому ставить передъ собой задачи совершенно неисполнимыя, какъ-то: «сказать нѣсколько словъ о религіозномъ міросозерцаніи общей массы населенія Переяславльскаго княжества въ удѣльно-вѣчевой періодъ», напередъ хорошо зная, что «скудость положительныхъ данныхъ по этому вопросу не даетъ возможности возстановить въ надлежащемъ видѣ существенныя черты религіозно-нравственныхъ основъ сѣверянъ того времени» (стр. 481—482), и что поэтому придется ограничиться пересказомъ свѣдѣній о древне-русскомъ двоевѣрїи съ присоединеніемъ краткаго извѣстія о славянской мѣологии.

Б. Х.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ КОНГРЕСЪ въ Инспрукъ. Францъ-Функъ-Брегано представляетъ въ *Revue Encyclopédique*, отъ 27 ноября ¹⁾ сжатый, но обстоятельный отчетъ о недавнемъ съѣздѣ историковъ германскихъ, австрійскихъ, швейцарскихъ и бельгійскихъ, въ Инспрукъ. Подобные конгрессы созываются уже нѣсколько лѣтъ, прежде черезъ два года, а теперь черезъ полтора, и послѣдній изъ нихъ, по числу участниковъ, по научному значенію главнѣйшихъ изъ нихъ, и по интересу поставленныхъ на очередь вопросовъ заслуживаетъ полного вниманія. Наиболѣе живыя и бурныя пренія были возбуждены двумя вопросами: объ отношеніи историковъ въ архивамъ и о преобладаніи въ исторической наукѣ индивидуальной или соціальной школы. Первый вопросъ поставленъ профессоромъ кенигсбергскаго университета, Прутцемъ, котораго въ кассельскомъ архивѣ не допустили до чтенія документовъ, относящихся до XVII столѣтія. Къ его протесту присоединился другой ученый историкъ, Онкенъ, которому, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, также отказали въ доступѣ въ лондонскій архивъ, по отдѣленію государственныхъ бумагъ начала нынѣшняго столѣтія. Оба они требовали, чтобы историковъ свободно допускали къ занятіямъ во всѣхъ ар-

¹⁾ *Revue historique congrès d'Innsbruck*, par F. Funch Brentano. *Revue Encyclopédique*, 27 novembre. 1897.

хивахъ, и чтобы имъ разрѣшали изученіе документовъ всѣхъ временъ. Пренія по этому поводу были тѣмъ оживленнѣе, что въ дѣлѣ замѣшанъ интересъ хранителей архивовъ, которые обыкновенно также историки, и тѣ изъ нихъ, которые участвовали въ конгрессѣ, естественно, высказывались въ пользу исключительнаго ихъ права пользоваться первыми находящимися въ ихъ рукахъ сокровищами. Но конгрессъ высказался въ либеральномъ духѣ и постановилъ, по предложенію тюбингенскаго профессора, Тудихума, что всѣ документы во всѣхъ архивахъ должны быть доступны историкамъ, и предѣльнымъ срокомъ назначенъ 1840 годъ, послѣ котораго архивы могутъ отказывать въ чтеніи документовъ ученымъ, но лишь подъ условіемъ, чтобы этого требовали высшіе государственные интересы. Второй вопросъ, еще болѣе любопытный и животрепещущій, вызвалъ безконечные споры и, какъ всѣ жгучіе вопросы, остался открытымъ. Защитники обѣихъ историческихъ школъ, индивидуальной и социальной, выставили краснорѣчивыхъ и авторитетныхъ ораторовъ. Какъ извѣстно, первая изъ этихъ школъ считаетъ, что исторія народовъ создается ихъ великими людьми и правителями, которые даютъ имъ толчокъ по избранному ими пути. Во главѣ этой школы стоитъ теперь въ Германіи знаменитый Ранке, и его блестящіе ученики, Леманъ и Шеферъ, искусно отстаивали ея принципы. «Историкъ,—говорили они,—долженъ смотрѣть на человѣка, какъ на индивидуума, а не какъ на представителя націи. Онъ изучаетъ и описываетъ тѣ добровольныя дѣйствія индивидуумовъ, которыя дѣлаютъ ихъ руководителями и вожаками народовъ. Конечно, историкъ не можетъ игнорировать среды, изъ которой возникъ индивидуальный дѣятель, но настоящимъ историческимъ фактомъ можетъ быть только такое дѣйствіе индивидуума, которое возвышается надъ однообразной и не выдающейся дѣятельностью толпы». Такъ какъ исторія становится изученіемъ выдающихся индивидуальныхъ личностей, въ глазахъ этой школы, то она и называется индивидуальной, а отстаиваемая ею теорія культомъ героевъ, по выраженію одного изъ ея величайшихъ представителей Карлайля. Ихъ противники, напротивъ, считаютъ, что исторія не что иное, какъ экономическое и социальное развитіе народовъ, а если великіе люди возбуждаютъ интересъ, то лишь какъ могущественное выраженіе создавшей ихъ общественной среды. Въ настоящее время въ Германіи самымъ блестящимъ защитникомъ этой социальной исторической школы считается молодой ученый, Карлъ Лампрехтъ, авторъ надѣлавшей много шума Исторіи Германіи, а за его отсутствіемъ на конгрессѣ его идеи энергично поддерживалъ другой молодой историкъ, Гартманъ. Онъ съ замѣчательной логикой доказывалъ, что, если смотрѣть безпристрастно на историческія событія, нельзя не признать, что великіе люди только потому и были велики, что служили олицетвореніемъ общихъ стремленій даннаго времени. Если, дѣйствительно, великіе люди ведутъ націи, то не надо забывать, что они ведутъ ихъ туда, куда націи хотятъ. Толпа слѣдуетъ за ними и несетъ ихъ на рукахъ только потому, что избранный ими путь соответствуетъ общимъ желаніямъ. Напримѣръ, Людовикъ святой и Людовикъ XIV во Франціи были люди очень посредственные, а играли великую роль въ исторіи только потому, что олицетворяли народный подъемъ. «Не Петръ Великій создалъ Россію,—замѣчаетъ Функъ Брентано, резюмируя пренія

на ивспрукскомъ конгресѣ и отдавая предпочтеніе соціальной исторической школь,—а Россія, созрѣвшая для реформъ, создала Петра; то же можно сказать объ Александрѣ, Цезарѣ и Наполеонѣ, которые являются знаменосцами движенія народныхъ массъ въ данное время. Справедливо сказалъ Толстой, что великіе люди только ярлыки историческихъ событій».

— Найденные въ Египтѣ греческіе папирусы. Въ послѣднее время много шума произвело открытіе англійскимъ ученымъ, Гринфелемъ, въ Египтѣ громаднаго числа папирусовъ съ греческимъ текстомъ, и теперь Гринфель, съ другимъ англійскимъ ученымъ Артуромъ Гунтомъ, издають одну за другой свои замѣчательныя находки. Прежде всего они выпустили въ свѣтъ такъ называемыя *Logia*, или слова Иисуса Христа ¹⁾. Этотъ отрывокъ греческой рукописи, писанный не позже III вѣка и, слѣдовательно, на сто лѣтъ болѣе старый, чѣмъ извѣстныя досель рукописи Новаго Завѣта, возбудилъ горячую полемику между учеными Англій и Германіи. Хотя до сихъ поръ вопросъ объ этихъ восьми изреченіяхъ, приписываемыхъ Иисусу Христу, остается открытымъ, но многіе авторитеты высказываются противъ ихъ подлинности, считая, что находка Гренфеля, хотя и представляетъ большую важность, но не въ религіозномъ отношеніи, а для изученія египетскихъ гностиковъ первыхъ вѣковъ христіанства, которыхъ и слѣдуетъ признать авторами означенныхъ изреченій. Тѣмъ вѣроятнѣе это объясненіе, что изъ восьми найденныхъ изреченій только два, всецѣло, и третье, частью, представляются новыми, а остальные перефразируютъ слова, встрѣчающіяся въ евангеліяхъ св. Луки и св. Маттея. Поэтому какъ значителенъ ни былъ успѣхъ перваго выпуска греческихъ папирусовъ Гренфеля, но, быть можетъ, второй, представляющій невѣдомые отрывки изъ Илиады и одной поэмы Ферекида ²⁾, доставитъ ему еще большую славу въ ученномъ мірѣ, такъ какъ уже въ Германіи возникла по этому случаю цѣлая литература. Впрочемъ, для общихъ читателей интереснѣе греческаго текста и англійскаго перевода находокъ Гренфеля описаніе этихъ находокъ, которое онъ помѣстилъ въ октябрьской книжкѣ *Mercury's Magazine*. Мѣстомъ этихъ находокъ были остатки города Оксиршихита, значительнаго центра римскихъ владѣній и первоначальныхъ христіанъ въ Египтѣ, на краю Ливійской пустыни, въ ста двадцати миляхъ отъ Каира. Сначала Гренфель и его товарищъ Гунтъ долго занимались раскопками въ той мѣстности, гдѣ находилось кладбище древняго города, но когда всѣ ихъ усилія не увѣнчались успѣхомъ, то они перенесли свои работы въ самый городъ. Одиннадцатаго марта прошлаго года, на разсвѣтѣ, они съ семьюдесятью рабочими стали рыть траншею въ большомъ курганѣ, вокругъ котораго виднѣлись остатки древняго храма, который, по всей вѣроятности, былъ разрушенъ и разнесенъ для позднѣйшихъ построекъ. На этотъ разъ рука у нихъ оказалась счастливѣе, и они сразу нашли большое количество папирусовъ съ греческимъ текстомъ. На слѣдующій день они увеличили число рабочихъ до ста десяти и продолжали работы до

¹⁾ *Sayings of Our Lord. Discovered and edited by B. Grenfell and A. Hunt. Oxford. 1897.*

²⁾ *Greek Papyri. Series II. Edited by B. Grenfell and A. Hunt. Oxford. 1897.*

конца марта. въ особенности, богатъ находками былъ день восемнадцатаго марта, когда набрано было тридцать шесть большихъ корзинокъ драгоценныхъ свертковъ, и еще пришлась гряда папирусовъ для слѣдующаго дня, добыча котораго заключалась въ двадцати пяти корзинахъ. Такимъ образомъ, очевидно, что напечатанные до сихъ поръ два выпуска Гренфелемъ и Гунтомъ составляютъ лишь небольшую часть всѣхъ найденныхъ ими сокровищъ, которыя мало-по-малу наводняютъ научную литературу и послужатъ предметомъ безконечныхъ комментарій, преимущественно нѣмецкихъ учейныхъ.

— Греческіе философы и римскіе историки. Недавно классическая литература обогатилась двумя новыми трудами нѣмецкихъ ученыхъ Гомперца и Германа Петера о греческихъ философахъ и римскихъ историкахъ. Первый изъ этихъ почтенныхъ писателей предпринялъ обширную работу по древней греческой философіи и уже издалъ первый томъ, а только что вышедшій седьмой выпускъ, составляющій начало второго тома, посвященъ Сократу и его ученикамъ ¹⁾. Обыкновенно, историки классической философіи, въ томъ числѣ такіе авторитеты, какъ Убервегъ и Целлеръ, исключительно занимались изложеніемъ и критикой философскихъ системъ, какъ будто онѣ геометрическія теоремы, не имѣющія ничего общаго съ той средой, въ которой онѣ возникли. Напротивъ, Гомперцъ обставляетъ изложеніе философскихъ системъ картиной развитія античной цивилизаціи, относительно науки, литературы и религіи, а также освѣщаетъ ихъ принципы общими политическими и социальными взглядами. Поэтому его рассказъ получаетъ ясность, конкретность и живой интересъ, которые часто отсутствовали въ ученыхъ трудахъ его предшественниковъ. Благодаря этому методу, книга Гомперца доступна общимъ читателямъ, которымъ чужда метафизическая терминологія, тѣмъ болѣе, что самое изложеніе автора очень просто и понятно. Но какъ ни замѣчательенъ этотъ трудъ о греческой философіи, книга Германа Петера о римскихъ историкахъ ²⁾ представляетъ еще болѣе интереса и научнаго значенія. Извѣстный предыдущими своими сочиненіями объ эпохѣ Августа и объ историкахъ перваго римскаго императора, Петеръ теперь задался цѣлью изслѣдовать, какую идею имѣли римляне насчетъ исторіи и обязанностей историка, какъ они относились къ фактамъ и документамъ, наконецъ, насколько они дозволяли себѣ измѣнять тѣ и другіе. На этомъ основаніи, занимаясь исключительно исторической литературой Римской имперіи, до Феодосія I, и ея источниками, авторъ раздѣлил свой трудъ, занявшій два тома, на шесть отдѣловъ. Первый онъ посвятилъ тѣмъ, для кого писалась исторія въ Римѣ, причѣмъ рассмотрены читатели ученые и общіе, а также указано ограниченное мѣсто, отведенное исторіи въ римскомъ воспитаніи. Отдѣлъ второй занятъ разсмотрѣніемъ современныхъ документовъ, которыми могли пользоваться историки, а третій—изученіемъ вліянія императорскаго двора. Въ четвертомъ отдѣлѣ излагаются историческія преданія, и разсматриваются писатели до конца третьяго столѣтія.

¹⁾ Griechische Denker, von Th. Gomperz. VI Lief. 1897. Leipzig.

²⁾ Dr Hermann Peter. Die Geschichtliche Litteratur, über die Roemische Kaiserzeit bis Theodosius I und ihre Quellen. 2 Bände. 1897. Berlin.

Пятый отдѣлъ занятъ историками IV вѣка, а шестой представляетъ общій выводъ о цѣляхъ, методѣ и литературной формѣ римскихъ историковъ. Эта программа исполнена Петеромъ совершенно удовлетворительно, и не только онъ освѣщаетъ свой текстъ подходящими цитатами изъ сочиненій разсматриваемыхъ историковъ, но приводитъ, по всѣмъ затронутымъ имъ вопросамъ, мнѣнія лучшихъ современныхъ авторитетовъ, въ томъ числѣ Момзена, Ранке и Фридендера. Очевидно, что наиболѣе интересны для общаго читателя вопросы о взглядѣ римскихъ историковъ на исторію, ихъ методъ, источники, которыми они пользовались, и талантъ главнѣйшихъ изъ нихъ. Все это очень рельефно и обстоятельно изложено въ книгѣ Петера. Прежде всего онъ указываетъ на то, что римскіе историки совершенно иначе смотрѣли на исторію, чѣмъ смотрятъ теперь, и что они подчинялись двумъ пагубнымъ, постепенно усиливавшимся, вліяніямъ риторики и низкопоклонства передъ властью. Для римскаго историка, по словамъ Петера, важнѣе всего въ историческомъ трудѣ была литературная форма, которой они приносили въ жертву справедливость фактовъ; для него не существовало исторической совѣсти, и такимъ образомъ исчезалъ изъ вида самый предметъ исторіи. Разсматривая отдѣльно каждаго римскаго историка, нѣмецкій ученый указываетъ, на сколько они грѣшили противъ правды ради риторической красоты и восхваленія сильныхъ міра сего. Всего сочувственнѣе Петеръ относится къ Тациту и Титу Ливію, хотя и обнаруживаетъ ихъ слабыя стороны, а наиболѣе строгъ онъ въ отношеніи Аппія. Быть можетъ, всего интереснѣе для современнаго читателя та глава его книги, въ которой авторъ рассказываетъ, насколько это возможно въ виду немногихъ сохранившихся матеріаловъ, вліяніе императорскаго двора на офціозную исторію. Онъ приводитъ цѣлый рядъ именъ писателей, которые исполняли въ Римѣ роль пресмыкающихся современной печати, но о многихъ изъ нихъ онъ долженъ довольствоваться самыми краткими замѣтками, такъ какъ свѣдѣнія о нихъ чрезвычайно скудны.

— Карлъ Великій чрезъ англійскія очки. Съ нѣкоторыхъ поръ выходитъ въ Англій очень интересная серія историческихъ монографій, подъ общимъ названіемъ иностранные государственные люди, и уже вышли сжатая, но рельефная біографія Ричельё, Филиппа II и Вильгельма Молчаливаго. Въ настоящее время къ нимъ присоединилась блестящая характеристика Карла Великаго, написанная Томасомъ Годжкиномъ¹⁾. Основываясь на серьезномъ изученіи подлинныхъ старинныхъ документовъ и всей обширной литературы, предметомъ которой служитъ его герой, авторъ представляетъ, насколько возможно въ тѣсныхъ рамкахъ одного небольшого тома, обстоятельную картину всѣхъ разнообразныхъ сторонъ политической дѣятельности Карла Великаго. При этомъ онъ очень ловко вставляетъ въ текстъ своего рассказа слова современниковъ и характерно иллюстрируетъ приводимые факты легендами, которыя даютъ ясное понятіе читателямъ о тогдашней интеллектуальной атмосферѣ. Относительно нѣкоторыхъ спорныхъ историческихъ вопросовъ по

¹⁾ Charles the Great. By Thomas Godgkin. «Foreign Statesmen». Series. London. 1897.

поводу Карла Великаго, Годжинъ приводитъ свои собственные взгляды, такъ, наприимѣръ, онъ приходитъ къ заключенію, что хотя Карлъ и принялъ императорскую корону, но сдѣлалъ это неохотно и вообще игралъ пассивную роль въ великомъ переворотѣ 800 года. Быть можетъ, наиболѣе интересная глава въ книгѣ Годжинна посвящена литературному кружку при дворѣ Карла, во главѣ котораго стоялъ Эгенгардтъ.

— Гвичіардини и Маккіавелли. Вслѣдъ за характеристикой Маккіавелли, Джонъ Марлей занялся опредѣленіемъ значенія его друга и современника Гвичіардини. Этому предмету онъ посвятилъ статью въ ноябрьской книгѣ *Nineteenth Century* ¹⁾ и на нѣсколькихъ страницахъ мастерски сгруппировалъ всю суть тѣхъ мнѣній, которыя высказаны о Гвичіардини различными историками и критиками, прибавивъ и свои строго логичные выводы. Онъ не считаетъ этого итальянскаго историка за одного изъ лучшихъ историковъ всѣхъ временъ и народовъ, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые писатели, но ставитъ его очень высоко. По его словамъ, рѣдкіе историки представляли такіе характерные портреты своихъ героев и такъ тонко изучали ихъ характеры, какъ Гвичіардини. Но стараясь, какъ можно, яснѣе передать то, что люди дѣлали въ прошедшемъ, и объяснить, почему они именно такъ поступали, а не иначе, Гвичіардини систематично воздерживался отъ произнесенія приговора надъ разсказываемыми имъ дѣйствіями или поступками. «Если къ этому мы прибавимъ,—говоритъ Марлей,—что онъ сдѣлалъ большой шагъ впередъ на исторической почвѣ, такъ какъ замѣнилъ мѣстную, или провинціальную, исторію общую, и что онъ выражалъ всегда точно политическія и нравственныя понятія своего времени, то легко понять, почему онъ занимаетъ такое высокое мѣсто въ литературѣ и производилъ сильное впечатлѣніе на выдающіеся умы». Хотя этюдъ о Гвичіардини чрезвычайно удался Марлею, но врядъ ли все-таки онъ будетъ имѣть такой успѣхъ повсюду, какъ его лекція о Маккіавелли. Тамъ онъ затронулъ животрепещущіе вопросы современной политики и высказалъ новые взгляды, которые возбудили уже цѣлую литературу. Наиболѣе интересна статья по этому поводу итальянскаго историка и публициста Паскаля Вилари въ *Nuova Antologia*, отъ 16 октября 1897 года. Онъ горячо защищаетъ своего великаго соотечественника отъ нападокъ, хотя и волюнъ справедливыхъ, Марлея. По его мнѣнію, главное достоинство Маккіавелли заключается въ томъ, что онъ первый и одинъ указалъ на глубокое различіе между тѣмъ, какъ слѣдуетъ вести себя въ общественной жизни и въ частной. «Онъ высказалъ свое мнѣніе,—говоритъ Вилари,—открыто и даже грубо, не заботясь о томъ, что на него посыплотся упреки, потому что былъ увѣренъ въ справедливости и пользѣ для всего человѣчества отъ высказанной имъ истины. Дѣйствительно, человѣкъ не можетъ быть вполне свободной гражданской личностью безъ содѣйствія государства, а, слѣдовательно, прежде всего необходимо основать, поддерживать и охранять, во что бы то ни стало, государство. Прежде, чѣмъ думать объ индивидуальной нравственности, необходимо озаботиться о сохраненіи государственной нравственности, и въ этомъ отношеніи надо понимать его слова, кажушіяся

¹⁾ Guicciardini. By John Marley. *Nineteenth Century*. November. 1897.

намъ столь гнусными, что слѣдуетъ думать о спасеніи отечества болѣе, чѣмъ о спасеніи своей души. Вся ошибка Маккиавелли заключалась въ томъ, что, слишкомъ увлекаясь своей идеей, онъ высказалъ ее не только въ преувеличенной, но даже въ циничной формѣ».

— Королевскія галеры при Людовикѣ XIV. Во второй ноябрьской книжкѣ *Revue de Paris* помѣщена любопытная статья извѣстнаго французскаго историка и академика Эрнеста Лависса о восстановленіи и существованіи при Людовикѣ XIV королевскихъ галеръ ¹⁾. На основаніи имѣющихся матеріаловъ, Лависсъ живо и образно рассказываетъ, какъ Кольберъ, въ началѣ своего министерства, задумалъ воскресить уже совершенно исчезавшую историческую галеру, которая нѣкогда играла въ Средиземномъ морѣ большую роль, но мало-по-малу пришла въ упадокъ, какъ непрактичный видъ морского судна, приводимаго въ движеніе веслами. Главными причинами къ возстановленію въ Средиземномъ морѣ эскадры галеръ служили для короля и его министра историческая слава этихъ судовъ, возможность при устройствѣ новаго флота раздать цѣлый рядъ мѣстъ и должностей придворнымъ чинамъ, наконецъ, дешевизна ихъ постройки и комплектованія ихъ экипажа, такъ какъ большинство гребцовъ были невольники и каторжники. Что касается до пользы этихъ устарѣвшихъ судовъ, то Кольберъ тѣшилъ себя и короля надеждой, что многочисленныя галеры могутъ успѣшно защищать берега Прованса отъ нападенія варварійскихъ пиратовъ. Какъ бы то ни было, къ дѣлу приступили энергично и въ короткое время построили сорокъ галеръ, а для снабженія ихъ гребцами были приняты мѣры къ сформированію многочисленнаго штата гребцовъ изъ взятыхъ въ плѣнъ и купленныхъ на малоазійскихъ и африканскихъ рынкахъ турокъ и негровъ, а также изъ преступниковъ, приговоренныхъ къ каторгѣ. Въ отношеніи гребцовъ-невольниковъ, власти смотрѣли сквозь пальцы на доставляемый съ востока живой товаръ, такъ что, по свидѣтельству современниковъ, попадались, въ числѣ турокъ, греки и даже русскіе, которыхъ безъ зазрѣнія совѣсти продавали въ Константинополь. Что касается до каторжниковъ, то ихъ число также увеличивали административно схваченными бродягами и нищими. Кольберъ такъ заботился о своихъ галерахъ, что предписывалъ, отъ имени короля, судамъ, какъ можно болѣе отправлять преступниковъ на галеры, при чемъ совѣтовалъ, будто бы изъ гуманныхъ видовъ, а въ сущности административныхъ, замѣнять смертную казнь галерами. Въ числѣ гребцовъ, поставленныхъ администраціей, находилось значительное число политическихъ и религіозныхъ преступниковъ. При такой разнообразной вербовкѣ нерѣдко было встрѣтить на одной скамьѣ, рядомъ, убійцъ, воровъ, гугенотовъ, политическихъ преступниковъ и турокъ или негровъ. Положеніе ихъ на галерахъ было самое ужасное. Обыкновенно, на каждой галерѣ было двадцать пять паръ громадныхъ веселъ, каждое изъ которыхъ приводили въ движеніе пять гребцовъ, совершенно обнаженныхъ, въ кандалахъ, прикованныхъ къ скамьямъ, и поощряемыхъ къ тяжелой работѣ постоянными ударами плети. Кормили ихъ водой и хлѣбомъ, а три раза въ недѣлю—супомъ изъ бобовъ съ прованскимъ масломъ.

¹⁾ Sur les galères du roi. Par E. Lavisse. *Revue de Paris*, 15 novembre 1897.

Во время военных дѣйствій съ пиратами гребцы не принимали никакого участія, а только гибли, какъ безсловесныя животныя. По словамъ Сореля, врядъ лигдѣ либо и когда либо придумывали держать людей въ такомъ варварскомъ положеніи, какъ несчастныхъ гребцовъ на королевскихъ галерахъ, и потому неудивительно что смертность между ними была страшная, и очень рѣдкіе изъ нихъ переживали свой срокъ, тѣмъ болѣе, что начальство не стѣснялось въ этомъ отношеніи ничѣмъ, и часто приговоренные къ галерамъ на пять лѣтъ оставались тамъ пятнадцать и двадцать лѣтъ. Только серьезная болѣзнь и выкупъ, т. е. поставка за себя способнаго невольника, могли избавить несчастныхъ гребцовъ отъ ихъ адской жизни. Несмотря на всѣ претерпѣваемые на галерахъ безчеловѣчныя мученія, никто не обращалъ на это вниманія, и даже патеры и миссіонеры, въ томъ числѣ знаменитый святой Винцентъ де-Поль, не протестовали противъ тѣхъ ужасовъ, которыхъ они были свидѣтелями. Известенъ только одинъ подобный протестъ: именно, какой-то католическій миссіонеръ, увидавъ на галерѣ трехъ русскихъ или поляковъ, осмѣлился написать Кольберу: «ихъ удерживаютъ здѣсь насильственно и несправедливо, что оскорбительно не только для вашего правительства, но и для самого Бога». Конечно, эти благородныя слова остались голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Напротивъ, галеры не только не вселяли ни въ комъ ужаса, но отъ времени до времени начальники ихъ давали веселые праздники на своихъ судахъ въ честь знатныхъ особъ, причѣмъ кѣтки, въ которыхъ содержались несчастные гребцы, какъ дикіе звѣри, украшались цвѣтами, дорогими матеріями, фонарями и королевскимъ знаменемъ съ бѣлыми лиліями.

— Легенда о Латюдѣ. Францъ Функъ Brentano помѣщаетъ въ *Revue Hebdomadaire* рядъ изслѣдованій о бастильскихъ легендахъ и въ номерѣ отъ 30 октября 1897 г.¹⁾ посвящаетъ свой этюдъ исторіи знаменитаго Латюда. Поставивъ себѣ цѣлью снять съ чела этого героя ореолъ мученичества и замѣнить трезвыми фактами патетическіе ужасы, Brentano, на основаніи не воспоминаній самого узника, а бастильскаго архива, рассказываетъ всю его жизнь отъ начала до конца, строго придерживаясь исторической правды. Такимъ образомъ оказывается, что онъ не былъ старательно воспитанъ заботами его отца маркиза Латюда, а будучи незаконнымъ сыномъ простой работницы, жилъ съ дѣтства чѣмъ Богъ пошлетъ. Его арестъ былъ вызванъ посылкой къ маркизѣ Помпадуръ ящика со взрывчатымъ веществомъ въ то время, когда королевская фаворитка подвергалась преслѣдованіямъ графа Морепя, удаленнаго ея интригами отъ двора. Поведеніе Данри, какъ назывался въ дѣйствительности Латюдъ въ бастильской тюрьмѣ, и многочисленныя попытки къ бѣгству продлили его заточеніе. Когда, по смерти маркизы Помпадуръ, его хотѣли выпустить на свободу, то онъ не только отказался отъ этого, но написалъ начальнику полиціи самое дерзкое, грубое письмо. Наконецъ, освобожденный отъ заключенія 5 іюня 1777 года, онъ воспользовался своей свободой для шантажа и получилъ отъ знатной дамы значительную сумму денегъ, благодаря на

¹⁾ Les legendes de la Bastille: Latude. Par Funck Brentano. *Revue Hebdomadaire*. 30 octobre 1897.

хальнымъ угрозамъ. Его снова посадили въ тюрьму, но на этотъ разъ въ Бисетеръ; однако, онъ сумѣлъ заинтересовать въ своей судьбѣ многихъ важныхъ особъ, и въ особенности о немъ хлопотала съ необыкновенной энергіей скромная торговка, г-жа Легро, нашедшая даже возможность довести дѣло до короля. Четвертаго марта 1784 года Людовикъ XVI подписалъ актъ объ освобожденіи изъ тюрьмы виконта Латюда и пожаловалъ ему пенсію въ 400 ливровъ. До 1789 года онъ ловкоразыгрывалъ роль аристократа, пострадавшаго отъ интригъ фаворитки, и былъ въ большой модѣ среди высшаго парижскаго общества, а въ первые дни революціи онъ превратился въ рьянаго республиканца и добился, что наслѣдники маркизы Помпадуръ были обязаны судомъ платить ему большія суммы денегъ. Продажа его мемуаровъ и выставка, въ главнѣйшихъ городахъ Европы, веревочной лѣстницы, съ помощью которой онъ старался бѣжать изъ Бастиліи, доставляли ему хорошія средства къ жизни. При появленіи Наполеона, Латюдъ объявилъ себя его пламеннымъ поклонникомъ и получалъ, при имперіи, ту же пенсію, которую продолжали ему платить послѣ Людовика XVI революціонныя правительства. Онъ умеръ въ Парижѣ, баловнемъ большого свѣта, 1 января 1805 года, на восемьдесятъ первомъ году жизни. По словамъ современниковъ, герцогини Абрантесъ и Пужена, Латюдъ въ послѣдніе годы своей жизни былъ веселымъ, пріятнымъ, жизнерадостнымъ старикомъ, и въ немъ нельзя было замѣтить никакихъ слѣдовъ тѣхъ страшныхъ мукъ, которыя, какъ онъ увѣрялъ, выпали ему на долю во время его тридцатипятилѣтняго заточенія въ Бастиліи.

— Останки Вольтера и Руссо. Болѣе ста лѣтъ оставался открытымъ вопросъ, гдѣ находятся останки великихъ мыслителей XVIII вѣка, Вольтера и Руссо; по словамъ недавно умершаго Додэ, «девятнадцатому вѣку не слѣдовало бы окончиться прежде, чѣмъ этотъ вопросъ былъ бы окончательно разрѣшенъ, такъ какъ изъ-за этихъ останковъ долго велась упорная борьба, и, можетъ быть, они же послужатъ къ общему умиротворенію». По странной игрѣ случая, на другой день послѣ неожиданной смерти Додэ исполнилось его желаніе, и найдены въ гробницахъ великихъ людей въ Пантеонѣ ихъ останки. Конечно, вся иностранная печать переполнена статьями объ этомъ замѣчательномъ событіи и объ исторіи этихъ славныхъ останковъ. Наиболѣе интересныя свѣдѣнія сообщаются въ «Revue Bleue» въ очеркѣ Бюфенуара, подъ заглавіемъ «Гробница Жанъ-Жака Руссо¹⁾», въ двухъ статьяхъ Гранъ-Картре въ Figaro «Открытие гробницъ Руссо и Вольтера²⁾» и въ небольшомъ анонимномъ этюдѣ въ Pall Mall Gazette «Среди мертвецовъ³⁾». Первымъ, какъ извѣстно, умеръ Вольтеръ, въ маѣ 1778 года, въ домѣ маркиза де-Винета, на парижской набережной, носящей его имя, и похороненъ въ Сельерскомъ аббатствѣ, гдѣ былъ настоятелемъ его другъ аббатъ Миньо, такъ какъ ни одинъ парижскій патеръ не хотѣлъ его хоронить въ виду того, что онъ умеръ, отказавшись отъ причастія. Существовала легенда, о которой, какъ о фактѣ, русскій посланникъ при француз-

¹⁾ Le tombeau de J. J. Rousseau, par H. Beffenoir. Revue Bleue, 20 novembre 1897.

²⁾ Ouverture des tombeaux de Rousseau et de Voltaire, par J. Grand-Carteret. Figaro. 18—19 decembre 1897.

³⁾ Down among the dead men, Pall-Mall Gazette. 18 december 1897.

скомъ дворѣ сообщалъ Екатеринѣ II, что даже въ этомъ аббатствѣ вскрыли гробъ атеиста, выбросили его трущъ въ яму съ известью и похоронили пустой гробъ. Что касается до Руссо, то онъ скончался два мѣсяца послѣ Вольтера, и не было никакого сомнѣнія, что его тѣло было предано землѣ въ Эрменонвилѣ, гдѣ онъ жилъ у маркиза Жирардена. Согласно его собственному желанію, его прахъ покоился на «островкѣ тополей», среди маленькаго озера, до 1794 года, когда конвентъ рѣшилъ перенести его останки въ парижскій Пантеонъ. Тамъ же съ 1791 года уже находился прахъ Вольтера, перенесенный туда съ большимъ торжествомъ, причемъ составленъ былъ актъ о вскрытіи гроба, гдѣ оказалось тѣло великаго челоуѣка. Относительно Руссо не существуетъ такого акта, а напротивъ, въ Эрменонвилѣ сохранилась легенда, что представителямъ конвента выдали пустой гробъ, а останки великаго мыслителя переложили въ другой гробъ, который остался «на островкѣ тополей». Дѣйствительно, въ протоколѣ о перенесеніи праха Руссо только говорится, что его гробъ былъ вынутъ изъ гробницы, признанъ за тотъ самый, въ которомъ онъ погребенъ и отправленъ въ Парижъ. Какъ бы то ни было, гробы обоихъ философовъ поставлены во временные, деревянные саркофаги, подъ сводами Пантеона, и тамъ находились до 1814 года, когда, по приказанію бурбонскаго правительства, оба саркофага были перенесены въ подземелье Пантеона, превращенное въ церковь св. Женевьевы. Тутъ возникла новая легенда, которая повторялась нѣсколькими историками, и заключающаяся въ томъ, что клерикалы вскрыли гробы, вынули изъ нихъ останки ненавистныхъ имъ мыслителей и выбросили ихъ въ яму, наполненную известью, а пустые гробы перенесли въ подземелье. Несмотря на то, что фактъ перенесенія саркофаговъ въ подземелье подтвержденъ официальнымъ протоколомъ и торжественнымъ заявленіемъ министра внутреннихъ дѣлъ реставраціи, Корбьера, о томъ, что гробы не были вскрыты, легенда объ исчезновеніи праха Вольтера и Руссо долго пользовалась довѣріемъ легкомысленныхъ людей даже послѣ того, какъ июльская монархія возвратила саркофаги на прежнее мѣсто. Даже въ 1852 г. была напечатана въ газетѣ, издаваемой въ Бордо, «La Guienne», бывшимъ генеральнымъ прокуроромъ Монтбрикомъ, письмо о томъ, что ему достоверно извѣстно, что въ 1814 году, при освященіи церкви св. Женевьевы, прахъ атеистовъ уступилъ мѣсто Богу, а потому въ гробницахъ не осталось и слѣда ихъ костей. Во время декабрьской имперіи былъ возбужденъ вопросъ о вскрытіи гробницъ великихъ мыслителей и объ окончательномъ разрѣшеніи вопроса объ ихъ прахѣ, но онъ оставленъ безъ послѣдствій, и до послѣдняго времени его не возбуждали, но большая часть лицъ, имѣвшихъ официальныя отношенія къ Пантеону, были убѣждены, что саркофаги пусты. Въ нынѣшнемъ году первый затронулъ этотъ давній историческій вопросъ теперешній владѣтель Эрменонвиля, князь Константинъ Радзивилль, относительно Руссо и вскрылъ его саркофагъ на «островкѣ тополей». Саркофагъ оказался пустымъ, и, слѣдовательно, положенъ конецъ одной изъ легендъ. Оставалось поколчить съ другой и разъ навсегда убѣдиться, находятся ли останки Вольтера и Руссо въ Пантеонѣ. За это дѣло энергично взялся извѣстный французскій историкъ Эрнестъ Гамель, и по его инициативѣ министръ народнаго просвѣщенія, также выдающійся историкъ, Рамбо, назначилъ особую комиссію, которая 18-го декабря новаго стилиа при-

ступила къ дѣлу въ присутствіи многочисленныхъ представителей официальнаго міра, науки, литературы и искусства. Въ обоихъ гробахъ оказались скелеты, съ черепами; но скелеть Вольгера въ расчлененномъ видѣ, а черепъ распилень на двое, какъ всегда дѣлають при вскрытіи тѣла; напротивъ, скелеть и черепъ Руссо сохранился въ цѣлости, и даже на головѣ уцѣлѣло нѣсколько волосъ. Такимъ образомъ, останки Вольгера и Руссо найдены, и исторія освобождена навсегда отъ касающихся ихъ нелѣпныхъ легендъ.

— Столѣтняя годовщина смерти Джона Вилькса. Въ *Cornhill Magazine* продолжается изъ номера въ номеръ печатаніе историческихъ очерковъ о важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ, годовщина которыхъ совпадаетъ съ даннымъ мѣсяцемъ. Такъ, въ декабрьской книжкѣ появилась живая характеристика Джона Вилькса, по случаю его кончины, сто лѣтъ тому назадъ, 25 декабря 1797 года. Авторъ этого любопытнаго этюда ¹⁾ В. Дуффильдъ, хотя очень кратко, но обстоятельно рисуетъ портретъ великаго общественнаго дѣятеля Англіи въ прошедшемъ столѣтіи и его пламенную борьбу съ королевскою властью и торійскими министрами за политическую и гражданскую свободу. Сынъ состоятельнаго винокура, Джонъ Вильксъ получилъ прекрасное воспитаніе въ Лейденѣ, гдѣ научился, между прочимъ, греческому, латинскому и французскому языкамъ. Послѣ продолжительныхъ странствованій по Германіи, онъ возвратился на родину и женился по желанію отца на богатой женщинѣ, которая была старше его на десять лѣтъ. Такой бракъ, олицетворявшій, по его словамъ, жертвоприношеніе не Венерѣ, а Плутону, испортилъ всю его жизнь, и, согласно тогдашнимъ обычаямъ въ богатыхъ и знатныхъ классахъ Англіи, онъ предался шумной развратной жизни, съ самыми извѣстными кутилами въ родѣ лорда Сандвича, Дамвуда, будущаго министра финансовъ, и т. д. Но постоянные буйные кутежи какъ дома, такъ и въ основанномъ имъ съ друзьями медменгамскомъ братствѣ, не мѣшали Вильксу посвятить свою жизнь политической и общественной борьбѣ. Недовольствуясь представительствомъ Элсбюри въ нижней палатѣ, онъ основалъ политическій журналъ «*North Briton*», въ которомъ безжалостно разносилъ торійское правительство лорда Бьюта и заставилъ его въ концѣ концовъ подать въ отставку. Замѣнившій его премьеръ, Джорджъ Гренвиль, вздумалъ преслѣдовать Вилькса на сорокъ пятомъ номерѣ его журнала, хотя этотъ номеръ ничѣмъ не отличался отъ прежнихъ, выходившихъ безъ всякаго затрудненія. Его схватили и посадили въ Лондонскую башню, но Вильксъ не испугался, а подалъ жалобу въ судъ, который освободилъ его на томъ основаніи, что нельзя было арестовать депутата безъ согласія парламента. Эта строго-конституціонная побѣда надъ правительствомъ сдѣлала Вилькса въ одинъ день народнымъ кумиромъ, и съ тѣхъ поръ, въ теченіе десяти лѣтъ, продолжалась борьба между Вильксомъ и королевскимъ правительствомъ, которая окончилась полнѣйшею побѣдой Вилькса. Прежде всего онъ предъявилъ къ казнѣ цѣлый рядъ исковъ за убытки и конфискацію его журнала; долго тянулись эти процессы, но всѣ они были имъ выиграны и стоили правительству

¹⁾ John Wilkes an Anniversary Study. By W. Duffield. *Cornhill Magazine*. December 1897.

болѣ ста тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Потерпѣвъ пораженіе въ судахъ, Георгъ III обратился къ парламенту для наказанія своего ненавистнаго врага, и парламентъ оказался болѣе работѣннымъ, чѣмъ судьи. По постановленію нижней палаты, сорокъ пятый номеръ журнала Вилькса, вновь перепечатанный имъ, былъ сожженъ рукою палача, а типографъ, напечатавшій этотъ номеръ, былъ выставленъ къ позорному столбу. Но толпа устроила блестящую овацію какъ самому типографщику, такъ и Вильксу, такъ что снова побѣда оказалась не на сторонѣ правительства. Георгу III осталось только искать помощи въ верхней палатѣ, и тамъ было возбуждено преслѣдованіе Вилькса за порнографическую брошюру, напечатанную въ его частной типографіи, хотя ничѣмъ не было доказано, чтобы эта брошюра была написана имъ или пущена въ обращеніе. Этотъ процессъ былъ тѣмъ позорнѣе для правительства, что душой обвиненія явился другъ Вилькса и не менѣе его развратный кутила, лордъ Сандвичъ. Какъ бы то ни было, но Вильксъ понималъ, что дѣла его приняли плохой оборотъ, и онъ бѣжалъ на континентъ, гдѣ жилъ на средства, собранныя ему по подпискѣ главнѣйшими дѣятелями парламентской оппозиціи. Въ Парижѣ онъ пользовался громадною популярностью въ лучшемъ обществѣ, а въ Фернеѣ удостоился лестнаго приѣма со стороны Вольтера. Послѣ паденія министерства Гренвиля и замѣны его вигскимъ кабинетомъ Рокингама, Вильксъ вернулся въ Англію, ожидая, что его друзья, получивъ власть, вспомнятъ о своемъ пламенномъ защитникѣ. Онъ даже готовъ былъ принять казенное мѣсто и указывалъ на постъ представителя Англіи въ Константинополѣ, какъ на подходящую для него должность, но, какъ всегда, друзья у кормила правленія оказались не тѣмъ, что они были въ оппозиціи. Тогда Вильксъ поставилъ свою кандидатуру въ лондонскіе депутаты и смѣло написалъ на своемъ знамени: «Вильксъ и свобода». Онъ былъ выбранъ громаднымъ большинствомъ, но правительство возбудило вопросъ о незаконности его выборовъ и воскресило прежнее судебное дѣло противъ него. Хотя онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію на двадцать два мѣсяца и исключенъ изъ членовъ нижней палаты, но онъ смѣло повелъ борьбу уже теперь не съ правительствомъ, но съ парламентомъ. Если ему и пришлось высидѣть въ тюрьмѣ, то его заключеніе было безконечнымъ торжествомъ. Подъ окномъ его кельи постоянно происходили народныя демонстраціи, и отовсюду ему присылали деньги, яства, вина и т. д. Такіе люди, какъ Чаттамъ, Боркъ и Рокингамъ, посѣщали его въ тюрьмѣ, а поклонники его образовали особое общество для уплаты его долговъ, достигавшихъ двадцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ, такъ что, когда онъ вышелъ изъ тюрьмы въ апрѣлѣ 1770 года, онъ никому не былъ долженъ ни гроша. Но борьба этимъ не кончилась: онъ четыре раза избирался депутатомъ, и четыре раза кассировали его выборы. Наконецъ, послѣ десятилѣтнихъ усилій ему удалось въ 1784 году разомъ одержать двѣ величайшія изъ своихъ побѣдъ. Онъ былъ выбранъ уже безъ малѣйшаго протеста въ лорды-мэры и въ лондонскіе депутаты. Въ его лицѣ одержали верхъ право всякаго англійскаго гражданина не быть арестованнымъ безъ правильнаго судебного постановленія, свобода печати и право избирателей выбирать, кого хотятъ, безъ правительственнаго давленія. Остальные года своей жизни онъ провелъ мирно, покоясь на своихъ лаврахъ; даже

злѣйшій его врагъ, Георгъ III, долженъ былъ сознаться, что никогда не было болѣе приличнаго лорда-мэра, какъ Вильксъ, а нѣкогда злобно преслѣдовавшій его лордъ Мансфильдъ искренно заявлялъ, что онъ не видывалъ учтивѣе джентельмена и образованнѣе чловѣка, чѣмъ Вильксъ. Подъ старость онъ продолжалъ заниматься любимымъ печатнымъ дѣломъ, но уже выпускалъ со своихъ домашнихъ станковъ не замѣчательные памфлеты, а образцовыя изданія классическихъ авторовъ.

— Новыя изслѣдованія о французской революціи. Французскіе историки продолжаютъ упорно трудиться надъ изученіемъ различныхъ фазъ той бурной эпохи ихъ національной исторіи, которая въ концѣ прошедшаго столѣтія перевернула весь современный свѣтъ и служить до сихъ поръ исходной точкой для прогрессивнаго движенія. Какъ всегда, новые труды распадаются на два рѣзкіе отдѣла, смотря потому, принадлежатъ ли ихъ авторы къ врагамъ или защитникамъ революціи. Къ числу первыхъ надо отнести вновь открытую переписку Малье-дю-Пана ¹⁾, книгу графа Мориса Флери о террористскихъ подвигахъ Калье, въ Нантѣ, ²⁾ и послѣдній четвертый томъ обширнаго изслѣдованія Людовика Сіу о директоріи ³⁾. Какъ извѣстно, Малье-дю-Панъ эмигрировалъ изъ Франціи въ Бернъ въ 1793 году и тамъ основалъ центральное агентство для распространенія враждебныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалось въ республиканской Франціи. Его мемуары и переписка съ вѣнскимъ дворомъ уже давно напечатаны, а его личной характеристикѣ или жизни посвящено не мало сочиненій, въ томъ числѣ Гаспара Валета и Андре Мишеля. Но теперь Декотъ нашелъ въ частномъ архивѣ замка Саль, въ Верхней Савойѣ, значительное число писемъ, которыя извѣстный эмигрантъ писалъ къ португальскому посланнику въ Туринѣ, Сузѣ, въ 1795 и 96 годахъ. Въ нихъ встрѣчается много интересныхъ свѣдѣній о тогдашнихъ событіяхъ во Франціи, хотя онѣ переполнены пристрастными взглядами злобствовавшихъ противъ революціи эмигрантовъ; такъ, между прочимъ, Малье-дю-Панъ, въ концѣ 1796 года, высказывалъ такое странное предсказаніе: «вскорѣ Бонапартъ, этотъ маленькій паяцъ, съ растрепанными волосами, этотъ ублюдокъ Мандрена, котораго революціонные риторы величаютъ героемъ и побѣдителемъ Италіи, искупить примѣрной карой свою балаганную славу, жестокость, грабежъ и нахальныя выходки». Столь же враждебны революціи и современные ея враги: графъ Флери, который предпринялъ цѣлую серію книгъ о террорѣ и въ первой изъ нихъ, на основаніи новыхъ архивныхъ документовъ, клеймитъ позоромъ дѣйствія Карье въ Нантѣ, не принимая въ уваженіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя вынуждали конвентъ на чрезмѣрныя, но необходимыя строгости, и ярый клерикалъ Сіу, съ пламеннымъ пристрастіемъ возстающій противъ всѣхъ дѣятелей директоріи и всего, что творилось въ то время. Совершенно противоположными взглядами отличаются: шестой томъ документовъ, печатаемыхъ Оларомъ, по

¹⁾ La révolution française vue de l'étranger: Mallet du Pan à Berne et à Londres une correspondance inédite. Par François Descotes. Paris, 1897.

²⁾ Les grands terroristes: Carrier à Nantes, par le comte Fleury. Paris. 1897.

³⁾ Le Directoire, par Ludovic Sciout. Paris 1897. vol. IV.

исторіи якобинскаго клуба ¹⁾, его же этюдъ о положеніи Франціи въ 8-мъ и 9-мъ годахъ ²⁾, второй томъ исторіи Вандей, Шарля Шассена ³⁾ и обстоятельное изслѣдованіе дипломатическихъ сношеній между Европой и директоріей, Альбера Сореля ⁴⁾. Одинъ изъ наиболее преданныхъ защитниковъ революціи, Оларь, неутомимо собираетъ и печатаетъ новые матеріалы, новые, невѣдомые документы, касающіеся различныхъ фазисовъ излюбленной имъ исторической эпохи: въ новыхъ его трудахъ онъ продолжаетъ обнаруживать свѣдѣнія о составѣ и дѣятельности якобинскаго клуба, отъ 19 марта до 14 ноября 1794 года, а также любопытные доклады Фулье о положеніи Франціи до и послѣ 18 брюмера. Задавшись цѣлью написать полную исторію замиренія Вандей, Шассенъ, также питающій культъ къ революціи, посвятилъ второй томъ своего труда диктатурѣ Гоша и освѣтилъ новыми фактами нѣкоторыя темныя стороны этого выдающагося эпизода республиканской эпохи. Наконецъ, академикъ Сорель, написавшій цѣлый рядъ оригинальныхъ и имѣющихъ важное значеніе изслѣдованій о дипломатическихъ сношеніяхъ Франціи съ Европой во времена революціи, теперь помѣстилъ въ *Revue des deux Mondes* четыре очерка о дипломатической роли директоріи. Въ первомъ изъ этихъ этюдовъ онъ рисуетъ живую картину раштатскаго конгресса и переговоровъ, приведшихъ къ уступкѣ Франціи лѣваго берега Рейна; во второмъ, онъ рассказываетъ объ учрежденіи подвластныхъ Франціи республикъ и о посольствѣ Сьеса въ Берлинъ; третій посвященъ борьбѣ директоріи со второй коалиціей и судьбамъ неаполитанской республики, а въ послѣднемъ изображаетъ потерю для Франціи Италіи, послѣ побѣды Суворова, и опасное положеніе внутреннихъ и вѣнскихъ дѣлъ, побудившее директорію вызвать изъ Египта Наполеона, который не помогъ этому слабому расшатанному правительству, а, напротивъ, окончательно его погубилъ въ своихъ личныхъ интересахъ. Новый трудъ Сореля исполнѣнъ достоинствъ прежнихъ его сочиненій и займетъ видное мѣсто въ исторической литературѣ революціонной Франціи.

— Наполеоніана. Мода на книги о Наполеонѣ попрежнему поддерживается во Франціи, и, какъ ни молодъ еще настоящій годъ, но уже появились два заслуживающихъ вниманія сочиненія о немъ, именно первый томъ изслѣдованія Артура Шюкэ ⁵⁾ о молодости Наполеона и новая, неизвѣстная еще характеристика его, написанная Стендалемъ ⁶⁾. Хотя недавно вышедшая книга Масона «Невѣдомый Наполеонъ», составленная на основаніи пресловутыхъ документовъ Ливри, какъ будто исчерпала вопросъ о молодости Наполеона, но новый трудъ Шюкэ доказываетъ, что въ государственныхъ и частныхъ архивахъ Франціи еще много скрывается интересныхъ свѣдѣній объ этихъ предметахъ. Этотъ неутомимый изслѣдователь всего, что касается революціи, кон-

¹⁾ La société des Jacobins, par F. Aulard. Vol. VI. Paris. 1897.

²⁾ L'état de la France en l'an VIII et en l'an IX, par F. Aulard. Paris, 1897.

³⁾ Le Pacifications de l'Ouest 1794—1801, par Ch. Chassin, vol. II, Paris, 1898.

⁴⁾ L'Europe et de directoire, par Albert Sorel. *Revue des Deux Mondes* 15 juil. 15 aout, 15 septem. 15 decembre 1897.

⁵⁾ La jeunesse de Napoleon: Brienne, par Arthur Chuguët. Paris. 1898.

⁶⁾ Napoleon, par Stendal. Paris, 1898.

сульства и имперіи, поставилъ себѣ задачей изучить со всѣхъ сторонъ дѣтство и юность своего героя. Въ только что вышедшемъ первомъ томѣ онъ подробно и основательно описываетъ его жизнь и воспитаніе, сначала на Корсикѣ, а потомъ въ Бриенѣ и въ парижской военной школѣ. Къ этому онъ присовокупляетъ и картину его существованія молодымъ офицеромъ въ различныхъ гарнизонахъ до возвращенія его на родину 15 сентября 1789 года. Портретъ Наполеона въ молодости, рисуемый его историкомъ, отличается живостью и психологической глубиной. По его словамъ, будущій императоръ походилъ на корсиканцевъ XVIII столѣтія, храбрыхъ, терпѣливыхъ патріотовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отличался серьезнымъ характеромъ, пламеннымъ воображеніемъ, замѣчательной способностью къ наукамъ, скромными вкусами, любовью къ семьѣ, твердостью, недвѣриемъ къ людямъ, суевѣрными предразсудками, колоссальнымъ самолюбіемъ, безграничной гордостью и страстью къ славѣ. «Его достоинства, — замѣчаетъ Шюкэ, — развитыя вѣдствіи усидчивымъ трудомъ и постоянными занятіями, доставили ему еще въ молодые годы предводительство арміями и верховную власть, а недостатки, усилившіеся, благодаря обстоятельствамъ, подчинившимъ ему весь свѣтъ, привели его въ концѣ концовъ къ гибели». Старательно и съ вѣрнымъ критическимъ чутьемъ обсуждая всѣ многочисленные легенды, сложенные о Наполеонѣ, Шюкэ сохраняетъ изъ нихъ только достовѣрныя черты, и ему иногда удается даже отыскать невѣдомые, но не подлежащіе сомнѣнію анекдоты о своемъ героѣ; такъ, онъ рассказываетъ, что однажды въ Бриенѣ онъ отвѣчалъ столь рѣзко на выговоръ учителя, что тотъ съ удивленіемъ воскликнулъ: «да кто же вы, что позволяете себѣ такъ говорить со мной?» Наполеонъ отвѣчалъ совершенно хладнокровно: «человѣкъ!» Новая характеристика Наполеона, принадлежащая перу Стендаля (Генри Бейля), найдена въ гренобльской библіотекѣ, въ которой хранилось столько его посмертныхъ произведеній, мало-по-малу появлявшихся на свѣтъ. Этотъ замѣчательный романистъ и глубокій мыслитель прекрасно зналъ имперію, и потому его взгляды на Наполеона, какъ прежде, такъ и теперь напечатанные, отличаются оригинальностью, основательностью и психологическимъ оттѣнкомъ. Онъ, напримѣръ, очень вѣрно объясняетъ причину, почему Наполеонъ, ненавидѣвшій дворъ, окружилъ себя, однако, царедворцами, въ которыхъ онъ видѣлъ для себя лучшую охрану отъ возможнаго всегда заговора среди преторіанцевъ, т. е. генераловъ и офицеровъ его арміи. Кромѣ того, Стендаль, быть можетъ, первый указываетъ на необыкновенную силу, которую черпалъ Наполеонъ въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ засѣдали лучшія головы времени революціи; помощь этихъ скромныхъ, но способныхъ людей была тѣмъ драгоценнѣе для Наполеона, что онъ никогда не любилъ окружать себя выдающимися талантами и постоянно избиралъ министрами посредственныхъ людей. Кромѣ появившихся въ новомъ году книгъ о Наполеонѣ, слѣдуетъ еще упомянуть и о двухъ явленіяхъ наполеоновской литературы, относящихся до прошедшаго года. Фелиберъ Одебранъ¹⁾ издалъ оригинальную книгу, подъ заглавіемъ: «Былъ ли Наполеонъ счастливымъ человѣкомъ?», и въ бесѣдѣ вымыш-

¹⁾ Napoléon a-t-il été un homme heureux? par Philibert du Audebrand. Paris. 1897.

ленныхъ лицъ различныхъ мѣтвѣй онъ старается разбить наполеоновскую легенду. Но гораздо интереснѣе напечатанное въ первомъ декабрьскомъ номерѣ «Revue des Revues» пророчество о Наполеонѣ въ XVI вѣкѣ¹⁾. Отрывки изъ этого замѣчательнаго пророчества, въ которомъ вѣрно предсказаны важнѣйшіе факты изъ жизни Наполеона, заимствованы французскимъ журналомъ изъ англійскаго трехмѣсячнаго обзорѣнія (Theosophist), а, въ свою очередь, англійскій журналъ взялъ ихъ изъ мемуаровъ Жозефины и коллекціи пророчествъ, напечатанныхъ бібліотекаремъ Брикономъ. Въ XVI столѣтіи во Франціи было много пророковъ, съ легкой руки Нострадамуса, и одинъ изъ нихъ докторъ и археологъ Филиппъ Доедоне, извѣстный подъ именемъ Ноеля Эливариуса, написалъ, между прочимъ, курьезное рукописное предсказаніе о Наполеонѣ. Оно было найдено во время революціи въ бенедиктинской бібліотекѣ, и съ него снята копія въ 1793 году, которая внослѣдствіи была передана императору Наполеону во время его коронаціи. Самыя замѣчательныя мѣста этого пророчества слѣдующія: по словамъ Эливариуса, Франко-Италія родитъ необыкновеннаго человѣка, который въ юности съ помощью солдатъ проложитъ себѣ дорогу къ высшей власти, будетъ вести безконечныя войны, возстановитъ Римскую имперію, напишетъ законы германцамъ, положитъ конецъ беспорядкамъ въ кельтической Франціи, сдѣлается не королемъ, согласно обычаямъ этой страны, а императоромъ, женится два раза, а сынъ у него будетъ только одинъ, наконецъ, пойдетъ войной на страну, находящуюся при соединеніи линіи долготы и широты, займетъ большой городъ, обращенный жителями въ костеръ, погубитъ свою армію, падетъ подъ ударами всѣхъ европейскихъ націй, удалится въ изгнаніе, вернется на короткое время къ власти и снова будетъ изгнанъ Европой. Рукопись, въ которой находились эти предсказанія, долго сохранялась въ бібліотекѣ Парижской ратуши, и Наполеонъ III, при восшествіи на престолъ, пожелалъ ее видѣть, но съ тѣхъ поръ неизвѣстно, куда она дѣлась.

— Мемуары Бусенго. Въ первомъ декабрьскомъ номерѣ *Revue des Revues* помѣщенъ подробный отзывъ о мемуарахъ знаменитаго французскаго ученаго Бусенго, съ нѣкоторыми отрывками изъ нихъ²⁾. Хотя уже вышло два тома этихъ мемуаровъ, но они не пущены въ продажу, а напечатаны семьей автора въ трехстахъ экземплярахъ исключительно для его друзей. Если судить по ихъ содержанію и по тѣмъ отрывкамъ, которые приводитъ въ своей статьѣ Поль д'Естре, то нельзя не пожалѣть, что они не составляютъ общаго достоянія. Не только великій ученый много видѣлъ и слышалъ въ своей жизни интереснаго, но и рассказываетъ свои воспоминанія чрезвычайно живо, рельефно и ослепительно. Онъ былъ истымъ парижаниномъ и провелъ первыя двадцать лѣтъ своего существованія въ одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ кварталовъ французской столицы, гдѣ его отецъ содержалъ маленькую лавочку. Среди любопытныхъ картинокъ уличной жизни этого квартала останавливаютъ на себѣ вниманіе въ особенности мастерски начертанные портреты историческихъ личностей, съ ко-

¹⁾ Napoléon prédit au XVI siècle, par Caze. *Revue des Revues* 1-er decembre 1897.

²⁾ *Memoires inedites de Boussingault*, par P. d'Estrée. *Revue des Revues*. 1 decembre 1897.

торыми ему случалось встрѣчаться. Между прочимъ, онъ зналъ сестру Марата, старуху съ сѣдыми усами и мужскимъ голосомъ которая показывала ему коллекцію бабочекъ, собранную ея знаменитымъ братомъ. Эти воспоминанія Бусенго относятся къ послѣднимъ годамъ реставраціи, а такъ какъ онъ отличался съ дѣтства наблюдательнымъ умомъ, то многія его замѣчанія очерчиваютъ нѣсколькими словами тогдашнюю эпоху ярче, чѣмъ цѣлыя книги присяжныхъ историковъ. Напримѣръ, по его словамъ, всѣ жители его квартала Сень-Северена восторгались императоромъ, но не любили его; женщины питали къ нему страхъ, а мужчины не смѣли громко произносить его имени и даже дома говорили вполголоса о политическихъ событіяхъ. Послѣ рокового исхода кампаніи 1812 года, нищета въ Парижѣ чрезвычайно развилась: многіе изъ обитателей бѣдныхъ кварталовъ просто умирали съ голода, благотворительныя общества не могли достаточно набрать средствъ для раздачи даровой пищи и должны были вмѣсто супа предлагать бѣднякамъ горячую воду, въ которую кляли одну сеledку на тридцать порцій. Находясь въ то время ученикомъ въ императорскомъ лицѣѣ, Бусенго, однако, находилъ свободныя минуты, чтобы убѣгать изъ школы и быть свидѣтелемъ многихъ выдающихся событій послѣднихъ лѣтъ имперіи; такъ онъ видѣлъ казнь всѣхъ дѣйствующихъ лицъ заговора Мале, слышалъ, какъ обитатели его квартала осыпали оскорбительными выраженіями Наполеона по его возвращеніи изъ Россіи; присутствовалъ при вступленіи союзниковъ въ Парижъ и хотя издали, но все-таки видѣлъ, какъ императоръ, во время ста дней, присягалъ новой конституціи на Марсовомъ полѣ. При реставраціи, возстановившей политическія казни, юный Бусенго считалъ своимъ долгомъ присутствовать при важнѣйшихъ драмахъ гильотины, имѣвшей какое-то странное обаяніе для тогдашняго юношества. Впрочемъ онъ съ отвращеніемъ описываетъ видѣнныя имъ казни, и въ особенности его поразила смерть одной молодой, красивой женщины, которую палачи насильно положили подъ лезвее гильотины, несмотря на ея дикіе вопли и болѣзненные корчи. Но эпоха реставраціи отличалась и необыкновеннымъ подъемомъ научныхъ занятій, а потому юный лицестъ бросилъ классическіе языки и сталъ подыскивать себѣ болѣе интересныя занятія. «Я не зналъ, за что взялся, и даже убилъ много времени на изученіе русскаго языка, но наконецъ убѣдился, что мнѣ не побороть его трудностей». Послѣ долгихъ колебаній онъ остановился на химіи и физикѣ, сталъ посѣщать лекціи Гелюсака и Тенара, а шестнадцати лѣтъ поступилъ въ горную школу въ Сентъ-Этьенѣ. Окончивъ курсъ съ успѣхомъ, онъ сталъ искать себѣ профессуры и съ удовольствіемъ принялъ предложеніе отправиться въ южно-американскую республику Колумбію, только что освобожденную Боливаромъ и гдѣ была основана инженерная школа, нуждавшаяся въ молодыхъ профессорахъ. Но прежде чѣмъ предпринять это путешествіе — онъ посѣтилъ знаменитаго Гумбольда, который очень заинтересовался имъ и объяснилъ ему употребленіе нѣкоторыхъ инструментовъ, которыми онъ самъ пользовался въ Америкѣ. По этому случаю Бусенго рисуетъ блестящій портретъ великаго ученаго, которому тогда было пятьдесятъ пять лѣтъ. «На немъ былъ тотъ же костюмъ, который онъ носилъ во времена директоріи, пишетъ Бусенго, именно бѣлый фракъ съ желтыми пуговицами, желтый жилетъ, полосатые брюки,

сапоги съ отворотами, бѣлый галстукъ и черная приплюснутая шляпа. Жиль онъ въ маленькой комнаткѣ, въ которой находились только кровать безъ занавѣсокъ, четыре соломенныхъ стула и большой деревянный столъ, на доскѣ котораго онъ писалъ всѣ свои математическія выкладки, такъ что отъ времени до времени ему приходилось приглашать столяра для очистки стола рубанкомъ». Отъѣздомъ Бусенго въ Америку заканчивается второй томъ его мемуаровъ.

— Демократическое происхожденіе Бальзака. Творецъ современнаго французскаго романа, Бальзакъ, отличался, какъ извѣстно, непонятной слабостью, кичиться своимъ аристократическимъ происхожденіемъ и упорно настаивалъ потому, что къ его фамиліи необходимо прибавлять частицу «де.» Онъ съ гордостью увѣрялъ, напримѣръ, въ предисловіи къ своему роману *Le Lys dans la vallée*, что онъ происходилъ отъ древняго гальскаго рода, и что его предки носили свою фамилію въ такія отдаленныя времена, когда такіе знаменитые аристократы, какъ Шатильоны, Караманы и Ришелье, назывались только прозвищами: Одэ, Рикэ и Дюплесси. Несмотря на все это, не довѣряли хвастовству Бальзака, и между прочимъ извѣстный критикъ Сень-Бвѣ злобно издѣвался надъ нимъ и доказывалъ ему, что онъ не имѣлъ никакого права называть себя «де-Бальзакъ». Впослѣдствіи оказалось, что отецъ романиста никогда не считалъ себя аристократомъ и не подписывался «де-Бальзакъ». Но до послѣдняго времени вопросъ этотъ оставался открытымъ», и только теперь Шарль Парталь, директоръ архива тарнакаго департамента, родины Бальзаковъ, нашолъ несомнѣнныя доказательства, что предки автора «человѣческой комедіи» были простые поселяне, и что они носили фамилію не «Бальзакъ», а «Бальза». Найденные имъ подлинныя документы о рожденіи крещеніи и бракѣ отца и дѣда Бальзака вполне удостовѣряютъ этотъ фактъ. Всѣ его предки были такимъ образомъ честные работающіе земледѣльцы, и трудно понять, почему такой тонкій аналитическій умъ, какъ Бальзакъ, производившій съ удивительнымъ психологическимъ чутьемъ анатомическое сѣченіе современнаго общества, самъ обнаружилъ нелѣпое стремленіе приписать себѣ несуществовавшее аристократическое происхожденіе. Отецъ Бальзака, по словамъ Жана де-Бара, который резюмируетъ архивную находку Портала въ *Revue Encyclopedique*¹⁾, первый бросилъ сельскій трудъ, прибавилъ къ своей фамиліи окончаніе «къ» и поселился въ городѣ Турѣ, гдѣ одно время былъ мэромъ. Но несмотря на это, онъ никогда не заявлялъ претензіи на аристократизмъ, и, по справедливому замѣчанію де-Бара, великому романисту было бы гораздо достойнѣе не гоняться за не принадлежавшимъ ему титуломъ, а говорить прямо: «я самъ свой предокъ!»

— Юбилей Генриха Гейне. Иностранная печать праздновала въ декабрѣ мѣсяцѣ столѣтнюю годовщину рожденія Генриха Гейне. Почти во всѣхъ журналахъ нѣмецкихъ, англійскихъ и французскихъ появились очерки, этюды и характеристики великаго поэта, а международное періодическое изданіе «*Cosmopolis*» посвятило ему статьи на всѣхъ трехъ языкахъ. Въ нѣмецкомъ

¹⁾ La noblesse de Balzac, par Jean de Barr. *Revue Encyclopedique*, 13 novembre 1897.

отдѣлъ этого журнала Карлъ Френцель кратко резюмируетъ значеніе и характеръ главныхъ сочиненій Гейне. О литературныхъ его достоинствахъ и сложной интеллектуальной фигурѣ глубокомысленно рассуждаетъ французскій публицистъ Эдуардъ Родъ, а одинъ изъ лучшихъ англійскихъ критиковъ, Эдуардъ Дауденъ, мастерски рисуетъ портретъ Гейне, какъ писателя и человѣка. Наконецъ англійскій романистъ Зангвиль въ беллетристической формѣ рассказываетъ одинъ изъ эпизодовъ его послѣднихъ мученическихъ дней, именно свиданіе съ одной англійской аристократкой, которую ребенкомъ онъ баловалъ въ Булонѣ и которая, спустя много лѣтъ, уже замужней женщиной, навѣстила его передъ смертью ¹⁾. Въ нѣмецкомъ журналѣ «Deutsche Rundschau» Германъ Гефферъ подробно разсматриваетъ вопросъ о настоящемъ днѣ рожденія Гейне, который долго оставался спорнымъ, такъ какъ самъ поэтъ не зналъ определенно дня своего рожденія и говорилъ не разъ: «для біографовъ довольно знать, что я родился» ²⁾. Гефферъ приходитъ къ заключенію, наравнѣ съ большинствомъ его біографовъ, что Гейне родился 13-го декабря 1797 года, хотя и упоминаетъ о существованіи метрическаго свидѣтельства, въ которомъ будто бы обозначенъ день его рожденія двумя годами позже. Статья Геффера интересна еще потому, что нѣмецкій публицистъ пламенно доказываетъ, что, несмотря на всѣ преслѣдованія Гейне нѣмцами, какъ при жизни, такъ и послѣ смерти, этотъ поэтъ горячо любилъ Германію, а если онъ и отзывался о нѣмцахъ злобно и саркастически, то за это можно его столько же клеймить названіемъ ненавистника Германіи, какъ называютъ Данте врагомъ Флоренціи. Изъ статей англійскихъ журналовъ по поводу юбилея Гейне можно указать на эту анонимную статью въ *Academy*: «Гейне какъ человѣкъ» ³⁾, и на критико-біографическій очеркъ въ *Pall Mall Gazette* ⁴⁾ безъ подписи автора. Благодаря указанной юбилейной литературѣ, можно составить себѣ полное понятіе о томъ, чѣмъ былъ Гейне и какое мѣсто онъ займетъ въ исторіи человѣческаго развитія. «Положите мнѣ на гробъ мечъ, потому что я былъ храбрымъ солдатомъ въ борьбѣ за свободу человѣчества», говорилъ онъ самъ и, по мѣткому выраженію профессора Даудена, онъ былъ дѣйствительно храбрымъ солдатомъ прогресса, но не полководцемъ, не руководителемъ умственного движенія, такъ какъ въ качествѣ блестящаго партизана онъ наносилъ удары одинаково и врагамъ и друзьямъ. Свобода для него была дорога, и онъ рисковалъ ради нея многимъ, но его понятія о свободѣ болѣе отрицательныя, чѣмъ положительныя. Онъ ненавидѣлъ государственную церковь, цензуру печати и ненавистное иго мелкихъ тирановъ, но положительнаго политическаго идеала онъ не имѣлъ. Онъ питалъ сочувствіе къ народу, но, по его собственнымъ словамъ, онъ любилъ народъ издалека и хотя боролся за его права, но избѣгалъ столкновенія съ

¹⁾ «Cosmopolis», decembre 1897: From a Matress Grave, by I. Langwill; Heinrich Heine, by E. Dowden; Henri Heine, par E. Rod; Heinrich Heines Dichtung, von R. Frenzel.

²⁾ Wann ist Heinrich Heine geboren? von H. Hüffer. Deutsche Rundschau. December, 1897.

³⁾ Heine. The Man, by O. W. The Academy, december 18, 1897.

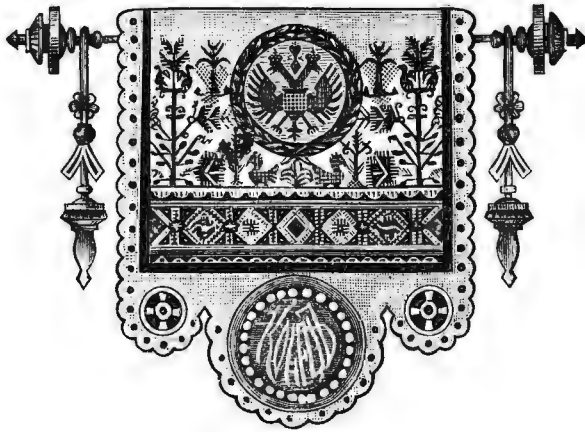
⁴⁾ Heinrich Heine. Pall Mall Gazette. 13 december 1897

толпой. Въ сущности онъ былъ далекъ истинной демократіи и въ глубинѣ души былъ аристократомъ, хотя, конечно, поддерживалъ аристократію ума, а не крови. Его натура была самая сложная, и таковы были его политическій талантъ и политическія стремленія. Какъ въ его поэзіи, такъ и въ прозѣ встрѣчаются рядомъ идеализмъ и реализмъ, вѣжная любовь и холодный цинизмъ, остроумный юморъ и грубое буффонство. Въмѣстѣ съ тѣмъ каждая его строчка дышала умомъ и художественной правдой, а наибольшее число его лучшихъ сочиненій дышали такой проницей и сарказмомъ, равныхъ которымъ трудно найти въ какомъ бы то ни было писателѣ. По мѣткому выраженію Арнольда, «духъ челоѳчества, смотря на глупость людей, на секунду улыбунулся, и этой улыбкой былъ Гейне». Что касается до жизни великаго поэта, то она была самая печальная и кончилась десятилѣтней мучительной болѣзнью, вирождение которой онъ медленно умиралъ, лежа на грудѣ матрасовъ, положенныхъ на полъ. По происхожденію еврей и нѣмецъ, онъ перешелъ въ лютеранство, хотя всушности не имѣлъ никакихъ религіозныхъ убѣжденій и провелъ большую часть своей жизни въ Парижѣ, такъ какъ въ тогдашней Германіи ему не было мѣста съ его либеральными идеями. Получивъ воспитаніе въ Гамбургѣ и прослушавъ рядъ юридическихъ лекцій въ германскихъ университетахъ, онъ принялъ участіе въ журнальной борьбѣ, высоко держа знамя молодой Германіи, а когда разразилась іюльская революція въ Парижѣ и его положеніе на родинѣ стало нестерпимымъ, то онъ переселился во Францію, гдѣ и написалъ лучшія изъ своихъ произведеній. По его собственному выраженію германская ласточка свила себѣ гнѣздо въ парикѣ Вольтера, а благодаря разнообразію своей музы, онъ сдѣлался въ одно и то же время идеальнымъ лирикомъ и Аристофаномъ XIX вѣка.

— Смерть Альфонса Додэ. Французская или скорѣе всесвѣтная литература понесла тяжелую потерю: неожиданно умеръ одинъ изъ первыхъ современныхъ романистовъ Альфонсъ Додэ. Хотя уже десять лѣтъ онъ страдалъ тяжелымъ недугомъ, тѣмъ самымъ, который свелъ въ могилу Гейне, именно разстройствомъ позвоночника, Додэ и его семья уже такъ привыкли къ его болѣзни, что никто не ожидалъ его смерти; она застигла его за обѣденнымъ столомъ и поразила одинаково, какъ родныхъ, такъ и весь образованный свѣтъ. Тѣмъ болѣе эта потеря чувствительна, что въ настоящее время печатается въ «Illustration» новый романъ покойнаго «Оцора семьи» и, по всей вѣроятности, онъ не оконченъ. Похороны Додэ имѣли очень задушевный характеръ, и Зола, оставшійся теперь единственнымъ главой реалистическаго романа во Франціи, произнесъ трогательную рѣчь на кладбищѣ Pere-Lachaise. «Если необходимо, — сказалъ онъ между прочимъ: — отвести Додэ окончательное мѣсто въ литературѣ, то я указалъ бы, что онъ стоялъ въ первомъ ряду той священной фаланги, которая вела борьбу за истину во второй половинѣ настоящаго вѣка. Вѣчную славу составить этому вѣку тотъ тяжелый трудъ, который онъ понесъ на пути къ достиженію правды и съ которымъ по колоссальности не можетъ сравниться работа ни одного изъ прошедшихъ столѣтій. Додэ вмѣстѣ съ нами находился среди самыхъ храбрыхъ и смѣлыхъ тружениковъ, такъ какъ

его произведенія, несмотря на ихъ прелесть и вѣжнѣйшій характеръ, отличались и громкимъ протестомъ во имя справедливости и сожалѣннѣйшій къ униженнымъ, къ оскорбленнымъ. Эти произведенія, составляя часть великой работы нашего поколѣннѣйшій, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ логичнымъ продолженіемъ тѣхъ соціальныхъ документовъ, которые завѣщали Бальзакъ, Стендаль, Флоберъ и Гонкуры». Дѣйствительно Додэ, вмѣстѣ съ Флоберомъ и Зола, стояли во главѣ реалистическаго романа во Франціи и если, быть можетъ, онъ не выказывалъ столько творческой силы, какъ его товарищи, то зато онъ превосходилъ ихъ мягкостью, изяществомъ и художественной прелестью картинъ современной жизни. По гуманности и человѣчности, проглядывавшимъ во всемъ, что онъ писалъ, его справедливо сравнивали съ Диккенсомъ, а лучшіе его типы, какъ, на примѣръ, Делобель и Тартаренъ, останутся навсегда собственнымъ именами, какъ Селимена или Тартюфъ. Что же касается до литературной формы, которую придавалъ своей художественной фантазіи и реальнымъ картинамъ современныхъ нравовъ, талантливый романистъ, то, по справедливому замѣчанію одного изъ новѣйшихъ критиковъ, Анатоля Франса, его стиль отличался блестящимъ, легкимъ, увлекательнымъ изложеніемъ великолѣпнаго рассказчика, и часто его картинныя фразы внезапно прерывались, какъ будто рассказчикъ умолкъ, добавляя смыслъ своихъ словъ улыбкой или жестомъ. Говоря своимъ несравненнымъ образнымъ языкомъ, Додэ невольно плѣнялъ всякаго и не только плѣнялъ, но и трогалъ до глубины души. Жизнь автора «Набоба» и другихъ знаменитыхъ романовъ не отличалась романическими перипетіями. Сынъ скромнаго торговца, онъ родился Нимѣ въ 1840 году и, будучи семнадцатымъ ребенкомъ своей матери, съ дѣтства отличался слабымъ здоровьемъ. Учился онъ сначала въ своемъ родномъ городѣ, а потомъ въ Лионѣ. Семнадцати лѣтъ онъ явился въ Парижъ, и первые года его столичнаго существованія были переполнены самыми тяжелыми испытаніями. Его борьба за существованіе однако окончилась неожиданно и благополучно. Изданный имъ первый томикъ стихотвореній подъ названіемъ «Les amoureuuses» доставилъ ему репутацію поэта, а императрица Евгенія такъ хвалила его стихи герцогу Морни, что тотъ взялъ его къ себѣ въ личные секретари. Какъ извѣстно, впоследствии Додэ нарисовалъ блестящій портретъ своего случайнаго покровителя въ «Набобѣ». Хотя нѣкоторые публицисты упрекаютъ его за службу въ лагерѣ банапартистовъ, но въ сущности онъ никогда серьезно не относился къ политикѣ и хотя началъ жизнь легитимистомъ, потомъ былъ секретаремъ Морни, затѣмъ другомъ Гамбетты и Рошфора, противникомъ коммуны и наконецъ умѣреннымъ либераломъ, но всегда онъ оставался литераторомъ и художникомъ. Для него важнѣе политики было искусство во всѣхъ его проявленіяхъ, и онъ ставилъ выше всего литературную самостоятельность, которая заставляла его между прочимъ избѣгать французской академіи, къ которой онъ никакъ не хотѣлъ принадлежать, несмотря на всѣ заискиванія передъ нимъ со стороны «безсмертныхъ». «Я французскій рассказчикъ и романистъ, — писалъ онъ однажды къ Бержеру, который настаивалъ на его академической кандидатурѣ: — и мои учителя Бальзакъ, Жоржъ Зандъ, Стендаль,

Готье, Нерваль, Флоберъ и Гонкуры не принадлежали къ академіи, а потому къ чему мнѣ быть тѣмъ, чѣмъ они не были? На кой чортъ быть академикомъ! Дѣло все въ томъ, чтобы писать хорошія книги». А что онъ умѣлъ писать хорошія книги, это доказываютъ всѣ художественныя произведенія, которыя прославили его имя, и, несмотря на тяжелый недугъ, отравлявшій его послѣдніе годы, онъ за нѣсколько часовъ до своей смерти оканчивалъ свой новый романъ и обдумывалъ новую драму.

С М Ъ С Ъ.

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТІЕ журнала «Чтеніе для солдатъ».

Мысль объ изданіи журнала для солдатъ принадлежитъ императору Николаю Павловичу. Исполняя высочайшую волю, военное министерство поручило, въ 1838 году, извѣстному писателю Гречу составить программу подобнаго изданія, редакцію котораго предполагалось возложить на генерала Скобелева; но такъ какъ по сдѣланной смѣтѣ изданіе журнала потребовало бы отъ казны значительныхъ издержекъ, то дѣло это осталось безъ движенія. Въ 1846 году, штабсъ-капитанъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка, Чекмаревъ, вошелъ въ военное министерство съ ходатайствомъ о разрѣшеніи издавать «Чтеніе для солдатъ», причемъ въ видѣ поддержки просилъ обязать войска подписаться по одному экземпляру для каждой роты, эскадрона и батареи. На докладѣ объ этомъ государь написалъ слѣдующую резолюцію: «Обязывать полки брать книгу невозможно, но предоставить должно собственному желанію». Лишась надежды получить какую либо помощь со стороны казны, Чекмаревъ рѣшился осуществить свое предпріятіе на частныя средства и съ этой дѣлюю вошелъ въ соглашеніе съ книгопродавцемъ Василіемъ Исаковымъ, который и взялъ на себя изданіе «Чтенія для солдатъ». Чекмаревъ редактировалъ журналъ съ 1847 по 1857 годъ, когда, получивъ служебное назначеніе въ Петербурга, передалъ все дѣло въ собственность генерала А. Ф. Гейрота, послѣ смерти котораго въ 1882 году «Чтеніе для солдатъ» издается его сыномъ, отставнымъ гвардіи капитаномъ А. А. Гейротомъ. Въ теченіе пятидесяти лѣтъ журналъ, при подписной платѣ въ четыре рубля, существуетъ на собственныя средства, не получая никакихъ субсидій, за исключеніемъ дважды выданнаго пособія отъ правительства, въ размѣрѣ 12.000 руб.

въ видѣ безпроцентнаго займа на 12 лѣтъ. Въ настоящее время онъ расходится въ количествѣ 5.880 экземпляровъ.

Курьезная диссертация. Недавно въ Юрьевскомъ университетѣ защищать диссертацию на степень доктора изящныхъ искусствъ магистръ Г. Г. Павлуцкій. Тема гласила: «О жанровыхъ направленіяхъ въ греческомъ искусствѣ эпохи эллинизма». Что представляетъ собой эта диссертация, видно изъ отзыва о ней одного изъ официальныхъ оппонентовъ, проф. Никитскаго. Г. Никитскій началъ свою рѣчь слѣдующимъ заявленіемъ: «Обыкновенно начинаютъ разборъ предъявленныхъ диссертаций указаніемъ на ихъ достоинства, но такъ какъ настоящая работа достоинствъ не представляетъ, то я прямо перейду къ ея недостаткамъ». Затѣмъ послѣдовалъ весьма детальный разборъ труда г. Павлуцкаго, продолжавшійся до трехъ часовъ, и въ концѣ концовъ, профессоръ Никитскій нашель въ представленной диссертации или, вѣрнѣе, въ самомъ г. Павлуцкомъ то достоинство, что онъ очень любитъ заниматься искусствомъ. Не менѣе строгимъ судьей оказался и слѣдующій оппонентъ г. Мальмбергъ. Обмѣнъ мыслей, послѣдовавшій между нимъ и докторантомъ, ознаменовался такимъ курьезомъ, подобный которому врядъ ли найдется въ лѣтонисяхъ ученыхъ диспутовъ. Дѣло въ томъ, что въ своемъ трудѣ г. Павлуцкій описываетъ, между прочимъ, голову одной дрезденской статуи. На вопросъ профессора Мальмберга, видѣлъ ли докторантъ эту статую, послѣдній отвѣчалъ утвердительно. Какое же было изумленіе собранія, когда профессоръ Мальмбергъ заявилъ, что у данной статуи, въ остальныхъ своихъ частяхъ вполнѣ сохранившейся, не достаетъ только головы, такъ тщательно описанной г. Павлуцкимъ! Г. Павлуцкій удостоенъ искомой степени. («Новости дня», № 5120).

Географическое общество. I. Отдѣленіе географіи математической и физической выслушало 28-го октября докладъ профессора Сапожникова о ледникахъ Алтая, изслѣдованныхъ имъ лѣтомъ 1897 года при содѣйствіи географическаго общества. Поѣздка эта оказалась обильной результатами. Кромѣ изслѣдованій ледниковъ группы Бѣлухи, г. Сапожниковъ нашель второй большой ледниковый центръ въ Чуйскихъ бѣлкахъ, на верховьяхъ рѣки Чеганъ-узунъ. Третій ледниковый узелъ былъ найденъ немного сѣвернѣе предыдущаго, въ горахъ Бишъ-Ирду; ледники этой группы гораздо меньше. Наконецъ, четвертый такой центръ оказался лежащимъ въ юго-восточномъ Алтаѣ, въ верховьяхъ рѣки Калгутты. Такимъ образомъ, всего на Алтаѣ теперь извѣстно до 30 ледниковъ, собранныхъ въ пяти центрахъ, занимающихъ довольно обширную территорию. Многіе изъ ледниковъ этихъ узловъ по своей величинѣ не уступаютъ швейцарскимъ. Повидимому, всѣ эти ледники теперь находятся въ періодѣ отступанія, въ прежнее же время оледенѣніе Алтая несомнѣнно было гораздо обширнѣе, на что указываютъ многіе слѣды, шлифованныя скалы, штрихи, старыя морены, находимыя въ такихъ мѣстахъ, гдѣ теперь ледники отсутствуютъ. Второе сообщеніе было сдѣлано А. П. Старковымъ и касалось вопроса объ изслѣдованіи водораздѣла между Бѣлымъ и Балтійскимъ моремъ. II. 18-го ноября былъ выслушанъ докладъ молодого ученаго, г. Федченка, сына извѣстнаго своими изслѣдованіями Туркестана путешественника Федченка, погибшаго въ Альпахъ. Подобно своему отцу, молодой Федченко началъ свои ученыя путе-

шествія тоже съ Туркестана, куда онъ былъ командированъ географическимъ обществомъ. Его маленькая экспедиція изъ 3-хъ молодыхъ людей увеличилась на мѣстѣ присоединеніемъ къ ней еще землеѣра и чиновника особыхъ порученій, г. Гейлера, прикомандированныхъ мѣстнымъ военнымъ губернаторомъ. Изучены и осмотрѣны ею всѣ ледники въ верховьяхъ Майданталя, собрано множество свѣдѣній ботаническихъ, зоологическихъ, метеорологическихъ, воспроизведено множество фотографическихъ снимковъ. Лекторъ осмотрѣлъ 25 ледниковъ. Характерную черту всѣхъ средне-азиатскихъ ледниковъ составляютъ высоколежащіе концы ихъ, находящіеся на высотѣ отъ 9.000 ф. и даже до 12.000 ф. Изслѣдованія ихъ показали, что ледники эти уже исчезающіе. Яркое солнце, при множествѣ ясныхъ дней лѣтомъ, даетъ много тепла, способнаго скоро растапливать накопившійся ледъ. Погода здѣсь была въ минувшее (1897) лѣто прекрасная, съ незначительными осадками вначалѣ и обиліемъ ясныхъ дней, что особенно благопріятствовало экспедиціи. Между прочими сообщеніями членовъ интересно полученное изъ Асхабада извѣщеніе, что предпринятое тамъ буреніе артезіанскаго колодца до сихъ поръ не дало желательныхъ результатовъ. Буровая скважина прошла 250 саж. и все-таки не достигла еще воды.

С.-Петербургское археологическое общество. I. 23-го октября, состоялось засѣданіе русскаго отдѣленія, подъ предѣлательствомъ С. Ѳ. Плагоннова. Н. Ѳ. Шпаковский прочиталъ рефератъ «О стрѣльцахъ». Въ своемъ сообщеніи референтъ главнымъ образомъ изложилъ вопросы о составѣ, приборѣ, служебномъ устройствѣ и жаловань стрѣльцовъ, равно какъ обязанности, права и привилегіи ихъ и начальныхъ людей въ стрѣлецкомъ войскѣ. А. Ѳ. Бычковымъ поднятъ былъ вопросъ о началѣ и происхожденіи стрѣлецкаго войска, оставшійся неразрѣшеннымъ. А. А. Спицынъ описалъ произведенную имъ лѣтомъ 1897 года раскопку скинскаго кургана близъ деревни Башмачки, Екатеринославской губерніи, недалеко отъ двѣпровскихъ пороговъ, и при этомъ указалъ на отсутствіе систематической группировки такъ называемыхъ скинскихъ кургановъ по типамъ. Съ своей стороны г. Спицынъ предложилъ для этихъ кургановъ слѣдующую схему: IV—III вв. до Р. Х.—Куль-Оба и Александропольскій курганъ, III в. до Р. Х.—Чертомлыкъ и другіе екатеринославскіе курганы, II в. до Р. Х.—Ржановка, I в. до Р. Х.—Дарьевка, I в. по Р. Х.—Роменскіе курганы, II в. по Р. Х.—Гнидицы. Затѣмъ А. А. Спицынъ обратилъ вниманіе собранія на то, что указываемыя професоромъ А. И. Соболевскимъ въ его «Очеркахъ» границы близко совпадаютъ съ границами распространенія различныхъ курганныхъ типовъ въ XI—XII вв. Полоцкіе, кривичскіе, радимичскіе и дреговичскіе курганы вполне совпадаютъ съ областью распространенія бѣлорускаго нарѣчія, въ районѣ великорусскихъ говоровъ распространены курганы, приписываемые вятичамъ, новгородцамъ и владимірцамъ.

II. Въ засѣданіи русскаго отдѣленія 13-го ноября графъ А. А. Бобринскій сдѣлалъ интересное сообщеніе о находящемся въ стокгольмскомъ королевскомъ оружейномъ музеѣ шлемѣ Ивана Грознаго. Шлемъ этотъ заканчивается сверху острымъ шпилемъ, называвшимся въ старину «шишомъ», откуда и произошло названіе такихъ шлемовъ: «шишакъ». Описываемый шишакъ

выдѣланъ изъ стали, украшенной позолоченными узорами; верхняя его часть («вершье») также позолочена. Снизу, по «вѣнцу» — двѣ широкія позолоченныя каймы, которыя заключаютъ одна арабскую надпись, другая — арабски. Между ними оставлена узкая полоса съ инкрустированной золотыми буквами надписью: «Шеломъ князя Ивана Васильевича великаго князя (ы)на Василія Ивановича господаря всея Руси самодержца». Надпись эта свидѣтельствуесть, что шлемъ выдѣланъ былъ для Ивана IV еще при жизни отца его, великаго князя Василія Ивановича, умершаго въ 1533 году. Малолѣтнему Ивану IV было въ то время всего три года, но, повидимому, было въ обычаѣ изготавлять дѣтскіе шлемы для князей; такъ, въ московской оружейной палатѣ хранится шлемъ, весьма похожій на этотъ, съ надписью о принадлежности его сыну царя Ивана IV: «Повелѣніемъ благовѣрнаго и христіюбиваго царя, великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи самодержца сделанъ шеломъ сей благородному сыну его царевичу Ивану Ивановичу въ четвертое лѣто отъ рожденія его въ преименитомъ и царствующемъ градѣ Москвѣ въ лѣто 7065 (1557) іюня въ 8 день». Стокгольмскій шишакъ является вторымъ экземпляромъ военнаго головного убора съ именемъ русскаго князя. Вообще шлемы, съ коими связаны имена именитыхъ русскихъ людей, составляютъ величайшую рѣдкость. Какимъ образомъ попалъ шишакъ Ивана IV въ Швецію? Издатели описанія королевскаго оружейнаго музея полагаютъ, что онъ вывезенъ изъ Россіи во время войны 1581 года. Но, по мнѣнію графа Бобринскаго, вѣроятно, шишакъ взятъ при разгромленіи поляками Кремля въ 1612 и 1613 гг. Удачный походъ шведскаго полководца Делагарди въ 1581 году ограничился лишь побережьемъ Балтійскаго моря. Здѣсь, между прочимъ, при взятіи у насъ Иванъ-города, вывезены въ Швецію двѣ великолѣпныя бронзовыя пушки русскаго дѣла, съ русскими надписями 1576 и 1578 гг. Пушки эти стоятъ нынѣ на дворѣ Грипсгольмскаго замка, близъ Стокгольма. Находящійся въ надписи на шишакѣ титулъ господаря всея Россіи предшествовалъ титулу государя и былъ въ употребленіи со временъ Ивана III. Интересно, что Иванъ Грозный, впоследствии, имѣлъ пристрастіе къ хорошимъ шлемамъ. Такъ, на запросъ польскаго короля Стефана Баторія, чѣмъ бы онъ могъ отблагодарить царя за присланныя ему охотничьи кареты, Иванъ IV отвѣчалъ, что «онъ охотникъ до армаковъ до жеребцовъ добрыхъ, до шашокъ хорошихъ желѣзныхъ съ наводомъ, пищалей ручныхъ, чтобъ были добры, цѣльны и легки».

Къ XI археологическому съѣзду. Кіевское отдѣленіе предварительнаго комитета по устройству XI археологическаго съѣзда, который соберется въ Кіевѣ въ августѣ 1899 г., озабочено собираніемъ свѣдѣній о коллекціяхъ древностей въ Юго-Западномъ краѣ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ. Организационный комитетъ предполагаетъ привлечь владѣльцевъ музеевъ и собраній предметовъ старины къ участию въ цѣлой серіи выставокъ, которыя будутъ устроены во время съѣзда. Юго-Западный край особенно богатъ коллекціями, такъ какъ большинство крупныхъ польскихъ землевладѣльцевъ — большіе любители древностей. Старинные и знаменитые роды, какъ, напримѣръ, князья Сангушки, графы Потоцкіе, графы Сабанскіе, князья Любомирскіе, графы Браницкіе, кромѣ собраній древностей, иногда весьма цѣнныхъ, имѣютъ

богатые архивы, документы и разнаго рода акты которыхъ представляютъ большой матеріалъ для разработки историковъ. Къ сожалѣнію, доступъ въ подобнаго рода хранилища весьма труденъ, особенно для русскихъ ученыхъ. Напримѣръ, всѣ попытки ихъ ознакомиться съ обширнымъ архивомъ князя Сангушка въ мѣстечкѣ Славутѣ, Волынской губерніи, не увѣнчались успѣхомъ. Всѣ просьбы отклонялись подъ предлогомъ, что архивы заключаютъ семейные документы. Насколько обширны эти архивы, можно судить по издаваемому нынѣ въ Львовѣ описанію архива въ Славутѣ. Вышло уже четыре тома большого формата, содержащіе болѣе важные документы и акты. Съ теченіемъ времени цѣлыя колекціи польскихъ магнатовъ исчезаютъ изъ Россіи и попадаютъ въ собранія Львова и Кракова. Организационный комитетъ по устройству будущаго археологическаго съѣзда поставилъ себѣ задачей ознакомиться съ частными собраніями края, подробно ихъ описать и, если окажется возможнымъ, привлечь владѣльцевъ къ участию въ выставкѣ. Нѣкоторые уже изъявили на то согласіе. Организационноу комитету удалось собрать свѣдѣнія о слѣдующихъ колекціяхъ: графа А. А. Вобринскаго въ Смѣлѣ, Киевской губерніи (описаніе этого богатаго собранія археологическихъ предметовъ, результатъ многолѣтнихъ раскопокъ, сдѣлано уже самимъ владѣльцемъ); князя Лопухина-Демидова въ Корсунѣ, Киевской губерніи.; Ю. Ѳ. Абазы въ Шполѣ, той же губерніи; Н. Я. Тарновскаго въ селѣ Тростяницахъ, Каневского уѣзда; Е. А. Зноско-Боровскаго въ селѣ Берестнякахъ, Каневского уѣзда; В. К. Држе-скаго въ селѣ Паріевкѣ, Литовецкаго уѣзда; Адама Волянскаго въ селѣ Руднѣ, Луцкаго уѣзда; барона Ѳ. Р. Штейгеля въ селѣ Городкѣ, Ровенскаго уѣзда; Л. Житынскаго въ селѣ Лагодовкѣ, Луцкаго уѣзда; Крестовоздвиженскаго братства въ Луцкѣ; С. Любы-Гадвиминскаго въ селѣ Сивкахъ, Острожскаго уѣзда; Эд. Руликовскаго въ селѣ Высоцкѣ, Ровенскаго уѣзда; Владиміръ-Во-лынскаго братства въ городѣ Владиміръ-Волын-скомъ; П. А. Орлова близъ Кременца; г. Уварова въ селѣ Эмельчинѣ, Житомирскаго уѣзда; Волынскаго епархіальнаго древне-хранилища въ Житомирѣ; К. А. Пулѣскаго въ селѣ Закидишахъ, Каменецкаго уѣзда; Г. А. Венгрижиновскаго въ Гайсинскомъ уѣздѣ; Мечислава Юрьевича въ мѣстечкѣ Бершалахъ, Ольгопольскаго уѣзда; епархіальнаго древнехранилища въ городѣ Каменецъ-Подольскомъ: К. Држе-вецкаго въ селѣ Купкахъ, Гайсинскаго уѣзда; графа К. Пржездецкаго въ мѣстечкѣ Черномъ Островѣ, Волынской губерніи; г. Вилицкаго въ селѣ Бер-линцы-Лѣсовыхъ, Могилевскаго уѣзда; графа П. Грохольскаго въ селѣ Стры-жовкѣ, Винницкаго уѣзда; Самуила Копровскаго въ селѣ Дитковичахъ, Ровен-скаго уѣзда; г. Стыпулковскаго въ селѣ Тележинцахъ Заславскаго уѣзда. Перечисленныхъ собраній древностей уже достаточно, чтобы судить, сколько частныхъ колекцій находится въ краѣ. Значительное большинство этихъ собра-ній, какъ сказано, неизвѣстны археологамъ, а потому желательно бы имѣть хотя краткое ихъ описаніе.

Реставрація Сухаревой башни. Три года тому назадъ, согласно постано-вленію московской городской управы, рѣшено было произвести ремонтъ на-ружныхъ частей Сухаревой башни, въ виду того, что большая часть архитек-турныхъ украшеній настолько обветшали, что откладывать ремонтъ было не-

возможно. Для опредѣленія ветхостей и составленія подробной смѣты необходимо было устроить лѣса, которые и были установлены осенью 1895 года, а въ 1896 году составлена была смѣта. Послѣ постановки лѣсовъ явилась возможность подробно осмотрѣть не только наружныя украшенія, но и всѣ части зданія. При внимательномъ осмотрѣ было обнаружено, что самое зданіе, имѣющее, какъ извѣстно, важное историческое значеніе и неразрывно связанное съ именемъ преобразователя Россіи—императора Петра Великаго, сильно искажено позднѣйшими перестройками и передѣлками. Вслѣдствіе варварскихъ искаженій зданіе башни представляется далеко не тѣмъ, какимъ оно было въ петровское время. Помимо открытія многихъ остатковъ старины, лѣса, окружающіе и теперь башню, дали возможность снять точные рисунки съ затѣпливыхъ колоннъ и капителей, съ сандриковъ и подвѣсокъ, которыми такъ богата башня и большинство которыхъ частью разрушилось отъ времени, частью отъ пристроекъ оставались закрытыми для глазъ. Но при составленіи смѣты для ремонта зданія не имѣлось въ виду произвести въ то же время и реставрацію памятника и возстановить его хотя бы приблизительно въ первоначальномъ видѣ. На реставрацію, конечно, требовалась значительная сумма, и памятнику грозила печальная будущность оставаться искаженнымъ и, какъ было до послѣдняго времени, въ полнѣйшемъ пренебреженіи. Но, благодаря сочувствію городского головы, князя В. М. Голицына, съ должнымъ уваженіемъ относящагося къ историческимъ памятникамъ и къ родной старинѣ, явилась возможность осуществить реставрацію, и въ началѣ текущаго года рѣшено было одновременно съ ремонтомъ башни приступить и къ реставраціи послѣдней. Какъ ремонтъ зданія, такъ равно и реставрація возложены были на архитектора А. Л. Обера. Проектъ реставраціи предварительно представленъ былъ на разсмотрѣніе комиссіи по охраненію древнихъ памятниковъ, состоящую при императорскомъ Московскомъ археологическомъ обществѣ. Комиссія же съ своей стороны поручила архитектору А. М. Павлинову имѣть наблюденіе за реставраціей, которая, какъ и всѣ работы по ремонту, закончена будетъ не ранѣе 1898 года. Возстановить Сухареву башню въ томъ видѣ, какъ она была во время, близкое къ ея построенію, не представляется возможнымъ, такъ какъ въ архивахъ не удалось пока отыскать старинныхъ плановъ и чертежей. Очень можетъ быть, что они погибли во время пожара, не пощадившаго башню, въ 1737 году, или при вторичномъ пожарѣ въ 1812 году. Сохранилась только лѣтопись башни, высѣченная на двухъ каменныхъ плитахъ, вставленныхъ надъ пробѣдными воротами: «Новелѣніемъ благочестивѣйшихъ, тишайшихъ, самодержавнѣйшихъ, великихъ государей, царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича всея великія і малыя і бѣлыя Россіи самодержцевъ, по Срѣлецкому приказу, при сидѣнье въ томъ приказѣ Ивана Борисовича Троекурова. Построены во второмъ Стрѣлецкомъ полку по Земляному городу Стрѣтенскія ворота и шатеръ съ часами, а подлѣ воротъ по обѣ стороны караульныя малыя палаты, да казенный анбаръ, а позадь воротъ къ новой Мѣщанской слободѣ часовня съ кельями къ Никольскому монастырю, что на Перервѣ, а начато то строеніе строить въ лѣто зс (1692 г.), а совершенно въ лѣто зсг (1695 г.), а въ то время будущаго у того полку стольника и пол-

ковника Лаврентья Панкратьева сына Сухарева». Къ сожалѣнію, лѣтопись ничего не даетъ, кромѣ точной даты о построеніи башни, и до настоящаго времени ничего неизвѣстно о времени дальнѣйшихъ надстроекъ надъ палатами. Равно остается неизвѣстнымъ и имя зодчаго, строившаго башню. Несомнѣнно только, что при составленіи плана императоръ принималъ участіе, и чертежи зданія составлялись по его указаніямъ, какъ и большинство зданій, возведенныхъ въ его царствованіе. При осмотрѣ башни оказалось, что окна и многіе пролеты, прежде открытые, заложены въ болѣе позднее время, крыша надъ палатами приподнята и закрыла собою на половину четыре пирамидальные шпиля; надъ галлереей, окружающей башню, и надъ входною лѣстницей сдѣланъ навѣсъ; часы, бывшіе на башнѣ, какъ говорятъ, сгорѣли вмѣстѣ съ деревянными ея частями во время пожара въ 1812 г.; отверстія, въ которыя были вставлены часы, сохранились и закрыты рамами. Здѣсь кстати будетъ привести сохранившееся крайне интересное свѣдѣніе о часахъ. Изъ расходной книги Московской Оружейной палаты видно, что «часовщику, который при школахъ (математической и навигаціонной, основанныхъ Петромъ и помѣщавшихся въ палатахъ Сухаревой башни) у боевыхъ часовъ одному человѣку двадцать три рубли, три алтына» въ годъ. Часы установлены были въ третьемъ ярусѣ башни, колокола же висѣли въ четвертомъ ярусѣ, непосредственно подъ шатровою крышей. Одинъ циферблатъ обращенъ былъ на 1-ую Мѣщанскую, другой же на Срѣтенку. Шатровая крыша башни покрыта была двухцвѣтною черепицею (желтою и зеленою), остатки которой прекрасно сохранились, точно такъ же, какъ и жгуты на ребрахъ крыши, были тоже черепичатые, но трехцвѣтные бѣло-желто-зеленые. По найденнымъ образцамъ сдѣланъ заказъ череницы, равно и кафельныхъ изразцовъ, съ изображеніемъ двуглаваго орла, которыми покрыты были нѣкоторые пояса башни, мѣстами сохранившіеся до настоящаго времени. Въ видахъ соблюденія экономіи, выполненіе заказа на черепицу и изразцы пришлось сдѣлать на заграничныхъ заводахъ, именно въ Англіи, гдѣ подобнаго рода работы, помимо депезивны, отличаются еще прочностью, которую, наоборотъ, не отличаются произведенія, изготовленныя на отечественныхъ заводахъ. За исключеніемъ крыши, верхняя часть башни теперь вполне уже реставрирована, но, къ сожалѣнію, не оказывается средствъ на пріобрѣтеніе часовъ—курантовъ, которые, помимо украшенія башни, были бы крайне полезны для такого бойкаго торговаго пункта, какъ Сухаревскій рынокъ и примыкающія къ нему улицы. Можно надѣяться, что домовладѣльцы и лавковладѣльцы района, ближайшаго къ башнѣ, придутъ на помощь городу и дадутъ возможность пріобрѣсти боевые часы, стоимостью приблизительно въ три, четыре тысячи рублей. Желѣзный орелъ, вѣнчающій собою башню, исправленъ и вновь позолоченъ. Площадь каждой стороны орла равняется 20 кв. аршинамъ; поэтому можно судить о величинѣ орла. Здѣсь кстати будетъ напомнить случай, бывшій въ 1812 г., за день до вступленія въ Москву французовъ. Въ крыльяхъ орла запутался ястребъ, съ путами на ногахъ и, несмотря на всѣ усилія, не могъ освободиться. Народъ, столпившійся у башни, рѣшилъ, что «такъ, видно, и Бонапартъ запутается въ крыльяхъ русскаго орла», и предсказаніе народа, основанное на случайности, сбылось. Вообще, съ прошлымъ

Сухаревой башни связано много легендъ и воспоминаній. До сихъ поръ еще народъ убѣжденъ, что въ стѣнахъ башни заложена черная книга, заколоченная алтынными гвоздами. Между прочимъ извѣстно, что въ былое время все зданіе окружено было палисадомъ. Съ окончаніемъ реставраціи башни, обращенной Великимъ Петромъ въ колыбель математическихъ наукъ и русскаго флота, нужно надѣяться, что городское управленіе, много сдѣлавшее для поддержанія историческаго памятника, озаботится также приведеніемъ въ болѣе благообразный видъ мѣстности, ближайшей въ башнѣ: снесетъ зловонныя постройки, прилѣпленныя къ самому подножію важнаго по воспоминаніямъ памятника. Почва вокругъ стѣнъ башни настолько загрязнена, что не только обваливается штукатурка въ нижнихъ частяхъ цоколя, но даже бѣлокаменная облицовка и кирпичная кладка выкрашиваются. вмѣстѣ съ огражденіемъ памятника отъ загрязненія рѣпоткой необходимо будетъ отдалить отъ зданія лари и палатки торговцевъ, крайне стѣсняющіе проходъ и проѣздъ вообще, а въ воскресные дни въ особенности. Для устраненія тѣсноты въ самыхъ воротахъ, необходимо открыть пролеты, смежныя съ существующимъ проѣздомъ, какъ это, очень возможно, и было въ старину. Опустивъ крышу ниже верхняго парапета, нужно открыть четыре пирамидальныя шпиля, расположенныя у самаго подножія башни, какъ это было въ исходѣ прошлаго столѣтія, и что подтверждается сохранившимися чертежами извѣстнаго архитектора Екатерининскаго вѣка Ухтомскаго. Необходимо также открыть парапетъ вокругъ втораго этажа и вмѣстѣ съ тѣмъ свѣтъ навѣсъ надъ галлереей нижняго этажа и надъ лѣстницей, крайне обезображивающій все зданіе. При реставраціи башни, помимо очистки и восстановленія бѣлокаменныхъ украшеній, предположено также все зданіе, какъ неопштукатуренное, очистить отъ нѣсколькихъ слоевъ красокъ, которыми покрыты были одновременно стѣны и покрыть ихъ колеромъ подъ кирпичъ, подобно тому какъ покрыты стѣны и нѣкоторыя башни Московскаго кремля. Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобъ обпирныя залы, или, какъ въ старину называли, палаты Сухаревой башни, теперь совершенно запущенныя и заброшенныя, кромѣ двухъ, въ которыхъ устроены резервуары для мытищенской воды, получили другое назначеніе. Въ этихъ залахъ, одна изъ которыхъ носитъ названіе «рапирной», при Петрѣ I открыты были основанныя имъ математическая и навигаціонная школы; послѣднюю изъ нихъ основатель назвалъ адмиралтейскою; въ ней учились дѣти дворянскія и дѣти разночинцевъ; число ихъ въ 1712 году уже простиралось до 517 человекъ. Впослѣдствіи это навигаціонное училище преобразовано было въ морской кадетскій корпусъ. Этими залами городъ могъ бы воспользоваться для устройства историческаго музея, посвященнаго имени преобразователя Россіи, который родился въ Москвѣ и провелъ въ ней свою юность и гдѣ имъ положено было основаніе многимъ преобразованіямъ, а въ стѣнахъ Сухаревой башни основаны были вышеупомянутыя спеціальныя школы, первыя въ Россіи. А между тѣмъ въ Москвѣ нѣтъ ни одного памятника первому императору. Въ одной изъ залъ можно бы открыть народную читальню, въ которой собрано было бы все, что только писалось о Петрѣ и его славныхъ дѣяніяхъ, причемъ не мѣшало бы украсить залу портретами его сподвижниковъ и тѣхъ дѣятелей, которые тру-

дѣлсь въ палатахъ башни вмѣстѣ съ царемъ. Въ данномъ случаѣ москвичи могли бы послѣдовать примѣру голландцевъ, которые съ благоговѣніемъ относятся къ памяти гениальнаго Петра, что доказали недавно отиразднованнымъ юбиліемъ двухсотлѣтія пребыванія царя работника въ Заандамѣ. («Моск. Вѣд.», № 254).

† **Академикъ А. М. Павлиновъ.** 15 ноября, на Пятницкомъ кладбищѣ, опустили въ могилу одного изъ лучшихъ знатоковъ русской церковной археологіи, хранителя Московской Оружейной палаты, академика архитектуры Андрея Михайловича Павлинова. Покойный скончался внезапно 13 ноября. Неожиданная смерть его поразила всѣхъ, кому дороги интересы русскаго искусства. Покойный родился 1 октября 1852 г. въ Иркутскѣ, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе, но затѣмъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ, послѣ подготовки въ среднемъ учебномъ заведеніи, обратился къ свойственнымъ его дарованію занятіямъ. Художественное образованіе онъ получилъ въ Императорской Академіи Художествъ, гдѣ въ 1877 году за хорошія познанія по архитектурѣ былъ удостоенъ званія класснаго художника 3-й степени. Служебная дѣятельность покойнаго началась въ Уфѣ, въ качествѣ городского архитектора, но она продолжалась здѣсь мѣнѣе года. Въ 1879 году за свои работы онъ былъ удостоенъ званія класснаго художника 1-й степени. Въ 1880 году А. М. Павлиновъ сталъ на тотъ путь, котораго не оставлялъ во всей послѣдующей своей дѣятельности, можно сказать, до послѣднихъ дней своей жизни. Въ этомъ году онъ былъ командированъ по Россіи для собиранія матеріаловъ древне-русской архитектуры и искусства. Эта область особенно интересовала А. М. Павлинова; онъ съ рѣдкою любовью отдавался изученію древне-русскихъ, особенно церковныхъ, намятниковъ и считался лучшимъ знаткомъ въ этомъ дѣлѣ. Четыре года подъ рядъ покойный получалъ подобныя командировки. Русское Историческое общество обратило вниманіе на его труды и избрало его въ свои дѣйствительные члены. Въ 1883 году Императорская Академія Художествъ дала ему званіе академика архитектуры. Императорское Московское археологическое общество за труды А. М. Павлинова въ комиссіи по сохраненію и возобновленію древнѣйшихъ памятниковъ избрало его въ 1885 году въ свои дѣйствительные члены. Всѣмъ извѣстно, какую видную роль игралъ покойный въ этой комиссіи и археологическомъ обществѣ. Многіе древніе намятники, прямо можно сказать, обязаны ему своимъ сохраненіемъ. Археологическимъ обществомъ покойный былъ командированъ для участія въ реставраціи древней крѣпостной стѣны и башенъ въ Коломнѣ. По порученію того же общества онъ производилъ археологическія изслѣдованія въ Абхазіи и областяхъ Батумской и Кареской, гдѣ удалось ему собрать богатый матеріаль. Ростовскій музей церковныхъ древностей во вниманіе къ выдающимся трудамъ покойнаго избралъ его въ свои почетные члены. Въ декабрѣ 1888 года А. М. Павлиновъ былъ назначенъ исправляющимъ должность хранителя Оружейной палаты и занималъ ее до смерти. Много потрудился покойный при возобновленіи Кремлевскихъ соборовъ. Подъ его непосредственнымъ руководствомъ и наблюденіемъ возобновлена была стѣнопись въ Благовѣщенскомъ соборѣ; онъ принималъ участіе въ послѣдней капитальной реставраціи большаго Успенскаго собора, а

за послѣднее время производилъ возобновленіе одного изъ придѣловъ Верхоспасскаго собора. Въ теченіе минувшаго лѣта А. М. Павлиновъ былъ занятъ реставраціей Покровскаго (Василія Блаженнаго) собора, которая еще не окончена. Всѣ работы по реставраціи, производимыя имъ, обнаружили рѣдкую любовь къ этому дѣлу и глубокое пониманіе, основанное на всестороннемъ изученіи древнихъ памятниковъ искусства. Покойнымъ составленъ капитальный трудъ: «Исторія русской архитектуры» (М., 1894 г., 264 стр.). Одинъ этотъ трудъ уже даетъ ему право на почетную извѣстность. Разборъ этого труда помѣщенъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» (1894 г.) и «Русскомъ Обзорѣніи» (1895 г., кн. I.). Изъ другихъ печатныхъ трудовъ его назовемъ: 1) «Древности Ярославля и Ростовскія»; 2) «Древніе храмы въ Витебскѣ и Польшѣ и деревянныя церкви въ Витебской губерніи»; 3) «О доисторической порѣ искусства на почвѣ Россіи» («Вѣстникъ Изящныхъ Искусствъ», 1887 г.); 4) «О планѣ исторіи архитектуры въ Россіи» («Художественныя Новости», 1886 г.). Въ «Трудахъ» археологическаго общества имъ напечатаны: «Черниговскій соборъ и его раставрація», «О древнихъ церковныхъ сооруженіяхъ», «Отчетъ о поѣздкѣ въ Закавказье», «Спасо-Мирожскій монастырь во Псковѣ» и «Реставрація Коломенскихъ крѣпостныхъ стѣнъ». Кромѣ того, перу покойнаго принадлежатъ нѣсколько статей въ «Русскомъ Художественномъ Архивѣ». За исторію русской архитектуры покойный былъ удостоенъ почетнаго отзыва императорской Академіи Художествъ. Покойный состоялъ членомъ историческаго музея и Московскаго архитектурнаго общества. («Моск. Вѣд.», № 317; «Русск. Вѣд.», № 317; «Нов. Вр.», № 7805).

† А. Н. Зерцаловъ. 24-го ноября, въ Москвѣ, скончался старшій помощникъ редактора архива министерства юстиціи, с. с. Александръ Николаевичъ Зерцаловъ, авторъ нѣсколькихъ крупныхъ научныхъ работъ по исторіи, въ особенности много потрудившійся надъ разработкой исторіи земскихъ соборовъ въ Россіи въ періодъ времени XIV—XVII стол. Покойный род. въ 1839 г.; по окончаніи курса наукъ въ школѣ межевыхъ топографовъ (нынѣ Константиновскій межевой институтъ) онъ поступилъ на службу въ межевую канцелярію, гдѣ прослужилъ около двухъ лѣтъ, затѣмъ въ 1859 году перешелъ чиновникомъ въ архивъ министерства юстиціи, гдѣ занималъ различныя должности до помощника редактора включительно. Здѣсь, имѣя въ своемъ распоряженіи богатѣйшій и драгоцѣнный матеріалъ, А. Н. старательно занялся изученіемъ и разборомъ многихъ документовъ и первоисточниковъ какъ по интересующему его вопросу — объ исторіи земскихъ соборовъ, этого крупнѣйшаго явленія политической жизни Московскаго государства XVI—XVII в., — такъ и по исторіи русскаго права вообще. Результатомъ его научныхъ изслѣдованій явились слѣдующія крупныя и цѣнныя работы: «Къ исторіи земскихъ соборовъ», «Новыя данныя о земскихъ соборахъ въ Россіи XVII в.», «Матеріалы и документы по исторіи русскаго права» и пр. Всѣ эти труды, представляющіе умѣлую группировку документальныхъ данныхъ, обратили на себя вниманіе ученыхъ. Кромѣ того, перу А. Н. принадлежатъ нѣсколько статей и монографій въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ. Покойный, прослужившій въ архивѣ болѣе 30 лѣтъ, былъ членомъ императорскаго общества исторіи и древности россійскихъ, членомъ тамбовской ученой архивной комиссіи и др. ученыхъ обществъ.

† **Н. А. Соколинскій.** Въ Баку, 30-го октября, скончался на 56-мъ году жизни, отъ паралича сердца, редакторъ мѣстной газеты «Каспій» Николай Алексѣевичъ Соколинскій. По словамъ «Кавказа», свою литературную дѣятельность покойный началъ въ издававшейся въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Тифлисѣ присяжнымъ повѣреннымъ А. С. Френкелемъ газетѣ «Кавказское Обзорѣніе», напечатавъ въ ней, въ стихахъ, юмористическій обзоръ бакинскихъ нефтяныхъ дѣятелей. Затѣмъ покойный нѣкоторое время согрудничалъ въ «Новомъ Обзорѣніи». Переѣхавъ на постоянное жительство въ Баку и состоя тамъ управляющимъ нефтяными промыслами «Каспійскаго товарищества», покойный посвящалъ свои досуги газетѣ «Каспій». Горячо отдавшись этому дѣлу, Н. А. Соколинскій вскорѣ бросилъ службу въ товариществѣ и взялъ «Каспій» въ аренду. Мало-по-малу онъ расширилъ эту газету и до конца своихъ дней печаталъ въ ней бойкіе фельетоны подъ псевдонимомъ «Добряка». До пріѣзда своего на Кавказъ, покойный служилъ по администраціи Калишской губ.; оттуда онъ перешелъ на службу на Кавказъ, гдѣ состоялъ управляющимъ государственными имуществами Бакинской и Елисаветпольской губ. Неприятности по службѣ заставили Н. А. Соколинскаго выйти въ отставку. Потомъ онъ служилъ у бакинскаго нефтепромышленника Л. М. Дебура (впослѣдствіи «Каспійское товарищество») и позднѣе—правителемъ дѣлъ Закавказской желѣзной дороги, въ то время, когда послѣдняя эксплуатировалась частной компаніей. Затѣмъ Н. А. Соколинскій переселился окончательно въ Баку. Н. А. Соколинскій, по словамъ «Черноморскаго Вѣстника», надломилъ свои силы газетной работой, которой онъ всецѣло отдался: онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова рабочимъ человѣкомъ и несъ на себѣ всю тяжесть изданія и редактированія газеты въ провинціи. «Каспій», ставшій въ этотъ годъ собственностью бакинскаго мусульманина-миліонера г. Тагіева, служилъ при Н. А. Соколинскомъ хорошимъ и добросовѣстнымъ источникомъ для русской печати по вопросамъ нефтяной промышленности. Послѣднимъ дѣломъ покойнаго въ этой области было разоблаченіе отношеній фирмы бр. Нобель къ американскому нефтепромышленному монополисту «Стандарду». («Нов. Вр.», № 7799).

† **В. А. Лебедевъ.** 17-го ноября въ С.-Петербургѣ, въ шесть часовъ утра, скончался послѣ непродолжительной, но тяжелой болѣзни (крупознаго воспаления легкихъ), сорока лѣтъ отъ роду, одинъ изъ петербургскихъ газетныхъ тружениковъ, Василій Ананьевичъ Лебедевъ. Покойный, начавъ лѣтъ 16 назадъ свою дѣятельность корректоромъ въ типографіи В. В. Комарова, издававшаго въ ту пору «С.-Петербургскія Вѣдомости», благодаря своему упорному стремленію къ самообразованію выбился въ ряды полезныхъ и трудолюбивыхъ газетныхъ работниковъ. Въ теченіе 12 лѣтъ, съ 1884 по 1895 г., онъ состоялъ сотрудникомъ и главнымъ корректоромъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» редакціи В. Г. Авсеенко. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ участвовалъ въ «Сынѣ Отечества», «Петербургской Газетѣ» и другихъ изданіяхъ. Въ послѣдніе два года В. А. Лебедевъ согрудничалъ въ «Новомъ Времени» и «Торгово-Промышленной Газетѣ», куда доставлялъ замѣтки по отдѣлу хроники. Нѣсколько лѣтъ назадъ имъ была составлена и издана брошюра по вопросамъ спорта. («Нов. Вр.», № 7805).

† **К. Д. Петковичъ.** Въ началѣ ноября, скончался въ Одессѣ тайн. сов.

Константи́нъ Дми́триевичъ Петковичъ, бывшій по своему служебному положенію свидѣтелемъ многихъ событій на Востока́хъ. По окончаніи курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, онъ началъ службу въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Во время войны съ Турціей въ 50-хъ годахъ, онъ находился въ распоряженіи нашей главной квартиры и дипломатической канцеляріи южной армии. Затѣмъ былъ консуломъ въ Рагузѣ, генеральнымъ консуломъ Сиріи и Палестины и въ Бейрутѣ. Покойный во время своей службы на Востока́хъ основательно познакомился съ валахской, сербской, греческой и болгарской литературой. Ему принадлежатъ нѣсколько переводныхъ сочиненій и рядъ самостоятельныхъ трудовъ: «Ливанъ и ливанцы», «Черногорія» и др. («Нов. Вр.», № 7798).

† 29-го ноября, въ Петербургѣ, **Александръ Александровичъ Ольхинъ** поэтъ-адвокатъ, происходившій изъ довольно извѣстной въ Петербургѣ интеллигентной семьи, представители которой завоевали себѣ въ нашемъ обществѣ доброе имя полезныхъ дѣятелей. Отецъ покойнаго былъ въ свое время небезызвѣстный артиллерійскій генералъ, немало потрудившійся по вопросамъ о перевооруженіи армии, а мать покойнаго, занявъ еще при жизни мужа мѣсто начальницы Маріинскаго института, въ теченіе своей 35-ти-лѣтней слишкомъ педагогической дѣятельности, въ качествѣ руководительницы дѣла воспитанія многочисленныхъ поколѣній, является и понынѣ примѣромъ добросовѣстнаго и любовнаго выполненія долга; братъ же покойнаго, состоя на службѣ по министерству финансовъ, часто выполняетъ очень сложныя порученія по предсѣдательству во всевозможныхъ комиссіяхъ. А. А. Ольхинъ родился въ 1839 году, первоначальное воспитаніе получилъ домашнее, а затѣмъ былъ опредѣленъ въ Александровскій лицей, который и окончилъ въ 1859 году. Вме́стѣ съ своимъ братомъ онъ всецѣло испыталъ на себѣ благотворное вліяніе просвѣщенной матери, успѣвъ сложиться, несмотря на окружавшую его суровую обстановку крѣпостнаго режима ¹⁾, въ того мягкаго, сердечнаго и передоваго общественнаго дѣятеля, котораго всѣ знавшіе его при жизни такъ умѣли цѣнить и уважать. По окончаніи курса наукъ, Ольхинъ опредѣлился на службу по министерству иностранныхъ дѣлъ; сначала онъ занимался здѣсь въ газетной экспедиціи, потомъ (1861—1862 г.г.) былъ назначенъ секретаремъ консульства въ Видинѣ и, наконецъ, консуломъ въ Варну. Здѣсь ему пришлось стать въ близкія отношенія къ кожнымъ славянамъ, принимать дѣятельное участіе въ извѣстномъ дѣлѣ переселенія болгаръ (къ сожалѣнію, однако, по своимъ результатамъ не оказавшемся удачнымъ) и заслужить горячую любовь и признательность переселенцевъ, видѣвшихъ въ немъ дѣйствительно безкорыстнаго и доброжелательнаго русскаго человѣка. Въ 1865 году, онъ вернулся въ Петербургъ, оставилъ казенную службу и былъ избранъ мировымъ судьей города, въ первый же годъ введенія въ нашъ отечествѣ новыхъ судебно-мировыхъ учреждений; въ 1870 году, онъ женился на дѣвицѣ изъ рода Беклемешевыхъ, прелестной дѣвушкѣ, вполне раздѣлявшей прогрессивныя убѣжденія своего молодого супруга и сочувствовав-

¹⁾ Ольхинымъ принадлежатъ и понынѣ столь знакомая петербуржцамъ мѣстность на границѣ Финляндіи — Бѣлоостровъ.

шей ему внослѣдствіи, когда надъ нимъ стряслась бѣда, и въ ссылку. Въ 1869 году, Ольхинъ покинулъ судейскій постъ и перешелъ въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ здѣшняго округа, среди которыхъ вскорѣ и заслужилъ себѣ репутацію честнаго и мужественнаго борца за интересы бѣднаго и обездоленнаго люда. Какъ адвокатъ, Ольхинъ не былъ величиною перваго разряда, и въ его формулярѣ не значится шумныхъ и сенсаціонныхъ процессовъ, составляющихъ обыкновенно громкія имена адвокатовъ. Это былъ дѣятель, что называется, «рядовой», но сердечный и въ высшей степени гуманнѣйшій. Адвокатская дѣятельность покойнаго въ столицѣ продолжалась до 1879 г., когда онъ былъ привлеченъ въ качествѣ обвиняемаго по одному изъ многочисленныхъ въ то время политическихъ процессовъ. Судъ, однако, вынесъ ему оправдательный приговоръ, но тѣмъ не менѣе онъ былъ административно сосланъ сначала въ Яренскъ, а потомъ въ Шадринскъ. Живя здѣсь чрезвычайно скромно и не прекращая своей адвокатской практики, онъ вскорѣ сдѣлался тѣмъ центромъ мѣстной провинціальной среды, къ которому охотно тянулись все тѣ, кто искалъ живого слова, умной бесѣды и сердечнаго участія. Жизнь здѣсь протекала для столичнаго изгнанника тихо и мирно, но въ общемъ достаточно неприглядно. Самымъ печальнымъ моментомъ пребыванія въ Шадринскѣ была смерть горячо любимой жены, умѣвней мужественно дѣлать съ мужемъ все его невзгоды въ провинціальной жизни. Въ 1887 году, разрѣшено было переселиться въ центральныя губерніи Россіи, а въ 1891 году онъ вернулся и въ свой родной Вѣлоостровъ. Въ послѣдніе годы Ольхинъ жилъ въ Петербургѣ, гдѣ и занималъ мѣсто юрисконсульта въ правленіи Общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги до послѣднихъ своихъ дней. Какъ писатель, покойный не оставилъ по себѣ значительнаго слѣда, и появленіе его передъ читателями было не Богъ вѣсть сколь частое. Стихи его по своимъ мотивамъ болѣе всего примыкали къ школѣ Некрасова, Плещеева и другихъ поэтовъ того же направленія; печатались они въ «Дѣлѣ», «Словѣ», «Русской Мысли», «Сборникѣ въ память Гаршина», «Русскомъ Богатствѣ», «Нашемъ Времени». Кромѣ стиховъ, Ольхинъ иногда посвящалъ свои досуги и прозаическимъ работамъ, въ числѣ которыхъ особенно обращаютъ на себя вниманіе статьи по художественной критикѣ, печатавшіяся въ «Русской Жизни» Пороховщикова. Какъ человѣкъ, въ своей частной жизни, покойный оставилъ по себѣ самую свѣтлую память среди всехъ знакомыхъ, которые съ величайшей горестью узнали изъ газетъ о его неожиданной смерти, послѣ довавшей послѣ кратковременной болѣзни. Похороненъ Ольхинъ въ родовомъ Вѣлоостровѣ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ родословной „дѣвицы-кавалериста“ Дуровой.

Въ біографіи Н. А. Дуровой («Историческій Вѣстникъ» 1890, IX, 587) упоминается, между прочимъ, что «родители ея были Андрей Васильевичъ Дуровъ, легкоконный ротмистръ, и Марѳа Тимоѣевна, урожденная Александровичъ» (Полтавской губерніи), причѣмъ авторъ біографіи, Е. С. Некрасова, отца «дѣвицы-кавалериста» называетъ «москалемъ», хотя не указываетъ, изъ какихъ родовъ и какой губерніи онъ происходилъ. Послѣдній эпитетъ не совсѣмъ вѣренъ. На самомъ дѣлѣ предки Дуровыхъ были выходцами изъ Польши. Поэтому, думая, что въ жизнеописаніи такой необыкновенной женщины, какъ «дѣвица Александрова», не безынтересно знать точное ея происхожденіе, мы позволимъ себѣ сдѣлать къ ея біографіи маленькое добавленіе на основаніи архивныхъ данныхъ.

Хотя отецъ «Александровой» былъ уфимскій уроженецъ, но предки его носили фамилію «Туровскіе»¹⁾ и происходили изъ смоленско-полоцкой шляхты, переселенной въ только-что устроиваемую тогда Уфимскую область царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ послѣ взятія Смоленска. Объ этомъ въ крестоприводной книгѣ 7163 (1655) года говорится такъ: «Царь Алексѣй Михайловичъ, который, нашедши въ то время со всѣхъ сторонъ Польшу беззащитную и угнетенную, прошелъ за Вильну, шляхту подъ черною хоругвию и подъ другими, въ замкѣ Смоленскомъ служившую, принужденно или и по ихъ согласію, въ мѣста около Камы и Мензель переселилъ, дабы и землю пустую и не пахатную²⁾ заселить и готовую защиту противъ татаръ, башкирцевъ и другихъ народовъ, на востокъ его царства обитающихъ, имѣть... И вышедшая на государево цареву великаго князя Алексѣя Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца имя польская шляхта, и другіе люди на его государевѣ стану подъ Смоленскомъ, на Дѣвпчьеѣ горѣ, приведены къ вѣрѣ сентября 24-го»³⁾.

Всего вышло въ нынѣшнюю Уфимскую губернію въ 1655 г. «четыре знамени». 124 человекъ при «черномъ знамени» были поселены въ Мензелинскѣ, 128 при красномъ — въ теперь несуществующемъ городѣ Шмишинскѣ на закамской линіи. Остальные съ дворянами, дѣтьми боярскими, иноземцами, новокрещенами, мурзами и татарами полковой службы поселены частью въ при-

¹⁾ «Уфимскія Губ. Вѣд.» 1896, № 37.

²⁾ Извѣстную въ то время подъ именемъ «дикихъ полей».

³⁾ Извлеченіе изъ документовъ шляхты воеводства Смоленскаго («Оренб. Губ. Вѣд.», 1859. № 1).

городѣ Заинскѣ, а частью въ Уфѣ и ея окрестностяхъ, съ переименованіемъ ихъ въ городовые казаки.

Шляхтичи Туровскіе получили дарственную землю около Уфы и, видимо, не желая казаться чужими между боярскими служилыми людьми, перемѣнили свою фамилію на русскую «Туровы». Еще до сей поры по межевымъ актамъ г. Уфы значится близъ города большая площадь земли, гдѣ теперь стоитъ дер. Непейцева, которая раньше называлась «Турово поле» и принадлежала казакамъ Туровымъ, а нынѣ вышедшимъ изъ дворянъ жителямъ вышеназанной деревни ¹⁾.

По актамъ XVIII столѣтія фамилія эта уже значится «Дуровы» и числится въ спискахъ мѣстныхъ дворянскихъ родовъ.

Родные отца «дѣвицы-кавалериста» пользовались даже особенной извѣстностью среди уфимцевъ. По крайней мѣрѣ въ неизданныхъ дневникахъ уфимскаго жителя М. С. Ребелинскаго (въ записи 20-го декабря 1795 г.) показанъ умершимъ въ этотъ день дворянинъ Данила Дуровъ. Сынъ его Александръ Даниловичъ служилъ адъютантомъ при намѣстникѣ (запись 3-го января 1796 г.).

По архивнымъ документамъ позднѣйшаго времени мы находимъ Дурову, Александру Кузьминичу, въ числѣ почетныхъ дамъ, приглашенныхъ на дворянскій балъ, данный въ г. Уфѣ 17-го сѣнтября 1824 года въ честь прибывшаго въ этотъ городъ императора Александра I. П. Юдинъ.

II.

По поводу книги Н. А. Рубакина.

Читатели «Историческаго Вѣстника» имѣли уже случай познакомиться съ вышедшею недавно, полезною вообще для всѣхъ, интересующихся такъ называемою «изящною» литературою, и въ частности для незнающихъ иностранныхъ языковъ, книгою Н. А. Рубакина «Библиографическій указатель переводной беллетристики въ связи съ исторіей литературы и критики» по рецензіи г. Б. Г., помѣщенной въ 11 книжкѣ за прошлый годъ. Рецензентъ въ достаточной мѣрѣ познакомилъ читателей съ тою мыслию, которая положена въ основаніе этой книги, и планомъ ея.

Каждому, мало-мальски знакомому съ библиографическими занятіями, извѣстно, насколько трудно избѣгать промаховъ и ошибокъ въ библиографическомъ трудѣ, а тѣмъ болѣе они возможны и неизбѣжны въ такой книгѣ, какъ «Указатель» г. Рубакина, представляющій первый опытъ перечислить всѣ переводы на русскій языкъ, въ области хотя бы одной беллетристики. Просмотрѣвъ этотъ «Указатель», мы нашли въ немъ одинъ важный недосмотръ, хотя въ немъ, можетъ быть, найдутся и другіе, но указать ихъ — дѣло библиографовъ и знатоковъ иностранныхъ литературъ. Въ отдѣлѣ VIII въ списокѣ произведеній польской литературы помѣщена, между прочимъ, книга К. Цюлков-

¹⁾ «Уфимскія Губ. Вѣд.», 1895, № 37.

скаго «На лунѣ. Фантастическая повѣсть. Съ оригинальными рисунками художника А. Гофмана. М. 1893 г.»).

Быль ли и есть ли между польскими писателями К. Цюлковскій, мы не знаемъ, по крайней мѣрѣ, намъ не пришлось встрѣтить имени такого писателя въ сочиненіяхъ, перечисленныхъ въ общемъ обзорѣ исторіи польской литературы въ началѣ VIII отдѣла книги г. Рубакина. Тотъ же К. Цюлковскій, книга котораго помѣщена въ «Указателѣ», ни по своей національности не принадлежитъ къ полякамъ, ни на польскомъ языкѣ ничего не писалъ, такъ какъ и языка этого не знаетъ. Почему г. Рубакинъ отнесъ книгу «На лунѣ» къ польской литературѣ, трудно сказать, такъ какъ и на самой книгѣ не означено, чтобы она была переводная. По всей вѣроятности, составитель былъ введенъ въ заблужденіе польскою фамиліею автора ея. Повѣсть «На лунѣ» была первоначально помѣщена въ журналѣ «Вокругъ свѣта» за 1893 г. (№№ 11 и 12) и затѣмъ уже перепечатана отдѣльнымъ изданіемъ. Перу того же писателя принадлежатъ еще слѣдующія сочиненія: «Грезы о землѣ и небѣ и эффекты всемірнаго тяготѣнія», М., 1895 г.; «Аэростатъ металлическій, управляемый», вып. I, М., 1892 г.; вып. II, Калуга, 1893 г., отдѣльно изданные, и, кромѣ того, слѣдующія научныя работы, помѣщенные въ журналахъ: «Давленіе жидкости на равномерно движущуюся въ ней плоскость» (IV т. «Трудовъ отдѣленія физическихъ наукъ Императорскаго общества любителей естествознанія» за 1891 г.); «Продолжительность солнечнаго лучеиспусканія» (въ «Научномъ Обзорѣніи»).

Въ заключеніе еще два слова. «Указатель» раздѣленъ на 9 отдѣловъ, изъ которыхъ каждый отведенъ литературѣ того или другого народа (причемъ писатели размѣщены въ алфавитномъ порядкѣ) и передъ каждымъ отдѣломъ указаны главнѣйшія сочиненія, посвященныя болѣе или менѣе общимъ обзорамъ литературы даннаго народа. Какъ въ этихъ общихъ обзорахъ, такъ и при перечисленіи отдѣльныхъ литературныхъ произведеній, передъ каждымъ сочиненіемъ поставлены цифры арабскія и римскія, такъ, напримѣръ, въ общемъ обзорѣніи исторіи польской литературы передъ книгой Пыпина и Спасовича «Исторія славянскихъ литературъ» поставлены «2046—47. II»; при книгѣ «Юноша, Клемансъ Сизнеръ» поставлены «4095. III». Какъ мы ни бились, но разгадать, что означаютъ эти цифры, такъ и не могли. Къ сожалѣнію, и въ самомъ «Указателѣ» ни составителемъ его, ни г. Рубакинымъ относительно этихъ загадочныхъ цифръ ничего не объяснено. **Николай Феттеръ.**

III.

Письмо въ редакцію.

Милостивый государь

господинъ редакторъ!

Г-жа Полина Біардо прислала мнѣ письмо, въ которомъ сообщаетъ о похищеніи у нея писемъ покойнаго И. С. Тургенева и проситъ меня предупредить

русскія изданія противъ напечатанія этихъ писемъ, если къ нимъ обратятся съ подобнымъ предложеніемъ.

Прилагая при семъ письмо г-жи Віардо въ русскомъ переводѣ, имѣю честь покорнѣйше просить васъ напечатать его въ ближайшемъ № вашего изданія.

Примите увѣреніе въ моемъ почтеніи.

В. Герардъ.

Многоуважаемый

господинъ Герардъ!

Значительное количество писемъ, адресованныхъ мнѣ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, были у меня похищены, гдѣ, когда и кѣмъ, я того опредѣлить не могу.

Лицо, во владѣніи котораго они нынѣ находятся, и которое утверждаетъ, будто оно приобрѣло ихъ при какой-то распродажѣ, увѣдомило меня, что оно намѣревается предать ихъ гласности. Лицо это скрываетъ отъ меня свое имя, но, повидимому, оно живетъ въ Орловской губерніи.

Я поручила отвѣтить этому лицу, что я воспротивлюсь всѣми законными средствами опубликованію этихъ писемъ.

Лучшее средство, которое находится въ моемъ распоряженіи, чтобы воспрепятствовать такому нарушенію моихъ правъ собственности на эти письма, — есть обращеніе ко всей русской прессѣ съ оповѣщеніемъ о кражѣ, жертвою которой я сдѣлалась, и съ предупрежденіемъ противъ могущаго появиться предложенія отдать эти письма въ печать, — предложенія, которое никто не могъ бы принять, не предвидя моего права преслѣдовать его за это.

Поэтому я была бы вамъ очень признательна, если бы вы сообщили содержаніе этого письма въ русскіе газеты и журналы, съ просьбою напечатать его; можно надѣяться, что послѣ этого ни одно изданіе не можетъ добросовѣстно приложить руку къ подобному обману.

Примите, многоуважаемый господинъ Герардъ, заранѣе мою благодарность и выраженіе моего глубокаго уваженія.

Полина Віардо.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазиновъ, Новаго Времени'

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ДЕКАБРЬ 1897 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 12-й.

Абрамовъ, Я. Заемъ, закладъ и залогъ. Ц. 25 к.

Абрамовъ, Я. Пѣвецъ тоски (Гюн-де-Мопасанъ). Спб. 1898. Ц. 15 к.

Авенариусъ, В. Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній. Десять автобиографич. рассказовъ. Съ портретомъ автора и 15 рис. Изд. 2-е. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р. 25 к.

Авериневъ, Д. Повѣсти изъ стариннаго быта. Томъ I. Хмѣлевая ночь. — Лихо. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к. Томъ II. Вѣчу не быть. Спб. 1898. Ц. 2 р. Ц. за 2 тома вмѣстѣ 3 р.

Антоновичъ, А. Сочраженія о томъ, какъ строить Московско-окружную дорогу съ точки зрѣнія интересовъ государства и Москвы. М. 1897. Ц. 60 к.

— Записка къ проекту Московско-окружной желѣзной дороги. Изд. 2-е. М. 1897. Ц. 1 р. 75 к.

Анурьевъ, С. Плотночное мастерство въ приложеніи къ простымъ постройкамъ теплымъ и холоднымъ. Вологда. 1898. Ц. 25 к.

Arnold, H. Почему люди не женятся. Рождественскій рассказъ. (Съ нѣмецкаго). Спб. 1898. Ц. 25 к.

Артамоновъ, Н. Курьезъ низшей геодезии. Спб. 1897. Ц. 3 р.

Архангельская, А. (врачъ). Для чего доктора дѣлаютъ операции и какаа отъ того бываетъ польза больному. Спб. 1897. Ц. 5 к.

Архангельскій, А. Императрица Екатерина II въ исторіи русской литературы и образованія. Казань. 1897. Ц. 85 к.

Аскоттъ Р. Гоопъ. Семь мудрыхъ школяровъ. Съ англійскаго. М. Гранстремъ. Съ 96 рис. Спб. 1898. Ц. въ перепл. 2 р.

Базилевскій, М. Варъ Кохба. Историческ. этюдъ. Одесса. 1897. Ц. 15 к.

Балластъ, М. Винодѣліе въ Россіи. (Историко-статистическій очеркъ). Часть III. Восточное Закавказье. Спб. 1897. Ц. 1 р.

Бѣлоголовый, Н. Воспоминанія и другія статьи. Съ 3 портретами автора, портретами П. И. Борисова, А. П. Юшневскаго, А. В. Поджіо, гр. М. Т. Лорисъ-Меликова, С. П. Боткина, М. Е. Салтыкова, видомъ могилы Н. А. Вѣлоголоваго и біогр. очеркомъ Г. Джаншіева и В. Крылова. Изд. 2-е. М. 1897. Ц. 2 р. 25 к.

Бѣломорскій, А. Стихотворенія. Спб. 1896. Ц. 50 к.

Бенгальскій (графъ). Силуэтки нашихъ барышень. Казань. 1897. Ц. 40 к.

Бѣньковскій, І. Какъ безъ мастера проводить и исправлять электрическіе звонки. М. 1898. Ц. 25 к.

Берте, Эли. Маленькія школьницы пяти частей свѣта. Съ франц. М. Гранстремъ. Съ 104 рис. Спб. 1898. Ц. въ переплѣтѣ 2 р.

Бертранъ, Эд. Улей Датана и какъ его самому изготовить. Съ рис. и чертеж. въ текстѣ. Изд. 2-е. Перев. подъ ред. Г. П. Кондратьева. Спб. 1898. Ц. 25 к.

Бехтеревъ, В. Открытіе новой клиники нервныхъ болѣзней. Рѣчь, произнесенная при открытіи клиники нерви. болѣзней 19-го ноября 1897 г. Спб. 1897. Ц. 50 к.

Богдановъ, м. Мірскіе захребетники. Съ рис. и портр. автора. Изд. 7-е. 1898. Ц. 1 р.

Bresgen, Maximilian (d-r). Руководство къ патологіи и терапіи болѣзней носа, рта, глотки, гортани и дыхательнаго горла. Съ 167 рис. Перев. съ нѣмецк. д-ра Я. Каца. Спб. 1898. Ц. 3 р.

Булганъ, Г. Современные методы строительной механики по Миллеръ-Бреслау и Фоппель. Съ 100 фигур. въ текстѣ и 3 отдѣльны. табллиц. чертежей. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Буловскій, А. (врачъ). Опытъ санитарной оцѣнки винограднаго вина. Спб. 1895. Ц. 1 р. 50 к.

- Нѣкоторыя резиновые издѣлія съ гигиенической точки зрѣнія. Спб. 1897. Ц. 10 к.
- Къ вопросу о качествахъ казеннаго вина, въ связи съ вопросомъ о пониженіи вѣрности послѣдняго. Спб. 1897. Ц. 25 к.
- Бугановъ, Григорій Ивановичъ** (адмиралъ). Биографическій очеркъ, составленный Н. Везезинымъ и А. Де-Ливрономъ. Изд. 2-е, исправл. Е. Везезинымъ. Спб. 1884. Ц. 50 к.
- Бутковичъ, С.** Дневникъ двочки. Съ предисловіемъ И. С. Тургенева. Съ рис. Изд. 3-е. Спб. 1897. Ц. 1 р. 10 к.
- Бухъ, Л.** Жизнь. Спб. 1898. Ц. 20 к.
- Бушъ, І.** Жизнь св. Іоанна Златоуста и его время. Перев. съ англ. подъ ред. проф. А. И. Пономарева. Спб. 1898. Ц. 80 к.
- Быстрининъ, В.** Житійскія былі. Очерки и рассказы. Изд. 2-е, дополненное. М. 1898. Ц. 1 р. 25 к.
- Бюхертъ, К.** Происхожденіе народнаго хозяйства и образованіе общественныхъ классовъ. Двѣ лекціи. Перев. съ нѣм. подъ ред. С. Н. Вудгакова. Спб. 1897. Ц. 50 к.
- В. О.** Стихотворенія. Спб. 1898. Ц. 75 к.
- Вармингъ (д-ръ).** Систематика растений. Переводъ съ 3-го датскаго изд. 2-е русск. изд. Часть I. Важнѣйшія свѣдѣнія изъ морфологіи растений. Обзоръ системъ. Тайнобрачныя. М. 1897. Ц. по подпискѣ на 2 части 5 р.
- Васильевъ-Яковлевъ, Н.** Комерческая ариометика въ связи съ комерческою экономіею. Курсъ реальныхъ училищъ. Изд. 5-е. Кіевъ. 1898. Ц. 1 р. 40 к.
- Венгеровъ, С.** Русская поэзія. Собраніе произведеній русскихъ поэтовъ частью въ полномъ составѣ, частью въ извлеченіяхъ, съ важнѣйшими критико-биографическими статьями, биографіи, примѣч. и портретами. Т. I. (Вып. 1—6). Съ 23 портретами. XVIII вѣкъ. Эпоха классицизма. Спб. 1897. Ц. 8 р. въ переплетѣ 9 р.
- Венгеровъ, С.** Русскія книги. Съ биографическими данными объ авторахъ и переводчикахъ. Изд. Г. В. Юдина. Вып. XIX. Вильблостонъ-Влиновъ. Спб. 1897. Ц. 35 к.
- Веселичій, В.** (свящ.). Простое руководство къ разумному пчеловодству. Казань. 1897. Ц. 30 к.
- Вишневскій, Ю.** Электрическіе аккумуляторы, получившіе примѣненіе на практикѣ и аккумуляторы, производимые въ Россіи. М. 1897. Ц. 1 р. 25 к.
- Властовъ, Г.** Теогонія Гезиода и Прометей. Разборъ сказаній. Спб. 1897. Ц. 3 р.
- Военный, И.** Русскій музей Императора Александра III. Спб. 1897. Ц. 30 к.
- Вороновъ, Г.** Вѣсты о домашнихъ и дикихъ птицахъ съ крестьянскими мальчиками. Изданіе второе, дополненное, премированное большою серебряною медалью Парижской Академіи. Спб. 1898. Ц. 20 к.
- Врадій, В.** Гладкоствольныя «берданки», какъ охотничьи ружья. Спб. 1897. Ц. 20 к.
- Гагаринъ, Г.** (князь). Собраніе византийскихъ, грузинскихъ и древне-русскихъ орнаментовъ и памятниковъ архитектуры. Спб. 1898. Ц. 6 р.
- Геддъ, Е.** Краткое руководство по птицеводству. Часть I. Курь. Спб. 1897. Ц. 25 к.
- Гилпіусъ, З.** (Мережковская). Зеркала. Вѣдма. Живые и мертвые. Родина. Утро дней. Луна. Стихотворенія. Златоцвѣтъ. Вторая книга рассказовъ. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.
- Гирнъ, Г.** Анализъ вселенной въ ея элементахъ. Перев. съ франц. М. 1898. Ц. 2 р.
- Гордѣенко, Я.** (професс.). Дополнительный курсъ желѣзныхъ дорогъ. Лекціи. Спб. 1897. Ц. съ атласомъ 6 р.
- Гофманъ, Э.** Атласъ бабочекъ Европы и отчасти русско-азиатскихъ владѣній. Вып. 10-й. Ц. 1 р. 50 к.
- Грушко, А.** Устройство въ домахъ электрическихъ звонковъ, телефоновъ, телеграфовъ, электрическаго освѣщенія и другихъ примѣненій электричества въ домашнемъ быту. Съ 235 политипажами. М. 1898. Ц. 1 р. 35 к.
- Данте-Алигieri.** Божественная Комедія. Часть III. Рай. Въ переводахъ русскихъ писателей. Спб. 1897. Ц. 55 к.
- Данте-Алигieri.** Божественная комедія. Часть II. Чистилище. Въ переводахъ русскихъ писателей. Полный текстъ XXXIII пѣсенъ. Спб. 1897. Ц. 50 к.
- Даршневичъ, Л.** О такъ называемомъ ретроградномъ перерожденіи периферическихъ нервныхъ волоконъ. Съ 13 рис. М. 1897. Ц. 40 к.
- Деревня.** Иллюстрированная сельско-хозяйственная справочная книжка. Составл. подъ ред. П. Н. Елагина. Спб. 1897. Ц. 40 к.
- Джонсонъ, Вѣра.** Шри-Шанкара-Ачарія, мудрецъ индійскій. М. 1898. Ц. 20 к.
- Дигамма.** Манчжурія и Китайская восточная желѣзная дорога. Съ картою. Томскъ. 1898. Ц. 80 к.
- Дневникъ Андрѣ.** Путешествіе на воздушномъ шарѣ къ северному полюсу. Вып. I. Спб. 1897. Ц. 10 к.
- Довнаръ-Запольскій, М.** Очерки обычнаго семейнаго права крестьянъ Минской губ. М. 1897. Ц. 75 к.
- Догель, И.** Вліяніе музыки на человѣка и животныхъ. Казань. 1897. Ц. 2 р. 50 к.
- Догель, И.** (проф.). Табакъ, какъ прихоть и несчастье человѣка. Изд. 5-е. Казань. 1898. Ц. 30 к.
- Документы Московскаго Архива министерства юстиціи.** Томъ I. М. 1897. Ц. 3 р.
- Досначъ, Н.** Разрушеніе перваго іерусалимскаго храма. Историч. очеркъ. Одесса. 1897. Ц. 10 к.
- Дрезденская картинная галлерія.** Текстъ Германа Люке. Перев. съ нѣмец. подъ ред. А. И. Сомова. Вып. 8-й. Ц. по подпискѣ на 10 вып.—60 руб. Допускается разсрочка.
- Дубровскій, И.** Полный толковый словарь всѣхъ общеупотребит. словъ, вошедшихъ въ русскій языкъ, съ указаніемъ корней. Изд. 15-е. М. 1898. Ц. 1 р.
- Дюфренъ, І.** Руководство къ изученію шахматной игры для начинающихъ. М. 1898. Ц. 50 к.
- Елисейвъ, А.** (А. Вукѣвскій). Дворянское дѣло. Сборникъ статей. М. 1898. Ц. 1 р.
- Estarck, E.** Гигиеническая карманная книжка для медиц. чиновн., врачей, техниковъ и учителей. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

- Маринцова, М. 4 разсказа на разный ладъ, для дѣтей средняго возраста. Проказы вѣтра. Кто герой? Друзья моего дяди. Странные жуки!.. Съ 16 рис. Спб. 1898. Ц. 60 к.
- Живая струна. Сборникъ стихотвореній и куплетовъ. Съ портретами исполнителей. Изд. 7-е, вновь исправл. и дополн. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.
- Животовъ, Н. Игнатка-горюнь. Романъ. Спб. 1898. Ц. 50 к.
- Подложный женихъ. Романъ. Спб. 1898. Ц. 50 к.
- Загурскій, Л. Элементарный учебникъ римскаго права. Общая часть. Вып. 1. Изд. 3-е. Харьковъ. 1897. Ц. 2 р. 10 к.
- Западно-европейскій эпосъ и средневѣковой романъ въ пересказахъ и сокращенныхъ переводахъ подлинныхъ текстовъ О. Петерсонъ и Е. Валабановой. Въ 3-хъ томахъ, т. II. Скандинавы. Спб. 1898. Ц. 2 р.
- Зелинскій, В. Обученіе грамотѣ по звуковому способу. Сборникъ методическихъ разъясненій, указаній пріемовъ и примѣрныхъ уроковъ, разработанныхъ извѣстными педагогами. Изд. 2-е. М. 1898. Ц. 1 р.
- Зиберъ, Н. Давидъ Рикардо и Карлъ Марксъ въ ихъ общественно-экономическихъ изслѣдованіяхъ. Опытъ критико-экономическаго изслѣдованія. Изд. 3-е. Спб. 1898. Ц. 2 р. 25 коп.
- Златковскій, М. Джонъ Вудъ конца вѣка. Политическая трагикомедія въ пяти картинахъ. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Инструкция по составленію городскихъ смѣтъ и новыя формы этихъ смѣтъ, утвержденныя г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 9-го іюня 1897 года, съ относящимися къ нимъ извѣщеніями изъ Городоваго Положенія 1892 г. Спб. 1898. Ц. 30 к.
- Инструкция по составленію земскихъ смѣтъ и новыя формы этихъ смѣтъ, утвержденныя г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 9-го іюня 1897 г., съ относящимися къ нимъ извѣщеніями изъ Положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Спб. 1898. Ц. 30 к.
- Исторія труда въ связи съ исторіей нѣкоторыхъ формъ промышленности. Статьи Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Перев. съ нѣм. Съ прил. статьи Ф. Кнаппа. Рабство и свобода въ сельскомъ трудѣ. Перев. В. Дена. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.
- Историческіе анекдоты изъ жизни русскихъ императоровъ, государственныхъ и обществ. дѣятелей прошлаго и настоящаго времени. Сост. подъ ред. М. Шевлякова. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Кайгородовъ, Д. Изъ царства пернатыхъ. Популярныя очерки изъ міра русскихъ птицъ. Съ черными и раскрашенными картинками. Изд. 3-е. Въ восьми выпускахъ. Спб. 1897. Ц. 1 вып. 75 к.
- Календарь для фельдшеровъ на 1898 г. съ приложеніемъ книжки: полный систематическій сборникъ вопросовъ и отвѣтовъ о правахъ и обязанностяхъ фельдшеровъ гражданскихъ, военныхъ и пограничной стражи. Спб. 1898. Ц. 1 р. 20 к.
- Кальдеронъ. Жизнь есть сонъ. Комедія. Перев. съ испанскаго Д. К. Петрова. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Кальмингъ, И. Краткая форма коговія. Для студентовъ-медиковъ и фармацевтовъ, согласно программѣ университетскаго курса. Съ 58 рис. М. 1898. Ц. 1 р. 25 к.
- Карнуа, Г. Легенды Франціи. Переводъ съ франц. С. Лысцовой. Съ рис. М. 1898. Ц. 1 р.
- Катковъ, М. Собраніе передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей» 1873 и 1874 г. М. 1897. Ц. по подпискѣ на все сочиненіе 62 р. 50 коп.
- Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кружкомъ преподавателей, подъ ред. проф. П. Г. Виноградова. Вып. 2-й. М. 1898. Ц. 3 р. 30 к.
- Ковалевскій, П. (проф.). Ялта. Спб. 1898. Ц. 50 к.
- Коновининъ, В. Философія чувства и вѣры въ ея отношеніяхъ къ литературѣ и рационализму XVIII вѣка и къ критической философіи. Часть 1-я. М. 1897. Ц. 2 р.
- Конскій календарь на 1898 г. М. 1897. Ц. 75 коп.
- Краткія извѣстія по устройству публичныхъ народныхъ чтеній. Ц. 5 к.
- Крепелинъ, Э. Гигіена труда. Умственный трудъ. Переутомленіе. Перев. съ нѣм. Спб. 1898. Ц. 30 к.
- Крепелинъ, К. Изученіе природы дома. Разговоры въ сумерки. Книга для юношества. Перев. съ нѣм. М. 1897. Ц. въ папкѣ 1 р. 25 к.
- Кругловъ, А. Въ гостяхъ въ Крыму. Очеркъ изъ разсказовъ пріятеля. Съ 18 рис. М. 1898. Ц. 20 к.
- Кунъ, Г. Античное искусство. Греція — Римъ. Сборникъ статей по исторіи, эстетикѣ и археологіи, съ объяснительными историческими и библиографическими примѣчаніями. Пер. съ франц. В. Смирнова. Съ приложеніемъ статей «Эгинскіе мраморы». М. 1898. Ц. 1 р. 75 к.
- Мюнклеръ, А. Производство смазочныхъ матеріаловъ для машинъ, кожъ и т. п. Перев. съ нѣм. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Лалтеевъ, В. Стихотворенія. Спб. 1897. Ц. 50 к.
- Ларра. Общественныя очерки Испаніи 1832—1837. Перев. съ испанск. М. В. Ватсонъ. Спб. 1898. Ц. 2 р. 50 к.
- Лась, И. (Вакуловская). Подъ счастливою звездой. Разсказы для дѣтей. Съ 6-ю рис. Спб. 1898. Ц. 50 к.
- Ледобуръ, А. Металлургія чугуна, желѣза и стали. Перев. съ нѣм. подъ ред. Н. А. Юсса. Т. II. Металлургія чугуна. Спб. 1898. Ц. 5 р.
- Леоновъ, Манс. Стихотворенія. Изд. 2-е, дополн. М. 1898. Ц. 75 к.
- Линдбергъ, Анна (Каргъ-Карчевская). Разсказы гнома сказочника. Спб. 1898. Ц. въ папкѣ 2 р.
- Лонкъ, Дн. Опытъ о челоѣческомъ разумѣ. М. 1898. Ц. 3 р.
- Лопухинъ, А. Промыселъ Вожій въ исторіи челоѣчества. Опытъ философско-историческаго обоснованія возрѣній блаж. Августина и Боссуэта. Изд. 2-е. Спб. 1898. Ц. 60 к.
- Лунашевичъ, Ил. Акютка-нянька. Съ рис. Спб. 1897. Ц. 50 к.

ОБЪЯВЛЕНИЯ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВЪ «НОВАГО ВРЕМЕНИ».

- Майеръ, П. Проектъ хлѣва для крупнаго рогатаго скота (коровникъ, воловня). Съ чертежемъ. Спб. 1898. Ц. 40 к.
- Макензи, Дж. С. Этика (ученіе о нравственности). Перев. съ англ. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Мальшевскій, И. Западная Русь въ борьбѣ за вѣру и народность. Спб. 1897. Ц. 60 к.
- Малюга, И. Составъ и способъ приготовленія цементнаго бетона. (Результаты лабораторныхъ работъ, произведенныхъ по случаю постройки дополнительныхъ фильтровъ с.-петербургскаго водопровода). Спб. 1897. Ц. 1 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д. Бѣлое золото. М. 1898. Ц. 50 к.
- Матченко, И. Учебникъ всеобщей географіи. Курсъ II. Австралія, Африка, Азія и Америка. Кіевъ. 1897. Ц. 40 к.
- Мещерскій, В. (князь). Мои воспоминанія. Часть I (1850—1866 гг.). Спб. 1897. Ц. 2 р.
- Мордовцевъ, Д. Новые люди. Повесть изъ жизни шестидесятихъ годовъ. Изд. 3-е. Спб. 1897. Ц. 1 р. 50 к.
- Мороковецъ, Левъ. Физико-химическія основы биологическихъ и врачебныхъ методовъ изслѣдованія съ физиологической техникой для естествоиспытателей, врачей и студентовъ. Отдѣлъ второй. Источники и измѣренія магнитныя, электрич. и гальваническія и ихъ примѣненіе въ биологіи и медицинѣ. Съ 722 рис. М. 1897. Ц. 2 р. 70 к.
- Мяснищій, И. Подъ веселую руку. Южно-историческія разсказы. М. 1898. Ц. 1 р.
- Немолодышевъ, Ст. Взглядъ на воспитаніе и обученіе въ Россіи. Краткій историческій очеркъ. Съ 6-ю портретами. Харьковъ. 1898. Ц. 60 к.
- Нестеровъ, С. Подъ ярмомъ милліоновъ. Романъ изъ уголовныхъ хроникъ. М. 1897. Ц. 1 р.
- Нетыкса, М. Краткое руководство кузнечнаго дѣла. Съ 232 политипажами. М. 1897. Ц. 60 к.
- Новый медицинскій календарь на 1898 г. Подъ ред. Г. М. Гершенштейна. Съ приложеніемъ книги д-ра Г. Ридера. Руководство врачебной техники. Вып. II. Ц. 1 р. 75 к.
- Норденъ, Д. Итоги XIX вѣка. Перев. съ нѣм. Э. Зауэръ. Спб. 1898. Ц. 40 к.
- Нормальный уставъ скаковыхъ обществъ. Ц. 25 к.
- Облеуховъ, А. Отраженія. Оды. Поэмы. Лира. М. 1898. Ц. 2 р.
- Образцовъ, А. Первоначальный учебникъ греческаго языка. Часть 2-я. Синтаксисъ и введеніе къ чтенію Гомера. Спб. 1898. Ц. 60 к.
- Островская, Н. Дѣти. Разсказы для младшаго возраста. Съ рис. К. Селивачевой. М. 1898. Ц. въ перепл. 1 р.
- Островскій, М. Что такое казенная винная монополія и ея значеніе для всѣхъ и важнаго. Очеркъ. Спб. 1898. Ц. 20 к.
- Острогорскій, Аленстѣй Ним. Педагогическія экскурсіи въ область литературы. М. 1898. Ц. 1 р. 50 к.
- Павловъ-Сильванскій, Н. Закладничество—патронатъ. Спб. 1897. Ц. 50 к.
- Penzoldt, F. d-r, и Stintzing, R. (d-r). Руководство къ частной терапіи внутреннихъ болѣзней. Т. II. Отравленія. Волѣны обѣихъ веществъ, крови и лимфатической системы. Перев. съ нѣм. Спб. 1897. Ц. 6 р.
- Побѣдоносцевъ, К. Московскій сборникъ. Изд. 4-е. М. 1897 г. Ц. 1 р. 40 к.
- Покровскій, Н. Правила русскаго правосудія по руководству Я. К. Грота. Изд. 2-е. Ц. 10 к.
- Поморцевъ, М. Воздухоплаваніе и изслѣдованіе атмосферы. Вып. 3-й. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.
- Половъ, А. Педагогическія идеи Генриха Песталоцци и ихъ воспитательно-образовательное значеніе. Казань. 1897 г. Ц. 25 к.
- Практическое наставленіе для изготовленія изъ рипсовой бумаги всевозможныхъ предметовъ, служащихъ украшеніемъ комнаты, какъ-то: ламповыхъ и свѣчныхъ абажуровъ, обложекъ для цвѣтныхъ горшковъ, цвѣтвотъ, экрановъ и т. п. Съ рис. Вып. II. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Преображенскій, Вас. (свящ.). Притчи Господа нашего Иисуса Христа. Въѣбогослужбныя бесѣды. Вып. II. М. 1897 г. Ц. 1 р.
- Преображенскій, Ив. Отечественная церковь по статистическимъ даннымъ съ 1840—1841 по 1890—1891 гг. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Проектъ городского дома на четыре квартиры. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.
- Пуарэ, Поль. Успѣхи химической изобрѣтательности. Описаніе производствъ, необходимыхъ для нашей домашней и общественной жизни. Для юношества и самообразованія. Съ 364 рис. М. 1897 г. Ц. 3 р.
- Пумперъ, Я. Тарифная справочная книга. Тарифы на перевозку грузовъ по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ. 1-е сводное дополненіе по 1-е сентября 1897 г. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.
- Ридеръ, Г. (д-ръ). Руководство врачебной техники. Вып. II. Съ 221 рис. Перев. съ нѣм. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Риль, А. (проф.). Фридрихъ Нитцше, какъ художникъ и мыслитель. Перев. съ нѣм. З. Венгеровой. Съ портретомъ. (Библиотека философовъ. Вып. II). Спб. 1898 г. 50 к.
- Рихтеръ, К. Гальваническое цинкованіе желѣза. Съ обзоромъ новѣйшихъ способовъ. Перев. съ нѣм. Съ чертежами. М. 1897 г. Ц. 50 к.
- Робзнь, А. Руководство къ частной терапіи. Вып. 4-й. Леченіе заразныхъ болѣзней. Часть первая. Перев. съ франц. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ровинскій, П. Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія-исторія. Этнографія-археологія. Современное положеніе. Т. II. Ч. I. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.
- Розельонъ-Сошальская, А. Безродный. Разсказъ для дѣтей, составленный по Мало. Съ рис. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Романовичъ, М. Гражданская архитектура. Части зданій. Т. III. Изд. 3-е. Спб. 1897 г. Ц. по подлинкѣ 20 р.
- Русскіе романсы (музыкальные шедевры). Съ портретами исполнителей. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

- * «Русскій календарь» на 1898 г. (Двадцать седьмой годъ изданія), съ рисунками, 12 картами странъ свѣта и картою росс. жел. дорогъ. Цѣна: въ бумажкѣ 1 р., въ папкѣ 1 р. 25 к., въ переплетѣ 1 р. 60 к.
- Саловъ, И.** Забытыя картины. Повѣсти и рассказы. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ новѣйшихъ рецептовъ.** Изд. 2-е дополн. (2,485 рецептовъ). Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ статей о чумѣ.** Томскъ. 1897 г. Ц. 50 к.
- Свѣдѣнія о Сибири.** Сборникъ статей «Сельскаго Вѣстника» (о Сибири и переселеніи). Съ картою Россійской имперіи въ Европѣ и Азій. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Савирскій, А.** Погибшіе люди. Томъ первый. Міръ трущобный. Томъ второй. Міръ тюремный. Томъ третій. Міръ нищихъ и пропойцъ. Спб. 1897 г. Ц. за 3 т. 2 р. 25 к. Отдѣльно каждый томъ 75 к.
- Сикорскій, М.** Энциклопедическія вольныя смерти и смертоубійства въ Терновскихъ хуторахъ (близъ Тирасполя). Психологическое изслѣдованіе. Съ 2-мя фототипіями. Киевъ, 1897 г. Ц. 1 р.
- Соколовъ, А.** Практическое руководство для судебныхъ слѣдователей. Т. III (четвертая книга). Основные принципы предварительнаго производства въ уголовномъ процессѣ. Изд. 2-е. Вильна. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Соколовъ, А.** Приложеніе къ III тому (книги четвертой) изд. 1897 г. «Практическаго руководства для судебныхъ слѣдователей». Вильна. 1897 г. Ц. 50 к.
- Сорель, А.** Монтеסקье. Перев. М. Василевскаго, подъ ред. и съ предислов. Н. И. Карьева. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.
- Спутникъ здоровья.** Популярная гигиеническая и медицинская бібліотека № 1. Англійская болѣзнь. Рахитъ. Съ 6 рис. Д-ра С. А. Гальперина, подъ ред. князя И. Р. Тарханова. Спб. 1897 г. Ц. 50 к. № 2. Тифъ брюшной, сыпной и возвратный. Съ 2 рис. Очеркъ д-ра В. Вати. Ц. 40 к. № 3. О вскармливаніи грудного ребенка и уходѣ за нимъ въ первый годъ жизни. Сост. по Eschle д-ръ В. Зибольдтъ. Ц. 40 к. № 4. Необходимыя мѣры при заразныхъ болѣзняхъ. Составл. по Nutall'ю д-ромъ В. Зибольдтомъ. Ц. 30 к.
- Станюковичъ, К.** Собраніе сочиненій. Томъ X. Картины общественной жизни. — Письма знатнаго иностранца. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Стихъ на христовославленіе.** Дѣтятъ на елку. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.
- Страсбургеръ, Эд.** и другіе. Учебникъ ботаники для высшихъ учебныхъ заведеній (морфологія и систематика растеній). Перев. съ нѣм. Съ 441 рис. М. 1898 г. Ц. 3 р.
- Сущинскій, П.** Экономическій бытъ и правовыя отношенія старожиловъ и новоселовъ на Алтаѣ. (Изслѣдованіе на мѣстѣ). Спб. 1898 г. Ц. 35 к.
- Тарновскій, В.** (проф.). О врачебной дѣятельности. Спб. 1897 г. Ц. 20 к.
- Тархановъ, И.** (князь). Простуда. Спб. 1898 г. Ц. 80 к.
- Тихомировъ, П.** Художественное творчество и религиозное познаніе. Философско-богословскій очеркъ. Сергіевъ Посадъ. 1897 г. Ц. 35 к.
- Томсонъ, С.** Динамо-электрическія машины. Перев. съ англ. Д. Головъ. Вып. III. Спб. 1897 г. Ц. по подпискѣ 7 р.
- Трей, Е.** Письмо дѣдушки. Рождественскій рассказъ. Съ нѣмецкаго передѣлалъ В. Остерманъ. Спб. 1897 г. Ц. 25 к.
- Турскій, М.** Разведеніе лѣсныхъ деревьевъ. Изд. 6-е. Съ рис. М. 1898 г. Ц. 30 к.
- Уйда.** Сказки, посвященныя принцу Неаполитанскому. Перев. съ англ. Съ рис. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.
- Usher-elfes.** Современные способы обработки деталей машинъ и сборки ихъ. Перев. съ нѣмецк. А. К. Вессель. М. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фарманъ, Л.** Писчебумажное производство, проклейка бумаги. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Федоровъ, П.** Домашній переплетчикъ. Практ. руководство къ переплетному мастерству для любителей и самообученія. Съ 165 рис. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Фелькнеръ, I.** Живопись масляными красками. Практич. руководство по пейзажу, портрету и жанру. Изд. 3-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 15 к.
- Фламмаріонъ, К.** Люменъ. Разговоры о безсмертіи души. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Франкфуртъ, С.** Химико-техническіе методы изслѣдованія строительныхъ матеріаловъ. М. 1897 г. Ц. 80 к.
- Фуллеръ, А.** Критика новѣйшихъ системъ морали. Перев. съ франц. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Фэдо, Ф.** Химикъ-любитель. Практическое знакомство съ химіей посредствомъ ряда простыхъ и интересныхъ опытовъ, не требующихъ большихъ расходовъ. Съ 152 рис. Перев. съ франц. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Харламовъ, В.** Проектъ бани съ прачечною и сушильною. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Naeder, H.** Вольная паровая машина и первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ съ нею. Практическое руководство къ уходу и надзору за паровой машиной. Изъ практики. Перев. съ нѣмц. Вып. I. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ.** Спб. 1897 г. Ц. 30 к.
- Целлулоидъ и его обработка.** М. 1897 г. Ц. 20 к.
- Чебышевъ, А.** Очерки изъ исторіи европейской драмы. Англійская комедія конца XVII в. и половины XVIII в. Спб. 1897 г. Ц. 50 к.
- Шатрианъ-Эриманъ,** Сочиненія, 2 тома. Спб. 1898 г. Ц. за оба тома—3 р.
- * **Шильдеръ, Н.** Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе. Съ 450 иллюстраціями. Томъ III. Ц. по подпискѣ на 4 т. 30 р.
- Шмелевъ, И.** Вухгалтерія новой системы четверной. Полный курсъ оптово-торговаго счетоводства. М. 1897 г. Ц. 3 р.
- Шопенгауеръ, Арт.** Новые афоризмы. Перев. съ нѣмецк. Харьковъ, 1898 г. Ц. 1 р.
- Шостанъ, П.** Къ теории желѣзнодорожныхъ тарифовъ. Хлѣбные тарифы. Съ 43 рис. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 75 к.

Щелкина-Куперникъ, П. Странички жизни. Сиб. 1898 г. Ц. 1 р.

— Счастье. Повесть. Сиб. 1898 г. Ц. 1 р.

Эдвинсонъ, Д. Какъ дѣлается маленькій электродвигатель. Изд. 3-е. М. 1898 г. Ц. 40 к.

— Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машинку. Изд. 3-е. М. 1898 г. Ц. 50 к.

Эсменъ, А. (проф.). Общія основанія конституціоннаго права. Перев. съ франц. подъ редак. проф. В. Дерюжинскаго. Сиб. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

Юнановъ, С. Вопросы просвѣщенія. Публицистическіе опыты. Сиб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юпнеръ фонъ-юнсторфъ, Соотношенія между химическимъ составомъ и физическими свойствами желѣза и стали. Перев. съ нѣм. А. А. Сендау, подъ ред. проф. Н. С. Курнакова. Сиб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Юридическій календарь. М. Острогорскаго на 1898 г. Ц. за 2 части—1 р.

Яковлевъ, П. О призрѣніи чахоточныхъ больныхъ въ специальныхъ больницахъ. (Къ вопросу о борьбѣ съ легочной бугорчаткой). М. 1897 г. Ц. 50 к.

Фаворовъ, И. (прот.). Руководство къ церковному собесѣдованію, или гомилетика. Изд. 9-е. Киевъ. 1898 г. Ц. 80 к.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА

А. С. Суворина.

При выпискѣ книгъ «Дешевой Библиотеки», вмѣсто названія книги, можно выставлять номеръ, подъ которымъ книга эта значится въ каталогѣ. Звѣздочкою (*) обозначены книги, помѣщенные въ Опытѣ каталога ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія и въ каталогѣ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читателей.

253. Плавтъ, М. Т. Трехгрошовый день. Древне-латинская комедія въ 5-ти дѣйств. Переводъ въ прозѣ, со статьей о Плавтѣ. С. Эйгесъ. Сиб. 1893 г. Ц. 15 к., въ пап. 23 к., въ пер. 30 к.

*158. Плутаркъ. Сравнительныя жизнеописанія. Т. I. Вып. 1-й. Тезей и Ромуль. Ц. 15 к.

*159. — То же. Т. I. Вып. 2-й. Ликургъ и Нума Помпидій. Ц. 15 к.

*160. — То же. Т. I. Вып. 3-й. Солонъ и Валерій Попликола. Ц. 15 к. (Весь I томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

*161. — То же. Т. II. Вып. 1-й. Фемистокль и Камиллъ. Ц. 15 к.

*162. — То же. Т. II. Вып. 2-й. Перикль и Фабій Максимъ. Ц. 15 к.

*163. — То же. Т. II. Вып. 3-й. Алкибиадъ и Коріоланъ. Ц. 15 к. (Весь II томъ въ одной папкѣ 53 к.).

*164. — То же. Т. III. Вып. 1-й. Тимолеонтъ и Павелъ Эмилиѣ. Ц. 15 к.

*165. — То же. Т. III. Вып. 2-й. Пелопидъ и Марцеллъ. Ц. 15 к.

*166. — То же. Т. III. Вып. 3-й. Аристидъ и Катонъ Старшій. Ц. 15 к. (Весь III томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

*167. — То же. Томъ IV. Вып. 1-й. Филопменъ и Титъ Фламиніанъ. Ц. 15 к.

*168. — То же. Томъ IV. Вып. 2-й. Пирръ и Маріѣ. Ц. 15 к.

*169. — То же. Томъ IV. Вып. 3-й. Лизандръ и Сулла. Ц. 15 к. (Весь IV томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.).

*170. — То же. Томъ V. Вып. 1-й. Кимонъ и Лукуллъ. Ц. 15 к.

*171. — То же. Томъ V. Вып. 2-й. Никій и Крассъ. Ц. 15 к., на велен. бум. 30 к.

*172. — То же. Томъ V. Вып. 3-й. Серторій и Евменъ. Ц. 15 к. (Весь V томъ въ одной папкѣ 53 к., въ пер. 65 к.). На велен. бум. по 30 к. выпускъ.

81. Еврипидъ. Медея. Трагедія. Перев. съ греч. В. Алексѣева. Изд. 2-е. Ц. 10 к., въ папкѣ 18 к., въ пер. 30 к.

инчен. колич. экз.). Ц. 1 р., въ пер. 1 р. 40 к.

*60. Достоевскій, Ф. Вѣдныя люди. Романъ. Ц. 15 к., въ пер. 35 к.

237. Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ. Ц. 30 к., въ пап. 38 к., въ пер. 50 к.

241 и 242. Гюго, В. Т. II и III. Ц. 25 к. За три тома вмѣстѣ въ папкѣ 58 к., въ пер. 75 к. колич. экз.). Ц. за три тома 1 р. 50 к., въ 1 томъ 2 р., въ пер. 2 р. 30 к.

198. — Германи. Драма въ 5-ти дѣйств., перев. Татищевъ. (Печатается).

260. — Рию-Блязъ. Драма въ 5-ти дѣйств., перев. А. М. Свѣчина. Ц. 20 к.

311, 312 и 313. — Соборъ Парижской Богоматери. Ц. за три тома 60 к.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

<p>1. Дюма, Ал. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я.
 2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.
 3. — Три мушкетера. Ром. Книга I-я.
 4. — То же. Книга II-я.
 5. Бальзанъ, Шагреновая кожа. Романъ.
 6. Прево, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гриэ. Ром.
 7. Крэнъ, А. Д. Эмилиъ. Повѣсть изъ зохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Переводъ съ англійскаго.
 8. Мингслей, Ч. Ипатія или новые враги одъ старой личиной. Романъ. Томъ I-й.
 9. — То же. Томъ II.
 10. Моржъ-Зандъ. Орасъ. Романъ.
 11. Мериме, П. Жаверія. Сцены изъ феодаальныхъ временъ.
 12 и 13. Динненсъ, Ч. Лавка древностей. Ром.
 14. Гете, В. Страданія молодого Вертера. Ром.
 15. Басанинъ, Маркъ. Клубъ козицеаго дворянства. Романъ.
 16. Фильдингъ. Исторія Тома Джомса Найденыша. Романъ. Томъ I-й.
 17. — То же. Томъ II-й.
 18. — То же. Томъ III-й.
 19. Ясниснй, Іер. Старый другъ. Романъ.
 20. Дюма А. Двадцать лѣтъ сугар.Т.I-й.
 21. — То же. Томъ II-й.</p> | <p>22. Зола, Эмиль. Докторъ Паскаль. Ром.
 23. Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ. Последніе дни Помпеи. Ром. Томъ I-й.
 24. — То же. Томъ II-й.
 25. Бичеръ-Стоу, Генр. Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библиографіи этого произведенія Джоржа Буллена. Томъ I-й.
 26. — То же. Томъ II-й.
 27. Сю, Евгений. Вѣчный жидъ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й.
 28. — То же. Томъ II-й.
 29. — То же. Томъ III-й.
 30. — То же. Томъ IV-й.
 31. — То же. Томъ V-й.
 32. Бальзанъ. Женщина тридцати лѣтъ. Ром.
 33 и 34. Флоберъ, Г. Госпожа Бовари. Провинціальныя нравы. Ром. Перев. съ франц.
 35. Царь изъ дома Давида. Съ англ. Е. М.
 36. Янушинъ, П. Великъ Богъ земли русской! и другіе рассказы.
 37 и 38. Грандъ, Сара. Небесныя близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердъ.
 39 и 40. Поз, Эдгаръ. Необыкновенныя рассказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.</p> |
|--|--|

*) Изданіе А. С. Суворина.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

въ книжн. магазин. „Новаго Времени“, Вольфа, Карбасникова
и во всѣхъ лучшихъ книжн. магазин. обѣихъ столицъ

сочиненія **А. В. КРУГЛОВА:**

Стихотворенія. Изящно изд. томъ въ 26 печ. л. Ц. безъ пер.	1 р. — к.
Господа-крестьяне. Деревенскіе силуэты	1 » 50 »
Старь и новь. Повѣсти и рассказы.	1 » 25 »
Немудреное счастье. Романъ	1 » — »
Свои—чужіе. Романъ	1 » — »
Не герои. Очерки и рассказы. Изд. 2-е.	1 » — »
На чужомъ полѣ. Очерки и рассказы. Изд. 2-е.	1 » — »
Подъ колесомъ жизни. Повѣсти.	1 » — »
Губернскія сказки. Сатирическіе повѣсти	1 » 80 »
Лѣсные люди. Очерки. Изд. 2-е.	1 » — »
На исторической рѣкѣ. Путевые очерки.	1 » — »
Литература „маленькаго народа“. Критич. очерки по дѣтской литературѣ. 2 выпуска. Ц. каждого выпуска	— » 85 »

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЬ

ВѢСТНИКЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ.

Журналъ, посвященный всѣмъ вопросамъ, относящимся
до благотворительности и общественнаго призрѣнія.

Органъ Вѣдомства дѣтскихъ пріютовъ.

Журналъ издается Центральнымъ Управленіемъ дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства
учрежденій Императрицы Маріи подъ редакцію дѣйств. стат. сов. Евгенія Се-
вастьяновича ШУМИГОРСКАГО.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, книжками объемомъ не менѣе трехъ пе-
чатныхъ листовъ. — Подписная цѣна за годовое изданіе, съ доставкою и
пересылкою, три рубля. — Доходъ отъ изданія, за покрытіемъ всѣхъ рас-
ходовъ, обращается въ пользу дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учрежденій
Императрицы Маріи. — Подписка принимается въ редакціи (С.-Петербургъ,
Казанская ул., 7).

П Р О Г Р А М М А.

- I. **Официальный отдѣлъ.** Распоряженія правительства.
- II. **Спеціальныи отдѣлъ,** посвященный дѣятельности Вѣдомства дѣт-
скихъ пріютовъ и другихъ благотворительныхъ учреждений.
- III. **Литературный отдѣлъ.** Разработка всѣхъ вопросовъ благотво-
рительности и общественнаго призрѣнія, очерки русскихъ и загранич-
ныхъ учреждений, литература, журналистика и хроника русской и
иностранной благотворительности.
- IV. **Объявленія.**

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ
ФЕВРАЛЬ, 1898

СОДЕРЖАНИЕ.

ФЕВРАЛЬ, 1898 г.

	стр.
I. Коржинскіе коршуны Романъ-хроника). IV—VI. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ.	417
II. Изъ воспоминаній баронессы М. П. Фредерикъ. (Посвящается другу дѣтства Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу). Часть первая. XVIII—XXVIII. (Продолженіе).	454
III. Семь арестовъ. (Изъ воспоминаній). V—VI. (Продолженіе). Графа Е. А. Салиаса.	485
IV. Сестры Самойловы. (Изъ театральныхъ воспоминаній). VII—XII. (Окончаніе). В. А. Крылова	514
Иллюстраціи: 1) Надежда Васильевна Самойлова-Макшеева.—2) Вѣра Ва- сильевна Самойлова-Мичурина.	
V. Литературныя воспоминанія. (1878—1882). III—VI. (Окончаніе). И. И. Ясинскаго.	549
VI. Двѣ невѣсты Петра II. (Окончаніе). П. Княжна Е. А. Долгору- кова, Вл. О. Михневича.	572
VII. Клады по берегамъ рѣки Березины. Е. Альбовскаго.	603
VIII. Къ біографіи А. П. Щапова. П. Л. Юдина.	622
IX. Забытый замокъ. П. Н. Герасимова.	629
Иллюстраціи: 1) Остатки дома графа Разумовскаго въ Батуриѣ.—2) За- мокъ графа Разумовскаго въ Батуриѣ.	
X. Графъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ. (Некрологъ).	637
Иллюстрація: Графъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ.	
XI. Новые труды по исторіи русской литературы. П. Н. Полевого.	653
XII. Къ вопросу объ усыпальницѣ Шуйскихъ въ Варшавѣ. Профес- сора Дм. В. Цвѣтаева.	662
XIII. Александръ I и его эпоха. Періодъ второй. (1811—1815). (Пе- реломъ. I—IV. В. А. Тимирязева.	667
Иллюстраціи: 1) Фридрихъ Парротъ. — 2) Таврическая улица и домъ Сперанскаго въ Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія.—3) Комната, слу- жившая кабинетомъ Сперанскому и обращенная въ столовую по приобрѣтеніи дома Сперанскаго Н. П. Дубенскимъ.—4) Талейранъ.—5) Князь Меттернихъ.— 6) Баронесса Крюднеръ.	
XIV. Исторія одной маленькой монархіи. IX—XI. (Окончаніе). Женщины-врача А. А. Черевковой	709
XV. Критика и библиографія	736
1) Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-науч- ный сборникъ. Москва. 1897. В. Т.—2) Сборникъ императорскаго русскаго исто- рическаго общества. Томы девяностодевятый и сотый. Спб. 1897. В. Т.—3) Ука-	

См. слѣд. стр.

затѣмъ къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ историческому розысканію о нихъ. А. Н. Неустроева. Спб. 1898. А. Фаресова.—4) Исторія дѣтской души. Повѣсть М. Корелли. Переводъ Е. А. Изданіе К. П. Побѣдоносова. Москва. 1897. и. н. 3.—5) Е. Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новой точки зрѣнія. Переводъ съ нѣмецкаго Ю. М. Антоновскаго. Спб. 1897. Б. Глинскаго.—6) Справочная книжка по географіи. В. Покровскаго. Юрьевъ. 1898. г. л. и.—7) Привѣтъ. Художественно-научно-литературный сборникъ. Издавъ Обществомъ вспоможенія нуждающимся ученицамъ Василеостровской женской гимназій въ С.-Петербургѣ. Спб. 1898. с. ш.—8) Сказки, рассказы и легенды крестьянъ сѣвернаго края. Составилъ А. Е. Бурцевъ. Спб. 1897. н.—9) А. А. Нильскій. Закулисная хроника. Съ портретами артистовъ. Спб. 1897. в. б.—10) Kraj w obrazach. Gubernje królestwa Polskiego. Zbiór fotografji najbardziej uwagi godnych miast, okolic, zabytków starożytności i dzieł sztuki, zebranych i wydanych przez K. Woźniaka (Край въ картинахъ. Губерніи царства Польскаго. Собранные фотографіи наиболее заслуживающихъ вниманія городовъ, мѣстностей, памятниковъ древности и произведеній искусства, собранныхъ и изданныхъ К. Вознякомъ). Выпуски I—III. Варшава. 1897. г. А. Воробьева.—11) Историческіе очерки и изслѣдованія Казимира Пуласкаго («Szkice i poszukiwania historyczne Kazimiezza Pulaskiego»). Peterzбург. 1898). I. и.—12) А. А. Лиевѣ (Далинь). Вторая книга «Не сказокъ». Спб. 1898. в. г.

XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи 756

1) Донисторическій Египетъ и соперникъ Пиндара.—2) Древній Лондонъ.—3) Исторія у аравитянъ.—4) Частная жизнь въ Бодони въ средніе вѣка.—5) Новая биографія Маріи Стюартъ.—6) Шекспиріана.—7) Ученица Руссо.—8) Гете и гр. Торенкъ.—9) Когда прекратилась первая французская республика.—10) Англійскіе отголоски Ватерло.—11) Официальная исторія королевы Викторіи.—12) Жизнь и письма автора «Хижины дяди Тома».

XVII. Смѣсь 771

1) Торжественное собраніе академіи наукъ.—2) Историческое общество въ С.-Петербургѣ.—3) Историческое общество въ Москвѣ.—4) Чествованіе памяти Ѳ. И. Буслаева въ Обществѣ любителей россійской словесности.—5) Засѣданіе учебнаго отдѣла, посвященное памяти Ѳ. И. Буслаева.—6) Общество любителей древней письменности.—7) Географическое общество.—8) Общество любителей естествознанія.—9) Археологическая выставка въ Кіевѣ.—10) Деяностолѣтіе А. А. Скалковскаго.—11) Книжный складъ и магазинъ Вятскаго земства.—12) Къ юбилею Мишевича.—13) Рѣдкая брошюра Ѳ. И. Буслаева.—14) Новая редакція Археологическихъ Извѣстій.—15) Некрологи: И. П. Архиповъ; И. И. Рахманиновъ.

XVIII. Забѣтки и поправки 794

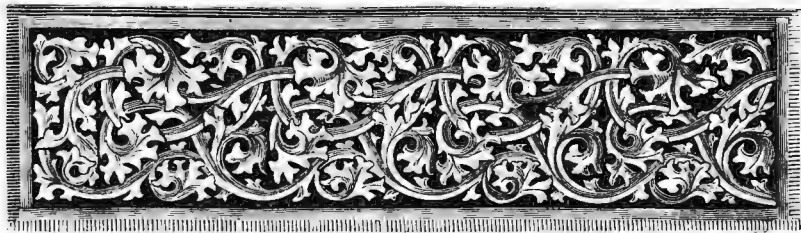
1) Къ некрологу А. Н. Зерцалова.—2) По поводу «Семейной хроникі» Ю. Н. Карпинской. М. Т. Яблочкова.—3) Письмо въ редакцію. Н. В. Болсуновскаго.—4) Открытое письмо къ издателямъ, редакторамъ и сотрудникамъ провинціальныхъ газетъ и журналовъ. Б. Глинскаго.

XIX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ княжны А. Е. Долгоруковой.—2) Въ Булонскомъ лагерѣ (Uncle Bernas). Повѣсть изъ временъ Наполеона I. Переводъ съ англійскаго. VIII—XII. (Продолженіе). А. Конанъ-Дойля.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ В. И. Бородаевской-Ясевичъ «Юбилей народника беллетриста» вкралась опечатка:

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ читать.</i>
279	11 сверху	Дѣдъ Н. Н. родился 4 декабря 1845 года, служилъ дьякономъ и т. д.	Дѣдъ Н. Н. (родился Н. Н. 14 декабря 1845 года) служилъ дьякономъ и т. д.

КОРЖИНСКІЕ КОРШУНЫ ¹⁾.

Романъ-хроника.

IV.

ЕОНТІЙ Артемьевичъ уже не засталъ отца въ живыхъ. Какъ онъ ни торопился, какъ ни мчался мимо городовъ и сель, дремучими лѣсами и необозримыми полями, останавливаясь только, чтобъ мѣнять лошадей, но когда шестерка измученныхъ коней подвезла возокъ съ молодымъ баринкомъ къ крыльцу роднаго гнѣзда, стараго барина давно ужъ опустили въ семейный склепъ подъ церковью. Недѣли полторы, какъ въ Коржинѣ длилось междуцарствіе въ ожиданіи новаго властелина, но порядокъ, изстари заведенный старикомъ, ничѣмъ не нарушался; точно также былъ чисто-начисто выметенъ парадный дворъ, окруженный стѣной изъ высокихъ тополей, та же дѣятельность кипѣла въ ткацкой, въ столярной, въ ригахъ, гдѣ молотили хлѣбъ, на мельницѣ, гдѣ его мололи, и всюду, куда бы ни оглянулся Леонтій Артемьевичъ, видѣлъ онъ то же самое, что и при отцѣ. Ничто не свидѣтельствовало о смерти старика, кромѣ запертыхъ ставней у оконъ его спальни и кабинета.

Всѣ знали о существованіи духовной, а также и о томъ, что Леонтій Артемьевичъ назначенъ душеприказчикомъ. При устныхъ же

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXI, стр. 7.
«истор. вѣстн.», февраль, 1898 г., т. LXII.

приказаніяхъ, переданныхъ отцомъ на смертномъ одрѣ барышнѣ Лизаветѣ Артемьевнѣ, присугствовали, по требованію умирающаго, Демьяновна и бурмистръ.

За сыномъ Леонтіемъ Артемій Васильевичъ послалъ нарочнаго тотчасъ же послѣ того, какъ его хватилъ первый ударъ, поразившій лѣвую сторону его тѣла. Но въ продолженіе трехъ часовъ голова его была свѣжа, и онъ воспользовался этимъ, чтобъ распорядиться похоронами и всѣмъ тѣмъ, что необходимо было сдѣлать до пріѣзда его замѣстителя.

— Въ живыхъ меня Леонтія не застанетъ,—говорилъ онъ приказчику съ свойственною ему рѣзкостью и твердостью, и какъ будто дѣло шло о распоряженіяхъ передъ отъѣздомъ на нѣсколько недѣль въ городъ или въ дальнее имѣніе,—какъ пріѣдетъ, все ему доложить, кто въ чемъ проштрафился, чего не доглядѣли,—все. А тамъ, какъ прикажетъ, такъ и дѣлать. Всѣ хозяйственныя книги за десять послѣднихъ лѣтъ ему представить, пусть знаетъ, что при мнѣ дѣлалось, и какая отъ этого была польза.

Потомъ онъ обратился къ дочери, которая, опустившись на колѣни у постели и сдерживая слезы, мысленно творила молитву о ниспосланіи родителю мирной и безболѣзненной кончины:

— Духовную, ты ему скажешь, гдѣ найти. Куклу ему поручаю. Ты слишкомъ глупа, растеряешься и всякому дашь себя обвести. Одна жить и не смѣй, не позволяю, даже и въ деревнѣ, что завѣщаль тебѣ. Не перестарокъ еще, пожалуй, и женихъ найдется. А только замужъ выходить я тебѣ не совѣтую; на овцу волкъ зарится, овцу стригутъ, а ты овца. Желаніе мое, чтобъ ты у сестры Марѣы жила; обѣ вы дуры, и ссориться вамъ не изъ-за чего. А не захочетъ она тебя держать, ступай жить къ Надеждѣ. Мужъ ея чиновъ да орденовъ нахваталъ слишкомъ даже много, не по средствамъ, и житьишко ихъ плохое, я знаю. Ради глупой фанаберіи въ долги влѣзли. Совѣтовалъ министру не назначать въ губернаторы такихъ, у которыхъ въ одномъ карманѣ блоха на арканѣ, а въ другомъ вошь на цѣпи, не послушался. Хороши у насъ теперь губернаторы пошли, по сосѣдямъ побираются серебромъ, когда надо дворянъ обѣдомъ накормить, срамъ! Вотъ и Надеждинъ мужъ изъ такихъ же; даже твои двѣ, три тысячки будутъ имъ подспорьемъ. Но это въ томъ только случаѣ, если у Марѣы не найдется угла для сестры, слышишь?—прибавилъ онъ такъ грозно, что Лизавета Артемьевна вздрогнула.

— Слышу, папенька,—поспѣшила она заявить, не поднимаясь съ колѣнъ.

А умирающій, между тѣмъ, продолжалъ:

— Ты мнѣ въ Питерѣ нужна для Куклы. Ей необходима протекція въ большомъ свѣтѣ. Для этого я у Леонтія ее и помѣщаю. Его Марью до сихъ поръ царицы жалуютъ. Если, значить, съ одной стороны невѣстка Марья, а съ другой сестра Марѣа ея судьбой

займутся, блестящую партію можетъ сдѣлать. Обезпечилъ я ее на славу; отъ каждаго изъ васъ отнялъ, чтобъ ее надѣлать. Надѣялся самъ будущей зимой въ столицѣ ее показать, самъ найти ей мужа по моему нраву,—не удалось, дѣлать нечего, ужъ ты съ Леонтіемъ похлопочи. Вамъ ее поручаю. Насколько твоего глупаго ума хватитъ, заинтересуй ею Марѣинныхъ родныхъ. Напоминай имъ чаще, что она моей любимицей была, и что я ничего для нея не жалѣлъ. Себя ломалъ, чтобъ ей угодить. Въ такой она у меня была холѣ да баловствѣ, какъ и принцессы крови не бываютъ. Помните это! Желаю я, чтобъ она въ лучшемъ обществѣ была, чтобъ видѣла только такихъ молодцевъ, которые были бы ей подъ пару по уму, красотѣ и богатству. Хороша картинка, да нужна рамка. Эхъ, — крикнулъ онъ съ досадой,—не допускаетъ глупая судьба въ изрядную рамку самому мнѣ ее вставить.

Утомленный длинною рѣчью, онъ смолкъ, и на глазахъ его вернулись слезы, которыя медленно скатились по его впалымъ и изрытымъ морщинами блѣднымъ щекамъ.

Это были первыя и послѣднія слезы, пролитыя имъ во всю его долгую и грѣшную жизнь; почти тотчасъ же съ нимъ сдѣлался второй ударъ, послѣ котораго онъ ужъ не приходилъ въ память и въ ту же ночь скончался.

Предсмертныя приказанія отца Лизавета Артемьевна въ точности передала брату тотчасъ послѣ его приѣзда.

— Слова его такъ врѣзались мнѣ въ душу, братецъ, что я дала обѣтъ замужъ не выходить, чтобъ всю жизнь посвятить Катенькѣ,—прибавила она въ заключеніе, устремляя на своего слушателя ясный и восторженный взглядъ своихъ добрыхъ голубыхъ глазъ.

Леонтій Артемьевичъ съ чувствомъ пожалъ ей руку и съ сдержаннымъ волненіемъ объявилъ, что вполне понимаетъ ее. При этомъ голосъ его звучалъ такимъ нѣжнымъ сочувствіемъ, что сестра, забывъ сдержанность, къ которой пріучилъ ее отецъ, внѣ себя отъ умиленія, бросилась его обнимать, и сквозь слезы проговорила:—*Je vous donne mon amitié pour la vie, Léonce!*

Можно сказать, что это была первая отрадная минута, переживаемая ею съ тѣхъ поръ, какъ она стала себя сознавать.

Въ тотъ же самый вечеръ приступлено было къ чтенію завѣщанія при торжественной обстановкѣ, обозначенной до мельчайшихъ подробностей самимъ покойникомъ на особомъ листѣ, приложенномъ къ документу. Приглашены были въ большую залу священникъ и тѣ изъ сосѣднихъ дворянъ, которые скрѣпили духовную своею подписью, всѣ домашніе и старшіе дворовые съ Демьяновной во главѣ. Когда принесли шкатулку съ завѣщаніемъ, и Леонтій Артемьевичъ, отперевъ ее ключемъ, хранящимся у Лизаветы Артемьевны, вынулъ изъ нея тетрадь, исписанную рукою покойнаго отца, Демьяновна подошла къ своей воспитанницѣ, стоявшей рядомъ съ Лиза-

ветой Артемьевной и Машей, взяла ее за руку и торжественно подвела къ столу, у котораго братъ ея стоялъ съ духовной въ рукахъ.

— Вотъ твое мѣсто,—сказала она во всеуслышаніе, сурово отчеканивая каждое слово, точно желая разъ навсегда установить свои отношенія къ дѣвочкѣ и всенародно объявить себя ея покровительницей.—Становись впереди всѣхъ; какъ покойный папенька тебя поставилъ, такъ и стой, никому не давай себя назадъ отпихивать,—прибавила она, обводя присутствующихъ злымъ взглядомъ.

Ужъ по одному этому взгляду, полному угрозъ и торжества, можно было догадаться, что ей извѣстно содержаніе духовной. И дѣйствительно, почти вся она была посвящена Куклѣ. Распоряженія Артемія Васильевича относительно той части состоянія, которую онъ оставлялъ дѣтямъ отъ своей первой жены, были такъ кратки и сбивчивы, что невозможно было понять, что именно онъ завѣщаетъ и кому. Ни одного клочка земли, ни одного дерева въ лѣсахъ, ни одной души изъ крѣпостныхъ не предоставлялъ онъ имъ безъ оговорокъ и обязательствъ самага дикаго свойства. Обязательства эти до такой степени извращали смыслъ дара, что каждый, прежде чѣмъ принять его, невольно долженъ былъ задуматься надъ вереницей безконечныхъ тяжбъ, придирокъ и крючковъ, грозившихъ ему со всѣхъ сторонъ, не только отъ сонаслѣдниковъ, но и отъ сосѣднихъ владѣльцевъ и отъ городскихъ обывателей. Съ истинно дьявольскою изобрѣтательностью ухитрился покойникъ такъ устроить, чтобъ, кромѣ злобы, досады, проклятій и разоренія, ничего послѣ него не досталось дѣтямъ его отъ первой жены.

Какимъ чувствомъ руководствовался онъ, поступая такимъ образомъ, объ этомъ толковали разнo. Между розказнями, ходившими въ обществѣ и въ подвластномъ ему народѣ, до сихъ поръ упорно держится слухъ о непреклонности характера первой его жены и о ея ненависти къ мужу, который, по всѣмъ признакамъ, какъ будто немножко побаивался ея. Прожили они вмѣстѣ лѣтъ пятнадцать, и скончалась она въ то время, когда положеніе ея, какъ супруги человека, отличеннаго императрицей и съ блестящей будущностью, во многихъ возбуждало зависть.

Въ чемъ заключалась тайна интимной жизни этихъ двухъ существъ, во всемъ противоположныхъ другъ другу (по отзывамъ помнившихъ ее людей, она была настолько добра и красива, насколько онъ былъ золь и уродливъ), на это тоже съ достовѣрностью отвѣтить нельзя, но такъ какъ она не давала себѣ труда скрывать свою ненависть къ нему, а онъ съ несвойственною ему покорностью и терпѣніемъ переносилъ ея холодность и презрѣніе, то можно предполагать, что онъ не былъ достаточно остороженъ въ юности, и она узнала о какомъ нибудь его поступкѣ, разглашеніе котораго грозило ему чѣмъ-то ужаснымъ, и этимъ самымъ она и держала его въ рукахъ. Такъ или иначе, но какъ ее, такъ и дѣ-

тей ея, онъ терпѣть не могъ, и когда ея не стало въ живыхъ, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ доказывалъ это. Заботы его о нихъ были чисто внѣшняго свойства. Изъ самолюбія ему надо было, чтобъ они были блестяще воспитаны и сдѣлали бы видную карьеру, и для этого онъ не жалѣлъ ни хлопотъ, ни денегъ, что же касается до ихъ внутренняго міра, до ихъ чувствъ, мыслей и стремленій, онъ былъ къ этому совершенно равнодушенъ и даже скорѣе радовался ихъ печалямъ, чѣмъ огорчался ими.

Отношенія эти, невзирая на всю ихъ неестественность, съ лѣтами усиливались въ немъ. Сыновья и дочери его хорошо это знали и тщательно скрывали отъ отца, какъ отъ злѣйшаго врага, тѣ обстоятельства ихъ жизни, при которыхъ онъ могъ имъ повредить, въ полной увѣренности, что онъ ни за что не упуститъ случая испортить начатыя ими дѣла, не задумается оклеветать ихъ передъ людьми, мнѣніемъ которыхъ они дорожатъ, поставить ихъ въ неловкое положеніе, однимъ словомъ, въ чемъ только возможно, напакостить имъ.

Про его страсть ссорить ихъ между собой и забавляться послѣдствіями этихъ ссоръ мы ужъ говорили. Что же удивительнаго въ томъ, что задолго передъ смертью онъ наслаждался мыслью о томъ, что и тогда, когда его похоронятъ, жертвы его будутъ еще долгое время попадать въ разставленныя имъ для нихъ ловушки, путаться и калѣчить себя въ нихъ нравственно. Развѣ человѣку не свойственно желать продолженія послѣ смерти того дѣла, которое занимало и радовало его при жизни? Заботиться же объ отвѣтственности передъ Божьимъ судомъ онъ не могъ ужъ потому, что ни въ Бога, ни въ чорта, не вѣрилъ, а нравственныя правила признавалъ обязательными только для другихъ, а не для себя.

Устроивъ, или, лучше сказать, разстроивъ будущность своихъ дѣтей отъ перваго брака, онъ совсѣмъ иначе занялся судьбой троихъ меньшихъ дѣтей: дочери и сына отъ княжны Мадаевой и любимицы своей Куклы, и еслибъ только онъ не поставилъ двоихъ первыхъ въ прямую зависимость отъ капризовъ послѣдней, Леонтіи съ сестрой Лизаветой могли бы считать себя вполне обезпеченными, и обезпеченными роскошно.

Леонтію Артемьевичу онъ завѣщалъ Коржино, съ тѣмъ, чтобы Кукла пользовалась правами полновластной хозяйки въ усадьбѣ этого имѣнія. Она могла жить въ домѣ одна или съ кѣмъ пожелаетъ и сколько времени ей будетъ угодно, могла производить какъ въ домѣ, такъ и въ саду всевозможныя передѣлки, употребляя на то мастеровъ изъ дворовыхъ, могла распоряжаться по своему усмотрѣнію экипажами, лошадьми, всѣмъ населеніемъ скотнаго и птичьяго двора также безконтрольно, какъ и обитателями людскихъ, дѣвичьихъ, кучерскихъ и лакейскихъ.

Въ заботливой нѣжности къ своей любимицѣ Артемій Василье-

вичъ все предусмотрѣлъ и, между прочимъ, заявилъ, что буде любезная его дочь, Катерина Артемьевна, не пожелаетъ, чтобъ семья владѣльца Коржина наѣзжала въ усадьбу, предоставленную ей въ пожизненное пользованіе, то и въ этомъ волю ея, подъ страхомъ лишенія всего имѣнія—исполнить. Наконецъ, даже самъ Леонтіи Артемьевичъ могъ останавливаться въ домѣ или въ которомъ нибудь изъ прилегавшихъ къ нему флигелей не иначе, какъ съ ея дозволенія. Но зато, за попеченіе о меньшей сестрѣ, онъ могъ, какъ онекунъ ея, пользоваться четвертою частью со всѣхъ ея доходовъ вплоть до ея замужества.

Дочери Леонтія Артемьевича, Марья, дѣдъ завѣщалъ домъ въ Москвѣ, но опять таки съ условіемъ, что Кукла имѣетъ право во всякое время отнять его у нея и отдать одной изъ ея сестеръ или или братьевъ, кому захочетъ.

Распоряженіе это имѣло цѣлью обезпечить ей пріятную жизнь въ семьѣ, въ которой изъ-за дома всѣ дѣти будутъ изъ кожи лѣзть, чтобъ ей угодить и заслужить ея милости.

Далѣе шли подробности о томъ, какъ выгоднѣе эксплуатировать земли, пріобрѣтенныя для Куклы въ Крыму и въ Оренбургской губерніи, а также домъ въ Москвѣ. Что же касается до капитала въ сто тысячъ, положеннаго на ея имя въ банкъ, въ годъ ея рожденія, капиталъ этотъ, съ процентами, долженъ былъ оставаться въ неприкосновенности до ея совершеннолѣтія, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ она вышла замужъ раньше двадцати одного года.

Впрочемъ, расходы на ея жизнь, воспитаніе, выѣзды и проч. должны были покрываться доходами съ ея земель и дома съ такимъ избыткомъ, что Леонтіи Артемьевичъ свободно могъ поставить свой домашній обиходъ на блестящую ногу, не тратя на это ни единой копейки изъ своихъ средствъ.

Все время, что длилось чтеніе этого своеобразнаго завѣщанія, Демьяновна, самодовольно выпрямившись, окидывала зоркимъ взглядомъ присутствующихъ, чтобъ отгадать по впечатлѣнію, которое оно производило на всѣхъ, насколько она можетъ рассчитывать на сочувствіе, а въ случаѣ нужды и на содѣйствіе каждаго изъ нихъ въ пользу своей барышни.

Сама же барышня стояла, насупившись, съ опущенною головою, и, нервно поѣживаясь, выглядывала исподлобья сердитыми, черными глазами.

Какъ раньше, при жизни отца, когда она ворочала всѣмъ въ домѣ съ капризною непослѣдовательностью и слѣпою жестокостью избалованнаго ребенка, такъ и теперь никому она ничего не внушала, кромѣ ненависти и страха. Дворовые съ досадой узнавали, что маленькой барышнѣ предоставлена власть распоряжаться по своему въ Коржинѣ, слѣдовательно, изъ-подъ тяжелаго гнета Демьяновны имъ не спастись. Остальные же присутствующіе не безъ со-

жалѣнія посматривали на Леонтія Артемьевича, спрашивая себя: какъ справится онъ съ хитрою задачей, завѣщанною ему отцомъ?

Читать завѣщаніе хотѣлъ было самъ Леонтій Артемьевичъ, но когда Демьяновна бросила ему дерзкій вызовъ, выдвигая впередъ Куклу, съ тѣмъ, чтобъ она заняла тутъ первое мѣсто, онъ спокойно и съ величавою надменностью отошелъ отъ стола, подозвалъ священника и попросилъ его прочесть послѣднюю волю покойнаго, а самъ отошелъ къ окну и все время простоялъ тамъ въ почтительной позѣ чловѣка, относящагося съ подобающею серьезностью къ предсмертному завѣту родителя.

И какъ во время чтенія нельзя было ничего прочесть на его лицѣ, кромѣ сосредоточеннаго вниманія, точно также и по окончаніи не проявилъ онъ ни удивленія, ни досады, ни злобы.

Привѣтливо и благодушно разговаривалъ онъ съ гостями за ужиномъ, касаясь съ полнымъ самообладаніемъ именно тѣхъ предметовъ, которые интересовали каждаго изъ нихъ.

Всѣмъ сумѣлъ онъ сказать что нибудь пріятное. Одному предложилъ хлопотать о помѣщеніи дѣтей въ корпусъ, другому вызвался выслать лѣкарства для больной жены, третьему посулилъ справиться о его дѣлѣ въ сенатѣ, четвертому вызвался замолвить о немъ слово губернатору при проѣздѣ обратно въ Петербургъ, однимъ словомъ, всѣхъ очаровалъ, и гости разъѣхались въ восторгѣ отъ его простоты, сердечности и ума.

Сестру свою онъ тоже постарался такъ приласкать, что бѣдная дѣвушка не знала, какъ благодарить Бога за такого покровителя.

Между прочимъ, Леонтій Артемьевичъ вполне одобрилъ желаніе отца, чтобъ она жила у сестры ихъ, графини Марѣы, и предложилъ самъ написать этой послѣдней, чтобъ предупредить о томъ, что Лизавета Артемьевна пріѣдетъ прямо къ ней въ домъ.

— Не безпокойся, тебѣ у нея будетъ хорошо, и ты отдохнешь отъ всего, чего натерѣлась здѣсь, бѣдная моя сестрица,—прибавилъ онъ, съ чувствомъ пожимая ей руку.

Это былъ единственный намекъ, который онъ позволилъ себѣ на счетъ ея мучителей; сдержанность эта заставила и Лизавету Артемьевну затаить жалобы на Демьяновну и на Куклу, рвавшіяся у нея изъ груди.

Точно также поступилъ онъ и съ дочерью; про все разспросилъ онъ ее, про ея занятія, про сосѣдей, пріѣзжавшихъ къ нимъ въ гости; пожелалъ узнать, сдѣлала ли она успѣхи въ музыкѣ и рисованіи, ласково пожурилъ ее за то, что она держится не такъ хорошо, какъ въ Петербургѣ, и что недостатокъ уроковъ танцмейстера невыгодно отражается на ея манерахъ, но про то, какъ относился къ ней покойный дѣдъ, и въ какихъ отношеніяхъ она съ Куклой, не обмолвился ни словомъ.

Что же касается до его обращенія съ самой Куклой, то оно

было такъ странно, что всѣхъ приводило въ недоумѣніе. Занимаясь ея дѣлами съ утра до вечера съ усердіемъ добросовѣстнѣйшаго опекуна, толкуя съ бурмистромъ и старостами о томъ, какъ бы лучше и выгоднѣе исполнить желанія, выраженные покойнымъ отцомъ въ его завѣщаніи и клонящіяся, какъ сказано выше, почти исключительно въ пользу его любимицы, хлопоча о томъ, чтобъ довести ее какъ можно удобнѣе до Петербурга, Леонтія Артемьевичъ не выражалъ ни малѣйшаго желанія не только сблизиться, но даже и познакомиться лично съ отданной на его попеченіе младшей сестрой.

Ни разу не пожелалъ онъ переговорить съ нею наединѣ, не спрашивалъ ни въ чемъ ея мнѣнія, не интересовался узнать ея вкусы и желанія, однимъ словомъ, относился къ ней, какъ къ ребенку, который не можетъ имѣть ни своей воли, ни сужденій.

Можно себѣ представить, въ какое негодованіе и недоумѣніе приходила набалованная и привыкшая къ почету дѣвочка отъ такого обращенія. Въ первый разъ въ жизни она встрѣчала человѣка, не желающаго признавать за нею права разыгрывать первую роль всюду, куда бы она ни появилась, и отъ этого-то человѣка она должна была зависѣть!

Онъ былъ назначенъ покойнымъ отцомъ ея единственнымъ покровителемъ. Ближе его у нея никого не было на свѣтѣ. Онъ увезетъ ее въ чужой городъ, въ свой домъ, въ свою семью, и цѣлыхъ семь лѣтъ, до своего совершеннолѣтія, она будетъ въ зависимости отъ него!

Для какой дѣвушки, въ четырнадцать лѣтъ, семь лѣтъ не кажутся вѣчностью?!

Кукла была очень умна, не по лѣтамъ развита и могла какъ нельзя лучше отдавать себѣ отчетъ въ значеніи постигшей ее перемѣны судьбы; понимала она также важность составленнаго въ ея пользу завѣщанія, съ которымъ Демьяновна не преминула ознакомить ее задолго до прочтенія его публично. Она ждала, что всѣ, начиная съ опекуна, проникнутся къ ней страхомъ и уваженіемъ, когда узнаютъ, какъ отецъ позаботился обезпечить ея судьбу, поставивъ всѣхъ окружающихъ въ зависимость отъ ея каприза. Во время чтенія завѣщанія она нѣсколько разъ исподлобья взглядывала на Леонтія Артемьевича, въ надеждѣ уловить на его красивомъ, гордомъ и мужественномъ лицѣ выраженіе досады, смущенія или гнѣва, но ничего подобнаго не могла подмѣтить. Хуже того, ей два раза показалось, будто ротъ его складывается въ презрительную усмѣшку, точно онъ внутренне издѣвается надъ завѣщаніемъ отца, зная отлично, какъ его обойти и сдѣлать по-своему. И ей жутко стало при этой мысли; она вдругъ поняла свою слабость, одиночество и беспомощность передъ сильнымъ, характернымъ человекомъ, на двадцать слишкомъ лѣтъ старше ея, въдесятеро опытнѣе, рѣшительнѣе и, безъ сомнѣнія, злѣе ея. Онъ непремѣнно воспользуется выгодами своего положенія, чтобъ подчинить ее своей

власти. Да онъ ужъ и подчинилъ ее; она, никогда никого не боявшаяся, смущается передъ нимъ, робѣетъ и не знаетъ, куда дѣваться отъ волненія, когда чувствуетъ на себѣ его пронизательный и испытующій взглядъ. Ей стыдно чего-то, когда онъ на нее смотритъ. Ей кажется, что онъ все находитъ въ ней безобразнымъ и смѣшнымъ: ея наружность, манеры, голосъ. Она подолгу стояла передъ зеркаломъ, всматриваясь въ свою тощую, миниатюрную фигурку съ слишкомъ большими глазами на худомъ, продолговатомъ лицѣ, и приходила въ отчаяніе отъ смуглости кожи, остроты подбородка и локтей, костлявости шеи. Въ первый разъ въ жизни въ ней зародилась потребность нравиться и поражать красотой; слезы безсильной злобы и отчаянья подступали ей къ горлу, она топала ногами, грозилась кулаками проклятому зеркалу, не умѣвшему ей льстить, и очень можетъ быть, что въ ярости своей она разбила бы его вдребезги, еслибъ въ ея комнату не вошла Демьяновна, обезпеченная долгимъ отсутствіемъ своей барышни изъ гостиной, гдѣ собрались господа, свои и чужіе; съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Леонтій Артемьевичъ, у нихъ постоянно гостилъ кто нибудь изъ сосѣдей.

— Что ты убиваешься? Кто тебя обидѣлъ?—вскричала старуха, кидаясь къ постели, на которую, при ея появленіи, бросилась съ громкимъ рыданіемъ ея маленькая госпожа. — Кто? Кто посмѣлъ? Скажи только, я ему задамъ!—продолжала она, не дождавшись отвѣта.—Изъ людишекъ, что ли, приказанія твоего кто не исполнилъ? Кто? Навою только, сейчасъ прикажу на конюшнѣ выпоротъ. У меня это живо, не посмотрю, что ночь на дворѣ. Какъ при покойномъ баринѣ, такъ и безъ него, все равно... Одна ты здѣсь хозяйка, все твое...

Но Кукла продолжала рыдать, зарываясь головой въ подушки, и Демьяновна, убѣдившись, что слова ея не дѣйствуютъ, не на шутку затревожилась.—Болитъ у тебя что? Ужъ не зубки ли? Боже упаси! Сейчасъ за старымъ мельникомъ пошлю, мигомъ заговорить...

Она бросилась было къ двери, но Кукла объявила прерывающимся отъ слезъ голосомъ, что у нея ничего не болитъ, и старуха вернулась, присѣла къ ней на кровать и, приглаживая морщинистой рукой разметавшіяся по подушкѣ черныя кудри своей воспитанницы, приподняла ея головку и, любовно заглядывая ей въ глаза, нѣжно проговорила:

— По папенькѣ, вѣрно, сгрустнулось, солнышко! а мнѣ, старой дурѣ, и не въ догадку! Такъ ужъ мы тутъ захопотались, такой у насъ теперь ералашъ въ домѣ, что про покойника всѣ забыли; одна ты, разумница, слезы по немъ льешь. Полно, разлапушка, полно, погоревала, и будетъ, не порти себѣ глазки. Ишь вѣдь какъ ты ихъ наплакала! Дай я тебѣ ихъ холодной водицей обмою. Вотъ такъ! Ну, теперь опять засверкали, какъ звѣздочки на темномъ небушкѣ.

— Няня, ты не лжешь, у меня вправду глаза хороши? — спросила съ смущенною улыбкой Кукла.

— Господи, Боже мой! Мать, Царица небесная! Да такихъ глазъ ни у кого въ мірѣ, даже у покойницы твоей маменьки не было, а ужъ на что была красавица!

— У Маши лучше...

— Лучше?— вскричала съ негодованіемъ старуха.— Перекрестись, матушка! Да ты только оглянись кругомъ, у всѣхъ нашихъ дѣвокъ такіе-то глаза, какъ у Машеньки, всѣ онѣ сѣроглазья, всѣ до одной: и Дунька, и Полька, и Надька, и Ольгушка...

— А какая Маша бѣленькая да розовая!

— Жирна, потому и бѣла. Дай срокъ, не такая еще будешь, какъ въ настоящее тѣло войдешь.

Катя утерла слезы.

— А моя маменька такая же, какъ я, была черная да худая, когда ей было четырнадцать лѣтъ? — спросила она, ласкаясь къ старухѣ.

— Еще чернѣе была. Да что! Головешкой въ домѣ звали. Ужъ такая была невзрачная, что къ гостямъ и не выводили. Думали, въ старыхъ дѣвкахъ останется, и приданого ей не стоитъ пить, а она, моя голубушка, точно всѣмъ на зло, какъ развернется вдругъ красавицей, да еще какой! На сестрицъ-то ейныхъ и смотрѣтъ-то никто не хотѣлъ при ней. Пополнѣла, побѣлѣла, на щечкахъ румянецъ заигралъ, губки что твои вишенки. А ума, вотъ какъ и у тебя,—палата! Что ни скажетъ, все кстати. Страсть, шустрая! Другая еще раздумываетъ, да ежится, да робѣетъ, а она такъ и брѣетъ, такъ и брѣетъ языкомъ. Никому отъ нея не было спуску. Папенька какъ увидалъ ее, такъ и влюбился. На другой же день свататься пожаловалъ. Стали было нашу умницу отговаривать: старъ, говорятъ, въ дѣды тебѣ годится. Никого не послушала. Ну, ужъ и барыня же изъ нея вышла! Такъ подтянула весь домъ, что дохнуть никто не смѣлъ. Не даромъ супругъ-то по ней такъ убивался.

— И она вдругъ такъ похорошѣла?—спросила Кукла дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ и съ восторженно сверкавшими глазами.

— Вдругъ, моя королевна, вдругъ, — подхватила старуха,—еще за годъ передъ тѣмъ головешкой ее кликали, а къ веснѣ, какъ роза подъ утренней росой, распустилась. И откуда что взялось, вытянулась, пополнѣла, какъ яблочко, налилась.

— И ростомъ стала больше?

— Какъ же, какъ же! Такъ выросла, что всѣ платья пришлось дѣвчонкамъ отдать, ни одно въ грудь не сходилось, а юбки до колѣнъ.

— Такъ и я, значить, красавицей буду! — вскричала дѣвочка. И вѣ себя отъ радости она кинулась обнимать пророчицу, посулившую ей исполненіе завѣтнѣйшей ея мечты: затмить всѣхъ красотою.

— А братецъ Леонтій знаетъ, что я буду красавицей, какъ ты

думаешь, няня? — снова обратилась она къ Демьяновнѣ послѣ небольшого раздумья.

Вопросъ этотъ озадачилъ Демьяновну. Новый хозяинъ Коржина казался ей теперь далеко не тѣмъ человѣкомъ, какимъ она его считала раньше. Отъ прежней простоты и ласковости, плѣнившей ее въ послѣдній его прїѣздъ, не осталось и слѣда. Все ярче и ярче выступало его сходство съ покойнымъ старымъ баринѣмъ; ту же недовѣрчивую сухость сердца и холодную жестокость къ людямъ усматривала она подъ личиною добродушія, которою онъ могъ обмануть всякаго, исключая ее; та же алчность и себялюбіе.

Не получивъ отвѣта на свой вопросъ, Кукла нетерпѣливо переспросила:

— Няня, что жъ ты молчишь, братецъ Леонтія знаетъ, что я буду красавицей?

— Какъ, поди чай, не знать, всё это знаютъ, — торопливо отвѣчала старуха.

Отвѣтъ этотъ не удовлетворилъ Куклу. Настаивать она не стала, но съ этихъ поръ еще съ большимъ любопытствомъ начала прислушиваться и приглядываться къ своему опекуну, подмѣчая малѣйшій оттѣнокъ въ выраженіи его лица и въ голосѣ, когда онъ смотрѣлъ на нее или обращался къ ней съ какимъ нибудь пустымъ вопросомъ или замѣчаніемъ.

И чѣмъ больше она на него смотрѣла, чѣмъ внимательнѣе слушала его, тѣмъ красивѣе, умнѣе и обаятельнѣе казался онъ ей.

И чувство зависти къ его превосходству со дня на день все глубже и глубже вкоренялось ей въ сердце, сливаясь съ смутнымъ желаніемъ отомстить ему за презрѣніе и холодность, которыя онъ ей оказываетъ въ такое время, когда она осиротѣла, чувствовала себя одинокой и жаждала ласки и сочувствія только отъ него; отъ всѣхъ же остальныхъ она отвергивалась, никому не позволяя утѣшать себя, а онъ нарочно, чтобъ только мучить ее (она была въ этомъ увѣрена), не обращаетъ на нее ни малѣйшаго вниманія, притворяется, что не замѣчаетъ ея и по цѣлымъ днямъ забываетъ объ ея существованіи. Если она не заболѣла въ то время отъ безсильной злобы, то, благодаря только подъему нервовъ, поддерживающему въ ней силу воли и экзальтацію, да надеждѣ, со временемъ, за все отплатить своимъ мучителямъ. Характеръ ея измѣнился: она сдѣлалась задумчива и молчалива, ни къ кому не придиралась, ко всему относилась равнодушно и по цѣлымъ часамъ проводила одна съ книгой, которую она читала, упершись взглядомъ въ пустое пространство и, по временамъ, улыбаясь про себя чуднымъ видѣніямъ, мелькавшимъ въ ея воображеніи.

Всѣ были убѣждены, что она тоскуетъ по отцѣ и отъ предстоящей разлуки съ домомъ, въ которомъ протекло ея дѣтство, вспоминая счастливые годы, проведенные въ немъ, а она столько же

думала объ этомъ прошломъ, сколько о прошлогоднемъ снѣгѣ, и всей своей страстной душой рвалась къ будущему. Какъ растеніе преждевременно развивается въ тепличной атмосферѣ, такъ и душа ея въ атмосферѣ нравственныхъ мукъ преждевременно созрѣла въ эти нѣсколько недѣль. Тѣломъ она все еще оставалась ребенкомъ, но мыслила, чувствовала и страдала, какъ женщина, однако дѣлиться мыслями и чувствами не хотѣла ни съ кѣмъ, и съ такимъ холоднымъ презрѣніемъ отталкивала отъ себя всякую попытку выказать ей жалость и сочувствіе, что даже добродушная Маша перестала надоѣдать ей утѣшеніями и ласками.

Разъ какъ-то, недѣли три послѣ пріѣзда новаго владѣльца Коржина, проходя мимо растворенной двери балкона, на которомъ въ ожиданіи ужина сидѣлъ Леонтій Артемьевичъ съ сестрой, Кукла услышала свое имя и съ бьющимся сердцемъ остановилась, желая узнать, что про нее говорятъ.

— Она совсѣмъ другая была при папенькѣ, — возразила на какое-то замѣчаніе брата Лизавета Артемьевна.

— Поняла вѣрно, что такъ шумѣть и буянить, какъ при немъ, ей ужъ теперь нельзя, — сказалъ съ холодною сдержанностью Леонтій Артемьевичъ. — Заступиться за нее некому; кромѣ ненависти, никто къ ней здѣсь ничего не чувствуетъ.

— Правда, — согласилась Лизавета Артемьевна.

— Настоящая Кукла, — презрительно отозвался ея братъ.

— Знаете, братецъ, вѣдь и люди ее такъ зовутъ промежь себя, — вставила его собесѣдница.

— Да, кличка по ней. Была Куклой и всю жизнь останется Куклой, — съ короткимъ смѣхомъ замѣтилъ онъ.

Они беззаботно заговорили о другомъ, не подозрѣвая, что въ двухъ шагахъ отъ нихъ стоитъ эта самая Кукла; что ее то въ жаръ, то въ холодъ бросаетъ отъ ихъ словъ, что она прижимаетъ руки къ груди, чтобы сдержать вопль отчаянія, рвущійся изъ нея, и дрожить отъ злобы и ненависти.

Вскорѣ ночная свѣжесть заставила ихъ встать и войти въ домъ, но у двери балкона не было ужъ никого; Кукла убѣжала въ свою комнату.

Когда лакей вошелъ объявить, что барышня Катерина Артемьевна купать не желаютъ, никому и въ голову не пришло догадаться, въ какомъ нервномъ состояніи находилась она въ то время, и какая причина тому, что истерической спазмой ей такъ сдавило горло, что она не въ силахъ пропустить даже глотка воды.

На другой день утромъ, входя въ комнату своей воспитанницы, Демьяновна нашла ее такою блѣдною и съ такими синяками подъ глазами, что испугалась. Но Кукла такъ сердито объявила, что она ей надоѣла своими разспросами, что старуха смолкла на полусловъ и только смотрѣла на нее глазами, полными мольбы и тревоги.

— Молчи и дѣлай, что я тебѣ приказываю,—говорила барышня, отчеканивая отрывисто слова и не раздвигая угрюмо сдвинутыхъ бровей.

— Все, красавица, сдѣлаю, какъ изволишь приказать,—покорно вымолвила няня.

— Я не хочу, чтобъ меня больше звали Куклой, слышишь?

— Солнышко! Да кто же смѣлъ...

— У меня христіанское имя есть. Зовутъ меня Екатериной Артемьевной Коржиной,—прервала ее барышня, возвышая голосъ.— И за глаза, чтобъ не смѣли Куклой звать, слышишь?

Взглядъ ея сверкалъ гнѣвомъ, голосъ дрожалъ отъ сдержаннаго волненія.

— Не посмѣютъ, лапушка, не посмѣютъ.

— И вотъ что еще, я хочу, чтобъ братецъ Леонтіи Артемьевичъ это зналъ, понимаешь?

— Все будетъ, какъ ты желаешь, пташечка моя, не изволь покоиться.

И Демьяновна сдержала свое обѣщаніе. Какъ изловчилась она найти доступъ къ молодому барину, вѣчно занятому дѣлами, или окруженному гостями, такъ и осталось тайной, но порученіе своей госпожи она исполнила. Въ тотъ же день, прогуливаясь вечеромъ съ сестрой по террасѣ, Леонтіи Артемьевичъ, между прочимъ, сказалъ:

— Нашъ вчерашній разговоръ, кажется, подслушали.

— Кто? — съ испугомъ спросила Лизавета Артемьевна. — Неужели?..

— Она самая. Изволили обидѣться за то, что непочтительно отзываются о ней, Куклой зовутъ. Выразила неудовольствіе и требуетъ, чтобъ этого больше не было.

— Правда, она ужъ не маленькая,—согласилась Лизавета Артемьевна, не замѣчая ироніи, звучащей въ тонѣ брата.

V.

Куклу, или, какъ ее теперь называли по приказанію опекуна, Катерину Артемьевну, встрѣтили въ Петербургѣ болѣе чѣмъ холодно.

Разказы о ней гувернантки, высланной по ея милости изъ Коржина (къ которой, невзирая на запрещеніе мужа, Марья Алексѣевна послала m-me Белькомбъ за свѣдѣніями о дочери), письма Маши, Лизаветы Артемьевны и самого Леонтія Артемьевича, настоятельно твердившаго въ каждомъ своемъ посланіи о необходимости устроить совершенно особнякомъ любимицу покойнаго отца, все это не могло не смущать Марью Алексѣевну и не развивать въ ней чувства непріяни и недовѣрія къ существу, нарушавшему такимъ рѣзкимъ образомъ скромную, полную лишений, но тихую и богатую невинными радостями жизнь ея семьи. Мужъ ея

писалъ ей о передѣлкахъ въ домѣ, о необходимости роскошной обстановки и о возобновленіи связей съ высшимъ обществомъ, съ которыми они много лѣтъ какъ порвали всякія сношенія, придя къ сознанию, что поддерживать эти знакомства имъ не по средствамъ. При этомъ, конечно, упоминалось о выгодахъ новой, блестящей жизни для ихъ собственныхъ дѣтей; имъ открывалась возможность пользоваться уроками лучшихъ учителей въ городѣ, которыхъ пригласятъ для Куклы, кататься въ экипажахъ, которые необходимо завести для нея, а черезъ годъ Маша съ Соней будутъ съ нею выѣзжать въ свѣтъ при такой обстановкѣ, о которой онѣ раньше и мечтать не могли. Наконецъ и мальчики много выигрывали отъ перемѣны въ условіяхъ ихъ домашней жизни; кто же не знаетъ, что безъ связей и знакомствъ съ высокопоставленными людьми молодому человѣку, даже при самомъ блестящемъ воспитаніи, очень трудно сдѣлать карьеру? Теперь, когда весь ихъ домашній обиходъ будетъ оплачиваться Куклой, сыновей Леонтія Артемьевича не трудно будетъ содержать въ дорогомъ гвардейскомъ полку, а дочери и безъ приданого замужъ выйдутъ.

Марья Алексѣевна не могла этого не сознавать, но, тѣмъ не менѣе, сердце ея тоскливо сжималось при мысли о томъ, какую цѣной придется ей заплатить за всѣ эти блага, и самолюбіе ея страдало отъ сознанія, что дѣти ея будутъ обязаны своимъ благосостояніемъ не родителямъ, а дѣвочкѣ, однихъ лѣтъ съ ними, совсѣмъ имъ чужой по душѣ и которая всѣмъ, кто ее знаетъ, сумѣла внушить ненависть къ себѣ.

Къ довершенію всего, вѣсть о странномъ завѣщаніи старика Коржина разнеслась по городу; родные и знакомые старшихъ его сыновей и дочерей безпрестанно пріѣзжали къ Марьѣ Алексѣевнѣ за справками, правду ли говорятъ, будто онъ разорилъ дѣтей отъ первой жены, чтобъ обогатить меньшую свою дочь, и если эта дѣвочка такого злаго и капризнаго нрава, какъ увѣряютъ близко стоящіе къ ней люди, какъ могла согласиться Марья Алексѣевна воспитывать ее вмѣстѣ съ своими дѣтьми?

— Вѣдь вы рискуете, что она вамъ ихъ всѣхъ перепортитъ! Да я бы, кажется, мильона не взяла за такую обузу! Разумѣется, воля отца священна, но вѣдь на все есть границы, и обязанности къ дѣтямъ должны стоять на первомъ планѣ...

На замѣчанія эти, градомъ сыпавшіяся на нее со всѣхъ сторонъ отъ людей, считавшихъ, благодаря родству, своимъ правомъ высказывать ей непріятныя истины и предлагать неделикатные вопросы, Марья Алексѣевна не знала, что возражать, и отъ смущенія и волненія заболѣла.

«Пріѣзжай скорѣе, мой другъ», — умоляла она въ каждомъ письмѣ мужа, — «ты представишь себѣ не можешь, какъ всѣ почтенныя люди осуждаютъ насъ за то, что «la petite» будетъ у насъ

жить, и мы будемъ пользоваться ея состояніемъ. Да и, признаться сказать, не понимаю я, какъ мы справимся съ затрудненіями, которыя намъ предстоятъ съ нею. Самъ же ты говоришь, что она своевольна, безсердечна и упряма, и къ этому прибавляешь, что ни въ чемъ не надо ей противорѣчить; какъ же ее воспитывать послѣ этого?»

Въ другомъ письмѣ она жалуется на трудность найти гувернантку для Куклы, которую она называетъ «la petite» или «она», избѣгая почему-то произносить ея имя. «Ты не желаешь, чтобъ м-ше Белькомбъ принимала участіе въ дѣлѣ ея воспитанія, и я тебя въ этомъ понимаю какъ нельзя лучше, но гдѣ найти такую особу, на которую можно было бы вполнѣ положиться, чтобъ она не распустила вредныхъ для насъ сплетенъ по городу, а главное, не становляла бы «la petite» противъ насъ еще больше»...

Это «еще» ясно указываетъ на то, что въ письмахъ своихъ Леонтій Артемьевичъ намекалъ на предубѣжденіе Куклы къ семьѣ своего опекуна. Изъ чего вывелъ онъ это заключеніе—неизвѣстно, такъ какъ изъ переписки его съ женой сохранились только ея письма, полныя тревоги, недовѣрія и страха передъ трудной задачей, завѣщанной имъ умирающимъ отцомъ.

Изъ этихъ писемъ можно также судить объ отношеніяхъ между супругами: они были настолько хороши, насколько могли быть между ангеломъ и чортомъ, связанныхъ между собой съ одной стороны нѣжной и преданной любовью, а съ другой—свѣтскими приличіями и традиціей, требующими отъ всякаго мужа изъ порядочнаго общества, чтобъ онъ уважалъ въ своей женѣ мать своихъ дѣтей, и во всѣхъ случаяхъ, касающихся ихъ семейной жизни, соизволялся бы съ нею и оказывалъ ей довѣріе.

Подобнаго рода отношенія существовали между ними уже семнадцать лѣтъ и, безъ сомнѣнія, сохранились бы въ томъ же видѣ до конца ихъ жизни, еслибъ судьба не бросила между ними яблока раздора въ лицѣ Куклы. Но случилось это не вдругъ, и первое время мы видимъ супруговъ Коржиныхъ въ полномъ согласіи во всемъ, что касается ихъ воспитанницы.

Гувернантку такъ и не нашли, да въ ней и надобности не оказалось. Приѣзжую помѣстили на верху одну, съ Демьяновной во главѣ цѣлаго штата людей. Устройствомъ и украшеніемъ ея комнаты занималась сама Марья Алексѣевна тѣмъ болѣе усердно, что это должно было избавить ее отъ другихъ проявленій вниманія, болѣе сердечнаго и интимнаго свойства.

Впрочемъ, и въ этомъ случаѣ тонъ былъ данъ Леонтіемъ Артемьевичемъ. Всю дорогу Катя была такъ угрюма и такъ невѣжливо относилась къ попыткамъ услужить ей или развлечь ее чѣмънибудь, что, наконецъ, по настоянію ея опекуна, всѣ перестали обращать на нее вниманіе, что приводило въ такую ярость Демьяновну,

сидѣвшую въ одномъ экипажѣ съ своей питомицей (маленькой дорожной каретѣ, выписанной изъ Парижа для Катерины Артемьевны еще покойнымъ ея отцомъ), что она всю дорогу не переставала изливать свою злобу на безчеловѣчныхъ гордецовъ, пренебрегающихъ завѣтами покойнаго родителя, поступая наперекоръ его волѣ, такъ ясно выраженной въ завѣщаніи, и обижаютъ бѣдную, безпомощную сиротку. Затѣмъ она принималась, утѣшать свою маленькую барышню, совѣтовала ей наплевать на всѣ эти обиды, ни въ комъ ничего не искать, и никому ничего не давая, ни отъ кого не ждать ни любви, ни ласки, ни участія.

— Богъ съ ними совсѣмъ, и безъ нихъ проживемъ, да еще какъ! Даль бы только Господь здоровья да терпѣнія, и дожить бы до того дня, когда женихъ хорошій найдется, — прибавляла она со вздохомъ.

Катя ей не возражала и, повидимому, соглашалась съ нею, но въ душѣ ея разыгрывалась страшная буря. Въ первый разъ въ жизни ей приходилось быть свидѣтельницей чужого счастья въ то время, когда тоска по всему, къ чему она привыкла съ рожденія, сознание одиночества и неизвѣстности на счетъ ожидавшей ее жизни въ чужой средѣ, жуткимъ чувствомъ угнетало ей душу. До сихъ поръ она была всегда предметомъ всеобщей заботы и вниманія; окружающіе должны были притворяться, что радуются ея радостями и огорчаются ея печалями. Никто не смѣлъ быть грустнымъ, когда ей было весело, и смѣяться, когда она была не въ духѣ, а теперь было наоборотъ; она видѣла, какъ расцвѣла Маша отъ надежды скоро очутиться между своими, слышала, какъ она громко и звонко хохочетъ, непринужденно болтая съ тетей Лизой, тоже постепенно оживавшей въ новой атмосферѣ независимости и свободы, къ которой она начинала уже мало-по-малу привыкать, забывая жестокий гнетъ, подъ которымъ изнемогала всю жизнь. Какъ дѣти, вырвавшіяся изъ темнаго карцера, дурачились онѣ, и все забавляло и радовало ихъ: шелестъ листьевъ въ лѣсахъ, черезъ которые онѣ проѣзжали, золотистыя нивы, мимо которыхъ мчали ихъ лихіе кони, и даже грозы и дожди, не разъ застававшіе ихъ на пути подъ открытымъ небомъ, — все радовало ихъ.

Катя оскорблялась этими проявленіями чужого счастья, какъ личной обидой для себя. Ей казалось, что и люди ея держатъ себя теперь свободнѣе и непринужденнѣе, чѣмъ прежде, тая въ себѣ злой умыселъ доказать ей, что они не признаютъ за ней ни прежней власти, ни прежнихъ правъ.

А Демьяновна, не переставая, подливала масло въ огонь своими причитаніями, припоминаніями и увѣщаніями оставаться вѣрной самой себѣ, никому не уступать, не поддаваться ни ласкамъ, ни угрозамъ, отвѣчать холодностью за холодность и жить мечтой о мщеніи.

— Дай срокъ, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ,—говорила она.— Вѣдь все твое, въ твоей будетъ власти все имъ припомнить и всего ихъ липить. Въ Питерѣ-то, поди чай, женихи ждутъ—не дождутся твоего пріѣзда, выбирай любого. Не посмотрятъ ни на твой ростъ, ни на худобу, съ руками оторвутъ. Такихъ-то невѣсть, какъ ты, и въ Питерѣ немного. Одного серебра сколько покойникъ, дарство ему небесное, тебѣ прикопиль! Приданнымъ восемь сундуковъ биткомъ набиты въ кладовой, и каждый сундукъ съ домъ. Брильянтовъ, жемчуговъ, всего вдоволь...

Когда Демьяновна принималась перечислять богатства своей барышни, время летѣло незамѣтно, и даже Ольгушка, горичная, торчавшая на сундучкѣ, среди горъ корзиночекъ и мѣшечковъ, переставала клевать носомъ, чтобъ слушать ея краснорѣчивыя розсказни о происхожденіи и стоимости каждой шали, куска матеріи и куска камешка въ драгоценныхъ уборахъ, составлявшихъ неотъемлемую собственность ея барышни, а барышня забывала на время свое одиночество, досаду и злобу, воображая себя на вечерахъ и балахъ, въ роскошныхъ нарядахъ, окруженной толпой блестящихъ поклонниковъ.

Поѣздъ состоялъ изъ пяти экипажей: вышеописанной дорожной каретки заграничнаго издѣлія, въ которой помѣщалась Катерина Артемьевна съ Демьяновной и Ольгушкой, коляски съ Лизаветой Артемьевной, Машей и двумя дворовыми дѣвками, прачкой и швеей, выбранными Куклой для себя изъ многочисленной отцовской дворни, легонькой брички, которую Леонтія Артемьевичъ занималъ одинъ, и двухъ повозокъ съ остальными людьми и вещами.

Для Леонтія Артемьевича путешествіе это было тоже знаменательно. Два мѣсяца тому назадъ ѣхалъ онъ по этому пути бѣднымъ чиновникомъ, рассчитывая каждую копейку, суживая свои расходы до минимума, тревожно размышляя о томъ, какъ пополнить онъ проруху въ бюджетѣ неожиданнымъ расходомъ на путешествіе, изъ-за котораго онъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ займу; теперь же онъ возвращался назадъ богатымъ человѣкомъ. Кромѣ завѣщаннаго ему родового имѣнія, составлявшаго предметъ его вождѣлннй съ тѣхъ поръ, какъ онъ позналъ цѣну и могущество денегъ, ему предоставлено было право пользоваться цѣлыхъ семь лѣтъ безконтрольно доходами Куклы.

Перспективы одна другой блестящѣе и обольстительнѣе развертывались передъ нимъ.

Чтобъ наверстать потерянное время, онъ, не медля ни минуты, измѣнить сѣренькій, безцвѣтный образъ жизни, который велъ до сихъ поръ.

Пора, ему вѣдь стукнуло ужъ тридцать семь лѣтъ; розовая юность давно миновала, скоро и молодость безвозвратно пройдетъ; надо торопиться, пока еще страсти не потухли, насладиться вѣснмъ,

чѣмъ наслаждаются люди съ его способностями, умомъ и темпераментомъ, имѣющіе то, чего онъ до сихъ поръ не имѣлъ — деньги.

Теперь онъ богатъ, и покажетъ себя. Всѣхъ, даже самыхъ крупныхъ богачей, за поясъ заткнетъ изяществомъ, вкусомъ, чувствомъ мѣры, всѣмъ тѣмъ, чего ни за какія деньги купить нельзя, и чѣмъ онъ обладаетъ въ избыткѣ отъ рожденія, по наслѣдству отъ предковъ.

Не разъ случалось ему, въ бессонныя ночи или корпя за скучными бумагами въ мрачной канцеляріи, улетать мыслями въ волшебное царство грезъ и представлять себѣ, что бы онъ сдѣлалъ, еслибъ вдругъ ему свалилось съ неба состояніе, и вотъ грезы осуществились наяву—онъ богатъ. Правда, что благополучіе его не полное; въ бочкѣ меда есть и капля дегтя; черезъ семь лѣтъ сестра его будетъ сама распоряжаться своимъ состояніемъ, а если выйдетъ замужъ, то и раньше, но на этихъ оговоркахъ Леонтіи Артемьевичъ не останавливался. Будущее не пугало его, ему казалось, что оно у него въ рукахъ и устроится такъ, какъ ему выгоднѣе и пріятнѣе.

Дѣвочка, порученная его попеченіямъ, внушала ему скорѣе гадливое чувство. Тщедушная, злая дурнушка, она производила на него впечатлѣніе безобразной козявки, которую ничего бы не стоило раздавить, еслибъ его благополучіе не обусловливалось ея существованіемъ. Сознать это ему было даже забавно, до такой степени ничтожна и беспомощна казалась ему маленькая злока, предметъ всеобщей ненависти, зависти и страха. Собственно, какъ личность, она для него не существовала, и въ его небрежномъ обращеніи съ нею не было ничего искусственнаго. Развѣ до ея совершеннолѣтія она не вполнѣ зависитъ отъ него? Онъ могъ сдѣлать изъ нея все, что хочетъ; оставить ее грубою дикаркой, которую ни въ одно порядочное общество нельзя будетъ показать, или исполнить волю отца и блистательно кончить нелѣпо начатое воспитаніе.

Какъ человѣкъ со вкусомъ, которому грубость столько же претитъ, сколько и пошлость, отцовская воля насчетъ ея воспитанія ему больше улыбалась. Не говоря уже о томъ, что и дѣти его отъ этого выиграютъ, онъ дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ и не желалъ служить мишенью сплетнямъ и пересудамъ, особенно первое время, когда обойденные въ пользу Куклы родственники будутъ зорко слѣдить за каждымъ шагомъ ея опекуна, высчитывая каждый грошъ, истраченный на ея воспитаніе.

— Пожалуйста, на учителей не экономничай, — говорилъ онъ женѣ, — приглашай самыхъ лучшихъ, чего бы это ни стоило. Вообще, денегъ не жалѣй, ихъ теперь у насъ много, — весело прибавилъ онъ.

— Но вѣдь это ея деньги, — робко напомнила ему жена.

— До ея совершеннолѣтія я всѣмъ распоряжаюсь, — рѣзко возразилъ Леонтіи Артемьевичъ.

— Но ты будешь обязанъ отдать ей отчетъ въ нихъ?

— Не безпокойся объ этомъ, къ тому времени мы будемъ богаче ея.

И, увидавъ испугъ, выразившійся на лицѣ жены, онъ разсмѣялся и шутливо прибавилъ:

— Я, какъ тотъ слуга въ евангельской притчѣ, удесятерю данный мнѣ господиномъ талантъ, чтобы всѣхъ васъ сдѣлать счастливыми и не быть ввергнутымъ въ темницу.

Но забоченность его слушательницы не разсѣивалась.— Съ «нею» очень трудно будетъ ладить,—вымолвила она, помолчавъ немного.

— А что? я тебя предупреждаю, настоящій волченокъ.

— Да, волченокъ, но волченокъ, который много думаетъ и сильно чувствуетъ. Къ сожалѣнію, чувства у нея жестокия, а мысли самыя превратныя.

— Изъ чего ты это успѣла вывести? Даже и дня нѣтъ, какъ она у насъ, всего только нѣсколько часовъ.

— О! мы съ первой минуты увидѣли, что она всѣхъ насъ ненавидитъ. Да она и не даетъ себѣ труда скрывать этого. Притворства въ ней нѣтъ ни малѣйшаго, въ этомъ ей надо отдать справедливость.

— Ну, чтожъ, спасибо хоть за это.

— Стѣснять себя она не привыкла ни въ чемъ, а принимать въ соображеніе чувства и желанія окружающихъ еще меньше,—печально продолжала Марья Алексѣевна.— Знаешь ли, что она сейчасъ сказала, увидавъ кровать Машы въ своей спальнѣ?

— Что-жъ она могла на это сказать? Развѣ въ Коржинѣ онѣ не вмѣстѣ спали?

— То въ Коржинѣ, а здѣсь она хочетъ быть одна съ своей нянькой. Мнѣ эта женщина очень не нравится, Леопсе. Я увѣрена, что она поджигаетъ ее противъ насъ и учитъ на всякомъ шагу выказывать свою самостоятельность и недовѣріе къ намъ.

— Если это такъ, ее надо удалить, вотъ и все.

— Она не захочетъ съ нею разстаться.

— А я тебѣ говорю, что эту старую чертовку я въ домѣ держать не стану! — запальчиво объявилъ Леонтій Артемьевичъ.— Что-жъ ты сдѣлала съ Машей, оставила ее на верху, я надѣюсь? — спросилъ онъ мягче.

— Да какъ же можно было ее тамъ оставить, когда Катерина Артемьевна изволила прямо объявить, что желаетъ спать одна въ своей спальнѣ, — съ горечью сказала жена.— И какимъ обиднымъ тономъ она произнесла эти слова, если-бъ ты только слышала? Точно наша дочь ниже ея...

У Марьи Алексѣевны подступили къ горлу слезы при воспоминаніи объ оскорбленіи, нанесенномъ ей ребенку, и голосъ ея оборвался на полусловѣ.

— При мнѣ она такимъ тономъ не посмѣла бы заговорить, я ей ужъ себя показалъ,— замѣтилъ мужъ.

— А я не могу... какъ хочешь... я не сумѣю быть съ нею иначе, какъ съ чужой... я ее боюсь,—прибавила Марья Алексѣевна, напрасно пытаясь выразить другимъ словомъ чувство, внушаемое ей ихъ новою питомицей.

— Ну, видно, мнѣ самому надо приняться за ея воспитаніе,— возразилъ со смѣхомъ Леонтій Артемьевичъ.

— Придется везти ее представлять роднымъ,— снова начала послѣ небольшого раздумья его жена. — Къ сестрицѣ Марѣ Артемьевнѣ, къ братцу Степану Артемьевичу, къ Савеловымъ, Зиновьевымъ и къ другимъ. Всѣ ею интересуются, нарочно ко мнѣ прѣзжали, чтобъ про нее разспросить.

— Разумѣется, ее надо всѣмъ показать. Пусть сами увидятъ, изъ-за какой птицы покойный батюшка ихъ всѣхъ съ носомъ оставилъ,—не переставая смѣяться, согласился Леонтій Артемьевичъ.

Въ тотъ вечеръ не въ одномъ только кабинетѣ, а и во всѣхъ углахъ дома шли толки въ томъ же духѣ, вездѣ говорили о прѣзжихъ.

Никому маленькая барышня не понравилась. На всѣхъ глядѣла она исподлобья, какъ волчонокъ, отвертываясь отъ привѣтствій съ угрюмою надменностью и недоувѣріемъ, не желая понимать шутокъ и обдавая такимъ сердитымъ взглядомъ каждаго, кто входилъ въ приготовленное для нея помѣщеніе съ предложеніемъ услугъ, что ее оставили одну съ Демьяновной и съ двумя дѣвушками, Ольгушкой и Пашкой, привезенными изъ Коржина.

— И дѣвки-то въ нее, такія же непривѣтливья,—говорили за ужиномъ въ людской.

— Демьяниновной школы.

— Что ужъ и говорить, каковъ попъ, таковъ и приходъ.

Камердинера Савку, ѣздившаго съ бариномъ въ Коржино, закидывали разспросами о томъ, что онъ тамъ видѣлъ и слышалъ, а также про духовное завѣщаніе стараго барина, при чтеніи котораго онъ присутствовалъ съ прочими дворовыми.

Савка подробно все рассказалъ, какъ старый баринъ больше половины состоянія своего предоставилъ Катеринѣ Артемьевнѣ и такъ подогналъ каждую статью, чтобъ всѣ отъ нея зависѣли, чтобъ изъ ея рукъ всѣ, значить, смотрѣли.

— И баринъ нашъ?—любопытствовали слушатели.

— Онъ-то въ первую голову за все и отвѣтчикъ,—объявилъ, боязливо озираясь по сторонамъ, Савка.

И вдохновляясь изумленіемъ своей аудиторіи, онъ сталъ описывать въ такихъ яркихъ краскахъ бывшее могущество маленькой барышни при покойномъ баринѣ, и какъ всѣ обитатели усадьбы и села, отъ мала до велика, трепетали передъ нею, что всѣ содрога-

лись, представляя себѣ, сколько зла и горя успѣло надѣлать это маленькое, тщедушное существо въ теченіе своей короткой жизни.

— Эдакая, можно сказать, півявка, отъ земли не видать, а злости въ ней больше, чѣмъ у взрослога человѣка,—замѣчали присутствующіе.

— Одной развѣ только Демьяновнѣ въ ненавистничествѣ уступить,—продолжалъ Савка.

— Про эту что говорить, язва извѣстная.

— Поди чай, какъ пообыкнетъ, да пооглядится, и здѣсь тоже попытается жало свое выпустить,—замѣтилъ кто-то.

— Ужъ это безпремѣнно,—подтвердили прочіе.

— Барышню-то нашу онѣ тамъ, слышь, совсѣмъ заклевали. Жаловалась она развѣ въ письмѣ маменькѣ на свое житье у дѣдушки, такъ ужъ барыня-то плакала, плакала...

— Ну, отдохнетъ теперь наша красавица. Какъ она, ласточка, всѣмъ намъ обрадовалась, и дѣвчонокъ-то всѣхъ перецѣловала.

— А когда кроватку ейную приказали сверху снести, даже въ ладошки захопали отъ радости, «опять, говорить, мы съ Соней вмѣстѣ будемъ».

— Какъ не обрадоваться! Сколько времени ласки ни отъ кого не видала, добраго слова ни отъ кого не слышала. Поѣдомъ, слышь, злюка-то ее ѣла съ вѣдьмой своей.

— Изъ зависти, небось; наша барышня передъ ней по всѣмъ статьямъ королева, всѣмъ взяла, и ростомъ и полнотой; бѣлая да румяная, а та худа, какъ щепка, черна, какъ галка, и никакой пріятности въ лицѣ нѣтъ.

— Барышня Софья Леонтьевна лучшія свои фарфоровыя куколки ей на столикъ поставила, такъ приказала унести, «не надо мнѣ, говорить, чужихъ вещей, своихъ много».

— Ишь ты!

— Да ужъ не даромъ злюкой прославилась. Барышню-то Лизавету Артемьевну какъ извела, страсть! Много-ль ей годовъ-то, а ужъ совсѣмъ старушкой выгладитъ, Христовой невѣстой.

— А, поди чай, тоже и за нее женихи сватались?

— Какъ не свататься! Изъ-за меньшей сестрицы покойный папенька всѣмъ отказывалъ, чтобъ было кому любимую его дочку пѣствовать.

— Грѣхъ-то какой, Господи!

— Что ужъ про грѣхъ говорить! Жутко вспомнить, сколько грѣха изъ-за нея на душу принято.

Репутація злюки такъ и закрѣпилась за Куклой.

Надо и то сказать, что она ничего не дѣлала, чтобъ измѣнить это мнѣніе.

Любимица Артемія Васильевича обладала одной изъ тѣхъ сильныхъ натуръ, въ которыхъ недоброжелательность ближнихъ развиваетъ не страхъ и не желаніе исправиться, а ненависть и злобу

ко всѣмъ. Одиночество не пугало ее, а только оскорбляло ее самолюбіе и возбуждало въ сердцѣ страстное желаніе показать, что оно ей не въ тягость. Только въ такіе дни она бывала довольна собой, когда ей удавалось грубо напомнить окружающимъ, что она здѣсь на особомъ положеніи и намѣрена всѣми силами сохранить его за собой. Не преминула она также дать почувствовать «сестрицѣ» (такъ называла она Марью Алексѣевну по мужу, котораго звала «братцемъ»), что ей извѣстны привилегіи, которыми обставилъ ее покойный отецъ, и что она ни за что и ни для кого въ мірѣ ими не поступится.

Впрочемъ, за исключеніемъ безтактнаго, ребяческаго чванства богатствомъ, навѣяннаго на нее совѣтами Демьяновны, безъ устали повторявшей ей, что только изъ-за денегъ ее будутъ беречь и уважать, и что если она сама за себя не постоитъ, всѣ начнутъ ею помыкать, какъ беззащитною сиротой, Кукла во всемъ прочемъ проявляла рѣдкое для своихъ лѣтъ благоразуміе.

Она объявила Марьѣ Алексѣевнѣ, что не хочетъ быть смѣшной, а потому никуда не поѣдетъ, пока ее не одѣнутъ такъ, какъ одѣваются дѣвушки ея возраста, и къ этому прибавила, что визиты эти, только самымъ близкимъ родственникамъ, будутъ въ этомъ году первыми и послѣдними, потому что ей надо учиться.

Вездѣ, куда ее ни привозили, она держала себя такъ сдержанно и говорила такъ мало, что не было никакой возможности осудить ее за дурныя манеры.

Природный умъ и сильный характеръ сквозили въ каждомъ ея словѣ и взглядѣ, а ужъ одно это отнимало охоту у самыхъ завзятыхъ зубоскаловъ глумиться надъ маленькою дикаркой.

Что же касается до ея образованія, то напрасно Леонтій Артемьевичъ воображалъ, что ему придется имъ руководить; она сама такъ усердно принялась учиться именно тому, что ей нужно было знать, чтобъ сравняться съ другими, что рвеніе ея надо было скорѣе удерживать, чѣмъ поощрять. Очень скоро, мѣсяцевъ черезъ шесть, перенала она, какъ въ наукахъ, такъ и въ музыкѣ и въ рисованіи, дѣтей своего опекуна; съ рѣдкою воспримчивостью хватала она на лету и усвоивала себѣ каждое слово учителей, и такъ строго наблюдала за собой, что даже при желаніи придратъ къ ея манерѣ держать себя и выражаться это было невозможно. При этомъ, она никому не подражала и развивалась совершенно самостоятельно, проявляя во всемъ какую-то обаятельную грацію, ничѣмъ не напоминающую условную грацію вымуштрованныхъ свѣтскихъ дѣвицъ. Все въ ней было своеобразно: и умъ, и чувства, и движенія. Съ перваго взгляда она всѣмъ казалась дурнушкой, но черезъ минуту трудно было оторвать глаза отъ ея лица, такъ много было въ немъ выраженія, такъ таинственъ и глубоко былъ взглядъ ея большихъ, темныхъ глазъ, такъ загадочна улыбка ея узкихъ, съ характерными извилинами, губъ.

— Une bouche en arc de cupidon, style tout à fait classique,—говорилъ про нее танцмейстеръ французъ, дававшій ей уроки. Онъ былъ въ восторгѣ отъ этой худой смуглянки съ длинными, несуразными руками и ногами, которая ходила, бѣгала и прыгала не такъ, какъ другія дѣти ея лѣтъ.

— Это олицетворенная грація, мнѣ нечему ее учить,—увѣрялъ онъ.

А когда ему замѣчали, что она дурна собой, онъ выходилъ изъ себя отъ досады. По его мнѣнію, надо было быть слѣпымъ, чтобъ не видѣть, что изъ этой дурнушки выйдетъ со временемъ.— Elle sera mieux que belle, vous verrez.

— Но когда же?—возражали ему.

— Когда?—подхватывалъ онъ съ раздраженіемъ.—Почемъ я знаю, можетъ быть, завтра. Она изъ тѣхъ, что распускаются вдругъ, какъ цвѣтокъ на солнцѣ. Видите это бѣлое пятнышко у нея на лбу, ну, я готовъ на что угодно держать пари, что наступитъ минута, когда оно исчезнетъ, слившись съ бѣлизной всего лица, шеи, рукъ, всего тѣла.

Надъ этимъ предсказаніемъ смѣялись, а между тѣмъ оно исполнилось въ точности.

VI.

Прошла осень и зима. Всѣ знакомые, пріѣзжавшіе навѣщать Марью Алексѣвну, спрашивали ее, скоро ли она поѣдетъ съ дѣтми въ деревню, разумѣя подъ этимъ словомъ завѣщанное имъ покойнымъ отцомъ родовое Коржино. Марью Алексѣвну вопросы эти раздражали, она не знала, что на нихъ отвѣтить.

И раньше мужъ не всегда дѣлился съ нею своими планами, желаніями и мечтами, а теперь...

Теперь она его почти не видѣла; пользуясь доставшимся ему состояніемъ, онъ совершенно измѣнилъ прежній образъ жизни; бросилъ службу, сталъ заниматься какими-то предпріятіями съ людьми, которыхъ встрѣчалъ въ клубѣ, а, можетъ быть, и въ другихъ мѣстахъ, но только не дома; ѣздилъ въ Саратовскую губернію осматривать имѣніе Кати, а также и въ Москву, гдѣ былъ домъ, завѣщанный дѣдомъ дочери его Машѣ; хлопоталъ, подыскивалъ новыхъ управляющихъ, завелъ себѣ подьячихъ, рыскавшихъ по его дѣламъ по палатамъ, канцеляріямъ и судамъ; завелись у него тяжбы во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ находились подвѣдомственные ему земли съ усадьбами и крестьянами. Знакомство его расширялось съ каждымъ днемъ; всюду сдѣлался онъ любимымъ гостемъ; за нимъ ухаживали и мужчины и женщины; въ немъ заискивали, считали за честь и удовольствіе принимать его запросто, какъ члена семьи, совѣтовались съ нимъ по разнымъ дѣламъ. У него завелось столько друзей и, по мнѣнію злыхъ языковъ, столько любовныхъ интригъ,

что удѣлять родной семьѣ хотя бы часть времени было для него невысказано.

Да онъ и не считалъ нужнымъ себя стѣснять и жертвовать своимъ удовольствіемъ для семьи. Съ такою женой, какъ Марья Алексѣевна, можно было быть покойнымъ насчетъ воспитанія дѣтей и веденія дома; она этому дѣлу неуклонно посвящала всю свою жизнь. Невзирая на счастливую перемѣну въ ихъ состояніи, подъ тѣмъ предлогомъ, что дочерямъ и Катѣ надо еще учиться, она вела такую же уединенную жизнь, какъ и прежде. По настоящему требованію мужа, она замѣнила обветшалую обстановку парадныхъ комнатъ новою и освѣжила туалеты себѣ и дочерямъ, но мебель стояла подъ чехлами, а платья висѣли безъ употребленія въ шкафахъ; ей было не до выѣздовъ, и къ себѣ принимать гостей не было ни времени, ни охоты.

Съ возрастающей тревогой слѣдила она за перемѣной, происходившей въ жизни мужа, въ его привычкахъ, чувствахъ и вкусахъ, спрашивая себя съ тоской: неужели ей предстоитъ мириться съ полнѣйшимъ его отчужденіемъ отъ семьи?

А отчужденіе это усиливалось съ каждымъ днемъ. Теперь онъ изрѣдка только обѣдалъ дома и возвращался такъ поздно ночью, что жена видѣла его только утромъ, на минуту, да и то не всегда. Онъ устроилъ себѣ спальню въ комнатѣ рядомъ съ кабинетомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что не желаетъ ее беспокоить.

Она страстно любила мужа, и лишиться его ласкъ было для нея тяжелымъ испытаніемъ, но, какъ женщина высокой нравственности и съ гордою душой, она перенесла бы это безропотно, еслибъ его охлажденіе къ ней не отражалось и на чувствахъ его къ дѣтямъ.

Онъ пристроилъ сыновей въ гвардейскій полкъ и безпрекословно платилъ учителямъ дочерей и Кати, но этимъ и ограничивалась его забота о семьѣ, и по одному тому, какъ разсѣянно освѣдомлялся онъ у жены, хорошо ли она себя чувствуетъ и довольна ли она послушаніемъ и прилежаніемъ дѣтей, можно было судить, какъ все это мало интересуется его. Часто, не дождавшись отвѣта, онъ заговаривалъ о другомъ, или, наскоро поздоровавшись съ нею, поспѣшно уѣзжалъ, не выражая ни малѣйшаго сожалѣнія, что не успѣлъ повидать дочерей.

О дѣлахъ его Марья Алексѣевна не имѣла ни малѣйшаго понятія. Если судить потому, какъ онъ разбрасывалъ деньги, доходы ихъ должны были быть очень значительны; дня не проходило, чтобъ не приносили изъ магазиновъ купленные имъ вещи, картины, бронзу и т. п. Привозилъ онъ также своимъ домашнимъ дорогіе подарки, всегда некстати, выбранные безъ любви и участія, не столько для того, чтобъ ихъ обрадовать, сколько для того, чтобъ не упрекнули его въ равнодушіи и забывчивости.

Эти безтолковыя траты приводили Марью Алексѣевну въ отчая-

ніе и пугали ее. Безгласная свидѣтельница постепеннаго разоренія отца, прожившаго до послѣдней копейки огромное состояніе, доставшееся ему отъ предковъ, она съ ужасомъ видѣла, что и мужъ ея идетъ тою же скользкою тропинкой къ гибели, съ тою только разницей, что князь Лубенскій разматалъ свое состояніе, а Леонтій Артемьевичъ тратитъ чужое. Несчастливая женщина холодѣла при мысли о будущемъ, и жить подъ одною кровлей съ тѣмъ самымъ существомъ, которое черезъ нѣсколько лѣтъ потребуетъ отъ опекуна строгаго отчета въ имущество, оставленномъ ей отцомъ, и будетъ неумолимо преслѣдовать его, если имущество это не возвратятъ ей въ цѣлости, было такъ мучительно для нея, что отъ постоянного раздраженія она становилась несправедлива и придирчива ко всѣмъ окружающимъ, а также, конечно, и къ виновницѣ ея несчастій—къ Катѣ. Она равнодушно слышать не могла похвалы ея уму и талантамъ; сердце ея сжималось злобѣщей тоской, когда обращали ея вниманіе на то, какъ дѣвочка выравнивается и хорошеетъ. Всего же болѣе ужасало ее то, что, сознавая всю гнусность и грѣховность своихъ чувствъ, она тщетно боролась съ собой и молила Бога о помощи противъ врага рода человѣческаго, искушавшаго ее такъ жестоко. Единственно, чего она въ силахъ была достигнуть, это умѣнья скрывать въ глубинѣ души терзавшія ее чувства и обращаться съ своей питомицей кротко и ласково.

Но всѣ дѣти, даже самыя тупыя, обладаютъ способностью угадывать чувства, питаемыя къ нимъ окружающими, что же мудренаго, если Катя съ ея, не по лѣтамъ, болѣзненно развитымъ самолюбіемъ и подозрительностью понимала, что Марья Алексѣевна ненавидитъ ее, и платила ей тѣмъ же?

Впрочемъ, она никого не любила въ домѣ опекуна и продолжала всѣхъ чуждаться. Но еслибъ у нея спросили причину этого отчужденія, врядъ ли она сумѣла бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Никакого зла никто ей здѣсь не дѣлалъ, никто ей ни въ чемъ не мѣшалъ, и если учили ее исправляться отъ дурныхъ привычекъ, то самымъ деликатнымъ образомъ, а отнюдь не оскорбительными замѣчаніями или язвительными насмѣшками, какъ она опасалась, когда бѣжала сюда.

При умѣ и наблюдательности Катя была одарена отъ природы такимъ тонкимъ и изящнымъ вкусомъ, что съ первой же минуты поняла разницу между обстановкой, окружавшей ее со дня рожденія въ Коржинѣ и той, въ которой она очутилась теперь, и, какъ сказано выше, она съ изумительною быстротой приспособилась къ ней; отучать ее отъ грубыхъ хватокъ и рѣзкихъ выраженій не пришлось; она сама отъ нихъ отстала, научилась владѣть собой и скрывать свой гнѣвъ и досаду подъ личиной спокойнаго равнодушія, сдѣлалась со всѣми, даже съ прислугой, вѣжлива, обдумывала каждое слово, прежде чѣмъ произнести его, однимъ словомъ, по

внѣшности, мало чѣмъ отличалась отъ своихъ подругъ. Отдыхала она отъ нравственной ломки, давая полную волю своимъ душевнымъ порывамъ только наединѣ съ Демьяновной, которая, невзирая на угрозу Леонтія Артемьевича удалить ее изъ дому, продолжала жить при своей маленькой барышнѣ и, какъ собака, спать на полу у ея кровати, не переставая возстановлять ее ехидными наговорами противъ окружающихъ.

Въ домѣ всѣ это знали. Всѣ были такого мнѣнія, что пока Демьяновна при ней, Кукла будетъ враждебно относиться и къ опекуну своему и къ его семьѣ.

Не могла этого не знать и Марья Алексѣевна. Почему же не удаляла она эту язву? Потому ли, что, сознавая свое безсиліе приручить странное созданіе, ввѣренное ея попеченію, ей претило лишать ее единственнаго существа, къ которому она была привязана и которое страстно любило и ревниво оберегало сироту? А, можетъ быть, она боялась раздражить ее и этимъ навлечь на свою семью новыя бѣды; такъ или иначе, но объ удаленіи Демьяновны не было и рѣчи.

Надо и то сказать, что старуха держала себя очень осторожно и такъ тщательно избѣгала столкновеній съ многочисленною дворней, что ее давно ужъ всѣ перестали опасаться.

При ней не стѣснялись болтать и про господъ. Черезъ приближенныхъ барыни и барина она знала, что между ними, со дня на день, все меньше и меньше ладу, что барыня частенько по ночамъ плачетъ и въ постоянной тревогѣ за барина.

— А кабы она все знала, такъ и не такъ бы еще безпокоилась, — сказалъ однажды въ людской за ужиномъ Савка.

Всѣ насторожили уши.

— Полюбовницу, вѣрно, завелъ? — спросила одна изъ слушательницъ. — Давно ли? Изъ какихъ? Разсказывай, чего боишься, — подхватили другіе.

Савка свистнулъ.

— Про эти дѣла разсказывать, до завтраго не кончишь. Мы этимъ самымъ мамзелямъ, танцоркамъ да актеркамъ иностранной націи, и счетъ потеряли, кажинный день новая; на это, можно сказать, не стоитъ и вниманія обращать.

— А что же еще?

— Въ карты сталъ шибко играть. На прошлой недѣлѣ три тысячи спустилъ въ одинъ присѣсть, вотъ что, — объявилъ разсказчикъ.

Всѣ были такъ поражены, что никому не пришло въ голову замѣтить, какъ нахмурилась Демьяновна и какъ злобно сверкнули ея глаза.

— Сегодня отыгрываться поѣхаль, да гдѣ ужъ! — продолжалъ Савка.

— А, можетъ, и отыграется, онъ вѣдь у насъ шустрый, — весело замѣтилъ фрейторъ.

Всѣ на него молча покосились.

— Деньги-то заплатилъ что ли?—полюбопытствовалъ кто-то изъ толпы.

— Всеконечно заплатилъ, ужъ безъ того нельзя.

— Съ собой, значить, были?

— Съ собой. Какъ играть ѣдетъ, всегда много денегъ беретъ. Въ бумажникъ нѣсколько тысячъ ассигнаціями наложить да цѣлый кошелекъ золотомъ набить.

— И всегда проигрываетъ?

— Зачѣмъ? Случается, что и выигрываетъ. Ужъ мы это съ Гришкой изловчились по его голосу угадывать; звонкій голосъ — выигралъ а хрипите, такъ ужъ, значить, продулся. Такъ ли я говорю, Гришка?—подмигнувъ онъ казачку, сидѣвшему въ противоположномъ концѣ длиннаго стола.

— Такъ, дяденька Савва Трифонычъ,—поспѣшилъ отозваться, ослабляясь, мальчикъ.

Слушатели расхохотались.

— Извернется, шустрый,—повторилъ фореиторъ.

— Это еще старуха надвое сказала,—угрюмо замѣтилъ старикъ поваръ изъ княжеской дворни, отданный въ приданое за барыней.— Хуже этихъ самыхъ проклятыхъ картъ ничего нѣтъ на свѣтѣ. Доколь нашъ старый князь, царство ему небесное, на столъ да на бабъ моталъ, все еще ничего, съ грѣхомъ пополамъ держались, а какъ завелись у насъ карты, ну, все и спустилъ. Не успѣли опомниться, какъ ужъ ничего не осталось. Чистое разореніе эти карты.

Всю ночь проворочалась съ боку на бокъ Демьяновна, безъ сна и въ мучительномъ раздумьи. Что какъ Леонтіи Артемьевичъ все богатство ея маленькой барышни протранжирить? Судись потомъ съ нимъ, да что толку-то? Чего нѣтъ, того ужъ не вернуть, хоть казни его. Замужъ бы ее скорѣе выдать, чтобъ было кому за ея интересы стоять, а то, вѣдь, одна одинешенька, сиротинушкой на бѣломъ свѣтѣ живетъ. Другаго способа спасти отъ разоренія свою любимицу Демьяновна не видѣла, а между тѣмъ никто объ этомъ не думаетъ и не заботится; чѣмъ жениховъ барышнямъ подыскивать, ихъ за уроками морятъ, и, кромѣ учителей, онѣ никого не видятъ. А Леонтію Артемьевичу это и на руку, чѣмъ дольше некому будетъ съ нею отчета требовать, тѣмъ для него лучше.

— Когда же ты, наконецъ, кончишь учиться?—спросила Демьяновна подъ впечатлѣніемъ этихъ мыслей у своей питомицы, расчесывая ей утромъ всклооченныя кудри, передъ зеркаломъ, на которое, углубленная въ книгу и повторяя вполголоса стихи Корнелия, дѣвочка не поднимала глазъ.

— Не знаю,—разсѣянно отвѣчала Катя.

— Пора бы и знать, слава Богу, не маленькая, скоро пятнадцать лѣтъ стукнетъ, въ твои лѣта ужъ замужъ выходятъ, а ты все за книжками.

— Отстань,—нетерпѣливо оборвала ее Катя.

— Чтожъ и отстану. Отстать не долго, а только съ кѣмъ ты-то останешься, какъ я тебя брошу?—продолжала ворчать старуха.—Съ сестрицей да съ барышнями не больно что-то дружишь. Косишься на нихъ, а имъ и горюшки мало. Прошло то время, когда всѣ тебѣ въ глаза-то смотрѣли, да объ одномъ только и думали, какъ бы тебѣ угодить...

Чтобъ заставить ее смолкнуть, Катя, возвышая голосъ, повторяла: «A reine nous sortions des portes de Trésène...». Но старуха не унималась.

— Нечего тамъ. Мнѣ глотку-то не заткнешь, какъ другимъ, я твоему родителю на смертномъ одрѣ клятвой обѣщалась тебя и добро твое беречь...

«Il était sur son char. Les gardes...»

— А тутъ норовятъ какъ бы тебя ограбить...

«Imitaient son silence autour de lui rangés»...

— Ладно, ладно, кричи себѣ, меня крикомъ не испугаешь. Я, если что, и до царя не побоюсь дойти... такого закона нѣтъ, чтобъ сироту разорять...

— Кто меня разоряетъ?—спросила Катя, бросая наконецъ книгу и гнѣвно сдвигая брови.

— Извѣстно кто, братецъ Леонтій Артемьевичъ, опекунъ твой.

— Перестань врать!

— Чего мнѣ врать-то, какая корысть? У кого хочешь спроси, всякъ тебѣ скажетъ, что первымъ таперъ картежникомъ въ городѣ сдѣлался; намеднись, три тысячи въ одну ночь проигралъ...

— Ну, хорошо, будетъ! Не хочу больше слушать объ этомъ,—объявила рѣшительнымъ тономъ дѣвушка.

Зажавъ уши, она сорвалась съ мѣста и принялась шагать по комнатѣ, декламируя выученные наизусть стихи.

— Вотъ и толкуй съ ней послѣ этого,—проворчала Демьяновна, уходя изъ комнаты и сердито захлопывая за собою дверь.

Она, можетъ быть, меньше бы сердилась, еслибъ знала, что произошло вчера передъ обѣдомъ въ большой гостиной. Катя стояла тамъ одна передъ только что выставленной балконной дверью и смотрѣла на залитой солнечными лучами палисадникъ, съ деревьями, покрытыми еще не распутившимися зелеными почками. Скованное сладкой истомой сердце ея билось сильнѣе обыкновеннаго, а въ умѣ непрерывною вереницей проносились загадочные образы, манящіе въ невѣдомую даль. Волнуемая таинственнымъ смятеніемъ, навѣваемымъ на душу дыханіемъ ранней весны, ей было и весело и грустно въ одно и то же время; хотѣлось плакать и смѣяться; хотѣлось ласки и любви, и никогда еще, съ тѣхъ поръ,

какъ она здѣсь жила, вотъ ужъ скоро годъ, не чувствовала она такъ горько своего одиночества. Всѣмъ она здѣсь чужая, и некому ей сознаться въ тоскѣ, безъ устали точившей ей сердце. Всѣ ее считаютъ злой, холодной, надменной, и никто не подозрѣваетъ, какъ она жалка и несчастна, какъ устала она ненавидѣть всѣхъ и никому не довѣрять. О, еслибъ кто нибудь открылъ ей свои объятія, съ какою радостью кинулась бы она въ нихъ!

Сама того не замѣчая, созрѣла она для любви и всѣмъ своимъ существомъ, каждымъ своимъ вздохомъ, каждой улыбкой, каждымъ движеніемъ и помысломъ безсознательно вызвала къ ней. Цѣлый міръ странныхъ, непонятныхъ ощущеній пробуждался въ ней, изумляя и вмѣстѣ съ тѣмъ пугая ее своею загадочностью. То ей хотѣлось пострадать за кого-то или за что-то, одѣться въ рубище и босикомъ идти по острымъ камнямъ и колючимъ терніямъ, пока не найдетъ тотъ, кого искала ее душа; то мечтала она о блаженствѣ поселиться въ хижинѣ на берегу моря и по цѣлымъ часамъ слушать шумъ отъ прибоя волнъ, слѣдя за ихъ пѣнистыми гребнями при лунномъ свѣтѣ, и чтобъ онъ былъ съ нею. То она видѣла себя съ нимъ въ дикомъ лѣсу, то въ роскошныхъ цвѣтникахъ, и онъ, надѣвъ на ее черныя кудри вѣнокъ изъ красныхъ розъ, любитъ ея и, взявъ ея руку и нѣжно пожимая ее, глядитъ ей пристально въ очи, проникая взглядомъ въ самую глубь ея сердца и наполняя его неземнымъ блаженствомъ. Но никогда она его не видитъ, а только чувствуетъ его присутствіе и слышитъ его голосъ, не ушами, а всѣмъ своимъ сладостно млѣющимъ существомъ. Часто плакала она отъ восторженнаго умиленія во время этихъ чудныхъ грезъ и, очнувшись отъ нихъ, спрашивала себя, усиливаясь вернуть отлетѣвшій отъ нея призракъ: что онъ ей сказалъ? Но на вопросъ этотъ отвѣтить некому, она опять одна, и опять злая тоска грызетъ ей сердце.

Учитель музыки изумлялся ея успѣхамъ. Съ нѣкоторыхъ поръ ея тонкіе, гибкіе пальцы извлекали изъ арфы удивительно сильныя и страстныя звуки. А старикъ французъ, преподававшій ей литературу, восхищался ея декламаціей. Раза два онъ говорилъ Марьѣ Алексѣевнѣ, что надо было бы *m-lle Catherine* учить пѣть.—*Elle aura une voix superbe, si on la lui développe.*

— *Oui, nous y penserons,*—отвѣчала г-жа Коржина,—*j'en parlerai à mon mari.*

Но ей о столькомъ надо было переговорить съ мужемъ при ихъ мимолетныхъ свиданіяхъ, что въ смущеніи своемъ она не знала, съ чего начать, и разставалась съ нимъ, не сказавъ ему ни слова.

А ему ужъ и подавно было не до Кати. Въ томъ водоворотѣ, въ который онъ бросился очертя голову, время летѣло съ неимоверною быстротой; ему казалось, что прошло всего только нѣсколько дней съ тѣхъ поръ, какъ онъ живетъ жизнью богатаго человѣка,

которому доступны всѣ земныя наслажденія, все, что можно купить на деньги и чего онъ былъ до сихъ поръ лишень: продажныя женщины, тонкія вина и карты. А между тѣмъ, для него наступило уже и разочарованіе: женщины, стоявшія ему очень дорого, не удовлетворяли его; вкусъ къ изящному и карточные проигрыши начинали беспокоить его, такъ какъ, благодаря имъ, онъ познакомился съ ростовщиками и позапуталъ свои дѣла, что для такого уравновѣшеннаго человѣка, какимъ былъ Леонтій Артемьевичъ, было крайнѣ неприятно, а къ довершенію всего частыя оргіи сильно расшатывали его здоровье. Никогда еще не чувствовалъ онъ такъ ясно, что ему не далеко до сорока лѣтъ, какъ въ эту зиму. Заглохнувшее было въ немъ честолюбіе начало пробуждаться. Что за несчастная была мысль выйти въ отставку именно въ ту минуту, когда фортуна улыбнулась ему, и когда всѣ пути къ блестящей карьерѣ для него открылись! Надо исправить эту ошибку и какъ можно скорѣе, а для этого снова сблизиться съ людьми, отъ которыхъ, не имѣя въ нихъ больше надобности, онъ за послѣднее время совсѣмъ отсталъ и, между прочимъ, съ женой. Разумѣется, по его приказанію, она поѣдетъ куда угодно и будетъ говорить, что онъ велитъ, но чѣмъ любовнѣе и довѣрчивѣе она къ нему будетъ настроена, тѣмъ больше пользы она принесетъ его дѣлу; и въ виду этого онъ рѣшилъ, что слѣдуетъ за нею поухаживать. Ему это было легко, она такъ обожала его! Стоило только сказать ей нѣсколько ласковыхъ словъ о томъ, что составляло единственный интересъ ея жизни— дѣти и хозяйство, чтобъ осчастливить ее и заставить забыть пережитое ею горе и безпокойство. Но Леонтій Артемьевичъ любилъ все дѣлать прилично и ни въ чемъ не терпѣлъ подумѣръ, считая это признакомъ узкаго ума и пошлости характера, а потому онъ явился къ женѣ съ повинной, откровенно признался въ томъ, что пренебрегалъ ею и дѣтьми, и просилъ отпустить ему этотъ грѣхъ, ради возвышенныхъ цѣлей, къ которымъ онъ стремился для пользы семьи.

— Ты и представить себѣ не можешь, сколько хлопотъ навязалъ мнѣ покойный отецъ съ этой опекой! Пришлось поить и кормить такихъ людей, которымъ въ другое время я бы и руки не подалъ,— объяснялъ онъ женѣ, сидя съ нею на маленькомъ диванѣ, въ ея спальнѣ.—Я былъ все это время въ какомъ-то чаду.

— Но теперь все это кончилось, да?—спросила она съ радостною улыбкой.

— Не совсѣмъ еще, но дѣла начинаютъ понемногу распутываться и приходятъ въ порядокъ настолько, что я, наконецъ, могу вспомнить и про васъ...

— Пора!

— Знаю я, милая, но право же я не такъ виноватъ, какъ ты думаешь.

— Я тебя не виню.

— Ну, что дѣти? хорошо учатся? Я про дѣвочек спрашиваю, вѣдь ихъ въ будущемъ году надо вывозить, и уже тогда имъ будетъ не до ученія.

— Знаю. Все идетъ хорошо, только вотъ уроки пѣнія...

— А развѣ онѣ еще не учатся пѣть?

— Нѣтъ. Я какъ-то говорила тебѣ объ этомъ передъ Рождествомъ, ты обѣщала найти учителя...

— И забыла! Эта зима промелькнула, какъ одинъ мигъ. Почему ты мнѣ еще разъ не напомнила?

— Когда же, Léonсе? Вѣдь мы совсѣмъ не видимся, вотъ ужъ четвертый мѣсяцъ, какъ ты не обѣдаешь дома.

— Правда, правда. Этого больше не будетъ.

— Кого же ты думаешь пригласить?—спѣшила она отклонить его мысли отъ непріятныхъ воспоминаній.

— Надо посоветоваться съ знающими людьми. Давно не была ты у Протасевыхъ?

— Давно.

— Съѣзди къ нимъ, душа моя. У нихъ всѣ дѣти занимаются музыкой, и старшая дочь поетъ. Да кстати ужъ и къ дяденькѣ Оедору Николаевичу заѣзжай. Мнѣ нужна его протекція; онъ хорошъ съ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

— Развѣ ты опять хочешь поступить на службу?

— А тебѣ это непріятно? Тебѣ бы не хотѣлось быть губернаторшей гдѣнибудь на югѣ, въ хорошемъ климатѣ?—спросилъ онъ шутливо.

— Ты знаешь, что это было всегдашнее мое желаніе.

— Чудесно. Но вдругъ губернаторомъ не сдѣлаютъ, надо еще здѣсь поработать и отличиться. Вотъ ты все это и объясни дяденькѣ, моя умница,—сказалъ онъ, цѣлуя ея руки.—Ну, а теперь о дѣтяхъ. У которой изъ двухъ лучше голосъ, у Маши или у Сони? Мнѣ всегда казалось, что у Сони будетъ контральто...

— Не знаю. Мосье Гильомъ въ такомъ восторгѣ отъ Кати, что про нашихъ и не говорить.

— Отъ Куклы?!

— Да. Онъ увѣренъ, что у нея будетъ прекрасный голосъ, если его развить. Да и вообще способности у нея ко всему изумительныя.

— Вотъ какъ!—произнесъ съ недоумѣніемъ Леонтій Артемьевичъ.

— Давно ли учится, а нашихъ во всемъ перещеголяла.

— Уже и перещеголяла! Тебѣ это такъ кажется, можетъ быть?

— О, нѣтъ!

— Это она играла на арфѣ недѣли двѣ тому назадъ, рано утромъ?—съ живостью спросилъ онъ.

— Въ которомъ часу?

— Въ восьмомъ. Темно еще было. Я проснулся, вставать было рано, и отъ нечего дѣлать я сталъ прислушиваться къ музыкѣ въ залѣ.

— Да, это она играла. Машинъ часъ отъ десяти до одиннадцати, а Сонинъ послѣ обѣда.

— М-сье Гильомъ правъ, у нея замѣчательный талантъ. Я весь день ходилъ подъ впечатлѣніемъ ея игры и радовался, въ полной увѣренности, что играла Маша... Ну, а какъ вы съ нею теперь ладите? Она все также зла и упряма?

— Въ душѣ она, вѣроятно, та же, что и прежде, но держать себя теперь вполне прилично и обращается со всѣми вѣжливо, ужъ и то хорошо. А учится прекрасно, вообще преспособная особа. Самолюбива до крайности, во всемъ старается быть первой и, надо ей отдать справедливость, достигаетъ этого,—прибавила Марья Алексѣевна съ горечью.

Леонтій Артемьевичъ улыбнулся.

— Ты говоришь про нее, какъ про взрослую,—замѣтилъ онъ.

— Да она взрослая и есть. Ты забываешь, что ей идетъ ужъ шестнадцатый годъ, а по уму и характеру она давно не ребенокъ. А какъ она физически-то развилась за послѣднее время!

— Я что-то этого не замѣтилъ.

— Да ты когда ее видишь? Утромъ, когда ты уходишь, онѣ учатся, вечеромъ, когда ты возвращаешься, спать, а весь день тебя дома нѣтъ...

— Это упрекъ?

— Я не упрекаю, а только говорю, что всю эту зиму мы для тебя не существовали. Положимъ, ты для насъ же хлопоталъ, и я легко могу себѣ представить, сколько у тебя работы и неприятностей съ этой опекой, все это я понимаю какъ нельзя лучше и не сержусь на тебя, но мнѣ отъ этого не легче,—печально прибавила она.

— Да вѣдь я же тебѣ говорю что все кончено, и я опять съ вами. А когда мы уѣдемъ въ провинцію...

— Дай-то Богъ, чтобъ поскорѣе!—прервала она его со вздохомъ.

— Это зависитъ отъ министра.

— Не съѣздитъ ли мнѣ сегодня къ дядѣ? Погода чудесная.

— Погода такъ хороша, что я хотѣлъ предложить тебѣ прокатиться.

— Нѣтъ, я лучше поѣду съ визитами.

— Какъ хочешь. А я съѣзжу по дѣлу и вернусь къ обѣду,—объявилъ Леонтій Артемьевичъ, поднимаясь съ мѣста.—Приказать запрягать коляску?—спросилъ онъ, взявшись за ручку двери.

— Пожалуйста, я сейчасъ одѣнусь.

Онъ вышелъ изъ спальни предовольный и въ самомъ веселомъ настроеніи вошелъ въ длинную гостиную, гдѣ передъ растворенной на балконъ дверью стояла Катя, въ такомъ глубокомъ раздумьи, что не слышала его шаговъ и продолжала неподвижно стоять и смотрѣть на синюю, прозрачную даль, просвѣчивающую сквозь деревья съ распускающеюся зеленью. На ней было простенькое бѣлое

перкалевое платье съ открытымъ лифомъ и короткими рукавами; юбка, спускавшаяся немного ниже колѣнъ, открывала миниатюрную ножку въ башмачкѣ на бѣломъ, ажурномъ чулкѣ. Густыя, черныя кудри, зачесанныя по тогдашней модѣ кверху, à la chinoise, выбиваясь безчисленными колечками изъ-подъ черепаховой высокой гребенки, спускались въ безпорядкѣ на лобъ, на виски, на голую шейку и служили фономъ такому прелестному личику, что Леонтій Артемьевичъ остановился у двери, чтобъ любоваться ею.

«А вѣдь дѣвчонка-то и въ самомъ дѣлѣ выравнивается», подумалъ онъ, окидывая взглядомъ знатока граціозную фигурку дѣвочки. «Худа еще и на мальчика смахиваетъ, но обѣщаетъ быть красавицей. И откуда у нея вдругъ все взялось: грація, свѣжесть? Давно ли была до безобразія черна и неуклюжа?»

Чувствуя на себѣ его взглядъ, она забеспокоилась и, не переставая смотрѣть вдаль на стаю журавлей, вырѣзывавшихся чернымъ силуэтомъ на ясной небесной лазури, повела худенькими плечиками и нетерпѣливымъ движеніемъ откинула со лба упрямый локонъ; но онъ продолжалъ на нее смотрѣть до тѣхъ поръ, пока она не обернулась. Глаза ихъ встрѣтились, и то, что она прочла въ его взглядѣ, заставило ее вспыхнуть до ушей отъ стыда и смущенія.

Это длилось одно только мгновеніе. Онъ съ улыбкой спросилъ у нея: о чемъ она замечталась? и въ голосѣ его, кромѣ обычнаго, холоднаго спокойствія, ничего не звучало, да и глаза его ничего не выражали, кромѣ надменной ироніи, а между тѣмъ сердце ея продолжало учащенно биться, и голосъ ея слегка дрогнулъ, когда она отвѣтила, что ждетъ учителя французской литературы.

— А урокъ знаешь?—спросилъ онъ съ шутливой строгостью, подходя къ ней и не переставая гипнотизировать ее взглядомъ, полнымъ любопытства. Чѣмъ больше онъ на нее глядѣлъ, тѣмъ красивѣе она ему казалась. И гдѣ только у него были глаза, что онъ раньше не замѣчалъ, какъ правильны всѣ черты ея лица! А разрѣзъ черныхъ бархатныхъ глазъ съ длинными рѣсницами подъ тонкими, точно кистью выведенными, бровями! Ротъ немного великъ и губы узки, но онѣ такого прелестнаго розоваго цвѣта и между ними такъ ослѣпительно сверкаютъ жемчужные зубки, что неправильность эта придаетъ особенную пикантность ея фізіономіи.

— Знаешь урокъ, Кукла?—повторилъ онъ свой вопросъ.

— Я всегда знаю уроки,—отвѣчала она и, какъ ему показалось, вызывающимъ тономъ.

У него явилось желаніе порвать натянутыя отношенія, установившіяся между ними съ перваго дня ихъ знакомства, но онъ не зналъ, съ чего начать, и, неловко проговоривъ:—ничего ты еще не знаешь, глупенькая... Ну, учись, учись, не долго ужъ тебѣ въ классной сидѣть, ишь какъ вытянулась, совсѣмъ взрослая дѣвица,—ласково потрепалъ ее по щекѣ и, не оборачиваясь, поспѣшно вышелъ.

Дѣвочка эта положительно приводила его въ замѣшательство, и онъ не зналъ, какъ съ нею говорить; относиться къ ней, какъ къ взрослой, было бы смѣшно, а на ребенка она совсѣмъ не похожа.

Всего удобнѣе было бы продолжать не обращать на нее вниманія, но теперь ужъ это было невозможно, слишкомъ она заинтересовала его своей красотой и загадочнымъ выраженіемъ во взглядѣ и въ улыбкѣ. Никто не разувѣритъ его, что и мысли у нея такія же своеобразныя, какъ и наружность. О чемъ думаетъ она? Какъ судить объ окружающихъ и о немъ? Безъ сомнѣнія, считаетъ жену его и дѣтей глупыми, неинтересными. А его?

Еслибъ ему ктонибудь сказалъ наканунѣ, что онъ будетъ ломать себѣ голову надъ тѣмъ, какого о немъ мнѣнія Кукла, и находить ли она его, какъ всѣ, замѣчательно красивымъ, ловкимъ и умнымъ, онъ назвалъ бы этого человѣка сумасшедшимъ и расхохотался бы надъ такимъ нелѣпымъ предположеніемъ, а между тѣмъ именно такъ и случилось. Весь день занятъ онъ былъ Катей; за обѣдомъ ему надо было дѣлать надъ собой усиліе, чтобы каждую минуту не оглядываться въ ея сторону, такъ хотѣлось ему видѣть, какое впечатлѣніе производятъ на нее его слова, смѣшать ли ее его шутки и остроты, забавляютъ ли ее его рассказы о балахъ и домашнихъ спектакляхъ, на которыхъ онъ эту зиму игралъ роль распорядителя. Желая быть любезнѣе обыкновеннаго съ черноглазой дѣвочкой, сидѣвшей съ дѣтьми и гувернанткой въ концѣ стола, онъ и со всѣми былъ такъ внимателенъ и любезенъ, что всѣхъ очаровалъ.

Съ ловкостью опытнаго ловеласа расточалъ онъ свое краснорѣчіе, улыбки и взгляды, повидимому, совершенно поровну между присутствующими, но женскій инстинктъ подсказывалъ Катѣ, что все это онъ дѣлаетъ исключительно для нея, чтобъ обратить на себя ея вниманіе, и эта мысль приводила ее въ неописанное волненіе.

До сихъ поръ, кромѣ страха, недоувѣрія и вражды, она ничего не чувствовала къ своему опекуну, но сегодня произошло что-то такое непонятное, чему она не можетъ приискать ни названія, ни объясненія, и она ужъ не можетъ относиться къ нему такъ, какъ прежде. Она все еще боится его, но ее тянетъ къ нему, ей хочется знать, что именно онъ о ней думаетъ, и ей лестно, что онъ началъ, наконецъ, обращать на нее вниманіе.

И кажется ей, что всѣ къ ней перемѣнились, всѣ глядятъ на нее съ любопытствомъ, всѣмъ хочется знать, чѣмъ привлекла она вдругъ вниманіе главы семьи.

Подъ самый конецъ обѣда Леонтій Артемьевичъ заговорилъ о томъ, что нынѣшнее лѣто надо всѣмъ имъ непременно провести въ деревнѣ, на чистомъ воздухѣ и въ хорошемъ климатѣ.

— Почему бы вамъ не поѣхать въ ваше родовое имѣніе? — замѣтила м-ше Белькомбъ.

— Въ Коржино?—переспросилъ Леонтій Артемьевичъ.—Это отъ

Катеньки зависить,—и, повернувшись къ ней, онъ съ улыбкой спросилъ: желаетъ ли она провести лѣто въ имѣніи покойнаго отца?

— Очень желаю, братецъ,—отвѣчала она, краснѣя отъ радости.

— А если желаешь, такъ чего же лучше. Климатъ тамъ чудесный, домъ просторный, всѣмъ будетъ хорошо.

И, обращаясь къ женѣ, онъ прибавилъ:—Надо скорѣе собраться, раньше какъ въ двѣ недѣли туда не доѣдешь.

Озадаченная переменой отношеній мужа къ дѣвочкѣ, на которую онъ раньше не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, Марья Алексѣевна ничего не возразила. Всѣ встали изъ-за стола молча и въ недоумѣніи. Катя тотчасъ же убѣжала наверхъ, въ свои комнаты, Леонтій Артемьевичъ ушелъ въ кабинетъ, а Марья Алексѣевна осталась съ дочерьми въ гостиной. Она казалась озабоченной и, перейдя къ окну, принялась вышивать въ пальцахъ. Маша съ Соней, тоже съ работой, помѣстились у стола передъ диваномъ. Долго не смѣя заговорить, сестры молча переглядывались между собой; наконецъ, Маша не выдержала.

— Мы поѣдемъ въ Коржино, маменька?—спросила она, ободренная нѣмыми знаками Сони, четырнадцатилѣтней вострушки, не обладавшей ни благоразуміемъ, ни кротостью, ни терпѣніемъ сестры.

— Папенька при васъ это сказалъ, что же тутъ спрашивать,—съ раздраженіемъ отвѣчала мать.

Не желая усиливать ея разстройства, Маша смолкла, но Соня была слишкомъ легкомысленна, чтобъ слѣдовать благому примѣру.

— Маменька, зачѣмъ папенька спросилъ у Кати, желаетъ ли она, чтобъ мы ѣхали въ Коржино? Развѣ и это имѣніе ей принадлежитъ?—наивно спросила она.

— Папенька вправѣ предлагать какіе ему угодно вопросы и не обязанъ отдавать намъ въ этомъ отчетъ,—сдержанно и строго, не терпящимъ возраженій тономъ, возразила мать.

На этомъ разговоръ оборвался; дѣвочки, молча поработавъ еще съ полчаса въ гостиной, ушли въ классную готовить уроки подъ наблюденіемъ m-ше Белькомбъ и, по всей вѣроятности, забыли объ инцидентѣ за обѣдомъ, возбудившемъ ихъ любопытство и удивленіе, но Марья Алексѣевна о немъ не забыла и воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобъ замѣтить мужу, что онъ напрасно такъ «шутить» съ Катей. Она и безъ того много о себѣ воображаетъ, зачѣмъ же давать ей поводъ еще больше зазнаваться?

— Это ты насчетъ чего?—спросилъ онъ, сердито сдвигая брови.

— Она можетъ подумать, что и въ самомъ дѣлѣ отъ нея зависить ѣхать намъ въ Коржино или нѣтъ.

— Да оно именно такъ и есть,—возразилъ Леонтій Артемьевича.—Усадьба принадлежитъ ей, и безъ ея позволенія никто тамъ жить не можетъ.

— Зачѣмъ же ей объ этомъ прежде времени знать?

Онъ пожалъ плечами.— Да она давно ужъ это знаетъ. Не говоря о томъ, что завѣщаніе было прочитано въ ея присутствіи, оно ей, безъ сомнѣнія, было извѣстно во всѣхъ подробностяхъ и раньше. Не забудь, что послѣдніе два, три года передъ смертью батюшка во всемъ совѣтовался съ Демьяновной, и безъ ея вѣдома ничего не предпринималось.

— Ты хотѣлъ эту женщину удалить...

— Хотѣлъ, но ты этому воспротивилась.

Марья Алексѣевна смутилась.— Правда, но это потому, что я тогда не подозрѣвала, что она можетъ быть опасна...

— А теперь ужъ поздно,—возразилъ Леонтій Артемьевичъ, не давая ей высказаться до конца,—теперь ужъ не со старухой, а съ самой дѣвочкой надо считаться и не забывать, что наше благосостояніе отчасти зависитъ отъ того, въ какихъ отношеніяхъ мы съ нею будемъ,—прибавилъ онъ отрывисто.— Впрочемъ, ты это и сама должна понимать не хуже меня; не ты ли говорила мнѣ вотъ здѣсь, сегодня утромъ, что она ужъ не ребенокъ и развита не по лѣтамъ? Я въ первую минуту не повѣрилъ тебѣ, но потомъ, взглянувъ въ нее повнимательнѣе, убѣдился, что ты права и что намъ не слѣдуетъ обращаться съ нею, какъ съ малолѣтней. Надо стараться ее не раздражать и не возстановлять противъ насъ. Ты и представить себѣ не можешь, сколько неприятностей она намъ можетъ надѣлать!

— Что такое, Лѳонсе? Ты меня пугаешь!

— Пугаться нечего, надо быть осторожнымъ, вотъ и все. Принялся я за ея дѣла очень ретиво; оказывается, что для осуществленія проектовъ покойнаго отца, подробно изложенныхъ въ его памятной книгѣ, доставшейся мнѣ съ прочими бумагами, необходимы наличныя деньги, ну, я и рискнулъ заложилъ Коржино...

— Въ опекунскій совѣтъ? — дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ спросила Марья Алексѣевна.

— Нѣтъ, въ частныя руки. Но ты, пожалуйста, объ этомъ не безпокойся, только бы мнѣ не помѣшали, и мы будемъ богаты.

— Но какъ же это? причемъ тутъ ея состояніе?

— Я хочу винокуренный заводъ построить, но не въ Коржинѣ и не въ Тверскомъ нашемъ имѣніи, а на ея землѣ въ Саратовской губерніи.

— Зачѣмъ, Лѳонсе? Зачѣмъ съ нею связываться? — со слезами въ голосѣ сказала Марья Алексѣевна.

— Потому что это выгодноѣе.

— Для насъ?

— И для нея также. Но объяснять это опекѣ я по многимъ причинамъ не хочу. По глупости и потому, что они тамъ вообще любятъ соваться въ то, чего не понимаютъ, мнѣ могутъ помѣшать и мапортить; однимъ словомъ, дѣло это я затѣялъ на свой рискъ,

и надо довести его до конца. Черезъ три-четыре года всѣ убѣдятся, что я увеличилъ доходы Куклы вдвое, и будутъ превозносить меня до небесъ, но если узнаютъ раньше про мою затѣю,—все пропало. Ну, теперь ты знаешь, въ чемъ дѣло и должна понимать, какъ для насъ важно, чтобъ дѣвочка вѣрила намъ и любила насъ.

— Но какъ же это сдѣлать, Лёопсе?—печально спросила Марья Алексѣевна.—Ты нашею жизнью не живешь и понятія не имѣешь, что это за характеръ! У нея ничего нѣтъ общаго съ нашими дѣтьми, а меня она просто ненавидитъ. Я боюсь при ней ласкать моихъ дѣвочекъ, изъ страха возбудить къ нимъ ея вражду и зависть; она къ каждому моему слову относится съ предубѣжденіемъ, ничѣмъ невозможно ее приручить...

— Невозможно?— съ усмѣшкой повторилъ Леонтіи Артемьевичъ.— Хочешь пари, что не пройдетъ и мѣсяца, какъ она мнѣ будетъ предана, какъ собака?

Марья Алексѣевна подняла недоумѣвающій взглядъ на мужа, хотѣла что-то возразить, но сробѣла передъ рѣшимостью, выразившейся въ его красивыхъ, темныхъ глазахъ, и произнесла съ запинкой:

- Не знаю, право, какъ ты это сдѣлаешь.

— А вотъ увидишь,— замѣтилъ онъ съ усмѣшкой и, круто перемѣнивъ разговоръ, сталъ распространяться о приготовленіяхъ къ отъѣзду въ Коржино.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ БАРОНЕССЫ М. П. ФРЕДЕРИКСЪ ¹⁾.

(Посвящается другу дѣтства Его Императорскому Высочеству
Великому Князю Михаилу Николаевичу).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

XVIII.

АКЪ какъ здоровье императрицы, уже слабое безъ того, было сильно потрясено кончиной дочери, то ея величеству было предписано докторами провести зиму въ Италіи. Былъ избранъ Палермо, какъ мѣсто, могущее болѣе всего возстановить силы государыни своимъ цѣлебнымъ воздухомъ. Поговѣвъ и пріобщившись св. таинствъ, императрица осенью отправилась въ путь изъ Петергофа въ сопровожденіи государя, хотѣвшаго тамъ водворить свою супругу, и великой княжны Ольги Николаевны

Въ Палермо императрица занимала виллу «Оливуцца», принадлежавшую княгинѣ Бутера, русской по рожденію, если не ошибаюсь, рожденной княжнѣ Шаховской, бывшей по первому браку графиней Шуваловой и вторично вышедшей замужъ за итальянца князя Бутера.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXI, стр. 52.

Мать моя, хотя императрица ее очень упрашивала, не поѣхала на этотъ разъ съ ея величествомъ. Она не хотѣла надолго разстаться съ своей семьей послѣ понесеннаго нами горя, и при томъ я начинала подростать, меня неудобно было отрывать отъ ученія, а безъ меня матушка не рѣшалась уѣхать.

Помню, какъ однажды зимой—я сидѣла за урокомъ—входитъ ко мнѣ мать моя, съ радостнымъ видомъ, и объявляетъ, что великая княжна Ольга Николаевна помолвлена съ наслѣднымъ принцемъ Карломъ Виртембергскимъ; государь только что получилъ черезъ курьера это радостное извѣстіе изъ Палермо.

Въ этомъ же году (1845 г.), на пасху, я была съ матерью у заутрени, у цесаревны великой княгини Маріи Александровны; она не совсѣмъ еще оправилась послѣ родовъ своего третьяго ребенка, великаго князя Александра Александровича, нынѣ (1888-й г.) благополучно царствующаго императора Александра III. Поставленъ былъ походный иконостасъ во внутреннихъ покояхъ ея высочества въ Зимнемъ дворцѣ, такъ какъ цесаревна не выходила изъ своихъ комнатъ. У службы присутствовали только: *mademoiselle Grandcu*, бывшая наставница великой княгини, фрейлина ея высочества С. А. Дашкова¹⁾, моя матушка и я. Послѣ службы разговлялись у цесаревны.

Лѣтомъ, 1846 года, состоялась свадьба великой княжны Ольги Николаевны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ въ Петергофѣ 1-го іюля. Я слишкомъ мало припоминаю этотъ день для подробнаго описанія. Помню только, что утромъ мать моя получила официальный пакетъ съ статсдамскимъ потретомъ. Потомъ я поѣхала съ ней къ императрицѣ въ Александрію; видѣла красавицу невѣсту, готовящуюся ѣхать на свою свадьбу; она и всѣ были очень взволнованы. Видѣла еще, какъ государь помѣстился со своей ненаглядной дочерью на одномѣстныхъ своихъ обыкновенныхъ дрожкахъ, обнявъ ее, чтобъ она не упала, сидя совсѣмъ на краю, и повезъ ее для одѣванія въ брачный туалетъ и начала церемоніи въ Большой дворецъ, а императрица поѣхала за ними въ каретѣ съ моей матушкой. Потомъ меня отвезли домой въ Знаменское, и я уже больше ничего не видѣла изъ этого торжества.

Нѣсколько время спустя, великая княгиня уѣхала въ свое новое отечество, гдѣ понынѣ (1888-й г.) царствуетъ, обожаемая своимъ народомъ, который заставила себя полюбить своей ангельской добротой, милостью, добродѣтелью и выдержкой съ первыхъ же шаговъ своихъ въ Виртембергѣ. А у насъ много было слезъ пролито при разставаніи съ нашей несравненной Ольгой Николаевной.

1847 годъ, между прочимъ, памятенъ для меня пріѣздомъ въ Россію невѣсты великаго князя Константина Николаевича, принцессы Саксенъ-Альтенбургской—великой княгини Александры Иоси-

¹⁾ Въ замужествѣ княгини Гагарина.

фовны. Увидала я ее въ первый разъ на другой день ея прїѣзда въ Царское Село. Она была пресимпатичная шестнадцатилѣтняя дѣвушка; красота ея еще тогда не такъ развилась, какъ впослѣдствїи; но она была миловидна донельзя, веселая, рѣзвая и такая натуральная. Помню, что первый нашъ шагъ, послѣ знакомства, былъ бѣжать на деревянную катальную гору, помѣщенную въ одной изъ залъ Александровскаго дворца, и, катаясь и веселясь, мы сейчасъ же подружились, и дружба наша неизмѣнно сохранилась съ той минуты и до сей поры (1890-й г.). Она уже прабабушка, а я—сѣдая старуха.

Цѣлый годъ принцесса оставалась невѣстой, живя у императрицы, учась русскому языку и готовясь къ миропомазанію. По обычаю, всѣ великія княгини принимали православіе, и этимъ переходомъ сроднялись вполне и искренно съ Россїей и, дѣлаясь чадами православной церкви, дѣлались истинно русскими въ душѣ.

Не стану описывать жизни великой княгини Александры Іосифовны, но одного не могу не сказать про нее, что она оставалась всегда добродѣтельной женщиной, вполне преданной своимъ обязанностямъ жены и матери, хотя много неправды было пущено въ свѣтъ противъ нея.

Послѣ долгихъ лѣтъ счастливаго супружества, такого счастливаго, которое рѣдко можно встрѣтить—увы! нашлись добрые люди, которымъ счастье это кололо глаза, и главное мѣшало завладѣть великимъ княземъ для ихъ собственныхъ цѣлей; они сумѣли оклеветать жену передъ мужемъ и тѣмъ порвали тѣсныя узы любви между ними. Какъ это могло случиться, просто не понятно, потому что Константинъ Николаевичъ былъ примѣромъ вѣрнаго мужа, онъ даже никогда не смотрѣлъ на постороннихъ женщинъ, имѣя такую красавицу жену, въ которую былъ влюбленъ столь долгіе годы. Но эти злыя существа, положительно непонятно какими средствами и образомъ, отвернули его отъ любимой жены.

Но великая княгиня при всей своей молодости и красотѣ, удрученная жгучимъ горемъ, продолжала любить и оставалась вѣрна своему супругу; она постоянно говорила, что онъ къ ней вернется!..

Дѣйствительно, послѣ долгаго времени, великій князь возвратился къ ней, но, къ несчастію, въ такомъ болѣзненномъ состояніи, которое было хуже смерти.

Много перенесла испытаній Александра Іосифовна въ жизни и перенесла ихъ истинной христіанкой. Я могу это вполне утверждать, потому что знаю подробно и вѣрно всю ея жизнь.

1848 годъ для меня лично не имѣетъ особенно знаменательныхъ воспоминаній; жизнь моя шла, какъ обыкновенно идетъ жизнь дѣвочки 15-ти лѣтъ: уроки и т. п. Но у меня въ памяти осталось, что на масленицѣ въ послѣдній день, на половинѣ государя, въ верхнемъ этажѣ Зимняго дворца, была «folle journée», и когда роди-

тели вернулись вечеромъ домой, то привезли извѣстie, что во время танцевъ прибылъ курьеръ съ сообщенiемъ, что Людовикъ-Филиппъ свергнутъ съ престола, и во Франціи объявлена республика.

30-го августа, того же года, совершено бракосочетаніе великаго князя Константина Николаевича.

XIX.

1849 годъ ознаменовался для меня большими событіями, какъ грустными, такъ и радостными; опишу ихъ по порядку.

Въ январѣ, скончался братъ Сережа отъ скоротечной чахотки. 6-го числа, во время водосвященія, ему уже было совсѣмъ худо; императрица прислала ему еще св. воды; онъ точно этого только и ожидалъ, перекрестился, выпилъ глотокъ изъ присланнаго его величествомъ стакана, улыбнулся намъ всѣмъ, окружавшимъ его смертнѣйшій одръ, и испустилъ духъ. Горе было ужасное для родителей и для насъ лишиться этого милаго Сережи, 24-хъ-лѣтняго молодого чело-вѣка, полнаго силъ и будущности. Но кто былъ въ отчаяніи — это великій князь Константинъ Николаевичъ. Онъ всю душу разрывалъ своими рыданіями, несмотря на то, что былъ въ счастливыхъ минутахъ перваго года супружества; онъ обнялъ меня и рыдая сказалъ, что постарается замѣнить мнѣ Сережу. Александра Юсифовна тоже очень грустила, полюбивъ Сережу, какъ ближайшаго друга своего мужа.

Великимъ постомъ весь дворъ отправился въ Москву на праздникъ св. пасхи и для освященія вновь построеннаго дворца. Мать сопровождала императрицу, и хотя я была еще подросткомъ, меня тоже взяли съ собою. Можно себѣ представить мой восторгъ, это было мое первое большое путешествіе. Тогда не было еще желѣзной дороги, и мы ѣхали шесть дней изъ Петербурга до Москвы—оно теперь покажется страннымъ—правда, что мы останавливались каждый день на нѣсколько часовъ для обѣда и рано вечеромъ для ночлега, а выѣзжали съ онаго довольно поздно утромъ, чтобъ ея величество не утомлялась путешествіемъ, такъ что переѣздъ дня состоялъ только изъ нѣсколькихъ часовъ. Сидѣла я въ дорожной каретѣ съ моею матерью и фрейлиной Варварой Аркадіевной Нелидовой. Государь провожалъ императрицу до заставы, такъ какъ выѣзжалъ изъ Петербурга черезъ нѣсколько дней; тутъ его величество простился съ императрицей, великою княгиней Ольгой Николаевной и ея супругомъ; Ольга Николаевна первый разъ послѣ свадьбы возвратилась на родину, повидаться съ отцемъ и матерью, и ѣхала тоже въ Москву. Потомъ государь подошелъ къ нашей каретѣ, сказалъ нѣсколько прощальныхъ словъ матушкѣ и фрейлинѣ Нелидовой, а мнѣ, улыбаясь, погрозилъ пальцемъ и подаль руку со словами: «а вы смотрите, Марія Петровна, не шалите». Въ то

время я была рѣзвая и шаловливая дѣвочка, подвергаясь иногда весьма заслуженнымъ отцовскимъ замѣчаніямъ императора Николая Павловича.

Помню до сихъ поръ впечатлѣнія этого перваго моего путешествія; всякая малость меня занимала и удивляла, а мои спутницы утѣшались моимъ дѣтскимъ восторгомъ. На станціи Яжелбицы была остановка для обѣда. Помню, какъ во время стола принесли императрицѣ на блюдечкѣ нѣсколько жемчужинъ, найденныхъ въ рѣкѣ того же имени, протекающей въ этой мѣстности. Впослѣдствіи императрица приказала вставить эти жемчужины и между прочими и мнѣ подарила кольцо въ память этого путешествія.

Уже было темно, когда мы въѣхали въ Москву, такъ что первое мое впечатлѣніе было, войдя въ комнату, найти накрытый столъ съ самоваромъ и попробовать знаменитаго московскаго горячаго калача, о которомъ знала только по наслышкѣ. Но на другой день, когда я увидѣла бѣлокаменную, златоглавую, облитую солнцемъ столицу нашу, матушку Москву, я просто не могла прійти въ себя отъ восхищенія, да когда услышала еще колокольный звонъ, то обомлѣла отъ восторга.

Въ Москвѣ ихъ величества постоянно жили въ Николаевскомъ дворцѣ, занимаемомъ ими въ молодости, въ бытность великимъ княземъ и великой княгиней.

Императрица сейчасъ же на другое утро прислала за матерью и за мной (мы помѣщались въ нижнемъ этажѣ Николаевскаго дворца) и первое, что сама мнѣ показала, это мѣсто въ ея кабинетѣ, гдѣ родился великій князь Александръ Николаевичъ, нашъ незабвенный блаженной памяти царь-мученикъ, и на которомъ отецъ мой подходилъ къ ея кровати, когда отправлялся въ Берлинъ, какъ сказано раньше.

Но что за зрѣлище было, когда императоръ Николай Павловичъ пріѣзжалъ въ Москву. Мнѣ только разъ довелось видѣть эту чудную минуту, за что не могу не благодарить Бога. Эта минута мнѣ врѣзалась въ память навсегда...

Уже съ пріѣзда императрицы восторгъ былъ громаднѣйшій, площадь передъ дворцомъ кишѣла народомъ, кричавшимъ ура и поднимавшимъ вверхъ головы, чтобъ увидать царицу или когонибудь изъ царской семьи, а когда она показывалась, то радости и крикамъ не было предѣла. О полиціи или какихънибудь стѣсненіяхъ и помину не было; во все пребываніе ихъ величествъ въ Москвѣ народъ не сходилъ съ площади Николаевскаго дворца, и такъ постоянно бывало, когда царь и царица прибывали въ Москву.

Когда же пріѣхалъ государь и показался сперва въ окно дворца, то восторгъ принялъ такіе размѣры, что и описать невозможно. Повторяю, народъ не покидалъ площади ни день ни ночь и все смотрѣлъ въ окна. Нѣсколько разъ въ день возлюбленные царь и ца-

лица показывались въ окна и были принимаемы съ тѣмъ же восторгомъ. Замѣчательно, что эта масса народа, стоявшая въ плотную на этой, сравнительно, не очень большой площади, не давила другъ друга, и никакихъ несчастій не случалось. Потомъ государь выходилъ изъ дворца на площадь и шелъ въ самую средину толпы своего вѣрнаго и любящаго народа. Онъ шелъ одинъ, медленно пробираясь чрезъ толпу, безъ всякой охраны; онъ зналъ, что ни одинъ злоумышленникъ не дотронется до него, ихъ тутъ нѣтъ, потому что его боялись и любили. Онъ такъ умѣлъ держаться на той высотѣ, на которую себя поставилъ, обаянiе его было такъ велико, влiянiе такъ сильно, что всякiй чувствовалъ свое ничтожество подъ его вoзвышеннымъ взглядомъ. Всякiй разъ, когда государь выходилъ въ народъ, я смотрѣла съ волненiемъ счастья въ душѣ, изъ оконъ двора, какъ пробирался онъ въ этой колыхающей, какъ волна морская, тысячной толпѣ, отдаваясь все болѣе и болѣе, и наконецъ, въ сливавшейся этой черной массѣ видна была только одна бѣлая точка — его султанъ на каскѣ, а въ порядочно большомъ отъ него разстоянiи виднѣлись другiя три бѣлыя точки султановъ сопровождавшихъ его величество дежурныхъ: генераль-адъютанта, генерала свиты и флигель-адъютанта; больше никого не было при его велиествѣ. Итакъ, долго прохаживался русскiй царь между своимъ вѣрнымъ народомъ, который тѣснилъ его, бросался ему въ ноги, цѣловалъ ему руки и плечи, и не мало ихъ возвращалось домой со слышаннымъ отъ царя ласковымъ словомъ, которое передавалось и дѣтямъ и внукамъ и которое сохранялось въ памяти, какъ святыня. Эти несравненныя минуты давали такое высокое спокойное чувство счастья и гордости быть русскимъ, подданнымъ такого великаго человѣка. Эти прогулки государя среди своего народа продолжались всякiй день во время пребыванiя его величества въ Москвѣ.

Въ день св. пасхи, прямо отъ заутрени и обѣдни въ дворцовой церкви Спаса за Золотой Рѣшоткой, митрополитъ Филаретъ со всѣмъ духовенствомъ, сопровождаемый государемъ императоромъ, государыней императрицей, членами царствующаго дома и свиты — мужчины въ полной парадной формѣ, дамы въ русскихъ платьяхъ, торжественнымъ шествiемъ отправились освящать новый кремлевскiй дворецъ. Зрѣлище было восхитительное. Только тотъ, кто бывалъ въ Москвѣ на св. пасху, можетъ понять, что это за торжество въ нашей первопрестольной столицѣ, да еще въ присутствiи царя, и при такой церемонiи, какъ освященiе имъ построеннаго дворца. Чего стоятъ колокольный звонъ, разносящiйся по воздуху изъ сорока сороковъ церквей, иллюминацiя, заливающая своими огнями Кремль и Замоскворѣчье... право, описывать нѣтъ возможности. Только словами Пушкина можно выразить то чувство, которое тобою овладѣваетъ: «Тутъ русскiй духъ, тутъ Русью пах-

нетъ!» Мнѣ пришлось смотрѣть на высочайшій выходъ въ эту пасхальную ночь съ лѣстницы, ведущей въ покой царя Алексѣя Михайловича, такъ какъ, будучи еще подросткомъ, я не имѣла права быть на высочайшемъ выходѣ.

Въ эту же ночь былъ случай, тяжело поразившій государя и всѣхъ; во время самой заутрени великій князь Михайлъ Павловичъ подвергся первому апоплексическому удару. Онъ поправился отъ этого недуга, но не надолго, и въ этомъ же самомъ году онъ и скончался. Николай и Михайлъ Павловичи были тѣсно связаны братскою любовью, и для государя потеря брата была весьма горька и ощутительна.

Послѣ пасхи дворъ оставался еще нѣкоторое время въ Москвѣ; по этому случаю давалось много празднествъ, баловъ и т. п. Между прочимъ, былъ данъ большой костюмированный балъ у московскаго генераль-губернатора графа Закревскаго. Балъ этотъ былъ замѣчательнъ своими разнообразными, богатыми костюмами и шествіемъ одного изъ древнихъ русскихъ царей со всѣми боярами, рындами и отроками. Государю пришла прелестная мысль, всѣхъ мальчиковъ, участвовавшихъ въ этомъ шествіи, сейчасъ же тутъ на балѣ поздравить пажами. Можно себѣ представить восторгъ и радость этихъ молодыхъ людей и ихъ родителей! Такимъ образомъ, многіе, не имѣвшіе на то право, сдѣлались пажами, и тѣмъ было открыто имъ поприще, о которомъ они никогда не могли и мечтать.

Такъ какъ я не выѣзжала еще въ свѣтъ, будучи только 16-ти-лѣтней дѣвочкой, то присутствовала при всѣхъ этихъ празднествахъ, видя ихъ со стороны. Императрица нарочно приказывала закладывать четырехмѣстную карету, гдѣ помѣщалась съ моею матерью и со мною. Ея величество ѣхала всегда гораздо раньше въ домъ, гдѣ имѣлъ быть праздникъ, чтобъ тамъ одѣться, такъ какъ боялись, чтобъ она, выѣзжая въ платьѣ съ открытымъ воротникомъ, не схватила простуду, коею ея величество была очень подвержена; я присутствовала при ея туалетѣ, а потомъ меня помѣщали въ особую комнату, изъ которой я могла все видѣть, не принимая участія. Вотъ какъ баловала меня наша незабвенная матушка императрица Александра Феодоровна.

Въ это время въ Москвѣ появилась Екатерина Петровна Ермолова¹⁾, фрейлина ея величества. Государь и всѣ восхищались ея красотой, и дѣйствительно она была замѣчательной красавицей; при томъ очень умна и пріятна въ обществѣ. Бѣгала же я за этой Ермоловой такъ, что мнѣ даже и теперь смѣшно. Нужно сказать, что великій князь Михайлъ Николаевичъ заболѣлъ въ Москвѣ скарлатиной; а такъ какъ Николаю Николаевичу было очень скучно безъ брата, съ которымъ онъ привыкъ быть неразлучнымъ и дѣ-

¹⁾ Въ настоящее время (1895 г.) камеръ-фрейлина.

лить свои впечатлѣнія, онъ устроился со мной, чтобы я замѣняла ему Михаила Николаевича на это время. Онъ меня звалъ Мишкой, и мы старались не разлучаться, насколько это было возможно. Конечно, Николай Николаевичъ влюбился въ красавицу Ермолу, какъ 17-ти-лѣтній юноша можетъ влюбиться, и бѣгалъ за нею, чтобъ на нее взглянуть хоть издали, а я, входя очень серьезно въ роль товарища и брата, конечно, бѣжала туда же за нимъ и тоже восхищалась ею. Бывало она придетъ очень важно на дежурство¹⁾ къ императрицѣ, а мы гдѣ нибудь за дверью смотримъ на красавицу и потомъ передаемъ себѣ свои впечатлѣнія, разумѣется, по секрету. Притомъ я очень любила блины, и Николай Николаевичъ мнѣ въ угоду заказывалъ каждый день къ царскому завтраку блины. Удивлялись, какъ это безъ масленицы каждый день подаются блины, но это былъ тоже нашъ секретъ; а такъ какъ Ермолова часто завтракала у императрицы, то въ моей памяти Ермолова и блины составляютъ нѣчто неразлучное.

X.

Весной дворъ возвратился въ Петербургъ. Какъ извѣстно, въ этомъ году возникла Венгерская кампанія, и государь уѣхалъ надолго въ Варшаву, равно какъ и великій князь Константинъ Николаевичъ, принимавшій въ первый разъ участіе на войнѣ и возвратившійся съ оной кавалеромъ Георгіевскаго креста и креста Маріи-Терези.

1-е іюля, этого же 1849 года, было однимъ изъ счастливѣйшихъ дней моей жизни. Утромъ я отправилась съ матушкой поздравить императрицу съ днемъ ея рожденія. Какъ уже я говорила выше, первый завтракъ происходилъ всегда семейно; но въ подобные праздничные дни было очень торжественно. Ставился посреди кофейнаго стола именинный пирогъ, такъ называемый «баумкухенъ», украшенный цвѣтами и восковыми свѣчами; вокругъ пирога горѣло столько свѣчей счетомъ, сколько минуло лѣтъ виновнику торжества, а по срединѣ горѣла большая свѣчка, представлявшая наступающій годъ. Все семейство приходило съ поздравленіемъ и подарками и было еще веселѣе и радушнѣе, чѣмъ обыкновенно.

Въ этотъ же описываемый мною высокоторжественный день 1849 года, по окончаніи завтрака, матушка моя отправила меня домой въ Знаменское, а сама поѣхала съ императрицей въ Большой Петровскій дворецъ изъ Александріи для высочайшаго выхода и слушанія литургіи.

¹⁾ Московскія фрейлины во время присутствія государынь въ Москвѣ всякій день дежурятъ съ свитской фрейлиной; а петербургскія городскія фрейлины дежурятъ по двѣ, тоже со свитской фрейлиной, только на большихъ выходахъ и куртагахъ.

Возвратясь домой, я сняла съ себя свой праздничный нарядъ, зная, что уже покончила съ своими придворными обязанностями. Вдругъ, вижу, скачетъ карета, и мнѣ докладываютъ, что ея величество требуетъ меня какъ можно скорѣе опять къ себѣ; я въ простомъ домашнемъ платьицѣ, такъ какъ велѣно было взять меня, какъ и въ чемъ я есть, бросаюсь опрометью въ эту карету, и меня мчатъ прямо въ Большой дворецъ и ведутъ въ комнаты ея величества. Несмотря на всю поспѣшность, я все-таки опоздала, государыня уже у обѣдни, и мнѣ приходится ждать довольно долго, а для меня это ожиданіе кажется цѣлымъ вѣкомъ, такъ какъ я недоумѣваю, зачѣмъ меня опять потребовали. Наконецъ, идетъ императрица, обнимаетъ меня и объявляетъ, что жалуетъ мнѣ свой шифръ. Только что былъ полученъ изъ Варшавы телеграфическій отвѣтъ отъ государя, что онъ согласенъ прозвести меня во фрейлины ея величества. Я почти обезумѣла отъ счастья и восторга. Я фрейлина... да можетъ ли это быть?!.. просто не вѣрилось! Привожу здѣсь этотъ фактъ моего восторга въ доказательство, какъ просто было тогда воспитаніе, и какой великій престижъ имѣла всякая царская милость. Уже по обстановкѣ, въ коей я находилась, видно, что рано или поздно мнѣ выпадала доля быть фрейлиной, тѣмъ болѣе, что мои старшія сестры были всѣ фрейлинами, такъ что собственно для меня тутъ неожиданнаго ничего не могло быть, но я была воспитана такъ далеко отъ этой мысли, что мнѣ и въ голову не приходило, что я могу получить фрейлинскій шифръ, особенно не имѣя на то права по лѣтамъ. Для моихъ родителей это было тоже неожиданно, и они были крайне тронуты и обрадованы этою царскою милостью.

Императрица и великіе князья и княгини, которые тутъ присутствовали, при моей робости, поздравили и расцѣловали меня. Вышли изъ внутреннихъ покоевъ ея величества къ официальному поздравленію и завтраку, а мнѣ велѣно было тутъ ожидать; я все-таки была еще подростокъ, да еще, сверхъ того, въ домашнемъ платьѣ, какъ сказала выше; мнѣ подали отдѣльно позавтракать въ комнатахъ ея величества, но мнѣ было не до ѣды. Между тѣмъ распространился слухъ, что «Маша фрейлина». Нужно признаться, что «Маша» была «enfant gatée»¹⁾, какъ царской фамиліи, такъ и всѣхъ свитскихъ фрейлинъ; конечно, это было ради моей матери, которую всѣ такъ искренно любили и почитали. Смѣю сказать, что эта новость, что Маша фрейлина, была общей радостью. Ко мнѣ стали приходять мои новые товарищи, старшія фрейлины, а одна ихъ нихъ, которая меня особенно всегда баловала, графиня Юлія Павловна Бобринская, такъ ко мнѣ стремительно бѣжала, по заламъ

¹⁾ Балованный ребенокъ.

и галереямъ, что прическа ея распалась, и она добѣжала до меня съ распущенной косою чудныхъ бѣлокурыхъ волосъ.

Черезъ нѣсколько дней былъ назначенъ балъ въ Знаменскомъ дворцѣ; я очень надѣялась, что меня пустятъ на этотъ балъ уже, какъ взрослую фрейлину, но мать моя объявила, что не выпуститъ меня въ свѣтъ прежде, чѣмъ не минетъ мнѣ 17-ть лѣтъ. Это было для меня большое разочарованіе. Моя крестная мать, великая княгиня Марія Николаевна, и великая княгиня Александра Іосифовна взялись выхлопотать у матушки исполненіе моего желанія, повѣреннаго имъ, конечно, по секрету. Но мать упорно отказывала, между прочимъ, потому, что у меня и туалета бальнаго нѣтъ; несмотря на то, что ихъ высочества настойчиво за меня просили, и, зная мои платья, даже назначали, какое я могла бы надѣть, ничто не могло склонить матушку, и я осталась, какъ всегда, дома, слушая издали бальную музыку... и, вѣроятно, проливая украдкой слезы, но этой подробности я не упомяну.

Наконецъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ, мнѣ исполнилось 17-ть лѣтъ. Императрица потребовала для большей важности и, понятно, ради шутки, чтобъ я была официально ей представлена... Наканунѣ именинъ его величества, 5-го декабря, было назначено большое представленіе дамъ у ея величества, и я явилась на этомъ представленіи. Вечеромъ меня матушка привезла во дворецъ, отвела въ малахитную залу, гдѣ имѣло быть представленіе, и оставила тамъ одну съ массой чужихъ для меня дамъ, а сама ушла къ императрицѣ. Оберъ-церемоніймейстеръ, тогда графъ Воронцовъ-Дашковъ ¹⁾, сталъ насъ устанавливать въ кружокъ по старшинству; я, какъ уже фрейлина, была поставлена первой. Я была очень застѣнчива, мнѣ становилось жутко, хотя я съ рожденія была тутъ, но официальности я еще на себѣ никогда не испытывала. Когда все было готово, и графъ Воронцовъ доложилъ о томъ ея величеству, распахнулись двери изъ внутреннихъ покоевъ, и императрица, въ большомъ туалетѣ, величественно вошла въ сопровожденіи дежурной фрейлины Н. А. Бартеновой, свиты и камеръ-пажей. Мы всѣ низко присѣли. Мнѣ становилось совсѣмъ жутко. За дверью стояли государь, великіе князья и княгини, матушка моя, и дѣлали мнѣ всѣ разные знаки. Императрица плавно и тихо, какъ она одна это умѣла дѣлать, приблизилась къ кругу дамъ и, такъ какъ я стояла первая, очень важно и холодно подошла ко мнѣ; фрейлина Бартенева, представлявшая дамъ, меня, конечно, не назвала; тогда ея величество обратилась къ ней съ вопросомъ: «qui est cette demoiselle?» ²⁾. Смѣхъ начиналъ разбираться всѣхъ присутствующихъ, знаки изъ двери усиливались; я окончательно сконфузилась; императрица очень серьезно и холодно

¹⁾ Отецъ теперешняго министра высочайшаго двора (1895 г.)

²⁾ Кто эта дѣвица?

обратилась ко мнѣ и сказала: «*charmé de faire votre connaissance, mademoiselle, ou se trouvent vos parents?*»¹⁾—я до того растерялась, что ни слова не могла выговорить и готова была расплакаться; всѣ присутствующіе разразились хохотомъ; особенно за ужасной дверью происходило что-то страшное; я красная, какъ ракъ, готова была провалиться сквозь землю. Нечего и говорить, что нашъ ангель императрица, хотя сама ужасно смѣялась надъ моимъ конфузомъ, сейчасъ же меня обласкала и успокоила своимъ обыкновеннымъ со мной обращеніемъ и добротой. Представленіе окончилось, но мой конфузъ возобновился, когда императрица взяла меня потомъ къ себѣ и когда всѣ стоявшіе за дверью напали на меня—досталось же мнѣ тогда!

На другой день, 6-го декабря, я первый разъ, уже вполне большой, присутствовала на высочайшемъ выходѣ въ малой церкви²⁾, поздравленіи и завтракѣ. Но и тутъ со мной произошелъ скандалъ; среди обѣдни мнѣ сдѣлалось дурно, и меня принуждены были вывести изъ церкви; впрочемъ, я скоро оправилась, и остальное все прошло благополучно.

Въ 1850 году, меня стали вывозить въ большой свѣтъ. Помню первый мой балъ у графини Протасовой, второй у Виельгорскихъ, потомъ... потомъ пошло по всему обществу... но я первый годъ не веселилась, меня вывзды утомляли, и, какъ всякой дѣвушкѣ 17-ти лѣтъ, мнѣ хотѣлось поступить въ монастырь и тому подобныя глупости. Но на слѣдующую зиму монастырь былъ позабытъ, я веселилась отъ души, танцевала до упаду, начиная и кончая всѣ балы.

XXI.

1851 годъ начался для меня очень весело, но не надолго. Я перенесла самое ужасное несчастіе, которое можетъ случиться—я лишилась своей дорогой, несравненной матери.

Когда матушка заболѣла, и видно стало, что нѣтъ надежды на ея выздоровленіе, императрицу Александру Феодоровну нашли нужнымъ удалить изъ Петербурга, подъ предлогомъ наступающей весны. Было рѣшено увезти ея величество въ Варшаву. Наканунѣ отъѣзда императрица послѣдній разъ пріѣхала проститься съ матушкой: это была тяжелая, раздирающая минута... Вся въ слезахъ, императрица увела меня въ другую комнату и, не желая меня испугать безнадежнымъ положеніемъ матери, уговаривая и лаская меня, потихоньку дала мнѣ понять то несчастіе, которое меня ожидаетъ, и тутъ же сказала мнѣ, что, если что случится, она меня возьметъ совсѣмъ къ себѣ.

¹⁾ Очень рада съ вами познакомиться... гдѣ находятся ваши родители?

²⁾ Въ малой церкви дворца присутствуетъ только свита ихъ величествъ, но нашему семейству дано было это право.

Въ минуту отъѣзда, когда уже дорожные экипажи были поданы, императрица прислала за мною, чтобъ черезъ меня передать умирающей матери записку съ послѣднимъ прости подругѣ дѣтства. Эту записку, по желанію матушки, положили въ ея гробъ.

Государь оставался еще нѣсколько дней въ Петербургѣ по отъѣздѣ императрицы и продолжалъ каждый день навѣщать мою угасающую мать. Онъ подолгу сидѣлъ у ея кровати, совѣщался съ врачами, словомъ былъ, какъ самый нѣжный другъ и братъ. Съ отцомъ и всѣми нами онъ былъ такъ добръ и ласковъ, а меня, какъ младшую, въ особенности ласкалъ, стараясь всячески меня ободрять и поддерживать нравственно.

Когда уже дни матери были сочтены, государь уѣхалъ въ Варшаву, чтобъ быть при своей возлюбленной супругѣ, когда дойдетъ до нея грустная вѣсть о кончинѣ той, которую она такъ любила.

Нечего и говорить, что великіе князья и княгини постоянно пріѣзжали къ матушкѣ; въ особенности великая княгиня Марія Николаевна, которая всегда и въ обыкновенное время навѣщала матушку каждый день, во время ея болѣзни проводила дни у насъ и все возилась со мной, сидѣла подолгу въ моей комнатѣ, уговаривала меня и проч. Я была въ ужасномъ состояніи. Наканунѣ смерти всѣ они съ нами окружали смертный одръ матери; послѣдникъ стоялъ въ ногахъ кровати весь въ слезахъ и все время держалъ меня за руку. О, какъ они были всѣ добры къ намъ, и какое горячее участіе принимали въ страданіяхъ подруги ихъ матери!

27-го апрѣля, въ часъ ночи, страданія дорогой матери моей прекратились: она отошла въ вѣчность, окруженная всѣми нами...

Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ про мою мать. Она была женщина необыкновенной доброты, честности, правдивости и ума; старалась всегда всѣмъ помогать. Несмотря на ея исключительное положеніе при дворѣ, ей мало завидовали, напротивъ того и въ свѣтѣ и при дворѣ ее особенно любили и относились къ ней съ величайшимъ почтеніемъ, потому что она никогда никого не старалась отдалять отъ императрицы, какъ это обыкновенно дѣлается очень приближенными людьми къ царямъ; они, эти приближенные люди, стараются забрать всѣ милости для себя и для своихъ исключительно; не такъ поступала моя мать: она заботилась и старалась всѣми силами простирать царское вниманіе на каждого и приближеннаго и далеко стоящаго отъ высочайшихъ особъ, или добрымъ словомъ или иногда только намекомъ или дѣйствіемъ, и ей всегда удавалось обратить ихъ высокое вниманіе на достойныхъ людей, потому что со стороны всей царской семьи не было предѣла довѣрія къ ней. Надо признаться по правдѣ, что подобное дѣйствіе приближать, а не удалять людей отъ царскихъ особъ есть рѣдкое, чтобъ не сказать—исключительное явленіе при дворахъ. Нельзя себѣ вообразить, сколько добра еще, сверхъ того, моя мать дѣлала въ

тайнѣ; такъ какъ денегъ у нея не было, то она продавала дареные ей государыней брильянты, чтобъ выручать должниковъ, терявшихъ все, или чтобъ выкупать на волю крѣпостныхъ людей и т. д., словомъ не было отросли добра, которое не проходило бы чрезъ ея руки. Даже въ нашемъ семействѣ я одна о томъ знала, потому что отъ меня она ничего не скрывала, какъ и я передъ ней. Когда она скончалась, и тѣло ея стояло въ церкви придворнаго конюшеннаго вѣдомства, то день и ночь толпилась масса самаго бѣднаго люда, чтобъ съ ней проститься, даже приносили грудныхъ дѣтей, чтобъ прикладывать ихъ къ дорогимъ останкамъ матушки. Она завѣщала, чтобъ похороны ея были самыя скромныя, такъ что везли ея гробъ только парой лошадей, безъ балдахина, безъ ношенія орденовъ передъ гробомъ и безъ всякой помпы, но по приказанію государя ипелть духовникъ ихъ величествъ и ея съ придворнымъ духовенствомъ изъ церкви до самаго Волкова кладбища. Несли же ея останки изъ дома въ церковь, черезъ всю Конюшенную площадь, самъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ со всѣми великими князьями, а въ день похоронъ ихъ высочества сопровождали тѣло друга дѣтства ихъ матери. пѣшкомъ отъ конюшенной церкви до маленькой церкви на Волковомъ полѣ, гдѣ моя мать и погребена. Цесаревна Марія Александровна и всѣ великія княгини ѣхали за гробомъ тоже до кладбища. Когда стали опускать останки дорогой матери моей въ могилу,—я повже узнала: въ ту минуту я ничего не чувствовала, кромѣ отчаянія,—наслѣдникъ меня все время держалъ, боясь, что я брошусь въ могилу; я помню только, что всѣ великіе князья и княгини страшно рыдали; и потомъ еще припоминаю сплошную толпу по всей Конюшенной площади, Большой Конюшенной улицѣ, Невскому проспекту, Лиговкѣ, вплоть до Волковской церкви, стоявшую густыми шпалерами, на которую я машинально смотрѣла изъ кареты, куда меня усадили ¹⁾.

XXII.

По пріѣздѣ императрицы изъ Варшавы, она нѣсколько дней не рѣшалась насъ видѣть: такъ тяжело было ея величеству встрѣтить насъ безъ ея «Сесиле». Чтобы облегчить государынѣ это свиданіе, устроено было такъ, чтобъ первый разъ она не у себя въ Александріи насъ увидала, а въ другой обстановкѣ, и это произошло

¹⁾ Я забыла отмѣтить еще характерную черту въ доказательство, какъ матушка была любима. Когда ей стало совсѣмъ худо и велѣно было наложить соломѣ передъ ея окнами, потому что ѣзда по улицѣ ея становилась невыносима при ея страшныхъ страданіяхъ, то рота солдатъ конюшеннаго вѣдомства, исполнявшая эту работу, при началѣ оной, сняла шапки и перекрестилась: я сама видѣла это изъ окна.

у великой княгини Маріи Николаевны, на Сергіевкѣ, близъ Петергофа. Отецъ мой, сестра Софія и я были туда позваны, и тамъ мы съ нашей благодѣтельницей опять и свидѣлись послѣ перенесеннаго обоюднаго горя...

Я сейчасъ же была взята въ свиту ея величества, но оставалась еще до зимы жить у отца, по рѣшенію императрицы.

Ея величество сама назначила день моего перваго дежурства при ея особѣ. Это утро императрица проводила въ Монплезиурѣ. Мнѣ велѣно было явиться туда къ первому завтраку.

Когда проживали лѣтомъ въ Петергофѣ, то ихъ величества часто, совершая утреннюю прогулку, пили кофе въ различныхъ дворцахъ и павильонахъ.

Около 12-ти часовъ, для втораго завтрака, я поѣхала съ ея величествомъ въ Александрію, и такъ какъ это была моя первая дѣйствительная служба при ней, она меня взяла въ свою спальню, поставила на колѣни передъ кіотомъ съ образами и благословила образомъ мученицы царицы Александры. Этотъ образъ до сихъ поръ постоянно находится при мнѣ.

Осенью того же года, высочайшій дворъ отправился въ Москву для освященія и открытія новопостроенной Николаевской желѣзной дороги. Но императрица меня не взяла съ собою, такъ какъ я была еще въ глубокомъ траурѣ, и при томъ ея величество хотѣла, чтобы я послѣднее время, до моего переѣзда во дворецъ, оставалась съ отцемъ.

Всѣ дѣйствія императрицы Александры Ѳеодоровны исходили постоянно изъ глубокаго сердечнаго чувства и потому были такъ дороги окружающимъ ее. Здѣсь я только говорю о себѣ, но сколько другихъ испытали также эту несравненную доброту и милость нашей незабвенной государыни. Если бы все описывать и о всѣхъ упоминать, кто пользовался милостью императрицы Александры Ѳеодоровны, то не хватило бы жизни человѣческой, чтобы привести къ концу все это повѣствованіе.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, а именно 22-го числа, въ день именинъ моей покойной матери, я переселилась изъ родительскаго дома въ Зимній дворецъ, чтобы быть на своемъ посту къ пріѣзду ихъ величествъ изъ Москвы. Квартира моя была наверху, во фрейлинскомъ коридорѣ. Отецъ устроилъ самъ мнѣ ее очень мило и уютно; встрѣтилъ меня съ хлѣбомъ и солью, приказавъ привезти чудотворную икону Божіей Матери Всѣхъ Скорбящихъ, хотя онъ былъ лютеранинъ, и, отслуживъ молебенъ Пресвятой Богородицѣ, водворилъ меня на новомъ поприщѣ. Вся моя семья и моя старая няня сопровождали меня тоже на новое жительство.

Императрица Александра Ѳеодоровна заняла вполне мѣсто моей второй матери. Заботы ея величества обо мнѣ были самыя нѣжныя. Я исключительно имѣла право ходить къ императрицѣ, когда мнѣ

вздумается, но обязательно должна была являться къ ней въ 12 часовъ дня; я не смѣла выѣзжать ни въ свѣтъ, ни въ театръ и т. п. безъ ея вѣдома и позволенія. Даже моя камеръ-юнгфера, Наталья Гарневская, приставленная ко мнѣ еще моею матерью, была подъ особымъ надзоромъ камеръ-фрау ея величества, ш-ше Эллисъ. Но пока отецъ мой былъ живъ, лѣтомъ я продолжала жить съ нимъ въ Знаменскомъ, а осенью въ Царскомъ Селѣ, въ Китайской деревнѣ, гдѣ отдавались домики семейнымъ придворнымъ чинамъ, и мы постоянно съ матушкой тамъ жили.

Молодая жизнь моя,—мнѣ всего было тогда 18 лѣтъ,—пошла счастливо и благополучно подъ крылышкомъ нашей благодѣтельницы. Но здоровье мое въ то время было очень расшатано понесенной мною потерей; опасались чахотки; я постоянно кашляла и страдала сильными грудными припадками. Поэтому, къ моему великому огорченію, я не могла читать вслухъ императрицѣ. Ея величество страдала глазами и была слабого зрѣнія, и послѣ смерти моей матери, которая постоянно читала ея величеству, эта обязанность перешла къ дежурной фрейлинѣ; когда же приходила моя очередь, то за меня читала одна изъ другихъ фрейлинъ, чаще всего баронесса А. Л. Боде, а впоследствии графиня А. В. Гудовичъ. Взаимнъ же этого чтенія я постоянно читала императрицѣ св. Евангеліе.

Съ великими князьями я оставалась попрежнему дружна, а оба младшіе великіе князя, Николай и Михаилъ Николаевичи, оставались всегда моими товарищами.

XXIII.

Весною 1852 года, императрица поѣхала въ Шлангенбадъ, а я съ сестрами моими, Александрой и Софіей, и зятемъ моимъ, графомъ Алопеусомъ, отправилась въ Эмсъ. Оттуда я ѣздила навѣщать ея величество.

Въ Эмсѣ тогда проводила лѣто великая княгиня Ольга Николаевна съ супругомъ; мы постоянно всѣ были вмѣстѣ, совершали большія прогулки и экскурсіи; жилось намъ очень пріятно. 11-го іюля, въ день именинъ Ольги Николаевны, русская колонія, подъ предводительствомъ нашего извѣстнаго скрипача и композитора, Алесѣя Теодоровича Львова, проживавшаго тоже въ Эмсѣ, устроила сюрпризъ для ея высочества: утромъ подъ ея окнами мы пѣли серенаду, составленную исключительно изъ русскихъ пѣсенъ, что тронуло до слезъ и очень обрадовало нашу родную великую княгиню, оставшуюся русской въ душѣ до смерти. Къ нашему хору присоединилось нѣсколько иностранокъ и иностранцевъ, обладавшихъ хорошими голосами, принадлежавшихъ къ нашему кружку и

выучившихся къ этому случаю русскимъ словамъ. Но запѣвало у насъ былъ замѣчательный—верхъ совершенства въ пѣннн, которое можно только себѣ вообразить: это была знаменитая во всемъ мнрѣ пѣвица, графиня Росси—г-жа Зонтагъ. Что это былъ за голосъ! Что это была за метода пѣть! Я положительно могу сказать, что изъ многихъ знаменитостей, которыхъ мнѣ довелось слышать въ жизни, она была всѣхъ выше.

Въ дѣтствѣ я имѣла случай ее слышать при дворѣ. Она тогда уже оставила сцену и была женой саксонскаго посланника въ Петербургѣ, графа Росси. Раньше, г-жей Зонтагъ, когда она была уже знаменита во всей Европѣ, она и на петербургской сценѣ восхищала публику. Такъ какъ ихъ величествамъ хотѣлось опять слышать графиню Росси и видѣть ея замѣчательную игру, то ее пригласили возобновить старину и дать «Невѣсту-лунатикъ» («*Somnambulla*»), оперу, въ которой она болѣе всего имѣла успѣхъ, и которая была сочинена для нея маэстромъ Беллини. Для этого представленія была поставлена въ концертномъ залѣ Зимняго дворца большая сцена, и графиня Росси снова появилась на подмосткахъ съ участіемъ фрейлины ея величества Прасковн Арсеньевны Бартеженовой, которая тоже давно пѣла и ради своего голоса была взята къ высочайшему двору съ своими сестрами и тѣмъ составила счастье своего семейства, бывшаго въ весьма стѣсненныхъ обстоятельствахъ ¹⁾, Ивана Матвѣевича Толстого, впоследствии графа и министра почтъ и телеграфовъ, и г-на Балабина, обладавшаго хорошимъ теноромъ; эти три названныя особы имѣли главныя роли въ оперѣ; остальныхъ я не припоминаю.

И такъ, послѣ многихъ лѣтъ, мы опять встрѣтились съ графиней Росси въ Эмсѣ. Она хорошо помнила мою мать и сестеръ и увѣряла, что и меня помнить дѣвочкой. Хотя я была гораздо моложе ея, она меня очень полюбила, и мы были съ ней почти неразлучны во время нашего пребыванія въ Эмсѣ, а для меня артисты высшихъ сферъ музыки имѣли всегда большое обаяніе; правда, что я много вращалась съ дѣтства въ этомъ обществѣ—въ семьѣ Внльгорскихъ, какъ уже сказано выше. Графиня Росси была прелестнѣйшая женщина во всѣхъ отношеніяхъ, но уже тогда очень несчастна, и, ради расточительности мужа, чтобъ оставить кусокъ хлѣба своимъ двумъ дочерямъ, она опять рѣшилась возвратиться на сцену подъ своимъ, прославленнымъ ею, именемъ «Зонтагъ» и уѣхать въ Америку. Ея голосъ былъ еще въ полной силѣ; она много пѣла для насъ и на нашихъ *parties de plaisirs*; мнѣ стоило только ее попросить, и ея чудный голосъ раздавался въ разныхъ руинахъ, окружающихъ Эмсъ, при лунномъ свѣтѣ—чудо, какъ

¹⁾ Одна изъ Бартеженовыхъ еще жива; въ настоящее время (1896 г.) камеръ-фрейлина и проживаетъ постоянно во дворцѣ.

было хорошо! Послѣ нашего пребыванія въ Эмсѣ мы увидѣлись съ ней еще разъ во Франкфуртѣ и посадили ее въ вагонъ для ея дальняго и труднаго путешествія въ Америку, откуда Росси уже не было суждено возвратиться...

Послѣ Эмса я отправилась съ сестрами въ Остенде брать морскія купанья, а къ зимѣ мы возвратились въ Петербургъ.

XXIV.

1853 годъ прошелъ обычною чередой, и особеннаго или заслуживающаго быть описаннымъ не случилось ничего. Хотя я еще грустила по моей матушкѣ, иногда и болѣла, но все же начинала возвращаться къ жизни. Императрица своими неусыпными материнскими заботами много способствовала этому. Наконецъ, молодость и моя вполне счастливая жизнь взяли верхъ; я мало-по-малу возвращалась къ свѣтской жизни... Страстно любила ѣздить верхомъ, и могу сказать, что ѣздила рѣдко хорошо, т. е. какъ наѣздница ни больше, ни меньше. Танцевать я очень любила и въ этихъ двухъ удовольствіяхъ много упражнялась.

Императрица очень желала меня выдать замужъ при своей жизни, но всѣ попытки какъ-то не удавались; признаюсь, что мнѣ самой не хотѣлось отъ нея уходить: мнѣ было такъ хорошо при ней... Опишу здѣсь одинъ фактъ, который, впрочемъ, былъ со мною гораздо позже описываемаго теперь мною времени. Но приходится къ слову сказать, до какой степени наша несравненная, дорогая императрица Александра Феодоровна была добра, мила, проста въ обхожденіи и принимала живое участіе во всѣхъ нашихъ маленькихъ дѣлахъ, несмотря на серьезныя заботы, дѣла и тому подобное, окружающее всегда царскихъ особъ, да при томъ еще при ея слабомъ здоровьи.

Нужно сказать, что я была заинтересована въ то время однимъ очень пріятнымъ господиномъ. Это было осенью; жили мы тогда въ Царскомъ Селѣ, и у ея величества происходили каждый вечеръ небольшія собранія. По субботамъ же пріѣзжали въ Царское Село изъ Петербурга всѣ сановники и высокопоставленные служащіе, чтобы присутствовать по воскресеньямъ на выходѣ ихъ величествъ (что я рассказываю, было уже въ царствованіе императора Александра Николаевича). Вотъ въ одну изъ этихъ счастливыхъ—для влюбленныхъ—субботъ мнѣ ужасно хотѣлось, чтобы мой предметъ былъ приглашенъ къ вечернему собранію, конечно, не зная, пригласитъ ли онъ въ Царское Село или нѣтъ. Послѣ обѣда, когда я знала, что императрица совѣмъ одна и отдыхаетъ, я побѣжала къ ней просить, чтобы ея величество пригласила его къ собранію, на что она охотно согласилась; но какимъ образомъ могла она дать

мнѣ знать, пріѣхалъ ли онъ уже и будетъ ли въ собраніи? Писать ея величество при огнѣ совсѣмъ не могла отъ слабости зрѣнія; велѣть словесно передать черезъ прислугу было невозможно; и вотъ что императрица сама придумала: если онъ будетъ на вечерѣ, то она мнѣ пришлетъ розу, если же его нѣтъ, то я получу отъ нея карандашъ. Вдругъ, во время моего туалета для собранія, мнѣ приносятъ на тарелкѣ чудную большую розу отъ ея величества...

XXV.

Насталъ ужасный 1854 годъ. Была объявлена война турціи—временный закатъ величества и могущества Россіи, а въ особенности закатъ жизни нашего незабвеннаго императора Николая I. Кто могъ ожидать въ началѣ этой войны, какимъ тяжелымъ бременемъ она ляжетъ на родину, и чего она будетъ стоить?

Лѣто дворъ проводилъ, по обыкновенію, въ Петергофѣ. Но нравственное состояніе было далеко не то, какъ всегда. Было уже не легко на душѣ; государь былъ очень серьезенъ; англійскій флотъ стоялъ передъ Кронштадтомъ. Ѣздили смотрѣть на него и въ Ораніенбаумъ, и на Поклонную гору, за Ораніенбаумъ. Всѣ ощущали какое-то гнетущее чувство. Но упованіе на Бога и царя было такъ велико, что и въ голову не приходило, что Россія можетъ потерпѣть неудачу.

Въ Александріи, на верхнемъ балконѣ, передъ комнатами государя, стоялъ телескопъ, направленный на Кронштадтъ. Часто, очень часто императоръ подходилъ къ нему, чтобы смотрѣть на враждебный флотъ. Что у нашего царя происходило въ его великой, благородной душѣ,—про то знаетъ одинъ Богъ. Но можно съ увѣренностью сказать, что мысль о томъ страшномъ обманѣ, который его окружалъ, и который его сгубилъ, не приходила ему на умъ—такъ вѣрилъ онъ въ окружающихъ его и судилъ всѣхъ по своему рыцарскому чувству и взгляду.

Осень того же года высочайшій дворъ проводилъ не въ Царскомъ Селѣ, по обыкновенію, а въ Гатчинѣ, въ виду того, что желѣзная дорога существовала въ то время еще только до Гатчины, и курьеры изъ Севастополя и вообще извѣстія съ Запада были сокращены на 40 верстъ пути, а государь ожидалъ извѣстій всегда въ это тяжелое время съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ.

Обыкновенно въ Гатчино ѣздили, въ теченіе осени, изъ Царскаго Села на двѣ или на три недѣли, такъ сказать, повеселиться. Тамъ всѣ проживали во дворцѣ вмѣстѣ, вели «une vie de chateau» ¹⁾, собирались къ второму завтраку и уже не разставались до поздней

¹⁾ Жизнь въ замкѣ.

ночи, между завтракомъ и обѣдомъ катались, ѣздили верхомъ и т. п. Вечеромъ обыкновенно былъ спектакль или какія нибудь «*chagades en action*»¹⁾ любителей, или разныя игры, или танцы— все это происходило въ такъ называемомъ «арсеналѣ»—большой залѣ, занимающей часть нижняго этажа замка, гдѣ помѣщалась небольшая сцена—поприще нашихъ представленій, большой органъ, разыгрывавшій разныя музыкальныя пьесы, катальная гора, качели, бильярдъ и проч.; тутъ и завтракали, и обѣдали, и проводили весь день вмѣстѣ. Въ Гатчинскихъ пребываніяхъ моего времени главные «*boute en train*»²⁾ были: графъ Михаилъ Юрьевичъ Вильгорскій, генералъ-адъютанты: Огаревъ, князь Радзивилъ и другіе; изъ дамъ: графиня Е. Н. Адлербергъ, которая прелестно пѣла, Прасковія и Надежда Арсеньевны Бартеневы (о голосѣ первой говорено мною уже выше), да и мы всѣ принимали участіе во всѣхъ увеселеніяхъ. Свита и нѣкоторыя лица звались на все пребываніе въ Гатчинѣ, а остальное общество мѣнялось, приглашаясь на нѣсколько дней; болѣе или менѣе все петербургское общество перемѣняется въ теченіе этого времени въ Гатчинѣ; очень часто была хорошая музыка, такъ какъ талантливыхъ особъ у насъ не недоставало. Разъ въ недѣлю пріѣзжали русская, французская и нѣмецкая труппы актеровъ по очереди, и тогда давались представленія въ дворцовомъ театрѣ.

Въ одно изъ этихъ Гатчинскихъ пребываній, въ 1853-мъ году, играла знаменитая Рашель, въ «*Андріеннѣ Лекуверрѣ*» и насъ всѣхъ чуть не свела съ ума своей игрой. Рашель была такое явленіе, что если кто ее разъ видѣлъ, то въ жизни уже не забывалъ; теперь ровно 30 лѣтъ назадъ (1883 г.), что она восхищала петербургскую публику—я ее видѣла во всѣхъ ея роляхъ классическихъ трагедій, и до сихъ поръ помню всякое слово; у нея былъ удивительный контральтовый голосъ, а что за декламация, что за жесты, которые можно было только сравнить съ самымъ великимъ пластикомъ; а ея шагъ величественный, спокойный—право ни съ чѣмъ не сравнить! Такой великой трагической актрисы сцена едва ли еще произведетъ; сверхъ всего сказаннаго, у нея были правильныя, облагороженныя черты лица.

Осень же 1854 года совсѣмъ иначе проводилась въ Гатчинѣ: хотя и собирались въ арсеналъ, но держались серьезно и спокойно, особыхъ приглашеній изъ города не было.

Извѣстія съ театра войны становились все хуже: узнали о мобилизаци австрійскихъ войскъ на нашей границѣ. По этому поводу государь сказалъ разъ на вечерѣ передъ всѣми, что рѣдко случалось, потому что онъ былъ всегда очень сдержанъ на счетъ разго-

¹⁾ Шарады въ дѣйствіи.

²⁾ Затѣйники.

воровъ о дѣлахъ: «L'empereur d'Autriche, sur le quel je comptais tant, a retourné le fer dans mon coeur par sa conduite»¹⁾).

Извѣстно, что государь любилъ очень искренно императора Франца-Иосифа. Когда послѣдній взошелъ на престолъ, въ такіе молодые годы, онъ заинтересовалъ собой императора Николая Павловича, который взялъ какъ бы подъ свое покровительство юнаго монарха. Отблагодарилъ же онъ нашего царя за всѣ его попеченія!

Государь становился все угрюмѣе, но и тутъ оставался добръ и заботливъ къ окружающимъ, близкимъ лицамъ.

Помню, что я сильно простудилась, катаясь по льду, и была нѣсколько время больна. Первый разъ, какъ я опять явилась въ арсеналъ послѣ болѣзни, государь, завидя меня, подошелъ ко мнѣ и такъ милостиво, такъ мягко, какъ отецъ родной, упрекалъ, что я не берегу свое здоровье.

Тяжело было, когда изъ среды нашего тѣснаго кружка уѣзжалъ одинъ изъ флигель-адъютантовъ на войну. Приходишь, напримѣръ, къ вечернему собранію и узнаешь, что такой-то уѣхалъ или отправляется завтра съ разсвѣтомъ; и хотя онъ и не родственникъ и не особенно близкій человѣкъ—станеть его жаль, такъ страшно за него. Такимъ образомъ уѣхалъ флигель-адъютантъ Платонъ Воейковъ и не возвратился.

Вдругъ разнесся слухъ, что государь отправляетъ въ Севастополь великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей. Вотъ сдѣлался переполюхъ у насъ! Они оба въ восторгѣ не могутъ вѣрить своему столь желанному и неожиданному счастью; а мы всѣ въ слезы... Наши милые, дорогіе Веніамины семьи и общества уѣзжаютъ въ этотъ страшный, пожирающій жизнь Севастополь. Боже, какой ужасъ!

Императрица была тверда и спокойна, предаваясь волѣ Божіей, какъ всегда, въ тяжелыя минуты ея жизни, когда долгъ этого требовалъ; отпуская своихъ двухъ младшихъ, неразлучныхъ съ нею сыновей, простилась, благословила ихъ... и замерло ея материнское сердце, но тамъ въ глубинѣ... тайно отъ всѣхъ... Государь проводилъ ихъ на желѣзную дорогу и грустный вернулся утѣшать и поддерживать жену.

Прошло нѣсколько недѣль послѣ отъѣзда великихъ князей; имѣлись извѣстія о ихъ прибытіи въ Севастополь, о ихъ присутствіи при кровавыхъ сраженіяхъ, о посѣщеніи ими лазаретовъ, наполненныхъ ранеными и больными. Всѣ страшно безпокоились и молились, всякая депеша, получаемая съ театра войны, вскрывалась съ трепетомъ; раздѣлялась со всѣми окружающими; какъ-то всѣ еще больше сплотились и составляли одну семью.

¹⁾ Австрійскій императоръ, на котораго я такъ рассчитывалъ, перевернулъ желѣзо въ моемъ сердцѣ своимъ поведеніемъ. (Въ вольномъ переводѣ значитъ: прокололъ мнѣ сердце мечемъ).

Мало-по-малу здоровье императрицы стало слабѣть, физическія силы уступали нравственной постоянной тревогѣ, разлука въ столь страшныхъ обстоятельствахъ съ дорогими дѣтьми становилась невыносима для любящаго сердца матери, хотя императрица не показывала свои нравственные страданія и была тверда духомъ. Наконецъ, сильная, опасная, нервная лихорадка разразилась, какъ императрица ни боролась съ ней. Со дня на день ея величеству становилось хуже. Стали опасаться за ея жизнь. Опасность была до того велика, что когда я уѣзжала изъ Гатчины въ городъ на нѣсколько часовъ повидаться съ моимъ престарѣлымъ отцемъ, то великая княгиня Александра Іосифовна по нѣскольку разъ въ день писала мнѣ о состояніи высокой больной, чтобы въ случаѣ чего я могла скорѣе вернуться.

Государь былъ въ отчаяніи: съ одной стороны худыя извѣстія изъ Севастополя и безпокойство о сыновьяхъ, съ другой—умирающая, дорогая жена. Когда случалось, что императрица чувствуетъ себя немного дурно: у нея бывали періодическія біенія сердца, продолжавшіяся обыкновенно нѣсколько дней,—тогда уже государь былъ самъ не свой.

Лѣчили императрицу лейбъ-медики: Мандтъ, Маркусъ и Карель. Положеніе все ухудшалось, хотя и знали причину болѣзни—разлука съ сыновьями, или, лучше сказать, ихъ пребываніе подъ пулями и бомбами. Очень ошибочно думать, что, когда русскіе великіе князья находятся на войнѣ, они внѣ опасности; если даже и стараются ихъ охранять, то они сами не щадятъ себя; долго не рѣшались возвратитъ ихъ высочества, зная, что оставленіе войны въ эту минуту причинило бы имъ величайшее горе.

Однако же, чтобы спасти угасающую жизнь матери, было рѣшено возвратитъ великихъ князей, и государь выписалъ ихъ на короткое время изъ Севастополя.

Въ день [ихъ пріѣзда государь отправился рано утромъ ихъ встрѣтитъ на дебаркадеръ желѣзной дороги, а мы всѣ собрались въ арсеналь; императрица же ничего не знала о возвращеніи сыновей; ей готовился сюрпризъ. Всѣ мы стояли у оконъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Наконецъ, появляются въ воротахъ такъ называемаго кухоннаго карре сани его величества, онъ везетъ своихъ молодыхъ георгиевскихъ кавалеровъ. Радость была такая общая, такая искренняя, что описать трудно. Существуетъ фотографическая группа, сдѣланная нами позже, въ память этой радостной минуты для великой княгини Александры Іосифовны, которая раздѣляла съ нами эти минуты горя и радости... Со дня пріѣзда сыновей императрицѣ стало легче, и она постепенно начала выздоравливать. Уѣдная, она не ожидала, какое страшное горе и несчастіе Провидѣніе готовило ей въ скоромъ будущемъ.

Въ концѣ декабря императрицѣ стало до того лучше, что рѣ-

пились перевезти ее изъ Гатчины въ Петербургъ. Дворъ послѣдовалъ за ея величествомъ.

Я въ то время, вѣроятно, отъ всѣхъ этихъ волненій сильно захворала, такъ что меня, совсѣмъ изнемогающую, повезла въ особой каретѣ подруга моя, графиня А. В. Гудовичъ.

По возвращеніи въ Петербургъ недѣли черезъ двѣ, когда императрица оправилась, и ея слабыя силы позволили опять подвергнуться испытанію разлуки, — Николай и Михаилъ Николаевичи уѣхали обратно въ Севастополь.

Январь 1855 года прошелъ уныло и тяжело; крымскія извѣстія не приносили ничего утѣшительнаго.

XXVI.

Въ концѣ января, передъ масляницей, была свадьба второй дочери графа Клейнмихеля, графини Александры Петровны, выходившей замужъ за Козена. Государь присутствовалъ на этой свадьбѣ и, возвратясь домой вечеромъ, почувствовалъ легкую простуду, но по своей обыкновенной привычкѣ не обращалъ вниманія на свой недугъ и продолжалъ заниматься и выходить, какъ всегда.

Въ этомъ 1855 году, великій постъ начинался 2-го февраля. На первой недѣлѣ ихъ величества начали говѣть. Съ понедѣльника государь присутствовалъ при всѣхъ службахъ, но чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо. Въ четвергъ, послѣ вечерней службы, графиню Тизенгаузенъ, графиню Гудовичъ, княжну Трубецкую и меня позвали пить чай къ императрицѣ. Государь тоже пришелъ къ этому чаю, одѣтый въ свою старенькую шинель; это доказывало, какъ онъ себя худо чувствовалъ, потому что почти никогда онъ себя не позволялъ являться вечеромъ къ императрицѣ, передъ нами, въ такомъ костюмѣ. Онъ былъ очень блѣденъ, серьезенъ и во время чтенія послѣ чая все время засыпалъ, что тоже никогда съ нимъ не случалось. Графиня Гудовичъ читала что-то изъ Іоанна Златоуста. Я точно вижу его величественно изнуренное болѣзнью лицо; онъ походилъ на мраморную статую. Гораздо ранѣе обыкновеннаго, въ 10 съ половиною часовъ, императрица встала, чтобъ насъ уволить. Графиня Гудовичъ и княжна Трубецкая подошли къ государю, чтобъ попросить прощенія, такъ какъ на другой день въ пятницу приходилось исповѣдываться; онъ ихъ поцѣловалъ и благословилъ, а я думая, что завтра успѣю, имѣя духовнымъ отцемъ В. Б. Бажанова, и исповѣдаюсь тутъ же во дворцѣ, въ малой церкви, — не подошла къ государю, и какъ же я потомъ глубоко о томъ жалѣла... Это былъ послѣдній разъ, что мы видѣли императора Николая Павловича въ живыхъ... Кому же въ ту минуту могло прийти въ голову о его такой близкой кончинѣ?!

На другой день, въ пятницу, мы собирались въ Малую церковь для преждеосвященной обѣдни; когда мы вошли въ ротонду, насъ встрѣтила Барвара Аркадьевна Нелидова со словами: «а вы знаете, *mesdames*» ¹⁾, государь съ нами завтра не будетъ приобщаться!» Его величеству стало не хорошо ночью, и онъ не вставалъ съ постели. Мы всѣ были поражены этимъ извѣстіемъ... Дѣйствительно, въ субботу, 12-го февраля, вся царская семья приобщалась первый разъ безъ него... хотя и грустно было, но никто не думалъ, что эта болѣзнь поведетъ къ роковому исходу...

Воскресенье, понедѣльникъ, вторникъ ничего новаго не принесли; когда ходили узнавать объ августѣйшемъ больномъ, получали отвѣтъ «все въ одномъ положеніи»,—бюллетеней не было. Императрица перемѣстилась въ нижній этажъ, въ комнаты великихъ княженъ, чтобы быть ближе къ страждущему, обожаемому супругу. Эти покои оставались пустыми съ тѣхъ поръ, какъ великія княжны вышли замужъ, а когда Ольга Николаевна прѣѣзжала гостить въ Петербургъ, то постоянно останавливалась въ своихъ прежнихъ комнатахъ. Маленькій же кабинетъ, въ которомъ государь уже жилъ нѣсколько лѣтъ, описанный выше, былъ смеженъ съ спальней, такъ что императрицѣ ближе и легче было ухаживать днемъ и ночью за своимъ дорогимъ больнымъ.

Въ среду, 16-го февраля, я обѣдала съ ея величествомъ тамъ же внизу; насъ кушало только три персоны (техническое придворное выраженіе), императрица, молодой графъ М. М. Віельгорскій и я.

Государыня была еще довольно спокойна, въ виду увѣреній доктора Мандта, что опасности никакой нѣтъ въ состояніи его величества. Мандтъ былъ любимецъ и довѣренное лицо государя. Однако же она была видимо грустна. Послѣ обѣда императрица присѣла на ручку моего кресла,—она часто въ интимномъ кружкѣ такъ садилась,—и потихоньку, на ухо, сказала мнѣ: «*Si Nix*»,—иногда императрица такъ называла мужа, но въ очень рѣдкихъ случаяхъ,—«*ne va pas mieux demain, je commencerai à m'inquiéter, sérieusement*» ²⁾. Услыхавъ эти слова отъ императрицы и вообще почувствовавъ какое-то невыразимое болѣзненное впечатлѣніе всей обстановки, царившей у ея величества, усилившееся отъ сказанныхъ ею словъ, я вдругъ почувствовала страшное безпокойство. Возвратясь въ свою комнату, подъ этимъ впечатлѣніемъ, я пошла къ графинѣ Гудовичъ, чтобы подѣлиться съ ней овладѣвшимъ мной недобримъ предчувствіемъ.

Графиня Гудовичъ боготворила императора Николая Павловича. Оставшись съ тремя малолѣтними дѣтьми молодою матерью, послѣ смерти мужа, графа В. В. Гудовича, храбраго генерала еще вре-

¹⁾ Мои дамы.

²⁾ Если Никсъ не станетъ лучше завтра, я начну серьезно безпокоиться.

мень турецкой кампаніи 1827 года, графиня Гудовичъ привезла ихъ въ Петербургъ, когда они подросли. Государь взялъ ихъ сей-часъ же подъ свое покровительство. Сынъ, графъ В. В. Гудовичъ, впоследствии служилъ въ конногвардіи, а двѣ дочери взяты были по особому желанію государя фрейлинами въ свиту государыни императрицы. Старшая, графиня Евдокія Васильевна, вскорѣ вышла замужъ за графа А. И. Гендрикова, а младшая, графиня Александра Васильевна, оставалась много лѣтъ при императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и пользовалась ея особой милостію и вниманіемъ. Обѣ сестры были красавицы. Я подружилась съ Алине Гудовичъ, какъ ее называли, и она стала моимъ самымъ близкимъ другомъ на всю жизнь. Она перенесла много горя при дворѣ, ради зависти къ ея положенію и близости къ императрицѣ, а также за ея необыкновенную красоту, — но она всѣ клеветы, взводимыя на нее, перенесла терпѣливо, прощая своимъ врагамъ, потому что была религіозна и вполне благородна. Когда ее ближе узнали, то не могли ей не отдать полную справедливость.

Подѣлившись съ моимъ другомъ, Алиной, моими грустными предчувствіями, я, конечно, и ее ими заразила. Намъ никуда не захотѣлось ѣхать, даже къ своимъ, и мы провели вечеръ вмѣстѣ въ большой тревогѣ. Но такъ какъ это были наши личныя безпокойства, то мы не смѣли о нихъ никому говорить.

Въ четвергъ, 17-го февраля, утромъ, Алина и я поѣхали въ домикъ Петра Великаго отслужить молебенъ передъ чудотворной иконой Спасителя за здравіе «болящаго раба Божія Николая», чтобъ не возбудить испуга въ народѣ, если бъ стали поминать царя. Никто даже еще не зналъ о его болѣзни, — это было ровно за сутки до его кончины... Алина поѣхала обѣдать къ своей матери, но скоро вернулась домой; я же не имѣла духа оставить хоть на нѣсколько часовъ дворецъ. Мы опять оставались вмѣстѣ до 9-ти часовъ вечера.

Какъ далеки всѣ были отъ мысли объ угрожавшемъ несчастіи, доказываетъ то, что въ четвергъ вечеромъ, 17-го февраля, было назначено еще маленькое собраніе у ея величества, какъ всякій вечеръ, въ три или четыре персоны, самыхъ близкихъ особъ. А у Вильгорскихъ былъ музыкальный вечеръ, куда я собиралась, но колебалась, ѣхать ли мнѣ или нѣтъ. Около 9-ти часовъ вечера, мучимыя непреодолимой тоской, Алина и я отправляемся узнать о здоровьи государя. Дежурный рейтхнетъ намъ даетъ тотъ же вѣчный отвѣтъ: «его величество въ одномъ положеніи». Идти къ императрицѣ можно было бы, но страшно испугать ея величество приходомъ не въ обычный часъ изъ-за своихъ личныхъ волненій. Возвращаемся мы уныло къ себѣ, ничего не узнавъ, и, проходя нашъ длинный, полутемный фрейлинскій коридоръ, слышимъ, что съзади кто-то насъ зоветъ, — оборачиваемся и видимъ бѣгущую къ

намъ Надежду Арсеньевну Бартеневу, которая съ отчаяніемъ говорить, что собраніе отказано, императрицѣ объявили, что государь въ опасности, и послали за Бажановымъ. Мы въ ужасѣ бросаемся къ Мандту, который ради болѣзни государя переѣхалъ въ Зимній дворецъ и жилъ недалеко отъ его комнаты. Мандтъ обращается къ намъ съ своими всегдашними фразами: «*Mais, tranquillisez vous, mes enfans, il n'y a pas de danger*» и проч. ¹⁾, и при насъ отправляется къ августѣйшему больному, вѣроятно, предупредить его о приближающейся кончинѣ. Извѣстно, что императоръ Николай Павловичъ уже давно передъ тѣмъ взялъ клятву съ Мандта, что когда конецъ его—государя—наступитъ, Мандтъ долженъ ему это сказать прямо, не опасаясь его испугать. Отчего Мандтъ насъ обманывалъ въ эту минуту, одинъ Богъ вѣдаетъ. Мы въ ужасномъ состояніи видимъ и чувствуемъ, что этотъ страшный человѣкъ намъ нагло говоритъ неправду. Не знаемъ, что дѣлать, къ кому броситься, чтобы что нибудь узнать. Всѣ объаты какимъ-то непреодолимымъ ужасомъ... никто не рѣшается выговорить страшныхъ словъ... «Государь умираетъ»... Къ императрицѣ нельзя проникнуть, она не отходитъ отъ постели страждущаго мужа... Но по всему дворцу поднимается тревога, всѣ бѣгаютъ, снуютъ, какъ потерянные. Мы всѣ, приближенные императрицы, наконецъ, усаживаемся на салтыковскомъ подъѣздѣ, кто на скамьяхъ, кто на ступенькахъ лѣстницы, чтобы быть ближе къ комнатѣ умирающаго и къ нашей возлюбленной императрицѣ. Около 12 часовъ ночи пріѣзжаетъ мой несчастный отецъ; онъ блѣденъ, какъ полотно, узнавъ только что страшную вѣсть и получивъ приказаніе выслать немедленно экипажи въ Варшаву на встрѣчу Олыѣ Николаевнѣ, которой послали депешу. Получивъ это извѣстіе, мой отецъ подвергся удару, отъ котораго онъ уже не поправился...

Позже ночью мы идемъ всѣ гурьбой по темнымъ заламъ Зимняго дворца, въ Большую церковь, помолиться у св. мощей за нашего великаго и возлюбленнаго царя и опять возвращаемся на Салтыковскій подъѣздъ.

Наконецъ, я иду въ комнаты графини Ю. О. Барановой, спальня ея находилась за стѣной комнаты государя ²⁾; тамъ я ближе,—но все-таки ничего не узнаю, что дѣлается съ высокимъ больнымъ; все покрыто какой-то страшной тишиной и глубокой тайной. Слышится только изрѣдка за стѣной сухой кашель умирающаго. Около 2 или 3-хъ часовъ утра меня вызываютъ. Графиня Антонина Дмитриевна Блудова ³⁾ пріѣхала и хочетъ со мною говорить. Страш-

¹⁾ Успокойтесь, мои дѣти, опасности нѣтъ.

²⁾ Будучи наставницей великой княгини Маріи Николаевны, графиня Баранова жила около комнатъ великихъ князей и вполнѣдствіи сохранила свою квартиру.

³⁾ Графъ Блудовъ, ея отецъ, былъ въ то время министромъ внутреннихъ дѣлъ.

ная вѣсть пронеслась по городу, хотять служить молебны по церквамъ, но безъ особаго разрѣшенія не могутъ; никто не смѣетъ войти въ комнату умирающаго, чтобъ испросить это позволеніе. Она поручаетъ мнѣ спросить о томъ наслѣдника. Я иду туда, но не вижу умирающаго: все семейство окружаетъ его смертный одръ. Вызываю его высочество; онъ идетъ ко мнѣ въ слезахъ. Доклаваю ему о данномъ мнѣ порученіи; наслѣдникъ разрѣшаетъ служить молебны...

Раздается по Петербургу ночной, унылый колокольный звонъ; народъ въ смятеніи бѣжитъ въ церкви, не понимая, что этотъ необычайный звонъ означаетъ... Всѣ начинаютъ съѣзжаться въ Зимній дворецъ; большой коридоръ, ведущій отъ Салтыковскаго до Іорданскаго подъѣзда, въ который имѣетъ выходъ комната государя, набитъ петербургскимъ обществомъ и публикой; двери открыты для всѣхъ во дворцѣ. Съ отчаяніемъ на лицахъ, въ слезахъ, всѣ жаждутъ что нибудь узнать... Я теперь уже стою у двери комнаты умирающаго. Мандтъ слѣдитъ за пульсомъ и объявляетъ о его перемѣнахъ къ худшему. Черезъ 10 минутъ или четверть часа я выхожу въ коридоръ давать извѣстія лицамъ, собравшимся тамъ; извѣстія съ минуты на минуту становятся тревожнѣе... Государь въ полной памяти... Приводятъ и приносятъ на рукахъ всѣхъ царскихъ внуковъ, которыхъ онъ такъ любилъ, подъ благословеніе умирающаго дѣда... Онъ говоритъ великому князю Николаю Александровичу ¹⁾: «Служи Россіи!» Онъ со всѣми прощается, всѣхъ благословляетъ... Когда подходитъ къ нему великая княгиня Елена Павловна ²⁾, онъ говоритъ: «Eh bien, madame Michel ³⁾, стопъ машина!».. Онъ твердъ и спокоенъ духомъ, но глаза его грустно болѣе всего устремлены на его возлюбленную супругу и на своего наслѣдника... Онъ какъ бы ихъ соединяетъ въ своемъ полномъ грусти взглядѣ; они стоятъ у его изголовья... Онъ исповѣдуются, и такъ чудна его исповѣдь, что духовникъ рыдаетъ... Онъ пріобщается Св. Таинствъ... Внезапно разносится слухъ, что курьеръ прибылъ изъ Севастополя; ему докладываютъ... Но онъ уже приготовился къ переходу въ лучшую жизнь... Онъ ничего не хочетъ больше знать о суетѣ мірской и поручаетъ своему наслѣднику принять курьера. Около 5 часовъ утра, меня зовутъ къ великой княгинѣ Александрѣ Іосифовнѣ; она, утомленная нравственно и физически, вышла изъ комнаты умирающаго на нѣсколько минутъ и хочетъ подѣлиться съ подругой своими тяжелыми, удручающими впечатлѣніями. Проходя по коридору, я различаю пробирающуюся тѣнь

¹⁾ Покойный цесаревичъ.

²⁾ Вдова в. к. Михаила Павловича.

³⁾ Государь ее такъ звалъ постоянно, шутя съ нею.—«Ну, что же, госпожа Мишель, стопъ машина!»

около стѣны. Всмотриваюсь и узнаю Варвару Аркадьевну Нелидову. Она старается незамѣтно и неслышно проникнуть съ другой стороны въ комнату умирающаго, можетъ быть, въ надеждѣ его въ послѣдній разъ увидѣть. Императрица сама предлагаетъ своему возлюбленному супругу позвать ту, которая была его любимицей, чтобы онъ могъ проститься съ нею въ послѣдній разъ, но онъ отказывается ее видѣть. Онъ весь въ Богѣ, земное все кончено для него, и при томъ онъ окруженъ дорогой женою и семействомъ, которыхъ привыкъ свято почитать. Какой примѣръ!..

Восходитъ солнце этого ужаснаго дня, 18-го февраля 1855 года. Страдальцу императору дѣлается все хуже; агонія страшная. Его крѣпкая, сильная природа борется со смертью. Онъ до послѣдней минуты въ полной памяти и не спускаетъ глазъ съ жены... Безъ 10 минутъ въ двѣнадцать часовъ полудня его высокая душа отлетаетъ къ Богу...

Все замолкло. Всѣ дрожать отъ ужаса. Не стало могучаго, русскаго царя!.. Кажется всѣмъ, что сейчасъ разверзится земля, и вся Россія пропадетъ... Бажановъ выходитъ изъ смертной комнаты и, рыдая, призываетъ присутствующихъ молиться.

Нѣсколько время спустя, выходитъ царственная вдова, убитая, уничтоженная горемъ. Ведетъ ее старшій сынъ въ свои покои; все семейство ее окружаетъ.

Только что царская фамилія удалилась, я сейчасъ же вошла въ смертную комнату, со мной вошелъ флигель-адъютантъ Альбединскій и... Варвара Аркадьевна Нелидова. Минута была ужасающая!

Государь лежалъ еще въ томъ положеніи, въ которомъ онъ скончался; его чудныя черты были искажены страданіемъ.

Насъ всѣхъ, свитскихъ фрейлинъ, сейчасъ же потребовали къ императрицѣ; она хотѣла немедленно видѣть насъ и подѣлиться своимъ жгучимъ горемъ съ близко къ ней стоящими. Вотъ что было такъ отраднo, что служащіе при ней никогда себя не чувствовали служащими, а были какъ бы частицей, составлявшей и раздѣлявшей ея жизнь. Описать эту минуту, когда мы всѣ вошли къ нашей дорогой императрицѣ, нѣтъ возможности...

Потомъ мы всѣ отправились на панихиду въ большую церковь. Панихида эта состояла только изъ одного общаго рыданія! Ни священники, ни протодіаконы, ни пѣвчіе, не могли выговорить ни слова.

Во время этой первой панихиды вошелъ въ церковь весь государственный совѣтъ, въ полномъ составѣ уже давшій присягу новому царю. Всѣ эти старые слуги Николая, пали ницъ и зарыдали...

Но народъ возмущился этой неожиданной смертью, похитившей такъ внезапно его возлюбленнаго царя. Народъ только что узналъ о болѣзни государя въ эту же ночь (бюллетени не выходили) у молебновъ, и сейчасъ же вслѣдъ за оными раздался колоколъ, возвѣщающій о кончинѣ царя, и пушечная пальба, возвѣщающая о во-

царенія новаго императора. Народъ увидалъ тутъ неестественную смерть, и толпы бросились къ Зимнему дворцу, требуя на расправу врача Мандта. Послѣдняго успѣли спасти; онъ скрылся изъ Зимняго дворца задними ходами. Мандту угрожала не минуемая опасность быть разорваннымъ на клочки народомъ¹⁾.

Когда все было приведено въ порядокъ въ смертной комнатѣ, и царя покойника обрядили на его походной кровати, на томъ же мѣ-

¹⁾ Мандтъ былъ иностранецъ, вывезенный изъ-за границы въ 1840-хъ годахъ, если не ошибаюсь, великою княгиней Еленой Павловной врачомъ для себя. Но онъ своимъ умомъ сумѣлъ обратить на себя вниманіе императора Николая Павловича. Сперва Мандта позвали лѣчить императрицу; какъ казалось, его пользованіе было удачно, этимъ онъ приобрѣлъ довѣріе государя, какъ медикъ, и былъ взятъ къ высочайшему двору лейбъ-медикомъ государыни императрицы. Потомъ, мало-помалу, сталъ давать медицинскіе совѣты и государю; перешелъ въ лейбъ-медики его величества и въ концѣ концовъ сдѣлался необходимымъ лицомъ у государя, сопровождалъ его величество въ путешествіяхъ, замѣнивъ уже престарѣлаго Н. А. Аренда. Довѣріе государя къ Мандту все болѣе и болѣе росло, и наконецъ своимъ умѣніемъ вкрадываясь въ челоуѣка онъ достигъ званія друга государя. Мандтъ былъ дѣйствительно нѣчто необыкновенное. Ума былъ рѣзкаго, выдающагося, что и превлекало къ нему Николая Павловича. Но хитрость его была тоже выходящая изъ ряду вонъ, и умѣніе ее скрывать было тоже необыкновенное. Онъ былъ одинъ изъ такихъ людей, которыхъ или ненавидѣли или обожали. Онъ вторгся въ положительно въ людей и дѣлалъ изъ своихъ поклонниковъ и поклонницъ—особенно изъ тѣхъ, которые могли ему приносить личную пользу—свои инструменты для разныхъ интригъ. Система его лѣченія была очень своеобразна: онъ всегда и всѣхъ лѣчилъ отъ будущей болѣзни печени и заставлялъ своихъ пациентовъ дѣлать такъ называемое «Hungerkur» (лѣченіе голодомъ). Кромѣ водяного супа и блюда картофеля или моркови, варенныхъ на водѣ, онъ ничего не позволялъ ѣсть, давая притомъ порошки, приготовленные большею частью имъ самимъ, особенно для пациентовъ, къ которымъ онъ благоволилъ и которые нужны были ему для его цѣлей, а, что цѣль у него была, это, пожалуй, вѣрно. Государю во время его послѣдней болѣзни Мандтъ приносилъ свои порошки въ карманѣ. Другихъ медиковъ онъ не допускалъ во время этой же болѣзни, увѣряя до послѣдней минуты, что опасности нѣтъ. При немъ былъ ассистентъ, второй лейбъ-медикъ его величества, докторъ Карель, но передъ Мандтомъ онъ не смѣлъ пикнуть, будучи въ то время еще довольно молодъ и неопытенъ въ придворной жизни. Въ эти отношенія Мандта и дали поводъ впоследствии къ разнымъ толкамъ. Наружность Мандтъ имѣлъ совершенно мефистофельскую; голова его была маленькая, продолговатая, змѣвидная, орлиный носъ и пронзительный взглядъ исподобья, смѣхъ его былъ вопріятный—при всемъ этомъ онъ хромалъ, ну, ни дать ни взять—мефистофель, да и только. Для меня эта личность имѣла всегда что-то отталкивающее, и просто-на-просто боялся его; но когда мнѣ приходилось слушать его умные разговоры, то я тоже поддавала подъ его обаяніе, какъ и всѣ; но во мнѣ это возбуждало тяжелое чувство. Вскорѣ послѣ смерти императора Николая Павловича, Мандтъ оставилъ совсѣмъ Петербургъ, поселился во Франкфуртѣ, гдѣ нѣсколько лѣтъ спустя умеръ. Въ настоящее время ему бы приписали силу внушенія, но тогда объ этой силѣ еще не было и рѣчи. Припоминая внушительный взглядъ Мандта и своеобразное удареніе пальцемъ по столу, когда онъ хотѣлъ что нибудь доказать, смотря нѣсколько секундъ упорно вамъ въ глаза, то невольно приходишь къ мысли, что дѣйствительно Мандтъ обладалъ громадною силой внушенія, притомъ онъ былъ и магнетизеръ. Странная загадочная личность былъ этотъ человекъ.

стѣ, гдѣ она стояла всегда и гдѣ онъ скончался, императрица, вся семья и свита собрались около его тѣла для панихиды. Черты лица его приняли опять свое спокойное величественное выраженіе. Лежалъ онъ тутъ неподвижно, этотъ великій человѣкъ, предъ которымъ еще такъ недавно весь міръ трепеталъ и преклонялся... Вѣрить не хотѣлось, что дѣйствительно это онъ, тутъ передъ вами бездыханный.

Императрица была въ страшномъ состояніи; боялись, что она внезапно можетъ умереть отъ разрыва сердца, и я не отходила отъ нея при всѣхъ панихидахъ и церемоніяхъ, изъ коихъ она ни одну не пропускала, не слушая никакихъ совѣтовъ и просьбъ беречь себя. Но Господь судилъ иначе, онъ ее сохранилъ намъ еще на пять лѣтъ—увы! для многихъ страданій и испытаній.

XXVII.

На другой день послѣ смерти государя, 19-го февраля, въ день восшествія на престолъ императора Александра II, неутѣшная, убитая горемъ супруга, овдовѣвшая царица, имѣла силу воли одѣться вся въ бѣлое и утромъ пошла къ новой царской четѣ, воздать имъ свой долгъ преданности и свое материнское благословеніе на новое великое поприще. Императоръ Александръ II и императрица Марія Александровна были невыразимо тронуты этимъ, почти выше силъ, вниманіемъ ихъ возлюбленной матери: убитые горемъ сами, они съ рыданіями ее приняли. Нечего и говорить, сколько въ эту минуту посѣщенія императрицы матери было продито слезъ.

Александръ Николаевичъ, всегда покорный, любящій сынъ, глубоко чувствовалъ и горевалъ о понесенной имъ утратѣ; а, сверхъ того, на него ложилась тяжелая обуза правленія, и еще въ такое роковое время, когда слава и могущество Россіи такъ внезапно стали затмеваться. Ему было страшно тяжело. Но онъ былъ, какъ всегда, кротокъ, сердеченъ и преданъ волѣ Божіей. Несмотря на всю тяжесть минуты, онъ только и думалъ, какъ бы успокоить мать, и нѣжно за ней ухаживалъ. Напримѣръ, онъ отдалъ всѣмъ окружающимъ императрицу Александру Феодоровну строгое приказаніе въ ея присутствіи никогда не называть его «государь», а всегда «Александромъ Николаевичемъ», и мы всѣ, равно какъ и прислуга, при матери его иначе не называли.

Не сердечна ли эта черта?!

Въ этотъ же день, 19 февраля 1855 года, имѣлъ быть большой высочайшій выходъ при новомъ дворѣ. Александръ Николаевичъ, выходя первый разъ царемъ передъ своими подданными, не могъ удерживаться отъ слезъ; онъ у него такъ и текли по лицу. Императрица Марія Александровна была взволнована и блѣдна, императрица мать не выходила. Тяжелъ былъ этотъ выходъ. Послѣ та-

кого страшнаго событія, смерти Николая I-го, этого могучаго, исполнскаго императора-рыцаря, съ потерей котораго, казалось, все должно погибнуть... очутиться немедленно въ праздничной обстановкѣ, что-то сверхъестественное было. Теперь, послѣ столь долгихъ лѣтъ, я еще совершенно ясно припоминаю это грустное, гнетущее чувство.

Что касается меня лично, то я была, какъ истуканъ, движущійся не по своей волѣ. Впрочемъ, не я одна была въ такомъ состояніи.

Послѣ выхода императрица Марія Александровна потребовала насъ, всѣхъ свитскихъ фрейлинъ, къ себѣ, такъ какъ мы переходили на службу и къ ея величеству. Она была еще въ русскомъ бѣломъ креповомъ платьѣ, безъ малѣйшаго украшенія и брильянтовъ, равно какъ и всѣ великія княгини были одѣты въ этотъ день; а мы въ нашихъ фрейлинскихъ мундирахъ, но тоже безъ брильянтовъ и съ креповыми бѣлыми вуалями. Свитскими фрейлинами въ то время были: графиня Е. О. Тизенгаузенъ, В. А. Нелидова¹⁾, П. А. Бартенева, графиня А. В. Гудовичъ, Н. А. Бартенева, баронесса М. П. Фредериксъ²⁾, княгиня Е. Н. Трубецкая и баронесса А. К. Пиллеръ фонъ-Пильхау³⁾. Гофъ-мейстеринами были при императрицахъ: Александрѣ Феодоровнѣ—статсъ-дама графиня Ю. О. Баранова, Маріи Александровнѣ—княгиня Е. В. Салтыкова. Онѣ оставались при своихъ назначеніяхъ, а фрейлинами были: княгиня А. С. Долгорукая⁴⁾ и А. О. Тютчева. Послѣднія тоже переходили къ намъ, т. е. ко двору матушки императрицы. Это переимѣненіе, если можно выразиться такъ, было для насъ всѣхъ очень тяжелое въ первое время. Мы хорошо знали Марію Александровну. Она была всегда добра для насъ; въ особенности со мной она была даже ласкова въ память моей матери, которую она очень любила, глубоко уважала и цѣнила. Въ самый день смерти моей матери Марія Александровна, говорящая всѣмъ постороннимъ, не принадлежащимъ къ царской семьѣ, «вы», переимѣнила это холодное «вы» на задушевное «ты».

Мать моя, въ свою очередь, очень цѣнила и любила цесаревну и всегда о ней выражалась такъ, что эту женщину она ставитъ на пьедесталъ. Впослѣдствіи, когда я узнала совсѣмъ близко императрицу Марію Александровну, я часто вспоминала, до какой степени мать моя вѣрно оцѣняла и понимала эту женщину, выходящую изъ ряду вонъ. Но въ то время, при переходѣ къ ея особѣ, повторяю, намъ было очень тяжело; мы были такъ избалованы сердечнымъ,

¹⁾ На этомъ выходѣ она уже не присутствовала и со дня кончины государя не дежурила больше, но только приходила иногда читать вслухъ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ, когда ея величество была совсѣмъ одна.

²⁾ Авторъ настоящихъ воспоминаній.

³⁾ Въ это время лѣчилась за границей.

⁴⁾ Въ замужествѣ Альбединская.

материнскимъ обращеніемъ «нашей императрицы», какъ мы тогда стали невольно называть Александру Ѳеодоровну, которую мы всѣ боготворили, что императрица Марія Александровна намъ казалась такою холодною. Правда, что она имѣла вѣщность очень высокоумную, обладающую холодомъ людей, не знающихъ ея хорошо.

XXVIII.

Нѣсколько дней послѣ роковаго 18-го февраля, не упомню какого именно числа, прибыла великая княгиня Ольга Николаевна со своимъ супругомъ, узнавъ о несчастіи, постигшемъ ихъ и всю Россію уже въ пути. Горе ея было невыразимо—не застать въ живыхъ возлюбленнаго отца, несмотря на поспѣшность выѣзда изъ Штутгарта и всего путешествія.

Великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи снова были вызваны изъ Севастополя. Бѣдные молодые люди на этотъ разъ были поражены горемъ. Они прибыли, когда останки ихъ отца были уже перенесены въ крѣпость.

Въ это же время стали съѣзжаться со всѣхъ сторонъ царственныя особы; тогда у насъ еще не было желѣзныхъ дорогъ, и все это шло медленно.

Въ день погребенія государя, съ утра, меня предупредилъ еще разъ лейбъ-медикъ Карель, перешедшій послѣ кончины государя къ ея величеству государынѣ императрицѣ матери, что императрица можетъ скончаться въ одинъ мигъ отъ разрыва сердца. Меня снабдили разными эфиромъ, каплями и проч., и я уже не отставала отъ ея величества ни на шагъ.

Когда подняли гробъ государя и всѣ великіе князья, чтобъ нести въ могилу... императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ сдѣлалось дурно, она упала безъ чувствъ на руки окружающихъ ее, императрицы Маріи Александровны и всѣхъ великихъ княженъ... Минута была ужасающая. Всѣ замерли... Но ея время еще не пришло... Она оправилась, слава Богу.

Баронесса Марія Фредериксъ.

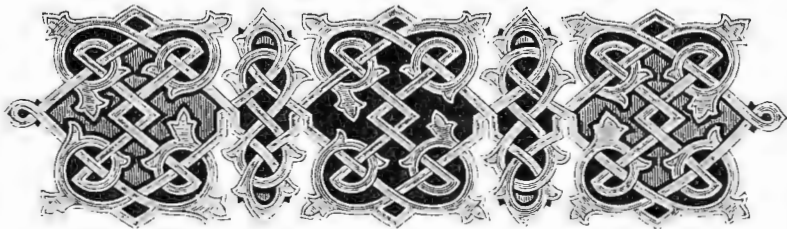
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

КНЯЖНА ЕКАТЕРИНА АЛЕКСѢВНА ДОЛГОРУКОВА.

ДОВ. ЦЕНЗ. СПБ., 27 ЯНВАРЯ 1898 Г.

СЕМЬ АРЕСТОВЪ ¹⁾.

(Изъ воспоминаній).

V.

ЕЩЕРЬ приходится рассказать объ серьезномъ избѣгнутомъ арестѣ и даже вѣрнѣе о трехъ, долженствовавшихъ слѣдовать одинъ за другимъ. Дѣлу этому—уже болѣе тридцати-пяти лѣтъ, а между тѣмъ говорить о немъ какъ-то мудро, будто неловко. Многихъ и многихъ дѣйствующихъ или «дѣйствовавшихъ» въ этомъ дѣлѣ уже нѣтъ въ живыхъ. О комъ ни вспомнишь—уже «ушелъ». А между тѣмъ, повторяю: прямо, искренно, не стѣсняясь, говорить обо всемъ *avec les points sur les «i»*, все-таки, несмотря на это огромное разстояніе лѣтъ, если не невозможно, то трудно и не хочется.

Дѣло это и ему подобныя, увы, продолжаютъ еще быть «вопросомъ».

Я хочу рассказать о томъ, какъ я долженъ былъ быть арестованъ въ качествѣ московскаго студента во время университетскихъ волненій 1861 года.

Это общественное явленіе, которому дано прозвище «студенческая исторія», до сихъ поръ еще не сдано въ архивъ. Нѣтъ-нѣтъ, и снова всплыветъ гдѣ либо «исторія» и снова сразу раздѣлитъ и даже рѣзко, будто топоромъ, расколетъ общество пополамъ: одни на сторонѣ студентовъ, другіе противъ нихъ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXI, стр. 88.

И если приглядѣться въ эту минуту къ этимъ двумъ лагерямъ, то сейчасъ же пораженъ тѣмъ, какія всплываютъ личности и типы противъ студентовъ и какіе за нихъ; тотчасъ же пораженъ тѣми курьезами, которые высказываются и той и другой стороной.

Объяснять подробно то, что я хочу сказать, не считаю нужнымъ. Впрочемъ, меня самого, бывшего студента и «пострадаващаго», всякій имѣетъ право заподозрѣть въ пристрастномъ взглядѣ на дѣло. На это самъ я отвѣчу, что теперь, тридцать-пять лѣтъ спустя послѣ «нашей» исторіи, я не могу относиться хладнокровно ни къ одной студенческой исторіи. Гдѣ бы она ни случилась, при какихъ бы обстоятельствахъ ни разыгралась, какъ бы странно ни выразилась,—я затыкаю уши и кладу, какъ говорится, «печать молчанія на уста».

Однако, прибавлю, что съ тѣхъ поръ, какъ студенческія исторіи въ Россіи существуютъ, почти ни разу ни въ одной изъ нихъ начальство не заявило себя вполне толковымъ распорядителемъ, находчивымъ и искуснымъ умирителемъ, или, вѣрнѣе, утишителемъ. Для объясненія моей мысли приведу если не очень красивое сравненіе, то совершенно вѣрное. Представьте себѣ, что случился пожаръ, большой или маленькій. Явившіеся тушители поступаютъ совершенно логично по опыту и, со стороны глядя, умно: тушатъ пожаръ водой. Кажется, чего цѣлесообразнѣе? Но горитъ-то керосинъ! Требуется вмѣсто воды засыпка землей или пескомъ, а вода дѣйствуетъ только, по выраженію математиковъ, обратно пропорціонально.

То же самое было и въ нашей студенческой исторіи. Подробно рассказывать ее я не стану, потому что это завело бы меня слишкомъ далеко... во многихъ смыслахъ. Кромѣ того, это вышло бы длиннѣйшее повѣствованіе, интересное только для моихъ товарищей, какъ случай вспомнить юные годы. Наконецъ, оно могло бы повести даже и къ полемикѣ... А отъ этого Господь избави и помилуй!

Впрочемъ, мысленно перебирая имена тогдашнихъ дѣйствующихъ лицъ, долженъ сказать, что, начиная съ министра просвѣщенія графа Путятина, попечителя Исакова, генераль-губернатора Тучкова и оберъ-полицеймейстера графа Крейца, инспекторовъ студентовъ Шестакова и Авилова и кончая моими товарищами, главными бунтарами—Кельсіевымъ, Покровскимъ, Аргиропуло, Колышко, Гижицкимъ и другими,—всѣ на на томъ свѣтѣ. Даже три писателя, близко стоявшіе къ нашей исторіи, заглянувшіе за тѣ дни и въ университетскій садъ: В. А. Слѣпцовъ, Лѣсковъ и Левитовъ—и тѣ на томъ свѣтѣ.

Итакъ, повторю, что, взявшись рассказывать, какъ я въ жизни нѣсколько разъ «чуть-чуть не былъ арестованъ», я поневолѣ долженъ говорить и о студенческой исторіи 1861 года. Въ предыдущихъ случаяхъ я подробно рассказывалъ не самый фактъ ареста, а тѣ мотивы, которые вызывали его, или о тѣхъ личностяхъ, которыя соприкасались съ нимъ. Иначе, конечно, о всякомъ несостоявшемся арестѣ пришлось бы сказать только два слова.

Что касается ареста или трехъ арестовъ за участіе въ студенческихъ волненіяхъ, то я постараюсь быть кратокъ, безпристрастенъ, а затѣмъ, конечно, умолчу умышленно о нѣкоторыхъ крайне характерныхъ деталяхъ и характерныхъ личностяхъ этой исторіи. Скажу только, что нѣсколько человѣкъ, кои считались или были дѣйствительно въ качествѣ нашихъ коноводовъ, затѣмъ вскорѣ послѣ студенческой исторіи увлеклись преступною дѣятельностью. Одни изъ нихъ занялись «золотыми» манифестами къ народу или пресловутыми прокламаціями въ родѣ «Великоросса», а другіе ушли въ Польшу и попали въ повстанцы. Одинъ изъ таковыхъ кончилъ дни въ Вильнѣ, повѣшенный Муравьевымъ. Другой позднѣе очутился въ рядахъ гарибальдійцевъ и храбро сражался съ французскими войсками.

Въ первыхъ числахъ сентября 1861 года, когда собрались всѣ студенты послѣ вакацій и начались лекціи, въ alma mater было почти такъ же спокойно и мирно, какъ и всегда. Между студентами начались только постоянные разговоры о нововведеніи, о злобѣ дня — «матрикулахъ», и досадованіе на то, что, ходя на лекціи, надо всегда имѣть при себѣ билетъ, какъ въ театрѣ или на выставку, и ежедневно предъавлять его швейцару.

Въ половинѣ сентября случилось нѣчто, сразу взволновавшее студентовъ. Существовала студенческая касса, собранная самими студентами деньги, довольно большія, которыми сами студенты распоряжались, помогая недостаточнымъ товарищамъ. Къ этой кассѣ былъ вдругъ приставленъ контролеръ-чиновникъ, чтобы знать и вѣдать, на какія цѣли эти деньги расходуются. Начальство, какъ мы думали, заподозрѣло, что на эти деньги литографируются и распространяются такіе страшные, безнравственные писатели, какъ Фейербахъ или Бюхнеръ, и такія зловредныя сочиненія, какъ «Сила и матерія». Литографированныя тетрадки, которыя циркулировали между студентами, являлись почти со стороны; онѣ литографировались, конечно, тайно студентами Праотцевымъ и Аргиропуло при содѣйствіи двухъ-трехъ человѣкъ ихъ пріятелей.

Такъ или иначе, но наши деньги, собранныя и собираемыя, оказались не въ нашихъ рукахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ помогать товарищамъ стало гораздо мудренѣе. Прежде форма была простая: нуждающійся товарищъ шелъ прямо къ заправителю и говорилъ:

— Дайте мнѣ пять рублей. Дайте мнѣ десять рублей.

— Зачѣмъ?

— У меня сапоговъ нѣтъ. Или: мнѣ надо за столъ хозяйкѣ что нибудь уплатить.

Происходилъ товарищескій разговоръ, деньги выдавались, и помимо разговарившихъ никто не зналъ, кто какую помощь получилъ. При господинѣ контролерѣ очень многіе студенты, въ томъ числѣ двое близкихъ мнѣ товарищей, заявили, что они «у этого скота» помощи

просить не пойдутъ. Причина, почему безвинный чиновникъ сразу попалъ въ скоты, было, конечно, уже начинавшееся раздраженіе.

Около двадцатаго сентября произошло въ университетѣ цѣлое событіе. Надо сказать, что въ то же время въ Петербургѣ началась тоже студенческая исторія, что тамошніе студенты,—зачѣмъ, совершенно не помню,—пошли огуломъ на квартиру попечителя, жившаго на Колокольной улицѣ. Помню, какъ въ Москвѣ шутили, что петербургскіе студенты демонстративно пошли на Колокольную только потому, что зачитались «Колоколомъ» Герцена. Какіе собственно мотивы произвели волненіе петербургскихъ студентовъ, я положительно не помню, вѣроятно, приблизительно было то же, что и въ Москвѣ. Но однажды, около полудня, вслѣдствіе того, что не явился на лекцію профессоръ Бѣляевъ, собравшіеся въ «Большой словесной» студенты, человѣкъ до двухсотъ юристовъ, начинали уже расходиться, когда одинъ студентъ поднялся на кафедру и громогласно заявилъ:

— Товарищи! Позвольте прочесть вамъ письмо, полученное мною отъ пріятеля, петербургскаго студента.

Нѣкоторые удивились, но никто не протестовалъ. Большинство даже не понимало, что за письмо и съ какой радости хочетъ его читать какой-то студентъ.

Письмо оказалось довольно пространное, очень умное и очень горячо написанное. Петербургскій студентъ рассказывалъ про волненія въ его университетѣ и, конечно, въ концѣ письма, призывалъ лечь костью и постоять за матушку святую Русь и московскихъ студентовъ.

Почему-то охотниковъ и «ложиться» и «постоять» оказалось сразу немало. Я думаю, что студентъ, нѣкто Гижицкій, читавшій письмо съ пафосомъ и декламаціей, а отчасти и самое изложеніе, горячее и талантливое, произвели, какъ сюрпризъ, извѣстное впечатлѣніе на аудиторію, собравшуюся было слушать нѣчто иное, скучнѣйшее, что бывало всегда измучаетъ, какъ застѣнокъ, и доконаетъ на смерть. А именно мы соплились ради профессора Бѣляева и «исторіи русскаго законодательства», которое въ его устахъ имѣло всегда удивительное свойство вытягивать душу изъ тѣла «по ниточкѣ» и которое мы называли «Исторіей русскаго доконательства».

Съ этого дня студенты начали, какъ принято выражаться, «волноваться». Воззваніе петербургскаго студента было искрой, упавшей въ студенческую кассу, изображавшую въ эти дни нравственный пороховой складъ.

Рассказывая вкратцѣ, я пропущу все, что за эти дни произошло, такъ какъ сравнительно съ послѣдующимъ оно было не важно. Скажу только, что за одну недѣлю времени оказалось два явно непріянныхъ лагеря: профессора и студенты. Лекціи всѣ прекратились, а такъ какъ студенты продолжали ходить въ университетъ,

то, не имѣя никакихъ занятій, разумѣется, начали въ аудиторіяхъ убивать время на особый ладъ.

Такъ обѣ большія аудиторіи, которыя мы звали «юридическая» и «словесная», превратились въ нѣчто подобное версальской Salle du Jeu de Pommes. Поглядѣть иногда со стороны и просто ни дать, ни взять, знаменитая картина Давида, на которой, по предложенію абата Сіеса и Мирабо, всѣ клянутся, вздымая руки, постоять за истину и свободу, бросить вызовъ угнетателямъ и не слагать оружія (въ нашемъ случаѣ,—языковъ), покуда не побѣдишь.

Во время недавней московской студенческой исторіи въ городѣ разнесся слухъ, что студенты волнуются, требуя уничтоженія брака и права дарового проѣзда по конкѣ. Конечно, это пустиль въ ходъ какой нибудь злочій московскій острякъ... Но шутка шуткой, а нѣчто подобное всегда присоединяется непремѣнно ко всякой студенческой исторіи.

Во времена ъны на одной петербургской площади подвыпившая гурьба простонародья кричала въ отплату за угощеніе: «Хотимъ Костентина Палыча и супругу его Каституцію». Точно такъ же при всякомъ студенческомъ волненіи является гурьба, малочисленная, но зато зѣло горластая, и требуетъ объявить войну «нѣкоторому царству, не нашему государству», основать Соединенные Россійскіе Штаты, уничтожить метрики, строго запретить крещеніе и предоставить всякому студенту даровой входъ во всѣ тѣ мѣста, гдѣ остальные люди-человѣки платягъ деньги... театры, шантаны, бани, конки и даже пансіоны... безъ древнихъ языковъ.

То же приключилось и въ нашу исторію. Помню, что мы сами, студенты, смѣялись иногда до слезъ надъ ахинеей, которую при дебатахъ нѣкоторые изъ насъ пылко ставили «на очередь». Никогда никакимъ депутатамъ шутамъ, а таковыя есть во всякомъ парламентѣ, не случалось дѣлать такихъ «съ ногъ сшибательныхъ» заявленій, какія дѣлались тогда въ аудиторіяхъ и въ университетскомъ садѣ.

Отношенія между профессорами и студентами все обострялись, хотя лекцій и не было. Какъ относились къ волненіямъ и какъ на нихъ смотрѣли профессора, станетъ ясно изъ слѣдующаго примѣра. Небольшой кружокъ студентовъ, къ которому я принадлежалъ, рѣшилъ идти посовѣтоваться, конечно, не объ уничтоженіи крещенія и брака, къ новому профессору, который былъ отчасти популяренъ, Ѳ. М. Дмитріеву. Онъ читалъ «иностранныя законодательства». Широкое поле въ тѣ дни—для невинныхъ, но остроумныхъ намековъ. Однажды, утромъ, человѣкъ двадцать студентовъ, и я въ томъ числѣ, отправились на Знаменку, въ квартиру Дмитріева, и позвонили. Когда человѣкъ отворилъ дверь, то ему объяснили, чтобы онъ доложилъ профессору, что студенты-юристы желаютъ съ нимъ побесѣдовать.

Лакей скрылся, а мы остались ждать на улицѣ и ждали до-

вольно долго. Наконецъ, лакей вернулся, объясняя, что г. Дмитриевъ «находятся» въ постели и хворають уже дней пять серьезно.

Я, видѣвшій Дмитриева наканунѣ вечеромъ въ гостяхъ, понялъ, что это отговорка, и, разумѣется, тотчасъ передалъ это товарищамъ. Начались споры и пререканья между нами. Тѣ, которые затѣяли идти объясняться съ Дмитриевымъ, были сконфужены. Противники говорили:

— Вотъ видите, и этотъ отъ насъ отворачивается, какъ всѣ другіе, и этотъ не принимаетъ, и этому плевать на студентовъ.

Въ числѣ подбившихъ идти къ Дмитриеву былъ и я. Обратившись къ лакею, который все еще подозрительно стоялъ у открытой двери, готовый ежеминутно захлопнуть ее, я приказалъ доложить о себѣ и спросить, приметъ ли меня профессоръ одного или съ двумя другими. Черезъ полминуты появился снова лакей, широко распахнулъ дверь и объяснилъ:

— Пожалуйте. Просить всѣхъ!

Разумѣется, эффектъ былъ чрезвычайный... Всѣ лица просіяли, какъ если бы каждый получилъ по цѣнному подарку.

Всякій врагъ студенческихъ исторій, если бы присутствовалъ здѣсь въ эту минуту, то понялъ бы, какъ легко, какъ невообразимо легко руководить волнующеюся молодежью.

И вотъ вся орава вошла въ комнаты маленькой квартиры Дмитриева: половина усѣлась въ его небольшомъ кабинетѣ, половина стояла у стѣны и въ дверяхъ. Объясненія этого я приводить не стану. Дмитриевъ намъ давалъ совѣты, а мы, и я въ томъ числѣ, отвѣчали:

— Да вѣдь это теперь невозможно! Поздно! Но мы постараемся уладить то-то и то-то...

Черезъ дня два Дмитриевъ, бывшій, какъ извѣстно, чрезвычайно маленькаго роста, худенькій и слабенькій, встрѣтивъ меня у знакомыхъ, сказалъ, какъ всегда, въ носъ.

— Я думалъ, вы меня бить пришли. Да поглядѣлъ въ окно, вижу—цѣлая орава. Думаю, нѣтъ! Должно быть, не то... Меня избить и одного довольно. Ну, и впустилъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого произошло нѣчто и хорошее и нелѣпое, и умное и глупое... Затѣя, хорошая по замыслу, оказалась нелѣпою въ исполненіи. А это дѣяніе,—теперь дѣло прошлое,—я самъ же и затѣялъ.

Наступало четвертое октября, день смерти Грановскаго, имя котораго уже магически звучало въ стѣнахъ аудиторій. Я, близко знавшій Грановскаго, будучи еще только девяти лѣтъ, а теперь мнѣ было двадцать, возымѣлъ мысль предложить товарищамъ, въ опроверженіе разныхъ слуховъ, доказать нѣкоторымъ г.г. профессорамъ, что мы съ особеннымъ уваженіемъ и любовью относимся не только къ живымъ профессорамъ, но и къ памяти умершихъ

профессоровъ, когда они извѣстны своимъ теплымъ отношеніемъ къ студентамъ. Я предложилъ, чтобы намъ, собравшись какъ можно побольше числомъ, 4-го октября отправиться на могилу Грановскаго.

Сначала въ этомъ намѣреніи не было ничего особеннаго. Правда, случилось бы въ первый разъ, что огромное количество студентовъ собралось бы почтить память его, черезъ шесть лѣтъ послѣ его смерти.

Это демонстративное посѣщеніе могилы Грановскаго есть одно изъ трехъ самыхъ крупныхъ и наиболѣе порицаемыхъ дѣяній студенческихъ за всю эту исторію 1861 года. Такъ какъ я уже назвалъ себя прямымъ зачинщикомъ этой демонстраціи, то могу лучше всякаго другого рассказать и объяснить, какъ все было.

Было положено четвертаго октября утромъ собраться на Пятницкомъ кладбищѣ и быть всѣмъ тамъ къ началу или концу обѣдни, какъ кому вздумается или какъ кто поспѣетъ.

Наканунѣ оказалось, что гораздо болѣе студентовъ, нежели можно было предполагать, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о томъ, гдѣ Пятницкое кладбище и какъ къ нему пройти. Объяснить человѣку, мало знающему Москву, какъ пройти, конечно, мудрено. Извозчики не по карману большинству. Отсюда, разумѣется, возникли предложенія:

— Приходите ко мнѣ, пойдемъ вмѣстѣ.

Но послѣ этого пришли къ заключенію, что надо заранѣе назначить какое нибудь мѣсто сбора, чтобы затѣмъ отправляться всѣмъ вмѣстѣ. Сначала предполагалась квартира кучки студентовъ-сожителей на Сивцевомъ Вражкѣ, затѣмъ предполагалась моя квартира на Садовой, гдѣ былъ, да и теперь существуетъ, огромный дворъ, могущій вмѣстить хоть двѣ тысячи человѣкъ. Я долженъ былъ отклонить это, по желанію моей матери, которую и безъ того глупѣйшимъ образомъ припутывала Москва ко всему, что дѣлалъ я... Кончилось тѣмъ, что всѣ рѣшили собраться въ университетскомъ саду. Такимъ образомъ, по милости тѣхъ, кто не зналъ дороги на Пятницкое кладбище, пришли по уговору въ университетъ равно и тѣ, кто могъ бы добраться туда пѣшкомъ или въ экипажѣ, въ одиночку.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, за два дня, 2-го октября, друзья покойнаго Тимоея Николаевича, лица, уже находящіяся на томъ свѣтѣ, и не одно и не два лица, а нѣсколько лицъ, рѣшили и предложили мнѣ приготовить цвѣтовъ, которые я съ моими друзьями могъ бы снести на могилу.

Я былъ, конечно, очень доволенъ. Но такъ какъ цвѣтовъ набралось отъ жертвователей очень много (вѣнки тогда были еще, кажется, не въ модѣ), то явился вопросъ, какъ быть, чтобы доставить всю эту массу цвѣтовъ на могилу.

Кто-то предложилъ пожертвовать корзину и дѣйствительно привезъ огромную, великолѣпную, аршина въ полтора или два въ діаметрѣ. Какъ теперь помню эту корзину тростниковую, коричневую, съ красивыми переплетами и затѣйливыми ручками по бокамъ. Затѣмъ три московскія дамы (но не моя мать) взяли эту корзину бантами изъ лентъ.

И вотъ, четвертаго октября, рано утромъ, въ моей комнатѣ явилась огромная корзинница, верхомъ переполненная великолѣпными цвѣтами, въ числѣ коихъ были и страшно дорогіе... Вдобавокъ корзина была разукрашена всякими бантами. Разумѣется, чтобы двинуться съ такой ношей, надо было взяться вмѣстѣ человѣкамъ четверемъ.

Когда около девяти часовъ я явился въ университетскій садъ съ этой корзиной, то произвелъ такой фуроръ, по которому ясно было видно, что всѣ мы—добродушнѣйшіе мальчуганы и никакъ не «республиканцы», какъ прозвалъ тогда насъ почтеннѣйшій генералъ Иксъ, знаменитый въ лѣтописяхъ московскаго большого свѣта своей легендарною и, такъ сказать, гениальною глупостью.

Генералъ этотъ, если бы при его жизни былъ устроенъ конкурсъ остолоповъ, непремѣнно получилъ бы золотую медаль или дипломъ съ государственнымъ гербомъ. Я почти увѣренъ, что случайная встрѣча незабвеннаго Ивана Федоровича Горбунова именно съ этимъ генераломъ произвела на свѣтъ знаменитое его дѣтище—генерала Дитятина.

Собралось насъ въ университетскомъ саду довольно много, сколько, право, не помню, человѣкъ триста, четыреста или болѣе. Четверо человѣкъ, взявшись за корзину, двинулись впередъ, остальные—за ними. Мы прошли тоннель стараго университета, дворъ и повернули налѣво черезъ Охотный рядъ, идя тротуаромъ. Но тотчасъ же (и убѣдительно прошу это замѣтить) наша сплошная колонна стала принуждать всѣхъ встрѣчныхъ и мужчинъ и, конечно, дамъ слѣзать съ тротуара въ грязь. Пришлось сойти и идти улицей.

И вотъ явилась вторая мелочь сама собой, за которую насъ, однако, попрекали, да и теперь очевидцы попрекаютъ, что мы «демонстративно» шли колонной среди улицъ, обращая на себя вниманіе всей Москвы. Слѣдовательно, въ этомъ шествіи было что-то, — разумѣется, съ точки зрѣнія генерала Икса,—«республиканское».

Здѣсь, въ Охотномъ ряду, произошло нѣчто, что я помню, какъ если бы оно было вчера. Глядя по сторонамъ, я, право, таращилъ глаза и ничего не понималъ. Товарищи, сосѣди мои, тоже...

Направо и налѣво въ Охотномъ ряду, гдѣ было, благодаря утру и торгу, довольно много народу, весь этотъ людъ и мѣщане, мужики, разносчики, извозчики,—все это снимало шапки и крестилось, качаясь въ нашу сторону, какъ это дѣлаетъ русскій человѣкъ, молясь.

— На что они крестятся?—возникъ у меня вопросъ.

Наша корзина съ цвѣтами не изображала, однако, ничего религіознаго...

И, вѣроятно, мы прошли бы по всѣмъ улицамъ чрезъ всю Москву, не понявъ, почему крестится народъ, если бы около церкви Параскевы Пятницы какая-то громадная баба не крикнула:

— Эй, гляди-тко, студенты кого-то хоронятъ! Кажись, робеночка.

Эта баба не только объяснила намъ, почему на насъ крестятся, но и объяснила намъ, какъ чуждо русскому народу все то, что такъ естественно на западѣ. Что студенты цѣлой тучей хоронятъ какого-то имъ всѣмъ равно близкаго младенца безъ образовъ и безъ духовенства, казалось совершенно естественнымъ. А что студенты несутъ корзину съ цвѣтами, оказывалось совершенно бессмысленнымъ.

Такъ прошли мы по Китайскому проѣзду, съ Лубянки на Срѣтенку, къ Сухаревой башнѣ, а оттуда по Первой Мѣщанской на шоссе и на Пятницкое кладбище. И повсюду, по бокамъ насъ, крестился народъ и, говоря искренно, смущалъ насъ донельзя. Меня же смущало это настолько, что я готовъ былъ бросить и отойти отъ корзины.

Мнѣ чудилось, что мы обманываемъ этотъ людъ, хотя и невольно. И заставляя его обнажать голову и класть крестное знаменіе, мы просто, не болѣе и не менѣе, какъ глумимся надъ нимъ. Но дѣлать было нечего. Мы всячески старались укрывать собою, но укрыть вполне огромную корзину, въ которой на цѣлый аршинъ пирамида цвѣтовъ, да еще масса лентъ и бантовъ,—было, конечно, невымыслимо.

До заставы мы шли мирно, за заставой пришли въ волненіе и негодованіе... Мы увидали близъ шоссе роту солдатъ, выведенныхъ сюда ради насъ, которые должны были явиться и на кладбище «въ случаѣ чего».

— Чего?—спрашивали мы тогда.

На кладбищѣ, однако, чуть не произошелъ дѣйствительно очень неприятный инцидентъ, который, конечно, придалъ бы студенческимъ волненіямъ совершенно иной характеръ и крайне дорогою цѣной обошелся бы студентамъ.

Въ ту минуту, когда мы высыпали цвѣты изъ корзины и принялись украшать ими подножіе обелиска на могилѣ, между студентами нежданно и внезапно прошелъ какой-то странный гулъ. Оказалось, что прямо на могилу идетъ по дорожкѣ быстрыми шагами «нѣкто», кого студенты въ эти дни особенно не вальюбили.

Это было одно изъ начальствующихъ лицъ Москвы, которое вело себя по отношенію къ студентамъ не столько рѣзко или грубо, сколько въ высшей степени дико и безтактно. Этотъ человекъ раздражалъ волнующуюся молодежь чуть не ежедневно совершенно нелѣпыми, а иногда и комическими мѣрами. Даже и теперь не могу

понять, зачѣмъ онъ вдругъ явился изъ Москвы на Пятницкое кладбище и вдобавокъ одинъ, безъ необходимыхъ въ исполненіи его обязанностей сателлитовъ. Мы шутили потомъ, что онъ возмнилъ себя императоромъ Николаемъ I, являющимся на Сѣнную крикнуть знаменитое по своему значенію: «На колѣна!».

Въ толпѣ студентовъ тотчасъ послышались восклицанія недовольства, угрозы и наконецъ самыя дикія предложенія. Голоса требовали броситься на приближающагося, чтобы не допускать его «осквернять» могилу Грановскаго и даже перейти къ жестамъ.

Повторяю, что во всякой студенческой исторіи есть всегда личности, которыхъ иначе окрестить нельзя, какъ дикобразами.

Нѣсколько человѣкъ, бывшихъ не у самой могилы, а за рѣшеткой, двинулись уже навстрѣчу къ идущему. Я, никогда не отличавшійся находчивостью, въ эту минуту, вѣроятно, встревоженный ужасными послѣдствіями безумнаго дѣянія, сразу превратился въ оратора.

Я поднялся на ступеньки памятника, даже на карнизецъ обелиска, чтобы быть видимымъ, и, охвативъ его рукой, чтобы удержаться, вдругъ съ крайнимъ воодушевленіемъ заговорилъ... Что именно—я не помнилъ даже черезъ четверть часа, а поэтому, конечно, не могу вспомнить теперь. Смыслъ моихъ нѣсколькихъ словъ заключался, однако, въ томъ, что мы не за тѣмъ пришли на могилу Грановскаго, чтобы отвѣчать буйствомъ на глупость и вмѣсто того, чтобы почтить его память, произвести около его праха скандалъ. И именемъ Тимофея Николаевича я, конечно, съ большимъ чувствомъ просилъ товарищей образумиться и остаться разсудительными зрителями безтактности.

Должно быть, мое воодушевленіе и голосъ сильно подѣйствовали, ибо вся огромная толпа студентовъ тотчасъ стихла. Бросившіеся было съ угрозами къ нежданному гостю вернулись назадъ... А онъ,—какъ и всегда, невѣдомо что и зачѣмъ дѣлающій,—постоялъ, глядя на насъ, съ полъ-минуты на дорожкѣ, съ пальцемъ и кулакомъ у нижней пуговицы мундира, задравъ голову и будто нюхая воздухъ, и, вдругъ круто повернувшись, двинулся обратно къ церкви.

На другой же день мои нѣсколько словъ успокоенія выросли въ Москвѣ уже въ длинную зажигательную рѣчь, въ призывъ къ испроверженію всѣхъ властей... Вдобавокъ эта рѣчь была уже написана моею матери, которой вѣсье не было на кладбищѣ... Съ этого дня я люблю повторять поговорку собственнаго сочиненія: «времени и пространства не постигнешь, моря не выпьешь, Москвы не перевернешь».

Черезъ нѣсколько дней послѣ нашей «демонстраціи» въ память Грановскаго однажды утромъ я отправился на квартиру къ одному изъ товарищей, такъ какъ насъ человѣкъ тридцать уговорились собраться вмѣстѣ, чтобы обсудить кое-что. На квартирѣ мнѣ ска-

зали, что товарищъ мой арестованъ чуть свѣтъ. Я тотчасъ же поѣхалъ къ другому, ближайшему, чтобы извѣстить его о происшествіи, и узналъ о немъ то же самое. То же случилось на третьей и четвертой квартирѣ и т. д. Озадаченный, вернулся я домой и нашелъ у себя двухъ студентовъ-пріятелей — Кельсіева и Понятовскаго, которые объявили мнѣ, что весь нашъ кружокъ (двадцать семь человѣкъ) за ночь арестованъ и сидитъ невѣдомо въ какомъ полицейскомъ участкѣ.

Въ эту ночь, какъ я узналъ впоследствии, я долженъ былъ быть непременно арестованъ тоже. Но вѣдь это было невысказано! На мнѣ, какъ уже видѣлъ и еще увидитъ читатель, былъ какой-то таинственный талисманъ противъ арестованія. Смутно помнится, что дѣло на этотъ разъ произошло такъ... У меня былъ очень милый, симпатичный товарищъ, нынѣ благополучно здравствующій, графъ О—въ. Онъ наканунѣ вечеромъ оказался случайно въ гостяхъ у попечителя генерала Исакова и увидѣлъ списокъ студентовъ, которыхъ должны были арестовать на утро. Найдя мое имя въ числѣ прочихъ, онъ удивился и объяснилъ Исакову, какова роль моя въ студенческихъ волненіяхъ съ его точки зрѣнія, а не по соображеніямъ господъ инспекторовъ или полицеймейстеровъ. И графъ О—въ могъ даже примѣрами доказать, что арестовать меня и изъять изъ этого волненія можетъ принести только одинъ вредъ.

Дѣйствительно, во всемъ университетѣ было извѣстно, что небольшая группа студентовъ, къ которой я принадлежалъ, была самая умѣренная, старательно и сугубо мѣшавшая всѣмъ «отчаяннымъ» производить безобразія. Исаковъ, человѣкъ умный и дѣятельный, но въ это время «одинъ въ полѣ воинъ», могъ вполне довѣрять графу О—ву. И онъ, за семь, восемь часовъ до огульнаго арестованія, перечеркнулъ мою фамилію въ спискѣ карандашемъ, чего для полиціи было достаточно, но повдѣе повело къ счастливному для меня недоразумѣнію.

Листъ этотъ съ моимъ именемъ и легкой карандашной чертой я видѣлъ впоследствии, когда была наряжена въ Москву комиссія разобрать и расслѣдовать студенческую исторію. На допросѣ я протестовалъ, тѣпотно завѣряя, что никогда арестованъ не былъ, вѣроятно, благодаря этому карандашу. И, несмотря на это, по постановленію этой комиссіи, уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, я не былъ ни исключенъ, ни высланъ изъ Москвы, ни сосланъ туда, куда попали четверо изъ моихъ пріятелей. Почему-то комиссія постановила «вмѣнить прежній арестъ въ наказаніе» за мои сравнительно малыя вины.

Въ Москвѣ же стали говорить, что за меня вступилась родня и постаралась выгородить, а слѣдовало, напротивъ, на бунтовщикѣ «графчикѣ» показать хорошій примѣръ.

Перейду теперь къ главному эпизоду. Вѣроятно, многіе изъ московскихъ старожилонъ помнятъ, что во время этой студенческой

исторіи была такъ называемая «Битва подъ Дрезденомъ». 12-го октября, толпа студентовъ съ университетскаго двора двинулась по Тверской къ генераль-губернаторскому дому съ какимъ-то заявленіемъ и выстроилась на площади около гостиницы «Дрезденъ». Вслѣдъ за ней появился сидѣвшій въ манежѣ отрядъ пѣхоты и взводъ жандармовъ изъ Чернышевскаго переулка. Конечно, едва только строй надвинулся на кучу студентовъ, какъ всѣ они обратились, какъ говорилось, «въ самое постыдное бѣгство».

Эта оцѣнка и это выраженіе мнѣ и тогда очень нравились и теперь очень нравятся. Какъ будто студенты пришли на площадь для того, чтобы строить баррикады и сражаться съ войсками. Понятное дѣло, что, при видѣ вооруженной силы, они бросились вразсыпную по площади. Это даже слѣдовало сдѣлать, будучи въ здоровомъ умѣ и твердой памяти. Всю эту кучу тотчасъ оцѣпили, заарестовали и рассажали по разнымъ частямъ Москвы, въ томъ числѣ, конечно, наибольшая доля засѣла въ ближайшей Тверской части.

Какъ вели себя во время свалки и какъ дѣйствовали побѣдители, лучше не вспоминать, не говорить... Главнокомандующіе, выигравшіе сраженіе подъ Дрезденомъ, были полицеймейстеры Сычинскій и Пяткинъ... Одни ихъ имена скажутъ много всякому московскому старожилу...

Въ этомъ походѣ я не участвовалъ, поэтому не участвовалъ и въ сраженіи и не былъ арестованъ, а былъ въ статскомъ платьѣ, которое студентамъ тогда разрѣшалось, и присутствовалъ въ числѣ любопытныхъ. И не потому только, что не захотѣлъ идти съ заявленіемъ къ Тучкову, а потому, что не хотѣлъ, чтобы студенты шли оравой вмѣсто того, чтобы послать одного или хоть трехъ студентовъ объясниться съ генераль-губернаторомъ, человѣкомъ, безспорно, добрымъ и умнымъ. Этотъ походъ былъ предпринятъ сразу, на университетскомъ дворѣ, внезапно, какъ бы машинально, очертя голову. Это пошло стадо, которое гнать невидимый пастухъ... если не студентъ, князь Крапоткинъ, нынѣ извѣстный эмигрантъ и социалистъ и т. д. Дѣяніе это, нелѣпое и не нужное, именно и было прямымъ послѣдствіемъ арестованія того кружка, отъ котораго уцѣлѣлъ я да еще двое—Кельсиевъ и Понятовскій. Мы передъ тѣмъ удержали три раза «ораву» отъ многого еще худшаго. Если бы студентъ графъ О—въ былъ энергичнѣе или, вѣрнѣе, имѣлъ бы болѣе вліянія на генерала Исакова и отстоялъ бы весь кружокъ мой, то «сраженія подъ Дрезденомъ» и не произошло бы вовсе.

Прибавлю кстатѣ, что въ числѣ плѣнныхъ, доставшихся побѣдителямъ, былъ большой, великолѣпный водолазъ графа О—ва, всегда слѣдовавшій за нимъ. Вѣроятно, владѣлецъ также былъ на площади въ числѣ любопытныхъ... и не досмотрѣлъ за своей собакой, а она очевидно совершила какое либо противозаконіе... Быть можетъ, добрый пестъ, мстя за студентовъ, нарушилъ уставы благоустройства

и благочинія на самой священной особѣ полицеймейстера Сычинскаго, лукаво притворяясь, что принимаетъ его за столбъ...

Однако, вернусь къ исторіи. Дѣйствія полицейскихъ и жандармовъ въ битвѣ подъ Дрезденомъ были таковы, что уже въ огромномъ большинствѣ студентовъ родилась сразу мысль подать прошеніе на высочайшее имя о разслѣдованіи всего дѣла вообще. И въ университетѣ уже прекратились митинги и рѣчи, а начался только правильный сборъ подписей подъ прошеніе.

Когда подписи студентовъ большинства четырехъ факультетовъ были собраны, человекъ пятьдесятъ студентовъ-коноводовъ собрались на квартирѣ одного изъ товарищей на углу Арбатской площади и Воздвиженки. Надо было выбрать трехъ лицъ, которыя бы просьбу или жалобу на высочайшее имя свезли въ Петербургъ. Выборы эти были произведены на особый ладъ. Сначала выбрали человекъ двадцать по жребію, потомъ изъ двадцати выбрали уже голосованіемъ шестерыхъ, а этимъ шестерымъ предоставили выдѣлить изъ своей среды троихъ, то-есть предоставили право отказаться. Понятно, что всякій, собиравшійся везти прошеніе въ Петербургъ отъ «бунтарей», могъ опасаться большой отвѣтственности и строгаго наказанія. Эти трое оказались: Покровский, нынѣ покойный, Шиповъ, нынѣ здравствующій, и я.

Въ этотъ триумвиратъ, помню, чуть-чуть не попалъ нашъ извѣстный московскій врачъ Чериновъ.

Едва только университетское начальство узнало, что уже избраны три «депутата», какъ говорилось тогда, везти прошеніе въ Петербургъ, то, разумѣется, было рѣшено этихъ трехъ депутатовъ стеречь и арестовать на Николаевскомъ вокзалѣ съ полицнымъ въ рукахъ.

Теперь многіе изъ тогдашняго начальства, находящіеся въ живыхъ, скажутъ, что насъ арестовать и не собирались, а иначе, конечно бы, еще заранѣе арестовали. Я же на это отвѣчу, что утверждаю противное. Наши имена были такъ дружно и единодушно сохранены въ тайнѣ полусотней человекъ товарищей, которымъ выборъ былъ извѣстенъ, что нельзя было знать, кого арестовывать.

За эти дни, постоянно бывая въ обществѣ на вечерахъ и балахъ, я увѣрялъ всѣхъ, что прошеніе и депутация—все выдумки. А чтобы еще болѣе отвести глаза, хотя бы лишь отъ себя, я вечеромъ, накануне назначеннаго выѣзда въ Петербургъ, участвовалъ въ любительскомъ спектаклѣ въ комедіи графа Соллогуба «Чиновникъ». вмѣстѣ со мной играли князь и княгиня Долгорукіе, выѣжавшіе на утро въ Петербургъ и «уговаривавшіе» меня тоже ѣхать съ ними ради прогулки. Главную же роль, самого «Чиновника», игралъ Г. А. Чертковъ, который былъ тогда адъютантомъ генераль-губернатора и, слѣдовательно, могъ засвидѣтельствовать по начальству, что я, какъ участникъ спектакля, мало похожъ на тайнаго депу-

тата. Послѣ спектакля я вернулся домой часу въ третьемъ ночи, а въ девять утра былъ по уговору въ статскомъ платьѣ на Николаевскомъ вокзалѣ и бралъ билетъ перваго класса. Шиповъ взялъ билетъ второго, а Покровский долженъ былъ ѣхать въ третьемъ классѣ, но мы съ Шиповымъ волновались, не видя его.

Только въ Клину ко мнѣ на платформѣ подошелъ какой-то господинъ и, смѣясь, произнесъ мнѣ на ухо:

— Что? Хорошъ?

Предполагая, что я имѣю дѣло съ сумасшедшимъ или пьянымъ, я отстранился, но снова услыхалъ:

— Салиасъ, что ты? Или не узнаешь?

Я недоумѣвалъ, тараща глаза.

— Ну, должно быть, хорошъ я, что даже перепугалъ!

И тутъ только по голосу я узналъ Покровскаго. Онъ всегда носилъ большую рыжую бороду, такъ какъ ему было уже лѣтъ двадцать семь. Теперь же я увидѣлъ передъ собой попрежнему очень некрасиваго, но все-таки будто молоденькаго, чисто выбритаго господина.

Въ Петербургѣ мы остановились на трехъ разныхъ квартирахъ, избѣгая гостиницъ. Я остановился у лица, котораго близко зналъ съ дѣтства, а именно у хорошо извѣстнаго и всѣми уважаемаго профессора К. Н. Бесгужева-Рюмина.

Жилъ тогда К. Н. въ Саперномъ переулкѣ, въ домѣ графовъ Строгановыхъ, въ глубинѣ двора, но однако окна его квартиры выходили на улицу—Тупикъ, который кажется теперь не существуетъ.

Въ первый же день по приѣздѣ возникъ важный вопросъ. Дѣло заключалось въ томъ, что прошеніе государю было не переписано на бѣло. Подписи студентовъ на многихъ листахъ были конечно со мной отдѣльно и были взяты мною, какъ нравственное доказательство... Въ Москвѣ было рѣшено, что будетъ осторожнѣе поручить переписать прошеніе хорошему писарю въ Петербургѣ. А здѣсь всѣ единодушно рѣшили, что это дѣяніе будетъ не осторожное!.. Что же дѣлать?!

И вотъ, мало спавъ ночь между спектаклемъ и выѣздомъ, плохо проспавъ вторую ночь, сидя въ вагонѣ (тогда понятно спальныхъ не было) я не третью ночь сѣлъ переписывать прошеніе самъ. Въ головѣ былъ чадъ усталости... Почеркъ мой былъ, есть и конечно будетъ и впередъ однимъ изъ самыхъ отвратительныхъ. Еще въ гимназіи я по чистописанію получалъ всегда единицы, а при усиленномъ прилежаніи—двойки.

Сѣвъ за работу послѣ полуночи, я началъ «рисовать» выводъ каждую букву, какъ бы какой греческій профиль красавицы... И три страницы прошенія были окончены часовъ въ семь-восемь утра.

Мѣсяцъ спустя, когда это прошеніе, возвращенное въ Москву, очутилось въ университетскомъ правленіи, пройдя послѣ государя чрезъ много, много рукъ оказалось (и профессора наши ужасались),

въ немъ была куріозная грамматическая ошибка... Сколько помнится, слово: «менѣ» было написано: «мѣнее». И оно было подчеркнута карандашемъ, какъ говорили, самимъ государемъ. Я этого прошенія съ ночи на квартирѣ Бестужева никогда въ жизни снова не видалъ, но если въ немъ стоитъ «мѣнее», то помимо моего почерка, это слово прямо доказываетъ, — что прошеніе писалъ я... На эдакое у меня истинный талантъ.

Слово «мѣнее» тогда официально Москву восхищало... Студенты московскаго университета бунтовать умѣютъ, а грамотѣ не знаютъ!! Замѣчательно однако, что когда по утру К. Н. Бестужевъ внимательно прочелъ свое каллиграфическое произведеніе, то ничего не замѣтилъ. Это я приписываю его нѣкоторому смущенію. И вотъ почему. Надо было запечатывать конвертъ большой печатью... А ее у меня не было... Принеся мнѣ свою, съ оригинальнымъ гербомъ Бестужевыхъ-Рюминыхъ, онъ странно посмѣивался своимъ тоже оригинальнымъ смѣхомъ, но ничего не говорилъ... За то, Елизавета Васильевна, жена его, укоризненно повторяла...

— Не хорошо это... Не хорошо. Мало ли что можетъ выйти... И ужъ совсѣмъ въ чужомъ пиру похмѣлье будетъ!

Теперешнее поколѣніе пожалуй этого не пойметъ!

Теперь стану еще болѣе кратко. Помню, что именно 24-го октября, мы втроемъ съ большимъ запечатаннымъ конвертомъ на высочайшее имя отправились въ Царское Село и явились во дворецъ къ дежурному флигель-адъютанту. Таковымъ въ этотъ день оказался, пользующійся репутаціей очень добраго человѣка, флигель-адъютантъ, а нынѣ генераль-адъютантъ Р—въ, который уже и тогда былъ близкимъ лицомъ къ государю Александру II.

Подробно разспросивъ у насъ, въ чемъ дѣло, обсудивъ все, флигель-адъютантъ Р—въ объяснилъ намъ, что лично подать прошеніе не мыслимо, а затѣмъ попросилъ меня послѣ словъ: «Его Императорскому Величеству. Въ собственныя руки» прибавить на конвертѣ: «Отъ студентовъ московскаго университета: Покровскаго, Шипова и графа Салиаса». Затѣмъ онъ заявилъ намъ, что тотчасъ же доложить обо всемъ государю, а чтобы мы на другой день отпраплялись узнать о результатѣ къ князю Василію Андреевичу Долгорукову.

Когда я вернулся въ Петербургъ на квартиру Бестужева-Рюмина, то, рассказавъ ему нашу одиссею, не отдыхая, тотчасъ же отправился повидать кое-кого, въ томъ числѣ двухъ извѣстныхъ профессоровъ: Б. И. Утина и К. Д. Кавелина. Другихъ лицъ, еще извѣстнѣе, но еще живыхъ, я не считаю нужнымъ называть.

Я старался разузнать, что съ нами будетъ, по ихъ мнѣнію.

По собраннымъ мною свѣдѣніямъ и мнѣніямъ, мы всѣ трое должны были ожидать быть арестованными на утро въ III Отдѣленіи, а затѣмъ препровождены въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ и водворены на жительство на невѣдомо какой срокъ.

На другой день надо было, однако, отправляться къ Цѣпному мосту. Мы рѣшили почему-то, что всѣмъ троимъ являться не нужно, а что за всѣхъ можетъ явиться кто нибудь одинъ. Выборъ палъ на меня. Шиповъ и Покровскій остались на противоположной набережной, а я вступилъ въ знаменитое и нынѣ существующее зданіе, о которомъ во времена оны много ходило сказокъ и легендъ по всей Россіи.

Князь Долгоруковъ, уже очень пожилой человѣкъ, если не старикъ, принялъ меня, юношу-студента, крайне милостиво, даже любезно и сказалъ мнѣ маленькую рѣчь, суть которой слѣдующая:

«Государю императору, какъ отцу своихъ подданныхъ, крайне горько видѣть, что молодежь, вмѣсто того, чтобы усердно заниматься науками, волнуется и занимается предметами, до ея образованія не касающимися. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ справедливыя желанія студентовъ Московскаго университета будутъ удовлетворены. Возвращайтесь тотчасъ же обратно въ Москву и постарайтесь, чтобы волненіе въ Московскомъ университетѣ тотчасъ же стихло».

Я будто обратился въ наивную барышню институтку... Я настолько былъ увѣренъ и убѣжденъ собранными мною сужденіями и мнѣніями на счетъ нашего немедленнаго арестованія въ Петербургѣ, что будто не вѣрилъ ушамъ. И кончилось это разумѣется нелѣпостью съ моей стороны.

— Позвольте доложить вашему сіятельству,— сказалъ я,— что если мы должны быть арестованы, то уже удобнѣе сдѣлать это тотчасъ въ Петербургѣ, нежели заставлятъ насъ проѣхать въ Москву, быть тамъ арестованными и снова привезенными сюда.

Повѣрить, что я былъ способенъ на подобное заявленіе, конечно, трудно, но это суцая правда. И помню отвѣтъ Долгорукова:

— Вы меня не понимаете, молодой человѣкъ? Я вамъ объяснилъ ясно, чтобы вы ѣхали въ Москву и постарались скорѣе подѣйствовать на своихъ товарищей. Если вы были выбраны везти прошеніе государю императору, то я предполагаю, что вы имѣете извѣстное вліяніе на своихъ товарищей. Вотъ ступайте и дѣлайте, что я вамъ говорю, чтобы скорѣе все утихло!

Впослѣдствіи, года уже четыре спустя, я узналъ *le dessous des cartes*, но и теперь не хочется говорить и называть лицъ. Мы сначала должны были быть арестованы непременно на другой же день и примѣрно строго наказаны, но одна личность въ Петербургѣ доложила дѣло государю «по-своему», и государь, выслушавъ, приказалъ отпустить насъ немедленно въ Москву и тщательно разслѣдовать какъ мотивы студенческой исторіи, такъ и дѣйствія московской полиціи.

Вотъ, стало быть, три ареста моей студенческой поры (два не въ счетъ при разсказѣ о семи), которыхъ я избѣгнулъ. Разсказывая, я умолчалъ о массѣ мелочей. Разскажу лишь объ одномъ инцидентѣ въ III Отдѣленіи... Когда князь Долгоруковъ собрался записать въ огромную книгу мой московскій адресъ, то, узнавъ отъ меня, что я живу съ матерью, отложилъ перо, сказавъ:

— Тогда это излишне...

Однако съ этого дня — какъ я узналъ впоследствии — я попалъ въ число лицъ, находящихся «подъ надзоромъ полиціи. «И это совершенно понятно и естественно... Но вотъ, что не очень «естественно»... Я былъ освобожденъ изъ-подъ «надзора» ровно девятнадцать лѣтъ спустя. Такимъ образомъ произошло слѣдующее: я былъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ при тамбовскомъ губернаторѣ Гартингѣ, былъ затѣмъ редакторомъ «Петербургскихъ Вѣдомостей» по личному желанію министра графа Толстого, былъ затѣмъ принятъ въ російское подданство съ высочайшаго соизволенія и «милостію» государя, «однимъ почеркомъ пера» (какъ выразился министръ Тимашевъ) причемъ, не имѣя чина, получилъ сразу чинъ надворнаго совѣтника, затѣмъ былъ членомъ комитета цензуры иностранной въ Петербургѣ, затѣмъ управляющимъ конторою императорскихъ московскихъ театровъ... И былъ одновременно... политически неблагонадежный гражданинъ!.. Да, другъ Гораціо, это почище того, что не снилось твоимъ мудрецамъ!

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ пришло въ Москву официальное извѣщеніе, что мы трое — Покровский, Шиповъ и я, явившись депутатами отъ студентовъ, поступили необдуманно и противозаконно, но что «на первый разъ» намъ это прощается.

Послѣ этого вскорѣ же явилась комиссія, о которой я уже упоминалъ. Засѣдала она на Большой Дмитровкѣ, въ какой-то частной квартирѣ, и болѣе половины наличнаго количества студентовъ Московскаго университета перебивало тамъ.

Оберъ-полицеймейстеръ, графъ Крейцъ, вскорѣ покинулъ Москву. Знаменитый полицеймейстеръ Сычинскій почему-то оставался, и много позднѣе имѣлъ я все-таки удовольствіе увидѣть его въ статскомъ платьѣ. Частный приставъ, г. Пяткинъ, командовавшій при битвѣ подъ Дрезденомъ, вскорѣ тоже скрылся съ полицейскаго горизонта Бѣлокаменной. Добраго Тучкова, начальника Москвы, никто не обвинялъ ни въ чемъ, а поэтому позднѣе, когда онъ ушелъ, его даже никто не поминалъ лихомъ...

Однако, желая быть вполне безпристрастнымъ, прибавлю, что произведенное слѣдствіе выяснило, что къ студенческой исторіи примѣшалось и нѣчто постороннее, къ дѣлу не идущее. Оказалось, что именно польскій кружокъ въ университетѣ былъ не мало виновенъ въ самыхъ рѣзкихъ дѣяніяхъ, совершенныхъ студентами за октябрь мѣсяцъ. Сюда относится и безобразное вторженіе студентовъ въ профессорскую, когда они почти прижали къ стѣнѣ попечителя Исакова и, цѣлой оравой обступивъ его, дошли (не поляки, а ими науськанные) до площадныхъ ругательствъ, а одинъ изъ дикарей, костромичъ, даже плюнулъ на полъ около Исакова, говоря:

— Вотъ вамъ!

Повторяю, что при всѣхъ студенческихъ исторіяхъ всегда находятъ дикобразы, и всегда производятся и происходятъ отдѣльные

возмутительные факты. Но вѣдь въ свалкѣ бывають убитыя дѣти, грудные младенцы. На войнѣ бывають случаи ненужной жестокости, мучительства и убійства изъ корыстныхъ цѣлей.

По постановленію комиссіи нѣкоторые изъ близкихъ мнѣ товарищей пострадали очень сильно. Всѣхъ ужаснѣе пострадалъ маленькій, худенькій и болѣзненный Кельсіевъ, мой самый близкій товарищъ. Мы звали его «галченочъ», и это прозвище его рисуется. Правда, этотъ Иванъ Кельсіевъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ «отчаянный», но добродушно, подѣтски... Постоянно изъ дружбы ко мнѣ онъ соглашался со мной во всемъ.

— Если бы не ты,—азартно восклицалъ «галченочъ»,—то я бы...

И рѣчь его, крайняго идеалиста, утописта и фантазера, рѣчь воодушевленная, горячая, лилась всегда бурнымъ потокомъ. И онъ собирався перевернуть кверху ногами весь земной шаръ, не только Москву.

Допрошенный въ комиссіи, онъ пылко изложилъ свое profession de foi. Члены комиссіи, говорятъ, ошалѣли, слушая его, и участь бѣднаго молодого человѣка была рѣшена... Онъ былъ присужденъ къ ссылкѣ въ Верхотурье... Кажется, не близко! И пострадалъ онъ такъ жестоко только изъ-за ребяческаго изложенія своихъ вѣрованій и главнымъ образомъ потому, что былъ роднымъ братомъ другого Кельсіева — въ то время если не наперсника, то сателлита Герцена.

Этого Кельсіева (Василія) я тоже зналъ впоследствии и могу сказать, что между братьями не было ничего общаго. Изъ Верхотурья, года черезъ полтора или два, Ивану Кельсіеву удалось бѣжать и тайно пробраться черезъ Крымъ въ Одессу и далѣе. Онъ поселился въ Галацѣ, затѣмъ въ Тульчѣ, гдѣ вскорѣ же умеръ отъ голоднаго тифа.

Онъ, конечно, рассчитывалъ на помощь брата и на Герцена и собирався пробраться въ Лондонъ, но почему-то ему не помогли или помогли слишкомъ поздно.

Не могу не прибавить одной возмутительной подробности. Когда бѣдный Кельсіевъ былъ въ Верхотурьѣ и писалъ мнѣ, что страшно бѣдствуетъ, я собралъ ему небольшую сумму денегъ и выслалъ по его адресу, но не прямо, а чрезъ посредство его «ближайшаго» начальства, какъ требовали законъ и предосторожность. Я просилъ передать ссыльному Ивану Ивановичу Кельсіеву деньги, которыя я ему долженъ и возвращаю. Черезъ мѣсяца полтора я получилъ письмо отъ этого начальства, довольно безграмотное и пространное, но суть письма была такова:

«Вы, какъ графъ, по всей вѣроятности, человѣкъ богатый, и не могли быть должны ссыльному Кельсіеву. Какого характера и для какой цѣли прислана вами сумма,—я отлично понимаю. Вслѣдствіе чего позвольте васъ поблагодарить за новый тарангасъ, который я себѣ купилъ».

Послѣднія слова привожу буквально.

Когда это письмо пришло въ Москву, мнѣ многіе совѣтовали тотчасъ жаловаться. Но куда? Кому?! Конечно, умные люди отговорили, доказывая, что если съ начальства взыщутъ, но оставятъ его на томъ же мѣстѣ, то что же будетъ тогда съ бѣднымъ Кельсиевымъ. Конечно, нахаль выместить на ссыльномъ всю свою злобу.

Покровский былъ сосланъ въ Архангельскъ, гдѣ, однако, впоследствии реабилитировался и поступилъ на службу въ губернское правленіе.

Понятовскій и Праотцевъ попали куда-то на край свѣта, нѣчто въ родѣ Верхотурья. Другіе, какъ Аргиропуло, Ежовъ, Зайчневскій, Пановъ, были сосланы на жительство въ ближайшіе города, въ родѣ Костромы и Владиміра. Имена нѣсколькихъ другихъ сосланныхъ не могу вспомнить. Исключенныхъ же изъ университета было, конечно, очень много.

Упомяну лишь объ одномъ изъ исключенныхъ, который игралъ видную роль въ нашей студенческой исторіи и ровно черезъ четыре мѣсяца покончилъ свое существованіе, повѣшенный въ Вильнѣ Мураньевымъ. Будучи полякомъ, онъ очутился начальникомъ цѣлой банды повстанцевъ—«косинѣровъ», какъ ихъ называли тогда, и былъ взятъ съ оружіемъ въ рукахъ, но, вѣроятно, не съ одною косою. Долженъ сказать, что этотъ студентъ, Колышко, былъ замѣчательною личностью, выдѣляясь изъ всѣхъ умомъ, энергіей и поразительною славянскою красотою.

По постановленію слѣдственной комиссіи мнѣ, повторяю, былъ вмѣненъ арестъ (не произведенный) въ наказаніе, и я лично не пострадалъ. Я настолько вышелъ сухъ изъ воды, что даже и самъ понять и объяснить себѣ ничего не могъ.

Я думаю, что сама эта комиссія изъ разспросовъ студентовъ убѣдилась, что моя роль была—роль дѣятельнаго участника во всей исторіи, но возбраняющаго все дикое и прекращающаго въ зародышѣ все лишнее, къ дѣлу не идущее. И комиссія, несмотря на мой протестъ, упрямо постановила вмѣнить мнѣ арестъ въ наказаніе.

Кажется бы, и всему дѣлу конецъ? Нѣтъ! Черезъ три мѣсяца, въ концѣ февраля, кое-кто изъ моихъ товарищей были «вторымъ изданіемъ» исключены изъ университета. Я же ушелъ по прошенію. Почему? Долго и неприятно рассказывать. А между тѣмъ уходить было далеко невесело. Я былъ уже въ концѣ третьяго курса, сдалъ уже половину всѣхъ университетскихъ экзаменовъ и не имѣлъ еще ни одной «тройки», а имѣлъ «пятерки съ крестомъ».

За «депутатство» я былъ прощенъ самимъ государемъ! Такъ какъ же?

Да такъ же!.. Или въ силу французской поговорки, что *les Saints quelques fois peuvent plus, que le Bon-Dieu!*

VI.

Пренебрегая хронологическимъ порядкомъ, расскажу теперь про совершенно нелѣпый, грозившій мнѣ, арестъ и вообще бессмысленный случай, какіе врядъ ли часто съ кѣмъ либо приключаются. Достаточно сказать, что я былъ заподозрѣнъ не то въ убійствѣ, не то въ похищеніи милліона или въ томъ и другомъ вмѣстѣ. Такъ это и осталось не выясненнымъ...

Дѣло было въ 1874 году. Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, живя въ Женевѣ, я неожиданно получилъ черезъ А. И. Георгіевскаго предложеніе графа Дмитрія Андреевича Толстого, тогдашняго министра народнаго просвѣщенія, сдѣлаться редакторомъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», перешедшихъ изъ одного министерства въ другое. Якобы поэтому должна была газета быть взятой у В. Ө. Корша, который издавалъ ее уже лѣтъ пятнадцать и имѣлъ большой успѣхъ, благодаря даровитымъ сотрудникамъ. Львиная доля этого успѣха зависѣла отъ участія въ газетѣ хорошо Россіи знакомаго «Незнакомца». На это есть теперь наглядное доказательство—успѣхъ «Новаго Времени».

Всякій, кто вообразить, что я собираюсь рассказать исторію «Петербургскихъ Вѣдомостей», какъ я сдѣлался редакторомъ и очутился якобы соперникомъ и врагомъ В. Ө. Корша, котораго зналъ, любилъ и глубоко уважалъ, съ десятилѣтняго возраста, — очень ошибется.

Но когда нибудь я, конечно, расскажу, какъ я попалъ въ редакторы «Петербургскихъ Вѣдомостей», какъ бился съ этой газетой, какъ самъ и одинъ исправлялъ должность редактора, должность сотрудниковъ, должность секретаря редакціи, должность главнаго корректора, должность корректора объявленій и чуть не должность швейцара-солдата, отворявшаго двери посѣтителямъ.

Эта исторія моя съ «Петербургскими Вѣдомостями» крайне поучительна. Но главное то, что я вышелъ изъ нея, какъ въ оны времена при прежнемъ судопроизводствѣ отпускали подсудимыхъ по формулѣ: «оставить подъ подозрѣніемъ и, предавъ дѣло волѣ Божіей, отдать подъ церковное покаяніе».

Такъ именно ушелъ я изъ редакторовъ «Петербургскихъ Вѣдомостей», оставленный подъ подозрѣніемъ всеми, не угодивъ ни нашимъ, ни вашимъ. Графъ Толстой и Катковъ отреклись отъ меня съ одной стороны, а съ другой петербургскіе «либералы» особой формациі, нынѣ сданной въ архивъ, болѣе чѣмъ отреклись... Я сталъ для нихъ «жупель» изъ тьмы тьмуцей. Катковецъ, крѣпостникъ, палочникъ, доносчикъ и tutti frutti... Вотъ ужъ что называется: «угодиль», или ратоваль а propos de bottes et pour le roi de Prusse. Какъ все это произошло, или, вѣрнѣе, какъ вся капа эта заварилась и расхлебалась, можно рассказать только от-

дѣльно и на многихъ листахъ. Вдобавокъ къ этой исторіи примѣшался «нѣкто» съ такимъ дѣяніемъ, въ которомъ былъ служебный подлогъ и была крупная взятка...

Но объ этомъ, повторяю,—въ другой разъ и пространнѣе, исключительно съ той цѣлью, чтобы прежде чѣмъ мнѣ уйти въ Елисейскія поля добиться кассациі вердикта, постановленнаго общественнымъ мнѣніемъ: «оставить подъ подозрѣніемъ и предать дѣло волѣ Божіей».

Я долженъ извиниться за это отступленіе. Дѣло теперь идетъ вовсе не о редакторствѣ моемъ въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ». Общаго между ними и моимъ арестомъ только то, что онъ приключился въ Швейцаріи черезъ два часа послѣ моего выѣзда изъ Женевы съ билетомъ прямого сообщенія въ Петербургъ и съ цѣлію скорѣе явиться къ графу Толстому.

Итакъ, въ декабрѣ, простившись съ женой и съ двумя еще очень маленькими дѣтьми въ нашей квартирѣ на Place des Alpes и сдѣлавъ прощальный визитъ хорошему знакомому, русскому священнику, отцу Петрову, я сѣлъ въ вагонъ. Холодъ былъ сильный, и оловянные валики съ горячей водой, именуемые «chaufferettes», которыя положили намъ подъ ноги при отходѣ поѣзда, стали холодными черезъ полчаса.

Миновавъ нѣсколько станцій въ простомъ легкомъ пальто на ватѣ и безъ калошъ, я чувствовалъ, что начинаю просто замерзать. Въ вагонѣ помимо меня сидѣли три человѣка, а вагонъ былъ очень большой, не въ видѣ кареты, а подобный нашимъ. Наискось отъ меня сидѣлъ господинъ, которому я неволью все болѣе завидовалъ. Онъ былъ въ мѣховой шапкѣ и въ самой что ни на есть русской енотовой шубѣ. Подобный костюмъ въ Швейцаріи поневолѣ долженъ былъ бросаться въ глаза. Но вмѣстѣ съ этимъ бросились мнѣ въ глаза огромные бѣлокурые усы, типическіе, внизъ висящіе по бокамъ рта и подбородка. Такъ всегда почему-то рисуютъ Тараса Бульбу. Вѣроятно, это *couleur locale* Хохландіи.

Взглядывая на этого господина, удивляясь, что въ Швейцарію могъ забѣжать съ Ильинки или съ Покровки неподдѣльный енотъ, я замѣтилъ, что онъ смотритъ на меня какъ-то странно. Это не былъ просто человѣкъ въ енотовой шубѣ, а настоящій звѣрь — енотъ, который собирался меня скушать. Вскорѣ же оказалось, что онъ именно и имѣлъ на меня эти виды!..

Чувствуя, что, несмотря на перемѣну «шофретоковъ» черезъ каждые два часа, я все-таки мерзну, мнѣ пришло на умъ посмотрѣть, каковы другіе вагоны, и перейти въ такой, гдѣ больше народу, исполняющаго въ данномъ случаѣ должность топлива.

Обойдя поѣздъ при первой же остановкѣ, я нашелъ вагонъ I класса, въ которомъ было человѣкъ десять, и, конечно, они отлично замѣняли небольшую печку. Я тотчасъ же взялъ свой сакъ-

вояжъ, еще что-то, и такъ какъ поѣздъ собирался отходить, то я спѣша почти перебѣжалъ изъ одного вагона въ другой. Но, къ моему крайнему изумленію, за мной точно также быстро побѣжалъ и еноть.

Я сѣлъ на свободное мѣсто, а наискось отъ меня сѣлъ и онъ. Я, улыбаясь, посмотрѣлъ на него. Но лицо его будто остервенилось, будто отвѣчало мнѣ:

— Какъ смѣешь ты еще и улыбаться! Погоди вотъ...

— Удивительный господинъ!—подумалъ я про себя.

Прошло еще сколько-то времени, часъ или полтора, не помню, и мой спутникъ въ шубѣ начиналъ положительно меня раздражать, такъ какъ не спускалъ съ меня глазъ. Я даже отвернулся, сѣлъ къ нему спиной и взялъ газету.

Поѣздъ прибылъ въ первый по пути городъ—Лозанну, гдѣ остановка довольно долгая. Едва только поѣздъ остановился, какъ еноть шустро выскочилъ на платформу. Когда я, въ свой чередъ, что-то проискавъ въ мѣшкѣ, собирался выходить на станцію обѣдать, то увидалъ предъ собой входящую въ вагонъ пѣлую компанію. Впереди былъ начальникъ станціи, за нимъ еще какой-то служащій, за ними двое жандармовъ, а за жандармами еноть. Всѣ устремили глаза на меня. Еноть протискался впередъ, поднялъ руку, ткнулъ въ меня пальцемъ и произнесъ:

— Вотъ онъ!

Что изображала моя фizioномія,—догадаться не трудно.

Начальникъ станціи обратился ко мнѣ съ вопросами, самыми обыкновенными въ такихъ случаяхъ: имя, фамилія, нація, профессія, мѣсто жительства, откуда выѣхалъ, куда ѣдешь?

Я на все это отвѣчалъ кратко, но кончилъ тѣмъ, что началъ сердиться, потому что на всѣ мои отвѣты еноть улыбался или хоталъ, а компанія насмѣшливо поглядывала.

— Но позвольте наконецъ узнать, что это за комедія?—спросилъ я.

— Комедія очень прискорбная для васъ,—отвѣчалъ начальникъ станціи.—Вотъ этотъ господинъ проситъ арестовать васъ.

— Какъ? За что?

— Вы—господинъ Казони. Бѣжали изъ Флоренці послѣ совершенія преступленія, наказуемаго каторгой, а то и гильотиной. Убийство.

— Мое вамъ почтеніе!—произнесъ я порусски и разводя руками.

— Que dites vous?—получилъ я вопросъ.

— Excusez du peu!—передалъ я вольнымъ переводомъ.

Долженъ сказать, что я напалъ въ этотъ разъ, по волѣ судьбы, на четырехъ человѣкъ, начальника станціи, его помощника и на двухъ жандармовъ—особаго сорта. Кажется, всѣ четверо были подборъ замѣчательныя тупицы. Впрочемъ такой подборъ въ Швей-

царя сдѣлать легче, чѣмъ въ какомъ либо другомъ углу Европы. Не даромъ слово кретинъ происходитъ отъ слова cête, а въ Швейцаріи ихъ наиболѣе, чѣмъ гдѣ либо. Къ тому же вершины Пириней или хотъ Вогезовъ такъ не называются.

Я сталъ объяснять, что подозрѣніе господина въ шубѣ — безсмыслица, что у меня есть и въ карманѣ, и въ багажѣ доказательство противнаго тому, что онъ утверждаетъ, начиная отъ паспорта, писемъ, наканунѣ полученныхъ съ почты, и до разной мелочи въ сундукѣ, какъ-то: русскія книги и даже два русскіе образа, которые, конечно, уже не нашлись бы у флорентійца преступника.

Подробно осмотрѣвъ мой паспортъ и конверты писемъ, начальникъ станціи пожалъ плечами.

— Это ничего не доказываетъ! — воскликнулъ енотъ. — Я знаю, что онъ Казони. Похитивъ чуть не милліонъ, конечно, можно все изобрѣсти и достать для отвода глазъ.

— Милліонъ! — невольно воскликнулъ я.

— Да, это ничего не доказываетъ! — повторилъ въ свой чередъ и одинъ изъ жандармовъ. Такіе, какъ онъ, всегда со странными паспортами, но у такихъ они всегда въ наибольшемъ порядкѣ.

— Позвольте посмотрѣть вещи въ вашемъ сундукѣ, — рѣшилъ начальникъ станціи.

— Извольте! — двинулся я.

— Нѣтъ-съ, вы побудьте здѣсь. Мы отправимся въ багажный вагонъ, найдемъ вашъ сундукъ и сами посмотримъ. Позвольте вашу квитанцію и ключъ.

Я досадливо повиновался; станціонный начальникъ, получивъ требуемое, вышелъ въ сопровожденіи своего помощника и енота, сдѣлавъ движеніе головой, которое я тотчасъ понялъ. Это было предложеніе жандармамъ держать ухо востро. Дѣйствительно жандармы встрепенулись и раздѣлились. Одинъ всталъ у одного выхода вагона, а другой — у другого, предполагая, вѣроятно, что я съ оружіемъ въ рукахъ, которое находится навѣрное въ карманѣ, брошусь въ бѣгство.

Я долженъ прибавить, что за это время вагонъ наполнился любопытными, которые «на приличномъ разстояніи» мѣрили меня съ головы до ногъ косымъ взглядомъ, а около вагона на платформѣ набралось тоже немало народу. Всѣ эти зѣваки съ величайшимъ любопытствомъ приглядывались лицами и носами къ стекламъ оконъ, чтобы видѣть, гдѣ тутъ накрытый злодѣй итальянецъ, который и зарѣзалъ и укралъ кушъ. Признаюсь, въ этомъ любопытствѣ можно было имъ сочувствовать. Убійца съ милліономъ въ карманѣ! Вѣдь это, воля ваша, встрѣчается не всякій день и не на каждомъ шагу.

И сѣлъ и долженъ, къ стыду моему, признаться, что меня сердили косые взоры челоуѣкъ пятнадцати и ихъ глупо уставленные на меня «бурколы». Кто глядѣлъ съ недоумѣвающимъ выраженіемъ, а кто, какъ говорится, поглядывалъ «съ опаской».

— Какъ бы сейчасъ «этотъ» не рѣзнулъ ножемъ или не хватилъ изъ револьвера, желая спастись въ поле. И какъ разъ вмѣсто жандарма угодить въ насъ, публику.

Наконецъ, появился снова станціонный начальникъ съ помощникомъ, передалъ мнѣ ключъ съ квитанціей обратно и заявилъ, что дѣйствительно я не лгу... Оказывалось, стало быть, что въ моемъ сундукѣ нѣтъ ни мертваго тѣла, ни милліона!

— Есть въ сундукѣ такія книжки, которыя этотъ господинъ,—показалъ онъ на енота,—призналъ русскими, такъ какъ умѣетъ отчасти читать порусски. И, кромѣ того, нашлись и другіе предметы, въ томъ числѣ образа, которые, какъ и вашъ паспортъ, доказываютъ que vous avez l'intention de passer pour un russe. Вѣдь по паспорту же вы—французъ? Поэтому я долженъ васъ арестовать! Этотъ господинъ—агентъ римской полиціи и слѣдитъ за вами почти съ самой Флоренціи. Онъ говоритъ, что хотѣлъ арестовать васъ нѣсколько разъ въ Генуѣ и въ Миланѣ, но вы чрезвычайно искусно скрывались. По счастью, онъ снова случайно настигъ и встрѣтилъ васъ въ Женевскомъ вокзалѣ.

— То-есть просто прелесть!—выговорилъ я снова порусски и снова получилъ вопросъ:

— Que dites vous là?

— Je dis que c'est une histoire à ravir!—Со злости сострилъ я, такъ какъ ravir значить: и грабить и восхищать.

Начальникъ станціи ухмыльнулся, какъ бы извиняя меня въ томъ, что я сержусь и волнуюсь, имѣя на это полное право, такъ какъ, понятно, очень досадно возвратить сграбленный милліонъ и пойти на галеры или подъ гильотину.

И дѣло клонилось къ тому, что въ самомъ дѣлѣ меня арестуютъ, и что я просижу въ Лозаннѣ сутки или двое, покуда все не распутается. А между тѣмъ я страшно спѣшилъ въ Петербургъ, такъ какъ хотѣлъ быть не позднѣе сочельника, до праздниковъ, а этотъ злосчастный день былъ уже, кажется, 20-е или 19-е декабря. Помню хорошо, что мнѣ было дорого время, иначе, ради шалости и курьеза, я бы, можетъ быть, и позволилъ себя арестовать. Играть роль убійцы милліонера день или два, быть можетъ, даже очень интересно для романиста. Лишній протоколъ à la Zola.

Видя, что съ четырьмя швейцарцами дураками я не добьюсь ничего, я обратился прямо къ еноту, которому не могло быть выгоды въ ошибкѣ.

— Но скажите, пожалуйста, почему вы считаете меня этимъ господиномъ? Какъ вы его навываете?

— Вы не помните своей фамиліи?—иронически отозвался енотъ.—Казони! Имя, которое теперь, можно сказать, гремитъ по всей Италиіи. Да-съ, ваше имя стало знаменито...

— Скажите, пожалуйста,—хладнокровно продолжалъ я,—на какомъ основаніи предполагаете вы, что я этотъ Казони?

— Потому что вы—онъ!

— Но почему я—онъ? Предполагаю, что, быть можетъ, сходство мое съ нимъ васъ сбило съ толку?

— Разумѣется, лицо и вся фигура, а иначе, какъ же бы я узналъ, что вы—Казони?

— Стало быть, господишь, который бѣжалъ изъ Флоренціи и котораго вы преслѣдовали, именно я? Онъ именно точь-въ-точь таковъ, каковъ я: и ростомъ, и сложеніемъ, и лицомъ!

— Именно!

— Вы—агентъ, наряженный слѣдить за Казони и арестовать его?

— Именно! Отъ итальянскаго правительства. И на это у меня есть документъ, который я и представилъ г. начальнику станціи, чтобы имѣть право арестовать васъ.

— Послѣ своего преступленія,—продолжалъ я допросъ,—этотъ Казони былъ арестованъ и бѣжалъ изъ-подъ ареста или прямо бѣжалъ?

— Нѣтъ, онъ арестованъ не былъ... т.-е. вы. Вы скрылись послѣ совершенія преступленія тотчасъ же.

— Стало быть, вы знали этого Казони еще до совершенія имъ преступленія?

— Нѣтъ,—отозвался енотъ,—я его, т.-е. васъ, никогда не зналъ.

— Да гдѣ же вы его видѣли до сего дня?

— Первый разъ увидѣлъ въ Миланѣ, потомъ въ Туринѣ, затѣмъ въ Женевѣ.

Я разинулъ ротъ и вытаращилъ глаза точно такъ же, какъ и при появленіи всей этой компаніи въ первый разъ въ вагонѣ, но теперь начальникъ станціи и одинъ изъ жандармовъ обернулись къ еноту и тоже отчасти разинули рты. Начался его допросъ.

— Вы съ нимъ лично не знакомы?—сказалъ жандармъ, показывая на меня.

— Съ Казони? Нѣтъ!

— Никогда его не видали и не знавали до преступленія?

— Нѣтъ!

— И взялись искать его?

— Да!

— И утверждаете, что я—этотъ Казони?—прибавилъ я.

— Да!

— Да что же вы...—хотѣлъ я сказать,—бѣшенный,—и прибавилъ: *vous perdez la tête!*..

Я началъ доказывать еноту, кажется, самую простую истину, что нельзя арестовать человѣка по сходству съ тѣмъ, кого никогда въ глаза не видаль.

— Какъ же это вы такъ?—заговорилъ станціонный начальникъ укоризненно.

— Позвольте!—вдругъ оскорбился и вознегодовалъ енотъ.—Мнѣ данъ для поисковъ и ареста фотографическій портретъ.

— Гдѣ онъ?

— У меня въ карманѣ.

— Такъ, давайте!—воскликнулъ чуть не весь вагонъ, даже, кажется, нѣсколько человекъ изъ публики.

Енотъ полѣзъ въ карманъ, досталъ портфель, гдѣ была масса всякихъ бумажекъ всевозможныхъ цвѣтовъ, росписки, квитанціи, счета. Онъ вытащилъ фотографическую карточку маленькаго размѣра и довольно засаленную, на которой во весь ростъ былъ изображенъ господинъ, сидящій на стулѣ, облокотясь на столикъ, съ висящей кистью руки и растопыренными ногами. Однимъ словомъ, одна изъ характерныхъ карточекъ, которыя фабрикуются за дешево во всѣхъ странахъ. Все это замѣтилъ я вскользь, издали...

Начальникъ станціи взялъ эту карточку въ руки и сталъ переводить взглядъ съ карточки на меня и съ меня на карточку... Я ждалъ нетерпѣливо рѣшенія моеѣ участи. Наконецъ, станціонный начальникъ вздохнулъ какъ-то нерѣшительно.

— Какъ будто есть что-то!—произнесъ онъ и передалъ карточку жандармамъ.

Жандармы, склонивъ свои головки вмѣстѣ, какъ голубки, стали тоже глядѣть на карточку и глядѣть на меня. Одинъ изъ нихъ оттопырилъ губы и что-то проворчалъ, какъ бы не въ пользу карточки, а слѣдовательно въ пользу мою. Другой глубокомысленно и чрезвычайно важно разглядывалъ больше не меня, а исключительно маленькій засаленный картончикъ.

— Трудно рѣшить. Изображеніе очень мало, да и запачкано!—сказалъ тотъ, который оттопыривалъ губу.

— Позвольте и мнѣ получше разглядѣть карточку!—выговорилъ я.

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что!—заоралъ и запрыгалъ на мѣстѣ енотъ.—Не давайте! Онъ ее изорветъ!

— Ну, вотъ, какъ можно!—важно произнесъ станціонный начальникъ и, взявъ карточку и подойдя ко мнѣ, онъ обернулъ ее ко мнѣ на разстояніи аршина отъ лица и въ то же время поднялъ лѣвую руку. Если бы я бросился уничтожать главное доказательство совершеннаго мной преступленія, то онъ могъ бы меня отстранить.

Я сталъ смотрѣть на карточку, и невольно, несмотря на досаду, меня разобралъ смѣхъ. Лицо на этой карточкѣ было... какое-то мутно-сѣрое пятнышко; но было видно отчетливо иное, главное. А это главное въ данномъ случаѣ было въ мою пользу.

— Скажите, пожалуйста,—обратился я къ еноту,—вы получили эту карточку для поисковъ Казони послѣ его преступленія?

— Да-съ! Мнѣ ее выдали въ канцеляріи министра полиціи.

— Извѣстно ли вамъ, когда эта карточка, по показанію, положимъ, знакомыхъ преступника, была имъ снята?

— О, по счастью, какъ разъ передъ преступленіемъ!—воскликнулъ торжественно енотъ.

И невольно разсмѣялся, такъ какъ мой звѣрь влетѣлъ съ маху въ совершенно безсмысленное положеніе или попалъ пальцемъ въ небо.

И нѣсколько бодрѣе и важнѣе обратился къ станціонному начальнику и жандармамъ съ рѣчью:

— Милостивые государи! Этотъ господинъ требуетъ арестовать меня исключительно вслѣдствіе моего чрезвычайнаго и поразительнаго сходства не съ самимъ преступникомъ, котораго онъ ищетъ, такъ какъ онъ его никогда въ жизни не видалъ, а вслѣдствіе моего сходства съ этой карточкой, снятой съ преступника наканунѣ преступленія. Слѣдовательно, я и вы, — мы такіе же судьи въ сходствѣ, какъ и онъ. Онъ можетъ находить, что я очень похожъ на эту карточку, и что мое лицо крайне похоже на это сѣренькое пятнышко, гдѣ едва можно разглядѣть глаза и носъ. Я, разумѣется, противнаго мнѣнія. Но вотъ что я долженъ замѣтить... Я обращусь снова съ однимъ вопросомъ къ г. агенту. Скажите мнѣ, — обернулся я къ еногу, — вы на вѣтеръ говорите, что эта карточка была сдѣлана преступникомъ почти наканунѣ преступленія или это совершенно вѣрно?

— Совершенно вѣрно — воскликнулъ еноть. — Я могу доказать это. Если бы она не была съ него снята почти наканунѣ, то и полиція, да и я самъ, не рѣшились бы по ней искать преступника.

— Прекрасно! Когда было совершено это преступленіе?

— Тому назадъ двѣ недѣли.

— Еще лучше! — воскликнулъ я. — А теперь, господа, — обратился я къ начальнику станціи и жандармамъ, — полюбуйтесь! Этотъ г. Казони совершенно обрить, безъ бороды и безъ усовъ, а я, какъ вы видите, съ усами и длинной бородой. Что вы на это скажете?

Долженъ замѣтить, что мои четыре кретина не только не сразу, но развѣ черезъ минуту мысленно добрали кое-какъ до соображенія того, что я сказалъ. Но зато, когда они умственно дополнили и поняли все, то начали крайне весело и даже заразительно хохотать. Еноть былъ совершенно смущенъ и не зналъ, что дѣлать: отказаться ли отъ своихъ заявленій или предпринять что либо иное. Но, наконецъ, желая сравнять себя разумомъ съ четырьмя швейцарцами, онъ воскликнулъ:

— Позвольте, это извѣстное дѣло, что преступники, когда ихъ розыскиваютъ, стараются какъ можно болѣе все въ себѣ измѣнить: бороды и усы брѣютъ, парики надѣваютъ, костюмы мѣняютъ.

— Совершенно вѣрно! — отозвался я, — что они брѣютъ усы и бороды. Но не знаю, могутъ ли они въ недѣлю времени отпустить длинные усы и бороду. До этого, кажется, покуда еще не дошли.

И въ эту минуту я снова вспомнилъ, что вокругъ насъ и въ вагонѣ, и на платформѣ цѣлая толпа, потому что раздался всеобщій гулкій смѣхъ.

Не знаю, чѣмъ бы все это кончилось, быть можетъ, начальникъ

станціи и рѣшилъ бы меня арестовать «такъ», про всякій случай, но одинъ изъ жандармовъ вдругъ махнулъ рукой на енота и вымолвилъ раздражительно:

— Ну, видалъ я сыщиковъ, а такихъ, какъ вы... извините! Ничего подобнаго въ жизни не встрѣчалъ!

И онъ вышелъ изъ вагона, ворча и пожимая плечами. За нимъ машинально послѣдоваль его товарищъ, а за ними тотчасъ двинулся и начальникъ станціи.

Я забылъ сказать, что поѣздъ сильно задержался на станціи изъ-за этого «невытанцовывающагося» ареста, и публика сосѣднихъ вагоновъ уже давно начала на платформѣ кричать и браниться съ служащими.

Енотъ поглядѣлъ на меня какъ-то чрезвычайно тоскливо и безпомощно и, взявъ свои вещи, пошелъ тоже вонъ изъ вагона.

Я вздохнулъ свободно и, признаюсь, былъ крайне доволенъ, тѣмъ болѣе, что зналъ теперь, что не опоздаю въ Петербургъ. Поѣздъ почему-то стоялъ еще съ минуго, и я вышелъ на площадку вагона, такъ какъ теперь вслѣдствіе волненія мнѣ казалось душно.

Поѣздъ тронулся. Вся платформа была полна народомъ, какъ это почти всегда въ Лозаннѣ. Когда нашъ вагонъ пробѣжалъ около десяти сажень, и поѣздъ уже шелъ быстрѣе, я снова увидалъ среди кучки пассажировъ съ багажемъ въ рукахъ моего енота. Онъ, жестикулируя, что-то рассказывалъ столпившимся кругомъ него любопытнымъ. Его дѣло прогорѣло, и ему приходилось начинать съизнова... съ Женевы, а то и съ Турина.

И вдругъ, Богъ вѣсть почему, или, какъ говорится, чортъ меня дернулъ, я весело крикнулъ ему какъ можно громче:

— Эй! Послушайте! А что если я въ самомъ дѣлѣ Казони, да ловко отвертѣлся?!

Енотъ шарахнулся съ мѣста къ поѣзду и какъ-то взвылъ!.. Но садиться было невозможно, ибо можно было расшибиться до смерти. Я сталъ выглядывать съ площадки и видѣлъ, что мой енотъ какъ-то кружится, будто танцуетъ, и шуба его развѣвается кругомъ въ родѣ дамской юбки.

Но едва только я пошутилъ, какъ меня обуялъ страхъ. Вѣдь существуютъ телеграфы. Чтò, если этотъ пошлый дуракъ, не являясь самъ лично съ своимъ судебнымъ доказательствомъ, со своей знаменитой карточкой, телеграфируетъ хотя бы въ Фрейбургъ или въ Базель, чтобы ѣдущаго такого-то, съ паспортомъ такимъ-то, и, конечно, фальшивымъ, арестовать впредь до его прибытія?

— Вотъ чертовщина!— подумалъ я.— Въ его отсутствіе меня непременно арестуютъ, потому что главное доказательство моей виновности—именно онъ самъ и его карточка.

Признаюсь, что вплоть до границы Швейцаріи, т. е. до Базеля,

я былъ неспокоенъ и сознавался, что попутить крайне глупо и могу быть легко задержанъ въ пуги.

Ничего однако не приключилось. Должно быть, четыре кретина швейцарца убѣдили енота, что онъ—пятый.

Но все-таки еще не конецъ моему повѣствованію. Если были цвѣточки, то ягоды еще впереди или, вѣрнѣе сказать, одна ягодка.

При осмотрѣ багажа, уже ночью, баденскими чиновниками при свѣтѣ лампъ, въ числѣ вереницы сундуковъ стоялъ и мой. Всѣ мы, пассажиры, приблизились и отперли наши сундуки. Любезные, крайне вѣжливые таможенные чиновники только потому, что они — баденцы, а не пруссаки, дѣлали видъ, что смотрятъ вещи и будто шарятъ, но собственно только шалили пальцами въ бѣльѣ и вещахъ.

Мои вещи были осмотрѣны въ числѣ первыхъ. Я заперъ сундукъ и сталъ прогуливаться около прилавка, гдѣ еще стояли открытые сундуки, а передъ ними ихъ владѣльцы. Отъ нечего дѣлать я разсматривалъ буквы и надписи черными и красными чернилами на сундукахъ и на крышкахъ и вдругъ остановился, какъ вкопанный. Затѣмъ черезъ мгновеніе я протеръ себѣ глаза и сталъ пристальнѣе смотрѣть... И видя то, что было подъ глазами, я говорилъ себѣ:

«Не можетъ быть!.. Я ошибаюсь!».

Въ трехъ шагахъ отъ меня стоялъ большой открытый сундукъ, а на его крышкѣ, которую какъ-то наискось сильно освѣщали двѣ яркія лампы, я ясно прочелъ бѣлое по сѣрому, т. е. шесть большихъ свѣже счищенныхъ или вытравленныхъ съ сундука буквъ: «Казони».

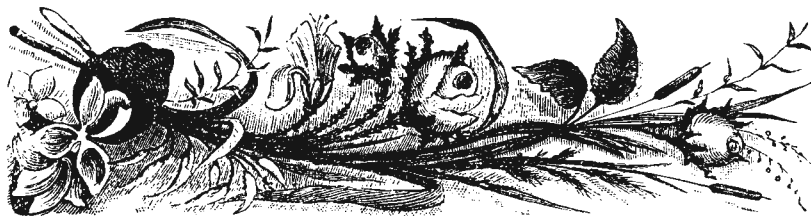
Господинъ, стоявшій передъ сундукомъ, стоялъ ко мнѣ спиной. Я обошелъ съ другой стороны, взглянулъ и опять ахнулъ... Это былъ положительно оригиналъ карточки, или, вѣрнѣе, плохая карточка, которую я видѣлъ въ Лозаннѣ, была все-таки его похожимъ портретомъ. И мнѣ пришло на умъ:

«Вотъ этотъ! Якобы убилъ и укралъ миллионъ... Можетъ быть, это и вздоръ, преувеличеніе. Но все же однако? Что теперь я долженъ скорѣе сдѣлать!»

Я подумалъ, подумалъ и... закурилъ папиросу.

Графъ Е. Салиасъ.

Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.

СЕСТРЫ САМОЙЛОВЫ ¹⁾.

(Изъ театральныхъ воспоминаній).

VII.

ОЛОЖЕНІЕ сестеръ Самойловыхъ относительно публики было самое благопріятное. Ни у той, ни у другой, въ избранной каждой изъ нихъ области ролей, не было соперницъ, оттого и не было враговъ. Самойловы не знали той вражды, которая разжигается за кулисами театра непрощенными поклонниками, натравляющими однихъ актеровъ на другихъ, чтобъ на этой почвѣ пользоваться ихъ расположеніемъ. Главнымъ поклонникомъ и покровителемъ Самойловыхъ былъ самъ государь Николай Павловичъ. Какъ извѣстно, императоръ Николай I очень любилъ театръ, посѣщалъ всѣ театры, интересовался и русскимъ не менѣе, чѣмъ другими. Онъ не только разговаривалъ съ актерами, онъ призывалъ къ себѣ авторовъ, высказывалъ имъ свое, выспрашивалъ ихъ мнѣнія. Относясь съ уваженіемъ къ трагедіи, особенно къ патриотической, государь однако не былъ большимъ любителемъ этого рода сценическихъ представлений; ему гораздо болѣе нравилась тонкая изящная комедія и веселый водевиль. Поэтому ему была болѣе мила молодая труппа; главными любимцами его были Мартыновъ, Максимовъ и сестры Самойловы. На Вѣру Васильевну госу-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXI, стр. 121.

дарь обратилъ вниманіе еще до ея дебюта. Стройная, красивая, въ черномъ платьѣ, въ траурѣ по недавно скончавшемся отцѣ, она проходила въ уборную сестры по лѣсенкѣ, ведущей на сцену изъ нижняго коридора, какъ разъ въ то время, когда государь, пользуясь антрактомъ, вышелъ за кулисы. Государь замѣтилъ ее издали.

— *Qui est cette dame en noir?*—спросилъ онъ.

Но не сразу могли ему отвѣтить. Такъ въ семьѣ Самойловыхъ было не въ обычаѣ безъ дѣла появляться въ театрѣ, что Вѣру Васильевну почти никто не зналъ изъ театральныхъ, несмотря на то, что ея отецъ, мать, двѣ сестры и братъ были уже извѣстными актерами. Одинъ актеръ Максимовъ, изъ окружавшихъ тогда государя, зналъ черную даму и сказалъ:

— Это младшая Самойлова, она тоже скоро будетъ дебютировать на сценѣ.

— Еще Самойлова!—подивился государь, уже знавшій пятерыхъ талантливыхъ актеровъ этой семьи,—очень пріятно.

Государь часто въ антрактахъ спектаклей выходилъ на сцену и постоянно много разговаривалъ съ Самойловыми. Онъ очень уважалъ утонченное приличіе этихъ дѣвушекъ, а потому и самъ обращался съ ними замѣчательно деликатно. Онъ говорилъ съ ними объ искусствѣ, о ихъ роляхъ, о пьесахъ, провѣрялъ свое мнѣніе¹⁾. Онъ спрашивалъ Вѣру, кто ей больше нравится изъ французскихъ актрисъ, Вольнисъ или Плесси. И узнавъ, что Самойлова скорѣе сторонница Плесси, прибавлялъ:

— И я тоже. У Вольнисъ стойка не хороша.

Въ самомъ дѣлѣ у Вольнисъ замѣчалось что-то не совсѣмъ граціозное, когда она стояла. Надежду императоръ разспрашивалъ, отчего она не пишетъ для сцены, поощрялъ ее къ этому дѣлу. Надежда Самойлова уже дѣлала нѣсколько попытокъ сочинительства; она переработала для русской сцены одну французскую пьесу «Дядя въ хлопотахъ», сочинила вальсъ и галопъ, переложенные для оркестра капельмейстеромъ Кажинскимъ и многократно исполненные въ антрактахъ русскихъ спектаклей. Композиторшу усердно вызывали за эти произведенія. Государь пріѣзжалъ почти на всѣ бенефисы сестеръ Самойловыхъ, но ему всегда надо было напомнить объ этомъ, для чего онѣ (какъ, впрочемъ, и другіе актеры) являлись съ афишею къ министру императорскаго двора, прося доложить государю о бе-

¹⁾ Разсказанный Вольфомъ въ его хроникѣ петербургскихъ театровъ анекдотъ о томъ, что будто государь присѣдалъ передъ Надеждой Васильевной Самойловой, стараясь ей подражать, сама Надежда Васильевна отрицаетъ, какъ совершенный вздоръ. Вообще хроникѣ Вольфа далеко нельзя во всемъ довѣрять: онъ, напримѣръ, говоритъ, что Снѣткова дебютировала ученицей Вѣры Самойловой, что неправда. Снѣткова проходила нѣкоторыя роли съ Самойловой, уже поступивши на сцену. У Вольфа совершенно неправильно описана подъ инициалами неудача брака одной молодой артистки и проч.

нефисѣ. Присутствіе государя на бенефисѣ всегда имѣло послѣдствіемъ подарокъ бенефицианту. Однажды министръ почему-то забылъ сказать государю о бенефисѣ Надежды Васильевны, и государь на бенефисѣ не пріѣхалъ. Спектакль уже подходилъ къ концу, играли послѣднюю пьесу, въ декорации съ открытымъ небомъ. Надежда Васильевна, стоя за кулисами, вдругъ замѣчаетъ тоже въ кулисахъ, но на противоположной сторонѣ сцены, директора императорскихъ театровъ, Гедеонова, который ей усиленно машетъ рукой и мимически что-то хочетъ сказать. Самойловой также пришлось жестами объяснять, что ей надо тотчасъ выйти на сцену, и что обойти къ директору, на другую сторону кулисъ, ей невозможно. Когда пьеса кончилась, оказалось, что директоръ привезъ бенефицианткѣ царскій подарокъ.

— Ну, надѣлали вы мнѣ хлопотъ сегодня,—загѣтилъ директоръ и рассказалъ, что государь былъ въ Большомъ театрѣ, тамъ, взглянувъ на общую афишу, узналъ о бенефисѣ Надежды Самойловой. Онъ приказалъ директору тотчасъ же, ночью, поѣхать къ ювелиру, купить подарокъ и поднести его бенефицианткѣ. Гедеоновъ долженъ былъ стучаться къ ювелиру, магазинъ котораго былъ уже запертъ, сдѣлать переполохъ и спѣшить, чтобы поспѣть съ подаркомъ до конца спектакля.

Одно изъ мѣстъ, гдѣ часто государь Николай Павловичъ разговаривалъ съ Вѣрой Самойловой, были маскарады въ Большомъ театрѣ. Государь любилъ эти маскарады, постоянно ихъ посѣщалъ, а за нимъ слѣдомъ являлось туда и все великосвѣтское общество. Оттого и для строгой щепетильной семьи Самойловыхъ маскарады эти считались дозвольтельными, и сестеръ Надежду и Вѣру отправляли туда, хотя все-таки подъ надзоромъ старшей сестры, Любови Васильевны, и ихъ тетки. Государь всегда сразу узнавалъ Вѣру Самойлову, подъ маской, и съ любезнымъ восклицаніемъ: «аа! здравія желаю!»—самъ подходилъ къ ней, бралъ ее подъ руку и начиналъ разговаривать. Артистка никакъ не могла понять, отчего государь всегда такъ быстро узнаетъ ее, и, наконецъ, даже спросила его объ этомъ. Загадка объяснилась очень просто: когда она встрѣчала государя, та машинально схватывалась за подбородокъ, какъ бы желая усилить густоту кружевной отдѣлки маски. Государь замѣтилъ этотъ жестъ и обращался къ артисткѣ съ увѣренностью, что это она. Доброе расположеніе государя къ Самойловымъ было даже причиной великаго счастья какого-то мелкаго лавочника. Самойловы жили на дачѣ на Крестовскомъ островѣ; государь пріѣхалъ на нѣсколько дней въ Елагинскій дворецъ, онъ велѣлъ осѣдлать лошадь и поѣхалъ прокатиться. При вѣздѣ на Крестовскій островъ стояла лѣтняя изъ досокъ сколоченная мелочная лавочка, которою пользовались многіе дачники, между прочимъ, и Самойловы. Государь остановился передъ лавочкой и распросилъ ея хозяина, гдѣ живутъ

актрисы, потомъ подѣхалъ къ ихъ дачѣ. Старушка мать и обѣ дѣвушки тотчасъ выбѣжали на балконъ, и государь нѣсколько минутъ бесѣдовалъ съ ними, гарцуя на конѣ. Случай этотъ явился громаднымъ событіемъ въ жизни бѣднаго лавочника. Онъ разговаривалъ съ государемъ съ глазу на глазъ. Лавочникъ почувствовалъ себя маленькою знаменитостью, расписалъ себѣ новую вывѣску и долго потомъ рассказывалъ встрѣчному-поперечному о своемъ разговорѣ съ царемъ. Это участіе государя къ судьбамъ русской сцены очень привлекало къ нему актеровъ; Максимовъ называлъ себя актеромъ императора Николая I, Вѣра Самойлова всегда говорила о немъ съ большимъ уваженіемъ и любовью.

Публикой вообще сестры Самойловы должны были быть тоже очень довольны; такимъ значительнымъ и повсемѣстнымъ поклоненіемъ, какъ онѣ, едва ли кто пользовался изъ русскихъ актрисъ. Собственно съ нихъ начались въ русскомъ театрѣ поднесенія подарковъ актерамъ по подпискѣ. Въ ихъ время еще не подносили большихъ букетовъ чрезъ оркестръ, а кидали маленькіе букеты изъ ложъ и партера. Надежда Васильевна говорила мнѣ, что будто начало этой моды положила великая княжна Александра Николаевна. Она какъ-то слушала пѣніе Рубини и до того увлеклась, что бросила ему изъ ложи букетъ, который держала въ рукахъ. Съ тѣхъ поръ уже стали нарочно приготавливать букеты, чтобъ кидать ихъ; мода дошла потомъ до полного цвѣтобѣсія и вызвала помянутую насмѣшливую пьеску графа Сологуба. Большіе букеты были подаваемы прямо въ уборную актрисы. Иногда, такъ же за кулисы, знакомые и поклонники подносили подарки. Такъ, Надежда Самойлова получила въ подарокъ золотую табакерку, наполненную червонцами отъ одной богатой поклонницы, причемъ значилось, что золото дается на булавки, а табакерка, чтобъ было гдѣ ихъ хранить. Вѣрѣ Самоловой однажды богачъ Демидовъ прислалъ за кулисы роскошный букетъ; она привезла его домой и на другой день, на просьбу какой-то знакомой, дать ей цвѣтокъ изъ букета, отдала весь букетъ. Каково же было удивленіе артистки, когда вскорѣ послѣ того ее спросили: «понравился ли ей браслетъ, который былъ спрятанъ въ букетѣ?» Пришлось отыскивать букетъ, и счастье, что еще онъ не успѣлъ совсѣмъ завянуть, и его не выбросили. Браслетъ былъ спасенъ. Но все это были частные подарки, а между тѣмъ балетнымъ танцовщицамъ и итальянскимъ пѣвцамъ уже начали подносить подарки, купленные въ складчину, отъ многихъ лицъ, отъ почитателей, отъ публики. Загорѣлся патріотизмъ въ завсегдатаяхъ Александринскаго театра, и они затѣяли подписку на подарки Надеждѣ и Вѣрѣ Самойловымъ. Это было въ 1850 году. Къ концу сезона составился родъ комитета, который пересмотрѣлъ нѣсколько стихотворныхъ обращеній къ артисткамъ и выбралъ стихи графа Сологуба для прочтенія при поднесеніи подарка.

Подписчики вошли въ сношеніе съ режиссеромъ труппы, назначили день поднесенія, 4-го марта, на масляницѣ, для чего и былъ составленъ подходящій спектакль. Вѣсть объ этомъ распространилась и за кулисами, дошла и до Самойловыхъ. Надо же было такъ случиться, что Надежда Васильевна, какъ разъ къ этому времени, расхворалась горломъ. Избалованная постояннымъ успѣхомъ, она разсердилась на злую природу, мѣшавшую предполагаемому торжеству, и, не долго думая, послала за извѣстнымъ докторомъ Немертомъ.

— Пожалуйте мнѣ мой голосъ,—сказала ему бѣдовая артистка.

— Что это значитъ?—спросилъ онъ.

— Значитъ, что я пою на масляницѣ попури «Бѣдовая дѣвушка», а у меня горло заболѣло. Я должна пѣть непременно; сдѣлайте, чтобъ я могла пѣть.

— Какъ же это сдѣлать?—думаль было возразить докторъ, но артистка не дала ему договорить.

— Какъ хотите! на то вы Немертъ. Дайте какія угодно средства... Потомъ хоть умереть... Но я хочу пѣть въ этотъ спектакль, я должна пѣть, во что бы то ни стало.

Что можетъ устоять противъ такой логики женщины, да еще артистки? Докторъ усиленно сталъ лѣчить ее, нервы сдѣлали остальное, и она пропѣла свои номера такъ, что государь потомъ сказалъ ей:

— Вы пѣли, какъ Гризи.

Спектакль удался какъ нельзя лучше. Сыграли «Окно во второмъ этажѣ» — для Вѣры, «Бѣдовую дѣвушку» — для Надежды, и въ заключеніе пьеску Надежды Самойловой «Дядюшка въ хлопотахъ», гдѣ участвовали обѣ сестры и братъ ихъ Василій Васильевичъ. Театръ былъ переполненъ всѣми подписавшимися на подарокъ, пріѣхалъ и государь со всей царской семьей. Но еще былъ вопросъ, какимъ путемъ поднести подарки и стихи. Конечно, подносившіе желали, чтобъ это было сдѣлано торжественно на сценѣ, при открытомъ занавѣсѣ, но этого никогда прежде не дѣлалось, безъ позволенія нельзя было на это рѣшиться. Упросили оберъ-полицеймейстера Галахова, который также былъ горячимъ поклонникомъ Самойловыхъ, чтобъ онъ доложилъ объ этомъ государю. У царской ложи, когда Галаховъ туда вошелъ, собралась толпа заинтересованной молодежи, ожидая результата миссіи. Наконецъ, Галаховъ вышелъ сияющій; государь разрѣшилъ поднести подарки и прочитать стихи публично. Кончилась пьеса, въ которой играли обѣ сестры; Василій Васильевичъ Самойловъ вывелъ ихъ на вызовы публики, множество букетовъ полетѣло къ ногамъ артистокъ. Послѣ нѣсколькихъ вызововъ, занавѣсъ не опустился, и на сцену вышелъ Максимовъ во фракѣ, а за нимъ нѣсколько другихъ артистовъ, съ двумя громадными вѣнками и подарками. Надежда Васильевна хотѣла обратиться съ вопросомъ къ Максиму, но онъ шепнулъ:

— Наденька и Вѣрочка, не разсуждайте, слушайте, — и онъ громко съ чувствомъ прочиталъ слѣдующее стихотвореніе:

Алмазь и жемчугъ русской сцены,
Благодаримъ васъ всей душой,
Что вы возвысили собой
Значенъе русской Мельпомены,
Что не щадили никогда
Вы даровитаго труда
Для драматическаго дѣла.
Васъ публика понять сумѣла;
Въ душевной памяти она
Надежду съ Вѣрою отмѣтитъ
И вамъ на ваши имена
Всегда любовію отвѣтитъ.

Прекрасно переписанные два экземпляра этихъ стиховъ, съ подписями фамилій всѣхъ участвовавшихъ въ подарокѣ, два совершенно одинаковыхъ богатыхъ браслета и два вѣнка были переданы сестрамъ Самойловымъ при громкихъ рукоплесканіяхъ всей залы.

Въ наше время, когда всякой мало-мальски выдающейся актрисѣ подносятъ чрезъ кацельмейстера шкатулки, чайники, чуть что не кастрюли и всякій домашній скарбъ, когда похвальные адреса подаются часто отъ одного глупаго добродушія, какъ именинный пирогъ, который завтра зачерствѣетъ и будетъ негоденъ къ употребленію, когда всякій провинціальный нахаль сцены бережетъ въ карманахъ серебряные портсигары съ надписью: «отъ благодарной публики», — теперь чествованіе сестеръ Самойловыхъ можетъ показаться довольно ординарнымъ, но тогда это была новинка, которой еще никто не удостоивался, ни даже идолъ публики, трагикъ Каратыгинъ, къ слову сказать, ворчавшій на этотъ самоейловскій праздникъ. Чествованіе проявилось искреннимъ порывомъ благодарности за десятилѣтнее честное и даровитое служеніе искусству, за многіе часы дѣйствительно эстетическаго наслажденія. Надежда Васильевна до сихъ поръ хранитъ поднесенный тогда листъ со стихами; на немъ значится 116 подписей большею частью все громкихъ аристократическихъ фамилій: чуть ли не полный списокъ всего тогдашняго великосвѣтскаго общества (графъ Воронцовъ-Дашковъ, графъ Орловъ-Давыдовъ, графъ Строгановъ, князь Щербатовъ, князь Урусовъ, княгиня Голицына и проч. и проч.); артистка бережетъ въ рамкѣ подъ стекломъ это отрадное воспоминаніе свѣтлыхъ дней своей жизни.

Про критику того времени много сказать нечего. Театральная критика была очень стѣснена цензурой и потому рѣдко могла высказываться вполне откровенно. Отчеты о спектакляхъ большею частью ограничивались одними отзывами о пьесахъ. Болѣе смѣлые рецензенты все-таки не останавливались высказывать свое неудовольствіе и дѣлать строгія замѣчанія, конечно, въ приличной формѣ. Самойловы,

однако, были спасены отъ тяжелаго чувства, испытываемаго артистомъ или авторомъ, приложившими много дней любви и труда къ своему произведенію и встрѣчающими легкомысленную оцѣнку по впечатлѣнію одного спектакля. У Самойловыхъ былъ вѣрный Аргусъ, ихъ старшая сестра, Любовь Васильевна. Она не давала сестрамъ читать никакихъ рецензій, она прочитывала ихъ сама, выбирала и то положительное, и то отрицательное, что ей казалось вѣрнымъ и полезнымъ, и сама передавала это сестрамъ, вмѣстѣ со своими замѣчаніями. Впрочемъ, тогдашніе театральные критики были большею частью чужды явившагося позже страннаго удовольствія предвкушать чужую неприятность отъ грубаго, часто лживаго нападка. Страстная и глубокая, но въ то же время чистая, добропорядочная критика, сперва Николая Полевого, потомъ Вѣлинскаго, заставляла и другихъ относиться къ этому дѣлу честно, серьезно, съ желаніемъ пользы, а не оскорбленія. Поэтому иные критики считали недостойнымъ унижать сестеръ Самойловыхъ въ глазахъ публики и, видя кое-какіе недостатки исполненія, высказывали ихъ не печатно, а письмами къ артисткамъ. Въ этихъ письмахъ, подписанныхъ и анонимныхъ, разбирались подробно всякіе недочеты игры, иногда даже придирчиво и жестоко, но это приносило только пользу. Артистки принимали замѣчанія къ свѣдѣнію, исправляли, что считали нужнымъ исправить, а публика оставалась въ сторонѣ, получая результатъ этихъ переговоровъ, то-есть наилучшее исполненіе.

VIII.

Не одинъ Петербургъ восторгался сестрами Самойловыми, ихъ гастроли въ другихъ мѣстахъ Россіи были тоже художественнымъ праздникомъ, остававшимся надолго памятнымъ публикѣ. Вѣра Самойлова, впрочемъ, играла только въ Москвѣ на императорской сценѣ въ 1851 г. Она исполнила тамъ свои роли въ пьесахъ: «Горе отъ ума», «Евгеній Онѣгинъ», «Дочь Карла Смѣлаго», «Окно во второмъ этажѣ», «Прихоть кокетки», «Старая мыза», «Провинціалка», «Бѣлая камелія» и др. Впечатлѣніе, произведенное артисткой, я могу провѣрить тремя отзывами изъ совершенно различныхъ источниковъ, но въ то же время очень сходными между собой. Во-первыхъ, стихи, найденные послѣ Вѣры Васильевны, поднесенные ей извѣстнымъ театраломъ и впоследствии авторомъ лѣтописи русскаго театра, Пименомъ Араповымъ. Вотъ эти стихи:

Вѣрѣ Васильевнѣ Самойловой въ Москвѣ.

Я въ Петербургѣ видѣлъ васъ
Среди торжествъ — очарованій,
И въ Бѣлокаменной у насъ
Восторговъ собрали вы дани.

Талантъ вашъ силенъ, и душа
 Огнемъ вся творчества согрѣта;
 Игра изящна, хороша,
 Какъ мысль великаго поэта.
 Въ балладѣ, въ драмѣ и во всемъ
 Участье ваше полно звука,
 Уборъ вашъ самый, — даже въ немъ
 И увлеченье, и наука.
 Здѣсь все въ невѣрїи досель
 Къ рассказамъ были, но партера
 Въ Москвѣ одна теперь лишь цѣль:
 Обворожительная Вѣра.

Въ этихъ неуклюжихъ стихахъ довольно ясно просвѣчиваетъ отношеніе москвичей къ Вѣрѣ Васильевнѣ. Очень интересны слова: «здѣсь все въ невѣрїи досель къ рассказамъ были»; они показываютъ, что ужъ и тогда москвичи, всегда пристрастные патріоты своего театра, относились недовѣрчиво къ петербургскимъ знаменитостямъ, и Вѣрѣ Васильевнѣ приходилось съ бою завоевывать свой успѣхъ. Ее, вѣроятно, что называется, разбирали по косточкамъ и все-таки должны были отдать ей дань справедливости. Это обсужденіе нашло свой откликъ въ словахъ Арапова, что и въ уборѣ артистки видно «и увлеченье, и наука». Въ такомъ же родѣ и отзывъ московскаго корреспондента «Сѣв. Пчелы». Онъ говоритъ, что послѣ Каратыгиной, послѣдовательницы Марсъ (знаменитой французской актрисы), Москва, до появленія Вѣры Самойловой, не видала высокой комедіи; онъ восхваляетъ истинное одушевленіе артистки въ каждомъ взглядѣ, но, какъ москвичъ, тутъ же не можетъ не отравить своихъ похвалъ замѣчаніемъ: «говорятъ, что Самойлова подражаетъ французской актрисѣ Плесси; но и это есть достоинство». Третій отзывъ я слышалъ отъ извѣстной московской артистки, Н. М. Медвѣдовой, которая тогда была очень молоденькой дѣвушкой и начинающей актрисой. Медвѣдова говоритъ, что никогда, ни въ одной иностранной актрисѣ, она не видала такой изящной простоты и истиннаго таланта, какъ при исполненіи Вѣры Самойловой свѣтскихъ комедій. Конечно, талантъ виденъ былъ всюду; но въ роляхъ свѣтскихъ дамъ она была недостижима. Чуткость къ искусству Вѣра Самойлова показала и тѣмъ, что она очень уговаривала Медвѣдеву перейти на петербургскую сцену, видя въ ней себѣ преемницу.

Надежда Самойлова сдѣлала болѣе дальнія артистическія поѣздки. Кромѣ Москвы, гдѣ она появлялась на сценѣ нѣсколько разъ, она ѣздила играть и въ провинцію. Первая ея поѣздка состоялась вскорѣ послѣ замужества артистки. Она была приглашена въ Харьковъ на гастроли и воспользовалась этимъ, чтобы увезти захворавшаго въ то время своего мужа въ лучшій климатъ. Окончивши съ успѣхомъ гастроли въ Харьковѣ, Надежда Васильевна увидѣла, что можетъ располагать еще нѣсколькими днями отпуска.

Переѣзды молодыхъ супруговъ были обставлены полнымъ удобствомъ. Они ѣхали въ великолѣпномъ дорожномъ дормезѣ, въ который впрягали шестерку лошадей. Доктора и знакомые посоветовали имъ воспользоваться тѣмъ, что они были недалеко отъ Одессы, сдѣлать путешествіе туда, что находили полезнымъ для здоровья мужа. Такъ и было сдѣлано. Но едва Надежда Самойлова помѣстилась въ одной изъ лучшихъ квартиръ Одессы, какъ по городу распространилась вѣсть объ ея пріѣздѣ. Тотчасъ же дирек-

Надежда Васильевна Самойлова-Макшеева.

торъ театра, нѣкоторые артисты и, наконецъ, губернаторъ пріѣхали къ ней просить участвовать хотя въ трехъ спектакляхъ. Самойлова отговаривалась, что она и костюмы, и ноты оставила въ Харьковѣ; ей нашли и то, и другое; такъ какъ въ это время, кромѣ русской драматической труппы, была въ Одессѣ и итальянская, оперная, исполнявшая «Дочь полка», Самойлова согласилась, но ей пришлось испытать нѣсколько интригъ со стороны мѣстной главной актрисы, не желавшей конкуренціи. Были пущены въ ходъ разныя уловки,

чтобы не допустить гастролей, и, когда это не удалось, Самойлову едва не пришибли, начавъ не во время спускать занавѣсъ. Ее спасла все та же вѣрная сестра, Любовь Васильевна, неизмѣнно и тутъ присутствовавшая на ея спектаклѣ и остановившая машиниста. Можетъ быть, это была и случайность, но публика охотно вѣритъ кознямъ интриги; слухи о покушеніи на жизнь Самойловой разрослись съ быстротой электрическаго тока и еще больше способствовали ея успѣху. Ей устроили громадную овацію: выпрягли лоша-

Вѣра Васильевна Самойлова-Мичурина.

дей изъ экипажа, отвезли людьми до квартиры, пѣли передъ домою серенаду на мотивы «Дочери полка», пили шампанское за ея здоровье на прощанье и проч. Въ пылу всей этой сумятицы артистка значительно пропустила срокъ отпуска и даже не сдѣлала объ этомъ никакого заявленія начальству. Ей предстоялъ большой штрафъ, по закону до 12.000 р. Сестра Вѣра писала ей изъ Петербурга, что директоръ, Геденовъ, рветъ и мечетъ на нее за такое своеволие. По счастью для Надежды Васильевны въ это время государь Николай Павловичъ пріѣзжалъ въ Чугуевъ дѣлать смотръ войскамъ. Чу-

гуеть былъ артисткѣ по дорогѣ, она поѣхала туда и согласилась тамъ участвовать въ нѣсколькихъ спектакляхъ. Всѣ власти приняли въ ней участіе, чтобы приготовить ей благополучное возвращеніе въ Петербургъ. Выбрали благопріятную минуту и доложили государю, что Самойлова въ Чугуевѣ. Государь сказалъ: «очень радъ». Тогда она отправилась съ афишей своего бенефиса къ графу Алексѣю Федоровичу Орлову, любимцу государя, и высказала ему про свое положеніе. Она просрочила два мѣсяца и боится показаться на глаза директору.

— А зачѣмъ просрочили? — шутя попрекнулъ Орловъ.

Самойлова объяснила, что главная причина тому была болѣзнь ея мужа, и рассказала откровенно про все. Орловъ отвѣчалъ:

— Ну, чтобы вы не боялись, когда приѣдете въ Петербургъ, поѣзжайте къ Гедеонову и поклонитесь ему отъ меня.

На другой день онъ прислалъ ей подарокъ отъ государя, дорогія серьги, съ извиненіемъ, что государь на бенефисѣ не будетъ. Заручившись такою рекомендаціей, артистка уже безбоязненно поѣхала дальше и еще разъ остановилась въ Твери. Тамъ у нея былъ знакомый, который долженъ былъ осмотрѣть купленныхъ ею въ Малороссіи лошадей. Но и тутъ ее уговорили остаться на нѣсколько дней, чтобы играть въ благотворительныхъ спектакляхъ, за что все-таки отблагодарили бенефисомъ. На прощальномъ спектаклѣ жеune преміер тверскаго театра, актеръ Степановъ, прочиталъ ей на сценѣ передъ публикой, сочиненное тогдашнимъ предводителемъ дворянства, извѣстнымъ романистомъ Лажечниковымъ, слѣдующее стихотвореніе:

Слышали-ль вы старинное сказанье
 Про городъ, гдѣ волшебника жаломъ
 Всѣ впали въ дивное очарованье
 И вдругъ заснули тяжкимъ сномъ?
 Повсюду тишина, бесѣды не стало,
 Погасъ огонь очей, и слухъ окаменѣлъ,
 И сердце биться перестало:
 Казалось, духъ жизни отлетѣлъ!
 Но сжалился надъ ними добрый геній, —
 Волшебница, съ запасомъ чудныхъ чаръ:
 Она изъ неземныхъ селеній
 Къ нимъ принесла небесный даръ,
 Все оживлять своимъ пѣвучимъ словомъ,
 Все вопрошать лучомъ своихъ очей
 И, каждый часъ являясь въ видѣ новомъ,
 Всегда равно плѣнять сердца людей.
 И пали взглядъ и рѣчь ея на городъ сонный:
 Все ожило, все сдѣлалось восторгъ,
 И городъ, этимъ чувствомъ полный,
 Пришлось его сложить волшебницѣ у ногъ!
 Вамъ, добрый геній нашъ, не нужно толкованья:
 Вгляните лишь себя кругомъ, —
 Цвѣтами прегражденъ вашъ путь, рукоплесканья
 Колеблютъ талы скромный домъ.

Добродушные тверитяне, прослушавъ этотъ нелестный отзывъ о своемъ сонномъ царствѣ, подтвердили его громкимъ сочувственнымъ рукоплесканіемъ и множествомъ букетовъ, брошенныхъ на сцену.

Когда Самойлова явилась къ Гедеонову съ царскими серьгами и поклономъ Орлова, строгій директоръ замѣтилъ ей только, что не можетъ дать ей жалованье за просроченные два мѣсяца. Этого мало, по просьбѣ тверского губернатора, Самойлова рекомендовала Гедеонову артиста Степанова, котораго видѣла въ Твери въ роли Гамлета. Директоръ настолько уважалъ ея мнѣніе, что тотчасъ распорядился о принятіи артиста въ труппу императорскаго театра. Первое время службы Степанова было однако не совсѣмъ удачно. Вопреки желанію Н. Самойловой, ему дали дебютировать въ какомъ-то водевилѣ, гдѣ выдались его провинціальныя приемы. Товарищи уже подшучивали надъ Надеждой Васильевной, говоря, что она красоту молодого человѣка приняла за талантъ; но, на счастье Степанова, какой-то дамѣ съ большими связями вздумалось дебютировать на императорской сценѣ въ роли Маріи Стюартъ. Роль Мортимера поручили Степанову; онъ вышелъ такимъ изящнымъ въ костюмѣ, игралъ такъ пылко, что удивилъ всѣхъ. Надежда Самойлова торжествовала. Дебютантка, безуспѣшно усладивъ свою блажь, ретировалась, а театру этотъ спектакль далъ новаго актера. Степановъ остался въ труппѣ до своей смерти.

Другую поѣздку на гастроли Надежда Васильевна сдѣлала въ Казань и, на обратномъ пути, въ Нижній на ярмарку. Тутъ ей случилось воевать съ губернаторомъ V... Онъ вообще славился деспотичною распорядительностью и покровительствомъ мѣстной молодой актрисѣ. Изъ-за нея мирволилъ онъ антрепренеру, Смольнову, отчего другіе актеры очень страдали. Московскаго артиста, Щелкина, и петербургскаго, Бурдина, губернаторъ грубо выпроводилъ изъ Нижняго, за ихъ протестъ противъ несоблюденія антрепренеромъ условій контракта. Съ Надеждой Самойловой антрепренеръ хотѣлъ тоже продѣлать свои уловки, растягивалъ ея гастроли, подсылалъ къ ней актеровъ, просившихъ участвовать въ ихъ бенефисахъ, за что обыкновенно гастролеру не платили ничего. Между тѣмъ Самойлова узнала, что бенефисныя деньги шли цѣликомъ въ карманъ антрепренеру, а бенефициантъ получалъ только то, что накоплялось свыше обычныхъ цѣнъ, такъ называемые верхи цѣнъ возвышенныхъ. Наконецъ, антрепренеръ хотѣлъ, чтобы артистка лучшую свою роль сыграла въ бенефисъ любимицы губернатора. Самойлова всѣмъ этимъ возмущалась и объявила, что играть больше не будетъ. Но она осталась въ городѣ и преспокойно пила чай на балконѣ, мимо котораго сновали всѣ обыватели, воочію убѣждаясь, что она не больна, что ея непоявленію на сценѣ есть другая причина. Протестъ публики былъ пассивный, театръ сталъ пустовать. До Са-

мойловой дошли слухи, что губернаторъ можетъ ее выпроводить, какъ возмутительницу общественнаго спокойствія.

— Пускай вышлетъ,—сказала неугомонная артистка,—я прямо поѣду къ государю и расскажу все, что знаю.

Гостившій тогда въ Нижнемъ, московскій актеръ Живокини, всегда очень угодливый передъ всякимъ начальствомъ, пріѣзжалъ уговаривать Самойлову уступить антрепризѣ и играть. Пріѣзжалъ къ ней и извѣстный петербургскій музыкальный критикъ Ростиславъ (Толстой). Она обоимъ стыдила за ихъ потачку губернатору. Антрепренеръ привезъ ей контрактъ ея, желая указать на неисполненіе условія, но, раздраженная въ конецъ несправедливостями и разными казуистическими обходами, она разорвала контрактъ передъ глазами оторопѣвшаго антрепренера. Когда, наконецъ, губернаторъ увидѣлъ, что надо было уступить требованіямъ артистки, ее вызвали въ Москву для юбилейныхъ спектаклей въ 25-лѣтіе царствованія императора, и она уѣхала.

Сказаннаго достаточно, чтобы заключить, что начальство относилось къ Самойловымъ очень хорошо. Замѣчательно, что ни отъ одной изъ трехъ сестеръ я не слыхалъ жалобъ на начальство, чѣмъ переполнены обыкновенно почти всѣ актерскія воспоминанія. Это тѣмъ интереснѣе, что родной братъ ихъ, извѣстный артистъ Василій Вас. Самойловъ, въ нѣсколькихъ блѣдныхъ страничкахъ разсказа о своемъ прошломъ (Русская Старина, 1884 и 1887 г.) представляетъ директора Александра Михайловича Гедеонова человекомъ крайне несправедливымъ, жестокимъ и гордымъ. Самойловъ жалуется на то, что самъ много терпѣлъ отъ Гедеонова, который будто бы преслѣдовалъ всѣхъ артистовъ, поступавшихъ на сцену не изъ театральной школы, каковы были—Асенкова, сестры Самойловой и др. Артистка Надежда Васильевна отрицаетъ все это и находитъ, что Гедеоновъ былъ человекъ добрый, хотя и вспыльчивый, доступный и деликатный. Ему захотѣлось, чтобы начинающая артистка Левкѣева играла одну изъ ролей Надежды Самойловой, онъ пригласилъ Самойлову къ себѣ и просилъ уступить роль, тогда какъ могъ просто приказать передать ее, что, особенно въ то время, никого бы не удивило. Онъ заступился за маленькихъ актеровъ, когда министръ, Волконскій, въ видахъ экономіи, многихъ изъ нихъ хотѣлъ уволить. Сообщая мнѣніе Надежды Васильевны, я только замѣчу, что въ обхожденіи Гедеонова съ сестрами Самойловыми, вѣроятно, большую роль играли и любовь къ нимъ публики, и покровительство государя. Уже это одно показываетъ, что заявленіе ихъ брата не выдерживаетъ критики. Какъ бы посмѣлъ директоръ преслѣдовать любимыхъ актеровъ императора? да и самому Василію Васильевичу Самойлову совѣтъ уже не такъ плохо приходилось, какъ онъ пишетъ. Въ одинъ изъ своихъ бенефисовъ онъ поставилъ переводную пьесу «Ольга, русская сирота» и уприсилъ

знаменитую танцовщицу Фанни Эльслеръ исполнить мимическую роль нѣмой Ольги. Это, конечно, обезпечивало полный сборъ бенефицианту. Гедеонову ничего не стоило не разрѣшить этого, еслибъ онъ дѣйствительно жестоко преслѣдовалъ Самойлова. По словамъ Надежды Васильевны, Гедеоновъ былъ начальникъ твердаго характера, онъ любилъ искусство, не подчинялся чужому вліянію и умѣлъ дорожить людьми, полезными театру. За всю свою двадцатилѣтнюю службу Надежда Васильевна имѣла только одно непріятное столкновение съ Гедеоновымъ. Она никогда не заботилась о костюмахъ, это готовила ей сестра, Любовь Васильевна; такъ приготовила она и костюмъ «дочери полка», который почему-то кому-то изъ начальства не нравился, и директору наговорили про этотъ костюмъ, какъ про неприличный и неизящный. Гедеоновъ передъ началомъ перваго представленія явился на сцену и, вызвавъ Самойлову, строго спросилъ ее:

— Что это значитъ? какъ вы одѣты?

— Я одѣта, какъ меня одѣли,—отвѣчала артистка,—на это есть монтировочная часть, они сдѣлали рисунокъ и по рисунку костюмъ.

Директоръ вспыхнулъ, разгорячился, наговорилъ ей рѣзкостей.

— Извольте сейчасъ же переодѣться въ тотъ же костюмъ, какъ у Марра,—прибавилъ онъ.

— Когда же теперь?—сейчасъ начать увертюру,—едва проговорила Самойлова, не привыкшая къ такому тону со стороны Гедеонова. Горло у нея сжалось, и слезы брызнули изъ глазъ. Гедеоновъ не могъ равнодушно видѣть слезъ, онъ сразу смягчился.

— Ну, ужъ на этотъ разъ играйте такъ,—сказалъ онъ,—но на слѣдующій разъ переимѣните костюмъ.

Онъ ушелъ со сцены, но разгоряченная артистка не могла уже владѣть собой, она почти крикнула ему вслѣдъ такъ, что онъ могъ разслышать.

— И это директоръ театра! что онъ понимаетъ!... Ахъ! какъ я жалѣю, что я не мужчина, я бы сумѣла ему отвѣтить.

— Хорошо, что вы не мужчина,—спокойно замѣтилъ хитроумный режиссеръ Куликовъ.

Эта сцена повліяла на первый выходъ артистки, голосъ ея ослабъ, и она спѣла первый номеръ хуже, чѣмъ могла. Сестра ея, Вѣра, была къ театрѣ въ ложѣ и прибѣжала на сцену, испуганная, спрашивая, почему такая неудача. Услыхавъ о случившемся, она рассказала это знакомымъ, и тотчасъ же весь театръ узналъ о сценѣ съ директоромъ. Во второмъ дѣйствіи выпустили одинъ номеръ пѣнія, Надежда Васильевна поуспокоилась, нервы подобрались,—сочувственное отношеніе публики сдѣлало остальное; какъ сказано выше, представленіе вызвало фуроръ. Но, приѣхавъ домой, артистка горько рыдала и вскорѣ совсѣмъ расхворалась. Гедеоновъ очень встревожился этимъ нездоровьемъ, посы-

лать безпрестанно узнавать о ея здоровьѣ и выхлопотать ей царскій подарокъ за исполненіе роли дочери полка. Выздоровѣвъ черезъ мѣсяцъ, разсерженная артистка долго дулась на директора, не подходила къ нему, не разговаривала съ нимъ, проходила мимо него, не кланаясь. Это, однако, не отозвалось на ея службѣ; директоръ снисходительно далъ улечься бушевавшему чувству, и она сама вернулась къ нему и сохранила о немъ наилучшее воспоминаніе. Впрочемъ, Надежда Самойлова вообще поступала тактично, когда ей нужно было обращаться къ Гедеонову и бывать у него для заключенія новыхъ контрактовъ, которые тогда всѣ подписывались въ кабинетѣ директора (контора только исполняла формальности), и по другимъ случаямъ. Приѣзжая къ нему, она справлялась, что онъ свиститъ или нѣтъ; если ей говорили, что свиститъ, она иногда уѣзжала; это былъ признакъ дурного расположенія духа у Гедеонова. Зная свой горячій характеръ, актриса не хотѣла подвергать себя случайностямъ вспышекъ. Потому она посмѣивалась директору:

— Я у васъ была, но не велѣла докладывать о себѣ, потому что вы свистѣли... такъ я боялась къ вамъ итти.

У Вѣры Самойловой было тоже одно столкновеніе съ дирекціей изъ-за платья. Она много разъ сыграла пьесу: «Графиня Клара д'Обервиль», и костюмъ ея изнасился. Она требовала новый, но ей въ этомъ отказали. Самойловы заботливо берегли всѣ свои костюмы дома, оттого отказъ былъ очень обиденъ. Артистка не потребовала бы новаго платья, еслибъ могла пользоваться старымъ. Она прямо объявила, что въ грязномъ изношенномъ платьѣ играть не будетъ. Когда пьеса все-таки была назначена, театръ весь раскупленъ и публика съѣхалась, Вѣра Васильевна отказалась играть, такъ что вышелъ большой скандалъ: объявленный спектакль не состоялся, и деньги зрителямъ были возвращены. На артистку, конечно, по закону, тотчасъ же наложили штрафъ, въ количествѣ полного сбора спектакля; но случай выходилъ изъ ряду вонъ, о немъ доложили государю, съ прибавленіемъ, что Самойлова капризничаетъ. Императоръ Николай I хорошо понялъ, въ чемъ дѣло; онъ высказалъ по этому поводу очень остроумную сентенцію:

— Что на артистку наложенъ штрафъ, это поступлено вполне правильно... но жаль. Штрафъ съ нея сложить и сдѣлать новый костюмъ.

О какихъ нибудь другихъ неприяностяхъ отъ начальства Самойловы не помнили. Даже про всевластнаго режиссера, Куликова, на котораго жалуются многіе его современники, онъ говорили мнѣ скорѣе сочувственно. Онъ приводили примѣры, какъ онъ, желая выдвинуть на сценѣ свою жену, написалъ для нея очень эффектную роль, но тотчасъ же замѣтилъ, что она не обладаетъ талантомъ, и, чуждый родственныхъ ослѣпленій, не только не сдѣ-

лалъ изъ нея тормава для другихъ актрисъ (какъ это бываетъ), но заставилъ ее совсѣмъ покинуть сцену. Такое довольство своей сценической судьбой въ Самойловыхъ и отсутствіе жалобъ на закулисныя интриги есть тоже доводъ ихъ выдающагося значенія на сценѣ и неустаннаго труда, отстранявшаго ихъ отъ мелкихъ дрянныхъ препирательствъ, которыми подчасъ отравляютъ себѣ жизнь другіе лицедѣи.

IX.

Старушка мать и Любовь Васильевна старательно не допускали молодыхъ мужчинъ въ свою жизнь, и тутъ, кромѣ заботъ о репутаціи дочерей, была еще и другая причина. Любовь Васильевна всю жизнь прожила театромъ, каждой ролью, чуть ли не каждымъ жестомъ, каждымъ шагомъ своихъ сестеръ. Старушка-мать, въ сущности, семейной жизни не знала; ея интересы, помыслы, радости составлялъ тотъ же театр. Обѣ эти женщины не понимали счастья выше того, которое дается театромъ и искусствомъ, и потому у нихъ являлась какая-то инстинктивная боязнь, чтобъ не помѣшало что нибудь сценической карьерѣ Надежды и Вѣры. Не только то, что постороннее знакомство могло отнять время у работы, отвлечь вниманіе отъ серьезнаго занятія, но и одна мысль, что дѣвушки могутъ полюбить и выйти замужъ, и покинуть сцену (какъ Марья Васильевна), была невыносима для старушекъ. Оттого переступить порогъ этой почти монастырской квартиры для молодого мужчины было чрезвычайно трудно. Болѣе назойливые поклонники попадали туда при помощи брата артистокъ, Василія Васильевича, за которымъ ухаживали, угощали его, пріятельствовало съ нимъ.

Этихъ друзей своихъ неукротимый сыночекъ (жившій отдѣльно отъ семьи) приводилъ знакомить съ мамашей и сестрами иногда прямо къ ужасу старушекъ. Одинъ изъ такихъ друзей, офицеръ, желая себя показать добродушнымъ, простымъ малымъ, завелъ разговоръ о томъ, что молодымъ артисткамъ не хорошо жить такими затворницами, что имъ надо выѣзжать, дѣлать знакомства, parties de plaisir, кататься на лодкѣ, и такъ разошелся, что прямо ляпнулъ въ глаза чопорной хозяйкѣ:

— Погодите-ка, мы еще и маменьку-то распатронимъ.

Старушка сидѣла ни жива, ни мертва, искоса поглядывая на образа: когда, молъ, Господь прекратитъ этотъ оскорбительный визитъ и унесетъ гостя.

Она вздохнула свободно, только когда онъ ушелъ, строго наказавъ прислугѣ, чтобъ его никогда больше не пускали.

Не удивительно, что въ такой обстановкѣ сестры Самойловы, даже при множествѣ въ нихъ влюбленныхъ мужчинъ, и въ пу-

бликѣ, и на сценѣ, не скоро вышли замужъ. Надежда вѣнчалась двадцати семи лѣтъ, Вѣра—двадцати девяти. Первымъ серьезнымъ искателемъ руки Надежды Васильевны былъ молодой писатель, водевилистъ, Коровкинъ. Сынъ очень богатаго помѣщика одной изъ степныхъ губерній, Коровкинъ сватался къ Надеждѣ Самойловой и получилъ согласіе. Молодые люди уже мечтали, какъ устроить свою жизнь. Коровкинъ не хотѣлъ оставлять жену на казенной сценѣ, но обѣщаль построить для нея особый театръ въ провинціи, гдѣ бы она могла находить удовлетвореніе своимъ артистическимъ потребностямъ. Всѣ эти мечты разрушилъ отецъ Коровкина, помѣщикъ, провинціалъ стараго закала, своеобразный по своимъ возрѣніямъ, какъ и по костюму, по длиннополому сюртуку домашняго производства. Онъ ненавидѣлъ актеровъ и театръ; узнавъ о сватовствѣ сына, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ и безцеремонно увезъ влюбленнаго писателя отъ его невѣсты въ свою глушь, гдѣ и развѣялось по степямъ и полямъ успѣшно начатое въ Петербургѣ авторство молодого человѣка. За симъ, Надежда и Вѣра Самойловы не мало замѣчали вокругъ себя пылающихъ сердецъ, но для сближенія съ ними рѣшительно не представлялось случая. Только уже когда обѣ артистки, пробывъ на сценѣ десять лѣтъ, почувствовали себя болѣе самостоятельными, у нихъ явилась возможность подумать о бракѣ. Для знакомства съ мужчинами у нихъ было только одно мѣсто: квартира ихъ брата, Василія Васильевича, который самъ къ этому времени женился и собиралъ у-себя знакомыхъ. Поклонники его сестеръ были его постоянными посѣтителями. Тамъ и сошлись со своими женихами Надежда и Вѣра. Ихъ мать болѣе всего боялась жениховъ-офицеровъ, потому что почти всегда такой бракъ требовалъ оставленія сцены, а именно, за офицеровъ-то, и вышли обѣ сестры. Судьба ихъ и тутъ была различна, хотя при началѣ романической стороны жизни дороги ихъ какъ будто и не должны были расходиться.

Два морскихъ офицера, двоюродные братья и большіе друзья между собой, Макшеевъ и Вицкій, влюбились въ сестеръ Самойловыхъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ сходство въ характерѣ съ избранной дѣвушкой. Макшеевъ, веселый, энергичный, дѣловитый, любилъ Надежду; Вицкій, слабый здоровьемъ, мечтательный, художникъ въ душѣ, любилъ Вѣру. Вицкій былъ пѣвецъ, онъ обладалъ чуднымъ, почти феноменальнымъ голосомъ. Глинка, Даргомыжскій и другіе композиторы и музыканты заслушивались его. Началось сближеніе молодыхъ людей совсѣмъ какъ у птичекъ лѣсныхъ. Вицкій узналъ, что Самойловы будутъ жить на дачѣ на Крестовскомъ островѣ, и нанялъ себѣ дачу напротивъ ихъ. Онъ открылъ окна и сталъ пѣть, словно весенній соловей, призывающій свою подругу. Онъ выбиралъ, конечно, все такого рода музыкальные мотивы, въ которыхъ особенно ясно могъ излить свою любящую душу,—иногда

онъ, съ деликатною любезностью, пѣлъ на мотивъ вальса, сочиненнаго Надеждой Самойловой, какъ бы упрашивая композиторшу, чтобъ она расположила къ нему свою красавицу сестру, Вѣру. Улица между двумя дачами сдѣлалась любимымъ мѣстомъ прогулокъ всѣхъ окрестныхъ дачниковъ; нерѣдко и изъ дальнихъ мѣстъ прїѣзжали коляски и запружали проѣздъ, останавливаясь передъ окнами влюбленнаго пѣвца. Макшеевъ вернулся изъ плаванія; онъ остановился у друга и собирался устроить у него буйную пирушку, распить вино, привезенное изъ дальнихъ странъ. Но другъ не допустилъ этого: тутъ, напротивъ, жили Самойловы; развѣ возможна была какая нибудь холостая пирушка подлѣ такого святилища. Надежда Самойлова тоже пѣла, продолжая свои музыкальныя упражненія, но ее въ эти минуты стѣсняли посторонніе слушатели. Она запирала окна на улицу и пѣла поздно вечеромъ, почти ночью. Друзья пробирались въ садъ, влѣзали на деревья, прислушиваясь и приглядываясь къ своимъ богинямъ. Познакомившись потомъ съ Самойловыми при посредствѣ ихъ брата, они оба сдѣлали предложенія и получили согласіе. Но жениться было совѣмъ не такъ легко. Тогдашній морской министръ кн. Меншиковъ терпѣть не могъ, чтобы офицеры его вѣдомства женились. Макшеевъ рѣшилъ выйти въ отставку и искать другой должности; это тоже представляло не мало затрудненій. Тогда нельзя было, по первому желанію, произвольно оставлять службу. Меншиковъ могъ, вмѣсто отставки, отправить молодого человѣка въ плаваніе или доложить о немъ государю и разбить планы брака. Макшеевъ девять мѣсяцевъ скрывалъ свое намѣреніе, выждалъ, чтобы министръ уѣхалъ въ отпускъ; его замѣститель допустилъ отставку. Развязавшись съ военной службой, Макшеевъ женился на Надеждѣ Самойловой (1848 г.) и получилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Поэтому и жена его могла остаться актрисой еще десять лѣтъ и выслужить пенсію. Меншиковъ, потомъ встрѣчая Надежду Васильевну въ театрѣ, не разъ грозилъ ей пальцемъ: «отняла, моль, у меня дѣльнаго офицера».

Вицкому получить отставку было бы легче, его замѣчательный голосъ прямо предназначалъ его сценѣ. Такъ онъ и хотѣлъ сдѣлать: поступить въ оперу и жениться на Вѣрѣ; но всѣ эти планы разбила развившаяся въ немъ неизлечимая болѣзнь—чахотка. Онъ лежалъ въ постели, угасая; его прїѣхали навѣстить только-что обвѣнчанные Макшеевы.

— Когда-то,—говорилъ онъ,—и я дождусь этого счастья?

Онъ не дождался. Онъ умеръ, мечтая о своей невѣстѣ, прижимая къ груди какую-то ленточку, взятую, а, можетъ быть, и тайкомъ похищенную у Вѣры.

Прошло добрыхъ пять лѣтъ. Вѣра Самойлова, въ квартирѣ своего брата Василя, познакомилась съ офицеромъ гвардейскаго сапернаго

баталіона, Мичуринымъ. Это былъ богатый, на хорошемъ счету у начальства, но избалованный баричъ, любившій роскошь, причудливый въ своихъ желаніяхъ, упорный въ ихъ достиженіи. (Онъ, напримѣръ, еще молодымъ офицеромъ, ѣлъ на серебряной посудѣ, держалъ лучшихъ лошадей въ городѣ, которыми конкурировалъ съ императорскими, и т. п.). Фантазіи его впоследствии были причиной его полнаго разоренія. Влюбленный въ Вѣру Васильевну, онъ усердно ухаживалъ за ней, постоянно былъ въ театрѣ на ея спектакляхъ, ѣздилъ за ней и въ Москву. При этомъ, однако, познакомившись съ ней, онъ никогда не высказывалъ ей восторженныхъ похвалъ, какъ это дѣлали другіе. Онъ только съ благоговѣніемъ молчалъ. Этимъ тоже онъ не мало заинтриговалъ дѣвушку, въ сущности очень неопытную и плохо знавшую людей. Она влюбилась въ Мичурину и согласилась за него выйти замужъ. Это было большимъ ударомъ для старушки матери. Каково бы ни было положеніе и состояніе жениха, замужество заставляло Вѣру Васильевну покинуть сцену, а какое же счастье безъ сцены!.. Мичуринъ, дорожа талантомъ невѣсты, хотѣлъ сдѣлать то же, что и его своякъ, Макшеевъ, т.-е. выйти въ отставку, но Мичуринъ не отпустилъ государь Николай Павловичъ. Это чрезвычайно интересная черта къ характеристикѣ императора. Онъ очень высоко ставилъ талантъ Вѣры Васильевны и вообще любилъ всякое искусство, но служба для него была выше всего. Онъ подарилъ артисткѣ три тысячи рублей на приданое и допустилъ лучше лишиться театрѣ такой даровитѣйшей представительницы, чѣмъ взять изъ строя хорошаго служаку или поступить противъ правила: сохранить на сценѣ жену гвардейскаго офицера. Такимъ образомъ Вѣра Васильевна покинула театрѣ въ полной силѣ своего творчества, среди всеобщей любви и сожалѣнія петербургскаго общества. По невѣданнымъ законамъ судьбы, уходъ ея совпалъ съ началомъ новаго направленія драматическаго искусства, къ которому ей уже не удалось приобщиться,—и она объ этомъ очень жалѣла всю свою жизнь. 18-го февраля 1853 г., состоялся въ Александринскомъ театрѣ послѣдній спектакль съ участіемъ Вѣры Васильевны въ ея прощальный бенефисъ, и на другой же день, на тѣхъ же подмосткахъ, была въ первый разъ сыграна комедія А. Н. Островскаго «Не въ свои сани не садись», составляющая эпоху въ исторіи нашего театра. До того времени русскіе типы съ трудомъ пробивались на сцену. Починъ такихъ талантовъ, какъ Фонвизинъ, Грибоѣдовъ и Гоголь, и небольшія попытки другихъ писателей тонули въ репертуарѣ подражанія французамъ. Публика еще мирилась съ «Ревизоромъ», хотя многое въ немъ осуждала, но не мирилась съ «Женитьбой» и безпощадно ее опикала. Рецензія называла пьесу насмѣшкою надъ публикой, утверждая, что «не можетъ же Гоголь серьезно думать, что его комедія—художественное произведеніе». Комедія «Не въ свои сани» сразу покорила всѣхъ. По

конструкціи и морали она была близка ходячему репертуару, пьесамъ въ родѣ «Материнское благословеніе», по обрисовкѣ характеровъ, по языку она принадлежала къ новой школѣ, была вполне русская и оттого удовлетворяла всѣмъ вкусамъ. Пьеса послужила краеугольнымъ камнемъ позднѣйшей русской драматургіи, открыла двери театра какъ новымъ произведеніямъ самого Островскаго, такъ и пьесамъ Алексѣя Потѣхина, Писемскаго и другихъ. Необычайный успѣхъ пьесы способствовалъ и успѣху игравшей въ ней молодой артистки Читау, года за два передъ тѣмъ поступившей на сцену. Наканунѣ публика, горюя, просталась съ Вѣрой Самойловой и на другой же день ликовала, привѣтствуя новую любимицу. Вѣра Васильевна старалась за всю свою карьеру (по словамъ ея стихотворца) «искусствомъ скрыть искусство», то-есть, быть на сценѣ правдивой, жизненной, русской женщиной, и репертуаръ мало помогаль ей въ этомъ, а именно, когда открывалось новое поле дѣятельности, ей столь сродное, она ушла со сцены. Ей, какъ Моисею, не было дано войти въ землю обѣтованную, куда она вела восхищавшуюся ею толпу.

По уходѣ сестры, Надежда Васильевна прослужила на сценѣ еще лѣтъ шесть. Объ ея сценической дѣятельности въ это время я уже говорилъ. Домашняя жизнь ея шла хорошо. Мужъ ея не былъ богатъ, но, какъ человѣкъ очень способный, онъ выдвинулся на службѣ. Дѣтей у нихъ не было; вдвоемъ они зарабатывали достаточно, чтобъ жить въ полномъ довольствѣ. Въ 1859 году, Надежда Васильевна вышла въ отставку; ея прощальный бенефисъ былъ 11-го февраля 1859 г. Въ доставленномъ мнѣ частномъ письмѣ того времени объ этомъ спектаклѣ говорится слѣдующее: «Государь (Александръ II), несмотря на то, что долженъ былъ ѣхать на охоту, остался на ея бенефисъ, ходилъ за кулисы и долго съ ней разговаривалъ; спрашивалъ, что она думаетъ дѣлать, оставивъ сцену, совѣтовалъ ей ѣхать за границу для поправленія здоровья, вообще былъ къ ней очень внимателенъ и добръ, какъ всегда. Онъ и вел. князь Михаилъ Николаевичъ ей страшно все время аплодировали, не говорю уже о публикѣ, въ театрѣ была буря» и т. д. Поэтъ Бенедиктовъ написалъ на этотъ случай слѣдующіе стихи, поднесенные въ тотъ вечеръ артисткѣ.

Искусству искренно служа
Своимъ высокимъ дарованьемъ,
Благоговѣнно дорожа
Артистки истиннымъ призваньемъ,
Вы неуклонно двадцать лѣтъ
Передъ трудомъ не отступали
И шли впередъ, и свѣтлый слѣдъ
Въ своемъ движеніи оставляли.
Теперь со славою кончивъ путь,
Сходя съ блистательной дороги,

Вы захотѣли отдохнуть
 Отъ суеты, борьбы, тревоги.
 И разставанья въ грустный часъ,
 Часть, къ сожалѣнью, недалекій,
 Крикъ благодарности глубокой
 Торжественно проводить васъ.
 Проводятъ васъ благословенья
 Таланта истинныхъ друзей,
 Желанья вамъ счастливыхъ дней
 И всѣхъ сердецъ, и душъ движенья.
 И грустно погружаясь потомъ
 Въ воспоминанья о быломъ,
 Мы скажемъ, преклоняя вѣжды:
 Сестеръ Самойловыхъ ужъ нѣтъ
 На сценѣ. Нѣтъ ужъ и Надежды,
 Она ушла за Вѣрой вслѣдъ.

Кромѣ стиховъ, Надежда Васильевна получила въ этотъ вечеръ много вѣнковъ, букетовъ и три дорогихъ подарка, цѣною въ шесть тысячъ рублей. Она отвѣчала тоже стихами, сочиненными для нея Куликовымъ, въ которыхъ высказала, что она была очень счастлива и никогда не забудетъ ласки и любви публики.

Стихотвореніе Бенедиктова, разумѣется, повторяетъ то, что большею частью говорится въ подобныхъ случаяхъ, но тутъ оно все-таки вѣрно отмѣтило главные черты карьеры Надежды Васильевны: она, дѣйствительно, всегда благоговѣйно дорожила призваніемъ артистки и дѣйствительно кончила свой путь. Дальше ей идти было некуда, потому что не было ни нужды, ни охоты перейти на новую дорогу. По уходѣ со сцены, она жила доброй, веселой хозяйкой, въ домѣ которой всегда толпились гости, сперва въ Ригѣ, гдѣ служилъ ея мужъ, потомъ въ Петербургѣ. Въ Ригѣ она участвовала въ благотворительномъ спектаклѣ и въ нѣсколькихъ благотворительныхъ концертахъ, но этимъ и ограничилось ея возвращеніе къ сценическому дѣлу. Ея страсть къ театру разгорѣлась новымъ огнемъ, когда она овдовѣла и стала жить съ племянницей Вѣрой Мичуриной, которая готовилась поступить на сцену. Надежда Васильевна заботилась объ этомъ поступленіи, участливо присматривалась къ первой сценической работѣ племянницы. Но жизнь петербургская утомляла Надежду Васильевну, да и вообще здоровье ея требовало лучшаго воздуха, она переѣхала въ Гатчино. Здѣсь живетъ она въ небольшой квартирѣ со своей свояченицей, изрѣдко навѣщая Вѣру Мичурину, душевно участвуя въ ея сценическомъ дѣлѣ, разспрашивая, совѣтуя, благословляя. Свѣтло, уютно, весело въ маленькой гатчинской комнаткѣ, увѣшанной старинными образами, портретами родителей и близкихъ Надежды Васильевны, картинками ея воспоминаній, и радуется она, когда засвѣтится бѣлымъ пахучимъ цвѣткомъ кустикъ чайнаго дерева, который она бережетъ, какъ рѣдкость.

Въ этой комнаткѣ передавала она мнѣ, что помнила изъ своего

прошлаго, съ разгорѣвшимися глазами, съ лихорадочнымъ волненіемъ человѣка, рассказывающаго о томъ, что нѣкогда переживалъ всѣмъ сердцемъ, всей кровью, всѣми нервами.

Х.

Первое время замужества прошло для Вѣры Васильевны довольно беззаботно. Новость положенія, жизнь въ роскоши и, ко всему этому, пріѣздъ французской трагической актрисы Рашель дѣлали ей незамѣтною потерю сцены. Какъ Вѣра, такъ и Надежда имѣли свои абонированныя ложи въ бельэтажѣ на всѣ представленія знаменитой артистки и наслаждались ея игрой, какъ истинные художники, называя ее статуэткой съ письменнаго стола изъ царства небеснаго, случайно слетѣвшей на землю для радости людской. Вскорѣ, однако, Вѣра Васильевна затосковала. Мужъ уѣхалъ на нѣкоторое время въ командировку, артистка, по характеру, по воспитанію, по всему строю жизни, была еще не достаточно общительна; знакомства у нея было мало. Съ обычнымъ своимъ добродушнымъ юморомъ посмѣивалась она надъ собой, что приходитъ въ трагическое отчаяніе отъ безпрестаннаго привоза изъ ихъ имѣнія разной провизіи.

— Индюшки и пулярки, пулярки и индюшки, не знаешь, куда ихъ дѣвать, что съ ними дѣлать!..

Надежда Васильевна въ это время была уже лѣтъ семь замужемъ. Живая и энергичная, съ мужемъ, откликавшимся на всѣ ея развлечения, она составила себѣ интересное общество, среди котораго было не мало литераторовъ. Собирались у Макшеевыхъ по субботамъ, такъ какъ въ другіе дни хозяйка могла быть занята въ театрѣ. Въ одинъ изъ этихъ вечеровъ, не разъ уже авторъ помянутый, графъ Сологубъ, прочиталъ свою новую комедію «Чиновникъ» чтобъ познакомить съ ней Вѣру Васильевну. Комедія эта, какъ извѣстно, была написана на злобу дня первыхъ годовъ царствованія императора Александра II, на необходимость честной службы чиновниковъ и на значеніе такихъ работниковъ для государства. Главная роль княгини, въ концѣ пьесы выходящей замужъ, вопреки свѣтскому предразсудку, за простого чиновника, предназначалась на императорской сценѣ молодой актрисѣ Владиміровой, которой очень протезировалъ министр императорскаго двора графъ В. Адлербергъ, смѣнившій Волконскаго. Сологубъ сѣтовалъ объ этомъ передъ Надеждой Васильевной, говоря, что, когда писалъ пьесу, представлялъ себѣ исполнительницей роли ея сестру, и что онъ очень печалится, не имѣя возможности видѣть свою пьесу разыгранной, какъ бы ему хотѣлось. Этого было довольно, чтобы у предприимчивой хозяйки тотчасъ созрѣлъ планъ устроить истинно художественный вечеръ и тѣмъ самымъ развлечь скучающую безъ дѣла сестру. Рѣшено было исполнить пьесу Сологуба на домашнемъ спектаклѣ. Въ квар-

тирѣ домохозяевъ того дома, гдѣ жили Макшеевы, имѣлась большая зала, въ два свѣта, сами домохозяева были страстные театралы. Они охотно дали согласіе устроить спектакль у нихъ и построили у себя сцену. Роли были распредѣлены съ большимъ вниманіемъ между уже извѣстными артистами-любителями, и тутъ впервые обратилъ на себя вниманіе артистъ-писатель Болеславъ Маркевичъ. Красивый, изящный, съ пріятнымъ органомъ и хорошей дикціей, онъ былъ приглашенъ Сологубомъ участвовать въ пьесѣ. Слишкомъ мѣсяцъ въ залѣ домохозяевъ простояла устроенная сцена; тамъ собирались любители-артисты, серьезно и обстоятельно репетируя. По окончаніи репетицій, всѣ сходили въ нижній этажъ, въ квартиру Макшеевыхъ; подавался ужинъ, и гости оставались долго за полночь, бесѣдовали, пѣли, читали громко и т. п. Словомъ, это былъ рядъ веселыхъ, художественныхъ вечеровъ, которымъ позавидовала не одна гостиная Петербурга.

Вѣсть о спектаклѣ быстро распространилась въ столицѣ, множество лицъ великосвѣтскаго общества стали дѣлать визиты Макшеевымъ, съ просьбою допустить ихъ присутствовать на спектаклѣ. Все это было очень непріятно для министра Адлерберга; онъ рассчитывалъ выдвинуть въ этой пьесѣ артистку Владимірову, и исполненіе роли Вѣрой Васильевной, передъ глазами почти всего великосвѣтскаго общества, могло очень повредить этой посредственной актрисѣ. Министръ хотѣлъ даже воспрепятствовать спектаклю силою своей власти, какъ начальникъ устроительницы, актрисы Надежды Самойловой-Макшеевой. Но вмѣшательство великой княгини Маріи Николаевны, предупрежденной Сологубомъ, отвело грозу. Макшеевымъ предстояли и другія напасти. Когда день спектакля былъ установленъ, знаменитая куртизанка, Минна Ивановна, сильная властнымъ покровительствомъ, прислала сказать Макшеевымъ, чрезъ того же автора, Сологуба, что пріѣдетъ смотрѣть пьесу. Макшеевы этому воспротивились, и какъ ни уговаривалъ Сологубъ, Надежда Васильевна объявила ему:

— Такія дамы у меня никогда не бывали и никогда не будутъ.

Спектакль состоялся въ февралѣ 1856 года. Пьеса была разучена, какъ рѣдко приходится что либо разучить даже на профессиональной сценѣ; все обдумывалось сообща, каждый высказывалъ свое мнѣніе, спорили; каждый старался довести исполненіе до возможнаго совершенства. У Вѣры Васильевны роль была отдѣлана превосходно, но сестра ея находила, что чего-то все-таки не доставало. Она долго обдумывала, чего именно, и выразила это слѣдующимъ замѣчаніемъ:

— Ты, Вѣра, прибавь къ своему исполненію только одно: представь себѣ, что княгиня встала съ постели съ лѣвой ноги...

Артистка поняла, что сестра требовала отъ нея особаго нервнаго колорита, неувѣренности въ желаніяхъ и поступкахъ, недовольства

собой и другими, какъ это бываетъ послѣ тревожнаго сна. Все это отлично удалось Вѣрѣ Васильевнѣ, и спектакль сошелъ на славу. Бывшій въ числѣ гостей директоръ Геденовъ шутя говорилъ, что многихъ изъ артистовъ онъ готовъ былъ бы сейчасъ взять на императорскую сцену на хорошее жалованье. Изъ профессиональных актеровъ на спектаклѣ присутствовалъ одинъ Максимовъ. Онъ потомъ радовался, что на императорской сценѣ не участвовалъ въ пьесѣ, чувствуя, что тамъ нельзя ожидать того ансамбля, какимъ отличалось исполненіе у Макшеевыхъ. Великосѣтскіе гости послѣ спектакля все остались въ залѣ и танцовали, и разнесли славу этого вечера по всему городу. Оттого при дворѣ пожелали видѣть пьесу въ той же обстановкѣ, и спектакль былъ два раза повторенъ: одинъ разъ во дворцѣ великой княгини Маріи Николаевны, а другой въ театрѣ эрмитажа, по желанію вдовствовавшей императрицы Александры Феодоровны.

Успѣхъ этого спектакля навелъ, чрезъ три года, благотворительницъ женскаго патріотическаго общества на мысль воспользоваться талантомъ Вѣры Васильевны. Въ то время въ столицахъ публичные спектакли съ продажей билетовъ, даже благотворительные, разрѣшались съ большимъ трудомъ, театры были только императорскіе. Поэтому такой спектакль, тѣмъ болѣе съ участіемъ Вѣры Самойловой-Мичуриной, являлся большимъ событіемъ. Для спектакля выбрали комедію «Горе отъ ума» и исполнили ее два раза: въ первый разъ въ залѣ дома князей Бѣлосельскихъ-Бѣлозерскихъ (теперь дворецъ великаго князя Сергѣя Александровича) во второй въ залѣ князей Голицыныхъ на Владимірской (теперь домъ Худекова, гдѣ клубъ приказчиковъ). Второй спектакль посѣтилъ государь Александръ Николаевичъ и члены царской фамилии. Главныя роли пьесы были исполнены въ обоихъ спектакляхъ тѣми же лицами; только кое-какіе роли были замѣщены во второмъ спектаклѣ другими любителями. Привожу здѣсь, въ сокращенномъ видѣ, имѣющуюся у меня афишу второго спектакля.

1860.

Съ высочайшаго соизволенія,
въ пользу частныхъ школъ

С.-Петербургскаго женскаго патріотическаго общества
во вторникъ 26 января
спектакль любителей

Горе отъ ума.

Дѣйствующія лица:

Фамусовъ—К. М. Ушаковъ.	1	} ввучки	Е. Н. Мокринская.
Софья—В. В. Мичуринна.	2		В. П. Мокринская.
Чацкій—В. М. Марковичъ.	3		З. А. Сабурова.
Горичевъ—А. Д. Княжевичъ.	4		Н. А. Сабурова.
Горичева—А. П. Ваумгартенъ.	5		О. А. Ободовская.

Репетитовъ—П. И. Вейнбергъ.
 Загорѣцкій—М. Я. Слатвинскій.
 Молчалинъ—С. С. Кожошкинъ.
 Скалозубъ—В. О. Панютинъ.
 Лиза—Е. И. Шупинская.
 Хлестова—З. П. Мердеръ.
 Граф. Хрюмина—М. И. Кушелева.
 Граф. внучка—В. Е. Захоневичъ.
 Князь Тугоуховскій—И. Н. Новосиль-
 цевъ.

Г. Н.—В. А. Крыловъ.
 Г. Д.—Г. Ромбелинскій.
 Петрушка—В. А. Сятинъ.
 Гости — князь Э. В. Голицынъ, графъ
 В. П. Клейнмихель и др.
 Лакей Чацкаго—В. М. Тевяшевъ.
 Начало въ 7¹/₂ часовъ.
 Билеты нумерованные . . . 5 р. сер.
 > ненумерованные . . . 3 > >

Не говоря уже о Мичуриной, многіе изъ участвующихъ (какъ видно изъ афиши) были люди, имѣвшіе уже извѣстность: Ушаковъ¹⁾, Маркевичъ, поэтъ-литераторъ Вейнбергъ (Петръ), извѣстный въ то время страстный любитель-театраль Слатвинскій, Шупинская (впослѣдствіи княгиня Суворова). Участвовалъ тутъ и я въ маленькой роли Г. Н.; но я довольно смутно помню объ общемъ исполненіи пьесы, даже объ игрѣ Вѣры Васильевны. Мнѣ было всего двадцать два года, я еще ничего тогда не печаталъ и только что кончилъ курсъ Николаевской инженерной академіи. Всегда неувѣренный въ себѣ, неловкій, не имѣвшій почти никакого знакомства, я попалъ въ эту блестящую компанію чрезъ Слатвинскаго, въ домъ котораго жилъ и у котораго участвовалъ въ домашнихъ спектакляхъ. Я былъ какъ бы ошеломленъ этимъ первымъ участіемъ въ большомъ, серьезномъ театральномъ дѣлѣ, къ которому тянуло меня съ самаго дѣтства. Меня тутъ все занимало: и новыя лица, которыя мнѣ импонировали, и наши репетиціи, и разговоры о разныхъ требованіяхъ, и капризахъ той или другой актрисы, и проч. Кромѣ Н., я выходилъ въ послѣднемъ явленіи съ Фамусовымъ въ числѣ лакеевъ, съ двумя свѣчами, и старался придать фигурѣ страхъ крѣпостного передъ раскричавшимся бариномъ. Словомъ, я былъ слишкомъ захваченъ круговоротомъ дѣла, чтобъ подробно всматриваться въ исполненіе главныхъ лицъ. Немного вспоминаю превосходное чтеніе Вѣры Васильевны; Маркевичъ мнѣ показался тяжелымъ резонеромъ; лучше другихъ мнѣ понравился Ушаковъ. Послѣ этого спектакля, помнится, Вѣра Васильевна появилась еще въ какой-то роли, въ пьесѣ, сочиненной Маркевичемъ: «Весны два раза не бываетъ». Это было одно изъ первыхъ произведеній Маркевича, который въ немъ хотѣлъ сдѣлать злой намекъ Вѣрѣ Васильевнѣ, что ея лучшее время миновало. Такъ, по крайней мѣрѣ, она сама мнѣ объ этомъ говорила.

Всѣ эти сценическіе успѣхи побудили Вѣру Васильевну пожелать снова вернуться на сцену, тѣмъ болѣе, что къ этому времени состояніе ея мужа уже сильно поубавилось, а семья разрослась: родились два сына и дочь. Вѣра Васильевна рассчитывала на то, что императоръ Александръ II, всегда тоже цѣнившій ее,

¹⁾ Гвардейскій офицеръ, переводчикъ пѣсенъ Надо и авторъ нѣсколькихъ мелкихъ пьесъ.

как артистку, снисходительнѣе взглянуть на старый обычай и дозволить совмѣстительство офицерской службы мужа съ актерской жены. Но государь не согласился измѣнить традиціямъ своего отца, тѣмъ не менѣе онъ желалъ и помочь артисткѣ и сдѣлать ея дарованіе производительнымъ. Незадолго передъ тѣмъ поступила на петербургскую сцену ученица театральнѣйшей школы Снѣткова 3-я. Она, уже бывши актрисой, пріѣзжала къ Вѣрѣ Васильевнѣ разучивать нѣкоторыя изъ прежнихъ ролей отставной артистки. Эти уроки были извѣстны, за нихъ даже выхлопотали Мичуриной 600 рублей пенсіи, такъ какъ за десятилѣтнюю свою службу она никакой пенсіи не получала. Государь пожелалъ, чтобъ Мичуриной порученъ былъ классъ драматическаго искусства въ императорскомъ театральномъ училищѣ. Ее пригласили и дали ей четыре тысячи содержанія. Вѣра Васильевна взялась съ большою ревностью за это дѣло; подъ ея руководствомъ выработалось нѣсколько молодыхъ актрисъ: Загородникова, Нейманъ, Александрова 2-я и, особенно Лелева, и Бропель. Последняя по поступленіи на сцену изъ школы заняла мѣсто первой артистки на драматическія и характерныя роли; къ сожалѣнію, эта чрезвычайно талантливая актриса скоро покинула сцену и чрезъ нѣсколько лѣтъ умерла. Учительство Вѣры Васильевны въ театральнѣйшей школѣ продолжалось не долго, и отчасти она сама въ этомъ была виновата. Съ ея мягкимъ характеромъ она легко поддавалась вліянію близкихъ людей и внесла въ свои отношенія къ заправиламъ школы слегка презрительный взглядъ, заимствованный у своего мужа. Онъ придавалъ громадное значеніе тому, что артистка была опредѣлена по высочайшему повелѣнію, и часто настроивалъ ее противъ ея ближайшаго начальства, которымъ былъ тогда всевластный Павелъ Степановичъ Ѳедоровъ. Учительница не стѣснялась иногда прямо и рѣзко высказывать свои неудовольствія на тѣ или другіе порядки. Отсюда возникла вражда между ею и Ѳедоровымъ, и онъ воспользовался первой ея маленькою оплошностью, чтобъ подвести ее подъ замѣчаніе министра двора, гр. Александра Владиміровича Адлерберга. Оскорбленная артистка подала въ отставку и отставка была принята. Это такъ поразило и раздражило ея мужа, Мичурину, что онъ вызвалъ министра на дуэль. Государь, узнавъ объ этомъ, приказалъ Мичурину извиниться передъ министромъ. Мичуринъ написалъ извинительное письмо, но въ немъ вставилъ слова: «извиняюсь по высочайшему повелѣнію».

XI.

Около этого времени я познакомился съ Вѣрой Васильевной. Она жила безбѣдно, хотя и далеко не богато; одна съ тремя маленькими дѣтьми, потому что мужъ ея получилъ командованіе полкомъ

и жить въ Могилевѣ. Я только начиналъ писать для сцены, хотя уже много участвовалъ въ разныхъ спектакляхъ любителей и въ литературныхъ вечерахъ, которые тогда были въ большомъ ходу. У меня явилась затѣя поставить драму Шиллера «Марія Стюартъ», съ участіемъ Вѣры Васильевны въ главной роли. Это насъ сблизило. Она жадно схватилась за эту мысль и долго ее лелѣяла; но спектаклю не удалось осуществиться, такъ трудно было выполненіе подобныхъ предпріятій въ то время. Я сталъ бывать у нея довольно часто. Она заставляла при мнѣ свою дочь, маленькую Вѣру, читать стихи и радовалась ея вѣрной интонаціи, предвидя актрису. Я иной разъ заходилъ случайно по дорогѣ, и, долго просиживая, не могъ оторваться отъ споровъ, обсужденій, разговоровъ. Иногда при этомъ присутствовала старшая сестра, кроткая Марья Васильевна, и вставляла свое словцо. Все это меня очень занимало.

Я позволю себѣ привести здѣсь выдержки изъ сохранившихся у меня писемъ Вѣры Васильевны. Они довольно наглядно показывают и ея тогдашнее настроеніе, и ея обстановку, и стиль. Къ тому же, эти письма и потому интересны, что вообще Вѣра Васильевна не любила писать, и врядъ ли можно много набрать ея писемъ. Она писала мнѣ изъ Могилева, куда на лѣто отправилась къ мужу въ 1868 году:

«Вотъ-таки держу слово, пишу вамъ, какъ только мало-мальски отдохнула. Тѣхатъ намъ было отлично, ребятъ моихъ нянчили пассажиры, ради ихъ красивыхъ мордочекъ и неотъемлемо умной головки Коли. Онъ рѣшительно восторгъ наводитъ на окружающихъ его, гдѣ онъ до сихъ поръ бываетъ; но объ этомъ продолжать мы не будемъ, чтобъ лишить васъ возможности на этотъ случай хмурить ваше чело ¹⁾. Ну-съ, я у сожителя и меня содержать очень хорошо. Квартира прелесть, съ садомъ, гдѣ аллея создана для изученія «Маріи Стюартъ», и я уже съ любовью первый актъ, тайно отъ всѣхъ, изучила. Аллея широка такъ, что семь человекъ въ рядъ стануть, и длиною вдвое пассажа, и деревья наверху такъ сплелись густо, что зонтикъ не нуженъ тутъ ни отъ солнца, ни отъ дождя. Воздухъ обворожительный. Сосѣдка моя К.—женщина, какихъ только я знавала: умница, съ душой поэтичной и, вообразите, типъ лица Маріи Стюартъ; все это меня сильно воодушевляетъ, и у меня это дѣло славно идетъ. Визиты я отчеканила, объѣздила весь Могилевъ, и вотъ вчера мой садъ украсился барынями, которыя отдали мнѣ китайскую церемонію. Домъ нашъ за городомъ почти, и я не вижу ни одного жида, это здѣсь роскошь. Мужъ доволенъ, какъ видно, нашему пріѣзду, и все идетъ своимъ путемъ, жизненнымъ. Ну, что вы? какъ вы? гдѣ вы? у кого вы? идутъ ли на ладъ ваши

¹⁾ Я дѣйствительно всегда возставалъ противъ того, что Вѣра Васильевна очень баловала этого хорошенькаго мальчика, своего младшаго сына.

дѣла? скажите. Не изъ любопытства я васъ спрашиваю объ этомъ, а отъ искренняго моего расположенія къ вамъ, нежеланія ничего вамъ гадкаго и неудачнаго, а всего-то утѣшительнаго, успѣха вашей дѣятельности. Марья Васильевна ¹⁾ съ любовью говоритъ о васъ, такъ что вы не у насъ, а съ нами. А мы? небось вонъ изъ Питера, вонъ изъ памяти? Нѣтъ, не такъ я думаю о васъ, вы убѣждены, что на хорошихъ людей напали (это на насъ-то), да и да». Въ другомъ письмѣ изъ Могилева, упрекая меня за неакуратность переписки, Вѣра Васильевна говоритъ, что могилевская жизнь ей порядкомъ надоѣла. «Рельефность генераловъ тутъ патриархальна. Но между ними есть одинъ, который и не хочетъ быть рельефнымъ, по развитости, но не можетъ; красивъ, какъ рѣдко кто, любезенъ, вѣжливъ до утонченности и, главное, человѣченъ,—и не женатъ—а? роскошь просто, поймите же бѣненіе сердець надеждой на многія блага; а ему уже 43 года, значить—къ пристани приплываеъ». Въ томъ же письмѣ она сообщаетъ мнѣ, что устраиваетъ концертъ въ пользу бѣдныхъ Могилева. «Читаю,—пишетъ она,—не бью я на славу тутъ, а на сборъ. Перваго тутъ, батенька, не доберешься, а развѣ и прижитое потеряешь, а деньги пусть дадутъ». Вообще, Вѣра Васильевна явилась въ Могилевѣ матерью-командиршей армейскаго полка своего мужа. Она имѣла хорошее вліяніе на офицерскую среду. Карты были изгнаны. Офицерство стало собираться на серьезную бесѣду, на танцы. Вѣру Васильевну полюбили, съ ней совѣтовались, открывали ей душу. Она входила въ интересы молодыхъ людей, утѣшала, ободряла, наставляла. Въ концѣ августа, Мичурины съ полкомъ переѣхали изъ Могилева въ мѣстечко Креславку; письмо оттуда показываетъ ея заботы о дѣтяхъ, любовь къ нимъ и рядомъ съ этимъ все-таки неудержимое стремленіе къ театру. «По очень серьезной причинѣ, — пишетъ она мнѣ 12-го ноября,—я до сихъ поръ не въ Петербургѣ; мои ребятишки выдержали тифъ! вотъ уже мѣсяць, какъ они хворають, и теперь только Вѣра встала эту недѣлю съ кровати, а Коля, хотя все миновалось, но какъ у него болѣзнь была сильнѣй, онъ еще не встаетъ съ кровати, но, благодаря Бога, поправляется. Писать о томъ, что было со мной, я не стану. И не такой хорошій знакомый, какъ Викторъ Александровичъ, сразу бы вообразилъ, но, слава Богу, миновалось горе, и я счастлива до опьяненія; и вотъ въ эти хорошія минуты я хочу поболтать съ вами. Дай Богъ вамъ успѣха; я какъ-то особенно сочувствую вашему труду. У васъ новостей, батенька, ухъ, сколько,—мнѣніе о нихъ пожалуйста мнѣ ваше. Читаю что? Газета «Инвалидъ» плохо о ней отозвалась, прибавивъ, что такая игра 15 лѣтъ тому назадъ, такая натянутая игра, была хороша. Это вѣдь въ мое время камнемъ-то, да еще булыжникомъ, хватили. Я скорѣй схватила мою уже полюбившуюся мнѣ Марію Стюартъ, и изучать,

¹⁾ Старшая сестра въ это время тоже гостила въ Могилевѣ.

и зубрить. Я должна оправдать мое время, подумала я, и если не оправдаю, то вы,—вы прежде всѣхъ,—на репетиціи махните рукой: баста, значитъ, въ архивъ пожалуйте; а до тѣхъ поръ, я вся въ артистическомъ снѣгѣ,—роль знаю и люблю ее. Вотъ какъ расходилась моя милость. Что Коля Самойловъ¹⁾? онъ меня сильно радуетъ, отъ всего сердца желаю ему успѣха; опять таки «Инвалидъ» (мы только эту душку газету получаемъ) такой панегирикъ ему написалъ, что, знаете, какая-то хорошая дрожь гордости къ фамиліи Самойловыхъ пробѣгала. Скажите мнѣ объ немъ, и что будетъ еще играть, и ангажированъ ли? Что Делапортъ²⁾? Я ее ужасно хочу видѣть. Что Патти? Ахъ, да какъ же мнѣ хочется къ вамъ-то, въ особенности, теперь, когда на душѣ такъ спокойно послѣ столькихъ мукъ. Все мое развлеченіе: катаніе на тройкахъ и изученіе Стюартъ,—и дума, дума, какъ бы улизнуть скорѣй». Вернувшись въ Петербургъ, когда спектакль Маріи Стюартъ не состоялся, Вѣра Васильевна стала принимать участіе въ благотворительныхъ концертахъ, гдѣ читала монологъ пролога драмы «Псковитянка» Мея. Читала превосходно, просто, искренно, безъ декламации, но готовилась съ недовѣріемъ къ себѣ. Въ день перваго концерта я получилъ отъ нея слѣдующую записку: «Нареченная вами Марія Стюартъ вздумала согласиться сегодня у художниковъ³⁾ прочесть Псковитянку!. Худо ли, хорошо это сдѣлано,—не знаю, но что она въ лихорадочномъ отъ страха состояніи, это вѣрно. Извѣститъ васъ объ этомъ сочла хорошей для себя обязанностью, не захотите ли хоть ободрить отсталую артистку—быть». Все, что дѣлалось на сценѣ, ее очень интересовало, и она тонко понимала, какъ все болѣе и болѣе, послѣ ея ухода, развивалось жизненное реальное направленіе драматическихъ произведеній, которому такъ сочувствовала, но къ которому уже не имѣла возможности приложить свои силы. Произведенія Островскаго она очень цѣнила и завидовала актерамъ, которымъ давалось въ нихъ играть. Вообще она жаловалась на свой бывшій репертуаръ и часто говаривала:

— Теперь куда играть легче, столько хорошихъ ролей.

Ея взглядъ на простоту и правдивость актерскаго искусства особенно высказался въ письмѣ ко мнѣ, по поводу исполненія знаменитымъ Провомъ Михайловичемъ Садовскимъ роли Колечкина въ моей пьесѣ «Къ мировому!» во время его гастролей въ Петербургѣ (1870 г.). Вотъ что она писала: «Видѣла вашу пьесу «Къ мировому!»—предѣстная комедія, сколько правды, какъ интересно ведена до послѣдняго слова; сколько юмору; еслибъ я не знала, что вы авторъ, я

¹⁾ Николай Васильевичъ Самойловъ, сынъ Василія Васильевича, дебютировалъ и былъ принятъ на императорскую сцену.

²⁾ Талантливая французская актриса.

³⁾ Въ бывшемъ клубѣ художниковъ, въ Троицкомъ переулкѣ.

угадала бы васъ въ немъ. Каждое слово, сказанное Садовскимъ, ей Богу, утѣха автору, мнѣ кажется. Кто не сумѣетъ въ Александріи (въ Александринскомъ театрѣ) горячиться? кричать, махать руками, дѣлать большіе глаза? Но пусть изъ нихъ ктонибудь скажетъ хоть одну фразу, какъ онъ говорить (въ первой сценѣ съ чиновникомъ): «ну, былъ бы ты генералъ, то могъ бы безобразничать»,— пусть они скажутъ одну фразу такъ, и поздравлю я тогда мой театръ съ талантомъ громаднымъ. Нѣтъ, и пьесу вашу вѣрно хорошо было играть Садовскому, и вамъ хорошо послушать вашу пьесу отъ него. Его игра роскошь. Что же такъ или нѣтъ? я сказала мое впечатлѣніе, а можетъ, я отстала? но мнѣ было хорошо въ театрѣ этотъ разъ, спасибо вамъ и Садовскому».

Время шло, участіе въ литературныхъ вечерахъ не удовлетворяло Вѣры Васильевны, а на болѣе широкое дѣло, на участіе даже въ благотворительномъ спектаклѣ, не представлялось случая. Въ семидесятыхъ годахъ очень развились клубные спектакли, тамъ находили себѣ примѣненіе всѣ наиболѣе страстные любители, оттого большихъ любительскихъ спектаклей не затѣвалось. Разумѣется, въ клубѣ играть Вѣра Васильевна не могла. Она попробовала устроить два-три домашнихъ спектакля, сыграла одинъ актъ изъ комедіи Шеллера «Ошибки молодости» — и роль матери въ моей пьесѣ «Въ осадномъ положеніи». Но эти представленія, въ маленькихъ залахъ, на крошечныхъ сценахъ, гдѣ едва было можно повернуться, не доставили ей удовольствія. Она смѣялась, шутила, старательно дѣлала репетиціи, но скоро все это бросила. Иногда она громко читала, представляя цѣлыми сценами, какъ играла Рашель и другіе актеры ея времени, какъ играла сама. Наконецъ удовлетворять свою жажду театра она могла еще и какъ зрительница. Но и это было ей не очень доступно. Она съ дѣтства привыкла сидѣть въ театрѣ въ ложѣ бельэтажа, привыкла быть замѣченной, обращать на себя вниманіе. Сѣсть въ кресла,—говорила она мнѣ,—было для нея такъ же неловко, какъ еслибъ она явилась въ театръ въ утренней блузѣ. Ей все казалось бы, что на нее всѣ смотрятъ. А средства семьи становились все хуже, и надо было воспитывать дѣтей. Вѣрѣ Васильевнѣ было слишкомъ дорого брать часто ложу; она начала ходить во второй ярусъ въ балконъ, чтобы не быть замѣченной. Она внимательно слѣдила за всѣмъ, что касалось театра, усердно посѣщала спектакли Сальвини, Росси. Въ одной запискѣ ея ко мнѣ я читаю: «Были ли вы на лекціяхъ Боборыкина? (о сценическомъ искусствѣ) мнѣ очень онѣ интересны, досадую, что пропустить должна была одну, но не пропущу другихъ. Зайдите сегодня». Въ театрѣ новыя пьесы, молодые актеры, все ее занимало. Она очень восхищалась талантомъ Стрепетовой въ пьесѣ Куликова «Семейные расчеты», и та же Стрепетова привела ее въ ужасъ своимъ провинціализмомъ и шаржемъ въ драмѣ Гюго

«Венеціанская актриса». Радуясь развитію таланта Монахова, перешедшаго изъ оперетты на серьезныя роли комедій, Вѣра Васильевна не могла примириться съ его неумѣніемъ держаться.

— У него вѣчно колѣна согнуты,—говорила она,—ему надо на мѣсяць ноги крѣпко въ лубки завязать, чтобы онѣ выпрямились.

Она печалилась малымъ количествомъ актеровъ талантливыхъ и съ хорошими средствами. Полушутя-полусерьезно высказывала она желаніе, чтобы ей поручили выбрать нѣсколько дѣвочекъ изъ воспитательнаго дома и подготовить ихъ въ актрисы. Ее мучило и то, что нарождавшіяся дарованія были лишены школы, что актеры играли большею частью по вдохновенію, не отдавая себѣ отчета ни въ движеніяхъ, ни въ дикціи. И вотъ Вѣра Васильевна задумала устроить у себя на дому уроки драматическаго искусства. Сперва она хотѣла ими только удовлетворить душевной потребности, но потомъ, по смерти мужа (1877 г.), надѣялась и заработать нѣсколько лишнихъ денегъ, чтобы пополнить свои стѣсненныя матеріальныя обстоятельства. Она открыла годовые курсы отъ 15 сентября по 1 мая, по два раза въ недѣлю (вторникъ и пятницу), отъ часу до трехъ, и работала съ ученицами всегда до пяти часовъ. За ученье она назначила плату сто рублей въ годъ, но изъ 17 ученицъ ей платили едва только 7, остальные учились даромъ. Эта послѣдняя вспышка ея сценической дѣятельности запечатлѣла во всѣхъ, кто съ ней тогда былъ знакомъ, память о ней, какъ о необычайно доброй женщинѣ, трудолюбивой, участливой, беззавѣтно мечтающей о процвѣтаніи театра и превосходно понимающей свое дѣло. Одна ея ученица рассказывала мнѣ:

— Я была совсѣмъ нищей дѣвочкой, жила съ матерью тѣмъ, что шила перчатки, но мечтала непремѣнно сдѣлаться актрисой. Прослышала я, что Вѣра Васильевна учитъ сценическому искусству. Набралась я, храбрости, и съ подругой Глафирой пошла къ ней. День былъ холодный, снѣгъ шель, метелица. Пришли мы иззябшія, мокрыя, бояливыя. Вѣра Васильевна только что собралась куда-то ѣхать и стояла въ салопѣ въ прихожей. Узнавши, что мы хотимъ учиться у нея, она сбросила салопъ и ввела насъ къ себѣ. Мы сейчасъ же сказали, что у насъ денегъ нѣтъ ей заплатить. Она и вниманія на это не обратила; спрашивала насъ, заставляла читать. Мы ушли отъ нея согрѣтыя, ободренные. И потомъ мы учились у нея больше году даромъ, и когда стали играть, сперва по клубамъ, она руководила насъ, давала кое-какія вещи изъ своего туалета, такъ какъ у насъ никакого гардероба не было. Я никогда не забуду всего, чѣмъ я ей обязана, и всѣмъ всегда скажу, что это была святая женщина.

Такъ говорила мнѣ про первые шаги своего актерскаго дѣла артистка императорскаго московскаго театра И. П. Уманецъ-Райская; подруга, учившаяся съ ней у Вѣры Васильевны, была Гла-

фира Мартынова, впоследствии известная любимица московской публики театра Корша. Заботы о своих ученицах, действительно, доходили у Вѣры Васильевны до самоотреченія. Остатки прежняго величія, платья, кружевные накидки, отдавались ученицамъ на поддержаніе. Случалось, она позволяла подшивать свои платья, чтобы дать менѣе рослой ученицѣ сыграть роль, требующую богатаго туалета. Одну изъ ученицъ пригласили участвовать въ спектаклѣ въ Кронштадтѣ, и она пришла плакаться, что ей не въ чемъ ѣхать, зима холодная, а у нея нѣтъ теплой одежды. Вѣра Васильевна дала ей на проѣздъ свою дорогую шубу. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей иногда пропадали, но участіе артистки къ ученицамъ отъ этого не охлаждалось. Она даже помогала ученицамъ деньгами, для чего иной разъ закладывала кое-что изъ поднесенныхъ ей нѣкогда драгоценностей. Изъ ученицъ ея наиболѣе известны, кромѣ помянутыхъ выше: Анненкова-Бернаръ, Глама-Мещерская, Потѣхина, Тамарина (Гриневская).

При ученіи, первой заботой Вѣры Васильевны было то, чтобы ученицы ясно выговаривали слова, чтобы все сказанное было ясно слышно и понятно. Для этого у нея былъ, какъ она называла, «рецептъ» — нѣсколько стихотворныхъ строкъ изъ одной старинной драмы, которыя она заставляла повторять безъ особаго выраженія, но непрерывно явственно, упражняя способность выговаривать, какъ въ пѣніи упражняютъ голосъ солфеджіями. Вотъ эти стихи:

Постойте, варвары, пронзите грудь мою,
 Любовь къ отечеству довольствуйте свою.
 Не внемлютъ и бѣгутъ поспѣшно по долинь,
 Не внемлютъ и мой вопль теряется въ пустынь.
 Есть громы,—и въ сей часъ на небѣ тишина!
 Есть боги,—и земля злодѣямъ предана.

Затруднительность выговора этихъ стиховъ и составляла ихъ значеніе. Вѣра Васильевна не допускала косноязычія на сценѣ; отчетливость рѣчи для нея была основой дѣла. Только убѣдившись въ ясномъ произношеніи, она давала разрабатывать роли. Одна изъ наиболѣе любимыхъ для упражненія ролей Вѣры Васильевны была «Русалка» Пушкина. Артистка часто очень подробно объясняла ученицамъ характеръ той или другой роли и психическія ихъ проявленія въ разныхъ сценахъ. Ученица ея Тамарина-Гриневская (теперь писательница) говорила мнѣ, что была поражена яснымъ критическимъ анализомъ Вѣры Васильевны, при разборѣ разныхъ ролей. Откуда могла она такъ чутко понимать состояніе чужой души, такъ вѣрно чувствовать, какъ оно выразится въ темпѣ рѣчи, въ движеніи?—она, которая, повидимому, такъ мало знала людей въ ихъ житейской практикѣ. Вѣра Васильевна очень высоко цѣнила самообладаніе и господство актера надъ творчествомъ. Она требовала, чтобы актеръ всегда былъ болѣе или менѣе готовъ прямо исполнять лю-

бую сцену, хоть бы самую сильную. Для этого учительница заставляла ученицъ играть сценку «Поди сюда» (съ нѣмецкаго), гдѣ надо сказать эти два слова въ самыхъ разнообразныхъ интонаціяхъ, согласно положенію говорящаго. Артистка всегда осуждала разгильдяйство, по которому иные актеры не пробуютъ полной игры на репетиціяхъ, а бормочатъ роль подъ носъ. Слова: «не могу играть на репетиціи, не могу говорить не при публикѣ, не при обстановкѣ» и т. п., всегда ее возмущали. Задавши разучить роль и потомъ прослушивая ее, Вѣра Васильевна указывала на ошибки, исправляла, дополняла то, чего не было достаточно, но подражанія, переимчивости не любила. Ея дочь тогда была подросткомъ и, иной разъ шаяля, передразнивала ученицъ; мать это ей запрещала. Вѣра Васильевна говорила, что ловкое копированье есть копированіе недостатковъ, и оттого такой подражатель еще не артистъ. Это чрезвычайно тонко и вѣрно подмѣчено. Свою дочь она хотѣла непременно видѣть актрисой и къ обычнымъ замѣчаніямъ, какъ себя вести, самымъ сильнымъ аргументомъ прибавляла:

— Помни, что ты должна быть на сценѣ.

Иначе говоря: съ чѣмъ еще можно примириться въ жизни, на сценѣ примириться нельзя; такъ высоко было ея мнѣніе о значеніи актера. Странное дѣло, было ли это недовольство русскимъ театромъ или пристрастіе къ пьесамъ Шекспира, но она мечтала о томъ, чтобъ ея дочь была актрисой англійской сцены, играла Шекспира на родномъ его языкѣ. Поэтому съ дѣтства маленькая Вѣра Мичурина постоянно училась англійскому языку, дошла до того, что говорила поанглійски, какъ порусски, и потомъ, готовясь къ русской сценѣ, нарочно должна была стараться забывать языкъ, чтобъ уничтожить въ русской рѣчи легкій англійскій акцентъ.

XII.

Въ 1878 году, на одномъ изъ уроковъ, Вѣра Васильевна проходила ученицамъ роль «Маріи Стюартъ». Представляя имъ примѣръ, какъ надо исполнить извѣстную сцену спора двухъ королевъ, артистка стала на колѣна и съ увлеченіемъ проговорила умоляющей монологе плѣнной Маріи. Но когда она дошла до словъ: «Глубоко павшей помогите встать...», она засмѣялась, почувствовавши такую слабость, что сама подняться не могла.

— Помогите же встать глубоко павшей, — обратилась она къ ученицамъ.

Тѣ подбѣжали, подняли ее. Усталая, она не могла уже болѣе продолжать урокъ. Съ тѣхъ поръ она начала постоянно домогаться и скоро почувствовала, что уже была не въ состояніи долѣе вести преподаваніе. Между тѣмъ умеръ ея мужъ, прошелъ годъ въ устройствѣ домашнихъ дѣлъ. Наконецъ, въ іюні 1880 года она наняла квартиру въ

Кузнечномъ переулкѣ и очень радовалась, что попала жить именно въ тотъ домъ, гдѣ прежде очень счастливо жила, по выходѣ замужъ, ея сестра, Надежда Васильевна. Суевѣрная радость тѣшила среди наступающаго горя и трагизма, къ которому Вѣра Васильевна относилась еще несознательно. Войдя въ квартиру, она спросила, какъ здѣсь будетъ стоять ея гробъ, и объясняла, гдѣ и какъ его поставить. Но это было одно легкомысліе; артистка съ любовью устраивала свою маленькую квартирку, какъ будто собиралась въ ней жить долго. Этого не пришлось. Болѣзнь скоро приняла угрожающій характеръ. Оказалось, что это былъ ракъ, тѣмъ болѣе ужасный, что было пропущено время операци. Вѣра Васильевна жила тогда съ одной своей дочерью, совсѣмъ еще молоденькой дѣвушкой, почти еще не вышедшей изъ подростковъ; старшій сынъ былъ всегда слабымъ ребенкомъ, теперь поступилъ куда-то на службу; младшій бросилъ военное училище, куда его опредѣлили, и поступилъ въ актеры гдѣ-то въ провинціи. Никогда близость матери и дочери не проявлялась въ такой степени, какъ теперь, у умирающей артистки рядомъ съ готовящейся только вступить на сцену. Никогда они не любили другъ друга такъ, какъ, именно, теперь, когда страшная трагедія жизни встала передъ ними во всемъ своемъ неумолимомъ преслѣдованіи. Мать, казалось, готова была передать дочери всю свою душу, всю свою сценическую опытность, свою заработанную славу, страдала физически и нравственно, чувствуя, что не доживетъ до завѣтной мечты: видѣть въ дочери продолженіе своей карьеры. Дочь, благоговѣвшая передъ матерью, сознавала, что теряетъ лучшую руководительницу, ближайшаго друга, съ которымъ связана не однимъ родствомъ, а взаимной страстью къ искусству. Иногда приходила къ нимъ двоюродная племянница Вѣры Васильевны. Опираясь на двухъ дѣвушекъ, артистка дѣлала нѣсколько шаговъ по комнатѣ.

— Вотъ высокая комедія ходитъ, — говорила она, улыбаясь и намекая на свой высокій ростъ. — Вы, двѣ подушки мои, поддерживайте меня... — Потомъ, подойдя къ зеркалу и видя свое изуренное лицо, — прощайте, Вѣра Васильевна, — прибавляла она... — я умираю.

Это ужасное состояніе еще болѣе омрачалось упадкомъ духа, боязнью, что не хватитъ денегъ на жизнь и на лѣченіе, мыслями о томъ, чѣмъ будетъ жить дочь. За многіе годы передъ этимъ, когда стало видно, что средства Мичуриныхъ идутъ на ущербъ, практическій Макшеевъ совѣтовалъ Вѣрѣ Васильевнѣ обратить ея дорогія ювелирныя вещи, которыхъ было у нея на десятки тысячъ рублей, въ процентныя бумаги. Но она хранила ихъ для дочери, а потомъ все-таки нужда заставила продавать и закладывать подношенія поклонниковъ. Опасенія умирающей были, однако, напрасны: какъ только вѣсть о ея тяжелой болѣзни распространилась, государь (Александръ II) прислалъ ей 3000 р. на лѣченіе, что помогло оста-

вить ее наилучшимъ образомъ. Уходъ за ней былъ образцовый. Знакомые и поклонники часто справлялись о ходѣ ея болѣзни.

Черезъ мѣсяць Вѣра Васильевна совсѣмъ слегла въ постель. Боли стали такъ мучительны, что несчастная страдалаца полтора мѣсяца кричала и стонала. Но какъ только немножко ей становилось легче, она дѣлалась весела и шутила.

— Что еслибъ я теперь заплѣла,—какъ-то сказала Вѣра Васильевна и вдругъ заплѣла веселую пѣсню. Выходило что-то страшное среди ея неумолкавшаго крика. Жажда мучила ее, она просила чаю съ лимономъ, но ей не давали, потому что это вызывало новыя боли. Она впадала въ малодушіе, какъ больное дитя.

— Ахъ,—говорила она,—какія вы мнѣ все лѣкарства даете нехорошія... какъ я на васъ всѣхъ тамъ пожалуюсь... Зажгите свѣчей, больше зажьте, тамъ этого не будетъ, тамъ будемъ въ темнотѣ лежать.

Она умирала въ полномъ сознаніи, что умираетъ, и внимательно слѣдила за настроеніемъ духа дочери. Вѣра Васильевна была хорошая физиономистка и особенно лицо дочери изучила; дѣвочка еще въ дѣтствѣ никогда не могла скрыть отъ матери никакого впечатлѣнія. Теперь больная сдѣлала для себя это лицо барометромъ хода своей болѣзни.

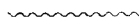
— Я ужасно страдаю,—говорила она тихо своей племянницѣ,—но не умру, потому что лицо Вѣры ничего не говоритъ... или ужъ она такая хорошая актриса, что умѣетъ скрывать.

Всегда вѣрующая и религіозная артистка готовилась къ смерти, пріобщилась святыхъ тайнъ и благословила сыновей и дочь, причемъ взяла съ нея слово, что она непременно будетъ актрисой, что ни замужество, ни любовь, ни какія другія причины не останавливаютъ ея поступленія на сцену.

8-го ноября 1880 года Вѣра Васильевна подъ вечеръ подозвала дочь и сдѣлала ей упрекъ, что не горитъ лампада передъ образомъ. День былъ субботній, и, по обыкновенію, должна была горѣть лампада во время всенощной. Въ шесть часовъ ударилъ колоколъ Владимірскаго собора, и какъ разъ въ это время артистка скончалась. А шумная столица продолжала жить своей вѣчной сумятицей, не чуя, что тутъ же рядомъ въ мучительной агоніи угасла изящная художница, которую прежде провожали бурными рукоплесканіями чуть не за каждый жестъ и каждое слово.

Вѣра Васильевна похоронена близъ Петербурга въ Троицко-Сергіевской лаврѣ, подлѣ своихъ родителей.

Викторъ Крыловъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ ¹⁾.

(1878—1882).

III.

Научныя работы.—Темныя стороны ихъ.—Нѣкоторое разочарованіе.—Беллетристы «Слова».—Нѣсколько словъ объ А. О. Поводворскомъ.—Его жизнь и смерть.—Поворотъ къ искусству.—Беллетристика.—Первый блинъ комомъ: пріостановка «Слова» на три мѣсяца.—Происхожденіе моего псевдонима.

ОДЪ 1879 прошелъ для меня въ литературномъ отношеніи довольно безмятежно. Я занимался своей научной хроникой съ необыкновеннымъ прилежаніемъ. Теперь я удивляюсь, какъ можно было такъ усиленно и много работать. Каждый мѣсяць мнѣ приходилось выдерживать университетскій экзаменъ изъ ботаники, или изъ геологіи, или археологіи, или зоологіи и т. д. Всѣ научныя новости я получалъ изъ первыхъ рукъ, и, надо отдать справедливость издателямъ, меня не стѣсняли по части пріобрѣтенія матеріала, который я считалъ необходимымъ. Выписывались не только всѣ журналы по естествознанію на разныхъ языкахъ, но и спеціальныя временники разныхъ ученыхъ академій и обществъ; кромѣ того, я могъ покупать по своему усмотрѣнію какія угодно книги, касавшіяся моей спеціальности. Такимъ образомъ, въ короткое время у меня образовалась обширная бібліотека, которая, по обычаю, существовавшему въ «Словѣ», соста-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXI, стр. 157.

вляла мою собственность. Правда, что нерѣдко я тратилъ на нее и свои деньги, такъ какъ боялся, наконецъ, удивить издателей роскошью издержекъ.

Я очень хорошо понимаю, что, несмотря на большую аккуратность работы, въ основѣ которой, между прочимъ, лежало честолюбивое желаніе не оставлять безъ вниманія ни одного новаго факта или новой теоріи—а въ то время, въ Германіи въ особенности, естественно-научныя теоріи по разнымъ отраслямъ возникали, какъ грибы, ежедневно,—конечно, я не былъ безгрѣшенъ. То я увлекался и принималъ на вѣру какую нибудь смѣлую гипотезу, то недостаточно обосновывалъ ее въ своихъ статьяхъ. Главнѣйшій же мой порокъ заключался въ томъ, что я предполагалъ въ читателѣ большую естественно-научную подготовку, и мѣстами языкъ мой былъ специаленъ. Порокъ этотъ тѣмъ болѣе былъ моимъ, что все же я оставался дилетантомъ-журналистомъ; я ни на чемъ не могъ долго остановиться по самому существу моей работы: кончалась ботаника, начиналась геологія, кончалась археологія, начиналась физиологія. Я въ университетѣ получилъ недостаточную подготовку, потому что всегда разбрасывался, и меня въ одинаковой мѣрѣ интересовали какъ естественныя науки, такъ и социальныя, какъ исторія, такъ и словесность. Въ бытность мою научнымъ хроникеромъ «Слова» я сузилъ кругъ своихъ теоретическихъ пріобрѣтеній, но необъятность естественныхъ наукъ продолжала все-таки благопріятствовать моей склонности къ хватанію верховъ, и только-что начинало мнѣ казаться, что мнѣ знакома наука, какъ на слѣдующій день, столкнувшись съ какимъ нибудь фактомъ, я убѣждался, что она мнѣ знакома очень мало. На первыхъ порахъ роль научнаго обозрѣвателя мнѣ льстила, но мало-помалу, по мѣрѣ нѣкотораго успѣха моего, я разочаровывался; и будь у меня тогда свободныя средства, я навѣрно бросилъ бы журналистику и уѣхалъ бы за границу учиться. Мнѣ во что бы то ни стало хотѣлось сдѣлаться профессоромъ. Д. А. Коропчевскій былъ доволенъ, сколько я помню, моими трудами и похваливалъ нѣкоторыя мои статьи, находя, что я вступаю въ синтезъ науки и поэзіи, и что именно это и нужно для журнала. Но на самомъ дѣлѣ этотъ синтезъ былъ неясенъ, и щели моего естественно-научнаго образованія я замазывалъ терминами, которые мало способствовали разъясненію дѣла. Того идеала популярнаго изложенія, который можно встрѣтить въ сочиненіяхъ, напримѣръ, Тиндала, я никогда не могъ достигнуть, именно благодаря своему дилетантизму. Кое-какая легкость стиля и поэтическія метафоры въ нѣкоторой степени сглаживали мой коренной недостатокъ.

Безмятежность литературнаго житія моего, впрочемъ, тоже не была идеальна: отъ времени до времени меня пощипывали рецензенты, и подѣломъ. Внутренніе порядки «Слова» также заставляли

меня подчасъ призадумываться и отравляли мнѣ существованіе. И только благодаря союзу съ Д. А. Коропчевскимъ возможно было продолжать дальнѣйшую дѣятельность въ томъ же направленіи.

Какъ я уже раньше говорилъ, на мнѣ лежала (совмѣстно съ Д. А. Коропчевскимъ) обязанность открывать новые таланты въ беллетристической сферѣ. Въ этомъ году мнѣ посчастливилось пріобрѣсти для «Слова» первыя рукописи такихъ писателей, какъ покойный Каронинъ, нынѣ здравствующій и знаменитый Короленко и И. Л. Щегловъ, и мнѣ очень хотѣлось пріобрѣсти очерки Эртеля, который еще нигдѣ не печатался, но въ этомъ отношеніи я встрѣтилъ противодѣйствіе со стороны г. Жемчужникова, и такимъ образомъ этотъ писатель началъ въ «Вѣстникѣ Европы». Первая повѣсть Каронина «Подрѣзанныя крылья» была написана имъ въ Петропавловской крѣпости, и мнѣ доставила ее на домъ одна молодая барышня, объявивъ, что это ея собственная повѣсть. Разумѣется, она выдала ее за свою, изъ опасенія, что повѣсть чело-вѣка, пребывающаго въ такомъ злачномъ мѣстѣ, можетъ быть не принята журналомъ. Барышня была, повидимому, еврейка, а геро-емъ повѣсти авторъ выставилъ молодого либеральнаго священника; это обстоятельство вызвало нѣкоторое недоразумѣніе, тѣмъ болѣе, что барышня продолжала настаивать на своемъ авторствѣ. Одно-временно съ «Подрѣзанными крыльями» Петропавловскій написалъ другой очеркъ, который былъ посланъ въ «Отечественныя Записки». Тамъ барышня произвела такое же странное впечатлѣніе на Щедрина. Тѣмъ не менѣе, Каронинъ появился въ печати, а недоразу-мѣніе скоро разъяснилось. Самого Каронина (настоящая фамилія его Петропавловскій) я никогда не видалъ, равно какъ и В. Г. Коро-ленко, который тоже находился въ то время подъ арестомъ и раз-сказъ, озаглавленный «Эпизоды изъ жизни искателя приключеній», доставилъ черезъ брата своего, служившаго у насъ въ «Словѣ» корректоромъ. Появился тогда на литературномъ горизонтѣ и Ю. Н. Говоруха-Отрокъ. Первая повѣсть его подъ псевдонимомъ «Юрко» тоже была напечатана въ «Словѣ».

Всѣ эти беллетристы обратили на себя вниманіе критики, и, хотя дѣло случая, что они начали свое литературное поприще въ «Словѣ», но мнѣ пріятно объ этомъ вспомнить. Кучка писателей, фигурировавшихъ въ «Словѣ», стала называться одно время «беллетристами Слова»; и къ намъ вскорѣ примкнулъ покойный Андрей Осиповичъ Новодворскій, который незадолго передъ тѣмъ напеча-талъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» свою замѣчательную повѣсть: «Ни пава, ни ворона». Въ «Словѣ» было напечатано нѣсколько его произведеній. Къ величайшему сожалѣнію, сочиненія этого блестящаго писателя, обладавшаго своеобразнымъ юморомъ и тонкимъ умомъ, до сихъ поръ не изданы, въ то время, какъ издаются та-

кія книги, котрымъ лучше бы не видѣть свѣта Божьяго. Но *habent sua fata libella*¹⁾.

На личности Новодворскаго мнѣ хотѣлось бы остановиться нѣсколько дольше. Онъ былъ моимъ другомъ и въ теченіе трехъ лѣтъ почти ежедневно видался со мною; потомъ онъ даже жилъ у меня. Чѣмъ больше я узнавалъ его, тѣмъ больше любилъ и привязывался къ нему. Въ свое время въ «Отечественныхъ Запискахъ» я напечаталъ его подробный некрологъ. Но о такомъ человѣкѣ, какъ Новодворскій, можно поговорить еще. По специальности своей онъ былъ домашнимъ учителемъ. Происходилъ онъ изъ уроженцевъ юго-западнаго края и, несмотря на свой нигилизмъ—тогда всѣ молодые люди были хоть немножко нигилистами—отличался учтивостью, одѣвался небогато, но изысканно опрятно, и видно было, что онъ вращался въ хорошемъ обществѣ. На видъ онъ былъ очень скромный. Большіе свѣтлые глаза его смотрѣли пронизательно и слегка насмѣшливо. Когда-то онъ обладалъ недюжинною физическою силой, но борьба за жизнь (а борьба эта была страшная, и ему случалось по нѣсколькимъ суткамъ не ѣсть), подточила его здоровье. Незадолго до знакомства моего съ нимъ онъ заболѣлъ тифомъ и воспаленіемъ легкихъ и чуть не умеръ въ Обуховской больницѣ, гдѣ лежалъ въ общей палатѣ, вмѣстѣ съ другими тифозными; рассказъ его объ этомъ періодѣ его жизни до сихъ поръ живетъ въ моемъ воспоминаніи и потрясаетъ меня, хотя передавалъ онъ подробности обращенія съ нимъ въ больницѣ со свойственнымъ ему юморомъ, находя въ порядкѣ вещей, что полугодные и полупьяные больничные сторожа и фельдшера грубы и невѣжественны, а врачамъ за всѣмъ не усмотрѣть.

Жилъ Новодворскій, какъ бѣдный студентъ, уже въ то время, когда имя его было извѣстно, и онъ считался однимъ изъ видныхъ сотрудниковъ «Отечественныхъ Записокъ». Я помню его маленькія семирублевыя комнаты на задворкахъ Большой Московской, Литейной и Бассейной улицъ, кровать, столикъ, полка съ книгами, дрянная лампа, отъ окна дуетъ... Литературные заработки его были не велики. Онъ все ждалъ прибавки къ гонорару. Но писалъ онъ немного, а полистная плата не превышала ста рублей, и то въ «Словѣ»; въ «Отечественныхъ Запискахъ» Новодворскій получалъ меньше. Онъ ухитрялся дѣлиться своими доходами съ родными и съ неимущими товарищами. Единственною роскошью его былъ та-

¹⁾ Надняхъ кто-то издалъ, наконецъ, сочиненія Осиповича. Приложена и моя статья о немъ, которую я напечаталъ въ «От. Зап.» въ 1882 г., а «Сочиненій» я не получилъ. Кстати прошу издателей Осиповича имѣть въ виду, что у С. А. Венгерова имѣется сданный ему мною для «Устоевъ» (по порученію Осиповича) повѣсть «Тѣнь друга». Повѣсть г. Венгерова не пустилъ въ журналъ; раньше она не прошла въ «От. Зап.». Но теперь повѣсть эта могла бы увидѣть свѣтъ.
Вожія.

Авт.

бакъ, но и курилъ онъ себѣ во вредъ: послѣ воспаленія легкихъ у него осталась подозрительная осиплость, и онъ кашлялъ по вечерамъ.

Несмотря на то, что онъ мало писалъ—за четыре года его литературной карьеры набралось не больше двадцати печатныхъ листовъ—все его время было посвящено работѣ. Новодворскій много читалъ и былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ молодыхъ писателей своего времени. Больше всего его занимала политическая жизнь, которою старалась жить тогдашняя молодежь. Эта политическая жизнь была постояннымъ предметомъ его беллетристическихъ наблюдений, и въ этомъ отношеніи рассказъ его «Тетушка» долженъ быть названъ шедевромъ. Помню, въ этомъ смыслѣ написалъ ему письмо по поводу этого рассказа и Щедринъ, который, впрочемъ, удерживалъ его отъ излишней тенденціозности. Знаменитый редакторъ «Отечественныхъ Записокъ» былъ высокаго мнѣнія о повѣствовательномъ талантѣ Новодворскаго. Но ему казалась, что тенденціозность молодого писателя отчасти искусственна. Я же знаю навѣрно, что въ писаніяхъ Новодворскаго не было ничего искусственнаго, и онъ отражалъ, какъ художникъ, только ту тенденціозность, которою было проникнуто современное ему общество или, по крайней мѣрѣ, часть общества, бывшая наиболѣе близкой ему. Это надо отличать. Какое время, такія и пѣни. Впослѣдствіи, конечно, талантъ Новодворскаго не только укрѣпился бы, но и сталъ бы снокойнѣе, потому что успокоилась жизнь...

Тѣ вечера и ночи, которые у меня проводилъ Новодворскій и своимъ хрипловатымъ, насмѣшливымъ и въ то же время добродушнымъ голосомъ произносилъ длиннѣйшія рѣчи, оспаривая тотъ или другой свой взглядъ въ обществѣ молодыхъ людей, одинаково преданныхъ тѣмъ же идеаламъ, принадлежать къ дорогимъ моимъ воспоминаніямъ. Короткая лѣтняя ночь уже побѣлѣла, уже на востокѣ вспыхнули облака, и все небо, наконецъ, горитъ пурпуромъ и золотомъ, а въ тѣсной гостиной за нѣсколькими бутылками пива все еще рѣшаются «вопросы»; и всѣмъ кажется, что необыкновенно важно и существенно рѣшить ихъ во что бы то ни стало и заставить, наприимѣръ, Юзова, думать такъ, а не иначе. Самымъ симпатичнымъ во всемъ этомъ, конечно, было отношеніе къ «вопросамъ». Трудно припомнить, въ какомъ именно направленіи они рѣшались, но отношеніе было горячее и благородное. Это была молодость.

И помимо общественнаго темперамента, которымъ въ высокой степени обладалъ Новодворскій, въ немъ были еще неоцѣнимыя личныя качества. Съ нимъ можно было вести самые откровенные и задушевные разговоры, отъ него можно было услышать и рѣзкое слово осужденія и доброе замѣчаніе, съ нимъ можно было сойтись на «ты», не опасаясь амикошонства, такъ какъ натура у него была

деликатная, и онъ былъ неспособенъ на дружескую грубость дурного тона. Онъ былъ изумительно остороженъ во всемъ, что касалось свободы чужой личности. Хотя мы съ нимъ не сходились въ нѣкоторыхъ взглядахъ—хотя бы на искусство—но это никогда не обостряло нашихъ отношеній, и мы точно дополняли другъ друга. Все, написанное мною, я читалъ ему; каждый свой рассказъ онъ читалъ мнѣ до появленія въ печати. Намъ не доставало чего-то, если ктонибудь изъ насъ, я или онъ, отправлялись въ театръ или слушать музыку; всѣ дачныя экекурси мы обязательно старались предпринимать вмѣстѣ.

Какъ только онъ серьезно заболѣлъ, я настоялъ, чтобы онъ переѣхалъ ко мнѣ—это случилось черезъ два года, осенью 1881 года. Ужасно было смотрѣть, какъ съ каждымъ днемъ убывали его силы, и какъ таяла его жизнь. Домъ у меня былъ семейный, и уходъ за больнымъ былъ надлежащій, но скоротечная чахотка дѣлала свое дѣло, несмотря ни на что. Изъ литературнаго фонда Новодворскому было выдано нѣсколько сотъ рублей; выдалъ рублей двѣсти Щедринъ авансомъ за повѣсть, которую больной диктовалъ чуть слышнымъ хриплымъ голосомъ, весь дрожа во время лихорадочныхъ припадковъ, молодой барышнѣ, приглашенной по объявленію. Барышня тоже оказалась чахоточной, и перо прыгало по бумагѣ, потому что и у нея одновременно начинался пароксизмъ зловѣщей лихорадки. Это было тяжелое зрѣлище. Повѣсть называлась «Исторіей».

Какъ только повѣсть была кончена (Новодворскій никогда не переписывалъ и не дѣлалъ помарокъ, когда самъ писалъ и когда диктовалъ), онъ собрался въ путь, въ Ниццу. Впрочемъ, онъ не лелѣялъ особыхъ надеждъ. Я проводилъ его на Варшавскій вокзалъ. Онъ поѣхалъ въ третьемъ классѣ. Это было въ ноябрѣ; въ Петербургѣ стояла отвратительная, сырая погода, было холодно, и шелъ дождь. Я помню, какъ Новодворскій вошелъ въ вагонъ, и насилу два солдата, сидѣвшіе на длинной скамейкѣ, опростали мѣсто для больного. Въ вагонѣ было накурено и слабо брезжилъ огарокъ. Мы расцѣловались и разстались навѣки.

Въ Ниццу Новодворскому фондъ еще послалъ денегъ, спустя нѣкоторое время. Въ концѣ марта я получилъ отъ него письмо, съ просьбой выслать хоть пятнадцать рублей. Я самъ былъ боленъ и не успѣлъ этого сдѣлать. Второго апрѣля мнѣ снилось, что Новодворскій умеръ. Утромъ, проснувшись, я взялъ «Голосъ» и прочиталъ телеграмму о его смерти. Онъ былъ похороненъ въ Ниццѣ. Потомъ я узналъ, что Г. З. Елисеѣвъ помогъ Новодворскому передъ смертью, хотя умеръ мой другъ въ больницѣ.

Мнѣ казалось, что призваніе мое — наука и кафедра. Правда, годы какъ будто ушли: шель двадцать девятый годъ. Но, съ другой стороны, это не была еще старость.

...Рѣшительно не помню, какъ это случилось... При моихъ ограниченныхъ средствахъ, меньше всего могло случиться, что я стану коллекціонеромъ художественныхъ вещей. Но вдругъ въ одинъ прекрасный день я приобрѣлъ нѣсколько древнихъ картинъ, сталъ ежедневно ходить въ Эрмитажъ, изучалъ школы живописи, покупалъ и покупалъ разный живописный хламъ, накупилъ его ужасно много, сдѣлалъ въ этомъ отношеніи нѣсколько счастливыхъ приобретеній — впрочемъ, не больше пяти штукъ, прошедшихъ черезъ строжайшую критику и до сихъ поръ находящихся у меня — и вообще повелъ себя, съ научной точки зрѣнія, крайне легкомысленно. Мало того, я самъ сталъ заниматься живописью, по цѣлымъ часамъ просиживалъ передъ мольбертомъ, писалъ головки, плоды, виноградъ, цвѣты, пейзажи. Былъ у меня передъ глазами одинъ литераторъ въ такомъ же родѣ: тотъ сочинялъ социологическіе трактаты, писалъ о государствахъ и о кометахъ, стихами и прозой, выпускалъ черезъ мѣсяцъ по роману, издавалъ собственный журналъ, и, когда пріѣзжалъ ко мнѣ, то показывалъ куски полотна, на которыхъ было что-то напачкано краской, сразу не разберешь что — случайно попало полотно на палитру и пристало къ ней, или же это вѣнокъ, или чей-то профиль, а въ дѣйствительности, по объясненію автора, оказывалось, что это видъ дачи, на которой онъ прожилъ все лѣто, предаваясь научнымъ и поэтическимъ развлеченіямъ. Я отъ души смѣялся надъ энциклопедическимъ собратомъ, а между тѣмъ самъ сталъ заниматься тѣмъ же. Мнѣ казалось только, что моя живопись лучше, но это могъ быть самообманъ. Когда-то въ дѣтствѣ, когда мнѣ было десять лѣтъ, я страстно любилъ рисовать; мои рисунки хвалили не только родные, но и художники. Но потомъ я забросилъ живопись, и вотъ теперь чуть не въ тридцать лѣтъ опять взялся за карандашъ и за кисть. Было страстное желаніе и ни малѣйшей техники; хотѣлось преодолѣть технику и добиться какого нибудь результата. Въмѣсто того, чтобы во время прогулки комбинировать факты, почерпнутые изъ курса зоологіи, для подкрѣпленія взглядовъ, высказанныхъ Негэли въ дополненіе къ Дарвиновой теоріи, или что нибудь въ этомъ родѣ, я сталъ обращать исключительное вниманіе на тонъ, на форму, и предо мной словно открылся новый міръ. До тѣхъ поръ я не замѣчалъ какой-то особой красоты въ природѣ, дѣйствующей на душу лишь тогда, когда пристально вглядывался въ нее. Бѣломолочный туманъ на улицахъ Петербурга и сквозь его дымку мигающіе красные огни, облачко, повисшее въ синемъ небѣ, дымъ, розовымъ столбомъ выходящій изъ трубы пятиэтажнаго дома, даже крыша, только что обрызганная дождемъ и отражающая въ себѣ сумрачную лазурь вечерняго небосвода,—все

это приводило меня въ восторгъ. Вспомнилъ я и то, что въ дѣтствѣ я обнаруживалъ наклонность къ стихамъ, писалъ рассказы и драмы, а затѣмъ лѣтъ десять тому назадъ тоже покушался на беллетристику и даже кое-что напечаталъ. Мнѣ захотѣлось неудержимо отразить на бумагѣ или на полотнѣ все то, что я вижу вокругъ себя, эту странную, внутреннюю красоту міра, которой я до тридцати лѣтъ какъ будто не замѣчалъ. А такъ какъ техника слова была мнѣ ближе, и фразы покорнѣе ложились подъ мое перо, чѣмъ краски подъ кисть, то въ концѣ концовъ я потихоньку, но уже серьезно принялся за беллетристику. Я и прежде пописывалъ отъ времени до времени, но то было не серьезно — такъ мнѣ казалось. Грамотный человѣкъ посидитъ за письменнымъ столомъ и непремѣнно что нибудь напишетъ при доброй волѣ. А теперь потребность писать казалась мнѣ серьезной потому, что она охватила все мое существо и тянула меня къ письменному столу помимо моей воли, вопреки всѣмъ возраженіямъ здраваго смысла, который говорилъ мнѣ, что ужъ лучше продолжать начатое и остаться вѣрнымъ наукѣ до конца. Много бумаги перепортилъ я, прежде чѣмъ остался сколько нибудь доволенъ своимъ произведеніемъ. Правда, лучше, еслибъ это первое произведеніе и слѣдующія за нимъ тоже были уничтожены мною; но «слово, что воробей—выпустилъ, не поймашь», такъ и мои первыя повѣсти.

Разсказъ «На чистоту» надѣлалъ «Слову» бѣды—журналъ былъ приостановленъ на три мѣсяца, а это очень чувствительно было для него, потому что «На чистоту» было напечатано въ первой январской книжкѣ за 1880 годъ, и такимъ образомъ подписка была прѣзана въ самомъ корнѣ. Въ своихъ воспоминаніяхъ я нападаю на покойнаго Жемчужникова, но, надо отдать ему честь, онъ не взѣлся на меня за приостановку журнала; напротивъ, онъ былъ словно доволенъ и какъ-то горячо пожималъ мнѣ руку. Я не знаю, что онъ сказалъ бы, если бы журналъ не принадлежалъ Сибирякову, но и за то спасибо ему.

Въ основѣ разсказа моего лежалъ дѣйствительный фактъ. Я писалъ разсказъ не своей фамиліей, а, по совѣту Д. А. Корончевскаго, именемъ дѣда своего съ материнской стороны, Максима Бѣлинскаго. По этому поводу мой редакторъ признался мнѣ, что когда-то онъ самъ написалъ и напечаталъ повѣсть въ «Современномъ Обзорѣннн» Тиблена и тоже подписался фамиліей дѣда съ материнской стороны Таранскимъ. Я не подумалъ тогда, что псевдонимъ мой неудобенъ въ одномъ отношеніи: существовалъ уже Бѣлинскій, и въ лучахъ его славы мнѣ можно было окончательно потонуть даже и не съ такимъ слабымъ произведеніемъ, какъ «На чистоту».

IV.

Еще о наукѣ.—Почему на Максима Бѣлинскаго обратили нѣкоторое вниманіе.— О натурализмѣ.—Новые друзья и знакомство.—Князь А. И. Урусовъ.— Литературный раутъ у К. М. Сибирякова и встрѣча съ И. С. Тургеневымъ.

Въ то время, какъ я все строже и строже относился къ себѣ, какъ къ научному хроникеру, и приходилъ къ заключенію, что игра не стоитъ свѣчъ, окружающіе, напротивъ, старались убѣдить меня, что дѣятельность моя полезна. ореоль учености окружалъ меня, и это меня раздражало. Идеаль учености у меня былъ совѣмъ другой, и достигать его можно было и надо было совѣмъ другими путями. Настоящіе ученые, разумѣется, не признавали меня и никогда не признали бы, если бы даже мои статьи, въ самомъ дѣлѣ, чего нибудь стоили. Конечно, дѣятельность моя носила только научный характеръ, а въ дѣйствительности это была литературная дѣятельность. Но когда живешь въ кабинетѣ, полки котораго уставлены множествомъ спеціальныхъ книгъ, а на этажеркѣ лежатъ груды новыхъ научныхъ журналовъ, то весьма легко, при нѣкоторой элементарной подготовкѣ и при усидчивости, дойти до «настоящей египетской тьмы», какъ выражался Салтыковъ.

Недостатокъ времени не позволилъ мнѣ выступить на поприще беллетриста съ болѣе солидной вещью, напимѣръ, съ романомъ, какъ я предполагалъ сначала. Разсказецъ «На чистоту» былъ пробнымъ шаромъ. Въ то время, кромѣ Всеволода Гаршина, русская молодая беллетристика еще никого не выдвинула впередъ. Этимъ оскуднѣнемъ объясняется, что мой плохенькій опытъ былъ замѣченъ критикой, и тѣ газетные и журнальные обозрѣватели, которые знали, кто скрывается подъ псевдонимомъ Максима Бѣлинскаго, поспѣшили напечатать, что все въ этомъ разсказѣ обличаетъ автора, умѣющаго научно мыслить, но что гораздо лучше было бы, если бы авторъ не дѣлалъ экскурсій въ чуждую ему область. Г. Венгеровъ высказался, при свиданіи со мной, въ томъ смыслѣ, что изъ меня никогда не будетъ беллетриста. Были и болѣе благоприятные отзывы. Въ особенности поддержалъ меня Д. А. Коропчевскій и князь А. И. Урусовъ, только что познакомившійся со мною. Оба они усмотрѣли въ разсказѣ зародышъ какого-то новаго направленія въ беллетристикѣ. Д. А. Коропчевскій сталъ требовать отъ меня новыхъ беллетристическихъ очерковъ, и я, уступая его настояніямъ и собственному желанію печататься, раздробилъ на отдѣльные этюды начатый мною большой романъ, самостоятельно обработалъ ихъ, и, по возобновленіи «Слова», въ журналѣ появилось нѣсколько моихъ разсказовъ. Впослѣдствіи они были изданы книжнымъ магазиномъ А. Ф. Цинзерлинга, подъ заглавіемъ: «Шесть разсказовъ». Нѣкоторые изъ нихъ были переведены на нѣмецкій языкъ. Получилъ я

огненное крещеніе и въ ядовитой критической купели В. П. Буренина. Онъ посвятилъ мнѣ нѣсколько фельетоновъ и написалъ на меня нѣсколько пародій. Не очень пріятно было читать ихъ. Но, положа руку на сердце, скажу, что большая половина его замѣчаній и насмѣшекъ были резонны и значительно способствовали осторожности, съ какою я началъ писать послѣдующія свои повѣсти.

Я вовсе не намѣренъ защищаться отъ нападокъ, которымъ приходилось мнѣ подвергаться со стороны моихъ критиковъ; напротивъ, я склоненъ въ данномъ случаѣ къ самоосужденію. Но все же справедливость прежде всего. Меня обвиняли или хвалили—что рѣшительно все равно—за то, что я былъ тенденціозенъ. Но тенденціозность моя, если только она была, вытекала изъ того же источника, изъ какого вытекала и тенденціозность моего друга Новодворскаго. Я хорошо зналъ тогда только молодежь, потому что самъ былъ молодецъ; и молодежь зналъ интеллигентную, потому что самъ былъ болѣе или менѣе интеллигентенъ. Естественно, что образы, которые я наблюдалъ въ жизни, отражались на характеръ моей беллетристической дѣятельности. Къ тому же, молодежь интересовала тогда всѣхъ, и, напротивъ, было бы странно, если бы я прошелъ мимо ея. Я старался изображать молодыхъ людей по возможности объективно, но полной объективности можетъ достигнуть только человекъ съ зрѣлымъ дарованіемъ, а не начинающій писатель. Другой упрекъ, который мнѣ дѣлали, заключался въ подражаніи Золя. Моимъ образцомъ былъ не Золя, а скорѣе Флоберъ, съ сочиненіями котораго я хорошо познакомился; Золя же мнѣ былъ еще мало извѣстенъ. Громадное вліяніе оказывалъ на меня Толстой, какъ и на всѣхъ русскихъ писателей, и, конечно, Тургеневъ и Гончаровъ. Неудая писать, отрѣшившись отъ всего того, что было написано раньше. Даже гениальные писатели не избѣгаютъ преемственности и являются въ началѣ своей дѣятельности учениками того или другого предшествующаго имъ писателя; тѣмъ болѣе это надо отнести къ нашему брату. Быть можетъ, наконецъ, занятія естественными науками повліяли на мой беллетристическій «методъ» гораздо больше, чѣмъ даже Флоберъ. У меня не было недостатка въ фантазіи, но мнѣ всегда казалось, что свои беллетристическіе замыслы писатель долженъ провѣрять на жизненныхъ фактахъ, иначе они для него самого будутъ казаться недостоверными и, слѣдовательно, произведутъ такое же впечатлѣніе недостоверности и на читателей. Въ этомъ смыслѣ я былъ и остаюсь натуралистомъ, и полагаю, что такой натурализмъ не есть временное литературное направленіе, а оно всегда было въ литературѣ, сколько нибудь сознательной. Нашимъ величайшимъ «натуралистомъ» былъ, разумѣется, Пушкинъ, и пушкинская традиція красной нитью проходитъ черезъ всю нашу литературу—черезъ произведенія Гоголя, Тургенева, Писемскаго и даже Достоевскаго; я

ужь не говорю о лучшихъ твореніяхъ графа Льва Толстого. Вообще, впрочемъ, всякаго рода классификаціи, которыя такъ любезны критикѣ, представляютъ собою большею частью сплошное недоразумѣніе. Если даже смотрѣть на искусство, какъ на облагороженную природу или на ея идеализацію, то и тогда невозможно уйти отъ натурализма. А искусство можетъ быть также естественной исторіей и просто исторіей—возможны различныя отношенія къ природѣ, и требуется только, чтобы они были болѣе или менѣе поэтичны. Вѣдь изображенія низкихъ сторонъ жизни способны вызывать благороднѣйшія движенія души путемъ отрицательной реакціи. Все это избытка истины, и заговорилъ я о нихъ лишь по старой памяти.

Беллетристическія начинанія мои приобрѣли мнѣ новыхъ знакомыхъ и друзей. Князь Урусовъ, о которомъ я только что упомянулъ и имя котораго гремѣло въ семидесятыхъ годахъ, какъ одного изъ самыхъ блестящихъ и либеральныхъ адвокатовъ, долженъ былъ служить въ періодъ моего знакомства съ нимъ товарищемъ прокурора. Въ ожиданіи, когда ему разрѣшено будетъ снова приняться за свою профессію, онъ жилъ на Сергіевской улицѣ, въ небольшой квартирѣ, великолѣпно украшенной картинами и бронзами, и предавался страстному изученію литературы. Оказалось, что онъ тоже поклонникъ Флобера. У него устраивались вечера, на которыхъ бывали Д. А. Корончевскій, поэтъ С. А. Андреевскій, А. Ө. Кони, Е. И. Рагозинъ, М. А. Кавосъ, А. Н. Плещеевъ, П. Д. Боборыкинъ, иногда бывалъ Новодворскій. Вечера эти были чрезвычайно разнообразны въ литературномъ отношеніи. Самъ Урусовъ мастерски читалъ, и въ его чтеніи все приобрѣтало какой-то особый, свѣжій и поэтический колоритъ; такой у него былъ пѣвучій и гармоничный, выразительный голосъ; читалъ онъ пофранцузски и порусски. Читалъ также Андреевскій. Новая повѣсть Тургенева, клочекъ изъ Флобера, поэма въ прозѣ Бодлера, стихотвореніе Альфреда Мюссе, отрывокъ изъ Леконта Делиля или Пушкина, импровизированные рассказы собесѣдниковъ, литературные анекдоты — и ничего прозаическаго и пошлаго — вотъ программа этихъ милыхъ и очаровательныхъ вечеровъ.

Бывали еще вечера у Кавоса или, вѣрнѣе, ночи. На эти ночи приглашалось три-четыре человѣка — избранныхъ цѣнителей и знатоковъ изящнаго. Хозяинъ самъ не былъ писателемъ, но любви его къ литературѣ и его знаніямъ могъ бы позавидовать любой литераторъ. На этихъ утонченно артистическихъ ночахъ обязательно было, чтобы каждый гость прочиталъ какой нибудь маленькій шедевръ, принадлежащій перу хотя бы второстепеннаго писателя и никому еще невѣдомый или позабытый. Покойный А. Н. Плещеевъ, официально считавшій настоящимъ поэтомъ только Некрасова, неофициально упивался этими вечерами и ночами и акуратно ихъ поощалъ, не затрудняясь бодрствовать чуть не до самаго утра за

слушаніемъ какойнибудь классической поэмы Леконта Делиля или монолога Расина.

Зимой 1880 года пришлось мнѣ повидать Ивана Сергѣевича Тургенева. Великій писатель пріѣхалъ на короткое время изъ Парижа въ Петербургъ и выразилъ желаніе посмотрѣть на начинающихъ беллетристовъ. Съ этою цѣлью К. М. Сибиряковъ пригласилъ къ себѣ на Гагаринскую довольно много народу, не только, впрочемъ, беллетристовъ, но и публицистовъ и молодыхъ критиковъ. Я вошелъ съ Альбовымъ въ большую комнату, которая была уставлена стульями, какъ въ театрѣ. Тургеневъ сидѣлъ поодаль, передъ столикомъ, окруженный женщинами, и говорилъ. Всѣ слушали съ напряженнымъ вниманіемъ. Серебряные волосы его красивыми прядями свисали на лобъ. Мнѣ показалось, что онъ сидитъ на возвышеніи, хотя возвышенія не было. Я сѣлъ на мѣсто, молча указанное мнѣ хозяиномъ дома, и тоже сталъ слушать. Слегка шамкающимъ голосомъ, но живо и увлекательно, великій писатель рассказывалъ что-то о народѣ. Я вслушался, и оказалось, что дѣло идетъ какъ разъ о томъ, какъ мужики способны преувеличивать явленія, которыя кажутся имъ почему либо и безъ того величавыми. Въ Орловской губерніи въ пятидесятихъ или шестидесятихъ годахъ ждали пріѣзда какой-то могущественной особы. Были собраны крестьяне, чтобы особа могла увидѣть ликующій народъ. Черезъ нѣкоторое время, когда особа проѣхала, мужики вернулись, и Тургеневъ спросилъ одного изъ нихъ:

— Ну, что же, проѣхалъ?

— Проѣхалъ, батюшка, проѣхалъ.

— Ну, что же, какой онъ?

— Огромный, батюшка.

— Какъ огромный?

— Да такъ, что мы ужаснулись только. Ёдетъ это въ тарантасѣ... Кони не кони, а просто черти! Самъ стоитъ посрединѣ, шляпа выше облака ходячаго и только рукой машетъ да кричитъ: «я васъ!»

— Ну, а вы что?

— А мы на колѣни. Такъ онъ и проѣхалъ. Смотримъ, только пылъ курить, да все слышно, какъ онъ покрикиваетъ: «я васъ!».

По поводу этого сообщенія о народѣ начались по окончаніи анекдота дебаты. Напѣ Жемчужниковъ, сжавъ кулаки,—у него была такая странная манера,—сталъ допрашивать Тургенева, за кого онъ собственно, за интеллигенцію или за народъ. Какой-то молодой человекъ, какъ мнѣ сказали, критикъ изъ «Дѣла» (но я точно этого не утверждаю), криливо обратился къ Тургеневу, должно быть, съ тѣмъ же вопросомъ, но на половинѣ фразы сдѣлалъ паузу и такъ страшно и громко высморкался, что тотъ вздрогнулъ и началъ новую «народную» бесѣду съ Успенскимъ. Получалось впечатлѣніе какой-то оторванности великаго писателя отъ всего этого литературнаго вы-

водка. Выводокъ былъ не его. Одинъ только Гаршинъ своими большими темными глазами влюбленно смотрѣлъ на Тургенева. Но онъ былъ тогда наканунѣ временнаго помѣшательства своего, и нѣсколько фразъ, произнесенныхъ имъ, странно и болѣзненно прозвучали на этомъ литературномъ собраніи въ честь Тургенева. Я ужъ не помню, что такое сказалъ Гаршинъ, но какъ-то стало вдругъ больно и тяжело. Разказавъ еще нѣсколько анекдотовъ, чтобы какъ нибудь занять собраніе, Тургеневъ всталъ съ мѣста и сталъ прощаться. Такъ какъ я и Альбовъ не были ему представлены, потому что опоздали и пришли, когда ужъ всѣ сидѣли по мѣстамъ, Тургеневъ направился къ намъ и любезно пожалъ намъ уку. Я тогда подивился его могучему рукопожатію и подумалъ, что великій старикъ долго еще проживетъ.

V.

Упадокъ «Слова». — Suffrage universelle. — Мы покидаемъ «Слово». — «Новое Обозрѣніе». — Издатель нашъ совсѣмъ ужъ странный! — М. А. Автоновичъ. — Закрытіе. — Лавочка ликвидирована.

Наступило лѣто. Жемчужниковъ, въ виду того, что журналъ обходился довольно дорого, а подписчиковъ было сравнительно мало, число ихъ не превышало трехъ тысячъ, тѣмъ болѣе, что журналъ былъ еще молодой, началъ вводить различнаго рода сокращенія экономическаго характера. Прежняя чудесная бумага «Слова» была замѣнена дешевой и, наконецъ, самой дешевой. Книги изъ толстыхъ были обращены въ тоненькія; а гонораръ, превышающій сто рублей за листъ, порождалъ длинные разговоры, доходившіе до крупныхъ размолвокъ.

Успѣхъ «Отечественныхъ Записокъ» все еще ослѣплялъ Жемчужникова, и ему хотѣлось непремѣнно, чтобы «Слово» было копіей этого блестящаго журнала. Напрасно приводились доводы, что въ такомъ случаѣ гораздо лучше передать своихъ подписчиковъ «Отечественнымъ Запискамъ», а журналъ прекратить. Онъ стоялъ на своемъ и находилъ поддержку въ другихъ сотрудникахъ. Одинъ изъ этихъ сотрудниковъ, добродушнѣйшій и честнѣйшій А. А. Головачевъ, прославившійся въ свое время тѣмъ, что роспись государственныхъ доходовъ онъ имѣлъ обыкновеніе критиковать въ теченіе цѣлаго года на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» до слѣдующей росписи (которую онъ опять критиковалъ столь же продолжительно и внимательно), внесъ небольшую сумму въ кассу «Слова», съ тѣмъ, чтобы имѣть голосъ; и рѣшающее вліяніе на дѣла журнала сосредоточилось такимъ образомъ въ лицѣ Жемчужникова. Д. А. Коропчевскій и я были оттерты.

Къ этому времени относится одна странная выходка Жемчужникова: онъ обратился въ «Словѣ» къ подписчикамъ съ предложеніемъ высказать свои взгляды на журналъ и заявить, чего они хотятъ. А такъ какъ мы были рѣшительно противъ этого, то заявленіе было напечатано безъ нашей корректуры и—увы!—отличалось нѣкоторой безграмотностью. Насколько мнѣ извѣстно, оно произвело самое неблагоприятное впечатлѣніе на подписчиковъ, и они, естественно, должны были потерять довѣріе къ журналу, редакторы котораго настолько нетверды въ убѣжденіяхъ, что прибѣгаютъ къ suffrage universelle и готовы писать то, что имъ подскажетъ ихъ аудиторія. Руководящая роль журнала этимъ подсѣкалась въ самомъ корнѣ. Вдобавокъ никто изъ подписчиковъ не откликнулся.

Обостренныя отношенія одной группы сотрудниковъ къ другой нѣкоторое время не переходили въ открытый разрывъ, но было уже очевидно, что дѣло миромъ не кончится. Осенью напряженная атмосфера разрѣшилась, и Коропчевскій отказался отъ редакторства, а вмѣстѣ съ нимъ вышелъ и я изъ журнала.

«Слово» быстро обратилось въ блѣдную копию «Отечественныхъ Записокъ», потеряло подписчиковъ и черезъ полгода, сдѣлавшись складочнымъ мѣстомъ статей, не принятыхъ по тѣмъ или другимъ причинамъ въ «Отечественныхъ Запискахъ», совсѣмъ прекратило существованіе.

Д. А. Коропчевскій организовалъ новый журналъ, который былъ названъ «Новымъ Обзорѣніемъ». Предполагалось вести его въ строго научномъ направленіи, по типу англійскихъ ежемѣсячниковъ, и въ немъ знакомить русскую публику со всѣмъ, что новаго давала западноевропейская мысль въ области искусства, исторіи, романа, техники, естественной исторіи и философіи. Официальнымъ издателемъ былъ В. И. Жуковскій, а неофициальнымъ Ѳ. И. Базилевскій, извѣстный богачъ. Сначала г. Базилевскій предполагалъ положить всѣ деньги, ассигнованныя имъ на журналъ, въ банкъ, а чековую книжку предоставить въ распоряженіе редакторовъ; редакторовъ было трое: Д. А. Коропчевскій, я и князь А. И. Урусовъ. Но такъ какъ возникъ вопросъ, у кого лежать чековой книжкѣ, то было порѣшено, что книжкѣ всего удобнѣе находится въ портфель издателя и, слѣдовательно, намъ завистъ отъ него ежеминутно. Рѣшеніе понравилось г. Базилевскому.

Это былъ господинъ, который постоянно, съ снисходительной впрочемъ улыбкой, говорилъ о своихъ милліонахъ и, какъ потомъ оказалось, преувеличивалъ чуть ли не въдесятеро получаемые имъ доходы съ золотыхъ росышей и съ Каспійскаго моря, и увѣрялъ меня, что Бокля открылъ онъ. Повидимому, онъ вель очень умѣренный образъ жизни; но влага самодовольства свѣтилась въ его хитрыхъ глазахъ, и, конечно, умѣренность эта была только вывѣской для литераторовъ. Съ этой цѣлью, а, быть можетъ, и изъ презрѣнія

къ намъ, онъ угостилъ насъ какимъ-то невозможнымъ обѣдомъ и отвратительнымъ виномъ. Я только разъ былъ—больше не пошелъ. Онъ тогда разсказалъ, между прочимъ, о какомъ-то социалистѣ, который обращался къ нему съ просьбой оказать денежное содѣйствіе революціи. Разсказывая, онъ понизилъ голосъ до шепота и сообщилъ, что вынесъ малую толику и сунулъ въ руку просящаго, на тотъ случай, что авось не убьютъ его, когда начнется расправа немущихъ съ имущими. Литературные гости Базилевскаго вели себя съ достоинствомъ и не ухаживали за нимъ. Онъ чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ, это было по всему замѣтно, и то вдругъ принимался либеральничать и разсказывать, чего ему стоила и стоитъ благотворительность, то въ немъ прорывался купецъ самодуръ. Походка у него была какая-то болѣзненная, онъ ходилъ по комнатамъ нацыпочкахъ, размахивая длинными руками и сгорбясь. Потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ онъ сошелъ съ ума: заболѣлъ маніей величія.

Выйдя отъ него, я откровенно высказалъ свои опасенія Д. А. Корочевскому и еще кому-то, кто былъ съ нами, что новый журналъ нашъ будетъ еще недолговѣчнѣе «Слова», именно потому, что между издателемъ и редакціей нѣтъ ничего, и не можетъ быть ничего общаго. Мой пессимизмъ былъ встрѣченъ неодобрительно, но я, къ сожалѣнію, не ошибся.

Вскорѣ, по желанію Базилевскаго, былъ приглашенъ въ сотрудники «Новаго Обзорѣнія» М. А. Антоновичъ. Хотя это большой литераторъ, много напужѣвшій въ свое время, однако же сотрудничество его значило, что мы должны измѣнить программу журнала. Да и съ «Словомъ» онъ уже ссорился. Антоновичъ остался представителемъ крайняго отрицанія въ журналистикѣ, и хотя онъ ничего не имѣлъ противъ науки—въ послѣднее время онъ самъ занимался ею и перевелъ очень много научныхъ книгъ, но къ искусству относился съ улыбочкой, и когда на первомъ же редакціонномъ засѣданіи (я съ М. А. Антоновичемъ были объявлены главными сотрудниками журнала) было сообщено, что Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ обѣщаетъ намъ повѣсть, новый сотрудникъ нашъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что, кажется, можно было бы припомнить его участіе въ низверженіи тургеневскаго авторитета и не приглашать такого писателя въ журналъ. Повѣяло чѣмъ-то ветхимъ и затхлымъ.

Между тѣмъ, Д. А. Корочевскій серьезно заболѣлъ и весь декабрь, то-есть самое трудное и горячее время для возникающаго журнала, провелъ запершись въ своей комнатѣ. Онъ самъ видѣлъ, что дѣло не клеится, и это, въ связи съ его болѣзнью, разрѣшалось полнѣйшимъ равнодушіемъ и апатіей ко всему, что происходитъ вокругъ. Князь А. И. Урусовъ только что вышелъ въ отставку и занялся адвокатурой—ему мало было дѣла до журнала по другимъ причинамъ. Я былъ предоставленъ самому себѣ. Несмотря на то,

что денегъ тратилось много на предварительные расходы, забыли сдѣлать необходимое: публиковать въ газетахъ о томъ, что выходитъ журналъ. Едва набралось шесть сотъ подписчиковъ, которыхъ приманили на объявленія, разосланныя въ концѣ декабря отдѣльными листами. Первая книжка была редактирована мною, и такъ какъ сотрудниковъ еще не было, то писать пришлось страшно много—треть книжки принадлежала мнѣ. Ко второй книжкѣ я окончательно усталъ и изнемогъ.

По своему сравнительно мирному характеру, я вовсе не расположенъ былъ сражаться съ Антоновичемъ тѣмъ болѣе, что, глядя на него съ исторической точки зрѣнія, я уважалъ его, и лично онъ мнѣ нравился. Но обнаруживалъ онъ властолюбіе и нетерпимость такого рода, а значеніе его въ журналѣ, благодаря его связямъ съ Базилевскимъ, было такъ сильно, что я рѣшилъ послѣ второй книжки устраниваться отъ руководящаго участія въ редакціи журнала и предпочелъ ограничиться только простымъ сотрудничествомъ.

Не знаю, какъ бы покончило свое существованіе «Новое Обозрѣніе», если бы не 1 марта; можетъ быть, Базилевскій придумалъ бы другой предлогъ. Но теперь онъ придрался къ первому марта, прискакалъ въ редакцію, захватившись, и объявилъ, что дальше издавать онъ журнала не можетъ, потому что боится; не такое время, чтобы издавать что нибудь; своя рубашка ближе къ тѣлу. «Я купецъ,—говорилъ онъ,—а не журналистъ. Какое мнѣ дѣло до журналистики. Моя спеціальность—сельдь». Въ этомъ же родѣ прислалъ онъ на другой день и письмо Коропчевскому, написанное безграмотными каракульками. Подъ письмомъ стояло: «дѣйствительный статскій совѣтникъ Ѳ. Базилевскій». Въ концѣ концовъ, онъ отрядилъ своего приказчика въ контору журнала и велѣлъ ликвидировать дѣло.

Съ тѣхъ поръ всякое литературное предпріятіе, во главѣ котораго стоитъ какой нибудь богатый купецъ, на меня наводитъ уныніе и страхъ. Все мнѣ кажется, что такія странныя сочетанія, какъ купецъ и литература, должны кончаться полнѣйшими фіаско; и въ карманѣ купца будутъ прорѣхи, а въ воспоминаніяхъ писателей страницы, которыя они охотно вычеркнули бы изъ прошлаго.

VI.

«Вѣстникъ Европы». — Маленькая Наташка, не принятая въ почтенномъ журналѣ, отправляется къ Салтыкову, знакомится съ нимъ, рекомендуетъ меня великому писателю и, въ благодарность за то, что я не погнушался ея лохмотьями и когда-то пожалѣлъ ее, устраиваетъ меня на четыре года въ «Отечественныхъ Запискахъ».

Н. А. Гончаровъ.

Я остался, какъ ракъ на мели, и на первыхъ порахъ это казалось мнѣ чѣмъ-то ужаснымъ. Я думаю, то же самое испытываютъ чиновники, которыхъ обстоятельства заставляютъ выходить въ отставку. Они получали жалованье аккуратно каждый мѣсяць, привыкли къ извѣстному бюджету — и вдругъ впереди ничего. Но мало-по-малу я освоился со своимъ новымъ положеніемъ. М. А. Антоновичъ великодушно предложилъ мнѣ англійскіе переводы. Подвернулась подъ руку редакція какого-то нѣмецкаго перевода. Сталъ я пописывать мелочи въ «Порядкѣ» М. М. Стасюлевича. Впрочемъ, никакъ не могъ приспособиться къ газетной работѣ: я ужъ отвыкъ отъ нея. Хотя мнѣ были поручены научныя новости, предметъ болѣе или менѣе мнѣ знакомый, но работа была какой-то несерьезной. И о чемъ скажешь въ трехъ стахъ строкахъ? Кромѣ того, г. Стасюлевичу не понравились мои статейки — онъ нашелъ ихъ негазетными. А. Н. Пыпинъ, которому г. Стасюлевичъ передалъ полномочіе по редактированію «Вѣстника Европы» на время существованія «Порядка», отнесся ко мнѣ болѣе снисходительно и, когда я обратился къ нему, ласково принялъ меня и поручилъ научную бібліографію въ журналѣ. Въ тотъ годъ я много написалъ въ «Вѣстникѣ Европы» мелкихъ замѣтокъ и небольшихъ статей, въ которыхъ излагалъ содержаніе разныхъ вновь вышедшихъ за границей книгъ по естествознанію и философіи.

Тогда же я написалъ два разсказа: «Наташку» и «Бунтъ Ивана Ивановича», и снесъ ихъ въ «Вѣстникъ Европы». «Наташку» Пыпинъ не взялъ, найдя ее неприличною для журнала, а «Бунтъ Ивана Ивановича» появился въ слѣдующемъ году.

Между тѣмъ, этотъ маленький разсказецъ мнѣ казался достойнымъ печати, и я послалъ его къ Салтыкову, отъ котораго очень скоро получилъ благопріятный отвѣтъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ; я познакомился, наконецъ, съ этимъ великимъ писателемъ. Отъ него я узналъ, что разсказъ мой уже въ типографіи; и онъ потребовалъ, чтобы на будущее время всѣ свои работы я представлялъ ему и никому больше, и посоветовалъ ничего не писать, кромѣ беллетристики, на которую обратить особенное вниманіе.

Когда я шелъ отъ него домой, я несказанно радовался, словно я все время былъ нижнимъ чиномъ и вотъ дождался производства въ офицеры. Будущее перестало казаться мнѣ мрачнымъ. Много

значить одобрение такого авторитетнаго писателя. Хотя у меня ужъ вышла книжка рассказовъ, и въ тѣхъ же самыхъ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась рецензія, гдѣ называли меня «мыслящимъ художникомъ», впрочемъ не столько художникомъ, сколько «мыслителемъ», и даже ставили въ ряды первыхъ писателей именно потому, что рецензентъ усматривалъ во мнѣ преобладаніе разсудочности, а таланта, кажется, не усматривалъ, но все это ровно ничего не значило, и я не придавалъ значенія рецензіи (авторъ ея мнѣ былъ извѣстенъ, и я не былъ высокаго мнѣнія о немъ, какъ о критикѣ). Совѣмъ другое дѣло Салтыковъ. Этому можно было повѣрить.

Возможно, что я преувеличилъ въ мечтахъ будущіе результаты своей беллетристической карьеры, но дурного изъ этого ничего не вышло: во всякомъ случаѣ, благодаря лестному приему Щедрина, я сталъ самоувѣреннѣе и началъ пристальнѣе работать надъ своими повѣстями. Атмосфера одобрения, исходящаго изъ такихъ источниковъ, которые сами по себѣ не подкупны, безпристрастны и чисты, для начинающаго таланта все равно, что влага и солнце для всходовъ. Ростъ совершается быстро, и изощряется самокритика; передъ глазами носится образъ строгаго, но и справедливаго судьи, и устанавливается съ нимъ какая-то незримая связь. Ошибался Щедринъ или нѣтъ—мнѣ пріятнѣе было бы, если бы онъ не ошибался, это само собой разумѣется,—но онъ цѣнилъ меня довольно высоко и не стѣснялся говорить мнѣ это на словахъ и въ письмахъ. Какъ редакторъ, онъ былъ необыкновенно предупредителенъ, и, когда я представлялъ ему рукопись, онъ на другой же день утромъ присылалъ мнѣ отвѣтъ, предлагая зайти въ контору и получить деньги; рукопись была уже прочитана и размѣчена.

Я никогда не былъ въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ»; мнѣ было извѣстно только, что она помѣщается въ квартирѣ Елисеѣва. Салтыковъ самъ пожелалъ, чтобы я обращался непосредственно къ нему на домъ. Обыкновенно, я заставалъ его за работой. Онъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, передъ нимъ лежалъ листъ писчей бумаги, мелко исписанный его характернымъ почеркомъ. О немъ говорили, что онъ грубый человѣкъ. Но, по всей вѣроятности, дома онъ былъ другимъ. Онъ подшучивалъ надъ нѣкоторыми сотрудниками своими и сотрудницами, хотя въ шуткахъ его не слышалось ничего злобнаго. «Вотъ романъ — одна дама привезла на тачкѣ», со смѣхомъ сказалъ онъ какъ-то, указывая на стопу бумаги. «Я ужасно боюсь большихъ романовъ», продолжалъ онъ и засмѣялся. «У насъ есть романистъ, который имѣетъ привычку водить журналы шесть мѣсяцевъ на веревочкѣ—продѣнетъ кольцо въ ноздрю и водить. Не знаемъ, куда бы его сплавить. Таланты должны быть пропорціональныхъ размѣровъ; а это ужасно, когда голова маленькая, а хвостъ стосаженный».

Если ему не нравилась какаянибудь моя повѣсть, онъ точно также не церемонился и говорилъ: «плохо», «слабо», но безъ того отѣнка грубости, который могъ бы обидѣть. Онъ сейчасъ же поправлялся: «Все же слабо не до такой степени, чтобы нельзя было напечатать». «Если же будетъ совсѣмъ слабая повѣстужка, мы съ вами ее разорвемъ и бросимъ подъ столъ. Въ денежномъ отношеніи это васъ не поставитъ въ затрудненіе, потому что деньги я вамъ все-таки выдамъ; лишь бы только вы съ слабыми вещами не шли въ другіе журналы. Ну, да, авось этого не случится». Благоволеніе его было ко мнѣ такъ велико, что онъ самъ, безъ моихъ напоминаній, увеличилъ мнѣ гонораръ. Въ его присутствіи, несмотря на его ласковый тонъ, я какъ-то терялся; о многомъ хотѣлось спросить у него, но я боялся, что отнимаю время у великаго человѣка, и спѣшили уходить.

Въ продолженіе четырехлѣтняго сотрудничества моего въ «Отечественныхъ Запискахъ» я чувствовалъ себя гораздо спокойнѣе и обезпеченнѣе, чѣмъ въ то время, когда былъ помощникомъ редактора въ «Словѣ» и въ особенности въ «Новомъ Обозрѣніи». За Салтыковымъ я былъ, какъ за каменной стѣной. По разнымъ обстоятельствамъ и причинамъ, мнѣ приходилось уѣзжать изъ Петербурга; все равно, связь съ Салтыковымъ не прерывалась. Онъ переписывался со мной, извѣщалъ о своемъ здоровьѣ и о состояніи журнала и справлялся о моихъ нуждахъ и не пишу ли я чегонибудь еще. Это не были дружескія отношенія, конечно; но это были тѣ хорошія, идеально хорошія отношенія, какія должны быть между редакторомъ и сотрудникомъ.

Въ послѣдній разъ я видѣлся съ Михаиломъ Евграфовичемъ за нѣсколько мѣсяцевъ до его смерти. «Ну, вотъ мы и дождались», уныло сказалъ онъ, сильно кашляя. Онъ подарилъ мнѣ свои книги съ надписью, и ужъ въ слѣдующій разъ, весною, я видѣлъ его на столѣ, въ волнахъ кадильнаго дыма.

Несомнѣнно, что «Отечественныя Записки» держались силою огромнаго таланта Салтыкова, какъ до него краеугольнымъ камнемъ журнала былъ Некрасовъ. Многое въ «Отечественныхъ Запискахъ» не исходило отъ Салтыкова. Но то, что давалъ Салтыковъ, было такъ велико и плодотворно, что всему и несалтыковскому сообщало значеніе и облагораживало теченія, чуждыя литературѣ. Эти теченія были нерѣдко симпатичны и прекрасны, и все-же не литературны: не все симпатичное и прекрасное есть литература. Политика, на примѣръ, не есть литература, это только, между прочимъ, предметъ литературнаго обсужденія. Салтыковъ держался именно на этой почвѣ, и потому его политическія сатиры были такъ сильны и мѣткі, и въ то же время неуязвимы. Тѣмъ не менѣе, нелитературный элементъ погубилъ «Отечественныя Записки».

Другой великій писатель, съ которымъ мнѣ удалось познакомиться и котораго я цѣнилъ, конечно, не меньше Салтыкова, былъ Иванъ Александровичъ Гончаровъ.

Весною 1882 года, когда я, только что оправившись отъ тяжелой болѣзни, собирался на югъ, ко мнѣ пріѣхалъ недавно скончавшійся Е. И. Утинъ и предложилъ отправиться съ нимъ въ Моховую улицу къ Гончарову. При этомъ онъ объявилъ мнѣ, что Гончаровъ прочиталъ мою послѣднюю повѣсть въ «Отечественныхъ Запискахъ» и самъ выразилъ желаніе повидать меня. Еще когда я былъ гимназистомъ, я восторгался произведеніями Гончарова и зачитывался ими. Это казалось страннымъ моимъ товарищамъ, которые находили, что писатель этотъ скучноватъ. Но его широкая художественная манера и тонкая красота и увлекающіе психологическіе образы его поражали меня уже тогда. Такъ случилось, что передъ отъѣздомъ Утина я только что перечиталъ сочиненія Гончарова и былъ наэлектризованъ имъ. Конечно, я съ радостью согласился поѣхать къ Гончарову. Это было около часу; былъ ясный весенній день. Гончаровъ жилъ въ нижнемъ этажѣ и, какъ мнѣ сказалъ Утинъ, много лѣтъ на одной и той же квартирѣ. Онъ не показался мнѣ дряхлымъ человѣкомъ. Напротивъ, онъ очень живо встрѣтилъ насъ, усадилъ, сѣлъ самъ за письменный столъ свой и началъ говорить, разумѣется, о литературѣ. О чемъ другомъ говорить съ начинающимъ писателемъ? Въ моихъ повѣстяхъ онъ указалъ на оригинальные штрихи и рекомендовалъ мнѣ развивать ихъ и, Боже сохрани, не вдаваться въ подражаніе, даже ему. Много было пріятнаго и лестнаго для моего самолюбія сказано Иваномъ Александровичемъ. Все, высказанное имъ тогда по моему адресу, я принялъ, по склонности къ нѣкоторому скептицизму, за желаніе ободрить меня въ моихъ начинаніяхъ. Но, много лѣтъ спустя, я имѣлъ удовольствіе получить, черезъ посредство извѣстной писательницы Н. И. Мердеръ, собственноручное письмо Гончарова къ одной начинающей романисткѣ, въ которомъ онъ говорилъ обо мнѣ то же самое, что я слышалъ отъ него лично. Отъ бесѣды о молодой литературѣ Гончаровъ перешелъ къ беллетристикѣ предыдущей эпохи, къ которой принадлежалъ самъ. На вопросъ, не пишетъ ли онъ чегонибудь новаго, онъ отвѣчалъ, что кое-что имъ набросано—и положилъ руку на рукопись,—но долго еще будетъ ждать окончательной отдѣлки. Это были «Слуги», которые появились впоследствии въ «Нивѣ». «Изъ всѣхъ моихъ сверстниковъ,—помнится, приблизительно въ такихъ выраженіяхъ сказалъ онъ:—я думаю, что каждый добился, если не славы, то извѣстности и успѣха по заслугамъ своимъ. Тургеневъ спѣлъ уже свою лебединую пѣсню; у Толстого есть еще будущность; я почти мертвецъ. Но я не понимаю восторженныхъ криковъ, вызываемыхъ Достоевскимъ. По моему, это совершенная бездарность или, вѣрнѣе, грамотный сумасшедшій. Всѣ сумасшедшіе

похожи на талантливыхъ людей. Сколько разъ я ни пробовалъ читать Достоевскаго, бросалъ съ первыхъ же главъ; не могу и не могу! Говорять, что теперь большое время. Я не повѣрилъ бы этому, если бы не спрось на Достоевскаго». Такое отношеніе къ Достоевскому во время оно раздѣляла, кажется, вся наша печать, и не было критика, который не упрекалъ бы его въ излишествахъ эпилептическаго воображенія. Я не смѣлъ спорить съ Гончаровымъ; а Утинъ сочувственно засмѣялся. Впрочемъ, у него была своя причина не любить Достоевскаго. Достоевскій написалъ въ своемъ «Дневникѣ» цѣлую статью противъ Утина по поводу его защиты какой-то дамы, перерѣзавшей горло другой дамѣ изъ ревности. Помнится, Утинъ на судѣ раскрывалъ евангеліе и ссылаясь на текстъ, что слѣдуетъ простить тѣмъ грѣшницамъ, которыя много возлюбили. Достоевскій страстно напалъ на него за это. Къ тому же Достоевскій принадлежалъ въ политическомъ отношеніи совсѣмъ къ другому лагерю, чѣмъ Утинъ. Но нелюбовь Гончарова, не принадлежавшаго ни къ какимъ лагерямъ и, кажется, никогда не обиженнаго Достоевскимъ, можетъ быть объяснена только разницей темпераментовъ этихъ двухъ романистовъ. Достоевскій весь былъ кипитокъ, Гончаровъ спокоенъ и сдержанъ, до того сдержанъ, что казался холоднымъ (хотя на самомъ дѣлѣ не бываетъ совершенно холодныхъ писателей, это иллюзія, производимая на читателя манерой выражать свои чувства).

Говоря о своихъ сверстникахъ, Гончаровъ упомянулъ, между прочимъ, о Д. В. Григоровичѣ. «Нѣтъ, надо еще подождать описывать мужиковъ», сказалъ онъ:—«если не хотите, чтобъ описанія наши были не только правдивы, но и художественны. Теперь мужицкая правда не художественна, а, можетъ быть, со временемъ она станетъ другой. Мужикъ въ искусствѣ поневолѣ можетъ занимать только второстепенное и даже третьестепенное мѣсто, все равно какъ дѣти—въ романѣ они могутъ быть, но нельзя дѣлать ихъ героями романа. Есть одинъ молодой писатель Глѣбъ Успенскій (онъ назвалъ его молодымъ, и, конечно, по сравненію съ Гончаровымъ, Глѣбъ Успенскій былъ юношей), который обладаетъ крупнымъ дарованіемъ, но, вмѣсто того, чтобы приумножить данные ему таланты, онъ зарываетъ ихъ въ навозъ. Гоголь оставилъ ему въ наслѣдство нѣсколько десятинъ своего великолѣпнаго имѣнія—свой юморъ, но онъ и ихъ унавозилъ. Кое-гдѣ зеленѣетъ травка, а жатвы нѣтъ; черезчуръ много навоза».

Тутъ зашла рѣчь о Гоголѣ. Гончаровъ упомянулъ о поддѣлкахъ подъ Гоголя, которыя отъ времени до времени появлялись еще въ шестидесятыхъ годахъ. «Кажется, гениальный писатель, а между гѣмъ поддѣлываютъ его очень хорошо. Это потому, что послѣ Колумба всякому легко поставить яйцо. Впрочемъ, я сразу отличалъ поддѣлки, и въ моихъ рукахъ было нѣсколько рукописей, которыя

приписывались Гоголю; онѣ не были напечатаны, благодаря мнѣ. Гоголь былъ искуснымъ литейщикомъ, бронза его лилась одной струей; а у контрафакторовъ бронза все хороша, хороша и вдругъ, смотришь, простая глина, не хватило матеріала и пришлось замазывать щель чѣмъ попало. По этимъ-то щелямъ я и узнавалъ поддѣлку».

Затѣмъ онъ показалъ намъ литографію, не помню, какого гравера, изображающія героини его романовъ. «Сдѣлано хорошо, а между тѣмъ я совершенно не узнаю свою Вѣру», замѣтилъ Гончаровъ. «Самолюбію автора можетъ льстить, что художники иллюстрируютъ ихъ произведенія, но самимъ произведеніямъ это только вредить. Я думаю, этого никогда не встрѣчается — полного совпаденія авторскаго карандаша съ карандашомъ иллюстратора».

Разговоръ нашъ былъ прерванъ появленіемъ новаго лица. Горничная доложила, что какой-то художникъ желаетъ видѣть Ивана Александровича. Онъ приказалъ принять, и вошелъ художникъ Наумовъ. На вопросъ, чѣмъ онъ можетъ служить, художникъ Наумовъ попросилъ Ивана Александровича сообщить подробности о квартирной обстановкѣ В. Г. Бѣлинскаго, такъ какъ имъ задумана картина, на которой будетъ изображенъ моментъ смерти знаменитаго критика.

— Съ удовольствіемъ радъ служить, — отвѣчалъ Гончаровъ. — Но не думаю, чтобы мои указанія могли принести большую пользу. Сколько помнится, Бѣлинскій жилъ послѣднее время на Лиговкѣ и, грѣшный человѣкъ, я у него рѣдко бывалъ въ это время. Былъ у него кожаный диванъ, на которомъ онъ лежалъ, и простой письменный столъ.

— Не было ли у него на стѣнахъ какихъ нибудь картинъ?

— Не могу сказать. Да и существенно ли это для вашего замысла? — спросилъ Гончаровъ. — Съ натуры все равно написать нельзя. Изобразите убожество квартиры, но такъ, чтобъ оно было правдоподобно, и сосредоточьте все ваше искусство на фигурѣ Бѣлинскаго. Простите, я больше ничѣмъ не могу служить.

Художникъ еще что-то спрашивалъ; Гончаровъ что-то отвѣчалъ. Тѣмъ временемъ я занялся созерцаніемъ кабинета Гончарова. Мнѣ показалось, что диванъ, который стоялъ у стѣны въ углу, служилъ натурщикомъ Обломовскому дивану, и что визиты наши похожи на тѣ визиты, которые дѣлаютъ Ильѣ Ильичу его знакомые въ теченіе всей первой половины романа, что-то на протяженіи десяти печатныхъ листовъ. Надъ диваномъ висѣла хорошенькая масляная картина — женская головка. Это напомнило мнѣ увлеченіе живописью Райскаго. По уходѣ художника, я спросилъ Гончарова, не занимался ли онъ живописью, и онъ отвѣтилъ:

— Да, въ молодости занимался, искалъ себя.

Точь въ точь какъ Райскій.

На маленькихъ столикахъ стояли въ бронзовыхъ рамкахъ портреты коронованныхъ особъ съ любезными автографами по адресу Гончарова. Но въ общемъ квартира великаго человѣка производила какое-то пасмурное впечатлѣніе. Какъ-то странно было видѣть писателя, подобнаго Гончарову, въ обстановкѣ отставнаго статскаго генерала, живущаго на пенсію.

Пожелавъ мнѣ поскорѣе окончательно выздоровѣть, Иванъ Александровичъ проводилъ меня и Утина до передней и выразилъ надежду, что мы еще повидаемся когда нибудь.

Въ самомъ дѣлѣ, года черезъ три я увидѣлъ кумира моего дѣтства опять. Онъ сильно постарѣлъ и подался. Это было за обѣдомъ у Утина. Кромѣ Гончарова и меня, были приглашены знаменитые адвокаты и знаменитый судья. Мнѣ было досадно, что краснорѣчивые гости Утина такъ молоды и такъ громогласны, что они каждый разъ энергично подавляли въ Гончаровѣ малѣйшую попытку заговорить, едва онъ начиналъ свою рѣчь словами: «А вотъ я помню. Это было...», какъ юридическая знаменитость прерывала его, желая поскорѣе блеснуть заготовленнымъ заранѣе анекдотомъ, а, можетъ быть, и вдругъ пришедшимъ въ голову остроумнымъ словомъ, которое, однако, въ моихъ глазахъ не имѣло никакой цѣны, въ сравненіи съ самой обыденной фразой въ устахъ Гончарова.

Еще при болѣе печальныхъ обстоятельствахъ встрѣтился я съ Иваномъ Александровичемъ въ редакціи одного еженедѣльнаго журнала съ картинками. Семидесятичетырехлѣтній старецъ уже потерялъ глазъ. Тѣмъ не менѣе онъ узналъ меня однимъ своимъ взглядомъ, вспомнилъ, что я былъ когда-то боленъ, и шутя позавидовалъ вновь добытому мною здоровью. Въ это время издатель нѣмецъ, очень почтенный и очень мало свѣдущій въ русской словесности господинъ, вошелъ въ комнату и торопливо сталъ со всѣми здороваться.

— Вы получили мою корректуру?—спросилъ Гончаровъ.

Издатель отвѣчалъ утвердительно.

— Я оставилъ одно выраженіе на усмотрѣніе ваше,— сказалъ Гончаровъ.— Я не знаю, какъ выразиться правильнѣе, такъ или этакъ.

— Мнѣ кажется, что такъ правильнѣе,—отвѣчалъ издатель нѣмецъ.

— А, очень вамъ благодаренъ; вы меня вывели изъ большаго затрудненія,—произнесъ Гончаровъ.

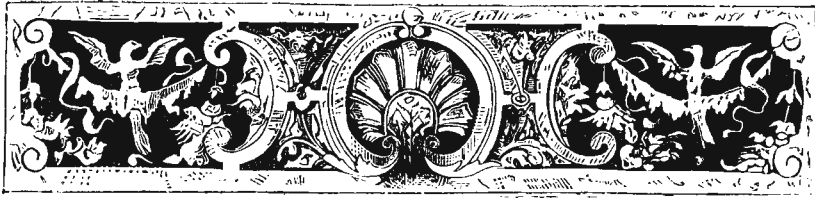
Можетъ быть, это была иронія, но слишкомъ тонкая. И съ этого момента я почувствовалъ къ издателю какое-то непріязненное чувство.

— Замѣйте, отъ Гончарова уже землей пахнетъ,—сказалъ одинъ конторщикъ по уходѣ старика...

Нѣтъ, это ужасно! Хотя я самъ часто сотрудничаю въ иллюстрированныхъ журнальчикахъ, а Гончарову платили бѣшенныя деньги, но если бы можно было не унижаться до сотрудничества въ подобныхъ изданіяхъ!

И. Ясинскій.

ДВѢ НЕВѢСТЫ ПЕТРА II¹⁾.

II.

Княжна Е. А. Долгорукова.

ОРАЗДО опредѣленнѣе и ярче, хотя въ менѣе симпатичныхъ чертахъ, выступаетъ передъ нами образъ второй невѣсты Петра II—княжны Екатерины Алексѣевны Долгоруковой. Впрочемъ, въ судьбѣ ея и Маріи Меншиковой было много общаго.

Обѣ — почти однолѣтки — онѣ стали жертвами честолюбія своихъ родителей, обѣ имѣли суженыхъ по сердцу, которыхъ у нихъ отняли, и, сдѣлавшись по принужденію одна послѣ другой невѣстами императора-отрока, обѣ чувствовали къ нему холодность и съ его стороны не встрѣчали нѣжной привязанности. Наконецъ, обѣ онѣ одинаково безвинно, хотя и по различнымъ причинамъ, испытали и горечь паденія, и страданія оцалы, обѣ и въ Березовѣ побывали.

Княжна Екатерина Алексѣевна родилась въ 1712 году и была второю изъ трехъ дочерей въ большой семьѣ оберъ-гофмейстера, члена верховнаго совѣта и дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова и жены его Прасковьи Юрьевны, урожденной княжны Хилковой. Семья была большая, богатая и знатная, но не изъ благословенныхъ. Человѣкъ «весьма не хитраго ра-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXI, стр. 175.

зума», по отзыву современниковъ, гордый, честолюбивый и лукавый царедворецъ, поклонникъ старины и ненавистникъ иностранцевъ, князь Алексѣй Григорьевичъ у себя дома, въ обращеніи съ дѣтьми былъ избалованнымъ самоуправцемъ и деспотомъ. Безразсудство его въ этомъ отношеніи заходило такъ далеко, что, когда сынъ его Иванъ сталъ фаворитомъ, то отецъ не стыдился ревновать его къ юному императору и даже интриговалъ противъ него. О матери княжны, княгинѣ Прасковѣ Юрьевнѣ, нѣтъ почти никакихъ извѣстій — доказательство, что, по всѣмъ вѣроятіямъ, была она женщина, можетъ быть, и не злая, но смиренная и ничтожная.

Имѣется свѣдѣніе, что княжна Екатерина Алексѣевна провела дѣтство и получила воспитаніе не въ родительскомъ домѣ, даже не въ Россіи, а въ Варшавѣ, у своего дѣда, извѣстнаго русскаго дипломата, бывшаго посланникомъ при польскомъ дворѣ, князя Григорія Федоровича Долгорукова. Не этимъ ли объясняется то, что она, по характеру, во многомъ походя на отца, нисколько, однако, не раздѣляла его пристрастія къ старинѣ и ненависти къ иностранцамъ: напротивъ — къ послѣднимъ, уже ставъ царскою невѣстой, она «относилась съ особымъ уваженіемъ», какъ съ удовольствіемъ засвидѣтельствовалъ въ одномъ изъ своихъ донесеній англійскій резидентъ Рондо. Другой иностранецъ, Гогенгольцъ, изъ частыхъ бесѣдъ съ княжной вывелъ заключеніе, что «она вкусами и наклонностями скорѣе соответствовала западно-европейской цивилизации, нежели чисто русскимъ нравамъ и обычаямъ». Нисколько также не была она, по свидѣтельству графа Вратислава, предубѣждена противъ католицизма, имѣвъ случай въ Варшавѣ познакомиться съ католическими монахинями. Особое расположеніе княжны къ иностранцамъ выразилось, между прочимъ, и въ томъ, что предметомъ ея первой нѣжной дѣвичьей страсти былъ также не русскій. Останавливаемся на этой чертѣ, такъ какъ она не лишена историческаго значенія въ виду того, что забравшіе силу, послѣ паденія Меншикова, князья Долгоруковы съ компаніей представляли собой русскую или, точнѣе, старо-русскую партію, которая стремилась низвергнуть въ правящихъ сферахъ партію нѣмецкую, съ Остерманомъ во главѣ, и враждебно относилась къ нѣмцамъ и ко всему иностранному вообще. Княжна со своими симпатіями къ иностранцамъ была, выходитъ, плохой представительницей своей партіи и ея тенденцій, а это обстоятельство могло бы имѣть немало-важное вліяніе на дальнѣйшія ретроградныя покушенія этой партіи, если бы Петръ II не умеръ и княжна стала императрицей.

Иностранцы, видѣвшіе и лично знавшіе княжну Екатерину Алексѣевну, отзывались объ ея наружности, нравѣ и воспитанности съ большою похвалою.

«Это,—писала о ней, на примѣръ, извѣстная леди Рондо,—хорошенькая особа восемнадцати лѣтъ, обладающая кротостью, сердеч-

ною добротою, благоразуіемъ и привѣтливостію... Братъ нѣмецкаго посланника предметъ ея любви... Она, кажется, очень рада быть въ замужествѣ внѣ своего отечества и оказываетъ иностранцамъ много любезностей». (Тогда еще княжна не была помолвлена съ государемъ).

Могла она нравиться не однимъ иностранцамъ: «имѣла, — какъ изображаетъ ее Бантышъ-Каменскій, — пригожее лицо, множество блеска, пріятностей въ чертахъ, нѣчто обворожительное въ томныхъ, большихъ глазахъ небеснаго цвѣта; была высокаго роста, стройна собою, и съ прелестями красоты и молодости соединяла умъ образованный, кротость, ласковое обращеніе».

Все это, вѣроятно, такъ и было; только вотъ «кротость», «сердечная доброта» и «ласковое обращеніе» княжны Долгоруковой подлежатъ большому сомнѣнію. Напротивъ, позднѣйшіе факты изъ ея жизни свидѣтельствуютъ, что она была очень горда, высокомѣрна и далеко не щедра на ласки и сердечность въ обращеніи съ людьми, которыхъ считала ниже себя ¹⁾. Собственно о воспитаніи ея и степени образованности мы ничего не знаемъ. Остается предположить, соображаясь съ обстоятельствами, что княжна была дѣвушкой свѣтскою, знала иностранные языки или, по крайней мѣрѣ, французскій, умѣла вести салонную бесѣду, хорошо танцевала и вообще стояла на уровнѣ образованія и развитости своихъ сверстницъ— знатныхъ русскихъ дѣвицъ петровской эпохи.

Историческая роль ея начинается съ той минуты, когда, послѣ паденія Меншикова, Долгоруковы, по выраженію Миниха, «совершенно овладѣли императоромъ». Овладѣли они имъ, не только благодаря фавору молодого князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, который сталъ неразлучнымъ любимцемъ Петра и даже, случилось, спалъ съ нимъ на одной постели, но и лицемѣрнымъ потворствомъ, льстивымъ прислужничествомъ всѣмъ прихотямъ, дурнымъ наклонностямъ и дѣтскому своенравію царя-отрока.

Петру стала противною всякая надъ нимъ опека, и онъ терпѣть не могъ, когда ему хотѣли дать понять, что онъ еще не взрослый, а мальчикъ. Даже Остерманъ, котораго онъ продолжалъ уважать, видя, какъ пагубны для него вліяніе Долгоруковыхъ и та безпутная жизнь, въ какую они его вовлекали, напрасно старался образумить его и возвратить къ занятіямъ и государственнымъ дѣламъ. Тронутый на минуту увѣщаніями и совѣтами добраго Андрея Ивановича, царь плакалъ, просилъ не оставлять его, обѣщалъ слу-

¹⁾ Вотъ какъ описываетъ ея характеръ и наружность князь Петръ Долгоруковъ въ своихъ Мемуарахъ: княжна была «высока, прекрасна, стройна, съ тонкой таліей, съ роскошными черными волосами, съ выразительными глазами, полными страсти. Она была не лишена ума, но горда, надменна, заносчива, безсердечна— характера крутаго, энергическаго и недобраго, а позднѣе, въ Березовѣ, ея дурное поведеніе причинило много бѣдствій семьѣ» (томъ I, стр. 295).

паться; но стоило ему свидѣться съ фаворитомъ и попасть въ компанію Долгоруковыхъ, какъ обѣщанія забывались, и все шло по старому: ночныя оргіи, катанье до разсвѣта, продолжительныя отъѣзды на охоту и всякія излишества, поддламывавшія молодой организмъ и деморализовавшія царя-отрока.

Наученные опытомъ Меншикова, вооружившаго противъ себя Петра своею отеческою несговорчивою опекою, Долгоруковы ни въ чемъ по виду не противорѣчили юному государю, пресмыкались передъ нимъ, угождали всѣмъ его прихотямъ и этимъ коварнымъ способомъ вполнѣ подчинили своему вліянію его незрѣлую дѣтскую волю, неощутительно для него самого. Оставалось закрѣпить это вліяніе и тѣмъ, именно, путемъ, заразительный примѣръ котораго далъ тотъ же Меншиковъ, показавъ на опытъ его возможность и осуществимость. Рискъ, такимъ образомъ, былъ обезпеченъ, и ничего новаго, небывалаго изобрѣтать не предстояло надобности.

Подобно Меншикову и слѣдуя его примѣру, хотя и плачевно кончившемуся, Долгоруковы задумали, какъ изъ личныхъ выгодъ, такъ въ интересъ своего знатнаго рода и всей своей «старорусской» партіи, породниться съ царемъ, женивъ его на одной изъ трехъ, бывшихъ тогда на положеніи невѣстъ, дочерей князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова. Послѣдній, поэтому, и былъ болѣе всѣхъ своихъ родичей заинтересованъ въ устройствѣ этого сватовства. Нужно замѣтить, что, несмотря на родство и общность интересовъ, не всѣ Долгоруковы одинаково обольщались этой конъюнктурой. Вообще, ладу между ними не было, даже въ самой семьѣ князя Алексѣя Григорьевича, который, какъ мы знаемъ, ревновалъ къ царскому фавору старшаго своего сына, Ивана, и враждовалъ съ нимъ.

Дружными усиліями низвергнувъ Меншикова и сами достигнувъ власти, родичи, какъ это часто водится, стали завидовать другъ другу, перессорились между собою и въ своей семейной враждѣ раздѣлились на партіи. Одну партію составляли родные братья, князья Алексѣй, Сергѣй и Иванъ Григорьевичи Долгоруковы и ихъ двоюродный братъ—умный, образованный дипломатъ, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ; другую—знаменитый фельдмаршалъ князь Василій и его братъ князь Михайлъ Владиміровичи Долгоруковы, также находившіеся въ близкомъ родствѣ съ первыми. Но эти распри были «дѣла семейныя». Когда шло объ общемъ интересѣ фамиліи и, особенно, когда ея власти и возвышенію угрожали соперники,—Долгоруковы дружно соединялись и ополчались, какъ ополчились они, напримѣръ, противъ Остермана и князей Голицыныхъ. Такимъ же образомъ, прямудушный и честный князь Василій Владиміровичъ, хотя вначалѣ и высказывался противъ замысла женить царя на племянницѣ, но, когда сватовство уже наладилось,—не сталъ ему препятствовать.

Замыселъ началъ приводиться въ исполненіе съ переѣздомъ двора

въ Москву, когда фаворъ Долгоруковыхъ обозначился рѣшительно: князя Алексѣй Григорьевичъ и Василій Лукичъ были назначены членами верховнаго тайнаго совѣта, князь Иванъ Алексѣевичъ сдѣланъ оберъ-камергеромъ. Прежде всего постарались расколдовать царя въ его нѣжной привязанности къ очаровательной теткѣ, цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, тѣмъ болѣе казавшейся опасною для замысла Долгоруковыхъ, что въ Москвѣ опять возникъ было поддерживаемый Остерманомъ проектъ соединенія ихъ бракомъ. Въ этомъ успѣли. Тогда позаботились, отстранивъ всякое стороннее вліяніе на Петра, закружить его въ любимыхъ имъ забавахъ и удовольствіяхъ, сдѣлать для него необходимыми и пріятными свое общество, свою семью, свой домъ и, такимъ образомъ, неощутительно устроить сердечное сближеніе между нимъ и одной изъ хорошенькихъ княженъ, которая, имѣя въ перспективѣ плѣнительный санъ императрицы, должна уже съ своей стороны истощить всѣ чары своихъ прелестей, чтобы довести романъ до желанной развязки. Задача была не особенно трудная, въ виду малолѣтства царя,—и она также въ концѣ концовъ увѣнчалась успѣхомъ. Надъ разрѣшеніемъ ея особенно усердно трудились счастливый отецъ претендентокъ въ царскія невѣсты, князь Алексѣй Григорьевичъ, и руководившій всей этой интригой, въ качествѣ добраго родственника и тонкаго, опытнаго дипломата, князь Василій Лукичъ.

Въ Москвѣ было особенно удобно заняться приведеніемъ въ исполненіе этого хитраго плана. Окрестности Москвы на далекое пространство были тогда богаты лѣсами и отъѣзжими полями, обильными дичью и удобными для охоты. Туда-то и стали сманивать Долгоруковы молодого царя, пользуясь его охотничьей страстью. По пути радушно зазывали его въ свои помѣстья, всего чаще въ Горенки, великолѣпное подмосковное имѣніе князя Алексѣя Григорьевича, гдѣ лѣтомъ проживала вся его семья и гдѣ гостепріимные хозяева задерживали своего царственнаго гостя подолгу, изыскивая, конечно, всѣ способы, чтобы онъ этимъ не тяготился и не скучалъ. Главною, неотразимою приманкой должны были служить, разумѣется, молоденькія княжны, которыя, дѣйствительно, подстрекаемыя и понуждаемыя чадолюбивыми родителями и дядьями, сопровождали государя въ его частыхъ и продолжительныхъ увеселительныхъ странствованіяхъ, участвовали въ его охотахъ и охотничьихъ пирахъ, сколько умѣли, забавляли его своимъ обществомъ, любезничали съ нимъ и кокетничали. Это было похоже на двойную, охоту: Петръ охотился за звѣремъ, а одновременно княжны Долгоруковы охотились за нимъ самимъ. Не добровольно, не по сердцу и не съ особеннымъ удовольствіемъ онѣ эти дѣлали. Не потому только, что Петръ былъ еще мальчикъ—онѣ не по лѣтамъ росъ и мужалъ,—что онѣ одичалъ, былъ грубъ въ манерахъ и своенравенъ, что онѣ просто не нравился, да и съ своей стороны не обнаруживалъ боль-

шой нѣжности, но и потому, что въ перспективѣ попасть въ царскія невѣсты таилось много зловѣщаго и опаснаго. Несчастнѣйшій примѣръ княжны Меншиковой произошелъ на глазахъ у всѣхъ и былъ еще очень свѣжъ въ памяти. Между высокою честью назваться государевой невѣстой и безвинною ссылкой въ Березовъ оказывался такой коротенькій шагъ.

Менѣе всего, казалось, могла обольщаться этою рискованною перспективой княжна Екатерина Алексѣевна, такъ какъ у нея уже былъ избранникъ по сердцу—молодой, элегантенъ и знатный иностранецъ, графъ Миллезимо, секретарь австрійскаго посольства въ Петербургѣ и родственникъ цесарскаго посла графа Вратислава ¹⁾. Молодые люди познакомились въ домѣ голландскаго резидента и, часто встрѣчаясь въ свѣтѣ, взаимно полюбили другъ друга, графъ сталъ бывать въ домѣ княжны, и его исканія были приняты вначалѣ, повидимому, благосклонно ея родителями. По крайней мѣрѣ, леди Рондо утверждаетъ, что сватовство это было уже улажено: женихъ и невѣста «ожидали только, по ея словамъ, исполненія нѣкоторыхъ формальностей, необходимыхъ въ этой странѣ, для того, чтобы стать счастливыми». Въ ихъ счастіи леди была увѣрена, такъ какъ княжна рада была выйти за иностранца, «сильно любила своего жениха и взаимно имъ была любима».

Извѣстіе это сообщалось въ письмѣ Рондо отъ 4-го ноября 1729 г. ²⁾, когда она лично встрѣтилась на вечерѣ у польско-саксонскаго посланника Лефорта съ княжной Екатериной Алексѣевной, которая, подобно ей, не принимала участія въ затѣянной на вечерѣ

¹⁾ Бантышъ-Каменскій, скептически относившійся къ письмамъ леди Рондо и не знавшій другихъ, позднѣе явившихся въ свѣтъ, извѣстій, отрицаетъ, на основаніи ошибочнаго сличенія датъ, любовь княжны Долгоруковой и графа Миллезимо. Ссылаясь на записки Миллера, онъ утверждаетъ, что «за нѣсколько еще лѣтъ до помолвки своей (съ царемъ) княжна Екатерина, съ согласія родителей, любила предназначеннаго ей жениха, князя Юрія Юрьевича Долгорукова, капитана гвардіи, красиваго собой. Чувствуя нѣжную страсть къ сему дальнему родственнику, она умѣла однако-жъ скрыть отъ юнаго государя снѣдавшую ее любовь». «Князь Юрій Юрьевичъ женился потомъ на родной сестрѣ княжны Екатерины». Извѣстіе это явно неосновательное и произошло отъ смѣшенія двухъ сестеръ, князень Долгоруковыхъ, и ихъ романовъ. Дѣйствительно, какъ увидимъ ниже, князь Ю. Ю. Долгоруковъ женился на княжнѣ Еленѣ Алексѣевнѣ, но это случилось уже тогда, когда Долгоруковы, взысканные милостію императрицы Елисаветы, были возвращены изъ Сибири, и княжна Екатерина Алексѣевна была свободна, какъ невѣста, слѣдовательно, не представлялось никакихъ болѣе препятствій для ея брака съ любимымъ и любящимъ княземъ Юріемъ. И вдругъ онъ женился не на ней, а на ея сестрѣ—какъ же это объяснить?»

²⁾ Въ изданіи «Писемъ леди Рондо» въ русскомъ переводѣ (1874 г.) письмо это и слѣдующее, отъ 20-го декабря, гдѣ говорится о помолвкѣ Петра II съ княжной Долгоруковой, помѣнены 1730 годомъ. Это очевидная невѣрность и просто описка. 18-го января 1730 года Петра уже не стало; событія же, которыя въ этихъ письмахъ описаны, произошли въ 1729 году.

карточной игрѣ, «по той же ли непонятливости, какъ моя, — замѣчаетъ леди, — или оттого, что ея сердце было наполнено нѣжною страстью».

Является, однако, сильное сомнѣніе, чтобы въ ноябрѣ означеннаго года дѣло стояло именно такъ, какъ изображаетъ его Рондо. Не ошиблась ли она въ датахъ? Начать съ того, что едва ли она могла встрѣтить за «нѣсколько дней» до 4-го ноября, какъ пишетъ, княжну Екатерину Алексѣевну на вечерѣ у Лефорта, такъ какъ все это время, начиная съ сентября, государь и неразлучно сопровождавшіе его Долгоруковы не находились въ Москвѣ. Даже торжество дня рожденія Петра (23-го октября) было справлено въ его отсутствіе. Еще болѣе сомнительно, чтобы въ эту самую пору бракъ княжны съ Миллезимо былъ дѣломъ будто бы порѣшеннымъ, и вся остановка для ихъ счастья заключалась лишь въ «исполненіи нѣкоторыхъ формальностей». Какъ разъ тогда, именно, князь А. Г. Долгоруковъ менѣе всего могъ обольщаться сватовствомъ Миллезимо, потому что слаживалась болѣе блестящая партія для его дочери — и въ томъ же ноябрѣ Петръ II формально объявилъ о своемъ вступленіи въ бракъ съ княжной Екатериной Алексѣевной. Рѣшеніе это не было внезапною неожиданностью. «Я былъ твердо увѣренъ, — писалъ испанскій посолъ дюкъ-де-Лирія, — что Долгоруковы скоро успѣютъ въ своемъ намѣреніи, и положительно донесъ королю, что по возвращеніи царя въ Москву будетъ объявлено объ его бракосочетаніи съ одною изъ княженъ Долгоруковыхъ». Правда, дюкъ выставляется со своей проникательностью, будто онъ одинъ отгадалъ предстоящую помолвку, тогда какъ «графъ Вратиславъ и другіе чужестранные министры не хотѣли этому вѣрить, потому что самъ Остерманъ сказалъ имъ, что этому не бывать»; однако, онъ тутъ же добавляетъ, что о возможности брака царя съ Долгоруковой въ Москвѣ говорили въ то время всѣ.

Увѣренность въ своемъ предсказаніи де-Лирія почерпнулъ въ томъ обстоятельстве, что князь Алексѣй Долгоруковъ тогда всячески задерживалъ возвращеніе царя въ Москву, такъ какъ, по его словамъ, «былъ занятъ только мыслию выдать одну изъ дочерей своихъ за государя и боялся, что въ Москвѣ кто либо изъ враговъ помѣшаетъ ему въ этомъ».

Все это, дѣйствительно, такъ и было, какъ подтвердили вскорѣ факты; но потому-то весьма сомнительно, чтобы леди Рондо могла встрѣтить княжну Екатерину Алексѣевну въ концѣ октября или въ началѣ ноября въ Москвѣ, на вечерѣ у Лефорта, и въ особенности, чтобы бракъ княжны съ Миллезимо былъ тогда дѣломъ не только статочнымъ, но и рѣшеннымъ съ вѣдома и согласія ея отца.

Князь Алексѣй Григорьевичъ, который могъ считать графа Миллезимо приличною для своей дочери партіей лишь до той поры, пока его не попутало честолюбивое вождѣлвіе видѣть ее за императо-

ромъ, давно уже неодобрительно относился къ исканіямъ графа и, въ опасеніи, чтобы взаимная нѣжная склонность между послѣднимъ и княжной Екатериной Алексѣевной не помѣшала его планамъ, всячески старался, какъ говорится, отвадить молодого дипломата.

Съ этою цѣлью князь еще въ апрѣлѣ того же 1729 года устроилъ, съ отличавшимъ его злостнымъ коварствомъ, очень крупную неприятность графу Миллезимо. Проѣзжая, по пути на подмосковную дачу къ графу Вратиславу, мимо императорскаго дворца, Миллезимо имѣлъ неосторожность сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ. Вдругъ его хватаютъ гренадеры: «Запрещено,—говорятъ,—здѣсь стрѣлять и велѣно задерживать всякаго, невзирая на знатность», вытаскиваютъ изъ экипажа, ведутъ по грязи съ насмѣшками и бранью, на виду у выскочившихъ съ дворцовой гауптвахты офицеровъ и солдатъ, и приводятъ къ князю А. Г. Долгорукову. Князь стоялъ на крыльцѣ и прикинулся удивленнымъ сценою, которую самъ же устроилъ.

— Очень жалѣю, графъ, что вы запутались въ эту исторію, но съ вами поступлено такъ по волѣ государя,—сказалъ онъ холодно на жалобы оскорбленнаго Миллезимо, не здороваясь съ нимъ и не приглашая къ себѣ въ домъ.

На оправданія графа, что онъ ничего не знаетъ о запрещеніи, князь пренебрежительно отвѣтилъ:

— Мнѣ нечего толковать съ вами, можете отправляться къ вашей Божьей матери!—и съ этими словами повернулся къ нему спиною и вошелъ въ домъ.

Инцидентъ этотъ надѣлалъ большого шума. За оскорбленнаго Миллезимо вступился весь дипломатическій корпусъ. Пришлось официально извиняться и наказать гренадеровъ за непочтительное обхожденіе съ секретаремъ австрійскаго посольства,—на нихъ взвалили всю вину. У Миллезимо лично просилъ извиненія князь Иванъ Алексѣевичъ, а его отецъ, чрезъ бригадира, завѣдывавшаго дворцовыми гренадерами, выразилъ сожалѣніе о неприятномъ случаѣ графу Вратиславу.

Все это, конечно, не могло охладить страсти молодыхъ людей, но описанный случай ясно доказываетъ, что князь Алексѣй Григорьевичъ былъ въ это время противъ ихъ брака и не брезгалъ никакими средствами, чтобы закрыть двери своего дома для Миллезимо и понудить его прекратить свои исканія. За одно съ нимъ былъ въ этомъ вопросѣ и его сынъ, князь Иванъ Алексѣевичъ, фаворитъ, который, по свидѣтельству Лефорта, какъ-то выразился, что онъ «скорѣе убьетъ свою сестру, чѣмъ допустить ея бракъ съ Миллезимо». Предугадывали ли они, или имѣли уже основанія полагать, что выборъ царственнаго жениха падетъ именно на княжну Екатерину Алексѣевну,—но, во всякомъ случаѣ, какъ чадолюбивый родитель и опытный царедворецъ, князь Алексѣй Григорьевичъ дол-

женъ былъ заранѣе устранить всякія сомнѣнія и помѣхи для такого выбора¹⁾. Тутъ былъ прямой и очень простой расчетъ.

Есть указанія, что Долгоруковы задолго опредѣлили и подстроили этотъ выборъ всѣми способами куртизанства потому ли, что княжна Екатерина Алексѣевна болѣе своихъ сестеръ нравилась Петру, довольно, впрочемъ, равнодушному ко всѣмъ имъ, или потому, что сами Долгоруковы находили ее болѣе достойною стать императрицей и болѣе способною поддержать ихъ фамиліные интересы,—неизвѣстно, но только во все время интриги по уловленію молодого царя въ матримоніальныя сѣти мы ее видимъ на первомъ планѣ. Отецъ, братъ и вся родня княжны такъ устроивали, что она всюду, на охотѣ, во время прогулокъ, на пирахъ, была постоянно на глазахъ и вблизи императора-отрока. Въ Горенкахъ, куда его часто завозили Долгоруковы, въ долгіе осенніе вечера сближеніе шло еще легче и натуральнѣе. Садясь за столъ, государь непремѣнно находилъ воцѣлѣ себя княжну Екатерину Алексѣевну; когда затѣвались игры въ карты или въ фанты, всегда такъ случалось, словно бы ненарокомъ, что они оказывались объ руку, другъ воцѣлѣ друга; такъ же, казалось, непредвидѣнно они оставлялись одни, то какъ бы нечаянно сталкивались съ глазу-на-глазъ въ отдаленныхъ покояхъ, въ сумеркахъ, въ располагающей къ интимности обстановкѣ.

Какъ ни любила княжна графа Миллезимо и какъ ни тяжела была для нея роль кокетливой сирены по уловленію Петра, тѣмъ не менѣе, зная ея надменный, честолюбивый характеръ, нельзя допустить, чтобы она играла эту роль по одному только принужденію, за неволю лишь и изъ-за страха родителей. Несомнѣнно, на нее не менѣе вліяли подстрекательства самолюбія, обольщенія воображенія императорской порфирой, перспективой царской власти и величія. Наконецъ, необыкновенно гордая своей родовитостью, она могла рѣшиться пожертвовать своимъ сердцемъ и ради своей фамиліи, ради вѣщаго ея возвышенія и преуспѣянія. Не даромъ же дядя княжны, Василій Лукичъ, особенно старавшійся объ ея сватаньи царю, былъ старый, искушенный дипломатъ, чтобы не затронуть въ ней всѣ эти струны и не повліять на нее своими внушеніями.

Въ сентябрѣ, Петръ, въ сопровожденіи Долгоруковыхъ, предпри-

¹⁾ Резидентъ Гогенгольцъ въ своемъ конфиденціальномъ донесеніи въ Вѣну даетъ весьма обстоятельныя свѣдѣнія по этому вопросу. «Миллезимо, — писалъ онъ, — до проекта брака Петра со старшею (т. е., со среднею) дочерью кн. Алексѣя Долгорукова, часто видѣлся съ княжною не безъ вѣдома ея родителей. Я узналъ случайно нѣкоторыя подробности этого дѣла. Княжна, помня несчастную судьбу княжны Меншиковой и любя графа Миллезимо, сначала отказывалась вступить въ бракъ съ царемъ. Этими она возбудила раздраженіе отца, который видѣлъ, что царь предпочитаетъ старшую княжну младшей, и хотѣлъ непремѣнно обезпечить путемъ брака царя съ дочерью положеніе своего рода». (См. «Русскій дворъ при Петрѣ II», Брикнера, «Вѣсти. Евр.», 1896 г., кн. 3).

нялъ дальнюю и продолжительную охотничью экскурсію. Въ его огромномъ поѣздѣ вели 200 гончихъ и 420 борзыхъ собакъ. Въ короткое время затравили 4.000 зайцевъ, 50 лисицъ, 5 волковъ, 3 медвѣдя, не считая другой дичины. Замѣчено, однако, было, что царь, вообще быстро мужавшій, нѣсколько какъ бы поостылъ въ охотничьей страсти. Когда на пиру кто-то изъ придворныхъ льстецовъ поставилъ въ особый ему подвигъ такую массу затравленного звѣрья, Петръ иронически отвѣтилъ:

— Я еще лучшую дичь затравилъ: веду съ собой четырехъ двуногихъ собакъ!

Презрительная двусмыслица относилась къ Долгоруковымъ — женѣ князя Алексѣя Григорьевича и ея тремъ дочерямъ, забѣганье которыхъ, угодничество и искательство временами тяготили царя, и онъ не церемонился имъ это выражать въ довольно иногда рѣзкой формѣ. Разъ играли въ фанты, и было положено, что тотъ, кто выиграетъ, получитъ право поцѣловать одну изъ княженъ, для которой въ этомъ заключался какъ бы проигрышъ. Разумѣется, выигравшимъ оказался царь, но онъ не только не воспользовался правомъ на поцѣлуй, но бросилъ игру и ушелъ.

Въ виду такихъ вловѣщихъ выходовъ, надо было спѣшить дѣйствовать болѣе рѣшительно и связать Петра такимъ образомъ, чтобы онъ самъ пришелъ къ мысли объ обязательной необходимости кончить бракомъ. Довести интригу до такой развязки выпало на долю княжны Екатерины Алексѣевны. Дѣло происходило въ Горенкахъ и такимъ образомъ, какъ рассказываетъ князь П. Долгоруковъ въ своихъ мемуарахъ: «въ сентябрѣ мѣсяцѣ, послѣ охоты и слѣдовавшаго за ней, обильнаго яствами и возліяніями, ужина, устроили такъ, что княжна Екатерина и юный императоръ остались tête-à-tête... Петръ II поступилъ согласно требованіямъ чести: онъ рѣшилъ жениться на молодой дѣвушкѣ... Предположенный бракъ получилъ широкую огласку»¹⁾.

Если это точно случилось и еще въ сентябрѣ, то не здѣсь ли разгадка грубоватой двусмыслицы о «затравленной дичи, лучшей»,

¹⁾ «Memoires du prince Pierre Dolgoroukow», t. I, p. 296. Авторъ мемуаровъ утверждаетъ далѣе, что послѣдствіемъ этого tête-à-tête была беременность княжны Екатерины Алексѣевны, отъ которой она преждевременно разрѣшилась выкидышемъ въ апрѣль 1730 г. Фактъ этотъ подтверждаетъ и Лефортъ, сообщавшій о немъ въ своемъ донесеніи отъ 6 (17) апрѣля, но съ существеннымъ разногласіемъ: во-первыхъ, что роды княжны были благополучные и, во-вторыхъ, что отцемъ рожденной ею дѣвочки былъ кавалергардъ, нѣкто Миктеровъ (Mictérow). П. Долгоруковъ убѣдительно доказываетъ ошибочность показанія Лефорта. Настаивалъ на томъ, что виновникомъ беременности былъ Петръ II, онъ говоритъ: «княжна Екатерина не изъ добродѣтели, а по высокоумію и гордости не снизошла бы въ эту пору своей жизни до благосклонности къ какому-то Миктерову. При томъ, ея отецъ и братъ очень хорошо знали, чему они подвергались, если бы обнаружилось, что у императора, когда онъ женился бы на княжнѣ, былъ предшественникъ».

чѣмъ зайцы, также, вѣроятно, сорвавшейся съ усть подѣ дѣйствиємъ обильныхъ затрапезныхъ возліаній?

День своего рожденія царь отпраздновалъ въ Тулѣ баломъ, на которомъ среди дамъ блистали Долгоруковы и царица княжна Екатерина Алексѣевна, уже всѣми провозглашаемая избранною царскою невѣстой. О разгласкѣ такой сильно старались, конечно, родители и родственники княжны, хотя неизвѣстно, далъ ли имъ уже тогда право на то Петръ формальнымъ предложеніемъ? Вѣроятно, что нибудь въ этомъ родѣ было имъ сдѣлано пока неофициально, въ семьѣ, среди своихъ, потому что въ ноябрѣ стали готовиться въ Москвѣ къ предстоящему придворному торжеству, не объявляя, къ какому именно, что служило поводомъ къ всевозможнымъ городскимъ толкамъ и догадкамъ.

Тайна вскорѣ разъяснилась. Въ первой половинѣ ноября¹⁾ Петръ возвратился въ Москву и остановился въ Лефортовскомъ дворцѣ, а чрезъ нѣсколько дней, 19 ноября, созвалъ верховный тайный совѣтъ, духовныхъ іерарховъ и весь генералитетъ, и объявилъ, что намѣренъ вступить въ бракъ съ дочерью князя Алексѣя Григорьевича Долгорукова, княжной Екатериною.

Заявленіе это, хотя къ нему всѣ были подготовлены, произвело неблагоприятное впечатлѣніе. Конечно, никто царю не посмѣлъ возражать — всѣ склонились передъ его волей; но между собой потихоньку роптали на Долгоруковыхъ и осуждали ихъ за то, что они поспѣшили связать съ своей фамиліей юнаго государя, пользуясь его слабоволіемъ. Даже люди, расположенные къ Долгоруковымъ, говорили:

— Шагъ смѣлый, да опасный. Царь молодъ, но скоро выростетъ; тогда пойметъ многое, чего теперъ не домекаетъ.

По виду, однако, всѣ выражали радость. «Если судить о счастья и довольствѣ по проявленію ихъ на лицахъ, — писалъ одинъ наблюдательный иностранецъ, — выборъ государя принять его подданными съ большою радостью; всѣ единогласно разсыпаются въ похвалахъ княжнѣ». Послѣ заявленія царя, собравшіеся сановники поздравили его и цѣловали руку, а потомъ съ тѣмъ же отправились къ княжнѣ-невѣстѣ, которая расположилась вмѣстѣ съ семействомъ въ императорскомъ Головинскомъ дворцѣ. 24-го ноября, въ день св. великомученицы Екатерины, княжна, уже титудуемая ея высочествомъ государыней невѣстой, праздновала свои именины, и у ней опять перебивалась вся знать съ поздравленіемъ; пріѣзжали поздравлять и иностранные посланники, и княжна, какъ доносилъ англійскій резидентъ Рондо, «принимала ихъ съ большимъ достоинствомъ, вы-

¹⁾ Именно, 9-го ноября, по свѣдѣніямъ князя П. Долгорукова, найденнымъ имъ въ бумагахъ своего дѣда.

слушивала ихъ поздравленія, но не отвѣчала». 30-го ноября состоялась торжественная церемонія обрученія.

Церемонія происходила въ Лефортовскомъ дворцѣ съ большою пышностью. За день до нея развѣзжали чины двора съ приглашеніями. Вдовствующую царицу Евдокію Теодоровну, бабу государя, и другихъ высочайшихъ особъ ѣздилъ звать гофмаршалъ Шепелевъ. Членовъ верховнаго тайнаго совѣта и другихъ сановниковъ, а также иностранныхъ министровъ и пословъ съ ихъ семействами приглашали церемоніймейстеры, камергеры и камеръ-юнкеры. Родные и близкіе невѣсты, для препровожденія ея изъ Головинскаго дворца, были званы черезъ шталмейстера, князя А. Г. Долгорукова.

Съѣздъ во дворецъ состоялся въ два часа дня. «Дамы были введены, — говорится въ современномъ описаніи, — въ апартаменты большой залы и стали по правую руку, а кавалерамъ указаны антикамеры его величества». Посреди большого зала, назначеннаго для совершенія обряда, «лежалъ большой персидскій шелковый подножный коверъ, на верхнемъ концѣ котораго стоялъ четвероугольный столикъ, покрытый золотою парчею, а на немъ лежалъ ковчегъ, въ которомъ былъ св. крестъ; тутъ же были поставлены двѣ золотыя тарелки, на которыхъ обручальные перстни благословлены быть имѣли». У стола «держали за штаны шесть генераль-майоровъ (кн. Барятинскій, Венедигеръ, Бибиковъ, Измаиловъ, Кейтъ и московскій оберъ-комендантъ Еропкинъ) изрядный, по серебряной парчѣ золотомъ богато вышитый, балдахинъ, подъ которымъ императорское обрученіе отправляться имѣло. По правую сторону лежалъ такой же долгій коверъ, на которомъ его величества креслы стояли, а болѣе студевъ на сей сторонѣ не было». По лѣвую сторону, также на коврѣ, «стояли въ рядъ два зеленыя бархатныя, золотомъ вышитыя кресла, и четыре также вышитыя стула, но сіи послѣдніе немного назадъ отодвинуты были». Кресла назначались для государыни бабки и для ея высочества императорской принцессы-невѣсты, а стулья для принцессы Елисаветы и Парасковіи, для герцогини Мекленбургской и ея дочери. Нѣсколько подалѣе стояли еще рядами стулья «для ихъ свѣтлостей: принцессиною матери (т. е., княгини Долгоруковой), принцессиныхъ сестеръ, сродственницъ принцессы и другихъ дамъ».

«А когда всѣ ко двору съѣхались, — продолжаетъ современный хроникеръ, — тогда поднялся его свѣтлость оберъ-камергеръ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, оной принцессы-невѣсты братъ, къ сей церемоніи учрежденный принципальный комиссаръ, со свитой камергеровъ и императорскихъ знатныхъ каретъ и служителей, въ Головинскій дворецъ для препровожденія императорской принцессы-невѣсты къ сему торжеству». Прибывъ туда, онъ «объявилъ причину своей присылки, при томъ просилъ принцессу къ походу

и, сведши ее въ низъ, проводилъ до кареты, а самъ былъ въ своей каретѣ».

Москва давно не видала такого пышнаго зрѣлища, какое представлялось ей глазамъ. «Походъ» открывали двѣ императорскія кареты цугомъ съ камергерами, за ними слѣдовалъ въ отдѣльной каретѣ оберъ-камергеръ, далѣе шли четыре императорскихъ скорохода, ѣхали два придворныхъ фурьера верхомъ, императорскій шталмейстеръ Кошелевъ верхомъ, сопровождаемый 8-мью верховыми «ея высочества гвардіи гренадерами» (т. е. кавалергардами), четыре императорскихъ «постильона», затѣмъ слѣдовала великолѣпная карета цугомъ въ восемь лошадей, «опредѣленная для привезенія ея императорскаго высочества принцессы-невѣсты» и въ которой, кромѣ нея, сидѣли ея мать и сестры; напереди экипажа стояли четыре императорскіе пажы, назади ѣхалъ камеръ-пажъ верхомъ, по бокамъ шли гайдуки и лакеи, «всѣ въ уборной ливреѣ». «Походъ» замыкался длиннымъ рядомъ каретъ съ «принцессами Долгоруковой фамиліи такимъ образомъ, что ближайшіе сродники передъ взяли», и съ дамами свиты высоконазначенной невѣсты, а «напослѣдокъ», для большей пышности, шли «порожнія кареты». Во дворцѣ былъ разставленъ сколько для почета, столько же и для охраны, на всякій случай, батальонъ гренадеръ съ заряженными ружьями.

Сохранилось извѣстіе, что при въѣздѣ во дворецъ Лефортовскаго дворца съ экипажемъ невѣсты произошло непріятное приключеніе, которое суевѣрно было принято за дурное предзнаменованіе. Когда карета въѣзжала въ дворцовыя ворота, то украшавшая ея крышку раззолоченная корона задѣла за перекладину воротъ, сорвалась, упала наземъ и разбилась вдребезги.

— Худая примѣта: свадьбѣ не бывать!—заговорили въ народѣ, толпившемся передъ дворцомъ ¹⁾.

При приближеніи поѣзда невѣсты, гофмаршалъ и оберъ-церемоніймейстеръ съ жезлами пригласили высочайшихъ особъ и дамъ занять мѣста въ «обручальной палатѣ», а сами пошли въ низъ для пріема принцессы-невѣсты. Послѣднюю принялъ изъ кареты и повелъ въ верхъ «принципальный комиссаръ», кн. Иванъ Долгоруковъ, причемъ «вахта подняла ружье на караулъ безъ барабаннаго боя».

Сотни любопытныхъ, завистливыхъ и недобрыхъ глазъ устремились на невѣсту, когда она вступила подъ руку съ братомъ въ залу, гдѣ уже всѣ приглашенные были въ сборѣ. Находившаяся

¹⁾ Такъ рассказано это приключеніе въ мемуарахъ кн. П. Долгорукова, пользовавшагося семейными преданіями. У Карабанова оно записано совсѣмъ иначе: упала и разбилась не корона на каретѣ невѣсты, а «превеликій двуглавый орелъ съ тяжелой короной», поставленный на воротахъ съ «приличными аллегорическими изображеніями», для предстоящей иллюминаціи. Въ обѣихъ версияхъ общее только то, что это случилось при въѣздѣ кареты невѣсты.

въ ихъ числѣ леди Рондо такъ описала наружность и нарядъ княжны: «Прекрасная жертва,—говоритъ она,—была одѣта въ платьѣ изъ серебряной ткани, плотно обхватывающее ея станъ, волосы, расчесанные въ четыре косы, убранные множествомъ алмазовъ, падали внизъ, маленькая корона вѣнчала голову, длинный шлейфъ ея платья не былъ несенъ. Княжна имѣла видъ скромный, но задумчивый и лице блѣдное».

«И какъ скоро она изволила войти въ залу,—продолжаетъ русскій хроникеръ,—то учиненъ избранный концертъ въ оркестрѣ, въ которое время» гофмаршалъ, оберъ-камергеръ и оберъ-церемоніймейстеръ съ другими чинами двора пошли въ покои государя «для приведенія онаго также въ то собраніе» (это достовѣрнѣе, чѣмъ разсказъ Рондо, что императоръ встрѣтилъ невѣсту при ея входѣ и самъ проводилъ ее до кресла).

Петръ вошелъ въ сопровожденіи кн. А. Г. Долгорукова, всѣхъ «верховниковъ», первыхъ чиновъ двора и генералитета. «Онъ,—набросала его портретъ леди Рондо,—высокаго роста и очень полонъ для своего возраста, бѣлъ, но очень загорѣлъ на охотѣ, черты лица хороши, но взглядъ пасмуренъ, и хотя онъ молодъ и красивъ, въ немъ нѣтъ ничего привлекательнаго или пріятнаго. Платье на немъ было свѣтлаго цвѣта, вышитое серебромъ».

Когда государь остановился у своего кресла, музыка перестала играть, и началась церемонія обрученія. Женихъ и невѣста встали подъ балдахинъ. Обрядъ совершалъ архіепископъ новгородскій Феоданъ Прокоповичъ съ духовенствомъ: прочелъ молитву, благословилъ обручальные перстни, «а послѣ, паки подошедъ, обмѣненные перстни вручилъ, по чемъ пѣніе учинено и нѣкоторыя молитвы чтены».

По окончаніи обряда, обрученные подошли къ государынѣ-бабѣ, которая ихъ обняла и благословила, а потомъ были «препровождены» къ ихъ мѣстамъ и стали принимать поздравленія съ цѣлованіемъ рукъ, «въ которомъ времени били въ литавры и троекратная пушечная пальба учинена». Къ рукъ подходили по чинамъ, начиная съ высочайшихъ особъ. Легко понять, съ какими чувствами вынуждены были цѣловать руку у княжны Долгоруковой принцессы царской крови, въ особенности же цесаревна Елисавета Петровна, которую самой прочили въ жены молодому императору. Чувства должны были быть тѣмъ непріятнѣе, что новообрученная невѣста во все время этой церемоніи, какъ передаетъ князь П. Долгоруковъ, показывала, сколько неприличный, столько же и неполитичный видъ высокоумія и презрѣнія, смѣшанныхъ съ выраженіемъ утомленія и скуки. Между тѣмъ нѣкоторые изъ поздравлявшихъ высказывали свое привѣтствіе довольно краснорѣчиво.

Такъ, князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ, бывший вначалѣ противъ этого брака, обратясь къ невѣстѣ, сказалъ:

— Вчера я былъ твой дядя, нынче ты мнѣ государыня, а я тебѣ вѣрный слуга. Даю тебѣ совѣтъ: смотри на твоего августѣйшаго супруга, не какъ на супруга только, но какъ на государя, и занимайся только тѣмъ, что можетъ быть ему пріятно. Твой родъ многочисленъ и, слава Богу, очень богатъ, члены его занимаютъ хорошія мѣста, и если тебя станутъ просить о милости для когонибудь, хлопочи не въ пользу имени, а въ пользу заслугъ и добродѣтели. Это будетъ настоящее средство быть счастливою, чего я тебѣ и желаю.

Сказавъ небольшую, но весьма выразительную рѣчь невѣстѣ на французскомъ языкѣ и датскій посланникъ Вестфаленъ, у котораго, какъ мы знаемъ, были свои основанія, въ интересахъ Дани, сочувствовать этому браку, устранявшему голштинское вліяніе на русскую политику.

— Съ сердцемъ, полнымъ истинной и искренней радости, пришелъ я,—сказавъ онъ,—поздравить васъ съ избраніемъ вашей преславной и всесовершенной особы его величествомъ себѣ въ супруги. Здравствуйте, государыня, будьте счастливы и даруйте российскому престолу столько наслѣдниковъ, чтобы никогда иноземный родъ не могъ имѣть на него никакихъ притязаній!

Рѣчь эта очень пришлась по сердцу старо-русской партіи.

Неизвѣстно, откуда взяла леди Рондо, что прежде цѣлованія рукъ «государь назначилъ кавалеровъ и далъ ко двору своей невѣсты и изъявилъ желаніе, чтобы они тотчасъ же вступили въ исполненіе своихъ обязанностей», а когда, затѣмъ, «началось цѣлованіе руки княжны, то женихъ держалъ ее правую руку, давая ее цѣловать каждому подходящему»? Ничего этого нѣтъ въ другихъ извѣстіяхъ, да такъ это не дѣлалось и не могло дѣлаться по правиламъ этикета. Вѣроятно, руку княжны поддерживалъ, по церемоніалу, ктонибудь изъ придворныхъ. Отсюда возникаетъ сомнѣніе и относительно той драматической сцены, которая, по разсказу сентиментальной леди, произошла во время цѣлованія руки княжны.

«Къ великому удивленію всѣхъ,—пишетъ она,—подошелъ несчастный покинутый юноша (графъ Миллезимо); до тѣхъ поръ княжна сидѣла съ опущенными глазами, но тутъ быстро поднялась, вырвала свою руку изъ рукъ императора и дала ее поцѣловать своему возлюбленному, при чемъ тысяча чувствъ изобразилась на ея лицѣ. Петръ покраснѣлъ, но толпа подошедшихъ къ рукѣ отгѣснила молодого человѣка, а друзья нашли случай удалить его изъ залы, посадить въ сани и поскорѣе вывезти изъ города». Нельзя не замѣтить, что объ этой сценѣ ни однимъ словомъ не обмолвился въ своемъ донесеніи мужъ леди Рондо. Ничего не говорить о ней и болѣе подробно описавшій церемонію обрученія дюкъ де-Лирія, который, согласно съ цитированнымъ здѣсь русскимъ очевидцемъ, удостовѣряетъ, что во время поздравленія и цѣлованія рукъ обру-

ченныя сидѣли на своихъ мѣстахъ, т. е. порознь, слѣдовательно княжна не могла вырывать своей руки изъ рукъ государя. По замѣчанію дюка, Петръ «дѣлалъ все какъ-то равнодушно, не смотрѣлъ въ лицо невѣстѣ и не показалъ ни малѣйшаго признака любви къ ней».

Несомнѣнно, однако, что Миллезимо здѣсь присутствовалъ въ числѣ приглашенныхъ, вѣроятно, къ рукѣ княжны демонстративно подходилъ, и возможно, что въ самой княжнѣ прорвалось въ эту минуту подавленное къ нему чувство, и это было замѣчено. Особенно должна была встревожить эта сцена отца невѣсты, князя А. Г. Долгорукова, и онъ тотчасъ же употребилъ всѣ зависѣвшія отъ него мѣры къ скорѣйшему удаленію опаснаго молодого чело-вѣка. Это ему удалось тѣмъ легче, что поведеніе Миллезимо встревожило и его родственника и начальника, австрійскаго посла, графа Вратислава. Достоверно во всякомъ случаѣ, что, спустя нѣсколько дней послѣ царскаго обрученія, Вратиславъ отправилъ графа Миллезимо въ Вѣну съ донесеніемъ о важномъ событіи, совершившемся при русскомъ дворѣ. Это, однако, не совсѣмъ легко было сдѣлать, такъ какъ Миллезимо запутался въ долгахъ, и кредиторы не хотѣли его отпустить. Графу Вратиславу стоило большого труда уговорить ихъ удовольствоваться до поры до времени векселями.

Послѣ поздравленія и цѣлованія рукъ «его величество,—читаемъ далѣе въ русскомъ описаніи обрученія,—изволилъ церемоніально повести принцессу-невѣсту за руку въ свои апартаменты, а за ними послѣдовали: императрица государыня-бабка, императорскія принцессы» и прочіе гости. Тогда по сигналу были зажжены фейерверкъ и иллюминація, которые «были зѣло изрядно устроены и предивный видъ казали».

По окончаніи фейерверка, начался балъ, на которомъ оставалась, несмотря на свой иноческій нарядъ, и государыня-бабка «для показанія сердечнаго своего удовольствія». Дѣйствительно, она была рада свадьбѣ внука и привѣтливо относилась къ княжнѣ невѣстѣ, трудно только сказать—въ какой степени искренно. На балу не было общаго стола, а были устроены только буфеты, у которыхъ гости, «по соизволенію, кушали». Балъ кончился ранѣе обыкновеннаго. Во все время его княжна-невѣста была разсѣяна, грустна и сидѣла съ опущенными глазами. Видно, не радостно было у нея на душѣ. Отвезли ее назадъ въ Головинскій дворецъ въ томъ же порядкѣ, но еще съ большей торжественностью. Теперь она возвращалась въ своей парадной каретѣ уже одна и при ея «походѣ отъ гвардіи били барабаны».

Все заставляло Долгоруковыхъ торопиться свадьбой, но на ихъ несчастье шелъ Рождественскій постъ, за нимъ наступали святки и раньше, какъ послѣ Крещенія, нельзя было совершить бракосочетанія. На томъ и порѣшили: свадьба была назначена на 19-е ян-

варя 1730 г., а пока стали дѣлать «большія къ ней приготовленія,— какъ доносилъ Рондо:—знать и придворные старались превзойти другъ друга великолѣпьемъ». Въ то же время, чтобы разсѣять царя и больше сблизить его съ невѣстой, а также занять все общество и заставить его веселиться, устраивали чуть не повседневно пиры и празднества. Москва приняла праздничный видъ, но далеко не празднично были настроены высоконазначенные женихъ и невѣста. Петръ, послѣ обрученія, не только не обнаруживалъ сердечности къ княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, но, на взглядъ очевидцевъ, казался холоднѣе прежняго: тяготился быть съ нею вмѣстѣ, не искалъ встрѣчь съ нею, а, напротивъ, видимо отъ нихъ уклонялся. «Съ тѣхъ поръ, какъ царь объявилъ себя женихомъ,—доносилъ Лефортъ отъ 19-го декабря,—онъ только два раза былъ у своей невѣсты, а она у него ни разу. Онъ ее даже и не приглашалъ... На балу (5-го декабря) я не только не видалъ, чтобы царь былъ любезенъ и внимателенъ къ невѣстѣ, но онъ съ ней даже не говорилъ... Словомъ, я никогда не видалъ болѣе холодныхъ отношеній».

Эту остуду довольно проницательно объясняетъ Соловьевъ. Дѣло въ томъ, что Петръ чувствовалъ себя теперь въ болѣе тяжеломъ положеніи, чѣмъ при Меншиковѣ. «Какимъ бы образомъ,— говоритъ историкъ,—ни было сдѣлано внушеніе о бракѣ, Петръ его принялъ, согласился, не имѣя силы порвать съ людьми, къ которымъ привыкъ... Какъ легко ему было оборачиваться спиною къ Меншикову, такъ тяжело было сдѣлать это относительно Долгоруковыхъ. А между тѣмъ, тяжело и сохранить прежнія отношенія: невѣста не нравится, самолюбіе страдаетъ: позволилъ завести себя дальше, чѣмъ слѣдовало; какъ они смѣли! но самъ согласился, самъ одобрилъ и оправдалъ ихъ смѣлость; гдѣ была сила воли? гдѣ характеръ? И всѣ считаютъ его безхарактернымъ ребенкомъ, потому что съ какой стати ему, императору, жениться на Долгоруковой, которая старше его и вовсе ему не нравится? Раздраженіе тѣмъ сильнѣе, чѣмъ труднѣе выходъ изъ положенія, возбуждающаго раздраженіе».

Отъ вниманія иностранныхъ министровъ не укрылось, что «царь начинаетъ страхать съ себя иго», какъ писали они въ своихъ донесеніяхъ. Видѣли это и Долгоруковы. Особенно встревожился князь Алексѣй Григорьевичъ, когда узналъ, что царь, помимо его вѣдома, ѣздитъ къ Остерману и о чемъ-то съ нимъ тайно совѣщается, возобновилъ сношенія съ цесаревной Елисаветой Петровной, которая жаловалась ему на скудость, въ какой ее содержали Долгоруковы. «Это не отъ меня идетъ,—отвѣтилъ ей Петръ.—Я не въ состояніи поступить такъ, какъ бы я хотѣлъ, но я скоро найду средство разорвать мои оковы».

Опасность для дѣла Долгоруковыхъ казалась такою возможною и грозною, что растерявшійся князь Алексѣй Григорьевичъ хотѣлъ

было, при содѣйствіи сына, фаворита, безотлагательно обвинять царя со своей дочерью тайнымъ бракомъ, но ему отсовѣтовали это дѣлать, такъ какъ тайный бракъ, совершенный не въ положенное церковью время, не имѣлъ бы законной силы. Безъ сомнѣнія, опасность эту хорошо видѣла и сама княжна Екатерина Алексѣевна, видѣла холодность къ себѣ со стороны своего царственного жениха и не могла не страдать чувствомъ оскорбленной гордости и горькимъ сознаніемъ бесплодности принесенной ею жертвы. Будущее должно было казаться ей тѣмъ болѣе зловѣщимъ, что гибельная и печальная участь «разрушенной невѣсты» царской была на глазахъ, на свѣжее примѣрѣ княжны Меншиковой, — и ничто не ручалось, чтобы эта участь не постигла и ее. Напротивъ, все болѣе и болѣе росла въ обществѣ злорадная молва, что свадьба разстроится, что ей не бывать, что близокъ часъ паденія Долгоруковыхъ. Вдобавокъ, шли непріятности и раздоры въ самой семьѣ княжны. Отецъ не ладилъ съ сыномъ, княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ. У самой княжны вышла съ братомъ размолвка изъ-за брильянтовъ недавно передъ тѣмъ умершей великой княжны Натальи Алексѣевны. Царь обѣщаль ихъ княжѣ-невѣстѣ, а князь Иванъ почему-то не отдавалъ ихъ сестрѣ и удерживалъ у себя.

Всѣмъ было не по себѣ и не весело. «Въ воздухѣ собирается гроза, и ее всѣ чувствуютъ», писалъ де-Лиріа. «Замѣчательно, — добавлялъ онъ, — что съ того самаго дня, какъ царь объявилъ о намѣреніи своемъ вступить въ бракъ, онъ впалъ въ такую задумчивость, что его ничто болѣе не развлекало, и онъ сталъ даже говорить своимъ приближеннымъ, что скоро умретъ, и что жизнь ему наскучила».

Предчувствіе оказалось вѣщимъ и можетъ быть принято за подтвержденіе мнѣнія, что здоровье Петра уже и тогда было подорвано. Окончательно слегъ онъ, какъ извѣстно, 6-го января 1730 г., простудившись на крещенскомъ парадѣ. Для насъ здѣсь не существенно входить въ разборъ вопроса, возбужденнаго А. Н. Львовымъ въ прошломъ году на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (кн. 7 я): — точно ли императоръ-отрокъ участвовалъ въ іорданской церемоніи, или же, какъ полагаетъ г. Львовъ, выѣзжалъ только «къ войскамъ, шедшимъ для парада въ Кремль, а затѣмъ, захвативъ за своей невѣстою, отправился съ нею въ торжественномъ поѣздѣ» къ означенной церемоніи, «которую, впрочемъ, уже не засталъ»? Странно, однако, какимъ образомъ могъ бы онъ не «застать» уже эту церемонію, если бы, дѣйствительно, отправлялся на нее, и его тамъ ждали; но это — мимоходомъ. Для насъ достаточно знать, что Петръ несомнѣнно въ этотъ день выѣзжалъ и простудился.

«Бѣдная хорошенькая невѣста, — рассказываетъ леди Рондо объ этомъ выѣздѣ, — должна была показаться народу въ этотъ день. Она ѣхала мимо моего дома, окруженная конвоемъ и пышною свитой.

Она сидѣла совершенно одна въ открытыхъ саняхъ, одѣтая также, какъ въ день своего обрученія, а императоръ, слѣдуя обычаю страны, стоялъ на запяткахъ ея саней. Никогда въ жизни я не помню дня болѣе холоднаго... Они оставались четыре часа сряду на льду, посреди войскъ. Тотчасъ, какъ они возвратились во дворецъ, императоръ сталъ жаловаться на головную боль» и, по совѣту доктора, его уложили въ постель. «Это обстоятельство разстроило собраніе. Княжна весь день имѣла задумчивый видъ; она простилась съ знакомыми такъ же, какъ и встрѣтила ихъ, т. е. съ серьезною привѣтливостью. На другой день у императора появилась оспа».

Болѣзнь Петра, вначалѣ не весьма опасная, тѣмъ не менѣе страшно встревожила Долгоруковыхъ. Не изъ любви и преданности къ юному императору страшились они его смерти, а изъ эгоистическаго опасенія потерять, въ случаѣ этой смерти, настоящія и грядущія выгоды своего положенія. Первою ихъ мыслью было — повѣнчать больнаго государя съ княжной-невѣстой и вынудить у него завѣщаніе въ ея пользу. Противъ бракосочетанія въ такомъ состояніи возсталъ Остерманъ, поставивъ на видъ, что это повредило бы здоровью императора. Самъ Петръ согласился съ мнѣніемъ добраго Андрея Ивановича, который дѣйствительно одинъ искренно прилагалъ заботы объ его благѣ.

Тѣмъ не менѣе, когда, послѣ кратковременной поправки, царь снова простудился, занемогъ и лежалъ уже въ безпамятствѣ и при смерти, князь Алексѣй Григорьевичъ, по свидѣтельству гр. Вратислава, все еще «употреблялъ всевозможныя старанія обвинять больнаго съ княжной Екатериной». Убѣдившись въ неосуществимости этого, Долгоруковы «хотѣли,—продолжаетъ Вратиславъ,—заставить Петра сдѣлать завѣщаніе въ пользу невѣсты, но онъ не былъ уже въ полномъ сознаніи. Тогда Долгоруковы стали разсуждать, что помолвка равносильна браку и что, подобно тому, какъ Екатерина была преемницей Петра I, невѣста Петра II должна послѣ него также наследовать престолъ. Аргументъ, однако, былъ очень слабъ».

Настолько слабъ и не убѣдителенъ, что энергически былъ отвергнутъ въ средѣ самихъ Долгоруковыхъ, со стороны князя Василія Владиміровича.

— А ежели государь изволитъ объявить княжну Екатерину своей наследницей въ духовной?—возразилъ князь Алексѣй Григорьевичъ.

— То было бы хорошо, — отвѣтилъ князь Василій Владиміровичъ:—понеже оное дѣло въ волѣ его величества состоитъ...

И вотъ началась фабрикація завѣщанія соединенными силами. Князя Василія Лукичъ и Алексѣя Григорьевичъ сочиняли и диктовали, а князь Сергѣй Григорьевичъ писалъ подъ ихъ диктовку; когда же духовная была составлена, князь Иванъ Алексѣевичъ вызвался скрѣпить ее надлежащей подписью, похваляясь, что «письмо руки его точь въ точь, какъ государево письмо». Родственники при-

знали сходство почерковъ, и князь Иванъ, съ легкимъ сердцемъ, тутъ же подмахнулъ одинъ изъ двухъ экземпляровъ сфабрикованнаго завѣщанія подписью «Петръ». Пока, однако, не рѣшались пустить въ ходъ этотъ экземпляръ съ фальшивою подписью, а отдали князю Ивану неподписанный—съ тѣмъ, чтобы онъ улучилъ время, «когда его величеству станетъ отъ болѣзни свободнѣе», и тогда «попросилъ бы», чтобы государь подписалъ духовную собственноручно.

Князю Ивану Алексѣвичу сдѣлать этого не удалось, такъ какъ Петръ не приходилъ больше въ сознаніе, да и Остерманъ не покидалъ его въ послѣднія минуты, а затѣмъ, въ ночь съ 18-го на 19-е января, сказавъ въ бреду: «запрягайте сани, хочу ѣхать къ сестрѣ», императоръ-отрокъ испустилъ дыханіе 14-ти лѣтъ и 3-хъ мѣсяцевъ съ нѣсколькими днями.

Когда, вскорѣ затѣмъ, собрался верховный совѣтъ для совѣщанія о томъ—кому наследовать престолъ послѣ скончавшагося императора, князь Алексѣй Григорьевичъ сдѣлалъ было попытку пустить въ ходъ подложное завѣщаніе, но попытка эта успѣха не возымѣла. Сперва князь Д. М. Голицынъ, а за нимъ князь Василій Владиміровичъ Долгоруковъ твердо и рѣшительно заявили, что завѣщаніе это подложное, и что «никто не въ правѣ вступать на престолъ, пока имѣются на лицо женскіе члены императорскаго дома». Больше объ этомъ не было уже и рѣчи; только впослѣдствіи смѣлый замыселъ Долгоруковыхъ всплылъ наружу къ конечной ихъ гибели.

Принимала ли участіе въ этой рискованной «конжурации» княжна Екатерина Алексѣевна и какъ къ ней относилась? Прямыхъ указаній на это нѣтъ, но, конечно, она не могла не знать о завѣщаніи, сфабрикованномъ ея отцомъ, братомъ и дядьями, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, пассивно подчинялась ихъ родственнымъ внушеніямъ.

Когда Петръ умеръ, когда провести поддѣльное завѣщаніе не удалось и была избрана на престолъ герцогиня курляндская Анна Ивановна, когда, такимъ образомъ, всѣ честолюбивые планы Долгоруковыхъ рушились, княжна не осталась чуждой тѣмъ чувствамъ горечи, отчаянія и подавленности, которыя испытывались въ эти минуты ея ближайшими родственниками.

«Меня увѣряютъ, — писала леди Рондо въ февралѣ 1730 г., — что она (т. е., княжна Екатерина Алексѣевна) переноситъ свое несчастье героически и говоритъ, что оплакиваетъ общую потерю, какъ членъ государства, но, какъ частное лицо, радуется этой смерти (Петра), избавившей ее отъ пытки... Она совершенно равнодушна къ своей будущей судьбѣ и думаетъ, что, если преодолѣла свою привязанность, то можетъ спокойно перенести всѣ матеріальныя страданія. Навѣщавшій ее сановникъ (разсказавшій автору о своемъ разговорѣ съ княжной) нашелъ ее совершенно покинутою всѣми, кромѣ одной только служанки и лакея, который служилъ ей съ дѣт-

ства. Онъ былъ возмущенъ этой обстановкой, но она ему сказала: «Вы мало знаете нашу страну», а затѣмъ добавила, что ея молодость и невинность, а также доброта вступающей на престолъ государыни позволяютъ ей надѣяться, что она не будетъ подвергнута никакому публичному оскорбленію, а что бѣдность въ частной жизни для нея ничего не значитъ, такъ какъ ея сердце занято единственнымъ предметомъ, съ которымъ ей будетъ пріятна и уединенная жизнь». Въ предупрежденіе, чтобы ея слова не были приняты за намекъ на ея перваго жениха (Миллезимо), она «послѣдно прибавила, что запретила своему сердцу думать о немъ съ того мгновенья, когда это стало преступнымъ, но что она имѣла въ виду свою семью, образъ дѣйствій которой, какъ она думаетъ, будутъ порицать, и что, впрочемъ, она не можетъ преодолѣть въ себѣ естественной привязанности, хотя и была принесена въ жертву обстоятельствамъ, которыя теперь дѣлаются причиной гибели ея семьи»?

Интересовался дальнѣйшей участію княжны Екатерины Алексѣевны и графъ Вратиславъ. «Теперь увидимъ, — писалъ онъ въ Вѣну около того же времени:—останется ли Екатерина Долгорукова во владѣніи всѣми драгоцѣнными подарками, которые она получила, и будетъ ли ей назначена сумма для приличнаго содержанія».

Удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ могъ зависѣть отъ успѣха олигархической «затѣйки» верховниковъ, князей Долгоруковыхъ и Голицыныхъ, возымѣвшихъ намѣреніе ограничить монархическую власть въ лицѣ вновь избранной императрицы, но такъ какъ «затѣйка» не удалась, то надежды, что все обойдется для Долгоруковыхъ благополучно и безнаказанно, должны были оказаться совершенно недостаточными.

Уже въ апрѣлѣ 1730 г. за нихъ принялись, злопамятно вымещая все, что ими было сдѣлано для своего фамиліаго возвышенія въ кратковременное царствованіе Петра II. Назначена была прежде всего комиссія для истребованія отчета отъ князей Алексѣя Григорьевича и Ивана Григорьевича Долгоруковыхъ по дворцовому хозяйству. «Нельзя вообразить себѣ, сколько они накрали! — писалъ по этому поводу дюк-де-Лирія:—не только забрали они себѣ всѣ брильянты Меншикова, а ихъ было очень много, но и всѣ казенные, лучшихъ лошадей съ придворной конюшни, серебро столовое, собакъ и наконецъ то, что чего нибудь стоило». Все это, на сумму въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, комиссія понудила ихъ возвратить; безъ сомнѣнія, были при этомъ отобраны и цѣнности, доставшіяся на долю «разрушенной невѣсты», какъ стали называть тогда княжну Екатерину Алексѣевну.

8-го апрѣля, князю Алексѣю Григорьевичу повелѣно было со всѣмъ семействомъ ѣхать на житье въ свои дальнія деревни, а 14-го апрѣля послѣдовалъ грозный для Долгоруковыхъ манифестъ, въ которомъ, въ числѣ разныхъ другихъ провинностей, ставилось на видѣ

то, что «князь Алексѣй съ сыномъ своимъ и съ братьями его величество въ такихъ молодыхъ лѣтахъ, которыя еще къ супружеству не приспѣли, Богу противнымъ образомъ, безъ всякаго ближайшимъ кровнымъ нашей императорской фамилии сообщенія и противно предковъ нашихъ обыкновенію, привели на сговоръ супружествомъ дочери его князя Алексѣя, княжнѣ Екатеринѣ».

Послѣдній указъ настигъ Долгоруковыхъ уже на пути въ ссылку, причемъ у нихъ были отняты ордена. Ъхали они не торопясь и съ большимъ запасомъ. Только что вышедшая тогда замужъ за князя Ивана Алексѣевича Долгорукова, извѣстная княгиня Наталья Борисовна (урожденная Шереметева), рассказывая объ этихъ дорожныхъ сборахъ, пишетъ: «вижу, что свекровь и золовки съ собой очень много берутъ изъ брильянтовъ, изъ галантереи, все по карманамъ прячуть, а мнѣ до того и нужды не было». Поѣздъ Долгоруковыхъ состоялъ изъ множества экипажей съ сотней слугъ, съ псовой охотой. «Маленькая у насъ утѣха была, — рассказываетъ въ своихъ запискахъ княгиня Наталья Борисовна, — псовая охота. Свекоръ превеликій охотникъ былъ, гдѣ случится какой перелѣсочекъ, мѣсто для нихъ покажется хорошо — верхами сядутъ и поѣдутъ». На стоянкахъ раскидывались лагеремъ, ставили палатки: «лучшее мѣсто выберутъ свекру, подлѣ, поблизости золовкамъ, а тамъ деверьямъ»... Такимъ образомъ, «три недѣли путались и пріѣхали въ свои деревни (близъ Касимова), которыя были на половинѣ дороги», въ предназначенное мѣсто ссылки. «Расположились на нѣсколько времени прожить, чтобъ отдохнуть». Въ отдыхѣ особенно нуждалась княжна Екатерина Алексѣевна, которая передъ тѣмъ не далѣе какъ 1-го апрѣля, по увѣренію князя П. Долгорукова, перенесла тяжелые роды, разрѣшившись мертвымъ ребенкомъ. Ради поправленія ея здоровья остановка затянулась также въ Москвѣ, и, по наущенію Бирона, была принята за ослушаніе высочайшей волѣ.

12-го іюня, состоялся указъ о лишеніи князей Алексѣя Григорьевича и Ивана Алексѣевича чиновъ, должностей, имѣнія и о ссылкѣ со всѣмъ семействомъ въ Березовъ. На содержаніе было опредѣлено по рублю въ день на каждаго члена семьи и одинъ рубль на прислугу. Для приведенія указа въ исполненіе и содержанія ссыльныхъ подъ карауломъ былъ присланъ офицеръ гвардіи съ 24-мя солдатами. «Великій плачъ сдѣлался въ домѣ нашемъ, — описываетъ этотъ моментъ княгиня Наталья Борисовна: — домъ былъ большой, людей премножество, бѣгутъ всѣ съ квартиръ, плачутъ, припадаютъ къ господамъ своимъ... Насъ уже на квартиру не отпускаютъ... Поставили у всѣхъ дверей часовыхъ, примкнуты штаны. Воже мой, какой это страхъ!». «Вотъ уже къ вечеру велѣтъ намъ въ кареты садиться и ѣхать, а куда — не велѣно сказывать». «Людей намъ дали для услугъ десять человѣкъ, а женщинъ на каждую персону по человѣку — всѣхъ пять человѣкъ».

Изъ Касимова ссыльныхъ повезли дальше на судахъ. Путешествіе было трудное, сопряженное съ опасностями. «Этотъ водяной путь много живота моего унесъ», — записала Наталья Борисовна. Не легче и не пріятнѣе была и дальнѣйшая сухопутная дорога отъ Соликамска. «Не можно всего описать, — продолжаетъ княгиня, — сколько я въ этой дорогѣ обезпокоена была, какую нужду терпѣла». Безъ сомнѣнія, не меньше были «обезпокоены» и другіе члены семьи. «Бѣдная свекровь моя такъ простудилась отъ мокроты, что и руки и ноги отнялись, и черезъ два мѣсяца животъ свой окончила». Далѣе ссыльныхъ опять повезли водою и на такомъ ветхомъ, дрянномъ, полуразвалившемся суднѣ, что у нихъ явилось сомнѣніе: «можетъ быть, и нарочно приказано было, чтобъ ихъ утопить», какъ выразилась княгиня Наталья. По ея же словамъ, положеніе ихъ въ это время ухудшилось еще оттого, что, вмѣсто снисходительнаго и деликатнаго офицера, конвоировавшаго ихъ до Тобольска, они поступили подъ караулъ какого-то мѣстнаго капитана, выслужившагося изъ крестьянъ, человѣка глупаго и грубаго, который «думалъ о себѣ, что онъ очень великій человѣкъ, и что надобно насъ жестоко содержать, яко преступниковъ». Онъ повелъ ихъ изъ тюрьмы на судно съ нарочитой торжественностью: «процессія изрядная была, за нами толпа солдатъ идетъ съ ружьемъ, какъ за разбойниками. Я шла, внизъ глаза опустивъ, не оглядывалась; смотрѣльщиковъ множество по улицѣ» стояло.

Осенью ссыльные прибыли въ Березовъ и были помѣщены въ томъ же деревянномъ острогѣ, въ которомъ незадолго передъ тѣмъ томилась Меншиковы. Жить было тѣсно и неудобно; по скудости содержанія и дороговизнѣ жизненныхъ припасовъ въ Березовѣ, семья терпѣла нужду, ѣли деревянными ложками, на оловяной посудѣ. У нихъ въ Березовѣ еще разъ искали алмазныхъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, для чего былъ присланъ изъ Москвы въ 1732 г. гвардейскій сержантъ Рагозинъ. И возвратился Рагозинъ не съ пустыми руками. Одного онъ не могъ доискаться — портрета Петра II у «разрушенной» невѣсты. Княжна отозвалась, что портретъ этотъ, писанный на бумажнѣ, носился за стекломъ на рукѣ (вѣроятно, въ браслетѣ), но на пути въ ссылку стекло разбилось и портретъ затерялся, какъ и когда не знаетъ.

Надзоръ былъ строгій: ссыльнымъ запрещалось выходить изъ острога, кромѣ церкви, куда даже княжны сопровождалась караульными солдатами съ ружьями. Запрещалось съ кѣмъ нибудь сообщаться, вести переписку, имѣть чернила, перья и бумагу. Единственнымъ развлеченіемъ служилъ прудокъ среди острожнаго двора, гдѣ водились утки и гуси, которыхъ княжны изъ своихъ рукъ кормили, посвящая остальные досуги женскимъ рукодѣльнымъ работамъ. Въ довершеніе горя, въ семьѣ шли раздоры, особенно усилившіеся со смерти княгини Прасковьи Юрьевны. Овдовѣвшій и

удрученный несчастіями князь Алексѣй Григорьевичъ сталъ пуще прежняго раздражительнымъ, придирчивымъ и несноснымъ. Особенно дурно обращался онъ съ княжной—«разрушенной невѣстой», и сыномъ Иваномъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они де запоздали взять у покойнаго императора завѣщаніе, ибо если бы послѣднее было обнародовано еще при жизни Петра, то его нельзя было будто бы нарушить. По увѣренію кн. П. Долгорукова, княжна Екатерина Алексѣевна и ея братъ не однажды были даже биты отцомъ. Семейный раздоръ дошелъ до того, что о немъ стало извѣстно въ Петербургѣ, откуда въ 1731 году послѣдовалъ высочайшій указъ: «сказать Долгоруковымъ, чтобы они впредь отъ ссоръ и непристойныхъ словъ конечно воздержались и жили бы смиренно подь опасеніемъ наистрожайшаго содержанія».

Въ 1734 г., князь Алексѣй Григорьевичъ умеръ, и главой семьи сталъ князь Иванъ Алексѣевичъ, но главой далеко не авторитетнымъ: ни въ семьѣ, ни на сторонѣ онъ никому не внушалъ къ себѣ уваженія. Безхарактерный, недалекій, привыкшій къ праздной, распутной жизни, онъ въ Березовѣ совершенно опустился, сталъ бражничать, водилъ компанію съ мѣстными офицерами и чиновниками, спяна порицалъ императрицу и выбалтывалъ много лишняго, неосторожнаго, что впоследствии привело его на плаху.

Несмотря на строгость предписаній, Долгоруковымъ въ это время жилось довольно льготно. Старый березовскій воевода Бобровскій былъ человекъ добродушный и не строгій. Онъ и его жена коротко сошлись со ссыльными, посылали имъ «разную харчу», песцовые и другіе мѣха, а Долгоруковы, изъ благодарности, отдаривали ихъ сукнами, гарнитурами, часами золотыми и проч. Подъ вліяніемъ Бобровскаго, и приставленный для надзора за Долгоруковыми майоръ тобольскаго гарнизона, Семень Петровъ, также оказывалъ имъ всякія поблажки—позволилъ свободно ходить по городу, заводить знакомства, посѣщать пріятелей и принимать ихъ у себя. Въ числѣ этихъ пріятелей были флотскій поручикъ Овцынъ и тобольскій таможенный подьячій Тишинъ. Особенно подружился князь Иванъ съ Овцынымъ, который сумѣлъ снискать благосклонное вниманіе и надменной княжны Екатерины Алексѣевны. Кн. П. Долгоруковъ, въ своихъ мемуарахъ, утверждаетъ, что княжна «вела себя въ Березовѣ распутно». Это, быть можетъ, слишкомъ сильно сказано, но что она, несмотря на свою гордость и недоступность, свизошла до интимной связи съ Овцынымъ—такъ это, кажется, несомнѣнно. Разумѣется, связь эту скрыть было нельзя. Зналъ о ней и позавидовалъ счастью Овцына Тишинъ. Плѣненный красотой княжны и съ подьяческой наглостью думая воспользоваться ея униженнымъ, зависимымъ положеніемъ арестантки, Тишинъ какъ-то подь хмелькомъ сдѣлалъ ей зазорныя предложенія въ грубой формѣ. «Разрушенная государыня невѣста» была возмущена и оскорблена. Она

пожаловалась Овцыну, и тотъ, при помощи двухъ пріятелей, жестоко избилъ Тишина. Проученный такимъ образомъ подъячій напелъ вскорѣ случай отомстить за свою обиду. Основываясь на вздорной и не сдержанной пьяной болтовнѣ князя Ивана Алексѣевича, Тишинъ донесъ тобольскому губернатору о послабленіяхъ, оказываемыхъ Долгоруковымъ березовскими властями. Вслѣдствіе этого навіѣта въ Березовъ былъ присланъ изъ Петербурга въ маѣ 1738 г. тайный слѣдователь, гвардейскій капитанъ-поручикъ Ушаковъ, съ «секретнымъ предписаніемъ» для провѣрки донесеній Тишина. Выдавая себя за лицо, посланное будто бы по высочайшему повелѣнію для улучшенія участи ссыльныхъ, Ушаковъ познакомился съ Долгоруковыми и березовскими властями, вошелъ ко всѣмъ въ довѣріе, все вызналъ и вывѣдалъ что ему нужно было и, возвратясь въ Тобольскъ, представилъ грозное противъ всѣхъ обвиненіе. Началось дѣло, къ которому, кромѣ Долгоруковыхъ, было привлечено до шестидесяти лицъ изъ березовскихъ властей и обывателей. Всѣ они были арестованы и доставлены въ Тобольскъ, гдѣ надъ ними тотъ же Ушаковъ сталъ чинить розыскъ «съ пристрастіемъ». По розыску оказалось девятнадцать человѣкъ виновныхъ въ послабленіяхъ Долгоруковымъ и въ прикосновенности къ «вредительнымъ и злымъ словамъ» князя Ивана Алексѣевича. Всѣ они понесли жестокія наказанія. Майоръ Петровъ былъ казнень; обвиненные офицеры были биты кнутомъ, разжалованы въ солдаты и разосланы въ дальніе гарнизоны; поплатился въ ихъ числѣ и Овцынъ. Чуть было не попало и Тишину, какъ не рѣдко случалось тогда съ доносчиками. Когда князь Иванъ Алексѣевичъ, измученный тяжкимъ арестомъ и слѣдствіемъ, показалъ съ дыбы въ застѣнкѣ то, о чемъ его даже не спрашивали—именно о подписаніи ложной духовной отъ имени покойнаго императора Петра II, и когда изъ-за этого возникло новое, столь гибельное для всего уже рода Долгоруковыхъ, дѣло, то при этомъ неожиданно оказался виновнымъ и Тишинъ. Обнаружилось, что онъ давно зналъ о «воровской духовной» и не доносилъ, причемъ бралъ съ Долгоруковыхъ немалыя взятки. Несмотря, однако, на эту оплошность, заслуги Тишина въ концѣ концовъ были оцѣнены по достоинству: ему дали секретарство и 600 рублей награды.

Намъ не настоятъ надобности входить здѣсь въ разсмотрѣніе извѣстнаго жестокаго дѣла Долгоруковыхъ по фальшивому завѣщанію Петра II, кончившагося цѣлымъ рядомъ казней въ Новгородѣ. Укажемъ только, какъ отразилось это дѣло на судьбѣ героини нашего очерка.

Въ томъ, что отецъ, братъ и дядя замыслили, по смерти Петра II, возвести ее на императорскій престолъ, какъ нареченную государеву невѣсту, вины за ней не было признано строгими судьями никакой. Тѣмъ не менѣе, «генеральное собраніе», учрежденное «по об-

сужденію дѣла о тяжкихъ винахъ князей Долгорукихъ», опредѣлило княжну Екатерину Алексѣевну, вмѣстѣ съ двумя сестрами, Еленой и Анной, отправить «за надлежащимъ карауломъ» къ сибирскому архіепископу, предписавъ ему, по собственному усмотрѣнію, размѣстить сестеръ по мѣстнымъ монастырямъ, и тамъ «постричь ихъ въ монахини и настоятельницамъ тѣхъ монастырей (повелѣть) ни для чего отнюдь ихъ не выпускать, и писемъ писать не давать, и постороннихъ никого къ нимъ не допускать, и чтобъ никакихъ шалостей и непотребнаго отъ нихъ не происходило; пищею и одеждою содержать ихъ по обыкновенію, равномѣрно противъ прочихъ монахинъ безъ всякой отгѣны».

Въ силу этого указа, сестеръ равлучили. Въ концѣ 1740 г. на имя томскаго Алексѣевского монастыря архимандрита Лаврентія полученъ былъ изъ тобольской архіерейской канцеляріи указъ, въ которомъ, ссылаясь на именной высочайшій указъ о дочеряхъ князя А. Г. Долгорукова, говорилось: «Велѣно изъ вышеупомянутыхъ (княженъ) дѣвку Екатерину, когда она привезена будетъ въ Томскъ подь карауломъ, то въ Томскомъ Рождественскомъ монастырѣ постричь тебѣ, архимандриту Лаврентію, въ монахини по обыкновенію при посланномъ за нею изъ сибирской губернской канцеляріи карауломъ оберъ-офицерѣ и по постриженіи содержать ее въ ономъ дѣвичьемъ монастырѣ подь наикрѣпчайшимъ карауломъ» и т. д. (Повторяются слово въ слово вышеприведенныя строгости, относившіяся къ надзору надъ всѣми тремя княжнами). Указъ опредѣлялъ «оставить для караула при оной Долгоруковой дочери дѣвкѣ Екатеринѣ двухъ человекъ (солдатъ). И архимандриту Лаврентію о вышеписанномъ», т. е. о постриженіи княжны и о «содержаніи ея подь крѣпкимъ надзоромъ», предписывалось «въ архіерейскую канцелярію рапортовать серьезно».

Указъ этотъ, датированный 9-мъ ноября 1740 г., былъ полученъ въ Томскѣ 21-го декабря; безъ сомнѣнія, вмѣстѣ съ нимъ была «привезена» туда и несчастная «разрушенная невѣста», потому что не далѣе, какъ черезъ два дня, именно 24-го декабря, послѣдовалъ уже на имя тобольскаго архіепископа исполнительный рапортъ, гдѣ, между прочимъ, коротко сказано: «по силѣ ея императорскаго величества указу, оная дѣвка Катерина въ томскомъ Рождественскомъ монастырѣ, въ небытность архимандрита Лаврентія, мною, низжайшимъ богомольцемъ вашимъ, іеромонахомъ Моисеемъ, пострижена въ монахини 22-го числа (?) 1740 года при посланномъ за нею карауломъ оберъ-офицерѣ Петрѣ Егоровѣ».

«Низжайшій богомолецъ» распорядился съ такой чрезвычайной поспѣшностью, очевидно, подь подавившимъ его впечатлѣніемъ важности указа и самой арестантки, а также по выразительному внушенію расторопнаго оберъ-офицера Егорова. Напуганность и растерянность почтеннаго іеромонаха отразились на самомъ его рапортѣ,

гдѣ, напр., при упоминаніи числа, когда произошло постриженіе, не названъ мѣсяцъ и, главное, не упомянуто, какое дано было имя княжѣ при посвященіи ея въ монахини и давала ли она отвѣты на обычные при этомъ актѣ вопросы объ отреченіи отъ міра, или же безмолвствовала, какъ это дѣлали тогда противъ воли постригаемые. Всѣмъ этимъ очень въ то время интересовались въ Петербургѣ по отношенію къ такимъ опаснымъ лицамъ, заточаемымъ въ монастыри по высочайшему повелѣнію, какимъ считалась «разрушенная государева невѣста».

Такъ и остались неизвѣстными для насъ монашеское имя княжны Екатерины Алексѣевны и обстоятельства, сопровождавшія ея постриженіе и заточеніе. Это слѣдуетъ объяснить отчасти тѣмъ, что жестокіе и мстительные по отношенію къ княжнамъ Долгоруковымъ указы приводились въ исполненіе уже тогда, когда подписывавшая ихъ, по внушенію злопамятнаго Бирона, императрица Анна скончалась, а вскорѣ затѣмъ и самъ Биронъ палъ. Въ Петербургѣ, значитъ, болѣе некому было слишкомъ интересоваться этимъ предметомъ. Въ кратковременное правленіе Анны Леопольдовны о Долгоруковыхъ забыли и предоставили ихъ своей горькой участи.

А участь княжны, за ея годичное пребываніе «подъ карауломъ» въ томскомъ монастырѣ, должна была быть дѣйствительно нерастойной.

Сибирскіе женскіе монастыри, по донесеніямъ епархіальныхъ властей, были «весьма малобратственные и нищенскіе, единою милостиною питаемые, въ которыхъ не токмо карауловъ содержать, но и обычныхъ монастырскихъ службъ исправлять было некому». Особенно былъ бѣденъ, по донесенію архимандрита томскаго Алексѣевского монастыря на запросъ отъ 17 декабря 1739 г. сибирскаго архіепископа Антонія, томскій женскій Рождественскій монастырь, гдѣ была пострижена и заточена въ 1740 году княжна Екатерина Алексѣевна. Въ монастырѣ находилось всего шесть деревянныхъ келій и больница—«всѣ ветхія, стояли врознь». По донесенію, въ монастырѣ было тогда «монахинь семь—стары и дряхлы, и ходить изъ келій не могутъ, а одна очами не видитъ. Вкладчиковъ монастырскихъ нѣтъ, токмо живутъ въ монастырѣ четыре вдовы неимущихъ... А денежнаго и хлѣбнаго жалованья прежде сего производилось: денегъ 6 рублей, хлѣба по 2 четверти каждой монахинѣ, но съ 1736 года дачи имъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья небыло и нынѣ нѣтъ—пропитываются монахини милостиною»¹⁾.

Вотъ въ какой обстановкѣ и въ какихъ условіяхъ пришлось княжнѣ жить въ своемъ томскомъ заточеніи! Г. Сулоцкій, который,

¹⁾ Свѣдѣнія эти, извлеченныя изъ документовъ сибирскаго архива С. Гуляевымъ, приведены въ «Русской Старинѣ» (т. XXIII, стр. 746), въ статьѣ: «Княжна Долгорукова».

на основаніи вышеприведенныхъ документовъ ¹⁾, впервые доказаль и подтвердилъ несомнѣнность постриженія княжны Е. А. Долгоруковой и заточенія ея нигдѣ индѣ, какъ именно въ Томскѣ, а также безотлучнаго пребыванія ея тамъ до возвращенія въ Петербургъ при императрицѣ Елизаветѣ, собралъ на мѣстѣ нѣсколько довольно, впрочемъ, смутныхъ на этотъ счетъ преданій.

По этимъ преданіямъ, «разрушенная невѣста» Петра II содержалась въ одной изъ описанныхъ монастырскихъ келій вмѣстѣ со старухой-надсмотрщицей, а нерѣдко, особенно въ ненастье и холодъ, располагался въ той же тѣсной кельѣ и неотступно дежурившій у дверей караульный солдатъ. Пищевое довольствіе княжны производилось, согласно указу, равномерно противъ прочихъ монахинь, а мы уже знаемъ, каковы были недостатки «весьма малобратственнаго и нищенскаго» Рождественскаго монастыря!

По преданію, надворъ за княжной былъ строгій и крѣпкій, возбуждавшій даже сострадательный ропотъ въ сердобольныхъ томицахъ, интересовавшихся ея особой и судьбою. Только изрѣдка позволялось ей оставить келью, подышать свѣжимъ воздухомъ и, вмѣсто прогулки, взобратъ на монастырскую колокольню, откуда открывался широкій видъ на Томскъ, на вольный просторъ окружавшихъ его полей и лѣсовъ. Можетъ быть, только здѣсь гордая княжна находила минутное уединеніе и предавалась безъ помѣхи своимъ грустнымъ думамъ, такъ какъ обыкновенно въ кельѣ ея ни на одинъ часъ не оставляли одну; безъ сторонняго глаза она не могла даже перемѣнить на себѣ бѣлье.

Г. Сулоцкій записалъ и разскавъ, хотя не совсѣмъ отвѣчающій съ фактической стороны исторической правдѣ, но хорошо рисующій твердый, надменный нравъ княжны. Заявился, будто бы, къ ней въ келью какой-то «военный чиновникъ» съ требованіемъ возвратить обручальное кольцо, полученное ею отъ покойнаго царственнаго жениха.

— Нѣтъ, — отвѣчала, будто бы, княжна, — ни за что и никому не отдамъ я этой моей святыни, развѣ палець или руку мою, вмѣстѣ съ нимъ, отрубите! Кольцо мое, оно дано мнѣ моимъ высокимъ женихомъ и при мнѣ останется!

Преданіе молчитъ, какъ отнесся къ этому возраженію «военный чиновникъ».

Если пошло на преданія, относящіяся къ нашей героинѣ, мы не въ правѣ обойти здѣсь и тѣ, которыя разсказаны въ мемуарахъ

¹⁾ Эти документы, именно: указъ тобольской архіерейской канцеляріи томскому архимандриту Лаврентію и рапортъ іеромонаха Моисея, постригшаго княжну, были найдены въ 1870-хъ годахъ законоучителемъ томской гимназіи, протоиереемъ о. Вакхомъ Гурьевымъ, въ архивѣ томскаго Алексѣевскаго монастыря (см. «Княжна Е. А. Долгорукова въ ссылкѣ и въ монашествѣ», А. Сулоцкаго. «Русскій Вѣстникъ», 1880 г., июль).

кн. П. Долгорукова и до сихъ поръ принимались за историческую быль. Несмотря на обнаруженную теперь фактическую ихъ несостоятельность, они очень цѣнны: во-первыхъ, это семейныя преданія, а во-вторыхъ, превосходно характеризуютъ личность княжны и ея печальную судьбу.

Разсказъ князя застаеъ нашу героиню уже не въ Сибири, а въ новгородскомъ воеводствѣ, въ Горицкомъ Воскресенскомъ женскомъ монастырѣ на Бѣлозерѣ, который, помимо своего душеспасительнаго назначенія, давно служилъ и государственной тюрьмой.

Здѣсь, на черномъ монастырскомъ дворѣ, среди конюшенъ и хлѣвовъ, была будто бы заключена несчастная княжна въ тѣсный деревянный срубъ, съ маленькими, забранными желѣзными рѣшетками, отверстіями, вмѣсто оконъ, и съ толстой дубовой, окованной желѣзомъ, дверью, наглухо запертой двумя замками. Это и была монастырская тюрьма, раздѣленная на маленькія келейки, въ которыхъ томились, никѣмъ невидимыя, въ вѣчномъ затворничествѣ, важныя арестантки; только въ случаѣ опасной болѣзни какой нибудь изъ нихъ, къ ней допускался для совершенія церковныхъ требъ монастырскій священникъ.

«Разрушенная невѣста» провела здѣсь два года въ самомъ строгомъ заключеніи, не падая, однако, духомъ, не смягчаясь и сохраняя свой независимый, высокомерный, гордый нравъ. Суровая игуменья, по происхожденію крестьянка, однажды, раздраженная уничтожающимъ презрѣніемъ, съ какимъ постоянно относилась къ ней княжна, послѣ рѣзкой сцены, замахнулась на нее четками. Екатерина Алексѣевна отступила шагъ назадъ, подняла гордо голову и, указывая пальцемъ на дверь, сказала:

— Уважь свѣтъ и во тьмѣ! Не забывай, что я—княжна, а ты—холопка!

Игуменья до того была озадачена и смущена, что тотчасъ же вышла, не сказавъ ни слова и забывъ запереть даже дверь.

Въ другой разъ, въ монастырь заѣхалъ какой-то важный сановникъ и, между прочимъ, пожелалъ повидать «разрушенную невѣсту» въ заключеніи. Когда онъ, въ сопровожденіи игуменьи, появился, княжна не встала и на сдѣланное ей по этому поводу замѣчаніе презрительно повернулась къ важной особѣ спиной. Въ наказаніе за эту «грубость» послѣднее окопечко въ кельѣ княжны было наглухо заколочено, и узница все время оставалась въ непроглядной темнотѣ. Были истощены всѣ мѣры тюремной строгости по ея содержанію. Никто не смѣлъ приблизиться къ ея кельѣ; двѣ монастырскія дѣвочки, вздумавшія поглядѣть сквозь скважину въ тюремной двери, были за это больно высѣчены.

Но не совѣмъ и не навсегда погасъ дневной свѣтъ для княжны. Въ концѣ 1741 года, она была освобождена изъ заточенія воцарившеюся императрицей Елисаветой Петровной, привезена въ Петер-

бургъ и пожалована фрейлиной. Пораженныя этой переменой, горлицкія монахини съ суровой игуменьей во главѣ поздравляли княжну, ползая передъ нею, по увѣренію князя Долгорукова, на колѣнахъ, просили о милости и покровительствѣ. Екатерина Алексѣевна отнеслась къ нимъ съ достойнымъ ея высококаго о себѣ мнѣнія великодушіемъ. Она забыла обиды, ласково простилась со всѣми и, потомъ, по отъѣздѣ, не разъ посылала монастырю деньги и подарки.

Таково семейное преданіе, записанное кн. П. Долгоруковымъ. На самомъ дѣлѣ, какъ теперь достовѣрно доказано, княжна была заточена не на Бѣлоозерѣ, а въ Томскѣ, и освобожденіе ея отъ вынужденнаго монашества и заточенія произошло такимъ образомъ.

29-го декабря 1741 г. тобольская архіерейская канцелярія писала настоятелю томскаго Алексѣевскаго монастыря, извѣстному уже намъ архимандриту Лаврентію: «По указу е. и. в. и при слушаніи присланной изъ сибирской губернской канцеляріи промеморіи, пресвященный Арсеній, митрополитъ тобольскій и сибирскій, опредѣлилъ: по силѣ писанной промеморіи... обрѣтающихся въ Сибири въ дѣвичьихъ монастыряхъ князя А. Г. Долгорукова дочерей постриженныхъ, а именно: изъ томскаго Рождественскаго монастыря Екатерину, изъ тюменскаго Успенскаго Елену, изъ верхогурскаго дѣвicha монастыря Анну освободить и о томъ вышеозначенныхъ монастырей настоятелямъ послать е. и. в. въ самой крайней скорости указы, о чемъ сей къ тебѣ, архимандриту Лаврентію, и послантъ»...

Архимандритъ Лаврентій не замедлилъ въ самый день полученія въ Томскѣ указа привести его и въ исполненіе, какъ онъ рапортоваль о томъ въ Тобольскѣ. Это случилось 10-го января 1742 года ¹⁾.

Освобожденная Екатерина Алексѣевна, конечно, успѣшила оставить Томскъ и самую Сибирь. Въ томъ же 1742 году (неизвѣстно, въ какомъ мѣсяцѣ) мы находимъ ее уже въ столицѣ.

Въ Петербургѣ княжна встрѣтилась съ уцѣлѣвшими отъ бирюковской мести братьями, сестрами и дядьями. Новая императрица обласкала ее, но изъ чрезмѣрной мнительности старалась какъ можно скорѣе выдать ее замужъ. Дѣло въ томъ, что въ народѣ многіе, по старой памяти, продолжали титуловать княжну Долгорукову «государыней-невѣстой», и это беспокоило подозрительную Елисавету Петровну. Но не такъ легко было найти жениха для особы, которая прослыла въ общемъ мнѣніи страшной гордячкой, съ властолюбивымъ характеромъ и безупречною нравственностью, которая, къ тому же, и сама нерасположена была пойти за перваго встрѣчнаго. Старанія императрицы увѣнчались успѣхомъ не ранѣе 1745 года, когда ей удалось, наконецъ, сосватать княжну Екатерину съ графомъ Александромъ Брюсомъ, недавно передъ тѣмъ

¹⁾ См. тамъ же, ст. Сулоцкаго.

овдовѣвшимъ. Бракъ состоялся не по сердечнымъ влеченіямъ, а по расчетамъ съ обѣихъ сторонъ.

Вскорѣ послѣ свадьбы молодые отправились въ Новгородъ поклониться праху казенныхъ родныхъ графини. Дѣло было зимою. На обратномъ пути Екатерина Алексѣевна простудилась, пріѣхала въ Петербургъ больною и скорѣ ватѣмъ умерла, не изживъ, значитъ, даже медовые мѣсяцы своего супружества. Лежа уже на смертномъ одрѣ и сознавая, что пришелъ конецъ, графиня и въ эту минуту не упустила случая проявить преобладающую черту ея характера— безгранично-надменное себялюбіе. Рассказываютъ, что она приказала принести къ себѣ всѣ ея платья и наряды, которые тутъ же, на своихъ глазахъ, велѣла сжечь въ каминѣ.

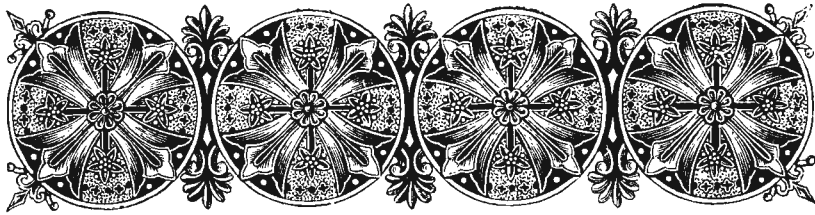
— Не хочу,—сказала она,—чтобы послѣ меня ктонибудь ихъ носилъ!

«Высокомѣріе и крайняя гордость не оставили ее даже въ эту чрезвычайную минуту!»—патетически заключаетъ рассказъ объ этой сценѣ князь П. Долгоруковъ.

Изъ того же источника узнаемъ слѣдующую интересную подробность. Изъ двухъ сестеръ княжны Екатерины Алексѣевны, старшая Анна, осталась въ дѣвахъ, а младшая, Елена, вышла замужъ за Юрія Юрьевича Долгорукова, возвращеннаго при Елисаветѣ Петровнѣ изъ Сибири, куда онъ былъ сосланъ Бирономъ, въ Кузнецкъ, на каторжныя работы. Въ 1747 году, княгиня Елена овдовѣла, переживъ своего мужа на полстолѣтіе: она умерла въ 1799 году, въ Москвѣ, гдѣ ея домъ славился изысканнымъ до мелочности этикетомъ. Княгиня была также горда и высокомѣрна, какъ и ея сестра, «разрушенная государыня-невѣста». Въ ея салонѣ можно было, между прочимъ, видѣть портреты сейчасъ названной сестры и императора Петра II. Портреты висѣли рядомъ, на видномъ мѣстѣ, и оба были увѣнчаны на рамахъ императорскими коронами.

Вл. Михневичъ.

КЛАДЫ ПО БЕРЕГАМЪ РѢКИ БЕРЕЗИНЫ.

В ОДИНЪ сентябрьскій, дождливый вечеръ 1836 года, въ городъ Борисовъ пришла воинская команда. Съ нею пришли и окончившіе въ томъ году свою долгую службу отставные солдаты, всѣ почти ветераны отечественной войны. Впрочемъ, тогда и самъ Борисовъ живо еще помнилъ всѣ ужасы разыгравшагося здѣсь послѣдняго акта великой эпопеи двѣнадцатаго года. Этотъ деревянный, дрянный городишко, перенесшій столько военныхъ разгромовъ и такъ часто уничтожаемый пожарами въ теченіе двухъ вѣковъ¹⁾, неизмѣнно сохранялъ свой жалкій видъ, а въ то время носилъ еще на себѣ явные слѣды грабежа и пожара, обычныхъ спутниковъ великой арміи. Измученныхъ трудною дорогою и голодныхъ солдатиковъ размѣстили на квартиры по дворамъ обывателей, въ обязанность которыхъ входило тогда принимать и кормить своихъ непрощенныхъ гостей. При частыхъ переходахъ войскъ того времени эта повинность для бѣдныхъ жителей ложилась довольно тяжелымъ бременемъ. Во многихъ уѣздныхъ городахъ и теперь еще можно встрѣтить уцѣлѣвшія на воротахъ дощечки съ надписью «свободенъ отъ постоя», какъ бы приглашающія прохожихъ проникнуться уваженіемъ къ такому независимому и счастливому дому.

Къ одному изъ борисовскихъ домовладѣльцевъ, дворянину Станиславу Рачковскому, поставили на дневку четырехъ солдатъ. Одинъ изъ нихъ особенно возбуждалъ къ себѣ сожалѣніе своимъ болѣз-

¹⁾ Gr. Tyszkiewicz, Opisanie powiatu Borysowskiego, стр. 101.

неннымъ видомъ; смотрѣлъ онъ совсѣмъ старикомъ, едва передвигалъ ноги и жаловался, что ныли его многія раны. Имя его было Іоакимъ (фамилія забылась), уроженецъ Могилевской губерніи, католическаго вѣроисповѣданія. На службу въ пѣхоту взятъ былъ еще до нашествія французовъ, отбылъ кампанію двѣнадцатаго года, затѣмъ въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ годахъ прошелъ всю Европу, освобождая народы и восстанавливая троны, во многихъ сраженіяхъ запечатлѣвая эти подвиги своею кровью, и завершилъ ихъ наконецъ взятіемъ Парижа. Семейство Рачковскаго приняло живое участіе въ симпатичномъ старичкѣ и старательно ухаживало за нимъ, стараясь разными домашними средствами облегчить его страданія, а онъ за то рассказывалъ интересные эпизоды изъ своей богатой событіями боевой жизни.

Отдохнувъ день, воинская команда и отставные солдаты ушли изъ Борисова дальше, спѣша въ родныя деревни, которыхъ четверть вѣка не видали, не зная при томъ, кого найдутъ въ живыхъ изъ близкихъ, съ коими порвали всякую связь. Въ то трудное для солдата время, время при томъ частыхъ войнъ, отпуска за далью разстояній и трудностью сообщеній почти не практиковались, письма почти не писались, и всякій, попавшій въ солдаты, считался для семьи отрѣзаннымъ ломтемъ навсегда. Іоакимъ окончательно оказался неспособнымъ къ дальнѣйшему походу; ему, къ тому же, и хотѣлось остаться — его что-то привязывало къ чуждому для него Борисову. О чемъ бы онъ ни начиналъ говорить, обыкновенно оканчивалъ разспросами о городѣ, сводя разговоры на разыгравшіяся въ двѣнадцатомъ году около него кровавыя событія. Между тѣмъ, здоровье его дѣлалось все хуже. Рачковскіе, далеко небогатые люди, полюбивъ этого тихаго и покорнаго своей незавидной судьбѣ старичка, усилили еще о немъ заботу и старались помочь ему, чѣмъ только могли. Но силы стараго служака слабѣли съ каждымъ днемъ, и онъ, сознавая свое положеніе, говорилъ, что смерть его уже близка.

Вечеромъ, въ день Покрова, Іоакимъ, чувствуя себя хуже обыкновеннаго, попросилъ Рачковскихъ прійти къ его постели, говоря, что хочетъ сообщить имъ одну важную тайну. Когда желаніе это было исполнено, старикъ, собравшись съ силами, передалъ слѣдующій рассказъ, живо, какъ и самый день, запечатлѣвшійся въ памяти десятилѣтняго сына Рачковскаго, Юліана Станиславовича, со словъ и позволенія котораго записанъ настоящій рассказъ ¹⁾.

Въ первый день, когда французы двинулись изъ Борисова на переправу, устроенную въ 12-ти верстахъ выше города въ д. Сту-

¹⁾ Кроме того, онъ дополненъ еще изъ его докладной записки отъ 26-го апрѣля 1895 года, поданной министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ, и другихъ документовъ, любезно предоставленныхъ въ распоряженіе автора.

дѣнкѣ, русскія войска сидѣли у нихъ на шеѣ; это былъ страшный судный день, полный ужасовъ. Наши и непріатели перемѣшались; тѣснили другъ друга; спѣшили, сами не зная куда; рубили и убивали. Солдаты, отбившіеся почему либо отъ своихъ частей, не знали, гдѣ искать ихъ, не знали даже, въ какой сторонѣ ихъ начальство. Въ этой суматохѣ и безпорядкѣ Іоакимъ и еще девять солдатъ замѣтили на дорогѣ, ведущей отъ предмостнаго укрѣпленія въ городъ чрезъ рѣку Березину, крытый фургонъ, запряженный тройкою лошадей. Онъ видимо старался пробраться незамѣченнымъ и ускользнуть отъ русскихъ, но колеса его глубоко врѣзались въ замерзшую грязь. Понимая невозможность скоро выбраться и видя подбѣгавшихъ солдатъ, возница соскочилъ съ козелъ, спѣшно обрѣзалъ у пристяжной лошади постромки и, вскочивъ на нее, ускакалъ. Чувъ добычу, солдатика бросились къ фургону и нашли въ немъ восемь боченковъ одинаковой величины, такъ въ 6—8 гарнцевъ каждый. Наскоро сбили они тесаками съ одного изъ нихъ обручи, и глазамъ ихъ предстали блестяція, новыя, золотыя монеты—«арабчики», какъ почему-то называлъ ихъ Іоакимъ и стоимость опредѣлялъ въ три рубля каждый. Что оставалось дѣлать счастливымъ? Унести съ собою эти груды золота они не могли, медлить было опасно—могущая ежеминутно нагряться новая волна вмигъ растащила бы эти богатства. Они оттащили въ сторону отъ дороги фургонъ, недалеко отъ берега рѣки около росшихъ въ томъ мѣстѣ двухъ дубовъ выкопали наскоро неглубокую яму, срѣзали съ фургона кожу, разслали ее въ ямѣ, разбили всѣ боченки, дерево и желѣзные обручи бросили въ рѣку ¹⁾, а золото высыпали въ яму, набросали туда же поломанныя ружья и сабли, валявшіяся вблизи; одинъ изъ солдатиковъ снялъ съ груди своей крестикъ и положилъ его сверху, и все это засыпали землею. Съ собою каждый изъ участниковъ взялъ только по горсти золота. Это обстоятельство, конечно, и дало возможность Іоакиму узнать названіе монетъ и ихъ стоимость. На мѣстѣ засыпанной ямы счастливые солдатика разложили костеръ, грѣлись и мечтали, какъ они, по окончаніи войны, придутъ на это мѣсто, выкопаютъ попавшее имъ въ руки богатство, подбѣлятся, съ помощью его уйдутъ въ «чистую» и заживутъ на славу. Но какъ ни пріятно было солдатикамъ, сидя на золотѣ, мечтать, а идти впередъ было нужно, чтобы не очень отстать отъ своихъ. Они догнали свою роту и съ нею пошли навстрѣчу непріятельскихъ пуль и штыковъ.

Дня чрезъ два, около того же Борисова, изъ десяти человѣкъ,

¹⁾ Дѣйствительно, землечерпательная машина, производившая въ 1896 году очистку русла рѣки (для движенія плотовъ), поднимала со дна ея желѣзные обручи, даже размѣромъ подходившіе подъ опредѣленіе величины боченковъ, которую Іоакимъ далъ Рачковскимъ руками.

зарывшихъ золото, пять было убито. По окончаніи всѣхъ событій, разыгравшихся на берегахъ Березины, событій, ужасныхъ по числу погибшихъ здѣсь жертвъ ненасытнаго честолюбія великаго Наполеона, армія наша погнала изъ предѣловъ отечества жалкіе уже остатки недавно еще грозныхъ полчищъ враговъ и перешла границу. Съ нею пошелъ Іоакимъ и уцѣлѣвшіе его четыре товарища; они принимали участіе въ цѣломъ рядѣ сраженій и то въ томъ, то въ другомъ были убиваемы. Одинъ лишь Іоакимъ выходилъ всюду невредимымъ, если не считать легкихъ ранъ. Казалось, Богъ хотѣлъ ему одному отдать несмѣтныя для солдата богатства. Уцѣлѣлъ онъ и при взятіи Парижа. Окончилась, наконецъ, и эта томительно долгая война, и войска наши медленно пошли обратно въ Россію. Однообразно потянулись года за годами, Іоакимъ все маршировалъ да маршировалъ, старательно тянулъ носокъ, продѣлывалъ сложнѣйшіе артикулы ружьемъ и другія тонкости военного искусства мирнаго времени; всею же душею онъ рвался въ Борисовъ завладѣть своими «арабчиками». Въ отставку же все не увольняли. Далѣе подоспѣла новая война—съ Турціею; затѣмъ неугомонные поляки, задумавъ погубить быстро развивавшееся благосостояніе своего царства, подготовили пагубный для себя тридцать-первый годъ,—солдаты были нужны, отпускать ихъ было нельзя. А между тѣмъ, походная жизнь, старыя раны, да и годы дѣлали свое дѣло—здоровье Іоакима разрушалось. Но всему есть конецъ—пришла и отставка; онъ свободенъ, ему одному принадлежитъ теперь закопанное золото; хотя удастся ли попользоваться имъ теперь! И Іоакимъ говоритъ Рачковскому, что завтра пойдетъ съ нимъ на берегъ рѣки, покажетъ ему точно самое мѣсто, гдѣ при громѣ пушекъ идущаго недалеко сраженія онъ съ товарищами, безопасно грѣясь у костра, мечталъ о несбывшемся счастьѣ. Но Рачковскій и самъ хорошо зналъ эти дубы—ихъ срубили лѣтъ пятнадцать тому назадъ, но пни еще торчали, служа яснымъ признакомъ.

Утро, коего семейство Рачковскихъ ожидало съ такимъ нетерпѣніемъ, настало; но на дворѣ былъ морозъ, свистала вьюга; снѣгъ, какъ зимою, покрылъ всю землю. Вести больного въ такую погоду было нельзя, а Іоакиму къ тому же сдѣлалось чрезъ ночь еще хуже, и стало ясно для всѣхъ, что онъ уже не поправится. Видимо, это сознавая, Іоакимъ сказалъ:

— Не суждено мнѣ этимъ богатствомъ пользоваться—всѣ мои товарищи погибли, одинъ я остался, но чую, что мой конецъ уже близокъ. Если васъ Богъ благословитъ взять деньги, то сдѣлайте такъ, ради Бога, чтобы на вѣчныя времена служились три раза въ годъ общія экзекуціи (панихиды) за русскихъ и французовъ, убитыхъ въ этой войнѣ, ибо и они христіане и притомъ хорошіе люди—я это испыталъ на себѣ, будучи во Франціи. Остальными деньгами за то, что вы такіе добрые, живите сами и помогайте бѣднымъ.

Іоакимъ совсѣмъ ослабѣлъ. На другой день его, немогущаго уже двигаться, помѣстили въ больницу, гдѣ онъ чрезъ нѣсколько дней и умеръ, такъ и не указавъ самаго мѣста, хотя и старался описать его точно. Когда наступило теплое время, спали вешнія воды и можно было осмотрѣть низменные острова, образуемые Березиною, Рачковскій убѣдился, что указанія, данныя солдатомъ, сходились съ дѣйствительностью.

Приведенный выше рассказъ сообщенъ былъ Рачковскому умирающимъ солдатомъ, спустя 24 года послѣ отечественной войны. Помня главную суть и не придавая значенія подробностямъ, онъ легко могъ перепутать день и обстоятельства. Судя по этому легко могъ, впрочемъ, и самъ Рачковскій, въ памяти котораго запечатлѣлись, конечно, ясно всѣ тѣ подробности рассказа, въ коихъ онъ былъ заинтересованъ, то-есть, все, что касалось зарытія золота.

Въ рассказѣ говорится, что случилось все то въ день, когда французы двинулись изъ Борисова на переправу, то-есть, 13—14 ноября. Мѣстность же, точно обозначенная солдатомъ, лежащая въ такомъ опредѣленномъ мѣстѣ—непосредственно выше мостовъ, ведущихъ чрезъ рѣку Березину въ городъ Борисовъ, дѣйствительно говоритъ о происходившемъ здѣсь 9 ноября 1812 года жаркомъ сраженіи между авангардомъ Молдавской арміи адмирала Чичагова подъ начальствомъ доблестнаго генераль-адъютанта графа де-Ламберта и войсками г. Домбровскаго и минскаго губернатора г. Брониковскаго, занимавшими предмостное укрѣпленіе. Можно, не рискуя впасть въ большую ошибку, предположить, что фургонъ съ золотою поклажею, попавшій въ руки солдатъ, принадлежалъ къ обозу г. Домбровскаго, который, прибывъ къ укрѣпленію въ ночь на 9 ноября, при началѣ сраженія спѣшилъ переправиться за рѣку. Въ то время чрезъ Березину былъ одинъ сплошной на сваяхъ мостъ, длиною въ 200 сажень (теперь четыре). Для его занятія высланъ былъ еще до начала сраженія одинъ баталіонъ 14-го егерскаго полка, къ которому лично принадлежатъ Іоакимъ и его девять товарищей. Очень возможно, что фургонъ и попалъ въ руки солдатъ этого баталіона. Пользуясь темнотою—дѣло началось до разсвѣта,—общимъ замѣшательствомъ, подъ прикрытіемъ кустовъ и деревьевъ, покрывавшихъ въ то время острова, образуемые въ томъ мѣстѣ рукавами рѣки¹⁾, егеря легко могли незамѣченными продѣлать все то, что, спустя 24 года, умирая, рассказывалъ Іоакимъ. Ни до, ни послѣ 9 ноября около города Борисова на этомъ мѣстѣ никакихъ столкновеній съ непріятелемъ не было, почему и ни одинъ непріятельскій фургонъ въ иное время не могъ попасться въ руки нашихъ солдатъ.

¹⁾ «Геометрическій планъ города Борисова и принадлежащихъ ему земель, составленный въ 1797 году», хранится въ городской управѣ.

Случайно узнавъ отъ Иоахима о такой серьезной тайнѣ, сулившей имъ обогащеніе, Рачковскіе хранили ее въ глубокомъ секретѣ; они не рѣшались объявить властямъ и просить позволеніе выкопать, справедливо опасаясь, что все у нихъ безапелляціонно отберутъ. Таково было время 30-хъ и 40-хъ годовъ. Тайно же пытаться выкопать не рѣшались, въ виду колоссальности суммы и потому, что работа ихъ не могла бы остаться незамѣченною и неизвѣстною. Рачковскіе только ревниво стали наблюдать за мѣстомъ. Но скоро старикъ умеръ, а сынъ не могъ собраться до 1864 года, когда по независимымъ отъ него обстоятельствамъ долженъ былъ переселиться на житье въ Вятскую губернію. Возвратясь оттуда, онъ, считавшій себя уже болѣе 70 лѣтъ, оставшись къ тому же одинокимъ на свѣтѣ, рѣшился открыть, наконецъ, скрываемую имъ въ теченіе 60 лѣтъ тайну. Въ 1895 году (26 апрѣля) онъ подалъ докладную записку министру земледѣлія и государственныхъ имуществъ; въ ней онъ, изложивъ обстоятельства, изъявлялъ готовность указать мѣсто, гдѣ въ 1812 году было зарыто золото, и просилъ для болѣе подробнаго доклада вызвать его въ Петербургъ. Какъ бы въ отвѣтъ на это, спустя три мѣсяца, императорская археологическая комиссія¹⁾ сообщила Рачковскому, что его докладная записка, поданная на имя министра, передана въ комиссію, и что все изложенное въ той запискѣ ею «принято къ свѣдѣнію». Получивъ такой неопредѣленный и въ нѣкоторомъ родѣ странный отвѣтъ, показавшій, что съ его тайною обошлись такъ безцеремонно, сдѣлавъ ее достояніемъ двухъ канцелярій, Рачковскій обратился непосредственно въ археологическую комиссію съ просьбою высказаться опредѣленнѣе, указывая на свой преклонный возрастъ и на то, что съ нимъ эта тайна можетъ умереть, прося притомъ все держать въ секретѣ. Но комиссія, принявшая «къ свѣдѣнію», не потрудилась на это даже отвѣтить. Послѣ этого Рачковскій написалъ письмо къ почтенному предсѣдателю археологической комиссіи, графинѣ Прасковѣ Сергѣевнѣ Уваровой²⁾, въ коемъ, подробно все изложивъ, просилъ ея сіятельство «приказать доложить себя» его докладную записку. Путь оказался вѣренъ — графиня тотчасъ же собственноручно отвѣтила: «ни Петербургское археологическое общество, ни Московское—никто изъ насъ не пускается въ такое дѣло, ибо мы по уставу преслѣдуемъ только ученые цѣли, предоставляя кладоискательства частнымъ лицамъ или правительству»³⁾. Отвѣтъ ясный и опредѣленный. Послѣ этого Рачковскій подалъ докладную записку министру внутреннихъ дѣлъ

¹⁾ Отношеніе смоленскому полицеймейстеру (по мѣсту жительства Рачковскаго) отъ 21 іюня 1895 г. за № 1003.

²⁾ Отъ 28 сент. 1895 г.

³⁾ Отъ 8 окт. 1895 г. за № 1389.

(отъ 16 апр. 1896 г.), и ему удалось, наконецъ, добиться, что власти г. Борисова разрѣшили¹⁾ ему произвести раскопки на принадлежащей городу землѣ. При этомъ онъ обязался, въ случаѣ находки, городу, какъ собственнику земли, уплатить 5% со всей найденной суммы.

Около г. Борисова р. Березина разбивается на рукава и образуетъ острова, изъ коихъ одинъ размѣромъ около квадратной полуверсты; поверхность этого острова не ровна: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на немъ находятся длинныя, узкія, возвышенныя грядки, или, какъ вѣдѣсь ихъ называютъ, гривы, а рядомъ съ ними болотистыя впадины, кои къ осени обыкновенно пересыхаютъ.

На этой-то сравнительно большой площади и было солдатами зарыто золото. Указатели же самаго мѣста—два дуба, исчезли безъ слѣда. Въ послѣдній разъ Рачковскій видѣлъ ихъ пни полсотни лѣтъ тому назадъ. Приѣхавъ въ Борисовъ, онъ не могъ уже найти самаго того мѣста, гдѣ стояли дубовые пни. Какъ ему казалось, они стояли на гривѣ (онъ въ теченіе всего времени ни разу не подходилъ близко къ пнямъ, а смотрѣлъ на нихъ издали; ему все казалось, что борисовцы слѣдятъ за нимъ, что-то подозрѣвая). Это же утверждаетъ и еще одинъ глубокой старикъ, житель Борисова, хорошо помнящій дубы, ибо ему не разъ приходилось въ молодости, пася по ночамъ лошадей, спать подъ тѣми дубами. Свои поиски Рачковскій началъ съ этихъ гривъ. Срѣзывался верхній слой земли вершка въ четыре толщиною, въ надеждѣ найти слѣды пней: рядомъ съ этимъ земля изслѣдовалась щупами — стальными прутьями длиною въ 1¹/₄ аршина, толщиною въ карандашъ, заостренными и съ такими же гранями съ одного и съ деревянными ручками съ другого конца. Щупы эти очень чувствительны: при переходѣ даже изъ одного слоя земли въ другой, иной по составу, они издаютъ разные звуки; при встрѣчѣ же на пути своемъ разныхъ твердыхъ тѣмъ даютъ характерный звонъ, по которому можно легко опредѣлить, на что они наткнулись: на камень, металлъ или дерево. Съ помощью такого щупа легко можно опредѣлить даже форму лежащаго въ землѣ предмета. Изслѣдуя возвышенныя мѣста (и то не въ порядкѣ, а такъ на выборъ), Рачковскій игнорировалъ всѣ низкія мѣста, исходя изъ того убѣжденія, что на нихъ солдаты не могли зарыть золото. Онъ не взялъ во вниманіе того обстоятельства, что 85 лѣтъ, протекшихъ съ 1812 года, могли во многомъ измѣнить видъ поверхности: низкія мѣста, вслѣдствіе ежегоднаго наноса, могли обратиться въ возвышенныя, высокія же легко могли быть размыты весеннею водою. Вообще поиски были произведены далеко не тщательно, даже не вся площадь была осматрѣна, и слѣдовательно надежда возлагалась

¹⁾ Журналъ собранія уполномоченныхъ г. Борисова отъ 4 сентября 1896 г. и «Минскій Листокъ» 21 сентября того же года, № 63.

болѣе на счастливый случай, и кладъ найденъ не былъ. Видимо, не послѣднюю роль въ этой неудачѣ играла простая экономія, боязнь затратить значительную сумму денегъ, несмотря даже на то, что самъ искатель клада непоколебимо вѣритъ въ правдивость словъ солдата, коему и въ дѣйствительности, казалось бы, не было никакого основанія говорить неправду предъ смертію, тѣмъ болѣе, что никто о томъ и не спрашивалъ. По условію же, заключенному съ г. Борисовымъ, всѣ поиски должны были быть закончены въ 1897 году безъ права возобновлять ихъ въ слѣдующемъ. Такимъ образомъ, право производить дальнѣйшія раскопки принадлежитъ теперь уже городу.

Для жителей Борисовскаго уѣзда подобные слухи о кладахъ не новость, особенно окрестностей г. Борисова, Студенки и Брилей—деревень, гдѣ «великая армія», несмотря, казалось бы, на бѣвходное положеніе, совершила ¹⁾ блистательную переправу, жестоко обманувъ адмирала Чичагова— «*cet imbécile d'amiral*», какъ называлъ его Наполеонъ. Множество слуховъ о кладахъ ходитъ по всему уѣзду, слуховъ упорныхъ и, до нѣкоторой степени, конечно, основательныхъ. Впрочемъ, эти слухи, иногда подтверждаемые находками, распространены, начиная отъ Смоленска, по всей той полосѣ, по которой отступалъ съ каждымъ шагомъ уменьшавшійся въ числѣ и все болѣе и болѣе деморализовавшійся непріатель. Несмѣтные богатства награбили французы въ Россіи и везли съ собою—«хвостъ арміи походилъ на татарскую орду, совершившую счастливый набѣгъ».

Стоявшая до 24 октября хорошая погода, 25-го— сразу переменялась къ худшему, начались морозы, пошелъ снѣгъ. Ни одна съ того времени ночь не проходила, чтобы во французской арміи, бивакировавшей подъ открытымъ небомъ, не падало нѣсколько сотенъ лошадей, и безъ того обезсиленныхъ недостаткомъ въ фуражѣ. Въ перехваченныхъ письмахъ (изъ Залѣсья отъ 23 и 27 октября) вице-король итальянскій сообщалъ Бертъе, что въ его войскахъ лошади по ночамъ «погибали вдругъ цѣлыми запряжками» (письмо отъ 23 октября написано до наступленія холодовъ, когда стояла еще прекрасная погода; слѣдовательно, причина гибели лошадей лежала не въ одномъ только морозѣ) по 400 и болѣе; онъ писалъ, что не можетъ уже «тащить за собою» артиллерію, что «уже сегодня (23-го октября) многія орудія были заколочены и зарыты», и что вообще

¹⁾ Жюмини, Политич. жизнь Наполеона, II, 325, изд. 1844 г.: «Никогда не находился я (Наполеонъ) въ столь отчаянномъ положеніи: тѣснымъ съ тылу, слѣва и справа, я долженъ былъ переправиться черезъ рѣку, обороняемую арміею, съ полужертвыми отъ голода и холода войсками мнѣ должно было преодолѣть препятствія, которыя могли устрашить и самую благоустроенную армію».

«эти три дня стояли намъ двѣ трети артиллеріи цѣлаго корпуса» ¹⁾. Послѣ отступленія изъ Смоленска, въ 17 верстахъ по большой дорогѣ, непріятель бросилъ 112 пушекъ, множество ящичковъ, экипажей ²⁾. Въ Оршѣ оставлено было 26 орудій ³⁾. И все это бросалось по дорогамъ или зарывалось по невозможности увезти съ собою вслѣдствіе гибели лошадей отъ изнуренія и болѣзней. Но число этихъ несчастныхъ друзей человѣка, раздѣлявшихъ всѣ ужасы, постигшіе французовъ, уменьшилось и потому еще, что деморализованные вконецъ солдаты убивали ихъ въ пищу на глазахъ своихъ офицеровъ. Такъ, 29 октября, два начальника обоза доносили, что солдаты ночью силою захватили и убили для этой цѣли 250 лошадей ⁴⁾.

Съ потерей лошадей уменьшались, конечно, и обозы артиллеріи и кавалеріи. Морозы въ томъ году начались нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, но были еще сносны; чрезъ нѣсколько дней они достигли до 18°, и лошади гибли каждую ночь не сотнями, а уже тысячами. Особенно оказались неспособными переносить холодъ лошади, приведенныя изъ Франціи и Германіи. Въ нѣсколько дней погибло отъ мороза болѣе 30 тысячъ лошадей ⁵⁾.

Въ теченіе долгаго времени стояла гололедица, а лошади не были перекованы на зимніе шипы ⁶⁾; при спѣшности марша и недостаткѣ желѣза и времени расковавшихся лошади вновь не ковались, все это, конечно, должно было, помимо другихъ причинъ, немало способствовать окончательной гибели лошадей ⁷⁾. Французскія войска, бывшія до 24 октября еще въ прекрасномъ состояніи, къ 2-му ноября уже измѣнились до неузнаваемости. Число оставшихся въ рядахъ быстро уменьшалось, увеличивая шедшую за войсками толпу бросившихъ оружіе съ отмороженными руками и ногами; среди этой нестройной толпы исчезла уже всякая дисциплина. Эта толпа мародеровъ служила только соблазномъ для остальныхъ: солдатъ, оставшій почему либо отъ своей части, вмѣшавшись въ нее, терялся въ ней и назадъ уже не возвращался.

Гибель лошадей увеличивала число пѣшихъ кавалеристовъ, дѣ-

¹⁾ Донесеніе императ. Александру ген.-адъют. Кутузова отъ 30 октября. Извѣстія о военн. дѣйств., Спб., изд. 1813 г., стр. 203, 206.

²⁾ Ibidem, 239. Донес. фельдм. Кутузова.

³⁾ Ibidem, 249.

⁴⁾ Кюибюскъ, Письма о войнѣ 1812 г., стр. 108 и 112, Москва, 1833.

⁵⁾ «Kurjer Litewski», 1813 г., № 9 (въ Виленской Публичн. библиот.).

⁶⁾ Пишущій эти строки видѣлъ французскія подковы, поднимаемыя лѣтомъ 1896 г. землечерпательною машиною со дна Березины, противъ д. Студенки (одну стальную онъ приобрѣлъ отъ крестьянина); подковы эти прекрасной работы съ двумя небольшими лѣтными шипами; онѣ нисколько не отличаются отъ принятыхъ въ настоящее время въ нашей арміи.

⁷⁾ Ахшарумовъ, Описаніе войны 1812 г., изд. 1838 г., ч. II, 240 стр. Кюибюскъ, Письма о войнѣ 1812 г., стр. 110, Москва, 1833 г.

лавшихся уже ни къ чему неспособными и лишь обременявшими войска.

Великая армія спѣшно подвигалась впередъ; положеніе ея съ каждымъ шагомъ дѣлалось все хуже, она таяла на глазахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшались и обозы. Повозки бросались, цѣнные вещи, что было только возможно, уносились съ собою. Плѣнные цѣлыми тысячами забирались нашими войсками, а все, что находилось при нихъ, дѣлалось, конечно, достояніемъ нашихъ солдатъ, особенно казаковъ, неотступно и тучею со всѣхъ сторонъ облежавшихъ уходившаго непріятели. Множество обоза досталось въ добычу подъ Краснымъ. «Нижніе чины при семъ случаѣ очень обогатились», говоритъ Ермоловъ (252 стр.).

Но, несмотря на эту страшную потерю лошадей, обозовъ за арміею тянулось еще множество, хотя Наполеонъ, спѣшившій прибыть съ остатками войскъ на Березину раньше Чичагова ¹⁾, не разъ отдавалъ строгія приказанія сжечь всѣ повозки, безъ коихъ войска могли бы обойтись. Но множество, цѣлыя ихъ еще тысячи, непріятелю удалось довести до Березины. Невзирая на всю трудность

¹⁾ Пювибюскъ (Письма о войнѣ въ Россіи 1812 г., изд. 1833 г., Москва), генераль-оберъ-провіантмейстеръ войскъ Наполеона, приводитъ интереснѣйшій рассказъ (стр. 187) о впечатлѣніи, произведенномъ на Наполеона роковою вѣстью о прибытіи Чичагова на Березину. «Миляхъ въ 6-ти отъ Борисова по Смоленской дорогѣ, подобно погребальной процессіи, двигалась не такъ давно еще грозная французская гвардія. Закутанный въ шубу съ мѣховою шапкою на головѣ, опираясь на палку, шелъ пѣшкомъ Наполеонъ, погруженный въ мрачную думу. Нѣсколько впереди императора шелъ князь Нефштательскій. Къ нему подошелъ офицеръ (полковникъ де-Ф.) и что-то негромко говорилъ; ближайшіе могли только слышать: «Березина», «русскіе». Это обратило вниманіе Наполеона, онъ, а за нимъ и всѣ остановились. «Что онъ тамъ говоритъ такое?» спросилъ императоръ и, не получивъ тотчасъ отвѣта, сердито повторилъ вопросъ. По приказанію Бертье, полковникъ сказалъ; «Маршалъ (Удино) приказалъ мнѣ доложить, что русская молдавская армія прибыла на Березину и заняла всѣ проходы».— «Это неправда, этого не можетъ быть!» почти крикнулъ Наполеонъ. Полковникъ же продолжалъ: «Два непріятельскіе отряда заняли мостъ и перешли уже на лѣвый берегъ; на рѣкѣ лодъ слабъ, переправа по немъ невозможна». Наполеонъ, снова прервавъ докладъ, закричалъ: «Лжетъ онъ,— это неправда!» Видимо обиженный полковникъ сказалъ: «Не мнѣ было поручено узнавать о расположеніи непріятели, маршалъ лишь только послалъ доложить вамъ объ этомъ, что я и исполнилъ». Наполеонъ всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ старался казаться спокойнымъ, всякое извѣстіе онъ выслушивалъ съ такимъ видомъ, какъ будто бы оно имъ было предвидѣно, но привезенная вѣсть, грозившая окончательною гибелью, была роковая. Потерявшій самообладаніе Наполеонъ замахнулся палкою на полковника де-Ф.; всѣ думали, что онъ его ударитъ. Но императоръ вдругъ подался назадъ. Лицо его искажилось отъ злости, глаза блистали яростью; въ гнѣвъ токнулъ онъ о землю ногою, заскрежеталъ зубами; опершись на палку, онъ вытянулъ правую руку вверхъ, какъ бы угрожая небу, и произнесъ страшное богохульство (авторъ рассказа говоритъ, что не могъ привести этихъ ужасныхъ словъ). Прошло нѣсколько мгновеній, всѣ стояли въ какомъ-то оцѣпенѣніи. Наполеонъ первый пришелъ въ себя и, нервно зашагавъ далѣе, приказалъ всѣмъ продолжать путь.

ихъ сохранить, французы не могли разстаться съ этимъ обозомъ, нагруженнымъ драгоценнѣйшими вещами. По мѣрѣ отступленія арміи остатки награбленныхъ вещей дѣлались все болѣе драгоценными, такъ какъ, вслѣдствіе гибели лошадей, бросалось или зарывалось въ землю менѣе цѣнное, занимавшее болѣе мѣста, а оставлялись деньги, драгоценные металлы и камни. Наполеонъ самъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что солдаты бѣжали, отягощенные золотомъ, но голодные, въ рубищахъ.

Наконецъ, обремененное добычею непріятельское войско достигло Березины, прославившейся на весь міръ разыгравшимися на берегахъ ея кровавыми ужасами. «Имя ея, — говоритъ очевидецъ переправы (инженерный офицеръ Мартосъ), — любезно, священно каждому русскому, но ужасно каждому другу человѣчества». Будучи исполнѣ правъ относительно второй половины своей фразы, онъ грѣшитъ первой. Почему имя ея должно быть «любезно», когда на этой рѣкѣ мы потерпѣли положительную неудачу. Несмотря на всѣ неблагоприятныя для него обстоятельства, Наполеонъ не только со всѣмъ своимъ войскомъ не погибъ совершенно, не только избѣжалъ, казалось бы, неизбѣжнаго плѣна, но даже вышелъ почти побѣдителемъ, правда, купивъ временную отсрочку уничтоженія арміи дорогою цѣною, цѣною гибели многихъ тысячъ воиновъ, къ судьбѣ которыхъ, впрочемъ, онъ былъ всегда болѣе, чѣмъ равнодушенъ.

«Неподдающуюся описанію картину, полную ужасовъ войны, увидѣли русскія войска утромъ, 17 ноября, когда сошлись на берегу Березины, гдѣ за три дня предъ тѣмъ находилась д. Студенка»¹⁾.

¹⁾ Студенка, Студеная, въ реляціяхъ Студенцы; у нашихъ солдатъ сдѣлалась известна подъ именемъ «Холодная» (Скобелевъ, Переписка и рассказы русскаго инвалида, Спб., 1844 г.). До нашествія Наполеона въ деревнѣ этой было только 7 дворовыхъ участковъ (теперь около 20); всѣ строенія въ ней были разобраны непріателемъ на постройку мостовъ, на костры и сожжены; въ первый день переправы было оставлено только двѣ избы для Наполеона, но, по переходѣ императора на правый берегъ, и онѣ были разобраны, и вся деревня совершенно исчезла съ лица земли; жители ея, разбѣжавшіеся при нашествіи французовъ, въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ не строились совсѣмъ, а проживали въ окрестныхъ деревняхъ. Равнымъ образомъ, тогда же прекратила свое существованіе и д. Запивки, лежавшая на правомъ берегу рѣки почти противъ Студенки, и больше уже не отстраивалась; названіе же сохранилось за мѣстностью. Непосредственно за д. Студенкою у сѣверной ея окраины, на вершинѣ довольно значительной возвышенности, находится правильной формы (300 шаговъ въ окружности кочковатое болото, никогда не высыхающее, а посрединѣ его что-то въ родѣ колодца аршина въ три въ поперечникѣ, круглой формы. Быть можетъ, что самое названіе деревни произошло отъ этого колодца (польски и бѣлорусски — студня). Колодець этотъ довольно глубокъ; изъ него жители время отъ времени вытаскиваютъ орудія и другія вещи. Мѣстный житель, крестьянинъ Лука Никифоровъ, человѣкъ уже немолодой, со словъ отца своего рассказываетъ, что 7 колодецевъ, бывшихъ въ деревнѣ, сплошь были завалены разными предметами. Одинъ колодець отрывали, и онъ былъ заваленъ пулями, картечью. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Студенку пріѣзжалъ нѣкій лѣсничій Б. и старался найти мѣсто одного колодца, куда якобы брошено было 12 боченковъ золота. Поиски не привели ни къ какимъ результатамъ.

На пространствѣ квадратной полуверсты берега рѣки и скованная морозомъ болотистая долина сплошь завалены были убитыми, ранеными, раздавленными колесами пушекъ и ногами товарищей, а также отставшими, среди которыхъ не мало было женщинъ и дѣтей; и считались эти убитые и живые многими, очень многими тысячами. Кромѣ того, на той же сравнительно небольшой площади груды убитыхъ лошадей и брошенные орудія, зарядные ящики, повозки, экипажи. И всего этого цѣлыя тысячи. Среди этого хаоса не только проѣхать, но даже пробраться пѣшкомъ было очень трудно. Послѣ довольно теплой погоды въ этотъ день вдругъ начался сильный морозъ и поднялась вьюга¹⁾, засыпая снѣгомъ несчастныхъ раненыхъ и больныхъ съ отмороженными руками и ногами, обрванныхъ, голодныхъ, но съ набитыми золотомъ карманами. По берегамъ, какъ тѣни, бродили почти потерявшіе уже человѣческій обликъ народы Европы, не обращая вниманія на собиравшихся отовсюду казаковъ... Послѣ того, какъ сожжены были мосты, всѣ они предоставлены были своей судьбѣ. Все болѣе увеличивавшаяся стужа оканчивала ихъ страданія.

Брошенные обозы состояли изъ награбленныхъ экипажей (по выступленіи французовъ изъ Москвы, за арміею тянулось болѣе 10 тысячъ каретъ, колясокъ, дрожекъ, бричекъ, фуръ, телѣгъ, набранныхъ въ московскихъ каретныхъ рядахъ), нагруженныхъ всевозможнѣйшими цѣнными вещами, золотомъ, серебромъ, драгоценными камнями, мѣхами и пр. и пр. Множество было церковной утвари и ризъ, содранныхъ съ образовъ. Чтобы очистить дорогу къ мостамъ для войска, сравнительно на небольшомъ протяженіи, было назначено три дружины ополченія. Работали онѣ цѣлый день и съ трудомъ смогли только прочистить не широкую улицу, сторонами которой были нагроможденные другъ на друга повозки, пушки и люди. Всѣ брошенные непріателемъ сокровища были отданы войскамъ²⁾. Всѣ они, насколько то было возможно «по времени», были растащены солдатами³⁾. Витгенштейнъ «приобрѣлъ себѣ здѣсь богатую добычу»⁴⁾. Всѣ церковныя вещи, награбленныя въ Москвѣ, по приказанію Витгенштейна, были собраны и отосланы въ сожженную столицу на имя Ростопчина⁵⁾.

По уходѣ Наполеона и нашихъ войскъ, а, главное, по наступленіи теплаго времени, мѣстныхъ полицейскія власти занялись очищеніемъ мѣста сраженія около дд. Студенки и Брилей. Со всего

¹⁾ Ермоловъ, Записки, 276.

²⁾ Донесеніе Витгенштейна императору Александру отъ 17 ноября (Извѣстіе о военн. дѣйств., изд. 1813 г.).

³⁾ Похвистневъ, Журналь....., ч. I, 281 стр.; Ахшарумовъ, Описаніе войны, стр. 263. Донесеніе Витгенштейна государю отъ 17 ноября изъ Старого Борисова.

⁴⁾ Тушардъ, Ист. Напол., III, 503.

⁵⁾ Донесеніе Витгенштейна отъ 17 ноября.

уѣзда приказано было собрать людей для погребенія труповъ убитыхъ и замерзшихъ людей и лошадей, наполнявшихъ собою, кромѣ мѣста боя, еще окрестныя деревни и лѣса. Но собрать и похоронить всѣхъ было нельзя. Для очищенія Березины собранные люди вытаскивали изъ нея и трупы, и нагроможденные въ ней предметы, множество экипажей. Въ нихъ часто находили утонувшихъ женщинъ, нерѣдко съ младенцемъ на рукахъ. Положеніе женщинъ, слѣдовавшихъ за великою арміею, по большей части куртизанокъ, особенно было ужасно. Онѣ, привыкшія къ роскоши, удобствамъ, осуждены были на ужасныя мученія отъ голода и холода. Эти безпомощныя существа брошены были своими кавалерами на произволь судьбы. Изъ воды вытаскивали множество повозокъ съ амунициею и разными военными запасами. При неисчислимомъ количествѣ всевозможныхъ предметовъ обращалось вниманіе, конечно, на крупные. Болѣе мелкіе цѣлыми грудами валялись на пространствѣ почти одной квадратной версты. Въ первый же день по переправѣ (17 ноября) морозъ сковалъ болото и рѣку, а снѣгъ, какъ бы стыдѣсь за людей, спѣшилъ закрыть всю эту грустную картину своимъ блестящимъ бѣлымъ покрываломъ. Вешнія воды засосали всѣ мелкіе предметы въ землю, занесли иломъ и пескомъ, скрывъ ихъ до времени отъ человѣческой алчности.

Вода въ рѣкѣ долго стояла выше своего обыкновеннаго уровня отъ громаднаго скопленія въ ней труповъ людей, лошадей, массы повозокъ и другихъ предметовъ, по приказанію сброшенныхъ въ нее съ мостовъ и образовавшихъ какъ бы плотину. Послѣдній изъ ветерановъ великой арміи, Николай Савенъ (N. Savin), рассказывалъ¹⁾, что маршалъ Ней поручилъ ему переправить черезъ мостъ повозки съ казначействомъ главнаго штаба, на коихъ везлось около четырехъ милліоновъ франковъ золотомъ. Подъ давленіемъ перевозимыхъ тяжестей козлы, на которыхъ были построены мосты, вдавливались въ дно рѣки и вдавливались неравномѣрно, вслѣдствіе чего на мостахъ образовались ухабы. Это еще болѣе способствовало къ ихъ порчѣ, и они нѣсколько разъ ломались. Къ концу же третьяго дня эти «хрупкіе подмостки», построенные изъ досокъ и бревенъ разобранной деревни²⁾, совершенно распатались. Савенъ съ нагруженными золотомъ повозками переправлялся въ числѣ послѣднихъ, съ аріергардомъ маршала Виктора. Не достигъ онъ еще и середины моста, какъ послѣдній, не выдержавъ тяжести скопившихся орудій, повозокъ и толпы людей, проломился, и въ воду упало все столпившееся на немъ. Самъ Савенъ, въ числѣ очень немногихъ, съ большимъ трудомъ спасся. Нѣтъ основанія не вѣрить разсказу почтеннаго 126-тилѣтнаго старца. Потонувшее золото не было поднято

¹⁾ Приложение къ газетѣ «Новое Время» отъ 28 мая 1894 г., № 6553.

²⁾ Военно-ученый архивъ главнаго штаба, отд. II, № 5735.

со дна рѣки; въ противномъ случаѣ, это не могло бы остаться тайною, принявъ во вниманіе колоссальность суммы, сложность и трудность работы для того времени. Правда, въ 1813 году производилась работы по очищенію русла Березины ¹⁾, но очистка была произведена далеко неосновательная. Вытаскивалось изъ воды самымъ примитивнымъ способомъ лишь только то, что давалось легко. Все извлеченное шло въ пользу тѣхъ, кто хотѣлъ надъ тѣмъ трудиться. Экипажи обдирались, находившіяся въ нихъ вещи вынимались. Собранная добыча накладывалась на воза и безпрепятственно развозилась по помѣщичьимъ и крестьянскимъ домамъ. Цѣны на находимыя вещи пали до невозможности, ибо покупателей не оказывалось—всякій могъ пріѣзжать и брать. Одинъ казакъ, напримѣръ, продавалъ порядочной величины мѣшечекъ, наполненный крупными брилліантами, и всего лишь за 15 рублей ²⁾.

Двумя высочайшими указами отъ 30 ноября и 24 декабря 1812 года гражданскимъ губернаторамъ тѣхъ губерній, по которымъ «великая армія» сначала отступала, а послѣ бѣжала въ полномъ разстройствѣ, было повелѣно поставить въ обязанность всѣмъ жителямъ собирать по лѣсамъ, полямъ и дорогамъ брошенное непріателемъ оружіе, амуницію и другіе предметы и сдавать ихъ въ городскія и земскія полиціи ³⁾.

Все собранное по уѣздамъ представлялось губернаторамъ, а этими послѣдними сдавалось въ ближайшіе арсеналы. Ежемѣсячно на высочайшее имя губернаторы подавали рапортъ съ представленіемъ вѣдомостей о числѣ собраннаго по губерніи оружія. Вотъ эти свѣдѣнія по Минской и Виленской губерніямъ ⁴⁾:

	По Минской,	по Виленской.
1) Орудій разнаго калибра . . .	28 ⁵⁾	14
2) Зарядныхъ ящичковъ . . .	32	—
3) Ружей: исправныхъ 5260 } неисправн. 4330 }	9590	6339
4) Замокъ къ ружьямъ . . .	72	—
5) Стволы	1114	—
6) Шомпалы	126	—
7) Штыковъ	908	247
8) Пистолетовъ: исправн. 108 } неиспр. 45 }	153	58
9) Сабель	—	212
10) Тесаковъ	—	580
11) Палашей	—	924
12) Кирасъ	—	161
13) Фуръ	—	9

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ», апрѣль, 1897 г., стр. 179, статья В. Харковича: «Поѣздка въ Студенку».

²⁾ Янковскій, Powiat Oszmiański, Спб., 1896 г., стр. 48.

³⁾ Военно-ученый архивъ главнаго штаба, II, № 1929.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Изъ нихъ въ г. Борисовѣ 22.

Не подлежитъ сомнѣнію, что сборъ оружія и другихъ предметовъ жителями производился болѣе или менѣе тщательно, но властямъ изъ всего найденнаго сдавалось то, что имъ самимъ не было нужно. Приведенныя выше свѣдѣнія по двумъ губерніямъ уже сами о томъ говорятъ. На Березинѣ, напримѣръ, непріятелемъ было брошено множество всевозможныхъ повозокъ, а между тѣмъ жители Минской губерніи ихъ, какъ нужные каждому хозяину, не представили ни одной, Виленской же—только 9. А между тѣмъ вся дорога отъ м. Зембина до самой Вильны была завалена брошенными повозками. Идущія сзади наши войска могли растаскивать лежащія въ нихъ вещи, но самыя повозки бросались тамъ же и онѣ, дѣлались достояніемъ мѣстныхъ жителей. Ручное холодное оружіе, видимо, особенно нравилось жителямъ Минской губерніи—они не представили ни одного тесака, ни одного палаша, ни одной сабли, тогда какъ Виленская губернія въ общей сложности представила ихъ 1716. А между тѣмъ въ Минской, по рѣкѣ Березинѣ, особенно должно было быть всего того много. Если судить по свѣдѣніямъ, то въ Минской губерніи не погибъ ни одинъ кирасиръ, тысячи же ихъ оставили свои палаши въ Виленской губерніи. О недобросовѣстной сдачѣ свидѣтельствуетъ также и скромное число представленныхъ пистолецовъ—по обѣимъ губерніямъ только 211. Въ дѣйствительности же, конечно, все собрано было въ громадномъ количествѣ, но никто не слѣдилъ за точнымъ исполненіемъ высочайшихъ приказовъ, кои притомъ нѣсколько и поздно сдѣлались извѣстны жителямъ; если же послѣдніе что и представляли, то чтобы только отдѣлаться, и то лишь имъ самимъ ненужное, какъ-то: поломанныя ружья, стволы и проч.

На самомъ же дѣлѣ, долго еще послѣ 1813 года, дворы помѣщиковъ и крестьянъ были наполнены всевозможнаго рода вещами, принадлежавшими великой арміи и награбленными ею въ Россіи. Долго еще мѣстные крестьяне передѣлывали и ходили въ мундирахъ, обшитыхъ галунами, а дѣти играли султанами знаменитыхъ кирасировъ. Кучами валялись кирасы, шпаги, палаши, сабли, ордена почти всѣхъ европейскихъ армій, неисчислимое количество бомбъ, картечи, пуль. Если и въ настоящее время, спустя 85 лѣтъ, въ Бриляхъ и Студенкѣ нерѣдко можно встрѣтить бабъ, на одеждѣ которыхъ пришиты пуговицы съ изображеніями на нихъ то № полка, то трубы, то пушки (и пуговицы этихъ можно купить много и дешево очень), если и теперь еще ежегодно при воздѣлываніи полей находятъ въ достаточномъ количествѣ пули, картечи, бомбы, разныя мѣдныя бляхи, замки отъ ружей, пулелейки и проч., то что же было въ первые года! Если и теперь за эти вещи туристы платятъ самыя ничтожныя деньги, то первое время и цѣнныя вещи были ни по чѣмъ. Прекраснѣйшіе карманные часы, столовые сервизы, серебряная посуда, золотыя кольца, разныя женскія украшенія,

въ богатѣйшей оправѣ шпаги, сабли, пистолеты—все это за безцѣнокъ можно было приобрести отъ крестьянъ. Нерѣдко и теперь можно въ деревнѣ видѣть мелкіе, битые куски какой-то посуды, и оказываются эти черепки чуднымъ севрскимъ фарфоромъ. Разнаго рода желѣза (шины, оси, всевозможная оковка) было такое множество, что ближайшія деревни лѣтъ двадцать не покупали ¹⁾ его для своихъ хозяйственныхъ надобностей. Шпаги и сабли пошли на кухонные ножи, кирасы—*sic transit gloria mundi*—на сковороды ²⁾. Говорятъ, что и теперь въ нѣкоторыхъ домахъ можно встрѣтить безмены и небольшія ручныя мельницы ³⁾ для молотья хлѣба; ими и теперь еще пользуются для домашняго обихода.

Посѣтившій ⁴⁾ мѣсто переправы въ д. Студенкѣ, спустя десять лѣтъ, пишетъ, что въ этой деревнѣ, при входѣ въ нее, бросались въ глаза во множествѣ валявшіеся на землѣ куски кожи, сукна, войлока. На берегу же рѣки на большомъ пространствѣ нога проваливалась въ смѣсь костей людей и животныхъ, разныхъ обломковъ жести и другихъ металловъ. Ясно обозначались мѣста мостовъ, а также путь чрезъ долину къ дер. Брили. На мѣстѣ главнаго моста образовался островокъ, поросшій «травою забвенья» и незабудками; для его образованія послужили трупы и провалившіеся предметы, занесенные иломъ. Всюду валялся шанцевый инструментъ, всевозможные воинскіе предметы. Болотистая долина праваго берега, шириною саженой въ триста, также была покрыта обломками, но мѣстами виднѣлись и болѣе крупныя предметы. Если все это было десять лѣтъ спустя, то какой же видъ являло изъ себя то мѣсто въ лѣтніе мѣсяцы 1813 года, когда р. Березина, полноводная весной и осенью, дѣлается маловодною, обнажая долину и свои берега на большое пространство.

Несомнѣнно, въ Березинѣ должны быть затоплены большія богатства, заключающіяся въ деньгахъ и цѣнныхъ предметахъ—и покоится все это подъ слоємъ песка и ила. Временами и сама вода вымываетъ со дна нѣкоторыя вещи. Деревенскіе мальчишки, въ надеждѣ сбыть сравнительно рѣдкимъ посѣтителямъ, и теперь еще выкапываютъ изъ песка разные мелкіе предметы. Однажды въ рѣкѣ былъ найденъ большой золотой крестъ съ цѣпочкою; изъ разсказовъ о его формѣ можно заключить, что онъ принадлежалъ духовному лицу. Крестъ этотъ былъ проданъ еврею за 8 рублей и за

¹⁾ Tyszkiewicz, Opis. pow. Borys., стр. 98.

²⁾ Ibidem.

³⁾ Пюбюскъ, Письма..., 114 стр. Французская армія не такъ терпѣла отъ недостатка въ хлѣбѣ, какъ отъ того, что не представлялось возможности перемолоть зерно, почему и приходилось ѣсть его жаренымъ; это вызывало болѣзни. Ручныя мельницы были доставлены изъ Франціи въ армію при отступленіи ея изъ Смоленска.

⁴⁾ Archiw, 1847 г., № 4, стр. 31.

нѣсколько рюмокъ водки. Въ іюнѣ этого года, около дер. Брилей была найдена дарохранительница (hostia) серебряная, въ формѣ сердца (продана за 3 рубля одному помѣщику). Пишущій эти строки много разъ былъ въ Студенкѣ, и постоянно ему крестьяне предлагали купить по одной, по двѣ золотыхъ монеты—«эмпульсоновъ», какъ они ихъ называютъ и цѣнять рублей въ 15—17. Но крестьяне охотнѣе сбываютъ все найденное, болѣе цѣнное, еврейскія, чѣмъ пріѣзжимъ туристамъ, предлагая имъ взаимѣнъ того разныя мелкія вещи—бляхи, пули, пуговицы («гузики»), т.-е. все, чего евреи не удостоиваютъ своимъ благосклоннымъ вниманіемъ. Еврей, тайный торговецъ водкою, является въ деревнѣ единственнымъ лицомъ, скупающимъ подъ шумокъ цѣнныя вещи. Не понимая ихъ историческаго значенія и изъ боязни, они спѣшатъ сбыть ихъ своимъ же единовѣрцамъ въ ломъ, чтобы скрыть слѣды. Этимъ и можно объяснить, почему въ руки интересующихся людей попадаетъ лишь желѣзо да мѣдь. Но иногда удается сдѣлать пріобрѣтеніе и у еврея: такъ, недавно авторъ купилъ серебряный позолоченный уголь отъ Евангелія, отлично сохранившійся, старинной прекрасной работы, съ изображеніемъ св. евангелиста Матвѣя.

Въ землѣ должно не мало находиться драгоцѣнностей. Французы, отступая, особенно послѣ Смоленска, должны были предвидѣть свою участь. Начиная отъ этого города и дальше, въ мѣстахъ, которыя по какимъ либо признакамъ казались имъ удобными, они закапывали деньги и цѣнныя вещи въ надеждѣ, по окончаніи войны, выкопать ихъ. А сколько закопавшихъ было убито, замерзло, умерло, а съ ними умирали ихъ тайны. О такихъ кладахъ въ Борисовскомъ уѣздѣ ходитъ не мало слуховъ: говорятъ объ одномъ, около дер. Коханова, объ очень большомъ гдѣ-то около Веселова (на Березинѣ, выше Студенки, въ 4 верстахъ), подъ м. Зембиномъ, Плещеницами и проч., и проч. Въ этомъ году найдено небольшое количество серебряныхъ монетъ около одной изъ деревень Лошницкой волости—монеты частью французскія, частью русскія, всѣ не позднѣе двѣнадцатаго года. Равнымъ образомъ въ августѣ этого года найдено довольно значительное число серебряныхъ и золотыхъ монетъ въ Студенкѣ.

Послѣ переправы чрезъ Березину, когда остатки великой арміи безпорядочною уже толпой бѣжали, когда сильный морозъ, доходившій до 30°, крѣпко сковалъ землю, и не было ни времени, ни возможности закапывать, когда лошади уже почти всѣ погибли,—добыча по дорогѣ непріателемъ уже открыто бросалась. Въ Вильнѣ, на примѣръ, боченки съ золотомъ валялись по улицамъ. Со времени переправы чрезъ Березину и до Вильны намъ досталось 150 орудій, болѣе 700 зарядныхъ ящиковъ, фургоновъ и такое множество обозовъ, что во многихъ мѣстахъ дорога ими была буквально завалена ¹⁾. Изъ Вильны

¹⁾ Донесеніе Чичагова государю отъ 29 ноября въ 20 верстахъ отъ Вильны, стр. 301.

остатки неприятеля бѣжали далѣе къ Ковнѣ. Въ семи верстахъ отъ прежней столицы Литвы около Парнаской горы отбито было 28 пушекъ и послѣдніе уже остатки обозовъ съ большою казною и дорогими вещами ¹⁾).

Многіе, повѣривъ упорно держащимся слухамъ, пробовали было счастья—копали во многихъ мѣстахъ, но, по большей части, ничего не находили. Нѣкоторые искатели кладовъ пріѣзжали изъ-за границы; одни тайно, другіе заручившись позволеніемъ и даже помощью правительства ²⁾). Они начинали поиски, руководствуясь какими-то описаніями и планами, но ничего не находили. Десятки лѣтъ, прошедшіе со времени нашествія французовъ, измѣнили во многихъ мѣстахъ поверхность земли до того, что она не согласовалась уже съ планомъ и описаніями. Если влады и зарывались, то, по всей вѣроятности, въ лѣсахъ ³⁾, а ихъ безошадно вырубаютъ, но со времени войны въ иныхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ не было, успѣли они и вырасти ⁴⁾. Но, тѣмъ не менѣе, бывало, что и находили, хотя по большей части случайно. По дорогѣ въ мѣстечкѣ Зембинѣ, между деревнями Большой Стаховъ и Брили, находится возникшій въ 1880-хъ годахъ небольшой поселокъ «Лещинникъ». Здѣсь въ лѣсу, 16 ноября, 1812 года, кипѣлъ упорный, кровопролитный, но не вполне удачный для насъ бой между войсками Чичагова съ Чаплицемъ и Сабанѣевымъ во главѣ и Наполеона подъ начальствомъ Удино и Нея; здѣсь своею атакою въ лѣсу такъ отличились кирасиры Думерка. Вырубивая лѣсъ и приготавливая землю подъ пашню, владѣлецъ (крестьянинъ Филипповичъ) случайно нашелъ зарытую въ землѣ подъ нимъ кирасу, наполненную золотыми монетами. Когда и кто успѣлъ зарыть ее? На этой мѣстности неприятель былъ только 16-го ноября, и то

¹⁾ Донесеніе фельдмаршала Кутузова государю. Журналъ военныхъ дѣйствій, стр. 307. Аршарумовъ, Описаніе войны, стр. 273.

²⁾ Tyszkiewicz, Opisanie pow. Bogus., стр. 99.

³⁾ Репортъ Чичагова, отъ 19 ноября, № 1191. «Что же касается до лѣсныхъ дефилей по дорогамъ, гдѣ неприятель проходить долженъ, я сначала имѣлъ на нихъ большую надежду, пока не увидѣлъ, сколько лѣса сіи мелки и малозначащи».

⁴⁾ Судя по одной прекрасной картѣ—Passage de la Bérézina—приложенной къ книгѣ: *Wagon Faïu, Manuscrit de 1812*—со времени войны и до настоящаго времени перемѣны въ мѣстности произошли слѣдующія: въ Старомъ Борисовѣ позиція французовъ, а также вся лѣвая сторона протекающаго черезъ него ручья теперь поросли большимъ лѣсомъ, коего въ 1812-мъ году не было. Далѣе, пространство между деревнями Быткою и Студенкою, теперь почти сплошь покрытое большимъ лѣсомъ, прежде было открытымъ пространствомъ. Обѣ стороны ручья, позиція маршала Виктора 16 ноября, теперь покрыты лѣсомъ—правая сторона большимъ, лѣвая кустарникомъ—всего этого въ 1812 году не было. Вообще, судя по названной, тщательно отдѣланной картѣ, вблизи Студенки на нѣсколько верстъ лѣса не было, теперь же онъ почти непосредственно подходитъ къ самой деревнѣ. Кстати: нижній мостъ около деревни Студенки показанъ южнѣе деревни, верхній противъ ея середины—это расходится съ показаніями нашихъ историковъ. Распредѣленіе же лѣса на правой сторонѣ Березины осталось до этого времени почти тоже.

все время ведя жаркій бой. А тѣмъ не менѣ эта находка не подлежитъ сомнѣнію и извѣстна всѣмъ жителямъ Борисова. Самая кираса была приобрѣтена однимъ любителемъ старины.

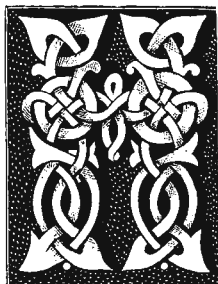
Жители Студенки рассказываютъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подъ вечеръ одного дня, къ деревнѣ подѣхало на двухъ повозкахъ нѣсколько человѣкъ. Цѣлую ночь они что-то рыли въ лѣсу, на томъ мѣстѣ, гдѣ 16 ноября Викторъ съ 7 тысячами мужественно отбивался отъ нападений отрядовъ Властова, Берга и Фока, которые такъ ничего и не могли съ нимъ подѣлать и даже, къ стыду Витгенштейна, позволили французскому арьергарду переправиться черезъ Березину и уничтожить за собою мосты, когда онъ уже самъ того пожелалъ. Рядомъ съ этимъ нѣкій уроженецъ Ковенской губерніи, ничего не зная объ этомъ рассказѣ, говорилъ пищущему эти строки, что два его родственника, люди небогатые, тоже нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ одно счастливое для нихъ утро отправились въ Борисовскій уѣздъ и, пробывъ тамъ недолго, вернулись домой. Послѣ той поѣздки они начали постепенную и систематическую покупку имѣній. И люди они теперь болѣе, чѣмъ богатые. Жители Брилей показываютъ недалеко отъ деревни, въ лѣсу, сосну, на стволѣ которой сдѣлана зарубка какимъ-то длиннымъ орудіемъ, по всей вѣроятности, саблею. Всѣ знали эту старую сосну и со словъ стариковъ говорили, что подъ нею зарытъ какой-то «давленникъ», что, по понятіямъ крестьянъ, дѣлало это мѣсто какъ бы нечистымъ, коего слѣдовало избѣгать. Однажды, и тоже подъ вечеръ, въ Брили заѣхали какіе-то и люди разспрашивали дорогу въ деревню Ляховку (югозападнѣе Брили). Разспросили и поѣхали. На другой день крестьяне, проходя этою дорогою, около которой стоитъ и упомянутая выше сосна, увидѣли, что земля около нея разрыта, а въ ней остался ясный отпечатокъ стоявшаго довольно значительнаго сундука. И много, много по всему уѣзду ходитъ такихъ слуховъ. Ихъ всѣхъ не привести здѣсь и не переслушать отъ словоохотливыхъ стариковъ. Но вообще клады какъ-то не даются, лежатъ себѣ благополучно въ землѣ.

Можетъ быть, со временемъ, когда культура зальетъ своимъ свѣтомъ и Борисовскій уѣздъ, обильный нынѣ лишь волками и медвѣдями, когда въ немъ начнутъ возникать заводы, фабрики, когда станутъ осушать нынѣ бесплодныя болота и для всего этого рыть землю,—клады найдутся. И Березина охотно возвратила бы все погребенное на днѣ уже 85 лѣтъ, если бы въ руслѣ ея принята была правильная расчистка (а не въ родѣ бывшей въ 1896 году), при томъ такъ необходимая для исправленія почему-то почти уже заброшеннаго канала, соединяющаго воды Днѣпра и западной Двины.

Евгеній Альбовскій,

КЪ БІОГРАФІИ А. П. ЩАПОВА.

ВМНОГИМЪ, навѣрно, извѣстенъ печальный случай съ бывшимъ бакалавромъ Казанской духовной академіи, Аванасьемъ Прокофьевичемъ Щаповымъ, происшедшій въ Нижнемъ Новгородѣ, и предшествующія ему обстоятельства, составляющія грустную страницу его жизни, закончившуюся потомъ такъ плачевно для него и такъ печально для русской исторической науки.

Въ дѣлахъ нижегородской ученой архивной комиссіи мнѣ удалось найти одну переписку ¹⁾, гдѣ довольно подробно описывается арестъ Щапова и отправка его подъ надзоръ въ Петербургъ. Пользуясь перепиской этой, а также другими документами той же комиссіи, привожу нѣсколько добавленій къ біографіи этого талантливаго историка и ученаго, любимца казанской публики, особенно студентовъ казанскихъ: духовной академіи и университета.

А. П. Щаповъ былъ уроженецъ Восточной Сибири ²⁾. Явился онъ на свѣтъ Божій въ 1830 году. Отецъ его, дьячекъ, былъ сыномъ сосланнаго за старую вѣру раскольника; мать—природная бурятка. Въ 1876 году, газета «Сибирь» (№ 36, отъ 5-го сентября) отиѣтила еще, что родная сестра Щапова, Пелагея Прокофьевна, была замужемъ за крестьяниномъ Мальцевымъ, который подъ старость впалъ въ нищету и собиралъ милостыню по улицамъ Верхоленска.

¹⁾ Дѣло канцеляріи нижегородскаго военнаго губернатора за 1861 г., № 2, вязака 106.

²⁾ См. «Дѣяствія нижегор. учен. арх. комисс.», т. II, в. 15, стр. 41.

Щаповъ учился въ иркутской духовной семинаріи (съ 1846 г.). Въ 1852 году, онъ кончилъ тамъ курсъ и въ августѣ пріѣхалъ въ Казань, гдѣ поступилъ въ духовную академію. Здѣсь онъ пробылъ до 1856 г., весной окончилъ академическій курсъ, а въ сентябрѣ былъ утвержденъ при той же академіи въ званіи бакалавра, съ назначеніемъ почти одновременно преподавателемъ исторіи въ Казанскомъ университетѣ.

На службѣ ему повезло. Первая вступительная лекція по русской исторіи, которую онъ прочиталъ въ университетѣ, произвела небывалую сенсацію ¹⁾. Всюду только и было рѣчи о молодомъ подающемъ большія надежды бакалаврѣ. Студенты академіи и университета были въ неопisanномъ восторгѣ отъ своего новаго «профессора».

При столь блистательно начавшейся карьерѣ, Щаповъ легко могъ бы обезпечить себѣ очень выгодное и видное служебное положеніе. Но онъ приваждлялъ къ тѣмъ рѣдкимъ, стойкимъ натурамъ, которыя не заискивають расположенія у сильныхъ міра ²⁾. Къ тому же, происходя изъ простаго народа, А. П. нисколько не скрывалъ въ то смутное время возбужденныхъ кругомъ умовъ свои симпатіи къ темному люду, «сочувствовалъ его быту и скорбѣлъ о томъ великомъ изнеможеніи, какое вынесъ народъ изъ тяготѣвшаго надъ нимъ крѣпостнаго права, сломленнаго могучею рукою благороднѣйшаго изъ монарховъ». Съ каждымъ годомъ все рѣзче и рѣзче онъ высказывалъ свое народодилство.

Когда изданъ былъ манифестъ 19-го февраля 1861 года, захватившій крестьянъ почти врасплохъ, то магическое слово «воля» ошеломило ихъ до того, что многіе изъ нихъ не знали, на что рѣшиться, что предпринять, кого слушаться. Между тѣмъ, нѣкоторыя лица, власть имущія, своими неумѣлыми дѣйствіями и распоряженіями и нелѣпыми разъясненіями разныхъ пунктовъ высочайшей грамоты еще больше запутывали дѣло, сбивали съ толку крестьянъ, запугивали ихъ и тѣмъ только больше ихъ озлобляли. Какъ и во многихъ губерніяхъ, не обошлось дѣло безъ волненій и безпорядковъ и въ Казанской губерніи. Первая плачевная драма разыгралась въ селѣ Безднѣ, Спасскаго уѣзда, въ имѣніи помѣщика Мусина-Пушкина. Щаповъ настолько близко принялъ къ сердцу это печальное извѣстіе, что въ ближайшее (Вербное) воскресенье, 16-го апрѣля, отправился съ студентами академіи и университета на «Куртины» ³⁾, и здѣсь, въ кладбищенской церкви, въ присутствіи многочисленной

¹⁾ Часть этой лекціи, послѣ его смерти, была напечатана въ казанскомъ сборникѣ «Первый шагъ» (1876, стр. 408).

²⁾ Изъ воспоминаній г. Агаѣнова (Сборникъ нижегор. учеп. архивн. комисс., в. XV, стр. 41).

³⁾ Такъ въ Казани называется православное кладбище, въ рошѣ, саженихъ въ 200-хъ отъ зданія духовной академіи.

посторонней публики, торжественно была отслужена панихида «о рабахъ Божіихъ, въ смятеніи убіенныхъ», при чемъ А. П. «произнесъ сильную, полную горячаго энтузіазма рѣчь, въ которой искренно оплакивалъ невинныхъ страдальцевъ, убитыхъ во время волненія въ Безднѣ»¹⁾).

Конечно, выходка Щапова не могла пройти безслѣдно. Объ этомъ было донесено въ Петербургъ, и оттуда получено распоряженіе выслать Щапова въ Сѣверную Пальмиру «подъ надзоромъ полиціи». Не трудно было предвидѣть, что студенты, любившіе Щапова, навѣрно произведутъ новые безпорядки, чтобы помѣшать арестованію своего профессора. Попечитель Казанскаго учебнаго округа, князь Вяземскій, опасаясь новыхъ волненій со стороны студентовъ при отправленіи Щапова съ жандармами, пригласилъ его къ себѣ и упросилъ, «не дожидаясь ареста, раньше выѣхать изъ Казани для оправданія передъ высшими властями». А. П. глубоко уважалъ попечителя и охотно согласился исполнить его просьбу. Дѣло, такимъ образомъ, кончилось къ общему благополучію тихо, спокойно, безъ шума. Передъ отъѣздомъ студенты завезли своего бакалавра къ фотографу и сняли съ него портретъ, а 29-го апрѣля, въ субботу, на Пасхѣ, Щаповъ сѣлъ на пароходъ общества «Самолетъ» и двинулся въ Нижній²⁾).

Не весело было у него на душѣ. Съ тяжелымъ чувствомъ покидалъ онъ тотъ городъ, гдѣ такъ скоро возвысился и затѣмъ такъ скоро погибъ. Одинъ изъ старожиловъ казанскихъ, Н. Я. Агаѳоновъ, рассказываетъ на страницахъ II тома «Дѣйствій» Нижегородской ученой архивной комиссіи (в. XV, стр. 43), что «о Казани у Щапова осталось самое безотрадное воспоминаніе». Тамъ долго ходило въ рукописи стихотвореніе, подъ названіемъ «Казань», приписываемое перу Аѳанасія Прокофьевича, гдѣ онъ такъ клянетъ его:

«Городъ смеленъ, городъ ныли,
Городъ разныхъ лихорадокъ,
Городъ, гдѣ меня судили,
Какъ змѣя, ты сталъ мнѣ гадокъ!..

—

«Восемь лѣтъ въ твоихъ объятыхъ,
Городъ, ты меня душилъ.
То въ мученьяхъ, то въ проклятыхъ
Дни въ тебѣ я проводилъ.

—

«Много слезъ въ тебѣ я пролилъ
За страданья мужичка,
Ты широкихъ думъ не понилъ
Сына бѣднаго дычка.

¹⁾ Дѣйств. Нижегород. уч. арх. комисс., в. XI, стр. 536.

²⁾ Тамъ же. Слнч. Дѣло канцелар. нижегор. губерн. за 1861 г., № 2.

«Жалкій городъ! Ты потѣхи
Ждалъ съ каедры отъ меня;
Думалъ ты, что я для смѣха
Выступаю предъ тебя.

«Нѣтъ! Не въ томъ мое призванье,
Чтобъ потѣхою служить:
Не хочу святое званье
Я учителя срамить.

«Я открыто, прямо, ясно
Все сказалъ тебѣ, что могъ,
А теперь въ тебѣ я гласно
Отрясаю прахъ отъ ногъ.

«Спи же, городъ, сномъ глубокимъ
До возстанья мужичка.
Ты не внялъ рѣчамъ широкимъ
Сына бѣднаго дьячеа».

Чтобы разсѣять «грусть-тоску» Щапова, его провожали вплоть до Нижняго какіе-то молодые люди и казанскій книгопродавецъ И. В. Дубровинъ¹⁾, староста академической церкви, какъ онъ самъ рекомендовалъ себя въ пароходномъ буфетѣ, куда частенько съ А. Пр. дѣлалъ визиты²⁾.

На томъ же пароходѣ, для секретнаго наблюденія за Щаповымъ, ѣхалъ штабсъ-капитанъ корпуса жандармовъ, М. П. Карягинъ, которому приказано было помѣститься въ той же каютѣ, гдѣ помѣстился А. П., и слѣдить за всѣми его разговорами и дѣйствіями, но не вступать въ бесѣду ни съ нимъ, ни съ его провожатыми. Карягинъ такъ ловко выполнилъ свою роль наблюдателя, что Щаповъ узналъ объ учрежденіи надъ нимъ надзора только по приѣздѣ въ Нижній.

Лишь только пароходъ отвалилъ отъ казанской пристани, объ отѣздѣ Щапова тотчасъ же сообщено было министерству внутреннихъ дѣлъ телеграммой, и оттуда, въ тотъ же день, на имя нижегородскаго военнаго губернатора, А. Н. Муравьева, за подписью управляющаго министерствомъ, Валуева, была послана слѣдующая шифрованная депеша № 35 (полученная въ Нижнемъ во 2-мъ часу ночи, съ 29-го на 30-е число апрѣля):

«Задержите бакалавра Щапова, выѣхавшаго изъ Казани; его слѣдуетъ подвергнуть домашнему аресту и строжайшему полицейскому надзору впредь до особаго распоряженія; объ арестованіи Щапова донести телеграфомъ»³⁾.

¹⁾ Иванъ Васильевичъ Дубровинъ, нынѣ умершій, былъ издателемъ сочиненій Щапова и постояннымъ его собутыльникомъ въ Казани.

²⁾ «Дѣйствія», т. II, стр. 40.

³⁾ Дѣло канцеляріи Нижегородскаго военнаго губернатора 1861 г., № 2, л. 1.
«истор. ввстн.», февраль, 1898 г., т. LXI.

Губернаторъ на другой же день (т. е. 30 апрѣля) сдѣлалъ распоряженіе объ арестованіи бакалавра, для чего адресовался къ нижегородскому жандармскому подполковнику Коптеву, прося присылки въ распоряженіе старшаго полицеймейстера Цейдлера двухъ жандармовъ.

Пароходъ пришелъ въ Нижній въ 6 часовъ вечера. На пристани Щапова уже дожидались командированныя власти, и лишь только «Самолетъ» причалилъ къ берегу, подполковникъ Коптевъ и полицеймейстеръ Цейдлеръ съ жандармами вошли на него. Переодѣтый штабсъ-капитанъ Карягинъ указалъ имъ, кого нужно было задержать. Сопровождавшіе Щапова молодые люди всполошились было, но ихъ скоро успокоили.

Щаповъ подъ наблюденіемъ двухъ жандармовъ былъ помѣщенъ на частную квартиру. Всѣ вещи у него тотчасъ же отобрали, и тѣ же лица (Коптевъ, Цейдлеръ и Карягинъ) въ его же присутствіи тщательно осмотрѣли ихъ. Носильное платье и ничего незначащія письма оставлены были при немъ, лишь подозрительныя бумаги запечатаны и за общимъ подписомъ всѣхъ осматривающихъ ихъ и самого Щапова были сданы на храненіе Цейдлеру ¹⁾.

Такимъ образомъ, Нижній былъ мѣстомъ, гдѣ суровая дѣйствительность впервые разрушила міръ идей, иллюзій и образовъ, которыми жилъ Щаповъ. Но онъ не унывалъ, крѣпился духомъ и даже былъ веселъ, какъ о томъ рассказывалъ сопровождавшій его Карягинъ ²⁾.

Въ Нижнемъ А. П. пришлось пробыть два дня. Почему-то долго не получалось никакихъ распоряженій о дальнѣйшей его отправкѣ. Подполковникъ Коптевъ, наконецъ, рѣшился 1-го мая послать шефу жандармовъ телеграмму (№ 77), спрашивая указаній: «Ожидать ли г. Карягину дальнѣйшихъ приказаній здѣсь, или возвращаться въ Казань, такъ какъ у него былъ конвертъ къ его сіятельству ⁴⁾ отъ генераль-адъютанта Бибикова ³⁾, а по открытому листу и предписанію поручалось ему сопровожденіе Щапова до С.-Петербурга».

Въ отвѣтъ на это въ тотъ же день вечеромъ отъ шефа жандармовъ на имя Коптева, а отъ министра внутреннихъ дѣлъ на имя генераль-лейтенанта Муравьева ⁵⁾ были получены одинаковаго содержанія шифрованныя депеши (№ 21): «Щапова съ тѣмъ же жандармскимъ офицеромъ, который прибылъ съ нимъ изъ Казани, отправьте къ генералу Перфильеву въ Москву».

На другой день (2 мая), А. П. распрощался съ Нижнимъ и въ одномъ экипажѣ съ Карягинымъ (которому были переданы отобран-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ См. «Дѣйствія Ниж. уч. ком.», II, стр. 40.

³⁾ Т. е. шефу жандармовъ.

⁴⁾ Казанскій генераль-губернаторъ.

⁵⁾ А. Н. Муравьевъ произведенъ въ генераль-лейтенанты высочайшимъ приказомъ 23 апрѣля того же 1861 года.

ныя у него бумаги) на почтовыхъ отправился къ мѣсту своего назначенія.

Всю дорогу до Москвы, Щаповъ былъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, шутилъ, заставлялъ ямщика пѣть народныя пѣсни, подносилъ ему водочки, когда встрѣчался на пути кабачокъ, и самъ пропуская гдѣ стаканчикъ, гдѣ два.

Когда стали переѣзжать Клязьму,—говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Карягинъ ¹⁾,—невдалекѣ отъ берега стояла кучка народу и пѣла пѣсню (день, кажется, былъ праздничный). Пѣсня до того понравилась Щапову, что онъ обратился къ своему конвоиру и умоляющимъ голосомъ сталъ просить:

— Батюшка, Матвѣй Пантелеевичъ! Обниму, расцѣлюю — остановимся здѣсь подольше: мнѣ хочется выслушать эту пѣсню.

Такъ какъ подобное обстоятельство не входило въ инструкціи въ число запрета, то Карягинъ охотно согласился остановиться. Щаповъ далъ мужикамъ рубль и записалъ пропѣтую ими пѣсню въ свою памятную книжку, даже съ нотами:

Протекала рѣченька,
За рѣчкой—слободушка,
Не величка, маленька—
Три-четыре домика...
Первый домикъ—дядюшка,
Другой домикъ—тетушка,
Третій домикъ—вдовушка,
У вдовушки—доченька и т. д.

Поѣхали дальше. Ямщики, по неотступной просьбѣ А. П.—ча, продолжали услаждать его пѣснями, изъ которыхъ многія приводили его въ восторгъ, и онъ торопливо заносилъ ихъ въ свою тетрадь. Проѣзжая вечеромъ черезъ какое-то селеніе, путники встрѣтили хорооводъ. Пѣли крестьянскія дѣвушки и парни; пѣсня такъ понравилась Щапову, что онъ опять попросилъ Карягина остановиться, далъ дѣвушкамъ на орѣхи и записалъ пѣсню съ нотами; а потомъ, сидя въ тарантасѣ, напѣвалъ ее и восторгался:

— Что за чудная пѣсня! Какое богатство, какое необъятное море красоть въ поэтическомъ творчествѣ русскаго народа!..

По приѣздѣ въ Петербургъ, А. П. захандрилъ. Столица не понравилась ему. Не нравились ему и люди въ ней. Какая-то особенная любезность, чуждая простоты и искренности, сразу окружила его: одни развертали ему свои объятія, приглашая дѣйствовать за одно, другіе тянули его въ сторону противоположную. Онъ жаловался на такую обстановку пріятелямъ въ Казань и, пародируя Гейне, писалъ въ одномъ изъ своихъ писемъ о петербургскихъ «друзьяхъ»

¹⁾ См. «Дѣйствія Ниж. арх. ком.», II, стр. 40.

Они меня злили и мучили такъ,
 Что даже блѣднѣлъ и краснѣлъ я порою:
 Одни—безотвязной любовью своей,
 Другіе—своей клеветою.

Они отравляли насущный мой хлѣбъ
 И яду вливали въ стаканъ мой съ водою:
 Одни—безотвязной любовью своей,
 Другіе—своей клеветою ¹⁾...

Не видя отъ Щапова никакого проку, наконецъ, его оставили въ покоѣ; литературнымъ занятіямъ его не мѣшали, хотя на вредное вліяніе его сочиненій не разъ указывали подлежащимъ властямъ. Даже извѣстный составитель «Житія святыхъ», Андрей Николаевичъ Муравьевъ, въ декабрѣ 1862 года, писалъ о немъ одному высокопоставленному лицу, уподобляя духъ щаповскихъ сочиненій духу Стеньки Разина и мятежныхъ стрѣльцовъ ²⁾.

При такомъ положеніи вещей и при своей пылкой натурѣ, А. П., конечно, не могъ долго прожить въ Петербургѣ. Одинокій и всѣми покинутый, онъ чаще сталъ прибѣгать къ утѣшительницѣ рюмочкѣ, но «во хмелю зѣло былъ не воздерженъ на языкъ». Народныя, или, какъ онъ любилъ выражаться, земскія тенденціи высказывались имъ и въ печати, и устно во всеуслышаніе. Терпѣть долѣе такого проповѣдника въ столицѣ стало опасно, и его поспѣшили отправить въ Восточную Сибирь, въ мѣсто его родины, на лоно дорогой его сердцу матушки-природы.

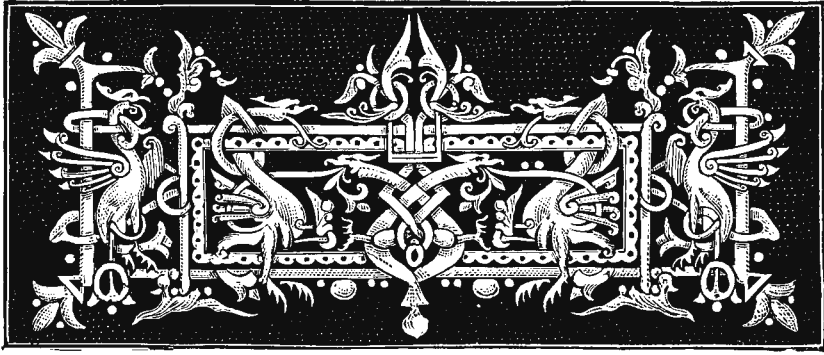
Увы! Щаповъ и тамъ не исправился. Хотя на его долю выпало рѣдкое счастье пріобрѣсти преданнаго друга въ лицѣ своей жены, но въ Сибири онъ совсѣмъ зашилъ горькую. Ольга Ивановна (урожденная Жемчужникова) уже не могла оказать на мужа нравственнаго воздѣйствія, чтобы удержать его отъ окончательнаго паденія. А. П. опускался все ниже и ниже; съ каждымъ днемъ все больше и больше разрушалось его здоровье, мысли спутывались, тупѣли, и 27 февраля 1876 года даровитаго историка и радѣтеля народнаго блага не стало. Онъ умеръ въ цвѣтѣ лѣтъ (на 46 году жизни), переживъ своего неизмѣннаго друга-жену, потратившую столько любви самоотверженія для возврата любимаго человѣка на лучшей жизненный путь.

Говорятъ, что послѣ Щапова остались письма, бумаги и нѣсколько оконченныхъ и недоконченныхъ литературныхъ работъ послѣднихъ лѣтъ. Но онѣ попали въ залогъ къ иркутскому чиновнику Крониду Лаврову, которому покойный остался долженъ нѣкоторую сумму. Литературный фондъ намѣревался выкупить эти бумаги; но мы не знаемъ, приведено ли въ исполненіе такое симпатичное побужденіе.

П. Юдинъ.

¹⁾ Тамъ же, стр. 42.

²⁾ «Русскій Архивъ», 1882 г., кн. VI, стр. 210.

ЗАБЫТЫЙ ЗАМОКЪ.

ВЪ ИСТОРИИ казачества Батуринь, по связаннымъ съ нимъ воспоминаніямъ, занимаетъ не послѣднее мѣсто.

Но, и помимо своего историческаго прошлаго, Батуринь, расположенный при слияніи Сейма и Псела, съ чудными лугами, на почвѣ, отличающейся тучнымъ, жирнымъ черноземомъ и дающей завидные урожаи, имѣлъ бы право рассчитывать на прекрасную будущность; между тѣмъ онъ и посейчасъ, несмотря на исключительно благопріятныя условія, не сдѣлался даже городомъ, а остается простымъ мѣстечкомъ.

Батуринь поражаетъ своими патриархальными нравами, тишиной и, пожалуй, даже отсутствіемъ жизни, въ современномъ представленіи о ней. И желѣзная дорога, проходящая всего въ верстахъ девяти отъ Батурина, не встряхнула его, не вывела изъ рамокъ давняго устоя, и онъ остался живой картиной былого, все дальше и дальше уходящаго и рѣже встрѣчающагося прошлаго.

Жалѣть ли, что безпощадное стремленіе современнаго экономическаго строя—утилизировать вся и все елико возможно, не задѣло Батурина, не построило въ немъ громаднхъ, дымящихъ заводовъ, не привлекло покуда искателей руды, вообще не познакомило его съ форсированной, иноземной предприимчивостью и даже въ то время, когда вся Малороссія кишитъ еврействомъ съ его особой дѣлови-

тостью и своеобразной комерціей, въ Батуриинѣ въ числѣ его обывателей нѣтъ ни одного еврея?

Когда проходишь мимо небольшихъ, чисто-выбѣленныхъ домиковъ, почти закрытыхъ зеленою садовъ, встрѣчаешься съ цвѣтущими здоровьемъ обывателями, видишь, несмотря на очень преклонный возрастъ, крѣпкихъ жизнерадостныхъ стариковъ, то невольно оживляются въ памяти чудныя страницы «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки». По спокойному укладу жизни, по широко-царящему въ Батуриинѣ гостепріимству, по красивому мѣстоположенію и мягкому климату, мѣстечко это можно смѣло рекомендовать для отдыха людямъ съ распатанной нервной системой.

Если судьба оберегаетъ добрыя нравы и благополучіе Батурина, то время и, къ сожалѣнію, люди не пощадили его историческаго памятника. Я говорю о роскошномъ замкѣ — послѣднемъ жилищѣ послѣдняго гетмана Малороссіи Кирилла Григорьевича Разумовскаго.

Политическая карьера Разумовскаго кончилась въ царствованіе Екатерины, съ уничтоженіемъ гетманства. Оскорбленное самолюбіе, болѣзнь, требовавшая пребыванія въ тепломъ климатѣ, и желаніе умереть на родинѣ побудили его покинуть Петербургъ и переселиться на постоянное жительство въ Малороссію. Онъ пробовалъ жить въ Кіевѣ, въ Глуховѣ, но окончательно обосновался въ Батуриинѣ, подаренномъ ему Екатериной II и который онъ очень любилъ.

Всегда радушный, привыкшій вести въ столицѣ блестящую, показную жизнь, маститый гетманъ не хотѣлъ въ этомъ отношеніи мѣняться и въ Малороссіи, не обращая вниманія, что здоровье его было уже сильно потрясено. Со свойственными Кириллу Григорьевичу вкусомъ и роскошью, привелъ онъ новое помѣщеніе въ состояніе, отвѣчавшее своему высокому положенію, и широко открылъ двери своего дома для званныхъ и незванныхъ, лишь бы гости принадлежали къ дворянству, или занимали бы какое нибудь, хотя бы скромное, положеніе на государственной службѣ, дающей привилегіи дворянства. Гости могли пріѣзжать и оставаться жить у гостепріимнаго хозяина столько, сколько признавали для себя удобнымъ или нужнымъ, пользуясь все время полнымъ содержаніемъ графа, до права безконтрольнаго распоряженія лошадьми и экипажами.

И потекла жизнь въ Батуриинѣ той же широкой струей, какъ и въ столицѣ: балы смѣнялись многоядными званными обѣдами, обѣды музыкальными вечерами, вечера увеселительными прогулками. Но какъ въ Петербургѣ, на глазахъ знати и придворныхъ, среди веселья не забывалось дѣло, такъ и вдали отъ столицы графъ не оставался бездѣятельнымъ. Онъ заботился объ увеличеніи благосостоянія крестьянъ, старался улучшить веденіе хозяйства, завелъ шелководство, построилъ свѣчной заводъ, открылъ суконную фабрику и предавался старой страсти: строилъ новыя зданія, переделывалъ и украшалъ старыя. Доступность, постоянное желаніе

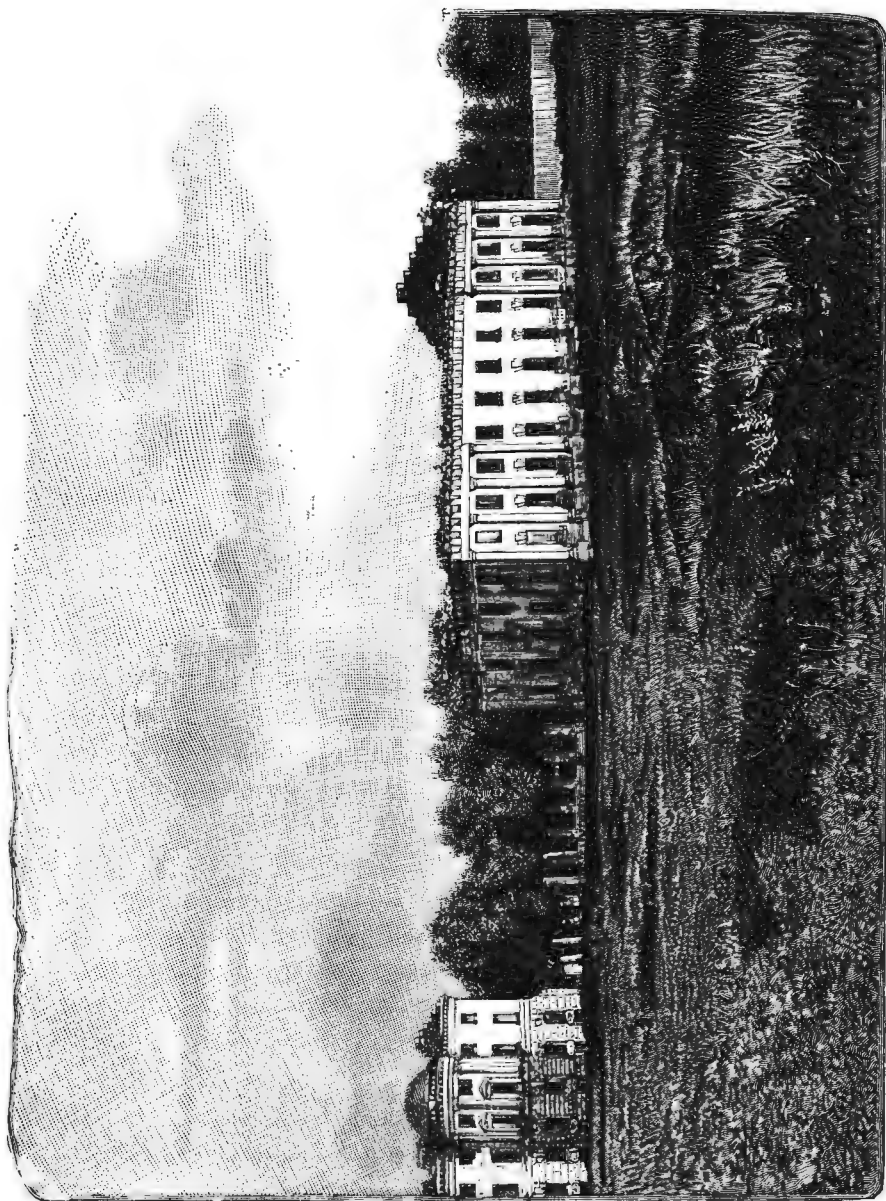
Замокъ графа Разумовскаго въ Батуминѣ.

другимъ добра и гостепрѣимство вельможи, въ лучшемъ значеніи послѣдняго слова, снискали Кириллу Григорьевичу такія любовь и популярность среди мѣстныхъ дворянъ, которыя рѣдко достаются въ удѣлъ лицамъ, вознесеннымъ судьбой изъ былого ничтожества. Крестьяне въ послѣднемъ гетманѣ видѣли образцоваго помѣщика и за его справедливость, доброту и заботливость боготворили его. Доказательствомъ замѣчательной внимательности Кирилла Григорьевича къ интересамъ другихъ, хотя и очень маленькихъ людей, можетъ служить случай, упоминаемый Бантышъ-Каменскимъ ¹⁾: племянница Разумовскаго, графиня Софья Осиповна Апраксина, очень близкая къ нему и завѣдывавшая всѣмъ его домашнимъ хозяйствомъ, не разъ, въ видахъ сокращенія огромныхъ расходовъ по содержанію двора, приставала къ нему съ предложеніемъ распустить часть ненужной прислуги. Графъ отмалчивался и не давалъ отвѣта, удовлетворительнаго для его домоуправительницы. Наконецъ, та подала ему два реестра, съ обозначеніемъ въ одномъ, сколько нужно прислуги, и въ другомъ—совершенно напрасный излишекъ ея.—«Я согласенъ, моя милая,—отвѣчалъ графъ,—что эти люди мнѣ ненужны; но спроси прежде ихъ, не имѣютъ ли они надобности во мнѣ? и если они откажутся отъ меня, то я готовъ ихъ отпустить». Мудрено ли, что при такихъ взглядахъ слава о благородствѣ и рыцарскомъ характерѣ гетмана на много десятковъ лѣтъ пережила его, что видно изъ замѣтокъ фонъ-Гуна, который рассказываетъ, что въ 1861 году, когда среди крестьянъ стали повременамъ высказываться желанія наилучшаго существованія и мечтанія о волѣ,—вотъ-вотъ долженствовала наступить, многочисленные потомки бывшихъ крестьянъ Разумовскаго, а въ то время уже крѣпостные разныхъ мелкихъ помѣщиковъ, просили, а мѣстами и требовали, не воли, а «чтобъ было, какъ при Разумовскомъ».

Благородной душѣ Кирилла Григорьевича были присущи въ высокой степени преданность и признательность ²⁾, и у него, какъ упоминаетъ въ своихъ запискахъ Шишковъ, хватало искренности и прямоты рѣшиться сказать курьеру, посланному Павломъ I къ Румянцеву и къ послѣднему гетману съ извѣстіемъ о кончинѣ великой государыни: «скажи, что и я умеръ!»—когда курьеръ, не заставъ уже Румянцева въ живыхъ, спрашивалъ у Разумовскаго, не прикажетъ ли послѣдній что либо передать императору. Время и болѣзнь дѣлали свое дѣло, и скоро заставили дряхлѣвшаго гетмана отказаться отъ широкой, показной жизни и все болѣе и болѣе суживать кружокъ принимаемыхъ у себя гостей, и наконецъ довести себя почти до полного одиночества, если не принимать въ соображенія постояннаго проживанія въ домѣ графини Апраксиной. Па-

¹⁾ Словарь достопамятныхъ людей.

²⁾ Память Екатерины II для Разумовскаго была священна.

Остатки дома графа Разумовскаго въ Батуринѣ.

дали силы престарѣлаго гетмана, а вмѣстѣ съ тѣмъ терялся интересъ ко многому, но желаніе достроить церковь во имя Воскресенія Христова и окончательно отдѣлать новый домъ не покидало Разумовскаго до самой смерти, но ему не пришлось видѣть свое желаніе осуществленнымъ: смерть пришла ранѣе полного окончанія работъ.

Еще и посейчасъ даже въ своемъ совершенно заброшенномъ видѣ каждый камень, любая колонна, остатки затѣйливыхъ рѣшетокъ, замѣчательныя по тонкости исполненія, кое-гдѣ сохранившіяся скульптурныя украшенія этого зданія, краснорѣчиво говорятъ о страшномъ трудѣ и огромныхъ затратахъ, положенныхъ когда-то на ихъ сооруженіе; а между тѣмъ замокъ вполне заброшенъ и на него видимо, вскорѣ послѣ смерти владѣльца, обращали и поднесъ обращаютъ вниманія не больше, чѣмъ на наскоро сколоченный изъ гнилаго дерева овинокъ, оставленный безъ призора, по минованіи въ немъ надобности.

Мнѣ не удалось допытаться на мѣстѣ: кто былъ строителемъ замка? Но по грандіозности и изяществу стили, по артистической выдержкѣ послѣдняго въ общемъ и въ деталяхъ, можно догадываться, и не будучи знатокомъ, что Батуриискій замокъ былъ созданіемъ художника-зодчаго съ очень крупнымъ именемъ,—одного изъ тѣхъ славныхъ строителей, которыми справедливо гордился вѣкъ Екатерины.

Замокъ расположенъ на берегу Сейма, фасадомъ къ рѣкѣ. Первый и подвальный этажи сложены изъ огромныхъ, гладко-отесанныхъ гранитныхъ глыбъ. Слѣдующіе два этажа, а равно и, недалеко отъ замка стоящій, двухъэтажный домъ выстроены изъ кирпича и облицованы подъ сѣрый мраморъ; при этомъ не лишне замѣтить, что кирпичъ такого качества и кладка его такъ тщательна и искусна, что онъ мѣстами слился въ монолитныя массы, которыя по ихъ твердости и устойчивости не беретъ даже надежный ломъ. Особенно хороша, вѣроятно, была крыша, на девять десятыхъ содранная и невѣдомо куда исчезнувшая; это впрочемъ не мудрено, такъ какъ по печальнымъ ея остаткамъ видно, что крыша состояла изъ очень большихъ, толстыхъ цинковыхъ листовъ.

Весь замокъ окружался красивой оградой изъ пирамидальныхъ гранитныхъ столбиковъ, соединявшихся массивными, желѣзными цѣпями; въ настоящее время ограда сохранилась только мѣстами; большая же часть ея или попорчена или прямо унесена.

Если по наружному виду Батуриискій замокъ съ каждымъ днемъ все больше и больше приближается къ древнимъ руинамъ, то его внутренній видъ просто таки ужасенъ.

Самое проникновеніе въ покои замка соединено съ значительной опасностью; по крайней мѣрѣ опытные люди сочли долгомъ предупредить меня о возможности быть раздавленнымъ и, самое снисхо-

дительное, ушибленнымъ какимъ нибудь неожиданно сорвавшимся камнемъ. Однако, любопытство пересилило осторожность.

— Богъ дастъ!—думалось:—все обойдется благополучно, не надо только быстро двигаться, чтобы не производить сотрясенія воздуха!

Десятки легучихъ мышей, единственныхъ обитателей заброшеннаго замка, сорвались и стали носиться, встревоженные непрошенымъ вторженіемъ въ ихъ жилище. Комнаты, на ряду съ явственными признаками былого, исключительнаго великолѣпія, своимъ вандальски-безмысленнымъ разореніемъ порождали удручающее впечатлѣніе: ничто не пощажено, ничто не осталось не тронутымъ! Окна сплошь перебиты; рамы, за исключеніемъ трехъ-четырехъ, высажены; паркетъ чудной работы, какой теперь уже не знаютъ, почти повсюду вывороченъ; двери сорваны—иногда вмѣстѣ съ массивными петлями; по немногимъ, какимъ-то чудомъ сохранившимся, дверямъ можно судить, что каждая и изъ унесенныхъ была образцомъ художественнаго исполненія. Порой глаза прямо таки съ недоумѣніемъ останавливаются на подрытыхъ и свороченныхъ видимо со страшными, нечеловѣческими усилиями гранитныхъ глыбахъ. Кому онѣ понадобились? да наконецъ и вынести ихъ не представлялось возможнымъ!

Да, время такъ жестоко обойтись съ замкомъ не могло; главная отвѣтственность за возмутительное разрушеніе должна падать на человѣка. И только два возбuditеля: или крайняя ненависть не знающая ни прощенія, ни забвенія, или неистовая алчность, могли заставить человѣка работать такъ, чтобы камня на камнѣ не осталось!

Но о благородномъ характерѣ, отзывчивомъ къ нуждамъ и страданіямъ сердецъ послѣдняго гетмана уже было говорено. И поднесъ память о немъ священна среди обывателей, такъ что о ненависти къ покойному и рѣчи быть не можетъ.

Остается одно—желаніе поживиться добромъ, за которымъ никто не смотритъ и которое своихъ владѣльцевъ послѣ смерти графа Рааумовскаго почему-то, какъ кажется, очень мало интересовало. Этимъ желаніемъ объясняются выемки и уносъ всего, представлявшаго извѣстную цѣнность; но къ чему тогда дикое разрушеніе стѣнъ, проломъ каменно-плитныхъ половъ и вообще порча и разность всего, что унести нельзя и что, по разрушеніи, теряло всякую стоимость?

Дикому разгрому замка много содѣйствовала легенда, окончательно не вымершая даже и въ наши дни, будто въ замкѣ былъ зарытъ многомилліонный кладъ. Клада не нашли, а чудное, одно изъ роскошнѣйшихъ историческихъ зданій, довели до вопіющаго безобразія! И только удивляться надо, какъ рука искателей пощадила вѣковой паркъ-рощу замка, когда наблюденіе за первымъ было не сильнѣе надзора за вторымъ.

Поводомъ къ рожденію легенды послужило, вѣроятно, самое

расположеніе покоевъ замка. Подвальный этажъ, сооруженный подъ грандіозными сводами, служилъ помѣщеніемъ для конюшенъ любимыхъ лошадей гетмана; самое устройство этихъ конюшенъ, обставленныхъ, какъ говорятъ, баснословною роскошью, невольно наталкивало мысль на предположеніе, что это мѣсто предназначалось для помѣщенія или храненія чего нибудь особенно дорогого.

Не оттого ли именно въ подвальномъ этажѣ больше, чѣмъ гдѣ либо, и встрѣчаются слѣды безмысленнаго, но настойчиваго разгрома? Думается, что всѣ любящіе отечественную исторію и археологію будутъ довольны, если только что переданное заставитъ обратить вниманіе на забытый замокъ и посодѣйствуетъ къ принятію мѣръ для его изслѣдованія и охраны отъ дальнѣйшаго запущенія, случившагося только потому, что о замкѣ гетмана Разумовскаго почти нигдѣ никогда никто не упоминалъ.

П. Герасимовъ.

ГРАФЪ ИВАНЪ ДАВИДОВИЧЪ ДЕЛЯНОВЪ.

(Некрологъ).

ОВЫЙ годъ отрылся траурною страницей общественной жизни: 2-го января, на Смоленскомъ армянскомъ кладбищѣ состоялось погребеніе министра народнаго просвѣщенія, графа Ивана Давидовича Делянова, скончавшагося на восьмидесятомъ году жизни послѣ кратковременной, но тяжелой болѣзни. Имя графа Делянова, около шестидесяти лѣтъ потрудившагося главнымъ образомъ на поприщѣ русскаго просвѣщенія, было чрезвычайно популярно въ нашемъ обществѣ и являлось въ глазахъ современниковъ синонимомъ доброты, мягкости и отеческой любви къ молодежи. Эти душевные качества усопшаго создавали ему въ нашей дѣйствительности совершенно особое положеніе, мирившее съ его личностью даже всѣхъ тѣхъ, кто почему либо не сочувствовалъ направленію его государственной дѣятельности, какъ министра просвѣщенія, являвшагося представителемъ строго-опредѣленной системы воспитанія юношества. Его безконечная доброта и возвышенная любовь къ молодежи были настолько сильны и обаятельны, что положительно заслоняли собою остальные стороны его жизни и дѣятельности, такъ что рѣшительно во всѣхъ некрологахъ, появившихся на другой день его кончины, итоги государственной службы министра Делянова какъ бы отошли въ сторону передъ итогами добрыхъ чувствъ и дѣлъ покойнаго графа Ивана Давидовича. Поэтому столичное общество, начиная съ лицъ высокопоставленныхъ и сановныхъ и кончая учащеюся молодежью въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, провожая бранные останки покойнаго

къ мѣсту вѣчнаго упокоенія на Смоленское кладбище, оплакивало 2-го января не столько министра, съ именемъ котораго соединялось бы представленіе о характерной полосѣ отечественной жизни, но именно человѣка любящей и кроткой души, который по мѣрѣ силъ и разумѣнія совершилъ свое земное назначеніе и который холодѣющими устами, на грани конечнаго и безконечнаго, пожелалъ отойти въ міръ иной при обстановкѣ, лишенной всякаго декоративнаго характера, обычно связаннаго съ торжественными похоронами русскихъ сановныхъ лицъ. Иванъ Давидовичъ пожелалъ быть похороненнымъ не въ сопутствіи официальныхъ слѣдовъ своего былого высокаго положенія—дежурныхъ чиновниковъ, несущихъ, по назначенію отъ начальства на глазетовыхъ подушкахъ многочисленныя звѣзды и ордена, не везомый на печальной колесницѣ, украшенной трофеями общественной признательности,—нѣтъ, все это онъ отвергъ въ своей предсмертной волѣ и, какъ истинный сынъ церкви, пожелалъ себѣ лишь самыхъ скромныхъ похоронъ, обычныхъ въ жизни простыхъ смертныхъ и согласныхъ съ духомъ истиннаго христіанства. Такой конецъ какъ нельзя больше согласовался со всѣмъ нравственнымъ обликомъ покойнаго и явился достойнымъ завершеніемъ его полной добра долготѣней жизни.

Деляновы—старинный родъ армянскаго происхожденія. Генераль-майоръ Давидъ Артемьевичъ Деляновъ получилъ дипломъ на дворянство въ 1829 году и являлся виднымъ представителемъ нашей боевой кавказской арміи. Сынъ его (впослѣдствіи графъ), Иванъ Давидовичъ, родился въ 1818 г. и, получивъ прекрасное для своего времени домашнее воспитаніе, впослѣдствіи поступилъ въ московскую гимназію, а затѣмъ въ московскій же университетъ на юридическій факультетъ, гдѣ былъ насчету трудолюбиваго и прекрасно занимающагося студента. Такъ въ 1835 г. онъ участвовалъ совмѣстно съ другими товарищами по факультету въ переводѣ съ французскаго языка «Исторіи среднихъ вѣковъ» проф. Демишеля, изданномъ Погодинымъ на слѣдующій годъ отдѣльною книгою. Сверстниками его и товарищами по университету были студенты-словесники, столь извѣстные впослѣдствіи въ исторіи нашей науки и литературы—М. Н. Катковъ и Ѳ. И. Буслаевъ, съ коими покойный И. Д. Деляновъ сохранялъ наилучшія отношенія на всю жизнь; также былъ его товарищемъ по факультету нынѣшній членъ государственнаго совѣта, извѣстный директоръ Публичной библіотеки, А. Ѳ. Бычковъ, но младшимъ по времени поступленія.

По окончаніи университета, двадцати лѣтъ отъ роду, первымъ кандидатомъ, онъ въ 1838 г. поступилъ на службу въ бывшее II Отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, гдѣ подъ руководствомъ гр. Блудова занимался работами по составленію новаго уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Эти работы, гдѣ онъ проявилъ отличныя способности и которыя имъ были прекрасно

исполнены, обратили на него особенное вниманіе гр. Блудова, и онъ сталъ съ тѣхъ поръ возлагать самыя разнообразныя и отвѣтственныя порученія на своего молодаго подчиненнаго, дѣлая его участникомъ на засѣданіяхъ многочисленныхъ въ то время комиссій. Благодаря этому, онъ вскорѣ выдѣлился изъ среды петербургскихъ

Графъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ.

чиновниковъ, и уже въ 1854 г. мы видимъ его въ отвѣтственномъ званіи управляющаго дѣлами секретнаго комитета о раскольникахъ. Гуманное и просвѣщенное отношеніе предсѣдателя къ раскольничьему вопросу имѣло слѣдствіемъ постановленіе о допущеніи раскольниковъ имѣть свои училища или же учиться въ общихъ школахъ, посѣщая уроки православнаго законоучителя или не посѣщая. На

либеральный складъ образа мыслей молодого петербургскаго администратора имѣла въ тотъ періодъ времени особенное вліяніе атмосфера гостиной графини Ант. Дм. Блудовой, гдѣ онъ встрѣчался съ корифеями тогдашняго славянофильства, а также его близость съ извѣстнымъ профессоромъ и цензоромъ, А. В. Никитенкомъ, съ которымъ онъ сошелся послѣ своего назначенія членомъ главнаго цензурнаго управленія. «Онъ, т. е. И. Д. Деляновъ, былъ здѣсь единомышленникомъ извѣстнаго профессора и академика А. В. Никитенка, который былъ врагомъ крайности въ ту и другую сторону и былъ проникнутъ идеей взаимнаго довѣрія и дружнаго взаимодействия власти и печати на пользу благоразумнаго и умѣреннаго прогресса»,— сказано про этотъ періодъ жизни въ официальномъ некрологѣ покойнаго министра, напечатанномъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» (январь, 1898 г.). На сороковомъ году жизни (1858 г.) уже въ чинѣ тайнаго совѣтника онъ переходитъ на службу по вѣдомству просвѣщенія, гдѣ на первыхъ порахъ занимаетъ постъ попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа. По этому поводу Плетневъ писалъ князю Вяземскому: «Нашъ Деляновъ вышелъ прекрасный попечитель. Онъ добръ, откровененъ и во всемъ дѣйствуетъ, какъ надобно благородному, скромному и честному человѣку».

Дѣйствительно, новый попечитель какъ нельзя больше являлъ своей личностью полное согласіе съ современнымъ настроеніемъ правящихъ классовъ и въ своей дѣятельности, въ качествѣ руководителя учебнаго округа, вполне отвѣчалъ освободительнымъ и прогрессивнымъ вліяніямъ, которыя въ такомъ изобиліи носились въ воздухѣ того историческаго періода нашей жизни. «Уже первый періодъ попечительства установилъ репутацію И. Д. Делянова и какъ ревностнаго чиновника и какъ просвѣщеннаго гуманнаго посредника между высшимъ правительствомъ и обществомъ, — говоритъ авторъ отмѣченнаго выше некролога.— И. Д. Деляновъ не упускалъ изъ виду ни одного учебнаго заведенія обширнаго С.-Петербургскаго учебнаго округа, въ который въ то время, кромѣ шести сѣверныхъ губерній, входила еще часть нынѣшняго Виленскаго учебнаго округа, постоянно посѣщалъ учебныя заведенія и объѣзжалъ всѣ даже уѣздные города. Онъ побывалъ даже въ Архангельскѣ. Обладая удивительною памятью, попечитель зналъ не только каждаго профессора въ университетѣ, но даже большинство студентовъ и многихъ учениковъ старшихъ классовъ гимназій въ С.-Петербургѣ. Онъ любилъ молодежь и первоначально былъ очень популяренъ въ ея средѣ¹⁾. Студенты часто искали защиты попечи-

¹⁾ Въ томъ же некрологѣ отмѣчено, что «въ глазахъ попечителя Делянова О. Ѳ. Миллеръ послѣ появленія «Нравственныхъ стихій въ поэзіи» былъ поборникомъ застою, котораго напрасно пускаютъ на каеэдру въ университетѣ, а въ глазахъ министра онъ оказался опаснымъ уже совсѣмъ съ другой стороны».

теля противъ придирчивыхъ требованій старой инспекціи (въ лицѣ Фицгума-фонъ-Экштедта) и нерѣдко находили, — попечитель становился на ихъ сторону, искусно предупреждая серьезные столкновения. Относительно уже возникавшихъ тогда прискорбныхъ студенческихъ волненій и беспорядковъ И. Д. Деляновъ держался, безъ сомнѣнія, того же взгляда, какъ и А. В. Никитенко, что, во-первыхъ, это есть печальное послѣдствіе прежняго крайняго угнетенія и что, во-вторыхъ, они могутъ быть устранены только лучшею организаціею университетскаго преподаванія, находившагося въ крайнемъ упадкѣ, и вообще университетской жизни. Начала, которыя потомъ легли въ основу устава 1863 года, постепенно вырабатывались въ комиссіяхъ, собиравшихся подъ предѣдательствомъ попечителя И. Д. Делянова. При началѣ министерства Головнина онъ руководилъ выборомъ молодыхъ людей, отправляемыхъ за границу съ цѣлью приготовленія къ занятію профессорскихъ кафедръ, и по отношенію къ С.-Петербургскому округу имѣлъ рѣшающій голосъ, какъ сановникъ, наиболѣе знакомый съ наличностью талантливыхъ и способныхъ къ тому кандидатовъ, болшею частью при немъ оставившихъ студенческую скамью».

Избранный въ 1859 году академіею наукъ почетнымъ членомъ, онъ въ томъ же году въ первый разъ вступилъ временно въ завѣдываніе, вмѣсто А. С. Норова, учебною частію нѣкоторыхъ женскихъ институтовъ. Съ этихъ поръ и до назначенія его директоромъ департамента народнаго просвѣщенія дѣятельность его была всецѣло посвящена воспитанію и образованію юношества. Въ 1865 году, при Головнинѣ не было товарища министра и управление министерствомъ, за отсутствіемъ Головнина, было временно ввѣрено покойному, который удостоился за это высочайшей признательности. Тогда же состоялось его назначеніе сенаторомъ, а годъ спустя онъ занялъ постъ товарища министра народнаго просвѣщенія, оставаясь директоромъ Публичной библіотеки (въ эту должность онъ вступилъ еще въ 1860 г.) и присутствуя постоянно въ собраніяхъ первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената. Являясь въ теченіе восьми лѣтъ ревностнымъ помощникомъ министра графа Д. А. Толстого по введенію у насъ классической системы образованія, И. Д. Деляновъ нерѣдко въ отсутствіи министра замѣнялъ его и въ общей сложности за этотъ періодъ времени управлялъ самостоятельно министерствомъ три года. Помимо этихъ обязанностей, онъ въ 1871 г. былъ назначенъ членомъ совѣта Павловскаго института по учебной части и принималъ весьма близкое участіе въ разныхъ комиссіяхъ по вѣдомствамъ министерства народнаго просвѣщенія и IV Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи. Въ 1867 г. Иванъ Давидовичъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ его величества, а въ 1874 г. — чле-

номъ государственнаго совѣта съ увольненіемъ отъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія. Съ этого времени до 1882 г. дѣятельность его сосредоточивалась, съ одной стороны, въ государственномъ совѣтѣ и въ Публичной библиотекѣ, а съ другой — въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи, гдѣ въ 1877 г. онъ исполнялъ обязанности, особымъ высочайшимъ повелѣніемъ на него возложенныя, а съ 1880 г. продолжительное время управлялъ этимъ вѣдомствомъ на правахъ главноуправляющаго.

Начало восьмидесятыхъ годовъ, въ связи съ извѣстными явленіями русской жизни политическаго характера, вызвало рядъ правительственныхъ мѣропріятій и намѣтило рядъ реформъ, предназначенныхъ главнымъ образомъ къ усиленію власти и установленію опеки надъ общественной жизнью. Въ числѣ этихъ мѣропріятій существенное мѣсто было отведено реформамъ высшихъ учебныхъ заведеній и введенію здѣсь такъ называемаго новаго университетскаго устава 1887 года, каковое и является, такъ сказать, центральнымъ пунктомъ послѣдующей дѣятельности новаго министра просвѣщенія. При назначеніи его на новый постъ, гдѣ онъ долженъ былъ дѣйствовать, согласно съ духомъ мѣропріятій министерства внутреннихъ дѣлъ, проводимыхъ въ то время гр. Д. А. Толстымъ, онъ удостоился слѣдующаго высочайшаго рескрипта, даннаго на его имя 15 мая 1882 г. «Призвавъ васъ на тяжелый и отвѣтственный постъ министра народнаго просвѣщенія,—читаемъ мы здѣсь,—я не сомнѣваюсь, что многолѣтняя на этомъ поприщѣ опытность ваша, искреннее ваше усердіе помогутъ мнѣ, въ пользу грядущимъ поколѣніямъ и во славу отечества, окончательно установить дѣло народнаго образованія на прочныхъ основахъ не одного только расширенія научныхъ средствъ, но еще и яснаго пониманія достигаемыхъ этими истинно-человѣческихъ цѣлей: правды, добра и любви къ ближнимъ». Опѣнивая черезъ шесть лѣтъ службу министра народнаго просвѣщенія и возводя его въ графское достоинство, покойный государь императоръ всемилостивѣйше сказалъ ему въ высочайшемъ на его имя рескриптѣ: «Опытность ваша на учебно-административномъ поприщѣ, ваша справедливость и человѣколюбіе побудили меня съ полнымъ довѣріемъ поручить вамъ важный и отвѣтственный постъ министра народнаго просвѣщенія. Обдуманно и неуклонно устроенное дѣло университетскаго образованія служить предметомъ особыхъ заботъ вашихъ. Вами обращено должное вниманіе на устройство и развитіе техническихъ и профессиональныхъ училищъ, столь необходимыхъ на пользу нашего отечества. По указаніямъ вашимъ, начальное обученіе въ народныхъ школахъ въ духѣ постояннаго общенія съ церковью направляется къ одной цѣли съ недавно возникшими на благо народа церковно-приходскими школами. Постепенное, но непреклонное направленіе, даваемое подъ руководствомъ вашимъ, устройству учебнаго дѣла на одинакихъ нача-

лахъ во всей Россіи, упрочиваетъ въ будущемъ господство русскаго языка на всѣхъ окраинахъ нашей имперіи».

Перечисляя въ послѣдовательномъ порядкѣ мѣропріятія министерства за время его управленія графомъ Деляновымъ, «Журналъ министерства» сводитъ ихъ къ слѣдующимъ фактамъ. Въ 1887 г. составленъ новый уставъ російскихъ императорскихъ университетовъ; открытъ университетъ въ Томскѣ; пересмотрѣны (въ 1890 г.) учебные планы классическихъ гимназій, причемъ главныя перемѣны коснулись древнихъ языковъ: насчетъ послѣднихъ расширено преподаваніе русскаго языка; ограниченъ процентъ евреевъ, допускаемыхъ въ высшія и среднія учебныя заведенія; открытъ Харьковскій технологическій институтъ, измѣненъ уставъ С.-Петербургскаго технологическаго института и утвержденъ уставъ коммерческаго училища въ Харьковѣ; затѣмъ были расширены и организованы: Комиссаровское техническое училище въ Москвѣ, Красноуфимское Пермской губерніи реальное училище, приспособленное къ сельскохозяйственнымъ потребностямъ, Иркутское техническое училище, пересмотрѣнъ уставъ реальныхъ училищъ 1888 года, выработано положеніе о среднихъ и низшихъ техническихъ и промышленныхъ училищахъ и образована особая комиссія для дальнѣйшаго направленія дѣла; открыто нѣсколько такихъ училищъ, въ Казани, Екатеринбургѣ, Петрозаводскѣ, Златоустѣ, Брянскѣ; въ посадахъ: Павловѣ, Клинцахъ и др. Закрыты въ 1886 г. высшіе женскіе курсы были вновь открыты въ 1889 г. на измѣненныхъ основаніяхъ; пересмотрѣно положеніе объ учительскихъ семинаріяхъ и, наконецъ, въ видахъ объединенія окраинъ съ иновѣрнымъ населеніемъ, въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія приняты изъ министерства внутреннихъ дѣлъ до 2.000 сельскихъ школъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Для управленія этими школами образованы дирекціи и нѣсколько инспекцій, и выработаны особыя правила для завѣдыванія этими училищами. Въ прибалтійскихъ же губерніяхъ преобразованы и открыты вновь болѣе 20 городскихъ училищъ, открыты русскія прогимназій въ Полангенѣ, русскія реальныя училища въ Ригѣ и другихъ городахъ; введено обязательное преподаваніе на русскомъ языкѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, пользующихся правами казенныхъ училищъ. Въ томъ же духѣ произведены весьма значительныя преобразованія въ императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ, Рижскомъ политехническомъ и многихъ другихъ училищахъ; вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія при гр. И. Д. Деляновѣ подчинены всѣ школы, существующія при протестантскихъ церквахъ, а также всѣ иновѣрческія школы юго-западнаго края; издано новое положеніе о городскихъ училищахъ Варшавскаго учебнаго округа; къ вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія присоединены послѣдовательно: Кавказскій учебный

округъ, Кавказскій музей, Тифлисскія публичная бібліотека и физическая обсерваторія и городскія школы Терской области.

Изъ разсмотрѣнія этихъ главныхъ моментовъ жизни министерства народнаго просвѣщенія при покойномъ графѣ Деляновѣ мы убѣждаемся, что наибольшее вниманіе тутъ обращалось на преобразование окраинныхъ школъ, на подчиненіе ихъ министерскому надзору, что находилось въ непосредственной связи съ общей программой внутренней политики прошлаго царствованія. Кромѣ того, большинство мѣропріятій по своему характеру носятъ здѣсь ограничительный отпечатокъ, придающій дѣятельности министра какъ бы иное освѣщеніе, нежели оно носило на себѣ въ предыдущіе годы его дѣятельности, какъ попечителя округа. Это объясняется опять таки всѣми авторами некрологовъ почившаго графа тѣми общими вліяніями, которыя наступили въ нашемъ отечествѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда во внутренней политикѣ произошелъ крутой переломъ, и правительство отъ принциповъ «диктатуры сердца» перешло къ усиленію власти и строгому административному режиму. Силою вещей, И. Д. Деляновъ какъ бы былъ унесенъ потокомъ времени отъ тѣхъ основъ, коимъ служилъ до 1880 годовъ, но было бы жестокою несправедливостью утверждать, будто онъ цѣликомъ невозвратно ушелъ отъ стараго къ новому и не дѣлалъ попытокъ примиренія былого съ настоящимъ, нѣтъ, такія попытки именно имъ дѣлались во все время своего министерства, а потому придаютъ этому времени, если въ него всмотрѣться внимательнѣе, въ высшей степени любопытный, оригинальный характеръ. Правильнѣе всего это время было бы назвать періодомъ ликвидаціи наслѣдія, оставленнаго Россіи гр. Д. А. Толстымъ и его единомышленникомъ, знаменитымъ публицистомъ Страстнаго бульвара. Ликвидація эта, правда, совершалась чрезвычайно медленно, осторожно, но во всякомъ случаѣ совершалась, и ходъ ея довольно удачно обрисованъ въ статьѣ г. Н. А. «Наши гимназіи и графъ Деляновъ», напечатанной вскорѣ послѣ смерти министра («Новое Время» № 7851).

«Дѣйствующая нынѣ система нашей средней школы, какъ извѣстно, была унаслѣдована графомъ Деляновымъ отъ его предшественника по управленію министерствомъ, графа Толстого,—говоритъ авторъ. Нужно сознаться, это наслѣдіе было не изъ особенно пріятныхъ, потому что введенная въ 1871 году графомъ Толстымъ система была выкроена изъ чужого матеріала, по готовымъ шаблонамъ, не приплась намъ впору и потому прививалась туго, какъ нѣчто чуждое и насильно навязанное. Широкообразованный и въ высшей степени гуманный, покойный графъ Деляновъ, можетъ быть, болѣе чѣмъ кто либо другой чувствовалъ несовершенство этой системы, но, признавая вредъ радикальной ломки, такъ сказать, основы народнаго просвѣщенія, онъ избралъ другой путь и въ теченіе всего времени своего управленія министерствомъ (16 лѣтъ) ста-

рался постепенно сгладить крайности толстовскаго (вѣрнѣе — «катковскаго») классицизма. Это дѣлалось сначала, такъ сказать, административнымъ путемъ, при посредствѣ циркуляровъ, которыми дѣлались «разъясненія», «дополненія» и, наконецъ, «упрощенія» въ дѣйствующей системѣ, пока, наконецъ, не назрѣла реформа, осуществленная въ 1890 году извѣстною комиссiей изъ специалистовъ, профессоровъ и учителей, подъ предсѣдательствомъ князя Волконскаго (тогда товарища министра народнаго просвѣщенiя). На обязанность комиссiи возлагалось: 1) сохраняя нынѣ дѣйствующую систему классическаго образованiя, сократить и упростить программы, съ цѣлью облегченiя учениковъ при прохожденiи ими курса, безъ ущерба, однако, для основательности образованiя, причемъ главное вниманiе должно быть обращено на необходимость исключенiя изъ программъ подробностей, составляющихъ излишнее обремененiе для учащихся. 2) Сосредоточить изученiе грамматическаго матеріала языковъ въ высшихъ классахъ (до V включительно) и посвятить большее количество времени на чтенiе древнихъ авторовъ въ старшихъ классахъ (VI, VII и VIII), чтобы ученики гимназiй, окончивая курсъ, могли понимать и толково переводить тѣхъ латинскихъ и греческихъ писателей, произведенiя коихъ составляли предметъ занятiй въ гимназiи. 3) Облегчить домашнюю подготовку уроковъ. 4) Обсудить вопросъ о совершенномъ устранинiи изъ употребленiя тѣхъ учебниковъ, которые, по своей обширности и обилiю излишняго для средней школы матеріала, значительно затрудняютъ прохожденiе курса, и о мѣрахъ къ тому, чтобы вызвать появленiе учебныхъ руководствъ, сколь можно болѣе упрощенныхъ и сокращенныхъ, но не въ ущербъ основательности образованiя, и при томъ по цѣнѣ своей возможно дешевыхъ. 5) Устроить классныя занятiя въ среднихъ учебныхъ заведенiяхъ съ такимъ расчетомъ времени, чтобы ученики могли заниматься гимнастикой и, если возможно, музыкой и рисованiемъ,—и 6) распредѣлить болѣе правильно и равномерно занятiя по днямъ недѣли, причемъ коснуться вопроса о классныхъ наставникахъ, а равно и результатовъ, достигнутыхъ институтомъ классныхъ наставниковъ въ періодъ 17-ти-лѣтняго существованiя его. Въ результатъ двухлѣтнихъ трудовъ этой комиссiи въ зиму 1888—1889 года явились новые, нынѣ дѣйствующiе планы и программы, въ которыхъ подверглись наибольшему измѣненiю именно классическіе языки; былъ сокращенъ въ значительной степени грамматическій матеріалъ и классное время, отводившееся ранѣе на долю древнихъ языковъ. Такимъ образомъ, реформа 1890 года объединила прежнiя распоряженiя и, казалось, подвинула въ значительной степени разрѣшенiе вопроса о нашей средней общеобразовательной школѣ въ желательномъ направленiи».

Но реформа 1890 года не удовлетворила ни общества, ни самого министерства, которое нѣсколько времени спустя рѣшительно вы-

сказалось за необходимость кореннаго «органическаго» преобразованія нашей средней школы. По этому предмету мы читаемъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія» (1895 года, № 5)¹⁾, что многіе профессора университетовъ жалуются на неподготовленность студентовъ къ университетскому ученію: «филологи — на неподготовленность ихъ къ филологическимъ студіямъ; естественники — на неподготовленность ихъ къ наблюдениямъ изучаемыхъ явленій, на неумѣнье ихъ ни видѣть, ни слышать, ни обонять; историки — на неподготовленность ихъ къ историческому пониманію; иные — на неумѣнье ихъ излагать свои мысли на родномъ языкѣ, такъ что профессоръ не хуже учителя родного языка принужденъ скучать за исправленіемъ письменныхъ работъ студентовъ по наукамъ; всѣ же вообще — на ученическое отношеніе къ дѣлу, на механическое усвоеніе знаній и равнодушіе къ интересамъ науки... Явно, что между гимназіей и университетомъ существуетъ теперь какъ бы нѣкоторая пропасть, которая замѣтно все болѣе и болѣе увеличивается».

Чтобы сгладить эту рѣзкую аномалію въ соотношеніяхъ нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній были министерствомъ въ послѣднее время выработаны новыя программы, гдѣ сдѣланы существенныя измѣненія сравнительно съ программами 1890 года. «Такъ, по древнимъ языкамъ главнѣйшею задачею поставлено чтеніе авторовъ и переводъ ихъ на толковый русскій языкъ; грамматикѣ же отведено второстепенное мѣсто, и она будетъ впредь проходиться въ размѣрѣ, какой безусловно необходимъ для вышеуказанной основной задачи изученія древнихъ языковъ. Наболѣе же симпатичною стороною перемѣнъ въ методахъ и способахъ преподаванія этихъ предметовъ слѣдуетъ признать совершенное устраненіе такъ называемыхъ экстемпоралій, имѣвшихъ не дидактическій, а экзаменаціонный характеръ. Взамѣнъ экстемпоралій вводятся письменныя упражненія въ классѣ, выполняемыя при помощи пособій (словарей и текста съ толкованіями) и при дѣятельномъ участіи въ работѣ самого преподавателя.

«По русскому языку и словесности, кромѣ сокращенія (особенно въ области древней словесности), дано новое распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ, болѣе соответствующее рациональной постановкѣ изученія этого предмета, и обращено особенное вниманіе на письменныя работы. Что же касается до церковно-славянскаго языка, то изученіе этого предмета поставлено въ надлежащія рамки, потребность въ которыхъ давно чувствовалась въ виду отсутствія

¹⁾ Эта статья подверглась наднихъ официальной критикѣ, но странно то, что, написанная при жизни покойнаго графа Делянова, она въ свое время была пропущена вниманіемъ министерства и тѣмъ самымъ какъ бы санкціонирована имъ. Поэтому мы и позволяемъ себѣ, оставивъ нынѣшніе коррективы въ сторонѣ, взять ее, какъ матеріалъ для некролога графа Делянова.

удовлетворительныхъ учебниковъ по этому предмету и увлеченія филологическими подробностями нѣкоторыхъ, особенно молодыхъ преподавателей. Обращено, наконецъ, вниманіе на возобновленіе литературныхъ бесѣдъ, которыя, помимо своего общеобразовательнаго значенія, много способствуютъ знакомству съ избранными произведеніями классической литературы.

«По географіи и исторіи признано возможнымъ сдѣлать тоже весьма существенныя сокращенія, для избѣжанія обремененія памяти учениковъ совершенно излишними подробностями, а такъ же сдѣланы значительныя измѣненія и въ постановкѣ изученія этихъ предметовъ.

«По математикѣ и физикѣ сдѣланы существенныя измѣненія, особенно въ теоретической сторонѣ предмета, предложеніемъ нѣкоторыхъ упрощенныхъ выводовъ. Наиболѣе же симпатичнымъ является рекомендація преподавателямъ разучивать предметъ въ классѣ, особенно въ младшемъ возрастѣ.

«Одновременно съ введеніемъ новыхъ программъ въ С.-Петербургскомъ учебномъ округѣ, министерство народнаго просвѣщенія образовало особую комиссію для разсмотрѣнія этихъ программъ, въ видахъ введенія ихъ въ остальныхъ округахъ имперіи. Названная комиссія успѣла до рождественскихъ каникулъ разсмотрѣть только программы по русскому языку, исторіи и математикѣ».

Такимъ образомъ, если сопоставить первоначальное состояніе нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, относящееся къ началу семидесятыхъ годовъ, съ тѣмъ ихъ состояніемъ, въ коемъ мы находимъ ихъ ко дню смерти графа Делянова, мы увидимъ, что въ классической системѣ графа Толстого сдѣлано уже не мало существенныхъ измѣненій, въ значительной степени придающихъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ уже иной характеръ, нежели тотъ, который желалъ видѣть создатель знаменитой системы.

То же самое можно сказать и про университетскій уставъ 1884 года, который былъ введенъ въ началѣ министерства гр. Делянова и который имъ же съ теченіемъ времени былъ понемногу реформированъ. «При вступленіи его въ министерство сохранили свое положеніе ближайшіе сотрудники графа Толстого», читаемъ мы по этому предмету въ официальномъ некрологѣ министерскаго журнала. «Тѣмъ не менѣе онъ не безъ колебанія рѣшился на внесеніе проекта въ государственный совѣтъ; московскому другу¹⁾ пришлось печатно дѣлать строгія напоминанія о послѣдовательности и соединенныхъ съ нею обязательствахъ. Когда реформа прошла, то уже на первыхъ порахъ она была проводима не съ тою суровостью и непреклонностью, какъ сначала предполагалось, затѣмъ послѣдовали измѣненія, устраняющія то, что въ ней было наиболѣе тягостнаго. Здѣсь

¹⁾ То-есть Каткову.

сказался личный характеръ министра, примирительный и смягчающій. Государственные экзамены сближены съ университетскимъ преподаваніемъ и связаны непосредственно съ окончаніемъ четырехлѣтняго курса, не требуя еще новой затраты времени и обыкновенно скудныхъ матеріальныхъ средствъ у нашей учащейся молодежи. Теперь поставленъ на очередь вопросъ о гонорарѣ, имѣющій весьма существенное значеніе и касающійся самыхъ основъ реформы».

Постепенное смягченіе классической системы и возвращеніе университетамъ ихъ прежняго значенія, съ одной стороны, и съ другой—насажденіе въ нашемъ отечествѣ преимущественно разсадниковъ опытнаго знанія, вотъ тотъ ликвидаціонный ходъ наслѣдія графа Д. А. Толстого, руководить которымъ выпало на долю графу Делянову. Полной ликвидаціи и созданія на опустѣломъ мѣстѣ чего нибудь новаго, живаго, согласнаго съ духомъ времени и громкими запросами общества, скончавшемуся министру не суждено было увидать. Эту задачу онъ какъ бы по неофициальному духовному завѣщанію оставилъ своимъ преемникамъ, на обязанности которыхъ такимъ образомъ лежитъ, въ уваженіе къ памяти почившаго графа, не останавливаться на пути обрисованной ликвидаціи устарѣвшей системы высшей и средней школы, а довести ее до конца въ томъ направленіи, о коемъ такъ много было говорено въ послѣдніе дни, даже при жизни покойнаго министра.

Остается еще сказать о личныхъ отношеніяхъ И. Д. Делянова къ окружающимъ, къ подчиненнымъ, къ молодежи. Въ этихъ своихъ отношеніяхъ онъ отличался удивительною доступностью, простотою и мягкостью. Его ранніе утренніе приемы пользовались въ городѣ широкою извѣстностью, и на нихъ всегда можно было встрѣтить цѣлую толпу посѣтителей, спѣшившихъ къ графу со всякаго рода просьбами, и относящимися непосредственно къ тому дѣлу, во главѣ котораго онъ стоитъ, и внѣ его находящимися. Сановникъ отказывать не умѣлъ, и это посѣтители хорошо знали, часто злоупотребляя его снисходительностью и добротою. Такое положеніе дѣлъ въ концѣ концовъ имѣло и невыгодную сторону, такъ какъ и сотоварищи графа по государственнымъ учрежденіямъ и даже подчиненные не всегда относились довѣрчиво къ просьбамъ, заступничеству и рекомендаціямъ его, полагая, и не безъ основанія, что онѣ вынужденныя, что онѣ уступки добраго сердца передъ упорными и настойчивыми домогательствами энергичныхъ, но часто мало знающихъ, просителей.

Г. Барсуковъ въ небольшой замѣткѣ, посвященной памяти усопшаго, напечатанной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 5 сего года), повѣствуетъ о мало извѣстной страничкѣ жизни графа. Когда онъ подѣзжалъ къ квартирѣ покойнаго, извозчикъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Вы, видно, ѣдете на похороны нашего барина? Къ нему на похороны пріѣхали самъ царь, всѣ министры, градоначальникъ.

— Почему онъ твой баринъ?

— Да мы—калужскіе и его крѣпостные. Вотъ ужъ былъ баринъ, царство ему небесное! Такихъ уже теперь нѣтъ. Иванъ Давидовичъ не оставлялъ насъ и тогда, когда насъ освободили.

Къ этой бесѣдѣ г. Барсуковъ прибавляетъ: «съ величайшимъ умиле-ніемъ внималъ я этимъ словамъ и, провожая почившаго въ путь всея земли, мнѣ вспомнилось, что подобное же мнѣ сказывалъ нѣкогда покойный князь Павелъ Петровичъ Вяземскій. Однажды князь ѣхалъ по Невскому; проѣзжая армянскую церковь, извозчикъ также неожиданно обратился къ нему со словами: «Вотъ здѣсь живетъ нашъ баринъ Иванъ Давидовичъ. Мы за него ежедневно молимся Богу. Такой ужъ благодѣтельный баринъ!»

Князь Мещерскій передаетъ про покойнаго графа характерный эпизодъ, чрезвычайно рельефно рисующій личность покойнаго министра. Эпизодъ этотъ относится къ царствованію государя Александра III, когда въ С.-Петербургскомъ университетѣ шли непрерывные беспорядки, направленные главнымъ образомъ противъ личности тогдашняго ректора, М. Владиславлева. Одинъ изъ министровъ дѣйствительно подалъ государю записку, въ которой излагалъ свое мнѣніе по университетскимъ беспорядкамъ и совѣтовалъ государю смѣну ректора, въ видахъ успокоенія молодежи. Государь передалъ эту записку И. Д. Делянову, тогда еще не бывшему графомъ, и спросилъ его мнѣнія по этому вопросу.

— Что-жь,—отвѣтилъ вѣрный слуга государю, — если вашему величеству угодно, я смѣну ректора, это очень легко, и, пожалуй, студенты на время успокоятся, но только на время, и потомъ хуже будетъ, молодежь легкомысленна: скажутъ себѣ, мы смѣнили ректора, такъ мы, значить, сила, кого захотимъ, того и смѣнимъ. И чуть что—они и на новаго ректора пойдутъ походомъ... Ну, а про меня скажутъ, ишь подлець какой, предалъ, какъ Пилать, своего честнаго подчиненнаго, чтобы подслужиться; да и я самъ про себя это скажу.

— Нѣтъ,—сказалъ государь,—этого не будетъ; пусть ректоръ остается.

Наступилъ 50-ти-лѣтній юбилей Делянова; вѣрный своей скромности, онъ уѣхалъ въ провинцію прятаться отъ чествованія... Получилъ онъ графскій титулъ и говоритъ государю: «Ваше величество, не по дѣламъ моимъ вы меня наградили, какія у меня заслуги, и какой я графъ!»

— Нѣтъ, по дѣламъ вашимъ я васъ наградилъ, графъ,—отвѣтилъ государь,—я цѣню въ васъ вашу честность и стойкость. А помните, два года назадъ эпизодъ съ Владиславлевымъ... Я его не забылъ

Что касается отношеній покойнаго министра къ молодежи, то такое лучше всего обрисовывается изъ его рѣчи, произнесенной при открытїи реформированнаго Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Онъ говорилъ ¹⁾: «Привѣтствую край съ этою новою дарованною ему монаршею милостію и, покорнѣйше прося его высокопревосходительство г. начальника края принять институтъ въ его обновленномъ составѣ подѣ свое высокое покровительство, поручаю это заведеніе попеченію и охранѣ попечителя Варшавскаго учебнаго округа, ближайшаго начальства и членовъ учебнаго состава. Уповаю, что единомысленная и единодушная охрана эта поставитъ институтъ на высоту его призванія. Среди заботъ и трудовъ нашего служенія будемъ воодушевляться христіанскою любовью, которая не ищетъ своего и требуетъ, чтобы знающіе и сильные помогали незнающимъ и слабымъ, а не себѣ угождали. Пусть вѣренное намъ юношество видятъ въ насъ образецъ усердія къ дѣлу, доброжелательство, справедливость, готовность содѣйствовать его благу всеми зависящими отъ насъ способами. Будемъ помнить, что мы все — дѣти одного Творца вселенной, сыны одного отца-государя, сердцу коего одинаково близки и высокіе и низкіе, и имущіе и неимущіе, и учащіе и учащіяся, къ какому бы роду или племени они ни принадлежали, лишь бы они были вѣрными подданными и исполняли долгъ свой не за страхъ, а за совесть. Призываю на институтъ миръ, тишину, спокойствіе, безъ которыхъ немислимо преуспѣяніе никакого учебнаго заведенія. Обращаюсь теперь къ вамъ, молодые люди, и, въ лицѣ вашего вѣщаго, къ вамъ, которые поступаютъ въ институтъ послѣ васъ. Вы поступили сюда для пріобрѣтенія знаній въ разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, не только полезныхъ для васъ, но даже необходимыхъ для всехъ народовъ, обитающихъ въ Россіи. Все, что здѣсь вы пріобрѣтете хорошаго для себя, будетъ полезно и для общества. При вступленіи сюда вамъ были предъявлены правила, въ коихъ опредѣлены ваши обязанности. Вы дали обязательство въ точномъ ихъ выполненіи. Между институтомъ и вами заключенъ нѣкоторымъ образомъ договоръ, но договоръ для васъ самый легкій и льготный: институтъ требуетъ отъ васъ исполненія извѣстныхъ правилъ, пока вы въ немъ находитесь, а вы, съ своей стороны, имѣете право во всякое время, безъ задержки и стѣсненія, оставить его, если, по мнѣнію того или другого изъ васъ, заведеніе налагаетъ на васъ бремя неудобноносимое. Оставаясь же въ институтѣ, помните, друзья мои, говорю вамъ силою души моей, помните, что вы здѣсь не кто другіе, какъ учащіяся, подчиненные начальству и наставникамъ вашимъ, что вы поступили сюда не

¹⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1897 г., № 356.

для веселья, но для борьбы съ невзгодами жизни,—отъ которыхъ да избавить васъ Господь Богъ, — для того, чтобы работать надъ умственнымъ и нравственнымъ своимъ развитіемъ, подъ руководствомъ людей знанія и опыта научнаго и житейскаго. Знаю, друзья мои, что въ молодыхъ лѣтахъ люди часто увлекаются и принимаютъ воображаемое за дѣйствительное и желаемое за существующее или легко осуществимое. Пропедавшее многихъ нашихъ учебныхъ заведеній и тяжелыхъ времена, которыя они переживали, ясно показываютъ, какъ опасны бываютъ иногда увлеченія. Посему не давайте слишкомъ много воли воображенію; въ особенности же удаляйте отъ себя въ высшей степени ложную мысль о какомъ-то государственномъ значеніи студенчества, о томъ, что вы будто бы имѣете право устраивать жизнь учрежденія по собственнымъ планамъ. Друзья мои, говорю съ вами, не какъ министръ, не какъ человѣкъ съ силою и властію, потому что все это преходяще: сегодня полонъ жизни, а завтра хладенъ и бездыханенъ. Говорю вамъ это просто, какъ отецъ, радѣющій о дѣтяхъ своихъ, говорю отъ полноты сердца, любящаго человѣчество вообще и молодежь въ особенности, говорю по участію и состраданію къ вашимъ родителямъ, которые нерѣдко жертвуютъ послѣдними рублями, да хорошо когда они есть, а то и послѣдними копейками, обращая въ деньги домашній скарбъ, лишая себя всего необходимаго, чтобы только дать вамъ средства къ образованію. Имѣйте всегда передъ умственнымъ взоромъ вашимъ отчаянную скорбь родителей, которые нерѣдко вмѣсто ожидаемой отъ дѣтей радости и помощи видятъ ихъ гибнущими въ безднѣ грѣха и преступленій. Не забывайте словъ поэта:

«Не долженъ сынъ смотрѣть спокойно
На слезы матери родной».

«Въ заключеніе выражаю не только увѣренность, но и убѣжденіе, что всѣ добрыя стремленія ваши найдутъ въ начальникахъ и наставникахъ вашихъ оплотъ и поддержку какъ въ стѣнахъ института, такъ и внѣ оныхъ, что они употребятъ всѣ усилія, чтобы обогатить васъ познаніями, чтобы утвердить васъ въ покорности Провидѣнію, въ безпредѣльной преданности Престолу, что они внесутъ въ жизнь вашу тотъ свѣтъ и ту теплоту, которые освѣжаютъ и ободряютъ молодое сердце, и постараются влить въ душу вашу силу и энергію для достиженія намѣченныхъ благихъ цѣлей и для борьбы съ невзгодами жизни, отъ которыхъ да избавить васъ Господь Богъ!»

Эти слова, въ которыя ораторомъ вложено столько чувства и сердечности, ярко рисуютъ намъ именно не министра графа Делянова, а стараго человѣка, умудреннаго большимъ житейскимъ опытомъ, раскрывающаго со всею любовью сердца свои объятія молодежи. И эти объятія въ своей жизни Иванъ Давидовичъ дѣйстви-

тельно раскрывалъ часто, согрѣвая добрымъ чувствомъ не одного обездоленнаго, пошатнушагося на житейскомъ пути и нуждающагося въ ласкѣ и опорѣ. Съ этой стороны онъ оставилъ дѣйствительно неизгладимую память, которая еще долго не пройдетъ въ поколѣніяхъ, и знавшихъ его при жизни и имѣющихъ узнать его по разговорамъ и преданіямъ.

НОВЫЕ ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ¹⁾.

ОЧТИ одновременно, въ началѣ нынѣшней осени, появились на столбцахъ газетъ весьма заманчивыя для всѣхъ «книголюбцевъ» объявленія о двухъ новыхъ обширныхъ трудахъ по исторіи русской литературы. Оба эти труда соединены были съ именами А. Н. Пыпина и Н. С. Тихонравова — авторовъ, давно уже извѣстныхъ въ нашей ученой литературѣ своими монографіями по отдѣльнымъ вопросамъ русской словесности (преимущественно древняго періода), своими изданіями памятниковъ нашей древней письменности и своимъ настойчивымъ изслѣдованіемъ различныхъ историко-литературныхъ вопросовъ, въ ихъ непосредственной связи съ русскою общественностью и русскою народностью. Оба имени, такъ сказать, служили лучшимъ ручательствомъ за несомнѣнныя достоинства ожидаемыхъ трудовъ, тѣмъ болѣе, что и у покойнаго Н. С. Тихонравова и у А. Н. Пыпина эти труды по исторіи русской литературы являлись какъ бы окончательнымъ результатомъ и естественнымъ выводомъ изъ всей ихъ ученой и литературной дѣятельности. Первый томъ сочиненія А. Н. Пыпина (разсчитаннаго на четыре тома) вышелъ въ свѣтъ мѣсяца два тому назадъ, а въ началѣ нынѣшняго года появилась первая часть третьяго тома сочиненій по-

¹⁾ По поводу книгъ: А. Н. Пыпина: «Исторія Русской литературы. Т. I. Древняя письменность», Спб., 1898, и Н. С. Тихонравова «Сочиненія», томъ III, часть первая, М., 1898.

койнаго Н. С. Тихонравова, заключающая въ себѣ статьи по русской литературѣ XVIII и XIX вѣковъ. Къ сожалѣнію, предисловіе В. Якушкина, помѣщенное въ главѣ выпедшаго тома сочиненій Тихонравова, не поясняетъ намъ, почему именно это цѣнное изданіе началось съ третьяго, а не съ перваго тома. Авторъ предисловія говоритъ, что «въ третьемъ томѣ сочиненій Тихонравова, согласно съ планомъ всего изданія, помѣщены такія-то и такія-то изслѣдованія и статьи», но объ этомъ общемъ планѣ хранить полнѣйшее молчаніе. Онъ только поясняетъ, что «по плану, составленному для третьяго тома, основной текстъ его состоитъ изъ наиболѣе крупныхъ и цѣльныхъ статей Тихонравова, имѣющихъ самостоятельное значеніе; работы болѣе мелкія рѣшено было отнести въ приложение»... Нѣсколько далѣе узнаемъ, что «въ виду значительнаго объема третьяго тома, приложения и дополненія для удобства печатаются отдѣльно и составляютъ вторую часть этого тома». Все это дѣленіе матеріала, довольно произвольное и до нѣкоторой степени случайное, нѣсколько отзывается издательскою неумѣlostью, и мы полагаемъ, что, для пользы дѣла, было бы пріятнѣе видѣть статьи Н. С. Тихонравова расположенными въ хронологическомъ порядкѣ, а не раздѣленными «на болѣе «крупныя» и «болѣе мелкія». Такое раздѣленіе, конечно, не имѣетъ никакой научной основы и не можетъ быть названо правильнымъ¹⁾.

Содержаніе тома разнообразно и любопытно. Особенно любопытны и важны тѣ статьи, которыя, по тѣмъ или другимъ причинамъ, не явились въ свѣтъ при жизни автора или же не были напечатаны по какимъ-то внутреннимъ его побужденіямъ и соображеніямъ. Въ числѣ первыхъ несомнѣнно важною является написанная Тихонравовымъ біографія Новикова, отпечатанная еще въ 1855 году для «Біографической лѣтописи питомцевъ Московскаго университета». Лѣтопись эта не была окончена и не вышла въ свѣтъ: она сохранилась лишь въ немногихъ экземплярахъ, которые не были извѣстны даже и бібліографамъ. Изъ числа статей, намѣренно не напечатанныхъ самимъ Тихонравовымъ, выдѣляется по своему значенію обширная статья о Жуковскомъ, въ которой ученый знатокъ русской литературы замѣчательно тонко выдѣляетъ различныя иноземныя вліянія, которымъ поочередно поддадалъ нашъ поэтъ въ ранней юности, сообразно различнымъ переходамъ отъ одной литературной школы и ея возрѣній къ новымъ возрѣніямъ и теоріямъ. Вообще, судя по выпедшему тому сочиненій Тихонравова, можно предполагать, что всѣ три тома, въ общемъ своемъ составѣ, по выходѣ въ свѣтъ, будутъ составлять весьма цѣнный вкладъ въ нашу ученую литературу. Статьи и замѣтки Тихонравова непре-

¹⁾ Въ какой степени оно правильно, видно изъ того, что подборъ «болѣе крупныхъ» статей начинается коротенькою и небольшою статейкой о Ломоносовѣ.

мѣнно слѣдовало собрать воедино, и нынѣшнее изданіе сочиненій покойнаго ученаго дѣлаетъ честь его щедрымъ и безкорыстнымъ издателямъ. Переходя отъ третьяго тома сочиненій Тихонравова къ первому тому «Исторіи русской литературы» А. Н. Пыпина, мы прежде всего должны замѣтить, что эта книга не представляетъ собою цѣльнаго труда: это довольно объемистый сборникъ, состоящій изъ одиннадцати отдѣльныхъ статей, болѣе или менѣе обработанныхъ и посвященныхъ отдѣльнымъ вопросамъ изъ области исторіи русской литературы. Статьи эти названы главами одного и того же сочиненія, хотя между ними нѣтъ ни связи, ни прямого соотношенія, ни равенства отношенія къ главной основѣ книги, которая все же носить общее названіе «Исторіи русской литературы». Читая каждую изъ отдѣльныхъ статей сборника г. Пыпина и, въ особенности, сравнивая ихъ съ его же примѣчаніями, видишь даже съ достаточною ясностью, что статьи эти писаны въ разное время, по поводу разныхъ историко-литературныхъ вопросовъ, привлекавшихъ вниманіе автора, и даже не были имъ переработаны настолько, чтобы войти въ составъ одной книги, какъ однородныя части. Болѣе близкое и болѣе подробное знакомство съ предисловіемъ автора и съ первыми главами его книги должно будетъ убѣдить насъ въ томъ, что онъ, кажется, менѣе всего заботился о цѣльномъ и послѣдовательномъ изложеніи своего предмета.

Посвятивъ первый томъ своего труда «Древней письменности», авторъ начинаетъ съ того (въ своемъ предисловіи), что отрицаетъ всякую возможность въ настоящее время писать «исторію литературы» по какому бы то ни было плану, такъ какъ «содержаніе и методъ науки еще составляютъ искомое»... Далѣе, оказывается, что «вслѣдствіе условій, въ какихъ образовалась наша древняя письменность, она почти не знаетъ хронологіи: большая масса памятниковъ оставалась въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ неизмѣнною, иногда съ XI—XII до XVII и даже XIX столѣтій; старые памятники не замѣнялись новыми, какъ новою ступеню литературнаго развитія... «не разъединялись въ представленіяхъ (представленіи?) самихъ книжниковъ...», и «письменность сохранила тѣ же традиціонныя формы» (стр. V). И такъ, у нашей древней письменности, въ противоположность письменностямъ всѣхъ остальныхъ народовъ, нѣтъ хронологіи; въ ней нѣтъ и ступеней развитія... Казалось бы, что при этихъ условіяхъ невозможна и самая исторія этой письменности? Такое соображеніе, конечно, было бы весьма неутѣшительно, если бы на той же страницѣ авторъ не впалъ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собою, упомянувъ о такихъ именно памятникахъ, которые явно указываютъ не только на опредѣленную эпоху, наступившую въ сознаніи русскихъ людей, не только на опредѣленное отношеніе къ своему литературному прошлому, но еще и на такія наслоенія и нарастанія въ самомъ составѣ памятниковъ, которыя

заключаютъ въ себѣ достаточно ясныя хронологическія указанія... Самъ авторъ называетъ эти памятники «разновременными по происхожденію», и все же утверждаетъ, что «простое хронологическое распределеніе памятниковъ по вѣкамъ не достигаетъ цѣли», и по тому предпочитаетъ группировать однородное и строить на этой группировкѣ весь планъ своей новой книги, которая обращается, благодаря такому воззрѣнію автора, въ сборникъ статей по «Исторіи русской литературы».

Въ томъ же самомъ предисловіи (стр. VI) авторъ ратуетъ противъ изложенія судебъ народной поэзіи «въ началѣ цѣлой исторіи, какъ это дѣлалось, — и находитъ это невозможнымъ потому, что обыкновенно мы знаемъ нашу народную поэзію почти только въ ея новѣйшей формѣ», и «въ ней предстоитъ еще выдѣлить древнее отъ новѣйшаго...». Но, какъ бы то ни было, — не загадывая впередъ о томъ, что въ послѣдующее время будетъ сдѣлано наукою въ области изслѣдованія нашей народной поэзіи, — мы, создавая «цѣлую исторію литературы», вынуждены дать народной поэзіи опредѣленное мѣсто; а такъ какъ она обычно зарождается и существуетъ у всѣхъ народовъ задолго до появленія не только письменности, но и письменъ, то куда же можемъ мы отнести народную поэзію во всѣхъ ея формахъ, какъ не къ началу «исторіи литературы»? И только въ такомъ сборникѣ статей по исторіи литературы, какой представляетъ собою книга А. Н. Пыпина, «статья» о народной поэзіи можетъ быть безразлично отнесена въ начало, середину или конецъ всей книги.

За предисловіемъ, о которомъ намъ пришлось поневолѣ нѣсколько распространиться, помѣщено весьма любопытное введеніе, въ которомъ А. Н. Пыпинъ подробно излагаетъ современные взгляды на задачи и методъ изложенія историко-литературнаго матеріала въ связи съ новѣйшими научными воззрѣніями на культурное значеніе «Исторіи литературы». Самостоятельнымъ и принадлежащимъ автору дополненіемъ къ этому введенію являются только тѣ нѣсколько страницъ, въ которыхъ онъ указываетъ на различныя воззрѣнія, господствовавшія у насъ на тотъ же предметъ, при чемъ, къ крайнему нашему удивленію, высказываетъ, что древній списокъ «книгъ истинныхъ и ложныхъ», есть не что иное, какъ «первый элементарный опытъ осмотрѣться (?) въ наличномъ составѣ литературы» (стр. 15). Такимъ же «опытомъ осмотрѣться» считаетъ онъ далѣе и «Четы-Миней» Макарія, и «Оглавленіе книгъ» Сильвестра Медвѣдева, страннымъ образомъ смѣшивая сборники образцоваго чтенія съ трудами чисто-библіографическаго характера, чтѣ, конечно, далеко не одно и то же...

Съ первой же главы книги, въ которой авторъ занимается разсмотрѣніемъ «историческихъ условій русскаго національнаго развитія», онъ уже начинаетъ проявлять и примѣнять къ предмету сво-

его изслѣдованія то крайнее «западничество», которое составляло всегда отличительную черту всѣхъ сочиненій и статей А. Н. Пыпина, помѣщенныхъ за послѣднюю четверть вѣка въ «Вѣстникѣ Европы». Западничество это доходить до того, что, по его мнѣнію, говорить «о духовныхъ отличіяхъ и преимуществѣхъ русскаго міра, въ связи съ греческимъ и славянскимъ», значить смотрѣть на дѣло «съ вѣроисповѣдной точки зрѣнія...». Точно также несовременно говорить о «культурномъ типѣ», отлѣчающемъ русскій народъ или славянское племя отъ народовъ западно-европейскихъ. «Типовъ» вообще нѣтъ: «данныя языка указываютъ, что основы культуры въ славянской отрасли были едины не только въ семьѣ германо-литовско-славянской, но въ цѣлой семьѣ аrio-европейской... Послѣдующая исторія всѣхъ племенъ только безконечное дифференцированіе первоначальнаго типа» и т. д. (стр. 43). Очевидно, авторъ закрываетъ глаза на дѣйствительность и, придерживаясь своей теоріи, устраняетъ отъ участія въ «послѣдующей исторіи» всякія личныя типическія особенности, исключительно принадлежащія одному племени, какъ бы не замѣчая того, что, по этой теоріи, русскій, французъ, англичанинъ и нѣмецъ должны быть признаны только «дифференцированіемъ» одного типа, вопреки всѣмъ своимъ національнымъ особенностямъ...

Вслѣдъ за этимъ идетъ длинный перечень все отрицательныхъ и неблагопріятныхъ для нашего національнаго развитія условій, указывается на отсутствіе у насъ «непосредственнаго вліянія классическихъ культурныхъ преданій, которыя были ферментомъ (?) развитія новѣйшей цивилизаціи», причемъ чуть не въ укоръ намъ ставится то, что мы выступили на историческую сцену почти на 1000 лѣтъ позднѣе остальныхъ европейскихъ народовъ и лишены были великаго блага — «правильно поставленной школы»¹⁾, вслѣдствіе чего масса народа оставалась долгое время въ положеніи патріархальномъ. При этомъ авторъ низводитъ культурное вліяніе Византіи на древнюю Русь до крайняго минимума, обильно и много толкуетъ о русской косности и невыгодахъ уединеннаго отъ Европы положенія Руси; но въ концѣ концовъ, на стр. 54, довольно неожиданно приходитъ къ утѣшительному для насъ выводу:

«Если мы оглянемся назадъ, на протекшіе вѣка нашей исторіи, мы увидимъ, что эта исторія была именно исторія народа европейскаго (sic!), но поставленнаго въ неблагопріятныя условія, задержавшія его развитіе».

Единственно существеннымъ для исторіи русской литературы въ этой первой главѣ книги г. Пыпина можно признать только его распредѣленіе нашей литературы на три періода: первый — до

¹⁾ «Правильно поставленная» школа—это тоже идеаль довольно туманный. Вѣдь и наша нынѣшняя школа, основанная на классицизмѣ, едва ли можетъ быть названа правильно-поставленной? II.

татарщины, второй—«до второй половины XVII вѣка, какъ преддверіе петровской реформы» (стр. 59), и третій—новый періодъ, послѣ-петровскій. Это раздѣленіе, однако же, недостаточно прочно обосновано авторомъ; противъ него можно сказать многое... И самъ авторъ, кажется, не прочь въ этомъ сознаться, потому что, напри- мѣръ, въ новомъ періодѣ русской литературы признаетъ «нѣсколько рѣзкихъ граней, отдѣлявшихъ характерныя ступени литературнаго движенія».

Во второй главѣ авторъ занимается «начатками древне-русской письменности». Если изъ этой второй главы мы исключимъ приведенныя въ ней «in extenso» весьма обширныя выписки изъ сочиненій Костомарова и Голубинскаго, то въ ней останется очень немного принадлежащаго самому г. Пыпину. Притомъ же, — не въ обиду будь сказано автору, — выписки, внесенныя имъ въ текстъ книги, связаны съ нимъ чисто-механически и не провѣрены его личной критикой по отношенію къ русской дѣйствительности, ни къ тѣмъ условіямъ жизни, въ которыхъ приходилось жить и дѣйствовать нашимъ предкамъ IX — XI вѣковъ. Такъ, напри- мѣръ, на стр. 63—65 приведена изъ «Русской истории въ жизнеописаніяхъ» картина быта народнаго, будто бы внушенная историку лѣтописью, и о которой самъ А. Н. Пыпинъ говоритъ: «Подъ впечатлѣніемъ лѣтописи у одного изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ историковъ слагалось представленіе о древнемъ бытѣ, какъ варварскомъ». И затѣмъ слѣдуетъ выписка... Но неужели же самъ-то г. Пыпинъ вѣрить въ то, что древляне, кривичи и радимичи были варварами? Неужели онъ можетъ серьезно вѣрить въ то, что ихъ обычай былъ «авѣринскій»? Или, что равница между нравами полянъ и древлянъ была болѣе рѣзкою, чѣмъ и въ наше время—между бытомъ фабричной полосы, бытомъ хлѣбороднаго Поволжья и бытомъ ветлужанъ или олончанъ лѣсной полосы? Наивный туристъ изъ западныхъ европейцевъ, избалованный удобствами цивилизаціи и вынужденный прожить мѣсяць-другой въ Ветлужскомъ или Олонецкомъ лѣсномъ захолустьѣ, и теперь написалъ бы, даже напечаталъ бы, что онъ провелъ это время среди людей, живущихъ и доселѣ «авѣринскимъ образомъ»¹⁾.

Далѣе, за картиною «варварскихъ» нравовъ слѣдуютъ нѣсколько страницъ о христіанствѣ, «введеніе котораго было величайшимъ переворотомъ въ нашемъ бытѣ» (стр. 67). Но и тутъ г. Пыпинъ на-

¹⁾ По этому поводу намъ припоминается давно забытая лекція Костомарова, читанная имъ въ залѣ Географическаго общества,—лекція, въ которой онъ предлагалъ исследователямъ въ области русской исторіи идти не отъ памятниковъ прошлаго къ настоящему, а напротивъ, восходить отъ настоящаго, отъ изученія нынѣшняго порядка быта къ далекому прошлому: «отъ торныхъ и широкихъ дорогъ—къ тропинкамъ», по его собственному выраженію. Какъ жаль, что никто до сихъ поръ не послѣдовалъ этому прекрасному совѣту. II.

ходить нужнымъ напомнить, что христіанство пришло къ намъ въ періодъ разрыва восточной и западной церкви. «Нетерпимость (внесенная этимъ разрывомъ) сдѣлала невозможнымъ вліяніе западной образованности въ древней Руси, и это не было полезно для послѣдней» (стр. 70). То-есть, другими словами, онъ вѣрить въ то, что «западное образованіе» могло бы оказать вліяніе на древнюю Русь при ея разрозненности и разбросанности, при ея расплывчатыхъ границахъ, вынуждавшихъ къ нескончаемой борьбѣ съ кочевниками—при всѣхъ условіяхъ топографическихъ и климатическихъ, которыя должны были бы несомнѣнно противодѣйствовать всякому сплошному, однородному вліянію. Чрезвычайно любопытно, что при этомъ онъ положительно отрицаетъ всякое значеніе просвѣщенія, внесеннаго въ древнюю Русь Византією и прочно-укоренившагося въ отдѣльныхъ центрахъ. Вмѣстѣ съ г. Голубинскимъ онъ пытается доказать, что попытка ввести къ намъ школьное ученіе была сдѣлана только Владиміромъ—и не повторялась потомъ, такъ что рускіе люди въ XI вѣкѣ оказались болѣе невѣжественными, чѣмъ въ X вѣкѣ (стр. 76), и вполне соглашается съ выводомъ г. Голубинскаго, который утверждаетъ, что и до монгольскаго ига «непросвѣщеніе или невѣжество уже успѣло пріобрѣсти у насъ право гражданства и давности, уже успѣло пріобрѣсти видъ нормальнаго положенія». Не можемъ понять, что побуждаетъ г. Пыпина отвергать признанные наукою факты, неопровержимые и неподлежащіе никакому отрицанію: образованность князей, книголюбіе ихъ, побуждающее къ собиранію большихъ библиотекъ и къ значительнымъ затратамъ на книги, распространенную во всѣхъ классахъ любовь къ чтенію, знаніе языковъ, приводившее къ тому, что многіе князья окружали себя греками, сами переводили и другихъ побуждали къ переводу книгъ, значеніе монастырей, какъ центровъ не только духовнаго, но и мірскаго просвѣщенія, и т. д.? Факты эти находятъ себѣ подтвержденіе въ томъ несомнѣнномъ расцвѣтѣ литературномъ, который проявился у насъ въ XI и XII вѣкахъ, и указываютъ слишкомъ ясно, что просвѣщеніе, принесенное къ намъ изъ Византіи, пустило у насъ (по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ слояхъ общества—въ духовенствѣ, въ княжеской и дружинной средѣ) глубокіе корни и принесло обильный и пѣнный плодъ. Отвергнувъ значеніе и вліяніе (даже самое существованіе) этого просвѣщенія, г. Пыпинъ видитъ себя въ странномъ положеніи: онъ не можетъ себѣ объяснить появленіе въ древней Руси Иларіоновъ и Кирилловъ Туровскихъ, вынужденъ признавать нашу первоначальную лѣтопись явленіемъ диковиннымъ, чуть не единичнымъ, и на «Слово о полку Игоревѣ» смотритъ, какъ на памятникъ «загадочный...»¹⁾.

¹⁾ Какъ примирить съ этимъ сплошнымъ отрицаніемъ просвѣщенія въ древней Руси то, что далѣе самъ г. Пыпинъ говоритъ о «Словѣ о полку Игоревѣ»?

Третья глава посвящена древнимъ свидѣтельствамъ о народной поэзи и церковной письменности. Какъ въ самомъ заглавіи этомъ, такъ и вообще въ содержаніи этой главы, очень трудно уловить ту связь, которую авторъ хотѣлъ или, лучше сказать, предполагалъ внести въ эту главу, сопоставляя столь разнородные предметы. Связи этой и нѣтъ, а просто въ первой половинѣ главы авторъ, сопоставляя древнія свидѣтельства лѣтописей и памятниковъ, дѣлаетъ въ то же время обзоръ различныхъ мнѣній русскихъ ученыхъ, занимавшихся народной, преимущественно былинной, поэзіей, а затѣмъ переходитъ къ обзору разнохарактерныхъ «изборниковъ», назидательнаго и въ то же время обще-образовательнаго характера, которые едва ли могутъ быть подведены подъ рубрику «церковной письменности», тѣмъ болѣе, что мірское происхожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. При разсмотрѣніи этихъ сборниковъ, отъ «Изборника» Святославова до «Измарагда», «Палей» и заключительной редакціи «Патерика Печерскаго», авторъ сопоставляетъ тексты по крайней мѣрѣ четырехъ вѣковъ, пренебрегая всякими гранями, роется и тутъ, и тамъ, и для чего же? Для того, чтобы прійти къ такому выводу: «не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что тѣ явленія народной поэзи и книжной народной повѣсти, развитіе которыхъ мы уже отчетливо наблюдаемъ въ среднемъ періодѣ, при большемъ количествѣ сохранившихся рукописей, имѣютъ свой корень еще въ древнемъ періодѣ...». Кто же въ этомъ сомнѣвался — и стоило ли тратить такъ много страницъ на то, чтобы прійти къ такому выводу?

Мы остановимся здѣсь и не станемъ утомлять читателя столько же подробнымъ образомъ дальнѣйшихъ главъ книги, которыя всѣ, безъ исключенія, составлены по тому же плану и изложены тѣмъ же способомъ, т. е. отрывочно, съ сопоставленіями чужихъ мнѣній въ видѣ обширныхъ выписокъ, съ пространными разсужденіями по поводу той или другой теоріи или отдѣльнаго изслѣдованія, и т. д.¹⁾

Въ заключеніе всего, высказаннаго нами выше, замѣтимъ, что

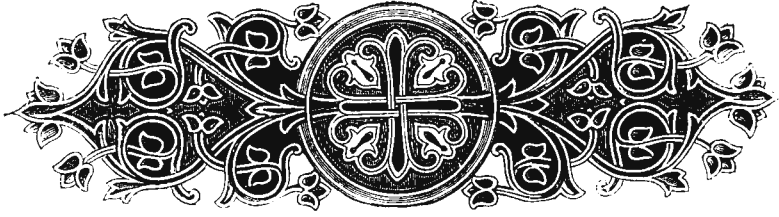
«Какъ дѣло личнаго автора, оно является замѣчательнымъ свидѣтельствомъ той ступени литературнаго развитія, какой достигъ XII вѣкъ» (стр. 125). Высокая «ступень литературнаго развитія» — и огульный мракъ невѣжества, установившійся и даже усилившійся къ XII вѣку — какъ это примирить? Еще немного далѣе, на стр. 137, авторъ еще болѣе сдается на сторону общей гипотезы относительно просвѣщенія и литературы въ древней Руси до татарскаго періода: «Слово о полку Игоревѣ» донынѣ, хотя теперь менѣе, чѣмъ прежде, представляется памятникомъ исключительнымъ и одной изъ важныхъ причинъ этому служить то, что наше знакомство съ древнимъ періодомъ нашей письменности остается неполно — вслѣдствіе гибели самыхъ памятниковъ» и т. д. Если это такъ, то къ чему же было громоздить Осу на Пеліонъ, доказывая общераспространенность невѣжества и непросвѣщенности древней Руси въ предшествующихъ главахъ? П.

¹⁾ За каждую главою слѣдуютъ поясненія и примѣчанія, весьма цѣнные для читателя и свидѣтельствующія о громадной начитанности и эрудиціи автора. П.

для вполнѣ безпристрастнаго сужденія о трудѣ А. Н. Пыпина надо подождать выхода въ свѣтъ остальныхъ частей; однако же нельзя не замѣтить, что книга эта, въ томъ видѣ, какъ обработана авторомъ первая ея часть, не можетъ удовлетворить «любопытнаго читателя и начинающаго ученаго» ни какъ книга справочная, ни какъ общее сочиненіе по исторіи русской литературы.

П. Полевой.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УСЫПАЛЬНИЦѢ ШУЙСКИХЪ ВЪ ВАРШАВѢ.

ОРОЛЕМЪ Сигизмундомъ III была, въ 1620 году, въ Варшавѣ, у Краковскаго предмѣстья, сооружена красивая усыпальница Шуйскихъ, такъ называемая потомъ «Московская каплица», въ которой до 1635 года покоились останки знатныхъ плѣнниковъ: царя Василія Ивановича Шуйскаго, брата его князя Димитрія и супруги послѣдняго, княгини Екатерины Григорьевны; усыпальница была украшена снаружи соотвѣтственно латинскою надписью. Памятникъ этотъ, несомнѣнно, высокой исторической цѣнности, и вѣрныя, точныя свѣдѣнія о немъ необходимы, особенно при деликатности сферы русско-польскихъ отношеній.

Между тѣмъ, въ появившейся, относительно судьбы его, за подписью «Г. А. В — въ», статьѣ: «Усыпальница Шуйскихъ въ Варшавѣ» (Историческій Вѣстникъ, 1897 года, декабрьская книжка), въ той части, гдѣ говорится объ усыпальницѣ послѣ вывоза изъ нея гробовъ Шуйскихъ, о современномъ будто бы состояніи ея и о перестройкѣ, вмѣсто нея, «палаца Сташица», нынѣ дома 1-й Варшавской мужской гимназіи, авторъ, трактуя о предметѣ безъ должныхъ розысканій, завершаетъ свой рассказъ укоромъ:

«Итакъ, усыпальница Шуйскихъ существуетъ и существуетъ вотъ въ какомъ видѣ.

«Зачѣмъ же, спрашивается, было уродовать (sic) палацъ Сташица, да еще съ затратою на эту цѣль громаднхъ денегъ?

«Не проще ли было бы привести въ благопріятный видъ мавволей Шуйскихъ? Этимъ былъ бы исполненъ указъ императора Александра I, удовлетворено національное достоинство и дана возмож-

ность каждой благочестивой душѣ вознести молитву за многоятежную душу Василия Ивановича Шуйскаго на мѣстѣ его первоначальнаго царскаго погребенія» (594 стр.).

Зданіе это, стоящее за первой гимназіей, въ саду ея, у дальней стѣны, небольшое, внутри менѣе аршинъ семи вдоль и поперекъ, никогда не было усыпальницей Шуйскихъ или Московской каплицей и связи съ нею не имѣеть. Каплицы не существуетъ уже давно; на землѣ ея стоятъ теперь памятникъ Коперника и главное, переднее зданіе гимназіи, въ которомъ сооружается церковь для русскихъ воспитанниковъ и преподавателей варшавскихъ гимназій и училищ¹⁾.

Усыпальница Шуйскихъ, сооруженная Сигизмундомъ III, потерпѣла измѣненія при его ближайшихъ преемникахъ. Сынъ Сигизмунда, король Владиславъ IV, въ 1635 году, отдалъ тѣла плѣнныхъ царю Михаилу Ѳеодоровичу; чрезъ кievскаго кастеляна Киселя онъ отослалъ потомъ Алексѣю Михайловичу камень съ извѣстною латинскою надписью, который былъ привезенъ въ Москву, въ мартѣ 1648 года, и зарытъ тамъ въ землю; другой сынъ Сигизмунда, король Янъ-Казимиръ, въ июлѣ 1668 года, подарилъ доминиканамъ обсервантамъ и самую каплицу, съ площадью въ 40 локтей ширины и 100 локтей длины. Король Августъ II, кромѣ того, придалъ еще доминиканамъ лежавшій позади проулокъ 12 локтей ширины и 60 локтей длины²⁾. Свои поземельныя владѣнія доминикане расширяли и сами, независимо отъ королевскихъ пожалованій.

Доминиканамъ обсервантамъ усыпальница подарена была Яномъ-Казимиромъ съ цѣлю, чтобы они себѣ устроили изъ нея храмъ въ честь Пресвятой Дѣвы Маріи Побѣдоносной. Немедля они приспособили ее къ совершенію въ ней богослуженія и освятили по католическому обряду. «Костеликъ» («kościółek») вскорѣ оказался очень недостаточнымъ, тѣснымъ, и доминикане нѣсколько разъ затѣмъ передѣлывали и расширяли его. Послѣдній разъ передѣлали его къ 1783 году, когда онъ достигъ вершины въ своемъ внѣшнемъ благолѣпіи, къ существенному ущербу своей прямой исторической цѣнности. Усыпальница была круглою; окончательно отстроенный и освященный костель 1783 года архитектурою своею походилъ на обычные въ ту пору храмы. Это было довольно обширное и продолговатое зданіе, длину котораго официально потомъ опредѣляли въ 50 локтей, ширину—въ 30^{1/2} локтей; онъ былъ въ три придѣла, въ среднемъ помѣщался главный алтарь въ честь Дѣвы Маріи, на

¹⁾ Разъясненіе этого научнаго историко-археологическаго вопроса дается нами также въ «Варшавскомъ Дневникѣ» и болѣе подробное посылается въ одно изъ ученыхъ обществъ.

²⁾ Локоть тогдашней мѣры варшавскій (королевскій) = 13,4 вершковъ = 0,28 русской сажени, 100 локтей = 28 сажень; локоть новопольскій = 12,95 вершковъ = 0,27 сажень, 100 локтей нынѣшнихъ = 27 сажень.

правомъ придѣлѣ располагались каплица во имя Господа Іисуса и 4 алтаря, столько же алтарей находилось на лѣвой сторонѣ костела. Съ Краковскаго предмѣстья, откуда былъ главный входъ, костель обрамлялся двумя колокольнями. Прежнее названіе «Московская каплица» съ тѣхъ поръ (съ 1783 года) было изъято изъ официального языка, и продолжало отчасти удерживаться въ одномъ бытовомъ обращеніи; храмъ именовался костеломъ Св. Маріи Дѣвы Побѣдоносной или костеломъ ксендзовъ доминиканъ обсервантовъ. За нимъ и рядомъ съ нимъ виднѣлась группа постепенно возникшихъ монастырскихъ строеній.

Событія конца XVIII и начала XIX вѣка сильно отразились на благосостояніи костела и монастыря. Восстаніе 1794 года унесло цѣнную церковную утварь, взятую на монетный дворъ; оно унесло бы и капиталы, еслибъ имѣлись они въ наличности, а не въ ссудахъ подъ залогъ недвижимостей. При прусскомъ господствѣ въ краѣ монастырь не могъ уже содержать себя попрежнему и уплачивать исправно городскія и казенныя подати. Бѣдность и невыгодность монастырской жизни повела къ быстрому сокращенію числа монашествующей братіи. Въ мартѣ 1813 года умеръ послѣдній пріоръ монастыря, и остался въ живыхъ всего одинъ монахъ, человѣкъ болѣзненный. Чтобы поправить монастырскія дѣла, администраторомъ монастыря и костела епархіальная власть назначила ксендза каноника Краковской Михайловской коллегіаты, Іосифа Даниковскаго, съ которымъ, однако, вышла тяжелая драма, по преимуществу на почвѣ денежной отчетности, и онъ былъ отставленъ отъ должности. Тогда, 17-го (29-го) мая 1816 года, онъ тайно, чрезъ заднія двери, пробрался въ костель, взлѣзъ на престолъ въ главномъ алтарѣ, гдѣ хранились Св. Дары, легъ вдоль его и... застрѣлился изъ пистолета; незадолго предъ тѣмъ умеръ послѣдній доминиканинъ обсервантъ. Епархіальною властью костель былъ закрытъ. Донося намѣстнику о самоубійствѣ Даниковскаго и причинахъ къ тому, правительственная комиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, гдѣ предсѣдательствующимъ министромъ былъ графъ Станиславъ Потоцкій, свой докладъ заключила выраженіемъ своего мнѣнія, что съ открытіемъ и освященіемъ костела «благораазумнѣе будетъ повременить, пока впечатлѣніе отъ соблазна не ослабнетъ въ народѣ».

Русскіе, служившіе и поселившіеся въ Варшавѣ, нуждались въ церкви. Они просили о предоставленіи имъ удобствъ въ совершеніи своихъ религіозныхъ обязанностей. Намѣстникъ въ царствѣ, князь Заіончекъ, издалъ 29-го іюля (10-го августа) 1816 года по государственному совѣту указъ, коимъ постановлялось: «Костель ксендзовъ доминиканъ обсервантовъ въ Варшавѣ, расположенный около (костела) св. Креста, долженъ быть безотлагательно переданъ, съ частью требующагося (монастырскаго) строенія, въ церковное пользование греко-россійскаго обряда».

Однако, вслѣдствіе разныхъ препятствій и затрудненій, указъ не былъ выполненъ. Подъ предлогомъ «украшенія города» опустѣлыя и обветшалыя подоминиканскія зданія были въ 1818 году разобраны, съ обращеніемъ матеріаловъ на другой костелъ и въ пользу эдукационнаго фонда; образовавшаяся площадь замощена камнемъ. Вся эта подоминиканская площадь, послѣ сломанныхъ костела и монастыря, «въ цѣломъ ея размѣрѣ», 10-го (22-го) августа 1820 года, была подарена правительствомъ обществу любителей наукъ, съ правомъ выстроить на ней себѣ домъ, который вскорѣ общество и выстроило; одновременно съ тѣмъ, общество прикупило себѣ сосѣдній съ площадью домъ, по Новому Свѣту, миссіонерскій (костела св. Креста), послѣ перестроекъ совершенно слившійся потомъ съ переднимъ, главнымъ зданіемъ, фасадъ котораго выходитъ на Краковское предмѣстье. Всѣ эти зданія, приспособленныя постепенно къ потребностямъ учебнаго заведенія, въ настоящую пору принадлежатъ 1-й мужской гимназій. Лѣса, служившіе къ послѣдней перестройкѣ, сняты минувшимъ лѣтомъ, когда, предъ посѣщеніемъ ихъ императорскими величествами Варшавы, была окончена отстройка главнаго зданія снаружи, теперь заканчивается внутренняя отдѣлка сооружаемой въ немъ церкви. Государь императоръ посѣтилъ гимназію и сооружаемую въ ней церковь. Структурою и орнаментами, въ согласіе съ назначеніемъ зданія, усвоено много характерныхъ мотивовъ стариннаго русскаго стиля. Храмъ просторный, въ три прѣдела, залитъ свѣтомъ и отличается красотой. Главные образа и картины работы Свѣдомскаго и отчасти Крамскаго, и это рѣшается уже за ихъ художественность¹⁾. Совершить освященіе храма предполагается въ наступающемъ февралѣ.

Настойчивые рассказы, будто ксендзъ Сташицъ, президентъ общества, «пріобрѣлъ» или «купилъ» себѣ подоминиканскія зданія и землю, выстроилъ домъ и подарилъ все это обществу любителей наукъ,—неточная легенда. Ни площадь, ни домъ никогда не были собственностью Сташица, и таковыми не считали и не называли ихъ ни общество, ни Сташицъ.

Зданіице, имѣющееся въ саду гимназій, стоитъ на землѣ, бывшей по сосѣдству съ прежней Московскою каплицей. Сосѣдній земельный участокъ этотъ, передней своей стороною лежащій на улицѣ, называемой нынѣ Александріей, въ концѣ XVII вѣка нѣкоторое время принадлежалъ женѣ виленскаго кастеляна и литовскаго гетмана Служко, переуступившей было свое владѣніе доминиканамъ

¹⁾ Написанныя въ римской мастерской, картины г. Свѣдомскаго въ нѣкоторыхъ частностяхъ (напримѣръ, изображена театральная установка Маріи Магдалины на картинѣ Несеніе Креста), впрочемъ, излишне далеко отступаютъ отъ свойствъ и требованій строгаго церковнаго византийскаго-русскаго стиля... Принципіальный взглядъ на стили и свойства церковной живописи мы имѣли случай полнѣе высказать въ историческомъ изслѣдованіи «Протестанство и протестанты въ Россіи», М., 1890, преимущ. на стран. 680—682, 691, 743—746.

обсервантамъ. Отъ этой эпохи сохраняется въ архивахъ самое раннее свидѣтельство о зданіи. Въ инвентарной описи всему недвижимому здѣсь имуществу Служекъ, то-есть дому со всѣми строе-ніями, садомъ и проч., данной въ 1699 году обсервантамъ самимъ Служко, мы читаемъ между прочимъ: «Садъ съ разными деревьями. Въ немъ бесѣдка («altanka») каменная, дверь въ нее дубовая, двойная, на желѣзныхъ завѣсахъ, безъ замка, съ засовами; оконъ въ ней четыре, каждое въ четыре части, стекло въ разбитыхъ въ этихъ окнахъ 22. Самая бесѣдка со сводомъ, внутри разукрашена. Полъ въ ней каменный, изъ бѣлыхъ и черныхъ плитъ. Печка зеленая (то-есть, очевидно изъ кафель зеленого цвѣта); маленькій каминъ. Ступеньки къ ней каменные. Покрывается она гонтомъ. Подъ этой бесѣдкою ледникъ («lodownia pod altanką tą»), двери къ нему нѣтъ» (то-есть, очевидно, оторвались). На подлинномъ планѣ того же года эта каменная бесѣдка означена именно тамъ, гдѣ означалась она и въ послѣдующихъ планахъ, локтей на 200 отъ земельной площади, принадлежавшей, по дарственнымъ грамотамъ королей, каплицѣ и доминиканамъ обсервантамъ; тамъ она стоитъ и доселѣ, въ чемъ легко убѣдиться, сравнивая прежніе планы съ настоящимъ.

Недвижимость, бывшая во владѣніи Служко, переходила изъ рукъ въ руки, то въ цѣломъ видѣ, то дробясь. Последнее распре-дѣленіе случилось недавно, въ 1872 году, когда домъ съ частью сада былъ, по высочайшей волѣ, отданъ подъ дѣтскую больницу, остальная доля сада была передана 1-й гимназіи. На части сада, присоединенной къ гимназіи, и находится ветхая, небольшая бесѣдка, послѣ случая съ мальчикомъ, поведшаго къ открытію подъ ней погреба, получившая столь обширную и почетную извѣстность... Она имѣетъ архитектурно-археологическій интересъ, но безъ того значенія, какой приписали ей.

Этимъ мы и ограничимся здѣсь. Другихъ вопросовъ не касаемся. Наша задача научно-историческая.

Она выполняется нами въ рядѣ работъ, печатающихся въ «Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ». Кромѣ статьи «Царь Василій Шуйскій въ Польшѣ» (1894 года), сюда относятся, очевидно, неизвѣстныя автору «Усыпальницы Шуйскихъ», наши розысканія: «Исторія Московской каплицы въ Варшавѣ» (1895 года) и «Закрытіе Варшавскаго монастыря доминиканъ обсервантовъ» (1897 года, книга VII); послѣдней статьи напечатана одна глава, остальные въ типографіи. Собственно о бесѣдкѣ подробнѣе будетъ сказано нами въ дальнѣйшихъ розысканіяхъ, въ изложеніи о времени, когда начали признавать ее за царско-княжескую усыпальницу. Въ цѣломъ видѣ все будетъ представлено въ изготовляемомъ нами историческомъ изслѣдованіи: «Царь Василій Шуйскій и мѣста погребенія его въ Польшѣ», съ приложеніемъ тома матеріаловъ—архивныхъ и рукописныхъ документовъ, рисунковъ зданій и плановъ мѣстности.

Профессоръ Дм. Цвѣтаевъ.

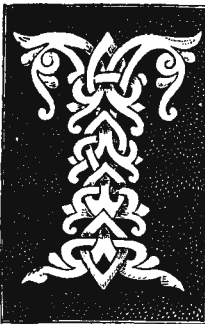

АЛЕКСАНДРЪ I И ЕГО ЭПОХА.

Периодъ второй¹⁾.

(1811—1815).

Переломъ²⁾.

ПРЕТІЙ томъ новой біографіи Александра I, составленной съ такимъ неустаннымъ трудомъ и знаніемъ дѣла, приноситъ еще большую честь ея автору, Н. К. Шильдеру, чѣмъ первые два. Онъ сумѣлъ придать громаднѣй интересъ второму періоду царствованія своего героя, хотя занимающія этотъ періодъ пять лѣтъ, отъ 1810 до 1815 года служили предметомъ многочисленныхъ сочиненій, и трудно сказать что нибудь новое и любопытное о борьбѣ Александра съ Наполеономъ. Именно, по этой причинѣ г. Шильдеръ и обратилъ главное свое вниманіе не на всѣмъ извѣстные историческіе факты, а на тѣ стороны бурнаго времени перелома въ жизни Александра, которыя ярко выясняютъ его превращеніе изъ защитника реформъ и прогресса въ рыцаря политической реакціи, изъ пламеннаго сторонника свободной мысли въ мистическаго пѣтзиста. Такимъ образомъ, по внутренней политикѣ, онъ посвящаетъ

¹⁾ «Императоръ Александръ Первый, его жизнь и царствованіе», Н. К. Шильдера, томъ III, Спб. 1897.

²⁾ Прологъ Александровской эпохи, «Историческій Вѣстникъ», июль-іюль, 1897 г. Александръ I и его эпоха. Периодъ первый. Преобразовательныя и политическія колебанія. Тамъ же, октябрь, 1897.

наибольшее вниманіе паденію Сперанскаго, а по внѣшней—вѣнскому конгрессу съ его результатомъ—священнымъ союзомъ, а на военныя событія 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ бросаетъ лишь бѣглый взглядъ, насколько это необходимо для яснаго понятія о томъ влияніи, которое они произвели на нравственную личность Александра. Придерживаясь въ нашемъ этюдѣ подобной же цѣли выясненія главныхъ чертъ характера, какъ самого Александра, такъ и его эпохи, мы одинаково набрасываемъ картинку паденія Сперанскаго, постепеннаго измѣненія взглядовъ и настроеній государя, дипломатическихъ интригъ на вѣнскомъ конгрессѣ, дружескихъ отношеній къ г-жѣ Криднеръ и заключенія священнаго союза, а свяжемъ ихъ, лишь насколько необходимо, краткимъ абрисомъ политическихъ и военныхъ событій второго періода Александровской эпохи. Излишне прибавлять, что посвященный ему третій томъ труда г. Шильдера отличается прежними достоинствами и также богато иллюстрированъ, какъ первые два.

I.

Паденіе Сперанскаго, справедливо названное г. Шильдеромъ «шекспировской драмой изъ новѣйшей русской исторіи», рассказано новымъ биографомъ Александра съ неизвѣстными до сихъ поръ подробностями, почерпнутыми имъ изъ архивныхъ источниковъ, рукописныхъ записокъ Якова Ивановича де-Санглена, бывшаго тогда директоромъ канцеляріи министерства полиціи, и другихъ драгоценныхъ матеріаловъ, которые не составляли доселѣ общаго достоянія. Это важное событіе представляетъ центръ всей внутренней политики второго періода Александровской эпохи и возвѣщаетъ наступленіе перелома въ дотолѣ реформаторской дѣятельности ученика Лагарпа, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, бросаетъ яркій свѣтъ на нравственную личность Александра, съ его вѣчными колебаніями, двойственностью и противочувствіями. Поэтому безъ близкаго знакомства съ нимъ немислимы вѣрная оцѣнка этой сложной, столь долго казавшейся неразгаданнымъ сфинксомъ, исторической фигуры и полное, вѣрное понятіе о рѣзкомъ переходѣ Александра отъ либеральныхъ преобразованій къ мрачной политической реакціи. Конечно, борьба съ Наполеономъ, мистическое влияніе г-жи Криднеръ и священный союзъ окончательно закрѣпили этотъ переломъ, но первымъ его проявленіемъ были удаленіе отъ дѣлъ и ссылка Сперанскаго. Этотъ рѣшительный шагъ всегда нерѣшительнаго Александра подготовлялся издали, и можно постепенно прослѣдить, какъ онъ назрѣвалъ во время наибольшаго могущества Сперанскаго, котораго враги называли «*fa tutto*», и о которомъ графъ Іосифъ де-Местръ писалъ изъ Петербурга: «великій и могущественный Сперанскій только государственный секре-

тарь, но въ сущности, первый и даже, быть можетъ, единственный министр».

Апогеемъ величія и славы Сперанскаго было открытіе государственнаго совѣта, бывшаго первой ступенью выработанной имъ конституціи. Съ этимъ торжествомъ, совершившимся 1-го января 1810 года, совпадаетъ и начало второго періода царствованія Александра. Онъ самъ предсѣдательствовалъ въ первомъ засѣданіи новаго учрежденія, и въ произнесенной имъ по этому случаю рѣчи звучали такія чувства и идеи, о которыхъ, по мѣткому замѣчанію г. Шильдера, «ни когда еще въ Россіи не говорили съ престола». «Порядокъ и однообразіе дѣлъ государственныхъ, — сказалъ, между прочимъ, государь, — требуютъ, чтобы было одно сосредоточіе для общаго ихъ соображенія. Въ настоящемъ составѣ управленія нѣтъ у насъ сего установленія. Какимъ образомъ въ государствѣ, столь обширномъ, разныя части управленія могутъ идти съ стройностью и успѣхомъ, когда каждое движется по своему направленію, и направленія сіи не приводятся къ единству? Одно личное дѣйствіе власти въ великомъ разнообразіи дѣлъ государственныхъ не можетъ сохранить сего единства. Сверхъ сего, лица умираютъ, одни установленія живутъ и въ теченіе вѣковъ охраняютъ основанія государствъ. Не частными исправленіями, не подробностями, многосложными и преходящими, стоятъ и процвѣтаютъ государства. Среди всѣхъ заботъ, среди войны и мира, въ непрерывномъ движеніи дѣлъ внутреннихъ и внѣшнихъ, мысль о твердыхъ государственныхъ установленіяхъ никогда меня не оставляла. Я всегда желалъ, чтобы благосостояніе имперіи утверждалось на законѣ, а законъ былъ неподвиженъ на установленіяхъ. Я считалъ всѣ минуты жизни моей потерянными для блага Россіи, въ кои войною и внѣшними происшествіями намѣренія мои отвлекались отъ сей великой цѣли. Не скрыты были отъ меня всѣ послѣдствія сего умедленія. Я чувствовалъ недостатокъ твердаго въ дѣлахъ порядка съ тою же живостью, съ коюю обыкъ я любить и всему предпочитать пользы отечества. Наконецъ, Всевышній благословилъ мои желанія. Въ сей день, съ началомъ новаго года, имѣю я удовольствіе положить твердое основаніе одному изъ важнѣйшихъ государственныхъ установленій. Государственный совѣтъ будетъ составлять средоточіе всѣхъ дѣлъ высшаго управленія. Бытіе его отнынѣ станетъ на чредѣ установленій, непремѣнныхъ и къ самому существу имперіи принадлежащихъ. Призвавъ васъ въ составъ сего сословія, я не могъ вамъ дать высшаго свидѣтельства моего къ вамъ довѣрія. Все, что въ мысляхъ и желаніяхъ человѣческихъ есть самаго твердаго и непоколебимаго, все будетъ мною употреблено, чтобы установить и оградить имперію добрыми законами».

Эта замѣчательная рѣчь была сочинена Сперанскимъ, и Александръ сдѣлалъ въ ней самыя маловажныя поправки, хотя, среди нихъ, была одна характеристичная, вмѣсто «мало неизмѣннаго жела-

нія блага Россіи», какъ написалъ Сперанскій, онъ произнесъ: «мало искренняго желанія блага Россіи», какъ бы не вѣря, что у него могли быть «неизмѣнныя желанія». Что эти желанія блага Россіи были тогда искренны, нѣтъ основанія сомнѣваться, и довѣріе императора къ Сперанскому было, повидимому, въ то время безпредѣльно, по крайней мѣрѣ, если судить по количеству и разнообразію порученныхъ ему дѣлъ. Такъ, онъ былъ государственнымъ секретаремъ и директоромъ комиссіи составленія законовъ, на него возложены были управленіе водяными и сухопутными сообщениями, а также дѣла польскія, лифляндскія и финляндскія и завѣдываніе комиссіей духовныхъ училищъ. Онъ составилъ и провелъ въ государственномъ совѣтѣ, за первые два года его существованія, обширный финансовый планъ, которымъ прекращенъ выпускъ ассигнацій, признанныхъ государственнымъ долгомъ, создана комиссія погашенія долговъ, преобразована новая монетная система и изданъ новый тарифъ, оживившій русскую торговлю и промышленность. По его плану состоялось преобразование министерствъ, которымъ установлено новое раздѣленіе государственныхъ дѣлъ въ исполнительномъ порядкѣ и сформированы министерство полиціи и главныя управленія ревизіи государственныхъ счетовъ и духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, наконецъ; новое образованіе правительствующаго и судебного сената, которое, однако, не было приведено въ исполненіе, въ виду разрыва съ Наполеономъ. Среди такой лихорадочной и благотворной дѣятельности, Сперанскій не забывалъ, что государственный совѣтъ былъ только однимъ камнемъ того огромнаго зданія, возведеніе котораго ему было поручено государемъ и отложено лишь по его совѣту до болѣе удобнаго времени. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ о дѣятельности государственнаго совѣта за 1810 годъ онъ прямо выражаетъ эту мысль. Указывая на несомнѣнную пользу новаго учрежденія, онъ пишетъ: «Никогда въ Россіи законы и учрежденія не были разсматриваемы съ болѣею зрѣlostью, какъ нынѣ; никогда государю самодержавному не представляли истины съ болѣею свободой, такъ какъ никогда, должно правду сказать, самодержецъ не внималъ ей съ болѣеимъ терпѣніемъ. Однимъ симъ учрежденіемъ сдѣланъ уже безмѣрный шагъ отъ самовластиа къ истиннымъ формамъ манархическимъ. Два года назадъ, умы сильные, свѣтлые, едва представляли себѣ возможнымъ, чтобъ російскій императоръ могъ съ приличіемъ сказать въ своемъ указѣ «внявъ мнѣнію совѣта»; два года тому назадъ, сіе показалось бы оскорбленіемъ величества. Слѣдовательно, пользу сего учрежденія должно измѣрять не столько по настоящему, сколько по будущему его дѣйствію. Тѣ, кои не знаютъ связи и истиннаго мѣста, какое совѣтъ занимаетъ въ намѣреніяхъ вашихъ, не могутъ чувствовать его важности; они ищутъ тамъ конца, гдѣ полагается еще только начало. Они судятъ объ огромномъ зданіи по одному

краеугольному его камню». Хотя онъ указываетъ далѣе, что, еслибъ «зданіе и не совершилось, и политическія установленія не двинулись впередъ, то все-таки совѣтъ весьма полезное учрежденіе», но прибавляетъ, что «образованіе дальнѣйшихъ предположенныхъ государственныхъ учрежденій не отложено и не потеряно изъ вида, а находится въ движеніи и близко къ своему концу».

Таково было убѣжденіе Сперанскаго въ началѣ 1811 года, и въ этомъ его могло поддерживать отношеніе Александра къ Финляндіи. Государь не только даровалъ новопріобрѣтенному краю конституцію и учрежденія отдѣльнаго государства, но присоединилъ къ нему и Выборгскую губернію, уже давно входившую въ составъ Россіи. Хотя проектъ объ устройствѣ Финляндіи былъ составленъ Сперанскимъ, но мысль объ этомъ принадлежала самому Александру, и онъ говорилъ заранѣе барону Армфельду: «клянусь вамъ, что ваши порядки нравятся мнѣ гораздо болѣе, чѣмъ пользованіе свободою волей, основанною лишь на моей личной волѣ и предполагающей въ монархѣ такую степень совершенства, которая, увы, несвойственна человѣчеству. Здѣсь (т. е., въ Финляндіи) я могу ошибиться только въ такомъ случаѣ, если бы я этого пожелалъ, такъ какъ всѣ свѣдѣнія представляются въ мое распоряженіе, а тамъ (т. е., въ Россіи) я окруженъ одними сомнѣніями и почти всегда привычками, замѣнившими собою законы. Вы увидите, какъ я думаю объ этомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда представляется возможнымъ произвести перемѣну въ моихъ владѣніяхъ, потому что я имѣю въ виду присоединить старую Финляндію къ остальной ея части и даровать ей ту же конституцію и тѣ же формы свободы». Когда вопросъ объ этомъ обсуждался въ концѣ 1811 года въ государственномъ совѣтѣ, то самъ Александръ защищалъ проектъ Сперанскаго, и по этому поводу Чичаговъ въ письмѣ къ гр. С. Р. Воронцову говоритъ, что онъ «не сталъ спорить съ государемъ, тѣмъ болѣе, что это было бесполезно, такъ какъ, чего хотѣлъ Сперанскій, то должно было неминуемо исполниться, и всякая оппозиція была потеряннымъ временемъ».

Однако, въ это самое время оппозиція противъ смѣлаго реформатора начинала энергично дѣйствовать, и ловко составленная интрига мало-по-малу подкапывалась подъ его вліяніе на Александра и довѣріе къ нему императора. Всѣ привилегированные классы, опасавшіеся преобразованій поповича-высочки, честолюбцы, завидовавшіе его могуществу, и чиновники, испуганные строгостью и контролемъ, замѣнившими на службѣ прежніе бѣзпорядки,—одинаково его ненавидѣли, а для того, чтобъ прикрыть свои личныя цѣли, враги Сперанскаго подняли знамя самодержавія и стали выдавать себя за пламенныхъ защитниковъ «этого палладіума Россіи» противъ всякихъ вредныхъ нововведеній. Они нашли себѣ краснорѣчиваго глашатая въ лицѣ Карамзина, и онъ въ известной запискѣ «О древ-

ней и новой Россіи, въ ея политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ» проповѣдоваль: «не нужно новыхъ порядковъ, не нужно конституціи, дайте намъ 50 умныхъ и добродѣтельныхъ губернаторовъ, и все пойдетъ хорошо, а главное, сохраните цѣлость самодержавія, необходимаго для счастья Россіи». Великая княжна Екатерина Павловна передала императору эту записку, и она произвела на него впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что онъ находился тогда въ безпокойномъ настроеніи, въ виду надвигавшейся неизбежной борьбы съ Наполеономъ.

Враги Сперанскаго этимъ не довольствовались и стали нашептывать Александру, что Сперанскій не только подкапывался подъ самодержавіе, но и платитъ ему лично черною неблагодарностью за всѣ его благодѣянія. Въ этомъ отношеніи самъ Сперанскій игралъ имъ въ руку, и очень невоздержный на словахъ онъ часто въ разговорахъ выражался оскорбительно объ императорѣ, унижая его умъ и заслуги. Онъ говорилъ, что Александръ человѣкъ ограниченный, равнодушный къ пользѣ отечества, беззаботный, красовавшійся своей фигурой и свиставшій у окна, когда ему докладывали дѣла. Въ одномъ письмѣ къ пріятелю, увѣдомляя объ отъѣздѣ государя на осмотръ новыхъ укрѣпленій, онъ назвалъ его пофранцузски: «нашъ Вобанъ, нашъ вобланъ» (veau blanc, т. е., бѣлый теленокъ)! Наконецъ, въ одномъ разговорѣ Сперанскій сказалъ: «пора намъ сдѣлаться русскими», а когда его собесѣдникъ спросилъ: «что же, не тебѣ ли уже въ цари русскіе», онъ отвѣчалъ: «а хотя бы и меня, не меня одного, васъ, мало ли людей русскихъ, кромѣ нѣмцевъ». Все это доводило до свѣдѣнія Александра, и онъ не могъ считать этихъ разказовъ пустыми сплетнями, такъ какъ они были фактически вѣрны, несмотря на неизбежныя преувеличенія, и самъ министръ полиціи, Балашевъ, донесъ ему однажды, что когда онъ говорилъ съ Сперанскимъ о расширеніи правъ его министерства, послѣдній сказалъ, что только современемъ можно исполнить его желаніе, прибавивъ: «Вы знаете подозрительный характеръ государя. Все, что онъ дѣлаетъ, онъ дѣлаетъ на половину; онъ слишкомъ слабъ, чтобъ самъ управлять, и слишкомъ силенъ, чтобъ имъ управляли!» «Все это, замѣчаетъ г. Шильдеръ, не могло не имѣть прискорбнаго отголоска въ чувствахъ Александра, который никогда не простилъ Сперанскому учиненной имъ дружеской измѣны. Нѣсколько мстительный и недоувѣрчивый по природѣ, и при всей кротости своей, въ высшей степени самолюбивый и злопамятный, онъ чувствовалъ себя нравственно и лично оскорбленнымъ этимъ тайнымъ неуваженіемъ къ нему Сперанскаго. Такимъ образомъ прежняя неограниченная довѣренность и сердечное расположеніе обращались мало-помалу въ охлажденіе, охлажденіе въ недоувѣрчивость, а недоувѣрчивость въ сильное подозрѣніе, если не въ убѣжденіе въ виновности прежняго любимца». Ко всѣмъ причинамъ отчужденія Александра

отъ Сперанскаго надо еще прибавить, быть можетъ, и желаніе освободиться отъ его вліянія, такъ какъ, по замѣчанію Савари, близко изучившаго императора во время своего пребыванія въ Петербургѣ, «его тяготила и даже оскорбляла мысль подвергнуться вліянію кого бы то ни было».

Набросавъ, такимъ образомъ, бѣглыми чертами прологъ «шекспировской драмы изъ новѣйшей русской исторіи», перейдемъ къ

Фридрихъ Парротъ.

Съ весьма рѣдкой литографіи, находящейся въ Юрьевскомъ университетѣ.

самой драмѣ, которая, въ сущности, была трагикомедіей и такой громадной мистификаціей, что, по словамъ г. Шильдера, «потребовалось почти сто лѣтъ, чтобы нѣсколько распутать ее и найти путеводную нить среди цѣлаго лабиринта преднамѣренной лжи и противорѣчивыхъ показаній». Теперь, благодаря изысканіямъ г. Шильдера и напечатаннымъ имъ документамъ, можно дать себѣ полный отчетъ «въ колоссальной интригѣ, прикрывшей личное сведеніе счетовъ оскорбленнаго, мстительнаго сердца патриотизмомъ и тре-

«истор. вѣсти.», февраль, 1898 г., т. LXXI.

17

бованіями общественнаго мнѣнія». Дѣйствительно, благодаря тревожному смутному времени, предшествовавшему войнѣ 1812 года, не было ничего легче, какъ придать преслѣдованію Сперанскаго политическій характеръ, чѣмъ сразу можно было убить двухъ зайцевъ, отдѣлаться отъ ненавистнаго человѣка и возбудить патриотическій подъемъ общественнаго мнѣнія, столь необходимый для успѣха въ борьбѣ съ могучимъ внѣшнимъ врагомъ. Съ этою цѣлью были возбуждены и ловко распространены во всѣхъ слояхъ слухи объ измѣнѣ Сперанскаго царю и отечеству, въ опороченіи существующей государственной системы, въ сношеніяхъ съ Наполеономъ, въ продажѣ государственныхъ тайнъ и т. д. Съ одной стороны, эти явныя клеветы поддерживались подметными письмами, которые расходились тысячами въ Петербургѣ и Москвѣ, а съ другой,—велась среди высшихъ классовъ и администраціи потаенная интрига, руководимая министромъ полиціи Балашовымъ, барономъ Армфельдомъ, французскимъ эмигрантомъ Вернегомъ и Д. Н. Бологовскимъ, однимъ изъ дѣятелей катастрофы 1801 года. «Всѣ эти орудія,—говоритъ г. Шильдеръ,—не были посвящены въ тайну конечной цѣли колоссальной интриги и дѣйствовали, какъ маріонетки, нити которыхъ были въ рукахъ лица, направлявшаго весь ходъ загадочной драмы. Руководствуясь самыми разнообразными побужденіями, всѣ привлеченныя къ дѣлу лица усердно хлопотали о томъ, что давно было рѣшено въ умѣ Александра, и чего они не знали; не сразу проникнувъ до пониманія истинной подкладки интриги, они, какъ бы заброшенные въ дремучій лѣсъ, не видѣли исхода». Сперанскій впослѣдствіи поднялъ завѣсу и смѣло писалъ государю въ своемъ пермскомъ письмѣ: «Отчего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти?—оттого, что сіи разные лица составляли одно тѣло, а душою сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется постороннимъ».

Но если душой преслѣдованія Сперанскаго сдѣлался самъ Александръ, о которомъ Армфельдъ говорилъ, спустя нѣкоторое время, «c'est un trompeur, qui fait lui même tous les clabaudages», то онъ съ обычною своею двойственностью до послѣдней минуты сохранялъ внѣшнія дружескія отношенія съ прежнимъ любимцемъ, продолжалъ довѣрять ему веденіе государственныхъ дѣлъ, два раза самымъ милостивымъ образомъ отклонилъ его просьбу объ отставкѣ, которою Сперанскій, догадываясь о грозившей ему опалѣ, хотѣлъ предупредить опасность, а 1-го января 1812 года даже пожаловалъ ему орденъ св. Александра Невскаго. Конечно, подъ влияніемъ все того же двоедушія, Александръ старался и передъ участниками интриги скрыть руководившія его личныя чувства государственнымъ интересами; такъ, въ частыхъ тайственныхъ бесѣдахъ съ де-Сангленомъ, о которыхъ ничего не зналъ его прямой начальникъ и другой заговорщикъ, Балашевъ, онъ прямо ставилъ въ вину Сперанскому

его реформы, забывая, что онъ самъ ихъ внушалъ, и поручалъ де-Санглену сравнить положеніе о министерствахъ съ проектомъ Лагарпа, который, по его мнѣнію, Сперанскій только запуталъ, обрусилъ и испортилъ. «Здѣсь, въ Петербургѣ,—говорилъ государь,—можно почти сказать, въ цѣломъ государствѣ Сперанскій предметъ общей ненависти; вездѣ проявляется желаніе опрокинуть его учрежденія—естественно и учрежденіе министерствъ есть тоже ошибка. Зачѣмъ я также согласился на государственный совѣтъ и на титулъ государственнаго секретаря? Я какъ будто отдѣлилъ себя отъ государства. Это глупо, и въ планѣ Лагарпа этого не было». А утромъ того самаго дня, когда рѣшилась судьба Сперанскаго, именно, 17-го марта 1812 года, государь сказалъ де-Санглену: «Конечно, какъ мнѣ ни больно, но надобно разстаться съ Сперанскимъ. Его необходимо отлучить отъ Петербурга. Сперанскій самъ ускоряетъ свое отправленіе. Я спрашивалъ его, какъ онъ думаетъ о предстоящей войнѣ, и участвовать ли мнѣ въ ней своимъ лицомъ. Онъ имѣлъ дерзость, описавъ мнѣ всѣ военные таланты Наполеона, совѣтовать мнѣ, чтобъ, сложивъ все съ себя, я собралъ боярскую думу и предоставилъ ей вести отечественную войну. Но что же я такое? Развѣ нуль? Изъ этого я убѣждаюсь, что онъ своими министерствами точно подкапывался подъ самодержавіе, котораго я не могу и не вправѣ сложить съ себя самовольно ко вреду моихъ наслѣдниковъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ Александръ говорилъ однако тому же де-Санглену, что въ Сперанскомъ не было злобы, что онъ болѣе способенъ на добро, что онъ религіозенъ, и что государь никогда не замѣчалъ въ немъ ни пристрастія, ни вражды. Наконецъ, онъ не скрывалъ отъ своего собеседника, что враги Сперанскаго ведутъ противъ него интригу, но прибавлялъ: «Интриганы также нужны въ общемъ государственномъ дѣлѣ, какъ люди честные, иногда даже еще болѣе». Объ одномъ изъ нихъ онъ прямо выражался: «Надо пользоваться услугами Бологовскаго; человѣкъ, не имѣющій ни совѣсти, ни чести, способенъ на все». Напротивъ, о своемъ другѣ, дерптскомъ профессорѣ Парротѣ, онъ отозвался съ пренебреженіемъ, говоря де-Санглену: «Эти ученые все видятъ косо и въ цѣль не попадаютъ, и съ жизнью мало знакомы, хотя онъ человѣкъ свѣтскій».

Съ этимъ самымъ Парротомъ, котораго онъ очень любилъ и уважалъ, Александръ разыгралъ самую недостойную комедію, по поводу дѣла Сперанскаго. Наканунѣ знаменательнаго дня 17 марта, государь пригласилъ вечеромъ во дворецъ Паррота и со слезами на глазахъ описалъ ему измѣну и неблагодарность Сперанскаго. «Я рѣшился завтра же разстрѣлять его,—прибавилъ онъ,—и, желая знать ваше мнѣніе по поводу этого, пригласилъ васъ къ себѣ». Добрый, гуманный профессоръ пришелъ въ ужасъ и просилъ дать ему время до слѣдующаго утра, для отвѣта. Александръ согласился и, прощаясь, съ чувствомъ сказалъ: «жестокая борьба должна рѣшиться

судьбу моей имперіи, и я не надѣюсь восторжествовать надъ гениемъ и силами моего противника, но я, конечно, не заключу постыднаго мира; скорѣе я похороню себя подъ обломками имперіи. Если небо такъ рѣшитъ, то повѣдайте обо мнѣ потомству. Вы знаете мое сердце». Парротъ на слѣдующій день вечеромъ написалъ своему державному другу теплое письмо, въ которомъ совѣтовалъ предать Сперанскаго суду, но не тотчасъ, когда нѣтъ ни времени, ни спокойствія духа для назначенія безпристрастнаго суда, а послѣ войны, когда все успокоится; до того же времени слѣдовало Сперанскаго удалить изъ Петербурга и подсматривать за нимъ такъ, чтобъ онъ не имѣлъ никакихъ средствъ сноситься съ непріателемъ. 18-го числа, императоръ поблагодарилъ письменно почтеннаго друга человечества за его совѣтъ, который онъ, по его словамъ, прочелъ «съ чувствомъ и волненіемъ». Въ тотъ же день Парротъ уѣхалъ спокойно въ Дерптъ, увѣренный, что онъ спасъ отъ смерти Сперанскаго. Такъ думалъ и біографъ Сперанскаго баронъ Корфъ, но г. Шильдеръ возстановляетъ историческую правду и доказываетъ фактически, что судьба Сперанскаго была рѣшена 17-го марта, когда еще Александръ не получалъ письма Паррота, а, слѣдовательно, онъ просто разыгралъ съ нимъ комедію, какъ совершенно справедливо заключаетъ г. Шильдеръ, который очень живо рассказываетъ эту знаменательную вводную сцену «шекспировской драмы», а въ приложеніяхъ печатаетъ цѣликомъ письма Паррота къ Александру и Николаю I, по поводу дѣла Сперанскаго.

Если мы перейдемъ къ самой развязкѣ этой драмы, то одинаково насъ поразитъ двоедушіе Александра. Получивъ приказаніе государя явиться къ нему съ докладомъ 17-го марта въ 8 часовъ вечера, Сперанскій пріѣхалъ въ назначенное время и пробылъ въ кабинетѣ императора болѣе двухъ часовъ. Когда онъ вышелъ оттуда, то его проводилъ до порога Александръ, очень растроганный, со словами: «Еще разъ прощайте, Михайло Михайловичъ», и, какъ впоследствии рассказывалъ Сперанскій, «на его щекахъ были слезы государя». Что произошло на этомъ послѣднемъ свиданіи императора съ его прежнимъ любимцемъ, извѣстно только по рассказу Александра, а Сперанскій сохранялъ объ этомъ упорное молчаніе и на всѣ вопросы дочери отвѣчалъ, что про то вѣдаетъ и долженъ быть судьей одинъ Богъ. Вотъ что рассказывалъ государь Новосильцеву, нѣсколько мѣсяцевъ спустя: «Вы думаете, что онъ измѣнникъ? Нисколько, онъ, въ сущности, виновенъ только относительно меня одного, виновенъ тѣмъ, что оплатилъ за мое довѣріе и мою дружбу самую черною, самую гнусною неблагодарностью. Но это еще не побудило бы меня прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ, если бы лица, которыя, съ нѣкотораго времени взявъ на себя трудъ слѣдить за его словами и его поступками, не усмотрѣли въ нихъ и не донесли о тѣхъ случаяхъ, которые заставляли предполагать въ немъ

самыя зложелательныя намѣренія. Время, положеніе, въ которомъ находилось отечество, не позволяли мнѣ заняться обстоятельнымъ и строгимъ разсмотрѣніемъ обвиненій, которыя доходили до меня въ этомъ отношеніи. Поэтому я сказалъ ему, удаляя его отъ моей особы: «Во всякое другое время я бы употребилъ два года, чтобы провѣрить съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ всѣ свѣдѣнія, которыя дошли до меня по поводу вашего поведенія и вашихъ дѣйствій. Но ни время, ни обстоятельства не позволяютъ мнѣ этого въ настоящую минуту: непріятель приближается къ предѣламъ имперіи, и въ виду того положенія, въ которое васъ поставили подозрѣнія, вызванныя вашимъ поведеніемъ и рѣчами, которыя вы себѣ позволяли, для меня весьма важно, въ случаѣ несчастья, не казаться виновнымъ въ глазахъ моихъ подданныхъ, продолжая оказывать вамъ довѣріе и даже сохраняя за вами занимаемое вами мѣсто. Ваше положеніе такого рода, что я не совѣтовалъ бы вамъ даже оставаться въ Петербургѣ, или по близости этого города. Выберите себѣ мѣсто для вашего дальнѣйшаго пребыванія до конца событій, которыя приближаются; я играю въ большую игру, и чѣмъ она больше, тѣмъ болѣе вы подвергались бы опасности въ случаѣ неуспѣха, въ виду характера народа, которому внушили недоувѣріе и ненависть къ вамъ». Еще нѣкоторыя подробности о разговорѣ съ Сперанскимъ, Александръ сообщилъ де-Санглену на другой день послѣ этого событія: «Когда Сперанскій вошелъ въ кабинетъ и началъ раскрывать портфель,—произнесъ государь,—то я сказалъ ему: «Не нужно, Михайло Михайловичъ. У меня есть другое дѣло, понужнѣе, о которомъ съ вами переговорить хочу». И каково было мое удивленіе, когда онъ мнѣ хладнокровно отвѣчалъ: «Государь, я все знаю. По выходѣ отъ васъ, я буду отправленъ въ Нижній Новгородъ».

Дѣйствительно, Сперанскій зналъ о своей судьбѣ, благодаря запискѣ отъ Магницкаго, котораго за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ отправили въ ссылку въ Вологду за его дружескія отношенія къ Сперанскому, а потому не обнаружилъ ни малѣйшаго удивленія ни въ бесѣдѣ съ императоромъ, ни по возвращеніи домой, гдѣ засталъ Балашева и де-Санглена, объявившихъ ему о необходимости немедленнаго отъѣзда въ Нижній Новгородъ. Онъ спокойно собрался въ дорогу и, прежде чѣмъ сѣсть въ кибитку съ полицейскимъ офицеромъ, сказалъ Балашеву: «Дай Богъ, чтобы отъѣздъ мой обратился государю и отечеству въ пользу. Прошу довести до свѣдѣнія его величества, что уѣзжаю съ пламеннымъ желаніемъ счастья ему и Россіи». Прибывъ на мѣсто своего назначенія, Сперанскій написалъ императору, замѣчательное по своему достойному тону, письмо на французскомъ языкѣ, въ которомъ онъ просилъ разрѣшенія его дочери присоединиться къ нему и очень характерно отзывался «планѣ государственнаго образованія», какъ объ единственномъ источникѣ всего, что съ нимъ случилось. «Еслибъ я былъ въ Си-

биря, — прибавляетъ онъ, — то и въ такомъ случаѣ я не пересталъ бы вѣрить, что, рано или поздно, ваше величество вернетесь къ тѣмъ же основнымъ мыслямъ: онѣ были запечатлѣны въ вашемъ сердцѣ, онѣ не были предложены мною; я нашелъ ихъ вполне образовавшимися въ вашемъ умѣ, и если осуществленіе ихъ на дѣлѣ можетъ и должно быть измѣнено, или отложено до болѣе удобнаго времени, то принципъ ихъ останется навсегда неприкосновеннымъ».

Какъ отнесся къ этой первой вѣсточкѣ отъ опальнаго любимца Александръ, неизвѣстно, но вообще объ его удаленіи отъ дѣлъ онъ отзывался въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ. Такъ, на другой же день онъ сказалъ, со слезами на глазахъ, кн. Голицыну на вопросъ послѣдняго, здоровъ ли онъ: «Еслибъ у тебя отсѣкли руку, ты вѣрно кричалъ бы и жаловался, что тебѣ больно, а у меня въ прошлую ночь отняли Сперанскаго, а онъ былъ моей правой рукой». Когда Нессельроде, выведенный въ люди Сперанскимъ и питавшій къ нему самыя дружескія чувства, заявилъ государю 19-го марта все свое сожалѣніе, что онъ лишилъ себя самаго преданнаго, вѣрнаго и ревностнаго слуги, то Александръ воскликнулъ: «ты правъ, но, именно, теперешнія только обстоятельства и могли вынудить у меня эту жертву общественному мнѣнію». Въ письмѣ отъ 7-го апрѣля къ шведскому наслѣдному принцу (Бернадоту), поздравлявшему императора съ освобожденіемъ отъ опасности, которою грозилъ ему открытый заговоръ, Александръ говоритъ: «прошу позволенія поблагодарить васъ за все то участіе, которое было проявлено вами по поводу открытія мною окружавшихъ меня подпольныхъ происковъ, тѣмъ не менѣе, я долженъ сдѣлать поправку къ высказанному вами мнѣнію. У меня болѣе подозрѣній, чѣмъ неоспоримыхъ данныхъ, но при нынѣшнихъ обстоятельствахъ они были достаточны для меня, чтобъ ни на мгновение не дать мнѣ колебаться и удалить причастныхъ къ дѣлу лицъ. Доказательства затушили бы во мнѣ всякое милосердіе, и я почелъ бы себя призваннымъ долгомъ, налагаемымъ на меня моимъ положеніемъ, не пощадить виновныхъ». Ясно изъ всѣхъ этихъ словъ самого государя, что онъ считалъ Сперанскаго невиновнымъ, а лишь сваливалъ вину его опалы на политику, которая, по его же выраженію, «полагаетъ обязанности, осуждаемыя сердцемъ», и оправдывалъ свой поступокъ радостью, которую удаленіе Сперанскаго возбудило во всей странѣ.

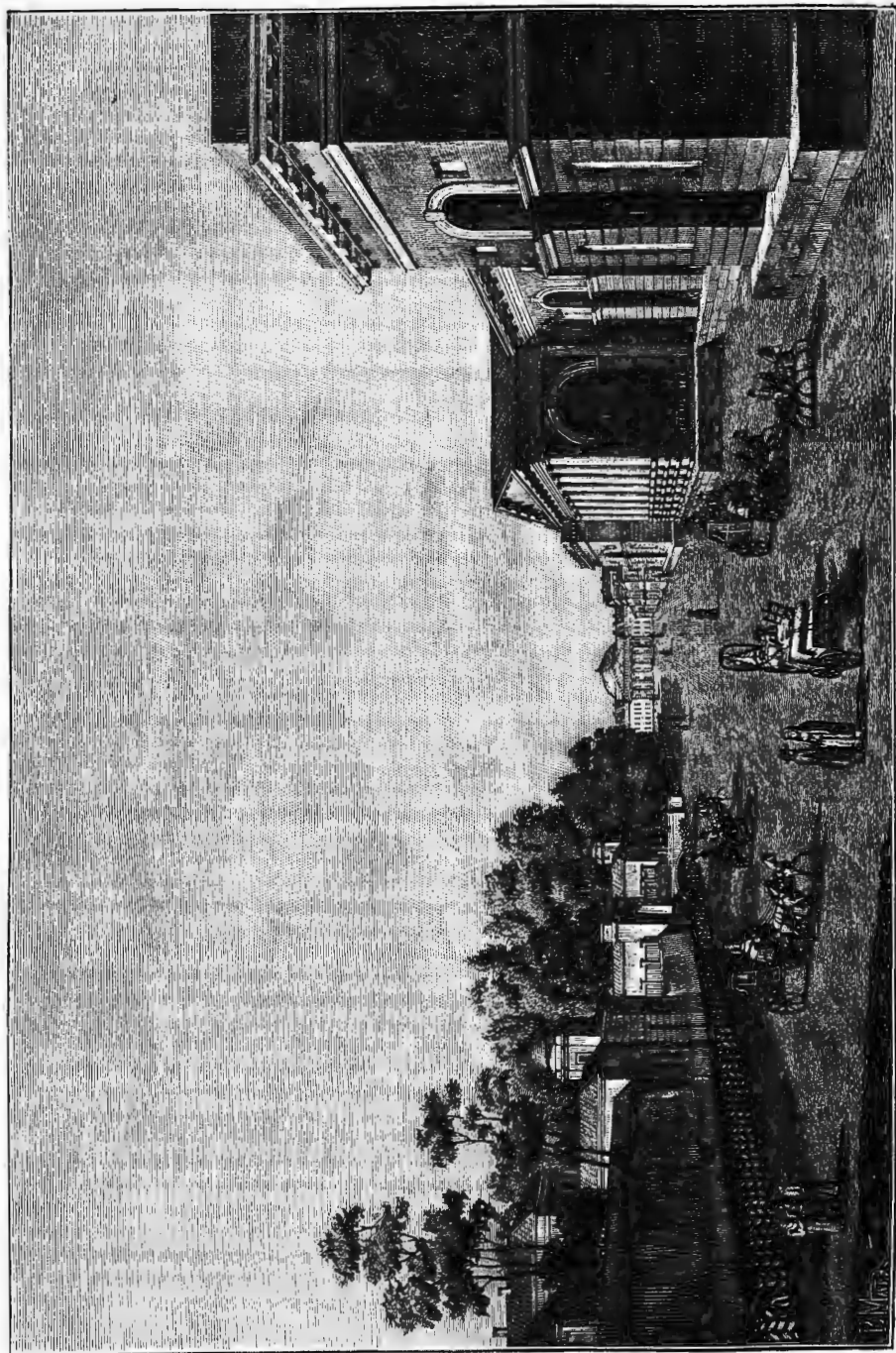
Дѣйствительно, ловко пущенная въ ходъ интрига такъ подготовила почву, что паденіе Сперанскаго привѣтствовалось общей радостью, считалось патріотическимъ торжествомъ и первой побѣдой надъ французами. Только немногіе и то робкіе голоса защищали Сперанскаго, отказывались видѣть въ немъ измѣнника и сѣтовали, по словамъ г-жи Бакуниной, «на клевету, злобу и ухищреніе министровъ противъ невиннаго». Иностранцы смекнули, въ чемъ дѣло, и не повѣрили распространеннымъ клеветамъ; такъ, датскій послан-

никъ въ Петербургѣ, Блуме, писалъ своему правительству: «начинають предполагать, что вина Сперанскаго и Магницкаго скорѣе касается внутреннихъ дѣлъ, а не преступныхъ вѣдшихъ сношеній». Представитель Франціи, графъ Лористонъ, говорилъ въ своей депешѣ: «разсказываютъ, что главная вина Сперанскаго состояла въ нескромныхъ отзывахъ объ императорѣ, котораго онъ осуждалъ въ недостаткѣ характера и энергіи, заставлявшихъ его колебаться въ проведеніи мѣръ, имъ же самимъ одобренныхъ». Наконецъ, де-Местръ замѣчаетъ: «если императоръ не велитъ судить Сперанскаго, то, значить, все это придворная интрига».

Особаго указа объ удаленіи Сперанскаго не было издано, а его должности подъ шумокъ были распределены между различными лицами, причѣмъ государственнымъ секретаремъ сдѣлался Шишковъ. Вскорѣ отечественная война, со всѣми ея перипетіями, заставила современниковъ забыть о нижегородскомъ опальникѣ. Только дѣло Жерве и Бека, какъ прямое послѣдствіе ссылки Сперанскаго, еще нѣкоторое время обращало на себя вниманіе. Андрей Андреевичъ Жерве и Христіанъ Андреевичъ Бекъ завѣдывали въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ экспедиціей шифрованныхъ депешъ и сообщали Сперанскому, какъ вліятельнѣйшему челоѣку въ администраціи, помимо своего прямого начальника канцлера графа Румянцова, нѣкоторые дипломатическіе документы. Въ моментъ ссылки Сперанскаго, у него находилось нѣсколько подобныхъ бумагъ, и онъ, запечатавъ ихъ, отослалъ императору. Александръ пришелъ въ ярость и, отдавъ бумаги министру юстиціи Дмитріеву, сказалъ: «Сперанскій простеръ наглость до того, что захотѣлъ участвовать въ государственныхъ тайнахъ». Вслѣдствіе этого, Бекъ былъ арестованъ и заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, а Жерве, какъ его прямой начальникъ, принялъ всю вину на себя. Возникло дѣло, и оно было поручено разсмотрѣнію особаго секретнаго комитета, но, послѣ долгаго волокитства, гора родила мышъ: бѣдныхъ Жерве и Бека освободили отъ отвѣтственности, и даже они остались на службѣ, хотя Жерве перешелъ въ министерство финансовъ.

Не такова была судьба Сперанскаго. Ему пришлось долго ждать до облегченія своей участи и, напротивъ, благодаря дальнѣйшимъ проискаамъ его враговъ, особенно графа Ростопчина, онъ былъ, какъ «вредный челоѣкъ», по выраженію самого Александра, сосланъ изъ Нижняго Новгорода въ Пермь, гдѣ оставался до августа 1814 года, подъ строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Въ виду этого ничѣмъ не заслуженнаго отягченія своей судьбы, Сперанскій немедленно написалъ императору письмо, но оно до сихъ поръ составляетъ тайну и не розыскано г. Шильдеромъ. Но за то другое знаменитое пермское письмо найдено въ аракеевскихъ бумагахъ почтеннымъ историкомъ и напечатано въ приложеніяхъ цѣликомъ въ русскомъ подлинникѣ, съ присообщенной къ нему французской оправдательной запи-

ской. Эти два документа, хотя отчасти извѣстные и ранѣе, чрезвычайно важны для правильной характеристики какъ Сперанскаго, такъ и Александра, потому что въ нихъ находится основательная защита выработанныхъ имъ, по указанію императора, реформъ и подробное изобличеніе козней его враговъ, которые сначала хотѣли, какъ онъ ясно доказываетъ, вмѣшаться тайно въ государственныя дѣла и управлять ими совмѣстно съ нимъ, а только, за его отказомъ отъ участія въ такой комбинаціи, рѣшили его погубить. Особенно характерны слѣдующія строки въ пермскомъ письмѣ: «Нужно ли, всемилостивѣйшій государь, чтобъ я оправдывалъ себя и противъ тѣхъ обвиненій, кои разсѣиваемы были моими врагами о нравственныхъ моихъ правилахъ и связяхъ моихъ съ мартинистами, иллюминатами и проч. Бумаги мои ясно доказываютъ, что никогда и никакихъ связей я не имѣлъ; вообще, о всѣхъ вещахъ я старался имѣть собственные мои мнѣнія и никогда не вѣрилъ слѣпо чужимъ. Когда ваше величество пожелали о предметахъ сего рода и въ особенности о мистической ихъ части имѣть свѣдѣнія, я съ удовольствіемъ готовъ былъ посвятить вамъ всѣ плоды моихъ собственныхъ изысканій и размышленій. Бесѣды сіи мнѣ тѣмъ пріятнѣе были, чѣмъ болѣе я видѣлъ, что предметъ ихъ сообразенъ съ сердечными вашими чувствами. Не изъ книгъ, не изъ сектъ и партій почерпалъ я сіи истины; онѣ были изліяніемъ души моей, смѣю сказать, ими преисполненной. Обстоятельства и многодѣліе прервали слишкомъ рано сіи лестныя для меня сношенія, и хотя не имѣлъ я еще времени открыть вамъ во всемъ пространствѣ истинное ихъ знаменованіе, но, судя по самому ихъ началу, смѣю сослаться на собственное ваше сердце и самыя бумаги, у васъ оставшіяся, что другое въ сихъ истинахъ вы отъ меня не слышали, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое ея предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастья, всего изящнаго и высокаго? Да, и когда, при какомъ случаѣ вы слышали отъ меня, всемилостивѣйшій государь, другія правила? Во все время, какъ я пользовался вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ, или кому старался повредить въ глазахъ вашихъ? На кого взвелъ какую нибудь тѣнь подозрѣнія? Напротивъ, я всегда желалъ и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту терпѣливость къ ихъ слабостямъ, ту кротость и снисхожденіе, кою Богъ и природа въ благодсти своей васъ одарила». Но, какъ уже выше замѣчено, Сперанскій имѣлъ смѣлость намекнуть въ этомъ пермскомъ письмѣ на того, кто былъ настоящей душой интриги противъ него, и противъ этихъ неосторожныхъ словъ собственноручно поставлено на подлинникѣ письма Александромъ нотабене. Г. Шильдеръ вполне основательно предполагаетъ, что это обстоятельство послужило поводомъ къ тому, что просьба, которою оканчивалась пермское письмо, о дозво-

Таврическая улица и домъ Сперанскаго въ Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія

Съ акварели съ натуры Патерсона (изъ собранія П. Я. Дашкова).

леніи Сперанскому переѣхать въ новгородское помѣстье осталась безъ уваженія.

Прошло еще болѣе года, и въ іюлѣ 1814 года Сперанскій, поздравляя государя съ заключеніемъ всеобщаго мира и желая, чтобъ «этотъ миръ былъ эпохой лучшихъ дней человѣчества, твердымъ союзомъ не только политическаго, но и нравственнаго народовъ образованія, новымъ залогомъ благоустройства и счастья вѣрныхъ подданныхъ», снова повторить свою просьбу. На этотъ разъ ему было разрѣшено переѣхать въ новгородскую деревню, гдѣ онъ и оставался, но все-таки подъ присмотромъ, до 1816 года, когда была признана, наконецъ, публично его невиновность, и онъ назначенъ сначала пензенскимъ губернаторомъ, а потомъ сибирскимъ генераль-губернаторомъ. Трагикомедія была сыграна, «вредный человекъ» возвращенъ на административное поприще, и занавѣсъ опущенъ.

II.

«Еще разъ повторяю. Я не желаю и не могу желать разрыва между Франціей и Россіей. Все требуетъ продолженія союза между этими двумя странами, и я никогда не измѣню ему, если меня не принудятъ къ тому».

Такъ говорилъ Наполеонъ 7-го августа 1810 года на прощальной аудіенціи князю Алексѣю Борисовичу Куракину, посланному Александромъ для поздравленія союзника съ его вторымъ бракомъ, а во время предшествовавшихъ съ нимъ разговоровъ онъ прямо высказывалъ, что политическія выгоды Европы требуютъ, чтобъ двѣ великія державы продолжали быть въ мирѣ, какъ это было въ продолженіе трехъ лѣтъ, и чтобъ одна повелѣвала на сѣверѣ, а другая на югѣ. Мѣсяцъ же передъ тѣмъ, въ депешѣ, продиктованной Наполеономъ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, герцогу Кадору (Шампаньи), и адресованной къ Коленкуру, бывшему тогда посломъ въ Петербургѣ, говорилось: «Императоръ стоитъ твердо за союзъ; у него нѣтъ никакихъ политическихъ узъ съ Австріей, и онъ въ отношеніи Россіи все тотъ же, какимъ былъ со времени Тильзитскаго мира». Несмотря на эти официальные заявленія, въ то же самое время, именно въ іюнѣ мѣсяцѣ 1810 года, Наполеонъ, разговаривая съ Метернихомъ, высказалъ, что онъ тяготится принятыми на себя по отношенію къ Россіи обязательствами, признавая въ нихъ существенный для Франціи вредъ, и что еслибъ Австрія объявила войну Россіи, то онъ не сталъ бы этому препятствовать и остался бы нейтральнымъ, а еслибъ русскіе потребовали отъ Порты болѣе того, что имъ предоставляется договоромъ, то онъ сочтетъ себя свободнымъ отъ принятыхъ на себя обязательствъ, и Австрія можетъ всячески расчитывать на него.

Еще ранѣе, въ началѣ марта мѣсяца была составлена по указаніямъ императора секретная дипломатическая записка о будущей политикѣ Франціи, обусловленной бракомъ Наполеона съ австрійской эрцгерцогиней, и въ ней прямо выставлялась неизбежность войны съ Россіей, результатомъ которой было бы возстановленіе имперіи Карла Великаго, увеличенной и усиленной просвѣщеніемъ десяти вѣковъ, совершенное уничтоженіе Пруссіи, соединеніе подъ скипетромъ саксонскихъ королей всѣхъ провинцій древней Польши, присоединеніе къ Австріи частей Валахіи и Сербіи, наконецъ, ограниченіе Россіи ея старинными предѣлами до Дняпра и ея отторженіе отъ цивилизованной Европы.

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, г. Шильдеръ вполнѣ правъ, называя наполеоновскую политику, подготовившую войну 1812 года, предательскою и прямымъ нарушеніемъ союза съ Россіей, но врядъ ли онъ основательно утверждаетъ, что въ то время, когда Наполеонъ составлялъ планы, клонившіеся къ гибели Россіи и къ возведенію его «черезъ три года въ владыки вселенной», какъ онъ самъ выразился въ разговорѣ съ генераломъ Вреде, Александръ не помышлялъ еще о войнѣ съ Франціей. Напротивъ, онъ самъ же говоритъ, что въ это время русскій императоръ уже руководствовался политикой, совершенно противоположною официальнымъ заявленіямъ его правительства, и увлеченіе Наполеономъ замѣнилось въ немъ ревнивою ненавистью къ своему тильзитскому другу, что, конечно, не далеко до мысли о войнѣ. Лучшимъ доказательствомъ, что Александръ недалеко отставалъ въ этомъ отношеніи отъ Наполеона, служитъ пребываніе въ 1810 и 1811 году въ Парижѣ графа Нессельроде, который прямо явился къ Талейрану, вступившему въ измѣнническіе переговоры съ Александромъ еще въ Эрфуртѣ, и сказалъ: «Я пріѣхалъ изъ Петербурга, официально я состою при послѣ (князѣ Куракинѣ), на самомъ же дѣлѣ я акредитованъ при васъ и веду частную переписку съ императоромъ, отъ котораго привезъ вамъ письмо». Дѣйствительно, Нессельроде постоянно доносилъ черезъ Сперанскаго государю, помимо Куракина и Румянцева, о томъ, что ему сообщалъ Талейранъ, котораго онъ называетъ «Mon cousin Henry», и который главнымъ образомъ совѣтовалъ «собирать силы и какъ можно болѣе, но преждевременно ихъ не концентрировать». Поэтому, если не правы тѣ французскіе историки, которые приписываютъ Александру первый шагъ къ разрыву франко-русскаго союза, который могъ бы оказать обѣимъ странамъ такую громадную пользу и перемѣнить весь ходъ дальнѣйшихъ историческихъ событій, то нельзя обвинять въ войнѣ 1812 года и одного Наполеона. Вполнѣ справедливо замѣчаетъ авторъ новаго noctеннаго труда на французскомъ языкѣ о русской кампаніи, основаннаго на официальныхъ архивныхъ данныхъ, Маргеранъ: «можно предположить, что оба государя, каждый съ своей стороны, нарушали заключенный между собой договоръ».

Во всякомъ случаѣ, въ 1811 году, это нарушение стало явнымъ съ обѣихъ сторонъ: Наполеонъ сталъ присоединять къ Французской имперіи простыми декретами Голландію, Ганзеатическіе города, герцогство Ольденбургское и т. д., что вызвало со стороны русскаго правительства рѣзкій протестъ, а Россія дозволила привозъ колониальныхъ товаровъ подъ американскимъ флагомъ, а издѣлія французскихъ фабрикъ частью запрещались, а частью были обложены высокой пошлиной, чѣмъ нанесенъ былъ чувствительный ударъ континентальной системѣ, гарантированной тильзитскимъ соглашеніемъ. Пререканія стали увеличиваться, въ особенности относительно Польши, съ которою заигрывали обѣ стороны, военныя приготовления приняли грозный характеръ, и о войнѣ стали открыто говорить. Наполеонъ писалъ 21-го марта королю Виртембергскому: «Война разыграется вопреки мнѣ, вопреки Александру, вопреки интересамъ Франціи и Россіи. Я уже не разъ былъ свидѣтелемъ этого, и личный опытъ, вынесенный изъ прошлаго, открываетъ мнѣ эту будущность. Все это уподобляется оперной сценѣ, и англичане стоятъ за машинами». Спустя нѣсколько дней, Александръ, прощаясь съ Коленкуромъ, котораго Наполеонъ замѣнилъ Лористономъ, за излишнюю дружбу къ Россіи, сказалъ: «У меня нѣтъ такихъ генераловъ, какъ ваши, я самъ не полководецъ и не администраторъ, какъ Наполеонъ, но у меня хорошіе солдаты, преданный мнѣ народъ, и мы скорѣе умремъ съ оружіемъ въ рукахъ, нежели позволимъ поступить съ нами, какъ съ голландцами и гамбургцами. Но увѣряю васъ честью, я не сдѣлаю перваго выстрѣла. Я допущу васъ перейти Нѣманъ, и самъ не перейду его, будьте увѣрены, что я не объявлю войны; я не хочу войны; мой народъ, хотя и оскорбленъ отношеніями ко мнѣ вашего императора, но такъ же, какъ я, не желаетъ войны, потому что онъ знакомъ съ ея опасностями, но если на него нападутъ, то онъ сумѣетъ постоять за себя».

Роковой 1812 годъ начался со стороны Россіи заключеніемъ союза съ Швеціей и съ Англіей, а затѣмъ Александръ поѣхалъ въ армію въ Вильно, Наполеонъ же пододвинулъ свои войска къ русской границѣ и отправился самъ туда, чтобы стать въ ихъ главѣ, собравъ по дорогѣ въ Дрезденъ всѣхъ европейскихъ государей, состоявшихъ съ нимъ въ союзъ и войска которыхъ двинулись на Россію. Александръ терпѣливо ждалъ вторженія французовъ въ предѣлы отечества, такъ какъ онъ благоразумно рѣшилъ вести оборонительную войну. Онъ говорилъ одно: «Я не начну войны, но не положу оружія, пока одинъ непріятельскій солдатъ будетъ оставаться въ Россіи». Эта идея повторялась во всѣхъ его рѣчахъ, манифестахъ, рескриптахъ и письмахъ, относящихся до той знаменательной эпохи, и легла въ основу всей его дѣятельности во время отечественной войны. Наконецъ, Наполеонъ перешелъ черезъ Нѣманъ, и извѣстіе объ этомъ получено въ Вильнѣ во время бала,

Комната, служившая кабинетомъ Сперанскому и обращенная въ столовую по приобретени
дома Сперанскаго Н. П. Дубенскимъ.

Съ аquareли того времени.

на которомъ Александръ очаровывалъ всѣхъ своей любезностью. Жребій былъ брошенъ, борьба между бывшими союзниками разгорѣлась, и ей суждено было только окончиться черезъ два года въ Парижѣ.

Не задача г. Шильдера рассказывать подробно военныя событія, и онъ представляетъ очень краткій очеркъ отечественной войны, нѣсколько пространнѣе говоритъ о кампаніи 1813 г. въ Германіи, а всего болѣе распространяется о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ во Франціи и о взятіи Парижа въ 1814 г. по той простой причинѣ, что Александръ не принималъ личнаго участія въ первой войнѣ, а во второй и третьей не только не покидалъ арміи, но имѣлъ рѣшающее вліяніе на ходъ военныхъ событій. Сначала и въ 1812 г. государь хотѣлъ остаться среди своихъ войскъ и даже написалъ черновую приказа, оканчивавшагося словами: «Я всегда буду съ вами и никогда отъ васъ не отлучусь», но потомъ Шишковъ, Балашевъ и Аракчеевъ, бывшіе неотлучно при немъ, уговорили его отправиться въ Москву и поднять народную войну, а войска предоставить полководцамъ. Замѣчательно, что когда Шишковъ собралъ своихъ двухъ товарищей и сталъ доказывать имъ, что это единственное средство спасти Россію, то Аракчеевъ воскликнулъ: «что мнѣ отечество? Скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаюсь долѣе при арміи?» Ему отвѣчали: «Конечно, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, то что тогда будетъ съ государемъ? А если онъ побѣдитъ Барклая, то бѣда не велика». Эти слова убѣдили Аракчеева, и всѣ трое они написали письмо Александру, который согласился съ ними, немедленно выѣхалъ въ Москву, и армія уже не видѣла его до окончательнаго изгнанія врага изъ предѣловъ отечества. Повидимому, эта разлука съ войсками, сражавшимися за родину, была для него очень тяжела и, вернувшись въ Петербургъ послѣ удивительныхъ сценъ народнаго энтузіазма въ Москвѣ, онъ сказалъ фрейлинѣ Р. С. Стурдзѣ: «Мнѣ жаль, что я не могу, какъ бы желалъ, отвѣчать на преданность этого чуднаго народа. Да, этому народу нуженъ вождь, способный вести его къ побѣдѣ, а я, къ несчастію, не имѣю на это ни опытности, ни нужныхъ дарованій. Моя молодость протекла подъ сѣнью двора, а если бы тогда меня довѣрили Суворову или Румянцеву, они образовали бы меня для войны, и, можетъ быть, я сумѣлъ бы предотвратить бѣдствія, которыя угрожаютъ намъ теперь». Точно такъ же и г-жѣ Сталь, находившейся въ то время въ Петербургѣ, онъ выразилъ сожалѣніе, что не великій полководецъ. «На это проявленіе благороднѣйшей скромности,—говоритъ знаменитая писательница въ своихъ воспоминаніяхъ,—я отвѣтила словами, что государь представляетъ болѣе рѣдкое явленіе, чѣмъ генераль, и что поддерживать своимъ примѣромъ общественный духъ своего народа равносильно выигрышу самаго важнаго сраженія и при томъ перваго въ такомъ родѣ, которое когда либо выиграно».

Дѣйствительно, хотя вдали отъ арміи, но Александръ своей рѣшимостью не вступать въ переговоры съ Наполеономъ, поддерживалъ въ ней мужество и сослужилъ Россіи великую службу. Конечно, въ этомъ отношеніи онъ не показывалъ примѣра народу, какъ увѣряла г-жа Сталь, а напротивъ самъ подчинялся подъему народнаго духа, превратившаго его личную борьбу съ Наполеономъ въ народную войну. Какъ бы то ни было, въ этомъ отношеніи онъ являлся достойнымъ глашатаемъ народной воли и, подчиняясь гласу народному, онъ выразилъ такую рѣшимость и такую твердость, которыя не были въ его характерѣ. Конечно, въ нѣкоторыхъ случаяхъ попрежнему высказывалась его двойственность, но далеко не въ такой степени, какъ въ дѣлѣ Сперанскаго или въ его послѣдующихъ отношеніяхъ къ Аракчееву. Такъ, уступивъ общественному мнѣнію, требовавшему назначенія главнокомандующимъ Кутузова, котораго онъ не любилъ, Александръ сказалъ генералу Комаровскому: «Публика желала этого, и я назначилъ его; что касается же меня, то я умываю себѣ руки въ этомъ». Точно также, когда еще до прибытія въ армію Кутузова генералъ Вильсонъ явился къ императору въ качествѣ уполномоченнаго отъ всей арміи, съ заявленіемъ, что полное довѣріе къ правительству можетъ существовать только при удаленіи Румянцева, извѣстнаго своей преданностью французскому союзу, и при убѣжденіи, что не вступать въ переговоры съ французами, то Александръ долго колебался съ отвѣтомъ и, наконецъ, черезъ сутки далъ отвѣтъ двойственный, очень рѣшительный относительно переговоровъ съ Наполеономъ и уклончивый относительно Румянцева: «господинъ посланникъ мятежниковъ,—сказалъ онъ,—вы повезете въ армію увѣреніе въ моей рѣшимости продолжать войну съ Наполеономъ, пока одинъ вооруженный французъ останется въ предѣлахъ Россіи. Я не отступлю отъ своихъ обязательствъ, что бы ни случилось. Я готовъ отправить свое семейство въ отдаленныя губерніи и принести всевозможныя жертвы, даже отростить себѣ бороду и питаться картофелемъ въ Сибири; но что касается выбора моихъ собственныхъ министровъ, то въ этомъ дѣлѣ я не могу дѣлать уступокъ. Такая сговорчивость повлекла бы за собою другія требованія, еще болѣе неумѣстныя и неприличныя. Графъ Румянцева не подаетъ повода ни къ какому несогласію, либо разномыслию. Все будетъ сдѣлано для разсѣянія опасеній въ этомъ дѣлѣ, но такъ, чтобъ это не имѣло вида уступки угрозамъ, и чтобъ я не могъ упрекать себя въ несправедливости. Въ данномъ случаѣ важно найти средства и способъ исполненія. Дайте мнѣ время—все будетъ устроено къ лучшему».

Но эти временныя припадки слабости нисколько не уменьшаютъ заслугъ Александра, и тѣмъ болѣе дѣлаетъ чести ему, а главное тогдашнему подъему народнаго чувства, который поддерживалъ его нерѣшительную душу, что вообще во время отечественной войны

онъ обнаружилъ столько неожиданной твердости, тогда какъ всѣ друзья и врага ждали, что онъ при первомъ ударѣ судьбы преклонится и заключитъ постыдный миръ. Но по словамъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, въ письмѣ къ ея матери, маркграфинѣ Амалии, отъ 28 августа: «миръ, который былъ бы смертнымъ приговоромъ Россіи, по счастью, не можетъ быть заключенъ. Императоръ не допускаетъ и мысли объ этомъ, и еслибъ даже онъ и желалъ его, то не могъ бы осуществить своего желанія; вотъ прекрасная героическая сторона нашего положенія». Однако тяжелою цѣной была куплена неожиданная твердость государя. Душа его была глубоко потрясена, мрачныя мысли не давали ему покоя; «онъ жилъ, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, въ величайшемъ уединеніи, не допускалъ къ себѣ никого, кромѣ Аракчеева, съ которымъ только занимался дѣлами; онъ обиталъ Каменный островъ, прогуливался одинъ и часто прислонялъ голову къ дереву, не примѣчая прохожихъ». Въ это время происходила въ немъ, какъ справедливо замѣчаетъ г. Шильдеръ, глубокая нравственная перемѣна, «онъ обращался изъ деиста въ вѣрующаго христіанина». Самъ Александръ признавался впослѣдствіи прусскому епископу Эйлерту: «пожаръ Москвы освѣтилъ мою душу и наполнилъ мое сердце теплою вѣрой, какой я не ощущалъ до тѣхъ поръ. Тогда я позналъ Бога». Это было началомъ того нравственнаго перелома, того новаго міросозерцанія Александра, которое мало-по-малу привело его къ мистическому пѣтизму, къ апокалипсической политикѣ и сплошной реакціи третьяго періода его царствованія.

Когда прошли тяжелые дни роковой години, и началось знаменитое отступленіе французовъ, окончившееся Березинской катастрофой и бѣгствомъ Наполеона въ Парижъ, Александръ отказался исполнить желаніе войскъ и принять личное начальство надъ ними, ссылаясь на свою неопытность въ военномъ дѣлѣ и на то соображеніе, что слѣдуетъ пожинать лавры тѣмъ, которые болѣе него достойны ихъ. Дѣйствительно, онъ явился въ армию только по окончаніи отечественной войны и свидѣлся съ своими побѣдоносными войсками 11 декабря въ той самой Вильнѣ, которую за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ онъ долженъ былъ покинуть передъ нахлынувшюю войной Наполеоновскаго нашествія. «Вы спасли не одну Россію, а всю Европу», сказалъ онъ собравшимся во дворцѣ генераламъ и, прижавъ къ сердцу Кутузова, пожаловалъ ему высшую военную награду—орденъ св. Георгія первой степени. Но въ эту торжественную минуту снова проснулось въ его душѣ вѣчное противочувствіе, и онъ сказалъ наединѣ Вильсону: «Мнѣ извѣстно, что фельдмаршалъ ничего не исполнилъ изъ того, что слѣдовало сдѣлать, не предпринялъ противъ непріятеля ничего такого, къ чему онъ не былъ бы буквально вынужденъ обстоятельствами. Онъ побѣждалъ всегда только противъ воли; онъ сы-

гралъ съ нами тысячу и тысячу штукъ въ турецкомъ стилѣ. Однако дворянство поддерживаетъ его и вообще настаиваетъ на томъ, чтобъ олицетворить въ немъ народную славу этой кампаніи. Мнѣ предстоитъ украсить этого человѣка орденомъ св. Георгія первой степени, но, признаюсь вамъ, я нарушаю этимъ статуты этого славнаго учрежденія... Я только уступаю самой крайней необходимости.

Талейранъ.

Съ гравированнаго портрета Боссельмана.

Отнынѣ я не разстанусь съ моею арміею и не подвергну ее болѣе опасностямъ подобнаго предводительства». Не только на словахъ, но и на дѣлѣ проявилъ Александръ въ Вильнѣ свою всегдашнюю двойственность: такъ съ одной стороны онъ весело танцевалъ на балѣ, данномъ Кутузовымъ, любезничалъ съ польскими дамами, а съ другой самоотверженно посѣщалъ раненыхъ и больныхъ франзовъ, скученныхъ въ больницахъ при самой ужасающей обста-

«Истор. вѣстн.», февраль, 1898 г., т. LXXI.

18

новкѣ. Такъ въ госпиталѣ Бразильянскаго монастыря 7.500 труповъ были навалены другъ на друга въ коридорахъ, а многочисленныя отверстія разбитыхъ оконъ и стѣнъ были забиты руками, ногами, туловищами и головами мертвыхъ, чтобъ предохранить живыхъ отъ холоднаго воздуха. Всѣ эти ужасающія картины глубоко дѣйствовали однако на Александра, и онъ говорилъ фрейлинѣ графинѣ Тизенгаузъ: «Я не обладаю счастливою философіей Наполеона, и эта несчастная кампанія стоитъ мнѣ десяти лѣтъ жизни».

25-го декабря, появился манифестъ о счастливомъ окончаніи отечественной войны, а спустя три дня русская армія съ Кутузовымъ и государемъ выступила изъ Вильны. «Начиналась, по словамъ г. Шильдера, война за освобожденіе Германіи». Эта новая война была дѣломъ самого Александра подъ вліяніемъ, конечно, англичанъ и нѣмецкихъ патриотовъ, но общественное мнѣніе въ Россіи было противъ чужеземной войны послѣ столькихъ тяжелыхъ потерь. Кутузовъ явился и въ этомъ случаѣ выразителемъ желаній Россіи. «Вашъ обѣтъ исполненъ, — сказала онъ Александру, — ни одного вооруженнаго непріятеля не осталось на русской землѣ, теперь остается исполнить и вторую половину обѣта — положить оружіе». Но императоръ на этотъ разъ не внялъ народному голосу, и Кутузову пришлось подчиниться, тѣмъ болѣе, что по собственнымъ словамъ, сказаннымъ Шишкову: «когда государь моихъ доказательствамъ оспорить не можетъ, то обниметъ меня и подѣлуетъ; тутъ я заплачу и соглашусь съ нимъ». Итакъ, Александру принадлежитъ всецѣло продолженіе войны и, по словамъ германскаго историка Шерра, «безъ Александра не было бы кампаніи 1813 года», а, по свидѣтельству прусскаго фельдмаршала Гнейзенау, «русскому союзу Германія обязана своею независимостью». Впослѣдствіи нѣмцы объ этомъ совершенно забыли, стали приписывать своимъ собственнымъ патриотамъ освобожденіе Германіи отъ Наполеона и заплатили за великодушную помощь Россіи самою черною неблагодарностью. Что выиграла Россія изъ этой мѣтко названной г. Шильдеромъ «романтичной политики», доказываетъ вся послѣдующая ея исторія до нашихъ дней, и нельзя не удивляться, что, спустя восемьдесятъ пять лѣтъ, находятся въ русской печати люди, которые упрекаютъ почтеннаго историка за то, что онъ называетъ Александра романтикомъ, и пишутъ сладкіе диѳирамбы государственной мудрости Александра, освободившаго будто бы весь свѣтъ отъ рабства, безправія и грубой силы, хотя прямымъ результатомъ его освободительныхъ войнъ 1813 и 1814 годовъ, съ ихъ ближайшими послѣдствіями—вѣнскимъ трактатомъ и священнымъ союзомъ, было подчиненіе Европы долгой, сплошной, мрачной метерниховской реакціи.

Здѣсь кстати сказать два слова о новой попыткѣ воскресить по поводу труда г. Шильдера старыи, давно сданный въ архивъ

взглядъ на Александра, какъ на ангела небеснаго, слетѣвшаго на землю и снова взятаго обратно на небеса въ виду не оцѣнившей его людской злобы. Какой странной идиліей и узкимъ пристрастіемъ отличаются эти фельетонныя разсужденія объ идеальныхъ добродѣтеляхъ Александра, которому будто бы мѣшали доставить полное блаженство вѣрноподаннымъ ледяное равнодушіе людей, стоявшихъ твердою стѣной между нимъ и его народомъ, а также крѣпостное право, заслонявшее ему свѣтъ. Еслибъ дѣйствительно единственныя преграды къ дарованію блаженства своему народу Александръ встрѣчалъ только въ окружавшихъ его лицахъ и въ крѣпостномъ правѣ, то ему легко было отдѣлаться отъ этихъ преградъ, а не удалять отъ себя людей, которые были подготовителями великихъ реформъ Александра II, какъ Сперанскаго, и не довѣрять слѣпо такимъ личностямъ, какъ Аракчееву, создавшему съ разрѣшенія государя особый видъ крѣпостнаго права въ пресловутыхъ военныхъ поселеніяхъ. Въ томъ-то и дѣло, что прямолинейные, абсолютные взгляды на Александра не выдерживаютъ серьезной критики; его нельзя безусловно хвалить или безусловно осуждать. Онъ представляетъ такую сложную, двойственную натуру, что справедливая его характеристика не можетъ не выказать съ одной стороны его достоинствъ, а съ другой—его недостатковъ, какъ это дѣлаетъ г. Шильдеръ, вполне безпристрастно собравшій о своемъ героѣ факты, говорящіе и въ пользу его и противъ. Такимъ образомъ, лица, не соглашающіяся съ его воззрѣніями, у него же черпаютъ данныя для созданія себѣ изъ Александра кумира, причемъ, конечно, скрываются всѣ его темныя стороны, побуждавшія даже Михайловскаго-Данилевскаго, котораго нельзя заподозрѣть во враждебныхъ чувствахъ къ Александру, сказать: «Я сохраню навсегда истинное уваженіе къ великимъ его дарованіямъ, но не испытываю одинаковаго чувства къ личнымъ его свойствамъ». Александръ былъ въ полномъ смыслѣ слова человекомъ съ человѣческими добрыми качествами и человѣческими слабостями, а потому настоящій историкъ обязанъ рельефно выставить и тѣ и другіе. Именно, благодаря этой коренной основѣ труда г. Шильдера, онъ и даетъ впервые возможность правильно и вѣрно оцѣнить этого «человѣка на тронѣ».

III.

«Только мечъ можетъ и долженъ рѣшить исходъ событій»,—сказалъ Александръ, начиная кампанію 1813 г., и онъ впервые принялъ личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Послѣ ряда побѣдъ Наполеона подъ Люценомъ, Бауценомъ и Дрезденомъ, начались успѣхи союзной русско-пруско-австрійской арміи, и Александръ могъ по справедливости считать себя ихъ виновникомъ. При Кульмѣ, бла-

годаря его своевременнымъ распоряженіямъ, былъ уничтоженъ цѣлый французскій корпусъ и его начальникъ, Вандамъ, взятъ въ плѣнъ, а въ трехдневномъ Лейпцигскомъ бою, рѣшившемъ судьбу всей войны, Александръ самъ двигалъ войска въ критическія минуты и поправлялъ ошибки Шварценберга, которому было поручено союзными монархами главное начальство надъ ихъ арміями. «Сколько я ни видалъ государя разсуждающимъ о военныхъ дѣлахъ въ полѣ,—говорить въ своемъ рукописномъ журналѣ Михайловскій-Данилевскій о Лейпцигскомъ сраженіи:—то его мнѣнія были самыя основательныя и дальновидныя, но въ немъ была какая-то недовѣрчивость къ себѣ, и онъ имѣлъ тотъ недостатокъ для военнаго человѣка, что не скоро узнавалъ мѣстное положеніе поля сраженія, или, говоря техническимъ языкомъ, онъ съ трудамъ могъ ориентироваться». Даже нѣмецкій историкъ Плуте признаетъ, что «императоръ говорилъ на военномъ совѣтѣ послѣ этой «битвы народовъ» такъ ясно, опредѣлительно и съ такимъ знаніемъ стратегическихъ движеній, что возбуждалъ общее удивленіе». И подъ огнемъ непріятельскимъ онъ выказалъ замѣчательное мужество. Такъ на второй день Лейпцигскаго боя, когда всѣ окружающія государя лица считали дѣло проиграннымъ, онъ одинъ не отчаивался и хладнокровно дѣлалъ необходимыя распоряженія. «Я смотрѣлъ нарочно на его лицо,—разсказываетъ Данилевскій:—онъ не смѣшался ни на минуту и, приказавъ самъ находившимся въ его конвоѣ лейбъ-казакамъ ударить на французскихъ кирасиръ, отъѣхалъ назадъ, не болѣе какъ шаговъ на пятнадцать; положеніе его было тѣмъ опаснѣе, что позади его находился длинный и глубокій оврагъ, черезъ который не было моста». Въ эту критическую минуту онъ ввелъ въ дѣйствіе резервную артиллерию и послалъ за гвардейскимъ корпусомъ, что спасло армию отъ конечной гибели. Въ третій, рѣшительный день, этотъ «истинный Агамемнонъ великой брани», какъ его называли очевидцы, выказалъ еще бѣольшую личную доблесть. «Слѣдуя за колонами центра, по словамъ г. Шильдера, онъ переѣзжалъ съ одной стороны на другую, подъ ядрами, перелетавшими черезъ него, и неоднократно подвергался опасности, особенно при продолжительной атакѣ деревни Проттгейда. Одно ядро упало весьма близко отъ государя; ему совѣтовали отъѣхать, но онъ сказалъ любимую свою пословицу, которой всегда придерживался: «одной бѣды не бываетъ, посмотрите, сейчасъ прилетитъ другое ядро». Дѣйствительно, едва успѣлъ онъ произнести эти слова, какъ зажужжала граната и осколками своими ранила нѣсколькихъ конвойныхъ солдатъ. Послѣ побѣды и передъ вступленіемъ въ городъ войскъ, Александръ проѣхалъ по ихъ рядамъ, благодарилъ ихъ и говорилъ: «Ребята, вы вчера дрались, какъ храбрые воины, какъ нецѣбѣдимые герои; будьте же сегодня великодушны къ побѣжденнымъ нами непріятелямъ и къ несчастнымъ жителямъ города». Наконецъ, для полной характеристики Алексан-

дра въ эти славные для него дни надо прибавить, что онъ нимало не возгордился побѣдой надъ непобѣдимымъ дотолѣ великимъ полководцемъ и въ виду тогдашняго своего настроенія, приписывалъ всѣ успѣхи одному Богу. «Всевышній—единственная причина всѣхъ сихъ счастливыхъ событій»,—писалъ онъ графу Салтыкову, а въ письмѣ къ княгинѣ Волконской онъ повторялъ почти буквально то же, говоря: «Верховное Существо руководило всѣмъ, и Ему одному мы одолжены этими блестящими успѣхами».

Еще симпатичнѣе, достойнѣе и уважительнѣе покажется дѣятельность Александра въ кампаніи 1813 года, если сравнить ее съ болѣе чѣмъ сомнительнымъ поведеніемъ его соучастниковъ. Такъ императоръ Францъ во время кульмской битвы оставался въ теплицкомъ дворцѣ и спокойно игралъ на скрипкѣ подъ отдаленный громъ орудій, а когда явились съ поля сраженія усталые офицеры и принцъ Леопольдъ Кобургскій просилъ его дозволить имъ занять нѣкоторыя комнаты во дворцѣ, то онъ добродушно уступилъ имъ ту залу, гдѣ игралъ, а самъ перешелъ въ другіе апартаменты, говоря: «и прекрасно, мы можемъ продолжать игру и внизу». Король прусскій представляется еще въ болѣе комическомъ видѣ, и тотъ же принцъ Кобургскій, будущій бельгійскій король, тогда служившій въ русской арміи, рассказываетъ, что передъ лейпцигскимъ сраженіемъ его послали къ Фридриху-Вильгельму, чтобъ получить его согласіе на какое-то важное распоряженіе, и ему пришлось долго ждать короля, а когда тотъ вышелъ къ нему, то заявилъ удивленіе, что принцъ не привезъ ему отвѣта отъ Александра, къ которому онъ уже послалъ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, спросить, въ какомъ мундирѣ, русскомъ или прусскомъ, явиться ему въ сраженіи. Несмотря на всѣ увѣренія принца, онъ не хотѣлъ говорить о дѣлѣ, повторяя гнѣвно: «я долженъ прежде всего знать, въ какомъ мнѣ быть мундирѣ, не могу же я выѣхать безъ панталонъ», и только подписалъ необходимую бумагу, когда ему доставили отвѣтъ отъ русскаго императора по мундирному вопросу. Вотъ съ какими союзниками приходилось имѣть дѣло Александру, и не только они не помогали, а прямо мѣшали ему на полѣ брани, постоянно ставили ему преграды своими политическими интригами. Одержавъ неожиданную для нихъ побѣду надъ грознымъ Наполеономъ, они склонялись въ пользу заключенія мира, и Метернихъ вступилъ въ переговоры съ французскимъ императоромъ. Но Александръ не хотѣлъ объ этомъ слышать, настаивая на скорѣйшемъ походѣ въ Парижъ и доказывая, что всякій миръ съ Наполеономъ былъ бы только перемиріемъ, «Я не могу каждый разъ поспѣвать къ вамъ на помощь за 400 лье»,—говорилъ онъ своимъ союзникамъ, и, по справедливому замѣчанію г. Шильдера, «не подлежитъ сомнѣнію, что безъ энергичнаго вмѣшательства Александра Наполеонъ цѣною нѣкоторыхъ своевременныхъ пожертвованій и уступокъ сохра-

ниль бы свое преобладаніе». Но Александръ поставилъ на своемъ, и 1-го января 1814 года началась французская кампанія, имѣвшая цѣлью, по словамъ государя, «возстановить европейскую систему, возвратить каждому народу полное и всецѣлое пользованіе его правами и учрежденіями, поставить, какъ ихъ всѣхъ, такъ и государей, подъ охрану общаго союза и защитить отъ честолюбія завоевателей». «Таковы суть,—прибавляетъ императоръ,—основанія, на которыхъ мы надѣмся съ Божіею помощію утвердить эту новую систему», а въ чемъ состояла эта система, ясно показали вѣнскій трактатъ, священный союзъ и меттерниховская реакція, полонившая всю Европу.

Около трехъ мѣсяцевъ продолжалась война 1814 года, и во все это время Александру пришлось бороться не только съ Наполеономъ, который дѣлалъ чудеса съ маленькой арміею противъ давившаго его своей многочисленностью врага, но и съ своими союзниками, которые съ одной стороны тормозили наступательныя дѣйствія своими ошибками и колебаніями, а съ другой—обнаруживали явное желаніе примириться съ Наполеономъ, который и вступилъ въ переговоры съ ними въ Шатильонѣ. Даже Англія, этотъ непримиримый врагъ Франціи и ея императора, считала величайшею опасностью упорство Александра продолжать войну, и потому ему одному принадлежитъ честь блестящаго окончанія французской кампаніи и паденія Наполеона. «Другой вопросъ,—замѣчаетъ вполнѣ вѣрно г. Шильдеръ,—дѣйствительно ли соответствовало интересамъ Россіи столь желаемое Александромъ исчезновеніе Наполеона съ политической сцены Европы. Послѣднее десятилѣтіе царствованія Александра можетъ служить краснорѣчивымъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ». Но если его политика можетъ возбуждать сомнѣнія, то его личная дѣятельность во время французской кампаніи выше всякихъ похвалъ. Несмотря на свирѣпствовавшую непогоду: дожди, снѣга, оттепели и морозы, Александръ былъ неутомимъ и почти не сходилъ съ лошади, всегда въ одномъ мундирѣ и одѣтый лучше всѣхъ. «Казалось, рассказываетъ его новый біографъ, что онъ былъ не на войнѣ, а спѣшилъ на веселый праздникъ, и на переходахъ очаровывалъ всѣхъ своею привѣтливостью. Въ городахъ, гдѣ назначались ночлеги, онъ принималъ мѣстныя власти и почтенныхъ обывателей, обнадеживалъ ихъ своимъ покровительствомъ. Войскамъ было строжайше подтверждено о дружественномъ обхожденіи съ французами и о соблюденіи порядка и дисциплины». Но болѣе, чѣмъ непогоды, обуревало его несогласіе насчетъ военныхъ дѣйствій, возникавшее постоянно между союзными арміями. Единственно присутствіе Александра, который былъ главою союза, всѣмъ старался угодить, нерѣдко съ самоотреченіемъ всякой личности и черезъ то склонялъ всѣхъ на свое мнѣніе, дѣлало не только возможными успѣхи разнороднаго ополченія, но избавило отъ гибели

арміи, которыя безъ него пали бы жертвѣй несогласій. Когда впродолженіе похода, ночью, получались важныя донесенія, то сколько разъ Александръ, пренебрегая всѣмъ, вставалъ и, предшествуемый кѣмъ нибудь съ фонаремъ, ходилъ въ ненастную погоду по грязнымъ улицамъ деревень къ союзнымъ монархамъ или даже къ князю Шварценбергу, будилъ ихъ и, садясь на ихъ кровать, читалъ имъ донесенія, а также условливался съ ними о мѣрахъ, требовавшихся обстоятельствами. Въ Баръ-Сюръ-Объ несогласія между союзниками дошли до того, что австрійцы предлагали отступить по всей линіи, и Александръ воскликнулъ: «Въ случаѣ отступленія, я отдѣлюсь отъ главной арміи со всѣми находящимися здѣсь русскими войсками: гвардіей, гренадерами и корпусомъ графа Витгенштейна, и, соединившись съ Блюхеромъ, пойду на Парижъ. Надѣюсь, — прибавилъ онъ, обратясь къ прусскому королю, — что ваше величество, какъ вѣрный союзникъ, явившій мнѣ многіе опыты дружбы своей, не откажетесь идти со мною». Фридрихъ-Вильгельмъ отвѣтилъ, что онъ не разстанется съ государемъ и давно уже предоставилъ свои войска въ его распоряженіе, а императоръ Францъ воскликнулъ: «Для чего же оставлять меня одного?» Наступленіе на Парижъ было рѣшено, но до достиженія этой цѣли еще много пришлось перенести неприятностей Александру отъ своихъ союзниковъ, преимущественно отъ австрійцевъ, а потому онъ громко жаловался, что австрійцы сдѣлали ему много сѣдыхъ волосъ, и, вѣзжая въ Парижъ, сказалъ Ермолову, указывая на ѣхавшаго рядомъ Шварценберга: «по милости этого толстяка, не разъ у меня ворочалась подъ головою подушка».

Однако и очутившись въ Парижѣ, куда онъ такъ долго стремился, Александръ не опочилъ на лаврахъ. Ему предстояла трудная задача устройства внутреннихъ дѣлъ Франціи. Онъ громко заявлялъ, что имѣетъ только одного врага Наполеона, съ которымъ ни за что не помирится, но затѣмъ готовъ признать какое угодно правительство, благо оно было бы выбрано всѣми французами — регентство Маріи-Луизы, господство Бернадота, республику, или Бурбоновъ. Еще ранѣе въ Труа въ разговорѣ съ ярымъ сторонникомъ Бурбоновъ, барономъ Витролемъ, Александръ сказалъ: «Если-бъ вы знали Бурбоновъ, то были бы убѣждены, что бремя такой короны слишкомъ тяжело для нихъ; быть можетъ, разумно организованная республика болѣе соотвѣтствовала бы французскому духу». Но теперь онъ не хотѣлъ высказаться ни за какую форму правленія, и когда Талейранъ, въ домѣ котораго остановился Александръ, такъ ловко повелъ интригу, что увѣрилъ союзниковъ въ желаніи всей Франціи возстановить Бурбоновъ на престолѣ, то и Александръ поймался на удочку, несмотря на его видимое нерасположеніе къ Бурбонамъ. Что касается до Наполеона, то послѣ его отреченія въ Фонтенебло Александръ предложилъ своему прежнему врагу сна-

чала великолѣпный и радушный приѣмъ въ Россіи, что, по его словамъ, было бы великимъ примѣромъ всему міру, а затѣмъ выбралъ ему резиденціей островъ Эльбу, на чемъ и настоялъ, несмотря на сопротивленіе Меттерниха. Но этимъ не окончились заботы Александра; ему выпало на долю еще принять участіе въ дарованіи Франціи конституціи. Сенатъ выработалъ эту конституцію и постановилъ, что Людовикъ XVIII будетъ провозглашенъ королемъ по принесеніи имъ присяги конституціи, но Людовикъ не хотѣлъ этому подчиниться, и Александръ выѣхалъ къ нему на встрѣчу въ Компьень, чтобъ уговорить его сдѣлать необходимыя уступки либеральнымъ идеямъ, даровавъ Франціи свободныя учрежденія, но ему это не удалось, и король принялъ его очень холодно, даже предложилъ ему стулъ, хотя самъ сидѣлъ на креслѣ, что очень оскорбило до тонкости вѣжливаго императора. Но онъ не хотѣлъ помириться съ этой неудачей и прямо увѣдомилъ короля, что тотъ не можетъ вѣхать въ Парижъ иначе, какъ принявъ сенатскую конституцію или въ крайнемъ случаѣ подписавъ декларацію о даруемыхъ имъ народу правахъ. Людовикъ выбралъ послѣднее, и его отношенія къ Александру еще болѣе обострились. Такъ, прибывъ въ Парижъ и завидуя популярности русскаго государя среди парижскаго населенія, дѣйствительно носившаго его на рукахъ, но очень холодно относившагося къ новому королю, Людовикъ сталъ называть императора «Королькомъ Парижа», и когда на торжественномъ обѣдѣ въ Тюльери лакей подаль прежде всего блюдо Александру, то онъ грозно закричалъ: «Мнѣ первому». Говоря впослѣдствіи объ этомъ обѣдѣ, государь замѣтилъ: «Мы, сѣверные варвары, болѣе вѣжливы у себя дома. Людовикъ XVIII во время своего наибольшаго могущества не принялъ бы меня иначе; можно было бы подумать, что онъ возвратилъ мнѣ мой утраченный престолъ. Его приѣмъ произвелъ на меня то же впечатлѣніе, какъ ушатъ холодной воды, который бы мнѣ вылили на голову». Неудивительно, что послѣ такихъ отношеній къ нему Бурбоновъ, которые въ сущности ему одному были обязаны своимъ возвращеніемъ на престолъ, онъ громко говорилъ въ высшемъ парижскомъ обществѣ, которое охотно посѣщалъ, въ особенности салонъ г-жи Сталь: «Эти люди никогда не сумѣютъ удержаться. Они не исправились и неисправимы, а попрежнему полны предразсудковъ стараго режима. Либеральные взгляды лишь у одного герцога Орлеанскаго; на прочихъ нечего надѣяться».

Обнаруживъ въ продолженіе двухъ кампаній 1813 и 1814 годовъ еще бѣольшую твердость въ достиженіи своей цѣли, чѣмъ даже въ отечественную войну, Александръ въ Парижѣ выказалъ не разъ свою обычную двойственность. Такъ, съ одной стороны, онъ поддерживалъ либеральныя стремленія лучшихъ людей Франціи, что заставляло г-жу Сталь восклицать: «Что за человекъ Александръ! Безъ него мы не имѣли бы ничего похожаго на конституцію»; въ

Князь Меттернихъ,
Съ гравюры Козенса, сдѣланной съ портрета Лауренса.

разговорахъ съ Лагарпомъ, княземъ Чарторижскимъ, Костюшкой и другими поляками, онъ обѣщалъ возстановить Польшу и даровать ей свободныя учрежденія; Лафайету онъ говорилъ, что на предстоящемъ европейскомъ конгрессѣ потребуетъ уничтоженія невольничества и прибавилъ: «За главою страны, въ которой существуетъ крѣпостничество, не признаютъ права явиться посредникомъ въ дѣлѣ освобожденія невольниковъ, но каждый день я получаю хорошія вѣсти о внутреннемъ состояніи моей имперіи, и съ Божьей помощью крѣпостное право будетъ уничтожено еще въ мое царствованіе»; наконецъ, видя реакціонныя и антипатріотическія мѣры Талейрана, продававшаго ради своего честолюбія и отечество и друзей, онъ рассорился съ нимъ, переѣхалъ изъ его дома въ Елисейскій дворецъ и при отъѣздѣ изъ Парижа отказалъ ему въ прощальной аудіенціи. Но съ другой стороны онъ многими своими поступками далъ ясно предчувствовать, что въ немъ пробуждается будущій творецъ священнаго союза и рыцарь меттернихо-аракчеевской реакціи. Онъ, по его собственнымъ словамъ, «совершилъ тризну по царственной жертвѣ буйства народнаго и на мѣстѣ, гдѣ палъ кроткій и добрый Людовикъ XVI, принесъ совокупную, очистительную молитву Господу», отслуживъ при всемъ войскѣ церковную службу; а, покидая Францію, онъ высказалъ глубокое убѣжденіе, что на развалинахъ революціи нельзя основать прочнаго порядка. Среди веселой парижской жизни, въ виду наступленія страстной недѣли, онъ пожелалъ говѣть и не только самъ совершилъ этотъ религіозный обрядъ, но и распорядился, чтобъ говѣли вмѣстѣ съ нимъ все войско, а впоследствии онъ рассказывалъ князю Голицыну: «Душа моя тогда таяла въ безпредѣльной преданности къ Господу, сотворившему чудо своего милосердія; эта душа жаждала уединенія, субботаствованія; сердце мое порывалось пролить передъ Господомъ все чувствованія мои. Промыслъ все, такъ сказать, милости излилъ на меня отъ своей десницы; онъ ниспослалъ мнѣ возможное спокойствіе къ исполненію священнаго долга, и никогда съ такимъ удобствомъ я не говѣлъ, какъ въ многолюдной столицѣ Франціи». Забывая все трудности, перенесенныя русскими войсками, доставившими ему славу освободителя Европы, Александръ подвергалъ своихъ солдатъ многочисленнымъ испытаніямъ, лишеніямъ и непріятностямъ; такъ, по словамъ Н. Н. Муравьева, «во все время пребыванія русскихъ въ Парижѣ часто дѣлались парады, и солдатамъ было болѣе трудовъ, чѣмъ на походѣ; побѣдителей морили голодомъ и держали, какъ бы подъ арестомъ въ казармахъ, а парижской національной гвардіи было приказано государемъ брать нашихъ солдатъ подъ арестъ, когда ихъ встрѣчали на улицахъ, отчего происходили драки; офицеры также имѣли своихъ притѣснителей въ лицѣ генерала Сакена, военнаго губернатора Парижа, и Рошшуара, коменданта, которые всегда держали сторону французомъ, а русскимъ офицерамъ дѣлали всякія непріятности, что вызывало про-

тивъ Александра ропотъ среди войскъ. Наконецъ, разставаясь въ Парижѣ съ Аракчеевымъ, который не покидалъ его во все время борьбы съ Наполеономъ, а теперь былъ уволенъ въ отпускъ для поправленія здоровья, государь выразилъ ему въ письмѣ такія исключительныя дружескія чувства, что, по мѣткому выраженію г. Шильдера, въ нихъ видно, «что для будущаго преобладающаго государственнаго значенія Аракчеева уже была подготовлена почва, оставшаяся пока тайной для лицъ, не посвященныхъ въ значеніе этой роковой дружбы для грядущихъ судебъ Россіи». «Съ крайнимъ сокрушеніемъ я разстался съ тобою,— писалъ Александръ,— прими еще разъ всю мою благодарность за столь многія услуги, тобою мнѣ оказанныя и которыхъ воспоминаніе на вѣкъ останется въ душѣ мой. Я скученъ и огорченъ до крайности; я себя вижу послѣ 14-лѣтняго тяжкаго управленія, послѣ двухлѣтней разорительной и опаснѣйшей войны, лишеннымъ человѣка, къ которому моя довѣренность была неограничена; всегда я могу сказать, что ни къ кому я не имѣлъ подобной, и ничье удаленіе мнѣ столь не тягостно, какъ твое. На вѣкъ твой вѣрный другъ».

Покончивъ всѣ дѣла въ Парижѣ, Александръ посѣтилъ Лондонъ, гдѣ его ожидалъ самый восторженный пріемъ, и тутъ, на излюбленной почвѣ политической свободы, снова взяли въ немъ верхъ либеральныя стремленія. Онъ сблизился съ вигами, находившимися тогда въ оппозиціи, такъ какъ министерство было торійскимъ, что очень не нравилось принцу-регенту, которому государь, видимо, не сочувствовалъ, а его благоволеніе къ честной и благонамѣренной оппозиціи такъ было велико, что въ разговорѣ съ лордомъ Греемъ онъ сказалъ, что озаботится вызвать въ Россіи къ жизни «ядро оппозиціи». По словамъ Меттерниха, въ его мемуарахъ, это очень удивило англійскаго вига, и онъ замѣтилъ въ разговорѣ съ австрійскимъ дипломатомъ: «Государь думаетъ создать въ Россіи парламентъ? Но если онъ имѣетъ это намѣреніе, ему нечего заботиться о созданіи оппозиціи—она явится сама собою». Хотя, вернувшись въ Россію, Александръ не исполнилъ своего намѣренія, но на первыхъ порахъ обнаруживалъ прогрессивныя идеи, обѣщалъ полякамъ возстановленіе ихъ родины на самыхъ либеральныхъ основахъ и не согласился подписать составленнаго Шишковымъ милостиваго манифеста по случаю отечественной войны, потому что въ немъ говорилось о крѣпостномъ правѣ, какъ объ учрежденіи, основанномъ на обоюдной пользѣ дворянъ и крестьянъ. «Я не могу подписать того, что противно моей совѣсти, и съ чѣмъ я нимало не согласенъ»,—воскликнулъ императоръ, весь вспыхнувъ, и вычеркнулъ взволновавшую его фразу такимъ рѣшительнымъ движеніемъ руки, что Шишковъ, несмотря на свое упрямство и смѣлость, не посмѣлъ сказать ни слова. Но, какъ всегда, въ Александрѣ проявилось и тутъ противочувствіе. Онъ самъ ввелъ въ этотъ манифестъ слова, предвѣщав-

шія «дарованіе осѣдлости воинамъ и присоединеніе къ нимъ ихъ семействъ», т. е. устройство военныхъ поселеній, этого новаго бѣдствія для русскаго народа и особаго вида крѣпостничества. Конечно, создатель этого плана былъ немедленно вызванъ изъ Грузина, гдѣ онъ отдыхалъ, и въ письмѣ къ нему объ этомъ государь говоритъ: «Пора, кажется, намъ приняться за дѣло». Это дѣло было устройство внутреннихъ дѣлъ Россіи, какъ прямо сказалъ государь Державину, который явился во дворець, чтобы поздравить его съ одержаннымъ успѣхомъ. «Да, Гавріиль Романовичъ,—произнесъ Александръ,—мнѣ Господь помогъ устроить внѣшнія дѣла Россіи, теперь примусь за внутреннія, но нѣтъ людей». «Они есть, ваше величество,—отвѣчалъ поэтъ,—но они въ глуши, ихъ искать надобно; безъ добрыхъ и умныхъ людей и свѣтъ не стоялъ бы». «Но, по замѣчанію г. Шильдера, Александръ не намѣревался искать новыхъ сотрудниковъ для предстоящей трудной работы. У него уже былъ избранъ суровый дѣлецъ, предназначенный имъ для приведенія въ порядокъ и для управленія внутренними дѣлами имперіи—графъ Аракчеевъ. Быстрыми шагами приближалось то печальное время, когда усталый побѣдитель Наполеона долженъ былъ скрыться за мрачной фигурой гатчинскаго капрала».

Въ Петербургѣ Александръ долго не оставался; скромно отказавшись отъ титула «Благословеннаго» и памятника, предложенныхъ ему синодомъ, сенатомъ и государственнымъ совѣтомъ, а также отклонивъ пышныя торжества, которыми столица хотѣла праздновать его побѣды, онъ отправился въ Вѣну на конгрессъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ въ помѣстье Чарторижскихъ, Пулавы, очаровалъ собранныхъ тамъ поляковъ и сказалъ имъ: «Я горячо желаю осчастливить васъ и работаю для этой цѣли, но нужны терпѣнье и вѣра въ меня. Въ 1812 году я не могъ противиться могущественному напору непріятеля, но рѣшилъ бороться; морозъ и голодъ помогли мнѣ, и Богъ наказалъ Наполеона. Теперь меня больше всего занимаетъ Польша. Ёду на конгрессъ, чтобы работать для нея, но надо двигать дѣло постепенно. У Польши три врага: Пруссія, Австрія и Россія, и одинъ другъ—это я. Если бы я хотѣлъ присоединить Галицію, пришлось бы сражаться. Пруссія соглашается возстановить Польшу, если ей отдадутъ часть Великой Польши. А я хочу отдать польскимъ провинціямъ 12 милліоновъ жителей. Составьте себѣ хорошую конституцію и сильную армію, и тогда посмотримъ».

IV.

Вѣнскій конгрессъ, картину котораго мастерски рисуеъ г. Шильдеръ, представлялъ поразительную трагикомедію. Съ внѣшней стороны это было блестящее собраніе государей, министровъ, дипломатовъ; балы, маскарады, торжественныя обѣды, фейерверки, карусели,

охоты, парады, пикники, быстро смѣняли другъ друга. Но, по выраженію остроумнаго принца де Липе, «конгрессъ танцоваль, но не шель впередъ». Императоръ Францъ и король прусскій не принимали никакого участія въ дѣлахъ конгресса; первый добродушно разыгрывалъ роль гостепріимнаго хозяина, а послѣдній красовался въ гусарскомъ мундирѣ, Александръ очаровывалъ всѣхъ своей кра-

Баронесса Крюднеръ.

Съ гравированнаго портрета Пфенингера.

сотою, предупредительностью и любезнымъ обращеніемъ, хотя возстановлялъ противъ себя мелкихъ владѣтельныхъ князей Германіи, тѣмъ, что оказывалъ имъ менѣе вниманія, чѣмъ простому швейцарскому ландману или хорошенькой горожанкѣ Вѣны. Но въ сущности онъ былъ душою конгресса и никакъ не могъ помириться съ происходившими между иностранными дипломатами интригами. Съ разу первое мѣсто заняли хитрые, ловкіе Талейранъ и Меттернихъ. Вся суть переговоровъ вертѣлась на одномъ вопросѣ: именно на

уступкѣ Россіи Варшавскаго герцогства, а Пруссіи—Саксоніи. На этомъ настаивалъ Александръ и не понималъ, какъ могли ему въ этомъ отказывать его союзники, для которыхъ онъ сдѣлалъ столько. «Людская благодарность,—говорилъ онъ тогда,—также рѣдко встрѣчается, какъ бѣлый воронъ». Дѣйствительно, представитель возведеннаго имъ на престолъ Людовика XVIII явился главнымъ врагомъ Россіи, и къ нему присоединился не только Меттернихъ, съ которымъ Александръ находился въ враждебныхъ отношеніяхъ еще съ кампаніи 1813 и 1814 г., но даже уполномоченный Англій, лордъ Кастельри. Дѣло дошло съ одной стороны до заключенія тайнаго наступательнаго союза между Австріей, Франціей и Англіей противъ Россіи и Пруссіи, такъ какъ послѣдняя оставалась вѣрною Александру, въ виду дружескихъ отношеній къ нему короля, хотя Гарденбергъ не прочь былъ также разыграть роль измѣнника, а съ другой до открытой размолвки Александра съ Меттернихомъ. Выведенный изъ терпѣнія вѣчными интригами и коварствомъ австрійскаго дипломата, государь сталъ обращаться съ нимъ такъ рѣзко и высокомерно, что Меттернихъ заявилъ ему о невозможности при такихъ условіяхъ продолжать участіе въ конгрессѣ и, желая отомстить, намекнулъ Гарденбергу, что Александръ болѣе заботится о польскомъ, чѣмъ о саксонскомъ вопросѣ. Когда же узналъ объ этомъ государь, то онъ прямо сказалъ императору Францу, что считаетъ себя оскорбленнымъ Меттернихомъ, и вызоветъ его на дуэль. На что Францъ отвѣчалъ, что если государь будетъ настаивать на своемъ намѣреніи, то, конечно, Меттернихъ не откажется дать ему должное удовлетвореніе, но что слѣдовало бы предварительно объясниться. Это объясненіе было возложено Александромъ на генераль-адъютанта Ожаровскаго, и Меттернихъ оправдывался глухотой Гарденберга, не понявшаго его словъ. Конечно, вопросъ о поединкѣ былъ устраненъ, но государь не простилъ Меттерниху его выходки, пересталъ бывать въ его домѣ и даже, встрѣчаясь съ нимъ, почти ежедневно на вечерахъ и балахъ, дѣлалъ видъ, что его не замѣчаетъ.

Все это продолжалось пять мѣсяцевъ и такъ дѣйствовало на Александра, что, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, онъ совершенно измѣнился. Самые близкіе люди, издавна его окружавшіе, съ трудомъ могли его узнать. Отбросивъ прежнюю нерѣшительность, робость, кротость и мягкосердечіе онъ сталъ очень рѣзокъ; презрительная улыбка постоянно играла на его лицѣ, скрытность заступила мѣсто откровенности. Онъ началъ обращать врожденную ему проницаемость на то, чтобы открывать у всѣхъ пороки, слабости, пагубныя намѣренія, а окружающіе перестали довѣрять его ласкамъ, если послѣднія онъ кому либо изъ нихъ оказывалъ, и простонародное слово «надувать» сдѣлалось общимъ при дворѣ. Императоръ началъ обращаться съ своими генералами и дипломатами, не какъ съ совѣтниками, а какъ съ исполнителями его воли, и они стали его бояться, какъ слуги

своего господина. Трудно сказать, чѣмъ кончилось бы такое натянутое положеніе политическихъ дѣлъ и личныхъ чувствъ Александра, если бы неожиданная вѣсть о возвращеніи во Францію Наполеона съ острова Эльбы не произвела мгновенной коренной переменѣны во всемъ, что происходило тогда въ Вѣнѣ. Первый узналъ объ этомъ Меттернихъ и по приказанію императора Франца тотчасъ явился къ Александру, чтобъ объяснить о случившемся и о готовности Австріи тотчасъ двинуть свои войска во Францію.

Вотъ какъ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ Меттернихъ объ этомъ свиданіи, первомъ послѣ ихъ размолвки. «Государь высказался съ большимъ спокойствіемъ, какъ и его августѣйшій союзникъ. Намъ не пришлось долго обсуждать мѣры, которыя слѣдовало принять; рѣшеніе послѣдовало быстрое и категоричное. Уладивъ это дѣло, императоръ сказалъ мнѣ: «Намъ остается еще окончить личную распрю. Мы оба христіане; наша святая вѣра заповѣдуетъ намъ прощать обиды. Обнимемъ другъ друга, и пусть все будетъ предано забвенію». Я отвѣтилъ императору, что мнѣ съ своей стороны нечего прощать, но что мнѣ приходится позабыть неприятные случаи, что по всей справедливости и его величество находится въ такомъ же положеніи, а потому я не принимаю прощенія, но предлагаю все забыть. Императоръ обнялъ меня и отпустилъ съ просьбой возвратить ему прежнюю дружбу. Въ продолженіе нашихъ позднѣйшихъ многократныхъ сношеній ниразу не было рѣчи о томъ времени, когда мы ссорились. Наши отношенія не замедлили принять прежній искренній характеръ». Этого примиренія даже не могла нарушить присылка Александру Наполеономъ по возвращеніи въ Парижъ забытаго королемъ Людовикомъ XVIII въ своемъ кабинетѣ при поспѣшномъ его бѣгствѣ, секретнаго договора между Франціей, Австріей и Англіей. Получивъ этотъ важный документъ, доказывавшій измѣну и двуличность его союзниковъ, государь пригласилъ къ себѣ Меттерниха и при Штейнѣ предъявилъ ему бумагу. «Извѣстенъ ли вамъ этотъ документъ?»—спокойно спросилъ онъ, а когда хитрый дипломатъ, не измѣнившись въ лицѣ, хотѣлъ что-то сказать въ свое оправданіе, Александръ его перебилъ словами: «Меттернихъ, пока мы оба живы, объ этомъ предметѣ никогда не должно быть разговора между нами; теперь намъ предстоятъ другія дѣла. Наполеонъ возвратился, и поэтому нашъ союзъ долженъ быть крѣпче, нежели когда либо». Говоря это, онъ бросилъ бумагу въ каминъ, гдѣ пылалъ огонь, и дѣло было кончено. Съ Талейраномъ онъ также помирился, не упомянулъ ни однимъ словомъ о секретномъ договорѣ и сказалъ: «Нужно устранить взаимныя обвиненія, не возвращаться къ прошлому и заняться чистосердечно и съ пользою настоящимъ положеніемъ, не съ цѣлью отыскать причины, его вызвавшія, но имѣя въ виду помочь дѣлу».

Общій страхъ предъ Наполеономъ укрѣпилъ распатавшуюся коали-

цію, и душой ея снова сдѣлался Александръ. Онъ отвергъ всѣ предложенія Наполеона о примиреніи, и, по словамъ г. Шильдера, снова восторжествовала романтика. Александръ даже не воспользовался общимъ переполохомъ, чтобъ потребовать новыхъ уступокъ въ пользу Россіи, а явилъ примѣръ безкорыстнаго великодушія. По быстро теперь приведенному къ окончанію вѣнскому трактату, Россія увеличила свою территорію на 2.100 кв. миль съ 3.000.000 жителями, тогда, какъ на долю Австріи достались 2.300 кв. миль съ 9.000.000 жителями, а Пруссіи 2.317 съ 5.362.000 жителями. Относительно спорныхъ вопросовъ дѣло кончилось тѣмъ, что герцогство Варшавское присоединено къ Россіи, за исключеніемъ Познани, Бромберга и Торна, отошедшихъ къ Пруссіи, Кракова, объявленнаго вольнымъ городомъ, и соляныхъ копей Величко, отданныхъ Австріи, а Саксонія уступила Пруссіи почти всю Лузацію и часть Саксоніи. Александръ принялъ титулъ польскаго короля и предоставилъ себѣ право даровать новому государству то внутреннее устройство, которое признаетъ за благо; кромѣ того, всѣмъ полякамъ, русскимъ, австрійскимъ и прусскимъ, было предположено дать народное представительство и національныя государственныя учрежденія. «Если,—писалъ Александръ графу Огинскому, президенту польскаго сената:—великій интересъ всеобщаго спокойствія не допустилъ, чтобъ всѣ поляки были соединены подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ, то я по крайней мѣрѣ старался смягчить насколько возможно суровость ихъ разъединенія и доставить имъ повсюду возможное пользованіе ихъ національностью».

Прежде чѣмъ начались военныя дѣйствія съ Франціей, въ которыхъ русскимъ войскамъ не пришлось участвовать, въ жизни Александра произошло важное событіе. Въ Гейльбронѣ, гдѣ расположена была русская главная квартира, онъ впервые увидалъ баронессу Юліану Крюднеръ, и такъ давно совершавшійся въ его нравственномъ существованіи переломъ достигъ своего конечнаго развитія: эта замѣчательная женщина, превратившаяся изъ веселой свѣтской дамы въ мистическую шегистку, всюду проповѣдовала обращеніе невѣрующихъ на путь истины, причемъ, подобно Людовику XIV, говорившему: «государство—это я!», она гордо заявляла: «небо—это я». Въ 1814 г. она познакомилась въ Карлсруэ съ фрейлиной Р. С. Стурдвой и поставила себѣ цѣлью сближеніе съ Александромъ, о религіозномъ настроеніи котораго ей было извѣстно. Во время вѣнскаго конгресса она часто переписывалась съ Р. С. Стурдвой, и въ своихъ письмахъ постоянно твердила о желаніи увидѣться съ Александромъ, которому она будто бы имѣла многое сказать. Узнавъ объ этомъ, государь приказалъ написать, что встрѣча съ ней будетъ для него большимъ счастьемъ. Религіозныя стремленія Александра, возбужденныя поразившими его впечатлительную душу событіями отечественной войны, не могли, по словамъ г. Шильдера, удовлетвориться обычными церковными формами, и онъ искалъ въ религіи нѣчто другое. Разставшись съ

гуманными идеалами, которые до нѣкоторой степени воодушевляли его съ юныхъ лѣтъ, и, вступивъ на религіозную почву, онъ, по свойствамъ своего характера, и здѣсь руководствовался идеальными стремленіями, не разставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ съ присущею ему сентиментальною романтикой. Естественно, что при такомъ настроеніи онъ сталъ выражать склонность къ ученіямъ мистиковъ и пѣтистовъ, а пребываніе за границею представляло ему много удобныхъ случаевъ къ общенію съ ними. Въ Силезіи онъ посѣщаль общины моравскихъ братьевъ, въ Баденѣ бесѣдовалъ съ извѣстнымъ Юнгомъ-Шилингомъ, а въ Лондонѣ входилъ въ сношенія съ квакерами и библейскимъ обществомъ. Такимъ образомъ почва къ сближенію съ г-жей Крюднеръ была вполне подготовлена, тѣмъ болѣе, что возвращеніе Наполеона и необычайная легкость, съ которою Франція перешла отъ Бурбоновъ къ нему, возбудили въ его душѣ сильную борьбу. Народныя симпатіи, неожиданно обнаружившіяся во Франціи въ пользу ненавистнаго ему врага, возбудили въ немъ сомнѣніе въ правильности насильственной поддержки далеко несимпатичныхъ ему Бурбоновъ, и это сомнѣніе въ немъ старательно поддерживалъ Лагарпъ, который склонялся въ пользу новой либеральной имперіи. Среди такой-то душевной тревоги онъ впервые увидалъ г-жу Крюднеръ и при самой драматической обстановкѣ. Однажды къ Гейльбронѣ онъ искалъ утѣшенія въ уединенномъ чтеніи священнаго писанія, но, по его собственнымъ словамъ, «отуманенный разсудокъ не проникалъ въ смыслъ читаемаго», мысли его были безсвязны, сердце стѣнено. «Я оставилъ книгу,—разсказывалъ онъ впоследствии г-жѣ Р. С. Стурдзѣ объ этомъ знаменательномъ эпизодѣ его жизни,—и думалъ, какимъ бы утѣшеніемъ для меня въ подобную минуту была бесѣда съ сочувствующимъ мнѣ чело-вѣкомъ. Эта мысль напомнила мнѣ о васъ и о томъ, что вы говорили мнѣ о г-жѣ Крюднеръ, а также о желаніи, высказанномъ мною вамъ познакомиться съ нею. Гдѣ она теперь находится, спрашивалъ я себя, и какъ мнѣ повстрѣчаться съ нею? Никогда. Не успѣлъ я остановиться на этой мысли, какъ услышалъ стукъ въ дверь. Это былъ князь Волконскій; съ видомъ нетерпѣнія и досады онъ сказалъ мнѣ, что поневолѣ беспокоитъ меня въ такой часъ только для того, чтобы отдѣлаться отъ женщины, которая настоятельно требуетъ свиданія со мною, и назвалъ г-жу Крюднеръ. Вы можете судить о моемъ удивленіи? Мнѣ казалось, что это сновидѣнье. Такой внезапный отвѣтъ на мою мысль представился мнѣ не случайностью. Я принялъ ее тотчасъ же, и она, какъ бы читая въ моей душѣ, обратилась ко мнѣ съ сильными, утѣшительными словами, успокоившими тревожныя мысли, которыми я такъ давно мучился. Ея появленіе оказалось для меня благодѣяніемъ, и я далъ себѣ слово продолжать столь дорогое для меня знакомство».

Съ этой минуты бесѣды съ г-жей Крюднеръ сдѣлались для Александра душевною необходимою и хотя предметомъ ихъ были раскаянне въ грѣхахъ и общенне черезъ молитву съ Богомъ, но, призывая къ покаянню своего брата во Христѣ, «Крюднерша, конечно,—говорилъ въ послѣдствіи кн. А. Н. Голицынъ,—подкрѣпляла его развивавшуюся вѣру своими безкорыстными, опытными совѣтами». Когда вмѣстѣ съ главной квартирой государь переѣхалъ въ Гейдельбергъ, то и г-жа Крюднеръ поселилась тамъ, недалеко отъ дома, занимаемаго императоромъ, и онъ проводилъ у нея большую часть своихъ вечеровъ, слушая ея наставленія и откровенно выливая передъ нею всю свою душу. Въ этихъ бесѣдахъ принималъ участіе сотрудникъ г-жи Крюднеръ, Эмпетайзъ, которому Александръ однажды сказалъ: «Я могу увѣрить васъ, что часто, когда мнѣ случалось бывать въ трудныхъ обстоятельствахъ, я всегда выходилъ изъ нихъ молитвой. Я скажу вамъ нѣчто, что чрезвычайно удивило бы всѣхъ, если бъ было извѣстно, когда въ совѣщаніяхъ съ министрами, далеко не имѣющими моихъ принциповъ, они оказываются противоположныхъ мнѣній, то я вмѣсто того, чтобъ спорить, творю внутреннюю молитву, и мало по-малу они приближаются къ принципамъ челоуѣколюбія и справедливости». Подъ вліяніемъ г-жи Крюднеръ, Александръ сталъ искать въ св. писаніи отвѣтовъ на свои сомнѣнія относительно политическихъ дѣлъ, и, рассказываетъ Эмпетайзъ, «7-го іюня онъ читалъ 35-й псаломъ, а вечеромъ онъ намъ сказалъ, что этотъ псаломъ разсѣялъ въ его душѣ всѣ оставшіяся у него безпокойства относительно успѣха войны; отнынѣ онъ убѣжденъ, что дѣйствовалъ согласно съ волей Божіей». Однако эти душеспасительныя бесѣды не мѣшали Александру заниматься приготовленіями къ войнѣ и проявлять удивительную строгость въ мелочахъ. Ахтырскій полкъ онъ нашелъ, напримѣръ, въ отличномъ порядкѣ, но замѣтилъ, что нѣкоторые унтеръ-офицеры употребляли противъ положенія серебряныя уздечки; другіе гусарскіе полки онъ хулилъ за то, что на киверахъ у солдатъ султаны были не довольно прямы, а найдя въ артиллеріи 9-й пѣхотной дивизіи сбрую въ худшемъ положеніи, чѣмъ у исправнаго извозчика, приказалъ командиру роты служить за младшаго офицера въ продолженіе всего похода.

Этотъ походъ, какъ извѣстно, былъ непродолжительный и почти безкровный, такъ какъ произошло лишь два столкновенія съ французами, у Шалона и Меда, но въ продолженіе его государь самъ предводительствовалъ всей арміей, а Барклай только объявлялъ его повелѣнія. Битва подъ Ватерлоо и второе отреченіе Наполеона положили конецъ этой военной прогулкѣ. Александръ поспѣшилъ въ Парижъ, гдѣ Людовикъ XVIII уже встрѣтилъ его гораздо любвеубѣ и скромнѣе. Прибытіемъ своимъ государь положилъ конецъ гибельнымъ для Франціи выходкамъ союзниковъ, не дозволивъ Блюхеру

взорвать Тенскій мостъ и помѣшалъ расчленивъ Францію, какъ уже собирались союзники. Но ему очень понравилось, что Велингтонъ самъ училъ десятки рекрутовъ на парижскихъ Елисейскихъ поляхъ и потому онъ сталъ примѣнять къ русской арміи чрезмѣрно строгія мѣры, а за самое малѣйшее нарушеніе дисциплины подвергалъ офицеровъ аресту на англійскихъ гауптвахтахъ. Вообще Александръ становился очень суровъ и часто сердился; такъ однажды онъ сказалъ князю Волконскому, что уплететь его въ такое мѣсто, которое князь не найдетъ на картахъ. Это настроеніе повидимому не ослабляли, а усиливали душеспасительныя бесѣды съ госпожей Крюднеръ, которая прибыла также въ Парижъ. Какъ въ Германіи, онъ проводилъ у нея большую часть своихъ вечеровъ въ чтеніи священнаго писанія, молитвъ и духовныхъ собесѣдованіяхъ. Образъ его жизни совершенно измѣнился, и хотя иногда онъ посѣщалъ общество, но не бывалъ на балахъ и на спектакляхъ, которые, по словамъ Крюднеръ, производили на него впечатлѣніе похоронъ. Вліяніе этой женщины достигло въ это время своего апогея, и по мѣткому выраженію г. Шильдера, «почести, оказываемыя Людовикомъ XIV г-жѣ Ментенонъ въ компьенскомъ лагерѣ, не превосходили того почтенія, которое оказалъ умиротворитель Европы г-жѣ Крюднеръ на парадѣ русской арміи въ Вергю». Еще болѣе доказалъ Александръ свое уваженіе къ г-жѣ Крюднеръ, давъ ей на просмотръ написанный имъ собственноручно проектъ знаменитаго священнаго союза. Придя однажды къ ней, онъ сказалъ: «я покидаю Францію, но до своего отъѣзда хочу публичнымъ актомъ воздать Богу Отцу, Сыну и Святому Духу хвалу, которою мы обязаны Ему за оказанное намъ покровительство, и призвать народы стать въ повиновеніе Евангелію. Я принесъ вамъ проектъ этого акта и прошу васъ внимательно рассмотретьъ его, и если вы не одобрите въ немъ какого нибудь выраженія, то укажите мнѣ его. Я желаю, чтобъ императоръ австрійскій и король прусскій соединились со мною въ этомъ актѣ богопочитанія, чтобъ люди видѣли, что мы, какъ восточные волхвы, признаемъ верховную власть Бога Спасителя».

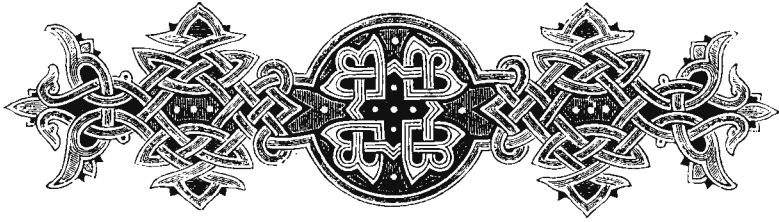
Священный союзъ обязывалъ его членовъ 1) пребывать соединенными неразрывными узами братской дружбы, оказывать другъ другу помощь и содѣйствіе и управлять подданными въ томъ же духѣ братства для охраненія правды и мира; 2) почитать себя членами единого христіанскаго народа; 3) приглашать всѣ державы къ вступленію въ священный союзъ и 4) руководствоваться въ внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлахъ заповѣдями Св. Евангелія. Король прусскій охотно подписалъ актъ священнаго союза, какъ составленный въ томъ же духѣ, которымъ отличалась знаменитая сцена клятвы на гробницѣ Фридриха Великаго, а хотя императоръ Францъ сдѣлалъ то же, однако съ меньшимъ энтузіазмомъ, но зато Меттернихъ

понялъ, что этотъ священный союзъ можетъ сдѣлаться въ его рукахъ орудіемъ задуманной имъ огульной реакціи. Возвратясь въ Петербургъ, черезъ Варшаву, гдѣ его приняли съ восторгомъ, какъ конституціоннаго польскаго короля, Александръ приказалъ прочесть во всѣхъ церквахъ актъ священнаго союза.

Переломъ въ жизни «человѣка на тронѣ» совершился, и, по выраженію г. Шильдера, «съ 1816 года Россіи предстояло вступить на новый политическій путь — апокалиптическій; отнынѣ въ дипломатическихъ документахъ, относящихся къ этой эпохѣ, вмѣсто ясно преслѣдуемыхъ политическихъ цѣлей, встрѣчаются уже тайныя толкованія о геенѣ зла, побѣжденной Провидѣніемъ, о глаголѣ Всевышняго, о словѣ жизни. Идеаломъ же государственныхъ дѣятелей того времени, стоявшихъ у дѣлъ, сдѣлалась какая-то неопредѣленная теологическо-патріархальная монархія. На Европу опускалась темная завѣса сплошной реакціи».

В. Тимирязевъ.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ МАЛЕНЬКОЙ МОНАРХИИ ¹⁾.

IX.

ИЛИУ Окалани уже было около 60-ти лѣтъ, когда она вступила на престоль. Первые же мѣсяцы новаго царствованія ознаменовались такими событіями въ придворной жизни, которыя окончательно скомпрометировали монархію, воочію показавъ ея полную несостоятельность. Хороши были придворные и ближайшіе совѣтники покойнаго Калакауа, но фавориты новой королевы и ихъ перещеголяли.

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію этихъ «тайнъ гавайскаго двора», остановимся на другихъ факторахъ, играющихъ въ дѣлахъ паденія династій и монархій гораздо болѣе существенную роль, чѣмъ придворные скандалы. Въ данномъ случаѣ, такими факторами явились: вымираніе туземнаго племени, ростъ интеллигентнаго европейско-американскаго элемента Гавайи вообще и Гонолулу въ частности, огромное развитіе торговли страны, приливъ сюда иностранныхъ капиталовъ, вложенныхъ въ нѣкоторыя изъ отраслей мѣстной промышленности, широкая иммиграція разныхъ европейскихъ и азиатскихъ народностей и, какъ слѣдствие всего этого, совершенное измѣненіе фizioноміи страны; наконецъ—близость ея къ Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки и удаленность отъ всего остальнаго міра.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXI, стр. 334.

Официальная перепись 1832 года дала 130.000 душ населения Гавайи. Ценз 1860 года показавъ уже всего 70.000 душъ. Въ 1872 году собственно туземцевъ было только 57.000 человекъ. Мы имѣемъ здѣсь, слѣдовательно, дѣло съ настоящимъ вымираніемъ племени, идущимъ впередъ съ ужасающей быстротой. Къ концу 1895 года населеніе Гавайи, въ круглыхъ цифрахъ, было слѣдующее: туземцевъ 40.000 душъ, японцевъ 24.000, китайцевъ 15.000, португальцевъ 13.000, другихъ европейцевъ и американцевъ 7.000, полинезийцевъ 1.000, всего 100.000 человекъ. Такимъ образомъ, въ то время какъ уменьшеніе коренныхъ обитателей Гавайи шло постоянно впередъ, иностранный элементъ ея, начиная съ 1853 года, когда онъ впервые появился въ цифрахъ мѣстной переписи, выросъ такъ, что далеко опередилъ элементъ туземный. Особенно измѣнились и составъ населенія и видъ столицы острова. Сентябрьская перепись 1895 года дала собственно для города Гонолулу слѣдующія цифры: туземцевъ 10.500, китайцевъ 7.500, японцевъ 2.100, португальцевъ 3.800, другихъ европейцевъ и американцевъ 4.200, всего 28.000 человекъ.

Въ 1875 году стоимость всего иностраннаго ввоза въ Гавайю простиралось до 3-хъ милліоновъ рублей. Стоимость вывоза была 4.100.000 р. Въ 1894 г. ввозъ въ Гавайю выразился цифрою 11.400.000, вывозъ—19.400.000 рублей. Главную массу вывоза составили произведенія самой страны, причемъ на долю сахара пришлось безъ малаго 17.000.000 рублей. Росту гавайской промышленности и торговли особенно посодѣйствовалъ трактатъ, заключенный въ 1876 г. между Гавайей и Соединенными Штатами, которымъ извѣстные продукты острововъ, въ томъ числѣ сахаръ, рисъ и фрукты, допущены къ ввозу въ Штаты беспошлинно. Этотъ трактатъ имѣлъ, во-первыхъ, большое вліяніе на ростъ земледѣльческой промышленности Гавайи, для которой былъ обезпеченъ имъ обширный и богатый рынокъ, и во-вторыхъ, чрезвычайно важное политическое значеніе, положивъ прочное начало объединенію интересовъ обѣихъ сосѣднихъ странъ. Подъ вліяніемъ этого трактата, производство гавайскаго сахара, наприм., съ 96.000 пуд. въ 1876 г. увеличилось до 1 милл. пудовъ въ 1894 г., количество риса съ 56.000 пуд. до 280.000 пуд. и т. д.

Сахарное дѣло въ Гавайѣ представляетъ въ настоящее время наиболѣе выгодное помѣщеніе для капиталовъ и занимаетъ значительное количество рабочихъ рукъ (не менѣе 23.000 челов.).

По даннымъ 1893 года, количество капиталовъ, вложенныхъ американцами въ различныя торгово-промышленныя предпріятія въ Гавайѣ, равнялось 52.000.000 рублей; англійскихъ капиталовъ было почти 14.500.000, нѣмецкихъ — 4.000.000, туземныхъ — 1.300.000, китайскихъ — 600.000, португальскихъ — 100.000, всѣхъ другихъ національностей вмѣстѣ 800.000, всего 73.700.000 р.

Всѣ эти цифры говорятъ одно: старая Гавайя умерла, новая — все, что угодно, только не Гавайя, Кука и Ванкувера; 60 проц. ея населенія — пришлый элементъ; остальные 40 проц., составляющіе первоначальныхъ аборигеновъ страны, обречены на неизбежную смерть въ самомъ недалекомъ будущемъ. Исключивъ изъ пришлаго элемента китайцевъ, японцевъ, португальцевъ, этихъ представителей грубой, чисто-физической силы, — рабочихъ на плантаціяхъ, ремесленниковъ и проч., — получимъ около $4\frac{1}{2}$ тыс. лицъ интеллигентнаго класса, принадлежащихъ къ наиболѣе передовымъ націямъ Европы и Америки, привыкшихъ издавна къ широкому пользованію политическими правами, желавшихъ и здѣсь принимать активное участіе въ дѣлахъ страны, которая для большинства ихъ стала второю родиной. Въ рукахъ этого класса сосредоточились почти всѣ капиталы страны; изъ среды его вышли всѣ выдающіеся люди Новой Гавайи. Сюда же надо причислить и обширную группу тѣхъ лицъ, которыя родились здѣсь отъ союзовъ между европейцами и туземцами, воспитывались въ школахъ, поставленныхъ на европейскую ногу, и которыхъ симпатіи, во всякомъ случаѣ, не въ прошломъ. Группа эта включаетъ въ себѣ не менѣе 10.000 душъ. Зная все это, не трудно было предвидѣть, что дни Гавайской монархіи сочтены, и что нуженъ только удобный случай, извѣстная комбинація и внѣшнихъ и внутреннихъ политическихъ силъ, для того, чтобы схоронить ее навсегда. Кто же долженъ былъ явиться наслѣдникомъ маленькой монархіи?

Японія давно уже облюбовала этотъ лакомый кусочекъ. Потокъ эмигрантовъ, которыхъ она посылала въ послѣдніе годы въ Гавайю, принялъ, наконецъ, такіе угрожающіе размѣры, что государственные люди страны принуждены были принять рядъ мѣръ, чтобы по возможности ограничить это нашествіе. Но всѣ подобныя мѣры явились бы, конечно, только жалкимъ палліативомъ, не прими политическія событія на Дальнемъ Востоку новаго оборота. Смуты въ Корей, предшествовавшія японско-китайской войнѣ, сама эта война и рядъ послѣдующихъ за ней событій, отвлекли вниманіе и Японіи и Европы отъ Гавайи, и этимъ историческимъ моментомъ чрезвычайно ловко воспользовалась группа американскихъ патріотовъ, для того, чтобы низвергнуть Гавайскую монархію и подготовить почву къ дѣйствительному присоединенію Гавайскихъ острововъ къ Соединеннымъ Штатамъ.

Мы уже говорили выше о томъ, какъ король Камеаеа III, въ виду дерзкихъ требованій, предъявлявшихся къ нему представителями Англии и Франціи, рѣшилъ было отдаться совсѣмъ Соединеннымъ Штатамъ. Съ тѣхъ поръ вопросъ объ этомъ не разъ возбуждался въ мѣстныхъ правительственныхъ сферахъ и въ царствованіе Камеаеа V подвергался самому серьезному обсужденію. Здѣсь, какъ и въ Америкѣ, шли тогда два теченія: одни стояли за

необходимость полного присоединения острововъ къ Штатамъ; другіе утверждали, что подобное присоединение вещь не желательная и лучше всего пока ограничиться заключеніемъ такого политическаго и торговаго трактата, которымъ бы интересы обѣихъ сосѣднихъ странъ, по возможности, были объединены.

Въ концѣ концовъ, сторонники заключенія трактата восторжествовали.

Интересно, между прочимъ, отмѣтить, что въ Америкѣ однимъ изъ самыхъ сильныхъ аргументовъ противниковъ присоединенія къ Штатамъ Гавайи служило и служить присутствіе въ составѣ населенія острововъ столь значительнаго числа жителей Востока, то-есть японцевъ и китайцевъ, въ дешевомъ трудѣ которыхъ чистокровный американецъ не даромъ видитъ самый опасный элементъ собственному благополучію.

Теперь вернемся опять къ королевѣ Лилиу-Окалани, которой суждено было видѣть гибель независимой Гавайской монархіи.

Вскорѣ по вступленіи на престолъ старой королевы, умеръ ея законный мужъ, американецъ Доминисъ, занимавшій постъ начальника острова Оагу и губернатора города Гонолулу. Королева приблизила къ себѣ нѣкоего Вильсона, уроженца острововъ Таити, и назначила его гофмейстеромъ съ большимъ окладомъ жалованья. Фаворитъ сдѣлался вскорѣ настоящимъ диктаторомъ страны.

Королева, считавшая свои права неограниченными, не признала министровъ, выбранныхъ законодательнымъ собраніемъ. Началась борьба между трономъ и парламентомъ. Дѣйствовавшая конституція не нравилась королевѣ. Ей понадобилась своя собственная конституція, и 14-е января 1893 года было назначено днемъ задуманнаго ею *coup d'état*. На призывъ королевы, дѣйствовавшей какъ будто отъ имени своего народа, толпа столичной черни окружила дворецъ. Ровно въ полдень, при помощи этой черни, законодательное собраніе должно было быть разогнано, и революціонный эдиктъ королевы обнародованъ.

Но тутъ случилось нѣчто неожиданное для инициаторовъ переворота: министры, которыхъ королева сама выбрала, которыхъ она сама назначила помощниками въ выполненіи задуманнаго плана, эти министры въ послѣдній моментъ отъ нея отступились. Оставленная всѣми, Лилиуокалани съ тоской и отчаяніемъ въ душѣ металась изъ угла въ уголокъ своего дворца, ища выхода изъ роковаго положенія; но попытка произвести государственный переворотъ, во всякомъ случаѣ, на этотъ разъ не удалась. Наконецъ, королева вышла на балконъ къ собравшемуся, возбужденному народу и объявила, что его содѣйствіе понадобится не теперь, а въ ближайшемъ будущемъ. Толпа разошлась.

Вечеромъ того же 14-го января, для всѣхъ мыслящихъ людей столицы стало ясно, что Гавайской монархіи наступилъ конецъ, и

что друзья порядка и закона должны позаботиться объ учрежденіи дѣйствительнаго правительства на мѣсто наступившаго смутнаго времени.

16-го января, въ Гонолулу состоялся большой митингъ. Явились всѣ, имѣвшіе вѣсь и положеніе въ обществѣ, цвѣтъ мѣстной интеллигенціи: журналисты, профессеры, учителя, священники, судьи, адвокаты, врачи, крупные собственники, банкиры, купцы. Всѣхъ этихъ людей объединяло одно чувство: желаніе прочнаго общественнаго порядка.

Митингъ, по единодушномъ осужденіи дѣйствій королевы, уполномочилъ «комитетъ общественной безопасности» найти пути и средства, которыя окажутся нужными для поддержанія закона и порядка и для охраны жизни, имущества и свободы гражданъ Гавайи.

«Комитетъ» тотчасъ же обратился къ посланнику Соединенныхъ Штатовъ съ просьбою приказать свезти на берегъ десантъ съ крейсера «Бостонъ», такъ какъ ночью могли вспыхнуть возстаніе и пожары; организованной же полиціи больше не существовало.

Населеніе Гонолулу находилось въ состояніи тоскливаго ожиданія, чѣмъ и какъ кончатся всѣ эти тревожныя событія. Американскій посланникъ пришелъ къ заключенію, что серьезность положенія требуетъ принятія съ его стороны рѣшительныхъ мѣръ, и 16-го января командиръ крейсера «Бостонъ» по требованію американскаго посланника приказалъ свезти десантъ «для охраны посольства, жизни и имущества американскихъ гражданъ и общественнаго порядка».

Американскія войска на берегу ни на одну іоту не отступили отъ буквы даннаго имъ предписанія. Они и пальцемъ не шевельнули ни для оказанія помощи павшей монархіи, ни для поддержки возникшаго временнаго правительства. Справедливость даннаго факта подтверждается всѣми официальными документами этого любопытнаго времени и всѣмъ ходомъ тогдашнихъ событій. Они шли безъ активнаго вмѣшательства американскихъ военныхъ силъ; но понятно, что присутствіе этихъ силъ, даже молчаливое и по наружному виду совершенно безстрастное, должно было играть и, конечно, сыграло роль могучаго фермента, которымъ обусловливался весь характеръ даннаго броженія.

Рано утромъ 17-го января, «комитетъ общественной безопасности» овладѣлъ главными правительственными зданіями и опубликовалъ длинную прокламацію, изъ которой мы приводимъ только конецъ:

- «1) Гавайская монархіа симъ уничтожается.
- «2) Для управленія страной и для охраны общественнаго спокойствія учреждается временное правительство. Правительство это будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока не будутъ выработаны условія союза Гавайи съ Соединенными Штатами Сѣверной Америки.
- «3) Это временное правительство образуютъ: а) исполнительный

совѣтъ изъ четырехъ членовъ, имена коихъ суть: Санфордъ Доль, Джемсъ Кингъ, Петеръ Джонсъ и Вильямъ Смисъ. Санфордъ Доль имѣетъ быть президентомъ совѣта министровъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ; остальные вступаютъ въ завѣдываніе министерствами: внутреннихъ дѣлъ, финансовъ и юстиціи; и в) совѣщательное собраніе изъ 14-ти членовъ, которые будутъ пользоваться и общою законодательною властью.

«4) Всѣ, служившіе при павшей монархіи, приглашаются продолжать исполнять свои обязанности, за исключеніемъ ея величества королевы Лильюокалани и ея министровъ, которые должны немедленно оставить занимаемыя ими должности».

О совершившихся событіяхъ чрезвычайной важности для маленькой страны временное правительство въ тотъ же день увѣдомило прежде всего посланника Соединенныхъ Штатовъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Гавайская монархія упразднена, вмѣсто нея учреждено временное правительство. О существованіи его страна уже поставлена въ извѣстность. Въ рукахъ временнаго правительства находятся зданія министерствъ и управленій, государственные архивы, казна и столица».

Вмѣстѣ съ тѣмъ временное правительство просило посланника признать именемъ Соединенныхъ Штатовъ Америки правительство Гавайскихъ острововъ существующимъ de facto и тѣмъ оказать ему нравственную поддержку.

Такъ какъ временное правительство было дѣйствительнымъ господиномъ положенія, то американскому посланнику ничего не оставалось, какъ признать его de facto существующимъ правительствомъ Гавайскихъ острововъ.

Представители другихъ державъ, которымъ были хорошо извѣстны всѣ обстоятельства, сопровождавшія возникновеніе временнаго правительства, не замедлили также признать его.

Спустя двѣ недѣли послѣ описанныхъ событій, по просьбѣ временнаго правительства, надъ его официальной резиденціей взвился флагъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Это было сдѣлано на основаніи слѣдующихъ соображеній:

Временное правительство существовало всего двѣ недѣли; постояннаго войска оно не имѣло; чиновники на разныхъ островахъ, назначенные еще во время монархическаго режима, послѣ перемѣны правительства не были смѣнены, и за ихъ поведеніе въ будущемъ нельзя было поручиться; въ городѣ охрану порядка ваяли на себя дѣловые люди, служившіе въ банкахъ, конторахъ, магазинахъ и другихъ общественныхъ учрежденіяхъ, дѣла которыхъ вслѣдствіе этого пришли въ разстройство; на то, чтобы создать и обучить хотя бы маленькую военную силу или дѣйствительную полицію, было слишкомъ мало времени; въ городѣ съ почти 30-ти тысячч-

нимъ разноразличнымъ и разноплеменнымъ населеніемъ можно было ожидать безпорядковъ и смутъ; въ самой столицѣ и на окрестныхъ плантаціяхъ находилось много японцевъ, служившихъ на своей родинѣ въ регулярныхъ войскахъ; опасались, какъ бы павшая королева не обратилась къ ихъ помощи; боялись возстанія; при всѣхъ этихъ условіяхъ единственную вѣрную надежду населенія составляли американскія морскія силы; предвидя возможность анархіи и кровопролитія и желая предупредить грозу, американскій представитель и рѣшилъ дѣйствовать энергично. Но были еще другія причины, вліявшія въ данномъ случаѣ на американскаго посланника. Втеченіе полувѣка, правительство Соединенныхъ Штатовъ принимало больше, чѣмъ какое либо другое изъ иностранныхъ государствъ, участіе во внутреннихъ дѣлахъ Гавайи. Мы уже говорили о тѣхъ попыткахъ, какія дѣлались, чтобы склонить Сѣверо-Американское правительство къ союзу или присоединенію Гавайскихъ острововъ къ Штатамъ, и посланнику было хорошо извѣстно, что мысль о присоединеніи не оставлена. Далѣе, на рейдѣ Гонолулу, во время описываемыхъ событій, стояло японское военное судно, и японскій посланникъ телеграфировалъ своему правительству о присылкѣ другого военнаго корабля, гораздо болѣе сильнаго, чѣмъ «Бостонъ». Ожидали еще прибытія англійскихъ военныхъ судовъ.

Посланникъ такимъ образомъ имѣлъ причины предполагать, а временное правительство опасаться, что иностранные представители другихъ государствъ тоже могутъ пожелать высадить на берегъ свои войска. Посланникъ и рѣшилъ, поэтому, поднять надъ Гавайей американскій флагъ, въ знакъ того, что Соединенные Штаты имѣютъ больше правъ установить здѣсь свой протекторатъ, чѣмъ кто либо другой. Этимъ актомъ предупреждалась, съ одной стороны, возможность какъ внутреннихъ смутъ, такъ и внѣшнихъ столкновеній.

При поднятіи американскаго флага представитель Америки заявилъ, что онъ отъ имени Соединенныхъ Штатовъ принимаетъ на себя защиту Гавайскихъ острововъ для охраны жизни и имущества ихъ жителей, но безъ вмѣшательства во внутреннія дѣла страны, которыми вѣдаетъ временное правительство, и что окончательное рѣшеніе вопросовъ, возникающихъ изъ даннаго положенія, переносится въ Вашингтонъ.

Семьдесятъ пять дней развѣвался надъ Гавайей флагъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ странѣ царили спокойствіе и полный порядокъ. Временное правительство могло спокойно заняться своими внутренними дѣлами; оно завело и вооружило собственное войско, организовало полицію, сомнительныхъ чиновниковъ замѣнило людьми, пользовавшимися его довѣріемъ; все мало-по-малу начало налаживаться. Когда совершались всѣ эти событія въ Гавайѣ, вновь из-

бренный президентъ Соединенныхъ Штатовъ Кливлендъ готовился вступить въ управление дѣлами, и извѣстіе о переворотѣ на островахъ застало его врасплохъ. Тѣмъ не менѣе, однако же, едва вступивъ въ Бѣлый Домъ, президентъ рѣшился на очень серьезный шагъ: возстановить сосѣднюю павшую монархію и возвратить престолъ Лильюокалани. Съ этою цѣлью Кливлендъ отправилъ въ Гонолулу полковника Блаунта для производства на мѣстѣ слѣдствія, нужнаго президенту, а затѣмъ другого чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Виллиса уже съ прямымъ порученіемъ реставрировать Гавайскую монархію.

XI.

Умѣнье, съ какимъ временное правительство вело дѣла Гавайи, достоинство, тактъ и удивительное спокойствіе, обнаруженныя президентомъ Додемъ въ обсужденіи вопроса, поднятаго гавайскими роялистами и официальными лицами Соединенныхъ Штатовъ, завоевали ему вскорѣ симпатіи Американскаго народа. Донесеніе министра Виллиса Вашингтонскому правительству объ истинномъ положеніи дѣлъ въ Гонолулу, его вѣрная характеристика людей, составляющихъ и поддерживающихъ временное правительство, и неохота, обнаруженная имъ въ проведеніи до конца мѣръ, рекомендованныхъ инструкціей, также много способствовали усиленію благоприятнаго для временнаго правительства общественнаго мнѣнія Америки и выработкѣ правильнаго взгляда на гавайскія дѣла.

Тѣмъ временемъ сенатъ Соединенныхъ Штатовъ официально поручилъ своей комиссіи по иностраннымъ дѣламъ произвести разслѣдованіе вопроса:

«Произошли ли какія либо неправильности въ дипломатическихъ или иныхъ сношеніяхъ Соединенныхъ Штатовъ съ Гавайей, въ виду недавней политической революціи въ этой странѣ?».

Комиссіи было разрѣшено пользоваться необходимыми документами и опрашивать всѣхъ лицъ, какихъ она найдетъ нужнымъ опросить. Она произвела длинное и тщательное слѣдствіе, причѣмъ выслушала множество свидѣтелей, которыхъ считала наиболѣе компетентными въ данномъ вопросѣ. Результатомъ слѣдствія явился обширный докладъ сенату предсѣдателя комиссіи Моргана, изъ котораго мы ограничимся одною только чрезвычайно характерною выдержкой:

«Если въ какомъ либо государствѣ западнаго полушарія падаетъ корона, она равсыпается въ прахъ; если скипетръ уходитъ изъ рукъ властителя, онъ уходитъ навсегда, и попытка всякаго американскаго правителя возстановить ихъ не можетъ встрѣтить поддержки со стороны общественнаго мнѣнія Америки, все равно

какъ бы ни казались добродѣтельны и искренни мотивы, оправдывавшіе такой образъ дѣйствій его».

Здѣсь все: и безповоротное осужденіе политики Кливленда въ Гавайскомъ вопросѣ, и полное признаніе законности временного правительства Гавайи.

4-го іюля 1894 года (въ день извѣстнаго великаго національнаго праздника Соединенныхъ Штатовъ) Гавайское государство было объявлено республикой, и президентомъ новорожденной республики явился, конечно, президентъ бывшаго временного правительства Доль.

Новая республика была вскорѣ признана Соединенными Штатами, а затѣмъ и представителями другихъ державъ.

Въ ноябрѣ того же года въ Санъ-Франциско однимъ лицомъ были куплены 80 револьверовъ, 300 винчестеровъ и 50.000 патроновъ, погружены на шкуну, привезены на островъ Оагу и здѣсь тайно зарыты въ песокъ близъ Вайкики. Все это оружіе, какъ потомъ оказалось, предназначалось для вооруженія нѣкоторой части туземнаго населенія, долженствовавшей играть активную роль въ готовившемся возстаніи въ пользу низвергнутой королевы. Руководители движенія рѣшили собрать массы туземцевъ въ окрестностяхъ Гонолулу и ночью двумя колоннами напасть на спящій городъ.

Мятежъ вспыхнулъ 7-го января, но 8-го былъ уже подавленъ. 14-го главные вожди возстанія находились въ рукахъ правительства; 16-го — арестована эксъ-королева.

Въ тотъ же день назначенъ военный судъ надъ измѣнниками, который 17-го и открылъ свои засѣданія. Засѣданія суда продолжались до конца февраля. Изъ слѣдствія выяснилось, что планъ возстанія былъ задуманъ мѣсяцевъ пять тому назадъ, что на собраніяхъ заговорщиковъ присутствовалъ секретарь эксъ-королевы, что на нихъ была выработана новая конституція, которую королева должна была подписать и обнародовать.

Допросъ королевы въ военномъ судѣ начался 5-го февраля и продолжался 4 дня. Она обвинялась въ «попустительствѣ къ государственной измѣнѣ». Королева все отрицала, но судъ призналъ ее виновною. Суду преданы были еще 190 лицъ; изъ нихъ трое приговорены къ смертной казни; другіе къ изгнанію, третьи къ болѣе легкимъ наказаніямъ; нѣсколько десятковъ человекъ были оправданы. Приговоръ суда пошелъ на утвержденіе президента, который значительно смягчилъ всѣ сентенціи. Никто не былъ казненъ. Наиболѣе виновнымъ предложено было покинуть страну. Королева получила полную свободу.

4-го іюня минувшаго 1897 года въ русскихъ газетахъ появилась слѣдующая телеграмма російскаго телеграфнаго агентства:

«Договоръ о присоединеніи Гавайскихъ острововъ къ Соединен-

нымъ Штатамъ подписанъ сегодня представителями обоихъ государствъ и внесенъ въ сенатъ. Острова безусловно отдають себя Соединеннымъ Штатамъ».

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сенаторъ Дольфъ въ одной изъ своихъ рѣчей въ американскомъ сенатѣ сказалъ между прочимъ слѣдующее: «Гавайя, говоря относительно, имѣетъ бѣльшее и гораздо болѣе интеллигентное американское населеніе, чѣмъ любая изъ нашихъ территорій въ моментъ ея присоединенія къ Штатамъ, начиная отъ Флориды и кончая Аляской. Ея гражданскія учрежденія, ея социальная и промышленная организація похожи на наши въ гораздо бѣльшей степени, чѣмъ походили на нихъ учрежденія всякаго другого территоріальнаго нашего приобрѣтенія на всемъ протяженіи исторіи Соединенныхъ Штатовъ. Гавайя — существенно американская территорія, которой недостаетъ только официального объявленія, чтобы сдѣлать ее формально тѣмъ, чѣмъ она есть въ дѣйствительности: Гавайя Соединенныхъ Штатовъ Америки. Владѣніе Гавайскими островами дало бы намъ прекрасную опорную базу для защиты нашего побережья, великолѣпную морскую и торговую станцію на Великомъ океанѣ».

Соединенные Штаты теперь получаютъ все это. Вопросъ въ томъ: удержать ли?

ХІІ.

Когда судьба въ третій разъ забросила меня на Дальній Востокъ, я рѣшила, что обратный путь въ Россію сдѣлаю теперь непременно черезъ Америку; Сибирь всю насквозь, отъ Урала до Владивостока, я проѣхала два раза; Южную Азію обогнула моремъ трижды: первый разъ на старомъ «Петербургѣ», второй — на «Calédonien» — Messageries Maritimes, въ третій разъ пришла во Владивостокъ изъ Одессы судовымъ врачомъ на пароходѣ Добровольнаго флота «Хабаровскъ» съ переселенцами. Возвращаться въ Россію снова по одной изъ этихъ торныхъ дорожекъ у меня не было ни малѣйшей охоты; вполне достаточно испытать ихъ одинъ разъ. Путь черезъ Америку сулилъ рядъ совершенно новыхъ впечатлѣній: кромѣ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, мнѣ предстояло здѣсь увидѣть собственными глазами эту Гавайю, эти сказочные Сандвичевы острова, о которыхъ я въ послѣднее время столько читала и слышала. Изъ Токогамы въ Сѣверную Америку существуютъ четыре главныхъ дороги: на Ванкуверъ, Такому, С. Франциско прямокомъ и С. Франциско *via* Гонолулу; мы выбрали, конечно, послѣдній путь. Интересная подробность, между прочимъ, за три билета отъ Токогамы до Парижа съ насъ взяли всего 1.100 кредитныхъ рублей. Въ эту цѣну

вошли: проѣздъ въ 1-мъ классѣ на пароходѣ, съ полнымъ, конечно, пансіономъ, отъ Токогамы до С. Франциско съ заходомъ въ Гонолулу, проѣздъ въ томъ же классѣ по желѣзнымъ дорогамъ Штатовъ отъ С. Франциско до Нью-Йорка; такой же проѣздъ на любомъ пароходѣ любой компаніи, поддерживающей сообщеніе Сѣверной Америки съ Европой, желѣзно-дорожный билетъ изъ Ливерпуля въ Лондонъ и изъ Лондона въ Дувръ, переѣздъ черезъ каналъ и путь отъ Кале до Парижа; причемъ срокъ билетовъ ничѣмъ не ограниченъ: вы можете остановиться въ какомъ хотите пунктѣ вашего пути, прожить тамъ, сколько задумается, и ѣхать дальше, безъ всякихъ предварительныхъ заявленій въ желѣзнодорожныхъ и иныхъ кассахъ и прикладываній къ нимъ начальническихъ штемпелей. И такъ, мы—въ морѣ, на пути въ Гонолулу. День за днемъ проходитъ въ томительномъ однообразіи. Вотъ, наконецъ, и одиннадцатый день этого мучительнаго плаванія по водной пустынѣ Великаго океана. Сѣрое небо; свинцовыя волны; кругомъ, вплоть до горизонта—горы взбитой бѣлой пѣны; хлестъ и вѣтеръ; судно бросаетъ съ борта на бортъ, тенты сняты; ютъ опустѣлы; въ каютъ-компаніи тихо: морская болѣзнь всѣхъ разогнала по своимъ угламъ. Какъ надоѣлъ этотъ уголь, эта постылая каюта и противная постель! Какъ скучны всѣ они, эти безцвѣтныя, утомительно-однообразныя впечатлѣнія перехода отъ береговъ цвѣтущей Японіи до «Рая Тихаго океана»!

Утромъ, 18-го октября 1896 года, показался первый на всемъ пути островъ,—одинокая скала, брошенная среди океана, населенная однѣми лишь птицами морскими. Но и этотъ «пустынный и мрачный гранитъ» обрадовалъ всѣхъ однимъ своимъ видомъ, просто тѣмъ, что онъ напомнилъ землю.

Къ вечеру стихло совсѣмъ; а часовъ въ десять между низконависшимъ небомъ и черной гладью воды показалась еще болѣе густая темнота; по мѣрѣ того, какъ мы двигались впередъ, она все сгущалась, вырисовывалась яснѣе на темномъ горизонтѣ и наконецъ приняла опредѣленную форму твердой земли. Еще полчаса, мы подходимъ ближе и тихо идемъ вдоль пустынныхъ береговъ острова. Но вотъ замелькали огоньки, сперва рѣдко, потомъ все чаще и чаще. Вы знаете, что тамъ живутъ люди, имѣющіе съ вами очень мало общаго, чужіе по своимъ интересамъ и симпатіямъ; но одно то, что это живыя существа, что это люди и что они вотъ тутъ, совсѣмъ близко, одно это сознаніе заставляетъ сильнѣе биться ваше сердце, радоваться безпричинной радостью и испытывать давно неизвѣданный приливъ силъ и бодрости.

Медленно и плавно двигались мы теперь. Была темная, теплая, облачная ночь; но берегъ выступалъ ясно, и привѣтливо мелькали его огни. Какъ тянуло съ парохода въ эти невѣдомыя жилища! Какъ страстно хотѣлось тишины и покоя, а между тѣмъ надо было идти

въ каюту и опять слышать все тотъ же немолчный стукъ машины, плескъ волнъ, разрѣзываемыхъ пароходомъ, и тяжкій говоръ океана... Но... еще немного терпѣнія, и мы у цѣли нашего плаванія, и то, что казалось когда-то сномъ, мечтой, приметъ дѣйствительный обр-азъ: мы увидимъ людей, еще такъ недавно приносившихъ своимъ старымъ богамъ человѣческія жертвы, дикихъ, мужественныхъ, сильныхъ, а теперь тающихъ, какъ воскъ отъ огня; увидимъ сказочную страну загадочныхъ легендъ и преданій въ прошломъ, неожиданныхъ переворотовъ въ настоящемъ,—страну, полную глубокаго интереса и въ то же время такъ мало извѣстную у насъ.

Всю ночь мы шли вдоль береговъ, и часовъ въ семь утра показался островъ Оагу, куда мы держали нашъ путь. Чистка и уборка парохода, особенное вниманіе къ судовой палубѣ, блескъ и сіяніе, наводимыя на палубную мѣдь, суета прислуги, частые оклики вахтенныхъ, все указываетъ на близость порта. Пассажиры волнуются. Многіе шли сюда впервые, сдѣлавъ 4.000 верстъ въ сторону отъ обычнаго пути между Японіей и Америкой, чтобы только побывать въ «Paradise of the Pacific», какъ величаютъ вездѣ на дальнемъ востокѣ и въ Америкѣ Гавайскій архипелагъ. Подъ лучами утренняго солнца и послѣ 12-ти-дневнаго пребыванія между небомъ и водой, берега острова Оагу и видъ столицы Гавайи съ моря показались намъ очень привлекательными. Южный берегъ—плоскій, песчаный, мѣстами только покрываетъ его свѣжая зелень. Но зато дальше, куда ни помотришь, на сѣверъ, западъ, востокъ, вездѣ поднимаются горы, окутанныя полупрозрачною дымкою тумана и чудной тайной неизвѣстности. Я страстно люблю горы, люблю за тѣ широкіе горизонты, которые открываются съ ихъ вершинъ, за оригинальные ландшафты, выглядывающіе такъ внезапно, за мрачныя ущелья и глубокія смѣющіяся долины, куда сбѣгаютъ чистыя струи рожденныхъ здѣсь на высотахъ ручьевъ, люблю за всѣ ихъ контрасты и неожиданности, за то, наконецъ, что онѣ такъ непохожи на плоскую прозу однообразныхъ равнинъ... Подходимъ ближе. Огромный рейдъ; къ западу карантинъ для судовъ и эмигрантовъ; у самой пристани—длинный рядъ сѣрыхъ зданій, это—склады и таможни, они портятъ первое впечатлѣніе. Какъ въ Аденѣ, Коломбо, Сингапурѣ, такъ и здѣсь судно окружила толпа плавающихъ, какъ рыбы, мальчишекъ и принялась ловить кидаемыя въ воду деньги. Часто на одну и ту же монету бросалось по нѣсколько человѣкъ; монета уходитъ въ глубь, ловцы за ней, наступаетъ тишина; на душѣ какъ-то жутко: вашъ жалкій грошъ увлекъ людей въ бездну; но вотъ вода всколыхнулась, и пловцы опять на поверхности, веселые, оживленные; у счастливица въ зубахъ монета, которою онъ затѣмъ торжествующе потрясаетъ въ воздухъ. Иногда между пловцами завязывается шуточная борьба, и тогда они обнаруживаютъ такую ловкость, столько гибкости и проворства, что глазъ нельзя оторвать отъ этого зрѣлища.

Но вотъ якорь отданъ. Палуба наполнилась множествомъ чужихъ людей. Таможенные перетряхиваютъ пожитки эмигрантовъ; это—все больше японцы, законтрактованные еще на родинѣ для сахарныхъ плантацій въ Гавайѣ; ихъ выгружаютъ на барки и отвозятъ въ карантинъ. Кругомъ слышатся прощальныя и встрѣчныя привѣтствія; дѣти капризничаютъ; женщины волнуются; всѣ торопятся, спѣшатъ, всюду возбужденныя лица. Для наблюдателя-психолога много любопытнаго, но... мимо все это и скорѣй на берегъ, въ лѣсъ, въ горы, къ зелени и цвѣтамъ, къ новымъ людямъ и новымъ впечатлѣніямъ!

Картина, созданная нашимъ воображеніемъ на основаніи чтенія или рассказовъ, никогда не походитъ на дѣйствительность. Сила этой дѣйствительности такъ велика, что при столкновеніи съ ней плодъ нашей фантазіи быстро исчезаетъ, и впослѣдствіи трудно бываетъ даже уловить главныя черты созданнаго прежде образа. Что не разъ испытывала я въ новыхъ странахъ, то почувствовала и теперь при посѣщеніи столицы Гавайи.

Гонолулу моего воображенія расплылся, исчезъ, какъ исчезаютъ туманныя, безплотныя видѣнія сна, и живое Гонолулу явилось въ такихъ цвѣтахъ и краскахъ, какіе мнѣ не снились. Большою и очень пріятною неожиданностью явилось ощущеніе, что здѣсь вовсе не такъ жарко, какъ мы думали, принимая въ расчетъ только географическое положеніе архипелага Сандвичевыхъ острововъ. Легкіе костюмы, вѣера, свѣтлые зонтики и прочія орудія защиты отъ тропической жары, прелести которой я не разъ испытала на морскихъ переходахъ вокругъ южной Азіи, оказались здѣсь вовсе не такъ нужны. А мѣстами, въ особенности въ окрестностяхъ Гонолулу, болѣе солидная одежда была бы гораздо больше у мѣста, чѣмъ наши легкомысленные костюмы.

Въ сравненіи съ другими главными городами дальняго востока, Гавайская столица невелика. Городъ растянулся по южному побережью острова Оагу верстъ на пять; наибольшая ширина его съ юга на сѣверъ не достигаетъ 3-хъ верстъ: идти дальше въ глубь ему помѣшали горы; нѣсколько шире онъ только въ той своей части, которая захватываетъ долину Нууану. Такимъ образомъ общій планъ города представляетъ длинную, не широкую ленту, протянутую вдоль моря съ востока на западъ.

Какъ и всѣ города востока, Гонолулу дѣлится на чисто дѣловую часть, выросшую около пароходныхъ пристаней, гдѣ сосредоточены всѣ склады, конторы и проч., и на болѣе покойную, болѣе нарядную часть, гдѣ находятся «home» всѣхъ живущихъ тутъ американцевъ, европейцевъ и знатныхъ гавайцевъ. Представители разныхъ другихъ націй, пришедшіе сюда искать счастья, всѣ эти португальцы, китайцы, японцы расселились своими колоніями на окраи-

нахъ города. Коренное же населеніе, гавайцы или канаки, разбросано вездѣ понемногу.

При съѣздѣ съ парохода, мы сразу попадаемъ въ самый центръ дѣловаго города; но насъ манитъ теперь не эта сторона жизни: дѣла, въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ, вездѣ дѣлаются по одному шаблону; хочется увидѣть новую природу, чуждую жизнь, какъ она сложилась здѣсь, среди пустынь океана; но мы такъ устали отъ однообразія и скуки тѣсной судовой жизни, что насъ прежде всего тянетъ на воздухъ, на просторъ, и потому мы быстро проѣзжаемъ дѣловой городъ, лежащій въ южной части острова, и отправляемся въ противоположную отъ него сторону, гдѣ, какъ въ сказкѣ, за горами, за долами, за зелеными лугами, у самой сѣверной окраины острова находится мѣсто, не лишенное дикой красоты, своеобразной поэзіи и того мрачнаго величія, которое связано со всѣми великими драмами народной жизни. Лѣтъ сто тому назадъ тамъ разыгрался послѣдній актъ одной изъ такихъ драмъ.

Мѣсто это называется Нууану Пали, и съ него я рѣшила начать свое знакомство съ страной.

Часовъ десять утра. Проѣзжаемъ бойкую, веселую Fort Street съ ея богатыми магазинами, конторами, банками, коннымъ и пѣшимъ людомъ. На улицахъ преобладаютъ женщины: бѣлыя—всѣ въ свѣтлыхъ туалетахъ; ихъ немного. Туземки составляютъ большинство. Судя по ихъ виду, это — хлопотливыя хозяйки или прислуга. Общее впечатлѣніе: добродушныя лица, далеко не блестящая красотой. Фруктовыхъ лавокъ—масса. На лоткахъ навалены груды вѣжно-палевыхъ банановъ, десятки сортовъ яблокъ гигантскихъ размѣровъ, темно-зеленые арбузы и виноградъ всѣхъ цвѣтовъ. Мы останавливаемся и покупаемъ яблоки, величиною въ огромный кулакъ, съ чуднымъ ароматомъ и неподдающимся описанію вкусомъ. На мой вопросъ, гдѣ растутъ эти дивныя яблоки, получаю отвѣтъ: Санъ-Франциско; на такой же вопросъ относительно винограда гаваецъ не безъ гордости отвѣчаетъ: Гонолулу.

Наконецъ, мы оставляемъ Fort Street съ ея дѣловымъ шумомъ и непрерывнымъ движеніемъ и, поднимаясь слегка въ гору, направляемся въ кварталъ мѣстной знати. Мы теперь ѣдемъ по широкой аллеѣ роскошнаго парка. По обѣимъ сторонамъ расположены виллы, или, по-мѣстному, резиденціи разныхъ именитыхъ гражданъ города и знатныхъ иностранцевъ. Виллы окружены густыми тѣнистыми садами и отдѣлены другъ отъ друга и отъ улицы низкими рѣшетками.

Трудно дать понятіе о красотѣ, богатствѣ и разнообразіи растительности, наполняющей эти сады. Благодаря утреннему солнцу, получается такая игра свѣта и тѣни, такъ своеобразно освѣщены цвѣты, растущіе здѣсь кустами и цѣлыми деревьями, достигающіе крышъ домовъ, вьющіеся вдоль стѣнъ, такъ причудливы ихъ краски,

что никакая кисть художника не сможет выразить всего этого богатства тоновъ и оттѣнковъ.

Куда ни помотришь, вездѣ цвѣты. И какихъ только породъ тутъ нѣтъ! Красная Ропсіана, цѣлыя рощи розовыхъ, бѣлыхъ олеандровъ, достигающихъ тутъ роста настоящихъ большихъ деревьевъ и наполняющихъ воздухъ своимъ острымъ ароматомъ; онѣ окружаютъ бесѣдки, разные *petits coins* въ саду, наконецъ, цѣлыя аллеи усажены ими. Розы всѣхъ видовъ, лиліи, орхидеи, множество цвѣтовъ, названій которыхъ я не помню, и, наконецъ, такихъ, которые я вижу впервые, приковываютъ вниманіе, уносятъ въ міръ весны, молодости, поэзіи.

Породы деревьевъ не менѣе разнообразны, чѣмъ цвѣтовъ: апельсины, папелъмусы съ крупными плодами, палеваго и золотисто-красноватаго цвѣта, бананы съ ихъ свѣтло-зеленой, нѣжной листвою и множество видовъ пальмъ странно перемѣшаны съ деревьями умѣренныхъ поясовъ. «Царская пальма» граціозно разсыпается въ воздухъ свои пышные вѣера. Подобно тому какъ у насъ, въ усадьбахъ добраго стараго времени, бывали липовыя, тополевыя, каштановыя и т. п. аллеи, такъ здѣсь существуютъ аллеи изъ олеандръ и пальмъ, и вездѣ, гдѣ нужна красивая декорація, сажаютъ «царскую пальму». Длинная аллея изъ нихъ подобна колоннадѣ древняго храма, а зеленныя кроны образуютъ изящный сводъ для защиты отъ лучей солнца.

Изъ-за деревьевъ и цвѣтовъ едва замѣтны дома самой причудливой архитектуры. Принадлежность каждаго дома—тѣнистая, широкая веранда—ланаи, съ качалками, кушетками, козетками и др. низкою мебелью, манящею къ лѣни и покою. Выходящія на всѣ четыре стороны галлерейки, башенки, фонарики и пр. даютъ возможность обитателямъ видѣть и гавань съ ея прибывающими и уходящими судами, и темныя вершины Пали и игру солнечныхъ лучей на стоящемъ въ центрѣ города вулканѣ «Punch Bowl», и мрачныя скалы «Алмазнаго холма».

Но вотъ конецъ вилламъ. Мы — у кладбища. Немного близко, на мой взглядъ; но, какъ видно, не покойники подошли къ городу, а живые придвинулись къ мертвымъ. Къ цвѣтамъ и пальмамъ присоединились здѣсь еще стройные темнозеленые кипарисы. По кладбищу гуляла дѣти и дамы, и тихо, тихо было все кругомъ.

Поднимаемся все выше и выше. На память приходятъ плѣды. Кое-гдѣ попадаются крошечные домики, похожіе на петербургскія дешевенькія дачки, съ такими же балкончиками, выходящими въ садикъ; тамъ и сямъ на окнахъ билетки: *to let* (отдается въ наемъ). Кругомъ просторъ; воздухъ такъ душистъ; вспоминается родной сѣнокосъ: вотъ-вотъ заблеститъ коса, мелькнетъ цвѣтная рубаха, прозвучитъ унылая пѣсня...

Do you like to see a field of pine apples, mrs?

Оглядываюсь: поле ананасовъ. Иадали — точь въ точь баштанъ съ капустой: такая же сѣрая зелень, такіе же низкіе кочни рассажены рядами и также торчатъ корешки, гдѣ плодъ срѣзанъ; только вблизи видна разница. Вся дорога усажена какими-то цвѣтущими кустарниками и дико растущими гранатами, плоды которыхъ величиною въ небольшое крымское яблоко. Какъ въ Малороссіи, среди поля ржи, вдругъ вырастаетъ дикая яблоня или груша, такъ и здѣсь на лугахъ стоитъ одиноко дерево-зонтикъ, — umbrella-tree. Невысокій, гладкій стволъ его разсыпается на верху множествомъ вѣтвей, густо покрытыхъ листьями. Дерево это даетъ большую тѣнь и всегда стоитъ отдѣльно отъ другихъ. Подъѣзжаемъ къ роцѣ баніана: густая, непроходимая чаща; вѣтви, корни, стволы образовали цѣлый лабиринтъ; внизу — сыро, кочки, между ними гнилая вода. Стараюсь выдѣлнить какой нибудь коренной стволъ; но это невозможно: изъ горизонтальныхъ вѣтвей растутъ другія вѣтви внизъ, врастаютъ въ землю, превращаются сами въ стволы и корни, и такъ далѣе до безконечности: одно глупое дерево можетъ заполнить цѣлую роццу, а если ему позволить, то и весь край. Поверхъ баніановаго лабиринта — коверъ яркой зелени съ маленькими, красными цвѣтами; но и отъ цвѣтовъ и отъ роци вѣетъ какой-то тоской.

Еще небольшой подъемъ, и мы — въ самомъ центрѣ возвышенной долины. Ее окружаютъ высокія горы; тутъ и тамъ виднѣются уютныя фермы колонистовъ. А между тѣмъ еще недавно мѣсто это представляло дикую, бесплодную пустыню. По распоряженію правительства, долина была ризбита на мелкіе участки, большинство которыхъ приобрѣли португальскіе колонисты, — народъ дѣятельный, работящій, и характеръ мѣстности совершенно измѣнился; повсюду выросли домики, появились сады, огороды, обработанныя поля и показали, что можетъ сдѣлать на этой богатой вулканической почвѣ, подъ этимъ небомъ и солнцемъ, трудъ человѣка.

По дорогѣ то и дѣло попадались деревенскія, босоногія матроны, пѣшкомъ и на двуколкахъ съ корзинами и узлами въ рукахъ. Но вотъ, на одномъ поворотѣ, къ намъ на-встрѣчу выѣзжаютъ нѣсколько амазонокъ, — верхомъ помужски, въ черныхъ капотахъ и черныхъ шляпахъ на черныхъ волосахъ; изъ-подъ шляпъ глядятъ темныя, загорѣлыя лица. Одна изъ нихъ была совсѣмъ старая старушка; но сидѣла она бодро, держалась свободно, привыкнувъ съ дѣтства къ коню и сѣдлу: какъ извѣстно, гавайки всѣ — лихія наѣздницы.

Продолжаемъ подниматься. Луга исчезли. Горы близко, близко подошли къ дорогѣ. Голыя, сѣрыя скалы смотрятъ угрюмо; только склоны ихъ покрыты темною зеленью. Становится очень свѣжо. Изъ ущелья вырывается рѣзкій вѣтеръ и начинаетъ подшучивать надъ нами: то сорветъ шляпу, то вырветъ зонтикъ, растреплетъ волосы, раскидаетъ шпильки, — просто бѣда! Еще поворотъ, — и на

насъ бросился такой порывъ, что мы едва на ногахъ устояли: настоящій ураганъ! Вѣтеръ здѣсь бушуетъ и реветъ, не зная ни отдыха, ни срока, и составляетъ характерную черту этого мѣста. Но что за мѣсто!.. Гигантская волна первозданнаго потока, хлынувшего нѣкогда изъ страшныхъ подземныхъ глубинъ, достигла здѣсь своей наибольшей высоты да такъ и застыла, оборвавшись отвѣсною стѣной въ пропасть,—глубиною въ тысячу футъ. Пропасть эта теперь—прекрасная долина, покрытая обработанными полями, зелеными, сочными лугами, среди которыхъ красными лентами выютъ дороги и тропинки. Повсюду разбросаны деревни. А тамъ дальше—сверкающее море и горы бѣлой пѣны на прибрежныхъ скалахъ. Возвышенный гребень, на которомъ мы стоимъ, откуда открываются всѣ эти виды, и есть Пали.

Сто съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, здѣсь разыгрался послѣдній актъ длинной кровавой драмы объединенія и собиранія Гавайской земли подъ одну державу. Герою этой эпопеи объединенія былъ Камеаеа, гениальный дикарь, человекъ неукротимой энергіи, не останавливавшійся ни предъ чѣмъ на пути къ разъ намѣченной цѣли—уничтоженія всѣхъ островныхъ царей и вождей и централизаціи власти въ своихъ рукахъ. Когда Камеаеа, покоривъ всѣ острова, одержалъ окончательную побѣду надъ послѣднимъ своимъ врагомъ, царькомъ острова Оагу, и разбилъ его войска въ долинѣ Нууану, по которой мы сейчасъ проѣзжали,—остатки побѣжденной арміи, триста человекъ отборныхъ воиновъ, отступили къ ущельямъ и пикамъ Пали. О дальнѣйшемъ сопротивленіи нечего было и думать. Отдаться въ руки враговъ значило идти на позорную смерть. Они предпочли другую смерть, и всѣ триста бросились со скалъ въ глубокую пропасть, гдѣ и погибли, какъ 300 спартанцевъ Леонида, вѣрные законамъ своего отечества. Сумрачныя вершины Пали, закутанныя въ туманы и тучи, остались однѣ памятниками геройскаго подвига этихъ дикарей.

Чтобы получить понятіе объ уличной жизни Гавайской столицы, надо выбрать четвертый, пятый часъ по полудни. Это—самое бойкое время дня. Жара спала. Улицы оживились. Мужчины освободились отъ занятій. Дамы дѣлаютъ визиты. Лавки полны покупателями и главнымъ образомъ, какъ и вездѣ, покупательницами. Бѣлыя леди... впрочемъ, всѣ эти колониальныя дамы, въ сущности, однѣ и тѣ же на всемъ Востокѣ. Главный интересъ для туриста представляютъ, конечно, туземки, каначки. Нигдѣ въ восточныхъ странахъ, за исключеніемъ Японіи, я не видала такъ много туземныхъ женщинъ на улицахъ. Всѣ онѣ представляютъ большія, крупныя, а которыя постарше, тѣ—прямо массивныя фигуры. Одѣты кокетливо. У всѣхъ, безъ различія возраста, достатка, общественнаго положенія,—одинъ покрой платья,—родъ капота *sans-gêne*. Шьютъ его изъ различныхъ тканей, преимущественно легкихъ, конечно, по климату, и самыхъ

разнообразныхъ оттѣнковъ, начиная съ бѣлаго, розоваго и кончая чернымъ; послѣдній цвѣтъ, впрочемъ, въ загонѣ; его носятъ старухи, деревенскія, рабочія женщины и, главнымъ образомъ, португалки. Большія кокетки, эти каначки! Мундиръ у нихъ одинъ; но что за разнообразіе въ отдѣлкѣ! Чего, чего только нѣтъ на ихъ холоку (гавайское названіе ихъ платья)! Холоку употребляется во всѣхъ случаяхъ жизни: дома, на улицѣ, въ церкви, въ гостяхъ, словомъ вездѣ каначка все въ томъ же нарядѣ. Головной уборъ гавайки не сложенъ. Шляпы носятъ всѣ: этого требуетъ климатъ,— шляпы изъ темной и свѣтлой соломы, съ широкими полями и весьма скромнымъ убранствомъ. Волосы грубы и причесаны поевропейски. Босоногихъ дамъ въ это время дня мало. Фланирующія теперь каначки щеголяютъ хорошо обутою ножкой, а нѣкоторыя кокетливо приподнимаютъ холоку и показываютъ бѣлоснѣжныя нижнія юбки. До прибытія на Сандвичевы острова американскихъ миссіонеровъ въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка, каначка въ столицѣ была еще кое-какъ прикрыта; но тамъ подальше, въ глубинѣ страны, костюмъ ея былъ и вовсе не сложенъ; въ большинствѣ случаевъ онъ состоялъ изъ листьевъ и цвѣтовъ, а если ихъ не было подъ руками, то обходились и такъ. Первый шагъ миссіонеровъ на пути къ цивилизации острововъ состоялъ въ томъ, чтобы одѣть дикарокъ. По словамъ *mrs. Thurston*, миссіонерки, прибывшей въ Гонолулу въ 1820 г., первое платье надѣла Калакуа, одна изъ женъ короля Камеамеа I. Отправляясь на другой островъ, гдѣ находился король, Калакуа, уже будучи на кораблѣ, выразила желаніе имѣть бѣлое платье, подобное тому, какое носили тогда ѣхавшія вмѣстѣ съ нею американскія дамы. Это былъ стиль *empire* начала нынѣшняго вѣка. Надѣвъ новое платье, королева пришла въ неописанный восторгъ:

«О радость! — воскликнула она: — *holo-ku!* Я могу въ немъ ходить, могу и бѣгать». Это платье королевы и было родоначальникомъ нынѣшняго холоку.

Но пора, однако, вернуться къ улицѣ. Экипажей здѣсь множество: это—легкіе, одноконные кэбы, сквозные со всѣхъ сторонъ, покрытые только сверху; везутъ ихъ небольшія, крѣпкія лошадки, а правятъ лэди всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ. Для загородныхъ экскурсій употребляются парныя кареты, запряженныя превосходными лошадьми; но это—удовольствіе дорогое: за нѣсколько часовъ ѣзды по окрестностямъ города надо заплатить не меньше двадцати рублей. Велосипедисты и преимущественно велосипедистки носятъ, какъ духи, по всѣмъ направленіямъ. Этимъ спортомъ занимаются бѣлыя и часто метиски; каначка же предпочитаетъ экипажъ.

Хороши ли каначки?—вотъ вопросъ, который я старалась рѣшить, всматриваясь и изучая ихъ лица; но при всемъ желаніи, трудно найти въ нихъ что либо, подходящее подъ общее понятіе о красотѣ. Я видѣла фотографіи нѣсколькихъ королевъ и принцессъ крови, и

онѣ—такія же дурнушки, какъ и простыя, рабочія женщины, хотя, казалось бы, подборъ и условія изысканной жизни въ королевскихъ семьяхъ должны были бы оказать здѣсь свое смягчающее вліяніе на грубость общаго типа. Впрочемъ, моряки разныхъ націй, да и европейцы, живущіе подолгу въ Гавайѣ, находятъ въ каначкахъ прелести и часто женятся на нихъ.

De gustibus—то же, что и de mortuis: aut bene, aut nihil.

Но стоитъ увидѣть каначку верхомъ на конѣ, чтобы забыть и безобразіе ея лица, и грубость ея тѣла. По праздникамъ гавайки выѣзжаютъ кавалькадой въ 5—10 человекъ. Сидятъ онѣ помужски. Шляпа и грудь наѣздницы, а также шея коня украшены гирляндами цвѣтовъ. Къ сѣдлу, съ обѣихъ сторонъ, прикрѣплены пау,—длинные полосы легкой ткани, краснаго, желтаго, вообще пестрыхъ цвѣтовъ. Во время скачки пау эффектно развѣваются по воздуху, подобно длиннымъ вуалямъ нашихъ амазонокъ. Наѣздницы поражаютъ ловкостью движеній и смѣлостью посадки, а во время быстрой ѣзды щеголяютъ такимъ удалствомъ, что и любому джигиту подѣ стать. Гирлянды и пау носятся въ воздухѣ, глаза коня и наѣздницы горятъ дикимъ огнемъ, лице дышитъ отвагой, весельемъ; въ этотъ моментъ каначка оборожительна.

Женщины Гавайи издавна славятся, какъ удивительныя спортсменки вообще. Нерѣдко бывали случаи, когда онѣ принимали участіе въ войнахъ наравнѣ съ мужчинами. Когда король Камеамеа II уничтожилъ въ странѣ идолопоклонство (это случилось въ 1819 г.), его двоюродный братъ собралъ войско, переправился на островъ Гавайю и тамъ поднялъ знамя возстанія въ защиту оскорбленныхъ боговъ. Его жена, храбрая амазонка, сражалась бокъ-о-бокъ съ своимъ мужемъ, и въ рѣшительномъ сраженіи съ королевскими войсками оба супруга были убиты.

Между каначкой и бѣлою обитательницей Гонолулу стоитъ полукровная,—метиска. За такую вы ее примете только здѣсь, гдѣ вы знаете или догадываетесь о ея происхожденіи, но, встрѣтивъ ее въ какой либо другой странѣ, вамъ и въ голову не придетъ усомниться въ чистотѣ ея крови. Въ большинствѣ случаевъ, это—миловидная брюнетка съ нѣсколько чувственнымъ ртомъ, пожалуй, но и только. Удивительно, какое волшебное дѣйствіе производитъ въ грубомъ гавайскомъ типѣ европейская кровь. Насколько гавайка-мать безобразна, настолько метиска-дочь подчасъ хороша. Разительными примѣрами въ этомъ отношеніи могутъ служить нынѣ свергнутая королева Ліліу-Окалани и претендентка на гавайскій престолъ, родная племянница ея, принцесса Іолани, отецъ которой былъ шотландецъ.

Здѣсь есть еще много метисовъ отъ браковъ японцевъ, китайцевъ и другихъ живущихъ здѣсь азіатовъ съ туземными женщинами; но эти полукровныя представляютъ уже рядъ другихъ типовъ, труднѣе поддающихся опредѣленію.

Гонолулу—совсѣмъ особенный городъ. Онъ ничѣмъ не напоминаетъ азіатскихъ городовъ, но и на европейскій не похожъ. Въ немъ есть нѣчто своеобразное, ему одному свойственное, но уловить эту особенность, назвать ее я долго не могла. И только впоследствии, побывавъ въ Америкѣ и присмотрѣвшись къ жизни американскихъ городовъ, я, такъ сказать, ретроспективно поняла духъ гавайской столицы: Гонолулу, помимо своего чисто-мѣстнаго характера, есть городъ американскій, и то, что такъ неуловимо, становится понятнымъ, когда побываешь въ Америкѣ. Улицы города—широки, прекрасно вымощены, окружены зеленью, бульвары содержатся очень чисто. Небольшіе дома служатъ обыкновенно одной семьѣ. Повсюду—электрическое освѣщеніе. Электрическая энергія развивается динамомашинами, приводимыми въ движеніе водой изъ резервуаровъ Нууану, отводимой по ночамъ. Въ городѣ, въ которомъ насчитывается 30.000 жителей, существуютъ двѣ телефонныя кампаніи съ тремя тысячами подписчиковъ. По телефону устраиваются дѣла, покупается провизія на рынкѣ, заказываются билеты въ театръ, приглашается докторъ къ больному; благодаря телефону, ни одна животрепещущая новость не залеживается долго, и цѣлая куча мелочей обыденной жизни, которыя у насъ отнимаютъ такъ много времени, устраиваются при его помощи легко и быстро.

Еще до недавняго времени городъ пользовался водой только изъ обширныхъ резервуаровъ, которыя были для этой цѣли вырыты въ возвышенной части долины Нууану. Съ ростомъ города пришлось подумать о лучшемъ водоснабженіи. Вырыты были артезіанскіе колодцы, давшіе такую массу воды, что резервуары Нууану стало возможнымъ утилизировать для электрическаго освѣщенія.

Что поражаетъ пріѣзжаго въ Гонолулу, это—грандіозныя учрежденія, воздвигнутыя здѣсь для народнаго образованія. Не говоря уже о Россіи, но и въ Европѣ трудно увидѣть что либо похожее на «школы Камеамеа» въ городѣ, который едва насчитываетъ тридцать тысячъ жителей и нѣсколько десятковъ лѣтъ своего существованія. Школы эти находятся въ прелестной долинкѣ, на берегу океана, такъ что въ одно время пользуются и горнымъ и морскимъ воздухомъ. Всѣхъ зданій свыше тридцати; большинство ихъ выстроены изъ темнаго мѣстнаго камня (застывшей лавы), похожаго на сѣрый гранитъ. Учатся въ нихъ гавайскія дѣти всевозможнымъ ремесламъ и мастерствамъ. Огромный залъ для публичныхъ лекцій роскошно отдѣланъ дорогими породами мѣстнаго дерева. Школы выстроены на средства принцессы Пауахи, племянницы короля Камеамеа V-го. Она была замужемъ за американцемъ Карломъ Бишопомъ, банкиромъ въ Гонолулу. По смерти жены, Бишопъ пристроилъ къ школамъ еще музей, въ которомъ находится все, что можно было собрать по части исторіи и древностей гавайскаго народа. Школы Камеамеа и музей обогатились жертвователямъ въ четыреста тысячъ рублей.

«Oahu College» — собственно гимназія для дѣтей иностранцевъ — представляетъ другое замѣчательное мѣстное учрежденіе. На нее тотъ же Карлъ Бишопъ недавно пожертвовалъ сто тысячъ рублей. Изъ Oahu College молодые люди уѣзжаютъ кончать свое образованіе въ университеты Сѣверной Америки. Всѣ государственные дѣятели, стоящіе теперь во главѣ новорожденной гавайской республики, вышли изъ этого заведенія. Въ настоящее время школы гавайской республики можно раздѣлить на два класса: 1) правительственныя, гдѣ обученіе производится исключительно на англійскомъ языкѣ учителями, получающими казенное жалованье, и 2) частныя, которыя поддерживаются или взносами платы за ученіе, или пожертвованіями религиозныхъ корпорацій, или, какъ въ случаяхъ Oahu College и школъ Камамеа, доходами съ имѣній и земель, оставленныхъ по завѣщаніямъ для этой именно цѣли. Только очень немногія спеціальныя частныя школы имѣютъ разрѣшеніе отъ правительства производить преподаваніе на иныхъ языкахъ, кромѣ англійскаго. Таковы: одна германская, семь китайскихъ и нѣсколько японскихъ школъ. Во всѣхъ же остальныхъ учебныхъ заведеніяхъ этого рода преподаваніе идетъ исключительно на англійскомъ языкѣ.

Существуетъ, или, вѣрнѣе, былъ третій классъ школъ, извѣстныхъ подъ названіемъ правительственныхъ народныхъ училищъ, гдѣ обученіе производилось на гавайскомъ языкѣ. Постепеннымъ своимъ исчезновеніемъ эти школы обязаны самимъ же гавайцамъ, желающимъ, чтобы ихъ дѣти обучались поанглійски. Въ 1864 г. такихъ школъ было 240 съ 8.000 чел. учениковъ, а къ 1895-му году осталось всего 3 съ 50 учениками. Лѣтъ семьдесятъ тому назадъ Гавайя была охвачена настоящей школьной горячкой. Все взрослое населеніе страны толпилось тогда въ школахъ, сгорая желаніемъ научиться читать и писать. Въ эпоху своего высшаго процвѣтанія число этихъ чисто-національныхъ гавайскихъ школъ доходило до 900, въ которыхъ обучалось 52.000 человекъ, — ббльшую частью взрослыхъ. Учителями въ нихъ явились люди, которые сами научились грамотѣ отъ первыхъ христіанскихъ миссіонеровъ, появившихся на островахъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія.

Правительственныхъ школъ, съ преподаваніемъ исключительно на англійскомъ языкѣ, существуетъ на островахъ 114 съ 9.000 человекъ учащихся. Курсъ обученія въ нихъ — 12-ти лѣтній, причѣмъ четыре года уходятъ на такъ называемые приготовительные классы. Религіозный элементъ изъ преподаванія исключенъ. Только въ двухъ правительственныхъ школахъ проведено строгое раздѣленіе половъ; въ остальныхъ мальчики и дѣвочки учатся вмѣстѣ: американская система.

Посѣщеніе школъ обязательно въ возрастѣ отъ 6 до 15 лѣтъ. Число школьныхъ часовъ въ теченіе дня не превышаетъ четырехъ. Обученіе во всѣхъ правительственныхъ школахъ даровое.

По даннымъ 1890 года, дѣтей ниже 15-ти лѣтняго возраста было на островахъ 12.100; изъ нихъ посѣщали школы 10.000 человекъ.

Преподаваніе во всѣхъ почти школахъ, какъ я сказала, ведется на англійскомъ языкѣ. Всѣ учебники — американскіе. Большинство учителей—или американцы, или американизированные гавайцы.

Такая постановка дѣла явилась одною изъ могущественныхъ причинъ столь быстраго распространенія американскихъ идей въ народѣ и тѣхъ добрыхъ чувствъ, которыя издавна питаютъ гавайцы всѣхъ классовъ къ ближайшему своему сосѣду и другу—Соединеннымъ Штатамъ Сѣверной Америки.

Не одна только принцесса Пауахи оставила по себѣ добрую память, связавъ свое имя съ дѣломъ народнаго образованія. Не менѣе благородны памятники двухъ другихъ коронованныхъ особъ изъ династїи Камеамеа: я говорю о госпиталѣ королевы Эммы и о такъ называемомъ «Lunalilo home».

Госпиталь королевы Эммы представляетъ грандіозное зданіе на сотни кроватей. Онъ окруженъ обширными парками, составляющими его собственность. Его аллеи изъ «царскихъ пальмъ» славятся даже въ Гонолулу. Самъ госпиталь устроенъ съ такимъ расчетомъ, чтобы сѣверный пассатъ продувалъ всѣ коридоры; въ нихъ, поэтому, всегда прохладно и свѣжо. Двери и окна палатъ выходятъ на широкія веранды, откуда открывается видъ на цвѣтники и зелень окружающаго парка. Глядя на это зданіе, никогда и въ голову не придетъ, что это—госпиталь: архитектура такъ изящна, весь фасадъ такъ закрытъ зеленью и цвѣтами, что его можно принять за барскую загородную виллу, за что угодно, только не за то, что онъ есть на самомъ дѣлѣ. Двери госпиталя открыты для больныхъ всѣхъ національностей, причемъ гавайцы, по завѣщанію основательницы, лѣчатся бесплатно. При жизни, королева Эмма сама руководила сборомъ пожертвованій на свой госпиталь, а, умирая, все личное имущество свое и мужа она оставила госпиталю въ наслѣдство. Луналило былъ послѣдній король изъ рода Камеамеа. Онъ царствовалъ только годъ (съ 1873 по 1874 г.). Значительную часть своего состоянія онъ завѣщалъ на постройку убѣжища для старыхъ и бѣдныхъ, неспособныхъ къ труду гавайцевъ. Идея завѣщателя была приведена въ исполненіе подъ личнымъ руководствомъ нынѣшняго президента республики. «Lunalilo home», «Домъ Луналило» представляетъ большое, длинное зданіе, расположенное среди луговъ и полей въ окрестностяхъ потухшаго вулкана «Punch Bowl». Стѣны его густо обвиты зеленью, кругомъ много деревьевъ, и само зданіе изъ-за нихъ едва видно. Высоко къ небу поднимается только тонкій шпиль его церковной колокольни. Въ общемъ оно производитъ впечатлѣніе простоты, изящества и удобства. Сперва народъ неохотно шелъ въ это убѣжище; но потомъ, когда были поняты его цѣль и значеніе, домъ мало-по-малу наполнился стариками обоюго пола.

Бывшій королевскій дворець, стоившій два милліона рублей, роскошное зданіе министерствъ, новый оперный театръ и многія другія изящныя зданія дѣлаютъ изъ Гонолулу одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ дальняго Востока. Но я не стану останавливаться на нихъ. Упомяну здѣсь только объ одномъ оригинальномъ и чрезвычайно симпатичномъ учрежденіи. Я говорю о домѣ, принадлежащемъ обществу, извѣстному подъ именемъ «Young Men Christian Association», т. е. «Христіанское общество для молодыхъ людей». Это въ буквальномъ смыслѣ слова пріютъ для молодыхъ людей, выброшенныхъ волнами житейскаго моря и оставшихся временно не у дѣль. Чтобы не дать имъ погибнуть, скатиться внизъ по общественной лѣстницѣ въ ту пропасть, откуда уже нѣтъ возврата въ міръ честныхъ людей, и устроенъ этотъ пріютъ. Здѣсь эти люди находятъ кровъ, пищу, матеріальную помощь, добрый совѣтъ и нравственную поддержку, пока ихъ не пристроятъ соотвѣтственно способностямъ и жизненной подготовкѣ cadaго; домъ этотъ и самъ по себѣ, по одной своей внѣшности, крайне оригинальной, могъ бы служить украшеніемъ любой европейской столицы. Много тутъ и другихъ причудливыхъ зданій, такъ мало похожихъ на тотъ шаблонъ, къ которому пріучила насъ Европа съ ея суровыми и сучными каменными громадами.

Кто желаетъ тишины и покоя, кто любитъ непосредственную близость моря и можетъ жить, какъ хочется, тотъ не селится въ Гонолулу, а устроивается по сосѣдству въ Вайкики. Вайкики не городъ и не деревня. Въ немъ нѣтъ торговыхъ учрежденій, шума городской жизни, кипучей дѣятельности порта. Это уютный уголокъ, полный зеленой свѣжести роцъ и садовъ и меланхолическаго ропота океана. Онъ лежитъ къ востоку отъ центра города, въ разстояніи нѣсколькихъ верствъ и растянулся длинною лентой вдоль залива того же имени. Пройдетъ немного лѣтъ, и Вайкики станетъ однимъ изъ кварталовъ Гонолулу. Теперь же между нимъ и столичною суетой раскинулись роци кокосовыхъ пальмъ и банановъ. Во всю длину побережья здѣсь, параллельно морю, тянется ровная, широкая улица, по которой проложены рельсы конно-желѣзной дороги. Одинъ маленькій мулъ бойко везетъ большой вагонъ. И такъ странно видѣть это крошечное животное въ такой необычной запряжкѣ. Кокосовая пальма на каждомъ шагу. Удивительно благодарное растеніе! Ухода почти не требуетъ, а расплачивается за него поцарски. Вполнѣ созрѣвшая пальма (такую она бываетъ на 10—11 году жизни) даетъ до 200 орѣховъ въ годъ. Вкусъ этого плода, конечно, извѣстенъ многимъ; но оцѣнить всю прелесть его прохладной жидкости можно только на мѣстѣ, въ тропикахъ. Изъ орѣховъ же кокосовой пальмы добывается масло, столь распространенное

на Востокъ; а стволъ ея идетъ на всевозможныя постройки и подѣлки. Банановая пальма и здѣсь, какъ повсюду въ тропическихъ странахъ, разводится искусственно. Въ обѣихъ Индіяхъ, на Цейлонѣ, въ Сайгонѣ, мнѣ приходилось видѣть породы этихъ пальмъ во много футъ вышины. Въ Гавайѣ разводится особый видъ банановъ, не достигающихъ значительныхъ размѣровъ. Банановая плантація представляетъ поле, разбитое на отдѣльныя гряды въ полъ-аршина ширины; между грядами узкіе каналы съ водой для орошенія; гряды усажены въ нѣсколько рядовъ деревцами не выше сажени ростомъ; листья ихъ, острые и длинные растрепаны вѣтромъ; общій видъ не красивъ; но плоды очень большіе и чудесные на вкусъ. Культурой банановъ занимаются здѣсь главнымъ образомъ португальскіе переселенцы, и бананы служатъ однимъ изъ видныхъ предметовъ вывозной торговли Гавайи. Рынки Санъ-Франциско и другихъ американскихъ городовъ снабжаются бананами главнымъ образомъ отсюда. Въ одномъ 1890 г. ихъ было вывезено изъ страны на 353.000 рублей.

Равнину Вайкики на крайнемъ востокѣ замыкаетъ потухшій вулканъ Diamond Heal (Алмазный холмъ). У подошвы его разбитъ паркъ, носящій имя одной изъ королевъ, Капиолани. Вулканъ представляетъ высокій, обнаженный утесъ, похожій на сидящаго гигантскаго льва съ приподнятою кверху головой. Паркъ устроенъ по плану американскихъ и англійскихъ парковъ. Среди множества тропическихъ породъ здѣсь бросается въ глаза дерево, похожее на нашу сосну; это казуаринія. Родина казуариніи—Австралія. Теперь это дерево можно видѣть во многихъ садахъ на Востокѣ. Въ паркѣ Капиолани много прудовъ и искусственныхъ каналовъ, аллеи которыхъ усажены казуариніями, отражающими свою тонкую, нѣжную зелень въ водѣ; мѣстами онѣ придаютъ парку отгѣнокъ совсѣмъ сѣвернаго пейзажа съ его всегда нѣсколько грустною красотой. Вайкики теперь—мѣсто тихой жизни, морскихъ купаній, увеселительныхъ прогулокъ, и трудно себѣ представить, что это самое Вайкики еще такъ недавно было ареной самыхъ дикихъ изувѣрствъ, жестокаго, кроваваго издѣвательства человѣка надъ человѣкомъ, совершавшагося во имя идеи.

На скалахъ вулкана, среди обломковъ скалъ и потоковъ застывшей лавы, стояло нѣкогда самое знаменитое капище Оагу, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія обогрившееся человѣческою кровью. Теперь отъ этого страшилища не осталось и слѣда. Вотъ что сохранила мѣстная исторія о послѣднемъ человѣческомъ жертвоприношеніи, бывшемъ здѣсь. У Камамеа Великаго, перваго короля объединеннаго Гавайскаго царства, было много женъ; но самую почетною изъ нихъ (хотя и не самую любимую) считалась Кеополани, древній родъ которой велъ свое происхожденіе отъ самихъ боговъ. Она стояла выше всѣхъ другихъ женщинъ; ея дѣти наслѣдовали

престолъ; она сопровождала короля во всѣхъ его многочисленныхъ походахъ, такъ какъ присутствіе ея въ лагерьъ приносило побѣды. Въ 1806 г., Кеополани, жившая тогда здѣсь, въ Вайкики, серьезно захворала. Ни врачи, ни молитвы, ни обычныя въ такихъ случаяхъ жертвы, ничто не помогало. Тогда главный жрецъ объявилъ королю, что осталось одно послѣднее средство умилостивить боговъ, это принести имъ человѣческія жертвы. По приказанію короля были схвачены десять человѣкъ; связанныхъ, ихъ привели въ капище, стоявшее тутъ, на Алмазномъ холмѣ. Въ болѣзни королевы между тѣмъ произошелъ переломъ; ей стало лучше. Семь изъ обреченныхъ на смерть получили поэтому свободу; трое же были зарѣзаны и возложены на алтарь боговъ. Королева пережила своего супруга, ревностнаго приверженца религіи отцовъ. Будучи уже на смертномъ одрѣ, она призвала миссіонеровъ, незадолго передъ тѣмъ прибывшихъ изъ Америки, и приняла христіанство.

На обратномъ пути изъ Вайкики мы отправились побродить по морскому берегу. Рыбаки гавайцы собирались на промыселъ въ море. Коренной канакъ уступаетъ пришлому переселенцу—китайцу, японцу, португальцу, во всемъ, что касается фермерства, огородничества, земледѣлія. Для такого упорнаго труда онъ слишкомъ лѣнивъ и... слишкомъ поэтъ. Но зато на морѣ онъ едва ли знаетъ себѣ равнаго. Таковъ отзывъ всѣхъ, долго жившихъ въ странѣ. Когда канакъ рѣшилъ идти на ловлю, онъ становится другимъ существомъ. Лѣнивый туземецъ исчезъ. Предъ вами другой человѣкъ, полный энергіи и мужественной рѣшимости. Онъ смѣло пускается въ путь, прыгая, какъ мячъ, на своемъ челнокѣ съ волны на волну, ловко борясь съ опаснымъ приборомъ, и вы не успѣете опомниться, какъ ужъ онъ на вольномъ океанскомъ просторѣ, внѣ страшныхъ прибрежныхъ буруновъ, отважный и гордый своимъ торжествомъ надъ грозной стихіей. Вѣковое общеніе съ океаномъ имѣло въ прошломъ неотразимое вліяніе на развитіе характера гавайца. Океанъ сдѣлалъ его ловкимъ, смѣлымъ, находчивымъ, изобрѣтательнымъ, выработалъ изъ него искуснаго моряка и умѣлаго наблюдателя морскихъ и воздушныхъ теченій. Море вызвало въ немъ игру воображенія и загло пламень поэзіи въ его душѣ. Всѣ его пѣсни связаны съ моремъ. Изъ него же родился предприимчивый духъ расы, сказавшійся въ открытіяхъ и завоеваніяхъ, приведшихъ ее нѣкогда на эти далекіе острова. И по тому же морю-океану, 120 лѣтъ назадъ, приплыли къ берегамъ Гавайи другіе люди и привезли съ собой иные нравы, иную, совершенно чуждую жизнь. Новыя условія оказались смертельными не только для старыхъ вѣрованій, преданій, обычаевъ страны, но и для самихъ обитателей ея: гавайцы и умираютъ, очищая мѣсто гостямъ, незваннымъ-непрошеннымъ, умираютъ съ той тупой покорностью, которая уже одна, сама по себѣ, служитъ страшнымъ признакомъ полной безнадежности...

Лучшій общій видъ на Гонолулу получается съ вершинъ кратера потухшаго вулкана Punch Bowl. Вулканъ этотъ находится неподалеку отъ центра города, и нѣкоторая часть послѣдняго расположена у подножя и отчасти по склонамъ его. На вершину ведетъ недурной колесный путь, по которому мы поднимаемся едва замѣтно, проѣзжая главною улицей такъ называемаго Португальскаго квартала. Очень недавно здѣсь были только дикія заросли; теперь почва расчищена, разбита на правильную сѣть улицъ и участковъ. Еще пока мало зелени; но, судя по тому, что уже сдѣлано, можно теперь сказать, что не пройдетъ десяти лѣтъ, какъ и эта часть города, по растительности, будетъ немногимъ уступать другимъ, болѣе старымъ, кварталамъ его. Небольшіе, бѣленькіе домики смотрятъ опрятно и чисто. Въ этой части города живутъ главнымъ образомъ португальцы. Они были выписаны въ Гавайю съ острововъ Зеленаго мыса, какъ рабочіе для сахарныхъ плантацій; но скоро бросили это дѣло, предоставивъ его цѣликомъ японцамъ и китайцамъ, и занялись мелкимъ фермерствомъ. Всѣхъ португальцевъ въ странѣ до 13.000 человекъ; въ одномъ Гонолулу ихъ 4.000 слишкомъ. Португалецъ оказался трудолюбивымъ, работающимъ фермеромъ, лучше какого и не надо по этимъ мѣстамъ. Его неустаннымъ трудомъ подножя и склоны вулкана, вмѣсто сорныхъ травъ и дикихъ зарослей, покрылись плантаціями ананасовъ, банановъ, фигъ, винограда, и безотрадныя пустыри застроились уютными домиками.

Но вотъ дома становятся рѣже, бѣднѣе, дорога все выше; еще немного, и мы за чертой города. Кругомъ свѣжіе луга съ сочною травой. По нимъ разбросаны многочисленныя деревья съ нѣжною, свѣтло-зеленою листвою, похожею скорѣе на длинную траву. Деревьевъ много; но тѣни отъ нихъ нѣтъ никакой; только воздухъ какъ бы подернутъ нѣжною, зеленою дымкой. Дерево это—Algeroba. Лѣтъ десять тому назадъ его привезли сюда изъ Америки, и за это время оно широко разрослось по всѣмъ островамъ Архипелага. Кромѣ Algerob'ы, здѣсь еще много дико растущихъ кактусовъ. Вся котловина давнымъ-давно угасшаго кратера покрыта густою травой и Algerob'ой. Теперь мнѣ понятно странное названіе горы: кратеръ дѣйствительно похожъ на гигантскихъ размѣровъ чашу, въ которой могли бы готовить пуншъ для своихъ пировъ миѳическіе боги Гавайи.

Тихо кругомъ. Шумъ города сюда не доносится; воздухъ прозрачно чистъ и свѣжъ; а кругомъ такой просторъ, гдѣ еще тысячи и тысячи людей найдутъ себѣ и кровъ и пищу.

Городъ отсюда представляется утопающимъ въ морѣ зелени; улицы кажутся свѣтлыми лентами среди аллей изъ темныхъ пальмъ и другихъ экзотическихъ растений. Совсѣмъ близко отъ вулкана пріютился готическій храмъ для канаковъ протестантовъ. Немного дальше виднѣется окутанный зеленью «Домъ Луналило». Нашъ ку-

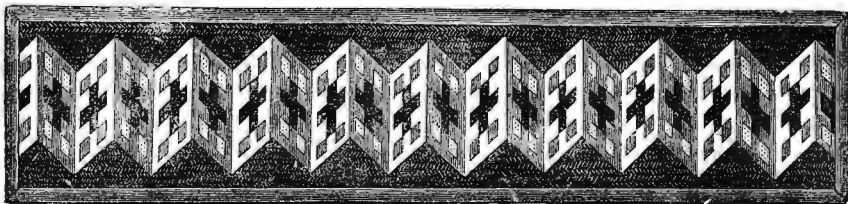
черъ, старый канакъ, рассказываетъ уже известную намъ исторію этого дома, и, кто знаетъ, быть можетъ, самъ мечтаетъ о томъ времени, когда и онъ будетъ однимъ изъ обитателей этого убѣжища. Еще дальше выступаетъ острый шпиль «Central Union Church», недавно оконченной и стоявшей 260.000 рублей, несмотря на дешевизну матеріала и труда. При этой церкви находится, между прочимъ, воскресная школа, которую посѣщаютъ заразъ 650 человѣкъ дѣтей обою пола.

Дальше за чертой города, къ западу, тянутся высокія горы Ваiane, покрытыя темными лѣсами. На востокѣ видѣется Вайкики съ его кокосовыми рощами, морскими купаньями, чуднымъ plag'емъ, покрытымъ бѣлоснѣжнымъ пескомъ, и, — гордость жителей Гонолулу, — «свирѣпый, старый Леахи», или «Алмазный холмъ», стоящій у самаго океана и оберегающій городъ съ востока. На сѣверѣ опять горы, у подножія ихъ — зеленыя поля риса, сахарнаго тростника, таро; тамъ и сямъ разбросаны фермы.

На югѣ раскинулся безбрежный, безграничный океанъ, старый, какъ міръ, и вѣчно-юный въ своей дивной, перемѣнчивой красотѣ. Сегодня онъ нѣжно, даже робко волнуется, грѣясь на солнцѣ. Но не всегда бываетъ онъ такъ тихъ и покоренъ. «Когда онъ разсердится, и загремитъ, и затрещитъ, и наполнитъ весь городъ шумомъ своего прибоя и ревомъ своихъ буруновъ, и покроетъ прибрежныя скалы горами бѣлой пѣны, — все живое уходитъ отъ него подальше, и только одинъ угрюмый, старый Леахи спокойно ждетъ конца приступа гнѣва своего расходившагося сосѣда». Да, хорошо ему ждать этого конца! Хорошо и всѣмъ тѣмъ, которые могутъ любоваться на расходившуюся грозную стихію со стороны, имѣя подъ ногами твердую, неподвижную почву. Нестись «по бурнымъ волнамъ океана» въ стихахъ тоже очень поэтично; но какъ это ужасно, мучительно-прозаично, когда приходится въ дѣйствительности испытывать прелести этихъ бурныхъ волнъ, да не день, не два, а цѣлыхъ 18 сутокъ, которые отдѣляютъ Японію отъ С.-Франциско via Гонолулу! И когда я съ высотъ Punch-Bow'я смотрѣла, бывало, на Гонолулу и на безграничный водный просторъ за нимъ, — красота дивной картины отравлялась постоянно мыслью: да, 12 дней, худо ли, хорошо ли, но вѣдь впереди еще цѣлыхъ 6 дней и 6 длинныхъ, длинныхъ ночей въ океанѣ, который здѣсь въ это время года никогда не знаетъ покоя!..

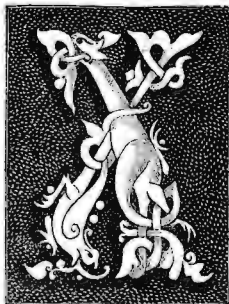
Женщина-врачъ А. Черевкова.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Вратская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ. Москва. 1897.

ОТЯ поздно, но все-таки кстати, какъ всякое доброе дѣло появился изданный московскимъ кружкомъ ученыхъ и литераторовъ громаднѣйшій томъ сборника на помощь армянамъ, въ 950 страницъ, съ 4 оригинальными рисунками И. К. Айвазовскаго, автографами авторовъ напечатанныхъ въ немъ статей и 160 портретами, видами и т. д. Въ предисловіи, подписанномъ буквами Г. Д., кратко, но тепло объявлена цѣль «Вратской помощи», и справедливо указано, что хотя «нужды и горя вездѣ много, но злополучные турецкіе армяне, надъ которыми разразился ураганъ неслыханныхъ бѣдствій, которые отъ собственнаго правительства претерпѣли ужасы, подобныхъ коимъ, какъ говоритъ академикъ Леруа-Болье, еще не видало праведное солнце, такіе глубоконесчастные страдальцы — въ правѣ рассчитывать на особое состраданье отзывчивыхъ, добрыхъ людей». Дѣйствительно, послѣ трехлѣтнихъ звѣрствъ, стоившихъ мирному армянскому населенію Турціи отъ 200 до 300 тысячъ трагическихъ жизней, смотря по различнымъ расчетамъ, такъ какъ точной цифры убитыхъ невозможно опредѣлить, эти несчастныя жертвы мусульманскаго изуверства и позорнаго равнодушія христіанскихъ державъ остались разоренными, холодными и голодными, безъ крова и куска хлѣба. По свидѣтельству мистера Ленауса, изъ уцѣлѣвшихъ въ опустошенныхъ мѣстностяхъ 750.000 бѣдняковъ, около 546.000 нищія, да еще ко всѣмъ горестямъ присоединился новый бичъ — неурожай. Конечно, всѣ, кто могутъ искать спасеніе въ бѣгствѣ, направились преимущественно въ Россію, въ предѣлахъ которой уже находится болѣе 50.000 человекъ, терпя-

щих крайнюю нужду и требующих неотложной помощи. Вот для улучшения несчастной доли армянъ, какъ переселенцевъ, такъ и оставшихся по необходимости на родинѣ, изданъ настоящій сборникъ, но составители его, кромѣ этой практической цѣли, имѣли еще и другую—теоретическую, именно, возбудить сочувствіе къ несчастнымъ жертвамъ турецкихъ звѣрствъ, положить конецъ позорному равнодушію, благодаря которому, по словамъ Тютчева, «и снова правъ пирующій палачъ, а жертвы преданы злословью». Въ европейской и даже русской печати были пущены въ ходъ всевозможныя клеветы на несчастныхъ армянъ, ихъ выставляли бунтовщиками, слѣпымъ орудіемъ англійскихъ интригъ и какими-то огульными паразитами, занимающимися во всѣхъ странахъ только прибыльной торговлей и ростовщичествомъ, а также распространеніемъ смуть. По справедливому замѣчанію Г. Д., «глубоко прискорбно было, что крайне несвоевременное воскрешеніе старыхъ предрасудковъ совпало какъ разъ съ послѣдними столь горестными для армянъ годами, когда не только чувство элементарной справедливости, но и простой житейскій тактъ, казалось, должны были бы воздержать отъ ожесточенной племенной травли». Тѣмъ не менѣе «истина, нужно надѣяться, въ концѣ концовъ возьметъ верхъ», прибавляетъ почтенный авторъ, и громадный успѣхъ «Братской помощи», въ короткое время разошедшейся въ большемъ числѣ экземпляровъ и уже печатающейся вторымъ изданіемъ, съ значительными прибавленіями относительно статей и иллюстрацій, можетъ служить доказательствомъ, что Россія, «связанная вѣковыми славными традиціями съ христіанской Турціей, не отстанетъ отъ другихъ народовъ обѣихъ полушарій, которые воздаютъ справедливость и оказываютъ помощь погибающему старѣйшему христіанскому народу». Конечно, успѣху сборника, кромѣ его благой задачи, много содѣйствуетъ и его интересное, разнообразное содержаніе. Онъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ: въ первомъ, наибольшемъ по размѣру, помѣщены двѣ группы статей—общаго литературно-научнаго характера и специально касающихся прошлаго и настоящаго армянъ, незнакомство съ которыми служитъ источникомъ вредныхъ недоразумѣній; второй же отдѣлъ заключаетъ въ себѣ цѣлый рядъ впервые напечатанныхъ и заимствованныхъ изъ книгъ, журналовъ и газетъ картинъ о турецкихъ звѣрствахъ, бросающихъ яркій свѣтъ на мрачный мортирологъ армянъ за послѣдніе три года; наконецъ, въ введеніи помѣщены статьи, относящіяся къ помощи армянскимъ переселенцамъ и сиротамъ, которыхъ насчитываютъ до 100.000. Особенно обильны очерки и этюды объ исторіи, литературѣ и этнографіи Арменіи и о положеніи армянъ во всѣхъ частяхъ свѣта, причемъ, быть можетъ, всего любопытнѣе статистическіе наброски А. Н. Сазонова, подъ заглавіемъ «Армяне на Кавказѣ». Непререкаемыми научными данными авторъ доказываетъ, что громадное большинство армянъ изстари было и остается до сихъ поръ земледѣльческимъ; такъ, изъ милліона армянъ въ Россіи занимается земледѣліемъ 80%, а въ мѣстахъ исконнаго кореннаго поселенія армянскаго народа въ бывшей армянской области, гдѣ живетъ 845.667, т. е. 69,6% этого народа, 96% армянъ—земледѣльцевъ, производящихъ болѣе половины общаго сбора хлѣбовъ. Если мы обратимся къ общему литературно-научному отдѣлу сборника, то насъ прежде всего поразитъ малоинтересность разсказовъ и стихотворе-

ній, обыкновенно составляющихъ главную суть подобныхъ изданій; первыхъ и мало и они мало любопытны, тѣмъ болѣе, что талантливѣйшіе беллетристы, какъ, напримѣръ, Златовратскій и Короленко, дали первый свои воспоминанія о Тургеневѣ, Салтыковѣ и Гаршинѣ, а послѣдній картинки арміи спасенія въ Финляндіи, Англии и Америкѣ. Хотя стихотвореній много, но изъ нихъ останавливаетъ на себѣ вниманіе лишь одно, подписанное К. Р. и оканчивающееся слѣдующими строфами:

«Но пусть не тѣмъ, что знатнаго я рода,
Что царская во мнѣ струится кровь,
Родного православнаго народа
Я заслужу довѣрье и любовь,
Но тѣмъ, что пѣсни, русскія, родныя,
Я буду пѣть немолчно до конца
И что во славу матушки Россіи
Священный подвигъ совершу пѣвца».

Хотя научныхъ статей немного, но онѣ замѣчательны тѣмъ, что имѣютъ не спеціальныи, а общій интересъ. Профессоръ Тархановъ логично доказываетъ всю неосновательность модныхъ теорій о воображаемомъ банкротствѣ науки; Тимирязевъ очень тепло заступаетъ за фотографію, демократизирующую искусство, и доказываетъ, что простая, здоровая любовь къ природѣ всегда шла рука объ руку съ любовью къ человѣку, что подтверждается примѣрами Тургенева, Некрасова, Мицкевича, Руссо, Байрона, даже Гете, который, послѣ долгаго олимпийскаго безучастнаго отношенія къ людской толпѣ, наконецъ, во второй части Фауста, призналъ, что моментъ высшаго нравственнаго удовлетворенія для человѣка наступаетъ лишь, когда онъ видитъ возможность «на почвѣ свободной съ свободнымъ народомъ стоять»; Максимъ Ковалевскій даетъ отрывокъ изъ исторіи крестьянскихъ движеній на западѣ; Милюковъ передаетъ, по сохранившемуся списку лекцій Грановскаго, содержаніе курса средней исторіи, читанной въ 1845—46 годахъ въ Московскомъ университетѣ; а Карышевъ знакомить съ условіями «натуральнаго» народнаго хозяйства у древнихъ народовъ, преимущественно въ Римѣ. Но всего болѣе интереса представляетъ историко-литературный матеріалъ сборника, состоящій изъ впервые изданныхъ писемъ А. Герцена и его жены, Бѣлинскаго изъ-за границы въ 1847 году и Салтыкова къ Бѣлоголовому, незадолго до его смерти, а также воспоминанія Джаншїева о Бѣлоголовомъ, о событіяхъ, сопровождавшихъ объявленіе воли, 36 лѣтъ тому назадъ, самого Бѣлоголоваго о гр. Лорисѣ-Меликовѣ, Н. С. объ Арцимовичѣ, проектъ объ освобожденіи крестьянъ гр. Вильгорской въ 1818 г. и мастерская характеристика, по новымъ даннымъ, «гениальнаго горемыки» Шевченка, сдѣланная профессоромъ Стороженко. В. Т.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томы девяностодевятый и сотый. Спб. 1897.

Послѣдніе два тома почтеннаго изданія историческаго общества оканчиваютъ первую сотню выпущенныхъ имъ книгъ, служащихъ столь драгоценнымъ матеріаломъ для изученія русской исторіи, преимущественно въ XVIII вѣкѣ.

Они оба относятся къ одной эпохѣ, именно, къ первымъ годамъ царствованія Елизаветы, и составляютъ одиннадцатый томъ дипломатической переписки англійскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ, отъ юля 1742 по апрѣль 1744 г., и двѣнадцатый — донесеній французскихъ посланниковъ и повѣренныхъ при русскомъ дворѣ, отъ 1741 по 1743 г. Такимъ образомъ, хронологически послѣдній томъ обнимаетъ болѣе раннее время, чѣмъ предыдущій, который, слѣдуя съ нимъ, отчасти параллельно захватываетъ позднѣйшія событія на цѣлый годъ, а вмѣстѣ они представляютъ подробную картину дипломатическихъ интригъ въ Россіи, съ одной стороны французскихъ посланниковъ маркиза Шетарди и гр. д'Аллиона, а съ другой, англійскаго — баронета Вейча, которыхъ энергично поддерживали ихъ соотвѣтственные министры иностранныхъ дѣлъ Амело и лордъ Картеретъ. Переписка всѣхъ этихъ лицъ напечатана во французскихъ и англійскихъ подлинникахъ, извлеченныхъ изъ архивовъ французскаго и англійскаго министерствъ иностранныхъ дѣлъ, причемъ послѣдніе снабжены русскимъ переводомъ, а первые только подробно резюмированы въ обстоятельно изложенномъ оглавленіи, что составляетъ новинку въ двѣнадцатомъ томѣ французскихъ документовъ, прежде также помѣщавшихся съ переводами. Еще надо замѣтить, что англійскія дипломатическія депеши теперь появляются впервые, а часть французскихъ, до мая 1742 г., уже помѣщена по спискамъ А. И. Тургенева въ книгѣ Некарскаго о Шетарди. Конечно, нельзя не пожалѣть, что какъ французскіе представители, такъ и англійскіе, въ особенности, Шетарди, игравшій такую видную роль при Елисаветѣ, мало распространяются о внутренней жизни русскаго двора и о тогдашнихъ политическихъ дѣятеляхъ, а преимущественно заняты дипломатическими интригами, которыя хотя имѣютъ интересъ до настоящаго времени, но гораздо меньшій, чѣмъ разоблаченіе самими дѣйствующими лицами политической драмы ея подноготной. Насколько подобное разоблаченіе важно, любопытно и было совершенно доступно Шетарди, д'Аллиону и Вейчу, доказываютъ сообщаемыя ими данныя о двуличной, корыстной дѣятельности Лестока и вице-канцлера А. Вестужева; что первый получалъ пенсіоны отъ обоихъ правительствъ, и французскаго, и англійскаго, то это фактически удостовѣрено денешами представителей версальскаго и сентъ-жемскаго дворовъ; но хотя они постоянно говорятъ о переговорахъ съ Вестужевымъ на счетъ подарковъ и пенсіона, а Шетарди даже передаетъ слова Лестока о полученіи вице-канцлеромъ 100.000 фр. отъ Англии, но прямыхъ доказательствъ его подкуса не имѣется, кромѣ полученія имъ подарка отъ той же Англии въ 1.000 ф. ст., при заключеніи англо-русскаго трактата. Во всякомъ случаѣ, какова бы ни была подкладка сношеній А. Вестужева и его брата оберъ-гофмаршала М. Вестужева съ англійскимъ правительствомъ, но они открыто дружили ему, упорно поддерживали англійское вліяніе на русскую политику и до того рѣзко противодействовали всѣмъ стараніямъ Шетарди, пользовавшагося личными милостями императрицы, заключить франко-русскій союзъ, что этотъ ловкій дипломатъ, наконецъ, поставилъ вопросъ ребромъ между имъ и Вестужевыми, а когда всѣ его интриги свергнуть ихъ оказались тщетными, то онъ просилъ о своемъ увольненіи и, дѣйствительно, уѣхалъ изъ Петербурга, въ августѣ 1742 г., разочарованный и

побѣжденный въ борьбѣ съ русскими и англійскими соперниками. Эта неудачная борьба, наполняющая всю переписку Шетарди съ Амело, продолжалась и съ столь же малымъ успѣхомъ при его преемникѣ д'Алліонѣ, котораго, по словамъ Вейча, очень не любили въ Петербургѣ, и его депеши одинаково главнымъ образомъ трактуютъ о франко-англійскихъ столкновенияхъ за первенство при русскомъ дворѣ. Однако и Вейчу, несмотря на его многіе блестящія успѣхи, заключеніе англо-русскаго союза и удаленіе Шетарди, подъ конецъ не повезло, и когда, по лично выраженному желанію императрицы, Шетарди снова вернулся въ Петербургъ, то Вейчъ уступилъ свое мѣсто новому представителю Англій, лорду Тироули, а самъ въ апрѣлѣ 1744 г. сложилъ оружіе. Этимъ временнымъ торжествомъ французскаго дипломата надъ его англійскимъ врагомъ оканчивается исторія отношеній Россіи къ Англій и Франціи, какъ ихъ выясняютъ официальные документы, напечатанные въ послѣднихъ двухъ томахъ историческаго сборника. Конечно, французскія и англійскія депеши, придерживаясь противоположныхъ цѣлей, высказываютъ и разныя мнѣнія о тѣхъ же предметахъ, такъ Вейчъ обличаетъ Шетарди и вообще французскую дипломатію въ козняхъ противъ Россіи и тайномъ подстрекательствѣ Турціи, Польши и Швеціи противъ Россіи, тогда какъ явно прилагались старанія о прекращеніи войны между Швеціей и Россіей, а напротивъ, Шетарди и д'Алліонъ выводятъ наружу интриги Англій, которая, несмотря на союзъ съ Россіей, дѣйствовала противъ нея въ Даніи. Точно также разнорѣчивы и отзывы ихъ о русскіихъ политическихъ дѣятеляхъ; англичанинъ превозноситъ до небесъ Бестужевыхъ, какъ честнѣйшихъ патріотовъ, а французы клеймятъ ихъ названіями купленныхъ Англійей измѣнниковъ родины. Конечно, о грязи, бросаемой ими взаимно другъ въ друга, и упоминать излишне, но любопытна исторія, рассказываемая Вейчемъ о ссорѣ и дракѣ между Шетарди и д'Алліономъ при возвращеніи въ Петербургъ перваго изъ нихъ. «Маркизъ де-Шетарди, — пишетъ англійскій дипломатъ отъ 20 декабря 1743 г., — явился ко двору въ день рожденія императрицы съ перевязью на правой рукѣ, будто бы раненой, а на вопросъ императрицы, что случилось съ нимъ, рассказалъ нелѣпую исторію, будто бы производилъ какіе-то опыты съ порохомъ въ бутылкѣ, будто порохъ случайно взорвало, стекло вонзилось ему въ руку и порѣзало ее такъ, что маркизъ опасался, какъ бы два пальца не утратили способность двигаться. Ея императорское величество выразила нѣкоторое участіе по поводу этого несчастья, но не могла не сказать, что еслибъ ребенокъ вздумалъ играть порохомъ, то его стоило бы посѣчь за это. Рассказъ о порохѣ обошелъ весь дворъ, но теперь любознательные люди розыскали, насколько правды во всей этой исторіи, и весь городъ знаетъ, что маркизъ повздорилъ съ д'Алліономъ, что отъ словъ они перешли къ дракѣ, причемъ д'Алліонъ выхватилъ шпагу и прокололъ маркизу правую руку. Впрочемъ, Шетарди съ помощью какого-то французскаго офицера удержалъ за собою поле сраженія, и на д'Алліонѣ остались ясныя доказательства, что его выпроводили изъ компаніи не совсѣмъ вѣжливо». Въ одномъ только французы и англичане сходятся, это—въ своихъ отзывахъ объ императрицѣ Елисаветѣ, которую они одинаково хвалятъ за ея добрыя качества, но упрекаютъ за недостаточное занятіе государственными дѣлами

и за чрезмѣрное пристрастіе къ удовольствіямъ. «Если царица не измѣнитъ своего поведенія,— писалъ Вейчъ 27 апрѣля 1743 г.,— не займется побольше и внутренними дѣлами имперіи, и дѣлами иностранными, она упадетъ въ глазахъ народа, утратитъ значеніе дома и всякое вліяніе за границей. Никогда еще ни одна европейская принцесса не вступала на престолъ съ такимъ вѣроятіемъ явиться крупною личностью въ судьбахъ Европы, какъ теперешняя царица. Провидѣніе обильно одарило ее качествами и талантами, способными привлечь любовь и уваженіе подданныхъ и другихъ народовъ, но страсть ея къ удовольствіямъ губить все, и опасались, какъ бы страсть эта, наконецъ, не повлекла за собою бѣдствій неисправимыхъ». Еще опредѣлительнѣе выражалъ тѣ же мысли, за три мѣсяца передъ тѣмъ, д'Алліонъ въ своей депешѣ къ Амело, отъ 19 января: «если царица будетъ вести себя такъ же легкомысленно, какъ теперь, то кончится тѣмъ, что или русскіе свергнутъ иго неограниченнаго правленія, или принцъ Иванъ будетъ призванъ, или великій князь увидитъ себя вынужденнымъ заявить свои права и лишитъ престола тетку». Еще гораздо ранѣе Шетарди не разъ высказывалъ опасенія, что императрица своимъ равнодушіемъ къ дѣламъ доведетъ страну до того, что русскимъ надоѣстъ переносить деспотизмъ, и они введутъ новую форму правленія, какъ у англичанъ, или шведовъ, или поляковъ.

В. Т.

Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ историческому розысканію о нихъ. А. Н. Неустроева. Спб. 1898.

Съ давнихъ поръ ревнители просвѣщенія приводятъ въ извѣстность все, что было сдѣлано печатнымъ станкомъ со времени заведенія въ Россіи типографіи. Съ этою цѣлью составлялись каталоги россійскимъ книгамъ по отдѣламъ разныхъ знаній, библиографическіе словари разнымъ періодическимъ изданіямъ, росписи и обзоренія журналовъ, съ поименованіемъ издателей, сотрудниковъ и разоблаченіемъ псевдонимовъ, обозначеніемъ пѣны и формата книгъ и т. д. Но эти работы были несовершенны и касались случайно собранныхъ къмъ либо книжныхъ коллекцій. Долгое время не было установлено даже числа начальной эры русской печатной литературы, «пока (говоритъ А. Н. Неустроевъ) разрѣшеніе этого вопроса не приняло на себя такое компетентное, по богатству научныхъ средствъ, учрежденіе, какъ императорская публичная бібліотека: собравъ изъ всевозможныхъ источниковъ первопечатныя «Вѣдомости»¹⁾, она перепечатала, по поводу праздновавшагося въ 1855 году императорскимъ Московскимъ университетомъ столѣтняго его юбилея, полный экземпляръ «Вѣдомостей» за 1703 годъ. Вотъ этимъ-то изданіемъ и указомъ о немъ Петра Великаго отъ 16-го декабря 1702 года императорская публич-

¹⁾ «Вѣдомости о военныхъ и иныхъ дѣлахъ, достойныхъ значенія и памяти, случившихся въ Московскомъ государствѣ и въ иныхъ окрестныхъ странахъ» (первыя русскія вѣдомости выходили въ неопредѣленные сроки) 1703—1727 г. «С.-Петербургскія Вѣдомости» (первоначально выходили по два раза въ недѣлю, впоследствии ежедневно) съ 1728 года по настоящее время.

ная библиотека первымъ днемъ русской періодической литературы положительно опредѣлила второе января 1703 года. Итакъ, вопросъ о времени появленія перваго листа періодическихъ изданій разрѣшился. Оставалось теперь опредѣлить количество издававшихся въ прошломъ столѣтїи журналовъ, а также и постепенное по времени ихъ появленіе. Наиболѣе полнымъ трудомъ въ этомъ направленїи, съ болѣе вѣрной хронологіей послѣдовательно одинъ за другимъ существовавшимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ прошлаго столѣтїа, слѣдуетъ назвать трудъ А. Н. Неустроева: «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданїяхъ и сборникахъ за 1703 — 1802 годахъ, библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ. Спб., 1874 годъ». Въ настоящее время «Историческое розысканіе» г. Неустроева представляетъ библиографическую рѣдкость, весьма цѣнную для лицъ, занимающихся исторїей русской литературы или составленіемъ біографій писателей XVIII вѣка.

Въ этомъ трудѣ о памятникахъ повременной письменности, г. Неустроевымъ описаны полные экземпляры русскихъ повременныхъ изданій за изслѣдуемый періодъ; указаны форматъ и порядокъ каждаго изданія, имена издателя, редакторовъ, сотрудниковъ, и раскрыты анонимныя подписи; опредѣлено время появленія и срокъ существованія каждаго изъ періодическихъ изданій, программа ихъ, условія подписки, и указаны вышедшія въ свѣтъ послѣдующія изданія извѣстнаго журнала, сборника или газеты. Однако пользованіе этимъ солиднымъ трудомъ, для ознакомленія съ духовнымъ хранилищемъ русскаго творчества минувшаго вѣка, было крайне затруднительно безъ алфавитнаго къ нему указателя. Въ настоящее время г. Неустроевъ выпустилъ въ свѣтъ «Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ въ 1703 — 1802 годахъ и къ историческому розысканію о нихъ», завершивъ, такимъ образомъ, вполне свою кропотливую работу. До него, «Указатели» по литературѣ XVIII вѣка, какъ-то: «Указатель къ періодическимъ изданіямъ» П. Быстрова, «Азбучный указатель русской повременной словесности съ 1735 -- 1857 годовъ г. Аа-баз. Выпускъ первый. В. Всеволодова»; «Указатель русскихъ періодическихъ изданій съ 1703 — 1769 годовъ Е. Огородникова» и др., страдали тѣмъ, что одни составители ограничивали свой трудъ выборомъ изъ всѣхъ газетъ и журналовъ статей по одной какой нибудь спеціальности (Быстровъ по исторїи) и весьма часто безъ хронологїи и системы, другіе не шли далѣе буквы *а*, *б*, набирая случайно понавѣсія имъ подъ руку изданія и не исчерпывая до конца ни въ алфавитномъ, ни въ систематическомъ порядкѣ опредѣленный какой либо періодъ русской журналистики (В. Всеволодовъ), и, наконецъ, законченные труды страдали значительными пропусками. О своемъ «Указателѣ» г. Неустроевъ говоритъ: «Признавая трудность и почти невозможность судить о томъ, какія статьи должны быть признаны болѣе, какія менѣе важными, предусматривая, что нашей книгой могутъ воспользоваться изслѣдователи разныхъ спеціальностей, мы помѣстили въ алфавитномъ порядкѣ, безъ исключенія, названія всѣхъ именъ и предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ періодической прессѣ прошлаго столѣтїа, а также имена, о которыхъ упоминается въ нашемъ «Историческомъ розысканіи». Кромѣ авторовъ статей

и ихъ переводчиковъ, изслѣдователь, пользующійся нашей книгой, найдетъ въ ней лицъ, прикосновенныхъ къ печатному дѣлу, какъ-то: содержателей типографій, книгопродавцевъ и переплетчиковъ, такъ какъ они-то и были большею частію настоящими двигателями тогдашней періодической литературы въ публикѣ. Принявъ въ нашемя «Указатель» алфавитный порядокъ, мы для болѣе удобнаго отысканія сочли нужнымъ повторить нѣкоторыя статьи подъ рубриками, такъ, на примѣръ, статью «О женитьбѣ и свадебныхъ обрядахъ древнихъ евреевъ, грековъ, римлянъ и нѣмцевъ» читатель найдетъ еще подъ рубриками «Свадьбы», «Евреи», «Греки» и «Римъ»; статья «Граматы» помѣщена нами подъ рубриками: «Граматы», съ перечисленіемъ въ алфавитномъ порядкѣ всѣхъ царей, князей и духовныхъ особъ, коими грамота пожалована, кромѣ того, подъ рубриками лица, ее давашаго, и лица, ее получившаго, съ обозначеніемъ въ этихъ двухъ послѣднихъ рубрикахъ ея содержанія. Также точно повторяется и съ другими подобными статьями: кромѣ мѣста, которое онѣ занимаютъ по алфавиту, онѣ соединены нами въ цѣлое (въ алфавитѣ), какъ, на примѣръ: «Басни», «Драмы», «Комедіи», «Повѣсти» и проч., нѣкоторые же повторены въ виду оказать помощь лицу, пользующемуся «Указателемъ», которое, не найдя искомаго подъ одною рубрикою, можетъ найти его подъ другою. Не оспаривая удобствъ систематическаго порядка, при которомъ пользующійся «Указателемъ» находитъ въ одномъ мѣстѣ весь необходимый ему матеріалъ, мы, тѣмъ не менѣе, предпочли алфавитный порядокъ по слѣдующему соображенію. Систематизація такого необозримаго матеріала, какимъ является журналистика за сто лѣтъ, представляется слишкомъ сложной и слишкомъ разнообразной, чтобы составители указателей и лица, пользующіяся ими, могли прийти къ какой нибудь одной не терпящей измѣненій системѣ; наоборотъ, мы встрѣчаемся съ значительнымъ разногласіемъ взглядовъ въ этомъ вопросѣ о порядкѣ распредѣленія матеріала. Поэтому въ «Указатель», составленномъ систематически, лицо можетъ сдѣлать легко большіе пропуски при отыскиваніи нужныхъ ему статей, такъ какъ оно, можетъ быть, начнетъ ихъ искать въ одномъ отдѣлѣ, между тѣмъ какъ онѣ будутъ находиться въ другомъ. Этотъ недостатокъ устраненъ въ «Указатель», составленномъ по алфавиту. Въ этомъ послѣднемъ пользующійся книгой долженъ уже самъ намѣтить себѣ всѣ тѣ статьи, которыми онъ интересуется, и разъ имъ это сдѣлано съ должнымъ вниманіемъ и аккуратностью, то въ его поискахъ не окажется пробѣловъ, возможныхъ при болѣе подготовленномъ, но опасномъ по своему произвольному скрытію статей систематическомъ порядкѣ». Въ заключеніе, авторъ «Указателя» замѣчаетъ: «Не имѣя возможности лично составить продолженіе нашего труда, и тѣмъ не менѣе озабоченные возстановленіемъ исторіи русской журналистики, мы сочли своимъ долгомъ, по мѣрѣ возможности, содѣйствовать этому дѣлу хотя съ матеріальной стороны. Въ императорской академіи наукъ нами учреждены двѣ преміи нашего имени, предназначенныя къ выдачѣ продолжателямъ нашего труда, которыхъ академія признаетъ достойными быть ими награжденными. Первая, въ 750 рублей, за составленіе «Историческаго розысканія о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1803—1850 г.г., библиографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ».

Вторая, въ 500 рублей, за составленіе «Указателя къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1803—1850 года и къ историческому розысканію о нихъ». Срокомъ для представленія этихъ трудовъ нами назначенъ 1905 годъ; въ случаѣ непредставленія къ этому сроку, будетъ назначенъ новый срокъ, 1915 годъ. Изъ выросшихъ на капиталъ этихъ двухъ премій къ 1915 году процентовъ (если преміи эти не будутъ выбраны въ 1905 году) нами будетъ учреждена третья премія, въ 500 рублей, за составленіе по той же формѣ «Указателя къ С.-Петербургскимъ и Московскимъ Вѣдомостямъ за время 1703—1850 годъ». Надо, конечно, думать, что трудъ г. Неустроева вызоветъ не менѣе трудолюбивыхъ работниковъ по исторіи русской періодической печати первой половины XIX вѣка, болѣе уже легкой и доступной, чѣмъ изслѣдованіе печатныхъ памятниковъ минувшаго столѣтія.

А. Фаресовъ.

Исторія дѣтской души. Повѣсть М. Корелли. Переводъ Е. А. Изданіе К. П. Побѣдоносцова. Москва. 1897.

Свѣтомъ и тепломъ вѣетъ отъ этой умной книги извѣстной англійской писательницы Маріи Корелли. Въ ней разсказывается трагическая и поучительная исторія одного вдумчиваго, десятилѣтняго мальчика Ліонеля (Лиля) и шестилѣтней дѣвочки Жесмины. Въ обоихъ дѣтяхъ теплится святой огонь вѣры; но ложная «система» воспитанія и обученія гаситъ въ душѣ мальчика этотъ свѣтъ и въ то же время убиваетъ и его тѣло: дѣлаетъ его не по лѣтамъ ученымъ, но слабымъ, нервнымъ и тщедушнымъ, а въ его чуткую, поэтическую душу вливаетъ ядъ сомнѣній и преждевременныхъ рефлексовъ.

Чрезвычайно рельефно выступаетъ въ повѣсти и типъ отца мальчика, богатаго англичанина мистера Джона Велискурта, крайняго атеиста и очень гордаго, эгоистичнаго и безсердечнаго человѣка, желавшаго сдѣлать изъ своего единственнаго сына ученаго и воспитывавшаго его безъ всякой вѣры, по катехизису «свободнаго мышленія».

Исторія «дѣтской души» начинается съ того, что отъ мальчика отнимаютъ его воспитателя, мистера Монтроза, котораго Ліонель успѣлъ полюбить всею душой, но которымъ былъ недоволенъ отецъ воспитанника, за то, что Монтрозъ «суевѣрно вѣрилъ въ мифъ христіанства и въ безсмертіе души». Съ уходомъ любимаго учителя, мальчикъ остается въ домѣ совсѣмъ одинокимъ: его никто не ласкаетъ и не любитъ, и онъ не имѣетъ даже товарищей дѣтскихъ игръ. Затѣмъ, къ этому нѣжному мальчику, случайно, попадаетъ въ руки Евангеліе и совершаетъ, конечно, страшный переполохъ въ его юной душѣ, давно уже ищущей вѣры и жаждавшей знанія: кто именно Создатель вселенной?..

Выписанный для Ліонеля новый воспитатель, «знаменитый ученый профессоръ» Кадмонъ-Горъ, не даетъ отвѣта на пытливые вопросы своего ученика и отдѣляется лишь общими мѣстами, въ родѣ увѣреній, что «первая причина— есть непроницаемая тайна», а ученые де должны руководиться тѣмъ, что дознано естественною наукой..

Далѣе, въ жизни мальчика совершается новая потрясающая драма. Однажды, поздно вечеромъ, когда онъ уже улегся въ свою дѣтскую постельку, къ нему

пришла его мать и объявила, что, желая избавиться отъ черствого деспотизма мужа и «устроить для себя свѣтлый день и чудный праздникъ», она уходитъ изъ дому навсегда. Сынъ умоляетъ ее не уѣзжать, протягиваетъ къ ней свои слабыя, исхудалыя ручки, но это не помогаетъ: мать хочетъ «хоть разъ въ своей жизни испытать, что такое счастье», и уходитъ-таки отъ мальчика, подаривъ ему, на прощаніе, особенно изящную ленту-кушакъ къ его платьицамъ, «заказанную во Франціи по особому рисунку».

Послѣднимъ ударомъ для дѣтской чистой души многострадальнаго мальчика была смерть его единственнаго друга — маленькой дѣвочки Жесмины, дочери кладбищенскаго сторожа, съ которою онъ случайно, незадолго до того, познакомился. Смерть эта такъ сильно повліяла на Ліонеля, а вопросы: по чьей волѣ умерла Жесмина? и кто ее взялъ? и гдѣ она теперь?—такъ неотвязно подступили къ молодой душѣ, что мальчикъ, слышавшій однажды, какъ повѣсился какой-то туристъ, рѣшился на самоубійство: ночью, когда весь домъ спалъ, онъ написалъ своему ужасному отцу, а также и профессору, письма и затѣмъ повѣсился на той самой голубой лентѣ, которую подарила ему его легкомысленная мать, и, такимъ образомъ, «малый ребенокъ (говорится въ концѣ книги), измученный тайной жизни, безстрашно всступилъ на путь, который, согласно его чаянію, долженъ былъ привести его къ тому Богу, коего жаждала душа его и котораго людская гордыня и злоба силились у него отнять»...

Въ этомъ, собственно, и заключается трагическая «исторія дѣтской души» мальчика Ліонеля, производящая на читателя потрясающее впечатлѣніе своею психологическою стороной. Въ то же самое время эта прекрасная книга даетъ ясныя и прямые отвѣты на нѣкоторые первостепенные вопросы, продолжающіе и до сего времени занимать умы многихъ интеллигентныхъ людей у насъ и на западѣ: во-первыхъ, нужна ли при воспитаніи дѣтей религія, а, во-вторыхъ, какая изъ системъ воспитанія лучше?

Первый вопросъ разрѣшается самою трагическою исторіей чистой и пытливой души мальчика Ліонеля и, главное, тѣми статистическими данными о самоубійствѣ подростковъ и малолѣтковъ, которыя, напримѣръ, въ одномъ только Нантскомъ учебномъ округѣ (во Франціи, гдѣ въ большинствѣ школъ существуетъ «катехизисъ свободнаго мышленія») достигли поражающей цифры 443 случаевъ за одинъ годъ. А на второй вопросъ отвѣчаютъ слѣдующія благородныя разсужденія автора о судьбѣ даровитыхъ, способныхъ дѣтей: «Чѣмъ быстрѣе они схватываютъ, тѣмъ больше ихъ «ничкаютъ» (науками) и, въ концѣ концовъ, ни мозгъ, ни сердце не выдерживаютъ, неудачи слѣдуютъ за неудачами и приводятъ къ окончательному пораженію всего организма. Счастливы, въ эти дни ложнаго прогресса, мальчикъ тупой, который не можетъ хорошо учиться, который засыпаетъ за книгой и срѣзывается на экзаменахъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, онъ впослѣдствіи превзойдетъ во всемъ того перваго ученика, нагруженнаго наградами, который презрительно теперь относится къ нему: будетъ лучше его, пожалуй, даже и умнѣе. Молодой сорванецъ, котораго мать-природа сманиваетъ въ рощи и луга, когда онъ долженъ сидѣть за книгой, который имѣетъ дерзновеніе находить лишнимъ прилежно

изучать мертвые языки, разъ онъ никогда говорить на нихъ не будетъ, который, не переставая быть жизнерадостнымъ, безропотно переводитъ заслуженное наказаніе, способенъ выработать изъ себя человѣка, покажетъ себя сильнымъ и на полѣ брани, и на полѣ жизни, въ борьбѣ съ препятствіями, которыя сумѣетъ превозмочь. Ученье, какъ оно нынѣ ведется, убиваетъ всякую самобытность въ человѣкѣ: ни ясность мысли, ни силы физическія не могутъ быть достояніемъ несчастныхъ жертвъ «пичкавья».

Этими прекрасными словами талантливаго автора мы и закончимъ нашу рецензію объ этой замѣчательной книгѣ. Издана она чрезвычайно изящно и переведена хорошимъ литературнымъ языкомъ. И. Н. З.

Е. Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новой точки зрѣнія. Переводъ съ нѣмецкаго Ю. М. Антоновскаго. Спб. 1897.

Сочиненія Дюринга понемногу начинаютъ проникать въ нашу читающую публику, и главная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ г. Антоновскому. Еще не такъ давно онъ ознакомилъ читателей съ столь извѣстнымъ за границей сочиненіемъ Дюринга «Цѣнность жизни», о коемъ въ свое время было говорено на страницахъ нашего журнала, а въ настоящее время онъ дѣлаетъ цѣнный вкладъ въ русскую книжную сокровищницу переводомъ обширнаго историко-литературнаго и философскаго сочиненія этого оригинальнаго мыслителя «Великіе люди въ литературѣ». Книга эта имѣетъ за границей свою шумную исторію и главнымъ образомъ шумную по тому поводу, что въ Австріи она была конфискована и запрещена за антисемитическій образъ мыслей автора. Антисемитизмъ, правда, не послужилъ препятствіемъ къ появленію перевода книги на русскій языкъ, но тѣмъ не менѣе и у насъ она появляется съ значительными купюрами, явившимися въ изданіи не по винѣ переводчика и не по настояніямъ издательницы, г-жи Поповой. Такъ, обращаясь къ русской литературѣ, Дюрингъ въ 15 главѣ ограничивается замѣчаніями и разборами трудовъ Гоголя, Чернышевскаго и Герцена, и именно этихъ-то разборовъ мы и не находимъ въ русскомъ переводѣ. Поэтому всеобщая исторія, представленная Дюрингомъ въ лицѣ ряда великихъ людей Европы, поневолѣ умалчиваетъ о существованіи духовной работы русскаго народа и какъ бы вычеркиваетъ этотъ народъ съ арены исторической дѣятельности. Немного какъ будто выходитъ и обидно, но что дѣлать — вина въ томъ не Дюринга, не г-жи Поповой, не г. Антоновскаго. Какъ бы тамъ ни было, однако, и въ настоящемъ видѣ появленіе у насъ «Великихъ людей» въ переводѣ должно быть привѣтствовано, какъ отрадное явленіе, и можетъ считаться счастливымъ событіемъ книжнаго рынка.

Защитникъ націонализма, народныхъ началъ и расовыхъ особенностей, съ одной стороны, ярый антисемитъ и социалистъ (но не въ духѣ Энгельса, Маркса и ихъ послѣдователей), съ другой — Дюрингъ является чрезвычайно оригинальнымъ мыслителемъ, плывя рѣшительно противъ всякихъ теченій и за свой исключительный страхъ и рискъ бросая перчатку всеъмъ авторитетамъ

прошлаго и нынѣшняго времени. Врагъ всякихъ готовыхъ формулъ, ходячихъ рутинныхъ взглядовъ, онъ подходитъ, вооруженный обширными знаніями и богатымъ научнымъ арсеналомъ, къ разбираемымъ явленіямъ литературной жизни и по каждому случаю умѣетъ высказать массу оригинальнаго, новаго, блестящаго. Правда, вы слышите часто въ этихъ произносимыхъ словахъ явно парадоксальное, но тѣмъ не менѣе не можете отказать себѣ въ удовольствіи насладиться бесѣдою съ удивительно оригинальнымъ мыслителемъ, имѣющимъ въ каждый данный моментъ сказать что нибудь дѣйствительно свое собственное, придуманное собственнымъ умомъ, а не принятое на вѣру съ голоса «великихъ учителей». Вы можете съ собесѣдникомъ не соглашаться, съ нимъ спорить, ему возражать, но вы врядъ ли будете въ состояніи отказать ему въ блескѣ ума, глубинѣ анализа литературныхъ явленій, а главное, что васъ невольно подкупаетъ, въ благородствѣ цѣлей и стремленій. Главная задача проповѣди Дюринга, проповѣди страстной, настойчивой, это указаніе необходимости человѣчеству новыхъ путей общественнаго обновленія. «Слова Байрона, — говоритъ онъ, — что «одна только революція можетъ спасти землю отъ адскаго наслѣдія», были бы справедливы лишь въ томъ случаѣ, еслибъ при этомъ самый общественный духъ могъ подвергнуться измѣненію, или, лучше сказать, реконструкціи. Одна только надежда на революцію, къ тому же еще очень проблематичную, стоитъ во многихъ отношеніяхъ не больше, чѣмъ надежда реакціонныхъ кружковъ на реакцію и реставрацію. Что нужно и что одно только можетъ помочь — это переустройство жизни на новыхъ основаніяхъ. Въ старыхъ фундаментахъ слишкомъ многое обветшало. Необходимо обновленіе въ области духовной. Обновленіе это безусловно повліяетъ благотворно на скрытый иначе запасъ творческой силы и будетъ способствовать къ созданію болѣе высокихъ произведеній въ области эстетики. Вотъ ради этого-то обновленія духовнаго онъ и рѣшается «стряхнуть школьную пыль, выдѣлать въ своемъ трудѣ по исторіи литературы дѣйствительно хорошее, удалить дурное, оградить умъ и чувство отъ заблужденій». И нужно отдать честь и справедливость нѣмецкому ученому, онъ идетъ къ намѣченной цѣли смѣлымъ и энергичнымъ шагомъ, отъ котораго вопстину дрожить и колеблется вся утоптанная былыми изслѣдователями литературы почва подъ ногами читателей. Шестіе Дюринга на всемірные авторитеты самое разрушительное, которое только можно было ожидать: Данте, Тассо, Сервантесъ, Шекспиръ, Мольеръ, Мильтонъ, Гёте, Шиллеръ, Бёрне, Гейне, — всѣ оказываются ниже требованій, предъявленныхъ критикомъ къ представителямъ истиннаго и здраваго творчества, всѣ они, по его мнѣнію, пользуются дутою незаслуженною репутаціею, созданною имъ, то по національному тщеславію родными критиками, то по недостатку здоровыхъ идеаловъ у этихъ критиковъ, то по ошибкѣ, по недоразумѣнію, по непониманію задачъ прогрессивнаго развитія человѣчества. Мягче относится онъ къ Вольтеру, Руссо, Шелли, Рошфору и Пібсену, но и тутъ нельзя сказать, чтобъ на долю этихъ представителей литературы всегда доставались лишь одни лестныя аттестаціи и нѣжныя эпитеты: Руссо, по его опредѣленію, фантазеръ, погрязшій въ дебряхъ мистики, Шелли — женоподобный метафизикъ и т. д. Въ значительной степени его свисходительное отношеніе къ Воль-

теру построено на чувствѣ антисемитизма, и это же послѣднее заставляетъ его положительно втоптать въ грязь Бёрне и Гейне исключительно за то, что они принадлежатъ къ еврейскому племени. Врядъ ли оба названные писателя даже со стороны самыхъ придирчивыхъ критиковъ видѣли надъ своею литературною дѣятельностью такой сыскъ и слѣдствіе, которое учинилъ Дюрингъ. Поэтому уже изъ одного этого обстоятельства мы имѣемъ возможность сдѣлать тотъ прямой выводъ, что въ настоящемъ случаѣ приходится считаться съ историкомъ литературы въ высшей степени пристрастнымъ, субъективнымъ, увлекающимся своими слабостями и антипатіями, основанными на готовыхъ выводахъ голой теоріи, къ какимъ онъ и спѣшитъ подогнать свои субъективныя чувства.

Надъ всѣми писателями міровой литературы онъ превозноситъ только двухъ — Бюргера и Байрона, и перваго по преимуществу. «Въ области собственно поэзіи мы могли къ нашему столѣтію выдвинуть только двухъ ея великихъ представителей, дѣйствующихъ сравнительно благотворно на мысль и чувство, — Бюргера и Байрона. Они самые правдивые между поэтами, — говоритъ Дюрингъ, — кромѣ того, у нихъ достаточно было мужества и чувства независимости. Дѣятельность стояла у нихъ выше искусства, и въ этомъ отношеніи они были больше, чѣмъ только поэты. Это дѣлаетъ ихъ особенно великими и позволяетъ не обращать вниманія на ихъ слабости. Несмотря на эти послѣднія, они долго, очень долго останутся еще вождями лучшей части человечества. Когда и къъ они могутъ быть превзойдены, или хотя бы только замѣнены, — этого нельзя еще предвидѣть. Съ нашей точки зрѣнія, болѣе совершенная поэзія дѣйствительности принадлежитъ лишь будущему; но откуда явятся способности къ такому болѣе чистому и возвышенному роду поэзіи? Если послѣднія два столѣтія могутъ указать собственно только два эти имени, по крайней мѣрѣ, въ области ритмической поэзіи и выраженного тамъ благороднаго настроенія, то сколько еще должно пройти времени, прежде чѣмъ опять появится хоть одна только личность, напоминающая, или стоящая выше ихъ!...»

Любопытно отмѣтить также, что въ сферѣ прозаиковъ Дюрингъ выдвигаетъ извѣстнаго французскаго публициста Рошфора, въ которомъ онъ высоко ставитъ независимость мнѣнія, оригинальность, остроуміе, а главное... его антисемитизмъ, рѣзко сказавшійся въ романѣ «Les Dépravés». Что же касается Зола, то, по мнѣнію Дюринга, онъ простой лишь фабрикантъ романовъ.

Уже одни эти немногія приведенныя мнѣнія нѣмецкаго критика-философа достаточно наглядно обнаруживаютъ всю оригинальность, эксцентричность его писательской физіономіи, озаренной во всякомъ случаѣ веселой улыбкой и любовью къ человечеству, которое ему такъ сильно хочется видѣть здоровымъ, счастливымъ и свободнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. В. Глинскій.

Справочная книжка по географіи. В. Покровской. Юрьевъ. 1898.

Автору настоящей небольшой и опрятно изданной книжки практическаго характера можно отъ души сказать спасибо. Она восполняетъ

крупный пробѣлъ въ нашей литературѣ, благодаря которому часто трудно знать, особенно при чтеніи газеты, что представляет собой извѣстное географическое названіе, гдѣ находится тотъ или иной городъ, та или другая рѣка, гора и проч. Извольте-ка каждый разъ лазить въ спеціальныя справочныя изданія или географическіе пространныя атласы, которыхъ легко можетъ и не быть въ библиотечномъ обиходѣ. Да еслибъ они очутились подъ рукою, то все же не всегда бываетъ легко разрѣшить интересующій васъ вопросъ: школьные уроки уже давно забыты и, кромѣ того, многое явилось на свѣтъ или было открыто, когда вы уже и память о самой школѣ потеряли. Вотъ въ такихъ затруднительныхъ положеніяхъ васъ всего скорѣе и выручитъ г-жа Покровская съ своимъ алфавитнымъ указателемъ, гдѣ въ рубрикѣ той или иной буквы вамъ не трудно найти то, что васъ въ данный моментъ интересуетъ. Но почтенная издательница настольнаго словаря главнѣйшихъ географическихъ названій этимъ не ограничиваетъ своей задачи; она, въ интересахъ распространенія знанія, присоединяетъ къ первой и главнѣйшей части вторую, гдѣ даетъ собраніе географическо-статистическихъ таблицъ, въ которыхъ характеризуется жизнь каждаго государства съ различныхъ сторонъ: положенія, устройства поверхности, пространства, населенія, его раздѣленія, числа жителей различныхъ городовъ, военнаго могущества, финансовъ, промышленности, торговли, судоходнаго, желѣзнодорожнаго, почтоваго, телеграфнаго и телефоннаго сообщеній, мѣръ, вѣсовъ, монетъ и проч. Такимъ образомъ, читатель въ трудѣ г-жи Покровской получаетъ краткую географическую энциклопедію, значительно облегчающую именно чтеніе газетъ и научныхъ сочиненій, гдѣ часто ссылки и указанія дѣлаются въ сокращенномъ или неполномъ видѣ. Весьма возможно, что придирчивая критика, во что бы то ни стало пожелавшая сдѣлать автору упрекъ или замѣчаніе, найдетъ въ работѣ г-жи Покровской какой нибудь пропускъ или недочетъ¹⁾, но этимъ смущаться нечего: не ошибается лишь тотъ, кто ничего не дѣлаетъ, а г-жа Покровская поработала много и дала намъ полезный и хорошій трудъ. Всѣ ея свѣдѣнія почерпнуты изъ источниковъ вполнѣ компетентныхъ или прямо официальныхъ, гарантирующихъ намъ правильность и свѣжесть статистическихъ данныхъ.

Г. Л. И.

Привѣтъ. Художественно-научно-литературный сборникъ. Изданъ Обществомъ вспомошествованія нуждающимся ученицамъ Василеостровской женской гимназіи въ С.-Петербургѣ. Спб. 1898.

Общество вспомошествованія нуждающимся ученицамъ Василеостровской женской гимназіи въ Петербургѣ, съ цѣлью увеличенія своихъ средствъ, задумало издать сборникъ, который былъ бы составленъ изъ произведеній извѣстныхъ писателей и художниковъ. Въ этихъ видахъ, оно обратилось, при посредствѣ преподавателя словесности въ гимназіи, Н. И. Познякава, ко многимъ литераторамъ и художникамъ съ просьбой оказать содѣйствіе задуманному дѣлу. Призывъ этотъ, по словамъ издателей сборника, встрѣтилъ не только теплое, но даже «трогательное» сочувствіе весьма многихъ лицъ: доброхотно, «съ радостью» пожертвовали они для сборника свои произведенія и такимъ

¹⁾ Неизвѣстно, отчего города обозначены безъ количества жителей.

образомъ «оказали, каждый въ своемъ духѣ и тонѣ, привѣтъ не только Обществу въ частности, но и вообще учащейся молодежи, любящей искусство и благоговѣющей предъ именами писателей и художниковъ, но мало еще знакомой съ ихъ современными представителями». Отсюда и заглавіе сборника — «Привѣтъ». Всѣхъ произведеній, пожертвованныхъ для сборника, болѣе семидесяти и подъ многими изъ нихъ находятся подписи извѣстныхъ авторовъ: К. Р., Я. П. Полонскаго, Д. К. Мамина-Сибиряка, П. В. Засодимскаго, Д. Л. Мордовцева, А. К. Шеллера, И. А. Салова, В. А. Тиханова, В. П. Острогорскаго, А. А. Луговаго, П. П. Гнѣдича, И. Н. Потапенко, П. И. Вейнберга, К. М. Станюковича, Н. П. Вагнера, В. О. Михневича, проф. Э. Ю. Петри, А. М. Жемчужникова, акад. А. Н. Веселовскаго и др. Эти имена избавляютъ насъ отъ необходимости говорить о литературныхъ достоинствахъ произведеній, помѣщенныхъ въ сборникъ, и разнообразіи его содержанія. Изъ художниковъ, на призывъ Общества, откликнулось двадцать-пять человѣкъ, въ томъ числѣ: И. Е. Рѣпинъ, баронъ М. П. Клодтъ, Л. Ф. Лагорио, Н. Н. Каразинъ, А. А. Писемскій, Г. П. Кондратенко, А. Н. Новооскольцевъ и другіе приславшіе свои рисунки, прекрасно воспроизведенные фототипіей въ художественномъ заведеніи П. И. Бабкина. Благодаря этому, издатели сборника могли придать ему видъ изящнаго книжечка, который смѣло можно рекомендовать вниманію публики. Поддержавъ это изданіе, она окажетъ посильное содѣйствіе благотворительнымъ цѣлямъ Общества и вмѣстѣ съ тѣмъ приобрететъ очень хорошую книгу. С. Ш.

**Сказки, рассказы и легенды крестьянъ сѣвернаго края. Составилъ
А. Е. Бурцевъ. Спб. 1897.**

Роскошное изданіе г. Бурцева издано всего въ количествѣ 40 экземпляровъ и не предназначено въ продажу. Объ этомъ можно искренно пожалѣть, такъ какъ все, что касается творчества народнаго, должно бы было получить какъ можно болѣе широкую огласку и распространеніе. Для этого распространенія и огласки, какъ извѣстно, принимаются и правительствомъ за свой счетъ, и учеными разными обществами кое-какія мѣропріятія, имѣющія, главнымъ образомъ, цѣль поднять творческій духъ народный, очистить его чистый источникъ отъ мусора и плѣсени, затянувшихъ его мутными потоками подонковъ столичной и, главнымъ образомъ, фабричной жизни новѣйшаго времени. Вотъ почему намъ и кажется, что г. Бурцевъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы издалъ свой сборникъ менѣе роскошно, но за то не въ нѣсколькихъ десяткахъ экземпляровъ, а въ сотняхъ и непремѣнно для продажи. И тѣмъ болѣе объ этомъ слѣдуетъ пожалѣть, что собраніе его сказокъ и легендъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія публики и любителей народнаго эпоса оригинальностью образовъ, языка и вариантовъ къ имѣющимся уже въ литературѣ по тѣмъ же мотивамъ произведеніямъ. Нашъ сѣверный край представляетъ собою и повинѣ еще полную чашу, гдѣ съ любовью и всею тщательностью хранятся отзвуки минувшаго, преданія былыхъ временъ и рѣчей.

Въ сборникѣ помѣщено 48 различныхъ сказокъ и проч., изъ нихъ нѣкоторыя сказки собраны и записаны самимъ г. Бурцевымъ лично въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Олонецкой и Ярославской, лѣтомъ 1892 — 1893 гг.,

а нѣкоторыя доставлены ему нѣкимъ жителемъ гор. Кадникова, г. П. Л., какъ видно, любителемъ сказаній русскаго народа. Лучшими изъ помѣщенныхъ здѣсь сказокъ должно считать: «Какъ пономарь отдалъ свою пономарицу замужь», «Сказка объ Алешѣ Голоцузомъ», «Сказка о работникѣ и чортѣ», «Сказка о трехъ королевичахъ», «О Иванѣ богатырѣ и его прекрасной супругѣ Свѣтланѣ», «Исторія о Францелѣ Венціанѣ». Эти сказки книжнаго происхожденія и взяты изъ лубочныхъ изданій разныхъ годовъ по уваженію къ тѣмъ особенностямъ въ ихъ содержаніи, какими онѣ отличаются отъ подобныхъ же сказокъ, записанныхъ прямо со словъ народа. Сказки №№ 1, 2, 3, 10, 23, 26, 29, 40, 44 относятся къ послѣдней именно категоріи и представляютъ собою необычайный интересъ филологической, этнографической и исторической; нѣкоторыя изъ помѣщенныхъ сказокъ заимствованы изъ собраній Н. Иванцкаго, помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ общества естествознанія, антропологии и этнографіи», а также изъ сборника Шустикова, Харузина и другихъ рѣдкихъ изданій, въ числѣ которыхъ не послѣднее мѣсто занимаютъ «Губернскія Вѣдомости». Г. Бурцевъ не считаетъ своей работы законченной и имѣетъ въ виду издать еще одну часть, гдѣ будутъ помѣщены нужныя объясненія и замѣтки. Н.

А. А. Нильскій. Закулисная хроника. Съ портретами артистовъ. Спб. 1897.

Исторія искусствъ вообще, а драматическаго въ особенности, у насъ еще совершенно не разработана, и мы до сихъ поръ не имѣемъ ни одной, сколько нибудь полной, исторіи театра. Объясняется это, конечно, главнымъ образомъ отсутствіемъ матеріала. Наши артисты — художники минуты; прошла эта минута, не оставила послѣ себя никакого слѣда, и она уже потеряна навсегда. Творчество ихъ воплощается не въ картинахъ, книгахъ или статуяхъ, а въ образахъ, которые исчезаютъ немедленно, лишь только занавѣсъ отрѣжетъ ихъ отъ наблюдателя. Тотъ же занавѣсъ закрываетъ сценическихъ дѣятелей и отъ глазъ потомства. Что же касается до внутренней, такъ называемой закулисной жизни артистовъ, то публика ее не только не знаетъ, но часто имѣетъ о ней совершенно превратное понятіе. Нѣкоторый свѣтъ на эту своеобразную жизнь проливаютъ изрѣдка появляющіяся воспоминанія людей, имѣющихъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ сценѣ. Само собой понятно, что, чѣмъ ближе находился авторъ мемуаровъ къ театру, тѣмъ его воспоминанія имѣютъ большее значеніе. Къ числу такого рода мемуаровъ слѣдуетъ отнести и вышедшія недавно воспоминанія А. А. Нильскаго. Талантливый артистъ Императорскихъ театровъ, покинувшій сцену лишь въ концѣ прошлаго года, подвизался на театральныхъ подмосткахъ сорокъ лѣтъ. Его закулисная хроника, такимъ образомъ, является какъ бы итогомъ сорокалѣтней жизни одной изъ лучшихъ русскихъ сценъ, на которой дѣйствовали наивыдающіеся сценическіе артисты. Мы не говоримъ, конечно, что авторъ написалъ исторію театра за это время, что книга его имѣетъ исчерпывающее значеніе. Мы хотимъ только сказать, что живо, талантливо написанная книга г. Нильскаго заключаетъ въ себѣ очень богатый матеріалъ, достаточно, хотя, быть можетъ, не совсѣмъ полно обрисовывающій театральныя отношенія за очень длинный

промежутокъ времени. О содержаніи книги мы, впрочемъ, подробно говорить не будемъ, такъ какъ по частямъ воспоминанія г. Нильскаго печатались въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1893—1894 гг. и, по всей вѣроятности, болѣе или менѣе извѣстны нашимъ читателямъ. Изданныя отдѣльно, они приобрѣли только большую цѣльность. Напечатана книжка очень изящно и иллюстрирована портретами многихъ артистовъ. Къ сожалѣнію, г. Нильскій не снабдилъ ее именнымъ указателемъ, который представляется особенно необходимымъ въ виду заявленія самого автора о томъ, что его хроника «не есть какое либо сочиненіе или вымыселъ для развлечения читателя, но состоитъ изъ правдивыхъ разсказовъ о томъ, что происходило на театрѣ и за кулисами». В. В.

Kraj w obrazach. Gubernje królestwa Polskiego. Zbiór fotografií najbardziej uwagi godnych miast, okolic, zabytków starożytności i dzieł sztuki, zebranych i wydanych przez K. Woźniaka (Край въ картинахъ. Губерніи царства Польскаго. Собраніе фотографій наиболѣе заслуживающихъ вниманія городовъ, мѣстностей, памятниковъ древности и произведеній искусства, собранныхъ и изданныхъ К. Вознякомъ). Выпуски I—III. Варшава. 1897.

Излишне было бы доказывать, что польская литература занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ не только въ ряду славянскихъ, но и въ ряду европейскихъ, литературъ и, конечно, не по одному только количеству, но и по качеству издаваемого печатнаго матеріала. Стремленіе же утилизировать этотъ матеріалъ, — сдѣлать его доступнымъ за сравнительно небольшую цѣну большинству читателей, — составляетъ особенность современной польской литературы. Недавно, на страницахъ «Историческаго Вѣстника» мы дали отзывъ объ одномъ справочно-статистическомъ изданіи, вышедшемъ въ Варшавѣ, томикъ въ 400 страницъ, стоящемъ всего 15 коп.

Теперь передъ нами новое изданіе — «Kraj w obrazach» — большаго формата (болѣе нашей «Нивы») альбомъ съ великолѣпными фотогравюрами. Выходитъ выпусками. Каждый выпускъ стоитъ 45 коп. и заключаетъ въ себѣ 8 снимковъ. Всего издатель обѣщаетъ 12—15 выпусковъ. До сихъ поръ вышли три выпуска, содержащіе въ себѣ 24 вида. Изъ послѣднихъ нѣкоторые, какъ, на примѣръ: театръ въ Лазенкахъ, каплица въ Виляновѣ (вып. I), улица Фреташирокая въ Варшавѣ (вып. II), палацъ Сташица, до перестройки, костѣль св. Екатерины въ Радомѣ, Плоцкъ съ Вислы (вып. III) — положительно шедевры фотогравюры. Каждый снимокъ оттиснутъ на отдѣльномъ листѣ, и подъ каждымъ помѣщено краткое, но содержательное описаніе. Желательно только, чтобы издатель, имѣя въ виду ограниченное количество выпусковъ (12—15 тетрадей что же значать для описанія страны, богатой историческими памятниками, изображениями которыхъ, въ свое время, Стрончинскій, Собъщанскій, гр. Пржездзецкій, Ходзько, Наполеонъ Орда наполнили объемистые фоліанты!), былъ разборчивѣе въ выборѣ снимковъ, а также хотѣлось бы не видѣть такихъ ошибокъ, какъ наименованіе каѳедральнаго собора въ Плоцкѣ «фарою» (fara — собственно значить: приходская церковь), вмѣсто «тумы» (какъ онъ и называется; tyn — соборная церковь).

Г. А. Воробьевъ.

Историческіе очерки и изслѣдованія Казимира Пуласкаго („Szkice i poszukiwania historyczne Kazimierza Pulaskiego“. Peterzburg. 1898).

Вторая серія историческихъ трудовъ Казимира Пуласкаго заключаетъ прежде всего впервые опубликованныя «Записки барскаго конфедерата», извлеченныя изъ сохранившейся современной рукописи неизвѣстнаго автора. Авторъ записокъ присоединился къ конфедерации съ самаго ея начала, принималъ дѣятельное участіе во многихъ стычкахъ русскихъ и польскихъ войскъ, затѣмъ бѣжалъ вмѣстѣ съ другими главарями за границу и участвовалъ въ набѣгѣ татарскаго хана Крымъ-Гирея на Россію. Вернувшись на родину, онъ очутился въ Ченстоховѣ, во время вторичной осады его княземъ Голицынымъ и, наконецъ, благополучно почилъ у домашняго очага. Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что авторомъ этихъ записокъ былъ Антонъ Ларисса Здановскій, подписи котораго, въ качествѣ полковника кievской милиціи, совѣтника конфедерации и пр., имѣются на многихъ современныхъ актахъ. Г. Пуласкій ограничился здѣсь такою обработкой матеріала, которая могла бы лишь облегчить новое самостоятельное изслѣдованіе, насколько данныя записки представляютъ собою что либо цѣнное для историко- и бытописателя современной эпохи. Во всякомъ случаѣ непосредственно и неоднократно затрагиваютъ онѣ тогдашнія польско-русскія отношенія.

Во второй статьѣ также впервые извлекается на свѣтъ Божій изъ автографовъ, хранившихся въ несуществующемъ нынѣ архивѣ Висновецкаго замка, частная корреспонденція великаго короннаго маршала Юрія Мнишека (1783—1790 гг.). Такъ какъ здѣсь находится много любопытныхъ и новыхъ историческихъ и бытовыхъ данныхъ, то корреспонденцію эту можно считать историческимъ матеріаломъ, о существованіи котораго всѣмъ изслѣдователямъ послѣднихъ годовъ самостоятельной Польши безспорно надлежитъ вѣдать.

Болѣе мѣстное значеніе имѣютъ «Постановленія Волынскаго сеймика въ Луцкѣ» въ 1790 году (63 параграфа). Двѣ послѣднія статьи («Подольская шляхта во время захвата турками Каменецъ-Подольска 1672 — 1699 гг.» и «Махметъ-Гирей, ханъ черкопскихъ татаръ, и его отношенія къ Польшѣ», 1515—1523 гг.) представляютъ собою уже вполне самостоятельныя историческія изслѣдованія самаго г. Пуласкаго.

Отношенія татаръ къ Польшѣ въ XVI ст. непосредственно вытекали изъ ихъ отношеній къ вел. княж. московскому. Обѣ державы пытались направить набѣги татаръ въ предѣлы своего соперника, наперерывъ склоняя къ этому владѣтелей орды помощью щедрыхъ подарковъ, дипломатическихъ посольствъ и пр. Татары подарки принимали обѣими руками и отъ русскихъ, и отъ поляковъ, и тѣмъ и другимъ общали дружбу и помощь, и систематически не сдерживали слова. Въ этомъ вся суть и характеристика ихъ дипломатіи. Любопытно приложенное здѣсь цѣликомъ письмо короля Сигизмунда I-го къ татарскому хану, своеобразно излагающее побѣду надъ русскими подъ Полоцкомъ. Вся эта статья имѣетъ непосредственную связь и служитъ какъ бы продолженіемъ другой раньше опубликованной г-номъ П., подъ заглавіемъ «Сношенія

Польши съ Менгли-Гиреемъ» (1469—1515 гг.). Обѣ онѣ представляютъ цѣльный и толковый сводъ всего, что по данному предмету можно найти въ старыхъ хроникахъ и архивахъ.

Остается сказать два слова о послѣднемъ очеркѣ «Подольская шляхта 1672—1699 годовъ». Уступкѣ туркамъ Каменецъ-Подольска предшествовалъ, какъ извѣстно, Бучацкій трактатъ, передавшій имъ большую часть подольскаго воеводства. Мѣстная шляхта, особенно съ 1672 г., толпами покидала насиженныя гнѣзда, переселяясь преимущественно въ смежное русское воеводство. Они участвовали во всѣхъ походахъ короля Яна Собѣскаго. Г. П. старательно доискивается всѣхъ слѣдовъ общественной ея дѣятельности во время этого 27-лѣтняго вынужденнаго изгнанія. Во главѣ нестрѣютъ имена мѣстныхъ «нобилей», Ланцкоронскихъ, Ржевускихъ, Потоцкихъ. Все это цѣнно для бытописателя, но лишь въ качествѣ сырого матеріала.

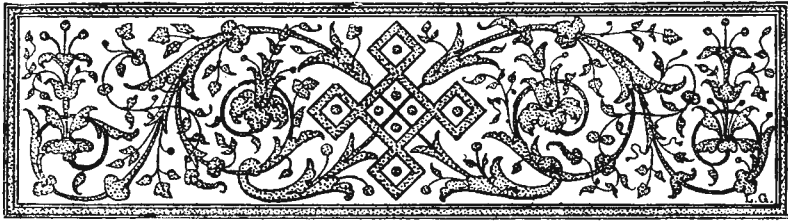
Въ общемъ, г. Пуласкій цѣльныхъ проникнутыхъ духомъ и колоритомъ эпохи историческихъ картинъ дать не въ состояніи. Взамѣнъ этого онъ кропотливо и добросовѣстно собираетъ матеріалъ къ такого рода картинамъ, въ видѣ болѣе или менѣе типическихъ и даже новыхъ штриховъ, красокъ и пр.

Г. К.

А. А. Лиевъ (Далинъ). Вторая книга „Не сказокъ“. Спб. 1898.

Газетная публицистика за послѣднее время значительно опустилась, ослабла силами и изъ числа молодыхъ своихъ представителей не можетъ назвать почти ни одного, кто бы оказался въ состояніи стать въ уровень не только съ былымъ Незнакомцемъ или Ниломъ Адмираломъ, но даже съ недавно скончавшимися С. Атавою, или Дьяковымъ-Жителемъ. Нынѣшніе представители ежедневной прессы, можетъ быть, пишутъ и очень хорошо, даже трогательно, вызывая часто къ общественной добродѣтели и высокимъ чувствамъ, но они положительно всѣ лишены того, что называется «писательскій нервъ», того общественнаго чутья, которое позволяло былымъ виднымъ газетнымъ работникамъ «ударять по сердцамъ» читателей, вызывать сенсацию своими фельетонами и дѣлать ихъ «нарасхватъ». Д. А. Лиевъ (болѣе извѣстный, особенно въ провинціи, подъ псевдонимомъ Далинъ) стоитъ среди нынѣшняго сонма фельетонистовъ совсѣмъ особнякомъ и по нѣкоторымъ типическимъ особенностямъ своего недюжиннаго дарованія, по своему вліянію среди извѣстныхъ классовъ читателей, пользуется вліяніемъ, популярностью и любовью, котормя въ значительной степени приближаютъ и сродняютъ его съ образами сошедшихъ уже со сцены публицистовъ. У него именно есть чутье современныхъ запросовъ жизни, есть тотъ даръ публициста, который позволяетъ шекотать нервы читателей, вызывать у нихъ слезы, негодованіе и пламенные желанія иныхъ социальныхъ перспективъ отечественной жизни. Далинъ въ каждомъ своемъ очеркѣ, въ каждой нарисованной имъ картинкѣ русской и, преимущественно, провинціальной жизни, бьетъ по дефектнымъ, непригляднымъ сторонамъ нынѣшняго порядка вещей и, ловко пользуясь матеріаломъ, доставляемымъ провинціальными газетами, иллюстрируетъ эти дефектныя стороны жи-

выми образами, группами, любопытными положеніями составных частей этихъ группъ, нарисованными рѣзкими штрихами, бойкимъ взмахомъ смѣлаго карандаша. Каждый его очеркъ есть миниатюра жизни, вызывающая къ чувству горечи, негодованія и, пожалуй, даже озлобленія. Поэтому любителямъ веселыхъ мотивовъ въ жизни, поклонникамъ того успокоительнаго положенія, что дома все обстоитъ благополучно, конечно, г. Далинъ не по плечу, онъ — герой не ихъ романа; ну, а для тѣхъ, кто смотритъ на писательство, какъ на служеніе родинѣ, какъ на отвѣтственный долгъ передъ современниками, авторъ «Не сказокъ» — истинный другъ, другъ, правда, безыкойный и тревожный, вѣчно вызывающій къ совѣсти общества, но съ именемъ котораго неразрывно связывается дорогое представленіе о длинной и упорной борьбѣ за правду жизни. Онъ не успокаиваетъ, не ублаживаетъ компромиссами вашу совѣсть, но какъ «когтистый звѣрь» вливается въ нее, вередитъ нервы и тревожитъ «проклятыми вопросами» вашу умъ. Средства его борьбы чрезвычайно оригинальны, и писательская манера чрезвычайно самообытна. Онъ беретъ по большей части матеріаломъ очерковъ уголовные мелкіе процессы изъ хроники провинціальной жизни и изъ нихъ создаетъ маленькій полубеллетристическій рассказъ, гдѣ дѣйствующими лицами являются потерпѣвшіе или виновные въ горѣ другого. Сгущая краски, рѣзко набрасывая то тамъ, то здѣсь ретушковку, онъ быстро производитъ нужное ему въ публицистическихъ цѣляхъ впечатлѣніе и такимъ образомъ энергично подсказываетъ читателю рѣшеніе поставленнаго на очередь вопроса. Рѣшеніе это по большей части клонится къ тому положенію, что условія современной жизни, созданныя несовершеннымъ законодательствомъ, социальнымъ и экономическимъ неравенствомъ, низменнымъ состояніемъ русской культуры, никуда не годятся и нуждаются въ перемѣнѣ, въ реформѣ, согласно съ духомъ милосердія, любви и братства. Согласитесь, что писатель, работающій усердно въ этомъ направленіи, заслуживаетъ уваженія и вниманія русскихъ читателей. Отсюда и популярность имени г. Далина-Линева, въ особенности въ провинціи, на которую онъ, главнымъ образомъ, работаетъ; отсюда успѣхъ первой части книжки «Не сказокъ», въ короткое время потребовавшей второго изданія, отсюда же и сочувствіе критики ко второй части тѣхъ же «Не сказокъ», гдѣ читатель найдетъ немало матеріала, надъ чѣмъ подумать и надъ чѣмъ поболѣть. Въ этой второй части, какъ, впрочемъ, и въ первой, заслуживаютъ особеннаго вниманія тѣ главы, гдѣ идетъ рѣчь о дѣтяхъ и семейномъ строѣ современнаго общества, вызывающихъ въ нашей прессѣ, какъ извѣстно, столько разговоровъ и столько разнообразныхъ сужденій. Свидѣтельскія показанія г. Далина, являющагося горячимъ заступникомъ пренебрегаемыхъ часто родителями дѣтскихъ правъ, чрезвычайно цѣнны и даютъ по настоящему предмету обширный матеріалъ для правильнаго рѣшенія многихъ социальныхъ вопросовъ. Б. Г.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ Египетъ и соперникъ Пиндара. Археологическія открытія въ Египтѣ за послѣдніе годы народили цѣлую литературу, и постоянно выходятъ любопытные ученые труды по этому предмету. Такъ въ концѣ прошедшаго года появилась въ Парижѣ книга Моргана о результатахъ его замѣчательныхъ раскопокъ въ Негадахъ ¹⁾, а въ нынѣшнемъ—уже изданы англичаниномъ Кеньономъ подлинникъ и англійскій переводъ одъ греческаго поэта Бахилида, найденныхъ на древне-египетскихъ папирусахъ, которые находятся въ Британскомъ музеѣ ²⁾. Съ помощью Видемана, Жанье и Фуке новый изыскатель египетскихъ древностей старательно изучилъ доисторическую этнографію страны фараоновъ по найденнымъ имъ въ Негадахъ царскимъ саркофагамъ съ драгоценными сокровищами. Главнѣйшее изъ лицъ, похороненныхъ въ этой роскошной усыпальницѣ фараоновъ, оказывается, былъ тотъ мифическій Ману, или Менесь, который считается первымъ царемъ первой династіи, царившей въ Египтѣ послѣ мѣстныхъ боговъ. Морганъ приводитъ много вѣскихъ доказательствъ этого важнаго историческаго факта, и съ нимъ вполне соглашаются такіе авторитетные египтологи, какъ французъ Масперо и вѣмецъ Боргантъ. Однако, какъ ни отодвинули новѣйшіе труды по египтологіи исторію этой страны въ мракъ доисторическихъ временъ, но, по убѣжденію этихъ самыхъ изслѣдователей, они еще далеко не дошли до эпохи настоящаго проис-

¹⁾ Recherches sur les origines de l'Egypte, ethnographie prehistorique et tombeau royal de Negadah. Par J. de Morgan. Paris. 1897.

²⁾ The poems of Bachelides. Edited by F. Kenyon. London. 1898.

хожденія Египта, и какъ за Египтомъ пирамидъ скрывается нынѣ открытый Египетъ Менеса, такъ и за Египтомъ Менеса таинственно скрывался Египетъ еще болѣе первобытныхъ временъ, остатки которыхъ погребены подъ еще болѣе глубокими слоями песку и терпѣливо ждутъ еще болѣе смѣлыхъ изслѣдователей. Что касается до многочисленныхъ египетскихъ папирусовъ съ греческими надписями, которые съ нѣкоторыхъ поръ наводнили всѣ европейскіе музеи, наиболѣе замѣчательны тѣ изъ нихъ, на которыхъ оказались невѣдомыя оды греческаго поэта Бахилида. Трудami Кеньона, бібліотекаря Британскаго музея, возстановленъ ихъ текстъ по двумстамъ отрывкамъ папирусовъ и представляетъ четырнадцать одъ, написанныхъ въ честь побѣдъ на атлетическихъ играхъ, и шесть поэтическихъ произведеній совершенно новаго рода, именно лирическихъ идиллій, вѣроятно, предназначенныхъ для пѣнія на празднествахъ Аполлона или Діонисія. Особенно интересна восемнадцатая ода, какъ единственный до сихъ поръ примѣръ лирической идилліи въ драматической формѣ. Это діалогъ между Эгеемъ, царемъ аѳинскимъ, и его женой Медеей, о подвигахъ Тезея. Вообще всѣ оды Бахилида по содержанию не представляютъ ничего новаго, и въ нихъ говорится лишь о прежде извѣстныхъ эпизодахъ древнегреческихъ легендъ. Что касается до самого Бахилида, являющагося теперь въ качествѣ достойнаго соперника Пиндара, то извѣстно только, что онъ жилъ въ первой половинѣ пятаго столѣтія до Р. Х., что онъ родился на островѣ Кеосъ, что онъ былъ племянникомъ поэта Симонида, и что, изгнанный изъ своей родины, переехалъ въ Пелопонезъ, и напелъ себя покровителя въ лицѣ спиракузскаго тирана, Гіерона. Хотя до недавней находки его одъ было извѣстно только немного его строфъ, приводимыхъ александрийскими и византійскими критиками, но онъ считался однимъ изъ девяти лирическихъ поэтовъ Греціи, и Пиндаръ, повидимому, отзываясь о немъ въ нѣсколькихъ желчныхъ фразахъ. Теперь, благодаря труду Кеньона, можно имѣть объ этомъ соперникѣ Пиндара вполне ясное и основательное понятіе, хотя все-таки нельзя утверждать, чтобы и въ настоящее время были отысканы всѣ его произведенія. Если Бахилиду и не удастся затмить собою Пиндара, то онъ отличается той же картинностью, изяществомъ и совершенствомъ рѣчи, а по классической формѣ стиха онъ, можетъ быть, и выше Пиндара. По словамъ Кеньона, Бахилидъ находится въ такомъ отношеніи къ Пиндару, какъ Софоклъ къ Эсхилу.

— Древній Лондонъ. Извѣстный англійскій романистъ и знатокъ древняго Лондона, сэръ Вальтеръ Безантъ, продолжаетъ свои блестящіе очерки англійской столицы въ давнія времена. Онъ уже подробно описалъ въ отдѣльно изданныхъ имъ двухъ томахъ Лондонское Сити и Вестминстеръ, а теперь началъ ту же работу относительно южнаго Лондона, на страницахъ *Pall Mall Magazine*¹⁾. Въ этихъ очеркахъ, по словамъ ихъ автора, читатель не найдетъ ни разсказа о военныхъ подвигахъ, ни картины возникновенія и постепеннаго развитія народныхъ вольностей, а лишь рядъ характеристикъ эпохъ и людей, которыя дадутъ возможность понять, какъ предки теперешнихъ англичанъ

¹⁾ South London. By Sir Walter Besant. Pall Mall Magazine. January—February, 1898.

жили, думали, любили, пировали, старились и умирали. До сихъ поръ вышло только два эпизода изъ этой любопытной и красиво иллюстрированной исторіи южнаго Лондона, и въ нихъ талантливый писатель рельефно набросалъ эскизы, насколько это возможно сдѣлать при имѣющемся матеріалѣ, первыхъ поселеній на южной сторонѣ Темзы, съ древнѣйшихъ временъ до Вильгельма Завоевателя. Согласно его прежней теоріи, блестяще изложенной въ трудахъ о лондонскомъ Сити и Вестминстерѣ, Безантъ доказываетъ, что прежде всего возникло поселеніе на островѣ Торнеѣ, теперешнемъ Вестминстерѣ, а затѣмъ, уже постепенно и все еще въ доисторическія времена, стали распространяться рыбацкія жилища на обѣихъ сторонахъ Темзы. Во время римскаго владычества, въ южномъ Лондонѣ уже находилось значительное число виллъ и гостиницъ для проѣзжающихъ, а также обширное кладбище, остатки котораго найдены въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ исторіи южный Лондонъ упоминается въ тотъ отдаленный періодъ только разъ, именно по случаю пораженія, нанесеннаго лже-императору Алекту, въ концѣ III вѣка. Тогда возникъ цѣлый рядъ узурпаторовъ, присвоивавшихъ себѣ титулъ римскаго императора, въ различныхъ отдаленныхъ пунктахъ имперіи, и въ числѣ ихъ шестеро происходили изъ Британіи. Въ числѣ ихъ былъ и Алектъ, одинъ изъ полководцевъ другого узурпатора Каровіа, по происхожденію бельгійца, который возсталъ противъ настоящаго императора Максиміана и царствовалъ въ Британіи семь лѣтъ. Онъ былъ извѣстенъ тѣмъ, что завелъ въ Лондонѣ гладиаторскія игры и учредилъ британскій сенатъ; но онъ вынужденъ былъ уступить свой престолъ Алекту, который, возставъ противъ него, одержалъ побѣду и убилъ своего соперника. Однако вскорѣ и ему пришлось съ арміей, состоявшей изъ франковъ и бритовъ, защищать свою власть отъ римскаго полководца Аскленіодота, явившагося съ многочисленными войсками. Послѣ трехлѣтняго царствованія онъ погибъ въ сраженіи у южнаго конца, воздвигнутаго римлянами, лондонскаго моста, и тутъ впервые упоминается въ историческихъ лѣтоисяхъ о южномъ Лондонѣ, именно рассказывается, что войска Алектуса были разбиты на голову и бѣжали черезъ мостъ въ Лондонъ, куда послѣдовали за ними римляне, избившіе своихъ враговъ до послѣдняго человѣка, въ лондонскихъ улицахъ. Вторично говорится о южномъ Лондонѣ также по поводу пораженія арміи, но уже британцевъ саксами въ 457 году. Одинаково побѣдители саксонцы преслѣдовали побѣжденныхъ черезъ мостъ, и всѣ жилища были по дорогѣ истреблены. Затѣмъ, въ продолженіе нѣсколькихъ сотъ лѣтъ ничего не извѣстно о судьбѣ южнаго Лондона, и только восточные саксы возобновили его, прозвали Саутваркомъ и сдѣлали мѣстомъ для выгрузки товаровъ, которые чрезъ возобновленный старинный римскій деревянный мостъ перевозились въ Лондонъ. Впослѣдствіи шесть разъ датчане осаждали Лондонъ и подвергли грабежу Саутваркъ. Послѣднія три осады велись знаменитымъ Канутомъ, но были безуспѣшны. Когда Вильгельмъ Завоеватель передъ вступленіемъ въ Лондонъ остановился въ Саутваркѣ, то въ этомъ предмѣстьѣ, нѣкогда украшенномъ римскими виллами, было лишь небольшое число бѣдныхъ жилищъ, такъ сильно оно пострадало отъ слѣдовавшихъ одно за другимъ чужестранныхъ вторженій. Переѣхавъ чрезъ старинный римскій мостъ въ будущую свою столицу, Вильгельмъ открылъ новую

страницу въ исторіи южнаго Лондона, а, спустя сто лѣтъ, въ 1176 году началась постройка перваго каменнаго моста.

— Исторія у аравитянъ. Въ декабрьской книжкѣ Westminster Review помѣщенъ очеркъ возникновенія и развитія исторіи у аравитянъ, съ которой, повидимому, авторъ С. Кода Букшъ основательно знакомъ ¹⁾. У аравитянъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, надо искать первыя проблески исторіи въ поэзіи. Осмай, современникъ Гаруна-аль-Расшида, написалъ 16.000 строфъ историческаго содержанія, и другіе поэты, привлекаемые обѣщаніемъ большихъ наградъ, слѣдовали по тому же пути. Магометанскіе государи не жалѣли денегъ на обогащеніе библиотекъ литературными произведеніями, и Гаджи упоминаетъ, что въ его время было написано аравитянами 1.200 историческихъ сочиненій, а извѣстно, сколько сожжено впоследствии книгъ и рукописей въ Испаніи и на Востокѣ. Между покровителями литературы первое мѣсто занимали Гарунъ, Мамунъ, Нурединъ и Саладинъ. Эпоху перехода поэтической исторіи въ настоящую олицетворяютъ у грековъ—Геродотъ, а у римлянъ Титъ Ливій, но историки у аравитянъ никогда не предавались строго серьезному труду, а постоянно придавали лѣтописямъ легендарный характеръ. Что касается до ихъ историческаго метода, то онъ отличается недостаткомъ порядка, ясности и системы. Многіе изъ этихъ историковъ довольствуются приведеніемъ именъ государей и времени ихъ царствованія. Ибичъ-Халиканъ, одинъ изъ лучшихъ аравитянскихъ лѣтописцевъ, не избѣгъ этого общаго недостатка въ своемъ біографическомъ словарѣ. Такимъ образомъ они преимущественно записывали мелкіе, второстепенные факты, но не обращали вниманія на нравственный и умственный уровень общества въ данное время. По большей части они занимались извѣстною мѣстностью или династіей, не упоминая ни причинъ ни послѣдствій сообщаемыхъ событій. Кромѣ того, у нихъ совершенно отсутствуетъ критическій методъ, они злоупотребляютъ метафорами, и ихъ проза очень походитъ на поэзію. Большой трудъ, Ибенъ-Хальдунъ—Аль-Атира, который начинается съ сотворенія міра и оканчивается 528 годомъ эгиры, —служитъ источникомъ для большинства послѣдующихъ историковъ, изъ которыхъ наиболее подходит къ настоящему историку Ибенъ-Хальдунъ. Онъ отличается благороднымъ безпристрастіемъ и не говоритъ, подобно своимъ предшественникамъ: «одному Богу извѣстна правда», а основательно рассматриваетъ каждый вопросъ, приводитъ аргументы за и противъ и наконецъ высказываетъ свой собственный вполне искренній взглядъ. Авторъ статьи въ англійскомъ журналѣ приводитъ нѣсколько любопытныхъ отрывковъ изъ сочиненій этого историка, и вотъ между прочимъ какъ онъ отзывался вообще о характерѣ своихъ соотечественниковъ аравитянъ: «грубость нравовъ сдѣлалась ихъ второй натурой, и они даже гордятся ею, какъ залогомъ своей свободы и независимости, но подобное настроеніе служить препятствіемъ къ прогрессу и цивилизаціи».

— Частная жизнь въ Болоніи въ средніе вѣка. Въ первомъ декабрьскомъ номерѣ итальянскаго журнала Rassegna Nazionale Л. Фрати ²⁾

¹⁾ History among the Arabs. by S. Khoda Bukhsh. Westminster Review, december, 1897.

²⁾ Vita privata a Bologna al Medeo Evo, di L. Fratti.—Rassegna Nazionale. Dicembre I. 1897.

рисуетъ характерную картину того, какъ жили средневѣковые болонцы, и главнымъ образомъ обращаетъ вниманіе на ихъ общественныя и домашнія игры. Законъ воспрещалъ азартныя игры въ кости, которыя носили различныя названія: «зага», «шагбиола», «буффа» и т. д.; а что касается до картъ, то онѣ были въ такомъ общемъ употребленіи, что болонскій епископъ Николо Альбергати просилъ св. Бернардина Сіеесскаго произнести на площади проповѣдь противъ картежныхъ игръ, изъ которыхъ въ особенности свирѣствовали «baseta» и «taggoscchino». Слова духовнаго витія, повидимому, произвели такое сильное вліяніе, что карты, какъ доказательства послушанія Бога, были добровольно снесены жителями Болоніи въ сенатъ, который предалъ ихъ публичному сожженію. Когда же одинъ фабрикантъ по имени Кантъ жаловался сенату, что эта проповѣдь отняла средства къ пропитанію его семью, то ему посоветовали печатать рисунокъ, изображавшій солнце съ монограммой Христа, и этотъ рисунокъ сталъ такъ быстро раскупаться, что бѣдный человекъ нашилъ себѣ состояніе. Существовали въ Болоніи еще и другія азартныя игры, которыя запрещались по временамъ, то во всемъ городѣ, то въ нѣкоторыхъ его частяхъ; въ числѣ этихъ игръ видное мѣсто занимала «zonetti», нѣчто въ родѣ кегель. Что касается до общественныхъ игръ, то въ Болоніи процвѣтала игра въ яйца, на которой присутствовали знатныя лица города и даже прелаты, а также игра въ мячъ, въ которой принимало участіе 50 юношей въ желтой одеждѣ и 50 въ зеленой. Изъ народныхъ игръ наиболее популярная было лазанье на мачту въ 10 или 12 футъ вышиною, на которой сверху былъ прикрѣпленъ барашекъ. Были еще въ Болоніи публичныя зрѣлища очень варварскаго характера, напримѣръ: бой людей съ кошками, причемъ заирали въ клѣтку обнаженнаго по поясъ человека и кошку, которую онъ долженъ былъ загрызть зубами. Подобное зрѣлище давалось и въ другихъ итальянскихъ городахъ, такъ о немъ упоминается въ описаніяхъ свадьбы Констанцо Форци въ Пезаро въ 1475 году и Елизаветы Гонзаго въ Урбино въ 1488 г. Къ другимъ народнымъ праздникамъ въ Болоніи принадлежали прыганье черезъ костры въ рождественскій сочельникъ и на масленицѣ, причемъ пѣлись любопытные стихи, сохранившіеся въ рукописи XIII вѣка, а также майскія игры, называвшіяся «Caden-dimaggio».

— Новая біографія Маріи Стюартъ. О несчастной шотландской королевѣ Маріи Стюартъ писалось безъ конца, и, кажется, исчерпаны всѣ аргументы за и противъ нея, но оказывается, что фактическая сторона ея жизни далеко еще не обработана настолько, насколько этого требуетъ современная историческая наука. Давидъ Флемингъ посвятилъ много лѣтъ на старательное терпѣливое изслѣдованіе всѣхъ существующихъ архивныхъ матеріаловъ, документовъ и писемъ, относящихся до Маріи Стюартъ, и результатомъ его основательныхъ трудовъ служить недавно напечатанный первый томъ подробной біографіи его героини подъ особымъ заглавіемъ: «Марія, королева Шотландская, со времени ея рожденія до бѣгства въ Англію»¹⁾. Треть этой

¹⁾ Mary Queen of Scots: From her Birth to her Flight into England. By David Fleming. London. 1897.

обширной книги посвящена фактамъ первой эпохи существованія Маріи Стюартъ до 1568 года, и они изложены какъ можно ближе къ современнымъ документамъ и свидѣтельствамъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда они до сихъ поръ являются спорными, то авторъ, не пускаясь ни въ какія фантастическія гипотезы, просто приводитъ всѣ данныя, такъ что читатель можетъ самъ вывести какое угодно заключеніе. Такъ напримѣръ, вотъ какъ онъ излагаетъ щекотливый для защитниковъ Маріи вопросъ объ участи ея въ убійствѣ Дарнлея: «поведеніе Маріи до и послѣ убійства Дарнлея, по мнѣнію многихъ, вполнѣ доказываетъ ея виновность. Трудно оспорить безусловно вѣрные факты о томъ, что она находилась съ нимъ въ дурныхъ отрошеніяхъ до подозрительнаго примиренія, за которымъ слѣдовала его трагическая смерть, что милости, оказываемыя ею Ботвелю, продолжались, хотя онъ основательно считался главнымъ убійцей, и что, несмотря на совѣты ея искреннихъ друзей, она вышла за него замужъ вскорѣ послѣ убійства. Вокругъ этихъ центральныхъ фактовъ группируются много мелкихъ подробностей, изъ которыхъ почти каждая служила предметомъ живой полемики. Одни писатели считаютъ, что всѣ эти обстоятельства ясно указываютъ на безумную любовь Маріи къ Ботвелю и на ея твердую рѣшимость выйти во что бы ни стало за него замужъ. Напротивъ, другіе авторы полагаютъ, что эти же обстоятельства ясно подтверждаютъ, что Марія была несчастной, если не безпомощной, жертвой мрачнаго заговора, имѣвшаго цѣлью свергнуть ее съ престола. Одинъ изъ ея новѣйшихъ и самыхъ блестящихъ защитниковъ признаетъ, что ей были не безъизвѣстны намѣренія враговъ Дарнлея, и если она прямо не заявляла согласія на ихъ намѣренія, то и не принимала никакихъ мѣръ противъ нихъ». Остальныя двѣ трети книги наполнены примѣчаніями, въ которыхъ Флемингъ документально подтверждаетъ каждый фактъ въ текстѣ, приводитъ необходимыя ссылки на матеріалы и подвергаетъ основательной оцѣнкѣ всѣ разнообразныя мнѣнія, высказанныя по тому или другому вопросу. Вся англійская критика отдаетъ справедливость ученому автору за его почтенный трудъ, который даетъ возможность наконецъ послѣ столькихъ лѣтъ фантастическаго отношенія къ Маріи Стюартъ составить настоящій историческій на нее взглядъ. Хотя онъ и не имѣетъ цѣлью высказывать своихъ мнѣній, но уже по первому тому его труда можно заключить, что онъ не находится въ числѣ ярыхъ защитниковъ Маріи и съ остроумной ироніей относится къ нѣкоторымъ восторженнымъ женскимъ біографамъ Маріи, которыя простираютъ свой энтузіазмъ до смѣшного невѣжества.

— Шекспириана. Громадная литература о творцѣ «Гамлета» обогатилась двумя интересными книгами и небольшою, но очень толково составленною, статьёй, въ которой приведены всѣ аргументы, высказанные до сихъ поръ въ пользу Беконовской теоріи происхожденія шекспиловскихъ пьесъ. Джонъ Робертсонъ въ небольшою книжкѣ собралъ всѣ имѣющіяся данныя о вліяніи Монтена на Шекспира¹⁾. Всѣмъ извѣстно, что одно мѣсто въ «Бурѣ» взято цѣликомъ изъ Монтена, въ англійскомъ переводѣ Флоріо, но Робертсонъ приводитъ еще много другихъ мѣстъ изъ Шекспира, между прочимъ изъ

¹⁾ Montaigne and Shakspeare. By John Robertson. London. 1898.

«Гамлета», которая имѣють большое сходство съ сочиненіями знаменитаго французскаго писателя. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ своей литературной дѣятельности Шекспиръ подвергался серьезной интеллектуальной перемѣнѣ, послѣ которой онъ пересталъ писать комедіи, а началъ создавать свои безсмертныя драмы. Причину этой перемѣны Робертсонъ видитъ въ чтеніи Монтена, такъ какъ извѣстно, что Шекспиръ зналъ только сочиненіе одного Монтена, которое могло произвести въ немъ такую метаморфозу. Выводимая авторомъ параллель между Монтеномъ и Шекспиромъ отличается замѣчательной логичностью и не можетъ не убѣдить читателей въ справедливости его аргументовъ. Вѣчно спорный вопросъ о томъ, кто была таинственная героиня сонетовъ Шекспира, почти что разрѣшенъ найденными и напечатанными лэди Нюдигетъ нисьмами Анны и Мери Фиттонъ ¹⁾. Уже давно существовало предположеніе, что этой таинственной героиней была Марія Фиттонъ, фрейлина королевы Елизаветы, а теперь найденная переписка ея съ сестрой и съ нѣкоторыми другими лицами, если не безспорно устанавливаетъ этотъ фактъ, то приводитъ много доказательствъ въ пользу его, хотя издательница, повидимому, не признаетъ ничего общаго между характеромъ и внѣшностью Мери Фиттонъ и шекспировской героиней. Однимъ изъ главныхъ возраженій противъ Мери-Фиттонской гипотезы была невозможность выяснитъ, какіе три Вилы были ея поклонниками, какъ говорится въ одномъ изъ сонетовъ Шекспира. Двое были давно на лицо: самъ Шекспиръ и Вильямъ Гербертъ, лордъ Пемброкъ, съ которымъ она имѣла скандальную интригу, но третьяго никакъ не могли подыскать; теперь же напечатана дѣлая переписка съ Мери Фиттонъ придворнаго контролера, сэра Вильяма Ноллиса, который не только ухаживалъ за ней, но одно время и считался ея женихомъ. Конечно, это можетъ быть случайное совпаденіе именъ, но критикъ въ «Academy» полагаетъ, что тождественность Мери Фиттонъ съ героиней шекспировскихъ сонетовъ если не вполне доказана, то представляетъ очень вѣскую гипотезу. Что касается до статьи о тождествѣ самого Шекспира съ Беконемъ, то она написана Робертомъ Бучемъ и напечатана въ декабрьской книжкѣ *Pearson's Magazine* ²⁾. Ровно пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ американка Делія Беконъ напечатала книгу, въ которой доказывала, что Гамлетъ и другія пьесы Шекспира написаны не имъ, а знаменитымъ Беконемъ, ея предкомъ. Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени идетъ горячая полемика за и противъ этой теоріи. Пьесы, приписываемыя Шекспиру, были написаны въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣковъ, а изданы впервые въ 1623 году, подъ заглавіемъ: «Комедіи, картины и трагедіи Вильяма Шекспира». Въ эту эпоху жилъ въ Лондонѣ Францискъ Беконъ, ученый философъ, ораторъ, государственный человекъ, писатель и втайнѣ поэтъ. Ему было тридцать одинъ годъ, когда начали появляться произведенія Шекспира, и онъ отличался замѣчательнымъ образованіемъ, много путешествовалъ, зналъ шесть языковъ и велъ уединенную жизнь въ окрестностяхъ Лондона. Съ другой стороны, Шек-

¹⁾ Gossip from a Muniment Room, being Passages in the Lives of Anne and Mary Fytton. Edited by Lady Newdigate-Newdegate. London. 1897.

²⁾ Shakspeare and Bacon. By R. M. Buche. Pearson's Magazine, december 1897.

спирь былъ двадцатисемилѣтнимъ невѣжественнымъ провинціаломъ, безъ малѣйшаго образованія, и при такихъ условіяхъ онъ пишетъ «Короля Іоанна», потомъ «Венеру и Адониса», классическую поэму, и шесть другихъ пьесъ, въ томъ числѣ «Ричарда III» и «Лукрецію», а затѣмъ вдругъ прекращается его литературная дѣятельность, именно въ 1669 году, когда Беконъ послѣ одиннадцатилѣтняго литературнаго безмолвія напечаталъ свой трудъ: «Мудрость древнихъ.» Трудно предположить, чтобы столько времени такой свѣтлый умъ бездѣйствовалъ, а потому и доказываютъ, что въ эти года Беконъ писалъ тѣ пьесы, которыя Шекспиръ подписывалъ и самъ игралъ; авторомъ же этихъ пьесъ онъ не могъ быть, по мнѣнію сторонниковъ Беконской теоріи, такъ какъ онъ никогда не бывалъ за границей и не имѣлъ понятія о тѣхъ мѣстностяхъ и обычаяхъ, которые выведены въ его драмахъ. Въ числѣ аргументовъ, поддерживающихъ эту теорію, приводятъ слѣдующіе факты: мѣсто-пробываніе Бекона—Сентъ-Олбансъ, упоминается двадцать три раза въ произведеніяхъ Шекспира, а его собственная родина—Стратфордъ, ни разу; въ «Королѣ Лирѣ» и въ «Гамлетѣ» говорится о сумасшествіи, не подлежитъ сомнѣнію, что мать Бекона сошла съ ума; въ «Венеціанскомъ купцѣ» приводятся буквально слова Бекона, въ письмѣ къ его брату, о затруднительномъ денежномъ положеніи, а въ «Генрихѣ VIII» Вулсей повторяетъ слова Бекона въ письмѣ къ Іакову I по случаю удаленія его отъ должности лорда канцлера. Болѣе доказательно сравненіе произведеній Шекспира и Бекона, въ которыхъ находится много тождественныхъ словъ и выраженій, кромѣ того, найдено у Шекспира около пяти сотъ словъ, совершенно новыхъ и впервые заимствованныхъ съ латинскаго, что было очень легко для Бекона, писавшаго полатини, и невозможно для Шекспира. Наконецъ, тождество мыслей между сочиненіями Бекона и драмами Шекспира поразительно, такъ что послѣднія кажутся только развитіемъ выраженныхъ въ первыхъ идей. Кромѣ того, Бенъ Джонсонъ, бывшій секретаремъ Бекона, говоритъ о сочиненіяхъ Бекона и Шекспира въ одно и то же время, какъ будто Шекспиръ былъ псевдонимомъ Бекона. Еще нѣкоторые другіе современные писатели, какъ Джонъ Обрей, Флоріо и Джонъ Девисъ, близко знавшіе Бекона, удостовѣряютъ, что онъ былъ поэтомъ, но тщательно это скрывалъ.

— Ученица Руссо. Въ первой январской книжкѣ «Revue des Revues» напечатаны Ипполитомъ Бюфенуаромъ очень интересные отрывки изъ не изданныхъ мемуаровъ принцессы Стефаніи-Луизы Бурбонъ-Конти, замѣчательной главнымъ образомъ тѣмъ, что ея воспитателемъ былъ Жанъ-Жакъ Руссо. Она была побочной дочерью друга Руссо, принца Конти, отъ герцогини Мазаринъ и хотя никогда не была узаконена отцомъ, но пользовалась титуломъ принцессы. Когда въ 1770 году послѣ семнадцатилѣтняго отсутствія авторъ «Эмиля», находившійся тогда въ самомъ апогеѣ своей славы, вернулся въ Парижъ, то принцъ Конти поручилъ ему воспитаніе своей дочери, которой едва минуло 8 лѣтъ. Конечно, великій мыслитель взялъ на себя эту тяжелую задачу изъ благодарности къ великодушному принцу, который оказывалъ ему щедрое гостепріимство въ Монморанси, въ Парижѣ и Дофинѣ. Въ своихъ мемуарахъ принцесса Стефанія вспоминаетъ съ самой горячей благодарностью объ урокахъ и на-

ставленіяхъ своего великаго учителя. По ея словамъ, онъ заботился не только объ ея умственномъ и нравственномъ развитіи, но также о физическомъ, а потому она восклицаетъ на одной изъ страницъ своихъ записокъ: «каждый день я говорю себѣ: «только благодаря заботамъ Жанъ-Жака я увидела этотъ день, и это одно изъ благодѣяній, оказанныхъ мнѣ знаменитымъ моимъ наставникомъ». Дѣйствительно, взявшись за дѣло воспитанія своей юной ученицы, Руссо повелъ дѣло систематично и руководилъ всѣми отраслями ея развитія. Прежде всего онъ обращалъ вниманіе на ея здоровье, пріучалъ ее выходить на воздухъ во всякую непогоду, терпѣть усталость, голодь и жажду, спать на твердомъ ложѣ и питаться преимущественно молокомъ, зеленью и фруктами, а мясо дозволялъ только изрѣдка и то въ видѣ мяснаго сока. Часто, по словамъ принцессы, она слышала, какъ Руссо отстаивалъ свои теоріи физическаго воспитанія въ разговорахъ съ ея отцомъ. «Если вы хотите пріучить вашу дочь ко всему, говаривалъ онъ между прочимъ, то вы не должны запираеть ее дома въ дурную погоду и даже въ грозу, а ей необходимо гулять въ дождь, морозъ и подъ градомъ». Что касается обученія, то по желанію отца она училась съ успѣхомъ языкамъ: латинскому, греческому и итальянскому, но математика, несмотря на всѣ старанія Руссо занятно преподавать этотъ предметъ, не давалась ея юному уму. Она сама сознается, что разсѣянно смотрѣла на всѣ его математическія выкладки, но за то она жадно слушала его уроки главнѣйшей изъ наукъ, науки жизни. «Руссо очень любилъ, говорить она, слушать мою болтовню, и я постоянно замѣчала, что онъ не пропускалъ безъ вниманія ни одного моего слова. Въ этихъ-то дружескихъ разговорахъ онъ подъ различными предлогами и въ различной формѣ давалъ мнѣ самыя полезныя нравственныя наставленія. Онъ рѣдко указывалъ мнѣ на мои недостатки, а чаще ловкими примѣрами выяснялъ весь вредъ и карикатурность человѣческихъ слабостей, отъ которыхъ я какъ бы незамѣтно отучалась. Обыкновенно при всѣхъ онъ называлъ меня графиней, но наединѣ онъ говорилъ мнѣ: «дѣтя мое», и я любила его, обожала его, какъ втораго отца. Онъ самъ былъ очень рѣдко ласковъ, но цѣнилъ всѣ знаки моей любви къ нему». Чрезвычайно гордый Руссо отказывался получать какіе бы то ни было подарки отъ ученицы или ея отца, и она съ грустью вспоминала потомъ уже 36 лѣтъ, когда писала свои мемуары, что онъ однажды возвратилъ ей посланныя ему двѣ дюжины шолковыхъ чулокъ. «Ваша дружба, говорилъ онъ принцу Конти, и ваше уваженіе—вотъ все, что мнѣ нужно отъ васъ; мнѣ гораздо пріятнѣе, чтобъ вы были моимъ другомъ, чѣмъ покровителемъ». Благодаря придворной интригѣ, принцесса Стефанія была удалена изъ дома отца, и счастливые дни ея дѣтства и юности прекратились. До смерти Руссо она его болѣе не видала и вотъ какъ трогательно она говоритъ объ этомъ горестномъ событіи: «увы, я никогда болѣе съ нимъ не видѣлась, и если онъ пришелъ въ отчаяніе, когда, скрывая отъ него мое убѣжденіе, ему объявила, что я умерла, то еще болѣе отчаивалась я узнавъ, что тебя нѣтъ болѣе на свѣтѣ, мой любимый учитель.

¹⁾ Une élève de Jean-Jacques Rousseau, par tn. Ruffenoir. Revue des Revues. 1 janvier. 1898.

Только мысль о другой болѣе счастливой жизни, въ которой возвышенныя души вѣчно любятъ другъ друга, могла нѣсколько успокоить меня. И теперь лишь воспоминанія о твоихъ урокахъ даютъ мнѣ мужество переносить всѣ тяжелыя воспоминанія, выпавшія на мою долю. Еслибъ у меня не было этихъ воспоминаній, то я не могла бы пережить своихъ родителей и друзей. Нѣтъ, не тщетно я проливаю слезы на твоей гробницѣ, увѣряю себя, что все не могло погибнуть со смертью такого великаго человѣка, какъ ты, и что наши души соединятся въ обители счастья и безпорочности». Такимъ образомъ оказывается, что ученица была достойна своего учителя и всю жизнь считала своей величайшей гордостью и величайшимъ счастьемъ, что у нея былъ наставникомъ Жанъ-Жакъ Руссо. Изъ ея мемуаровъ между прочимъ оказывается, что у нея сохранились нарочно написанныя для нея авторомъ «Новой Елоизы» элементарный курсъ математики съ надписью «посвящается принцессѣ Жанъ-Жакомъ Руссо, гражданиномъ Женевы». Къ сожалѣнію, этотъ драгоценный трудъ исчезъ безвозвратно.

— Гете и гр. Торенкъ. Всѣмъ поклонникамъ Гете извѣстенъ его разсказъ къ III книгѣ «*Dichtung und Wahrheit*» о томъ, что во время занятія Франкфурта французами въ эпоху семилѣтней войны въ домѣ его отца квартировала французскій офицеръ гр. Таранъ, походившій скорѣе на испанца, чѣмъ на француза по своей внѣшности, и что однажды онъ поссорился съ своимъ хозяиномъ изъ патріотическихъ мотивовъ, такъ какъ отецъ Гете сожалѣлъ о побѣдѣ французовъ, которую прославлялъ офицеръ. Такъ какъ постоялецъ былъ гражданскимъ губернаторомъ Франкфурта во время французскаго занятія, то эта ссора могла кончиться очень грустно для отца Гете, но въ дѣло вступилъ его другъ Дине и въ характеристической бесѣдѣ, которая приведена цѣликомъ у автора «*Фауста*», убѣдилъ вспыльчиваго, но добраго француза оставить ссору безъ послѣдствій. Этотъ эпизодъ послужилъ предметомъ для одной драмы Гуцкова и до послѣдняго времени всѣ комментаторы Гете и такъ называемые «*Gethe-philologen*», т. е. рьяные изучатели великаго германскаго поэта, не могли отыскать никакихъ свѣдѣній о гетевскомъ французѣ. Наконецъ бывшій богословъ, а теперь литературный критикъ, Мартинъ Шубартъ, случайно попалъ на слѣдъ гр. Тарана въ его родномъ городѣ Грассѣ близъ Антиба въ Провансѣ, недалеко отъ Ниццы, и купилъ у его потомковъ оставшіяся послѣ него бумаги. На основаніи этого матеріала онъ написалъ цѣлую книгу ¹⁾, а французскій академикъ, Мишель Бреаль, блестящую статью во второй январской книжкѣ «*Revue des Deux Mondes*» ²⁾. Оказывается прежде всего, что Гете ошибочно называлъ постояльца своего отца гр. Тараномъ, да и Шубартъ не вѣрно перекрестилъ его въ Таранка, а онъ въ дѣйствительности былъ Франсуа де Теазъ, гр. Торенкъ. Происходя отъ старинной семьи, онъ родился въ Грассѣ, воспитывался въ іезуитскомъ училищѣ въ Марселѣ и

¹⁾ François de Theas, comte de Thoranc, Goethes Königslieutenant, von Martin Schubart. München. 1897.

²⁾ Un officie de l'ancienne France, par Michel Breal. Revue des Deux Mondes, 15 janvier, 1898.

пятнадцать лѣтъ поступилъ на военную службу. Въ качествѣ помощника квартирмейстера и въ чинѣ капитана, онъ принялъ участіе въ походѣ принца Субиза въ Германію въ 1758 году, а когда французы заняли Франкфуртъ, то гр. Торенкъ былъ назначенъ его гражданскимъ губернаторомъ и четыре года управлялъ имъ такъ успѣшно, что благодарная память о немъ сохранилась франкфуртцами до настоящаго времени, что доказывается недавно прочитанной докторомъ Гротфендомъ публичной лекціей о пользѣ, принесенной Франкфурту управленіемъ французскаго офицера. Впослѣдствіи гр. Торенкъ былъ помощникомъ губернатора на островѣ Санъ-Доминго, а вернувшись во Францію, онъ былъ назначенъ королевскимъ намѣстникомъ въ Перпиньянѣ; наконецъ онъ вышелъ въ отставку и женившись провелъ послѣдніе годы своей жизни въ родномъ своемъ городѣ, гдѣ и умеръ въ 1794 г. «Любопытно было бы знать, замѣчаетъ Бреаль: стало ли извѣстно гр. Торенку, что маленькій мальчикъ, который любилъ входить въ его комнату во Франкфуртъ и служилъ ему переводчикомъ въ разговорахъ съ хозяевами, сдѣлался великимъ человѣкомъ, но это можно легко предположить, такъ какъ въ то время интеллектуальныя сношенія Франціи съ Германіей были очень развиты. Во всякомъ случаѣ у Гете сохранились о немъ самыя живыя воспоминанія, такъ что невольно читателю его «Поэзіи и правды» приходится спросить себя, причемъ же тутъ поэзія. Однако слѣдъ поэзіи очень замѣтенъ въ выборѣ изображенныхъ чертъ постояльца отца, въ формѣ разсказа и въ амальгамѣ опытности зрѣлаго человѣка съ свѣжей впечатлительностью ребенка».

— Когда прекратилась первая французская республика. Извѣстный французскій профессоръ и ревностный изслѣдователь революціи Ф. Олррь, разсказываетъ въ *Revue Bleue*, отъ 15 января, что онъ всегда спрашиваетъ на экзаменѣ у бакалавровъ: «когда исчезла первая французская республика?» и получаетъ постоянно въ отвѣтъ: «въ 1804 году, при созданіи имперіи». Конечно, этотъ отвѣтъ вполнѣ удовлетворителенъ, такъ какъ онъ основанъ на всѣхъ существующихъ историческихъ учебникахъ, но, по словамъ ученаго профессора, фактически республика сохранилась по крайней мѣрѣ по имени до 1808 года и незамѣтно исчезла, какъ будто ее кто нибудь эскамотировалъ. Подтверженію своихъ словъ онъ и посвятилъ свою настоящую статью¹⁾. На основаніи достовѣрныхъ документовъ оказывается, что имперія не замѣнила прямо и немедленно республику, какъ республика прямо замѣнила монархію на другой же день послѣ ея паденія. Уничтожая республику по существу, Наполеонъ еще надолго сохранилъ ее по внѣшности. Все осталось попрежнему — и названіе республики, и республиканскій календарь, и даже присяга въ вѣрности республикѣ. Такъ первая статья закона, установившая имперію была помѣчена 28 Флоріаномъ XII года и гласила: «правительство республики сосредоточено въ рукахъ императора, который принимаетъ титулъ императора французовъ». Присяга, которую принялъ новый императоръ, начиналась словами: «Клянусь сохранить ненарушимой территорію республики», и всѣ за-

¹⁾ Quand disparut la première République? Par F. Aulard. *Revue Bleue*. 15 janvier 1898.

коны и манифесты были озаглавлены: «Наполеонъ, милостію Божіею и согласно конституціямъ республики, императоръ французовъ». Конечно, немногіе существовавшие тогда искренніе республиканцы не поддались обману и поняли, что имперія еще менѣе будетъ походить на республику, чѣмъ консульство, а роялисты придумали остроумную шутку, распространивъ въ Парижѣ траурныя пригласительныя билеты на отпѣваніе «гражданки, французской республики, умершей отъ родовъ императора вслѣдствіе цесарскаго сѣченія». Дѣйствительно, республика умерла, а только существовало ея имя. Но мало-по-малу эта уступка общественному мнѣнію начинаетъ надоѣдать Наполеону тѣмъ болѣе, что при сохраненіи республиканской внѣшности имѣли мѣсто такіе анахронизмы, какъ празднованіе при имперіи республиканскихъ праздниковъ въ честь взятія Бастиліи и учрежденія республики. Даже сохранилась республиканская государственная печать, и только въ 1806 году, какъ бы незамѣтно, она замѣнена императорской, а также подъ шумокъ, въ томъ же году восстановленъ былъ грегорианскій календарь и пропущено слово республика въ заголовкахъ законовъ. Но попрежнему монеты чеканились отъ имени французской республики, и это продолжалось до конца 1808 года. Только съ 1-го января 1809 года стали появляться монеты съ обозначеніемъ, вмѣсто французской республики, французской имперіи. Такимъ образомъ лишь послѣ Эрфуртскаго свиданія, подчинившаго ему всю Европу, Наполеонъ призналъ себя достаточно могущественнымъ, чтобы уничтожить послѣдній слѣдъ республики, о которой по видимому всѣ забыли, но которая еще, какъ роковой кошмаръ, тревожила его среди бевконечныхъ побѣдъ.

— Англійскіе отголоски Ватерло. Въ январскихъ номерахъ лондонскихъ и американскихъ журналовъ появились двѣ, хотя маленькія, но любопытныя статейки о никогда не надоѣдающихъ англичанамъ вопросахъ о Ватерло и Веллингтонѣ. Въ *Cornhill Magazine* помѣщено подлинное письмо дочери лорда Альвандея, миссъ Арденъ, которая находилась во время этой знаменитой битвы въ Брюсселѣ и описывала своей теткѣ тревожное положеніе этого города во время роковаго сраженія для Наполеона, а также первые дни послѣ неожиданной англо-прусской побѣды. Этотъ правдивый живой рассказъ молодой дѣвушки, неожиданно присутствовавшей при важномъ историческомъ событіи, составляетъ очень цѣнный историческій матеріалъ. Молодая дѣвушка начинаетъ свое письмо съ описанія большого бала у герцогини Ричмондской 15 іюня, на которомъ Веллингтонъ узналъ о приближеніи французовъ, что, по словамъ миссъ Арденъ, видимо его сконфузило. Въ ту же ночь началось движеніе англійскихъ войскъ по брюссельскимъ улицамъ и передъ окнами того дома, въ которомъ жила юная англичанка, прошло двѣнадцать тысячъ солдатъ, изъ которыхъ около трети не вернулось. Спустя нѣсколько часовъ, послышалась вдали громкая канонада, и къ вечеру распространилась вѣсть, что произошла страшная битва, въ которой цѣлыя англійскіе полки были буквально изрублены до послѣдняго человѣка, но что надъ французами была одержана побѣда. Затѣмъ стали прибывать раненые, а миссъ Арденъ съ ужасомъ описываетъ, какъ везли груды несчастныхъ, буквально изрѣзанныхъ въ куски. Что было всего ужаснѣе, по ея словамъ, это невозмож-

ность оказать имъ помощь, такъ какъ приказано было провозить ихъ мимо города въ Антверпенъ, въ виду очистки мѣста для слѣдующихъ поѣздовъ раненыхъ. Битва, о которой рассказываетъ миссъ Арденъ, не была еще знаменитымъ боемъ подъ Ватерло, а предшествовавшимъ ей сраженіемъ при Quatre-Bras. Цѣлый день Брюссель находился въ самомъ тревожномъ положеніи отъ разнорѣчивыхъ извѣстій то о наступленіи французовъ, то объ ихъ отступленіи, наконецъ паника сдѣлалась общей, и всѣ иностранцы начали покидать городъ. Даже брюссельскій бургомистръ совѣтовалъ англійскимъ семьямъ удалиться въ Антверпенъ, и всѣ послѣдовали его совѣту, въ томъ числѣ и родственники, у которыхъ жила миссъ Арденъ. Только въ этомъ послѣднемъ городѣ получена была вѣсть о побѣдѣ Велингтона при Ватерло, благодаря своевременной помощи Блюхера. Замѣчательно, что, рассказывая съ гордостью о геройствѣ своихъ соотечественниковъ, молодая дѣвушка безпристрастно относится къ пруссакамъ и даже къ французамъ, прямо признавая, что, если бы Наполеонъ атаковалъ англичанъ ночью, а не на другой день, то дѣло окончилось бы вѣрной для него побѣдой, такъ какъ тогда Блюхеръ не поспѣлъ бы во время. Ея безпристрастіе доходитъ до того, что она даже упоминаетъ, что два англійскихъ полка опозорили честь англійскаго знамени, отказавшись идти въ атаку; но зато она превозноситъ до небесъ самого Велингтона и увѣряетъ, что, проигравъ три раза сраженіе, онъ наконецъ выигралъ его, благодаря своей личной стойкости, безъ которой англичане не выдержали бы напора французской арміи до прибытія пруссаковъ. Однако, несмотря на свой энтузіазмъ относительно Велингтона, миссъ Арденъ чистосердечно рассказываетъ, что онъ очень гордо обходился съ солдатами. «Но офицеры его штаба, — прибавляетъ она: — очень его любятъ, а съ дамами онъ такъ любезенъ, что онъ всѣ его обожаютъ». Вторая статья о Ватерло принадлежитъ извѣстному военному корреспонденту, Арчибальду Форбесу, и появилась въ Century Magazine ¹⁾. Цѣль этой статьи доказать неосновательность рассказа нѣкоторыхъ англійскихъ историковъ о томъ, что Велингтонъ, накануне Ватерло, ночью лично ѣздилъ къ Блюхеру, чтобы уговорить его двинуться утромъ къ нему на помощь. Форбесъ называетъ этотъ рассказъ мнѣической легендой, хотя она основана будто бы на словахъ самого Велингтона, и не только опровергаетъ ее цѣлымъ рядомъ вѣскихъ аргументовъ и единогласнымъ мнѣніемъ всѣхъ нѣмецкихъ историковъ, но и приводитъ свидѣтельство одного англійскаго судьи, Гурнея, который записалъ свой разговоръ съ Велингтономъ объ этомъ предметѣ, въ 1837 году. «Я между прочимъ спросилъ его, — рассказываетъ Гурней: — правда ли, что онъ ѣздилъ ночью передъ Ватерло къ Блюхеру, и онъ буквально отвѣчалъ: «нѣтъ, этого не было. Я не видалъ Блюхера накануне битвы подъ Ватерло, а я видѣлъ его днемъ раньше, когда происходило сраженіе подъ Quatre-Bras — и послѣ Ватерло, когда онъ, подѣхавъ ко мнѣ верхомъ, поцѣловалъ меня; но я имѣлъ съ нимъ сношеніе накануне Ватерло».

— Официальная исторія королевы Викторіи. Въ концѣ прошедшаго года послѣ долгихъ ожиданій вышла біографія Викторіи, составленная

¹⁾ A Myth of Waterloo. By Archibald Forbes. Century Magazine, January 1898.

подъ ея руководствомъ придворнымъ бібліотекаремъ Гольмсомъ, и опоздавшая къ юбилею, благодаря тому, что сама королева читала корректуру¹⁾. Конечно, въ этой книгѣ, очень изящно изданной и снабженной прекрасными иллюстраціями, нельзя искать картины политической и общественной сторонъ царствованія Викторіи, но зато она представляетъ много достовѣрныхъ и еще невѣдомыхъ подробностей о частной жизни королевы. Между прочимъ Гольмсъ впервые рассказываетъ, со словъ самой Викторіи, ея дѣтство и юность. Быть можетъ, всего любопытнѣе подробно описанная имъ сцена о представленіи тайнаго совѣта юной королевѣ, тотчасъ послѣ полученія ею извѣстія о смерти Вильгельма, изъ очевидцевъ котораго живы только королева и сынъ секретаря совѣта, Ленарда, присутствовавшій въ качествѣ письмоводителя отца. На основаніи словъ этихъ единственныхъ двухъ очевидцевъ этой исторической сцены и воспроизводитъ ее новый біографъ Викторіи. Оказывается, что члены тайнаго совѣта были собраны по повѣсткамъ въ Кенсингтонъ и къ девяти часамъ явились туда, прочитали между собою составленный адресъ королевѣ и подписали его, затѣмъ отворилась дверь, и въ сосѣдней залѣ они увидали стоящую близъ порога молодую дѣвушку пятнадцати лѣтъ, худощавую, небольшого роста, съ бѣлокурыми волосами. Она была одна, въ простомъ черномъ платьѣ и безъ всякихъ украшеній. Это была королева. Прежде всѣхъ къ ней подошелъ ея дядя, герцогъ Суссекскій, и обнялъ ея. Затѣмъ первый министръ лордъ Мельборнъ подошелъ къ ней и поцѣловалъ ея руку, а его примѣру послѣдовали всѣ члены совѣта. Ни сама королева и никто изъ участниковъ этой сцены не произнесли ни слова. По окончаніи этой церемоніи Викторія удалилась, также одна и также безмолвно, какъ явилась. Что касается до извѣстнаго засѣданія тайнаго совѣта, который описанъ въ мемуарахъ Гревеля и характеристично изображенъ на картинѣ Вильки, то онъ произошелъ два часа спустя и въ сущности былъ не первымъ, а вторымъ свиданіемъ тайнаго совѣта съ новой королевой.

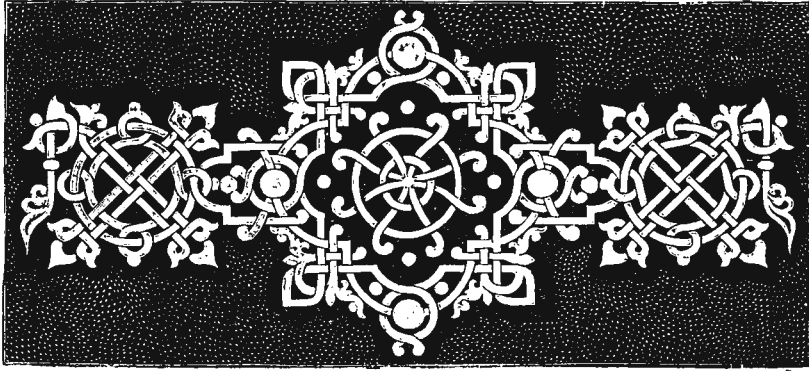
— Жизнь и письма автора «Хижины Дяди Тома». Когда президентъ Линкольнъ увидаль впервые въ 1862 году мистриссъ Бичеръ-Стоу, то сказалъ, пожимая ей руку: «эта — то маленькая женщина причинила нашу великую войну?» Дѣйствительно, борьба между сѣверомъ и югомъ могла бы возгорѣться и безъ появленія на свѣтъ «Хижины дяди Тома», но она во всякомъ случаѣ ускорила войну за освобожденіе негровъ. Но хотя эта книга и имѣла громадное вліяніе не только въ Новомъ Свѣтѣ, но и въ Старомъ, ея авторъ не занимаетъ виднаго мѣста въ литературѣ, и потому мистриссъ Бичеръ Стоу заслуживаетъ лишь вниманіе съ политической и общественной точекъ зрѣнія, а жизнь ея интересна лишь настолько, насколько она выясняетъ появленіе ея безсмертной книги. Какъ извѣстно, она не приписывала себѣ чести быть авторомъ «Хижины дяди Тома» и считала, что эта книга навѣяна ей Богомъ и обстоятельствами. По этому случаю рассказываютъ характерный анекдотъ. Живя, уже старухой, во Флоридѣ, она однажды встрѣтила отставнаго моряка, который объявилъ ей, что очень радъ позать руку женщинѣ, которая написала

¹⁾ Queen Victoria. By Richard Holmes. London. 1897.

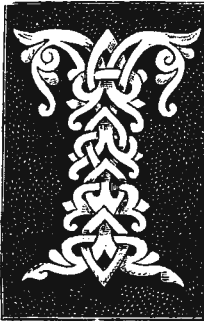
«ИСТОР. ВѢСТН.». ФЕВРАЛЬ, 1898 Г. Т. LXXI.

«Хижину дяди Тома». «Я не писала её»,—отвѣчала добродушная, съдая старушка. «Такъ кто же ея написалъ?»—воскликнулъ съ удивленіемъ морякъ. — «Богъ,—отвѣчала смиренно мистриссъ Вичеръ-Стоу:—я только писала подъ Его диктовку». Жизнь подобной женщины, очевидно, не можетъ быть драматичной и представлять патетическія сцены, а потому немногіе авторы прельщались идеей написать ея біографію. До сихъ поръ существовала собственно только одна достойная вниманія біографія, написанная ея сыномъ еще при жизни его матери, въ 1889 году. Такъ какъ она умерла семь лѣтъ спустя и въ этотъ трудъ не вошли всѣ имѣющіеся объ ея жизни матеріалы, то и чувствовалась необходимость въ новой, уже окончательной ея біографіи. За эту работу взялась мистриссъ Фильдъ, которая познакомилась со своей героиней во Флоренціи въ 1860 году и съ тѣхъ поръ до ея кончины поддерживала съ нею самыя тѣсныя дружескія отношенія. Она исполнила свою задачу очень добросовѣстно и собрала не только всѣ документы и письма, какъ самой мистриссъ Вичеръ-Стоу, такъ и многихъ лицъ, бывшихъ съ нею въ перепискѣ, но и провѣрила всѣ факты, приведенные въ трудѣ ея сына. Такимъ образомъ, дѣйствительно, сочиненіе мистриссъ Фильдъ представляетъ полный сборникъ всего, что можно сказать объ авторѣ самой популярной книги XIX столѣтія.

СМѢСЬ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ собраніе академіи наукъ. Состоявшемуся 29-го декабря ежегодному торжественному собранію императорской академіи наукъ предшествовала панихида по скончавшемся въ тотъ день почетномъ членѣ академіи, министрѣ народнаго просвѣщенія, статсъ-секретарѣ графѣ И. Д. Деляновѣ. Открывая, по окончаніи панихиды, собраніе, августѣйшій президентъ академіи великій князь Константинъ Константиновичъ посвятилъ прочувствованное слово памяти усопшаго, состоявшаго ровно 38 лѣтъ почетнымъ членомъ академіи и бывшаго втеченіе своего почти 16-лѣтняго управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія постояннымъ предстателемъ и ходатаемъ за нужды академіи. По предложенію августѣйшаго президента, память покойнаго графа И. Д. Делянова была почтена вставаніемъ. На кафедрѣ возшелъ непремѣнный секретарь академіи Н. Ѳ. Дубровинъ, начавшій свою рѣчь (отчетъ о дѣятельности академіи по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ) съ перечисленія именъ усопшихъ ученыхъ дѣятелей, состоявшихъ членами академіи или ея соотрудниками. Въ истекающемъ году скончались ординарные академики К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и Ѳ. И. Буслаевъ, почетный членъ академіи, лейбъ-медикъ Н. Ѳ. Здекауэръ (самая крупная заслуга покойнаго, по словамъ оратора, учрежденіе общества охраненія народнаго здравія: учрежденіемъ этого общества Н. Ѳ. Здекауэръ воздвигнулъ себѣ такой памятникъ, который и далекому потомству будетъ напоминать дорогое имя его основателя),

почетный членъ академіи, Карль Ваерштрассъ (выводы его, какъ замѣтилъ ораторъ, навсегда останутся трудно достижимыми образцами стройности и законченности мысли), почетный членъ академіи, герцогъ Омальскій (личность его возвышалась надъ современниками не однимъ своимъ рожденіемъ, но еще болѣе рѣдкими качествами возвышенной души), члены-корреспонденты: генераль-отъ-инфантеріи І. П. Стебницкій (извѣстный геодезистъ; чуждый всякаго искательства, онъ привлекалъ сердца всѣхъ, кто вступалъ съ нимъ въ сношенія), геодезистъ В. К. Делленъ, минералогъ Альфредъ Деклуазо, зоологъ Іоаннь-Іафеть-Смитъ Стенструпъ, ориенталистъ І. Ѳ. Готвальдъ и астрономъ А. Ѳ. Виннеке. Переходя къ дѣятельности академіи, г.-л. Н. Ѳ. Дубровинъ отмѣтилъ, прежде всего, разрѣшенный кредитъ на содержаніе русскихъ стипендіатовъ при Бьютенцгорскомъ ботаническомъ садѣ на островѣ Явъ и расширеніе севастопольской биологической станціи, благодаря просвѣщенному содѣйствію министра финансовъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте и частнымъ пожертвованіямъ (г. А. Анагра пожертвовалъ 8.000 рублей, а вдова генераль-маіора Е. И. Винеръ — 5.000 р.). Затѣмъ онъ остановился на экспедиціи, снаряженной весною текущаго года географическимъ обществомъ, для изслѣдованія провинцій Рошана и Шугвана, расположенныхъ на западномъ склонѣ Памира (въ этой экспедиціи участвовали академики Коржинскій и Залеманъ). Азіатскій музей обогатился цѣнными коллекціями, привезенными академикомъ Залеманомъ, коллекціею буддійскихъ рукописей, приобретенныхъ въ Кашгарѣ, драми Л. Ф. Фрийдандъ, Д. М. Греницкою, О. А. Березиной и др. Среди приращеній музея по антропологии и этнографіи первое мѣсто занимаетъ всемилостивѣйше пожалованная музею государемъ императоромъ болгарская коллекція, составленная изъ подношеній освобожденныхъ болгаръ императору Александру II. Затѣмъ заслуживаютъ вниманія коллекціи: г. Мейсера (съ острова Суматры), Гудзенко (изъ Абиссиніи) и др. Академическія изданія обогатились работами по астрономіи, вызванными прошлогодними экспедиціями для наблюденія солнечнаго затменія. Между прочимъ, Ф. Ренцъ представилъ весьма цѣнный для астрономіи трудъ «Положенія спутниковъ Юпитера, вычисленные по фотографическимъ снимкамъ». Г. Ренцъ опредѣлялъ положенія помощью измѣреній снимковъ, доказавъ, что подобнаго рода опредѣленія положеній допускаютъ никогда еще не достигавшуюся точность. Очень плодотворна была дѣятельность главной физической обсерваторіи: подвѣдомственная ей сеть метеорологическихъ станцій состояла въ отчетномъ году изъ 795 станцій 2-го разряда (на 84 болѣе противъ прошлаго года); сеть дождемѣрныхъ станцій 3-го разряда увеличилась на 27 (достигнувъ цифры 900). Процентъ удачныхъ штормовыхъ предостереженій составлялъ для Балтійскаго моря 82 проц., для Чернаго и Азовскаго морей 79 проц. (противъ 75 и 71 проц. въ предшествовавшемъ году). Удачныхъ предсказаній погоды было 75 проц., удачныхъ предостереженій объ ожидаемыхъ сильныхъ вѣтрахъ и снѣжныхъ метеляхъ было 86,5 проц. (въ предшествовавшемъ году—только 78 проц.). Въ отчетѣ отмѣчается и сожалѣніе, что до настоящаго времени еще не выстроенъ въ Константиновской филиальной обсерваторіи новый навильонъ, вмѣсто сгорѣвшаго. Въ текущемъ году рѣшенъ важный вопросъ по объединенію метеороло-

гическихъ наблюдений въ Россіи, подвѣнны въ государственномъ совѣтѣ 14 лѣтъ тому назадъ. Императорской академіи наукъ предоставлено право созывать, время отъ времени, съѣзды представителей заинтересованныхъ вѣдомствъ и завѣдующихъ отдѣльными сѣтями для обсужденія вопросовъ, касающихся метеорологическихъ наблюдений къ Россіи; кромѣ того, всѣ общеметеорологическія наблюденія, какимъ бы вѣдомствомъ они ни производились, сосредоточиваются въ главной физической обсерваторіи, причемъ наблюденія этого рода будутъ производимы по академическимъ инструкціямъ. По ботаникѣ академикъ А. С. Фаминцынъ предпринялъ рядъ наблюдений для разрѣшенія весьма важнаго для біологіи вопроса о строеніи живой плазмы и ядра клѣтки. На внутреннее устройство зоологическаго музея отпущено изъ государственнаго казначейства 275.000 рублей, кромѣ отпущенныхъ ранѣе 50.000 р.; кромѣ того, разрѣшенъ безошлинный ввозъ желѣзной мебели для музея. Въ настоящее время значительная часть коллекцій и бібліотека перенесены и установлены въ шкафы, и работы въ большинствѣ отдѣленій идутъ уже въ новомъ помѣщеніи музея. На историко-филологическомъ отдѣленіи академикъ К. С. Веселовскій закончилъ печатаніе 3-го тома протоколовъ засѣданій конференціи (эти протоколы должны дать немаловажный матеріалъ для исторіи культуры Россіи); академикъ Н. Ѳ. Дубровинъ выпустилъ въ свѣтъ составленный подъ его редакціею пятый томъ «Докладовъ и приговоровъ правительствующаго сената за 1715 годъ»; академикъ А. А. Куникъ былъ озабоченъ собираніемъ и обработкою свѣдѣній о татарахъ; академикъ П. В. Никитинъ представилъ очень цѣнное разсужденіе «О нѣкоторыхъ греческихъ текстахъ житій святыхъ»; академикъ В. В. Латышевъ приступилъ къ редактированію новаго изданія сочиненій профессора К. К. Герца, выпустилъ въ свѣтъ третье изданіе первой части его извѣстнаго труда «Очеркъ греческихъ древностей» и т. д. По предложенію академикъ К. Г. Залемана, академія издаетъ отдѣльною книгою составленный вѣнскимъ ученымъ Гуго Макашъ новый сборникъ курдскихъ текстовъ. Академикъ В. В. Радловъ издалъ IX выпускъ «Словаря тюркскихъ нарѣчій» и т. п. Предсѣдательствующій въ отдѣленіи русскаго языка и словесности академикъ А. Ѳ. Бычковъ посвятилъ теплые некрологи скончавшимся въ этомъ году ординарнымъ академикамъ К. Н. Бестужеву-Рюмину и Ѳ. И. Буслаеву и члену-корреспонденту А. Н. Майкову. По словамъ почтеннаго А. Ѳ. Бычкова, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ не принадлежалъ къ числу узкихъ, сухихъ и одностороннихъ специалистовъ. Бывъ убѣжденнымъ поклонникомъ императора Петра Великаго за его преобразовательную и просвѣтительную дѣятельность, онъ не скрывалъ его недостатковъ и старался найти имъ причину... Величіе Россіи и распространеніе въ ней просвѣщенія были его задушевною мечтою. Свою рѣчь о Ѳ. И. Буслаевѣ маститый ораторъ закончилъ слѣдующими словами: «Болѣе полустолѣтія Ѳ. И. неустанно трудился надъ развитіемъ и укорененіемъ народнаго самопознанія, и свое имя онъ внисалъ на страницы исторіи русскаго языка и литературы. Она всегда будетъ помнить, что Буслаевъ далъ новое направленіе въ изученіи русскаго языка, первый обратилъ вниманіе на многіе памятники древней нашей письменности, которыми до него никто не занимался, первый примѣнилъ къ ихъ изученію сравнительный методъ, пер-

вый прилежно занялся исторіей русскаго народнаго пѣснотворчества». Очертивъ дѣятельность А. Н. Майкова, непосредственнаго преемника Пушкина и рано погибшаго Лермонтова, А. Θ. Бычковъ упомянулъ въ заключеніе о нравственныхъ качествахъ покойнаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Они были столь же прекрасны и увлекательны, столь же отзывчивы ко всему доброму и высокому, какъ и его стихотворенія; человѣкъ и поэтъ въ немъ слились и прошли жизненный путь рука объ руку». Въ дѣятельности отдѣленія произошли въ отчетномъ году слѣдующія крупныя событія: продолжались усиленныя занятія надъ словаремъ русскаго языка (уже въ январѣ приступлено къ печатанію перваго выпуска втораго тома, подъ редакцію академика А. А. Шахматова и при непосредственномъ участіи августѣйшаго президента академіи въ просмотрѣ корректуръ и обсужденіи замѣчаній, которыя предлагали члены отдѣленія); оконченъ печатаніемъ, подъ наблюденіемъ академика А. Θ. Быčkova, второй выпускъ втораго тома «Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка», по письменнымъ памятникамъ, собраннымъ покойнымъ академикомъ Н. И. Срезневскимъ; академикъ М. И. Сухомлиновъ напечаталъ IV томъ сочиненій М. В. Ломоносова; академикъ А. Θ. Бычковъ напечаталъ третьимъ изданіемъ «Лѣтопись по Лаврентьевскому списку»; академикъ Л. Н. Майковъ продолжалъ поиски пушкинскихъ рукописей и рукописныхъ свѣдѣній о немъ и началъ печатать первый томъ критическаго изданія сочиненій А. С. Пушкина и т. п. На соисканіе ломоносовскихъ премій были представлены два труда: 1) профессора университета св. Владиміра Т. Д. Флоринскаго «Лекціи по славянскому языкознанію» и 2) профессора Казанскаго университета Е. Θ. Будде «Къ исторіи великорусскихъ говоровъ. Опытъ историко-сравнительнаго изслѣдованія народнаго говора въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи». Первый трудъ былъ рассмотрѣнъ профессоромъ Московскаго университета Р. Θ. Брандтомъ, второй—академикомъ А. А. Шахматовымъ. Обоиъ соискателямъ присуждена ломоносовская премія, въ половинномъ размѣрѣ каждому. Профессору Р. Θ. Брандту присуждена за его критическій разборъ золотая медаль. Академика А. Θ. Быčkova смѣнилъ на кафедрѣ академикъ С. И. Коржинскій, въ блестящемъ словѣ ознакомившій собраніе съ очеркомъ природы Памира, Рошана и Шугнана. Какъ извѣстно, въ силу политическихъ условій эти провинціи долгое время были почти вовсе недоступны для европейцевъ и лишь съ прошлаго года, послѣ извѣстнаго англо-русскаго соглашения, онѣ отошли къ бухарскимъ владѣніямъ, благодаря чему въ нихъ открылся доступъ для ученыхъ изслѣдователей. Его высочество бухарскій эмиръ, благодаря письму августѣйшаго президента академіи, проявилъ по отношенію къ референту, какъ и къ другимъ членамъ экспедиціи, большую любезность и сдѣлалъ распоряженія объ оказаніи путешественникамъ полнаго содѣйствія въ предѣлахъ бухарскихъ владѣній. Научные результаты путешествія весьма цѣнны.

Затѣмъ собраніе было ознакомлено съ дѣятельностью состоящей при академіи постоянной комиссіи для пособія нуждающимся ученымъ, литераторамъ и публицистамъ въ истекающемъ году. Согласно высочайшему указу 13-го января 1895 года, 1-го января текущаго года въ распоряженіе комиссіи поступило 50.000 рублей. Ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ

Маріи Теодоровнѣ, въ сочувственномъ вниманіи къ нуждамъ не обеспеченныхъ ученыхъ, литераторовъ и публицистовъ, благоугодно было увеличить средства комисіи ежегоднымъ пожалованіемъ 300 руб. для причисленія ихъ къ капиталу имени императора Николая II. Всего же въ отчетномъ году въ распоряженіи комисіи имѣлось 52.133 р. 23 коп. Комиссіею было рассмотрѣно 451 ходатайство, изъ которыхъ удовлетворено 271 ходатайство. По мѣсту жительства лица, получавшія пенсіи и пособія, распределяются слѣдующимъ образомъ: 165 въ С.-Петербургѣ, 102 въ другихъ мѣстностяхъ имперіи и 4 за границей. Пенсіи имени императора Николая II назначены 6 лицамъ на сумму 1.572 рубля, что съ назначенными равнѣ на пенсіи 15.360 рублями составляетъ 16.932 р. въ годъ. Изъ числа пенсіонеровъ комисіи одному, получавшему пенсію въ размѣрѣ 600 рублей въ годъ, по постановленію ея, состоявшемуся на основаніи § 9-го временныхъ правилъ, данныхъ въ руководство комисіи, производство таковой прекращено съ 1-го іюня отчетнаго года въ виду того, что обстоятельства означеннаго пенсіонера измѣнились къ лучшему. Единовременныя пособія выданы 169 лицамъ на сумму 10.980 рублей, въ томъ числѣ 14 лицамъ для уплаты за обученіе дѣтей, и въ 1 случаѣ на погребеніе скончавшагося писателя. Пособія, разсроченныя помѣсячно, выдавались 96 лицамъ на сумму 24.215 рублей; въ томъ числѣ въ 10 случаяхъ на воспитаніе дѣтей нуждающихся писателей. 180 ходатайствъ были комиссіею отклонены: изъ нихъ 130—по отсутствію уважительныхъ для ихъ удовлетворенія причинъ, 34—какъ повторительныя, 10—о назначеніи пособій на изданіе сочиненій и 6—о выдачѣ ссудъ. По двумъ послѣднимъ разрядамъ ходатайствъ удовлетвореніе не соотвѣтствовало бы правиламъ, даннымъ комисіи въ руководство. Обиліе поступающихъ въ комиссію просьбъ не разъ ставило ее въ невозможность удовлетворять ихъ въ просимыхъ размѣрахъ; однако, произведенными выдачами были устраняемы, по крайней мѣрѣ, наиболѣе существенныя нужды ученыхъ и литераторовъ, имѣющихъ источникомъ заработка участіе въ печати, особенно періодической, а также многихъ вдовъ и сиротъ умершихъ писателей. На соисканіе наградъ имени академика К. М. фонъ-Бэра было представлено 6 сочиненій, для рассмотрѣнія которыхъ была составлена комиссія, подъ предсѣдательствомъ академика Ф. В. Овсянникова, изъ академиковъ Ѳ. В. Шмидта, А. О. Ковалевскаго, Р. С. Фаминцына, В. В. Заленскаго и С. И. Коржинскаго. Преміи, въ 500 рублей каждая, присуждены: 1) профессору А. А. Коротневу, представившему рядъ сочиненій, 2) профессору Б. Ф. Вериге, представившему 3 сочиненія, и 3) д-ру Вейнбергу (4 сочиненія), посвященные изученію мозга у эстовъ и латышей. Въ заключеніе были провозглашены имена лицъ, вновь избранныхъ академіею въ почетные члены и въ члены-корреспонденты. Въ почетные члены избраны: директоръ Московскаго публичнаго и румянцовскаго музеевъ М. А. Веневитиновъ, вице-президентъ Императорской академіи художествъ графъ И. И. Толстой и директоръ бюро труда въ Вашингтонѣ и президентъ статистическаго центрального бюро Соединенныхъ Штатовъ полковникъ Карроль Райтъ; въ члены-корреспонденты—заслуженный профессоръ Московскаго университета Н. В. Бугаевъ, профессоръ университета св. Владимира I. В. Ба

равецкій, профессоръ Варшавскаго университета Н. В. Насоновъ, бывшій профессоръ Юрьевскаго университета И. А. Бодуэнъ-де-Куртене, директоръ Гельсингфорской обсерваторіи и профессоръ Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ А. И. Доннеръ, начальникъ топографической съемки въ Финляндіи и С.-Петербургской губ., ген. шт. г.-м. А. Р. Бенсдорфъ, членъ Берлинской академіи наукъ и профессоръ Берлинскаго университета Германъ Шварцъ, профессоръ Лилльскаго университета Шарль Барруа, профессоръ Копенгагенскаго университета Христіанъ Лютгенъ, профессоръ Вюрцбургскаго университета Францъ Лейдигъ, редакторъ трудовъ «Challenger Expedition» Джонъ Мэррэй и профессоръ Будапештскаго университета, членъ Венгерской академіи наукъ, Игнатій Гольдцигеръ.

Историческое общество въ С.-Петербурѣ. Вопросы городского представительства и самоуправленія за послѣднее время въ особенности занимаютъ русское общество. Въ этомъ отношеніи интересныя и поучительныя данныя сообщены были въ засѣданіи историческаго общества 19-го ноября Д. Д. Семеновымъ о представительномъ правѣ горожанъ въ Екатерининское время. По словамъ докладчика, ознакомленіе съ тѣми основаніями городского представительства, какія были признаны въ Екатерининскую эпоху, уничтожаетъ господствующій въ русскомъ обществѣ взглядъ, что предоставленіе городскихъ избирательныхъ правъ только домовладѣльцамъ и торговопромышленному классу всецѣло будто бы покоится на законахъ Екатерины II. Въ домосковскій періодъ русской исторіи все члены городской общины, безъ различія въ отношеніи ихъ имущественнаго положенія, имѣли право на участіе въ самоуправленіи. Это начало признавалось и въ московское время, хотя московское городское общество и не было уже однообразнымъ по своему составу и по своимъ правамъ. Самоуправленіе тогда состояло въ правѣ разверстки падающихъ на городское общество государственныхъ налоговъ и въ обязательномъ отправленіи различнаго рода услугъ государству. Петръ Великій, озабочиваясь развитіемъ промышленности, предоставилъ купечеству особыя права, хотя собственно скорѣе въ интересахъ фиска. Но и въ его эпоху цензомъ, опредѣляющимъ гражданство, было не только занятіе торговлею и ремесломъ, а и интеллигентная профессія въ нѣкоторыхъ отрасляхъ (живописцы, доктора, аптекари). Переходя къ разсмотрѣнію положенія этого дѣла въ Екатерининскую эпоху, докладчикъ, для опредѣленія того, изъ кого состояло въ то время городское общество и кто имѣлъ право быть городскимъ избирателемъ, подробно разобралъ относящійся сюда богатый матеріалъ, состоящій изъ наказа, даннаго Екатериной II комиссіи для составленія новаго уложенія 1767 года, правилъ производства выбора городского головы и депутатовъ въ эту комиссію, наказовъ избирателей своимъ депутатамъ, протоколовъ засѣданій большой комиссіи, законопроектвъ малыхъ комиссій, наконецъ жалованной грамоты городамъ 1785 г. Въ Петербургѣ и Москвѣ выборы депутатовъ въ Екатерининскую комиссію были всеословныя. Выборы въ провинціальныхъ городахъ производились изъ одного купечества и цеховаго сословія, въ другихъ—въ выборахъ принимало участіе духовенство, въ третьихъ—разночпнды, въ четвертыхъ—дворяне и крестьяне. Нельзя, однако, положительно сказать, чтобы

сословность преобладала при выборахъ депутатовъ, такъ какъ въ подписяхъ подъ наказами встрѣчаются всѣ сословія, что показываетъ, что тогда существовало признаніе за всѣми группами городскихъ обывателей права голоса при выраженіи городскихъ нуждъ, и владѣніе недвижимымъ имуществомъ не было единственнымъ основаніемъ признанія за кѣмъ-либо права на участіе въ общегородскихъ дѣлахъ. Если разсматривать самые законы горожанъ, то преимущественное значеніе того, что составляетъ городскую самоуправляющуюся общину, имѣть не сословное начало и не владѣльческое, а именно профессія, признаваемая тогда спеціально городской, — торгъ и промыселъ. Изъ взгляда присутственныхъ мѣстъ на составъ городского общества также видно, что цензомъ признавались: владѣніе имуществомъ, обладаніе движимымъ капиталомъ, городскія профессии, какъ промысловаго характера, такъ и интеллигентнаго, и частью, наконецъ, не только положеніе хозяина, но и служащаго. Что касается того, какъ смотрѣла по этому вопросу сама Екатерина II-я, то изъ наказа ея, даннаго въ руководство комиссіи, ясно не видно, кто именно считается полноправнымъ гражданиномъ, хотя признакомъ принадлежности къ городскому обществу въ статьяхъ наказа устанавливаются довольно широкія городскія профессии, носяція притомъ не только торговопромышленный характеръ, но и интеллигентный. Наконецъ, въ жалованной грамотѣ городамъ 1785 г. опредѣленіе городского общества представляется очень широкимъ, охватывающимъ разныя профессии городского населенія и не закрывающимъ доступа въ составъ городского общества, въ качествѣ равноправныхъ членовъ, людямъ интеллигентнымъ, живущимъ только своимъ трудомъ и не владѣющимъ недвижимою собственностью. Такимъ образомъ, понятіе городского представительства въ эпоху Екатерины II было значительно шире, сравнительно съ тѣмъ, какъ это представительство выражено въ дѣйствующемъ городскомъ положеніи 1892 года. Городскимъ избирательнымъ правомъ въ екатерининское время обладалъ большій кругъ сословныхъ разрядовъ городского населенія, нежели даже при безсословномъ городскомъ положеніи 1870 г., представлявшемъ, какъ извѣстно, большому числу горожанъ право быть городскимъ избирателемъ, сравнительно съ нынѣшнимъ положеніемъ. Положеніе 1870 г. было несомнѣнно прогрессивнымъ явленіемъ, уничтоживъ господствовавшее до него сословное начало въ организаціи городского общества и полную административную независимость городского общественнаго управленія, каковое тогда стало дѣйствительно самоуправленіемъ; но все же городское общество, организованное по этому положенію, не могло быть признано всесословнымъ, охватывающимъ представителей не только всѣхъ разнородныхъ группъ современнаго городского населенія, но даже и тѣхъ, которымъ давалось право на участіе въ городскомъ общественномъ управленіи по законамъ жалованной грамоты городамъ 1785 г., такъ какъ признавало правоспособными гражданами только два разряда городского населенія — владѣльцевъ недвижимой собственности и торговопромышленниковъ. Положеніе 1892 г., несмотря на сильное движеніе общественной мысли, выразившееся въ предложеніи дарованія квартиронанимателямъ права быть городскими избирателями и городскими избранными, уменьшивъ самостоятельность городского самоуправления, сдѣлало

шагъ назадъ и въ избирательномъ правѣ: оно приурочило это право къ одному владѣнію недвижимымъ имуществомъ. Участіе всѣхъ разрядовъ городского населенія въ городскихъ дѣлахъ, имѣвшее мѣсто даже сто слишкомъ лѣтъ назадъ, по мнѣнію докладчика, вполне показываетъ, насколько можно серьезно утверждать, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ и теперь, что наше городское населеніе все еще будто бы не доросло до участія въ городскомъ самоуправленіи.

Историческое общество въ Москвѣ. 28 декабря, въ 2 часа дня, въ Библиотечной залѣ происходило засѣданіе состоящаго при Московскомъ университетѣ историческаго общества, подъ предѣдательствомъ профессора В. О. Ключевскаго. Въ этомъ засѣданіи заслуженный профессоръ В. И. Герье прочелъ сообщеніе «О началѣ лѣтописи въ Римѣ». Вопросъ о достовѣрности древней римской исторіи и ея источниковъ занимаетъ видное мѣсто въ научныхъ изслѣдованіяхъ за послѣднее десятилѣтіе. Результаты этихъ изслѣдованій, въ связи съ археологическими разысканіями, и критическій разборъ самаго содержанія традиціонной римской исторіи древнѣйшихъ временъ, поколебали въ значительной степени первоначальный взглядъ на до-республиканскій періодъ Римской имперіи и на эпоху, предшествовавшую взятію Рима галлами. Нибуръ, первый изъ историковъ, положившій начало подобнымъ изслѣдованіямъ и создавшій нѣсколько гипотезъ о происхожденіи римскаго народа, указываетъ, какъ на первоисточникъ римской исторіи, на древнѣйшую хроникку Фабія Пиктора и на анналы понтификовъ, первоначальныя доски которыхъ погибли во время галльскаго погрома. Цицеронъ съ достовѣрностью указываетъ, какъ на первоначальную хронологическую дату, на солнечное затменіе, бывшее въ 351 году отъ основанія Рима. Затѣмъ наиболѣе достовѣрная исторія начинается со времени возстанія плебеевъ, сожженія и разоренія «вѣчнаго города» галлами. Первоначальныя лѣтописи, начало которыхъ можно считать съ этого времени, слагались, кромѣ того, и изъ безыменныхъ хроникъ, консульскихъ и триумфальныхъ фастъ и календарныхъ записей, публично выставляемыхъ на доскахъ, служившихъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы новостями текущаго дня, на нихъ записывались, кромѣ календарныхъ датъ, свѣдѣнія объ урожаяхъ, засухахъ, дороговизнѣ хлѣба, побѣдахъ и пораженіяхъ войскъ и т. п. Громадный сборникъ анналовъ, составленныхъ впоследствии по этимъ даннымъ и содержащій въ себѣ до 80 книгъ, принадлежитъ Муцію Сцеволю. Референтъ коснулся въ своемъ докладѣ также подробно изслѣдованій позднѣйшихъ ученыхъ въ этомъ направленіи, какъ-то: Моммзена, Швейглера, Зека и др. Въ заключеніе, подводя итоги всему предшествующему, докладчикъ выразилъ мнѣніе, что вопросъ о началахъ римской исторіографіи въ наше время упростился и выяснился. При этомъ, конечно, приходится сдѣлать оговорку, что онъ упростился лишь для изслѣдователей, не убѣжденныхъ а priori въ томъ, что достовѣрная римская исторія восходитъ до начала республики. Для историковъ же, не находящихся подъ обаяніемъ этого представленія, вопросъ о достовѣрности традиціонной римской исторіи совпадаетъ съ вопросомъ о древности и старинномъ характерѣ анналовъ понтификовъ. И если вѣрно то, что анналистика понтификовъ развилась изъ приписокъ жреческаго характера на выставленномъ ими календарѣ, подлинныя же

доски не заходятъ за эпоху гальскаго погрома; если принять во вниманіе, что жреческій характеръ албума лишь медленно измѣнялся и замѣнялся болѣе свѣтскимъ исторіографическимъ характеромъ приписокъ, что подтверждается словами Катона; если, наконецъ, имѣть въ виду, что, кромѣ понтификовъ, первоисточникомъ для римскихъ анналистовъ могли служить преимущественно только консульскіе фасты, — то неизбежно слѣдуетъ прійти къ выводу, что традиціонная римская исторія первыхъ двухъ вѣковъ республики, какъ мы ее знаемъ изъ Ливія, — очень поздняго происхожденія. Къ тому же выводу приводятъ насъ, съ одной стороны, археологическія розысканія, съ другой стороны — критическій разборъ самаго содержанія традиціонной исторіи. Послѣ 10-минутнаго перерыва недавно возвратившійся изъ-за границы А. А. Малининъ прочелъ сообщеніе «О коллективизмѣ въ современной исторіографіи», представлявшее критику теоріи Лампрехта, которою онъ пытается доказать, что исторія, слагаясь изъ автоматическихъ дѣйствій отдѣльныхъ личностей, движется путемъ необходимости, что личность не имѣетъ никакой роли въ исторіи, и что роковые законы исторіи не подчиняются волѣ отдѣльнаго человѣка.

Чествованіе памяти Ѳ. И. Буслаева въ Обществѣ любителей Россійской словесности. 21 декабря, въ 1 часть дня, Общество любителей Россійской словесности, состоящее при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, чествовало въ публичномъ торжественномъ засѣданіи, въ актовомъ залѣ университета, память недавно скончавшагося Ѳедора Ивановича Буслаева, своего бывшаго предсѣдателя и почетнаго члена. Съ кафедры, на которой возвышался большой портретъ Ѳ. И., окруженный лавровымъ вѣнкомъ, предсѣдателемъ общества проф. Н. И. Стороженко и дѣйствительными членами общества, профессорами В. Ѳ. Миллеромъ и А. И. Кириичниковымъ, были прочитаны: первымъ — вступительное слово, вторымъ — очеркъ «Ѳ. И. Буслаевъ, какъ ученый», третьимъ — сообщеніе «Воспоминанія о Ѳ. И. Буслаевѣ». Проф. Стороженко началъ съ извиненія отъ имени общества въ томъ, что оно нѣсколько запоздало со своими поминками по Ѳ. И. Буслаевѣ: сравнительно позднее чествованіе памяти Ѳ. И. обусловилось желаніемъ общества привлечь къ участию въ чествованіи ближайшихъ учениковъ Буслаева, которыхъ не было долгое время на лицо въ Москвѣ. Приведа затѣмъ нѣсколько личныхъ воспоминаній о Ѳ. И., котораго онъ слушалъ въ университетѣ три года, проф. Стороженко остановился на работахъ покойнаго ученаго по исторіи литературы и отмѣтилъ, что онъ первый примѣнилъ у насъ къ изученію литературы историко-сравнительный методъ, первый сталъ удѣлять въ своихъ лекціяхъ по русской литературѣ значительное мѣсто литературѣ иностранной. Въ заключеніе проф. Стороженко напомнилъ объ отношеніяхъ Ѳ. И. Буслаева къ обществу любителей Россійской словесности, о произнесенныхъ имъ въ обществѣ рѣчахъ и читанныхъ рефератахъ, объ избраніи Ѳ. И. въ 1888 г., по случаю 50-лѣтія его научной дѣятельности, въ почетные члены общества и объ адресѣ, поднесенномъ ему по этому случаю обществомъ, наконецъ, о статьяхъ Ѳ. И., помѣщенныхъ въ сборникѣ общества «Почивъ». «Имя Ѳ. И. Буслаева никогда не умретъ въ лѣтонисяхъ русской науки и всегда будетъ служить символомъ самоотверженнаго

служенія ей», — закончилъ свою рѣчь профессоръ Стороженко. Взошедшій затѣмъ на кафедру профессоръ В. Ѡ. Миллеръ представилъ обстоятельную характеристику Ѡ. И. Буслаева, какъ ученаго. «Есть имена, — сказалъ онъ, — при одномъ произнесеніи которыхъ вашу душу наполняетъ что-то возвышенное, благородное, поэтическое; къ такимъ именамъ принадлежитъ имя Ѡ. И. Буслаева, могущественное вліяніе котораго не только на его учениковъ, но и на обыкновенныхъ читателей объясняется тѣмъ, что въ его трудахъ необыкновенно полно отразилась его благородная личность, что это былъ не только ученый, но и художникъ, что онъ давалъ не только науку о поэзій, но и поэзію о наукѣ. Сочиненія Буслаева отличаются простотой и скромностью; онъ былъ далекъ отъ какихъ бы то ни было эффектовъ; его труды не могутъ претендовать на полную оригинальность, взгляды его въ настоящее время во многомъ даже устарѣли, но интересъ, который произведенія Буслаева сохраняютъ и теперь, необыкновенно чарующее впечатлѣніе, производимое ими, объясняется тѣмъ, что это — не сухое, безпристрастное изслѣдованіе, а продуктъ тонкаго и глубокаго ума, сообщающій читателю всю душевную теплоту, чистоту и изящество своего автора». Остановившись затѣмъ на вліяніяхъ, которыя испыталъ на себѣ Буслаевъ, — на симпатичномъ образѣ матери Ѡ. И., женщины выдающейся и игравшей въ воспитаніи своего сына первенствующую роль, на трехъ главнѣйшихъ учителяхъ его: Шевыревѣ, Погодинѣ и Крюковѣ, на значеніи въ жизни Буслаева его пребыванія въ качествѣ учителя сначала въ семействѣ Боде, затѣмъ въ семьѣ графа С. Г. Строганова, въ Италіи, гдѣ онъ имѣлъ возможность закончить свое литературно-художественное образованіе, проф. Миллеръ перешелъ къ характеристикѣ научной дѣятельности Ѡ. И. Буслаева. Избравъ для своихъ лингвистическихъ и художественныхъ изслѣдованій доисторическій періодъ духовной культуры русскаго народа, Буслаевъ оказался въ этихъ изслѣдованіяхъ одинаково тонкимъ и умѣлымъ археологомъ и художникомъ, историкомъ культуры и эстетикомъ, обнаружившимъ такой широкій культурно-историческій горизонтъ, относительно котораго съ нимъ никто изъ русскихъ ученыхъ не сравнится, и плодовитость въ трудахъ, по которой съ Буслаевымъ можетъ быть поставленъ рядомъ развѣ только С. М. Соловьевъ. Благодаря широтѣ своего кругозора, Ѡ. И. былъ, между прочимъ, далекъ отъ узкихъ народныхъ взглядовъ славянофиловъ, но не могъ въ то же время раздѣлять и увлеченій западниковъ, съ презрѣніемъ относившихся, напр., къ Византіи. Последнюю треть жизни Буслаевъ посвятилъ исключительно занятіямъ по искусству, и здѣсь онъ проявилъ такіа энциклопедическія познанія, опытность знатока и продуманность въ окончательныхъ выводахъ, что, по мнѣнію проф. Миллера, труды Буслаева по искусству являются лучшимъ введеніемъ въ изученіе этой научной дисциплины. Счастливое сочетаніе изящной духовной организаціи, пылкости ума, отзывчивости сердца и идеализма стремлений — такова, по мнѣнію проф. Миллера, тайна обаятельности личности и произведеній Ѡ. И. Буслаева. Прекраснымъ дополненіемъ къ образу Буслаева-ученаго, нарисованному въ изложенномъ сообщеніи, послужили живыя и тепло написанныя воспоминанія о Буслаевѣ-профессорѣ и человѣкѣ, сообщенныя затѣмъ проф. А. И. Кириичниковымъ. Проф. Кириичникову выпало счастье со-

стоять въ близкомъ общеніи съ Ѳ. И. Буслаевымъ долгое время, и ему удалось, — такъ заявилъ онъ въ началѣ своей рѣчи, — сохранить богатый запасъ воспоминаній о своемъ бывшемъ учителѣ. Частью этихъ воспоминаній онъ и подѣлился съ собравшимися почтить память Ѳ. И. Въ 1861 г., когда А. И. Кирпичниковъ поступилъ въ студенты историко-филологическаго факультета Московскаго университета, Буслаевъ былъ уже однимъ изъ любимѣйшихъ и популярнѣйшихъ профессоровъ: его слушали не только словесники, но и юристы и даже студенты другихъ факультетовъ, не только младшіе, но и старшіе курсы. По наружности это былъ необыкновенно изящный, красивый, съ симпатичнымъ лицомъ человекъ среднихъ лѣтъ, причемъ общее впечатлѣніе было такое, что оно чрезвычайно соответствовало представленію о наружности идеальнаго профессора; въ рѣдкой гармоніи съ наружностью Буслаева находились его лекціи. Описавъ характеръ лекцій Ѳ. И. Буслаева, его пріемовъ у себя на дому, на которые также являлись студенты всѣхъ факультетовъ, и не одни студенты, его отношенія къ студентамъ во время большой студенческой исторіи въ 1861—1862 году, проф. Кирпичниковъ передалъ рядъ любопытныхъ подробностей изъ жизни Буслаева, къ которой имѣлъ случай близко присмотрѣться, такъ какъ съ послѣдняго курса университета онъ состоялъ учителемъ единственнаго сына Ѳ. И. по латинскому языку; изъ этихъ подробностей особенно интересны тѣ, которыя касаются научныхъ занятій Буслаева и его способовъ приготовленія къ университетскимъ лекціямъ. Характеризуя міросозерцаніе Ѳ. И., проф. Кирпичниковъ отмѣтилъ, что предметомъ горячаго убѣжденія Буслаева былъ рядъ слѣдующихъ положеній: главное несчастіе Россіи заключается въ низкомъ уровнѣ ея культурности и просвѣщенія; бороться съ невѣжествомъ — долгъ всѣхъ, вкусившихъ образованія, и, главнымъ образомъ, тѣхъ, которые прошли высшую школу; въ этой борьбѣ за просвѣщеніе родины не слѣдуетъ однако забывать своихъ обязанностей къ ближнему вообще. Этому міросозерцанію Буслаевъ остался вѣренъ въ теченіе всей своей жизни, будучи въ то же время далекимъ отъ мелкихъ житейскихъ дрязгъ и партійныхъ раздоровъ. «Я профессоръ, а не дѣлецъ», — любилъ онъ говорить. Дальнѣйшими чертами міровоззрѣнія Ѳ. И. Буслаева были: вражда ко всякаго рода племенной борьбѣ, необыкновенная деликатность къ иностранцамъ, неизмѣнная жизнерадостность. Эта жизнерадостность была сохранена Буслаевымъ и на склонѣ лѣтъ, когда онъ былъ уже глубокимъ и къ тому еще обездоленнымъ судьбою — онъ ослѣпъ отъ занятій — старикомъ; онъ и въ эти дни не тяготился жизнью, а наслаждался ею, и, съ благодарностью вспоминая свое прошлое, сошелъ въ могилу такъ же тихо и скромно, какъ скромно и тихо прожилъ свою богатую жизнь. «Грудно, — сказалъ въ заключеніе проф. Кирпичниковъ, — подражать Буслаеву-ученому, но обязанность учениковъ его стремиться, по крайней мѣрѣ, къ тому, чтобы сдѣлаться равными Буслаеву-профессору». Предполагалось еще одно сообщеніе — прив.-доц. Л. П. Вѣльскаго объ отношеніи Ѳ. И. Буслаева къ искусству, но за позднимъ временемъ оно было отложено до одного изъ ближайшихъ засѣданій общества.

Засѣданіе учебнаго отдѣла, посвященное памяти Ѳ. И. Буслаева. 10-го декабря, въ большой аудиторіи Политехническаго музея состоялось публичное

засѣданіе учебнаго отдѣла Общества распространія техническихъ знаній въ Москвѣ, посвященное памяти *Θ. И. Буслаева*. Засѣданіе открылось вступительнымъ словомъ предсѣдателя, проф. *П. Г. Виноградова*, давшего сжатый очеркъ научнаго и общественнаго значенія личности *Θ. И. Буслаева*. Главной отличительной чертой *Θ. И.* была рѣдкая способность проводить свои идеи во всеобщее сознаніе и вдохновлять людей. Онъ въ полномъ смыслѣ слова былъ Яковомъ Гриммомъ для Россіи. Вокругъ него всегда группировались какъ ученые, такъ и начинающіе студенты, которыхъ притягивала и объединяла выдающаяся личность *Θ. И.* Затѣмъ *П. А. Виноградовъ* прочиталъ рефератъ о «Педагогическихъ завѣтахъ *Θ. И. Буслаева*». Сдѣлавъ краткій очеркъ первыхъ шаговъ педагогической дѣятельности *Θ. И.* во 2-й и 3-й гимназіяхъ, референтъ подробно остановился на тогдашнемъ состояніи русской средней школы, на которой лежала печать беспросвѣтной рутинѣ. По распоряженію начальства, въ классахъ была воспрещена даже только-что появившаяся хрестоматія *Галахова*. Допускались лишь тѣ книги, авторы которыхъ предусмотрительно оговорились, что онѣ служатъ только «дополненіемъ къ Гречу», тогдашнему откупщику русской литературы. *Буслаеву* долгое время приходилось безплодно проводить новый духъ преподаванія даже въ той самой гимназіи, гдѣ онъ служилъ, и большая заслуга принадлежитъ ему за его упорную борьбу съ нелицествами учебника *Греча* (баллада, по *Гречу*, опредѣлялась, напр., какъ описаніе событія изъ рыцарской жизни, и въ примѣръ приводились «*Шивковы журавли*»). Принимая участіе въ составленіи программы для средне-учебныхъ заведеній, *Θ. И.* особенно проводилъ мысль, что книга не должна идти въ ущербъ живому преподаванію. Проработавъ четверть вѣка надъ составленіемъ методовъ и программъ преподаванія, *Θ. И.* написалъ рядъ трудовъ, составляющихъ эпоху въ исторіи преподаванія. Множество авторовъ стали поспѣшно передѣлывать свои сочиненія сообразно съ проводимыми *Θ. И.* взглядами. Какъ примѣръ неуклонныхъ стремленій *Θ. И.* къ прогрессивной научной дѣятельности, можно привести новое изданіе его грамматики, представляющей собою заново передѣланное сочиненіе на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій русскаго языка. Характерны завѣты *Буслаева*, какъ педагога: любить науку, любить дѣтей, работать до послѣднихъ дней на пользу общей сокровищницы русскаго языка, постоянно помнить о неокрѣпшихъ силахъ дѣтей, говорить имъ одну истину и притомъ въ живой, доступной имъ формѣ; не забывать, что не дѣти для науки, а наука для дѣтей. *А. И. Кириичниковъ* прочиталъ рефератъ: «*Θ. И. Буслаевъ*, какъ основатель исторіи всеобщей литературы въ Россіи». Опредѣливъ уровень знакомства со всемірной литературой въ эпоху, предшествующую дѣятельности *Буслаева*, лекторъ остановился на сравненіи *Θ. И.* съ его учителемъ *Шевыревымъ*. Послѣдній былъ весьма образованнымъ человекомъ и прекраснымъ знатокомъ европейской литературы, но въ русской литературѣ онъ не шелъ далѣе обычнаго въ ту эпоху смиренномудраго отношенія и не пытался примѣнять метода сравнительнаго научнаго изслѣдованія. Въ послѣдней области у *Θ. И.*, слѣдовательно, не было предшественниковъ. Несмотря на отсутствіе у насъ исторіи всеобщей литературы въ эпоху профессорской дѣятельности *Буслаева*, послѣдній въ курсѣ русской народнои поэзи

не ограничивался, наиримѣрь, какъ водилось, одиѣми былинами, а переходилъ къ исторіи германскаго эпоса, полагая, что, не зная чужаго, нельзя знать и своего. Признавая только одну истину, не узко-національную, а общечеловѣческую, Ѳ. П. всегда рекомендовалъ пользоваться общими для всѣхъ орудіями знанія. Какой плодотворный слѣдъ оставила такая дѣятельность высокодаровитаго учителя, видно изъ адреса, поднесеннаго Буслаеву, гдѣ говорится, что лишь только былъ введенъ въ программу курсъ всеобщей литературы, какъ сейчасъ же нашлись многочисленныя талантливыя дѣятели, подготовленные его трудами и лекціями. К. К. Войнаховскій сообщилъ «О значеніи трудовъ Ѳ. П. Буслаева въ исторіи науки о русскомъ языкѣ». Выяснивъ громадное значеніе языка, какъ самага драгоцѣннаго человѣческаго дара, переживающаго иногда и самый народъ, его создавшій, объединяющаго людей, дающаго имъ все наиболѣе возвышающее ихъ природу и вмѣстѣ съ тѣмъ выражающаго лучшее проявленіе человѣческаго духа, лекторъ показалъ, какую громадную заслугу оставилъ Ѳ. П., дѣлая доступнымъ всѣмъ познаніе языка. Сороковые годы составляютъ знаменательную эпоху въ исторіи нашего общества; являются люди, горячо интересующіеся той живой работой надъ изслѣдованіемъ живаго слова, которая возникла въ Германіи. Прослѣдивъ исторію уровня нашихъ знаній и отношеній къ языку въ связи съ состояніемъ европейскаго научнаго изслѣдованія въ той же области, лекторъ показалъ, что Ѳ. П. является первымъ по времени историкомъ русскаго языка, и ему принадлежитъ честь широкой популяризаціи своихъ изслѣдованій и проведенія ихъ во всеобщее сознаніе. Затѣмъ лекторъ сдѣлалъ краткій разборъ всѣхъ трудовъ Буслаева съ указаніемъ ихъ научнаго и практическаго значенія, а равно и вліянія на дѣятельность его продолжателей. Во всѣхъ произведеніяхъ Ѳ. П. проявляются рѣдкія качества его богато одаренной натуры; каждое сочиненіе вноситъ что нибудь новое, а всѣ вмѣстѣ они составляютъ цѣльную исторію русскаго языка. Научное значеніе трудовъ Ѳ. П. остается и до сихъ поръ въ полной силѣ, и его трудами начинается новый научный періодъ изученія русскаго языка, который продолжается и по сіе время. Русскому человѣку дана возможность быть грамотнымъ и въ своемъ родномъ языкѣ, благодаря научнымъ изслѣдованіямъ Буслаева о русскомъ правописаніи. Л. П. Вѣльскій сдѣлалъ докладъ «Объ отношеніи Ѳ. П. Буслаева къ искусству». Познакомивъ слушателей съ тѣми способами, къ какимъ прибѣгалъ Ѳ. П. для нагляднаго обученія студентовъ русскому искусству, и упомянувъ о вліяніи на Ѳ. П. его путешествія въ Италію, гдѣ онъ жилъ, всецѣло погружившись въ изученіе искусства, лекторъ выяснилъ отношеніе Буслаева къ древне-христіанскимъ памятникамъ искусства. Затѣмъ лекторъ остановился на разборѣ позднѣйшихъ памятниковъ искусства Буслаевымъ. Немало потрудился Ѳ. П. для разбора современныхъ памятниковъ искусства. Онъ установилъ у насъ терминологію и устранилъ царившую до него путаницу понятій (натурализмъ, матеріализмъ, реализмъ). Важнѣйшій элементъ искусства, по мнѣнію Буслаева, есть правда жизни и искренность. Чтобы достигнуть этого, художникъ долженъ быть всесторонне образованнымъ носителемъ чистаго идеала и имѣть благородный взглядъ на жизнь, обладая въ то же время философскимъ знаніемъ и будучи *au courant* совре-

менныхъ направленій мысли. Прямое призваніе художника—облагораживать публику. Наше время, по воззрѣніямъ Буслаева, есть время неустановившееся, ибо все, что производится въ духѣ отдѣльной доктрины, все это невѣчно и даже иногда непонятно современникамъ. Наше время можетъ быть названо несамостоятельнымъ, эклектическимъ: всюду идетъ подражаніе, заимствованіе. Если искусство нашего времени разучилось вдохновлять людей на чистыя молитвы,—пусть оно заимствуетъ себѣ идеалы, какіе можетъ, лишь бы оно вдохновлялось само. Е. А. Ляцкій прочиталъ рефератъ «О трудахъ Ѳ. И. Буслаева по народной словесности». Буслаевъ полагалъ, что мифологическія преданія славянъ надо изучать не иначе, какъ въ связи съ вѣрованіями и обрядами другихъ народовъ общаго арійскаго происхожденія, молившихся когда-то однимъ богамъ и говорившихъ на одномъ праязыкѣ. Первымъ продуктомъ народнаго творчества слѣдуетъ считать созданіе языка, имѣющаго тѣсную связь съ древнѣйшими религіозными вѣрованіями и обрядами. Воззрѣнія Буслаева внесли коренной переворотъ въ представленія о народномъ эпосѣ и всецѣло отразились на критическомъ методѣ послѣдователей. Нравственному чувству въ народной поэзіи Буслаевъ придавалъ даже большее значеніе, чѣмъ элементамъ эстетическимъ. Всецѣло поглощенный своими идеалами, Ѳ. И. тѣмъ не менѣе никогда не сторонился отъ современнаго теченія общественной мысли; онъ только никогда не спускался съ идеально-научной высоты. Идеаломъ Ѳ. И. была народность жизнерадостная, прекрасная, но идеализація народной старины и быта никогда не заслоняла у него трезваго отношенія къ дѣлу. Высокій, обаятельный художественный идеализмъ навсегда останется за трудами Буслаева помимо ихъ научнаго значенія.

Общество любителей древней письменности. Первое засѣданіе состоялось 28-го ноября, подъ предсѣдательствомъ Д. Ѳ. Кобеко. По открытіи засѣданія, предсѣдательствующій сообщилъ присутствовавшимъ о послѣдовавшей въ каникулярное время кончинѣ почетнаго члена общества Ѳ. И. Буслаева и двухъ членовъ-корреспондентовъ, В. Е. Румянцева и арх. Пимена. Секретарь общества П. Н. Шефферъ познакомилъ собравшихся съ краткими свѣдѣніями изъ жизни В. Е. Румянцева. В. В. Майковъ прочелъ краткій некрологъ арх. Пимена, въ мірѣ Дмитрія Благово. Затѣмъ секретарь общества прочелъ доставленный вѣжинскимъ профессоромъ М. Н. Сперанскимъ очеркъ ученой дѣятельности Ѳ. И. Буслаева. Составитель некролога обратилъ свое вниманіе на тѣ факты жизни Ѳ. И. Буслаева, которые опредѣлили характеръ его научной дѣятельности, и указалъ его заслуги въ области русской науки. Х. М. Лопаревъ прочелъ свой рефератъ объ анонимномъ памятникѣ древне-русской паломнической литературѣ, извѣстномъ подъ именемъ «Бесѣда о святыхъ Царьграда».

Географическое общество. Въ засѣданіи этнографическаго отдѣленія, 2-го декабря, извѣстный синологъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета А. М. Позднѣевъ, сдѣлалъ сообщеніе о тибетской медицинѣ и ея литературѣ. Въ Европѣ вообще и въ Россіи въ частности свѣдѣнія о ламайской медицинѣ начинаютъ распространяться въ XVIII вѣкѣ. Несмотря, однако, на то, что были извѣстны многіе весьма разительные случаи излѣчиванія ламами даже

совершенно безнадежныхъ больныхъ, свидѣтельствовавшіе, что ихъ медицина заключаетъ въ себѣ немало полезныхъ средствъ для лѣченія, свѣдѣнія о ней, къ сожалѣнію, распространялись у насъ очень плохо, а съ теченіемъ времени выпучиванія азіатской медицины и насмѣшки надъ ней, появившіяся благодаря разнымъ путешественникамъ, совершенно незнакомымъ съ дѣломъ, заставляли не придавать ей совершенно никакого значенія и надолго отодвинули ея изученіе. Путешествуя по Востоку, докладчикъ имѣлъ возможность ознакомиться съ мѣстной медициной. Добытыя имъ данныя сводятся къ слѣдующимъ общимъ положеніямъ. Всѣ болѣзни происходятъ отъ ненормальнаго состоянія въ организмѣ существеннѣйшихъ элементовъ: газа, желчи и слизи. При лѣченіи, врачамъ рекомендуется производить діагнозъ, при чемъ, прежде всего, совѣтуется осматривать языкъ и мочу, такъ какъ въ нихъ при каждой болѣзни происходятъ соотвѣтствующія измѣненія. Эти наблюденія совершаются путемъ осмотра. Затѣмъ, наблюденія дѣлаются путемъ оцупыванія пульса и, въ случаѣ надобности, всего организма. Независимо отъ этого, слѣдуютъ устные вопросы для опредѣленія симптомовъ болѣзни и индивидуальныхъ особенностей каждаго больного. Однѣ болѣзни излѣчиваются только режимомъ, другія—лѣкарствами и третьи, числомъ около 60, признаются совершенно неизлѣчимыми, и въ этихъ случаяхъ совѣтуется обращаться къ помощи Будды, совершая ему молебствія, при чемъ для каждой болѣзни имѣется особый кругъ молитвъ. Эта часть болѣзней и дала поводъ къ насмѣшкамъ надъ ихъ медициной нашимъ путешественникамъ. Въ общемъ изученіе азіатской медицины привело докладчика къ убѣжденію въ особенной полезности ея для европейской науки, почему ближайшее ознакомленіе съ средствами, употребляемыми въ азіатской медицинѣ, крайне необходимо. Профессоръ А. М. Позднѣвъ закончилъ свое сообщеніе заявленіемъ о предпринимаемомъ имъ новомъ путешествіи на Востокъ съ спеціальной цѣлью ознакомленія на мѣстѣ съ медициной и для перевода на русскій языкъ наиболѣе выдающихся мѣстныхъ медицинскихъ сочиненій. Путешествіе это предпринимается по почину А. В. Кокорева, который обратился къ нему съ этимъ предложеніемъ, беря на себя всѣ расходы по поѣздкѣ. Обращаясь къ собранію, А. М. Позднѣвъ просилъ императорское русское географическое общество принять его экспедицію подъ свое покровительство. Собраніе отнеслось весьма сочувственно, какъ къ почину А. В. Кокорева, такъ и къ предпріятію профессора Позднѣва. Въ статистическомъ отдѣленіи географическаго общества, 5-го декабря, князь В. И. Масальскій сдѣлалъ сообщеніе о сантонинной промышленности въ Туркестанѣ. О производствѣ сантонина, возникшемъ въ Туркестанѣ въ сравнительно недавнее время, въ литературѣ не имѣется почти никакихъ свѣдѣній; тѣмъ не менѣе, по своей важности промышленность эта представляетъ выдающійся интересъ и имѣетъ не только общегосударственное, но до нѣкоторой степени и всемірное значеніе. Сантонинъ—это извѣстное, почти единственное цѣлебное средство противъ круглыхъ глистовъ, добываемое изъ такъ называемаго цитварнаго сѣмени, представляющаго собою цвѣточныя головки одного изъ видовъ полыни (*artemisia sina*). Драгоценное растеніе это, еще недавно довольно распространенное во многихъ мѣстностяхъ Азіи и Африки, истреблено уже по-

всюду, за исключеніемъ Туркестана, гдѣ единственныя въ мірѣ обширныя заросли его сохранились въ Чимкентскомъ и Аулиеатинскомъ уѣздахъ Сыръ-Дарьинской области, по обѣ стороны р. Сыръ-Дарьи, у впаденія въ нее р. Арыса. Здѣсь этимъ дикимъ растеніемъ покрыто до 400 тыс. десятинъ. Сборъ сѣмени производится въ ручную киргизами-кочевниками, продающими татарамъ-скупщикамъ за очень дешевую цѣну—по 5—6 копеекъ съ пуда, тогда какъ послѣдніе сбываютъ его въ Чимкентѣ по 30—35 копеекъ. Часть сбора, доходщаго до 130 тыс. пудовъ, поступаетъ на рынокъ въ видѣ цитварнаго сѣмени, большая же часть идетъ на выдѣлку чистаго сантонина. Для выработки послѣдняго, въ 1882 году, въ Чимкентѣ построены г. Савинковымъ единственныя по своимъ размѣрамъ въ мірѣ заводы, стоившія до 500 тыс. рублей и обрабатывающія до 100 тыс. пудовъ сѣмени. За послѣднее время, однако, и въ Туркестанѣ, къ сожалѣнію, заросли растенія начинаютъ постепенно уменьшаться, чему въ значительной мѣрѣ способствуютъ бывающія здѣсь засухи, вредно отзывающіяся на естественномъ развитіи его, увеличеніе населенія, а также пастба киргизами скота, поѣдающаго и вытаптывающаго растеніе и такимъ образомъ истощающаго уже существующія заросли его, затѣмъ степные пожары (палы), несовершенство сбора кустовъ растенія и другія причины. Докладчикъ находилъ настоятельно необходимымъ принять рядъ мѣръ къ сохраненію растенія отъ истощенія въ Туркестанѣ, остающемся теперь единственнымъ мѣстомъ его произрастанія.

Общество любителей естествознанія. I. Въ засѣданіи общества любителей естествознанія и географическаго его отдѣленія, бывшемъ 8-го декабря, послѣ сообщенія президента общества о смерти почетнаго члена общества И. П. Архинова, причѣмъ собравшіеся почтили память усопшаго вставаніемъ, В. М. Михайловскій сдѣлалъ докладъ «О цѣли и основныхъ задачахъ торговой географіи». Указавъ на важность этого предмета для коммерческаго образованія, референтъ замѣтилъ, что, къ сожалѣнію, всѣ имѣющіяся руководства этого предмета носятъ исключительно справочный характеръ; таковы, напр., англійскія и французскія руководства Марселя Дюбуа и Кергомара, а въ значительной степени также и нѣмецкія руководства и статьи (Блиндта, Опшеля и др.). По мнѣнію референта, торговая географія можетъ стать наукой лишь въ томъ случаѣ, если она будетъ поставлена въ болѣе органическую связь съ землевѣдѣніемъ вообще. Разсматриваемый предметъ составляетъ заключительный отдѣлъ такъ называемой антропогеографіи (по терминологіи Ратцеля), опирающейся на физическую и биологическую географію, но имѣющей и свои самостоятельныя области вѣдѣнія. Если, не отказываясь отъ накопленія статистическаго матеріала, торговая географія обратитъ должное вниманіе на раскрытіе законовъ, опредѣляющихъ производство, движеніе товаровъ и потребление, то она пріобрѣтетъ научное развивающее значеніе. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что торговая географія—прежде всего географія, а не статистика или политическая экономія, и потому, преслѣдуя самостоятельныя задачи, наука эта не должна превращаться въ дополнительные отдѣлы сопредѣльныхъ областей знанія. Послѣ того Б. А. Федченко сообщилъ о поѣздкѣ въ западный Тянь-Шань для изученія ледниковъ Таласскаго Алатау. Поѣздка

была совершена по порученію императорскаго русскаго географическаго общества. До сихъ поръ о ледникахъ названной области имѣлись лишь самыя скудныя свѣдѣнія по даннымъ Д. Л. Иванова (1879 г.). Экспедиціи же, отправившейся въ путь 15-го іюля с. г. и состоявшей, кромѣ г. Федченко, изъ гг. Волорovichа и Арсеньева и двухъ чиновниковъ, командированныхъ и. д. военнаго губернатора Сыръ-Дарьинской области, удалось открыть 25 ледниковъ, изъ которыхъ вытекаютъ ручьи и рѣчки, составляющіе своимъ сліяніемъ р. Чирчикъ (протекающій возлѣ Ташкента). Большинство ледниковъ имѣютъ небольшіе размѣры, но нѣкоторые обладаютъ обширными цирками, до 1 вер. въ поперечникѣ. Почти у всѣхъ, за весьма рѣдкими исключениями, замѣчалось сильное развитіе моренъ, подъ которыми въ большинствѣ случаевъ скрывался нижній конецъ ледника. Характерной чертой ледниковъ западнаго Тянь-Шаня, — какъ и вообще ледниковъ Средней Азіи, — является чрезвычайно высокое положеніе ихъ нижнихъ концовъ (отъ 9.732 ф. до 12.235 ф.). Незначительные размѣры ледниковъ, развитіе ихъ моренъ, слѣды полировки скаль и т. д. привели докладчика къ заключенію, что посѣщенные имъ ледники принадлежатъ къ числу умирающихъ. Докладъ г. Федченко сопровождался туманными картинами на экранѣ. Общимъ докладчикамъ была выражена благодарность отъ имени общества, а собравшаяся публика наградила ихъ рукоплесканіями. II. Въ засѣданіи антропологическаго отдѣла 11-го декабря были доложены слѣдующія сообщенія: 1) О. Е. Деникера (изъ Парижа) — объ европейскіхъ расахъ. Авторъ воспользовался всею имѣющеюся литературою, въ томъ числѣ и русскою, а равно нѣкоторыми рукописными матеріалами, и прослѣдилъ распредѣленіе въ Европѣ — средняго роста, цвѣта волосъ и глазъ и показателя ширины черепа. Въ отношеніи къ послѣднему можно различить: а) область долихоцефаловъ (длинноголовыхъ) на сѣверѣ, въ Великобританіи, Скандинавіи, по берегамъ Ламанша, Нѣмецкаго и Балтійскаго морей; б) область южныхъ и болѣе рѣзко выраженныхъ долихоцефаловъ въ Испаніи, Южной Италиі, на островахъ западнаго Средиземнаго моря, въ южной части Франціи, въ Греціи и Болгаріи; в) область рѣзкихъ брахицефаловъ въ Средней Европѣ, отъ Средней Франціи, Западной Германіи, Баваріи и Сѣверной Италиі, включая почти всю Австро-Венгрію, до Пелопонеса и Румыніи; г) область суббрахицефаловъ на востокѣ Европы (въ большой части Россіи, Восточной Германіи и т. д.). По росту могутъ быть выдѣлены: области высокаго роста (1,70 с. и болѣе) въ Великобританіи, Швеціи, Норвегіи, Балтійскомъ краѣ, Финляндіи, Голландіи, Далмаціи, Босніи, Сербіи; затѣмъ въ сѣверо-восточной Франціи, Бельгіи, Эльзасѣ, Швейцаріи, Тиролѣ, Верхней Италиі, Кроаціи, Богеміи, Южной Россіи. Малый ростъ характеренъ для Испаніи, Южной Италиі, острововъ западнаго Средиземнаго моря; для Польши и Венгріи; для крайняго сѣвера и сѣверо-востока (лопари, самоѣды, пермяки и т. д.); остальные части Европы населены народностями средняго роста (около 1,65 с.). По цвѣту волосъ и глазъ Деникеръ различаетъ блондиновъ (среди коихъ брюнеты составляютъ менѣе 17% населенія), брюнетовъ (среди коихъ встрѣчаются 30 и болѣе % темноволосыхъ и темноглазыхъ) и шатовъ (число блондиновъ — отъ 17 до 30%). Оказывается, что въ Европѣ можно различить три зоны: а) сѣ-

верную—блондиновъ, не переходящую въ Германіи 50° широты; б) южную—брюнетовъ, ограниченную на сѣверѣ весьма извилистой линіей, и в) промежуточную — шатеновъ, куда входитъ и большая часть Европейской Россіи. Вообще, по мнѣнію Деникера, можно принять для Европы шесть главныхъ расъ, въ томъ числѣ двѣ бѣлокурокъ (одну высокорослую на сѣверѣ и другую — меньшаго роста, суббрахицефальную на Востокѣ) и четыре темноволосыхъ, и четыре расы добавочныя (secondaires) или переходныя между первыми.

2) Сообщение Р. Л. Вейнберга (Юрьевъ)—о строеніи большого мозга у эстовъ, латышей и поляковъ, — было доложено проф. Д. Н. Анучинымъ. Эта работа основана на изученіи многихъ десятковъ мозговъ и уже дала матеріалъ для двухъ большихъ сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ (мозги эстовъ и латышей), за которыми имѣетъ послѣдовать третья монографія (о мозгѣ поляковъ). Въ доложенномъ рефератѣ авторъ сопоставляетъ главнѣйшіе результаты своихъ изслѣдованій. Мозгъ изученныхъ имъ народностей представляетъ тотъ же типъ строенія и тѣ же варіаціи въ подробностяхъ извилинъ и бороздъ, какъ и мозгъ другихъ европейскихъ народовъ, напр., нѣмцевъ, шведовъ, русскихъ и т. д., судя по работамъ Зернова, Джакомини, Ретпіуса, Эбершталлера, Куннингама и др. Но при всемъ этомъ сходствѣ замѣчаются и нѣкоторыя особенности, выражающіяся въ рѣдкости извѣстныхъ типовъ бороздъ, обыкновенныхъ на мозгахъ другихъ народностей или въ частностяхъ конфигураціи, соединенія бороздъ и т. д., характерныхъ для одной народности предпочтительно передъ другими. Рядъ рисунковъ наглядно поясняетъ эти особенности, тщательно установленныя авторомъ. Третье сообщеніе было доставлено проф. Л. Нидерлэ изъ Праги, на тему «объ антропологическомъ происхожденіи славянъ». Многие отдѣляли кельто-славянъ, какъ брахицефаловъ, въ особую расу отъ германцевъ и склонны были считать послѣднихъ настоящими аріицами, а первыхъ—только ариизированными (по языку). Дѣйствительно, современные славяне—брахицефалы и по преимуществу—темнаго цвѣта волосъ и глазъ, хотя и теперь брахицефалія уменьшается къ востоку, гдѣ и темный цвѣтъ (особенно у поляковъ, бѣлоруссовъ и т. д.) уступаетъ мѣсто бѣлокурости. Но древнія славянскія могилы VIII—XII стол. доказываютъ, что славяне нѣкогда были также долихоцефалами, не отличаясь въ этомъ отъ древнихъ германцевъ, а изъ свидѣтельствъ Проконія и арабскихъ писателей можно заключить, что они были и бѣлокурокъ. Въ теченіе же вѣковъ типъ ихъ измѣнился, такъ же какъ и у галловъ и германцевъ, сохранившіеся еще въ большой степени на востокѣ—у поляковъ и бѣлоруссовъ—по крайней мѣрѣ, относительно цвѣта волосъ и глазъ. Что касается причинъ такого измѣненія, то оно могло вызываться смѣшеніемъ съ другимъ населеніемъ (кельтскимъ на западѣ, тюркскимъ на востокѣ) или измѣненіемъ условій жизни и культуры. Сообщение это вызвало довольно оживленный обмѣнъ мнѣній.

Археологическая выставка въ Кіевѣ открылась въ декабрѣ мѣсяцѣ прошлаго года. Выставленные предметы получены отъ императорской археологической комиссіи и отъ частныхъ лицъ, преимущественно кіевлянъ: проф. В. Б. Антоновича, В. Е. Гезе, Б. И. Ханенка, А. Н. Терещенка, С. А. Мазараки, В. В. Хвойка, В. В. Тарновскаго, І. А. Хайновскаго и друг. Особенный интересъ

возбуждаютъ предметы, присланные археологической комиссіей и относящіеся къ древнѣйшей исторіи Кіева и его ближайшихъ окрестностей. Къ памятникамъ древнѣйшей исторіи Кіева также принадлежитъ большинство предметовъ коллекціи Хвойка. Между прочимъ, при раскопкахъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, г. Хвойко обнаружилъ стоянку первобытнаго человѣка на одной изъ окраинъ города близъ бывшаго Кириловскаго монастыря, недалеко отъ Днѣпра. Открытіе это въ свое время возбудило большой интересъ и подробно изслѣдовано было историками и археологами. Коллекція Хвойка даетъ возможность судить о степени культурнаго развитія обитателей средняго теченія Днѣпра въ давно минувшія времена. Такое же значеніе имѣетъ большинство предметовъ проф. Антоновича. При своихъ раскопкахъ онъ всегда велъ подробные дневники, въ которые вносились всѣ обстоятельства раскопокъ. Имъ составлена подробная археологическая карта Юго-Западной Россіи. В. В. Тарновскій выставилъ часть предметовъ своей коллекціи, составляющихъ результатъ раскопокъ на Княжей горѣ, гдѣ находятъ постоянно много предметовъ и кладовъ. Къ сожалѣнію, множество цѣнныхъ вещей продается невѣжественными крестьянами-кладоискателями евреямъ, которые сбываютъ ихъ за границу, или же славяютъ золотыя и серебряныя вещи. Въ собраніи В. В. Тарновскаго обращаютъ на себя вниманіе древнія иконы, энколпіоны, расписія и др. вещи христіанской эпохи. Въ собраніи г. Гезе находятся главнымъ образомъ предметы первыхъ временъ христіанства въ Россіи, кресты, энколпіоны, складни, образа и др. Многие предметы изъ коллекціи Б. И. Ханенка представляютъ высокохудожественныя издѣлія. Большой интересъ возбуждаетъ также коллекція старинныхъ поясовъ и скатертей, принадлежащихъ А. Н. Терещенку. Въ коллекціи І. А. Хайновскаго вниманія заслуживаютъ миниатюры. Большинство предметовъ болѣе ранняго періода указываютъ на культурную жизнь южной Руси задолго до введенія христіанства. На выставкѣ собраны предметы трехъ доисторическихъ періодовъ: каменнаго вѣка, бронзоваго вѣка и вѣка желѣзнаго. Въ числѣ предметовъ каменнаго вѣка выставка знакомитъ публику съ разнообразными орудіями и остатками костей допотопныхъ животныхъ и глиняной посуды, украшенной примитивными орнаментами. Часть предметовъ, присланныхъ отъ императорской археологической комиссіи, будетъ передана въ музей, учрежденный Кіевскимъ обществомъ древностей и старины. Зданіе музея уже строится и, вѣроятно, будетъ закончено въ будущемъ году. Хотя музей еще не открытъ, но нѣкоторые лица изъявили желаніе подарить свои коллекціи новому учрежденію. Графъ Бобринскій предоставилъ музею одну изъ своихъ коллекцій древнихъ предметовъ, главнымъ образомъ результаты раскопокъ близъ м. Смѣлы, Кіевской губ. Коллекція эта заключаетъ около 1.500 предметовъ. Настоящая выставка является подготовительнымъ шагомъ къ большой археологической выставкѣ въ августѣ 1899 г. во время XII археологическаго съѣзда въ Кіевѣ. На ней устроенъ будетъ палеографическій отдѣлъ подъ наблюденіемъ завѣдывающаго историческимъ архивомъ въ Кіевѣ И. М. Каманина.

Девяностолѣтіе А. А. Скальковскаго. 1-го января 1898 года, исполнилось 90 лѣтъ со дня рожденія историка Новороссійскаго края и Одессы т. с. Апполона Александровича Скальковскаго. А. А. Скальковскій родился 1-го

января 1808 года въ Житомирѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ мѣстной гимназій. Съ 1822 по 1828 годовъ заканчивалъ науки сперва въ Виленскомъ, а потомъ въ Московскомъ университетахъ, гдѣ и получилъ званіе кандидата юридическихъ наукъ. Изъ Москвы Скальковскій поступилъ на службу въ Одессу, въ канцелярію новороссійскаго генераль-губернатора князя М. С. Воронцова, который принялъ въ молодомъ человѣкѣ участіе. Въ этой службѣ А. А. оставался до 1862 г., а затѣмъ перешелъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ одесскаго градоначальника, гдѣ числится и до настоящаго времени. Кромѣ гражданской службы, А. А. посвятилъ себя изученію Одессы и Новороссійскаго края. Свои сочиненія онъ напечаталъ въ 8-ми томахъ и болѣе чѣмъ 30-ти брошюрахъ. Труды его обратили на себя вниманіе многихъ ученыхъ обществъ въ Россіи и за границею. А. А. состоитъ почетнымъ членомъ Императорской академіи наукъ, московскаго Императорскаго общества исторіи и древностей, русскаго географическаго и вольно-экономическаго обществъ, виленской археологической комиссіи и копенгагенскаго историческаго общества и сотрудничалъ въ пяти статистическихъ комитетахъ. Сочиненія А. А. посвящены исключительно Новороссійскому краю и въ частности Одессѣ. Какъ болѣе выдающіяся сочиненія, можно отмѣтить: «Хронологическій обзоръ исторіи Новороссійскаго края», издано въ 1836 г., и «Первое 35-ти-лѣтіе Одессы». Когда первые труды А. А. вышли въ свѣтъ, знаменитый государственный дѣятель Сперанскій поощрялъ его на дальнѣйшій литературный трудъ. А. А. удостоивался неоднократно царскихъ милостей и наградъ за свои служебные и историческіе труды. Въ теченіе долгихъ лѣтъ А. А. аккуратно велъ дневникъ.

Книжный складъ и магазинъ Вятскаго земства. Вятская губернская земская управа открыла въ мартѣ 1894 г. книжный складъ, а въ июлѣ 1895 г. книжный магазинъ. Изъ отчета управы видно, что съ 1 ноября 1896 г. по 1 ноября 1897 г. оборотъ книжнаго склада достигалъ по покупкѣ книгъ 25.862 р., учебныхъ пособій и письменныхъ принадлежностей 10.866 р. и по выпискѣ газетъ и журналовъ 1.186 р. Всего 37.914 р. болѣе предыдущаго года на 8.426 р., а по отпуску товара изъ склада 28.115 р. и по продажѣ изъ магазина 12.652 р. Всего 40.757 р., болѣе предыдущаго года на 8.880 р., давъ чистой прибыли 540 р. Наличность товара съ ноября 1897 г. опредѣлена въ суммѣ 13.977 р. Увеличеніе оборотовъ книжнаго склада служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ его необходимости и сочувствія къ нему населенія, а сравнительно благоприятные результаты торговыхъ операцій объясняются наличностью оборотнаго капитала, позволяющаго покупать книги непосредственно отъ издателей, а учебныя пособія и канцелярскія принадлежности—изъ фабрикъ и мастерскихъ. Кромѣ магазина при самомъ складѣ въ Вяткѣ, открыты отдѣленія его въ восьми мѣстахъ Вятской губерніи. Къ открытію отдѣленій, по свѣдѣніямъ уѣздныхъ земствъ, населеніе относится сочувственно. Съ 1 октября 1896 г. по 1 октября 1897 г. продано въ отдѣленіи книгъ 10.664 экз. на сумму 955 р. и письменныхъ принадлежностей на 936 р. Всего на 2.091 р. Отдѣленія играютъ самую выдающуюся роль въ смыслѣ распространенія путемъ продажи хорошихъ книгъ среди населенія, почему открытіе отдѣленій въ разныхъ пунктахъ губерніи является весьма желательнымъ.

Къ юбилею Мицкевича. Предстоящій столѣтній юбилей дня рожденія Мицкевича (24 декабря 1898 г.) породилъ въ Варшавѣ и Краковѣ цѣлую литературу, посвященную памяти поэта. Въ одной изъ статей «Książki zbiorowej pamięci Mickiewicza (Petersburg. 1898)» извѣстный писатель Ежъ такъ описываетъ, въ качествѣ очевидца, похоронное шествіе въ Константинополь, гдѣ, какъ извѣстно, Мицкевичъ въ концѣ 1855 года скончался:

«День былъ декабрскій, тусклый, туманный. Туманъ по временамъ превращался въ мельчайшій дождикъ, который моросилъ и пронизывалъ насквозь. Улицы тонули въ грязи. Въ сплошной толпѣ невозможно было воспользоваться охраной зонтика. Мы медленно подвигались впередъ, вслѣдъ за колесницей, которая узкими переулками пробиралась снизу вверхъ къ Перотской горѣ. Когда мы очутились вверху, — взорамъ нашимъ открылось зрѣлище неожиданное и трогательное. Мы думали, что за прахомъ поэта слѣдуемъ только мы — поляки — и вотъ оказалось, что мы ошиблись. За нами, точно рѣка, стиснутая уличнымъ каналомъ, переливалась толпа людей, прикрытыхъ черными турбанами. Всѣхъ ихъ невозможно было объять взоромъ. Чело колонны касалось насъ, а хвостъ ея терялся позади — гдѣ-то въ невидимой дали. Всѣ эти люди шли молчаливо, сосредоточенно, доказывая этимъ, что принимаютъ сердечное участіе въ нашемъ горѣ. Оказалось, что шествіе устроили болгаре. Въ лицѣ покойнаго они пожелали почтить генія славянской поэзіи. Впрочемъ, явились на похороны не они только. Не хватало развѣ однихъ турокъ, всѣ же другія народности города имѣли своихъ представителей. Я видѣлъ сербовъ, далматинцевъ, черногорцевъ, албанцевъ, грековъ, итальянцевъ. Но наиболѣе многочисленно явились болгаре. Эта манифестация, устроенная ими просто, тихо, самостоятельно, серьезно, заслуживаетъ быть отмѣченной. Для насъ она явилась, какъ я сказалъ, полной неожиданностью, — окончилась же, точно ея совсѣмъ не было. Болгаре, какъ безъ приглашенія явились, такъ точно молча, не ожидая благодарностей, ушли, разсѣялись».

Объ этой манифестаціи болгаръ ни у одного изъ біографовъ Мицкевича мы до сихъ поръ не читали.

Рѣдкая брошюра Ф. И. Буслаева. Въ № 351 «Московскихъ Вѣдомостей», въ день публичнаго засѣданія общества любителей російской словесности, посвященнаго памяти извѣстнаго ученаго Ф. И. Буслаева, г. Д. Я. обращаетъ вниманіе на одну брошюру, которую можно назвать «любопытною рѣдкостью». Въ систематическомъ реестрѣ русскимъ книгамъ М. Д. Ольхина (Спб., 1846 г., № 3.848) значится «Опытъ начальнаго обученія отечественному языку. Москва. Въ университетской типографіи. 1844 г. in-8"» (безъ имени автора и числа страницъ). Экземпляръ этой анонимной книжки, сохранившійся въ бібліотекѣ императорскаго Московскаго университета (подъ мѣткою: 10 с. ф. 39), представляетъ собою брошюру въ 48 страницъ, безъ особаго выходнаго листа; на первой ея страницѣ находится заголовокъ («Опытъ начальнаго обученія отечественному языку»), а въ концѣ послѣдней страницы такая отмѣтка: «Печатать позволяется. Москва, 12 мая 1844 года. Цензоръ В. Флеровъ. Въ университетской типографіи». Кромѣ того, на первой же страницѣ описываемаго экземпляра чернилами написано: «что сія книжка сходно напечатана съ одоб-

реннымъ цензурою (sic) оригиналомъ, въ томъ свидѣтельствую: Курбатовъ (то-есть, какъ намъ извѣстно, завѣдывавшій тогда типографіей Московскаго университета). По розысканіямъ г. Д. Я. и при ближайшемъ знакомствѣ съ этою безыменною брошюрой, оказалось, что она несомнѣнно принадлежитъ къ раннимъ трудамъ Ѳ. П. Буслаева. Въ самомъ дѣлѣ, на страницахъ «Журнала министерства народнаго просвѣщенія» (1846 г., ч. XLIX, отд. III, стр. 23), въ «извѣстїи объ ученыхъ и литературныхъ трудахъ профессоровъ и преподавателей за 1844 годъ» указано, что «въ 3-й московской гимназїи старшїй учитель Буслаевъ написалъ опытъ начальнаго обученія русскому языку». Съ другой стороны, внимательное чтеніе брошюры привело г. Д. Я. къ заключенію, что она отгискъ (съ немногими отгѣнами) одного отдѣла изъ извѣстнаго сочиненія Буслаева: 0 преподаванїи отечественнаго языка» (М., 1844 г., двѣ части), а именно: «Опытъ начальнаго обученія отечественному языку» своими 48-ю страницами соотвѣтствуетъ 214—262 страницамъ первой части названнаго большаго сочиненія, гдѣ идетъ рѣчь объ «опытахъ преподаванія начальной грамматики». Указывая на отысканную брошюру, Д. Я. высказываетъ въ заключеніе предположеніе, не разсылалась ли она, подобно другимъ раннимъ работамъ Буслаева, по низшимъ или средне-учебнымъ заведенїямъ, въ видѣ практическаго руководства для преподавателей, при циркулярѣ тогдашняго понечителя московскаго учебнаго округа графа С. Г. Строганова.

Новая редакція Археологическихъ Извѣстїй. При московскомъ археологическомъ обществѣ издается съ 1893 года ежемѣсячный журналъ «Археологическія извѣстїя и замѣтки», единственный въ Россїи органъ по археологїи. Съ нынѣшняго года журналъ этотъ будетъ выходить, въ обновленномъ видѣ, подъ новой редакціей: академика Д. Н. Анучина, извѣстнаго специалиста по антропологїи и доисторическимъ древностямъ, и профессора А. П. Киричничкова, недавно перешедшаго изъ Одесскаго университета въ Московскїй. Новая редакція предполагаетъ расширить программу журнала и сдѣлать его доступнымъ не для однихъ только специалистовъ, но и для публики, среди которой до сихъ поръ еще мало развитъ интересъ къ столь важной отрасли знанія, какъ археологїя.

† **И. П. Архиповъ.** 7-го декабря, внезапно скончался отъ разрыва сердца предсѣдатель ученаго комитета министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и членъ совѣта министра земледѣлія и государственныхъ имуществъ, тайный совѣтникъ Иванъ Павловичъ Архиповъ. Смолоду онъ по окончанїи курса въ Московскомъ университетѣ со степенью кандидата естественныхъ наукъ (1860 г.), посвятилъ себя педагогической дѣятельности и, главнымъ образомъ, занятїямъ практической химїей. Сначала Архиповъ состоялъ преподавателемъ химїи въ томъ ремесленномъ училищѣ, изъ котораго впоследствии образовалось Императорское Московское техническое училище; въ послѣднемъ Архиповъ 1868 году былъ назначенъ профессоромъ химической технологїи, а годы 1880—1883 состоялъ и директоромъ техническаго училища, послѣ чего посвящаетъ всю остальную службу свою министерству земледѣлія и государственныхъ имуществъ, сначала въ званїи члена совѣта министра, а съ 1887 года въ званїи предсѣдателя ученаго комитета министерства государ-

ственныхъ имуществъ. Въ тотъ же промежутокъ времени Архиповъ защитилъ свою диссертацию на степень магистра технологии («О красящихъ веществахъ дербентской марены», Москва, 1869), былъ избранъ доцентомъ Московскаго университета по кафедрѣ технологии, въ 1874 году получилъ степень доктора технологии и былъ утвержденъ въ званіи экстраординарнаго профессора въ Московскомъ университетѣ по кафедрѣ технической химіи; съ 1881 года состоялъ и президентомъ политехническаго общества и председателемъ совѣта технического училища. Ученыя заслуги Архипова принесли ему званіе почетнаго члена Московскаго политехническаго общества и общества любителей естествознанія, антропологии и этнографіи; онъ принималъ дѣятельное участіе въ пересмотрѣ таможеннаго тарифа (1891 г.), а во время службы своей въ Москвѣ принималъ живое участіе въ устройствѣ Московскаго политехническаго музея и издалъ: «Воскресныя объясненія коллекцій политехническаго музея» (М., 1879). Изъ другихъ трудовъ Архипова укажемъ на «Геологическое описаніе сѣверной части Нахичеванскаго уѣзда, Эриванской губерніи, и части Занезурскаго уѣзда, Елизаветпольской губерніи» (Тифлисъ, 1870); «Изъ исторіи и практики городского освѣщенія» (Москва, 1873); «Ультрамаринъ. Опытъ изслѣдованія его состава» (М., 1874); «О фальсификаціи винъ» (Спб., 1887) и редактировалъ на русскомъ языкѣ переводъ съ нѣмецкаго извѣстной энциклопедіи Муспратта: «Теоретическая, практическая и аналитическая химія, въ приложеніи къ искусствамъ и промышленности». Архипову принадлежитъ также видное участіе въ устройствѣ политехнической выставки въ Москвѣ (1872 г.). («Моск. Вѣд.» №№ 339 и 341; «Новости» № 339; «Нов. Время» № 7826; «Русск. Вѣд.» № 341).

† **И. Ш. Рахманиновъ.** 4-го декабря, прошлаго года, въ Кіевѣ, скончался бывшій ректоръ университета св. Владиміра и председатель Кіевскаго отдѣленія славянскаго благотворительнаго общества, заслуженный профессоръ Иванъ Ивановичъ Рахманиновъ. Покойный, происходя изъ дворянъ (см. «Историческій Вѣстникъ» за октябрь 1895 г., стр. 259), родился въ 1826 году въ селѣ Казинкѣ (Козловскаго уѣзда, Тамбовской губерніи) и послѣ домашняго воспитанія вмѣстѣ съ братомъ учился въ 1-й Московской гимназіи, изъ которой поступилъ на физико-математическій факультетъ Московскаго университета. По окончаніи университетскаго курса со степенью кандидата математическихъ наукъ въ 1847 году, И. Ш. Рахманиновъ избралъ ученую карьеру и началъ готовиться къ профессорской дѣятельности. Удостоенный въ томъ же университетѣ степени магистра математическихъ наукъ въ 1852 году за сочиненіе «Теорія вертикальныхъ водяныхъ колесъ» (М., 1852 г.), признанное академіей наукъ достойнымъ поощрительной Демидовской преміи, онъ съ 1853 года былъ опредѣленъ адъюнктомъ по кафедрѣ прикладной математики въ университетѣ св. Владиміра и тамъ почти сорокъ пять лѣтъ служилъ ревностнымъ дѣятелемъ русской науки по избранной специальности, состоя экстраординарнымъ (1857 г.), ординарнымъ (1860 г.) и заслуженнымъ профессоромъ (съ 1878 г.), занимая должности декана физико-математическаго факультета (1868—1875 гг.), проректора (1875—1879 г) и ректора (1881—1883 гг.). Вмѣстѣ съ тѣмъ покойный былъ ревностнымъ членомъ и председателемъ Кіевскаго славян-

скаго благотворительнаго общества и математическаго общества при Московскомъ университетѣ.

Къ трудамъ И. И. Рахманинова, кромѣ магистерской диссертациі, не напечатаннаго сочиненія на степень доктора «Основанія теоріи относительнаго движенія» и отчетовъ о заграничномъ путешествіи, напечатанныхъ въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», относятся: «Mémoire sur les roues hydrauliques à aubes planes» (Journal de Mathem. pures et appliquées, 1859 г.), «Общая теорія относительнаго движенія» («Вѣстникъ Математ. Наукъ» 1861 г.). «Описаніе технического отдѣла Лондонской выставки» («Журналъ Мин. Народн. Просв.» 1863 г., ч. СХV и СХVI), «О введеніи преподаванія прикладныхъ наукъ въ университетахъ» (тамъ же, 1863 г., ч. СХVIII), «О самостоятельности въ приложеніи наукъ практическихъ къ жизни», актовая рѣчь («Кіевск. Унив. Извѣстія» 1864 г., сентябрь), «О началѣ наименьшаго дѣйствія» (тамъ же 1866 г., декабрь), «О калорической машинѣ Эриксона и теорія пріемниковъ движущихъ силъ машинъ» («Морской Сборникъ»), «Основная формула динамической теоріи пріемниковъ машинъ» («Математическій Сборникъ» 1873 г., т. VI), «Выводъ уравненій движенія твердаго тѣла около недвижной точки» («Кіевскія Унив. Извѣстія» 1877 г., октябрь) и «Начало наименьшей потерянной работы, какъ общее начало механики» (тамъ же, 1878 г.). Особенно важны были отдѣльно изданные труды покойнаго: «Основанія теоретической динамики» (Кіевъ, 1873 г., выи. I) и брошюра «О движеніи матеріальной точки по поверхности» (Кіевъ, 1887 г., 79 стр.). Кромѣ того, имъ написано не мало статей педагогическаго характера. Научная дѣятельность покойнаго не была исключительно кабинетной и замкнутой въ стѣнахъ университета. Онъ былъ популяризаторомъ знанія и неоднократно выступалъ лекторомъ публичныхъ курсовъ. Съ цѣлью поощренія занятій по математикѣ И. И. пожертвовалъ 5.000 рублей для учрежденія при университетѣ св. Владиміра преміи своего имени съ тѣмъ, чтобы премія эта — золотая медаль и 300 рублей — выдавалась физико-математическимъ факультетомъ черезъ каждые два года за лучшее научное сочиненіе. («Моск. Вѣд.», № 338; «Нов. Вр.», № 7825).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

Къ некрологу А. Н. Зерцалова.

Дополняемъ не совсемъ точныя свѣдѣнія, помѣщенные о † А. Н. Зерцаловѣ въ «Смѣси» январской книжки «Историческаго Вѣстника» на стр. 409. А. Н. Зерцаловъ скончался 26 ноября (а не 24-го). Происходилъ онъ изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. На службѣ въ архивѣ министерства юстиціи онъ сначала состоялъ при канцеляріи архива, затѣмъ послѣдовательно занималъ

должности помощника столоначальника, секретаря первого отдѣленія, помощника начальника втораго отдѣленія, экзекутора, казначея и приходо-расходчика архива. Послѣ преобразованія архива и введенія новыхъ штатовъ А. Н. Зерцаловъ съ 1 января 1888 года былъ назначенъ старшимъ помощникомъ архиваріуса и занималъ эту должность до смерти. Кромѣ того, покойный состоялъ членомъ строительнаго комитета по постройкѣ новаго зданія архива. Перечень трудовъ покойнаго можетъ быть нѣсколько дополненъ въ библиографическомъ отношеніи. Именно, его перу принадлежать: 1) Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія, 2) Новыя данныя о земскомъ соборѣ 1648—1649 годовъ (въ Читеніяхъ императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ, кн. 3-я за 1887 годъ); 3) Замячанія на книгу «Законодательныя комиссіи Россіи въ XVIII столѣтіи. Историко-юридическое изслѣдованіе В. Н. Латкина. Т. I. С.-Петербургъ. 1887 г.» (тамъ же, кн. 1 за 1888 годъ) 4); Село Черкизово и деревня Богородское сто лѣтъ назадъ (Родная Рѣчь, 1897 годъ, № 11). Покойнымъ было напечатано нѣсколько статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», одна изъ которыхъ касалась раскопокъ въ Московскомъ Кремлѣ. («Моск. Вѣд.», № 328; «Русск. Вѣд.», № 331).

II.

По поводу «Семейной хроники» Ю. Н. Карпинской.

Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго года напечатана «Семейная хроника» Ю. Н. Карпинской, гдѣ сообщаются свѣдѣнія о фамиліяхъ Артемьевыхъ и Яблочковыхъ. Изъ словъ Ю. Н. Карпинской видно, что она пользовалась для этой статьи записками своей матери. Принадлежа самъ къ семьѣ Яблочковыхъ, я долженъ сказать, что мать Ю. Н. Карпинской вышла изъ нашей семьи 17-ти лѣтъ и, не имѣя съ тѣхъ поръ никакихъ сношеній съ нею, въ своихъ запискахъ многое спутала, забыла или не знала вовсе. Такъ какъ семейная хроника можетъ впоследствии служить источникомъ для разныхъ справокъ, то необходимо, чтобы всѣ свѣдѣнія въ ней были вѣрны. На этомъ основаніи я считаю себя обязаннымъ исправить, пользуясь имѣющимися у меня документами, слѣдующія неточности, допущенныя въ «Семейной хроникѣ» Ю. Н. Карпинской:

1) Село Плоское, имѣніе Артемьевыхъ, никогда не состояло и не состоитъ въ Ефремовскомъ уѣздѣ, какъ сказано въ хроникѣ. Оно находится въ Новосильскомъ уѣздѣ. Сельце Плоское, имѣніе Яблочковыхъ, дѣйствительно находится въ Ефремовскомъ уѣздѣ. Это извѣстно всѣмъ — могу представить печатныя списки названій селеній Тульской губ.

2) Сельце Плоское получено въ приданое моимъ прадѣдомъ Михаиломъ Алексѣевичемъ за женой Надеждой Ивановой, урожденной Таптыковой. Самъ Михаилъ Алексѣевичъ родомъ изъ Калужской губ., гдѣ въ Мещовскомъ уѣздѣ были родовыя вотчины Яблочковыхъ, жалованныя имъ царями еще въ XVI вѣкѣ, которые Михаилъ Алексѣевичъ уступилъ своему брату Моисею Алексѣевичу и

въ концѣ XVIII столѣтія переѣхалъ въ Плоское. Здѣсь онъ выстроилъ громадную усадьбу и трехэтажный кирпичный домъ (хотя не въ 36 комнатъ, а въ 19 жилыхъ и 8 подвальныхъ). Усадьба такъ обширна, что занимаетъ до ста десятинъ земли. Главная краса ея—громадная березовая аллея, длинная и широкая, идущая отъ террасы дома до парка изъ вѣковыхъ дубовъ. Эта аллея извѣстна всѣмъ и пользуется знаменитостью.

3) Михаилъ Алексѣевичъ за своей дочерью, сестрой Павла Михайловича, какъ сказано въ хроникѣ, не давалъ въ приданое сосѣдняго съ Плоскимъ имѣнія. Эта сестра Павла Михайловича—Авдотья Михайловна, была замужемъ за Петромъ Николаевичемъ Ильинымъ. Имѣніе Ильина село Долгое дѣйствительно смежное съ Плоскимъ, но оно родовое Ильиныхъ, и Яблочковымъ никогда не принадлежало. За Авдотьей Михайловной было выдѣлено въ приданое всего только 50 четей, т. е. 75 десятинъ, подходящихъ къ землѣ села Долгаго. Я имѣю въ архивѣ раздѣльный актъ, изъ котораго это видно. Ильинъ былъ чловѣкъ богатый, былъ предводителемъ дворянства Ефремовскаго уѣзда съ 1814 г. по 1825 г. (у меня на столѣ списки предводителей Тульской губерніи, составленные депутатскимъ собраніемъ) и не жилъ на счетъ своего добраго брата, Павла Михайловича, какъ сказано въ хроникѣ, тѣмъ болѣе, что послѣ смерти Михаила Алексѣевича въ 1810 г. сельце Плоское опустѣло и было оставлено. Павелъ Михайловичъ не жилъ въ немъ, а жилъ въ сельцѣ Колодезномъ, Веневскаго уѣзда, гдѣ онъ арендовалъ большой винокуренный заводъ, а затѣмъ въ купленномъ имъ имѣніи, сельцѣ Иберцахъ, Рязскаго уѣзда, гдѣ онъ устроилъ винокуренный и чугунно-плавильные заводы. У меня имѣются подлинныя метрическія свидѣтельства о рожденіи дѣтей Павла Михайловича, изъ которыхъ ясно видно, гдѣ и въ какіе года онъ жилъ. Самый домъ въ сельцѣ Плоскомъ въ теченіе почти 40 лѣтъ оставался необитаемъ, стоялъ съ выбитыми окнами и провалившейся крышей. Онъ возобновленъ моими отцемъ и матерью къ 1850 г., такъ что я еще родился не въ домѣ, а во флигелѣ, гдѣ жили мои родители послѣ ихъ женитьбы года четыре до возобновленія дома.

4) Дѣдъ мой, Павелъ Михайловичъ, отправился въ 1831 году въ С.-Петербургъ не съ цѣлью видѣть государя и докладывать ему о злоупотребленіяхъ откупщиковъ. Весь этотъ разсказъ въ семейной хроникѣ вымышленъ. У меня сохранились подлинныя письма Павла Михайловича къ его женѣ, моей бабушкѣ, Елизаветѣ Никитичнѣ, урожденной Бѣгичевой, изъ С.-Петербурга за это время. Письма эти интересны. Цѣлью поѣздки моего дѣда въ С.-Петербургъ было ходатайство о сложеніи съ него начета недоимки въ казну, сдѣланнаго на него по его откупамъ. Павелъ Михайловичъ имѣлъ на откупѣ не всю губернію, какъ сказано въ хроникѣ, а три уѣзда: Ефремовскій Тульской губерніи, Лебедянский Тамбовской губерніи и Ранненбургскій Рязанской губерніи. Въ 1830 году по случаю холеры свадьбы были запрещены, и кабаки закрыты. Откупщики же должны были уплатить въ казну условленную сумму за право торговать виномъ и, конечно, остались въ большихъ убыткахъ. Вотъ о сложеніи ихъ пріѣхалъ хлопотать въ С.-Петербургъ Павелъ Михайловичъ. Въ своихъ письмахъ онъ описываетъ свое знакомство съ министромъ финансовъ Кавкринымъ, который помогъ ему. Часть недоимки была сложена, но значительная

часть осталась на имѣніяхъ Яблочкова и тѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ, которые представили ихъ въ залогъ по откупамъ дѣда. Мой дѣдъ не выдержалъ понесеннаго имъ удара и въ 1831 году весной на возвратномъ пути изъ С.-Петербурга въ Москвѣ скончался на рукахъ 16-лѣтняго сына, моего отца Тихона Павловича. Затѣмъ вся жизнь моего отца ушла на заботы объ уплатѣ оставшихся долговъ, на выкупъ своихъ имѣній и имѣній своихъ сосѣдей, попавшихъ въ залогъ опекунскаго совѣта по откупамъ Павла Михайловича. Послѣднія запрещенія съ имѣній пришлось мнѣ снимать. Подлинныя документы находятся у меня.

5) Послѣ смерти Ивана Михайловича, его Саратовскія имѣнія были раздѣлены между тремя его племянниками, моимъ отцомъ Тихономъ Павловичемъ и двумя его братьями Дмитріемъ и Николаемъ Павловичами. Послѣ смерти моего отца я уже въ 1878 году продалъ свою часть дядѣ Николаю Павловичу.

6) Мой дядя Дмитрій Павловичъ былъ женатъ на Софіи Ивановнѣ, урожденной Бородиной, и, кромѣ ея красоты, другаго приданаго за ней не получилъ. Въ семейной хроникѣ сказано, что онъ взялъ за ней большое состояніе и прожилъ его: это вполнѣ невѣрно. Дмитрій Павловичъ получилъ по раздѣлу съ братьями, кромѣ Саратовскаго имѣнія, Иберцы съ двумя заводами, имѣлъ въ нѣкоторые года большіе доходы, а въ другіе большіе убытки. Но разорили его сдѣлки съ казной во время Севастопольской кампаніи. Часть вина, отправленнаго на мѣсто военныхъ дѣйствій, пропала безслѣдно; отъ приѣма чугунныхъ ядеръ, заказанныхъ правительствомъ, оно по заключеніи мира отказалось. За долги казнѣ Иберцы были проданы, хотя по вольной цѣнѣ, извѣстному строителю Струве. Софья Ивановна получила мѣсто начальницы Чернявско-Усачевскаго женскаго училища въ Москвѣ и приобрѣла извѣстность на этомъ поприщѣ. Дмитрій Павловичъ былъ нѣкоторое время инспекторомъ народныхъ училищъ въ Смоленской, а затѣмъ Екатеринославской губ., а съ 1874 года въ отставкѣ. Теперь онъ живетъ въ селѣ Плоскомъ, найдя у меня родную семью, окружающую его любовью и попеченіями.

7) Мой отецъ Тихонъ Павловичъ не былъ болѣзненнымъ, какъ сказано въ хроникѣ. Вообще мой отецъ былъ самой свѣтлой и высокой личностью (въ семейной хроникѣ онъ, кромѣ упоминанія о небывалой болѣзненности, совершенно неохарактеризованъ). По своей выдающейся добротѣ и гуманности въ то еще дореформенное время онъ былъ извѣстенъ всѣмъ; онъ тогда былъ проповѣдникомъ необходимости освобожденія крестьянъ, введенія гласнаго суда, самоуправленія (земства) и проч. Это было въ 1840-хъ и 1850-хъ годахъ. Его слушали и не понимали, его считали ненормальнымъ. Теперь, когда всѣ реформы совершились, можно только удивляться тому, какимъ образомъ мой отецъ могъ предвидѣть ихъ. Онъ, вѣдь, жилъ въ деревнѣ и не бывалъ въ кружкахъ людей 1840-хъ годовъ. Разказовъ о выдающейся добротѣ моего отца, объ его отношеніяхъ къ своимъ и сосѣднимъ крестьянамъ, объ его душевныхъ страданіяхъ за весь міръ и о всѣхъ тогдашнихъ неправдахъ, объ исканіи «человѣка» въ каждомъ человѣкѣ, высокой деликатности, доходящей до самоотверженія, я могу привести много. Они извѣстны и памятны всѣмъ. Если уже писать семейную хроникѣ Яблочковыхъ, то нельзя было обойти молчаніемъ такую лич-

ность, какъ Тихонъ Павловичъ. Дѣйствительно, моя мать Наталья Аполлоновна сдерживала самоотверженные порывы доброты моего отца, готового раздать все свое, и способствовала уплатѣ долговъ дѣда и сохраненію имѣнія. Мой отецъ скончался въ 1866 году, моя мать жива и находится со мной.

М. Т. Яблочковъ.

III.

Письмо въ редакцію.

Кіевское общество древностей и искусствъ еще въ прошломъ году пригласило меня, въ числѣ прочихъ мѣстныхъ любителей древностей, принять участіе въ открывшейся теперь выставкѣ, но я не могъ тогда выставить ничего изъ моихъ коллекцій и только теперь рассчитываю ихъ отослать.

Между тѣмъ неизвѣстный мнѣ репортеръ въ № 7760 «Новаго Времени» помѣстилъ объ этомъ обществѣ общія свѣдѣнія и, перечисляя фамиліи любителей, изъявившихъ согласіе на принятіе участія, измѣнилъ мою фамилію до неузнаваемости—и въ такой редакціи свѣдѣнія эти повторены и въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за декабрь 1897 года (см. стр. 1089).

Обстоятельство это заставляетъ меня покорнѣйше просить многоуважаемую редакцію «Вѣстника» распорядиться объ исправленіи этой ошибки. Я дѣйствительно принимаю участіе въ выставкѣ, но лишь съ января сего года и выставляю:

- 1) Коллекцію автографовъ историческихъ дѣятелей XVII и XVIII ст.
- 2) Коллекцію привѣсныхъ печатей, папскихъ буллъ, и жетоновъ: цеховыхъ и разныхъ корпорацій.
- 3) Коллекцію гирекъ, найденныхъ въ Кіевѣ и его окрестностяхъ; среди нихъ есть серія гирекъ, относящихся къ мѣстной кіевской вѣсовой системѣ XI—XII в.в.

Что же касается моей коллекціи «дрогичинскихъ пломбъ», то считаю излишнимъ выставлять ее, и потому на открывшейся уже выставкѣ ея не будетъ.

Но предполагаю выставить коллекцію монетъ: а) найденныхъ въ Кіевѣ; б) польскихъ монетъ; и в) монетъ-жетоновъ частныхъ лицъ Юго-Западнаго и Западнаго края, которыя имѣю.

Прошу извинить меня въ причиненномъ редакціи безпокойствѣ и надѣяться, что моя просьба будетъ исполнена.

Съ истиннымъ уваженіемъ

К. В. Болсуновскій.

IV.

Открытое письмо къ издателямъ, редакторамъ, и сотрудникамъ провинціальныхъ газетъ и журналовъ.

Въ январской книжкѣ журнала «Историческій Вѣстникъ» за текущій годъ мною помѣщенъ небольшой очеркъ, посвященный исторіи періодической печати въ провинціи. По условіямъ работы въ журналѣ, не могущемъ удѣлять много мѣста разработкѣ одного и того же вопроса, я долженъ былъ ограничиться изложеніемъ лишь главнѣйшихъ моментовъ жизни областной прессы и притомъ по источникамъ новѣйшаго времени, наиболѣе доступнымъ и имѣвшимся сейчасъ подъ рукою. вмѣстѣ съ тѣмъ, исторія провинціальной печати, ея ростъ, условія существованія, представляютъ для всякаго, изучающаго судьбы русскаго просвѣщенія, много интереснаго и поучительнаго. Матеріала по настоящему предмету накопилось уже достаточно въ вѣдрахъ провинціальныхъ редакцій, и его пора систематизировать, собрать воедино, достоюльнимъ образомъ освѣтить и сдѣлать по настоящему предмету надлежащія, хотя бы главнѣйшіе выводы.

Вступивъ на путь изученія судебъ русской журналистики, я бы желалъ, воспользовавшись своимъ первоначальнымъ, указаннымъ выше, очеркомъ «Русская періодическая печать въ провинціи», расширить его и представить на судъ читателей въ видѣ болѣе обстоятельнаго и цѣльнаго труда. Поэтому позволяю себѣ обратиться къ вамъ съ всепокорнѣйшей просьбой не отказать мнѣ въ содѣйствіи по означенной работѣ и дать наиболѣе существенныя свѣдѣнія, касающіяся той провинціальной газеты, во главѣ которой вы стоите или въ которой вы принимаете участіе, по прилагаемой программѣ. Смѣю надѣяться, что предметъ моей просьбы встрѣтитъ съ вашей стороны, какъ представителя мѣстныхъ интересовъ, необходимыя въ моемъ начинаніи сочувствіе, поддержку и откликъ.

Если бы для васъ оказалось затруднительнымъ дать отвѣты на всѣ поставленные въ программѣ вопросы, то буду глубоко признателенъ и за дачу отвѣта хотя бы по главнѣйшимъ изъ нихъ. Отвѣты желательно получить въ непродолжительномъ времени, дабы была возможность приступить какъ можно скорѣе къ работѣ.

В. Глинскій.

Адресъ для пересылки отвѣтовъ: С.-Петербургъ, Невскій просп., д. № 63, кв. 26, или С.Н.Б., редакція «Историческаго Вѣстника», Борису Борисовичу Глинскому.

ПРОГРАММА.

- 1) Названіе газеты и гдѣ издается?
- 2) Годъ, мѣсяцъ и число основанія газеты и когда вышелъ первый номеръ?
- 3) Кто былъ первымъ издателемъ?
- 4) Кто былъ первымъ редакторомъ?

5) При какихъ условіяхъ газета возникла, и были ли по настоящему предмету уже сдѣланы указанія въ газетѣ? Если да, то когда именно и въ какихъ №№?

6) Дальнѣйшая судьба газеты. Кто были послѣдующіе издатели и редакторы? Биографическія о нихъ данныя? Если таковыя уже напечатаны, то гдѣ именно?

7) Направленія газеты—первоначальное и современное. Если эти направленія выяснены съ особенною ясностью въ какихъ нибудь №№ газеты, то нельзя ли эти номера указать?

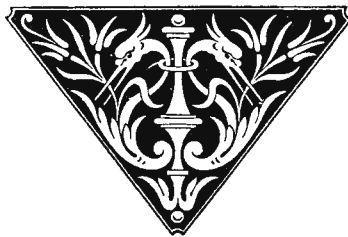
8) Не было ли за время существованія газеты опубликовано фактовъ, касающихся помѣстной печати (главнымъ образомъ цензурныхъ условій ея существованія и отношенія къ ней администраціи и общества)? Если да, то когда именно и въ какихъ №№?

9) Какія постигли газету карательныя мѣры, когда именно и по какимъ случаямъ? Сдѣлать указанія тѣхъ №№ и статей, которыя вызвали эти карательныя мѣры.

10) Какія были произведены перемѣны въ программѣ газеты и когда именно? Что побудило къ такого рода перемѣнамъ?

11) Кто изъ сотрудниковъ принималъ ближайшее участіе въ газетѣ (сотрудники провинціальныя и столичныя должны быть показаны отдѣльно).

12) Ростъ подписки газеты. Если редакція боится опубликованія этой подписки, то таковая въ изслѣдованіи не будетъ показана, но въ своемъ отвѣтѣ желательно, чтобы редакція это оговорила.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ
МАРТЪ, 1898

СОДЕРЖАНИЕ.

МАРТЪ, 1898 г.

	стр.
I. Коржинскіе коршуны. (Романъ-хроника). VII—VIII. (Продолженіе). Н. И. Мердеръ.	801
II. Семь арестовъ. (Изъ воспоминаній). VII. (Окончаніе). Графа Е. А. Саласа.	828
III. Типы современной деревни. (Продолженіе). XVI. Варуль и Онуфрій. А. В. Круглова.	857
IV. Княгиня Дарья Христофоровна Ливенъ. Н. А. Вѣлосерской. . .	875
V. Бѣлинскій и Лермонтовъ въ Чембарѣ. (Изъ моихъ записокъ и воспоминаній). И. Н. Захарьина (Якунина).	905
VI. Воспоминанія о графѣ И. Д. Деляновѣ. А. В. Эвальда.	930
VII. Недавніе люди. (Характеристики и воспоминанія). II. Степанъ Стамбуловъ. А. В. Амфитеатрова.	950
VIII. Поѣздка на Мурманъ. (Путевыя замѣтки). А. Г. Слезкинскаго. .	981
Иллюстраціи: 1) Городъ Тотма.—2) Городъ Красноборскъ.—3) Колонія и становище Рыда.—4) Колонія и становище Гаврилово.—5) Колонія и становище Териберка.	
IX. М. А. Бакунинъ и его бѣгство изъ Сибири. (Матеріалы для біографіи). В. В. Глинскаго.	1021
X. Мицкевичъ въ Одессѣ. I. К.	1046
XI. Батуринскіе памятники. И. Г. Иноземцева.	1054
XII. Грозная тѣнь. П. Н. Полевого.	1062
XIII. Критика и библіографія.	1072

1) Кн. В. П. Мещерскій. Мои воспоминаванія. Часть первая (1850—1865 гг.). Спб. 1897. Б. Глинскаго.—2) Архивъ села Михайловскаго. Томъ I. Спб. 1898. Вл. Мч.—3) П. Покровский. Русскія епархіи въ XVI—XIX вв., ихъ открытіе, составъ и предѣлы. Опытъ церковно-историческаго, статистическаго и географическаго изслѣдованія. Томъ I. (XVI—XVII вв.). Каванъ. 1897. И. К.—4) Н. Переферковичъ. Талмудъ, его исторія и содержаніе. Часть первая. Мвшна. Спб. 1897. Т. С.—каго.—5) Эрнестъ Лависсъ и Альфредъ Рамбо. Всеобщая исторія съ IV вѣка до нашего времени. Томъ второй. Феодалъная Европа. Крестовые походы 1095—1270. Переводъ М. Гершензона. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897. Тоже. Томъ третій. Образование большихъ государствъ 1270—1492. Переводъ В. Невѣдомскаго. Москва. 1897. А. И.—6) На больничныхъ койкахъ. Въ паутинѣ. Землевладѣльческая эпопея. В. Рышкова. Спб. 1898. А. Фаресова. 7) Для спектаклей (жбительскихъ). И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1897. И. 8) А. Фовъ-Фриккенъ. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Часть третья. Москва. 1898.—9) Борисъ Павченко. О тайной исторіи Прокочія. Спб. 1897. Е.—10) Повѣсти изъ стариннаго быта Д. В. Аверкиера. Изданіе, тщательно пересмотрѣнное и исправленное, въ 2-хъ томахъ. Спб. 1898. С. У.—ца.—11) Густавъ Лансонъ. Исторія французской литературы. (Переводъ со второго французскаго изданія, пересмотрѣннаго и исправленнаго авторомъ). Томъ II. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва, 1898. А. И.

См. слѣд. стр.

XIV. Заграничныя историческія новости и мелочи 1100

1) Положеніе крестьянъ въ древней Греціи.—2) Молодость императора Юлиана.—3) Доисторическій американскій городъ.—4) Участіе Паоло Тосканелли въ открытіи Америки.—5) Флорентинская легенда о Кайнѣ на лунѣ.—6) Англичанка добраго стараго времени.—7) Французскіе шпионы XVII и XVIII столѣтій.—8) Живой подарокъ Венеціанской республики прусскому королю Фридриху-Вильгельму I.—9) Вольтеръ и дѣло Каласа.—10) Прототипъ одной изъ героинь Гете.—11) Вашингтонъ и Лафайетъ.—12) Столѣтняя годовщина независимости швейцарскаго кантона Ваадъ.—13) Тайны патриотическія общества въ Пруссіи въ 1811—1812 годахъ.—14) Юбилей Огюста Конта.—15) Пятидесятилѣтіе февральской революціи.—16) Тречке въ юности.—17) Среди венгерскихъ историковъ.

XV. Изъ прошлаго. 1126

«Псаломъ» объ императорѣ Александрѣ II. Сообщено Б. Э.Иетрицемъ.

XVI. Смѣсь 1126

1) Торжественное собраніе археологическаго института.—2) Чествованіе памяти П. Н. Кудрявцева въ Московскомъ историческомъ обществѣ.—3) Историческое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ.—4) Московское археологическое общество.—5) Общество любителей древней письменности.—6) Географическое общество.—7) Академическое изданіе сочиненій русскихъ писателей.—8) Музей антропологии и этнографіи императорской академіи наукъ.—9) Некрологи: Г. А. Залюбовскій; А. П. Морозовъ; М. П. Поповъ; А. В. Эвальдъ; В. В. Перовъ; М. Т. Ивановъ-Козельскій; К. Гурскій; Л. Малиновскій.

XVII. Замятки и поправки 1142

День и годъ рожденія Адама Мицкевича. Н. X.

XVIII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ княгини Дарьи Христофоровны Ливенъ.—2) Въ Булонскомъ лагерѣ (Uncle Bernas). Повѣсть изъ временъ Наполеона I. А. Кованъ-Дойля. Переводъ съ англійскаго. XIII—XVII. (Окончаніе).

При настоящей книжкѣ разсылается городскимъ и иногороднимъ подписчикамъ объявленіе объ изданіяхъ книгопродавца А. Ф. Девриена.

СОДЕРЖАНІЕ СЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ и МАРТЬ 1898 года).

	стр.
Коржинскіе коршуны. (Романъ-хроника). I—VIII. Н. И. Мердеръ.	7, 417, 801
Изъ воспоминаній баронессы М. П. Фредериксъ. (Посвящается другу дѣтства Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу). Часть первая. I—XXVIII	52, 454
Семь арестовъ. (Изъ воспоминаній). Графа Е. А. Салиаса.	88, 485, 828
Сестры Самойловы. (Изъ театральныхъ воспоминаній). В. А. Крылова.	121, 514
<p style="margin-left: 2em;">Иллюстраціи: 1) Анна Алексѣевна Самойлова.—2) Василій Михайлович Самойловъ.—3) Софья Васильевна Самойлова, урожденная Черникова, пѣвица.—4) Гостиная Самойловыхъ въ квартирѣ въ Петербургѣ, у Торговаго моста.—5) Надежда Васильевна Самойлова.—6) Надежда Васильевна Самойлова-Макшеева.—7) Вѣра Васильевна Самойлова-Жичурина.</p>	
Литературныя воспоминанія. (1878—1882). I. И. Ясинскаго.	157, 549
Двѣ невѣсты Петра II. Вл. О. Михневича.	175, 572
Вставные зубы. (Стародавняя быль). А. А. Танкова.	211
Товарищи Ф. М. Достоевскаго по каторгѣ. Н. Николаевскаго.	219
На развалинахъ Армянской Пальмиры. (Изъ путевыхъ впечатлѣній). А. П. Андреева.	225
<p style="margin-left: 2em;">Иллюстраціи: 1) Часть стѣны съ башнями въ Ани.—2) Каодральный соборъ въ Ани.—3) Могила Ашота I въ монастырѣ Кошавангъ около Ани.—4) Развалины мечети (дворецъ католикосовъ) въ Ани.—5) Пещеры на берегу Алазы въ Ани.—6) Храмъ Спасителя въ Ани.—7) Дворецъ на берегу Алазы въ Ани.—8) Церковь Божіей Матери въ Ани.—9) Дѣвичій монастырь въ Ани.</p>	
Русскій нѣмецъ о русской исторіи. П. Н. Полевого.	265
Юбилей народника-беллетриста. В. И. Бородаевской-Ясевичъ.	277
<p style="margin-left: 2em;">Иллюстрація: Н. Н. Златовратскій.</p>	
Русская періодическая печать въ провинціи. Б. Б. Глинскаго.	292
Исторія одной маленькой монархіи. I—VIII. А. А. Черевковой.	334, 709
Клады по берегамъ рѣки Березины. Е. Альбовскаго.	603

	СТР.
Къ біографіи А. П. Щапова. П. Л. Юдина	622
Забытый замокъ. П. Н. Герасимова	629
<small>иллюстраціи: 1) Остатки дома графа Разумовскаго въ Батуриинѣ.—2) Замокъ графа Разумовскаго въ Батуриинѣ.</small>	
Графъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ. (Некрологъ)	637
<small>иллюстрація: Графъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ.</small>	
Новые труды по исторіи русской литературы. П. Н. Полевого	653
Къ вопросу объ усыпальницѣ Шуйскихъ въ Варшавѣ. Профессора Д. В. Цвѣтаева	662
Александръ I и его эпоха. Періодъ второй. (1811—1815). Переломъ. I—IV. В. А. Тимирязева	667
<small>иллюстраціи: 1) Фридрихъ Парротъ. — 2) Таврическая улица и домъ Сперанскаго въ Петербургѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія. — 3) Комната, служившая кабинетомъ Сперанскому и обращенная въ столовую по приобрѣтеніи дома Сперанскаго Н. П. Дубенскимъ.—4) Талейранъ. — 5) Князь Меттернихъ.—6) Варонесса Крюднеръ.</small>	
Типы современной деревни. (Продолженіе). XVI. Варулъ и Онуфрій. А. В. Круглова	857
Княгиня Дарья Христофоровна Ливень. Н. А. Бѣлозерской	875
Бѣлинскій и Лермонтовъ въ Чембарѣ. (Изъ моихъ записокъ и воспомнаній). И. Н. Захарьина (Якунина)	905
Воспомнанія о графѣ И. Д. Деляновѣ. А. В. Эвальда	930
Недавніе люди. (Характеристики и воспомнанія). (Продолженіе). II. Степанъ Стамбуловъ. А. В. Амфитеатрова	950
Поѣздка на Мурманъ. (Путевыя замѣтки). А. Г. Слезкинскаго	981
<small>иллюстраціи: 1) Городъ Тотма.—2) Городъ Красноборскъ.—3) Колонія и становище Рыда.—4) Колонія и становище Гаврилово.—5) Колонія и становище Териберка.</small>	
М. А. Бакунинъ и его бѣгство изъ Сибири. (Матеріалы для біографіи). Б. Б. Глинскаго	1021
Мицкевичъ въ Одессѣ. І. К.	1046
Батуринскіе памятники. И. Г. Иноземцева	1054
Грозная тѣнь. П. Н. Полевого	1062
КРИТИКА и БИБЛОГРАФІЯ	360, 736, 1072

1) Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, составленная кругомъ преподавателей подъ редакціей профессора П. Т. Виноградова. Удостоена большой преміи имени императора Петра Великаго. Выпускъ первый. Москва, 1896. Выпускъ второй. Москва, 1897. к. — 2) Начало конца Польши. Введеніе въ исторію борьбы за объединеніе Россіи при императрицѣ Екатериинѣ Великой. Матеріалы, извлеченные 1) изъ московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба; 2) изъ военно-ученаго архива того же штаба и 3) изъ московскаго главнаго архива министерства иностран-

ныхъ дѣлъ и напечатанные штабсъ-капитаномъ А. К. Ильенко подъ редакцією съ предисловіемъ и объяснительною запискою ординарнаго профессора Николаевской академіи генеральнаго штаба полковника П. А. Гейсмана. Спб. 1898. и. X. — 3) Н. А. Вѣлоголовый. Воспоминанія и другія статьи. М. 1898. Б. Глинскаго. — 4) Борьба за землю въ древнемъ Римѣ. Генриха Вуля. Пер. съ нѣмецк. С. Сергѣева. Одесса. 1897. и. Лосснаго. — 5) В. Н. Чичеринъ. Политическіе мыслители древняго и новаго міра. Выпуски первый и второй. Москва. 1897. в. Гр—снаго. — 6) Московскій публичный и Румянцевскій музеи. Торжественное засѣданіе въ память графа Н. П. Румянцева, 3-го апрѣля 1897 г. Москва. А. Фаресова. — 7) Матеріалы для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Томъ девятый. Спб. 1897. В. Б. — 8) Исторія Переяславльскаго края съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII столѣтія. Монографія Василія Ласкоронскаго. Кіевъ. 1897. и. X. — 9) Вратская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ. Литературно-научный сборникъ. Москва. 1897. В. Т. — 10) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томы девяностодевятый и сотый. Спб. 1897. В. Т. — 11) Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и къ историческому розысканію о нихъ. А. Н. Неустрова. Спб. 1898. А. Фаресова. — 12) Исторія дѣтской души. Повѣсть М. Корелли. Переводъ Е. А. Изданіе К. П. Побѣдоносцева. Москва. 1897. и. Н. 3. — 13) Е. Дюрингъ. Великіе люди въ литературѣ. Критика современной литературы съ новой точки зрѣнія. Переводъ съ нѣмецкаго Ю. М. Антоновскаго. Спб. 1897. Б. Глинскаго. — 14) Справочная книжка по географіи. В. Покровскаго. Юрьевъ. 1898. г. л. и. — 15) Привѣтъ. Художественно-научно-литературный сборникъ. Издавъ Обществомъ вспомошествованія нуждающимся ученицамъ Василеостровской женской гимназіи въ С.-Петербургѣ. Спб. 1898. с. ш. — 16) Сказки, рассказы и легенды крестьянъ сѣвернаго края. Составилъ А. Е. Бурцевъ. Спб. 1897. N. — 17) А. А. Нильскій. Закулисная хроника. Съ портретами артистовъ. Спб. 1897. В. Б. — 18) Kraj w obrazach. Gubernje królestwa Polskiego. Zbiór fotografji najbardziej uwagi godnych miast, okolic, zabytków starożytności i dzieł sztuki, zebranych i wydanych przez K. Wozniaka (Край въ картинахъ. Губерніи царства Польскаго. Собраніе фотографій наиболѣе заслуживающихъ вниманія городовъ, мѣстностей, памятниковъ древности и произведеній искусства, собранныхъ и изданныхъ К. Вознякомъ). Выпуски I—III. Варшава. 1897. г. А. Воробьева. — 19) Историческіе очерки и изслѣдованія Казимира Пуласкаго («Szkice i rozskiwania historyczne Kazimiezza Pulaskiego»). Peterzbourg. 1898). I. и. — 20) А. А. Ляневъ (Далинъ). Вторая книга «Не сказокъ». Спб. 1898. в. г. — 21) Кн. В. П. Мещерскій. Мои воспоминанія. Часть первая (1850—1865 гг.). Спб. 1897. Б. Глинскаго. — 22) Архивъ села Михайловскаго. Томъ I. Спб. 1898. вл. мч. — 23) И. Покровскій. Русскія епархіи въ XVI—XIX вв., ихъ открытіе, составъ и предѣлы. Опытъ церковно-историческаго, статистическаго и географическаго изслѣдованія. Томъ I. (XVI—XVII вв.). Казань. 1897. и. X. — 24) П. Переферковичъ. Талмудъ, его исторія и содержаніе. Часть первая. Мишна. Спб. 1897. т. с—наго. — 25) Эрнестъ Лависсъ и Альфредъ Рамбо. Всеобщая исторія съ IV вѣка до нашего времени. Томъ второй. Феодалная Европа. Крестовые походы 1095—1270. Переводъ М. Гершензона. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897. Тоже. Томъ третій. Образованіе большихъ государствъ 1270—1492. Переводъ В. Невѣдомскаго. Москва. 1897. А. и. — 26) На больничныхъ койкахъ. Въ паутинѣ. Земледѣльческая эпопея. В. Рышкова. Спб. 1898. А. Фаресова. — 27) Для спектаклей (любительскихъ). И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1897. и. — 28) А. фонъ-Фрикенъ. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Часть третья. Москва. 1898. — 29) Ворисъ Панченко. О тайной исторіи Прокопія. Спб. 1897. С. — 30) Повѣсти изъ стариннаго быта Д. В. Аверкіева. Изданіе, тщательно пересмотрѣнное и исправленное, въ 2-хъ томахъ. Спб. 1898. с. у—ца. — 31) Густавъ Лансонъ. Исторія французской литературы. (Переводъ со второго французскаго изданія, пересмотрѣннаго и исправленнаго авторомъ). Томъ II. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва. 1898. А. и. — 32) Артамонъ Матвѣевъ. Въ поискахъ правды о народѣ. Спб. 1898. г—снаго.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ и МЕЛОЧИ . . . 378, 756, 1100

1) Историческій конгрессъ въ Инсбрукѣ. — 2) Найденные въ Египтѣ греческіе папирусы. — 3) Греческіе философы и римскіе историки. — 4) Карлъ Великій чрезъ англійскія очки. — 5) Гвичардина и Маккавелли. — 6) Королевскія галереи при Людовикѣ XIV. — 7) Легенда о Латульѣ. — 8) Останки Вольтера и Руссо. — 9) Столѣтняя годовщина смерти Жюна Вильяса. — 10) Новыя изслѣдованія о французской революціи. — 11) Наполеоніана. —

12) Мемуары Бусенго. — 13) Демократическое происхождение Балзака. — 14) Юбилей Генриха Гейне. — 15) Смерть Альфонса Дода. — 16) Исторический Египет и соперник Пиндара. — 17) Древний Лондон. — 18) История у аравитян. — 19) Частная жизнь в Болонии в средние века. — 20) Новая биография Марии Стюарт. — 21) Шекспирiana. — 22) Ученица Руссо. — 23) Гете и гр. Торенкь. — 24) Когда прекратилась первая французская республика. — 25) Английские отголоски Ватерло. — 26) Официальная история королевы Викторин. — 27) Жизнь и письма автора «Жизни дяди Тома». — 28) Положение крестьян в древней Греции. — 29) Молодость императора Юлиана. — 30) Доисторический американский город. — 31) Участие Паоло Тосканиелли в открытии Америки. — 32) Флорентинская легенда о Каинѣ на луиѣ. — 33) Англичанка добраго стараго времени. — 34) Французские шпионы XVIII и XVIII столѣтій. — 35) Живой подарок Венеціанской республики прусскому королю Фридриху-Вильгельму I. — 36) Вольтер и дѣло Каласа. — 37) Против одной изъ героинь Гете. — 38) Вашингтонъ и Лафайетъ. — 39) Столѣтняя годовщина независимости швейцарскаго кантона Ваадъ. — 40) Тайныя патриотическія общества в Пруссіи в 1811—1812 годах. — 41) Юбилей Огюста Кюста. — 42) Пятидесятилѣтіе февральской революціи. — 43) Тречке в юности. — 44) Среди венгерскихъ историковъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 1126

«Псаломъ» объ императорѣ Александрѣ II. Сообщено Б. Э. Метрицомъ.

СМѢСЬ 400, 771, 1126

1) Пятидесятилѣтіе журнала «Чтеніе для солдатъ». — 2) Курьезная диссертация. — 3) Географическое общество. — 4) С.-Петербургское археологическое общество. — 5) Къ XI археологическому съезду. — 6) Реставрация Сухаревой банни. — 7) Торжественное собраніе академіи наукъ. — 8) Историческое общество в С.-Петербурѣ. — 9) Историческое общество в Москвѣ. — 10) Чествованіе памяти Ѳ. И. Вуслаева в обществѣ любителей россійской словесности. — 11) Засѣданіе учебнаго отдѣла, посвященное памяти Ѳ. И. Вуслаева. — 12) Общество любителей древней письменности. — 13) Географическое общество. — 14) Общество любителей естествознанія. — 15) Археологическая выставка в Кіевѣ. — 16) Девяностолѣтіе А. А. Скальковского. — 17) Книжный складъ и магазинъ Вятскаго земства. — 18) Къ юбилею Мицкевича. — 19) Рѣдкая брошюра Ѳ. И. Вуслаева. — 20) Новая редакция Археологическихъ Извѣстій. — 21) Торжественное собраніе археологическаго института. — 22) Чествованіе памяти П. Н. Кудрявцева в Московскомъ историческомъ обществѣ. — 23) Историческое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ. — 24) Московское археологическое общество. — 25) Общество любителей древней письменности. — 26) Географическое общество. — 27) Академическое изданіе сочиненій русскихъ писателей. — 28) Музей антропологии и этнографіи императорской академіи наукъ. — 29) Некрологи: А. М. Павлиновъ; А. П. Зерцаловъ; Н. А. Соколинскій; В. А. Лебедевъ; К. Д. Петровичъ; А. А. Ольхинъ; И. П. Архиповъ; И. И. Рахманиновъ; Г. А. Залюбовскій; А. П. Морозовъ; М. П. Поповъ; А. В. Эвальдъ; В. В. Перовъ; М. Т. Ивановъ-Козельскій; К. Гурскій; М. Малиновскій.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ 413, 794, 1142

1) Къ родословной «дѣвицы-кавалериста» Дуровой, п. Юдина. — 2) По поводу книги Н. А. Рубакина, Николая Феттера. — 3) Письмо въ редакцію, в. Герарда. — 4) Къ некрологу А. Н. Зерцалова. — 5) По поводу «Семейной хроники» Ю. И. Карпинской, М. Т. Яблочкова. — 6) Письмо въ редакцію, И. В. Болсуновскаго. — 7) Открытое письмо къ издателямъ, редакторамъ и сотрудникамъ провинціальныхъ газетъ и журналовъ Б. Глинскаго. — 8) День и годъ рожденія Адама Мицкевича, И. X.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты княжны М. А. Мевшиковой, княжны А. Е. Долгоруковой и княгини Д. Х. Ливенъ. — 2) Въ Булонскомъ лагерѣ (Uncle Berna). Повесть изъ временъ Наполеона I. А. Копанъ-Дойля. Переводъ съ англійскаго.

КНЯГИНЯ ДАРЬЯ ХРИСТОФОРОВНА ЛИВЕНЪ.

достав. ценз. 23 ФЕВРАЛЯ 1898 г. СПБ.

КОРЖИНСКІЕ КОРШУНЫ ¹⁾.

Романъ-хроника.

VII.

ВЪ ЭТИХЪ поръ Леонтій Артемьевичъ сталъ интересоваться Куклой. Дня не проходило, чтобы онъ не освѣдомлялся объ ея занятіяхъ и не давалъ бы ей совѣтовъ, къ которымъ она прислушивалась съ жадною любознательностью и которымъ неуклонно слѣдовала, преодоляя для этого величайшія затрудненія и насилуя свои привычки и способности. Читала она съ пользой и удовольствіемъ только тѣ книги, которыя онъ ей приносилъ, смотрѣла его глазами на картины, которыя онъ показывалъ ей въ Эрмитажѣ и въ частныхъ галлерейхъ; исполняла удачно только его любимую музыку, и большаго счастья для нея не существовало, какъ заслужить его похвалу. Все существо ея наполнялось восторгомъ, когда во время ея пѣнія онъ становился за ея стуломъ; отъ подъема нервовъ голосъ ея изумительно развивался, удивляя своей силой, гибкостью и чувствомъ.

А между тѣмъ впечатлѣніе отъ ихъ перваго столкновенія у балконной двери изгладилось давно. Всегда серьезный, подчасъ строгій, онъ теперь не подавалъ ей повода краснѣть въ его присутствіи отъ мысли, что онъ обращаетъ вниманіе на ея наружность, но столько дружескаго участія угадывала она въ каждомъ его словѣ

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», томъ LXXI, стр. 417.

«Истор. вѣстн.», мартъ, 1898 г., т. LXXI.

и взглядѣ, когда онъ обращался къ ней, что застывшее въ холодѣ, ненависти и недовѣріи юное сердце ея согрѣлось, смягчилось и наполнилось любовью, и не къ одному только виновнику этого счастливаго превращенія, а также и ко всему окружающему ее міру. Съ каждымъ днемъ становилась она добрѣе, ласковѣе и снисходительнѣе, старалась нравиться, искала любви и довѣрія въ тѣхъ самыхъ людяхъ, отъ которыхъ упорно отвергивалась цѣлый годъ. Увы, она не понимала, что любовь пріобрѣтается не вдругъ, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ изгладить дурное впечатлѣніе, и что искоренить предубѣжденіе можно только терпѣливою настойчивостью. Ей казалось, что стоило только самой измѣниться къ людямъ, чтобы и всѣ измѣнились къ ней, и ошибиться въ этомъ, сталкиваясь съ недовѣріемъ тамъ, куда она кидалась съ восторженною потребностью ласки и любви, было ей такъ больно, горько и обидно, что она опять ушла въ себя и въ сердцѣ своемъ рѣшила никого не знать, кромѣ братца Леонтія Артемьевича. Развѣ ей недостаточно для полнаго счастья его участія и дружбы? Оно даже лучше, что она такъ одинока на свѣтѣ; не можетъ онъ оставаться равнодушнымъ къ сознанію, что онъ одинъ замѣняетъ ей всѣхъ. Онъ такой благородный и великодушный, умнѣе и красивѣе всѣхъ и понимаетъ все, рѣшительно все!

Что приводило ее въ особенный восторгъ, такъ это то, что онъ читалъ въ ея душѣ, какъ въ открытой книгѣ, и при каждомъ удобномъ случаѣ давалъ ей понять, что всѣ ея мысли и чувства ему извѣстны, и что онъ одобряетъ ихъ. Одобреніе это, поддерживая въ ней энергію, развивало ея самоувѣренность до чудовищныхъ размѣровъ. Она видѣла, что ему нравится ея гордость и неуступчивость, нравится также и то, что она живетъ въ полномъ отчужденіи отъ его семьи. Вѣдь и самъ онъ только для виду, ради приличія, былъ здѣсь свой; стоило внимательно всмотрѣться въ его отношенія къ женѣ и дѣтямъ, чтобы убѣдиться въ этомъ; для нихъ у него общіе разговоры, условныя фразы, банальныя ласки, и съ ними онъ никогда не говоритъ про себя. Катю же успѣлъ онъ уже ознакомить со своими неудачами по службѣ, съ несправедливостью къ нему начальства и съ коварствомъ людей, которыхъ онъ считалъ друзьями. Ей онъ не боялся жаловаться на свое одиночество и на душевную пустоту среди шумныхъ свѣтскихъ развлеченій, въ которыхъ онъ вращается день и ночь. «Чтобъ бѣжать отъ домашней скуки», — мысленно дополнила дѣвушка недосказанное признаніе.

Мало-по-малу, обращеніе съ нею, невзирая на существующую между ними разницу лѣтъ, начало принимать характеръ дружбы; все чаще и чаще заговаривалъ онъ съ нею про ея состояніе и про то, что онъ предпринимаетъ для его увеличенія.

— Я знаю, ты не упрекнешь меня, какъ другіе, въ томъ, что

я распоряжаюсь твоими дѣлами, какъ моими собственными, и постоянно забываю, что я только твой опекунъ, — сказалъ онъ ей однажды.

Вмѣсто отвѣта, она порывистымъ движеніемъ схватила его руку и прижалась къ ней горячими губами. Отъ избытка чувствъ слова не выговаривались, душа ея была переполнена гордостью и благодарностью. Онъ тихо высвободилъ руку и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Она была такъ счастлива, что всю ночь не могла заснуть отъ волненія, ломая себѣ голову надъ вопросомъ: какъ доказать ему, что она достойна его довѣрія?

Перемѣна въ чувствахъ и въ характерѣ маленькой барышни, разумѣется, не ускользнула отъ проникательной Демьяновны, и она попыталась было поколебать возраставшее съ каждымъ часомъ вліяніе Леонтія Артемьевича, но съ первыхъ же словъ встрѣтила такой энергичный отпоръ, что должна была отступить.

— Не смѣй осуждать брата! Въ деревню сошла, если хоть разъ заикнешься про него дурно! Онъ мнѣ дороже всѣхъ на свѣтѣ, слышишь? Ничего я для него не пожалѣю! — закричала она на старуху, топая ногами и блѣднѣя отъ гнѣва, какъ бывало въ дѣтствѣ, когда у нея отнимали любимую игрушку, или отказывались немедленно исполнить ея капризъ.

— Я замолчу, мнѣ что, молчать мнѣ не трудно, а только какъ бы тебѣ потомъ самой не спокаяться, какъ завертеть онъ тебя своими подвохами, — возразила старуха, озадаченная страстнымъ порывомъ своей госпожи.

— А спокоюсь, такъ никто не узнаетъ. Никому жаловаться не буду; сама сумѣю съ сердцемъ своимъ справиться, — угрюмо возразила Кукла.

Въ этихъ словахъ цѣликомъ вылилась ея гордая, независимая душа. И какую она была пятнадцати лѣтъ, такую осталась и до конца своей многострадальной жизни.

А между тѣмъ наступилъ май мѣсяцъ; приготовленія къ отъѣзду въ Коржино близились къ концу, и рѣшено было пуститься въ путь черезъ недѣлю, какъ вдругъ въ одинъ прекрасный вечеръ Леонтій Артемьевичъ вернулся домой съ извѣстіемъ, что ему нельзя сопровождать семью въ деревню. Ему предложили работу въ министерствѣ, отъ исполненія которой зависѣло его назначеніе на мѣсто губернатора въ одной изъ губерній южной Россіи.

— Я не могъ отказаться отъ этого предложенія и долженъ все лѣто прожить здѣсь. Поѣзжайте безъ меня, — объявилъ онъ собравшейся вокругъ чайнаго стола семьѣ.

Извѣстіе это произвело всеобщее волненіе.

Марья Алексѣевна стала спрашивать мужа о подробностяхъ его свиданія съ министромъ, а Маша съ Соней съ живѣйшимъ интересомъ прислушивались къ бесѣдѣ родителей о ихъ планахъ

насчетъ будущей зимы, которую онѣ должны были провести уже въ томъ городѣ, гдѣ отецъ ихъ будетъ губернаторомъ. Со свойственнымъ ему краснорѣчіемъ Леонтіи Артемьевичъ рисовалъ перспективу удовольствій, которыя ихъ тамъ ожидаютъ: блестящія балы, пикники, вечера, на которыхъ онѣ будутъ играть первую роль, и все это такъ живо, что Маша съ Соней ужъ чувствовали себя въ новой средѣ и, предвкушая ожидавшія ихъ въ ней наслажденія, радостно улыбались. Ихъ веселыя лица, со сверкающими восторгомъ глазами, представляли такой контрастъ съ поблѣднѣвшимъ и печальнымъ лицомъ ихъ подруги, что Марья Алексѣевна спросила съ испугомъ:

— Что съ тобой, Катя? Ты больна?

Дѣвочка бросила умоляющій взглядъ на Леонтія Артемьевича. Онъ долженъ знать, почему у нея отъ горя и отчаянія сердце нестерпимо ноетъ и рыданія рвутся изъ груди. Что же онъ не спѣшитъ къ ней на помощь и не утѣшаетъ ее?

— Всѣ вы тутъ расхвораетесь, если не уѣдете скорѣе въ деревню,— съ улыбкой замѣтилъ онъ. — Вѣдь она на свѣжемъ воздухѣ выросла и къ нашему хмурому климату привыкнуть не успѣла. Да и не для чего тебѣ къ этой мерзости привыкать, — обратился онъ къ Катѣ, останавливая на ней взглядъ, отъ котораго она вся просвѣтлѣла и зарумянилась, — тамъ, куда я тебя увезу, нѣтъ ни слякоти, ни тумановъ, круглый годъ солнце свѣтитъ и небо синее, тамъ наша Кукла расцвѣтетъ на славу,— прибавилъ онъ, глядя на нее все съ той же ласковою улыбкой, значеніе которой среди окружающихъ только ему да ей было понятно.

Наканунѣ отъѣзда, когда все ужъ было уложено, и комнаты загромождены, среди мебели въ чехлахъ, сундуками, вазами и чемаданами, а Марья Алексѣевна съ барышнями, въ дорожныхъ костюмахъ, хлопотали передъ шифоньерками и комодами съ выдвинутыми ящиками, Катю позвали къ Леонтію Артемьевичу. Поспѣшно вырвалась она изъ рукъ Демьяновны, принявшейся было опрашивать на ней шелковый капотикъ, и пряча на ходу пряди волосъ, выбившіяся въ пылу хлопотъ изъ-подъ батистоваго чепчика, побѣжала въ кабинетъ. Тутъ все было въ порядкѣ; въ растворенныя окна врывался изъ сада душистый весенній воздухъ, шелестя листьями растеній, стоявшихъ передъ ними (Леонтіи Артемьевичъ былъ любитель цвѣтовъ и самъ занимался маленькой оранжерейкой, которую онъ пристроилъ къ дому); толстыя, въ переплетахъ, книги выглядывали сквозь стекла высокихъ шкаповъ, стоящихъ вдоль всей стѣны; солнечные лучи весело играли на большомъ бюро съ бронзовыми инкрустаціями, уставленномъ красивыми письменными

принадлежностями, статуэтками и акварельными миниатюрами въ бархатныхъ рамкахъ; надъ большимъ диваномъ съ вышитыми подушками висѣли портреты, цѣлая вереница красивыхъ и уродливыхъ Коржинныхъ, поражающихъ фамильнымъ сходствомъ, которое гнѣздилося въ формѣ рта, въ линіи лба, въ выраженіи глазъ, въ поворотѣ головы и во многихъ другихъ неуволимыхъ для простаго глаза отгѣнкахъ, придававшихъ фізіономіи общій характеръ, самымъ рѣзкимъ представителемъ котораго являлся, невзирая на свое безобразіе, покойный Артемій Васильевичъ. Его портретъ, писанный извѣстнымъ французскимъ художникомъ, висѣлъ тутъ же и былъ такъ похожъ, что даже и раньше, до ея сближенія съ «братцемъ», Катя любила забѣгать сюда тайкомъ, чтобъ посмотреть на папеньку.

Опекуна своего она застала за бюро. Онъ писалъ, и, должно быть, что-то спѣшное; услышавъ ея шаги, онъ, не отрывая глазъ отъ бумаги, кивкомъ головы пригласилъ ее подождать.

Она подошла къ портрету отца и стала смотрѣть на него. Оживленная солнечнымъ блескомъ, фигура старика въ богато расшитомъ мундирѣ, съ Андреевской лентой, въ напудренномъ парикѣ и кружевномъ жабо, какъ живая, выступила изъ золотой, массивной рамы. Увлеченная воспоминаніями, навѣваемыми на нее умными и пронизательными глазами, смотрѣвшими на нее еще недавно съ любовью, и тонкими губами, которыя ей одной только умѣли ласково улыбаться, Катя такъ задумалась, что не замѣтила, какъ Леонтій Артемьевичъ опустилъ перо въ чернильницу, поднялся съ мѣста и подошелъ къ ней.

— Хотѣлось бы тебѣ его имѣть? — спросилъ онъ у нея, указывая на изображеніе отца.

Она съ недоумѣніемъ подняла на него глаза. Неужели онъ подарить ей этотъ портретъ? Это было бы ужъ слишкомъ большое счастье!..

— Онъ твой, — отвѣчалъ съ улыбкой Леонтій Артемьевичъ на вопросъ, краснорѣчиво читавшійся въ ея изумленномъ взглядѣ. — Не благодари меня, я исполняю его волю, — прибавилъ онъ, указывая на портретъ. — Развѣ онъ не тебя одну только любилъ на свѣтѣ, и развѣ всѣ твои желанія не были для него закономъ? Пусть онъ пока останется тутъ, но когда мы устроимся на новомъ мѣстѣ, я велю повѣсить его въ твоей комнатѣ. А теперь потолкуемъ о дѣлѣ, для котораго я за тобой послалъ, — продолжалъ онъ дѣловитымъ тономъ и, не дожидаясь ни возраженій ея, ни разспросовъ, спросилъ: — ты вѣдь помнишь, что у тебя есть земля въ Саратовской губерніи? Ну, я устроиваю на этой землѣ винокуренный заводъ на свои деньги, такъ какъ до твоего совершеннолѣтія, капиталъ, завѣщанный тебѣ отцомъ, трогать нельзя. Ты ничего противъ этого не имѣешь?

— Дѣлайте, какъ вамъ угодно, братецъ, я всёмъ буду довольна,—поспѣшила она отвѣтить, не спуская съ его лица взгляда, полного восторженной преданности.

— Прекрасно, но вѣдь мало ли что можетъ случиться, всё мы подъ Богомъ ходимъ... Однимъ словомъ, надо, чтобъ ты подтвердила твое согласіе подписью, сказала онъ, указывая на бумагу, лежавшую на бюро.

— Я подпишу, братецъ.

— Сначала прочти, нельзя ничего подписывать, не читая.

— Зачѣмъ, братецъ? Я вамъ и такъ вѣрю.

— Знаю, что вѣришь, а все-таки прочти.

— Ужъ вы лучше сами.

— Ну, такъ слушай.

И онъ сталъ читать заявленіе, уснащенное подъяческими терминами, изъ котораго она ровно ничего бы не поняла даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ внимательно прислушивалась къ каждому слову, а у нея въ головѣ, отъ радостныхъ впечатлѣній, былъ такой сумбуръ, а душа была такъ полна восторгомъ, что она ни на чемъ не могла остановить мыслей.

— Поняла?—спросилъ Леонтій Артемьевичъ, дочитавъ до конца бумагу.

— Все поняла, спасибо, братецъ, спасибо! Какъ я счастлива! Всегда хотѣлось мнѣ имѣть этотъ портретъ у себя... Гдѣ надо подписать? И только мое имя и фамилію? Вотъ такъ, братецъ? да? Вы не знаете, я вамъ должна сознаться, — продолжала она, подписавъ бумагу,—не гнѣвайтесь на меня, я вѣдь почти каждое утро сюда забѣгала, чтобъ поздороваться съ нимъ,—кивнула она съ очаровательной улыбкой на портретъ.—И какъ мнѣ страшно было, еслибъ вы только знали!

— Отчего же тебѣ было страшно? — спросилъ онъ, любуясь ея оживленнымъ личикомъ, съ пылающими щеками и сверкающими глазами.

— А какже? Каждую минуту вы могли войти и застать меня...

— На мѣстѣ преступленія? — со смѣхомъ спросилъ онъ.

— Да. Я васъ тогда очень боялась.

— А теперь?

— Теперь... Я васъ люблю больше всѣхъ на свѣтѣ!—вскричала она послѣ небольшого колебанія, и не успѣли слова эти сорваться съ ея губъ, какъ она очутилась въ его объятіяхъ.

Какъ это случилось, — сама ли она, внѣ себя отъ благодарности и любви обвила руками его шею, или, очарованный ея невинной прелестью, онъ безсознательнымъ движеніемъ притянулъ ее къ себѣ, — неизвѣстно, да и не все ли равно, они были такъ близки другъ къ другу душой, что и чувства и мысли у нихъ были общія.

Эти три-четыре дня, предшествовавшіе ихъ разлукѣ, Леонтій Артемьевичъ, самъ того не сознавая, любилъ чистою, юношескою любовью юное существо, предоставленное судьбой въ полное его распоряженіе, и былъ такъ еще далекъ отъ мысли злоупотребить своею властью надъ нимъ, что не ощущалъ ни малѣйшей неловкости, разсказывая женѣ про эпизодъ съ портретомъ, сознаться, что Катя завоевала его сердце.

— Вы представить себѣ не можете, какая у нея милая, любящая душа! Я увѣренъ, что тебѣ стоитъ только захотѣть, и она привяжется къ вамъ ко всѣмъ такъ же горячо, какъ привязалась ко мнѣ.

Марья Алексѣвна расчувствовалась и дала ему слово употребить всѣ мѣры, чтобъ Катя была счастлива въ ихъ домѣ.

Очень можетъ быть, что въ эту минуту она даже сознавала себя немного виноватой передъ нею и упрекала себя въ томъ, что недостаточно снисходительно относилась къ непріятнымъ сторонамъ ея характера, но какъ ни пыталась она завоевать ея любовь и довѣріе, изъ ея писемъ къ мужу изъ Коржина видно, что ей это не удалось. Она горько жалуется въ этихъ письмахъ на угрюмость, отчужденіе и своеволие Кати и сознается въ своемъ бесиліи заниматься ея воспитаніемъ. Повліяла ли на расположеніе духа дѣвушки разлука съ человѣкомъ, умѣвшимъ заставлять ее сдерживать порывы дурного характера и властолюбія, которымъ она съ ранняго дѣтства привыкла предаваться, или самый воздухъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ предоставлена была полная воля необузданности ея права, возбуждалъ въ ней дурные инстинкты, такъ или иначе, но жить съ нею съ каждымъ днемъ становилось нестерпимѣе.

Къ концу лѣта положеніе такъ обострилось, что Марья Алексѣвна просила у мужа позволенія переѣхать съ дочерьми въ уѣздный городъ. Но Леонтій Артемьевичъ запретилъ ей и думать объ этомъ. Въ отвѣтъ его на жалобы жены очень ясно обрисовываются отношенія его къ опекаемой имъ шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ:

«Завѣщаніе отца я показывалъ многимъ опытнымъ въ этихъ дѣлахъ людямъ, и всѣ единогласно говорятъ, что покойникъ въ немъ все предусмотрѣлъ, что только можетъ клониться къ пользѣ его любимицы. Самый даръ Коржина равняется почти нулю, благодаря предоставленію усадьбы съ дворней и угодыми въ ея пользу. Но ты самага главнаго не знаешь: между прочимъ въ завѣщаніи сказано, что буде шестнадцати лѣтъ она не выйдетъ замужъ, ей предоставляется право выбрать опекуна между родственниками ея матери, для управленія ея имуществомъ совмѣстно со мной. Тебѣ извѣстны причины, по которымъ я этого допустить не могу; остается, значить, терпѣть и стараться ей доказывать, что ни съ кѣмъ ей не будетъ лучше жить, чѣмъ съ нами. Это самое главное, объ остальномъ много не заботься и предоставляй ее больше самой себѣ.

Перевоспитывать ее ужъ поздно, и сколько надъ нею ни бейся, сдѣлать ее похожей на Машу съ Соней невозможно, да и не для чего. Пусть остается самой собой, только бы любила насъ и не рвалась отъ насъ прочь, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока я не устрою нашего состоянія и не обезпечу будущность нашихъ дѣтей...».

Дальше идутъ подробности о сыновьяхъ, выпущенныхъ въ офицеры, и для обмундировки которыхъ пришлось истратить порядочную сумму изъ доходовъ Куклы, о мѣстѣ губернатора въ одной изъ губерній, близкихъ къ той мѣстности, гдѣ Коржино, а въ концѣ письма онъ снова возвращается къ Катѣ, настоятельно рекомендуя не раздражать ее требованіями, противными ея характеру и привычкамъ. «Не надо забывать, при какихъ условіяхъ она воспитывалась, и помнить, что она съ дѣтства привыкла къ самостоятельности и къ первенству въ домѣ».

Увы, этого ни на минуту нельзя было забыть съ тѣхъ поръ, какъ Марья Алексѣевна съ семьей очутилась въ Коржинѣ, гдѣ все, даже неодушевленные предметы, напоминали Куклѣ о ея правахъ полновластной хозяйки; все, начиная отъ стараго вольтеровскаго кресла, обитаго выцвѣтшимъ сафьяномъ, на которомъ она такъ часто сиживала на колѣняхъ баловника отца, слушая его злые толки о людской жадности и подлости, о томъ, что никто никого даромъ любить не станетъ, что деньгами можно всякаго подкупить и вѣрить никому нельзя, потому что нѣтъ такого человѣка на свѣтѣ, который ради выгоды остановился бы передъ предательствомъ и обманомъ; начиная отъ этого кресла и кончая босоногими дѣвчонками и мальчишками, шнырявшими по длиннымъ гулкимъ коридорамъ и помнившими, какъ имъ доставалось за маленькую барышню и какъ всѣ лѣзли изъ кожи, чтобъ ей угодить, зная отлично, что только этимъ можно было снискать благоволеніе стараго барина.

Все здѣсь дышало еще воспоминаніями о покойномъ, и впечатлѣнія жизни, полной постоянного страха, были еще такъ живы, что нельзя было привыкнуть къ мысли о томъ, что время это прошло безвозвратно, и что стараго коршуна больше нѣтъ на землѣ; по вечерамъ люди вздрагивали, блѣднѣли и обрывали веселую рѣчь на полусловѣ, чтобъ боязливо оглянуться на дверь, за которой имъ чудилось шлепанье его туфель; пугала ихъ и возня крысъ въ опустѣлыхъ комнатахъ, и гулъ вѣтра въ трубахъ, и шорохъ летучихъ мышей, свившихъ себѣ гнѣздо въ бельведерной, гдѣ разбитыя бурей стекла оставались не вставленными; ко всему этому съ ужасомъ прислушивались въ длинныя зимнія ночи обыватели нижняго этажа дома и, творя крестное знаменіе, сообщали другъ другу шепотомъ: «старый баринъ ходитъ».

Страхъ пораждаетъ галлюцинаціи; нашлись и такіе между дворовыми, которые клялись и божились, что своими глазами видѣли,

какъ старый коршунъ въ своемъ халатѣ на мерлушкахъ сидитъ по ночамъ въ кабинетѣ и перебираетъ въ бюро бумаги.

Но смерть все сглаживаетъ и примиряетъ, и тѣ самые люди, которыхъ покойный Коржинъ сдѣлалъ несчастными, разлучивъ ихъ съ близкими, изнывавшими вдали отъ родины, либо въ Сибири, либо въ солдатахъ, эти самые люди встрѣтили свою новую госпожу съ любовью и преданностью, радуясь возможности почтить память покойнаго ихъ мучителя исполненіемъ его желанія: чтобъ они служили его любимицѣ такъ же усердно, какъ ему служили во время его долгой жизни. Доказывать на каждомъ шагу маленькой барышнѣ, что они принадлежатъ ей и тѣломъ и душой, всячески заискивать ея расположеніе, сдѣлалось цѣлью каждого изъ нихъ. Понятно, что при этомъ дѣло не обходилось безъ грубой лести и раболѣпнаго потворства всѣмъ ея капризамъ и дурнымъ наклонностямъ. Въ Коржинѣ Катя очутилась въ своей сферѣ; все здѣсь льстило ея самолюбію и преклонялось предъ ея своеволіемъ. Но годъ, проведенный въ другой средѣ, принесъ свою пользу: теперь она умѣла владѣть собой, сдерживать порывы гнѣва, выражать свое неудовольствіе не крикомъ и не слезами, а упорною настойчивостью. Въ сущности, она осталась все тою же своевольною дѣвочкой, какою была при отцѣ, и угодить ей было точно такъ же трудно, какъ и прежде. Коржинская дворня не могла не замѣтить антагонизма между нею и семьей ея опекуна и, догадавшись о ея стремленіи къ первенству, стала, со свойственнымъ хамамъ усердіемъ, на каждомъ шагу дѣлать неприятности Марьѣ Алексѣевнѣ, ея дочерямъ и ея людямъ, чтобъ доказать этимъ преданность той, которую они считали единственною своею госпожей. Можно себѣ представить, что изъ этого происходило! Дошло до того, что на приказаніе супруги Леонтія Артемьевича принести изъ оранжереи цвѣтовъ или заложить экипажъ для катанья ничтожнѣйшій изъ казачковъ считалъ себя вправѣ дерзко отвѣтить: «барышня Катерина Артемьевна ничего про это не изволили сказывать».

Разумѣется, оскорбленная боярыня отказывалась отъ цвѣтовъ и катанья, чтобъ не унижаться передъ хозяйкой дома, и не выказывала своего неудовольствія, но скрытая обида остается обидой, и, по милости Кати, въ сердцѣ ея накопилось ихъ такое множество, что надо было быть святой, чтобъ оставаться безпристрастною къ виновницѣ ея ежедневныхъ и ежечасныхъ страданій, а потому исполнѣ понятна горечь, проскальзывающая въ тѣхъ мѣстахъ изъ ея писемъ къ роднымъ, гдѣ она упоминаетъ про Катю, называя ее ужъ не Куклой, какъ прежде, а чудовищемъ, *le monstre*.

Увы! послѣдняя кличка, оставшаяся за нашей героиней, хотя и замѣнилась впоследствии наименованіемъ «мученицы» и «святой», но этотъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи произошелъ ужъ тогда, когда люди, считавшіе ее «чудовищемъ», были отъ нея такъ далеко, что не могли объ этомъ знать.

VIII.

Первое лѣто, проведенное семьей Леонтія Артемьевича въ Коржинѣ, ознаменовалось событіемъ, отразившимся самымъ роковымъ образомъ на судьбѣ подруги нашей героини, Машѣ.

Въ концѣ августа обитателя стараго дома были взволнованы необычайнымъ звономъ колокольчика быстро приближавшагося экипажа. Казачокъ, посланный узнать, кто ѣдетъ съ такимъ звономъ, что его слышали много раньше, чѣмъ увидали пыль, поднятую лошадьми по проселочной дорогѣ, прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что это не исправникъ и не купцы, обычные посѣтители Коржина, а какой-то незнакомый баринъ въ великолѣпной дорожной коляскѣ, запряженной пятью конями. Мчался экипажъ съ такою быстротой, что не успѣлъ еще мальчишка докончить своего донесенія, какъ коляска ужъ вѣзжала въ ворота и остановилась у параднаго крыльца съ каменными звѣрями по обѣимъ сторонамъ.

Съ козелъ прыгнулъ лакей, одѣтый въ зеленую куртку, обширную позументомъ, и въ щегольскую шапочку съ перомъ, и растворилъ дверцу, изъ которой проворно выскочилъ его баринъ, красивый молодой человекъ, въ костюмѣ послѣдней моды.

— Прошу доложить вашей барынѣ: графъ Ксаверій Маржерецкій. Имѣю передать имъ письмо отъ ихъ супруга, Леонтія Артемьевича,—учтиво и съ польскимъ акцентомъ объявилъ онъ старику дворецкому, отдѣлившемуся отъ толпы дворовыхъ, чтобъ привѣтствовать гостя.

— Пожалуйте, ваше сіятельство, въ домъ,—почтительнымъ жестомъ приглашая его слѣдовать за собой, отвѣчалъ старикъ,—сейчасъ доложу господамъ.

И оставивъ пріѣзжаго въ одной изъ комнатъ внизу, онъ поспѣшилъ наверхъ, въ угольную, гдѣ Марья Алексѣевна занималась съ дочерьми.

Узнавъ, что графъ пріѣхалъ съ порученіемъ отъ ея мужа, Марья Алексѣевна тотчасъ же приказала ввести его въ гостиную, и черезъ нѣсколько минутъ онъ вручилъ ей письмо, въ которомъ Леонтію Артемьевичъ, объявляя о скоромъ своемъ пріѣздѣ, просилъ обойтись съ графомъ, какъ можно учтивѣе, и сдѣлать такъ, чтобъ онъ остался доволенъ своимъ пребываніемъ въ Коржинѣ. «Прикажи управляющему показывать ему все, что онъ пожелаетъ видѣть. Я имѣю намѣреніе начать очень выгодное предпріятіе, и лучшаго компаньона, какъ графъ, найти невозможно»,—говорилось между прочимъ въ этомъ письмѣ, изъ котораго Марья Алексѣевна заключила, во-первыхъ, что, вѣроятно, графъ обладаетъ именно тѣмъ, чего ея мужу недостаетъ для его предпріятій, а именно большими деньгами, а, во-вторыхъ, что онъ уже успѣлъ подпасть подъ обаяніе Леонтія

Артемьевича, и что они сошлись настолько коротко, насколько это было нужно для ея мужа.

И она не ошиблась въ своемъ предположеніи. Съ первыхъ же словъ графъ съ большимъ жаромъ заговорилъ съ нею о проектѣ устроить фабрику суконъ, которымъ г. Коржинъ его такъ прельстилъ, что онъ рѣшилъ сдѣлать триста верстъ крюку, чтобъ осмотрѣть имѣніе своего новаго пріятеля. Онъ пріѣхалъ сюда за нѣсколько дней до Леонтія Артемьевича, чтобъ подробно ознакомиться съ мѣстомъ, на которое этотъ послѣдній совѣтовалъ ему обратить особенное вниманіе.

— А какъ мужъ назвалъ этотъ хуторъ?—спросила Марья Алексѣвна.

Графъ вынулъ записную книжку изъ бокового кармана своего синяго съ металлическими пуговицами фрака и прочелъ, съ трудомъ выговаривая слова на иностранный ладъ: Артемкино.

— Это верстъ восемьдесятъ отсюда, и дорога туда отвратительная, надо ѣхать все непролазными дебрями,—замѣтила г-жа Коржина.

— Вашъ супругъ меня предупреждалъ объ этомъ, но я дурныхъ дорогъ не боюсь,—весело возразилъ графъ,—и, если позволите, завтра же пуцусь въ путь. Медлить намъ нельзя, мы хотимъ начать стройку съ будущей весны.

— Но мой мужъ хлопочетъ о мѣстѣ,—сказала Марья Алексѣвна.

— Я уполномоченъ вамъ сообщить, что мѣсто это ужъ за нимъ,—подхватилъ гость,—и онъ надѣется скоро за вами пріѣхать. Потому-то онъ и нашелъ выгоднымъ мое предложеніе построить фабрику на его землѣ и слѣдить за этимъ дѣломъ, что самому ему заниматься этимъ будетъ невозможно. Мнѣ же это во всѣхъ отношеніяхъ удобно; мои имѣнія въ Польшѣ, и управляетъ ими мой большой другъ, такъ что я могу столь же свободно располагать какъ временемъ своимъ, такъ и капиталомъ. Вы представить себѣ не можете, какъ я давно мечтаю о крупномъ дѣлѣ именно въ этой мѣстности, имѣя гуманную цѣль—дать вздохнуть хотя бы нѣсколькимъ сотнямъ бѣдняковъ, за невозможностью осчастливить всѣхъ,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

И поощренный доброю улыбкой, съ которою выслушивала г-жа Коржина его изліянія, онъ съ юношескимъ жаромъ и чистосердечіемъ распахнулъ передъ нею свою душу и рассказалъ про 'свое раннее дѣтство, проведенное съ отцомъ эмигрантомъ въ Америкѣ, про то, какъ послѣ смерти родителя, мать выписала его въ Италію, гдѣ она тогда постоянно жила, и какъ оттуда онъ попалъ въ Англію, гдѣ получилъ практическое образованіе, благодаря которому онъ можетъ теперь строить фабрики и заводы, изучивъ это дѣло не хуже любого техника.

— О! у меня такое множество плановъ и проектовъ, что я не-

премѣнно запугался бы въ нихъ, еслибъ судьба не столкнула меня съ вашимъ мужемъ. Выразить вамъ не могу, какъ я ему обязанъ. Онъ такъ ясно указалъ мнѣ путь, по которому я долженъ идти, чтобъ принести пользу моему несчастному отечеству,—проговорилъ онъ съ такимъ чувствомъ, что тронулъ бы сердце и менѣ чувствительной слушательницы, чѣмъ Марья Алексѣевна. Съ перваго взгляда произвелъ онъ на нее прелестное впечатлѣніе своей красотой и изящными манерами, а словами своими онъ ее окончательно очаровалъ. Не потому, чтобы слова эти были для нея новы, нѣтъ, гуманитарныя идеи были тогда въ модѣ, и разговоры о такихъ высреннихъ предметахъ, какъ высшее назначеніе человѣка, самоусовершенствованіе и любовь къ ближнимъ, можно было слышать во всякомъ порядочномъ домѣ, но, за рѣдкими исключеніями, идеями этими щеголяли, какъ дорогимъ и красивымъ нарядомъ, заказаннымъ у извѣстнаго портного для рѣдкихъ и торжественныхъ случаевъ, на тѣхъ же, кому приходило въ голову хотя бы скольконибудь примѣнять слова къ дѣлу, благоразумные люди смотрѣли, какъ на чудаковъ и вольнодумцевъ, достойныхъ если не презрѣнія, то по меньшей мѣрѣ сожалѣнія.

Графъ Ксаверій былъ тоже чудакъ, но юность и красота придавали ему столько обаятельности, что невозможно было имъ не заинтересоваться. Никогда еще не случалось Марьѣ Алексѣевнѣ встрѣчать такое олицетвореніе прямодушія и мечтательности въ одномъ и томъ же лицѣ; можно было безъ преувеличенія сказать, что въ немъ красота духовная такъ тѣсно слилась съ тѣлесною, что трудно было рѣшить, что именно всего больше очаровывало въ немъ: чистота ли его души, отражавшаяся во взглядѣ его красивыхъ глазъ, голосъ ли, проникавшій въ сердце, готовность ли всѣхъ любить и всѣмъ вѣрить, выражающаяся въ каждомъ его словѣ, или отпечатокъ чего-то неземнаго и таинственнаго, теплившагося въ глубинѣ его восторженнаго взгляда.

Если это правда, что душа человѣка имѣетъ свой обликъ, недосыгаемый для нашего зрѣнія, но составляющій особое отъ тѣла существо, то можно сказать про графа Ксаверія, что въ немъ это духовное существо такъ осязательно пробивалось наружу, что заставляло забывать о матеріальной его оболочкѣ.

Такой человѣкъ не могъ не вліять на толпу; ему нельзя было не вѣрить, онъ былъ изъ тѣхъ, за которыми идутъ безъ ропота и сожалѣнія на все, даже на смерть.

Судя по его словамъ, Леонтія Артемьевичъ тоже подпалъ подъ его обаяніе, и въ предпринимаемомъ вмѣстѣ съ нимъ дѣлѣ выказывалъ готовность заботиться не столько о матеріальной выгодѣ, сколько о пользѣ ближнихъ; онъ соглашался даже на такого рода непроизводительныя траты, какъ постройка школы и больницы для рабочихъ, не говоря ужъ о жилищахъ по планамъ, вывезеннымъ

юнымъ филантропомъ изъ Америки. Докторовъ и учителей графъ брался выписать сюда изъ Германіи, гдѣ зналъ людей, способныхъ сочувствовать его цѣли и помогать ему ее осуществить...

Но на кого онъ всего больше рассчитывалъ для этого дѣла, это на того человѣка, которому онъ самъ былъ обязанъ своимъ нравственнымъ возрожденіемъ, на нѣкоего Гринфельда.

— Еслибъ вы только знали, чѣмъ я былъ до встрѣчи съ нимъ! Всѣ мои помыслы были обращены исключительно только къ земнымъ утѣхамъ. Побужденія мои были низменны и грязны... О! я ему обязанъ больше, чѣмъ жизнью, я обязанъ ему тѣмъ, что обрѣлъ мою душу...

И вдругъ, порывистымъ движеніемъ, точно его что кольнуло, повернулся онъ къ балкону, порвалъ свою рѣчь на полусловѣ, и во взглядѣ его выразился такой восторгъ и изумленіе, точно передъ нимъ предстало видѣніе неестественной красоты.

Озадаченная Марья Алексѣевна оглянулась въ ту же сторону, и у растворенной двери въ садъ увидала свою старшую дочь.

Всегда хорошенькая и симпатичная, Маша была въ эту минуту особенно мила: въ ея прелестныхъ голубыхъ глазахъ сверкали слезы умиленія, между полуоткрытыми алыми губками блестѣли жемчужные зубы, пышная грудь, просвѣчивающая чрезъ кисейную шемизетку, высоко вздымалась отъ волненія, и вся ея граціозная фигура въ бѣломъ простенькомъ платьѣ, на фонѣ желтѣющей зелени, залитой багровымъ блескомъ заходящаго солнца, дышала такою чистотой, сосредоточеннымъ вниманіемъ и невинностью, что нельзя было не залюбоваться ею.

Съ какихъ поръ она стояла тутъ, не спуская восторженнаго взгляда съ незнакомца и слушая его пламенную рѣчь, на вопросъ этотъ она не сумѣла бы отвѣтить. Можетъ быть, всего только нѣсколько минутъ, но въ душѣ ея пробудилось столько разнообразныхъ чувствъ въ эти минуты, что ей казалось, что до сихъ поръ она не жила на свѣтѣ, и что жизнь открывается ей въ первый разъ.

Шла она сюда, не подозрѣвая того, что случится. Ей сказали, что мать ея съ гостемъ въ гостиной; она надѣялась пройти мимо растворенной двери незамѣченной, но голосъ незнакомца ей такъ понравился, а то, что онъ говорилъ, было такъ странно, что она не могла не остановиться.

Не могла она также, разъ увидавъ его лицо, оторвать отъ него глаза, и, безъ сомнѣнія, ея пристальный взглядъ заставилъ его къ ней обернуться.

Марья Алексѣевна, невольно улыбаясь смущенію дочери, послѣшила подовзвать ее и познакомить съ графомъ.

Впослѣдствіи, вспоминая эту сцену, г-жа Коржина сознавалась, что когда она увидѣла Машу съ графомъ другъ передъ другомъ (онъ послѣшно сорвался съ мѣста, чтобъ отвѣтить почтительнымъ

поклономъ на реверансъ дѣвушки), сердце ея сжалось тяжелымъ предчувствіемъ; внутренній голосъ шепнулъ ей, что встрѣча эта будетъ имѣть роковыя послѣдствія для нихъ обоихъ, и первымъ ея побужденіемъ было не давать имъ сближаться.

Тотчасъ же послала она за второй своей дочерью и за Катей; за обѣдомъ она посадила гостя между ними, а Машу возлѣ себя, и зорко слѣдила за тѣмъ, чтобъ разговоръ объ общихъ мѣстахъ не прекращался, и графъ, точно угадывая ея желаніе, обращался съ вопросами исключительно къ ней и къ своимъ сосѣдкамъ, на Машу же взглядывалъ только украдкой.

Но какъ краснорѣчивъ былъ этотъ взглядъ! Какъ будто не довѣряя первому впечатлѣнію, которое она на него произвела, онъ хотѣлъ его провѣрить, чтобъ убѣдиться, что и черезъ часъ и черезъ два будетъ находить ее такой же прелестною, какъ въ первую минуту.

Вечеръ провели въ большой залѣ за клавикордами и арфой. Гость оказался отличнымъ музыкантомъ и, ко всеобщему удовольствію, много пѣлъ и игралъ. Когда, увидавъ на этажеркѣ партитуру изъ Донъ-Жуана, Моцарта, онъ предложилъ барышнямъ спѣть изъ нея дуэтъ, Марья Алексѣевна вспомнила про Катю, которая пѣла несравненно лучше ея дочерей, но ея не было въ залѣ. Посланный за нею казачокъ вернулся съ докладомъ, что барышня Катерина Артемьевна ушли гулять, а графъ такъ умоляюще смотрѣлъ на Машу, что мать позволила ей попробовать спѣть этотъ дуэтъ. Попытка удалась какъ нельзя лучше. Марья Алексѣевна не узнавала голоса своей старшей дочери, столько въ немъ проявилось вдругъ силы и страсти. Да и Соня акомпанировала имъ какъ нельзя лучше.

Катя явилась только къ ужину, и на вопросъ, гдѣ она была, холодно отвѣчала, что занималась въ своей комнатѣ.

Съ графомъ она обошлась такъ сухо, что онъ совсѣмъ пересталъ къ ней обращаться.

Впрочемъ, онъ былъ слишкомъ занятъ Машей, чтобъ замѣчать кого бы то ни было другаго. Она точно околдовала его.

Это даже и люди замѣтили. Убирая на ночь волосы барынѣ, горничная Аннушка, съ фамильярностью старой и любимой слуги, позволила себѣ замѣтить, что барышня Марья Леонтьевна была сегодня необыкновенно красива. И платьице имъ къ личику пристало, и прическа удалась какъ нельзя лучше. Понятно, что гость всѣ глаза на нее проглядѣлъ.

— А ужъ и гость! И гдѣ только отыскалъ нашъ баринъ такого яснаго сокола! Всѣмъ-то Господь его наградилъ: и богатствомъ, и знатностью, и красотой, и умомъ; во всемъ нашей барышнѣ подѣ стать.

Барыня не поощряла ее на дальнѣйшую болтовню, но ей было пріятно слышать, что люди, въ простотѣ сердечной, ужъ соединя-

югъ въ мысляхъ своихъ ея старшую дочь съ графомъ Маржерецкимъ. Блестяще партіи трудно было бы себѣ представить для Маши, а какая мать не мечтаетъ о блестящей партіи для дочери?

Аннушка же между тѣмъ продолжала:

— Очинно, говорятъ, они съ нашимъ бариномъ сдружились. Лакей ихній сказывалъ: дома и кушать перестали у насъ готовить, кажинный день у барина Коржина его сіятельство изволили кушать. Богатый онъ, говорятъ, графъ-то! Лакей ихъ сказывалъ: деньгамъ, говоритъ, и счетъ потеряли. Маменька-то ихняя, слышь, полячна, и все округъ нея ксендзы да монахи; до сына ей и заботы нѣтъ, въ чужихъ людяхъ выросъ, на чужой сторонущѣ воспитывался, чужіе ему и богатство сохранили. Старая графиня для него хуже мачихи, даже на имѣніе его родовое посягала, да опека не дала сироту въ обиду. До государя дѣло доходило. Ну, и вышелъ приказъ, чтобъ отъ управленія старую графиню отстранить. И приказъ этотъ, Казимирка говоритъ: «вашъ баринъ намъ выхлопоталъ». Хвалятъ они нашего Леонтія Артемьевича, «очинно благородный и добрый господинъ, дай ему Богъ здоровья и во всѣхъ его дѣлахъ преуспѣянія».

Марья Алексѣевнѣ все стало ясно; она хорошо знала своего мужа съ этой стороны; на него это было похоже: заручиться благодарностью нужнаго человѣка, а потомъ ужъ извлекать изъ него пользу. Теперь этотъ юноша у него въ рукахъ, считаетъ его лучшимъ своимъ другомъ и ни передъ чѣмъ не остановится, чтобъ доказать ему свое довѣріе и признательность.

Понятны ей стали также и странности будущаго компаніона Леонтія Артемьевича; одинокое дѣтство среди чужихъ, холодность родной матери, дошедшей, вѣроятно, до ненависти съ тѣхъ поръ, какъ враждебные ей замыслы противъ него не увѣнчались успѣхомъ, благодаря вмѣшательству постороннихъ людей, да еще вдобавокъ русскихъ, т. е. враговъ ея отечества, и, наконецъ, самая необходимость прибѣгнуть къ этому вмѣшательству, все это не могло не повліять на нѣжную, впечатлительную душу молодого человѣка и не нарушить равновѣсія между его еще не сложившимся умомъ и изстрадавшимся сердцемъ.

Да, онъ очень интересенъ, и нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ произвелъ сильное впечатлѣніе на дѣвушку съ такимъ чувствительнымъ сердцемъ, какъ Маша. Бѣдная дѣвочка не въ силахъ была собой владѣть; милое ея личико отражало на себѣ, какъ въ зеркалѣ, всѣ чувства, волновавшія ея душу; оно дѣлалось печально, когда онъ задумывался, и оварялось блаженствомъ, когда онъ оживлялся.

А онъ?

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше терялась Марья Алексѣевна въ догадкахъ и сомнѣніяхъ. То ей казалось безразсуднымъ полагаться

на прочность чувствъ такого восторженнаго юноши, какимъ былъ ихъ гость, то видѣла она въ его благородной экзальтаціи залогъ всѣхъ добродѣтелей и постоянства.

Правда, что ни на Соню, ни на Катю онъ не смотрѣлъ такъ, какъ смотрѣлъ на Машу, но вѣдь надо и то взять въ соображеніе, что Соня еще ребенокъ, а въ Куклѣ, невзирая на ея красоту, нѣтъ ничего привлекательнаго. Всегда угрюмая и надменная, она обошлась съ графомъ такъ нелюбовно, что послѣ первыхъ же словъ онъ отказался отъ попытки съ нею ближе познакомиться. «Какая непріятная дѣвушка», думала Марья Алексѣевна, оставшись одна въ своей спальнѣ и мысленно продолжая перебирать въ умѣ событія минувшаго дня. Какъ она зла и завистлива! Ей достаточно было замѣтить вниманіе графа къ Машѣ и къ Сонѣ, чтобъ отнестись къ нему непріязненно. Кажется, ей показалось оскорбительнымъ, что письмо Леонтія Артемьевича адресовано мнѣ, а не ей, какъ владѣлицѣ Коржинской усадьбы. Всюду и передъ всѣми она желаетъ играть первую роль, не понимая, какъ это неприлично для такой молоденькой дѣвушки.

Но кто ужъ этого окончательно не понималъ, такъ это Демьяновна. Съ первой же минуты она возненавидѣла пріѣзжихъ за то, что они не оказываютъ должнаго вниманія ея барышнѣ, какъ первому лицу.

Бла Демьяновна всегда въ своей горенкѣ, но на этотъ разъ, взволнованная розсказнями о гостяхъ и опасеніемъ, что они уѣдутъ, не узнавши про ея барышню все, что, по ея мнѣнію, всему міру необходимо было знать, она пришла на этотъ разъ ужинать въ застольную, чтобъ послушать, о чемъ бесѣдуютъ люди съ камердинеромъ графа, и, въ случаѣ надобности, когда того потребуютъ интересы ея госпожи, вмѣшаться въ разговоръ.

Съ первыхъ же словъ Кавимира, ей пришлось убѣдиться, что ни онъ, ни его господинъ и не догадываются о томъ, что полновластной хозяйкой въ коржинской усадьбѣ не супруга Леонтія Артемьевича, а Катерина Артемьевна, та черноволосая миниатюрная дѣвушка, на которую, повидимому, гости и вниманія не обратили, если судить по восторженнымъ похваламъ, которыми льстивый полячишка осылалъ Марью Алексѣевну и ея дочерей, особенно старшую.

— А наша барышня какъ вамъ показалась?—спросила Демьяновна вызывающимъ тономъ, напирая на слово «наша».

— Про какую барышню изволитъ ласковая пани спрашивать?— въ недоумѣніи освѣдомился Кавимиръ.

«То-то, безмозглый полякъ», выругалась про себя Демьяновна, а вслухъ прибавила угрюмо, что одна здѣсь барышня хозяйка, Катерина Артемьевна, прочіе же всѣ у нея въ гостяхъ.

— Самъ Леонтія Артемьевичъ безъ ейнаго позволенія не имѣетъ

права остановиться даже на день въ домѣ или во флигеляхъ барской усадьбы въ Коржинѣ. Все здѣсь принадлежитъ нашей барышнѣ, кого хочеть держить, а кого нѣтъ—выгнать,—прибавила она, обводя торжествующимъ взглядомъ присутствующихъ.

Однако, противъ ея заявленія запротестовали, и нѣсколько голосовъ поднялось въ пользу Леонтія Артемьевича и его семьи.

— Земля-то все же наша,—замѣтилъ одинъ.

— И крестьяне тоже,—подхватилъ другой.

— А строиться вы можете только тамъ, гдѣ мы дозволимъ,—возвысила голосъ Демьяновна.—Вотъ также и съ домою, что покойный старый баринъ завѣщалъ Марьѣ Леонтьевнѣ, на самомъ-то дѣлѣ, если правильно разсудить, онъ скорѣе нашей барышнѣ принадлежитъ, чѣмъ вашей...

И подстрекаемая вниманіемъ, съ которымъ слушалъ ее гость, а еще болѣе досадой и смущеніемъ враговъ ея, людей Леонтія Артемьевича, изъ которыхъ большая часть были отданы въ приданое за барыней и стояли за своихъ господъ горой, она во всѣхъ подробностяхъ ознакомила Казимиру съ завѣщаніемъ покойнаго барина и съ имущественнымъ положеніемъ его любимицы.

— Выше всѣхъ онъ ее превознесъ, надо всѣми поставилъ, даромъ, что изъ всѣхъ дѣтей она самая меньшинькая. Жалѣлъ ее, сиротинушку, покойникъ, зналъ небось, что одна одинешенька останется горе мыкать на свѣтѣ, какъ его не будетъ,—причитывала съ наслажденіемъ, къ всеобщему неудовольствію, старуха.

Въ отвѣтъ ей Казимиръ разсказалъ исторію своего барина и про распри его съ матерью, при чемъ не забылъ расписать въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ добродѣтельный нравъ и прочія качества графа Ксаверія, а также и замѣчательное его богатство.

— А изъ себя каковъ, сами видите, такого жениха не то, что въ ойчизнѣ нашей, но и въ чужихъ краяхъ не сыскать,—прибавилъ онъ съ восторженнымъ умиленіемъ.

— Наша барышня тоже изъ невѣсть невѣста,—подхватила Демьяновна.—Красавица на диво, ума палата, а ужъ добра у нея всякаго столько припасено, что въ три вѣка и половины не прожить.

— Нашъ графъ по всѣмъ заграницамъ ѣздилъ и вездѣ учился, онъ не хуже самаго, что ни на есть ученаго, пана прелата, всѣмъ наукамъ обученъ.

— А наша барышня меньше чѣмъ въ годъ дочекъ Леонтія Артемьевича во всемъ перегнала,—подхватила Демьяновна.—И если захочеть, сама въ чужіе края поѣдетъ и мужа повезеть. Есть на что вояжировать, слава Богу!

— Нашъ графъ все о бѣдныхъ думаетъ,—вставилъ опять свое слово Казимиръ.—Въ тѣхъ вотчинахъ, что ему отъ покойнаго родителя достались, подати больше чѣмъ на половину сбавилъ...

— Дай срокъ,—перебила его Демьяновна,—наша барышня пока-

жетъ себя, какъ зачнетъ сама своими имѣніями распоряжаться! Вся въ покойнаго папеньку уродилась, такая же оборотливая да разумная...

Такимъ образомъ, они далеко за полночь хвастались другъ передъ другомъ достоинствами одинъ своего барина, другая своей барышни, и послѣдствіемъ этой бесѣды было то, что Демьяновна, раздѣвая свою пижаму на ночь, думала о томъ, что не будь графъ Ксаверій поганой поляческой вѣры, лучшаго жениха ей и не надо. Впрочемъ, чтобъ обладать такимъ сокровищемъ, какъ ея барышня, онъ, безъ сомнѣнія, не задумается и православіе принять.

— Ну, какъ тебѣ гость понравился?—спросила она, опускаясь на колѣни передъ госпожей, чтобъ ее разуть.

— Ничего. Голосъ у него пріятный и обработанный,—небрежно отвѣчала Катя.

— Я не про голосъ его у тебя спрашиваю, а вообще. Умень очень, говорятъ.

— Ума его я не знаю, со мной онъ не разговаривалъ, а что говорилъ съ другими, я не слушала.

— Вѣстимое дѣло, зачѣмъ тебѣ въ чужіе разговоры ввязываться. Да неужто жъ онъ такъ таки совсѣмъ тобой и не занимался?

— Не занимался,—подтвердила дѣвушка.

И помолчавъ немного, съ загадочною усмѣшкой, прибавила:—По всему видно, онъ въ Машу влюбился, и она тоже въ него.

— Ахъ, онъ дуракъ эдакій!—вскричала старуха и хотѣла еще что-то прибавить, но, замѣтивъ недовольное лицо барышни, смолкла.

Катя, повидимому, вовсе не интересовалась молодымъ красавцемъ, нарушившимъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ монотонность ихъ деревенской жизни. Ей даже, какъ будто, непріятны были разговоры о немъ. Можетъ быть, ей было досадно, что, не будучи въ силахъ сбросить съ себя, даже на минуту, обаяніе, произведенное на него Машей, онъ не обратилъ на нее никакого вниманія? А, можетъ быть, ее мучила ревность?

Какъ бы то ни было, но никогда еще владѣтельница и полновластная хозяйка Коржинской усадьбы не чувствовала себя такою одинокою и лишней въ окружающей ее, тѣсно сплоченной, семьѣ какъ въ зтотъ день и въ послѣдующіе.

Прошла недѣля.

Графъ какъ будто забылъ о причинѣ, заставившей его пріѣхать въ Коржино, и, вмѣсто того, чтобъ развѣзжать съ управителемъ по окрестностямъ, чтобъ найти подходящее мѣсто для постройки завода, онъ цѣлые дни проводилъ въ обществѣ Маши съ Соней, а вечера занимался съ ними музыкой.

Марья Алексѣевна положительно не знала, что дѣлать. Мѣшать усиливающемуся съ каждымъ днемъ сближенію старшей дочери съ

графомъ она не рѣшалась, поощрять же это сближеніе ей казалось неприличнымъ и опаснымъ. Ну, что если графъ, поигравъ въ любовь съ Машей, уѣдетъ, не сдѣлавъ ей предложенія? При этой мысли ей дѣлалось такъ досадно на себя и такъ жаль бѣдную дѣвочку, что она давала себѣ слово непремѣнно и во что бы то ни стало положить этому конецъ, хотя бы для этого нужно было открыть глаза дочери на то, чего она въ невинности своей души, безъ сомнѣнія, и не подозреваетъ.

Промучившись всю ночь, она только къ утру засыпала, а на другой день, при видѣ дочери и графа, чувствовала себя безсильною выполнить принятое ночью рѣшеніе; у нея не хватало духу нарушить ихъ счастье, и она начинала увѣрять себя, что не имѣетъ на это права, что надо подождать пріѣзда мужа, и, какъ онъ велитъ, такъ она и поступитъ.

Въ душевномъ своемъ смятеніи, поглощенная исключительно романомъ, завязывающимся между ея дочерью и интереснымъ юношей, Марья Алексѣевна совершенно забывала о существованіи Кати и не замѣчала, какъ странно держитъ она себя въ домѣ съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ гоститъ графъ. А между тѣмъ, переѣмна эта всѣмъ бросалась въ глаза. Барышни Катерины Артемьевны и не слышать было теперь. Являвшимся къ ней за приказаніями людямъ она объявляла, чтобъ обращались со всѣмъ, что нужно по хозяйству и въ домѣ, къ сестрицѣ и, отстранившись окончательно отъ общей жизни въ домѣ, все время проводила въ одиночествѣ либо у себя въ комнатѣ, либо въ отдаленныхъ уголкахъ стараго сада.

Иногда, мимо того дерева, у подножія котораго она сидѣла съ книгой въ рукахъ въ глубокомъ раздумьи, устремивъ взглядъ въ пространство, проходила влюбленная парочка, и она видѣла, съ какою нѣжностью смотрѣлъ графъ на свою спутницу, и какъ Маша, краснѣя и улыбаясь блаженною улыбкой, опускала глаза подъ этимъ взглядомъ. Не могла она также не замѣчать трепетнаго волненія съ которымъ весь домъ ждалъ развязки затѣявшагося сватовства, и ее невольно тянуло принять участіе въ происходившемъ на ея глазахъ событіи, хотѣлось радоваться, бояться или печалиться вмѣстѣ со всѣми. Еслибъ не опасеніе быть оттолкнутой, она давно проявила бы это желаніе, но всѣ сторонились отъ нея теперь нуще прежняго, и чувство обиды и злобы не переставало расти въ ея сердцѣ. Всѣмъ она желала зла, и ей порой казалось, что еслибъ только отъ нея зависѣло, она, не задумываясь, всѣхъ бы сдѣлала несчастными.

И вотъ, въ одинъ прекрасный день, послѣ обѣда, въ то время какъ Марья Алексѣевна бесѣдовала съ гостемъ, а Маша увела сестру въ садъ, Катя послѣдовала за ними, и, незамѣтно прокравшись къ аллеѣ, по которой сестры прохаживались обнявшись, она стала прислушиваться къ ихъ разговору.

— Ты его любишь, сестрица,—увѣряла Соня.

— Не знаю... никогда еще не чувствовала я того, что чувствую теперь,—говорила задыхающимся отъ волненія шепотомъ Маша.— Мнѣ и плакать хочется и смѣяться... Неужели это любовь, Соня?

— Любовь! любовь!—подхватила сестра.

— Но догадывается ли онъ, какъ онъ вдругъ сталъ мнѣ милъ и дорогъ?

— Разумѣется, догадывается! Это изъ cadaго его взгляда видно.

— Мнѣ и самой кажется, что я ему нравлюсь... Но что изъ этого выйдетъ? Боже мой, что выйдетъ?

— Онъ будетъ твоимъ мужемъ.

— А если нѣтъ? Если папенька не захочетъ... если онъ самъ... Мало ли что можетъ случиться! Мнѣ страшно, Соня, я ужъ жить не могу безъ него, а онъ вздумалъ уѣзжать завтра на хуторъ.

— Но ему давно вѣдь надо было туда ѣхать.

— Почему же онъ до сихъ поръ откладывалъ? Нѣтъ, Соня, ужъ онъ не тотъ, что былъ прежде, не тотъ...

Голосъ ея порвался въ рыданіяхъ, и она кинулась въ объятія сестры, которая стала утѣшать ее нѣжными словами и поцѣлуями, увѣряя, что она напрасно сомнѣвается въ графѣ, что онъ ее любить и ни за что никому не уступитъ ее, что онъ сумѣетъ упротить ихъ отца, и все кончится, какъ нельзя лучше.

— Завтра все узнаю, онъ просилъ меня выйти пораньше въ садъ,—проговорила сквозь слезы Маша.

— Вотъ видишь! онъ тебя любитъ и завтра, навѣрно, тебѣ это скажетъ,—вскричала Соня.

— Ахъ, Соня, я и сама стараюсь себя увѣрить въ этомъ, но мнѣ такъ страшно... мнѣ все кажется...

— Тсс!—испуганнымъ шепотомъ прервала ее Соня, указывая на дерево, изъ-за котораго смотрѣла на нихъ Катя.

Маша поблѣднѣла, и недоговоренное слово замерло на ея губахъ, а Катя успѣшила удалиться.

— Не даромъ она подкралась, — съ негодованіемъ процѣдила сквозь зубы Соня, — ей хочется знать, о чемъ мы говоримъ.

— Неужели она насъ подслушала?—съ ужасомъ спросила Маша.

Катя очень торопилась оставить ихъ вдвоемъ, однако эти восклицанія достигли до ея ушей и заставили ее вспыхнуть отъ обиды.

«Какъ онѣ меня ненавидятъ! — глотая подступившія къ глазамъ слезы, думала она. — И какъ онѣ счастливы, что могутъ вмѣстѣ плакать!»

Ей не къ кому прижаться въ минуту скорби, и не съ кѣмъ подѣлиться ни радостью, ни печалью; она всегда, всю свою жизнь была одна, даже и тогда, когда ея старикъ отецъ былъ живъ. Онъ обожалъ ее и баловалъ, но могло ли быть что нибудь общее между старымъ хищнымъ коршуномъ и едва вылупившимся изъ скорлупы

пы птенчикомъ, даже и въ такомъ случаѣ, когда птенецъ этотъ одной съ нимъ породы и унаслѣдовалъ отъ него строптивость нрава и своеволие? Откровенничать съ отцомъ, раскрывать ему свою еще дѣтскую душу Катѣ и въ голову не приходило.

Точно такъ же, какъ и съ Демьяновной. Привязанность старой няни ей часто бывала въ тягость, и она безъ сожалѣнія обошлась бы безъ ея совѣтовъ и заботъ. Да и что такое она для нея? преданная собака, злая, ревнивая и готовая каждого растерзать изъ-за нея,—вотъ и все.

Атмосфера ли невинной любви двухъ юныхъ существъ, которою она дышала всю эту недѣлю, присутствіе ли въ домѣ молодого красавца пробудило въ ея сердцѣ нѣжныя чувства и смутное желаніе любить и быть любимой, такъ или иначе, но давно ужъ не казалось Катѣ такъ тяжело ея одиночество, какъ въ этотъ день, и она шла къ своимъ подругамъ съ дружескимъ сочувствіемъ и съ желаніемъ принять участіе въ ихъ бесѣдѣ, — и что же встрѣтила она? Отъ нея отвернулись съ боязнью и недоувѣріемъ. Ее считаютъ способною только на зло.

— Всѣ меня ненавидятъ, и всѣмъ я только въ тягость!—вскричала она, добѣжавъ до грота, покрытаго дерномъ, падая въ изнеможеніи на траву и обливаясь жгучими, горькими слезами.

За что она такъ несчастна и одинока? Почему у нея нѣтъ матери, сестеръ и братьевъ, которые заботились бы о ней не по обязанности только, а изъ сердечной потребности, которые повѣрили бы ей свои тайны и съ участіемъ выслушивали бы ея признанія? Почему?

И какъ бы въ отвѣтъ на ея ропотъ противъ судьбы, предъ нею предсталъ образъ Леонтія Артемьевича. Да, братецъ (какъ она его называла въ глаза и за глаза) оказывалъ ей вниманіе, ласку и даже нѣчто болѣе, но у него семья, которая всегда ему будетъ дороже, чѣмъ она...

Къ тому же, она его боится и не довѣряетъ ему.

Онъ обладаетъ даромъ ее очаровывать, и въ его присутствіи она себѣ не принадлежитъ, но когда его нѣтъ, она не находитъ утѣшенія въ воспоминаніи о немъ, хуже того, ей какъ будто стыдно вспоминать его слова и ласки, точно она не имѣетъ на нихъ права, а между тѣмъ вѣдь она ему не чужая, онъ ей братъ...

Братъ!

Но почему же онъ никогда не обращается съ нею, какъ съ сестрой? Почему все важное произошло между ними съ глазу на глазъ, безъ свидѣтелей? И почему наединѣ съ нею онъ совсѣмъ другой, чѣмъ при всѣхъ?

Отвѣта на эти вопросы не находилось, но за то передъ нею воскресъ тотъ весенній день, когда онъ въ первый разъ ее замѣтилъ, и сердце ея сладко забилося при этомъ воспоминаніи.

До этого дня она, какъ будто, для него не существовала; взглядъ его скользилъ по ней, не останавливаясь, но тутъ онъ вдругъ почему-то замѣтилъ наконецъ, какъ она выросла, развилась и похорошѣла, и это открытіе такъ его поразило, что онъ не могъ скрыть своего изумленія и восторга. Она прочла это во взглядѣ, который онъ не въ силахъ былъ оторвать отъ нея, въ улыбкѣ и въ порывистомъ движеніи, которымъ онъ прикоснулся губами къ ея пылающей щекѣ.

А послѣднее ихъ столкновение въ кабинетѣ?

Какъ онъ былъ блѣденъ и взволнованъ. Какъ горѣли его глаза, и какъ крѣпко сжалъ онъ ее въ своихъ объятіяхъ! Длилось это одно мгновеніе, онъ очень скоро овладѣлъ собой, но ей никогда не забыть этого мгновенія. Между ними произошло что-то важное. Что именно — она не знаетъ, но чувствуетъ всѣмъ своимъ существомъ, что какая-то неувимая и необъяснимая связь возникла между имъ и ею, какая-то тайна, въ которую она ни за что въ мірѣ никого не посвятитъ.

И сознаніе это, приводя ее въ неописанное смятеніе, наполняло ея душу восторгомъ и страхомъ, точно она дошла до запертой двери въ таинственный храмъ, гдѣ ее ждетъ то, чего даже и представить себѣ нельзя — неописуемое блаженство и вмѣстѣ съ тѣмъ и ужасъ.

Въ Корзинѣ ея душевное смятеніе мало-по-малу успокоилось; старыя впечатлѣнія вытѣснили новыя и, бродя по знакомымъ съ дѣтства дорожкамъ парка и по комнатамъ дома, гдѣ все еще дышало недавнимъ прошлымъ, Катя отходила сердцемъ все дальше и дальше отъ Леонтія Артемьевича, вспоминая о немъ только, какъ объ опекунѣ, отъ котораго она будетъ зависѣть еще цѣлыхъ пять лѣтъ, если до тѣхъ поръ не найдется для нея жениха. Ей даже случилось задумываться объ этомъ женихѣ и въ мечтахъ своихъ вызывать въ своемъ воображеніи его образъ.

Въ Петербургѣ братья Маши и Сони приводили иногда съ собой товарищей; будетъ ли тотъ, которому она отдастъ свое сердце, похожъ на одного изъ этихъ жизнерадостныхъ и наивныхъ краснощечихъ корнетовъ въ блестящихъ гвардейскихъ мундирахъ?

Но не успѣвало это предположеніе возникнуть въ ея умѣ, какъ она съ досадой отгоняла его отъ себя прочь, такъ невозможно оно ей казалось.

Почему?

И на этотъ вопросъ отвѣта не находилось, но когда пріѣхалъ графъ, и когда Демьяновна, настаивая на томъ, чтобъ она въ честь пріѣзжаго нарядилась въ свѣжее бѣлое платье съ розовымъ поясомъ, и, расчесывая ей кудри тщательнѣе обыкновеннаго, заговорила о томъ, что гость молодецъ, красивъ, богатъ, и кто знаетъ, можетъ быть, ея барышнѣ суждено сдѣлаться графиней, Катя, не видя еще графа,

почувствовала къ нему отвращеніе, но потомъ, когда она замѣтила, какими влюбленными глазами онъ смотритъ на Машу, и какъ эта послѣдняя краснѣетъ и радостно смущается подъ этимъ взглядомъ, ей стало завидно и грустно.

Съ тѣхъ поръ какъ она въ Коржинѣ, вотъ скоро четыре мѣсяца, она совсѣмъ одна съ своими воспоминаніями о покойномъ отцѣ и о жизни при немъ. Глухая и грубая была эта жизнь, и она сознавала это какъ нельзя лучше, но вмѣстѣ съ тѣмъ сознавала также и то, что въ новой средѣ, въ которую ее забросила судьба, все ей враждебно и чуждо, никто не понимаетъ ни мыслей, ни чувствъ, которыми она жила до сихъ поръ, некому помочь ей распутаться въ хаосѣ новыхъ впечатлѣній, осаждающихъ ее со всѣхъ сторонъ, и ей приходится одной, безъ дружбы и участія, перерабатывать себя на новый ладъ; при ея умѣ и замѣчательно сильной волѣ, ей это удалось отчасти, но только съ внѣшней стороны; она выучилась сдерживать порывы гнѣва и подъ личиной холодной нечувствительности скрывать мысли и чувства. Любить ее было трудно, но отказывать ей въ уваженіи было невозможно. Она казалась замѣчательно благоразумной для своихъ лѣтъ, но всѣхъ отталкивала отъ себя ужъ однимъ тѣмъ, что слишкомъ сознательно относилась она къ своему превосходству, не только къ равнымъ ей по лѣтамъ, но и къ старшимъ. Проявляла она теперь это сознаніе не глупымъ чванствомъ и пошлымъ хвастовствомъ, какъ бывало прежде, а неуловимыми отгѣнками въ манерѣ себя держать и въ саркастической усмѣшкѣ, унаслѣдованной, увѣ, отъ отца, и ужъ по одному этому ненавистной всѣмъ, кто имѣлъ несчастье имѣть столкновеніе съ покойнымъ старымъ коршуномъ. А кто же изъ его многочисленной семьи могъ избѣгнуть этихъ столкновеній?

Въ саду становилось все тише и тише. Маша съ Соней вернулись въ домъ; черезъ растворенную дверь на террасу долетали звуки музыки.

Прислушиваясь къ прелюдіи, исполненной на клавикордахъ Соней, а затѣмъ къ пѣнію Маши, Катя перестала плакать, но поднявшаяся въ ея душѣ буря не унималась, и, когда она представляла себѣ то, что происходитъ теперь въ гостиной, сердце ея заливалось безсильнымъ, желчнымъ гнѣвомъ.

Вотъ ужъ недѣля, какъ никто въ домѣ про нее не вспоминаетъ.

Графъ до сихъ поръ даже и не знаетъ, что она играетъ на арфѣ и поетъ несравненно лучше своихъ подругъ. Еслибъ онъ ее послушалъ, кто знаетъ, не пересталъ ли бы онъ обращать вниманіе на Машу и не влюбился ли бы онъ въ нее?

Но хвастаться ея красотой и талантами некому, а сама она слишкомъ горда, чтобъ выставляться передъ женихами.

Не пойдетъ она въ домъ. Бóльшаго униженія, какъ войти въ комнату, гдѣ ее не ждутъ, и гдѣ присутствіе ея никому не нужно,

она не знаетъ, а потому она останется въ саду до тѣхъ поръ, пока ее не позовутъ, хотя бы это случилось только ночью, думала она, лежа на травѣ, блуждая разсѣяннѣмъ взоромъ по синему, безоблачному небу, разстилавшемуся надъ ея головой, и припоминая все тяжелое, пережитое ею за этотъ годъ.

Сколько разъ повторялись сцены, подобныя той, что сейчасъ такъ больно уязвила ее! Сколько разъ съ недоувѣрjemъ отталкивали руку, которую она готовилась съ участjemъ протянуть!

Здѣсь еще лучше; здѣсь хоть люди помнятъ, чѣмъ она была при отцѣ, и, зная его завѣщаніе, чувствуютъ къ ней страхъ, но тамъ, въ Петербургѣ, сколько униженій приходилось ей переносить! Дня не проходило, чтобъ такъ или иначе не дали ей почувствовать, что никто отъ нея не зависитъ и не нуждается въ ней.

Даже къ успѣхамъ ея въ наукахъ и искусствахъ всѣ относились съ обиднымъ равнодушіемъ, никто не изумлялся имъ, не хвалилъ ее, не ставилъ ее въ примѣръ другимъ, какъ она считала себя въ правѣ ожидать при томъ стараніи, съ которымъ она напрягала всѣ свои силы, чтобъ отличиться и доказать, что она всѣхъ умнѣе и талантливѣе. Въ занятіяхъ только она и находила утѣшеніе; онѣ заставляли ее забывать жизненныя дразги, и особенно тяжело ей бывало по праздникамъ, когда учителя не приходили, а домой являлись молодые Коржины, и домъ оживлялся ихъ смѣхомъ и веселой болтовней съ сестрами. Въ болтовнѣ этой она уже потому не могла принимать участія, что шутки и намеки, заставлявшіе ихъ хотать до упаду, ни съ какого конца не подходили къ строю ея мыслей и впечатлѣній.

Да ей и не нужно было того, что радовало и занимало окружающую ее молодежь; ей хотѣлось, чтобъ всѣ занимались исключительно ею, угадывали бы ея желанія, ждали бы ея улыбки, чтобъ разсмѣяться, и ея словъ, чтобъ заговорить о томъ или о другомъ; ей хотѣлось быть и въ домѣ своего опекуна первой, какъ она была въ домѣ отца, — вотъ чего ей хотѣлось! Но, увы, это было также невозможно, какъ достать серебристый серпъ луны, вырѣзывающійся надъ ея головой, на прозрачной лазури.

Горѣвшій яркимъ пурпуромъ, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, западъ блѣднѣлъ, и солнце перестало золотить верхушки деревьевъ; сейчасъ наступить ночь. Звуки неслись изъ дома все звонче и явственнѣе. Вотъ мужской голосъ слился съ тонкими, робкими голосами сестеръ. Какъ выигрываетъ знакомый дуэтъ отъ этого голоса!

Катя пѣла его съ учителемъ, шестидесятилѣтнимъ старикомъ, у котораго, кромѣ методы и манеры, ничего не осталось. Это все равно, какъ еслибъ одной только мимикой пытаться декламировать стихи.

Еслибъ Леонтій Артемьевичъ былъ здѣсь, онъ не далъ бы Машѣ пѣть этотъ дуэтъ, а поставилъ бы Катю у клавикордъ рядомъ съ

графомъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ замѣтилъ, какъ она поетъ и играетъ, онъ только одну ее и слушаетъ, а дочери не смѣютъ при немъ подходить къ клавикурамъ и къ арфѣ.

Еслибъ онъ былъ здѣсь, ей нельзя было бы бродить по цѣлымъ вечерамъ внѣ дома и одной; не видя ее со всѣми, онъ бы спросилъ: «гдѣ Катя?» и самъ пошелъ бы ее отыскивать.

Случалось иногда, что онъ по цѣлымъ днямъ не говорилъ съ нею ни слова, но онъ всегда помнилъ о ней и всегда ее первую отыскивалъ взглядомъ, какъ бы много ни было людей въ комнатѣ, въ которую онъ входилъ. И какъ ни мимолетенъ былъ его взглядъ, она въ немъ читала и ласку, и напоминаніе....

Напоминаніе чего?

Словами этого не объяснишь даже самой себѣ. Но у сердца свой языкъ, не нуждающійся въ объясненіяхъ, чтобъ наполнить душу блаженствомъ или отчаяніемъ.

Увы! никто не вспомнилъ въ этотъ вечеръ про Катю, кромѣ Демьяновны, которая, когда совсѣмъ стемнѣло, пришла уговаривать свою питомицу вернуться домой. По своему обыкновенію, она сдѣлала это брюзжа и съ сердитымъ лицомъ.

— Кому ты это хочешь на зло дѣлать, нагуливая себѣ лихо-радку?—спросила она, грубо дергая ее за руку, чтобъ заставить под-няться съ мѣста. — Въ такую сырость и темень одна одинешенька на травѣ валяешься, какъ бродяга бездомная... Стыдись, сударыня, сама себя въ грязь втоптываешь, никого ты этимъ не испугаешь и не огорчишь. Имъ тамъ,—указала она костлявой рукой на освѣ-щенныя окна дома, изъ которыхъ неслись звуки свѣжихъ, моло-дыхъ голосовъ,—имъ тамъ только того и нужно, чтобъ ты сама отъ своего счастья отступилась и имъ бы его предоставила. Какъ хозяйева добромъ твоимъ распоряжаются и горюшки имъ мало, что настоящая госпожа на сырой землѣ въ темнотѣ валяется. А ты встань-ка лучше да встряхнись хорошенько! блажь-то съ себя сбрось, да и покажи имъ, чего ты стоишь. Вотъ какъ умныя боя-рышни поступаютъ, чтобъ счастливыми быть. А еще покойный па-пенька тебя къ покойницѣ маменькѣ приравнивалъ! Ну, нѣтъ, да-леко тебѣ до нея! Завсегда королевой она себя считала и никого къ себѣ въ пару не подпускала; вездѣ, бывало, сама станеть впе-реди всѣхъ, да и командуетъ, ну, всѣ и уважали ее и боялись. А ужъ кавалеры! Какъ мухи къ меду льнули! Чтобъ она дозволила, вотъ какъ ты таперича, другимъ барышнямъ себя передъ женихами затирать, да ни въ жисть! Ну, что ты тутъ киснешь, красоту свою скукой да слезами изводишь? Вѣдь ужъ не маленькая, слава Богу, въ твой-то лѣта маменька твоя покойница не такого воробушка, какъ этотъ графчикъ, а умнаго стараго коршуна сумѣла плѣнить, да еще какъ!

— Ну, перестань,—перервала ее Катя съ досадой.

Чтобъ не слышать воркотни няньки, она такъ скоро шла по дорожкамъ сада, что старуха съ трудомъ плелась за нею. Однако, она нагнала таки ея въ сѣняхъ, чтобъ посовѣтовать ей умыть личико холодною водою прежде, чѣмъ войти въ залу.

— Да съ чего ты взяла, что я туда пойду, очень мнѣ нужно! Машинаго пѣнія я, что ли, не слыхала?—возразила Катя съ злымъ смѣхомъ.—Да у меня голосъ и сильнѣе и лучше, чѣмъ у нея.

— Что же ты съ нимъ, съ голосомъ-то своимъ, по угламъ сидишь? Вышла бы, да и спѣла бы чтонибудь.

— Когда захочу, тогда и спою, а теперь не хочу, отстань,—объявила дѣвушка такъ рѣзко, что Демьяновнѣ ничего больше не оставалось, какъ смолкнуть.

Торопливо раздѣлась Катя, чтобъ скорѣе лечь въ постель и остаться одной, но долго не могла заснуть.

Наставленія Демьяновны упали на плодотворную почву; они дали развиваться сѣмени тщеславія, таившемуся съ рожденія въ дуплѣ ея питомицы и проявлявшемуся до сихъ поръ пассивно. Теперь ей вдругъ страстно захотѣлось испробовать могущество своей красоты, ума и таланта надъ возлюбленнымъ Маши. Онъ ей не былъ нуженъ, этотъ графчикъ, ей нужно было только убѣдиться, насколько она обаятельнѣе своихъ подругъ. Какъ приняться за это дѣло, она не знала; уловкамъ кокетства ей еще негдѣ было научиться, но она рѣшила попробовать. Должно быть, весело будетъ доказать себѣ и другимъ, что ей стоитъ только захотѣть, и этотъ воробушекъ, какъ прозвала его Демьяновна, какъ подстрѣленный, очутится у ея ногъ.

Съ этою мыслью, заставившей ее смѣяться тихимъ радостнымъ смѣхомъ въ одиночествѣ ночной тишины, она заснула, и съ нею проснулась.

Спала она недолго: солнце еще не выплывало изъ-за деревьевъ, когда она распахнула окно и выглянула изъ него въ садъ.

Люди въ домѣ и въ службахъ еще спали, но птички давно ужъ проснулись и весело щебетали, а цвѣты, влажные отъ росы, наполнили воздухъ ароматомъ.

Катя отыскала глазами старую, развѣсистую липу со скамейкой и рѣшила, что именно тутъ и произойдетъ у нея первая встрѣча съ графомъ. Онъ выйдетъ въ садъ изъ столовой, увидитъ бѣлое платье промежъ зелени, подумаетъ, что это Маша, и подойдетъ къ ней...

Что будетъ дальше, съ чего именно начнется между ними разговоръ, она не могла себѣ и представить, но была убѣждена, что ей удастся съ первыхъ же словъ такъ заинтересовать его, что онъ захочетъ продолжать разговоръ, а это главное.

Но сначала надо умыться и одѣться.

То и другое сдѣлала она такъ тихо и осторожно, что даже Демьяновна не проснулась, а ужъ на что старуха спала всегда чутко, однимъ глазомъ, можно сказать.

Легко перепрыгивая маленькими стройными ножками въ открытыя сафьяновыя башмачка, спустилась она неслышно по лѣстницѣ съ скрипучими ступенями, но, пробѣгая черезъ столовую, не могла удержаться, чтобъ не остановиться передъ большимъ зеркаломъ въ простѣнкѣ между окнами, и отразившаяся въ немъ миниатюрная фигурка показалась ей такой граціозной и прелестной, что она залюбовалась собой. Волненіе румянило ея всегда блѣдное личико и зажигало лукавыя искорки въ ея продолговатыхъ черныхъ, бархатныхъ глазахъ, лукавая усмѣшка приподнимала пурпуровыя губки, а во взглядѣ было что-то загадочное и манящее.

О, какъ права была няня, говоря, что Машѣ съ Соней невозможно съ нею равняться! Онѣ только хорошенькія и свѣженькія дѣвушки, и такихъ, какъ онѣ, множество, а она....

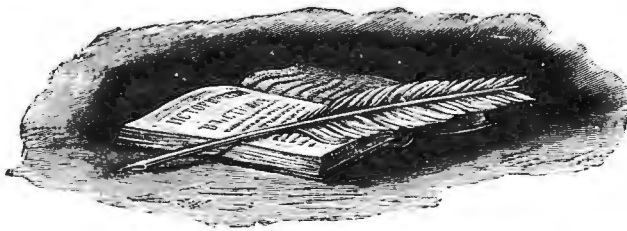
Должно быть, и въ самомъ дѣлѣ въ ней есть что-то такое, чего въ другихъ нѣтъ, если ужъ даже братецъ обратилъ на нее вниманіе...

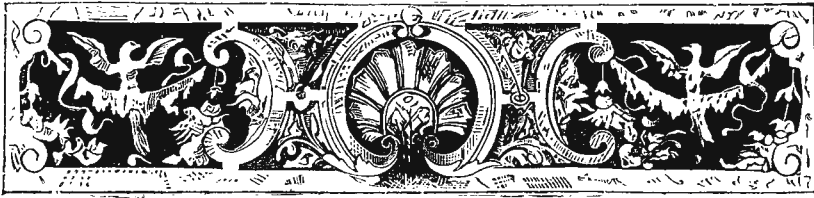
При этомъ воспоминаніи сердце ея сладко забилося, грудь заволновалась, глаза подернулись влагою и по тѣлу разлилась какая-то странная истома.

Что это съ нею такое? Никогда еще она не ощущала ничего подобнаго. Надо было сдѣлать надъ собой усиліе, чтобъ стряхнуть сладостное оцѣпенѣніе, овладѣвшее всѣмъ ея существомъ, надо было вспомнить, что Маша можетъ опередить ее на свиданіи съ графомъ, чтобъ заставить ее оторваться отъ зеркала и побѣжать въ садъ.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СЕМЬ АРЕСТОВЪ.

(Изъ воспоминаній)¹⁾

VII.

АЗСКАЗЫВАЯ о новомъ седьмомъ покушеніи на мою личность предержавшихъ властей, я возвращусь за десять лѣтъ назадъ. Нелѣпый случай въ вагонѣ я нарочно предпослалъ длинному и подробному описанію... только не самаго седьмаго ареста, а всему, что съ нимъ соприкасалось. Слѣдовательно мнѣ поневолѣ придется разсказать и то стеченіе обстоятельствъ, которое послужило мотивомъ къ этому — опять таки избѣгнутому — аресту. А это стеченіе обстоятельствъ есть маленькій личный «романъ», далеко не интересный, какіе почти у всякаго молодого человѣка въ жизни бывають.

Это было въ 1865 году. Я жилъ уже третій годъ въ Парижѣ, изрѣдка отсутствуя, но не возвращаясь въ Россію, — и къ немалому, можетъ быть, удивленію всякаго, прибавлю, — ужасно скучалъ. Жилъ я, однако, не въ самомъ городѣ, а въ предмѣстьѣ Нёльи, вдобавокъ у себя, такъ какъ у отца моего была небольшая вилла съ прелестнымъ садомъ, переполненнымъ цвѣтами. Лѣтомъ это бывало жилище идеальное, просторное, съ чистымъ воздухомъ и съ отсутствіемъ какого либо шума. Тогдашнее Нёльи было не то, что те-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXI, стр. 485.

перешнее; въ нашей улицѣ «Перронэ» не было тогда ни одной лавки, теперъ же тутъ и мясники, и булочники, и всякіе базары.

Я старался какъ можно рѣже бывать въ Парижѣ и отправлялся только тогда, когда моя мать давала мнѣ порученіе по дѣлу, которое не могла исполнить сама. Но тоска меня брала страшная. Самый Парижъ сталъ ненавистенъ, Франція вообще тоже надоѣла, хотѣлось вернуться въ Россію и тянуло въ Москву донельзя, до болѣзненнаго настроенія. Это была тоска двойная: и тоска отъ бездѣлья, и тоска по родинѣ.

Въ это время я былъ уже писателемъ, уже написалъ и напечаталъ три повѣсти, изъ коихъ только одна маленькая, помѣщенная въ «Современникѣ», — «Тьма», имѣла успѣхъ. Первая и третья «Искра Божья» и «Манжажа», могу сказать, хотя и попали въ печать, но «канули» въ вѣчность. Обнадежить меня, придать бодрости, убѣдить продолжать писать было некому. Увѣренія моей матери, что я могу писать, на меня не дѣйствовали, я считалъ это мнѣніе пристрастнымъ. Я все боялся пословицы: «Хороша наша Аннушка. — Кто хвалить? — Матушка».

Наконецъ, однажды моя мать получила неожиданно письмо, которое доставило ей большую радость, а на меня такъ подѣйствовало, что имѣло почти рѣшающее вліяніе на мою судьбу и писательскую карьеру. Письмо это отъ двухъ лицъ, друзей между собой, явилось не изъ Россіи, а изъ Швейцаріи. Одинъ изъ писавшихъ былъ другомъ моей матери съ юности, другой хорошимъ знакомымъ... Авторитетъ ихъ былъ внѣ сомнѣнія. Это были — Герценъ и Огаревъ.

Привожу это письмо, которое сохранилъ — цѣликомъ. Зачѣмъ прилагать къ нему свою цензуру? Теперъ? Черезъ тридцать лѣтъ!

Огаревъ писалъ:

«Добрый мой старый другъ, такъ давно вамъ не отвѣчаю, что даже самому стыдно. Простите мнѣ этотъ грѣхъ. Прежде всего хочу васъ спросить объ одномъ: «Тьма», повѣсть въ «Современникѣ». — Женни? Мнѣ чудится, что вы мнѣ писали, что онъ подписывается «Вадимъ», а Герценъ мнѣ сказалъ, что онъ видѣлъ эту рукопись у Женни на столѣ. Искалъ я въ вашихъ письмахъ и не нашелъ, но, несмотря на то, увѣренъ, что эта повѣсть его. Читалъ я ее вечеромъ внизу, прочелъ, пошелъ къ себѣ на верхъ, раскрылъ мой альбомъ съ фотографіями и поцѣловалъ его портретъ. Больше въ похвалу ему ничего сказать не могу. Несмотря на нѣкоторые промахи, о которыхъ я ему напишу, если онъ хочетъ, тутъ чрезвычайно симпатичный талантъ, и я съ глубокой радостью даю ему мое благословеніе.

«Вашу статью мы ворочали во всѣ стороны и рѣшили не печатать. Вы сердитесь (т. е. не за это, а на положеніе дѣлъ) и потому впадаете въ бранчивый тонъ, который въ русской прессѣ дозволенъ цензурой, а въ европейской можетъ даже навлечь процессъ.

У Герцена встрѣчаются вещи и подерзче, а привязаться къ нимъ нельзя; а у васъ на каждомъ шагу можно привязаться. Мы старались поправить, да не возможно; тогда уже ничего не выйдетъ, потому что тутъ только гнѣвъ-то и симпатиченъ.

«Скажите: куда вамъ выслать записки Піотровскаго; у насъ ихъ много экземпляровъ. Только въ настоящее время ничего съ рукъ нейдетъ — ни книги, ни Колоколá. Теперь съ рукъ идетъ одна Катковщина. Терпѣнье, старый другъ, терпѣнье и вѣра! Крѣпко жму вашу руку».

Приписка Герцена слѣдующая:

«Я беру изъ рукъ Огарева перо только для того, чтобы прибавить отъ себя, что «Тьма» чудесная вещь, и если въ ней есть недостатки, то это — недостатки молодости. Если это писалъ вашъ сынъ, — какъ мы выдумали сами, — то я поздравляю обѣихъ матерей его, т. е. васъ и Россію, съ новымъ талантомъ.

«Надѣюсь, что вы были довольны сквозь-строемъ, которымъ я провелъ наше общество въ комментаріяхъ къ письму Гарибальди».

Рѣшительное и категорическое заявленіе талантливыхъ людей о томъ, что у начинающаго есть талантъ, можетъ заставить писать. Я бросилъ псевдонимъ «Вадима» и сталъ подумывать объ историческомъ романѣ... о Пугачевщинѣ. Но сначала это намѣреніе только пугало и меня и моихъ близкихъ, и я отложилъ его. Впрочемъ я имѣлъ скорѣе еще два свѣдѣнія, два письма изъ Петербурга, одно отъ В. А. Слѣпцова — моего большого друга, другое отъ хорошаго знакомаго Альбертини. Они оба хвалили «Тьму» и совѣтовали продолжать. Альбертини писалъ: «Краевскій у васъ проситъ побольше такихъ повѣстей, и всѣ таковыя будутъ напечатаны».

Я приободрился и сълзъ усиленно и прилежно за работу, уже не боясь, что каждая новая строка есть новая глупость или банальность. Работа удивительно ладилась. Въ тишинѣ и мирѣ нашего дома въ Нѣльи, окруженнаго зеленью, вдобавокъ еще въ «своихъ» свѣтлыхъ комнатахъ на третьемъ этажѣ, съ окнами въ садъ, было не мудрено писать.

Я очень быстро написалъ повѣсть изъ крѣпостнаго права, которую назвалъ «Сиротка». Героиня — была дѣвушка Груня, крѣпостная, въ услуженіи у барыни-собачницы, круглая сирота. Но собственно заглавіе «Сиротка» относилось и къ ней и къ любимой барыниной собаченкѣ, найденной на большой дорогѣ и названной «Орфелинъ», что заставило крѣпостныхъ звать щенка «Афралинъ».

Повѣсть эта была, по увѣренію трехъ лицъ, очень недурна, ибо крайне драматична. Крѣпостной быть въ глуши провинціи, мнѣ близко знакомый, былъ нарисованъ ярко, судьба героини очень трогательна.

Мнѣніе, что повѣсть удачна и лучше «Тьмы», принятой даже «Современникомъ», было мнѣніемъ моей матери, Е. И. Утина, съ

которымъ мы тогда были большіе друзья, и еще третьяго лица, имя котораго ничего не скажетъ читателю, но мнѣніемъ котораго въ вопросахъ литературы моя мать дорожила. Ему первому она читала за это время все, что писала сама.

Во всякомъ случаѣ это былъ и, надѣюсь, есть и теперь одинъ изъ самыхъ образованныхъ русскихъ людей.

«Сиротка» была, по совѣту этихъ трехъ лицъ, исправлена, окончена и посвящена мною Евгенію Утину, въ присутствіи котораго, такъ сказать, она и писалась, такъ какъ онъ почти ежедневно бывалъ въ Нѣльи. Затѣмъ рукопись была отправлена въ Петербургъ на имя Дудышкина въ «Отечественныя Записки».

Вскорѣ ли или много повдѣе, но я получилъ извѣстіе, что Дудышкинъ внезапно скончался, кабинетъ его былъ описанъ и опечатанъ, а когда былъ распечатанъ, то все, что тамъ находилось, перешло по наслѣдству, невѣдомо къ кому. Однимъ словомъ, такъ или сякъ, но я о моей «Сироткѣ» никогда съ той поры не имѣлъ ни слуху, ни духу. А такъ какъ копии у меня не было — какъ и теперь никогда не бываетъ — то и двухъ-мѣсячная работа пропала даромъ. Разумѣется, послѣ такой неудачи я снова и злостно бросилъ писать, а тоска явилась еще пуще.

И вотъ этой тоскѣ, бездѣлю, праздности и незнанію, куда дѣвать свою особу, я и приписываю все то, что вскорѣ приключилось. Иначе мой личный нелѣпый «романъ» и объяснить нельзя.

Я сталъ бывать недалеко отъ Нѣльи въ предмѣстьи (нынѣ уже кварталъ Парижа) Levallois-Champerret, гдѣ жило очень милое и очень многочисленное семейство, по фамиліи Дуссо: старушка вдова, пять братьевъ и семь дочерей, ровно дюжина. Всѣ они, хотя и парижане на половину, казалось, были потомствомъ эмигрантовъ изъ Голландіи.

Вся дюжина дѣтей госпожи Дуссо была совершенно бѣлокурая. Одинъ изъ братьевъ и двѣ изъ сестеръ были даже съ какими-то бѣловатыми волосами. Даже сосѣди ихъ опредѣляли: «les Doussseau blonds» или «la famille des roussotes». Однако изъ двѣнадцати чловѣкъ только двумъ сыновьямъ было за двадцать пять лѣтъ и только три дочери были около двадцати лѣтъ, остальные же еще дѣтьми. Это были очень милые и веселые люди. Отъ тоски я сталъ чаще бывать у нихъ въ гостяхъ, такъ какъ отъ нашего дома было не болѣе получаса ходьбы до ихъ небольшого домика. Семья помѣщалась довольно тѣсно, имѣя очень скудные средства. У матери была маленькая рента, а двое молодыхъ Дуссо помогали, принося домой заработокъ, такъ какъ оба служили въ какихъ-то торговыхъ домахъ.

Принужденный рассказывать нѣкоторыя подробности изъ собственной жизни, скажу коротко: я увлекся второй сестрой, замужней, которую звали Anne-Adèle-Elysa. Почему-то въ семьѣ ее звали не

первыми простыми именами, а третьимъ, страннымъ и какого я никогда ни въ одномъ календарѣ найти не могъ. Сами Дуссо не знали, какъ писать имя: Elusca или же Helysca. Впрочемъ, французы, любящіе всякія сокращенія, звали дѣвушку кратко: Ely.

Еще прежде чѣмъ я познакомился съ семьей Дуссо, въ двадцатилѣтнюю дѣвушку, довольно красивую, свѣтлоблѣющую и синеглазую, немножко полную, точь въ точь саксонку или голландку, былъ влюбленъ нѣкто господинъ Готье, который за годъ передъ тѣмъ посватался за Элискà или Эли.

Молодой человѣкъ лѣтъ двадцати семи и, какъ всѣ находили, очень недурной собой, чрезвычайно почему-то дѣвушкѣ не нравился, и она, конечно, могла бы просто отказать ему. Но дѣло было въ томъ, что около этого семейства существовалъ старикъ лѣтъ подь шестьдесятъ, умный, энергичный, угрюмый и со средствами; онъ очень любилъ всю семью, въ особенности нянчился съ маленькими Дуссо, дѣвочками и мальчиками, и особенно почтительно относился къ самой madame Дуссо. Не будучи родственникомъ, не имѣя никакихъ правъ на эту семью, онъ былъ, однако, болѣе или менѣе распорядителемъ судьбы всѣхъ и игралъ роль опекуна.

Помогалъ ли онъ семьѣ деньгами или просто пріобрѣлъ большое вліяніе по дружбѣ, или дѣйствительно былъ, какъ говорили, первымъ другомъ ихъ покойнаго отца, — этого я ничего никогда узнать не могъ. Дѣло въ томъ, что когда Готье посватался, а Эли отказалась наотрѣвъ выходить за него замужъ, то старикъ, господинъ Бувье, настоялъ на томъ, чтобы она согласилась.

Въ одинъ прекрасный день, съ годъ назадъ, вся семья со стороны невѣсты и всѣ знакомые, а равно родные и знакомые молодого Готье, — всѣ съѣхались въ мэріи. На обычный, офиціальныи и торжественный, вопросъ мэра, обращенный къ жениху, желаетъ ли онъ жениться на Элискà Дуссо, тотъ отвѣчалъ твердо:

— Да!

И на вопросъ, обращенный къ молодой дѣвушкѣ, желаетъ ли она выйти замужъ за Жака Готье, Элиска отвѣчала тоже твердо и спокойно:

— Нѣтъ!

Скандалъ произошелъ большой. Разумѣется, всѣ стали уговаривать невѣсту отвѣтить «да», но мэръ заявилъ, что по закону, да и по обычаю, разъ кто либо изъ вступающихъ въ бракъ заявляетъ «нѣтъ» по первому разу, то онъ, мэръ, не можетъ принять за согласіе «да» по второму разу.

И два свадебные поѣзда расфранченныхъ жениха и невѣсты разѣхались въ разныя стороны. Одинъ — въ Леваллуа, а другой въ Батиньоль — чуть не на другой конецъ Парижа.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ семьѣ Дуссо повторилась буквально та же

исторія. Точно также по настоянію опекуна всѣ собрались въ мэріи и точно также послѣ вопроса мэра и послѣ «да», произнесеннаго Готье, Элискà снова также спокойно отвѣчала:

— Нѣтъ!

Какія были затѣмъ за всю зиму и весну исторіи въ семьѣ, что дѣлалъ и какъ грозился Бувье,—этого я не знаю, лично не видалъ, такъ какъ знакомъ съ семействомъ еще не былъ. Но дѣло въ томъ, что когда я началъ бывать въ семьѣ «des goussotes» Элиска, была уже недѣли съ три замужемъ и супругой именно этого ненавистнаго ей человѣка.

Однако она постоянно съ утра до вечера проводила время въ семьѣ и только поздно ночью возвращалась въ квартиру мужа. А въ первыхъ числахъ мая г-жа Готье покинула окончательно домъ своего супруга, т. е. просто бѣжала, конечно, при моей помощи и переселилась въ Нѣльи.

Недалеко отъ нашего дома, въ улицѣ Louis-Philippe, я нанялъ небольшую квартиру и устроилъ ее, наскоро, наемной мебелью. Въ устройствѣ этого убѣжища не мало помогали мнѣ Евгеній Утинъ, хотя въ эти дни у него былъ свой «романъ»...

Поселившись здѣсь, Эли отправилась въ мэрію раздобыть себѣ паспортъ, или какой либо видъ на жительство. Не надо забывать, что въ 1865 г. царили въ Парижѣ Наполеоновскіе порядки и драконовская полиція. Дѣло это оказалось мудренымъ, такъ какъ требовалось согласіе мужа, а въ данномъ случаѣ это было не только невозможно, но просто комично. Три раза была она въ мэріи. Въ первый разъ ей наотрѣвъ отказали въ выдачѣ паспорта; во второй разъ она повидала не самого г. мэра, а второстепенныхъ чиновниковъ, и ей обѣщали выдать нѣчто годное, равнозначащее билету на жительство, прося за это взятку около ста франковъ. Но распорядились господа мэрійцы нѣсколько иначе... Хитрѣе и для себя, вѣроятно выгодыѣ.

Однажды, въ назначенный день и часъ, Эли отправилась въ мэрію въ третій разъ. Когда я часа въ два явился на ея квартиру, то произошло нѣчто очень «милое», что я ради только забавности приведу вкратцѣ... Когда я вошелъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ, то увидѣлъ около окошечка ложи консьержа красивую, статную фигуру незнакомаго мнѣ молодого человѣка. Онъ стоялъ молча и прислоняясь плечомъ къ стѣнѣ. Казалось, что онъ уже съ часъ ожидаетъ въ этомъ положеніи.

Когда раздались мои шаги, консьержа, старуха за шестьдесятъ лѣтъ, высунулась въ окошечко, глянула и доложила молодому человѣку очень любезно:

— Voici le mari de madame!

Молодой человѣкъ сдѣлалъ три шага, какъ дѣлаютъ три прыжка, всталъ на первой ступени лѣстницы и волнуясь, нѣсколько блѣдный, спросилъ у меня:

«истор. вѣстн.», мартъ, 1898 г., т. LXII.

3

— Это вы называете себя мужемъ моей жены?

Разумѣется, я былъ ошеломленъ... Если бы за все время я не избѣгалъ тщательно съ нимъ видѣться и знать въ лицо, то, быть можетъ, подобнаго теперь бы и не приключилось.

— Намъ надо объясниться! — заявилъ холодно онъ. — Если все кончится хорошо, если жена будетъ повиноваться, то тогда *tout sera pour le mieux*. Я — человекъ благоразумный, какъ вы видите. Если же вы и жена думаете продолжать это *méli-mélo*, то тогда *j'aurai recours à ça!*

И онъ вынулъ изъ бокового кармана сюртука маленькую склянку. Это приходится объяснить.

Теперь подобное движеніе и обѣщаніе могли бы только всякаго удивить и были бы совершенно непонятны. Но въ то время въ Парижѣ такое заявленіе со склянкой было яснѣе яснаго. На все бывають моды. Въ это время въ Парижѣ была мода на *vitriol*, кажется, купоросъ. Всякій бѣшенный романъ и всякая драма кончались не револьверомъ и не ядомъ, а обезображеньемъ лица.

Вдобавокъ судъ присяжныхъ относился къ этимъ дѣламъ какъ-то странно. То и дѣло оправдывали женъ, мужей и даже любовниковъ, которые обращались за помощью къ витріолу и избирали такое дикое и безчеловѣчное мщеніе. Известно, что даже нѣсколько капель, попавшихъ въ лицо, выжигаютъ его и уродуютъ навѣки, а иногда заставляютъ терять и зрѣніе. Надо, однако, прибавить, что въ тѣ времена этихъ склянокъ боялись больше, чѣмъ теперь боятся ножей и револьверовъ.

Въ результатъ нашей встрѣчи было мое полное «посрамленіе», т. е. отступленіе, и, конечно, Элиска, которая заперлась было въ своей квартирѣ, обѣщая отпереть дверь только полиціи, сложила оружіе и сдалась на капитуляцію.

И именно я повліялъ на ея рѣшеніе не начинать войны, убѣдивъ ее, что это поведетъ къ ужасной бѣдѣ. Хлестнуть изъ склянки въ лице купоросомъ не долго и не мудрено.

Она тотчасъ же собрала разную мелочь въ свой сакъ и покорно спустилась внизъ... Я, «празднуя труса», остался на лѣстницѣ и прислушался...

— *Tu fais bien!* — слышалъ я... Такъ лучше. Я бы на все пошелъ...

И въ голосъ супруга мнѣ слышалось крайнее довольство, что все такъ скоро и легко уладилось. Не ревнивъ онъ былъ, да и кладнокровенъ!.. Онъ тотчасъ же кликнулъ фіакръ и, заявивъ консьержѣ, что пришлетъ сегодня же за вещами «*madame*», посадилъ Эли въ карету.

Однако въ сумерки посланный не получилъ вещей. Я отвѣчалъ, что пришлю ихъ завтра... Въ ту же ночь, я при помощи Евгенія Утина, переправилъ къ себѣ сундукъ и всякую мелочь, мебель

сдать поутру обратно, а квартиру бросилъ. Но на слѣдующій день я уже розыскалъ и нанялъ двѣ меблированныя комнаты уже не въ самомъ Нѣльи, а въ сравнительной глуши, въ переулкѣ и чуть ли не въ тупикѣ. Черезъ двое сутокъ здѣсь появилась Эли, вторично покинувъ своего наивнаго супруга.

Помѣщеніе, мною найденное, было, однако, гораздо дальше отъ нашего дома, и я тоже переѣхалъ туда на жительство. Это было за Сеной въ мѣстечкѣ Courbevois. Глухой переулокъ носилъ громкое названіе rue haute de Bezons.

Помню хорошо и вспоминаю иногда эту квартирку въ этомъ переулкѣ или тупикѣ по той причинѣ, что здѣсь къ моему нелѣпому «роману» присоединилось нѣчто, имѣющее теперь относительный интересъ... Въ дебряхъ, гдѣ я хотѣлъ скрыть бѣжавшую отъ мужа благоговѣрную (или точнѣе неблагоговѣрную), укрывалась уже случайно личность довольно любопытная, о которой и теперь еще изрѣдка поминаютъ въ текущей журналистикѣ, поминаютъ иногда и вкривь и вкось...

Личность эта принадлежала къ такой категоріи людей, которые, являсь на свѣтъ, являются вмѣстѣ съ тѣмъ и знаменіемъ времени.

Принужденъ сдѣлать небольшое отступленіе.

Задолго предъ рассказываемымъ мною, до и послѣ студенческой исторіи, въ Москвѣ появлялись разныя личности, иногда заурядныя, иногда нелѣпныя, иногда неизвѣстныя, иногда очень извѣстныя, иногда загадочныя... И всѣ отъ Герцена!

Привожу одинъ примѣръ въ видѣ образчика.

Однажды, послѣ студенческой исторіи, когда я былъ одинъ въ домѣ, такъ какъ сестра вышла передъ тѣмъ замужъ, а моя мать уѣхала въ Петербургъ, мнѣ доложилъ лакей, что одинъ господинъ, не сказывающій своей фамиліи, желаетъ меня видѣть... Я его принялъ и увидѣлъ предъ собой человѣка лѣтъ 25—27 (менѣе тридцати) худого, изжелта-блѣднаго, будто усталого, но къ тому же видимо разстроеннаго или же просто крайне нервнаго... Онъ вошелъ и не просто поздоровался, а какъ-то дернулъ меня за руку, крѣпко стиснувъ ее, и затѣмъ быстро сѣлъ, какъ бы измученный долгой ходьбой... а то и бѣгствомъ.

— Дайте мнѣ стаканъ воды!—были его первыя слова.

Такой гость, признаюсь, внушалъ мало довѣрія. Я, не выходя изъ кабинета, громко кликнулъ человѣка и приказалъ подать требуемое... Выпивъ два стакана воды, затѣмъ молча, поерошивъ волосы, гость объяснилъ мнѣ кратко, рѣзко, отрывисто (какъ бы страдая отъ астмы) и при томъ какъ-то сердито и сумрачно... объяснилъ, что онъ прямо отъ Герцена изъ Лондона...

Выходило, какъ будто Лондонъ и Герценъ были въ эту минуту чрезъ улицу отъ насъ..

Затѣмъ онъ объяснилъ мнѣ крайне лаконически: имя его В. И.

Кельсіевъ, онъ братъ моего, уже сосланнаго, товарища, въ Россіи онъ подъ чужимъ паспортомъ, и если его найдутъ, то попросятъ въ крѣпость или въ не столь отдаленныя мѣста. Является же онъ въ Москву по важному порученію къ моей матери...

Я объяснилъ, что моей матери въ Москвѣ нѣтъ, и когда она вернется—неизвѣстно.

Тогда мой гость также кратко, нервно, будто спѣша, попросилъ высказать мое мнѣніе, насколько моя мать можетъ быть имъ полезна въ ихъ дѣлѣ... Онъ выразился «намъ» и въ «нашемъ» дѣлѣ. Дѣло же объяснилъ еще лаконичнѣе, почти одною фразой.

— Надо поднять московскихъ купчихъ! Въ особенности старо-вѣрокъ. Для такого дѣла намъ нужны женщины.

Помню, что времена эти были такія своеобразныя, что я не удивился выраженію «поднять». Тогда какъ-то всякій всѣхъ «поднималъ». Я удивился только, что дѣло дошло до «поднятія» даже купчихъ... А еще болѣе удивился, что для такого занятія рассчитывали на помощь моей матери. Видя изумленіе, написанное на лицѣ моемъ, В. Кельсіевъ счелъ пѣлесообразнымъ объяснить мнѣ, что надо овладѣть московскимъ богатымъ и коснѣющимъ купечествомъ, или, вѣрнѣе, его капиталами, и что лучше всего взяться за нихъ, сонныхъ и отъ коснѣнія очумѣлыхъ, чрезъ ихъ женъ...

Далѣе рассказывать, конечно, нечего... Любопытнѣе или нелѣпнѣе ничего сказано не было. Впослѣдствіи я узналъ, что Кельсіевъ благополучно покинулъ Россію и вернулся въ Лондонъ. Спустя лѣтъ пятнадцать, онъ былъ прощенъ по его просьбѣ и, живя въ Россіи, былъ, кажется, на службѣ въ Петербургѣ. Впрочемъ, существуютъ его собственныя записки объ его скитальничествахъ...

Привожу этотъ анекдотъ какъ бы въ примѣръ, какіе бывали именно посланцы отъ Герцена въ Россію, которыхъ онъ, какъ я смѣю думать, никогда, конечно, не посылалъ. При этомъ я вполне увѣренъ, что многіе и многіе этотъ революціонный проектъ, выражаемый фразой: «поднять московскихъ купчихъ!» — примутъ за мое сочинительство, и считаю не лишнимъ подтвердить честнымъ словомъ, что это не измышленіе мое. Какъ фактъ и цѣль посѣщенія Кельсіева, такъ и это его выраженіе, я передаю съ буквальною точностію.

Но вотъ собственно къ чему я привелъ этотъ случай и къ чему веду дѣло... Посланцевъ изъ Лондона бывало много, на половину самозванныхъ... Бывали личности невозможно дикія, бывали просто «шувалики», бывали и личности загадочныя и интересныя...

Самою интересною и (съ извѣстной точки зрѣнія) самою загадочною личностію былъ нѣкто Артуръ Бени. И теперь еще изрѣдка въ печати толкуютъ и спорятъ о томъ, кто и что онъ былъ?

Я не буду вдаваться въ этотъ вопросъ, такъ какъ пишу не воспоминанія вообще, а принялся рассказывать только о моихъ

неудавшихся арестахъ. Вспоминаю теперь о Бени только потому, что обѣщался упоминать и говорить о тѣхъ лицахъ, которыхъ какъ нибудь припутала къ моимъ арестамъ сама судьба.

Скажу только, что Артуръ Бени, для однихъ англичанинъ, для другихъ полякъ, для третьихъ еврей, появился въ Москвѣ, лѣтомъ или осенью 1861 года, вмѣстѣ съ товарищемъ (якобы пріятелемъ) русскимъ, по фамиліи Нечипоренко... Остановились они и жили на Тверской въ хорошо извѣстной москвичамъ старожиламъ гостиницѣ Шевалдышева, нынѣ «Отель Рояль». Впрочемъ, вскорѣ они разстались, поссорившись... Я случайно познакомился съ ними тотчасъ же. Нечипоренко показался мнѣ лично умственно и нравственно такою же нелѣпою, какъ и его фамилія. Бени меня съ первой же встрѣчи плѣнилъ и обворожилъ. Это былъ 25-ти-лѣтній человекъ, крѣпышъ на видъ, съ дѣтски розовымъ и пухлымъ лицомъ, къ какимъ-то намекамъ на усики и блестящими глазами... Умный, даровитый, не глубоко, но разносторонне образованный, вѣрнѣе начитанный, говорящій на всѣхъ языкахъ совершенно свободно, добродушный, веселый и... и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ — какой-то странный. Очерка его личности болѣе подробнаго я не дамъ, ибо это меня завело бы слишкомъ далеко...

Бени былъ тоже посланецъ отъ Герцена, однако не говорилъ, что ему поручено кого либо «поднимать». Умень же онъ былъ, интересенъ и симпатиченъ настолько, что, право, по моему мнѣнію, даже и московскихъ купчихъ поднялъ бы, еслибъ захотѣлъ... Только не знаю, на что собственно оказались бы онѣ способными — разъ «поднятыя». Вѣдь это было во дни Кить Китыча, когда «жупель», а въ особенности «металлъ» заставлялъ ихъ падать въ обморокъ и лишаться «всѣхъ чувствій».

Мы подружились очень быстро, а съ половины зимы и весной 1862 года, будучи въ Петербургѣ, зажили уже вмѣстѣ на одной квартирѣ на Мойкѣ, въ домѣ Греча близъ редакціи «Сѣверной Пчелы», издаваемой Усовымъ. И здѣсь мы окончательно сблизились. Это жите очерчено мною въ одномъ изъ моихъ рассказовъ подъ заглавіемъ «Двѣнадцать часовъ—воскресенье!» Описанный мною случай мгновеннаго и страннаго умопомѣшательства именно съ Бени и приключился. Случай этотъ многие изъ общихъ знакомыхъ и друзей, а въ томъ числѣ и покойный В. А. Слѣпцовъ (русскій Мопассанъ на мои глаза), сочли комедіей и притворствомъ со стороны Бени. Я остаюсь при особомъ мнѣніи, что онъ былъ вообще не вполне нормаленъ и физически и умственно, и это мгновенное помѣшательство изъ-за пустяковъ, изъ-за шутки, длившееся съ вечера и до слѣдующаго утра, было не комедіей. А то, что я сейчасъ намѣренъ рассказать, какъ бы подтверждаетъ мое мнѣніе. И вотъ, далеко уйдя за предѣлы рамокъ, мною себѣ положенныхъ, возвращаюсь...

Возвращаюсь въ меблированную квартиру въ улицу Haute de

Bezons на краю мѣстечка Курбеуа, гдѣ была полная глушь, ни собаки, ни прохожихъ... Въ маленькомъ домѣ этомъ, гдѣ я поселился, было только двѣ квартирки и съ лѣстницы двѣ двери, одна противъ другой...

Поселился я и записался подъ именемъ Monsieur Wadime et sa dame. Хозяйка объяснила мнѣ на всяческіе мои опросы и разспросы, конечно, ради безопасности Эли, что квартирантовъ у нея нѣтъ, къ ея несчастію. И низъ и мансарды стоятъ пустыми. Только противъ меня, въ такихъ же двухъ комнатахъ, живетъ англичанинъ съ женой, люди порядочные, тихіе и чрезвычайно милые. Онъ ежедневно уходитъ изъ дому съ утра и возвращается только къ ночи, она же не выходитъ и изъ своихъ комнатъ. Дѣйствительно, проживъ недѣлю, я ни разу моихъ англичанъ не видалъ, но за то я всякій день, встрѣчая мою болтливую хозяйку, слушалъ поневолѣ и узнавалъ, насколько милы, добры, умны, скромны и вообще прелестны ея жильцы... И онъ, и она. Эли быстро прельстила хозяйку, но однако она все-таки заявляла, что хотя «l'autre dame» не такъ красива, какъ Эли, но что ее она ни на кого не промѣняетъ, ибо обожаетъ, что же касается до ея мужа, англичанина, то это нѣчто неописуемое... Божество!

Я всякій вечеръ аккуратно выставлялъ свои ботинки за дверь на лѣстницу и при этомъ невольно узнавалъ, вернулся ли домой мой сосѣдъ, или нѣтъ, такъ какъ у его дверей всегда появлялась на ночь тяжелая, характерная англійская обувь, будто топорной работы...

Однажды, вдругъ, проснувшись гораздо ранѣе обыкновеннаго, я отперъ дверь на лѣстницу и нагнулся взять свои ботинки. Въ ту же минуту отворилась дверь напротивъ, и сосѣдъ взялъ съ пола свои ботинки...

Но когда оба мы выпрямились и взглянули другъ на друга, то оба остолбенѣли...

Прошло добрыхъ двадцать секундъ, прежде чѣмъ мы оба пришли въ себя...

— Вы? Салиасъ?—робко произнесъ онъ.

— Я, Артуръ Ивановичъ... отозвался я совершенно пораженный этой встрѣчей.

Не видались мы съ Бени, по крайней мѣрѣ, года уже съ три... И если за это время я немного возмужалъ и у меня уже появилась маленькая бородка, а усы стали погуще, то Бени замѣчательно остался все тотъ же, не измѣнившись ни на волосъ.

Разумѣется, и онъ, и я воскликнули пороссійски:

— Какими судьбами?!

Но мнѣ тотчасъ же почудилось, что Бени былъ смущенъ и какъ-то растерялся...

Послѣ нѣсколькихъ фразъ, вопросовъ и отвѣтовъ, какъ всегда въ этихъ случаяхъ, къ дѣлу не идущихъ, я спросилъ...

— Вы успѣли жениться за это время? — И въ видѣ объясненія я прибавилъ: — вѣдь вы не одни?..

Онъ что-то промычалъ, и вышло ни да, ни нѣтъ. Я понялъ, что это тоже «романъ», быть можетъ, очень серьезный, быть можетъ, такой же, какъ и мой...

Мы уговорились прежде всего одѣться, такъ какъ были въ «легкихъ» костюмахъ, а затѣмъ, позавтракавъ, тотчасъ выйти и встрѣтиться въ саду. Я, начавъ одѣваться, въ себя не могъ прийти отъ странной нечаянной встрѣчи. Послѣ Петербурга и Мойки, дома Греча, редакціи «Сѣверной Пчелы», и вдругъ Франція, мѣстечко Courbevois, переулочекъ Bezons, край свѣта, хотя и подъ Парижемъ... Встрѣча была крайне оригинальная, какія только въ комедіяхъ и водевиляхъ бывають и по волѣ авторовъ, а не въ силу законовъ дѣйствительности...

— Надо же было мнѣ розыскать эту глушь, чтобы спрятаться, а Бени тоже розыскать ту же глушь, чтобы, очевидно, тоже спрятаться. Но отъ кого онъ прячется? И ради кого?.. Себя или своей подруги?

Признаюсь, послѣднее романическое обстоятельство изумляло меня еще болѣе, нежели наша водевильная встрѣча. Для меня, насколько я зналъ Бени, это присутствіе съ нимъ женщины было чѣмъ-то совсѣмъ не подходящимъ, невѣроятнымъ...

— Бени и женщина?!—безъ конца восклицалъ я. — Да это все то же, что иннокъ въ костюмѣ маскарадномъ.

Черезъ часъ мы были въ саду на скамейкѣхъ и... не бесѣдовали... Бени говорилъ, а я молчалъ. Онъ говорилъ горячо, страстно, все болѣе оживляясь, а я молчалъ все упорнѣе, недоумѣвая, изумляясь, даже смущаясь, не вѣря своимъ ушамъ, не вѣря своему собственному соображенію.

«Онъ ли все это говорить? Мнѣ ли онъ все это объясняетъ?» — задавалъ я себѣ вопросъ.

Тотъ самый Артуръ Бени, съ которымъ мы были близки въ Москвѣ, были очень близки и дружны въ Петербургѣ, съ которымъ вмѣстѣ жили, говорили и даже продѣлывали такія глупости, про которыя рассказывать тогда было опасно, а теперь — стыдно... этотъ самый Бени вдругъ заговорилъ со мной, какъ человѣкъ свихнувшійся...

Диалога не было... Былъ монологъ. Бени мнѣ горячо доказывалъ что онъ не въ Россіи, а во Франціи, что Наполеоновское правительство ни русскаго, ни поляка, политически скомпрометированнаго, россійскому правительству не выдастъ!.. Слѣдовательно, слѣдить за нимъ, накрывать его, подводить и вообще ухитряться имъ такъ или иначе овладѣть не имѣетъ смысла. Напрасный трудъ! Никакихъ русскихъ тайныхъ агентовъ въ Парижѣ онъ не боится, а Третьяго Отдѣленія и подавно... Оно на Невѣ, а здѣсь Сена...

И горячо высказавшись, «отчитавъ» меня, онъ, сильно взволнованный, поднялся со скамьи, протянулъ мнѣ какъ-то странно руку, будто нехотя, будто пересиливая себя... и пошелъ по дорожкѣ. И вошелъ въ домъ.

Я остался на скамейкѣ и сидѣлъ, по всей вѣроятности, выпуча глаза...

Я полагалъ тогда, полагаю и теперь, что заподозрѣть меня въ томъ, что я шпионъ или агентъ Третьяго Отдѣленія, откомандированный «для занятій» въ Парижъ, со спеціальною цѣлью «накрыть» его, Артура Бени... могъ только человѣкъ не вполне нормальный.

День цѣлый пробылъ я дома безвыходно и соображая, какъ мнѣ поскорѣ предъ бѣднымъ Бени «оправдаться». Его же самого весь день по обыкновенію не было дома...

На утро, когда я позвалъ хозяйку дать горячей воды для чая, она явилась въ слезахъ...

— Мои милые англичане уѣхали!—объяснила она.—Они получили вчера какое-то важное извѣстіе, за ночь спѣшно уложились и рано утромъ уѣхали.

Нѣкоторое объясненіе и оправданіе поведенія Бени и этого бѣгства отъ меня я узналъ много позднѣе.

Нежданная и почти невѣроятная встрѣча наша въ глухомъ переулкѣ Курбевуа была въ маѣ 1865 года.

А весной того же года, проживавшій въ Петербургѣ Бени былъ арестованъ и судимъ, а затѣмъ посаженъ въ качествѣ государственнаго преступника въ Петропавловскую крѣпость. Его обвиняли въ томъ, что онъ укрывалъ у себя являшагося въ Россію, турецкаго подданнаго Яни... Иначе говоря, того же самаго В. И. Кельсіева, который являлся года за три передъ тѣмъ и ко мнѣ съ предложеніемъ «поднимать» московскихъ купчихъ.

У меня есть даже подозрѣніе, что еще когда мы съ Бени жили вмѣстѣ при редакціи «Сѣверной Пчелы», то онъ два раза скрылъ въ нашей квартирѣ этого Кельсіева, но равно скрылъ это и отъ меня... Поступокъ, конечно, не благовидный по отношенію къ сожителямъ, такъ какъ въ случаѣ, если бы «турокъ» Яни былъ у насъ накрытъ Третьимъ Отдѣленіемъ, то всѣ бы оказались безъ вины виноватыми.

Итакъ, весной, послѣ выслушанія приговора въ сенатѣ, Бени былъ посаженъ въ крѣпость... Но затѣмъ что именно приключилась—мнѣ неизвѣстно. Бѣжалъ ли самъ Бени изъ Россіи, или ему «облегчили» побѣгъ, чтобы не возиться съ англійскимъ подданнымъ, или же наконецъ его просто административно выслали за границу?

Въ виду того, что онъ сильно смутился и взволновался, когда внезапно встрѣтился со мной въ домикѣ, въ глуши Курбевуа, и даже заподозрѣлъ во мнѣ сыщика, его выслѣдившаго,—я думаю, что онъ

только что бѣжалъ изъ Россіи... или при помощи друзей и собственнаго искусства, или наивно не подозрѣвая, что само правительство «облегчаетъ» ему побѣгъ, чтобы развязаться съ нимъ.

Такъ или иначе, но если представить себѣ, что онъ, только что ускользнувъ изъ Петропавловской крѣпости, скрылся въ Курбевуа и прямо налетѣлъ на меня, то его бѣгство отъ меня становится понятнымъ... Такая дѣйствительно невѣроятная случайность должна была его озадачить и показаться не случайностью... А какимъ образомъ я—въ его глазахъ—оказался агентомъ тайной полиціи, объясняется уже русской пословицей: «пуганая ворона — куста боится!»

Въ Курбевуа я видѣлъ Бени послѣдній разъ въ жизни. Съ тѣхъ поръ я не только его уже не встрѣчалъ, но даже ничего объ немъ не слышалъ никогда, до тѣхъ поръ, покуда не узналъ, что онъ въ качествѣ гарибальдійца былъ убитъ при Аспромонте. Раненый въ ноги, онъ былъ брошенъ товарищами и истекъ кровью...

Личность эта была далеко незаурядная, но, повторяю, личность, если не загадочная, то «странная»... Многое и многое повѣрялъ онъ мнѣ про себя откровенно и искренно, когда мы жили въ Петербургѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ многое обходилъ молчаніемъ... На такіе вопросы, на которые всякій человѣкъ отвѣтитъ прямо и правдиво тотчасъ, онъ избѣгалъ отвѣчать, вилялъ, иногда лгалъ, иногда говорилъ:

— На это я не могу отвѣчать. Не хочу.

Помню, на мой вопросъ, Бени ли онъ или Бениславскій, какъ нѣкоторые утверждаютъ, онъ отвѣтилъ:

— На это я не хочу отвѣчать.

А на этотъ вопросъ, однако, онъ могъ отвѣтитъ правдой. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ совнавался мнѣ въ такихъ вещахъ, въ которыхъ можно было довѣриться только очень близкому человѣку. Позировалъ онъ «загадочностью» или нѣкотораго рода «значительностью», или сами обстоятельства заставляли его «облекаться въ плащъ таинственнаго незнакомца»?.. Не знаю!

Но, далеко увлекшись въ сторону, вернусь однако въ Курбевуа, или, вѣрнѣе, въ Швейцарію... такъ какъ вскорѣ же послѣ бѣгства Бени—отъ меня, я тоже бѣжалъ съ моей подругой изъ Франціи на берега Лемана—отъ г. Готье.

Мы поселились сначала подъ Женевой, въ Versoix, около знаменитыхъ Fernex и Sorret, прославленныхъ именами Вольтера и г-жи Сталь. Но затѣмъ, по разнымъ соображеніямъ, изъ ложнаго страха или же (какъ Бени) изъ-за маніи преслѣдованія, мы перебрались еще далѣе отъ границы Франціи въ горы и въ деревушку, называющуюся Corsier-sur-Vevey. Здѣсь въ домѣ, на полномъ пансіонѣ, у милѣйшей старухи г-жи Мондъ прожили мы мирно около мѣсяца опять таки подъ именемъ M-r et M-me Vadime. Дѣлая еже-

дневныя большія прогулки въ городъ, мы никогда не спускались ниже Saint-Martin и, конечно, тщательно избѣгали бывать въ Веве, предоставляя г-жѣ Моно справлять тамъ наши порученія.

Въ объясненіе того, что вскорѣ приключилось, я долженъ напомнить о существованіи г-на Бувье, опекуна семейства Дуссо. Это былъ слишкомъ умный и энергичный человѣкъ, чтобы простить Эли ея поступокъ съ мужемъ и его любимцемъ. Съ другой стороны у насъ въ Нёльи былъ садовникъ, по имени Филиппъ, пьяница, лѣтѣй и болтунъ, но артистъ, и мастеръ своего дѣла, приведшій садъ въ идеальный видъ, за что мой отецъ его и держалъ. Разумѣется, этотъ Филиппъ зналъ все, что творится въ домѣ... Какъ оказалось впоследствии, онъ подглядѣлъ, откуда и чьи вещи переправляли мы ночью съ Е. Утинымъ, а затѣмъ, подкупленный опекуномъ и мужемъ, сталъ за мной слѣдить, все разноухивать и передавать имъ. Такимъ образомъ вышло, что если Бени напрасно бѣжалъ отъ меня изъ Курбевуа, то я, бѣжавъ отъ Готье, поступилъ основательно.

Зато, поселясь въ Швейцаріи, я началъ поступать отчасти неосновательно и неосторожно.

По маркамъ и штемпелямъ на письмахъ моихъ къ матери Филиппъ легко могъ дѣлать вѣрный докладъ своимъ патронамъ и даже представлять въ доказательство конверты съ писемъ, подобранные, вѣроятно, въ сору. Но это все раскрылось впоследствии.

И вотъ однажды, добрейшая г-жа Монё, подозревавшая въ насъ особаго рода туристовъ, нюхомъ почуяла, что у нея въ домѣ «романъ». Однажды старуха явилась и начала съ предисловія, что, конечно, «все это» до нея не касается, что она насъ очень любитъ, желала бы, чтобы мы прожили у нея цѣлое лѣто и хоть цѣлый годъ. И затѣмъ она объяснила, что изъ любви къ намъ должна доложить, что вотъ уже два вечера какіе-то странные, сомнительные люди бродятъ около ея дома и сада и скрываются отъ нея за церковью. Вчера же одинъ субъектъ зашелъ къ ней и подробно разспрашивалъ, кто эти личности, тутъ живущія. Она отвѣчала, что это господинъ и госпожа Вадимъ — англичане.

— Мнѣ кажется, — объяснила намъ г-жа Моно, — что это люди, которые вамъ добра не желаютъ.

Разумѣется, это извѣстіе подѣйствовало на насъ, какъ бомба, брошенная среди комнаты. Я не опасался того, что Эли придется снова возвращаться въ домъ супруга, это было бы пустяками. Я опасался прямо «склянки» и для нея, и для себя.

И повторилась снова та же исторія, что и въ Courbevois.

Черезъ два или три часа madame Моно была въ отчаяніи и сама себя вслухъ ругала. Она увѣщевала насъ, совѣтовала, говорила, что она все преувеличила, а мы еще того болѣе преувеличили и т. д. Но у насъ сундуки были уже уложены, и часовъ въ шесть

комиссіонеръ на двухъ-колесной телѣжкѣ перевезъ нашъ багажъ въ гостиницу «Des trois Rois» на краю Бэвэ и около вокзала.

Почевая здѣсь, я рано утромъ, не городомъ, а чрезъ знаменитое гулянье St. Martin пробрался къ моей старухѣ за новостями. Старуха заявила, что ночью никто не бродилъ около дома, но что въ девять вечера былъ у нея писарь изъ полиціи, который очень удивлялся, что мы уже уѣхали.

Этого было, конечно, достаточно, и въ тотъ же вечеръ мы выѣхали въ Женеву.

Здѣсь мы поселились въ одномъ изъ многочисленныхъ пансіоновъ на набережной Роны. Жизнь была совершенно иная — неудобная и скучная, такъ какъ въ пансіонѣ была куча народа: французовъ, и англичанъ, и даже русскихъ. Однако, у меня все-таки хватило храбрости и здѣсь записаться «Monsieur et Madame Vadime», только англичаниномъ я не назвался въ виду нѣсколькихъ англичанъ, а сказався испанцемъ, женатымъ на голландкѣ.

Съ Эли заговорить на «ея» языкѣ никто, конечно, не могъ, а пофранцузски могутъ хорошо говорить и голландки. Поиспански же говорилъ я отлично, такъ какъ незадолго предъ тѣмъ выжилъ въ Испаніи почти цѣлый годъ.

Здѣсь, въ Женевѣ, я считалъ себя въ полной безопасности, такъ какъ просилъ г-жу Моно, на всякій случай, объяснить, что мы снова вернулись въ Парижъ, и поиски мужа и опекуна должны были сосредоточиться около Нелли. Съ другой стороны, въ такомъ многолюдномъ городѣ, какъ Женева, съ массой иностранцевъ, было легче укрыться. Вдобавокъ мы опять-таки почти не ходили по улицамъ, гуляя по берегу Женевского озера, иногда же отправлялись, какъ говорятъ французы, *à travers la campagne*, по деревушкамъ въ четырехъ и шести верстахъ отъ города.

Однако, вскорѣ моя личная жизнь перемѣнилась. Я поневолѣ долженъ былъ появляться въ самомъ городѣ. Во-первыхъ, у меня нашлись знакомые, а, во-вторыхъ, моя мать, вдругъ собравшись, приѣхала тоже въ Женеву и поселилась на совершенно противоположномъ концѣ города отъ меня.

Главные знакомые, у которыхъ я сталъ часто бывать, были люди интересные, и о нихъ когда нибудь я скажу все, что знаю, а теперь приведу кое-что.

Это были обитатели Chateau Boissière, за городомъ, на Route de Carouge. Я думаю, что уже одно это названіе заставитъ не мало людей пожилыхъ и старыхъ догадаться, о комъ я говорю. Это были Герценъ и Огаревъ. Если перваго я узналъ въ Парижѣ только года за два предъ тѣмъ и считалъ лишь знакомымъ, то второй наоборотъ былъ для меня близкимъ человекомъ. Николая Платоновича Огарева я впервые узналъ и подѣтски пылко полюбилъ, когда мнѣ было лѣтъ пять, шесть отъ роду.

Сожалѣю, что рамки этого разсказа объ арестахъ, которыя я самъ себѣ поставилъ, слишкомъ узки. Иначе я подробно разскажалъ бы, какъ семи лѣтъ отъ роду я дрался съ Огаревымъ, якобы на дуэли, за то, что онъ якобы обидѣлъ сестру, и сильно въ кровь расцарапалъ ему лицо рапирой, подкравшись изъ-за угла въ полутемной комнатѣ. Онъ схватилъ меня за волосы, но потомъ расцѣловалъ и назвалъ молодцомъ.

Я разскажалъ бы тоже, какъ я затѣмъ жилъ цѣлую зиму въ имѣніи Огарева, кажется, Симбирской губерніи, на его попеченіи, куда моя мать жила въ Петербургѣ. Помню, что, хотя я былъ уже лѣтъ девяти, я едва не изуродовалъ себя и не взорвалъ на воздухъ если не всю усадьбу, то цѣлую комнату. Я забрался въ химическую лабораторію Николая Платоновича и вздумалъ дѣлать тоже изысканія или изобрѣтенія химическія. Иначе говоря, подглядѣвъ, что дѣлалъ онъ, я пожелалъ подражать, какъ самая настоящая обезьяна. Я зажегъ подъ аппаратомъ какую-то спиртовую лампочку, открылъ какой-то кранъ или клапанъ и ждалъ, чтобы какая-то жидкость потекла по трубочкамъ... Случайно пришедшій Огаревъ испуганно вскрикнулъ, быстро все привелъ въ порядокъ, а мнѣ объяснилъ, что въ другой разъ за подобныя химическія занятія онъ меня «высѣчетъ», даже не спрашивая на то письменнаго разрѣшенія моей матери. Разумѣется, это была угроза. Не Огаревъ могъ высѣчь ребенка, хотя бы и за разрушеніе всей его усадьбы.

Теперь, пріѣхавъ въ Женеву, я, конечно, тотчасъ же отправился въ Voissière видѣться съ человѣкомъ, который меня въ дѣтствѣ сотни разъ цѣловалъ и десятки разъ позволялъ вечеромъ засыпать у себя на колѣняхъ, говоря моей нянѣ: «Оставьте, разоспится, тогда самъ я принесу его на верхъ!»

Увѣренъ, что многіе знаютъ по себѣ, какъ привязываешься въ дѣтствѣ къ людямъ за пустяки и всю жизнь помнишь.

Скажу лишь нѣсколько словъ о житьѣ-бытьѣ въ Буасьерѣ.

Chateau Voissière былъ собственно не замокъ, а большой бѣлый домъ самой простой архитектуры, съ огромнымъ садомъ и съ великолѣпнымъ видомъ на Женеву и гору Salève. Въ немъ жили Герценъ и Огаревъ съ семьями, лишь не задолго предъ тѣмъ переселившись изъ Лондона и переведа за собой изданіе «Колокола» и «Полярной Звѣзды».

При Герценѣ были сынъ Александръ и двѣ дочери—Наталья и Ольга Александровны. При Огаревѣ была его вторая жена Наталья Алексѣевна, рожденная Тучкова, и ихъ дочь—Елизавета, тогда еще маленькая дѣвочка, а нынѣ покойная, кончившая свое существованіе, лѣтъ двѣнадцать спустя, въ Римѣ, въ цвѣтѣ лѣтъ. Исторія ея смерти крайне драматична!.. Кромѣ того, было много разныхъ личностей, гостившихъ въ Буасьерѣ. Былъ даже, кажется, временно и пресловутый Бакунинъ съ женой, милой, красивой, кроткой жен-

щиной, которыхъ я близко узналъ еще въ Парижѣ года за два предъ тѣмъ.

Представленіе мое обо всѣхъ личностяхъ, часто бывавшихъ въ Буасьерѣ, нѣсколько смутно. Помню семью Касаткина, замоскворѣцкаго купца и въ то же время эмигранта. Помню тоже семью какого-то революціонера итальянца, друга знаменитаго Мадзини. Помню съ полдюжины какихъ-то «странныхъ» русскихъ и поляковъ. Но совершенно ясно помню, разумѣется, Николая Платоновича и, конечно, самого Герцена, а затѣмъ умненькую, живую шалунью Лизу, которую очень любила моя мать, а этого одного было достаточно, чтобы и я относился сердечно къ дѣвочкѣ. Наконецъ, живо помню Наталью Александровну Герценъ, восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, красивую и настолько всячески симпатичную, какихъ въ жизни очень рѣдко встрѣчаешь. Помнится, она прилежно занималась живописью, и у нея былъ талантъ.

Объ этихъ двухъ семействахъ и Бакунинѣ я могъ бы сказать очень много интереснаго и даже, быть можетъ, кое-что и новое...

Моя мать, какъ я уже говорилъ, была съ юношескихъ лѣтъ дружна съ Огаревымъ, который былъ для моей бабушки, Сухово-Кобылиной, «вторымъ сыномъ», какъ она его называла.

Я думаю, что не было человѣка на землѣ, съ которымъ бы Огаревъ былъ болѣе искрененъ, чѣмъ съ моей матерью, поэтому она знала не только многое, но, быть можетъ, и все, до него касавшееся. Впослѣдствіи, послѣ его смерти, моя мать передала мнѣ все, что знала объ немъ и близкихъ ему лицахъ. Между прочимъ я знаю въ подробностяхъ исторію ужасной смерти первой жены Огарева, рожденной Рославлевой, судьбу жены Герцена и роль въ этихъ двухъ драмахъ разныхъ лицъ. Тутъ фигурируютъ и Бакунинъ, и поэтъ Некрасовъ, и Катковъ, и многіе другіе...

Признаюсь, не понимаю, какимъ образомъ до сихъ поръ никто не рассказалъ подробно, какъ Катковъ, сравнительно небольшой человѣкъ (ростомъ), далъ пощечину гиганту Бакунину и вызвалъ его на дуэль... Но дравшійся на баррикадахъ въ Дрезденѣ Бакунинъ остался съ пощечиной, не смытой поединкомъ, ибо ретировался... Вѣдь это же любопытно... И расскажетъ же это ктонибудь когданибудь.

Быть можетъ, рассказывать иное теперь еще рано, а о жизни двухъ семействъ въ Буасьерѣ и подавно рано. Мнѣ бы очень не хотѣлось, чтобы мое мнѣніе объ этомъ житьѣ-бытьѣ, правдивое, но, быть можетъ, нѣсколько рѣзкое, достигло до Натальи Александровны Герценъ. Однако, все-таки не могу удержаться, чтобы не привести здѣсь только одинъ случай, характеризующій Герцена, но касающійся прямо не его, а самой Натальи Александровны.

За это лѣто одинъ русскій, добродушный молодой человѣкъ, съ большимъ состояніемъ, политическаго образа мыслей почти тожде-

ственного съ Герценомъ, живя въ Женевѣ, сильно увлекся Натальей Александровной. Кончилось тѣмъ, что онъ рѣшился сдѣлать предложеніе, и сдѣлалъ его нѣсколько на ладъ отцовъ и дѣдовъ. Онъ не спросилъ прямо у молодой дѣвушки, любить ли она его и пойдетъ ли за него замужъ, а обратился съ предложеніемъ руки и сердца прямо къ самому отцу, какъ дѣлывалось въ старину.

Герценъ этимъ объясненіемъ былъ возмущенъ и былъ глубоко оскорбленъ! Онъ вспылить и даже набросился на молодого человѣка, объясняя ему, что подобнаго оскорбленія онъ отъ него не ожидалъ. Какъ? Онъ, знающій его убѣжденія и мнѣнія?! Его духовную личность! Является вдругъ какъ бы съ насмѣшкой, какъ бы съ издѣвательствомъ!

Молодой человѣкъ, растерявшись, ничего не понималъ въ цѣлой рѣчи Герцена и наконецъ услыхалъ приблизительно слѣдующее:

— Если вы любите Наташу, и она васъ любитъ, то, милости просимъ, пожалуйте.

И онъ показалъ рукой на ея комнату.

— Ступайте, возьмите ее за руку и уходите къ себѣ на квартиру. Если же вы ожидаете, чтобы я ее образомъ благословлялъ и въ церковь шелъ на поповское путешествие смотрѣть, то вы этимъ прямо доказываете, что или вы меня совсѣмъ не знаете, или же просто надо мной издѣваетесь.

Молодой человѣкъ, пораженный, вылетѣлъ изъ кабинета Герцена, можно сказать, какъ опшаренный. Онъ получилъ согласіе родителя, но такое оригинальное, что не зналъ, что дѣлать.

Положимъ, что это было нѣсколько наивно.

Будучи близокъ съ моею матерью, онъ обратился къ ней за помощью, и она посовѣтовала ему оставить Герцена въ покоѣ, а спросить у самой Наташи, какъ она захочетъ поступить, а съ своей стороны выразить ей мнѣніе, что онъ желалъ бы вѣнчаться въ церкви.

Надо прибавить, однако, что чувства къ нему самой молодой дѣвушки матери моей были неизвѣстны.

Когда онъ исполнилъ ея совѣтъ и обратился къ самой Наталіи Александровнѣ, то дѣло выяснилось просто. Она отвѣчала, что если ей безразлично, вѣнчаться или не вѣнчаться, то не безразлично, чьей быть подругой жизни, съ кѣмъ связать на вѣки свою судьбу, и поэтому прежде всего она должна объяснить, что очень цѣнить эту честь и уважаетъ его, но... Остальное понятно. Герценъ могъ сказать: и волки сыты и овцы цѣлы! И «комедь» разыграна, и полный сборъ...

Но вскорѣ же послѣ этого случая, въ томъ же Буасьерѣ, появился другой молодой человѣкъ и началъ ухаживать за Натальей Александровной, тоже увлеченный ею. Вѣроятно, онъ былъ не второй, да и не послѣдній... Вѣроятно, много ихъ было въ ея жизни, и надо удивляться, что она такъ и не вышла замужъ.

Повторяю, это была молодая дѣвушка всячески симпатичная. Въ ней была рѣдко встрѣчаемая «непосредственность», естественность и правдивость, не только во всякомъ словѣ, а, казалось, даже и во взглядѣ большихъ красивыхъ глазъ и въ каждомъ движеніи. Кроме того, въ ней было много чего-то «своего», совсѣмъ простого и совсѣмъ оригинальнаго вмѣстѣ.

Вспоминаю невольно одну нашу длинную бесѣду въ Буасьерскомъ паркѣ. О чемъ? Да не болѣе, не менѣе, какъ о Богѣ! На ея вопросъ, поставленный категорически, я доказывалъ ей, что Богъ существуетъ, и доказывалъ очень горячо. А доказательства у меня на это было тогда гораздо больше, чѣмъ теперь. Увы, гораздо больше! Не даромъ мнѣ было только двадцать пять лѣтъ.

Итакъ, послѣ сватовства нѣсколько наивнаго молодого человѣка, назову его № 1, явился въ Буасьеръ другой молодой человѣкъ № 2, и всѣ мы замѣтили, что онъ неравнодушенъ къ Натальѣ Александровнѣ, да и она тоже любезно и милостиво относится къ нему. А между тѣмъ у него была репутація, заслуженная, нѣтъ ли — не знаю — какого-то Донъ-Жуана, у котораго то и дѣло чередуются всякія романическія приключенія.

И вотъ что однажды произошло за обѣдомъ на моихъ глазахъ и при человѣкахъ пятнадцати. Въ концѣ обѣда, послѣ какого-то разсказа о какой-то авантюрѣ среди русскихъ эмигрантовъ, вдругъ Герценъ, хлебнувшій, какъ казалось, немного лишняго, нѣсколько лохматый и пунцовый, взялъ въ руку свой столовый ножикъ и, обернувшись къ сидѣвшему противъ него черезъ столъ молодому человѣку, выговорилъ громко, рѣзко и азартно:

— Я только скажу одно... Если бы какой нибудь этакій франтъ увезъ у меня вдругъ вотъ мою Наташу, то я бы ему пропоролъ бокъ вотъ этимъ самымъ ножомъ, и отвѣчаю, что положилъ бы на мѣстѣ!

Выходка эта, послѣдовавшая послѣ мирнаго разговора, всѣхъ поразила, ибо для нѣкоторыхъ была даже загадкой.

Привожу этотъ анекдотъ, какъ низкопробное лукавство, которое позволялъ себѣ Герценъ. Онъ зналъ, конечно, отлично, что дочь не любить молодого человѣка № 1-й и замужъ не пойдетъ за него. А можно было лишній разъ блеснуть, что у него слово и дѣло не расходятся, и просто предложить ему свою дочь въ любовницы. И вмѣстѣ съ тѣмъ при появленіи молодого человѣка № 2-й предполагая, что его предыдущее объясненіе съ № 1-мъ можетъ быть извѣстно № 2-му, отецъ сталъ бояться... Быть можетъ, даже онъ собирался всякій день объясниться съ нимъ, хотя бы намеками и хладнокровно, да вдругъ, въ минуту возбужденія, подъ влияніемъ винныхъ паровъ, у него сразу рѣзко и вырвалось его искреннее и настоящее мнѣніе о бракъ... по отношенію къ родной дочери. Да. Вѣнчаніе было без-

смыслицей по отношенію ко всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, помимо его Наташи.

Я могу къ этому только прибавить: честь и слава! Но его рѣчь молодому человѣку № 1-й долженъ назвать по имени, сказавъ, что это была—пагуба. Сколько личностей Герцены и иные проповѣдники погубили въ тѣ времена, науськивая на всякое, что, однако, про нихъ самихъ писано не было... *Faites se que je dis, mais...*

Въ видѣ другой иллюстраціи прибавлю еще слѣдующій разговоръ между двумя друзьями.

Однажды, когда я сидѣлъ въ кабинетѣ Огарева, на порогѣ появился Герценъ и вымолвилъ:

— Николай Платоновичъ, я эту статью подпишу твоимъ именемъ?

— Какую? — отозвался хладнокровно Огаревъ, не двигаясь изъ своего большого кресла, въ которомъ сидѣлъ углубясь и почти не отнимая чубука отъ губъ.

— А вотъ эту, что доставилъ для Колокола такой-то...

— А что въ ней?

— Да въ ней вотъ рассказывается такой-то бунтъ въ такой-то губерніи.

— Гмъ...—мычнулъ Огаревъ —Это, гдѣ въ концѣ, ты говорилъ, есть этакое... Ну, призывъ! Хорошій, горячій?

— Ну, д, да!

— Ну, что же!

— Такъ подписать?

— Подпиши! Только вотъ что, часто пошло. Что это, вдругъ подумаютъ, Огаревъ расписался? Горячка напала.

— Ну, это ничего!—махнулъ Герценъ рукой и вышелъ.

— Скажите, Николай Платоновичъ,—замѣтилъ я,—стало быть, тѣ статьи, которыя появляются въ «Колоколѣ», подписанныя нашимъ именемъ, столько же изъ-подъ вашего пера, какъ вотъ и эта?

Огаревъ разсмѣялся и выговорилъ:

— Бываетъ! Бываетъ! Только объ этомъ, Женни, болтать не надо, и ты этого никому не говори.

Третій анекдотъ, который я приведу тоже въ видѣ иллюстраціи, слѣдующій. Однажды, вечеромъ Герценъ рассказывалъ о посѣщеніи одного молодого человѣка, пріѣхавшаго изъ Россіи, который еще прежде писалъ ему и, не получая отвѣта на свои письма, явился наконецъ лично за границу и въ Женеву.

Герценъ сумѣлъ рассказать весь анекдотъ такъ, какъ, кажется, онъ одинъ умѣлъ рассказывать. Разумѣется, всѣ хохотали до слезъ. Впрочемъ, это было у Герцена всѣмъ извѣстное, особое дарованіе. Нѣкоторыя остроты его вошли въ нашу плоть и кровь, въ русскій языкъ, и масса людей, употребляющихъ эти остроты и шутки, и не подозреваютъ, что онѣ принадлежатъ Герцену. Или онѣ вы-

хвачены изъ его сочиненій, или со столбцовъ «Колокола», или, наконецъ, изъ частныхъ бесѣдъ съ нимъ.

Передавать остроумный рассказъ Герцена я не стану, а передамъ только суть. Молодой человѣкъ писалъ Герцену изъ Россіи, а затѣмъ явился и въ Буасьеръ, прося его согласовать слова съ дѣломъ и, будучи богатымъ человѣкомъ, раздѣлить свое состояніе между собой, имъ, молодымъ человѣкомъ, и его пятью друзьями, людьми безъ средствъ. Итого на семь частей. Герценъ рассказывалъ свою бесѣду съ молодымъ человѣкомъ въ подробностяхъ, поддѣлываясь даже подъ наивность интонацій юнаго претендента на его, Герцена, карманъ. И дѣйствительно, рассказъ выходилъ чрезвычайно смѣшонъ, пересыпаемый вдобавокъ остротами. И никому изъ насъ тогда совершенно не приходило на умъ, что этотъ молодой человѣкъ, явившійся просить себѣ седьмую часть изъ состоянія Герцена и еще пять седьмыхъ частей своимъ пріятелямъ, былъ собственно правъ... по отношенію къ Герцену.

Однако, перейду прямо къ тому, о чемъ и слѣдовало бы настоящему исключительно рассказывать,—къ моему дикому роману и грозившему мнѣ аресту.

Проживъ слишкомъ долго въ Женевѣ, я сталъ поневолѣ подумывать о томъ, что нужно возвратиться въ Парижъ и Нельи, и нужно добыть видъ на жительство для Эли Готье. Огаревъ, конечно, зналъ, въ какомъ я нахожусь положеніи и даже однажды послалъ со мной Эли букетъ цвѣтовъ, а я попросилъ его на бумажкѣ написать: «à madame Vadime».

Собираясь во Францію, я объяснилъ Огареву, въ какомъ затруднительномъ и неудобномъ положеніи нахожусь.

— Что же? Ей нуженъ паспортъ? Это самое пустое дѣло!—отозвался онъ.—Я сегодня скажу Герцену. Дня черезъ два-три будетъ у тебя женскій паспортъ.

Я удивился. Огаревъ разсмѣялся.

— Милый мой, чего другого нѣтъ, а этого добра въ Женевѣ сколько хочешь! Черезъ три дня даже кучу сторублевыхъ ассигнацій заказали бы себѣ надѣлать, если бы мы это считали допустимымъ...

Огаревъ намекалъ на то, что въ это время въ Женевѣ скрывалась шайка поддѣлывателей русскихъ ассигнацій, и посольство, а равно агенты изъ Россіи, тщательно, но тщетно розыскивали эту шайку, состоявшую изъ поляковъ и евреевъ.

На другой же день Герценъ передалъ мнѣ записку, говоря, чтобы я отправился съ ней къ одному молодому русскому эмигранту, хотя и съ польской фамиліей. Я нашелъ молодого человѣка, высокаго, чрезвычайно худого и блѣднаго, будто изможденнаго, и поневолѣ заподозрѣлъ, не бѣжалъ ли онъ въ Женеву прямо съ русской каторги.

Объяснившись со мной и говоря какимъ-то загробнымъ голосомъ, онъ передалъ мнѣ билетикъ, на которомъ значился номеръ въ пять цифръ, положимъ, 19.145. Такіе билетики обыкновенно извозчики за границей выдаютъ сѣдоку, прежде чѣмъ двигаться съ мѣста. На немъ, какъ и водится всегда, подъ номеромъ была пропечатана такса за одинъ проѣздъ, за часъ, сколько въ дневные часы, а затѣмъ сколько въ ночные часы. На оборотѣ мелкимъ шрифтомъ были какія-то правила.

— Что же это?—возразилъ я, удивленно глядя въ лицо моего, созданнаго моей фантазіей, каторжника.

— Вы съ этимъ билетикомъ отправитесь завтра вечеромъ на Place du Rhône, разыщите фіакръ съ подходящимъ номеромъ и предъявите этотъ билетикъ. Онъ попроситъ васъ сѣсть въ его карету и отвезетъ васъ куда слѣдуетъ. Тамъ все остальное сдѣлается само собой.

— Вамъ извѣстно,—сказалъ я,—что паспортъ содержитъ въ себѣ всегда примѣты, и что въ данномъ случаѣ необходимо...

Но мой собесѣдникъ прервалъ меня словами:

— Паспортъ ли, другое ли что—я не знаю... Ваше дѣло до меня не касается! Мое дѣло состоитъ въ томъ, чтобы услужить Александру Ивановичу, исполнивъ его просьбу: вамъ въ какомъ-то дѣлѣ помочь. Остальное до меня не касается.

Не помню, въ тотъ ли день, или на другой, я отправился на Place du Rhône, гдѣ стояли возницы извозчичьихъ одноконныхъ каретъ. Я обошелъ всѣ, читая номера, но моего номера не оказалось. Объяснившись съ однимъ изъ кучеровъ, я узналъ, что мой номеръ принадлежитъ «такому-то», и что онъ часовъ около восьми, девяти вечера непременно будетъ на этомъ самомъ мѣстѣ, помнится, около какого-то монумента или фонтана.

Дѣйствительно, когда я снова явился на площадь, то нашелъ извозчика, номеръ котораго былъ мнѣ данъ.

— Вотъ вамъ вашъ билетикъ!—сказалъ я.—Извѣстно ли вамъ, что это значитъ?

— Parfaitement, monsieur!—бойко отозвался тотъ.—Пожалуйте!

Онъ отворилъ дверцу, я сѣлъ въ карету, онъ влѣзъ на козлы, захлопалъ бичемъ, и мы поѣхали...

— Прямо изъ романа «Графъ де Монте-Кристо»,—подумалъ я про себя, усмѣхаясь.

Если бы дѣло не зачалось въ Буасьерѣ по милости Герцена, то я бы, пожалуй, такъ и не поѣхалъ поздно вечеромъ и невѣдомо куда. Какъ разъ могутъ завезти въ притонъ, ограбить, а то и прирѣзать.

Возница мой ѣхалъ довольно долго и завезъ меня дѣйствительно въ одинъ изъ самыхъ грязныхъ и вонючихъ кварталовъ старой Женевы. Здѣсь онъ остановился у обтрепанной двери и пригла-

силъ меня выйти изъ кареты. Загѣмъ онъ объяснилъ мнѣ, чтобы я поднимался на самый верхній этажъ, постучался бы въ самую послѣднюю дверь, ведущую въ мансарду, и тамъ обратился бы по своему дѣлу къ господину, который мнѣ покажется болѣе или менѣе *une espèce de monstrelet*.

Опредѣленіе личности было довольно условное, но все-таки я зналъ заранѣе, что мнѣ надо объясняться съ господиномъ, который будетъ не казистъ.

Я поднялся по огромному количеству ступенекъ лѣстницы, отвратительной, каменной, но со сбитыми, истертыми ступеньками и въ полутьмѣ, такъ какъ вся лѣстница освѣщалась на всѣ три этажа одной закоптѣлой лампочкой. На самомъ верху, отыскавъ, или, вѣрнѣе, ощупавъ небольшую дверку, я сталъ стучать въ нее, предполагая только спросить, тутъ ли живетъ господинъ...

— Кто же?—спросилъ я самъ себя, внутренно смѣясь.—Вѣдь не могу же я сказать—господинъ, который очень некрасивъ собой или почти уродецъ. Мудрено!—подумалъ я, продолжая стучать въ дверь.

Она отворилась, и фигура со свѣчкой въ рукахъ не успѣла еще спросить у меня, что мнѣ нужно, какъ я самъ заявилъ по-французски:

— Я къ вамъ отъ такого-то.

Почему я рѣшился это сказать, причина была простая. Извозчикъ сказалъ, что я увижу нѣчто въ родѣ уродца. Предо мной же стоялъ, вырвавшійся изъ романа Виктора Гюго «Парижская Богоматерь», самъ, ни болѣе ни менѣе какъ самъ, милый, добрый, но ужасный Квазимодо.

Дѣйствительно, у этого человѣка была одна нога короче другой, руки какія-то страшно длинныя и горбъ за правымъ плечомъ. Точно на смѣхъ онъ былъ еще вдобавокъ сильно рыжевать. Но надъ всей этой безобразной фигурой сіяли, какъ двѣ чудныя звѣзды въ небѣ, прелестные, умные, тихіе и глубокіе, голубые глаза. Быть можетъ, въ дѣйствительности эти глаза поражали только лишь какъ контрастъ съ безобразнымъ тѣломъ. Будь эти глаза у красавца, они, быть можетъ, потеряли бы свою силу, которая въ данномъ случаѣ была лишь условной.

Квазимодо попросилъ меня любезно войти, посадилъ у маленькаго столика, поставилъ на него подсвѣчникъ, съ которымъ встрѣтилъ меня, и принесъ листъ бумаги, перо и чернила въ пузырькѣ. Послѣдній предметъ меня поразилъ. Эта чернильница вѣдь изобрѣтена въ той же странѣ, гдѣ изобрѣтенъ самоваръ. И этимъ предметомъ Квазимодо себя какъ бы выдавалъ. Однако, я не желалъ быть нескромнымъ и не сталъ его спрашивать, родился ли онъ въ россійскихъ предѣлахъ и не оттуда ли привезъ, если не самое произведе-ніе, то привычку имъ пользоваться.

Я объяснилъ Квазимодо, что мнѣ нуженъ женскій паспортъ для жительства въ Швейцаріи и во Франціи. Онъ отвѣтилъ, что паспортъ будетъ съ уплатой за него пятидесяти франковъ, но что въ паспортѣ этомъ будетъ обозначена профессія швеи. Я отвѣтилъ, что это совершенно безразлично. Квазимодо, глаза котораго мнѣ все болѣе и болѣе нравились, спросилъ у меня примѣты: приблизительный ростъ, волоса, глаза, носъ, подбородокъ и т. д.

— Нѣтъ ли какихъ особыхъ примѣтъ?—прибавилъ онъ.

Я подумалъ и отвѣчалъ:

— Крайне свѣтлые волоса, чуть не бѣлые...

— Это не примѣта! *Signe particulier?* Знаете, какъ всегда въ паспортахъ.

Я отвѣчалъ, что нѣтъ. Онъ попросилъ меня уплатить деньги впередъ и дать свой адресъ, обѣщая, что черезъ два дня паспортъ будетъ у меня.

Зачѣмъ была нужна вся эта процедура съ извозчицей каретой, я и тогда не зналъ и теперь не понимаю. Улицу и домъ Квазимодо я тогда все-таки замѣтилъ и могъ бы потомъ розыскать безъ извозчика. Слѣдовало, дѣйствуя таинственно, свозить меня съ завязанными глазами... Вышло бы прямо... изъ «Гугенотовъ», или изъ романовъ Евгенія Сю... И дешево, и сердито.

Дѣйствительно, черезъ два дня простой почтальонъ принесъ мнѣ большой конвертъ, и когда я его разорвалъ, то нашелъ въ немъ паспортъ на имя женевакки гражданки *madame Olympe Julien*, швеи. Когда я подробно осмотрѣлъ весь паспортъ, я ничего не замѣтилъ особеннаго, но когда Эли взяла его въ руки и тоже прочла отъ первой буквы до послѣдней, то пришла въ ужасъ, а затѣмъ въ ожесточеніе. Наконецъ, она мнѣ заявила, что никогда этимъ паспортомъ не воспользуется. Кончилось это увѣщаніемъ съ моей стороны и слезами съ ея стороны, но согласиѣмъ, скрѣпя сердце.

Въ чемъ же было дѣло? Очень простое! Въ первой графѣ примѣтъ личность *Olympe Julien*, владѣтельницы паспорта, опредѣлялась такъ:

«Лѣта—тридцать шесть».

Какъ разъ чуть не вдвое противъ того, что было Эли. Разу мѣется, я убѣдилъ ее, что паспортъ не вывѣска и не часть костюма, что его увидятъ здѣсь только при визированіи, затѣмъ на границѣ, а затѣмъ въ Парижѣ въ полицейскомъ участкѣ.

Я, конечно, тотчасъ же отправился поблагодарить Огарева за услугу, которая развязывала мнѣ руки и давала возможность вернуться въ Парижъ.

Увы! По милости именно этой неизвѣстной намъ госпожи Олимпіи Жюльенъ произошла вскорѣ снова нелѣпая исторія, угрожавшая въ началѣ драмой и окончившаяся водевилемъ.

Кажется, чрезъ недѣлю, собравшись уѣзжать во Францію, я от-

правился во французское консульство визировать швейцарскій паспортъ, что въ тѣ времена наполеоновскаго режима строго требовалось и исполнялось, чтобъ переѣхать границу. Въ особенности правительство Франціи слѣдило за двумя своими границами—швейцарской и итальянской, и здѣсь были сугубо строгія мѣры. Что касается до «Bellegarde», пограничнаго мѣстечка между Франціею и свободнымъ Женевскимъ кантономъ, переполненнымъ кучей всякаго рода эмигрантовъ и политическихъ дѣятелей, изгнанныхъ или бѣжавшихъ изъ всѣхъ государствъ Европы, то въ немъ царила чуть не инквизиція. Швейцарцы звали «Bellegarde» въ шутку—«Prenez-garde».

Поэтому было необходимо идти во французское консульство визировать паспортъ г-жи Оlympe Julien. Наложение «visa» — дѣло десяти минутъ. Меня же заставили прождать чуть не часъ, а затѣмъ предложили прійти за паспортомъ на другой день, ссылаясь на позднее время для исполненія простой формальности. Я удивился...

На другой день я получилъ паспортъ и, будучи человѣкомъ, не лишеннымъ наблюдательности и чутья, «что-то» замѣтилъ, когда мнѣ вручали его.

Дѣйствительно, въ сумерки я увидѣлъ въ окно явившихся въ нашъ пансіонъ, а затѣмъ и въ наши комнаты въ rez-de-chaussée двухъ господъ, очень приличныхъ на видъ, но суровыхъ и холодно вѣжливыхъ.

Они вошли ко мнѣ послѣ объясненія съ хозяиномъ, стало быть, знали, что не ошибаются.

Они спросили наше имя. Я имѣлъ наивность отвѣчать: m-g et m-me Vadime.

Они попросили паспортъ или оба, если ихъ два у насъ, объяснивъ, что они полицейскіе агенты. Тогда, сильно смущенный не-пріятной исторіей, я тотчасъ объяснилъ, что обстоятельства самыя простыя и даже невиннаго свойства заставили меня проживать въ Женевѣ подъ вымышленнымъ именемъ и выдавать мою спутницу за мою жену... Я заявилъ, что знаю, насколько Женева и ея кантонъ переполнены лицами подъ вымышленными именами, но по причинамъ совершенно иного характера, нежели то положеніе, въ которомъ мы находились.

— Мы скрываемся отъ мужа,—объяснилъ я,—а не отъ какого либо правительства изъ-за политическаго или простаго преступленія, crime de droit commun.

Такъ какъ я отъ волненія сталъ многорѣчивъ, то одинъ изъ «гостей», старшій по виду, прервалъ меня словами:

— Pas de paroles inutiles! Позвольте паспортъ этой дамы... и вашъ.

Было мгновеніе, что я хотѣлъ заявить, что у моей спутницы нѣтъ паспорта, такъ какъ она бѣжала отъ мужа...

Полицейскій, будто догадавшійся или прочитавшій мои мысли, вымолвилъ:

— Паспортъ этой дамы вы вчера визировали во французскомъ консульствѣ...

«Ну, поздравляю!—подумалось мнѣ,—Герценъ, эмигрантъ и Квазимодо меня подвели. Бѣды не будетъ, но возня и хлопоты—неминуемы»...

Я досталъ паспорта изъ комода и передалъ... Я увидѣлъ, что старшій изъ полицейскихъ пристально и внимательно разглядываетъ Эли; я, въ свой чередъ, поглядѣвъ на нее, чуть не ахнулъ. Она была мертво-блѣдна отъ перепуга и страха... Чего? Она сама, конечно, не знала.

Случайно развернувъ паспортъ швейцарскій прежде моего и проглядѣвъ его, онъ обернулся къ товарищу и началъ вдругъ улыбаться, а затѣмъ смѣяться, указывая пальцемъ въ одну изъ строкъ...

— Madame Olympe Julien, n'est ce pas?—спросилъ онъ у Эли, какъ бы подсмѣиваясь...

Она молчала. Я же понялъ смѣхъ и иронію по-своему и собирался уже объяснить все, сказать правду...

«Тѣмъ хуже моему Квазимодо!—рѣшилъ я.—Пускай отбоаривается за свою коммерцію».

Но полицейскій сложилъ листъ и, весело смѣясь, передалъ его мнѣ со словами:

— Un malentendu assez amusant! Намъ интересуется, и мы желали видѣть не madame Olympe Julien, а другую даму...

И онъ началъ уже хохотать, но при этомъ развертывалъ мой паспортъ и, развернувъ листъ, сразу сталъ угрюмъ и серьезенъ, даже пораженъ.

«Здравствуйте!—подумалъ я.—Еще что?».

Но затѣмъ я тотчасъ же догадался—«что». Было то, что бывало постоянно и немало мнѣ надоѣдало.

— У насъ ѣсть свѣдѣнія, что вы русскій!—сказалъ онъ.—А у васъ не русскій паспортъ, а au nom de l'empereur des Français.

— Посмотрите далѣе,—отозвался я,—увидите, что я родился въ Россіи, Москвѣ, православнаго исповѣданія, и паспортъ выданъ изъ московскаго французскаго консульства...

— C'est ça!—произнесъ онъ, пробѣжавъ глазами весь листъ.— C'est ça, mais...

И онъ поглядѣлъ на товарища вопросительно...

Тотъ пожалъ плечами и что-то пробурчалъ, чего я уловить не могъ. Помолчавъ, первый объяснилъ:

— Позвольте васъ просить пожаловать со мной въ главное полицейское бюро. А это я возьму съ собой. По всей вѣроятности, ничего не будетъ... Впрочемъ, вамъ, конечно, лучше насъ извѣстно въ данный моментъ, будете ли вы арестованы по... по этому дѣлу...

— Арестовантъ?!—воскликнулъ я.—За то, что увезъ замужнюю женщину. Вы шутите!

— Вы шутите, *mon cher monsieur*,—холодно отоввался онъ.—*Il ne s'agit pas de femme...*

— Я не понимаю, что вы хотите сказать!—воскликнулъ я.

— Тѣмъ лучше для васъ. Тогда, вѣроятно, ничего не произойдетъ, и вы останетесь на свободѣ. Пожалуйте...

Вида, что дѣло принимаетъ глупый оборотъ, что вопросъ поднятъ уже не о госпожѣ Олимпіи Жюльенъ, швейцарской подданной, хотя бѣжавшей отъ мужа, но имѣющей паспортъ, а вопросъ обо мнѣ, русскомъ французѣ или франко-русскомъ, я сталъ горячиться и браниться.

Полицейскій сталъ меня уговаривать, что доѣхать до префектуры ничего не стоитъ, а тамъ все объяснится тотчасъ же. Самъ онъ не можетъ ничего рѣшить, хотя мой паспортъ ему лично кажется крайне сомнительнымъ. Что такое французъ, родившійся въ Москвѣ, и православный?

— Что можетъ тамъ объясниться!—воскликнулъ я.

— Принадлежите ли вы къ той бандѣ, à cette bande russe, которую мы наполовину уже захватили?..

— Фальшивыхъ монетчиковъ! Поддѣльвателей русскихъ ассигнацій!—догадался и вскрикнулъ я весело, и прибавилъ:—брависсимо!

Полицейскій повѣрилъ, вѣроятно, моему лицу и голосу, но все-таки наклоняясь предложилъ то же... слѣдовать за нимъ.

— Извольте!—заявилъ я.—Но это глупо.

Выйдя изъ пансіона, мы дошли пѣшкомъ до площади и взяли карету.

Черезъ полчаса переѣхавъ Рону и поднявшись въ страшную гору, черезъ кварталъ старой Женевы, мы были въ полицейской префектурѣ...

Здѣсь мнѣ былъ сдѣланъ цѣлый допросъ. Пожилой господинъ, нѣчто въ родѣ директора полицейскаго департамента на весь Женевскій кантонъ, былъ сначала суровъ и очень невѣжливъ, а затѣмъ сталъ приличнѣе и благовоспитаннѣе. Кончилось все тѣмъ, что мнѣ возвратили мой паспортъ и извинились за безпокойство. Когда я собирался уходить, директоръ вдругъ задержалъ меня и вымолвилъ, обращаясь къ доставившему меня полицейскому.

— *Et la dame en question?*

— Тутъ уже совсѣмъ недоразумѣніе,—улыбнулся этотъ,—по милости сообщенія изъ французскаго консульства. Спутница *monsieur* называется *Olympe Julien*...

— Ну, такъ что же?—сморщилъ брови директоръ, очевидно, не понимая ни смысла отвѣта, ни улыбки своего подчиненнаго.

— *Olympe Julien*,—вразумительно повторилъ этотъ.—А вѣдь та, *la personne en question*, совсѣмъ иначе... Одно созвучіе...

И такъ какъ начальникъ продолжалъ морщить лобъ и глядѣлъ сурово вопросительно, то полицейскій поневолѣ рѣшился высказаться при мнѣ.

— Мы же розыскиваемъ: Julie Lamprier.

Начальникъ сообразилъ не сразу, какъ и я тоже. Но, хлопнувъ себя, наконецъ, рукой по ляжкѣ, онъ вскрикнулъ смѣясь...

— Quelle sottise!

Да, чепуха порядочная, думалось мнѣ, когда я былъ на улицѣ. Вотъ уже по пословицѣ: гдѣ тонко, тамъ и рвется! Будь свой собственный паспортъ—и какое дѣло до недоразумѣнія. А когда полиція является, и ищетъ, и обвиняетъ, васъ—госпожу Олимпію... которую, однако, вы сами отъ роду не видали,—что тутъ дѣлать? По-неволѣ смутиться.

Черезъ два дня я выѣхалъ, проѣхалъ, конечно, благополучно черезъ границу: «Prenez-garde», и на утро былъ въ Парижѣ.

Больше добавить слѣдовательно нечего. Если же читателя интересуетъ хоть немного судьба «Olympe Julien», поселившейся въ Парижѣ около Нельи, то прибавлю два слова.

Черезъ годъ паспорту ея вышелъ срокъ, а «возобновить» его было, конечно, мудрено, и она, собираясь ѣхать со мной въ Россію, вмѣстѣ съ тѣмъ собиралась... и собралась примириться съ мужемъ.

Романы дѣйствительности если не всегда, то большей частію кончаются не драмой, а водевилемъ или дивертисментомъ.

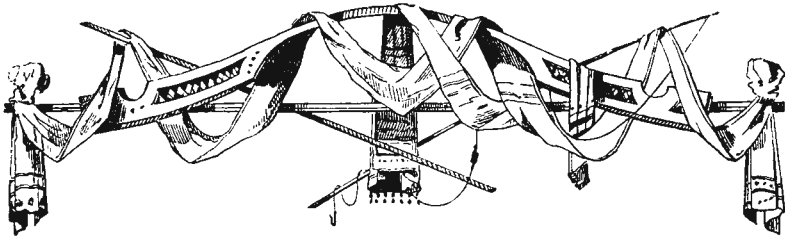
Итакъ, вотъ они—семь арестовъ, мною избѣгнутыхъ... Всякій увидитъ, или пойметъ, что я придрался къ этимъ арестамъ, чтобы попросту рассказать кое-что изъ своего прошлаго, соединеннаго случайно съ интересными или выдающимися личностями.

Когда нибудь, Богъ дастъ, я примусь за свои воспоминанія уже серьезно и расскажу подробнѣе и обстоятельнѣе о томъ и о тѣхъ, что и кого видѣлъ и зналъ въ жизни. И эта мелочь когда нибудь тоже пригодится неминуемо для будущихъ Карамзиныхъ...

Гр. Салиасъ.

Ст. Бутово.
Августъ. 1896.

ТИПЫ СОВРЕМЕННОЙ ДЕРЕВНИ ¹⁾.

XVI.

Варуль и Онуфрій.

i.

ЕНЬ начинался хорошимъ теплымъ утромъ. На Волгѣ ходили мелкія волны. Солнце сіяло на чистомъ небѣ. Воздухъ на водѣ казался особенно прозрачнымъ, такъ что предметы виднѣлись ясно на далекомъ разстояніи. Зелень береговъ веселила взоры. Линія одного берега шла волнисто, другой — стлался полого. Вдругъ первый берегъ побѣжалъ вверхъ, и закончился возвышеннымъ обрывистымъ холмомъ, на которомъ живописно раскинулся маленькій городокъ.

Пассажиры высыпали на палубу и любовались прекраснымъ видомъ. Я прошелъ на корму, въ третій классъ, откуда неся громкій гулъ многихъ голосовъ.

Вдали отъ группы спорившихъ о чемъ-то крестьянъ, у самаго борта парохода, стоялъ высокій статный парень, лѣтъ двадцати четырехъ, съ густыми, темными волосами, остриженными въ кружокъ, — съ большими, черными, нѣсколько мечтательными глазами, съ тонкими чертами немного блѣднаго лица и съ крупными чувственными губами. Онъ глядѣлъ на берегъ, видимо, любясь кар-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXX, стр. 801.

тиной, но взглядъ его былъ нѣсколько разсѣянъ; парень не то мечталъ, не то вспоминалъ что-то.

Онъ былъ одѣтъ въ поношенный лѣтній пиджакъ, изъ-подъ котораго виднѣлась красная косоворотка; нанковые брюки—на выпускъ. Старый картузь съѣхалъ набекрень.

Я окинулъ его внимательнымъ взглядомъ. Словно почувствовавъ на себѣ мой взглядъ, парень быстро обернулся.

Онъ тряхнулъ головой и промолвилъ съ восхищеніемъ:

— И красота же!

Въ этомъ краткомъ замѣчаніи со всею силой выразился его внутренній восторгъ.

— Чудный видъ! — подтвердилъ я. — А только Жигули еще лучше.

— То опять хорошо. Но другой манеръ только... Ну, и Волга!

— Нравится она тебѣ?

— Красота одна, да и только... Всѣ глаза проглядишь: тутъ хорошо, а тамъ еще того лучше... Вотъ-то Господь изукрасилъ... На диво, прямо сказать!

Онъ помолчалъ немного и добавилъ:

— А и ночью же красота здѣсь!.. Тепло это такъ, тихо... А мѣсяць-то въ водѣ свѣтится, словно онъ на днѣ тамо и манитъ тебя... Эхъ!—воскликнулъ парень, досадливо причмокивая:—словъ-то у меня нѣтъ настоящихъ... объяснить все это... Внутри-то оно какъ будто и понятно все, а обсказать не могу.

— Ты развѣ не спалъ ночью?

— Гдѣ спать!.. Вышелъ я это... освѣжиться, такъ скажемъ... Да и уйти не хочется... Чисто приворожило меня, да и все тутъ!.. Читалъ я книжку одну—о Волгѣ. Занятно описано... а все не то, покамѣстъ не посмотрѣлъ глазами своими.

Мнѣ невольно вспомнились мои «интеллигентные, просвѣщенные спутники», игравшіе всю ночь напролетъ въ карты и прозѣвавшіе Жигули и многія другія дивныя поволжскія картины. Скажешь одному: «Жигули скоро». Обернется и сердито проговоритъ: «Ахъ, не мѣшайте», и опять слышится: «въ червяхъ», «пасъ» и прочее въ этомъ родѣ. Подъ утро всѣ храпятъ. Начнешь будить: «вставайте.. солнце всходитъ... что за прелесть!» Перевернется на другой бокъ, пробурчитъ: «спать хочу» — и уже храпитъ. А то и во снѣ «червями» бредитъ. А поѣхали освѣжиться, отдохнуть, на Волгу посмотреть, насладиться природой. И послѣ этого еще говорятъ потомъ: «что же на Волгѣ? Ничего особеннаго! Вотъ въ Европѣ»... Никогда вѣдь не сознаются: «а мы ничего не видѣли, потому что все въ карты рѣзались, да спали»... Это — интеллигенція, это — мыслящіе люди. И вдругъ простой деревенскій парень не спитъ ночи, глазъ оторвать не можетъ отъ живописныхъ поволжскихъ картинъ.

— Ты куда же ѣдешь?—спросилъ я.
 — На работу въ Саратовъ, на мѣсто.
 — Изъ деревни?
 — Теперь-то изъ деревни, а ранѣ жилъ въ городѣ.
 — Гдѣ же?
 — Да въ Ярославлѣ жилъ... а потомъ въ Москвѣ съ полгода.
 — Ты по какой части?
 — По пекарской... калачникъ, стало быть.
 — Развѣ въ Москвѣ хуже?
 — Въ Москвѣ-то? Въ Москвѣ хорошо!—съ отгѣнкомъ восторга произнесъ онъ.

— Жалованье хорошее?
 — Жалованье такъ себѣ... а ужъ больно это въ Кремлѣ хорошо... Вотъ тоже красота: станешь это у рѣшетки-то... да глядишь на ту сторону, за рѣкой-то Москвой которая... Будто на картинѣ. А особливо какъ весной... И звонъ этотъ веселый... Такая радость сердце охватить, что самъ не знаешь, а такъ бы чтонибудь и сдѣлать!

Глаза у парня свѣтились восторгомъ, и этотъ же восторгъ былъ написанъ на его лицѣ.

Меня онъ сильно заинтересовалъ.

— Москва-то тебѣ, пожалуй, Волги любѣе?—спросилъ я.
 — И здѣсь хорошо!—повторилъ онъ... Ну, а въ Москвѣ—другое... На лицо его набѣжала тѣнь. Онъ вздохнулъ.
 — Люди мы не ученые. Слово у насъ нѣтъ настоящихъ, ну, и понимаешь иной разъ, а обсказать не можешь... Книжекъ, должно, мало читаемъ, оттого это.
 — Ты любишь читать?
 — Люблю... Времени-то немного, а то какъ не читать!
 — Ты въ школѣ учился?
 — Въ школѣ-то малость... Далеко отъ насъ... А я къ дьякону бѣгалъ... И что это за человѣкъ былъ — Иванъ Кузьмичъ. Мало такихъ людей бываетъ!

— Хорошій?

— Мало того хорошій... прямо такъ сказать: душа человѣкъ, праведникъ!

Мы уже сидѣли на скамейкѣ около столика.

— Чистой жизни?—спросилъ я, стараясь выразиться понятнѣе и навести парня на дальнѣйшій разговоръ.

— Строгой жизни былъ! Ни курева, ни водки... ни-ни! Никакого баловства. Вдовый, а соблюдалъ себя—вд какъ! О немъ никто ни слова... потому нельзя! А ужъ сердце... сердце—на рѣдкость, прямо сказать! Сними рубаху—и не укорить. Жалостливый! А по книжному дошелъ до всего... Куда попъ передъ нимъ? Ничего не стоилъ.

Заговоривъ о дьяконѣ, парень опять оживился. Онъ снялъ кар-

тузь, положилъ его на столъ и, кажется, уже не соображалъ о томъ, что я совсѣмъ чужой человѣкъ, и онъ видитъ меня впервые. Онъ говорилъ съ воодушевленіемъ, раза два хлопнулъ меня по плечу и не замѣтилъ этого.

— За пѣсню онъ полюбилъ меня,— продолжалъ рассказывать парень,— пѣлъ онъ, а-ахъ какъ пѣлъ!.. Его такъ и звали соловей-дьяконъ. Одинъ поеть, а словно много. Замрешь индѣ, какъ за-слушаешься... Сердце-то словно бы... истаетъ... Очухаешься, а на глазахъ у тебя слезы.

— Ты тоже поешь?

— Пою... Ну, извѣстно не такъ... Такъ-то чтобы пѣть, я болѣ и не слыхивалъ. Даръ особый отъ Бога. А пѣсни я люблю... Вотъ онъ и сталъ меня зазывать. А я, мальченокъ, и радъ-радѣ-шенекъ. Ну, тутъ и учить меня началъ. Принялся я читать бойко, писать... Была у него книжка съ пѣснями. Кольцовъ сочинялъ... тоже изъ мужичковъ. Бывало и почнемъ распѣвать. Поемъ и оба плачемъ... Очень ужъ онъ по женѣ тосковалъ!..

— Значить, ты учился какъ слѣдуетъ?

— Да не даль тятка доучиться-то... Взялъ меня въ работу съ собой, а тамъ и не досужно, я забывать началъ. Ну, конечно, не забылъ всего... гдѣ же!.. а кабы вотъ доучиться дали... вотъ такъ!.. а дьякону спасибо... вѣкъ не забуду его, царство ему небесное!

— Онъ умеръ?

— Померши... Запростудился... Рыбу ловилъ... да какъ-то искупался по ранней веснѣ... Ну, кашель приключился... а тутъ и болѣзнь привязалась, эта самая чахотка. Жалость, говорили, на него смотрѣть было. Выйдетъ это на улочку, сядетъ у дома и запоетъ. А ужъ ничего не выходитъ. Захрапить въ грудяхъ-то... Закашляется и захаркаетъ кровью. И заплачетъ, что твое дитя малое.

Голосъ у парня дрогнулъ, и глаза слегка затуманились отъ на-вернувшихся слезъ.

Онъ замолчалъ, устремивъ взоръ въ даль, гдѣ блестѣлъ на солнцѣ крестъ деревенской церкви.

— Вотъ гдѣ вы! А я васъ ищу, ищу! Что это вы забрались въ третій классъ?

Около меня стоялъ мой сосѣдъ по каютѣ.

— Идемъ пить чай. Уже всѣ въ сборѣ.

— Сейчасъ.

Я неохотно поднялся съ диванчика.

— Еще, можетъ быть, увидимся во время пути,— сказалъ я парню, подавая ему руку.

Онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня и какъ-то нерѣши-тельно, осторожно дотронулся до моей руки.

— Тебя какъ зовутъ?— спросилъ я, оборачиваясь на ходу.

— Варуломъ,— отвѣтилъ онъ, и самъ прибавилъ сейчасъ же:— мудренное имя... многіе изъ нашихъ всяко переименовываютъ.

Если не мудренное, то дѣйствительно рѣдкое имя. До этого дня я и не зналъ, что существуетъ такое имя въ православномъ календарѣ.

II.

Послѣ чая вся наша компанія разбрелась: кто пошелъ еще отдохнуть въ каюту, кто на балконъ, игроки рѣшили сыграть партію-другую до завтрака.

Я остался сидѣть въ салонѣ, у окна, на мягкомъ диванѣ и велѣлъ лакею подать какую нибудь газету. Онъ принесъ «Саратовскій Листокъ». Я просмотрѣлъ его, отложилъ въ сторону, газету бросилъ и задумался о молодомъ пекарѣ, ѣхавшемъ на заработки въ Саратовъ. Вдругъ мои мысли перекинулись въ прошлое и, какъ живой, возсталъ передо мною рыболовъ Онуфрій, ютившійся въ плохонькой избенкѣ, на краю деревни Незавидовки.

Это былъ мужикъ лѣтъ сорока, средняго роста, бѣлокурый, худощавый, съ выпѣтшей бородежкой, съ голубыми восторженными глазами. Большой, правильной формы носъ очень скрашивалъ его лицо. Онуфрій любилъ пѣть и пѣлъ высокими теноромъ. Познакомился я съ нимъ случайно на какомъ-то праздникѣ, потомъ встрѣчался нѣсколько разъ, и какъ-то однажды отправились мы съ нимъ вмѣстѣ рыбачить за пять верстъ отъ деревни.

Рыба брала «плохо», и мы остались ночевать на берегу, желая поправить неудачу на утреннемъ клевѣ.

Ночь стояла теплая, лунная. Неширокая рѣка Леденка спокойно лежала въ извилистыхъ берегахъ. Окаймлявшіе ее кусты ивы мѣстами близко подошли къ водѣ и словно смотрѣлись въ нее при сіяніи мѣсяца, ликъ котораго купался въ рѣкѣ. На противоположномъ пологомъ берегу лѣсъ стоялъ таинственный и мрачный, такъ и представлялось, что вотъ-вотъ оттуда что нибудь выскочить, заухаетъ и захохочетъ. Онъ казался обиталищемъ сказочныхъ чудищъ, хоронившихся въ его чащѣ.

Мы расположились на крутомъ берегу у разведеннаго костра, надъ которымъ въ котелкѣ варилась уха. Позади насъ находился неуклюжій рогожный шалашъ, тонувшій въ густой и высокой травѣ.

Онуфрій лежалъ на животѣ, подпиравъ подбородокъ руками, любясь разстилавшейся предъ нимъ картиной темнаго лѣса, вверху посеребреннаго лучами мѣсяца. Лучи его падали и на лицо Онуфрія, и оно казалось изсѣченнымъ изъ камня, съ застывшимъ на немъ выраженіемъ восторга.

Вдругъ изъ груди его раздались мечтательные звуки высокаго тенора. Они какъ бы издалека прорѣзали тишину ночи и достигли

моего слуха. Въ первую минуту я не понялъ, что это запѣлъ Онуфрій, такъ какъ онъ даже не выговаривалъ словъ, а только выводилъ какой-то мотивъ. Очевидно, онъ забылъ о моемъ присутствіи, унесясь куда-то думами, замурлыкалъ, такъ сказать, про себя. Мало-по-малу пѣсня стала опредѣленнѣе, слова яснѣе: онъ пѣлъ «Внявъ по матушкѣ по Волгѣ». Онъ окончилъ куплетъ и завершилъ его высокою разливчатою трелью, широко раскатившейся по водной глади и замершей вдали. Онъ дѣлалъ это своеобразно и своимъ пѣніемъ производилъ глубокое впечатлѣніе, хотя голосъ у него былъ слабый и лишь отличался богатыми модуляціями. Онъ звенѣлъ, вибрировалъ, но достигалъ до сердца, волновалъ его.

— Эхма! — вдругъ воскликнулъ Онуфрій, оборвавъ пѣсню и быстро поднимаясь съ земли. — Никакъ уха-то готова, — добавилъ онъ, заглядывая въ котелокъ.

— Славно ты поешь, — замѣтилъ я Онуфрію. — Прямо до сердца доходить.

— Пою, какъ поется, баринъ.

— Любишь пѣть?

— Люблю. Безъ пѣсни, что же... и жить-то нельзя бы, кабы не пѣсня. Запоешь — и кручины какъ не бывало. И забудешь все... словно вмѣстѣ съ пѣсней и самъ летишь куда-то... Вѣдь хопя сейчасъ, къ примѣру сказать: вы думаете, гдѣ я мыслями-то былъ? Здѣсь, на Леденкѣ? Э-э-э!...

— Гдѣ же?

— А на Волгѣ-матушкѣ... Слыхали вы про Стеньку Разинова?

— Ну, конечно.

— Мнѣ о немъ одинъ человекъ тутъ обсказывалъ... И какъ задумался я да запѣлъ, такъ онъ мнѣ, что наяву, и представился. Будто это на лодкахъ своихъ плыветъ съ ватаманами и разбойниками... на вольной-волюшкѣ разгуливаетъ... Эхъ, житье вольное, чудесное!

— Развѣ тебѣ нравится? Вѣдь самъ говоришь: разбойники?

— Извѣстно такъ, никто иные... Что говорить, грѣхъ не маленькій... да и воля же широкая; знай, гуляй, пока къ отвѣту не потребовали!

— А какъ потребуютъ?

— Ну, а ужъ тамъ расплачивайся. Клади на плаху буйную головушку.

Онуфрій попробовалъ уху и произнесъ другимъ тономъ:

— Поспѣла... ушица на славу. Не важная рыбка, да самая свѣжая, то — хорошо.

Онъ снялъ котелокъ, поставилъ его на траву и сталъ доставать изъ мѣшка хлѣбъ и ложки.

Уха была дѣйствительно недурная, но Онуфрій ѣлъ вяло, о чемъ-то раздумывая.

— Все часомъ, баринъ: сегодня такъ, а завтра и другое на умъ придетъ, — вдругъ произнесъ онъ, не глядя на меня.

— Ты про что? — спросилъ я.

— Да на счетъ того, что сказалъ-то я сичасъ, про волю эту... Не всегда одинакія думы. То воли захочется: бросилъ бы все и пошелъ на всѣ четыре стороны, обошелъ бы весь свѣтъ Божій и всего испыталъ бы. А то нѣтъ тебѣ милѣ этой самой чащи дремучей, забрался бы въ нее и спасался бы на манеръ божьихъ людей — святыхъ угодниковъ. Сидишь ину пору на рѣкѣ, удишь, а самъ и про рыбу забудь... Чего-чего не передумаешь... И на Волгѣ-то хорошо: ватаманское житье по сердцу... а тамъ опять и въ скитъ бы ушелъ, спастись. Тоже хорошо. Кругомъ тебя никого ровно: лѣсъ одинъ шумить... травка растеть, цвѣточки разные, птички поютъ... Ну, ручеекъ гдѣ нибудь журчить, а то и рѣчка бѣжитъ, рыбки плаваютъ... А надъ тобой-то небушко чистое... И звѣздочки — очи ангельскіе... А ты стоишь и молишься. Это ли не чудесное житье!

Онъ вздохнулъ, и на его лицо, за секунду сіявшее восторгомъ, набѣжала тѣнь грусти.

— Ты любишь лѣсъ, какъ видно, — сказалъ я.

— Да какъ его не любить? Безъ лѣсу земля, баринъ, что голова безъ волосъ, такъ мнѣ думается. Лѣсъ да вода краса земная.

Онъ положилъ ложку и отеръ губы рукавомъ рваного zipуна.

— Пробовалъ я въ городѣ жить, — заговорилъ онъ: — да не смогъ. Точно стало. Потянуло въ лѣсъ и на рѣку. Сердце стосковалось. А прибыльнѣй было жить въ городѣ, что говорить: харчи готовые, жалованья шесть рублей, никакой заботушки. Живи знай! А стосковалось сердечушко, да такъ стосковалось, что весь міръ сталъ не милъ безъ лѣсу-то роднаго. Бросилъ я все и — домой...

— Ты семейный?

— Тогда еще дочь была въ дѣвкахъ и сынъ не померши. А теперь мы вдвоемъ съ бабой. Какъ два перста... Да разумнѣя-то она не моего, не такъ, стало, въ мысляхъ-то будетъ. Ругаетъ все меня: шелапутъ, говорить, ты, и только. И тогда ругала: гдѣ бы, говорить, жить, а ты этакое мѣсто бросилъ. Нешто дома-то запасу много, что ли? Не смогъ, говорю, по лѣсу-батюшкѣ стосковался. Разозлилась баба, даже плюнула въ сердцахъ: да что тебѣ въ лѣсѣ-то, оглашенный! Не дерево кусать-то... А на рыбаценьи немного наживешься. Ты болѣ воронъ считаешь да на небо глаза пялишь, чѣмъ рыбу ловишь. Вотъ какъ она!

— Что же ты ей на это?

— Да что сказать? Что правда, — то правда: рыбакъ я плохой, самъ знаю, и лѣсъ, вѣстимо, не грызть. А что подѣлаю, коли сердце стосковалось. Да и то молвить: много-ль для жизни и надобно: есть кусокъ хлѣба да вода — и слава Богу.... Ну, картошка когда, рыба, и совсѣмъ праздникъ, глядишь... Чего жадничать?

Онъ помолчалъ немного, подбросилъ сухую вѣтку въ пожоги и заговорилъ опять:

— Нѣтъ, ужъ я не городской жилецъ: озолоти—сбѣгу! Мнѣ и здѣсь-то въ избѣ иногда такъ сгрустнется, что не выдержишь и пойдешь на рѣчку, либо въ лѣсъ. И словно на душѣ-то облегчается. Сядешь это въ лодочку и поплывешь. Мысли-то опять въ головѣ ходуномъ и заходятъ. Будто что съ тобой дѣется: плывешь на лодкѣ, либо сидишь на берегу, а самъ ни вѣсть гдѣ въ мысляхъ-то... И диво же, баринъ: послушаешь къ примѣру о какой землѣ дальней, и начнешь о ней думать, и почнетъ тебѣ представляться... И не бывалъ самъ, а слыхалъ только, а такъ оно все представляется, словно и самъ бывалъ, своими глазами все высмотрѣлъ. Что значить дума-то... Мудрено Господомъ все устроено. Не даромъ чловѣкъ превыше животныхъ поставленъ. А впрочемъ и то сказать: и тварь смысломъ не обдѣлена. То же творенью Господню радуется и понимаетъ. Была у меня собачка Жучка. Возьмешь бывало ее съ собой. Ну, залюбуешься это о какую пору, хоша бы закатомъ солнышка, а то еще лучше на утрѣ, какъ восходить оно, изъ-за лѣса выплываетъ, а—ахъ, какая это красота, сердце-то трепещетъ, и словъ отыскать не можешь, чтобы хвалу Господу Царю Небесному воздать. А глянешь—и она, Жучка, сидитъ, что вкопанная, и тоже смотритъ. Стало быть, ей тоже дано понятье отъ Бога.

Онъ умолкъ, устремивъ взглядъ на пожоги, но очевидно онъ думалъ о чемъ-то другомъ, опять унесаясь куда нибудь своими мечтами.

Несомнѣнно, онъ былъ по натурѣ поэтъ и, какъ художникъ, любилъ природу, ея красоты. Онъ говорилъ, охваченный вдохновеніемъ, и если бы его мысль пропла черезъ горнило духовнаго просвѣщенія, она вылилась бы въ другую форму.

— А какія ты пѣсни больше поешь?—спросилъ я Онуфрія.

Онъ очнулся отъ звуковъ моего голоса и посмотрѣлъ на меня.

Я повторилъ вопросъ.

— А равныя—и веселыя и печальныя... какъ на душѣ, такъ и поется.

— И много пѣсенъ знаешь?

— Да знаю.

— Самъ не подбираешь, не складываешь?

— У самого-то не выходитъ. Объ ину пору—кажется, такъ бы и сложилъ пѣсню, потому душой-то чувствуешь и слова знаешь всякія... какія и въ пѣсняхъ, а начнешь подбирать, и не выходитъ: слова-то есть, да безъ складу и ладу. Нѣтъ, баринъ, на пѣсню-то, чтобы слагать ее, тоже таланъ отъ Бога полагается... кому дано, а кому и не дано. А и нѣтъ же лучше нашей русской пѣсни... вѣрно сказать! Слыхалъ я, какъ чухны поютъ, али татары, тутъ одинава работали. Куда до нашей пѣснѣ ихней!

— Ты же не могъ понять, потому что не знаешь ихъ языка.

— Да что же изъ того, что не могъ? Слово-то понять, извѣстно, не могъ, а только и по складу и по пѣнью видать. Мурлычатъ себѣ, и для слуха неприятно совсѣмъ. А то ли наша пѣсня русская... такъ за ретивое и беретъ. Вотъ и ты доволенъ остался. А наемни лавочникъ мнѣ говоритъ: буде, Онуфрія... сердце все истомилъ... плакать хочется. А пѣлъ я «Не бѣлы снѣги»... и точно— пѣсня чудесная. И кто только подобралъ ее?

— Да такой же пѣвецъ, какъ и ты... изъ мужичковъ же.

— Вотъ я и говорю: кому, значить, дано отъ Бога, тотъ и можетъ... Пѣть люблю, а не подобрать мнѣ. Есть тутъ парень одинъ, у него складно выходитъ, да не то совсѣмъ. Не пѣсня, а такъ разныя припѣвки занятныя.

Костеръ началъ потухать. Гдѣ-то проскрипѣлъ коростель. Въ лѣсу сова проухала дважды.

— Ишь филия раскричался,—промолвилъ Онуфрій и перекрестился.

— Чего же ты крестись-то?—спросилъ я.

— А кто же его знаетъ: кто это?

— Самъ же говоришь: «филия».

— Може, и онъ, а, може, и лѣшакъ... кто знаетъ.

— А ты вѣришь, что они есть?

— Кто?

— Да лѣшаки-то?

— Знамо есть. Кабы не были — не заводили бы людей... а то сколько.

— Тебя водилъ?

— Меня-то не водилъ, а крестнаго моего дважды заваживалъ.

— Пьянаго?

— Былъ выпивши, да не гораздо... А ты, баринъ, не вѣришь?

— Не вѣрю.

— И управительскій сынъ тоже говоритъ. Да не можетъ этого быть. Въ лѣсу—извѣстно лѣшакъ, а въ водѣ—водяной.

— Тебѣ такъ хочется, чтобы они были? — улыбувшись спросилъ я.

— Чего хочется... а есть! И святыхъ они хороводили... въ книгахъ описано. Дьяволь-то хитеръ... Кабы не онъ—и грѣха столько въ мѣрѣ не было бы. Да вотъ тебѣ, баринъ: святой какой-то на чортѣ въ одну ночь въ Ерусалимъ съвздилъ... чего же болѣ! Гляди-кось: въ ночь одну. Вотъ-то скоро! И дастъ же Богъ такую власть: самъ дьяволь повинется. А надъ нами онъ куражится... потому ему служимъ. А кто Богу-то служить, тотъ его не боится! Ты вѣдь всѣ книжки, поди, прочиталъ и учился... знаешь, какъ прежде-то христіанъ мучили? читалъ?

— Читалъ.

— А они все претерпѣли, потому Богъ помогаль. Люблю я вотъ тоже «житія» слушать. Эхъ, какъ бы зналь грамоту—все бы прочель!

— Учись.

— Теперь-то; въ сорокъ лѣтъ? Теперь поздно учиться. Ребята просмѣютъ.

— Учиться никогда не поздно.

— Извѣстно: вѣкъ живи, вѣкъ учись, это такъ! Да только не грамотѣ. Видно, такъ и помирать придется.

— Кто же тебѣ читаетъ «житія»?

— А дьячокъ Панкратій. Выпить любить старичокъ, а божественность обожаетъ, не какъ другой: отмахаль въ церкви «аллилуйю»—и знать не хочетъ. Нѣтъ, онъ читаетъ—иногда плачетъ даже: вотъ, говорить, какъ святые-то, а мы—что: пьяницы, блудники. Слабъ онъ, а чувствуетъ и безпрестанно о грѣхахъ сокрушается. Вотъ онъ-то и читаетъ. Я ужь его и угощаю за это.

— Водочкой?

— Когда и водочкой, а то—и рыбкой, медкомъ. Улейчикъ есть у меня тоже. Ну, онъ и допускаетъ. Я еще съ измальства любилъ о святыхъ-то слушать, хотя и доставалось мнѣ за это. Не одобряль тятка.

— Да почему же?

— Ужь очень я несурзанный мальченка былъ. Наслушаюсь рассказовъ или книжку выслушаю о святыхъ, да и на себя переиначу.

— Какъ на себя?

— А такъ, что будто это я тоже спасаюсь. Разъ въ лѣсъ забрался да въ дупло залѣзъ, чтобы въ столбѣ спастись на манеръ угодника. Ну, и чуть не помѣръ въ дуплѣ-то, на силу вытащили. Тятка-то осерчалъ и дерку задалъ мнѣ. Вотъ тебѣ и спасся святой въ столбѣ!

Онуфрій кротко улыбнулся. Опять заухала сова.

— Экъ ее—завело!—промолвилъ онъ, звѣнуль и произнесъ, перекрестивъ ротъ:—А и не спать ли ложиться, баринъ? А то клевь прозѣваемъ. Я-то привыкъ, а тебѣ не встать, гляди.

— Давай, пожалуй, ложиться,—согласился я.—Костеръ потухнетъ скоро.

— И то... Да на что онъ? Вотъ и свѣтаетъ. Нонѣ какая ночь,—коротенькая. А пушай самъ гаснетъ,—не буду и тушить.

Мы отправились въ шалапъ. Мнѣ спать не хотѣлось, но я легъ на сѣно и укрылся пальто отъ мошки, которая только около самага костра оставляла насъ въ покоѣ. Не хотѣлось спать и Онуфрію. Онъ сначала лежалъ молча, потомъ началъ шептать молитву и опять смолкъ. Но мошка его безпокоила. Онъ не вытерпѣль, выругаль «напастъ» и заговорилъ на счетъ мошки: зачѣмъ де она. Отъ мошки перешель къ чему-то другому и сталъ высказывать раз-

ныя свои мечты. Началось съ лѣса и дошло дѣло до неба, до будущей жизни. Онуфрій размечтался до того, что сталъ рисовать, что будетъ въ аду и въ раю. Многое было смѣшно, но и не лишено своеобразности. Адъ ему представлялся въ видѣ большаго озера, наполненнаго горячею жидкою смолою. И тамъ плавають грѣшныя души. Только какая изъ себя душа будетъ?—допытывался онъ и не могъ рѣшить. Оказывается, и дьячокъ Панкратій не зналъ этого. «Если въ видѣ пара—опять же не ладно,—разсуждалъ Онуфрій: паръ—у твари безсловесной. А я такъ полагаю,—рѣшилъ онъ:—мы вѣдь воскреснемъ съ тѣломъ, стало быть, съ тѣломъ и въ смолѣ горѣть будемъ».

Я отвѣчалъ не-хотя, и Онуфрій замолкъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ. Вдругъ онъ крикнулъ меня.

— А что, спите, или нѣтъ?

Я хотѣлъ промолчать, но отвѣтилъ:

— Что тебѣ?

— Не спите? А вотъ что... хотѣлъ я спросить: о Пугачевѣ знаете, небойсь?

— О Пугачевѣ — самозванцѣ?

— Да, да... Что за мѣсто царя себя выдавалъ?

— Такъ что-жь?

— А дѣдушка мой его живого видалъ. Онъ изъ тѣхъ мѣстъ сюда-то пришелъ.

— Такъ въ чемъ же дѣло?

— А вотъ я и думаю: что бы было, кабы онъ осилилъ царскую-то рать? Ужли бы за мѣсто царя сѣлъ на престолъ царствовать?

— Сидѣлъ же Гришка Отрепьевъ.

— Эго котораго проклинаяють-то о постѣ?

— Да.

— Откуда же онъ взялся?

Мнѣ лѣнь было рассказывать, да я и боялся «разгулять сонъ», и потому отвѣтилъ коротко:

— Монахъ былъ... да и захотѣлъ царемъ стать. Бѣжалъ за границу, выдалъ себя за царя и пришелъ въ Москву съ поляками, престолъ добывать.

— А ему и повѣрили? Съ поляками, говоришь? Ишь... стало, поляки завсегда бунтовали противъ русскаго царя?

— Тогда они не были наши... своего короля имѣли.

— А-а!.. А все-таки, стало, бунтовали, коли вору Отрепьеву помогали. Вотъ за это ихъ Богъ и наказалъ: и короля лишили, и царство ихнее нашимъ стало.

Я плотнѣе закутался въ пальто и не отвѣчалъ уже на новые вопросы Онуфрія, даже зажмурился нарочно, чтобы показать, что я сплю.

Онуфрій помолчалъ, потомъ всталъ, сходилъ куда-то, вернулся

и легъ на свое мѣсто... Я еще не уснулъ, а онъ захрапѣлъ уже и, конечно, не для виду только, какъ я.

Когда я проснулся, солнце высоко поднялось изъ-за лѣса, и весь онъ ожилъ, наполнился веселымъ птичьимъ пѣніемъ. Онуфрія не было въ шалапѣ.

Я окрикнулъ его.

— Ась? — отозвался онъ.

— Гдѣ ты?

Онъ вошелъ въ шалапѣ.

— Никакъ мы проспали? — спросилъ я.

— Я-то не проспалъ... а...

— Что же не разбудилъ меня?

— Да больно ужъ сладко спалъ-то... пожалѣлъ.

— А ты ловилъ?

— Нѣтъ... И солнце же всходило сегодня... Кажись, лучше воѣхъ дѣнь... Какъ оглянулся я вокругъ, такъ и выиграло сердце... И помолился я... Вотъ ты говоришь: городъ. Да въ городѣ—ни въ жизнь такъ не помолиться, какъ здѣсь, на берегу, въ лѣсу... и молитвы-то вспомнить не можешь, а только думаешь: Царь Небесный!.. и слезы бѣгутъ...

Лицо Онуфрія словно свѣтилось какимъ-то внутреннимъ неизъяснимымъ восторгомъ.

Вечеромъ этого дня я встрѣтился съ отцомъ Паисіемъ, жившимъ въ церковномъ домѣ, въ двухъ верстахъ отъ Незавидовки. Въ разговорѣ я упомянулъ объ Онуфрії и о томъ, что мы съ нимъ ходили на ловлю.

— Знаю, знаю его, — произнесъ старичокъ-священникъ, — съ моимъ дьячкомъ большіе пріятели.

— Поэтическая душа у Онуфрія, батюшка, — сказалъ я.

— Вѣрно изволили выразиться: душа восхищенная и въ земномъ какъ бы небесное проврѣваетъ. Природа его въ восторгъ приводитъ... Дано ему... дано...

Отецъ Паисій покачалъ головой и продолжалъ:

— Все отъ Бога: Его премудрость видна... Утаилъ сіе отъ разумныхъ и открылъ младенцамъ. Взять моего Николая. Богословіе окончилъ, а красоту природныхъ не понимаетъ и ко всему высокому сердцемъ хладенъ. Читалъ я стихи какъ-то, не упомяну чьи, а только дѣвушка плакала, какъ лѣсъ рубили. А Николай смѣется. Глупость, говорить... дура, потому и плакала. А вотъ Онуфрій понимаетъ и чувствуетъ. Для него лѣсъ не топливо, а краса Божья.

Отецъ Паисій сокрушенно вздохнулъ.

— Люблю я Онуфрія, — промолвилъ онъ, минуту спустя.—Другіе-то его непутнымъ зовутъ. И жена его ругается. Она прямо его въ полоумные записала. А я люблю его. Конечно, человекъ онъ не-

вѣжественный, а въ нѣкоторомъ родѣ... перстомъ Божьимъ отмѣченъ! И трезвый человѣкъ,— добавилъ отецъ Паисій.

— Онъ и безъ вина веселье... все пѣсни поетъ,— сказалъ я.

— Да, да... И тенорочкомъ... Знаете, поговорка есть,— съ улыбкой произнесъ священникъ,— комаръ вина въ ротъ не беретъ, а вѣкъ пѣсни поетъ... Вотъ и Онуфрій тоже.

III.

Давно было это... Я и забылъ совсѣмъ объ Онуфріи (котораго, можетъ быть, и въ живыхъ уже нѣтъ) и не вспомнилъ бы о немъ, если бы не случайная встрѣча съ Варуломъ на волжскомъ пароходѣ... Раздумывая о пекарѣ, я невольно перенесся въ прошлое; что-то общее между Онуфріемъ и Варуломъ, вѣроятно, безсознательно направило мою мысль къ незавидовскому «рыбаку-поэту», и въ памяти моей воскресъ какъ онъ самъ, такъ и ночь, проведенная на берегу Леденки.

Послѣ обѣда, когда мои спутники «засѣли вплотную» за карты, я опять отправился въ третій классъ, чтобы повидать Варула и поговорить съ нимъ. Я нашелъ его въ закрытомъ помѣщеніи, на койкѣ. Онъ лежалъ и читалъ медленно, вслухъ газету. При моемъ появленіи онъ поднялся и сѣлъ.

— Какая это газета? — спросилъ я.

— «Листокъ», — отвѣтилъ Варуль, кладя газету на столикъ. — Да мало занятнаго... Нашъ куды лучше.

— Какой вашъ?

— Московскій. Тамъ исторійки разныя, интересныя... И смѣшно и поучительно... А въ этомъ нѣтъ ничего... И непонятно даже.

— «Московскій» лучше?

— Какъ можно. Я постоянно покупалъ... то одинъ, а то пополамъ съ другимъ пекаремъ...

— Тебѣ Москва нравится... Зачѣмъ же мѣнялъ мѣсто?

— Въ Саратовѣ жалованья больше... Хозяинъ знакомый... недалеко отъ нашей деревни. Свое заведеніе открылъ и позвалъ меня... На два рубля сдѣлалъ прибавку.

По берегу пошелъ густой лѣсокъ.

— Еще не все вырублено, — замѣтилъ я.

— А гдѣ такъ порядкомъ очищено...

— Все-таки есть гдѣ лѣшему поаукаться,— шутливо сказалъ я.

Варуль разсмѣялся.

— Онъ нонѣ не въ прежнемъ почетѣ... кто ему вѣрить, а кто и нѣтъ.

— А ты какъ полагаешь: есть онъ?

— Кто-жъ доподлинно знаетъ... Скорѣй всего, что бабы выдумки. Учитель нашъ прямо говорилъ: все вранье, нѣту нечистаго.

- А какъ же бѣсъ святыхъ искушалъ?
- То бѣсъ... а не лѣшій.
- Развѣ не все равно?
- Должно быть... а то, можетъ, и нѣтъ... Я не читываль.
- Житія-то святыхъ читалъ же!
- Доводилось, да мало... Не охотникъ я до церковной печати... Исторійки интереснѣе... Стишки разные... люблю ихъ... Я изъ «Листка» даже списываль иные... получше, позанятнѣе которые.
- Можетъ быть, и самъ сочинять пробоваль?
- Варуль посмотрѣлъ на меня, но ничего не отвѣтилъ.
- Угадалъ?
- Пробоваль,—произнесъ Варуль съ нѣкоторымъ смущеніемъ.
- И что же? Хорошо?
- По-моему ладно... а тамъ я не знаю.
- Никому не показываль?
- Старшему дворнику показываль... Онъ тоже стишки возлюбляеть.
- Что же дворникъ: одобрилъ?
- Говорить—ничего, только не такъ складно, какъ у господъ, къ примѣру въ «Листкѣ» хотя. Ну, да гдѣ же: тѣ ученые!
- Есть у тебя съ собой стишки?
- По близости нѣту...
- Навѣрное знаешь наизусть?
- На память? Нѣтъ, не упомню... Такъ, кой-что... а чтобы все по порядку... гдѣ же?
- О чемъ же ты пишешь? Про любовь?
- Про разное... что на умъ придетъ. Разъ сидѣлъ въ кремлевскомъ саду и увидаль парочку... И описаль... Эти стишки дворнику больше понравились... А то и про любовь... Одной горничной, которая къ намъ въ лавку все бѣгала, хорошенкій стишокъ написалъ... смѣялась, а довольна была...
- Что же написалъ?
- Ну, извѣстно что... дѣвушкѣ что пишутъ... О красотѣ, насчетъ чувства...
- Влюбился въ нее?
- Какое тамъ влюбился... такъ... Дѣвчонка красивая... Вотъ я ей и написалъ:

Всю-то ночьку я не спалъ,
 Какъ васъ я увидаль,
 Еслибъ чаще вы ходили,
 И меня бы полюбили!

- Книжку Кольцова всю прочелъ?—спросилъ я Варула.
- Читаль... Только у меня такихъ не выходитъ... не складываются. А пѣть я ихъ пою... Дворнику не нравятся кольцовскія

пѣсни: не заняты, говорить. А я люблю ихъ пѣть. Къ примѣру: «Сяду я за столъ, да подумаю...». Хорошо!.. Покойникъ дьяконъ страсть какъ любилъ эти пѣсни... А въ городѣ совсѣмъ другое... Смѣшное больше въ модѣ... Здѣсь и не поютъ такихъ-то, какъ Кольцовъ сочинялъ...

— Отчего ты въ деревнѣ не живешь?

— Тятенька взялъ... да и что въ деревнѣ? Скучнѣе, а развѣ легче? Вонъ дворника братовья какъ зовутъ... Не ѣдетъ! Тамъ, говорить, одна сѣрость, необразованность. Развѣ можно городъ съ деревней сравнять!.. Веселѣе въ городѣ... лучше.

— Такъ ли? А раздолье деревенское? Ты вотъ Волгой любовался... а тамъ — и горы, и рѣка, и лѣсъ... и воля, и ширь... чего хочешь!

— Какая же въ деревнѣ воля? А горь у насъ и нѣтъ... и лѣсу немного... Рѣка есть... да что же изъ этого?

— Ты любишь природу... Небось, всю ночь не спалъ...

— Это вѣрно, не спалъ... Больно красиво... Такъ вѣдь это что же: этимъ не проживешь. Красиво, красиво... а гдѣ заработать? Въ деревнѣ ѣшь хлѣбъ одинъ... ну, а въ городѣ и кусокъ сладкій и на счетъ удовольствія — вольно... А что въ деревнѣ? Рѣка есть... Чтожъ изъ того? Не Волга, не стоитъ и смотрѣть-то: бѣжить себѣ, никакой красы нѣту въ ней!

— Развѣ красива только Волга?

— Вотъ Днѣпръ еще хорошъ. Повидать бы!.. Можетъ, и увижу: поживу, понакоплю, да и въ Кіевъ... Посмотрю, а тамъ, если подойдетъ линія, и останусь... Читалъ я про Кіевъ стихшки... Ну, эти куда еще лучше, чѣмъ въ «Листкѣ»...

— А про Волгу читалъ? Про Стеньку Разина?

— Про Стеньку знаю... Разбойничья душа... въ родѣ Чуркина... да еще почище! Погулялъ въ волюшку, да и головой поплатился... Я про него занятную исторію читалъ: цѣлая книжка такая, тамъ и про княжну описано... которую въ Волгу онъ кинулъ... Книжка любопытная... Я про Ермака еще читалъ... Давно все... Нонѣ такъ-то нельзя...

— Отчего?

— Живо сымаютъ... нонѣ — и чугушка и пароходы... и что если — сейчасъ депешу: взять его! А тогда полдѣла было... И войска нонѣ больше... пошлютъ, скорехонько справятся... Не нагуляешься!.. Да какая это только воля... такъ и говорится: воръ Стенька Разинъ... чего хорошаго!

— Не нравится тебѣ такая жизнь?

— Разбойничья-то? Последнее дѣло...

— А какая же лучше?

— Спокойная... вотъ бы заведеніе свое, хозяиномъ стать, и живи... Тутъ тебѣ всякая воля... И по Волгѣ катайся, и въ Кіевъ...

Можно и въ Соловки съѣздить... море посмотришь. Куды хочешь—туда и поѣзжай... И книжку почитать — досужно... Есть на что и гармонью самолучшую купить... Э, да съ деньгами какъ не жить... ни въ чемъ препятствія не будетъ...

— И домикъ свой хорошо имѣть, — подсказалъ я.

— Ну, въ Москвѣ ежели... трудно. А такъ, въ губерніи, домикъ хорошо... На берегу рѣки, съ садикомъ. Цвѣтовъ насадить. Цвѣты я люблю.

Пароходъ далъ протяжный, громкій свистокъ.

— Что это... никакъ пристань? — промолвилъ Варулъ, повертывая голову.

Онъ всталъ съ мѣста и подошелъ къ выходу.

— Пристань и есть... Вотъ это ладно... Куплю чегонибудь... Поѣсть да и чайку попить... На разсвѣтъ завтра и Саратовъ... а вы далече ли ѣдете?

— Въ Астрахань, — отвѣтилъ я.

Лежавшіе пассажиры начали вставать съ своихъ мѣстъ. Раздался новый свистокъ.

Варулъ надѣлъ картузъ и произнесъ съ сожалѣніемъ:

— Ужъ здѣсь нашей московской сачки не поѣшь либо калачика... Муки вдоволь, а печенье не то!..

— Ну, всего хорошаго... на новомъ мѣстѣ! — сказалъ я, прощаясь, — рано утромъ завтра сходишь... больше не увидимся.

— Да ужъ на зарѣ... Счастливаго пути!

Онъ снялъ картузъ. Я поклонился и вышелъ на балконъ.

IV.

Прошло три года. Я забылъ о Варулѣ, о которомъ вскорѣ справлялся у пріятели, жившаго въ Саратовѣ, но пріятели ничего не отвѣтилъ мнѣ на вопросъ о «поэтѣ-пекарѣ». Въ концѣ минувшаго лѣта въ Москвѣ я натолкнулся на молодого повара, пишущаго стихи и мечтающаго издать ихъ отдѣльной книжкой. И вотъ мнѣ опять вспомнились Варулъ и Онуфрій, и я рѣшилъ описать мои встрѣчи съ ними. Я сдѣлалъ наброски, и само собою напрашивается сравненіе между обоими—Варуломъ и Онуфріемъ. Между ними есть, несомнѣнно, что-то общее, но въ то же время они и рѣзко отличаются другъ отъ друга.

Онуфрій жилъ природою, и поэзія лѣса, раздолья вошла въ его плоть и кровь; онъ не могъ безъ сердечной боли и тоски отрваться отъ природы и потому бѣжалъ изъ города. Въ глуши все было ему мило. Онъ не нуждался въ картинахъ, своей яркостью и броскостью раздражающихъ чувство. Онъ во всемъ видѣлъ красоту и поэзію: и въ лѣсной рѣчкѣ, и въ самыхъ обыкновенныхъ цвѣточкахъ, и въ томъ, что рыбка плещется, птички чирикаютъ. Сво-

имъ простымъ, чуткимъ сердцемъ онъ какъ бы понималъ жизнь каждой былинки. Его сердце на все отзывалось, и мечты увлекали его. Онъ — дѣльная поэтическая натура, ничѣмъ не отравленная, не испорченная. Онъ могъ очутиться и въ шайкѣ Разина, и въ монастырскомъ скиту, потому что изъ такихъ выходятъ и вольные молодцы, и люди беззавѣтнаго подвига. Онъ не могъ со стороны любоваться, какъ любитъ природой буржуа и изломанный интеллигентъ; онъ жилъ и дышалъ природою. Онъ не умѣлъ складывать пѣсенъ, но если бы обладалъ этой способностью, то былъ бы однимъ изъ невѣдомыхъ творцовъ-пѣвцовъ тѣхъ безыскусственныхъ, за сердце хватающихъ пѣсенъ, которыя раздаются на всемъ необъятномъ просторѣ земли Русской. Его не интересовали «происшествия», которыми наполняются хроники газетъ, не къ «листочкамъ» лежало его сердце; онъ заслушивался рассказами о жизни святыхъ и, если бы зналъ грамоту, зачитывался бы четы-минейми. Онъ не мечталъ о сладкомъ житѣи, о тепломъ уголкѣ. Въ убогой избенкѣ, довольный малымъ, онъ жилъ въ мирѣ грезъ и былъ счастливъ ими. Пѣсня заставляла его все забывать. «Безъ пѣсни и жить нельзя бы»,—его собственное выраженіе.

Не таковъ Варуль.

Онъ, несомнѣнно, знаетъ больше, чѣмъ Онуфрій (все-таки учился въ школѣ, хотя и не кончилъ, и заимствовалъ кое-что отъ дьякона); онъ не станетъ креститься при раскатахъ грома, потому что ему извѣстно «лектричество», не имѣющее ничего общаго съ колесницей пророка Ильи. Лѣшій—для него выдумка. И онъ практичнѣе Онуфрія, онъ матеріалистъ, тогда какъ тотъ идеалистъ. Онъ разобщенъ съ природою, она ему уже не нужна, какъ воздухъ; вслѣдствіе поэтического склада природы онъ любитъ природу, и то тогда, когда она проявляется эффектно. Простая будничная красота его уже не трогаетъ. Только по временамъ его душѣ доступенъ восторгъ. Его уже отравилъ городъ отрицательными сторонами своей жизни, на немъ сказалось вліяніе уличной прессы и ея фальсифицированной поэзіи. Онъ мечтаетъ о жизни обезпеченнаго мѣщанина, и ему чужда молодецкая удаля, непонятна прелесть подвига. Его идеаль — свое заведеніе, домикъ съ садикомъ и, конечно, книжка въ сберегательной кассѣ, а то и чековая въ банкѣ. Онъ восхищается «праведностью» дьякона, но самъ неспособенъ на нее. Разумѣется, поэтичность природы ставитъ его выше другихъ людей той же среды и съ тѣми же вожделѣніями.

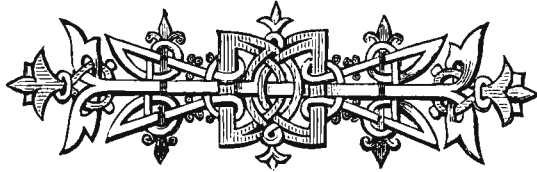
Онъ уже можетъ «складывать стихи», но они близки къ тѣмъ, которыми восхищается старшій дворникъ, видящій въ деревнѣ «одну сѣрость и необразованность». Встрѣча съ дьякономъ, чело-вѣкомъ тонкаго чувства и поэтического темперамента, не прошла безслѣдно для Варула. Онъ полюбилъ кольцовскія пѣсни, но писать въ этомъ духѣ не можетъ. Онъ не настолько грамотенъ, чтобы

сочинять стихи для печати, и не мечтаетъ о сборникѣ своихъ стихотвореній на манеръ самоучекъ самаго послѣдняго чекана, которые въ стихахъ шаблонно тоскуютъ о томъ, что уже давно для нихъ чуждо и ненужно. Не будь Варуль поэтической натурою и не повстрѣчай онъ въ юности дьякона, сильно повліявшаго на него, онъ распѣвалъ бы фабричныя пѣсни въ родѣ слѣдующихъ:

А я милую, хорошую
Хвачу по уху калошею.

«Поэтическая жилка» и «соловей-дьяконъ» уберегли пока Варула отъ такого духовнаго развращенія.

Александръ Кругловъ.

КНЯГИНЯ ДАРЬЯ ХРИСТОФОРОВНА ЛИВЕНЬ¹⁾.

ДАРЬЯ Христофоровна, супруга кн. Х. А. Ливень, русскаго посланника въ Лондонѣ съ 1812—1834 г., представляетъ собою законченный и рѣдко встрѣчаемый типъ женщины дипломата, которая болѣе сорока лѣтъ занимала видное положеніе въ европейскомъ политическомъ мірѣ. Въ нѣкоторыхъ дѣлахъ, въ основаніи греческаго королевства и восточномъ вопросѣ, она оказывала влияние на рѣшенія англійскаго кабинета, въ пользу русской политики, тѣмъ болѣе, что лица, стоявшія во главѣ правленія, соображались съ ея мнѣніями, въ виду довѣрія, съ какимъ относился къ ней императоръ Николай Павловичъ. Довѣріе это было вполнѣ заслуженное. Княгиня Ливень, искренно преданная интересамъ Россіи, которые она

¹⁾ Княгиня Д. Х. Ливень провела большую часть своей долголѣтней жизни за границей, и поэтому для составленія ея біографіи намъ пришлось почти исключительно пользоваться иностранными книгами. Главнымъ и основнымъ источникомъ послужили для насъ три большихъ убористыхъ тома переписки княгини Ливень съ лордомъ Греемъ, переведенной на англійскій языкъ: «Correspondence of princess Lieven and Earl Grey edited and translated by Guy Le Strange, London, 1890—1891». Затѣмъ мы пользовались мемуарами Гренвилля «The Grenville, memoirs, vol. II, London, 1887, pp. 25, 76—83, известной біографіей, написанной Гизо, «La princesse de Lieven» (Mélanges biographiques et littéraires par M. Guizot, Paris, 1868, pp. 189—222), а также статьёй въ «Edinburgh Review, 1890, № 350, pp. 453—475, гдѣ вмѣстѣ съ рецензіей, написанной по поводу появленія перваго тома упомянутой переписки съ Греемъ, сообщены біографическія свѣдѣнія о кн. Ливень, заимствованныя изъ мѣстныхъ англійскихъ источниковъ. Кромѣ того, мы встрѣтили нѣкоторыя известія о кн. Ливень въ

отождествляла съ интересами русскаго двора, вѣрно служила имъ всю жизнь, не стремилась къ достиженію почестей и никогда не кичилась ими. Политика, сама по себѣ, представляла для нея живой интересъ, была главною цѣлью жизни, насущною потребностью ея замѣчательнаго ума, чему, конечно, способствовало и ея общественное положеніе и окружающая дипломатическая среда. Кромѣ того, эпоха наполеоновскихъ войнъ и великихъ событій, волновавшихъ Европу съ 1812 года, должна была неизбѣжно возбудить интересъ къ современной политикѣ даже въ людяхъ, менѣе близко стоящихъ къ дѣлу, чѣмъ кн. Ливенъ.

Но, при этомъ, Дарья Христофоровна Ливенъ, по своему общественному положенію, близости къ русскому и англійскому дворамъ и дружескимъ сношеніямъ съ людьми самыхъ противоположныхъ политическихъ мнѣній, болѣе, чѣмъ кто нибудь, подавала поводъ къ злословію, превратному толкованію ея дѣйствій и оцѣнокъ личности. Терпимость кн. Ливенъ и гуманное отношеніе къ людямъ, выработанное свѣтскимъ воспитаніемъ и долгимъ пребываніемъ въ свободной странѣ, гдѣ ее окружали представители всевозможныхъ партій, навлекли на нее упрекъ въ отсутствіи какихъ бы то ни было политическихъ убѣжденій. Другіе считали ея убѣжденія безусловно авторитарными и реакціонными; но это справедливо только относительно второй половины ея жизни, потому что до 1830 года ее ни въ какомъ случаѣ нельзя упрекнуть въ недостатокъ либерализма. Она является горячей поклонницей либеральной политики Георга Каннинга, выступившаго на защиту правъ угнетенныхъ народовъ, раздѣляетъ его нерасположеніе къ системѣ Меттерниха и постановленіямъ Вѣнскаго конгресса. Она искренно сочувствуетъ освобожденію грековъ, возмущена реакціоннымъ правленіемъ французскаго короля Карла X, ожидаетъ самыхъ печальныхъ послѣд-

иностранныхъ газетахъ (см. «Presse» 1849 г., 29 сентября), въ некрологахъ, напечатанныхъ по случаю ея смерти въ 1857 г., въ «Encyclop. des Gens du Monde Schnitzler» а и др. энциклоп. и биограф. словаряхъ.

Изъ русскихъ источниковъ имѣютъ значеніе ст. М. Стасюлевича въ «Вѣстникѣ Европы» 1868 г. (№ 6, стр. 907—913), которая представляетъ обстоятельное изложеніе біографіи Гизо «La princesse de Lieven», затѣмъ ст. В. Н. Александренко въ «Варшавскихъ университетскихъ извѣстіяхъ», 1891, № 4 (изъ переписки кн. Ливенъ съ Греемъ). Генеалогическія и др. свѣдѣнія о фамиліи Бенкендорфъ и Ливенъ, почерпнутыя изъ семейныхъ бумагъ, помѣщены въ «Русской Старинѣ» (1870, т. III, № 3, стр. 281; *ibid.*, 1882, т. XXXV, стр. 423—424) и въ «Русскомъ Архивѣ» (1875, № 2, стр. 196—218; *ibid.*, 1895, № 4, стр. 498), «Всемирн. Иллюстр.», 1870 г., т. 3, стр. 463. Что касается остальныхъ бѣглыхъ и наскоро составленныхъ статей о кн. Ливенъ, помѣщенныхъ въ русскихъ газетахъ и журналахъ, то они представляютъ извлеченія изъ иностранныхъ источниковъ и не всегда отличаются точностью, какъ, напр.: «Сынъ Отечества» 1857, № 12, стр. 269—270; «Живописная русская бібліотека» 1857, т. II, № 29, стр. 227—229; «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1857, №№ 35 и 42; «Виржевыя Вѣдомости» 1868, №№ 04, 07 и пр.

ствій для Франціи отъ насильственныхъ принятыхъ имъ мѣръ, и въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Грею заявляетъ, что «французскій король не можетъ ожидать поддержки со стороны Россіи при такомъ нелѣпомъ поведеніи»...

Но либерализмъ кн. Ливень немедленно отступаетъ передъ страхомъ, навѣяннымъ іюльской революціей; польское возстаніе приводитъ ее еще въ большее негодованіе, и она, въ разрѣзъ всѣмъ прежнимъ убѣжденіямъ, становится защитницей самыхъ крайнихъ репрессивныхъ мѣръ. Она не допускаетъ пощады даже относительно побѣжденнаго врага и въ увлеченіи рѣшается сдѣлать выговоръ лорду Грею, за приглашеніе къ обѣду Адама Чарторыйскаго, который явился изгнанникомъ въ Англію, послѣ взятія Варшавы, 26 августа 1831 года. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда О'Коннель, по тому же польскому вопросу, позволилъ себѣ въ парламентѣ рѣзкій отзывъ о русскомъ правительствѣ, кн. Ливень заявляетъ требованіе, чтобы виновный подвергся всей строгости законовъ. Хотя подобное заявленіе со стороны кн. Ливень могло показаться неумѣстнымъ лорду Грею, но въ своемъ письмѣ отъ 12 октября 1835 года онъ не выразилъ ни малѣйшаго неудовольствія и отвѣтилъ ей спокойнымъ примирительнымъ тономъ: «Вы довольно жили въ Англіи и знаете, что этого рода выходки не имѣютъ особеннаго значенія. Во всякомъ случаѣ, я не раздѣляю вашего мнѣнія относительно преслѣдованій. Такія мѣры доказываютъ слабость правительства; агитаторъ обращается въ мученика, и его вліяніе возрастаетъ...».

Не подлежитъ сомнѣнію, что либерализмъ кн. Ливень не отличался глубиной, если могъ исчезнуть безслѣдно, съ перемѣной обстоятельствъ, и безъ всякой внутренней борьбы. Но и въ этотъ, и въ послѣдующій ретроградный періодъ своей жизни кн. Ливень отличалась одинаковой искренностью убѣжденій, и даже подчасъ увлекаемая желаніемъ быть полезной Россіи и угодить русскому двору она рѣшалась на поступки, несовмѣстимые съ ея общественнымъ положеніемъ, какъ это было во время ея ссоры съ Пальмерстономъ.

Равнымъ образомъ, также неосновательны по многимъ даннымъ нападки враговъ кн. Ливень, обвинявшихъ ее въ склонности къ интригѣ, такъ какъ это свойство всего менѣе могло ужиться съ ея живымъ и впечатлительнымъ характеромъ, который нерѣдко побуждалъ ее дѣйствовать во вредъ своимъ собственнымъ интересамъ. По вѣрному замѣчанію Гренвилля, Д. Х. не могла ненавидѣть или желать вреда Англіи, которая до конца жизни была дорога ей, и гдѣ она провела свои лучшіе годы и имѣла столько близкихъ друзей. Нѣмка по рожденію, она всего менѣе жила въ Россіи, хотя считала ее своей родиной и вѣрно служила ея интересамъ; съ 1835 года Франція стала для нея второй родиной, и, выбравъ Парижъ для постояннаго мѣстопробыванія, она почти без-

выѣздно жила здѣсь до момента смерти въ 1857 г. Этими условіями объясняется космополитизмъ кн. Ливенъ, которая также близко принимала къ сердцу интересы Россіи, какъ Англіи и Франціи, боялась всего, что могло повести къ столкновенію между ними, и пользовалась своимъ вліяніемъ въ дипломатическомъ мірѣ, чтобы сгладить возникавшія недоразумѣнія. Но и по своему характеру, и стремленіямъ кн. Ливенъ ненавидѣла войну и революцію, которыя могли нарушить ея душевный покой и привычки, лишить комфорта и избраннаго общества, собиравшагося въ ея салонѣ, какъ это было съ нею во время французскихъ революцій 1830 и 1848 гг. и въ Крымскую войну.

Не избѣгла кн. Ливенъ злословія и въ своей личной жизни, особенно, въ первые годы своего пребыванія въ Англіи, гдѣ она встрѣтила восторженное поклоненіе не только своему уму, но и привлекательной наружности, въ соединеніи съ молодостью.

Кн. Ливенъ пріѣхала въ Англію въ 1812 году, во время войны Россіи съ Франціей. По отзывамъ людей, встрѣчавшихъ ее въ эту пору жизни, «ее нельзя было назвать красавицей, но черты ея лица были исполнены такого благородства, ума и сознанія собственнаго достоинства, что она производила чарующее впечатлѣніе. Высокая, стройная, величественная по своей представительной наружности, граціи и манерамъ, она была *grande dame*, въ полномъ значеніи этого слова; вездѣ обращала на себя вниманіе и побѣждала сердца. «Изъ представителей высшаго англійскаго общества, завѣдомо бывшихъ ея рабами,—говоритъ Гренвилль,—называли лорда Виллаугби, герцоговъ: Сузерлендскаго, Канизаро и Палмелла, особенно умнаго и пріятнаго въ обществѣ, хотя ни къ одному изъ нихъ она не имѣла особенной симпатіи»...

Но, повидимому, обаяніе личности кн. Ливенъ заключалось не только въ привлекательной наружности и молодости, потому что и въ зрѣломъ возрастѣ, и въ старости, она имѣла восторженныхъ поклонниковъ среди своихъ многочисленныхъ друзей. Извѣстный лордъ Грей, глава англійскаго кабинета при Вильгельмѣ IV, былъ ея неизмѣннымъ другомъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, и съ 1824 до 1841 г. велъ съ нею почти ежедневную переписку о современной европейской политикѣ, представлявшей для обоихъ одинаковый интересъ. Обаяніе личности кн. Ливенъ испыталъ на себѣ и знаменитый французскій историкъ Гизо. Съ первой же встрѣчи съ нею въ 1835 году, когда ей было пятьдесятъ лѣтъ, онъ былъ пораженъ ея замѣчательнымъ умомъ, мѣткостью сужденій, глубокимъ и тонкимъ пониманіемъ сложныхъ дипломатическихъ вопросовъ. Гизо, занимая мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ съ 1840 — 1848 г., ежедневно посѣщалъ кн. Ливенъ во всякое время и былъ постояннымъ посѣтителемъ ея вечерняго салона. Тѣсная связывавшая ихъ дружба казалась таинственной и возбуждала толки; Шатобрианъ, въ

своемъ злбномъ отзывъ о кн. Ливень, которую впервые встрѣтилъ на Веронскомъ конгрессѣ, говорить объ этой дружбѣ: «Важный доктринеръ (Гизо) палъ къ ногамъ Омфалы. Амуръ, ты погубилъ Трюю!»¹⁾

Но, разумѣется, Амуръ не игралъ здѣсь никакой роли; нѣчто другое привлекало людей къ кн. Ливень, заставляло дорожить ея дружбой, искать чести быть принятымъ въ ея салонѣ.

Въ настоящее время салоны имѣютъ мало общаго съ тѣмъ представленіемъ, какое было связано съ ними въ восемнадцатомъ вѣкѣ и въ началѣ нынѣшняго, и въ этомъ смыслѣ они кончили свое существованіе. Аристократическіе, по самой основѣ и составу общества, салоны утратили свой первоначальный характеръ съ наплывомъ демократическихъ элементовъ и людей, занятыхъ насущными интересами и вопросами дня. Женщина, царившая въ прежнемъ салонѣ, иначе воспитанная и въ иныхъ традиціяхъ, не подходитъ къ новому женскому типу, выработанному социальными условіями послѣднихъ десятилѣтій. Она должна была представлять собою гармоничное соединеніе ума, любезности, образованія, свѣтскаго такта, благовоспитанности, умѣнія вести и поддерживать общій разговоръ въ своемъ салонѣ, обладать въ высшей степени неуловимымъ даромъ такъ называемой «causegrie».

Всѣми этими качествами обладала и кн. Ливень. «Ничто, — говоритъ современникъ, — не можетъ сравниться съ прелестью ея разговора, свободной граціей и тактомъ въ обществѣ». Необыкновенно вѣжливая и благовоспитанная, она не выносила скуки и людей посредственныхъ; и отличалась рѣдкимъ умѣніемъ группировать около себя замѣчательныхъ людей своего времени. Втеченіе сорока пяти лѣтъ салонъ кн. Ливень составлялъ центръ, гдѣ собирались знаменитости дипломатическаго міра, выдающіеся государственные люди, видные представители всевозможныхъ политическихъ партій, либералы и консерваторы, и мирно бесѣдовали на почвѣ общечеловѣческихъ и европейскихъ интересовъ. Кромѣ всегдашнихъ habitués, бывало много и случайныхъ посѣтителей съ разныхъ концовъ свѣта, которыхъ кн. Ливень въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Грею называетъ «перелетными птицами».

Кн. Ливень знала новѣйшую политическую исторію Европы до малѣйшихъ подробностей и особенно помнила тѣ событія, въ которыхъ принимала прямое или косвенное участіе, и хотя она не получила широкаго образованія, но этотъ недостатокъ, по отзывамъ ея друзей, не былъ замѣтенъ при ея необыкновенномъ умѣ. Равнымъ образомъ, ее нельзя было назвать особенно начитанной; но была книга, которую она постоянно перечитывала, а именно:

¹⁾ «Mémoires d'outre-tombe par Chateaubriand», т. VII, Paris, 1849, pp. 393—395

«Lettres de madame de Sevigné», и въ своихъ письмахъ достигла такого же совершенства, хотя въ другомъ родѣ. «Никто, — по словамъ Гизо, — не писалъ такъ просто, живо и оригинально, какъ кн. Ливенъ, и въ то же время безъ всякихъ литературныхъ претензій; она заботилась только о точномъ изображеніи лицъ и вѣрной передачѣ фактовъ, а также своей роли и впечатлѣній, среди того, что рассказывала». Она придавала такое же значеніе письмамъ, какъ личнымъ отношеніямъ, и переписка съ друзьями занимала у ней много времени. Даже въ послѣдніе годы ея жизни, когда болѣзнь глазъ заставила отказаться отъ длинныхъ писемъ, она въ короткихъ запискахъ передавала свои мысли и впечатлѣнія съ необыкновеннымъ изяществомъ и силой.

I.

Дарья Христофоровна Ливенъ, сестра шефа корпуса жандармовъ А. Х. Бенкендорфа, родилась 17-го декабря 1785 года въ Ригѣ, гдѣ ея отецъ Х. И. Бенкендорфъ занималъ мѣсто военного губернатора; мать Д. Х-ны, урожденная Шиллингъ фонъ-Канштадтъ, была дружна съ великой княгиней Маріей Ѳеодоровной. Дружба эта продолжалась и послѣ вступленія на престолъ Павла I. Этимъ объясняется то благоволеніе, какимъ пользовался Д. Х. у императрицы Маріи Ѳеодоровны, которая внимательно слѣдила за ея воспитаніемъ, а по выходѣ изъ Смольнаго института пожаловала въ фрейлины и выдала ее замужъ въ 1800 году за гр. Х. А. Ливена, любимца Павла I¹⁾.

Дарья Христофоровнѣ едва исполнилось тогда пятнадцать лѣтъ, и, выйдя замужъ за человѣка, который былъ вдвое старше ея, она едва ли чувствовала къ нему особенно сильную и глубокую привязанность. Однообразное существованіе въ институтѣ смѣни-

¹⁾ Ливены принадлежатъ къ одной изъ самыхъ древнихъ дворянскихъ фамилій въ Курляндіи и обязаны своимъ возвышеніемъ Шарлоттѣ Карловнѣ Ливенъ, которую императрица Екатерина II назначила воспитательницей дочерей, а впоследствии и сыновей великаго князя Павла Петровича. Графиня Шарлотта Карловна добросовѣстно исполняла свою обязанность и, при своемъ прямомъ характерѣ, несмотря на откровенность, доходившую до рѣзкости, занимала почетное мѣсто при дворѣ, втеченіе четырехъ царствованій. Во время коронаціи Николая I она получила титулъ свѣтлѣйшей княгини, который перешелъ къ ея дѣтямъ. Она умерла въ февралѣ 1828 года, достигнувъ глубокой старости. Ея старшій сынъ былъ кураторомъ Дерптскаго университета, затѣмъ министромъ народнаго просвѣщенія, до Уварова, съ 1828 — 1833 г. Второй сынъ Христофоръ Андреевичъ имѣлъ невыгодное преимущество быть мужемъ такой замѣчательной женщины, какъ Дарья Христофоровна, и при ней не могъ играть роли въ обществѣ. Въ 1834 году онъ былъ назначенъ воспитателемъ наследника престола (императора Александра II).

лось для нея строгимъ этикетомъ придворной жизни, которая не могла произвести пріятнаго впечатлѣнія на молодую женщину, вступающую въ свѣтъ, при томъ страхѣ, какой внушалъ къ себѣ Павелъ I своей болѣзненной раздражительностью. Натянутыя отношенія, какія существовали тогда между императоромъ и наследникомъ престола, дѣлали еще болѣе затруднительнымъ положеніе лицъ, приближенныхъ ко двору, гдѣ малѣйшая неосторожность могла возбуждать подозрѣніе и повести къ печальнымъ послѣдствіямъ.

Съ переменной царствованія наступили иные порядки. Восшествіе на престолъ Александра I было желаннымъ событіемъ для всей Россіи, а тѣмъ болѣе для придворныхъ, такъ какъ было связано для нихъ съ вопросомъ о личной безопасности. Но и въ эту пору, при дворѣ и въ обществѣ, далеко не всѣ сочувствовали широкимъ преобразовательнымъ стремленіямъ молодого государя, но пока не рѣшались выражать открыто своего неодобренія. Хотя Дарья Христофоровна была на сторонѣ либеральной партіи и въ числѣ восторженныхъ поклонницъ Александра I, но, по своему недостаточному институтскому образованію и молодости, едва ли могла вполне понимать значеніе правительственной дѣятельности первыхъ лѣтъ его царствованія и внутреннихъ совершенныхъ имъ реформъ. Тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству ея біографа Гизо (и, очевидно, со словъ Дарьи Христофоровны), она тяготилась придворной жизнью и свѣтской болтовней окружавшей ее молодежи, искала общества людей пожилыхъ и съ особеннымъ интересомъ прислушивалась къ ихъ разсказамъ и разговорамъ.

Въ этихъ бесѣдахъ затрогивались вопросы внутренней и внѣшней политики Россіи въ связи съ текущими европейскими событіями, и выражалось недовольство стараго поколѣнія противъ новыхъ порядковъ и вмѣшательства Александра I въ европейскія дѣла, особенно, послѣ пораженія русско-австрійской арміи при Аустерлицѣ. Дарья Христофоровнѣ приходилось выслушивать многое, что противорѣчило ея природному здравому смыслу, но, съ свойственнымъ ей тактомъ, она не вмѣшивалась въ разговоръ, не позволяла себѣ ни малѣйшаго замѣчанія, къ удовольствію своихъ собесѣдниковъ, которые оказывали ей особенное вниманіе.

Въ 1807 году, Дарья Христофоровна получала частыя извѣстія съ театра войны, такъ какъ ея мужъ находился при главной квартирѣ, во время неудачнаго похода русскихъ противъ Наполеона въ союзѣ съ Пруссіей, результатомъ котораго было пораженіе при Фридландѣ. Послѣ заключенія Тильзитскаго мира, графъ Х. А. Ливень вернулся въ Петербургъ, а черезъ три года былъ назначенъ посланникомъ въ Берлинъ, въ моментъ политическаго и финансоваго кризиса Пруссіи, когда, при нерѣшительности короля Фридриха-Вильгельма III, только энергія перваго министра барона фонъ-Гарденберга могла спасти ее отъ неминуемой гибели. Дарья Христо-

форовна послѣдовала за своимъ мужемъ, и въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ ею въ Берлинѣ, она увидѣла вблизи приготовленія къ грандіозной борьбѣ всѣхъ европейскихъ народовъ противъ завоевательныхъ стремленій одного человѣка. Здѣсь она впервые получила понятіе объ европейской политикѣ, ея значеніи и сложныхъ связанныхъ съ нею вопросахъ, увидѣла и узнала многое, что послужило къ развитію ея дипломатическихъ способностей.

Въ 1812 году, при возобновленіи дружескихъ отношеній Россіи съ Англіей, графъ Ливенъ былъ посланъ въ Лондонъ, сначала въ званіи резидента, затѣмъ посланника.

II.

Въ первое время, по пріѣздѣ въ Лондонъ, Дарья Христофоровна Ливенъ держалась вдали отъ политики; новое окружавшее ее общество, своеобразное правленіе, нравы—все обращало ея вниманіе и возбуждало интересъ. Время было благопріятное. При Георгѣ IV и Вильгельмѣ IV, представители первенствующихъ державъ находились въ близкихъ отношеніяхъ къ королевскому двору, наравнѣ съ первыми аристократическими фамиліями Англіи; лица, стоявшія во главѣ правленія, охотно поддерживали съ ними знакомство. Но, конечно, со стороны посланниковъ и ихъ супруговъ требовалось много ума, такта, тонкаго чувства приличія и умѣнія вести себя съ достоинствомъ, чтобы удержаться на высотѣ этого положенія и достигнуть извѣстнаго вліянія для исполненія тѣхъ или другихъ дипломатическихъ порученій. Дарья Христофоровна вполне удовлетворяла всѣмъ этимъ требованіямъ, которыя обезпечивали ея успѣхъ въ англійскомъ обществѣ.

М-ръ Ральфъ Снейдъ, лично знавшій графиню Ливенъ въ это время, называетъ ее «совершенствомъ приличій и хорошаго тона», расхваливаетъ ея величественную наружность, манеры, исполненныя достоинства, граціи и простоты, и изящество туалета, которое дѣлало ее законодательницей моды, наравнѣ съ леди Джерсей и Кауперъ (впослѣдствіи вышедшей замужъ за лорда Пальмерстона). Съ такимъ же восторгомъ м-ръ Снейдъ распространяется и о нравственныхъ качествахъ Дарьи Христофоровны, ея манерѣ писать и выражать свои мысли, говорить, что «она имѣла мужской умъ, серьезный, точный, строго логичный, и въ то же время тонкій, изящный и гибкій, какъ у женщины...».

Тогдашній регентъ, будущій король Георгъ IV, оказывалъ особенное вниманіе супругѣ русскаго посланника; герцогиня Йоркская удостоивала ее своей дружбой; и Дарья Христофоровна должна была присутствовать на всѣхъ парадныхъ королевскихъ обѣдахъ, празднествахъ и прогулкахъ въ Виндзорѣ и Брайтонѣ. При дворѣ и въ обществѣ оцѣнили ея замѣчательный умъ, природный тактъ и бла-

говоспитанность, убѣдились, что при ней можно говорить, не стѣняясь и безъ боязни навлечь на себя непріятность. Репутація графини Ливенъ была скоро установлена; англійская знать обоего пола искала знакомства съ нею, не переставала посѣщать ея салонъ все время, пока она жила въ Англии.

Салонъ графини Ливенъ носилъ дипломатическій характеръ. Здѣсь бывали высшіе государственные сановники, министры, члены англійскаго кабинета, лорды: Ливерпуль, Робертъ Пиль, Кэстльри, Георгъ Каннингъ, Веллингтонъ, Абердинъ, Грей, Джонъ Россель, Пальмерстонъ, Голландъ и др., иностранные дипломаты и посланники: Эстергази, Поццо ди Борго, Вильгельмъ Гумбольдтъ, голландскій посланникъ Фалькъ и др. Нѣкоторый диссонансъ въ это избранное общество вносили любимцы регента, между которыми были люди ограниченные и невоспитанные, но Дарья Христофоровна настолько сроднилась съ придворною жизнью и понятіями, что считала необходимыми уступки и снисхожденіе къ высшимъ особамъ и ихъ приближеннымъ.

Дарья Христофоровна Ливенъ, благодаря своей близости ко двору и постояннымъ сношеніямъ съ людьми разныхъ партій, знала всѣ политическія новости, ходившіе слухи, настроеніе лицъ, стоящихъ во главѣ правленія, обращала вниманіе на ничтожные факты, бѣглыя фразы, полуслова, выводила свои заключенія и сообщала мужу. Графъ Ливенъ пользовался ея наблюденіями и рассказами для переписки съ русскимъ дворомъ и, однажды, предложилъ ей самой сочинить депеши посольства. Первый опытъ оказался настолько удачнымъ, что съ этого момента онъ окончательно предоставилъ женѣ составленіе депешъ, которыя не представляли для нея большого труда. Знаніе дипломатическихъ дѣлъ, знакомство со всякаго рода кабинетными тайнами далось ей безъ усилій, благодаря окружавшему ея обществу, постояннымъ толкамъ и разговорамъ о политикѣ, а составленіе посольскихъ депешъ довершило ея образованіе въ данномъ направленіи. Дарья Христофоровна, пользуясь своей популярностью въ англійскомъ обществѣ, теперь сама возбуждала политическіе разговоры, высказывала взгляды, которые считала совмѣстимыми съ достоинствомъ Россіи, и, вызывая на откровенность, получала отвѣты на занимавшіе ее вопросы. И, такъ какъ она превосходила мужа въ знаніи людей и наблюдательности и была одарена умомъ «дѣловымъ, быстрымъ и пронизательнымъ», то незамѣтно стала во главѣ нашего посольства при с.-джемскомъ дворѣ и фактически правила его дѣлами ¹⁾.

¹⁾ Такимъ образомъ Вигель, который вообще злобно относится къ Дарьѣ Христофоровнѣ Ливенъ, на основаніи слуховъ, ходившихъ о ней въ Россіи, вполнѣ правъ, говоря, что она «при мужѣ исполняла должность посла и совѣтника и сочиняла депеши». (См. «Записки Ф. Ф. Вигеля, ч. VI, М., 1892, стр. 70—71).

Депеши, составленныя женою русскаго посланника, вмѣсто прежнихъ краткихъ реляцій, становились все болѣе точными и подробными, богаче фактами, и обратили на себя вниманіе тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде. Истина скоро обнаружилась, тѣмъ болѣе, что графъ Х. А. Ливенъ не считалъ нужнымъ скрывать отъ русскаго двора участіе его жены въ составленіи депешъ посольства, а равно и то видное общественное положеніе, какое она занимала въ Англіи. Графъ Нессельроде не замедлил воспользоваться полученными извѣстіями и вступилъ съ Д. Х. въ частную переписку, гдѣ интимнымъ образомъ обсуждались вопросы, имѣвшіе прямое или косвенное отношеніе къ русской политикѣ. Императоръ Александръ I, съ своей стороны, оказывалъ Д. Х. самое милостивое вниманіе, когда она являлась въ Петербургъ, много бесѣдовалъ съ нею объ европейскихъ дѣлахъ и своихъ планахъ и передъ ея отъѣздомъ въ Лондонъ давалъ ей словесныя инструкціи.

Несмотря на видимую перемѣну взглядовъ Александра I и наступившую реакцію, Д. Х. Ливенъ все еще придерживается либеральныхъ традицій первыхъ лѣтъ его царствованія. Къ этому времени относится начало ея дружбы съ лордомъ Греемъ и Георгомъ Каннингомъ, наиболѣе либеральными людьми Англіи, особенно съ Каннингомъ, которому она искренно поклонялась до конца его жизни. Подъ его влияніемъ, она враждебно относится къ Меттерниху и послѣдователямъ его политики, Веллингтону и Абердину, и въ своихъ письмахъ къ Грею откровенно высказываетъ свое мнѣніе по этому поводу, хотя изъ осторожности умалчиваетъ пока о греческомъ вопросѣ.

Но либерализмъ Д. Х. не мѣшаетъ ея близкимъ сношеніямъ съ людьми противоположныхъ убѣжденій. Въ 1818 и 1822 гг. она присутствуетъ на реакціонныхъ конгрессахъ въ Ахенѣ и Веронѣ, служившихъ интересамъ Священнаго союза, и гдѣ во всей силѣ торжествовала система Меттерниха. Д. Х. съ живымъ интересомъ слѣдитъ за ходомъ засѣданій, любезно принимаетъ дипломатовъ, которые собирались у нея по вечерамъ для отдыха и развлечения и, бесѣдуя о политикѣ, высказывали взгляды, далеко несогласные съ ея тогдашними убѣжденіями.

III.

Въ 1821 году вспыхнуло греческое возстаніе. Симпатіи образованныхъ классовъ всей Европы были на сторонѣ грековъ, въ виду варварскаго обращенія турокъ съ христіанскимъ населеніемъ; разрывъ между Россіей и Турціей казался неизбежнымъ; и со дня на день ожидали войны. Между тѣмъ, надежда на помощь со стороны Россіи оказалась напрасною. Хотя Гизо, въ написанной имъ біографіи Д. Х. и на основаніи ея словъ, утверждаетъ, что импера-

торъ Александръ I въ бесѣдѣ съ нею выразилъ желаніе, чтобы она дѣйствовала въ Англіи въ пользу грековъ, и будто бы сказалъ знаменательную фразу: «Madame, il me faut une Grèce» ¹⁾, но, повидимому, не имѣлъ намѣренія вступить за единовѣрныхъ грековъ. Недавнія революціи въ Неаполѣ, Пьемонтѣ и Испаніи послужили ему поводомъ, чтобы отказаться отъ всякаго вмѣшательства въ греческія дѣла. Когда графъ Каподистрія лично обратился къ нему съ просьбой оказать поддержку Греціи, то Александръ I отвѣтилъ уклончивымъ отказомъ, добавивъ, съ свойственной ему мягкостью выраженій, что «несчастныя обстоятельства мѣшаютъ ему слѣдовать влеченіямъ сердца и тому, что требуетъ его вѣра».

Д. Х. Ливенъ раздѣляла общее сочувствіе англійскаго общества къ грекамъ, тѣмъ не менѣе, не получая никакихъ прямыхъ инструкцій отъ русскаго двора, избѣгала всякихъ изъясненій своей личной симпатіи къ угнетенному народу. Въ этомъ отношеніи весьма характерна ея переписка съ лордомъ Греемъ, который при вступленіи на престолъ Георга IV удалился отъ дѣлъ, въ свое родовое помѣстье Гоуикъ, и тѣмъ болѣе дорожилъ письмами Дарьи Христофоровны, которая, вращаясь въ высшемъ лондонскомъ обществѣ, могла сообщать всѣ интересовавшія его новости. Несмотря на видимую откровенность съ обѣихъ сторонъ, Дарья Христофоровна тѣмъ же дѣловымъ спокойнымъ тономъ разсуждаетъ о разныхъ европейскихкихъ событіяхъ и дипломатическихкихъ вопросахъ, какъ и о живо занимавшей ее борьбѣ грековъ за свою независимость. Даже въ 1825 году, когда съ прибытіемъ вооруженной помощи изъ Египта, перевѣсъ окончательно склонился на сторону турокъ, и дѣло грековъ казалось проиграннымъ, она не выказываетъ ни малѣйшаго участія къ ихъ дальнѣйшей судьбѣ и ограничивается сообщеніемъ послѣднихъ извѣстій, полученныхъ съ театра войны.

Неожиданная смерть Александра I измѣнила положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Преемникъ его, императоръ Николай Павловичъ, явился великодушнымъ покровителемъ грековъ и, чтобы оказать имъ немедленную помощь, вступилъ въ сношенія съ Англіей и Франціей. Перемѣна политики русскаго двора въ греческомъ вопросѣ немедленно отразилась на отношеніи къ нему Дарьи Христофоровны Ливенъ: теперь она открыто заявляетъ себя сторонницей освобожденія грековъ и пользуется своими сношеніями съ правительственными лицами Англіи, чтобы дѣйствовать въ ихъ пользу.

Назначеніе Георга Каннинга главой министерства значительно облегчило ея задачу. Каннингъ горячо стоялъ за независимость грековъ, съ перваго момента возстанія, и на запросъ русскаго кабинета заявилъ о готовности Англіи примкнуть къ союзу съ Россіей противъ Турціи. Онъ находилъ вмѣшательство Англіи вполне

¹⁾ «Mélanges biographiques et littéraires», par M. Guizot, 1868, p. 199.

совмѣстимымъ съ выгодами ея политики и доказываль, что «пока греческій вопросъ не будетъ рѣшенъ, до тѣхъ поръ онъ можетъ во всякое время служить Россіи предлогомъ для насильственныхъ мѣръ противъ Турціи, существованіе которой было необходимо для Англии». Лордъ Грей находилъ такой взглядъ неправильнымъ, не вѣрилъ искренности Каннинга и, считая его политическимъ авантюристомъ, высказалъ это въ письмѣ къ Дарьѣ Христофоровнѣ отъ 2-го сентября 1827 года.

Хотя Грей сочувствовалъ грекамъ и желалъ ихъ освобожденія, но болѣе въ теоріи, чѣмъ въ дѣйствительности; онъ былъ противъ вмѣшательства иностранныхъ державъ въ дѣла Греціи, особенно, Россіи. Онъ не раздѣлялъ также общаго ликованія, вызваннаго битвой при Наваринѣ, гдѣ соединенныя эскадры: англійская, французская и русская, напали на турецко-египетскій флотъ и совершенно истребили его. Но еще враждебнѣе относится лордъ Грей къ русско-турецкой войнѣ 1827—1829 гг., начатой съ незначительными средствами, что на первыхъ порахъ послужило поводомъ къ преувеличеннымъ слухамъ о неудачахъ, постигшихъ русскія войска. На основаніи этихъ слуховъ, Меттернихъ предложилъ Веллингтону (главѣ англійскаго кабинета, послѣ Каннинга) воспользоваться истощеніемъ русской арміи, чтобы напасть на нее соединенными силами. Веллингтонъ, съ своей стороны, обратился съ этимъ предложеніемъ къ французскому правительству; но король Карлъ X отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ, добавивъ, что «его честь не допустить, чтобы онъ поддержалъ идею подобнаго проекта въ тотъ моментъ, когда русская армія терпитъ временныя бѣдствія»...

Грей, упомянувъ объ отвѣтѣ французскаго короля въ письмѣ къ княгинѣ Ливенъ¹⁾, подробно изложилъ планъ Веллингтона и распространялся о выгодахъ, какія могла изъ этого извлечь Англія, въ случаѣ успѣха. Дарья Христофоровна была глубоко возмущена письмомъ своего друга и, зная его чрезмѣрное самолюбіе, прибѣгла къ лести, чтобы доказать несостоятельность политики Веллингтона: «Я удивляюсь, мой дорогой лордъ,—писала она,—какъ такой великій государственный человѣкъ, какъ вы, созданный, чтобы повелѣвать и управлять людьми, можете поддерживать министерство, которое ни въ какомъ случаѣ нельзя назвать геніальнымъ», и пр.

Вскорѣ и самъ Веллингтонъ принужденъ былъ отказаться отъ своего плана, послѣ взятія Варны и въ виду дальнѣйшихъ успѣховъ русскаго оружія на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи, которые привели къ Адрианопольскому миру и признанію независимости Греціи.

¹⁾ Съ 1826 г. Д. Х. носила титулъ свѣтлѣйшей княгини, по мужу, который былъ возведенъ въ княжеское достоинство одновременно съ своей матерью Шарлоттой Карловной Ливенъ, по случаю коронаціи императора Николая I.

IV.

Между тѣмъ, положеніе дѣлъ во Франціи принимало все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Стремленіе Карла X возстановить древне-французскую монархію и рядъ принятыхъ имъ репрессивныхъ мѣръ возбудили общее неудовольствіе, какъ видно изъ письма кн. Ливенъ отъ 3-го августа 1829 года. Сообщая Грею свои наблюденія и описывая настроеніе парижскаго населенія, наканунѣ образованія новаго министерства, подъ предсѣдательствомъ Полиньяка, извѣстнаго своимъ антилиберальнымъ образомъ мыслей, она пишетъ: «Въ Парижѣ, насколько я могла слышать, господствуетъ сильное безпокойство, по поводу вступленія Полиньяка въ министерство. Въ сущности это будетъ величайшимъ изъ несчастій; и, кто знаетъ, быть можетъ, немедленнымъ слѣдствіемъ всего этого будетъ революція во Франціи или, по крайней мѣрѣ, очень опасныя усложненія». Дальнѣйшее поведеніе Карла X еще болѣе усилило опасенія Д. Х.: «Какія удивительныя событія происходятъ во Франціи,—пишетъ она въ другомъ письмѣ.—Увѣряю васъ, мой дорогой лордъ, что французскій король не можетъ ожидать поддержки со стороны Россіи при такомъ нелѣпомъ поведеніи; вѣроятно, и другія европейскія государства будутъ слѣдовать тому же способу дѣйствій»...

Дарья Христофоровна, не стѣняясь, высказывала свои взгляды на положеніе дѣлъ во Франціи, тѣмъ болѣе, что великодушная помощь, оказанная грекамъ императоромъ Николаемъ I, давала ей надежду на признаніе правъ французскаго народа со стороны Россіи и другихъ державъ. Въ это время положеніе кн. Ливенъ было довольно шаткое; и она имѣла основаніе ожидать, что ей придется оставить Англію вслѣдствіе ея дурныхъ отношеній къ главѣ министерства Веллингтону. «Хотя вы думаете,—писала она Грею,—что я теперь лучше расположена къ герцогу Веллингтону, въ виду рѣшенія турецкаго и греческаго вопроса, но на дѣлѣ выходитъ иначе. Мы видимся время отъ времени, однако наши отношенія носятъ officialный характеръ. Я не думаю, чтобы герцогъ Веллингтонъ забывалъ нанесенныя ему оскорбленія; что касается меня лично, то я готова простить ему ту ненависть, какую онъ чувствуетъ къ Россіи и ко мнѣ лично, если это возможно...».

Но дѣло не дошло до открытой ссоры, тѣмъ болѣе, что, вскорѣ послѣ вступленія на престолъ Вильгельма IV, герцогъ Веллингтонъ вышелъ изъ министерства и, къ великой радости Дарьи Христофоровны на его мѣсто былъ избранъ лордъ Грей.

Подъ впечатлѣніемъ этой благоприятной для нея переменъ, Дарья Христофоровна выѣхала изъ Англіи лѣтомъ 1830 года, въ самомъ мирномъ настроеніи духа, и на двѣнадцатый день прибыла въ Варшаву, гдѣ находилась тогда царская фамилія по случаю предстоящаго сейма.

«Вся Россія собрана здѣсь,—писала она Грею изъ Варшавы въ концѣ іюня.—Не стану распространяться о томъ удовольствіи, какое доставило мнѣ свиданіе съ старыми друзьями и длинныя бесѣды съ ними; братъ и Нессельроде поселились въ моей гостиной. Видѣла великаго князя Константина Павловича; онъ остался такимъ, какъ я оставила его двѣнадцать лѣтъ тому назадъ: остроуменъ, оригиналенъ и, попрежнему, смѣшилъ насъ». Въ томъ же письмѣ она жалуется на усталость отъ придворной жизни, при которой ей почти не оставалось времени для отдыха, и описываетъ великолѣпный балъ, устроенный польскими депутатами для императрицы. «Поляки,—добавляетъ она,—повидимому, очень привязаны къ императору, полны усердія и доброжелательства; его сердечность и простота обращенія производятъ здѣсь наилучшее впечатлѣніе...».

Въ слѣдующемъ письмѣ отъ 28 іюня, Дарья Христофоровна пишетъ Грею о закрытіи польскаго сейма. «Устала до изнеможенія; въ три часа ночи вернулась съ придворнаго бала, а въ десять пришлось ѣхать обратно во дворецъ, чтобы сопровождать царскую фамилію на закрытіе польскаго сейма. Эта церемонія была въ высшей степени эффектна. Нельзя себѣ представить болѣе величественнаго государя, какъ мой властелинъ. Его величество занялъ престолъ; великій князь Константинъ остался на другомъ концѣ залы среди депутатовъ. Какая удивительная и трогательная дружба между братьями!..».

Послѣ закрытія сейма Дарья Христофоровна отправилась вмѣстѣ съ царской фамиліей въ Петергофъ, гдѣ ее ожидалъ такой же избытокъ развлеченій, какъ и въ Варшавѣ. Военные смотры, всякаго рода празднества, придворныя обѣды, экскурсіи, балы приводили ее въ отчаяніе. «Одѣваюсь четыре раза въ день, двухъ мыслей связать не могу»,—заявляетъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ Грею. Она находила только удовольствіе въ интимныхъ придворныхъ вечерахъ, гдѣ имѣла возможность бесѣдовать съ государемъ объ европейской политикѣ, что было особенной милостью со стороны Николая Павловича, который избѣгалъ говорить о серьезныхъ вещахъ съ женщинами. Подъ впечатлѣніемъ одного изъ этихъ вечеровъ, она писала Грею 6 іюля 1830 года, что «никогда не было государя, болѣе любящаго миръ, чѣмъ императоръ Николай I», и по этому поводу распространяется о необходимости хорошихъ отношеній Англіи съ Россіей и хвалитъ поведеніе англійскаго посла въ Константинополѣ.

Но миръ продолжался недолго. Іюльская революція во Франціи послужила началомъ волненій въ Бельгіи, Германіи, Итали и Швейцаріи. Хотя Дарья Христофоровна сама осуждала поведеніе Карла X и за годъ передъ тѣмъ считала революцію неизбежной, но пришла въ ужасъ, когда ея предсказаніе осуществилось на дѣлѣ. Между тѣмъ Греи съ восторгомъ отзываются объ умѣренности парижскаго

населенія, которое, по его словамъ, «не только спасло свободу Франціи, но и помѣшало ея уничтоженію въ Европѣ». Онъ также совершенно не раздѣляетъ восторга Дарьи Христофоровны по поводу возведенія на французскій престолъ герцога Орлеанскаго и не придаетъ этому особеннаго значенія.

Различіе взглядовъ лорда Грея и супруги русскаго посланника выразилось еще сильнѣе въ дѣлѣ польскаго возстанія 1830 года, по поводу котораго Дарья Христофоровна высказываетъ мнѣнія, имѣющія мало общаго съ ея прежними либеральными убѣжденіями.

V.

Хотя Англія отказалась отъ какой бы то ни было помощи полякамъ, и лордъ Грей, тогдашній глава министерства, избѣгалъ всякихъ сношеній съ временнымъ польскимъ правительствомъ, но княгиня Ливенъ ставитъ въ упрекъ Грею его гуманное отношеніе къ «мятежникамъ». Она глубоко возмущена тѣмъ открытымъ сочувствіемъ, которое было выражено полякамъ въ палатѣ общинъ въ іюнѣ 1831 года а равно и со стороны англійскаго общества. Велѣдъ затѣмъ, въ Лондонъ прибылъ польскій поэтъ Нѣмцевичъ, уже достигшій глубокой старости, и былъ принятъ англійскимъ премьеромъ, которому передалъ письмо отъ Адама Чарторыйскаго. Д. Х. тотчасъ узнала объ этомъ и поспѣшила заявить о своемъ неудовольствіи лорду Грею, напомнивъ объ его прежнихъ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Россіи. Но, такъ какъ письмо было написано въ приличной формѣ и не заключало ничего оскорбительнаго для достоинства англійскаго премьера, то онъ отвѣтилъ въ примирительномъ тонѣ, что «не могъ отказать въ приѣмѣ человѣку такихъ преклонныхъ лѣтъ, какъ Нѣмцевичъ, съ которымъ познакомился еще въ то время, когда онъ былъ адъютантомъ Костюшки» и пріѣзжалъ въ Лондонъ въ 1793 году.

Все время, пока продолжалось возстаніе, кн. Ливенъ, по возвращеніи въ Англію, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила по газетнымъ извѣстіямъ за успѣхами русскихъ войскъ и, по взятіи Варшавы 26 августа 1831 году, выразивъ свою радость, писала Грею: «Наконецъ я спокойна относительно Польши и могу вполне предаться парламентскимъ интересамъ»...

Но раздраженіе Дарьи Христофоровны противъ поляковъ не улеглось и послѣ усмиренія возстанія, какъ видно изъ ея дальнѣйшей переписки съ Греемъ. Въ декабрѣ 1831 года, въ Лондонъ прибылъ Адамъ Чарторыйскій, глава аристократической партіи, бѣжавшій за границу съ паспортомъ, даннымъ ему Меттернихомъ, и встрѣтилъ самый радушный приѣмъ въ высшемъ англійскомъ обществѣ. Лордъ Грей, который былъ давно знакомъ съ нимъ, пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ, на которомъ присутствовали лордъ Сальмерстонъ и другіе члены министерства. Дарья Христофоровна была настолько поражена из-

вѣстіемъ, что Адамъ Чарторыйскій былъ принятъ въ домѣ лорда Грея и обѣдалъ у него, что рѣшилась открыто высказать свое негодованіе по этому вопросу:

«Вы забываете, — писала она Грею въ письмѣ изъ Ричмонда отъ 2-го января 1832 года, — что Адамъ Чарторыйскій политическій преступникъ, изобличенный въ измѣнѣ другу и союзнику Англіи... и этотъ преступникъ встрѣчаетъ такой лестный пріемъ у главы англійскаго правленія!.. Между тѣмъ нельзя не признать такой способъ дѣйствій вполнѣ гуманнымъ. Мнѣ самой жаль Чарторыйскаго, жаль заблужденій, стоившихъ жизни многимъ тысячамъ людей. Но вы, мой дорогой лордъ, упускаете изъ виду, что государственный дѣятель отвѣчаетъ за свои поступки, и что пріемъ, оказанный вами Адаму Чарторыйскому, можетъ быть принятъ за оскорбленіе такимъ союзникомъ, какъ Россія»...

Письмо Дарьи Христофоровны глубоко оскорбило англійскаго премьера и показалось такимъ неумѣстнымъ, что онъ рѣшился сдѣлать ей рѣзкій выговоръ за ея непрошенное вмѣшательство. «Я полагаю, — писалъ онъ ей 4 января того же 1832 года, — что едва ли когда нибудь иностранный посланникъ присвоивалъ себѣ право требовать отчета у члена чужаго правительства относительно лицъ, которыя могутъ быть приглашены имъ на обѣдъ» и, что «онъ лично никогда не признаетъ такого притязанія». Затѣмъ, указавъ на безупречное поведеніе Англіи и его самого относительно Россіи, во все время польскаго возстанія, онъ пишетъ въ томъ же письмѣ: «Я избѣгалъ тогда, по возможности, всякихъ сношеній съ польскими агентами и, въ особенности, съ княземъ Чарторыйскимъ и не отвѣчалъ на его письма. Но теперь, когда князь Чарторыйскій прибылъ въ Англію при иныхъ условіяхъ, я не вижу въ немъ болѣе члена временнаго польскаго правительства, облеченнаго властью и враждебнаго дружественной державѣ, но несчастнаго изгнанника, не совершившаго ни одного поступка, который бы унизилъ его нравственный обликъ въ моихъ глазахъ. При этомъ, какъ человекъ, давно знакомый мнѣ, а равно и въ силу своихъ несчастій, онъ имѣетъ право на мое вниманіе и любезность... Мнѣ хорошо извѣстно, какія обязанности возложены на меня званіемъ министра; и я не могу допустить, чтобы эти обязанности стѣсняли меня въ моихъ личныхъ отношеніяхъ». Въ заключеніе, лордъ Грей выражаетъ надежду, что не услышитъ болѣе отъ супруги русскаго посланника того, «что никогда не долженъ былъ слышать».

Дарья Христофоровна не позволила себѣ никакихъ возраженій по поводу замѣчаній лорда Грея и отвѣтила ему любезнымъ письмомъ, гдѣ, упомянувъ мимоходомъ, что «считаетъ польскій вопросъ оконченнымъ», — подробно писала о современныхъ политическихъ событіяхъ въ обычномъ дружескомъ тонѣ.

Въ февралѣ 1832 года, лордъ Грей снова коснулся польскаго

вопроса и, сдѣлавъ оговорку, что «не желаетъ вмѣшиваться въ дѣла иностранныхъ державъ», — заявилъ, что «считаетъ присоединеніе Польши къ Россійской имперіи нарушеніемъ постановленій вѣнскаго конгресса», и доказывалъ, что подобный фактъ возстановитъ противъ Россіи всю Европу и сторонниковъ европейскаго мира. Дарья Христофоровна не раздѣляла этого взгляда; но вопросъ былъ настолько щекотливый, что она не нашла удобнымъ распространяться о немъ и, чтобы расположить лорда Грея въ пользу Россіи, придумала слѣдующую комбинацію. Дѣйствуя черезъ графа Нессельроде, она убѣдила императора Николая Павловича принять чрезвычайное посольство лорда Дергэма (Durham), женатаго на дочери Грея, хотя онъ былъ извѣстенъ русскому двору съ весьма невыгодной стороны, по своимъ либеральнымъ идеямъ и крайнему несокромѣю. Миссія лорда Дѣргэма состояла въ томъ, чтобы заручиться поддержкой русскаго двора въ признаніи независимости Бельгіи и, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы сгладить впечатлѣніе новыхъ демонстрацій противъ Россіи, происходившихъ въ палатѣ общинъ, гдѣ внутренняя политика Николая I подверглась рѣзкому осужденію. Лордъ Дергэмъ засталъ русскаго императора въ Кронштадтѣ, былъ милостиво принятъ имъ и получилъ приглашеніе пріѣхать въ Петергофъ, гдѣ ему дана была частная аудіенція, и онъ съ успѣхомъ выполнилъ возложенное на него порученіе. Все это, а равно и особенное вниманіе, оказанное лорду Дергэму при русскомъ дворѣ, настолько польстили его самолюбію, что онъ, противъ своего обыкновенія, велъ себя съ большимъ тактомъ и не подалъ ни малѣйшаго повода къ неудовольствію.

Но хлопоты Д. Х. Ливень не принесли ожидаемыхъ ею результатовъ. Грей уже не могъ оказать никакой поддержки Россіи, такъ какъ не пользовался прежней популярностью въ Англіи и вскорѣ потерялъ всякое значеніе въ министерствѣ, гдѣ господствовалъ лордъ Пальмерстонъ, враждебно настроенный противъ Россіи. Въ этомъ отношеніи, вліяніе Дарьи Христофоровны оказывалось безсильнымъ. Несмотря на многолѣтнее близкое знакомство съ нею, Пальмерстонъ не довѣрялъ ея искренности и не разъ говорилъ своимъ пріятелямъ: «Нужно слѣдовать, именно, тому, чего не говоритъ княгиня Ливень, и дѣлать то, что она не думаетъ предлагать; мнѣ слишкомъ хорошо извѣстно, какую пользу она принесла моимъ друзьямъ своими совѣтами, чтобы когда нибудь воспользоваться ими». Раздраженіе Пальмерстона противъ Дарьи Христофоровны еще болѣе усилилось въ послѣднее время, когда она сошлась съ его врагами: французскимъ посланникомъ Талейраномъ и его племянницей мадаме Дино, которые относились къ нему съ явнымъ недоброжелательствомъ. Но Дино была такъ умна, и Талейранъ, несмотря на свой преклонный возрастъ, такъ пріятенъ въ обществѣ, что Дарья Хри-

стофоровна почувствовала къ нимъ неудержимое влеченіе и, не стѣсняясь никакими посторонними соображеніями, вступила съ ними въ самыя интимныя отношенія.

VI.

Въ концѣ 1832 года, по настоянію лорда Пальмерстона, занимавшаго тогда постъ министра иностранныхъ дѣлъ, изъ Петербурга отозванъ былъ англійскій посоль Гейнсбери, умѣренный тори, котораго императоръ Николай Павловичъ желалъ удержать при себѣ, о чемъ должна была хлопотать княгиня Ливень, согласно данной ей инструкции. На мѣсто Гейнсбери хотѣли назначить въ Петербургъ Стратфорта Каннинга (родственника Георга Каннинга † въ 1827 году), англійскаго посла на востокъ, извѣстнаго своими симпатіями къ туркамъ и полякамъ. Николай I рѣшилъ не принимать Стратфорта, и русскому посланнику въ Лондонѣ, князю Ливену, поручено было официально заявить объ этомъ англійскому кабинету.

Въ это время Д. Х., пользуясь своими сношеніями съ членами министерства, стала хлопотать частнымъ образомъ о возвращеніи въ Петербургъ прежняго посла и, по свидѣтельству Гренвилля, была вполнѣ увѣрена въ успѣхѣ, такъ какъ заручилась обѣщаніями Грея и Пальмерстона. Но, при слѣдующемъ свиданіи съ лордомъ Пальмерстономъ, она встрѣтила неожиданное противодѣйствіе съ его стороны и измѣнила своей обычной сдержанности. Ссылаясь на данное ей обѣщаніе, она стала настойчиво требовать возвращенія Гейнсбери въ Петербургъ и приняла такой высокоумѣренный тонъ, что Пальмерстонъ, потерявъ терпѣніе, рѣзко заявилъ, что посломъ при русскомъ дворѣ будетъ назначенъ «не кто иной, какъ Стратфордъ Каннингъ», и отказался отъ дальнѣйшихъ объясненій по этому поводу.

На другой день въ «London Gazette» появилось печатное извѣстіе о назначеніи Стратфорта Каннинга посломъ въ Петербургъ. Д. Х. немедленно сообщила объ этомъ графу Нессельроде, который вторично поручилъ князю Ливену отклонить назначеніе Стратфорта, такъ какъ онъ ни въ какомъ случаѣ не будетъ принятъ императоромъ. Д. Х. торжествовала, считая врага побѣжденнымъ. Не довольствуясь этимъ, она возстановила противъ Пальмерстона лордовъ Грея и Дѣргэма и, по словамъ очевидца—Гренвилля, «подняла такую суматоху, что Пальмерстонъ рѣшилъ наказать ее за неумѣстное вмѣшательство и за тѣ хлопоты и непріятности, которыя она причинила ему»...

Прошелъ годъ, и мѣсто англійскаго посла въ Петербургъ оставалось незанятымъ; наконецъ, въ іюнь 1834 года, русскій дворъ вынужденъ былъ отозвать изъ Лондона князя Ливена, который вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ отставкѣ получилъ высочайшій приказъ

о назначеніи его воспитателемъ наслѣдника (будущаго императора Александра II).

Вслѣдъ затѣмъ лордъ Грей вышелъ изъ министерства, и его мѣсто занялъ лордъ Мельборнъ. Неизвѣстно, имѣлъ ли отъѣздъ княгини Ливенъ какое либо отношеніе къ отставкѣ Грея, или онъ рѣшился на это вслѣдствіе усиленной работы въ министерствѣ и затрудненій, вызванныхъ новыми реформами и преобразованиемъ парламента, тѣмъ болѣе, что нуждался въ отдыхѣ при своемъ преклонномъ возрастѣ.

Вѣсть объ отъѣздѣ княгини Ливенъ произвела сильную сенсацию въ Лондонѣ. Пальмерстонъ торжествовалъ въ свою очередь и писалъ Мельборну отъ 27-го іюня 1834 года: «Съ Россіей мы въ прежнихъ отношеніяхъ, споримъ и готовы поссориться. Ливены уѣзжаютъ; по личнымъ отношеніямъ, жаль старыхъ друзей и пріятныхъ членовъ общества, но въ виду политическихъ соображеній потеря небольшая. Княгиня Ливенъ попала сама въ западню, приготовленную ею для другихъ».

Дарья Христофоровна была глубоко огорчена необходимостью оставить Англію, гдѣ провела лучшіе годы жизни и, по своему положенію и личнымъ качествамъ, занимала первенствующую роль среди англійской аристократіи, у которой пользовалась вліяніемъ и популярностью, какъ неотъемлемымъ правомъ. Ей предстояла разлука съ близкими друзьями, привычками и строемъ жизни, съ которымъ она сроднилась втеченіе двадцати слишкомъ лѣтъ, проведенныхъ ею въ Англіи. Она должна была покинуть избранное общество, которое называло ее своимъ «лучшимъ украшеніемъ» и теперь, по случаю ея отъѣзда, обратилось къ ней съ искренними изъявленіями дружбы и уваженія. Герцогиня Сузерлендская поднесла Дарьѣ Христофоровнѣ Ливенъ отъ имени лондонскихъ дамъ великолѣпный браслетъ «въ знакъ сожалѣнія объ ея отъѣздѣ и на память многихъ лѣтъ, проведенныхъ ею въ Англіи».

Но ничто не могло утѣшить Дарью Христофоровну, которая въ письмѣ отъ 6-го августа 1834 года писала Грею изъ Петербурга: «Пожалѣйте меня, мой дорогой лордъ, я стою сожалѣнія... Не знаю, какъ я буду существовать вдали отъ горячо любимой мною Англіи, вдали отъ всѣхъ васъ! Передъ глазами моими поднесенный мнѣ браслетъ — величайшая честь, какая только могла быть оказана мнѣ; какъ я гордилась этимъ, какъ я была счастлива въ тотъ моментъ и какъ печальна!.. По приѣздѣ въ Петербургъ, мнѣ пришлось провести два дня въ Царскомъ Селѣ; приемъ былъ самый дружескій; государь вполне понимаетъ мои сожалѣнія объ Англіи, и я могу предаваться своимъ печальнымъ чувствамъ»... Затѣмъ въ томъ же письмѣ Дарья Христофоровна, осыпая похвалами молодого цесаревича Александра Николаевича, добавляетъ, что «будетъ любить его, какъ родного сына», и что «не можетъ быть лучше

должности и занятій болѣе интересныхъ, какъ воспитаніе наслѣдника престола».

Но Дарья Христофоровна напрасно старалась увѣрить себя въ этомъ; дальнѣйшія ея письма къ Грею носятъ отпечатокъ глубокой тоски. Жизнь въ Петербургѣ была тяжелымъ испытаніемъ для Дарьи Христофоровны; она слишкомъ долго жила въ широкой сферѣ политическаго и умственнаго движенія, чтобы удовлетворяться интересами придворной жизни, ея блескомъ, празднествами и лично оказаннымъ ей почетомъ, со стороны царской фамиліи. Императоръ Николай Павловичъ относился къ ней съ особеннымъ благоволеніемъ, и хотя не любилъ женщинъ, игравшихъ видную роль въ обществѣ, но цѣнилъ ея прошлую вѣрную службу и, отдавая справедливость ея замѣчательному уму и благовоспитанности, выразилъ желаніе, чтобы наслѣдникъ чаще пользовался ея обществомъ.

Княгиня Ливенъ принимала всѣ эти милости съ благодарностью, чувствовала еще большую привязанность къ царской фамиліи, но бездѣйствіе томило ее, и она невольно обращалась къ прошлому, жила воспоминаніями о счастливыхъ дняхъ, проведенныхъ ею въ Англіи. Придворныя торжества, обѣды, вечера, балы и ужины утомляли ее и наводили скуку; особенно надоѣдала ей игра въ карты, когда, по ея словамъ, «она была прикована къ кресламъ и только посматривала то въ одну, то въ другую сторону въ надеждѣ, что явится избавитель и замѣнитъ ее за карточнымъ столомъ».

Съ отъѣздомъ ихъ величествъ изъ Царскаго Села, наступило полное затишье и возможность отдыха для княгини Ливенъ; но жизнь стала еще однообразнѣе; ей часто приходилось одной обѣдать съ дѣтьми и проводить вечера. Только по четвергамъ, послѣ обѣда въ ея гостиной собирались друзья, и на этихъ интимныхъ четвергахъ бывалъ и наслѣдникъ, котораго Дарья Христофоровна «старалась завлечь въ общій разговоръ».

Жажда чего либо новаго, внѣ придворной сферы, заставила княгиню Ливенъ временно переселиться въ Петербургъ, въ домъ на Англійской набережной, нанятый ея мужемъ по возвращеніи изъ Лондона. Она завела знакомства въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, устроила у себя приемы, но и тутъ ее постигло разочарованіе; скука, царившая въ ея собственной гостиной и въ посѣщаемыхъ ею домахъ, заставила ее опять вернуться въ Царское Село. «Я видѣла массу лицъ, — писала она Грею, — но не нашла общества»... Тяжелому душевному настроенію княгини Ливенъ немало способствовалъ суровый сѣверный климатъ, отъ котораго она отвыкла, вслѣдствіе долгой заграничной жизни, и который съ наступленіемъ осени губительно дѣйствовалъ на ея здоровье. Это заставляло ее еще болѣе жалѣть о своемъ невольномъ удаленіи изъ Англіи, виновникомъ котораго она считала Пальмерстона. «Снѣгъ и ледъ,—

писала она Грею въ 1834 году,—проникають до мозга костей; доктора не увѣрены, въ состояніи ли я буду прожить здѣсь зиму... Если бы лордъ Пальмерстонъ зналъ правила простой вѣжливости, то дѣла приняли бы иной оборотъ, и я до сихъ поръ была бы въ въ Англіи»...

VII.

Но Дарью Христофоровну ожидало новое, еще болѣе тяжелое горе, которое поразило ее своей неожиданностью. Весною 1835 года, втеченіе одного мѣсяца у ней умерли, одинъ за другимъ, два сына 10-ти и 14-ти лѣтъ. Ею овладѣло безумное отчаяніе; она считала неслыханною несправедливостью судьбы первое несчастіе, постигшее ее на 50-мъ году жизни; она обвиняла во всемъ «ненавистный» для нея Петербургъ, суровый климатъ, перемѣну привычекъ дѣтей. Ея родные и знакомые, лица царской фамиліи, самъ императоръ Николай Павловичъ старались развлечь и успокоить ее. Но все было напрасно. Дарья Христофоровна, похоронивъ дѣтей въ Мезонтѣ, родовомъ помѣстьѣ своего мужа, навсегда оставила Россію.

Она провела около трехъ мѣсяцевъ въ Германіи, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, и нигдѣ не находила себѣ ни покоя, ни утѣшенія. Но и въ это время, когда она была вся поглощена своимъ горемъ и ни для кого не могла представлять интереса, обаяніе ея личности было настолько велико, что она была постоянно окружена обществомъ. Герцогиня Кумберлендская (впослѣдствіи королева Ганновера) и племянница Талейрана, мадамъ Дино, постоянно навѣщали ее и относились къ ней съ самою нѣжною заботливостью. Общество было необходимо для княгини Ливень; она не тяготилась имъ даже въ эти самыя тяжелыя минуты своей жизни и просила окружающихъ, чтобы «они не прекращали разговора и не стѣснялись никакимъ шумомъ, такъ какъ это отвлекаетъ ее отъ печальныхъ мыслей». Лѣтомъ 1835 года Дарья Христофоровна писала Грею изъ Баденъ-Бадена: «Я должна слѣдить за ходомъ европейскихъ идей, слышать разговоръ, видѣть кого нибудь, заинтересованнаго тѣмъ, что происходитъ въ политическомъ мірѣ, особенно въ Англіи; это только и можетъ отвлечь меня отъ меня самой»...

Между тѣмъ, время оказало свою обычную услугу, Дарья Христофоровна мало-по-малу опомнилась отъ своего горя, и политика опять получила для нея преобладающій жизненный интересъ. Дальнѣйшая ея переписка съ лордомъ Греемъ носить тотъ же характеръ живого обмѣна мыслей, по поводу современныхъ политическихъ вопросовъ и событій, и въ ея взглядахъ и сужденіяхъ видно полное самообладаніе и та же ясность ума, какъ и въ былое болѣе счастливое для нея время.

На ряду съ этимъ, у княгини Ливень снова явилось желаніе увидѣть Англію и старыхъ друзей, и она рѣшилась написать своей

прежней пріятельницѣ леди Коуперъ, выпедшей замужъ за Пальмерстона, чтобы узнать, какъ она будетъ принята въ Англіи. Леди Коуперъ откровенно высказала свое мнѣніе, убѣждала Дарью Христофоровну отложить пріѣздъ до болѣе удобнаго времени, такъ какъ въ данный моментъ она не можетъ ожидать особенно радушной встрѣчи отъ прежнихъ знакомыхъ, въ виду новыхъ политическихъ усложненій между Англіей и Россіей и высокаго положенія, занимаемаго лордомъ Пальмерстономъ. Хотя Дарья Христофоровна и не была увѣрена въ благопріятномъ отвѣтѣ, но высокомѣрный тонъ письма леди Коуперъ возмущилъ ее до глубины души; она переслала письмо къ Грею съ замѣчаніемъ, что «любовь слѣпа, если побуждаетъ къ подобной не деликатности относительно старыхъ друзей».

Осенью, 1835 года, кн. Ливенъ пріѣхала въ Парижъ, представлявшій тогда центръ умственного и политическаго движенія Европы, и, встрѣтивъ сродную ей сферу и старыхъ друзей, она рѣшила остаться здѣсь, тѣмъ болѣе, что при ея способности привлекать къ себѣ людей у нея скоро составился обширный кругъ новыхъ знакомыхъ. Къ этому времени относится ея знакомство съ Гизо, о которомъ онъ подробно рассказываетъ въ ея биографіи.

Гизо первый разъ встрѣтилъ Дарью Христофоровну у герцога Брольи, тогдашняго министра иностранныхъ дѣлъ, который былъ женатъ на дочери г-жи Сталь. «За обѣдомъ,—пишетъ Гизо,—сидя рядомъ съ кн. Ливенъ, я былъ пораженъ печальнымъ выраженіемъ ея лица и манерами, исполненными достоинства; она была въ глубокомъ траурѣ и, повидимому, находилась подъ гнетомъ тяжелыхъ мыслей, начинала разговоръ и неожиданно прекращала его. Разъ или два она взглянула на меня, какъ будто удивленная тѣмъ, что слова мои привлекали ея вниманіе. Я разстался съ нею съ чувствомъ глубокой симпатіи къ ней и ея горю; при слѣдующемъ свиданіи она изъявила желаніе продолжать со мною знакомство».

По словамъ Гизо, кн. Ливенъ особенно привлекала его широкимъ полетомъ своего ума, своей впечатлительностью, живостью характера и глубиной чувства, которую она сохранила среди пустоты и бездѣлья свѣтской жизни. Въ послѣднемъ онъ убѣдился, по собственному опыту, изъ того искренняго и сердечнаго участія, какое она приняла въ его горѣ, въ февралѣ 1837 года, когда онъ лишился взрослога, нѣжно любимаго сына. Съ этого момента началась ихъ дружба, которая съ каждымъ днемъ становилась все глубже и интимнѣе. «Мы оба, — пишетъ Гизо, — достигли возраста разочарованій, испытали горести людскія, узнали и привязались другъ къ другу. Несмотря на различія мнѣній и интересовъ, нѣчто высшее соединяло насъ и возвышало надъ условіями политической жизни. Истина и довѣріе господствовали въ нашей дружбѣ»...

Дарья Христофоровна, съ своей стороны, высоко цѣнила Гизо и любила его общество; извѣщая лорда Грея о скоромъ прибытіи

Гизо въ Лондонѣ, она старалась заранѣе расположить его въ пользу своего новаго друга. «Гизо,—писала она,—очень желаетъ познакомиться съ вами, мой дорогой лордъ. Это умъ, который понравится вамъ, серьезный, строгій и въ то же время блестящій». Гизо не засталъ лорда Грея въ Лондонѣ и, встрѣтивъ его, нѣкоторое время спустя, въ обществѣ, познакомился съ нимъ и часто бывалъ въ его домѣ. «Мнѣ нравились его манеры,—пишетъ Гизо въ своихъ мемуарахъ,—фигура, внѣшній видъ, гордый, полный достоинства и спокойствія, остатки молодой красоты подъ уныло грустнымъ покровомъ старости» ¹⁾).

VIII.

Лѣтомъ 1837 года, кн. Ливень отправилась въ Лондонъ для свиданія съ прежними друзьями и рассчитывала навѣстить Грея въ его загородномъ помѣстьѣ Гоуикъ, но почувствовала себя такъ дурно, что почти не выходила изъ дому. Поэтому, повидавшись съ нѣкоторыми знакомыми, она вернулась въ Парижъ, а отсюда отправилась для поправленія своего здоровья на берега Рейна въ Шлангенбадъ, гдѣ узнала изъ газетъ о смерти Вильгельма IV и вступленіи на англійскій престолъ Викторіи. Событіе это, важное для будущности Англии, представляло такой живой интересъ для Дарьи Христофоровны, что она немедленно написала лорду Грею и умоляла его сообщить ей все, что ему извѣстно о характерѣ, способностяхъ, взглядахъ и личности молодой королевы. Грей отвѣтилъ кн. Ливень письмомъ отъ 23-го іюня 1837 года. «О молодой королевѣ мало что извѣстно въ Лондонѣ; ее держали вдали отъ наблюденій публики и въ такой строгости, что даже герцогиня Нортумберлендская, ея воспитательница, никогда не оставалась наединѣ съ нею. Могу только сообщить вамъ, что, когда Викторія явилась передъ со-вѣтомъ, чтобы официально принять высокія обязанности, возлагаемыя на нее въ такомъ юномъ возрастѣ, она не выказала ни малѣйшаго смущенія. По внѣшности и манерѣ держать себя, она сохранила необыкновенное спокойствіе, самообладаніе и чувство собственнаго достоинства, вполне отчетливо и не торопясь прочла «декларацию» и исполнила всѣ формальности, какъ будто давно привыкла къ нимъ. Что касается до вопроса, кто, повидимому, будетъ руководить ею, то пока одинъ только Мельборнъ, какъ первый министръ, часто бываетъ у королевы. Кромѣ этого, не знаю никакихъ подробностей».

Осенью того же года, кн. Ливень вернулась въ Парижъ, гдѣ снова открылся ея салонъ съ началомъ зимняго сезона, какъ видно изъ ея письма къ Грею отъ 26-го сентября, гдѣ она, между прочимъ, пишетъ: «Живу такъ, какъ всегда,—приемы каждый вечеръ, общество

¹⁾ «Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps», par Guizot, t. 5, p. 47, 1862.
«истор. вѣстн.», мартъ, 1898 г., т. lxxi.

мое составляютъ главнымъ образомъ дипломаты, Бролыи и другіе министры, вмѣстѣ съ перелетными птицами, которые являются случайно навѣстити меня»...

Между тѣмъ, продолжительное пребываніе Дарьи Христофоровны Ливенъ за границей навлекло на нее неудовольствіе императора Николая I, который настойчиво требовалъ ея возвращенія въ Россію. Князь Ливенъ, сообщая объ этомъ женѣ, съ своей стороны, убѣждалъ ее покориться царской волѣ и вернуться на родину, къ семейнымъ обязанностямъ, и гдѣ у ней былъ обширный кругъ родныхъ и знакомыхъ. Но, когда Дарья Христофоровна объявила ему о своемъ неизмѣнномъ рѣшеніи оставаться въ Парижѣ, въ виду разстроеннаго здоровья, князь Ливенъ прекратилъ съ нею всякую переписку, что еще болѣе усилило ея мрачное настроеніе духа. Она писала Грею 8-го ноября 1837 года. «Никто въ Россіи не вѣритъ, что я дѣйствительно больна, и я сдѣлалась жертвой обвиненій и притѣсненій, противъ которыхъ трудно бороться, тѣмъ болѣе, что мой мужъ вѣритъ тому, что говорятъ и даетъ мнѣ чувствовать свое неодобреніе. Однимъ словомъ требуютъ, чтобы я вернулась въ Петербургъ, хотя бы лишить меня возможности жить въ другомъ мѣстѣ. Для меня жить въ Петербургѣ тоже, что идти на вѣрную смерть. Какъ бы человѣкъ ни чувствовалъ себя несчастнымъ, онъ дорожить жизнью».

Нѣсколькими днями позже, а именно 13-го ноября, Д. Х. извѣщаетъ Грея о смерти своего взрослого сына Константина, умершаго въ Россіи, послѣ ея отъѣзда, и выражаетъ неудовольствіе, что ей не сообщили никакихъ подробностей: «мнѣ извѣстенъ только фактъ,— пишетъ она,— что письмо мое возвращено съ надписью, что онъ «умеръ». Отецъ этого сына, мой мужъ, оставилъ меня въ полномъ невѣдѣніи, вѣроятно, желалъ, чтобы я узнала о смерти такимъ безчеловѣчнымъ образомъ, какъ это случилось. Онъ не думаетъ ни о женѣ, ни о дѣтяхъ... мнѣ передавали, что, по внѣшности и обращенію, въ князѣ Ливенѣ не замѣтно никакихъ признаковъ печали; онъ не писалъ мнѣ, потому что я въ немилости у двора! Ужасная страна, гдѣ человѣкъ отказывается отъ естественныхъ чувствъ и не смѣетъ выражать ихъ»...

Слѣдующее письмо кн. Ливенъ, написанное двумя днями позже, переполнено разсужденіями объ европейской политикѣ, и она только мимоходомъ упоминаетъ о понесенной ею потерѣ.

IX.

Въ началѣ 1839 года, Д. Х. получила извѣстіе о смерти князя Ливена, умершаго 10-го января въ Римѣ, гдѣ находился тогда на слѣдникъ. Несмотря на видимое охлажденіе съ обѣихъ сторонъ и на то, что Д. Х. сама жаловалась Грею на мужа, его смерть была

для нея тяжелымъ ударомъ. «Вамъ извѣстно, мой дорогой лордъ, что послѣдніе годы я жила вдали отъ мужа, и что въ послѣдніе мѣсяцы онъ пересталъ писать мнѣ, изъ уваженія къ волѣ императора, которому считалъ долгомъ повиноваться... Но онъ зналъ, что я не могу существовать въ Россіи, и представилъ мнѣ свободу. По окончаніи воспитанія и путешествія цесаревича по Европѣ, мужъ мой долженъ былъ пріѣхать ко мнѣ для отдыха послѣ 50-ти-лѣтней службы. И вотъ, наканунѣ исполненія этого плана, смерть отняла у меня человѣка, съ которымъ я была соединена тридцать восемь лѣтъ, съ которымъ я переживала хорошіе и злополучные дни, величайшія радости и величайшія несчастія. Тѣмъ не менѣе, я не получила ни одного слова сочувствія»...

Затѣмъ въ этомъ же письмѣ, гдѣ Дарья Христофоровна выражаетъ свое огорченіе по поводу смерти мужа, она пишетъ объ англійской политикѣ, событіяхъ въ Канадѣ, результатахъ выборовъ во Франціи и пр., что можно объяснить только долгой привычкой ея ума, занятаго извѣстными интересами, отъ которыхъ ничто не могло отвлечь ее.

Полное охлажденіе царской фамиліи къ вдовѣ князя Ливена, послѣ его смерти, всецѣло отразилось на охлажденіи къ ней прежнихъ друзей и знакомыхъ въ Россіи, которые поспѣшили прекратить всякія сношенія съ нею. Насколько это огорчало Д. Х., видно изъ ея дальнѣйшей переписки съ Греемъ: «Веду печальную жизнь,— писала она весной 1839 года,—думаю о томъ, что прошло и прошло безвозвратно; мнѣ нечего ждать въ будущемъ. Высшій свѣтъ любить только счастливыхъ; каждый день убѣждаюсь въ томъ... Дружба и воспоминанія о друзьяхъ мое единственное богатство, которое никто не можетъ отнять у меня. Вамъ, по крайней мѣрѣ, нечего спрашиваться о томъ, дозволить ли императоръ Николай I любить меня, и можете ли вы заявлять это»...

Пріѣздъ наслѣдника въ Лондонъ, въ маѣ 1839 года подалъ кн. Ливень надежду на возможность примиренія съ царской фамиліей, и она рѣшилась ѣхать въ Англію съ этой цѣлью, но должна была отказаться отъ этого намѣренія, какъ видно изъ слѣдующаго письма къ Грею: «Теперь болѣе, чѣмъ когда либо, всѣ мои помыслы въ Лондонѣ: у васъ цесаревичъ, котораго я люблю всей душой. Это благородный юноша; и по своимъ прекраснымъ качествамъ онъ вполне достоинъ высокой ожидающей его участи. У меня явилось сильное желаніе ѣхать въ Англію, чтобы увидѣть его. Но мнѣ необходимо было узнать заранее, приметъ ли онъ меня такъ, какъ можетъ ожидать этого вдова князя Ливена. Я обратилась съ этимъ вопросомъ къ гр. Орлову. Но письмо мое осталось безъ отвѣта. Молчаніе гр. Орлова служитъ доказательствомъ, что свыше отданъ приказъ, чтобы цесаревичъ ничѣмъ не выразилъ, что онъ помнитъ тѣ хоро-

*

7*

шія и дружескія отношенія, какія прежде существовали между нами. Поэтому я не могу ѣхать туда, гдѣ онъ»...

Затѣмъ Д. Х. настойчиво просила Грея сообщить ей все, что онъ услышитъ о цесаревичѣ, и свои личныя впечатлѣнія. Но Грей не считалъ удобнымъ распространяться на эту тему; вмѣсто этого онъ писалъ о приѣмѣ, какой былъ оказанъ цесаревичу въ Лондонѣ, и передалъ свой разговоръ съ гр. орловымъ относительно ея матеріальнаго положенія: «Радуюсь хорошему приѣму, который наслѣдникъ встрѣтилъ въ Англіи», — писала на это кн. Ливень. — «Что касается заявленія гр. Орлова, что состояніе, которое я получу послѣ мужа, даетъ 6.000 или 7.000 р. годового дохода, то это ему совершенно неизвѣстно. Мой мужъ умеръ безъ завѣщанія, и я получу всего седьмую часть; думаю, что гр. Орловъ хотѣлъ прекратить непріятный для него разговоръ и поэтому далъ такой отвѣтъ.

Лѣтомъ, того же года, Д. Х. извѣщала лорда Грея изъ Баденъ-Бадена, что получила устройство своихъ дѣлъ брату своему Александру Бенкендорфу и сыновьямъ, и что они лично просили объ томъ государя, который принялъ ихъ самымъ милостивымъ образомъ и сказалъ, что «считаетъ ихъ членами своей семьи». Д. Х. была очень довольна этимъ, такъ какъ могла считать будущность своихъ сыновей обезпеченною, но въ то же время сильно смущена тѣмъ фактомъ, что государь во время разговора «ни разу не упомянулъ ея имени».

Однако, несмотря на всѣ хлопоты и обѣщаніе гр. Орлова ходатайствовать о назначеніи увеличенной пенсіи вдовѣ князя Ливена, дѣло оставалось въ томъ же неопредѣленномъ положеніи. Д. Х. была въ сильномъ безпокойствѣ, и при своей впечатлительности, представляла свою будущность въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. «Обѣщанія гр. Орлова,—писала она Грею въ одномъ изъ своихъ писемъ,—не принесли никакихъ результатовъ: всегда много обѣщаютъ, когда нѣтъ намѣренія исполнить. Что касается моего матеріальнаго обезпеченія,—ничего не рѣшено до настоящаго времени; не знаю, что дадутъ мнѣ и на что я буду существовать...».

Но опасенія кн. Ливень оказались напрасными. Ей назначена была значительная пенсія отъ министерства двора, что вмѣстѣ съ доходомъ, получаемымъ отъ ея части наслѣдства послѣ мужа, и тѣмъ, что давали ей сыновья, составило до 25 тысячъ въ годъ. При этихъ условіяхъ она могла вести образъ жизни, соотвѣтственный ея званію, требованіямъ и привычкамъ, и оказывать щедрую помощь друзьямъ ¹⁾).

¹⁾ Въ 1848 году, послѣ февральской революціи, Гизо послѣдовалъ за орлеанской фамиліей въ Лондонъ и, несмотря на высокое общественное положеніе, занимаемое имъ въ теченіе многихъ лѣтъ, очутился съ многочисленною семьей безъ всякихъ средствъ къ существованію. Онъ хотѣлъ опять заняться чтеніемъ про-

X.

Со смертью князя Ливена порвалась послѣдняя связь Дарьи Христофоровны съ Россіей и русскимъ дворомъ, и она стала усиленно хлопотать о томъ, чтобы ей дозволено было жить внѣ Россіи. Наконецъ ей удалось получить на это формальное разрѣшеніе отъ императора Николая I-го, и она окончательно водворилась въ Парижѣ, гдѣ заняла бельэтажъ стариннаго отеля, принадлежавшаго Талейрану († 1838 г.), между улицами St.-Florentin и Rivoli. Въ этомъ отелѣ останавливался императоръ Александръ I въ 1815 году, во время занятія Парижа союзными войсками.

Здѣсь салонъ княгини Ливенъ достигъ наибольшаго процвѣтанія и получилъ извѣстность въ Европѣ, такъ какъ служилъ сборнымъ пунктомъ не только для дипломатовъ, министровъ и посланниковъ, но и замѣчательныхъ ученыхъ, писателей и всякаго рода знаменитостей. Среди блестящаго общества этого прославленнаго салона, среди дамъ, обращавшихъ на себя вниманіе красотой, молодостью, изяществомъ туалета и любезностью, наибольшей интересъ представляла, по свидѣтельству очевидцевъ, сама кн. Ливенъ. Она первенствовала надъ всѣми, очаровывала всѣхъ своимъ умомъ, необыкновенною ясностью и силой мысли, исключительнымъ, отличавшимъ ее, искусствомъ возбудить и поддерживать общій, оживленный разговоръ. Въ это время въ ней едва остались слѣды прежней красоты, ея худоба, которая даже въ былые годы послужила поводомъ къ карриатурамъ юмористическихъ англійскихъ газетъ, достигла теперь крайнихъ предѣловъ. Она говорила нѣсколько отрывистыми фразами, произносила каждое слово съ увѣренностью и непринужденностью знатной дамы, не любила шумныхъ споровъ, громкихъ возгласовъ и не допускала ихъ въ разговорѣ.

Въ числѣ неизмѣнныхъ посѣтителей ея салона былъ Гизо, занимавшій постъ министра иностранныхъ дѣлъ съ 1840—1848 г., благодаря которому она была *au courant* всего, что происходило въ европейскомъ политическомъ мірѣ. Гизо бывалъ у княгини Ливенъ не только на ея вечернихъ собраніяхъ, но заходилъ къ ней утромъ по дорогѣ въ министерство и на обратномъ пути, а также послѣ каждаго засѣданія. Онъ дорожилъ каждымъ часомъ, проведеннымъ въ ея обществѣ, такъ какъ въ умственномъ отношеніи она была выше всѣхъ тѣхъ женщинъ, которыхъ онъ встрѣчалъ до сихъ поръ,

фессорскихъ лекцій, но кн. Ливенъ избавила его отъ труда, тягостнаго для него при его истощенныхъ силахъ, предложивъ ему свою помощь до болѣе благопріятнаго времени. Кромѣ того, кн. Ливенъ надѣлила богатымъ приданымъ двухъ младшихъ дочерей Гизо отъ втораго брака и дала возможность его сыну окончить свое воспитаніе въ Парижѣ.

была въ состояніи принимать живое участіе въ занимавшихъ его дѣлахъ и вопросахъ и относилась съ искренней симпатіей къ его интересамъ.

Одно время въ салонѣ кн. Ливенъ часто бывали Тьеръ и Ремюза, но соперничество Тьера съ Гизо и ихъ непримиримая ненависть привели къ полному разрыву между нею и Тьеромъ.

Трехдневная революція 1848 года разсѣяла многихъ посѣтителей салона кн. Ливенъ; она сама отправилась въ Англію подѣ вымышленнымъ именемъ госпожи Робертсъ и только въ октябрѣ слѣдующаго года вернулась въ Парижъ. Здѣсь она пережила много тревогъ въ періодъ колебаній и смуть кратковременной французской республики и радостно привѣтствовала вступленіе на престолъ Наполеона III-го въ декабрѣ 1852 года, представлявшее гарантію мира для Франціи. Теперь ничто не нарушало ея личнаго спокойствія; она чувствовала себя въ безопасности и не стѣсняясь высказывала свои симпатіи къ второй имперіи, несмотря на дружбу съ Гизо, который оставался вѣрнѣмъ орлеанской фамиліи и упорно отказывался отъ всякаго участія въ правленіи.

Салонъ кн. Ливенъ, разсѣянный предыдущими событіями, опять наполнился многочисленными посѣтителями; въ числѣ ихъ были министры и приближенные Наполеона III, представлявшіе собою пеструю толпу людей, случайно достигшихъ высокаго общественнаго положенія, и которые по своимъ взглядамъ, воспитанію и привычкамъ имѣли мало общаго съ прежними *habitués*. При этихъ условіяхъ кн. Ливенъ пришлось болѣе чѣмъ когда либо проявить свой тактъ, свѣтскую ловкость и умѣнье держать себя съ достоинствомъ, чтобы сплотить все это разрозненное и трудно соединимое общество.

XI.

Въ 1853 году, передъ началомъ крымской войны, когда всѣ русскіе подданные получили приказъ немедленно оставить Францію, княгиня Ливенъ въ числѣ другихъ своихъ соотечественниковъ выѣхала изъ Парижа и отправилась въ Брюссель съ намѣреніемъ прожить здѣсь до заключенія мира. Но это оказалось выше ея силъ. Неопредѣленность положенія, жизнь въ чужомъ городѣ, вдали отъ друзей и знакомыхъ, нарушеніе привычекъ, настолько разстроили ее нравственно и физически, что, не дожидаясь войны, она стала хлопотать черезъ знакомыхъ о дозволеніи вернуться въ Парижъ. Наполеонъ III изъявилъ свое согласіе, но долженъ былъ взять обратно данное разрѣшеніе, по настоянію англійскаго посланника Коулея, который ходатайствовалъ объ этомъ у императора, черезъ министра иностранныхъ дѣлъ, графа Валуевскаго.

Дарья Христофоровна рѣшилась ждать болѣе благопріятнаго времени. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она возобновила свои хло-

поты и на этотъ разъ просила только дозволенія, остановиться на нѣсколько дней въ Парижѣ для совѣта съ лѣчившимъ ее докторомъ, чтобы затѣмъ отправиться въ Ниццу. Получивъ разрѣшеніе, она пріѣхала въ Парижъ и подъ предлогомъ болѣзни осталась тутъ на неопредѣленный срокъ, пользуясь тѣмъ, что никто не тревожилъ ее и не требовалъ ея удаленія. Нѣкоторое время она соблюдала осторожность, почти ни съ кѣмъ не видѣлась, чтобы не возбудить подозрѣній, но мало-по-малу вернулась къ прежнему образу жизни и возобновила сношенія съ друзьями и знакомыми. При этомъ, Дарья Христофоровна съ свойственнымъ ей тактомъ ничѣмъ не выразила своего неудовольствія противъ лорда Коулея, употребляла всѣ усилія, чтобы возобновить прежнія дружескія отношенія съ нимъ, и была огорчена упорствомъ, съ какимъ онъ избѣгалъ всякихъ сношеній съ нею.

Прекращеніе Крымской войны и заключеніе Парижскаго мира въ 1856 году было радостнымъ событіемъ для княгини Ливенъ, тѣмъ болѣе, что это давало ей возможность окончательно устроиться въ Парижѣ. Но ей недолго пришлось пользоваться спокойнымъ существованіемъ. Лѣтомъ того же года, Дарья Христофоровна отправилась въ Виртембергъ для свиданія съ вдовствующей императрицей Александрой Оеодоровной, изъявившей желаніе видѣть ее; затѣмъ провела шесть недѣль въ Шлангенбадѣ для поправленія здоровья, но безъ всякой пользы. Она вернулась въ Парижъ, изнемогающая отъ упадка силъ и въ тревожномъ состояніи духа, говорила друзьямъ о своей близкой смерти, переходя отъ угнетеннаго состоянія къ крайнему возбужденію, не допуская никакихъ утѣшеній. Весною 1857 года, съ ней сдѣлался бронхитъ, принявшій опасную форму; сначала она тревожилась, осыпала вопросами врачей; но когда убѣдилась, что для нея нѣтъ спасенія, безропотно покорилась своей участи. 25 января утромъ, чувствуя приближеніе смерти, она написала карандашемъ приглашеніе пастору лютеранской церкви Кювье, чтобы онъ пришелъ и причастилъ ее. Послѣ этого она прожила еще болѣе сутокъ, простилась съ окружающими и спокойно умерла на рукахъ Гиво и своего сына Павла. Другой сынъ Александръ пріѣхалъ изъ Кастелламаре уже послѣ ея смерти.

Согласно завѣщанію Дарьи Христофоровны тѣло ея было перевезено въ курляндское помѣстье Ливеновъ и положено въ томъ же склепѣ, гдѣ были погребены ея мужъ и два сына. Извѣстіе о смерти княгини Ливенъ было тотчасъ же напечатано во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ иностранныхъ газетахъ, и появилось нѣсколько сочувственныхъ отзывовъ и некрологовъ, а именно въ «Times», «Illustrirte Zeitung», «Presse», «Moniteur» и др.

Дарья Христофоровна Ливенъ оставила въ распоряженіи Гизо отрывки своихъ записокъ о смерти императора Павла I, пребываніи союзныхъ монарховъ въ Лондонѣ въ 1815 году, объ основа-

ніи Греческаго королевства и прочее, но эти записки, насколько намъ извѣстно, не были изданы. Равнымъ образомъ, до сихъ поръ напечатана только переписка княгини Ливень съ Греемъ (изд. въ 1890—1891 г.). Но не подлежитъ сомнѣнію, что если когда нибудь ея обширная корреспонденція сдѣлается достояніемъ публики, то открыто будетъ много новыхъ фактовъ и подробностей относительно европейской политики и дипломатическихъ отношеній первой половины нынѣшняго столѣтія.

Н. Бѣлозерская.

БЪЛИНСКІЙ И ЛЕРМОНТОВЪ ВЪ ЧЕМБАРѢ.

(Изъ моихъ записокъ и воспоминаній).

I.

Чѣмъ былъ знаменитъ Чембаръ.—Разказы о жизни въ Чембарѣ императора Николая Павловича.—Бывшій стрѣльчикъ Львовъ и представленіе государю уѣздныхъ властей.—16-й стрѣлковый баталіонъ и офицерская жизнь того времени.—Безначальное житіе помѣщиковъ.—Домъ Шумскихъ.—Разказы о Лермонтовѣ.—Поѣздка въ Тарханы на могилу поэта.—Старый слуга Лермонтова.—Барскій домъ Арсеньевыхъ.—Фамиліальная часовня.

ЧЕМБАРЪ, небольшой уѣздный городъ Пензенской губерніи, куда занесла меня судьба въ началѣ 1859 года, представлялъ изъ себя въ то время, для каждаго мало-мальски интеллигентнаго русскаго человѣка, большой интересъ: въ 12-ти верстахъ отъ города, въ селѣ Тарханахъ спалъ «холоднымъ сномъ могилы» гениальный поэтъ Лермонтовъ, скончавшійся всего 18 лѣтъ назадъ, и много людей, знавшихъ и помнившихъ его, были еще живы, а въ уѣздѣ проживалъ даже его родственникъ и очень близкій ему человѣкъ, отставной полковникъ Павелъ Петровичъ Шангирей. Въ самомъ же Чембарѣ жилъ съ своею многочисленною семьею родной братъ умершаго, лишь 11 лѣтъ назадъ, знаменитаго критика В. Г. Бѣлинскаго—Константинъ Григорьевичъ Бѣлинскій, съ которымъ я вскорѣ и познакомился лично. Въ Чембарѣ я встрѣтилъ очень многихъ обывателей изъ интеллигентовъ, которые хорошо помнили и юнаго лейбъ-гусара Лермонтова, пріѣз-

жавшаго въ имѣніе своей бабки Арсеньевой (въ Тарханы), и знаменитаго критика, Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго, сына чембарскаго уѣзднаго лѣкаря Бѣлинскаго.

Наконецъ, Чембаръ былъ замѣчательнѣе еще и тѣмъ, что въ этомъ городѣ — сравнительно недавно — лежалъ нѣсколько недѣль больной императоръ Николай Павловичъ. Поздно вечеромъ, подъ самымъ Чембаромъ, была опрокинута и сломана его карета, онъ вывихнулъ себѣ, при паденіи, ключицу и долженъ былъ пролежать нѣсколько недѣль въ Чембарѣ, гдѣ оказалъ ему первую помощь уѣздный лѣкарь Енохинъ (смѣнившій Бѣлинскаго), впоследствии лейбъ-медикъ. Объ этомъ интересномъ событіи стоитъ сказать нѣсколько словъ. Я приведу здѣсь рассказъ очевидца, стряпчанаго Львова. Этотъ чиновникъ былъ, въ 1859 году, уже въ отставкѣ и жилъ въ собственномъ домѣ, въ Чембарѣ же. Вотъ, что я тогда узналъ отъ него и записалъ.

Какъ-то лѣтомъ, уже подъ вечеръ, прискакалъ въ Чембаръ съ ближайшей почтовой станціи Калдусъ (по дорогѣ на Пензу, откуда ѣхалъ государь) верховой и сообщилъ, что онъ ѣхалъ съ царемъ въ качествѣ фореитора, что въ оврагѣ, при спускѣ подъ гору, карета упала и поломалась, что это случилось верстахъ въ десяти отъ города, и что царь идетъ пѣшкомъ, такъ какъ, во-первыхъ, зкипажъ его сломанъ, а, во-вторыхъ, онъ стѣ боли въ плечѣ не можетъ ѣхать... Хотя государя уже ожидали, но извѣстіе о приключившемся съ нимъ несчастіи всполошило всѣхъ и каждаго. Прежде всего рѣшили освѣтить путь, по которому шелъ царь въ городъ: собрали всѣ смоляныя бочки по городу и живо стали разставлять ихъ и зажигать по дорогѣ... Когда государь вошелъ, наконецъ, въ Чембаръ, то его встрѣтилъ караулъ изъ мѣстныхъ инвалидныхъ солдатъ, подъ командою престарѣлаго поручика Грачева (изъ выслужившихся нижнихъ чиновъ Павловскаго гвардейскаго полка), жившаго въ Чембарѣ болѣе уже десяти лѣтъ. Едва царь поровнялся съ карауломъ, и Грачевъ скомандовалъ: «на плечо! слушай — на караулъ!», какъ Николай Павловичъ, взглянувъ на офицера, проговорилъ:

— Здравствуй, Грачевъ!...

Всѣ присутствовавшіе при этой сценѣ были поражены тою необычайною памятью на лица, какую обнаружилъ государь, узнавъ по прошествіи десяти лѣтъ бывшаго фельдфебеля Павловскаго полка...

Затѣмъ, царь сталъ лѣчиться въ Чембарѣ, а для чиновниковъ, по рассказу Львова, наступили черныя дни: всѣ они были въ большомъ страхѣ и ожидали, что вотъ-вотъ стряется надъ ними бѣда: узнаеть какъ нибудь царь про ихъ грѣшки, и потащатъ ихъ, рабовъ божіихъ, на цугундеръ...

— Дорога изъ моего дома въ уѣздный судъ, — рассказывалъ Львовъ, — лежала какъ разъ мимо того дома, гдѣ проживалъ госу-

даръ, и я ранѣе всегда, конечно, ходилъ этимъ путемъ; но когда поселился тамъ императоръ, я сталъ ходить въ уѣздный судъ кругомъ, черезъ площадь, такъ какъ и мнѣ, и другимъ чиновникамъ страшно было проходить подъ окнами государевой квартиры...

Но эта предосторожность не избавила все-таки чембарскихъ чиновниковъ отъ представленія государю. Какъ только его здоровье стало поправляться, онъ выразилъ желаніе проживавшему все время въ Чембарѣ пензенскому губернатору увидѣть мѣстныхъ уѣздныхъ чиновниковъ; губернаторъ оповѣстилъ ихъ и назначилъ день для представленія... Вотъ тутъ-то и начался между чембарскими чиновниками настоящій переполохъ: надо было подновлять и пригонять мундиры, запастись новыми шпагами, треуголками, темляками... Наконецъ, насталъ и день представленія,—и вотъ какъ рассказывалъ объ этомъ событіи стряпчій Львовъ:

— Домъ, гдѣ жилъ Николай Павловичъ, былъ небольшой деревянный ¹⁾, одноэтажный, и въ немъ была всего одна большая комната—зала, гдѣ мы и собрались всѣ, ни живы, ни мертвы, какъ говорится... Губернаторъ научилъ насъ, какъ отвѣчать на привѣтствіе государя и какъ себя держать, предупредивъ также, чтобы не было никакихъ просьбъ съ нашей стороны. Ну, стоимъ мы, трясемся, шепчемъ: «Помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его».. Мнѣ, какъ занимающему видную должность уѣзднаго стряпчаго, пришлось стоять въ первомъ ряду вмѣстѣ съ городничимъ, уѣзднымъ судьей и исправникомъ. Вдругъ, какой-то придворный распахнулъ двери изъ сосѣдней комнаты,—и Николай Павловичъ вышелъ къ намъ, въ сопровожденіи губернатора и губернскаго предводителя дворянства.

— Здравствуйте, господа!—громко проговорилъ императоръ.

Мы низко поклонились и отвѣтили вполголоса: — Здравія желаемъ вашему императорскому величеству!..

Государь пристально осмотрѣлъ всѣхъ насъ, улыбнулся и сказалъ, обращаясь къ предводителю: «Я ихъ знаю»... А затѣмъ, прибавилъ нѣсколько словъ пофранцузски.

Мы всѣ удивились, откуда и какъ могъ знать насъ императоръ... Что онъ узналъ начальника инвалиднѣй команды Грачева,—это мы еще могли объяснить необычайною его памятью; но какъ онъ могъ знать, напримѣръ, меня, когда я дѣлалъ, почти каждый день, двѣ версты лишнихъ, обходя его квартиру, чтобы только какънибудь грѣшнымъ дѣломъ не попасться ему на глаза?..

Затѣмъ, государь подошелъ къ городничему, заслуженному майору, увѣщанному орденами и медалями, на деревянномъ костылѣ, замѣ-

¹⁾ Въ 1859 году я засталъ этотъ домъ обращеннымъ, въ память событія, въ домашнюю церковь. Въ память того же событія, въ томъ же Чембарѣ, устроено было потомъ особое двухклассное училище для мальчиковъ. И. З.

нявшемъ ему раненую ногу, и спросилъ его, въ какомъ сраженіи онъ былъ раненъ. Отъ него подошелъ къ старѣйшему изъ насъ, по годамъ, уѣздному судѣ, имѣвшему медаль 1812 года и за взятіе Парижа, и спросилъ, въ какомъ полку онъ служилъ.

Вся аудіенція продолжалась не болѣе пятнадцати минутъ. Государь, повидимому, былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа, хотя рука его все еще была на перевязкѣ. Наконецъ, онъ кивнулъ намъ головой, мы еще разъ низко поклонились и стали потихоньку сходить съ крыльца. Когда мы всѣ вышли уже за ворота, то судья, понимавшій пофранцузски, остановилъ насъ и разъяснилъ загадку, почему именно государь сказалъ, что «знаетъ» насъ. Оказалось, что онъ припомнилъ, что видѣлъ всѣхъ насъ на сценѣ, въ театрѣ, во время представленія комедіи Гоголя «Ревизоръ»...

Въ Чембарѣ я пріѣхалъ въ январѣ 1859 года совсѣмъ юнымъ прапорщикомъ 16-го стрѣлковаго баталіона, расположеннаго въ этомъ городѣ ¹⁾.

Жизнь офицеровъ того времени, т. е. почти 40 лѣтъ назадъ, и ихъ времяпрепровожденіе не имѣютъ, конечно, ничего схожаго съ жизнью теперешнихъ обществъ офицеровъ, у которыхъ есть и военныя собранія, и библиотеки, и потребительныя общества, и офицерскіе суды. Тогда, увы!—ничего этого не было, и жизнь наша въ зимнее время была праздная, у насъ не было тогда даже библиотеки, и одинъ лишь командиръ баталіона полковникъ Э. К. Фитингофъ получалъ «Русскій Инвалидъ» и «Военный Сборникъ», которые иногда и попадали въ офицерскія руки. Никакихъ другихъ газетъ никто изъ офицеровъ не получалъ и не читалъ,—и всѣ политическія новости узнавались поэтому очень поздно. Телеграфа проведено еще не было, и экстренныя распоряженія посылались вѣстафетами, т. е. пакетъ отправлялся отъ станціи до станціи, съ ящикомъ, на двухъ-колесной телѣжкѣ, запряженной въ одну лошадь...

Очень рѣдко можно было увидѣть въ квартирѣ офицера какую нибудь газету, кромѣ «Русскаго Инвалида»; изъ книгъ доставались и читались одни романы. Только впоследствии, два года спустя, было положено основаніе баталіонной библиотекѣ. Между тѣмъ, въ смыслѣ свѣтскихъ удовольствій, офицерская жизнь того времени не оставяла желать ничего лучшаго. Пензенская губернія была, какъ извѣстно, дворянскою губерніей, Чембарскій уѣздъ изобиловалъ помѣщиками, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ сохранились еще собственныя оркестры, набранные изъ крѣпостныхъ музыкантовъ.

¹⁾ Нынѣ 16-й стрѣлковій Его Величества полкъ. Свое «отличіе» баталіонъ заслужилъ въ 1877 году, на Шипкѣ, когда въ самый критическій моментъ защиты горы св. Николая двѣ роты баталіона прискакали вмѣстѣ съ казаками, на крунахъ ихъ лошадей, и вступили въ бой.

Такъ какъ въ самомъ Чембарѣ помѣщался, собственно, одинъ лишь баталіонный штабъ, а всѣ четыре роты расположены были по уѣзду, то мы скоро перезнакомились со всѣми помѣщиками и были приглашаемы на всѣ ихъ балы и торжественныя семейныя празднества. Наше офицерское общество не пожелало, конечно, оставаться у нихъ въ долгу,—и лѣтомъ 1859 года, въ лагерѣ подъ Чембаромъ, въ небольшой березовой роцѣ, мы устроили «вокзалъ», гдѣ каждое воскресенье были танцевальныя вечера, на которые пріѣзжали со-сѣдніе помѣщики съ своими семействами.

Чембарскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства былъ тогда Мих. Никол. Владыкинъ, который впоследствии, разорившись, поступилъ на сцену московскаго Малаго театра артистомъ на вторыя роли, съ жалованьемъ что-то 600 рублей въ годъ; онъ написалъ потомъ нѣсколько пьесъ, изъ коихъ «Омутъ», «Весельчаки» и «Пожишіе мужья» имѣли успѣхъ.

Двѣ трети офицеровъ нашего баталіона были помѣщичьи сынки, со средствами, державшіе при себѣ не только крѣпостныхъ слугъ, но и собственныхъ лошадей, и своры борзыхъ и гончихъ. Жалованье же наше было въ то время очень незначительное: такъ, на-примѣръ, я, по чину прапорщика, получалъ всего 98 рублей «въ треть», т. е. за 4 мѣсяца.

Но не всѣ, однако, изъ насъ вели праздную жизнь веселящихся офицеровъ; уже и въ то время начинались «новыя вѣянія» и по-рывы къ самообразованію; нѣсколько офицеровъ, окончившихъ курсъ кадетскихъ корпусовъ, составили отдѣльный кружокъ и стали пригото-вляться въ военную и инженерную академію; нѣсколько офице-ровъ, изъ гимназій, стали подумывать объ университетѣ, а трое пе-ревелись въ гвардію и такимъ образомъ составили себѣ «карьеру» безъ всякихъ особыхъ трудовъ и хлопотъ. Вслѣдствіе сорокалѣтней давности, я позволю себѣ назвать здѣсь моихъ бывшихъ товари-щей и упомянуть кстати о ихъ дальнѣйшей, столь различной судьбѣ, поскольку она стала извѣстна мнѣ впоследствии. Къ числу «академиковъ», какъ ихъ называли въ баталіонѣ, принадлежали по-ручики Семичевъ, Воробьевъ, Ушаковъ и штабсъ-капитанъ Озер-скій; изъ нихъ П. Н. Семичевъ умеръ отъ чахотки, уже поступивъ въ инженерную академію; Н. А. Ушаковъ, находясь въ той же ака-деміи, былъ приговоренъ, въ 1862 году, къ смертной казни чрезъ разстрѣліаніе за распространеніе между петербургскими фабричными рабочими прокламацій, призывавшихъ къ бунту (смертная казнь была потомъ замѣнена каторгой). Только двое, Озерскій и Воробьевъ, окон-чили академическій курсъ благополучно, и одинъ изъ нихъ давно уже генераломъ. Поручикъ Яновичъ, я и прапорщикъ Л. Корольковъ ста-ли заниматься съ высланными въ Чембаръ студентами и пригото-влялись въ университетъ; но Корольковъ впоследствии, въ Москвѣ уже, застрѣлился, а В. И. Яновичу помѣшали поступить въ уни-

верситетъ семейныя обстоятельства (неожиданная женитьба)... Изъ офицеровъ, перешедшихъ въ гвардію, мнѣ извѣстна судьба поручика Ларіонова, нынѣ бригаднаго генерала, и прапорщика Р. фонъ-Гартмана, перешедшаго, въ началѣ 1860 года, въ Семеновскій полкъ и ставшаго затѣмъ камеръ-юнкеромъ и директоромъ крупныхъ акціонерныхъ предприятий въ Петербургѣ.

Вотъ какая различная судьба выпала на долю маленькихъ офицерскихъ кружковъ 16-го стрѣлковаго баталіона, на которые разбилось тогда наше общество... Но житейская волна была все еще сильнѣ насъ, и тогда, въ 1859 году, мы еще только подумывали о «новой жизни»; въ общемъ же, плыли пока по теченію, и наша пустая жизнь была полна праздности и такихъ иногда удовольствій, о которыхъ теперь вспоминается съ нѣкоторымъ конфузомъ... Единственное дѣло, которому мы, молодые офицеры, отдавались тогда съ истинною охотою и даже увлеченіемъ,—это было обученіе солдатъ грамотѣ. У меня, напр., въ селѣ Свищевкѣ, гдѣ квартировала 2-я рота, въ которой я состоялъ, была школа съ 40 учениками, изъ коихъ самому младшему было 25 лѣтъ.

Въ Чембарѣ, на базарной площади, въ небольшомъ деревянномъ флигелѣ жило семейство Шумскихъ, состоявшее изъ старичка-чиновника, занимавшаго должность соляного пристава (тогда продажею соли завѣдывала казна), его жены и свояченицы, старой дѣвы. Это были въ высшей степени добрые, милые и радушные люди. Самъ Шумскій, по происхожденію полякъ, былъ сосланъ въ Чембаръ въ 1831 году; въ Польшѣ онъ былъ учителемъ гимназіи, окончивъ курсъ въ Виленскомъ университетѣ. Живя въ Чембарѣ, въ качествѣ ссыльнаго, онъ влюбился въ дочь небогатаго помѣщика, женился на ней и, мало-по-малу, такъ обрусѣлъ, что остался въ Чембарѣ навсегда, получилъ мѣсто соляного пристава, купилъ домикъ и дожилъ такимъ образомъ до старости, такъ какъ, во время моего знакомства съ нимъ, ему было уже 60 лѣтъ.

Это былъ въ то время самый гостепріимный и милый домъ во всемъ Чембарѣ. У Шумскаго не было дѣтей, и весь излишекъ своихъ доходовъ онъ употреблялъ на выписку книгъ, и такимъ образомъ составилъ себѣ довольно большую и очень разностороннюю бібліотеку, преимущественно, русскихъ и французскихъ книгъ; польскихъ книгъ было немного, такъ какъ г-жа Шумская попольски совсѣмъ не знала. Домъ Шумскихъ былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было достать книги для чтенія.

Но не одно только радушіе хозяевъ и ихъ цѣнная бібліотека привлекали насъ, молодыхъ офицеровъ, въ ихъ домъ. Главною приманкою служило то, что въ этомъ самомъ домѣ,—какъ сейчасъ помню, деревянный, низенькій, одноэтажный, въ пять оконъ на

улицу,—восемнадцать лѣтъ назадъ, много разъ короталъ время М. Ю. Лермонтовъ, часто прїѣзжавшій въ Чембаръ изъ села Тарханъ, гдѣ онъ живалъ и гащивалъ у владѣлицы этого села, своей родной бабки Арсеньевой. Въ этомъ же домѣ бывалъ не разъ и В. Г. Бѣлинскій. Такъ какъ семья Шумскихъ рѣзко выдѣлялась, по своей интеллигентности, изъ всего остального чиновничества Чембара, то очень естественно, что Лермонтовъ и Бѣлинскій бывали въ ихъ домѣ охотнѣе и чаще, чѣмъ въ другихъ домахъ бѣднаго уѣзднаго городка. Въ ихъ маленькой и уютной гостиной были еще цѣлы тѣ стулья и кресла, на которыхъ сидѣли эти знаменитые гости, а за скромными «ужинами» были въ употребленіи еще тѣ самые ножи и вилки, которые они держали не разъ въ своихъ рукахъ.

Въ домѣ Шумскихъ было написано Лермонтовымъ въ альбомѣ м-ше Подладчиковой и извѣстное двустишіе, начинавшееся словами «Три граціи»...

Самое знакомство Шумскихъ съ поэтомъ началось въ церкви.

— Стоимъ мы съ сестрой у всенощной,—разсказывала милая и почтенная старушка г-жа Шумская,—и видимъ, что у праваго клироса стоитъ молодой офицеръ въ блестящей гусарской формѣ и то и дѣло поглядываетъ на насъ, и именно на меня. Я была тогда дама молодая, и мнѣ, конечно, было пріятно такое вниманіе. Когда мы выходили изъ церкви, и народъ прижалъ насъ на паперти, этотъ офицеръ неожиданно появился вблизи насъ и, слегка расталкивая напиравшихъ богомольцевъ, вывелъ насъ изъ церкви, проводилъ до ограды и очень любезно съ нами раскланялся. Мы не знали, кто онъ такой, но къ намъ подошелъ въ это время кто-то изъ знакомыхъ и объяснилъ, что фамилія гусара Лермонтовъ, что это внукъ и наслѣдникъ г-жи Арсеньевой, богатой помѣщицы изъ села Тарханъ, что онъ гоститъ у бабушки и очень часто прїѣзжаетъ развлекаться въ Чембаръ. Въ то время его литературная слава была совсѣмъ еще не велика; его «Герой нашего времени» появился и дошелъ до Чембара позже, а въ это время мы зачитывались романами Марлинскаго.

—Когда я пришла и сказала мужу, что намъ оказалъ любезность въ церкви внучекъ помѣщицы Е. А. Арсеньевой, то мой супругъ попенялъ мнѣ, почему я не пригласила этого Лермонтова посѣтить насъ. На другой день мы отправились къ обѣднѣ въ ту же церковь и увидѣли опять у праваго клироса этого офицера. Онъ все время обѣдни, какъ и наканунѣ, поглядывалъ въ нашу сторону, но только уже не на меня, а на сестру... Мы поняли, что онъ школьничаетъ, и не стали обращать на него вниманія. Однако, послѣ обѣдни, онъ опять подошелъ къ намъ, раскланялся и назвалъ въ первый разъ свою фамилію. Затѣмъ, уже выйдя изъ церкви, онъ началъ съ нами разговаривать, и я пригласила его зайти въ домъ и познакомиться съ мужемъ. Онъ принялъ приглашеніе, зашелъ

къ намъ и просидѣлъ у насъ болѣе часу, бесѣдуя съ мужемъ и разсматривая его бібліотеку. Съ того времени онъ, когда прѣѣзжалъ въ Чембаръ, всегда заходилъ къ намъ, запросто обѣдалъ не разъ и бралъ книги для чтенія. Первое его стихотвореніе, которое дошло къ намъ въ Чембаръ, было запрещенное, и мы его списали у одного петербургскаго студента, прѣѣзжавшаго на вакацію; это были извѣстные стихи «На смерть Пушкина», за которые Михаила Юрьевича въ первый разъ и сослали на Кавказъ. Затѣмъ дошелъ до насъ его романъ «Герой нашего времени», и мы увидѣли, что это не то, что Марлинскій, и зачитывались этимъ романомъ.

— Когда Лермонтова простили за его стихи и вернули съ Кавказа, то онъ прогостилъ у бабушки въ Тарханахъ мѣсяца два и въ это время бывалъ у насъ уже, какъ старый знакомый и прославившійся поэтъ. Въ нашемъ обществѣ онъ былъ веселымъ и остроумнымъ собесѣдникомъ, и я никогда не замѣчала, чтобы онъ былъ раздражительнымъ или придирчивымъ къ кому нибудь. Онъ былъ иногда только очень грустнымъ и, видимо, скучалъ и тосковалъ по Петербургѣ. Въ немъ была еще одна особенность: онъ всегда за кѣмъ нибудь ухаживалъ... Въ послѣдній разъ онъ былъ въ Чембарѣ за годъ до своей смерти, и когда, потомъ, мы узнали, что онъ убитъ, горько заплакали о немъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ смерти, именно, въ мартѣ 1842 года, прахъ Лермонтова привезли въ Чембаръ въ свинцовомъ гробу, и много народу выходило встрѣчать и провожать гробъ. Везли его на лошадахъ, шагомъ; гробъ былъ покрытъ чернымъ бархатомъ съ серебряными позументами и установленъ былъ на особая, нарочно устроенныя въ Пятигорскѣ длинныя дроги, которыя сопровождалъ съ Кавказа крѣпостной человекъ Арсеньевъ, бывший дядька поэта, и затѣмъ его слуга, находившійся при немъ въ Пятигорскѣ въ то время, когда его убили. Изъ Чембара прахъ Лермонтова провезли прямо въ Тарханы, гдѣ и похоронили.

Вскорѣ же я попалъ и въ Тарханы. Это было лѣтомъ, въ началѣ августа. Я какъ-то познакомился въ Чембарѣ съ молодымъ помѣщикомъ Кашинскимъ, имѣніе котораго было вблизи Тарханъ, и мы рѣшили ѣхать на могилу Лермонтова вмѣстѣ.

Село Тарханы, если ѣхать большимъ сибирскимъ трактомъ по дорогѣ отъ Чембара до Пензы, будетъ на двѣнадцатой, кажется, верстѣ отъ Чембара и видно съ дороги въ правой сторонѣ. Когда мы прѣѣхали въ Тарханы и вошли въ господскій домъ, то онъ оказался пустымъ, т.-е. въ немъ никто въ то время не жилъ; но порядокъ и чистота въ домѣ были образцовыя, и онъ былъ полонъ мебели, той же, какая была восемнадцать лѣтъ назадъ, когда въ этомъ домѣ жилъ Лермонтовъ. Насъ встрѣтилъ тотъ самый дворовый человекъ, бывший съ Лермонтовымъ на Кавказѣ, и, узнавъ

о цѣли нашего посѣщенія, сталъ водить насъ по дому и разсказывать о прошломъ. Затѣмъ онъ повелъ насъ наверхъ, въ мезонинъ, въ тѣ, именно, комнаты, въ которыхъ всегда жилъ, находясь въ Тарханахъ, Лермонтовъ. Тамъ, какъ и въ домѣ же, все сохранилось въ томъ видѣ и порядкѣ, какіе были во времена гениальнаго жильца этихъ комнатъ. Въ запертомъ краснаго дерева со стеклами шкафѣ стояли на полкахъ даже книги, принадлежавшія поэту. Особенное наше вниманіе обратилъ на себя небольшой портретъ Лермонтова, въ красномъ лейбъ-гусарскомъ мундирѣ, писанный масляными красками. Портретъ этотъ, висѣвшій надъ небольшимъ письменнымъ столомъ, былъ писанъ самимъ Лермонтовымъ¹⁾, съ зеркала. Это объяснилъ намъ старый слуга поэта; да, наконецъ, подъ самымъ портретомъ стоялъ годъ (1837-й) и инициалы Лермонтова. Очень интересно бы въ настоящее время узнать и справиться, цѣль ли этотъ портретъ, и гдѣ и у кого онъ находится.

Много-много уже лѣтъ спустя, именно въ июлѣ 1891 года, когда минуло цѣлое пятидесятилѣтіе со дня смерти поэта, я жилъ въ Пятигорскѣ²⁾ и посѣтилъ, между прочимъ, Э. А. Шангирей, изъ-за которой, по показанію почти всѣхъ современниковъ катастрофы, и произошла роковая дуэль Лермонтова съ Мартыновымъ; я спросилъ ее о вышеупомянутомъ портретѣ Лермонтова, и Эмилиа Александровна подтвердила мнѣ, что портретъ этотъ, дѣйствительно, былъ писанъ самимъ Лермонтовымъ, и что она знала и слышала о существованіи этого портрета, но гдѣ онъ и у кого находится, — не знаетъ.

Осмотрѣвъ домъ, мы отправились на могилу поэта. Она оказалась вблизи дома и въ то же время неподалеку отъ сельской церкви, въ большой каменной часовнѣ, построенной въ саду. Часовня была заперта висячимъ замкомъ, ключъ отъ котораго находился у

¹⁾ Въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ» за 1862 г. (№ 7, отъ 1-го марта), въ статьѣ «М. Ю. Лермонтовъ», мы находимъ слѣдующія интересныя сообщенія объ этой способности поэта къ живописи: «Въ бытность свою въ Новгородской губерніи, въ 1838—1839 годахъ, М. Ю. Лермонтовъ занимался, между прочимъ, и живописью, и послѣ него осталось до 12 картинъ, писанныхъ имъ масляными красками. Двѣ изъ нихъ: «Воспоминаніе о Кавказѣ» и «Голова черкеса», составляютъ собственность бывшаго сослуживца его А. И. Арнольди (скончался въ чинѣ генерала-отъ-кавалеріи, 25-го января 1898 г.)» И далѣе: «Гдѣ находятся въ настоящее время картины, писанныя Лермонтовымъ, — неизвѣстно; но послѣ его смерти онѣ достались г. Шангирею, двоюродному брату А. Столыпина, товарища и сослуживца покойнаго поэта. По словамъ А. И. Арнольди, Лермонтовъ писалъ картины гораздо быстрѣе, чѣмъ стихи; нерѣдко онъ брался за палитру, самъ еще не зная, что явится на полотнѣ, и потомъ, пустивъ густой клубъ табачнаго дыма, принимался за кисть, и иногда въ какой нибудь часъ времени картина готова». И. З.

²⁾ Мои два письма изъ Пятигорска отъ того времени были напечатаны въ газетѣ «Новое Время». И. З.

священника, жившаго тутъ же, на селѣ. Старикъ, дядька Лермонтова, пошелъ за ключемъ, вскорѣ же принесъ его, и мы вошли въ часовню. Тамъ были похоронены, какъ оказалось, четверо: бабушка поэта, генеральша Е. А. Арсеньева (урожденная Столыпина), пережившая на нѣсколько лѣтъ своего нѣжно любимаго внука, ея дочь—мать поэта и самъ онъ. Четвертая могила принадлежала, если не ошибаюсь, кому-то изъ родственниковъ Арсеньевой, умершему въ дѣтскомъ возрастѣ. Я, по крайней мѣрѣ, не обратилъ тогда вниманія на эту могилу, не записалъ о ней ничего, а теперь забылъ, кто именно четвертый похороненъ въ этой фамильной усыпальницѣ.

Могильный памятникъ Лермонтова былъ высѣченъ изъ чернаго мрамора, въ видѣ небольшой четырехсторонней колонны, на одной сторонѣ которой былъ придѣланъ бронзовый вызолоченный лавровый вѣнокъ, а на двухъ другихъ было выгравировано время рожденія поэта и смерти, съ обозначеніемъ, что онъ жилъ 26 лѣтъ и 10 мѣсяцевъ. Серебряная лампада висѣла въ часовнѣ, а въ стѣнѣ на востокъ были вдѣланы нѣсколько образовъ. Вотъ все, что было на могилѣ этого величайшаго поэтического гения, умершаго почти въ юношескомъ возрастѣ и не достигшаго даже полного расцвѣта своихъ творческихъ силъ...

Когда мы вышли изъ часовни, оглянулись вокругъ и увидѣли барскій домъ, садъ, а внизу прудъ, то намъ невольно вспомнились слѣдующія строки извѣстнаго стихотворенія Лермонтова, относящаяся, несомнѣнно, къ этой самой мѣстности, гдѣ поэтъ, рано осиротѣвшій, проводилъ свои дѣтскіе годы:

...«И вижу я себя ребенкомъ,—и кругомъ
Родныя все мѣста: высокій барскій домъ
И садъ съ разрушенной теплицей,
Зеленой сѣтью травъ подернуть сиящій прудъ,
А за прудомъ село дымится, и встаютъ
Вдали туманы надъ полями...».

Святая, преданная любовь, которую питала къ своему «дорогому Мишѣ» его бабушка, сдѣлала то, что прахъ его былъ похороненъ на родной землѣ, рядомъ съ близкими ему людьми, и даже осуществилось, отчасти, и завѣтное желаніе поэта, выраженное имъ въ своемъ вдохновенномъ стихотвореніи-молитвѣ «Выхожу одинъ я на дорогу:» вблизи часовни, уже поднявшись надъ ея крышей, «темный дубъ склонялся и шумѣлъ»...

— Старая барыня,—объяснялъ намъ вѣрный слуга поэта,—какъ только похоронили Михаила Юрьевича, тотчасъ же приказали вырыть изъ лѣсу и посадить вблизи часовни нѣсколько молодыхъ дубковъ, изъ которыхъ принялся только одинъ, а остальные пропали...

Умирая, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ своего гениальнаго внука, бабушка завѣщала похоронить себя съ нимъ рядомъ и оставить

комнаты поэта въ мезонинѣ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ онѣ были при его жизни и которыя она охраняла отъ перемѣнъ, пока жила сама. Въ 1859 году, когда судьба дала мнѣ возможность поѣхать Тарханы, завѣтъ старушки Арсеньевой свято исполнялся еще. Что же произошло тамъ теперь, по прошествіи 38-ми лѣтъ, этого я не знаю.

II.

П. П. Шангирей.—Распространеніе извѣстности критика Бѣлинскаго.—Его братъ Константинъ Григорьевичъ.—Журналъ «Колоколь» и пензенскій губернаторъ Пангулидзеъ.—Ограбленіе откупщика Ненюкова.—Сенаторская ревизія Сафонова.—Биографическія свѣдѣнія о семьѣ Бѣлинскихъ.—Смерть Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго.

Въ октябрѣ того же 1859 года, мнѣ довелось познакомиться съ родственникомъ Лермонтова, отставнымъ полковникомъ Павломъ Петровичемъ Шангиреемъ, и даже провести въ его домѣ, «по дѣламъ службы», почти сутки. Это случилось слѣдующимъ образомъ.

Однажды, въ концѣ октября, во время самой ужаснѣйшей погоды, я получаю «приказъ» отъ командира баталіона отправиться немедленно, въ качествѣ депутата съ военной стороны, въ уѣздъ, «на мертвое тѣло»... Оказалось, что стрѣлокъ 1-й роты, возвращаясь изъ баталіоннаго лазарета, изъ Чембара, въ свою роту, поздно вечеромъ, провалился въ какой-то маленькой рѣченкѣ сквозь ледъ, весь обмокъ и обледенѣлъ, а затѣмъ сбился ночью съ дороги, не имѣлъ силъ добраться до жилья и замерзъ въ полѣ, на землѣ Шангирея. Мнѣ предлагалось въ приказѣ войти въ соглашеніе съ мѣстнымъ становымъ приставомъ Гіацинтовымъ и отправиться на мѣсто, для присутствованія при поднятіи «тѣла». Вскорѣ, я нашелъ Гіацинтова, и, на другой же день по полученіи приказа, сѣдѣлъ со становымъ въ его тарантасѣ, и мы тащились по ужаснѣйшей проселочной дорогѣ, изрытой колеями и рывтинами, превратившимися отъ мороза въ твердый камень; морозы стояли уже порядочные, а снѣгу все еще не было на поляхъ. Разбитые по всѣмъ суставамъ, продрогшіе и измученные, вечеромъ, дотащились мы до деревни, принадлежащей Шангирею, и становой приказалъ ямщику ѣхать на господскій дворъ.

Еще дорогою, становой рассказалъ мнѣ, что Шангирей приходитъ Лермонтову родственникомъ, и что у него есть вещи и письма поэта. Такъ какъ я въ то время, будучи юнымъ прапорщикомъ, благоговѣлъ предъ гениемъ этого поэта еще болѣе, чѣмъ благоговѣю теперь, то понятно, что былъ очень обрадованъ рассказами моего спутника и, забывая всѣ мученія дороги, съ нетерпѣніемъ желалъ увидать Шангирея.

Помѣщикъ встрѣтилъ насъ очень радушно. Это былъ отставной кавказецъ, лѣтъ за 60, но еще очень бодрый и крѣпкій человекъ; онъ былъ выше средняго роста и плотно сложенный, съ коротко остриженной, словно выбритой, головою, одѣтый, по старой привычкѣ, въ бешметъ и черкеску.

Когда окончились всѣ церемоніи перваго знакомства и разговоры на ту несчастную тему, изъ-за которой мы, собственно, и пріѣхали, полковникъ сталъ внимательно спрашивать меня о современномъ вооруженіи солдатъ и, затѣмъ, спросилъ, правда ли, что въ нашъ стрѣлковый баталіонъ присланы какія-то новыя «винтовки», стрѣляющія, будто бы, на версту разстоянія.

Я удовлетворилъ его любопытство и объяснилъ ему, что нашими стрѣлками только что получены изъ Тулы шести-линейныя винтовки, стрѣляющія пулями Минье на 1.200 шаговъ прицѣльныххъ, что эти винтовки замѣнили бывшіе въ стрѣлковыхъ баталіонахъ тяжело-вѣсные лютихскіе штуцера, заряжавшіеся при помощи особаго молотка, загонявшаго въ стволъ пулю, и имѣвшіе, вмѣсто штыка, тяжелый и неуклюжій ножъ-гесакъ.

Старый воинъ такъ и засіялъ отъ радости, когда я рассказалъ ему о свойствахъ и качествахъ новаго (тогдашняго) вооруженія, считавшагося въ то время послѣднимъ словомъ военной техники.

— А въ мое-то время, на Кавказѣ, — говорилъ онъ, вдыхая и покачивая головою, — было такое жалкое вооруженіе, что, просто, стыдно и вспомнить! Наши гладкоствольныя ружья стрѣляли своими круглыми пулями едва только на 200—300 шаговъ, а у черкесовъ и тогда уже были винтовки, стрѣлявшія вдвое дальше. И знаете ли, что эти каналы, татары, продѣлывали? — выѣдетъ, бывало, передъ нашимъ отрядомъ, на какойнибудь ровной полянѣ, ихъ джигитъ, прицѣлится въ роту, стоящую сомкнутымъ строемъ, шаговъ этакъ на 500, и выстрѣлитъ... глядь, солдатикъ и повалился со стономъ на землю... А онъ, бестія, поворачиваетъ къ намъ крупъ лошади, разстегивается, гдѣ слѣдуетъ, наклоняетъ голову къ лукѣ сѣдла, обнажаетъ намъ цѣль и стоитъ вѣскольکو секундъ, не шевелясь, пока не выстрѣлятъ по немъ, — и, конечно, напрасно, потому что пули не долетаютъ до него... Увидятъ это казаки, разсердятся и поскачутъ за нимъ; ну, тогда уже шутки плохія...

Когда эти военные разговоры были окончены, я исподоволь перевелъ рѣчь на Лермонтова и сказалъ Шангирею, что знаю наизусть почти всѣ стихотворенія поэта, по крайней мѣрѣ, всѣ мелкія, то-есть, лучшія его пьесы...

— А знаете его «Валерикъ»? — спросилъ полковникъ.

— Какъ же, не знать, — отвѣчалъ я, — вѣдь это одно изъ немногихъ его батальныхъ стихотвореній.

— А вотъ я вамъ его сейчасъ покажу, — проговорилъ Шангирей, и вышелъ изъ столовой, гдѣ мы сидѣли за самоваромъ, въ ка-

бинетъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вернулся и показалъ мнѣ небольшую тетрадь очень толстой бумаги, гдѣ было написано все названное стихотвореніе, но съ большими пометками, вставками и выносками. Въ то же время, онъ сообщилъ мнѣ, что у него имѣются нѣсколько картинъ, писанныхъ масляными красками самимъ поэтомъ, и хранятся письма Лермонтова съ Кавказа къ нему же, Шангирею, который, оказалось, былъ родственникомъ поэта по Аркадію Столыпину, своему двоюродному брату.

Какъ глубоко я скорблю теперь, спустя 38 лѣтъ, что тогда, въ тотъ осенній бурный вечеръ, когда сидѣлъ за чайнымъ столомъ въ уютномъ деревянномъ, одноэтажномъ домѣ Павла Петровича Шангирея, не попросилъ у него позволенія снять копию съ писемъ Лермонтова, или хотя бы переписать того же самаго «Валерика»... Ктѣ знаетъ, гдѣ эти письма теперь и у кого, и были ли они когда нибудь въ рукахъ людей, специально знакомящихся съ каждою строкою, вышедшею изъ-подъ пера Лермонтова? или, можетъ быть, совсѣмъ погибли эти письма, и отъ нихъ не осталось не только копій, но и слѣдовъ... И — кто знаетъ — можетъ, и самое стихотвореніе «Валерикъ» имѣло въ рукописи, принадлежащей Шангирею, какіе нибудь новые варианты, или даже новыя строфы...

Съ беззаботностью молодости я отнесся тогда къ тому драгоценнѣйшему сокровищу, которое держалъ въ своихъ рукахъ!.. Я былъ безконечно счастливъ, что вижу подлинную рукопись Лермонтова, и совсѣмъ уже не думалъ о письмахъ его, картинахъ и вещахъ, которыя были тоже у Шангирея. И не думалъ я обо всемъ этомъ, главнымъ образомъ, потому, что никакъ, въ то время, не воображалъ и не предвидѣлъ, что мнѣ придется впоследствии жить и существовать литературнымъ трудомъ и что, много-много лѣтъ спустя, мнѣ доведется вспоминать мою вечернюю бесѣду съ покойнымъ П. П. Шангиреемъ, внесенную лишь вкратцѣ, по возвращеніи въ Чембарь, въ мой дневникъ...

А въ тотъ памятный вечеръ, едва только стѣнные часы пробили десять, какъ хозяинъ поднялся изъ-за стола и, извиняясь, пожелалъ намъ покойной ночи, заявивъ при этомъ, что онъ всегда привыкъ ложиться въ это время спать.

На другой день, мы поднялись рано, и, когда вышли въ столовую къ утреннему чаю, хозяинъ уже поджидалъ насъ. Черезъ полчаса, мы поблагодарили хозяина за гостепримство и распростились съ нимъ. Затѣмъ, мнѣ никогда болѣе не довелось видѣться съ нимъ, такъ какъ, исполнивъ возложенное на меня порученіе, я уже не вернулся въ имѣніе Шангирея и проѣхалъ прямо въ Чембарь. Въ слѣдующемъ же 1860 году, нашъ баталіонъ былъ переведенъ на контонирь-квартиры въ сосѣднюю Саратовскую губернію, въ раскольничій городъ Кузнецкъ.

Въ домѣ тѣхъ же Шумскихъ, лѣтомъ же 1859 года, я узналъ, что въ Чембарѣ проживаетъ родной братъ знаменитаго критика Бѣлинскаго, Константинъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Въ это время литературная слава и извѣстность Бѣлинскаго стала уже проникать всюду, главнымъ образомъ, благодаря журналамъ, преимущественно, «Современнику», издаваемому Панаевымъ и Некрасовымъ. Эти журналы очень часто стали рекламировать недостаточно оцѣненного при жизни писателя, цитировали его мнѣнія и статьи и, наконецъ, сообщили, что извѣстный въ Москвѣ меценатъ-купецъ Солдатенковъ предполагаетъ издать полное собраніе сочиненій покойнаго критика, скончавшагося, какъ извѣстно, при самыхъ трагическихъ и исключительныхъ обстоятельствахъ... Въ то время, то-есть въ 1859 году, прошло уже четыре года со времени вступленія на престолъ императора Александра II, и всякая опала съ покойнаго Бѣлинскаго была, повидимому, снята, революціонное же движеніе на западѣ Европы, 1848 года, къ которому былъ, ни за что, ни про что, припутанъ этотъ писатель (въ силу своего извѣстнаго «Письма къ Гоголю»), не только улеглось, но было вытѣснено и заслонено у насъ, въ Россіи, другимъ событіемъ, несравненно болѣе крупнымъ и важнымъ,—только что окончившеюся крымскою войной, и поэтому съ имени Бѣлинскаго и съ его сочиненій спалъ, какъ бы самъ собою, тотъ запретъ, который тяготѣлъ на немъ съ рокового 1848 года, бывшаго въ то же время, по странному стеченію обстоятельствъ, и годомъ смерти знаменитаго критика. Тѣмъ не менѣе, въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, имя покойнаго Бѣлинскаго произносилось въ провинціи все еще съ нѣкоторою опаской, какъ и имя А. И. Герцена, издававшаго уже въ Лондонѣ свой «Колоколъ».

Отправившись на розыски, я нашелъ Константина Григорьевича проживающимъ въ одной изъ глухихъ улицъ Чембара, въ деревянномъ флигелѣ, состоящемъ всего изъ трехъ маленькихъ комнатъ. При немъ жила его многочисленная семья—жена и дѣти; кругомъ была бѣдность и нищета... Какъ извѣстно, онъ, овдовѣвъ уже послѣ смерти брата, женился во второй разъ и имѣлъ теперь 8 человѣкъ дѣтей.

Меня встрѣтилъ чловѣкъ невысокаго роста, широкоплечій, лѣтъ 50-ти слишкомъ, съ очень густыми, темными волосами на головѣ, очень бѣдно одѣтый, давно не брившійся... Это и былъ отставной титулярный совѣтникъ К. Г. Бѣлинскій, родной братъ умершаго писателя. Я назвалъ себя, объяснилъ цѣль своего посѣщенія и узналъ слѣдующее.

К. Г. служилъ самымъ скромнымъ и мирнымъ чиновникомъ, въ мѣстной думѣ (по тогдашнему, ратушѣ), секретаремъ. Годъ назадъ, пріѣхалъ въ Чембаръ на обычную ревизію пензенскій губернаторъ Панчулидзевъ. На другой день его пріѣзда, ему предста-

влялись, по обыкновенію, всѣ уѣздныя власти и въ томъ числѣ несчастный Константинъ Григорьевичъ. И вотъ, едва только губернаторъ подошелъ, по очереди, къ Бѣлинскому, и этотъ послѣдній проговорилъ: «Титулярный совѣтникъ Бѣлинскій», — какъ губернаторъ громко отвѣтилъ: «А, знаю!—пьяный совѣтникъ Бѣлинскій», и, быстро отвернувшись отъ него, подошелъ къ другому стоявшему рядомъ чиновнику...

Несчастный Бѣлинскій, имѣвшій восьмерыхъ дѣтей, изъ коихъ одинъ только старшій сынъ содержалъ самъ себя, былъ пораженъ, какъ громомъ... Наконецъ, и такое публичное, ничѣмъ не вызванное и незаслуженное оскорбленіе!..

Во время послѣдовавшей затѣмъ ревизіи, губернаторскій чиновникъ въ думѣ рвалъ и металъ, что называется, и, въ концѣ концовъ, секретарь долженъ былъ подать въ отставку, въ которую вскорѣ и былъ уволенъ, съ пенсіей въ 16 рублей съ копейками въ мѣсяцъ.

По отъѣздѣ Панчулидзева изъ Чембара въ Пензу, несчастный Бѣлинскій долго и тщетно старался узнать причину такой необычайной немилости къ своей маленькой особѣ со стороны такой крупной, какъ губернаторъ, и, наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ и выпытываній, узналъ отъ уѣзднаго предводителя дворянства, М. Н. Владыкина, слѣдующее.

Губернаторъ Панчулидзевъ висѣлъ уже, какъ говорится, на волоскѣ: противъ него собиралась въ Петербургѣ серьезная гроза, которая и разразилась надъ нимъ въ слѣдующемъ 1859 году, когда въ Пензенскую губернію былъ посланъ на ревизію, съ чрезвычайными полномочіями, сенаторъ Сафоновъ, удалившій отъ должностей въ губерніи массу чиновниковъ, съ предавіемъ суду. Конечнымъ же результатомъ ревизіи было увольненіе отъ должности и самого губернатора.

Весь этотъ сырѣ-боръ загорѣлся изъ-за статьи «Дневной грабежъ въ Пензѣ», напечатанной Герценомъ въ «Колоколѣ», въ 1858 году. Въ этой статьѣ (которую я читалъ впоследствии) рассказывалась слѣдующая достовѣрная исторія, происшедшая въ кабинетѣ пензенскаго губернатора Панчулидзева, въ концѣ декабря 1857 года.

Пришелъ къ нему въ кабинетъ откупщикъ Ненюковъ, державшій на откупѣ кабаки Пензенской губерніи, и принесъ обычную мзду за истекшій годъ, въ размѣрѣ трехъ тысячъ рублей, вмѣсто пяти, которыя тотъ же губернаторъ получалъ, обыкновенно, ранѣе; откупщикъ ссылался на «плохой годъ», на бывшій, въ концѣ августа, страшный пожаръ въ Пензѣ, опустошившій болѣе половины города, и пр.; но Панчулидзевъ ничего знать не хотѣлъ и требовалъ прежнія пять тысячъ. Наконецъ, Ненюковъ заявилъ:

— Воля ваша, ваше превосходительство, что хотите, со мной дѣлайте!—а я болѣе дать не въ силахъ, и съ этими словами откупщикъ досталъ изъ бокового кармана сюртука бумажникъ, вынулъ

оттуда пачку ассигнацій и сталъ отсчитывать... Когда онъ отсчиталъ три тысячи, положивъ ихъ губернатору на столъ, а остальные деньги сталъ укладывать обратно въ бумажникъ, то Панчулидзевъ мгновенно выхватилъ у Ненюкова изъ рукъ этотъ бумажникъ, опорожнилъ его и, въ пустомъ уже видѣ, вложилъ обратно въ боковой карманъ сюртука откупщику, совершенно ошалѣвшему отъ неожиданности и ужаса такого грабежа... Затѣмъ, губернаторъ повернулъ Ненюкова къ выходной двери кабинета и вытолкнулъ въ приемную, пригрозивъ ему, что если только онъ осмѣлится кому нибудь «открыть ротъ» объ этомъ происшествіи въ кабинетѣ, то онъ, губернаторъ, ушлетъ его туда, куда Макаръ и телятъ не гонялъ...

Откупщикъ Ненюковъ, дѣйствительно, «рта не открылъ», когда вышелъ, ограбленный, изъ губернаторскаго кабинета. Но отъ Панчулидзева онъ прямо направился къ правителю его канцеляріи статскому совѣтнику Мѣшкову и объявилъ ему, что его «часть» отнята сію минуту губернаторомъ, съ котораго онъ, откупщикъ, обыкновенно начиналъ раздачу питейной дани; отъ Мѣшкова Ненюковъ направился къ управляющему казенной палатой съ тѣмъ же пріятнымъ извѣстіемъ, затѣмъ поѣхалъ къ полицеймейстеру полковнику Пестрову, къ тремъ совѣтникамъ губернскаго правленія, и такъ далѣе,—словомъ, ко всѣмъ тѣмъ чинамъ и лицамъ, считая въ томъ числѣ частныхъ приставовъ города и квартальныхъ, которые получали всегда отъ откупщиковъ, въ концѣ года, свои обычныя «наградныя»...

Скандалъ въ чиновничьемъ мірѣ Пензы вышелъ небывалый... Всѣ чиновники, не получившіе дани, ругали, на чемъ свѣтъ стоитъ, губернатора, вполне увѣренные, что Ненюковъ не осмѣлился бы измыслить такую исторію, если бы она не произошла въ дѣйствительности...

Когда Панчулидзевъ узналъ, наконецъ, что Ненюковъ все еще, со спискомъ въ рукахъ, продолжаетъ разъѣзжать по городу и оповѣщать чиновниковъ,—имя же имъ легионъ,—что онъ не можетъ уплатить имъ на этотъ разъ ихъ «наградныхъ», то приказалъ арестовать «клеветника» при полицейской кутузкѣ. Тогда жена Ненюкова выѣхала потихоньку, въ ту же ночь, изъ Пензы и поскакала въ Петербургъ спасать и выручать мужа изъ бѣды неминуемой...

Въ тѣ времена, какъ извѣстно, не было не только телеграфа, но и желѣзныхъ дорогъ; первый телеграфъ чрезъ Пензенскую губернію прошелъ лишь въ слѣдующемъ 1859 году; всѣ важныя и экстренныя распоряженія и донесенія пересылались эстафетами, т. е. при помощи лошадей. Также точно, вѣроятно, двигалось и «дѣло» пензенскаго откупщика, купца 2-й гильдіи Ненюкова... Однако, какъ ни тихо шло это дѣло, но дошло оно какимъ-то путемъ до Лондона и попало, наконецъ, въ редакцію «Колокола», въ руки А. И. Герцена... А затѣмъ, въ маѣ 1858 года, появилась и самая статья «Дневной грабежъ»...

«Колоколь» въ то время былъ очень распространенъ: его безпрепятственно получали въ нѣсколькихъ экземплярахъ въ каждомъ губернскомъ городѣ и во многихъ даже уѣздныхъ городахъ. Мы, офицеры 16-го стрѣлковаго баталіона, получали этотъ журналъ чрезъ М. Н. Владыкина, выписывавшаго два экземпляра. Теперь прошу читателя представить себѣ, какое впечатлѣніе произвела тогда въ Пензенской губерніи статья Герцена, написанная вдобавокъ en toutes lettres.

И этому самому губернатору Панчулидзеву, отлично, конечно, ознакомившемуся съ статьей «Колокола», уже висѣвшему на-волоскѣ и ожидавшему грозы, вдругъ докладываютъ, во время пріѣзда въ Чембарь, что въ числѣ имѣющихъ представиться чиновниковъ находится братъ знаменитаго литератора Бѣлинскаго... И вотъ, не будучи въ силахъ отомстить далекому Герцену, Панчулидзевъ сорвалъ гнѣвъ на несчастномъ титулярномъ совѣтникѣ Бѣлинскомъ¹⁾.

— И ужъ добро бы я, дѣйствительно, пилъ,—говорилъ мнѣ добродушный Константинъ Григорьевичъ,—тогда, по крайней мѣрѣ, не было бы уже такъ больно и обидно! а то, вѣдь нѣтъ: пилъ, какъ и всѣ, передъ обѣдомъ, передъ ужиномъ, въ гостяхъ, гдѣ придется,—и пьянымъ меня никто не видѣлъ...

Послѣ перваго нашего свиданія, К. Г. зашелъ ко мнѣ, и мы потомъ стали видѣться часто. Разговоры наши, большею частью, конечно, вращались около его покойнаго брата, Виссаріона Григорьевича. Вотъ что я узналъ въ то время и записалъ въ свою памятную книжку.

Отецъ Бѣлинскихъ былъ, какъ извѣстно, полковой врачъ, стоявшій съ полкомъ въ Свеаборгѣ, гдѣ и родился тогда его старшій сынъ Виссаріонъ. Родиной его было село Бѣлынь, Чембарскаго же уѣзда, гдѣ отецъ Григорія Никифоровича Бѣлинскаго былъ діакономъ. Отъ этого, и самая фамилія врача была вначалѣ не Бѣлинскій, а Бѣлынскій, по имени села, а потомъ уже какъ-то, въ полковой канцеляріи, въ формулярномъ спискѣ, его стали писать Бѣлинскимъ. Отца ихъ все-таки тянуло на родину, въ Чембарь,—и какъ только открылась въ этомъ городѣ вакансія уѣзднаго и городского врача, то Бѣлинскій-отецъ тотчасъ же и перепросился на службу въ свой родной городъ, куда вскорѣ и переѣхалъ со всею семьєю, состоявшею тогда изъ жены и сына. Мальчикъ поступилъ въ скорости въ мѣстное уѣздное трехъ-классное училище, въ которомъ

¹⁾ Въ 70-хъ годахъ, я рассказалъ объ этомъ случаѣ съ братомъ Бѣлинскаго покойному М. И. Семенову, который потомъ, спустя нѣсколько лѣтъ, въ статьѣ о Бѣлинскомъ въ «Русской Старинѣ», и воспроизвелъ мой рассказъ, но только допустивъ въ немъ нѣкоторыя неточности: такъ, напр., онъ совсѣмъ не назвалъ фамиліи губернатора, уволившаго К. Бѣлинскаго и оскорбившаго его, и по ошибкѣ, конечно, отнесъ этотъ случай ко времени губернатора, смѣнившаго Панчулидзева.

и окончилъ курсъ; онъ оказался замѣчательно способнымъ ученикомъ и получилъ, при окончаніи курса, награду—книгу евангеліе, въ изящномъ переплетѣ. (Книга была подписана, между прочимъ, И. И. Лажечниковымъ, извѣстнымъ романистомъ, бывшимъ въ то время директоромъ училищъ Пензенской губерніи). Затѣмъ, отецъ отвезъ старшаго сына въ Пензу и опредѣлилъ его въ губернскую гимназію, прямо во 2-ой классъ, въ августѣ 1825 года. Тамъ онъ, однако, не окончилъ курса¹⁾; но затѣмъ, попавъ въ Москву, Бѣлинскій, благодаря своимъ блестящимъ способностямъ, поступилъ въ Московскій университетъ казеннокоптнымъ студентомъ, такъ какъ въ тѣ времена при этомъ университетѣ (въ старомъ зданіи, въ одномъ изъ флигелей, выходящихъ на Большую Никитскую улицу) было устроено общежитіе или конвиктъ — для бѣдныхъ, собственно, студентовъ. Черезъ два года по поступленіи въ университетъ, студента Виссаріона Бѣлинскаго постигла, какъ извѣстно, неудача: онъ былъ исключенъ изъ университета «по неспособности», какъ было оффиціально ему объявлено, и какъ значилось потомъ и въ журналѣ совѣта, и въ аттестаціи, выданной ему изъ университета: «способностей слабыхъ и нерадивыхъ...». Самую главную и рѣшающую роль въ этомъ прискорбномъ событіи игралъ, по словамъ брата, профессоръ исторіи, извѣстный М. П. Погодинъ, почему-то особенно не взлюбившій В. Бѣлинскаго. «Неспособность» исключаемого студента была припутана тутъ ни къ селу, ни къ городу, какъ говорится; главнымъ же — юридическимъ — поводомъ къ исключенію послужило его болѣзненное состояніе.

Дальнѣйшая затѣмъ судьба этого даровитѣйшаго писателя всѣмъ извѣстна: это былъ тяжкій, непокладный, чисто каторжный

¹⁾ О гимназическихъ годахъ Бѣлинскаго имѣются въ печати свѣдѣнія, сообщенныя бывшимъ директоромъ Пензенской гимназіи И. И. Лажечниковымъ и учителемъ М. М. П—овымъ. Братъ же его, К. Г., зналъ и помнилъ очень немного: по его словамъ, В. Г. былъ, по нѣкоторымъ предметамъ, лучшимъ ученикомъ въ классѣ, а по нелюбимымъ предметамъ—худшимъ. По словамъ брата же, В. Г. издавалъ, въ старшихъ классахъ, какой-то литературный рукописный журналъ. Здѣсь, кстати, я считаю необходимымъ исправить явную неточность, появившуюся надняхъ въ одной изъ большихъ петербургскихъ газетъ,—будто Бѣлинскій вышелъ изъ третьяго класса гимназіи... Авторъ этого сообщенія (г. Быстренинъ, изъ Пензы) упустилъ, конечно, изъ виду тотъ фактъ, что Бѣлинскій въ слѣдующемъ же году выдержалъ блестящимъ образомъ вступительный экзаменъ въ Московскій университетъ, — что, понятно, было бы немислимо, если бы онъ не ушелъ въ гимназію далѣе 3-го класса. Да наконецъ, въ запискахъ того же учителя естественной исторіи М. М. П—ова встрѣчаются, напр., слѣдующія фразы: «Домашнія бесѣды наши продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи...» Или въ другомъ мѣстѣ: «Онъ (Бѣлинскій) учился у меня естественной исторіи только въ двухъ высшихъ классахъ» Слѣдовательно, если тогдашняя пензенская гимназія была всего четырехъ-классная, то и тогда надо заключить, что Бѣлинскій былъ въ ея обоихъ высшихъ классахъ.

трудъ журналиста-критика — сначала въ Москвѣ, въ «Телескопѣ» Надеждина, а затѣмъ, въ Петербургѣ, въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевского и, позднѣе, въ «Современникѣ». Одинъ разъ только — и то недолго — отдохнулъ покойный писатель отъ своей каторжной жизни — это во время поѣздки за границу, откуда онъ имѣлъ неосторожность написать свое извѣстное, порицающее «Письмо къ Гоголю», благодаря которому, собственно, и были нарушены самые послѣдніе часы его жизни.

Объ этомъ послѣднемъ событіи я слышалъ разсказъ отъ двухъ лицъ — и въ одной и той же редакціи: отъ М. В. Бѣлинской и впоследствии отъ ближайшаго родственника Бѣлинскаго, Дмитрія Петровича Иванова, бывшаго преподавателемъ въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ въ Москвѣ, съ которымъ, потомъ, я былъ знакомъ лично.

Дѣло происходило такъ. Когда въ III-емъ отдѣленіи состоялось распоряженіе объ арестѣ Бѣлинскаго, въ его квартиру, вечеромъ, явился жандармскій офицеръ и нѣсколько нижнихъ чиновъ — и все это ворвалось прямо въ кабинетъ-спальню, гдѣ лежалъ, въ предсмертномъ уже бреду и въ полномъ безпамятствѣ, умирающій писатель... Вблизи его постели была лишь его жена, недавно скончавшаяся Марья Васильевна, была докторъ и маленькая дочь¹⁾... Ни Некрасова, ни Панаева въ это время вблизи умирающаго не было, какъ это изображено на извѣстной картинѣ художника Наумова. И вотъ, едва только умирающій увидѣлъ въ дверяхъ головы нѣсколькихъ жандармовъ, онъ, въ безпамятствѣ, не узналъ ихъ — и принялъ за народъ... Быстро поднявшись въ постелѣ, онъ оперся лѣвою рукою о свое смертное ложе, а правую сталъ жестикулировать — и говорить рѣчь къ народу... Но изъ молчанія и нѣмого ужаса своихъ невольныхъ палачей умирающій заключилъ, что его не понимаетъ народъ...

— Машенька! объясни имъ — они не понимаютъ меня!!.. — проговорилъ нѣсколько разъ Бѣлинскій, обращаясь къ своей, застывшей отъ ужаса, женѣ...

Офицеръ сдѣлалъ знакъ жандармамъ — и они всѣ вышли изъ комнаты... Въ тотъ же день, какъ извѣстно, генераль Дуббельтъ донесъ, рапортомъ, графу Бенкендорфу, что «извѣстный сочинитель Бѣлинскій не могъ быть арестованъ, такъ какъ надъ нимъ совершается судъ Божій»...

¹⁾ Дочь Бѣлинскаго, Ольга Виссаріоновна, вышла впоследствии замужъ за нашего генеральнаго консула въ Корфу. И. З.

III.

Различная судьба братьевъ Бѣлинскихъ. — Ихъ переписка. — Время студенчества старшаго брата. — Его прѣзды въ Чембарь. — Бѣлинскій въ роли святочнаго странника. — Захватъ писемъ Бѣлинскаго кн. Енгалычевымъ. — Кличъ М. И. Семеновскаго. — Марья Васильевна Бѣлинская. — Маска покойнаго Бѣлинскаго. — Отсылка его сочиненій брату. — Хлопоты о пособіи.

Какая различная судьба выпала на долю этихъ двухъ братьевъ Бѣлинскихъ! Одинъ такъ и не пошелъ далѣе уѣзднаго училища и остался несчастнымъ титулярнымъ совѣтникомъ, отставнымъ чиновникомъ, уволеннымъ отъ службы по распоряженію губернатора-взяточника, съ грошевою пенсіей, и умершимъ въ томъ же самомъ Чембарѣ, въ бѣдности и неизвѣстности... Другой братъ попалъ въ старѣйшій и лучший университетъ Россіи, сталъ знаменитымъ журналистомъ и критикомъ, котораго читала вся грамотная Россія, сочиненія котораго, изданныя въ свѣтъ, имѣли потомъ громадный и вполне заслуженный успѣхъ, и которому, наконецъ, по истеченіи 50-ти лѣтъ со дня смерти, предполагается къ постановкѣ памятникъ для увѣковѣченія его славнаго имени въ потомствѣ!..

Но уже и тогда, 50 слишкомъ лѣтъ назадъ, когда еще были живы оба брата, нѣжно, въ дѣтствѣ, любившіе другъ друга, эта значительная разница въ ихъ жизненныхъ путяхъ сильно смущала одного изъ нихъ, именно младшаго брата, Константина, который, по его словамъ, не разъ принимался горько сѣтовать на замѣчаемое имъ охлажденіе къ себѣ и своей семьѣ со стороны старшаго брата, писателя, приписывая это охлажденіе вліянію жены брата, Марьи Васильевны; и вѣроятно, эти сѣтованія и вызвали, наконецъ, то письмо Виссаріона Григорьевича къ брату, въ которомъ встрѣчаются, напр., слѣдующія строки:

«Напрасно ты думаешь, что я сердить на тебя: ей-Богу, и не думалъ сердиться. Причина моего молчанія—безпрерывныя хлопоты, заботы, труды, безпокойства и пр. Судьба занесла меня въ Питеръ— что дѣлать! мой удѣлъ носиться туда и сюда по волнамъ жизни и не знать никогда пристани, у которой ты такъ счастливо приукрылся и пригрѣлся. Всякому свой путь въ жизни—и надо идти, а не жаловаться. Что со мною было и какъ—этого не перескажешь и во ста письмахъ, да, по разности нашихъ дорогъ въ жизни, это и не совсѣмъ было бы для тебя понятно. Богъ дастъ, увидимся—потолкуемъ; а пока, позволь мнѣ тебя увѣрить, что я искренно къ тебѣ расположенъ, отъ всего сердца желаю тебѣ всякаго счастья—и всегда съ радостью съ тобою увижусь, если Богъ приведетъ. Что за дѣло, что я рѣдко пишу!—будто любовь въ перепискѣ, а не въ душѣ? И такъ обнимаю и цѣлую тебя побратски... Если будетъ у тебя еще сынъ или дочь—бери меня въ кумовья; я ужъ

приплю славный гостинецъ»... И т. д... Письмо это писано Бѣлинскимъ брату во время самаго блестящаго періода его литературной дѣятельности и помѣчено 9 апрѣля 1840 года. Тутъ же, въ концѣ письма, выставленъ и адресъ—въ слѣдующей припискѣ: «Если будешь писать ко мнѣ, то пиши такъ: въ Петербургъ, Виссаріону Григорьевичу Бѣлинскому, въ контору редакціи «Отечественныхъ Записокъ»¹⁾).

При всякомъ удобномъ случаѣ, какъ видятъ читатели, старшій братъ выказывалъ свою нѣжность и вниманіе къ младшему. По рассказамъ Константина Григорьевича, писатель, живя въ Москвѣ, всегда розыскивалъ «земляковъ», чембарскихъ торговцевъ, пріѣзжавшихъ въ столицу по своимъ дѣламъ, и, пользуясь «оказіей», постоянно высылалъ брату какіе нибудь гостинцы. Между прочимъ, однажды, въ 1832 году, онъ прислалъ ему, съ нѣкимъ Сукалкинымъ, довольно толстую тетрадку стиховъ различныхъ авторовъ, которые ему, повидимому, болѣе нравились и произведенія которыхъ онъ вписывалъ къ эту тетрадку. Тамъ встрѣчаются стихотворенія Пушкина, Веневитинова, Полежаева, Языкова, Одоевскаго, Теплового и мн. др. Между прочимъ, тамъ имѣлись стихотворенія и чисто-патріотическія, въ родѣ, напримѣръ, извѣстныхъ «Стансовъ» Пушкина «Въ надеждѣ славы и добра»... Тетрадь эту Константинъ Григорьевичъ подарилъ мнѣ вмѣстѣ съ нѣсколькими письмами своего покойнаго брата,—и я, впоследствии, отрывалъ отъ этой тетради маленькіе куски и дарилъ ихъ тѣмъ моимъ знакомымъ, которые желали имѣть у себя автографъ знаменитаго критика. Въ 1883 году тетрадь эта поступила въ собраніе автографовъ П. Я. Дашкова.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій, за время своей жизни въ Москвѣ—сначала студентомъ, а затѣмъ журналистомъ, два раза пріѣзжалъ въ Чембаръ къ брату и замужней сестрѣ, и проводилъ у нихъ по нѣскольку недѣль. Такъ, однажды, по рассказу его брата и семейства Шумскихъ, онъ, будучи студентомъ, провелъ въ Чембарѣ святки и не особенно, кажется, скучалъ за это время. Такъ какъ онъ и ранѣе, будучи еще въ пензенской гимназіи, очень любилъ «наряджаться» на святки и при этомъ, импровизировать, согласно принятой имъ на себя роли,—то и на этотъ разъ, соединившись въ компанію съ учителями мѣстнаго училища и съ нѣкоторыми друзьями своего дѣтства, онъ «нарядился» странникомъ и въ такомъ видѣ посѣтилъ многихъ своихъ давнихъ знакомыхъ, изъ коихъ его никто не призналъ; между прочимъ, онъ посѣтилъ въ тотъ вечеръ и домъ Шумскихъ. При этомъ, всѣ уди-

¹⁾ Подлинникъ этого письма находится въ коллекціи извѣстнаго собирателя автографовъ и писемъ замѣчательныхъ людей, П. Я. Дашкова, переданный ему мною въ 1883 году.

влялись интересному разсказу странника-старца о жизни въ Москвѣ и о томъ, какъ онъ ѣхалъ сюда въ Чембарь, съ обозомъ товара, купленнаго въ Москвѣ, для своей лавки, однимъ мѣстнымъ купцомъ. Только на другой день узнали, что странникомъ былъ одѣтъ доктора сынъ—студентъ Бѣлинскій...

Въ сентябрѣ 1860 года, 16-й стрѣлковый баталіонъ ушелъ изъ Чембара на стоянку въ Саратовскую губернію, и я распростился съ Константиномъ Григорьевичемъ. За время нашего знакомства я видѣлъ у него нѣсколько пачекъ писемъ его знаменитаго брата и почти всѣ ихъ перечиталъ. Затѣмъ, я не былъ въ Чембарѣ два года,—и когда попалъ туда, проѣздомъ, осенью 1862 года и посѣтилъ Константина Григорьевича, то узналъ отъ него, что всѣ письма его брата, которыя только у него оставались, у него выпросилъ, для снятія съ нихъ копій, князь Енгальчевъ, чембарскій уѣздный предводитель дворянства, смѣнившій М. Н. Владыкина, что письма эти князь Енгальчевъ выпросилъ «на одну недѣлю», а между тѣмъ прошло уже болѣе года, а онъ этихъ писемъ не возвращаетъ и даже не отвѣчаетъ на письма Константина Григорьевича.

Я, конечно, ничѣмъ не могъ помочь бѣдному Константину Григорьевичу въ этомъ дѣлѣ и, пробывъ въ Чембарѣ нѣсколько дней, уѣхалъ въ Москву, искренно лишь пожалѣвъ о томъ, что, два года тому назадъ, самъ не переписалъ этихъ писемъ. Но къ счастью, имъ не суждено было погибнуть—такъ, напримѣръ, какъ погибли, несомнѣнно, письма Лермонтова къ Шангирею.

Послѣ 1862 года прошло много лѣтъ... Я жилъ въ 70-хъ годахъ въ Москвѣ и занимался литературнымъ трудомъ... Вдругъ читаю, однажды, въ «Русской Старинѣ» воззваніе М. И. Семевского къ лицамъ, могущимъ что либо доставить ему, М. И., о критикѣ Бѣлинскомъ, или даже указать—гдѣ и у кого могутъ находиться письма этого литератора, къ кому либо имъ писанныя. Въ томъ же приглашеніи покойный редакторъ «Русской Старины» объяснялъ и причины своей любознательности: что въ названномъ журналѣ будетъ напечатанъ обширный трудъ о жизни и сочиненіяхъ Бѣлинскаго. Тотчасъ же по прочтеніи этого приглашенія, я написалъ М. И. Семевскому о судьбѣ писемъ покойнаго Бѣлинскаго къ его брату и указалъ ему, гдѣ и у кого они должны были находиться. По счастью, князь Енгальчевъ былъ въ то время живъ (очень можетъ быть, что онъ здравствуетъ и понынѣ) и, получивъ нарочитое письмо изъ «Русской Старины», тотчасъ же выслалъ Михаилу Ивановичу всѣ письма Бѣлинскаго во всей ихъ неприкосновенности,—и, такимъ образомъ, большая часть писемъ покойнаго писателя къ его брату въ Чембарѣ не погибла для исторіи русской

литературы и появилась на свѣтъ божій—въ «Русской Старинѣ». Куда, затѣмъ, дѣвались подлинники этихъ писемъ и гдѣ и у кого они въ настоящее время находятся—этого я не знаю ¹⁾).

Передъ отъѣздомъ моимъ, въ 1862 году, изъ Чембара, покойный Константинъ Григорьевичъ убѣдительно просилъ меня побывать въ Москвѣ у вдовы писателя, Марьи Васильевны Бѣлинской, и попросить ее о высылкѣ въ Чембаръ, Константину Григорьевичу, полного собранія сочиненій его брата, которое тогда уже вышло, изданное въ Москвѣ же, г. Солдатенковымъ, въ 12-ти томахъ.

По приѣздѣ въ Москву я, какъ только устроился и получилъ отъ попечителя, Н. В. Исакова, разрѣшеніе посѣщать университетскія лекціи, тотчасъ же, въ первое воскресенье, въ концѣ октября того же 1862 года, отправился по данному мнѣ Константиномъ Григорьевичемъ адресу, въ Александринскій институтъ, находившійся на одной изъ окраинъ Москвы; въ этомъ институтѣ супруга покойнаго писателя, Марья Васильевна Бѣлинская, служила кастеляншею.

Долго меня водили по разнымъ коридорамъ и комнатамъ, пока, наконецъ, привели въ маленькую, всего въ три комнаты квартирку, занимаемую кастеляншей. Меня встрѣтила дама, средняго роста, лѣтъ за 40, съ худымъ и очень энергичнымъ лицомъ, сохранившимъ слѣды прежней красивости. Я назвалъ себя, объяснилъ цѣль моего визита и передалъ ей поклонъ отъ ея beau frèrе'a. Она, повидимому, была очень довольна этимъ вниманіемъ къ ней со стороны мужниной родни—и стала подробно спрашивать о семьѣ Константина Григорьевича и о немъ самомъ, изъявляя полную готовность выслать ему сочиненія его брата. Во время нашего разговора, въ комнату (служившую и гостиною, и кабинетомъ) вошла молодая дѣвушка, выше средняго роста, съ довольно полнымъ, но блѣднымъ лицомъ, очень красивымъ и умнымъ, которое отличалось правильностью очертаній и своимъ строгимъ профилемъ, наминавшимъ, судя по портретамъ, ея покойнаго отца.

— Это моя дочь, Ольга Виссаріоновна,—проговорила хозяйка, указывая на вошедшую.

Затѣмъ, она подвела меня къ висѣвшей на стѣнѣ, въ футлярѣ изъ стекла, гипсовой маскѣ покойнаго писателя, снятой съ него тотчасъ же послѣ смерти: лицо Бѣлинскаго поражало своею художбою и тѣмъ страдальческимъ выраженіемъ, которое наложили на него, очевидно, предсмертныя мученія...

Вскорѣ, я получилъ отъ покойной Марьи Васильевны письмо, въ которомъ она извѣщала меня, что сочиненія ея мужа высланы

¹⁾ Если бы интеллигентному обществу Пензы пришла когда нибудь мысль основать, при имѣющей въ городѣ Лермонтовской библіотекѣ и «музей» имени Бѣлинскаго, то эти письма были бы, конечно, очень цѣннымъ и интереснымъ инвентаремъ этого музея. И. З.

уже въ Чембарѣ, по назначенію, о чемъ она и просила сообщить Константину Григорьевичу. Затѣмъ въ слѣдующемъ году, т. е. въ 1863, мнѣ довелось посѣтить Марью Васильевну еще разъ по слѣдующему поводу.

Константинъ Григорьевичъ написалъ мнѣ изъ Чембара письмо, въ которомъ убѣдительно просилъ похлопотать въ литературномъ фондѣ (тогда, кажется, только что основанномъ) о пособіи для него и его семьи. Я, не зная тогда, гдѣ этотъ фондъ находится и къ кому надо обращаться, послалъ его письмо къ Марьѣ Васильевнѣ которая и пригласила меня быть у нея по этому дѣлу. При свиданіи, она сообщила, что никогда лично не была знакома съ родными мужа и даже никого изъ нихъ не видѣла, и что, поэтому, находить для себя не вполнѣ удобнымъ обращаться въ фондъ съ названнымъ ходатайствомъ...

Спустя нѣсколько дней послѣ свиданія съ Марьей Васильевной, я прочелъ въ одной изъ петербургскихъ газетъ чью-то небольшую статейку о Бѣлинскомъ, гдѣ, между прочимъ, было сказано, что покойный критикъ—уроженецъ западныхъ губерній и польскаго происхожденія ¹⁾. Я рѣшилъ опровергнуть эту небывлицу: написалъ маленькую замѣтку и понесъ въ редакцію «Московскихъ Вѣдомостей», бывшихъ тогда въ рукахъ Каткова и Леонтьева. Я засталъ въ редакціи какого-то господина въ золотыхъ очкахъ, высокаго роста, довольно пожилого и гладко выбритаго, который, прочтя мою замѣтку, сказалъ, что она будетъ напечатана.

— Я не замѣтилъ этого вранья, — сказалъ, мнѣ этотъ господинъ:—иначе, я и самъ бы опровергъ эти выдумки о Бѣлинскомъ, котораго я знавалъ лично, когда онъ жилъ и писалъ въ Москвѣ.

Я полкюбопытствовалъ спросить его фамилію, и оказалось, что предо мною былъ очень извѣстный въ то время въ Москвѣ литераторъ-фельетонистъ Пановскій, представлявшій изъ себя довольно крупную величину въ тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Я воспользовался случаемъ и объяснилъ ему мое недоумѣніе по поводу письма ко мнѣ Константина Григорьевича... Пановскій былъ такъ любезенъ, что согласился принять всѣ хлопоты на себя. Я сообщилъ ему адресъ несчастнаго К. Г.—и мы разстались.

На другой день въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» была дѣйствительно напечатана моя замѣтка, а, спустя нѣкоторое время, я получилъ отъ Константина Григорьевича изъ Чембара, письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ меня, что ему изъ Петербурга выслано посо-

¹⁾ Впервые, эти невѣрные свѣдѣнія появились въ «Русскомъ Художественномъ Листѣ» Тимма—№ 29, отъ 10 октября 1862 года, гдѣ было сказано слѣдующее: «Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій родился въ 1811 году. Отецъ его родомъ изъ Польши или западныхъ губерній былъ чембарскій уѣздный штабъ-лѣ карь (?)»

біе. Но отъ кого было, собственно, это пособіе и въ какомъ размѣрѣ—онъ не пояснялъ, да меня это не могло особенно и интересовать. Въ томъ же своемъ письмѣ Константинъ Григорьевичъ извѣщалъ меня, что его старшій сынъ (мелкій чиновникъ, служившій въ Пензѣ) принялъ вызовъ тобольскаго губернатора и собирается ѣхать на службу въ Сибирь... Это было послѣднее письмо, полученное мною отъ Константина Григорьевича Бѣлинскаго,—и съ тѣхъ поръ я ничего не знаю ни о самомъ Чембарѣ, ни о дальнѣйшей судьбѣ родственниковъ покойнаго писателя В. Г. Бѣлинскаго.

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

С.-Петербургъ,
28 января 1898 г.

ВОСПОМИНАНІЯ О ГРАФѢ И. Д. ДЕЛЯНОВѢ.

I.

Миѣнія о графѢ ДеляновѢ.—Причина моего перваго свиданія съ нимъ.—Прія-
тель графа Делянова—П. В. Тутукинъ.—Знакомство Тутукина съ митрополитомъ
Филаретомъ.—Протекція, оказанная имъ священнику Ивану, впоследствии москов-
скому митрополиту Иннокентію.—Миссіонерская дѣятельность отца Ивана.—Назна-
ченіе его архіереемъ.—Завѣщаніе митрополита Филарета о своемъ преемникѢ.

ГРАФѢ ИванѢ ДавидовичѢ ДеляновѢ въ обще-
ствѢ существовали очень разнорѣчивыя миѣнія;
большинство ихъ, впрочемъ, всегда склонялись къ
тому, что это былъ очень добрый человѣкъ, хотя
иныя лица прибавляли, что доброта его была только
словесная, то-есть, что онъ никому не отказы-
валъ въ просьбахъ, но зато рѣдко эти просьбы
исполнялъ.

Не помню, въ которомъ году именно, но, ка-
жется, что въ 1885 или 1886 году сдавались въ
аренду «С.-Петербургскія Вѣдомости». Такъ какъ
эта газета была мнѢ близка, потому что въ ней я началъ свою ли-
тературную дѣятельность и потомъ работалъ нѣсколько лѣтъ, то
мнѢ пришло въ голову попытаться взять ее въ аренду, для чего
надо было обратиться къ графу Делянову.

Пойти къ нему, въ числѢ многихъ просителей, въ пріемные часы,
мнѢ не хотѣлось, такъ какъ о такомъ дѣлѢ надо было съ нимъ по-
говорить подробнѣе, а въ пріемные часы это было неудобно.

Я вспомнилъ, что у меня есть одинъ добрый знакомый, служившій въ Эрмитажѣ хранителемъ картинъ, статскій совѣтникъ Петръ Васильевичъ Тутукинъ, который съ молодыхъ еще лѣтъ былъ друженъ съ графомъ Деляновымъ и даже былъ шаферомъ его жены. Поэтому я рѣшилъ предварительно поговорить съ нимъ и просить его содѣйствія.

Но прежде чѣмъ рассказывать о моемъ посѣщеніи Делянова, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о Тутукинѣ, которому, волею судьбы, пришлось сыграть нѣкоторую роль въ исторіи извѣстнаго миссіонера, впоследствии московскаго митрополита, Иннокентія, съ которымъ одно время я былъ хорошо знакомъ.

Отецъ Тутукина занималъ какой-то не важный постъ въ Аничковскомъ дворцѣ и жилъ, напротивъ него, черезъ Фонтанку, въ домѣ подворья Троицко-Сергіевской Лавры. Замѣчу здѣсь мимоходомъ, что зданія этого подворья въ прошломъ столѣтіи принадлежали великой княжнѣ Елизаветѣ Петровнѣ, которая, вступивъ на престолъ, подарила ихъ Троицко-Сергіевской лаврѣ, для устройства подворья, съ тѣмъ чтобы монахи молились за ея благополучное царствованіе.

Тутукинъ, бывши мальчикомъ, котораго всѣ называли Петей, разумѣется, часто игралъ на дворѣ и въ саду подворья, гдѣ жилъ, и хорошо зналъ монаховъ, пять человекъ, проживавшихъ тутъ, и всѣ порядки и обычаи подворья.

Однажды онъ увидѣлъ, что по садикъ прогуливается невысокій старикъ, съ палкою въ рукѣ, и услышалъ, что это былъ московскій митрополитъ Филаретъ, пріѣхавшій въ Петербургъ для заведеній въ синодѣ. При этомъ мальчикъ замѣтилъ, что монахи и пѣвчіе, жившіе въ подворьѣ, прячутся отъ митрополита, и если кому нужно перейти черезъ дворъ или садикъ, то они дѣлаютъ это, уловивъ ту минуту, когда митрополитъ обращается къ нимъ спиною.

— «Чего они боятся его?—мелькнуло въ головѣ Пети.—Вотъ мнѣ такъ вовсе не страшно. Пойду прямо къ нему навстрѣчу!». Порывавшись съ митрополитомъ, онъ остановился, поклонился и протянулъ руку подъ благословеніе.

Филаретъ также остановился, оглянулъ его, перекрестилъ и спрашиваетъ:

— Какъ тебя зовутъ?

— Петей.

— Чей ты сынъ?

Петя объяснилъ.

— Учишься?

— Учусь.

— А что же ты знаешь?

— Я умѣю читать, писать, знаю ариметику, катехизисъ...

— А! И катехизисъ знаешь? Ну-ка, скажи мнѣ что нибудь.

Пете, не задумавшись, началъ говорить изъ краткаго катехизиса, съ самаго начала, по порядку. Филаретъ слушалъ-слушалъ, покачивая въ тактъ головою, потомъ положилъ свою руку на голову мальчика и тѣмъ остановить потокъ его рѣчи.

— Умница, мальчикъ,—похвалилъ онъ.—А въ церковь ходишь?

— Хожу.

— Въ какую?

— Здѣсь, въ нашемъ подворьѣ.

— Что-жъ я тебя никогда не видалъ? Ты въ первый же разъ, какъ пойдешь въ церковь, проходи прямо въ алтарь. Понялъ?

— Понялъ.

— Ну, такъ вотъ, иди себѣ съ Богомъ.

Съ той поры Петя всегда присутствовалъ въ алтарѣ при богослуженіяхъ, и митрополитъ Филаретъ всегда находилъ о чемънибудь поговорить съ нимъ. Находясь въ алтарѣ, Петя началъ понемногу прислуживать служившему духовенству и мало-по-малу сдѣлался своимъ человѣкомъ.

Разъ, проходя по церкви, онъ замѣтилъ въ ней какого-то небольшого священника, видимо пріѣхавшаго изъ глубокой провинціи, который озирался кругомъ и какъ будто чего-то искалъ. Петя подошелъ къ нему.

— Вы, батюшка, не митрополита ли ищете?—спросилъ онъ.

— Да, голубчикъ. Я вотъ зашелъ сюда нарочно, чтобы взглянуть на владыку и не знаю, гдѣ мнѣ встать, чтобы лучше увидеть его?

— Митрополитъ въ алтарѣ. Хотите, я доложу о васъ?

Священникъ даже испугался.

— Что ты, что ты, родимый!—заговорилъ онъ, махнувъ рукою.—Такому великому владыкѣ докладывать обо мнѣ! Я хотѣлъ только поглядѣть на него. Пріѣхалъ-то я издалека, съ Алеутскихъ острововъ, такъ вотъ не хотѣлось бы уѣхать отсюда обратно, не повидавъ именитаго московскаго владыку. И одѣтъ-то я какъ!

— Да это ничего, батюшка. Митрополитъ добрый. Постоите тутъ, я ему сейчасъ скажу объ васъ.

И не ожидая отвѣта, Петя побѣжалъ въ алтарь и чрезъ минуты двѣ вернулся объявить неизвѣстному священнику, что митрополитъ зоветъ его.

Взволнованный неожиданностью, отецъ Иванъ, какъ назвалъ себя священникъ, вошелъ вслѣдъ за Петей въ алтарь и преклонился предъ знаменитымъ іерархомъ.

Филаретъ принялъ его ласково и началъ спрашивать о томъ, гдѣ и какъ онъ служить... Отецъ Иванъ повѣдалъ ему, что семья его живетъ въ Иркутскѣ, а самъ онъ ѣздитъ постоянно по островамъ Алеутскимъ, по Камчаткѣ и по нашимъ американскимъ владѣніямъ, больше всего посреди алеутовъ, изъ которыхъ, съ Божьей

помощью, уже успѣлъ обратить въ христіанство около семи сотъ человѣкъ. Теперь пріѣхалъ въ Петербургъ заготовить разными книжками и другими предметами, необходимыми въ его миссіонерской дѣятельности, и затѣмъ поѣдетъ обратно продолжать проповѣдь христіанства среди дикихъ сыновъ нашей отдаленной окраины.

Филаретъ выслушалъ его внимательно, похвалилъ за такую усердную и успѣшную службу и обѣщалъ съ своей стороны помочь, чѣмъ возможно. Отецъ Иванъ вышелъ отъ него въ восторгѣ отъ ласковаго пріема и очень благодарилъ Петю за его, хотя и не прошенное, вмѣшательство.

Прошло, послѣ того, лѣтъ пять или шесть. Петя былъ уже въ гимназіи, но продолжалъ посѣщать церковь подворья и поддерживать сношенія съ его духовенствомъ и съ митрополитомъ Филаретомъ, когда тотъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, какъ однажды снова увидѣлъ того самаго священника, отца Ивана, котораго противъ воли познакомилъ съ митрополитомъ. На этотъ разъ отецъ Иванъ пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы ходатайствовать передъ синодомъ о назначеніи архіерея въ мѣста его проповѣднической дѣятельности, такъ какъ паства его изъ обращенныхъ въ христіанство алеутовъ возросла съ семи сотъ человѣкъ до пятнадцати тысячъ, а потому для поддержанія христіанскаго ученія, укрѣпленія его и дальнѣйшаго распространенія, необходимо учредить епархію, съ архіереемъ во главѣ.

Синодъ согласился съ представленіемъ отца Ивана, учредилъ епархію и сталъ предлагать мѣсто архіерея кандидатамъ на такой постъ. Но кому была охота ѣхать въ такую даль, въ настоящую глушь и дичь, гдѣ годами не встрѣтишь человѣка, съ которымъ бы можно было поговорить, не говоря уже о всякихъ нуждахъ самаго неприхотливаго комфорта. Поэтому всѣ кандидаты, которымъ синодъ предлагалъ такое назначеніе, отказывались отъ него.

Тѣмъ временемъ, пока это дѣло разсматривалось въ синодѣ отецъ Иванъ отпросился съѣздить въ Соловецкій монастырь, о которомъ много слышалъ и читалъ и который желалъ видѣть лично.

Пока онъ молился у соловецкихъ чудотворцевъ, въ синодѣ было получено сообщеніе изъ Иркутска для передачи отцу Ивану о томъ, что его жена скончалась. Эта неожиданная смерть развязывала, такъ сказать, руки синоду въ его затрудненіи пріискать архіерея для такой отдаленной и неудобной епархіи. Митрополитъ Филаретъ первый спохватился.

— Самъ Господь посылаетъ намъ указаніе,—заявилъ онъ въ первомъ же засѣданіи синода.—Какого намъ лучше архіерея, какъ отецъ Иванъ? Онъ самъ создалъ эту епархію, онъ тамъ всѣхъ знаетъ и его всѣ знаютъ, онъ привыкъ тамъ и къ климату, и обычаямъ, приспособился къ тамошнему обиходу, да и наградить его слѣдуетъ за всѣ понесенные труды... Вотъ, вернется онъ изъ Соловока, предложимъ ему.

Синодъ согласился.

Когда скромный труженикъ, отецъ Иванъ, вернулся изъ своего паломничества, синодъ предложилъ ему принять монашескій чинъ и облечься въ архіерейскую магію.

Вѣрующій и набожный отецъ Иванъ увидѣлъ въ этихъ событіяхъ волю Божественнаго Промысла и, оплакавъ жену, подчинился рѣшенію синода. Его посвятили въ монашество, подъ именемъ Иннокентія, а затѣмъ хиротонизовали въ санъ архіерея, и, такимъ образомъ, онъ вернулся къ своей паствѣ облеченный высшею духовною властью.

Когда умеръ митрополитъ Филаретъ, то среди его бумагъ нашли бѣлый листъ, на которомъ была начертана его рукою только одна строка: «желаю, чтобы моимъ намѣстникомъ былъ назначенъ архіерей Иннокентій».

Этотъ листъ представили государю, который и исполнилъ желаніе усопшаго іерарха.

Когда митрополитъ Иннокентій пріѣзжалъ въ Петербургъ и принималъ являвшася къ нему Тутукина, то часто вспоминалъ старые годы и говаривалъ ему:

— А вотъ поди-жь ты, вѣдь это я почитаю тебѣ обязать, что занимаю теперь митрополичій престолъ въ Москвѣ. Кабы ты, бывши еще мальчикомъ, не познакомилъ меня съ митрополитомъ Филаретомъ, ему бы, можетъ быть, и въ голову не пришло предложить мнѣ архіерейство, когда я овдовѣлъ. Неизвѣстно намъ, какими путями Господь ведетъ насъ ко благу!

Такъ вотъ, къ этому-то Тутукину, которому привелось играть такую роль въ жизни именитаго нашего іерарха митрополита Иннокентія, я и обратился съ просьбою исходатайствовать мнѣ особое свиданіе съ министромъ, графомъ И. Д. Деляновымъ.

II.

Первое посѣщеніе графа Делянова.—Наружность его.—Вопросъ о томъ, что труднѣе: быть ли министромъ или редакторомъ газеты.—О газетѣ «Голосъ».—Возможна ли такая газета теперь?—Процессъ работъ въ разныхъ редакціяхъ.—Общаніе министра.—Вліяніе на него Каткова.

Въ условленный день и часъ я пріѣхалъ къ Тутукину, и мы съ нимъ отправились къ Делянову, жившему въ домѣ Армянской церкви, противъ Гостиного двора.

Когда мы вошли въ кабинетъ, министръ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, но при нашемъ входѣ всталъ и сдѣлалъ шага три на встрѣчу.

— А! Это ты!—сказалъ онъ, дружески пожимая руку Тутукина. Петръ Васильевичъ представилъ меня.

— Очень радъ познакомиться,—сказалъ Деляновъ, протянувъ руку и мнѣ.—Садитесь, господа, вотъ на эти кресла, тутъ намъ будетъ удобнѣе.

Графъ Деляновъ былъ невысокаго роста, съ большой головой, сохранившей волоса только на вискахъ и затылкѣ, съ довольно крупными чертами лица, армянскаго типа, съ большими выпуклыми глазами и порядочнымъ носомъ. На лицѣ никакой растительности, все гладко выбрито.

Лицо его и глаза всегда сохраняли спокойное и добродушное выраженіе, совершенно не похожее на то, которое придано ему почти на всѣхъ портретахъ, появившихся въ періодическихъ изданіяхъ послѣ его смерти. На этихъ портретахъ онъ изображенъ въ видѣ грознаго и сухаго чиновника, какимъ графъ Деляновъ никогда не былъ.

— Ну, что же вы мнѣ скажете?—спросилъ онъ, когда мы разсѣлись.

— Господинъ Эвальдъ имѣетъ дѣло,—началъ было Тутукинъ.

— Да-да, я знаю,—перебилъ его министр.—Вы, кажется, хотите взять въ аренду «С.-Петербургскія Вѣдомости»?—обратился онъ ко мнѣ.

— Если ваше сіятельство не найдете къ этому препятствій,—отвѣтилъ я, слегка поклонившись.

— Нѣтъ, какія же препятствія? Я ничего противъ этого не имѣю. Очень буду радъ, тѣмъ болѣе, что послѣ Корша во главѣ этой газеты стояли все люди, совсѣмъ не причастные литературѣ. Но справитесь ли вы съ этимъ дѣломъ?

— Я рассчитываю, ваше сіятельство, что у меня не будутъ отняты казенныя объявленія,—сказалъ я, думая, что Деляновъ говорить о матеріальныхъ средствахъ.

— А, нѣтъ! Я не въ томъ смыслѣ спрашиваю васъ,—перебилъ онъ меня.—Казенныя объявленія вамъ останутся. А я говорю про самое дѣло, про редакцію. Вѣдь это, должно быть, очень трудно редактировать большую ежедневную газету?

— Да, ваше сіятельство, это дѣло не легкое, но я надѣюсь съ нимъ справиться, такъ какъ прошелъ хорошую школу у Краевского.

— Вы работали у него?

— Нѣсколько лѣтъ, когда онъ еще редактировалъ эти самыя «С.-Петербургскія Вѣдомости», арендованныя Очкинымъ...

— Почтенный былъ человекъ,—вставилъ Деляновъ.—Я его хорошо зналъ и очень уважалъ. Такъ вы еще при немъ работали въ этой газетѣ, при Амплиѣ Николаевичѣ Очкинѣ?

— Да, ваше сіятельство, при Амплиѣ Николаевичѣ. Потомъ, когда его аренда кончилась и Краевскій началъ издавать газету «Голосъ», то я продолжалъ у него въ «Голосѣ» и въ «Отечественныхъ Запискахъ». Не знаю, по какимъ соображеніямъ, но Краевскій поручалъ мнѣ редактировать всѣ отдѣлы газеты по очереди...

— Онъ, вѣроятно, хотѣлъ приготовить изъ васъ себѣ помощника, на случай болѣзни или отъѣзда...

— Не знаю, можетъ быть. Но, благодаря этому, я хорошо изучилъ механизмъ редакціи...

— Да, еще бы!—воскликнулъ Деляновъ.—Краевскій былъ опытный и знающій редакторъ. Такую газету, какъ «Голосъ», никто бы не въ состояніи былъ вести, кромѣ его. И знакомства у него были большія! Вы знаете ли, что многіе министры и члены государственнаго совѣта сотрудничали у него?

— Да, я знаю, ваше сіятельство, такъ какъ иногда, по порученіямъ Краевскаго, ѣздилъ къ нѣкоторымъ высокопоставленнымъ лицамъ...

— Къ кому, напримѣръ?

— Къ Голознину, Валугеву, Тимашеву, графу Милютину... Министръ Валугевъ иногда самъ редактировалъ и корректировалъ даже нѣкоторыя мои статьи, или давалъ мнѣ матеріалы...

— Вотъ какъ велось дѣло у Краевскаго!—обратился Деляновъ къ Тутукину.—Не мудрено, что «Голосъ» имѣлъ такое вліяніе, что даже за границей къ его мнѣніямъ прислушивались и съ ними сообразовались! Да, теперь у насъ нѣтъ такой газеты!—прибавилъ онъ, грустно вздохнувъ.

— Я думаю, графъ, что такая газета была бы теперь невозможна, даже если бы Краевскій продолжалъ изданіе «Голоса».

— Отчего?

— Отъ того, что послѣ историческаго 1-го марта отношенія правительства къ печати совершенно измѣнились.

Деляновъ подумалъ немного, почамкавъ, по своей привычкѣ, губами.

— Да,—сказалъ онъ,—пожалуй, что вы и правы. А все-таки, надо сказать, что редактированіе газеты—дѣло очень трудное, разумѣется, если вести его добросовѣстно, не ради одной спекуляціи. Я, по крайней мѣрѣ, думаю, что быть министромъ гораздо легче, чѣмъ редакторомъ газеты,—прибавилъ онъ, засмѣявшись.—Вы какъ думаете?

— Не знаю, ваше сіятельство. Министромъ я не былъ, а потому сравнивать не могу,—отвѣтилъ я, улыбувшись.

— Да что же министръ? Вотъ я, напримѣръ, вовсе не чувствую особаго обремененія отъ своихъ занятій. Утромъ я принимаю просителей или доклады по департаменту. Потомъ просматриваю болѣе серьезныя дѣла, обдумываю ихъ, записываю свои мнѣнія, чтобы потомъ посоветоваться, съ кѣмъ нужно. Вотъ и все.

— А засѣданія въ государственномъ совѣтѣ и въ комитетѣ министровъ?—спросилъ Тутукинъ.

Деляновъ махнулъ рукою.

— На это можно отвѣтить пословицей,—сказалъ онъ:—не такъ страшенъ чортъ, какъ его малюютъ. Тамъ я не одинъ, и тяжесть

каждаго вопроса разлагается, такъ сказать, на всѣхъ присутствующихъ. А вѣдь редакторъ—одинъ.

— Не вездѣ,—сказалъ я.—Въ разныхъ журналахъ работы распредѣляются очень различно.

— Напримѣръ, какъ?

— Въ одномъ, напримѣръ, редакторъ хочетъ все самъ дѣлать, но не успѣваетъ даже просмотрѣть того, что у него помѣщается въ сегодняшнемъ номерѣ. Онъ держитъ двухъ или трехъ помощниковъ, но которыми вѣчно недоволенъ. Съ утра до ночи онъ въ такихъ хлопотахъ, что иногда не успѣваетъ даже позавтракать или пообѣдать. Наоборотъ, въ другомъ журналѣ, такой же программы и такого же характера, все дѣло ведется спокойно, редакторъ знаетъ все, что у него помѣщается, и въ редакціи вы не видите ни бѣготни, ни шума, ни хлопотъ. Въ третьемъ журналѣ редакціонныя работы довѣрены нѣсколькимъ лицамъ, по отдѣламъ: одинъ составляетъ иностранную политику, другой завѣдуетъ отдѣломъ внутреннихъ извѣстій, третій—хроникой, четвертый—беллетристикой и т. д. Такъ что главный редакторъ совсѣмъ не обремененъ работой, и дѣло идетъ спокойно, какъ на хорошо устроенной фабрикѣ. Все зависитъ отъ характера издателя или редактора.

— А вы какъ думаете вести газету?—спросилъ графъ.

— По образцу послѣдняго, о которомъ я говорилъ: то-есть, я приглашу нѣсколькихъ сотрудниковъ, которымъ поручу отдѣлы газеты, а за собой оставляю только наблюденіе за общимъ ходомъ работъ, чтобы въ нихъ не было противорѣчій.

— Да, мнѣ кажется, это будетъ всего лучше, — согласился министръ, — если, конечно, вы найдете подходящихъ сотрудниковъ. Имѣете вы такихъ въ виду?

— Имѣю, ваше сіятельство.

— Кто, напримѣръ?

Я назвалъ около десяти человѣкъ, съ которыми уже переговорилъ и общанія которыхъ работать со мною имѣлъ.

— Это будетъ хорошій составъ редакціи,—сказалъ графъ.—Такъ желаю вамъ успѣха...

— Могу я надѣяться, ваше сіятельство, что аренда останется за мною?—спросилъ я, вставая.

— Да-да, конечно, если чтонибудь особенное не помѣшаетъ. Но я ничего не предвижу, что бы помѣшало отдать газету вамъ. Черезъ нѣсколько дней вы получите увѣдомленіе.

Прощаясь, я передалъ графу Делянову одинъ свой романъ, единственный, который вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ.

— Очень вамъ благодаренъ,—сказалъ онъ, кладя книгу на столъ.—Какънибудь, въ свободное время, прочитаю ваше сочиненіе.

Обнадеженный такимъ образомъ, я вышелъ отъ Делянова одинъ, такъ какъ Тутукинъ остался у него.

Прошли послѣ того недѣли двѣ или три, въ теченіе которыхъ я не получалъ никакого увѣдомленія, какъ вдругъ читаю въ газетахъ, что «С.-Петербургскія Вѣдомости» отданы въ аренду Авсѣнкѣ! Въ первую минуту, сгоряча, я хотѣлъ было поѣхать къ Делянову, узнать, какъ это могло случиться, но потомъ передумалъ. И дѣйствительно: чего бы я достигъ этимъ визитомъ? Перерѣшить дѣла онъ не могъ, а только былъ бы поставленъ въ неловкое и непріятное положеніе оправдываться и извиняться передо мною. Я вовсе не желалъ причинять ему такую непріятность. Зная слабость его характера, я понималъ, что онъ долженъ былъ подчиниться какому нибудь вѣшнему давленію. Такъ оно и было, какъ потомъ разъяснилось.

В. Г. Авсѣнко былъ сотрудникомъ Каткова, помѣщая свои романы въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Задумавъ арендовать «С.-Петербургскія Вѣдомости», онъ обратился къ покровительству Каткова, который часто прѣзжалъ въ Петербургъ, былъ товарищемъ Делянова по университету и имѣлъ на него большое вліяніе. Не мудрено понять, что нѣсколькихъ словъ Каткова было достаточно, чтобы измѣнить рѣшеніе Делянова по отношенію ко мнѣ и отдать аренду г. Авсѣнкѣ.

Какъ извѣстно, изъ этого ничего не вышло, и все время издательства г. Авсѣнки газета продолжала влачить то жалкое существованіе, до котораго была доведена предшествовавшимъ арендаторомъ.

Поднять изданіе, которое разъ упало и о которомъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, публика забыла,—очень трудно. Для этого надо имѣть, во-первыхъ, большой талантъ, во-вторыхъ, большія деньги, въ-третьихъ—большое терпѣнье. А всѣ эти качества рѣдко сосредоточиваются въ одномъ человѣкѣ.

III.

Второе посѣщеніе графа И. Д. Делянова.—Обѣщаніе исполнить просьбу.—Вліяніе родителей на воспитаніе и ихъ ложные взгляды.—О значеніи классическаго образованія и его преимуществъ передъ реальнымъ.—Посѣщеніе директора гимназій и письмо къ нему Делянова.

Въ 1893 году, черезъ нѣсколько лѣтъ, послѣ моего перваго посѣщенія графа Делянова въ сообществѣ П. В. Тутукина, мнѣ пришлось опредѣлять своего малолѣтняго и единственнаго сына въ одну изъ классическихъ гимназій. Такъ какъ мои средства были всегда чрезвычайно скромныя, то плата въ гимназію не мало обременила бы мой бюджетъ, а потому я рѣшилъ попытать счастья опредѣлить его на казенный счетъ. Мнѣ сказали, что для этого надо обратиться къ министру народнаго просвѣщенія.

Я не зналъ, какъ быть? Просить ли опять Тутукина, чтобы онъ снова поѣхалъ со мною къ графу Делянову, или дѣйствовать самому, безъ помощи? И то, и другое — представляло свои выгоды и неудобства, но, въ концѣ концовъ, я рѣшилъ отправиться одинъ. Зная, что Деляновъ принимаетъ каждый день, по утрамъ, отъ десяти до одиннадцати часовъ, я однажды одѣлся во фракъ и благословясь поѣхалъ къ нему.

Такъ какъ я вошелъ въ приемную около десяти часовъ, то она уже полна была просителей, и въ особенности просительницъ, которыя, какъ куры на нашестѣ, сидѣли по стульямъ и кресламъ кругомъ комнаты. Пришлось ожидать очень долго, такъ какъ Деляновъ очень внимательно относился къ каждому просителю, чѣмъ многіе злоупотребляли и задерживали его часто совершенно излишней болтовней. Наконецъ, уже въ половинѣ двѣнадцатаго очередь дошла до меня.

Когда я вошелъ въ кабинетъ, Деляновъ стоялъ противъ двери и видимо былъ крайне утомленъ. Я пожалѣлъ, что вошелъ къ нему; лучше было бы пріѣхать въ другой разъ, да пораньше, чтобы быть принятымъ если не первымъ, то однимъ изъ первыхъ. Но теперь отступать было уже поздно.

На мой поклонъ Деляновъ вмѣсто пріветствія спросилъ сильно упавшимъ голосомъ:

— Тамъ больше никого нѣтъ?

— Никого, ваше сіятельство, я послѣдній.

— Ну, слава Богу, — откровенно сказалъ онъ, наклонивъ голову немного на бокъ и посасывая какую-то лепешку, которую вложилъ въ ротъ, вынувъ ее изъ жилетнаго кармана, — что скажете, мой милый?

Нужно замѣтить, что сдѣланный имъ мнѣ приемъ немного сбилъ меня съ толку: я не могъ угадать, вспомнилъ ли онъ меня, или относился ко мнѣ, какъ къ человѣку, котораго видитъ первый разъ? Вопросъ, который онъ мнѣ сдѣлалъ о просителяхъ, какъ будто показывалъ, что онъ ко мнѣ относится, какъ къ лицу, хорошо ему извѣстному, но ничѣмъ другимъ онъ этого не подтверждалъ. Моя карточка была ему передана докладчикомъ, передъ тѣмъ какъ впустить меня въ кабинетъ, и потому онъ зналъ, съ кѣмъ говорить, а между тѣмъ ни словомъ не заикнулся, узналъ меня или нѣтъ.

— Я вижу, ваше сіятельство, что вы очень утомлены, — сказалъ я, — а такъ какъ у меня дѣло не особенно спѣшное, то лучше позвольте заѣхать къ вамъ другой разъ.

На это онъ грустно покачалъ головою и слегка улыбнулся.

— Я утомляюсь такимъ образомъ каждый день, — сказалъ онъ. — Напротивъ, теперь именно я могу вамъ удѣлить болѣе времени, такъ какъ никто больше не ждетъ въ приемной, и мнѣ не за чѣмъ торопиться. Сядемте только и поговоримъ.

Онъ направился къ письменному столу, опустил въ свое кре-

сло, а мнѣ указаль рукою на стоявшее съ боку стола. И это его приглашеніе точно также не разъяснило моего недоумѣнія: принимаетъ ли онъ меня, какъ человѣка уже знакомаго, или онъ имѣетъ обычай ко всѣмъ относиться такъ просто и дружески? Спросить его, помнитъ ли онъ, что я былъ у него съ Тутукинымъ, мнѣ было крайне не ловко, такъ какъ пришлось бы напомнить о причинѣ тогдашняго моего визита и тѣмъ самымъ сдѣлать ему косвенный упрекъ за то, что онъ меня, такъ сказать, предалъ, ради Каткова. Имѣя теперь къ нему просьбу, мнѣ было неудобно напомнить ему о старомъ грѣхѣ противъ меня.

Въ короткихъ словахъ я высказаль ему свою просьбу, которую основываль на своихъ многолѣтнихъ трудахъ въ журналистикѣ.

— Да,—сказаль онъ,—вы вполнѣ заслужили то, о чемъ просите. Но дѣло въ томъ, что я не знаю, найдутся ли въ гимназіи средства. Нужно вамъ объяснить, что казна ни за кого не платитъ, а при гимназіяхъ есть особые капиталы, на проценты съ которыхъ воспитываются нѣкоторые ученики. Такъ вотъ, если при гимназіи, въ которую поступаетъ вашъ сынъ, есть свободныя деньги, то нечего и толковать, можете считать дѣло конченнымъ. Ну, а если такихъ денегъ нѣтъ...

Онъ остановился на минуту, и я ожидалъ, что онъ скажетъ: тогда ужъ не взыщите, на нѣтъ и суда нѣтъ, или что нибудь въ этомъ родѣ. Но, противъ моего ожиданія, онъ закончилъ послѣднюю фразу такъ:

— Тогда я устрою, что вашъ сынъ все-таки будетъ освобожденъ отъ платы.

И при этомъ, ласково взглянувъ на меня, онъ улыбнулся. Не столько въ его словахъ и тонѣ голоса, сколько въ его взглядѣ, было столько доброты и участія, что я едва удержался, чтобъ не поцѣловать его.

— Вы окажете мнѣ услугу, ваше сіятельство, которую я никогда не забуду и приучу своего сына всегда съ благодарностью вспоминать васъ,—сказаль я, низко поклонившись.

— Да, благодарность, благодарность!—проговорилъ онъ грустно и покачивая головою.—Дѣйствительно, приучайте вашего сына быть благодарнымъ. Это добродѣтель, которая рѣже всего встрѣчается. А каковъ вашъ сынъ? Вы довольны?

— До сихъ поръ не могу на него жаловаться, ваше сіятельство. Не знаю, что дальше будетъ. Отдавая его въ гимназію, я больше всего боюсь, чтобы онъ не подпалъ влиянію дурныхъ товарищей.

— Да-да, это очень опасно, и за этимъ надо внимательно слѣдить! Многіе родители, отдавъ своихъ дѣтей въ какое нибудь заведеніе, думаютъ, что они уже все сдѣлали для нихъ, и ни о чемъ больше не заботятся. Это грубая ошибка, это ужасная ошибка! Дѣти требуютъ тщательнаго ухода за ними. Развѣ учитель или надзира-

тель, у котораго на рукахъ отъ тридцати до сорока мальчиковъ, можетъ услѣдить за всѣми? Родительское вліяніе никогда не должно прерываться. Но, къ сожалѣнію, объ этомъ мало кто думаетъ... Надѣюсь, вы не сдѣлаете такой ошибки?

— Нѣтъ, ваше сіятельство. Мой сынъ мечталъ поступить въ морской корпусъ, но я понемногу отвлекъ его отъ этой мысли, именно ради того, чтобы не отдать его въ закрытое заведеніе, гдѣ онъ совершенно былъ бы отрѣшенъ отъ моего вліянія. Въ гимназій же, если полъ-дня онъ и проведетъ съ товарищами не совсѣмъ пригодными, то остальные полъ-дня онъ будетъ на моихъ глазахъ, и я могу до нѣкоторой степени парализовать то дурное, чѣмъ онъ заразится отъ плохихъ товарищей.

— Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно! — горячо подхватилъ Деляновъ.— Заботьтесь о своемъ сынѣ и руководите имъ. Если вы приготовите изъ него честнаго человѣка, то это будетъ большой вашей заслугой передъ отечествомъ. Ахъ! воспитаніе—воспитаніе! Боже мой, какое это тяжелое и трудное дѣло! Сколько я наглядѣлся на своемъ вѣку на печальныя послѣдствія небрежнаго воспитанія! Учебныя заведенія необходимы, и открытыя, и закрытыя, безъ нихъ нельзя обойтись, но бѣда въ томъ, что большинство родителей смотрятъ на нихъ, какъ на какія-то фабрики, въ которыхъ изъ сыраго матеріала вырабатываются непремѣнно хорошія вещи. Увы! Это не всегда бываетъ даже на фабрикахъ, гдѣ мастера имѣютъ дѣло съ мертвымъ матеріаломъ: и тамъ часто случаются бракованныя произведенія. А какъ же требовать совершенства отъ учебныхъ заведеній, которыя имѣютъ дѣло съ живыми людьми, разныхъ темпераментовъ, разныхъ характеровъ, различно физически устроенныхъ, изъ различныхъ обществъ, наконецъ, съ различною домашнею подготовкой? Ничего этого не принимаютъ во вниманіе! Вотъ въ чемъ наше горе!

Говоря это, Деляновъ такъ оживился, что все его утомленіе исчезло, и на щекахъ появился даже легкій румянецъ. Видимо онъ горячо принималъ къ сердцу дѣло, которому посвятилъ себя. Я рѣшился воспользоваться его одушевленіемъ, чтобы уяснить себѣ одинъ вопросъ, который меня давно смущалъ.

— Осмѣлюсь я сдѣлать вашему сіятельству одинъ вопросъ по поводу гимназическаго образованія,—спросилъ я.

— Сдѣлайте милость! Что такое?

— Не я одинъ, но многіе въ нашемъ обществѣ боятся классическаго образованія и находятъ, что оно отжило свое время и должно бы быть замѣнено болѣе реальнымъ. Хотѣлось бы знать: почему наше министерство народнаго просвѣщенія отдаетъ большее преимущество классическому образованію передъ реальнымъ?

Министръ слегка опустилъ голову и немного подумалъ.

— Да,—сказалъ онъ потомъ,—я знаю, что это многихъ смущаетъ

и заставляеть дѣлать упреки министерству, которое высочайшею волею довѣрено мнѣ. Видите, въ чемъ дѣло, мой другъ: классическое образованіе установилось во всей Западной Европѣ и вездѣ приносило и приноситъ хорошіе плоды. Сколько великихъ и выдающихся людей, настоящихъ свѣточей человѣчества, оно дало намъ! Этотъ родъ воспитанія уже испытанъ: мы знаемъ, что именно отъ него можно ожидать. Реальное же образованіе не только у насъ въ Россіи, но и въ Западной Европѣ, еще далеко не установилось и не выработалось на столько, чтобы для него можно было составить точную и общую программу. Вы не смѣшивайте реальное образованіе съ техническимъ. Это предметы совершенно различные. Вѣдь задача воспитанія заключается не въ томъ, чтобы приготовить техника, инженера, или механика, или химика, а въ томъ, чтобы приготовить «человѣка» вообще. Никто не споритъ, что техника необходима, и для удовлетворенія ея потребностей у насъ существуютъ и устраиваются спеціальныя техническія учебныя заведенія. Но такія заведенія уже не подлежатъ вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія. Задача нашего министерства, какъ показываетъ самое названіе, состоитъ вообще въ просвѣщеніи народа свѣтомъ науки, а не въ приготовленіи того или другаго рода техниковъ. Это уже дѣло другихъ министерствъ, и каждое изъ нихъ учреждаетъ заведенія по нужной ему спеціальности. Теперь, чтобы удовлетворить желанію нѣкоторой части нашей публики, мы учредили нѣсколько реальныхъ гимназій, но я имѣю основанія сильно сомнѣваться, чтобы онѣ принесли существенную пользу дѣлу образованія. Создать систему воспитанія не такъ легко и, конечно, не по силамъ одного человѣка, какъ бы гениаленъ онъ ни былъ. Классическое образованіе выработывалось не волею или прихотью одного или нѣсколькихъ людей, а работою тысячъ и въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ! Мы знаемъ, что оно можетъ дать и чего отъ него можно ожидать, тогда какъ о реальномъ образованіи, даже въ Западной Европѣ, начали говорить, сравнительно, только очень недавно, на моей памяти. Можетъ быть, со временемъ оно и выработается и замѣнитъ классическое образованіе, но теперь еще рано объ этомъ думать. Такимъ образомъ, смотря на образованіе народа съ государственной точки зрѣнія, мы не имѣемъ права ломать созданное опытомъ многихъ поколѣній и многихъ странъ и создавать что-то свое неизвѣстное, не испытанное. Не вы первый спрашиваете меня объ этомъ. Многие думаютъ даже, что отъ меня, какъ отъ министра, зависитъ однимъ почеркомъ пера изгнать у насъ классическое образованіе и замѣнить его реальнымъ, на утѣшеніе маменекъ лѣнивыхъ учениковъ. Нѣтъ, это не такъ. Во-первыхъ, я самъ, по совѣсти, никогда бы не рѣшился на такую реформу, а, во-вторыхъ, если бы даже я рѣшился, то мнѣ другіе не позволятъ и будутъ имѣть полное право сказать: позвольте! Вы уничтожите вѣр-

ное и испытанное, а что дадите въ замѣнъ его? Что бы я отвѣтилъ на такой вопросъ?

Деляновъ остановился и опять положилъ въ ротъ лепешку, которую такъ же, какъ и первую, вынулъ изъ кармана жилета.

— Между тѣмъ, ваше сіятельство,—сказалъ я,—не только гимназисты, но и студенты, окончившіе даже блистательно свой курсъ, быстро забываютъ и латинскій и греческій языки и ни къ чему ихъ не примѣняютъ въ своей жизни.

Деляновъ насмѣшливо улынулся.

— Это обычное возраженіе противъ классическаго образованія,—сказалъ онъ.—Но кто въ этомъ виноватъ, какъ не сами же родители?

— Какимъ это образомъ?—спросилъ я съ нѣкоторымъ удивленіемъ.

— Очень просто: ребенку, съ самыхъ малыхъ лѣтъ, твердятъ, что онъ долженъ хорошо учиться, чтобы получать хорошіе баллы, а хорошіе баллы надо получать для того, чтобы потомъ получить хорошее, то-есть выгодное, мѣсто. Дѣти съизмала пропитываются этимъ грубымъ, матеріальнымъ расчетомъ и въ такомъ духѣ готовятъ свои уроки. Много ли вы найдете родителей, которые скажутъ своимъ дѣтямъ: учитесь, чтобы знать, и не думайте о выгодныхъ мѣстахъ? Такихъ родителей почти не найдете. Это одно. Другое же состоитъ въ томъ, что задача классическаго воспитанія заключается не въ передачѣ знанія языковъ греческаго и латинскаго, а въ развитіи мыслительныхъ способностей ученика. Пусть онъ потомъ и забудетъ языки, это не важно, но, изучая древнихъ писателей, онъ пріобрѣтаетъ способность логически мыслить, а въ достиженіи этого и заключается главная задача воспитанія. Вы вѣдь согласитесь, что древніе писатели оставили такіе высокіе образцы во многихъ родахъ произведеній, какихъ не могли достигнуть новѣйшіе?

— Да, это такъ...

— Слѣдовательно, о чемъ же тутъ спорить? Мы должны придерживаться классическаго образованія потому, что другого пока нѣтъ. Если министерство и устроило нѣсколько реальныхъ гимназій, то это сдѣлано въ видѣ уступки тѣмъ, которые боятся классическаго образованія, но это еще не значитъ, что мы признаемъ за реальнымъ образованіемъ такія же свойства, какъ за классическимъ. Реальное образованіе—еще дѣло будущаго и, я думаю, очень отдаленнаго будущаго.

Взглянувъ случайно на часы, я замѣтилъ, что слишкомъ долго задержалъ почтеннаго министра, и почелъ нужнымъ встать.

— Такъ отдавайте же, съ Богомъ, вашего сына въ классическую гимназію,—сказалъ онъ, также вставая и протягивая мнѣ руку:—это будетъ лучшая дорога, которую онъ можетъ избрать. Что же касается до вашего желанія, то я сегодня же напишу директору гимназіи, а вы зайдите къ нему дня черезъ два, или три.

Поблагодаривъ графа за доброе желаніе и обѣщаніе, я вышелъ отъ него какъ разъ во время, такъ какъ въ эту минуту вошелъ къ нему старый камердинеръ, приглашать къ завтраку.

Черезъ нѣсколько дней я заѣхалъ къ директору гимназіи, чтобы узнать о послѣдствіи своего ходатайства. Когда я назвалъ и объяснилъ причину своего посѣщенія, онъ вынулъ изъ небольшой груды бумагъ, лежавшихъ на столѣ, и показалъ мнѣ письмо къ нему Делянова.

— Да,—сказалъ онъ,—министръ писалъ о вашемъ сынѣ. Онъ будетъ освобожденъ отъ взноса платы.

Я поблагодарилъ.

— Меня не за что благодарить,—сказалъ онъ.—Это желаніе министра, отказать которому мы не имѣемъ основанія.

— Но министръ мнѣ говорилъ, что можетъ случиться, что денегъ не будетъ.

Директоръ пожалъ плечами.

— Оно такъ и есть,—сказалъ онъ.—Деньги, которыя имѣются у насъ для этой дѣли, уже всѣ распределены. Но... министръ избавляетъ вашего сына отъ платы, слѣдовательно найдетъ для этого другой источникъ. Это ужъ его дѣло. Въ письмѣ онъ говоритъ только, чтобы мы не требовали отъ васъ платы и приняли бы вашего сына, если онъ выдержитъ экзаменъ.

Изъ какихъ источниковъ платилъ Деляновъ за моего сына, я такъ и не узналъ.

IV.

Болѣзнь.—Добрый совѣтъ.—Третье посѣщеніе графа И. Д. Делянова.—Просьба о пенсіи.—Моя книга на столѣ министра.—Признаніе.—Совѣтъ, какъ повести дѣло.—Посѣщеніе Голиндо.—Дѣло улажено, если бы не роковая случайность.—Мой взглядъ на графа И. Д. Делянова.

Одну зиму я сильно простудился и мѣсяца три прохворалъ инфлуэнціей. Должно быть, меня не долѣчили, или сама эта болѣзнь имѣетъ особыя свойства, но только послѣ нея я началъ, что называется, хирѣть. Ничего особеннаго я не чувствовалъ, никакихъ болей или расстройствъ, а слабѣлъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе. Никакая работа не спорилась, мнѣ было тяжело ходить, сидѣть, и я чувствовалъ себя лучше только тогда, когда лежалъ. Аппетитъ пропалъ, явилась апатія рѣшительно ко всему на свѣтѣ. А между тѣмъ работать надо было, такъ какъ надо было жить. Немовѣрныхъ усилій мнѣ стоило чтонибудь написать или продиктовать стенографу.

Иногда, хотя и съ большимъ трудомъ, я пробовалъ выходить на улицу и, пользуясь такимъ выходомъ, навѣщать когонибудь изъ знакомыхъ. Такъ, однажды, я заѣхалъ къ А. Н. М—ву, известному журналисту, который обратилъ вниманіе на мою истощенную наружность.

— Вамъ пора на отдыхъ,—сказалъ онъ.—Слава Богу, довольно потрудились на своемъ вѣку.

— И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ, Александръ Николаевичъ,—отвѣтилъ я, улыбнувшись.—Я работалъ много, но ничего не выработалъ, чтобы имѣть возможность отдыхать. Такъ видно и умру, сидя за письменнымъ столомъ.

— Отчего вы не хлопочете о пенсіи?—спросилъ онъ.

— Какъ такъ—о пенсіи? Вѣдь я служилъ всего безъ году недѣлю. Моей службы наберется едва ли десять лѣтъ.

— Я говорю не о пенсіи за службу, а за литературныя работы,—сказалъ онъ,—основываясь на бывшихъ примѣрахъ. Островскому дали же пенсію, Достоевскому также, наконецъ Аверкіеву...

— Ого! Куда вы хватили! Островскій и Достоевскій—европейскія знаменитости. Развѣ я могу тягаться за ними?

— Ну, а Аверкіевъ?

— Аверкіевъ тоже извѣстенъ болѣе, чѣмъ я. Притомъ же онъ служить гдѣ-то, если не ошибаюсь. Наконецъ, для этого надо имѣть знакомства, связи, протекціи, а у меня ничего подобнаго нѣтъ.

— Ничего не значитъ!—возражалъ М—овъ.—Послушайтесь моего совѣта, поѣзжайте къ графу Делянову и поговорите съ нимъ. Бѣды вѣдь не будетъ, если онъ и откажетъ. А, можетъ быть, и устроить чтонибудь.

Этотъ разговоръ заставилъ меня задуматься. Иногда мнѣ казалось, что нечего и хлопотать о пенсіи, какъ о дѣлѣ совершенно невозможномъ; въ другой разъ, напротивъ, я утѣшалъ себя мыслью, что бывають же чудеса съ людьми, такъ, можетъ быть, и на мою долю выпадетъ какоенибудь чудо... Однимъ словомъ, послѣ долгихъ колебаній я рѣшился все-таки съѣздить къ графу Делянову и попытать счастья.

На этотъ разъ я постарался пріѣхать къ нему пораньше и попалъ такъ удачно, что былъ принятъ первымъ.

Когда я вошелъ къ нему, уже въ знакомый мнѣ кабинетъ, онъ ходилъ по коврау, держа мою карточку въ рукахъ.

— Здравствуйте,—сказалъ онъ въ отвѣтъ на мой поклонъ и остановившись посреди комнаты.—Скажите, пожалуйста, вы не въ родствѣ съ тѣми братьями Эвальдъ, которые почти всѣ были педагогами?..

И припоминая имена ихъ, онъ произносилъ медленно и съ разстановкой:

— Федоръ Федоровичъ..., Владиміръ Федоровичъ..., Эдуардъ Федоровичъ...

— Не знаю, графъ —отвѣтилъ я.—Эдуардъ Федоровичъ говорилъ мнѣ, что мы приходимъ отъ одного предка, но родствомъ мы не считались.

— Все-таки вы были знакомы съ ними?

— Съ двумя: у Владиміра Федоровича я учился исторіи, когда былъ въ инженерномъ училищѣ, а съ Эдуардомъ Федоровичемъ познакомился впоследствии.

— Да,—сказалъ Деляновъ съ глубокимъ вздохомъ,—умерли уже они, а мы-то съ вами все еще живемъ!

— Зачѣмъ же намъ помирать,—сказалъ я, невольно улыбнувшись.—Мы еще потанцуемъ когданибудь.

Онъ мотнулъ головой, прищуривъ одинъ глазъ.

— Ну, нѣтъ,—сказалъ онъ,—я уже не гожусь для танцевъ. Развѣ вотъ только въ полонезѣ могу пройтись, вотъ такъ!

И шуточно оставивъ правую руку, какъ будто придерживаетъ даму, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, слегка присѣдая.

— Да, вотъ такъ я еще могу,—прибавилъ онъ, остановившись передо мною и улыбаясь.—Но вы, конечно, пришли ко мнѣ, вѣроятно, не для того, чтобы взять урокъ танцевъ?

— Да, ваше сіятельство, я имѣю къ вамъ просьбу.

— Какую?

— Боюсь даже сказать, чтобы не показаться слишкомъ дерзкимъ...

— Ничего... ничего... говорите. Если ее нельзя будетъ исполнить, я вамъ прямо скажу.

Тогда я объяснилъ ему свое положеніе и просилъ исходатайствовать мнѣ пенсію, не столько ради моихъ литературныхъ трудовъ, сколько ради моей болѣзни, которая не даетъ возможности работать.

Деляновъ внимательно меня слушалъ, покачивая головою, какъ бы желая показать, что онъ понимаетъ меня и сочувствуетъ. Я ожидалъ, во всякомъ случаѣ, что онъ заговоритъ прежде всего о трудности устроить такое дѣло, но, къ моему удивленію, когда я кончилъ, онъ совершенно спокойно замѣтилъ:

— Да, вы вполне заслуживаете пенсію.

— Я боюсь, что мое имя недостаточно извѣстно для этого,—сказалъ я.—Я—не Островскій и не Достоевскій...

— Извѣстность...—проговорилъ Деляновъ.—Извѣстность—очень относительная вещь. Но мнѣ ваши сочиненія очень нравятся.

— Развѣ, ваше сіятельство, читали чтонибудь мое?—спросилъ я, не мало удивленный его похвалою.

Онъ улыбнулся и подвелъ меня къ письменному столу, на краю котораго указалъ мнѣ на раскрытую книгу. Это оказалось то самое мое сочиненіе, которое, нѣсколько лѣтъ назадъ, я поднесъ ему.

— Вы сами подарили мнѣ эту книгу, — сказалъ онъ. — Я ее тогда же прочелъ и потомъ поставилъ на полку. Но на дняхъ у меня было маленькое собраніе добрыхъ друзей, и мы, между прочимъ, заговорили о Гатчинѣ. Я замѣтилъ, что въ нашей литературѣ имѣется цѣлый романъ, дѣйствіе котораго происходитъ въ Гатчинѣ, и въ доказательство показали вашу книгу. Вотъ почему вы и видите ее тутъ раскрытою. Одинъ изъ собесѣдниковъ подошелъ къ столу и занялся чтеніемъ вашего романа вплоть до ужина.

На этотъ разъ я убѣдился, что графъ Деляновъ знаетъ меня и помнитъ, и потому, вѣроятно, обращается со мною такъ фамиллярно. Это меня ободрило.

— Такъ вотъ-съ, — продолжалъ онъ. — Надо будетъ что нибудь для васъ сдѣлать. Но вы не тотъ путь избрали. Вамъ надо обратиться не ко мнѣ.

— А къ кому же, ваше сіятельство?

— Вы вотъ что сдѣлайте: подайте прошеніе на высочайшее имя въ канцелярію... знаете, въ Маріинскомъ дворцѣ?

— Знаю, ваше сіятельство.

— Ну, вотъ. Оттуда ваше прошеніе пришлютъ на мое заключеніе. Тогда я отвѣчу въ вашу пользу. Дѣло это можетъ устроиться, если только министерство финансовъ не сдѣлаетъ препятствій.

— А въ какой департаментъ поступить мое дѣло?

— Разумѣется, въ департаментъ государственнаго казначейства. У васъ тамъ есть кто нибудь знакомый?

— Директоръ департамента, Карлъ Ѳедоровичъ Голиндо.

— А-а! И вы хорошо съ нимъ знакомы?

— Онъ воспитывался въ гатчинскомъ институтѣ у моего отца, и потому я съ нимъ хорошо знакомъ. Это очень милый и доброжелательный человекъ.

— Вотъ и чудесно! А то, вѣдь, вы знаете, на мои представленія нигдѣ не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія!

— Не можетъ быть, ваше сіятельство! Почему же это такъ?

Графъ Деляновъ добродушно засмѣялся, махнувъ рукою.

— Я ужъ слишкомъ много надоѣдаю всѣмъ министерствамъ разными своими просьбами, — сказалъ онъ. — Что дѣлать? Я не умѣю отказывать людямъ, нуждающимся въ моей помощи, и хотя знаю, что не всякая моя просьба исполнится, все-таки дѣлаю свое дѣло. Я рассчитываю такъ, что если изъ десяти моихъ просьбъ исполнять хоть одну, то и тогда мои труды не пропали даромъ. Не правда ли?

— Совершенно вѣрно.

— Ну, вотъ! Правда, этимъ самымъ я наживаю себѣ много враговъ, но что же дѣлать, если я не могу оказывать столько добра, сколько бы желалъ. Я, вѣдь, хорошо знаю все, что про меня говорятъ.

— Я никогда ничего дурного не слышалъ о вашемъ сѣятельствѣ.

— Какъ не слышали? Навѣрно слышали! Про меня говорятъ, будто я всѣмъ общаю, но рѣдко кому дѣлаю. Это жестокий упрекъ и совершенно мною не заслуженный. Но если я не могу всѣхъ удовлетворить, то вѣдь этого не можетъ даже самъ Богъ.

Мнѣ опять ужасно хотѣлось узнать: отчего онъ не отдалъ мнѣ аренду «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и уступилъ въ этомъ дѣлѣ настоянію Каткова, но не хватило на это храбрости. Было бы крайне неудобно ставить его въ неловкое положеніе, когда онъ такъ радушно готовился мнѣ помочь въ настоящемъ случаѣ.

— Вотъ въ вашемъ дѣлѣ мнѣ очень пріятно слышать, — продолжалъ онъ, — что вы находитесь въ хорошихъ отношеніяхъ съ Голиндо. Это подаетъ надежду, что мое представленіе о васъ въ министерство финансовъ не будетъ засунуто подъ сукно. Такъ вотъ, подавайте прошеніе, какъ я сказалъ, и, Богъ дастъ, это дѣло благополучно устроится.

Поблагодаривъ добрѣйшаго министра за вниманіе, я прямо отъ него поѣхалъ къ Голиндо, чтобы узнать, какъ онъ отнесется къ моему дѣлу.

Голиндо выразилъ полнѣйшее расположеніе содѣйствовать моему дѣлу и выразилъ надежду устроить мнѣ пенсію около двухъ тысячъ рублей.

Подготовивъ такимъ образомъ почву, я подалъ прошеніе въ срединѣ декабря 1894 года, а... 13-го января 1895 года состоялся высочайшій указъ объ учрежденіи при академіи наукъ постоянной комисіи для выдачи пенсій и пособій ученымъ, литераторамъ и публицистамъ.

Такимъ образомъ мое дѣло о пенсіи пропало, не просуществовавъ и мѣсяца, вслѣдствіе чисто роковой случайности... Канцелярія у принятія прошеній должна была препроводить мое дѣло уже не къ министру народнаго просвѣщенія, а въ комисію при академіи наукъ, гдѣ отнесли ко мнѣ совершенно иначе.

Говорятъ, что сытый голоднаго не понимаетъ. Это совершенно вѣрно. Человѣкъ, пользующійся казенной квартирой, отопливаемой и освѣщаемой на казенный же счетъ, получающій каждое двадцатое число деньги на свои обѣды и ужины, теряетъ способность сознавать, что и другіе люди также нуждаются и въ кровлѣ, и въ кускѣ хлѣба, въ особенности, когда они лишены способности къ работѣ.

Одинъ только графъ И. Д. Деляновъ составлялъ счастливое исключеніе изъ арміи сытыхъ чиновниковъ и старался дѣлать добра столько, сколько было въ его силахъ. Онъ жертвовалъ для этого даже своимъ самолюбіемъ, какъ это видно изъ его добродушнаго сознанія въ томъ, что на его представленія никто не обращаетъ

вниманія. Въ немъ не было того мелочнаго, чиновническаго самолюбія, заставляющаго многихъ служащихъ отказывать просителямъ только по той причинѣ, что отъ исполненія вашей просьбы они могутъ чѣмъ нибудь поступиться. Графъ Деляновъ былъ доволенъ, если изъ десяти его ходатайствъ достигнетъ цѣли одно.

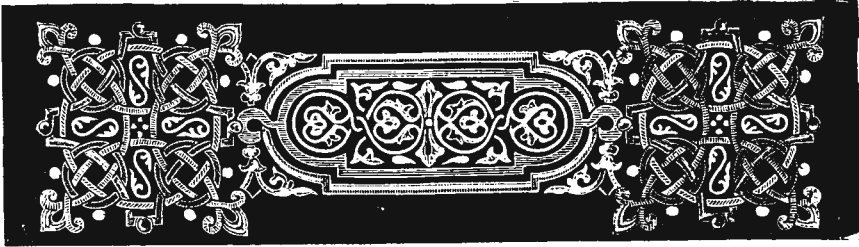
Я не упрекаю его за то, что, обѣщая передать мнѣ аренду газеты, онъ измѣнилъ мнѣ потомъ, вслѣдствіе напора со стороны Каткова. Это показываетъ только нѣкоторую слабость его характера, излишнюю уступчивость и, можетъ быть, излишнюю скромность. Могло быть и то, что Деляновъ избѣгалъ злаго языка Каткова, и постарался уйти подальше отъ грѣха. Когда же онъ могъ дѣйствовать самостоятельно, онъ не отказалъ сдѣлать то, о чемъ я его просилъ.

Больше всего я въ немъ цѣню то, что занимая высшій постъ въ административной іерархіи, онъ не напускалъ на себя той юпитеровской важности и недоступности, которою такъ любятъ драпироваться многіе чиновники, даже и не изъ крупныхъ. Возвысившись до поста министра, онъ остался человѣкомъ добрымъ, простымъ, какимъ его создала природа. Никакія почести, никакая власть не испортили его сердца. Со мною, человѣкомъ ничтожнымъ по своему общественному положенію, онъ вступалъ въ разговоры, какъ съ человѣкомъ себѣ равнымъ, ни однимъ движеніемъ и ни однимъ словомъ, или хотя бы тономъ голоса, не давая мнѣ почувствовать разницу нашихъ положеній. Тѣ, кому случалось хлопотать по какимъ нибудь дѣламъ, не только у министровъ, но хотя бы въ какихъ нибудь канцеляріяхъ, сталкиваясь съ громовержцами столоначальниками, поймутъ меня и согласятся, что графъ Деляновъ представлялъ изъ себя выдающееся исключеніе.

Да помянуть же молитвою всѣ тѣ посѣтители его пріемной, которымъ онъ расточалъ благодѣянія своею не оскудѣвавшею рукою.

Ар. Эвальдъ.

НЕДАВНИЕ ЛЮДИ¹⁾.

(Характеристики и воспоминания).

II.

Степанъ Стамбуловъ.

ОГДА, послѣ софійскаго переворота 18-го мая 1894 года, я впервые направлялся въ Болгарію, главными задачами моего путешествія были два свиданія: съ неожиданнымъ побѣдителемъ и еще болѣе неожиданнымъ побѣжденнымъ, то-есть: съ княземъ Фердинандомъ, тогда еще только принцемъ Кобургскимъ, жаждавшимъ признанія, но упорно его отъ европейскихъ державъ не получавшимъ, и съ Степаномъ Стамбуловымъ, павшимъ... временщикомъ, хотѣлъ я сказать, но вспомнилъ, что кличка врядъ ли придется по шерсти. Еще вопросъ, кто при комъ, до 18-го мая 1894 года, былъ на положеніи временщика—Стамбуловъ при Фердинандѣ, или Фердинандъ при Стамбуловѣ. Если бы голосовать этотъ вопросъ въ Болгаріи, то еще въ канунъ переворота, вечеромъ 17-го мая, девять десятыхъ ея населенія высказались бы, по всей вѣроятности, за второй отвѣтъ. Ужасное было время! Оно прошло, и слава Богу! Въ возможности и успѣхѣ свиданія съ княземъ Фердинандомъ я не сомнѣвался, потому что имѣлъ изъ его тайной канцеляріи те-

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ» 1897 г., октябрь, стр. 116.

леграмму, разрѣшавшую мнѣ въѣздъ въ Болгарію, до того уже восемь лѣтъ закрытую для русскихъ, если не *de jure*, то *de facto*. Телеграмма эта, какъ выразился самъ князь при первомъ моемъ ему представленіи, давала мнѣ въ руки «*carte blanche* все видѣть и описывать». Въ болгарскомъ разрѣшеніи «все описывать» я, конечно, не нуждался, но «все видѣть», безъ любезной откровенности князя, мнѣ врядъ ли удалось бы. Вотъ подлинный текстъ телеграммы:

«Софія. Дворецъ. Его царское высочество, мой августѣйшій государь, изволилъ мнѣ приказать, въ отвѣтъ вашей телеграммы, сообщить вамъ, что онъ не имѣетъ ничего противъ пріѣзда безпристрастнаго корреспондента. Начальникъ канцеляріи его царскаго высочества *dr. Станчовъ*».

Dr. Станчовъ, подписавшій телеграмму, въ настоящее время болгарскій дипломатическій агентъ въ Петербургѣ. Въ то время его прочили на такой же постъ въ Вѣну, куда онъ и былъ, дѣйствительно, назначенъ въ скорости. Вообще болгарское правительство хорошо знало и цѣнило способности этого замѣчательно даровитаго и исполнительнаго чиновника; несмотря на свою молодость, онъ пропелъ цѣлый рядъ «боевыхъ назначеній» по дипломатической части. Гдѣ было особенно трудно, туда князь посылалъ Станчова. Онъ пережилъ въ Вѣнѣ весьма двусмысленную для болгарской дипломатіи эпоху отдаленія Болгаріи отъ милостей австрійскихъ и поворота къ русскимъ симпатіямъ и вышелъ изъ испытанія этого съ честью, не посрамивъ ни себя, ни своего отечества. Когда надо было выработать болгаро-русскій торговый трактатъ, правительство князя Фердинанда перевело Станчова въ Петербургъ. Но и отсюда ему пришлось съѣздить въ Вѣну съ важнымъ порученіемъ утишить дипломатическую бурю, поднятую не такъ давно рѣзкимъ, но справедливымъ отзывомъ Стоилова объ австрійской политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ и о своекорыстіи ея въ мнимо-дружественныхъ сношеніяхъ съ Болгаріей. Въ грозные майскіе дни 1894 года, которые я сейчасъ описываю, Станчовъ слылъ въ Софіи правою рукою князя, къ крайнему неудовольствію руссофильской партіи, не безъ основанія подозрѣвающей всю семью Станчовыхъ въ наслѣдственномъ австрофильствѣ. Однако, австрофильство — австрофильствомъ, а держаться князя Фердинанда въ тотъ моментъ, когда онъ оттолкнулъ отъ себя главный опорный столбъ австрофильства, то-есть Стамбулова, это — для австрофила-фанатика, какимъ представляли мнѣ Станчова, шагъ странный, чтобы не сказать прямо — рискованный. Послѣ признанія князя Фердинанда законнымъ государемъ Болгаріи, въ февралѣ 1894 года, Станчовъ едва не попалъ въ министры иностранныхъ дѣлъ, на мѣсто убранныго въ архивъ за несвоевременностью Начевича; этотъ «ночной филинъ», какъ звала его софійская уличная кличка, былъ уже слишкомъ ярымъ и старомоднымъ фанатикомъ австрійской идеи; его имя, десять лѣтъ свя-

занное съ знаменемъ руссофобовъ, являлось неудобнымъ въ кабинетѣ, созданномъ, чтобы охранять и развивать возрожденную русско-болгарскую дружбу. Д-г Стойловъ искалъ человѣка, чье назначеніе и Россіи не было бы противно, и Австріи угодило бы; такую «и Богу свѣякою, и чорту кочергою» для многихъ представлялось назначеніе Станчова. Онъ, однако, уклонился отъ портфеля, мотивируя отказъ своею молодостью. Зависть къ быстрой карьерѣ юнаго дипломата породила въ Софіи много сплетенъ, не лестныхъ для Станчова. Въ дѣйствительности его успѣхи при княжескомъ дворѣ объясняются причиною весьма простою, чуждою какихъ либо заднихъ пружинъ, скорѣе психологической, чѣмъ политической. Станчовъ, одинъ изъ весьма немногихъ болгаръ, кому дѣйствительно пошло въ прокъ западное образованіе. При остромъ умѣ, блестящихъ талантахъ, онъ, и по воспитанію, по всему складу своего «я», настоящій европеецъ— переродился въ европейца, сталъ имъ, а не притворяется только: такими-то въ Болгаріи хоть прудъ пруди! Князь Фердинандъ, человѣкъ изысканный и угонченный, врядъ ли хорошо чувствовалъ себя въ болгарскомъ обществѣ на первыхъ порахъ по прибытіи въ свое новое отечество. Въ паденіи Баттенберга, помимо причинъ политическихъ, сыграло, какъ извѣстно, не малую роль и нескрываемое отвращеніе перваго князя Болгаріи къ звѣриному образу, подобію и обычаю его случайныхъ подданныхъ, оскорблявшее общественное самолюбіе и, въ особенности, армію. Болѣе терпѣливый, тактичный и сдержанный, князь Фердинандъ мало, что сумѣлъ сжиться съ болгарами, онъ окультурилъ ихъ примѣромъ и нравами своего двора, обтесалъ, сколько можно было въ такой короткій срокъ, подъ вѣнскую модель— «оболванилъ», какъ выражался покойный И. О. Горбуновъ. Далось это князю, конечно, не легко, и не мудрено, что, цѣня въ болгаринѣ европеизмъ, какъ гага avis, онъ душевно расположился и привыкъ къ Станчову, съ кѣмъ онъ всегда чувствовалъ себя «въ своемъ обществѣ» больше, чѣмъ со всякимъ другимъ представителемъ бѣдной, скучной, захолустной Софіи. Вотъ и весь секретъ станчовскаго вліянія и возвышенія. Въ 1896 году въ періодъ февральскихъ торжествъ, по случаю присоединенія болгарскаго престолонаслѣдника, княжича Бориса Тырновскаго, къ православію, Станчовъ былъ чрезвычайно милъ въ обхожденіи съ нами, русскими гостями князя, председательствовалъ на завтракѣ, данномъ во дворцѣ въ честь представителей русской печати, и произносилъ на отличнѣйшемъ французскомъ языкѣ отличнѣйшія руссофильскія рѣчи. Но я имѣлъ случай ознакомиться съ придворнымъ календаремъ-альманахомъ, изданнымъ подъ редакцію этого самаго Станчова въ эпоху наивысшаго могущества Стамбулова. Нѣтъ клеветы на Россію, которой не повторяла бы эта злобная книга! Въ особенности много усердствовала она въ инсинуаціяхъ по нашему адресу въ некрологѣ dr. Вулковича, покойнаго

дипломатическаго агента Болгаріи въ Константинополѣ. Вулковичъ былъ зарѣзанъ въ кварталѣ Перы какимъ-то разбойникомъ, однимъ изъ сотенъ головорѣзовъ, вѣчно поджидающихъ въ наклонныхъ плоскостяхъ переулковъ-коридоровъ между Перою и Галатою, не попадетъ ли имъ подъ ножъ пѣшеходъ съ тугимъ кошелькомъ. По болгарско-стамбуловскому альманаху выходило ясно, какъ дважды два четыре, что убійство это не простое, но политическое, и что убить Вулковичъ не иначе, какъ по предварительному заговору противъ него чуть ли не всея Великія, Малыя и Бѣлыя Руси, которыя, яко бы, трепетали предъ грознымъ именемъ великаго Вулковича, каюсъ, даже мнѣ, одно время довольно усердно занимавшемуся балканскою политикою, плохо извѣстнаго... а ужъ куда тамъ думать о немъ Россіи! Я думаю, девять сотъ девяносто девять тысячныхъ нашего отечества и не подозрѣвало никогда о существованіи этого гениальнаго др. Вулковича, который, выражаясь словами поэта, и если вѣрить болгарамъ,—

Былъ у насъ въ глазу, какъ тернь!..

Въ февральскіе дни, впрочемъ, не одного г. Станчова, а и многихъ-многихъ руссофобовъ, по мановенію князя Фердинанда, осѣнила внезапно милость Господня и сдѣлала руссофилами. У г. Станчова—благодаря его недюжинному уму и европейскому такту—этотъ неожиданный, какъ сказалъ бы Щедринъ, «съ Божіей помощью переворотъ» вышелъ, по крайней мѣрѣ, ловкимъ, не комичнымъ; онъ какъ-то особенно находчиво сразу забылъ все прошлое, до вчерашняго дня включительно, и весь благоговѣнно проникнулся настоящимъ. Иные же изъ его компатріотовъ были въ это время такъ же и смѣшны, и жалки, и противны. Признаюсь, въ февральскіе дни я не разъ доставлялъ себѣ ехидное удовольствіе, слушая новоявленныхъ патріотовъ и руссофиловъ, невинно напоминать имъ пѣсни, пѣтыя этими господами въ стамбуловское время, да и въ первые мѣсяцы послѣ стамбуловщины.

Когда, послѣ февральской фееріи, я покидалъ Софію, министръ-президентъ, др. Константинъ Стойловъ, напомнилъ мнѣ:

— А? Каковы перемѣны? Полтора года назадъ, собираясь въ наши края, вы, прежде чѣмъ ѣхать къ намъ, справлялись, можно ли ѣхать. Если я не ошибаюсь, телеграмма г. Суворина къ князю была составлена именно въ такихъ выраженіяхъ: «Желательно послать въ Софію корреспондента, при условіи, что правительство поручится за его безопасность». Какая разница между «тогда» и «теперь», не правда ли? Надняхъ, по поводу вашего второго пріѣзда, мы говорили съ княземъ объ этомъ контрастѣ. Въ 1894 году, русскій, направляясь въ Болгарію, опасался за свою жизнь и свободу и—что же скрывать? дѣло прошлое!—былъ не совсѣмъ неправъ въ своемъ недовѣрїи къ намъ. Въ 1896 году, русскіе вѣхали въ Софію триумфальными

арками, при крикахъ «ура!», при звукахъ «Боже, Царя храни!»...
Всюду русскіе флаги, общій девизъ, «съ Россіей сичко, безъ Россіи
нищо»...

Всюду не всюду, а на нѣсколькихъ магазинахъ этотъ девизъ,
дѣйствительно, красовался. Захожу въ одинъ такой—купить цер-
чатки. Цѣны оказываются баснословныя. Спрашиваю:

— За что же это?

— Ахъ, г. Амфитеатровъ! Если теперь съ русскаго не взять, то
когда же и брать? Восемь лѣтъ ждали этого случая... Не каждый
же день у насъ будутъ признавать князя!

— Это и значитъ—съ Россіей сичко, безъ Россіи нищо?

Смѣется хитрый братушка!..

На свиданіе со Стамбуловымъ, какъ «пожирателемъ русскихъ»,
я мало надѣялся, тѣмъ болѣе, что въ Руцукѣ меня предупреждали,
будто попасть къ Стамбулову очень трудно. На всякій случай нѣкто
д-г Маноѵловъ снабдилъ меня письмомъ къ публицисту «Свободы»
г. Драмову-Левову, чтобы онъ, какъ свой человекъ у Стамбулова,
облегчилъ мнѣ доступъ къ эксъ-диктатору. Но г. Драмова-Лева я
въ редакціи «Свободы» не засталъ, какъ потомъ выяснилось, къ
большому моему счастью, ибо субъектъ этотъ далеко не изъ перловъ
и адамантовъ болгарской націи¹⁾. Дорожа временемъ, я рѣшилъ посту-
чать въ двери Стамбулова самостоятельно, безъ всякихъ предвари-
тельныхъ церемоній и рекомендацій, кромѣ посылы своей визитной
карточки. Позвонилъ. Дверь пріотворилась на протяженіе крѣпкой
стальной цѣпочки въ полъ-фута длиною. Въ щель выглянула бо-
родатая рожа, съ испуганными глазами. Выхватила карточку и
исчезла; я остался предъ запертою дверью. Опять загремѣла двер-
ная цѣпочка, опять предо мною бородатая рожа, но уже любезно
улыбается... Проходя въ кабинетъ Стамбулова, я замѣтилъ въ сѣ-
няхъ четырехъ парней, видимо, всего лишь нѣсколько дней пере-
обутыхъ изъ опанокъ въ сапоги; ребята самого сумрачнаго вида,
тѣлохранители — хоть куда! Такіе у насъ только въ Москвѣ, въ
Охотномъ ряду, водятся. Они пропустили меня, какъ сквозь строй,
окидывая подозрительными взглядами. Карманы ихъ неуклюжихъ
пиджаковъ откровенно топырились отъ спрятанныхъ револьверовъ...
такъ, впрочемъ, топырились карманы не у однихъ стамбуловцевъ,
а почти у всякаго софійца въ тѣ тревожные дни, когда никто,
ложась спать, не былъ увѣренъ, кѣмъ проснется онъ поутру—ми-
нистромъ или узникомъ Черной Джаміи?

Стамбуловъ принялъ меня прекрасно. Къ предупредительнымъ
пріемамъ я къ тому времени уже привыкъ въ Софіи: всѣ предста-
вители правительства, кого я успѣлъ повидать, удѣляли мнѣ свое
время и снабжали меня свѣдѣніями съ рѣдкою готовностью. Но

¹⁾ См. о немъ статью мою «Софійское житье-бытье».

тамъ это было понятно. Направленіе новой послѣ-стамбуловской политики, хотя и колеблющееся, считалось руссофильскимъ, и, слѣдовательно, представитель распространенной и вліятельной русской газеты являлся желаннымъ гостемъ въ формируемыхъ министерствахъ. Кромѣ того, новое правительство вообще выбивалось изъ силъ, чтобы доказать иностранцамъ, какъ много въ Болгаріи, съ удаленіемъ Стамбулова, родилось, по щучьему велѣнью, по Стоилова прошенію, законности, свободы, безпристрастія; какъ вся ея политика стала откровенною, душа на распашку; какъ твердо стоитъ на ногахъ новорожденный легальный порядокъ страны, и какъ быстро ужасы низверженной стамбуловщины замѣнились чуть не аркадской идилліей. Теперь же я былъ у человѣка, для котораго уже самое присутствіе мое въ Софіи являлось жестокимъ напоминаніемъ его паденія. Мѣсяцемъ ранѣе, 18 мая, русскій корреспондентъ врядъ ли могъ проникнуть въ правительственныя сферы Софіи, а проникнувъ не обрадовался бы. Вотъ примѣръ. Когда г. Татищевъ остановился въ Софіи, у дверей его номера въ «Hôtel Bulgarie», откуда ни возьмись, выросли жандармы и стояли до тѣхъ поръ, пока личные визиты представителей правительства не уяснили блюстителямъ порядка, что за человѣкъ этотъ русскій путешественникъ и съ какими цѣлями пожаловалъ въ болгарскую столицу. Положеніе не радостное. Да не обрадовались бы и тѣ, кто неосторожно завязали бы сношенія съ русскимъ гостемъ. Знакомство, разговоръ съ русскимъ при Стамбуловѣ вмѣнялись болгарину въ государственное преступленіе.

Путешествуя изъ Русука по Дунаю до Ломъ-Паланки и изъ Ломъ-Паланки черезъ Берковицкій Балканъ, Петраханскимъ переваломъ, въ Софію, значить, проѣхавъ насквозь всю Сѣверную Болгарію, я не слышалъ буквально ни одного добраго слова о Стамбуловѣ, а читалъ добрыя слова только въ собственныхъ изданіяхъ павшаго министра-диктатора, въ «Свободѣ» и «Пловдивѣ». 18-е мая вызвало въ провинціи взрывъ торжества, еще сильнѣйшій, чѣмъ въ Софіи. Повсюду совершались auto-da-fe портретовъ эксъ-диктатора, которые Стамбуловъ обязывалъ имѣть въ нѣсколькихъ экземплярахъ не только всѣ общественныя и образовательныя учрежденія, но и трактиры, корчмы, кабаки. Въ Княжевѣ, подъ Софіей, мнѣ случилось быть свидѣтелемъ такого курьеза. Незадолго до паденія Стамбулова какая-то литографія выпустила лубочную картину, изображавшую княжескую семью и среди нея самого «великаго Степана». Послѣ 18-го мая «патріоты» вырѣзывали съ этой картины лицо Стамбулова, мужественно отправляя безответный портретъ подъ каблукъ или непосредственно въ мѣста неудобоназываемыя. Въ княжевскихъ же баняхъ опальный портретъ былъ лишь залѣпленъ бумажкою.

— Что это значить?—спросилъ я хозяина бань.

— Зачѣмъ портить картину?—резонно возразилъ хитрый «цин-

царь». — Стамбулова и за бумажкою не видать. А если онъ опять вернется къ власти, моимъ сосѣдямъ придется покупать новый его портретъ, мнѣ же нѣтъ: отлѣпилъ бумажку, — и вотъ онъ снова.

Откровенность убѣжденій — почти Мольеровская! Впрочемъ остроумный изобрѣтатель этой политики «на всякій случай» былъ, какъ уже сказано, не болгаринъ, но «цинцарь», то-есть... вотъ ужъ и не знаю, какъ опредѣлить національность «цинцара», да и болгаре толкомъ не знаютъ, да врядъ ли знаютъ это и сами цинцары. Больше всего къ нимъ подходитъ старинное опредѣленіе Устряловымъ личности второго Лжедмитрія: цинцарь — «человѣкъ ума дерзкаго, души безпредѣльно-мечтательной, и едва ли не жидъ».

Трудно вообразить, не бывъ свидѣтелемъ, какую массу ненависти успѣлъ накопить Стамбуловъ въ народномъ сердцѣ за восемь лѣтъ своихъ безконтрольныхъ полномочій. Паденіе его было неизбежно. Если бы его продолжала поддерживать чиновничья Софія, подняла бы знамя возстанія истощившая свое терпѣніе провинція.

Стамбуловъ предчувствовалъ опасность, когда подъ угрозой отставки требовалъ у принца Фердинанда военнаго положенія для нѣсколькихъ округовъ, начавъ, въ видѣ примѣра, съ села Садины, куда послѣ того, какъ садинцы выбрали депутатомъ въ народное собраніе не стамбуловскаго кандидата, но оппозиционера, самовластный диктаторъ назначилъ въ видѣ наказанія военную экзекуцію, т. е. солдатскій постой за счетъ и иждивеніе садинскаго общества. Противоконституціонная мѣра эта вызвала общее негодованіе и сошла на нѣтъ, благодаря тогдашнему военному министру Петрову, какъ мы увидимъ ниже, вообще, одному изъ главнѣйшихъ виновниковъ стамбуловскаго паденія. Петровъ, указавъ, что по конституціи военная экзекуція можетъ быть назначена лишь въ томъ случаѣ, если село упорно и открыто даетъ притонъ разбойникамъ, выяснилъ вмѣстѣ съ тѣмъ князю, что дѣлать войско орудіемъ наказанія за политическую неудачу перваго министра, навязывать ему полицейскую роль и обязанности палачей на службѣ администраціи — совершенно неприлично и значить развращать армію. Все это было резонно и принято княземъ въ соображеніе, но подъ стамбуловскимъ напоромъ Фердинандъ колебался, на чью сторону ему склониться. Почувствовавъ оппозицію, самолюбивый Стамбуловъ набѣсилъ и поставилъ вопросъ о военномъ положеніи четырехъ округовъ, въ томъ числѣ Тырновскаго, какъ *conditio sine qua* non своего дальнѣйшаго пребыванія у власти.

Онъ никакъ не ожидалъ, что отставка будетъ принята; вѣдь ужъ много разъ онъ путемъ подобной же угрозы добивался отъ князя всего, чего хотѣлъ. Вѣроятно, и теперь угроза оказалась бы дѣйствительною, и военное положеніе, а вслѣдъ за тѣмъ народная революція стали бы неизбежными. Но Болгаріи помогли случай и отчасти, хотя далеко не въ той степени, какъ думаютъ, су-

пруга князя Фердинанда, молодая принцесса Марія-Луиза, успѣвшая за короткое время своего пребыванія въ странѣ завоевать самую лестную популярность, увы, значительно разрушенную впоследствии совершенно неожиданнымъ для болгаръ превращеніемъ принцессы въ ярую католичку, тогда какъ она слыла за свободомыслящую, и временнымъ противодѣйствіемъ желанному всей страной событію 2-го февраля 1896 года. Теперь обстоятельства выяснили, что противодѣйствіе это, доведенное даже до демонстративнаго отъѣзда княгини изъ Софіи, было тоже больше политическимъ маневромъ—страха ради, если не іудейска, то римска и австрійска. Марія-Луиза не выносила Стамбулова. Врядъ ли ей, какъ женщины съ самолюбіемъ, нравилось и обращеніе Стамбулова съ принцемъ, ея супругомъ, часто выходившее, какъ гласила софійская молва, изъ границъ приличія. Молодая принцесса была врагомъ Стамбулову настолько же, насколько покровительствовала ему прежде мать принца, Клементина. Стамбуловъ зналъ это и принималъ въ тайнѣ мѣры, чтобы обезопасить себя отъ властной непріятельницы. Конечно, бухарестскіе слухи весною 1894 года о какомъ-то перехваченномъ правительственными агентами динамитѣ, о намѣреніи взорвать на воздухъ дворецъ Кобурга вмѣстѣ съ его фамиліей—сказки. Тѣмъ болѣе, что динамитомъ этимъ пугали Фердинанда одинаково и органы Стамбулова, и органы оппозиціи. Оппозиція кричала: «ваше высочество, вотъ что готовить вамъ Стамбуловъ!», а Стамбуловъ: «ваше высочество, вотъ что готовить вамъ оппозиція!»

Зачѣмъ динамитъ? Если бы Стамбулову понадобилось, онъ могъ сплавить Кобурга изъ Болгаріи, живого или мертвого, гораздо проще и безъ шума. Положеніе Фердинанда въ ту пору было истинно трагическое. Одинъ въ чужой странѣ, безъ партіи, безъ осязательной власти, отвергнутый Европою, не болѣе, какъ только терпимый Болгаріею, онъ чувствуетъ себя всецѣло въ рукахъ Стамбулова. Подводилъ же онъ, говорятъ, при одномъ спорѣ, своего злополучнаго государя къ окну дворца полюбоваться Ломъ-Паланскимъ шоссе, «по которому увезли Александра Баттенберга»... Нѣтъ, взрывать Кобурга диктаторъ не собирался. Но, несомнѣнно, чувствуя, что принцъ, свыкаясь съ страной, крѣпнеть и ускользаетъ изъ-подъ его вліянія; освѣдомясь, что на женской половинѣ дворца идетъ противъ него открытое возмущеніе; сознавая, что съ умною женщиною, да къ тому же еще съ молодою женою бороться трудно, а, пожалуй, и невозможно,—диктаторъ принималъ свои мѣры, дѣйствительно, могъ готовить Фердинанду сюрпризъ смѣщенія и, во всякомъ случаѣ, держалъ его подъ постоянную угрозою такого сюрприза. Онъ притворялся, будто сильно подумываетъ о кандидатурѣ на престолъ графа Гартенау, трехлѣтняго сына Александра Баттенберга отъ опереточной пѣвицы Лейзингеръ, бракомъ съ которою Баттенбергъ окончательно отрѣзалъ себѣ всѣ пути къ политической карьерѣ, а,

можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ подумывалъ. Идея эта могла быть заманчивою для Стамбулова уже потому, что ея осуществленіе обезпечивало ему долгое, всевластное регентство...

Въ настоящее время г. Татищевъ свидѣтельствуетъ, что разрывъ князя Фердинанда со Стамбуловымъ начался еще съ 1890 г. Г. Татищевъ знаетъ въ болгарскомъ вопросѣ такія подноготныя, куда другому дипломату и не забратъся,—поэтому, мы должны вѣрить его словомъ. Но, во всякомъ случаѣ, разрывъ этотъ, если онъ и былъ, держался и княземъ, и Стамбуловымъ въ глубокомъ секретѣ. О немъ не знали не только въ Болгаріи, но—кромѣ г. Татищева—и всевѣдущіе европейскіе дипломаты, хотя имъ всякій политическій пожаръ извѣстенъ за полчаса до пожара. Въ Бухарестѣ посланникъ одной изъ великихъ державъ, наиболѣе заинтересованный на востокъ и особенно въ болгарскомъ вопросѣ, выражалъ мнѣ такой взглядъ на событіе 18-го мая:

— Переворотъ засталъ насъ всѣхъ врасплохъ. Чего-то новаго мы ждали съ болгарской стороны, однако, не этого. Что именно—мы не знали, но что-то зрѣло и носилось въ воздухѣ уже, когда принцъ Фердинандъ сидѣлъ еще на весеннемъ отдыхѣ въ своемъ замкѣ Эбенталѣ. Ходили слухи, что въ его отсутствіе подъ шумокъ обрабатывается *coup d'état*, что они со Стамбуловымъ дошли, мало сказать, до вражды,—до отвращенія, до ненависти другъ къ другу; что Стамбуловъ перешелъ въ отношеніяхъ къ принцу послѣдніе предѣлы нахальства. Когда принцъ вернулся изъ Эбенталя, ему представлялись всѣ министры, а Стамбулова не было, по болѣзни,—помните? Ну, думаемъ, значить, разрывъ и переворотъ. И вдругъ, какъ громъ съ яснаго неба, эта сверхъестественная телеграмма: Стамбуловъ палъ. Оставалось положить въ ротъ палецъ удивленія: всякое, моль, бываетъ, на грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь... Политика неожиданностей, только и возможная, кажется, что на Балканахъ, да еще въ республикахъ Южной Америки.

Къ людямъ партій торжествующихъ, вступающихъ въ фазисъ политическаго преобладанія надъ страной, являются легко: они всѣ въ будущемъ; есть опредѣленные вопросы, установленныя выжидательныя точки, съ какихъ начинаешь ихъ экзаменъ и потомъ разсматриваешь ихъ личности и программы. Но Стамбуловъ... вѣдь это въ нѣкоторомъ родѣ «храмъ разрушенный—все храмъ, кумиръ поверженный—все богъ!» Пожать ему руку и затѣмъ съ мѣста въ карьеръ приступить къ допросу: какъ, моль, вы, г. экс-министръ, чувствуете себя, полетѣвъ съ «трехъ-аршинной высоты?» значило бы повторить въ новой вариациі старый щедринскій мотивъ о политическомъ *interview* у графа Твердоонто:

— Ваше сіятельство! позвольте одинъ нескромный вопросъ: когда человѣкъ сознаетъ себя, такъ сказать, вмѣстилищемъ государственности... какого рода чувство испытываетъ онъ?

— C'est un sentiment... ineffable!

Если принять во внимание, что это был мой первый опыт политического разговора с настоящим государственным человеком, что шаблона интервьюерского у меня не имѣлось,—да такъ я, слава Богу, его себѣ и не выработалъ!—читатель пойметъ, что скрыть свое смущеніе отъ Стамбулова и принять на себя такой видъ, будто я всю жизнь только и дѣлаю, что ободряю министровъ восходящихъ и утѣшаю павшихъ,—было совѣмъ не легко. Поэтому я былъ отъ души благодаренъ Стамбулову, когда послѣ обычныхъ привѣтствій и распросовъ о моихъ впечатлѣніяхъ путешествія по Болгаріи, онъ самъ перевелъ разговоръ *in medias res*.

— Конечно, вы читали уже печальную телеграмму о смерти Карно? (Я попалъ въ гости къ Стамбулову какъ разъ въ день убійства бывшаго президента французской республики). Какая жалость! Такой корректный, безобидный политическій дѣятель! Это былъ кладъ для республики, и вотъ поднялась же на него рука у какого-то негодяя. Вотъ вамъ лучшій примѣръ, что въ политическихъ суматохахъ убиваютъ и уничтожаютъ не всегда самого виноватаго,—значительно подчеркнул Стамбуловъ, улыбаясь весьма горькою и, нельзя сказать, чтобы пріятною по выраженію улыбкою. Да, да... у васъ, русскихъ, есть пословица: пуля виноватаго найдетъ. Пословица красивая, но несправедливая, потому что политическія пули попадаютъ, главнымъ образомъ, въ людей виноватыхъ лишь тѣмъ, что они черезчуръ выдались изъ общаго строя, а выдались потому, что слишкомъ преданы общему благу...

На мой взглядъ, «раненый левъ Болгаріи»,—такъ звала смѣщеннаго Стамбулова его партія,—походилъ скорѣе на загнаннаго волка, чѣмъ на льва. Представьте себѣ маленькаго, толстенькаго, черненькаго человѣчка, необыкновенно лобастаго; именно такъ лобасты бываютъ матерые травленные волки; первое впечатлѣніе — часть вмѣсто цѣлага; лобъ вмѣсто лица. Портреты Стамбулова не похожи. Художники и фотографы-ретушеры неумѣло льстили диктатору, расправляя смятыя черты его лица. Они не понимали, что тѣмъ портятъ характерную его выразительность. Подгоняя наружность Стамбулова къ русскимъ типамъ, можно сказать, что онъ смотрѣлъ частнымъ повѣреннымъ (каковымъ онъ и былъ до политической карьеры) съ бойкой, сомнительной практикой и огромнымъ въ ней успѣхомъ. Мнимое сходство съ Наполеономъ (иные болгары любятъ проводить параллели между нимъ и Стамбуловымъ) ограничивалось брюшкомъ и общою коротковатостью фигуры. Во время разговора Стамбуловъ любилъ острить, привязываться къ удачной фразѣ, красному словечку и часто смѣялся неприятнымъ, потому что мало естественнымъ смѣхомъ: хихикаетъ и хохочетъ, а у самого глаза даже не улыбнутся, полные тревожнаго, опасливаго и жестокаго выжиданія. Частая улыбка—постоянная маска Стамбу-

лова, обнажала два низанныхъ ряда великолѣпныхъ бѣлыхъ зубовъ; не диво, что Стамбуловъ скупалъ ими Болгарію. Зубы хищнаго звѣря, грозные клыки въ крѣпкихъ челюстяхъ—признакъ деспотической, властной натуры. Такую волчью пасть на человѣческомъ лицѣ я видѣлъ ранѣе лишь одинъ разъ—у Леопольда Захеръ-Мазоха. Между нимъ и Стамбуловымъ было, вообще, странное родственное сходство, какая-то смежность натуръ. Соперничали они, между прочимъ, и въ необузданной чувственности, у Стамбулова, по крайней мѣрѣ, имѣвшей естественное направленіе, тогда какъ Захеръ-Мазохъ мало того, что самъ былъ «клиническимъ случаемъ» всевозможныхъ половыхъ извращеній, но еще и твореніями своими далъ Крафтъ-Эбнгу поводъ окрестить одну изъ наиболѣе распространенныхъ аномалій инстинкта любви именемъ «мазохизма». Охотники до «человѣческихъ документовъ» по этой части могутъ отмѣтить тотъ важный фактъ, педтверждаемый многочисленными показаніями, что у Стамбулова была довольно дикая страсть: поливать на своихъ оргіяхъ женщинъ шампанскимъ. Въ полемической брошюрѣ Д. Ризова сцена эта изображена подробно, а въ другой книжкѣ, не помню чьей, негодующій авторъ даже припоминаетъ по этому поводу пиры Тиверіа и Нерона, какъ описаны они у Светонія. Правду сказать, отъ упражненія этого отдаетъ не столько цезаризмомъ, сколько нижегородскою ярмаркою и разгулявшеюся купецко-бурсацкою натурою:

— Нашему ндраву не препятствуй! Пей, а то за ворота вылью!

Мнѣ такъ много говорили про обаятельность манеръ Стамбулова, что я почти боялся къ нему идти.

— Запоетъ онъ васъ! Это — сирена!—предупреждали меня,—онъ, когда захочетъ очаровать нужнаго ему человѣка, прямо великъ дѣлается. Такого эффектнаго оратора, такого ловкого, живого собесѣдника не найти, пожалуй, не то что въ Болгаріи, но и во всей Европѣ. Онъ вамъ всякую свою подлость подъ такимъ сосомъ подастъ, что она вамъ стгоряча на первый взглядъ за великій подвигъ покажется. Всѣ, кто знакомится со Стамбуловымъ, нѣкоторое время влюблены въ него, говорятъ его словами, смотрятъ его глазами. Съ нимъ надо пудъ соли съѣсть, тогда только узнаете, какіе у него когти, а раньше онъ съ васъ будетъ шкуру драть, а вамъ все еще будетъ казаться, будто это онъ такъ, шутки и ласки ради, царапается по игривости натуры.

Съ гордостью могу сказать, что, несмотря на явное желаніе Стамбулова произвести на русскаго корреспондента сильное впечатлѣніе и «блеснуть передъ нимъ поочаровательнѣе», я ушелъ отъ него столь же равнодушный къ нему, какъ и раньше былъ,—такъ, словно посмотрѣлъ любопытнаго звѣря. Типъ дѣятеля-самовольца я видѣлъ гораздо красивѣе представленнымъ, хотя и въ меньшемъ масштабѣ, въ лицѣ покойнаго московскаго городского головы Н. А. Алексѣева; въ немъ, если хотите, было не мало стамбуловскихъ чертъ, только направленныхъ къ добру, къ общей пользѣ.

— Да, Карно убить,—продолжалъ Стамбуловъ,—убить мерзавцемъ-анархистомъ. Вотъ онѣ, социалистическія ягодки. Плоды движенія, которому льстятъ силы, меня низвергнѣя, потому что онѣ плоть отъ плоти и кость отъ кости этого движенія. Дѣ! я знаю его наизусть. Еще въ Одессѣ я былъ знакомъ съ русскими нигилистами и изучилъ ихъ... А потомъ пошли нигилисты болгарскіе... Ха-ха-ха! болгарскіе нигилисты! Глупость-то кака! Соціализмъ въ странѣ, гдѣ не знаемъ, что дѣлать съ обиліемъ земли, и нѣтъ промышленности, нѣтъ рабочаго класса, немислимъ рабочій вопросъ... Едва выходимъ изъ пастушескаго быта,—и уже соціалисты!.. Мальчишки толкуются въ швейцарскихъ университетахъ и по наивности заражаются на вѣру идеями вашихъ эмигрантовъ, а затѣмъ возвращаются сюда и дѣлаютъ движеніе. Дѣ! я смѣло говорю положи руку на сердце: нашею социалистическою партіей мы обязаны вамъ, русскимъ, вашему заграничному студенчеству, а черезъ него—студенчеству нашему.

Я пришелъ къ Стамбулову, чтобы слушать его и изучать, а не для дебатовъ съ нимъ, не для того, чтобы обратить его въ новую политическую вѣру. Поэтому я оставилъ безъ возраженія его выходку противъ заграничныхъ университетовъ и болгарскаго и русскаго въ нихъ студенчества. А возразить было что. Въ словахъ Стамбулова, безспорно, была доля правды, но кто же виноватъ? Кто, какъ не Стамбуловъ, развилъ—на зло Россіи—въ болгарской молодежи повальное стремленіе въ европейскіе университеты, кто отбилъ ее отъ университетовъ русскихъ? Болгаринъ, кончившій курсъ въ русскомъ университетѣ, по возвращеніи на родину, не находилъ у стамбуловскаго правительства ни привѣта, ни службы; его встрѣчали, какъ политически неблагонадежнаго, за нимъ, безъ всякой вины, учреждали полицейскій надзоръ. Между тѣмъ русскій университетъ для болгарина всегда значительно полезнѣе западно-европейскаго. Правда, западно-европейскій курсъ короче по годамъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ вида, что прежде, чѣмъ явиться фактическимъ слушателемъ курса, болгаринъ долженъ изучить французскій или нѣмецкій языкъ—настолько, чтобы понимать живую, устную рѣчь, чтобы лекціи не оставались для него «узоромъ надписи надгробной на непонятномъ языкѣ». Такое изученіе, какъ признавались мнѣ многіе болгаре-западники, беретъ не менѣе года. Въ Россіи же, благодаря родственности языка, болгаринъ свободно слушаетъ и понимаетъ лекціи спустя мѣсяць, много два, по вступленіи въ университетъ. Да и то для студентовъ изъ южныхъ славянъ существуютъ особо установленныя права и льготы испытаній. Такимъ образомъ, русскій университетъ образовываетъ болгарина нормально, исподволь, безъ чрезмѣрныхъ усилій и переутомленія, вызываемыхъ необходимостью догонять въ курсѣ, запущенномъ по безъязычію, остальныхъ товарищей. Западные же уни-

верситеты, хотя и скорѣе ведутъ къ практической цѣли, но массою неизбежнаго труда безнадежно придавливаютъ болгарскую голову. Сколько я ни видалъ болгаръ-западниковъ, всѣ они—либо заучившіеся педанты, либо неврастеники, либо, наконецъ, просто шелопаи, убоявшіеся бездны премудрости, а потому проходившіе научные курсы въ университетахъ Парижа и Вѣны лишь номинально, фактически же — въ Café Americain, либо у Ронахера. Молодежь послѣдняго типа засиживается въ Европѣ подолгу, отвыкаетъ отъ родины, либо не женится вовсе, либо женится на иностранкахъ,—вообще становится уже отрѣзаннымъ ломтемъ болгарской семьи.

— Помилуйте!—жаловался мнѣ г. М., кметъ города Софіи,—на что это похоже? Мой сынъ сидитъ въ Вѣнѣ восьмой годъ и не дозвешся его на родину. Чего,—пишетъ онъ мнѣ,—я не видалъ въ Софіи? Малому двадцать семь лѣтъ... Боже мой! да мы въ его годы уже политику дѣлали! Самъ-то я русскаго воспитанія, а сына—польстился на карьеру—послалъ въ Вѣну... И вотъ—плоды!..

Любопытно, что болгары-студенты русскихъ университетовъ проявляютъ гораздо больше чуткости и отзывчивости къ общественнымъ вопросамъ, чѣмъ студенты западно-европейскіе. Послѣдніе всѣ—какъ будто немножко blasés, не то стыдятся своей родины, не то махнули на нее рукою: съ такою, молъ, авіатчиною и въ сто лѣтъ не управиться! Только на то и годится, чтобы снимать съ нея шкуру за шкурою... Сильные политическіе дѣятели восьмидесятыхъ годовъ—Каравеловъ, Климентъ, даже самъ Стамбуловъ—русскаго воспитанія. Дурно ли, хорошо ли, но они сыграли въ болгарской исторіи яркія роли. Сумѣютъ ли замѣнить ихъ офранцузенные и онѣмеченные западники,—бабушка надвое говорила.

— Новое правительство!—иронически говорилъ между тѣмъ Стамбуловъ,—что же, пусть правятъ. Если господину Стоилову удастся добиться, чего не могъ добиться я,—уравновѣситъ нашу внѣшнюю политику, я готовъ поцѣловать у него руку. Общаю тѣмъ легче, что исполнять не придется: они затѣяли невозможное. Они заигрываютъ съ Россіей, они, изволите ли видѣть, руссофилы...

— Виноватъ,—прервалъ я Стамбулова,—съ тѣхъ поръ, какъ я въ Болгаріи, меня смущаетъ одна странность. Смѣнившее насъ правительство со стороны нѣкоторыхъ органовъ, преимущественно же вдохновляемой вами «Свободы», подвергается упрекамъ въ руссофильствѣ. Между тѣмъ въ Россіи значительная часть прессы пророчила, основываясь, главнымъ образомъ, на прошломъ поведеніи настоящаго болгарскаго премьера Стоилова, вполне руссофобскую политику. Какъ помирить эти два взгляда?

— Очень просто. Люди новаго правительства не въ состояніи составить собственныхъ партій. Имъ, каждому въ отдѣльности, не повѣрять, за знаменемъ ихъ не пойдутъ. Случай бросилъ къ власти, власть хороша, за нее надо держаться. А чѣмъ держаться? Гдѣ

партія? Нѣтъ партіи. Ну, нѣтъ партіи своей, надо поддѣлаться подъ чужую. Руссофилы въ Болгаріи огромная и страшная сила. Надо мою энергію, чтобы ее обузывать. Господинъ Стоиловъ и Комп.— недавніе руссофобы, еще больше, чѣмъ русскихъ, бояться потери власти. Поэтому изъ руссофобовъ они со спокойною совѣстью превратятся въ руссофиловъ.

Глазки Стамбулова засверкали.

— Только, предсказываю вамъ это, не удадутся имъ ихъ руссофильскія комедіи. Я знаю: меня въ Россіи считаютъ людодѣдомъ; будто я каждое утро вмѣсто кофе перекусываю кому нибудь горло и пью кровь. Меня считаютъ врагомъ Россіи, въ чемъ ошибаются, и врагомъ русскаго вліянія въ Болгаріи, въ чемъ совершенно правы, чѣмъ я горжусь. Но я былъ всегда открытымъ и, слѣдовательно, честнымъ врагомъ. А новое правительство играетъ съ Россіей въ прятки, въ жмурки; оно думаетъ обольстить ее руссофильствомъ, чтобы добиться разрѣшенія династическаго вопроса, главнаго изъ стоящихъ на очереди.

— Вы играете въ карты?—неожиданно озадачилъ онъ меня вопросомъ.

— Нѣтъ... а что?

— Да такъ: у несовсѣмъ чистыхъ игроковъ есть система—давать партнеру маленькія ставки, а крупныя—бить. Наши мудрецы хотятъ затянуть въ такую игру русскихъ: дать мало, а получить много. Но... Ха-ха-ха! Надутъ Россію! Знаете ли вы, что это значитъ? Это значитъ играть на ошибочные козыри, думать, что имѣешь за собою девяносто девять шансовъ, а на самомъ дѣлѣ они за противникомъ, а у тебя врядъ ли одинъ. Я никогда не боялся никакихъ дипломатовъ и не боюсь, а вашихъ боюсь. Не потому чтобы они были особенно тонки, хитры, дальновидны, пронырливы, дѣятельны, наконецъ, въ агитаціи,—напротивъ, вы иногда держали въ Болгаріи такихъ дипломатовъ, что—храни отъ нихъ Господь всякую страну, наипаче же ту, которой они служатъ! Но потому, во-первыхъ, что у нихъ есть чутье, славянское чутье на насъ, болгарь; они насъ понимаютъ и знаютъ, когда на насъ нажать, когда распустить руку. А, во-вторыхъ, потому, что на русскаго дипломата никогда нельзя положиться, какъ на дипломата западнаго.

— Почему же?

— Оттого, что ихъ полномочія разныя. Всѣ правительства, отправляя дипломатическихъ агентовъ на востокъ, говорятъ имъ: программа твоя вотъ такая-то, а какъ ее выполнять—твое дѣло, тебѣ на мѣстѣ виднѣе. Германская, англійская, австрійская политика въ балканскихъ вопросахъ на Балканахъ же и дѣлается. А русская—вся въ Петербургѣ, здѣсь она только выполняется. Когда англійскій агентъ говоритъ мнѣ «да», я увѣренъ, что и изъ Лондона мнѣ не скажутъ «нѣтъ». А если мнѣ говоритъ «да» агентъ русскій, я

еще очень и очень подумаю ему повѣрить, ибо весьма можетъ быть, что завтра же прилетитъ изъ Петербурга телеграмма съ категорическимъ отказомъ мнѣ и съ головонойкою агенту за самовольство. Русскіе агенты у насъ сами, какъ мнѣ кажется, не знаютъ границъ своихъ полномочій, да не всегда хорошо освѣдомлены и о настроеніи и намѣреніяхъ своего правительства. Я живо помню, какъ, въ день присоединенія Румелии, русскій агентъ совершенно растерялся: поздравлять ему князя или протестовать? А Сливница? А послѣ Сливницы? А переворотъ Баттенберга? А Каульбарсъ? А Сорокинъ? А Хитрово, которому, когда онъ былъ перемѣщенъ, я послалъ вслѣдъ поздравительную телеграмму, ибо онъ былъ радъ избавиться отъ меня, а я былъ радъ избавиться отъ него?

— Съ другой стороны, положимъ, что они искренни,—продолжалъ онъ, помолчавъ,—предположимъ, что они, дѣйствительно, собираются играть въ руссофильскую политику, дѣлать Россіи уступки, пустить ее хозяйкою въ свой домъ. Мыслимо ли это? Не думаю. Моя дѣятельность всегда ляжетъ между Россіей и Болгаріей черною, раздѣльною полосой; ее не такъ-то легко переступить. Было время, когда Болгарія была совсѣмъ русскою. Мнѣ стоило тяжкаго труда отодвинуть ее отъ Россіи. Но теперь я твердо вѣрую, что, по крайней мѣрѣ, раньше пятидесяти лѣтъ сближенія не произойдетъ. А тогда—съ Богомъ! Тогда Болгарія будетъ такъ самостоятельно крѣпка, такъ проникнута сознаниемъ своей неприкосновенной національности, что никакое иностранное вмѣшательство не будетъ страшно. Россія указала путь моей политикѣ, когда совершила огромный промахъ, отозвавъ изъ болгарской арміи своихъ офицеровъ. Пока они были въ Болгаріи, наша армія была на три четверти русскою. Теперь она въ высокой степени національна. Ей не нужны ни русскіе, ни австрійскіе инструкторы. Она самостоятельно развивается и любитъ свое самостоятельное развитіе. Она не потерпитъ иноземнаго вмѣшательства. Введите въ нее снова русскихъ офицеровъ, посадите военнымъ министромъ русскаго генерала,—армія будетъ принципиально противъ нихъ, окажетъ имъ пассивное сопротивленіе бездѣйствіемъ и, слѣдовательно, дезорганизаціей, а, можетъ быть, и военною революціей.

Здѣсь я опять долженъ вставить нѣсколько словъ отъ себя. Говорилъ столь храбрыя и патріотическія слова Стамбуловъ въ іюнѣ 1894 года. А еще въ мартѣ онъ вступилъ въ соглашеніе съ тоже покойнымъ уже министромъ-президентомъ австрійскимъ Кальноки именно о введеніи въ болгарскую армію австрійскихъ инструкторовъ. Взамѣнъ этого, Австрія обязывалась развязать болгарамъ руки въ Македоніи. Сдѣлка эта не состоялась лишь по противодѣйствию ей военнаго министра Петрова, руководившаго именно тѣми мотивами, какіе высказывалъ теперь Стамбуловъ. И, впрочемъ, не думаю, чтобы обѣщаніе Стамбулова Кальноки было

дано серьезно. Степанъ Николаевичъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понимать его неисполнимости. Нѣтъ сомнѣнія, что если онъ и обѣщаль, то обѣщаль съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ надуть Кальноки,—блага австріякъ вѣрить!.. Сдержать же ему слово Стамбуловъ, при всей неограниченности своихъ полномочій, какъ мы увидимъ ниже, не имѣлъ никакой возможности. Стамбуловъ развивалъ свою мысль:

— Господианъ Татищевъ, когда онъ былъ здѣсь — не знаю, офиціознымъ ли посломъ или просто путешественникомъ-дипломатомъ, охочимъ изъ любви къ искусству зондировать почву, предлагалъ въ видѣ компромисса русскую военную стоянку въ двухъ гаваняхъ Чернаго моря: въ Варнѣ и Бургасѣ. Тогда я имѣлъ рѣшимость отвѣтить «нѣтъ». Думаете ли вы, что сейчасъ у меня было бы меньше поводовъ къ такому же отвѣту? Какое основаніе есть у меня довѣряться русской политикѣ хотя бы по вопросу признанія князя? Я знаю, что въ этомъ вопросѣ все зависитъ отъ личной воли его величества государя императора. Прославленная стойкость Александра III въ симпатіяхъ и взглядахъ извѣстна мнѣ не меньше, чѣмъ всякому государственному человѣку въ Европѣ. Я знаю, что однажды государь императоръ уже не пожелалъ признать правъ Фердинанда, какъ принца-католика, на болгарскій престолъ. Имѣя такой огромный отрицательный капиталъ, я не считалъ уже возможнымъ вести двусмысленную политику, какой хочеть держаться новое правительство; заигрывать съ русскими было нечего...

Теперь, когда я снова пишу эти строки, навѣянные Стамбуловымъ, просто оглянуться жутко: что воды утекло за четыре года! Скончался царь-миротворецъ, десять лѣтъ безмолвно державшій Болгарію подъ тяжкою карою своего преарѣнія; убитъ Стамбуловъ, обратившій за эти десять лѣтъ Болгарію въ политиканствующую клоаку; присоединенъ, на ало его побѣдъ надъ конституціей, наследный княжичъ Болгаріи Борисъ къ православію; князь Фердинандъ признанъ и уже трижды былъ гостемъ русскаго царя, а Болгарія, яко бы отторгнутая стамбуловскимъ «геніемъ» отъ Россіи на цѣлые полвѣка, уже давнымъ давно вернулась въ лоно покинутой дружбы. Впрочемъ, о разрывѣ этомъ, якобы столь рѣшительномъ и безповоротномъ, Стамбуловъ уже и въ то время говорилъ черезчуръ самонадѣянно. Онъ не хотѣлъ видѣть, что въ этомъ вопросѣ онъ одинъ противъ цѣлой страны. Живо помню свой разговоръ въ Руцукѣ съ временнымъ его правителемъ г. Петковичемъ. То была личность весьма замѣчательная и съ огромнымъ вліяніемъ въ Руцукѣ,—второмъ по размѣрамъ и политическому значенію городу Болгаріи. Именно его авторитету, энергіи и умѣлой пропагандѣ кн. Фердинандъ былъ обязанъ легкостью, съ какою правительство восторжествовало надъ стамбуловщиною въ Руцукѣ, а, слѣдовательно,

и вообще на всемъ Дунаѣ. Его ждала блестящая карьера, но кончилъ онъ дурно—застрѣлился по неудачной любви ¹⁾).

Онъ говорилъ мнѣ:

— Русскіе имѣютъ о насъ ужасное понятіе. А это больно. Какія бы политическія причины ни раздѣляли болгаръ отъ русскихъ, у нихъ одна кровь, одно происхожденіе, одна вѣра, почти одинъ языкъ. Россія дала намъ свободу, мы ей обязаны нашей арміей. Мы не хотимъ, чтобы русскій солдатъ, стоя на болгарской землѣ, диктовалъ ей свою волю, но никогда ни одинъ болгаринъ не забываетъ и не забудетъ, что кровью этого солдата смыто съ нашей родины пятно рабства. И если Болгарія ужь такъ несчастна, что не можетъ существовать безъ иностраннаго вмѣшательства и опеки, пусть лучше будетъ опека русская, чѣмъ всякая другая. Народная воля указываетъ новому правительству непрѣмное условіе: найти путь примиренія съ Россіей, не оскорбляя въ то же время національнаго самолюбія. Народъ утомленъ отчужденіемъ отъ страны царя-освободителя, полубога Болгаріи. Упорядоченіе нашихъ внѣшнихъ отношеній должно начаться съ Россіи, потому что только ею, собственно, интересуется народъ; упорядочимъ мы отношенія съ Россіей, народъ намъ повѣритъ, нѣтъ,—будетъ тянуться старая канитель. Стамбуловъ запугалъ насъ русскими нагайками. Но всякое запугиванье—до поры до времени. Русскихъ нагаекъ мы не видали, а стамбуловская гуляла по нашему тѣлу восемь лѣтъ. Пора образумиться и не трусить призраковъ, когда дѣйствительность ихъ страшнѣе. Часть, когда Россія согласится признать внутренній распорядокъ Болгаріи *in statu quo*, или съ небольшими поправками, будетъ для насъ такимъ же радостнымъ, какъ часть освобожденія. Но мы любимъ дарованную намъ свободу, желаемъ пользоваться ею самостоятельно, безъ помочей, любимъ свою конституцію... Кто прикасался къ нашей конституціи съ цѣлью поколебать ее, фатально погибалъ, въ томъ числѣ и Стамбуловъ. И такъ наша задача: сохранить въ цѣлокупности народную самостоятельность и все достигнутое и утвержденное народною волею, но въ то же время во что бы то ни стало склонить къ себѣ отторгнутыя симпатіи Россіи, признательность къ которой живетъ въ каждомъ болгарскомъ сердцѣ; ее не знаетъ развѣ лишь ничтожная кучка отъявленныхъ негоднѣвъ, людей безъ совѣсти и отечества.

Мнѣніе Петковича — повторяли мнѣ сотню разъ десятки людей, изъ разныхъ сословій—купцы, доктора, адвокаты— и изъ разныхъ городовъ: изъ Варны, Рушукъ, Силистріи, Тырнова, Систова и др.,—люди, впервые встрѣчавшіеся между собою, но единодушно сходящіеся во взглядахъ.

¹⁾ См. о немъ «Софійское житье-бытье».

— Не думайте, чтобы это была перемена направленія, — говорил молодой варнинскій врачъ Т. (Кіевскаго университета).— Всегда всё такъ думали. Но... мы народъ нетвердый. Палка и деньги одолѣваютъ болгарина. А Стамбуловъ, нельзя не сознаться, пользуется ими мастерски — да и убѣждать онъ умѣетъ! Огромный талантъ, гнусно направленный, но огромный! Столкнули его, наконецъ, вздохнули легче, и всё заговорили...

А когда я, посѣтивъ митрополита Климента, завелъ съ нимъ рѣчь о руссофильской партіи, владыка прервалъ меня словами:

— Какая руссофильская партія? Нѣтъ такой въ Болгаріи! Есть цѣлый руссофильскій народъ, который разныя злонамѣренныя партіи стараются отучить отъ любви къ Россіи, но безуспѣшно. Народъ — вотъ наша партія!

До сихъ поръ Стамбуловъ говорилъ съ видомъ искренно и глубоко убѣжденнаго человѣка, увѣреннымъ твердымъ голосомъ, съ открытымъ, яснымъ взглядомъ. Но затѣмъ глазки его какъ-то и скрытно, и насмѣшливо забѣгали по сторонамъ, интонаціи сдѣлались неувѣренными.

— Они тамъ, эти новые гг. министры, приготовляются судить меня. Пускай судятъ, пускай. Только за что? вотъ вопросъ. Они не найдутъ ни одного факта, ни одного документа, который бы допустилъ мое осужденіе. Все, что я дѣлалъ, я дѣлалъ для блага Болгаріи. Нѣтъ правительства безъ злоупотребленій. Говорятъ, Стамбуловъ — извергъ, Стамбуловъ — звѣрь — долу Стамбулова! Однако, гдѣ люди, кого я мучилъ или истязалъ лично? Я никогда не ударилъ собственноручно ни одного человѣка. А что дѣлалось по участкамъ — виноватъ ли я въ томъ? Я не могъ разбирать людей, ихъ у насъ немного; если я иногда бралъ людей изъ дикой массы, то потому, что на нее можно было положиться, — это были болгары, а не партизаны того или другого коновода, готовые въ угоду своимъ честолюбивымъ шефамъ продать и и меня, и князя, и Болгарію. Наша интеллигенція — дрянь, — рѣзко рванулъ онъ. — Много ли въ ней людей, не побывавшихъ послѣдовательно во всѣхъ партіяхъ? Сегодня выгодна одна, завтра другая, — гдѣ хорошо, тамъ и отечество. То, что творится въ нашихъ образованныхъ классахъ, у васъ только въ Тушинѣ бывало! Такъ ужъ лучше имѣть дѣло съ простецами, чѣмъ съ перевертнями, хотя простецы и грубы и буйны иной разъ. Наконецъ, и въ этомъ отношеніи я имѣю оправданіе: я не создавалъ своей собственной полицейской бригады — я принялъ всю каравеловскую полицію съ ея привычками и традиціями. Вы слышали поговорку «если бы не сопы (палки) Радославова?» знаете его уличную кличку — «сопаджія — сойката» (палочникъ — ворона)? Радославовъ заслужилъ ее, задолго до того, какъ судьба поставила меня у власти. Я унаслѣдовалъ порядки моихъ предшественниковъ и, даю вамъ слово, многое смягчилъ, а не ухудшилъ. Кто докажетъ, чтобы я заставлялъ истязать

людей? Я не отвѣчаю за грубость и дикость своихъ подчиненныхъ. Было бы смѣшно требовать отъ перваго министра отвѣтственности за кулакъ подчаска. Скажутъ: зачѣмъ я не смѣнялъ виноватыхъ? Пусть бы мнѣ указали, кого поставить на ихъ мѣсто. Что же дальше? Сейчасъ я палъ. Когда падаетъ министръ, падаютъ и его подчиненные. Однако побѣдители что-то не торопятся мѣнять моихъ людей и назначать своихъ. Знаете—почему? Потому что имъ неоткуда взять ихъ. Болгарія не такъ богата людьми, чтобы ихъ хватало на всѣ наши превраты!

За исключеніемъ послѣдняго замѣчанія и, пожалуй, указанія, что болгарскіе полицейско-административные приемы были жестоки и дики и до его «воцаренія», Стамбуловъ лгалъ безсовѣстно. «Свободное Слово» въ это же самое время уличало эксъ-диктатора именно въ фактахъ собственноручной кулачной расправы, а лукановское дѣло (см. мою статью «Софійское житье-бытье» въ «Историческомъ Вѣстникѣ») дало богатый новый матеріалъ для такихъ обличеній. Въ оплеухахъ и затрещинахъ сознаваться не сладко, однако я самъ видалъ депутатовъ народнаго собранія, которые, преодолевъ ложный стыдъ, рассказывали о личныхъ оскорбленіяхъ, полученныхъ ими отъ стамбуловской руки. Одинъ изъ такихъ обиженныхъ всегда носилъ въ карманѣ клочекъ своей курчавой черной бороды, выдранный при допросѣ по миларовскому процессу (объ убійствѣ Бельчева) собственными пальцами Стамбулова.

— Когда его, подлеца, будутъ жечь, я этимъ клочкомъ подпалю костеръ,—съ непримиримою злобою въ глазахъ говорилъ обиженный...

— Что же дальше? Что я очень люблю женщинъ? Пускай даже такъ. Но это мое личное дѣло, а не государственное. Я не тянулъ къ себѣ бабъ неволей, никого не обижалъ; въ крайнемъ случаѣ, я ихъ покупалъ,—грубо отрубилъ Стамбуловъ.

Здѣсь я долженъ опять остановиться. Эта фраза эксъ-диктатора, когда я напечаталъ ее въ «Новомъ Времени» вызвала жестокое негодование въ софійскомъ обществѣ.

— Во-первыхъ,—волновался, напримѣръ, министръ торговли Тончевъ,—хорошъ государственный мужъ и семейный человѣкъ, который не стыдится съ такимъ откровеннымъ цинизмомъ заявить на весь свѣтъ, что онъ покупаетъ женщинъ для своего разврата. Во-вторыхъ, даже и это его заявленіе—ложь, даже и эта гадость прикрашена! Между уголовными дѣлами, заявленными на г. Стамбулова по паденіи его частными лицами, огромный процентъ приходится на обвиненія въ изнасилованіи и оболъщеніи. Покупать! Очень можетъ быть, что онъ давалъ своимъ жертвамъ деньги, очень можетъ быть, что онѣ даже и брали деньги... Но хороша покупка, если покупателемъ является всевластный тиранъ, кому стоитъ сказать слово, и братъ, мужъ, отецъ непокорной ему женщины, и сама она очу-

тятся въ застѣнкѣ Черной Джаміи или пятого участка. Онъ вымогалъ женскій позоръ грозой и нравственнымъ насиліемъ, а не покупалъ его,—лжетъ онъ и клеветаетъ на болгарскихъ женщинъ! Между ними, слава Богу, нѣтъ еще продажныхъ.

Стамбуловъ продолжалъ.

— Въ денежномъ отношеніи я готовъ дать отчетъ въ каждой копѣйкѣ. Я имѣлъ неограниченное право распоряжаться государственной казной, однако моя отчетность безупречна. Меня упрекаютъ въ моемъ богатствѣ. Оно не такъ велико, какъ думаютъ. Да я и всегда имѣлъ состояніе; промѣнять адвокатуру на министерство было, повѣрьте, невыгодно сдѣлкой, при моей огромной практикѣ!.. Если будутъ судить меня, то на скамьѣ подсудимыхъ должны явиться вмѣстѣ со мною и наши настоящіе министры. Всѣ они когда нибудь работали вмѣстѣ со мною, подъ моимъ президентствомъ... всѣ! Режимъ мой никогда не мѣнялся, я вель всегда одинаковую внутреннюю политику и одинаковыми средствами. Слѣдовательно, если я виноватъ теперь, то былъ виноватъ и когда они шли за мною; будучи равноправными со мною министрами, они допускали мой образъ дѣйствій, находили его возможнымъ,—значить, и они были преступны вмѣстѣ со мною, и ихъ надо судить.

Однако, наканунѣ моего свиданія съ Стамбуловымъ министръ Тончевъ говорилъ мнѣ по этому поводу совсѣмъ другое:

— Я былъ не только сотрудникомъ, но и интимнымъ другомъ Стамбулова въ эпоху его начинаній. Я считалъ его націоналистомъ, героемъ истиннаго возрожденія болгарскаго народа, возрожденія къ самостоятельному прогрессу и самостоятельной политикѣ, безъ чужой опеки, чужихъ помочей и пеленокъ. Но его противоконституціонныя выходки, его деспотическій, не признающій никакого контроля, образъ дѣйствій, его оскорбительное высокомеріе, желаніе стать выше всѣхъ людей и законовъ, скоро показали мнѣ, что идти за Стамбуловымъ значитъ идти къ гибели своей страны и своей собственной. Я ушелъ отъ него въ оппозицію, по долгу честнаго челоуѣка признаюсь, съ самымъ нехорошимъ чувствомъ къ своему бывшему шефу. У него есть талантъ обращать со временемъ своихъ сторонниковъ, особенно интеллигентныхъ, въ заклятыхъ враговъ. Вы спрашиваете, есть ли формальная возможность судить г. Стамбулова? По моему мнѣнію, такую возможность представляетъ каждое дѣйствіе его режима; каждое дѣло министерскаго архива—доказательство его виновности. Онъ не могъ сдѣлать шага, чтобы не насмѣяться надъ конституціей. Просто—точно болѣзнь какая-то, противоконституціонный психозъ! Поводы къ политическому процессу можно выбирать, зажмуривъ глаза. Стамбуловъ безотчетно, по простымъ роспискамъ, забиралъ, по два, по три милліона левовъ изъ государственной казны на употребленія, ему одному извѣстныя. Факты истязаній, интернированія, изгнаній доказаны: одного этого

достаточно, чтобы дозволивший себѣ подобныя поступки министръ очутился на скамьѣ подсудимыхъ. Стамбуловъ не стѣснился подвергнуть военной экзекуціи неугодившее ему село Садино на цѣлый мѣсяць. По конституціи, это дозволяется въ одномъ лишь случаѣ: если село, завѣдомо властямъ, укрываетъ у себя разбойниковъ, а, разумѣется, никакихъ гайдуковъ въ Садинѣ не было, — оно пострадало исключительно за оппозицію лично стамбуловскому требованію. Посадить Стамбулова на скамью подсудимыхъ можно, когда угодно, и, надо полагать, что, однажды сѣвши на нее, Стамбуловъ уже не сойдетъ съ нея иначе, какъ осужденнымъ государственнымъ преступникомъ.

Во второе свое посѣщеніе Болгаріи, когда Стамбулова не было уже на свѣтѣ и память его понемногу стиралась въ умахъ людей, я не разъ слышалъ въ Софіи мнѣніе даже въ правительственныхъ кругахъ:

— Убили Стамбулова очень жестоко, но все-таки для него лучше, что его убили. Изъ своего процесса онъ не вынесъ бы головы. Со скамьи подсудимыхъ ему была одна дорога — на висѣлицу, по слѣдамъ тѣхъ, кого онъ самъ безвинно перевѣшалъ.

Обвиненія въ денежномъ хищничествѣ, взводимыя на Стамбулова, были огромны. Предполагали, что Стамбуловъ положилъ въ банкъ на свое имя 240.000 франковъ — секретныя безотчетныя суммы годового бюджета двухъ министерствъ — внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ. Кабинетъ Стоилова сдѣлалъ ему запросъ объ этихъ суммахъ, но не получилъ никакого отвѣта.

Изъ реализованной въ счетъ вышшняго займа у Laenderbank'a суммы въ 65.000.000 фр. израсходовано 32.000.000 фр. Единственнымъ активомъ противъ этого пассива была выставлена желѣзнодорожная линія къ рудникамъ на турецкой границѣ. Концессионнымъ способомъ эту линію брались построить за 3.000.000 фр. Предположивъ даже, что избранный хозяйственный способъ постройки оказался значительно дороже, положимъ, въ 5.000.000 фр., — спрашивается: куда же дѣвалось 27.000.000 фр.? Впослѣдствіи Стамбуловъ оправдывался тайною покупкою оружія въ Австріи и Англии, — и все это опять-таки безконтрольно, чуть ли не безъ всякихъ документовъ, съ отчетами «на честное слово». Свою огромную частную полицію, шпіоновъ, палочниковъ и т. д. Стамбуловъ содержалъ на государственный счетъ. Въ бюджетѣ есть фондъ въ 500.000 фр. — на преслѣдованіе и истребленіе въ странѣ разбойниковъ. Этотъ фондъ Стамбуловъ счелъ возможнымъ употребить на преслѣдованіе и истребленіе своихъ противниковъ. При контролѣ израсходованныхъ въ этомъ фондѣ суммъ происходили весьма комичныя сцены.

— Вамъ слѣдуетъ 500 франковъ... однако, сколько намъ извѣстно, вы софійскій обыватель и никогда изъ Софіи не выѣзжали. Какъ же это вы въ Софіи преслѣдовали разбойниковъ?

— Разбойниковъ, какихъ разбойниковъ? Зачѣмъ разбойниковъ?

Я стражарь Степана Николаевича, и никакихъ разбойниковъ знать не знаю и вѣдать не вѣдаю.

Чиновничество стамбуловщины крало и грабило налѣво и направо, какъ попало. Стамбуловъ не только зналъ, что крадутъ, но и давалъ понимать хищникамъ, что знаетъ, чтобы всегда держать ихъ въ рукахъ.

— Мнѣ извѣстно твое преступленіе. Берегись и благодари Бога и меня, что ты еще не въ Черной Джаміи.

Время отъ времени онъ вырывалъ изъ этой рабской толпы какую нибудь случайную жертву—«берущую не по чину»— и отдавалъ подъ судъ. Это наводило страхъ на остальныхъ. Они не боялись ни Бога, ни людей, но боялись Степана Николаевича. Они смѣялись надъ закономъ и совѣстью, но трепетали предъ стамбуловскимъ произволомъ.

Стамбуловъ откровенно говорилъ:

— Мнѣ невыгодно держать на службѣ честныхъ людей. Они слишкомъ самостоятельны, и мнѣ нечѣмъ заставить ихъ плясать по своей дудкѣ...

Что «людей» въ Болгаріи мало и нельзя дѣлать изъ нихъ слишкомъ строгаго выбора для государственной службы, въ этомъ Стамбуловъ былъ совершенно правъ, какъ и въ насмѣшливомъ замѣчаніи: почему правительство князя Фердинанда не въ состояніи смѣнить съ занимаемыхъ ими постовъ чиновниковъ, бывшихъ на его службѣ. Мало того, что не откуда было выбрать—безспорно, и боялись удалять. Психологію этой боязни я изложилъ въ «Софійскомъ житьѣ-бытьѣ»: опасались массовымъ удаленіемъ уволенныхъ увеличить партію стамбуловцевъ, недовольныхъ переворотомъ. Политика эта оказалась довольно мудрою. Провинціальныя служаки Стамбулова, увидавъ, что ихъ не трогаютъ съ мѣста, совершенно равнодушно приняли вѣсть о паденіи своего патрона и стали служить новому начальству столь же усердно, какъ служили старому. Но мириться съ составомъ стамбуловской администраціи и быть за нее отвѣтственнымъ, разумѣется, не могло взять на себя долгаго обязательства никакое правительство.

— Если бы вы знали,—говорилъ мнѣ Петковичъ,—какимъ людямъ раздавалъ Стамбуловъ отвѣтственныя должности! Въ лучшемъ случаѣ, они не имѣли другихъ достоинствъ, кромѣ слѣпой исполнительности, стихійной силы, готовой по хозяйскому приказу выливаться въ какія угодно формы, дѣлать, что велятъ, не разбирая ни средствъ, ни цѣлей. А еще чаще попадали къ власти и завѣдомые негодяи, мучители изъ любви къ искусству, палачи по призванію. Пора очистить Болгарію отъ этой коросты!...

— Правительство!—иронизировалъ Стамбуловъ предо мною,—хорошее, прочное правительство! Они всѣ ненавидятъ другъ друга. Объединило ихъ, создало изъ обломковъ равныхъ партій и фракцій

это правительство пресловутой народной партіи, конечно, не убѣжденіе. Они сплотились изъ ненависти ко мнѣ. Развѣ я не знаю, что всѣ они уже злобятся другъ на друга? Я знаю все, что дѣлается въ министерствахъ. И, какъ только я перестану быть имъ страшень, какъ только они, въ торжествѣ своемъ, успокоятся,—они перегрызутся и станутъ устраивать политическіе скандалы и перевороты... Какая прочная опора для трона!..

Князь Фердинандъ горячо отрицалъ мнѣ эти предположенія павшаго министра, говоря, что Стамбуловъ слишкомъ много беретъ на себя; однако, Стамбуловъ былъ правъ. Да и многія предсказанія его сбылись въ скорости и буквально. Едва правительство обезопасило себя отъ стамбулистовъ, принявъ соглашеніе съ людьми умѣренно руссофильской окраски, сойдясь съ духовенствомъ и народомъ, министерство подверглось жестокой чисткѣ, и неприятели Стоилову доктринеры, Радославовъ и Тончевъ, оказались за бортомъ. Значить, князю Фердинанду и Стоилову они были нужны лишь для того, чтобы они были съ правительствомъ, а не со Стамбуловымъ, и до тѣхъ поръ, пока послѣдній не сойдетъ вовсе на нѣтъ. Они должны были быть съ правительствомъ лишь затѣмъ, чтобы не быть противъ него. Что касается ненависти къ нему, какъ цемента партій, эксъ-диктаторъ былъ опять правъ. Характеръ Стамбулова и тяжелая рука его были слишкомъ хорошо знакомы Болгаріи. Всякій, попадавшій въ первое время послѣ него къ власти, цѣплялся за нее всѣми зависящими отъ него средствами, хотя бы уже для того, чтобы, отступя съ своей тропинки, не открыть доступъ на нее Стамбулову, потому что Стамбуловъ—снова у власти—явился бы тигромъ, вырвавшимся изъ клѣтки въ толпу зрителей, которые долго и безпощадно его дразнили и мучили. Желая ссорить своихъ торжествующихъ побѣдителей, «Свобода», органъ Стамбулова, не постѣснилась прибѣгнуть даже къ открытой клеветѣ на совершенно непричастнаго болгарской политикѣ человѣка. Въ Софіи жилъ г. Василій Водовозовъ, сынъ извѣстнаго русскаго педагога, корреспондентъ одной изъ петербургскихъ газетъ, нынѣ уже покойной «Русской Жизни». На этого г. Водовозова, весьма симпатичнаго и правдиваго молодого человѣка, «Свобода» извела поклепъ, будто Водовозовъ получилъ отъ министра Начевича личныя увѣренія, что, едва установится порядокъ, Тончевъ и Радославовъ будутъ выкинуты за бортъ, какъ балластъ кабинета. Поклепъ былъ правдоподобенъ. Ехидная выдумка взволновала софійское общество. Министры стали объясняться и переругались, такъ что, дѣйствительно, кабинетъ едва не рухнулъ. Стамбуловъ, говорятъ, мною хохоталъ надъ этою исторіею. Дѣло въ томъ, что, хотя Начевичъ не говорилъ г. Водовозову о Тончевѣ и Радославовѣ ни одного слова, да, кажется, и въ глаза его не видывалъ, но Тончевъ и Радославовъ, дѣйствительно, были обречены на паденіе. Стамбуловъ зналъ это, и ему

надо было пустить черную кошку между своими врагами—устаи по возможности нейтральными. Выборъ его палъ на русскаго корреспондента. Корреспонденту «Berliner Tageblatt'a» Стамбуловъ подчеркнулъ вражду между гг. Тончевымъ и Радославовымъ... Мнѣ онъ пророчилъ стоиловскую измѣну князю и отечеству. Словомъ, всѣмъ и каждому изъ правительства, начиная съ князя, Стамбуловъ старался передать черезъ людей печати что либо неприятное и опасное про своихъ враговъ, а его временныхъ товарищей и союзниковъ. Старый принципъ Маккиавели: *divide et impera!*

— Они думаютъ,—смѣялся Стамбуловъ,—что я не прочь бы эмигрировать. Нѣтъ, я останусь въ странѣ. Я хочу слѣдить за ними, какъ будутъ они подготавливать народное собраніе. Я не думаю, чтобы могъ опять взяться за государственныя дѣла, стать у власти, сдѣлаться первымъ министромъ. Но я не могу позволить сѣсть свою партію. Говорятъ: стамбуловской партіи нѣтъ. Тогда, позвольте, зачѣмъ же преслѣдуютъ людей, бывшихъ со Стамбуловымъ, преданныхъ Стамбулову? Каковы бы ни были эти люди, они служили опредѣленному порядку, служили власти. А у нихъ есть ли власть? Помилуйте! Я теперь уже простой гражданинъ, съ такими же правами, какъ и всякій въ Софіи,—не могу показаться изъ дома, чтобы уличные мальчишки не оскорбили меня свистками и криками «долу»... И они не властны оградить отъ этихъ безобразій своего бывшего товарища! Ну, Богъ не безъ милости, не я первый падаю! Пали министры до меня, будутъ падать и послѣ меня... Тогда они поймутъ, какъ позволять толпѣ разнуздываться! Возвращаюсь къ вопросу объ эмиграціи. Я имѣлъ въ этомъ смыслѣ намекъ изъ дворца, гдѣ, хоть я и палъ, будутъ жалѣть, если я сдѣлаюсь жертвой злобы «народной партіи»... Нѣтъ, я не поѣду! Я останусь въ Софіи или уберусь въ мой родной городъ Тырново, но за границу не сдѣлаю шага... можетъ быть, отправлю своихъ дѣтей въ Италію.

На другой день послѣ разговора со Стамбуловымъ меня посѣтилъ софійскій начальникъ почтъ и телеграфовъ, Иванъ Петровичъ Стояновичъ¹⁾. Я спросилъ у него, насколько можно вѣрить искренности этихъ намѣреній Стамбулова. Г. Стояновичъ засмѣялся.

— Стамбуловъ, ѣдущій въ Тырново! Вы немножко видѣли напу провинцію. Ненависть къ его тираніи тамъ сказывается съ вдвое большею яростью, чѣмъ въ Софіи. Онъ и здѣсь-то, можетъ быть, живъ только потому, что правительство держитъ въ комендантскомъ управленіи полуроту солдатъ, всегда готовую защитить Стамбулова, если бы народъ вздумалъ броситься на домъ его. Онъ цѣлъ потому, что правительство благоразумно стало между нимъ и народною яростью. Но въ провинціи я за голову Стамбулова не поставлю ни гроша. Если его откроютъ, ему не доѣхать до

¹⁾ См. «Софійское житье-бытье».

первой станціи: разорвать въ куски. Развѣ правительство дастъ ему цѣлый полкъ конвоемъ, чтобы нельзя было добраться до коляски. Въ тотъ же день, когда онъ выйдетъ изъ-подъ полицейскаго надзора,—онъ къ вечеру покойникъ! Вы бы видѣли, что дѣлалось на Левской 21-го мая, когда Стамбуловъ ѣздилъ прощаться съ княземъ...

Это былъ первый выѣздъ павшаго министра послѣ переворота. Условлено было, во избѣжаніе уличныхъ сценъ, что онъ пріѣдетъ во дворецъ тайно и экстренно, какъ бы нечаянно. Это удалось. Но, проѣзжая во весь опоръ мимо большого Софійскаго бульвара, Стамбуловъ былъ узнавъ кѣмъ-то изъ гуляющихъ. Вѣсть, что онъ у князя, съ быстротою молніи облетѣла весь городъ и, пять минутъ спустя, огромная площадь передъ дворцомъ, садъ и Левская улица превратились въ живой муравейникъ. Толпа ревѣла, проклинала, пѣла патріотическія пѣсни. Полиція, отчаявшись сохранить порядокъ, прибѣгла къ хитрости: поставила городскихъ какъ бы для расчистки пути Стамбулову по Левской улицѣ; вниманіе толпы сосредоточилось на нихъ. Тѣмъ временемъ Стамбуловъ окольнымъ путемъ вскачь помчался къ своей квартирѣ.

— Други! Насъ надули,—крикнулъ кто-то, и народъ бросился догонять или переулками пустился наперерѣвъ ускользнувшей было жертвѣ. Догнали. Стамбуловъ былъ смертельно блѣденъ отъ злости или отъ страха, кто его знаетъ. Извинительно, если и отъ страха, потому что было чего испугаться.

— Въ клѣтку тебя! Въ клѣтку!—ревѣла толпа... Свистали, грозили палками, плевали въ коляску...

Одинъ студентъ, недавняя жертва стамбуловскаго интернированія, вскочилъ на подножку экипажа и, при восторженныхъ рукоплесканіяхъ разъяренной толпы, плюнулъ прямо въ лицо своего врага...

— Счастье, что удалось повезти его окольнымъ путемъ,—говорила полиція.—Все-таки здѣсь было меньше народа, чѣмъ на Левской улицѣ. По ней Стамбуловъ врядъ ли доѣхалъ бы живымъ.

Когда онъ добрался до дома, то, говорятъ, затопалъ ногами на встрѣтившаго его полицейскаго чиновника.

— Куда вы смотрите? Что дѣлаете? Народъ распустили, мерзавцы! Я васъ перевѣшаю!

— Попробуйте!—дерзко возразилъ полиціантъ.

Это былъ уже ударъ ослинаго копыта, но... заслуженный!.. Самъ Стамбуловъ фразу о перевѣшаніи отрицалъ, утверждая, будто онъ сказалъ только:

— Я вамъ еще покажу себя!

Кромѣ непосредственной ненависти къ Стамбулову лично, сцена эта имѣла подкладкою и угрожающую демонстрацію по адресу князя Фердинанда—въ своемъ родѣ первое предостереженіе послѣднему: дескать, не вздумай вернуть и снова посадить намъ на шею «ти-

ранина и блудника», вотъ, ты видишь, какъ мы къ нему относимся. Дѣло въ томъ, что и провинція, и отчасти Софія не сразу повѣрили въ искренность князя Фердинанда по вопросу объ удаленіи Стамбулова и довольно долго предполагали, что отставка всемогущаго министра—результатъ искусственнаго давленія на князя, преимущественно со стороны княгини Маріи-Луизы. Участіе княгини въ переворотѣ было значительно преувеличено молвою, а затѣмъ австрійскою прессою, которая, съ легкой руки одного интервьюера, явившагося ко мнѣ въ Вѣнѣ отъ «Neue Freie Presse», провозгласила принцессу Марію-Луизу центромъ оппозиціонной партіи, агитаторшей противъ Стамбулова. Совсѣмъ не то. Антипатія молодой и симпатичной принцессы была, безспорно, одною изъ главнѣйшихъ причинъ паденія «тиранина и блудника». Но противодѣйствіе ея Стамбулову было не активно агитаціоннаго характера, а чисто женское, пассивное противодѣйствіе, противъ котораго, правду сказать, труднѣе всего выстоять... Вы имѣете нужнаго человѣка, дорожите имъ, боитесь его, вамъ съ нимъ трудно разстаться; но если ваша жена будетъ уходить изъ дома всякій разъ, какъ «нужный человѣчекъ» въ домъ вашъ входитъ,—недолго продержитесь вы за нужнаго человѣчка.

Сомнѣніе въ томъ, что искусственно отстраненный отъ власти Стамбуловъ можетъ опять вернуться къ ней, угнетало страну.

— Онъ такъ хитеръ и богатъ, такъ смѣлъ и нахаленъ,—говорили мнѣ на Дунаѣ,—есть у него зубы, есть... Покуда онъ живъ, Болгарія—подъ вѣчнымъ страхомъ его тираніи. Что его судить? Онъ умнѣе своихъ судей и богаче. Онъ и обойдетъ ихъ, и купить. У насъ въ Болгаріи палкою и деньгами можно сдѣлать, что угодно. Чтобы пропали змѣиные зубы, надо, чтобы пропала змѣя.

— Вы хотите сказать...

— Убить его слѣдуетъ,—вотъ что.

А одинъ старикъ прямо не вѣрилъ, что Стамбуловъ палъ.

— Какъ можно?—спорилъ онъ, качая головою,—кто его свалить? Нѣтъ, намъ съ нимъ вѣкъ вѣковать... Что вы мнѣ говорите: «князь его оставилъ?» Онъ и князя сожретъ... Захочетъ, и самъ княземъ будетъ...

Словомъ какъ въ старой баснѣ: «сильнѣе кошки звѣря нѣтъ».

— Бѣда въ томъ,—говорилъ мнѣ другой старикъ депутатъ,—что князь до сихъ поръ убѣжденъ, будто Стамбуловъ—честнѣйшій человѣкъ и лучшій болгаринъ. Первая неудача правительства, и Стамбуловъ можетъ снова очутиться у власти. А это будетъ ужасно, потому что онъ не забудетъ ненависти, которую проявилъ народъ при его отставкѣ. Я думаю, онъ самъ не ожидалъ, что такъ опостылѣлъ странѣ. Да и шутка ли! вѣдь у рѣдкаго изъ насъ нѣтъ родственниковъ, подвергнутыхъ интернированію эмигрантовъ, изгнанниковъ. Меня два раза истязали, того томили въ тюрьмѣ, этого такъ

стѣснили полицейскимъ надзоромъ, что онъ предпочелъ удавиться... Люди пропадали безъ вѣсти. Переодѣтые бравы, какъ въ средне-вѣковой Италіи, производили необъяснимыя убійства. Возможно ли при другомъ режимѣ, не стамбуловскомъ, такое нахальное преступленіе, какъ убійство Бельчева? Такая пощечина правосудію, какъ миларовскій процессъ? Родные боялись розыскивать своихъ исчезнувшихъ братьевъ, племянниковъ, дядей, потому что черезчуръ смѣлыхъ легко постигала та же участь. Гдѣ собралось трое друзей, четвертымъ подходилъ шпионъ. Собѣдъ, поссорившись съ сосѣдомъ, мстилъ ему доносомъ, и доносъ являлся не только обвинительнымъ актомъ, но и приговоромъ. Неосторожное слово о Стамбуловѣ — и человѣка истязали, сажали въ тюрьму, интернировали въ глушь... И вы еще удивляетесь, что мы имѣемъ видъ школьниковъ, выпущенныхъ послѣ уроковъ! Посмотрѣли бы вы первый день нашей свободы... Люди цѣловались на улицахъ, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье!.. И представьте, что это блаженство не надолго, что опять эта мрачная тѣнь, эта костистая, желѣзная лапа... Ну, а, впрочемъ, разъ добытыя блага дешево назадъ не уступаются... Вернется Стамбуловъ,—пусть правительство пеняетъ на себя: страна отвѣтитъ революціей.

Самыми рьяными оппозиціонерами Стамбулову были такъ называемые «поборники», т. е. участники въ русско-турецкой войнѣ за освобожденіе Болгаріи. Окруженные всеобщимъ почетомъ, они пользуются въ населеніи огромнымъ вліяніемъ. Это — какъ въ Италіи всюду первыя мѣста гарибальдійцамъ. Стамбуловъ, сознавая ихъ авторитетъ, старался привлечь ихъ на свою сторону, въ чемъ и успѣлъ у человѣкъ сорока. Но общая поборническая масса осталась непреклонно вѣрно своимъ убѣжденіямъ. Есть легенда, будто въ свое время Стамбуловъ хотѣлъ отдѣлаться отъ митрополита Климента путемъ тайнаго убійства. Но поборники, предвидя это, предупредили, что, если съ митрополитомъ приключится бѣда, не сдобровать самому Стамбулову. Этотъ рѣшительный ультиматумъ заставилъ тирана одуматься. Поборники явились вождями противостамбуловскихъ митинговъ по всей провинціи. Бурныя демонстраціи достигли цѣли. Въ грозные софійскіе дни 18—21-го мая правительство было принуждено убѣдиться, что отнынѣ для него слова: Стамбуловъ и революція,—будутъ имѣть одинаковое значеніе. Революція же противъ Стамбулова—революція противъ австрійскаго режима, противъ Австріи въ Болгаріи. Австрійскому принцу, князю Фердинанду поставленъ былъ выборъ: что спасать въ Болгаріи? себя или Австрію?—идти впередъ съ народомъ или противъ народа? Онъ рѣшился спасти себя и пойти съ народомъ.

Рѣшился, нельзя не согласиться съ противниками князя Фердинанда, очень осторожно, на ощупь, оставивъ себя, на всякій случай, лазейку къ примиренію съ Стамбуловымъ, если бы оказалось,

что послѣдній дѣйствительно силенъ въ народѣ—какъ запугивалъ онъ ранѣе своего государя—и въ состояніи заставить правительство вернуть его къ власти. Лазейкою явился княжескій рескриптъ павшему министру, написанный въ самыхъ любезныхъ выраженіяхъ, и едва было не погубившій въ корень новорожденной популярности князя Фердинанда. Вѣрнѣе новому министерству, онъ сомнѣвался въ его прочности. Втайнѣ недолюбливая ни Стоилова, какъ друга цанковистовъ, ни Радославова, какъ друга каравелистовъ, принцъ не могъ не бояться, что рано или поздно, а не обойтись ему снова безъ Стамбулова. И правой рукой давалъ экс-директору пинка въ шею, а лѣвою гладилъ по головкѣ: кто тебя знаетъ? можетъ, и пригодишься. Но когда настроеніе умовъ въ Болгаріи вполне выяснилось, Стамбуловъ оказался политическимъ мертвецомъ, а рескриптъ князя—вѣнцомъ, положеннымъ ему на лобъ, чтобы съ честью проводить его въ гробъ. Князь видѣлъ передъ собою въ будущемъ порядочный рискъ, а въ настоящемъ полную неопредѣленность положенія. Стамбулова надо сплавить, а люди-должные и обязавшіеся его замѣнить, не могутъ сразу столкнуться и составить кабинетъ. Это былъ первый сюрпризъ князю со стороны призванной къ власти «оппозиціи» послѣ стамбуловщины, т. е. послѣ того, какъ Стамбуловъ подалъ въ отставку, но она еще не была принята принцемъ. Извѣстно, что министерство 18 мая сладилось лишь подъ угрозою полковника Петрова объявить, въ случаѣ, если гг. министры *in spe* долго будутъ мѣшкать организаціей кабинета, военную диктатуру. Князь чувствовалъ, что играетъ въ темную на крупный кушъ, имѣя противъ себя опредѣленные и сильные шансы, а за себя — очень шаткіе и еще не выясненные: Богъ знаетъ, что въ прикупкѣ... хорошо, если сильная карта, а вдругъ—одинъ «жиръ»? Необходимости давать Стамбулову хвалебный рескриптъ, пожалуй, не было, но возможность дать была и возможность въ положеніи князя Фердинанда извинительная.

Самъ Стамбуловъ относился къ рескрипту, какъ, впрочемъ, и ко всему въ то время, что исходило отъ князя Фердинанда, довольно презрительно, по крайней мѣрѣ, на словахъ:

— Зачѣмъ мнѣ его похвалы? Я всѣмъ своимъ успѣхомъ обязанъ лично себѣ,—говорилъ онъ мнѣ,—но долженъ прибавить: и счастьемъ. Оно всегда стояло за меня. Иностранные дипломаты, вмѣшиваясь въ наши дѣла, хотѣли мнѣ вредить и вмѣсто того помогали. О нашихъ политикахъ не стоитъ и говорить: они своими глупостями неизмѣнно играли мнѣ въ руку. Меня искали убить и, вмѣсто меня, убили другого,—это исторія Бельчева... Счастье дало мнѣ власть. Я смѣлъ хотѣть, чего не посмѣютъ мои преемники. Я имѣлъ возможность принять отвѣтственность за судьбу Болгаріи лично на себя—предъ цѣлымъ свѣтомъ: предъ Европой, предъ враждебной Россіей... и страна дозволила это. Раскнутъ ли на это гг. Стоиловъ, Радославовъ и ихъ парти-

заны? Нѣтъ, у нихъ нѣтъ авторитета и силы. Пять мѣсяцевъ—вотъ сколько срока даю я для ихъ существованія. Въ вопросѣ о вѣроисповѣданіи престолонаслѣдника все было противъ меня: страна, духовенство, печать, моя собственная партія... Я былъ одинъ. Но я заставилъ вычеркнуть 38-й пунктъ. Чѣмъ? Моимъ личнымъ авторитетомъ, общественнымъ сознаниемъ моей необходимости. Я взялъ портфель подъ мышку: если 38-й пунктъ будетъ существовать,—я не ручаюсь, что князь найдетъ невѣсту и оснуетъ династію; не ручаясь за это, я не могу оставаться у власти, я уйду... Мнѣ покорились. Пропастъ между Россіей и Болгаріей расширилась на много саженой. Я далъ Болгаріи династію и честно служилъ ей. Пятнадцать разъ просилъ я князя объ отставкѣ... пятнадцать разъ! и пятнадцать разъ онъ молилъ меня удержать портфель. Теперь—совершенно неожиданно—ему угодно было принять мою отставку... что-жъ? государи не всегда бываютъ благодарны и благодаразумны. Но неблагодарность и неблагодаразуміе не проходятъ людямъ даромъ. Я сохранилъ бы престолъ князю, а его новые друзья продадутъ его при первомъ выгодномъ случаѣ. Потерявъ меня, онъ потерялъ престижъ. Онъ отдалъ себя въ руки предателей. Я не далъ ему въ руки много власти, но со мною онъ процарствовалъ бы до конца своей жизни. Теперь же онъ не нынче завтра будетъ скитаться по Европѣ, какъ Александръ Баттенбергъ. Когда этимъ господамъ—Стоиловымъ и К^о. придется туго, они не задумаются выкупать свои головы его головою. Ему не слѣдовало принимать моей отставки...

Вотъ когда Стамбуловъ, дѣйствительно, много бралъ на себя. Онъ такъ привыкъ самъ къ неограниченной власти, что никакъ не могъ представить себѣ, чтобы и другіе становились къ кормилу правленія просто для правленія, безъ мечтаній о всевластной диктатурѣ. Онъ, быть можетъ, самый антиконституціонный дѣятель политической конца XIX вѣка, забывалъ одно: что смѣнвшій его Стоиловъ, въ противность ему, рѣдкій представитель строгаго конституціонализма, вѣрноподанный «короля-народа», готовый исполнить волю своего многомилліоннаго повелителя, хотя бы воля эта шла въ разрѣзъ съ его личными взглядами и симпатіями. Народъ звалъ правительство къ Россіи. Князь Фердинандъ внялъ зову и пошелъ. Пошелъ за нимъ, можетъ быть, на первыхъ порахъ скрѣпя сердце, но съ обычною корректностью западникъ и бывший австрофилъ Стоиловъ. Въ результатѣ, на зло пророчествамъ Стамбулова, колебавшійся тронъ князя Фердинанда стоитъ теперь прочно—не шелохнется, а Стоиловъ премьерствуетъ уже четыре года безсмѣнно—для Болгаріи чудо чудное, диво дивное!

Любопытно, что, подтвердивъ мнѣ неожиданность своей отставки, Стамбуловъ спустя нѣсколько недѣль послѣ нашего разговора, заявилъ корреспонденту газеты «Berliner Tageblatt» совершенно обратное, выставляя въ доказательство справедливости своихъ словъ именно

какъ разъ тѣ же факты, что, во-первыхъ, онъ «пятнадцать разъ подавалъ въ отставку» (въ разговорѣ со мною это, какъ читатель видѣлъ, служило доказательствомъ для совершенно противнаго), во-вторыхъ, что передъ отставкою онъ демонстративно отсутствовалъ на встрѣчѣ князя съ молодой княгиней, когда они вернулись въ Софію изъ Эбенталя. Совершенно вѣрно: и подавалъ и отсутствовалъ. Но какое же это возраженіе? Въ отставку Стамбуловъ просился всякій разъ, зная навѣрняка, что князь ее не приметъ, что князь считаетъ его крестомъ своимъ, но безусловною необходимостью для себя. Да и выбиралъ онъ для просьбъ такіе трудные моменты, когда, пожалуй, и впрямь былъ необходимъ. Отсутствовалъ на встрѣчѣ Стамбуловъ по болѣзни, приславъ князю, вмѣсто себя, въ высшей степени умильное посланіе. Да и не было ли это демонстративное отсутствіе вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣрою пугнуть князя? Вѣдь было время, когда Фердинанду было втолковано, что Стамбуловъ—все, что онъ только и держится Стамбуловымъ, что за Стамбулова—народъ, что вражда со Стамбуловымъ — погибель для династіи; князь чувствовалъ себя княземъ не «Божіей милостью и волею народною», а прихотью Стамбулова. И вотъ этотъ всемогущій Стамбуловъ демонстраціонно протестуетъ противъ княжеской четы, не желая ее встрѣтить... Ахъ, какой ужасъ! Надо скорѣе умилостивить Стамбулова, согласиться на всѣ его возможныя и невозможныя требованія, принести ему извиненія. Мы видѣли, какъ выразился бухарестскій дипломатъ объ отношеніяхъ князя и Стамбулова именно по поводу отсутствія его при встрѣчѣ: политическіе люди приняли это извѣстіе за знакъ, что плохо-то приходится не Стамбулову, а князю Фердинанду, и были не мало удивлены экстреннымъ паденіемъ перваго...

Окончательно ослѣпилъ Стамбулова отказъ князя принять его отставку послѣ скандальной савовской исторіи, въ корень погубившей перваго министра въ глазахъ молодой княгини Маріи-Луизы, женщины честиѣйшихъ убѣжденій и высоко-нравственнаго образа мысли. Она, какъ уже указано, никогда не симпатизировала Стамбулову вразрѣзъ съ свекровью своею знаменитою принцессою Клементиною, которая его поддерживала и видѣла въ немъ единую опору Фердинандова трона. Но послѣ савовской исторіи Марія-Луиза возненавидѣла перваго министра. Я уже рассказывалъ, въ «Софійскомъ житьѣ-бытьѣ», что она выходила изъ дворца всякій разъ, какъ пріѣзжалъ къ князю Стамбуловъ, не желая оставаться подъ одной кровлей съ человѣкомъ, котораго считала врагомъ страны, династіи, воплощеніемъ всяческихъ насилій и разврата. Однако на практикѣ это принципиальное отвращеніе сперва ничѣмъ не сказалось. Жена военнаго министра Савова, опозоренная Стамбуловымъ и его шайкой, хотя и потерпѣвшая, была вычеркнута изъ списковъ порядочнаго общества. Савовъ вызывалъ Стамбулова на

дуэль,—Стамбуловъ отъ дуэли отказался, а Савовъ былъ ославленъ сумасшедшимъ и потерялъ министерскій портфель, переданный Стамбуловымъ, на горе свое, энергичному и честолюбивому полковнику Петрову.

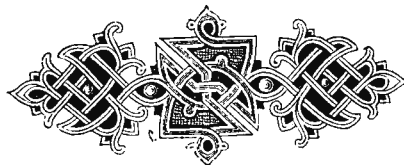
Стамбуловъ тоже—для вида—подавалъ въ отставку, но тогда-то онъ уже навѣрное зналъ, что ея не примутъ: была эпоха, когда ему въ послѣдній разъ улыбнулось счастье, и онъ даже едва-едва не поправилъ своей утраченной репутаціи борца за національную идею—побѣдою надъ греками въ вопросѣ о болгарскихъ епископахъ въ Македоніи. Словомъ, былъ одинъ изъ моментовъ, когда Фердинандъ чувствовалъ сильнѣе, чѣмъ когда либо: этотъ разбойникъ позорить меня, но онъ гений и необходимъ... И, хотя скандализованный (извѣстна его рѣзкая телеграмма Стамбулову изъ Эбенталя), онъ взглянулъ на Савовскую исторію сквозь пальцы. Тогда Стамбуловъ рѣшилъ:

— Если я даже эту передѣлку пережилъ, значить, я не поколебимъ.

Но... есть анекдотъ о шулерѣ, который, благополучно передернувъ короля червей, даму-пикъ и шестерку-трефъ, вдругъ совершенно неожиданно былъ выброшенъ въ окно за бубновую девятку. Нѣчто подобное, какъ мы теперь увидимъ, произошло и со Стамбуловымъ.

А. Амфитеатровъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПОѢЗДКА НА МУРМАНЪ.

(Путевыя замѣтки).

I.

ВТОМЪ минувшаго года мнѣ пришлось, по порученію поморскаго комитета, побывать на Мурманѣ, на той сѣверной окраинѣ, которая въ послѣднее время стала обращать на себя вниманіе нашихъ правительственныхъ и общественныхъ сферъ.

Еще предъ выѣздомъ изъ Петербурга я начерталъ себѣ кружный путь, то-есть рѣшилъ ѣхать по желѣзной дорогѣ на городъ Вологду и вернуться водою.

Въ Вологду я пріѣхалъ 1-го іюля и на другой день отправился на пароходѣ «Кострома» въ Архангельскъ. Народу ѣхало такъ много, что нѣкоторымъ пассажирамъ было отказано въ продажѣ билетовъ. Первый классъ (10 мѣстъ) еще ранѣе телеграммою былъ абонированъ академической экспедиціей, ѣхавшей на Новую Землю для наблюденія, 28-го іюля, солнечнаго затменія. Я помѣстился во второмъ классѣ (18 мѣстъ), гдѣ больше находились богомольцы, ѣхавшіе по данному обѣту въ Соловецкій монастырь. Что же касается такъ называемой «палубной» публики, то она брала мѣста съ бою и гнѣздилась гдѣ попало.

Мы тронулись вечеромъ въ прекрасную погоду. Проѣхавъ 60 верстъ рѣкою Вологдой, пароходъ вступилъ въ рѣку Сухону, кото-

рой надо было плыть 463 версты до города Устюга, гдѣ Сухона сливается съ рѣкою Югомъ и образуетъ рѣку Сѣверную Двину.

На трапѣ одинъ изъ пассажировъ, хорошо знающій сѣверные водные пути, между прочимъ, замѣтилъ:

— Слава Богу, нынѣ полземъ безъ приключеній.

— Какія же возможны приключенія?—спросилъ я.

— А какже,—продолжалъ онъ,—сядете, какъ ракъ на мели, и извольте юлить нѣсколько часовъ. Но въ сей годъ удивительное лѣто, воды сколько угодно. Обыкновенно же бываетъ такое мелководье, что воду приходится поднимать искусственнымъ образомъ.

— Это какъ же?

— Очень просто. Сухона вытекаетъ изъ Кубенскаго озера, гдѣ устроенъ шлюзъ. Черезъ каждые 5—6 дней воду изъ озера спускаютъ, и уровень рѣки поднимается. Однако и тогда трудно избѣжать посадокъ на мель, сплошь да рядомъ случается, что пароходъ тащится въ Архангельскъ не четверо сутокъ, какъ теперь, а цѣлую недѣлю и болѣе. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра.

— А что?

— Да въ малую воду здѣсь стерлядка ловится хорошо. Ловятъ ее на переметы и сбываютъ промышленникамъ въ Тотъмѣ, а оттуда направляютъ въ Питеръ. Способъ лова, можно сказать, исключительный. Стерлядка попадаетъ, за отсутствіемъ рыбака, на крючокъ и главное безъ наживки.

Я любопытствовалъ насчетъ способа, и незнакомецъ мнѣ сообщилъ слѣдующее:

— Переметь—это толстая веревка, на которой въ извѣстномъ разстояніи привязываются крючки на подвѣскахъ, примѣрно въ аршинъ длиною, къ изгибу крючка на коротенькой волосяной лескѣ прикрѣпляется пробка. Когда переметь лежитъ на днѣ, пробки тянуть вверхъ и водятъ подвѣски. Стерлядка играетъ съ пробкой, бьетъ ее хвостомъ, трется, скачетъ и зацѣпляется крючкомъ. Попадаясь брюшкомъ, она повреждаетъ внутренности и скоро засыпаетъ; такая стерлядка цѣнится дешево—15 копеекъ штука. Если же будетъ поймана за хвостъ или хребетъ, то держится живою въ лодкахъ до осени и сбывается по 1—1 руб. 50 коп. за штуку.

Между тѣмъ, пароходъ привалилъ къ Тотъмѣ. Началось движеніе палубныхъ пассажировъ. Среди говора и шума доносились возгласы священника, служившаго на пристани молебень. На берегу пріѣзжую публику осаждали деревенскіе подростки, предлагая купить молоко, яйца и пр. Была объявлена стоянка около часа, поэтому я успѣлъ обойти всю небольшую Тотьму.

Городокъ живописно раскинулся на высокомъ берегу, онъ утопалъ въ зелени густыхъ садовъ и палисадниковъ. Благодаря высокому положенію и песчаному грунту, городъ не вязнетъ въ грязи, подобно многимъ нашимъ уѣзднымъ городамъ. Прямые, чистые улицы,

красиво выстроенные дома придавали городу живой и веселый видъ. Недалеко въ долину красовался Спасо-Суморинскій монастырь, гдѣ покоятся мощи св. Ѳеодосія, тотемскаго уроженца, работавшаго, по преданію, на мѣстномъ солеваренномъ заводѣ. Мощи высоко чтутся православнымъ людемъ и привлекаютъ массу богомольцевъ, наравнѣ съ Соловками. Не безъ сожалѣнія я покинулъ этотъ уютный уголокъ. Едва пароходъ тронулся, публика на пристани заволновалась, прижалась къ периламъ. Удаляясь, мы слышали прощальные привѣты, добрыя пожеланія, и вдругъ среди нихъ раздавался чей-то женскій голосъ: «ай, батюшки, кошелекъ вытащили!»

— Въ такой глуши и карманники,—сказалъ я какъ бы про себя.

— Ну, не скажите,—замѣтилъ мнѣ рядомъ стоящій господинъ.— Я Тотѣму прекрасно знаю и убѣжденъ, что въ ней этой мерзости не водится. Вѣрнѣе, карманники сопровождаютъ насъ и пользуются сутолокой на пристаняхъ. Въ доказательство приведу фактъ. Въ мою прошлогоднюю поѣздку по службѣ вырѣзали карманъ у дамы, которая все время не сходила съ парохода и только разъ протѣснилась среди пассажировъ, чтобы подняться на трапъ. Скоро опять будетъ сутолока, приѣдемъ въ Великій Устюгъ,—добавилъ пассажиръ.

Дѣйствительно, чрезъ короткое время, по множеству главъ и крестовъ, ярко блестящихъ на солнцѣ еще издалека, мы узнали этотъ городъ.

Такимъ образомъ, проѣхавъ рѣку Сухону, можно сказать, что правый берегъ ея отлогіи, поросъ мелкимъ ельникомъ, а лѣвый—высокій песчаный, съ лѣпящимися кое-гдѣ на краю деревьями; подмываемый теченіемъ, онъ имѣетъ во многихъ мѣстахъ поползни.

Въ общемъ, на Сухонѣ было какъ-то безжизненно, мертво — ни одного груженаго судна, ни одного лѣснаго плота; иногда, впрочемъ, по берегамъ промелькнутъ косари, убирающіе сѣно, или встрѣтятся пароходъ, буксирующій вверхъ по рѣкѣ двѣ-три пустыя баржи.

Въ Устюгѣ пароходъ стоялъ почти цѣлый день. Я прошелся по городу, который показался мнѣ грязнымъ, соннымъ; строенія большею частью старыя, какъ-то некрасиво разбросаны. Изъ характерныхъ чертъ города слѣдуетъ отмѣтить, какъ сказано, большое число церквей.

Вступивъ въ Двину, мы вскорѣ завернули въ узенькую рѣчку.

— На этомъ мѣстѣ, господа, гдѣ мы теперь ѣдемъ,—объяснилъ намъ возвращавшійся домой архангельскій священникъ,—лѣтъ десять тому назадъ протекалъ маленькій ручеекъ. Съ каждымъ годомъ ручеекъ разливалось да разливалось, и нынѣ изъ него образовалась цѣлая рѣка Черная, длиною верстъ десять. Благодаря ей, пароходъ избѣгаетъ колѣна и экономитъ лишнихъ 30 верстъ.

Проѣхавъ Черную, мы привалили къ заштатному городу Красноборску. Послѣдній стоитъ высоко на горѣ, выглядывъ хмуро, печально, населеніе его бѣдное, исключительно мѣщанское, занимается земледѣліемъ и отчасти ловомъ стерляди.

Послѣ Красноборска стали попадаться косы—песчанья отмели, лежащія поперекъ рѣки. Пароходъ хотя и не садился на мель, но тѣмъ не менѣе чрезъ косы шель тихо и неприятно царапаль днищемъ по руслу.

Проѣзжая Двину, мы видѣли устья притоковъ ея — рѣкъ Вычегды, Ваги и Пинеги. Между послѣдними, въ одномъ мѣстѣ, верстѣ на пятнадцать, тянутся алебастровые, бѣлые какъ снѣгъ, берега съ землянымъ наслоеніемъ, на которомъ растетъ густой кустарникъ.

Вообще берега Двины отлогіе, песчаные, кое-гдѣ покрыты лѣсомъ, а большею частью открываются не то луга, не то болота. Побережнныя селенія встрѣчаются рѣдко. Пароходъ останавливался у селеній Ускорья, Березняка, Звоза, Усть-Пинеги, Котласа и спускаль пассажировъ-крестьянъ, возвращавшихся, вѣроятно, съ работъ изъ внутреннихъ губерній.

Въ с. Котласѣ вышелъ инженеръ, который мнѣ рассказываль въ пути, что онъ ѣдетъ строить котласскій участокъ великой сибирской желѣзной дороги. Она пойдетъ, какъ извѣстно, изъ Сибири на Пермь, протянется отсюда около 900 верстѣ и упрется въ Котласъ. Въ селѣ предполагають построить большіе хлѣбные магазины, гдѣ будетъ сохраняться мука отъ зимней доставки, а съ открытіемъ навигаціи она можетъ быть сплавлена на судахъ въ Архангельскъ.

Кругомъ на Двинѣ ни движенія, ни звука, если не считать кулика, который изрѣдка пролетитъ надъ головой и крикнетъ пискливо.

Утромъ, на пятны сутки, мы пріѣхали въ Архангельскъ, проплывъ на пароходѣ слишкомъ 1.100 верстѣ. Городъ спалъ подъ пасмурнымъ небомъ и казался какъ бы вымершимъ.

II.

Въ Архангельскѣ я пробыль шесть дней. Городъ большой и, какъ центръ сѣверной торговли, населенъ богатыми людьми. Прежде въ Архангельскѣ селились голландцы и нѣмцы. Эти иноземцы страшно эксплуатировали наши сѣверныя окраины въ отношеніи отпуска лѣса за границу и быстро богатѣли, оставляя своимъ наслѣдникамъ крупныя состоянія. Нынѣ потомки гг. Шольцевъ, Линдесовъ, Фонтейнесовъ, предаваясь праздности, живутъ, какъ говорится, всласть; имѣють капиталы, ѣздятъ на рысакахъ, задають вечера, балы; ихъ богатые дома составляютъ самую лучшую часть города, именуемую «Нѣмецкой слободой». Тотъ конецъ города, который приходится ближе къ морю, называется «Солонбалой». По поводу этого названія существуетъ такой анекдотъ. Однажды жившіе тамъ купцы пригласили къ себѣ на балъ Петра Великаго. Правда, государь почтилъ балъ своимъ посѣщеніемъ, но очень короткимъ, такъ какъ балъ почему-то ему не понравился. Скорое отбытіе Петра купцы сочли за немилость и о причинахъ ея поинтересовались узнать

отъ самого царя. Послѣдній, не долго думая, категорически отвѣтилъ: «солонь балъ». Вотъ изъ этихъ двухъ словъ, будто бы, и составилось имя приморской стороны города. По красотѣ Архангельскъ одинъ изъ лучшихъ русскихъ городовъ. Улицы широкія, прямыя, чистыя, съ деревянными троттуарами. Однако, нельзя не поставить въ упрекъ архангельцамъ одного: они забыли своего земляка, великаго русскаго ученаго, М. В. Ломоносова. Дѣло въ томъ, что противъ присутственныхъ зданій поставленъ этому ученому памятникъ, пришедшій, къ сожалѣнію, въ большое запустѣніе. Памятникъ поросъ мхомъ, зеленоватыми лишаями и заглохъ травкою. Когда же я былъ въ Архангельскѣ въ прошлую зиму, то замѣтилъ, что монументъ не только не освѣщался (фонари есть), но даже былъ заваленъ снѣгомъ. Никому не приходило въ голову хотя бы отрыть снѣгъ настолько, чтобы было можно приблизиться къ рѣшеткѣ; надо было смотрѣть на памятникъ издалека, съ дороги. Дома въ городѣ большіе, красивой архитектуры и, за обиліемъ и дешевизной лѣса, преимущественно деревянные. Городъ стоитъ на рыхлой почвѣ, поэтому каменные фундаменты здѣсь не въ употребленіи, а вбиваются для основанія сотни свай и воздвигаютъ строенія. Особенность архангельскихъ домовъ та, что строятся они въ размѣрахъ для двухъ этажей, а на самомъ дѣлѣ бываетъ одинъ, съ высокими окнами. Впрочемъ есть и нижнее помѣщеніе, но оно напоминаетъ подъизбицы; тамъ хранятся разные припасы. Вентилируются дома также оригинально: просто въ стѣнахъ сверлятся, диаметромъ въ 2—3 вершка, дыры и затыкаются деревянными пробками.

Общественная жизнь въ Архангельскѣ лѣтомъ какъ-то замираетъ и начинаетъ проявляться съ осени. Въ теченіе сентября оживляетъ городъ бойкая Маргаритенская ярмарка. Тогда къ берегамъ Двины приплываютъ изъ Норвегіи и съ Мурмана сотни судовъ, совершаются сдѣлки на соленую и сушеную рыбу съ внутренними рынками. Въ то время лавки, кабаки, трактиры торгуютъ на славу.

Въ недалекомъ будущемъ Архангельскъ ожидаетъ еще большее оживленіе; къ нему проводится изъ Вологды желѣзная дорога. Объ этой дорогѣ я слышалъ не мало курьезовъ и подчасъ даже анекдотическаго характера. Дорога будетъ проложена по кратчайшей линіи между двумя точками, пройдетъ по тундровымъ болотамъ и не коснется не только городовъ, но даже селеній. Я бесѣдовалъ съ однимъ изъ строителей дороги.

— Наше общество, ведя дорогу прямолинейно, жестоко ошиблось,—говорилъ онъ. — Просило двѣ дополнительныхъ ассигновки отъ правительства и получило, да, пожалуй, и еще потребуются сумма. Много, видите ли, болотъ и довольно глубокихъ. На первыхъ же порахъ засыпали одно болото, а чрезъ 10—15 дней засыпки какъ не бывало. Въ 60-ти верстахъ отъ Вологды встрѣтили такую топь, что вбивали сваи и наращивали 4 бревна по 10 сажень.

Несомнѣнно, эта дорога станетъ обществу въ копеечку. А тутъ еще пугаютъ новой бѣдой.

— Какой же именно?

— Наше общество рассчитываетъ больше всего на движеніе грузовъ, а говорятъ, что въ этомъ отношеніи ему подставить ногу Пермь-Котласская дорога. Конечно, наша дорога, стоящая большихъ денегъ, не въ состояніи будетъ понизить тарифъ въ сравненіи съ сибирской и въ этомъ направленіи потеряетъ много прибыли.

— Правда ли, что общество хотѣло передать дорогу въ казну?

— Не знаю, но думаю, что въ рукахъ общества она пробудетъ недолго. Трудно эксплуатировать такую дорогу частнымъ предпринимателямъ.

Относительно прокладки дороги одинъ чиновникъ сообщилъ мнѣ нѣчто болѣе интересное.

— Ну, ужъ и дорожку же ведутъ къ намъ господа инженеры—ахтительную,—говорилъ онъ.—Представьте, хотѣли забить сваями бездонное болото.

— Это какъ же?

— Смѣшно, знаете ли. Вколотили на тундрѣ нарощенныя сваи, а онѣ взяли да и вынырнули на озеркѣ, лежащемъ въ 15 верстахъ. Попали, значить, на подземную воду. Пошли въ обходъ, забрались въ казенный лѣсъ, а ихъ тамъ и накрыли. Теперь извольте тягаться съ казною—дѣло нешуточное.

— Дорога небезопасная.

— Конечно. Ведутъ, не разбирая грунта, лишь бы была короче да подешевле. Впрочемъ, не строителямъ кости-то ломать.

Я согласился съ этимъ.

— Вотъ тоже насчетъ вокзала...

— Опять неладно?

— Хуже. Архангельскій вокзалъ предполагаютъ поставить на противоположномъ берегу, гдѣ сел. Рикасиха. Это разстояніе будетъ чрезъ Двину въ 14 верстъ. Лѣтомъ и зимою большихъ неудобствъ не будетъ—безспорно, но весною, когда начнется ледоплавъ, и сяди пассажиръ на томъ берегу недѣли.

— Отчего не построить вокзалъ на городскомъ берегу?

— Соблюдаютъ свои интересы. Если построить его на нашей сторонѣ, то близъ Архангельска чрезъ Двину мостъ невозможенъ, а надо линію перебросить гдѣ нибудь въ верховьяхъ и вести ее по правому берегу, а тамъ, какъ говорятъ, потребуется не одинъ мостъ и, слѣдовательно, неизбѣжны лишнія затраты. Такъ дѣло и не сходится.

Кромѣ того, мнѣ рассказывали, какую штуку выкинуло желѣзнодорожное общество съ рабочими. Послѣдніе были вызваны изъ центральныхъ губерній на выгодныхъ для нихъ условіяхъ, но на мѣстѣ плату имъ понизили до минимума и кормить стали скверно, несмотря

на то, что работать, сверхъ ожиданія, приходилось въ постоянной сырости. Такое положеніе рабочихъ привело къ тому, что они забастовали и цѣлою артелью пришли въ Архангельскъ къ губернатору съ жалобою на общество. Это было лѣтомъ въ 1895 году. По словамъ архангельцевъ, рабочіе съ утра до ночи толпились у губернаторскаго дома, взывая о своемъ горѣ; потомъ голодные въ рубищахъ валялись отъ истощенія на берегу, выпрашивая у прохожихъ милостыню. Иные жители, чуткіе къ людской нуждѣ, приносили имъ хлѣба и платье. Благодаря губернатору, несчастные отхожники, обольщенные мнимою выгодною, были удовлетворены.

12-го іюля, я выѣхалъ изъ Архангельска на товаро-пассажирскомъ пароходѣ «Николай II», который ходитъ въ Вардѣ и обратно.

Въ первомъ классѣ, кромѣ меня, было два—три мурманскихъ факториста, нѣсколько чиновниковъ и докторъ изъ генераловъ, обладавшій буквально кубической фигурой. Сначала мы прошли 45 верстъ по устью Двины, мимо плавучаго маяка, затѣмъ направились вдоль такъ называемаго «зимняго» берега и отъ него стали перерѣзать самое узкое мѣсто Бѣлаго моря, подвигаясь къ Терскому берегу ¹⁾. Надъ горизонтомъ раскаленнымъ ядромъ висѣло полуночное солнце и болѣе уже не опускалось, а, напротивъ, готовилось къ восхожденію. Одинъ изъ фактористовъ, видимо хорошо знающій сѣверный край, обратилъ мое вниманіе на уклоненіе парохода отъ берега и замѣтилъ:

— Теперь мы ѣдемъ черезъ морское «горло», довольно опасное для плаванія. Опаснымъ оно считается споконъ вѣковъ, а въ 1894 г. еще разъ подтвердилась его грозность.

— Несчастіе было?

— Большое бѣдствіе. Случилось это въ сентябрѣ, и именно въ то время, когда суда шли на Маргаритенскую ярмарку въ Архангельскъ. Налетѣвшій шкваль со снѣгомъ засталъ суда въ «горлѣ» и такъ тряхнулъ немилосердно, что около тридцати ихъ разбило въ щепки, погибли нѣкоторые хозяева, а также не мало матросовъ. Послѣ поморы, оставшіеся дома, отыскивали по берегамъ клочья одежды и куски разбитыхъ о скалы тѣлъ; по нимъ признавали своихъ родственниковъ и горько оплакивали. Этотъ штормъ лишилъ куска хлѣба болѣе двадцати семействъ, но рука дающаго не оскудѣваетъ. Теперь, благодаря денежнымъ пожертвованіямъ, сироты обезпечены до совершеннолѣтняго возраста.

— Неужели погибли всѣ суда безъ исключенія?

— Нѣтъ, не всѣ. Спаслись только тѣ, которыя измѣнили курсъ къ берегу и ихъ выбросило на сушу. Въ числѣ такихъ судовъ было и мое. Капитанъ направилъ судно къ ближайшему берегу, и оно очутилось на скалахъ безъ мачтъ, парусовъ, съ громадными про-

¹⁾ Сѣверный Бѣлаго моря.

боинами, но главное экипажъ остался въ живыхъ, хотя натерпѣлся не мало ужасовъ.

— Откуда шли эти суда?

— Одни шли съ Мурмана, груженные рыбой отъ тамошнихъ улововъ, другія—изъ Норвегіи, куда они возятъ архангельскій хлѣбъ, продаютъ его тамъ, покупаютъ рыбу и везутъ обратно на ярмарку, или просто обмѣниваютъ муку на рыбу.

— И большихъ размѣровъ торговое мореходство?

— А вы ѣдете на Мурманъ?—вдругъ спросилъ меня фактористъ. Я далъ утвердительный отвѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ говорить о торговлѣ на русскомъ берегу вамъ нечего—сами узнаете. Вотъ скажу о нашихъ судахъ, ходящихъ за границу. Есть много мореходныхъ судовъ въ селеніяхъ по «зимнему» берегу, что лежитъ вправо отъ Архангельска. Затѣмъ, влѣво, начиная отъ г. Онеги и кончая г. Кемью, имѣется въ бережныхъ селеніяхъ также не мало судовъ, словомъ, насчитывается ихъ не менѣе четырехъ сотъ. Всѣ суда строятся въ своемъ же поморѣ изъ мѣстнаго лѣса; строятся прочно и снабжаются хорошимъ такелажемъ. По вооруженію и по самому устройству бѣломорскія суда больше относятся къ типу шкунъ. Каждое судно имѣетъ свое названіе, но преимущественно плаваютъ подъ покровительствомъ св. Николая.

— А стоимость всѣхъ судовъ и количество привозимой рыбы вамъ неизвѣстны?

— Считали какъ-то и опѣнили всю флотилію въ одинъ милліонъ. Рыбы же ежегодно продается на архангельскихъ рынкахъ около милліона пудовъ.

Изъ дальнѣйшей бесѣды я узналъ, что бѣломорское населеніе, помимо мореходства, зарабатываетъ хлѣбъ отъ сельдяного, семужьяго, тюленьяго, наважьяго и лѣснаго промысловъ, а главнымъ образомъ уходитъ на Мурманъ и тамъ занимается ловомъ трески. Съ мурманскимъ тресковымъ промысломъ я ознакомился лично и скажу о немъ впослѣдствіи. Другіе же ничего особеннаго изъ себя не представляютъ, за исключеніемъ тюленьяго, который изобличаетъ въ поморѣ такую отважность, что даже вѣрить трудно. Весною въ горло моря приплываютъ на льдинахъ тюлени изъ полярныхъ странъ и самка дѣлаетъ «лежку», т. е. выбрасываетъ на ледъ дѣтенышей и воспитываетъ ихъ слишкомъ мѣсяць, а затѣмъ, подъ именемъ «кожи», старые и молодые тюлени направляются вдоль мурманскаго берега, поворачиваютъ у Норвегіи и скрываются къ полюсу. Въ этотъ періодъ времени на «зимнемъ» и терскомъ берегахъ крестьяне составляютъ артели въ 5—6 человекъ, забираютъ карбасы съ полосьями, продовольствіе и идутъ къ берегу. Тутъ поморы отыскиваютъ болѣе крѣпкій, плотный ледъ и ступаютъ по немъ до самаго края, затѣмъ пешнями откалываютъ льдину и пускаются въ море

по волѣ вѣтра. Лѣдина носится въ водномъ пространствѣ по нѣсколько сутокъ. Поморы разводять на ней огонь, грѣются, готовятъ пищу и тутъ же спятъ у костра. Плавая, такимъ образомъ, на льдинѣ, промышленники сталкиваются съ другою льдиною, на которой лежатъ тюлени. Послѣдніе кажутся черными пятнами, въ которыя и пускаются пули. Иногда лѣдина долго носится въ морѣ, и поморы за недостаткомъ пищи и топлива коченѣютъ, ѣдятъ сырую тюленину. Лѣтъ пять тому назадъ отплыла отъ с. Золотицы артель тюленьщиковъ; промыселъ былъ неудачный, плавали нѣсколько недѣль и, наконецъ, прибило ихъ къ терскому берегу. Отсюда обезсиленные, истощенные промышленники, добираясь домой, обогнули пѣшкомъ все Бѣлое море. Въ большинствѣ случаевъ поморы приплываютъ къ своему берегу съ хорошею добычею. Иной разъ они возвращаются скоро, привозятъ сотни пудовъ сала и десятки шкуръ. Случается, поморы встрѣчаютъ такую массу тюленей, что издали лѣдина кажется какъ бы покрытою толстымъ слоемъ земли, а вблизи оказывается, что это лежатъ на ней сплошь тюлени. Тогда уже ихъ не стрѣляютъ, а просто убиваютъ палками, ударяя по головѣ, которая въ это время такъ нѣжна, что тюлень издыхаетъ отъ незначительнаго удара. Сало завертывается въ шкуру и продается все вмѣстѣ 1 р. 50 к.—2 р. за пудъ.

Пришли къ св. Носу, откуда считается начало Ледовитаго океана. На полуостровѣ поставленъ маякъ, благодѣтельный для мореплавателей, направляющихся къ Архангельску.

Дальше потянулся однообразный, мрачный мурманскій берегъ. Это сплошной каменистый утесъ, нерѣдко прерываемый бухтами различныхъ широтъ. Утесъ состоитъ изъ гранита, желѣзняка, кварца и, конечно, лишень всякой растительности; покрытъ зеленоватосѣрыми лишаями и отчасти торфянымъ мхомъ. Встрѣчаются также овраги, въ которыхъ лежитъ вѣчный снѣгъ, подернутый пылью, какъ сѣрватою вуалью. Мурманскій берегъ къ западу постепенно возвышается и достигаетъ въ иныхъ мѣстахъ до 600 фут. надъ уровнемъ моря.

Въ тѣхъ бухтахъ, гдѣ берега песчаные и способствуютъ челобѣку укрываться отъ бурь и всякихъ невзгодъ природы, въ особенности, гдѣ есть источникъ прѣсной воды, ютятся колоніи съ постоянными жителями и временныя становища пришлыхъ рыбаковъ.

Первой колоніей со становищемъ была на пути Лица. Она расположена въ самой губѣ, отчасти по устью р. Лицы. На правомъ берегу стоитъ колонія, а на лѣвомъ—становище. Въ колоніи шесть бревенчатыхъ избъ, довольно прочныхъ и уютныхъ. Я вошелъ въ одну изъ нихъ и заговорилъ о промышленныхъ и бытовыхъ дѣлахъ съ колонистомъ Рѣдькинымъ, который впервые пришелъ сюда изъ Кемскаго уѣзда пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

— Что заставило тебя поселиться здѣсь?

— Нужда, баринъ, истинно нужда. Жилъ я въ селѣ Кандалакшѣ По мѣстности тамъ хорошо: лѣтомъ тепло, зелено, красиво; были. луга, держалъ скотину, огородъ имѣлъ. На родинѣ я промышлялъ сельдкой и могъ кормить семью, но въ послѣдніе годы сельдь стала ловиться неприбыльно—меньше и мельче. Дошло до того, что на хлѣбъ не сбиться. Свелъ со двора овецъ, корову, да не надолго хватило денегъ. Пошелъ въ работникахъ на Мурманъ ловить рыбу и заработалъ хорошо. А на другой годъ и подумалъ: буду промышлять на Мурманѣ больше, казна деньгами ссужаетъ колонистовъ, такъ и скотиной обзаведусь, ребята безъ молока не останутся. Полюбовалось мнѣ здѣсь, и рѣшился на постоянное житье.

— Какъ же, съ семьей добрался?

— Продавъ на родинѣ имущество, домъ, получилъ сорокъ рублей и поѣхалъ. Путь былъ тяжелый, нечего сказать, потому довольствіе купи и за дорогу на пароходѣ заплати. Да, и послѣ несладко было.

— Но вѣдь ты пособіе получилъ и поправился?

— Оно точно получилъ, но когда. Ежели-бъ выдавали его въ деревнѣ, а то я жилъ здѣсь два года въ землянкѣ. Долго тянулось это самое пособіе и еле ужъ хату оборудовалъ.

— А какъ здѣсь строятся?

— По близости берега прута нѣтъ; развѣ только по рѣчкамъ кое-какая мелкота растетъ. Колонисты покупаютъ избы срубленными въ архангельскихъ лѣсахъ и привозятъ на пароходахъ. Наша изба на мѣстѣ цѣнится въ 150—200 рублей, да поставитъ ее на Мурманѣ чего стоитъ.

— Развѣ дорого?

— Судите сами. Срубить бревно въ 3 саж. и погрузить на пароходъ можно за 50 коп., а представить его въ Лицу пароходное общество беретъ 1 рубль. Дощечка на заводѣ стоитъ 30 коп., а намъ она обходится въ 70 коп. Опять же насчетъ дровъ. Въ Архангельскѣ дрова ни почемъ, а на Мурманѣ онѣ по 6—7 рублей сажень. Значитъ, мурманскимъ колонистамъ и приходится говорить: за моремъ телушка—полушка, да перевозъ рубль.

— Хлѣбъ покупаете тоже въ городѣ?

— Нѣтъ, невыгодно. Его привозятъ въ колонію фактористы на судахъ и продаютъ по 7—7 р. 50 к. куль. Купить же самимъ въ Архангельскѣ да пароходомъ привезти обойдется дороже.

— А скотоводство у васъ, чай, скудное?

— Скотинка у насъ что ни на есть жалостная. Съ полсотни овецъ и олешекъ, а изъ коровъ только одна, да и ту на вашъ пароходъ грузить будутъ для продажи въ Норвегію. Луговъ здѣсь нѣтъ, сѣно косимъ въ ложбинахъ, кто сколько успѣетъ, безъ всякаго надѣла. Только и хватается для овечекъ. Олешки лѣтомъ падутся въ тундрѣ и пригоняются домой, когда на пастьбѣ одолѣ-

вать стануть комары. Съ хозяйствомъ тутъ горе. На счетъ огородной овощи и подумать не смѣй, потому камень голый, да и стужа держится долго. Вотъ олешекъ разводить можно знатно, но мы, крестьяне, къ дѣлу этому не привычны, и ежели дворъ имѣеть 3—4 штуки, то для своего обихода — совичокъ¹⁾ спить, али тамъ цимы²⁾.

— Весь заработокъ заключается, конечно, въ рыбныхъ ловляхъ?

— Надо думать. Безъ рыбы какое житье. У каждой семьи есть свой карбасъ, рыболовныя снасти. Часть улововъ продаемъ на суда прїѣзжимъ купцамъ и покупаемъ хлѣбъ, потомъ солимъ и сушимъ для себя на всю зиму, такъ и живемъ.

— Что дѣлають колонисты зимою?

— Бабы скотинку присматривають, ребятишекъ блюдутъ, обѣдъ и ужинъ справляють; мы, мужики, ѣдимъ за сѣномъ на олешкахъ; иной разъ прокатимся 27 верстъ до сосѣдней колоніи Харловки, а не то и дальше. Больше на нарахъ да на печкѣ валяешься.

— Вы бы занялись какимъ нибудь ремесломъ?

— На родинѣ я былъ хорошимъ бондаремъ, сельдяные боченки собиралъ. И здѣсь бы хорошо заняться этимъ дѣломъ, да лѣсъ доставить дорого, а боченкамъ цѣна извѣстная, на матеріалъ не вырuchiшь.

Далѣе изъ словъ Рѣдькина я узналъ, что колонисты все неграмотные, да и заносить грамоту сюда некому. Не заносять ее даже и нижніе чины, потому что колонисты освобождены отъ военной службы. Религіозныя требы исполняются священникомъ, который наѣзжаетъ разъ въ годъ и преимущественно лѣтомъ на пароходѣ.

Съ 1-го апрѣля по 20-е мая продолжается весна, это пора небольшихъ тумановъ и прилета птицъ, въ особенности чаекъ. До 10-го іюля стоитъ лѣто. Въ этотъ періодъ времени солнце не сходитъ уже съ горизонта, снѣгъ исчезаетъ, выходятъ грибы, поспѣваетъ морошка, черника. По 1-е октября считается осень. Тогда часто льютъ проливные дожди; туманы бываютъ до того сильныя, что положительно застилають все окружающее пространство, и не видно предметовъ въ самомъ близкомъ разстояніи. Сѣверныя вѣтры разводять страшныя штормы. Въ остальное время выпадають глубокіе снѣга и покрывають землю слоемъ въ 3—4 аршина. Вьюги и мятели гуляють на свободѣ и часто сбивають путника съ дороги. Зимою солнце совсѣмъ не показывается, и въ сутки свѣтъ стоитъ, да и то слабый, около двухъ часовъ. За то въ моровныя дни бываютъ «сполохи» (сѣверное сіяніе), при которыхъ можно хорошо распознавать мелкіе предметы. Температура тепла достигаетъ 20° R., а холода 15° R.; однако холода стоятъ упорно и продолжительно.

¹⁾ Оленья рубаха.

²⁾ Оленьи сапоги.

Я переѣхалъ рѣчку и поднялся по крутому берегу, гдѣ лѣпились убогіе станы пришлыхъ поморовъ. Станы построены изъ толстыхъ досокъ, на живую нитку, безъ всякаго соблюденія прямыхъ проходовъ: одни стоятъ лицомъ къ лицу, другіе бокомъ, третьи отвернулись другъ отъ друга. Запахъ отъ тресковыхъ головъ, сложенныхъ кострами и просыхающихъ на солнцѣ, отвратительно бьетъ въ носъ. Въ становищѣ царилъ тишина, точно въ необитаемыхъ жилищахъ, у берега не было видно ни промышленнаго карбаса, ни шняки. Около одного стана я увидѣлъ старика, который осматривалъ веревки и крючки, видимо, дѣлая ревизію рыболовнымъ снастямъ. Подойдя къ старику, я вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Должно быть, рыбаки на промыслѣ?

— Всѣ тамъ, въ голымени,—указалъ старикъ въ сторону моря.

Насъ живо окружили мальчики, въ возрастѣ 10—15 лѣтъ, именуемые зуйцами, въ сравненіе съ маленькой птичкой зуйкомъ. Грязная засаленная дѣтвора смотрѣла на меня сосредоточенно, ихъ лица выражали не то испугъ, не то удивленіе. Зуйки — это неотъемлемая принадлежность каждаго становища. Мальчики послѣ лова отвиваютъ тюки, то-есть освобождаютъ короткую веревку съ крючкомъ, которая винтообразно закручивается вокругъ снасти, когда послѣдняя бываетъ въ дѣлѣ.

— Ты, дѣдушка, кто же будешь здѣсь?

— Я-то? А вотъ на старости лѣтъ справляю суево дѣло. До-прежъ, когда была силушка, хаживалъ и я въ море съ полсотни годовъ. Болѣ-то я тутъ смотрюкомъ состою.

— Это что значить — смотрюкъ?

— Видишь ли, море мною на своемъ вѣку извѣдано доподлинно. Я, къ примѣру, оглянупу кругомъ небо и скажу: ребята сегодня не выметывай ярусовъ, потому завтра задуетъ сѣверикъ, сгонить съ мѣста, и снасти утратятъ. А то иное: ребята, повремените до утра, сегодня повечеру туманъ падеть.

— Сколько въ этомъ становищѣ рыбаковъ и судовъ?

— Хозяевъ десятка два наберется, да работниковъ подручниковъ, почитай, сотня будетъ. На счетъ посудинъ¹⁾ скажу, здѣсь больше промышляютъ на карбасахъ и одно лѣто, потому посудина эта небольшая. Вотъ, скажемъ, шняка-та больше и ходитъ въ море съ весны по осень.

— Почему на карбасахъ промышляютъ только лѣтомъ?

— Въ эту пору море тише, а на карбасѣ далеко отъ берега не уѣдешь,—боязно на маленькой посудинѣ забираться въ голымень.

— Какъ вамъ вообще здѣсь живется?

— Мы живемъ нелюбопытно. Ты поспрошай дальше, въ Гаври-

¹⁾ Промысловое судно.

Городъ Тотьяма.

ловѣ, али въ Териберкѣ; промышленнаго народу тамъ много, ну, и житье бываетъ всякое.

Я сообщилъ старику, что въ этихъ колоніяхъ намѣренъ не только побывать, но и прожить нѣсколько дней.

— Поживши да приглядѣвши въ тамошней жизни, можно знать, какая такая доля рыбацкая.

Старикъ снова сталъ распутывать снасти и низко опустилъ голову, какъ бы желая этимъ дать понять, что доля рыбака далеко незавидная.

Я вернулся на пароходъ и поѣхалъ въ сосѣднюю колонію Харловку. Она стоитъ, какъ и первая, при рѣчкѣ вмѣстѣ со становищемъ. Гдѣ станы, тамъ берегъ низкій, усыпанный мелкими камнями. Противоположный гораздо выше, песчаный, покрытъ жидкою травой, на немъ высятся только двѣ избы, которыя и составляютъ всю колонію. Въ избахъ я нашелъ однѣхъ женщинъ, а мужчины были на промыслѣ. Колонистки, стѣсняясь моимъ присутствіемъ, на вопросы отвѣчали неохотно. Отъ нихъ я, между прочимъ, узналъ, что Харловка возникла два года назадъ; въ ней проживаетъ шесть работниковъ, и всѣ промышляютъ, конечно, рыбой.

— Другихъ промысловъ у васъ нѣтъ?

— Можно было бы и на звѣря ходить, — отвѣчала колонистка постарше. — Вонъ, зимою, лисицы рыскаютъ подъ самыми окнами. Мужики ладили ловушки, да лисица хитручая, нейдетъ. Говорили, стрѣлять ихъ сподручно, а гдѣ у насъ ружья и припасы? Такъ добыча и уходитъ изъ рукъ

— А нужду въ чемъ либо имѣете еще?

— Вѣдь мы поселились тутъ недавно. Пока ничего, а напередъ, что Богъ дастъ. Думаемъ, что на счетъ топлива будетъ тяжело. Привозныя дрова въ большой цѣнѣ, а лѣсовъ близъ нѣтъ. Въ прошлую зиму по берегамъ рѣчекъ рубили кустарникъ и имъ отапливали избы.

Затѣмъ я былъ въ харловскомъ становищѣ, которое ничего отличительнаго не имѣетъ ни по внѣшности, ни по количеству рыбаковъ и судовъ.

Слѣдующія колонія и становище Рында лежали въ 30-ти верстахъ.

Когда мы стали на рейдъ, то было видно, что колонія и становище расположились въ глубинѣ губы Рынды, которая сначала вдается нѣсколько прямо, а потомъ поворачиваетъ направо, давая такимъ образомъ возможность поселенію скрываться за морскимъ берегомъ отъ злыхъ вѣтровъ. Станы ютятся у самаго берега, а колониетскія избы немного выше. Въ сравненіи съ гигантскими скалами, строенія выглядели мизерными, какими-то игрушечными. Тамъ живутъ и трудятся люди, за нихъ становится жутко, и невольно думается, какъ они могутъ выносить жизнь въ такой природѣ, бокъ-о-бокъ съ вѣчно бушующимъ океаномъ.

Въ Рындѣ я сначала былъ въ становищѣ, а потомъ поднялся въ колонію и бесѣдовалъ съ колонистами. Станы убогіе разбросаны въ беспорядкѣ и большею частью на камняхъ. Я встрѣтилъ много поморовъ, сидѣвшихъ и лежавшихъ безъ всякаго дѣла.

— Вы что же, ребята, не на промыслѣ?

— Наживки не стало,—отвѣтилъ одинъ изъ рыбаковъ.—Въ ней самой весь промыселъ состоитъ.

Наживка—это маленькая рыбка, именуемая песчанкой и мойвой. Она ловится на отлогихъ песчаныхъ берегахъ и насаживается для приманки на крючекъ.

— Такъ какъ же быть безъ наживки?

— А вотъ пока нарѣзаемъ червячковъ изъ семги и наживляемъ яруса ¹⁾. Но треска на семгу идетъ плохо, да такая наживка и не выгодная. Работаетъ въ морѣ двое сутокъ и едва напромышляетъ на расходы по семгѣ. Ужъ только и маешься изъ того, чтобы хозяева не говорили, что сидимъ, сложа руки. Нынче наживка была у береговъ недолго, а потомъ ушла въ голымень, и когда придетъ сызнова—Богъ вѣдаетъ. Большіе будутъ убытки. Пять судовъ стоятъ подъ посолку рыбы, а не нагрузить, почитай, и трехъ.

— Много васъ въ становищѣ?

— Болѣе ста покручниковъ. Ловимъ у тридцати хозяевъ на сорока посудинахъ. Еще зуетъ десятка два наберется.

— А какъ продовольствуетесь?

— Мы работаемъ на хозяйскихъ харчахъ, да такъ и во всѣхъ становищахъ. Наши хозяева берутъ провизію у факториста; они тоже едятъ въ каждомъ становищѣ.

Болѣе я ничего не могъ узнать отъ рыбаковъ и поднялся въ колонію. Поселеніе выглядитъ порядочнымъ, а нѣкоторыя избы даже свидѣтельствуютъ о зажиточности хозяевъ. Эта колонія образовалась слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ. Здѣсь я повстрѣчался съ однимъ колонистомъ, поселившимся изъ первыхъ.

— Когда я пришелъ,—говорилъ онъ,—въ колоніи было два двора, а нынѣ наберется съ десятокъ, и, слышно, еще заявлено начальству о переселеніи изъ поморья. Противъ нашей колоніи трещочка стала ловиться лучше, ну, и тянетъ промыселъ колонистовъ. У насъ такіе ловы, что самимъ не справиться и нанимаемъ работниковъ.

— На какихъ же условіяхъ?

— Ежели на лѣто, то харчъ нашъ, впередъ 40 рублей и послѣ промысла 30 рублей каждому работнику. Весною, въ прибыльный промыселъ, рядятся не за плату, а изъ части, на манеръ какъ бы покручники въ становищахъ. Каждому полагается $\frac{1}{12}$ часть всего улова. Къ примѣру, поймаетъ шняка, при 4-хъ работникахъ,

¹⁾ Веревка съ крючками, длиною до 10 верстъ.

1.200 пудовъ рыбы, значить, по 100 пудовъ ловцамъ, а остальное беретъ колонистъ. Скажемъ, хозяину придется 800 пудовъ, зато его посудина, снасти, харчъ.

— Ваша колонія, кажется, изъ лучшихъ?

— Живемъ ничего, только сельское общество стало обижать. Намъ дали въ надѣлъ семужьи ловы по р. Рындѣ, и мы вылавливали семги на 600 рублей, но это было недолго. По какимъ такимъ правамъ, не знаю, общество запретило намъ промыслять и теперь отдастъ рѣчку въ аренду лопарямъ; они ловятъ, а мы—глядимъ. Пуцай пользуются. Наши колонисты народъ оборотистый. У иныхъ были скоплены деньги, купили сѣти, завели подходящія посудины и начали звѣремъ промыслять.

— Какимъ звѣремъ?

— А тюлень тутъ водится, по-нашему нерпа. Весною гужомъ тянется она вдоль берега. Нынѣ словили до 300 штукъ и продали за 1.000 рублей.

Я спросилъ о скотоводствѣ.

— Скотинка у насъ незавидная, все же не въ примѣръ другимъ колоніямъ имѣемъ на каждый дворъ по коровушкѣ, да олешекъ съ овцами десятка три. Вѣдь покосы наши совсѣмъ никуда не годятся: собираемъ травинками по рѣкамъ, въ ложбинахъ. Ежели купить сѣно въ Архангельскѣ, то оно будетъ стоить съ доставкой 50 коп. пудъ. Поэтому скотинки много не заведешь. Мы сѣномъ только и кормимъ коровушекъ, олешки ѣдятъ сырой мохъ, а для овецъ мохъ ошпаримъ, мукой потрусимъ, и ладно.

Поселенцы Рынды, какъ рассказывалъ колонистъ дальше, всѣ православные, переселились изъ Кемскаго уѣзда. Есть нѣкоторые грамотные, но выучились не въ колоніи, а на родинѣ и передавать грамоту новому поколѣнію не могутъ, такъ что послѣднее растетъ безграмотнымъ. Отъ болѣзней колонисты пользуются домашними средствами, только лѣтомъ прибѣгаютъ къ помощи Краснаго Креста, который, на время промысловъ, посылается архангельскимъ отдѣленіемъ. Въ этомъ больничномъ пунктѣ имѣются три постоянныя кровати; онъ снабженъ маленькою аптекой, фельдшеромъ и двумя сестрами милосердія.

Изъ Рынды я поѣхалъ въ колонію Гаврилову. На пути лежали одни становища, за исключеніемъ Шельпина, гдѣ пріютились два колониста—русскій и финляндецъ, да, какъ я слышалъ, хочетъ поселиться третій—норвежецъ. Оба колониста зажиточны, имѣютъ суда, рыболовныя снасти, изъ скота содержатъ: 3 коровъ, 8 овецъ и до 30 штукъ оленей. Становища слѣдующія: Трящино, Щербиниха, Захребетное, Шельпино, Зеленцы и Оленница. Только Трящино стоитъ въ 28 верстахъ отъ Рынды, а разстояніе между другими становищами не превышаетъ 10 верстъ. Я былъ въ этихъ становищахъ и вынесъ отъ всѣхъ одинаковое впечатлѣніе. Разница есть лишь въ

Городъ Красноборскъ.

количественномъ отношеніи: напр., въ Тряпцинѣ промышляетъ около 300 покручниковъ, въ Шельпинѣ и Зеленцахъ—по 70, а въ другихъ—меньше. Впрочемъ, въ Зеленцахъ обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что тамъ промыселъ въ рукахъ двухъ хозяевъ—норвежца Кнюцена и отчасти русскаго. Норвежецъ числится колонистомъ западной колоніи Фильманской, имѣетъ въ Зеленцахъ 12 шнякъ, 10 ярусовъ и до 50 наемныхъ русскихъ работниковъ.

За нѣсколько верстъ до Гаврилова задулъ сѣверо-восточный вѣтеръ, стало колыхаться необозримое водное пространство, вскорѣ заходили громадныя волны. У становища Шельпино интересно было смотрѣть на прибой волнъ или, какъ называютъ здѣсь, «взводни». Катитъ волна на берегъ и за нѣсколько сажень начинается тянуть къ себѣ воду, обнажая берегъ; тѣмъ временемъ сама волна растетъ, острится, въ вершинѣ пѣнится и лѣзетъ на берегъ; затѣмъ, встрѣтивъ преграду, въ видѣ отвѣсной скалы, съ неимоверной силой разбивается объ нее; воздухъ оглашается страшнымъ шумомъ или ревомъ; брызги летятъ выше скалы и вѣтромъ превращаются въ пыль. Скала не успѣетъ, что называется, опомниться, какъ набѣжитъ слѣдующая гряда, и снова такой же ударъ. Смотри на эту картину, является непонятное сожалѣніе къ этимъ скаламъ и думается, чѣмъ провинились эти гиганты, что волны океана весь вѣкъ колотятъ ихъ немилосердно. Не менѣе любопытно было наблюдать также и «буруны». Лежитъ подъ водою камень—«банка». Набѣжитъ волна на «банку», и вода надъ нею начнетъ подниматься, образуя конусообразный холмъ, какъ будто бы изъ самаго чистаго прозрачнаго свѣтлозеленаго стекла и притомъ колыхающійся, точно живой. На вершинѣ появляется бѣлоснѣжная пѣна и затѣмъ слѣдуетъ разрушеніе водяного холма. Милліарды брызгъ разлетаются въ стороны громаднѣйшимъ кустомъ и сверкаютъ на солнцѣ разноцвѣтными брильянтами. Этотъ дивный букетъ мгновенно тухнетъ, но на смѣну вырастаетъ другой, третій и т. д. Все это зрѣлище сопровождается всплескиваніемъ и перекатывающимся шумомъ.

Мы подошли къ гавриловской избѣ, но вслѣдствіе волненія никто изъ пассажировъ не соглашался переправляться на берегъ. Пароходъ покрутился, повертѣлся противъ бухты и сталъ спускаться въ губу Пахту, закрытую отъ океана островами и поэтому менѣе опасную. Три версты ѣхали до Пахты и тамъ бросили якорь. Я началъ собираться. Замѣтивъ это, бесѣдовавшій со мною «кубическій» докторъ спросилъ меня:

— Вы въ Гаврилово?

Я утвердительно кивнулъ головой.

— Будьте любезны, зайдите тамъ въ больницу Краснаго Креста и скажите фельдшеру, чтобы онъ явился ко мнѣ сюда съ книгой о больныхъ.

Съ моей стороны послѣдовало обѣщаніе, но докторъ чрезъ минуту перемѣнилъ намѣреніе.

Колонія и становище Рында.

— Впрочемъ, не говорите этого, а скажите, что я проѣхалъ въ Норвегію и оттуда самъ буду въ больницѣ.

Я общалъ и объ этомъ передать фельдшеру.

— А вы знаете, зачѣмъ я ѣду туда?—улыбнулся докторъ.—Я люблю въ Вардѣ позабавиться шведскимъ пуншемъ. До страсти его люблю. Такъ сообщите, что я заѣду на обратномъ пути.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ я.

Со мной выходили на берегъ чиновники. Мы спустились по трапу въ карбасъ. Едва послѣдній тронулся, я услышалъ голосъ доктора, свѣсившагося на перила.

— Послушайте, не говорите ничего въ больницѣ. Я, должно быть, совсѣмъ не буду выходить на берегъ.

«Что за чудакъ!»—подумалъ я и тутъ же спросилъ о немъ у чиновниковъ.

— Это медицинскій инспекторъ,—отвѣчалъ кто-то.—Онъ получилъ 500 рублей прогонныхъ денегъ и обязанъ заглянуть во всѣ больничные пункты, учреждаемые во время рыбныхъ промысловъ.

— Хороша инспекція!—не сдержался я замѣтить вслухъ.

Въ колонію мы шли по берегу, сначала по кочкамъ и камнямъ, а потомъ вязли въ болотахъ.

Я отправился на «отводную» квартиру къ колонисту Якову Рѣдъкину и у него остался на недѣлю до слѣдующаго парохода.

Живя въ Гавриловѣ, я знакомился съ бытомъ и промыслами какъ пришлыхъ, такъ и постоянныхъ обитателей колоніи.

Входъ въ Гавриловскую губу узкій, напоминаетъ какъ бы коридоръ; съ боковъ грозно и вмѣстѣ съ тѣмъ печально, безжизненно смотрятъ скалистыя горы, покрытыя вслѣдствіе присутствія въ нихъ желѣзистыхъ породъ ржавчиною. На одной изъ этихъ горъ зажигается маякъ; она самая высокая, называется «Гляднемъ» и служитъ для жителей обсервационнымъ пунктомъ. Я взбирался на «Глядень» до самаго маяка; тамъ, конечно, голый камень, а въ трещинахъ—вѣчный снѣгъ. Осматриваясь кругомъ, я видѣлъ съ одной стороны горы, переходящія дальше въ холмы, а за ними какъ бы равнину, скрывающуюся за горизонтомъ; съ другой—безпредѣльную водную ширь. На «Гляднѣ» больше наблюдаютъ за срочнымъ пароходомъ, который прежде всего показывается въ формѣ черточки.

Губа вдается въ материкъ глаголемъ; лѣвый берегъ на всемъ протяженіи горный, а правый на изгибѣ образуетъ низменную площадку, защищенную со всѣхъ сторонъ возвышенностями. Гавриловская губа очень мелкая и въ «убылую» воду дѣлается совершенно безводною, такъ что плоскодонныя суда садятся на сушу, а килевыя ложатся на бокъ. Вода прибываетъ на 7—8 футовъ. Въ «прибылую» воду дно губы красиво блеститъ на солнцѣ перламутромъ. Это явленіе объясняется весьма просто. Въ началѣ губы поморы, раздѣлывая для посолки треску, бросаютъ головы и внутренности

Колонія и становище Гаврилово.

въ воду; во время же взводней всё отбросы вмѣстѣ съ тиною и разными морскими водорослями приносятся въ губу, гдѣ головы одною щекою всасываются въ иль, а другою блестятъ при солнечныхъ лучахъ. Пріятно смотрѣть на дно губы, сплошь умощенное головами, въ «прибылую» воду, но въ «убылую» приходится затыкать носъ и бѣжать отъ берега, такъ какъ давно разложившіяся головы распространяють сильное зловоніе. Я говорю относительно головъ потому, что остальные отбросы скоро исчезаютъ. Дѣло въ томъ, что, по спадѣ воды, налетаютъ стаи чаекъ и бросаются на рыбы внутренности, уничтожая ихъ съ такою жадностью, что вступаютъ въ драку, неистово кричатъ и, увлекшись борьбой, подпускаютъ человѣка, хоть руками ихъ бери. Слѣдовательно, чайки оказываютъ здѣсь громадную услугу санитарному дѣлу. Видѣлъ я чаекъ во всѣхъ становищахъ, и тамъ онѣ приносятъ такую же пользу.

Колонія Гаврилово—одна изъ старѣйшихъ мурманскихъ колоній, основанная въ сороковыхъ годахъ крестьяниномъ Рѣдькинымъ, который и понынѣ проживаетъ въ ней. Дворовъ насчитывается девять, домики порядочные, стоятъ на высокомъ берегу въ довольно значительномъ другъ отъ друга разстояніи.

Комнатка, гдѣ я помѣстился, была чистенькая, уютная, съ тремя окнами, изъ которыхъ виднѣлся океанъ. За нее хозяинъ Рѣдькинъ получаетъ отъ казны 100 рублей и обязывается принимать пріѣзжающихъ чиновъ. Хозяинъ—сынъ основателя колоніи, семейный, одинъ изъ зажиточныхъ колонистовъ. Онъ рассказывалъ, какъ колонисты живутъ, чѣмъ занимаются.

— Свыклись мы съ морской жизнью и ничего, живемъ помаленьку,—говорилъ Рѣдькинъ.—А какъ осенью задуетъ вѣтеръ, начнетъ хлестать дождь—страсть. Вотъ ее,—онъ показалъ на восточную стѣну избы,—пробьетъ дождемъ сквозь. Ежели вѣтеръ сѣверный, да съ дождемъ, съ оконъ течетъ на полъ, печи топимъ, потому вся изба настудится. Опять же туманы, чамра ¹⁾ производятъ сырость. Только и видимъ лѣто побольше мѣсяца.

— А зимою какъ, холодно?

— Сильныхъ морозовъ нѣтъ, зато пурга снѣжная донимаетъ. Разъ возвращался я изъ Колы и угодилъ въ непогодицу. Олешки съ тропы сбидись, измучились голодные, и блуждалъ я по тундрѣ двое сутокъ; чуть не застылъ, не умеръ съ голоду.

— Промыселъ у васъ, конечно, треска?

— Промышляемъ, но не очень. У троихъ хозяевъ только есть посудины, да и то ловятъ наемными работниками. Остальные берутъ снаряды изъ платы у своихъ же колонистовъ. У насъ зимою прибыльно охотятся на лисицъ, выдръ, росомахъ. И скотоводство, скажу, ведемъ хорошее. Коровушекъ и овецъ держимъ для себя, а

¹⁾ Мелкій, какъ пыль, дождь.

олешекъ имѣемъ до сотни. Шкуры, рога, мясо продаемъ въ Колѣ. Сбываемъ и живымъ товаромъ. Я нынѣ продалъ губернатору для Новой Земли 10 олешекъ и взялъ за важинокъ ¹⁾ по 10 рублей, за прмосовъ ²⁾—по 13 рублей. Луговъ у колонистовъ мало, выгоновъ нѣтъ, только и можно пасти въ тундрѣ олешекъ.

— Семгу здѣсь ловятъ колонисты?

— Прежде промышляли на р. Вороньей, что въ трехъ верстахъ отъ колоніи. Потомъ общество отняло промыслы и отдаетъ лопарямъ за плату. Мой отецъ и теперь ловить съ ними на паяхъ.

— А можно у него добыть этой рыбы?

— Вотъ сейчасъ спрошу.

Рѣдькинъ ушелъ и чрезъ часъ вернулся съ свѣжей рыбой въ полпуда. Я купилъ семгу по 6 коп. за фунтъ, и впослѣдствіи мнѣ приготовляли ее каждый день въ разныхъ видахъ—въ ухѣ, въ жаркомъ, просто вареную.

Былъ я у другихъ колонистовъ и замѣтилъ, что помѣщенія большею частью удобныя, опрятныя. Въ колоніи расселились только два двора, т.-е. старикъ Рѣдькинъ выдѣлилъ двухъ сыновей, которые живутъ самостоятельно, со своими семьями. Прочіе колонисты пришли изъ Кемскаго уѣзда.

— Какъ у васъ насчетъ лѣса?—спросилъ я въ одной избѣ.

— Строевой покупаемъ по высокимъ цѣнамъ,—отвѣчалъ хозяинъ.—Вотъ въ дровяномъ нужды не имѣемъ, потому по берегамъ Вороньей растутъ березнякъ, ну, и рубимъ его въ волю.

— У васъ я видѣлъ церковь?

— Есть, во имя св. Николая. Батюшка у насъ хорошій, школу при храмѣ завелъ. Шестеро ребятшекъ бѣгаютъ въ школу. Батюшка и дьячекъ обучаютъ бесплатно. Средства требуются отъ родителей небольшія—на книжки и бумагу.

— А какъ продовольствуетесь?

— Кромѣ хлѣба, мы ничего не покупаемъ, у насъ все свое: рыба сушеная, соленая, грибы, ягоды, по праздникамъ оленчану ѣдимъ. Хлѣбъ покупаемъ у фактористовъ, и не бывало, чтобы платили меньше 8 рублей за куль.

Изъ преобладающихъ среди колонистовъ болѣзней—золотуха и парши. Прибѣгаютъ къ медицинской помощи лишь лѣтомъ, когда въ колоніи появляется «Красный Крестъ». Нравственная сторона колоніи удовлетворительная: водку пьютъ мало, кражи бываютъ очень рѣдко, незаконнорожденные случаи почти не встрѣчаются. Одѣваются колонисты чисто, понѣмецки.

Я ходилъ часто въ становище, много бесѣдовалъ съ фактористами, хозяевами, покручниками, осматривалъ суда, жилища. Про-

¹⁾ Самка.

²⁾ Самецъ.

мышленники—крестьяне Кемскаго и частью Онежскаго уѣздовъ. Фактористы совмѣщаютъ въ себѣ еще одинъ элементъ—крупнаго хозяина. Фактористъ имѣеть не менѣе десяти промысловыхъ шнякъ и два, три мореходныхъ судна, доставляющихъ соленую рыбу на архангельскіе рынки. Для промысла онъ вербуетъ по бѣломорскимъ селеніямъ покручниковъ, давая имъ впередъ по 100—150 рублей, но часть этихъ денегъ засчитывается за выданные покручнику сѣрое сукно, сапоги, а также за муку, пшено, чай, сахаръ, ситець, оставляемые семьѣ покручника. На Мурманѣ фактористъ торгуетъ солью и всѣми жизненными припасами, при чемъ мелкимъ хозяевамъ даетъ ихъ за рыбу преимущественно въ кредитъ. Мелкій хозяинъ имѣеть двѣ шняки, подражаетъ также покручниковъ и вмѣстѣ съ ними работаетъ самъ на промыслѣ. Предоставляя покручникамъ на Мурманѣ свое иждивеніе, онъ, за недостаткомъ средствъ, беретъ въ долгъ товаръ у факториста и взамѣнъ процентовъ, конечно, не мало переплачиваетъ.

Покручники—народъ, достойный всякаго сожалѣнія. Весною они переправляются чрезъ Лапландскій полуостровъ, вязнуть въ глубокихъ снѣгахъ, спятъ подъ открытымъ небомъ, отмораживаютъ оконечности, получаютъ хроническій ревматизмъ, заражаются цынгою, а, придя въ становище, живутъ при самыхъ отвратительныхъ условіяхъ.

— Какая прибыль отъ мурманскихъ операцій?—спросилъ я одного колониста, сидя у него въ лавкѣ.

— Едва концы съ концами сводимъ. Скажемъ, шняка достанетъ 1.200 рублей; изъ нихъ надо отдать третью часть поморамъ, а остальная уйдетъ вся на расходы. Задаемъ впередъ покручникамъ, содержимъ ихъ во время промысловъ на свой счетъ; опять же ломаются суда, рвутся рыболовные снасти, а это все наше.

— Странно, изъ-за чего же вамъ беспокоиться?

— А просто держимъ завѣтъ предковъ. Занимались такъ наши отцы, дѣды, ну, и мы имъ слѣдуемъ. Одно слово, добродѣтельствуемъ, кормимъ бѣдный людъ.

Такія слова я слышалъ и отъ другихъ фактористовъ. Всѣ они спѣлись и поютъ на одинъ ладъ. Правда, по расчетамъ фактористовъ, 800 рублей разойдутся безъ остатка, но барыши приходится искать въ нѣдрахъ промысла. Во-первыхъ, дается покручникамъ впередъ часть товаромъ, который ставится втридорога противъ обыкновенныхъ цѣнъ, и, во-вторыхъ, отпуская мелкимъ хозяевамъ въ кредитъ припасы для шняки на 400 рублей, фактористъ пользуется 25 проц.

Такимъ образомъ, сидя на берегу и не рискуя ни здоровьемъ, ни жизнью, въ результатѣ фактористъ получаетъ отъ своего оборотнаго капитала до 50% вознагражденія, далеко не похожаго на «концы съ концами».

Колонія и становище Териберка.

Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго, что при посѣщеніи факторій владѣльцы ихъ угощали меня рыбными и мясными закусками, бѣлымъ хлѣбомъ, чаемъ и разными винами.

Положеніе мелкихъ хозяевъ гораздо хуже. Они являлись ко мнѣ на квартиру и всѣ съ одною цѣлью—узнать, не назначаю ли я промышленникамъ «способія» отъ казны. Приходили хозяева группами, причемъ одинъ выбирался потолковѣе для разговора, а прочіе находились при немъ для подтвержденія словъ выборнаго.

Пришло ко мнѣ четверо такихъ хозяевъ.

— Вамъ что, ребята?—спросилъ я ихъ.

— Слышали мы, что вы казенное способіе поморамъ даете, такъ вотъ явились къ вашей милости...—сказалъ одинъ изъ нихъ.

— Къ вашей милости,—подтвердили остальные.

— За какимъ пособіемъ?—недоумѣвалъ я.

— Какое выдавали раньше намъ отъ казны.

Я объяснилъ поморамъ, что не только выдавать, но и назначать пособія меня никто не уполномочилъ; тѣмъ не менѣе поинтересовался узнать, какое ранѣе выдавалось пособіе, причемъ оказалось, что прежде промышленники получали отъ правительства ссуду, въ размѣрѣ 400 рублей на шняку (4 чел.) и 200 рублей на карбасъ (2 чел.). Ссуда выдавалась съ тѣмъ, чтобы уплата послѣдовала не позже зимы того года, въ который она взята.

— Говорили, что денегъ было роздано до 20 тысячъ,—пояснялъ толковый поморъ.—Потомъ давать бросили, потому многіе не стали платить, трудно обернуться на эти деньги: дома семью хлѣбомъ снабди, посудину и снасти справь, на Мурманѣ прокормись. Скажемъ—это промышленникъ снесъ бы, да есть другая бѣда: живеть онъ годомъ впередъ.

— Это какъ же?

— Во весь промыселъ сдаемъ рыбу за старый долгъ фактористу или крупному хозяину и тутъ же наживаемъ новый. При способіи же мы перестали брать провизію у фактористовъ, а имъ и на руку; они рыбу-то и взяли у насъ за долги. Зимой полѣзли снова въ долгъ къ фактористамъ, такъ что на слѣдующій годъ и фактористу заплати и казнѣ отдай. Удержалось, пожалуй, съ пятокъ хозяевъ на самостоятельномъ промыслѣ, а остальные попрежнему маятся съ долгами.

— Такъ какъ же вамъ помочь?

— Надо перво-на-перво отъ долговъ очиститься, потомъ получить 400 рублей и ловить самостоятельно. Тогда цѣны на соль и рыбу будутъ назначаться не какія угодно купцу, а какія захочетъ покупатель, подходящія, божескія—это важно въ торговлѣ. Значить, способіе слѣдуетъ выдавать въ два раза больше и уплату требовать въ 5—6 лѣтъ. Вотъ наши промышленники и станутъ на ноги, будетъ на Мурманѣ у всѣхъ прибыль трудовая; въ теперешнее же

время работникъ еле сбивается на хлѣбъ, а кто имѣеть копейку для оборота, тотъ на печи лежитъ и насчетъ бѣдняка блаженствуетъ.

— При настоящихъ условіяхъ вы имѣете тоже прибыль?

— Какая наша прибыль! Сотню-полторы заработаешь и прибегаешь для задатка на будущій промыселъ.

— А когда даете покручникамъ на родинѣ товаромъ, получаете выгоду?

— Тогда наживаютъ крупные хозяева, особенно которые содержать въ селахъ лавочки, а мы сами беремъ у нихъ въ долгъ и выручаемъ нашихъ покручниковъ. На Мурманѣ доля наша такая же, какъ и ихъ. Вмѣстѣ промышляемъ, спимъ, ѣдимъ, и заработки одинаковые. Одно какъ будто бы лучше, что хозяиномъ считаешься, ну, и дорога на промыселъ способнѣе будетъ, нежели у покручниковъ.

Все это, быть можетъ, горькая правда, но помочь поморамъ я никакъ не могъ, и они вышли отъ меня, повѣся головы.

Извѣстно, что покручникъ, идя на промыселъ, обезпечиваетъ свою семью насчетъ хозяина. На промыслѣ онъ живетъ на иждивеніи того же хозяина и обязывается ловить ему рыбу, причемъ самъ пользуется «покрутомъ», равняющимся $\frac{1}{12}$ всего улова. Напримѣръ, шняка выловить рыбы на 1.200 рублей, и говорятъ: «покрутъ» упалъ на 100 рублей, то-есть эту сумму получаетъ каждый покручникъ. Однако рѣдкій покручникъ приноситъ домой рубли, а большею частью или гроши, или возвращается ни съ чѣмъ. Дѣло въ томъ, что расчеты происходятъ въ Архангельскѣ, на Маргаритенской ярмаркѣ. Получивъ «покрутъ» и притомъ, вслѣдствіе разныхъ нужныхъ заборовъ на промыслѣ, неполный, покручникъ выжидаетъ парохода, который долженъ везти его на кемскій или онежскій берегъ. Ждетъ онъ недѣлю и проживается, а тутъ на грѣхъ трактиры соблазняютъ, и въ результатѣ обыкновенно пустой карманъ; иныхъ даже хозяинъ снабжаетъ въ дорогу провизіей и покупаетъ билеты.

Конечно, такое положеніе покручника на руку хозяину. Не успѣлъ покручникъ вернуться домой, онъ уже въ долгу, закабаленъ, онъ, живой человѣкъ, заложилъ уже себя на будущій промыселъ.

Такъ возвращаются покручники на родину. Не безынтересно сказать со словъ ихъ, какъ они отправляются на Мурманъ.

Едва наступитъ весна, какъ по всему западному и частью онежскому берегамъ заботливо и оживленно закопошится промышленное населеніе, памятуя свое долговое обязательство, въ обезпеченіе котораго оно положило свой будущій тяжелый и рискованный трудъ. Жены печально начнутъ снаряжать въ путь-дорогу мужей; матери не безъ грусти захопочутъ около сыновей. Мѣстные кабаки и лавки широко раскрываютъ свои гостепримныя двери, сельская администрація изнемогаетъ отъ усиленной выдачи кратковременныхъ паспортовъ, но она, впрочемъ, не сѣтуетъ на это, ибо съ cadaго покручника собирается по ниткѣ и кому слѣдуетъ составляется ру-

баха. Шумъ, крики, пѣсни, пьянство нѣсколько дней держатся въ поморскихъ селеніяхъ. Послѣ разгула извѣстная группа поморовъ собирается у своего кредитора-хозяина, и назначается день отправки. Въ этотъ день хозяинъ, въ смыслѣ отвальной, задаетъ покручникамъ прощальный обѣдъ изъ рыбы и пироговъ, а главное отличающійся обиліемъ водки. Послѣ обѣда объявляется лицо, которое, въ видѣ приказчика, будетъ руководить покручниками въ пути. Затѣмъ, хозяинъ дѣлаетъ имъ внушеніе, какъ они должны вести себя дорогой, не ссориться, слушать большака и пр. Внушеніе звучитъ пріятельскимъ, задушевнымъ тономъ, и нѣтъ тогда отъ хозяина покручникамъ больше названій, какъ «молодцы» да «ребятушки», хотя передъ обѣдомъ съ языка его не сходили иныя слова: «обжоры», «черти», «пьяницы». Вообще, въ послѣднія минуты разставанія хозяинъ бываетъ крайне ласковъ съ покручниками, разсыпается въ любезностяхъ и даже ухаживаетъ за ними. Все это дѣлается исключительно въ собственныхъ интересахъ ховнина; онъ всячески старается устроить проводы такъ, чтобы покручники отправились на промыселъ съ пріятнымъ впечатлѣніемъ, чтобы хозяина хвалили и одобряли, иначе за дурное обращеніе и малую выпивку они могутъ устроить на Мурманѣ такую непріятность, которая вредно отразится на словахъ.

Итакъ, угостившись вдоволь насчетъ хозяина, покручники получаютъ отъ него на дорогу нѣсколько рублей, молятся Богу, прощаются и пускаются въ дальній путь. Семьи провожаютъ ихъ, напутствуютъ добрыми пожеланіями и, разлучаясь, слезно плачутъ. Да и какъ не плакать? Быть можетъ, на вѣки растауются съ своими кормильцами. Длинные, убійственные, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, переходы при отвратительныхъ условіяхъ, болѣзни, бури, штормы—вотъ что ожидаетъ эту задолжавшую толпу. Поэтому понятно, что отхожіе мурманскіе промыслы ежегодно уносятъ въ вѣчность не мало жертвъ, оставляя семьи безъ куска хлѣба и обрекая ихъ на полную нищету.

Отъ дома до мѣста промысла покручники проходятъ различныя разстоянія—500—1000 верстъ, смотря потому, насколько ближе или дальше лежитъ селеніе къ промысловому пункту. До с. Кандалакши покручники проходятъ чрезъ нѣсколько селеній, гдѣ они могутъ и отдохнуть въ теплѣ и подкрѣпить силы горячей пищей; за Кандалакшей же, считающейся преддверіемъ Лапландіи, ничего подобнаго они получить не могутъ и переносятъ такія ужасныя условія пути, какія просто несвойственны людямъ.

Прибывъ въ становище, покручники находятъ жилища, амбары, кладовыя, погребенными въ глубокихъ снѣгахъ. Черезъ отворенныя двери и разбитыя окна снѣгъ забился внутрь и жилыхъ, и нежилыхъ строеній. Изнеможенные и усталые поморы прежде всего начинаютъ откапывать жилища, а потомъ принимаются за складоч-

ныя строенія; они прорываютъ дорожки, очищаютъ отъ снѣга нары и снѣгать поскорѣе отопить помѣщенія. Оставшійся внутри снѣгъ таеетъ, производитъ испаренія, и въ избахъ образуется страшная сырость. Обитателямъ нѣтъ заботы о томъ, какое вліяніе она имѣетъ на организмъ. Разъ промышленники добрались до стана живыми, цѣлыми, невредимыми, откопали нары и затопили печи, они благодушествуютъ послѣ долгаго путешествія, наслаждаясь тепломъ и отдыхомъ, а на все прочее не обращаютъ вниманія. Да и стоитъ ли беспокоиться о сырости, когда она частью выгоняется сквознякомъ, частью ступшевывается въ духотѣ, которая на первыхъ же порахъ вселяется отъ тѣсноты, неряшливости, грязи и другихъ нечистотъ.

Я измѣрялъ и осматривалъ станы. Это большею частью избы, построенныя изъ толстыхъ досокъ и покрытыя однорядной тесовой крышей. Длинною станъ въ 4, шириною въ $3\frac{1}{4}$, высотой въ $1\frac{3}{4}$ аршина. Дверь въ 14, а окно въ 9 вершковъ. Внутри вдоль стѣнъ тянутся нары въ 1 аршинъ ширины; надъ ними придѣланы полки; передъ окномъ столъ на кельяхъ. Полъ настланъ только между нарами, а подъ послѣдними голая земля. На верху досчаной потолокъ; въ углу печь, сложенная изъ плитняковаго гранита. Въ такомъ станѣ помѣщается составъ шняки изъ 4 человекъ, да, кромѣ того, нерѣдко сушатся рыболовныя снасти съ морскою травой, разлагающейся и издающей зловоніе.

— Какъ вы спите на такихъ узкихъ нарахъ?—спросилъ я промышленниковъ.

— Тѣсимся по привычкѣ. Спимъ бочкомъ, а въ теплую погоду двое уходятъ на чердакъ.

— А къ духотѣ, грязи тоже привыкли?

— Не замѣчаемъ.

Надо просто удивляться такому отвѣту. Бань въ становищахъ не существуетъ, купаться негдѣ; бѣлье и посуда, за отсутствіемъ женщинъ, моется рѣдко, полы же и нары совсѣмъ не видятъ воды. Сами поморы во время штормовъ бездѣйствуютъ и цѣлыми сутками валяются въ стѣнахъ, потѣютъ, прѣютъ, — все это служитъ богатымъ разсадникомъ для паразитовъ, причиняющихъ обитателямъ немалое мученье.

— А что употребляете въ пищу?

— Перво-на-перво трещочка, потомъ ѣдимъ максу, кашу. Ежели случится хорошій ловъ, то дорожимъ временемъ и объѣдаемъ на скорую руку, иной разъ недобѣдываемъ, а беремъ съ собою хлѣба.

Пищу варятъ въ недуженныхъ мѣдныхъ котлахъ, отчего на стѣнкахъ ихъ остается зеленоватая окись, которой въ смыслѣ вредности поморы не придаютъ никакого значенія и не удаляютъ ея. Промышленники пьютъ и чай, но для приготовленія его нѣтъ ни самоваровъ, ни особыхъ котловъ, а отвѣчаетъ все тотъ же пищевой котель, въ которомъ сваренный чай припахиваетъ мѣдью и трещочкой.

Возвращаясь изъ становища, я заходилъ въ больницу Краснаго Креста и разговаривалъ тамъ съ фельдшеромъ. Послѣдній мнѣ объяснялъ.

— У насъ полагается 15 кроватей. Врачебный персоналъ составляютъ: два фельдшера, студентъ-медикъ и двѣ сестры милосердія. Врачъ бываетъ наѣздомъ, такъ такъ онъ назначенъ на весь берегъ.

— Больныхъ цынгою нынѣ много поступило?

— Только десять человѣкъ. Въдѣ у насъ цынга не вылѣчивается, а мы даемъ лишь первую помощь и отправляемъ въ архангельскую больницу; тамъ больные поправляются окончательно.

— Это почему же?

— Зимую помѣщенія не топятъ, лѣкарства въ аптекѣ стоятъ нѣсколько лѣтъ, не обновляются, вымерзаютъ; наконецъ, у насъ нѣтъ ваннъ и другихъ приспособленій.

— Въ прежніе годы цынга, кажется, болѣе свирѣпствовала на Мурманѣ?

— Всяко бывало. Чѣмъ лучше уловы, тѣмъ рѣже промышленники сидятъ въ своихъ заразныхъ станахъ, и цынга, конечно, дѣйствуетъ слабѣе. Вообще, необходимы санитарныя и гигиеническія мѣры, а о нихъ по всему побережью и понятія не имѣютъ. Впрочемъ, есть одна мѣра, довольно полезная, но не людская—это чайки. Онѣ уничтожаютъ всѣ рыбные отбросы, и за то убивать ихъ строго воспрещено.

— Значитъ, чайки являются санитарами Мурмана.

— Именно. А то возьмите салотопный заводъ купца Савина, гдѣ чайки не могутъ оказать услуги. Заводъ построенъ на площадкѣ, близъ скалистой стѣны. Поэтому дымъ отъ него не можетъ уноситься вѣтромъ, а разсѣивается по колоніи и становищу. Дымъ—очень ѣдкій, сильно вонючій, забивается и въ носъ, и въ ротъ, способенъ лишить аппетита даже голоднаго человѣка. Какъ затопится заводъ, такъ на воздухѣ минуты не пробыть, оконъ нельзя отворить; вонь проникаетъ во всѣ скважины—вотъ какая зараза.

— Вы бы донесли куда слѣдуетъ.

— Жаловались не разъ жители колоніи, но напрасно. Они—колонисты, а Савинъ—купецъ,—подчеркнулъ послѣднія слова фельдшеръ.

Въ этотъ же день мнѣ самому пришлось испытать прелести завода. Сидя за работой, при закрытыхъ окнахъ, я вдругъ почувствовалъ мерзѣйшій запахъ и спросилъ о причинѣ его у хозяина. «Это Савинъ заводъ свой затопилъ»,—былъ отвѣтъ. Когда я вышелъ изъ дома, то сейчасъ же вернулся съ зажатымъ ртомъ и носомъ. Положимъ, савинскій дымъ гуляетъ временно по колоніи и становищу, но за то въ послѣднемъ заразный запахъ виситъ въ воздухѣ всегда отъ того же завода. Дѣло въ томъ, что изъ-подъ салотопки выдѣляется какая-то желтоватая жижа и ползетъ черезъ все становище

въ избу. Жижа присыхаетъ на солнцекѣ, гниетъ и поддерживаетъ смрадъ постоянно. Кромѣ того, у самыхъ становъ сушатся тресковые головы, вялятся соленая рыба, въ открытыхъ чанахъ бродить протухшая макса, изъ которой выдѣляется тресковое сало, разлагаются выброшенные максовые подонки,—все это вполне подтверждаетъ слова фельдшера, что на Мурманѣ о мѣрахъ противъ нечистоты никто не заботится. Становище Гаврилово—самое большое на Мурманскомъ берегу. Нынѣ въ немъ гнѣздилося болѣе 100 становъ и работало около 1.000 покручниковъ и зувей при 150 хозяевахъ. Дѣйствовали три факторіи и три салогрѣйни.

Какъ уже сказано, въ трехъ верстахъ отъ Гаврилова находится небольшая рѣка Воронья, длиною около 20 верстъ, впадающая въ небольшую губу того же имени. На верховьяхъ этой рѣки стоитъ колонія Голицына. Строго говоря, это не колонія, а выселокъ изъ Гаврилова. Въ основаніи Голицыной, какъ мнѣ передавали, лежитъ такой фактъ. Два двора колоніи Гавриловой задумали переселиться на рѣку Воронью и обратились съ ходатайствомъ о поселеніи къ бывшему губернатору князю Голицыну, но послѣднимъ просьба была почему-то отклонена. Бѣдные колонисты повѣсили головы: съ одной стороны облюбованное мѣсто, а съ другой отказъ. Кто-то посовѣтывалъ колонистамъ вторично подать просьбу губернатору и просить его разрѣшенія съ тѣмъ, чтобы колонія была названа именемъ князя. На вторую просьбу послѣдовало удовлетвореніе; колонисты перевезли свои дома и съ 1888 г. водворились на желанномъ мѣстѣ, а крестьянское присутствіе занесло этотъ поселокъ въ книги подъ названіемъ колоніи «Голицына».

Я ѣздилъ на карбасѣ въ Голицыно. Выселокъ ютится среди возвышенностей и, видимо, защищенъ отъ вѣтровъ со всѣхъ сторонъ. Мужчины были всѣ на промыслѣ, такъ что говорить приходилось исключительно съ женщинами.

Изъ словъ ихъ можно было заключить, что поселокъ живетъ безбѣдно, хватаетъ и хлѣба и рыбы; колонисты—всѣ православные, нѣкоторые грамотные. При сравненіи поселка съ приморскими колоніями, слѣдуетъ отмѣтить разницу въ температурѣ, которая лѣтомъ достигаетъ 30° тепла, а зимою—35° холода.

На обратномъ пути, въ Вороньей губѣ я выходилъ изъ карбаса и смотрѣлъ, какъ на отлогомъ песчаномъ берегу поморы ловятъ «наживку». Такъ называется вообще маленькая рыбешка — мойва и песчанка. Она ловится съ береговъ неводами и наживляется на крючки ярусовъ, такъ что успѣхъ промысла вполне зависитъ отъ улововъ «наживки». Сплошь да рядомъ бываетъ, что наживка ловится далеко отъ становищъ, и въ послѣднихъ рыбаки цѣлыми неделями сидятъ безъ дѣла. Такимъ образомъ, снабженіе становищъ наживкой есть важный вопросъ на Мурманѣ. Рыбешка круглая, не длиннѣе 3 вершковъ, каждая порода ловится въ свое время: мойва по-

падаетъ въ сѣти весною, когда она изъ морскихъ пучинъ тучами придвигается къ берегамъ; песчанка ловится лѣтомъ и безусловно у песчаныхъ береговъ, гдѣ она любитъ зарываться въ песокъ.

На этотъ разъ поморы ловили песчанку или, какъ они выражаются, промыляли на «пескѣ». Работало до 20 неводовъ. Одни невода завозились, другіе тянулись изъ воды. Въ послѣднемъ случаѣ на каждомъ крылѣ стояло по 10 человѣкъ, одѣтыхъ въ холщевое платье норвежскаго издѣлія, вываренное въ оливѣ.

Усталый, вспотѣвшій людъ тяжело и сильно налегалъ на канаты, протянувшіеся по ихъ плечамъ. Медленная и трудная эта работа; поморы тихимъ шагомъ подвигались впередъ, все выше и выше идя въ берегъ.

Я спрашивалъ поморовъ объ уловахъ песчанки.

— Плохо, годъ отъ году плохо,—говорилъ одинъ старикъ.—Прежде ловили пудами, а нынче слышишь съ сутки на одну тряску¹⁾, не болѣе. Такъ мы пускаемся на хитрости: разрѣзаемъ песчанку и наживляемъ половинками.

— Здѣсь ктонибудь ловить наживку независимо отъ тресковаго промысла, просто для продажи?

— Ловить норвежецъ Кнюценъ. Весною онъ продавалъ по становищамъ мойву и бралъ 5 рублей за пудъ. Много, шельма, денегъ нажилъ, не одну тысячу.

— Отчего вы упускаете это выгодное дѣло?

— Куда намъ! Надо особые невода, большую посудину, безъ средствъ дѣла не заведешь.

— Развѣ Кнюценъ пріѣхалъ на Мурманъ съ большими средствами?

— Оно точно, онъ сталъ промыслять не богаче насъ грѣшныхъ, но онъ—не нашъ братъ.

— Что же, сшить изъ другой кожи?

Поморъ улыбнулся и убѣдительно заключилъ:

— Одно слово—норвежецъ.

Въ этотъ же день я сѣлъ на пароходъ «Ломоносовъ» и отправился дальше, въ Териберку, гдѣ думалъ пробыть нѣсколько времени, чтобы дополнить промысловыя и бытовыя данныя.

Колонія Териберка лежитъ въ 30-ти верстахъ отъ Гаврилова. По осѣдой населенности она считается первой на всемъ Мурманѣ; при ней становище, которое по числу промышленниковъ слѣдуетъ поставить вторымъ послѣ Гаврилова.

Войдя въ губу Териберку, я увидѣлъ въ глубинѣ ея поморскія избы, контуръ которыхъ, по мѣрѣ приближенія, все болѣе и болѣе прояснялся. Я поѣхалъ на шлюпкѣ и вышелъ на мысъ, покрытый сплошь мелкимъ намытымъ пескомъ. Съ одной стороны губа обра-

¹⁾ Забрасываніе яруса.

зовала маленькій заливчикъ, а съ другой—вдавалась гораздо больше, принимая рѣчку, вытекающую изъ лапландскихъ озеръ.

На мысу помѣстилась колонія съ 30 дворами, красивая сама по себѣ и представляющая привлекательный видъ съ рейда. Териберка похожа на колонію Гаврилово: промыслы, скотоводство, пользованіе покосами и лѣсомъ, школа, климатъ, нравственность, храмъ — все тоже. Впрочемъ есть одна отличительность—это хлѣбный казенный магазинъ, съ запасомъ въ 40 кулей, заготовленныхъ три года назадъ. Архангельскій комитетъ, завѣдующій магазиномъ, помѣщенія для него не имѣетъ, а сами колонисты арендуютъ, для склада муки, у своего собрата Никитина сарай, съ платою 20 рублей въ годъ. Нѣкоторые колонисты прямо заявляли о бесполезности магазина.

— Получить ссудный хлѣбъ изъ казны людямъ бѣднымъ довольно трудно,—разсказывалъ одинъ колонистъ.—Хлѣбъ выдается по общественнымъ приговорамъ и чтобы поручилась вся колонія. Вотъ этого-то добиться и невозможно. Скажемъ, 10 домохозяевамъ нуженъ хлѣбъ; они составятъ приговоръ и предложатъ на сходѣ поручиться. У кого есть хлѣбъ, тотъ не подпишетъ, а коли рукоприкладства нѣтъ отъ всей колоніи, значитъ, приговоръ незаконный, и хлѣба не выдадутъ.

— Почему хлѣбъ въ магазинѣ?

— Дорого—10 рублей куль. Платили бы и такія деньги, ежели-бъ не круговое ручательство, потому иное время такъ приходитъ туго, что и сказать не можно.

Слова эти дышали правдой, и становилось грустно за колонистовъ, которые иногда сидятъ безъ хлѣба, а хлѣбъ подъ бокомъ, да внять его никакъ нельзя.

Изъ колоніи я перешелъ въ становище.

Въ промыслѣ самую важную роль играютъ суда и рыболовныя снасти; суда—шняки, елы и карбасы. Смотря по величинѣ, на нихъ работаетъ извѣстное число людей: на шнякѣ—четверо, на елѣ—трое и на карбасѣ—двое. Суда безпалубныя, съ самымъ простымъ вооруженіемъ: двѣ, три пары весель или мачта съ боковымъ парусомъ. Каждую зиму по бѣломорскимъ селеніямъ стучитъ мощный топоръ, и промысловыя суда нарождаются десятками. Но типъ ихъ съ поконъ вѣковъ не испытывалъ никакихъ усовершенствованій, и они ходятъ отъ берега только на 30 верстъ, а далѣе не позволяютъ имъ прочность. Даже на такомъ разстояніи суда не могутъ выдерживать морскихъ бурь, и ежегодно бываютъ случаи, что вмѣстѣ съ промышленниками они гибнутъ въ волнахъ океана. Шняка стоитъ 80—100 рублей, ела—40—50 рублей, карбасъ—30—35 рублей. Рыболовныя снасти состоятъ исключительно въ ярусахъ. Но такъ какъ яруса бываютъ очень длинныя, то во избѣжаніе спутыванія, они выметываются и убираются частями, именуемыми тюками. Тюкъ—это веревка, толщиною въ палець; къ ней привязываются

орестеги, съ крючками, т.-е. тоненькія веревочки, въ аршинъ длины. Каждый тюкъ имѣеть до 200 орестегъ, которыя сидятъ другъ отъ друга на разстояніи одной сажени. Тюковъ для составленія яруса берется разное число, сообразно тому, на какомъ суднѣ ѣдутъ промышленники на промыселъ,—отъ 15 до 40. Стоимость яруса опредѣляется въ 60—160 рублей.

Выѣздъ въ море судна бываетъ въ тихую погоду, а также и при умѣренномъ вѣтрѣ. Отъѣхавъ 20—30 верстъ, кормчій шняки велить отдавать якорь. Спускаютъ камень съ веревкой, къ которой привязываютъ первый тюкъ. Когда камень достигнетъ дна на глубинѣ 60—150 сажень, то говорятъ, что одна нога поставлена; затѣмъ наживщикъ начинаетъ насаживать на крючки рыбешку и судно медленно удаляется отъ ноги. Нажививъ тюкъ, къ нему привязываютъ другой, нажививъ этотъ, привязываютъ третій и т. д. Выбросивъ половину взятыхъ тюковъ, ставятъ вторую ногу и выметываютъ остальные тюки. При послѣднемъ тюкѣ ставится третья нога; за нее чалится шняка и стоитъ въ теченіе отлива и прилива, т.-е. 12 часовъ, или, какъ говорятъ поморы, двѣ воды. Послѣ этого времени тяглецъ выбираетъ ярусъ и развязываетъ его на тюки, а наживщикъ снимаетъ рыбу и глушитъ снасти. Глушить—это откладывать въ сторону орестеги и обматывать ими крючки такъ, чтобы послѣдніе не спутывали ярусъ.

По приѣздѣ на берегъ, рыбу тотчасъ начинаютъ раздѣлывать и солить. Тяглецъ отрѣзаетъ головы, пластаетъ и вѣшаетъ для сушки на колья, а потомъ сушенныя головы продаются для корма скота колонистамъ въ пользу покручниковъ. Туловище рыбы поступаетъ къ кормщику; онъ клепикомъ (длинный ножъ) дѣлаетъ по длинѣ хребта такой разрѣзъ, что половинки держатся на брюшной части, при чемъ внутренности, конечно, вываливаются сами по себѣ, ихъ подбираетъ наживщикъ, отдѣляетъ печень и кладетъ въ чаны, гдѣ чрезъ броженіе отстаетъ сало. Рыба же относится прямо въ судно, складывается въ костры и пересыпается по каждому ряду солью.

— Нужда въ соли у васъ имѣется?—спросилъ я.

— Огромная,—отвѣчалъ одинъ поморъ.—Продаютъ соль фактористы и назначаютъ цѣны, какія хотятъ. Свѣжей рыбу держать не годится, потому сейчасъ духъ дастъ, ну, и беремъ иной разъ за пудъ рыбы пудъ соли. Соль у насъ употребляется привозная, англиская; она крупная, крѣпкая и невареная. Скажемъ, пудъ съ покупкой и доставкой стоитъ фактористу 10—15 коп., а продаетъ 30—40 коп. И даемъ, безъ нея дѣло стало.

— Какъ безъ соли, нельзя, невозможно!!—раздались голоса, но тотчасъ умолкли, и окружавшая толпа разступилась.

Пришелъ урядникъ и поздоровался со мной.

— Я слышалъ, что въ Териберкѣ устроенъ складъ казенной соли?—продолжалъ я спрашивать.

— Былъ разговоръ, а склада что-то не видно,—сказалъ кто-то изъ поморовъ.

Тутъ вмѣшался урядникъ.

— Вѣрно,—обратился онъ ко мнѣ,—три года, какъ отпущено на это дѣло 30 тысячъ рублей. Насчетъ соли начальство выкинуло умнѣйшую штуку. Оно взяло да и объявило, что въ становищѣ будетъ продаваться казенная соль по 20 коп. за пудъ. Фактористы трусили и понизили свою соль до этой цифры. А какъ понизили, то не для чего стало и хлопотать о продажѣ казенной соли.

Не знаю, умно ли сдѣлало начальство, но только и теперь промышленники покупаютъ соль выше 20 коп. пудъ. Понятно, что солью они дорожатъ и кладутъ ея на пудъ рыбы лишь 5 фунтовъ, поэтому нѣкоторыя части рыбы, особенно у костей, плохо просаливаются, разлагаются и даютъ рыбѣ скверный запахъ. Объ этомъ я пробовалъ замѣтить поморамъ.

— Какая у васъ вонючая треска.

Промышленники молчали и что-то переглядывались.

Урядникъ наклонился ко мнѣ и вполголоса сказалъ:

— Это имъ не по сердцу, не любятъ, когда говорятъ такъ о трещечкѣ. Они васъ стѣсняются, а другимъ всегда отвѣчаютъ: «та рыба не воняетъ, которая въ морѣ гуляетъ да хвостикомъ виляетъ».

— А какія цѣны бываютъ здѣсь на треску?

— Разныя: отъ 50 коп. до 1 рубля за пудъ,—пояснилъ какой-то старикъ.—Съ цѣнами намъ, баринъ, бѣда. Здѣсь рыба поднимается тогда, когда въ Архангельскѣ предлагаютъ за нее дорого. Къ примѣру, въ эту недѣлю продавали по полтинѣ, такая цѣна давалась и въ городѣ. Въ другую—цѣна дошла до семи гривенъ, а намъ неизвѣстно, мы все валимъ по полтинѣ. Когда мы узнаемъ высокую цѣну, то въ городѣ она еще стала выше. Такимъ манеромъ, убытокъ явный. Вѣдь покупатель-то знаетъ архангельскую цѣну, да намъ не сказываетъ. Иной разъ въ Гавриловѣ извѣстны городскія цѣны, а у насъ, въ Териберкѣ, дня три продаютъ рыбу по старымъ цѣнамъ. Это все одно, какъ съ наживкой. Сидимъ недѣлями безъ дѣла, ловить не на что, потомъ узнаемъ, что наживку ловятъ рядомъ въ становищѣ. Такъ же и насчетъ лововъ. Ходъ трески отъ насъ черезъ два, три становища, а намъ объ этомъ никто не скажетъ, сидимъ мы, сложа руки, и думаемъ, что рыбы нигдѣ нѣтъ.

Я указалъ поморамъ на казенный пароходъ, который обязанъ слѣдить на Мурманѣ за порядкомъ, сообщать по становищамъ о ходѣ рыбы, о ловахъ наживки и проч.

— Знаемъ мы оченно хорошо, какую помощь даетъ пароходъ,—говорилъ чей-то голосъ.—Раза два въ лѣто онъ бываетъ у становища. Приѣдетъ на немъ изъ Колы его благородіе, постоятъ на якорѣ, справятъ для себя дѣло и опять въ городъ.

— Какое дѣло?

— Его благородіе морошку съ молокомъ до страсти любить, такъ прѣзжаетъ къ колонистамъ покупать ягоды и молоко. Вотъ все тутъ и дѣло, а насчетъ того, чтобы сказать, гдѣ идетъ рыба, въ какой губѣ ловится наживка—ни Боже мой!

— Да есть ли пароходу время-то заниматься этимъ!—замѣтилъ другой поморъ.—Почитай, до половины лѣта онъ красится то въ Архангельскѣ, то въ Соловахъ, а то и въ Норвегіи.

— А какъ тресковый промыселъ: больше или меньше становится съ каждымъ годомъ?

— Какъ можно сравнить нынѣшніе годы съ прежними? Преждеговаривали старики, какъ вытягаютъ ярусъ, такъ рыбы не вмѣстятъ въ шнякѣ: головы отрубали и бросали въ воду, чтобы лишняго груза не было, или на веревку навязуютъ и тянутъ къ берегу плотомъ. Одно слово, рыба была ни почемъ, дешевле хлѣба, соли. Разсудите сами, пудъ трески продавали по 10—12 коп.

— Отчего же теперь хуже попадается рыба?

— А кто ее знаетъ? Думаемъ, что больше стала держаться голымени, куда на нашихъ посудинахъ опасно забираться.

— Значитъ, рыба больше удаляется въ глубину?

— Надо полагать. Десятки лѣтъ назадъ сталъ вдоль берега ходить звѣрь «кожа». Какъ только начнутся ловы, и поидетъ она гужомъ изъ Бѣлаго моря къ Норвегіи, высунется по грудь изъ воды и тянется, словно солдаты, рядами, головъ въ сто и болѣе. Тогда рыбы званія нѣтъ, вся прыснетъ отъ береговъ въ голымень, да и ловиться-то начинаетъ помаленьку недѣли черезъ двѣ. Потомъ обратно поворачивается эта самая «кожа» къ Новой Землѣ на зимовку и опять туряетъ рыбу. Просто наказаніе намъ съ этимъ звѣремъ.

— Вы бы придумали какъ нибудь избавиться отъ него.

— Есть средство—стрѣлять звѣря, да много не убьешь, а его здѣсь какая уйма. Вотъ ежелибъ сѣтями ловить, куда какъ польнительно: словить можно не мало, значить рыбѣ покойнѣе; опять же и промыселъ будетъ отъ сала.

— Такъ что же вы думаете?

— Эхъ, баринъ... Бѣднымъ хозяевамъ не подь силу заводить сѣти, а богатые все собираются ловить «кожу», да годъ за годъ откладываютъ; авось, говорятъ, звѣрь куда нибудь пропадетъ самъ, вѣдь не было его раньше. А ужъ и размножился онъ до страсти. Слышно нынче, что купецъ Антоновъ изъ Кеми ладитъ по веснѣ ловить «кожу».

Впослѣдствіи я встрѣтилъ на пароходѣ этого купца и говорилъ съ нимъ по поводу тюленьяго промысла на Мурманѣ. Онъ купилъ для этой цѣли въ Норвегіи двѣ яхты и четыре лодки, заплативъ за нихъ 13 тысячъ рублей. Г. Антоновъ намѣренъ ходатайствовать

предъ правительствомъ о сложеніи портовой пошлыны. На Мурманѣ я видѣлъ другого купца, г. Савина, который думаетъ также истреблять «кожу», но съ тѣмъ, однако, что онъ купитъ за границей пароходъ, застрахуетъ его и чтобы правительство выдало ему подъ полисъ ссуду въ размѣрѣ 75 процентовъ съ застрахованной суммы. Кромѣ того, мнѣ передавали, что ловить «кожу» и сбывать продуктъ безпошлинно желаетъ также богатый крестьянинъ Кошкинъ. Какъ бы то ни было, эти предприниматели—народъ русскій; но я слышалъ и даже получилъ отъ одного помора письменное заявленіе, что въ русскихъ водахъ намѣрены заниматься тюленьимъ промысломъ норвежцы, и что этому намѣренію сочувствуетъ мѣстная администрація. Лѣтъ шесть назадъ установленъ былъ фактъ, что два норвежскихъ судна охотились въ нашихъ водахъ на «кожу» и вывезли болѣе 10.000 шкуръ нерпа.

Толпа поморовъ вокругъ меня росла; стали раздаваться крики и голоса пьяныхъ. Я отвелъ въ сторону урядника и спросилъ:

— Скажите, кабаковъ на Мурманѣ нѣтъ, ввозъ норвежскаго рома запрещенъ, гдѣ напивается этотъ людъ?

— Хлѣба не найдутъ, а водки сколько угодно,—убѣдительно отвѣтилъ полицейскій.

— Откуда же, интересно?

— Выписываютъ водку хозяева: крупныя—для продажи своимъ покручникамъ, а мелкія—для всѣхъ вообще въ становищѣ. Поэтому мелкихъ хозяевъ я называю мурманскими шинкарями.

— Вѣдь вы обязаны подавлять это зло.

— Я строго преслѣдую, составляю протоколы и отправляю по начальству, но все-таки торгуютъ, ничего не подѣлаешь.

— При какихъ же условіяхъ продается водка?

— На деньги покручникъ покупаетъ за 60—80 коп. бутылку, а больше беретъ въ долгъ и платитъ 1 рубль. Шинкаръ здѣсь наживаетъ на водкѣ 100—150 рублей въ теченіе промысла.

— Вѣдь водка вредитъ рабочему.

— Очень даже. Вредитъ и промыслу, и семьѣ, и самому покручнику. Онъ на Мурманѣ не знаетъ никакихъ законовъ, ничего не признаетъ и называетъ себя «вольнымъ казакомъ». Случится брань, драка—опасно вмѣшиваться; каждый носитъ финскій ножъ и въ запальчивости не задумается пустить его въ ходъ. Трудно водворять порядокъ. Что можно сдѣлать, если я одинъ, безъ всякихъ подручныхъ, и притомъ на нѣсколько становищъ?

Снова подойдя къ поморамъ, я спрашивалъ у нихъ о салотопняхъ. Вообще на Мурманѣ салотопни дѣйствуютъ трехъ родовъ: паровыя, водяныя и простыя. Первыхъ очень мало, такъ какъ онѣ очень дороги, хотя сало въ нихъ выдѣляется изъ печенокъ въ 20 минутъ. Вторыхъ больше; въ нихъ сало отстаивается чрезъ 3¹/₂ часа. Вызывается въ печь котелъ, и въ него вставляется другой,

меньшихъ размѣровъ. Налитая между котлами вода нагрѣвается до 45 град. и способствуетъ выдѣленію сала. Третій родъ салотопень — самый распространенный. Ставится открытый чанъ, куда валится печень отъ всякой рыбы, не очищенная ни отъ крови, ни отъ кишекъ. Тамъ печень квасится, судя по погодѣ 2—4 недѣли. Подъ вліяніемъ воздуха и солнечной теплоты происходитъ броженіе, во время котораго печень разлагается, гніетъ, бурлитъ, пузырится и распространяетъ убійственную вонь. На дно падаютъ кишки и равная ткань; надъ подонками образуется сало, а поверхъ него плаваетъ сильно зловонная пѣнка, состоящая изъ кровеносныхъ сосудовъ и не успѣвшихъ подвергнуться броженію печенокъ. Изъ такихъ салотопень получается темное сало-сыротопъ, продающееся по 3 рубля за пудъ. Напротивъ, въ паровыхъ и водяныхъ салотопняхъ выгоняется чистое сало, называемое медицинскимъ; оно сбывается по 6 рублей за пудъ.

Послѣднимъ моимъ вопросомъ былъ вопросъ о зуйкахъ. Зуюкъ, вѣчно грязный, неряшливый, имѣетъ старый кафтанъ, сапоги съ ногъ отца или дяди и 1—2 ситцевыхъ рубахи. Онъ питается остатками отъ обѣда взрослыхъ и спитъ на полу, въ чану, въ бочкѣ. Определенныхъ рабочихъ часовъ для зуйка не существуетъ, отдыхомъ пользуется только тогда, когда бываетъ шняка въ морѣ. По возвращеніи судна, зуюкъ садится за работу и отвиваетъ крючки безъ отдыха цѣлыми сутками, получая за туюкъ по одной трескѣ. Въ это время несчастный мальчикъ часто служитъ забавою для покручниковъ, которые надъ нимъ смѣются, потѣшаются и придумываютъ самую смѣхотворныя мѣры, чтобы утомленный зуюкъ не впадалъ въ сонъ. Иные жестокосердые хозяева заставляютъ зуюковъ работать непрерывно до тѣхъ поръ, пока не отовьютъ всѣхъ снастей. Работа продолжается дни и ночи, и мальчики настолько переутомляются, что тутъ же у снастей засыпаютъ или уходятъ къ болѣе сострадательнымъ хозяевамъ, а иной разъ, набравшись храбрости, являются къ уряднику и жалуются на жестокое обращеніе съ ними хозяевъ.

— Какъ же вы поступаете съ этими зуйками?—спросилъ я урядника.

— Водворяю къ прежнему хозяину, потому что не разберешь: кто изъ нихъ правъ, кто виноватъ. Вѣдь зуюкъ глупый мальчикъ, шаловливый, надо же наставлять на разумъ.

— Такъ точно! Баловный! Сладу нѣтъ!—подтверждали голоса, принадлежащіе, вѣроятно, хозяевамъ.

Такимъ образомъ, съ апрѣля и почти до осени вращается мальчикъ среди пьяной, сквернословной толпы, безъ присмотра, призора и малѣйшихъ какихъ либо добрыхъ поученій, за исключеніемъ нашихъ чисто народническихъ—надавать подзатыльниковъ, оттаскать за уши, надрать виски. Въ такой бытовой атмосферѣ изъ зуйка,

какъ извѣстно, вырабатывается вполнѣтвѣи покручникъ. Возмужавъ, поморь, конечно, твердо помнитъ свое дѣтство и поэтому не мѣшаетъ поколѣнню подниматься въ такой же обстановкѣ, въ какой онъ самъ выросъ, ходя на Мурманъ въ качествѣ зуйка.

Въ 15-ти верстахъ отъ Териберки пароходъ остановился у колоніи и становища Заоленье. Это поселеніе, хотя пріютилось на самомъ берегу, но отъ вѣтровъ его защищаетъ островъ Кильдинъ, образующій съ мурманскимъ берегомъ узкій коридоръ. Колонія новая, всего въ два двора, съ тремя русскими работниками, занимающимися тресковымъ промысломъ. Въ становищѣ промышляютъ до 200 пришлыхъ поморовъ, выѣзжая въ океанъ на 60-ти судахъ.

Проѣхали еще 15 верстъ и достигли колоніи Кильдинъ, расположенной на островѣ того же названія. Въ колоніи одинъ дворъ и 6 работниковъ (сыновья колониста). Сюда пришелъ въ 1880 году норвежець Эриксонъ, и болѣе въ колоніи никто не желалъ селиться, такъ что онъ одинъ и хозяйничаетъ на Кильдинѣ 16 лѣтъ, словно владѣтельный князь. Никакими промыслами Эриксонъ не занимается, а ведетъ исключительно скотоводство, которое состоитъ изъ 7 коровъ, 15 овецъ и 40 оленей. Сѣно колонисты косятъ на островѣ и собираютъ до 50 возовъ; строевой дѣсъ покупаютъ на судахъ, а вмѣсто дровъ употребляютъ кустарникъ. Семья Эриксона говоритъ понорвежски, никакихъ отношеній съ русскими не имѣетъ и дѣло ведетъ въ Норвегіи.

Когда мы миновали островъ Кильдинъ, онъ представлялъ величественный видъ: съ западной стороны берегъ остро вдавался въ океанъ и поднимался буквально прямою стѣною, по крайней мѣрѣ, не ниже 600 футовъ.

На 7-й верстѣ встрѣтили колонію Зарубиху, съ однимъ дворомъ, но хозяинъ его совѣмъ куда-то ушелъ и оставилъ на произволь судьбы свою землянку.

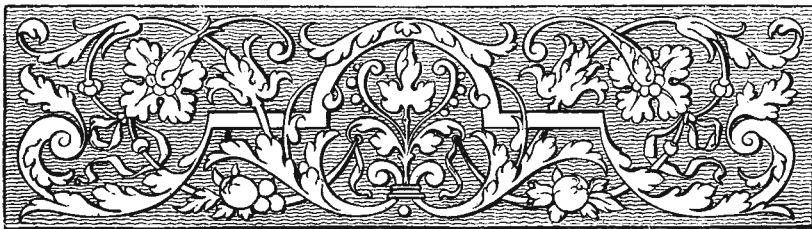
Далѣе, до Кольской губы, обозначающей конечный пунктъ восточнаго мурманскаго берега, ни колоній, ни становищъ больше не попадалось. Слѣдовательно, по восточному берегу, имѣющему предѣльными точками св. Носъ и Кольскую губу, разбросано девять постоянныхъ колоній, возникшихъ въ теченіе болѣе полувѣка. Да, притомъ, какія это колоніи: четыре въ 9—30, а остальные въ 1—6 дворовъ. Среди изъбъ попадаются землянки, но и деревянные избы незавидныя: тѣсныя, черныя, курныя. Скотоводство здѣсь крайне печальное, главнымъ источникомъ существованія является тресковый промыселъ, но и онъ ведется на традиціонныхъ началахъ, на тѣхъ судахъ и тѣми рыболовными снарядами, которые удержались съ начала промысла. За исключеніемъ одного финляндца и норвежскаго двора, колонисты всѣ русскіе, вышедшіе изъ бѣломорскихъ селеній. Нѣкоторые изслѣдователи сѣвера говорятъ, что колонисты такіе крестьяне, которые отвержены обществомъ за лѣнь и пьян-

ство. Это невѣрно. Мнѣ, какъ бывавшему въ Бѣломорьѣ, хорошо извѣстно, что этотъ людъ, страшно обѣднѣвъ отъ безработицы на родинѣ, покидаетъ ее въ поискахъ за кускомъ хлѣба. Религіозность поддерживается двумя церквами; грамотность замѣчается тоже въ двухъ колоніяхъ; остальные колоніи, какъ отдѣляющіяся длинными неудобными путями, тонутъ въ косности и невѣжествѣ.

А. Слезкинский.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

М. А. БАКУНИНЪ И ЕГО БѢГСТВО ИЗЪ СИБИРИ.

(Матеріалы для біографіи).

I.

ВЪ МОИХЪ рукахъ имѣются два любопытныхъ документа, касающихся личности извѣстнаго «первосвященника атеизма и анархіи», М. А. Бакунина, и служащихъ прекраснымъ дополненіемъ къ «Воспоминаніямъ» о немъ Л. И. Мечникова, напечатаннымъ въ № 3 «Историческаго Вѣстника» за 1897 годъ. Матеріалы эти, во-первыхъ, — «Исторія моей жизни. Отрывки изъ автобіографіи М. А. Бакунина», часть 1-я; она обнимаетъ собою періодъ его жизни 1815—1840 годовъ и доставлена редакціи «Историческаго Вѣстника» г. Н. Викторовымъ; во-вторыхъ, копія съ находящагося въ одномъ изъ сибирскихъ архивовъ дѣла № 36 «о допущеніи къ побѣгу за границу политическаго преступника Бакунина». Нечего говорить о сравнительномъ качественномъ значеніи обоихъ документовъ: несомнѣнно первый изъ нихъ, то-есть автобіографія Бакунина, долженъ считаться наиболѣе важнымъ. Къ сожалѣнію, автобіографія обнимаетъ собою лишь 25 первыхъ лѣтъ жизни этого неумнаго и безпокойнаго политическаго дѣятеля Западной Европы, но она именно важна, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что даетъ нѣкоторый ключъ къ разгадкѣ сложнаго характера «апостола всесвѣтной революціи», поднимаетъ завѣсу надъ тою стороною его жизни, которая очень слабо освѣщена даже его обстоятельнымъ біографомъ, покойнымъ М. Драгомановымъ, въ его извѣстномъ заграничномъ трудѣ. Здѣсь Бакунинъ, какъ это наглядно

увидятъ сами читатели ниже, съ полной откровенностью отмѣчаетъ слабыя стороны, изъяны своего характера, разъясняетъ нѣкоторыя двигательныя пружины многихъ своихъ послѣдующихъ дѣйствій жизни, которыя оставались непонятными даже его ближайшимъ друзьямъ и поклонникамъ, не говоря уже про строгихъ критиковъ и недруговъ. Такимъ образомъ, эта часть моего очерка, составляющая, къ слову сказать, неотъемлемую собственность г. Викторова, хотя и не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ главной темѣ статьи, обозначенной въ заголовкѣ, но, я полагаю, лучше всего, въ связи съ дальнѣйшими сдѣланными мною дополненіями, исчерпываетъ страницы жизни Бакунина въ Россіи. Все дальнѣйшее, что приключилось съ нимъ послѣ побѣга изъ Сибири, относится цѣликомъ къ его заграничному періоду жизни и пока неудобно для безпристрастнаго и всесторонняго обслѣдованія въ современной печати. Это дѣло уже будущихъ работниковъ нашего печатнаго слова.

Что касается значенія второго документа, почерпнутаго изъ перваго источника, то-есть архива, то и онъ имѣетъ несомнѣнно высокій историческій интересъ. Какъ удалось Бакунину, важному политическому преступнику, столь интересовавшему въ свое время петербургскія сферы, бѣжать, отчасти уже извѣстно и главнымъ образомъ изъ источниковъ заграничныхъ, составленныхъ съ голоса и повѣствованія самого Бакунина.

Въ настоящее время передъ нами новый источникъ, officialнаго характера, гдѣ дѣло рассказано со всеми подробностями, раскрывающими нѣкоторыя бытовыя особенности тогдашней сибирской жизни и позволяющими намъ съ точностью установить, что послужило счастливымъ обстоятельствомъ, главнымъ образомъ способствовавшимъ побѣгу, и кто съ точки зрѣнія административнаго режима явился невольнымъ пособникомъ Бакунина. Этимъ самымъ освѣщается любопытный эпизодъ русской жизни, въ свое время надѣлавшій много шума, вызвавшій немало толковъ и пересудовъ и потребовавшій строгого административнаго разслѣдованія, причинившаго сибирской администраціи достаточное количество хлопотъ и непріятностей. Эпизодъ бѣгства возбудилъ и къ самому факту и къ виновнику его вниманіе заграничной прессы и на страницахъ Герценовскаго «Колокола» былъ привѣтствованъ, какъ событіе чрезвычайной важности въ интересахъ русской и общеславянской революціонной агитаціи.

Вотъ эти-то два документа, одинъ въ его подлинникѣ, но съ послѣдующими дополненіями, а другой въ переработанномъ видѣ въ интересахъ литературнаго очерка, я и предлагаю суду читателей, какъ матеріалы для будущей біографіи Бакунина, если ей когда нибудь суждено будетъ видѣть у насъ свѣтъ.

Начнемъ съ документа, доставленнаго редакціи г. Викторовымъ.

II.

Исторія моей жизни.

(Отрывокъ изъ автобіографіи М. А. Бакунина).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1815 (sic) — 1840.

«Я начну исторію моей жизни цитированіемъ моего метрическаго свидѣтельства (acte de naissance). Я родился 18-го (30-го) мая 1815 (sic) года въ имѣніи моего отца, въ Тверской губерніи, въ Торжковскомъ уѣздѣ, между Петербургомъ и Москвою.

«Мой отецъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду. Дядя моего отца, носившій то же, какъ и онъ, имя, будучи министромъ иностранныхъ дѣлъ въ царствованіе Екатерины II, послалъ его еще въ дѣтствѣ, когда ему было только 8 или 9 лѣтъ, въ качествѣ атташе къ русскому посольству во Флоренцію, гдѣ одинъ изъ его родственниковъ былъ русскимъ посломъ и взялъ на себя заботы объ его воспитаніи. Онъ вернулся въ Россію по достиженіи 35-лѣтняго возраста. Такимъ образомъ, его воспитаніе и юность прошли за границей.

«Отецъ мой былъ человѣкъ обширнаго ума, весьма образованный, даже ученый, очень либеральный, филантропъ, деистъ, не атеистъ, но libre penseur, и былъ въ сношеніяхъ со многими свѣтилами философской и ученой Европы его времени, — и вслѣдствіе этого самаго въ полномъ разладѣ со всѣмъ тѣмъ, что жило и дышало въ современной ему Россіи, гдѣ только одна немногочисленная секта франкмассоновъ, хотя и преслѣдуемая, сохраняла и тайно поддерживала священный огонь уваженія и любви къ человѣчеству.

«Придворное общество показалось до того противнымъ моему отцу, что онъ предпочелъ прервать свою карьеру и искать убѣжища въ деревнѣ и остаться тамъ навсегда. Однако, онъ имѣлъ такое обширное знакомство со всѣми просвѣщенными людьми тогдашней Россіи, что его домъ въ деревнѣ былъ почти всегда полонъ гостей. Съ 1817 до 1825 года онъ участвовалъ въ «Тайномъ Сѣверномъ Обществѣ», именно въ томъ, которое въ декабрѣ 1825 года произвело неудачную попытку военнаго возстанія въ С.-Петербургѣ.

«Ему нѣсколько разъ предлагали предсѣдательство въ этомъ обществѣ; но онъ былъ черезчуръ скептикомъ для этого, а также сдѣлался съ теченіемъ времени черезчуръ осторожнымъ, чтобы принять это предложеніе. Это обстоятельство и было причиной того,

что отецъ мой не раздѣлилъ трагической, но славной участи многихъ своихъ друзей и родственниковъ, изъ которыхъ одни были повѣшены въ Петербургѣ въ 1825 году (читай 1826), между тѣмъ какъ другіе были приговорены къ каторгѣ или ссылкѣ въ Сибирь.

«Мой отецъ былъ довольно состоятеленъ. Онъ былъ, какъ говорилось въ то время, владѣльцемъ тысячи душъ мужчинъ, ибо женщины не входили въ счетъ при крѣпостномъ правѣ. Такимъ образомъ, онъ былъ господиномъ почти 2.000 крѣпостныхъ, мужчинъ и женщинъ, имѣя право продавать ихъ, ссылать въ Сибирь, сдавать въ солдаты и главное — эксплуатировать безъ жалости, или, выражаясь проще, грабить ихъ и жить на счетъ ихъ подневольнаго труда.

«Я уже сказалъ, что отецъ мой пріѣхалъ въ Россію исполненнымъ либеральныхъ идей. Его либерализмъ сначала возмутился противъ ужаснаго позорнаго положенія рабовладѣльца. Онъ даже сдѣлалъ нѣсколько плохо рассчитанныхъ и неудачныхъ попытокъ освободить своихъ крѣпостныхъ, но позже съ одной стороны привычка, съ другой матеріальный интересъ примирили его съ этимъ положеніемъ, и онъ сдѣлался спокойнымъ помѣщикомъ, какъ и множество другихъ его сосѣдей, спокойнымъ и терпящимъ рабство сотенъ человѣческихъ существъ, которыхъ трудомъ онъ кормился.

«Одной изъ главныхъ причинъ перемѣны, происшедшей въ немъ, была его женитьба: уже сорока лѣтъ онъ безумно влюбился въ молодую дѣвушку 18 лѣтъ, дворянскаго происхожденія, красивую, но бѣдную, и женился на ней. И чтобы заслужить прощенье этого эгоистическаго поступка, онъ всю свою остальную жизнь старался принаравливать къ ея мнѣніямъ, вмѣсто того, чтобы возвысить её до себя. Мать моя была урожденная Муравьева, двоюродная племянница Муравьева-Вилenskaго, а также и Муравьева-декабриста. Она была личность пустая и эгоистичная, и никто изъ дѣтей не любилъ её. Но мы обожали нашего отца, который въ продолженіе нашего дѣтства былъ добръ и снисходителенъ къ намъ.

«Насъ, дѣтей, было 11 человѣкъ. Еще теперь у меня есть въ живыхъ пять братьевъ и двѣ сестры. Мы были воспитаны подъ наблюденіемъ нашего отца скорѣе западно-европейски, чѣмъ порусски. Мы жили, такъ сказать, внѣ русской дѣйствительности, въ мірѣ, полномъ чувствъ и фантазій, но лишенномъ всякой реальности. Въ началѣ воспитаніе наше носило очень либеральный характеръ, но послѣ несчастнаго исхода декабрьской конспираціи (1825) мой отецъ, испуганный этимъ пораженіемъ либерализма, измѣнилъ систему нашего воспитанія. Съ этого времени онъ (оригиналъ неразборчивъ, должно быть: старался) сдѣлать изъ насъ вѣрноподанныхъ царя. Именно съ этой цѣлью отецъ мой отправилъ меня въ 1830 (sic) г. въ С.-Петербургъ для поступленія въ артиллерійскую академію.

«Я оставался тамъ 3 года и, семнадцати лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду, я былъ произведенъ въ 1832 г. въ офицеры.

«Нѣсколько словъ о моемъ умственномъ и духовномъ развитіи въ продолженіе этого періода. Покидая отцовскій домъ, я уже довольно хорошо говорилъ пофранцузски — единственный языкъ, который меня заставили изучить научно, я говорилъ также немного понѣмецки и кое-какъ могъ понимать поанглійски; погречески и полатыни я не зналъ ни слова и не имѣлъ никакого понятія о русской грамматикѣ. Мой отецъ училъ насъ древней исторіи по Боссюэту и заставилъ меня читать немного Тита Ливія и Плутарха, послѣдняго въ переводѣ Аніэ. Кромѣ этого, я имѣлъ нѣкоторое, весьма не точное и туманное, понятіе о географіи и, благодаря одному изъ моихъ дядей, офицеру генеральнаго штаба въ отставкѣ, я довольно хорошо усвоилъ ариметику, алгебру до уравненій первой степени включительно и планиметрію. Въ этомъ заключался весь научный багажъ, который я уносилъ съ собой изъ отцовскаго дома, когда мнѣ было 14 лѣтъ. Воспитанія религіознаго я не получилъ никакого. Духовникъ нашей семьи—прекраснѣйшій человѣкъ, котораго я очень любилъ, такъ какъ онъ приносилъ намъ пряники, — далъ намъ нѣсколько уроковъ катехизиса, которые абсолютно не имѣли никакого вліянія—положительнаго или отрицательнаго — ни на мое сердце, ни на умъ. Я былъ болѣе скептикомъ, чѣмъ вѣрующимъ, или скорѣе индифферентнымъ.

«Вслѣдствіе этого мои понятія о нравственности, правѣ и долгѣ были неопредѣленны. Я имѣлъ чувства, но ни одного принципа. Я инстинктивно, т. е. по привычкѣ, усвоенной въ дѣтствѣ, въ средѣ, гдѣ оно прошло,—любилъ добрыхъ и доброе и ненавидѣлъ злыхъ, не будучи въ состояніи дать самому себѣ отчетъ въ томъ, что такое добро и зло. Я негодовалъ и возмущался противъ всякой жестокости и несправедливости. Я даже думаю, что негодованіе и возмущеніе были два первыя чувства, которыя развились во мнѣ съ большей энергіей, чѣмъ другія.

«Мое нравственное воспитаніе было ложно, уже благодаря тому факту, что все мое существованіе—матеріальное и нравственное—было основано на явной несправедливости, на абсолютной безнравственности — на рабствѣ нашихъ крестьянъ, которые «кормили» нашу праздность.

«Мой отецъ вполне сознавалъ эту безнравственность, но, будучи человѣкомъ практичнымъ, онъ съ нами никогда не говорилъ объ ней, и мы были въ долгомъ, слишкомъ долгомъ невѣдѣніи о ней.

«Наконецъ, во мнѣ также развилась любовь къ приключеніямъ. Отецъ мой много путешествовалъ и рассказывалъ намъ о своихъ путешествіяхъ. Любимымъ чтеніемъ нашимъ, которое всегда происходило съ его участіемъ, — было описаніе путешествій. Мой отецъ

также былъ ученымъ натуралистомъ. Онъ любилъ природу и передалъ намъ эту любовь, эту страстную любознательность относительно всего, касающагося природы, не давая намъ, однако, никакого научнаго понятія о ней.

«Мысль—путешествовать, видѣть новыя страны, новые народы, сдѣлалась идеаломъ для всѣхъ насъ, дѣтей. Эта мысль, настойчивая и продолжительная, развила мое воображеніе. Въ часы досуга я рассказывалъ себѣ исторіи, въ которыхъ я представлялъ себя убѣгающимъ далеко изъ отцовскаго дома, въ поискахъ за заключеніями.

«Въ то же самое время я обожалъ моихъ братьевъ и сестеръ, въ особенности сестеръ, и почиталъ отца, какъ Бога.

«Таковъ былъ я, когда вступалъ кадетомъ въ артиллерійскую академію. Здѣсь произошла моя встрѣча лицомъ къ лицу съ русской дѣйствительностью».

III.

Артиллерійская академія тѣхъ дней, гдѣ Бакунинъ учился хорошо, выпустила его лишь въ армію и обрекла на захолустное пребываніе съ полкомъ въ Западномъ краѣ. Эта полковая жизнь не дала никакого удовлетворенія его богатымъ силамъ, бурной натурѣ, и излюбленнымъ занятіемъ молодого артиллериста сдѣлалось безцѣльное лежаніе въ халатѣ на постели. Скоро, однако, онъ подалъ въ отставку и поселился въ деревнѣ у отца, наѣзжая отъ времени до времени въ Москву, гдѣ и сошелся съ выдающимися философскими и литературными кружками знаменитыхъ «сороковыхъ годовъ». Съ однимъ изъ первыхъ онъ сблизился съ главою идеалистовъ того времени, съ Станкевичемъ, подъ вліяніемъ котораго всею силою своего страстнаго темперамента отдался изученію нѣмецкой философіи, и плодомъ этихъ занятій была его переводная статья Фихте «лекціи о назначеніи ученыхъ». По отъѣздѣ Станкевича сначала изъ Москвы на Кавказъ, а потомъ за границу и, наконецъ, по смерти его, Бакунинъ въ философскихъ кружкахъ занимаетъ мѣсто покойнаго и дѣлается главою тогдашняго Гегелианскаго движенія. Будучи настоящимъ дилетантомъ философіи, онъ обнаружилъ удивительныя діалектическія способности, даръ блестящаго изложенія, который, по свидѣтельству Анненкова, «сообщилъ ему нѣчто, похожее на роль провозвѣстника философскихъ истинъ». «Къ нему прибѣгали при всякомъ недоумѣніи, затруднительномъ вопросѣ, случайномъ перерывѣ идей, и пояснительная рѣчь его текла блестящею импровизаціей,—говоритъ тотъ же современникъ (Анненковъ: «Біографія Станкевича»). Разумѣется, тутъ не могло быть какого либо самобытнаго ученія, да и никто не думалъ о томъ; но онъ обладалъ особеннымъ даромъ переработывать все

вычитанное и узнанное въ собственную мысль, такъ что онъ самъ казался почти изобрѣтателемъ и родоначальникомъ поясняемаго имъ метода. Роль зодчаго, которую человекъ этотъ игралъ въ отношеніи каждаго, такъ или иначе накопившаго сырой, необдѣланный матеріалъ, имѣла своего рода неизбѣжныя и тяжкія условія. Вся жизнь являлась передъ нимъ сквозь призму отвлеченія, и только тогда говорилъ онъ о ней съ поразительнымъ увлеченіемъ, когда она была переведена въ идею. Все случайное, мгновенное, самобытное жизни было ему гораздо менѣе доступно...».

Перейдя отъ изученія Фихте къ Гегелю, Бакунинъ съ особенною послѣдовательностью и настойчивостью при всякомъ удобномъ случаѣ пропагандировалъ этого ученаго и на односторонне понятыхъ и истолкованныхъ нѣкоторыхъ положеніяхъ послѣдняго построилъ для своихъ почитателей и слушателей цѣлую философію русской дѣйствительности, философію, которая имѣла для русской литературы нѣкоторыя печальныя слѣдствія. Такъ, исходя изъ извѣстнаго гегелианскаго принципа, «что дѣйствительно, то разумно, и что разумно, то дѣйствительно», онъ говорилъ: «возставать противъ дѣйствительности и убивать въ себѣ всякій источникъ жизни одно и то же. Примиреніе съ дѣйствительностью во всѣхъ отношеніяхъ и во всѣхъ сферахъ жизни есть главная задача нашего времени, и Гегель и Гете—главы этого примиренія, этого возвращенія изъ смерти въ жизнь. Будемъ надѣяться, что наше новое поколѣніе также выйдетъ изъ призрачности, что оно оставитъ пустую и бессмысленную болтовню, что оно сознаетъ, что истинное значеніе и анархія умовъ и произвольность въ мнѣніяхъ совершенно противоположны; что въ знаніи царствуетъ строгая дисциплина, и что безъ этой дисциплины нѣтъ знанія. Будемъ надѣяться, что новое поколѣніе сроднится, наконецъ, съ нашею прекрасною русскою дѣйствительностью, и что, оставивъ всѣ пустыя претензіи на гениальность, оно ощутитъ, наконецъ, въ себѣ законную потребность быть дѣйствительными русскими людьми».

Эта реабилитация тогдашней дѣйствительности отозвалась, какъ я уже сказалъ выше, печально въ русской литературѣ. Изъ этого источника, созданнаго увлекающею рукою Бакунина, родилась знаменитая статья Бѣлинскаго о «Бородинской годовщинѣ». Я не пишу ни біографіи Бакунина, ни исторіи того времени, почему и пропускаю подробности этого любопытнаго литературнаго эпизода, отославъ интересующихся къ работѣ А. Н. Пыпина «Бѣлинскій, его жизнь и переписка», а также къ новѣйшимъ прекраснымъ статьямъ М. М. Филиппова «Философскія убѣжденія Бѣлинскаго», напечатаннымъ въ его журналѣ «Научное Обзорніе» за прошлый годъ. Важно въ настоящемъ случаѣ лишь отмѣтить, что Бакунинъ, этотъ фанатикъ-диллетантъ нѣмецкой философіи, благодаря дикой страсти своего стихійнаго характера, сумѣлъ всецѣло

овладѣть умомъ нашего безсмертнаго критика, стянуть его деспотическимъ желѣзнымъ кольцомъ, въ тискахъ котораго временно какъ будто обезсилѣла его творческая мысль. Но Вѣлинскій скоро уже началъ чувствовать тягость деспотическаго ига Бакунинской философіи и однажды писалъ Станкевичу: «Я пишу ему (Бакунину), что прекраснѣйшія и идеальныя комедіи мнѣ надоѣли. Споръ о простотѣ игралъ тутъ важную роль. Я ему говорилъ, что о Богѣ, объ искусствѣ можно разсуждать съ философской точки зрѣнія, но о достоинствѣ холодной телятины должно говорить просто. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что бунтъ противъ идеальности есть бунтъ противъ Бога, что я погибаю, дѣлаюсь добрымъ малымъ, въ смыслѣ *bon vivant et bon samarite* и пр. А я только хочу бросить претензіи быть великимъ человѣкомъ, и хочу быть со всѣми, какъ всѣ»...

Къ этому времени появились на горизонтѣ московской жизни, вернушіеся изъ ссылки, Герценъ и Огаревъ, которые и успѣли вскорѣ, въ особенности первый изъ нихъ, дать иное направленіе передовымъ умамъ нашей литературы. Вліяніе Бакунина въ философскихъ кружкахъ пошатнулось, и на пустомъ діалектическомъ мѣстѣ, оставленномъ русскимъ ученикомъ Гегеля, вскорѣ раздалась горячая, полная протеста, жизни и призыва къ борьбѣ, проповѣдь Герцена. Отмѣнной діалектикѣ, ходульному идеализму и примиренію съ дѣйствительностью наступилъ конецъ, и для умственныхъ теченій русской жизни наступили иные дни, извѣстные у насъ подъ знаменательнымъ и столь извѣстнымъ всякому русскому образованному человѣку названіемъ «сороковые годы». Новое слово вятскаго изгнанника—Герцена, блескъ его ума и истинная сила живого, а не мертваго схоластическаго слова, отуманили и Бакунина; дремавшія силы протеста во что бы то ни стало смутно заговорили въ его громадномъ организмѣ, и «революціонный тактъ» уже началъ «толкать его въ другую сторону» — въ немъ начинался новый «процессъ духа». «Я думаю, что негодование и возмущеніе были два первыхъ чувства, которыя развились во мнѣ въ большой энергіей, чѣмъ другія»,— читали мы уже въ его автобіографіи. Теперь этимъ чувствамъ былъ данъ сильный толчекъ Герценомъ. Въ томъ же мѣстѣ автобіографіи помѣщены и слѣдующія слова, которыя въ значительной степени должны пролить свѣтъ на поведеніе Бакунина въ тѣ важные для его жизни дни: «мои понятія о нравственности, правѣ и долгѣ,—говоритъ онъ,—были неопредѣленны. Я имѣлъ чувства, но ни одного принципа. Я инстинктивно, т. е. по привычкѣ, усвоенной въ дѣтствѣ, въ средѣ, гдѣ оно прошло, любилъ добрыхъ и доброе и ненавидѣлъ злыхъ, не будучи во всякомъ случаѣ въ состояніи дать самому себѣ отчетъ въ томъ, что такое добро и зло».

Въ значительной мѣрѣ это хаотическое состояніе индивидуальной этики не упорядочилось въ немъ во всю жизнь; оно же послужило источникомъ и его дѣйствій въ теченіе 1839—1840 гг. Ря-

домъ съ удивительной способностью легко вспархивать на вершины самой недосыгаемой отвлеченной нѣмецкой философіи, Бакунинъ отличался всегда непонятной слабостью къ сплетнямъ, къ дрызгамъ низменнаго свойства, любовью соваться въ чужія дѣла, особенно семейныя, регламентировать ихъ, обнажать ихъ больныя мѣста.

Уже въ 1839 г. мы видимъ его ссорящимся со всѣми своими прежними пріятелями и единомышленниками, причемъ въ отношеніи Каткова онъ распускаетъ даже некрасивую сплетню, въ которой къ тому же не одинъ Катковъ былъ замѣшанъ, но и Боткинъ. Грязное и недостойное поведеніе Бакунина оттолкнуло отъ него всѣхъ, кто прежде относился къ нему съ сочувствіемъ и любовью, но это, однако, не мѣшало ему попрежнему всюду соваться и вездѣ бывать. Въ началѣ апрѣля 1840 г. онъ, несмотря на очень недавнее знакомство съ Герценомъ, рѣшается даже обратиться къ послѣднему съ письмомъ, гдѣ уже тогда сказалась вся его безцеремонность по отношенію матеріальныхъ средствъ ближнихъ, ко-
торою онъ такъ отличался во всю свою жизнь.

«Любезный Герценъ!—писаль онъ.—Пріѣхавъ сюда, я нашелъ въ отцѣ моемъ согласіе на мой отъѣздъ въ Берлинъ и готовность помочь мнѣ деньгами. Но такъ какъ дѣла его, вслѣдствіе неурожая и мелководія, находятся въ маленькомъ разстройствѣ, то онъ и не можетъ мнѣ дать теперь ничего другого, кромѣ обѣщанія. Онъ говоритъ, что если дѣла его поправятся, то онъ согласенъ давать мнѣ по 1.500 рублей въ годъ; но это если такъ неопредѣленно, что если бы мои надежды были основаны единственно только на немъ, то легко бы могло случиться, что онѣ растаяли бы, «яко воскъ отъ лица огня». Можетъ быть, что, со всею готовностью помочь мнѣ, онъ будетъ давать мнѣ не болѣе 1.000 или даже 500 рублей въ годъ, а потому, милый Герценъ, для того, чтобы дать поѣздкѣ моей въ Берлинъ твердую и незыблемую основу, я долженъ обратиться къ тебѣ. Если ты и друзья твои можете дать мнѣ тѣ 5.000 рублей, о которыхъ ты мнѣ говорилъ, то это меня совершенно обезпечить. Имѣя ихъ въ виду, я могу смѣло ѣхать и, въ случаѣ нужды, ограничивъ свои расходы и путешествіе свое только однимъ Берлиномъ, прожить безъ всякихъ другихъ средствъ въ Берлинѣ впродолженіе трехъ лѣтъ. Все же остальное, что я получу отъ отца или приобрѣту собственными трудами, будетъ употреблено мною на расширение моего путешественнаго плана, а слѣдовательно, и моего образованія. Я жду духовнаго перерожденія и крещенія отъ этого путешествія, я чувствую въ себѣ такъ много сильной и глубокой возможности, и еще такъ мало осуществилъ, что каждая лишняя копейка для меня будетъ важна, какъ новое средство къ достиженію моей цѣли. И потому я прошу тебя и друзей твоихъ, если вамъ это только возможно, дать мнѣ теперь 2.000 рублей, а впродолженіе двухъ остальныхъ лѣтъ присылайте мнѣ по 1.500 рублей въ годъ такъ,

какъ ты мнѣ говорилъ въ Москвѣ. Что же касается 2.000 рублей, то чѣмъ скорѣе вы мнѣ ихъ доставите, тѣмъ будетъ лучше, потому что я ни минуты медлить не стану. Я не могу назначить опредѣленнаго срока для уплаты этихъ денегъ, но вы можете быть увѣрены, что при первой малѣйшей возможности я поспѣшу заплатить ихъ. Во всякомъ случаѣ, наследство, которое я получу отъ отца, и образование, которое я приобрѣту за границей, дадутъ мнѣ вѣрное средство къ исполненію этой священной обязанности, въ случаѣ же моей смерти братья за меня заплатятъ. Впрочемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, я проживу еще долго, во-первыхъ, потому, что было бы глупо умереть, ничего не сдѣлавъ путнаго, а, во-вторыхъ, потому, что я совсѣмъ не намѣренъ умереть. Ты видишь, Герценъ, я обращаюсь къ тебѣ прямо и просто, безъ всякихъ околичностей и отложивъ въ сторону всѣ 52 китайскія церемоніи. Я дѣлаю это потому, что я беру у васъ деньги не на удовлетвореніе какихъ нибудь глупыхъ и пустыхъ фантазій, но для достиженія человѣческой и единственной цѣли моей жизни. Кромѣ этого, хотя наше знакомство началось и недавно, но мнѣ нужно было немного времени для того, чтобъ полюбить тебя отъ души, и для того, чтобъ сознать, что въ нашихъ духовныхъ и душевныхъ направленіяхъ есть много общаго, и что я могу обратиться къ тебѣ, не боясь недоразумѣній. Я не буду говорить тебѣ о своей благодарности, но, повѣрь мнѣ, я никогда не позабуду, что ты и друзья твои, почти не зная меня и не проникнувъ въ глубину души моей, повѣрили въ дѣйствительность и святость моего внутренняго стремленія; я никогда не позабуду, что, давъ мнѣ средства ѣхать за границу, вы, можетъ быть, спасли меня отъ ужаснѣйшаго несчастья, отъ постепеннаго опошленія. Повѣрьте, что я всѣми силами буду стараться оправдать вашу довѣренность, и что я употреблю всѣ, зависящія отъ меня, средства для того, чтобъ стать живымъ, дѣйствительно духовнымъ человѣкомъ, полезнымъ не только для себя одного, но и отечеству и всѣмъ окружающимъ меня людямъ. Да, я надѣюсь, что современемъ вы меня лучше узнаете, и что тогда вы примете меня въ тѣснѣйшій кружокъ своихъ друзей. Покамѣстъ же, Герценъ, прощай. Отвѣчай мнѣ, пожалуйста, скоро, потому что мнѣ хотѣлось бы, какъ можно скорѣе, уничтожить всякую неопредѣленность въ дѣлахъ моихъ».

Герценъ, не умѣвшій въ жизни никому отказывать въ помощи и поддержкѣ, совмѣстно съ Огаревымъ ссудилъ его нужными на поѣздку деньгами, и Бакунинъ въ началѣ августа 1840 г. направился черезъ Петербургъ въ Берлинъ. Но ему, видно, не суждено было на роду жить въ мирѣ съ Россіей и соотечественниками (кромѣ Герцена), и послѣдніе дни его пребыванія въ Петербургѣ омрачились отвратительнымъ эпизодомъ, который окончательно уронилъ его въ глазахъ даже мягкаго Огарева, такъ охотно пришедшаго къ нему на помощь. Эпизодъ этотъ разсказанъ въ книгѣ г. С. Невѣднскаго «Катковъ и его время» такъ.

Однажды утромъ, Катковъ явился на квартиру Бѣлинскаго съ извѣстіемъ, что сюда долженъ явиться прїѣзжій изъ Москвы Бакунинъ. Когда дѣйствительно послѣдній пришелъ и когда Катковъ поблагодарилъ его за московскія сплетни, между ними началась перебранка, перешедшая въ драку, при чемъ наиболѣе потерпѣвшимъ оказался Бакунинъ. Получивъ пощечину, онъ заявилъ Каткову, что намѣренъ съ нимъ драться на дуэли.

— Послушайте же, милостивый государь,—отвѣтилъ на это ухившій Катковъ,—если въ васъ есть хоть капля теплой крови, не забудьте же, что вы сказали.

Секундантами со стороны Каткова должны были быть Языковъ и Бѣлинскій, который шутилъ по этому предмету, воскликнувъ:

— Иду на войну, да и только, что твой Аѳанасій Ивановичъ, когда онъ пугалъ Пульхерію Ивановну!

Однако, въ концѣ концовъ, дуэль не состоялась. Бѣлинскій лишь напрасно прогулялся для переговоровъ къ Бакунину. Послѣдній сталъ просить передать Каткову какія-то увѣренія и записку, въ которой онъ на трехъ страницахъ «аналитическимъ и скопческимъ слогомъ», какъ выразился Бѣлинскій, изложилъ, что можно было сказать въ трехъ строкахъ. Онъ предлагалъ отложить дуэль до появленія обоихъ въ Берлинъ, ссылаясь на строгость русскихъ законовъ, присуждавшихъ оставшагося въ живыхъ противника въ солдаты. Затѣмъ въ письмѣ къ Евреינוву Бакунинъ проситъ его посредничества, чтобы уговорить Каткова отложить дѣло на неопредѣленный срокъ, такъ какъ въ Берлинѣ онъ будетъ единственной поддержкой и защитникомъ какой-то русской дамы. «Кажется, молодецъ нашъ,—писалъ въ письмѣ Бѣлинскій,—хочетъ отдѣлаться, а нашъ горячится пуще, говоритъ—надо подлеца стереть съ лица земли».

Строже отнесся къ дѣлу Огаревъ, который писалъ по этому поводу: «Что за продолженіе боя у Каткова съ Бакунинымъ и почему окончаніе дурно? Объясни. Я уже придумалъ: вѣроятно, одинъ другого ударилъ въ рожу, а тотъ (Бакунинъ) обтерся. Мнѣ ужасно жалко, что я протянулъ руку помощи этому длинному гаду. Поведеніе его относительно Боткина такъ низко, что выразить нельзя. Надѣюсь, что не худо будетъ не только отъ него отстать, но даже напрямки отказать во всякомъ остальномъ вспоможеніи. Это такой человѣкъ, которому гадко руку протянуть; умно же ты сдѣлалъ, что не сблизился съ нимъ сердцемъ! Грустно, другъ, а дѣлать нечего, надо сознаться, что наше появленіе въ Москвѣ не доставило намъ хорошаго знакомства. Два этихъ человѣка, изъ которыхъ одинъ мальчишка, другой подлець—вотъ все, что мы узнали».

Отъѣздъ Бакунина въ Берлинъ былъ печальный. Кромѣ Герцена, никто не пришелъ его проводить, и память о немъ у всѣхъ осталась самая гнусная. Изъ Берлина Бакунинъ тотчасъ написалъ Бѣ-

линскому и Каткову, при чемъ первому онъ сознался въ своемъ недостаткѣ и все твердилъ, что онъ «діалектическая натура», стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ вызвать его симпатіи и сочувствіе. Про письмо же Каткову Бѣлинскій писалъ Боткину: «Къ Каткову онъ писалъ, приписывая свой поступокъ пустотѣ и болтовнѣ, просилъ извиненія, но говорилъ, что извѣстное объясненіе неизбѣжно, да я не вѣрю—у. . . ся на мѣстѣ объясненія—и всего вѣрнѣе—увернется отъ него. Ты правъ, что онъ трусъ».

Дуэли въ Берлинѣ дѣйствительно не произошло, и при встрѣчѣ все дѣло было предано забвенію. Простилъ Бакунину впоследствии и Огаревъ, какъ и многіе другіе послѣ памятныхъ событій 1848 г., въ которыхъ бывшій гегеліанецъ и сторонникъ примиренія съ дѣйствительностью явилъ себя въ совершенно новомъ свѣтѣ, снялъ съ себя бывшее обвиненіе въ трусости и заставилъ о своей личности громко говорить Францію, Австрію, Германію и другія западныя государства, причинивъ тамошнимъ правительствамъ не мало хлопотъ и заботъ.

IV.

Я не имѣю ни возможности, ни намѣренія слѣдить послѣдовательно за ходомъ дальнѣйшихъ европейскихъ дней жизни Бакунина до 1851 года, когда онъ въ качествѣ политическаго преступника былъ привезенъ въ Россію; но тѣмъ не менѣе, дабы рѣзко не прерывать цѣпи событій, вкратцѣ все-таки долженъ отмѣтить кое-что изъ бурной жизни перваго русскаго революціонера, оказавшагося въ рядахъ собратьевъ по революціонному дѣлу, и который первый въ качествѣ русскаго дерзнулъ громко говорить съ объятою пламенемъ мятежа Европой.

Въ началѣ своего пребыванія за границей Бакунинъ съ головой окунулся въ пучину науки, живя здѣсь бурною жизнью нѣмецкаго бурша. Онъ бѣгаетъ съ лекціи на лекцію, массу читаетъ, сотрудничаетъ въ журналахъ, но уже начинаетъ постепенно склоняться къ послѣдователямъ Гегеля съ «лѣвой стороны»—Фейербаху и Штраусу, пребывая, однако, все еще въ кругу исключительно философскихъ и научныхъ интересовъ. Насколько живо Бакунинъ умѣлъ сливаться съ тогдашней жизнью нѣмецкихъ университетовъ, лучше всего рисуется изъ воспоминаній о немъ Каткова: «Бакунинъ запечатлѣлся въ нашей памяти весьма характеристическимъ образомъ,—повѣствуетъ онъ.—Однажды, въ честь одного знаменитаго профессора студенты устроили факельную процессію. Множество молодыхъ людей собралось передъ домомъ юбиляра, и когда почтенный старецъ вышелъ на балконъ своего дома, чтобъ благодарить за сдѣланную ему овацію, раздалось громогласное «hoch!» и всѣхъ пронзительнѣе зазвенѣлъ у самыхъ ушей напихъ знакомый

голосъ: то былъ Бакунинъ. Черты лица его исчезли: вмѣсто лица былъ одинъ разинутый ротъ. Онъ кричалъ громче всѣхъ, суетился всѣхъ болѣе, хотя предметъ торжества былъ ему совершенно чуждъ, и профессора онъ не зналъ, и на лекціяхъ его не бывалъ».

Въ теченіе 1842—1843 гг. въ Бакунинѣ уже происходитъ нѣкоторый переломъ: онъ постепенно переходитъ отъ вопросовъ чисто научныхъ къ вопросамъ социальнымъ, а съ побѣдкою въ обществѣ нѣмецкаго поэта Гервега въ Швейцарію мы встрѣчаемся съ нимъ, по аттестаціи мѣстной полиціи, какъ съ опаснымъ коммунистомъ, уже успѣвшимъ обратить на себя вниманіе русскихъ правительственныхъ лицъ. Въ 1845 году, онъ попалъ въ швейцарскій процессъ социалистовъ; Блунчли указалъ на него нашему правительству, вслѣдствіе чего ему велѣно было немедленно явиться на родину, но онъ не послушался, не поѣхалъ и тѣмъ самымъ сжегъ свои мирные, родные корабли. Императоръ Николай велѣлъ его судить, и сенатъ лишилъ его офицерскаго званія, дворянства и всѣхъ правъ, съ этими состояніями сопряженныхъ.

Отнынѣ Бакунинъ всецѣло принадлежалъ Европѣ, ея интересамъ и тѣмъ бурнымъ движеніямъ, которыя ознаменовали собою послѣдніе годы четвертаго десятилѣтія вѣка. Чтобъ хоть нѣсколько уяснить себѣ всю особенность явленія русскаго полнаго непочатыхъ силъ въ своемъ родѣ богатыря въ сутолокѣ и вихрѣ тогдашнихъ событій, я позволю себѣ, оставляя историческіе факты въ сторонѣ, прибѣгнуть для характеристики этихъ событій къ поэтической символизаци ихъ, сдѣланной въ нѣмецкомъ разсказѣ «Пѣгя таксы и мирная революція», напечатанномъ въ сентябрьскомъ номерѣ «Историческаго Вѣстника» за прошлый годъ.

«Мартовскія бури, сильныя и могучія, шумно проносились надъ краемъ,—сказано здѣсь.—Онѣ сметали съ дубовъ державшуюся еще на нихъ зимою сухую листву и своимъ животворящимъ дыханіемъ пробуждали къ жизни всю природу. На крыльяхъ этихъ бурь неся и духъ свободы. Каждое утро являло новые признаки побѣды весны надъ природой; каждый день приносилъ новыя вѣсти о побѣдѣ духа весны, дремавшего и оцѣпенѣлаго, казалось, въ сердцахъ народовъ. Достойно было удивленія, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ легко и безъ сопротивленія опадали, въ вихрѣ этихъ бурь, и сухіе листья съ лѣса германскихъ государствъ, столь долго безобразившіе короны и вѣнчики этого стараго лѣса!»

Да, бури проносились надъ вѣковыми европейскими лѣсами, гудѣла непогода, шумно и радостно, казалось, наставалъ день свободы и для разныхъ мелкихъ народностей обширной Австрійской имперіи. Родилось славянское движеніе, и вотъ съ нимъ-то неразрывно и связалъ свою судьбу нашъ Бакунинъ. Онъ не сумѣлъ своимъ славянскимъ сердцемъ остаться безучастнымъ этому движенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ постарался всѣми силами придать этому движенію

нѣчто донельзя острое, жгучее, фантастическое. Сравнивая его дѣятельность въ тѣ дни съ дѣятельностью современныхъ вожаковъ движенія за славянскую свободу, васъ невольно поражаетъ одна типическая особенность, рѣзко выдѣляющая его изъ среды ему подобныхъ борцовъ. Особенность эта—какая-то стихійная жажда передвиженія, непрестаннаго дѣйствованія, стремленіе заключить въ свои планы и цѣли судьбу всего міра, судьбу всѣхъ языковъ и народовъ. Всевѣтная революція дѣлается его альфою и омегою, онъ обращается въ настоящаго апостола разрушенія всей современности, апостола анархіи, которая должна залить все и вся потоками крови. Ему недостаточно сорвать «вѣнчики стараго лѣса», нѣтъ, ему нужно было во что бы то ни стало срубить въ корнѣ весь лѣсъ съ его вѣковыми стволами и молодыми побѣгами. Въ самомъ актѣ разрушенія и унічтоженія онъ провозглашаетъ начало творчества... Вотъ почему даже ближайшихъ его соратниковъ беретъ оторопь передъ этимъ выходцемъ изъ невѣдомой страны, принесшимъ на арену европейскихъ событій непочатыя силы дикой Азіи, только-что вдохнувшей въ себя струю европейскаго воздуха. Но возвратимся къ событіямъ. Герценъ, свидѣтель дѣятельности Бакунина за тѣ дни, повѣствуетъ въ своихъ посмертныхъ «Быломъ и думахъ» такъ: «Первые дни послѣ февральской революціи были лучшими днями жизни Б. Возвратившись изъ Бельгіи, куда его вытурилъ Гизо за его рѣчь на польской годовщинѣ 29-го ноября 1847 г., онъ съ головою нырнулъ во всѣ тяжкія революціоннаго моря. Онъ не выходилъ изъ казармъ монтаньяровъ, ночеваль у нихъ, ѣлъ съ ними и проповѣдываль, все проповѣдываль коммунизмъ и l'égalité du salaire, нивеллированіе во имя равенства, освобожденіе всѣхъ, словомъ, уничтоженіе всѣхъ Австрій, революцію en regimence, войну до избіенія послѣдняго врага. Префектъ съ баррикады, дѣлавшій «порядокъ изъ безпорядка», Косидьеръ, не зналь, какъ выжить дорогого проповѣдника, и придумаль съ Флокономъ отправить его въ самомъ дѣлѣ къ славянамъ съ братской акколодой и увѣренностью, что онъ тамъ себѣ сломитъ шею и мѣшать не будетъ. Quel homme! Quel homme!—говорилъ Косидьеръ о Б.: «въ первый день революціи это просто кладъ, а на другой день его надобно разстрѣлять». Когда я пріѣхаль въ Парижъ изъ Рима въ началѣ мая 1848 г., Б. уже витійствовалъ въ Богеміи, окруженный старовѣрческими монахами, чехами, кроатами, демократами, и витійствовалъ до тѣхъ поръ, пока кн. Виндишгрецъ не положилъ пушками предѣлъ краснорѣчію... Исчезнувъ изъ Праги, Б. является военнымъ начальникомъ Дрездена; бывшій артиллерійскій офицеръ учитъ военному дѣлу поднявшихъ оружіе профессоровъ, музыкантовъ и фармацевтовъ, совѣтуетъ имъ «Мадонну» Рафаэля и картины Мурильо поставить на городскія стѣны и ими защищаться отъ пруссаковъ, которые zu klassisch gebildet, чтобъ осмѣлились стрѣлять по Рафаэлю.

«Артиллерія ему вообще помѣшала. По дорогѣ изъ Парижа въ Прагу онъ натолкнулся гдѣ-то въ Германіи на возмущеніе крестьянъ; они шумѣли и кричали передъ замкомъ, не умѣя ничего сдѣлать. Б. вышелъ изъ повозки и, не имѣя времени узнать, въ чемъ дѣло, построилъ крестьянъ и такъ ловко научилъ ихъ, что, когда пошелъ садиться въ повозку, чтобъ продолжать путь, замокъ пылалъ съ четырехъ сторонъ».

Бакунинъ былъ схваченъ, арестованъ и приговоренъ къ эшафоту. Саксонскій король замѣнилъ казнь вѣчной тюрьмой, потомъ, безъ достаточнаго основанія, передалъ его австрійскому правительству. Здѣсь, въ надеждѣ получить черезъ него свѣдѣнія о замыслахъ славянъ, его посадили въ Гричинъ и, ничего не добившись, отослали въ Ольмюцъ. Въ Ольмюцѣ Бакунина приковали къ стѣнѣ и продержали въ такомъ положеніи полгода. Австріи, наконецъ, наскучило возиться съ чужестранцемъ и, желая освободиться отъ опаснаго человѣка, было предложено русскому правительству принять его на свое попеченіе. Такимъ образомъ, въ 1851 г., послѣ одиннадцати лѣтъ странствованій московскій гегеліанецъ очутился въ Петропавловской крѣпости въ качествѣ одного изъ опаснѣйшихъ политическихъ дѣятелей, хотя и непричастнаго русскимъ дѣламъ, но тѣмъ не менѣе требовавшаго за собою самага неусыпнаго надзора.

Государь Николай Павловичъ, узнавъ о военныхъ подвигахъ Бакунина, остался, какъ военный, доволенъ артиллерійскими дѣйствіями своего бывшаго офицера и потребовалъ отъ него подробной записки о ходѣ революціоннаго движенія на западѣ и въ славянскихъ земляхъ въ особенности. Бакунинъ исполнилъ это желаніе и представилъ по настоящему предмету обширный отчетъ. Въ 1854 году, его перевели въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда только въ 1857 году, послѣ многочисленныхъ и настоятельныхъ просьбъ матери и родственниковъ, онъ былъ сосланъ на житье сначала въ Западную, а потомъ въ Восточную Сибирь.

V.

Жизнь сначала въ Томскѣ, а потомъ въ Иркутскѣ послѣ всѣхъ мытарствъ и злключеній за послѣднее время, послѣ восьмилѣтняго крѣпостнаго заключенія была для Бакунина настоящимъ облегченіемъ, почти равнымъ полному освобожденію. Очутившись на территоріи, управляемой тогда знаменитымъ Муравьевымъ (впослѣдствіи Амурскимъ), приходившимся ему ближайшимъ родственникомъ, онъ въ извѣстной мѣрѣ получилъ почти всѣ гражданскія права, остальнымъ жителямъ присвоенныя, кромѣ выѣзда изъ Сибири, получилъ у одного откупщика по золотопромышленнымъ дѣламъ мѣсто съ хорошимъ окладомъ въ 2.000 р. въ годъ, безпрепятственно получалъ

нужныя газеты, журналы, и послѣдшилъ даже завязать сношенія съ своимъ бывшимъ недругомъ, Катковымъ, стоявшимъ тогда во главѣ англофильскаго «Русскаго Вѣстника» съ его проповѣдью парламентаризма. Вспомнивъ бывшя старыя московскія и заграничныя отношенія, Катковъ отнесся къ Бакунину дружелюбно и предложилъ даже ему сотрудничество въ своемъ журналѣ. «Мы предложили ему попробовать писать въ нашихъ журналахъ изъ его далекаго захолустья, которое для ума живого и любознательнаго должно представлять много новыхъ и интересныхъ сторонъ. Въ теченіе 1861—1862 гг.¹⁾ получили мы отъ него еще два-три письма черезъ ссыльныхъ изъ поляковъ, которые, бывъ помилованы, возвращались на родину. Оказалось, что онъ жилъ въ Сибири не только безъ нужды, но и въ избыткѣ, ничего не дѣлалъ и читалъ французскіе романы, но на серьезный трудъ, хотя бы малый, его не хватало. Русскую литературу онъ не обогатилъ своими произведеніями. Въ письмахъ его къ намъ проглянулъ прежній Бакунинъ: отъ нихъ вѣяло хотя благонамѣреннымъ, но пустымъ и лживымъ фразерствомъ. Мѣстами онъ заговаривалъ тономъ вдохновенія, пророчествовалъ о будущихъ судьбахъ славянскаго міра и взывалъ къ нашимъ русскимъ симпатіямъ въ пользу польской націи²⁾. Переписки съ своей стороны мы не поддерживали. Послѣднее посланіе получили мы отъ него уже въ эпоху варшавскихъ демонстрацій. Прежній Бакунинъ явился передъ нами во всей полнотѣ слова ничуть не поврежденнаго существа. Онъ потребовалъ отъ нашей гражданской доблести присылки ему денегъ, по малой мѣрѣ 6.000 р. Дабы облегчить для насъ это пожертвованіе, онъ дозволилъ намъ открыть въ его пользу подписку между людьми, ему сочувствующими и его чтящими, которыхъ, по его расчету, долженствовало быть не мало. Зачѣмъ же вдругъ и такъ экстренно понадобилась ему вышеозначенная сумма? Вотъ зачѣмъ: однажды его осѣнило сознаніе, что онъ получалъ даромъ жалованье отъ откупщика, у котораго состоялъ на службѣ, ничего не дѣлая; онъ вдругъ сообразилъ, что откупщикъ выдавалъ ему ежегодно, въ продолженіе трехъ лѣтъ, по 2.000 р. единственно изъ угожденія генераль-губернатору, которому Бакунинъ приходился сродни. Сознаніе это не давало ему де покоя, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, возвратить откупщику всю въ продолженіе трехъ лѣтъ перебранную сумму. Благородный рыцарь, онъ хотѣлъ подаеніемъ уплатить подаеніе и изъ чужихъ кармановъ возстановить репутацію во мяѣннй откупщика. Мы не могли ему быть полезны, и письмо его осталось втунѣ. Но прошло затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ, и мы узнали, что Бакунинъ все-таки добылъ сумму, которую

¹⁾ Тутъ ошибка памяти Каткова: въ 1862 г. Бакунина уже не было въ Сибири.

²⁾ Онъ женился на полькѣ изъ семьи Квятковскихъ.

требовалось возвратить откупщику, но откупщику ея не возвратилъ, а бѣжалъ съ полученными деньгами изъ Сибири».

Свидѣтельство это, какъ справедливо замѣчаетъ и Драгомановъ, даже съ фактической стороны не совсѣмъ правильно и требуетъ подтвержденія подлинными документами изъ архива Каткова, но нельзя не сознаться, что въ общихъ чертахъ Бакунинъ, несимпатичный Бакунинъ, каковымъ мы его видѣли въ 1839—1840 годахъ, представленъ правильно. Безпринципность, шаткость индивидуальныхъ этическихъ началъ, деспотическая властность агитатора, имѣющаго въ виду лишь намѣченную цѣль и не брезгающаго средствами,—такъ и рвутся наружу изъ каждой строки Каткова. И эти низменныя стороны натуры, въ которыхъ приносилъ покаяніе и самъ Бакунинъ въ своей автобіографіи, находятъ себѣ полное подтвержденіе въ фактахъ его сибирской жизни, какъ приближеннаго и излюбленнаго человѣка самимъ генераль-губернаторомъ. Это намъ бросится особенно въ глаза, когда мы остановимся на отношеніяхъ бывшаго гегеліанца, «военнаго начальника Дрездена» къ декабристамъ, петрашевцамъ и самому Муравьеву—тремъ культурнымъ центрамъ тогдашней Сибири.

Покойный Н. А. Бѣлоголовый, котораго никто не заподозритъ въ пристрастіи и лжи, рисуя въ своихъ «Воспоминаніяхъ» портретъ декабриста Поджіо и коснувшись его отношенія къ бѣгству Бакунина изъ Сибири, такъ характеризуетъ этихъ двухъ представителей протестующей русской мысли, принадлежащихъ къ разнымъ поколѣніямъ: «между этими людьми не было ничего общаго; Поджіо былъ вскормленникъ принциповъ великой французской революціи, равенства и братства, и идеи индивидуальной свободы, и за проведеніе ихъ въ бытѣ своего отечества онъ заплатилъ цѣною 30 лѣтъ искалѣченной жизни; самое же появленіе социализма на сценѣ всемирной исторіи XIX вѣка, его зарожденіе и развитіе совершилось значительно позднѣе и застало декабристовъ давно въ Сибири лишенными возможности усвоить значеніе новаго ученія; они смотрѣли на него, какъ на утопію, и относились къ нему вполне отрицательно. Бакунинъ же былъ представителемъ идей революціи 1840 года, и не только рядовымъ представителемъ, а онъ развивалъ ихъ самостоятельно дальше и довелъ ихъ до крайнихъ предѣловъ, смѣло можно сказать, до самыхъ извращенныхъ представленій о человѣческой свободѣ; онъ сдѣлался анархистомъ и проповѣдывалъ отрицаніе всѣхъ существующихъ общественныхъ устоевъ: религіи, родины, власти, семьи и даже образованія. Такимъ образомъ, между этими двумя протестантами противъ существовавшаго въ Россіи порядка лежала цѣлая пропасть, и никакое сближеніе и соглашеніе между ними было невозможно ни въ Иркутскѣ, гдѣ они встрѣтились вмѣстѣ въ 1858 году, будучи оба поднадзорные, ни еще того менѣе въ Жевневѣ, гдѣ позднѣе имъ суждено было жить обимъ въ качествѣ сво-

бодныхъ гражданъ. Притомъ, Поджіо до конца дней остался вѣрнымъ рыцарскимъ убѣжденіямъ своего времени, ненавидѣлъ всякую ложь и никогда не могъ примириться съ революціонной доктриной позднѣйшей эпохи «цѣль оправдываетъ средства», а, стало быть, никакъ не могъ смотрѣть на бѣгство Бакунина, какъ на поступокъ, заслуживающій одобренія и похвалы; онъ зналъ, что Бакунинъ, для его осуществленія, нарушилъ честное слово, данное имъ генераль-губернатору и своему родственнику, графу Муравьеву, въ томъ, что онъ не злоупотребитъ предоставленной ему свободой передвиженія по Сибири и оказаннымъ довѣріемъ — и не убѣжитъ изъ ссылки. Вообще Поджіо и Бакунинъ—это два антипода, и по политическимъ убѣжденіямъ, и по своимъ моральнымъ правиламъ въ жизни; это—альфа и омега»...

Что касается извѣстнаго политическаго ссыльнаго Буташевича-Петрашевскаго, то и тутъ мы встрѣчаемся съ оригинальнымъ явленіемъ, свидѣтельствующимъ о явномъ между ними разномыслии. Они оба, состоя при Муравьевѣ, оказываются въ противныхъ и даже враждебныхъ станахъ. Какъ извѣстно изъ обширнаго труда Ив. Барсукова «Графъ Николай Николаевичъ Муравьевъ-Амурскій», послѣдній несъ на своихъ плечахъ громадную тяготу тогдашней нескладной и неустроенной сибирской жизни, причемъ далеко не всегда встрѣчалъ своимъ начинаніямъ и смѣлому новаторству поддержку бюрократическихъ канцелярій. Онъ въ значительной степени являлся жертвою борьбы центра съ окраинами и, защищая интересы послѣднихъ, неминуемо навлекалъ на себя неудовольствія перваго. Особенно обострены были его отношенія къ III Отдѣленію и, кажется, въ душѣ своей Муравьевъ никого такъ не ненавидѣлъ, какъ именно это учрежденіе, тормозившее его распоряженія и стремившееся ослабить его диктаторскіе порывы въ интересахъ общаго бюрократическаго режима. Отсюда вѣчныя препирательства между этими двумя административными центрами, препирательства, которыми Петрашевскій въ интересахъ своей политической революціонной программы ловко пользовался. Петрашевскій сталъ въ оппозицію къ Муравьеву и прибѣгъ къ сношеніямъ съ враждебнымъ ему III Отдѣленіемъ, дабы чинить всякія непріятности генераль-губернатору. Здѣсь враги подали другъ другу руки, чтобъ свалить третьяго врага. Особенно наглядно это проявилось въ эпизодѣ частнаго характера, въ его отношеніи къ дуэли двухъ мѣстныхъ чиновниковъ особыхъ порученій, гдѣ Петрашевскій являлся сосредоточіемъ громовъ и молній, направленныхъ противъ того изъ нихъ, на чьей сторонѣ стоялъ генераль-губернаторъ. Общество и общественное мнѣніе стояло за Петрашевскаго и его сторонниковъ, Бакунинъ, наоборотъ, рѣзко и явно высказался съ пристрастіемъ за генераль-губернатора. Всѣ эти разногласія имѣли печальныя репрессивныя слѣдствія, гдѣ Муравьеву пришлось вступить во всеоружіи своей власти въ борьбу съ туземной интеллигенціей.

Бѣлоголовый, по просьбѣ своихъ сибирскихъ друзей, рѣшился по поводу всѣхъ этихъ сибирскихъ событій апеллировать къ тогдашней наиболѣе громкой и вліятельной инстанціи—къ Герценовскому «Колоколу», гдѣ со всей справедливостью и изложилъ все теченіе иркутской хроники. Статья была прочитана въ Иркутскѣ, произвела переполохъ и вызвала страшный гнѣвъ въ средѣ приближенныхъ Муравьева. «Въ средѣ этой,—повѣствуетъ Бѣлоголовый въ своихъ «Воспоминаніяхъ»,—рѣшено было не оставлять появившейся статьи безъ возраженія, но такъ какъ Герценъ не довѣрялъ официальнымъ опроверженіямъ и едва ли помѣстилъ бы такое въ своемъ изданіи, то составленное въ Иркутскѣ возраженіе отправлено было къ нему при письмѣ Бакунина, въ это время только что переведеннаго изъ Томска въ Иркутскъ на поселеніе. Онъ, какъ свѣжій человекъ, не могъ знать ни обстоятельствъ дѣла, ни отношеній иркутскихъ партій, но, уступая желанію Муравьева, согласился выступить посредникомъ между нимъ и Герценомъ и попросилъ послѣдняго напечатать возраженіе. Понятно, что такая рекомендація имѣла въ глазахъ Герцена громадный вѣсъ, а возраженіе противъ моей статьи было напечатано зимою 1860—1861 г.»

Когда же вскорѣ самъ Бѣлоголовый отправился къ Герцену въ Парижъ, свидѣлся съ нимъ и выяснилъ ему всю неприглядность поступка Бакунина, то все же ему не удалось возстановить правду, Герценъ ему отвѣтилъ:

— Я вѣрю совершенно, что правда на вашей сторонѣ, а не на сторонѣ вашихъ противниковъ; даже помѣщенное мною противъ вашей статьи возраженіе—очень неубѣдительно на мой взглядъ и далеко не разбираетъ всѣхъ вашихъ доводовъ; самый тонъ его мнѣ не нравится, но я не могъ отказать Бакунину въ его напечатаніи. Мало того, что съ Бакунинымъ меня связываетъ старинная дружба; я никогда не могу и даже не долженъ забывать, что этотъ человекъ всю свою жизнь борется за человѣческую свободу и чего-чего не вынесъ онъ за упорство свое въ этой неравной борьбѣ, и за непреклонность своихъ убѣжденій сидѣлъ и въ австрійскихъ, и въ русскихъ крѣпостяхъ, и вотъ теперь засажень, быть можетъ, навсегда въ Сибири. У меня рѣшительно не поднялась бы рука напечатать что нибудь противъ него. А потому не сердитесь на меня; я вамъ вѣрю, хотя рассказъ вашъ заставляетъ тускнѣть образъ героя Бакунина, но вы поймете сами, что печатать мнѣ теперь какое нибудь разоблаченіе противъ него, когда онъ въ ссылкѣ и не можетъ ничего сказать въ защиту своихъ поступковъ, было бы съ моей стороны болѣе чѣмъ непростительно. Правда—мнѣ мать, но и Бакунинъ—мнѣ Бакунинъ.

Герценъ спасалъ политическую репутацію своего соратника по революціонной агитаціи и въ интересахъ своего дѣла, конечно, не могъ положить на одни вѣсы какія нибудь сибирскія дѣла и

возможность будущей совместной работы съ Бакунинымъ. Онъ точно предчувствовалъ скорое появленіе на берегахъ Темзы громадной фигуры своего друга, а, можетъ быть, даже имѣлъ уже кое-какія свѣдѣнія о замыслахъ бѣгства послѣдняго. Бѣлоголовый былъ у Герцена въ іюнѣ 1861 года, т.-е. за мѣсяць до того, когда Бакунинъ пересѣлъ съ русскаго судна на американское съ тѣмъ, чтобы ужъ навсегда проститься съ берегами Сибири и Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ извѣстно, что когда въ декабрѣ того же года Герценъ въ «Колоколѣ» извѣщалъ о возвращеніи Бакунина, онъ въ слѣдующемъ уже январьскомъ № оговаривается, что о приготовленіяхъ къ побѣгу заграничнымъ друзьямъ Бакунина было извѣстно заранѣе, т.-е. въ первой половинѣ 1861 г., совпадающей какъ разъ съ началомъ прибытія Бакунина въ Восточную Сибирь и съ присылкой въ «Колоколъ» возраженія на статью Бѣлоголоваго, направленную противъ Муравьева. Такимъ образомъ, есть нѣкоторое основаніе полагать, что бѣгство Бакунина изъ Сибири не явилось для него чѣмъ нибудь случайнымъ, дѣйствіемъ вдохновенной минуты, но было серьезно обдуманно и постепенно подготовлено. Наиболѣе же крѣпкимъ базисомъ для приведенія плана въ исполненіе служили въ данномъ случаѣ его личныя отношенія къ родственнику, генераль-губернатору Восточной Сибири, на котораго Бакунинъ и обратилъ самое серьезное вниманіе.

VI.

По пріѣздѣ въ Иркутскъ Бакунинъ успѣшилъ завязать самыя близкія, чуть не дружескія отношенія съ грознымъ распорядителемъ сибирскихъ судебъ и дѣйствительно вскорѣ сталъ однимъ изъ самыхъ близкихъ людей въ его домѣ.

Человѣкъ широкихъ эмансипаторскихъ взглядовъ, сторонникъ освобожденія крестьянъ, либераль и умница, Н. Н. Муравьевъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличался крутымъ деспотическимъ нравомъ, не терпящимъ противодѣйствій и противорѣчій. Состоя въ оппозиціи и въ борьбѣ, какъ съ петербургскими департаментами разныхъ наименованій, такъ и съ туземной интеллигенціей, Муравьевъ нашелъ въ лицѣ Бакунина того сочувствующаго ему слушателя, которому были особенно любезны громы и молніи его родственника, направленные къ берегамъ Невы. Встрѣтились двѣ пылкія натуры, два фантазера, и, конечно, точки соприкосновенія между ними скоро нашлись. Муравьевъ далъ Бакунину вдохнуть, возможность человѣчески жить, читать журналы и газеты и самъ мечталъ съ нимъ о будущихъ переворотахъ и войнахъ, — повѣствуетъ Герценъ въ «Быломъ и Думахъ». Въ благодарность Муравьеву Бакунинъ въ головѣ назначилъ его главнымъ командующимъ будущей земской

арміи, назначаемой имъ въ свою очередь на уничтоженіе Австріи и учрежденіе славянскаго союзничества.

Такъ было въ головѣ, а на дѣлѣ Бакунинъ сдѣлалъ пріятное родственнику, давъ его единомышленникамъ извѣстное рекомендательное письмо къ Герцену и заручившись такимъ образомъ общимъ довѣріемъ и расположеніемъ, легко выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе безпрепятственнаго разъѣзда въ предѣлахъ Сибири, безъ права, однако, выѣзда за предѣлы ея. Это былъ для Бакунина громадный козырь въ игрѣ, козырь, который и помогъ эту игру довести до благополучнаго конца. Необходимо при этомъ еще замѣтить, что нѣсколько ранѣе (1860 года) онъ выхлопоталъ себѣ право государственной службы. Когда мать Бакунина просила государя Александра II о возвращеніи сына въ Россію, она получила отвѣтъ, что по крайней мѣрѣ при нынѣшнемъ государѣ Бакунина изъ Сибири не переведутъ, но за то въ видѣ особой милости ему разрѣшено было поступить на государственную службу «писцомъ».

Итакъ, что представлялъ собою Бакунинъ, какъ обитатель Сибири, къ началу 1861 года? По позднѣйшему свидѣтельству самого Муравьева (см. кн. Ив. Барсукова): «Бакунинъ былъ въ Сибири уже не ссыльный, а свободный человѣкъ, которому было дозволено служить и заниматься частными дѣлами во всей Сибири—и Восточной и Западной». Но тутъ Муравьевъ забываетъ или не желаетъ прибавить одного: да, свободный, по формальнымъ правамъ, но связанный личнымъ честнымъ словомъ, даннымъ имъ генераль-губернатору, что онъ не воспользуется этими своими правами и не убѣжитъ за границу. Вотъ это-то честное слово и служило долго въ глазахъ и декабристовъ, и другихъ лицъ, нравственно-брезгливыхъ и чисто-плотныхъ, тяжкимъ обвиненіемъ противъ Бакунина. По мнѣнію всѣхъ этихъ лицъ, Бакунинъ не имѣлъ права приводить своего замысла въ исполненіе и долженъ былъ довольствоваться тою долею и довольно таки широкою долею свободы, которую предоставилъ ему его родственникъ-администраторъ и которою другіе политическіе преступники не пользовались. Но Бакунинъ думалъ иначе, и я полагаю даже, что, давая это честное слово, онъ уже рѣшилъ свое бѣгство, обдумалъ его планъ и искалъ только средствъ и случая. Мы видѣли, что онъ обращался къ Каткову за деньгами, слѣдовательно онъ искалъ ихъ и искалъ, конечно, не для уплаты какого-то фантастическаго долга откупщику, а именно для бѣгства, для заграничной эмиграціи, требовавшихъ дѣйствительно большихъ затратъ. Вовсе было не въ природѣ Бакунина церемониться съ чужими деньгами, платить долги—онъ просилъ денегъ изъ Москвы для побѣга и далъ слово Муравьеву именно въ цѣляхъ побѣга. Въ его глазахъ цѣль всегда оправдывала всяческія средства.

Какъ мы уже знаемъ, Катковъ денегъ не далъ, тогда Бакунинъ досталъ ихъ изъ туземнаго источника. Какого? трудно сказать, но,

вѣроятно, отъ мѣстныхъ купцовъ, такъ какъ въ слѣдственномъ актѣ по дѣлу о бѣгствѣ Бакунина точно устанавливается его близкое отношеніе къ николаевскому купцу Веберу, который своевременно и сдѣлалъ тайное донесеніе аудиторю Котюхову о намѣреніяхъ Бакунина бѣжать, а такъ же къ какимъ-то Хитрово и Филиппеусу, которые, однако, почему-то въ слѣдствіи не фигурируютъ, которыхъ не допрашивали, но на которыхъ указывалось, какъ на пособниковъ бѣгству. Такъ или иначе, но уже къ лѣту планъ бѣгства былъ весь подготовленъ, къ тому же и Муравьева больше не было въ Сибири, а мѣсто его занималъ М. С. Корсаковъ, съ коимъ Бакунинъ не былъ связанъ никакими отношеніями. А къ тому же времени и душевное состояніе его дѣлалось все тревожнѣе, все напряженнѣе. «... Разбитая Австрія отступила, итальянское знамя развѣвалось въ Миланѣ,—повѣстуетъ Герценъ.—Бакунинъ рассказывалъ намъ съ жадностью, съ которою онъ въ Иркутскѣ слѣдилъ за Гарибальди, за полуостровомъ, выступавшимъ все ярче и ярче на свѣтѣ свободы». Мочи оставаться въ тихихъ и стоячихъ водахъ сибирской жизни болѣе не хватаетъ... планъ бѣгства готовъ, средства найдены и... слово, данное Муравьеву, забыто—Бакунинъ бѣжитъ. Внѣшнія обстоятельства рассказаны въ разныхъ рапортахъ слѣдственнаго дѣла, въ общемъ очень согласныхъ между собою въ ихъ существенныхъ частяхъ, слѣдующимъ образомъ.

2-го іюля 1861 года на пароходѣ «Амуръ» прибылъ въ Николаевскъ бывшій прапорщикъ Михайлъ Бакунинъ въ качествѣ повѣреннаго по торговымъ дѣламъ купца Сабашникова съ открытымъ предписаніемъ и. д. генералъ-губернатора Восточной Сибири о свободномъ пропускѣ на казенные пароходы. Бакунинъ объявилъ здѣсь, что онъ пріѣхалъ съ цѣлью собирать свѣдѣнія о торговлѣ края и просилъ дать ему возможность побывать въ Де-Кастри; въ это время шелъ туда клиперъ «Стрѣлокъ». Управляющій Приморской областью разрѣшилъ ему воспользоваться этимъ случаемъ, и Бакунинъ отправился на «Стрѣлкѣ» съ тѣмъ, чтобы возвратиться изъ поѣздки въ Николаевскъ черезъ Маріинскъ. Не доходя Лазарева мыса, капитанъ «Стрѣлка», ведя на буксирѣ купеческое судно Викера, шедшее въ заливъ св. Ольги съ казеннымъ грузомъ, имѣя надобность передать на это судно нѣкоторыя распоряженія, послалъ къ нему шлюпку. Бакунинъ изъявилъ желаніе пересѣсть на судно Викера, чтобы идти съ нимъ въ заливъ св. Ольги. Такъ какъ у капитана «Стрѣлка» не было никакихъ свѣдѣній, насколько должно стѣснять свободу Бакунина, то его желаніе и было исполнено. На томъ же коммерческомъ суднѣ онъ уже самымъ спокойнымъ образомъ прослѣдовалъ въ японскій портъ Хакодате, прикрываясь, впрочемъ, все тѣми же торговыми занятіями и интересами. Въ Хакодате онъ взялъ билетъ на американскій пароходъ, слѣдовавшій въ С. Франциско. «Бакунинъ, какъ

рассказываетъ объ этомъ моментѣ Герценъ, отправился на корабль и засталъ капитана, сильно хлопотавшаго объ обѣдѣ, онъ ждалъ какого-то почетнаго гостя и пригласилъ Б. Этотъ принялъ приглашеніе и, только когда гость пріѣхалъ, узналъ, что это генеральный русскій консулъ. Скрываться было поздно, смѣшно: онъ прямо вступилъ съ нимъ въ разговоръ, сказалъ, что выпросился сдѣлать прогулку. Небольшая русская эскадра, помнится адмирала Попова, стояла въ морѣ и собиралась плыть къ Николаеву. «Вы не съ нашими ли возвращаетесь?» спросилъ консулъ. «Я только что пріѣхалъ,— отвѣтилъ Б.,— хочу еще посмотрѣть край». Вмѣстѣ покушавши, они разошлись en bons amis. Черезъ день онъ проплылъ на американскомъ пароходѣ мимо русской эскадры: кромѣ океана, опасности больше не было».

Это описаніе послѣднихъ минутъ бѣгства вполне сходится съ показаніями русскаго консула, сдѣланными имъ въ слѣдственномъ дѣлѣ, кромѣ, конечно, описанія обѣда и дружеской бесѣды. Дѣйствительно, русскій консулъ въ Хакодате былъ послѣднимъ изъ тѣхъ русскихъ на Тихомъ океанѣ, который пожалъ руку Бакунина на прощаніе. Это было въ августѣ 1861 г., а уже въ декабрѣ Герценъ радостно и шумно привѣтствовалъ на страницахъ «Колокола» своего друга съ пріѣздомъ въ Лондонъ. Въ № 118 на послѣдней страницѣ жирнымъ шрифтомъ было напечатано: М. М. Бакунинъ пріѣхалъ 27 декабря въ Лондонъ. А въ слѣдующемъ № онъ уже на первой страницѣ помѣстилъ цѣлый политическій curriculum vitae Бакунина, заканчивая его словами: «Бакунинъ приходитъ къ намъ съ удвоенной любовью къ народу русскому, съ несокрушимой энергіей надеждъ и силъ, закаленныхъ здоровымъ, свѣжимъ, молодымъ воздухомъ Сибири. Видно, скоро весна, коли старые знакомые прилетаютъ изъ-за Тихаго океана».

Здѣсь мы должны проститься съ Бакунинимъ, такъ какъ дальнѣйшая его судьба не входитъ въ программу настоящей статьи. Намъ остается только прослѣдить по слѣдственному акту о его побѣгѣ, дѣйствительно ли послѣдній шелъ такъ гладко, не грозили ли ему какія препятствія, что ихъ разрушило и каковы были послѣдствія Бакунинскаго бѣгства для сибирской администраціи.

Государь императоръ, которому такъ хорошо было извѣстно имя Бакунина, узналъ о его побѣгѣ въ январѣ 1862 г. «частнымъ путемъ», какъ сказано въ слѣдственномъ дѣлѣ, и тотчасъ же возложилъ черезъ и. д. генераль-губернатора Восточной Сибири на командира сибирской флотиліи и портовъ Восточнаго океана лично произвести о побѣгѣ слѣдствіе. Послѣднее велось два съ половиною года и обнаружило, что о предстоящемъ бѣгствѣ Бакунина было извѣстно нѣкоторымъ лицамъ заранѣе, но они отнесли къ дѣлу недостаточно энергично и, кромѣ того, ихъ дѣйствіямъ помѣшали чисто-случайныя обстоятельства, что въ совокупности и по-

зволило Бакунину осуществить свой планъ. Было дознано, что николаевскій купецъ Веберъ донесъ аудитору Котюхову о намѣреніи Бакунина скрыться; Котюховъ съ своей стороны довелъ объ этомъ до свѣдѣнія и. д. начальника штаба лейтенанта Аванасьева. Послѣдній немедленно же написать по настоящему предмету конфиденціальныя письма командиру клипера «Стрѣлокъ» капитанъ-лейтенанту Сухомлину и одновременно же начальнику порта де-Кастри подпоручику Карельскому, гдѣ сообщать слѣдующее: «На клиперѣ «Стрѣлокъ» отправился въ Кастри Бакунинъ, политическій преступникъ, сосланный на жительство въ Иркутскъ безъ права выѣзда, и прибывшій въ Николаевскъ по открытому предписанію генераль-губернатора на честное слово не уѣзжать. Объ отправленіи его черезъ Кастри въ Маріинскъ сообщено вамъ отъ штаба. Между прочимъ, по отъѣздѣ г. Бакунина, нѣкоторые факты даютъ поводъ думать, что съ его стороны существуетъ намѣреніе уѣхать за границу на одномъ изъ коммерческихъ судовъ изъ Кастри, что поставило бы здѣшнее начальство въ затруднительное положеніе въ отношеніи высшаго правительства. Сообщая о семъ вашему благородію, покорнѣйше прошу секретно, но строго наблюдать за Бакунинымъ, чтобы онъ не уѣхалъ за границу, и для посѣщенія имъ коммерческихъ судовъ не давать шлюпку, въ чемъ отговариваться можете разными предлогами. Въ случаѣ если онъ поѣдетъ безъ васъ на купеческой шлюпкѣ, то прошу тотчасъ же ѣхать за нимъ или просто вернуться. При этомъ покорнѣйше прошу васъ настоящаго предписанія г. Бакунину не открывать и о присылкѣ какихъ либо бумагъ съ настоящимъ посланнымъ ему не говорить, чтобы тѣмъ не дать поводъ думать, что его подозрѣваютъ. Въ случаѣ, если въ его поведеніи вы замѣтите что либо подозрительное, то прошу васъ, не стѣсняясь, предложить г. Бакунину тотчасъ же отправиться въ Маріинскъ, а въ случаѣ сопротивленія—отправить съ провожатыми. Объ этомъ въ отношеніи Бакунина прошу васъ сообщить клиперу «Стрѣлокъ» и передать на его имя прилагаемое письмо такого же содержанія. Вообще въ отношеніи г. Бакунина будетъ весьма хорошо, если вы отправите его возможно скорѣе изъ Кастри, но по возможности не обижая, а подъ благовиднымъ предлогомъ отказывая во всемъ, кромѣ отправленія въ Маріинскъ».

Эта бумага, которая, конечно, должна была разрушить всѣ планы Бакунина, испытала, однако, рядъ неудачъ и опоздала своимъ назначеніемъ. Пакетъ, куда она была запечатана, былъ переданъ въ Иркутскъ адъютантомъ штаба войскъ Восточной Сибири капитанъ-лейтенантомъ Сгибневымъ мичману Бронзерту. Но послѣдній, съ разрѣшенія генераль-губернатора Восточной Сибири, отправлялся изъ Иркутска въ Кяхту, почему и передалъ пакетъ мичману Волкову, который вскорѣ заболѣлъ. Такъ какъ на пакетѣ не было никакой надписи о секретномъ или весьма важномъ дѣлѣ, въ немъ со-

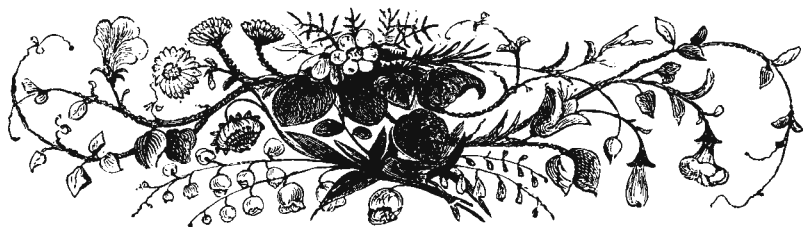
державшемся и требующемъ немедленнаго исполненія, то Волковъ и не торопился съ доставленіемъ его по мѣсту назначенія, а передалъ его въ канцелярію 27-го флотскаго экипажа, прося черезъ канцелярію и доставить настоящую бумагу въ штабъ вице-губернатора при разсыльной книгѣ, чтобы имѣть росписку въ полученіи онаго. Началась такимъ образомъ канцелярская волокита и рядъ случайностей, запутавшихъ въ конецъ доставку по мѣсту назначенія важнаго пакета. Когда бумага дошла по мѣсту назначенія и стали искать самого Бакунина, то на «Стрѣлкѣ», то въ Хокодате, — его и слѣдъ простылъ.

Когда выяснились всѣ обстоятельства, и дѣло было рассмотрѣно въ Петербургѣ, то по нему состоялось слѣдующее высочайшее повелѣніе отъ 5-го августа 1864 года. «Лейтенантовъ: 9-го флотскаго экипажа Бронзерта и причисленнаго къ 8-му флотскому экипажу и. д. начальника штаба при командирѣ сибирской флотиліи и портовъ Восточнаго океана Аванасьева, перваго за то, что онъ пакетъ, полученный имъ 5-го іюня 1861 года въ Иркутскѣ отъ старшаго адъютанта штаба морскихъ сухопутныхъ войскъ въ Восточной Сибири капитанъ-лейтенанта Сгибнева за № 85, адресованный на имя военнаго губернатора Приморской области Восточной Сибири, передалъ самовольно мичману Волкову для доставленія по адресу, тогда какъ по порядку долженъ былъ бы доложить капитану-лейтенанту Сгибневу о своемъ опасеніи опоздать прибытіемъ въ Стрѣтенскъ; а втораго, т. е. Аванасьева, за то, что онъ не доложилъ въ свое время капитану 1-го ранга Петровскому, что Бакунинъ сосланъ въ Иркутскъ (о чемъ зналъ самъ) и что о Де-Кастри не значится въ открытомъ листѣ у Бакунина, также за то, что не довелъ немедленно до свѣдѣнія Петровскаго о переданномъ ему о Бакунинѣ аудиторомъ Котюховымъ, — выдержать въ порядкѣ административномъ, Аванасьева два мѣсяца въ казематѣ крѣпости, а Бронзерта мѣсяць на гауптвахтѣ».

Такъ заключились слѣды дѣла Бакунина въ Россіи, дѣла, заставившаго о себѣ много говорить, вызвавшаго всевозможныя догадки, предположенія и легенды и доставившаго генераль-адъютанту Корсакову, какъ замѣстителю Муравьева, немало огорченій и неприятностей.

Б. Глинскій.

.....

МИЦКЕВИЧЪ ВЪ ОДЕССѢ ¹⁾.

Въ 1823 году, виленскіе кружки, преимущественно университетской молодежи, именовавшіе себя «филаретами» и «филоматами», подверглись нѣкоторому гоненію. Хотя дѣло кончилось безъ суда, но многіе члены этихъ кружковъ, въ томъ числѣ 25-лѣтній Мицкевичъ и его друзья Ежовскій и Малевскій, отправлены были въ Петербургъ (въ концѣ 1824 года) и здѣсь получили предложеніе ѣхать на казенную службу во внутреннія губерніи Россіи. Они выбрали Одессу. Вслѣдствіе прошеній, поданныхъ на имя министра Шишкова, отчасти же благодаря рекомендаціи Пржецлавскаго (Цыпринуса), занимавшаго уже тогда видное положеніе въ обществѣ,—Мицкевичъ и Ежовскій были опредѣлены профессорами одесскаго Ришельевского лицея, съ жалованьемъ 600—750 рублей въ годъ и съ выдачею единовременнаго пособия на дорогу, въ размѣрѣ 300 рублей каждому.

Такъ какъ Малевскій одновременно былъ прикомандированъ къ канцеляріи новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова, то ѣхать было рѣшено сообща, причемъ Малевскій, какъ наиболѣе свѣдущій въ житейскихъ дѣлахъ, принялъ на себя всѣ хозяйственныя хлопоты по путешествію. Въ купленномъ на толкучкѣ тарантасѣ съ верхомъ, на перекладныхъ почтовыхъ лошадахъ, друзья, 8-го января 1825 года, тронулись въ путь.

Путешествіе длилось слишкомъ мѣсяць, и разъ только однообразіе его нарушено было радушнымъ гостепрѣимствомъ, съ какимъ

¹⁾ Aer. Mickiewicz w Odessie. Warszawa. 1898.

встрѣтилъ пугниковъ подъ своимъ кровомъ помѣщикъ Голевинскій, одинъ изъ уѣздныхъ предводителей дворянства Кіевской губерніи, старый знакомый семейства Малевскихъ. Какъ слѣдъ своего пребыванія здѣсь, Мицкевичъ оставилъ въ альбомѣ хозяйки дома стихотвореніе въ нѣсколько строфъ, начинающееся (въ дословномъ переводѣ):

«Для блуждающихъ средь тѣснаго дней нашихъ пространства,
жизнь—это узкая тропинка, соединяющая два моря...».

Въ поэмѣ «Память Тадеушъ» находимъ также упоминаніе о знаменитой старой липѣ передъ домою Голевинскихъ.

Въ Елисаветградѣ путешественники представились попечителю лицея, генералу Ивану Осиповичу Витте. Генераль принялъ ихъ любезно и немедля отправилъ курьера къ директору лицея узнать, имѣются ли тамъ свободныя вакансіи. Увы! таковыхъ не оказалось. Генераль ободрилъ нѣсколько смутившихся, совѣтовалъ все-таки ѣхать въ Одессу и тамъ ждать, увѣряя, что вакансіи, вѣроятно, вскорѣ откроются,—и что до этого времени Мицкевичъ и его другъ будутъ не только пользоваться казенной квартирой и столомъ, но и получать жалованье.

Вслѣдствіе этого, Мицкевичъ и Ежовскій, прибывъ въ Одессу, сразу поселились въ лицей, во второмъ этажѣ, по лѣвую сторону лѣстницы.

Все время пребыванія Мицкевича въ Одессѣ тѣсно связано съ именемъ г-жи Собанской, которая недавно 90-лѣтней старушкой жила еще въ Парижѣ. Каролина Ржевусская, родная сестра знаменитаго автора историческихъ романовъ, графа Генриха Ржевусскаго, а также хорошо знакомаго Петербургу, недавно скончавшагося, генераль-адъютанта графа Адама Ржевусскаго — въ первомъ замужествѣ жена одного изъ богатѣйшихъ юго-западныхъ помѣщиковъ Геронима Собанскаго, овдовѣвъ, вышла замужъ за упомянутаго выше генерала Витте, затѣмъ развелась съ нимъ и въ третій разъ сочеталась бракомъ съ генераломъ Чирковичемъ; наконецъ, какъ жена по четвертому браку извѣстнаго французскаго писателя Лакруа, навсегда поселилась въ Парижѣ, гдѣ пребывала также сестра ея, жена знаменитаго Бальзака.

Изящная, красивая собою, всесторонне образованная, любительница искусствъ и сама недюжинная піанистка, она была однимъ изъ центровъ тогдашняго свѣтскаго общества Одессы. Къ этому обществу, кромѣ Собанскихъ, изъ поляковъ принадлежали: Залѣскіе, крупные землевладѣльцы Сквирскаго уѣзда, Шеміоты, Новомейскіе, Подгороденскіе, Загорскіе и пр. Гостиль здѣсь также, въ то время, знаменитый впослѣдствіи композиторъ Станиславъ Моношко, родомъ изъ Минской губерніи. Къ этому же обществу охотно примыкали представители русской родовитой и служебной знати: начальникъ края графъ Воронцовъ, графъ Гурьевъ, генераль Витте,

который наполовину жилъ въ Одессѣ, имѣя здѣсь роскошно отдѣланный особнякъ, а также военная полковая молодежь. Здѣсь-то именно впервые ближе соприкоснулся Мицкевичъ съ настоящимъ свѣтскимъ обществомъ, съ которымъ до этого времени встрѣчался развѣ мимолетно, вращаясь преимущественно въ кружкахъ профессоръ и университетской молодежи. Молва о его поэтическомъ талантѣ уже прогремѣла и, узнавъ о его прїѣздѣ сюда, польское общество употребило всѣ усилія, дабы сблизиться съ нимъ, втянуть его въ свою среду. Первымъ явился къ нему Бонавентуръ Залѣскій, и до тѣхъ поръ не отставалъ и не успокоился, пока не перезнакомилъ поэта со всѣми. Первое впечатлѣніе, произведенное новыми людьми и обществомъ на поэта—было не изъ благопріятныхъ. Ихъ разговорный французскій языкъ, ихъ взгляды и симпатіи—все носило явные признаки космополитизма. Но здоровая, оптимистически настроенная юность поборолла нравственную щепетильность, и поэтъ незамѣтно для самого себя сталъ постепенно втягиваться въ безопасное и безсодержательное времяпровожденіе свѣтскихъ гостиныхъ. Тогда же впрочемъ онъ сталъ усердно изучать итальянскій языкъ и, благодаря основательному знакомству съ языками французскимъ и латинскимъ, очень быстро овладѣлъ имъ, такъ что даже сдѣлалъ попытку переводить сонеты Петрарки. Дабы практически освоиться съ разговорною итальянскою рѣчью, онъ по трактирамъ заводилъ знакомства съ итальянцами. И дѣйствительно, когда нѣсколько лѣтъ спустя, онъ побывалъ въ Италіи, то уже владѣлъ языкомъ Данта въ совершенствѣ.

Свѣтское общество очень снисходительно отнеслось къ нѣкоторымъ шероховатостямъ въ манерахъ поэта. «Il est original, mais tout de même bon enfant»,—говорили дамы. Болѣе критически относились къ товарищамъ Мицкевича — Ежовскому и Малевскому: «Ce sont des savants, mais ennuyants à faire mourir». Тѣ, впрочемъ, особенно Ежовскій, по возможности избѣгали этого общества.

Наиболѣе охотно посѣщалъ Мицкевичъ домъ г-жи Собанской, отчасти благодаря самой хозяйкѣ, отчасти ея брату, неподражаемому, остроумному рассказчику, гармонически сочетавшему юношескій пылъ съ утонченнымъ лоскомъ свѣтскаго воспитанія. Генералъ Витте, уже въ то время ярый поклонникъ будущей своей жены, тоже считался здѣсь своимъ человѣкомъ.

Второй домъ, куда Мицкевичъ чаще всего заглядывалъ,—былъ домъ супруговъ Залѣскихъ. Здѣсь въ отличіе отъ Собанскихъ отовсюду, начиная кухней, «польскимъ духомъ пахло». Сама хозяйка женщина не молодая, умная и серьезная, типъ польской матроны, относилась къ молодому поэту съ сердечнымъ, почти материнскимъ участіемъ, слѣдила за его шагами въ этомъ новомъ для него обществѣ и неоднократно дѣлала ему строгія внушенія по поводу того или другого легкомысленнаго слова или поступка. Сердечное, почти

родственное, отношеніе къ этому семейству Мицкевичъ сохранилъ навсегда и неоднократно съ нимъ впослѣдствіи переписывался. Какъ извѣстно, онъ посвятилъ супругамъ Залѣскимъ одну изъ лучшихъ своихъ поэмъ—«Конрада Валленрода». Въ этомъ-то чадѣ непрерывныхъ собраній, званыхъ обѣдовъ и ужиновъ, музыкальныхъ вечеровъ и пр. совершенствовался импровизаторскій талантъ поэта, такъ какъ и у Собанскихъ и у Залѣскихъ часто усаживали его за фортепіано, требуя импровизаціи на заданную тему, вдобавокъ не только на польскомъ, но и на французскомъ языкѣ. Мицкевичъ соглашался импровизировать пофранцузски неохотно, да и то въ видѣ не риемованной прозы. По увѣренію впрочемъ свидѣтелей, проза эта, скандированная въ видѣ бѣлыхъ стиховъ, полна была поэтическихъ образовъ, внутренняго огня и вдохновенія.

Въ тихіе лѣтніе вечера часто Собанскіе, Ржевусскій и Мицкевичъ блуждали по морскому берегу, и здѣсь поэтъ, не понуждаемый уже никѣмъ, неоднократно начиналъ импровизировать, чаще всего обращаясь съ тоскою къ далекой Литвѣ и ея роднымъ картинамъ. Тѣмъ не менѣе, когда однажды г-жа Собанская, руководимая женскимъ любопытствомъ, затронула вопросъ о его первой любви къ Маріи Верещакъ, поэтъ нахмурился, промолчалъ, быстро повернулся и, не прощаясь ни съ кѣмъ, ушелъ. Послѣ этого въ теченіе двухъ дней онъ нигдѣ въ обществѣ не показывался. Когда затѣмъ почти насильно его привели къ Собанскимъ, то на первый вопросъ хозяйки: что съ нимъ случилось,—рѣзко отвѣтилъ: «ни слова объ этомъ». Это вполне согласуется съ свидѣтельствами другихъ лицъ, ближайшихъ къ поэту, что святыню своей первой любви онъ ревниво оберегалъ отъ нескромнаго любопытства даже друзей и родныхъ. Между тѣмъ, въ то особенно время, воспоминанія прошлаго еще сильно властвовали надъ нимъ, что видно хотя бы и изъ того, что первый слѣдъ ознакомленія съ итальянскимъ языкомъ, переводъ нѣсколькихъ сонетовъ Петрарки, онъ посвятилъ именно этой первой любви.

Какъ видно изъ предыдущаго, все это не мѣшало, чтобы Мицкевичъ, нарасхватъ приглашаемый одесскими дамами, не пользовался жизнью и не отвѣчалъ взаимностью на благосклонныя улыбки и многообѣщающіе взгляды свѣтскихъ львицъ. Въ письмѣ къ своему другу Зану онъ удостовѣряетъ, что «жить въ Одессѣ, какъ паша».

Были три женщины, воспоминаніе о которыхъ тѣсно связано съ пребываніемъ Мицкевича въ Одессѣ. Это именно г-жа Собанская, графиня Гурьева и неизвѣстная, страстная посланія къ которой Мицкевичъ обозначалъ буквами «Д. Д.».

Отношенія къ г-жѣ Собанской были, повидимому, чисто братскія, лишеныя какихъ бы то ни было нескромныхъ поползновеній. Свидѣтельствуется объ этомъ самъ Мицкевичъ, говоря въ одномъ

изъ своихъ стихотвореній: «разной судьбою брошенные въ житейскія волны,—встрѣчаемся, какъ двѣ разныя лодки». Этимъ словамъ слѣдуетъ вѣрить хотя бы потому, что уже въ то время, рядомъ со старикомъ мужемъ, около г-жи Собанской находился генералъ Витге, къ которому молодая женщина сразу почувствовала сильное влеченіе и за котораго, спустя недолгое время, вышла замужъ.

Отношенія поэта къ графинѣ Гурьевой крайне мимолетны. Фактическихъ данныхъ о нихъ не находимъ. Г. Аэръ увѣряетъ, что графиня Гурьева, въ виду красоты своей, занимала первое мѣсто среди одесской русской знати. Причина первенства не убѣдительная. Не знаемъ также, на основаніи какихъ данныхъ г. Аэръ считаетъ ее женщиной не только легкомысленною, но и безнравственною. Объясненіе, что она была по рожденію француженка, собственно ничего здѣсь не объясняетъ. Повидимому, единственною женщиной, которою сильно увлекся въ то время Мицкевичъ и слѣды своего увлеченія оставилъ навсегда въ видѣ лучшихъ своихъ, посвященныхъ культу физической любви, стихотвореній и сонетовъ, — была таинственная Д. Д.

Г. Аэръ нарочно ѣздилъ въ Парижъ, видѣлъ престарѣлую г-жу Лакроа (бывшую Собанскую), и та открыла ему это имя, но потребовала категорически, чтобы ояъ имени этого публичной огласкѣ не предавалъ. Поэтому г. Аэръ утверждаетъ лишь, что это была полька, молодая замужняя женщина изъ общества, замѣчательная красавица, и что къ Мицкевичу, вопреки распространеннымъ сплетнямъ, питала непритворную, сердечную привязанность; что наконецъ буквы Д. Д. не означаютъ собою первыхъ буквъ ея имени и фамиліи, какъ это можно было полагать.

Приемъ господина Аэра устанавливаетъ исторію взаимныхъ отношеній на основаніи стихотворныхъ признаній поэта—приемъ голословный и бессодержательный. Мицкевичъ историографомъ своихъ любовныхъ увлеченій никогда не былъ. Данныхъ анекдотическаго характера не сохранилось, но связь молодой свѣтской дамы, живущей, насколько можно понять, отдѣльно отъ мужа,—связь безусловно не идиллическаго свойства, вѣроятно, въ общихъ своихъ чертахъ вполне походила на сотни другихъ связей этого рода—и безъ всякихъ комментарій сама по себѣ понятна. Во всякомъ случаѣ со стороны Мицкевича это было первое и послѣднее страстное, почти угарное увлеченіе женщиной, которое впрочемъ вскорѣ затѣмъ довольно легко разсѣялось подъ первымъ дуновеніемъ свѣжаго воздуха крымскаго побережья. Насколько любовь къ Маріи Верещакъ носитъ отпечатокъ юношеской наивности и пропитана платоническимъ, восторженно безплотнымъ поклоненіемъ своему божеству,—настолько здѣсь единственный разъ въ своей жизни Мицкевичъ заговорилъ языкомъ сознательно-мужественной, живот-

ной страсти. Въ его эгоистическихъ сонетахъ, въ многочисленныхъ посланіяхъ къ Д. Д. — вся гамма любви этого рода. Все это первоклассныя жемчужины въ сокровищницѣ польской поэзіи — и то, что мы нашли въ русскомъ переводѣ, даетъ о нихъ лишь отдаленное и слабое понятіе.

Вотъ начало одного изъ первыхъ посланій (переводъ М. Петровскаго).

«О, если бы ты лишь день въ душѣ моей была,
Зачѣмъ весь день? Тебѣ я не желаю зла,
Нѣтъ, только часъ одинъ, счастливое созданье,
И тутъ впервые ты узнала бы страданье...
Всѣ чувства какъ въ огнѣ, всѣ мысли какъ во мглѣ,
То гнѣвъ проводить вдругъ мнѣ складки на челѣ,
То тихая печаль»... и т. д.

Но желанія влюбленнаго не встрѣчаютъ, вѣроятно, неодолимыхъ препятствій, такъ какъ дѣлаются все самоувѣреннѣе и смѣлѣе:

«Когда въ часъ веселый откроешь ты губки
И мнѣ ты воркуешь нѣжныя голубки,
Я съ трепетомъ внемлю, я весь внѣ себя,
Боюсь проронить хоть единое слово,
Молчу... не желаю блаженства иного.
Все слушалъ бы только, все слушалъ тебя...
Но глазки сверкнули живѣе кристалловъ,
Жемчужные зубки блестятъ средь коралловъ,
Румянецъ въ ланитахъ ужъ началъ играть,—
Теперь я смѣлѣе смотрю тебѣ въ очи,
Уста приближаю, и слушать нѣтъ мочи—
Хочу цѣловать... цѣловать... цѣловать»...

(Переводъ князя Голицына).

А вотъ и еще шагъ впередъ:

«О милая моя, къ чему намъ говорить,
Къ чему, съ тобой любовь и чувства раздѣляя,
Души моей въ тебя нельзя мнѣ перелить,
На мертвыя слова ея не раздробляя?
Какая-жъ польза намъ въ безжизненныхъ словахъ,
Что стынуть въ воздухъ и вянуть на устахъ?..
Я утомилъ уста лобзаніемъ напраснымъ,
Желая сплавить ихъ съ твоими навсегда,
И говорить хочу биеньемъ сердца страстнымъ.
И взглядами—и ты поймешь меня тогда,
И вѣкъ такъ говорить, пока жизнь длится эта,
До самаго конца и по кончинѣ свѣта»...

(Переводчикъ неизвѣстенъ).

Вслѣдъ за тѣмъ предчувствія близкой разлуки:

«Хотя бы ты меня невольно покидала,
Но если будешь все попрежнему любить,—
Я не хочу, чтобъ ты разлуку отравляла
И стала бы о ней, прощаясь, говорить...
Предъ днемъ разлуки той, вечернею порою,
Последніе часы пусть въ ласкахъ протекутъ,—

Когда-жъ настанетъ мигъ разстаться мнѣ съ тобою,
 Пусть руки милыя мнѣ яду подадутъ...
 Къ устамъ твоимъ прильнувъ, сомкнувъ невольно вѣки,
 Лишь смерть коснется ихъ безтрепетной рукой,
 Пускай блаженно я усну тогда навѣки,
 Смотри въ твои глаза, цѣлуя образъ твой...
 А послѣ многихъ дней, когда промчатся лѣта,
 И мнѣ придется вновь, изъ гроба вставъ, ожить,
 Ты вспомни своего уснувшего поэта,
 И снизойди съ небесъ, чтобъ друга пробудить,
 И снова положи меня на грудь лаская,
 И снова мнѣ свои объятія открой,
 Чтобъ думалъ я возставъ, что только мигъ дремалъ я,
 Смотри въ твои глаза, цѣлуя образъ твой».

(Переводъ Кострова).

Отношенія Мицкевича къ Д. Д., понятно, не могли долго оставаться тайной, и если г-жа Собанская отнеслась къ нимъ недоброжелательно, быть можетъ, по побужденіямъ эгоистическаго свойства, то г-жа Залѣсская усмотрѣла здѣсь прямо признаки порочной распущенности и неоднократно, въ мягкихъ впрочемъ выраженіяхъ, упрекала Мицкевича и за эту связь и за слишкомъ фривольныя, по ея мнѣнію, стихотворныя любовныя изліянія. Къ нимъ присоединилась и графиня Гурьева, которая, по увѣренію г-на Аэра, стала распространять про Д. Д. всевозможныя сплетни, не останавливаясь даже передъ анонимными посланіями. Не имѣла ли дѣйствительно Д. Д. одновременно съ Мицкевичемъ другаго неплатоническаго поклонника?—вопросъ открытый,—но фактъ тотъ, что всѣ эти сплетни и увѣщеванія сильно повліяли на поэта, сдѣлали его сумрачнымъ и подозрительнымъ, и атмосфера взаимныхъ отношеній влюбленныхъ становилась донельзя душною и натянутою.

Дабы прекратить все это разомъ, а одновременно прекратить и сплетни, начинавшія уже задѣвать многихъ и быстро распространяться по Одессѣ,—г. г. Собанскіе и графъ Ржевусскій предложили поэту совмѣстную поѣздку въ Крымъ. Такъ какъ лучшіе его друзья Малевскій и Ежовскій въ то время (въ началѣ августа) отозваны уже были въ Москву, то Мицкевичъ, послѣ недолгаго колебанія, принялъ предложеніе. Къ обществу присоединился генераль Витте; кромѣ того, случайно попалъ сюда арендаторъ одного изъ имѣній Собанскихъ—нѣкій Калусовскій. Сопровождали господъ лакей, казакъ и горничная. Отъѣздъ состоялся 17 августа. Встрѣтивъ въ открытомъ морѣ сильную бурю, которую поэтъ затѣмъ описалъ въ одномъ изъ сонетовъ (онъ просилъ, чтобы его привязали веревками къ палубѣ, и лично созерцалъ все время бурю),—путники укоротили предполагаемую морскую прогулку, причаливъ къ берегу въ Севастополь; отсюда на почтовыхъ прибыли въ Евпаторію, гдѣ и расположились на болѣе продолжительное время—до половины октября. Въ теченіе всего этого времени Мицкевичъ съ Ржевусскимъ,

либо съ Калусовскимъ и казакомъ предпринималъ многочисленныя поѣздки въ окрестныя степи, селенія и прочее. Г-жа Собанская усиленно убѣждала его переложить новыя впечатлѣнія въ стихи и даже подарила ему съ этой цѣлью изящный маленькій карнетъ. Но поэтъ возвратилъ карнетъ, испещренный неуклюжими рисунками, и только когда г-жа Собанская сдѣлалась болѣе настойчива, то узнала изъ устъ Калусовскаго, что во время поѣздокъ поэтъ часто ищетъ уединенія, ложится на землю, вынимаетъ изъ кармана всякія попавшія подъ руку бумажки и мелко ихъ испсысываетъ, послѣ чего обыкновенно дѣлается несловоохотливъ и сумраченъ.

Такимъ образомъ и при такихъ условіяхъ созданы были знаменитыя крымскіе сонеты.

Вообще, свѣжо ли еще было обаяніе Д. Д., или были и другія причины, но насколько Мицкевичъ въ Одессѣ отличался жизнерадостностью и почти самъ искалъ общества, настолько здѣсь все время былъ нелюдимъ и сосредоточенъ.

15-го октября, также моремъ, отправились всѣ обратно въ Одессу. Здѣсь почти все свое общество нашли въ отъѣздѣ. Д. Д., какъ говорили, успѣвъ уже утѣшиться послѣ разлуки съ поетомъ, уѣхала въ Петербургъ и вдобавокъ не одна. Туда же направилась и гр. Гурьева, оставивъ письмо, любезно приглашающее поэта послѣдовать за нею. Почти одновременно (12-го октября) канцелярія генераль-губернатора получила предписаніе предложить Мицкевичу ѣхать въ Москву. На путевые расходы приложено было 261 р.

Такъ какъ Собанскіе и Ржевусскій, отдохнувъ нѣсколько дней, уѣхали на Украину, и Мицкевичъ оставался въ городѣ совершенно одинокимъ, то и онъ собирался въ путь недолго. Въ сѣрое утро, шагая по своей комнатѣ въ лицѣ, въ ожиданіи запрягаемыхъ лошадей, онъ извѣстнымъ стихотвореніемъ «Въ день отъѣзда» распрощался съ Одессой. Стихотвореніе заканчивается слѣдующимъ, наполовину только вѣрнымъ упрекомъ:

«Пора въ путь!.. и прибывшаго никто не встрѣчалъ, и при отъѣздѣ никто не шлетъ добрыхъ пожеланій».

Сонеты, созданные въ Одессѣ и въ Крыму, вышли отдѣльной книжкой нѣсколько времени спустя въ Москвѣ.

І. К.

БАТУРИНСКІЕ ПАМЯТНИКИ.

В ФЕВРАЛЬСКОЙ книгѣ «Историческаго Вѣстника» г. Герасимовъ напомнилъ о замкѣ, забытомъ на берегу историческаго Сейма, смотрящемъ съ одной стороны на бывшій дворецъ Мазепы, съ другой—на роскошный садъ Кочубея и съ третьей—на церковь, основанную Иваномъ Мазепой, въ которой еженедѣльно во время ектеній молятся за гетмана, какъ за «благодѣтеля и создателя храма сего»; въ этомъ же храмѣ покоится и прахъ Разумовскаго съ барельефнымъ памятникомъ на внутренней стѣнѣ. Гр. К. Г. Разумовскій, какъ извѣстно, еще въ бытность гетманомъ послѣ Глухова избралъ своей резиденціей Батуринъ, хотя жилъ здѣсь очень мало, проводя все время въ столицахъ. Окончательно поселился онъ въ Батуринъ въ 1749 году, когда была сыграна его политическая роль. Здѣсь же онъ и умеръ въ 1803 году. Весь Батуринъ, въ сущности, забытый памятникъ. Чтобы не удаляться отъ той же церкви Воскресенія Господня, основанной Мазепой, нужно указать въ ней нѣсколько церковныхъ облаченій, евангеліе и сосуды, составляющіе подарокъ того же гетмана. Далѣе въ той же церкви, какъ разъ противъ барельефнаго бюста Разумовскаго, виситъ старинная картина «Рождества Господня», писанная не позже половины прошлаго столѣтія. Объ этой картинѣ батуринскіе старожилы рассказываютъ очень много. Пишущій эти строки былъ еще мальчикомъ, когда Батуринъ посѣтилъ одинъ изъ Кочубеевъ (не знаю его имени), люби-

тель археологіи. Онъ пріобрѣлъ, между прочимъ, въ той же церкви Воскресенія Господня старинное архіерейское кресло, а также хотѣлъ пріобрѣсть и картину и давалъ, если не ошибаюсь, четыре тысячи рублей, но прихожане не согласились на эту сумму.

Почти не было ни одного года, чтобы въ Батуринѣ не обнаруживались провалы, и эти провалы со слѣдами подземныхъ ходовъ чаще всего бываютъ на площади предъ Воскресенской церковью, этому способствовало еще и то обстоятельство, что на этой площади бываютъ три или четыре раза въ годъ ярмарки. Здѣсь строятся временные «балаганы» торговцевъ, и толчется масса народу. Частые провалы и приписывали этому обстоятельству. Однако, лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, произошелъ крупный провалъ, осмотрѣнный генераломъ Бранденбургомъ и показавшій, что дѣло идетъ о подземныхъ ходахъ. Раскопки тогда не были произведены за неимѣніемъ, какъ говорили, средствъ.

Не менѣе часты и находки въ Батуринѣ разныхъ денежныхъ кладовъ. Владѣльцы земли по краямъ вала, идущаго параллельно берегу Сейма, на которомъ собственно и расположенъ Батуринъ, неоднократно находили при новыхъ постройкахъ десятками и сотнями древнія монеты, заключенныя въ «глечики» (горшки) и чугуны. На томъ же валу находили остатки пушекъ, ружей и проч. Между прочимъ, одинъ большой кусокъ пушки, съ выбитой надписью о времени отлітія (конецъ XVI столѣтія), былъ пріобрѣтенъ тѣмъ же Кочубеемъ. Это вполне понятно, если вспомнить, что именно этотъ валъ составлялъ крѣпость, и противъ него въ свое время велся Меншиковымъ штурмъ. Валъ довольно высокъ и крутъ; какъ разъ предъ самымъ Батуриномъ Сеймъ раздѣляется на три рукава, самъ онъ здѣсь довольно широкъ и, какъ на всемъ протяженіи, отличается быстротой теченія. Въ силу всего этого, а также и сильныхъ укрѣпленій, Батуринъ былъ совсѣмъ неприступенъ, и нуженъ былъ измѣнникъ, указавшій слабое мѣсто, чтобы удался этотъ кровопролитный штурмъ, окончившійся, какъ извѣстно, почти полнымъ разрушеніемъ Батурина. Слѣды этого разрушенія сохраняются понынѣ еще и нѣсколькими небольшими часовенками, указывающими, что здѣсь нѣкогда находилась церковь. Всѣхъ церквей въ Батуринѣ въ настоящее время двѣ; изъ нихъ одна построена недавно, равно какъ и третья, находящаяся, собственно, не въ самомъ Батуринѣ, а въ предмѣстьѣ по ту сторону Сейма.

Такимъ образомъ одна только церковь Воскресенія сохранилась отъ разрушенія, однако и она теперь имѣетъ не совсѣмъ ту наружность, какъ въ мазепинскія времена. Вся внутренность, по крайней мѣрѣ, отдѣлана и расписана заново, остался неприкосновеннымъ лишь старый золоченый иконостасъ. Также и на внѣшнихъ стѣнахъ въ 80-хъ годахъ написаны иконы, отмѣченныя всѣми чертами новѣйшей иконописи... Вокругъ церкви хоронятъ покойни-

ковъ, однако всѣ плиты и памятники новѣйшіе, и старыхъ со-
всѣмъ нѣтъ.

Церковь Воскресенія находится на валу, такъ что она первой
бросается въ глаза, если подъѣзжать къ Батурину со стороны Сейма.
Далѣе, вправо на томъ же валу, отдѣленномъ только съ двухъ сто-
ронъ узкими долинами, составляющими, несомнѣнно, русло прежнихъ
притоковъ Сейма, находится забытый замокъ Разумовскаго. Мѣсто, гдѣ
находится этотъ замокъ, называется Тепловкой, отъ имени Теплова,
управлявшаго дѣлами К. Г. Разумовскаго и принимавшаго дѣятель-
ное участіе въ постройкѣ этого замка. Г. Герасимовъ думаетъ, что
замокъ приходитъ въ упадокъ только потому, что о немъ почти
нигдѣ никто не упоминалъ. Это далеко не точно: въ кievской пе-
чати писалось о немъ очень много, встрѣчались замѣтки и въ сто-
личной печати, пришлось и мнѣ упоминать о немъ въ «Биржевыхъ
Вѣдомостяхъ»; наконецъ, въ одномъ изъ календарей по Чернигов-
ской губерніи (не помню, за какой годъ) было очень подробное опи-
саніе того состоянія, въ какомъ находится замокъ. Причина здѣсь
заключается не въ томъ. Конечно, она и не въ томъ, что правитель-
ство нарочно допускаетъ разрушать всѣ памятники, относящіеся къ
гетманскому періоду Малороссіи, чтобы такимъ образомъ сгинула
всякая память объ этомъ періодѣ. Такое мнѣніе очень и очень рас-
пространено въ извѣстныхъ малорусскихъ кружкахъ. Дѣло, однако,
объясняется гораздо проще. Вы знаете, кому принадлежитъ этотъ
историческій памятникъ? — Шостенскому пороховому заводу... Ка-
кое бы, кажется, отношеніе порохового завода къ этому замку, а
тѣмъ не менѣе, это такъ; замокъ этотъ лѣтъ шестьдесятъ тому на-
задъ поступилъ въ собственность военнаго министерства и съ тѣхъ
поръ переписывается по разнымъ его учрежденіямъ...

Я помню этотъ замокъ съ тѣхъ поръ, какъ себя помню. На по-
лянкѣ предъ нимъ я игралъ въ мячъ, въ его флигеляхъ и подъ
крышей главнаго зданія опустопалъ галячи гнѣзда, бѣгалъ въ его
липовомъ паркѣ, который даже на моей памяти порѣдѣлъ, по край-
ней мѣрѣ, на 50%. Флигеля все это время, т. е. съ конца семиде-
сятыхъ годовъ, были такими же, какъ теперь,—безъ крыши, безъ
балокъ, безъ половъ, такъ что, стоя на землѣ, можно видѣть чрезъ
два этажа небо. Въ серединѣ флигелей скопились кучи перегнившихъ
листьевъ, занесенныхъ сюда изъ парка, и на этихъ кучахъ проро-
стаютъ уже новыя липы, и пышно разрослась бузина. Изъ комнаты
привратника у боковыхъ воротъ также растетъ какой-то кустарникъ.
Окружающая замокъ ограда также издавна была полуразрушена,—
рѣшетки изъ нея повынуты, и теперь только мало-по-малу уничто-
жаются кирпичные столбы, переходящіе на фундаментъ или печи
батуриныхъ жителей. За то, на моей еще памяти, главный домъ
былъ далеко не такъ еще разрушенъ. Цѣла была совершенно крыша,
которая теперь остается только маленькими кусками надъ самымъ

домомъ да надъ одной башней, видной на помѣщенномъ въ февральской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» рисункѣ. Другая, симметричная этой, башня совершенно ободрана, и надъ головой зрителя виднѣется только деревянная обрѣшетка, на которой раньше покоились листы желѣза.

Сторожа, если и были при зданіи, то развѣ только въ миѳическія времена, несмотря на то, что еще въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, какъ рассказываютъ старожилы, въ замкѣ оставалась и кое-какая мебель и полы. Взабираться можно было до самаго верха башни, откуда открывался великолѣпный видъ на широкую долину Сейма. Особенно принялись разрушать замокъ въ семидесятыхъ годахъ. Паркеты были ободраны въ самое короткое время, за ними пошли изразцы, а затѣмъ все металлическое. Создался особенный родъ контрабанды: по ночамъ зимою обыватели съ ручными салазками направлялись къ замку, обрывали желѣзо, выдергивали болты изъ стѣнъ и колоннъ, распатывая такимъ образомъ эти послѣднія, обрывали великолѣпную каменную облицовку, чтобы подъ ней найти кусокъ желѣза,— все это складывалось на салазки. Какъ уже упомянуто, замокъ отдѣленъ отъ мѣстечка долиной, и вотъ въ эту долину катились салазки съ сидящимъ на верху посѣтителемъ; по большей части, они попадали какъ разъ въ ворота, изъ которыхъ салазки выѣхали пустыми... Такимъ образомъ этотъ промыселъ былъ и безопасенъ и далеко не труденъ. За то, если теперь посмотрѣть на стѣны, то повсюду видны громадныя пробоины, знаки такого варварскаго выковыриванія болтовъ.

Дальнѣйшее разрушеніе принесли туристы. Во всемъ почти замкѣ великолѣпная лѣпка, и почти каждый посѣтитель считаетъ своимъ долгомъ отбить кусокъ ея себѣ на память. Въ концѣ концовъ, въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ, не то, что проникнуть въ третій этажъ, но и по второму ходить стало очень страшно. Цѣль пока что балконы съ великолѣпными дорическими колоннами, но и на немъ провалился наполовину полъ. За то совершенно разрушился стоявшій еще недавно великолѣпный подъѣздъ, съ такими же колоннами. Остатки этихъ послѣднихъ валяются около замка, — здѣсь кусокъ капители, тамъ большая глыба составлявшаго колонну гранита, съ вынутымъ изъ середины желѣзнымъ болтомъ... Одно изъ городскихъ управленій въ Испаніи нашло нужнымъ разрушить историческія ворота, потому что въ этихъ воротахъ, по мнѣнію управленія, скрывались микробы холеры. Наоборотъ, наши русскіе историческіе памятники уничтожаются потому, что вокругъ нихъ гнѣздятся микробы нашей неряшливости и невѣжества...

Народное сказаніе связало съ замкомъ Разумовскаго, кромѣ легенды о кладѣ, и еще другую. Жиль-былъ въ Батури́нѣ скрипачъ Гусакъ, какъ сейчасъ помню его польки и вальсы. И вотъ говорили, будто его нечистая сила ваташила на башню замка и всю

ночь угощала его тамъ всякими отборными яствами и винами. На утро, однако, скрипачъ увидѣлъ, что эти яства ни болѣе, ни менѣе, какъ нечистоты...

Однако, не всѣхъ можно было запугать нечистой силой. Лѣтомъ замокъ Разумовскаго и дни и ночи жилъ самой веселой жизнью. Здѣсь нужно сдѣлать еще одну поправку къ сообщенію г. Герасимова. Батуринъ ему кажется мѣстомъ съ сохранившеюся патріархальностью нравовъ и съ отсутствіемъ всякихъ элементовъ новѣйшей жизни. Это не такъ,—патріархальность жизни давно уже разрушена: съ начала 70-хъ годовъ до 1894 года, включительно, Батуринъ былъ мѣстомъ лагерной стоянки 5-й пѣхотной дивизіи, 5-й артиллерійской бригады и двухъ или трехъ кавалерійскихъ полковъ. Болѣе того, Батуринъ, съ экономической точки зрѣнія, только и жилъ лагерями; все его производство было разсчитано на лѣтнее время, купцы запасались всякимъ товаромъ только для лѣтняго времени, сельскохозяйственные продукты сбывались исключительно солдатамъ, наконецъ, всѣ состоянія въ Батуринѣ сдѣланы исключительно поставками на военное вѣдомство. Въ то время, не знаю, какъ теперь, въ Батуринѣ было очень много евреевъ, и ихъ количество еще болѣе увеличивалось въ лѣтнее время...

Разъ мы ужъ заговорили о лагеряхъ, то не лишнее будетъ упомянуть, что, благодаря имъ, Батуринъ въ 70-хъ годахъ два раза посѣтилъ царь-освободитель Александръ II съ императоромъ Александромъ III, тогда наслѣдникомъ престола.

Переходимъ, однако, къ вліянію лагерей на замокъ Разумовскаго. Такъ какъ замокъ этотъ принадлежалъ военному вѣдомству, то его и стали употреблять во время ученій и маневровъ. Вся площадка предъ замкомъ была изрыта траншеями, а нѣкоторое время въ самомъ замкѣ и его паркѣ былъ размѣщенъ драгунскій эскадронъ. Наконецъ, присоединилось и еще одно побочное обстоятельство: какъ разъ черезъ долинку противъ замка было отведено на лагерное время мѣсто для извѣстныхъ домовъ, отмѣчаемыхъ красными фонарями. Ихъ обитательницы вмѣстѣ съ поклонниками избрали мѣстомъ своихъ ночныхъ прогулокъ несчастный замокъ Разумовскаго, и можно вообразить себѣ, что здѣсь творилось! Днемъ туристы, обивающіе капители и лѣпку, ночью развеселыя кампаніи, съ выпивкой и закуской...

Тѣмъ не менѣе о замкѣ думали, но думали только о его примѣненіи для какой либо утилитарной цѣли. Одно время говорили о томъ, чтобы продать его на сломъ. Слѣдующіе проекты были перенести сюда какое-то юнкерское училище, затѣмъ отремонтировать его и сдѣлать здѣсь центральную лѣчебницу для психически больныхъ, наконецъ, центральную лѣчебницу для страдающихъ глазами болевзнями солдатъ. Всѣ эти проекты по разнымъ причинамъ оказались невыполнимыми, и замокъ продолжаетъ разрушаться, припи-

санный къ Шостенскому пороховому заводу, который ни копейки на него не затрачиваетъ, но ни копейки и не получаетъ...

Дальнѣйшій забытый памятникъ Батурина находится на томъ же валу, но еще дальше, вправо,— это такъ называемый «Городокъ», бывший дворецъ Мазепы. Въ Черниговской губерніи, вообще, очень часто встрѣчается это названіе, также какъ и «городище». Городищемъ даже называется большое село недалеко отъ Батурина. Городками или городищами обыкновенно называются мѣстности или урочища, на высокихъ углахъ рѣкъ или въ низкихъ мѣстахъ, среди болотъ, съ земляными валами и насыпями. Городки эти очень стараго происхожденія,— это древнѣйшія пограничныя поселенія, окапывавшіяся со всѣхъ четырехъ сторонъ. Батуриискій Городокъ, судя по всѣмъ даннымъ, представляетъ такое же древнѣйшее поселеніе, которое, съ ростомъ Батурина и развитіемъ въ немъ укрѣпленій, потеряло значеніе особеннаго поселенія и поступило въ собственность Ивана Мазепы, выстроившаго здѣсь дворецъ, разрушенный впоследствии Меншиковымъ. Уже тогда дворецъ представлялъ, конечно, только жалкіе остатки; однако, все же около Городка сохранились остатки каменныхъ плотинъ, которыми, какъ надо думать, удерживались воды высохшей нынѣ рѣчки, протекавшей мимо Городка въ Сеймъ. Въ самомъ Городкѣ можно еще и теперь указать фундаменты мазепинскаго дворца, опять таки съ несомнѣнными признаками подземныхъ ходовъ. Теперь это только два валика, съ довольно глубокимъ рвомъ посрединѣ, но въ этомъ рвѣ многіе батуринцы еще помнятъ желѣзную дверь, съ изображеніемъ булавы. Дверь эта, уже лѣтъ двадцать, засыпана землей; раскопокъ въ Городкѣ никакихъ не производится, порыли только немного, лѣтъ тридцать назадъ. А между тѣмъ, Городокъ, уже помимо отношенія къ Мазепѣ и возстановленія, несомнѣнно, существовавшихъ здѣсь подземныхъ ходовъ, представляетъ интересъ и какъ древнѣйшее, чѣмъ самъ Батуриинъ, поселеніе. Обиліе городковъ въ Черниговской губерніи наводитъ на мысль, что, изучая географическое ихъ распредѣленіе, мы такимъ образомъ установимъ и распространеніе по этой территоріи гражданственной жизни; точно такъ же въ Черниговской губерніи много несомнѣнно древнихъ хуторковъ и урочищъ, съ названіями Церквище, Монастырище; ихъ географическое распредѣленіе такъ же несомнѣнно имѣетъ значеніе для изученія хода христіанства. Одинъ изъ черниговскихъ гимназическихъ учителей, какъ онъ объ этомъ говорилъ мнѣ, уже началъ работать надъ этимъ вопросомъ, но въ настоящее время онъ умеръ, и неизвѣстно, какая участь постигла эту работу.

Возвращаюсь, однако, къ мазепинскому Городку. Помимо указанного, въ немъ развалинъ никакихъ не имѣется. Это въ настоящее время старый запущенный паркъ, десятинъ въ десять площадью, въ центрѣ котораго есть уголокъ, засаженный плодовыми деревьями.

Здѣсь же расчищено мѣсто для посадки арбузовъ и дынь, удающихся на славу. Городокъ составляетъ собственность частнаго лица, который и сдаетъ въ аренду указанную часть, остальной же паркъ служить для прогулокъ мѣстныхъ жителей. Городокъ этотъ наивысшій пунктъ всего батуринскаго вала. Къ югу онъ заканчивается особенно высокимъ, площадью саженой въ 10 квадратныхъ, курганомъ, очевидно, раньше служившимъ сторожевымъ. Теперь этотъ курганъ любимое мѣсто батуринскихъ пикниковъ. Сзади его довольно густой паркъ Городка, а впереди широкая перспектива зеленого луга, по которому серебряной лентой извивается Сеймъ. Только очень-очень далеко виднѣется деревушка, на первомъ планѣ которой высатся стройные тополр, и чуть не ежеминутно, какъ журавль поднимаетъ свой носъ, поднимается шесть колодезя. Въ самомъ недалекомъ разстояніи отъ Городка находились лагери, и порой раздаются звуки солдатскихъ трубъ и барабановъ, и, кажется, казакъ влетитъ на свой сторожевой курганъ и крикнетъ своимъ собратьямъ объ опасности...

Послѣдній, наконецъ, памятникъ Батурина касается той красавицы, о которой когда-то написалъ Пушкинъ:

Она свѣжа, какъ вешній цвѣтъ,
 Взлелѣянный въ тѣни дубравной.
 Какъ тополь кievскихъ высотъ,
 Она стройна, ея движенья
 То лебедя пустынныхъ водъ
 Напоминаютъ плавный ходъ,
 То лани быстрыя стремленья;
 Какъ пѣна, грудь ея бѣла;
 Вокругъ высокаго чела,
 Какъ тучи, локоны чернѣютъ;
 Звѣздой блестятъ ея глаза;
 Ея уста, какъ роза, рдѣютъ.

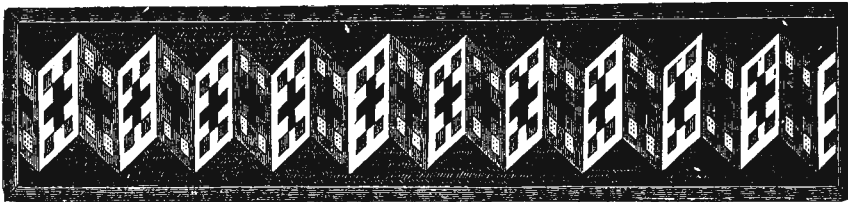
Недалеко отъ нынѣшняго замка Разумовскаго, на самомъ вывѣдѣ изъ Батурина, раскинулся большой тѣнистый садъ Кочубея. Здѣсь жила пушкинская Марія, историческая Матрена Кочубей, здѣсь старикъ писалъ «донось на гетмана злодѣя царю Петру», отсюда его взяли, чтобы отправить на пытку и смерть въ Бѣлую Церковь. Сентиментальное воспоминаніе о любви старика гетмана и молодой красавицы сохраняется въ видѣ стараго насквозъ прогнившаго дуба, представляющаго теперь почти одно сплошное дупло. На немъ теперь и листья если бываютъ, то только на самомъ верху, на самыхъ молоденькихъ вѣткахъ. Подъ нимъ, по преданію, объяснились впервые въ любви Мазепа и Матрена, подъ нимъ онъ пѣлъ Матренѣ знаменитыя пѣсни собственнаго сочиненія... Дубъ носить на себѣ всѣ слѣды сентиментальныхъ вздоховъ, посылаемыхъ посѣтителеми прошедшему. Вся кора его исчерчена инициалами, между которыми особенно крупно вырѣзаны два М. (Марія и Мазепа). Среди сада

виднѣется каменный бѣленькій домикъ, крытый желѣзомъ, окрашеннымъ въ красный цвѣтъ. До послѣдняго времени онъ стоялъ съ наглухо заколоченными ставнями, а лѣтъ пять тому назадъ въ него стали пускать дачниковъ. Около этого домика можно различить остатки прежняго фундамента. На мѣстѣ этихъ остатковъ и стоялъ собственно домъ Кочубея. Стоящій же теперь представляетъ только уменьшенную копію прежняго, построенную всего лѣтъ сорокъ назадъ. Садъ этотъ принадлежитъ въ настоящее время Кочубеямъ, которые содержатъ при садѣ и домикъ сторожа, а этотъ послѣдній показываетъ посѣтителямъ всѣ мѣстныя достопримѣчательности. А кромѣ дуба, имѣется еще одна достопримѣчательность,—это подвалы домика. Въ своды этихъ подваловъ ввинчены разные крючки и петли. По преданію, это составныя части орудій пытки, на которыхъ мучили Кочубея, и которыя привезены сюда изъ Бѣлой Церкви.

Таковы историческіе памятники Батурина. Несмотря на все шумное и блестящее прошлое, теперь это хотя и большое, но неподвижное мѣстечко, которому къ тому же грозитъ окончательный крахъ, вслѣдствіе перевода лагерей. Остается только одно утѣшеніе,— это именно, что Батуриинъ не перестанетъ быть хорошимъ дачнымъ мѣстомъ. Рѣка Сеймъ—чистая, быстрая; воды ея къ тому же нѣкоторыми авторитетами признаны очень цѣлебными при женскихъ болѣзняхъ; воздухъ прекрасный, полное отсутствіе фабрикъ и заводовъ, даже и желѣзной дороги, съ ея гарью и копотью; наконецъ, крайняя дешевизна жизни,—все это вмѣстѣ взятое будетъ попрежнему привлекать сюда дачниковъ изъ различныхъ городовъ. Такіе дачники обыкновенно и являются единственными посѣтителями батуринскихъ памятниковъ. Мѣстные жители къ нимъ привыкли и не интересуются. Таково ужъ общее правило; Альгамбра въ Гренадѣ меньше всего посѣщается именно гренадцами. Въ прошломъ году тамъ умерла одна интеллигентная дама, которая была въ Альгамбрѣ одинъ единственный разъ, да и то только потому, что вызвалась сопровождать Теофила Готье (дѣло было въ 1840 г.)! Да и то сказать, мало въ Батуриинѣ мѣстныхъ интеллигентныхъ людей, проникнутыхъ сознаніемъ значенія этихъ памятниковъ. Ну, а отъ посѣтителей съ салазками избави, конечно, Господи...

Ив. Иноземцевъ.

ГРОЗНАЯ ТѢНЬ ¹⁾.

ОНЕЦЪ XIX вѣка представляется намъ, до нѣкоторой степени, новою эрою въ исторіи развитія нашихъ отношеній къ европейскому западу. Въ силу различныхъ и притомъ весьма сложныхъ историческихъ условій, не требующихъ здѣсь выясненія, значеніе Россіи въ Европѣ стало болѣе и болѣе возрастать съ того самаго берлинскаго конгресса, на которомъ всѣ «великія» державы европейскія явились во всеоружіи своего недовѣрія и ненависти къ Россіи, и сдѣлали все, что отъ нихъ зависѣло, чтобы принизить Россію, связать ей руки и отнять у нея плоды ея громкихъ и такъ дорого стоившихъ ей побѣдъ. Въ нашей памяти еще живы всѣ нанесенные намъ на конгрессѣ матеріальные ущербы и тяжкія оскорбленія нашей національной гордости, которыя напрасно старался позолотить и украсить своими медоточивыми рѣчами «честный маклеръ»... Россія удалилась съ конгресса огорченная, разочарованная во всѣхъ своихъ лучшихъ иллюзіяхъ, повидимому, всѣми покинутая—и устранилась надолго отъ близкаго участія въ такъ называемомъ «европейскомъ концертѣ», углубилась въ разработку вопросовъ своей внутренней жизни, стала намѣчать для себя свой особый путь въ политикѣ—и съ того времени стала быстро возрастать въ могущество и значеніи, стала быстрыми шагами подвигаться къ тому завидному и выдающемуся положенію, которое она заняла въ Европѣ въ послѣдніе годы царствованія императора Але-

¹⁾ По поводу книги: К. Waliszewski, Pierre le Grand. L'éducation.—L'homme.—L'oeuvre. D'après des documents nouveaux. Deuxième édition. Paris. 1897.

ксандра III. Нимало не напуганная явно противъ нея направленными усиленными вооруженіями ея тайныхъ и явныхъ враговъ, Россія протянула руку Франціи и слилась съ нею въ твердомъ союзѣ, еще прочнѣе скрѣпленномъ неразрывными узами давнихъ, шумно и радостно проявившихся національныхъ симпатій... Европа, изумленная, озадаченная, недоумѣвающая, могла уже только признать совершившійся фактъ и, кажется, еще впервые безпристрастно отнеслась къ Россіи, какъ къ силѣ благой и разумной, какъ къ одному изъ важнѣйшихъ элементовъ единственнаго, всѣмъ необходимаго блага—европейскаго мира. И только тутъ впервые проявилось въ Европѣ твердое, вполне сознательное желаніе изучать Россію со всѣхъ многообразныхъ сторонъ ея весьма сложнаго существа—желаніе знать ея природу, ея народъ, ея языкъ, ея литературу и исторію. Послѣдствіемъ этого вполне естественнаго и разумнаго желанія былъ рядъ трудовъ въ области изученія Россіи, и въ томъ числѣ одно изъ первыхъ, выдающихся мѣстъ несомнѣнно принадлежитъ трудамъ К. Валишевскаго, который приобрѣлъ вполне заслуженную извѣстность своими двумя книгами о Екатеринѣ II («Le roman d'une impératrice» и «Autour d'un trône»), а теперь выступилъ съ новою и весьма любопытною ¹⁾ книгою о Петрѣ Великомъ, заглавіе которой помѣщено нами въ выноскѣ къ настоящей статьѣ.

Мы назвали книгу любопытною, хотя и могли бы ее назвать важною въ томъ смыслѣ, что она представляетъ собою цѣнный вкладъ въ огромную уже и постоянно разрастающуюся литературу сочиненій о Петрѣ Великомъ и его времени. Цѣнность новой книги Валишевскаго, съ одной стороны, измѣряется ея большими литературными достоинствами, которыми—увы!—не блистаютъ русскіе труды, посвященные изслѣдованію эпохи Великаго Преобразователя. Авторъ обладаетъ не только умѣніемъ прекрасно пользоваться своимъ громаднымъ матеріаломъ, чрезвычайно ловко его сопоставляя и располагая; онъ, сверхъ того, обладаетъ завиднымъ талантомъ изложенія, полнаго красокъ и блеска, сжатаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, образнаго, живого и плавнаго, несмотря на уклоненія эпизодическія и на массу подробностей, которыя онъ вводитъ въ свой рассказъ, когда онѣ представляются ему необходимыми для полноты пониманія выводимаго имъ типа или для большей опредѣленности той или другой характеристики. Наконецъ, цѣнность книги Валишевскаго въ значительной степени возвышается еще и тѣмъ, что она дѣйствительно заключаетъ въ себѣ много документально-новаго, правда, въ мелочахъ, въ частностяхъ, въ крошечныхъ черточкахъ, дополняющихъ

¹⁾ Книга, видимо, возбуждаетъ всюду общій интересъ, судя по тому, что она окончена была авторомъ 14-го іюня 1896 г.: а къ концу 1897 г. уже успѣла выдержать два изданія.

широкія черты и не вполне опредѣленные мазки общей картины, но потому именно и важныхъ, и дорогихъ, что картина эпохи и характеристика личности Петра начинается, благодаря этимъ черточкамъ, болѣе выясняться и становится болѣе опредѣленною. Не слѣдуетъ забывать, что для извлеченія этихъ мелкихъ черточекъ и подробностей изъ архивныхъ документовъ, при обширномъ знакомствѣ автора съ русскими и иностранными источниками ¹⁾, потребовалось немало времени и труда, немало усидчивости и ученой зоркости, позволяющей автору легко и быстро отмѣчать важное среди неважнаго и выбирать необходимое изъ массы ненужныхъ подробностей. И надо отдать честь Валишевскому: онъ не жалѣлъ ни силъ, ни затратъ на пополненіе своего изслѣдованія съ документальной стороны, и перерылъ не только французскіе архивы, но воспользовался и русскими, и голландскими; почти рядомъ встрѣчаются въ его книгѣ ссылки на протоколы французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ (въ парижскомъ архивѣ министерства) и на документы архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Москвѣ, на рукописи Утрехтской городской библиотеки и на изданіе Абердинскаго Spalding Club'a ²⁾.

Очень цѣннымъ достоинствомъ новой книги Валишевскаго представляется намъ и то, что авторъ, не слѣдуя дурному примѣру многихъ иноземцевъ, писавшихъ о Петрѣ и Россіи въ петровское и до-петровское время, приступаетъ къ выполненію своей задачи съ замѣчательною скромностью и съ достаточнымъ безпристрастіемъ. Въ небольшомъ предисловіи, въ началѣ книги, очень поэтическомъ и прекрасно-написанномъ, авторъ почти пугается громадности своей задачи, и ищетъ вдохновенія въ обращеніи къ великой и грозной тѣни гиганта, «который нѣкогда воплотилъ въ себѣ всю Россію,— ея духъ и тѣло, ея темпераментъ и геній, ея добродѣтели и пороки»; гиганта, «обратившаго жалкую вотчину Іоанновъ въ наслѣдіе Николаевъ и Александровъ, въ имперію, превосходящую пространствомъ и численностью населенія всѣ имперіи, когда либо возникавшія въ Европѣ, Африкѣ и Азіи, имперіи Александра Македонскаго и Римскую, имперію калифовъ и нынѣшнюю Британскую со всѣми ея колоніями...». Выражая далѣе увѣренность въ томъ, что онъ нигдѣ не погрѣшилъ противъ искренности, авторъ однако же предвидитъ, что многихъ его книга удивитъ неожиданностью своихъ выводовъ, многихъ заставитъ разочароваться, многихъ даже прогнѣ-

¹⁾ Мы рѣшительно не понимаемъ, что побудило А. Н. Пыпина (Вѣстн. Евр. дек., стр. 716) назвать Валишевскаго «писателемъ, довольно хорошо знакомымъ съ русской исторической литературой?» Едва ли можно указать на западѣ другихъ ученыхъ изслѣдователей, которые знаютъ ее лучше Валишевскаго? П.

²⁾ Нѣкоторыя изъ этихъ документальныхъ черточекъ и мелочей очень важны: напр., подробности объ отношеніяхъ Софіи къ В. В. Голицыну, слышанныя французскимъ агентомъ La Vie отъ самого Петра (см. стр. 33, книги Валишевскаго).

вить... Но онъ просить русскихъ читателей хорошенько взвѣснить ихъ впечатлѣнія прежде, нежели они произнесутъ свой приговоръ надъ его книгой: «Необходимо,—говорить онъ, — всегда имѣть достаточно мужества для сознанія того, что мы представляемъ собою въ настоящемъ, и даже того, чѣмъ мы были когда-то—и для Россіи такая задача не представляется намъ трудною». Цѣль своей книги онъ опредѣляетъ коротко и просто: рисуя грозный образъ Петра, какимъ онъ ему представляется по документамъ, авторъ задумываетъ раскрыть передъ тревожными и недовѣрчивыми взорами Европы загадочный образъ великаго народа, твердою стопою стоящаго на грани между Европою и Азіею,—образъ народа, въ которомъ «еще живетъ Петръ Великій».

Книга Валишевскаго распадается на три неравномѣрныя части. Въ первой части, заключающей въ себѣ всего пять главъ, авторъ знакомитъ своихъ читателей съ Русью допетровской, а затѣмъ со всѣми условіями жизни, среди которыхъ Петръ выросъ и воспитался. Особая глава, между прочимъ, посвящена здѣсь царевнѣ Софьѣ и ея правленію. Въ общемъ эта первая часть заканчивается описаніемъ перваго путешествія за границу и возвращеніемъ Петра въ Москву для страшнаго розыска надъ стрѣльцами.

Вторая часть, изъ семи главъ, посвящена собственно характеристикѣ Петра (его физической и нравственной природы), общему очерку его нравственнаго облика, его идей, принциповъ и способовъ управленія страной. Въ числѣ главъ этой части одна посвящена домашней жизни царя Петра и описанію его личныхъ привычекъ, повадокъ и особенностей; другая, прекрасная глава отведена для характеристики его приближенныхъ—какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ, и по особой главѣ любовнымъ приключеніямъ Петра и весьма обстоятельной біографіи императрицы Екатерины. Относительно этихъ двухъ послѣднихъ главъ, переполненныхъ подробностями весьма нецензурными и скорѣе курьезными и пикантными, нежели важными въ историческомъ смыслѣ, мы не можемъ согласиться въ возрѣніяхъ съ авторомъ книги о Петрѣ. Всѣ подобныя, закулисныя подробности о жизни великаго человѣка всегда и вездѣ отзываются сплетнею и вымысломъ, и почти не допускаютъ возможности критическаго разслѣдованія; и лишь очень немногія изъ нихъ прибавляютъ хоть что нибудь вѣрное къ правдивой характеристикѣ того или другаго историческаго дѣятеля эпохи и обрисовываютъ намъ животную сторону его натуры въ болѣе или менѣе вѣрной передачѣ ея проявленій. Мы думаемъ, во всякомъ случаѣ, что книга Валишевскаго (и главная цѣль ея, т. е. характеристика Петра) ничего бы не потеряла въ цѣнѣ и достоинствѣ, если бы многія подробности интимной жизни Петра (да притомъ еще почерпнутыя изъ такихъ достовѣрныхъ источниковъ, какъ мемуары Долгорукова!) были и вовсе опущены. На нашъ взглядъ, эти по-

дробности могут даже набросить на книгу нѣкоторую весьма неблагоприятную для автора тѣнь, давъ поводъ многимъ къ обвиненію его въ искусственномъ возбужденіи любопытства своихъ читателей внесеніемъ страницъ, достойныхъ Зола и другихъ представителей новѣйшаго французскаго романа.

Въ третьей части своей книги Валишевскій занимается «дѣломъ Петровымъ» (L'oeucre) и сначала набрасываетъ прекрасный очеркъ его военной и дипломатической дѣятельности, начиная отъ временъ Нарвскаго погрома и оканчивая вторымъ путешествіемъ Петра за границу. Этотъ очеркъ занимаетъ собою три главы. Затѣмъ, въ семи послѣдующихъ главахъ, онъ разсматриваетъ по частямъ всѣ преобразования Петра Великаго—церковныя, общественныя, сословныя, экономическія, административныя и военныя. Предпослѣднюю, восьмую главу книги Валишевскій посвящаетъ страшной драмѣ, разыгравшейся между отцомъ и сыномъ; въ послѣдней и заключительной главѣ рассказываетъ о кончинѣ Петра, разбираетъ сомнительныя извѣстія о завѣщаніи Петра Великаго и подводитъ общіе итоги всему, что было имъ высказано въ различныхъ частяхъ и главахъ объемистой книги. Приѣмъ весьма полезный и заслуживающій поощренія!

Эта третья, наибольшая часть сочиненій Валишевскаго, конечно, можетъ представлять всего менѣе новаго для русскихъ читателей, но она полезна по прекрасной группировкѣ и чрезвычайно ловкому сопоставленію фактовъ, и это нерѣдко придаетъ имъ новое освѣщеніе. Благодаря такой именно группировкѣ, картины отдѣльныхъ фазисовъ реформы выходятъ и полнѣе, и рельефнѣе, и общій обзоръ ея значительно облегчается для читателя.

Въ этой третьей части только относительно VIII главы, излагающей печальную исторію царевича Алексѣя, мы можемъ отмѣтить нѣкоторые недостатки въ изслѣдованіи Валишевскаго. Довольно вѣрно характеризуя самого царевича и его ближайшихъ приверженцевъ, онъ не обращаетъ должнаго вниманія на ту интригу, которая окончательно сгубила несчастнаго: на его излишнюю довѣрчивость къ коварному благодушію Меншикова, къ мнимому расположенію Екатерины и къ слишкомъ поспѣшнымъ хлопотамъ Кикина объ устройствѣ судьбы царевича подъ защитою императора австрійскаго. По многимъ даннымъ едва ли возможно сомнѣваться, что Кикинъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ по внушеніямъ Веселовскаго (преданнѣйшаго слуги «Данилыча»), темная и постыдная роль котораго въ этой страшной семейной драмѣ (покаместъ еще не совсѣмъ выясненная) намѣчается довольно опредѣленно. Нельзя, однако же, не согласиться съ тѣмъ выводомъ, къ которому Валишевскій приходитъ въ концѣ этой мрачной и тяжелой главы:

«Страшный процессъ царевича остался вѣчнымъ пятномъ на памяти Петра... Знаю, что оно не особенно должно было его тяго-

тить, такъ какъ онъ вообще весьма равнодушно относился къ разговорамъ позднѣйшей исторіи... Но все же онъ былъ виновникомъ смерти своего сына—и оправдать его невозможно ничѣмъ... Я отвергнулъ и еще разъ отвергаю доводъ «политической необходимости», на который ссылалась защита. Возмездіемъ за преступленія явился историческій фактъ: не желая оставить наслѣдникомъ сына, кому же оставилъ онъ свое наслѣдство—онъ предоставилъ его на произволъ судьбы...»¹⁾

Въ концѣ своей книги Валишевскій (по его собственному признанію) не безъ нѣкотораго колебанія, переходитъ къ общимъ выводамъ изъ своего объемистаго изслѣдованія. Упомянувъ о томъ, что въ теченіе цѣлыхъ двухъ столѣтій Петръ и его реформы подвергались въ Европѣ огульному порицанію, и въ самой Россіи этотъ историческій герой постоянно вызывалъ ожесточенные споры между славянофилами и западниками,—Валишевскій пытается избрать новый, какъ бы средній путь между тѣми и другими, между ярыми порицателями и слѣплыми поклонниками Великаго Преобразователя. Съ этою цѣлью онъ прибѣгаетъ къ довольно оригинальному приему... Отстранивъ славянофильскую теорію и ея крайности довольно мирнымъ укоромъ въ неопредѣленности славянофильскихъ идеаловъ, въ недостаточной ясности того идеала «старины», къ которому они взывали, Валишевскій пытается доказать, что Петръ былъ гораздо менѣе виновенъ въ той ломкѣ, къ которой привели его реформы, нежели предполагаютъ славянофилы; другими словами: Россія уже задолго до Петра вступила на путь сближенія съ Западомъ, на путь, который рано или поздно долженъ былъ ее привести къ эпохѣ преобразованій, и Петръ явился только грознымъ исполнителемъ непреложнаго историческаго *factum*'а... Путь былъ начертанъ до Петра; направленіе его не измѣнилось и тогда, когда его не стало. «Дѣло» Великаго Преобразователя не остановилось вмѣстѣ съ его существованіемъ; оно продолжало развиваться, несмотря даже и на то, что прямые послѣдователи его были люди ничтожные и недостойные... Въ подтвержденіе своей мысли Валишевскій указываетъ на то, что и одна изъ величайшихъ заслугъ Петра—проложеніе кратчайшаго пути въ Европу черезъ Балтійское море — была лишь окончательнымъ выполненіемъ давно-задуманнаго замысла; что и самая почва, воспитавшая Петра (иноземцы и нѣмецкая слобода) была уже задолго до него усвоена Россіей... Онъ даже ссылается на то, что и «птенцы гнѣзда Петрова», какъ типы и характеры русскихъ людей, имѣли много» общихъ чертъ съ Петромъ» и рѣшается утверждать, что

¹⁾ Это вольный переводъ окончанія VIII главы III части книги Валишевскаго. Притомъ, въ составъ этихъ строкъ, для большаго выясненія его мысли, внесена начальная фраза изъ главы IX.

«Петрово дѣло» было дѣломъ всего русскаго народа, который мудро было бы подвинуть къ реформамъ, если бы онъ уже издавна не былъ предрасположенъ слѣдовать по пути, указанному Петромъ...

«Петръ—полнѣйшій представитель своего народа и своего времени. Притомъ и явился онъ какъ разъ въ-время. Въ одной русской народной пѣснѣ недаромъ поется о какомъ-то невѣдомомъ героѣ, который страдаетъ избыткомъ силъ, подавляющихъ его до такой степени, что онъ и самъ не знаетъ, какъ ими воспользоваться... Этотъ поэтический образъ, по нашему мнѣнью, есть не что иное, какъ жалобный вопль цѣлаго народа! Россія времени Петра была переполнена именно такимъ избыткомъ физическихъ и нравственныхъ силъ, и эти силы были осуждены полною бесодержательностью общественной жизни на полную инерцію. Героическія времена давно минули, а герои остались въ живыхъ, и Петръ явился какъ разъ въ-время, чтобы задать имъ работу по силамъ. Правда, онъ былъ грубъ и жестокъ въ своихъ пріемахъ; но не слѣдуетъ забывать, что онъ имѣлъ дѣло не съ современными намъ темпераментами, а съ людьми изумительной силы и такого упорнаго склада, о которомъ даже трудно въ настоящее время составить себѣ вполнѣ правильное представленіе»...

Далѣе, Валишевскій, отвѣчая тѣмъ, которые все зло Петровыхъ преобразованій видятъ въ ихъ чрезмѣрной послѣдственности и стремительности, старается оправдать Петра отъ обвиненія, будто эта послѣдственность была вызвана нетерпѣливымъ и порывистымъ характеромъ Петра; Валишевскій утверждаетъ—и, можетъ быть, не безъ основанія,— что и здѣсь выказывается вліяніе не личной воли и характера, а скорѣе извѣстнаго рода историческій законъ, проявляющійся на всемъ протяженіи исторической жизни русскаго народа.

«То, что въ смыслѣ преобразованій произошло въ Россіи въ области нравственной, совершается въ ней ежедневно на нашихъ глазахъ въ области матеріальной. Все въ этой странѣ происходитъ быстро, урывками, толчками... Даже и растительности отведенъ здѣсь періодъ дѣятельности гораздо болѣе ограниченный, нежели въ странахъ сосѣднихъ, и это вліяетъ въ значительной степени на пріемы и способы культуры. Пахота начинается не ранѣе, какъ когда майскіе лучи солнца согрѣютъ почву, и менѣе, чѣмъ черезъ три мѣсяца, жатва уже должна быть убрана съ поля...».

Онъ соглашается съ Леруа-Болье въ томъ, что послѣдственность Петровской реформы привела къ нѣкоторымъ неблагоприятнымъ послѣдствіямъ и въ нравственномъ, и въ интеллектуальномъ, и въ социальномъ, и въ политическомъ смыслѣ; что постепенность и отсутствіе крайностей и жестокостей, конечно, привели бы къ лучшимъ результатамъ... Соглашается и съ критикой Левека и съ критикой Костомарова, направленными противъ Петра, какъ преобразователя; но добавляетъ въ то же время вполнѣ разумно и справедливо:

«Всѣ подобныя критики и возраженія, однако же, не слѣдуетъ ли называть вполне равносильными такому историческому выводу: было бы гораздо лучше, если бы татарское нашествіе вовсе не произошло въ XIII вѣкѣ, и Россія могла бы спокойно и вполне самостоятельно развиваться въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ»...

И, вопреки всѣмъ возражателямъ и критикамъ, онъ приходитъ къ убѣжденію, что реформа Петра была необходима, неизбежна и выгодна для роста и развитія могущества Россіи. Въ ней и только въ ней видитъ онъ залогъ и основу того величія и мощи, до которыхъ достигла Россія въ царствованіе Екатерины.

«Изъ всѣхъ критикъ и порицаній Петровской реформы,—такъ заканчиваетъ Валишевскій,—я готовъ допустить только одинъ укоръ ей: я готовъ признать, что она начата была съ точки зрѣнія исключительно утилитарной, что въ ней пренебрежены были всѣ остальные, и притомъ благороднѣйшіе, элементы культуры и цивилизаціи. Россія Петра Великаго—это лагерь, это фабрика; она не была очагомъ того тепла и свѣта, изъ котораго, вмѣстѣ съ благородными открытіями науки, съ блестящими попытками искусства, могли бы простираться по всему свѣту высокія идеи гуманности, составляющія честь и славу другихъ историческихъ странъ. Петръ обратилъ русскихъ въ чиновниковъ, рабочихъ и солдатъ, но не въ мыслителей, не въ художниковъ. Самъ будучи великимъ практикомъ, позитивистомъ и крайнимъ материалистомъ, онъ научилъ ихъ или старался научить ихъ умѣнью владѣть усовершенствованнымъ оружіемъ, научилъ чтенію, счету; но онъ далеко былъ отъ великихъ возвышенныхъ порывовъ ума и сердца, отъ стремленія къ гуманитарнымъ идеаламъ, отъ поклоненія прекрасному, отъ снисхожденія и жалости»...

Но, набросавъ этотъ неблагоприятный очеркъ и дѣятеля, и его времени, Валишевскій спѣшитъ смягчить свой приговоръ, спѣшитъ оправдать историческихъ дѣятелей и исторію условіями времени и мѣста, условіями географическими и климатическими... Онъ пытается этимъ путемъ доказать, что реформа Петра была естественнымъ, почти вынужденнымъ слѣдствіемъ всей предшествовавшей исторіи Россіи и что самъ Петръ не въ силахъ былъ произвести ее иначе, нежели онъ ее произвелъ, причѣмъ даже личность Петра будто бы играетъ въ данномъ случаѣ весьма ограниченную роль. «Не слѣдуетъ забывать одно:—говоритъ Валишевскій,—условія историческія, географическія и климатическія (о которыхъ я уже неоднократно упоминалъ въ моей книгѣ), условія, предшествовавшія зарожденію и сопровождавшія развитіе и ростъ Россіи, способствовали тому, что она постоянно вынуждена была воевать. Не имѣя естественныхъ границъ, при неблагоприятномъ климатѣ, Россія и была, и доселѣ находится въ постоянной борьбѣ съ особой коалиціей враждебныхъ ей элементовъ, одушевленныхъ и неодушевленныхъ, съ сосѣдями своими и самой природой—то ради обороны своей

родной земли, то ради заработка насущнаго хлѣба. Благодаря этой нескончаемой борьбѣ, инстинктъ самоохраненія—самый низменный изъ всѣхъ инстинктовъ—принялъ чрезвычайныя размѣры, и заботы матеріальныя должны были получить естественное преобладаніе надъ всѣми остальными. Къ этому присоединилась наклонность къ неподвижности тѣлесной и косности умственной, съ рѣзкими и неожиданными переходами къ суровой воинственности—конечно, подъ вліяніемъ долгихъ періодовъ вынужденнаго бездѣйствія. Вотъ та форма, изъ которой выпелъ самъ Петръ и все его «дѣло». Онъ былъ по-своему большимъ идеалистомъ въ томъ уже, что старался все подчинить своей творческой дѣятельности и въ томъ, что мечталъ уже о Россіи, способной не только постоять за себя и расширить свое матеріальное наслѣдіе, но даже предъявить со временемъ права на духовное наслѣдіе Греціи и Италіи. Но это было лишь мечтою! Дѣйствительность вынудила его вернуться тотчасъ же къ первоначальной формѣ—къ борьбѣ за существованіе; и бордомъ онъ остался, и преобладающею, главною его заботою, вынужденно и прежде всего, явилась забота о томъ, чтобы и въ себѣ, и въ своихъ приближенныхъ развить силы и средства для работы и для борьбы».

Приводя этотъ пространный отрывокъ изъ заключительной главы большаго труда г. Валишевскаго, мы хотимъ, главнымъ образомъ, ознакомить читателей нашихъ съ общимъ духомъ новой книги и съ постоянною системою аргументаціи талантливаго автора, въ которой видимъ кое-какія крупныя, вѣрно подмѣченныя и указанныя имъ, хотя въ то же время видимъ и черезчуръ большое раболѣпство передъ новѣйшею, модною теоріею историческихъ эволюцій, отрицающею значеніе личнаго элемента въ исторіи. Это раболѣпство послужило для г. Валишевскаго серьезнымъ препятствіемъ въ его изслѣдованіи личности Петра (во второй части книги); оно привело его къ тому, что онъ старался всѣми силами уменьшить значеніе личной инициативы Петра въ его «дѣлѣ», и пытался развѣнчивать его послѣдовательно, и какъ администратора, и какъ законодателя, и какъ полководца, и какъ героя, облеченнаго въ лучезарный туманъ исторической славы и народной легенды¹⁾... Но всѣ эти попытки привели его, однако же, только къ одному несомнѣнному выводу: по неутомимости и жизненности своей дѣятельности и энергіи, по изумительному трудолюбію и подвижности, по упорству въ достиженіи намѣченной цѣли, Петръ представляетъ собою въ исторіи единственный примѣръ, феноменъ, почти приближающійся къ представленію о немъ, какъ о полубогѣ, которое установилось въ ближайшихъ поколѣніяхъ, послѣдовавшихъ за нимъ по имъ намѣченному

¹⁾ Въ одной изъ главъ своей книги, Валишевскій доходитъ даже и до такой крайности, что серьезно задаетъ себѣ вопросъ: «былъ ли Петръ храбръ»? И серьезно разрѣшаетъ его, на основаніи историческихъ свидѣтельствъ.

пути. Отрицая многія несомнѣнные достоинства Петра и, на томъ или на другомъ основаніи, обезцѣнивая многія его историческія заслуги передъ Россіей и потомствомъ, Валишевскій не могъ однако же не признать, что Петръ—первый изъ вѣнчаныхъ монарховъ!—призналъ открыто и сознательно свой долгъ, долгъ службы государству, которое вѣрено ему Промысломъ. Въ противоположность кичливому отождествленію воей личности съ государствомъ (*l'état c'est moi!*) въ извѣстномъ афоризмѣ Людовика XIV, Петръ постоянно съ удивительною скромностью и глубокимъ сознаниемъ своего достоинства отводилъ себѣ мѣсто перваго и наиболѣе отвѣтственнаго слуги государства и постоянно, и вполне искренно твердилъ, что онъ долженъ понести за эту службу отвѣтъ передъ Богомъ... Этой великой идеи, этого глубокаго сознанія долга, которое такъ сильно вкоренилось въ душѣ Петра, и которое нерѣдко приводило его и къ великимъ дѣламъ, и къ прискорбнымъ крайностямъ,—Валишевскій не рѣшился коснуться въ своихъ отрицаніяхъ и своей, мѣстами, довольно мелочной критикѣ, которая (кстати сказать) была болѣе пригодна для распутыванія тонкихъ нитей политики и дипломатіи Екатерины ¹⁾, нежели для обсужденія дѣяній вѣчно-дѣятельнаго, вѣчно-подвижнаго Петра, часто-неуловимаго въ своей умственной дѣятельности...

Подводя общій итогъ всему, что было нами выше высказано о книгѣ Валишевскаго, мы должны, однако же, прийти къ выводу довольно утѣшительному. Въ этомъ новомъ трудѣ талантливаго автора, точно такъ же, какъ и въ его книгахъ о Екатеринѣ II, мы должны видѣть крутой поворотъ европейской исторической науки на поприщѣ изученія и познаванія нашего прошлаго. Европейскіе ученые популяризаторы начинаютъ переходить отъ огульнаго порицанія Россіи и всего русскаго на основаніи однихъ западныхъ источниковъ къ серьезному сравнительному изученію Россіи и ея исторіи на основаніи полнаго и довольно-безпристрастнаго изученія источниковъ русскихъ. Это изученіе приведетъ ихъ современемъ къ болѣе справедливымъ и болѣе правильнымъ выводамъ. И если многое въ новой книгѣ Валишевскаго можетъ не понравиться русскимъ читателемъ, то мы съ своей стороны въ защиту автора можемъ имъ напомнить только о чрезвычайной трудности избранной имъ исторической задачи. Не слѣдуетъ забывать, что именно Петръ Великій принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ гениевъ, которыхъ очень легко хвалить или порицать, но о которыхъ очень трудно высказать полную и несомнѣнную правду.

II. Полевой.

¹⁾ На нашъ взглядъ, эта мелочная критика — большой недостатокъ книги Валишевскаго о Петрѣ, и мы, конечно, вынуждены признать ее съ этой стороны ниже его двухъ книгъ о Екатеринѣ II.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Кн. В. П. Мещерскій. Мои воспоминанія. Часть первая (1850 — 1865 гг.). Спб. 1897.

ОСПОМИНАНІЕ кн. Мещерскаго имѣютъ для русскихъ читателей, къ какому бы лагерю или толку они ни принадлежали, большой интересъ и по содержанию, по фактамъ, здѣсь изложеннымъ, и портретамъ, здѣсь представленнымъ, а также по тому освѣщенію, которое сдѣлано авторомъ и этимъ фактамъ и этимъ портретамъ. Какъ уже отмѣчено въ самомъ заглавіи, содержаніе «Воспоминаній» относится къ приснопамятному пятнадцатилѣтію, обнимающему собою конецъ царствованія императора Николая I и начало царствованія императора Александра II. Какъ лицо, уже въ раннемъ возрастѣ жизни получившее доступъ ко двору, кн. Мещерскій былъ свидѣтелемъ многихъ такихъ событій и явленій, кои отъ насъ, простыхъ смертныхъ, отдѣлены плотною завѣсою, за которую никакой обычный любопытствующій взоръ проникнуть не можетъ. И вотъ теперь, когда описываемому времени прошло около 40 лѣтъ, свидѣтель видѣннаго и слышаннаго съ полною откровенностью обнародываетъ свои тогдашнія впечатлѣнія и наблюденія, а также даетъ всему этому свое собственное толкованіе и освѣщеніе. Я употребилъ нарочно слово откровенностью, желая быть нѣсколько деликатнымъ и осторожнымъ; можетъ быть, съ большею правильностью слѣдовало сказать съ безцеремонностью, и вотъ на какомъ основаніи. Врядъ ли тѣ сферы, въ которыхъ вращался молодой чиновникъ, поавпій сюда по связямъ его родителей, врядъ ли тѣ лица, съ кото-

рыми ему приходилось бесѣдовать, подозрѣвали, что въ карманѣ этого молодого человѣка хранится записная книжка съ карандашикомъ, гдѣ будетъ записана всякая мелочь изъ этихъ посѣщеній и бесѣдъ, имѣющихъ лечь современемъ въ основаніе большой комической и злой панорамы, которая нынѣ развертывается предъ читателями въ видѣ «воспоминаній» кн. Мещерскаго. Авторъ съ достаточной неблагодарностью отплатилъ за радушную и дружескую поддержку, которую ему нѣкогда въ молодыхъ годахъ оказали петербургскій свѣтъ, и на немъ нынѣ вымѣщается неудачи и прорухи дорогого его сердцу дворянскаго оскуднѣнія. Но это, конечно, его личное дѣло, впрочемъ, чрезвычайно важное для его будущей біографіи, почему, опуская слово безцеремонное, замѣнимъ его откровеннымъ, такъ какъ все же, благодаря тѣмъ или инымъ личнымъ качествамъ автора, мы имѣемъ нынѣ очень любопытную, какъ я уже сказалъ, большую историческую панораму, гдѣ въ самыхъ непринужденныхъ позахъ проходятъ передъ читателями дѣйствовавшія лица тогдашняго міра придворнаго, великосвѣтскаго и чиновнаго: императоръ Александръ II и его семья, великій князь Константинъ Николаевичъ, великая княгиня Елена Павловна, Блудовы, Перовскіе, Замятинъ, Валуевъ, Горчаковъ, кн. Долгорукій, Милютинъ, Самаринъ, Огрицко и т. д., и т. д.

Авторъ ведетъ свои воспоминанія, какъ и слѣдуетъ, въ хронологическомъ порядкѣ, но внутренній планъ работы иной; планъ этотъ — желаніе показать борьбу разныхъ общественныхъ элементовъ съ дворянскими принципами дореформенной Россіи и нарожденіе ряда карикатурныхъ лицъ, черезъ посредство которыхъ, подъ знаменемъ вреднаго либерализма, дорогой авторскому сердцу патріархальный строй рухнулъ, и какое зло отсюда для Россіи произошло. Такимъ образомъ, мемуары кн. Мещерскаго проникнуты определенной предвзятой идеей, которая, по его крайнему убѣжденію, и есть главная историческая пружина дѣйствій въ нашемъ отечествѣ. Идея эта проведена красной нитью черезъ всю книгу, и всѣ событія искусственно къ ней подогнаны. Для него, повидимому, нѣтъ исторіи массъ, нѣтъ факторовъ экономическихъ, нѣтъ законовъ исторической послѣдовательности, онъ признаетъ лишь исторію отдѣльныхъ лицъ, исторію будуаровъ, гостинныхъ и канцелярій, гдѣ на разныхъ стульяхъ сидятъ симпатичные или несимпатичные ему знакомые и незнакомые, которые ведутъ вмѣстѣ и порознь разные разговоры и занимаются сплетнями. Отсюда и исторія дворянскаго вопроса, свободно замѣняющаго собою исторію определенной эпохи, фальсифицирующаго, такъ сказать, эту эпоху. Слѣдовательно, и весь интересъ книги кн. Мещерскаго сводится не къ тѣмъ или инымъ новымъ фактамъ исторической общественной жизни, а къ нѣкоторому количеству бойко составленныхъ краткихъ біографій и характеристикъ, освѣщенныхъ подъ угломъ зрѣнія личнаго знакомства, къ букету сплетенъ и мелкихъ анекдотовъ, къ разоблаченіямъ интимныхъ тайнъ петербургскихъ гостинныхъ и департаментскихъ кабинетовъ. Департаменты по большей части представлены въ невыгодномъ освѣщеніи; хорошо по большей части оказывается лишь тамъ, гдѣ добрымъ геніемъ являлся самъ авторъ воспоминаній, и гдѣ все было основано на полицейско-бюрократическихъ принципахъ николаевскаго режима. Что касается гостинныхъ и свѣтскихъ центровъ, то таковые раздѣлены, со-

гласно положенной въ основаніе книги идеѣ, на двѣ категоріи: достойныхъ хорошей отмѣтки за поведеніе по своему отрицательному отношенію къ крестьянскому вопросу и достойныхъ дурного балла за сочувственное къ нему отношеніе. Изъ числа послѣднихъ онъ съ особеннымъ, злымъ вниманіемъ останавливается на дворѣ великой княгини Елены Павловны и великаго князя Константина Николаевича. Характеризуя эти два послѣдніе, какъ очаги тогдашняго вреднаго либерализма, въ связи съ либеральнымъ движеніемъ вообще, кн. Мещерскій говоритъ: «Идея либеральнаго кружка дворянъ въ Петербургѣ продать свои помѣщичьи права за политическое вліяніе встрѣчена была несочувственно не столько правительственною сферою, въ то время весьма добродушною, сколько средою эмансипаторовъ, имѣвшихъ два центра: одинъ у великой княгини Елены Павловны, а другой у графа Якова Ивановича Ростовцева... Самаринъ, кн. Черкасскій, Милютинъ Ник. Алекс., Аранетовъ и т. д.— всѣ эти главные вожакіи крестьянскаго дѣла слишкомъ явно и страстно были одновременно и главными руководителями крестьянскаго дѣла и главными врагами дворянства, какъ сословія, чтобы они могли допустить что бы то ни было въ родѣ попытки дворянства пріобрѣсти политическую роль... И въ этомъ отношеніи они свою саише держали въ надежныхъ рукахъ... Съ одной стороны, гр. Ростовцевъ, съ другой гр. Влудовъ, съ третьей — великая княгиня Елена Павловна. Ростовцевъ, какъ неофитъ третьяго крещенія,— первое было либеральное до 14 декабря 1825 года, второе было николаевское до Александра II, а третье снова либеральное наступило въ концѣ пятидесятихъ годовъ,— былъ озабоченъ, какъ тогда говорили, какъ бы получше угодить Герцену, и онъ не нуждался въ страстныхъ рѣчахъ Самарина, чтобы работать надъ крестьянскимъ дѣломъ изъ ненависти къ дворянству. Графъ Влудовъ былъ олицетвореніемъ полнѣйшаго безстрастія: его тихій, миролюбивый и спокойный нравъ не допускалъ въ себѣ никакой ненависти, но весь складъ его умственной личности, его служебной карьеры, былъ таковъ, что онъ, какъ умный бюрократъ, мирился съ либерализмомъ, какъ съ доктриною, какъ съ теченіемъ времени, но идеи политическаго вліянія дворянства онъ не постигалъ и не допускалъ, не находя въ себѣ съ ней ни малѣйшаго отголоска. Что же касается великой княгини Елены Павловны, то она представляла изъ себя весьма оригинальный типъ умной женщины, въ которой страннымъ образомъ мирились и шли рядомъ ея либеральныя идеи, ея нѣмецкія традиціи воспитанія и ея великокняжескія понятія и убѣжденія... Между этими тремя, идея либеральнаго усиленія политическаго значенія дворянства не находила себѣ мѣста. Ни одинъ изъ представителей этой идеи не былъ вхожъ въ ея кругъ умныхъ людей, но за то былъ вхожъ рядомъ съ Самаринимъ, которому она мыла голову за его антибалтійскія идеи, остзейскій баронъ, съ его средневѣковыми феодальными идеями... и Самаринъ, не дерзавшій въ ея салонѣ хулить остзейскаго барона, могъ безпрепятственно бранить русское дворянство съ точки зрѣнія либеральной. Это анти-дворянское направленіе, какъ теченіе тогдашняго времени, слышалось и чувствовалось вездѣ, гдѣ говорили громко о крестьянскомъ вопросѣ и, вообще, о внутренней политикѣ». «Къ сожалѣнію, — говоритъ кн. Мещерскій нѣсколько далѣе, — это анти-дворянское настроеніе перешло и въ Мра-

морный дворець. Всѣ знали, что непосредственно великая княгиня Елена Павловна не имѣла вліянія на своего племянника, государя, но въ то же время всѣ знали, что вліяніе молодого генераль-адмирала Константина Николаевича на своего брата было очень большое. Великій князь Константинъ Николаевичъ, по тогдашнимъ отзывамъ его близко знавшихъ, былъ замѣчательною личностью прежде всего по даровитости, затѣмъ, по воспримчивости ко всякой идее блага и, въ-третьихъ, по сочетанію въ немъ самыхъ высокыхъ и лучшихъ порывовъ съ какими-то ему самому чуждыми порывами къ дурному. Въ чемъ же заключалось это дурное? Князь Мещерскій, со словъ одной личности, близкой къ великому князю, характеризовалъ это дурное такъ: «то это были припадки сильнѣйшей надменности и заносчивости, то проявленіе непобѣдимого высокомерія, не терпѣвшаго ни противорѣчія, ни даже спора; то это были признаки какой-то потребности согнуть чью либо волю, поразить кого либо въ самое больное мѣсто, уколоть когонибудь. Анализъ этотъ именно былъ сдѣланъ въ то время надъ собою самимъ великимъ княземъ, при чемъ онъ прибавилъ, въ задушевной бесѣдѣ съ этою личностью: «онѣ, эти дурныя черты, во мнѣ сидятъ, какъ злой духъ; онѣ сильны во мнѣ, и вы не повѣрите, какихъ мнѣ усилій требуется съ ними бороться... Я иногда побѣждаю моего внутренняго врага совѣтъ, и тогда я самъ себя не узнаю, до того я становлюсь добръ и воспримчивъ ко всему доброму; а иногда, наоборотъ, я чувствую себя подъ гнетомъ этого дурного, я такъ чувствую: какъ будто во мнѣ сидитъ ктонибудь другой, какой-то злой человекъ, и распоряжается моимъ умомъ и моимъ сердцемъ... Молиться за меня надо, — прибавилъ молодой великій князь».

Таковы любопытныя описанія двухъ дворовъ и ихъ царственныхъ представителей, сдѣланныя авторомъ «воспоминаній», нельзя сказать, чтобъ исполнѣ дружественной рукой. Какъ читатель легко можетъ убѣдиться изъ приведенной длинной выдержки, недоброе чувство автора беретъ свой источникъ именно изъ дворянскаго вопроса, который рѣшительно слѣпнеть его очи и доводитъ въ концѣ концовъ до карикатурнаго изображенія тогдашней Россіи. Въ странномъ видѣ рисуется она ему! «Началась совѣтъ новая политическая жизнь..., — повѣствуетъ кн. Мещерскій. — Забытъ былъ Николай I, забыты были святыя страданія Севастополя, все принялось жить и сосредоточивалось около чего-то новаго. Это новое, смѣшно вспомнить, былъ Герценъ... Явился новый страхъ — Герценъ, явилась новая служебная совѣсть — Герценъ; явился новый идолъ — Герценъ...». Любопытная параллель: сначала императоръ Николай I, потомъ эмигрантъ Герценъ, въ качествѣ правящихъ инстанцій! Но этимъ еще не все исчерпывается. Прежде, видите ли, Россію поддерживали и составляли ея крѣпость славные сподвижники минувшаго царствованія Николая I — Д. Г. Бибиковъ, Клейнмихель и другіе, а нынѣ барельефами монумента, на который воздвигли изображенія Герцена, явились съ одной стороны измѣнникъ-дворянинъ Юрій Самаринъ и шляхтичъ Огрицко, которые только и думали, какъ бы поскорѣе погубить именитое дворянство. Подножіемъ всего монумента съ его барельефами служили дворы Елены Павловны, Константина Николаевича и... редакція «Голоса» Краевскаго... Таковъ новый памятникъ тысячелѣтія Россіи, нарисованный болѣзненнымъ воображеніемъ кн. Мещерскаго! Все, что явилось новаго съ моло-

дымъ царствованіемъ, безобразно имъ опошляется, забрызгивается грязью и клеймится насмѣшкой. Взгляните на фигуры новыхъ, выведенныхъ въ «воспоминаніяхъ», министровъ, и вы невольно начинаете заливаться хохотомъ: вотъ Валувевъ, болтающій безъ конца, какъ машина, покровительствующій «Голосу» и работающій на руку полякамъ, вотъ кн. Горчаковъ — «царь слова», влюбленный въ себя «Нарциссъ», ставящій въ затрудненіе красавицъ большого свѣта надъ вопросомъ: чѣмъ болѣе любитъ ея блестящій обожатель — собою или ею. Чтобъ окаррикатурить въ конецъ этого сподвижника Александра II, князь Мещерскій рассказываетъ слѣдующій забавный эпизодъ. «Запомнилъ также образецъ горчаковского французскаго стиля, — рассказываетъ онъ. — Какъ-то разъ приходитъ ко мнѣ одинъ изъ пріятелей моихъ, одинъ изъ секретарей канцелярии князя, и рассказываетъ, какъ сегодня ему диктовалъ князь одну конфиденціальную ноту въ Вѣну.

«Я сижу, — рассказываетъ мнѣ пріятель, — а князь ходитъ по комнатѣ и диктуетъ... Затѣмъ пауза... Я думаю, что конецъ... хочу встать, не тутъ-то было... attendez... — говоритъ князь, — maintenant le mot de la fin..., и вдругъ я вижу, какъ мой князь начинаетъ скользить по паркету, точно на конькахъ по льду.

«Enfin, — говоритъ онъ, — pour vous exprimer à quel point ma position se trouve être difficile... je suis le patineur qui glisse sur une glace fragile... и говоря это, князь продолжалъ скользить по паркету... Я думалъ было, что онъ шутитъ, но оказалось, что это былъ придуманный княземъ ловкій оборотъ для своей ноты, и я цѣликомъ имъ заключилъ письмо».

Такъ дѣлалась по изображенію кн. Мещерскаго тогдашняя русская внѣшняя политика!... Такихъ любопытныхъ или, правильнѣе, каррикатурныхъ сценокъ, прикопленныхъ имъ для изображенія недворянской эпохи царствованія Александра II, въ книгѣ не мало, и вотъ ими-то кн. Мещерскій и живописуетъ одну изъ величайшихъ эпохъ не только русской, но и всемірной исторіи. Мнѣ кажется, что при наличности такихъ пріемовъ и методовъ вся его историческая живопись должна быть отнесена къ категоріи той лубочной мази, цѣна которой въ глазахъ людей, хоть кое-что понимающихъ и чего нибудь серьезнаго ищущихъ, очень низка, чтобъ не сказать сильнѣе.

Лучшею частью книги и наибольшее въ ней значеніе имѣютъ тѣ главы, которыя относятся къ жизни, болѣзни и лѣченію безвременно скончавшагося наслѣдника Николая Александровича. Но и тутъ авторъ испортилъ дѣло, слишкомъ много наговоривши о себѣ и о своихъ чувствахъ и постаравшись изобразить себя добрымъ гениемъ угасавшаго наслѣдника.

В. Глинскій.

Архивъ села Михайловскаго. Томъ I. Спб. 1898.

«То былъ вѣкъ богатырей», — сказалъ поэтъ о первой героической половинѣ александровской эпохи, прославившейся колоссальной, подъ конецъ побѣдоносной, борьбой съ міровымъ гигантомъ, гениальнымъ «сыномъ рока» Наполеономъ. Съ неменьшимъ основаніемъ, хотя отчасти и «подругому», слѣ-

дуютъ назвать «вѣкомъ богатырей» и «золотой» вѣкъ Екатерины. Это и вполне естественно, такъ какъ обѣ эпохи близко между собой соприкасаются и первая наслѣдуетъ второй: александровскіе «богатыри» были сыновьями екатериненскихъ — не только по крови, но и по духу.

Среди екатерининскихъ «богатырей», возвышенныхъ вниманіемъ и милостью великой «сѣверной Семирамиды», игравшихъ, къ тому же, видную историческую роль, выдвигается знаменитая семья Орловыхъ. Пять братьевъ, молодець къ молодцу, рослыхъ, статныхъ, надѣленныхъ могучей физической силой, удалыхъ, рѣшительныхъ, готовыхъ, смотря по настроенію, и на героическіе подвиги, и на дѣла вошюція, и на безумныя шалости изъ-за молодечества. Это были истинно-русскія «широкія натуры» и въ положительномъ и въ отрицательномъ смыслѣ. Воспитанные въ крѣпкой, строго-патріархальной русской дворянской семьѣ, братья чрезвычайно ярко и выгодно выдѣлялись среди, все болѣе и болѣе обезличивавшагося рабскимъ подражаніемъ иностранному современнаго общества цѣльными, выпуклыми чертами своей русской индивидуальности въ характерахъ, въ добродѣтеляхъ и порокахъ, въ складѣ понятій, въ самомъ языкѣ, во вкусахъ, привычкахъ, во всемъ жизненномъ обиходѣ, даже въ отличавшей ихъ богатырской удали. Мы видимъ далѣе на примѣрахъ эти черты, дѣлающія личности Орловыхъ особенно интересными для историческаго изученія русскаго быта въ переходную пору. Такіе характеры повдѣе почти не встрѣчаются.

Братья были соединены между собой самой преданной и нѣжной родственной любовью: они горой стояли другъ за друга и крѣпко соблюдали общіе семейные интересы и нѣсколько эгоистически понимаемую честь своего рода. Несмотря на большую разницу въ общественныхъ положеніяхъ, всѣ они покорно подчинялись въ своихъ родственныхъ отношеніяхъ патріархальному началу старшинства. За смертью отца, «набольшимъ» въ семьѣ сталъ старшій братъ Иванъ, величаемый остальными «старинушкой», хотя по службѣ и въ свѣтѣ онъ занималъ, сравнительно съ братьями, наименѣе видное положеніе.

Братья-«богатыри» обязаны своимъ возвышеніемъ и своей исторической извѣстностью, главнымъ образомъ, Григорію и Алексѣю (второму и третьему по старшинству). Извѣстна близость Г. Г. Орлова къ Екатеринѣ, извѣстна роль, какую онъ сыгралъ, вмѣстѣ съ братомъ Алексѣемъ, во время достопамятнаго «дѣйства» въ іюль 1762 года. Тутъ Орловы впервые заявили себя «богатырями», способными не на одну лишь праздную, вдохновенную винными парами, отвагу въ кулачномъ бою и въ трактирныхъ дебоширствахъ. Ими задуманный и начатый, ими, главнымъ образомъ, руководимый государственный переворотъ былъ совершенъ съ изумительной дерзостью, съ безтрепетной, ни передъ чѣмъ не останавливающейся, рѣшительностью и съ тою всеоправдывающей удачей, которая дается только сильнымъ, отважнымъ людямъ.

Екатерина хорошо знала и помнила, кому она болѣе всѣхъ обязана была престоломъ, и до послѣднихъ дней, даже послѣ того, какъ Орловы, съ возвышеніемъ новаго любимца, съ появленіемъ новаго «богатыря», Потемкина, удалились отъ двора, не переставала чувствовать или, по крайней мѣрѣ, выражать изысканную къ нимъ признательность, смѣшанную отчасти съ тою

затаенною опасливостью, какую внушают энергическія личности, когда-то оказавшія намъ важныя услуги и имѣющія основаніе считать себя недостаточно вознагражденными благодарностью.

Опасливость эта дала о себѣ знать, между прочимъ, въ слѣдующемъ анекдотѣ. Въ Москвѣ, гдѣ проживали Орловы, послѣ паденія, начальствовали надъ полиціей извѣстный Архаровъ. Онъ былъ вхожъ, какъ гость, въ хлѣбосольный домъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова, причемъ друзья послѣдняго подмѣтили, что Архаровъ бываетъ не свроста, а подъ рукою шпионить за хозяиномъ. Прямодушный и искренно преданный императрицѣ «богатырь» сперва не повѣрилъ, но сталъ всматриваться, убѣдился и вышелъ изъ терѣбнѣя. Однажды, послѣ обѣда, онъ зазвалъ Архарова въ кабинетъ, усадилъ, сѣлъ противъ него, взялъ изъ двухъ лежавшихъ на столѣ пистолетовъ одинъ, прицѣлился и прострѣлилъ пулей деревянную перегородку.

— Видишь, — хладнокровно сказалъ онъ гостю, — другая пуля пойдетъ тебѣ въ сердце, если ты не скажешь правды: шпионъ ли ты за мной отъ Потемкина?

Архаровъ сознался.

— Простилъ я проказника, — говорилъ потомъ графъ, — и приказалъ ему быть изданы шпиономъ отъ меня за Потемкинскимъ.

Сила, вліяніе и историческая роль Орловыхъ начались съ воцаренія Екатерины въ 1762 г. и продолжались включительно до 1776 года, когда Григорій Григорьевичъ былъ окончательно вытѣсненъ при дворѣ своимъ счастливымъ «тезкой», Потемкинымъ, женился на Зиновьевой и уѣхалъ съ нею въ чужіе края, а потомъ вскорѣ умеръ. За этотъ же промежутокъ времени успѣлъ возвыситься и прославиться Алексѣй Григорьевичъ, или «Алеханъ», какъ его называли братья. За дѣятельнымъ участіемъ братьевъ въ «дѣйствѣ», послѣдовали отвѣтственная дипломатическая миссія въ Италіи для возбужденія балканскихъ славянъ, командованіе русскимъ флотомъ и побѣдоносная Чесма, громъ которой ошеломилъ всю Европу, улаженіе смѣлой интриги съ несчастной княжной Таракановой; содѣйствіе усмиренію пугачевского бунта и попеченіе надъ растерявшейся Москвою во время чумы...

Вотъ дѣла и подвиги, относящіеся къ этой порѣ екатерининскаго царствованія, тѣсно связанные съ именемъ Орловыхъ и въ той или другой доли обязанные ихъ непосредственному, дѣятельному участію. Наибольшая доля участія во всемъ этомъ и наибольшія заслуги безспорно принадлежатъ чесменскому герою, графу Алексѣю Григорьевичу, котораго и слѣдуетъ признать, съ исторической точки зрѣнія, самою крупною фигурой среди братьевъ-«богатырей» Орловыхъ. Онъ, и на самомъ дѣлѣ, превосходилъ ихъ всѣхъ и физической силой, и умомъ, и характеромъ, и самой тишичностью самобытной русской складки.

Лежащая передъ нами книга даетъ новый, богатый матеріалъ для изученія этой любопытной исторической личности и ея времени. Собранные въ ней и впервые напечатанные письма и документы извлечены изъ сохранившагося семейнаго архива подмосковнаго села Михайловскаго (откуда и заглавіе книги), принадлежавшаго некогда М. С. Бахметевой, которая находилась въ связи съ

графомъ Орловымъ-Чесменскимъ и играла въ его жизни и семьѣ довольно существенную роль. Изданіе, обязанное своимъ появленіемъ просвѣщенной любви къ родной исторіи графа С. Д. Шереметева, задумано на нѣсколько томовъ, подъ общимъ заглавіемъ «Архивъ села Михайловскаго»; ведется оно прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ, судя по первому тому. Помимо вѣшной роскоши въ печатаніи, текстъ матеріаловъ подготовленъ, редактированъ и снабженъ примѣчаніями съ большой тщательностью и знаніемъ такимъ компетентнымъ знатокомъ дѣла, какъ А. П. Барсуковъ, работавшій въ этомъ случаѣ въ сотрудничествѣ съ А. О. Круглымъ.

Первый томъ «Архива села Михайловскаго» заключаетъ въ себѣ, въ видѣ введенія, подъ удачнымъ названіемъ «Алеханъ», большую, чрезвычайно обстоятельно составленную графомъ С. Д. Шереметевымъ, биографическую статью о графѣ А. Г. Орловѣ-Чесменскомъ. Затѣмъ слѣдуютъ, разгруппированныя на шесть отдѣловъ, письма, именно: 1) гр. А. Г. Орлова къ М. С. Рожину; 2) графини А. А. Орловой-Чесменской къ М. С. Бахметевой; 3) ся же къ Е. В. Шереметевой; 4) М. С. Бахметевой къ разнымъ лицамъ; 5) А. С. Шереметевой къ сестрѣ М. С. Бахметевой и сыну С. В. Шереметеву; 6) Дневникъ графини А. А. Орловой-Чесменской. Въ концѣ помѣщена «Смѣсь»; къ книгѣ приложены превосходно исполненные фототипическіе снимки съ портретовъ гр. А. Г. Орлова-Чесменскаго и М. С. Бахметевой, съ рѣдкой картины, на которой изображена группа семьи В. В. Шереметева, окружающая памятникъ гр. А. Г. Орлова, и съ автографовъ графа А. Г. Орлова, его дочери, Бахметевой и А. С. Шереметевой. Письма напечатаны съ сохраненіемъ орфографіи подлинниковъ, «какъ весьма типичной и характеристичной и для самихъ корреспондентовъ и для ихъ времени», по справедливому замѣчанію автора предисловія, г. Круглаго.

Конечно, наибольшій интересъ представляютъ для насъ письма самого «Алехана». Они тѣмъ болѣе цѣнны, что Орловъ, не стѣняемый никакой officialностью и «политикой», высказался въ нихъ съ совершенной искренностью и непринужденностью: онъ писалъ ихъ изъ побужденій одной дружбы къ близкому пріятелю, преданному ему и его семьѣ. «Въ письмахъ Орлова къ Рожину, — совершенно основательно замѣчаетъ графъ Шереметевъ въ своемъ биографическомъ очеркѣ, — особенно ярко выступаетъ привлекательный образъ этого сказочнаго богатыря. Онъ пропитанъ русскимъ духомъ; онъ подкупаетъ своимъ добродушіемъ, своимъ юморомъ, своей неподдѣльной простотою».

Объ одномъ нужно пожалѣть, что писемъ этихъ немного; ихъ всего десять; писаны они въ 1797 году изъ-за границы, куда графъ съ семействомъ уѣзжалъ для лѣченія водами, а отчасти изъ-за опалы, постигшей его съ воцареніемъ императора Павла. Намеки на это попадаются во всѣхъ почти письмахъ. Графа, видно, сокрушало это обстоятельство, хотя онъ считалъ себя совершенно невиннымъ. «Радъ бы я былъ, — пишетъ онъ изъ Карлсбада, — еслибъ і злодеи мои видели мое внутреннюю. А что до наружности принадлежитъ, я-бъ средь площади і въ фонаре могъ жить, не имевъ зазренія і стыда в моемъ обращеніи». Говорилось это по поводу возвращенія въ Россію. Алексѣй Григорьевичъ, соображаясь «съ состояніемъ своего здоровья», не назначалъ срока, а между тѣмъ ходила молва, будто онъ вовсе не намѣренъ возвратиться, дѣлался ему

въ этомъ смыслѣ и предложенія. «Здѣсь довольно перебесились на мой щетъ,— пишеть онъ изъ Лейпцига. — Всеіо предлагаютъ, чтобы я здѣсь поселился. Я же имъ въ отвѣтъ говорю, што они с ума сопли, што хотятъ меня невернымъ государю і отечеству сделать. Еслибъ такъ поступить, такъ лутче дневнаго света не видать». Тѣмъ не менѣе, графъ во все павловское царствованіе оставался за границей и возвратился въ Россію только въ 1801 г., тотчасъ какъ узналъ о восшествіи на престолъ Александра I.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ зажился такъ долго за границей не по доброй волѣ, что онъ постоянно томился тоской по родинѣ, и его неотразимо тянуло въ Россію. Это прорывается и въ обзорѣваемыхъ письмахъ, иногда очень трогательно и наивно.

«Я думаю, — пишеть онъ изъ Лейпцига въ апрѣлѣ передъ наступленіемъ Пасхи,— што у васъ теперь кутерьмы, какъ я пишу, і конца нету: яицы красить, наряды собирать і што къ лутчему придумывать. Да и я скажу, даруй, Боже, къ лутчему...». «С кемъ-то ты, мой другъ, — пишеть онъ въ другомъ письмѣ, — нонче христосовался первымъ яичкомъ? Каталъ ли на Святой? Были ли у тебя крепыши? Кого побеждалъ? А мы всю неделю поспичаемъ. І теперь у мене в доме маранье около яиць идіють і много хлопочуть»...

Эти мелочи краснорѣчиво показываютъ, до какой степени Орловъ былъ проникнутъ, въ своихъ вкусахъ и симпатіяхъ, русскимъ бытомъ, любилъ его и непрерывно жилъ въ немъ мыслью и сердцемъ, даже пребывая на чужбинѣ.

А между тѣмъ и на чужбинѣ къ нему относились съ такимъ особеннымъ вниманіемъ и высокопочитаніемъ, какъ къ чесменскому герою и знатному русскому вельможѣ, что это не могло не льстить ему, не могло не тѣшить его самолюбія. Въ маѣ онъ пріѣхалъ на воды въ Карлсбадъ, гдѣ его уже знали по прежней поѣздкѣ і съ нетерпѣніемъ ждали, какъ дорогого, тарова-таго гостя.

«Многіе (изъ жителей), увидавъ меня,—пишеть графъ,—узнали і с такою радостью поздравляли с приездомъ, все до одинаго, со радощнымъ лицомъ, і кланелись, из дверей выбегая і изъ окошекъ выглядывая. Много старичковъ, которыя і постаре меня, взягивая, в припрышку взбегались, а робетишки, набирая палочки, становились во фронтъ, отдавали честь и стреляли бухъ-бухъ во весь голосъ. Такова намъ встреча была...».

«Встрѣча» и чествованіе этимъ не кончились. Обрадованные карлсбадцы стали давать графу и его дочери сюрпризные серенады, устраивали въ честь ихъ фейерверки и иллюминаціи, гдѣ на огромномъ щитѣ пылало огненное привѣтствіе: «Виватъ контессъ д'Орловъ!», наконецъ, къ графу явился въ полномъ составѣ і въ парадѣ мѣстный стрѣлковый ферейнтъ. Описаніе посѣщенія этого ферейна исполнено такого остроумія и добродушнаго юмора, что мы не можемъ не привести его здѣсь цѣликомъ.

«Вдругъ,—разсказываетъ графъ,—въ богатыхъ разряженныхъ мундирахъ шестеро іи восмеро явилось. Идутъ по улице; я отъ нихъ і спрягался, размышляя про себя: не сила ли его Татарская, не полки-ль басурманскія? Нѣтъ. Мой ли царъ со своею премудростію? Обробель, испугался і устращился, не знавъ куда мне, куда! Присылають ко мне одного изъ собратій своихъ не яко

грознаго, но яко миролюбиваго посла, што гг. градскія старшины і стрелки-молодцы бутто желають посматреть, поклониться і ясных очей посмотреть старова знакомова стрелка-молодца. Посоль выпускается. Молодець от страху избавляется помалу, оправляется. Посла-молодца ласково принимаеть і вопрошь чинить: Гой еси ты, добрый молодець, коея ради вины і изъ какой ты страны притекль еси? Посоль-молодець вострепенулся і возговорилъ таковы: Присланъ бо есмо от своей собрати отыскать такова і такова-то, чтобъ намъ притить к нему і поклониться. Онъ у насъ здесь находилъся, какъ кровь с молокомъ. — Вздохнувъ немного, сказалъ: возвратися вспять къ товарищамъ і повѣдай имъ — не найдуть уже такова, какъ былъ прежде, кровь с молокомъ, а найдуть своего прежнева стрелка, который теперь какъ кожа съ молокомъ. Посоль на скорыхъ ногахъ обратно течеть і за собою вышпенисанныхъ молодцовъ влечеть. Кому под семдесятъ, а иному и за семдесятъ с лихвой. Стали широки двери отворять, а изъ-за оныхъ большими шагами ступать. Старшей имеетъ на шее на голубой ленте большую серебряную лепиошку с изображеніемъ какова-то имъ любезнова человекъ. Стали рядъ-по-ряду, чинъ-по-чину... Тутъ-то чудо стало происходить: зачели надуватся, медалью похвалятся, да какъ лопнули вдругъ — я удивился, высыпали изъ себя столько учтивостей і похвалъ, бутто четверть гороху на барабаны высыпали. Ахъ, ма! Беда! Куда мне, куда! Говоруновъ, ни говорунивъ московскихъ со мною не было, ктобъ возмогъ за меня ответъ дать. Къ счастью моему, Дубовой блиско стоялъ. Видя меня в недоумени, спрашиваетъ: не прикажу-ли я ихъ попотчивать? Вотъ чемъ меня избавилъ. По его предложенію, і учинилъ попотчивать ихъ сладкимъ виномъ, показалъ графине і отпустилъ».

Эти привѣтствія и почетъ со стороны карлсбадскихъ жителей вызывались не одной только расчетливой лестью тароватому «знатному иностранцу». Алексѣй Орловъ, дѣйствительно, былъ не только «богатыремъ», но и очень добрымъ, простымъ, доступнымъ человекомъ, обладавшимъ тайной всѣхъ очаровывать и привлекать всѣ сердца. «Своими крестьянами графъ очень любимъ и въ его присутствіи суровыя ихъ лица всегда оживляются», — записалъ одинъ иностранецъ, блиско знавшій Орлова. Также любимъ онъ былъ «всѣми сословіями, всей Москвою, и въ счастья велъ себя такъ, что не возбуждалъ зависти». Любили его и беззавѣтно отдавались ему женщины, даже когда онъ пережилъ уже и «вторую молодость». Это, между прочимъ, подтверждаетъ его романъ съ блестящей московской красавицей, знатной и богатой М. С. Бахметевой. Въ семьѣ, среди родныхъ графъ пользовался непререкаемымъ авторитетомъ и былъ прекраснымъ семьяниномъ. Трогательны его отношенія къ единственной дочери, «бездѣнной Нонушкѣ» (знаменитой впоследствии графинѣ А. А. Орловой-Чесменской), которую вѣжно любилъ и заботливо воспиталъ. Спокойной ласковостью къ людямъ, неизмѣнной дружбой къ пріятелямъ, широкимъ, истинно-русскимъ добродушіемъ, истинно-русской религіозностью и набожностью дышать его письма къ Рожину. Читая ихъ, невольно задаешься вопросомъ — какъ могъ человекъ, писавшій ихъ, такой симпатичный и искренній, разыграть въ свое время столь отталкивающую роль въ переворотѣ 1762 года и, позднѣе, проявить столько безсердечнаго коварства, столько расчитанной жестокости въ постыдной исторіи съ несчастной княжонъ Таракановой!

Впрочемъ, эта двойственность, эта смѣсь добра и зла, свойственныя стійнымъ, малокультивированнымъ натурамъ, вообще отличаетъ характеръ русскаго челоука и тѣмъ болѣе характеръ русскихъ «богатырей» прошлаго, начиная съ Ильи Муромца.

Замѣтка наша слишкомъ растянулась, чтобы обстоятельно познакомить читателей и съ остальными письмами другихъ лицъ, вошедшими въ обзоръ-ваемый томъ «Архива села Михайловскаго». Они также очень любопытны и содержательны. Въ нихъ рельефно обрисовываются прежде всего характеры самихъ корреспондентовъ, главнымъ образомъ корреспондентокъ, образованныхъ, свѣтскихъ барынь «съ московскимъ отпечаткомъ» конца прошлаго столѣтїя. Особенно интересна фигура М. С. Бахметевой. Рядомъ съ этимъ переписка даетъ богатый матеріалъ для изученїя семейнаго и домашняго быта московскихъ баръ того времени, а также и современнаго московскаго общества.

Вообще, изданіе это слѣдуетъ признать весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу историческую литературу.

Вл. Мч.

И. Покровскій. Русскія епархіи въ XVI—XIX вв., ихъ открытіе, составъ и предѣлы. Опытъ церковно-историческаго, статистическаго и географическаго изслѣдованія. Томъ I. (XVI—XVII вв.). Казань. 1897.

Казалось бы, съ основаніемъ почти во всѣхъ нашихъ епархіяхъ (съ 60-хъ годовъ) особыхъ специальныхъ органовъ— «епархіальныхъ вѣдомостей», имѣющихъ очень опредѣленную цѣль, дѣло разработки мѣстной церковной исторїи и археологїи должно было бы подвинуться очень далеко. На самомъ же дѣлѣ этого не замѣтно. Конечно, если имѣть въ виду одну количественную сторону дѣла, то можно только радоваться тѣмъ обильнымъ результатамъ, какіе даетъ, надо полагать, очень усердная работа мѣстныхъ изслѣдователей. Но если сдѣлать чисто научную оцѣнку тѣхъ выводовъ и свѣдѣній, какія заключаются въ историческихъ трудахъ, наполняющихъ наши епархіальныя вѣдомости, то никакихъ поводовъ радоваться за прогрессъ русской исторической науки не окажется, и даже является невольная досада, къ чему потрачено столько труда и печатной бумаги. Увлекаясь любовью къ родному углу, мѣстные изслѣдователи зачастую разводять такія «исторїи», что приходится только руками развести: что ни церковь,—то созданіе эпохи чуть ли не св. Владиміра, чуть по древнѣе икона— «привезена изъ Царьграда», а синодики съ голыми именами даютъ поводъ устанавливать такую невѣроятную генеалогію, что можно только подивиться богатству фантазїи и неистощимой изобрѣтательности генеалоговъ. Вообще, мало-мальски древнее урочище, руина, вещь, вырастаютъ въ очахъ мѣстнаго историка до предѣловъ невѣроятныхъ какъ въ своемъ возрастѣ, такъ и въ значенїи.

Въ этомъ отношенїи диссертація г. Покровскаго, помимо своего непосредственнаго (и очень большаго) значенія, можетъ оказать еще очень добрую услугу мѣстнымъ изслѣдователямъ, точно показывая имъ границы, въ которыхъ они должны держать свой областный патріотизмъ. Основывая свое из-

слѣдованіе только на первоисточникахъ и пользуясь лишь трудами такихъ историковъ, какъ митр. Макарій, Соловьевъ, Строевъ и др., авторъ даетъ вѣрныя хронологическія даты, точныя (насколько это возможно) цифры, правильныя географическія указанія. Кстати сказать, автору, повидимому, очень мало пригодились даже систематическія описанія епархій, до нѣкоторой степени гарантированныя отъ тѣхъ преувеличеній и ошибокъ, которыми наполнены болѣе мелкіе очерки и историческія статьи «епархіальныхъ вѣдомостей»; по крайней мѣрѣ, мы встрѣтили очень мало (да и то чисто случайныхъ) ссылокъ на этого рода труды (напр., прот. Г. В. Хитрова «Истор.-стат. описаніе Тамбовской епархіи», іер. Леонида «Ист. церкви въ Калужской губ. и епархіи», «Истор.-стат. описаніе Смоленской епархіи» и немногія другія). Это подтверждаетъ нашу мысль о томъ, что не труды провинціальныхъ историковъ послужили фундаментомъ для изслѣдованія г. Покровскаго, а, наоборотъ, это послѣднее послужитъ коррективомъ къ вышеупомянутымъ и на будущее время явится для нихъ руководствомъ.

Переходя къ безотносительной оцѣнкѣ труда г. Покровскаго, мы прежде всего должны сказать, что грандіозность задачи, предстоявшей автору, не сломила силъ его, даже не подѣйствовала на нихъ сколько нибудь угнетающимъ образомъ. Съ первыхъ же строкъ изслѣдованія читатель убѣждается, что онъ имѣетъ дѣло съ хорошимъ хозяиномъ своей области. Безъ изысканныхъ вступленій, предисловій, дѣланныхъ обобщеній и яркихъ фразъ, авторъ прямо начинаетъ разсказывать дѣло, — исторію тѣхъ неурядицъ, которыя господствовали въ высшей русской іерархіи со времени татарскаго нашествія до окончательнаго раздѣленія митрополіи (1459 г.). Затѣмъ въ двухъ частяхъ самаго изслѣдованія идетъ такой же спокойный и простой разсказъ о событіяхъ, вліявшихъ на перемѣны въ судьбахъ русскихъ епархій въ періодъ XVI—XVII вв. Первая часть (главы I—IV) посвящена изслѣдованію исторіи епархій, подчиненныхъ Московской митрополіи (съ 1589 г. — патріархіи), причемъ авторъ съ подробностью останавливается на внѣшней судьбѣ ихъ, указываетъ границы территоріи, гдѣ возможно, количество церквей, перемѣны въ составѣ высшей іерархіи и т. д. Вторая часть посвящена описанію западно-русской митрополіи и ея епархій (гл. I—II), а также сибирской епархіи (гл. III). Изслѣдованіе ведется здѣсь, въ общемъ, по тому же плану, что и въ первой части, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что здѣсь автору пришлось отвести гораздо больше мѣста описанію обще-церковныхъ событій, какими такъ богата западно-русская исторія даннаго періода, и съ меньшими подробностями изложить тѣ свѣдѣнія, которыя имѣютъ отношеніе непосредственно къ исторіи епархій.

Ошибки и промахи неизбѣжны во всякомъ большомъ трудѣ, — есть они и въ диссертациі г. Покровскаго. Такъ, волынской князь Любартъ въ христіанствѣ носилъ имя не Владиміра, какъ его называетъ г. Покровскій (стр. 7), а Дмитрія. Называть Гедимина не только язычникомъ, но даже огнепоклонникомъ — рискованно. Открытіе латинскихъ епархій въ западно-русскихъ городахъ авторъ датируетъ неправильно, а именно: въ Кіевѣ ок. 1350 г., Перемышлѣ — 1390 г., въ Луцкѣ — 1428 г. и проч. Между тѣмъ, латинскія епархія тамъ въ формѣ *in partibus* существовали съ XIII в., начало же болѣе проч-

наго ихъ существованія надобно относить къ 1375 г., когда буллою Debitum, изданной Григоріемъ, XI былъ установленъ твердый порядокъ въ іерархическихъ дѣлахъ католичества въ литовско-польскихъ областяхъ, и утверждены кафедръ Галицкая, Перемышльская, Владимірская (на Волыни) и Холмская. Затѣмъ мы нѣсколько сомнѣваемся въ правдивости сообщенія автора, будто бы въ самомъ началѣ XVI в. «лопари и корелы съ Кандалакской губы запросили храмовъ, священниковъ и крещенія, и ихъ примѣру послѣдовали мурманскіе лопари съ береговъ рр. Колы и Тутолмы» (стр. 43), особенно, въ виду того, что язычники чуть не убили св. Трифона, когда онъ срубилъ ихъ священное дерево, а открытое служеніе кумирамъ въ Пермскомъ краѣ наблюдалось даже 100 лѣтъ спустя послѣ проповѣди св. Стефана.

К. Х.

Н. Переферковичъ. Талмудъ, его исторія и содержаніе. Часть первая. Мишна. Спб. 1897.

«Врядъ ли какая нибудь книга возбуждала столько противорѣчивыхъ толковъ, какъ Талмудъ», — этимъ справедливымъ замѣчаніемъ начинаетъ свою книгу г. Переферковичъ. Трудно найти что либо подобное въ литературѣ всего образованнаго міра: съ одной стороны — она въ моральномъ и религіозномъ отношеніи ставится, какъ непоколебимый авторитетъ; съ другой — является сборникомъ нелѣпныхъ анекдотическихъ разсказовъ и безнравственныхъ правилъ, требующихъ будто бы ненависти и вражды къ каждому нееврею со стороны всего еврейскаго народа. «Гдѣ истина? — невольно возникаетъ вопросъ и можетъ быть разрѣшенъ лишь тогда, когда мы будемъ имѣть точный переводъ «Талмуда», по критическому изданію его, и будемъ въ состояніи всесторонне ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ собраніемъ памятниковъ многолѣтняго умственнаго труда еврейскаго народа. «Талмудъ», въ буквальномъ смыслѣ, означаетъ — «ученіе» и обнимаетъ громадную массу комментариевъ и трактатовъ на Тору, т. е. Пятикнижіе Моисеево. Въ западно-европейской литературѣ имѣется не мало трудовъ, посвященныхъ исторіи «Талмуда» и его отдѣльныхъ частей. Этотъ памятникъ раздѣляется рѣзко на двѣ части: Мишну и Гемару.

Подъ именемъ Мишны извѣстенъ сводъ законовъ еврейскаго національнаго права, служащій ядромъ «Талмуда»; происхождение его относится къ эпохѣ Второго Храма, а кодификація къ концу II вѣка по Р. Х. Текстъ Мишны, дошедшій до насъ въ трехъ редакціяхъ, значительно отличающихся другъ отъ друга, и претерѣвшій много измѣненій, заключаетъ въ себѣ положительное законодательство — халахъ и примѣры, коими подтверждаются наглядно эти основные законы — агадахъ, или сказанія. Мишна, иначе называемая «устной Торой» (тора шебъальпе), всецѣло разсчитана на устное усвоеніе: поразительная сжатость языка, статистическія обобщенія, отступленія отъ главной темы для разъясненія частныхъ, вызванныхъ общностью или кажущимся противорѣчіемъ какого нибудь пункта въ нѣсколькихъ положеніяхъ, или вообще ассоціаціей идей, — вотъ характерныя черты изложенія

Мишны. Интересны приемы толкования данных закона, но, къ сожалѣнію, г. Переферковичъ, теряясь въ частностяхъ, упускаетъ изъ виду дать общую характеристику толковательныхъ приемовъ еврейской философіи и богословія. Вообще изложеніе въ этой книгѣ чрезчуръ гелертерское; авторъ совершенно упускаетъ изъ виду интересы публики и порой даетъ цѣлыми страницами перечисленіе главъ и трактатовъ «Талмуда», въ транскрипціи, правда, но безъ всякихъ обстоятельныхъ и необходимыхъ поясненій, такъ что читатель, незнакомый съ еврейскимъ языкомъ и съ самимъ текстомъ «Талмуда», можетъ извлечь изъ книги г. Переферковича очень немного для характеристики «Талмуда», какъ памятника богословскаго и философскаго мышленія еврейскаго народа.

Гораздо больше матеріала собрано г. авторомъ по части исторіи политической и культурной. Авторъ, охарактеризовавъ Мишну и родственные ей сборники, толкованіе св. писанія въ Мишнѣ, переходитъ къ географіи и исторіи Палестины въ эпоху Мишны. Трудолюбиво выбранные матеріалы по географіи сгруппированы такъ: сначала перечислены города, извѣстные Мишнѣ, указано, правда, вскользь, вліяніе греческой культуры, поскольку она отразилась въ «Талмудѣ»; описана флора и фауна Палестины, хотя авторъ тутъ не особенно точенъ и разборчивъ: рядомъ съ ядовитыми змѣями въ числѣ пресмыкающихся упоминается и миѳическій червякъ шамиръ, извѣстный и въ христіанской апокрифической литературѣ (съ помощью его Соломонъ отбесывалъ безъ шума камни при созданіи 1-го храма).

Въ VI главѣ, посвященной исторіи Палестины въ эпоху Мишны, авторъ, пользуясь сочиненіями Юсифа Флавія и изслѣдованіями Degenbourg'a, Grätz'a и Schürer'a, рассказываетъ о первыхъ римскихъ прокураторахъ (6—41 г. по Р. Х.), ихъ обращеніи съ еврейскимъ народомъ, о царствованіи Прода Агриппы, излагаетъ великую войну съ Римомъ, возстанія при Траянѣ и при Адрианѣ, возникавшія по религиознымъ и экономическимъ причинамъ, при чемъ важное значеніе играла личность прокураторовъ, порой отличавшихся жестокостью, лихоимствомъ и т. п. Нельзя не отмѣтить, что, при общемъ довольно объективномъ изложеніи фактовъ исторіи іудеевъ, авторъ порой, описывая прокураторовъ, рисуеъ ихъ въ краскахъ нѣсколько сгущенныхъ, вѣроятно, вслѣдствіе вліянія общаго тона матеріала, легшаго въ основаніе его разказа.

Разсказавъ кратко внѣшнюю исторію Палестины, т.-е., вѣрнѣе, еврейства до конца II столѣтія по Р. Х., авторъ обращается къ характеристикѣ внутренняго строя и останавливается прежде всего на самоуправленіи еврейскихъ городовъ. Во главѣ городовъ стояло «буле» (вліяніе греческаго βουλή—совѣтъ?) изъ семи лучшихъ гражданъ. Судебная власть принадлежала синедріонамъ. Села подчинялись въ отношеніи управленія городамъ, а малые города—большимъ. Но иногда случались и отступленія: такъ, на примѣръ, въ 47 г. до Р. Х. Цезарь, назначивъ Гиркана II этнархомъ, передалъ ему и судебную власть. Судопроизводство синедріона описывается въ Мишнѣ такъ: «члены суда сидятъ полукругомъ, дабы они видѣли другъ друга; два писца, стоящіе по обѣимъ сторонамъ, записываютъ мнѣнія судей: одинъ мнѣнія за подсудимаго, другой—противъ. Передъ судьями въ три ряда сидятъ ученики»... Такимъ образомъ,

синедріонъ служитъ какъ бы школой права, судъ происходитъ гласно и публично. «Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь шла о жизни и смерти, судъ начинался съ разбора моментовъ, благопріятныхъ подсудимому. Судья, разъ высказавшійся въ пользу подсудимаго, терялъ право высказываться противъ него, но судья, пожелавшій измѣнить свое мнѣніе въ пользу подсудимаго, имѣлъ на это полное право». Присутствовавшіе ученики могли говорить только за подсудимаго. Оправдательный приговоръ постановлялся тотчасъ же по окончаніи преній, тогда какъ обвинительный отлагался всегда на слѣдующій день послѣ разбора дѣла. Голосованіе въ уголовныхъ дѣлахъ начиналось съ младшаго; въ гражданскихъ — съ старшаго. Оправдательный приговоръ постановлялся простымъ большинствомъ голосовъ, для обвинительнаго же требовалось большинство двухъ голосовъ, при чемъ, для полученія необходимаго для оправданія большинства, количество судей могло постоянно увеличиваться новыми членами, покуда не доходило до 71 человѣка».

Не менѣе интересною, чѣмъ судъ, представляется школа въ эпоху Мишны. Начальныя школы существовали во всѣхъ значительныхъ городахъ, замѣняя домашнее обученіе дѣтей родителями; г. Переферковичъ сообщаетъ тутъ же тѣ приемы, какіе практиковались въ этихъ школахъ.

Высшее образованіе получалось безвозмездно въ «бетъ-хамидрашѣ», что значитъ «домъ изслѣдованія». Учебными предметами были: «мидрашъ» — толкованіе (законъ), «халаха» — «обычное, обязательное» и «агада» — «рассказъ, повѣствованіе». «Мидрашъ» состоялъ въ томъ, что тора (законъ) читалась подрядъ и толковалась; «халаха» — законы, основанные на преданіи; изъ нихъ многіе назывались «висящими въ воздухѣ», такъ какъ не имѣютъ прямого толкованія въ Торѣ. Однако они имѣли обязательную силу и заучивались наизусть. «Агады» — богатая литература легендъ и притчъ, почти не имѣющихъ основанія въ св. писаніи, но служащихъ для разъясненія и иллюстраціи закона. Отчасти агады перешли и въ новый завѣтъ: особенно обильно ими евангеліе отъ Луки. Любимѣйшими предметами агады были вопросы будущей жизни, подробности о Мессіи и т. п. Въ видѣ дополненія къ названному — «закуски» — ученикамъ преподавались астрономія, геометрія и алгебра.

Какъ предметъ, весьма важный для выясненія культуры евреевъ эпохи Мишны, является литература. Къ сожалѣнію, авторъ ограничивается лишь голымъ перечнемъ книгъ историческихъ, литургическихъ, поучительныхъ, пророческихъ, легендарныхъ, эпическихъ, философскихъ и др.

Небезынтересны данныя, сообщаемыя объ устройствѣ храма, священнослужителяхъ, жалованьѣ, ими получаемомъ, о синагогѣ, законы о ритуальной чистотѣ, о пищѣ, поскольку всего этого касается Мишна. Въ связи съ вопросомъ о соблюденіи законовъ, предписываемыхъ Мишной, находится дѣленіе всего еврейскаго народа на классы и отношеніе еврейства къ иновѣрцамъ и иноплеменникамъ — «акумъ», «нахри» или «гой»; изъ этихъ терминовъ первый — позднѣйшій, средневѣковый. Идолослуженіе внушало іудеямъ глубочайшее отвращеніе и ужасъ; въ видахъ сохраненія ритуальной чистоты, законъ предписывалъ еврею за три дня до языческихъ праздниковъ вступать съ язычникомъ въ какія бы то ни было сдѣлки: ссужать его, брать въ долгъ,

платить или принимать въ уплату, въ самые же дни языческихъ праздниковъ еврею запрещено находиться въ языческомъ городѣ. Языческое вино, какъ служащее для возліянія богамъ, воспрещено безусловно (то же запрещеніе идоложертвеннаго и у христіанъ съ глубокой древности); дровами изъ рощи, принадлежащей капищу, нельзя пользоваться; если ими топилаь новая печь, то ее должно разбить. Если этими дровами испеченъ хлѣбъ, то ѣсть его нельзя. Также запрещено пользоваться ткацкимъ челнокомъ, сдѣланнымъ изъ дерева, принадлежащаго капищу, платьемъ, сотканнымъ при помощи такого челнока, и платьями, касавшимися такого...

Цѣлая девятая глава посвящена описанію состоянія земледѣлія у евреевъ въ эпоху Мишны. Указавъ на особенности климата, на средства къ улучшенію почвы, орошенія и удобренія, авторъ говоритъ о посѣвѣ, сѣвооборотѣ, ростѣ хлѣбовъ, жатвѣ, молотбѣ, сохраненіи хлѣба, садоводствѣ и винодѣліи. Слѣдующая же глава рассказываетъ о ремеслахъ и торговлѣ. Краткія свѣдѣнія о мѣрахъ и календарѣ и указатель заканчиваютъ книгу.

Подводя итоги, слѣдуетъ сказать, что авторъ даетъ и много, и мало: взглянувъ на заглавіе, читатель будетъ жестоко обмануть его всеобъемлющимъ смысломъ; съ другой стороны, многія интересныя стороны великаго историческаго памятника остались совершенно не затронутыми. Такъ, легендарная сторона «Талмуда», Мишны, равно и сходныхъ сборниковъ, оставлена совсѣмъ безъ характеристики. Между тѣмъ, авторъ, видимо, обладающій солидной эрудиціей, терается въ мелочахъ, даетъ массу матеріала чисто справочнаго характера.

Во всякомъ случаѣ, книга интересна хотя бы потому, что исходитъ изъ рукъ не тенденціознаго публициста, а безпристрастнаго ученаго.

Т. О — кій.

Эрнестъ Лависсъ и Альфредъ Рамбо. Всеобщая исторія съ IV вѣка до нашего времени. Томъ второй. Феодалная Европа. Крестовые походы 1095—1270. Переводъ М. Гершензона. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897. Тоже. Томъ третій. Образование большихъ государствъ 1270—1492. Переводъ В. Невѣдомскаго. Москва. 1897.

О положительныхъ и отрицательныхъ сторонахъ плана этого капитальнаго изданія мы уже говорили по поводу появленія его перваго тома. Только что появившіеся два тома, заканчивающіе исторію среднихъ вѣковъ, къ нашему великому удовольствію, показываютъ, что высказанныя нами опасенія относительно недостатка единства и равновѣсія между отдѣльными главами были нѣсколько преувеличены: нѣкоторая неровность въ изложеніи и даже во взглядѣ на сравнительную важность разныхъ факторовъ исторической жизни замѣчается, конечно, и здѣсь, что вполнѣ естественно въ такой коллективной работѣ. Но редакторы хорошо выбираютъ сотрудниковъ, искусно направляютъ ихъ работы, и послѣ просмотра всѣхъ 3-хъ томовъ, излагающихъ средніе вѣка, читатель не можетъ не почувствовать полноты впечатлѣнія, которое въ историческихъ общихъ курсахъ, безъ сомнѣнія, дороже односторонняго единства.

Второй томъ заключаетъ въ себѣ 16 главъ, составленіе которыхъ было поручено, помимо прежнихъ, вновь привлеченнымъ сотрудникамъ; а именно, глава I «феодальный порядокъ отъ его возникновенія до конца XIII вѣка» очень удачно составлена пріобрѣтшимъ въ послѣднее время почетную и широкую извѣстность Шарлемъ Сейньобо (Seignobos), который очень характерно раздѣлил ее на три части: I—крестьяне, II—дворяне и высшее духовенство и III—обычай и управленіе. Три слѣдующія главы, излагающія борьбу папъ съ императорами отъ Гильдебранда до 1268 г., составлены уже извѣстнымъ намъ по 1-му тому Байе, который удачно характеризуетъ дѣятелей и живо излагааетъ событія, не вдаваясь глубоко въ изслѣдованіе ихъ причинъ. Главу V «Церковь и папская власть отъ Григорія VII до Бонифація VIII» составилъ Эмиль Шенонъ (Chénon), юристъ по специальности, весьма опытный канонистъ, но не глубокий знатокъ внутренней исторіи церкви (отдѣлъ объ ересьяхъ XII и XIII вв. изложенъ до крайности поверхностно). Глава VI о крестовыхъ походахъ составлена опять Шарлемъ Сейньобо, который въ этой сравнительно чуждой ему области ¹⁾ проявилъ способность ясно и кратко излагать событія, указывая ихъ ближайшія причины, и склонность разрушать общепринятые легенды (о роли Петра Аміенскаго, Готфрида Бульонскаго и пр.). Исторію Франціи отъ восшествія на престолъ Людовика VI до смерти Людовика IX (глава VII) чрезвычайно ясно и отчетливо излагаетъ Люшэръ. Затѣмъ слѣдуютъ главы VIII и IX, посвященные городамъ (преимущественно во Франціи) и торговлѣ, и промышленности, во всѣхъ отношеніяхъ очень удачно составлены Жири и Ревилемъ. Напротивъ того, глава X, излагающая духовную культуру XII и XIII вв. (авторъ Ланглуа), не можетъ быть признана удачной: въ изображеніи нравовъ она грѣшитъ односторонностью, въ очеркахъ науки и литературы на родномъ языкѣ—крайней неполнотой и наборомъ ничего не говорящихъ читателю собственныхъ именъ; лучше другихъ отдѣловъ «искусства», но и ихъ изложеніе страдаетъ отрывочностью; даже библиографія этого отдѣла составлена неполно и невнимательно. Три слѣдующія главы: XI-ая—исторія Англій отъ 1087—1272 (авторъ Шарль Бемонъ), XII-ая—Пиринейскій полуостровъ съ XI-го до конца XIII в. (авторъ Марьежоль) и XIII-ая—Скандинавія (авторъ Эмиль Паунент), составлены въ общемъ недурно; но редакторы дали для нихъ слишкомъ мало мѣста; что, напр., могъ сдѣлать авторъ послѣдней главы, долженствовавшій на двадцати страницахъ (656—676) обозрѣть всю исторію Скандинавіи, начиная отъ извѣстій марсельскаго грека Питеаса и даже раньше—много раньше его—отъ палеолитическаго періода и до XIII вѣка включительно? Немного мѣста дано и на исторію восточной Европы (глава XIV: полабы, чехи, поляки и литовцы, Русь и монголы, венгры, стр. 679—724, авторъ Эрнестъ Дени), которая составлена не-самостоятельно, но по хорошимъ пособіямъ и съ несомнѣннымъ педагогическимъ тактомъ. Значительно обширнѣе (около 70 страницъ) глава XV-ая «Юго-восточная Европа», т. е. исторія Византіи и странъ, съ нею соприкасавшихся, которую на этотъ разъ взялъ на себя самъ редакторъ Альфредъ Рамбо и обработать

¹⁾ Отмѣтимъ, напр., такой подосмотръ: на стр. 321 русскаго перевода слово *bezant*, употребительное уже въ *Chanson de Roland* и раньше, считается заимствованнымъ во время крестовыхъ походовъ.

по источникамъ и всѣмъ лучшимъ пособіямъ, не исключая и русскихъ, при чемъ, согласно современнымъ научнымъ требованіямъ, очень кратко изложилъ судьбы императоровъ и очень обстоятельно исторію внутреннюю, преимущественно, социальную и экономическую. Последняя XVI-ая глава, трагующая о переворотахъ въ Азіи и, главнымъ образомъ, объ исторіи Монюссовъ, составлена ориенталистомъ Леономъ Кагёномъ (Cahun), который, въ противоположность Рамбо, больше занимается этнографіей и исторіей войнъ, нежели исторіей внутренней; трудно опредѣлить, насколько это зависитъ отъ недостатка матеріаловъ и насколько отъ личнаго вкуса автора.

Переведенъ этотъ томъ вполне безупречно; жаль только, что переводчикъ слишкомъ скромнень и не выступаетъ съ собственными примѣчаніями и дополненіями (напр., хоть въ библиографіи), за которыя ему, безъ сомнѣнія, были бы благодарны русскіе читатели.

Третій томъ, излагающій исторію двухъ послѣднихъ столѣтій среднихъ вѣковъ, заключаетъ въ себѣ 19 главъ; изъ нихъ три первыя, разсказывающія исторію Франціи до конца столѣтней войны, составлены лионскимъ профессоромъ Ковиллемъ (M. A. Coville); глава VI «Франція и бургундская династія 1453—1493» написана Леонсомъ Пинго (Pingaud); глава V, излагающая исторію литературы XIV и XV столѣтій, исторію науки, искусства и матеріальной культуры (земледѣліе, промышленность, торговля), имѣетъ цѣлыхъ 5 авторовъ: Пети де Жюлевиля (который далъ здѣсь извлеченіе изъ 2-го тома своей еще незаконченной *Histoire de la langue et de la littérature française des origines à 1900*), Мюнца, Лявца, Tannery и Левассеръ. Главу VI «Церковь и папство» составилъ Ем. Шёноп; исторію Англіи отъ 1272 до 1485 г. — Ch. Vémont; исторію Нидерландовъ — M. H. Pirenne и т. д.; перечислять остальные главы подъ рядъ едва ли нужно. Замѣтимъ только, что по талантности изложенія выдается трудная для вмѣщенія въ узкія рамки 65 страницъ глава XI-ая «Возрожденіе въ Италіи» (заключающая въ себѣ и политическую исторію, и краткую характеристику всѣхъ художественныхъ школъ): она написана и серьезно, и въ то же время вполне общедоступно (составилъ André Berthelot); но, конечно, ея ясность — чисто французская, часто разрубающая историческіе узлы, вмѣсто того, чтобы ихъ развязывать. Очень хороша XVI-ая глава, въ которой Рамбо излагаетъ исторію паденія Византіи и возвышенія имперіи Османовъ; въ ней и факты изложены прекрасно, и много мѣткихъ сопоставленій, и на всякаго подѣйствуетъ шпрота міровоззрѣнія. Много новаго найдутъ для себя даже наиболѣе образованные читатели въ главѣ XVII (составилъ румынскій ученый Ксенополь) «Румыны. Ихъ борьба съ турками»; для французовъ и др. новостью будетъ и глава XVIII о славянахъ, составленная Новаковичемъ и A. Malot.

Переводъ и корректура этого тома нѣсколько небрежныѣ; встрѣчаются такіе недосмотры, какъ и лотить, «стѣна въ ширину 3800 сажень» (стр. 828), «Оленицкій сдѣлалъ изъ Польши то, чѣмъ она оставалась впоследствии, — слугою католической церкви» (785); Романисты вм. Ромеи (830 и passim) и пр.; но, въ общемъ, переводъ не достоинъ имени В. Невѣдомскаго.

А. К.

**На больничныхъ койкахъ. Въ паутинѣ. Землевладѣльческая эпопея.
В. Рышкова. Спб. 1898.**

Г. Рышковъ сравнительно новый писатель, талантъ котораго болѣе наблюдательный, чѣмъ творческій, не лишенный юмора и остроумія. Вслѣдствіе этого, чтеніе его произведеній не утомляетъ однообразіемъ тона и красокъ. Очерки о «больничныхъ» порядкахъ въ Петербургѣ, однако, очень кратки, хотя медицинскому міру не бесполезно ознакомиться съ ними. Что касается землевладѣльческой эпопеи «Въ паутинѣ», то нельзя не остановиться безъ глубокаго размышленія надъ ея тенденціей, на которую особенно указываемъ живущимъ по городамъ такъ называемымъ «любителямъ народа»... Герой «Въ паутинѣ», Аполлонъ Мечтаевъ, — землевладѣлецъ самой новѣйшей формаціи, — возмущается толстовцами, стремящимися изъ собственниковъ сдѣлаться батраками, и разсуждаетъ, что, поселившись въ качествѣ образованнаго землевладѣльца около мужика, онъ больше будетъ полезенъ послѣднему. «Имѣя хоть малыя средства, онъ можетъ всегда удѣлить копейку на лѣкарство больному ребенку крестьянина, а изрѣдка помочь и самому крестьянину и рублемъ, избавить его хотя бы отъ допोगонной, каторжной сохи и дать ему возможность купить плугъ, другими словами — избавить отъ необходимости носить воду рѣшетомъ и помочь дѣйствительно вспахать, а не «вскочыривать» его полюсу... «Наконецъ, имѣя землю, я предоставлю доступный трудъ десятку людей, нуждающихся въ немъ», — думалъ Мечтаевъ».

Кромѣ того, «гдѣ же найдешь свободу, если не на своемъ клочкѣ земли, не на лонѣ природы»? Въ равной степени онъ не понимаетъ и необходимости непременно самому идти за плугомъ или, обратно, хозяйничать побарски «съ балкона»...

Разсуждая въ этомъ положительномъ духѣ и задавшись вполне, повидимому, исполнимыми задачами въ современной деревнѣ, г. Мечтаевъ истерзался душой прежде всего при покупкѣ самаго имѣнія: безъ комиссіонеровъ — отъ постоянного надувательства самихъ помѣщиковъ, публикующихъ объ имѣніяхъ совсѣмъ не то, что послѣднія изъ себя представляютъ, «съ комиссіонерами» — отъ безконечныхъ куртажей господамъ евреямъ и т. д. Послѣ покупки усадьбы, на новаго барина посыпались всѣ бытовыя особенности современной деревни: приказчикъ оказался плутъ и воръ, экономка — такая же; мужики скупали краденое изъ имѣнія Мечтаева и перепродавали ему же; розданныя имъ деньги въ кредитъ, въ минуты дѣйствительной нужды крестьянъ, тѣмъ не менѣе, никто не возвращалъ, и всѣ продолжали производить потравы въ господскомъ имѣніи. Мечтаевъ не таскалъ крестьянъ ни въ волость, ни въ судъ, не «взималъ» съ нихъ, по таксѣ, ни деньгами, ни послугой, и потравы продолжались. Взятые въ горничныя «дѣвушки отъ сохи» не могли вернуться въ домъ, чтобы не сломать и не разбить дорогую вещь; городская кухарка оказалась «изъ вольныхъ», а «рабочіе» въ имѣніи — тоже лучше. — «Стоять надъ ними цѣлый день, чтобы они работали «изъ-подъ палки», я рѣшительно не способенъ, — восклицалъ Мечтаевъ. Будто они — арестанты, а я какой-то тюремный надзиратель. Гнусно это! А какъ только отойдешь, — они ничего не дѣлаютъ! Я нарочно

наблюдалъ: уйдешь съ пашни и замѣтишь, какой клинъ осталось работнику допахать; а придешь часа черезъ два,—онъ сдѣлалъ столько, сколько можно сдѣлать въ четверть часа.. Просто—горе! И не скажи ничего, не замѣть, а то сейчасъ—«пожалуйте расчесть»...

— «Ну что-жь? Другого взять! Вотъ, ужъ такого я бы ни за что не держала,— замѣтила разсудительно Вѣрочка.

— «Такъ вѣдь и другой точно такой же! Они чувствуютъ свою силу, потому что въ этой мѣстности рабочія руки страшно дороги. Станеть онъ дорожить моими восьмью, десятью рублями въ мѣсяцъ, когда, въ двѣнадцать верстахъ— въ Дранцевѣ— фабрика даетъ ему 14 и 16, а въ четырехъ верстахъ, на желѣзной дорогѣ, прокладываютъ второй путь, и тамъ они зарабатываютъ чуть ли не по рублю въ день!.. «Постояннымъ мѣстомъ» ему тоже нечего дорожить, нечего за него цѣлиться: онъ работаетъ руками и знаетъ, что, пока руки цѣлы, онъ будетъ всегда сытъ, безразлично, работая у Ивана, у Петра или у Сидора. У насъ живутъ еще, потому что я за ними всячески ухаживаю, а кругомъ, говорятъ, Богъ знаетъ, что творится: что недѣля—то новый работникъ!..»

Сельскіе праздники сдѣлались для Мечтаева пугаломъ. «Мычали непоенныя, недоенныя и не загнанныя коровы; лошади, неснутанныя и оставленныя безъ присмотра, топтали безбожно «зеленя»—и крестьянскія, и господскія; а люди пили, пили, орали пьяныя пѣсни и ругались такими «производными» словами отъ словъ, и безъ того сугубо-ругательныхъ, что волосъ становился дыбомъ!.. Ругались и бабы, и даже дѣти, и—тоже пьяными голосами... А по дорогѣ, мимо дома, то и дѣло, проскакивали верхомъ, обнявшись съ четвертными бутылками, мальчишки-подростки; это были курьеры, и скакали они въ село, въ кабакъ, за подкрѣпленіемъ».

Мечтаевъ боялся и пожара по неосторожности отъ пьяныхъ рабочихъ и трезвыхъ конокрадовъ... По поводу независимости въ деревнѣ, жена его возбужденно воскликнула: «Какая это свобода! Ты даже не смѣешь лечь спать и проснуться въ тотъ часъ, когда тебѣ хочется. Ты зависишь отъ всякаго пьянаго Николая. Какая это свобода?»

Убѣдившись, что имѣніе не даетъ ни свободы, ни дохода, ни довѣрія мѣстной администраціи, Мечтаевъ поскорѣ продалъ его съ убыткомъ и сбѣжалъ въ департаментъ, припоминая предостереженія нѣкоторыхъ людей о томъ, что если кто изъ господъ хочетъ что нибудь сохранить, то лучше продать все въ деревнѣ, а не пріобрѣтать... «Земля теперь дѣло не наше, и намъ на ней дѣлать нечего. Сто лѣтъ будетъ она теперь истощаться евреями, нѣмцами, купцами-кулаками и всякими другими дѣльцами, которые высосутъ изъ нея все, что нами и нашими рабами было въ нее вложено и на ней вырощено. Все обратятъ они въ деньги, деньги «въ знакахъ» увезутъ въ города, а выжатую, какъ лимонъ, землю бросятъ крестьянину, который работалъ на ней при насъ—закрѣпощенный, будетъ работать при нихъ—задолженный и останется работать на ней и послѣ насъ, и послѣ нихъ—освобожденный и разоренный...».

Эта мысль о томъ, что въ современной деревнѣ благомыслящему человѣку, съ среднимъ достаткомъ, въ положеніи интеллигента, стало невозможнымъ

жить, и что въ концѣ концовъ «всѣ будутъ въ департаментахъ», заслуживаетъ серьезнаго вниманія, повторяю, нашихъ изъ прекраснаго далекаго такъ называемыхъ «любителей народа». Наблюдая условия жизни интеллигентнаго человѣка въ деревнѣ, г. Рышковъ пришелъ къ крайне пессимистическому выводу о нашемъ безсиліи среди народа и, въ своемъ романѣ безъ романа «Въ паутинѣ», наводитъ на мысль о томъ, что мы живемъ при полномъ разложеніи народныхъ устоевъ и нравственности. Подобнаго рода художественныя иллюстраціи не столько «обижаютъ мужика», сколько зываютъ къ государству о дальнѣйшихъ реформахъ въ его жизни.

А. Фаресовъ.

Для спектаклей (любительскихъ). И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1897.

Въ этой книгѣ для насъ интересно, собственно, ея предисловіе, составляющее, въ сущности, большую статью-хроннику о русскихъ казенныхъ театрахъ Москвы и Петербурга, 25 лѣтъ назадъ. Авторъ, которому, по его словамъ, довелось быть, въ то давнее время, лѣтописцемъ этихъ театровъ въ качествѣ театральнаго критика, обладаетъ, повидимому, очень хорошею памятью, помогающею ему нарисовать довольно вѣрную картину «театральной вакханаліи» конца 60-хъ и начала 70-хъ годовъ, когда серьезная драма и комедія была, мало-помалу, оттѣснена со сцены на второй планъ, о классическомъ репертуарѣ не было и помину, а хорошія и серьезные сцены ставились неохотно и неумѣло. За то, тщательно ставились и имѣли успѣхъ скабрзные оперетки, мелодрамы и пьесы, писавшіяся, исключительно, на какую нибудь модную тему, или злобу дня.

Долго и тщетно сражалась театральная критика того времени съ этимъ ложнымъ и недостойнымъ направлениемъ русскаго столичнаго театра... Вотъ, эта-то, собственно, часть книги г. Захарьина и представляетъ интересъ, такъ какъ предъ нами, впервые, имѣется подробный и точный перечень лицъ, писавшихъ тогда о русскомъ театрѣ.

«Въ то время, т.-е. 25 лѣтъ тому назадъ,—говоритъ г. Захарьинъ,—не было еще такъ называемыхъ теперь театральныхъ репортеровъ и отмѣтчиковъ, а были только театральные критики и рецензенты. О русскихъ столичныхъ театрахъ писали тогда, насколько могу припомнить, слѣдующія лица: въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (Корша) объ Александринскомъ театрѣ писали А. С. Суворинъ и К. А. Скалковскій; кто писалъ въ эту газету изъ Москвы о Маломъ театрѣ, навѣрное теперь не могу сказать, но знаю, что одно время писалъ покойный Каншинъ (П. А.). Въ «Голосѣ» писали: Д. В. Аверкиевъ и покойный Л. Н. Антроповъ, а изъ Москвы—А. И. Мейнъ и Н. Кичеевъ; позже, въ 1876 г., писалъ я. Въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (собственно, въ еженедѣльномъ приложеніи къ нимъ—въ «Современной Лѣтописи») объ Александринскомъ театрѣ писалъ, изъ Петербурга, покойный Н. С. Лѣсковъ; о московскомъ Маломъ театрѣ—К. Н. Цвѣтковъ и, позднѣе (съ 1872 г.),—Антроповъ. Въ «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ» (бывшихъ въ то время большою литературно-политическою газетою, издаваемою К. В. Трубниковымъ, подъ редакціей, неофициальною, покойнаго профессора Чебышева-Дмитріева) объ Александринскомъ театрѣ писали М. П. Федоровъ (писавшій потомъ въ «Но-

востяхъ») и самъ Чебышевъ (Эксъ), а позже — Мих. Вильде, братъ Н. Вильде, московскаго артиста, недавно умершаго; о Маломъ театрѣ изъ Москвы писалъ съ 1871 по 1876 годъ я. Въ журналѣ «Будильникъ», переведенномъ, съ 1873 года, изъ Петербурга въ Москву, былъ помѣщенъ, съ 1873 по 1876 г., рядъ статей, написанныхъ мною о Маломъ театрѣ и о Народномъ (первомъ частномъ театрѣ, дозволенномъ въ Москвѣ, въ 1872 г., на время бывшей Политехнической выставки). Въ газетѣ «Недѣля» о петербургскомъ театрѣ писалъ покойный П. А. Гайдебуровъ и, позднѣе, поэтъ Плещеевъ. Въ ежемѣсячныхъ журналахъ статьи о русскихъ столичныхъ театрахъ, хотя рѣдко, но все-таки появлялись иногда. Такъ, напр., въ «Вѣстникѣ Европы» были помѣщены, въ началѣ 70-хъ годовъ, двѣ серьезныя театральныя статьи — одна А. С. Суворина, въ январьской книгѣ 1871 года, объ Александринскомъ театрѣ, а другая, подъ заглавіемъ «Милліонъ терзаній» (по поводу постановки въ томъ же театрѣ «Горе отъ ума»), — покойнаго Гончарова. Въ «Библиотекѣ для Чтенія» (редакціи г. Боборыкина) былъ напечатанъ рядъ интересныхъ статей о московскомъ Маломъ театрѣ, написанныхъ кн. А. И. Урусовымъ. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1872 года была помѣщена замѣчательная статья г. М. Щепкина о Народномъ театрѣ. Въ «Бесѣдѣ» (покойнаго С. А. Юрьева) были статьи А. Н. Веселовскаго и Родиславскаго; въ «Зарѣ» Каширева было напечатано нѣсколько статей объ Александринскомъ театрѣ Антропова. Въ «Дѣлѣ» (редакціи Благосвѣтлова) о театрѣ писалъ иногда покойный Н. И. Шульгинъ, и двѣ статьи — одна о московскомъ Маломъ театрѣ, въ 1874 г., а другая объ Александринскомъ театрѣ, въ 1876 г., — были написаны мною. Нѣсколько позже, мною были помѣщены театральныя же статьи въ «Живописномъ Обзорѣннѣ» (въ которомъ я состоялъ тогда фактическимъ редакторомъ) — о провинціальныхъ театрахъ и, затѣмъ, о спектакляхъ въ Deutsches Theater, въ Берлинѣ. Во избѣжаніе излишнихъ объясненій съ актерами и авторами, никто, конечно, изъ названныхъ лицъ не подписывалъ своихъ статей; одинъ кн. Урусовъ выставилъ свое имя и отчество — Александръ Ивановъ».

Эти свѣдѣнія, какъ историческія справки, могутъ послужить матеріаломъ для будущаго историка нашихъ отечественныхъ театровъ въ столицахъ, въ самый разгаръ бывшей, въ тѣ годы, борьбы различныхъ литературныхъ партій и направленій.

Н.

А. фонъ-Фрикенъ. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Часть третья. Москва. 1898.

Какъ это ни кажется страннымъ съ перваго взгляда, у насъ, при изобиліи художественныхъ критиковъ, гораздо меньше серьезныхъ работниковъ по исторіи искусства, нежели по любой области археологіи. Объясняется это, безъ сомнѣнія, тѣмъ, что для самостоятельныхъ работъ по археологіи требуется подготовка специальная, но не очень широкая (а иныя ограничиваются и совсѣмъ узкой, что, конечно, служить не на пользу наукѣ), исторія русскаго искусства остается дѣломъ далекаго будущаго, а чтобы трудиться съ пользою надъ исторіей искусства европейскаго, не достаточно имѣть развитіе и оригинальность взгляда, но надо пройти долгую, долгую школу, да и всякая скольконибудь оригинальная статья по этому предмету, не говоря уже о цѣлой книгѣ, требуетъ многихъ мѣсяцевъ труда — пересмотра и памятникѣ и огромной литературы предмета. Г. А. фонъ-Фрикенъ, одинъ изъ этихъ немногихъ серьезныхъ работниковъ, не боящихся ни долгаго изученія памятникѣ, ни массы

чтенія. Уже четверть столѣтія онъ работаетъ, такъ сказать, на виду у публики (съ 1872 г. выходила выпусками его исторія древнехристіанскаго, т.-е. каткомбнаго искусства), работаетъ усердно и самостоятельно, но большою извѣстностью и вліяніемъ, сколько знаемъ, не пользуется главнымъ образомъ, надо думать, оттого, что не умѣетъ и не хочетъ красиво «обсгавлять» своихъ работъ ни съ внѣшней, ни съ внутренней стороны. Его «Катакомбы», результаты многолѣтняго и въ значительной мѣрѣ самостоятельнаго труда, написаны тономъ не блестящей компиляціи; но овѣ снабжены иллюстраціями хотя не многочисленными и далеко не роскошными. Нынѣ издаваемое его «Итальянское искусство», трудъ тоже самостоятельный, обставлено нѣсколько большимъ ученымъ аппаратомъ, но за то совершенно лишено иллюстрацій, которыя здѣсь по существу необходимы немногимъ менѣе, а по обычаю требуются, пожалуй, еще настоятельнѣе. Да и нельзя корить этотъ обычай: вѣдь это не справочникъ въ родѣ Куглера, а большая монографія, требующая внимательнаго чтенія. Каково же читать ее тому, кто не помнитъ наизусть большинства картинъ и долженъ справляться съ атласомъ или съ другой монографіей съ рисунками? А помимо этого неудобства, книга читается легко и даетъ много и профану, и довольно опытному любителю.

Настоящая часть заключаетъ въ себѣ только четыре главы, но за то чрезвычайно важныя: 1) Леонардо да Винчи (до стр. 35), 2) Микель Анджели (до стр. 131), 3) Рафаэль (до стр. 333) и 4) Андреа дель Сарто (до стр. 358).

Что новаго и оригинальнаго даетъ работа фонъ-Фрикена, мы скажемъ по окончаніи его труда.

А. К.

Ворисъ Панченко. О тайной исторіи Прокопія. Спб. 1897.

Въ ряду историческихъ сочиненій, принадлежащихъ византійскому писателю VI-го вѣка Прокопію, его «Тайная исторія» (*Historia arcana*) занимаетъ весьма видное мѣсто. Въ этомъ сочиненіи содержатся богатыя и разнообразныя свѣдѣнія о внѣшнемъ и внутреннемъ состояніи Византійской имперіи въ царствованіе императора Юстиніана (527—565 г.), тѣмъ болѣе интересныя и важныя, что они идутъ въ разрѣзъ съ историческими данными другихъ сочиненій Прокопія, а равно и другихъ византійскихъ хроникъ, относящихся къ эпохѣ Юстиніана. Между тѣмъ какъ Прокопій въ другихъ своихъ сочиненіяхъ прославляетъ Юстиніана за его побѣдоносныя войны, вандалскую и готскую, и представляетъ образцовымъ и великимъ во многихъ отношеніяхъ государемъ, въ своей *Historia arcana* онъ изображаетъ его злымъ тираномъ и челоуѣконенавистникомъ, который велъ войны не ради славы или завоеванія, а просто для убійства и разрушенія, — кровопійцею, который, изъ злобной ненависти къ своимъ подданнымъ, налагалъ на нихъ непомерныя подати, назначалъ министрами взяточниковъ, высасывавшихъ послѣднюю кровь изъ народа, — буквально демономъ въ образѣ челоуѣческомъ, котораго благочестивые люди дѣйствительно и видѣли возсѣдающимъ на тронѣ въ настоящемъ его видѣ, именно въ образѣ дьявола... Жену Юстиніана, императрицу Теодору, которая въ другихъ сочиненіяхъ Прокопія выставлена женщиною героическою, здѣсь, въ «Тайной исторіи», Прокопій изображаетъ въ ненавистномъ и позорномъ видѣ,

разсказываетъ грязныя исторіи изъ тѣхъ временъ, когда она была мимическою актрисой, и будто бы являлась предъ зрителями въ циркѣ въ крайне соблазнительныхъ сценахъ. Вообще *Historia arcana* представляетъ нѣчто въ родѣ скандальной хроники императорскаго двора при Юстиніанѣ, рѣзко расходящейся въ своемъ содержаніи съ другими историческими сочиненіями Проконія.

Понятно само собою, что ученые не могли оставить безъ вниманія такой любопытный, историческій трудъ, и вотъ мы наблюдаемъ продолжительный и горячій ученый споръ по поводу подлинности и достовѣрности «Тайной исторіи». Этотъ споръ возникъ еще въ XVII вѣкѣ, когда ученый грекъ Николай Алеманнъ впервые открылъ и издалъ съ критическими и историческими примѣчаніями 'Ανεκδοτα Проконія, признавъ этотъ трудъ подлиннымъ и развѣчавъ, на основаніи его, императора Юстиніана. Далѣе слѣдуетъ цѣлый рядъ ученыхъ работъ — Тривора, Эйхеля, Рива, Мармонтеля, Рейнкенса, одни изъ коихъ признавали *Historia arcana* подлинною, а другіе — подложною. Долго длившійся споръ казался совершенно порѣшеннымъ послѣ капитальной книги о Проконіи профессора Dahn'a (*Procopius von Caesarea*. Berlin. 1865), и при томъ въ смыслѣ подлинности и достовѣрности, но вотъ недавно выступилъ великій учитель новѣйшей критической школы въ Германіи, Леопольдъ Ранке, который въ своихъ *Analekten* утверждаетъ, что Тайная исторія представляетъ компіляцію, въ коей лишь нѣкоторые отрывки могутъ вести свое происхожденіе отъ Проконія, а другое заимствовано изъ явившагося послѣ смерти Юстиніана памфлета, выразившаго взгляды пробудившейся оппозиціи минувшему царствованію, съ прибавленіемъ городскихъ слуховъ, да яростныхъ и страстныхъ выходокъ, намѣренно прикрытыхъ именемъ и авторитетомъ Проконія. Взглядъ Ранке не остался одинокимъ. Такимъ образомъ вопросъ о «Тайной исторіи» еще не поконченъ. Отсюда понятно появленіе въ свѣтъ книгъ Панченка.

Книга русскаго автора состоитъ изъ предисловія и трехъ главъ послѣдованія. Въ предисловіи (стр. 1—4) г. Панченко опредѣляетъ задачу своей работы. Она — двоякаго рода. Авторъ намѣренъ заняться пересмотромъ вопроса, во-первыхъ, о подлинности «Тайной исторіи», въ виду отрицательнаго взгляда многихъ ученыхъ (Ранке, Димитріу, Кургановъ, Вячу, Оман, Mallet), а, во-вторыхъ, о достовѣрности ея содержанія, причемъ намѣренъ изучить ея содержаніе въ связи съ эпохой (каковой работы еще не было предпринято) и не только понять его, но и объяснить, пользуясь современными приѣмами научнаго изъясненія и новѣйшими византійскими источниками, относящимися къ эпохѣ Юстиніана (юридическіе акты въ изданіи Крюгера и Цахаріэ фонъ-Лингенталля, *De magistratibus* Іоанна Лиды, «Записки о восточныхъ святыхъ» Іоанна Ефесскаго и др.). Первая глава изслѣдованія занимается вопросомъ о принадлежности «Тайной исторіи» Проконію (стр. 4—65). Здѣсь авторъ прежде всего критически обозрѣваетъ отрицательные взгляды по этому вопросу ученыхъ Эйхеля, Тейффеля, Рейнкенса и Ранке и находитъ ихъ неудовлетворительными, а затѣмъ представляетъ положительныя доказательства принадлежности «Тайной исторіи» Проконію. Эти доказательства сводятся къ слѣдующимъ аргументамъ: 1) къ извѣстіямъ постороннихъ источниковъ; 2) къ аргументу о знакомствѣ автора «Тайной исторіи» съ безспорными сочиненіями Проконія, иначе — къ аргументу

о ссылках и формальномъ соответствіи содержанія и 3) къ тождеству основныхъ взглядовъ и способа выраженія автора «Тайной исторіи» и Прокопія. Наибольшее значеніе имѣеть послѣдній аргументъ, и г. Панченко съ нѣкоторою подробностью сопоставляетъ политическія и социальнo-экономическія воззрѣнія автора «Тайной исторіи» со взглядами Прокопія. Въ результатъ онъ приходитъ, на основаніи указанныхъ доказательствъ, къ положительному выводу касательно принадлежности «Тайной исторіи» Прокопію. Покончивъ съ вопросомъ о подлинности, авторъ далѣе переходитъ къ критической оцѣнкѣ содержанія «Тайной исторіи», иначе сказать, изслѣдуетъ достовѣрность ея извѣстій, на основаніи критико-аналитическаго изученія ея содержанія. Въ главѣ второй (стр. 65—102) изслѣдуются извѣстія «Тайной исторіи» о фактахъ политическихъ. Такихъ извѣстій въ «Исторіи» немного, и они имѣютъ предметомъ слѣдующія явленія политической жизни: вступленіе и характеръ политики Фракіійской династіи, историческую роль императрицы Теодоры, отношенія Юстиніана и Теодоры къ высшимъ классамъ общества, междуособія партій Веновъ и Прасиновъ, изъ области церковной политики — преслѣдованія еретиковъ, наконецъ, вѣднню политику Юстиніана и его войны. Раскрывъ сообщенія «Тайной исторіи» о всѣхъ этихъ явленіяхъ, авторъ сопоставляетъ ихъ съ другими историческими извѣстіями и, путемъ сравненія и критическаго анализа, устанавливаетъ ихъ историческую достовѣрность и научную цѣнность. Въ главѣ третьей (стр. 103—217) при помощи такого же метода изслѣдуются извѣстія «Тайной исторіи» о финансахъ, судѣ и администраціи. Эта глава очень богата содержаніемъ и сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о внутренней жизни Византійской имперіи въ царствованіе Юстиніана. Здѣсь прежде всего рѣчь идетъ о разстройствѣ государственнаго хозяйства при Юстиніанѣ и злоупотребленіяхъ логоветовъ, вслѣдствіе вредной дѣятельности коихъ произошло сокращеніе византійской арміи, уменьшились расходы по содержанію государственной почты, не выдавалось жалованье военнымъ начальникамъ и прочее. Далѣе, «Тайная исторія» жалуется на обремененіе населенія податями и повинностями, на тяжесть различныхъ финансовыхъ мѣропріятій правительства, относящихся ко взиманію рыночныхъ и таможенныхъ пошлинъ, къ частнымъ и казеннымъ монополіямъ и къ реформѣ размѣнной монеты, — на притѣсненія отдѣльныхъ лицъ, вслѣдствіе вмѣшательства фискальныхъ интересовъ въ частное право и т. п. И судъ при Юстиніанѣ находился въ упадкѣ, и судебные процессы того времени были полны всякихъ злоупотребленій. Въ «Тайной исторіи» находится не мало свидѣтельствъ о томъ, что правосудіе находилось подъ вліяніемъ сильныхъ лецъ, Теодоры, духовенства, и даже служило предметомъ постоянной и правильной торговли. Наконецъ, администрація была агентомъ продажной и хищнической политики Юстиніана и носителемъ новаторскихъ идей новаго режима, внесшихъ начала безпорядка и разстройства въ прежнюю государственную систему, какъ объ этомъ свидѣтельствуется вѣточничествомъ и продажностью чиновниковъ, безпорядки въ дѣлахъ и т. п. Въ заключеніи своей работы (стр. 217—218) г. Панченко излагаетъ основной выводъ по вопросу о подлинности и достовѣрности «Тайной исторіи». По его мнѣнію, подозрѣнія на счетъ подлинности *Historia arcana* обусловлены, между прочимъ, недостаточнымъ знакомствомъ съ предметомъ, но коренятся именно

въ глубокомъ, традиціонномъ недвѣрїи къ показанїямъ автора памятника, а что касается достовѣрности ея извѣстій, то критика ихъ не даетъ права сомнѣваться въ принадлежности «Тайной исторїи» Прокопїю; ошибки есть, но авторъ хорошо освѣдомленъ въ дѣлахъ эпохи, и даже тамъ, гдѣ ошибается несомнѣнно, онъ знакомъ съ деталями и забываетъ или путаетъ факты, какъ всякій пристрастный современникъ, пишущій по слухамъ и воспоминанїямъ; слѣдуетъ поэтому покончить съ вѣковымъ предразсудкомъ и отдать должное цѣнному памятнику политическаго настроенїя.

Трудно не согласиться съ этимъ главнымъ выводомъ русскаго изслѣдователя «Тайной исторїи». Его кропотливая, детальная критико-аналитическая работа по изученїю памятника достаточно подготавливаетъ читателя къ этому выводу и заставляетъ соглашаться съ нимъ. И въ этой тщательности изслѣдованїя, въ кропотливомъ изученїи отдѣльныхъ извѣстій византїйскаго памятника, въ ихъ умѣлой систематизаціи и обстоятельномъ научно-историческомъ освѣщенїи, безъ излишняго нагроможденїя постороннихъ данныхъ, и заключается цѣнность труда г. Панченка. Правда, въ первой своей части — по вопросу о подлинности «Тайной Исторїи» — онъ не имѣетъ самостоятельнаго значенїя и повторяетъ иностранную литературу по этому предмету, а во второй — по вопросу о достовѣрности ея извѣстій — примыкаетъ къ комментарію Алеманна, основываясь прежде всего на его изученїи, не обозрѣваетъ во всей полнотѣ содержанїя памятника и не устраняетъ новыхъ работъ въ томъ же родѣ, но тѣмъ не менѣе имѣетъ важное значенїе, какъ опытъ свода прежнихъ воззрѣнїй на предметъ и попытка рѣшить спорный вопросъ въ иномъ сравнительно съ прежнимъ направленїи и при помощи иныхъ научныхъ прїемовъ. Е.

Повѣсти изъ стариннаго быта Д. В. Аверкіева. Изданїе, тщательно пересмотрѣнное и исправленное, въ 2-хъ томахъ. Спб. 1898.

Наша публика очень падка до такъ называемыхъ «историческихъ» повѣстей и разсказовъ и съ жадностью читаетъ произведенїя писателей, обильно поставляющихъ на нашъ книжный рынокъ quasi-историческіе романы, повѣсти, разсказы и проч. Эти романы, большею частью, даютъ читателямъ, главнымъ образомъ, хитросплетенную, запутанную фабулу; ихъ дѣйствующія лица преодолеваютъ всевозможныя самыя неожиданныя препятствїя, по волѣ автора, и своими безковечными страданїями или безчисленными успѣхами занимаютъ непрїхотливое воображенье своихъ читателей, не давая имъ ни вѣрнаго описанїя данной эпохи, ни правдиваго изображенїя характеровъ лицъ, свойственныхъ описываемому времени.

Въ числѣ немногихъ писателей, являющихся въ этомъ отношенїи исключенїемъ, находятъ нашъ извѣстный драматургъ, Дм. Вас. Аверкіевъ, авторъ «Каширской старины», «Темнаго и Шемяки», «Княгини Ульяны Вяземской», «Фрола Скобѣева», «Сидоркина дѣла» и другихъ популярныхъ пьесъ нашего репертуара. Въ своихъ историческихъ повѣстяхъ изъ русской жизни Д. В. Аверкіевъ никогда не гонится за эффектнымъ сюжетомъ, который у него всегда простъ, какъ и сама реальная жизнь, но правдивъ и естественъ: въ нихъ, какъ

и въ своихъ талантливыхъ и глубоко продуманныхъ исторически-бытовыхъ нѣсахъ, почтенный писатель даетъ, главнымъ образомъ, безукоризненно вѣрное, археологически детальное изображеніе нашей старины; его дѣйствующія лица во всѣхъ отношеніяхъ вполне соответствуютъ данной эпохѣ и говорятъ дѣйствительно стариннымъ нашимъ языкомъ, котораго Д. В. Аверкіевъ можетъ, по-истинѣ, считаться знатокомъ. Благодаря этому, историческія повѣсти Д. В. Аверкіева читаются съ большимъ интересомъ, перенося насъ въ отдаленное прошлое нашей родины.

Только что вышедшее въ свѣтъ отдѣльное изданіе «Повѣстей изъ стариннаго быта» Д. В. Аверкіева заключаетъ въ себѣ повѣсти и рассказы, появившіеся въ разное время въ нашихъ періодическихъ органахъ. Въ первомъ томѣ помѣщены «Хмѣлевая ночь», изъ древне-русской боярской жизни, и «Лихо», рассказъ изъ старорусскаго купеческаго быта. Второй томъ состоитъ изъ большой повѣсти (или, вѣрнѣе, романа) изъ жизни Великаго Новгорода, подъ названіемъ «Вѣчу не бытъ». Романъ этотъ даетъ полную интереса картину прежней жизни нашей нѣкогда аристократической республики: предъ нами происходитъ судъ епископа или такъ называемый «владычный судъ», скомошьи игры, засѣданіе вѣча, ширъ и т. п. А на ряду съ этимъ идетъ и психологически развивается любовный романъ героя и героини, но, конечно, безъ головокружительныхъ эффектовъ и невѣроятныхъ приключеній. Вслѣдъ за «Повѣстями изъ стариннаго быта» Дм. Вас. Аверкіевъ общаетъ намъ дать полное собраніе своихъ «Повѣстей изъ современнаго быта», въ 2-хъ или 3-хъ томахъ.

О. У—ць.

Густавъ Лансонъ. Исторія французской литературы. (Переводъ со второго французскаго изданія, пересмотрѣннаго и исправленнаго авторомъ). Томъ II. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1898.

По поводу перваго тома этой книги, явившагося весной 1897 г., мы довольно подробно говорили (см. «Истор. Вѣстн.» 1897, т. LXIX) о достоинствахъ и недостаткахъ этого бойкаго и довольно содержательнаго общаго обзора, имѣющаго большой успѣхъ во Франціи, несмотря на многочисленныхъ соперниковъ. Настоящій томъ заключаетъ въ себѣ весь XVIII вѣкъ и XIX до 1894 года включительно. Переведенъ этотъ томъ значительно лучше чернаго и, по образцу французскаго оригинала, снабженъ хронологическими таблицами и подробнымъ указателемъ.

Чрезвычайно характерны не только лично для автора, но и для обширной школы современныхъ французскихъ полукритиковъ - полуисториковъ заключительныя слова книги, которыя мы и приводимъ цѣликомъ (стр. 579): «Что же, однако, выйдетъ въ концѣ концовъ изъ всего, что бродитъ и готовится теперь во всѣхъ областяхъ литературы? Съ научнымъ искусствомъ, съ этой насмѣшкой и пародіей на науку, уже покончено¹⁾; отнынѣ можетъ появиться

¹⁾ Здѣсь разумѣется Золя и его школа; можно ли сказать, что съ нимъ покончено, когда его «Парижъ» печатается одновременно въ тысячахъ изданій на всѣхъ европейскихъ языкахъ, это — вопросъ.

только художественная литература. Съ натурализмомъ нынѣ покончено такъ же, какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ было покончено съ романтизмомъ, а семьдесятъ лѣтъ назадъ — съ классицизмомъ. Будущая литература должна явиться натурализмомъ, расширеннымъ возстановленіемъ извѣстныхъ романтическихъ и особенно классическихъ элементовъ, своего рода синтезомъ трехъ художественныхъ доктринъ, черезъ которыя прошла эволюція французской литературы съ эпохи возрожденія. Все это, конечно, очень неопредѣленно, но было бы рискованно точнѣе опредѣлять эту гипотезу, выясненіе которой потребовало бы, кромѣ того, много мѣста.

«Но вѣрно ли то, что мы присутствуемъ при началѣ, а не при концѣ? что это не послѣднія судороги умирающей литературы? Никто не можетъ сказать, явятся ли въ какой нибудь области литературы необходимые люди. Если они явятся въ одной области и не явятся въ другой, въ первой будетъ творческій періодъ, а во второй — застой. Если они не явятся нигдѣ, всюду будетъ происходить разложеніе до тѣхъ поръ, пока они не явятся; и никто не можетъ сказать заранѣе, гдѣ, когда и какимъ образомъ начнется это обновленіе».

Какъ смѣло и, пожалуй, красиво все это сказано! И какъ мало въ сущности здѣсь сказано! За то во всей французской литературѣ нѣтъ ни одного крупнаго имени, о которомъ вы не получите изъ этой ловко составленной книги нѣкотораго понятія.

А. К.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ОЛОЖЕНІЕ крестьянъ въ древней Греціи Англійскій журналъ «Contemporary Review» въ послѣдней своей книжкѣ за прошедшій годъ помѣстилъ очеркъ современнаго грека Е. Цезареско¹⁾, о томъ, какъ жили крестьяне въ древней Греціи. На основаніи преимущественно Гомера и Гезіода онъ рисуетъ картину ихъ патріархальнаго существованія. Земля была продородная и старательно воздѣлывалась, а потому и давала богатую жатву. Она представляла тучныя пастбища, на которыхъ паслись всякаго рода животныя, но преимущественно овцы, козы и свиньи. На ней росли плодовые деревья и виноградная лоза, а поля были прилично обработаны, вскопаны и вызолоты. Жилища поселенъ были окружены сараями и конюшнями, а въ центрѣ находился домъ хозяина; сторожевыя собаки охраняли жилье и обращали въ бѣгство ночныхъ странствователей. Волы были единственнымъ рабочимъ скотомъ, а стада коровъ, овецъ и козъ имѣли отдѣльныхъ отвѣтственныхъ пастуховъ, у которыхъ по мѣрѣ надобности были помощники. Но самымъ выгоднымъ было мѣсто пастуха свиней, и онъ получалъ такой значительный доходъ отъ мѣны животныхъ, что нерѣдко освобождался отъ зависимости своего господина, строилъ себѣ большой скотный дворъ и даже покупалъ слугъ. Въ древней Греціи существовало рабство, но оно не отличалось тѣмъ унижительнымъ характеромъ, который составлялъ его особенность у другихъ народовъ. Древній греческій поселенинъ-рабъ считался наравнѣ съ свободнымъ человѣкомъ, и съ нимъ обращались одинаково. Вообще, нравы были патріархальныя, и слуги являлись членами семьи своихъ господъ. Относительно бѣдныхъ и странниковъ какъ хозяева,

¹⁾ Peasant life in old Greece, by E. Cesaresso. Contemporary Review. December 1897.

такъ и слуги, выказывали самое широкое гостепрѣимство; ихъ радушно принимали и одѣляли всѣмъ, чѣмъ было возможно. Земледѣльческія работы въ древней Греціи были подчинены строгимъ правиламъ, основаннымъ на изученіи переменъ погоды, полета птицъ и различныхъ фазъ луны, такъ, напримѣръ: періодическое появленіе журавлей опредѣляло начало посѣва и жатвы. Поселяне въ ту отдаленную эпоху придерживались опредѣленныхъ обычаевъ и никогда не отходили отъ разъ установленныхъ принциповъ. Они женились, достигнувъ тридцати-лѣтняго возраста, а брали невѣсть пятнадцати-лѣтнихъ, приносившихъ имъ въ приданое извѣстное число воловъ. Многочисленная семья ихъ всегда пугала, и они молили боговъ, чтобы ихъ жены не оказывались очень плодовитыми, а довольствовались бы однимъ ребенкомъ. Они старательно избѣгали процесовъ, долговъ и остерій, тогдашнихъ кабаковъ. Дожить до старости и быть бѣднякомъ служило вѣчнымъ пугаломъ въ продолженіе всей ихъ жизни. Если земледѣльцы-хозяева отличались часто корыстью, то ихъ нельзя было упрекнуть въ узкомъ эгоизмѣ и въ жестокости къ рабочимъ; они кормили ихъ также, какъ и свою семью, телятиной и бараниной, поили молокомъ и даже виномъ, а одѣвали одинаково съ собой въ домашнюю полотняную одежду и бараньи шкуры и обувь изъ бычачьей кожи. Но за то они требовали, чтобы сельскіе рабочіе никогда не сидѣли безъ дѣла, а вѣчно трудились. Зимой и лѣтомъ, весной и осенью, имъ одинаково находили занятія, и, по мнѣнію древнихъ грековъ, праздность вела къ разоренію и гибели. вмѣстѣ съ тѣмъ они не допускали дѣтей до работы ранѣе двѣнадцати лѣтъ и то занимали ихъ ловлей птицъ и рыбъ, сборомъ плодовъ и уходомъ за живностью, а только въ двадцать-лѣтъ допускали до тяжелаго полевого труда. Наконецъ, древніе греческіе поселяне отличались набожностью и строили по дорогамъ маленькіе храмики въ честь боговъ покровителей земледѣлія и жестоко преслѣдовали тѣхъ, которые рѣшались осквернить эти святыни. Живо и рельефно очертивъ положеніе поселянъ въ древней Греціи, авторъ замѣчаетъ, что, несмотря на длинный рядъ вѣковъ, прошедшихъ съ тѣхъ поръ и на успѣхи цивилизаціи, поселяне современной Греціи находятся почти въ томъ же положеніи, въ какомъ были ихъ отдаленные предки, что не мѣшаетъ имъ, по его словамъ, пользоваться большимъ благоденствіемъ, чѣмъ поселяне всѣхъ остальныхъ европейскихъ странъ.

— Молодость императора Юліана. Въ специальномъ французскомъ историческомъ журналѣ *Revue des questions historiques*, Поло Алларъ посвящаетъ любопытную статью молодымъ годамъ Юліана-Отступника¹⁾. Какъ извѣстно, онъ былъ сынъ Констанція и послѣ насильственной смерти отца, слѣдовавшей вскорѣ за кончиной его матери, Юліанъ, семи лѣтъ отъ роду, былъ отданъ на воспитаніе Евсевію, епископу Никомидійскому, у котораго и пробылъ около года со своимъ наставникомъ Мардовіемъ, а затѣмъ Евсевій поѣхалъ съ нимъ въ Константинополь и тамъ провелъ пять лѣтъ въ духовной христіанской средѣ, хотя свирѣпствовавшая въ то время борьба съ арианами отвлекала духовныхъ лицъ отъ истинной проповѣди евангелія. Съ другой сто-

¹⁾ La jeunesse de l'empereur Julien, par Paul Allard. *Revue des questions historiques*, liv. 124.

роны Мардоній воспитывалъ его въ древнемъ греческомъ языческомъ духѣ. Благодаря этому двойному умственному развитію, въ молодомъ Юліанѣ рано обнаружился дуализмъ, при чемъ онъ отдавалъ преимущество Гомеру и Гезіоду надъ священными книгами и мало-по-малу совершенно залустилъ изученіе латинскихъ писателей, которыхъ греки всегда презирали. Такимъ образомъ, несмотря на свое римское происхожденіе, онъ, благодаря своему воспитанію, сдѣлался настоящимъ грекомъ. Послѣ смерти Евсевія его отправили вмѣстѣ съ его братомъ, Галломъ, въ Кападокію, гдѣ онъ провелъ семь или восемь лѣтъ въ уединеніи, изучая подъ руководствомъ того же Мардонія философію Платона и Аристотеля. Что касается духовнаго образованія, то хотя онъ читалъ много церковныхъ книгъ, но духовныя лица, съ которыми онъ имѣлъ дѣло, были послѣдователи Арія, между прочимъ авантюристъ Георгій, котораго впослѣдствіи солдаты возвели въ санъ епископа Александрійскаго. По свидѣтельству Созомена, Юліанъ и его братъ, бывшій искреннимъ христіаниномъ, иногда въ качествѣ чтецовъ, читали въ церквахъ священныя книги. Достигнувъ двадцати лѣтъ, Юліанъ былъ вызванъ въ Константинополь и слушалъ тамъ лекціи христіанскаго проповѣдника Элевула, и хотя онъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ молодыхъ людей, обучавшихся вмѣстѣ съ нимъ, онъ считался всѣми за наследника престола. Узнавъ объ этомъ, императоръ отослалъ его въ Никомидію, гдѣ онъ сдѣлалъ первый шагъ къ отступничеству отъ христіанства, подъ вліяніемъ знаменитаго Ливанія и въ особенности философвъ неоплатонической школы, которые плѣняли его своими мистическими теоріями и таинственными предсказаніями объ ожидавшей его великой судьбѣ. Послѣ того, какъ братъ его Галлъ былъ приговоренъ къ смерти и казнень, Юліана вызвали въ Италію и продержали въ Миланѣ полгода въ заключеніи, а потомъ, освобожденный по настоянію императрицы Евсевіи, онъ былъ удаленъ въ Аѳины, гдѣ произвелъ очень неудовлетворительное впечатлѣніе на св. Василія и св. Григорія, потому что, сохраняя христіанскую внѣшность, онъ уже былъ въ душѣ язычникомъ и поддерживалъ сношенія съ элевзисскимъ герофонтомъ. Но вскорѣ, по приказу императора, онъ вернулся въ Миланъ; ему тогда было двадцать четыре, и на этомъ кончаются года его юности, которымъ посвящена статья Аллара.

— Доисторическій американскій городъ. Въ послѣдніе годы въ Америкѣ сдѣлано много археологическихъ работъ по возстановленію остатковъ древней цивилизаціи ацтековъ и майевъ. Въ 1891 году археологическій музей Пекони, при Гарвардскомъ университетѣ, добился разрѣшенія у гондурасскаго правительства и установилъ систематическія раскопки древнѣйшаго города на Юкатанскомъ полуостровѣ Копана, подъ руководствомъ профессора Путнама. Первая экспедиція была предпринята М. Савилемъ, а вторая Г. Овенонъ, который умеръ на мѣстѣ работъ отъ мѣстной лихорадки, а съ тѣхъ поръ ежегодно отъ шести до десяти мѣсяцевъ проводилъ тамъ въ постоянныхъ работахъ Джоржъ Гордонъ, который въ январской книжкѣ Century Magazine рассказываетъ въ очень интересной и богато иллюстрированной статьѣ результаты своихъ трудовъ¹⁾. Первые о существованіи Копана, одной изъ величайшихъ

¹⁾ The Mysterious city of Honduras. By George Gordon. Century Magazine, January 1898.

тайнъ свѣта, скрытой вѣками въ прекрасной долинѣ Гондурасскихъ горъ, — сообщилъ ученому міру Стивенъ, въ 1840 году, и его открытіе было встрѣчено общимъ недоувѣріемъ. Теперь же, по словамъ Гордона, новѣйшія археологическія работы въ этой мѣстности вполне подтвердили описаніе Стивенсомъ развалинъ древняго американскаго города. Каково бы ни было происхожденіе Копана, онъ во всякомъ случаѣ — остатокъ древней цивилизаціи Новаго Свѣта и представляетъ живой историческій интересъ. Благодаря послѣднимъ раскопкамъ, музей Пибоди обогатился громаднымъ количествомъ любопытныхъ предметовъ: монолитовъ съ гіероглифическими надписями, скульптурныхъ обломковъ, сосудовъ и т. д., а на мѣстѣ открыто еще болѣе замѣчательныхъ диковинъ, въ томъ числѣ громадная лѣстница, испещренная гіероглифами, и значительное число гробницъ съ человѣческими останками. Насколько можно заключить въ настоящее время, Копанъ имѣлъ въ длину семь или восемь миль, а въ ширину двѣ; улицы и площади были мощены камнемъ, дома также были каменные, а вода и нечистоты проводились системой подземныхъ каналовъ изъ камня и цемента. На правомъ берегу рѣки, проходившей по срединѣ города, находились храмы, дворцы и общественныя зданія, остатки которыхъ мало-помалу вырыты изъ земли, при чемъ оказалось, что зданія, относящіяся, вѣроятно, до различныхъ эпохъ, возвышались другъ надъ другомъ. Поэтому Гордонъ надѣялся, что при усиленномъ продолженіи работъ ему удастся прослѣдить за постепеннымъ развитіемъ первобытной американской цивилизаціи и дойти до ея древнѣйшаго ядра. Въ числѣ уже сдѣланныхъ раскопокъ наиболѣе замѣчательны два храма, обозначенные нумерами 21 и 22, такъ какъ всѣ находки, для порядка, занумерованы. Эти храмы, по своимъ массивнымъ очертаніямъ, какъ бы свидѣтельствуютъ, что ихъ строили гиганты, а колоссальная лѣстница, ведущая къ нимъ и украшенная гіероглифическими надписями, барельефами и статуями, представляетъ рѣдкое и оригинальное художественное произведеніе, напоминающее отчасти египетскія, а отчасти индійскія сооруженія. До сихъ поръ въ Копанѣ еще не найдено цѣльнаго кладбища, но открыто много отдѣльныхъ гробницъ, находящихся въ землѣ и скрытыхъ или горизонтальной аркой или плоской плитой. Въ самомъ подземельѣ мертвыя тѣла клались прямо на каменный полъ и хотя отыскано не мало скелетовъ, но они въ такомъ разрушенномъ видѣ, что трудно судить по нимъ о физическомъ состояніи доисторическаго американскаго народа, которому они принадлежатъ. Только одна любопытная черта достовѣрна, именно по сохранившимся зубамъ видно, что жители Копана, конечно, принадлежавшіе къ высшимъ классамъ, украшали зубы, преимущественно передніе, драгоценными камнями, которые вставлялись въ искусственно сдѣланныя отверстія. Что касается до давности этого города, то ее еще невозможно опредѣлить, но достовѣрными историческими фактами подтверждено, что уничтоженіе Копана относится къ эпохѣ, задолго предшествовавшей открытію Америки. Извѣстно, что въ 1524 году Альваредо подчинилъ испанцамъ племена, заселявшія провинцію Гватемалу, и мало-помалу испанцы заняли всю центральную Америку. О Копанѣ упоминается только при описаніи экспедиціи Фернанда Шаваса, въ 1530 году, но такъ какъ о немъ говорится, какъ о небольшомъ индѣйскомъ селеніи, то врядъ ли упоминаемый

Копанъ тождественъ съ нынѣ открытымъ историческимъ городомъ. Напротивъ донъ Діега Гарціа де Палаціо доносилъ Филиппу II, въ 1576 году, что онъ видѣлъ развалины древнихъ построекъ въ этой самой мѣстности. Поэтому можно заключить, по словамъ Гордона, что Копанъ былъ разрушенъ задолго до прибытія въ Новый Свѣтъ испанцевъ, такъ что даже исчезли преданія о немъ.

— Участіе Паоло Тосканелли въ открытіи Америки. По странной ироніи судьбы не успѣлъ новый свѣтъ отпраздновать четырехсотлѣтній юбилей Христофора Колумба, какъ со всѣхъ сторонъ послышались голоса, сомнѣвающіеся въ томъ, что именно Колумбъ открылъ Америку. Соперниковъ его славы нашлось не мало, и въ настоящее время является открытымъ вопросъ, кому принадлежитъ честь дѣйствительнаго открытія Новаго Свѣта. На одномъ изъ послѣднихъ географическихъ конгрессовъ, маркизъ Д'Авезакъ прямо назвалъ флорентинца Паоло Тосканелли великимъ предвозвѣстникомъ Америки и доказывалъ, что идеи Колумба приняли опредѣленное направленіе лишь, когда ихъ подтвердили сообщенія Тосканелли. Въ настоящее же время профессоръ Генуэзскаго университета, Цезаре Лоллисъ, подготавливаетъ обширный трудъ объ этомъ неизвѣстномъ итальянцѣ, который если самъ и не открылъ Новаго Свѣта, то принялъ въ этомъ самое дѣятельное участіе, побудивъ Колумба предпринять свою знаменитую экспедицію. Чтобы познакомить публику съ результатомъ своихъ изслѣдованій до появленія своей книги, почтенный профессоръ изложилъ его въ небольшой статьѣ, напечатанной въ «Revue des Revues», отъ 15-го января ¹⁾. Прежде чѣмъ указать, какъ развивается свой тезисъ Лоллисъ, не лишне замѣтить, что его нельзя заподозрѣть ни въ какомъ пристрастіи къ Тосканелли, или въ желаніи уменьшить славу Колумба, такъ какъ онъ состоитъ членомъ официальной итальянской комиссіи для изданія новыхъ документовъ о Колумбѣ и написалъ два большихъ труда о немъ: его біографію и подробное изслѣдованіе, въ трехъ томахъ, объ его сочиненіяхъ. Напротивъ, онъ настолько боялся посягнуть на лавровый вѣнецъ великаго генуэзца и хотя давно уже занимается уясненіемъ жизни и трудовъ Тосканелли, но отерочилъ до сихъ поръ обнаруженіе ихъ съ цѣлью не помѣшать юбилейнымъ торжествамъ. Теперь же онъ считаетъ возможнымъ оказать справедливость невѣдомому соотечественнику, долженствующему занять видное мѣсто въ дѣлѣ открытія Америки. По его словамъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что безъ Тосканелли Колумбъ никогда не сталъ бы искать Востока на Западѣ, а слѣдовательно и свѣту не пришлось бы праздновать юбилей его открытія Америки. Вотъ факты, подтверждающіе этотъ тезисъ. Христофоръ Колумбъ случайно прибылъ въ Португалію, въ 1476 году, что подтверждаетъ и онъ самъ и его сынъ, а въ это время португальскій король и окружавшіе его космографы уже разсматривали проектъ объ открытіи новаго пути въ Индію, чрезъ Атлантическій океанъ. Этотъ планъ былъ представленъ лиссабонскимъ каноникомъ Фернамомъ Мартенсомъ, который познакомился въ Италіи съ докторомъ Паоло Тосканелли, изучавшимъ астрономію и географію, и заключался

¹⁾ Qui a decouvert l'Amérique? Christophe Colomb et Paolo Toscanelli. Par Cesare de Lollis. Revue des Revues, 15 janvar 1898.

въ письмѣ послѣдняго отъ 25-го іюня 1471 года. Ученый итальянецъ не только выяснилъ свои мысли о томъ, какъ можно было достигнуть Индіи болѣе краткимъ путемъ, чѣмъ вокругъ Африки, но и приложилъ къ нему плансферу съ обозначеніемъ разстояній въ отношеніи широты и долготы. Объ этомъ планѣ новаго пути въ Индію узналъ Колумбъ и вступилъ въ прямыя сношенія съ Тосканелли съ сентября 1479 года по августъ 1481 годъ; эти крайніе пункты ихъ сношеній опредѣляются двумя существующими письмами Тосканелли къ Колумбу и тѣмъ фактомъ, что Тосканелли умеръ въ 1482 году. Не смѣя прямо обратиться къ извѣстному ученому, Колумбъ прибѣгнулъ къ посредничеству другого флорентинца, Лоренцо Герарди, занимавшагося торговлей въ Лиссабонѣ, но по несчастью его первое письмо къ Тосканелли не сохранилось, напротивъ, отвѣтъ итальянскаго доктора дошелъ до насъ, и изъ него видно, что Тосканелли принималъ Колумба за португальца, что подаетъ мысль Лоллису предположить, не скрывалъ ли Колумбъ свое итальянское происхожденіе. Относительно самого дѣла Тосканелли похвалилъ Колумба за его намѣреніе проникнуть кратчайшимъ путемъ въ страну, гдѣ росли пряности, и приложилъ къ письму конію съ плана и карты, посланныя имъ нѣкогда въ Лиссабонъ. Получивъ все это, Колумбъ рѣшился вторично написать къ Тосканелли и просить болѣе подробныхъ указаній, на что и получилъ новый отвѣтъ, въ которомъ Тосканелли писалъ: «Я съ удовольствіемъ вижу твое благородное желаніе достигнуть Востока съ Запада, согласно присланной тебѣ моею картою, и я очень доволенъ, что эту карту поняли, а мой проектъ считаютъ возможнымъ, но я сожалею, что ты не совершенно отдаешь себѣ отчетъ, какъ я, въ общемъ объемѣ моего плана». Христофоръ Колумбъ написалъ письмо Тосканелли на поляхъ принадлежавшей ему книги «Исторія папы Пія VII»; кромѣ того, отрывокъ изъ этого письма написанъ Колумбомъ въ журналѣ, который велся на кораблѣ во время его перваго путешествія; наконецъ, не упоминая ни однимъ словомъ о Тосканелли, Колумбъ признаетъ въ описаніи своего четвертаго путешествія, что онъ изъ данныхъ, заключающихся въ означенномъ письмѣ, почерпнулъ аргументъ, побудившій католическихъ королей довѣрить ему начальство надъ экспедиціей, окончившейся открытіемъ Новаго Свѣта и во время котораго онъ пользовался картою Тосканелли. Все это, по словамъ Лоллиса, доказываетъ вполне, что онъ сумѣлъ оцѣнить и примѣнить практически теоретическій трудъ итальянскаго ученаго. Что касается до той несправедливости, которую оказывали до сихъ поръ Тосканелли, то Лоллисъ объясняетъ ее тѣмъ, что онъ умеръ за десять лѣтъ до открытія Америки, и его скромное имя естественно ступавалось передъ славой Колумба, а первый составитель исторіи открытія Америки, сынъ Колумба, донъ Фернандо, нашелъ возможнымъ упомянуть о немъ въ очень туманныхъ выраженіяхъ. Онъ именно говоритъ, что отецъ подкрѣпилъ возможность своего плана ссылкою на Пьера д'Альи, хотя какой-то флорентинскій докторъ Паоло, современникъ Колумба, былъ отчасти причиною того, что онъ предпринялъ свое путешествіе съ большою увѣренностью». Наконецъ, по словамъ Лоллиса, пришло время отдать всякому должное и, нимало не уменишая

славы Колумба, признать, что онъ открылъ Америку только потому, что ему указалъ путь туда Паоло Тосканелли.

— Флорентинская легенда о Каинѣ на лунѣ. Извѣстный знатокъ итальянской старины, Эмилъ Гебгартъ, рассказываетъ въ *Journal de Debats* отъ 15-го января ¹⁾, что среди народныхъ флорентинскихъ легендъ сохранилась одна, чрезвычайно оригинальная и характерная. Въ ней объясняется, совершенно въ новомъ видѣ, тотъ фактъ, что долго въ глазахъ народа, не только въ Италіи, но и въ другихъ странахъ, луна, повидимому, имѣла сходство съ человѣческимъ лицомъ. Флорентинцы увѣряли, что это происходило отъ того, что Каинъ, за убійство Авеля, былъ сосланъ Богомъ на луну. Легенда, рассказывающая этотъ оригинальный комментарий на библейское повѣствованіе, имѣетъ замѣчательную демократическую подкладку, напоминающую проповѣди Саванароллы. По словамъ этой легенды, Каинъ не любилъ Авеля, а послѣдній шталъ къ нему нѣжныя чувства; при этомъ Каинъ не любилъ работать, а напротивъ Абель охотно трудился и, благодаря этому, сдѣлался крупнымъ торговцемъ скота. Тогда Каинъ сталъ ему завидовать и тоже захотѣлъ быть богатымъ, но ему не везло, и хотя въ сущности онъ былъ недурнымъ человѣкомъ, но зависть и нищета возбудили въ немъ ненависть къ Авелю. Однажды онъ сказалъ: «Абель, ты богатъ, а я бѣденъ; отдай мнѣ половину твоихъ богатствъ». На это Абель отвѣчалъ: «Работай, какъ я, и ты будешь также богатъ». Вскорѣ послѣ этого, Каинъ видѣлъ во свѣ семь тучныхъ воловъ и семь тощихъ, а профѣзжій купецъ, бывшій астрологомъ и кудесникомъ, объяснилъ ему этотъ сонъ тѣмъ, что семь тучныхъ воловъ означали семь лѣтъ урожая, а семь тощихъ — семь лѣтъ голода. Предсказаніе кудесника начало сбываться, и Каинъ сказалъ себѣ: «Въ первый семь лѣтъ Абель столько наживетъ и столько отложить, что я, убивъ его и воспользовавшись его богатствомъ, уже не буду бояться семи голодныхъ лѣтъ». При этомъ онъ не переставалъ думать о Богѣ, и любилъ его болѣе Авеля, такъ какъ Абель, сдѣлавшись богачемъ, уже не думалъ о Богѣ. Когда пришло время исполнить свое намѣреніе, то Каинъ зазвалъ брата въ лѣсъ и сказалъ ему: «Посмотри, какъ ты богатъ и какъ я бѣденъ, несмотря на всѣ мои усилія». Сказавъ это, онъ убилъ Авеля, забросавъ его тѣло грудой терновника и, взявъ его одежду, выдалъ себя за Авеля. Ему повѣрили, и онъ сталъ богатъ. Но однажды къ нему пришелъ кудесникъ, предсказавшій года урожая и голода и, какъ бы не узнавая его, сказалъ: «Здравствуй, Абель!» Но тогда всѣ воли, какъ тучныя, такъ и тощія, завопли: «Это не Абель! Это Каинъ! который изъ любви къ деньгамъ убилъ брата и взялъ его одежды». Ну, теперь, Каинъ, пойдѣмъ къ Богу, который тебя присудитъ къ смерти, въ наказаніе за твое преступленіе». Убійца воскликнулъ: «О Боже милостивый! Прости меня за мою прежнюю любовь къ тебѣ; я, правда, забылъ Тебя, но на одну минуту, и очень раскаиваюсь въ убійствѣ своего брата Авеля». На это Богъ отвѣчалъ: «Ты будешь наказанъ, Каинъ. Абель Меня не любилъ и много нажилъ денегъ путемъ кудесничества,

¹⁾ Cain dans la lune. Legends Florentines, par Emile Gebhart. Journal des Debats, edition hebdomadaire, 15 janvier 1848.

но онъ не дѣлалъ зла, и Я ему простилъ. Но тебѣ Я не прощу, потому что ты обагрилъ свои руки кровью человѣка. Луна будетъ тебѣ тюрьмой, и оттуда ты будешь смотрѣть на то, какъ люди творять и добро и зло. Ты будешь покрытъ терніями, которыми ты засыпалъ тѣло Авеля, и эти терніи будутъ вонзаться въ тебя каждый разъ, какъ твое имя будутъ поминать преступники на землѣ. И доколѣ на землѣ сохранится царство кудесниковъ, твоему мученичеству не будетъ конца». По словамъ Гебгарта, въ этой легендѣ очевидно слышится гностическій духъ и вѣчный протестъ бѣдныхъ противъ богатыхъ, что встрѣтитъ исполнѣ естественно въ народныхъ легендахъ средневѣковой Флоренціи, гдѣ Саванаролла прямо говорилъ богатымъ: «Кормите тѣхъ, которые умпрають съ голоду, или вы будете ихъ убійцами».

— Англичанка добраго стараго времени. Въ февральскомъ номерѣ «English Illustrated Magazine» появилась иллюстрированная, небольшая, но интересная биографія лэди Елизаветы Перси ¹⁾, которая была замужемъ три раза до шестнадцатилѣтняго возраста. Она жила въ веселой Англій XVII вѣка, и авторъ статьи М. Буллокъ графически резюмируетъ жизнь этой необыкновенной женщины. По его словамъ, трехъ лѣтъ она уже была богатѣйшей женщиной въ Англій и владѣла шестью баронствами по наслѣдственному праву; двѣнадцати лѣтъ она могла сдѣлаться невѣсткой короля и вышла замужъ за герцога; тринадцати лѣтъ она овдовѣла; четырнадцати вышла замужъ за богатѣйшаго комонера въ Англій; пятнадцати вторично овдовѣла и въ третій разъ вышла замужъ снова за герцога; она родила тринадцать дѣтей, сдѣлалась предметомъ сатиры автора «Гулливера» и умерла пятидесяти шести лѣтъ. Дочь лорда Нортумберланда, она еще ребенкомъ наслѣдовала послѣ смерти отца громадныя помѣстья, извѣстныя еще при Вильгельмѣ Завоевателѣ, и вся страна, отъ королевской семьи до простолюдиновъ, интересовалась, кому удастся завербовать такую видную невѣсту. Прежде всѣхъ явился кандидатомъ побочный сынъ короля Карла II отъ герцогини Кумберландской, Джорджъ Фицрой, но бабка юной невѣсты нашла подобный бракъ недостойнымъ и выдала ее за лорда Огля, сына герцога Ньюкастля, который умеръ черезъ два года шестнадцати лѣтъ. Второй мужъ Елизаветы хотя и былъ простымъ смертнымъ безъ всякаго титула, но считался богатѣйшимъ комонеромъ въ Англій и водилъ дружбу съ принцами крови и съ знатнѣйшими аристократами. Его звали Томасомъ Тиномъ и такъ какъ его женѣ было только четырнадцать лѣтъ во время ихъ свадьбы, то этотъ второй бракъ былъ, также какъ и первый, только формальный. Молодая жена уѣхала въ Голландію къ своей родственницѣ лэди Темплъ, до того времени, когда года позволять ей исполнять супружескія обязанности. Тамъ безумно влюбился въ нее извѣстный Донъ-Жуанъ, графъ Кенингсмаркъ, и, поклявшись убить ея мужа, отравился въ Лондонъ, гдѣ нанялъ трехъ убійцъ, которые среди бѣлаго дня, на Лестерскомъ скверѣ, умертвили, ѣхавшаго въ каретѣ, Тина изъ ружей и писголетовъ. Несчастный умеръ черезъ нѣсколько часовъ, а убійцы и Кенингсмаркъ были преданы суду,

¹⁾ A Wondersful Woman of Merric England: ledi Elizabeth Percy. By M. Bulloch. English Illustrated Magazine. February. 1898.

который, однако, освободил веселаго графа, какъ тогда рассказывали, благодаря крупной взяткѣ, а приговорилъ къ повѣшенію его сообщниковъ. Спустя четыре мѣсяца послѣ этой трагической катастрофы, молодая вдова вышла въ послѣдній разъ замужъ за герцога Соммерсета, чрезвычайно красиваго чело- вѣка и потому игравшаго всегда видную роль во всѣхъ придворныхъ церемо- ніяхъ того времени. Какъ онъ, такъ и его жена играли немаловажную роль въ англійской исторіи. Соммерсета всегда называли гордымъ герцогомъ, и онъ занималъ высшія должности въ государствѣ, а когда она замѣнила извѣстную герцогиню Мальборо при дворѣ королевы Анны, то Свифтъ написалъ сатиру на нее въ своемъ «Видзорскомъ пророчествѣ», гдѣ, между прочимъ намекая на ея рыжіе волосы, предупреждаетъ англичанъ, чтобы они боялись нортум- берландской моркови. Несмотря на многочисленныхъ дѣтей, она долго сохра- няла свою красоту, а послѣ ея сына, герцога Соммерсета и лорда Нортумбер- ланда, гордый родъ Перси прекратился, и ихъ титулы перешли въ боковую женскую линію.

— Французскіе шпіоны XVII и XVIII столѣтій. По поводу дамы въ вуалѣ, играющей таинственную роль въ пресловутомъ дѣлѣ Дрейфуса, расска- зываются въ первой февральской книжкѣ «Revue des Revues» приключенія нѣкоторыхъ историческихъ шпіоновъ при Людовикахъ XIII и XIV ¹⁾. Авторъ этого очерка, Рауль Дебердтъ, начинаетъ съ того, что доказываетъ вѣроят- ность типа «милэди», созданнаго Александромъ Дюма въ «Трехъ мушкетер- ахъ». Оказывается, что этотъ типъ международной интриганки и шпіонки не имѣетъ въ себѣ ничего фантастическаго, а въ XVII вѣкѣ во Франціи было немало подобнаго рода авантюристокъ, продававшихъ государственныя тайны. Первой изъ нихъ по времени была г-жа де-Тилле, прозванная «убійцей коро- лей». Эта старая дѣва, сухая, сварливая и циничная, вооружила Равальяка противъ Генриха IV и скрывала его у себя въ домѣ цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ до преступленія, но такъ какъ въ этомъ дѣлѣ принимали участіе многія высо- копоставленныя лица, въ томъ числѣ сама королева, Марія Медичи, то эту злодѣйку не только оставили въ покоѣ, но она занимала въ высшемъ обществѣ привилегированное мѣсто, ведя безконечныя интриги, а когда какая-то не- счастливая горбатая женщина вздумала болтать о преступныхъ дѣяніяхъ г-жи Тилле, то ее засадили въ клѣтку, какъ дикаго звѣря, и уморили голодомъ. Если Людовикъ XIII вошелъ на престолъ, благодаря преступленію одной интри- ганки, то его знаменитый министръ Ришельё держалъ цѣлый полкъ шпіо- нокъ. Главной изъ нихъ была его племянница, г-жа де-Комбале, но онъ не пренебрегалъ и служанками для полицейской службы, такъ благодаря доносу одной изъ такихъ служанокъ былъ открытъ заговоръ Сень-Марса. Изъ дру- гихъ шпіонокъ слѣдуетъ упомянуть извѣстную куртизанку Маріану-Делормъ и красавицу Шемеро, которая, выйдя замужъ за богатаго и глупаго аристо- крата де-ла-Базиньера, продолжала заниматься своимъ позорнымъ ремесломъ. Мазарини былъ слишкомъ скупъ, чтобы поддерживать женскую полицію, а

¹⁾ Les espionnes et dames voilées en France, par R. Deberdt. Revue des Re- vues, 1-er fevrier, 1898.

потому интриганки всѣхъ классовъ и положеній, видя для себя закрытой эту выгодную для нихъ профессію возбудили Фронду, такъ какъ не могли оставаться безъ дѣятельности. Тогда преемникъ Ришельё взялся за умъ и возстановилъ армию шпионокъ. Той же политикѣ слѣдовалъ Фуке и въ числѣ купленныхъ имъ авантюристокъ находилась будущая фаворитка Мантенонъ, но когда онъ вздумалъ узнавать королевскія тайны чрезъ Лавальеръ, то не только наивная красавица не поддавалась подкупу, но и погубила хитраго министра. Съ помощью ловкой шпионки г-жи де-Косткенъ, враги принцессы Генріэты, имѣвшей одно время большее вліяніе на Людовика XIV, выпытали отъ нея тайны, повѣренныя ей королемъ и тѣмъ уничтожили ея значеніе. Эта замѣчательная шпионка поступила въ означенномъ случаѣ съ удивительнымъ искусствомъ и сдѣлалась любовницей легкомысленнаго Тюрена, чтобы чрезъ него вывѣдать политическія тайны, которыя ему довѣряла принцесса. Но были шпионки симпатичныя и даже пламенныя патріотки, какъ, наприимѣръ, г-жа де-Мюсси, оказавшая громадную услугу Франціи во время войны за наслѣдство испанскаго престола. Эта веселая авантюристка, послѣдовавшая въ Мадридъ за графомъ д'Альберомъ, случайно встрѣтилась на дорогѣ съ лордомъ Стангопомъ, который командовалъ англо-голландской арміей. Узнавъ въ немъ своего стараго поклонника, она рѣшилась сдѣлаться новой Далилой и удержала влюбленнаго въ нее лорда на двадцать четыре часа въ маленькомъ городкѣ Бринегѣ подъ предлогомъ ея неожиданной болѣзни и дала объ этомъ знать французскому главнокомандующему Вандому, который напалъ врасплохъ на союзный корпусъ и взялъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ лордомъ Стангопомъ. Результатомъ этой ловкой продѣлки французской авантюристки была полная побѣда французовъ и возстановленіе на испанскомъ престолѣ Филиппа V. Въ концѣ XVII вѣка прославилась другая интриганка, г-жа ла-Шосере, которая вкралась въ довѣріе Людовика XIV и долго съ большимъ успѣхомъ противодействовала путемъ интригъ и шпионства могучему вліянію іезуитовъ, въ чемъ ей усердно помогала жена англійскаго посланника въ Парижѣ, лэди Шрюзбери, которая также пользовалась славой ловкой шпионки. Никто въ Европѣ лучше ея не зналъ всей подноготной папской политики, и во всѣхъ отношеніяхъ она была достойной дочерью своей матери, герцогини Нортумберландской, которая, находясь въ Римѣ, привлекала въ свой салонъ всѣхъ дипломатовъ и искусно выпытывала отъ нихъ политическія тайны. Лувуа по примѣру своихъ предшественниковъ такъ же имѣлъ цѣлый сонмъ шпионокъ, во главѣ которыхъ стояла его любовница, г-жа Дюфренуа. Значительную роль въ подпольной женской дѣятельности начала XVIII вѣка играла г-жа Демаръ, фаворитка регента, которая составила вмѣстѣ съ швейцарскимъ банкиромъ Гогерсомъ, барономъ Гёрцемъ и шведскимъ королемъ Карломъ XII планъ о преобразованіи всей карты Европы, съ цѣлью раздѣленія свѣта между Франціей и Швеціей. «Но, — говоритъ Дебердтъ въ концѣ своей статьи: — потребовались бы цѣлые тома для разсказа обо всѣхъ интригахъ и шпионствахъ, которыми прославили себя женщины въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, при чемъ одинаково дѣйствовали и аристократки и куртизанки, и благородныя патріотки и корыстолюбивыя искательницы приключеній».

— Живой подарок Венеціанской республики прусскому королю Фридриху-Вильгельму I. Въ «Revue Bleue» отъ 12-го февраля 1898 года ¹⁾ напечатаны два любопытныхъ документа, найденные въ Венеціанскомъ архивѣ и заключающіе въ себѣ письма прусскаго короля Фридриха-Вильгельма I къ Венеціанской республикѣ, по случаю оригинальнаго подарка, который Венеція обѣщала поднести королю. Этотъ подарокъ состоялъ изъ двѣнадцати людей, высокаго роста, для прусской гвардіи, и постановленіе о немъ было сдѣлано въ 1734 году при дожѣ Карлѣ Руццини, но, повидимому, венеціанцы не торопились исполнить свое намѣреніе, и спустя два года Джіовани Катанео, исторіографъ и агентъ прусскаго короля, напомнилъ новому дожу Пизани о томъ, что король ждетъ обѣщаннаго подарка и готовъ прислать за нимъ. Когда же на это не получилось никакого отвѣта, то самъ король въ 1737 году и потомъ въ 1738 году, написалъ два письма къ венеціанскому правительству по этому предмету. Въ первомъ онъ заявляетъ свою благодарность за оказанную ему честь и проситъ передать означенныхъ двѣнадцать людей, которые, какъ онъ выражается, вѣроятно, уже собраны, посланному для этой дѣли въ Венецію капитану Сидору. Снова въ Берлинѣ не получено было никакого отвѣта, и спустя нѣсколько мѣсяцевъ, король пишетъ второе письмо и хотя въ любезныхъ выраженіяхъ, но настаиваетъ на исполненіи венеціанскимъ сенатомъ своего намѣренія, причемъ заявляетъ готовность получить двѣнадцать солдатъ высокаго роста, хотя бы по частямъ, именно сначала три или четыре человѣка, а остальныхъ по мѣрѣ ихъ вербовки. На этомъ, по словамъ Молина, дѣло о живомъ подаркѣ Венеціанской республики прусскому королю заканчивается, и въ Венеціанскомъ архивѣ нѣтъ свѣдѣній о томъ, былъ ли въ концѣ концовъ онъ отправленъ въ Берлинъ или нѣтъ.

— Вольтеръ и дѣло Каласа. Дѣло Дрейфуса, производящее столько шума во Франціи, естественно напоминаетъ о дѣлѣ Каласа, которое возбуждало еще большій ингересъ въ концѣ XVIII вѣка, и поклонники Зола, разыгрывающаго роль защитника Дрейфуса, сравниваютъ его съ Вольтеромъ, добившимся офиціальнаго признанія невинности Каласа. Въ сущности между этими дѣлами также мало общаго, какъ между великимъ свободнымъ мыслителемъ прошедшаго вѣка и талантливымъ романистомъ нынѣшняго, и въ первомъ не трудно убѣдиться, прочитавъ хоть статью Рауля Алье во второй январской книжкѣ «Revue de Paris», подъ заглавіемъ «Вольтеръ и дѣло Каласа» ²⁾. Самое дѣло Каласа было очень простое и несложное. Въ Тулузѣ жилъ въ 1761 году Жанъ Каласъ, протестантъ, по вѣрѣ, и торговецъ матеріями, по профессіи; вся его семья была также протестантская, кромѣ одного сына, Луи, который перешелъ въ католичество, причемъ отецъ характерно выразился, что онъ не можетъ осуждать за это его, если онъ поступилъ по искреннему убѣжденію, такъ какъ, насилуя совѣсть, можно только породить лицемеровъ. Другой сынъ этого почтеннаго человѣка былъ неудачникъ, ненавидѣлъ торговлю, зани-

¹⁾ Cadeaux de souverains, par C. Molina, Revue Bleue. 12 fevrier 1898.

²⁾ Voltaire et l'affaire Calas, par Raoul Allier. Revue de Paris. 15 janvier 1898.

мался литературой и отличался мрачной меланхолией, такъ что не разъ поговаривалъ о самоубійствѣ, и всѣмъ было извѣстно, что онъ за послѣднее время предавался азартной игрѣ. 3-го октября, этотъ сынъ Каласа, по имени Маркъ-Антоній, ушелъ изъ дома отца послѣ обѣда, а спустя нѣсколько времени его нашли повѣсившимся на двери родительскаго дома. Повидимому, нельзя было сомнѣваться въ самоубійствѣ, но къ дѣлу примѣшалась религиозная нетерпимость, и судебная власть, по наущенію католическаго духовенства, сдѣлала изъ самоубійцы жертву протестантскаго фанатизма. Бѣднаго Каласа старика обвинили въ убійствѣ сына за то, что тотъ хотѣлъ перейти въ католичество, чего на самомъ дѣлѣ никогда не было, и напротивъ онъ отказался отъ намѣренія пойти въ адвокаты, такъ какъ въ то время для этого была необходима принадлежность къ католической церкви. Сына торжественно хоронятъ, какъ мученика, а отца отдали подъ судъ, подвергли пыткѣ, во время которой онъ упорно повторялъ: «я не виновенъ»; и въ концѣ концовъ былъ четвертованъ. Клерикалы ликовали до той минуты, какъ это возмутительное дѣло не дошло до ушей Вольтера. Онъ сначала не повѣрилъ, чтобы французскіе судьи могли безъ всякой причины четвертовать невиннаго человѣка, и навелъ подробныя справки, между прочимъ вызвалъ изъ Тулузы къ себѣ младшаго сына Каласа и двухъ почтенныхъ торговцевъ. Когда же онъ собралъ несомнѣнныя доказательства, что не Каласъ былъ фанатикомъ и убійцей, а этого эпитета вполне заслуживало каждое изъ официальныхъ лицъ, принимавшее участіе въ его судѣ и казни, — то Вольтеръ рѣшилъ одинъ пойти противъ правительства, суда и духовенства, одинъ добиться официальнаго признанія судомъ невинности Каласа и одинъ, путемъ протеста со стороны общественнаго мнѣнія, возстановить поправную правду. «Надо кричать самому и заставлять другихъ кричать о совершенной сильными міра сего несправедливости», — заявилъ онъ публично и началъ гигантское движеніе въ пользу возстановленія чести несчастнаго Каласа. Сначала онъ обратился къ высокимъ личностямъ, съ которыми находился въ хорошихъ отношеніяхъ, къ министрамъ, маршаламъ и председателямъ судовъ, но вскорѣ убѣдился, что только крикъ народнаго негодованія можетъ возстановить правду. Въ нѣсколькихъ словахъ вѣтъ возможности передать всей лихорадочной дѣятельности Вольтера по этому высоко-гуманному дѣлу: онъ писалъ брошюры, говорилъ безъ устали и всячески возбуждалъ общественное мнѣніе, а когда его спрашивали, зачѣмъ онъ такъ лѣзъ изъ кожи по дѣлу, которое вовсе до него не касалось, онъ просто отвѣчалъ: «вы желаете знать, почему я взялся вести это дѣло? — а просто потому, что никто другой не взялся за это. Къ тому же я поступилъ, какъ поступаютъ всѣ люди и руководствовался въ этомъ дѣлѣ своей наклонностью, а наклонность философа — не только сожалѣть несчастныхъ, но и помогать имъ». Наконецъ, проведя дѣло по всѣмъ инстанціямъ и торжественно выигравъ пять процессовъ, Вольтеръ добился, что три года спустя послѣ казни Каласа, 28 февраля 1765 года, честь несчастнаго мученика была возстановлена, позорный приговоръ исключенъ изъ судебныхъ протоколовъ, и вдовѣ, а также дѣтямъ Каласа, возвращены ихъ имущественныя права. Не только Парижъ и Франція, но вся Европа, слѣдившіе съ лихорадочнымъ вниманіемъ, за поединкомъ одного человѣка съ могучей

государственной властью, пришли въ восторгъ отъ торжества Вольтера. Имя его, какъ защитника Каласа, пользовалось долго такой популярностью, что когда, тринадцать лѣтъ спустя, во время торжественной встрѣчи, устроенной Парижемъ великому старику, кто-то въ толпѣ спросилъ, за что чествуютъ этого человѣка, то одна женщина воскликнула: «развѣ вы не знаете? Это спаситель Каласа». Такимъ образомъ въ глазахъ народа всѣ заслуги великаго мыслителя и писателя ступевались передъ его защитой правды. Какъ ни кратко этотъ очеркъ дѣла Каласа и роли въ немъ Вольтера, но ясно видно, какъ рѣзко отличается то и другое отъ дѣла Дрейфуса и шумнаго участія въ немъ автора «Нана».

— Прототипъ одной изъ героинь Гете. По англійской пословицѣ, «дождь никогда не идетъ, а льетъ» — и эта пословица постоянно подтверждается въ литературѣ и журналистикѣ: появится чьянибудь книга или статья о какомънибудь новомъ или невѣдомомъ предметѣ, и тотчасъ возникнетъ о томъ или другомъ дѣлая литература. Такъ не успѣла появиться въ первой январской книжкѣ «Revue des Revues» статья объ ученицѣ Руссо, какъ уже въ февральскихъ нумерахъ «Revue de Paris» напечатана другая статья о ней, въ которой эта, доселѣ мало извѣстная, личность изображается прототиномъ героини пьесы Гете «Die natürliche Tochter» (Побочная дочь). Авторъ этого послѣдняго очерка, академикъ Мишель Бреаль¹⁾, съ одной стороны рассказываетъ жизнь принцессы Стефаніи-Луизы Бурбонь-Конте, на основаніи ея мемуаровъ, хотя и напечатанныхъ въ 1798 году, но въ столь небольшомъ количествѣ экземпляровъ, что онѣ сдѣлались библиографическою рѣдкостью, а съ другой выясняетъ, почему Гете вздумалъ написать пьесу на главное событіе въ ея жизни, и какимъ образомъ онъ вознамѣрился изъ своего произведенія сдѣлать первое звено обширной трилогіи во французской революціи. Кромѣ личныхъ мемуаровъ принцессы, почти никому невѣдомыхъ, не существовало до настоящаго времени никакихъ основательныхъ свѣдѣній объ ея личности, а потому ее долго считали авантюристкой, но Бреаль, благодаря кропотливымъ изысканіямъ въ архивахъ и современныхъ ей историческихъ матеріалахъ, удостовѣряетъ, что она дѣйствительно была незаконная дочь принца Конти отъ герцогини Мазаринь. Но, несмотря на всѣ его успія, все-таки многое въ ея жизни остается таинственнымъ и смутнымъ, такъ что ея романическія приключенія, которымъ вѣрилъ Гете, и признаетъ дѣйствительными Бреаль, подтверждаются лишь ея собственнымъ рассказомъ. Воспитанная въ домѣ отца подъ руководствомъ Жанъ-Жана Руссо, принцесса Бурбонь-Конти до двѣнадцатилѣтняго возраста вела самую счастливую жизнь и была извѣстна подъ именемъ графини Манъ-Керъ-Цень. Апогеемъ этой счастливой эпохи ея жизни должно было служить представленіе ея ко двору Людовика XV и узаконеніе ея принцессой крови, но за нѣсколько дней до этого событія въ іюнѣ 1773 года она неожиданно исчезла, и было заявлено, что она умерла, о чемъ и составленъ церковный актъ. Но впоследствии оказалось, что этотъ документъ былъ подложный, и затѣмъ начинается уже романическая и ничѣмъ не подтвержденная до сихъ

¹⁾ Une héroïne de Goethe, par M. Bréal. Revue de Paris, 1—15 février 1898.

поръ сторона ея жизни. По ея словамъ ее похитили лица, которыя ее окружали по порученію отца, увезли въ провинцію, заперли на нѣкоторое время въ монастырь и наконецъ насильно выдали замужъ за провинціального прокурора Антуана Биле, причѣмъ и вѣнчалъ тотъ же патеръ, который подписалъ свидѣтельство объ ея смерти. Все это очень таинственно и смутно, такъ какъ не видно прямыхъ причинъ подобнаго преступнаго дѣянія, и если еще можно предположить, что въ интересахъ ея матери и брата было отдѣлаться отъ нея, то рѣшительно непонятно, почему отецъ, повидимому, очень любившій ея въ дѣтствѣ и много заботившійся о ней, не принялъ никакихъ мѣръ для уясненія ея неожиданной смерти. Однако Бреаль полагаетъ, что вина матери и брата не подлежатъ сомнѣнію, и что есть основанія предполагать, что даже отецъ принималъ участіе въ ихъ жестокомъ поступкѣ съ цѣлью освободиться отъ компрометировавшаго его ребенка, въ виду его новыхъ незаконныхъ связей, отъ которыхъ у него были другія дѣти. Какъ бы то ни было, несчастная женщина пятнадцать лѣтъ находилась то подъ строгимъ надзоромъ мужа, то въ монастыряхъ, гдѣ она искала спасенія, и только на двадцать седьмомъ году своей жизни она сумѣла, послѣ долгихъ хлопотъ, добиться покровительства короля Людовика XVI и его брата, будущаго короля Людовика XVIII. Ей назначили пенсію, стали принимать ко двору и даже называли кузиной; конечно, тронутая этими милостями, принцесса сдѣлалась горячей защитницей королевской власти въ ту бурную эпоху начала революціи. Благодаря найденной высокой протекціи, она возбудила процессъ съ мужемъ о разводѣ, но паденіе монархіи омрачило всѣ ея свѣтлыя надежды, и она была арестована въ числѣ другихъ членовъ королевской семьи. Впрочемъ, ее вскорѣ оевободили, но она обратилась съ просьбой въ комитетъ общественной безопасности о дозволеніи ей раздѣлить участь дочери Людовика XVI, и это ей разрѣшили, но вскорѣ ихъ разлучили по желанію самой Маріи-Терезіи. Тогда наступило для нея тяжелое, бѣдственное время, и только при Директоріи ей удалось выхлопотать себѣ новый, пенсіонъ, получая который она нѣсколько успокоилась и напечатала свои мемуары. Эти деньги она продолжала получать въ эпоху консульства и имперіи но съ воцареніемъ Людовика XVIII ее совершенно забыли, несмотря на всѣ ея просьбы и мольбы о возвращеніи ея ко двору и восстановленіи титула принцессы. Напротивъ, ее открыто считали за авантюристку, несмотря на то, что самъ Людовикъ XVIII называлъ ее когда-то кузиной. Наконецъ, въ 1825 году она умерла почти въ нищенскомъ положеніи. Трудно сказать, знала ли она, что Гете выбралъ ее героиней одной изъ своихъ пьесъ и тѣмъ увѣнчалъ ее большей славой, чѣмъ если бы королевскій бурбонскій домъ официально принялъ ее въ свое лоно. Что касается до Гете, то изъ его писемъ видно, что онъ съ интересомъ прочелъ мемуары принцессы Конти и не только взялъ главный ихъ эпизодъ въ основу своей пьесы «Побочная дочь», но и задумалъ сдѣлать ея личность центромъ еще двухъ пьесъ, причѣмъ вся эта трилогія служила бы драматическимъ олицетвореніемъ французской революціи. Но ему удалось написать только первую пьесу, которая, несмотря на всѣ свои литературныя достоинства, не имѣла успѣха. Конечно, онъ нѣсколько видоизмѣнилъ исторію похищенія и насильственнаго брака своей героини: онъ назвалъ ее просто Евге-

ней, придалъ ей талантъ поэтессы и заставилъ ее добровольно согласиться на бракъ съ ея мужемъ, котораго онъ также значительно поэтизировалъ. Отъ второй пьесы сохранился лишь планъ, по которому Евгенія и ея мужъ должны были разыгрывать видную роль въ революціонныхъ событіяхъ. Относительно третьей пьесы рѣшительно ничего неизвѣстно, и Бреаль, только путемъ аналогіи, доходитъ до предположенія, что въ ней должны были фигурировать казнь короля и смерть героини, не успѣвшей спасти Людовика XVI, несмотря на всѣ свои усилія. Хотя всѣ поклонники Гете пламенно сожалеютъ, что онъ не выполнилъ своей задачи, но, по словамъ Бреаля, врядъ ли его трилогія о французской революціи могла бы имѣть какое значеніе, кромѣ литературнаго, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что, пораженный сначала этимъ великимъ событіемъ, какъ новой эрой исторіи, онъ мало-по-малу сталъ относиться къ нему съ самымъ узкимъ предубѣжденіемъ политическаго реакціонера.

— Вашингтонъ и Лафайетъ. О борьбѣ за независимость Сѣвероамериканскихъ Штатовъ никогда не устаютъ писать, какъ въ Новомъ, такъ и въ Старомъ Свѣтѣ. Въ послѣднее время вышло нѣсколько любопытныхъ книгъ и статей объ этой бурной эпохѣ и ея герояхъ. Конечно, первое мѣсто принадлежитъ, какъ всегда, Вашингтону, и въ январской книжкѣ «Century Magazine» напечатаны интересныя воспоминанія о немъ¹⁾ дочери его друга генерала Грина. Эти воспоминанія собрала и графически рассказываетъ ея внучка Марта Филиппъ, которая лично слышала ихъ отъ бабки. «Одно изъ важнѣйшихъ событій моего дѣтства, — говорила эта почтенная особа, — было мое первое свиданіе съ генераломъ Вашингтономъ. Моя мать внушила мнѣ, что увидать этого великаго человѣка было для меня величайшей честью и заранѣе научила, какъ вести себя. Но когда она повезла въ Маунтъ-Вернонъ, гдѣ жилъ начальникъ и другъ отца, когда Вашингтонъ вышелъ къ намъ, ожидавшимъ его въ гостиной, съ мистрисъ Вашингтонъ, то я забыла всѣ уроки матери насчетъ низкаго присѣданія и почтительнаго привѣтствія, ушла на колѣни передъ нимъ и заплакала. Но никакое сценическое искусство не могло придумать болѣе блестящаго эффекта. Вашингтонъ нагнулся и, нѣжно поднявъ меня, сказалъ съ улыбкой: «что случилось съ этой глупой дѣвочкой?» Потомъ онъ отеръ своимъ платкомъ мои глаза, поцѣловалъ въ лобъ и посадилъ рядомъ съ собой, словно я была какая нибудь принцесса. Долго онъ разговаривалъ со мной, шутилъ, смѣялся и только отпустилъ отъ себя, когда я совершенно успокоилась, и мать перестала на меня сердиться. За обѣдомъ онъ посадилъ меня рядомъ съ собой и любезно накладывалъ мнѣ на тарелку лучшіе куски, а вечеромъ онъ повелъ меня въ садъ и разговаривалъ со мной, разспрашивая о моей дѣтской жизни, съ ея свѣтлыми и мрачными сторонами. Такъ счастлива была и такъ гордилась маленькая дѣвочка этими дружескими отношеніями къ ней великаго человѣка, государственнаго дѣятеля и полководца, что даже теперь, спустя семьдесятъ пять лѣтъ, она не можетъ безъ радостныхъ слезъ рассказывать объ этомъ своей внучкѣ». Этимъ не кончилось

¹⁾ Recollections of Washington and his Friends. By Martha Phillips. Century Magazine, January 1898.

знакомство молодой американки съ Вашингтономъ, и ея дебютъ въ свѣтѣ состоялся въ его домѣ, въ Филадельфiи, гдѣ она провела двѣ зимы, во время втораго президентства Вашингтона. Изъ этой эпохи особенно живо сохранился въ ея памяти комическій и характеристичный эпизодъ. «Однажды въ свѣтлое декабрьское утро, — рассказывала она своей внучкѣ, — къ президенту пришелъ какой-то старый и очень смѣшной на взглядъ землякъ и былъ приглашенъ къ завтраку. Этотъ провинціалъ пилъ кофе съ блюдечка и, прежде чѣмъ поставить чашку на бѣлую скатерть, онъ старательно отиралъ дно чашки о края блюдечка. Я и другія молодыя дѣвушки, сидѣвшія за столомъ, не могли удержаться при видѣ этого отъ громкаго смѣха; но Вашингтонъ тотчасъ послѣдовалъ примѣру своего пріятеля и съ особеннымъ шумомъ сталъ отирать доннышко своей чашки. Этотъ урокъ сильно подѣйствовалъ на насъ и мгновенно прекратилъ неприличный смѣхъ». Кромѣ Вашингтона, по словамъ Марты Филипсъ, ея бабушка съ особымъ сочувствіемъ вспоминала объ его друзьяхъ Гамильтонѣ, котораго онъ открыто готовилъ въ будущіе президенты, и о Лафайетѣ, который былъ любимымъ товарищемъ по оружію ея отца. Несмотря на ея дѣтскіе годы, она, повидимому, высоко цѣнила романтичный пылъ и политическій энтузіазмъ этого красиваго молодого человѣка, который изъ любви къ свободѣ покинулъ свою родину и проливалъ кровь за чуждую ему страну. Онъ былъ своимъ человѣкомъ въ домѣ генерала Грина, гдѣ его всѣ называли милымъ маркизомъ и носили на рукахъ за его добродушіе, любезность и чисто французскую веселость. Когда у него и у Грина родились въ эту эпоху сыновья, то они оба назвали ихъ Джорджемъ-Вашингтономъ, а въ послѣдствіи Лафайетѣ выпросилъ у своего друга его Джорджа для совмѣстнаго воспитанія съ своимъ Джорджемъ, что и привело къ самымъ блестящимъ результатамъ. О Лафайетѣ недавно появились двѣ книги: одна на французскомъ, а другая на англійскомъ языкѣ. Въ первой — извѣстный французскій историкъ и, какъ онъ самъ себя называетъ, архивопалеографъ, Этьенъ Шаравэ, подробно рассказываетъ всю жизнь этого героя двухъ свѣтовъ, отъ его рожденія въ 1757 году до его смерти въ 1834 году¹⁾, а вторая посвящена англичанкой Эдитой Сайгелъ семьѣ Лафайета и его домашней жизни²⁾. Основавъ свой трудъ на новыхъ архивныхъ изслѣдованіяхъ, Шаравэ проливаетъ новый свѣтъ на главнѣйшіе эпизоды жизни своего героя, къ которому онъ относится вообще очень сочувственно, хотя и указываетъ безпристрастно на его слабыя стороны, именно, на его участіе въ борьбѣ за независимость Америки, на его военную дѣятельность во Франціи въ 1792 году, на его упорную борьбу съ Наполеономъ, начавшуюся съ того, что онъ одинъ подалъ голосъ противъ установленія пожизненнаго консульства и окончившуюся его предложеніемъ въ парламентъ, послѣ Ватерло, побудить Наполеона ко второму отреченію, на упорную его оппозицію во время реставраціи и немовѣрную популярность въ первые годы іюльской монархіи, которая во многомъ была обязана ему своимъ существованіемъ, такъ какъ ему ничего не стоило во время революціи, свергнувшей Бурбоновъ, сдѣлаться президентомъ республики. Исполнѣ подходящимъ до-

¹⁾ La général La Fayette (1757—1834), par E. Charvay. Paris. 1898.

²⁾ The Household of the Lafayettes. By E. Siehel. London. 1898.

бавленіемъ исторической монографіи Шаравэ служить живо написанная Эдитой Сайгелъ характеристика семейной и домашней жизни Лафайета, тѣмъ болѣе, что она чрезвычайно рельефно рисуетъ не только портреты его родственниковъ, въ особенности, геройской Адриены Лафайетъ, но и тогдашнихъ французскихъ аристократовъ, въ средѣ которыхъ выросъ будущій защитникъ свободы на родинѣ и въ отдаленной чужбинѣ. По словамъ одного изъ англійскихъ критиковъ о Лафайетѣ, можно вывести вѣрный, безпристрастный взглядъ на эту замѣчательную историческую личность. Это былъ несомнѣнно честный, благородный и добрый человѣкъ, но далеко не великій ни въ военномъ дѣлѣ, ни въ государственной дѣятельности. Пламенный защитникъ свободы, онъ не былъ ея практическимъ поборникомъ и въ своихъ идеальныхъ стремленіяхъ забывалъ дѣйствительность, такъ что Мирабо мѣтко назвалъ его Кромвелемъ-Грандиссономъ, для Робеспьера и Дантона онъ былъ легкомысленнымъ аристократомъ, а Наполеонъ называлъ его упрямымъ, хотя и добронамѣреннымъ, идеологомъ. Но во всякомъ случаѣ нельзя не отнестись съ глубокимъ уваженіемъ къ человѣку, который геройски поддерживалъ во всю свою жизнь прогрессивныя идеи молодости, никогда не обнаруживалъ самолюбивыхъ цѣлей, хотя нѣсколько разъ могъ достигнуть диктаторской власти, и умеръ частнымъ человѣкомъ, обожаемымъ всей націей.

— Столѣтняя годовщина независимости швейцарскаго кантона Ваадъ. 24-го января нынѣшняго года, швейцарскій кантонъ Ваадъ торжественно праздновалъ столѣтнюю свою независимость. Начиная отъ веселыхъ городовъ на озерахъ Женевскомъ и Невшательскомъ, Лозанны, Веве и т. д., до самыхъ отдаленныхъ селеній среди Альпъ, всюду происходили народные праздники, банкеты на чистомъ воздухѣ, иллюминаціи, факельныя шествія и т. под. Отличительной чертой всѣхъ этихъ празднествъ были съ одной стороны вездѣ развѣвавшіеся національные зелено-бѣлые флаги, съ надписью «Свобода и Родина» а съ другой — громадное число деревьевъ свободы, которыя сажались всюду въ честь этого памятнаго дня, какъ благодарная дань французской революціи, оказавшая помощь отдаленному швейцарскому кантону въ завоеваніи своей независимости. Не только объ этой помощи Франціи упоминалось въ безчисленныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ по этому случаю, рядомъ съ столь же сочувственными воспоминаніями объ энергичномъ участіи знаменитаго уроженца Лозанны и наставника Александра I, Лагарпа, въ дѣлѣ освобожденія Ваада отъ вѣкового ига Берна, но ваадцы нашли нужнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ и засвидѣтельствовать свое уваженіе къ прежнимъ бойцамъ за свою свободу. Такъ по случаю юбилея была поставлена въ Лозаннѣ статуя и разыграна на всѣхъ театрахъ патріотическая пьеса въ честь Жана Давеля, который въ 1723 году возбудилъ возстаніе въ Лозаннѣ противъ Берна, за что заплатилъ своей жизнью на эшафотѣ. Конечно, на ваадскій юбилей откликнулась европейская пресса и двѣ историческія статьи о ваадской революціи 1798 года въ «Revue Bleue» и въ «Revue de Paris» заслуживаютъ вниманія ¹⁾.

¹⁾ L'affranchissement du pays de Vaud, par Samuel Cornut. Revue Bleue, 29 janvier, 1898.

La France et l'indépendance Vaudoise, par Emile Couvreur. Revue de Paris, 1-er février, 1898.

Хотя авторъ первой изъ этихъ статей, Самюель Корню, не только графически рассказываетъ самое событіе, которое служить предметомъ ваадскаго юбилея, а еще приводитъ характеристику Давеля и упоминаетъ о дальнѣйшей судьбѣ Ваада послѣ освобожденія отъ ига Берна, но его очеркъ, по краткости, менѣе интересенъ, чѣмъ вторая статья, принадлежащая перу Эмиля Куврѣ, и подробно, основательно знакомящая съ ваадской революціей, а также съ участіемъ въ ней Лагарна. Послѣ вѣкового подчиненія герцогамъ Савойскимъ Ваадъ въ половинѣ XVI в. былъ завоеванъ Берномъ и лозанскимъ трактатомъ 1564 г. герцогъ савойскій Эммануиль Филиберъ окончательно отказался отъ своихъ правъ на эту мѣстность, но выговорилъ сохраненіе жителямъ ихъ правъ и привилегій. Несмотря на это и ратификацію Франціей трактата, бернцы обращались съ Ваадомъ, какъ съ покоренной страной, всячески притѣсняли его, разоряли тяжелыми налогами и подвергали въ общественной и даже въ частной жизни строгимъ пуританскимъ правиламъ кальвинистскаго ригоризма. Несчастные ваадцы все покорно терпѣли, а послѣ неудачнаго возстанія Давеля они пришли въ такое мрачное отчаяніе, что врядъ ли когда нибудь освободились бы отъ объявшаго ихъ нравственнаго и политическаго столбняка, если бы не грянула французская революція. Ваадцы встрепенулись и стали съ энтузіазмомъ слѣдить за происходившими въ сосѣдней странѣ великими событіями, несмотря на присылку изъ Берна военной силы, безжалостно усмрявшей малѣйшую манифестацію въ пользу революцію. Но тутъ на помощь своимъ соотечественникамъ явился Лагарнъ: сначала онъ дѣйствовалъ изъ личныхъ своихъ интересовъ, т. е. добивался у французской директоріи заступничества за наследниковъ своего двоюроднаго брата Амедея Лагарна, который бѣжалъ изъ отечества, благодаря преслѣдованію Бернскаго правительства, поступилъ на службу Франціи и былъ убитъ въ итальянскую кампанію Наполеона въ 1796 году. Воспользовавшись тѣмъ, что Наполеонъ просилъ директорію заступиться за сына его храбраго товарища и возвратить ему, конфискованное бернскимъ правительствомъ, имущество, — Лагарнъ напечаталъ объ этомъ дѣлѣ брошюру, а когда общественное мнѣніе стало высказываться за покровительство наследнику человека, отдавашаго свою жизнь за Францію, то онъ расширилъ вопросъ и напечаталъ новую брошюру, въ которой доказывалъ, что Франція имѣетъ право и даже обязана потребовать отъ Берна восстановленія древней конституціи Ваада, такъ какъ она ратификовала лозанскій трактатъ. Республиканское правительство наконецъ вняло патріотическому голосу Лагарна и добилось въ Бернѣ не только возвращенія молодому Лагарну наследства его отца, но и амнистіи для большого числа ваадцевъ, конечно, за исключеніемъ самого Лагарна. Послѣдній не успокоился на лаврахъ, а продолжалъ свою агитацію въ пользу помощи Франціи Вааду, для восстановленія его независимости. Съ этой цѣлью онъ писалъ многочисленныя брошюры, записки и доклады, входилъ въ сношенія съ главнѣйшими дѣятелями директоріи и всячески старался ускорить часъ объявленія своей родины самостоятельной республикой. Наполеонъ снова помогъ ему въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ; проѣхавъ изъ Италіи въ Лозанну въ 1797 году, онъ посѣтилъ вдову своего товарища генерала Лагарна, очень любезно принялъ ваадскихъ патріотовъ и

сказалъ имъ, что ваадская кровь смѣшалась съ французской, а въ Бернѣ отнесся очень сурово къ тамошнему правительству. По возвращеніи въ Парижъ, Наполеонъ имѣлъ долгое совѣщаніе съ Лагарпомъ и вслѣдствіе этого послѣдній подалъ директоріи официальную петицію, въ которой граждане Ваада просили помощи Франціи для созыва представителей страны и восстановления, гарантированной Франціей, конституціи. Несмотря на равнодушіе Барра и противодѣйствія Талейрана, Лагарпу, съ помощію Наполеона и трехъ директоровъ Мерлена, Ревельерлепо и Ревбеля, удалось отправить въ Бернъ отъ имени французскаго правительства декларацию, требовавшую оказать содѣйствіе къ созыву представительнаго собранія въ Ваадѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ были посланы въ Швейцарію два французскихъ агента: Монго и Мангури, которые всячески поддерживали и подстрекали къ энергичной дѣятельности ваадскихъ патріотовъ. Наконецъ былъ посланъ отрядъ французской арміи, подъ начальствомъ генерала Менара, для оказанія помощи Вааду въ случаѣ занятія его бернскими войсками. Прибывъ въ Ферней, Менаръ объявилъ, что французское правительство гарантируетъ Вааду свободное пользованіе своими старинными правами, а въ то же время мѣстные патріоты, втайнѣ подготовившіе возстаніе, получили отъ Лагарпа подробную обстоятельную «инструкцію для представительнаго собранія Леманской республики». 24 января 1798 года въ Лозаннѣ былъ поднятъ зеленый флагъ, съ надписью «Леманская республика», и делегаты различныхъ городовъ и селеній Ваада мирно овладѣли ратушей, и бернскія власти удалились. На слѣдующій день французская армія переступила черезъ ваадскую границу, въ качествѣ союзника, а вскорѣ другая французская армія заняла Бернъ и была установлена Гельветическая республика. Такимъ образомъ произошло освобожденіе Ваада отъ вѣкового бернскаго ига, а спустя пять лѣтъ онъ вошелъ въ составъ Швейцарскаго союза, въ качествѣ равноправнаго самостоятельнаго кантона. Столѣтнее существованіе независимаго Ваада протекло спокойно, мирно, хотя были моменты, когда ему приходилось энергично отстаивать свою независимость, какъ, напримѣръ, въ 1813 году ему грозилъ уничтоженіемъ австрійскій корпусъ генерала Бубны. Изъ замѣчательныхъ гражданъ Ваада, за первое его столѣтіе, можно указать на Агасица, Секретана, Винэ, Глера и Эдуарда Рода, а празднуя свой столѣтній юбилей, онъ съ гордостью можетъ указать, что въ настоящее время президентомъ Швейцарскаго союза состоитъ одинъ изъ его депутатовъ, Эженъ Рюффи.

— Тайныя патріотическія общества въ Пруссіи въ 1811—1812 годахъ. Основательный, добросовѣстный и безпристрастный трудъ французскаго политическаго дѣятеля и публициста, министра и кандидата въ президенты, Годефруа Каваньяка: «Образованіе современной Пруссіи», успѣшно продолжается и недавно вышелъ его второй томъ¹⁾. Въ первомъ авторъ изучивъ, какъ образовался политическій и соціальныи организмы Пруссіи, прослѣдилъ вліяніе французской революціи на развитіе ея внутренняго строя и указалъ, что реформы Штейна составляютъ опредѣленную фазу въ исторіи этой

¹⁾ La formation de la Prusse contemporaine, par Godefroy Cavaignac., tome II. Paris. 1898.

страны между французским погромомъ въ 1806 году и паденіемъ этого министра, продолжавшаго вліять на дѣла и послѣ своего удаленія. Второй томъ обширнаго сочиненія Каваньяка обнимаетъ эпоху отъ 1808 до 1813 гг. и посвященъ министерству Гарденберга, народному движенію и военной реформѣ, которыя служили основами современной Пруссіи. Наибольшій интересъ для читателей представляетъ, быть можетъ, глава, посвященная тайнымъ патріотическимъ обществамъ, которыя подготовили въ 1811 и 1812 годахъ освобожденіе Германіи отъ Наполеоновскаго ига. По словамъ почтеннаго автора, сначала дѣятельность прусскихъ патріотовъ была чисто платоническая, и они только старались побудить правительство возстать противъ Франціи и заключить союзъ съ Россіей, но когда напротивъ король и Гарденбергъ, подчинившись всецѣло Наполеону, предприняли войну съ Россіей, то они стали проявлять большую энергію въ распространеніи своей тайной агитаціи. Первымъ послѣдствіемъ тяжелаго разочарованія патріотовъ было значительное ихъ удаленіе изъ родины, такъ считали до трехсотъ прусскихъ офицеровъ, поступившихъ на русскую службу, и хотя эта цифра, конечно, легендарная, но число ихъ было большое, многіе вожаки переехали за границу, находя, что тамъ удобнѣе дѣйствовать въ пользу предпринятаго ими дѣла. Клаузевицъ, Дора, Байенъ и Штейнъ отправились въ Россію; Шарнгорстъ составилъ на нейтральной тогда почвѣ Силезіи обширную группу патріотовъ, а Гюейзенесъ подъ предлогомъ офиціальнаго порученія отъ Гарденберга агитировалъ въ Англіи въ пользу освобожденія Германіи и образованія изъ Ганновера и Голландіи восточной германской имперіи, которая предоставила бы Пруссіи очень скромную роль. Еще энергичнѣе дѣйствовалъ Грюнеръ; хотя по происхожденію тиролецъ, но находясь во главѣ прусской полиціи, онъ своей дружбой съ патріотами заслужилъ немилость Гарденберга и былъ удаленъ отъ должности, послѣ чего переселился въ Прагу, сдѣлался русскимъ агентомъ и въ запискѣ, переданной Ливену въ мартѣ 1811 года, онъ подробно описалъ всѣ тайныя общества, которыя существовали въ Германіи и въ которыхъ принимали участіе даже владѣтельные принцы. Немного позднѣе онъ писалъ: «я не думаю, чтобъ мы могли сдѣлать то же, что испанцы, но мы все-таки можемъ устроить кое-что». И онъ выработалъ планъ тайной борьбы съ Наполеономъ; образованіе партизанскихъ отрядовъ, которые отбивали бы обозы Французской арміи и перехватывали ихъ депеши, возбужденіе народныхъ возстаній въ мѣстностяхъ, занятыхъ французами, и устройства на большой ногѣ дезертирства въ завербованныхъ Наполеономъ вѣмецкихъ войскахъ. Штейнъ поддерживалъ съ Грюнеромъ постоянныя сношенія, сначала личныя, а потомъ письменныя, со времени своего удаленія въ Россію, и рассчитывалъ поставить его во главѣ народнаго возстанія въ Германіи, которое Грюнеръ дѣятельно подготовлялъ. Дѣло такъ называемаго Deutsches Bund, или Tugendbund быстро развивалось, и даже Гарденбергъ и король сначала тайно ему покровительствовали, боясь повредить своей популярности, но когда Наполеонъ принудилъ ихъ открыто дѣйствовать противъ патріотовъ, то они сдѣлали на Грюнера доносъ Франціи и Австріи. Правительство послѣдней арестовало его и продержало въ заключеніи до 1819 года. Между тѣмъ и въ Пруссіи Гарденбергъ съ помощью новаго начальника полиціи Бюлова и

шпіона Зике началъ преслѣдовать патріотовъ. Замѣчательно, что когда Наполеонъ потерпѣлъ поражение въ Россіи и Александръ предпринялъ войну за освобожденіе Германіи, то этихъ же патріотовъ начали носить на рукахъ, и тотъ же король съ Гарденбергомъ прославлялъ ихъ спасителями отечества; послѣ окончательной побѣды союзниковъ и наступленія эры политической реакціи, снова началось гоненіе на этихъ патріотовъ, подѣ предлогомъ, что они были одушевлены республиканскими стремленіями, и въ этомъ позорномъ дѣлѣ главную роль снова играли Гарденбергъ, Бюловъ и Зике.

— Юбилей Огюста Конта. 19-го января, минуло сто лѣтъ со времени рожденія творца позитивизма, составляющаго великій и интеллектуальный толчокъ, данный человѣчеству и вліяніе котораго еще продолжается, несмотря на многочисленныя нападки на слабыя стороны этого ученія, именно позитивистскую церковь, позитивистскій календарь и т. д. Но именно въ виду живучести филистерской системы Конта, она еще возбуждаетъ такую горячую полемику, что празднованіе его перваго юбилея не имѣло общаго, единогодушнаго характера, какъ, напримѣръ, недавнее торжество третьяго юбилея Декарта, преемникомъ и «довершителемъ» котораго Контъ прямо называлъ себя¹⁾. Чествовали столѣтіе своего учителя только позитивистскія общества, которыя распространены въ разныхъ странахъ, преимущественно въ Англіи, гдѣ во главѣ позитивистовъ стоятъ извѣстный публицистъ и историкъ Гаррисонъ, въ Швеціи, Венгріи, Испаніи, Португаліи, Сѣверной Америкѣ и Бразиліи, составляющей самый могущественный центръ не только позитивистской философіи, но и позитивистской религіи. Что касается родины Конта, то она очень слабо откликнулась на этотъ юбилей, и можно указать лишь на одну сочувственную статью, появившуюся по поводу его во второй книжкѣ «Revue des Deux Mondes» и принадлежащую перу Леви-Брюля. Оставляя въ сторонѣ біографію Конта, какъ всѣмъ извѣстную, авторъ старается указать и охарактеризовать значеніе и вліяніе созданнаго имъ позитивизма. По его словамъ, несмотря на многія странности во второй мистической эпохѣ въ философской дѣятельности Конта, когда онъ стремился установить религію человѣчества, объявилъ себя первосвященникомъ позитивистской церкви, ввелъ культъ Клотильды де-Во, которую онъ при жизни платонически любилъ, а послѣ смерти боготворилъ и страдалъ припадками умопомѣшательства, позитивистская система, выработанная Контомъ въ первый періодъ своей жизни, положила печать на все умственное развитіе XIX вѣка. Стюартъ Милль и Спенсеръ въ Англіи, а Тэнъ и Ренанъ во Франціи прямо были послѣдователями той философіи науки, исторіи и человѣчества, которая впервые проповѣдывалась Контомъ и до сихъ поръ сохранила свою живучесть. Въ особенности послѣдніе научились у Конта теоріи вліянія среды, примѣненію метода положительныхъ наукъ къ наукамъ нравственнымъ и принципу, что исторія священная наука человѣчества, замѣнившая метафизику. вмѣстѣ съ тѣмъ и естественники въ родѣ Клода Бернара и Бертелло содѣйствовали распространенію позитивистскаго ученія. «Это ученіе, по мѣткому выраженію Леви-Брюля, такъ тѣсно связано съ современной мыслью, что ее

¹⁾ Le centenaire d'Auguste Comte, par M. Levy-Brül. Revue des Deux Mondes. 15 janvier, 1898.

перестаеть замѣчать, какъ не замѣчаешь воздуха, которымъ дышишь. Исторія, романъ, даже поэзія, служатъ его отголоскомъ и орудіемъ его распространения; по всѣмъ этимъ признакамъ можно смѣло сказать, что позитивистская философія отвѣчала стремленіямъ нашего вѣка». Въ чемъ же состояла эта позитивистская философія? Въ созданіи новой науки соціологіи, основанной на философіи положительныхъ наукъ и соединяющей въ себѣ еще живучія идеи XVIII вѣка съ историческими и социальными истинами, которыя проповѣдывали противники метафизики. Для достиженія своей цѣли Контъ освѣтилъ прошедшее идеей прогресса и отъ этого возникла философія исторіи или социальная динамика, а будущее—примѣромъ прошедшаго, что даетъ условія реорганизации общества или позитивистскую политику. Безъ существованія положительной науки политики Контъ считаетъ всѣ реформы и попытки пересоздать общество безплодными эмпирическими усиліями. Только подобная наука, основанная, какъ всѣ науки, на наблюденіи и анализѣ фактовъ, можетъ, по его мнѣнію, придать такой же рациональный характеръ дѣятельности государственныхъ людей, какимъ отличается дѣятельность инженера и доктора. «Если,—замѣчаетъ Леви-Брюль,—программа Конта имъ не вполне исполнена и до сихъ поръ еще спорять о предметѣ, основахъ и цѣляхъ соціологіи, если эта новая наука еще находится въ періодѣ развитія и еще не оперилась, то это все-таки не мѣшаетъ признать, что Контъ далъ философскимъ стремленіямъ нашего вѣка ту форму, которая наиболѣе имъ соответствовала». Въ нравственномъ отношеніи столько же, сколько въ социальномъ, Контъ оказалъ великую услугу, первый придавъ солидарности, дотолѣ юридическому термину, социальное значеніе. Онъ указалъ, что прогрессъ человечества зависитъ настолько отъ политическихъ учрежденій, насколько эти учрежденія сами зависятъ отъ прогресса интеллектуальнаго и нравственнаго. Самые рѣшительные, самые могучіе шаги прогресса происходятъ, по мнѣнію Конта, въ насъ самихъ и если бы мы были интеллигентнѣе, то и стали бы нравственнѣе, потому что лучше, сознавая солидарность, связывающую насъ въ тысячѣ формахъ и во всякую минуту съ общей массой подобныхъ намъ существъ, мы слѣдовали бы верховному принципу: «жить для другихъ». Изложивъ мастерски въ краткомъ очеркѣ всю суть ученія Конта, Леви оканчиваетъ свою статью мѣткимъ замѣчаніемъ: «Контъ былъ поистинѣ «представительнымъ человѣкомъ» XIX столѣтія, и часто думая даже не такъ, какъ онъ, мы идемъ мысленно по проложенному имъ пути».

— Пятидесятилѣтіе февральской революціи. 24-го февраля минуло полвѣка революціи 1848 года, и эта годовщина прошла почти незамѣтно во Франціи, хотя Берлинъ, Будапештъ и Римъ собираются торжественно отпраздновать отголоски этой революціи въ ихъ стѣнахъ. До сихъ поръ только въ «Revue Bleue» одинъ изъ старыхъ бойцовъ февральской революціи въ Парижѣ, Фонвиль, откликнулся на эту историческую годовщину разсказомъ о своемъ участіи во взятіи народомъ парижской ратуши, 24-го февраля¹⁾. Этотъ

¹⁾ Les journées de Février, 1848. La prise de l'Hôtel de ville, par W. de Fonvielle. Revue Bleue, 19 février 1898.

разсказъ написанъ такъ живо и рельефно, что даже имѣеть беллетристическій интересъ, кромѣ его историческаго значенія. По словамъ автора, ни въ одной изъ исторій революціи не передается эпизодъ неожиданнаго, случайнаго занятія ратуши, хотя это событіе послужило похороннымъ звономъ іюльской монархіи. 24-го февраля, Фонвіель, тогда студентъ, по факультету положительныхъ наукъ, всталъ рано утромъ и, выйдя на улицу, встрѣтилъ трехъ учениковъ политехнической школы, изъ которыхъ одного онъ зналъ, и отправился съ ними на Королевскую площадь, куда они шли, чтобы поступить въ распоряженіе мѣстнаго мера, въ виду народнаго движенія, волновавшаго Парижъ въ предыдущіе два дня. Въ домъ мера распорядился какой-то капитанъ Журданъ и, взявъ четырехъ юношей къ себѣ въ адъютанты, онъ сталъ распоряжаться по возведенію баррикады на площади, а затѣмъ поспѣшилъ съ нами въ ратушу. Площадь передъ нею была занята войсками, но Журданъ ловко преодолѣлъ всѣ преграды и проникнулъ не только чрезъ ряды войска, но и чрезъ цѣлую стѣну чиновниковъ и сторожей ратуши къ сенскому префекту, подъ предлогомъ, что онъ имѣеть къ нему очень важное порученіе. Когда же, наконецъ, рѣшительный капитанъ, смѣло дѣйствовавшій на свою голову, очутился предъ префектомъ, старымъ графомъ Рамбюто, другомъ Гизо, то, пользуясь своимъ мундиромъ національнаго гвардейца, онъ произнесъ громкимъ голосомъ: «Графъ, я присланъ сюда, чтобы занять ратушу отъ имени національной гвардіи». Старикъ растерялся, несмотря на то, что въ это самое время онъ велъ переговоры съ генераломъ Себастьяни, командовавшимъ войсками на площади, и сказавъ генералу въ полголоса: «Вотъ, видите, я вамъ говорилъ, что они съ ума сошли и спасовали передъ бунтовщиками», онъ позвалъ одного изъ служащихъ въ ратушѣ, Гораса Сэ, поручилъ ему исполнить всѣ желанія представителя національной гвардіи, а самъ удалился въ свою квартиру, говоря, что ему нечего больше дѣлать. Смѣлый шагъ Журдана вполнѣ удался, и въ его рукахъ была ратуша. Съ прежней рѣшимостью онъ потребовалъ, чтобы его провели въ залу засѣданія муниципальнаго совѣта, занялъ тамъ предсѣдательское мѣсто и открылъ тамъ засѣданіе, въ которомъ участвовали нѣсколько служащихъ въ ратушѣ и неизвѣстно откуда явившихся гражданъ, въ томъ числѣ профессоръ математики Каталанъ. Своихъ четырехъ адъютантовъ Журданъ назначилъ своими секретарями и прежде всего продиктовалъ имъ краткую прокламацію о занятіи ратуши капитаномъ Журданомъ, именемъ національной гвардіи. Фонвіель сдѣлалъ копію этой прокламаціи, прибавивъ къ ней въ концѣ три слова: «именемъ французскаго народа», свернулъ въ трубки и бросилъ ее въ толпу, которая наполнила площадь, такъ какъ генераль Себастьяни увелъ свои войска. Вторымъ дѣйствіемъ Журдана было назначеніе временнаго правительства, во главѣ котораго онъ предложилъ поставить себя, такъ какъ въ его руки передалъ ратушу префектъ. Но и тутъ юный Фонвіель, если вѣрить его разсказу, прибавилъ свое слово. Онъ предложилъ назначить главой временнаго правительства популярнаго Араго и, несмотря на гнѣвное сопротивленіе Журдана, оно было принято всѣми присутствовавшими и тотчасъ былъ посланъ одинъ изъ учениковъ политехнической школы за великимъ ученымъ и патриотомъ. Этимъ окончилось участіе Фонвіеля въ занятіи париж-

ской ратуши, и онъ, удалившись оттуда, сталъ энергично содѣйствовать дѣлу возстанія въ другихъ мѣстахъ Парижа.

— Тречке въ юности. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ современной Германіи, Генрихъ Тречке, нашелъ себѣ два года послѣ смерти восторженнаго біографа въ лицѣ Теодора Шимана, который посвятилъ цѣлую книгу разсказу о молодыхъ годахъ своего героя до его тридцати двухъ-лѣтнаго возраста ¹⁾. Этотъ трудъ основанъ на семейныхъ бумагахъ и неизданныхъ письмахъ, а потому все, что разсказываетъ авторъ, отличается достоинствомъ, подлиннымъ характеромъ, но онъ слишкомъ куритъ фиміамъ передъ своимъ кумиромъ, который, по его словамъ, былъ не только великимъ историкомъ, профессоромъ, ораторомъ и публицистомъ, безупречнымъ человекомъ и семьяниномъ, но также «героемъ и пророкомъ, котораго германская нація будетъ вспоминать въ самомъ отдаленномъ будущемъ вмѣстѣ съ тѣми великими днями, которые возвратили ей свое мѣсто среди народовъ». Въ сущности даже изъ обширнаго панегирика Шимана видно, что Тречке былъ хорошій профессоръ, ученый историкъ, честный человекъ, не торговавшій своей совѣстью, и пламенный патріотъ, проповѣдывавшій единство Германіи подъ первенствомъ Пруссіи, но болѣе ничего. Ставить его на пьедесталъ и молиться ему можетъ только узкій, пристрастный поклонникъ Бисмарка, котораго Тречке обожалъ. Какъ бы то ни было, книга Шимана проливаетъ яркій свѣтъ на пропаганду бисмарковскихъ идей, на постепенное превращеніе нѣмцевъ изъ либераловъ въ рьяныхъ консерваторовъ и сторонниковъ теории, что сила выше права, а потому заслуживаетъ вниманія въ этомъ отношеніи. Генрихъ Тречке, сынъ саксонскаго генерала, родился въ 1834 году, страдалъ съ дѣтства глухотой, воспитывался въ Боннскомъ университетѣ, потомъ слушалъ лекціи въ Лейпцигѣ, Тюбингенѣ и Гейдельбергѣ, занималъ кнеэдры въ Лейпцигѣ, Фрейбургѣ и Килѣ, писалъ статьи въ «*Freisische Jahrbücher*», редакторомъ котораго состоялъ съ 1865 года, напечаталъ сборникъ патріотическихъ стиховъ и книгу о «Соціальной наукѣ» — вотъ выдающіеся факты первыхъ тридцати двухъ лѣтъ жизни Тречке, которыя составляютъ предметъ сочиненія Шимана. Хотя къ послѣдующему времени относится главная часть его дѣятельности: профессура въ Гейдельбергѣ и Берлинѣ, торжество пропаганды въ пользу Бисмарка и Гогенцоллерновъ и выпускъ въ свѣтъ пяти томовъ его знаменитой недоковченной «Исторіи Германіи въ XIX стол.», но уже 14-ти лѣтъ онъ составилъ себѣ политическій катехизисъ, которому оставался вѣренъ, несмотря на постоянныя ссоры съ отцемъ, приверженцемъ Саксоніи и Австріи, съ 1848 года онъ мечталъ о восстановленіи Германской имперіи подъ главенствомъ Пруссіи и вѣрилъ въ священное предназначеніе Гогенцоллерновъ, на которыхъ возлагалъ всѣ надежды. Съ годами онъ измѣнился только въ одномъ отношеніи: въ юности онъ былъ либеральнымъ имперіалистомъ и придавалъ столько же цѣны свободѣ, сколько и единству, даже когда взошла звѣзда Бисмарка, онъ поклонялся его вѣншей политикѣ, но осуждалъ внутреннюю. Но мало-по-

¹⁾ Heinrich von Treitschkes Lehr und Wanderjahre. 1844 — 1866, erzähl't von Theodor Schiemann. Berlin. 1898.

малу его глаза открылись, онъ сдѣлался слѣпымъ орудіемъ Бисмарка, даже пошелъ дальше его, упрекалъ своего кумира въ излишней умѣренности и сталъ открыто проповѣдывать, что «необходимо покинуть путь права, когда этого требуетъ польза государства». Естественно, что съ такими идеями онъ въ историческихъ своихъ трудовъ былъ узкимъ, пристрастнымъ нѣмецкимъ и пламеннымъ гогенцолернцемъ. Онъ даже прямо заявлялъ, что презираетъ безпристрастіе въ историкѣ, и что авторъ также, какъ читатели, имѣетъ право судить. Горячо защищая государство противъ федераціи, протестантство противъ католичества, консерватизмъ противъ либерализма и Пруссію противъ Австріи, онъ гордо говоритъ: «Я не могу сохранять спокойствіе и безпристрастіе, излагая исторію Германіи, какъ могъ бы это сдѣлать еслибъ писалъ исторію Индіи». Въ виду такой теоріи, конечно, онъ совершенно искренно судить событія и людей потому, служили ли они его идеаломъ, превращаетъ недостатки своихъ героевъ Лютера, Фридриха II, Штейна и Бисмарка въ добродѣтели, а противниковъ Германской имперіи изображаетъ въ самой карикатурной формѣ. Съ такими приемами естественно Тречке не могъ быть настоящимъ историкомъ, и всѣ старанія Шимана поставить его на пьедесталъ остаются тщетными.

— Среди венгерскихъ историковъ. Въ концѣ прошедшаго года вышло нѣсколько цѣнныхъ историческихъ трудовъ въ Венгріи, и первое мѣсто среди нихъ занимаетъ монографія Эрнеста Наги о происхожденіи титула: императоръ австрійскій ¹⁾; основавъ свое изслѣдованіе на документахъ, хранящихся въ императорскомъ придворномъ архивѣ въ Вѣнѣ, авторъ указываетъ на причины, побудившія Франца II принять титулъ австрійскаго императора 11-го августа 1804 года, рассказываетъ переговоры, которые велись по этому случаю съ европейскими державами, и разсматриваетъ юридическую сторону вопроса. Рѣшеніе, принятое императоромъ по докладу графа Кобенцеля, не имѣло другой цѣли, какъ гарантировать австрійскимъ государямъ, въ случаѣ неизбранія ихъ германскими императорами, титулъ равный тому, который предоставилъ себѣ Наполеонъ. Это прямо было указано въ депешѣ къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ Шампаньи, и Наполеонъ уважилъ означенный мотивъ, но Англія возразила, что если германскій императоръ и австрійскій императоръ не будутъ соединяться въ одномъ лицѣ, то англійскій король будетъ оказывать ему лишь ту честь, которой пользуется король венгерскій и богемскій. Венгерцы до сихъ поръ придерживаются англійской точки зрѣнія, и Деакъ при установленіи дуализма прямо заявилъ, что титулъ австрійскаго императора, какъ имѣющій лишь значеніе международное и почетное, можно сохранить, но онъ нисколько не нарушаетъ правъ венгерскаго королевства. Остальныя венгерскія историческія сочиненія касаются венгерской и трансильванской старины. Іоаннъ Карасцони рассказываетъ исторію одного изъ древнѣйшихъ венгерскихъ монастырей въ Пустасцерѣ, гдѣ семь вождей венгерскихъ племенъ избрали княземъ Арпада и составили конституцію, которая вполне доказываетъ, что венгерцы, прибывъ въ свое новое отечество,

¹⁾ E. Nagy. Az austriai csaszari czimfoelveteleroel. Buda-Pest. 1897.

вовсе не были такими дикарями, какъ ихъ изображаютъ обыкновенно ¹⁾. Монастырь въ этомъ городѣ былъ основанъ между 1110 и 1140 годами; турки превратили его въ общественную баню, протестанты сдѣлали его церковью въ 1715 году, австрійцы завели въ немъ кладовую для военныхъ припасовъ, а съ 1819 года тутъ находится католическая школа. Авторъ монографіи указываетъ на рядъ покровителей этого монастыря, которые принадлежали къ выдающимся венгерскимъ аристократическимъ родамъ, и уясняетъ ихъ историческую роль. Тому же предмету, но относительно лишь рода Благай, послѣдній представитель котораго скончался въ прошедшемъ году, посвященъ обширный трудъ Талози и Барабаза, которые издали XXVIII томъ «Памятниковъ Венгерской исторіи» ²⁾, выходящихъ на изживеніе Венгерской академіи. Изъ помѣщенныхъ въ этой книгѣ двухсотъ шестидесяти пяти подлинныхъ документовъ, относящихся до времени отъ 1200 до 1578 года, можно извлечь много интересныхъ свѣдѣній о малоизвѣстныхъ до сихъ поръ отношеніяхъ венгровъ къ кроатамъ и словакамъ. Что касается до книги о Трансильваніи, то она составляетъ двадцатый томъ трансильванскихъ памятниковъ, издаваемыхъ Буда-Пештской академіей ³⁾. Собранные Александромъ Цилегаемъ и снабженные примѣчаніями, документы, которые входятъ въ составъ этого тома, относятся съ протоколамъ трансильванскаго сейма, въ послѣдніе годы царствованія Михаила Апади и во время военныхъ подвиговъ Текели въ 1688—1691 годахъ. Эта эпоха была памятная въ исторіи Трансильваніи, такъ какъ габсбургскій домъ, владея большей частью страны, не соглашался даровать сейму требуемыхъ привилегій и только послѣ побѣдъ Текели, съ помощью турокъ и валаховъ надъ войсками императора Леопольда, послѣдній согласился подписать хартію, которая обезпечивала Трансильваніи большія политическія права, чѣмъ тѣ, которыми пользовались остальные части имперіи.

¹⁾ Z. Karacsanyi. Apusztá-szeri monostor Kegyurái. Buda-Pest. 1897.

²⁾ Monumenta Hungariae historica. CCXIV. A Blagai-csa lad oklevel-tara. Buda-Pest. 1879.

³⁾ Monumenta Comititalia regni Transylvaniae. XX. Erdelyi országgyűlési emlékek. Buda-Pest. 1897.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

«Псаломъ» объ императорѣ Александрѣ II.

(Записанный въ Бирюченскомъ уѣздѣ Воронежской губерніи. Его тамъ поютъ въ деревняхъ на налѣвъ протяжный и грустный).

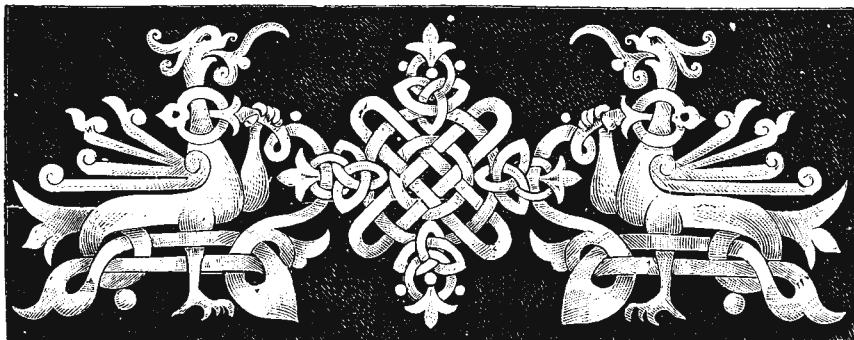
Мы подумаемъ, друзья,
Мы про Бѣлаго Царя.
Милостивый Государь
Александра Второй Царь
Ко всемъ любовію горѣлъ,
Всемъ свободу дать хотѣлъ.
Подъ крыломъ онъ всѣхъ держалъ
И отъ козней избавлялъ.
Справлялъ онъ всѣ законы,
Слышалъ бѣдныхъ людей стоны,
Всемъ на помощь посѣпшалъ
И злодѣевъ укрощалъ.
Стали злодѣи судить,
Какъ бы Царя истребить.
Много казны потребили,
Отчаянныхъ подкупили,
Дали въ руки имъ гранаты,
Они отъ Бога прокляты,
Вездѣ мины подводили,
Государя не убили.
Караулы вездѣ стояли,

Государя сохраняли.
Марта перваго числа
Жизни кончина прійшла Царя.
Но какъ первые удары
Его жизнь миновали.
Страшно думать и гадать —
На Царя руки поднять.
Злобный духъ въ нихъ вселился,
И второй ударъ явился.
Между народною толпою
Не видать было, откуда
Появился большой стрѣль,
Государя поразилъ.
Пораженный Царь ушалъ,
Жалобно слово сказалъ:
«Подымите меня, дѣти,
«Отжилъ я теперь на свѣтѣ».
Къ нему слуги подбѣжали,
Подъ бѣлы руки подняли,
На рукахъ его держали,
Слезно плакали-рыдали,
Горьки слезы проливали,
И всѣ вои́яли:
«Что мы жизнь Царя не сохранили,
Ты за то жизнь свою положилъ,
Что добра много творилъ,
Ты христіанъ всѣхъ ослобонилъ,
Всѣ законы отмѣнилъ,
Ты врагамъ добро творилъ,
За то кровь свою пролилъ».
Страсть велика тамъ была,
Какъ царская кровь лилась.
Батюшка ты, нашъ земной Богъ,
Ты лишился за насъ своихъ ногъ,
Несемъ тебя во дворець,
Ты нашъ батюшка-отець.
По всему Питеру тревога,
Государя стражи много;
Со всего Питера сбѣжались,
Всѣ стояли во дворцѣ.
Всѣ на царскій флагъ смотрѣли,
Ожидали всѣ конца.
Когда черный флагъ спустили,
Его смерть всѣмъ возвѣстили.
Когда черный флагъ подняли,

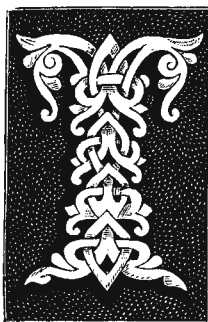
И всё плакали-рыдали,
Черный трауръ надѣвали,
Всѣ покой души сказали.
По всѣмъ соборамъ зазвонили,
Погребенье отслужили,
Ударили въ телеграмъ,
Затменіе солнца намъ.
Возвѣстили на Кавказъ,
Полилися слезы у насъ изъ глазъ.
Тамъ было большое смятенъе,
По всей землѣ потрясенъе.
Солнечные лучи закрылись,
Царя Бѣлаго лишились.
Будемъ, братья, Царя поминать,
Покой души воздавать.
Будемъ Господа просить
Чтобы сына умудрить.
Пойдетъ сынъ по дѣламъ отца,
Приведетъ дѣла въ конца.
Богу слава!
Царямъ держава!
И во вѣки вѣковъ, амины!

Сообщено В. Э. Кетрицемъ.

С М Ъ С Ъ .

ТОРЖЕСТВЕННОЕ собрание археологического института.

15-го января, исполнилось двадцать лѣтъ дѣятельности археологического института. Вечеромъ состоялось въ институтскомъ помѣщеніи торжественное собраніе членовъ института, привлекшее многочисленныхъ посѣтителей. Засѣданіе открылъ и. д. директора института профессоръ Н. В. Покровскій чтеніемъ отчета о прошломъ и настоящемъ института. Археологическій институтъ, открытый по частной инициативѣ и на частныя средства, находился съ самыхъ первыхъ шаговъ своей дѣятельности въ неблагопріятныхъ матеріальныхъ условіяхъ. Тѣмъ

не менѣе онъ немедленно и не безъ успѣха приступилъ къ выполненію задачъ, намѣченныхъ учредителемъ, Н. В. Калачовымъ, и въ основу которыхъ было положено изученіе памятниковъ русской старины въ широкомъ смыслѣ этого слова. Средствами къ достиженію задачъ явились преподаваніе наукъ слушателямъ института, ученые изданія, и открытіе губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій. Въ первый годъ въ институтѣ преподавались только три предмета: юридическія древности, историческая географія и церковная археологія; въ слѣдующемъ году присоединены были архивовѣдѣніе, исторія земскихъ учреждений, латинская палеографія и метрологія, затѣмъ постепенно вошли: славяно-русская палеографія, греческая палеографія, нумизматика, польско-литовскія древности, первобытная археологія, русская дипломатика и славянскія древности. Число кафедръ въ институтѣ возросло въ настоящее время до

11 и представляет собою такую полноту, какую представляет собой преподавание только въ Ecole des Chartes. Изъ числа всѣхъ этихъ предметовъ непрерывно читались въ теченіе 20 лѣтъ—церковныя древности, юридическія древности и архивовѣдѣніе. На учебную часть въ институтѣ всегда обращено было особенное вниманіе. Къ замѣщенію кафедръ приглашались лучшія изъ наличныхъ ученыхъ силъ. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается, безъ сомнѣнія, одна изъ причинъ, почему особенно въ послѣднее время аудиторія института бываетъ всегда полна. Въ институтѣ идутъ охотно лица, получившія высшее образованіе, разнаго возраста и общественнаго положенія. Пребываніе слушателей въ институтѣ сопровождается благотворными послѣдствіями. Многочисленныя ученые работы бывшихъ слушателей явились подъ вліяніемъ института. Многие изъ бывшихъ питомцевъ состоятъ въ настоящее время начальниками крупныхъ и важныхъ въ историческомъ отношеніи архивовъ. Въ теченіе 20 лѣтъ институтъ издалъ шесть томовъ въ 7 книгахъ «Сборника археологическаго института» и 9 книгъ «Вѣстника археологій и исторій», въ которыхъ на ряду съ многочисленными архивными матеріалами помѣщено не мало ученыхъ изслѣдованій по русской исторіи и археологій. Слѣдуетъ признать, что число и объемъ институтскихъ изданій могли бы быть значительно больше: приливъ цѣнныхъ матеріаловъ былъ всегда значителенъ, но, при скудости денежныхъ средствъ, институтъ принужденъ былъ отказываться отъ напечатанія этихъ матеріаловъ. Увеличеніе средствъ (съ 1-го января 1898 г. отпускается на содержаніе института вмѣсто 6.000 рублей 18 тысячъ рублей) поможетъ расширить эту дѣятельность. До настоящаго времени учреждены институтомъ 13 ученыхъ архивныхъ комиссій: въ Калугѣ, Костромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Оренбургѣ, Орлѣ, Пермѣ, Рязани, Симбирскѣ, Саратовѣ, Симферополѣ, Тамбовѣ, Твери и Ярославлѣ. Комиссіи эти въ своихъ изданіяхъ обогатили мѣстную исторію множествомъ цѣнныхъ архивныхъ и археологическихъ матеріаловъ и изслѣдованій, разобрали сотни тысячъ старыхъ архивныхъ дѣлъ и составили историческіе архивы для храненія наиболѣе цѣнныхъ въ историческомъ отношеніи дѣлъ и музеи мѣстныхъ древностей. Послѣ чтенія отчета, проф. Н. И. Веселовскій сдѣлалъ интересное сообщеніе о слѣдахъ ассирійской культуры въ курганахъ сѣвернаго Кавказа. Докладчику пришлось прошлымъ лѣтомъ раскопать въ Кубанской области интересный курганъ, дающій возможность объяснить многие курганы юга Россіи (Кіевской и Черниговской губерній), въ которыхъ найдены скелеты въ согнутомъ положеніи, окрашенные въ красную краску. Кавказскій курганъ представлялъ собою, по всей вѣроятности, царскую могилу. Въ этой могилѣ найдены три скелета, всѣ въ согнутомъ положеніи и окрашены въ ярко-пунцовую краску. Платье одного изъ погребенныхъ было покрыто золотыми изображеніями львовъ и золотыми розетками. Найдены при скелетѣ рядъ бусъ: золотыя чередовались съ сердоликовыми. На головѣ двѣ золотыя ленты. Здѣсь же находилось нѣсколько трубочекъ изъ серебра и золота съ золотыми бычками на концахъ, 14 серебряныхъ сосудовъ, два золотыхъ сосуда и одинъ изъ камня съ золотымъ горлышкомъ, кремневая стрѣла, бронзовое оружіе—топоры, копьѣ и золото, точильные камни, глиняные сосуды съ шарообразнымъ дномъ и многіе другіе предметы. У втораго скелета найдены

золотыя серьги. Профессоръ Н. И. Веселовскій, на основаніи отсутствія въ могильникѣ желѣза и стекла, предполагаетъ, что разрытый курганъ можетъ быть отнесенъ не ближе, какъ къ седьмому вѣку до Р. Х. Изображенія животныхъ на серебряныхъ сосудахъ позволили докладчику сдѣлать предположеніе о вліяніи на культуру древнихъ закавказскихъ народовъ ассирійской культуры. Въ заключеніе профессоръ С. М. Середонинъ прочелъ докладъ о вліяніи помѣстной системы на организацію военной службы въ Московскомъ государствѣ. Въ день юбилея получено много привѣтственныхъ телеграмъ. Присутствовавшій въ засѣданіи почетный членъ института В. Я. Яковлевъ внесъ тысячу рублей на расширеніе средствъ института.

Чествованіе памяти П. Н. Кудрявцева въ Московскомъ историческомъ обществѣ. 18-го января, исполнилось сорокъ лѣтъ со дня смерти Петра Николаевича Кудрявцева, что и послужило поводомъ къ чествованію его памяти въ состоящимъ при Московскомъ университетѣ историческомъ обществѣ. Особо назначенное для этого засѣданіе состоялось въ 2 часа дня въ старомъ зданіи университета. Послѣ вступительнаго слова предсѣдателя общества, профессора В. И. Герье, были прочитаны два сообщенія П. П. Копосовымъ — «О молодости П. Н. Кудрявцева» и В. Е. Якушкинымъ — «П. Н. Кудрявцевъ. Его литературная и профессорская дѣятельность». В. И. Герье, охарактеризовавъ въ короткихъ словахъ значеніе профессорской дѣятельности П. Н. Кудрявцева, высказалъ, что долгъ московскаго историческаго общества — приложить старанія къ возможно полному выясненію личности, работъ и заслугъ этого крупнаго представителя русской исторической науки, занимавшаго кафедру всеобщей исторіи въ старѣйшемъ русскомъ университетѣ. Это и дѣлаетъ историческое общество, посвящая ему настоящее засѣданіе. Однако, есть обстоятельство, позволяющее надѣяться, что историческое общество будетъ имѣть возможность заняться еще болѣе подробнымъ изученіемъ и ознакомленіемъ съ обаятельной личностью московскаго профессора: это обстоятельство — предоставленіе въ распоряженіе общества племянникомъ покойнаго П. П. Копосовымъ оставшихся послѣ П. Н. Кудрявцева рукописей. Послѣднія дополняютъ, безъ сомнѣнія, многими новыми и интересными подробностями какъ нравственный обликъ ихъ автора, такъ и исторію его жизни и произведеній. Сообщеніе г. Копосова было посвящено воспроизведенію жизни П. Н. Кудрявцева до его поѣздки за границу въ 1845 году. Въ числѣ матеріаловъ г. Копосовъ пользовался между прочимъ перепискою П. Н. съ его бывшею ученицею г-жею Яковсонъ; переписка эта, по словамъ автора сообщенія, имѣетъ особенно важное значеніе для выясненія взглядовъ и симпатій П. Н. Кудрявцева, такъ какъ въ ней онъ высказывался съ большею откровенностью, чѣмъ обыкновенно. Г. Копосовъ довольно подробно разсказалъ о дѣтствѣ П. Н., о семейныхъ условіяхъ его жизни, съ его ученіи сначала въ Заиконоспасскомъ училищѣ (П. Н. родился и воспитывался въ Москвѣ), потомъ — въ Московской духовной семинаріи, о рано пробудившейся въ немъ любви къ чтенію, самостоятельному мышленію и литературному творчеству; девятнадцати лѣтъ отъ роду, въ 1835 году, П. Н. уже написалъ повѣсть, которая подъ названіемъ «Катенька Пылаева» была напечатана въ слѣдующемъ году въ «Телескопѣ». Съ молодыхъ лѣтъ Кудрявцевъ сумѣлъ выра-

ботать въ себѣ твердость характера, которую ему и пришлось, между прочимъ, проявить въ послѣдній годъ его пребыванія въ семинари, когда рѣшался вопросъ объ его будущей карьерѣ. Ему хотѣлось поступить въ университетъ, отецъ настаивалъ на преимуществахъ духовной академіи, но П. Н. сумѣлъ склонить на свою сторону своего дѣда, архимандрита Новоголутвинскаго монастыря въ Коломяхъ, Іосифа, и послѣдній убѣдилъ отца Кудрявцева не противиться желаніямъ сына избрать свѣтскій родъ общественной дѣятельности. Въ 1836 году П. Н. поступилъ своекоштнымъ студентомъ въ Московскій университетъ, по первому отдѣленію его философскаго факультета. Въ то время на этомъ отдѣленіи читали многіе извѣстные профессора: И. И. Давыдовъ, М. П. Погодинъ, С. П. Шевыревъ, Д. Л. Крюковъ, Т. Н. Грановскій. На Кудрявцева особенно сильное впечатлѣніе произвели лекціи Крюкова и еще болѣе — Грановскаго; первый читалъ древнюю исторію и объяснялъ римскихъ писателей, Грановскій читалъ всеобщую исторію, — предметъ, избранный П. Н. своею спеціальностью. Университетъ былъ оконченъ въ 1840 году и, хотя тогдашній попечитель Московскаго учебнаго округа графъ С. Г. Строгановъ предложилъ Кудрявцеву продолжать занятія всеобщей исторіею и общалъ ходатайствовать объ отпращиваніи его на казенный счетъ за границу, но для добыванія средствъ онъ долженъ былъ занять мѣсто учителя русскаго языка къ Николаевскомъ институтѣ, состоящемъ при московскомъ воспитательномъ домѣ. Г. Копосовъ подробно остановился на преподавательской дѣятельности Кудрявцева въ институтѣ, продолжавшейся до 1844 года, и указалъ, какія любовныя отношенія установились между П. Н. и его ученицами и какъ тяжело было Кудрявцеву оставлять свои занятія съ ними. Возвращаясь къ литературнымъ — беллетристическимъ и критико-библіографическимъ — работамъ П. Н., докладчикъ привелъ много интересныхъ отзыовъ о нихъ и по поводу ихъ самого Кудрявцева, изъ его переписки съ г-жею Якобеонъ, которой онъ писалъ какъ о своихъ произведеніяхъ, такъ и о новостяхъ тогдашней литературы, русскаго и иностранной, вообще. Въ своихъ многочисленныхъ повѣстяхъ и разсказахъ П. Н. Кудрявцевъ останавливался главнымъ образомъ на положеніи женщины, страдающей подъ гнетомъ тяжелыхъ условій семейной жизни; относительно одной изъ этихъ повѣстей П. Н. признается, между прочимъ, въ письмѣ къ своей корреспонденткѣ, что «все его симпатіи лежатъ на сторонѣ женщины и нисколько — на сторонѣ мужчины». Въ 1842 году П. Н. Кудрявцевъ блестяще выдержалъ экзаменъ на степень магистра всеобщей исторіи и приступилъ къ диссертации на предложенную ему факультетомъ тему: «Папство и священная Римская имперія въ IX — XII вѣкахъ». Но здѣсь встрѣтилось на его пути неожиданное препятствіе: послѣ представленія диссертации въ факультетъ, Кудрявцевъ былъ вызванъ къ попечителю округа графу Строганову, который заявилъ, что полюбилъ П. Н. за искренность, но что ему, графу, не нравится образъ мыслей Кудрявцева. Весьма вѣроятная причина такого заявленія заключается, какъ видно изъ приведенныхъ докладчикомъ писемъ Грановскаго къ Кудрявцеву, въ томъ, что С. П. Шевыревъ не одобрилъ диссертации П. Н., находя, что «образъ мыслей Кудрявцева — совершенно ложный, ибо не сходенъ съ его (Шевырева) воззрѣніями». П. Н. было

предложено измѣнить, по крайней мѣрѣ, одну часть диссертациі — введеііе, а отправленіе его за границу отсрочивалось. Но Кудрявцевъ отказался дѣлать какія бы то ни было измѣненія и предпочелъ избрать другую тему, несмотря на то, что писаніе новой диссертациі было соединено для него съ большими матеріальными невзгодами и нравственными испытаніями. И только благодаря участію Грановскаго П. Н. Кудрявцевъ получилъ въ мартѣ 1845 года возможность ѣхать, по предложенію графа Строганова, за границу, чтобы, будучи въ командировкѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ написать тамъ и новую диссертацию. Г. Якушкинъ представилъ обзоръ всей общественной дѣятельности П. Н. Кудрявцева, какъ литературной, такъ и профессорской. Дѣятельность эта, по словамъ докладчика, имѣла три послѣдовательныхъ періода, и эти періоды могутъ символизировать собою различныя теченія, господствовавшія въ русскомъ обществѣ съ конца 30-хъ по конецъ 50-хъ годовъ.

Историческое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ. Въ засѣданіи 2-го января профессоръ Кіевскаго университета И. В. Лучицкій сдѣлалъ докладъ, касавшійся крестьянскаго землевладѣнія во Франціи въ XVIII вѣкѣ. Докладчикъ имѣлъ цѣлью показать взаимоотношенія крестьянскаго землевладѣнія съ революціей и опредѣлить, насколько произвели переворотъ въ общественныхъ и семейныхъ отношеніяхъ земли эмигрантовъ, казенныхъ и пр., конфискованныя въ 1791—1793 годахъ и выброшенные на рынокъ. Данныя, относящіяся къ вопросу о крестьянскомъ землевладѣніи, взяты имъ изъ центральныхъ и мѣстныхъ архивовъ сѣверо-западной, западной и центральной Франціи. Въ отношеніи характера распредѣленія земель, профессоръ Лучицкій пришелъ къ выводу, что общая сумма крестьянскаго землевладѣнія до революціи была гораздо больше, чѣмъ до сихъ поръ думали. Во всѣхъ областяхъ собственно крестьянамъ принадлежало земель въ среднемъ отъ 35 до 40 проц. общаго количества земли, а въ нѣкоторыхъ областяхъ даже болѣе. Если же разсматривать каждую деревню въ отдѣльности, то колебанія размѣра крестьянскаго землевладѣнія выходятъ громадныя — отъ 5 до 95 проц. Изъ всѣхъ различныхъ группъ крестьянскаго населенія частнымъ земледѣльцамъ принадлежала половина всей земли, а иногда и болѣе, и земледѣльцы играли главную роль изъ всѣхъ классовъ населенія. Нѣкоторые извѣстные историки говорили, что духовенство владѣло болѣе половины всей земли. Это, по мнѣнію докладчика, неправильно. Только въ сѣверной части можно встрѣчать крупное церковное землевладѣніе, но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ оно было все болѣе меньшимъ. Дворянское землевладѣніе, конечно, конкурировало съ крестьянскимъ и было почти равно съ нимъ, но во время революціи стало падать, какъ и церковное, проявляя замѣтно тенденцію къ уменьшенію. Господствующее мнѣніе историковъ относительно того, что во Франціи до революціи совершалась концентрація поземельной собственности, также не отвѣчаетъ дѣйствительности. Наоборотъ, въ періодъ до революціи количество частныхъ собственниковъ увеличивалось. Что касается передвиженія земельной собственности, то оно совершилось путемъ продажи въ большихъ количествахъ, достигавшихъ огромныхъ суммъ. Земля эмигрантовъ и другихъ покупалась, какъ крестьянами, такъ и буржуазіей, къ которой въ

разныхъ мѣстахъ переходило земли отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{2}{3}$. Лишь въ это время замѣчается нѣкоторая концентрація земли у крупныхъ земледѣльцевъ и буржуазіи. Затѣмъ приватъ-доцентъ Казанскаго университета І. Д. Гриммъ прочелъ рефератъ: «О власти и политикѣ императоровъ IV вѣка». Въ настоящее время укоренился взглядъ на Римскую имперію, начиная отъ императора Діоклетіана, какъ на деспотію, не ограниченную ни волею народа, ни законами ни съ юридической, ни съ фактической стороны. Между тѣмъ, многое говоритъ противъ установившагося мнѣнія. Господствовавшая въ то время теорія происхожденія власти высказывается о послѣдней, какъ о чемъ-то переданномъ народомъ государю, то-есть исключаетъ самую возможность ея неограниченности. Взглядъ этой теоріи усваивается и императорами, ставящими въ извѣстныхъ случаяхъ свою волю ниже законодательныхъ велѣній. Мы встрѣчаемся съ формальными указаніями чиновникамъ не исполнять противозаконныхъ распоряженій самого же императора. Иначе и не могло быть, такъ какъ императоры, являясь въ большинствѣ случаевъ ставленниками народа, должны были считаться съ волею этого послѣдняго. Широкая автономія провинцій, многочисленныя важныя привилегіи, даруемыя частнымъ лицамъ и обществамъ, не имѣли бы мѣста при деспотической формѣ правленія. Необходимо признать, что имперія IV вѣка не была деспотіей ни съ юридической, ни съ фактической стороны.

Московское археологическое общество. Первое январское засѣданіе было открыто графинею П. С. Уваровой нѣсколькими словами, посвященными кончинѣ графа И. Д. Делянова, бывшаго почетнымъ членомъ общества, и затѣмъ была почтена вставаніемъ память покойнаго министра и бывшаго дѣйствительнымъ членомъ общества академика А. М. Павлинова. Панихида не могла быть отслужена, такъ какъ духовенствомъ еще не было получено соответствующаго разрѣшенія (графъ Деляновъ былъ, какъ извѣстно, армяно-грегоріанскаго исповѣданія). Затѣмъ К. М. Быковскій сообщилъ о заслугахъ А. М. Павлинова въ области археологіи и исторіи русской архитектуры. Съ 1881 года, въ теченіе 16-ти лѣтъ, покойный неутомимо трудился надъ изученіемъ древняго русскаго зодчества. Имъ описаны многіе древніе памятники Чернигова, Ярославля, Ростова, Витебска, Полоцка, Пскова, Абхазіи, Баку (мусульманскіе), составлена и издана исторія русской архитектуры, важная, какъ первый опытъ въ этомъ родѣ и какъ собраніе массы интересныхъ данныхъ о нашихъ древнихъ церквахъ; онъ ревностно трудился по реставраціи многихъ памятниковъ (кремлевскихъ и Покровскаго собора и т. д.) и принималъ дѣятельное участіе въ занятіяхъ существующей при обществѣ комиссіи по сохраненію древнихъ памятниковъ. Въ послѣднее время онъ началъ изучать исторію развитія русскаго орнамента. А. С. Хахановъ сообщилъ о только что послѣдовавшей (на Кавказѣ) кончинѣ члена общества, бывшаго преподавателя Лазаревскаго института, И. Л. Серебрякова-Окромчедлова и указалъ вкратцѣ на его научную дѣятельность. И. А. Линниченко сообщилъ о выставкѣ древностей, открытой нынѣ въ Кіевѣ недавно основаннымъ обществомъ искусствъ и древностей, и въ особенности, о новыхъ раскопкахъ В. В. Хвойко въ Кіевской губерніи и С. А. Мазараки въ Полтавской губерніи. Первый

открылъ на правомъ берегу Днѣпра, верстахъ въ 60-ти внизь отъ Кіева, около м-ка Триполья и друг. во многихъ мѣстахъ, на глубинѣ $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{2}$ аршинъ, площадки (максимумъ 30—40 аршинъ площадью), вымазанныя глиною и заключающія на себѣ множество оригинальныхъ глиняныхъ сосудовъ неизвѣстныхъ у насъ формъ, а также кремневые и костяные орудія, грубые глиняныя статуэтки, два бронзовыхъ топорика и т. д. На вѣкоторыхъ площадкахъ нашлись слѣды погребеній, но вообще это были скорѣе жертвенныя мѣста; изслѣдованіе ихъ будетъ продолжаться. Раскопки г. Мазараки были произведены въ двухъ курганахъ Роменскаго уѣзда, на рѣкѣ Сулѣ, близъ дер. Аксютинцы, и дали богатые результаты; кургановъ здѣсь много, встрѣчаются очень большіе, но многіе изъ нихъ оказываются ограбленными въ XVI вѣкѣ и ранѣе; г-ну же Мазараки удалось напасть на нетронутыя погребенія, весьма интересныя по сопровождающимъ ихъ издѣліямъ, особенно золотымъ украшеніямъ одежды и конской збруи, отчасти варварской, отчасти греческой работы, мѣднымъ племамъ, панцырю, булавамъ, желѣзнымъ мечамъ и копьямъ и т. д.—А. И. Кирпичниковъ сообщилъ объ одномъ интересномъ памятникѣ византійской литературы XII вѣка (изъ рукописи XIV в.), представляющемъ подражаніе Лукіану, но любопытномъ по смѣшенію въ немъ языческихъ и христіанскихъ воззрѣній и притомъ въ юмористической формѣ. Содержаніе памятника — рассказы вѣселаго Тимаріона о своихъ похожденияхъ, между прочимъ о болѣзни, которая было привела его въ подземный міръ, но преждевременно, такъ что послѣ суда въ аду онъ былъ отпущенъ на землю. Въ описаніи ада авторъ является предшественникомъ Данта (за 150 лѣтъ), но мѣсто поэтическихъ и мрачныхъ картинъ у него занимаютъ юмористическія сцены, въ которыхъ участвуютъ, между прочимъ, философы, софисты и врачи древней и византійской эпохъ.

Общество любителей древней письменности. I. Въ засѣданіи 2-го января подъ предѣдательствомъ гр. С. Д. Шереметева, секретарь общества прочелъ краткій некрологъ гр. И. Д. Делянова. Я. И. Смирновъ сдѣлалъ сообщеніе объ одной лицевой рукописи XI—XII вѣка, хранящейся въ библіотекѣ смирнской гимназіи. Секретарь общества прочелъ сообщеніе С. Н. Брайловскаго: «Нѣсколько соображеній по поводу анонимнаго сочиненія: о исправленіи въ преждепечатныхъ книгахъ минеяхъ вѣкиныхъ погрѣшеній въ реченіихъ»... Сообщеніе Брайловскаго распадается на двѣ части: въ первой онъ сопоставляетъ флоринцевскій и чудовской списокъ рукописи, во второй дѣлаетъ попытку рѣшить вопросъ, кто былъ авторомъ этого анонимнаго сочиненія. Указавъ, что авторомъ не могъ быть, какъ это предполагалъ архіепископъ Филаретъ, патріархъ Іоакимъ, такъ какъ послѣдній умеръ въ 1690 году, а сочиненіе было написано въ 1692 году, референтъ установилъ, что авторомъ было лицо, близко стоявшее къ дѣлу перваго исправленія книгъ, принадлежавшее къ числу братіи Чудовскаго монастыря и знавшее хорошо греческій языкъ; а такимъ въ концѣ XVII ст. могъ быть только чудовской іеромонахъ справщикъ Евѡимій.

II. 16-го января состоялось общее собраніе, подъ предѣдательствомъ члена комитета общества И. А. Бычкова. Въ этомъ засѣданіи А. К. Бороздинымъ было сдѣлано сообщеніе: «Неизданные отрывки изъ сочиненій проропа Аввакума».

Среди сочиненій Аввакума важное мѣсто занимаютъ толкованія его на Священное Писаніе. Нѣкоторыя изъ такихъ толкованій были изданы Н. П. Субботинымъ. Существенныя дополненія къ нимъ даетъ сборникъ императорской публичной бібліотеки, О. I. № 339, описанный И. А. Бычковымъ. Во-первыхъ, въ этомъ сборникѣ находятся нѣкоторые отрывки, утраченные въ томъ оригиналѣ, съ котораго сдѣлалъ свое изданіе г. Субботинъ; во-вторыхъ, въ немъ имѣется нѣсколько толкованій, ранѣе не извѣстныхъ, на книгу «Премудрости Соломона» и на 35, 55 и 12 главы пророчествъ Исаи; наконецъ, въ этомъ сборникѣ помѣщено сочиненіе нравственно-истолковательнаго характера, озаглавленное «Нравоученіе». Важно это сочиненіе по своему составу, такъ какъ изъ него выясняется, что два изданныя раньше сочиненія Аввакума были только отрывками, входившими въ составъ «Нравоученія». По содержанію это сочиненіе касается разныхъ нравственныхъ обязанностей христіанина, любви къ Богу, къ ближнимъ, поста, молитвы и особенно брачныхъ добродѣтелей. Характеръ толкованій, какъ и всегда у Аввакума, отличается реализмомъ. Въ сочиненіи есть указаніе, которое позволяетъ предположить, что Аввакумъ всѣ свои толкованія думалъ связать въ нѣчто цѣлое, и что эти толкованія писались для его ученика Симеона. Въ томъ же сборникѣ текстъ перваго посланія къ Симеону гораздо полнѣе, чѣмъ въ изданіи г. Субботина. Въ сборникѣ бібліотеки В. Г. Крушинина имѣется интересный вариантъ къ разсказу о чудѣ съ просвирой. Затѣмъ было прочитано секретаремъ общества письмо Н. В. Султанова къ графу С. Д. Шереметеву, отъ 3-го сентября 1888 года, о поѣздкѣ въ Угличъ. Авторъ письма сообщаетъ, между прочимъ, свои наблюденія надъ типами крестьянскихъ построекъ въ уѣздахъ: Ростовскомъ, Углицкомъ и Мышкинскомъ, при чемъ въ Ростовскомъ уѣздѣ среди разныхъ особенностей мѣстной архитектуры отмѣчаетъ не встрѣчавшіяся ему въ другихъ мѣстахъ Россіи избы, съ горенкой въ два окна надъ воротами, и указываетъ, что на нѣкоторыхъ старыхъ избахъ въ этомъ уѣздѣ попадаются украшенія въ стилѣ «Digestoige», занесенномъ, вѣроятно, изъ Москвы; затѣмъ сдѣланъ рядъ замѣчаній о церквахъ Улейминскаго монастыря, изъ которыхъ надвратную церковь авторъ считаетъ отличнѣйшимъ образцомъ нашего стариннаго областного зодчества; наконецъ, Н. В. Султановъ останавливается на наиболѣе интересныхъ въ архитектурномъ отношеніи старинныхъ построекъ въ Угличѣ и, кромѣ дворца царевича Дмитрія, отмѣчаетъ Успенскую трехшатровую церковь въ Алексѣевскомъ монастырѣ и двѣ церкви бывшаго Вознесенскаго женскаго монастыря, соединенныя галереями, переходами и весьма рѣдкой по своей формѣ звонницей. Письмо иллюстрировано.

Географическое общество. Профессоръ Томскаго университета В. В. Сапожниковъ сдѣлалъ въ засѣданіи 8-го января интересный докладъ о новыхъ ледниковыхъ узахъ Алтая, открытыхъ имъ во время втораго путешествія, совершеннаго лѣтомъ минувшаго года. Экспедиція предпринята была по порученію Томскаго университета, частію на субсидію отъ университета (500 руб.), частію же на личныя средства. Въ путешествіи принималъ дѣятельное участіе томскій лѣсничій В. И. Родзевичъ, прикомандированный министерствомъ землѣдѣлія и государственныхъ имуществъ. Довольно хорошо обставленная со сто-

роны научныхъ приборовъ, экспедиція преслѣдовала, кромѣ ботаническихъ, и общегеографическія цѣли. Добравшись въ срединѣ мая до горнаго селенія Котанды, докладчикъ составилъ здѣсь караванъ изъ 18 лошадей при шести проводникахъ, при чемъ 10 лошадей шли подъ вьюками, такъ какъ пришлось взять запасъ провизіи на два мѣсяца. Экспедиція путешествовала по разнымъ направленіямъ Алтая четыре мѣсяца и доходила до китайской границы. До сихъ поръ о ледникахъ Алтая знали очень мало, полагая, что Алтай вообще бѣденъ ими. Путешественнику, однако, посчастливилось найти ихъ большое число и притомъ весьма значительныхъ размѣровъ. Новые ледники найдены въ верховьяхъ Ак-кама, Текелю и Ядыгема и Куркуре. Кромѣ того, были равнѣе извѣстны катунскій, берельскій и черный. Далѣе найдено четыре ледника въ долинахъ Топалевки и ея притоковъ, сгруппированные около центра въ горахъ Бишъ-Юру. Въ чуйскихъ бѣлкахъ залегаетъ большой ледниковый узелъ вокругъ горы Іикту; здѣсь самый большой ледникъ въ верховьяхъ р. Талдуры— до 18 кв. верстъ поверхностью и четыре меньшихъ. Затѣмъ, найдены ледниковый узелъ съ 7-ю небольшими ледниками въ горахъ Табытъ-Вогдо-Ода и пр. Въ общемъ, съ открытыми ранѣе г. Троновымъ бухтарминскими ледниками на Алтай въ настоящее время извѣстно болѣе 30 ледниковъ съ общей поверхностью болѣе 100 кв. верстъ. Во время путешествія докладчикъ произвелъ подробныя съемки съ наиболѣе крупныхъ ледниковъ, опредѣлить высоты главныхъ вершинъ и быстроту теченія ледниковъ. Между прочимъ, для Бѣлухи получилась высота 4.500 метр. надъ уровнемъ моря. Наиболѣе быстрое теченіе ледниковъ (талдуринскаго, катунскаго и берельскаго) до 35 сант. въ 24 часа. Кромѣ того, путешественникомъ собраны ботаническая, зоологическая и минералогическая коллекціи, сдѣлано до 350 барометрическихъ наблюденій и описано большое число мѣстностей, не посѣщенныхъ до сихъ поръ географами. Сообщеніе было иллюстрировано множествомъ фотографическихъ видовъ съ разныхъ мѣстностей Алтая. Въ засѣданіи доложены поступившія въ общество заявленія отъ приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета В. А. Фаусека о желаніи предпринять путешествіе въ Закаспійскую область для изученія вліянія физико-географическихъ условій на однородныхъ животныхъ, біологіи песчаныхъ пустынь, производства гипсометрическихъ изслѣдованій въ области нескокъ и пр., и отъ профессора Юрьевскаго университета Н. А. Андрусова, ходатайствовавшаго о командированіи обществомъ г. Ляпунова на Черное море для изслѣдованія происхожденія сѣроводорода. Оба заявленія рѣшено передать въ совѣтъ. М. М. Поморцевъ, производившій изслѣдованія атмосферъ на воздушныхъ шарахъ, обратился въ общество съ ходатайствомъ о награжденіи малыми серебряными медалями общества капитана Кованько, Семковскаго, Оболенскаго, Табеловскаго и Утѣшева за ихъ дѣятельное участіе въ трудахъ по изслѣдованію.

13-го января по отдѣленію географіи физической и математической І. Б. Шпиндлеръ сдѣлалъ сообщеніе о своихъ изслѣдованіяхъ надъ температурою и соленостью Каспійскаго моря. Изслѣдованія эти были произведены имъ въ прошломъ 1897 году во время перехода изъ Баку въ Карабугазскій заливъ и обратно. Въ виду того, что эти наблюденія были произведены попутно

во время экспедиціи, направленной собственно для изученія Карабугазскаго залива, — отъ нихъ нельзя требовать строгой систематизаціи. Тѣмъ не менѣе произведенныя измѣренія даютъ полное право утверждать, что на распределе-ніе температуры на поверхности Каспійскаго моря сильное вліяніе оказываютъ вѣтры. Съ глубиною температура убываетъ: на 25 саженьяхъ термометръ показываетъ около 12 град. Цельзія, на 100 саж.—6,6 град., на 200 саж.—6,1 град. и глубже—остается неизмѣнной на 6 град. Слѣдующее сообщеніе—о примѣненіи горизонтальныхъ маятниковъ къ наблюденіямъ колебаній вертикальной линіи, было сдѣлано дѣйствительнымъ членомъ Г. В. Левицкимъ. Сообщеніе это вызвало дополненіе со стороны И. И. Померанцева и живой об-мѣнъ мнѣній.

Академическое изданіе сочиненій русскихъ писателей. Въ императорской академіи наукъ, по отдѣленію русскаго языка и словесности, возникъ въ настоящее время вопросъ о необходимости и своевременности научнаго изданія сочиненій русскихъ писателей въ хронологической послѣдовательности. Планъ такого изданія составленъ и утвержденъ уже отдѣленіемъ. Сочиненія каждаго писателя будутъ сопровождаться объяснительными примѣчаніями, а также библиографическими указаніями и біографическими свѣдѣніями о писателѣ. Будутъ допущены и болѣе обширныя изслѣдованія о личности писателя и его литературной дѣятельности. Начать предполагено съ писателей XI и XII вѣ-ковъ. Къ XI вѣку отнесены писатели-митрополиты кievскіе Леонтій, Иларіонъ, Георгій, Іоаннъ и Ефремъ, преп. Несторъ, Лука Жидята, игумень печерскій Θεодосій, творецъ каноновъ Григорій и авторъ сказанія о Василькѣ—Василій.

Музей антропологии и этнографіи императорской академіи наукъ обогатился новымъ цѣннымъ пріобрѣтеніемъ: его величествомъ государемъ императоромъ пожалована музею болгарская коллекція, составленная изъ подношеній освобожденныхъ болгаръ императору Александру II. Коллекція представляетъ рѣдкое по полнотѣ и превосходному подбору вещей этнографическое собраніе, наглядно рисующее жизнь, бытъ, занятія и промыслы болгаръ въ ту пору, когда они еще мало подвергались европейскому вліянію. Коллекція состоитъ изъ 230-ти нумеровъ.

† Г. А. Залюбовскій. Въ Екатеринославѣ, въ ночь съ 9-го на 10-е января, скончался бдинъ изъ старѣйшихъ мѣстныхъ литераторовъ, Григорій Антоновичъ Залюбовскій, бывшій членъ екатеринославскаго окружнаго суда, чрезвычайно популярный въ мѣстномъ обществѣ, въ которомъ извѣстенъ былъ подъ именемъ «литературный батько». Въ общественномъ самоуправленіи покойный принималъ участіе въ качествѣ гласнаго новomosковского земства, губернскаго гласнаго и гласнаго екатеринославской городской думы. Г. А. Залюбовскому городъ обязанъ учрежденіемъ въ Екатеринославѣ городской общественной бібліотеки въ память столѣтія основанія города. Покойному принадлежатъ нѣкоторыя этнографическія работы, къ числу которыхъ принадлежатъ, между прочимъ, собранныя имъ первыя рѣшенія волостныхъ судовъ, вошедшія въ сборникъ, изданный Харьковскимъ историко-филологическимъ обществомъ. Покойный, какъ сообщаютъ «Екатеринославскія Губ. Вѣд.», принималъ участіе въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно Новороссій-

скаго края. Такъ, онъ участвовалъ въ основаніи «Екатеринославскаго Листка», принимая затѣмъ въ немъ ближайшее участіе, такъ же, какъ и въ преобразованномъ вскорѣ «Днѣпрѣ», въ мѣстной еженедѣльной газетѣ «Степь», «Южанинѣ», «Крымскомъ Вѣстникѣ», нѣкоторыхъ одесскихъ и кievскихъ газетахъ и историческомъ журналѣ «Кіевская Старина». Кромѣ того, Г. А. Залюбовскій участвовалъ въ нѣкоторыхъ столичныхъ специальныхъ изданіяхъ по пчеловодству, садоводству, земледѣдію и проч. Онъ былъ членомъ почти всѣхъ обществъ, существующихъ въ Екатеринославѣ («Нов. Вр.», № 7861).

† **А. П. Морозовъ.** 5-го января, скончался въ больницѣ св. Николая Чудотворца (для душевно-больныхъ) въ С.-Петербургѣ актеръ Александръ Петровичъ Морозовъ, занимавшійся въ продолженіе многихъ лѣтъ сотрудничествомъ въ нѣсколькихъ ежедневныхъ газетахъ, преимущественно въ «Петербургскомъ Листкѣ». Онъ писалъ небольшіе рассказы и сценки изъ городской жизни, подписывая ихъ псевдонимомъ «М. О. Розовъ». Въ качествѣ актера, недурного исполнителя второстепенныхъ характерныхъ ролей, А. П. часто появлялся на клубныхъ сценахъ. Его перу принадлежитъ не мало мелкихъ пьесъ. Умеръ онъ 46 лѣтъ, отъ прогрессивнаго паралича мозга. («Нов. Вр.» № 7853).

† **М. П. Поповъ.** 10-го января, въ С.-Петербургѣ скончался послѣ тяжелой болѣзни профессоръ Императорской Академіи Художествъ, Михаилъ Петровичъ Поповъ, извѣстный своими скульптурными работами. Покойный родился въ 1837 году въ Петербургѣ, учился въ Академіи Художествъ, подъ руководствомъ Н. С. Пименова. Будучи награжденъ малой и большой серебряными медалями за лѣпку, М. П., во вниманіе къ его дарованію и «недостатку скульпторовъ», уже въ 1861 году былъ допущенъ къ конкурсу на золотыя медали и въ 1862 году получилъ малую золотую за фигуру «Косецъ». Въ 1864 году онъ исполнилъ барельефъ «Иосифъ объясняетъ сны въ темницѣ хлѣбодару и виночерпію», черезъ два года получилъ большую золотую медаль и званіе класснаго художника 1-й степени за барельефъ «Пенелопа въ печали, окруженная прислугою, приноситъ женихамъ лукъ и стрѣлы; Одиссей сидитъ нищимъ у дверей». Отправленный въ качествѣ пенсіонера академіи за границу на шесть лѣтъ, М. П. побывалъ въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ, Венеціи, Флоренціи, Неаполѣ и поселился въ Римѣ. Во время пребыванія за границею онъ исполнилъ статую «Дѣвочка-кокетка», которую впоследствии изваялъ изъ мрамора, «Группу нищихъ чучаръ» и статую «Неаполитанскій рыбакъ, играющій на мандолинѣ» (находится въ академическомъ музеѣ). Послѣдняя статуя и «Дѣвочка-Кокетка» были выставлены на академической выставкѣ. За нихъ покойный художникъ получилъ званіе академика и премію въ 2.000 рублей. Въ 1876 году академія получила извѣстіе объ исполненной имъ статуй «Фрина передъ судомъ народа». Статуя была вскорѣ высѣчена изъ мрамора и доставила покойному званіе профессора. Это замѣчательное произведеніе русскаго скульптора постигло несчастіе. При перевозкѣ на всероссійскую выставку въ Москвѣ статую разбили пополамъ. Въ 1879 году была окончена покойнымъ статуя «Клеопатра», въ 1881 году онъ исполнялъ группы и бюсты для Екатерининскаго сквера въ Петербургѣ. Въ 1882 году М. П. вновь ѣздилъ за границу для изваянія изъ мрамора бюста императора Александра II. Кромѣ на-

званныхъ, покойному принадлежить рядъ другихъ произведеній. Упомянемъ изъ нихъ «Плачущаго мальчика» (терракота) и «Смѣющуюся дѣвочку» («Нов. Вр.», № 7858).

† **А. В. Эвальдъ.** 15-го февраля, въ Петербургѣ, скончался отъ паралича сердца Аркадій Васильевичъ Эвальдъ. Онъ родился въ 1834 году, въ Гатчинѣ, гдѣ отецъ его служилъ старшимъ надзирателемъ въ Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ. Получивъ образованіе въ Николаевскомъ инженерномъ училищѣ, Эвальдъ былъ произведенъ, въ 1854 г., въ офицеры и выпущенъ въ инженерныя войска, въ рядахъ которыхъ принималъ участіе въ защитѣ Балтійскаго побережья отъ покушеній непріятельскаго флота, во время войны 1854—1856 годовъ. По окончаніи войны, Эвальдъ вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ почти исключительно отдался литературѣ. Онъ писалъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» и въ «Голосѣ» корреспонденціи и фельетоны и помѣщалъ въ «Всемирной Иллюстраціи» и другихъ изданіяхъ повѣсти и романы, изъ которыхъ особенный успѣхъ имѣлъ историческій романъ «Императоръ Византіи». Затѣмъ Эвальдъ самъ издавалъ газету «Всемирный Телеграфъ» вскорѣ, однако, прекратившуюся, и редактировалъ «Всеобщую Газету» и «Улей». Человѣкъ предприимчивый, Эвальдъ пускался въ разныя предпріятія, дѣлалъ желѣзнодорожныя изысканія, открывалъ банкирскія конторы и т. п., но вслѣдствіе довѣрчивости и мягкости своего характера всюду терпѣлъ неудачи и подъ конецъ своей жизни страшно бѣдствовалъ, существуя лишь временными пособиями изъ фонда императора Николая II и мелкими работами въ «Петербургскомъ Листкѣ». Въ 1895 году въ «Историческомъ Вѣстникѣ» были напечатаны его воспоминанія, изъ которыхъ одинъ отрывокъ «Двѣ службы» находится у насъ еще въ рукописи. За десять дней до смерти онъ прислалъ намъ, помѣщенный въ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», свои воспоминанія о покойномъ графѣ И. Д. Деляновѣ.

† **В. В. Перовъ.** 2-го января, въ Москвѣ, скончался молодой художникъ Владиміръ Васильевичъ Перовъ. Художественное образованіе было начато имъ подъ руководствомъ отца, извѣстнаго живописца, который состоялъ профессоромъ въ училищѣ живописи, ваянія и зодчества. В. В. Перовъ окончилъ курсъ въ означенномъ училищѣ, занимаясь, между прочимъ, подъ руководствомъ извѣстнаго, нынѣ тоже покойнаго художника Прянишникова. Затѣмъ В. В. Перовъ занимался около двухъ лѣтъ въ Академіи Художествъ и закончилъ свое художественное образованіе за границей, гдѣ пробылъ три года. Произведенія покойнаго бывали на картинныхъ выставкахъ; его картины можно видѣть и въ Третьяковской художественной галлерей. Послѣдніе три года онъ болѣлъ и скончался, не достигнувъ возраста тридцати лѣтъ. («Моск. Вѣд.», № 4).

† **М. Т. Ивановъ-Козельскій.** 15-го января, въ 8 часовъ утра, въ Петербургѣ, въ больницѣ для душевно-больныхъ, скончался на 52-мъ году жизни извѣстный драматическій артистъ, Митрофанъ Трофимовичъ Ивановъ-Козельскій. Обладая обширнымъ репертуаромъ, онъ пользовался значительнымъ успѣхомъ, особенно въ роляхъ Гамлета, Кяна, Вѣлугина, Чацкаго, Акосты, Карла и Франца Моора. Онъ былъ талантъ-самородокъ, и только силою своей художественной игры завоевалъ себѣ симпатіи публики. Покойный происхо-

диль изъ крестьянской семьи Кіевской губерніи, былъ кантонистомъ и получилъ ограниченное образованіе. Служба его съ юношескихъ лѣтъ въ качествѣ военнаго писаря въ баталіонной канцеляріи шла въ гор. Житомирѣ. Въ это время, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, въ Житомирѣ возрождался русскій театр. Здѣсь въ 1869 году покойный Ивановъ-Козельскій впервые появился на сценѣ съ другими нижними чинами въ качествѣ статиста съ платою 20 к. за вечеръ. Управляющій театромъ Л. Я. Шаеровичъ, замѣтивъ въ покойномъ любовь къ театру и способности, сначала въ крайнихъ случаяхъ, а затѣмъ, просто довѣряя его осмысленной игрѣ, поручалъ ему замѣнять артистовъ и давалъ ему маленькія роли. Начальство Иванова-Козельскаго съ своей стороны тоже отнеслось не безучастно къ зарождавшемуся таланту: разрѣшало ему играть и даже освобождало его для этого отъ занятій. Усиѣхи его на сценѣ росли быстро. Последнее время, съ 1891 года, Ивановъ-Козельскій очень рѣдко, а потомъ и вовсе не появлялся на сценѣ вслѣдствіе уже давшей о себѣ знать психической болѣзни. Это время онъ жилъ безвыѣздно въ Одессѣ отдѣльно отъ своей семьи. Первый ударъ, постигшій его въ 1895 году, парализовалъ его мозгъ, и его перевезли въ Петербургъ, гдѣ и помѣстили въ лѣчебницу Фрея на счетъ театральнаго общества, при матеріальномъ содѣйствіи одного лица, члена этого общества, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ. Въ прошломъ году послѣдовалъ вторичный ударъ, послѣ чего онъ былъ помѣщенъ въ больницѣ св. Николая, гдѣ и умеръ. Дѣти покойнаго, въ возрастѣ отъ 7-ми до 15-ти-лѣтняго возраста, три дочери и сынъ, остались круглыми сиротами безъ всякихъ средствъ («Рус. Вѣд.», № 17; «Нов. Вр.», №№ 7864 и 7870).

† К. Гурскій. 1 января въ Варшавѣ на 73 году жизни извѣстный польскій военный историкъ, отставной полковникъ генеральнаго штаба російскихъ войскъ, Константинъ Гурскій. Покойный родился въ 1826 г. въ Гродненской губ., учился въ Кіевскомъ университетѣ на математическомъ факультетѣ и въ академіи генеральнаго штаба. Издавна заинтересовавшись исторіей польскаго военнаго искусства, Гурскій въ теченіе всей жизни не переставалъ трудиться надъ собираніемъ относящихся сюда матеріаловъ, предпринималъ экскурсіи, занимался во многихъ общественныхъ и частныхъ библіотекахъ. Плодомъ этихъ занятій были два капитальные труда, изданные Краковскою академіею наукъ: «Historya piechoty polskiej» и «Historia jazdy polskiej». Кромѣ того, въ «Библіотекѣ Варшавской» Гурскій помѣстилъ рядъ статей о польскихъ войнахъ, каковы: «Historyja wojen polskich ze Szwecyją», «Historyja wojen polskich z Turcyją», «Bitwa pod Buczyną», «Bitwa pod Cecorą», «Bitwa pod Grunwaldem», «Bitwa pod Beresteczkiem» и др. Въ «Газетѣ Польской» Гурскій помѣстилъ нѣсколько небольшихъ очерковъ о современномъ состояніи военнаго искусства въ разныхъ государствахъ, а, какъ сотрудникъ «Иллюстрированной Энциклопедіи», велъ отдѣлъ военнаго искусства и напечаталъ статью объ артиллеріи. Въ своихъ изслѣдованіяхъ Гурскій является историкомъ строго-безпристрастнымъ, изгнавшимъ вымыселъ и фантазію и обосновавшимъ свое повѣствованіе на фактической почвѣ. Изъ оставленнаго послѣ себя имущества (20 тыс. руб.) Гурскій половину завѣщалъ Краковской академіи наукъ, а другую половину — касѣ имени Міановскаго.

† **Л. Малиновскій.** 15 января, въ Краковѣ, извѣстный польскій лингвистъ, проф. Краковскаго Ягеллонскаго университетта и членъ Краковской академіи наукъ, Люціанъ Малиновскій. Покойный род. въ 1839 году въ Ярошевичахъ, по окончаніи Варшавскаго университета продолжалъ образованіе въ Іенѣ, Берлинѣ, Петербургѣ, Краковѣ и Лейпцигѣ, а затѣмъ нѣкоторое время былъ учителемъ гимназій въ Краковѣ и Варшавѣ. Специальностью его была славянская, преимущественно польская, лингвистика. Первые изслѣдованія написаны имъ по-нѣмецки (о польскихъ словахъ, заимствованныхъ съ нѣмецкаго языка, о коренныхъ словахъ народнаго польскаго языка и говорѣ Опольскомъ). Въ 1875 г. Малиновскій издалъ «Modlitwy Wacława», весьма важный памятникъ польскаго языка XV вѣка. Въ 1880 году онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Краковской академіи наукъ и сталъ редактировать «Ramięnik» и «Rozprawy filologiczne», гдѣ помѣщено не мало его изслѣдованій, состоялъ также секретаремъ филологическаго отдѣленія, секретаремъ и предсѣдателемъ антропологической комиссіи и деканомъ университета. Его трудамъ обязанъ своимъ основаніемъ и процвѣтаніемъ семинаріумъ славянской филологіи при Краковскомъ университетѣ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

День и годъ рожденія Адама Мицкевича.

Приближающійся день столѣтней годовщины рожденія Адама Мицкевича не перестаетъ волновать умы въ польскомъ обществѣ, столь чуткомъ къ родной славі. Съ тѣхъ поръ какъ былъ утвержденъ проектъ памятника Мицкевичу, составленный Киприаномъ Годабскимъ, польская журналистика приняла какой-то неуловимый оттѣнокъ того праздничнаго настроенія, которое всегда сопутствуетъ днямъ національнаго торжества. Чтобы дать представленіе о томъ, до какой степени заинтересовано предстоящимъ юбилейнымъ торжествомъ все польское общество, не выключая и низшихъ слоевъ его, мы укажемъ такой курьезъ. Въ концѣ прошлаго года какой-то портной, не безъ гордости заявляющій о томъ, что ему хорошо знакомо не только современное состояніе портняжнаго искусства, но и исторія его, обратился въ варшавскій журналъ «Niwa» съ открытымъ письмомъ слѣдующаго содержанія: Годабскій, судя по проекту памятника, намѣренъ одѣть поэта въ сюртукъ о 6 пуговицахъ и въ плащъ, имѣющій пуговицы и петли. Между тѣмъ сюртукъ долженъ имѣть не 6, а 3 или 5 пуговицъ, плащи съ пуговицами и петлями носили и носятъ только лакеи, господскіе же плащи должны быть безъ пуговицъ и безъ петель. Въ заключеніе радѣтельный портной совѣтуетъ исправить ошибку, пока ве поздно. Вообще о Мицкевичѣ пишется теперь такъ много, что краковскій журналъ «Przewodnik naukowy i literacki» принужденъ былъ на 1898 годъ завести у себя самостоятельный отдѣлъ подъ заглавіемъ «Kronika Mickiewicza», посвященный обзоръ литературы о Мицкевичѣ. Правда, большая

часть изъ того; что теперь пишется о Мицкевичѣ, не представляетъ собою ничего новаго; но изрѣдка встрѣчаемъ статьи, вполне заслуживающія вниманія какъ по интересу затрогиваемой темы, такъ и по способамъ рѣшенія ея.

Къ числу такихъ статей надобно отнести напечатанную недавно въ «Kurjer'ъ Warszawsk'омъ» и посвященную спорному вопросу о днѣ рожденія великаго поэта. Всѣ біографы Мицкевича единогласно утверждаютъ, что онъ родился 24 декабря 1798 года. Относительно точности этой даты никогда не возникало никакихъ сомнѣній, и весь вопросъ только въ томъ, считать ли эту дату по новому, или же по старому стилю; въ послѣднемъ случаѣ днемъ рожденія пришлось бы считать 4 января 1799 года.

Данныя официальнаго характера не разрѣшаютъ поставленнаго вопроса. Въ метрической выписи о рожденіи Мицкевича, извлеченной изъ архива виленской римско-католической духовной консисторіи, сказано, что онъ родился 2 февраля 1799 года. Эта дата не заслуживаетъ, однако, ни малѣйшаго довѣрія, такъ какъ въ ней подъ днемъ рожденія принятъ день крещенія. Это видно изъ сохранившагося въ церковныхъ книгахъ Новогрудской парафіи акта о крещеніи Мицкевича; этотъ актъ (опубликованный въ первый разъ въ «Виленскомъ Курьерѣ» за 1861 годъ) гласитъ слѣдующее: «1799 года м. февраля 12 дня высокопреподобнѣйшій ксендзъ Антоній Постлеттъ, каноникъ курляндскій, крестилъ ребенка именами Адамъ-Бернардъ, сына Николая Мицкевича, коморника минскаго, адвоката новогрудскаго, и Варвары Маевской, законныхъ и благородныхъ супруговъ. Воспріемниками были: ясневельможный Бернардъ Обуховичъ, судья земскій мозырскій, съ Ангелой рожд. Узловской, супругой пограничнаго судьи Новогрудскаго повѣта».

Эта метрика почему-то дала поводъ Викентію Коротыньскому высказать мысль, что дату 24 декабря 1798 г. нужно считать по старому стилю. Мнѣніе это принялъ и П. Хмѣлевскій въ своемъ капитальномъ изслѣдованіи о Мицкевичѣ. Въ защиту противоположнаго мнѣнія сталъ Янъ Семенскій, который доказывалъ, что юліанскій календарь введенъ въ Литвѣ лишь съ 1 января 1800 г. на основаніи указа императора Павла I отъ 26 іюля 1799 г. Ему послѣдовалъ и сынъ поэта (Владиславъ Мицкевичъ) въ своемъ изслѣдованіи. Впрочемъ, сейчасъ же по выходѣ послѣдняго извѣстный историкъ Антоній Ролле писалъ въ Край'ѣ (1890 г., № 31), что Влад. Мицкевичъ совершенно несправедливо нападаетъ на Хмѣлевскаго, такъ какъ юліанскій календарь введенъ въ Литвѣ еще 1 іюля 1796 г. и что поэтому дату 24 декабря слѣдуетъ считать по старому стилю.

Въ этомъ неопредѣленномъ положеніи вопросъ оставался и доселѣ. Авторъ статьи въ «Kurjer'ъ Warszawsk'омъ» цѣлымъ рядомъ доказательствъ рѣшаетъ, что дату слѣдуетъ считать по новому стилю. Рѣшеніе вопроса сводится къ тому, когда былъ присоединенъ къ Россіи Новогрудокъ. Извѣстно, что въ присоединяемыхъ къ Россіи польскихъ областяхъ для избѣжанія разныхъ затрудненій вводимъ былъ юліанскій календарь. Ссылаясь на выписку изъ конвенціи между Пруссіей и Россіей отъ 23 января 1793 г. и на трактатъ между Россіей и Польшей, заключенный 13 іюля и подтвержденный 22 іюля, авторъ упомянутой статьи рѣшаетъ, что по второму раздѣлу Новогрудокъ

остался еще за Польшей и слѣдовательно тамъ сохранялось лѣтосчисленіе по григоріанскому календарю. Послѣ третьяго раздѣла, на основаніи указа 8 августа 1795 г. присоединенныя земли, составившія новую Литовскую губернію, были раздѣлены на два намѣстничества (Виленское и Слонимское), при чемъ въ первомъ было учреждено 11 повѣтовъ, а во второмъ — 8, именно: слонимскій, гродненскій, волковыскій, лидскій, брестскій, кобринскій, пружанскій и новогрудскій. 26 іюля 1799 г. былъ изданъ слѣдующій указъ «о введеніи лѣточисленія въ Литовской губ. по старому стилю и общаго руссійскаго календаря» (Полн. Собр. Зак., т. 25, № 19.049): «Въ пресѣченіе затрудненій и замѣшательствъ отъ различнаго лѣточисленія въ губ. Литовской за благо признали мы по примѣру того, какъ въ губ. Бѣлорусской, Кіевской, Подольской, Минской и Волынской введено, постановить и въ оной лѣточисленіе, старымъ стилемъ именуемое. На сей конецъ предписали Мы Римско-Католической въ Россіи церкви архіепископу митрополиту для введенія онаго по духовной части сдѣлать надлежащія распоряженія; сенату же повелѣваемъ устроить по части гражданской, дабы со вступленіемъ будущаго 1800 года, въ губ. Литовской введено, а въ прочихъ подтвержденъ былъ въ дѣйствиіи всеобщій руссійскій календарь, сдѣлавъ предварительно всѣ нужныя распоряженія, дабы дѣла коммерческія и гражданскія, отъ сего введенія не потерпѣли разстройства или замѣшательства». Такимъ образомъ днемъ рожденія Мицкевича слѣдуетъ считать 24 декабря 1798 г. именно по новому стилю. Не лишне добавить при этомъ, что поэтъ праздновалъ свои именины, а за одно и день рожденія, именно по новому стилю, а также и то, что въ официальныхъ справкахъ онъ показывалъ годомъ своего рожденія именно 1798, а не 1799-й.

Б. Х.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Мы получили 10-го февраля телеграмму отъ проживающей въ Ялтѣ баронессы М. П. Фредериксъ, которая проситъ насъ приостановить печатаніе, уже набравшейся, второй половины ея воспоминаній, до новаго пересмотра ея рукописи, въ чемъ встрѣтилась неотложная необходимость. Исполненіе просьбы баронессы вынуждаетъ насъ прервать на время помѣщеніе ея интересныхъ воспоминаній.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазинъ, Новаго Времени'

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ ФЕВРАЛѢ 1898 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 2-й.

Антоновичъ, А. Какъ строить Московскую окружающую дорогу — съ широкимъ рельсовымъ кольцомъ или кольцомъ, приближеннымъ къ городу. М. 1897 г. Ц. 60 к.

Антроповъ, П. Финансово-статистическій атласъ Россіи 1885—1895. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.

Анучинъ, Д. Верхневолжскія озера и верховья Западной Двины. Рекогносцировки и изслѣдованія 1894—1895 г. Съ картами и 22 рисунками. М. 1897 г. Ц. 5 р.

Армениковъ, К. Сборникъ арифметическихъ задачъ и примѣровъ для начальныхъ народныхъ училищъ. Годъ первый. Счетъ до 100. Дѣйствія до 20. М. 1898 г. Ц. 15 к.

Арнольдъ, Юр. Теорія постановки голоса по методу старой итальянской школы и примѣненіе теории къ практическому обученію красивому образованію пѣвческихъ звуковъ. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

Архивъ села Михайловскаго. Т. I. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

Багницкій, Д. Экономическіе этюды. Потребленіе, производство и обложеніе сахара. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.

Бантышъ-Наменскій, М. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ). Часть третья. (Курляндія, Лифляндія, Эстляндія, Финляндія, Польша и Португалія). М. 1897 г. Ц. 2 р.

Басиановъ, В. (врачъ). Устройство нефтотопленія въ печахъ: комнатныхъ, центральныхъ, муфельныхъ хлѣбопекарныхъ, сушильных, въ кухонныхъ и кондитерскихъ очагахъ. Съ 5 таблицами. Краткое практическое руководство. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Бильдерлингъ, П. Силы природы въ сельскомъ хозяйствѣ. Четыре очерка. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Бѣлованскій, В. Коммерческія комиссіонныя агентства желѣзныхъ дорогъ. (Значеніе комиссіонныхъ агентствъ для хлѣбной торговли). Спб. 1898 г. Ц. 20 к.

Бомеряновъ, М. Первый царственный генералъ-фельдцейхмейстеръ великій князь

Михаилъ Павловичъ. 1798—1898 г. Биографическій очеркъ, съ приложеніемъ восьми портретовъ и автографа. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Борисовъ, В. Стратегическіе вопросы. Разборъ положеній сочиненія генерала Леера «Стратегія». Тактика театра военныхъ дѣйствій. Варшава. 1898 г. Ц. 60 к.

Булгановъ, С. О рынкахъ при капиталистическомъ производствѣ. Теоретическій этюдъ. М. 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

Бурже, Поль. О возрастахъ любви. Перев. съ франц. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.

Бысьно, А. Христианствъ и еврей. Рассказъ. Одесса. 1898 г. Ц. 8 к.

Венгеровъ, С. Русскія книги. Съ биограф. данными объ авторахъ и переводчикахъ. Изд. Г. В. Юдина. Т. II. Бабаевъ—Богатырь. Спб. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

— Вып. XXI. Богатырь — Вогуславскій. Ц. 35 к.

Ветуховъ, А. Какъ возвращаютъ глухонѣмымъ даръ рѣчи и слухъ. Спб. 1897 г. Ц. 10 к.

Winter, G. (d-r). Учебникъ гинекологической діагностики. Съ 20 таблицами и 140 рис. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

Волжницъ, В. Физическіе парадоксы и софизмы. Посobie для учениковъ и преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.

Вологжанинъ. Литературно-научный сборникъ. Вологда. 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.

* Вся Москва. Адресная и справочная книга на 1898 г. Пятый годъ изданія. М. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к., въ переплетѣ 3 р.

Гальновскій, М. Сербскій народный эпосъ. Вступительная статья и переводъ. Сумы. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гаупль, Отто. Гербертъ Спенсеръ. Пер. съ нѣмецкаго подъ ред. А. Острогорскаго. Съ портретомъ Спенсера. (Библиотека философовъ, № 1). Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Heubner, Otto. Сифилисъ (наслѣдственный, приобретенный, поздній, въ дѣтскомъ возрастѣ). Перев. съ нѣмецкаго. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

- Гейнсъ, Алекс. Констант. Собрание литературныхъ трудовъ. Съ портретомъ. 2 тома и приложение. Спб. 1897 г. Ц. 8 р.
- Гейнце, И. Дочь Петра Великаго. Историческій романъ XVIII столѣтія. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Современный самозванецъ. Романъ-хроника въ 3-хъ частяхъ. Съ портретомъ героя романа Н. Г. Савина. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Гелльвальдъ. Исторія культуры. Первобытная культура и древнія восточныя цивилизаціи. Перев. подъ ред. д-ра философіи М. Филиппова. Съ рис. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Гербсманъ, І. Какъ оберечь себя отъ сифилиса и венерическихъ болѣзней? Популярный очеркъ. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Германъ, Ф. (д-ръ). Заслуги женщины въ дѣлѣ ухода за больными и ранеными. Харьковъ. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.
- Гернеръ, А. Законодательство о приобрѣтеніи дворянства Россійской Имперіи. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- гесдерферъ, М. Комнатное садоводство. Уходъ за комнатными растеніями, ихъ выборъ и размноженіе. Приспособленіе комнатъ для культуры въ нихъ растеній. Вып. I. Ц. за 6 вып. 4 р. 50 к.
- Геффдингъ, Г. (проф.). Жанъ Жакъ Руссо. Перев. съ нѣмец. Съ портретомъ Ж. Ж. Руссо. (Библиотека философовъ, III). Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Гиртъль, І. Матеріалистическія воззрѣнія нашего времени. Одесса. 1898 г. Ц. 20 к.
- Глаголевъ, С. (проф.). Астрономія и богословіе. Сергіевъ-Посадъ. 1898 г. Ц. 50 к.
- Голлицынъ, Дм. (князь Муравлинъ). У синя моря. Путевые очерки Черногоріи и Далматинскаго побережья. Съ 228 автотипіями, исполненными по фотографич. снимкамъ его свѣтлости Мирко Черногорскаго, А. А. Христоновича, А. И. Матвѣевскаго и др. Спб. Ц. 6 р.
- Головинъ, Е. Словарь фотографической химіи русско-латинско-французско-нѣмецко-англійскій. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Граничъ, Ф. Ключъ къ сборнику алгебраическихъ задачъ Шапошникова и Вальцова на квадратныя уравненія. Курсъ алгебры 6-го класса гимназій и реальн. училищъ. Одесса. 1898 г. Ц. 40 к.
- Грибовскій, В. (Гриденъ). Студенческіе рассказы. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гринъ. Краткая исторія англійскаго народа. Въ трехъ выпускахъ. Вып. I. Перев. съ англ. В. Вогучарскаго, подъ ред. Н. И. Шамонова. М. 1897 г. Ц. 50 к.
- Гуго, И. Новѣйшія теченія въ англійскомъ городскомъ самоуправленіи. Перев. съ нѣм. подъ ред. Д. Протопопова. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гурьевъ, А. Промышленные синдикаты. Экономическое и общественное значеніе предпринимательскихъ союзовъ. Вып. I. Значеніе синдикатовъ для интересовъ потребителей. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Дарвинъ, Ч. Пангенезизмъ. Подъ редакціей д-ра философіи М. Филиппова. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Дементьевъ, Н. Фрабрично-химическій контроль основныхъ производствъ минеральной химіи. Съ 27 рис. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Десницкій, И. Руководство для отправляющихся на Кавказскія минеральныя воды. Изд. 5-е, исправл. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Добрый путь. Сборникъ назидательныхъ статей и рассказовъ, составленный примѣнительно къ современнымъ религіозно-нравственнымъ потребностямъ народной жизни. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Догуревичъ, Т. Свѣтъ Азии. Распространеніе христіанства въ Сибири. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.
- Домашній столъ и домашнія заготовки. Изд. 3-е. Н. И. Мамонтова. М. 1898 г. Ц. 3 р.
- Домашняя молитва христіанина. Весьма древнее сочиненіе, приписываемое въ некоторыхъ спискахъ его святому Кириллу, просвѣтителю славянъ. Спб. 1888 г. Ц. 7 к.
- Дорожная библиотека. Еженедѣльный журналъ для путешественниковъ. № 3. Ц. 10 к.
- Досначь, И. Самуиль-Ганагидъ. Біографич. очеркъ. Одесса. 1898 г. Ц. 15 к.
- Дрентельмъ, Е. Аномалія развитія полового чувства у дѣвочекъ. М. 1898 г. Ц. 25 к.
- Дюкло, Е. Защита отъ болѣзней. Перев. съ фран. М. 1898 г. Ц. 15 к.
- Дьяченко, Григ. Слова, поученія, бесѣды и рѣчи пастыря церкви на разные случаи. М. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Катехизическія поученія, общедоступно изъясняющія ученіе православной церкви о христіанской вѣрѣ, надеждѣ и любви. М. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Евреиновъ, Г. Прошлое и настоящее значеніе русскаго дворянства. Спб. 1898. Ц. 1 р.
- Еврейскія народныя сказки, записанныя С. Велдлинъмъ. Одесса. 1898. Ц. 15 к.
- Егоровъ, П. и Вейнбергъ, Л. Сборникъ узаконеній, необходимыхъ при постройкѣ и учрежденіи фабрично-заводскихъ заведеній. М. 1898. Ц. 2 р.
- Елецъ, Ю. Императоръ Менеликъ и война его съ Италіей. По документамъ и походнымъ дневникамъ Н. С. Леонтьева. Спб. 1898. Ц. 2 р.
- Езерскій, Ѳ. Капитальная книга расчетливаго человѣка съ календаремъ «счетоводъ» на 1898 г. Ц. 30 к.
- Елецъ, Ю. Исторія л.-гв. Гродненскаго гусарскаго полка. Т. II. (1866—1896). Спб. 1898. Ц. 5, 10 и 20 руб.
- Елисеѣвъ, А. (д-ръ). По бѣду свѣту. Очерки и картины изъ путешествій по тремъ частямъ стараго свѣта. Съ иллюстраціями Н. Н. Каразина, В. П. Овсянникова, Э. К. Соколовскаго и А. А. Чикина. Т. IV. Спб. 1898. Ц. 3 р.
- Ессе, С. Волнообразное распространеніе электрической энергіи и принципъ дѣйствія телеграфа безъ проволоки по Маркони. Съ 11 чертежами. Казань. 1898. Ц. 40 к.
- Жельзновъ, І. Василій Струяшевъ. Поѣздъ. М. 1898. Ц. 50 к.
- Картины казачкаго жизни. 1898. Ц. 20 к.
- Жизнь. Литературный, научный и политическій журналъ. Январь № 3. Ц. 40 к.

- Житковъ, С.** О необходимости вслѣдствіе неурожая, закрыть вывозъ хлѣбовъ изъ Россіи. Спб. 1898. Ц. 50 к.
- Журналъ юридическаго общества.** Февраль. 1898. Ц. 2 р.
- Журналъ Журналовъ и энциклопедическое обозрѣніе.** Январь. № 2. Ц. 50 к., на лучшей бумагѣ 75 к.
- Засодимскій, П. Алл.** Изъ биографій одной маленькой дѣвочки. Спб. 1898. Ц. 6 к.
- Зенгеръ, Бруно.** Самоучитель фотографіи. Съ 44 рисунками въ текстѣ. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.
- Ивановскій, В.** Русское государственное право. Т. I. Верховная власть и ея органы. Вып. VI. Мѣстныя установленія общественнаго управленія. Казань. 1898. Ц. 1 р.
- Игорь, князь Стверскій** въ поэтическомъ переложеніи Д. Бокана. Съ введеніемъ, примѣчаніями и историческ. комментаріями. Минскъ. 1897. Ц. 25 к.
- Инфантьевъ, П.** Путешествіе къ лѣснымъ людямъ. М. 1898. Ц. 20 к.
- Картинная галлерія «Посредника».** Изданіе Т. Л. Толстой. «Послѣдній лучъ». Картина Ж. Бретона и другія картины Французскихъ художниковъ. М. 1898. Ц. 2 р.
- Катковъ, М.** Собраніе передовыхъ статей «Московскихъ Вѣдомостей» 1877 и 1878 гг. М. 1898. Ц. по подпискѣ 62 р. 50 к.
- Керенскій, Вл.** Четвертый интернаціональный старокатолическій конгрессъ и его значеніе въ исторіи старокатолическаго движенія. Казань. 1898. Ц. 30 к.
- Кернеръ, Ф. Марилаунъ.** Жизнь растений. Вып. 2—3. Ц. по подпискѣ на 30 вып. 12 р. 80 к.
- Кирпичевъ, В.** Сопротивленіе матеріаловъ. Ученіе о прочности построекъ и машинъ. Часть I. Харьковъ. Спб. 1898. Ц. 3 р.
- Клодъ, Эд.** Первобытныи человѣкъ. Популярныя бесѣды. М. 1898. Ц. 50 к.
- Ковалевскій, П. (проф.)** Психіатрическіе эскизы изъ исторіи. Т. II. Орлеанская дѣва.—Магометъ. Спб. 1898. Ц. 75 к.
- Эпилепсія, ея лѣченіе и судебно-психіатрическое значеніе. Изд. 3-е, дополненное. Спб. 1898. Ц. 2 р.
- Ковалевскій, Е.** и другіе. Народное образованіе на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ въ 1896 г. Отчетъ. Съ рисунками, планами и приложеніемъ главы о народномъ образованіи въ Венгріи. Спб. 1897. Ц. 1 р.
- Кожинъ, И.** Критическіе этюды о нѣкоторыхъ лирическихъ произведеніяхъ Я. Кожановскаго. Кіевъ. 1898. Ц. 40 к.
- Конспектъ римскаго гражданскаго права по программѣ юридической комисіи.** М. 1898. Ц. 1 р. 40 к.
- Коровинъ, А. (д-ръ).** На что намъ обществу трезвости? М. 1898. Ц. 5 к.
- Коровинъ, В.** Двѣ капелки (метаморфозы воды). Разсказъ для дѣтей. Изд. 3-е, съ рисунками. М. 1898. Ц. 75 к., въ банкѣ 1 р.
- Cosmopolis. Revue internationale.** Fevrier. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Космополисъ.** Русскій отдѣлъ. Февраль. 1898 г. Ц. 60 к.
- Кохеръ (проф.) и Тавель (проф.).** Лекціи о хирургическихъ заразныхъ болѣзняхъ. Ч. I. Перев. съ нѣм. д-ра П. Н. Михайлова. Съ 47 рис. и 23 кривыми въ текстѣ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Красновъ, А.** Чайные округа субтропическихъ областей Азіи. (Культур.-географическіе очерки дальняго Востока). Съ 97 рис. Вып. II. Китай, Индія и Цейлонъ, Колхида. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Краерлин, Е.** Гигіена труда. Перев. съ нѣмецк. Спб. 1897 г. Ц. 30 к.
- Кривошлыкъ, м.** Великіе полководцы міра въ краткихъ биографіяхъ и анекдотахъ съ портретами. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Кугушевъ, Г. (князь).** Драматическія сочиненія. Т. I. Комедія безъ названія. Пріемышъ. Евгеній Онѣгинъ. Пари. Невидимка. Дунаша. Т. II. Друзья-пріятели. Двѣ камеліи. Голубой валютъ. Комедія съ переодѣваніемъ. Емелюшка. Дурачекъ. Кащей. Устождѣтъ. М. 1898 г. Ц. каждаго тома 3 р.
- Кумицкій, С.** Графическая статика и ея приложенія къ расчету сооружений. Съ 84 литипажами въ текстѣ. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.
- Крюковъ, м.** Канада. Сельское хозяйство въ Канадѣ въ связи съ другимъ отраслями промышленности. Съ картою и 30 рис. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.
- Лагузень, I.** Краткій курсъ палеонтологіи. Палеозоологія. Выпускъ 2-й и 3-й. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.
- Лалаевъ, М.** Очеркъ жизни и дѣятельности ея Бозѣ почитающаго великаго князя Михаила Павловича. Къ столѣтію со дня его рожденія 1798—1898 г. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Лансонъ, Гюставъ.** Исторія французской литературы. Т. II. М. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Ларошъ, Г.** Музыкальные фельетоны и замѣтки Петра Ильича Чайковскаго (1868—1876). Съ приложеніемъ портрета, автобиографическаго описанія путешествія за границу въ 1888 году. М. 1898 г. Ц. 2 р. 80 к.
- Летурно, Ш.** Эволюція рабства. Перев. съ франц. З. Н. Жуковской. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Лейвентманъ, А.** Европейка и азіатъ. Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Лоренцъ, Н.** Орнаментъ всѣхъ временъ и стилей, 100 таблицъ съ объяснительнымъ текстомъ. Вып. I. Ц. на все сочиненіе (10 вып.) 15 руб.
- Лохвицкая, М. (Жиберъ).** Стихотворенія. Т. II. 1896—1898 г. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Лунашевичъ, Клавдія.** Свѣтлячекъ. Сборникъ разсказовъ, сказокъ, сценъ изъ дѣтской жизни для младшаго возраста. М. 1898 г. Ц. 60 к.
- Ясное солнышко и другія повѣсти и разсказы. Для дѣтей средняго возраста. М. 1898 г. Ц. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лунскій, Н.** Сборникъ задачъ по коммерческой ариметикѣ. Одесса. 1898 г. Ц. 1 р.
- Лупповъ, П.** Общества вспомошествованія учащимъ и учившимъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Историко-статистическій обзоръ. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.

- Лясковскій, Валерій.** Посадка деревьевъ въ средней полосѣ Россіи. М. 1898 г. Ц. 20 к.
- Манакавъевъ, А.** Проекціонное черченіе съ натуры. (Пособіе при изученіи графической грамоты). Съ атласомъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 коп.
- Малымъ ребятамъ.** Разказы и стихи. 3 вып. М. 1898 г. Ц. каждаго вып. 15 к.
- Маллесонъ, Ф.** Первоначальное воспитаніе дѣтей. Перев. съ англ. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Мартыновъ, Н.** Образцы и формы дѣловыхъ бумагъ. Письма, прошенія, судопроизводственныя бумаги, коммерческая корреспонденція, догворы, обязательства и сирочныя свидѣнія. Изд. 2-е, дополненное и переработанное. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Материалы къ пересмотру общаго тарифа желѣзныхъ дорогъ I и II группъ. Отдѣлъ I.** Ископаемые материалы не въ дѣлѣ и въ издѣльяхъ, кромѣ металловъ, и ихъ отбросы. Составлено подъ руководствомъ I. П. Зайцева. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.
- Менделесонъ, А. (врачъ).** О профессиональномъ обученіи низшаго персонала психиатрическихъ заведеній. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Мясновскій, Авг.** Проблема распределенія собственности въ историческомъ развитіи. Перев. съ нѣм. Съ приложеніемъ статьи Т. Осадчаго «Результаты господствующаго взглядовъ на полную собственность». Киевъ. 1898 г. Ц. 30 к.
- мировъ, М.** Разказы объ устройствѣ и жизни растений или первоначальная ботаника. Съ 165 рис. М. 1898 г. Ц. 35 к.
- Михайловъ, М.** За предѣлами исторіи. Картины жизни за милліоны лѣтъ. М. 1898 г. Ц. 30 к.
- Морозовъ, М. (д-ръ).** Къ вопросу о служителяхъ въ психиатрическихъ больницахъ. Казань. 1897 г. Ц. 45 к.
- Мясницкій, И.** Драмагическія сочиненія. Т. I. Двѣсти тысячъ.—Сыщикъ.—Сторяча.—Зячъ.—Ни минуты покоя.—Кражъ банка. М. 1897 г. Ц. 3 р.
- Надлеръ, В. (проф.).** Лекціи по исторіи французской революціи и имперіи Наполеона (1789—1816 гг.). Изд. въ обработкѣ проф. В. П. Вузецкула. Харьковъ. 1898 г. Ц. 2 р.
- Научное обозрѣніе.** Ежемѣсячный научно-философскій журналъ. № 1. Январь. 1898 г. Ц. 75 к.
- Нидерле, Люборъ (д-ръ).** Человѣчество въ доисторическія времена. Доисторическая археологія Европы и въ частности—славянскихъ земель. Переводъ съ чешскаго О. К. Волкова, подъ ред. Д. Н. Анучина. Съ 459 рис. и картою. Спб. 1898 г. Ц. 5 р.
- Нордау, Мансъ.** Исторія любви. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Нюроль, К.** О поѣздкахъ. Культурно-историческій очеркъ. Переводъ съ датскаго А. и П. Ганзенъ. Спб. 1898 г. Ц. 80 к.
- О женщинахъ.** Мысли, факты и афоризмы. N. Z. Изд. 3-е. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Образованіе.** Педагогическій и научно-популярный журналъ. Январь. 1898 г. Ц. 60 к.
- Обзоры и новости медицины и терапіи за 1897 г.** Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Онешниова, Элиза.** Сильвекъ. Романъ. Переводъ съ польскаго В. М. Лаврова. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Орлова, О.** Два посѣщенія съ дѣтми Третьяковской галлерей. М. 1898 г. Ц. 25 к.
- Орловъ, Ф.** Дневникъ заграничной командировки 1869—1872 гг. Съ 3 портр. М. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Островскій, В.** Практическое руководство и поэзные совѣты для служащихъ по казенной продажѣ вина. Спб, 1898 г. Ц. 1 р.
- Палибинъ, Н.** Руководство по технической части службы движенія, для подготовленія къ испытанію на должности помощниковъ начальниковъ станцій и запасныхъ агентовъ. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Палладинъ, В. (проф.).** Физиологія растеній. Съ 52 рисунками въ текстѣ и одной фототипіей. Изд. 3-е. Варшава. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Петропавловскій, У.** Въ защиту христіанской вѣры противъ невѣрія. Вып. II. М. 1898 г. Ц. 3 р.
- Плоды реицеровой сонаты Льва Толстого.** Разказъ. Переводъ съ нѣмецк. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 15 к.
- Потанъ, К. (С. Potain), проф.** Клиническія лекціи (о болѣзняхъ сердца и ихъ лѣченіи). Съ 37 рис. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Правила для электрическихъ установокъ съ сильнымъ токомъ.** Перев. съ нѣм. В. Грозовъ. М. 1898 г. Ц. 50 к.
- Привѣтъ! Художественно-научно-литературный сборникъ.** Спб. 1898 г. Изданъ обществомъ вспомошествованія нуждающимся ученицамъ Васильевской женской гимназіи въ Петербургѣ. Спб. 1898 г. Ц. 3 р. въ перепл. 4 р.
- Примѣрныя программы предметовъ преподаваемыхъ въ начальныхъ народныхъ училищахъ Вѣдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія.** Спб. 1897 г. Ц. 5 к.
- Путешествіе антиохійскаго Патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ.** Вып. II. (Отъ Дивра до Москвы). Переводъ съ арабскаго. Г. Муркоса. М. 1897 г. Ц. 40 к.
- Раммъ, Вл. (д-ръ).** Массажъ и врачебная гимнастика. Теорія и практика массажа и врачебной гимнастики и ихъ примѣненіе къ лѣченію болѣзней въ общедоступномъ изложеніи. Съ 53 рис. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ранне, I.** Человѣкъ. Подъ ред. Д. Коропчевскаго съ 1,400 рис. Вып. 2—3. Ц. по подпискѣ на 30 вып. 12 р.
- Риббингъ, С.** Гигіена половой жизни. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Рибо, Т.** Эволюція общихъ идей. Перев. съ франц. М. 1898 г. Ц. 80 к.
- Рубинштейнъ, Мин.** Мамина азбука. Пособіе къ обученію грамотѣ дома по звуковому методу съ примѣчаніями для учащихся. Пособіе матерямъ. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- «Русскій трудъ».** Еженедѣльный журналъ. № 5. Ц. 20 к.
- Русское эконоическое обозрѣніе.** Январь. Ц. 1 р.

- Рыбаковъ, С.** Музыка и пѣсня уральскихъ мусульманъ съ очеркомъ ихъ быта. 204 мелодій съ текстами и русскимъ переводомъ. Характеристики музыкантовъ и очерки путешествія. Два приложения. Съ картою Уфимской и Оренбургской губерній и портретомъ башкира-музыканта. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.
- Свѣтловъ, В.** Въ невѣдомую даль. Романъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Уголокъ Колхиды. Романъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Свѣрцовъ, Юр.** Князь Игорь. Музыкальная монографія оперы А. П. Бородина. М. 1898 г. Ц. 40 к.
- Сельско-хозяйственное счетоводство** Н. Утѣхина. Анализъ. М. П. С. М. 1898 г. Ц. 10 к.
- Середа, В.** Стихотворенія. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Словниковскій, Ив.** Простѣйшій способъ рѣшенія уравненій высшихъ степеней и уравненій съ трансцендентными членами, составленъ по техническимъ условіямъ съ численными коэффициентами. Вятка. 1897 г. Ц. 40 к.
- Сениновичъ, Крестonosцы.** Историческій романъ. Часть 2-я. Спб. 1898 г. Ц. 35 к.
- Стрѣловскій, В.** (Сирко). Якутскіе рассказы. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Силантьевъ, А.** Обзоръ промысловыхъ охотъ въ Россіи. Изд. Д—та Земледѣлія. Съ приложеніемъ двухъ картъ, двухъ діаграммъ и 54 рисунковъ. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Слоущъ, н.** Простая и двойная бухгалтерія въ 8 дней для самообученія. Изд. 2-е. Одесса. 1897 г. Ц. 40 к.
- Смирновъ, Ил.** Изъ дѣтской жизни. Рассказы для дѣтей. Съ рис. Литвиненко. М. 1898 г. Ц. 40 к.
- А. Уроженцы и дѣятели Владимирской губерніи, получившіе известность на различныхъ поприщахъ общественной пользы. Вып. 2-й. Владиміръ. 1897 г. Ц. 1 р.
- Соколовъ, п.** Методикъ ариметики. Спб. 1898 г. Ц. 60 к.
- Соколовъ, п.** Задачи по ариметикѣ въ предѣлахъ первой сотни. Приложение къ методикѣ ариметики. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Соколовъ, Н.** Въ дебряхъ Азіи (очерки путешествія ген.-майора Пѣвцова). Спб. 1898 г. Ц. 50 к.
- Соловьевъ, Вс.** Новые рассказы. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Соловьевъ, Вс.** Царское посольство. Историческій романъ XVII вѣка. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 2 р. 30 к.
- Великій Розенкрейцеръ. Романъ XVIII в. Изд. 3-е. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Соловьевъ, Влад.** Судьба Пушкина. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.
- Соренъ, Элм.** Исторія Італія отъ 1815 г. до смерти Виктора-Эммануила, Перев. съ франц. М. Чепинской. Приложение: Очеркъ послѣдующихъ событій до нашихъ дней. В. В. Водовозова. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Спенсеръ, Г.** Цѣломудріе, бракъ и родителство. (Этика половыхъ отношеній). М. 1898 г. Ц. 30 к.
- Справочная книга.** Распоряженія и разъясненія по вопросамъ церковной практики. М. 1897 г. Ц. 1 р.
- Сражени при велестино.** Съ портретомъ и биографіей генерала Смоленскаго. Одесса. 1897 г. Ц. 15 к.
- Срезневскій, В.** Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности Н. И. Срезневскаго. 1831—1839 г. Спб. 1898 г. Ц. 30 к.
- Степовичъ, А.** Слаянская извѣстія. 93 отзывы о новѣйшихъ книгахъ по славяновѣдѣнію. Воронежъ. 1897 г. Ц. 1 р.
- Стоюнинъ, В.** О преподаваніи русской литературы. Изд. 5-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Страховъ, п.** Волнистое желѣзо. Теорія и расчетъ волнистыхъ сооруженій. Съ 46 чертежами на отдѣльныхъ таблицахъ. Изд. 2-е. М. 1898 г. Ц. 1 р.
- Страховъ, Н.** Методика русской грамоты и начальныхъ упражненій въ русскомъ языкѣ. Харьковъ. 1898 г. Ц. 1 р.
- Сцены изъ частной и общественной жизни животныхъ.** Этюды современныхъ нравовъ, собранныя П. Ж. Сталь. Съ иллюстраціями Гранвилля. Переводъ съ франц. подъ ред. И. Ф. Василевскаго (Буквы). Спб. 1898 г. Ц. 2 р.
- Суворовъ, Н.** Средневѣковые университеты. М. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Судейкинъ, В.** Биржевая игра на петербургской биржѣ (ея причины и послѣдствія). Спб. 1897 г. Ц. 25 к.
- Тихонравовъ, Н.** Сочиненія. Т. III. Часть первая. Русская литература XVIII и XIX вв. М. 1898 г. Ц. по подпискѣ 6 р.
- Тихоновъ, Вл.** Въ наши дни. Повѣсти и рассказы. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Военные и путевые очерки и рассказы. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Томсонъ, С.** (проф.). Многофазные электрическіе токи и двигатели пережѣннаго тока. Переводъ съ англ. М. Шателена. Съ 171 фигурой въ текстѣ. Спб. 1898 г. Ц. 3 р. 20 к.
- Ученыя записки Императорскаго Московскаго университета.** Отдѣлъ юридическій. Вып. 13-й. М. 1896 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Фламмаріонъ, Камилль.** Стелла. Астрономическій романъ. Перев. Е. А. Предтеченскаго. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.
- Формы городскихъ и земскихъ смѣтъ** съ инструкціей городскимъ и земскимъ управамъ. М. 1897 г. Ц. 60 к.
- Фриненъ, А. А.** Итальянское искусство въ эпоху возрожденія. Часть третья. М. 1898 г. Ц. 2 руб.
- Фругъ, С.** Стихотвореніи. Томъ третій. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Царевскій, Ив.** Лучше поздно, чѣмъ никогда. По поводу статей проф. Исаева о земледѣльцахъ изъ образованнаго класса. Кутаисъ 1897 г. Ц. 10 к.
- Чареванскій, Вл.** Подъ боевымъ огнемъ. (Историч. хроника). Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

НОВАЯ БИБЛИОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ — 60 коп.

<p>1. Дюма, Ал. Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я.
 2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.
 3. — Три мушкетера. Ром. Книга I-я.
 4. — То же. Книга II-я.
 5. Бальзанъ, Шагреновая кожа. Романъ.
 6. Прево, аббатъ. Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гриэ. Ром.
 7. Крэкъ, А. Д. Эмили́й. Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деци и Валеріи. Переводъ съ англійскаго.
 8. Мингслей, Ч. Ипатія или новые враги подъ старой личиною. Романъ. Томъ I-й.
 9. — То же. Томъ II.
 10. Жоржъ-Зандъ. Орасъ. Романъ.
 11. Мериме, П. Жаке́рія. Сцены изъ феодальныхъ временъ.
 12 и 13. Динненсъ, Ч. Лавка древностей. Ром.
 14. Гете, В. Страданія молодого Вертера. Ром.
 15. Басанинъ, Маркъ. Клубъ возицъаго дворянства. Романъ.
 16. Фильдингъ. Исторія Тома Джомса Найденыша. Романъ. Томъ I-й.
 17. — То же. Томъ II-й.
 18. — То же. Томъ III-й.
 19. Ясинскій, Іер. Старый другъ. Романъ.
 20. Дюма, А. Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й.
 21. — То же. Томъ II-й.</p> | <p>22. Золя, Эмиль. Докторъ Паскаль. Ром.
 23. Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ. Последніе дни Помпеи. Ром. Томъ I-й.
 24. — То же. Томъ II-й.
 25. Бичеръ-Стоу, Генр. Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библиографіи этого произведенія Джоржа Буллена. Томъ I-й.
 26. — То же. Томъ II-й.
 27. Сю, Евгений. Вѣчный жиждь. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й.
 28. — То же. Томъ II-й.
 29. — То же. Томъ III-й.
 30. — То же. Томъ IV-й.
 31. — То же. Томъ V-й.
 32. Бальзанъ. Женщина тридцати лѣтъ. Ром.
 33 и 34. Флоберъ, Г. Госпожа Бовари. Провинціальныя нравы. Ром. Перев. съ франц.
 35. Царь изъ дома Давида. Съ англ. Е. М.
 36. Янушинъ, П. Великъ Богъ земли русской! и другіе рассказы.
 37 и 38. Грандъ, Сара. Небесныя близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердъ.
 39 и 40. Поз, Эдгаръ. Необыкновенныя рассказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.</p> |
|--|---|

*) Изданіе А. С. Суворина.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЬ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты** и **рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «**Историческаго Вѣстника**» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

Библиотека "Руниверс"